
АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

**Средние века
(VIII – начало XIII вв.)
Волжская Болгария
Финно-угорский мир
Кочевники Восточной Европы**

Том

V

**КАЗАНЬ
2022**

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

УДК 902
ББК 63.444(235)

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

Рецензенты

д.и.н., проф., академик РАН Н.Н. Крадин (Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток),
д.и.н., проф., С.Г. Боталов (Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск; Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург)

A87

Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 5. Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. – Казань: Изд-во АН РТ, 2022. – 888 с.: ил.

ISBN: 978-5-9690-0951-6, 978-5-9690-1113-4 (т. 5)

Хронологические рамки настоящего тома «Археологии Волго-Уралья» охватывают период с начала VIII в. до монголо-татарских завоеваний 1236 г. Его территориальные границы включают лесные, лесостепные зоны Северо-Восточной Европы и частично степные районы России, где в эпоху средневековья проживали предки современных марийцев, удмуртов, коми, мордвы, поволжских татар, чувашей и башкир.

В первом разделе тома обобщены материалы из археологических памятников Волго-Уралья VIII–X вв. Второй раздел полностью посвящается археологии Волжской Болгарии домонгольского времени. В последнем разделе речь идет об этнокультурных процессах в VIII–XIII вв. на материалах археологии и антропологии. Завершается раздел (и том в целом) кратким очерком о монголо-татарских завоеваниях 1236 г., ставших своеобразным рубежом в истории народов Восточной Европы.

The chronological frames of the present volume on the "Archaeology of the Volga-Urals" cover the period from the beginning of the 8th century to the Mongol-Tatar conquests in 1236. Its territorial borders include forest and forest-steppe zones of Northeastern Europe and partially steppe areas of Russia, where the ancestors of contemporary Mari, Udmurt, Komi, Mordvinian, Volga Tatar, Chuvash and Bashkir peoples lived in the Middle Ages.

The first section of the volume generalizes the materials from the archaeological sites of the Volga-Ural region of the VIII–X centuries. The second one is completely devoted to the archaeology of the Volga Bulgaria in the pre-Mongol period. The last section presents the ethnic-cultural processes in the VIII–XIII centuries based on the materials of archaeology and anthropology. The section (and the volume as a whole) ends with a short overview on the Mongol-Tatar conquests in 1236 that became a kind of border-line in the history of the peoples of Eastern Europe.

ISBN: 978-5-9690-0951-6, 978-5-9690-1113-4

DOI: <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2022.5>

*Многотомное издание «Археология Волго-Уралья» подготовлено
и издано за счет средств Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2024 годы)»*

© Институт археологии АН РТ, 2022
© Изд-во АН РТ, 2022

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛЕН-КОРР. АКАДЕМИИ НАУК РТ
А.Г. СИТДИКОВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ
член-корр. АН РТ, д.и.н. Ф.Ш. ХУЗИН (ответственный редактор)
д.и.н.Т.Б. НИКИТИНА (ответственный редактор)

к.и.н. Р.Р. САТТАРОВ

к.и.н. Д.К. ТУЛУШ

к.и.н. З.Г. ШАКИРОВ

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Археология Волго-Уралья
в 7 томах

- ТОМ I КАМЕННЫЙ ВЕК
ТОМ II ЭНЕОЛИТ БРОНЗОВЫЙ ВЕК
ТОМ III РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК
ТОМ IV ЭПОХА ВЕЛИКОГО
ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
ТОМ V СРЕДНИЕ ВЕКА
(VIII – НАЧАЛО XIII ВВ.)
ТОМ VI СРЕДНИЕ ВЕКА
(ВТОРАЯ ТРЕТЬ XIII –
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV ВВ.)
ТОМ VII ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.
(СЕРЕДИНА XV–XVII ВВ.)

Авторы тома V:

АСЫЛГАРАЕВА Г.Ш.
БЕЛАВИН А.М.
БЕЛОРЫБКИН Г.Н.
ВАЛЕЕВ Р.М.
ВАЛИЕВ Р.Р.
ВАЛИУЛИНА С.И.
ВАСИЛЬЕВ Д.В.
ВИХЛЯЕВ В.И.
ГАЗИМЗЯНОВ И.Р.
ГИСМАТУЛЛИН М.Р.
ГОЛДИНА Р.Д.
ГУБАЙДУЛЛИН А.М.
ДАВЛЕТШИН Г.М.
ЗЕЛЕНЕЕВ Ю.А.
ЗЕЛЕНЦОВА О.В.
ЗИЛИВИНСКАЯ Э.Д.
ИВАНОВ В.А.
ИВАНОВА М.Г.
ИЗМАЙЛОВ И.Л.
КАЗАКОВ Е.П.
КОКОРИНА Н.А.
КОЧКИНА А.Ф.
КРАВЧЕНКО Э.Е.
КРЫЛАСОВА Н.Б.
ЛИФАНОВ Н.А.
МУРЫГИН А.М.
МУХАМЕТШИН Д.Г.
НАБИУЛЛИН Н.Г.
НИГАМАЕВ А.З.
НИКИТИНА Т.Б.
ПАЛЬЦЕВА Д.У.
РУДЕНКО К.А.
САВЕЛЬЕВА Э.А.
СЕМЬКИН Ю.А.
СИТДИКОВ А.Г.
ХАЛИКОВ Н.А.
ХУЗИН Ф.Ш.
ШАКИРОВ З.Г.
ШАРИФУЛЛИН Р.Ф.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемый вниманию читателя пятый том «Археологии Волго-Уралья» охватывает довольно большой хронологический период средневековой истории региона – с VIII века и до монгольских завоеваний 1236 года. Данный период характеризуется формированием этнических основ современных народов, населяющих регионы Средней Волги и Предуралья, – тюркоязычных татар, чувашей и башкир, финно-угорских коми, удмуртов, марийцев и мордвы. История этих народов развивалась в тесном контакте друг с другом, что четко фиксируется в археологии не только в виде импортных товаров из соседних земель, но и заимствований новых технологий в ремесленном производстве, некоторых черт погребальной обрядности и даже этнических проникновений на пограничных территориях. Все это приводило к взаимообогащению их культур и образованию особой Волго-Уральской историко-этнографической области.

Крупнейшим событием в истории региона, населенного преимущественно финно-угорскими племенами, находившимися на последней стадии разложения первобытного строя, было переселение на Среднюю Волгу тюркоязычных болгар, создавших на рубеже IX–X вв. свое собственное государство. С первой группой болгар, мигрировавших на Волгу после распада Великой Болгарии Кубрата в конце VII в., связано начало активного их взаимодействия и смешения с местным населением – волжскими финнами и уграми.

В хозяйственном и культурном отношении местные финские племена и тюркские мигранты заметно различались. Первые из них, проживающие в основном в лесной и частично лесостепной зоне, испокон веков вели оседлый образ жизни, занимались преимущественно охотой, земледелием и скотоводством, различными видами ремесла, находясь в условиях первобытности, тогда как болгары-переселенцы были в основном кочевниками на стадии начавшейся седентаризации, имели опыт государственности (начиная еще с гуннских времен), следовательно, отличались более высоким уровнем политической, военной и социальной организации. Это обстоятельство и определило направленность дальнейших политических,

социально-экономических и этнокультурных процессов в обширном регионе между Волгой и Уралом.

Целью данного издания как раз и является обобщение накопленных несколькими поколениями исследователей археологических источников по изучению социально-экономической жизни, общественных отношений, материальной и духовной культуры и этнических процессов населения Волго-Уралья VIII – первой трети XIII вв.

Структура тома. Обширный материал, представленный в настоящем томе, распределен по трем разделам с соответствующими главами. В первом разделе обобщены исследования археологических памятников Волго-Уралья VIII – начала X вв., предшествующих времени образования Болгарского государства. Разноязычные племена Среднего Поволжья и Прикамья, оставившие археологические памятники этого времени, приняли участие в формировании этнических основ населения Волжской Болгарии. Второй раздел целиком посвящен археологии Волжской Болгарии – раннефеодального государства, сыгравшего, наряду с параллельно существовавшей Древней Русью, исключительно важную роль в истории народов Восточной Европы. В третьем разделе книги обобщены археологические материалы финно-угорских и тюркоязычных соседей Волжской Болгарии X – начала XIII вв.

Природно-географические условия региона¹. Развитие человеческого общества происходит в определенной природно-географической среде, которая обуславливает специфику хозяйственной жизни, быта, своеобразие материальной и духовной культуры людей. Под природно-географической средой подразумевается характер рельефа, климата, гидрографии, растительного покрова, животного мира, которые взаимодействуют друг

¹ При написании настоящего раздела использованы: Мильков Ф.Н. Среднее Поволжье. М., 1953; раздел А.В. Псянчина «Историко-географические и природно-климатические условия Южного Урала» из 1 тома «Истории башкирского народа» (М.: Наука, 2009, с. 15–20); Климатические условия Татарской АССР и их использование в сельском хозяйстве. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1962; Почвы Татарии. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1962.

с другом и человеческим обществом, правда, в разной степени в разные хронологические периоды истории общества. В период Средневековья взаимодействие природы и общества с наибольшей силой проявляется в процессе хозяйственной деятельности людей. В последние годы миграционные процессы народов в период раннего Средневековья ученые объясняют не только военно-политическими причинами, но и изменениями климата со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Самый северный регион проживания рассматриваемых в настоящем томе народов и племен – *европейский Северо-Восток*. По современной схеме физико-географического районирования он включает в себя северо-восточную часть Русской равнины и западные предгорья северной части Среднего Урала, т. е. территорию от бассейна Вычегды и верховий Печоры на юге, бассейна Мезени на западе до побережья Баренцева моря на севере. Она расположена в нескольких природно-географических зонах: таежной, тундровой, лесотундровой, зоне смешанных и широколиственных лесов. В настоящее время климат может быть охарактеризован как умеренно-континентальный и, в восточной половине, континентальный. По мнению палеоклиматологов, примерно 1600–2000 лет тому назад на европейском Северо-Востоке отмечен период с температурами выше современных, что способствовало более активному освоению мигрантами северных территорий в рассматриваемое нами время. Регион издавна богат лесами и лесной фауной, водными ресурсами и ихтиофауной, полезными ископаемыми, в первую очередь медью и железом, активно используемыми в хозяйственной жизни населения.

Среднее Поволжье – основной регион проживания рассматриваемых в настоящем томе тюркоязычных и финно-угорских народов, – часть огромной территории Русской равнины. Богата природа и разнообразны ландшафты этого края. На севере его вокруг возделанных полей шумит тайга – темные ельники и светлые сосновые боры; в южной половине региона господствует живописная лесостепь: пашни, разнотравные луга, широколиственные леса и острова зеленых дубрав. На юго-востоке, в Самарском Заволжье, – новый ландшафт: бескрайняя черноземная степь, когда-то седая от ковыля, а теперь сплошь возделанная и засеянная зерновыми культурами.

Несмотря на общую равнинность, рельеф средневолжского региона не выглядит однообразным. Возвышенности с абсолютными отметками более 200–300 м чередуются с низменностями. Песчаная низина лесного Заволжья, рассеченная многочисленными речками и оврагами, Приволжская воз-

вышенность, плоские водоразделы Бугульминского плато, степные равнины Закамья, Жигулевские горы с глубокими буераками и высокими обрывами к Волге – далеко не все формы рельефа. Так в общих чертах характеризуются в специальной литературе природно-географические условия региона.

Территория Среднего Поволжья орошается Волгой и ее многочисленными большими и малыми притоками, самым крупным из которых является Кама. В историко-географической литературе принято следующее территориальное деление данного региона: Закамье – левобережье Волги к югу и востоку от Камы; Предволжье – правобережье Волги; Предкамье – левобережье Волги к северу от Камы.

Закамье разделяется на западную и восточную части долиной р. Шешмы.

Западное Закамье, где расположены известные болгарские города Болгар, Сувар, Биляр, Джуке-тау, представляет собой самый низкий участок Татарстана – абсолютные высоты варьируют в пределах 100–140 м. Его рельеф отличается равнинным характером, придающим ему своеобразный степной облик. Обширные участки с мощными четвертичными отложениями, несмотря на большую освоенность территории с эпохи бронзы, имеют небольшую степень овражности. Слабой расчлененностью рельефа особо выделяется район Билярска, где процент овражности в несколько раз меньше по сравнению с Западным Закамьем и в десять раз – с районами Предволжья.

Западное Закамье, как, впрочем, вся территория региона, входит в зону достаточно четко выраженного умеренно-континентального климата, который по сравнению с другими районами имеет свою специфику. Так, среднемесячные температуры воздуха вегетационного периода здесь наиболее высокие: весна начинается на 5–6 дней раньше, чем, например, в Предкамье и юго-восточных районах Татарстана. В то же время увлажнение атмосферными осадками наименее благоприятно по сравнению с другими территориями: годовая их сумма равна лишь 380–420 мм.

Вследствие недостаточности грунтового питания, значительной испаряемости в условиях высоких летних температур Западное Закамье заметно отличается от других районов и в гидрографическом отношении. Этот район небогат водными источниками и «по гидрографическим соотношениям приближается к условиям поволжских степей».

Основное природное богатство района – это черноземные (до 70% всей посевной площади) и темно-серые лесные почвы с большим содержанием гумуса. Согласно агропроизводственной классификации почв Среднего Поволжья, Мало-

Черемшанский бассейн попадает в группу, включающую почвы с самым высоким естественным плодородием (Винокуров и др., 1968, с. 50). На таких почвах с успехом возделывались пшеница, ячмень, просо, горох, лен, конопля – основные зерновые и технические культуры волжских болгар.

В ландшафтном отношении Западное Закамье входит в зону типичной лесостепи, для которой характерно чередование широколиственных лесов с обширными участками луговой степи. Основу травостоя в них составляет красочное лугово-лесное разнотравье, представляющее собой ценные сенокосные и пастбищные угодья. В некоторых участках можно встретить степную растительность, в травостое которых господствует ковыль и другие ксерофитные злаки.

Раньше лесов было значительно больше и располагались они более крупными массивами, чем теперь. Ахмад ибн-Фадлан, секретарь Багдадского посольства 922 г., с удивлением писал о дремучих лесах на болгарской земле, простиравшихся в длину и ширину до 40 фарсахов (Ковалевский, 1956, с. 136). Нет сомнения, что эти лесные массивы, сохранившиеся до сих пор в водоразделе М. Черемшана и Сульчи, представляли тогда особую ценность не только как строительный материал, но и как серьезное препятствие для противников и надежная защита окрестного населения от их внезапных нападений.

Как показали специальные исследования палеоботаников, климат и растительность периода существования домонгольской Болгарии резко не отличались от современных. По данным спорово-пыльцевого анализа почвы в районе Билярска, еще в раннем голоцене растительность имела лесостепной характер: были распространены березово-сосновые леса, которые «чередовались с безлесными пространствами, покрытыми злаково-полынно-разнотравными группировками» (Шаландина, 1976, с. 252 и сл.). В позднем голоцене уже начинается заметное сокращение площади лесов, связанное с интенсивной хозяйственной (в первую очередь строительной) деятельностью человека. Палеоботанические данные говорят о «несколько большей засушливости климата» во второй половине домонгольского времени (Ятайкин, Шаландина, 1976, с. 250). Этот вывод находит определенное подтверждение в остеологическом комплексе Билярского городища, где имеются кости таких типично степных животных, как сайгак и косуля.

По данным В.И. Фроловой, полученным в результате спорово-пыльцевого анализа погребенной почвы из центральных раскопов Билярского городища, пыльца травянистых растений преобладала (56,1%) над пыльцой деревьев (30,6%),

причем хвойные породы в составе пыльцевых спектров занимали явно подчиненное положение (Фролова, 1979, с. 139). Такую же картину отмечают и другие исследователи (Ятайкин, Шаландина, 1976, с. 251). Очевидно, леса, необходимые в огромном количестве в период строительства городских и сельских поселений, в значительной степени были вырублены окрестным населением.

Восточное Закамье – наиболее возвышенная часть Среднего Поволжья (лесостепная провинция высокого Заволжья) – занимает западную часть Бугульминско-Белебеевской возвышенности с абсолютными высотами 250–300 м. В районе Бугульмы, в истоках р. Степной Зай, отметки поднимаются до 372 м и достигают высоты Жигулевских гор. Речные долины глубокие, склоны крутые. Рельеф более понижен в северо-восточной части, ближе к Каме. Распространены преимущественно серые лесные и черноземные почвы. Наиболее значительные реки – Шешма, Степной Зай, Ик – являются левыми притоками р. Камы.

Предкамье – левобережье Волги к северу от Камы. Река Вятка делит его на две части – Западное и Восточное Предкамье. Район находится в пределах темнохвойных и широколиственных лесов, т. е. в подзоне южной тайги. Абсолютные высоты колеблются от 170 до 190 м, местами более 200 м. Поверхность территории Западного Предкамья постепенно повышается к северо-востоку от Волги и круто обрывается к Вятке; она сильно расчленена многочисленными притоками и оврагами. Часть района, расположенная к востоку от долины Вятки, по рельефу мало отличается от западной части. Почвенный покров представлен нечерноземными, в основном серой лесной и дерново-подзолистой почвами с небольшим содержанием гумуса.

Предволжье, занимающее территорию правобережья Волги, является одновременно провинцией Приволжской возвышенности со средними высотами рельефа 200–300 м. В рельефе выделяются отдельные гряды холмов, которые носят название «горы» (напр., Услонские напротив Казани, Сюкеевские южнее пристани Камское Устье, Тетюшские, Щучьи горы восточнее с. Б. Тарханы). На севере Жигулевских гор абсолютная высота возвышенности достигает 370 м. Самая расчлененная область Среднего Поволжья. Склоны долин асимметричны: высокие и крутые в восточной части, пологие и менее высокие – в западной. Развитию овражной эрозии способствовала деятельность человека, выразившаяся в уничтожении лесов и распашке земель. Сура и Свияга, правые притоки р. Волги, текут в северном направлении. На северо-западе района значительной рекой является Мокша, впадающая в Оку.

Предволжье входит в зону лесостепи (к степной зоне относится небольшая часть территории к юго-востоку от Самарской Луки). Хвойные леса занимают ничтожную площадь, причем еловые леса отсутствуют совершенно. Господствуют серые и темно-серые лесные почвы, выщелоченные и оподзоленные черноземы с неплохим плодородием.

С народами Среднего Поволжья тесно контактировало население *Южного Урала* – современной территории Башкортостана и Оренбургской области с прилегающими землями. Большую часть этой территории занимают холмистые равнины Предуралья, южная часть горного Урала и грядово-мелкосопочная узкая полоса к востоку от Уральских гор (Зауралье). Располагаясь в переходной зоне от Восточно-Европейской равнины к Уральским горам и далее к Западно-Сибирской равнине, данный регион сочетает черты природы прилегающих территорий. Смешанные и широколиственные леса северной части по горам Южного Урала проникают далеко на юг; в западной и восточной частях расположена лесостепная, а на юге – степная зона (раньше она занимала не менее 1/3 равнинной части региона). Основные массивы степей сохранились на склонах гор и холмов в Зауралье, а также в предгорных районах Предуралья на Бугульминско-Белебеевской возвышенности.

На Урале климат, почва и растительность обнаруживают ярко выраженную высотную поясность – природные ландшафты изменяются от степей и лесостепей в полосе низких предгорий до елово-пихтовой тайги на высоте от 600 до 1000–1200 м. На увалисто-холмистых равнинах Предуралья наблюдается проникновение на север по низменным поверхностям и долинам рек ландшафтов южного типа: лесостепной зоны в пределы лесной (Таныпская и Мясагутовская лесостепь) и степной (Демско-Чермасанский степной коридор). В Зауралье природный ландшафт имеет облик, характерный для южной полосы Западной Сибири и Северного Казахстана.

Южноуральский регион с севера широко открыт влиянию Ледовитого океана, с юга – засушливых областей Казахстана и Прикаспийской низменности. Уральские горы не препятствуют проникновению зимой холодных воздушных масс Сибири. Все это обуславливает континентальность климата. По Уральским горам проходит климатический рубеж Русской равнины и Западно-Сибирской низменности. На равнинах Предуралья и западном склоне Урала при более сильном влиянии западных воздушных течений климат умеренно континентальный, свойственный Русской равнине. В Зауралье, увлажненном меньше, климат типично континентальный, западносибир-

ский. Зимы довольно суровы, средние температуры января от -14 °С до -17 °С, иногда температура опускается до -40 °С. Снежный покров устанавливается в ноябре, число дней со снежным покровом составляет до 165 и более. Среднеиюльские температуры колеблются от 16 °С до 20 °С тепла, а в степной зоне – до +40 °С. На западных склонах Урала годовая сумма осадков достигает 640–700 мм, на восточных склонах – 300–500 мм, в западной равнинной части – 400–500 мм.

Речная сеть относится к Волжской, Уральской и Обской речным системам, причем система Волги охватывает 75% территории региона, Урала – около 25% и Оби – менее 1%. Болота сосредоточены в долинах равнинных рек с широкой поймой – Агидель (Белая, приток Камы), Уфа, Ик, Быстрый Танып. В бассейне р. Агидели большое количество озер.

Почвы характеризуются высоким содержанием гумуса, тяжелым механическим составом и высокой карбонатностью. Наиболее распространенными являются черноземы, серые лесные, горные и пойменные почвы.

Леса представлены преимущественно широколиственными сообществами с преобладанием дуба, липы, ильма, осины. Хвойные леса (пихта, ель) по площади уступают широколиственным и на равнине встречаются в северной части Предуралья. В центральных районах и в восточных предгорьях местами сохранились лиственные леса.

Животный мир Южного Урала богат: открытые пространства населяют сурок, тушканчик, заяц-рысак, степной хорек, серая куропатка; леса – медведь, рысь, куница, бурундук, белка, рябчик; водоемы – бобр, выдра, ондатра, утки, чайки, болотная черепаха и многие виды рыб.

Краткая история изучения археологических памятников Волго-Уралья. Вторую половину XVIII в. можно назвать периодом первоначально накопления в российской исторической науке сведений о древних народах и их археологических памятниках Волго-Уралья. Именно к этому времени относится деятельность академических экспедиций, проводивших комплексные исследования природных богатств отдельных, в основном восточных и юго-восточных территорий Российской империи. Согласно инструкциям, выданным Академией наук России, участники экспедиций в обязательном порядке должны были собирать сведения по археологии, истории, культуре и быту народов, населяющих эти регионы. Первое полевое обследование средневековых памятников осуществили в 1768–1774 гг. выдающиеся исследователи Н.П. Рычков (1770), П.С. Паллас (1788) и И.И. Лепехин (1795) во время своих путешествий

в пределах Казанской, Вятской, Симбирской, Самарской, Уфимской и Оренбургской губерний.

Изучение археологических памятников Волжской Болгарии и соседних территорий, заселенных финно-угорскими народами, заметно активизируется в XIX в., что было связано с открытием в 1804 г. Казанского Императорского университета, а позднее, в 1878 г., – Общества археологии, истории и этнографии при нем на основе решения IV Всероссийского Археологического съезда, проходившего в Казани в 1877 г. В этот период появляются первые археологические карты средневековых памятников края (Невоструев, 1871; Вячеслав, 1874), в различных изданиях публикуются труды А.Ф. Лихачева, П.А. Пономарева, И.А. Износкова, В.А. Казаринова, Н.Ф. Высоцкого, А.А. Штукенберга, Н.А. Толмачева и др. по археологии Волжской Болгарии (см. библиографию).

XVIII век стал временем зарождения традиций научного изучения края и в археологии Западного Поволжья – Волго-Окско-Сурского междуречья (см. отчеты вышеупомянутых академических экспедиций). Во второй половине XIX в. в Пензенских, Симбирских, Тамбовских, Нижегородских губернских ведомостях, известиях ученых архивных комиссий печатаются отдельные сообщения о городищах, кладах древних монет и отдельных местонахождениях орудий труда, оружия и украшений, обнаруживаемых в долинах рек Мокши, Суры, Теши, Алатыря, Пьяны и др. В 80–90-х годах XIX в. материалы о мордовских памятниках (так же и других регионов) увидели свет в «Записках Русского археологического общества», «Известиях» и «Отчетах» Императорской Археологической комиссии. Тогда же были начаты и небольшие раскопки ряда древнемордовских памятников. Так, А.А. Спицыным были исследованы мордовские памятники на Мокше и Цне (Ефавский могильник, Жуковские городища и др.), В.Н. Ястребовым – Лядинский и Томниковский могильники, В.Н. Поливановым – Муранский могильник; им же была составлена археологическая карта Симбирской губернии (Жиганов, 1976, с. 5–7; Белорыбкин, 2003, с. 8–9).

Археологические памятники эпохи Средневековья на современной территории Удмуртии начали изучать этнографы Г.Н. Потанин, И.Н. Смирнов, археологи А.А. Спицын и Н.Г. Первухин (Семенов, 1978; Худяков, 1933; Бердинских, Макаров, 2002). Работы А.А. Спицына и Н.Г. Первухина ценны в качестве первых систематизированных сводов археологических источников (Спицын, 1893; Первухин, 1896).

Средневековые памятники, связанные с историей марийцев, – городища Ижевское VIII–X вв., Немдинское и Бурьгинское X–XII вв. – были от-

крыты и обследованы П.В. Алабиным в 1864 г. В 1874 г. в Императорскую Археологическую комиссию поступили сведения о древнемарийском могильнике у с. Лопъял Уржумского уезда. Сведения любителей древностей об археологических находках, обнаруживаемых в Волго-Вятском междуречье, часто появлялись на страницах периодической печати. Они удачно привлекались в обобщающих работах А.А. Спицына по истории местных народов края. В 1908 г. В.И. Каменским были проведены первые раскопки древнемарийских могильников «Черемисское кладбище» и на Чертовом городище (Никитина, 1999, с. 164).

Изучение памятников Пермского края началось с обследований капитана Н.П. Рычкова т. н. «чудских» городков Рождественское, Филипповское, Губинское, Вильгортское и ряда других. Первые археологические раскопки были проведены в 1819 г. В.Н. Берхом на городищах Искор, Пянтежском и поселении Урол. Особая роль в развитии археологических исследований Прикамья принадлежит Теплоуховым, управляющим именьями Строгановых. Они были не только собирателями коллекции древностей с тщательным описанием условия нахождения предметов, проводили они и небольшие раскопки памятников IX–XV вв. Так, А.Е. Теплоухов обследовал Рождественское, Лаврятское, Кудымкарское городища, Вакинское селище. Ф.А. Теплоухов провел разведки и раскопки на Верхней Каме, опубликовал работы по истории земледелия, торговли и торговых путей. В конце XIX – начале XX вв. ряд средневековых памятников Прикамья обследовали барон де Бай (Качкинский курганный могильник), Н.Н. Новокрещенных (курганные могильники в окрестностях г. Кунгура) и А.А. Спицын (могильник VI–VII вв. у д. Грудьята, Деменковский могильник VII–IX вв. и др.) (Белавин, Крыласова, 2002, с. 131–132).

Начало изучению средневековых древностей Вычегодского края было положено в середине XIX в. местным краеведом С.Е. Мельниковым, проводившим раскопки на Княжпогостском, Шошкинском, Усть-Сысольском могильниках. Известны отдельные находки из разрушенных памятников и клады вещей, опубликованные позднее в трудах Д.Н. Анучина, А.А. Спицына, А.П. Смирнова и др. (Савельева, 1997, с. 10–12). Однако европейский Северо-Восток страны, как, впрочем, и другие регионы Волго-Уралья, оставался еще слабо изученным в археологическом отношении.

После Русской революции 1917 г., в советский период истории нашей страны, сложились более благоприятные условия для развития археологической науки. В 1920-х годах происходило формирование археологии как исторической науки на

основе марксистской методологии, что породило определенный схематизм в реконструкциях исторического процесса в исследованиях археологов, не только столичных, но и провинциальных.

В Казани до начала 1930-х годов продолжало функционировать Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, в работах которого активное участие принимали археологи Н.Ф. Калинин, А.С. Башкиров, В.Ф. Смолин, М.Г. Худяков. Экспедиция Самарского университета, организованная проф. В.В. Гольмстен открыла ряд новых памятников на территории Самарского Поволжья и в 1928–1929 гг. производила раскопки Муромского городка. В этом же году научными учреждениями Казани была организована экспедиция по изучению болгарских городов: отряд А.С. Башкирова проводил раскопки на Билярском городище, отряд Н.И. Бороздина и Н.Ф. Калинина – в Казанском кремле. В 1933–1937 гг. А.П. Смирнов проводил масштабные исследования Суvara, в 1938 г. приступил к систематическим раскопкам Болгарского городища, успешно продолжающимся и в настоящее время.

Становление А.П. Смирнова как крупнейшего специалиста по финно-угорской археологии началось в 1925 г. с раскопок археологической экспедиции Главнауки на городище Карыбйив, могильниках Кляньшлуста на нижней Вычегде и Гидсайяг на р. Выми (Савельева, 1997, с. 14). Это были первые профессиональные раскопки на территории Республики Коми. В 1926–1930 гг. А.П. Смирновым и С.Г. Матвеевым проводились исследования чепецких памятников Удмуртии. По справедливой оценке М.Г. Ивановой, раскопки на городищах Дондыкар, Уччакар, Иднакар, Сабанчикар и могильниках Солдырский Чемшай, Адамовский Бигершай IX–XII вв. «дали настолько богатые материалы, что позволили А.П. Смирнову поставить и решить ряд проблем, касающихся не только северных удмуртов, но и использовать их в обобщающих работах о восточных финнах конца I – начала II тысячелетия н. э. С выходом серии работ Смирнова чепецкие материалы стали эталоном удмуртских древностей эпохи Средневековья...» (Иванова, 1999, с. 209–210).

Следует заметить, что еще до работ А.П. Смирнова члены Общества изучения Коми края А.Н. Грен и А.С. Сидоров совершали экспедиционные выезды по рр. Ижме, Печоре, Вычегде, Мезени и исследовали ряд средневековых памятников, среди которых выделялись Ванвиздинское и Тохтинское поселения VIII–IX вв. В целом же до конца 1950-х годов археологические исследования в Коми АССР носили эпизодический характер.

В годы становления советской археологии в Верхнем Прикамье работала Камская экспедиция

ГАИМК. Отряды этой экспедиции под руководством А.В. Шмидта, Н.А. Прокошева и М.В. Талицкого выявили более 40 новых средневековых памятников, часть которых подверглась рекогносцировочным раскопкам. Заслуживают внимания широкомасштабные раскопки М.В. Талицкого на Родановом городище, по материалам которого была выделена родановская археологическая культура предков коми-пермяков (Оборин, 1999, с. 256–257).

В 1920–1930-е годы отрядом О.Н. Бадера Комплексной антропологической экспедиции МГУ были обследованы городища Поветлужья, отрядом Е.И. Горюновой – археологические памятники в Горномарийском районе Марийской Автономной области. Раскопки проводились М.П. Званцевым на Веселовском могильнике, М.В. Талицким – на Кочергинском. Результаты проведенных работ нашли частичное отражение в работе А.П. Смирнова «Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья» (Козьмодемьянск, 1949).

Первые научные раскопки на территории Самарской области были произведены в 1920-е годы проф. В.В. Гольмстен совместно со слушателями Высших этнолого-археологических курсов при Самарском университете. В 1928–1929 гг. она производила раскопки Муромского городка, где были вскрыты остатки кирпичных зданий, построенных болгарами в домонгольское время (Васильев, Матвеева, 1986, с. 167 и сл.).

В 1920–1940-е годы археологические исследования памятников Волго-Окско-Сурского междуречья проводились в основном сотрудниками крупнейших научных центров страны: Института антропологии при Московском государственном университете, Государственного Исторического музея, Музея народов СССР, Саратовского государственного университета, а также силами сотрудников краеведческих музеев Пензы, Саратова, Моршанска. В 1926–1929 гг. большое число археологических памятников было исследовано антропологической комплексной экспедицией МГУ под руководством Б.С. Жукова. Отдельные отряды этой экспедиции, возглавляемые А.Е. Алиховой, Е.И. Горюновой, П.П. Ефименко, П.П. Ивановым, П.Д. Степановым, П.С. Рыковым и др., проводили разведочные работы и изучали раскопками городище и селище у с. Саконы, Погибловский, Перемчалкинский, «Красный Восток», Куликовский, Елизавет-Михайловский, Крюковско-Кужновский, Пановский и Кулеватовский могильники, богатые материалы которых позволили поставить на научную основу решение проблем этногенеза и этнической истории мордовского народа (Жиганов, 1976, с. 9).

Как видим, начальный этап советской археологии Волго-Уралья, продолжавшийся практически до конца 1930-х годов, характеризуется расширением источниковой базы исследований, постановкой новых исследовательских задач, решению которых помешала война 1941–1945 гг.

В первые же годы после Великой Отечественной войны разворачиваются широкие археологические поиски и стационарные исследования наиболее перспективных памятников на обширной территории Волго-Уралья. В этих работах, отличающихся системностью и целенаправленностью, активное участие принимали профессиональные археологи Института языка, литературы и истории Казанского, Башкирского и Коми филиалов АН СССР, научно-исследовательских институтов при Советах министров Чувашской АССР, Удмуртской АССР, Марийской АССР, Мордовской АССР, созданных еще в 1920–1930 гг., а также археологи местных университетов и краеведческих музеев.

Следует отметить огромную роль Института истории материальной культуры/Института археологии АН СССР в качестве ведущего научного центра, организатора крупных экспедиций в различных регионах Волго-Уралья. Достаточно упомянуть Куйбышевскую (под руководством А.П. Смирнова, 1950²–1957), Поволжскую (с Болгарским отрядом под руководством А.П. Смирнова, 1964–1968), Нижнекамскую (под руководством О.Н. Бадера, 1968–1972) и Чебоксарскую (под руководством Ю.А. Краснова, 1969–1973) археологические экспедиции, проводившие разведочные и стационарные исследования разновременных памятников на территории Татарской, Чувашской, Марийской и Башкирской АССР, Ульяновской, Куйбышевской/Самарской и Горьковской/Нижегородской областей (Хлебникова, 1987; Бадер, 1981; Краснов, Каховский, 1978).

В 1945–1974 гг. при ИЯЛИ КФАН СССР функционировала Татарская археологическая экспедиция под руководством Н.Ф. Калинина (до 1957 г.) и А.Х. Халикова. С 1967 г. работает Билярская археологическая экспедиция ИЯЛИ КФАН СССР (в настоящее время в составе Института археологии АН РТ) и Казанского государственного университета под руководством А.Х. Халикова (до 1988 г.) и Ф.Ш. Хузина (с 1989 г.) (Хузин, Валиулина, Шакиров, 2017). Одним из крупнейших достижений археологии Татарстана второй половины XX

в. было создание шеститомного Свода археологических памятников республики (Археологическая карта, 1981; 1985; 1986; 1988; 1989; 1990), начало составления которого относится еще к второй половине XIX в.

В 1954 г. В.Ф. Генинг организовал при Удмуртском Республиканском музее Удмуртскую археологическую экспедицию, перешедшую в 1969 г. под эгиду Удмуртского ИИЯЛ (Мельникова, 2004; Иванова, 2004). В 1973 г. на базе исторического факультета Удмуртского государственного университета начала функционировать Камско-Вятская археологическая экспедиция под руководством Р.Д. Голдиной (Голдина, 1995). Сотрудники Удмуртской экспедиции сосредоточили свои усилия в основном на раскопках средневековых памятников бассейна Чепцы в северных районах Удмуртии, среди которых наиболее изученными оказались Варнинский и Кузьминский могильники, другие погребальные памятники северных удмуртов (Семенов, 1980; Иванова, 1992), а также городище Иднакар (Материалы исследований, 1995; Иванова, 1998). Р.Д. Голдина и ее сотрудники исследовали памятники Камско-Вятского междуречья в пределах Центральной и Южной Удмуртии, северо-восточных районов Татарстана, Кировской области (левобережье Вятки), юго-западных районов Пермской области (Голдина, 1995, с. 3).

Планомерные и систематические исследования средневековых памятников Пермского Предуралья проводила в 1950–1970-х годах Камская экспедиция Пермского государственного университета под руководством В.А. Оборина. Сотрудниками этой экспедиции: В.Ф. Генингом, Ю.А. Поляковым, И.С. Поносовой, А.Ф. Мельничуком и др. – проводились раскопки городищ Анюшкар, Лаврятского, Назаровского, Редикар, Искар и др., могильников Баяновского, Редикарского, Телячий Брод, Деменковского, Урынского и др., а также селищ Патраковского и Коновалютского.

В конце 1970-х и 1980-х годах на памятниках бассейна Сылвы и Верхней Камы работали сотрудники Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета. Материалы раскопок опубликованы. Особо следует отметить обобщающие исследования Р.Д. Голдиной, В.А. Кананина и Н.В. Водолаго о ломаватовской и неволинской культурах (Голдина, 1985; Голдина, Кананин, 1989; Голдина, Водолаго, 1990).

В 1956 г. начала свои исследования Марийская археологическая экспедиция при МарНИИ, созданная А.Х. Халиковым (Никитин, 2007, с. 3–19). В 1957 г. им совместно с Е.А. Безуховой были исследованы Веселовский и Черемисский могильники в Горьковской (совр. Нижегородской) области (Халиков, Безухова, 1960). В 1960–1970-

² Еще в 1936–1940 гг. ИИМК АН СССР совместно с Куйбышевским краеведческим музеем организовал экспедицию, в задачу которой входило обследование зоны затопления и проведение раскопок наиболее интересных памятников эпохи первобытности и Средневековья. С 1938 г. возглавлял его А.П. Смирнов.

х годах Г.А. Архиповым проводились раскопки могильников Дубовского, Выжумских II и III на р. Ветлуге, Починковского на Волге и др., богатые материалы которых во многом способствовали решению узловых проблем этнической истории марийской народности (Архипов, 1973; 1976; 1986).

Куйбышевская/Самарская область долгое время оставалась слабо изученной в археологическом отношении. Новый этап археологических изысканий начинается в 1969 г. и связан он с созданием Куйбышевского (ныне Самарского) государственного университета и одновременно Средневожской археологической экспедиции на базе исторического факультета. Экспедицию организовала и возглавила Г.И. Матвеева. Работы проводились совместно с Краеведческим музеем. Одним из важнейших достижений Средневожской археологической экспедиции является открытие и исследование памятников новинковского типа, ознаменовавших начало проникновения на Среднюю Волгу раннеболгарских племен (Матвеева, 1997; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998) и возобновление раскопок Муромского городка – одного из крупнейших городских центров на южных границах домонгольской Волжской Болгарии (Матвеева, 1976; Васильев, Матвеева, 1986, с. 167–217).

Современный этап истории археологических исследований Волго-Уралья начался в 90-е годы прошлого столетия, отмеченные глубокими экономическими и социально-политическими преобразованиями в стране. Наблюдался некоторый спад активности полевых исследований во всех регионах, который, к счастью, продолжался недолго. Новый этап характерен более активным, чем в прежние годы, проникновением естественно-научных методов исследований в археологию. Заметно резкое увеличение объема печатной публикации, количества проводимых научными учреждениями международных и всероссийских научных конференций.

В 2014 г. при Академии наук Татарстана создан Институт археологии, носящий имя А.Х. Халикова и активно сотрудничающий со всеми профильными научными учреждениями России и многих зарубежных стран. Журналы «Поволжская археология» (основан в 2012 г., 4 номера в год), и «Археология евразийских степей» (издается с 2017 г., 6 номеров в год), объективно отражают состояние современной археологии в регионах. Отрадно видеть среди активных авторов этих журналов наших коллег, подготовивших разделы настоящего тома «Археологии Волго-Уралья». Содержание этих разделов дает наглядное представление об успехах археологических исследований в Волго-Уралье за последние десятилетия.

Источниковая база. Археология изучает разные стороны материальной культуры населения. Однако в археологических артефактах заключено значительно больше информации, которая выходит далеко за пределы истории материальной культуры. Так, картографирование памятников дает возможность определить территории распространения археологических культур, в том числе примерные государственные границы Волжской Болгарии, проследить динамику их изменений на протяжении VIII–XIII вв., существенно уточнив при этом скудные сведения восточных географов.

Археологические источники позволяют также изучать слабо освещенные в письменных документах проблемы этногенеза и этнического состава населения отдельных регионов. Особо ценную информацию в этом плане дает изучение массового материала – керамики и женских украшений, относящихся к числу этноопределяющих категорий находок, а также погребального обряда захоронений. Погребальный обряд мусульманских могильников послужил важным источником в решении спорных вопросов времени проникновения и степени распространения ислама среди болгарского населения (см. работы Е.А. Халиковой).

Письменные источники не содержат прямых сведений о городском ремесле; о других отраслях экономики их сведения также не отличаются полнотой. Обо всем этом мы можем судить преимущественно (или даже исключительно) на основе археологических материалов. Остатки производственных объектов, ремесленный инструментарий, полуфабрикаты, отходы производства и бракованные изделия, изучаемые археологами с применением современных методов исследования, позволяют определить уровень развития городского ремесла, остеологические (кости домашних и диких животных) и палеоботанические материалы (остатки зерен культурных растений и сорняков) – состояние сельского хозяйства. Важную категорию находок из культурного слоя поселений составляют импортные вещи, позволяющие представить масштабы международных торговых связей.

В письменных источниках мало данных о вооружении и военном деле, фортификации городищ. Предметы вооружения, снаряжения верхового коня и всадника относятся к числу находок, часто встречаемых в культурном слое поселений и языческих могильников. Материалы раскопок городских валов и рвов служат основой реконструкции оборонительных укреплений. В культурных напластованиях некоторых городов нашли отражение крупные вооруженные сражения, известные по летописным источникам (например, следы

монгольских завоеваний 1236 г. в Биляре, Болгаре, Джукетау).

Археологические материалы служат важным источником для изучения разных аспектов истории духовной культуры населения. Так, в музейных коллекциях отложились зооморфные ручки глиняных сосудов и бронзовые замочки в виде животных, иногда с надписями; игрушки (в том числе шахматные фигурки), костяные писала, пластины с рисунками, предметы с различными знаками и тамгами, отдельными буквами рунического алфавита и т. д. Они успешно привлекаются специалистами для изучения вопросов духовной

культуры и декоративно-прикладного искусства болгар. Предметы, отражающие духовную культуру населения, сохранились и в языческих погребениях финно-угорских народов.

Значение археологических источников определяется все более возрастающим количеством ежегодно добываемых артефактов, которые при постоянном совершенствовании методов извлечения из них исторической информации обеспечивают возможности объективной реконструкции основных сфер общественной жизни средневекового населения (экономической, социальной, духовной, этнической, бытовой и пр.).

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВОЛГО-УРАЛЬЯ VIII–X ВВ.

Глава 1

Памятники Южного Средневожья хазарского времени

Глава 2

Большетарханский могильник

Глава 3

Караякуповские памятники Башкирского Приуралья

Глава 4

Танкеевский некрополь и его значение в этнокультурных процессах ранней Волжской Болгарии

Глава 5

Большетиганский могильник

Глава 6

Памятники кочевников степного и лесостепного Предуралья

Глава 7

Памятники Нижнего Поволжья VIII–X вв.

Глава 8

Памятники хазарского времени в донецких степях

Глава 9

Мордовские памятники Окско-Сурско-Цнинского междуречья во второй половине VIII – первой половине XI вв.

Глава 10

Памятники Среднего Предуралья

Глава 11

Памятники Северного Приуралья (бассейн Вычегды и Мезени)

ГЛАВА 1

ПАМЯТНИКИ ЮЖНОГО СРЕДНЕВОЛЖЬЯ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ

Начальный период истории изучения памятников хазарской эпохи Южного Средневожья относится к 1890–1920-м годам, когда они впервые стали эпизодически появляться в поле зрения ученых. Так, на территории Симбирской губернии материалы IX–X вв. были зафиксированы А.А. Спицыным на городище и могильнике с. Кокрять (Спицын, 1916, с. 79–80), а В.Н. Поливановым – на могильнике у с. Старая Майна (Буров, 1981, с. 49–53). В 1920-х годах экспедицией под руководством В.В. Гольмстен были открыты и частично раскопаны ряд курганов с каменными конструкциями на Самарской Луке (Матвеева, 1969, с. 34; 1997, с. 5–6, 40–42).

Несмотря на открытия, совершенные в 1950-х годах отрядами Куйбышевской археологической экспедиции на подлежащих затоплению водохранилищем территориях Самаро-Ульяновского Поволжья (Мерперт, 1954, с. 126, 128; Мерперт, Смирнов, 1954, с. 65–66; 1956, с. 78, 82–83; Хлебникова, 1962, с. 111, 113), находки памятников хазарского периода в Южном Средневожье на середину XX в. были единичными, а сам регион оставался пока еще весьма неравномерно обследованной в археологическом отношении территорией (Смирнов, Тихомирова, 1948, с. 187; Смирнов, Мерперт, 1954, с. 8).

Новый этап исследований, начавшийся на рубеже 1960–1970-х годов, был связан со становлением основанной Г.И. Матвеевой локальной археологической школы в Самаре (Куйбышеве). Самарскими исследователями фиксировались отдельные кочевнические захоронения в Заволжье и были возобновлены раскопки курганов Самарской Луки, объединенных в «новинковский» культурный тип (Матвеева, 1969, с. 34–38; 1975, с. 115–116; 1976; 1977; 1997, с. 8–9; 1995а, б; Рутто, 1975; Жигулина, 1978, с. 27–29; Васильева, 1979, с. 209–211, 215; Васильев, Матвеева, 1986, с. 153–159; Багаутдинов, 1995; Богачев, Ермаков, Хохлов, 1996; Богачев, Зубов, 1993; Богачев, Мышкин, 1995; Лифанов, 2020а, б; Седова М.С., 1995; Стащенко, 1995а; 1995б).

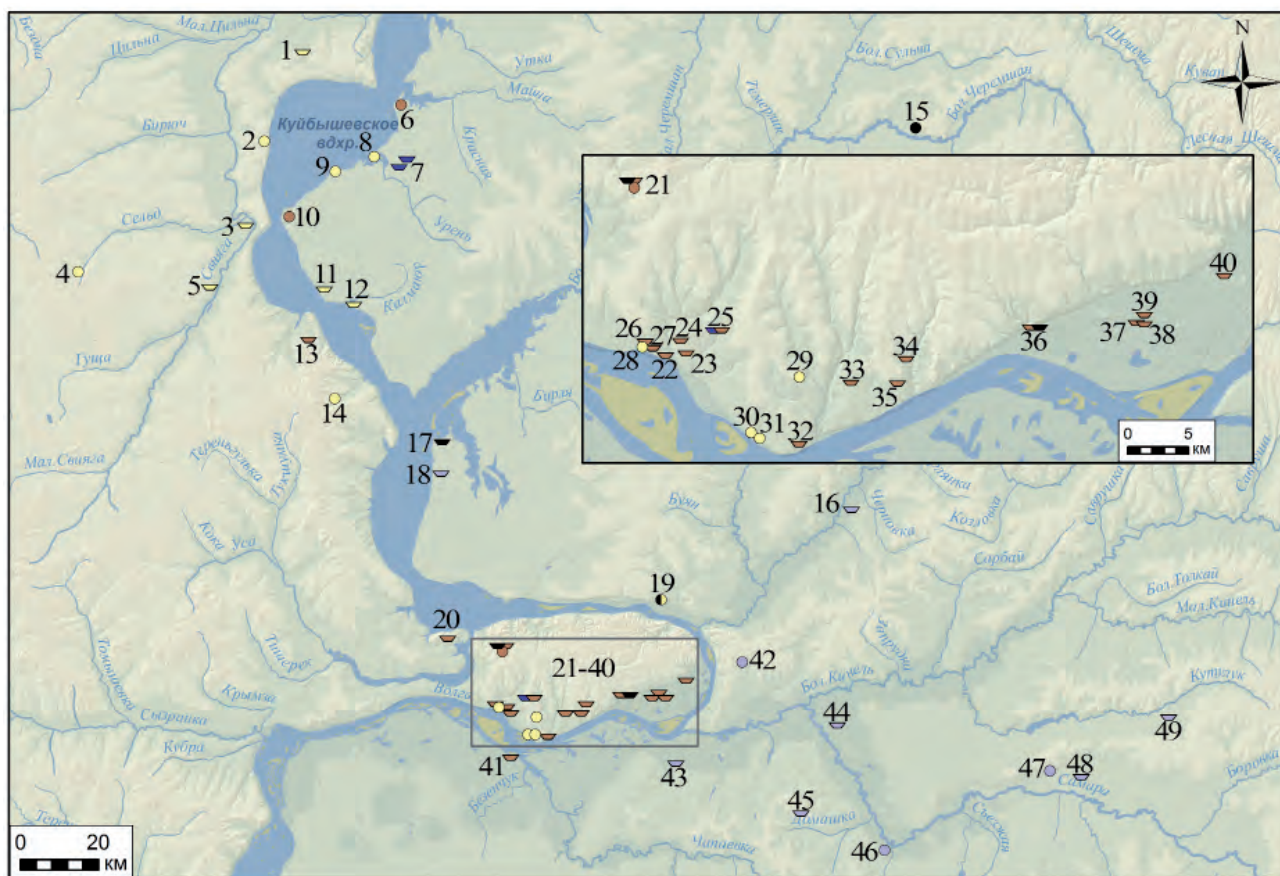
С 1990-х гг. археологами Ульяновска и Самары начинают исследоваться и содержащие материалы хазарской эпохи поселенческие памятники

(Семыкин, 1996; Матвеева, 2003а; 2003б; 2005). Накоплению источниковой базы в этот период способствовали и охранно-спасательные археологические работы (Багаутдинов, Набоков, 1993; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 180–190).

В конце 1990 – начале 2000-х гг. объем раскопок, специально направленных на выявление новых материалов хазарского времени, в сравнении с предыдущим периодом серьезно сократился, проводились лишь небольшие работы на Самарской Луке (Бражник, Кирсанов, Лифанов, 2000; 2005а; Бражник, 2003а, б; Стащенко, 2001). Искомые материалы обнаруживались преимущественно при охранных работах или представляли собой случайные находки (Стащенко, Турецкий, 1999; Скарбовенко, 2001; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 2006; Семыкин, Казаков, 2003; Губайдуллов, 2004; Гисматулин, 2005). Лишь во втором десятилетии XXI в. исследовательская деятельность по изучению древностей хазарской эпохи Самаро-Ульяновского Поволжья получает новый импульс (Семыкин, 2009; Семыкин, Матвеева, 2010; Вязов, Нерушин, 2010а; Лифанов, Зубов, 2011; Стащенко, 2014; Вязов, Семыкин, 2016; Лифанов, 2017б; Букина, Лифанов, Зубов, 2018; Кочкина, Стащенко, 2018а, б).

Обобщение результатов исследований древностей хазарской эпохи на территории Самаро-Ульяновского Поволжья позволяет выделить в их массиве ряд обладающих культурными особенностями типов памятников. Основой их являются памятники погребально-поминального характера; сравнительно немногочисленные на сегодняшний день поселенческие материалы пока можно привлекать к анализу лишь в небольшой степени.

Основу *первого типа погребальных памятников* раннехазарского времени составляют новинковские могильники Самарской Луки (рис. 1), концентрирующиеся по двум обособленным ареалам на западе и востоке ее территории. Большой по площади западный ареал соответствует обрывающемуся к Волге Жигулевскому плато: памятники здесь расположены на холмах и пологих склонах оврагов. Восточный ареал представляет собой плоскую равнину между низким заболоченным берегом Волги и южной подошвой Жигулевских

Условные обозначения

- ☐ — погребальные памятники первого культурного типа
- — поселенческие материалы и местонахождения вещей первого культурного типа
- ▾ — погребальные памятники второго культурного типа
- ▽ — погребальные памятники третьего культурного типа
- — поселенческие материалы третьего культурного типа
- — погребальные памятники четвёртого культурного типа
- — поселенческие материалы и местонахождения вещей четвёртого культурного типа
- — погребальные памятники пятого культурного типа
- — местонахождения вещей пятого культурного типа

Рис. 1. Распространение на территории Самаро-Ульяновского Поволжья материалов различных культурных типов.

- 1 – Больше-Тарханский I могильник; 2 – городище Новая Беденьга; 3 – Автозаводский могильник; 4 – Абрамовское поселение; 5 – захоронения у пос.Плодовый; 6 – находки у оз.Яик; 7-8 – могильники Урень II и Старомайский I; 9 – городище Чёртов Городок; 10 – Мало-Пальцинское поселение; 11 – Кайбельский могильник; 12 – захоронения у с.Андреевка и пристани «Тургенево»; 13 – Шиловский могильник; 14 – городище Новослободское; 15 – городище Пролетарий; 16 – захоронение у с.Лебяжинка; 17 – захоронение у с.Хрящёвка; 18 – одиночный курган Золотая Нива III; 19 – поселение Власть Труда; 20 – Берёзовский II могильник; 21 – Жигулёвский могильник и Жигулёвское поселение; 22 – могильник Брусяны II; 23 – могильник Брусяны IV; 24 – могильник Брусяны V; 25 – могильник Брусяны VII; 26 – могильник Малая Рязань I; 27 – могильник Малая Рязань II; 28 – поселение Малая Рязань VII 29 – поселение Кармалинское; 30 – поселение Новый Путь; 31 – поселение Севрюкаево II; 32 – захоронение на городище Лбище; 33 – могильник Осиновка III; 34 – могильник Осиновка IV; 35 – могильник Винновка I; 36 – могильник Шелехметь VII; 37 – могильник Новинки I; 38 – могильник Новинки II; 39 – могильник Рождествоно III; 40 – могильник Выползово I; 41 – захоронение у с.Екатериновка; 42 – находки на «23-24 км»; 43 – захоронение на «116 км»; 44 – захоронение у с.Бобровка; 45 – захоронение у пос.Просвет; 46 – находка у с.Утёвка (дюна Человечья Голова); 47 – находка у с.Марычёвка; 48 – захоронения у с.Немчанка; 49 – захоронение у с.Печинка

гор: могильники располагаются здесь на небольших возвышенностях по берегам старичных озер.

Большинство новинковских курганов имеют вид уплощенных насыпей до 15–20 м в попереч-

нике и до 50–60 см высотой с выступающими на поверхность известняковыми камнями (этот признак является определяющим при их полевой фиксации). Иногда в качестве основы таких насыпей

использовались курганы эпохи бронзы (Матвеева, 1995б, с. 23–24; 1997, с. 27, 35; Бражник, 2003б, с. 27), но в большинстве случаев ею являются надмогильные конструкции из рваного известнякового камня (рис. 2: 1, 2). Под курганами фиксируются до десяти погребений, часто разновременных. Кроме того, в меж- и околокурганном пространстве обнаруживаются многочисленные грунтовые могилы.

Наиболее распространенной формой надмогильных конструкций являются выкладки: в виде либо сплошных панцирей из двух и более слоев камня, либо обособленных скоплений камней над отдельными захоронениями, поверх которых сооружалась единая земляная насыпь. Нередко над могилами располагаются лишь разрозненные камни, а у части могил отсутствуют и они. Значительно менее распространены надмогильные сооружения в виде прямоугольных каменных оград (рис. 2: 2–3) или кольцевые ровики вокруг курганов. Как выкладки, так и ограды, и ровики, очевидно, выполняли функцию оконтуривания поминальных площадок: среди камней выкладок и внутри окруженного оградой или ровиком пространства встречаются следы огня, находки керамики и костей животных.

Преобладающее положение останков людей в могилах – вытянутое на спине, лишь единично зафиксированы костяки, уложенные кверху спиной или в скорченной позе (рис. 2: 16, 17). Статистика позволяет выделить в массиве новинковских захоронений две основные обрядовые группы, условно именуемые А и Б (соответственно по 167 и 75 достоверных объектов). Основным их различительным признаком является ориентировка погребенных: для группы А – в восточном/северо-восточном секторе (азимут 30–121°) (рис. 2: 4–11), для группы Б – в западном/северном (азимут 266–9°) (рис. 2: 14, 15, 18). Каменные выкладки перекрывают 78,4% погребений группы А, для группы Б этот показатель составляет 58,7%. Только погребения группы А расположены под курганами, окруженными кольцевыми ровиками, напротив, все захоронения внутри каменных оград относятся к группе Б.

Конструкции могильных ям можно разделить на численно доминирующую простую и встречающуюся только в рамках группы А усложненную, где посредством сооружения в длинных стенках могилы ступеньки и/или подбоя формируется специальная «погребальная камера» (рис. 2: 4, 6, 9–11). На ступеньках в ряде случаев фиксируются останки лошадей: в виде условно полного скелета или его имитации («чучела» – черепа и ног, вытянутых в подобии анатомического порядка). Кони укладывались в могилы с обратной человеку ори-

ентировкой, будучи взнузданными и оседланными (рис. 2: 4, 11).

Погребальная обрядность новинковского населения в целом характеризуется различного рода повреждениями человеческих останков – следами действий, направленных на обезвреживание покойников (рис. 2: 6, 7, 9, 10, 14–18). Число полностью либо частично разрушенных костяков для погребений группы Б достигает 52%, а в группе А – лишь 17,4%. Единично встречены примеры обожжения и даже кремации останков покойных (рис. 2: 12, 13). В целом следы огня встречены в 28% могил группы Б и в 17,96% могил группы А. По последнему показателю погребения группы Б резко выделяются и в качественном отношении наличием прокалов и сожженных деревянных конструкций (рис. 2: 13); в захоронениях с восточной ориентировкой, как правило, встречаются лишь отдельные угли.

Намечается своеобразие и состава инвентаря погребений обеих обрядовых групп. Так, особенностью группы А, характерной главным образом для захоронений детей, являются невысокие грубые лепные горшки, орнаментированные вдавлениями по венчику (рис. 4: 1–5). Только в мужских могилах этой группы встречаются сабли и золотые серьги (рис. 3: 1–4; 9: 30–32). К специфичным для погребений группы Б категориям вещей относятся наконечники копий и топоры, а также лепные горшки высоких пропорций, лепные и гончарные кувшины (рис. 3: 5, 6, 18; 4: 6–20) (последние встречены в 28% могил группы Б и лишь в 4,2% захоронений группы А).

Различия обрядовых групп новинковских захоронений подчеркивает их локализация. Подавляющее большинство погребений, относящихся к группе Б, сосредоточено в западной части Самарской Луки; в отношении погребений группы А наблюдается обратная картина. Как правило, захоронения двух обрядовых групп обособлены друг от друга. Случай совместного залегания под одним курганом погребений разных групп редки и относятся главным образом к могилам детей.

С новинковским типом следует ассоциировать также погребения на Жигулевском II грунтовом могильнике (Сташенков, 2014, с. 99–110; Сташенков, Салугина, 2017, с. 311–325; Кочкина, Сташенков, 2018а, с. 38–39; Сташенков, 2018, с. 325–326; 2020, с. 95–98). Несомненно, обладая определенным своеобразием (концентрацией комплексов с трупосожжениями, отсутствием зафиксированных надмогильных каменных конструкций), данный памятник в отношении погребальной обрядности и состава инвентаря тем не менее принципиально не выделяется из общего массива новинковских могильников Самарской Луки.

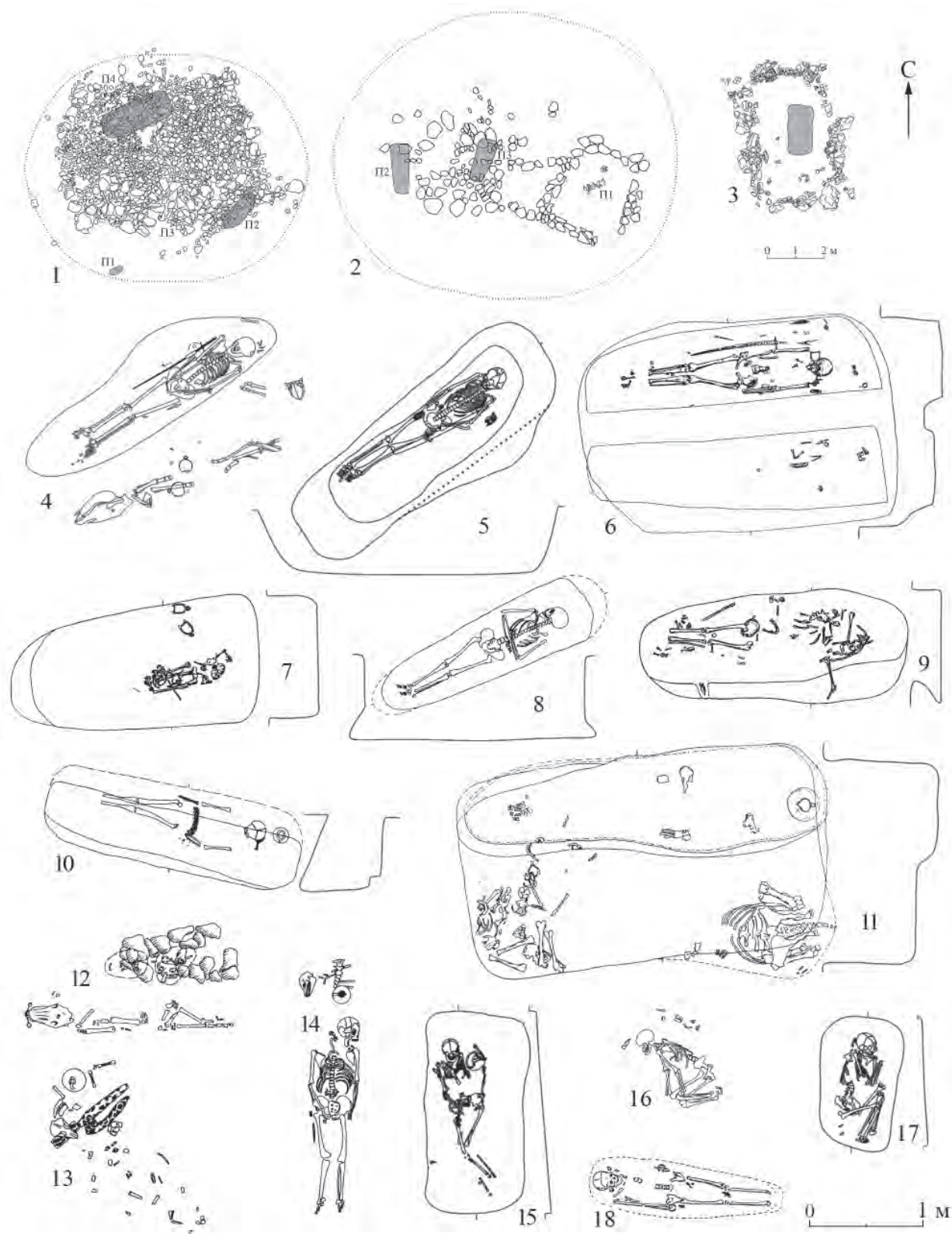

Рис. 2. Материалы новинковского типа: погребально-поминальные объекты.

1 – могильник Шелехметь VII, к.11; 2 – могильник Брусяны II, к.13; 3 – могильник Малая Рязань I, раскоп 2017 г.; 4 – могильник Шелехметь VII, к.11 п.4; 5 – могильник Винновка I, к.2 п.3; 6 – могильник Новинки II, к.13 п.2; 7 – могильник Новинки II, к.14 п.4; 8 – могильник Брусяны II, к.9 п.3; 9 – могильник Новинки II, к.17 п.1; 10 – могильник Брусяны II, к.34 п.2; 11 – могильник Осиновка III, к.7 п.1; 12 – могильник Шелехметь VII, грунт.п.4; 13 – могильник Брусяны II, к.10 п.1; 14 – могильник Малая Рязань I, к.2 п.1; 15 – могильник Малая Рязань I, раскоп 2017 г. п.2; 16 – могильник Брусяны II, к.23 п.2; 17 – могильник Малая Рязань I, раскоп 2020 г. п.2; 18 – могильник Новинки II, к.4 п.2.

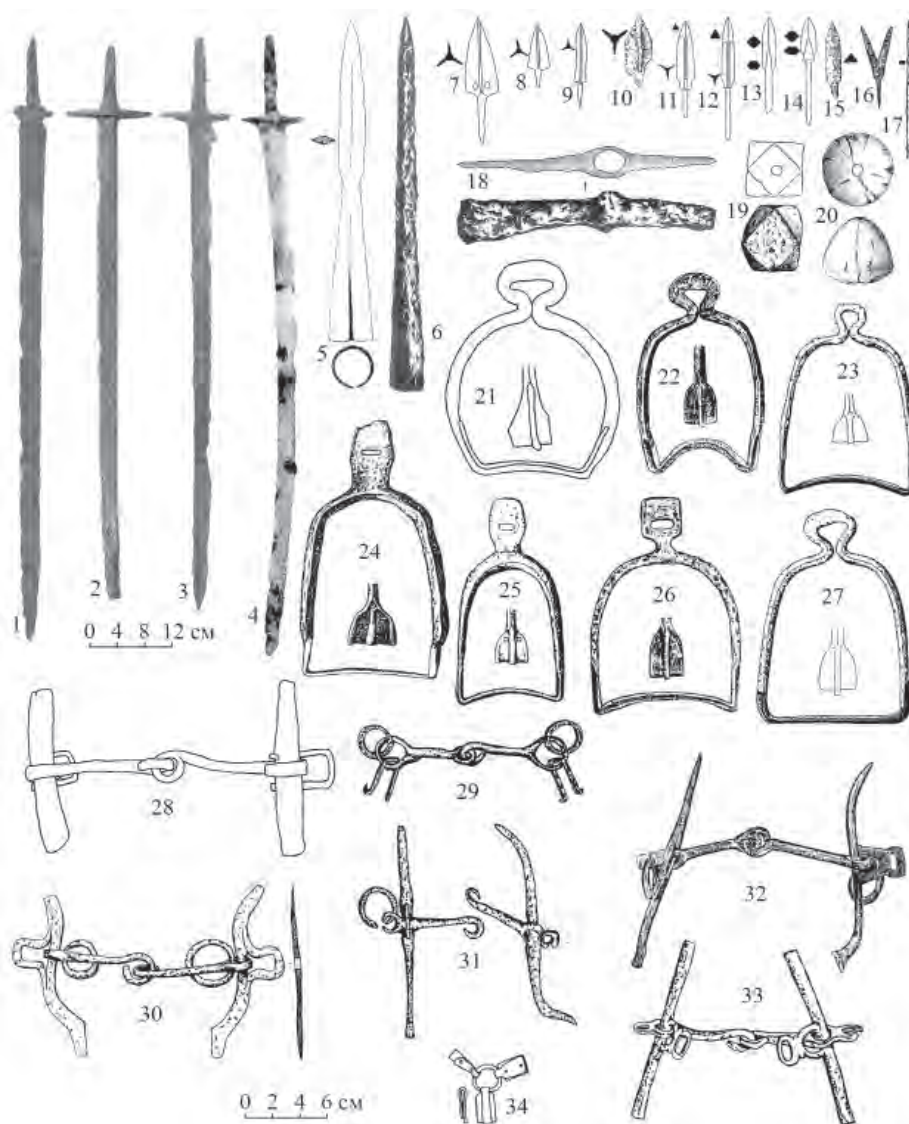

Рис. 3. Материалы новинковского типа: предметы из инвентаря погребений.

1, 11-14 – могильник Винновка I, к.2 п.3; 2, 7-9, 21, 28 – могильник Шелехметь VII, к.11 п.4; 3, 17, 26, 32 – могильник Новинки II, к.13 п.2; 4, 16 – могильник Новинки II, к.14 п.3; 5, 34 – могильник Выползово I, к.1 п.2; 6, 18 – могильник Новинки I, к.7 п.1; 10, 15 – могильник Брусяны IV, к.2 п.1; 19, 25 – могильник Малая Рязань I, к.10; 20 – могильник Малая Рязань I, грунт.п.7; 22, 29 – могильник Новинки II, к.14 п.4; 23, 30 – могильник Брусяны II, к.23 п.6; 24 – могильник Новинки II, к.8 п.5; 27, 31 – «одиночный курган Брусяны II» (могильник Брусяны V, к.1) п.2; 33 – могильник Брусяны II, к.18.

Признаками погребений группы А (восточной ориентировкой покойного, усложнёнными конструкциями могильных ям, сопровождением человека останками коней) характеризуются ещё два комплекса с территорий Предволжья: п. 2 к. 2 могильника Шиловка (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 189–190) и п. 1 к. 2 могильника Березовка I (Скарбовенко, Сташенков, 2000, с. 167–171), перекрытые, однако, земляными курганными насыпями без каменных конструкций. Отличительными особенностями данных захоронений являются окружение первого из них оградой на основе из столбов (рис. 5: 3–5), а второго – многоугольным подкурганым рвом. Ориентированные на

запад впускные погребения Березовского кургана (Скарбовенко, Сташенков, 2000, с. 171–173) соотносятся с новинковской группой Б.

Коллективное захоронение в катакомбе кургана № 1 могильника Шиловка (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 183–189) является для раннесредневекового периода истории Поволжья уникальным. К сожалению, могила была полностью ограблена, но даже сохранившиеся элементы инвентаря: фрагменты оружия, детали поясных и уздечных наборов, золотые серьги и византийская монета, костяные пластины с уникальными по своей художественной ценности гравированными изображениями и др. – демонстрируют неординарность

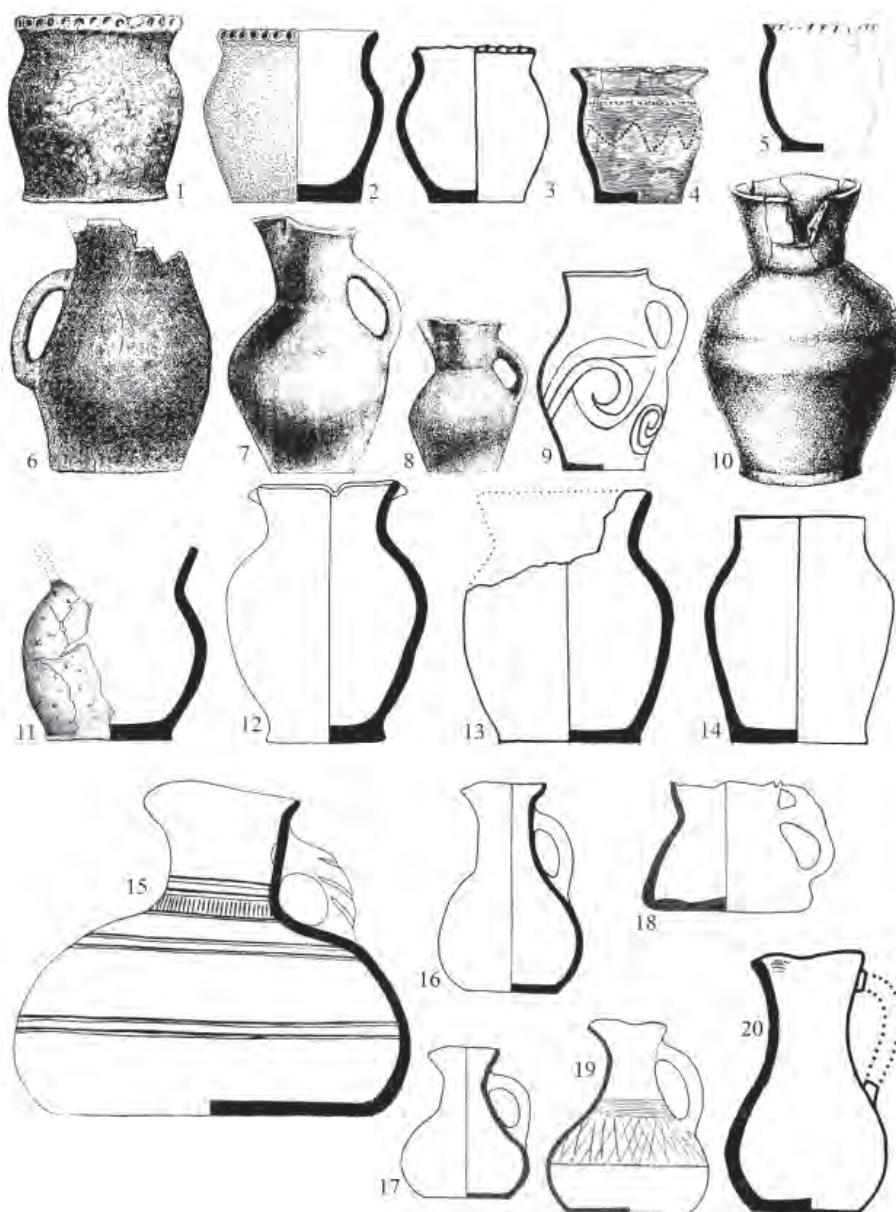

Рис. 4. Материалы новинковского типа: керамические сосуды из погребений.

1 – могильник Новинки II, к.8 п.2; 2 – могильник Шелехметь VII, грунт.п.7; 3, 9 – могильник Брюсяны II, к.6 насыпь; 4 – могильник Новинки I, к.9 п.3; 5 – могильник Винновка I, к.2 насыпь; 6 – могильник Новинки II, к.8 п.7; 7-8 – могильник Новинки II, к.8 п.8; 10 – могильник Новинки I, к.7 п.1; 11 – могильник Малая Рязань I, грунт.п.2; 12 – могильник Выползово I, к.1 п.2; 13 – «одиночный курган Брюсяны II» (могильник Брюсяны V, к.1) насыпь; 14 – могильник Брюсяны II, к.6 п.1; 15 – могильник Осиновка III, к.7 п.1; 16-17 – могильник Брюсяны II, к.23 п.6; 18 19 – могильник Малая Рязань I, к.5 п.3; 20 – могильник Малая Рязань I, к.10 п.1.

данного комплекса. С погребально-поминальными комплексами Самарской Луки катакомбное захоронение из Шиловки соотносится условно, однако некоторые детали обряда позволяют связать его с новинковской группой А: погребальная камера катакомбы ориентирована по линии СВ–ЮЗ с расположением ее к северу от дромоса, а останки коня размещены в дромосе параллельно камере головой на ЮЗ¹ (рис. 5: 1, 2, 6–8).

¹ Необходимостью именно такого расположения конской туши объясняется «неправильная», грушевидная

Основу *второго культурного типа* памятников хазарского времени составляют два могильника на территории Ульяновского Левобережья – Урень II и Старомайский I (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 180–183). Они находятся неподалеку друг от друга и близки по обрядности и инвентарю. Часть выявленных на них 14 раннесредневековых захоронений была впущена в курганы эпохи бронзы, другие располагаются под специально соору-

форма дромоса (Комар, 2001, с. 17).

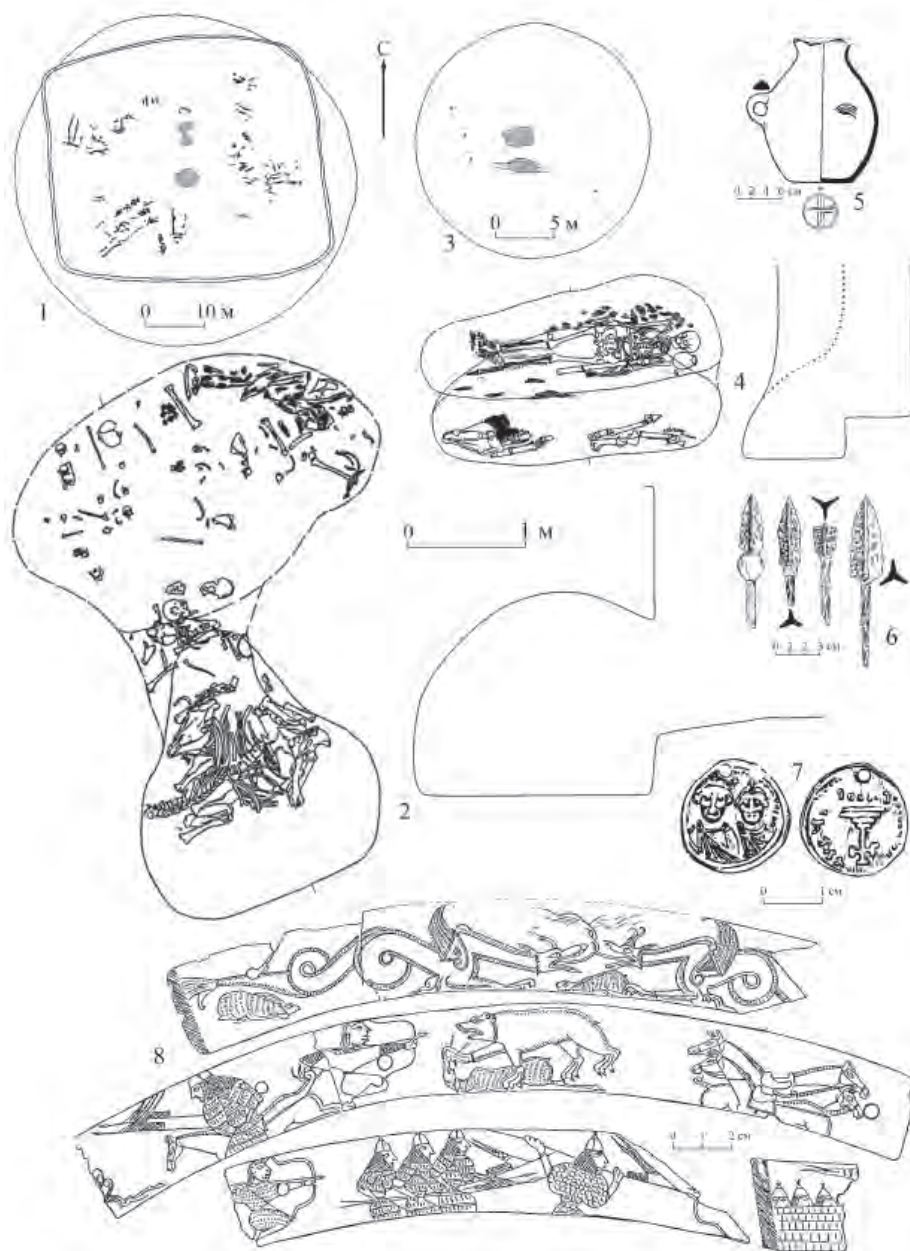

Рис. 5. Материалы могильника Шиловка.
1-2, 6-8 – могильник Шиловка, к.1 п.2; 3-5 – могильник Шиловка, к.2 п.2

женными насыпями. Характерной особенностью последних захоронений являются окружающие их рвы: в четырех случаях – квадратной и прямоугольной, в одном – округлой формы (рис. 6: 3, 5). В заполнении рвов содержались, очевидно, следы неких поминальных обрядов: кости животных (в основном фрагменты челюстей и зубы лошади), осколки керамических сосудов, угли и сажа. Следы горения находились и в могилах (в большей части ограбленных).

Могильные ямы в подавляющем большинстве имеют простую конструкцию. Ориентировка погребенных – северо-западная (рис. 6: 4, 6). Сохранившийся в захоронениях погребальный

инвентарь немногочислен и представлен элементами конской сбруи (удила и пряжки) и вооружения (колчаный крюк и фрагмент копья), а также украшениями из бронзы. Керамика из погребений отличается удивительным разнообразием: миниатюрный лепной горшочек с уплощенным дном, орнаментированный наколами по горлу и насечками по венчику (рис. 6: 11); лепные кувшины со следами подправки на круге; профессионально изготовленные гончарные кувшины с приплюснутым конусообразным туловом (рис. 6: 8, 9). Своими керамическими наборами выделяются погребения кургана 4 могильника Урень II: они содержали импортную посуду позднеантичного

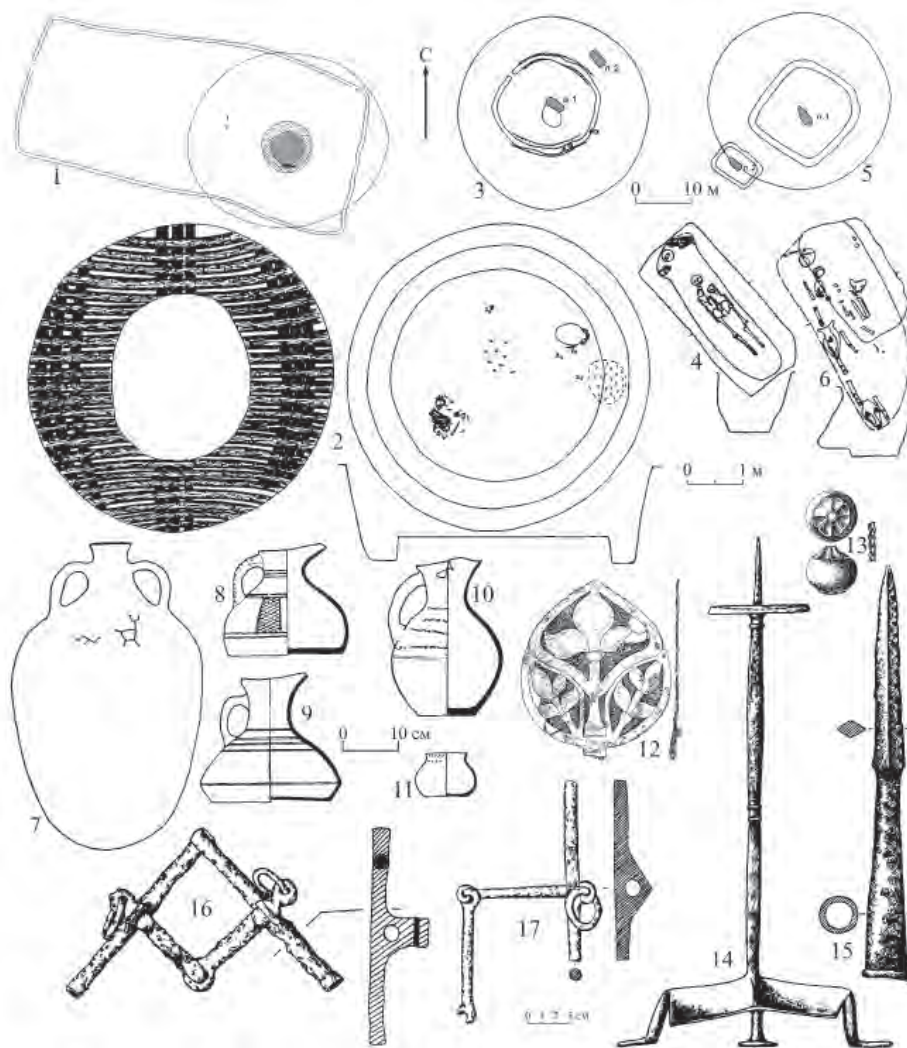

Рис. 6. Материалы уреньского типа.

1-2, 7, 12-16 – могильник Брусяны VII, к.2; 3 – могильник Урень II, к.2; 4, 8 – могильник Урень II, к.2 п.2; 5 – могильник Старомайский I, к.1; 6 – могильник Урень II, к.4 п.2; 9 – могильник Урень II, к.22 п.11; 10 – могильник Урень II, к.4 п.1; 11 – могильник Урень II, к.22 п.6; 17 – могильник Урень II, к.22 п.9.

облика – амфоры, а также кувшины: красноглиняную ойнохойю (рис. 6: 10) и сероглиняный округлобкий кувшин на высоком поддоне.

Стабильное сочетание признаков обрядности раннесредневековых захоронений Уреньского и Старомайского могильников позволяет вслед за Е.П. Казаковым (Казаков, 1997, с. 63) уверенно объединить их в особый «уреньский» культурный тип и условно ассоциировать с ним к. 2 могильника Брусяны VII² на Самарской Луке (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 191–192; Лифанов, 2017а). Данный погребальный комплекс характеризуется значительной величины сооруженной из грунта

курганной насыпью с прямоугольным рвом под ней. Внутри окруженной рвом площадки располагалась перекрытая бревнами круглая могила, на краю которой был помещен полный конский скелет. Сохранившиеся в могиле после ограбления предметы инвентаря, включавшие амфору, серебряные и позолоченные элементы конской упряжи, подчеркивают неординарный характер этого «княжеского» захоронения (рис. 6: 1, 2, 7, 12–16).

Третий культурный тип также представлен материалами двух грунтовых могильников с территории Ульяновской области – Автозаводского на Волжском Правобережье и Кайбельского в Заволжье, а также нескольких пунктов находок керамики и вещей, происходящих из разрушенных захоронений (Буров, 1981, с. 55; Семькин, Казаков, 2003, с. 118–121).

В пяти из девяти исследованных погребений Автозаводского могильника были выявлены ус-

² Данный памятник известен под наименованием «Брусяны III», произвольно присвоенным ему А.В. Богачевым (Лифанов, 2017а, с. 92). Следствием такой же небрежности этого исследователя стала фиксация им кургана № 1 уже известного на тот момент памятника – могильника Брусяны V – как «одиночного кургана Брусяны II».

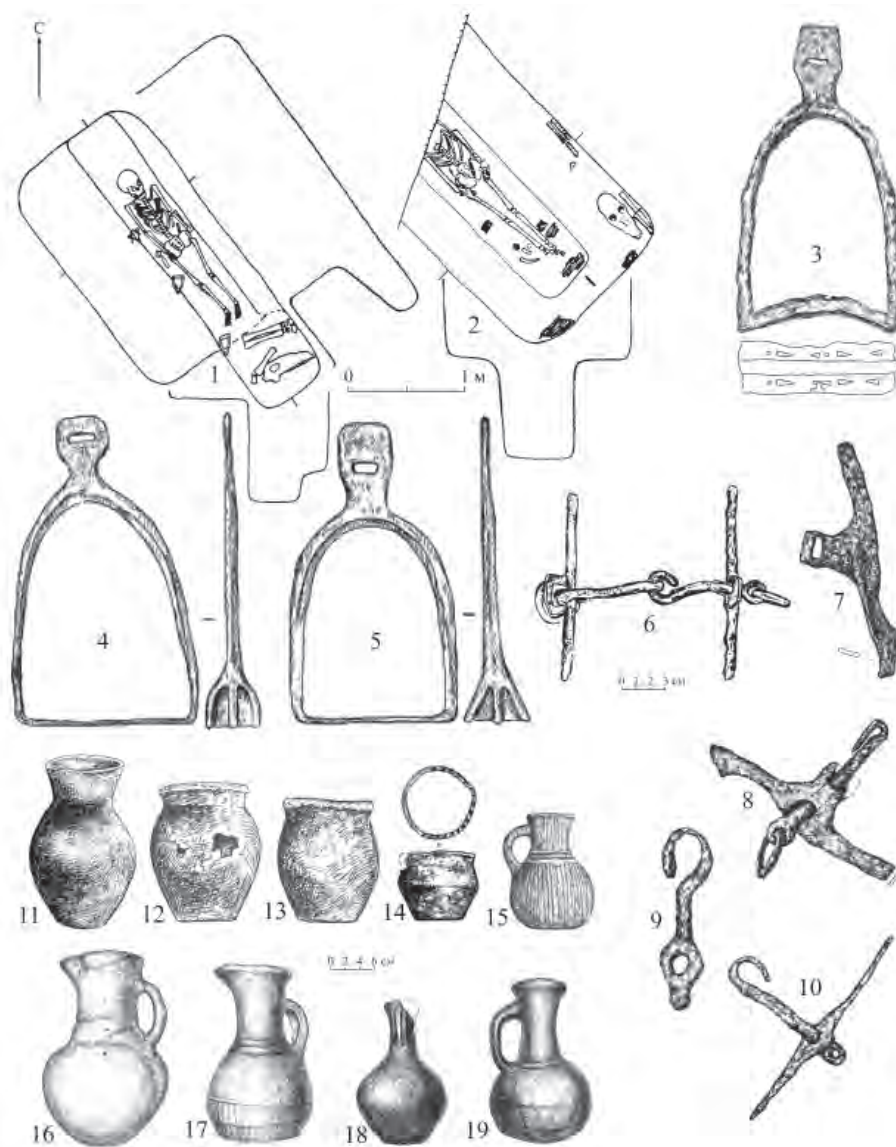

Рис. 7. Материалы кайбельско-автозаводского типа.

1, 4-6 – могильник Автозавод, п.9; 2, 15 – могильник Автозавод, п.4; 3, 7-10, 19 – могильник Кайбелы, к.7 п.4; 11 – погребение Плодовый I; 12-13 – могильник у пристани «Тургенево»; 14 – могильник Автозавод, п.5; 16 – могильник Кайбелы, к.1 насыпь; 17 – могильник Кайбелы; 18 – могильник Кайбелы, к.3 п.2.

ложненные конструкции ям со ступеньками вдоль продольных стенок и/или нишами в торцах. Эти конструктивные детали служили для размещения конских останков в виде чучела, вытянутого на ступеньке в обратную ориентировку человека сторону, или компактного комплекса из черепа и конечностей (по всей видимости, сложенной шкуры) в нише в ногах погребенного. Покойные были ориентированы на северо-запад (рис. 7: 1, 2). Одно захоронение характеризуется признаками ритуального разрушения (Семыкин, Казаков, 2003, с. 122–127; Казаков, Семыкин, Вискалин, 2004, с. 209–219).

Раннесредневековый могильник близ с. Кайбелы его исследователем, Н.Я. Мерпертом, был

определен как грунтовый³, хотя некоторые из его захоронений были впущены в курганы эпохи бронзы. Над погребениями (по большей части разрушенными) фиксировались прокалы и прослойки золы, два из них были окружены общей столбовой оградкой. Прямоугольные могильные ямы перекрывались деревом, вероятны и захоронения в деревянных гробах. В некоторых могилах встречены черепа и кости лошадей. Доминирующая ориентировка погребенных – в юго-западный сектор, но встречались костяки, направленные на север и се-

³ Определение в качестве курганных невысоких насыпей, судя по содержанию в них находок, относящихся к поселению эпохи Волжской Болгарии, представляется крайне сомнительным. Под «курганами» № 4, 8 и 10 захоронения отсутствовали.

веро-восток. В ряде случаев можно предполагать практику ритуального разрушения человеческих останков. Керамика могильника, как и в Автозаводе, представлена невысокими лепными горшками и округлобкими гончарными кувшинами (рис. 7: 14–19) (Мерперт, Смирнов, 1954, с. 65; 1956, с. 83; Генинг, Халиков, 1964, с. 69–70; Казаков, 1992, с. 40; Сташенков, 2003, с. 325–331, 338, 341–344).

Условно к данному культурному типу можно причислить также несколько разрушенных захоронений с территории Ульяновской области: у с. Андреевка и пристани «Тургенево» в Заволжье, у пос. Плодовый на Правобережье Волги (Буров, 1981, с. 55; Семькин, Казаков, 2003, с. 118–121). Они также характеризуются сочетанием лепных горшков с гончарными кувшинами (рис. 7: 11–13), а в отношении погребенных у пристани «Тургенево» отмечена северная ориентировка.

По своему составу тип памятников «Автозавод – Кайбелы» выглядит менее монолитным нежели предыдущий, а принципы включения в него отдельных объектов – более условными. Тем не менее их объединяют некоторые общие черты погребальной обрядности: отсутствие традиции возведения курганных насыпей, западная и северо-западная ориентировка погребенных, а также идентичность керамического комплекса (сочетание лепных горшков и округлобокких гончарных кувшинов) и деталей конской упряжи (рис. 7: 3–10).

Четвертый культурный тип представлен впускным захоронением в к. 8 Хрящёвского могильника (Мерперт, 1954, с. 126, 128) и двумя грунтовыми погребениями на могильнике Шелехметь VII (Лифанов, Седова, 2003, с. 306–307; Лифанов, 2005а, с. 69, 74). Они характеризуются северо-западной ориентировкой покойных с помещением их в неглубоких могильных ямах (рис. 8: 3). Характерной чертой памятников данного типа служит керамический материал, находящийся аналогии в регионе Верхнего и Среднего Прикамья – лепные горшки с округлым или уплощенным дном, отогнутым венчиком и орнаментацией в виде «веревочки», «елочки» или «косой сетки» (рис. 8: 8).

Пятый культурный тип составляют захоронения, выявленные в нижнем течении р. Самары и прилегающих территориях волжского Левобережья: по два – у разъезда Немчанка и в одиночном кургане Золотая Нива, одиночные – на «116 км» у г. Самара, в к. 7 могильника Просвет I, в к. 2 могильника Бобровка I и в к. 1 могильника Печинка I (Матвеева, 1976; 1977; Васильева, 1979, с. 209–211; Скарбовенко, 2001; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 2006; Erdélyi, 2008, р. 69, 120–121; Ломейко, 2013, с. 48–50, рис. 76; Сташенков, 2020, с. 29–37, 64–79, 83–89).

Все они относятся к числу грунтовых либо совершены в насыпях курганов более ранних эпох с положением покойного в неглубокой яме в вытянутом на спине положении головой в западном секторе. В могилах в кургане Золотая Нива были зафиксированы деревянные гробы, а в Бобровском погребении – перекрытие из досок. У головы покойного клали напутственную пищу, фиксируемую в виде крупных костей животных и керамики (Просвет, Бобровка). Последнее захоронение сопровождалось комплексом из сложенных по левому боку от погребенного младенца костей конечностей и черепа лошади (рис. 8: 1, 2, 5). Сложенная конская шкура (в виде костей конечностей) была помещена и у левой голени мужчины, захороненного в Печинском кургане.

Подавляющее большинство погребений данного типа (Немчанка, «116 км», Золотая Нива, Печинка) принадлежит мужчинам – конным воинам: в их инвентаре присутствуют поясные наборы, накладки сложных луков, наконечники стрел, сабли, копье, а также удила, стремяна и детали узды. Женское захоронение в Просветском кургане также сопровождалось роскошным поясом с позолоченными накладками. С подобными захоронениями связана также происходящая с той же территории серия находок вещей (оружия, деталей упряжи, ременных наборов), скорее всего, из разрушенных погребений: на «23–24 км» у г. Самары, у сел Утевка (дюна Человечья Голова) и Марычевка (рис. 8: 10–17, 19–26, 28–29, 34–45) (Васильева, 1979, с. 236, рис. 17: 8, 9; Сташенков, 2012, с. 91–101; 2020, с. 44–55, 99–102; Богачев, Лакоценин, 2016).

Первые три из выделенных культурных типов погребальных памятников обладают определенными общими чертами как в обрядности, так и в инвентаре захоронений. Все эти черты в целом находят соответствия в материалах памятников салтово-маяцкой культурной общности, а различия, очевидно, объясняются хронологией и этнографическими особенностями населения.

Салтово-маяцкий культурный элемент являлся в рассматриваемую эпоху на территории Южного Средневожья ведущим. Материалы, отнесенные к четвертому и пятому культурным типам, закономерно демонстрируют ту или иную степень связи их носителей с группами салтово-маяцкого населения. Так, керамика прикамского облика была обнаружена в могильниках Брусяны II и Урень II, а в тех же Брусянах II, Малой Рязани I и Жигулевском II могильнике – характерные двойные «коньковидные» поясные накладки (рис. 9: 103, 104)⁴

⁴ Фиксируются они и в салтово-маяцких комплексах на основной территории каганата (Комар, 1999, с. 126, 129, 132, табл. 3, 24–27).

Рис. 8. Материалы прикамского и субботцевского типов.

1, 6-7, 31-33 – могильник Бобровка I, к.2 п.6; 2, 9, 28-29, 35 – могильник Просвет I, к.7 п.7; 3, 8 – могильник Шелехметь VII, грунт.п.14; 4, 18, 26, 30 погребение у хут.Лубяжинка; 5, 12 – одиночный курган Золотая Нива III, п.1; 10, 25, 27, 34, 37-38, 40-42 – погребения у разреза Немчанка; 11, 15, 19-23, 36, 39, 43-45 – погребение на «116 км»; 13-14, 16, 24 – находки на «23-24 км»; 17 – одиночный курган Золотая Нива III, п.2.

(Багаудинов, Богачев, Зубов, 1998, табл. XIV, 4; XLIII, 11; LVI, 5–7; Букина и др., 2020, с. 27, рис. 4; Сташенков, Салугина, 2017, рис. 3, 1–8). Специфику последнего памятника помимо них определяют и другие украшения верхнекамского происхождения: пронизи, подвески-лунницы, браслет, застежка-сюлгана в виде «кольца с выпуклинами» (Сташенков, 2014, рис. 36; 42, 3, 4; 48, 1; 2020, с. 96–97; Сташенков, Салугина, 2017, рис. 4: 1, 5, 7–10). С другой стороны, инвентарь Хрящевского погребения содержал типично салтовские височные подвески и набор бус (Мерперт, 1954, с. 126, 128–129, рис. 39; Сташенков, 2020, с. 81).

Салтово-маяцкие аналогии обнаруживают и элементы погребального инвентаря Бобровского захоронения, удила из «23–24 км», а также орнаментальный мотив в виде бутонов лотоса на украшениях из Немчанки и Марычевки (рис. 8: 6, 7, 13, 14, 16, 25, 31–33, 37, 38, 42). Однако в целом материалы пятого культурного типа по отношению к салтово-маяцким предстают инородным явлением. Они относятся к числу «субботцевских» древностей, надежно связываемых А.В. Комаром с культурой ранних мадьяр на территориях как Восточной Европы, так и Карпатской котловины (Мажитов, 1981; Galkin, 1983; Бокий, Плетнева,

1988; The Ancient Hungarians, 1996; Щербакова, Тащи, Тельнов, 2008; Супруненко, 2011; Боталов, Лукиных, Тидеман, 2011; Боталов, Таиров, Арканов, 2013; Боталов, Грудочко, Пантюхина, 2014; Комар, 2018; Халикова, Халиков, 2018).

Источниковая база, накопленная к настоящему времени исследованиями памятников хазарской эпохи Самаро-Ульяновского Поволжья, является вполне репрезентативной для реконструкции процессов формирования и взаимодействия населявших регион человеческих сообществ. Синхронизация периодов бытования различных элементов материальной культуры позволяет наметить хронологические стадии и этапы этого процесса, чтобы в конечном итоге определить их позицию на временной шкале и выйти на уровень исторической реконструкции.

Памятники *хронологической стадии 1* немногочисленны и известны практически только на территориях Предволжья⁵ – Самарской Луке и ее недалеком окружении. К ее раннему этапу, маркирующему начало освоения Южного Среднеvolжья хазарскими кочевниками, принадлежат комплексы Шиловского могильника (рис. 5; 9: 2–5, 7, 15, 22, 23, 31, 32), основное погребение Березовского кургана (рис. 9: 9–12, 19, 20, 26, 27) и ряд новинковских захоронений группы А (рис. 2: 1, 4, 5; 3: 1, 2, 7–11, 13, 14, 21, 28; 9: 1, 6, 8, 14, 16–18, 21, 25, 28–30). Все они сопровождаются останками коней и предметами престижной воинской субкультуры: золотыми украшениями, клинковым и стрелковым оружием, деталями конской упряжи. Эти материалы соотносятся с «вознесенским» хронологическим горизонтом древностей Восточной Европы конца VII – начала VIII вв. (Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 90; Гавритухин, 2005, рис. 1: 170–188, с. 412; Лифанов, 2005в, рис. 1, 1–16, табл. 1, с. 26, 36; Комар, 2006а, рис. 19, с. 118, 124–125, 126, 238; 2010, с. 176–182; Комар, Кубышев, Орлов, 2006, с. 368; Круглов, 2006, с. 276).

Ранние комплексы с обрядностью группы А фиксируют появление на Средней Волге кочевой группировки с тюркской по происхождению культурой, обогащенной влиянием Византийской империи. Непосредственной исходной территорией для этой кочевой группировки, очевидно, являлась степная полоса юга Восточной Европы от Предкавказья до Днепра, где фиксируются близкие шиловско-новинковским по обряду и инвентарю кочевнические захоронения связываемой с ранними хазарами перещепинской археологической культуры VII – начала VIII вв. (Этнокультурная карта,

1985, с. 101–104; Айбабин, 1985, с. 199–201; 1999, с. 173, 183–184; Круглов, 1990, с. 163–164; 2006, с. 281; Комар, 2001а, с. 33–34; 2006а, с. 125–126; Комар, Кубышев, Орлов, 2006, с. 323–335; Ишаев, Смоляк, 2017, с. 160–164).

Малочисленность комплексов этапа 1а хазарской эпохи Самаро-Ульяновского Поволжья, их дисперсное расположение в пространстве, принадлежность мужчинам-воинам свидетельствуют, по всей видимости, о пока еще эпизодическом проникновении скотоводов из центральных областей Хазарского каганата в Среднеvolжскую лесостепь. Помимо политических причин (оформление северо-восточной границы Хазарского государства), несомненно, имела значение и климатическая ситуация того времени: временная аридизация степной зоны способствовала смещению кочевников на ее окраины (Комар, 2001а, с. 34–35).

Начало постоянного присутствия на Луке хазарских скотоводов, по всей вероятности, стоит связывать уже с этапом 1б (рис. 2: 7; 3: 4, 22, 29; 9: 33–40), начало коего ориентировочно относится к третьему десятилетию VIII в.

Хронологическая стадия 2 характеризуется как резким по сравнению с предыдущим периодом ростом количества памятников, так и расширением их географии на территории среднеvolжской лесостепи. Усложняется и их качественный состав: к этапу 2а относится распространение на Самарской Луке захоронений, характеризующихся обрядностью группы Б. Новые мигранты размещались по соседству с первопоселенцами, хоронили своих покойных на основанных ими кладбищах, переняли их традицию сооружения надмогильных каменных выкладок, взамен усложнив обрядность группы А ритуалами обезвреживания останков покойных, в том числе и с использованием огня. С ними соотносится появление на Луке новых элементов поясных гарнитур, форм керамики и конской упряжи, сабли сменяются копьями и топорами (рис. 3: 5, 6, 18, 24–26, 31, 32; 4: 6–14; 9: 41–73).

Данную миграцию, по всей видимости, следует синхронизировать и сопоставить с изменением политики Хазарии после завершения войны с арабами на Северном Кавказе в 737 г. Она, в частности, выразилась в практике масштабных переселений значительных групп населения на северные окраины государства⁶. Исходной территорией для населения группы Б были, по всей видимости, степи Нижнего Дона.

Количество переселенцев на Луке было значительным. По всей вероятности, они заняли лиди-

⁵ Единственное исключение составляет находка на территории заволжской части г. Ульяновска покрытого золотой фольгой бронзового ременного наконечника (рис. 9: 24) (Гисматулин, 2005).

⁶ Так в середине VIII в. было осуществлено перемещение в Доно-Донецкую лесостепь большой группы северокавказских алан.

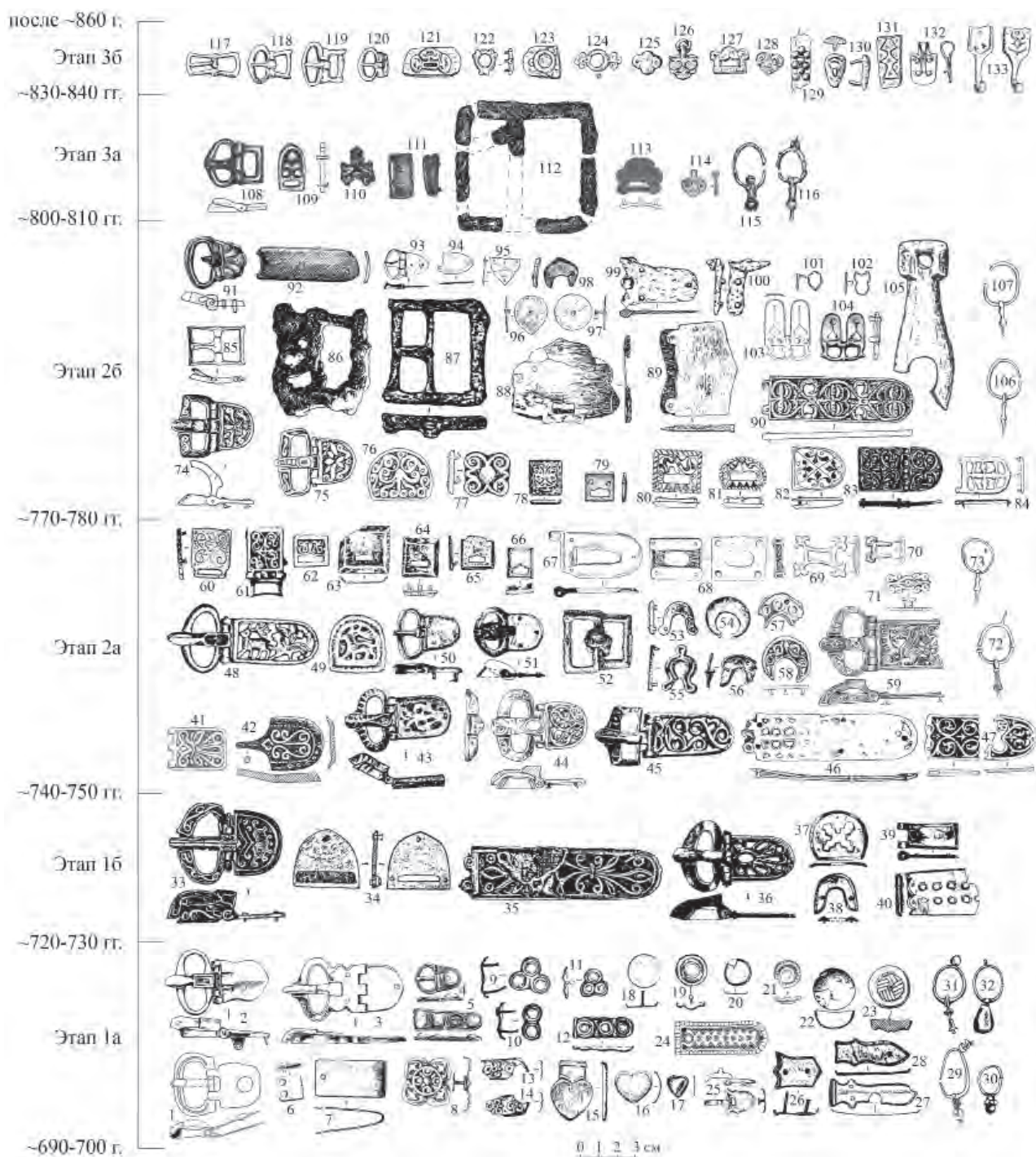

Рис. 9. Хронологическая таблица.

1, 29 – могильник Шелехметь VII, к.11 п.4; 2-5, 15, 22, 31-32 – могильник Шиловка, к.1 п.2; 6, 8, 16, 18, 25 – могильник Брусяны IV, к.2 п.1; 7, 23 – могильник Шиловка, к.2 п.2; 9-12, 19-20, 26-27 – могильник Берёзовка I, к.2 п.1; 13-14, 30 – могильник Брусяны II, к.2 п.1; 21 – могильник Рождествено III, к.6 п.8; 24 – находка в г.Ульяновск; 33-35 – могильник Новинки II, к.14 п.3; 36-40 – могильник Брусяны II, к.22 п.4; 41(?), 43, 53, 60, 65 – могильник Новинки II, к.8 п.5; 42 – могильник Брусяны II, к.7 п.2; 44, 46, 57 – могильник Малая Рязань I, раскоп 2017 г. п.2; 45, 61-62 – могильник Новинки I, к.7; 47-49, 54, 63 – могильник Новинки II, к.13 п.2; 50, 56, 66 – могильник Новинки I, к.7 п.1; 51 – могильник Брусяны II, к.6 п.1; 52 – могильник Новинки II, к.11 п.2; 55, 64 – могильник Новинки II, к.8 п.6; 58-59 – находка у оз.Яик; 67, 72 – могильник Брусяны II, к.13 п.1; 68-71 – «одиночный курган Брусяны II» (могильник Брусяны V, к.1) п.2; 73 – могильник Брусяны II, к.13 п.1; 74, 77, 90, 105 – могильник Малая Рязань I, к.5 п.3; 75-76 – могильник Брусяны II, к.14 п.4; 78 – «лесной» курган у с.Новинки; 79, 91-92, 98, 104 – могильник Жигулёвский II, раскоп 3 п.5; 80-82, 101-102 – могильник Брусяны II, к.34 п.2; 83 – могильник Осиновка III, к.7 п.1; 84 – могильник Малая Рязань I, к.10; 85, 88-89, 93-97 – могильник Брусяны VII, к.2; 99-100 – могильник Малая Рязань I, к.10 п.1; 106 – могильник Брусяны II, к.37 п.4; 107 – могильник Брусяны II, к.14 п.2; 108-112, 115-116 – могильник Кайбелы, к.7 п.4; 113 – могильник Кайбелы, к.15 п.1; 114 – могильник Автозавод, п.8; 117-133 – могильник Большетарханский I.

рующее положение в военно-административной сфере: на хронологической стадии 2 число захоронений группы Б, содержавших инвентарь воина-всадника, втрое превышает число таковых, относящихся к группе А.

На этапе 2б на Самарской Луке становится нормой практика совершения захоронений на периферии уже существующих курганов или даже вовсе без привязки к ним. Грунтовые и впускные погребения составляют почти половину от общего числа⁷. Надмогильные каменные конструкции для этого периода сводятся к небольшим выкладкам над погребениями или разрозненным «наброскам». Ряд категорий и типов предметов, появляющихся на данном этапе, уже имеют отчетливо опознаваемые салтово-маяцкие формы: гончарные и подправленные на круге кувшины, элементы конского снаряжения, бусы и серьги (рис. 3: 30, 33, 34; 4: 15–20; 9: 74–107). В целом новинковские материалы стадии 2 соответствуют раннему этапу салтово-маяцкой общности (Комар, 1999, с. 132–133; Гавритухин 2005, с. 415).

Состав костей животных, фиксирующих проводившиеся на могилах поминальные обряды, свидетельствует об изменениях как количественного, так и качественного состава жертвенной мясной пищи. Увеличение на стадии 2 доли крупного рогатого скота за счет мелкого может свидетельствовать о постепенном переходе от кочевого к оседлому скотоводству (Лифанов, Зубов, 2011, с. 54–55). С этим же процессом, очевидно, согласуются появление у новинковцев бескурганного обряда захоронения и распространение обряда обезвреживания погребенных (Флеров, 2000, с. 65–66, 68). Седентаризация могла быть следствием обнаружившегося недостатка пастбищных ресурсов Самарской Луки для резко увеличившегося населения. Закономерным следствием данного процесса становится как появление на этапе 2б на Луке поселенческих памятников (Матвеева, 2003а, с. 122–123; 2003б, с. 107–111; 2005, с. 294–297; Матвеева, Семькин, 2007; Матвеева, Скарбовенко, 2005, с. 35–48; Вязов, Нерушин, 2010а, с. 128–133; Нерушин, 2012; Багаутдинов, Никитина А.В., 2013, с. 169–170; Сташенков, 2010, с. 118–119; 2011; 2014, с. 83–93), так и распространение раннесалтовского населения за пределами Луки (Скарбовенко, Сташенков, 2000, с. 171–173; Крамарев, 1993, с. 133–134).

Поздний этап стадии 2 ознаменовался, кроме того, и передвижением на Среднюю Волгу двух новых миграционных волн. С первой из них связа-

ны уреньские могильники, чьи материалы находят аналогии в нижнедонских салтово-маяцких курганах соколовского типа. Другая группа переселенцев, оставившая свои материалы на Жигулевском II могильнике, по происхождению связана с регионом Прикамья.

Последовательное развитие культуры раннехазарского населения Южного Среднеvolжья резко прерывается на рубеже VIII–IX вв., когда внезапно прекращают свое существование памятники новинковского и уреньского типов. В этот же период в бассейне Дона исчезают «соколовские» курганные могильники, разворачиваются процессы активного строительства городищ и перехода степняков к оседлости, маркирующие некий своего рода «переломный момент» – значительные политические и идеологические перемены в истории Хазарского государства и его культуры (Круглов, Гавритухин, б. г.). Хронологическая связь этих событий с зафиксированным ал-Масуди известием о принятии правителем хазар иудаизма в период халифата Харуна ар-Рашида (786–809) (Заходер, 1962, с. 35–36, 150–151; Минорский, 1963, с. 193) выглядит весьма примечательной.

Материалы *хронологической стадии 3* хазарского периода истории среднеvolжской лесостепи наименее изучены и систематизированы. Количество относимых к нему памятников невелико, что является следствием особенностей их полевой фиксации: представляя собой не имеющие внешних признаков могильники и отдельные погребения, они могут быть обнаружены лишь случайно.

Начало третьей стадии (этап 3а), очевидно, сопровождалось серьезными переменами в этнокультурном составе населения Южного Среднеvolжья, что нашло свое выражение в расселении в начале IX в. на территории региона группировок, оставивших Автозаводский и Кайбельский могильники. Их погребальная обрядность соответствует зливкинскому типу погребальных памятников салтово-маяцкой общности степной зоны Подонечья, а в инвентаре сочетаются элементы, характерные как для предыдущего этапа 2б (рис. 7: 3–14, 16–19) (Сташенков, 2003, рис. 4: 1, 3; 5: 1–7; Казаков, Семькин, Вискалин, 2004, рис. 5: 1, 4–6, 8, 9; 13: 1–3), так и для синхронных и более поздних салтово-маяцких древностей (рис. 7: 15; 9: 108–114) (Сташенков, 2003, рис. 3, 1, 2; Семькин, Казаков, 2003, рис. 10, 3; 13, 2; Казаков, Семькин, Вискалин, 2004, рис. 7: 6; 11).

Охвативший Хазарию процесс седентаризации кочевников отразился на Волге в грунтовом характере захоронений на Автозаводе и Кайбелах и появлении целого ряда салтово-маяцких поселений как сезонного, так и постоянного характера

⁷ А с учетом того, что целенаправленные исследования меж- и околокурганного пространства новинковских могильников еще только начались, количество грунтовых захоронений, очевидно, будет только расти.

(Сташенков, 2010, с. 118–120). О синхронности по меньшей мере части погребальных и поселенческих материалов свидетельствует находка лото-совидной накладки с городища Новая Беденьга (Вязов, Семькин, 2016, рис. 6: б), однотипной найденной в Автозаводском могильнике (рис. 9: 114).

В отношении и Кайбельского, и Автозаводского могильников неоднократно подчеркивалось сходство с другим ключевым памятником средневожской лесостепи хазарского времени – Больше-Тарханским I некрополем (Генинг, Халиков, 1964, с. 72; Казаков, 1992, с. 4–56; Семькин, Казаков, 2003, с. 123; Казаков, Семькин, Вискалин, 2004, с. 219). Культурное единство их в рамках салтово-маяцкой общности сомнений не вызывает. Однако вопрос об их хронологическом соотношении до сих пор не рассматривался, ограничиваясь отношением их лишь к единому хронологическому периоду конца VIII – IX вв. (Казаков, 1992, с. 53, 56; Семькин, Казаков, 2003, с. 127; Сташенков, 2003, с. 337). Между тем, керамический набор и детали большетарханских ременных гарнитур (Генинг, Халиков, 1964, табл. I–VIII, XVII, 2, 3, 7–9, 11) радикально отличны от автозаводских и кайбельских, маркируя более поздний хронологический этап (рис. 9: 117–133).

К этапу 3б, помимо Большетарханского I могильника, вероятно, относятся Хрящевское и Шелехметские погребения четвертого («прикамского») культурного типа. Происходящие из них лепные круглодонные горшки, колёсовидные подвески и набор бус находят соответствия в ранней части Танкеевского могильника⁸ (Казаков, 1992, с. 80–81; 2007, рис. 33).

Не ранее чем этапом 3б следует датировать и появление в Заволжье раннемадьярских материалов пятого («субботцевского») типа, обнаруживающих многочисленные параллели в погребениях Больше-Тарханского некрополя⁹. Идентичны костяные детали колчанов, распределители уздечных ремней, стремена яйцевидного контура, плоские наконечники стрел ромбовидной и пятиугольной формы, S-видные сабли с наклоном рукояти в сторону лезвия, перстни с четырьмя крапанами (рис. 8: 11, 15, 17, 20–24, 26–29) (Генинг, Халиков, 1964, рис. 14; 16; табл. XII, 2–4, 7, 12; XIII, 13–15, 17–20; XIV, 14). Отсутствие подобных вещей в более ранних салтовских материалах позволяет предполагать их инородное происхождение для Больших

Тархан и констатировать определенное влияние, оказанное раннемадьярскими кочевниками Заволжья на проживавшее на противоположном берегу реки салтово-маяцкое население. Примеры обратного воздействия демонстрируют Бобровское погребение и п. 1 кургана Золотая Нива, в инвентаре которых обнаруживаются аналогии предметам из Больших Тархан (в первом – сосуды, серьги и «бубенчик», во втором – горлышко бурдюка), а также салтовский по происхождению орнамент в виде бутонов лотоса, встреченный в Немчанке и Марычёвке (рис. 8: 6, 7, 12, 25, 30–32, 37, 38, 42) (Генинг, Халиков, 1964, с. 38–39, табл. II; IV; VII, 8, 9; XIV, 4–6; XV, 19; XVIII, 18).

Вопросы относительной и абсолютной датировки процесса освоения ранними мадьярами пространств восточноевропейских степей на сегодняшний день только ставятся. Пока что ориентировочно начало его, на территории Самарского Поволжья соответствующее этапу 3б, можно отнести ко второй четверти IX в. Вероятно, с ним связана цепочка зафиксированных письменными источниками событий середины – второй половины 830-х гг. на территории юга Восточной Европы: первое византийско-венгерское столкновение, появление при дворе императора Феофила посольства «народа рос», сообщившее о перекрытии им дороги на родину некими «варварскими и дикими народами», и решение о строительстве в Хазарии крепости Саркел (Цукерман, 1998, с. 664–666; Комар, 2018, с. 34).

Период сосуществования на территории Южного Средневожья субботцевских и салтовских памятников, очевидно, не был продолжительным. Материалы Большетарханского, Игимского, Чишминского и подобных им могильников¹⁰, датированных второй половиной IX–X в., не дают оснований для констатации их связей (следовательно, и синхронизации) ни с Большетарханским некрополем, ни с каким-либо из известных салтово-маяцких поселений лесостепного Поволжья. Очевидно, в некий момент второй половины IX столетия памятники салтово-маяцкой культурной общности на территории Средневожской лесостепи прекращают свое существование. Это событие, означающее финал хазарской эпохи в истории региона, следует, вероятно, связать с политическим кризисом в каганате, относимом к началу 860-х годов (Цукерман, 1998, с. 671–672; Комар, 2018, с. 43–45).

⁸ Впрочем, скорее всего, прикамское население проникло в Южное Средневожье неоднократно в различные периоды.

⁹ С материалами Кайбельского и Автозаводского могильников, напротив, субботцевские комплексы самарского Левобережья ничего общего не имеют что дополнительно свидетельствует о более ранней хронологической позиции первых по отношению к последним.

¹⁰ В Самарском Заволжье культурно близким им оказывается грунтовое погребение у хут. Лебяжинка (рис. 8: 4, 18, 26, 30) (Сташенков, Турецкий, 1999; Сташенков, 2020, с. 56–63). Юго-восточная ориентировка костяка и ряд элементов инвентаря сближают его с Игимским могильником и некоторыми погребениями Большетарханского и Танкеевского некрополей (Казаков, 1978, с. 11; 1992, с. 61, 93).

ГЛАВА 1. ПАМЯТНИКИ ЮЖНОГО СРЕДНЕВОЛЖЬЯ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ

Появление в Закамье упомянутых выше могильников, оставленных новыми переселенческими волнами угров, маркирует начало нового пери-

ода в истории региона, когда он, по выражению Е.П. Казакова, представлял собой своеобразную «Волжскую Венгрию» (Казаков, 2007, с. 41).

ГЛАВА 2

БОЛЬШЕТАРХАНСКИЙ МОГИЛЬНИК

Памятники раннеболгарского времени на территории Татарстана немногочисленны. Сведения о них начали накапливаться главным образом лишь с 1950-х годов в результате исследований Куйбышевской археологической экспедиции, хотя отдельные памятники ранних болгар (напр., Танкеевский могильник) были известны еще раньше (Генинг, Халиков, 1964, с. 72 и сл.). Наиболее полные сведения о раннеболгарских памятниках на территории Татарстана опубликованы в статье Т.А. Хлебниковой и Е.П. Казакова «К археологической карте ранней Волжской Болгарии на территории ТАССР» (1978, с. 109–136), где отмечены отдельные местонахождения и ранние находки с территории болгарских поселений (рис. 1).

К числу памятников болгаро-салтовского круга второй половины VIII – первой половины IX вв. относятся Большетарханские I и II, Кайбельский, Уреньский могильники, погребение 40 Хрящевского могильника, могильник «Золотая Нива». К этой же группе можно отнести комплексы круговой салтовской керамики из Ульяновского и Тетюшского музеев, а также отдельные находки на Большетарханском II, Мантовском, Щербетском островном селищах, селищах Абрамовка II, «Курган», на Маклашеевском II городище и некоторых других памятниках (Хлебникова, Казаков, 1978). Наиболее значимым среди них является хорошо исследованный Большетарханский I могильник (рис. 1)¹.

Он находится на западной окраине с. Большие Тарханы Тетюшского р-на Республики Татарстан и занимает высокое плато в 0,5 км от левого берега рч. Тарханки, впадающей в р. Свиягу, правый приток р. Волги (рис. 2, 2а).

Памятник обнаружен в 1939–1941 гг. при прокладке шоссейной дороги из Больших Тархан в с. Сяндюково Ульяновской обл. В последующем, в 1947–1950 гг., остатки человеческих захоронений неоднократно фиксировались при строительных работах жителей села. В августе 1950 г.

на место находок выехал разведочный отряд археологической экспедиции ИЯЛИ КФАН СССР под руководством А.Х. Халикова. Было вскрыто одно разграбленное погребение, датированное на основании сохранившихся находок второй половиной VIII – первой половиной IX вв. (Мерперт, 1957, с. 35). В 1957 г. археологическая экспедиция ИЯЛИ КФАН СССР под руководством А.Х. Халикова и В.Ф. Генинга проводила широкие раскопки могильника: на площади 867 кв. м было изучено 80 погребений. Удалось установить западную (в южной части) и северо-западную границы памятника. В 1960 г. раскопки были продолжены (с участием экспедиции Казанского университета). Исследовалась площадь в 3842 кв. м, на которой дополнительно было изучено 278 могил, и установлены границы могильника, имеющего в длину около 150 м, в ширину 70 м (Генинг, Халиков, 1964, с. 5–7) (рис. 2; 3). Общее количество изученных погребений – 359; могильник, учитывая его площадь, в целом мог содержать около 700–800 погребений.

Погребальный обряд. Захоронения в могильнике совершены в грунтовых ямах и в настоящее время никаких внешних признаков не имеют. Случаев взаимного нарушения ям не отмечено, очевидно, они имели сверху какие-то отметки. Скорее всего, это были невысокие холмики с деревянными столбиками.

Могильные ямы, вытянутые по линии восток – запад с небольшими отклонениями, имели в плане подпрямоугольную (с закругленными углами) форму. Размеры ям: взрослых захоронений – длина от 170 до 270 см при ширине 40–85 см, глубина – от 40 до 210 см (всего 16 погребений глубиной более 160 см); детских – длина от 60 до 120 см при ширине около 50 и глубине от 40 см; подростков – от 120 до 180 см при ширине 50–70 см и глубине 40–160 см.

Внутреннее устройство ям, связанное со способом захоронения умерших, различно. Четко выделяются (в прослеженных случаях) два типа могильных ям: простые грунтовые с отвесными стенками и ровным дном (233 захоронения, т. е. 65% всего кол-ва ям); ямы с заплечиками и подбоями (90 погребений). Могильные ямы с заплечи-

¹ Раздел написан на основе публикации: В.Ф. Генинг, А.Х. Халиков. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник) / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: Наука, 1964. Иллюстративный материал взят также из вышеназванной монографии.

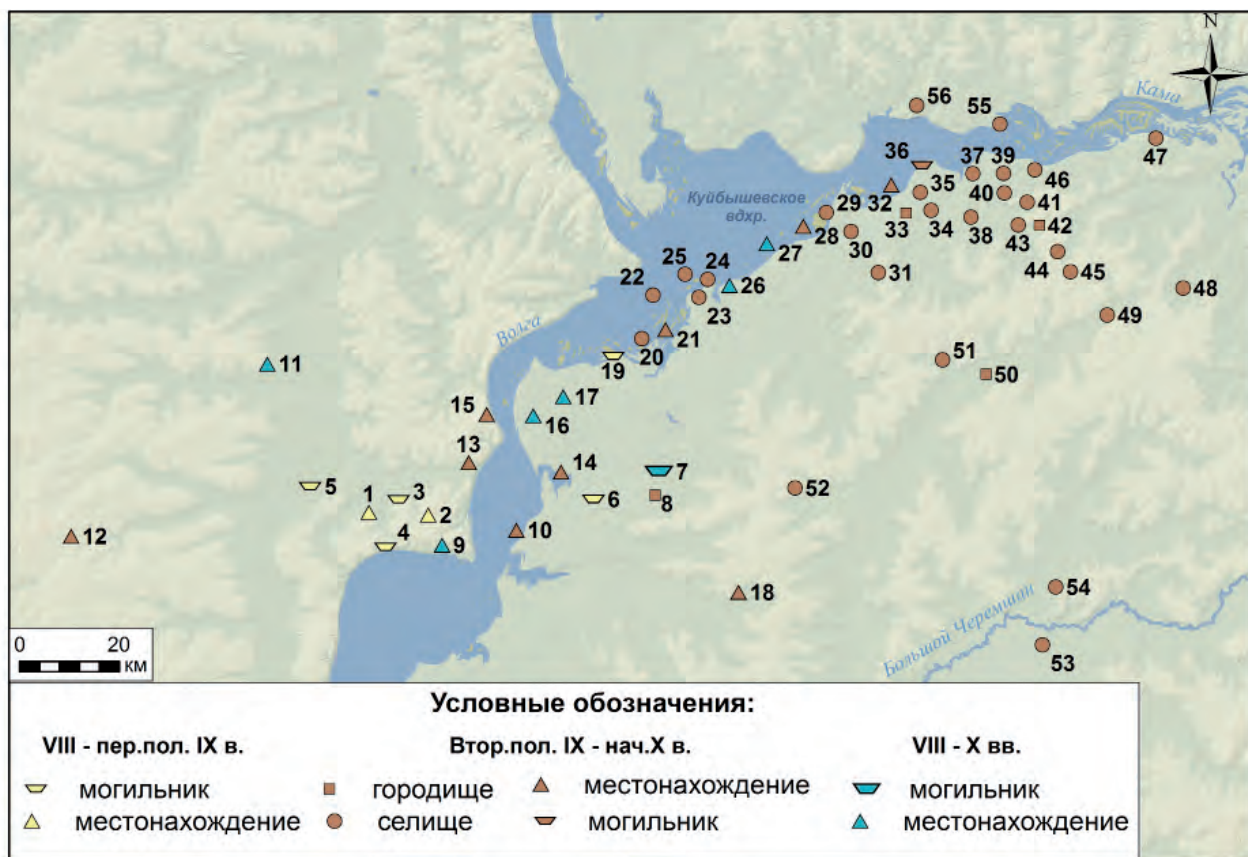

Рис. 1. Археологическая карта раннеболгарских памятников на территории Татарстана

1 – Большеатарханский I могильник; 2 – Большеатарханский II могильник; 3 – местонахождение на Большеатарханском II селище; 4 – местонахождение у Тарханской пристани; 5 – Чабровское местонахождение; 6 – находки с Маклашеевского II городища; 7 – Танкеевский могильник; 8 – Танкеевское городище; 9 – Мантовское селище; 10 – Гулькинские находки; 11 – Беловоложинская находка; 12 – Тат-Саплыгское местонахождение; 13 – Кашкинское местонахождение; 14 – Бальмерская находка; 15 – Тетюшский могильник; 16 – Ага-Базарская находка; 17 – Болгарские находки; 18 – Баранская находка; 19 – местонахождение на Щербетьском островном селище; 20 – Старокуйбышевское III селище; 21 – находка на Косяковском II селище; 22 – Соколовское селище; 23 – Тат. Измерское I селище; 24 – Семеновское I селище; 25 – Семеновское II селище; 26 – местонахождение на селище «Курган»; 27 – местонахождение у Базяковского взвоза; 28 – Лебединское местонахождение; 29 – Лебединское III селище; 30 – Ивановское селище; 31 – Левашевское селище; 32 – местонахождение на Алексеевском X поселении; 33 – Алексеевское городище; 34 – Алексеевское селище; 35 – алексеевское XII поселение; 36 – Лебяжское погребение; 37 – Остолопское селище; 38 – Степно-Шенталинское V селище; 39 – Байтерьяковское I селище; 40 – Байтерьяковское II селище; 41 – Байтерьяковское IV селище; 42 – Утяковское городище; 43 – Утяковское селище; 44 – Адельшинское I селище; 45 – Адельшинское II селище; 46 – Кубасское селище; 47 – Березовское селище; 48 – Чуудиновское I селище; 49 – Ново-Тат-Адамское III селище; 50 – Билярские находки; 51 – Краснобаранское селище; 52 – Ново-Сихтерминское II селище; 53 – Кривозерское селище; 54 – Тюрнясовское I селище; 55 – Гремячинское селище; 56 – Полянское селище.

ками в верхней части имеют отвесные стенки, но вдоль продольных стенок у дна могилы оставлены небольшие уступы-заплечики шириной около 10–20 см, высотой 30–40, реже до 50 см (всего 87 могил). Уступы-заплечики служили для укладки перекрытия – настила из жердей или досок. Если в простых ямах умерших хоронили в деревянных гробах (в некоторых из них прослеживается древесный тлен), то в ямах с заплечиками умерших укладывали прямо на землю, т. е. на дно ямы, а сверху перекрывали деревянным настилом. Надо заметить, что имеется небольшая группа могил, которые имеют заплечики только с одной продольной стороны. В них умершие перекрывались,

по всей вероятности, не горизонтальным, а наклонным настилом (рис. 3).

Большинство захоронений индивидуальные (одиночные), к категории коллективных относятся 13 могил. Выделяются две группы таких могил. К первой группе относятся одновременные захоронения нескольких умерших в одной яме; обычно это двое взрослых (рис. 3, погр. 212) или взрослые и дети. Другую группу составляют могильные ямы с коллективными, но разновременными захоронениями. В них также хоронили, очевидно, членов одной семьи.

Костяки в могилах лежали вытянуто на спине (иногда с небольшим разворотом на левый или

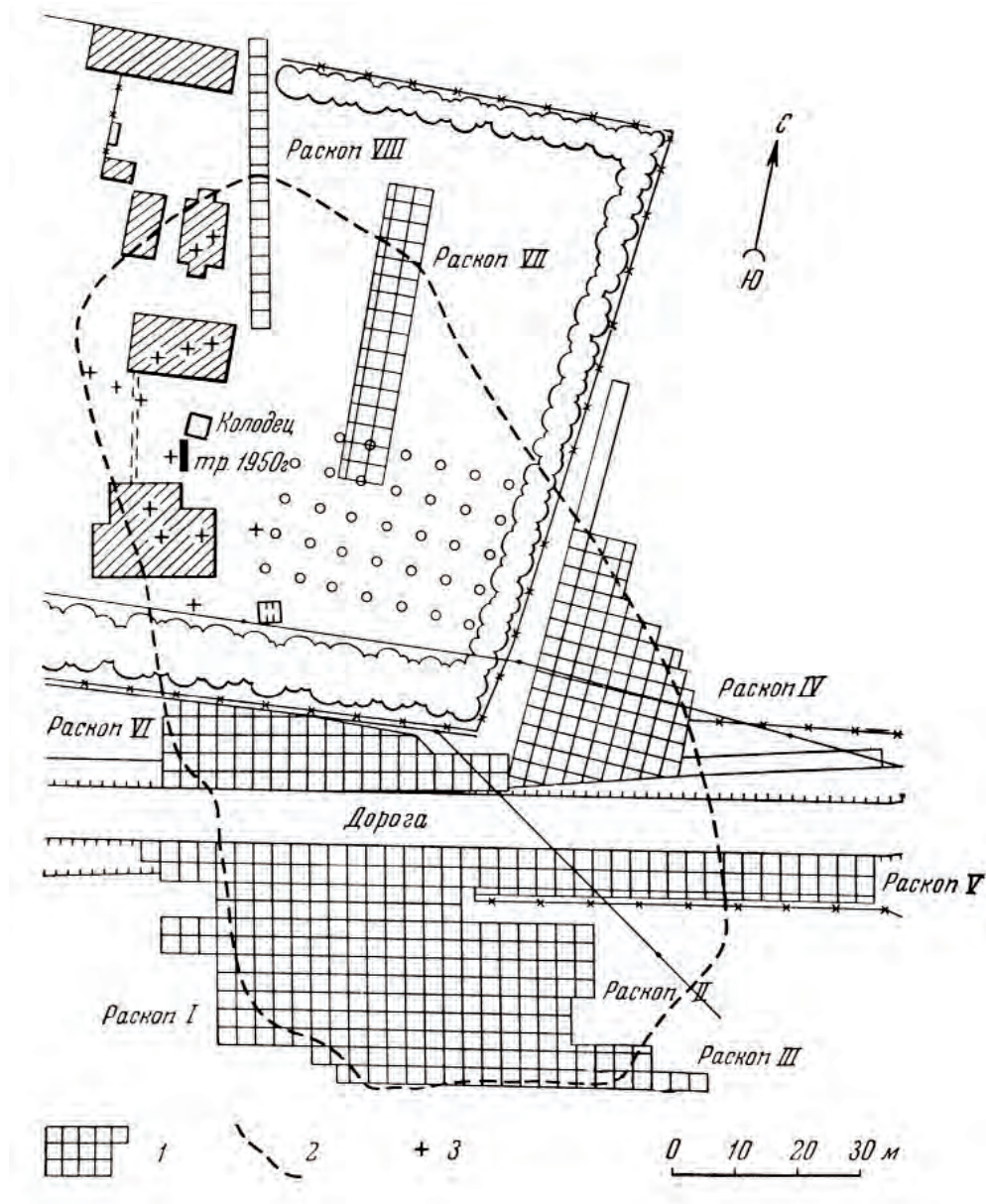

Рис. 2. Большештарханский I могильник. Ситуационный план раскопок

правый бок), головой на запад, иногда с отклонениями в секторе северо-запад – юго-запад. По одному разу отмечена ориентировка головой на восток, восток – северо-восток и юг – юго-восток (рис. 3; 4; 5).

В нескольких могилах отмечены следы культа огня в виде мелких угольков, рассыпанных на дно ямы, обугленных досок и обожженного черепа лошади.

В 79 погребениях обнаружены кости домашних животных: лошади, овцы и коровы. Черепа и кости ног лошади обнаружены в 62 могилах (17% от общего кол-ва исследованных погребений). Положение этих костей в могилах устойчиво – они находились в восточном конце могильной ямы над ногами умершего, вне гроба или погребальной

камеры под перекрытием. Вместе с костяками лошади находились детали конской сбруи: удила, стремяна, подпружные пряжки (рис. 3; 4; 5). Череп и кости ног лошади клали исключительно в погребения взрослых, преимущественно мужчин, но не всех, а богатых, имеющих возможность при смерти убивать коня.

Непосредственно в гробу или погребальной камере у изголовья умершего находили остатки заупокойной пищи: кости барана, лошади, коровы или теленка, а в детских погребениях – и птичьи кости.

Глиняные сосуды – в основном это гончарные узкогорлые кувшины, а также лепные горшки и чаши – встречены в 101 погребении, обычно их ставили у головы, изредка у ног погребенного.

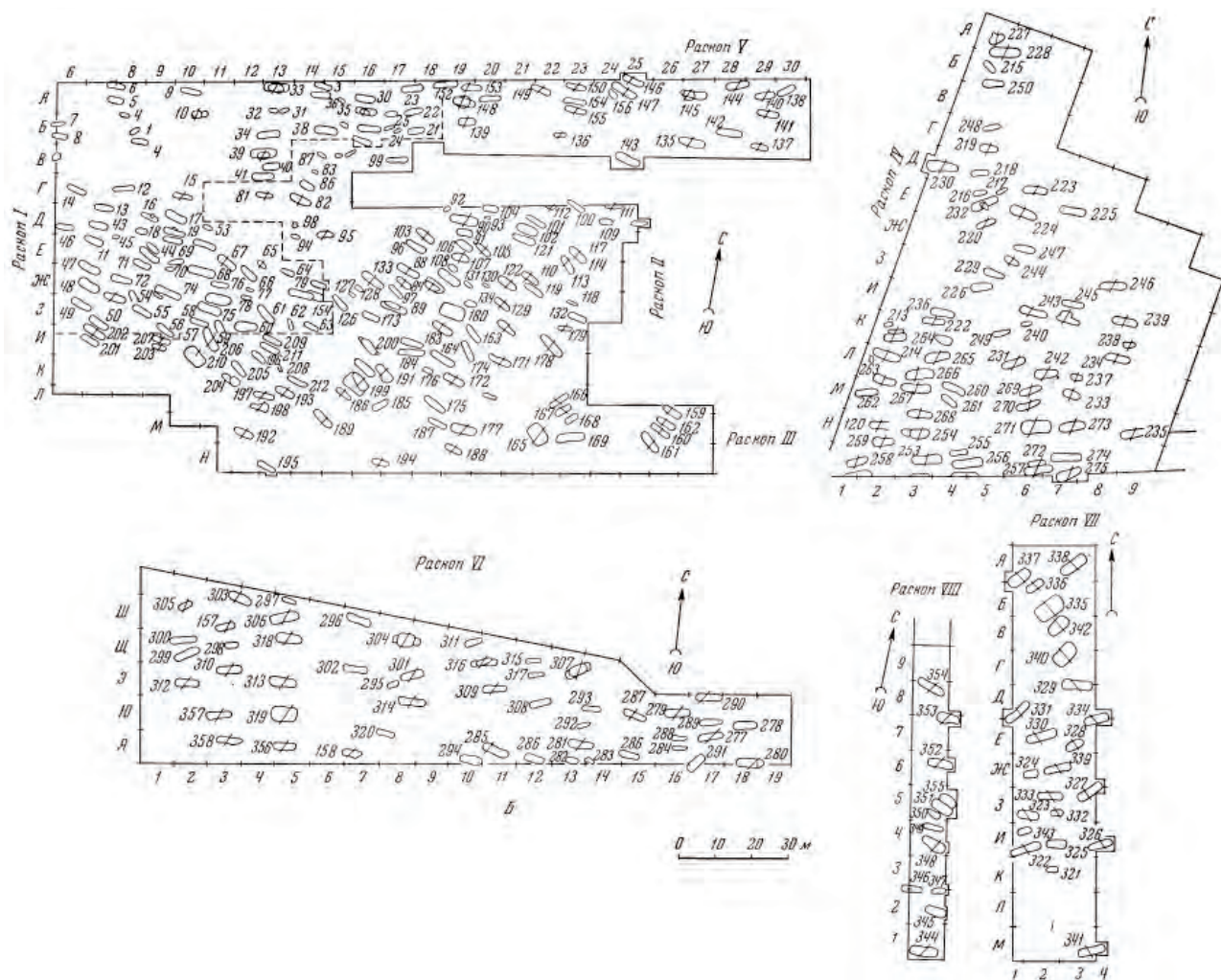

Рис. 2а. Большетарханский I могильник. План раскопов.

Чаще всего в могилу ставили один сосуд; в восьми случаях обнаружено по два, в трех – по три сосуда. В одном погребении стояло пять сосудов. Неоднократно были обнаружены следы деревянных сосудов. В сосудах, как глиняных, так и деревянных, была, скорее всего, жидкая пища типа набиза, упоминаемого позднее в записках Ибн Фадлана.

В погребениях Большетарханского могильника обнаружены также орудия труда, оружие и украшения, но их немного. В женских могилах наиболее многочисленны глиняные пряслица (35 экз.). Только в мужских захоронениях, как правило, справа в области таза, встречены железные ножи (38 экз.), а также кресала и кремни для высекания огня, которые прикреплялись к поясу с правой стороны. Редко, преимущественно в женских захоронениях, находят железные иглы с остатками деревянных футляров. Обнаружены также шилья, серп, амулеты из зубов диких животных, рыбьих позвонков, астрагалов барана.

Среди предметов вооружения наиболее многочисленны наконечники стрел, встреченные, как

правило, по одному экземпляру в 29 мужских захоронениях. Изредка обнаруживаются остатки колчана с двумя или тремя наконечниками. В одном погребении лежал пучок из четырех наконечников стрел.

В 16 погребениях с черепом и костями лошади обнаружены остатки конской сбруи. В трех случаях удила и стремяна находились в могилах, где отсутствовали кости коня.

Украшения и принадлежности костюма немногочисленны. Они находятся там, где их носили при жизни – серьги около головы, подвески на груди, пряжка около таза.

Вещевой инвентарь включает в себя глиняную посуду, предметы оружия, орудия труда, различные украшения и некоторые бытовые вещи.

Коллекция глиняной посуды Большетарханского могильника включает в себя 120 сосудов из 101 погребения; 68 из них являются круговыми, 52 – лепными.

Гончарная керамика состоит преимущественно из кувшинообразных сосудов с наибольшим

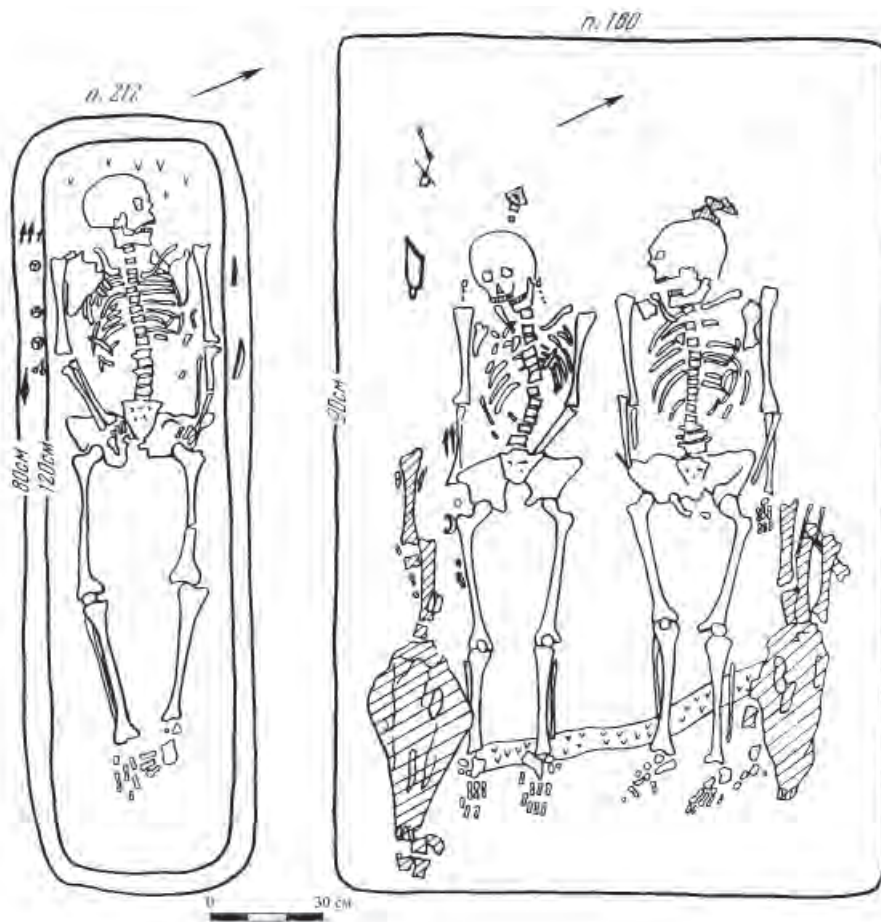

Рис. 3. Большетарханский I могильник. План погребений 180 и 212.

диаметром тулова в нижней части. Они изготовлены на ручном, медленно вращающемся круге из глины с примесью мелкого песка и растительности. Цвет сосудов черный, темно-серый, серопалевого оттенка, реже – ярко-оранжевый. На их внутренней поверхности сохранились следы ангоба темного, серого и палевого цвета, внешняя поверхность покрыта лощением. А.Х. Халиковым была предложена следующая типология кувшинообразных сосудов (рис. 6):

тип I (с четырьмя разновидностями) – кувшины с широким туловом, суженной высокой горловиной и ручкой, прикрепленной к горловине и верхней половине тулова (рис. 6: 1–5); тип II – кувшины с небольшой ручкой в виде полукольца, прикрепленного к верхней части тулова (рис. 6: 12, 14); тип III (с четырьмя разновидностями) – сосуды с низкой широко открытой горловиной и полукруглой ручкой в верхней части тулова («кружки») (рис. 6: 6–8); тип IV (с тремя разновидностями) – кувшинообразные сосуды без ручек – «кринки» или кубышки (рис. 6: 9–11, 13).

Большинство кувшинов I типа имеет носик-слив; ручки плоско-выпуклого сечения или с

вертикальным желобком. На дне 17 кувшинообразных сосудов нанесены клейма мастеров-ремесленников.

Круговая кувшинообразная посуда Большетарханского могильника находит ближайшие аналогии в памятниках салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1967, с. 115–117). Кувшины с приземистым туловом являются более характерными для болгаро-аланского населения лесостепных районов (верховья Сев. Донца и Оскола), где располагаются Верхне-Салтовский и Дмитриевский катакомбные могильники, относящиеся к аланскому варианту культуры (Плетнева, 1967, с. 186 и сл.; Хлебникова, 1984, с. 35–36). По мнению Е.П. Казакова, широкодонные с приземистым туловом одноручные кувшины серо-черного цвета, украшенные лощением, являются характернейшим признаком памятников салтовской общности во всех ее локальных вариантах – в Придонье, Приазовье, на Северном Кавказе, в Подунавье. Подобные сосуды встречены также в других могильниках ранних болгар (Кайбельский, Танкеевский) (Казаков, 1992, с. 45).

В керамическом комплексе Большетарханского могильника присутствует один сосуд горшко-

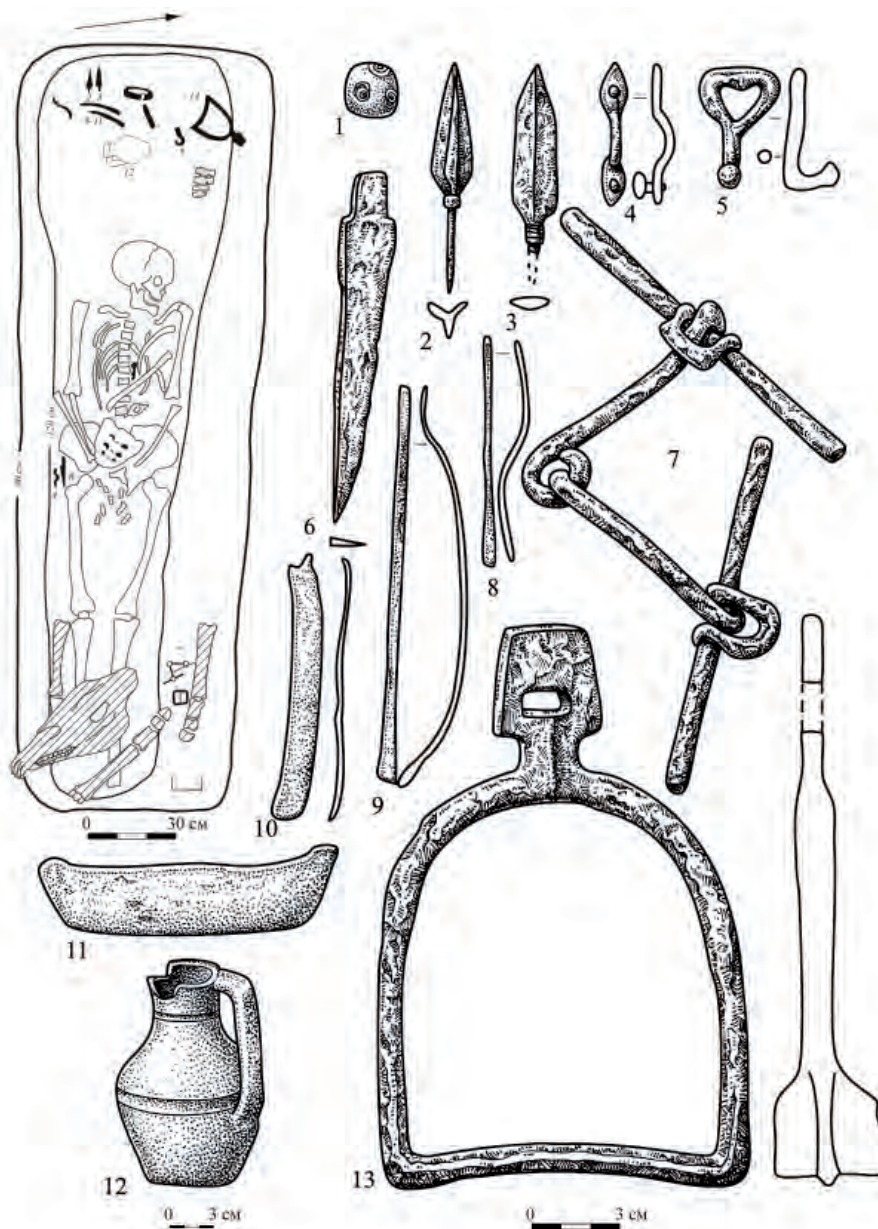

Рис. 4. Большетарханский I могильник. План и погребальный инвентарь погребения 75.
1 – стекло; 2–7, 13 – железо; 8–11 – кость; 12 – керамика.

видной формы, изготовленный с применением гончарного круга (рис. 7: 4). Он сформирован из теста с обильной примесью песка, по плечу и тулову украшен двумя парами поясков волнистого и чуть ниже горизонтального рифления по тулову; отогнутый наружу венчик сосуда украшен неглубокими вдавлениями. Ближайшие аналогии ему находят в керамике населения степного (болгарского) варианта салтово-маяцкой культуры (Хлебникова, 1984, с. 34; III этнокультурная группа по ее классификации). Встречены они и в памятниках дунайских болгар (Казаков, 1992, с. 46; см. также: Die Keramik, 1990).

Лепные сосуды Большетарханского I могильника делятся на две группы: горшковидные песочно-

го (16 сосудов), шамотного (8 сосудов) или песочно-растительного теста (4 сосуда) и чашевидные. Первая группа, согласно классификации А.Х. Халикова, включает в себя пять типов (рис. 7).

Поверхность сосудов заглажена, но грубые примеси и плохо перемешанная глина делают ее неровной; у двух сосудов отмечена ангобированная поверхность. Обжиг сосудов в подавляющем большинстве плохой. У всех типов горшков орнамент почти отсутствует, лишь у половины имеются косые насечки или пальцевые защипы по краю венчика. Поверхность довольно грубая, бугристая, у двух сосудов со следами заглаживания щепой или травой. Венчики сосудов оформлены нечетко; преобладает округлая форма и с неболь-

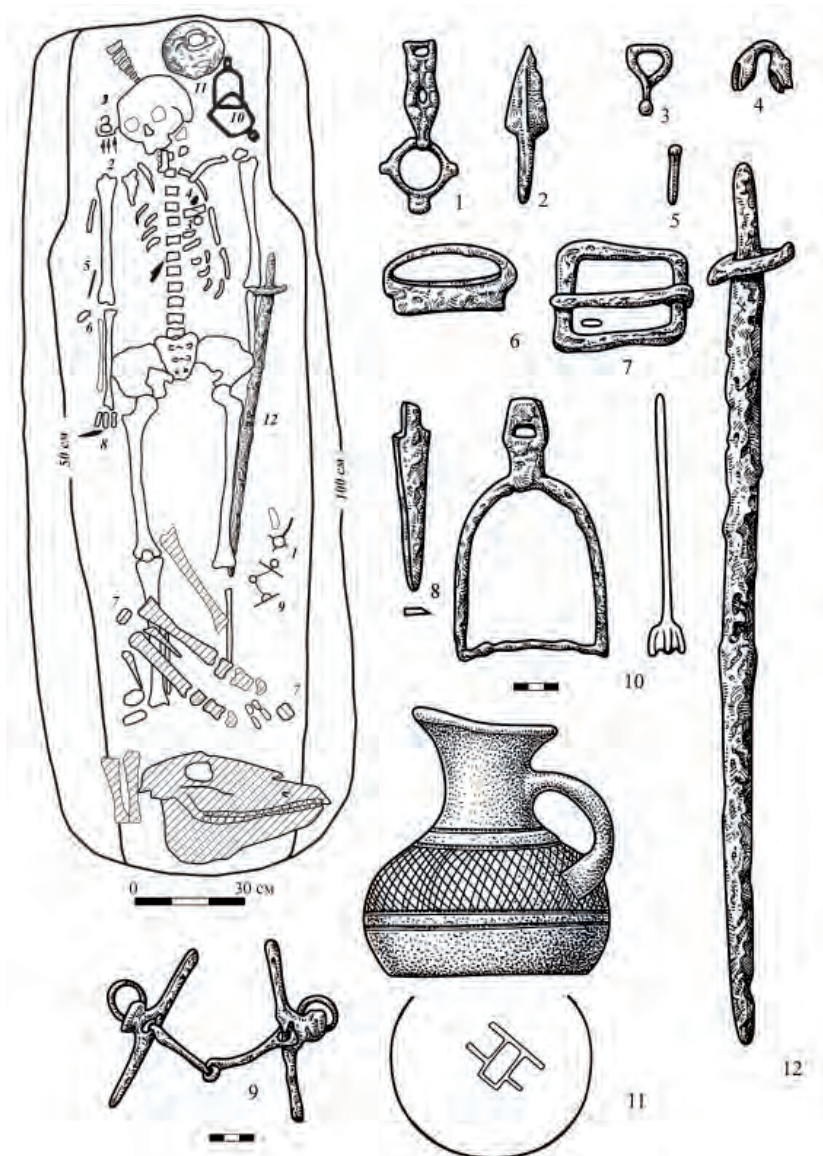

Рис. 5. Большетарханский I могильник. План и погребальный инвентарь погребения 143.
1–5 – бронза; 2, 6–10, 12 – железо; 11 – керамика

шим утолщением. Встречаются слегка заостренные и оттянутые наружу, а также прямые плоские венчики.

Данная группа керамики встречается, как правило, на всех степных поселениях болгар VIII–IX вв. Она определялась С.А. Плетневой как кочевническая, применявшаяся в быту тюркоязычных племен (Плетнева, 1967, с. 104; Хлебникова, 1984, с. 36; II этнокультурная группа).

Лепные чашевидные и горшковидные сосуды (11 целых и 2 обломка) с округлым или уплощенным дном, отличные по форме от вышеописанных, изготовлены из глиняного теста с примесью песка, мелкого шамота и растительности. Поверхность хорошо заглажена щепой; цвет в основном серовато-желтый, черный или серый. По форме выделяются три типа:

тип I – сосуды с высокой узкой прямой горловиной и широко раздутым туловом (рис. 7: 16);

тип II – сосуды с высокой шейкой, отогнутой наружу, широким горлом и почти шаровидным туловом (рис. 7: 17–18);

тип III – низкие чаши с короткой отогнутой наружу шейкой (рис. 7: 19)².

Венчики большинства сосудов отогнуты наружу и украшены насечкой. Орнаментация довольно разнообразна: веревочный орнамент нанесен на узкогорлом горшковидном сосуде с шаровидным туловом; гребенчатый орнамент наблюдается чаще у горшковидных сосудов; резной орнамент по плечу наблюдается на широкогорлых горш-

² Т.А. Хлебникова находит возможным выделить 5 типов в этой группе сосудов: 3 типа горшковидных и 2 типа чашевидных. См.: Хлебникова, 1984, с. 37.

Рис. 6. Большетарханский I могильник.
Группа гончарной посуды I (1-5), II (12, 14), III (6-8) и IV (9-11, 13) типов.

ковидных и чашевидных сосудах, а по шейке – у горшков; открытый и низкий чашевидный сосуд имеет короткие крестообразные насечки по плечу.

Истоки данной группы керамики В.Ф. Генинг искал в памятниках южных районов Западной Сибири и Зауралья, в древнеугорской этнической среде (Генинг, Халиков, 1964, с. 139). По мнению Т.А. Хлебниковой, она «могла принадлежать населению в основном угорского происхождения, но уже с ощутимым финским участием, а также, возможно, и иных групп населения зауральского происхождения» (Хлебникова, 1984, с. 42). Е.П. Казаков склонен считать появление данной керамики на могильнике «как результат взаимодействия пришлых болгарских и пришлых также прикамско-приуральских этнических групп» (Казаков, 1992, с. 47). По его мнению, по форме и орнаменту такая посуда близка к петрогромской и сылвенской керамике.

Орудия труда представлены относительно небольшим количеством предметов преимущественно бытового назначения: ножи, кресала, пешня, гвозди, шилья, пряслица и иглы (рис. 8).

Ножи (38 экз.) все железные, кованые, однолезвийные с прямой утолщенной спинкой, скошенным лезвием и плоским черенком, суженным в конце. По характеру перехода лезвия к черенку выделяются два типа:

Тип I – ножи с гладким переходом от лезвия к черенку: лезвие отделено от черенка уступом со стороны спинки и бородкой со стороны лезвия (рис. 8: 7; 20 экз.).

Тип II – ножи с кованым ободком у перехода от лезвия к черенку (рис. 8: 6, 8; 18 экз.).

Огнива, состоящие из кресала, кремня, реж трубочки для трута, обнаружены только в мужских захоронениях. Кресала для высекания огня (всего 18 целых и 4 обломка) – железные с ударной пластиной в виде широкой прямоугольной полосы. Выделяются наиболее простые из них, спинка которых завершается по краям завитками (рис. 8: 2, 4; 7 экз.). Более усложненные экземпляры имеют рукоятку в виде дуговидной петли, верх которой четырехгранный или перекрученный (рис. 8: 10, 11). Встречены кресала (4 экз.), ручка которых оформлена в виде кузнечных клещей (рис. 8: 3, 5). Трубочки для трута (рис. 8: 1; 3 экз.) свернуты из

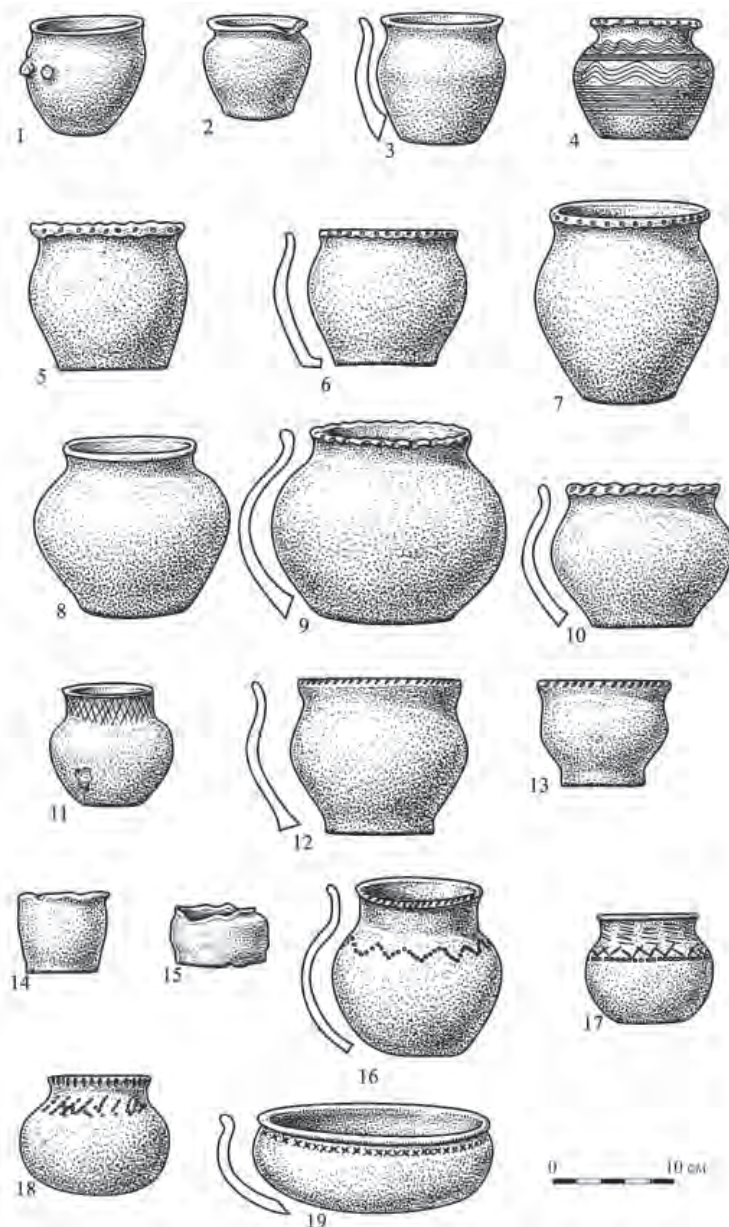

Рис. 7. Большетарханский I могильник. Группа лепной посуды:

тип I – горшковидные со слабо раздутым туловом и короткой шейкой, отогнутой наружу (рис. 7, 1-3, 5-7); тип II – низкие горшки с короткой шейкой и сильно раздутым туловом (рис. 7, 8-10); тип III – горшки с широко открытой горловиной и сильно суженным дном (рис. 7, 12-13); тип IV – с высокой прямой шейкой и сильно раздутым туловом (рис. 7, 11); тип V – грубо изготовленные баночные сосуды (рис. 7, 14-15).

железной пластины длиной 9–10 см и диаметром 0,7–0,8 см.

Серп железный (рис. 8: 9) со слабоизогнутым лезвием без насечек и округлым завершением рукоятки с двумя отверстиями для прикрепления с деревянной ручкой сигнализирует, на наш взгляд, о начале седентаризации раннеболгарского населения.

Шилья железные (рис. 9: 6; 3 экз.) с округлым в сечении острием, плоским прямоугольным в сечении черенком для насадки на деревянную или костяную рукоятку.

Иглы швейные (рис. 9: 10; 8 экз.) изготовлены из железной проволоки с острым концом и овальным ушком. Их длина 45–47 мм, толщина до 1,5 мм. В погребении 41 игла лежала в деревянном футлярчике-игольнике (рис. 9).

Пряслица (рис. 9: 1–4; 36 экз.), обнаруженные только в женских захоронениях, изготовлены из темно-серой хорошо отмученной глины с небольшой примесью песка. Их размеры: общий диаметр 3–3,5 см, диаметр отверстия 0,8–1 см, толщина 1–1,5 см. Наиболее распространенный тип пряслиц – плоскоцилиндрические (рис. 9: 2; 30 экз.). Встре-

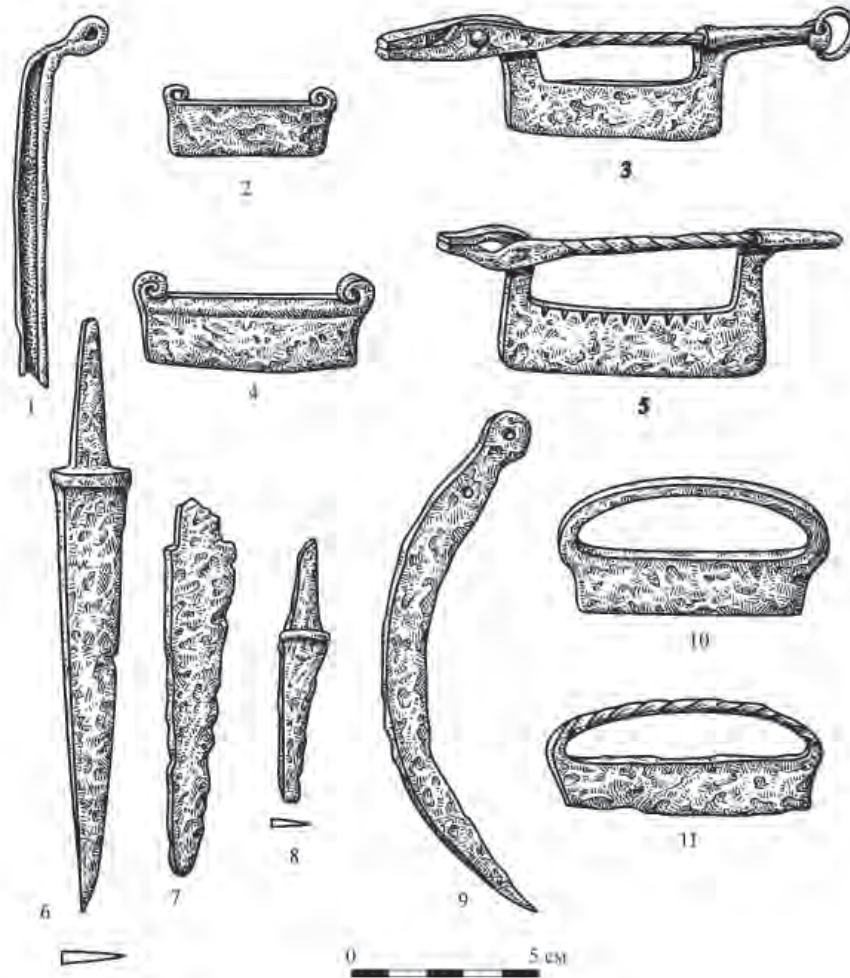

Рис. 8. Большетарханский I могильник.
Железные предметы: трубка от трута (1), кресала (2–5, 10, 11), ножи (6–8), серп (9)

чаются блоковидные пряслица (рис. 9: 3; 3 экз.), единичны пряслица уплощенно-шаровидной (рис. 9: 4) и усеченно-биконической формы.

Из других бытовых предметов представляют интерес железные щипчики с пружинным зажимом (рис. 9: 7), железный грузик усеченно-биконической формы с узким отверстием из мужского захоронения (рис. 9: 5), кружок диаметром 3,3 см из стенки гончарного сосуда, на поверхности которого имеются продольные борозды от трения белемнитом, и прочие находки.

Предметы вооружения и снаряжение боевого коня включает богатый набор железных наконечников стрел, костяные обкладки и накладки, крючки и от колчана, наконечники копий, сабли, кольца от кольчуги, а также удила, стремяна и пряжки от сбруи.

Наконечники стрел (рис. 10; 48 экз.) все железные черешковые. Исследователи памятника В.Ф. Генинг и А.Х. Халиков выделили три типа наконечников по сечению пера (рис. 10).

Тип 1. Наконечники с плоским пером (38 экз.) по форме пера подразделяются на разновидности: ромбовидные простые без упора для насадки; сечение пера уплощенно-треугольное (рис. 10: 4; 7 экз.) или уплощенно-ромбическое (рис. 10: 12; 1 экз.); ромбовидные с плавной выемкой по бокам нижней половины пера (рис. 10: 8, 9); ромбовидный с расширением в верхней части и коротким прямым основанием, завершающимся при переходе к черешку плоским четырехугольным черешком (рис. 10: 7).

К ромбовидным близки наконечники, имеющие перо с параллельными краями и треугольным граненым острием. Среди них выделяются наконечники, ромбические в сечении, с узелковым упором при переходе от черешка к перу (рис. 10: 1, 2; 8 экз.), и более простой формы – уплощенно-треугольные в сечении, с ровным переходом к черешку (рис. 10: 6; 6 экз.).

Встречены два наконечника (рис. 10: 3), острие пера которых имеет треугольную форму, а боко-

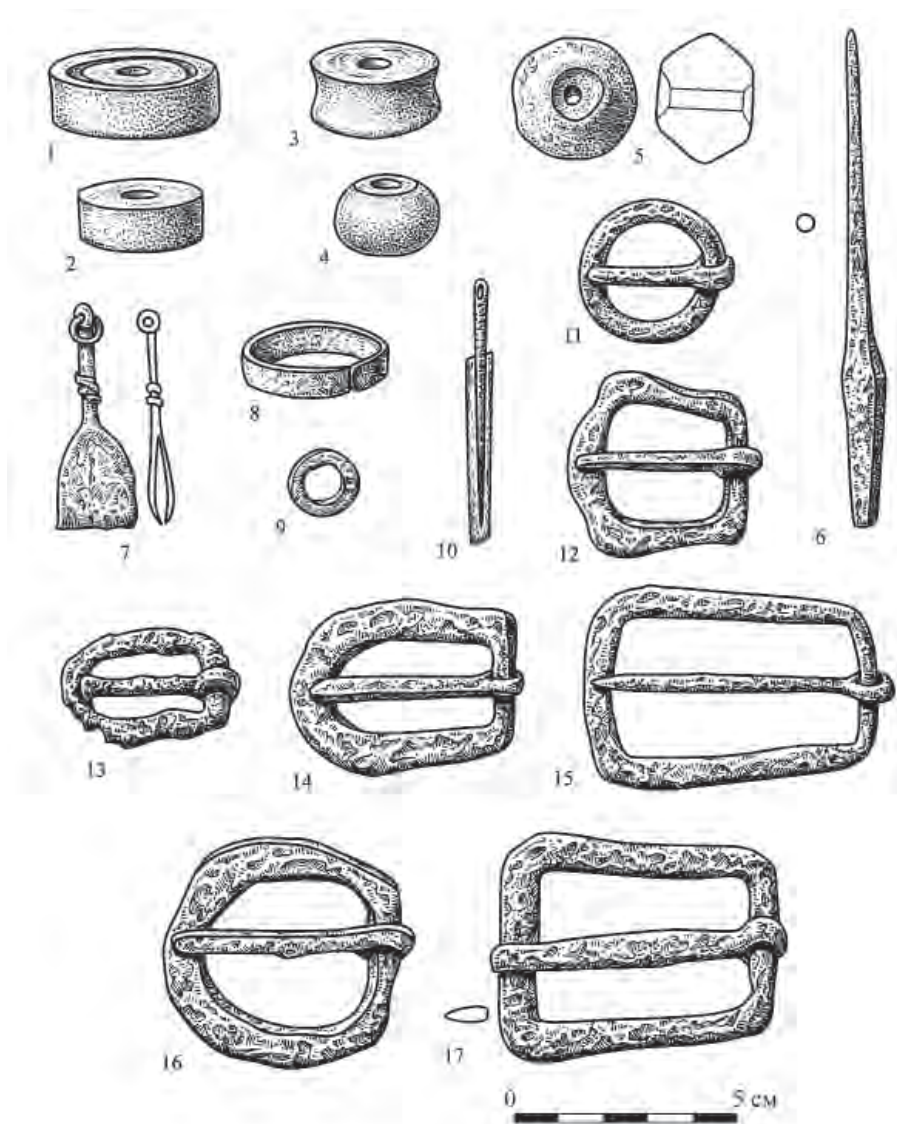

Рис. 9. Большетарханский I могильник. Железные и глиняные предметы: пряслица (1–5), шило (6), щипчики (7), кольца (8, 9), игла (10), пряжки (11–17)

вые грани и основание пера – слабо выемчатое очертание, что придает им форму двушипных наконечников.

Наконечники с треугольным пером имеют плоское основание, переходящее в черешок без узелкового упора (рис. 10: 5; 10 экз.). Один наконечник отличается слабо выраженным подпрямоугольным уступчиком в основании пера (рис. 10: 11).

Тип. 2. Трехлопастные наконечники (рис. 10: 14, 16, 19; 7 экз.) имеют узелковый упор при переходе к черешку. Выделяется крупный наконечник, лопасти которого скошены к острию, а бока слегка вогнуты (рис. 10: 19).

Тип 3. Граненые (четырёхгранные) наконечники, в сечении квадратные, имеют вид коротких или длинных пирамидок (рис. 10: 17, 18; 2 экз.) и ромбические (рис. 10: 10, 13; 3 экз.). У двух на-

конечников с ромбическим пером перо листовидное с шестигранным основанием, переходящим в длинный уступчатый упор (рис. 10: 10), у одного – узкая иволистная форма с узелком при переходе к черешку (рис. 10: 13).

Колчаны и их части – железные и медные крючки, петли и костяные обкладки, медные бляхи, украшавшие ремни колчана, – обнаружены в 17 погребениях (рис. 11). Реконструкцию колчанов исследователи Большетарханского могильника сделали в основном на основе материалов погребений 75, 143 и 212. По их мнению, колчаны изготовлялись из дерева и кожи; изредка, как это удалось проследить в погребении 143, они покрывались берестой. В погребении 75 сохранились обломки костяных накладок – мелкие и тонкие пластины (рис. 11: 18) и крупная трапецевидная

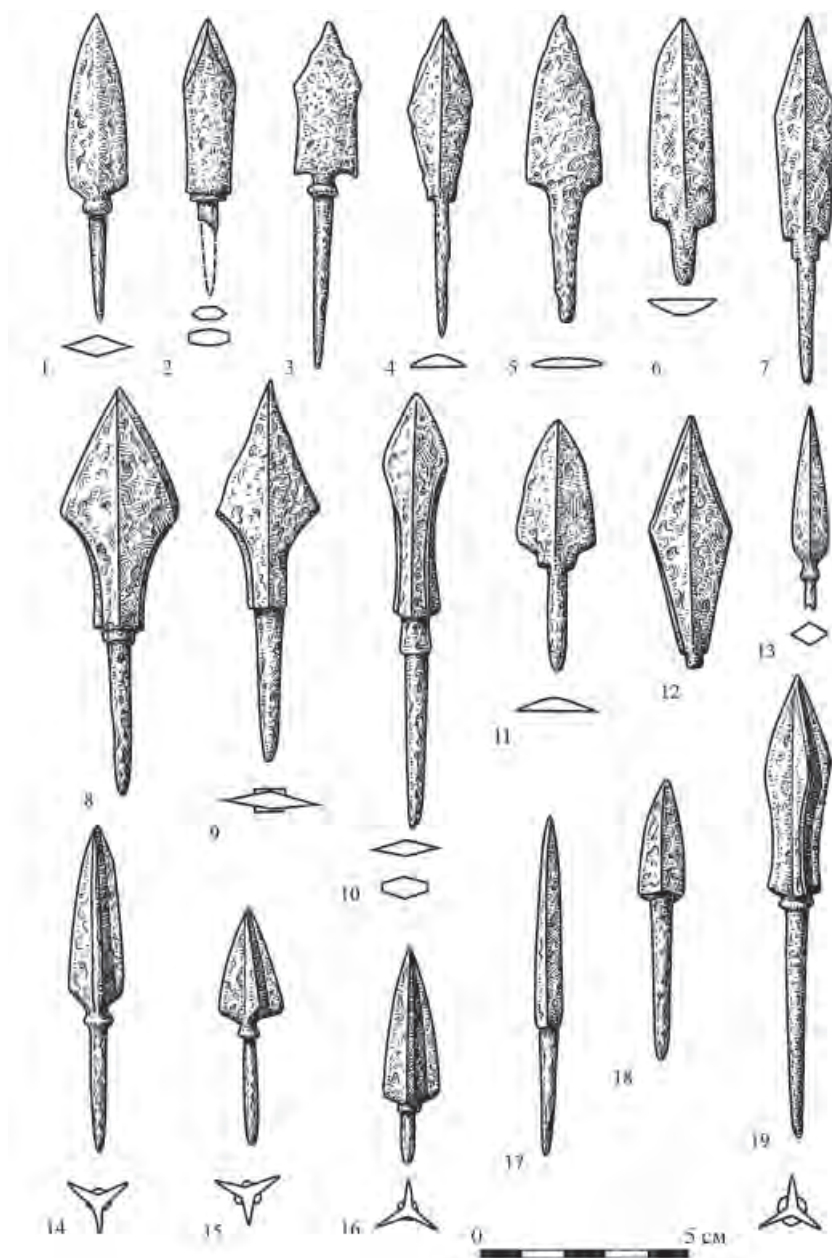

Рис. 10. Большетарханский I могильник. Железные наконечники стрел

пластина из кости (рис. 11: 20), железные скобчатая петля (рис. 11: 8) и крючок (рис. 11: 3). Общая длина пятна от истлевшей кожи колчана около 40 см.

Реконструкция колчана выглядит следующим образом (рис. 11: 22): он был сшит из кожи и имел длину около 40 см; верх его представлял собой широкий сердцевидный вырез, края которого были окаймлены тонкими костяными пластинами, а низ упирался в поперечную пластину. Далее, несколько расширяясь, шел приемник/кармашек колчана, низ которого был обложен широкой костяной пластиной. Сбоку была прикреплена скобовидная петля для подвешивания колчана к португее. К низу на кожаном ремешке пришивался крючок для

прикрепления колчана во время верховой езды к ноге лучника.

Колчан из погребения 212, судя по его сохранившимся деталям (рис. 11: 2, 6, 13), имел, вероятно, такую же форму, разница лишь в том, что его наружную поверхность украшали бронзовые бляшки, обнаруженные в количестве трех экземпляров (рис. 11: 23).

Наконечники копий. Их два, оба втульчатые: один из них клиновидный с узким длинным пером ромбического сечения, втулка расширяется книзу и завершается ободком (рис. 12: 1); другой – короткий, с плоским листовидным пером и кованой втулкой, свернутой в трубку, и несомкнутым устьем (рис. 12: 3).

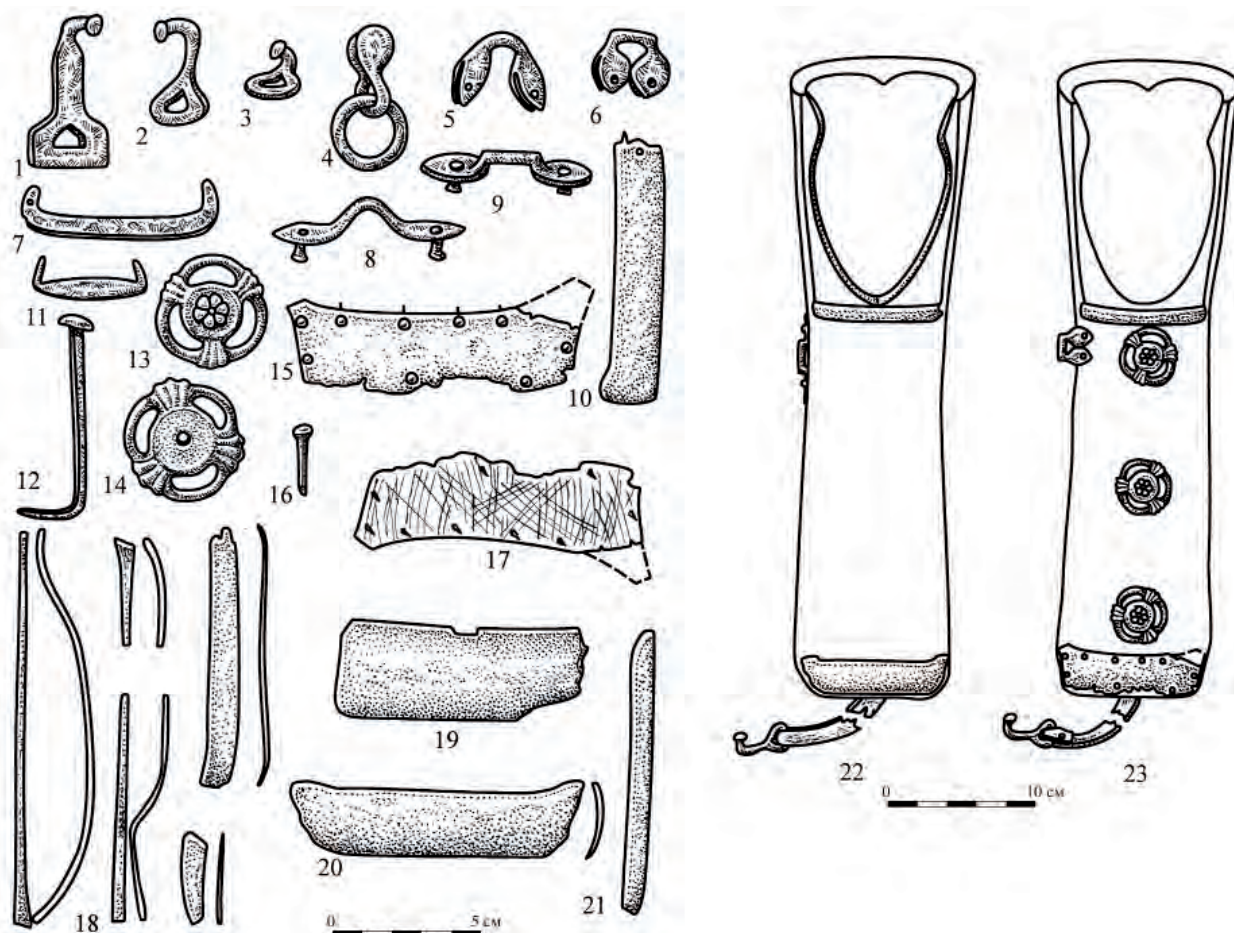

Рис. 11. Большетарханский I могильник. Части от колчана: крючки (1-3), петли (4-6), скоба (7), дужки (8, 9), накладки и оковки (10-21); реконструкция колчанов из погребений 75 (22) и 212 (23)
1, 4, 7-9, 11, 12, 16 – железо; 5, 6, 13, 14 – бронза; 10, 15, 17-21 – кость

Пешня железная (рис. 12: 5) длиной 24 см с округлой разомкнутой втулкой и массивной шестигранной рабочей частью, завершающейся коротким слегка округлым лезвием.

Булава костяная грушевидной формы со сквозным отверстием диаметром 2,5 см (рис. 12: 2) происходит из погребения 260.

Сабли обнаружены в богатых мужских погребениях 143 и 274, где они лежали слева вдоль костяка. Сабля из погребения 143 (рис. 12: 6) имеет клинок длиной 75 см, однолезвийный, но в конце на 14 см – обоюдоострый. Перекрестие длиной 8,5 см склепано из двух полос железа с расширяющимися концами и вдето в основание рукояти, отклоненной от основной оси клинка на 15–17°. Навершие рукояти – железная округлая трубка с наваренной тыльной крышкой.

Вторая сабля общей длиной 80 см имела слегка изогнутый однолезвийный клинок длиной 70 см (рис. 12: 7). Рукоятка отклонена от основной оси клинка на 6–8°; на ней два отверстия, в которые были продеты медные штифтики, прикреплявшие деревянные обкладки. На сабле сохранились

остатки деревянных ножен и две дуговидные скобки с остатками кожи, предназначенные для закрепляли сабли к портупее.

Сабли, очевидно, носились на левом боку, и их ножны прикреплялись к поясу на двух ремнях, так же, как и колчан, висевший с правой стороны.

Кинжал (рис. 12: 4) однолезвийный с прямой спинкой общей длиной 13 см обнаружен в погребении 308.

Удила (рис. 13: 1-9; 13 экз.) и их детали выполнены из железа, но в редких исключениях пса-лии могли быть деревянными или костяными (их остатки прослежены в погребении 180).

Мундштуки у всех удил двусоставные кольчатые, кованные из круглого или четырехугольного дрота, только у одного экземпляра дрот был крученый (рис. 13: 9). По характеру расположения колец на конце мундштука выделены два типа удил: 1) мундштук завершается на конце одним кольцом, причем оно лежит в одной плоскости с кольцом на другом конце мундштука (рис. 13: 2, 6, 8; 4 экз.); 2) с одним кольцом на внутреннем конце и с двумя кольцами, расположенными в перпенди-

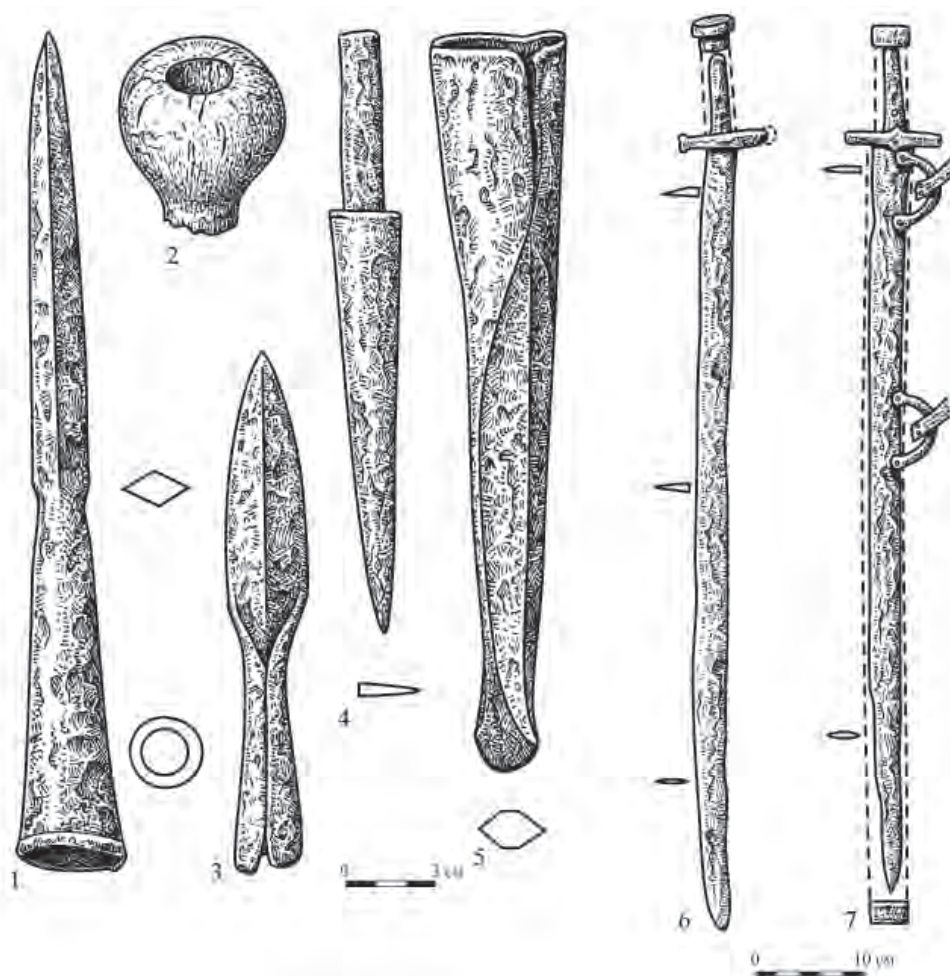

Рис. 12. Большетарханский I могильник. Железные предметы: наконечники копий (1, 3), кинжал (4), пешня (5), сабли (6, 7) и костяная булава (2).

кулярных плоскостях на внешнем конце (рис. 13: 1, 7; 9 экз.).

Псалии удила чаще прямые (рис. 13: 1–3, 5, 9; 10 экз.) или же с изгибом S-видной формы (рис. 13: 6, 7). Железные стержни четырехгранные в сечении, реже круглые или гофрированные с шляпковидным завершением (рис. 13: 9).

Почти все удила снабжены трензельными кольцами, вдетыми в наружные кольца мундштуков. Обнаружены бронзовые подвески, украшавшие нижний поперечный ремень узды (рис. 16: 23, 24).

Стремена (рис. 13: 10–15) железные с широкой дуговидной аркой и плоской подножкой по характеру изгиба ножки подразделяются на несколько типов. Один из них имеет вогнутую подножку и окаймлен по внешнему краю и по середине ребристыми выступами; плоско ромбическая в сечении арка завершается округлой головкой с вырезом для путлища (рис. 13: 10). Преобладают стремяна со слегка вогнутой подножкой с тремя продольными ребристыми выступами, петля для путлища имеет трапециевидную форму с прямоугольным выре-

зом (рис. 13: 11, 12, 15; 9 экз.). Встречены более простые стремяна, изготовленные из четырехгранного дрота, имеющие гладкую подножку и восьмеркообразную петлю для путлища (рис. 13: 13).

Пряжки сбруйные крупные, с четырехугольной слегка трапециевидной рамкой из плоской брусковидной пластинки и четырехгранной иглой (табл. 9: 17). Они являлись, по всей вероятности, пряжками подпруги седла. Близкие по форме пряжки, но с более вытянутой рамкой (рис. 9: 15), а также пряжки с круглой рамкой и с круглой в сечении иглой (рис. 9: 11; 4 экз.), с лировидной рамкой (рис. 9: 12), с овальной, несколько вытянутой рамкой (рис. 9: 13; 2 экз.) и с полуовальной рамкой (рис. 9: 14, 16; 6 экз.) одновременно могли служить пряжками поясного ремня.

Украшения в комплексе погребального инвентаря Большетарханского могильника немногочисленны.

Серьги (рис. 14: 1–12), в основном серебряные, реже медные или бронзовые, очень редко золотые, обнаружены преимущественно в женских захо-

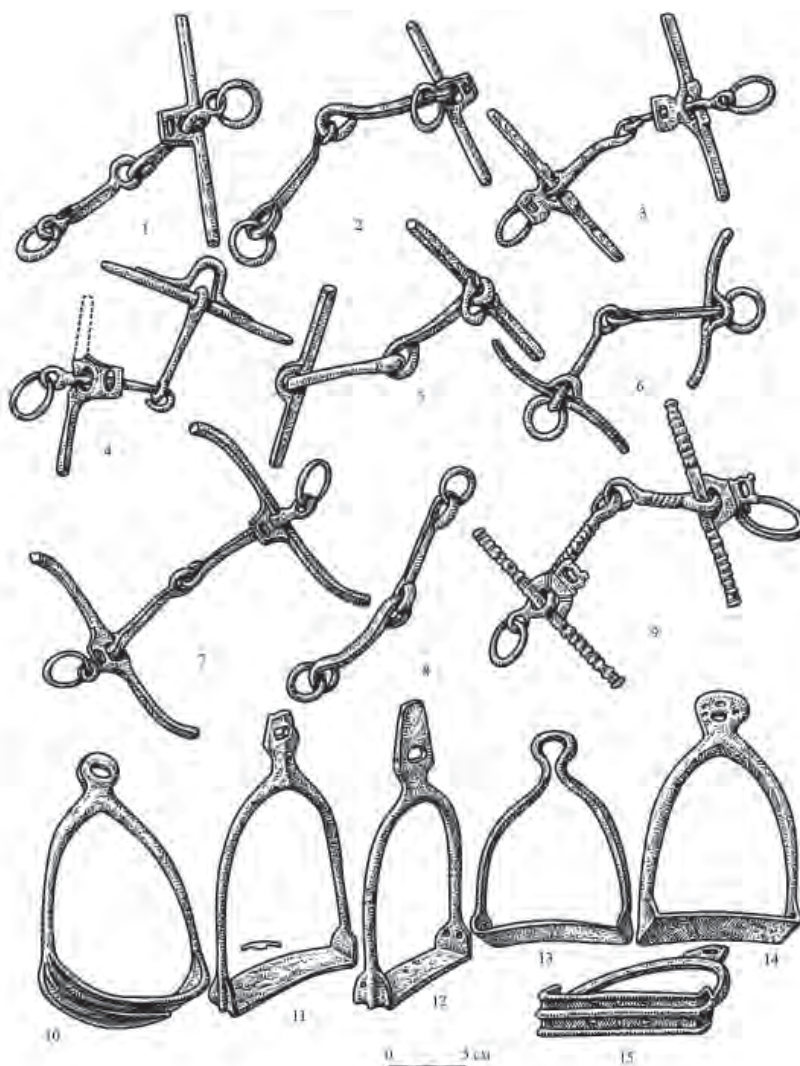

Рис. 13. Большетарханский I могильник. Железные удила и стремена

ронениях и лежали попарно в области черепа. По формам и деталям орнаментации подразделены на несколько типов:

1) простое замкнутое серебряное кольцо (рис. 14: 2; 2 экз.), простое незамкнутое серебряное (4 экз.) или медное кольцо (рис. 14: 3; 3 экз.);

2) серебряная серьга с овальным незамкнутым кольцом, сверху которого, сбоку, шаровидный выступ, а внизу мелкая трехбусинная пирамидка (рис. 14: 1; 4 экз.); варианты – серьга, имеющая и сбоку, и внизу трехбусинную пирамидку, а также медная литая серьга с кольцом предыдущего типа, но с двухбусинной подвеской на неподвижном диске (рис. 14: 5; 3 экз.);

3) серебряные и медная серьги предыдущего типа, но на вращающемся диске, между двумя шариковыми подвесками – пронизка (рис. 14: 9; 3 экз.).

4) серебряные цельнолитые с кольцом обычного типа и каплевидной подвеской (рис. 14: 6; 2 экз.);

5) серебряные с овальным кольцом и двойной шишечкой сбоку и неподвижной подвеской в виде двух дисков, между которыми пронизка (рис. 14: 7; 3 экз.);

6) серьга медная литая с ложной зернью на кольце и неподвижной трехбусинной подвеской (рис. 14: 4);

7) серебряные и медная с овальным кольцом и четырехбусинной неподвижной подвеской (рис. 14: 8; 6 экз.);

8) серебряные и медные с овальным незамкнутым кольцом, по боковым краям которого трехзвеньевые утолщения, а снизу на вращающемся диске три полых шарика с промежуточными прокладками (рис. 14: 10; 4 экз.);

9) серебряные с овальным кольцом предыдущего типа, в верхней части сбоку бусина из двух полушарий, а снизу на вращающемся диске четыре полые бусины с промежуточными прокладками (рис. 14: 11; 6 экз.);

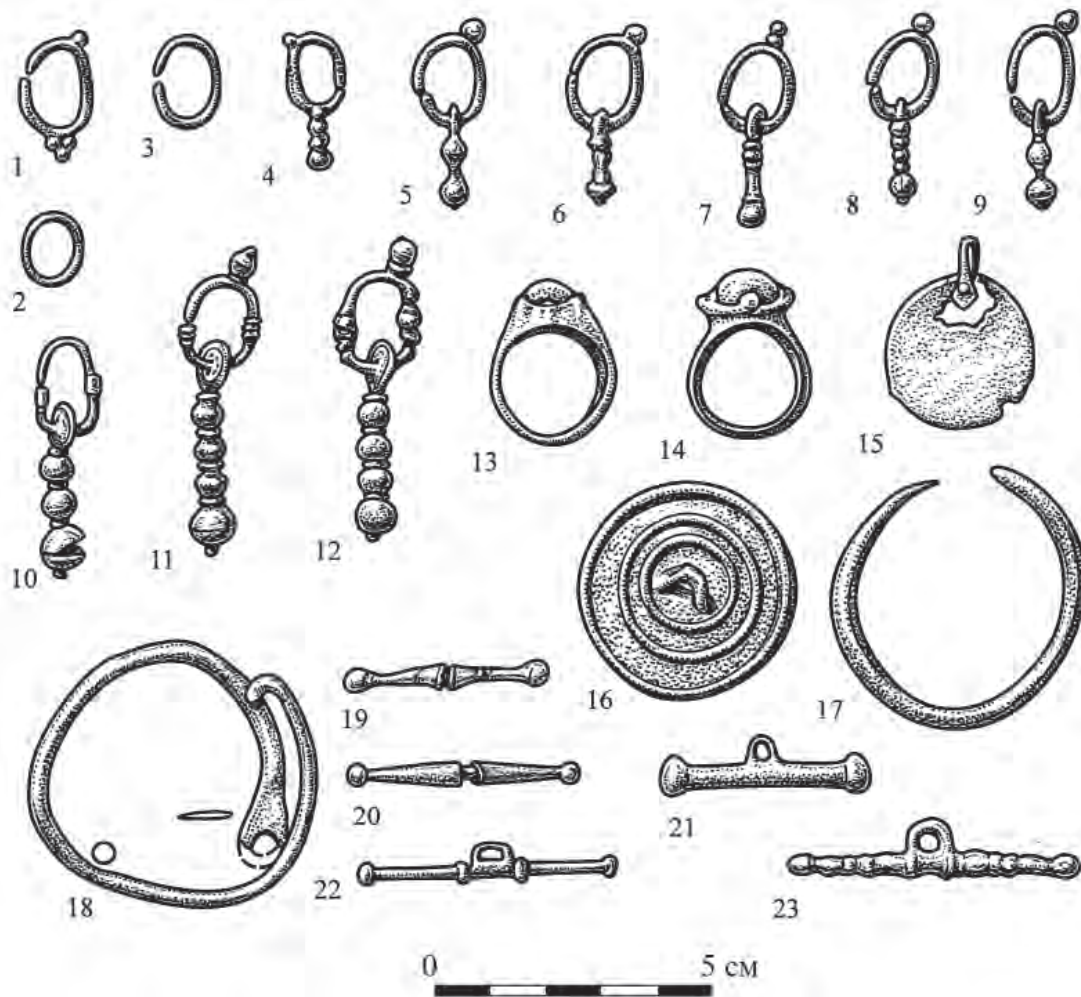

Рис. 14. Большетарханский I могильник. Украшения: серьги (1–12), перстни (13–14), бляха (15), зеркало (16), браслеты (17, 18), «костыльки» (19–23).

10) близкие к вышеописанному типу серебряные серьги, на массивном овальном кольце которых сбоку граненые пронизы, сверху полая бусина, снизу, на вращающемся диске, четыре полые бусины с промежуточными колечками (рис. 14: 12; 4 экз.);

Нагрудные украшения представлены медными и бронзовыми подвесками и пронизками, обнаруженными преимущественно в детских и реже в женских погребениях. Они подразделены на две группы: 1 – одинарные подвески, 2 – сложные типа шумящих украшений с привесками.

В первую группу входят лунницы калачевидной формы (рис. 15: 21–23), подвески в виде простого кольца с ушком, клыки медведя и волка. Вторую группу составляют шумящие подвески с ажурным щитком арочной формы с тремя прикрепленными к нему цепочками (рис. 15: 41) и подвеска с трапециевидным щитком и пятью трубчатými привесками, висящими на многозвеньевых цепочках (рис. 15: 42); такого же типа привески, сохра-

нившиеся без щитков (рис. 15: 28, 33); подвеска с треугольным щитком и двумя подромбическими привесками, украшенными многоспиральным орнаментом (рис. 15: 24); подвески-костыльки бронзовые (рис. 14: 19–23); другого типа привески или их детали (рис. 15: 4–20; 21: 5–27, 34–40).

Пуговицы бронзовые литые или полые внутри имеют каплевидную форму с коротким круглым ушком (рис. 15: 1–3).

Перстни серебряные встречены трех типов: с овальным щитком, имеющим боковые лапчатые выступы для закрепления вставки из стекла или камня (рис. 14: 14; 5 экз.); с сердоликовой вставкой, укрепленной в щиток, вокруг которого тонкий ободок и четыре небольших зубчика (рис. 14: 13), и перстень с щитком в виде стрелок, обращенных к квадратной пластине.

Браслеты обнаружены в количестве двух экземпляров. Один из них изготовлен из круглого дрота с сужающимися концами (рис. 14: 17), дру-

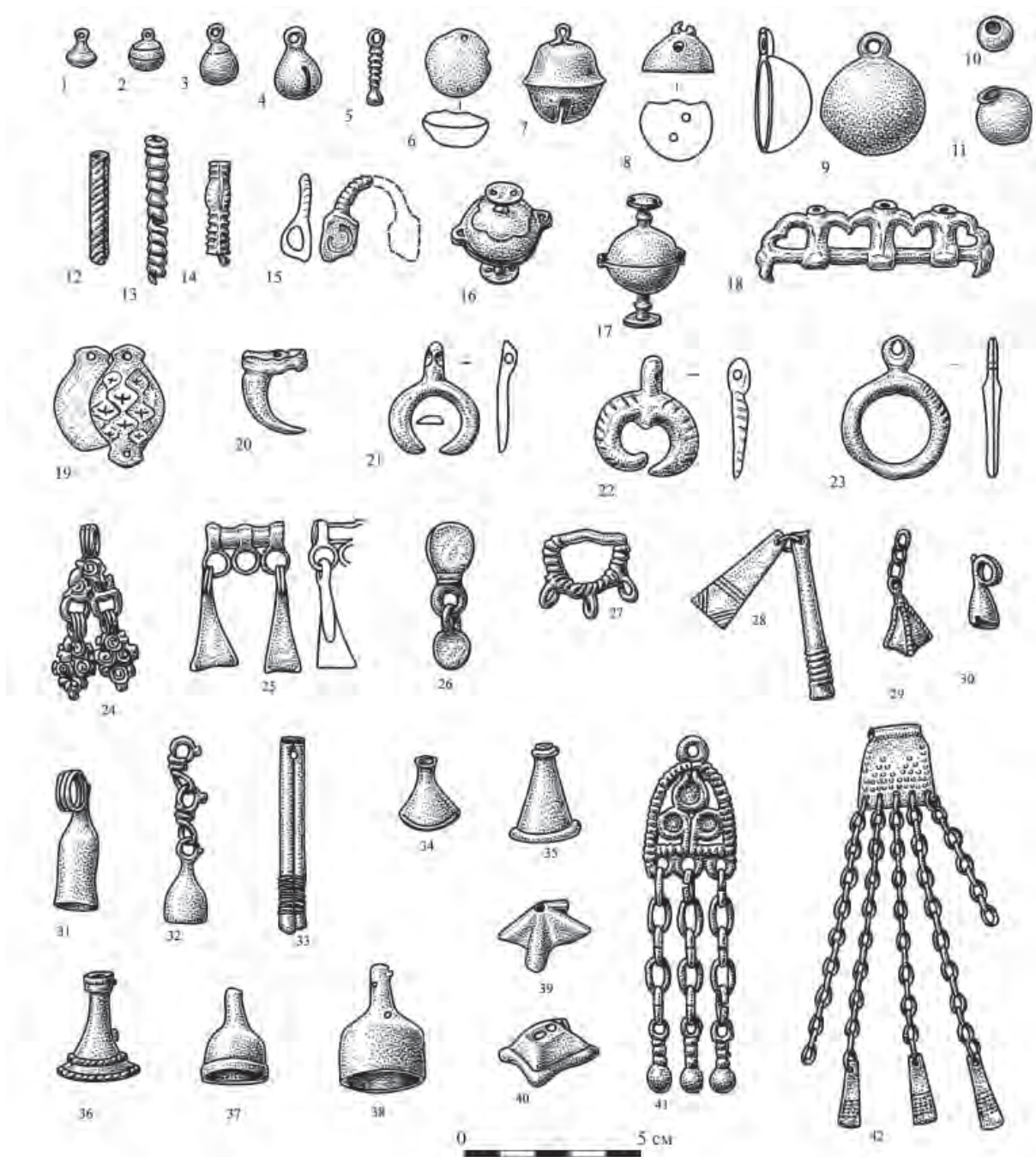

Рис. 15 . Большетарханский I могильник. Украшения из бронзы и меди: пуговицы (1-3), привески (4-9, 15-23), пронизки (10-14), подвески (24-42)

гой свернут, по мнению исследователей, из височного кольца мерянско-муромского типа с щитковым запором (рис. 14: 18).

Ременные пряжки и накладки. Пряжки бронзовые трех типов: восьмеркообразные (рис. 16: 1; 2 экз.), с полукруглым или слегка приостренным кольцом, язычком на стержне и задней рамкой для скрепления с ремнем (рис. 16: 2-4; 7 экз.), и подпрямоугольной формы со слегка вогнутыми боковыми краями (рис. 16: 5). Накладки медные или бронзовые, количеством около двух десятков,

имеют различные формы: прорезные с выступами в виде трилистников (рис. 16: 7), арочные (рис. 16: 14), круглые выпуклые на квадратной основе (рис. 16: 15), сердцевидные (рис. 16: 11), каплевидные (рис. 16: 17) и пр.

Бусы и бисер. Бусы немногочисленны, что отличает Большетарханский могильник от синхронных могильников Волго-Камья. Всего обнаружена 171 бусина в 31 погребении и все они стеклянные (рис. 25). Кроме того, в восьми погребениях наряду с бусами найден и бисер (451 шт.), а в двух

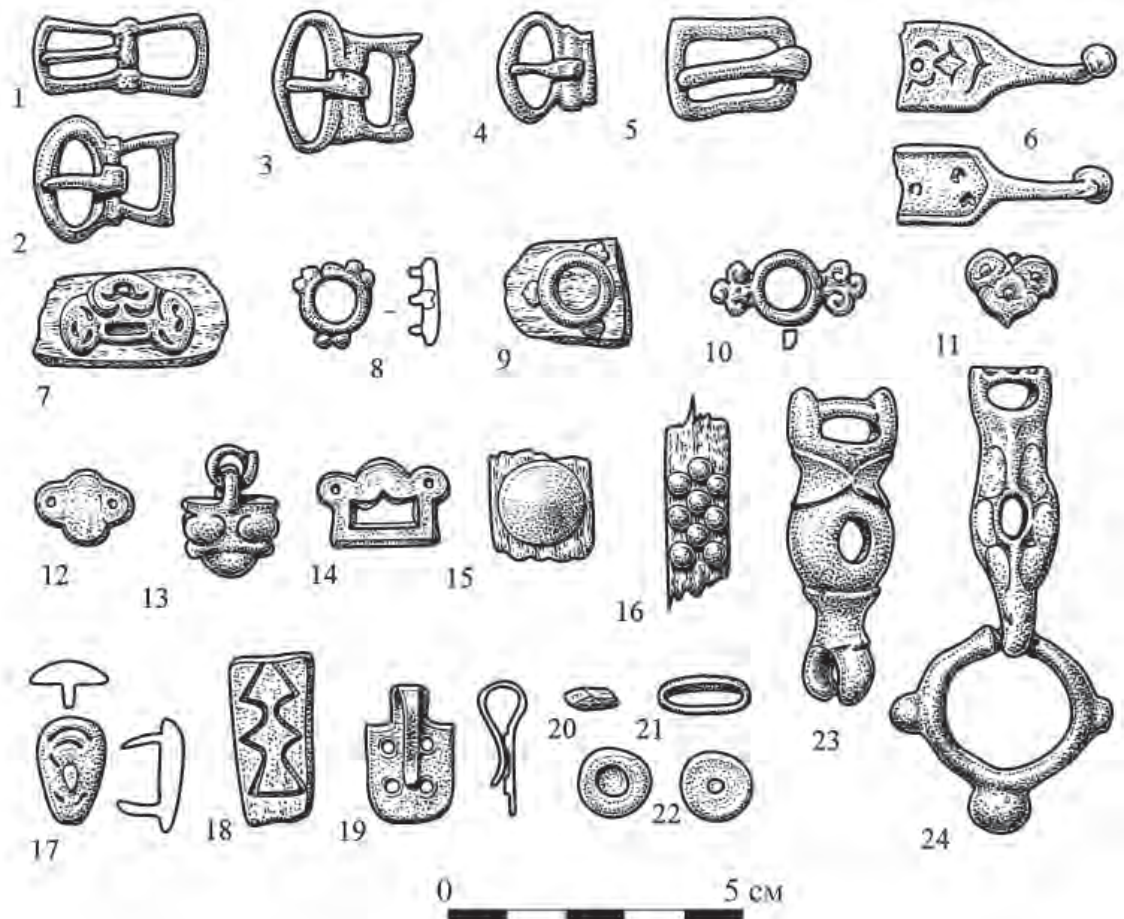

Рис. 16. Большетарханский I могильник. Бронзовые и медные предметы: пряжки (1–5), крючок от колчана (6), ременные накладки (7–22), наконечники ремней от конской узда (23, 24)

погребениях, не содержащих бус, обнаружено 25 бисеринок. Таким образом, общее количество бус и бисера составляет 647 шт.

Бус в отдельном погребении немного – от 1 до 14 шт., в среднем не более 10. Как и бисер, они находились преимущественно в детских или подростковых захоронениях. По мнению исследователей, бисером расшивался нагрудник, а из бус нанизывались браслеты и редко ожерелья (Генинг, Халиков, 1964, с. 59).

Большинство бус массового производства изготовлено делением тянутой стеклянной трубочки (513 шт., или 85% от общего количества). Это в основном бисер – 440 шт. (72,6%). Преобладает бисер желтого цвета (26%) и желтого в сочетании с синим (47%); встречается бисер молочно-белый и зеленый. К группе бисера близки цилиндрические бусы-пронизи синего цвета (3 экз., 1,8%).

Из тянутой стеклянной трубочки изготовлены бусы с металлической прокладкой (Генинг, Халиков, 1964, табл. XIX, 14, 15). Преобладают бусы с серебряной прокладкой, имеются бусы с золотой прокладкой. Обычно они многочастные, изготовлены из светлой основы, на которую накладыва-

лась тонкая золотая или серебряная фольга, перекрытая вновь тонким слоем бесцветного стекла (69 экз., 11,4%).

Бусы индивидуального производства, когда каждая бусина изготавливается отдельно, насчитывает 93 экз., или около 15% от общего количества стеклянных бус Большетарханского могильника. Среди них выделяются:

Группа 1. Одноцветные (100 экз.) – белые, голубые, синие, реже зеленые и красные (Генинг, Халиков, 1964, табл. XIX, 1–9, 14–17). По форме подразделяются на:

шаровидные (14 экз.), в том числе зеленые и белые; имеется пять небольших дутых бусин из прозрачного бесцветного стекла;

бочонковидные или яйцевидные, голубые и синие, желтые и красные;

3) цилиндрические, среди которых по одной голубой, зеленой и желтой и две синих;

граненые в основном четырнадцатигранные бусы белого, синего и голубого полупрозрачного стекла (Генинг, Халиков, 1964, табл. XIX, 9);

многочастные бусы, в том числе синие, иногда с бирюзовым отливом (Генинг, Халиков, 1964,

табл. XIX, 8), белые и красные; бус-лимонок в коллекции нет; бисер рубленый, иногда много-частный синего, зеленого, черного и белого цвета.

Группа 2. Полихромные бусы.

Глазчатые бусы. Преобладают крупные округлые бусы, иногда слегка выпуклые в поперечном сечении, из непрозрачного темно-синего, редко более светлого, глухого стекла с многослойными глазками сине-бело-коричневого или бело-синего цветов (Генинг, Халиков, 1964, табл. XIX, 18) (рис. 12: 42 в главе «Большетиганский могильник»). Реже встречаются бусины из темно-синего полупрозрачного стекла с сильно выпуклыми бело-синими бородавчатыми глазками по углам (Генинг, Халиков, 1964, табл. XIX, 19) (рис. 12: 52 в главе «Большетиганский могильник»).

Полосатые бусы. Наиболее многочисленны эллипсоидные бусы относительно крупных размеров, из светлого или белого непрозрачного стекла с одноцветными коричневыми, синими и черными полосами (рис. 23: 22) (рис. 12: 25–29 в главе «Большетиганский могильник»). Встречаются плоские плитчатые бусы из желтоватого непрозрачного стекла с коричневыми полосками (Генинг, Халиков, 1964, табл. XIX, 23) (рис. 12: 30 в главе «Большетиганский могильник»), цилиндрические или бочонкообразные бусы с зонным орнаментом из различных цветных полосок (Генинг, Халиков, 1964, табл. XIX, 10, 11) (рис. 12: 10 в главе «Большетиганский могильник»). К ним близки бусы шаровидной формы и бусы с желто-красным глазком и желто-зелеными или желто-красными полосами (Генинг, Халиков, 1964, табл. XIX, 20, 21).

Мозаичные бусы единичны (Генинг, Халиков, 1964, табл. XIX, 12, 13, 24–26) (рис. 12: 22, 24 в главе «Большетиганский могильник»). Среди них имеются цилиндрические с темно-синими, красными и белыми полосками по краям и желто-красными глазками с бело-синими ресничками в центре (Генинг, Халиков, 1964, табл. XIX, рис. 23, 12), шаровидные из зеленого или синего полосатого стекла с пронизывающими их мозаичными стержнями из светлого непрозрачного стекла (Генинг, Халиков, 1964, табл. XIX, 24). К ним близки бусины из желто-красно-бирюзовых глазков (Генинг, Халиков, 1964, табл. XIX, 25). Выделяются бусы с мозаичными глазками из оранжевой пасты

цилиндрической формы (Генинг, Халиков, 1964, табл. XIX, 26) и несколько близких им бусы.

Датировка Большетарханского могильника.

Время функционирования могильника, установленное В.Ф. Генингом и А.Х. Халиковым на основе нумизматических и археологических данных, прочно вошло в археологическую науку и никем не подвергалось сомнению.

Монеты, изученные известным нумизматом С.А. Яниной, обнаружены в трех погребениях: сасанидская драхма Хосрова II из погребения 196 чеканена в 619 г.; монета типа хорезмийских времени арабского завоевания, найденная в погребении 252, относится к VIII в.; дата аббасидского дирхема из погребения 124 определена в пределах 775–809 гг. Таким образом, время чеканки указанных монет укладывается в хронологических границах начала VII – начала IX вв. С учетом того, что монеты попадают в могилы примерно на полстолетия позднее времени их чеканки, исследователями была предложена дата функционирования могильника в пределах конца VII – первой половины IX вв. (Генинг, Халиков, 1964, с. 63).

Указанная дата подтвердилась анализом вещевого инвентаря могильника. Многочисленные аналогии материалам Большетарханского могильника оказались в комплексах удмуртского могильника Мыдлань-Шай на р. Чепце, Стерлитамакского могильника в Башкирии и древнемордовских памятников, функционировавших во второй половине VIII – первой половине IX вв. В это время совершалась, очевидно, основная масса захоронений Большетарханского некрополя.

Однако наличие ранних вещей в некоторых погребениях, например, бусины с выпуклыми глазками, перстня с сердоликовой вставкой (рис. 14: 13), а также монеты 619 г. чеканки, позволило предполагать появление большетарханского населения на Средней Волге «где-то на рубеже VII–VIII вв.» (Генинг, Халиков, 1964, с. 65).

Этническая принадлежность населения, оставившего Большетарханский могильник, на основе ближайших аналогий погребального обряда и инвентаря с известными материалами болгарских (салтово-маяцких) памятников юга Восточной Европы, в особенности Подонья, была определена как болгарская (Генинг, Халиков, 1964, с. 65).

ГЛАВА 3

КАРАЯКУПОВСКИЕ ПАМЯТНИКИ БАШКИРСКОГО ПРИУРАЛЬЯ

В середине VIII в. н. э. в Южное Предуралье (совр. Башкортостан) приходит новая волна мигрантов из Зауралья. Здесь они представлены памятниками караякуповской археологической культуры, названной так по городищу, исследованному Г.И. Матвеевой в 1967 г. у с. Кара-Якупово в Чишминском районе Башкортостана.

Памятники караякуповской культуры – курганные могильники и городища – расположены на той же территории, что и предшествующие им памятники кушнаренковской культуры (рис. 1).

Территория расселения носителей караякуповской культуры простиралась от лесостепного Зауралья (Бекешевские I и II курганы, курганы на оз. Синеглазово и Уелги под Челябинском) до низовьев р. Камы (Большетиганский могильник в Татарстане). То есть «караякуповцы» буквально «след в след» двигались за своими предшественниками – «кушнаренковцами», тем самым лишняя раз подчеркивая генетическую близость с ними (сравнительно-типологический анализ кушнаренковских и караякуповских погребальных памятников делает эту близость совершенно очевидной так же, как, с другой стороны, караякуповские памятники оказываются типологически близки с теми же древнеугорскими памятниками лесных и лесостепных районов Зауралья и Западной Сибири).

Погребальный обряд. Описательная статистика караякуповского погребального обряда представлена в табл. 1.

Она построена на материалах 180 погребений из могильников Бекешевского I и II, Ямаши-Тау, Хусаиновского, Стерлитамакского (Левашовского), Ишимбайского, Старо-Халиловского, Большетиганского, Чишминского, Игимского. Большая часть погребений (54,8%) происходят из курганных могильников, состоящих из небольших земляных курганных насыпей. Из них 35,3% – из курганов, в насыпях которых найдены кости животных (челюсть, череп лошади), 52,8% – из курганов, содержащих два и более захоронения (семейные усыпальницы?). 45,1% погребений – в грунтовых могильниках, среди которых самым крупным является Большетиганский могильник (112 погребений). Могилы простые (92,4%), иногда встречаются могилы с уступом вдоль левой

стенки (5%). Значительная часть погребений содержит символы конского захоронения – конскую шкуру (череп и кости ног) рядом с человеком (14,6%) или принадлежности сбруи (25,6%), уложенные у ног погребенного (рис. 2: 1–4).

Ориентировка погребенного – в западных секторах. Поза – на спине с вытянутыми руками, хотя встречаются погребения, в которых левая рука погребенного согнута в локте и кисть руки уложена на таз (23,3%).

Из деталей ритуала хорошо фиксируются наличие костей животных (лошади) в могиле (35,3%) и глиняного сосуда (72%). И то и другое располагается в изголовье могилы.

Ассортимент погребального инвентаря «караякуповцев» традиционный для угров. Это принадлежности конской сбруи (стремена и удила), железные наконечники стрел, костяные обкладки лука, сабля, поясные наборы т. н. «тюркского типа» в виде отдельных деталей (пряжки – 32%; накладки – 59,8%) или целиком (9,8%), шумящие подвески коньковые (9%) или арочные (8%), бусы, перстни, браслеты, фигурные пронизки, листовидные серебряные медальоны (табл. 1; рис. 2: 5–24).

Караякуповская керамика также делится на погребальную и поселенческую. Первая (50 сосудов) – сосуды очень малого диаметра (не более 10 см), низких пропорций с горловиной средней высоты и приплюснутым (реповидным) туловом.

Метрические и морфологические характеристики поселенческой керамики даны на примере 125 сосудов из коллекций Кара-Якуповского, Таптыковского, Старо-Калмашевского городищ¹. По диаметру горловины среди них абсолютно преобладают сосуды малых (10–15 см – 36,2%) и средних (16–25 см – 57,6%) размеров. Практически все сосуды низкогогорлые (указатель ФБ или малый (не превышает 1,5 – 40%), или средний (не более 3,0 – 52,8%), с прямой (вертикальной) (ФГ = 0 – 24%) или слабо отогнутой наружу (ФГ не более 0,26 – 49,6%) шейкой (рис. 3: 1–3, 6, 7). Верхняя часть сосудов (указатель выпуклости плечиков ФЖ)

¹ Что также означает нижний порог значимости = 3% при степени вероятности 0,95.

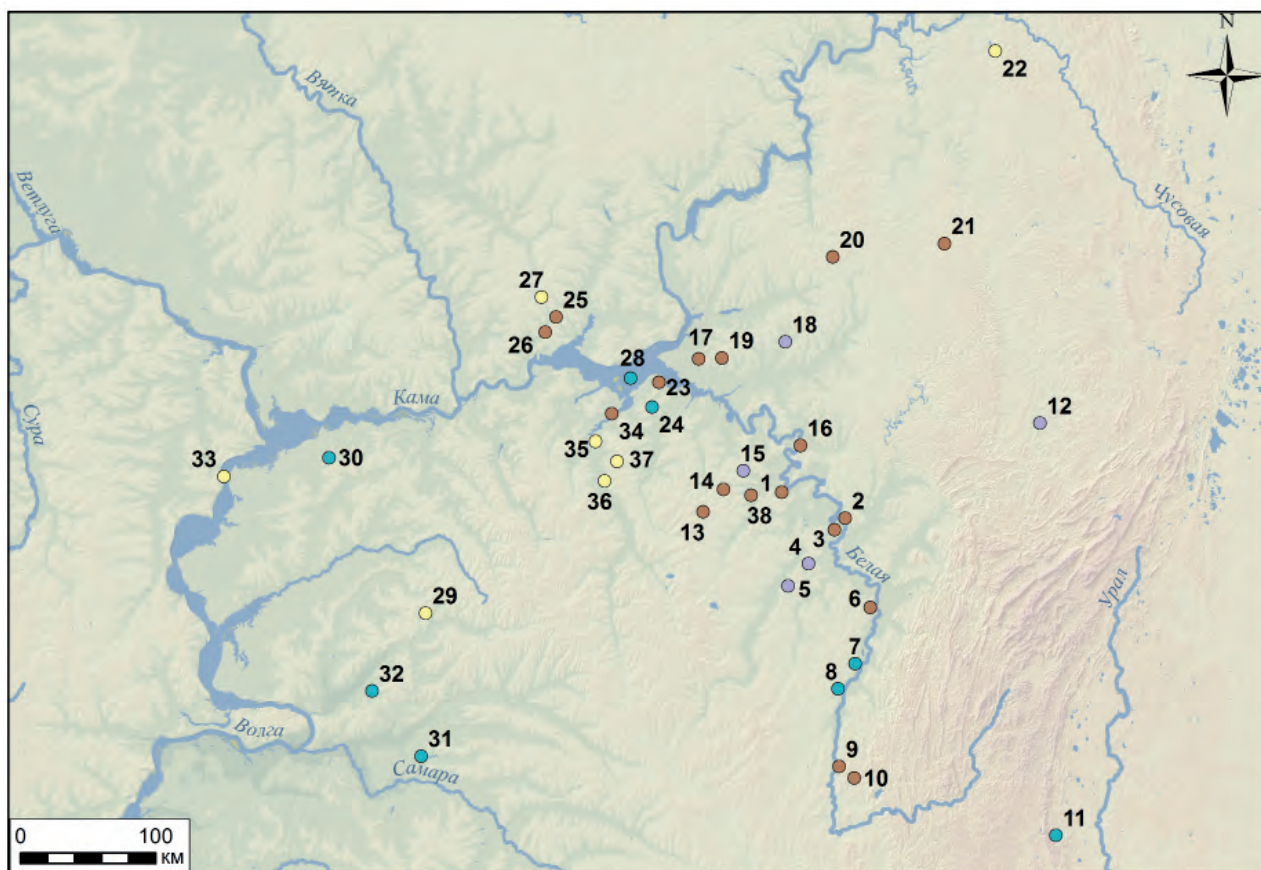

Рис. 1. Карта памятников кушнаренковской и караякуповской культур.

1 – Кушнаренковское посел. и могильник; 2 – Ново-Турбаслинский могильник и посел.; 3 – гор. Уфа II; 4 – Таптыковское гор.; 5 – Караякуповское гор.; 6 – Шареевский; 7 – Стерлитамакский (Левашовский) мог.; 8 – Ишимбайское погр.; 9 – Береговский; 10 – Красногорский; 11 – Бекешевский; 12 – Лагеревский; 13 – Ново-Биккинский; 14 – Булгарский; 15 – Старокалмашевское гор.; 16 – Бирский мог.; 17 – сел. Бачки-Тау; 18 – Манякский мог.; 19 – Староянзигитовское; 20 – Бустанаевский мог.; 21 – Аскинское погр.; 22 – Верх-Саинское гор.; 23 – Такталачукский мог.; 24 – Чишминский мог.; 25 – Кузубаевское гор.; 26 – Благодатское гор.; 27 – Верхне-Утчанское; 28 – Игимский мог.; 29 – Пролетарское гор.; 30 – Больше-Тиганский; 31 – Немчанка; 32 – 116-й км.; 33 – Тетюшское гор.; 34 – Иманлейский мог.; 35 – Меллятамакское сел.; 36 – Русско-Шуганское сел.; 37 – Татарско-Азибейское сел.; 38 – Сынтыштамакский мог.

слабо профилирована. Выделяются – 12,8% – непрофилированные чаши (рис. 3: 4, 5).

Орнамент преимущественно располагается по венчику и шейке (79,6% и 89% соответственно). Состоит он из косых насечек (по венчику – 77,2%), горизонтального ряда круглых ямок (52,8%), горизонтальных рядов узких приостренных насечек (39,8%), выпуклин-«жемчужин» (24,4%), резных горизонтальных линий (15,4%), косых оттисков мелкозубчатого штампа (13%) и насечек в виде горизонтальной елочка (8,1%) (рис. 3).

Значения коэффициентов парной корреляции Пирсона относительно морфологии орнаментики караякуповских сосудов показывают, что высокую корреляцию обнаруживают косые насечки с их размещением по венчику (0,88) (рис. 3: 1, 3, 5, 6); умеренную (заметную – более 0,3) – орнаментация по венчику и шейке, косые приостренные насечки и «жемчужины» с их нанесением по шей-

ке сосуда (рис. 3: 1, 8), резные горизонтальные линии и косые приостренные насечки (рис. 3: 3). Остальные – корреляцию слабую, хотя и положительную.

Предметы, составляющие ассортимент погребальных комплексов караякуповских могильников, образуют статистически обусловленные комплексы (КСП), среди которых доминируют вещи, имеющие хорошо датированные аналогии в комплексах второй половины VIII–IX вв. (Иванов, 1999, с. 45–46). Что и дает достаточно оснований для того, чтобы вслед за предшественниками датировать караякуповские памятники этим временем.

До недавнего времени проблема этнокультурного соотношения кушнаренковской и караякуповской культур оставалась дискуссионной. Г.И. Матвеева, выделившая самостоятельную караякуповскую культуру, их, естественно, разделяла (Матвеева, 1969, с. 13). Аналогичным образом

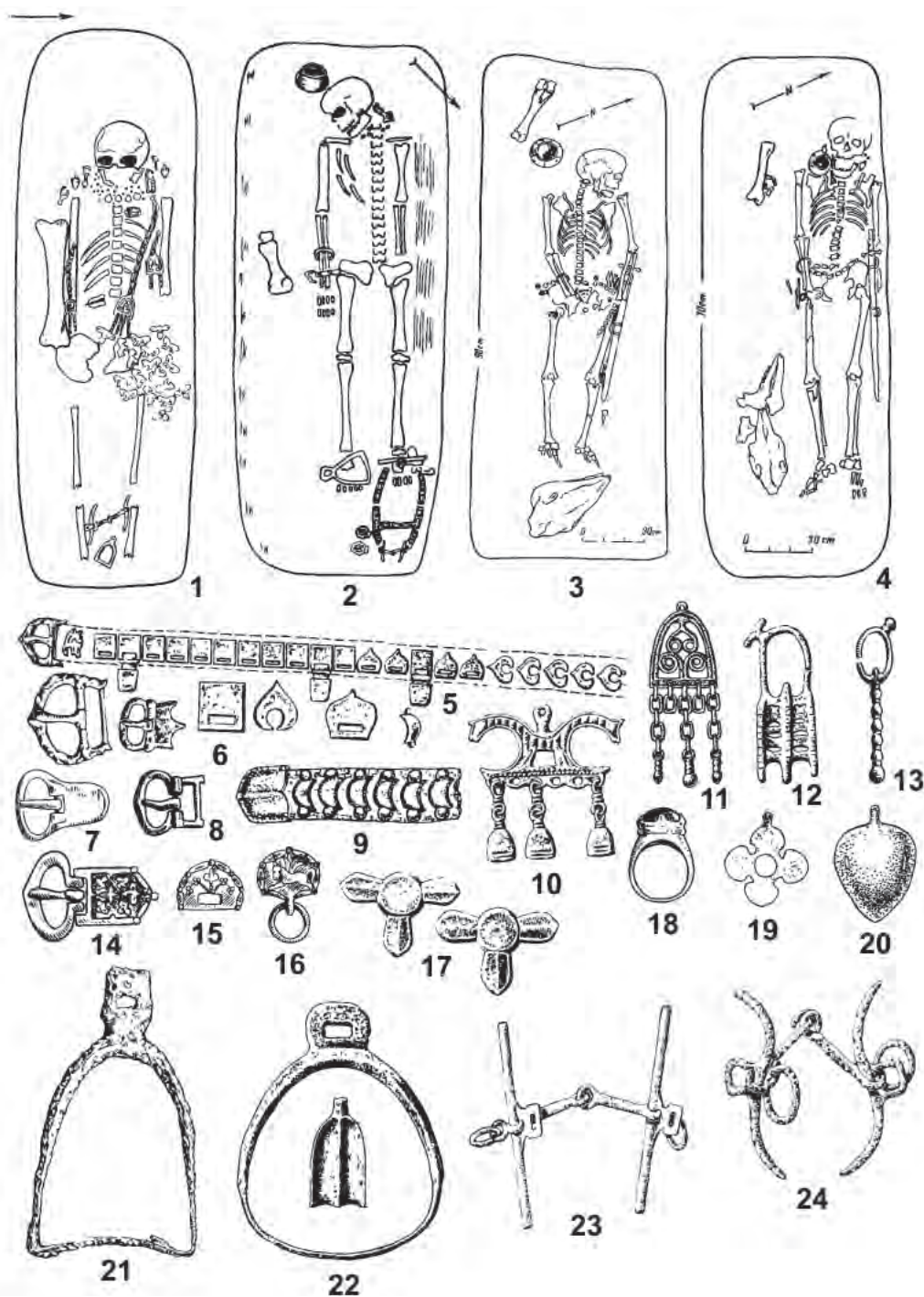

Рис. 2. Погребальный обряд и вещевой комплекс из могильников караякуповской культуры.
 1 – план погребения из Хусаиновского могильника; 2 – план погребения из Бекешевского II могильника;
 3, 4 – планы погребений из Больше-Тиганского могильника; 5, 6–9, 14–16 – детали поясных наборов;
 10–13 – височные подвески; 17 – уздечные накладки-«тройники»; 18 – перстень; 19 – подвеска; 20 – медальон;
 21, 22 – стремена; 23, 24 – удила.

В.Ф. Генинг керамику Башкирского Предуралья VI–VIII вв. разделял на куштирякский (по Куштирякскому поселению, раскопки Г.И. Матвеевой) и караякуповский типы (Генинг, 1972, с. 267–270). Н.А. Мажитов рассматриваемые культуры объединял в одну караякуповскую культуру, в которой кушнаренковские комплексы обозначали ее ран-

ний этап (Мажитов, 1981, с. 27–28). Е.П. Казаков считает, что памятники кушнаренковского и караякуповского типов принадлежат одной археологической культуре – кушнаренковской VI–IX вв., разделяясь на раннекушнаренковский, манякский, хусаиновско-большетиганский и танкеевский этапы (Казаков, 2007, с. 35).

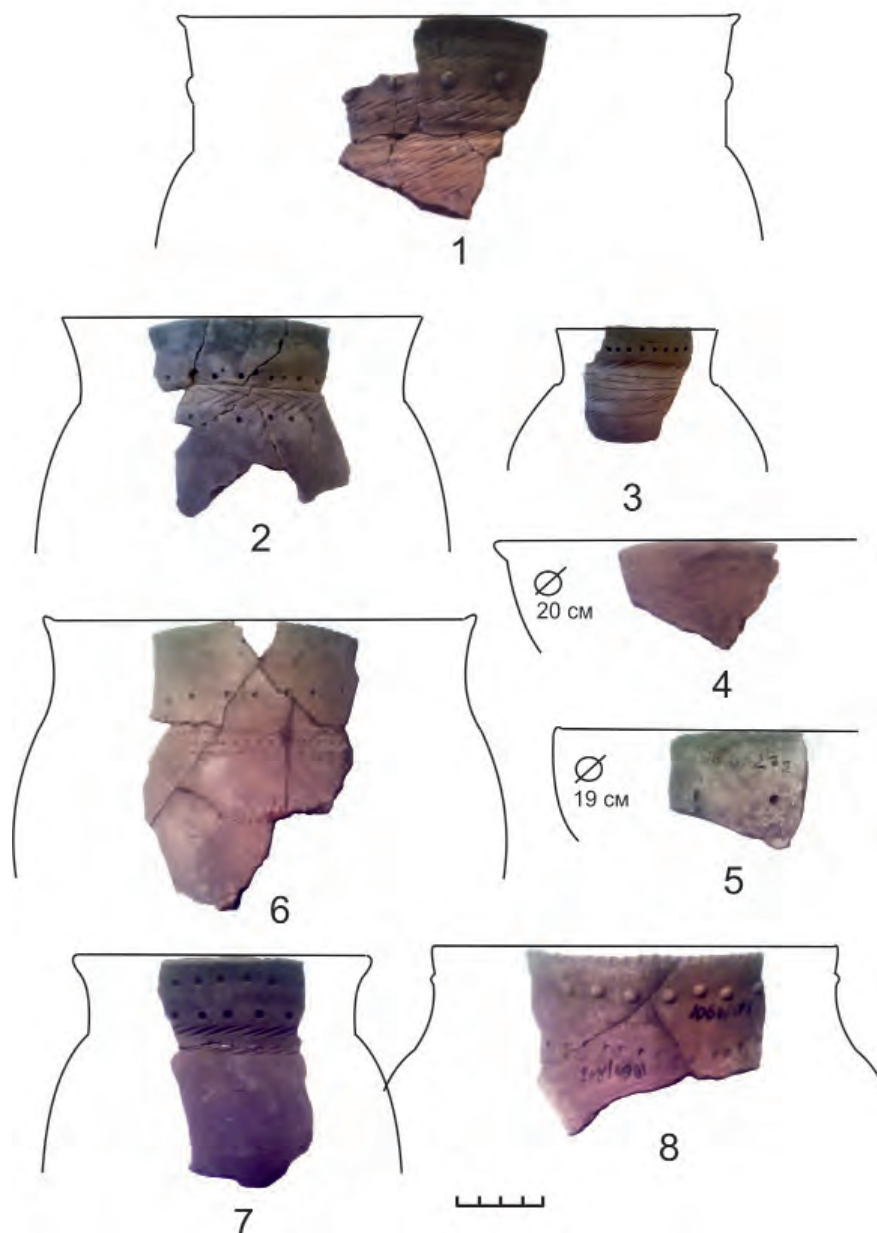

Рис. 3. Караякуповские сосуды.

На начальных этапах изучения кушнаренокских и караякуповских памятников подобное различие можно было объяснить недостаточностью эмпирических данных. Сейчас ситуация коренным образом изменилась и теперь мы можем провести сравнительно-типологический анализ этих памятников на предмет выяснения их принадлежности к одной или разным культурам.

Как известно, языческий погребальный обряд и лепная керамика – вот два элемента, в значительной степени являющихся определяющими при этнокультурных интерпретациях археологического материала. В свое время автором этих строк был проведен сравнительно-статистический анализ погребений, содержащих кушнаренокскую (57

погр.) и караякуповскую (82 погр.) керамику на предмет выяснения степени их формально типологического сходства по 21 альтернативному признаку погребального обряда. Полученный результат ($C_3 = 0,55$) дал возможность сделать вывод о том, что носители этих культур (хотя и не тождественных между собой) имели общие традиции в духовной культуре и религиозных верованиях, обусловленные их этногенетическим родством (Иванов, 1999, с. 60–61). Результаты подобного же анализа, проведенного на значительно большем материале (табл. 1), можно сказать, идентичны. Значение коэффициента формально-типологического сходства (C_3) кушнаренокских и караякуповских погребений по 25 альтернативным при-

знакам обряда (табл. 1, признаки 1–25) равно 0,56. Различия состоят в том, что в могильниках кушнаренковской культуры преобладают одиночные погребения под курганной насыпью и северная ориентировка погребенных. Отличительным признаком караякуповских погребений является то, что значительная часть их (52,8%) происходит из курганов – «семейных усыпальниц», абсолютно преобладает западная ориентировка погребенных, выделяются погребения со шкурой коня, уложенной в ногах у человека (14,6%).

Еще более разительную картину дают результаты формально-типологического анализа по полному списку представительных признаков, включаемому и ассортимент погребального инвентаря (табл. 1). По этим признакам мы видим, что в караякуповских могильниках не редки погребения, содержащие стремена (26%)², саблю (13%), целые поясные наборы (9,8%), коньковые и арочные шумящие подвески, браслеты, серебряные медальоны листовидной формы. Значение коэффициента C_3 , подсчитанное по всем 44 представительным альтернативным признакам, равно 0,46.

Результаты сравнительно-типологического анализа керамики с кушнаренковских и караякуповских поселений и из погребений, проведенного в свое время на небольшом количественном материале, также привели автора этих строк к выводу о том, что они составляют две различные керамические группы, оставленные хотя и родственными, но не тождественными этническими группами (Иванов, 2009, с. 192). Расширение объема керамического материала только подкрепило этот вывод.

Во-первых, по высотноголовинному указателю кушнаренковские сосуды преимущественно среднегорлые ($ФБ > 2,0$) (61,1% против 32% караякуповских).

Во-вторых, шейки сосудов сравниваемых групп слабо- или среднепрофилированные, но среди караякуповских больше сосудов с указателем $ФГ = 0,25–0,3$ (30,5% против 24,4% у кушнаренковских).

В-третьих, среди кушнаренковских сосудов преобладают со слабовыпуклыми плечиками ($ФЖ < 0,5$), тогда как среди караякуповских со средневыпуклыми ($ФЖ > 0,5$) (88,4% и 67,5% соответственно).

Кроме того, среди караякуповских сосудов почти в два раза чаще встречаются чаши без выраженной шейки и плечика – полусферической формы (18,6% против 11% у кушнаренковских) (рис. 5: 4, 5).

Элементы и композиции орнамента кушнаренковских и караякуповских сосудов (по которым

² Для кушнаренковских погребений наличие стремени не является представительным признаком.

мы, собственно говоря, и различаем эти культуры) говорят сами за себя (табл. 2).

Обязательно нужно учитывать и то обстоятельство, что в культурном слое памятников, которые по формальному наличию там керамики кушнаренковского и караякуповского типов тракуются как кушнаренковско-караякуповские, их удельный вес совершенно различный. Так, в керамическом комплексе городища Уфа II кушнаренковская керамика составляет 15,2%, караякуповская – 1,2% (Иванов, 2012, с. 410), тогда как на Кара-Якуповском, Таптыковском и Старо-Калмашевском городищах – кушнаренковская керамика составляет 13,6%, 11,6% и 2,9% соответственно.

Общий вывод по результатам сравнительно-статистического анализа погребального обряда и керамики памятников кушнаренковского и караякуповского типа таков: они представляют собой две самостоятельные археологические культуры³, хотя и имеющие общие генетические корни. На территории Предуралья они известны уже в сложившемся виде, последовательно сменяя друг друга в течение конца VI – VII (или начала VIII) вв. (кушнаренковская культура) и VIII–IX вв. (караякуповская культура).

Где они сформировались – в настоящее время на этот вопрос наиболее приемлемым ответом является мнение тех современных исследователей, которые считают, что это был угорский этнокультурный ареал бакальской историко-культурной общности (ИКО) лесного и лесостепного Зауралья и Западной Сибири (Казаков, 2007, с. 38–39; Матвеева Н.П., 2007; Боталов, 2016).

Прекращение функционирования памятников кушнаренковской культуры, очевидно, было связано с появлением в Предуралье носителей караякуповской культуры – древних угров-мадьяр (венгров) – во второй половине VIII в. Возможно, «кушнаренковцы» растворились среди своих этнических сородичей, возможно, какая-то их часть ушла за Каму (Кузубаевское, Благодатское, Верхне-Постольское городища) и Волгу (Тетюшское II городище). Что касается самих «караякуповцев», то их исчезновение с территории Предуралья в середине IX в. является непосредственным отражением начала древневенгерской миграции в составе «семи племен Хетумогер» на запад в поисках новой родины.

³ В этом плане любопытной представляется даже такая деталь: судя по известным памятникам, «кушнаренковцы» не строили мощных укреплений и на тех городищах, где кушнаренковская керамика присутствует, – Кара-Якуповском, Старо-Калмашевском, оборонительные сооружения возводились «караякуповцами» (Акбулатов, 2017, с. 75).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВОЛГО-УРАЛЬЯ VIII–X ВВ.

Таблица 1. Описательная статистика погребального обряда угров Предуралья (в % %)

№ п/п	Признак	Культура	
		Кушнаренковская	Караякуповская
		Конструкция надмогильных сооружений	
1	Могилиник грунтовый	58,5	45,1
2	Курганный	37,1	54,8
3	Кости животных в насыпи	10,0	35,3
4	Одно погребение	92,8	47,2
5	Два и более	7,2	52,8
Конструкция могилы			
6	Простая	84,3	92,4
7	Ступенька слева	-	5,0
8	Неизвестно	11,4	2,6
9	Сбруя без коня	14,3	25,6
10	Шкура коня рядом с чело- вском	-	14,6
Ориентировка погребенного			
11	Запад	-	43,6
12	Север	32,8	-
13	Северо-запад	27,1	33,9
14	Северо-восток	-	9,0
15	Юго-запад	-	14,9
16	Юго-восток	5,7	-
17	Не определена	24,3	-
Поза погребенного			
18	Вытянуто на спине	58,5	76,6
19	Руки вытянуты	-	53,3
20	Левая рука согнута	-	23,3
21	Не определена	41,4	23,4
Детали ритуала			
22	Кости животных в могиле	15,7	35,3
23	Сосуд в могиле	64,2	72,0
24	Сосуд в изголовье	45,7	60,0
25	Сосуд в заполнении могилы	18,5	12,0
Состав погребального инвентаря			
26	Удила	15,7	32,0
27	Стремена	-	26,0
28	Стрелы желез.	10,0	29,3
29	Стрелы костян.	-	8,1
30	Кост. обкл. лука	10,0	10,3
31	Сабля	-	13,0
32	Поясные накл.	37,1	59,8
33	Поясн. пряжки	31,4	32,0
34	Целый пояс	-	9,8
35	Серьги с бусин.	5,7	-
36	Коньковые подвески	-	9,0
37	Арочные подв.	-	8,0
38	Подвески -колокольчики	5,7	-
39	Бусы	11,4	16,3
40	Перстень	8,5	24,4
41	Браслет	-	26,0
42	Пронизки	8,5	11,4
43	Медальон	-	11,4
44	Нож	14,2	21,1
Всего погребений:		70*	180**

* Нижний порог значимости 5%.

** Нижний порог значимости 2%.

ГЛАВА 3. КАРАЯКУПОВСКИЕ ПАМЯТНИКИ БАШКИРСКОГО ПРИУРАЛЬЯ

Таблица 2. Композиции элементов орнамента на сосудах кушнаренковской и караякуповской культур (в %)

№№	Сочетание элементов	Кушнаренково	Караякупово
1	Резные горизонтальные линии, чередующиеся с рядами наклонных оттисков мелкозубчатого штампа	10	3,2
2	Горизонтальные линии в сочетании с насечками по венчику	76,9	13,6
3	Насечки по венчику и оттиски мелкозубчатого штампа по шейке	13,2	12
4	Линии, чередующиеся с мелкой кривой сеткой	46,1	2,4
5	«Гусенички» и резные горизонтальные линии	28,5	-
6	Насечки по венчику и ямки по шейке	-	44,8
7	Поясок ямок и «жемчужин»	-	12,8
8	Насечки по венчику и «жемчужины» по шейке	-	19,2
Всего сосудов:		121	125

ГЛАВА 4

ТАНКЕЕВСКИЙ НЕКРОПОЛЬ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ИЗУЧЕНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ РАННЕЙ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ

Выдающимся памятником последующего, третьего этапа истории ранних болгар на Средней Волге является Танкеевский могильник, расположенный на территории д. Танкеевка Спасского р-на РТ, в 20 км к юго-востоку от Болгарского городища (рис. 1).

Он был открыт в 1904 г. при земляных работах (ОАК, 1904, СПб., 1907, с. 135–136). В 1961–1962 гг. Татарская археологическая экспедиция под руководством А.Х. Халикова и при активном участии Е.А. Халиковой и Е.П. Казакова приступила к раскопкам этого интересного памятника. К сегодняшнему дню здесь вскрыто около 1200 погребений (полагают, что общее количество погребений доходит до 5 тыс.).

Погребальный обряд (рис. 2–7). На раскопанной площади выделяются языческая (около 95% от общего количества могил) и мусульманская части. В языческой части выявлены коллективные захоронения (1,6% от общего количества погребений), пустые могилы – кенотафы (около 3%), детские и подростковые захоронения (29,5%); остальные (66%) принадлежат взрослому населению.

Широко распространенной чертой обряда являются поминальные комплексы, состоящие, как правило, из лепных круглодонных и плоскодонных горшковидных сосудов и костей животных: черепов и костей ног лошадей; черепов, челюстей, костей ног, лопаток лошадей и других животных. На раскопах XII, XV, XVI, XVIII, XXI, XXVI выявлено 220 таких комплексов (рис. 2). Они встречаются обычно в слое чернозема на глубине 30–60 см от современной поверхности. В 45 случаях данные комплексы были четко привязаны к погребениям и располагались в подпрямоугольных ямах, которые находились у ног богатых вещами мужских захоронений.

70% могильных ям имели глубину от 80 до 140 см, 14% – от 141 до 220 см, остальные – небольшой глубины (50–60 см). Длина ям от 160–180 см (дети и подростки) до 181–220 см. 93 погребения имели длину ям 260–300 см, намного превышая длину костяков. Ширина основной массы могил 40–60 см.

Подавляющее большинство погребений совершено в простых ямах с отвесными стенками;

часть могил имела уступы-заплечики вдоль стен или подбои (33 погребения). На дне могил зафиксированы остатки гробовищ (более 200 захоронений).

Костяки лежат обычно вытянуто на спине, головой на запад, с различными отклонениями. В 73 захоронениях отмечена противоположная ориентировка. Детские и подростковые захоронения имеют иногда северную ориентировку (всего 5 случаев).

Языческие погребения за редким исключением (погр. 502, 608, 612, 622 и др.) имеют сопровождающие вещи: предметы одежды и украшения, посуду, орудия труда и оружие, детали конского снаряжения и т. д.

Из предметов одежды и украшений наиболее массовыми являются накладки головного убора, височные подвески, бусы и бисер, разнообразные подвески, пронизки и обоймы, украшавшие грудь и шею; перстни и браслеты, а также предметы поясного набора. В некоторых погребениях вблизи окислившихся бронзовых изделий сохранились фрагменты меха и ткани одежды. Тонкая шелковая ткань встречается, как правило, у черепов скелетов (погр. 40, 107, 300 и др.). Во многих случаях это являлось остатком своеобразных покрытий лица покойника. Такие покрытия зафиксированы в 45 погребениях. Состоят они из пластинчатых серебряных личин с прорезями для глаз и рта и шелковой подкладкой под них (рис. 3: 14). Иногда личина была завернута в шелк (погр. 877). В погребении 559 на зубах умершего находилась тонкая золотая, а в погребении 146 – серебряная пластинка.

Реставрация костюма сильно затрудняется плохой сохранностью его отдельных частей. В погребении 351 на погребенном находилась шелковая рубашка. Более грубая ткань встречается во многих погребениях по всему скелету в виде обрывков. Фрагменты меха также фиксируются по всему костяку. В погребении 615 на меховую одежду были нашита ткань. По материалу погребения 387 можно определить, что длинная меховая одежда (подол находился ниже колен) носилась мехом внутрь. В погребении 351 прослежено, что меховой кафтан имел длину до колен.

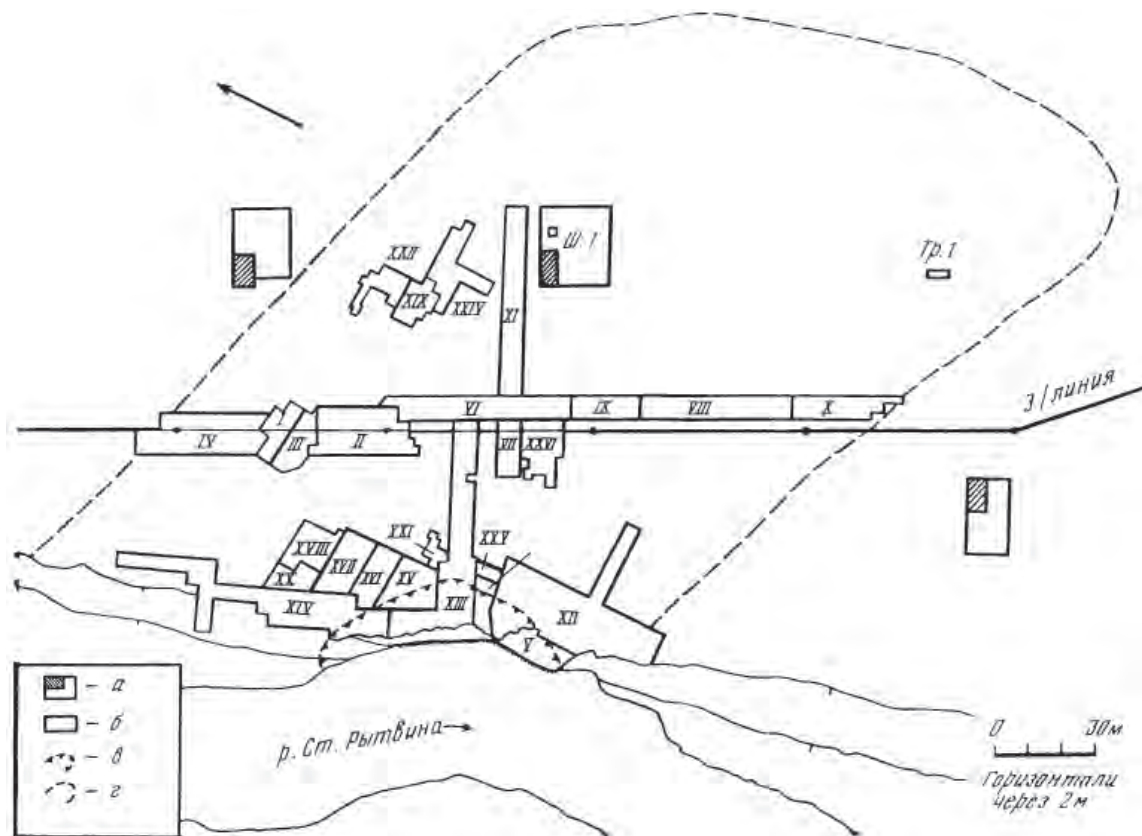

Рис. 1. План расположения Танкеевского могильника.
 а – постройки деревни; б – раскопы; в – разрушенная водой площадь могильника;
 г – предполагаемая площадь могильника.

Кожа от обуви сохранилась лишь в погребении 387. Никаких металлических предметов от обуви, за исключением накладок из погребения 1149, не обнаружено.

Остатки головного убора зафиксированы в 27 женских погребениях. Характерными украшениями головного убора следует считать штампованные позолоченные накладки различных форм, нашиваемые в ряд.

Височные подвески располагались обычно парно у височных костей скелетов, хотя нередко в погребениях встречались по одной подвеске, а в захоронении 447 их было три. Для мужских погребений обычны кольцевидные подвески (рис. 3: 1; 4: 1), для женских характерны более сложные, в частности салтовского типа, подвески (рис. 5: 4).

Бусы и бисер, встреченные в четверти всех погребений могильника, располагались обычно там, где носили их при жизни. Некоторые из бус, вероятно, вплетались в косы. Бисер встречается по всей верхней части скелетов или же концентрируется у кистей рук. В погребении 72 ожерелья из крупных бус были сложены в отдельную кучку на левой стороне груди скелета. В женском погребении 526 на груди скелета находились остатки расшитого желтыми и синими стеклянными бусинами нагрудника. В состав ожерелья детских и

подростковых погребений часто входили подвески из клыков животных.

В женских и детских погребениях № 164, 178, 207, 267, 287, 368, 440, 476, 480, 508, 512, 513, 601, 664, 684, 715, 723, 725, 861, 953 найдены шумящие подвески, располагавшиеся в верхней части груди скелетов. В погребениях 207, 440, 953 находились по две подвески по обеим сторонам груди (рис. 5: 5, 6). Они являлись украшениями груди или, вероятно, вплетались в концы женских кос.

Перстни чаще всего располагались у костей кисти правой руки погребенного. В некоторых погребениях встречено по два перстня. Характерным украшением рук являются также браслеты, которые обычно находились на правой, редко на левой руке, а иногда на обеих руках.

Предметы поясного набора встречаются всегда у тазовых костей скелета.

Глиняные, деревянные и железные сосуды ставились обычно у изголовья погребенных, хотя имеются случаи расположения их у ног или над коленями. В некоторые из сосудов были положены костяные ложечки. В большинстве погребений было по одному сосуду, в 32 случаях – по два.

Из орудий труда и оружия наиболее многочисленными являются топоры, ножи, предметы огнива, шилья, напоясла, наконечники стрел. Зна-

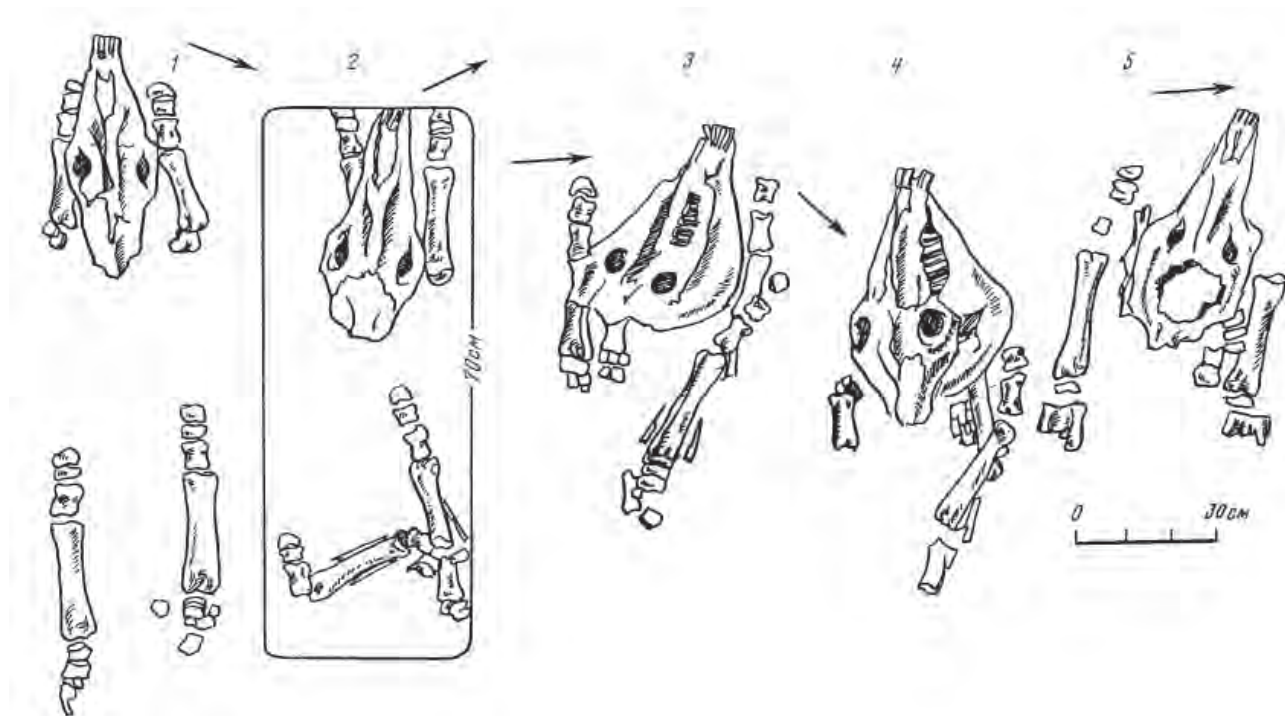

Рис. 2. Поминальные комплексы Танкеевского могильника

чительно реже встречаются детали колчана, тесла, копыя, сабли, серп и др.

Железные проушные топоры происходят из мужских погребений (правда, один топор был обнаружен в засыпи женского погребения № 30). Все они находились справа или слева от ног костяков, чаще всего рукояткой к голове погребенного. В погребении 351 удалось проследить длину рукояти, равную 40 см. Топоры-кельты и тесла-мотыжки также находились у ног скелета.

Ножи располагались у пояса, в ногах или редко у изголовья погребенного. Предметы огнива (кремса, трубицы от трута, кремешки) иногда вместе с остатками поясных сумочек найдены у поясов, у левой или правой сторон мужских скелетов. Имеются случаи нахождения их у изголовья. Железные шилья, иглы, пряслица положены у изголовья, у пояса, в районе ног или рук. Серп из погребения 406 лежал у правой плечевой кости скелета.

Во многих мужских погребениях встречено от 1 до 9 наконечников стрел, располагавшихся справа или слева у пояса или ног, но остриями к голове погребенных. Стрелы находились в колчанах, хорошо сохранившиеся остатки которых обнаружены в погребениях 909 и 1016. В погребениях 6, 11А, 966, 1016 у ног скелетов находились железные наконечники копий. В погребении 825 расчищена сабля, уложенная справа от погребенного, острием к его голове. В погребении 1065 сабля лежала слева от ног рукоятку к черепу.

Предметы конской сбруи – удила, подпружные пряжки, соединительные кольца – располагались обычно в ногах костяков. Удила, как правило, находились на резцовой части черепов лошадей.

В могилах часто встречаются кости животных. Некоторые из них являлись остатками мясной пищи для умерших, другие входили в состав ритуальных комплексов. По определению А.Г. Петренко, в качестве погребальной пищи клали лучшие части туши, чаще всего молодых особей (плечевую, тазовые части, бок, позвоночник, курдючную часть овцы; редко клали ноги животных).

Погребальный инвентарь из Танкеевского могильника подробно описан и классифицирован в ряде опубликованных работ автора этих строк (Казиков, 1971; 1992). Ниже предложена несколько упрощенная типология вещевого инвентаря, достаточная для понимания специфики материальной культуры населения ранней Болгарии на танкеевском этапе ее развития.

Посуда. По данным из обработанной части вещевого инвентаря (1171 погребений), на могильнике обнаружено 580 глиняных сосудов, 1 железный котелок, остатки 74 деревянных чаш и костяные горлышки от бурдюков и ложечки.

Из глиняных сосудов около 36% круговые, один подправлен на кругу, остальные лепные.

Лепная керамика представлена круглодонной посудой низких пропорций (рис. 8, 8–13), плоскодонными изделиями, а также одноручными кувшинами. Среди керамики первой группы, имею-

Рис. 3. Танкеевский могильник. План и вещевой материал погр. 1092.
1-5 – бронза, 6, 7, 9-11 – железо; 13 – керамика; 14 – серебро

щей урало-прикамские истоки, выявлено 256 экз. Преобладают приземистые формы (соотношение высоты к наибольшему диаметру тулова меньше 1) с широко открытой горловиной диаметром около 12 см. Встречаются маленькие сосудики диаметром горла 5–6 см и крупные экземпляры с диаметром шейки 20 см. Все сосуды по цвету черные, серо-черные, светло-коричневые с различными оттенками от неровного кострового обжига. Венчики округлые или плоские, иногда скошенные на внешнюю или внутреннюю сторону. Некоторые сосуды имеют петлевидные ручки (рис. 6А: 7). Половина сосудов орнаментирована преимущественно гребенчато-шнуровыми, решетчато-шну-

ровыми и другими видами узора (рис. 8: 8–13). Сосуды кушнаренковского типа украшены сложным сочетанием резного, ямочного и гребенчатого орнамента (рис. 7Г: 2).

Переходя к вопросу об аналогиях круглодонной горшковидной посуды из Танкеевского могильника, нужно отметить, что вся она привнесена в Среднее Поволжье извне. Аналогии имеются во многих памятниках Верхнего и Среднего Прикамья, Приуралья, Среднего и Южного Урала и лесного Зауралья. Некоторые из форм с достаточной степенью достоверности можно связать с определенными культурами – преимущественно ломовско-раннечепецкой и ломоватовской, а так-

Рис. 4. Танкеевский могильник. План и вещевой материал погр. 1007
1-7, 9-10 – цветной металл; 8 – бронза и кожа; 11-23 – железо; 24 – керамика; 25 – золото; 26 – свинец

же сывленской и кушнаренковской. Исходными районами для керамики с веревочно-гребенчатой орнаментацией, вероятно, являются Средний Урал (памятники петрогромского типа) и Верхнее Прикамье (раннеломоватовские памятники).

Памятники кушнаренковского типа, появившиеся где-то во второй половине VI в. и существовавшие до IX–X вв., занимали в различное время огромную территорию: частично лесное Зауралье, Южный и Средний Урал, большую часть территории совр. Башкортостана, южные районы Удмуртии и Пермского края, закамские районы Татарстана. Левобережье Волги, где находится Танкеевский могильник, представляет как бы западную периферию кушнаренковской общ-

ности, куда кушнаренковские группы проникли уже после исчезновения именьковского населения. Сосуды из Танкеевки несут все черты поздней кушнаренковской посуды: рыхлость фактуры, раздутость и приземистость тулова, резкий переход от горловины к тулову, нарушение линейности орнамента и вырождение его в простые ямки, насечки, волнистые линии. Эти элементы хорошо фиксируются и в вышеописанном Большетиганском могильнике.

Лепная плоскодонная посуда представлена кубышками (2 экз., рис. 9: 1, 2), кружками (2 экз., рис. 9: 3, 4) и горшками (54 экз., рис. 9: 5–13). Кубышки и кружкообразные сосуды являются, скорее всего, подражаниями салтовским (болгарским) формам.

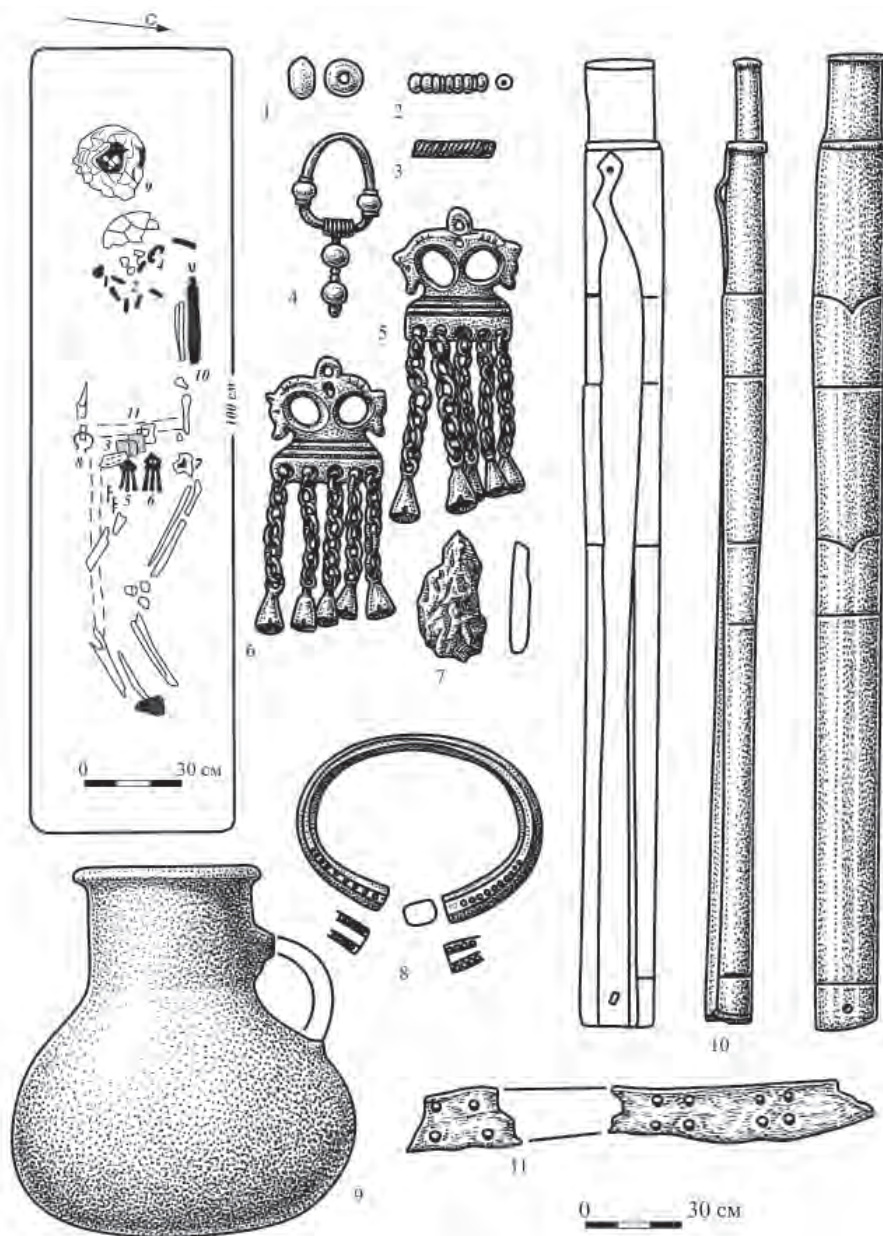

Рис. 5. Танкеевский могильник. План и вещевой материал погр. 953.
1, 3-6, 8, 10 – бронза; 2 – стекло; 7 – железо; 9 – керамика; 11 – кремнь

Горшки, грубые по изготовлению, черно-серого или серо-коричневого цвета, обычно с невысоким широким горлом, чуть отогнутым овальным или уплощенным венчиком и слабо выраженными плечиками, имеют иногда орнамент в виде насечек по венчику, волнистых линий, косо поставленных или веерообразно расположенных коротких резных линий по шейке и тулову. Танкеевские горшки ближе всего к горшковидным сосудам из Больше-тарханского могильника, принадлежащим также собственно болгарам. Некоторые из них находят прямые аналогии в кочевнической салтово-маяцкой посуде (Плетнева, 1959, рис. 47, 26, 27, 33).

Лепные одноручные кувшины (57 экз.) преимущественно с уплощенным, а также округлым

и плоским дном изготовлены, скорее всего, в подражание круговым и почти идентичны одноручным кувшинам из Верхнесалтовского могильника (Казаков, 1992, с. 125). Однако они имеют ряд признаков, свидетельствующих об изготовлении их прикамско-приуральским населением. Таковыми признаками являются круглодонность многих экземпляров, наличие примеси раковины в глиняном тесте, веревочный орнамент.

Круговая посуда Танкеевского могильника представлена одноручными кувшинами (рис. 8: 1-7); 136 экз.), кувшинообразными сосудами без ручек (4 экз.), кружкообразными сосудами (3 экз.), корчагами (2 экз.), амфоровидным сосудом, горшком и триподом. Цвет поверхности их желто-

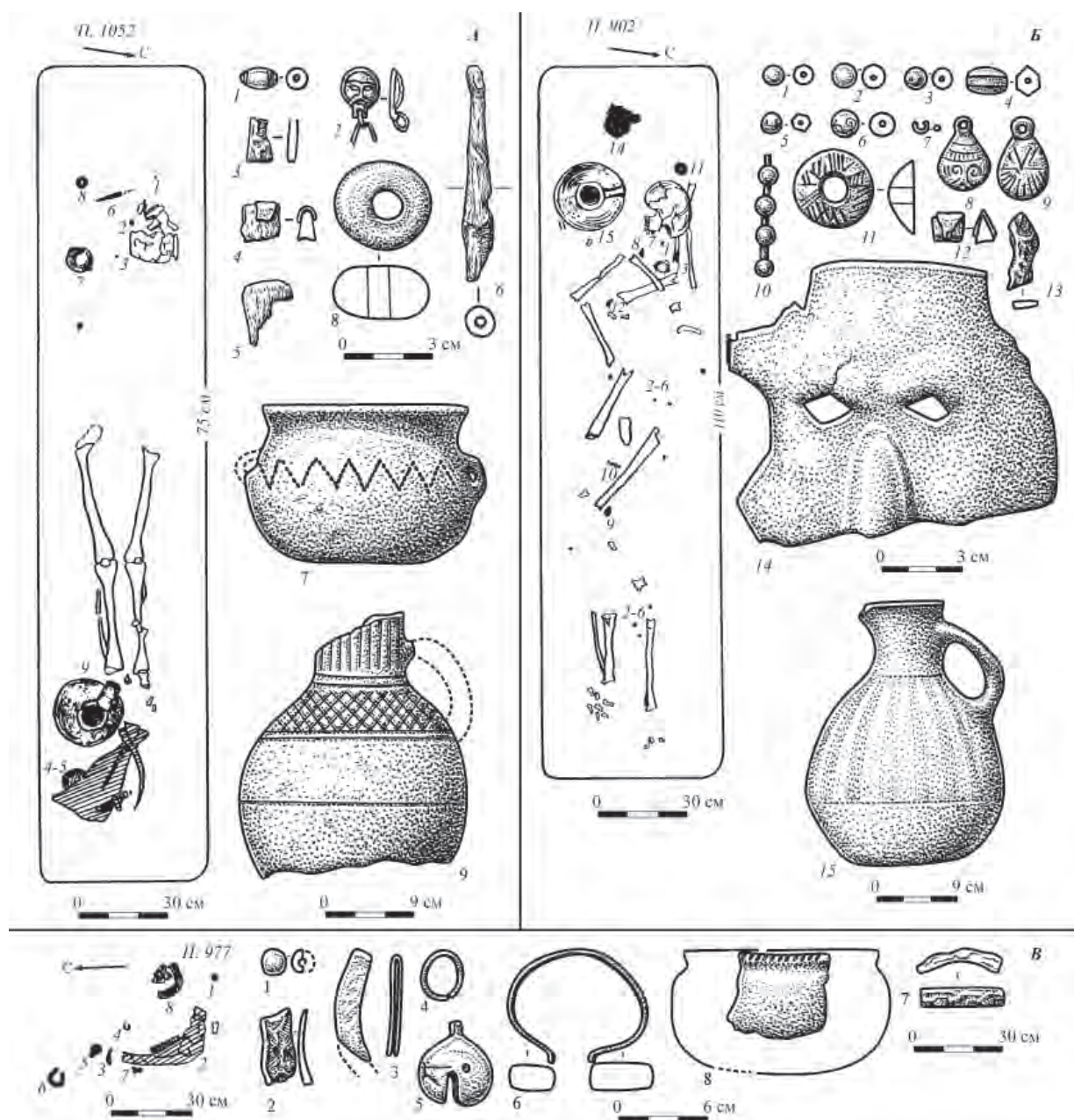

Рис. 6. Танкеевский могильник. Планы и вещевые комплексы погр. 1032, 962, 977

А – погр. 1032; 1 – стекло; 2 – бронза; 3 – железо; 4, 5 – дерево; 6 – кость, 7-9 – керамика; Б – погр. 962; 1-6 – стекло; 7 – золото; 8-11 – цветной металл; 12 – дерево и серебро; 13 – железо; 14 – серебро; 15 – керамика; В – погр. 977; 1 – стекло; 2, 7 – железо; 3-6 – бронза; 8 – керамика

красный, красно-желтый, реже серо-черный или коричневый. В глиняном тесте примесь песка или растительности. По верхней, средней или нижней части тулова большинства кувшинов проведены одинарные или парные горизонтальные желобчатые линии – каннелюры (рис. 8: 3, 4, 6, 7). Пространство между каннелюрами часто покрывалось полосами вертикального, косо поставленного, перекрещивающегося или зигзагообразного орнамента. Менее распространенной является одно-, двух- или многорядная резная орнаментация, выполненная в виде набегающей или отстающей

волны. Три сосуда, кроме волнистого, имеют горизонтальный многорядный резной орнамент.

В своем большинстве кувшины являются довольно крупными и имеют высоту от 18 до 30 см. Ручки их пологие, в сечении овальные, прикрепленные одним концом к шейке, другим – к верхней части тулова. За редким исключением все кувшины имеют сливы, изготовленные путем сжатия горлышка еще необожженного сосуда таким образом, чтобы на противоположной от ручки стороне венчика образовался желобок.

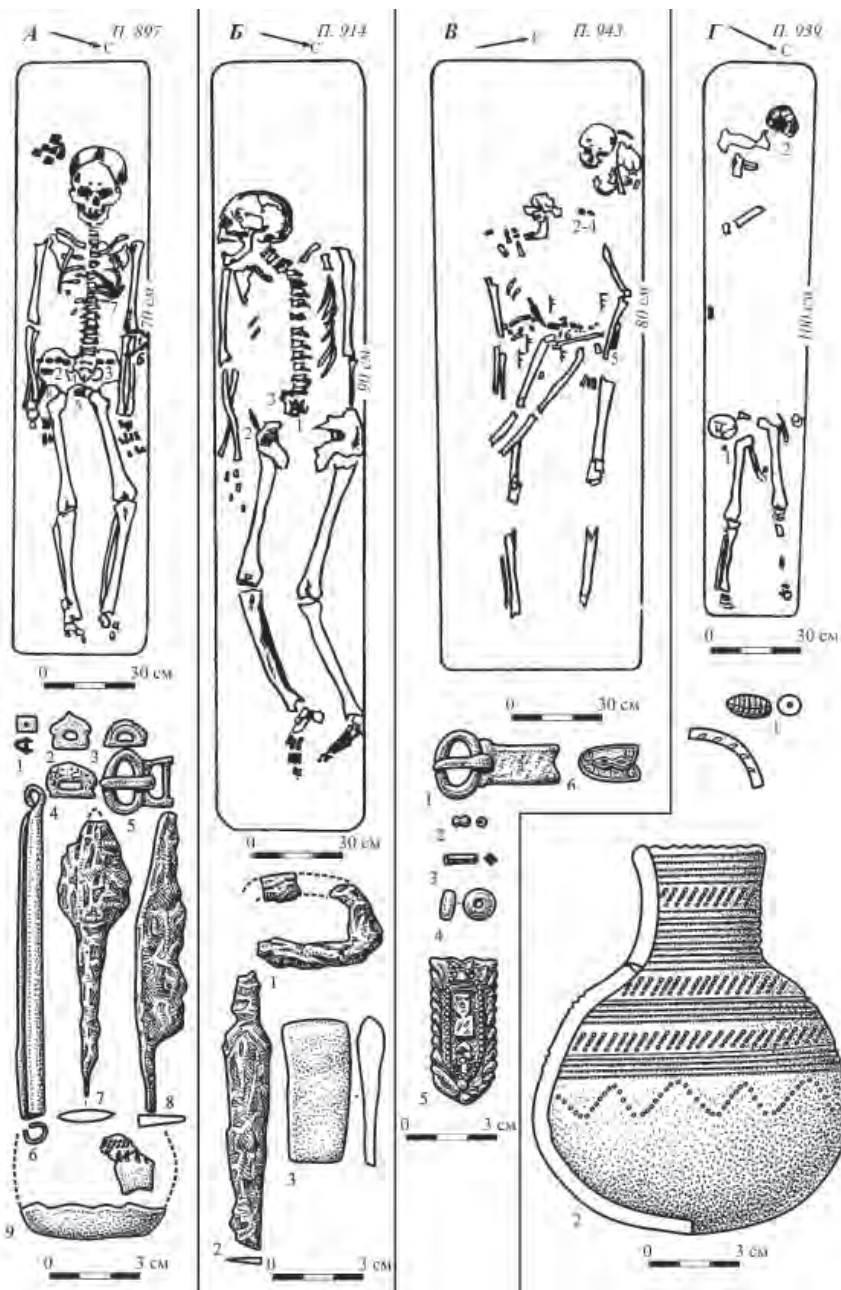

Рис. 7. Танкеевский могильник. Планы и вещевые комплексы погр. 897, 914, 943, 939.

А – погр. 897; 1-6 – бронза; 7, 8 – железо; 9 – керамика; Б – погр. 914 – 1-2 – железо; 3 – сланец;
В – погр. 943; 1, 5, 6 – бронза; 2-4 – стекло; Г – погр. 939; 1 – стекло; 2 – керамика

Формы одноручных кувшинов разнообразны (рис. 8: 1-7; см. более подробно: Казаков, 1992, с. 125-132), хотя для всех них можно выявить и общие черты. К ним относятся довольно широкие для кувшинов горловины, плавный переход от горловины к тулову, овальные в сечении полукруглые ручки и т. д.

Из остальных круговых сосудов с восстановленной формой наиболее многочисленны кувшинообразные сосуды без ручек (рис. 10: 1, 2). Они имеют раздутое тулово с наибольшим диаметром в его нижней части. К ним близки два кружкообраз-

ных сосуда и горшок (рис. 10: 3-5). Отличаются от остальной керамики две корчаги и амфоровидный сосуд, изготовленные из хорошо отмученного теста с примесью песка (рис. 10: 6, 7) и трипод с обломанным носиком и петлевидной ручкой (рис. 10: 8). Своеобразен подправленный на кругу кувшин с отбитой ручкой, имеющий массивное раздутое тулово. По середине тулова проведен поясок гребенчатых оттисков в виде горизонтальной елочки (рис. 10: 9).

Аналогии круговой керамике Танкеевского могильника имеются в салтово-маяцких памятниках

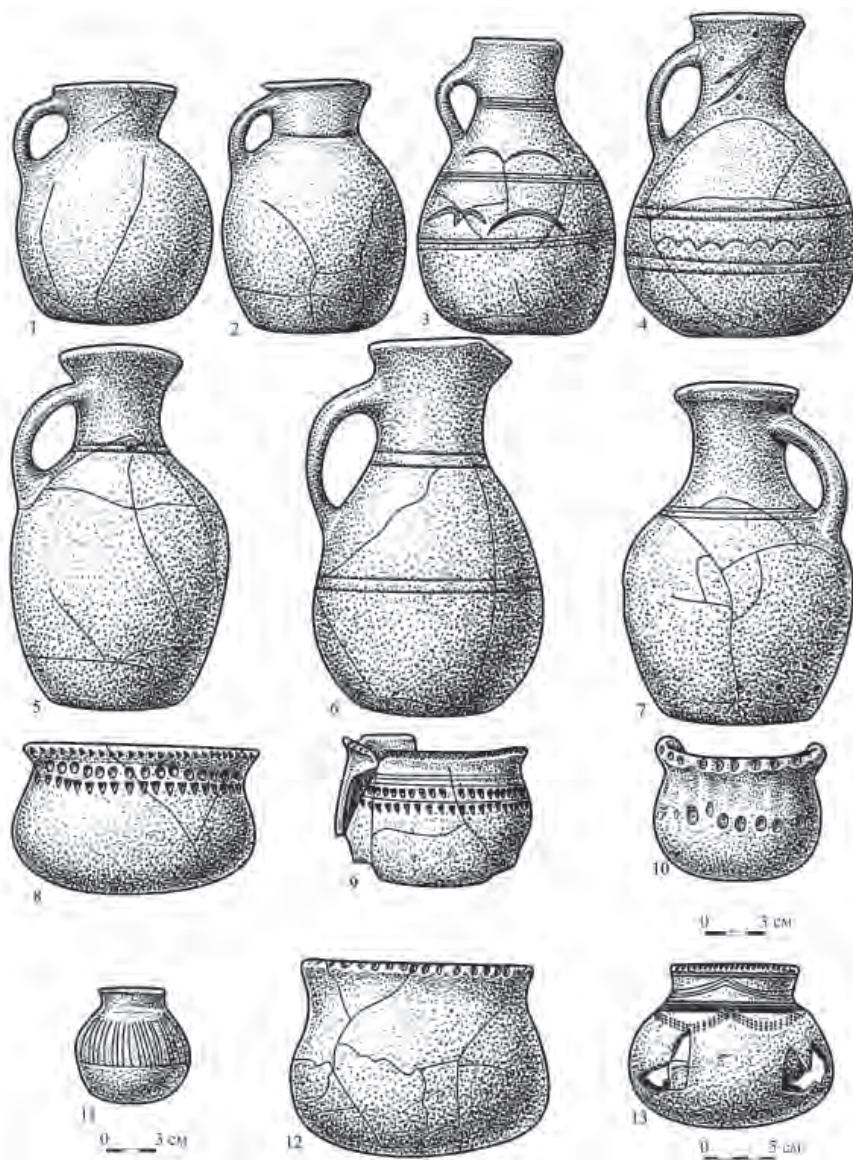

Рис. 8. Танкеевский могильник. Круговые одноручные кувшины и лепная посуда

второй половины VIII – начала X вв. (Плетнева, 1959, рис. 47, 3, 4; 1967, рис. 28, 5–8). Близкие по форме кувшины, также украшенные лощением, встречены в памятниках праболгар на Нижнем Дунае (Станчев, Иванов, 1958, табл. V, 6; IX, 1; XVIII, 3).

Среди посуды из погребений Танкеевского могильника особняком стоит клепаный *железный котелок* с ушками с пластинчатой ручкой-дужкой (рис. 11: 1). Подобные изделия были широко распространены в IX–XI вв. в памятниках бассейна р. Чепцы и Марийского Поволжья (Архипов, 1973, рис. 72, 4–7).

Деревянные чашевидные сосуды представлены только мелкими фрагментами дерева с серебряными или бронзовыми обкладками по венчику (рис. 11: 2–4; 74 экз.). Размеры чаш небольшие, средний диаметр по венчику 8–10 см.

Горлышки кожаных бурдюков костяные в виде блоковидных в вертикальном сечении втулок (рис. 11: 5–6).

Костяные ложечки – обычного типа с прямоугольной в сечении ручкой и удлиненной черпальной частью (рис. 11: 7–10). Аналогичные изделия встречены в могильнике Мыдлань-Шай в Удмуртии (Генинг, 1962, табл. XIII, 4).

Орудия труда включают в себя ножи, оселки, проушные топоры, топоры-кельты, тесла-мотыжки, предметы огнива (кресала, трубицы для трута, кремни), напярсла, гвозди и штыри, иглы и игольники, скобы, петельки и склепки.

Ножи, зафиксированные в ¼ части всех захоронений могильника, – железные, кованые, однолезвийные с черешком брускообразной формы. Средняя длина ножей 11–13 см, имеются экземпляры с длиной до 20 см. Ножи из женских захоронений

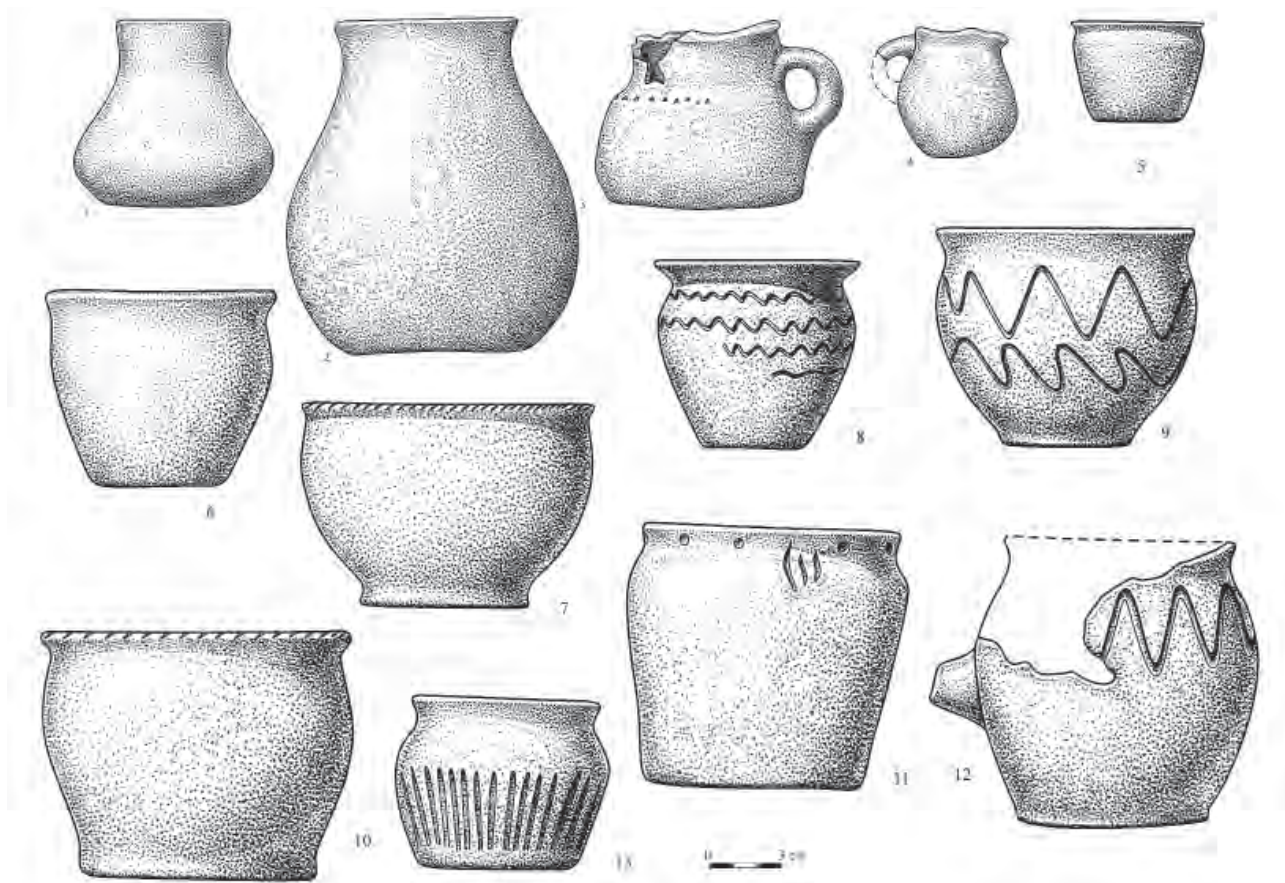

Рис. 9. Танкеевский могильник. Лепные кубышки и кружки (1–4), плоскдонные горшки (5–13)

несколько меньше по размерам – общая длина их всего 7–8 см. По характеру соединения черешка с клинком они разделяются на три группы: с пологим переходом как со стороны спинки, так и со стороны лезвия клинка (117 экз.); с резким четким переходом (рис. 12: 33; 58 экз.); ножи с железной, иногда медной или свинцовой муфтой-перекрестием (4 экз.). Почти все экземпляры на черешке имеют остатки деревянной или костяной рукояти. В двух случаях (погр. 146, 346) зафиксированы остатки костяных рукоятей с резным линейным и циркульным орнаментом. Черешки ножей со свинцовым перекрестием из погребений 462 и 503 имели бронзовые штифты для прикрепления деревянных рукоятей. Рукояти ножей из погребений 487 и 1036 были бронзовыми, а наверху деревянной рукояти ножа из захоронения 30 служил серебряный колпачок с выгравированным растительным орнаментом (рис. 12: 32). Во многих погребениях отмечены фрагменты деревянных ножен. Хорошо сохранившиеся деревянные ножи, обитые бронзой, встречены в погребении 953.

Среди стандартных по форме ножей Танкеевки определенные аналогии можно указать экземплярам с рукоятками, завершенными металлическими колпачками, или в ножнах, облитых бронзой. Они

близки к ножам в богато декорированных ножнах из памятников IX–X вв. Прикамья и Марийского Поволжья (Казаков, 1992, с. 137).

Железные топоры. На могильнике найдено 49 железных проушных топоров разных типов: 1) с высоким молоткообразным (топоры-чеканы; рис. 12: 29; 25 экз.), 2) с низким широким (17 экз.); 3) с округлым обухами (3 экз.) (рис. 12: 30). Аналогии наиболее многочисленного первого типа имеются на широкой территории Восточной и Центральной Европы в регионе от Урала до Карпат. Датируются они временем от второй половины VIII до начала XI в. Чаще всего они фиксируются в тех районах (Прикамье, Среднее Поволжье, Мордовия, Предкавказье и Подонье, Паннония), где наиболее сильно чувствуется влияние салтовского круга памятников. Топоры второго и третьего типов находят многочисленные аналогии в лесной зоне Европейской части страны, в частности в Прикамье, мордовских и марийских памятниках IX–XI вв. (Казаков, 1992, с. 139).

Топоры-кельты, или втульчатые топоры, встречаются двух типов: 1 – с небольшим (5–8°) углом отклонения оси втулки от оси лезвийной части (рис. 13: 21) и 2 – с заметно большим (до 17°) углом отклонения (рис. 13: 22). Оба типа бытуют

Рис. 10. Танкеевский могильник. Гончарная посуда разных форм

на широкой, в основном лесной территории европейской части страны с XI в. В Марийском Поволжье втульчатые топоры первого типа встречаются в памятниках X–XI вв.

Тесла-мотыжки в Танкеевке найдены в количестве 8 экземпляров (рис. 13: 23). Они имеют широкий хронологический и территориальный диапазон бытования.

Огнива выявлены во многих мужских погребениях, обычно у тазовых костей скелетов. Кресала (31 экз.) в основном железные, но в 9 погребениях они имели бронзовые рукояти. Наиболее многочисленными (17 экз.) являются образцы С-видной формы, изготовленные из узких полос металла. Загнутые концы их забивались в деревянную основу рукоятей (рис. 13: 7). Одно из кресал овальной формы (рис. 13: 8), другое – в виде кузнечных клещей (рис. 13: 9). В погребении 18 обнаружен фрагмент калачевидного кресала, изготовленного из железной пластины с сужеными концами,

петлеобразно завернутыми на тыльную сторону (рис. 13: 10).

Все кресала с бронзовыми рукоятками (рис. 13: 1–6) имеют внизу утолщенную рамку с пазом, куда вставлялась служившая ударником стальная полоса. Рукояти шести кресал (рис. 13: 1–3) представляют собой две сомкнутые мордами, с широко открытыми пастями стилизованные конские головы. Рукоять кресала из погребения 778 слелана в виде фигурки лошади, украшенная поясками из поперечных нарезок (рис. 13: 6). Рукояти двух трапециевидных по форме кресал представляют собой сильно стилизованное изображение двух всадников, повернутых спиной друг к другу (рис. 13: 4, 5).

Аналогии кресалам С-видной формы известны в погребениях X–XI вв. в Сибири (Басандайка), Нижнего Поволжья, Средней Волги. Клещевидные кресала обнаружены в салтовских памятниках и Большетарханском могильнике. Калаче-

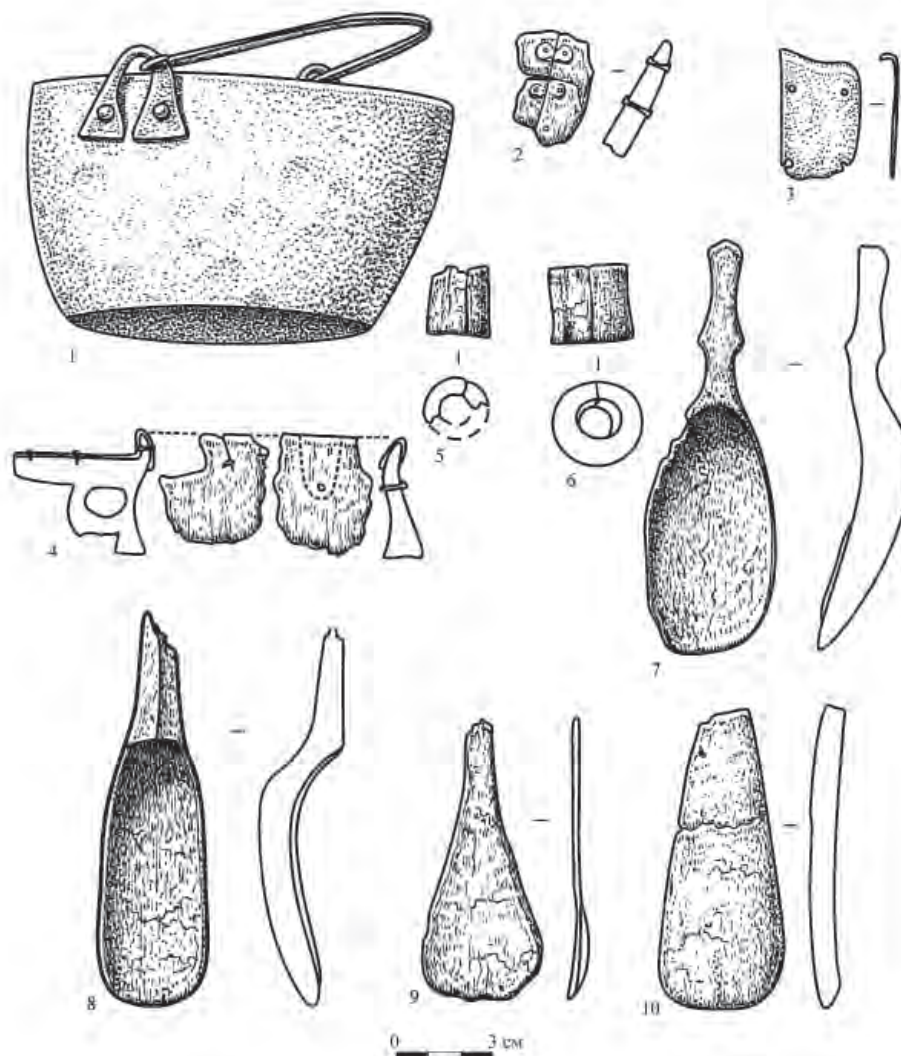

Рис. 11. Танкеевский могильник. Костяные и железные изделия

видное кресало является, скорее всего, ранней вариацией кресал, широко распространенных на болгарских сельских и городских поселениях первой половины домонгольского времени (Культура Биляра, 1985, с. 124, табл. XLIII, 1–8). Истоки кресал с бронзовыми рукоятями следует искать в регионе Южного и Среднего Урала, в памятниках поломской и родановской культур (Голубева, 1964, с. 118).

Поясные сумочки из кожи или ткани, обычно с прокладкой из бересты, находились во многих захоронениях, но удалось их зафиксировать только там, где они были обшиты бисером или имели по краям металлическую окантовку (рис. 13: 17–20). Судя по ним, сумочки были невелики – ширина около 5–6 см, длина 13–15 см.

Интересны фигурные петли-накладки из цветного металла, в стилизованной форме изображавшие птиц или их крылья (рис. 12: 25). На таких

прочных петлях могли крепить снаряжение всадника, колчаны сумочки.

Поясные сумочки с обоймами по краю ближе всего к подобным изделиям из могильников Марийского Поволжья, Мордовии и Венгрии периода обретения родины. Первоначальным регионом, где появилась «мода» на них, были территории между Волгой и Уралом. Магьяры принесли такие сумочки в Паннонию, а через торговлю болгар по Великому Волжскому пути они распространились среди поволжских финнов, а отдельные экземпляры дошли до Скандинавии.

Напрясла (?) свинцовые или бронзовые (рис. 14: 1–12), круглые, диаметром около 3 см, часто со звездчатым в виде расходящихся прямых лучей, изогнутых лучей в виде символа вечного движения или с крестообразным орнаментом обнаружены в количестве 35 экземпляров. По форме поперечного сечения они прямоугольной, плоско-

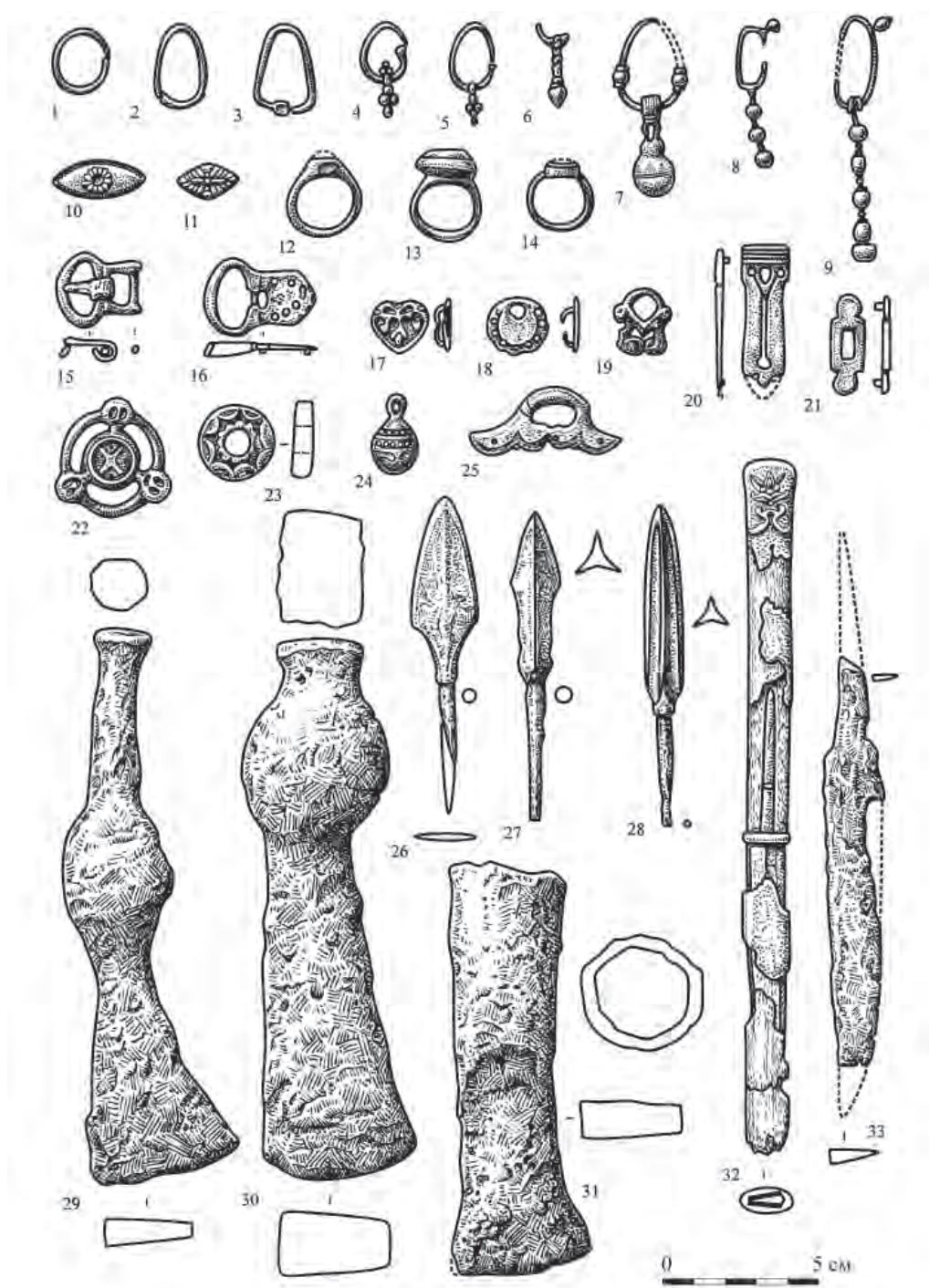

Рис. 12. Танкеевский могильник. Разные вещи.

1, 2, 4, 7-9, 12, 13, 19, 25 – серебро; 3, 6, 15-18, 20-24 – бронза; 10, 11 – золото; 26, 33 – железо.

выпуклой и усеченно-конической формы. Точное функциональное назначение их не определено. Прототипами таких «напрясел» являются, скорее всего, бронзовые изделия VI–VIII вв. из Таджикистана, определяемые там как «пуговицы» (Беленицкий, 1961, с. 86, рис. 9).

Напрясла – грузики для веретена для придания им устойчивости при вращении, изготовленные в основном из глины (93 экз.), а также из известняка (5 экз.), сланца (1 экз.), кости (1 экз.), шифера

(1 экз.), имеют в поперечном сечении овальную, сферическую, прямоугольную и биконическую формы (рис. 14: 13–20). Территориально и хронологически распространены очень широко.

Из других находок в группе орудий труда следует отметить скобели, изготовленные из полосы железа шириной 1,5 см (3 экз.), железные молоточки с двумя несколько наклонными в сторону ручки равновеликими, квадратными в сечении обушками и круглым отверстием, сохранившим остатки де-

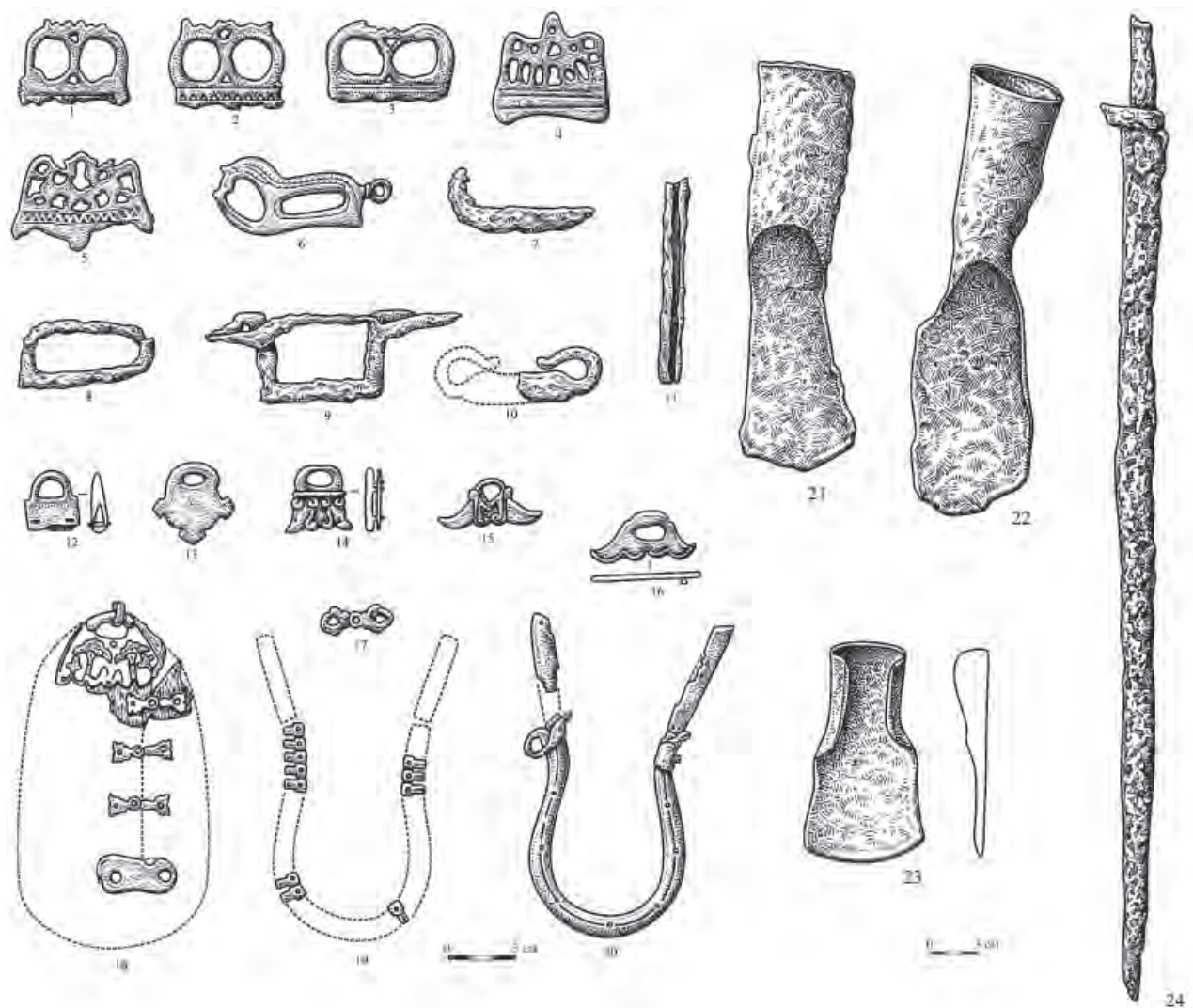

Рис. 13. Танкеевский могильник. Предметы огнива (1-20), топоры-кельты (21-22), тесло-мотыжка (23) и сабля

рева, серп длиной 23 см и шириной 1,5–2 см, пробойник, штыри и гвозди (9 экз.), петли и скрепки (около 40 экз.), а также глиняную льячку в виде неглубокой чашки диаметром 5,5 см, со сливом.

Предметы вооружения из погребений Танкеевского могильника представлены, кроме вышеописанных боевых топоров, остатками сабель, копьями, втоками, наконечниками стрел, а также остатками луков, налучий и колчанов.

Сабли (всего 6 экз.) целиком сохранились только в двух погребениях. Сабля из погребения 301 (рис. 13: 4) однолезвийная, слегка изогнутая, с прямым крестообразным, накованным с обеих сторон перекрестием и со скошенным в лезвийную сторону брусковидным черешком, на котором сохранились остатки деревянной рукояти. Длина клинка 62 см, черешка – 6 см; ширина полосы клинка у перекрестия 3 см, у вершины – 2,3 см. Конец клинка заострен с обеих сторон.

Аналогичная сабля происходит из погребения 825. У рукояти ее сохранилась железная петля от

ножен. Обитые железом ножны с расширенным закругленным концом частично сохранились в погребении 1065. Петли для скрепления ремней с ножнами сабли происходят из погребения 966.

Танкеевские сабли близки к так называемым «хазарским» саблям, обнаруженным в памятниках VIII–X вв. Северного Кавказа, Подонья, Паннонии, Прикамья, Мордовии, т. е. в районах, так или иначе связанных в культурном отношении с салтовским миром (Казаков, 1992, с. 147). Подобные сабли в богатых ножнах, в том числе с петлями для прикрепления ремней, происходят из Больше-тиганского могильника (Халикова, Халиков, 2018, с. 131 табл. V, 21; XXIII, 22).

Наконечники копий (3 экз.) имеют общую длину 27,5 см. Один из них с ланцетовидным (линзовидным в сечении) пером, равным длине втулки. Два однотипных копья с ромбическим в сечении, узким пером и отношением длины втулки к длине пера равным 1:2 (Казаков, 1971, с. 103, табл. VIII, 7, 8). Копья с ланцетовидным пером датируются

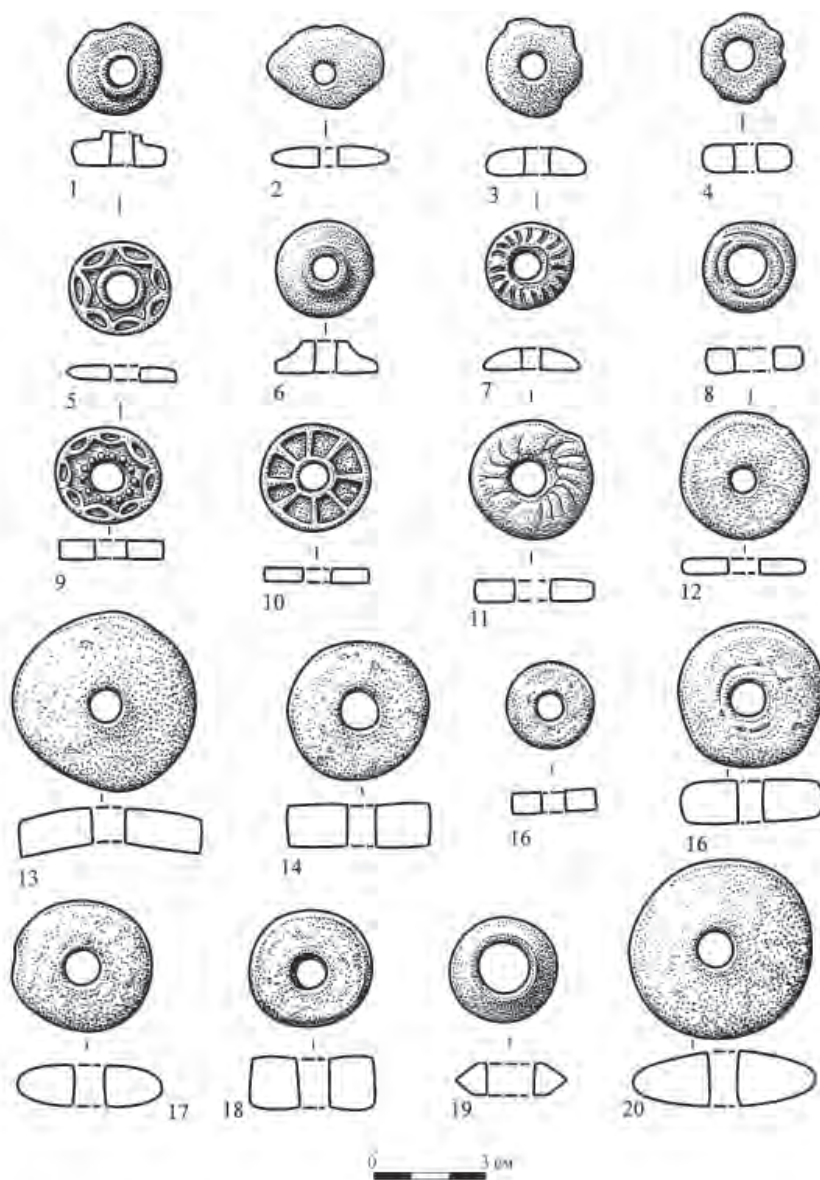

Рис. 14. Танкеевский могильник. Напрясла
1-12 – свинец, 13-19 – глина, 20 – сланец

X – серединой XI в. (Кирпичников, 1966, с. 9). Копья с граненым узким пером первоначально были типичным оружием азиатского воина-кочевника, но затем, в X в., стали широко применяться в Волжской и Дунайской Болгарии, Венгрии и других районах (Кирпичников, 1966, с. 7).

Наконечники стрел обнаружены в количестве свыше 320 экз. По материалу, из которого они изготовлены, разделяются на группы: I – железные, II – костяные; по характеру скрепления с древком на подгруппы: А – черешковые, Б – втульчатые; по поперечному сечению пера на виды: 1 – плоские, 2 – трехлопастные, 3 – ромбические, 4 – круглые; по форме пера на разновидности: а – подромбические; б – подтреугольные, в – ланцетовидные, г – лопаткообразные, д – килевидные трехперые,

е – подтреугольные трехперые, ж – ограниченно-шилоvidные, з – шилоvidные. Сочетание указанных признаков образует типы. Особенности формы пера выражены в подтипах, обозначенных латинскими буквами х, у, z.

Среди численно преобладающих наконечников с подромбическим пером так называемого гнездовского типа выделяются три типа. К типу IA1ах относятся 77 экземпляров (рис. 12: 26; 15: 1, 2). Среди них большинство составляют крупные наконечники, длина которых достигает иногда 9 см. Наконечники типа IA1ау (рис. 15: 3, 4; 90 экз.) отличаются некоторой асимметрией прямолинейных боковых сторон, расположением наибольшего диаметра пера посередине его высоты. К типу IA1аз (рис. 15: 5) принадлежат 8 более мелких

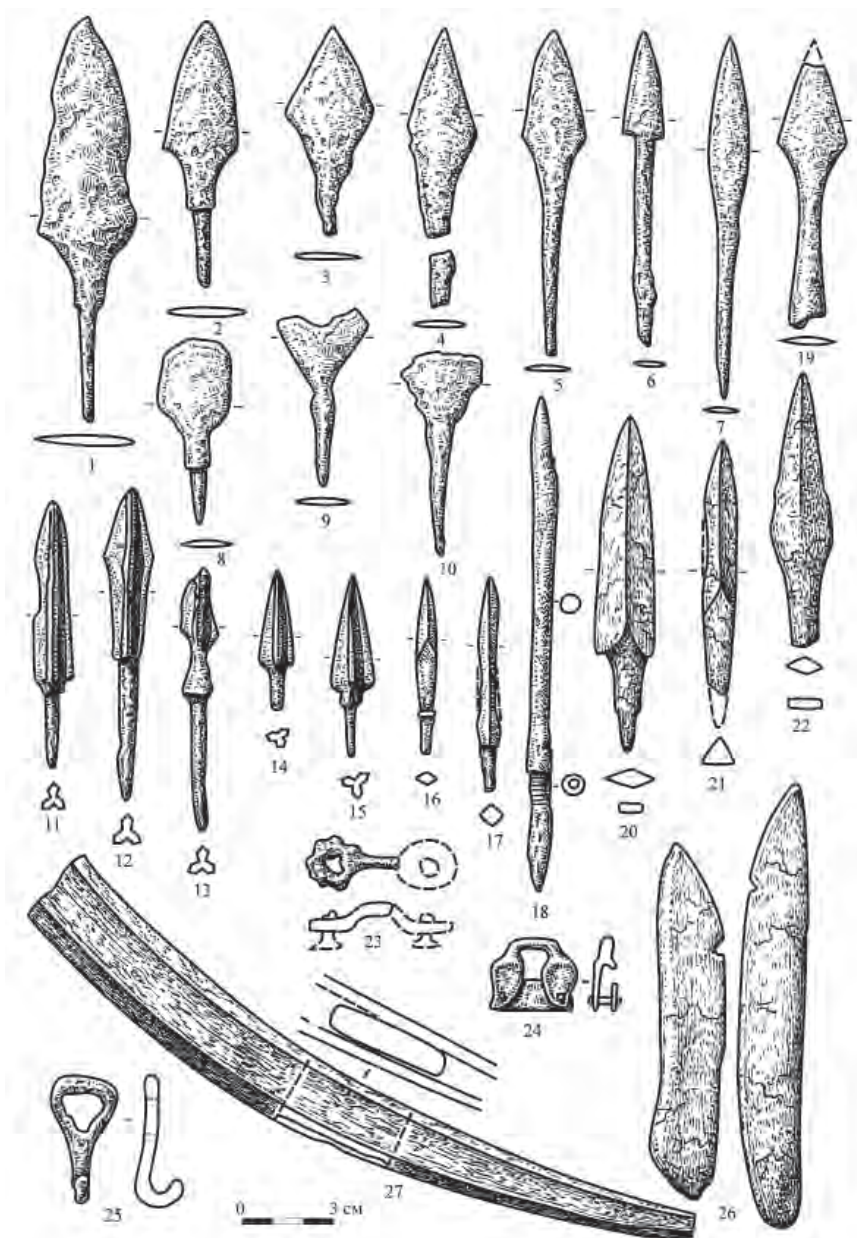

Рис. 15. Танкеевский могильник. Детали колчана, лука и стрел
1-18, 23, 25 – железо; 20-22, 26-27 – кость; 24 – бронза

наконечников, обычно с пером более узким, чем у первого типа. Три наконечника имеют подтреугольное перо (рис. 15: 6).

Наконечники с листовидным или ланцетовидным пером (рис. 15: 7; 15 экз.) имеют вытянутые очертания, сглаженный переход от пера к черешку. Из пяти срезей один с овальным, почти округлым пером (рис. 15: 8), четыре рогатковидные (рис. 15: 9) и один с пером в виде треугольной лопаточки (рис. 15: 10).

Из трехлопастных наконечников семь длинные, килевидные (рис. 12: 28; 15: 11), два с расширением в верхней половине длины острия (рис. 12: 27; 15: 12), один килевидный с шейкой (рис. 15: 13), четыре с треугольным пером, причем один

из них с шейкой (рис. 15: 15) и три с резким переходом от пера к черешку (рис. 15: 14).

Бронебойные наконечники стрел (рис. 15: 16–18; 19 экз.) в сечении квадратные, ромбические или круглые. Один из них у шейки имеет валик, остальные с перехватом у черешка. Отличаются от других длинные (до 16 см) шиловидные наконечники из погребений 1016 и 1155 (рис. 15: 18).

Костяные наконечники стрел (30 экз.) имеют ромбическое или треугольное в сечении перо обычно с килевидным завершением и плоский черешок (рис. 15: 20–22).

Втульчатые наконечники (рис. 15: 19) характерны в основном для Прикамья, где они были

широко распространены в VII–XIV вв. (Медведев, 1966, с. 56).

Трехлопастные наконечники стрел были широко распространены среди населения Восточной Европы во второй половине I тысячелетия, доживают они до конца X в. (Медведев, 1966, с. 58–60). Ланцетовидные наконечники имели распространение в памятниках IX – первой половины XI в. в районах северной полосы Европы (Медведев, 1966, с. 72), рогатковидные срезы находят много аналогий в Венгрии и на юге Восточной Европы IX–X вв. (Медведев, 1966, с. 72).

Остатки колчана размером 44×10 см расчищены в мужском погребении 909. Футляр его был изготовлен из коры дерева, обитой кожей. Основу составляла деревянная часть в виде изогнутого корытца, выдолбленная из прочной прикорневой части березы. В нижней трети колчан был покрыт берестой, а место соединения основы с футляром обито листовой бронзой (рис. 16: 2). Подобный по форме, но деревянный колчан с железными оковками и петлями обнаружен в погребениях 1016 (рис. 16: 1) и 1155.

Железные крючки с подтреугольной рамкой (рис. 15: 25) и петли различных типов обнаружены и в ряде других захоронений (рис. 17: 23–24).

Костяные обкладки на лук в виде удлинненно-овальных пластин размером 12–14×2 см обнаружены, по одной или по две, в пяти захоронениях Танкеевского могильника (рис. 15: 26). Вся внутренняя поверхность, а также внешняя по концам покрыта нарезками для лучшего скрепления с деревянной основой лука.

Деталь налучия представлена поделкой из рога животного в погребении 770 (рис. 15: 27). Остатки налучий зафиксированы также в виде больших кусков кожи, обнаруженных в ногах погребенных в ряде других захоронений.

Предметы конского снаряжения Танкеевского могильника довольно многочисленны. Правда, известно лишь одно *стремя* из раскопок, и оно типологически близко находке из дореволюционных коллекций в Танкеевке (Казаков, 1971, с. 95, табл. I, 11). Стремя из погребения 966 имеет округлую форму, вытянутую пластинчатую подпрямоугольную петлю с узкой прорезью для путлища и расширенную полукруглую подножку с ребром. Подобные находки известны из комплексов Хусаиновского и Ишимбаевского могильников Башкортостана, датированных IX–X вв. (Мажитов, 1977, с. 195, 196, табл. I, 200, 232).

Удила известны в количестве 66 экземпляров и все они с двухчленными грызлами. Выделяются три вида по устройству окончаний грызл (приемным кольцам), которые в свою очередь делятся на разновидности по устройству псалий и подвиж-

ных колец. Сочетание видов и разновидностей образуют типы.

Вид А – удила с малыми приемными кольцами (рис. 17: 1–4; 24 экз.). Тип А1 – экземпляры с крупными, прямоугольными в сечении, подвижными кольцами (рис. 17: 1; 16 экз.); тип А2 – с небольшими овальными или округлыми в сечении приемными кольцами (на одном из суставов удил было два кольца) (рис. 17: 2; 5 экз.); тип А3 – небольшие удила с короткими суставами грызл, не сохранивших приемных колец (рис. 17: 3; 1 экз.); тип А4 – удила стержневыми псалиями и небольшими приемными кольцами, продетыми в петли грызл (рис. 17: 4; 2 экз.).

Вид Б – удила с крупными приемными петлями грызл, в которые продевались костяные псалии и небольшие железные приемные кольца (рис. 17: 5; 29 экз.). Псалии скреплялись с петлями грызл с помощью подпрямоугольных железных скоб, продетых через два отверстия почти посередине. Форма псалий S-видная или стрежневая, верхняя часть их иногда украшена стилизованными головками животных (рис. 17: 9).

Вид В – удила с восьмеркообразно расположенными парными приемными петлями (рис. 17: 6–8; 5 экз.). Все они во внутренних, обычно наиболее крупных петлях имели железные или костяные псалии, а во внешних – небольшие подвижные кольца. Тип В1 – удила с расположенными в одной плоскости петлями, образованными из перевитой большой петли с железными или костяными стержневыми псалиями (рис. 17: 6; 2 экз.); тип В2 – удила с петлями, расположенными в перпендикулярных плоскостях и с костяными псалиями (рис. 17: 7; 2 экз.); тип В3 – такие же удила, но с одной сохранившейся стержневой псалией, имеющей боковой щиток с двумя отверстиями (рис. 17: 8; 1 экз.).

Все указанные типы удил широко бытовали в хронологических рамках IX–X вв. (Казаков, 1992, с. 154).

Подпругные пряжки размером 5,5–3,5×2,8–4,5 см по форме подпрямоугольные или подквадратные (рис. 20: 1, 2; 55 экз.), лировидные (рис. 20: 3; 12 экз.), овальные (рис. 20: 4; 5 экз.) или круглые (рис. 20: 5; 5 экз.).

Железные крепления (седла?) в виде парных стержней с общими обоймами на концах (рис. 18: б) зафиксированы в 20 погребениях.

Соединительные кольца с тремя парами обойм для прикрепления к рамкам уздечки встречаются обычно парами (рис. 18: 7, 8; 25 пар). Обкладки подпрямоугольные, но встречаются и листовидные (рис. 18: 8). Кольца (рис. 18: 9; 21 экз.) железные или бронзовые из прямоугольного, треугольного или круглого в сечении дрота.

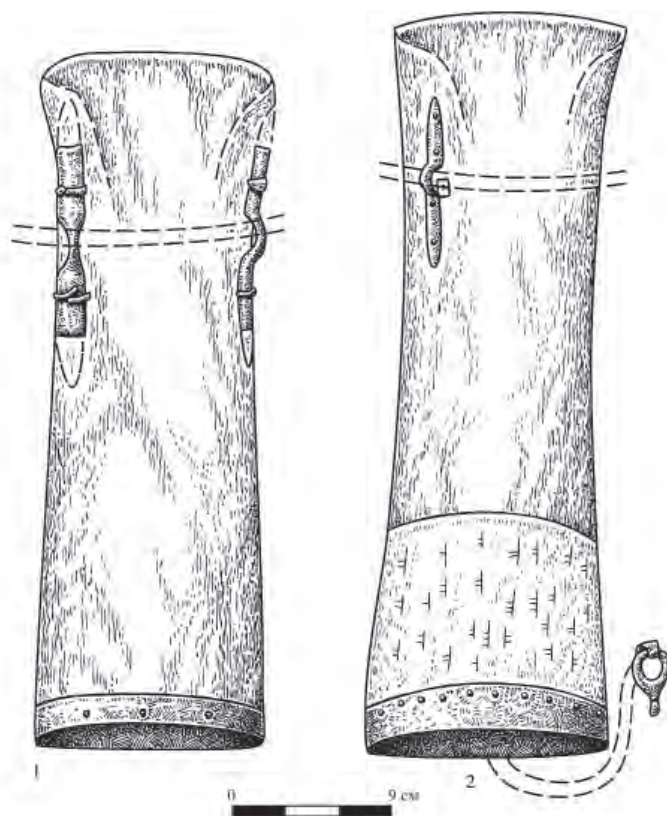

Рис. 16. Танкеевский могильник. Реконструкция колчанов из погр. 1016 и 909.

Соединительные бляхи (рис. 18: 10–16; 18 экз.) – бронзовые, литые, с тремя спицами-лучами – предназначались для соединения ремней уздечки. В непо потревоженных комплексах они всегда находятся в трех экземплярах. К этой группе украшений конской сбруи относится, по всей вероятности, бронзовая лунница, найденная в комплексе с костями лошади (рис. 18: 17). Аналогии ранним формам соединительных блях, обычно богато орнаментированным, известны из тюркских погребений VI–VIII вв. Казахстана и Средней Азии. Первоначальное производство таких блях находилось, очевидно, далеко на Востоке, откуда были заимствованы в Восточной Европе, где известны, в частности, в памятниках IX – начала XI вв. Южного Урала, Среднего и Нижнего Поволжья. Наиболее западные находки их зафиксированы в Венгрии (Казаков, 1971, с. 134; Культура Биляра, 1985, с. 200).

Предметы костюма и украшений являются самой многочисленной группой находок в составе погребального инвентаря Танкеевского могильника.

Пряжки поясные (112 экз.) в большинстве литые бронзовые, серебряные, в трех случаях железные кованые по способу крепления к ремню и расположения стержня, на котором находился язычок; разделяются на три группы, включающие в себя разновидности, отличающиеся друг от дру-

га по технологическим особенностям и своеобразию форм.

Группа А – пряжки с щитком, часто имеющим штифтики для прикрепления к ремню (рис. 19: 34–39; 35 экз.). Среди них имеются цельнолитые формы и шарнирные. К группе Б относятся сложнорамчатые, в основном восьмеркообразной формы пряжки с центральным стержнем, на котором крепился язычок с рамкой в тыльной части для прикрепления к ремню (рис. 19: 5–57; 65 экз.). Группа В представлена рамчатыми пряжками простой формы (рис. 19: 58–63; 11 экз.). Язычок и удерживающий ремень у них крепились на одном, находящемся в тыльной части пряжки стержне или на тыльной части самой рамки пряжки.

Большинство типов пряжек из Танкеевского могильника имеют широкое распространение. Особенно это относится к пряжкам массовых типов группы Б (рис. 19: 50–52), бытующих в IX–X вв. на широкой территории от Алтая до Паннонии и от Верхней Камы до Северного Кавказа. Много их в ранних памятниках Волжской Болгарии, в Большетарханском, Большетиганском и других памятниках ранних болгар.

Наконечники ремней по способу изготовления разделяются на три группы с отдельными типами. Группа А – кованые железные наконечники, изготовленные из двух пластин, один конец кото-

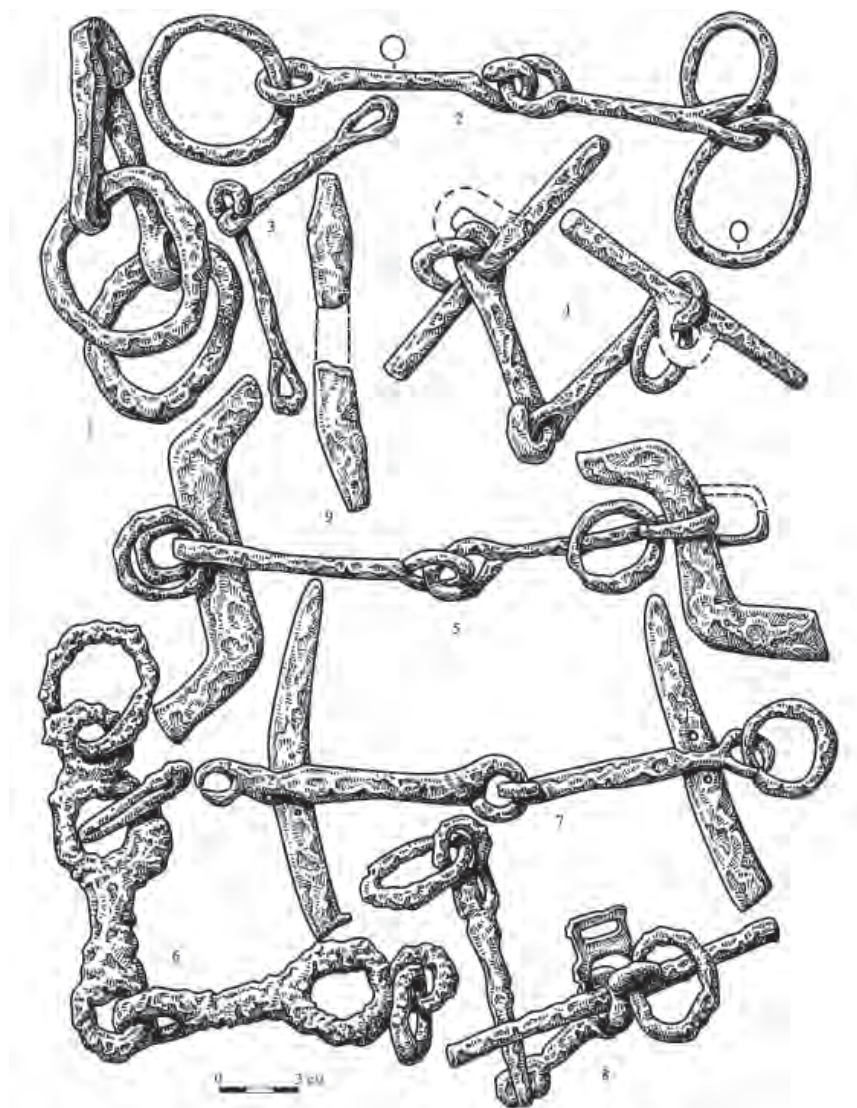

Рис. 17. Танкеевский могильник. Удила 1-8 – железо, 9 – кость.

рых наглухо прокован (рис. 19: 1; 7 экз.). Группа Б – вырезанные бронзовые и серебряные наконечники, которые прикрепились к ремню с помощью загибов и штифтиков (рис. 19: 2–5; 6 экз.). Группа В – литые бронзовые и серебряные наконечники (рис. 19: 6–31; 40 экз.); все они за одним исключением (рис. 19: 19) имеют закругленную или угловатую переднюю и прямую или волнистую заднюю части.

Аналогии форме наконечников из Танкеевки можно найти во многих памятниках на широкой территории, в том числе среди древностей населения салтовской культуры и древних венгров (Жазков, 1992, с. 161).

Накладки на различные материалы, бронзовые или серебряные, часто с позолотой. Большинство их относится к поясным и уздечным. В 23 захоронениях встречены накладки головного убора и в 7 – накладки на другие, в том числе на деревянные

предметы. Накладки за редким исключением все литые, со штифтами на обратной стороне для крепления к ремню. По форме они разделяются на 18 видов, включающих ряд разновидностей (по наличию или отсутствию прорезей) и типы (по деталям формы, наличию или отсутствию орнамента или по другим деталям).

Вид I – круглые (рис. 20: 1–10; 21 экз.).

Вид II – округло-овальные (рис. 20: 11–19; 17 экз.).

Вид III – подтреугольно-овальные (рис. 20: 20–34; 131 экз.).

Вид IV – сердцевидные (рис. 20: 35–47; 17 экз.).

Вид V – полуовальные или арочные (рис. 20: 48–74; 236 экз.).

Вид VI – диадемообразные (рис. 20: 75–84; 14 экз.).

Вид VII – подчетыреугольные (рис. 20: 85–86; 3 экз.).

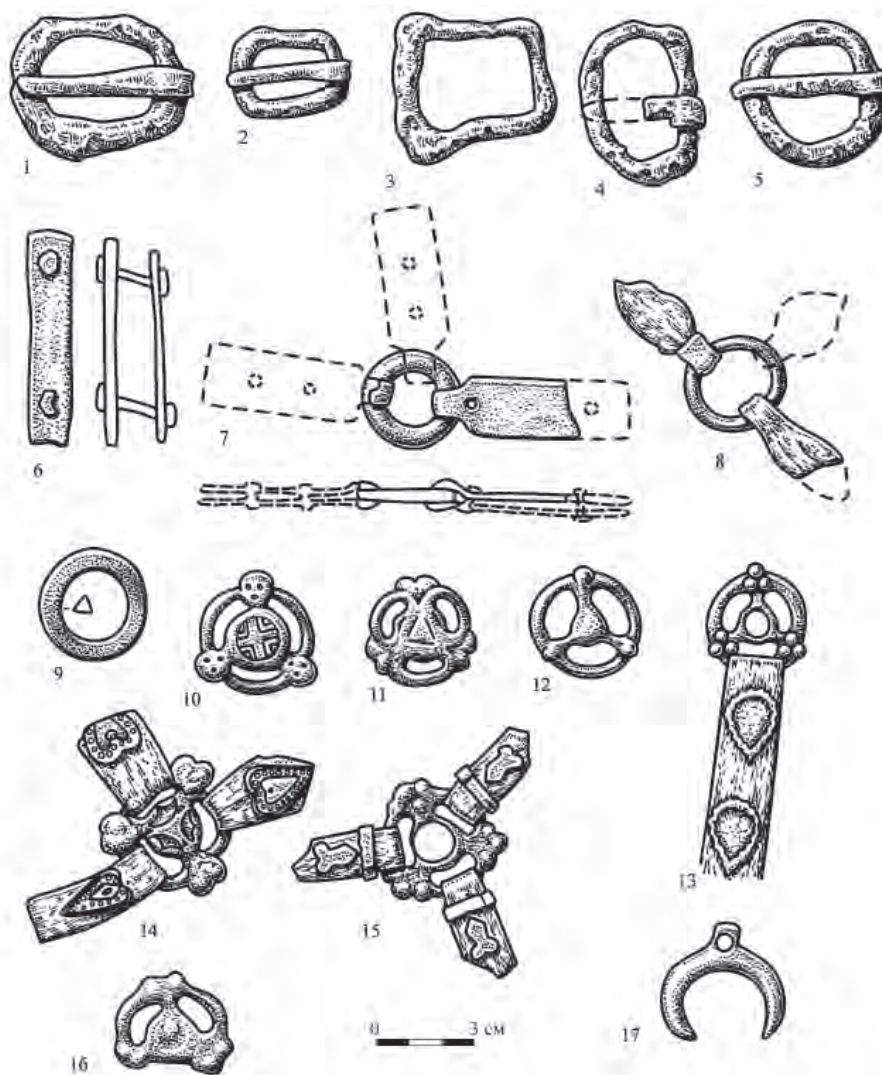

Рис. 18. Танкеевский могильник. Предметы конского снаряжения. 1-9 – железо; 10-17 – бронза

Вид VIII – квадратные (рис. 20: 87–91; 19 экз.).

Вид IX – в виде геральдического щита (рис. 20: 92–101; 89 экз.).

Вид X – в виде пятиугольника (рис. 20: 102–106; 45 экз.).

Вид XI – с двумя длинными параллельными сторонами (рис. 20: 107–109; 31 экз.).

Вид XII – в виде стилизованной головы животного (рис. 20: 110–113; 25 экз.).

Вид XIII – трехчастные (рис. 20: 114–115; 12 экз.).

Вид XIV – гантелевидные (рис. 20: 116–117; 8 экз.).

Вид XV – лировидная (рис. 20: 118; 1 экз.)

Вид XVI – уступчато-пирамидообразная или неволинского типа с V-образной прорезью (рис. 20: 119; 1 экз.).

Вид XVII – двухсоставная (рис. 20: 120; 1 экз.).

Вид XVIII – антропоморфная в виде человеческой головы с петлей внизу (рис. 20: 121; 1 экз.).

Большинству неорнаментированных овальных, подтреугольных, сердцевидных, полуовальных или арочных накладок Танкеевского могильника имеются аналогии на широкой территории Евразии в памятниках IX–X вв.

В отдельную группу выделяются подтреугольные, полуовальные, нередко с петлями внизу, накладки, украшенные орнаментом из трилистников, четырех лепестков и геометрическим узором (рис. 20: 19–23, 33, 59, 63, 76). В своем большинстве они фиксируются в салтовских памятниках конца VIII–IX вв. (Плетнева, 1967, с. 163, рис. 44, 18, 31, 39).

Вторую группу изделий (рис. 20: 2–4) можно условно назвать верхнекамско-чепецкой. Все они находят аналогии в могильнике Мыдлань-Шай середины VIII – середины IX вв. (Генинг, 1962, табл. IV, 5, 6, 8, 9, 11, 12).

Довольно большую группу накладок мы условно называем южноуральской, хотя в ней явно

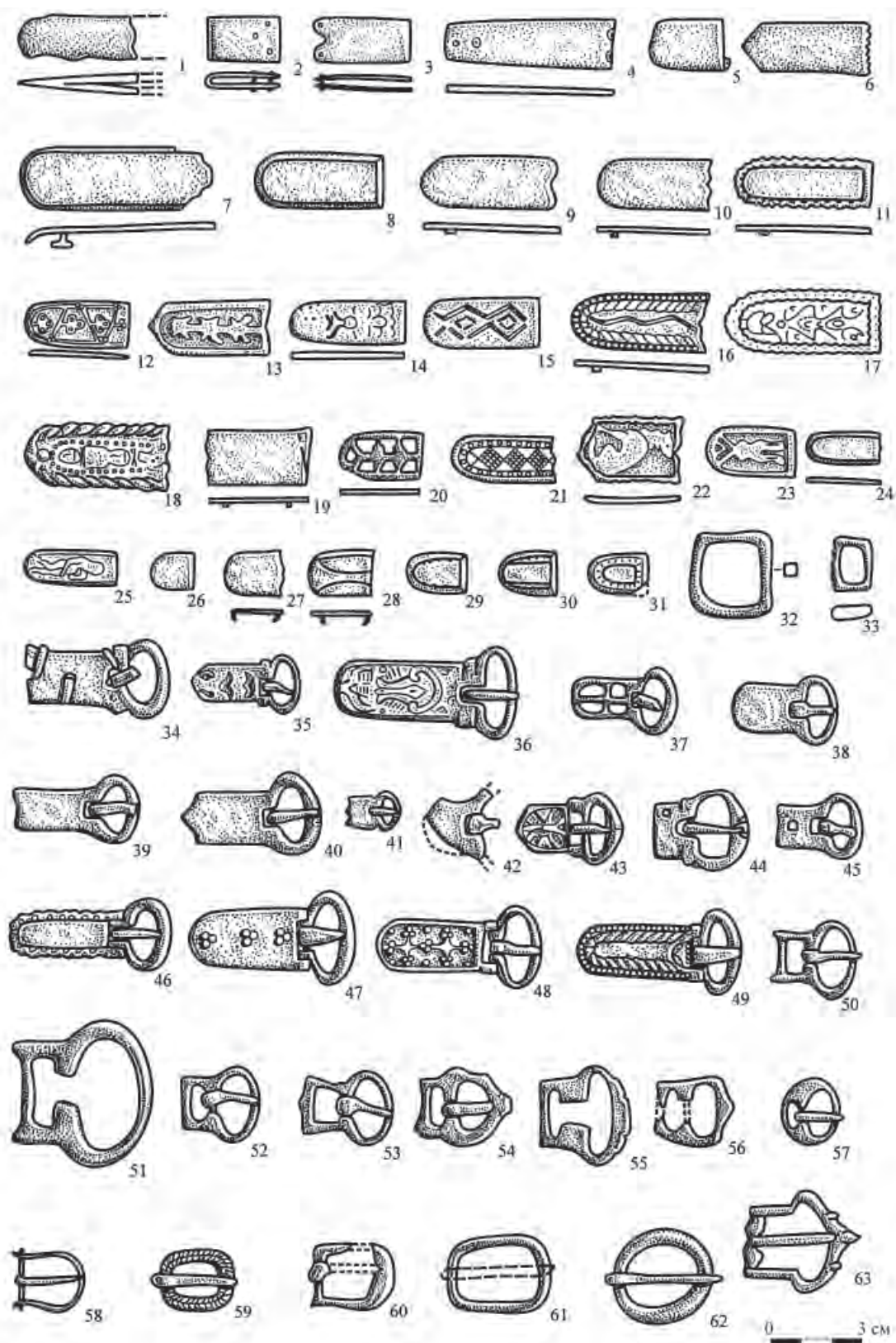

Рис. 19. Танкеевский могильник. Предметы поясного набора.
1, 7, 32, 34 – железо; 2-6, 8-31, 35-63 – цветной металл

прослеживаются среднеазиатские истоки (рис. 20: 6–8, 27, 28, 45, 61, 70–74, 82, 120). Проникновение таких накладок далеко на запад было связано с передвижением мадьярского союза племен в конце IX в.

Многие из накладок сердцевидной, арочной и квадратной формы, украшенные пояском полусферных выпуклин или насечек вдоль края, упрощенным растительным орнаментом (рис. 20: 25, 35, 36, 38, 42–44, 65–69, 92, 99, 192, 107–109), относятся к X – началу XI в. Они встречаются довольно широко в памятниках Поволжья безотносительно к их этнокультурной принадлежности. В дальнейшем некоторые из них становятся прототипами накладок конца X – начала XI вв., изготавливаемых в Волжской Болгарии.

Выделяются более десятка типов накладок на деревянные изделия (рис. 20: 128–133, 122–127; всего 17 экз.). Аналогии накладкам этой группы совпадают с параллелями подобных накладок на ремень.

Накладки головного убора (рис. 21: 1–14) серебряные или бронзовые с позолотой, за единичным исключением (рис. 21: 9) штампованные, встречаются в 28 погребениях. По краям имеются отверстия для пришивания к матерчатой или кожаной основе головного убора. По форме они разделяются на ромбические (рис. 21: 1–5), трехчастные (рис. 21: 7–9), круглые (рис. 21: 10–12) и подтреугольные (рис. 21: 14). Аналогии многим типам накладок головного убора имеются в памятниках Венгрии и Северного Кавказа. Расположение накладок на головном уборе и сам головной убор из Танкеевки обнаруживает сходство с женскими головными уборами из памятников VIII–X вв. Верхнего и Нижнего Прикамья (Казаков, 1992, с. 171).

Перстни (рис. 12: 12–14; 21: 15–27; 81 экз.), бронзовые, серебряные, золотые или из сплава нескольких металлов, подразделяются на несколько видов.

Вид А. Цельнолитые: тип А1 – с округлым гнездом, имеющим четыре захвата (рис. 21: 15; 36 экз.); тип А2 – с округлым гнездом на высокой блоковидной подставке (рис. 21: 16; 1 экз.); тип А3 – с овальным плоским щитком без гнезда (рис. 21: 17; 4 экз.); тип А4 – с квадратным плоским щитком (рис. 21: 18; 2 экз.); тип А5 – с узким плоским щитком (рис. 21: 19; 2 экз.).

Вид Б. С припаянным щитком: тип Б1 – с пустотелом кольцом и овальным гнездом в слабо выделяющемся щитке (рис. 21: 20; 4 экз.); тип Б2 – с овальным гнездом, имеющим четыре захвата (рис. 21: 21; 1 экз.); тип Б3 – малого размера с гнездом овальной формы (рис. 21: 22; 4 экз.); тип Б4 – с овальным гнездом, окруженным пояском нарезок

(рис. 21: 23; 1 экз.); тип Б5 – с квадратным гнездом (рис. 21: 24; 4 экз.).

Вид В – золотой перстень, составной, со щитком, имеющим четыре захвата и украшенным по бокам V-образным орнаментом (рис. 21: 25; 1 экз.).

Вид Г – пластинчатые; из орнаментированной ромбической пластины с припаянной по краям проволокой (рис. 21: 26; 1 экз.).

Вид Д – проволочный; изготовлен из круглой в сечении проволоки, свернутой в 1,5 оборота (рис. 21: 27).

Аналогии так называемым «лапчатым» перстням типа А1 встречаются в памятниках VIII–X вв. на территории от Верхней Камы до Северного Кавказа и от Башкортостана до Венгрии. Так же широко встречаются цельнолитые перстни со щитками без вставок (рис. 21: 17–19). Пластинчатые перстни являются частой находкой в древнемордовских и древнемарийских памятниках (Казаков, 1992, с. 172).

Браслеты бронзовые или серебряные (группа I, рис. 22: 1–14; 69 экз.), железные (группа II, 13 экз.) по поперечному сечению делятся на виды: А – граненые (а. восьмигранные, б. четырехгранные, в. трехгранные), Б – круглые, В – овальные, Г – пластинчатые, Д – плетеные.

Дротовые восьмигранные браслеты типа IА (рис. 22: 1–2) имеют многочисленные аналогии в памятниках Прикамья, Урала и Приуралья. В X – начале XI вв. они широко встречаются в памятниках древних марийцев. Плетеный из двойной серебряной проволоки браслет с шатонами (рис. 22: 16) напоминает подобные изделия Волжской Болгарии домонгольского периода. Сходные браслеты отмечены в могильнике Саркел – Белая Вежа. Браслеты других типов также широко распространены в Волго-Уралье VIII–XI вв. (Казаков, 1992, с. 174).

Височные подвески и серьги (рис. 23; 304 экз.) изготовлены из бронзы (нередко с позолотой) и серебра. По технике изготовления делятся на группы: I – проволочные (рис. 23: 1–4; 183 экз.), II – цельнолитые (рис. 23: 5–20; 44 экз.), III – составные (рис. 23: 21–24; 52 экз.), по форме примыкающих напуском – на подгруппы, типы – по деталям оформления колец, напусков и ушков.

Широкое распространение имели серьги в виде правильного кольца (рис. 23: 1). В основном в памятниках лесной и лесостепной полосы IX–XI вв. от Урала до Оки находят параллели подвески с гроздевидным напуском и с ушком из пирамидки шариков (рис. 23: 3–16). Преимущественно только в ломоватовских и полемских памятниках второй половины VIII–IX вв. фиксируются аналоги сергам, украшенным по кольцу пирамидками зерни (рис. 23: 7–10). Там же находят аналогии серьги

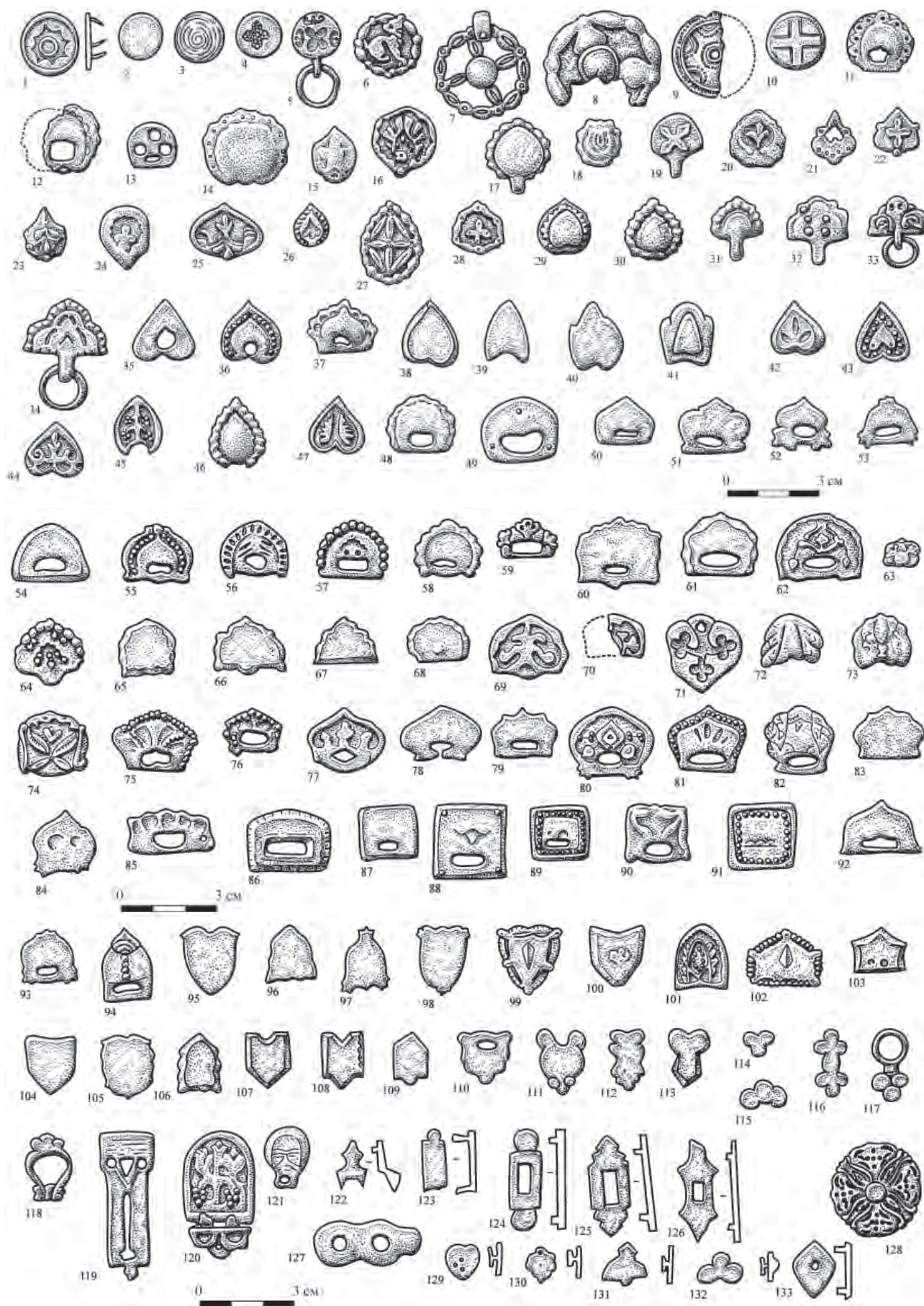

Рис. 20. Танкеевский могильник. Накладки из цветного металла

с массовыми булавообразными напусками, часто украшенные широко распространенным на Верхней Каме и Приуралье способом напайки зерни в виде треугольников и пирамидок (рис. 23: 21, 22). Цельнолитые и составные, так называемые салтовского типа, серьги с напускными бусами (рис. 23: 17, 18, 23, 24) по своему происхождению связаны с салтовским кругом памятников (Казаков, 1992, с. 175–176).

Украшения на груди и косах обычно подвешивались на ремешках с нанизанными на них пронизками и обоймами или на цепочках.

Бусиновидные пронизки – бочонковидные (рис. 23: 25–28; 87 экз.), округлые (рис. 23: 26; 24 экз.), биконические (рис. 25: 27; 10 экз.), крупные шаровидные (рис. 23: 28; 15 экз.). Спиральные пронизки (рис. 23: 29; в 48 погребениях) изготовлены из плоской треугольной или круглой в сечении проволоки. Трубочатые пронизки (рис. 23: 30–33; 11 экз.) в виде небольших по диаметру литых, со вздутием, рифленых или гладких рубочек. Обоймицы (рис. 23: 34–38; 7 экз.) – бронзовые в виде трубочки с пазом, длиной до 11 см. На одном конце обычно имеется отверстие или петля. Почти все типы пронизок и обоймиц из Танкеевки имеют аналоги в ломоватовских и полемских памятниках (Голдина, 1970, табл. 52, 1–29; Генинг, 1962, табл. V, 4–8).

Среди металлических плоскостных выделяются шумящие подвески (рис. 5: 5, 6; 24: 18, 19) с трапециевидным, прямоугольным, круглым, треугольным, очковидным щитками и с щитком в виде стилизованных конских головок. Последние связаны своими истоками в основном с Верхней Камой и в меньшей степени с бассейном р. Чепцы и Марийским Поволжьем. Все они датируются X в. Остальные типы подвесок и привесок, количественно немногочисленные (монетообразные, в виде лапок водоплавающих птиц, круглые, кольцевидные, лопатковидные, гребешковидные и др.), характерны также для культуры финно-угорского населения Урало-Поволжья (Казаков, 1992, с. 178–180, рис. 65, 1–44).

Бусы могильника (9940 экз. из 273 погребений без учета материалов последних лет раскопок) разнообразны как по материалу, так и по форме. По материалу они делятся на 6 групп: каменные (сердоликовые, хрустальные, халцедоновые, яшмовые, мраморные), стеклянные (одноцветные, с металлической прокладкой, полосатые черно-белые, полихромные, глазчатые с невыступающими глазками, глазчатые с выступающими глазками) гешировые, кашинные, костяные, коралловые, подробная типология которых приведена в монографии Е.П. Казакова (1992, с. 184–196). В своей массе танкеевские бусы вряд ли могут датировать-

ся временем раньше IX в. Верхняя дата их ограничивается X – первой половиной XI в.

Этим же временем датируются предметы туалета и гигиены: флаконы (рис. 25: 1; 5 экз.), зеркала (рис. 25: 2; 2 экз.), гребень (рис. 25: 3; 1 экз.), пинцеты (рис. 25: 4, 5; 2 экз.), копоушки (рис. 25: 6–10; 14 экз.), а также предметы культа (подвески из зубов медведя и волка, клыки кабана, подвески-всадники, колесовидные подвески и пр., см. рис. 25: 11–19).

Заключение¹. К танкеевской группе раннеболгарских могильников принадлежат еще несколько памятников: Тетюшский могильник, обнаруженный в 1949 г. на правом высоком берегу р. Волги на северной стороне г. Тетюши (Казаков, Халикова, 1981, с. 21–35; Казаков, 1992, с. 202–206), Лебяжское погребение (Казаков, 1992, с. 206–207); комплекс находок из Кокрятьского, Хрящевского, Старомайнского могильников (Генинг, Халиков, 1964, с. 86–89; Казаков, 1992, с. 206–218). Материалы этих памятников позволяют более объективно представить этническую ситуацию Среднего Поволжья накануне образования государства Волжская Болгария.

Культурная и этническая целостность финно-угорского в своей основе населения была нарушена еще в эпоху Великого переселения народов, начавшуюся вторжением гуннов в восточноевропейские степи в IV в. и открывшую, по сути, процесс тюркизации края. Практически в это же время в край внедряются группы именьковского населения, этнос которых до сих пор вызывает острые споры среди ученых – в разное время, начиная с конца 50-х годов прошлого столетия, их определяли как поволжских финнов (А.П. Смирнов, Ю.А. Краснов), угров-мадьяр (Степанов, 1964, с. 136–147), тюрков (Калинин, 1954; Генинг, 1959; Халиков, 1971, с. 13 и сл.; Старостин, 1971), балтов (Халиков, 1988). В настоящее время преобладает точка зрения о славянском этносе именьковцев, покинувших средневожские земли под натиском новых переселенцев – болгар (Матвеева, 1981, с. 52–72; 1997, с. 206–217; Седов, 2002, с. 245–255; Кляшторный, Старостин, 2002, с. 210–217). В то же время появилась новая точка зрения о принадлежности именьковских памятников поздним сарматам эпохи Тюркских каганатов (Казаков, 2021, с. 36; Валиев, 2019, с. 115). Такая ситуация отражает реальную, чрезвычайно сложную, но не всегда пока доступную для понимания этническую картину Средневожского региона накануне появления памятников т. н. новинковского типа конца VII – первой половины VIII вв.

¹ Написано Ф.Ш. Хузиным.

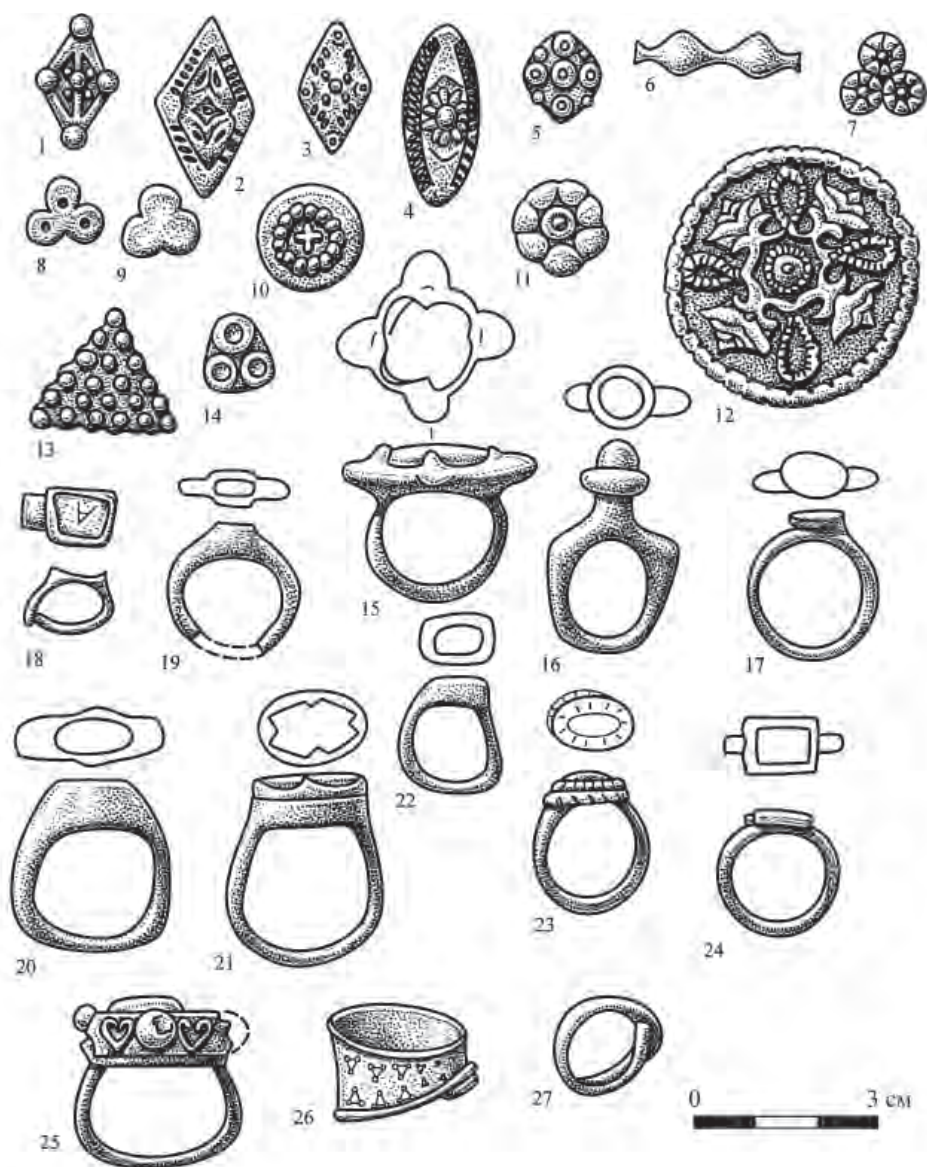

Рис. 21. Танкеевский могильник. Накладки головного убора и перстни
1-11, 23, 24, 26, 27 – бронза и серебро; 12, 25 – золото

Новинковские памятники оставлены, по всей вероятности, тюркоязычным населением, пришедшим после распада Великой Болгарии Кубрата, а также, судя по некоторым особенностям погребального обряда (курганы с каменной наброской), из далекого Алтая и Сибири (Матвеева, 1997; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998). По мнению антропологов, население, оставившее памятники новинковского типа, «по комплексу краниологических и одонтологических признаков входило в круг распространения болгарских кочевых племен Поволжья и Подонья, было смешанным по своему антропологическому составу» (Рудь, 1987, с. 141).

Мы не согласны с мнением некоторых исследователей, которые говорят об исчезновении болгарских памятников новинковского типа в результате походов арабского полководца Марвана на

Самарское Поволжье в 737 г. – он воевал в основном на Северном Кавказе и нет никаких сведений о его походах на Среднюю Волгу. Даже в случае вынужденных миграций не бывает полного исчезновения или гибели населения; часть их, пусть небольшая, остается на прежних местах обитания и смешивается с другими более многочисленными этносами. Новинковцы (скорее всего, и часть предшествующего именьковского населения) оставались там же, где жили раньше, и встретили следующую волну болгар из земель Хазарского каганата, археологически представленных могильниками типа Больших Тархан.

Этническая пестрота населения края увеличилась и на следующем этапе истории ранних болгар – танкеевском, хорошо изученном крупным авторитетом в этой области Е.П. Казаковым и

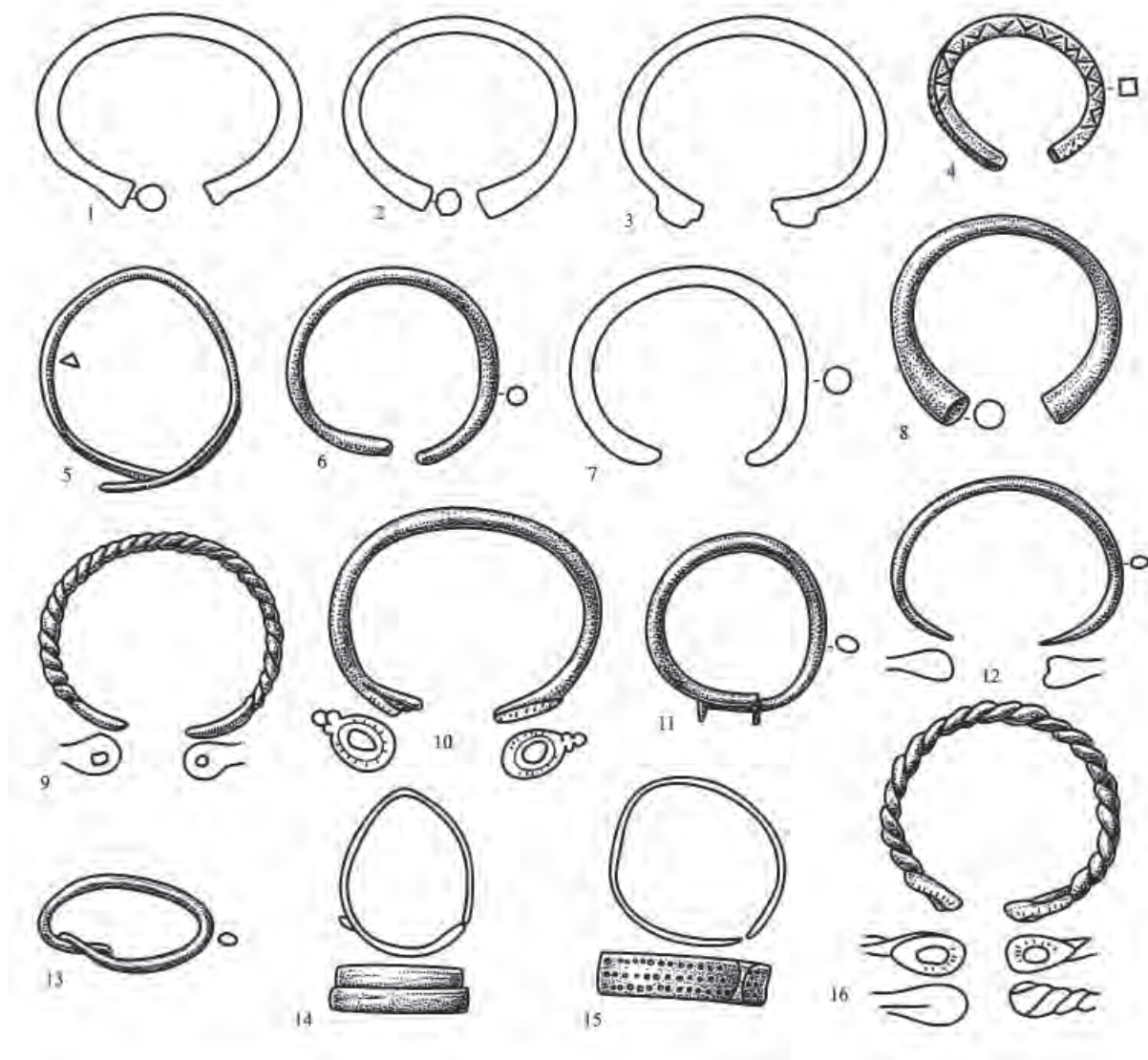

Рис. 22. Танкеевский могильник. Браслеты
1-6, 8-15 – бронза, 7, 16 – серебро

Е.А. Халиковой (Казаков, 1971; 1972; Халикова, 1971; 1972). Погребальный обряд и инвентарь этого уникального некрополя объективно отражает этническую ситуацию в ранней Волжской Болгарии периода формирования государственности и этнических основ ее населения, состоящего из взаимодействующих между собой тюркоязычных (болгары) и преобладающих количественно финно-угорских групп. Среди последних легко определяются пришлые из районов Верхнего и Среднего Прикамья группы поломского и ломоватовского населения, четко выделяется угорский (ранневенгерский) компонент. Обнаружено даже захоронение летописной мещеры, свидетельствующее об этнических связях с волго-окским финским населением (Казаков, 2007, с. 77).

Начиная с середины 1970-х годов особо усилился у исследователей интерес (который отнюдь не отсутствовал и раньше) к ранним венграм (протовенграм). Он связан с открытием, раскопками и интерпретацией материалов уникального Большеитганского могильника. Материалы Больших Тиган и Танкеевки, а также памятники кушнаренковского типа, выявленные преимущественно в восточных районах Татарстана, только дополняют друг друга. Они показывают, что игнорировать в процессе формирования населения Волжской Болгарии участие данного компонента нельзя, учитывая, что часть протовенгров не ушла вместе с основной группой на запад, а осталась на прикамских землях, подвергалась ассимиляции, но сохраняла еще своё этническое самосознание

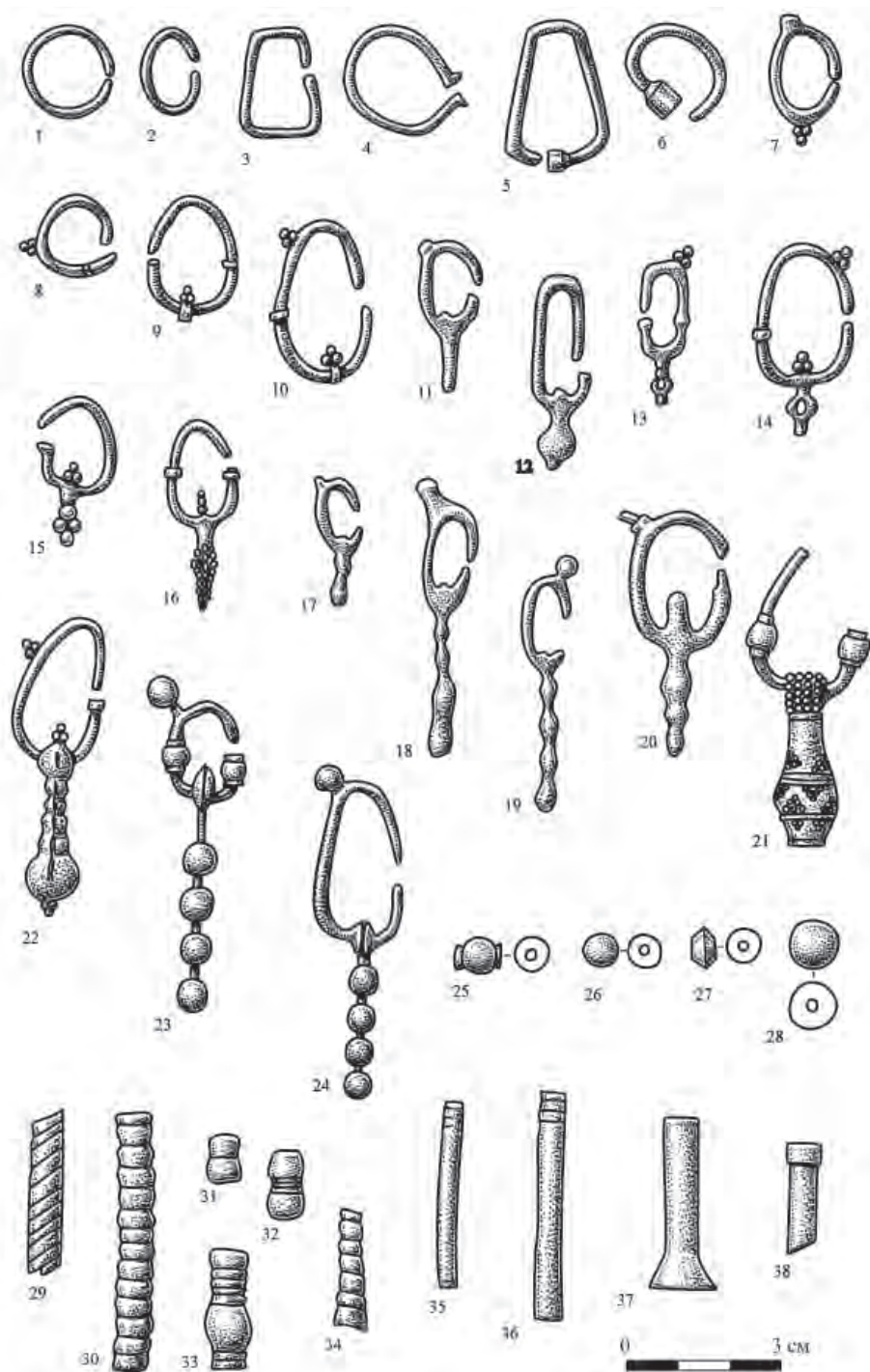

Рис. 23. Танкеевский могильник. Височные подвески, серьги и пронизки из цветного металла

вплоть до монгольских завоеваний, как это мы видим из записок доминиканца Юлиана (1235 г.).

Период формирования Волжской Болгарии и этнических основ ее населения в конце IX – начале X веков требует также нового осмысления. В письменных источниках фиксируются среди населения страны болгары (подразумевается, что они численно преобладали), сувары, барсилы (берсула), билеры, баранджары (беленджер), эскилы. Все они, кроме эскилов, упоминаемых среди племён

Тюркского каганата на Алтае, фигурируют в событиях, происшедших ранее в Хазарском каганате, значит, они пришли с юга. Местная финно-угорская составляющая отражена практически только в археологии. Понятно, что более продвинутые и воинственные болгары, давшие возникающему государству свое название, являлись политическими гегемонами, способными консолидировать вокруг себя другие родственные им по языку и происхождению тюркоязычные племена. Сложение

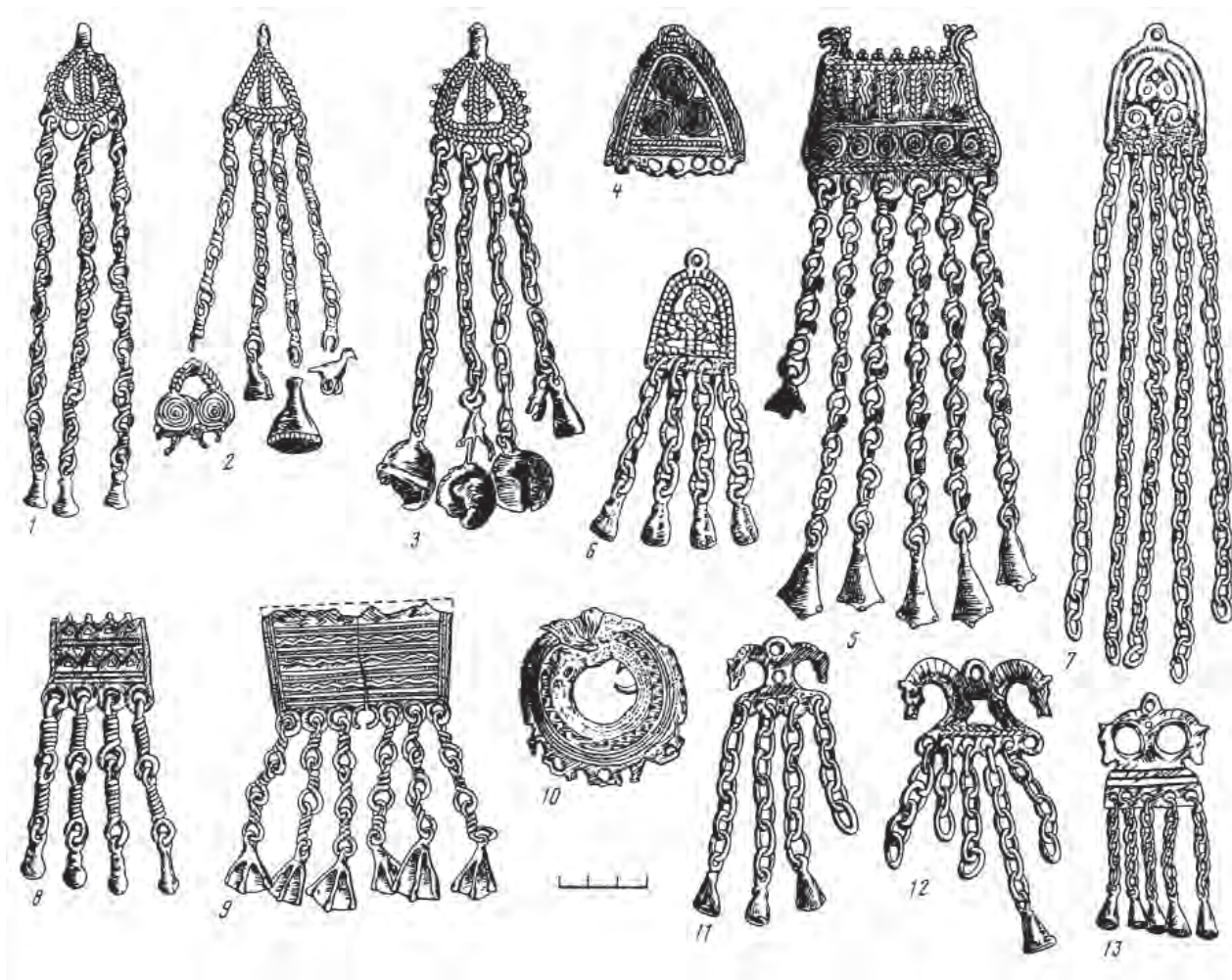

Рис. 24. Танкеевский могильник. Бронзовые шумящие подвески

1, 7 – погребение 440; 2 – погребение; 3 – погребение; 4 – погребение 715; 5 – погребение 664; 6, 11 – погребение 207; 8 – погребение 723; 9 – погребение 267; 10 – погребение 508; 12 – погребение 287; 13 – погребение 953.

болгарской народности, значительно ускоренное принятием монотеистической религии ислам, завершилось практически в том же X столетии, судя по тому, что названия вышеперечисленных племен уже не упоминаются в письменных источниках (следует, однако, учесть малочисленность их для XI столетия). Обратим внимание на заключение антропологов, исследовавших материалы не ранних болгар VIII–X вв., когда ещё существовала этническая пестрота населения страны, а X–XI и XII–XIII вв. (по материалам Билярских и других могильников), когда консолидированное население страны носило название болгары. По данным С.Г. Ефимовой, долгое время и успешно занимающейся антропологией Волжской Болгарии, в том числе с точки зрения соотношения местного и пришлого населения, можно говорить «о доминировании автохтонного компонента в составе волжских болгар» (Ефимова, 1991, с. 76). Это значит, что этническую основу волжских болгар (с чисто биологической точки зрения) составляют не сами

болгары и близкие к ним родственные племена, а представители местного финно-угорского населения, принявшие систему ценностей политически доминирующих болгар, в том числе, надо полагать, и их религию. О болгарях домонгольских как о населении одноимённого государства много пишут и русские летописцы, и западные хроники, и представители арабо-персидской географической школы. На самом деле этническая пестрота сохранялась еще в материальной культуре населения, о чем свидетельствуют труды Т.А. Хлебниковой об этнокультурных группах в традиционной (преимущественно лепной, архаичной) болгарской керамике (Хлебникова, 1984), а также следы язычества в погребальной обрядности в основном периферийного населения, оказавшегося в болгарском среде и не успевшего еще адаптироваться к условиям высокой мусульманской культуры (Хузин, Хамидуллин, 2013, с. 215).

Эта культура продолжала развиваться и в период Золотой Орды, когда болгары, не уничто-

Рис. 25. Танкеевский могильник. Предметы гигиены и культа
1, 2, 4-9, 12-18 – бронза и серебро; 3, 10, 11 – кость

женные физически во время монголо-татарских завоеваний и пандемии середины XIV века, сохранившие даже свой язык, стали постепенно называться татарами, как раньше местные финно-угры, поменявшие свой этноним, став болгарами.

Материалы Танкеевского и близких к нему памятников объективно отражают этнокультурную

ситуацию, сложившуюся накануне и в ранний период сложения государственности волжских болгар. Они свидетельствуют о значительной, если не преобладающей, роли финно-угорского населения (в основном поволжских и пермских финнов, в значительной степени и древних мадьяр) в сложении этнических основ населения Волжской Болгарии.

ГЛАВА 5

БОЛЬШЕТИГАНСКИЙ МОГИЛЬНИК

В настоящее время общепризнано, что Большекетиганский могильник, исследованный объединенной экспедицией Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР и Казанского государственного университета под руководством А.Х. Халикова и Е.А. Халиковой в 1974–1975, 1978 (Chalikova, Chalikov, 1981; Халикова, Халиков, 2018) и 1979–1982, 1984–1985 гг. (Халиков, 1984; 1986; 1987), является ключевым памятником в изучении узловых проблем раннесредневековой истории Волго-Уралья, в первую очередь тех проблем, которые связаны с ранними этапами этногенеза венгров-мадьяр и их взаимоотношениями с местным населением. Уникальный могильник на Нижней Каме является своего рода связующим звеном между памятниками кушнаренковско-караякуповского круга и могильниками степного и лесостепного пояса степей Северного Причерноморья, а также расположенными гораздо западнее ранневенгерскими памятниками Дунайско-Карпатской котловины эпохи «обретения родины» IX–X вв.

Могильник был обнаружен в 1974 г. при строительстве дороги между селами Большие и Средние Тиганы Алексеевского района Республики Татарстан. Он располагался на высоком плато левого берега р. Тиганки, притока р. Шенталки, впадающей в р. Каму (примерно в 30 км к югу от нее). Следует отметить также, что в 20 км к югу от с. Большие Тиганы находится Билярское городище, известное в русских летописях как Великий город, в окрестностях которого в 1235 г. искал своих сородичей-венгров брат Юлиан.

На могильнике вскрыта площадь около 5000 кв. м и изучено всего 156 погребений (неграбленных чуть больше трети), из них опубликовано 56 наиболее хорошо сохранившихся и богатых вещами погребений (Chalikova, Chalikov, 1981; Халикова, Халиков, 2018)¹.

Погребальный обряд. Площадь, на которой находился Большекетиганский могильник, в течение долгого времени распаивалась, поэтому могилы

внешних признаков не имели. Располагались они неровными рядами, вытянутыми с юга – юго-запада на север – северо-восток (рис. 1). Очертания могильных ям прослеживались на глубине 50–60 см от современной поверхности.

Могильные ямы преимущественно подпрямоугольные в плане с небольшим расширением в области ног или головы. Размеры ям составляют 250–350×100–175 см для мужских, 180–225×70–120 см для женских захоронений; обычная глубина ям пределах 50–95 см. Большинство их имеют вертикальные стенки и ровное дно, в некоторых встречены уступы-заплечики вдоль продольной стенки шириной от 15 до 70 см и высотой до 20 см.

Выявлено 17 женских (рис. 2), 23 мужских (рис. 3) и 19 детских и подростковых захоронений (рис. 4), а также 2 кенотафа. Встречаются коллективные захоронения: в погребении 5 было три женских комплекса, в погребении 8 – два детских костяка с характерным набором мужчины-воина (рис. 5). По два детских скелета расчищены в погребениях 25 и 26; в погребении 47 была захоронена женщина с грудным ребенком (рис. 6).

Под костяками встречены остатки деревянных гробовищ, а также войлока, грубой ткани или бересты. Встречены включения древесного угля, золы, обугленных фрагментов гроба.

В изголовье погребенных находились кости животных. Обычно это бедренная кость левой ноги лошади, единично встречаются ребра, крестцы. Такие комплексы, представляющие собой остатки погребальной пищи, зафиксированы в 22 погребениях.

Характерным, как и в Большекетарханском могильнике, является сопровождение многих захоронений комплексом из черепа, костей четырех ног, иногда хвостовых позвонков лошади, которые находились на дне или на заплечиках могилы в ногах погребенных или сбоку от них. Нередко комплексы сопровождалась стремянами, удилами или уздечным набором. Иногда комплекс заменялся только черепом лошади. Семь погребений с черепом или черепом и костями ног лошади – мужские, четыре – женские.

Примечательной чертой обряда является приращение погребальных лицевых покрытий, обна-

¹ Раздел написан на основе вышеназванных публикаций Е.А. и А.Х. Халиковых. Материалы дополнительных исследований А.Х. Халикова 1978–1983 годов в настоящее время готовятся к печати.

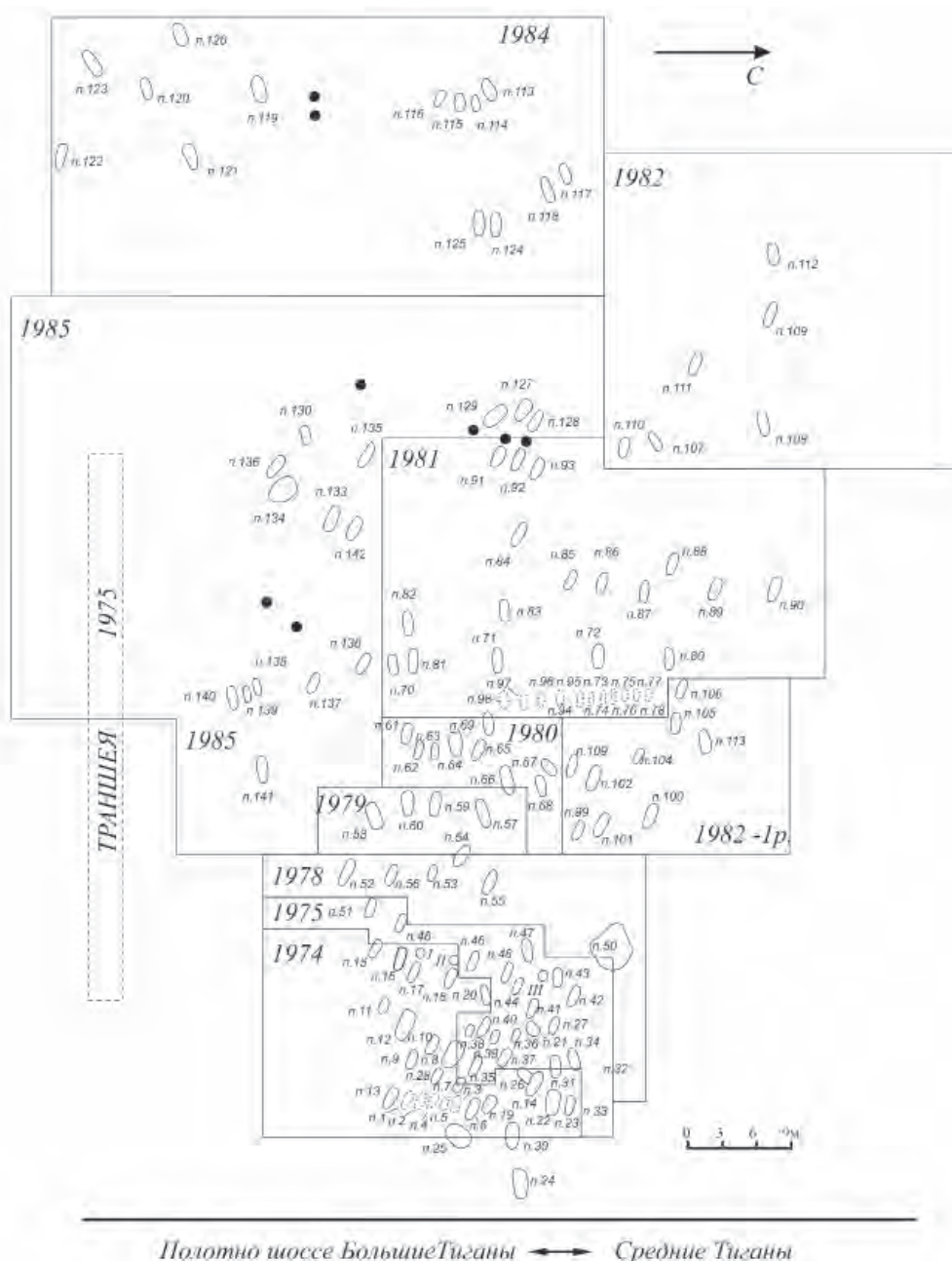

Рис. 1. Топография погребений Большетиганского могильника

руженных в восьми погребениях. Лицо умершего закрывалось тканью или кожей, на которые на место глаз пришивались накладки, вырезанные из пластинчатого серебра. По форме наглазники подпрямоугольные или округлые, с отверстиями по краям. Обычно на каждый глаз нашивалась одна пластина, но в погребении 28 удлиненная подпрямоугольная пластина прикрывала оба глаза. За исключением двух детских погребений (№ 35, 39), все покрытия происходят из мужских захоронений.

В 33 могилах найдены глиняные сосуды, располагавшиеся в изголовье. В могиле 12 находи-

лась деревянная чаша с серебряными обкладками. В 29 захоронениях, у берцовых костей ног, у пояса, реже в изголовье лежали железные ножи. В погребении 15 сохранились две иглы. Предметы огнива (кресала, кремни) зафиксированы у тазовых костей в 9 мужских захоронениях.

Предметы вооружения – сабли, луки, колчаны, стрелы, топор и кинжал – обнаружены лишь в мужских захоронениях. Сабли (9 экз.), лежали, как правило, вдоль тела с левой стороны (в погр. 24 – справа). Остатки луков найдены в десяти погребениях слева или справа от костяков. Так же располагались колчаны (15 экз.), содержавшие от

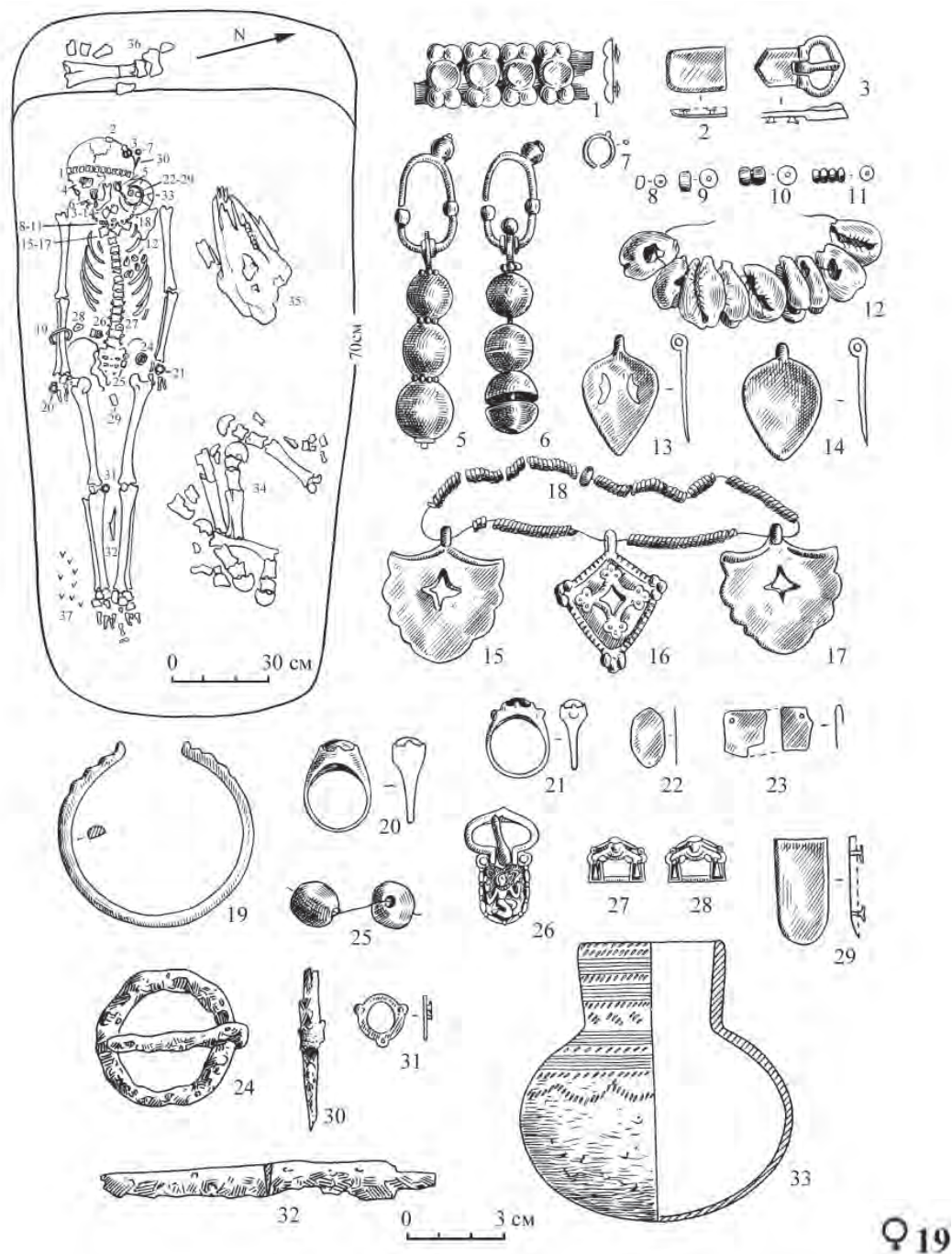

Рис. 2. Большетиганский могильник. Погребение 19 (женское захоронение).

1 – медная накладка на кожаную повязку (37 экз.); 2 – серебряный наконечник; 3 – серебряная пряжка; 5, 6 – бронзовые серьги с нанизанными бусами; 7 – золотое колечко; 8, 9 – белые, желтые и синие пастовые бисера (187 экз.); 10, 11 – двух- и трехзвеньевые бусы (8 экз.); 12 – раковины каури; 13, 14 – листовидные подвески из бронзы; 15, 16, 17, 18 – медная подвеска с спирально-навитыми пронизями; 19 – бронзовый браслет; 20, 21 – бронзовые перстни; 22, 23 – серебряные накладки; 24 – железная пряжка; 25 – серебряные бусины; 26 – серебряная пряжка; 27, 28 – серебряные накладки; 29 – серебряный наконечник ремешка; 30 – обломок железного шила; 31 – бронзовок колечко; 32 – железный нож; 33 – глиняный сосуд.

3 до 10 стрел. Единственный боевой топорик находился в погребении 43, у правой плечевой кости умершего.

Специфические черты погребального обряда Большетиганского могильника, в частности погребальные маски, комплексы из черепа и костей

лошади, находят аналогии в ломоватовских памятниках Верхнего Прикамья и в древненевенгерских памятниках на Дунае (Халикова, 1976,

с. 176–178). Следует отметить, что комплексы коня, характерные для кочевых угров, аналогичны комплексам Болшестарханского могильника ран-

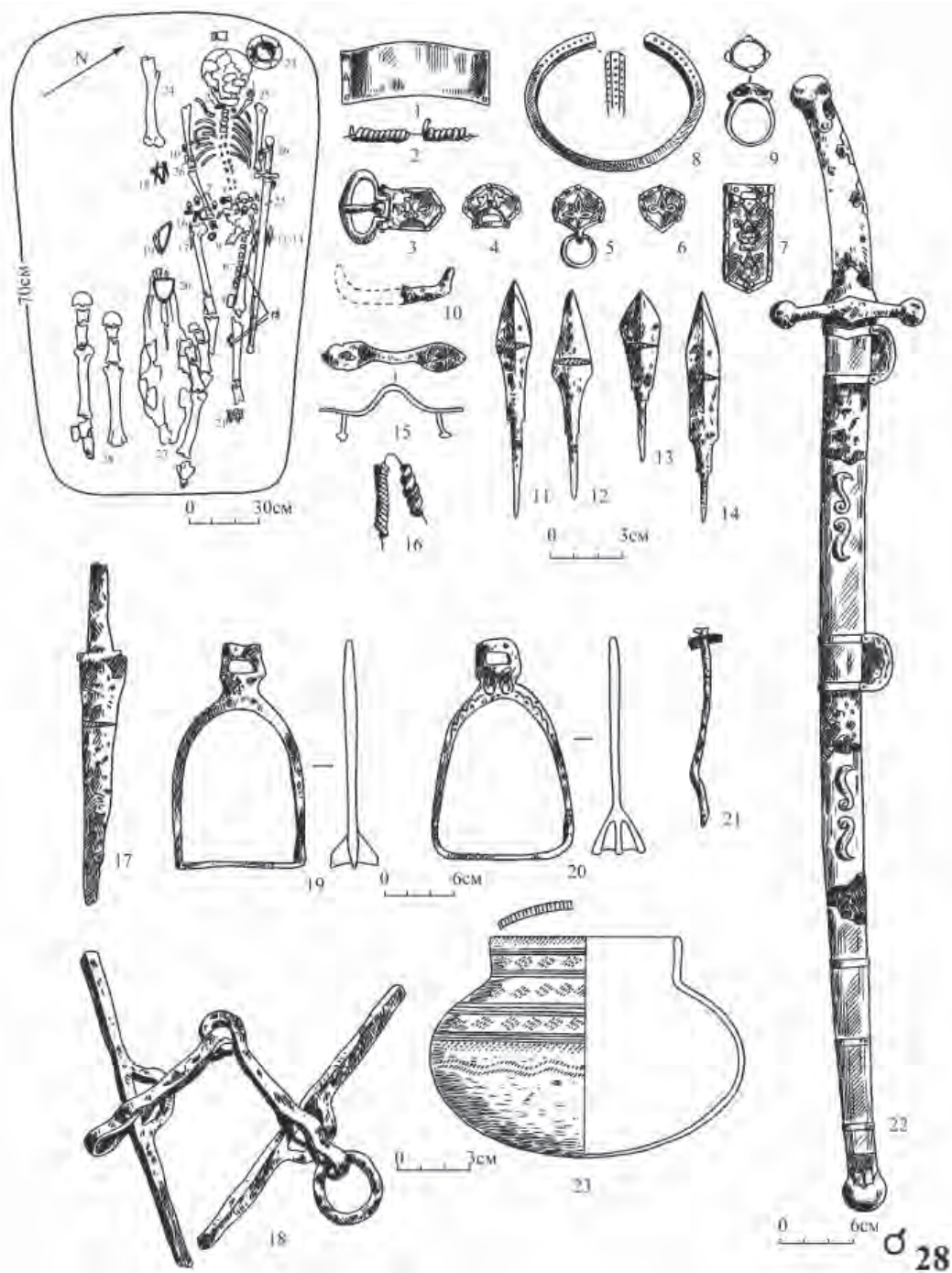

Рис. 3. Большетиганский могильник. Погребение 28 (мужское захоронение).

1 – серебряный наглазник; 2 – спиральная пронизка из меди; 3 – серебряная пряжка; 4, 5, 6 – серебряные накладки; 7 – серебряный наконечник ремня; 8 – бронзовый браслет; 9 – медный перстень (2 экз.); 10 – обломок железного кресала; 11, 12, 13, 14 – наконечники стрел; 15 – петля от колчана; 17 – железный нож; 18 – железные удила; 19, 20 – стремена; 21 – железный гвоздь?; 22 – сабля; 23 – глиняный сосуд.

них болгар. С угорским миром связано применение лицевых покрытий (Кзаков, 1968, с. 230–239; Халикова, 1976, с. 145–146).

Погребальный инвентарь Большетиганского могильника, богатый и довольно разнообразный, представлен глиняной посудой, украшениями, предметами одежды, вооружения, конского снаря-

жения, небольшим количеством бытовых предметов, орудий труда и культовыми поделками.

Посуда. Как отмечалось выше, в одном погребении зафиксированы обломки деревянной чаши с серебряными обкладками по венчику. Из 29 погребений происходят 34 глиняных сосуда. Один из них представляет собой круговой одноручный

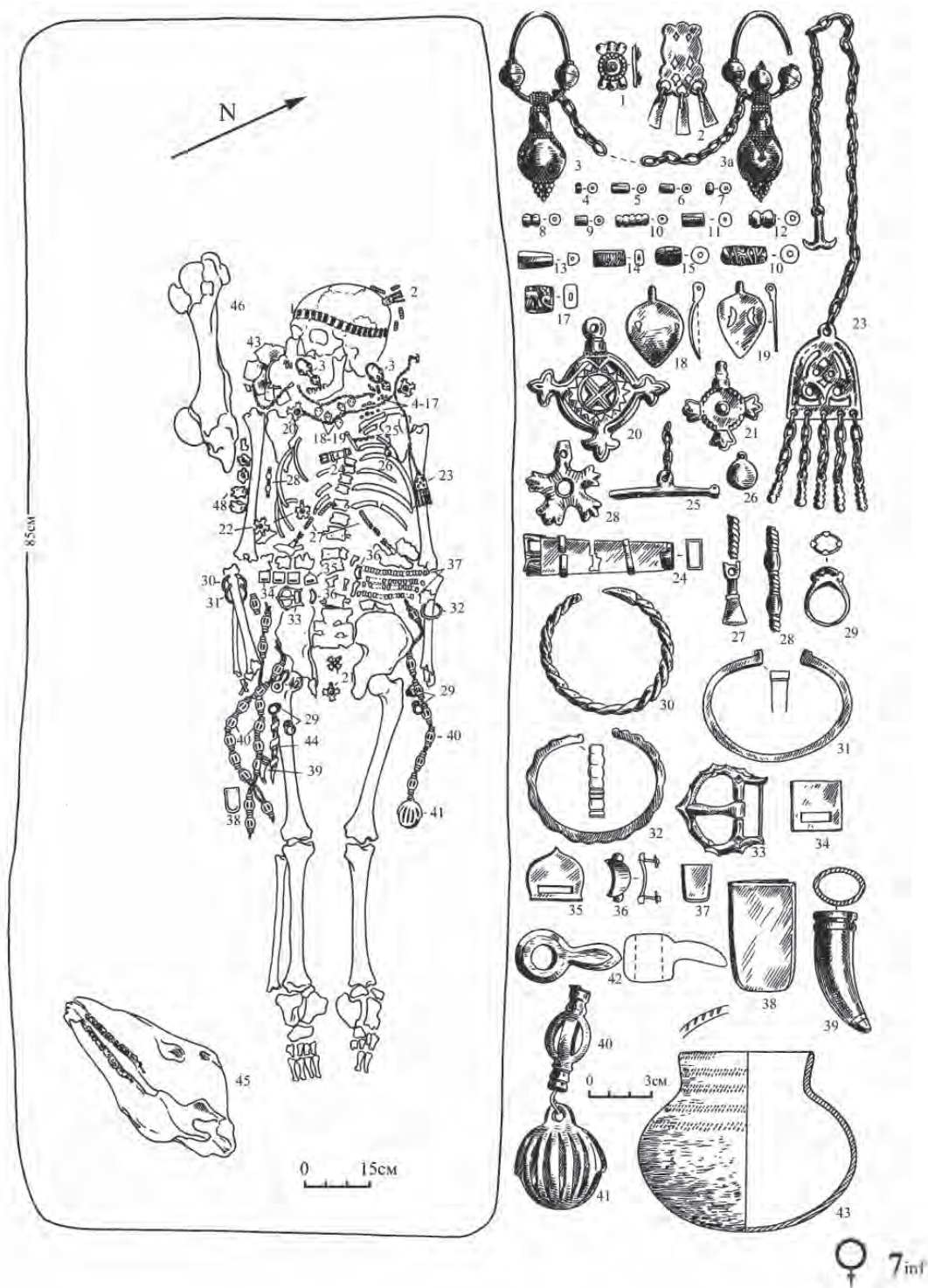

Рис. 4. Большетиганский могильник. Погребение 7 (захоронение молодой девушки 12–13-лет).
 1 – серебряная накладка; 2 – медная шумящая подвеска; 3 – медная подвеска; 4-17 – стеклянные и пастовые бусы от ожерелья; 18, 19 – листовидные подвески из серебра; 20, 21 – крестовидные подвески из серебра; 23 – медная шумящая подвеска с цепочкой; 24 – медная пластинчатая застежка; 25 – бронзовый костылек; 26 – бронзовая пуговка-бубенчик; 29 – перстень; 30, 31 – медные браслеты; 32 – серебряный браслет; 33 – серебряная пряжка; 34, 35, 36 – серебряные накладки; 37, 38, 39 – бронзовые наконечники ремня; 40, 41 – бронзовая пронизь с прорезными вздутиями и привеска с прорезью; 42 – костяное навершие деревянного прута (стека); 43 – глиняный сосуд.

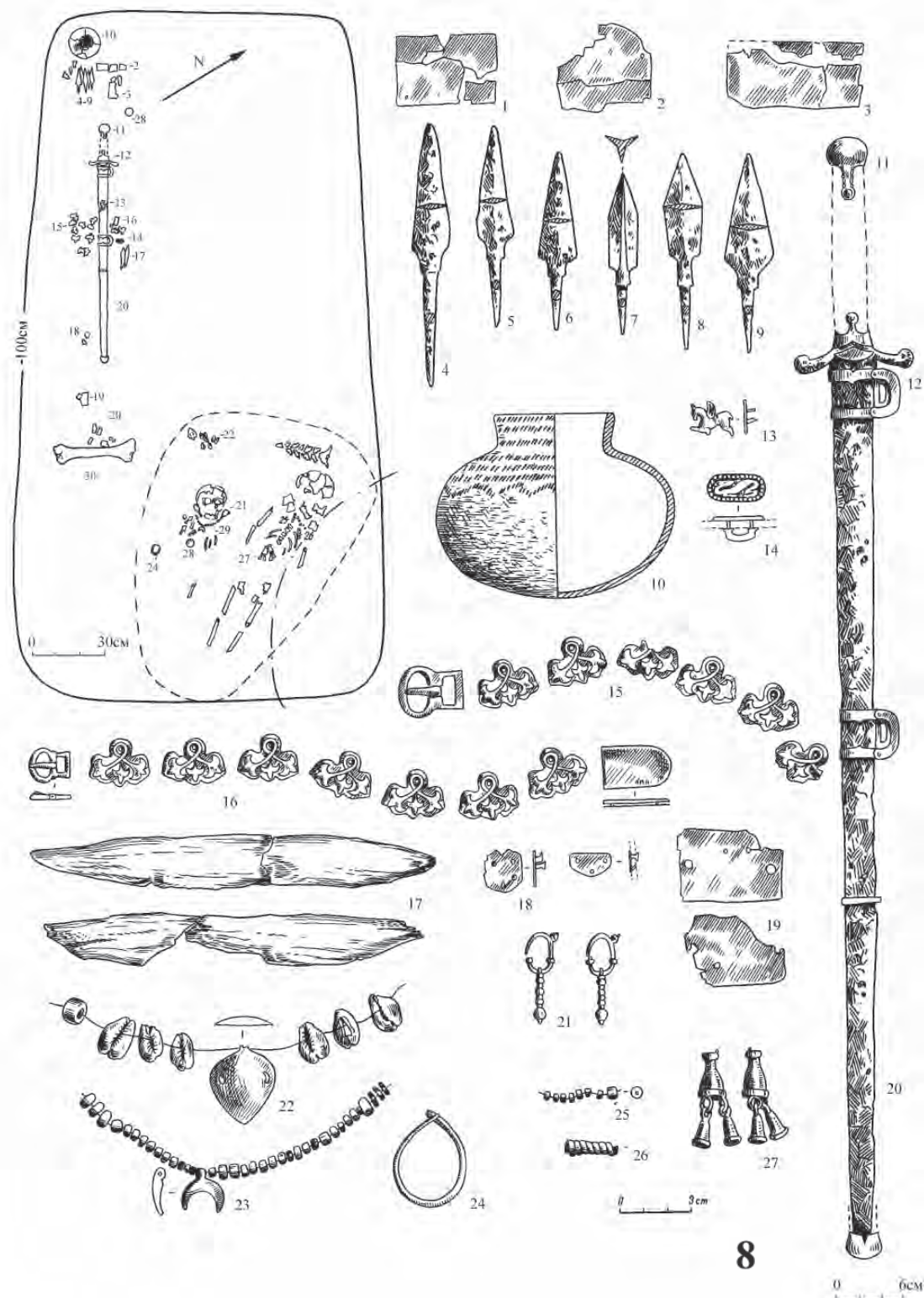

Рис. 5. Большетиганский могильник. Погребение 8 (парное детское захоронение).
 1, 2, 3 – обломки погребальных масок из серебра; 4-9 – железные наконечники стрел; 10 – глиняный сосуд; 11, 12, 13 – фигурка крылатого коня в верхней части ножен; 14 – накладка с изображением свернувшегося олененка сбоку ножен; 15, 16 – фигурные накладки и пряжка от портупейного ремня; 17 – костяные накладки от лука; 18, 19 – серебряные пластины; 20 – сабля; 21 – серебряные сережки салтовского типа; 22 – ожерелье из листовидной подвески и раковин; 23 – ожерелье из желтого бисера и лунницы; 24 – бронзовый браслет; 25 – желтый бисер; 26 – бронзовые пронизки; 27 – шумящие бутылчатые подвески.

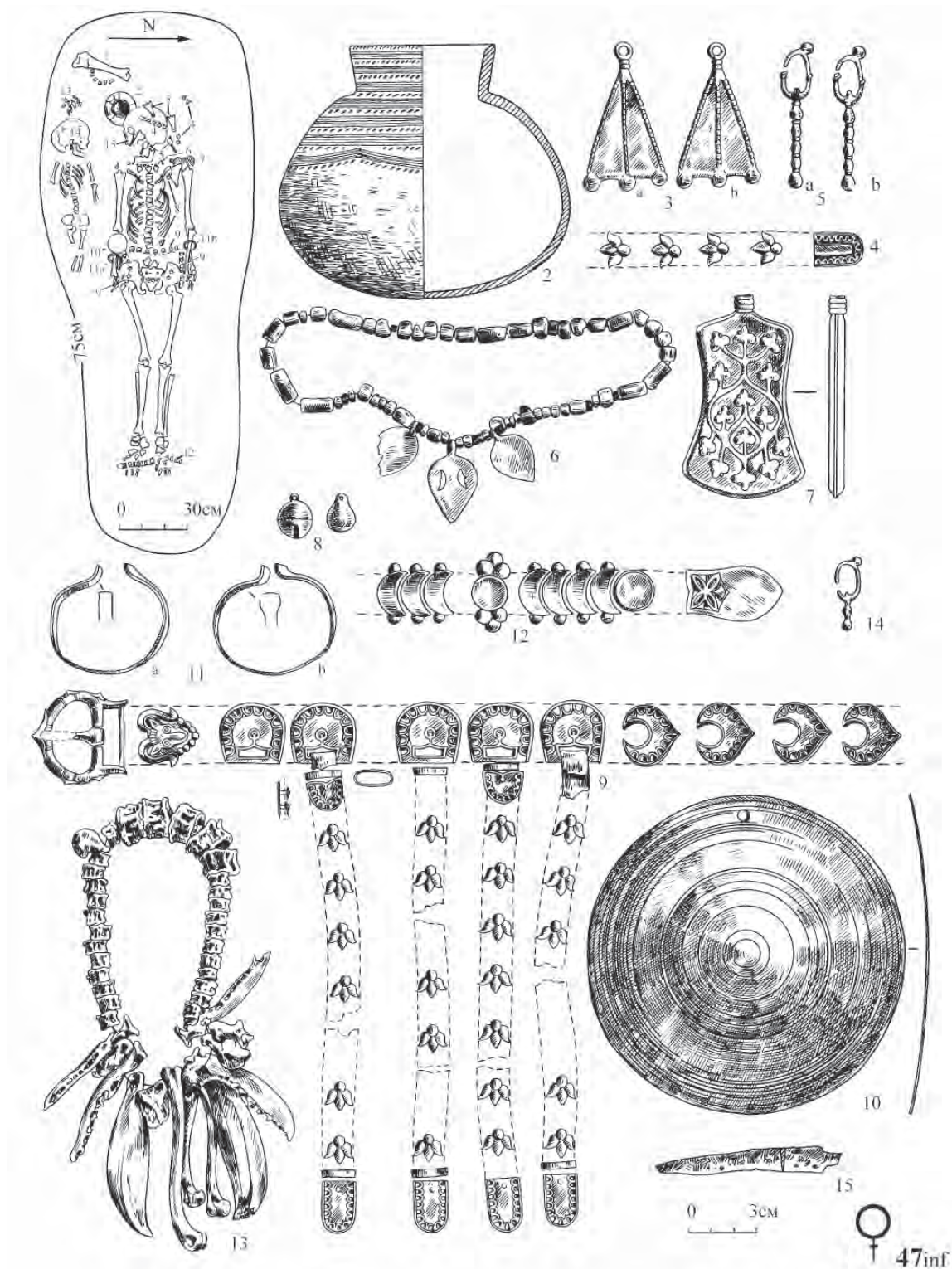

Рис. 6. Большетиганский могильник. Погребение 47 (захоронение женщины 20–25 лет с ребенком 8 месяцев)

кувшин типично салтовского облика (рис. 7: 33). Остальные сосуды изготовлены вручную. За исключением баночного сосуда с плоским дном из погребения 42 (рис. 7: 32), все остальные горшковидные, круглодонные, черного или темно-коричневого цвета, с примесью песка и органических остатков в глиняном тесте. Высота сосудов 6–9

см, диаметр шейки 4–8 см, диаметр тулова 7–14 см, толщина стенок 0,2–0,4 см.

По соотношению диаметра шейки к диаметру тулова горшковидные сосуды подразделяются на две группы: широкогорлые (соотношение более 2:3; рис. 7: 1–3; 3 экз.) и узкогорлые (соотношение от 1:3 до 2:3; рис. 7: 4–31; 28 экз.). Узкогорлые со-

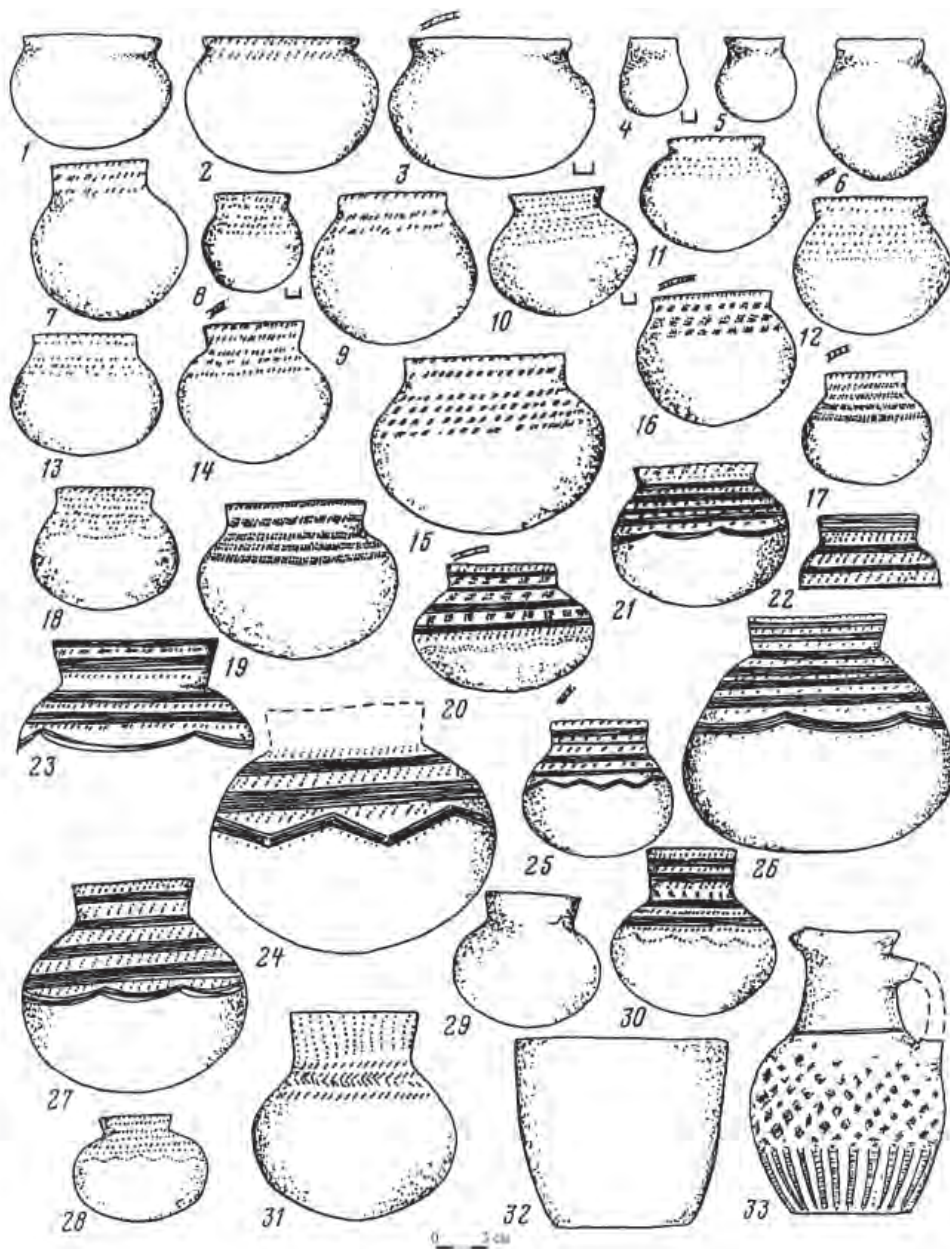

Рис. 7. Большетиганский могильник. Керамика из погребений

суды имеют более высокую шейку раструбообразной формы. За редким исключением (рис. 7: 4–6), тулово сосудов раздутое.

Орнамент состоит из чередующихся поясков горизонтальных резных линий и косо поставленных оттисков мелкогребенчатого штампа или нарезок по шейке и верхней половине тулова (рис. 7: 20–27, 30). Внизу орнаментированное поле часто завершалось зигзагообразным или волнистым пояском из резных линий или оттисков гребенки. В отдельную группу объединяются сосуды, украшенные только косо поставленными оттисками гребенки, объединенными иногда в ромбы (рис. 7: 16–19). Нередко гребенчатые оттиски вырождались в небрежно нанесенные короткие нарезки

(рис. 7: 7–15). Шесть сосудов, в том числе вышеописанный баночный, лишены орнамента (рис. 7: 1, 3, 5, 6, 29, 32).

Е.А. Халикова обоснованно связывала вышеописанную керамику с поздней кушнаренковской посудой (Халикова, 1976, с. 174). Следует отметить, что группа сосудов с раздутым туловом и резким переходом от шейки к тулову (рис. 7: 20–27) по форме, технике и композиции орнамента находит полные аналогии посуде из некоторых погребений Танкеевского могильника (Казakov, 1971, с. 124, табл. II, 1–3).

Форма керамики из Больших Тиган, орнамент в виде поясков горизонтальных резных линий, косо поставленных, иногда сгруппированных в ромбо-

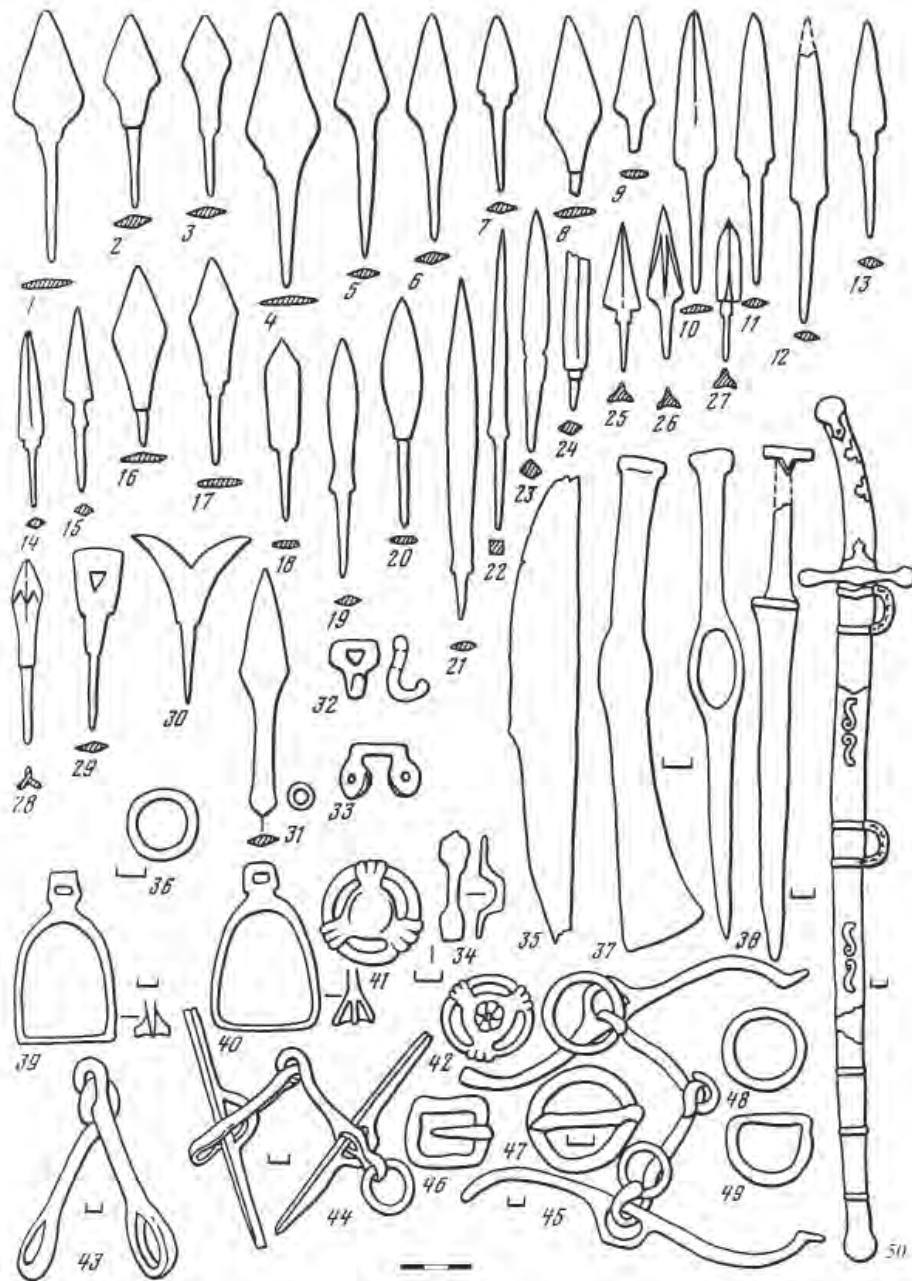

Рис. 8. Большеветиганский могильник. Предметы вооружения и конского снаряжения

1-31 – наконечники стрел; 32-33 – крючок и петли от колчана; 35 – костяная накладка на лук; 37 – боевой топор; 38 – кинжал; 39, 40 – стремена; 36, 41, 42 – соединительные кольца от ремня; 43, 44, 45 – удила; 46-49 – пряжки; 50 – сабля. 35 – кость, 41, 42 – бронза; остальные – железо.

видные группы, оттисков мелкозубчатой гребенки находят близкие аналогии в средневековых памятниках Западной Сибири, что уже неоднократно отмечалось исследователями.

Хотя большеветиганская керамика, несомненно, родственна кушнаренковской и караякуповской посуде Южного Урала, она тем не менее имеет свою специфику. Лишь единичные экземпляры южноуральской посуды обнаруживают полное сходство с большеветиганской (Мажитов, 1977, с. 266, табл. XIX, 19; с. 233, табл. XXIII, 11).

Предметы вооружения представлены наконечниками стрел, деталями лука и колчана, саблями, кинжалами, боевым топором

Наконечники стрел, за исключением двух втулчатых с плоским вытянуто-ромбовидным пером (рис. 8: 31), все черешковые. Среди них выделяются наконечники с плоским, трехлопастным и граненым пером.

Плоскоперые наконечники в большинстве своем имеют подтреугольное и ромбическое перо (рис. 8: 1-13, 16; 42 экз.). Встречаются экземпля-

ры с пятиугольным (рис. 8: 17, 18; 6 экз.) и ланцевидным пером (рис. 8: 19–21; 7 экз.).

Среди наконечников с граненой ударной частью один узкий, квадратный в сечении (рис. 8: 22), остальные в сечении ромбические (рис. 8: 14, 15, 23, 24; 17 экз.).

Трехлопастные имеют подтреугольную, килевидную или пулевидную боеголовку (рис. 8: 25–28; 4 экз.).

Из срезней один имеет лопатообразное перо с подтреугольным отверстием посередине (рис. 8: 29), второй – роговидный (рис. 8: 30).

Большинство наконечников стрел из больше-тиганских погребений находит аналогии в Большетарханском могильнике и в других болгаро-салтовских памятниках. Срезни же характерны для кушнареновских памятников Южного Урала. Втульчатые наконечники чаще встречаются в ломоватовско-поломских памятниках.

Обкладки от составного лука легкого типа представлены срединными обкладками, обычно располагавшимися в погребениях попарно (рис. 5: 17; 8: 35; 11 погребений).

Детали колчана – бронзовые и железные петли и крючок (рис. 8: 32–34; 5 погребений) – аналогичны подобным находкам из Большетарханского могильника.

Сабли однолезвийные, слабоизогнутые; длина клинков 70–75 см, ширина 3–3,5 см (рис. 3: 22; 5: 20; 8: 50). Рукоятки и ножны украшались богато орнаментированными накладками и навершиями. Е.А. Халикова справедливо сопоставляла эти изделия с так называемыми хазарскими саблями, широко распространенными в Европе. Следует, однако, отметить, что декорировка и оформление этого оружия близки к изделиям в синхронных северокавказских памятниках (Степи Евразии, 1981, с. 272, рис. 94, 8, 9).

Боевые топоры облегченного типа (рис. 8: 37) и кинжалы (рис. 8: 38) также характерны для памятников Северного Кавказа IX в. Они, в частности, обнаруживают близость к соответствующим изделиям из аланских катакомб (Степи Евразии, 1981, с. 272, рис. 94, 5–8).

Предметы конского снаряжения представлены деталями уздечки (соединительные кольца, бляхи-тройники, удила) и седлами. За исключением соединительных колец (рис. 8: 36; 3 экз.) и блях-тройников (рис. 8: 41, 42; 5 экз.), изготовленных из бронзы, все изделия железные. Удила двусоставные со стержневидными (рис. 8: 44; 1 экз.) и эсовидными (рис. 8: 45; 1 экз.) псалями. Одно из стремян арочной формы (рис. 8: 39), другое – переходное от арочной к грушевидной (рис. 8: 40). Найдены подпружные пряжки и кольца с круглой, полуовальной и подпрямоугольной рамкой (рис. 8: 46–49).

Практически все предметы конского снаряжения находят аналогии в Большетарханском могильнике (Генинг, Халиков, 1964, табл. IX; XI, 11–17; XIII, 13, 14). Бляхи-тройники специфичны для кушнареновско-караякуповских памятников Южного Урала. Встречены они и в Танкеевском могильнике, но истоки их следует искать в тюркских памятниках Западной Сибири.

Украшения и детали женского костюма. Отличительным и специфическим элементом женского костюма, как считают исследователи Большетарханского могильника Е.А. и А.Х. Халиковы, являются головные уборы с пояском налобной повязки, украшенной металлическими накладками в виде соединенных через перемычку двух полушарий или круга с двумя или тремя полушарными выступами снизу (рис. 9: 64, 65) (Chalikova, Chalikov, 1981, s. 52; Халикова. Халиков, 2018, с. 54).

Весьма специфичными и многочисленными являются пряжки, наконечники ремней, накладки. В основном они литые из серебра или бронзы. Удивительно богаты формы и орнаментация изделий, выполненных на высоком профессиональном уровне.

Пряжки по способу крепления к ремню и расположению поперечного стержня, на котором находился язычок, можно разделить на три группы, которые в свою очередь по особенностям конструкции и формы разделяются на подгруппы и типы.

Группа А включает экземпляры с приемным щитком для ремня (рис. 9: 90–92, 94–103). По способу соединения приемной части с щитком они делятся на I – цельнолитые, II – шарнирные. По форме щитка выделяются следующие типы:

Тип А I 1 – с узким длинным (более 2/3 всей пряжки) неорнаментированным щитком, имеющие подтреугольную тыльную часть (рис. 9: 92).

Тип А I 2 – такие же изделия с более коротким щитком (рис. 9: 100).

Тип А I 3 – такие же с орнаментированным щитком (рис. 9: 101).

Тип А I 4 – с неорнаментированным щитком, имеющим закругленную тыльную часть (рис. 9: 99).

Тип А I 5 – с подпрямоугольным орнаментированным щитком (рис. 9: 90, 91).

Тип А I 6 – с неорнаментированным щитком, имеющим фигурную тыльную часть (рис. 9: 103).

Тип А II 1 – неорнаментированное изделие с подпрямоугольной тыльной частью (рис. 9: 98).

Тип А II 2 – орнаментированные пряжки с подтреугольной тыльной стороной (рис. 9: 93, 95–97).

Тип А II 3 – такая же пряжка с закругленной тыльной частью (рис. 9: 102).

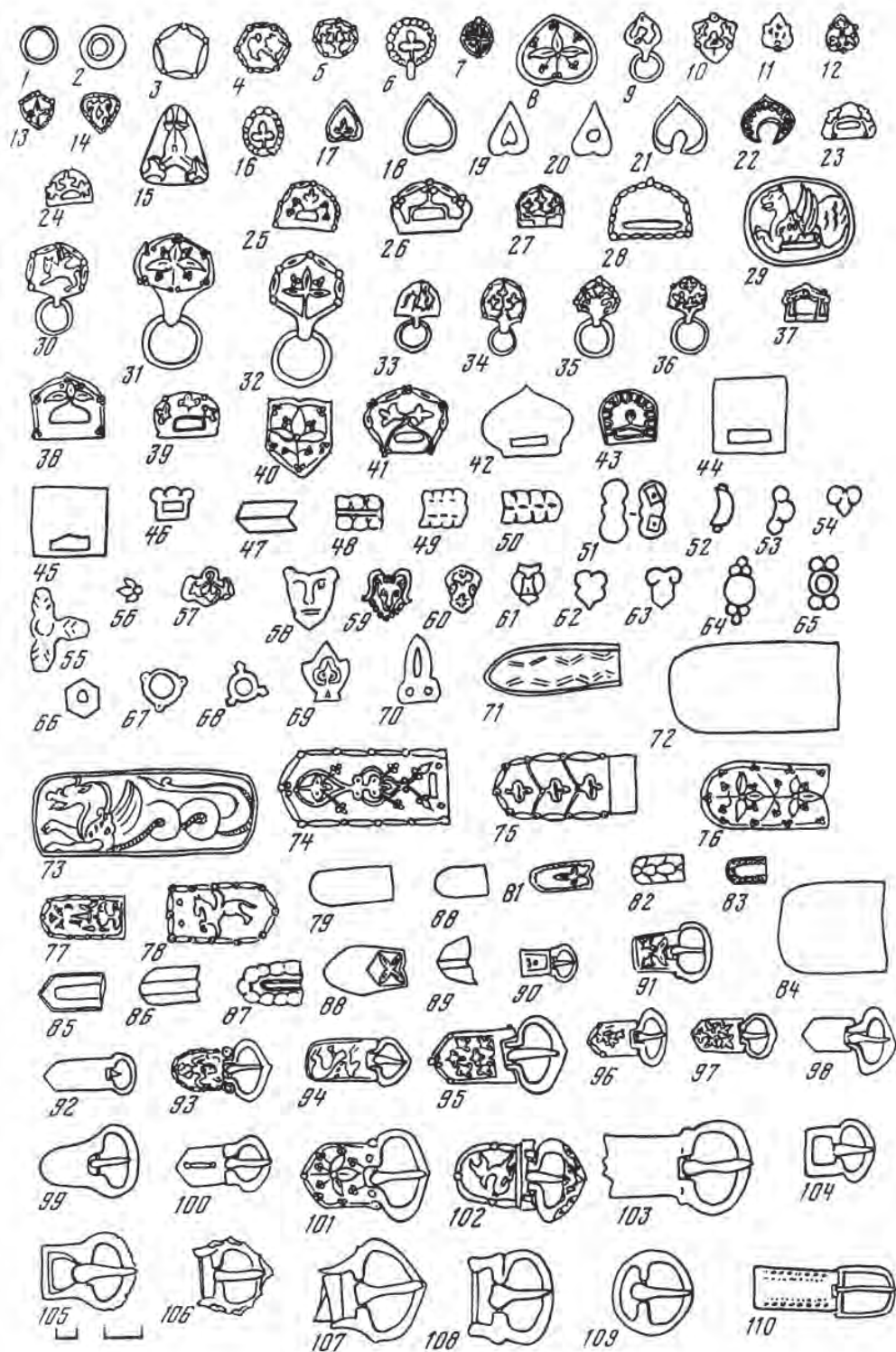

Рис. 9. Большетиганский могильник. Предметы поясного набора
1-72 – накладки; 73-89 – наконечники ремней; 90-110 – пряжки. Все из меди и бронзы.

Тип А II 4– с подпрямоугольным удлинненным орнаментированным щитком (рис. 9: 94).

Орнамент на щитках некоторых изделий состоит из объединенных в одну композицию трилистников. Гравированный орнамент на пряжке из погребения 102 (рис. 9: 101) дополняется комбинацией

строенных кружочков. На одном экземпляре изображен коленопреклоненный человек (рис. 9: 93), на двух – крылатые кони (рис. 9: 94, 102). Все эти элементы явно имитируют орнаментацию торовтики восточных районов Средней Азии VIII–IX вв. (Даркевич, 1976, с. 87–91). Своособра-

зен бордюра по краю щитков в виде полушарных выпуклин, чередующихся с вытянутыми овалами (рис. 9: 93, 95, 96, 101, 102). Они характерны для южнокушнаренковских памятников (Казаков, 1972, с. 165; Халикова, 1976, с. 177).

Группа Б – цельнолитые пряжки с рамкой в тыльной части для прикрепления к ремню.

Тип Б 1 – с подпрямоугольной в тыльной части рамкой, имеющей выступы по углам (рис. 9: 108).

Тип Б 2 – с подквадратной рамкой без выступов по углам (рис. 9: 105).

Тип Б 3 – с подтрапециевидной рамкой и фигурным приемным кольцом (рис. 9: 106, 107).

Тип Б 4 – круглая пряжка (рис. 9: 109).

Большинство изделий этой группы имеют широкое распространение. Найдены они и в Больше-тарханском, и в Танкеевском могильнике.

Группа В – пряжка полуовальной формы, ремень и язычок крепились на одном стержне. Подобные изделия встречаются в средневековых памятниках поволжских и пермских финнов.

Наконечники ремней имеют длину, в 1,5–3 раза превышающую ширину (за исключением пряжки из погребения 17, см. рис. 9: 89). Передняя часть наконечников овальная или подтреугольная, тыльная – подпрямоугольная, выемчатая или фигурная. Группа мелких наконечников нередко имеет простую орнаментацию в виде бордюра по краю из насечек или круглых полушарных выпуклин (рис. 9: 81, 83, 87). Имеются экземпляры с изображением трилистника, четырехлистника, на одном – ячеистый орнамент (рис. 9: 81, 82, 88). На крупных наконечниках изображены трилистники, иногда со строенными кружочками на ветках, грифон, крылатый конь (рис. 9: 73–78).

Только наконечники с геометрическим и ячеистым орнаментом (рис. 9: 71–82) имеют аналогии в салтовских памятниках (Степи Евразии, 1981, с. 15, рис. 37, 30, 110, 129 и др.), остальные более характерны для региона южнокушнаренковских памятников.

Накладки (поясные бляхи) по форме разделяются на типы:

тип 1 – круглые (рис. 20: 1–6);

тип 2 – округло-овальные (рис. 9: 7–13, 16, 29);

тип 3 – подтреугольные (рис. 9: 14, 15, 54);

тип 4 – сердцевидные (рис. 9: 17–22);

тип 5 – полуовальные (рис. 9: 23–25, 27–36);

тип 6 – арочные (рис. 9: 37–39, 46);

тип 7 – в виде геральдического щита (рис. 9: 40);

тип 8 – диадемообразные (рис. 9: 26, 41–43);

тип 9 – подквадратные (рис. 9: 44, 45);

тип 10 – с двумя длинными параллельными сторонами или паночные (рис. 9: 47);

тип 11 – многочастные (рис. 9: 48–50);

тип 12 – трехчастные стержневые (рис. 9: 51);

тип 13 – в виде полумесяца (рис. 9: 52, 53);

тип 14 – в виде трилистника (рис. 9: 55–57);

тип 15 – зооморфные (рис. 9: 58–63);

тип 16 – в виде круга с полушарными выступами по двум противоположным сторонам (рис. 9: 64, 65);

тип 17 – кольцевидные (рис. 9: 66–68);

тип 18 – бутонобразные (рис. 9: 69, 70).

Часть накладок типов 2, 4, 5, а также все накладки типов 6, 8, 9, 17 были с прорезями. Орнамент большинства накладок состоял из трилистников, строенных полушарных выпуклин или кружочков и т. д. (рис. 9: 3–8). На трех имелось изображение крылатых животных, в том числе собак-сенмурвов (рис. 9: 4, 29, 30). Аналогии им находятся в памятниках салтово-маяцкой культуры и кушнаренковских кочевников Южного Урала (Chalikova, Chalikov, 1981, s. 57–58; Степи Евразии, 1981, с. 150, рис. 37, 30, 110, 129 и др.).

Височные подвески и серьги изготовлены из бронзы и серебра, иногда с позолотой. Они подразделяются на кольцевидные, с напускными бусами, со стержневым, булавообразным, гроздевидным и плоскостным напуском.

Кольцевидные серьги имеют форму правильного (рис. 10: 1; 7 экз.) или овального кольца (рис. 10: 2–3; 4 экз.).

Единичны подвески с напускными бусами (рис. 10: 4; 3 экз.). Имитируют их цельнолитые подвески со стержневым напуском. Выделяются экземпляры с двумя (рис. 10: 5; 5 экз.), четырьмя (рис. 10: 6; 6 экз.), пятью (рис. 10: 7; 4 экз.), шестью утолщениями (рис. 10: 8; 4 экз.) и сильно стилизованные изделия с рифленным стержневым напуском (рис. 10: 9; 4 экз.).

Среди изделий с булавообразным напуском имеются экземпляры с напускными (обычно тремя) бусинами (рис. 10: 12; 3 экз.) и их имитации (рис. 10: 10, 11; 5 экз.). Одинарный каплевидный напуск имеют экземпляры, украшенные зернью (рис. 10: 13; 3 экз.). Несколько разновидностей имеют подвески с гроздевидными напусками (рис. 10: 14–18; 6 экз.).

Подвески с плоскостными напусками имели фигурную трехчастную ромбообразную нижнюю часть (рис. 10: 19; 1 экз.) или прорезные напуски, напоминающие стилизованные лапки водоплавающих птиц (рис. 10: 21–23; 6 экз.).

Аналогии височным подвескам с напускными бусами встречаются в основном в болгаро-салтовских комплексах Юго-Восточной Европы. Изделия с булавообразными и гроздевидными подвесками характерны для полемско-ломоватовских и кушнаренковских памятников. Поделки с плоскостными нижними частями встречаются только

Рис. 9А. Большетиганский могильник. Бронзовые накладки (поясные бляхи)
1-5 – погр. 12; 6-9 – погр. 14; 10-14 – погр. 16; 15-17 – погр. 24.

в кушнаренковских памятниках Южного Урала (Халикова, 1976, с. 175–177).

Шейные, нагрудные и поясные подвески исключительно разнообразны. Подвешивались они на ремешках или цепочках, которые иногда завершались каплевидной, очковидной или якорьковой поделкой (рис. 10: 47, 49, 52). Ремешки нередко украшались спиралями из листовой проволоки, литыми пронизками (рис. 10: 57, 64).

Одинарные подвески делятся на плоскостные и объемные. Плоскостные можно разделить на монетообразные (рис. 10: 4, 26; 5 экз.), округлые (рис. 10: 25; 1 экз.), листовидные без прорезей (рис. 10: 27–30, 34; 9 экз.) и с прорезями (рис. 10, 31–33; 15 экз.), грушевидные (рис. 10: 35; 2 экз.), подромбические (рис. 10: 37–39; 7 экз.), круглые с

тремя выступами (рис. 10: 40–42; 4 экз.), пятиконечные (рис. 10: 43; 1 экз.), в виде четырехлепестковой розетки (рис. 10: 44; 1 экз.), прямоугольные (рис. 10: 45; 1 экз.), щитовидные (рис. 10, 46; 3 экз.), в виде лапок водоплавающих птиц (рис. 10, 47–49; 3 экз.).

Объемные одинарные подвески делятся на конусовидные (рис. 10: 50–53; 6 экз.), конусовидные (рис. 10: 54, 55; 2 экз.), рожковые (рис. 10: 56; 2 экз.), в виде изогнутого рожка (рис. 10: 63; 1 экз.), шаровидные пустотелые (рис. 10: 57–60; 21 экз.) и цельнолитые (рис. 10: 61, 62; 2 экз.), булавообразные (рис. 10: 64; 2 экз.).

Мелкие шумящие подвески имели очковидный (рис. 10: 68, 69; 2 экз.) или конусовидный щитки (рис. 10: 66, 67; 3 экз.). Достаточно представи-

Рис. 10. Большетиганский могильник. Бронзовые и серебряные серьги, височные, шейные, нагрудные и поясные подвески

тельны крупные составные подвески с арочными (рис. 10: 70–72; 7 экз.), удлинённо-арочными (рис. 10: 73–74; 3 экз.), подпрямоугольным (рис. 10: 75; 1 экз.) и коньковыми щитками (рис. 10: 76, 77; 2 экз.).

Преобладающая часть подвесок находит аналогии в кушнарёнковских памятниках Южного Урала и в неволинско-ломоватовских памятниках Верхнего Прикамья (Халикова, 1976, с. 175–177).

Браслеты, в основном бронзовые, делятся на группы дротовых, пластинчатых и витых.

Среди первой группы по форме поперечного сечения выделяются круглодротовые с заостренными (рис. 11: 16; 6 экз.) или обрубленными концами (рис. 11: 17; 2 экз.), многогранные с циркульным орнаментом (рис. 11: 18; 3 экз.), подпрямоугольные в сечении с Г-образными концами (рис. 11: 19; 4 экз.), полуовальные в сечении с рифленой

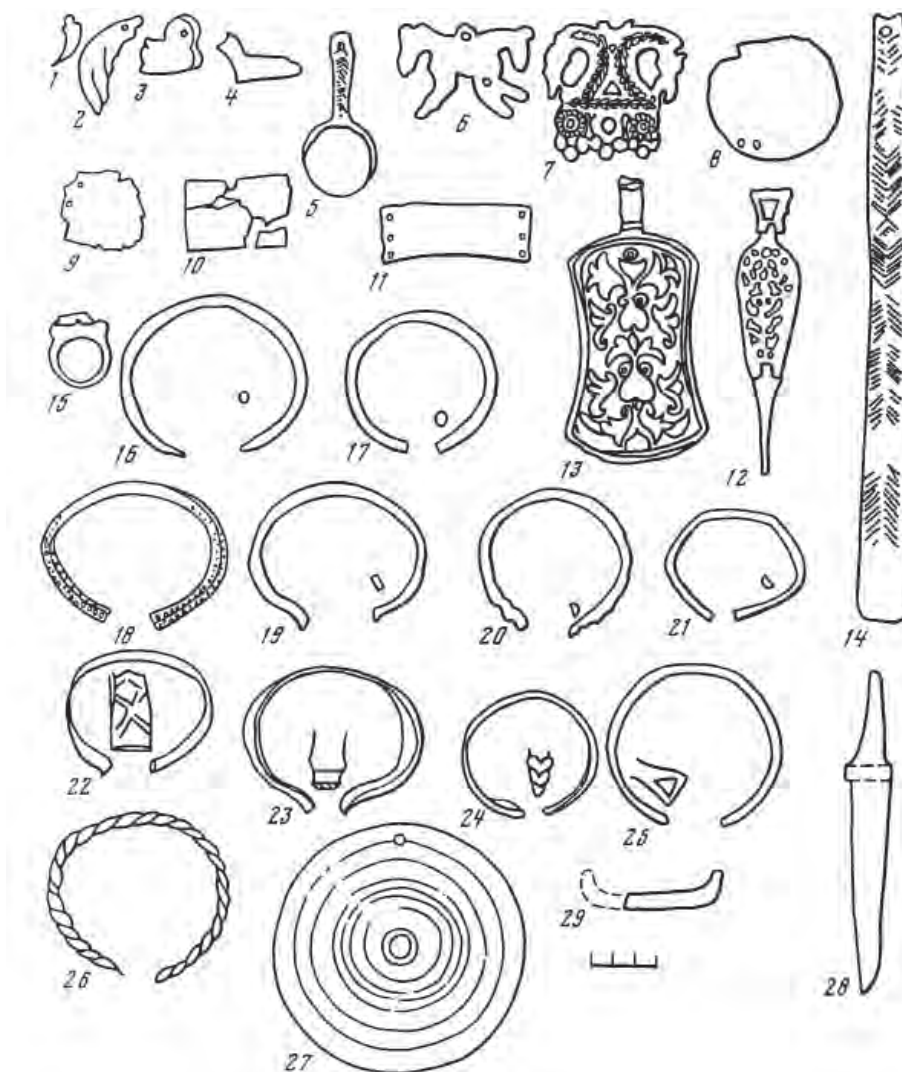

Рис. 11. Большетиганский могильник. Вещевой материал

1-4 – подвески из клыка хищников; 5 – бронзовая ложечка; 6, 7 – бронзовые шумящие подвески; 8-11 – обломки серебряных масок; 12 – бронзовая копоушка; 13 – серебряный флакончик; 14 – костяная лопатка-ложка; 15-26 – бронзовые перстень и браслеты, 27 – зеркало из белой бронзы; 28 – железный нож

(рис. 11: 20; 2 экз.) или гладкой поверхностью (рис. 11: 21; 1 экз.).

Один из пластинчатых браслетов украшал орнамент в виде ромбов, выполненных насечками (рис. 11: 22), другие, плоско обрубленные или фигурные, имели иногда несколько отогнутые наружу концы (рис. 11: 23–25; 7 экз.).

Витые браслеты изготовлены из двух проволок (рис. 11: 26; 2 экз.).

Предметы культа включают в себя подвески из клыков хищников, пяточной кости бобра (рис. 11: 2, 3), в виде лошадок (рис. 11: 4), бронзовые, в виде когтя, ложечки (рис. 11: 1, 5). К культовым предметам относятся и вышеописанные детали погребальных лицевых покрытий из пластинчатого серебра (рис. 11: 8–11). Интерес представляют две коньковые подвески, не имеющие в отличие от вышеописанных шумящих привесок более мелких

привесок на цепочках (рис. 11: 6, 7). Одна из них находит параллель в Харинском (Голдина, 1985, с. 222, табл. XIV, 15) и Стерлитамакском (Мажитов, 1981, с. 94, рис. 50, 17), другая – в Сахаевском могильниках (Матвеева, 1979, с. 188, рис. 8, 1).

Предметы туалета представлены бронзовой с ажурной рукоятью копоушкой (рис. 11: 12) и серебряным флакончиком (рис. 11: 13), имеющим аналогии в Танкеевском могильнике.

Бусы встречены в 24 погребениях (Казakov, 2022, рис. 17). В мужских погребениях находилось от 1 до 10 бусин, в детских – от 1 до 64, в женских – от 8 до нескольких сотен, как, например, в погребениях 29 (более 200 шт.), 27 (около 300 шт.) и 7 (около 700 шт.). Всего в неграбленных погребениях встречено 2507 бусин, в том числе 31 каменная (халцедон, сердолик, хрусталь и агат), 26 металлических (бронзовые и одна серебряная)

и 2387 (95% от общего количества) стеклянных бус (Валиулина, 1996, с. 135).

Технологию изготовления и состав стеклянных бус методом качественного и полукачественного спектрального анализа изучала С.И. Валиулина (с участием Р.Х. Храмченковой). По ее данным, большинство бус массового производства (около 95%) изготовлено делением тянутой трубочки. Это в основном бисер (1997 экз. – 88,4%) желтого в сочетании с синим (60% и 27%), белого, зеленого и черного цвета. Обнаружено также несколько цилиндрических бус-пронизей синего цвета (Валиулина, 1996, с. 135).

Из тянутой трубочки изготовлены также серебро-стеклянные много- и одночастные бусы с серебряной прокладкой и бесцветным, желтоватым или бирюзовым внешним покрытием (186 шт. – 8%). К ним близки многочастные бусы синего стекла (29 шт.) Единичны зонные ребристые бусы, синяя прозрачная, голубая глухая и ребристая из дутой стеклянной трубочки (Валиулина, 1996, с. 136).

Индивидуальным способом изготовлено 127 бусин (5% от общего количества). Это одноцветные бусы (94 шт.) – зонные, шаровидные, цилиндрические, бочковидные, ребристые, форме таблеток и куба со срезанными углами, каплевидные в основном синего, зеленого полупрозрачного, желтого и бирюзового цвета глухого стекла. Полихромные бусы (33 шт.) – мозаичные, полосатые и глазчатые, выполненные преимущественно из разноцветных стерженьков желто-зеленого, сине-голубого, желто-красного, черно-белого цветов, имеют бочковидную, округлую, цилиндрическую и таблетковидную формы. По заключению С.И. Валиулиной, в коллекции Большетарханского могильника представлена в основном продукция ближневосточных, византийских, северокавказских центров стеклоделия, а также мастерских торгово-ремесленных поселений Северной Европы (Валиулина, 1996, с. 142).

Датировка могильника и проблемы этнической принадлежности. Подавляющее большинство предметов из погребений Большетарханского могильника были широко распространены в памятниках степной и лесостепной зоны Восточной Европы, в частности в памятниках Верхнего Прикамья второй половины VIII – первой половины IX вв. (Деменковский, Каневский, Урынский, Неволинский, Бродовский и др. могильники; см. Генинг, 1964; Erdelyi, Ojtozi, Gening, 1969), в могильниках Южного Урала второй половины VIII–IX вв. (Хусаиновский, Стерлитамакский, Лагеревский, Старохалиловский, Каранаевский, I и II Бекешевские и др.: Мажитов, 1977, с. 22 и сл., группы В и Г; 1981, с. 18 и сл.), а также в памят-

никах салтовской культуры Подонья (см., напр., комплексы Дмитровского могильника – Плетнева, 1967, с. 135–143, 156–169). Как отмечали исследователи, «более 40 типов вещей Большетарханского могильника имеют аналогии в материалах Большетарханского раннеболгарского могильника VIII–IX вв.» (Халикова, Халиков, 2018, с. 61). Однако наибольшее сходство Большетарханский могильник находит, по заключению Е.А. Халиковой, в южноуральских памятниках кушнаренковско-караякуповского типа, оставленных угорским населением (Халикова, 1976а, б).

Монетный материал, происходящий из погребений № 20 (драхмы с портретом Хосрова II, 590–628 гг.; с именем Зийяд ибн Аби Суфияна, 670-е гг.), № 28 (Васит, 709–710 гг.), № 8 (Васит, 745–746), № 8а (ал-Басра, 717–718 гг.), № 10 (Васит, 742–743 гг.), № 27 (ал-Басра, 760–761 гг.; ал-Аббасия, 787–788 гг.), позволил датировать основное время функционирования могильника самым концом VIII – первой половиной IX вв. (Халикова, 1976а, с. 178).

Предложенную дату приняли не все археологи. Так, Н.А. Мажитов склонен был датировать Большетарханский могильник IX–X вв., опираясь на материалы исследованного Е.П. Казаковым Чишминского могильника в Мензелинском районе РТ, отнесенного им к указанному времени (Казаков, 1975, с. 259–264; Мажитов, 1977, с. 28). По мнению Н.А. Мажитова, Большетарханский могильник оставлен населением в то время, когда на этих территориях венгров уже не было (кушнаренковско-караякуповские племена Южного Урала он считал тюркоязычными предками древних башкир). Предлагаемую Н.А. Мажитовым дату исследователи Больших Тиган считали неправомерно омоложенной. Они справедливо указывали, что некоторые предметы из погребений, «возникнув на рубеже VIII–IX вв., могли дожить и до более позднего времени», хотя в общем комплексе могильника совершенно отсутствуют вещи, «которые датировались бы только начиная с рубежа IX–X вв. или X в.» (Chalikova, Chalikov, 1981, s. 58; Халикова, Халиков, 2018, с. 61–62). Хронологические построения Н.А. Мажитова были подвергнуты критике и другими исследователями (Генинг, 1982, с. 287–291; Ахмеров, 1984, с. 32; Иванов, 1988, с. 53 и сл.).

По вопросу этнической принадлежности похороненных на Большетарханском могильнике людей мнения ученых также разошлись, о чем свидетельствуют выступления на IV Международном конгрессе финно-угроведов, состоявшемся в Будапеште в 1975 г. Так, профессор Будапештского университета Д. Ласло считал, что уже в 670-х годах, когда на Дунай переселились болгары Аспаруха,

вместе с ними пришла большая группа оногуров, оседлых земледельцев, которые распространили венгерскую речь среди тамошнего аварского населения. Правда, он не отрицал и приход венгров-кочевников в Паннонию в 895–896 гг. (László, 1975, s. 195–208). Д. Шинор из Блюмингтонского университета (США) допускал, что мадьяры Арпада IX в. могли быть тюрками, судя по большому количеству тюркизмов в венгерском языке (Генинг, 1977, с. 318). По мнению Ч. Балинта, материалы венгерских могильников IX в. не доказывают прямую их преемственность с большетиганскими, хотя нельзя отрицать наличия отдельных элементов сходства. В этом вопросе его поддержал профессор И. Фодор, который предлагал искать мадьяр Арпада в более южных районах, ближе к среднеазиатским центрам, оказавшим большое влияние на ювелирное искусство мадьярских мастеров (Генинг, 1977, с. 319). К этой группе исследователей присоединился и В.Ф. Генинг, заявивший, что «генетически могильники кушнарниковского типа и венгерские IX–X вв. несопоставимы», следовательно, неправомерно выделение Волго-Уралья как территории Великой Венгрии (*Magna Hungaria*), которая пока остается легендарной (Генинг, 1980, с. 232–236).

Однако раскопки А.Х. Халикова, производившиеся им в 1978–1984 гг., внесли существенные коррективы в прежние хронологические и этногенетические построения. Так, погребение 65 (женское) оказалось более поздним, чем основная масса ранее изученных погребений, – в нем был обнаружен саманидский дирхем Исмаила ибн-Ахмада, чеканенный в 287 г. х./900 г. (Халиков, 1984, с. 127). Раскопки 1981 г. добавили к числу поздних еще одно погребение – № 70, совершенное, судя по браслету и накладкам поясного набора, появившимся в Танкеевке и древнемарийских могильниках, не раньше рубежа IX–X вв. (Халиков, 1984, с. 129). Эти данные позволили заключить, что «Большетиганский могильник, оставленный протовенгерским населением, обитавшим в районах Нижнего Прикамья в VIII–IX вв. и не позднее первой половины IX в., в основной своей массе ушедшим через области Леведия и Ателькузе на современную территорию обитания, продолжал функционировать и в X в.» (Халиков, 1984, с. 130). Отсюда вытекает вывод, поддержанный впоследствии практически всеми исследователями, о том, что Большетиганский могильник принадлежит группе протовенгров Южного Урала, которые, оказавшись в конце VIII в. в районах Нижней Камы, по тем или иным причинам не смогли продолжить свой путь на запад с основной массой своих соплеменников. Новые материалы не противоречили утверждениям Е.А.

Халиковой и А.Х. Халикова о локализации легендарной *Magna Hungaria* в лесостепных и степных пространствах между Нижней Камой и Уралом.

Под давлением новых фактов и тщательного сопоставительного анализа материалов могильников Волго-Уралья и Венгрии («тут совпадают не только общие черты погребального обряда, но и такие детали, как форма посмертных масок, захоронения животных и прочее») И. Фодор изменил свою прежнюю точку зрения и признал Большетиганский могильник «древневенгерским памятником» (Фодор, 2009, с. 128). Более осторожен в этом вопросе В.А. Иванов, который видит в носителях кушнарниковско-караякуповской культуры, куда относится и Большетиганский могильник, «этнический компонент, сыгравший существенную роль в формировании этнокультурного облика венгров периода обретения родины на Дунае» (Иванов, 1988, с. 64).

Вкратце остановимся на сведениях письменных источников. Среди них представляет интерес анонимная венгерская хроника «Деяния венгров», составленная, как полагают, около 1200 г. Там речь идет о «весьма благородных людях по имени Билла и Бакш», которые во время правления князя Такшоня (955–972 гг.) с большой группой единоверцев-мусульман пришли из Волжской Болгарии (*terra Bular*), точнее, из Биляра, – эту группу людей аноним называет *bilers*, т. е. выходцами из Биляра, – и поселились в Венгрии, на подаренных им князем землях на левом берегу Дуная, где они основали город Пешт (по другой версии, на месте существующего поселения или крепости Пешт, см.: *Scriptores rerum Hungaricorum*, 1999, p. 114; Хвольсон, 1869, с. 108–109). По мнению И. Фодора, «это сообщение, по всей вероятности, имеет под собой какое-то реальное историческое основание»: мусульманские купцы из Волжской Болгарии, как сообщают источники, торговали не только на пражских ярмарках, начиная с X в. они посещали и Венгрию (Фодор, 2009, с. 126), о чем свидетельствуют монеты первого правителя Волжской Болгарии Алмыш/Джа'фара ибн-Абдаллаха, найденные в древневенгерских погребениях X в., а также в составе одного из кладов куфических монет того же времени (Rispling, 1993, s. 121, 130–133). Факт проживания волжских болгар на землях венгров в какой-то степени подтверждается и археологически (Фодор, 1979; 1982). Известие о том, что далеко на востоке, между Волгой и Уралом, живут их родственники, венгры получили, скорее всего, от этих путешественников-купцов.

Данные языкознания позволяют говорить о тесных и довольно продолжительных контактах протовенгров с волжскими болгарскими племенами и другими тюркскими племенами. Болгарский пласт за-

имствований в венгерском языке насчитывает не менее 250 слов, которые относятся к области хозяйства, культуры, быта и общественной жизни: *eke* – сука (плуг), *arpa* – тат. арпа (ячмень), *kender* – киндер (конопля), *alma* – алма (яблоко), *boršo* – борчак (горох), *torma* – торма (редька, хрен), *kapu* – капка (ворота), *balta* – балта (топор), *sakal* – сакал (борода), *sirt* – сырт (спина), *oršo* – орчык (веретено), *šator* – чатыр (шалаш), *bator* – батыр (богатырь), *temen* – төмән (тумень), *tilmacs* – тылмач (переводчик), *korom* – корым (сажа), *kek* – күк (небо) и др. (Gombocs, 1912, s. 201–205).

На вопрос о дальнейшей судьбе венгров-мадьяр Прикамья, обитавших в окружении волжских болгар домонгольского времени, ответ дают сведения монаха-доминиканца Юлиана, отправившегося весной 1235 г. в Magna Hungaria с целью найти своих соплеменников-язычников и обратить их в христианство. Можно сказать, он достиг своей цели. При помощи венгерки, встретившейся ему районе Великого города – Биляра, Юлиан нашел соплеменников, проживающих на расстоянии двух дней пути от упомянутого города. Оказалось, что они все еще разговаривают на

родном языке – легко и беспрепятственно общаются с Юлианом и помнят даже о давней перекочевке своих сородичей на запад (Аннинский, 1941, с. 80–81). Территорию, на которой проживали далекие предки венгров, а теперь, спустя три столетия, продолжают обитать их потомки, Юлиан назвал Magna Hungaria. Но вряд ли это название применялось в период существования населения, оставившего памятники кушнаренковско-караякуповской культуры (Иванов, 1988, с. 64).

В 1983 г. на городском кладбище г. Чистополя (Республика Татарстан), расположенного примерно в 50 км к востоку от с. Большие Тиганы, были обнаружены болгарские надгробные камни XIV в. Один из них стоял на могиле «давшего воспитание ученым, любившего набожных, мечети воздвигавшего, множество благих дел совершавшего Маджара-кази сына Исмагиля» (Хакимянов, 1985, с. 86–87; 1987, с. 94). Очевидно, перед нами – могила последнего «могикана» – потомка нашедших пристанище в Болгарии венгров, принявших мусульманскую религию, но сохранивших еще свое этническое самосознание.

ГЛАВА 6

ПАМЯТНИКИ КОЧЕВНИКОВ СТЕПНОГО И ЛЕСОСТЕПНОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

История средневековых кочевников степного Предуралья не может быть полной без учета климатических и обусловленных ими ландшафтных условий региона на том или ином отрезке времени. В настоящее время в распоряжении исследователей имеется достаточно объемный корпус данных, позволяющих проследить динамику степного ландшафта Урало-Поволжья на протяжении как минимум 500 лет – времени, когда этнокультурные процессы в кочевой среде Восточной Европы также отличались наибольшей динамичностью.

Согласно современной почвенной карте, северная граница зоны Урало-Волжских степей, по данным на середину 1950-х годов, проходит по правобережью р. Уй в Челябинской области, междуречью Урала и Сакмары в их верховьях (включая крайний юго-восток современного Башкортостана), верховьям Демы и Ика и южному плечу Самарской Луки (Атлас СССР, с. 84–85)¹. Если учесть, что степные почвы формируются не одну сотню лет (скорость формирования чернозема в условиях Среднего Поволжья – 0,8–0,9 см в столетие, см.: Дергачев, Васильева, 2003, с. 316)), то можно быть уверенным, что нынешняя граница степной зоны сложилась задолго до наших дней.

Географы прошлого столетия А.Г. Сысоев, Ф.Н. Мильков разработали схему ландшафтно-климатического районирования степей Южного Приуралья и Заволжья, разделив их на несколько ботанико-географических зон. Каждая из этих зон обладает своей флористической, фаунистической, гидрографической и климатической спецификой: пятая ботанико-географическая зона юга современной Челябинской области, Зауральская степная (восток современной Оренбургской области),

Предгорная степная и лесостепная (центральные районы Оренбургской области), Предуральская степная сыртовая (западные и юго-западные районы Оренбургской области) (Сысоев, 1959, с. 178–180; Мильков, 1951, с. 46–57). С юга и юго-запада к ним примыкают степи Западного Казахстана, Сыртового Заволжья и продолжающая их на юг плоская морская равнина Прикаспийской низменности.

Таким образом, если обозреть Урало-Поволжские степи со «спутниковой орбиты», то картина получается в общем-то однообразная. Это огромная равнина площадью 750 500 кв. км, понижающаяся с востока на запад с перепадом абсолютных высот от 400 м в восточной части до 50 м в юго-западной (Прикаспийская низменность). С мягким холмистым рельефом, пересеченным балками и руслами степных рек. С выраженным континентальным климатом, засушливая и маловодная (мощность снежного покрова не превышает 40 см, летних осадков – не более 300 мм). Растительность разнотравно-типчаково-ковыльная; кустарниковая и древесная растительность встречается главным образом в поймах крупных рек – Урала и Волги. Там же находятся заливные разнотравные пойменные луга. Значительную часть территории занимают солонцы и солончаки.

В свое время Ф.Н. Мильков, характеризуя природу Чкаловской (Оренбургской) области, выделил несколько особенностей, отличающих оренбургские степи от других степных ландшафтов бывшего СССР. С известной долей допуска их можно распространить и на другие степные районы Урало-Поволжья. Во-первых, это более холодный и континентальный, по сравнению с Украиной и югом Русской равнины, климат, приближающий приуральские степи к суровым степям азиатской части Великого пояса степей Евразии. Во-вторых, смешанный – западноевропейский, сибирский и отчасти среднеазиатский – характер растительности. В-третьих, более богатые гумусом степные черноземы, гумусированные на 10–15% (Мильков, 1951, с. 22–23).

Результаты палеоландшафтных и палеоклиматических исследований конца XX – начала XXI столетий (хотя и отрывочные и разрозненные в

¹ Здесь следует пояснить, почему мы оперируем географическими данными середины прошлого столетия: в то время Урало-Поволжская степь еще не являлась «покоренной целиной» и значительно по своему ландшафтному облику и природному состоянию отличалась от той степи, которую мы увидели 30 лет спустя и видим сейчас. И, конечно же, количество визуально фиксируемых курганов средневековых кочевников в той степи заметно отличалось от того, что застали мы. Другой вопрос, что целенаправленного поиска этих памятников в те времена не проводилось.

Рис. 1. Карта памятников, на которых проводился почвоведческий анализ.

1 – Казанский Кремль; 2 – Лядинский могильник; 3 – Линёво; 4 – Белокаменка; 5 – Барановка, Петрунино; 6 – Ольховка; 7 – Авилowo; 8 – Тары II; 9 – Бахтияровка; 10 – Маляевка V; 11 – Красная деревня, Венгеловка, Эльтон; 12 – Мавзолей у станции Аксарайская; 13 – Абганерово II, III; 14 – Цаган-Нур, Озерки; 15 – Купцын-Талга; 16 – Покровский; 17 – Мустаево; 18 – Каргалы; 19 – Аркаим.

пространстве) позволяют сделать определенные выводы о динамике климатических изменений в степях Южного Предуралья в течение интересующего нас периода.

Археологические памятники, с которых получены результаты палинологических и почвоведческих исследований, известны на территории Южного Зауралья (заповедник «Аркаим»), Оренбургской области (Каргалинский рудник, Покровские, Мустаевские курганы), Самарской Луки, Мордовии (Лядинский могильник X–XII вв.), в

Нижнем Поволжье (курганные могильники Ольховка, Гусевка, Племхоз, Недоступов, Петрунинский, Костарево, Авилковский, Абганеровский, Аксай, Маляевка, Колобовка и др.). То есть они, как сеть, хотя и редкой, покрывают всю интересующую нас территорию (рис. 1).

Общий вывод специалистов: резких ландшафтных и, надо полагать, климатических изменений в регионе в течение последних 2–2,5 тысячелетий не происходило (Батанина, 2004, с. 155; Мартинес-Наваретте, Висент-Гарсия, Лопес-Гарсия и

др., 2005, с. 91; Тезикова, 1975; Хохлова, 1996, с. 66; Хохлова, Хохлов, 2005, с. 58; Воронина, 2007, приложение 2; Демкин, Демкина, Борисов и др., 2004). То есть та ландшафтная ситуация, которую мы наблюдаем сейчас и которая зафиксирована на имеющихся географических картах, без учета антропогенного воздействия последних двух столетий, имела место и в интересующий нас период: в I – первой половине II тыс. н. э.

Впрочем, в течение указанного периода наблюдались периоды климатических колебаний от повышения аридизации (вторая половина I тыс. н. э.) к повышенной, по сравнению с современностью, гумидизации (первая половина II тыс.). По результатам почвоведческих анализов, в это время наблюдалось увлажнение климата, произошли заметные эволюционные преобразования почв, весьма существенно улучшилось их качество, возросло естественное плодородие. Среднегодовая норма атмосферных осадков была выше современной, увлажненные степи начинают наступать на юг, на полупустыни, которые превращаются в сухие степи. Наступает период «средневекового климатического оптимума», пик которого приходится на XIII век и который уже в конце XIV века сменяется периодом очередной аридизации климата, длящимся и по сей день (Якимов, 2004; Демкин, Дергачева, Борисов и др., 1998, с. 148–157; Демкин, Борисов, Демкина и др., 2010, с. 83).

Усыхание Урало-Волжских степей в период V–IX вв.² очень хорошо коррелируется с данными о количестве археологических памятников указанного времени в рассматриваемом регионе.

По данным исследователей, занимающихся проблемами этнокультурной истории Урало-Поволжья в «постгуннский» и «раннетюркский» периоды, здесь складываются три района компактного расселения разноэтничных кочевых племен: ранние болгары – курганы новинковского типа на Самарской Луке; носители турбаслинской культуры³ – на левобережье среднего течения р. Белой; и древние тюрки (по С.Г. Боталову) или гунны-эфталиты (по И.Э. Любчанскому) – курганы с «усами» и курганы селенташского типа – в Урало-Исетско-Миасском междуречье (рис. 2) (Матвеева, 1997; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998; Сунгатов, 1998; Боталов, 2006; 2008, с. 262–263; Любчанский, 2006).

Тот факт, что перечисленные этнокультурные агломерации располагались не в усыхающей сте-

пи, а на ее северном, лесостепном пограничье, не является случайным: северная Евразия в это время как раз вступает в очередную фазу гумидизации, что для региона Среднего Поволжья означало повышение степени облесенности за счет широколиственных пород и преобладание разнотравно-злаковой флоры на открытых лугах (Аськеев И., Аськеев О., Галимова, эл. ресурс).

Пик аридизации восточноевропейских степей приходился, очевидно, на середину VIII в., наиболее динамично этнокультурные процессы происходили именно в лесостепной зоне Урало-Поволжья: продвижение ранних болгар в район устья Камы, расселение древних угров-мадьяр в бассейне среднего и нижнего течения р. Белой (кушнаренковская и караякуповская культуры).

В X в. «климатический маятник» региона двинулся в обратную сторону: гумидизация степи и аридизация районов, расположенных к северу от нее. Судя по таблице, составленной В.А. и Т.С. Демкиными, процесс этот шел по ослабевающей с запада на восток. В период с X в. наиболее продолжительные климатические изменения наблюдались в степном Приазовье и полупустынях Волго-Донского междуречья, Северного Прикаспия и Южного Приаралья, превратившихся в это время в сухие степи. На долготе Южного Урала и Приаралья процесс увлажнения степей ослабевает и далее на восток, в Зауралье и Северном Казахстане, не фиксируется (Демкин, Демкина, эл. ресурс). Все это дает основание предполагать, что в данном случае имело место действие атлантических циклонов, которые, дойдя до Нижнего Поволжья, разбивались о гряду Ергеней, в ослабленном виде достигали долготы Урал – Арал после чего затухали окончательно. Характерно, что для лесной полосы Евразии в это же время фиксируется режим пониженного увлажнения. Естественно, это нашло свое отражение в археологической карте степей Урало-Поволжья конца I – первой половины II тыс. н. э.

Археологическая карта степей Южного Предуралья для последнего периода эпохи Тюркских каганатов (VIII–IX вв.) довольно невыразительна ни по плотности заполнения археологическими памятниками, ни по их морфологии и богатству материалом. По данным А.М. Бисембаева и С.Г. Боталова, в глубинных районах Предуральской Степи, между Мугоджарами и низовьями Узеней (это примерно 195 000 кв. км) известно 19 погребений, датируемых указанным временем (Бисембаев, 2003, с. 70, рис. 2; Боталов, 2016, с. 511, рис. 18). Это: Карасу, Рубежка, Мамай, Шалкар, Килмак-Чабан 1, Кос-Оба, Лебедевка; Свистун-гора, Турбаза, Солянка, Орлиное Гнездо,

² Как, впрочем, и вообще всех степей Восточной Европы. Пик его, очевидно, приходится где-то на середину этого периода.

³ То ли гунно-сарматы, пришедшие из Волго-Донского междуречья, то ли пришедшие из Приаралья хуни (хиониты) – это уже вопрос к Ф.А. Сунгатову (Сунгатов, 1998, с. 107–110; Сунгатов, 2002, с. 270).

Рис. 2. Карта-схема основных курганных могильников огузо-печенежского времени (X–XI вв.) в Урало-Поволжье.

1 – Карасу; 2 – Рубежка; 3 – Мамай; 4 – Кос-Оба; 5 – Шалкар; 6 – Килмак-Чабан I; 7 – Лебедевка; 8 – Свистун-гора; 9 – Турбаза; 10 – Солянка; 11 – Орлиное гнездо; 12 – Жолтукен; 13 – Атва; 14 – Жаман-Каргала; 15 – Песчаный карьер; 16 – Болгарка; 17 – Эмба; 18 – Урчак; 19 – Покровка; 20 – Ханская могила; 21 – Увак; 22 – Тамар-Уткуль; 23- Ак-Булак; 24 – Пчельник; 25 – Алебастровая гора; 26 – Яман; 27 – Красный Яр; 28 – Кировский II; 29 – Красный Октябрь I; 30 – Осинки; 31 – Александровский; 32 – Волчанка; 33 – Васильевский; 34 – Золотая Нива; 35 – у г.Саратова; 36 – Кособа; 37 – Бережновский; 38 – Быковский; 39 – Кано; 40 – Эльтон; 41 – Ленинск; 42 – Калиновский; 43 – Верхний Балыклей; 44 – Рахинка; 45 – Новоникольское; 46 – Средняя Ахтуба; 47 – Бахтияровка; 48 – Верхнепогромное; 49 – Кияковка; 50 – Царевский; 51 – Саралжин; 52 – Ровное; 53 – Луговское; 54 – Кураевский сад; 55 – Досанг; 56 – Лапас; 57 – Зензели; 58 – Черная падина; 59 – Фриденберг; 60 – хут. Степана Разина; 61 – Бахтияровка; 62 – Барановка; 63 – Быково I; 64 – Козицкое; 65 – Ченин; 66 – Муракаевский; 67 – Синеглазовский; 68 – Смолино; 69 – Уелги; 70 – Каранаевский; 71 – Ишимбаевский; 72 – Мрясимовский; 73 – Бакалинский.

Жолтукен, Жаман-Каргала, Песчаный карьер, Болгарка, Атва, Эмба, Урчак, Покровка (рис. 2).

Как полагает А.А. Бисембаев, перечисленные памятники датируются огузо-печенежским временем (VIII–XI вв.) и, соответственно, оставлены кочевниками огузо-печенежского этнокультурного круга (Бисембаев, 2003, с. 73–106). По мнению С.Г. Боталова, перечисленные памятники были оставлены кочевыми протомадьярами, пришедшими в степи Южного Предуралья вследствие распада Тюркского каганата в конце VII – первой половине IX вв. (Боталов, 2016, с. 526–527).

Поскольку точка зрения А.А. Бисембаева на этнокультурную принадлежность курганов VIII–XI вв. в Предуральской степи совпадает с точкой зре-

ния автора этих строк⁴, дальнейшее их рассмотрение будем проводить именно в контексте принадлежности оставившего их населения к племенам «Дешт-и-Огуз» («Степи гуззов») – территории, впервые обозначенной восточными нарративистами в середине X в. (ал-Истахри, Ибн Хаукаль) к северу от Хазарского (Каспийского) моря.

В настоящее время в степях Южного Предуралья и Заволжья известно 169 погребений огузо-печенежского времени, т. е. IX – первой половины XI вв.⁵, включая и перечисленные выше, состав-

⁴ Об этом уже писалось неоднократно (Гарустович, Иванов, 2001; Иванов, 2002, с. 316–327; Иванов, 2016, с. 85–94).

⁵ При существующих хронологических реперах все-таки VIII в. в имеющемся материале не прослеживается, а

ляющие восточную периферию «Дешт-и-Огуз», в том ее виде, как она выглядит сейчас по данным письменных источников и археологии (рис. 2).

Погребальный обряд этих памятников характеризуется следующими морфологическими признаками⁶:

- захоронения под земляными курганами (94%);

- погребения в большинстве своем впускные в более ранние насыпи (74,2%);

- как правило, в насыпи содержится по одному погребению, но достаточно часто встречаются курганы с двумя погребениями (11,9%);

- могила – простая (очевидно, таковой она была и во впускных погребениях, у которых очертания и форма могилы не прослеживаются) (60,4%);

- более четверти всех могил перекрыты деревянными плахами, зафиксированными в засыпи могильной ямы (26,4%);

- остатки конских захоронений представлены черепом и костями ног (шкура коня), расположенными слева от человека или над ним (в засыпи могилы или на деревянном перекрытии) (соответственно 20,8% и 30,8%);

- ряд погребений содержит принадлежности конской сбруи, но без коня (6,9%);

- абсолютно преобладает ориентировка погребенных в западном секторе (запад – 42,8%; северо-запад – 9,8%; юго-запад – 35,2%);

- достаточно часто встречаются захоронения в дощатых гробах или на древесной подстилке (соответственно 10,7% и 17,0%);

- из остатков заупокойной пищи – кости овцы (17,6%);

- среди сопровождающего погребенного инвентаря преобладают принадлежности конской сбруи – стремяна и удила (соответственно 39% и 33,3%);

- предметы вооружения – железные наконечники стрел (40,9%), костяные обкладки лука (22%), сабля (11,9%);

- из украшений и убранства костюма – поясные пряжки и накладки (48,4%), серьги-подвески в основном кольцевидные (10%), птицевидные подвески и подвески-копоушки (14,4%);

- из бытовых предметов – ножи (31,4%) и железные кресала с кремнем (11,3%);

- 7,5% погребений вообще не содержат вещей.

Поскольку их отнесение к кругу памятников огу-

зо-печенежского периода не лишено определенной условности, В.П. Костюков, обратившись к материалам аналогичного Большеказакбаевского II могильника, получившего радиоуглеродную датировку в диапазоне от первой половины XI до середины XIII вв., высказал предположение о том, что безынвентарные погребения домонгольского периода могут свидетельствовать о начале проникновения ислама в кочевническую среду Урало-Поволжского региона (Костюков, 2006, с. 444–445).

Из письменных источников (Ибн Фадлан, ал-Масуди, Константин Багрянородный) известно, что в X в. в степях Заволжья и Южного Предуралья, кроме огузов, обитали и печенеги – Заволжская Печенегия (Иванов, 2000, с. 273–282). Это обстоятельство вызвало необходимость типологической дифференциации курганов рассматриваемого времени в регионе. В свое время В.А. Кригером, а затем Г.Н. Гарустовичем и автором этих строк была проделана определенная источниковедческая работа на предмет обоснования этномаркирующих признаков огузов и печенегов (Кригер, 1986; Гарустович, Иванов, 2001). По результатам проведенного сравнительно-статистического анализа были составлены две типологические матрицы огузской и печенежской археологических культур: *для огузов* – впускные погребения в насыпи более ранних курганов, по одному в каждой насыпи, в простых прямоугольных могилах, иногда перекрытых деревом, в позе вытянуто на спине, головой на запад, в сопровождении шкуры взнузданного и оседланного коня, уложенной на перекрытие над человеком, с богато украшенным конским изголовьем, прямоугольными подпружками, пряжками, поясами с цельнолитыми овальнорамчатыми пряжками и орнаментированными наконечниками, птицевидными подвесками, копоушками, декоративными дисками и перстнями салтовского типа (рис. 3); *для печенегов* – основные и впускные погребения, иногда по два под одной насыпью, в простых могилах, в позе вытянуто на спине, головой на запад, встречаются дощатые гробы, шкура коня – на дне могилы слева от человека, конь взнуздан и оседлан, часто в могилах встречаются кости барана, конская сбруя состоит из удил без перегиба и стремян различных типов, украшена сбруя прорезными бубенчиками, вместе с погребенным – лук со срединными костяными накладками, пояс с треугольнорамчатой, прямоугольной или лировидной пряжкой, глиняный лепной кувшин или плоскодонный горшок (Гарустович, Иванов, 2001, с. 94).

Опираясь на компоненты приведенных выше матриц погребального обряда огузов и печенегов, мы можем проследить географию распространения этих этнокультурных групп в пространстве

первая половина XI в. обусловлена сообщением средневековых письменных источников (Матфей Эдесский) о появлении в 1050 г. кипчаков-шары/сары в степях Северного Кавказа.

⁶ При критерии значимости (R) = 0,95 нижний порог представительных признаков должен быть не менее 3%. Подробнее о том, что такое критерий значимости см.: Геннинг и др., 1990, с. 64.

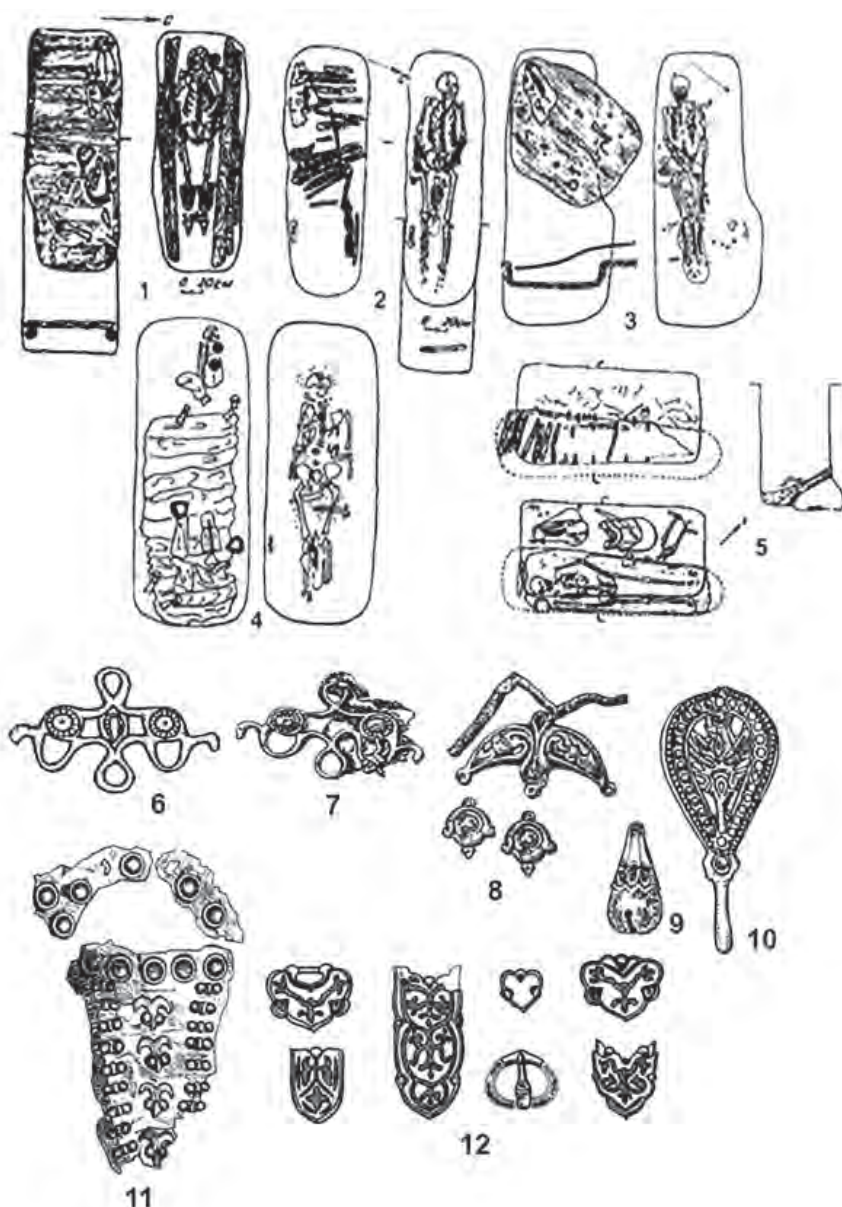

Рис. 3. Типы погребений и характерные вещи огузов Заволжья и Предуралья.

1– Увак; 2– Быково I, к.16/9; 3– Ченин, к.8/4; 4– Верхний Балыклей II, к.5/1; 5– Болгарка, к.1/3; 6– Козицкое, к.1/1; 7– Ровное; 8– Алебастровая гора; 9– Свинуха, к.11.

восточноевропейских степей. Из 84 погребений с конской шкурой, помещенной в могилу над человеком, известных сейчас в степях Восточной Европы, между Уральскими горами и Днестром, 45 (или 53,6%) расположены к востоку от Волги. Аналогичным образом в степном Заволжье и Южном Предуралье локализуются погребения, в инвентаре которых присутствуют птицевидные подвески-амулеты и копоушки (в общей сложности 34 погребения)⁷. Исключение составляют пять погребений с копоушками: Бузовка, гр. 3/4; Мор-

ской Чулек, к. 3; Саркел, к. 59; Ясиноватое, к. 28 и Голодаевка, к. «Г», находящиеся к западу от Дона. Птицевидные подвески-амулеты там пока не известны.

И наконец, бляхи-решмы, являвшиеся центральным элементом украшения конского оголовья, найдены в 25 погребениях, из которых только семь – Арпачин, к. 28; Вильнянка, к. 16; Ново-Каменка, к. 5; Плавни, к. 20; Тузла, к. 1; Чернорский, к. 16, и Широкое, к. 6, – расположены западнее Волги. Характерная деталь: в 22 из рассматриваемых погребений были конские захоронения, из которых в 14 кости коня (череп и ноги)

⁷ Среди которых в четырех погребениях – Быковский I, к. 10 и 16, Заяры, к. 1, Кано, группа В, к. 1, – и подвески-амулеты, и копоушки встречены вместе.

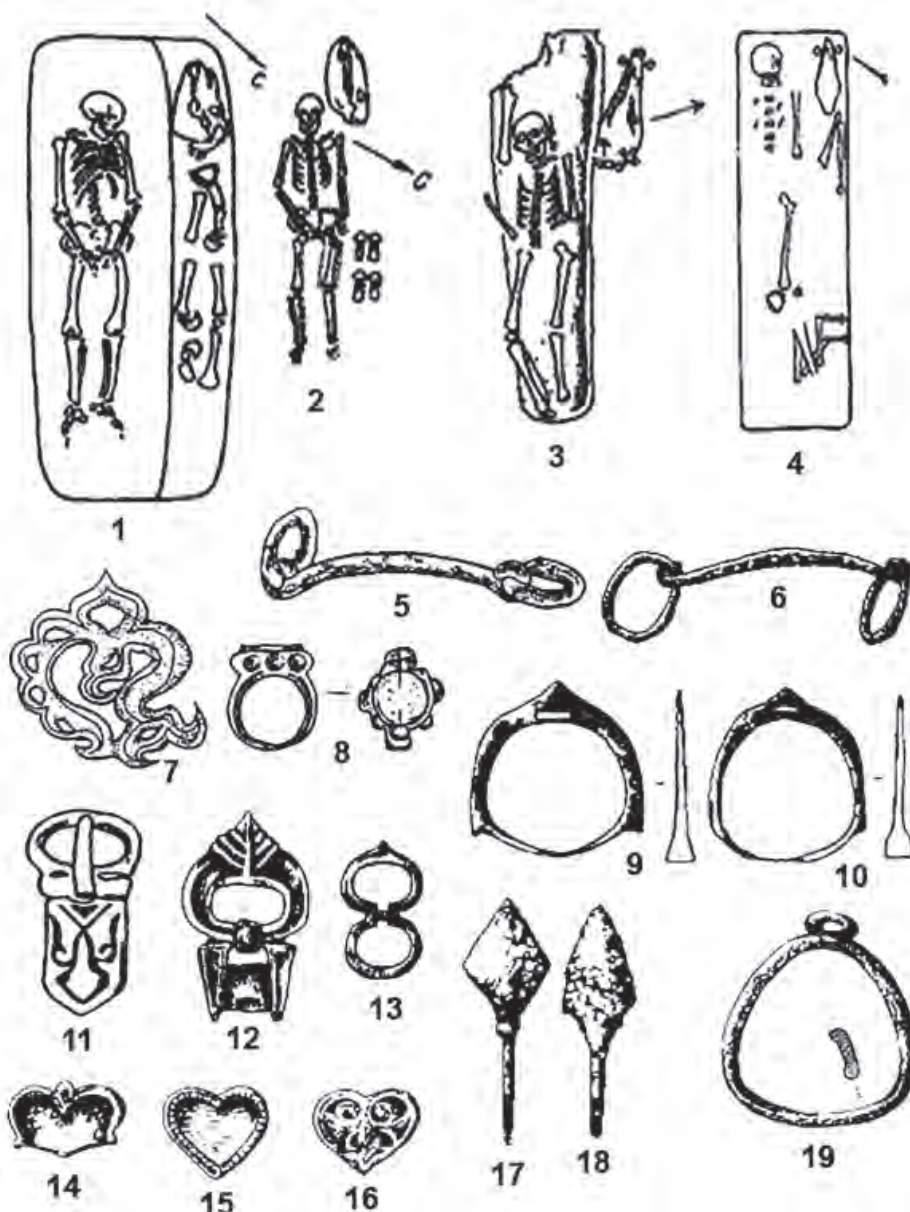

Рис. 4. Типы погребений и характерные вещи печенегов Заволжья и Предуралья.

располагались над человеком – в засыпи могилы, на перекрытии или на ступеньке.

Таким образом, суммируя все известные сейчас погребения, в которых в том или ином виде присутствуют элементы огузской культуры (114 погребений), мы убеждаемся, что 66 из них (почти 58%) расположены в степях Урало-Поволжья. Именно там, кроме уже упомянутого кургана № 8 могильника Ченин, находятся такие погребения, как Быковский I, к. 4 и 16; Верхний Балыклей II, к. 5; Сухая Саратовка I, к. 1; Верхне-Погромное, к. 3; Киляковка, к. 3; Увак, Илекшар I, к. 1; Алебастровая гора; Бахтияровский II, к. 55 и 74; Увак, Тамар-Уткуль, к. 1; Ленинск, Рахинка, Эльтон, Новоникольское, Средняя Ахтуба, Бол-

гарка I и др., в которых в том или ином сочетании присутствуют указанные признаки и которые также могут считаться эталонными огузскими (рис. 3).

В этом отношении весьма показателен и тот факт, что, как установил А.Г. Атавин, погребений со шкурой коня, ноги которого были отчленены по бабки (признак, который исследователь связывал с огузами), в Поволжье встречено в три раза больше, нежели конских захоронений с ногами, отчлененными по пясть (по А.Г. Атавину – признак печенежский) (Атавин, 2008, с. 81).

Вторую группу погребений конца IX – первой половины XI вв., содержащих остатки конской шкуры, в степях Восточной Европы составляют

погребения, в которых конский череп и кости ног лежат слева или справа от погребенного на одном с ним уровне. В общей сложности нами учтено 201 погребение (169 погребений – кости коня слева, 32 – справа). Их география обратно пропорциональна географии огузских погребений: 21,4% локализируются в степях Урало-Поволжья. К западу от Волги частота встречаемости этих погребений идет по возрастающей: из оставшихся 78,6% рассматриваемых погребений 12,9% обнаружены в степях Волго-Донского междуречья, 15,4% – в Нижнем Подонье и 48,2% – на территории современной Украины до Днестра на западе.

Аналогичным образом по территории восточноевропейских степей распределяются и погребения, в инвентаре которых присутствуют кольчатые удила без перегиба⁸. Найдены они в 55 погребениях, из которых в 39 (или 70,9%) находились в зубах конского черепа, лежащего рядом с человеческим скелетом. Взнузданная такими удилами конская шкура, помещенная над человеком, встречена только в четырех погребениях (огузских): Алебастровая гора в Южном Приуралье, Саркел, к. 48, и Романовский, к. 1, – на Дону, Большемихайловка II, к. 2, – на р. Волчьей в Днепропетровской области Украины.

В пяти погребениях Урало-Волжских степей – Шалкар III, к. 12; Карасу I, к. 20; Джангала (Новая Казанка), к. 1; Бахтияровка I, к. 32, и Красный Яр – удила без перегиба находились вместе с конской шкурой, уложенной рядом с человеком.

В настоящее время накоплен археологический материал не только для морфологической характеристики археологических культур огузов и печенегов в степях Восточной Европы, Заволжья и Южного Предуралья, но и для сравнительно-типологического статистического анализа погребений X–XI вв. (огузо-печенежского времени) на обширном пространстве от Мугоджар до устья Дуная. Это важно в контексте выяснения степени формально-типологической (следовательно, и этнокультурной) близости огузов и печенегов – двух народов, чьи исторические судьбы оказались тесно переплетены. Следует отметить, что погребений с характерными для огузов признаками обряда к западу от Волги известно мало⁹. Это захоронения, содержащие остатки конской шкуры в засыпи могилы и подвески-копоушки в составе погребального инвентаря (Бузовка; Саркел; Джангар; Голодаевка; Вильнянка и др.) (Иванов и др., 2014, с. 132–133, 384, рис. 13). Погребений с заведомо печенежскими признаками значительно больше. Данные для сравнительно-типологиче-

ского сравнения памятников огузов, заволжско-приуральских и восточно-европейских печенегов представлены в табл. 1.

По категории «надмогильное сооружение» различие между огузами и печенегами наблюдается в наличии у огузов костей животных (тризна?) в насыпи кургана и ровика у его основания. По категории «планиграфия кургана» у печенегов явно преобладают впускные погребения в более ранние курганы (64,3% против 19,8% у огузов). Причем у огузов чаще встречаются курганы с двумя одновременно погребениями под одной насыпью (62,3% против 8,5% у печенегов). По категории «конструкция могильной ямы» у печенегов относительно чаще встречаются могилы усложненной конструкции: со ступенькой вдоль одной из длинных стенок, подбойные (соответственно 15,0% и 10,0%), тогда как у огузов определенно доминируют могилы с деревянным перекрытием (23,7% против 9,5% у печенегов). Но особенно разительные различия между огузскими и печенежскими курганами наблюдаются по категории «характер конского захоронения». Если у огузов абсолютно преобладают погребения с остатками конской шкуры (череп и кости ног в анатомическом порядке), уложенной над человеком в засыпи могилы или на деревянном перекрытии (75,2%), то у печенегов конская шкура лежит рядом с человеком, слева (83,9%) или справа (16,1%) от него¹⁰ (рис. 2).

Еще более показательные результаты степени сходства-различия погребального обряда огузов и печенегов Урало-Поволжья дает нам сравнение рассматриваемых групп памятников по количественным показателям альтернативных признаков (методика исчисления см.: Федоров-Давыдов, 1987, с. 144–147). Г.А. Федоров-Давыдов – пионер применения методов сравнительно-статистического анализа в археологии – предупреждал, что «при сравнении объектов важно правильно определить, по каким признакам проводится сравнение и подсчет степени сходства. Например, при исследовании сходства памятников по орнаментации керамики иногда берут качественный альтернативный признак «керамики данного вида на памятнике» – присутствует или отсутствует. Это неправильно. Следует брать количественный признак со значениями – доля керамики с данной орнаментацией среди всей керамики данного памятника. Ведь значение «присутствует такой-то орнамент» на памятнике может означать и то, что вся керамика данного памятника имеет этот вид орнамента, и то, что только на единичных черепках этот вид орнамента встречается» (Федоров-

⁸ Установленный еще С.А. Плетневой и Г.А. Федоровым-Давыдовым элемент печенежской культуры.

⁹ Пока – не более 20.

¹⁰ У печенегов эти признаки тоже фиксируются, но в показателях, непредставительных для рассматриваемой выборки (соответственно 1,0% и 3,5%).

Давыдов, 1987, с. 145). Руководствуясь этим предупреждением, мы для выявления коэффициента степени сходства огузского и печенежского погребальных обрядов (C_3 – по Г.А. Федорову-Давыдову) оперировали только теми 45 альтернативными признаками, которые по частоте встречаемости являются представительными для имеющихся выборок (табл. 1).

В итоге мы видим, что коэффициент C_3 для сравниваемых групп равен: для огузов, заволжских и европейских печенегов 0,66 и 0,61 соответственно. Тогда как C_3 между заволжскими и европейскими печенегами равен 0,94. То есть они фактически идентичны между собой.

Однако Г.А. Федоров-Давыдов предупреждал о том, что даже представительные признаки в сравниваемых выборках могут иметь разную частоту встречаемости (например, 50% в одной и 5% в другой) и механическое их сравнение «существенно исказит действительную ситуацию» (Федоров-Давыдов, 1987, с. 148). Именно такую картину мы имеем в случае сравнения огузских и печенежских погребений: курганы, содержащие более одного погребения, в огузской выборке составляют 62,3%, в печенежской – 8,5%; могилы с перекрытием, лежащим на засыпи могилы, у огузов составляют 23,7%, у печенегов – 9,5%; кости овцы в могиле у огузов встречаются в 6% погребений, у печенегов – в 14% и т. д. (табл. 1). И вот здесь наиболее конструктивным представляется обращение к признакам погребального обряда, имеющим в сравниваемых выборках тенденцию встречаемости, близкую к нормальной или повышенную.

Понятие это в процедуру статистического анализа археологического материала было введено В.Ф. Генингом и его соавторами, и вычисляется оно «как частное от деления процентного содержания признака в каждой выборке на норму его распределения (т. е. среднеарифметическое значение). Логика здесь проста: если две или более выборки идентичны или очень сходны по какому-либо признаку, то и процентное распределение признака будет идентично или близко. В этом случае и норма распределения как средний показатель тоже будет близка конкретным показателям признака. Отклонение же величины какого-либо признака в одной из выборок будет означать отклонение от нормы распределения. Это мы и называем тенденцией признака. Таким образом, тенденция признака показывает, во сколько раз встречаемость признака в выборке отличается от нормы распределения» (Генинг и др., 1990, с. 85).

Значения нормы распределения и тенденции признаков погребального обряда огузов и печенегов представлены в таблице 2.

Полученные результаты показывают, что признаки погребального обряда курганов X–XI вв. степей Восточной Европы, Заволжья и Предуралья можно объединить в три группы.

Первая – это признаки, обнаруживающие одинаково повышенную тенденцию встречаемости во всех сравниваемых группах памятников. Это захоронения под земляными курганами в простых могильных ямах, западная или северо-западная ориентировка погребенных, наличие в могиле следов гробовища или подстилки из какой-то органики, наличие в составе сопровождающего инвентаря железных наконечников стрел, сабли, ножа. Для рассматриваемых выборок эти признаки условно можно обозначить как «*всеобщие*».

Вторую группу образуют признаки, обнаруживающие близкую к норме или повышенную тенденцию встречаемости в двух анализируемых группах при пониженной тенденции (или вовсе отсутствующей) в третьей. Их можно обозначить как «*условно-локальные*»¹¹. В нашем случае это: основное погребение в кургане, юго-западная ориентировка погребенного, присутствие в составе инвентаря стремян, поясного набора – для огузов и заволжских печенегов. Но для печенежских погребений как к востоку, так и к западу от Волги их гораздо больше: впускные погребения, могилы усложненной конструкции (со ступенькой или подбоем), конская шкура (череп и кости ног) справа или слева от человека, остатки заупокойной пищи в виде костей овцы, костяные обкладки лука, наконечник копья, серьги-подвески в виде кольца, кресало – в составе сопровождающего инвентаря.

Наконец, третью группу образуют признаки «*частные*», то есть обнаруживающие заметно повышенную тенденцию в какой-то одной из сравниваемых групп памятников¹². Фактически они фиксируются только в погребениях, определяемых как огузские. Это кости животных в насыпи кургана и ровик у его основания, два и более погребений в насыпи, деревянное перекрытие над человеком, конский череп и кости ног (шкура) над человеком на перекрытии или в засыпи могилы, в составе инвентаря – наличие бляхи-решмы, уздечных накладок, берестяного колчана, деталей поясного набора, подвесок-«бубенчиков» (пуговиц), подвесок-копоушек, перстней, зеркал.

То есть едва ли есть смысл сомневаться в том, что признаки «условно-локальные» маркируют погребения печенегов (являются для них «этнографическими»), а признаки «частные» являются таковыми же для огузов. Исходя из этого можно

¹¹ Остальные типологические характеристики огузского и печенежского погребального обряда см. табл. 1.

¹² В таблице 2 выделены курсивом.

утверждать, что все дальнейшие споры относительно возможности или невозможности выявления различий между огузскими и печенежскими комплексами (Боталов, 2006, с. 472) практического смысла не имеют. Археологические культуры огузов и печенегов имеют свои четко выраженные морфологические признаки, позволяющие различать их между собой.

Представленные выше результаты сравнительно-типологического анализа вполне логичны и закономерны. В конце IX и в течение X в. в степях Южного Предуралья и Заволжья огузы и печенеги жили по соседству. Об этом есть очевидные свидетельства средневековых авторов, располагавших прямой информацией на сей счет: Ибн Фадлана, ал-Масуди, персидского Анонима, Константина Багрянородного (Ковалевский, 1956, с. 125–130; Гаркави, 1870, с. 131; Константин Багрянородный, 1991, § 37). Причем, вероятнее всего, в границах единого государства, «державы Огузского йабгу». Следовательно, взаимодействие и взаимовлияние между ними, в т. ч. и в области морфологии погребальной обрядности, были вполне реальны.

Ареал огузских курганов степного Заволжья и Предуралья позволяет очертить границы Огузской степи («Дешт-и-Огуз»), во всяком случае западной ее части в X в. На западе это, конечно, Волга, являвшаяся границей между «Дешт-и-Огуз» и Хазарией, которая периодически нарушалась, но и соблюдалась достаточно жестко, поскольку на правом, хазарском берегу Волги огузских памятников рассматриваемого времени было немного.

Южная граница фактически совпадает с границами Прикаспийской низменности или Прикаспийских пустынь, которые, в силу своих природных условий, не могли быть районом концентрации кочевых племен, что мы и видим на примере огузских памятников.

Северная граница огузских кочевий в регионе выглядит хотя и довольно «размытой», но в основных своих звеньях обозначена достаточно четко: Быковские курганы на Волге, Увак – на Илеке. Впрочем, Увак – это скорее исключение из географии расселения огузов в Заволжье и Приуралье. Опираясь на сведения средневековых нарративистов, С.Г. Агаджанов пишет о том, что огузские кочевья в X в. «были разбросаны по Иргизу, Уралу, Эмбе, Уилу, по побережью озера Аралсор» (Агаджанов, 1969, с. 72). Это, как мы видим, вполне согласуется с данными археологии.

Самое сложное сейчас, это восстановить восточную границу прикаспийской части «Дешт-и-Огуз», поскольку самый восточный из известных сейчас огузских курганов (Болгарка I в верховьях Илека) расположен так, что не может связать по-

волжские огузские памятники со считавшимися на основании письменных источников нижнесырдарьинскими огузскими центрами. Не дает материал из Болгарки I и данных для уточнения места Мугоджар (по С.Г. Агаджанову – часть Музгарских гор у ал-Идриси) внутри огузской ойкумены, так как восточнее Мугоджар целенаправленные поиски и исследования археологических памятников еще не проводились¹³.

Таким образом, по имеющимся археологическим данным и сведениям письменных источников, западная часть Огузской Степи – сравнительно узкая полоса территории по южной периферии Волго-Уральской степи, между Южными Мугоджарами, левобережной Волгой и Прикаспийскими пустынями. Многолетние археологические поиски на территории Оренбургской области, в том числе в ее восточных районах, расположенных между северо-восточными склонами Мугоджар и отрогами Южного Урала, где, по мысли С.Г. Агаджанова, должны были находиться огузские крепости Даран-да и Дарку, положительных результатов на сей счет пока не дали.

Локализация огузских памятников в зоне предуральско-заволжской типчаково-ковыльной степи с выраженным тяготением к пойме волжского левобережья вполне определенно вписывается в систему взаимодействия двух факторов: природно-климатического и этнополитического. Относительно первого, конец IX – X вв. – это, как показывают результаты почвоведческих исследований лаборатории профессора В.А. Демкина, для степей от Приазовья до Зауралья было время выраженной аридизации (усыхания). Поэтому вполне естественно, что Нижняя Волга с ее 15–30-километровой поймой была наиболее притягательным местом для заволжских кочевников, прежде всего во время зимовок. И не случайно ал-Масуди и писал о том, что на зиму огузы собираются к Волге (Хазарской реке) и, перейдя ее по льду, нападают на хазар (Гаркави, 1870, с. 131). Обращает на себя внимание тот факт, что из всех средневековых авторов, писавших об огузах, только ал-Масуди сообщает о нападениях последних на хазар. Ни Ибн Фадлан, ни Константин Багрянородный, ни анонимный автор «Худуд-ал-Алам», довольно подробно описавший географические границы «Дешт-и-Огуз», ничего подобного не сообщают. Более того, в письме хазарского царя Йосифа (середина X в.) перечисляются многие народы, с которыми хазары контактировали в том или ином виде, кроме огузов (Петрухин, 2002).

Здесь, конечно, можно фантазировать о чем угодно. Но, с одной стороны, нам ничего не из-

¹³ В таблице 2 выделены полужирным шрифтом.

вестно о каких-либо конструктивных контактах между хазарами и огузами. С другой – 150-метровые отроги Приволжской возвышенности и бесчисленные протоки волжско-ахтубинской поймы, замерзавшие время от времени, преграждали огузам свободный проход на территорию Хазарии. Очевидно, это являлось вполне действенным фактором для того, чтобы к угрозе огузских набегов относиться достаточно индифферентно. Как следствие – отмеченное еще предшественниками очень незначительное участие огузов в формировании этнической карты степей Восточной Европы в X в., где в то время этнокультурная доминанта целиком принадлежала печенегам (Федоров-Давыдов, 1966, с. 139).

В первой четверти X в. средневековые авторы одновременно фиксируют печенегов к востоку и западу от Волги и отчасти даже объясняют причину такого разделения печенежского племенного союза. Особенно интересной в этом отношении представляется книга византийского императора Константина Багрянородного (ум. 959 г.) «Об управлении империей», представляющая собой наиболее емкий источник по истории европейских печенегов первой половины X века. Из него, в частности, мы узнаем о значительной роли печенегов в восточноевропейской политике X в., что выражалось, например, в необходимости поддерживать союзнические отношения с печенегами, с тем чтобы через это пресекать попытки русов, болгар и «турков» нападать на Византию (под «турками» в данном случае подразумеваются древние мадьяры-венгры, в конце IX в. заселившие Паннонию в бассейне Дуная и Тисы).

Константин Багрянородный приводит довольно точные координаты расселения печенегов в степях восточной Европы: от низовьев Дуная и северных пределов «турков» (мадьяр), живших в то время в бассейнах рек Тимиссий, Тутис, Морисий, Крис и Тица (соответственно Темеш, Бегу, Марош, Кёрёш и Тисса в восточной Венгрии) до хазарской крепости Саркела по берегам рек Варух (Днепр), Куву (Буг), Трулл (Днепр), Врут (Прут) и Серет (Константин Багрянородный). Причем на этой территории печенеги жили восемью «округами», четыре из которых располагались по правобережью Днестра (Гиазихопон, Гиля, Харовой и Явдиертим), а остальные по левобережью (Кварципур, Сирукалпей, Вороталмат и Вулацоспон).

Византийский император указывает первоначальную территорию обитания печенегов — на Волге и Урале (реки Атил и Гейх) и называет причины их ухода на запад – поражение в войнах с огузами.

Интересно приводимое в рассматриваемой книге подтверждение аутентичности этнонима «печенег-кангар», как бы перекликающееся со сведениями

восточных письменных источников: «...Между тем Печенеги, раньше называвшиеся Кангар (ибо это наименование применялось у них в отношении к благородству и доблести), двинувшиеся войною на Хазар и разбитые ими, принуждены были покинуть свою землю и заселить землю Турков. В войне, возникшей между Турками и Печенегами, тогда называвшимися Кангар, войско Турков было разбито...» («тогда», судя по тексту Константина Багрянородного, это конец IX в.). Причем чуть выше автор подчеркивает, что «...Печенеги именуется Кангар, но не все, а только народ трех округов: Явдиертим, Кварципура и Хавуксингила, как храбрейшие и благороднейшие из других, ибо это обозначает прозвание Кангар». Следует полагать, что к таким «храбрейшим и благороднейшим» племенам принадлежали племена, живущие в центральной части европейской Печенегии, т. е. по берегам Днестра (округ Явдиертим соседствует с областями, подвластными русам).

Сообщает Константин Багрянородный и о той группе печенегов, которая осталась жить на востоке, за Итилем, по соседству с огузами и под их властью: «...Должно знать, что в то время, когда Печенеги были изгнаны из своей земли, некоторые из них по собственному желанию и решению остались там, поселились вместе с т. н. Узами и доселе остаются у них, имея следующие признаки для того, чтобы отличаться от них и показывать, кто они такие и как им довелось оторваться от своих: верхние одежды укорочены до колен и рукава обрезаны, начиная от предплечий; этим они показывают, что они отрезаны от своих сородичей и соплеменников» (Константин Багрянородный).

Мысль о войнах между печенегами и огузами как о причине переселения первых к западу от Волги проводит в своем сочинении и ал-Масуди: «...Должно быть, по мнению тех астрономов, которые составили астрономические таблицы, и других древних мудрецов, что море Бургара, Руса, Баджны, Баджнака и Баджгурда – они же суть три рода из Турка – есть то же, что море Нейтас (Черное)»; «...Они завоевали многочисленные из пяти «бунуд» (обозначение византийских провинций). После 932 г. они раскинули свои шатры здесь и перекрыли путь из аль-Кустантиния в Ру-мийю... В книге «Фунун ал-ма 'ариф ва маджра фи ад-духур ас-савалиф» («Сорта знания и что случилось в прошлом») мы отмечали причину появления этих четырех тюркских племен с востока, это войны и постоянные стычки между ними и огузами, карлуками и кимаками вокруг моря Джурджан» (Гаркави, 1870).

Сведения о двух группах печенегов («тюркских» и «хазарских») содержатся в «Худуд ал-Алам» («Границы мира»), написанной в 982–983 гг. на основе более ранних сочинений ал-Балхи,

ал-Истахри, Ибн Хордадбега, ал-Джейхани и Ибн Хаукаля. Причем, если исходить из координат расселения печенегов, приведенных в указанном сочинении, то получается, что «хазарские печенеги» – это племена Заволжской Печенегии, а «тюркские печенеги» – описанные Константином Багрянородным печенежские племена восточноевропейских степей.

Опираясь на сведения средневековых нарраторов, американский историк П. Голден рисует следующую схему хода и причин миграции огузов и печенегов с востока евразийских степей в Восточную Европу: вследствие продолжительных войн между огузами и уйгурами, имевшими место в 20–40-е годы IX в., огузы и их союзники карлуки были вытеснены в Семиречье, где они столкнулись с печенегами (кангарами-кенгересами) и вытеснили последних вначале в Приаралье, а затем и далее – в Заволжье и Приуралье (Golden, 1970). С целью очистить заволжские степи от печенегов огузы вступают в соглашение с хазарами (обратную инициативу представить трудно, поскольку для хазар, очевидно, не было принципиальной разницы в том, кто будет тревожить их восточные рубежи – печенеги или огузы), поставив печенегов «между молотом и наковальней». Для последних из этой ситуации оставался единственный выход – идти далее в поисках более спокойного места. Таковыми, на наш взгляд, были этнополитические предпосылки образования вдоль южной кромки Волго-Уральской лесостепи Заволжской Печенегии, территории, которая одновременно была и промежуточным пунктом на пути движения печенегов на запад, и их глубоким тылом.

Итак, оттеснив (м. б. с помощью хазар) печенегов на северную окраину Волго-Уральской степи, огузы получили в свое распоряжение территорию, если и не столь обильную экологическим потенциалом, но чрезвычайно удобную с точки зрения культурно-экономического взаимодействия кочевого и оседлого миров. Прежде всего, из нижневолжских степей открывались прямые пути к основным городским цивилизациям Восточной Европы и Средней Азии. Вероятнее всего, незначительное распространение огузских погребений к западу от Волги объясняется и тем, что оседло-земледельческая Хазария с ее неразвитой, находящейся на «эмбриональном» уровне протогородской структурой (Флёров, 2011) не являлась для огузов столь уж привлекательным объектом экспансии. Конечно, они совершали на нее какие-то спонтанные набеги (ал-Масуди), но, вероятно, гораздо более привлекательным для них было южное направление и торговли, и грабительских набегов. «Худуд ал-Алам»: «Они представляют множество людей, живущих в палатках, и это – люди вооруженные, храбрые и решительные в

сражении. Они постоянно приходят воевать в области ислама. На какую бы местность они ни напали, они топчут ее и грабят, и затем быстро возвращаются назад». Тем более что от южных пределов огузских кочевий, у подножия Северного Чинка, шел через Устюрт древний караванный путь, снабженный колодцами, следуя которым можно было беспрепятственно достигнуть северных границ Хорезма и города Кят – основного центра огузо-хорезмийской торговли.

Наконец, в середине – второй половине X в. недалеко от северных границ «Дешт-и-Огуз» появляется еще один крупный торгово-ремесленный центр – городище на Самарской Луке, в археологической литературе известное как «Муромский городок» – самый южный город домонгольской Волжской Болгарии.

И, конечно же, нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что в рассматриваемое время именно современные пустыни Южного Приаралья находились в стадии гумидизации (увлажнения), пик которой пришелся на предмонгольское время, и представляли собой сухую степь (В.А. и Т.С. Демкины).

Основная же масса печенегов, очевидно, на рубеже 80–90-х годов IX в. уходит из Заволжья на запад. По имеющимся сейчас данным можно предположить, что произошло это незадолго до 895 г. – года нападения печенегов на древнемадьярскую территорию Леведию (Лебедию), которую большинство современных венгерских исследователей не очень определенно помещает в междуречье Дона и Северского Донца.

Вытесненные из Леведии мадьяры перемещаются за Днепр, где и образуют еще одну этнокультурную область Этелькёз (Ателькузу), которую многие исследователи, опираясь на перечень рек, текущих в этой области, приведенный Константином Багрянородным, размещают в степях Днепро-Днестровского междуречья, а степной угол между Северским Донцом, Днепром и Азовским морем занимают печенеги.

Появление печенегов на указанной территории изменило содержание этнокультурной карты восточноевропейских степей: степные аланы уходят на север, в лесостепь и лес (по материалам Маяцкого и сопутствующих ему поселений – А.З. Винников, С.А. Плетнева). Степь становится печенежской. Перекочевав к южным границам Киевской Руси, печенеги очень быстро становятся существенной силой восточноевропейской политики. Прежде всего, на протяжении столетия, с 920 по 1034 г. русские летописи 13 раз фиксируют участие печенегов в политических событиях Киевской Руси, причем только единожды (944 г.) – как союзников киевского князя (Ипатьевская ле-

топись). Все остальные летописные рассказы – это, по сути, своеобразный реестр печенежских набегов на Киев (968, 988, 993, 1015, 1034 гг.), Василев и Белгород (996, 997 гг.) и свидетельства участия печенегов в междоусобицах киевских князей, ставшего наиболее активным в начале XI в. (980, 1016, 1019 гг.).

Если политическая история европейских печенегов освещена достаточно подробно благодаря сведениям русских летописей, то история Заволжской Печенегии в этом плане абсолютно неизвестна. Это дало основание считать, что оставшиеся в Заволжских степях печенеги «подчинились узам (огузам), вошли в их союз и более уже самостоятельного значения не имели и в источниках не упоминались» (Плетнева, 1982). Однако это не совсем так, чему свидетельство – описание земли печенегов в сочинении «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий») персидского историка XI в. ал-Гардизи. Хотя сам автор жил и писал в то время, когда огузов и печенегов уже теснили пришедшие с востока кыпчаки-половцы, но глава о печенегах («баджинаках») была написана им на основании данных более ранних авторов – Ибн Хурдадбега, ал-Джейхани, Ибн Русте. Следовательно, в ней отражена ситуация, когда Заволжская Печенегия еще существовала. Ал-Гардизи: «Что касается печенегов, то дорога к ним идет от Гурганджа к Хорезмийской горе и дальше в страну печенегов. Дойдя до Хорезмийского озера, оставляют его по правую сторону и идут дальше. Приходят в безводную землю и степь, по которой идут 9 дней; каждый день или каждые два дня приходят к колодцу, опускаются туда на веревке и достают воду для лошадей. На десятый день достигают источников, где есть вода и всякого рода дичь из птиц и антилоп; травы немного. По этой местности идут 16 дней; на 17-й день приходят к шатрам печенегов. Владения печенегов простираются на 30 дней пути. С каждой стороны к ним примыкает какой-нибудь народ; с востока кыпчаки, с юго-запада хазары, с запада славяне... Эти печенеги владеют стадами; у них много лошадей и баранов, также много золотых и серебряных сосудов, много оружия. Они носят серебряные поясы».

Последнее сообщение обращает на себя внимание тем, что оно противоречит сведениям других средневековых авторов о бедности печенегов и об их зависимости от огузов (Ибн Фадлан, Константин Багрянородный). И оно, это известие, перекликается с аналогичным сообщением Абу Дулафа о воинственности и независимости печенегов («баджнаков»), в котором говорится о том, что печенеги (судя по приводимым координатам расселения печенегов, речь у Абу Дулафа идет именно о заволжских печенегах) – народ воинственный и независимый («часто ведут войны между собой и

дани никому не платят»). Аналогичные сведения о территории и образе жизни печенегов и огузов содержатся в книге ал-Марвази (врача при дворе сельджукских султанов) «Табаи ал-хайаван» («Природа животных»), написанной в первой четверти XII в. опять-таки на основании более ранних данных ал-Джайхани: «Печенеги народ странствующий, который переселяется в те места, где выпадает дождь и где есть пастбища. Земли печенегов как в длину, так и в ширину на 30 дней пути. Со всех сторон они окружены многочисленными народами. Севернее их находится страна кипчаков, на юго-западе страна хазар, на востоке страна огузов, а на западе страна славян. Эти народы нападают на печенегов, а печенеги нападают на них. Печенеги богатые, у них есть верховые животные, овцы, пожитки, золото, серебро, оружие, знамена и значки» (Храковский, 1959).

Период с 980 по 1036 гг. – время активизации набегов европейских печенегов в северном и восточном направлениях. Причину этого С.П. Толстов усматривал в стремлении исламского Хорезма ослабить политическое влияние христианизующейся Руси на востоке Европы, а В.В. Каргалов – в экстенсивном скотоводческом хозяйстве, не способном удовлетворить жажду печенежской знати к обогащению.

Однако более вероятной причиной изменения военно-политических интересов и устремлений печенегов могли стать следующие, отчасти связанные между собой обстоятельства. Во-первых, к концу X в. степи между Доном и Дунаем уже были плотно освоены печенегами, перешедшими ко второй стадии кочевания (по С.А. Плетневой), сопровождавшейся разделом территории степи и усилением на этой почве внутренних противоречий между племенами. Во-вторых, не могло не сказаться и ослабление Хазарии, так и не оправившейся до конца после ее погрома князем Святославом в 965 г., и, наконец, свою провоцирующую роль могла сыграть и междоусобица 980 г. на Руси, в которой печенеги участвовали на стороне князя Ярополка.

Ввиду усилившейся угрозы со стороны печенегов князь Владимир Святославович спешно укрепляет южные границы государства системой валов и городков «по Десне и по Оустрьи, по Трубешеву и по Суле, и по Стугуне», под защиту которых, очевидно, и уходит в конце X в. славянское население с берегов Дона.

Набеги печенегов, естественно, не могли миновать и западных границ Хазарии, которая продолжала существовать и после похода Святослава. Несмотря на то, что Святослав в это время продолжал наращивать военно-политическую активность на Дунае, держать сильный гарнизон

в захваченной во время похода 965 г. хазарской крепости Саркеле (хотя и являвшейся связующим звеном между Русью и Тмутараканскими землями) ему было явно не с руки. Поэтому появление в Саркеле огузов, выступавших союзниками Святослава в его хазарском походе, представляется вполне логичным (Артамонов, 2001). С.А. Плетнева, анализируя кочевнический курганный могильник у Саркела – Белой Вежи, приходит к выводу о его смешанном, огузо-печенежском происхождении.

Этот вывод вполне согласуется с типологией погребений Саркельского (Белая Вежа) могильника, которые четко распадаются на две этнокультурные группы: огузскую (захоронение коня над человеком – курганы 5, 16, 45, 47, 48, 54, 56, 19/1) и печенежскую (остатки шкуры коня на дне могилы слева от человека – курганы 8, 21, 34, 35, 37, 53). А если учесть, что Саркельский могильник – единственное место концентрации огузских погребений X–XI вв. на Нижнем Дону, то предположение М.И. Артамонова о присутствии здесь кочевнического гарнизона выглядит вполне реальным.

Массовое переселение огузов (торков) в степи Восточной Европы происходит в первой половине XI в. С.П. Толстов расценивал его как проявление социально-политического кризиса огузской державы, выразившегося в практически одновременном движении огузов-торков из волго-уральских степей в Восточную Европу, а огузов-сельджукидов – из Приаралья через Хорезм в Переднюю Азию. По мнению исследователя, это являлось целенаправленной военно-политической акцией единого союза племен.

С.Г. Агаджанов считает, что миграция огузов была вызвана социально-экономическими причинами: нехватка пастбищ и земельных угодий. Этот вывод представляется более реалистичным. Во-первых, по уже упоминавшимся выше данным почвоведов, в рассматриваемое время все степные территории находились в стадии аридизации (приближались к своему современному состоянию), тогда как степи Южного Приаралья гумидизируются. Во-вторых, реальность единой огузской державы (или единого союза племен) в территориальных границах от Балхаша до Волги сейчас выглядит отнюдь не бесспорной. Вероятно, в настоящее время следует говорить о двух самостоятельных группировках (союзах?) племен: собственно огузской в волго-уральских и прикаспийских степях, и огузо-туркмено-сельджукской к востоку от Аральского моря. У каждого из этих союзов к началу XI в. уже вполне оформились политические и экономические ориентиры: у огузов – на запад, в Хазарию, у

туркмено-сельджуков – на юг, в Маверрannah. Поэтому, когда на исторической арене азиатских степей появилась третья геополитическая сила – вышедшие из Прииртышья и с Алтая кочевники кимако-кыпчакского союза племен (по С.Г. Агаджанову – куны и каи), направления возможного отхода для огузов были уже четко определены.

Давление кимако-кыпчаков (сары-кыпчаков) с севера и северо-востока – вот, на наш взгляд, основная причина массовой миграции огузских племен по расходящимся направлениям. И начаться это давление должно было не позже середины 20-х годов XI в., когда, по сведениям мусульманских историков, первые 4 тысячи туркмен переплавляются через Амударью и расселяются в Северном Хорасане, а следом за ними, около 1030 г., и сами кыпчаки появляются у границ Хорезма.

Археологические следы огузо-туркмено-сельджукской миграции в Среднюю и Переднюю Азию еще предстоит выявить. Очевидно, сделать это будет не просто, учитывая то обстоятельство, что огузы-туркмены в рассматриваемое время уже могли быть мусульманами. Что же касается огузов-торков, то их появление в степях Восточной Европы маркируется погребениями соответствующего типа: со шкурой коня, уложенной над человеком, бронзовыми подвесками-копоушками (Антоновский, Бузовка, Вильнянка, Днепрорудный, Заплавский-1, Зеленки, Саркел и др.). Но это вынужденное вторжение сопровождалось очередным витком огузо-печенежских войн, 40-х гг. XI в., конец которым положили сары-кыпчаки (половцы), появившиеся на Северном Кавказе и у границ Киевской Руси в 1050–1055 гг.

Ближайшими северными соседями огузов и печенегов Заволжья и Южного Предуралья были племена, оставившие в регионе памятники *мрясимовского* (по Н.А. Мажитову и Г.Н. Гарустовичу) или *постпетрогромского* (по Е.П. Казакову) типа, датирующиеся X–XI вв. Расположены они в северных районах современного Башкортостана (Каранаевские, Бакалинский, Мрясимовские, Бурлинский курганы) и в Зауралье (курганы на оз. Смолино, Синеглазово, Уелга), т. е. в лесной и лесостепной зонах. Описательная статистика погребального обряда «мрясимовцев/постпетрогромцев» представлена в табл. 1.

Почти все погребения совершены под земляными курганами 5–8 м в диаметре. Преобладают (76,4%) погребения в курганах, содержащих от двух и более захоронений (семейные усыпальницы?). Важной этнографической чертой курганов мрясимовского типа являются захоронения

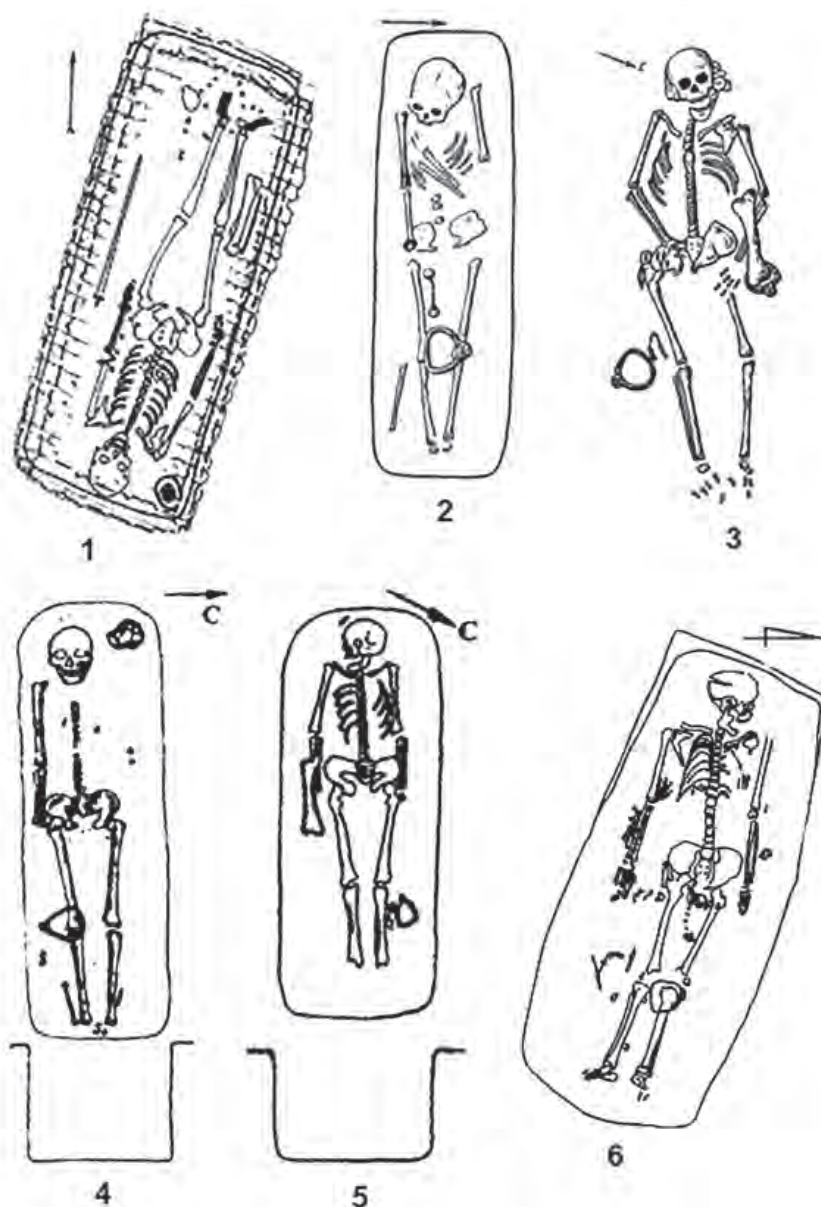

Рис. 5. Погребальный обряд курганов мрясимовского/постпетрогромского типа.
1 – Синеглазово; 2 – Мрясимовский, к.10; 3 – Муракаевский, к.3; 4 – Бакалинский, к.3; 5 – Бакалинский, к.5;
6 – Уелги, к.11.

черепов и костей ног лошади в полах курганов (32,1% погребений происходит именно из таких курганов). Очень редко в могилах фиксируются остатки берестяной обертки на костях человека. Почти каждое третье погребение содержит плечевую кость лошади (31,4%), что, по мнению Г.Н. Гарустовича, является племенным признаком населения, оставившего эти памятники (Гарустович, 1998, с. 16). Многие погребения содержат глиняные сосуды (48,5%), поставленные в изголовье могилы. По форме своей – это лепные круглодонные горшки с прямой или слегка наклоненной внутрь шейкой, украшенные насечками по венчику, горизонтальными оттисками шнура по шейке и оттисками гребчатого штампа в виде парного

зигзага с вертикальными «привесками» или косой сетки по плечу (рис. 6).

Поза погребенного, там, где она определяется (а таких погребений менее 25%), – вытянуто на спине, с ориентировкой на запад, с редкими отклонениями к северу или югу (рис. 5). Значительная часть погребений (57,8%) потревожены настолько, что ни позы, ни ориентировки установить невозможно.

Из сопровождающего погребенного инвентаря чаще всего встречаются: стремена и удила, уложенные у ног погребенного, железные и костяные наконечники стрел, отдельные детали пояса – пряжки, накладки, бронзовые подвески-«бубенчики» (т. е. пуговицы), бронзовые пла-

Рис. 6. Керамика мрясимовского/постпетрогромского типа из могильников Предуралья. 1-3,6 – Бакалинские курганы; 4-5 – Мрясимовские курганы; 7-8 – Каранаевские; 9-12 – Уелги.

стинчатые браслеты с закругленными концами (рис. 7). Только в погребениях рассматриваемого типа встречаются венчики или опушки шапок, состоящие из сдвоенных накладок-полулунниц (Каранаево, Лагерево, Уелги) (рис. 7: 12, 13). 30% мрясимовских/постпетрогромских погребений разрушены или ограблены настолько, что там вообще никаких вещей не найдено.

Поселений мрясимовского/постпетрогромского типа в Предуралье не обнаружено. Хотя фрагменты соответствующей керамики обнаружены на ряде городищ региона: Каменный Лог, Благодатское I, Елабужское, Иднакар, Уфа II, Кара-Абыз и др. Но везде они составляют не более 5–7% от общего количества средневековой керамики, что не позволяет предполагать оседлый образ жизни у носителей мрясимовской/постпетрогромской культуры.

Значения коэффициента парного типологического сходства C_3 между группами памятников X–XI вв., рассматриваемыми в данной главе, показывают, что в этнокультурном отношении они различны. Особенно это относится к памятникам мрясимовского/постпетрогромского типа. Коэффициент C_3 между ними и курганами огузов равен 0,07; а с курганами печенегов – 0,009. То есть к тюркоязычным кочевникам Урало-Поволжья X–XI вв. «мрясимовцы/постпетрогромцы» никакого отношения не имеют. Следовательно, не имеет смысла сомневаться в правоте тех исследователей, которые считают это население уграми, пришедшими в Предуралье после ухода отсюда древних мадьяр – «семь племен Хетумогер» – носителей караякуповской, неволинской, ломоватовской культур. Археологически фиксируемые признаки мрясимовской/постпетрогромской культуры

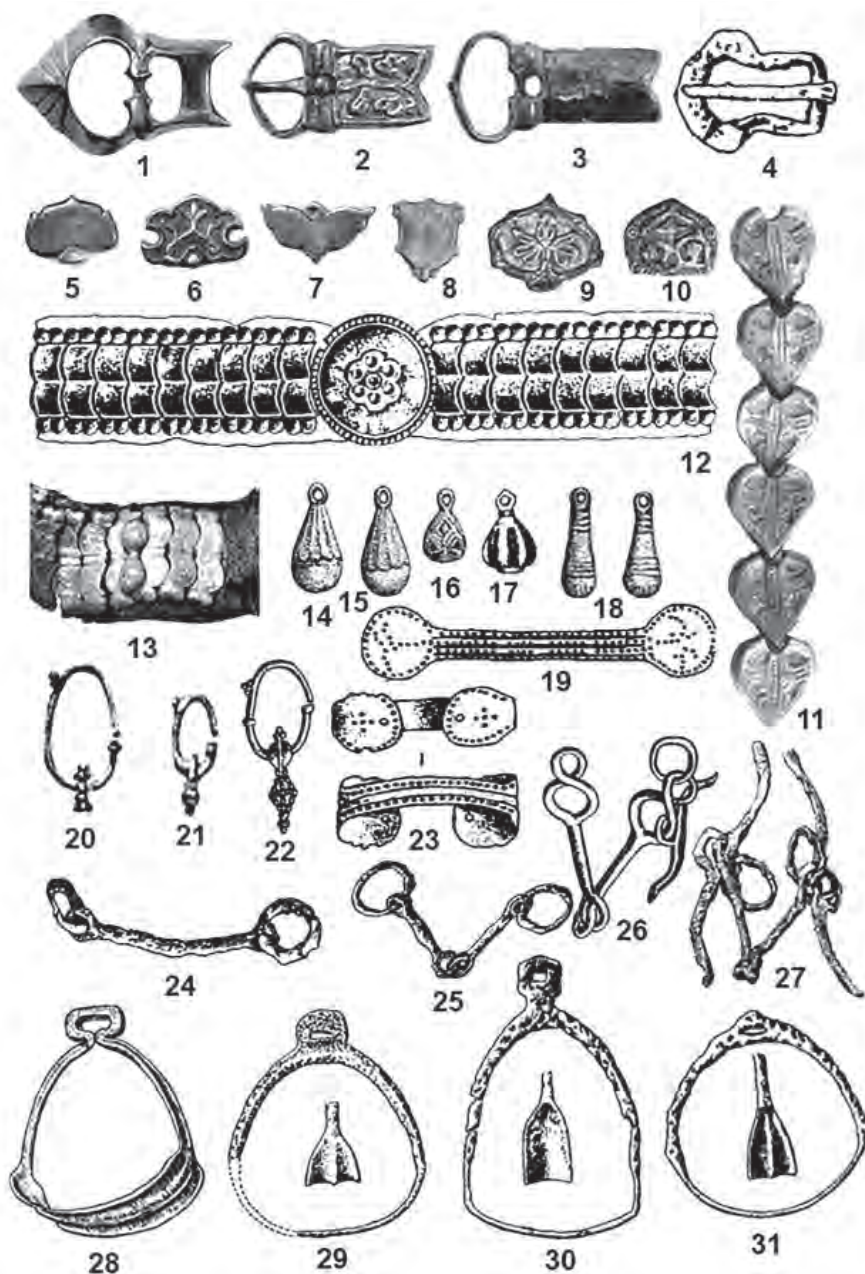

Рис. 7. Вещи из погребений мрясимовского/постпетрогромского типа.

1-4 – пряжки; 5-11 – поясные накладки; 12, 13 – налобные венчики (опушки шапки); 14-18 – подвески-бубенчики (пуговицы); 19, 23 – браслет; 20-22 – серьги-подвески; 24-27 – удила; 28-31 – стремена.

и прежде всего характерная керамика позволяют генетически связать ее с петрогромской культурой лесного Зауралья (Казиков, 2007, с. 55). В погребальном обряде «мрясимовцев/петрогромцев» преобладают признаки, также характерные для угорской погребальной традиции: части конской туши в насыпях курганов, неглубокие могильные ямы, плечевая кость лошади в могиле, стремена и удила у ног погребенного, западная ориентировка покойного (Гарустович, 2011, с. 90). Кроме того, в материалах Бакалинского могильника (к. 4)

Г.Н. Гарустович выявил фигурку деревянного идола, идентичного мансийским идолам-*иттерма* (Гарустович, 2011, с. 93).

Верхнюю хронологическую границу мрясимовской/постпетрогромской культуры Е.П. Казиков и Г.Н. Гарустович определяют XII в., после чего ее в Предуралье сменяет родственная чьяликская культура, носители которой, по определению Е.П. Казакова, являлись новыми угорскими пришельцами из Зауралья (Казиков, 2007, с. 55, 59; Гарустович, 2011, с. 90).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВОЛГО-УРАЛЬЯ VIII–X ВВ.

Таблица 1. Представительные признаки погребального обряда кочевников степей Восточной Европы
огузо-печенежского периода (X – первая половина XI вв.)

№ п/п	Содержание признака	Огузы	Печенеги заволжские	Печенеги европейские	Мрясимовский/ пост-петрогромский тип
1	Земляные курганы	92,0	94,4	96,8	97,8
2	Каменная наброска над могилой	-	-	-	3,0
3	Кострище в насыпи	-	-	2,5	3,5
4	Угли в насыпи	-	-	1,5	3,0
5	Кости животных в насыпи	6,9	-	1,3	32,1
6	Керамика в насыпи	-	-	-	10,7
7	Ровик у основания насыпи	6,9	-	3,5	-
8	Основное погребение	80,0	91,4	21,0	22,8
9	Впускное погребение	19,8	64,3	79,0	-
10	Два и более погребений в насыпи	62,3	8,5	10,0	76,4
11	Могила простая	54,4	36,7	38,1	85,0
12	Ступенька слева	-	15,0	8,8	-
13	Подбой с уступом у входа	-	10,0	7,0	-
14	Перекрытие на насыпи могилы	23,7	9,5	8,12	-
15	Конструкция могилы неизвестна	30,7	32,1	47,0	12,1
16	Конская шкура слева от человека	-	83,9	51,0	-
17	Конская шкура справа от человека	-	16,1	6,0	-
18	Конская шкура над человеком (в насыпи или на перекрытии)	75,2	-	-	-
19	Конская сбруя без коня	9,1	7,5	3,8	27,1
20	Ориентировка погребенного: запад	46,5	56,2	51,0	21,4
21	северо-запад	11,9	14,5	17,0	5,7
22	юго-запад	27,7	18,6	16,0	7,8
23	север	-	-	-	3,0
24	северо-восток	-	-	1,9	-
25	Ориентировка не определена	13,9	10,7	14,1	57,8
26	Остатки гроба (колоды)	14,8	14,5	14,0	-
27	Остатки подстилки	10,9	11,0	-	-
28	Кости овцы в могиле	6,0	14,0	5,7	-
29	Кости лошади (пища)	-	-	-	31,4
30	Керамика в могиле	14,8	12,0	11,0	48,5
31	Удила	37,2	53,7	61,0	28,5
32	Стремена	62,3	44,1	44,1	17,0
33	Бляха-решма	10,9	4,0	4,0	-
34	Уздечные накладки	16,8	8,5	8,5	-
35	Костяна подпружная пряжка	-	4,5	4,5	4,3
36	Железные наконечники стрел	30,7	29,1	29,1	22,1
37	Костяные наконечники стрел	-	-	1,0	20,7
38	Костяные обкладки лука	9,9	19,0	19,0	10,7
39	Берестяной колчан	19,8	8,5	8,5	-
40	Костяные накл. на колчан	-	-	3,5	-
41	Сабля	9,9	14,5	14,5	5,0
42	Копье	-	4,5	4,5	-
43	Поясной набор	24,7	18,5	4,5	3,0
44	Детали пояса: пряжки, накладки	35,6	22,5	22,5	33,5
45	Серьги-подвески	9,9	18,6	18,6	7,9
46	Подвески-бубенчики (пуговицы)	26,7	12,6	12	15,0
47	Бусы	12,0	5,5	5,6	13,5
48	Копоушки, птицевидные подвески	37,6	-	1,0	-
49	Перстень	7,9	-	2,0	-
50	Браслет	6,9	-	3,0	5,0
51	Зеркало	7,9	-	3,0	-
52	Нож	38,6	40,0	40,2	12,8

ГЛАВА 6. ПАМЯТНИКИ КОЧЕВНИКОВ СТЕПНОГО И ЛЕСОСТЕПНОГО ...

53	Ножницы	8,9	6,5	6,5	-
54	Пряслице			3,5	
55	Кресало и кремь	9,9	17,0	17,0	3,5
54	Без вещей	6,0	4,5	4,5	30,0
Всего погребений:		66*	93**	376***	140****

* При степени вероятности = 0,95 нижний порог значимости 6%.

** Нижний порог значимости 4%.

*** Нижний порог значимости 1%.

**** Нижний порог значимости 3%.

Таблица 2. Норма распределения и тенденция признаков погребального обряда огузов и печенегов

№ п/п	Содержание признака	Норма распределения	Тенденция признака			
			Огузы	Печенеги заволжские	Печенеги европейские	Мрясимовский/пост- петрогромский тип
1	Земляные курганы	95,2	0,96	0,99	1,01	1,02
2	Каменная наброска над могилой	0,75	-	-	-	4
3	Кострище в насыпи	1,5	-	-	1,66	2,3
4	Угли в насыпи	1,1	-	-	1,3	2,7
5	Кости животных в насыпи	10,0	0,69	-	0,13	3,21
6	Керамика в насыпи	2,6	-	-	-	4
7	Ровик у основания насыпи	2,6	2,6	-	1,3	-
8	Основное погребение	53,8	1,48	1,7	0,39	0,42
9	Впускное погребение	40,7	0,48	1,57	1,9	-
10	Два и более погребений в насыпи	39,3	1,58	0,21	0,25	1,9
11	Могила простая	53,5	1,01	0,68	0,71	1,6
12	Ступенька слева	5,9	-	2,5	1,5	-
13	Подбой с уступом у входа	4,25	-	2,3	1,6	-
14	Перекрытие на насыпи могилы	10,3	2,3	0,92	0,79	-
15	Конструкция могилы неизвестна	30,4	1,0	1,05	1,5	0,4
16	Конская шкура слева от человека	33,7	-	2,5	1,5	-
17	Конская шкура справа от человека	5,5	-	2,9	1,09	-
18	Конская шкура над человеком (в насыпи или на перекрытии)	18,8	4	-	-	-
19	Конская сбруя без коня	11,8	0,77	0,63	0,32	2,29
20	Ориентир погребенного: запад	43,7	1,06	1,28	1,16	0,49
21	северо-запад	12,2	0,97	1,18	1,4	0,46
22	юго-запад	17,5	1,58	1,06	0,91	0,44
23	север	0,75	-	-	-	4
24	северо-восток	0,47	-	-	4	-
25	Ориентировка не определена	18,3	0,75	0,58	0,77	3,15
26	Остатки гроба (колоды)	10,8	1,37	1,34	1,29	-
27	Остатки подстилки	5,4	2,0	2,03	-	-
28	Кости овцы в могиле	6,4	0,94	2,18	0,89	-
29	Кости лошади (пища)	7,8	-	-	-	4
30	Керамика в могиле	21,5	0,68	0,55	0,51	2,25
31	Удила	45,1	0,82	1,19	1,35	0,63
32	Стремена	41,8	1,5	1,05	1,05	0,4
33	Бляха-решма	4,7	2,3	0,85	0,85	-
34	Уздечные накладки	8,45	1,98	1,0	1,0	-
35	Костяна подпружная пряжка	3,3	-	1,36	1,36	1,3
36	Железные наконечники стрел	27,7	1,1	1,05	1,05	0,8
37	Костяные наконечники стрел	5,4	-	-	0,18	3,83
38	Костяные обкладки лука	15,6	0,63	1,2	1,2	0,68
39	Берестяной колчан	9,2	2,15	0,92	0,92	-
40	Костяные накл. на колчан	0,87	-	-	4	-
41	Сабля	11,0	0,9	1,3	1,3	0,45

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВОЛГО-УРАЛЬЯ VIII–X ВВ.

42	Копье	2,25	-	2	2	-
43	Поясной набор	12,6	1,96	1,46	0,35	0,23
44	Детали пояса: пряжки, накладки	28,5	1,25	0,79	0,79	1,17
45	Серьги-подвески	13,75	0,72	1,35	1,35	0,57
46	Подвески-бубенчики (пуговицы)	16,5	1,6	0,76	0,72	0,9
47	Бусы	9,15	1,3	0,6	0,6	1,4
48	Копюшки, птицевидные подвески	9,6	3,9	-	0,1	-
49	Перстень	2,4	3,3	-	0,83	-
50	Браслет	3,7	1,86	-	0,8	1,35
51	Зеркало	2,7	2,9	-	1,1	-
52	Нож	32,9	1,17	1,2	1,22	0,39
53	Ножницы	5,4	1,6	1,2	1,2	-
54	Пряслице	0,87	-	-	4	-
55	Кресало и кремь	11,8	0,8	1,44	1,44	0,29
54	Без вещей	11,25	0,53	0,4	0,4	2,66

ГЛАВА 7

ПАМЯТНИКИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ VIII–X ВВ.

Исторический период VIII–X вв. связан в Нижневолжском регионе с эпохой расцвета и последующего упадка Хазарского каганата. Тем не менее, несмотря на относительно хорошую археологическую изученность Хазарии, памятников этого периода в Нижнем Поволжье, особенно в Астраханской его части, не очень много (рис. 1). Точнее, памятники хазарской эпохи – главным образом захоронения – в довольно большом количестве изучены на территории Волгоградской области, в Волго-Донском междуречье. Но вот южнее разделения Волги и Ахтубы подобные погребения единичны. Это может быть связано со следующими причинами: общей относительно других регионов слабой изученностью Астраханского Поволжья в археологическом отношении; неблагоприятными местными природными условиями – засушливостью и маловодностью степей, запустыниванием, что создавало трудности для кочевания в регионе в эпоху Средневековья, с преимущественным заселением дельтовых районов Астраханского Поволжья начиная с IX–X вв., то есть на позднем этапе существования Хазарии.

Предхазарский этап. В предшествующую историческую эпоху (так называемый «перещепинско-вознесенский этап» (конец VI – первая половина VIII в.), в эпоху становления хазарской государственности, Нижнее Поволжье, видимо, было заселено слабо. Памятники, относящиеся к векам «перещепинско-вознесенского этапа», встречаются редко. Несмотря на хронологические рамки (V–VII вв.), соответствующие времени раннего Средневековья, исследователи называют их позднесарматскими (Плетнева, 2003, с. 48–51). В статье о позднейших сармато-аланских погребениях на территории Нижнего Поволжья Е.К. Максимов, приняв общераспространенное мнение о сарматской принадлежности захоронений V–VII вв., отмечает, что сарматский погребальный обряд в те столетия сильно меняется под воздействием, очевидно, тюркоязычных племен, пришедших с гуннами: возрастает количество захоронений с костями коня (головой и отчлененными ногами), почти исчезают меловые подсыпки, меняется форма могилы – преобладают подбойные с узкими входными ямами, устойчивой становится ориен-

тировка покойников головами на север, северо-восток, северо-запад. Наряду с труположениями довольно широко распространилась кремация. Явно преобладают впускные захоронения, а индивидуальные подкурганые – единичны (Максимов, 1956). Исследование большой серии черепов из Калиновского могильника (Гинзбург, 1959, с. 571, 572, 582) позволяет говорить, во-первых, о возможной примеси монголоидных элементов в европеоидных черепах из позднесарматских захоронений и, во-вторых, о встречаемости в этих погребениях черепов, аналогичных «зливкинскому типу» или населению среднеазиатского междуречья, что сближает их с черепами сарматов астраханской группы и значительно более поздними черепами из могильников Саркела – Белой Вежи. Несомненно, большую роль в этногенезе степного населения эпохи раннего Средневековья играли остатки разбитых гуннами алано-сарматских объединений. Об аланских корнях салтовской культуры писал еще Н.Я. Мерперт (Мерперт, 1951, с. 14–31) в специально посвященной генезису салтовской культуры статье. Тем не менее аланы не стали создателями новой степной культуры: в ее фундамент легли элементы разноразличных и антропологически различных этносов. Характерно, что ни один из средневековых авторов, писавших о степных народах того времени, ни разу не упомянул ни сарматов, ни алан. Очевидно, они просто «растворились» в массе тюркоязычных этносов, хлынувших в восточноевропейские степи (Плетнева, 2003, с. 50). В астраханских степях к этому периоду относится погребение из грунтового могильника у с. Хошеутово на левом берегу Ахтубы. Это захоронение в катакомбной могиле с луком «огуро-савирского» типа, которое датируется по пряжкам концом V – первой половиной VI в. (Круглов, 2006, с. 264).

Основные проблемы. Для периода VIII–X вв. в археологии Нижнего Поволжья существует два основных вопроса – вопрос об этнической принадлежности населения региона в указанный период, который решается на основании анализа погребальной обрядности, а также дискуссионный вопрос о местоположении последней столицы Хазарского каганата – города Итиля.

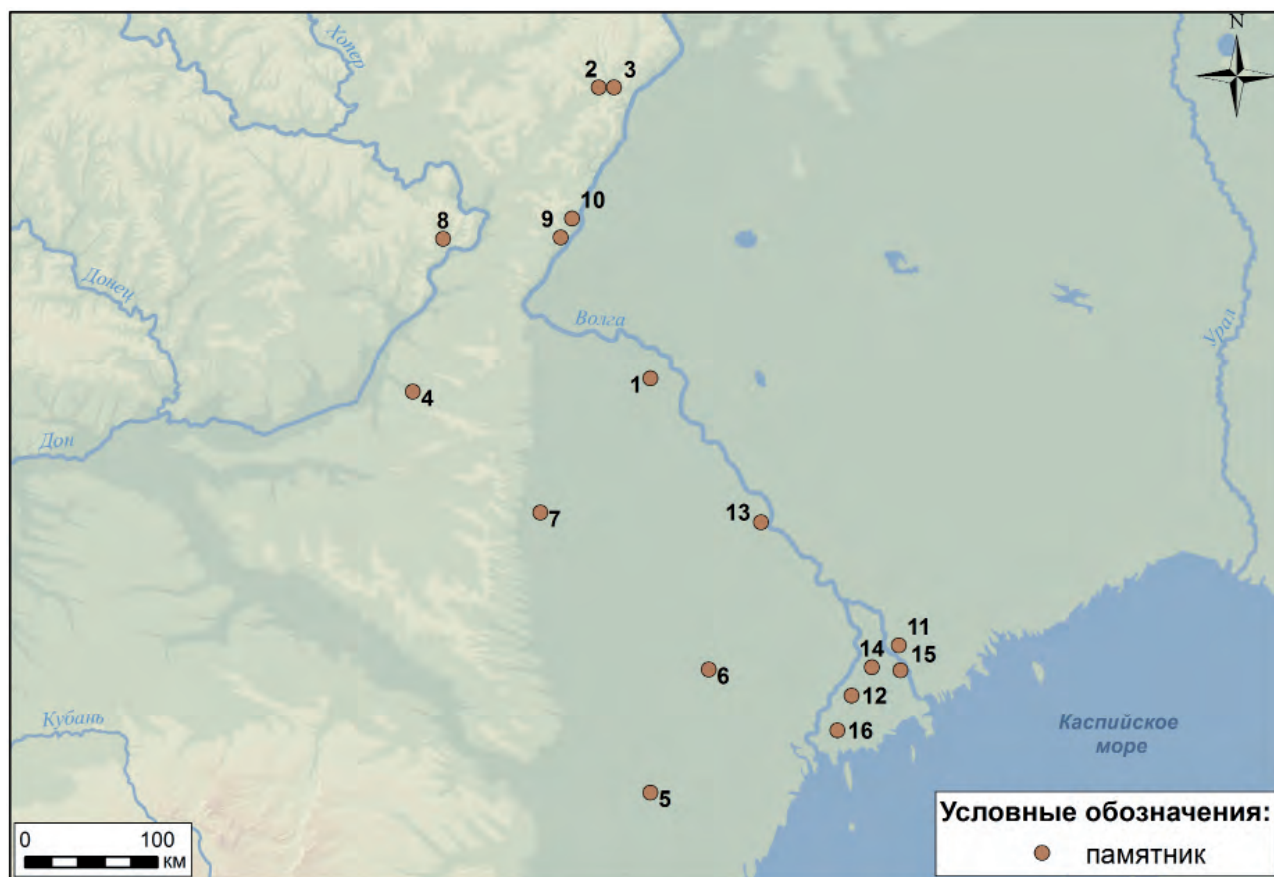

Рис. 1. Карта Нижнего Поволжья с нанесением описываемых памятников эпохи хазарского каганата: 1 – Кривая Лука, 2 – Петрунино-IV, 3 – Барановка-1, 4 – Новоаксайский и Дорофеевский, 5 – Гува, 6 – Ковыллинский, 7 – Кермен-Толга, 8 – Верхняя Бузиновка, 9 – Водяное городище, 10 – Олень, 11 – Вакуровский бугор, 12 – Ялан-Тобе, 13 – Косика, 14 – бугор «Татарский», 15 – бугор «Лбище», 16 – Самосдельское городище.

Первую академическую попытку «одним махом» решить оба вопроса нижеволжской хазарской археологии предпринял в 1959 г. М.И. Артамонов, отправив в Нижнее Поволжье своих учеников Л.Н. Гумилева, В.Д. Белецкого и И. Эрдели для обстоятельного обследования местности (Плетнева, с. 192). Разведки В.Д. Белецкого позволили открыть огромное количество разновременных стоянок местонахождений керамики (в том числе и эпохи Средневековья) в песках левобережья Ахтубы (Белецкий, 1962, с. 61–63), однако лишь единицы из них можно соотнести с эпохой позднего Хазарского каганата. По следам исследований в Нижнем Поволжье Л.Н. Гумилев выпустил книгу «Открытие Хазарии» (Гумилев, 2004), которая традиционно подвергается беспощадной критике со стороны исследователей. Книга наполнена вольными интерпретациями находок и умозрительными построениями. Открытым разведками погребениям, относимым к хазарской эпохе или близкому к ней времени, Л.Н. Гумилев, не затрудняясь доказательствами, дал этнические определения: телесцы, печенеги, барсилы, хазары. Данных для датировки этих погребений очень

мало, но даже в тех случаях, когда в погребении встречены вещи, они датируются автором произвольно. К сожалению, изыскания Л.Н. Гумилева ничего не прибавили для исследования проблемы заселения этих мест хазарами (Плетнева, 1999, с. 194–195).

Более весомые результаты были получены в ходе планомерных археологических раскопок в низовьях Волги, калмыцких степях и Волго-Донском междуречье в 1970–1990-х годах. Здесь была обнаружена представительная и очень важная для нашей темы серия кочевнических захоронений, совершенных в курганах, зачастую окруженных квадратными в плане ровиками, датируемых второй половиной VII–IX веками. На территории Нижнего Дона впервые памятники этого типа были исследованы в 1963 году экспедицией С.И. Капошиной в Соколовском курганном могильнике (Каталог..., 1985, с. 3–6, 34) и в 1972 году экспедицией Л.С. Клейна в могильнике у Соколовской Балки (Клейн и др., 1972, с. 133–134). Исходя из локализации первых обнаруженных памятников, подобного рода захоронения получили наименование «соколовского типа» или захоро-

нений типа «соколовская балка». Следует здесь особо отметить, что в ходе работ Волго-Донской экспедиции в зоне затопления Цимлянского водохранилища курганы с квадратными ровиками не были обнаружены (Иванов, 1999, с. 8).

Подкурганые ровики в курганах этого типа сооружались, как правило, еще до проведения погребально-поминальных действий и не могли быть источником грунта для насыпи. Их следует считать одним из архитектурных элементов площадок, сооружавшихся для проведения указанных ритуальных действий, а сами площадки – социально-идеологическим надэтническим признаком поминальной обрядности, на определенном этапе свойственным не только хазарам-соколовцам, но и праболгарам-зливкинцам.

Среди внутрикурганых ровиков различаются кольцевые, квадратно-кольцевые, квадратные, квадратные с дополнительной П-образной пристройкой и прямоугольные площадки (рис. 2). Количественно преобладают площадки подквадратных очертаний. Именно с этими памятниками стал связываться важнейший вопрос всей археологии Хазарского каганата – поиск собственно хазарской археологической культуры, генезис ее и других этнических компонентов в рамках развивающейся салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1990, с. 82).

В общем и целом, в настоящее время у кочевого населения хазарских степей VII–X в. различаются:

1. Ямы с подбоями в длинных боковых стенках, во второй половине VII в. представленные относительно редкими погребениями всадников с растянутыми рядом с ними шкурами или целыми остовами коня. На этой основе к началу VIII в. формируются весьма многочисленные захоронения типа «соколовской балки»;

2. Ямы со ступеньками вдоль длинных стен и нишами в узких сторонах, во второй половине VII – начале VIII в. представленные захоронениями всадников с останками коня над погребенными, а во второй половине VIII в. сменяющиеся грунтовыми и подкурганными могилами зливкинского типа салтово-маяцкой культуры;

3. Ямы-катакомбы, представленные локальными курганно-грунтовыми могильниками конца VII – начала VIII в. у п. Верхний Чирюрт (Дагестан) и редкими одиночными подкурганскими погребениями на Дону, в Калмыкии и на Средней Волге (Круглов, 2016, с. 228).

Подкурганые захоронения второго типа обычно определяются как праболгарские. Грунтовыми захоронения зливкинского типа также трактуются как праболгарские. Очевидно, таковыми являются и практически идентичные и синхронные

им немногочисленные подкурганые погребения (Круглов, 2011, с. 238–242). Но в отличие от них, грунтовыми и курганскими подбойными погребениями первого типа (типа «соколовской балки»), скорее всего, должны связываться с самими хазарами (Плетнева, 1981, с. 75–80, 213–222). Подкурганые катакомбные захоронения третьего типа (типа погребений Верхнечирюртовского могильника и Шиловки) имеют явное центральноазиатское происхождение, но оценка их этнокультурной принадлежности в настоящее время весьма затруднительна (Круглов, 2016, с. 229).

По мнению А.К. Амброза, которое позже поддержал и развил Е.В. Круглов, возникновение захоронений типа «соколовская балка» стало возможным благодаря усилению каганата в VII веке, распространению древнетюркских тенгрианских обрядов и формированию заупокойного культа умерших каганов и представителей знати, превращение этого культа из доступного немногим близким в общенародный, публичный (Амброз, 1982, с. 220). Результатом этого оказалась идеологическая трансформация в Хазарском каганате, произошедшая на рубеже VII–VIII вв. (Круглов, 2016, с. 230).

Основной территорией расселения кочевников Хазарского каганата в 1-й половине VIII в. оказывается Азово-Каспийское междуморье. Здесь формируются сразу несколько устойчивых микроареалов: Доно-Донецкий (горный), Приазовский (приморский), Сало-Маньчский, нижнедонской (левобережный), Волго-Донской (северо-восточный), Нижневолжский (Сарпинско-Ергенинский). На этой территории в первой – третьей четвертях VIII в. количественно преобладают погребения типа «соколовской балки» в ямах с подбоями в длинных боковых стенках (типа Котельниково-II, к. 10). Курганские и грунтовыми погребениями зливкинского типа в ямах со ступеньками вдоль длинных стен и нишами в узких стенах (типа Саловский-IV, к. 2; Ольховка-I, к. 9) в 1–3-й четвертях VIII в. на этой территории встречаются лишь эпизодически (Круглов, 2016, с. 230).

Погребальные памятники региона. Ряд захоронений хазарского периода обнаружен в составе курганских могильников, расположенных на берегу пересохшего русла протоки Кривая Лука на правом берегу Волги. Эти курганские группы состоят главным образом из сарматских курганов. В группе Кривая Лука XXVII был исследован, наряду с сарматскими, курган (№ 5), относящийся к эпохе раннего Средневековья (рис. 3: 1, 2, 4). Это земляная плоская насыпь с квадратным подкурганом ровиком 19,5 на 19,5 м, который был ориентирован по сторонам света. Ров имел ширину от 2,6 до 1 м и глубину около 1 м. На дне рва расчи-

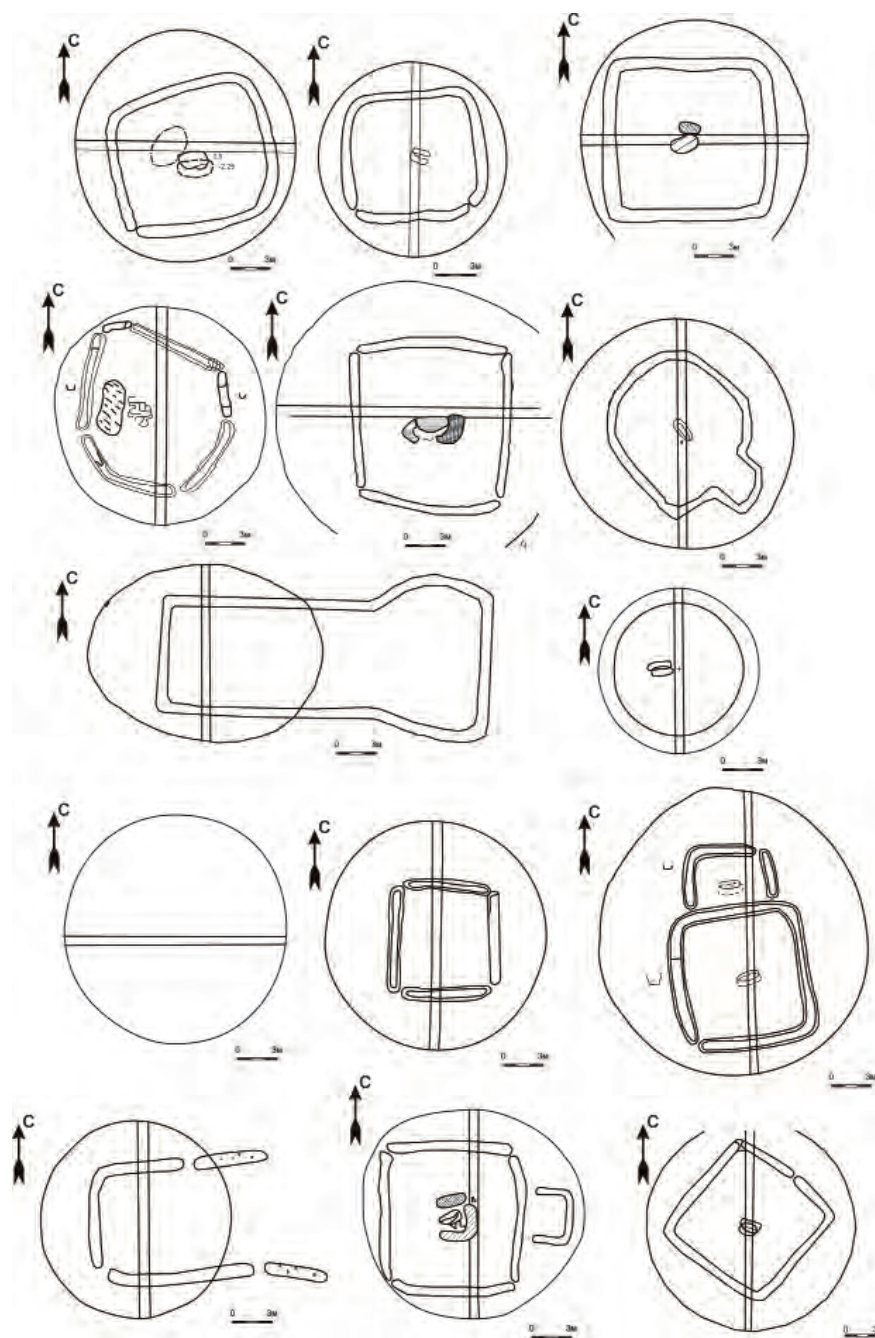

Рис. 2. Виды подкурганых ровиков в курганах типа «Соколовская балка» (по: Иванов А.А., 1999, рис. 21–24).

щен скелет барана, уложенного в ритуальной позе – с закинутой на спину головой и поджатыми ногами. После засыпки и утрамбовки этой части рва в верхней части произвели не менее 15 жертвоприношений, остатки которых обнаружены в виде скоплений костей овец и крупного рогатого скота. Затем ров был засыпан и утрамбован. Могила располагалась в западной части ограждённой рвом территории. Она была совершена в яме с подбоем. Входная яма достигала 2 м в глубину, погребальная камера в подбое – на 1 м глубже. На полу ямы прослеживалась меловая подсыпка. Могила была ориентирована по линии север – юг, при этом по-

койный – взрослый мужчина – был похоронен головой на юг на тростниковой циновке и был перекрыт деревянными плашками. Рядом с покойным располагались обращённое головой на юг взнузданное и оседланное чучело коня, а также чучело барана. За головой располагалась заупокойная пища – куски баранины с воткнутом в кость ножом, куски конины, лепной горшок с отогнутым венчиком и насечками по губе, деревянная чашечка, окованная серебром. Захоронение богатого воина сопровождалось луком, кистенём, палашом, а также поясом, украшенным золотыми и серебряными накладками. Более того, после совершения

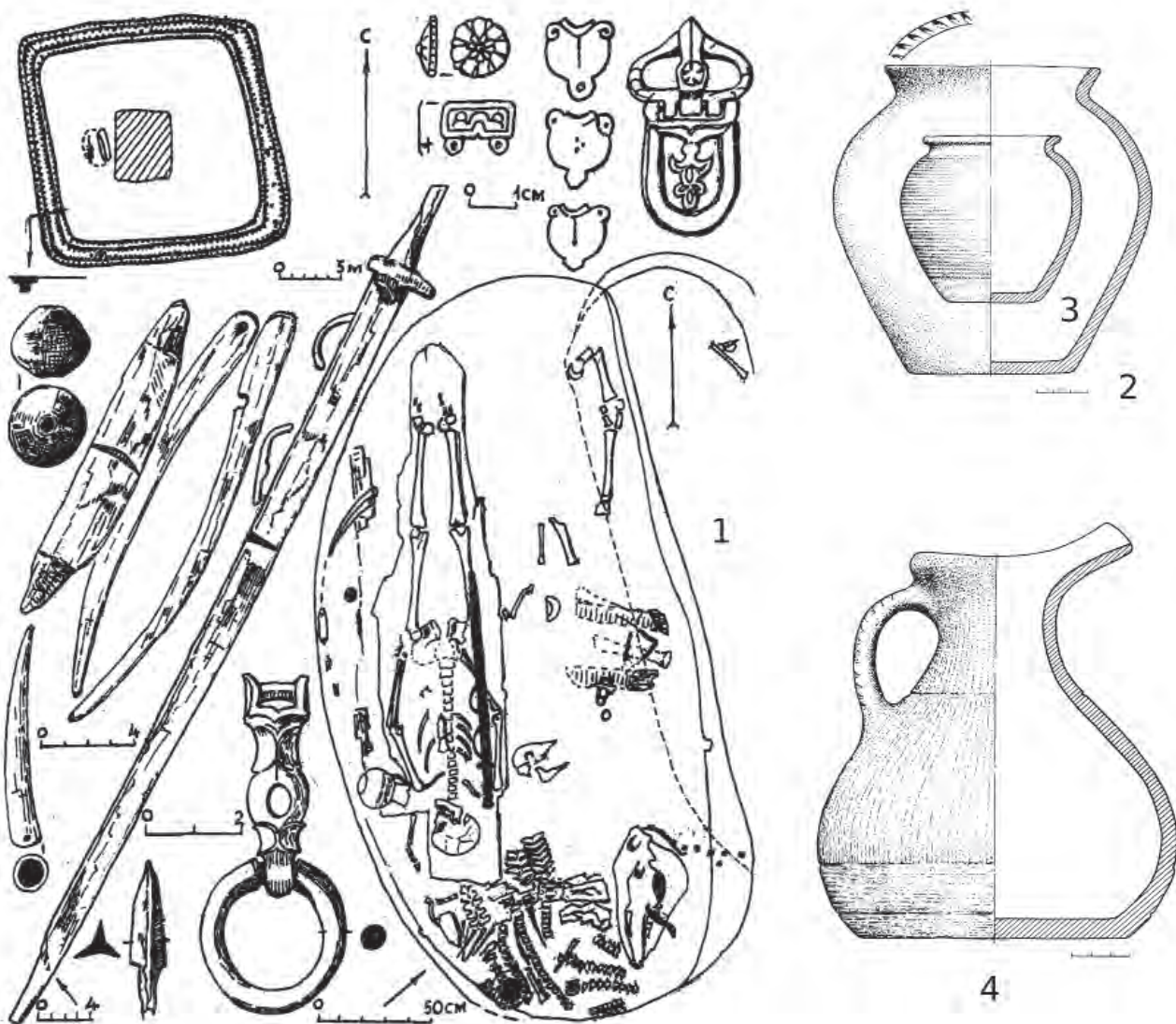

Рис. 3. Погребения на Кривой Луке и их инвентарь

1 – погребение в кургане с ровиком и основной инвентарь из него в курганном могильнике «Кривая Лука-XXVII» (курган 5); 2-4 – керамические сосуды из погребений на Кривой Луке. (2, 4 – «Кривая Лука-XXVII», курган 5, 3 – «Кривая Лука-XXII» курган 4) (по: Федоров-Давыдов, 1984а, рис. 1-7; Федоров-Давыдов, 1984б, рис. 3,5; Плетнева, 1999, рис. 117).

захоронения в центре ограждённой ровом площадки был устроен на глинисто-дерновой подушке деревянный настил для каких-то завершающих ритуальных действий (Фёдоров-Давыдов, 1984, с. 80–94).

Второй курган хазарского времени в курганной группе Кривая Лука IX оказался ограбленным. Здесь было выявлено два рва – один внешний, которым была обведена насыпь по кругу, а второй внутренний, который был вырыт до сооружения насыпи и скрыт под ней. Внутренний ров был квадратным, ориентированным по сторонам света, с перемычками по углам. Ров глубокий – более 1 м, ширина его в верхней части доходит до 2 м. Края рва местами обожжены, обожжённая глина встречена и в заполнении рва. Могила с подбоем

расположена в центральной части площадки и была ориентирована с СЗ на ЮВ. К сожалению, погребение оказалось разрушенным грабителями. По ряду сохранившихся костей видно, что погребённый был ориентирован головой на ЮЗ. На дне входной ямы обнаружено чучело барана. В заполнении входной ямы встречались отдельные кости конского захоронения, кости барана, коровы, лошади от заупокойной пищи, обломки лепного горшка, обломки костяных накладок лука, несколько серебряных поясных бляшек и тяжелый серебряный наконечник ремня. По ритуалу два описанных захоронения весьма близки. Г.А. Федоров-Давыдов датирует оба захоронения периодом IX–X вв. (Федоров-Давыдов, 1984 с. 80–94). С.А. Плетнева считает, что датировка «завышена»

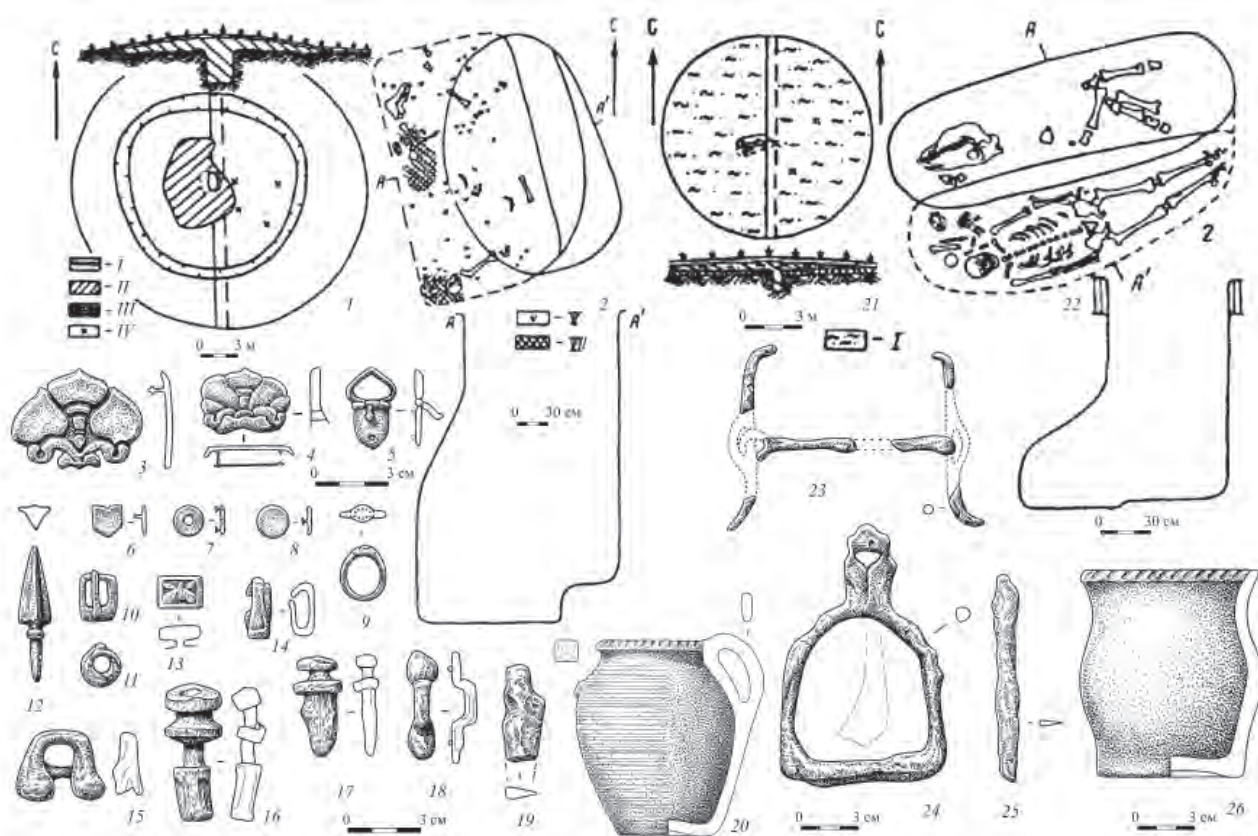

Рис. 4. Барановка I, курган 13.

1 – план кургана, 2 – погребение, 3-20 – инвентарь (3-8, 13 – бронза, 9 – билон, 10-12, 14, 15, 18, 19 – железо, 16, 17 – дерево, 20 – глина) I, II – материковый выкид, III – заполнение ровика, IV – находки в насыпи, V – угли, VI – органическая подстилка; курган 27. 21-план кургана, 22 – погребение, 23-26 – инвентарь (23-25 – железо, 26 – глина) I – кострище (по: Круглов, 1992а, рис. 4).

и верхней датой можно считать начало или первую половину IX в. (Плетнева, 1999, с. 198).

Третий комплекс хазарского времени представлен впускным погребением в кургане № 4 курганной группы Кривая Лука XXII. Погребение было впущено в западную часть насыпи кургана срубной эпохи. Могильная яма прямоугольная, была ориентирована по линии ВЮВ – ЗСЗ. Дно ее находилось на глубине около 2 м от современной поверхности кургана. Около дна вдоль северной стенки прослежена узкая ступенька. На дне ямы лежал скелет погребённого, вытянуто, головой на З, лицом кверху. Погребенный был положен так, что ступни ног упирались в восточную стенку могилы, а за головой оставалось 55 см свободного места до западной стенки могилы. У западной стены найдены следы древесного и войлочного тлена, окрашенного в малиновый цвет. У западной стены ямы находился железный нож с остатками деревянной рукоятки. За головой человека лежал кусок спины барана с позвонками и рёбрами, а над берцовыми костями — череп и кости ног барана, сложенные кучкой. За головой обнаружено два сосуда – серый гончарный сосуд горшковидной

формы (рис. 3: 3), украшенный параллельными врезными линиями, и гончарный красноглиняный кувшин с петлевидной ручкой и сливом, покрытый лощением. Оба сосуда типично салтовские (Фёдоров-Давыдов, 1984, с. 80–94).

В Нижнем Поволжье, в междуречье Волги и Дона известно еще несколько могильников, в которых были обнаружены схожие погребения. Поскольку Кривая Лука на левобережье Волги входит в географическую зону Волго-Донского междуречья, имеет смысл рассмотреть эти захоронения подробнее. Они выявлены на берегах притоков Дона Иловли и Аксая. На Иловле на двух находившихся поблизости друг от друга могильниках (Петрунино IV и Барановка I) эпохи бронзы и раннего железного века обнаружено три хазарских кургана (Круглов, 1992, с. 176–183).

Наиболее крупный из них, обнаруженный на могильнике Барановка I, имеет диаметр 34 м (рис. 4). Под насыпью обнаружен круглый в плане ров без перемычек диаметром 20 м и глубиной около 80 см. Следов жертвоприношений во рву нет. В центре площадки помещена подбойная могила, ориентированная по линии ССЗ – ЮЮВ. Вокруг

могилы обнаружены обломки четырех сосудов: двух лепных горшков, одного гончарного и одной амфоры. Могила была ограблена в древности. Похоронен в ней был старый мужчина, уложенный головой на ЮЮВ. В могиле были также найдены кости ног и челюсть лошади, кость ноги барана, видимо, представлявшие собой остатки заупокойной пищи, куски дерева и углей, а на дне могилы остатки войлочной подстилки. На дне входной ямы был обнаружен характерный кухонный хазарский горшок, покрытый линейным орнаментом, очевидно выкинутый из подбоя при ограблении. Датируется этот комплекс так же, как и погребения на Кривой Луке. Удачной находкой в данном случае стал золотой византийский солид, чеканенный в середине VIII в. (751–754). Это еще раз подтверждает довольно сильное запоздание сопровождавших погребения монет (не менее 50 лет), а также, по-видимому, дает основание ограничить время совершения погребения первой половиной IX в.

Два захоронения из могильника Петрунино IV относились также к хазарскому времени (рис. 5). Отличием являлось отсутствие подкурганых ровиков. Кроме того, могилы и погребённые здесь были ориентированы в широтном направлении – с запада на восток. Тем не менее сходство их с подкурганскими могилами, окруженными ровиками, бросается в глаза. Они совершены в глубоких ямах с подбоями. Погребения сопровождалось чучелом коня, бараном в виде заупокойной пищи, лепными горшками, конской сбруей. Обнаружены здесь и предметы вооружения: кинжал, нож, роговые концевые накладки на лук. В одном из захоронений обнаружен серебряный дирхем 756–757 гг.

Относительная скромность инвентаря, отсутствие поясов с накладками и пряжкой, замена золотого солида серебряной монетой демонстрирует принадлежность погребённых к менее знатной социальной группе (Плетнева, 1999, с. 199).

Е.В. Кругловым были опубликованы семь погребений хазарского времени, происходящих из четырёх могильников на реке Аксай (Круглов, 1992, с. 145–159) (рис. 6; 7). Под двумя курганными насыпями были частично прослежены следы квадратного и округлого ровиков, не очень больших по размерам. Возможно, это следы оградки из лёгкого материала (тростника или дерева). Большинство захоронений полностью разграблены. Остатки захоронений и инвентаря говорят о том, что это были захоронения мужчин-воинов, вооруженных луками. Только одно погребение было женским. Оно избегло разграбления. Здесь были обнаружены золотые серьги, перстни, а также две подвески, выполненные из золотых солидов византийских императоров Фоки (607–610)

и Ираклия-Константина (613–625). Особенность насыпи этого кургана состоит в том, что в центре её располагалась наброска из кусков песчаника, причем располагались они как бы в ограниченном чем-то пространстве (круглом или квадратном). Возможно, это еще один факт в пользу существования здесь какой-то оградки, внутрь которой набрасывались так называемые поминальные камни (Амброз, 1982, с. 204–222). В таком случае здесь, как и на Кривой Луке, мы имеем дело с остатками ритуальной поминальной площадки.

Е.В. Круглов предлагает считать курганы с ровиками захоронениями богатых и знатных воинов, а без ровиков – могилами рядовых воинов, но этнически и те, и другие были хазарами.

Встречаются в нижеволжском регионе и погребения, впущенные в древние насыпи. Некоторые из них аналогичны и синхронны приазовским захоронениям праболгар (Смирнов, 1959, с. 219–220), другие, значительно более скромные, также, очевидно, праболгарские. Покойники в них уложены на спине головами на запад или север и, как правило, в сопровождении гончарных сосудов: горшков с линейным орнаментом и лощеных кувшинов, кусков баранины. Останки коней в этих погребениях не попадались, но вместо коня в некоторых помещены были чучела баранов. Сосуды и встречающиеся изредка мелкие вещи (украшения, накладки поясов и пр.) позволяют датировать эту группу захоронений, в отличие от ранних (VII в.) впускных праболгарских захоронений Приазовья, не ранее IX в. (Шилов, 1959, с. 510; Плетнева, 1999, с. 201).

Все находки курганов и погребений хазарского времени можно считать случайно обнаруженными при тотальных исследованиях сотен курганов эпохи бронзы и эпохи раннего железного века. При этом нужно отметить, опираясь на опубликованные и отчетные данные, что раннесредневековых курганов с ровиками на территории Волго-Донского междуречья и в Калмыцкой степи раскопано довольно много. Причем здесь нередко попадаются захоронения, в которых ровики окружают рядовые погребения (почти без сопровождающего инвентаря).

Таков, в частности, курган в могильнике Гува I (Шнайдштейн, 1979, с. 60–61, рис. 1, 6). Он довольно небольшой, высота его всего 27 см, диаметр – 12 м (рис. 8: 1). При этом курган окружён ровом шириной 3 м и глубиной до 10 см. Под насыпью прослежено несколько скоплений золы, обнаружены кусочки мела и обломки лепных горшков. Могила с большим и глубоким подбоем, врезанным в южную стенку входной ямы. Глубина подбоя от древней поверхности более 2 м. Погребённый был помещен в подбой вместе с уложенным рядом

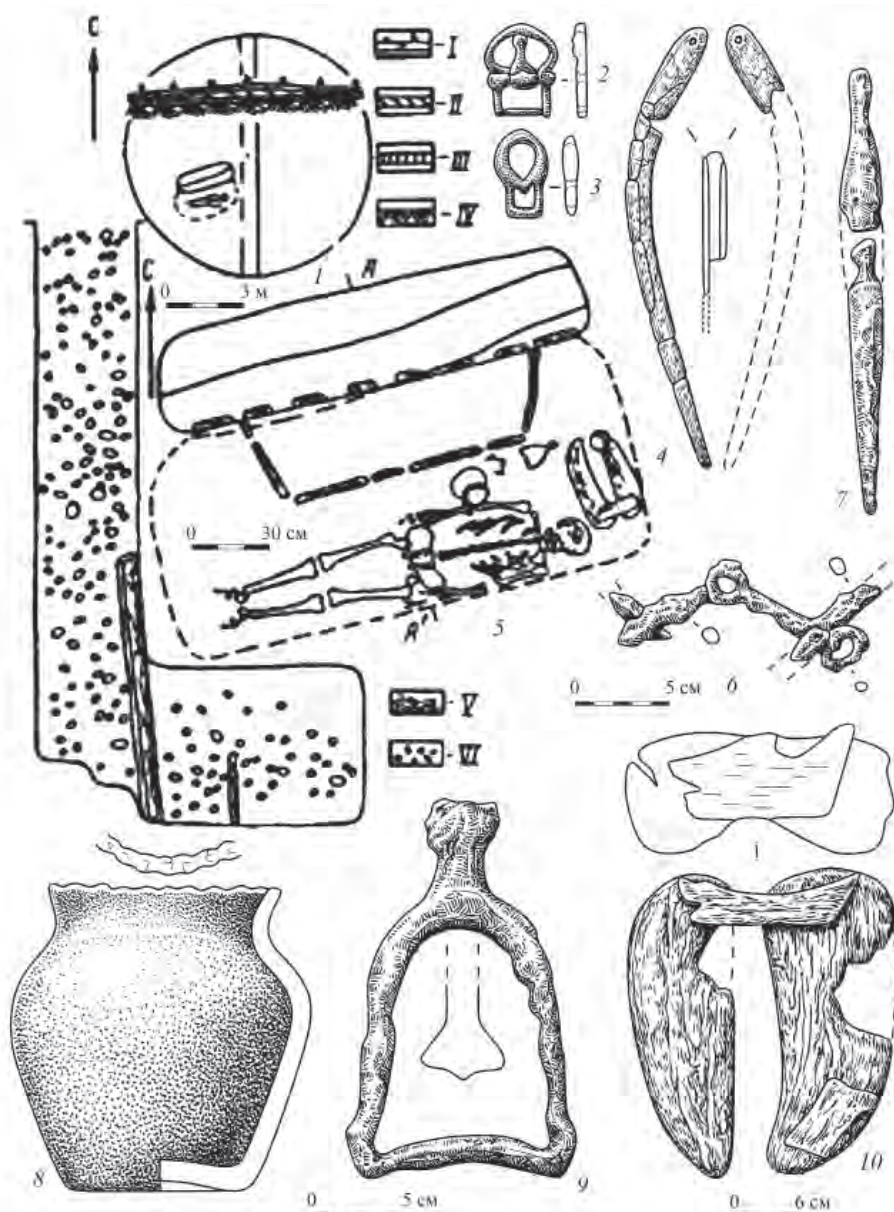

Рис. 5. Петрунино IV, курган 7.

1 – план кургана, 5 – погребение, 2-4, 6-10 – инвентарь (2, 3 – бронза, 4 – кость, 6, 7, 9 – железо, 8 – глина, 10 – дерево). I – дерн, II – насыпь, III – погребённая почва, IV – материк. V – дерево, VI – камень (по: Круглов, 1992, рис. 2).

чучелом коня. Ориентированы оба головами на запад. Заупокойная пища представлена бедренной костью и позвонками барана. Чучело (без головы) другого барана было как бы приторочено к седлу, при этом седла и других предметов упряжи или вооружения в могиле не было. От тростниковой циновки, покрывавшей погребения, остались четкие видимые следы. Поблизости от черепа были найдены две бронзовые серьги салтово-маяцкого типа, что и дает дополнительные основания для отнесения данного комплекса к хазарскому времени.

На границе Наримановского района Астраханской области и Республики Калмыкия у пос.

«Ковыльный» в песчаном массиве было выявлено грунтовое бескурганное погребение (рис. 8: 2). Оно было совершено в прямоугольной яме, ориентированное по линии ЗЮЗ – ВСВ. Погребённый – мужчина 30–35 лет – был уложен на спину головой на ЗСЗ. Интересно, что на черепе имелись следы рубленого ранения со следами заживления и терапевтической трепанации. В захоронении прослежены следы обряда обезвреживания покойного – частично разрушена грудная клетка, отсутствовали кости кисти и стопы. На левом бедре располагалась нижняя челюсть барана, а ближе к ступням и поверх левой ноги находились кости ног барана. За головой погребённого обнаружены

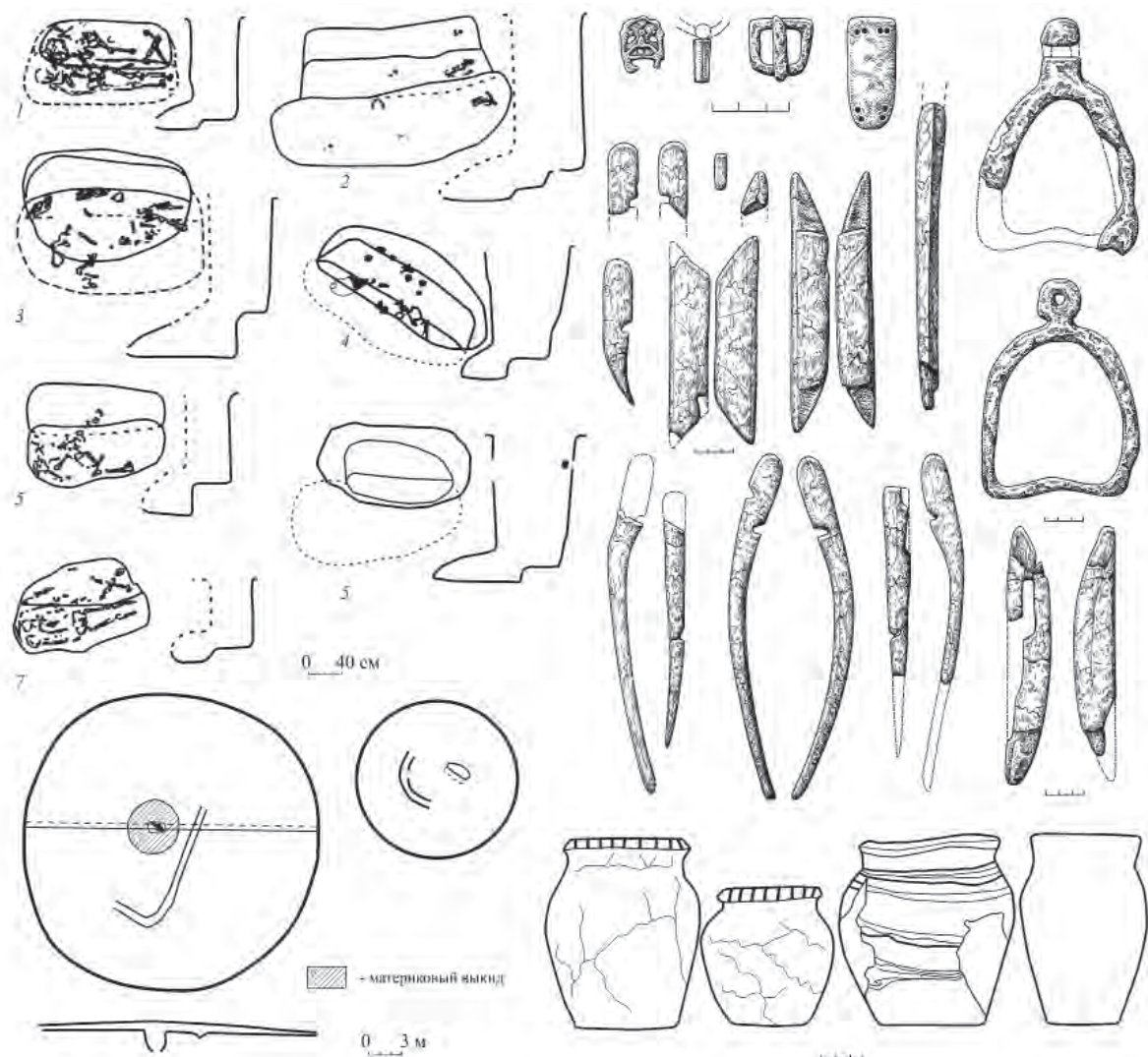

Рис. 6. Новоаксайский могильник.

А – чертежи курганов и захоронений. Б – рисунки находок из погребений (по: Круглов, 1992б, рис. 1)

два сосуда – лепной сероглиняный горшок с отогнутым наружу венчиком с пальцево-ногтевыми вдавлениями, а также лепной, доведённый на круге сероглиняный кувшин с уплощенной ручкой и выделенным сливом, покрытый полосчатым вертикальным и крестообразным лощением в двух орнаментальных поясах, разделённых горизонтальными бороздками. Судя по имеющимся аналогиям, погребение является раннеболгарским и датируется концом VIII – началом IX вв. (Кутуков, Пантелеев, 2013, с. 185–188).

Значение Калмыцкой степи для исследования хазарской культуры подтверждается замечательной находкой, случайно обнаруженной на дне разграбленной могилы полуразрушенного кургана в могильнике Кермен Толга около Элисты. Это прочерченные на разбитых лобных костях быка три строки тюркских рун, которые И.Л. Кызласов относит к «донскому варианту» рунического письма (Кызласов, 1994, с. 250–253). Видимо, именно

донское письмо было особенно широко распространено в среде собственно хазарского населения каганата. Вместе с черепными костями на дне могилы лежала характерная для салтово-маяцких древностей мотыжка (Плетнева, 1999, с. 205).

Помимо подкурганых захоронений, на территории Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья обнаружен ряд грунтовых погребений хазарского периода. К северо-западу от с. Верхняя Бузиновка Волгоградской области был обнаружен грунтовый могильник, состоявший из трех погребений IX–X вв. Исследователями он отнесен к болгарскому варианту салтово-маяцкой культуры (Дьяченко, Кригер, 1991; Кияшко, 2017, с. 50–66). Общими чертами захоронений являются ямы с подбоями, со ступенькой и северо-западная ориентировка погребенных. Имеется и ряд различий. В двух захоронениях встречен разнообразный инвентарь, а также сероглиняные лощеные кувшины. В одном погребении вещи отсутствовали, но

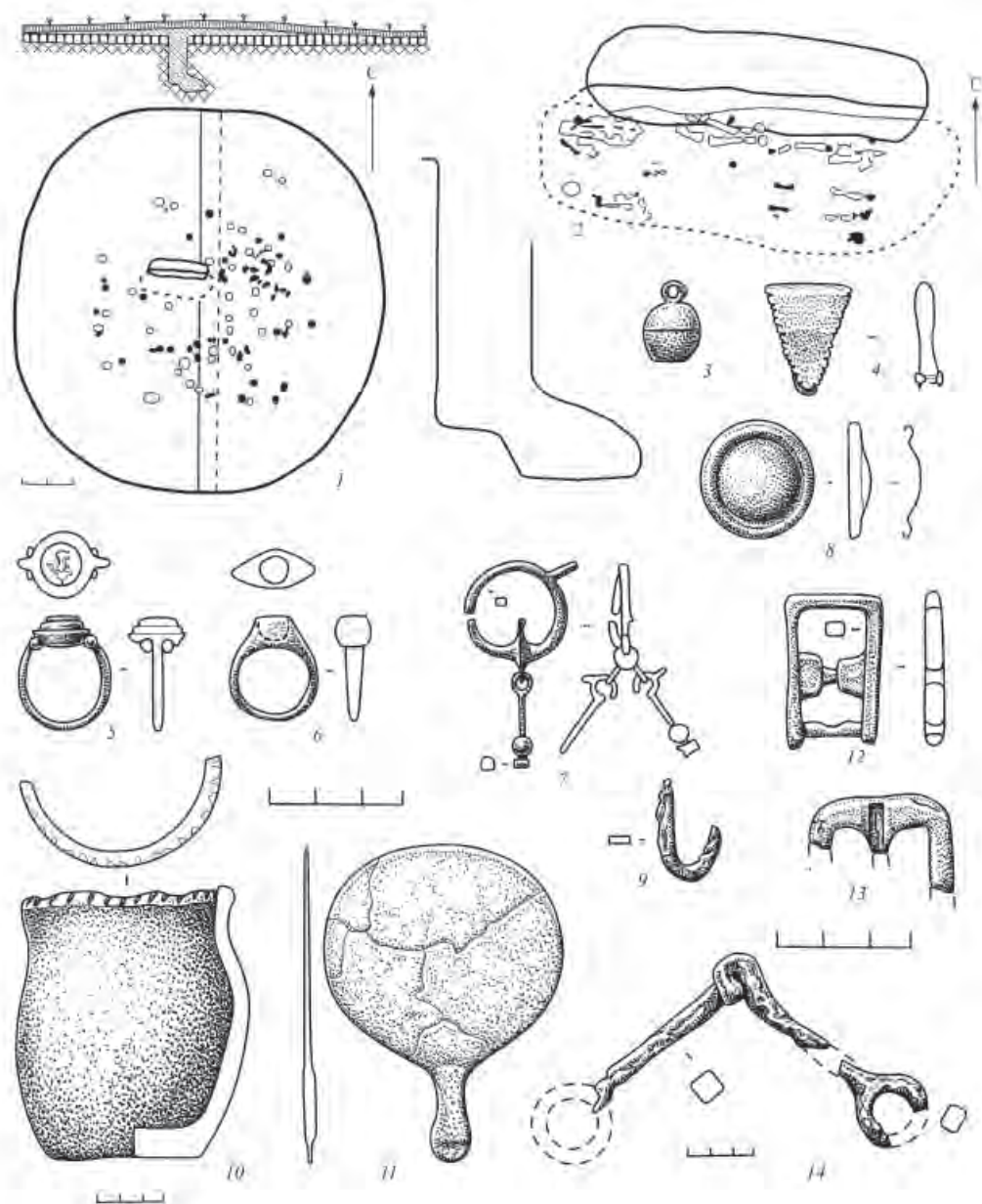

Рис. 7. Дорофеевский могильник, курган 13.
1 – план кургана, 2 – план погребения, 3-14 – находки из погребения (по Круглов, 1992б, рис. 3).

в отличие от других захоронений, в нем была найдена нога барана. Вполне возможно, что данные различия обусловлены различным социальным статусом погребенных (Кияшко, 2017, с. 53).

Одно грунтовое погребение было найдено во время раскопок русского кладбища на территории золотоордынского Водянского городища. Погребенный был уложен в овальную яму на левом боку головой на северо-запад. Ноги покойного были согнуты в коленях, череп отсутствовал (Мыськов, 2001, с. 123–135). Наличие лепного сосуда и пряслиц, изготовленных из стенок амфор, позволило отнести этот объект к памятникам салтово-маяцкой культуры (Круглов, 2006, с. 257–301; Кияшко, 2017, с. 53).

Три захоронения разной сохранности были обнаружены около с. Оленье Дубовского района Волгоградской области. Все погребения совершены были в прямоугольных ямах с закругленными углами. Погребенные лежали на спине и были ориентированы на запад – северо-запад. В двух погребениях справа за головой находилась керамическая посуда и железные ножи. В одном из них найдены остатки скелета барана. В третьем захоронении сохранились лишь разрозненные кости взрослого человека и два позвонка животного (Круглов, 1990, с. 57–63; Кияшко, 2017, с. 52).

Как считает Я.А. Кияшко, наличие в этих захоронениях керамической посуды салтово-маяцкой культуры связывает их с известными ямными

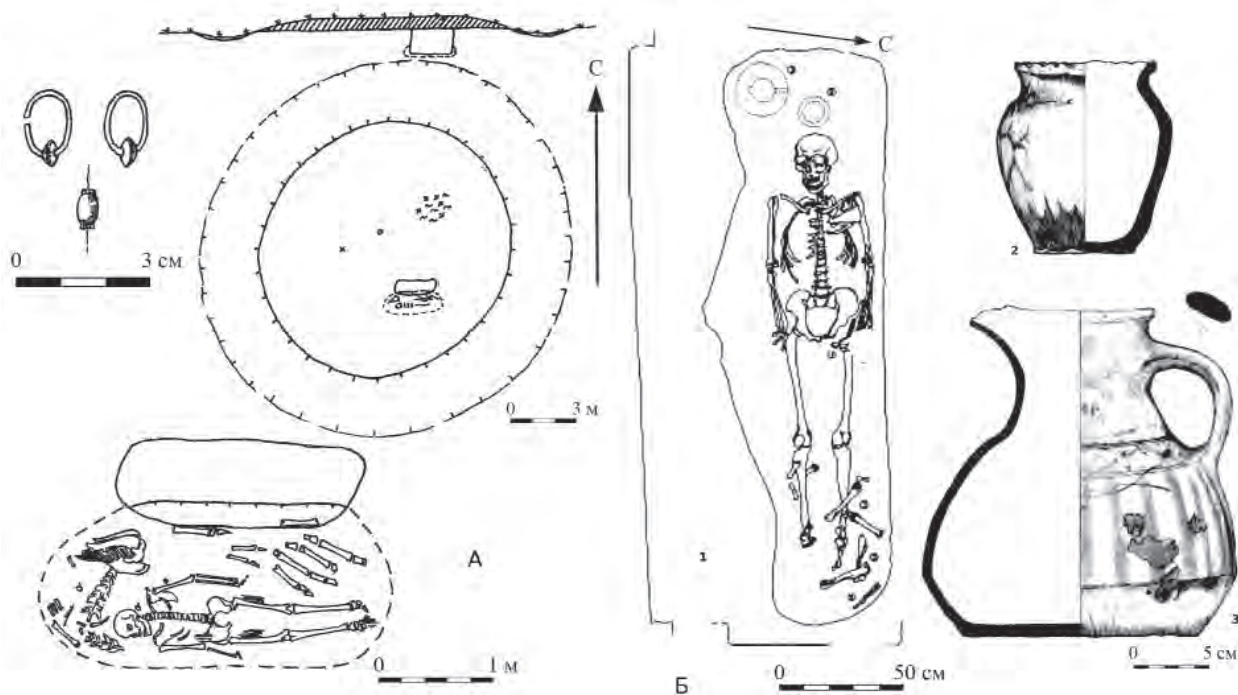

Рис. 8. Курган с круглым ровиком (окружающим курган) и подбойным захоронением в урочище Гува-1 в Калмыкии (1); Погребение у кошары «Ковыльный» в Наримановском районе Астраханской области (2). 1 – план погребения, 2, 3 – сосуды из погребений (по: Шнайдштейн, 1979, с. 55-68; Плетнева, 1999, рис. 120; Кутуков, Пантелеев, 2013, рис. 14-16)

захоронениями зливкинского типа. Такие погребения, по мнению большинства исследователей, относятся к болгарскому населению салтово-маяцкой культуры и датируются в рамках VIII–IX вв. При этом погребения из грунтового могильника Верхняя Бузиновка отличаются от остальных объектов сооружением подбойной камеры в восточной или северо-восточной стенке могильной ямы с устройством ступеньки с противоположной стороны. Судя по вещественному материалу, эти погребения можно отнести к IX в. (Кияшко, 2017, с. 54).

Военные столкновения с арабами в первой половине VIII в. оказались неудачными для хазар. Катастрофические последствия для них имел поход арабского войска в глубинные районы хазарской племенной территории. Считается, что собственная хазарская армия в результате этого похода оказалась полностью уничтожена. Каган был принужден разорвать тесные и многолетние связи с Византией, отказаться от тенгрианства, принять ислам и просить у правителей Арабского халифата мира на их условиях (Артамонов, 2001, с. 323–358).

По-видимому, последствия похода Мервана привели к резкому ослаблению роли хазар в Хазарском каганате. Наиболее поздние, собственно хазарские подкурганные памятники типа «Соколовской балки» в настоящее время известны на

стадии хронологического горизонта Барановки (760–780-е гг. – рубеж VIII–IX в.?), но их количество относительно более раннего времени крайне незначительно (Барановка, к. 13; Кривая Лука XXVII). Хазарские могильники для этого времени уже не известны. Площадки с погребениями перестают ограждаться квадратными ровиками, появляются ранее не встречавшиеся меридионально ориентированные могилы и кольцевые рвы вокруг курганов. Соколовские захоронения IX в. – уже самые обычные бескурганные памятники, почти ничем не выделяющиеся (Круглов, 2016, с. 231).

Одним из важнейших последствий походов Мервана было организованное хазарами переселение в лесостепные районы Среднего Дона и Северского Донца значительных масс алан, до этого не входивших в Хазарский каганат. Одновременно с ними, частью на территориях, но в основном южнее, в степных районах междуречья Дона и Северского Донца и нижнем Дону, стали концентрироваться праболгары. Основным населением степной и лесостепной центральной и северо-западной частей Хазарского каганата со второй половины VIII в. становятся аланы и праболгары.

Именно здесь начиная с середины VIII в. появляется важнейший центр устойчивой временной оседлости и начинается формирование салтово-маяцкой археологической культуры. На этой территории возникают многочисленные поселения и

селища, а по ее границам укрепленные крепости с каменными стенами и городища с мощными цитаделями: в лесостепи – Салтовское, Маяцкое, Маяки, Сидоровское; на Нижнем Дону – Правобережное, Семикаракорское и др. (Круглов, 2016, с. 232). Тогда же, на рубеже VIII и IX вв., происходят известные по письменным источникам события – принятие иудаизма на государственном уровне и последовавшее за ним восстание «кабаров» – своего рода гражданская война в каганате (Артамонов, 2001, с. 433–450). В конце VIII – начале IX в. в каганате происходит дворцовый переворот, власть кагана становится чисто номинальной и переходит к каган-беку (царю), предположительно имевшему праболгарское происхождение. Катастрофических последствий для существования самого государства эти события, однако, не имели, история Хазарского каганата продолжалась вплоть до второй половины X в. (Круглов, 2016, с. 234).

Именно в этот переломный для Хазарии период, последовавший за арабо-хазарскими войнами, происходит переселение части кочевого и оседлого населения с территории Дагестана в дельту Волги, где была впоследствии основана новая столица государства, получившая в источниках наименование Итиль (Атиль).

В окрестностях ставки кагана или царя начинает концентрироваться кочевое население. Захоронения, известные нам в дельте Волги, располагаются на грунтовых могильниках на бэровских буграх – естественных возвышенностях, не подвергавшихся затоплению о время половодий. Можно предположить, что замерзавшие зимой многочисленные протоки волжской дельты делали её доступной для кочевников именно в зимний период. Из письма царя Иосифа Хасдаю ибн Шапруту нам известно, что сам царь (каган-бек) со своей ставкой проводил в городе Итиле именно зимнее время, а с наступлением весны отправлялся кочевать, объезжая все подвластные земли и собирая дань (Артамонов, 1962, с. 397–398). Таким образом, дельта Волги становится огромным зимовищем для массы кочевых хазар.

Ярким подтверждением этому являются захоронения, обнаруженные в течение последних 20–30 лет в ходе раскопок в дельте Волги. Их выявлено и исследовано не так много на настоящий момент, но количество новых погребальных памятников неуклонно растёт год от года.

Самым ранним захоронением хазарского времени в дельте Волги является единичное погребение на грунтовом могильнике «Вакуровский бугор» в северо-восточной части дельты. Это захоронение совершено по обряду трупосожжения, в неглубокой, прямоугольной со скругленными

краями яме (Никонов, 1990). Среди сохранившихся обгоревших костей присутствуют кости человека и лошади. В погребении среди углей обнаружены обрывки кольчуги, фрагменты железного стремени и золотой солид Тиберия III Апсимара (705–711 гг.) (рис. 9: 1). Солид из этого погребения хорошо датирует комплекс, который является явно синхронным курганам с квадратными ровиками. Присутствие костей коня и стремени свидетельствует о его явно кочевническом характере. Трупосожжения среди памятников салтово-маяцкой культуры известны, например, в Новопокровском могильнике (Кухаренко, 1952, с. 33–49) или в могильнике у с. Молдовановское (Тарабанов, 1992), однако данное погребение им мало соответствует. А.А. Иванов считает, что его культурный облик трудно связать с какой-либо группой памятников, известной на сегодняшний день в рассматриваемом регионе (Иванов, 1999, с. 159–160).

К периоду VIII–IX вв. относится поясной набор из разрушенного погребения на бэровском бугре «Ялан-Тобе» недалеко от села Татарская Башмаковка южнее Астрахани (рис. 9: 2). В его составе лировидная пряжка с полуовальным щитком и массивным язычком и массивным же прямоугольным выступом в задней части (Ковалевская, 1979, с. 33, табл. XV, 1–4), полукруглые накладки с прямоугольными прорезами для подвесных ремней, а также две круглые накладки с шарнирной круглой петлёй снизу (Васильев, 1991). На грунтовом могильнике у с. Косика в 1986 г. было исследовано захоронение с серебряной монетой Аббасидов IX в. (Дворниченко, 1986).

Из других памятников дельты Волги прежде всего следует обратиться к захоронениям на бэровском бугре «Татарский», которые были исследованы Е.В. Шнайдштейн (1992, с. 3–11), Д.В. Рябичкиным (Васильев, 2001, с. 48–54) и С.А. Пантелевым (2010, с. 92–106) в разные годы. Бугор располагается в северной части дельты Волги на восточной окраине современной Астрахани рядом с территорией городища Мошаик, и поэтому он долгое время считался могильником этого городища. Однако сопоставление материалов этих памятников показало, что типы керамики на городище и могильнике не совпадают. Ранние захоронения на могильнике возникают в период IX–X вв., возникновение же городища датируется концом XII – началом XIII в. (Васильев, 2015, с. 189–267).

Могильник сильно разрушен карьером, поэтому удалось исследовать лишь его центральную часть, сохранившуюся почти неповреждённой. За все годы исследований удалось изучить 25 погребений, из которых 17 оказались мусульманскими (Пантелеев, 2010, с. 105). Два захоронения отно-

сятся к огузо-печенежскому периоду, остальные можно определить как болгарские эпохи существования Хазарского каганата (IX–X вв.) с разнообразным погребальным инвентарём. Мусульманские погребения, которые унифицированы и датируются весьма широко – вплоть до эпохи Золотой Орды, кстати, не образуют самостоятельной группы, но при этом не пересекаются с языческими, поэтому вполне могут оказаться синхронными с захоронениями немусульманскими.

Одно из детских захоронений было совершенно в яме с подбоем в южной стенке (рис. 10: 1). В подбое был обнаружен костяк младенца, уложенный вытянуто с доворотом на правый бок, головой на северо-запад, лицом к югу. Ориентировка и поза погребённого, а также форма ямы говорят о соблюдении требований шариата. Интересно, что на дне входной ямы в головах погребённого был расчищен лепной черноглиняный сосуд баночной формы огузо-печенежского облика (рис. 10: 6), позволяющий датировать захоронение X–XI вв. Наличие данного захоронения говорит о том, что мусульманский некрополь существовал на бугре синхронно и параллельно с языческим.

Один из авторов исследований на могильнике, С.А. Пантелеев, обращает внимание на обрядовую нестандартность (поза, наличие гроба, горшка в могиле) некоторых мусульманских погребений, т. е. на отклонения от норм ортодоксальной мусульманской погребальной обрядности (Пантелеев, 2010, с. 105). Он связывает это с борьбой исламских и языческих традиций в среде ранних болгар в эпоху утверждения ислама в качестве ведущей религии.

Захоронения, которые авторами исследований определяются как болгарские и датируются периодом IX–X вв., имели ряд характерных общих черт – они были совершены в прямоугольных или овальных ямах с подбоями (подбой-тайник за головой или неглубокая ниша в северном длинном борту) и со ступеньками вдоль длинных бортов (рис. 10: 2–5). Ямы ориентированы по линии запад – восток или юго-запад – северо-восток. Два захоронения совершены под надгробиями, сделанными из сырцовых кирпичей размерами 41×22 см (Васильев, 2001, с. 48–54). Погребённые похоронены в деревянных гробах (иногда ещё и под перекрытиями на ступеньках могильной ямы) и ориентированы головами в западном направлении. Инвентарь в большинстве случаев концентрировался в головах погребённого или в нише подбоя. Здесь устанавливались красноглиняные или сероглиняные кувшины с полосчатым лощением и выделенным сливом (рис. 10: 7–9), в одном захоронении обнаружена деревянная миска с медными обкладками венчика и богатый набор

женский украшений – бронзовый витой браслет, костяные пуговицы с циркульным и линейным орнаментом, ожерелье из гешировых и стеклянных бус и треугольных стеклянных подвесок, кусок мела. На лбу погребённой в этом захоронении были обнаружены остатки матерчатой ленты – начельника с аппликацией в виде ряда кожаных эллипсов с наклеенными на них стеклянными позолоченными каплевидными и круглыми вставками, образующими крестообразную фигуру. В одном из мужских захоронений слева у ноги покойного был обнаружен берестяной колчан со стрелами, а также кожаный мешок – налучь (Васильев, 2001, с. 48–54). Остатки погребальной пищи представлены костями барана – они располагались за головой погребённых или слева от тела. На костях фиксируются остатки ткани и кожи от одежды и обуви. В большинстве захоронений зафиксированы следы вторжения, которые объясняются совершением обряда обезвреживания покойного: разрушены костяки, отсутствуют части скелетов, разрушен (но не унесён) погребальный инвентарь (рис. 10: 2, 3). С.А. Пантелеев предполагает, что поселение Мошаик возникло ещё в IX в., поскольку в засыпи захоронений прослеживается алебастровая и кирпичная крошка (Пантелеев, 2010, с. 106), да и наличие сырцовых надгробий также может свидетельствовать о стационарности населения, оставившего могильник. Вполне вероятно, что хазарская часть поселения до сих пор ещё не найдена.

В центральной части дельты Волги, к юго-востоку от города Астрахани, около села Фунтово были выявлены захоронения хазарского времени на грунтовых могильниках «Бугор Щучий» и «Бугор Посольский» (Кутуков, Пантелеев, 2013, с. 175–190) (рис. 11). Интересно, что в этих захоронениях также прослеживаются выделенные выше общие черты – широтная ориентировка могил, западная ориентировка погребённых, концентрация инвентаря за головой. В одной могиле прослежен подбой-тайник в западной стенке (рис. 11: 2). Кроме того, фиксируются следы обряда обезвреживания покойных, связанные с разрушением костяка и инвентаря. Керамика представлена красноглиняным высокогорлым кувшином, красноглиняным кувшином с выделенным сливом, серо-черной лепной кружкой с насечками по отогнутому наружу венчику и серо-черным лепным горшком с отогнутым наружу венчиком и линейным орнаментом-рифлением по верхней части тулова (Кутуков, Пантелеев, 2013, с. 175–190) (рис. 11: 3–6). Эти сосуды находят широкие аналогии на памятниках археологии IX–X вв. в Татарстане и Ульяновской области (Генинг, Халиков, 1964). Из предметов вооружения отмечены костя-

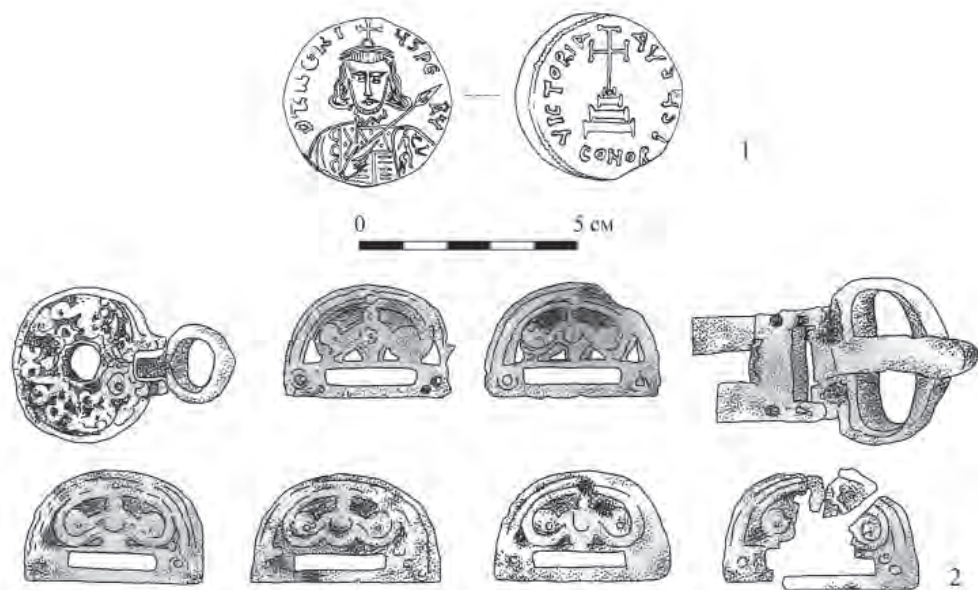

Рис. 9. Находки с грунтовых могильников Вакуровский бугор и Ялан-Тобе.
1 – монета золотая из погребения с могильника Вакуровский бугор; 2 – Поясной набор с бугра Ялан-Тобе в дельте Волги (по: Никонов, 1990; Васильев, 1991)

ные накладки на лук (некоторые из них носили следы вторичной обработки) и берестяной колчан, обтянутый кожей, с костяными петлями (рис. 11: 8–13). Из бытовых предметов обнаружено железное кресало с кремнем, из украшений – фрагмент медного браслета и медная серьга овальной формы со шпеньком в верхней части и выемкой для крепления подвески в нижней части (рис. 11: 7). Подобные формы серег отмечены в погребениях ранних болгар на Волге в IX в. и памятниках салтово-маяцкой культуры (Степи..., 1981, с. 167, рис. 46). В одном из захоронений во рту покойного, а также справа и слева от таза обнаружено по ¼ серебряного неопределимого куфического дирхема VIII–X вв. Заупокойная пища представлена костями черепа ног барана, сложенными у правой голени (Кутуков, Пантелеев, 2013, с. 179–185).

В 1993 г. в восточной части дельты Волги был полностью исследован грунтовый могильник на бугре «Лбище» (Васильев, 1993), на котором были выявлены, помимо захоронений раннего железного века и ряда огузских захоронений, также погребения эпохи раннего Средневековья – хазарского времени. Наиболее примечательным захоронением среди них является погребение № 16 (рис. 12: 1). Оно было совершено в яме прямоугольной формы, ориентированной с запада – юго-запада на восток – северо-восток. В западной и восточной торцевых стенках ямы устроены неглубокие ниши подбоев. В засыпи ямы обнаружен фрагмент стенки гончарного черноглиняного котла с примесью ракушки и шамота в тесте (рис. 12: 5). На дне ямы был обнаружен костяк молодой женщины, лежа-

щей вытянуто на спине, слегка смещённый к юго-восточному углу. Справа и слева от черепа были обнаружены серьги, состоявшие из двух частей: овальной петли с косым выступом-шпеньком из незамкнутой золотой проволоки и прикрепленной снизу к петле подвески из серебряной проволоки, украшенной бусинами из речного жемчуга (рис. 12: 6). В западном подбое, за головой погребённой, располагался комплекс сосудов с заупокойной пищей и костей барана. Здесь обнаружены красноглиняная гончарная фляга с двумя ручками, черноглиняный гончарный горшок и красноглиняный гончарный кувшин с отбитой в древности ручкой (рис. 12: 2–4). В юго-западном углу ямы, вне подбоя, располагались остатки туши барана – поясничные позвонки, четыре ребра и бедренная кость с частью тазовой кости. Кости частично перекрывали сверху кувшин. Рядом с костями барана обнаружены остатки маленького ножа.

Интересно также погребение № 19 (рис. 12: 7). Яма имела подпрямоугольную форму и была ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. На дне ямы обнаружен костяк пожилого мужчины, лежащий на спине и ориентированный головой на юго-запад. Слева от черепа погребённого на дне ямы обнаружены бедренная кость и фрагмент таза барана. У левого бедра лежал фрагмент донца сероглиняного сосуда, а между костями стоп – фрагмент венчика лощёного гончарного сероглиняного сосуда. Справа за головой располагалось чучело барана – череп и кости ног. Поверх ног костей барана был положен берестяной колчан. В центральной части колчана, поверх него,

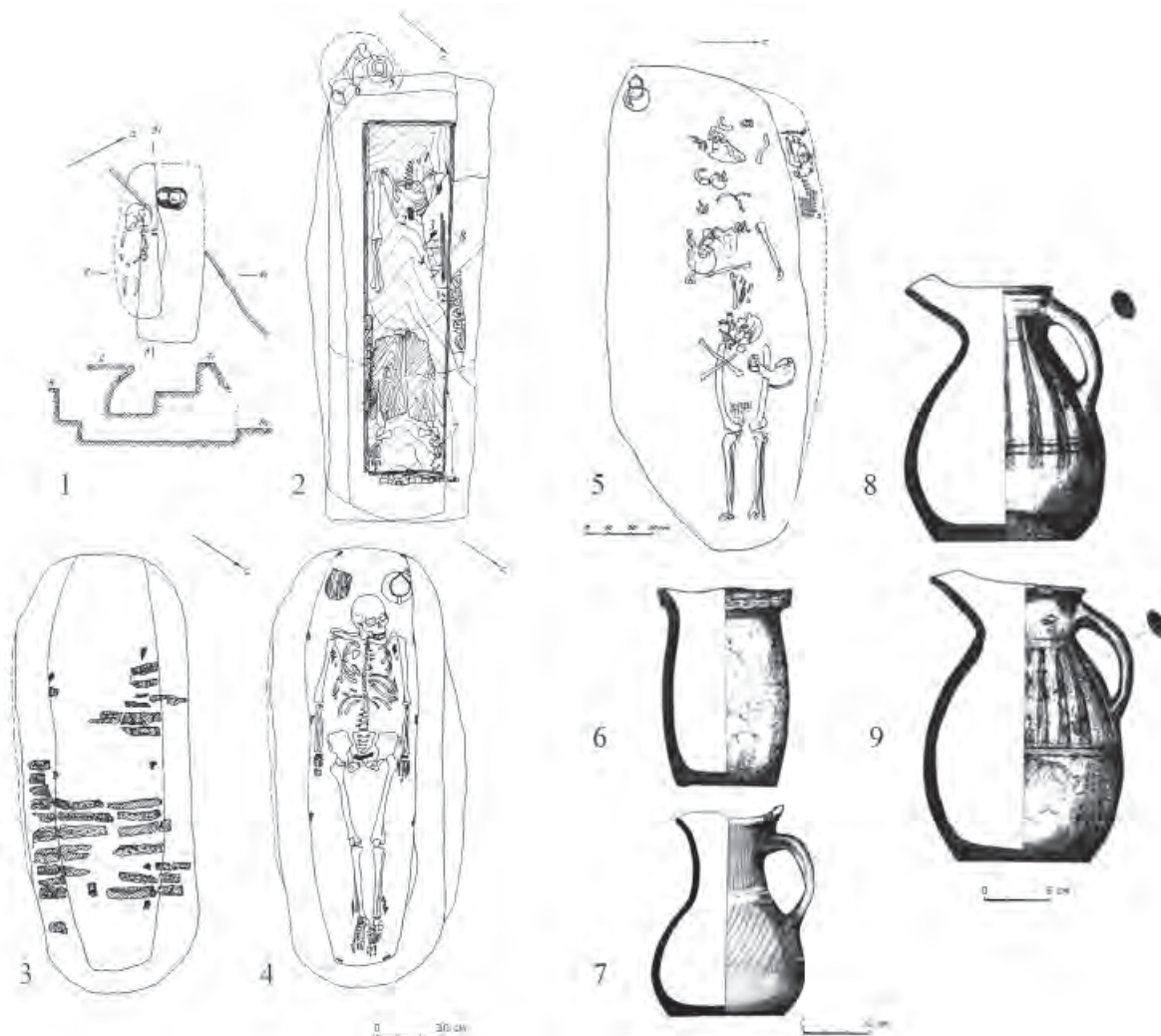

Рис. 10. Могильник «Бугор Татарский».

1 – погр. 14; 2 – погр. 12 (1 – серьга, 2 – оселок, 3 – железный предмет, 4 – колчан, 5 – кувшин, 6 – миска, 7 – дерево, 8 – стрелы), 3, 4 – погр. 15, 5 – погр. 21, 6 – сосуд из погр. 14, 7 – сосуд из погр. 21, 7 – сосуд из погр. 12, 9 – сосуд из погр. 15 (по: Васильев, 2001, рис. 1-3; Пантелеев, 2006, рис. 4-5).

обнаружены сильно фрагментированные железные удила с круглыми псалиями, а также фрагменты двух костяных накладок на лук (рис. 12: 13). Рядом с накладками находилась костяная колчанная петля полукруглой формы (рис. 12: 9). Справа от черепа погребенного лежала золотая серьга в виде незамкнутого кольца из ромбической в сечении проволоки (рис. 12: 8). В нижней части серьги имелась петля для подвески. На поясе обнаружена бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 12: 11). За головой погребенного находился сломанный железный нож. Рамка пряжки не находит абсолютных аналогий согласно типологии В.Б. Ковалевской и близка по форме к рамкам отдела V (В-образная). Рамка изготовлена из пластины выпукло-вогнутого сечения (Ковалевская, 1979, с. 10–11). Вполне вероятно, что пряжка подвергалась ремонту и язычок на ней вторичного происхожде-

ния, поскольку он железный, в то время как сама пряжка – бронзовая. В-образные пряжки имеют довольно узкий диапазон хождения – VI–VII вв. (Ковалевская, 1979, с. 55–85), однако именно данную пряжку можно считать поздней модификацией В-образных пряжек и датировать более поздним периодом – VIII в. Кроме того, данная пряжка имеет интересную особенность – петли шарнира у этой пряжки расположены на краю рамки. У большинства же пряжек из Восточной Европы петли шарнира на рамке расположены ближе к центру. Б.Б. Овчинникова датирует такие пряжки 3-й четвертью VIII века. (Овчинникова, 1990, рис. 21: 16–19). Остальной инвентарь этого захоронения также не противоречит этой датировке.

Помимо этих захоронений, на грунтовом могильнике «Лбище» было выявлено ещё четыре погребения хазарского периода, объединённых ря-

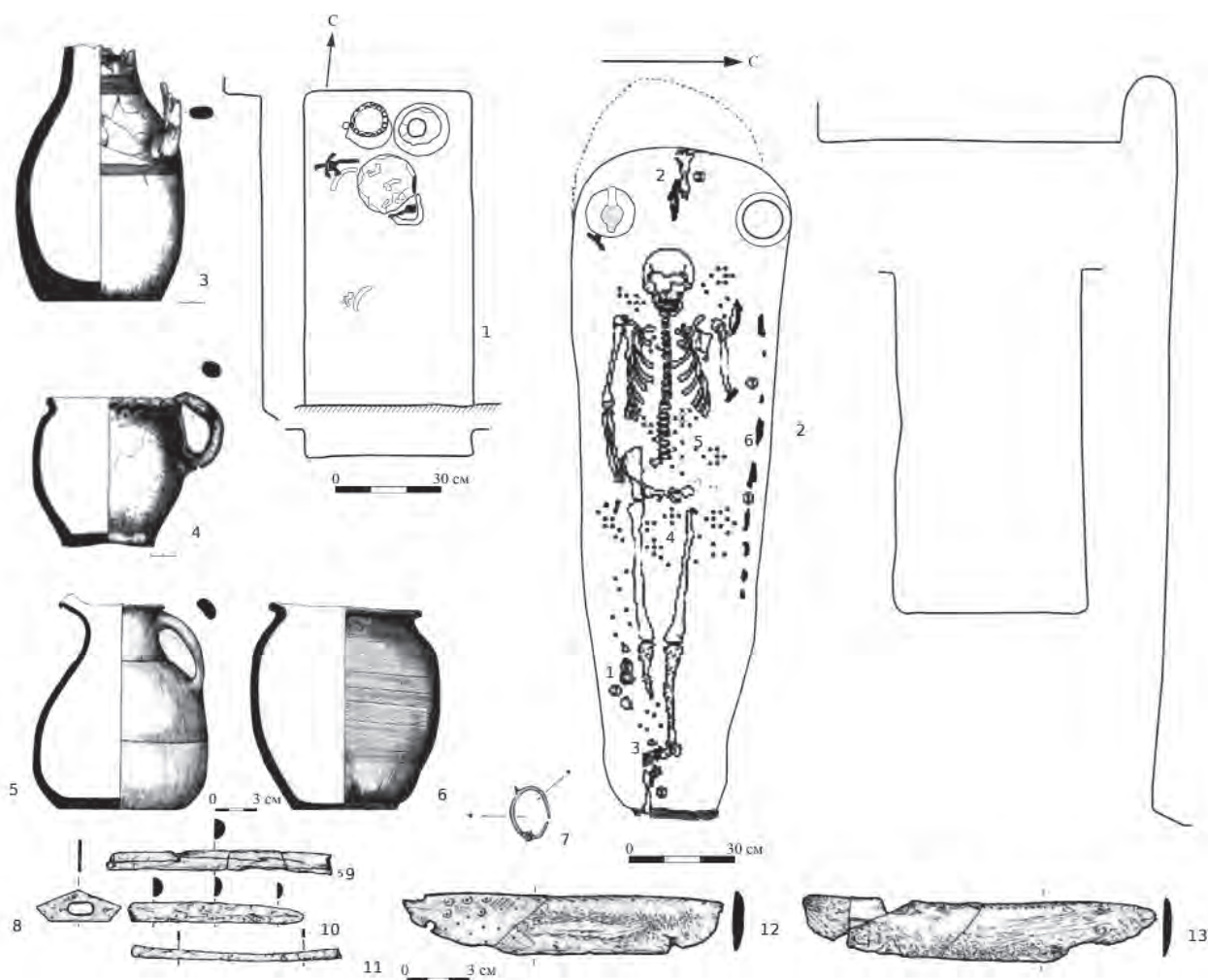

Рис. 11. Могильники «Бугор Щучий» и «Бугор Посольский».

1 – Бугор Щучий, погр. 2; 2 – Бугор Посольский, погр. 2 (1 – остатки колчана, 2 – кости барана, 3- кожаный тлен от сапог, 4 – органический тлен, 5 – меловая подсыпка, 6 – накладки на лук); 3, 4 – сосуды из погребения 2 (Бугор Щучий), 5–13 – Бугор Посольский, инвентарь погр. 2 (5, 6 – сосуды керамические, 7 – серьга медная, 8 – колчанная петля, 9–13 – костяные накладки на лук (по: Кутуков, Пантелеев, 2013, рис. 3-5)

дом общих черт. Все покойные были захоронены в простых прямоугольных ямах и ориентированы головами в западный сектор. Захоронения сопровождалась лепными, гончарными и доведёнными на гончарном круге сосудами, располагавшимися за головой погребённых, а также заупокойной пищей в виде частей туш баранов, положенной чаще всего за головой или рядом с голенями ног. В районе пояса находились остатки ножей, поясные пряжки. Эти захоронения датируются периодом IX–X вв.

Подводя итог описанию захоронений хазарского периода на территории Астраханской области, следует сделать обобщение, отметив явную особенность – захоронения раннего периода (VIII – начала IX вв.) совершены главным образом под курганами с квадратными или округлыми ровиками. Исключениями являются всего два грунтовых бескурганых погребения – на могильниках «Ва-

куровский бугор» и «Лбище», что говорит о начале освоения средневековыми кочевниками дельты Волги уже в начале – первой половине VIII в.

Таким образом, начало активного освоения населением Хазарского каганата дельтовых районов совпадает с переносом в Нижнее Поволжье столицы государства. Захоронения середины VIII – середины X вв., то есть позднего хазарского периода, концентрируются в дельте Волги на грунтовых могильниках на бэровских буграх в северной, западной и северо-восточной её частях. Они совершены в грунтовых ямах со ступеньками или небольшими подбоями-тайниками, погребённые ориентированы головой на запад, в большинстве захоронений прослеживаются элементы обряда обезвреживания покойного. Заупокойная пища и прочий инвентарь располагается за головой погребённых. Характерно, что при наличии костей барана в качестве остатков заупокойной пищи, в

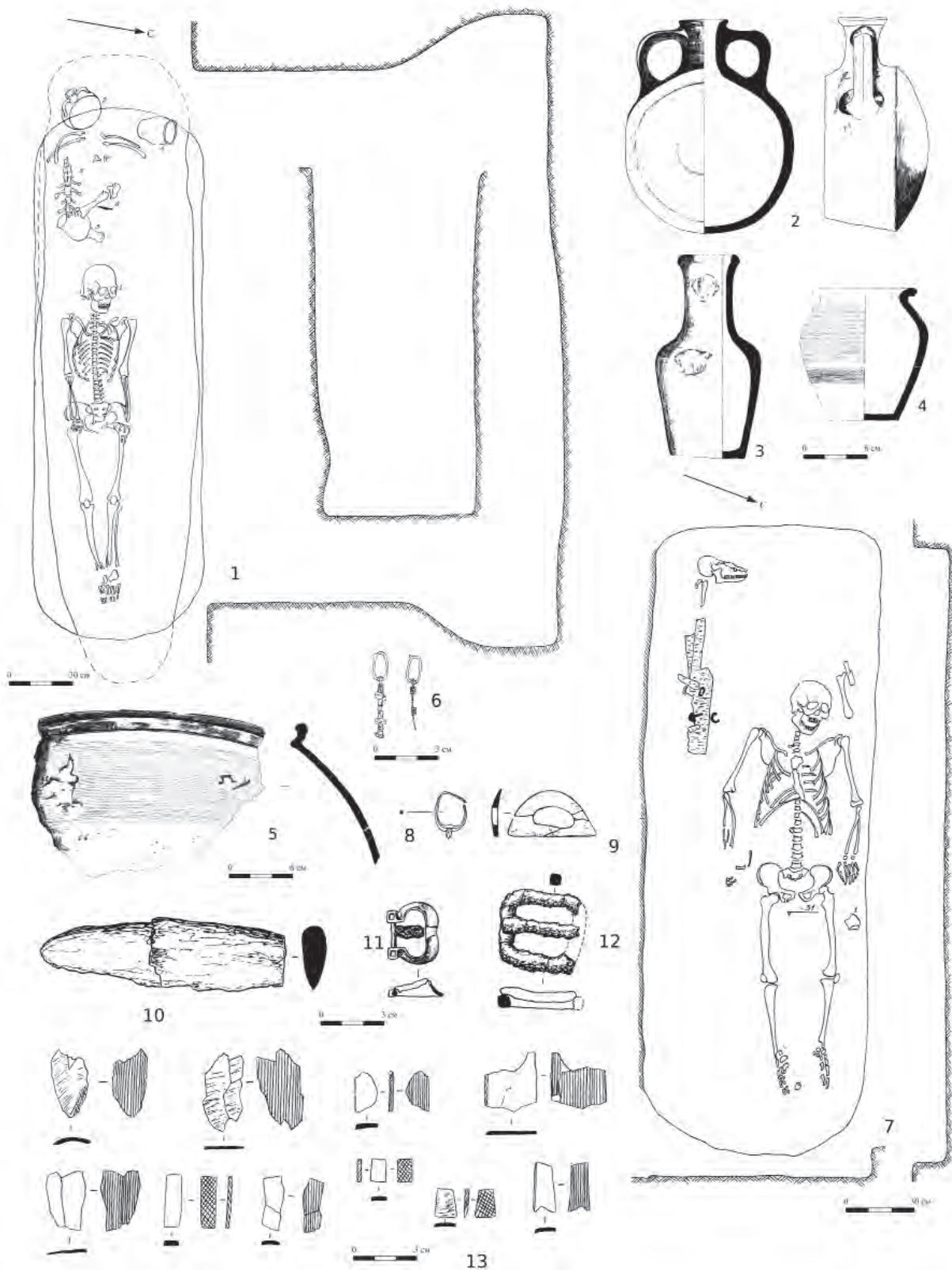

Рис. 12. Могильник «Бугор Лбище»

Погр. 16. 1 – план и разрезы погребения, 2–4 – сосуды из погребения, 5 – фрагмент котла из засыпи, 6 – золотые серьги; погр. 19. 7 – план и разрезы погребения, 8 – золотая серьга, 9 – костяная колчанная петля, 10 – нож железный, 11 – пряжка поясная медная с железным язычком, 12 – пряжка португейная железная; 13 – фрагменты костяных накладок на лук.

данных захоронениях отсутствуют кости коня, что позволяет поставить подвопрос принадлежности населения, оставившего данные захоронения, к тюркской культурной традиции. Тем не менее на данном этапе исследователями подобные захоронения тракуются как раннеболгарские, вероятно, из-за их типологической близости с погребениями «зливкинского» типа, с погребениями ранних болгар на Волге, а также из-за наличия в захоронениях типичных «болгарских» лощёных кувшинов с выделенными сливами (правда, чаще всего не сероглиняных, а красноглиняных). Необходимо отметить, что кувшины эти отличаются несколько от приземистых кувшинов со сливами из раннеболгарских захоронений – они имеют скорее яйцевидное тулово и более вытянутые пропорции, что позволяет искать истоки этих форм в керамике Северного Кавказа.

Проблема локализации Итиля. Важнейшей проблемой хазарской археологии является вопрос о локализации Итиля. Попыткам решить эту проблему посвящены многочисленные работы как профессиональных археологов, так и любителей. Приведем наиболее известные из них. Еще в XIX в. члены Петровского общества исследователей Астраханского края помещали Итиль на городище Хаджи-Тархан (Шареный бугор) (Панахалиева, 2007, с. 126–131). Л.Н. Гумилев, и вслед за ним М.И. Артамонов, считали, что Итиль находился на Селитренном городище или в его окрестностях (Артамонов, 2001, с. 519–542). Археологические данные, полученные в ходе раскопок на Селитренном городище и на Шареном бугре опровергают эти версии и говорят о наличии там лишь культурных слоёв золотоордынского периода и периода Астраханского ханства.

Версия Р.М. Магомедова о нахождении хазарской столицы на затонувшем острове Чистая банка, где с вертолета были обнаружены валы многогранной «цитадели» (Магомедов, 1994, с. 146–147, 149), полностью опровергнута океанографом П.И. Бухарицыным. Именно по его рекомендации эти валы были построены на острове в 1983 г. вокруг животноводческой фермы для защиты ее от подтопления (Бухарицын, 1995, с. 41–45).

Ещё одна версия о локализации хазарской столицы была выдвинута Л.В. Гуренко и А.В. Ситниковым. Они предполагают, что города Итиль (Атиль) и Саксин располагались в южной части современного г. Волгограда (Гуренко, Ситников, 2001, с. 37–40). Авторы аргументируют своё мнение тем, что на территории г. Волгограда было выявлено два поселения салтово-маяцкой культуры, три отдельных грунтовых погребения и грунтовый могильник (Ильина, Шишкин, 1929). По данным Е.В. Круглова, большое количество

подкурганных захоронений хазар сконцентрировано в районе Сарпинских озер, что может указывать на постоянное кочевание крупного хазарского объединения в этом ареале (Круглов, 1990, с. 159–171). Кроме того, авторы привязывают именно к месту наибольшего сближения Дона и Волги расположение города Хамлиджа, который рядом исследователей считается районом Итиля (Атиля).

Г.Е. Афанасьев выдвинул предположение о том, что центр Хазарии в IX веке располагался на Нижнем Дону, аргументируя это, во-первых, возможностью трактовки средневековыми авторами низовий Дона как одного из рукавов Волги, а во-вторых, концентрацией хазарских захоронений и поселений именно на Дону (Афанасьев, 2016, с. 41–72). Именно Г.Е. Афанасьев выдвигает наиболее обоснованные и подкреплённые глубокой и тщательной проработкой аргументы в пользу «западной» локализации последнего центра Хазарии. Он пишет, что низовья Волги – это далекая периферия подкурганых погребений хазарского времени и зоны функционирования их поселений и городищ (Афанасьев, 2009, с. 39). Однако и эта версия, как и другие, не лишена противоречий. Так, в работах Г.Е. Афанасьева описывается ситуация на IX в., а более поздние памятники не привлечены к исследованию. Между тем следует картографировать именно памятники эпохи позднего Хазарского каганата. Кроме того, Г.Е. Афанасьев считает, что дельта Волги археологически исследована достаточно хорошо, в то время как новые материалы хазарского периода только начинают открываться в дельте. Противоречат этой гипотезе сведения письменных источников о бегстве хазар из столицы, подвергшейся нападению русов, на «остров Сиях-кух» (Мангышлак) и в Баб ал-Аббаб, что довольно проблематично было бы сделать из Нижнего Подонья (Бартольд, 1968, с. 516–517).

Противоположной точки зрения придерживается И.Г. Семёнов, который анализирует свидетельства средневековых авторов о местоположении Итиля и уверенно локализует его в дельте или в придельтовой зоне Волги (Семенов, 2002, с. 179–190).

Таким образом, можно констатировать, что проблема локализации последней хазарской столицы до сих пор не решена окончательно. На рубеже тысячелетий была высказана гипотеза о том, что остатками Итиля является Самосдельское городище, расположенное дельте Волги. В настоящее время этот памятник является наиболее вероятным местом локализации хазарской столицы (Зиливинская, Васильев, 2008, с. 224–226).

Самосдельское городище и обоснование возможности соотнесения его с Итилем. Самосдельское городище расположено в средней части дельты, в западной её половине. Долгое время оно считалось рядовым памятником золотоордынского периода. В 1989 на территории городища были проведены земляные работы, в результате чего на поверхность были извлечены многочисленные артефакты. Керамика, собранная школьным учителем села Самосделка и переданная им археологам, относилась к периоду IX–XII вв. (Васильев, Зиливинская, 2011, с. 3–10). Это обстоятельство позволило возбудить интерес к данному памятнику и сделать предположение о наличии на нём слоёв хазарского времени (Васильев, 1998, с. 48–50; Васильев, Гречкина, 2000, с. 24–25).

Планомерные исследования Самосдельского городища начались в 2000 г. (Васильев, Зиливинская, 2011, с. 3–10). Культурные отложения в центральной части древнего острова оказались весьма значительными – до 2,5 м. Основной их объём соотносится с периодом существования города Саксина (Васильев, 2015, с. 189–267). Нижележащие слои хазарского времени имеют небольшую мощность (около 20–30 см) и очень сильно повреждены ямами XI–XIII вв. Тем не менее изучение этих слоёв позволяет сделать некоторые обобщения.

Возможное соотнесение нижних слоёв Самосдельского городища с Итилем имеет несколько оснований.

1. Планиграфия. Описания города Итиля, составленные арабскими историками и самим царём Иосифом, различны и порой не совпадают. Есть источники, которые говорят, что город располагается на двух берегах реки. В западной части города живёт царь, его войско и приближённые. В восточной части Итиля живут купцы и мусульмане и находятся товары. Согласно другим источникам, город располагался на острове, где находился кирпичный замок царя. Другая часть города располагалась на берегу реки, остров и берег были соединены плавучими мостами (Артамонов, 2001, с. 397–400).

Топоплан городища (рис. 13) показывает, что центральная его часть располагается на невысокой (до 3 м высотой) возвышенности, которая представляет собой древний остров, окружённый со всех сторон пересохшими ныне протоками. Восточнее острова располагается ещё одна часть городища. Она вытянута вдоль современного русла на 1 км. Мощность культурного слоя здесь небольшая – от 1 м до 0,2 м. Третья часть городища расположена на левом берегу реки Старой Волги, на бугре. Рельеф городища чётко просматривается на фотографиях из космоса, сделанных уже в начале нынешнего века.

2. Крепость. Согласно результатам расшифровки аэрофотоснимков и снимков из космоса, в центральной части городища вырисовывается контур разобранных стен треугольной кирпичной цитадели. Северная периферия острова выглядит как возвышенность с крутыми склонами. Размеры возвышенности, на которой, вероятно, находилась крепость – 350×350×120 м. Для сравнения можно отметить, что это больше площади Саркела, размеры которого составляют 186×126 м. Внутри этого треугольника сосредоточено наибольшее количество обломков кирпича и керамики. Толщина культурного слоя достигает здесь 3 м, в то время как в остальных частях городища она не превышает 1 м. Это естественно, так как внутри крепости культурный слой накапливался активнее.

Кроме того, в данной части городища встречается огромное количество обожжённого кирпича на поверхности, в то время как его количество в других частях памятника весьма скромно. Массовое строительство из кирпича разных форматов и вторичного использования фиксируется лишь в эпоху развития и расцвета города Саксина (вторая половина X–XIII вв.), когда стены были разобраны и пущены на строительство жилищ. Интересно отметить, что нижние слои городища представляют собой довольно равномерные суглинисто-золистые отложения, слабо насыщенные керамикой. Фрагменты сосудов встречаются главным образом в хозяйственных ямах. Зато массовой находкой в нижних слоях являются фрагменты стеклянных сосудов, что говорит о высоком социальном и имущественном статусе проживавших на данном участке городища людей. Об этом же говорят и некоторые находки украшений из драгоценных металлов. Поскольку раскопы на городище располагаются внутри стен цитадели, то вполне логично предположить, что внутри цитадели проживало высокостатусное население. Наличие на городище крепости, выстроенной из кирпича, поднимает статус города и связывает его с царской властью, поскольку кирпичное строительство в каганате являлось царской монополией (Ал-Истахри, Ибн-Хаукаль, 2006, с. 747).

3. Жилища. В нижних слоях городища были обнаружены юртообразные жилища, которые являются неотъемлемым атрибутом любого известного на данный момент укрепленного поселения хазарского времени. В.С. Флёров указывает на то, что юрта является прототипом стационарного юртообразного жилища. Он также трактует юртообразное жилище как признак оседания на землю кочевников (а именно болгар) в рамках культуры Хазарского каганата (Флёров, 1996, с. 59–60).

Юртообразные жилища на Самосдельском городище заглублены в землю, стены их выстроены

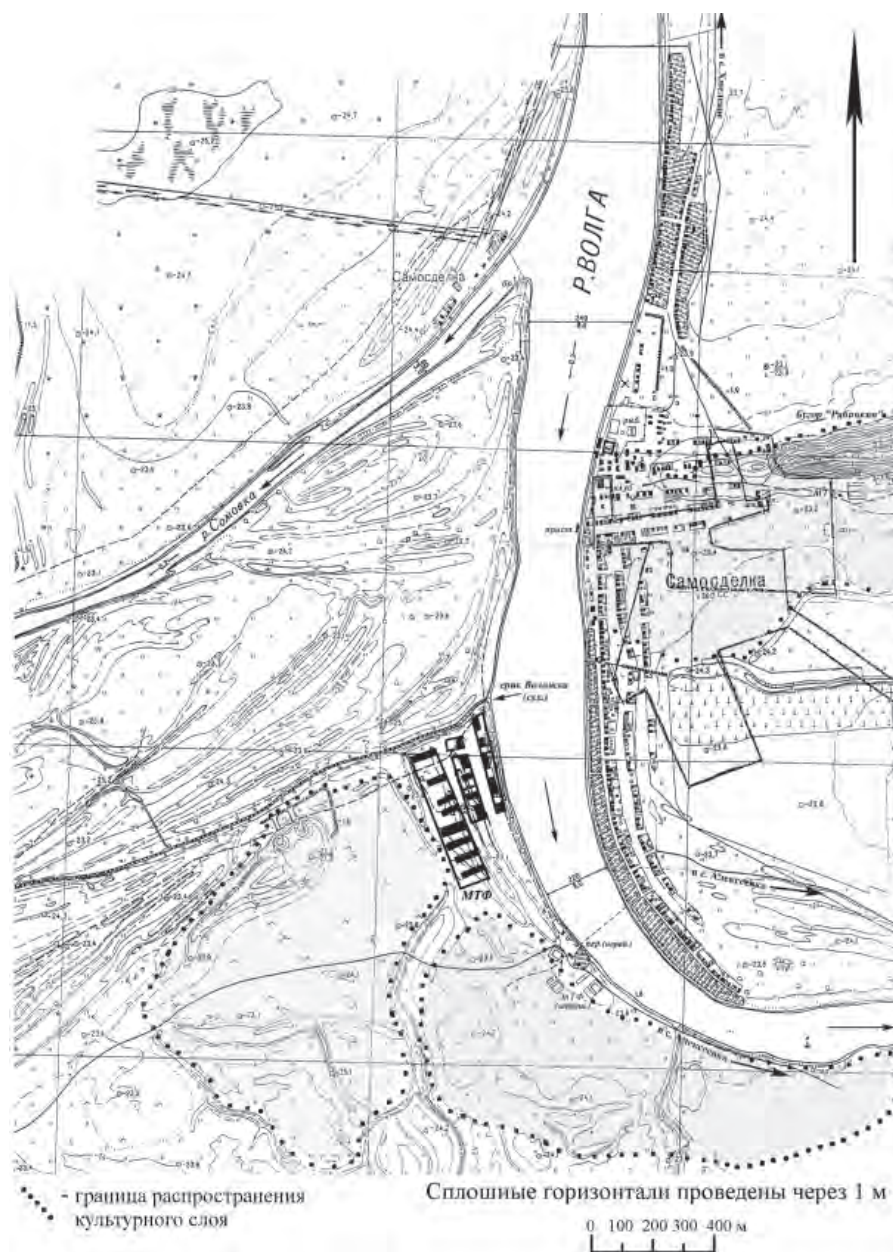

Рис. 13. Схема Самосдельского городища с нанесением трёх частей города.

из жердей и плетня, обмазанного глиной. Найдены сооружения трех видов: круглые в плане однокамерные, однокамерные с тамбуром и двухкамерное жилище, состоящее из круглого помещения и пристроенного к нему прямоугольного помещения. находки из этих жилищ выдают зажиточность их обитателей (Васильев, Ермилов, 2007, с. 120–131).

Другой тип ранних жилищ – это легкие каркасные постройки квадратной или прямоугольной формы. Каркас обычно сделан из деревянных столбов и жердей, вкопанных в землю, пространство между ними заполнено камышом, а сверху стены обмазаны глиной (так называемые турлучные постройки). Пол жилищ может быть заглублен в

землю, иногда довольно значительно. В этом случае они фактически являются полуземлянками. В.С. Флеров, исследовавший юртообразные жилища Восточной Европы в раннем Средневековье, отмечал недолговечность существования во времени такого типа жилищ и быстрый переход населения Хазарского каганата, а также Волжской и Дунайской Болгарий к жизни в полуземлянках прямоугольного плана (Флеров, 1996, с. 59). Наземные турлучные жилища характерны для населения Северного Кавказа, в частности – «страны гуннов», то есть Дагестана (Гмыря, 1995, с. 156–157). Скорее всего, существовали и более капитальные постройки. На уровне материка мы находим остатки разобранных кладок из кирпича

или комбинированных из известняка, кирпича и речной гальки на известковом растворе.

4. Керамика. Основным датированным материалом на Самосдельском городище является керамика, так как металлические вещи почти не сохраняются из-за сильной засоленности почв. Керамику из нижних слоев можно разделить на несколько групп. Значительная по объему группа керамики представлена лепной кухонной посудой. Один из главных признаков ранней посуды этого типа – неровный костровой обжиг, тесто с обильной примесью навоза и шамота. В основном это котлы и горшки, но также встречаются крышки, кружки, сковороды, блюда. Горшки слабо профилированы, форма их достаточно невыразительна и встречается на значительной территории, заселенной тюркоязычными кочевниками.

Более выразительны лепные котлы, происходящие из нижних слоев городища (рис. 14: 2). Одним из самых распространенных типов являются котлы с округлым сферическим туловом и горизонтальными сплошными ручками-ушками. Такие котлы часто орнаментированы пальцевыми и ногтевыми вдавлениями, прочерченными дуговидными полосами. На тулове таких сосудов, под ручками, встречается процарапанная тамга в виде «птичьей лапки». Подобные котлы широко распространены в VI–VIII вв. на огромной территории от Ферганской долины и Семиречья по всему бассейну Сырдарьи вплоть до ее низовий. Исследователи связывают их с огузо-печенежскими племенами. Существуют такие котлы широко и довольно длительное время.

Точную дату нижним слоям городища дают лепные котлы с витыми и треугольными ручками. Это по-настоящему уникальные находки. В том виде, в каком мы их находим, они есть только в Южном Казахстане и на Самосделке. Полные аналогии котлам этого типа находятся в материалах Кулана (городище Луговое), Краснореченского городища в юго-западном Семиречье, а также в материалах раннесредневековых слоев Тараза (Байпаков, 1986, с. 29–31, 61, рис. 14; Сенигова, 1972, с. 89, 91). К.М. Байпаков датирует подобную керамику VII–VIII вв., Т.Н. Сенигова на материалах Тараза относит подобные котлы к VIII–IX вв. Истоки этих форм исследователи видят в кочевнической керамике, в связи с чем интерпретируют их как посуду кочевого тюркоязычного населения. Аналогичные горизонтальные витые ручки встречаются на лепных и гончарных горшковидных котлах, обнаруживаемых на городище Джигербент (Вишневская, 2001, с. 35–36). Здесь эти сосуды датируются IX в. Н.Ю. Вишневская также связывает данные сосуды с керамикой тюркоязычных кочевников. Близкий по форме к самосдельским

лепной котел с плоским дном найден в крепости на горе Муг близ Пенджикента, где он точно (по письменным источникам) датируется первой четвертью VIII в. (Бентович, 1958, с. 358–360). Котлы этого же времени с горизонтальными петлевыми треугольными ручками встречаются на памятниках восточной части Таласской долины (Бубнова, 1963, с. 138).

На втором этапе появляется и начинает доминировать посуда «огузского» облика, характерная для нижних слоев Саркела. Появление этой посуды связано с приходом в дельту Волги огузов. Возможно, они являлись наёмниками хазарского царя – «ларисиями» или «ал-арсия», которые упоминаются в письменных источниках (Зиливинская, Васильев, 2011, с. 158–166).

Керамический комплекс круговых сосудов «общеполгарского облика», выделяющийся в керамике Самосдельского городища (рис. 14: 3), появляется в его материалах непосредственно с уровня материка, то есть уже в IX–X вв. эта керамика существует в готовом, сформировавшемся виде. Номенклатура сосудов довольно невелика – в основном это высокогорлые кувшины без выделенного слива, глубокие миски с загнутыми внутрь краями, хумы, хумчи, кринки, горшки и кружки. Этот комплекс посуды сохраняется практически без изменений вплоть до периода монгольского нашествия (Попов, 2011, с. 58–86).

В связи с этим надо сделать два замечания. Во-первых, ранняя датировка посуды общеполгарского облика на Самосдельском городище, гораздо более ранняя, чем в Среднем Поволжье, позволяет предположить, что на территорию будущей Волжской Болгарии эта посуда проникла именно из дельты Волги благодаря связям между этими регионами, существовавшим в хазарское и постхазарское время. В самом деле, в Среднем Поволжье отсутствуют переходные, промежуточные формы от керамики предшествующего периода к общеполгарской. Таким образом, она не имеет генетического родства с керамикой местного населения предшествующего периода или же с керамикой ранних болгар, переселившихся на Волгу. Как осуществлялся процесс проникновения этой посуды в Среднее Поволжье в реальности – вопрос, требующий дополнительной проработки (Васильев, 2015, с. 189–267).

Во-вторых, складывается такое впечатление, что этот керамический комплекс был перенесён в низовья Волги в готовом виде вместе с переселившимся населением из какого-то другого региона в VIII–IX вв. Возможно, что генетические корни его находятся на Кавказе и в Закавказье. В этой связи очень интересным является высказывание ал-Гарнати о «жителях Суvara». Это очень много-

Рис. 14. Керамика Самосдельского городища.

1 – кувшины и кружка салтовского типа с Самосдельского городища; 2 – лепные котлы Самосдельского городища; 3 – круговая красноглиняная керамика Самосдельского городища. 1-5 – кувшины; 6-9 – кружки; 10-12 – миски (по: Котеньков, 1992; Попов, 2011а, рис. 10; он же. 2011б, рис. 1, 6).

численная община, весьма близкая болгарам по своему этническому происхождению. Возможно, это выходцы из Сувары на Средней Волге, которые переселились в Нижнее Поволжье вместе с болгарам, но также возможен вариант, что они представляют собой этнических суваров или савиров, переселившихся с Северного Кавказа или из Закавказья в ходе переноса хазарской столицы в VIII–IX вв. Этот вопрос также требует дополнительной специальной проработки. Комплекс круговой керамики с Самосдельского городища находит себе близкие аналогии на городище Шабран

(«Шабран» – «савиры» по-персидски) в Азербайджане (Васильев, 2015, с. 189–267), причём он имеет ряд морфологических отличий от посуды так называемых «общеполгарских типов», имеющих распространение на территории Волжской Болгарии (Попов, 2011, с. 58–86).

Интересно отметить почти полное отсутствие классических «салтовских» сосудов, которые обнаружены в количестве всего четырех экземпляров (рис. 14: 1). То есть присутствие носителей аланской керамической традиции на Самосдельском городище не фиксируется. Без сомнения, эти

сосуды являются привозными, но тоже подтверждают датировку. Из нижних слоев происходит керамика, формы которой являются местным подражанием салтовской посуде (Путешествие..., 2016, с. 420–429).

Также позволяют датировать нижние слои Самосдельского городища некоторые редкие импортные вещи. В незначительном количестве на памятнике встречаются импортные изделия, аналогичные керамике Пенджикента (VIII в.), Джигирбента (IX в.), Самарканда (IX–X вв.).

5. Радиоуглеродные даты. Для различных слоев городища получена серия радиоуглеродных дат. Анализы проводились в Институте географии РАН (Москва), лаборатории радиоуглеродных анализов при научном центре геохимических исследований АН Украины (Киев) и лаборатории радиоуглеродных анализов ИИМК РАН (Санкт-Петербург). Даты калиброванные. Наибольший интерес для данной темы представляют три образца, взятые из нижних слоев. Они датируются периодом от середины VIII в. до второй половины IX в. Еще один образец дерева, взятый непосредственно с уровня материка, имеет такой же возраст. Отбор образцов для радиоуглеродного анализа будет продолжен, однако мы уже сейчас можем утверждать определенно, что жизнь на Самосдельском городище началась в интервале с середины VIII в. до второй половины IX в. (Зиливинская, Васильев, 2011, с. 158–166).

В середине – второй половине X века, по предположению М.И. Артамонова, власть в Нижнем Поволжье последовательно переходит от хазар к русам, от русов – к хорезмийцам, от хорезмийцев – к огузам. Русы напали на политический центр Хазарии согласованно и одновременно с огузами в 965 году. Военные действия вызвали отток населения из столицы каганата и столичной области. Ибн Хаукаль говорит, что те, кто избежал меча, искали спасения на полуостровах Каспийского моря Сиях-кух (Мангышлак) и Баб ал-Абваб (Апшерон) (Бартольд, 1968, с. 516–517).

Через три года Ибн Хаукаль встречал беженцев из Хазарии в Грузии. К 977 году многие беженцы уже смогли вернуться в дельту Волги благодаря военной помощи ширваншаха Мухаммеда ибн Ахмеда ал-Азди, надеясь заключить мир с русами и остаться под их властью в той части страны, которую они для хазар оставят (Гаркави, 1871, с. 218, 220; Артамонов, 2001, с. 588). Мукаддаси говорит о том же: «...жители города ушли на побережье, но теперь они вернулись и уже больше не иудеи, но мусульмане» (Караулов, 1908, с. 5).

Следующим по хронологии сообщением является сведение об обращении хазар за помощью к Хорезму. Хорезмийцы обещали помощь на условиях принятия ислама хазарами-иудеями и, как говорит М.И. Артамонов, по сути – на условиях подчинения Хорезму (Артамонов, 2001, с. 589). Он пишет, что Хазария имела для Хорезма очень большое значение в качестве рынка и перекрестка торговых путей, которыми пользовались хорезмийский купцы.

По поводу бегства части населения дельты Волги на Мангышлак нужно сделать специальное замечание. Л.Н. Гумилев пишет, что если учесть стояние Каспия в X веке на уровне минус 32 м, то от Шароновской банки в юго-восточной части Волжской дельты на Мангышлак существовал прямой путь по суше с одной небольшой переправой (Гумилёв, 2004, с. 14). Кроме того, стоит обратить внимание на недавнюю публикацию казахстанских материалов, касающихся раскопок городища Кызыл-Кала на Мангышлаке. Здесь обнаружена керамика, которая находит полные аналогии в материалах Самосдельского городища. Большая часть глиняной посуды изготовлена методом ручной лепки, но имеет прекрасный печной обжиг. Судя по обломкам, это были котлы и горшки с плоскими днищами, различных размеров. Часть посуды очень необычна для территории Мангышлака. Это высокогорлые кувшины, хумы, хумчи, миски, кружки (Калменов, 2007; 2012, с. 5–7; Астафьев, 2010, с. 38–42, 62–66). Посуда изготовлена на гончарном круге и очень высокого качества. Это именно тот самый керамический комплекс, привнесённый в дельту Волги из Закавказья и затем транслированный в Среднее Поволжье, о котором мы говорили выше.

Восстановление города на месте Самосдельского городища происходит под эгидой какой-то внешней силы. Масштабная перепланировка и перестройка городской территории представляет собой не просто ликвидацию последствий разорения, а фактически возведение нового города. Вряд ли организующие усилия исходили изнутри, так как хазарское общество было деморализовано и ослаблено в ходе разгрома Хазарии, а огузы, получившие контроль над городом, являлись носителями кочевых традиций. Такой силой могли стать либо Хорезм, либо Волжская Болгария. Нельзя при этом также сбрасывать со счетов влияние Юго-Западного Прикаспия, в частности Ширвана, которое проявилось сразу после разгрома Хазарии и особенно ярко обозначилось в течение двух следующих столетий.

ГЛАВА 8

ПАМЯТНИКИ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ В ДОНЕЦКИХ СТЕПЯХ

Территория к западу от р. Дон и к востоку от р. Днепр, которую мы условно называем Донецкой степью, входила в западную часть Хазарского каганата, а с середины IX в. представляла собой его западное пограничье. С севера на юг рассматриваемый регион делится на три части, отличающиеся по своим природным условиям и материальной культуре расположенных здесь памятников. Северную его часть составляет участок, непосредственно прилегающий к среднему течению Северского Донца (рис. 1: Б). Эта река, левый приток Дона, своим течением ориентирована по линии север – северо-запад – юг – юго-восток. Верховья ее находятся в пределах лесостепи и заняты памятниками «аланского» варианта салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1967, с. 186, рис. 50). Вероятно, эти земли начали осваиваться населением Хазарского каганата в первую очередь. Лесостепные памятники отличаются разнообразием. Здесь присутствуют многочисленные могильники: ямные, близкие (но не всегда идентичные) степным могильникам «зливкинского» типа, кремационные, бiritуальные, катакомбные, находящиеся параллели среди аланских некрополей Северного Кавказа. В степном регионе указанные типы некрополей не встречаются, что свидетельствует о существенном отличии проживавшего здесь населения от жителей лесостепи не только в религиозных воззрениях, но, вероятно, и в плане этнических компонентов, из которых это население формировалось¹. Существенно отличается и традиция строительства городищ. В лесостепи в конструкции стен часто использовались известняковые блоки, иногда сырцовый кирпич (Афанасьев, 1987; Свистун, 2014), чего в среднем течении Северского Донца не наблюдается.

В среднем и нижнем течении Северский Донец пересекает степную зону. По своим природным условиям среднее течение Северского Донца напоминает лесостепь. Это широкая (до 20 км, а иногда более) полоса, вытянутая вдоль течения реки, в пределах которой присутствуют достаточ-

¹ В степи захоронения в катакомбах крайне редки. Вероятно, они присутствуют только в могильнике Желтое (2 погребения), на котором, в частности, зафиксированы и случаи искусственной деформации черепов.

но крупные древние лесные массивы. Расположение на стыке двух природных регионов, население которых имело отличия в культурном и этническом плане, обусловило своеобразие материальной культуры этой территории. Отличие памятников данного региона от смежных с ним земель было замечено исследователями давно. С.А. Плетнева, отнесла их к «болгарскому» варианту салтово-маяцкой культуры – основным видом некрополей в регионе были могильники «зливкинского» типа, которые давно связывают с протоболгарами (Плетнева, 1967, рис. 50; 2000, с. 65–83). Здесь же находится и эталонный могильник «Зливки». Протоболгарским считали проживающее здесь население К.И. Красильников (Красильников, 2010, с. 16–18), В.С. Аксенов, А.В. Тортика (Аксенов, Тортика, 2001²; Тортика, 2006), С.И. Татаринев (Копыл, Татаринев, 1990), М.Л. Швецов (Швецов, 1991) и ряд других исследователей.

Памятники среднего течения Северского Донца отличаются многочисленностью и разнообразием. Они представлены неукрепленными поселениями, городищами и грунтовыми могильниками.

Неукрепленные поселения появлялись в местах, удобных для хозяйственной деятельности – на речных террасах, участках близ впадения в Северский Донец его притоков, дюнообразных возвышениях, близ крупных старичных озер. Поселений много. Только на левом берегу реки, напротив двух крупных городищ – Маяцкого (Царина) и Сидоровского (участок площадью 6×10 км), насчитывается не менее 10 поселений площадью от 0,5 до 2,5 га. Еще пять селищ (площадь 0,4–1,5 га) расположены на правом берегу между селами Маяки и Пришиб Славянского р-на (расстояние 9 км). В целом же керамика населения салтово-маяцкой культуры встречается на всех удобных для жизни участках, что свидетельствует о густой заселенно-

² Указанные авторы, называя население, оставившее могильники «зливкинского» типа, протоболгарами, не без оснований считали его пестрым в этническом плане (выделяя среди него ряд компонентов: тюркский, угорский, иранский). В качестве основного аргумента приводилась поливариантность погребального обряда на ямных некрополях салтово-маяцкой культуры.

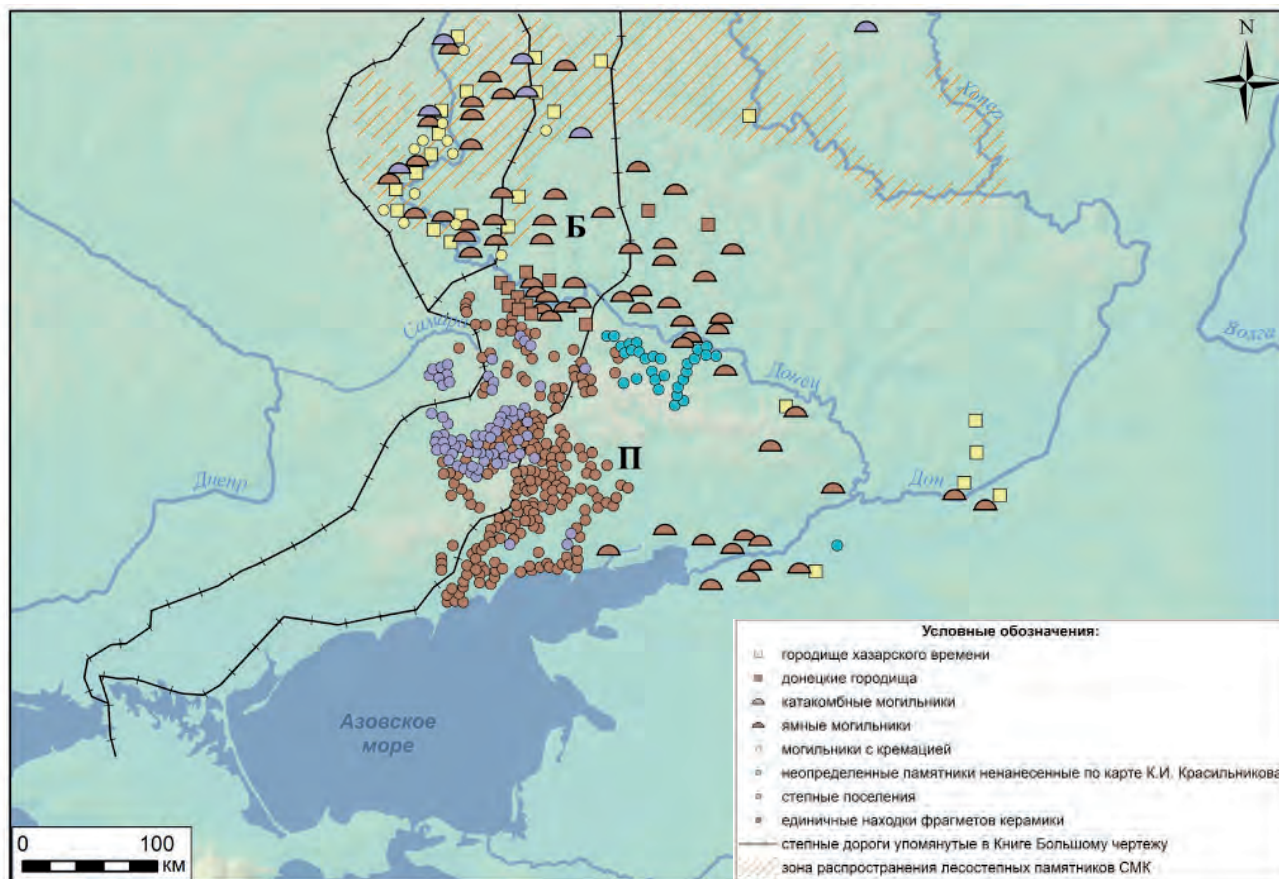

Рис. 1. Схема распространения памятников хазарского времени в Донецком регионе.
 Б – зона распространения памятников болгарского варианта салтово-маяцкой культуры;
 П – зона распространения памятников приазовского варианта салтово-маяцкой культуры.

сти рассматриваемой территории в эпоху раннего Средневековья.

Некоторые селища (напр., Казачья Пристань, см. рис. 2): 1) выделяются из общей группы (Кравченко, Цимиданов, Кузин, 1998, с. 6–31). Памятник площадью 1,5 га расположен на невысокой возвышенности (высота над поймой 2–4 м.), у брода, близ места слияния двух крупных рек – Северского Донца и Казенного Торца. Во время сильных паводков она затопливалась. На возвышенности присутствуют культурные напластования разных эпох. Верхний слой представлен укреплением XVII–XVIII вв., перекрывавшим идущую от брода дорогу. Ниже, на одном уровне, залегали разбросанные по дневной поверхности пятна кострищ и скопления керамики золотоордынского и хазарского времени. На вскрытой площади (более 1500 кв. м) углубленных объектов выявлено не было. Возвышение было непригодно для стационарного поселения, однако подходило для строительства поселения сезонного.

К юго-востоку от рассматриваемого нами участка течения реки, на территории Луганской обл. Украины, разведки и изучение поселений

производились К.И. Красильниковым. На участке «от р. Жеребец на западе и до р. Большая Каменка на востоке» им было выявлено до 400 поселений. Автор подразделил их на «стойбища, кочевья, селища». На некоторых памятниках раскопаны значительные участки: Рогалик (ок. 15000 кв. м), Подгаевка (6000 кв. м), Новолымаревка (ок. 3000 кв. м) (Красильников, 2010, с. 17). Часть этих материалов была отражена в его публикациях (Красильников, 1976; 1986; 1999; 2001а, б и др.). В обобщающих статьях приведены общая характеристика и историческая концепция развития памятников на этой территории (Красильников, 2001б; 2010; Красильникова, 2001). К сожалению, отсутствие публикации материалов исследований отдельных памятников не позволяет получить четкое представление об этих археологических объектах. Опубликованные же данные близки материалам рассматриваемого нами региона.

Неукрепленные поселения обычно сопровождаются некрополями «зливкинского» типа, которых известно в среднем течении Северского Донца более четырех десятков. Местом их расположения являются пологие склоны речных тер-

рас на правом берегу реки либо склоны с дюнообразных возвышений на левом ее берегу. Точные размеры определяются лишь у некоторых памятников: площадь некрополя у озера Волоковое составляла около 0,5 га; близкую площадь имел эталонный могильник «Зливки».

Погребальный обряд отличается существенной вариативностью, выражающейся в характере могильной ямы, инвентаря, наличии или отсутствии гробовищ, иногда в ориентировке покойника. В целом захоронения на некрополях расположены беспорядочно или неровными рядами. Они производились в ямах с прямыми стенками, иногда с заплечиками. Встречаются элементы подбоя в боковых стенках, нишки в головах и ногах погребенного. Ямы имели деревянное перекрытие. Покойник ориентирован головой в западный сектор. Редко встречается восточная ориентировка. Обычны сезонные отклонения. Инвентарь небогат: представлен деталями одежды, украшениями и сосудами с напуганной пищей. Обычной находкой в могилах являются кости козы-овцы (ножки, череп) и нож. Орудия труда, предметы вооружения и конской упряжи встречаются крайне редко. В статье, посвященной поливариантности погребального обряда могильников «зливкинского» типа, был сделан вывод о сложном этническом составе населения, оставившего эти некрополи (Аксенов, Тортика, 2001, с. 211).

Первые раскопки такого могильника (1901 г.) были проведены В.А. Городцовым у хут. Зливки (у с. Ильичевка Краснолиманского р-на Донецкой обл. Украины). Работы в конце XX в. были продолжены М.Л. Швецовым. В целом на некрополе было раскопано до 50 раннесредневековых захоронений. Все они содержали небогатый инвентарь (1–2 сосуда), кости барашка или козы, ножи, детали одежды и украшения (бусы). В погребении № 40 был выявлен пояс с серебряной гарнитурой (рис. 2: 2) (Гриб, Швецов, 2019). В погр. № 43 умерший был перекрыт шкурой козы/овцы³ (Швецов, 1991, с. 115).

На могильнике Дроновка III (Лиманское озеро) вскрыто 41 погребение (Татаринов, Копыл, 1981; Татаринов, Копыл, Шамрай, 1986; Татаринов, Федяев, 2001). Здесь зафиксировано большое разнообразие погребального обряда. Наряду с прямоугольными были встречены ямы круглой формы и ямы с подбоями (Дадашов, Татаринов, 2009, с. 15). Прослежены случаи очищения могил огнем (погр. № 11, погр. № 30, 31). Ряд могил выделялся своим богатым инвентарем. Так, в погребении № 11 содержалось гробовище в виде деревянной колоды, стремя, три сосуда (горшок, кувшин и

кружка), которые стояли за пределами гроба, нож, «бронзовая пряжка от сабли» и четвертинка дирхема (Татаринов, Копыл, Шамрай, 1986, с. 211). В юго-западной части могилы лежал спиной вверх скелет мужчины⁴. В ряде захоронений содержались украшения из серебра, а в погр. № 24 встречены золотые серьги. Кроме погребения № 11 еще несколько захоронений содержали части скелета коня и детали конского снаряжения. В погребении № 37 череп, кости ног лошади и элементы конской сбруи были уложены в нишку в длинной стенке могильной ямы. Интерес представляет ритуальное захоронение № 40 (череп коня и отрубленные по суставам кости ног). Вместе с костями коня находились удила, стремя, массивное железное кольцо, пряжка и «серебряная пряжка-ворворка с тисненным геральдическим орнаментом» (Татаринов, Копыл, Шамрай, 1986, с. 16). В заполнении ямы погребения № 15 встречена половинка удила с псалием. В погребении № 7 найдены два трехперых наконечника стрел, а у ног погребенного были положены кости жеребенка. Еще несколько трехперых наконечников стрел обнаружено в погребениях некрополя Дроновка II, разрушенных при строительстве дороги (Дадашов, Татаринов, 2009, рис. 7, 12–14).

В некрополе у озера Волоковое близ с. Щурово Краснолиманского р-на (площадь 0,5 га) было вскрыто 22 захоронения (Татаринов, Копыл, Шамрай, 1986, с. 209–221)⁵. В погребении № 6 найден серебряный перстень со стеклянной вставкой, в погребении № 7 в засыпке ямы обнаружена половинка удила, а в погребении № 8 в ногах погребенного были уложены череп и кости ног лошади.

Поселение и инвентарный могильник «зливкинского» типа (не менее 30 погребений) были разрушены при работах на меловом карьере у пос. Райгородок (Михеев, 1964, с. 2–3; Кравченко,

⁴ По мнению С.И. Татарина, раб либо человек, положение которого в протоболгарском обществе отличалось низким социальным статусом.

⁵ Информация о том, что раскопки этого некрополя производились автором данной работы, не соответствует действительности. В целом в статье (Татаринов, Копыл, Шамрай, 1986, с. 209–221) присутствует множество неточностей. По сообщению А.В. Шамрая, руководившего работами на завершающем этапе, количество захоронений превышало три десятка, о чем не указано в публикации. Не упоминаются тризны, состоявшие из пары сосудов (горшков), которые присутствовали в верхнем слое некрополя (на глубине до 0,5 м). Костных останков при них выявлено не было. Учитывая малую глубину и характер сыпучего песчаного грунта, они могли не сохраниться. Близкие параллели этим тризнам имеются на Танкеевском некрополе в Поволжье (Казаков, 1992, с. 89). Отсутствие тонких костей в захоронениях некрополя, обусловленное особенностями грунта (сыпучий песок), было объяснено С.И. Татаринным особенностями погребального обряда (Татаринов, Копыл, Шамрай, 1986, с. 219–220; Дадашов, Татаринов, 2009, с. 7–8).

³ Кости ножек и череп животного были уложены на уровне перекрытия могилы.

Рис. 2: 1 – Поселение Казачья Пристань. Вид с северо-запада.

Рис. 2: 2 – Пояс с серебряной гарнитурой с могильника Зливки. Погребение 40 (реконструкция).

2004, с. 247–248). Материалы с них представлены группой керамических сосудов, хранящихся в собрании ДРКМ. Дополнительных сведений об этом объекте нет.

Погребения выявлены на поселениях у с. Ильичевка (Швецов, 2018, с. 144), пос. Ямполь Краснолиманского р-на, у с. Кривая Лука (Славянский р-н), в г. Северск (Артемовский р-н) (Дадашов, Татаринов, 2009, с. 9). Могильники «зливкинского» типа входили в состав крупных археологических комплексов у сел Маяки (Михеев, 1985, с. 16; Гриб, Швецов, 2017а, с. 33–35) и Сидорово.

Ряд таких некрополей изучался в пределах Луганской области: Новодачное (22 погребения), Серебрянское (15 погребений), Черниково озеро (11 погребений), Желтое (30 погребений) (Красильников, Красильникова, 2003; Швецов, Санжаров, Прынь, 2001; Красильников, 1991). Могильники «зливкинского» типа присутствовали у сел Нововольмаревка и Лысогоровка, где располагались рядом с раннемусульманскими некрополями. На Лысогоровском некрополе могильник языческий и мусульманский располагались рядом и были отделены друг от друга рвом.

По мнению В.А. Городцова могильник у хут. Зливки был оставлен «небогатыми поселянами» (Городцов, 1905, с. 212). Исследования показали, что могильники «зливкинского» типа имеются как при мелких населенных пунктах, так и при крупных поселениях, в связи с чем относить их исключительно к сельскому населению, видимо, нельзя. Тем не менее большинство этих некрополей все же было обнаружено близ малых поселений. Отсутствие в погребениях богатого инвентаря не всегда свидетельствует о бедности населения. Вероятно, погребальный обряд просто не предполагал положение в могилу значительного количества вещей. Впрочем, как выше указывалось, среди захоронений «зливкинских» некрополей встречаются погребения с весьма богатым инвентарем.

Некоторыми авторами на основании того, что могильники «зливкинского» типа больше, чем поселений, делался вывод, что их появление было связано с кочевым или полукочевым хозяйством протоболгар (Дадашов, Татаринов, 2009, с. 7, 11). Разведки, производимые в окрестностях некрополей, свидетельствуют, что поселения здесь просто не были выявлены. Так, у озера Волоковое, к западу от дюны, на которой находился могильник, были обнаружены остатки салтовского селища. Близкая ситуация наблюдалась на могильнике Дроновка III, где к северу от некрополя были зафиксированы скопления керамики салтово-маяцкой культуры. Сам автор раскопок предполагал нахождение в этом месте «болгарского кочевья» (Татаринов, Копыл, Шамрай, 1986, с. 209). Поселение салтово-маяцкой культуры находилось близ эталонного могильника «Зливки» (Швецов, 1991, с. 121). Представляется, что зафиксированный исследователями разрыв между количеством могильников «зливкинского» типа и поселений связан с недостаточной изученностью территории, прилегавшей к этим некрополям.

Городища занимают особое место среди памятников среднего течения Северского Донца. Ближайшие лесостепные укрепленные поселения (Сухая Гомольша) отстоят к северу почти на 50–100 км (Свистун, 2014, с. 58–80). Около 200 км отделяет донецкую группу от городищ, находящихся ниже по течению реки (г. Каменск-Шахтинский, Ростовской обл.). Укрепленные поселения могли быть и на территории Луганской обл. Украины, которая располагается между этими двумя участками. К.И. Красильников отрицает факт их наличия (Красильников, 2010, с. 21). Тем не менее особенности топонимики и топографии этой территории, присутствие в пределах ее крупных поселений, раннемусульманских некрополей, а также сообщение С.А. Локтюшева (2009, с. 299–300) свидетельствуют о вероятности того, что

городища могли быть и здесь. Таким образом, вопрос о существовании сплошной цепи городищ в рассматриваемом регионе остается открытым.

Основная часть донецких городищ относится к хазарскому времени. Укрепленные поселения вытянуты цепочкой вдоль правого берега реки. На левом берегу реки они находятся близ мест впадения притоков Северского Донца – Черного Жеребца, Нитриуса и, возможно, Оскола. Большая часть городищ имеет небольшие размеры. Характер их расположения свидетельствует, что донецкая группа представляла единый комплекс, где каждый объект играл свою роль. Так, укрепление Осиянская Гора (площадь 0,5 га) (рис. 3: 1, 2) могло контролировать подходы к городищу у с. Маяки, расположенному в 2,5 км к западу. Подобную функцию, вероятно, выполнял памятник, находящийся к востоку от Сидоровского комплекса, на плоской вершине холма, у излучины реки. С трех сторон площадка холма (площадь около 2 га) отрезана глубокими ярами, а с северной стороны – невысоким валом⁶. Укрепление контролировало дорогу к броду, находящемуся у нынешнего с. Пришиб. На вершине холма коренного правого берега реки, у п.г.т. Райгородок Славянского р-на, располагался памятник хазарского времени, который, судя по топографии, мог иметь укрепления. С вершины холма контролировалась пойма у места слияния двух крупных рек, где располагался брод. В этом же качестве могли использовать площадки древних Святогорского (площадь 1,3 га) и Теплинского городищ (площадь около 7 га) раннего железного века, которые располагались на вершинах холмов, господствующих над местностью (Михеев, 1985, с. 20–22).

Татьяновское городище (площадь 0,35 га) находится на расстоянии 0,75 км от реки. Оно имеет необычную конфигурацию: состоит из двух частей, объединенных древней дорогой. Одна из них представляет собой площадку, прилегающую к старичному озеру, соединенному притоком с Северским Донцом. Культурный слой на площадке отсутствует. Функциональное назначение памятника неясно (Кравченко, 2004а, с. 262–263).

Особый интерес представляют крупные городища, площадь которых (с прилегающими к ним селищами и могильниками) составляет 60–120 га. Компактное расположение городищ и прилегающих к ним селищ свидетельствуют, что они представляли остатки единых населенных пунктов, что дает основание рассматривать их как

⁶ Ныне полностью распахан. Осмотр площадки показал наличие на ней отдельных фрагментов керамики СМК и фрагментов причерноморских амфор. Судя по небольшому количеству материала, культурного слоя на площадке нет.

Рис. 3: 1. Городище Осиянская Гора. Вид с северо-востока.

Рис. 3: 2. Городище Осиянская Гора. Вид памятника с востока, с площадки городища Маяки.

археологические комплексы. Таких памятников в рассматриваемом регионе известно четыре (они расположены у сел Маяки, Сидорово, Новоселовка и пос. Кировское). Два из них расположены на левом берегу Северского Донца.

Городище у с. Новоселовка Краснолиманского р-на находится на холме коренного левого берега

реки близ места впадения в Северский Донец его притока – р. Нитриус. Оно застроено усадьбами современного села. На противоположном, восточном берегу Нитриуса находится селище (площадь 80–90 га.). Общая площадь городища и селища превышает 100 га (Кравченко, 2016 б, с. 224–226, рис. 2).

Рис. 4: 1. Городище Маяки. Вид с северо-востока

Рис. 4: 2. Городище Маяки. Вид на площадку городища с восточной стороны

Кировское городище расположено у пос. Кировск на правом коренном берегу р. Черный Жеребец, в 12 км от места его впадения в Северский Донец. Укрепленная часть, отделенная от площадки холма древним яром, имеет площадь около 1,5 га. К городищу с поймы ведет наклонный

эскарпированный въезд, перегороженный тремя параллельными рядами рвов и валов. В верхней части склона холма, напротив въезда, фиксируются четыре параллельных ряда рвов и валов. К городищу с юга прилегает крупное селище. В целом площадь памятника составляет не ме-

Рис. 5: 1. Сидоровский археологический комплекс. Вид с востока.

Рис. 5: 2. Вид с северной стороны на Сидоровский комплекс.

нее 60 га (Кравченко, 2004а, с. 263). На склонах холма, в пределах которого оно расположено, местами сохранились остатки рва и невысокого вала. О фортификации и точной площади данного объекта до проведения исследований судить трудно.

Два городища (у сел Маяки и Сидорово Славянского р-на Донецкой обл.) находятся на правом берегу реки. Городище у с. Маяки (рис. 4: 1, 2) занимает участок плато коренного правого берега у места впадения в реку крупной балки – Ложникова Яра. Здесь, у места впадения, образовался холм с ровной вершиной, высотой не менее 50 м.

С северной стороны от реки склон холма укреплен ступенчатым эскарпом. С западной, напольной, части – валом и рвом, отрезающим участок плато. С востока, юга и запада к городищу прилегают два селища и четыре некрополя. В.К. Михеев определяет площадь городища в 17,78 га при общей площади археологического комплекса, в пределах которого присутствуют материалы, относящиеся к эпохе Средневековья, – 70 га (Михеев, 1985, с. 12). По нашим подсчетам, площадь объекта хазарского времени 45–50 га.

Крупнейшим из городищ является Сидоровский археологический комплекс (рис. 5: 1, 2).

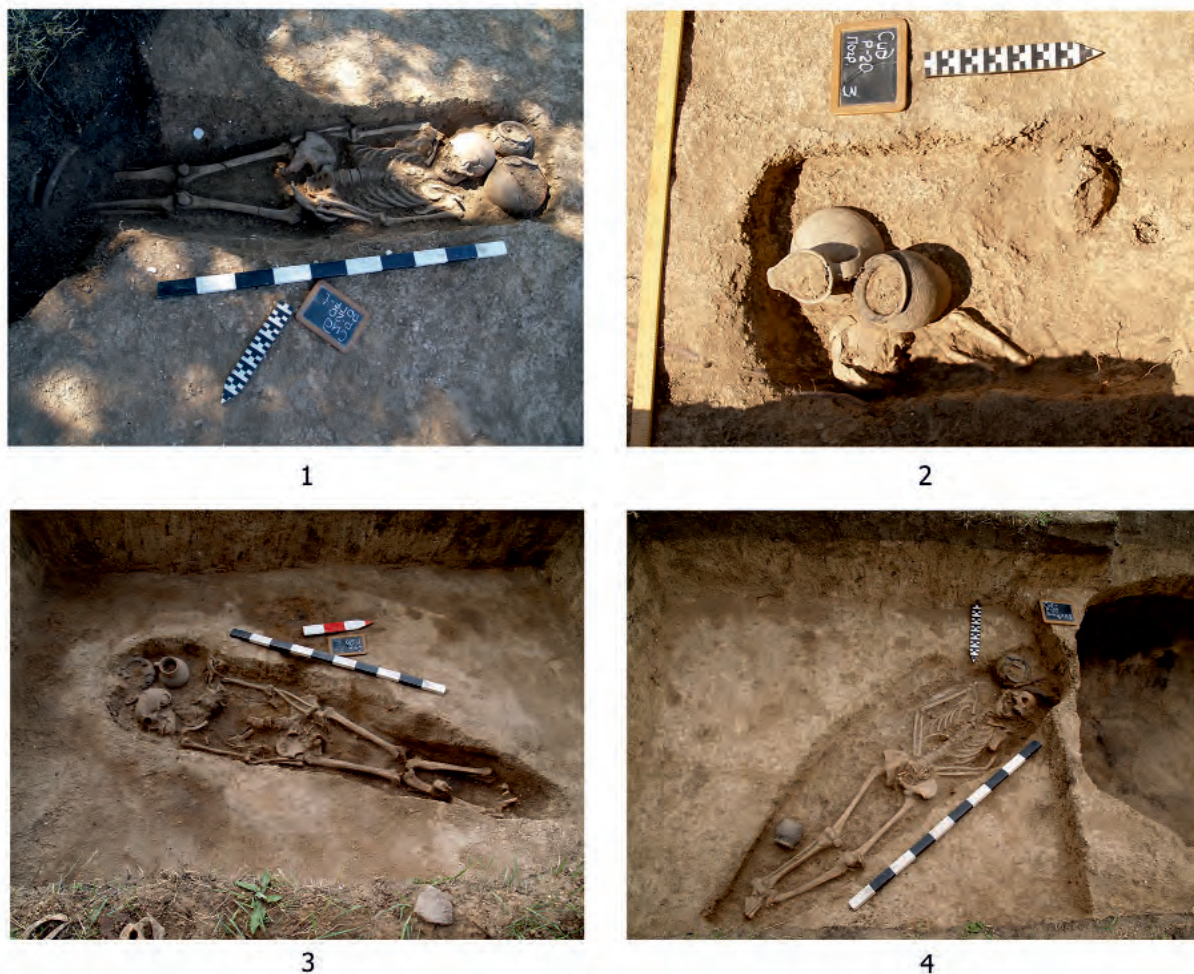

Рис. 6. Сидоровский комплекс. Захоронения могильника 4.
1 – погр. 1; 2 – погр. 3 процесс расчистки; 3 – погр. 2; 4 – погр. 4

Площадь городища, имеющего две разновременные линии укреплений, с прилегающими двумя селищами и четырьмя могильниками превышает 120 га.

К крупным жилым городищам прилегают инвентарные могильники «зливкинского» типа, безынвентарные и раннемусульманские некрополи.

Могильники «зливкинского» типа при городищах региона изучены слабо. Они, вероятно, мало отличались по обряду от некрополей, находящихся при неукрепленных поселениях. Инвентарные некрополи Маяков были разрушены при строительных работах. Согласно сообщению В.К. Михеева, могильник 1, который он датировал серединой VIII – началом IX в. (Михеев, 1985, с. 16), располагался на территории селища 3. На нем было вскрыто шесть захоронений. В погребении 5 найдена золотая серьга, а в погребении 6 – сабля. В 1970-х годах А.И. Приваловым здесь было расчищено еще одно погребение, содержащее кувшин, кухонный горшок и серьги, покрытые тонким золотым листом (рис. 7: 7). Согласно рабочему

чертежу, в ногах погребенной находились череп и кости ног лошади⁷. На могильнике 4 Сидоровского комплекса было вскрыто четыре погребения (рис. 6: 1–4). Судя по данным стратиграфии, они относились к последнему этапу истории памятника (конец IX – начало X вв.) (Кравченко, 2020, с. 58–59). Сам же некрополь, территория которого застроена усадьбами частного сектора, вероятно, существовал с конца VIII в.

Безынвентарные некрополи зафиксированы только у крупных населенных пунктов. Раскопкам подвергались могильники, прилегающие к городищам у сел Сидорово (могильник 3) (рис. 7: 8, 9) и Маяки (могильник № 3), который В.К. Михеев отнес к IX в. Этот некрополь (площадь до 1 га) располагался на левом берегу отрога Ложникова Яра, ограничивающего территорию памятника с южной стороны. Захоронения находились на на-

⁷ Есть два разных рабочих чертежа этого погребения, что свидетельствует, что доверять этим чертежам нельзя. Вне сомнения в погребении содержались описанные выше предметы (кувшин, горшок, серьги) и, возможно, кости лошади в ногах погребенной.

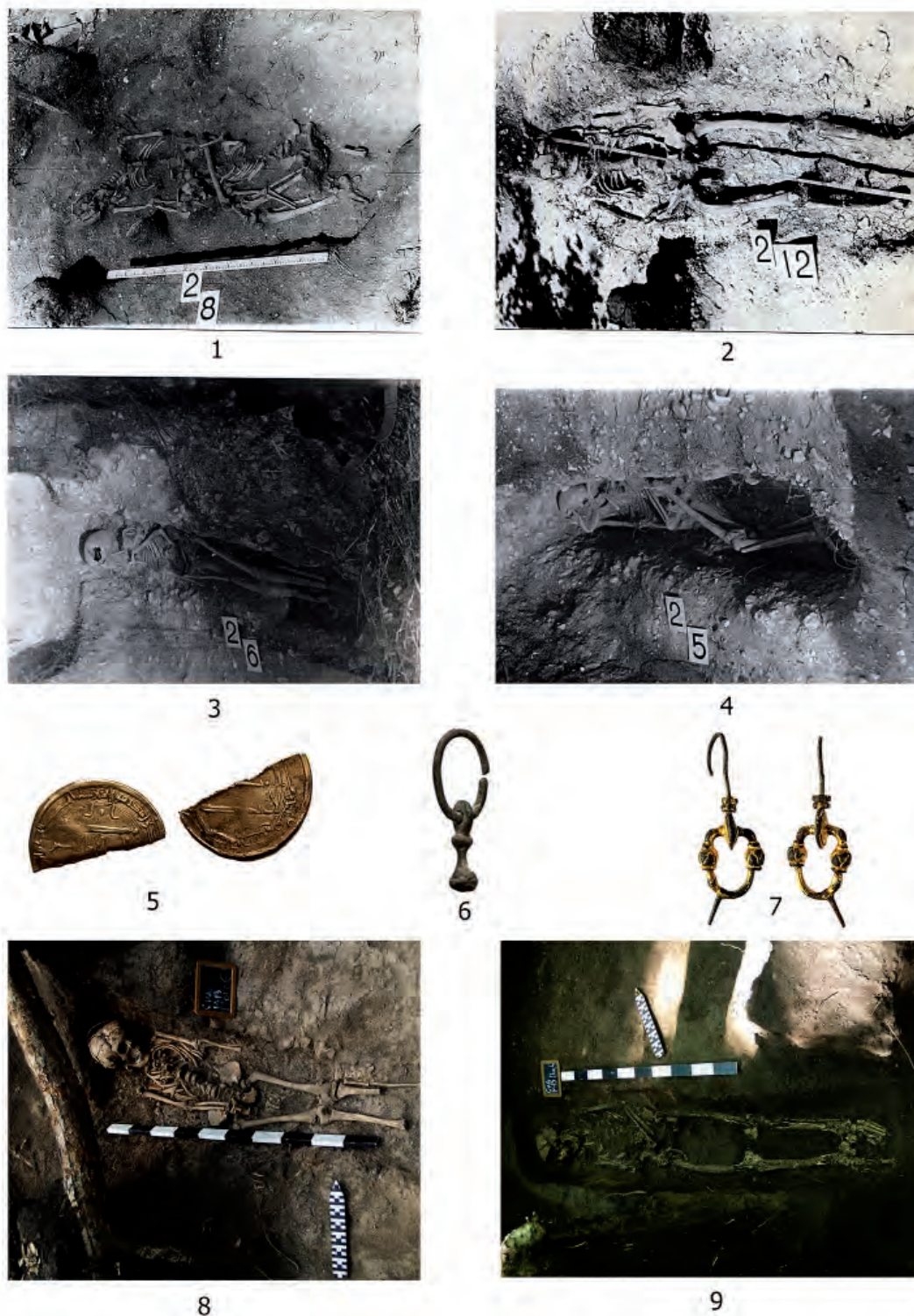

Рис. 7. Погребения безынвентарных некрополей.

1-4 – могильник Маяков; 8-9 – могильник 3 Сидоровского комплекса; 5 – половинка дирхема из погр. 44; 6 – серьга из погр. 8; 7 – серьги из разрушенного погребения на Маяках.

клонной площадке в верхней части склона. Могилы располагались рядами. Большинство погребенных было уложено на спине и ориентировано головой в западный сектор (рис. 7: 2). Присутствует сезонные отклонения. Встречаются парные захоронения (рис. 7: 1), произведенные в одной яме,

скорченные погребения на правом боку. Положение рук нестабильное. Среди находок имеются единичные детали одежды и украшения (серьги, проволочные браслеты) (рис. 7: 6). В погр. № 44 обнаружена зажатая в руке половинка аббасидского дирхема (рис. 7: 5) (Ходжайов, Швецов,

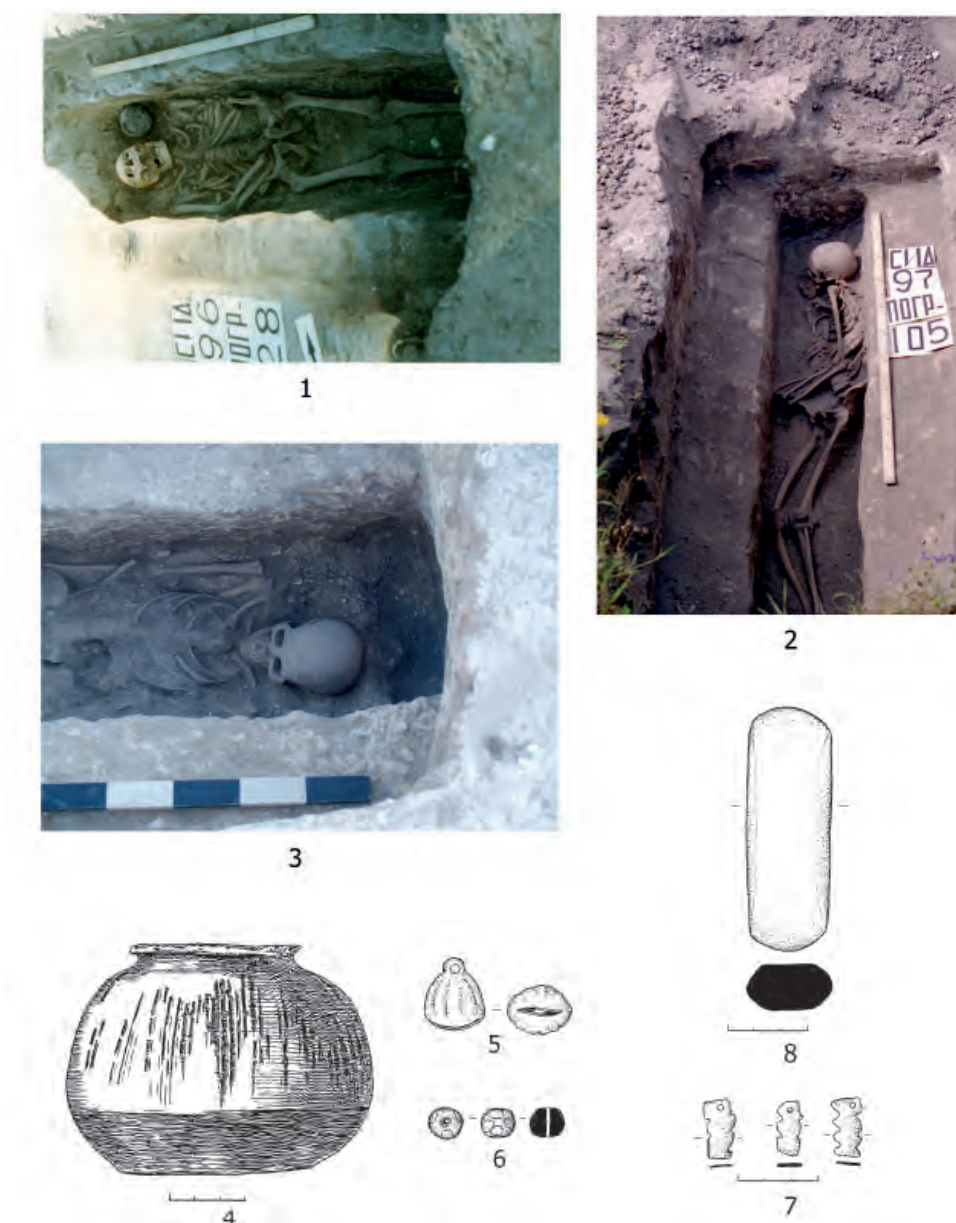

Рис. 8. Захоронения могильника 1 Сидоровского комплекса. 1 – погр. 28; 2 – погр. 105; 3 – погр. 212; 4 – сосуд из погр. 28; 5-7 – набор предметов из погр. 169; 8 – абразив из погр. 190.

Ходжайова, Фризен, 2012, с. 130). Единичные захоронения, вытянутые на правом боку, не отличаются от погребений раннемусульманских кладбищ (напр. погр. № 5, 6 раскопа 2 1988 г.) (рис. 7: 3, 4). В.К. Михеев считал, что появление указанных некрополей связано с распространением среди населения салтово-маяцкой культуры мировых религий – христианства и ислама (Михеев, Копыл, 1989, с. 55). Единичные захоронения без инвентаря присутствуют и на могильниках «зливкинско-го» типа, где они находятся между инвентарных захоронений. Достаточно много их выявлено на некрополе у озера Волоковое. За пределами рассматриваемого нами региона значительное количество безынвентарных захоронений (47%) со-

держал Крымский могильник, который прилегал к городищу. Остальные его захоронения «отличались крайней скудностью вещевого инвентаря» (Савченко, 1986, с. 75).

Раннемусульманские некрополи находятся у крупных укрепленных населенных пунктов. У городища археологического комплекса у с. Маяки М.Л. Швецовым была расчищена группа из 14 захоронений, относящаяся к разрушенному некрополю, который прилегал к внешней стороне линии укреплений городища хазарского времени (Швецов, Кравченко, 1989). Они располагались рядами на небольшом расстоянии (до 1–1,5 м) друг от друга. Большинство погребений произведено в ямах с заплечиками вдоль длинных сто-

рон. Умершего укладывали головой на запад, на правом боку. Череп развернут лицевой частью к югу. Положение костей некоторых скелетов свидетельствует о том, что погребенные были спелёнаны⁸. Мусульманские некрополи входят в состав археологического комплекса у с. Сидорово. Здесь в одних рядах с погребениями, произведенными по мусульманским канонам (рис. 8: 2), были выявлены захоронения, не отличающиеся от погребений салтовских безынвентарных некрополей (рис. 8: 3). В отдельных могилах содержались вещи (рис. 8: 1, 4–8). Таких захоронений мало (всего 3 на 214 погребений). В целом процент погребений со строгим исполнением требований мусульманской погребальной обрядности на некрополях Сидоровского комплекса очень высок (90%) (Кравченко, 2020, с. 52).

Ниже по течению реки, у с. Платоновка Артемовского р-на Донецкой обл., С.И. Татариновым была исследована группа захоронений, прилегающих к поселению салтово-маяцкой культуры. Три из них не отличались от захоронений могильников «зливкинского» типа. Два не имели инвентаря. Погребенные были уложены вытянуто на правом боку головой в западный сектор, лицевой частью черепа к югу (Копыл, Татаринов, 1990, с. 56–57).

Раннемусульманские некрополи зафиксированы и на территории Луганской обл. (с. Новолымаревка на р. Деркул и с. Лысогоровка на р. Айдар). В могильнике у Новолымаревки прослеживалась группа захоронений (№ 3, 5, 8) с «признаками» мусульманского погребального обряда «в виде направленных к югу лицевых отделов черепов» (Красильников, 1990, с. 32; Красильников, Красильникова, 2005, с. 188). Наиболее изученным является могильник у с. Лысогоровка Новопсковского р-на Луганской обл., на котором расчищены 134 погребения. В отдельных захоронениях встречены вещи (55 единиц). Они представлены керамикой (13), «орудиями быта» (5), оружием (2), печатями (2), монетами (аббасидские дирхемы) (2), украшениями, включая бусы (22), предметами туалета (4). Кроме них, присутствуют «одиночные вещи (амулет, детали амуниции одежды и другое – их около 5 единиц)» (Красильников, Красильникова, 2005, с. 211). Мусульманские погребения располагались компактной группой, рядами, вытянутыми вниз по склону, и были отделены рвом

от языческой части некрополя (Красильников, 2010, с. 27–28). Погребальные сооружения представлены четырьмя типами: простыми, узкими ямами с вертикальными стенками; ямами с одним заплечиком; с заплечиками вдоль двух сторон (Красильников, 2010, с. 27). В ряде могил имеются деревянные гробовища – рамы (Красильников, 2001, с. 319, рис. 11, 1), не отличающиеся от рам Сидоровского могильника 1 и других салтовских кладбищ, в том числе языческих. Могилы имели деревянное перекрытие. Погребенные уложены головой в западный сектор, «до 50% – умершие уложены на спину, 35% – на правый бок, 15% в этом же виде, но полубоком» (Красильников, 2001, с. 319, рис. 11, 1). Наблюдается стабильное положение рук, которые располагались в нижней части корпуса: «правая рука обычно вытянута, левая – на костях таза» (Красильников, 2001б, с. 319). Подобное положение рук, абсолютно преобладающее на Сидоровских могильниках и раннемусульманских кладбищах Волжской Болгарии, вероятно, было связано с пеленанием покойника. В четырех могилах найдены фрагменты аббасидских дирхемов.

Вопрос о времени появления мусульман в среднем течении Северского Донца и территории, откуда пришли сюда представители этой религии, неоднократно поднимался в литературе (Копыл, Татаринов, 1990, с. 57–58; Красильников, Красильникова, 2005, с. 215; Кравченко, 2005, с. 170). Представляется, что первые мусульмане появились на этих землях не ранее середины IX в. В пользу такой датировки свидетельствует расположение раннемусульманских некрополей Сидоровского комплекса (все они прилегают к поздним участкам застройки памятника) и наблюдения за планиграфией могильника 2. Здесь ряды мусульманских захоронений обрывались у хозяйственных комплексов городища, содержащих большое количество вещественного материала, в числе которого находились фрагменты кувшинов с плоскими ручками (Кравченко, Давыденко, 2001, с. 240). О восточном (среднеазиатском) происхождении первых мусульман Среднего Подонцовья, с чем полностью можно согласиться, писал К.И. Красильников (Красильников, 2001 а, с. 91–92; Красильников, 2001 б, с. 311–312).

К югу, западу и юго-западу от среднего течения Северского Донца расположена обширная степная область, занятая небольшими поселениями (рис. 1: П). С севера она прилегает к территории, занятой памятниками «болгарского» варианта салтово-маяцкой культуры. Юго-западная граница распространения этих памятников не выходит за р. Берду. С южной стороны она граничит с поселениями, расположенными на побережье Азовского

⁸ М.Л. Швецов без оснований отнес эту группу погребений к золотоордынскому времени (Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012, с. 139). Они имели существенные отличия от находящегося неподалеку золотоордынского мусульманского некрополя как по деталям обряда, так и по состоянию костных останков. Более того, планиграфически указанные захоронения прилегают к оборонительной линии городища хазарского времени, не нарушая ее.

моря. Западная граница пролегает до верховьев левых притоков Казенного Торца (бассейн Дона) и р. Волчьа (бассейн Днепра). Западнее вдоль русел рек и балок встречаются единичные находки фрагментов амфорной тары. Как правило, более или менее крупные скопления археологического материала на этих участках отсутствуют. Нет на них и каких-либо культурных отложений, свидетельствующих о продолжительном пребывании населения на одном месте. Судя по всему, подобные находки маркируют места, посещаемые населением степи во время выпаса скота. С востока и юго-востока она ограничена археологическими объектами Донского региона. Таким образом, эта область представляет замкнутый регион, который занимает территорию Донецкого Кряжа, восточные окраины Приазовской возвышенности и Приднепровской низменности. С.А. Плетнева относила эту группу памятников, вместе с поселениями Азовского побережья, к степному, неизученному варианту салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1967, рис. 50), а в дальнейшем к Приазовскому ее варианту (Плетнева, 2000, с. 12–13, рис. 1).

Археологические объекты хазарского времени, расположенные здесь, неоднородны. Основная часть их представлена небольшими поселениями с относительно бедным материалом. Грунтовых некрополей и даже отдельных захоронений здесь не обнаружено. Большинство поселений известно только по подъемному материалу. Обычно эти степные поселения характеризовались как «кочевья» или «стойбища», оставленные протоболгарским населением степи (Гриб, Швецов, 2017). Основная часть памятников рассматриваемого нами типа расположена в пределах Донецкого кряжа и вдоль восточной окраины Приднепровской низменности. Здесь присутствует значительное количество поселений. В последнюю четверть века на некоторых из них производились раскопки, давшие информацию о памятниках, расположенных в регионе.

Ряд этих поселений, вне сомнений, был оставлен оседлым населением. К таковым относится поселение «Доброе Поле» у с. Благовка Свердловского р-на Луганской обл. Оно располагалось на берегу балки, на водоразделе рек Нагольная и Тузлов. На памятнике была расчищена полуземлянка с открытым очагом в качестве отопительного сооружения⁹. Керамика представлена фрагментами

амфор (25,4%), корчаг (3,1%), чернолощенных и серолощенных кувшинов (3,1%), котлов с внутренними ушками (31,1%) и горшков (37,3%). Среди прочих находок – фрагмент пряслица и обломки точильных брусков. В.К. Гриб датировал указанное поселение серединой VIII – первой четвертью IX в. (Гриб, 2015, с. 298).

Небольшими раскопками на поселении у с. Старая Ласпа Тельмановского р-на Донецкой обл. (на р. Кальмиус) были выявлены остатки углубленной в грунт каменной постройки прямоугольной формы (5,5×3 м). Отопительное устройство не было обнаружено. Толщина стен достигала 0,5 м. Находки из заполнения постройки состояли из «фрагментов причерноморских амфор, кружальных горшков, кувшинов и мисок, которые датируют это сооружение VIII–IX в.» (Гриб, Швецов, 2017, с. 301–302). Авторы публикации этого объекта сравнивали его с однокамерными постройками Крыма (Тау-Кипчак, Тиритака, Мирмекий, Героевка) и Северного Кавказа (Гриб, Швецов, 2017, с. 302).

Следует указать на наличие сооружений с каменными конструкциями и на территории Ростовской области (поселения Мартыново I, Золотые Горки) (Нидзельницкая, Кулаков, 2013, с. 14, рис. 2б; Ключников, 2013, с. 163, рис. 2а; 3–4).

Ряд памятников, которых много в пределах Донецкого кряжа, имеет существенные отличия от вышеописанных.

Поселение у г. Марьинка на берегу р. Осыкова (левый приток р. Волчьа, бассейн Днепра) находилось на пахотном поле и фиксировалось по присутствию амфорной керамики. При раскопках каких-либо сооружений выявлено не было.

У г. Ясиноватая на левом берегу Крутой Балки (приток р. Каменки, относящейся к группе степных речек, впадающих в верховья Казенного Торца) выявлено поселение (размеры участка 300×50 м). Углубленных в грунт комплексов выявлено не было. Находки группировались на площадке террасы, возвышающейся над зеркалом воды на высоту 5–7 м. Подавляющее большинство их было представлено стенками причерноморских амфор. Материалы залегали в верхнем слое почвы (0,2–0,4 м). Судя по всему, они были разбросаны по древней дневной поверхности.

Поселение у с. Стыла Старобешевского р-на Донецкой обл. находилось на мысовидном выступе, образовавшемся у места впадения Богдановской балки в р. Мокрую Волноваху (правый приток р. Кальмиус). Находки представлены фрагментами амфорной тары (свыше 90%), кувшинообразных сосудов и гончарных горшков салтово-маяцкой культуры. Встречены фрагменты лепных керамических котлов. Среди прочих находок при-

⁹ Согласно данным публикации, полуземлянка была бесстолпной конструкции. Она имела прямоугольную форму с округленными углами. Ширина ее составляла 2,5–2,6 м при длине 3,6–3,8 м. Углублена в грунт на 0,81 м. Общая площадь жилища была не менее 8–9 кв. м. Открытый очаг (d – 0,4 м) располагался в северо-западном углу помещения. По периметру вдоль стенок котлована присутствовал небольшой подбой (Гриб, 2015, с. 290).

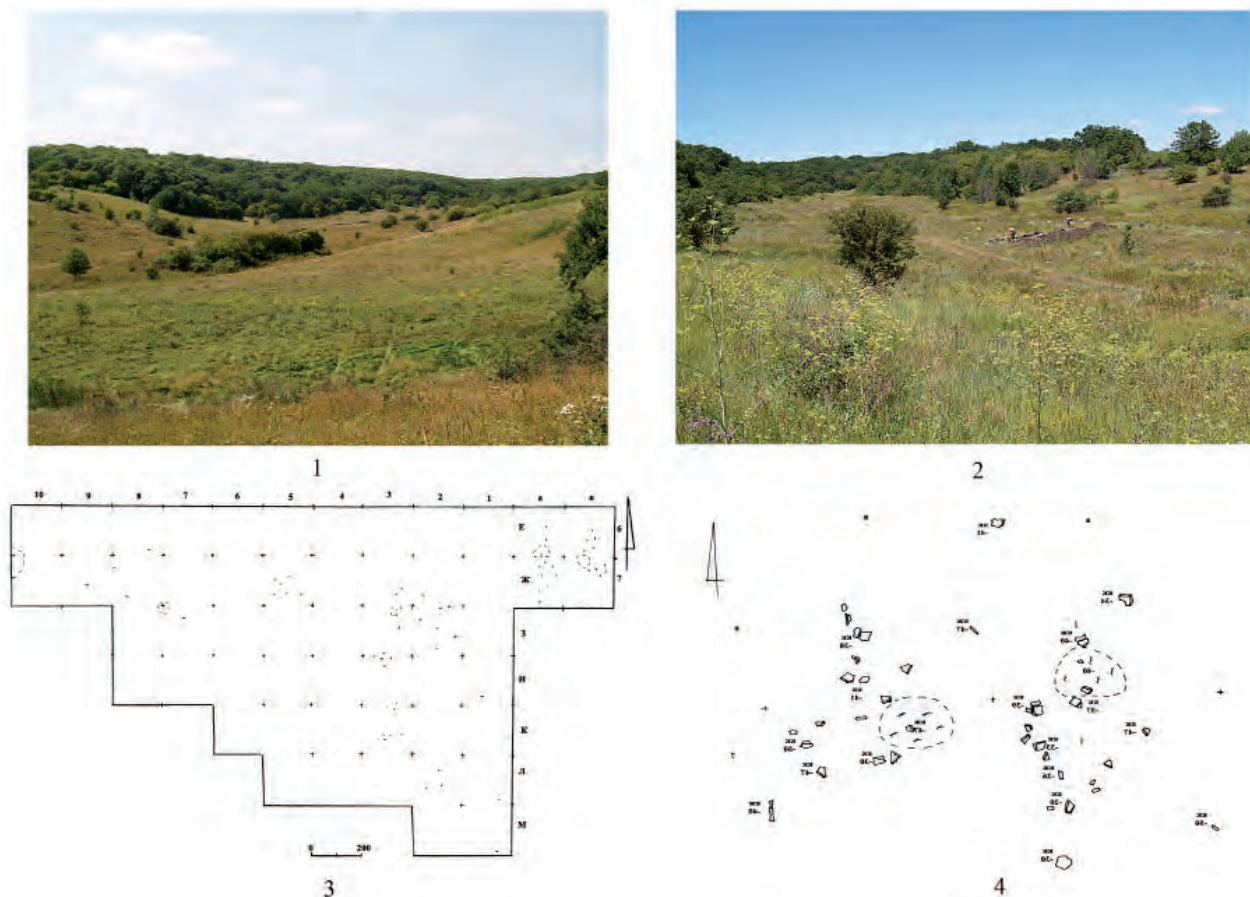

Рис. 9. Поселение Грузское 8. 1 – вид памятника с юго-востока; 2 – вид памятника с юго-запада; 3 – раскоп 1 (общий план); 4 – скопление находок в раскопе 1.

сутствуют пряслице и грузило. Зафиксировано «примерно равное количество останков коровы и лошади при значительно меньшем количестве костей овцы и диких животных» (Посредников, 1994, с. 140). Раскопом (площадь 40 кв. м) углубленных сооружений салтово-маяцкой культуры на памятнике выявлено не было.

Поселение «Грузское 8» (площадь, 0,5 га) у с. Андреевка (на границе Славянского и Добропольского р-нов) размещалось на широком дне балки, входящей в балочную систему р. Грузская. Река Грузская впадает в р. Казенный Торец (приток Сев. Донца). Памятник располагался на ровной площадке, в 100 м от места впадения отвершка балки в балочную систему, в 2–3 м выше уреза воды (рис. 9: 1, 2). С южной стороны площадка ограничена невысокой террасой, идеально подходящей для строительства стационарных построек, которая не входила в обжитую площадь. Находки на раскопанной площади (200 кв. м) располагались скоплениями (рис. 9: 3). В западной части раскопа обнаружено несколько небольших скоплений материала, представленных фрагментами стенок амфор и костями животных. Здесь же, на

уровне древней дневной поверхности, находились остатки кострища (0,55×0,3 м). Остатки еще одного, размытого кострища фиксировались в виде аморфного скопления частичек пещины и древесных угольков. Наибольшая концентрация находок наблюдалась в восточной части раскопа, где были зафиксированы два скопления материала, группировавшиеся вокруг остатков плохо сохранившихся кострищ. Одно из них (уровень 0,4 м) сохранилось лучше. Второе кострище находилось в 0,5 м от первого. Оно располагалась чуть ниже (0,48 м) и сохранилось хуже. Кострище имело форму неправильного овала (0,33×0,28 м). Вокруг находилось скопление находок, среди которых выделяется фрагментированная заготовка для накладки лука и кусок трубчатой кости животного со следами обработки (рис. 9: 4). Остеологического материала мало. В основном он представлен костями крупного рогатого скота и лошади¹⁰. Крупные кости животных отсутствовали. Очень мало было встречено и крупных фрагментов керамики. Создается впечатление, что мусор с территории поселения регулярно убирали.

¹⁰ Определение Г.Ш. Асылгараевой.

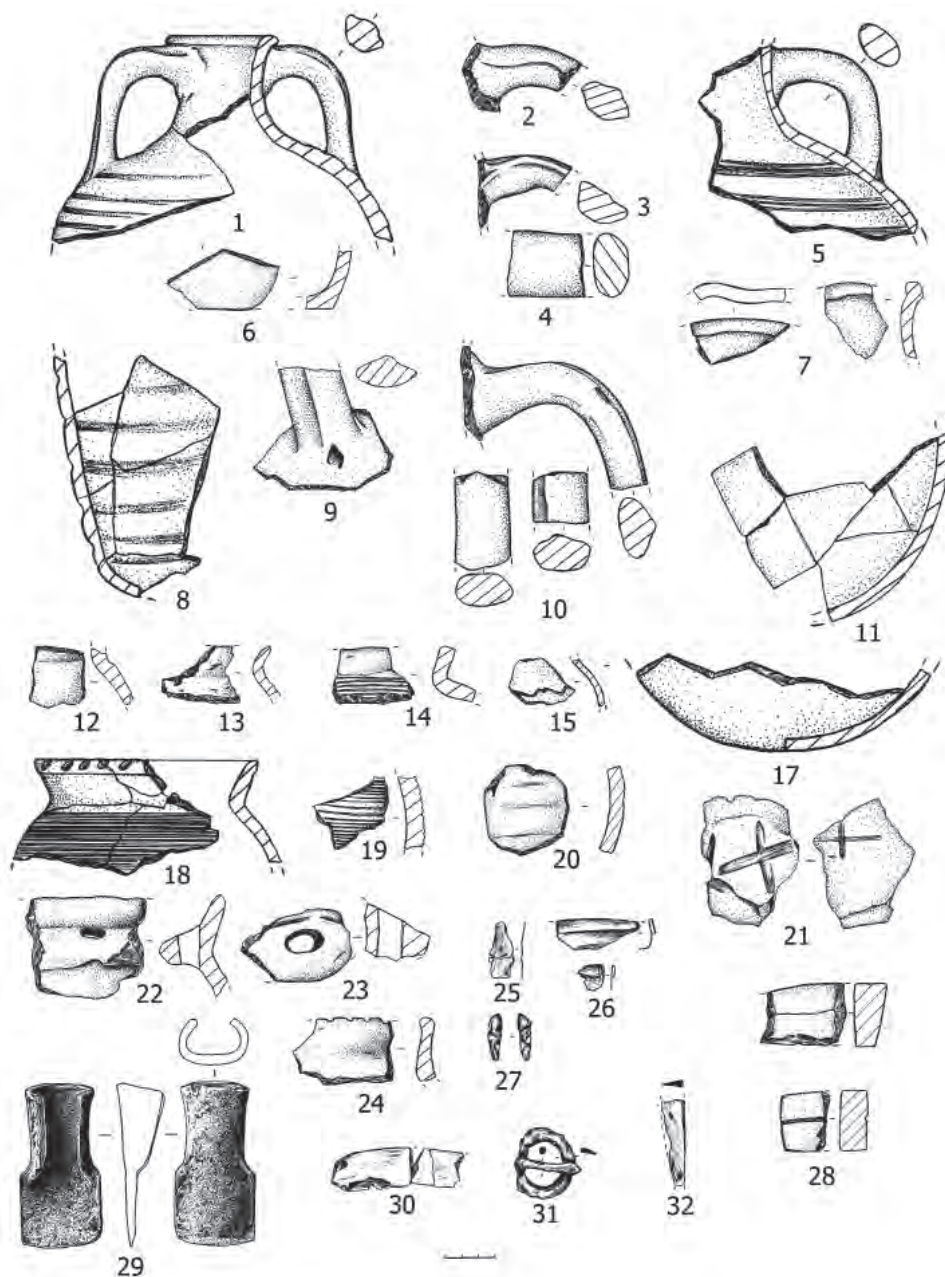

Рис. 10. Предметы с поселения Грузское 8.

Находки представлены абразивами (рис. 10: 21, 28), арочной пряжкой (рис. 10: 31), фрагментом ножа (рис. 10: 32), обрезками медных пластин (рис. 10: 26), подвеской-амулетом из зуба лошади (рис. 10: 27), заготовкой костяной накладки лука (рис. 10: 30), пряслицем, антропоморфной фигуркой из листа меди (рис. 10: 25), керамической фишкой (рис. 10: 20) и теслом-мотыжкой (рис. 10: 29). В керамическом комплексе 85% составляют фрагменты причерноморских амфор (рис. 10: 1–5, 8–11, 17). Единичны фрагменты красноглиняных крымских кувшинов (рис. 10: 7); есть обломки баклажек. Показательно почти полное отсутствие лощеной сероглиняной керамики (рис. 10: 6, 12).

Редки фрагменты гончарных горшков с полосчатым рифлением по корпусу (рис. 10: 14, 15, 18, 19). Меньшую часть керамического комплекса составляет лепная посуда, представленная фрагментами горшков (рис. 10: 13) и котлов с внутренними ушками (рис. 10: 22–24).

Поселение у с. Великая (или Большая) Шишовка Шахтерского р-на Донецкой обл.¹¹ Памятник занимает мыс, образованный двумя древними балками, которые впадают в степную речку Великая/Большая Шишовка (приток р. Нижняя Крынка, бассейн р. Миус). Площадка мыса разделена

¹¹ Приводятся данные раскопок памятника 2019–2021 гг. Исследования указанного объекта продолжаются.

Рис. 11: 1. Поселение у с. Великая Шишовка. Стрелками показана территория памятника.

Рис. 11: 2. Раскоп 2 на поселении Великая Шишовка (2020 год).

балками на три части (рис. 11: 1). На площадке у места слияния балок археологического материала не было. Наиболее вероятно, эта часть мыса была приспособлена под загон для скота. Две другие площадки относились к жилой части поселения. В их пределах встречено несколько скоплений камней и керамики, что может свидетельствовать

о том, что жилища располагались как минимум тремя, возможно, разновременными, группами.

При археологических исследованиях в средней части мыса двумя раскопами было вскрыто около 200 кв. м площади (рис. 11: 2; 12: 2). В раскопе 1 (площадь 16 кв. м) находок не было. Практически весь материал находился в раскопе 2. На прилега-

ющем к нему пахотном поле встречены фрагменты керамики, в том числе и ручка кувшина крымского производства (рис. 13: 25), абразивы, втулка от наконечника копья (рис. 13: 26), бляшка от поясного набора (рис. 13: 27). При выборке слоя выявлено значительное количество находок, которые фиксировали обжитую площадку. Все они располагались на одном уровне, древней дневной поверхности. В одном месте (центральная часть мыса) площадка была фактически вымощена фрагментами посуды. В центральной части это скопление имело подпрямоугольную форму (рис. 12: 2). Два углубления, расположенные в его пределах, были замощены крупными фрагментами амфор (рис. 12: 1) и кусками серолощеного пифоса (рис. 13: 1). Неподалеку от скопления имелись пятна осветленного грунта, которые, наиболее вероятно, являлись остатками размытых кострищ (рис. 12: 2). Единственная вскрытая на поселении хозяйственная яма 1 представляет собой сооружение округлой формы (диам. 1 м), углубленное в грунт на 0,5 м. Судя по характерному заполнению (рыхлый грунт желтоватого цвета), она представляла санитарное сооружение.

Основная часть найденных материалов представлена керамикой. Не менее 80–85% ее являлись фрагментами амфор крымского производства. Единичны обломки красноглиняных кувшинов. На одном фрагменте встречено граффити в виде креста (рис. 13: 18). Несколько фрагментов принадлежат флягам (рис. 12: 1). Ряд находок представлен предметами, изготовленными из амфорных стенок и ручек: лоцилом (рис. 13: 19), пряслицами (рис. 13: 13–15), керамическими фишками (рис. 13: 16, 24). Три фишки сделаны из тонких плиток песчаника (рис. 13: 17). Фрагменты сосудов местного изготовления представлены обломками серо- или чернолощенных керамических пифосов и корчаг, орнаментированных вертикальными пролощенными полосами. Встречаются фрагменты сероглиняных кувшинов (рис. 13: 2–6), кубышек и, возможно, кружек. Среди находок встречено небольшое количество мелких фрагментов котлов с внутренними ушками, гончарных горшков с полосчатым рифлением по корпусу (рис. 13: 10–12, 29) и лепных горшков, венчик которых украшен пальцевыми вдавлениями или насечками, выполненными палочкой (рис. 10: 7–9, 30). Единичной находкой представлен фрагмент костяного изделия, идентифицировать которое не удалось (рис. 13: 23). Железных предметов мало. Кроме описанной выше втулки от пики обнаружено шило (рис. 13: 20), фрагмент деревообрабатывающего орудия (струга?) (рис. 13: 28), обойма ножа (рис. 13: 22). Группа находок представлена абразивами. Интерес представляет небольшой обломок от жернова.

Описанные выше поселения обладают рядом общих черт:

- они использовались в течение более или менее продолжительного промежутка времени;

- на них открыты наземные легкие постройки, остатки которых представлены кострищами, вокруг которых находился вещественный материал. Возможно, они имели вид шалашей, представленных в работах, посвященных традиционному жилищу тюрко-монгольских народов (Харузин, 1896, с. 4–21, рис. 1–3; Кызласов, 2005, с. 30–33). Показательно, что на поселении Грузское 8 терраса, удобная для строительства стационарных построек полуземляночного типа, средневековыми обитателями степи использована не была;

- на поселениях отсутствует выразительный культурный слой, что связано с их сезонностью и слабой интенсивностью жизнедеятельности проживавшего здесь населения. Находки рассеяны по древней дневной поверхности;

- керамический комплекс характеризуется высоким процентом амфорной тары. Среди прочих сосудов имеются фрагменты лепных и гончарных котлов с внутренними ушками, характерных не только для степи, но и в значительном количестве встречающихся на поселениях оседлого населения. Остальные типы керамики также присутствуют на памятниках, на которых проживало население оседлое;

- отсутствуют крупные кости животных и большие фрагменты керамики, что свидетельствует о том, что площадка в конце сезона убиралась, т. е. готовилась к новому сезону.

Присутствие в материалах указанных поселений большого количества керамики, в том числе таких крупных сосудов, как гончарные пифосы и корчаги, может свидетельствовать, что население, оставившее эти лагеря, не было кочевниками, а приходило с расположенных вокруг стационарных поселений. Сами же памятники рассматриваемого типа, вероятно, являются сезонными лагерями, связанными с занятием населения салтово-маяцкой культуры отгонным скотоводством. Судя по вещественному материалу, датировка их укладывается в рамки середины VIII – середины IX века.

Таким образом, расположенные на территории Донецких степей памятники, которые ранее считались кочевьями, таковыми не являются. Учитывая то, что кочевий классических номадов (печенегов, торков, половцев) мы на этой (да как будто и на других) территории не знаем (при всем том, что в рассматриваемом нами регионе имеется большое количество курганных захоронений и каменных изваяний позднекочевнического времени), можно предположить, что места их кочевания археологически неразличимы. Как археологически нераз-

Рис. 12: 1 – амфорная тара с поселения Великая Шишовка; 2 – общий план раскопа 2 на поселении Великая Шишовка.

личимы места кочевания последних кочевников, проживавших на территории указанного региона – цыган¹².

Южная часть региона представляет территорию, непосредственно прилегающую к Азовскому побережью. Эта лишенная леса степная равнина пересечена с севера на юг глубокими балками и степными реками. Кроме Берды, Кальчика, Кальмиуса и Миуса здесь находятся достаточно крупные реки, такие как Грузской и Мокрый Еланчики. Раскопки памятников, расположенных на побережье Азовского моря, показали значительное разнообразие находящихся на них жилых и хозяйственных сооружений. На поселениях Бердянское

2, Камышеватая 8, Безыменное 1 встречены остатки юртообразных построек (Гриб, Швецов, 2017). Особенности их конструкции (углублены в грунт на 0,3–0,4 м) свидетельствуют, что это были стационарные постройки с углубленным в грунт полом. Не во всех случаях они были и круглоплановыми (Гриб, Швецов, 2017, с. 294, рис. 1; 2). На тех же поселениях встречены жилища иных типов. На поселении Бердянское 2 кроме юртообразных построек расчищено углубленное сооружение прямоугольной формы (4×4,4 м). На поселении Безыменное 1 зафиксирован¹³ котлован постройки. Там же была расчищена каменная конструкция, по мнению авторов публикации, выполнявшая роль пола переносного жилища (Гриб, Швецов, 2017, с. 300). Кроме этого, на этом памятнике частично исследована еще одна каменная конструкция (ограда) овальной формы. На поселении в Ляпинской Балке зафиксирован котлован углублен-

¹² По свидетельствам жителей с. Андреевка Славянского р-на, расположенного неподалеку от поселения Грузское 8, в 50–60-х гг. XX в. территории поселения СМК регулярно использовались кочевыми цыганами для стойбища. При раскопках памятника была вскрыта площадь 200 кв. м, на которой культурных остатков, связанных с цыганами, обнаружено не было.

¹³ Котлован не был расчищен.

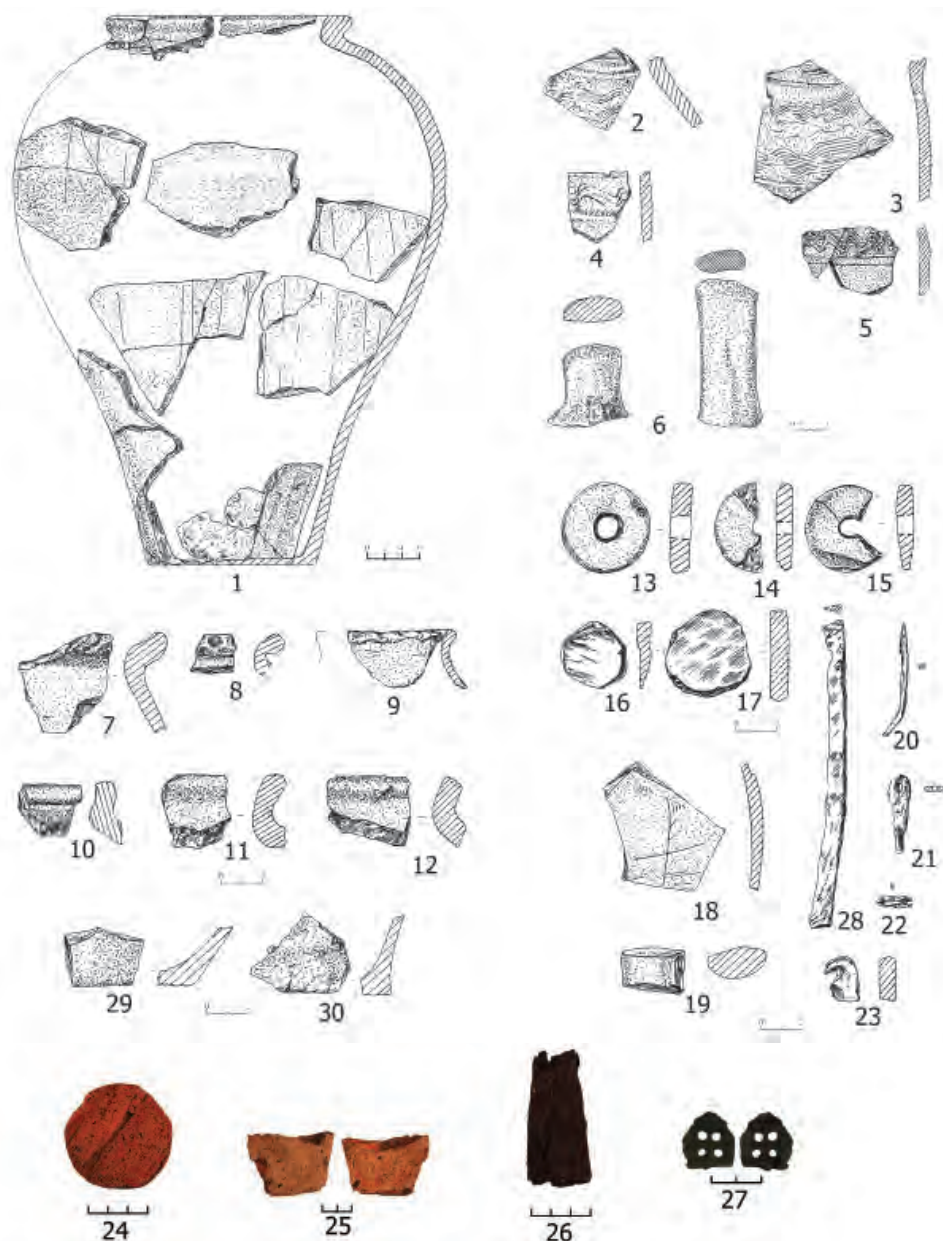

Рис. 13. Находки с поселения у с. Великая Шишовка.

ного помещения (2,9×2,1 м) с открытым очагом в южном углу (Кравченко, 2003, с. 348–349). Вероятно, это была углубленная часть более крупной постройки.

Авторы публикации определяли все эти памятники как «стойбища», «зимовники», связывая их с населением, ведущим подвижный образ жизни. Следует указать, что некоторые находки с указанных памятников не укладываются в «модель кочевого быта». Так, на поселениях Бердянское 2, Обрыв 2 встречены жернова ротационных мельниц (Гриб, Швецов, 2017, с. 294). Выше писалось о наличии на этих поселениях углубленных в грунт построек. Что же касается «юртообразных» или «круглоплановых» жилищ, то они достаточно часто встречаются и на поселениях, оставленных

оседлым населением. В частности, четыре юртообразных постройки были исследованы В.К. Михеевым на Маяках (Михеев, 1985, с. 13).

В этом плане интерес представляют исследования поселения у с. Обрыв Новоазовского р-на Донецкой обл. (Кравченко, 2018; 2019а, с. 673) (рис. 14: 1), которое ранее также считалось кочевьем – «стойбищем 246» (Плетнева, 1967, с. 18, рис. 4, 1). Исследования этого памятника показали, что он представлял поселение, оставленное оседлым населением. В слое хазарского времени (VIII–X вв.) были найдены остатки постройки – углубленного в грунт сооружения размером 4×3 м. Помещение отапливалось открытым очагом, который располагался в южной его части. В северной части постройки находилось дополнительное отопи-

1

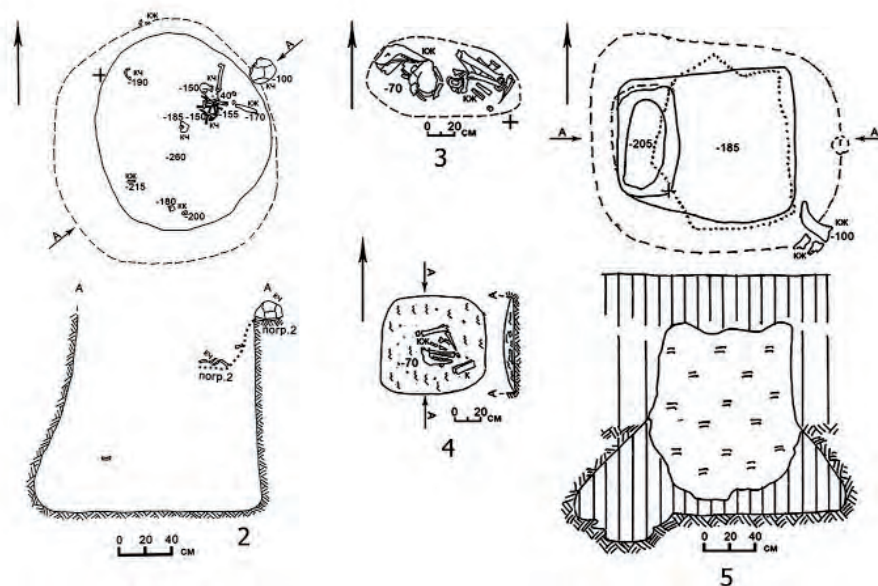
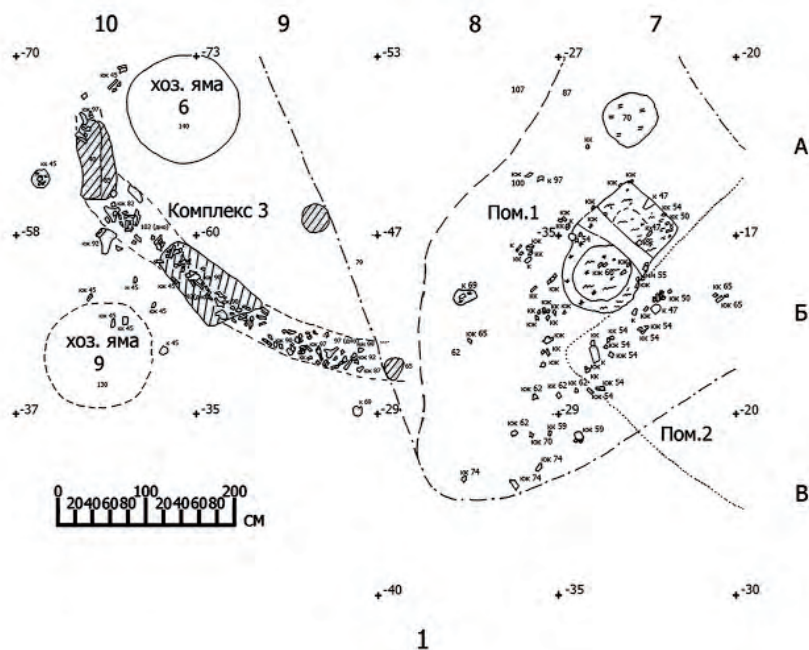

Рис. 14. Поселение Обрыв 2. 1 – Фото южной части памятника; 2 – хоз.яма 30 и погр. 2; 3 – хоз.яма 28; 4 – хоз.яма 27; 5 – хоз.яма 24.

тельное сооружение, представляющее собой вкопанную по венчик в землю крупную гончарную корчагу (рис. 16: 17), в которой находились остатки кострища. Неподалеку был расчищен комплекс, состоящий из полутора десятков ям. Среди них присутствовали ямы колоколовидной формы (рис. 14: 2) для хранения зерна, погреб (рис. 14: 5; 15: 3), ямы для сброса мусора. В двух ямах были встречены детские захоронения, которые иногда попадаются на поселениях, оставленных оседлым населением на других территориях, в частности, на Северском Донце и на Нижнем Дону. Так, в яме № 25 у дна находились останки грудного ребенка. В 0,3 м к юго-западу от костей ребенка лежали компактной группой кости крупной птицы:

кости крыла, грудной клетки и частично ножек, которые залегали на уровне -1,7 м от современной поверхности. В яме № 30 также находился скелет ребенка, который стоял вертикально, опираясь черепом на край ямы (рис. 14: 2). Сверху указанное захоронение было перекрыто слоем зольника мощностью 0,3–0,4 м. Первоначально яма имела 1,7–1,8 м в диаметре при глубине 2,6 м и представляла собой яму с колоколовидным расширением у дна. При строительстве она срезала южную часть ямы № 31, которая также относится к хазарскому времени. Наиболее вероятно, что яма изначально использовалась как хранилище. После того как ее стенки осыпались, яма, вероятно, использовалась в качестве санузла. Когда она была частично за-

2

3

4

5

Рис. 15. Поселение Обрыв 2. 1-2 – комплекс 3; 3 – хоз.яма 24; 4 – хоз.яма 27; 5 – хоз.яма 31.

полнена, в нее бросили ребенка, который так и остался в этом комплексе в положении стоя¹⁴. После этого яма и площадка вокруг нее постепенно заполнилась зольником, содержащим керамику хазарского времени. Керамика данного памятника представлена фрагментами керамических котлов (рис. 16: 1–3), обломками гончарных (рис. 16: 4, 5, 9, 12) и лепных (рис. 16: 8, 11) горшков, фрагментами столовой керамики, покрытой лощением

¹⁴ Кости скелета в процессе распада связок ссыпались вниз и лежали в заполнении ямы кучкой.

(рис. 16: 6, 13–16), обломком вотива (рис. 16: 10) и фрагментами амфорной тары.

Интерес представляет группа ям, вероятно, связанных с языческими верованиями проживавшего здесь населения. Одна из них представляет неглубокий, дугообразно изогнутый ровик, придонная часть которого была заполнена обожженными костями животных (рис. 15: 1, 2). Справа и слева от костей в ровике находились два кострища (Кравченко, 2018, с. 88). К этой же группе относились небольшие ямы, содержащие кости животных,

уложенные в определенном порядке. В маленькой квадратной (0,57×0,6 м) яме № 27 находились остатки костерка, сожженного на стороне. Мощность слоя золы и угольков не превышала 0,05 м. В центральной ее части, на золе и угольках лежали нижняя челюсть и косточки ног мелкого рогатого скота (овцы) (рис. 14: 4). Ближе к юго-восточному углу ямки лежал каменный абразив. Яма № 28 содержала компактное скопление костей овцы. В нижней части скопления находились четыре ножки вместе с лопатками. Чуть к западу, сверху на них был положен череп овцы с нижней челюстью. Судя по положению костей, первоначально череп был развернут к югу. Позвоночник и ребра отсутствовали (рис. 14: 3; 15: 4). В яме № 29 находились кости ног, лопатки и нижние челюсти крупного рогатого скота, плотно уложенные параллельно друг другу. В яме № 31 лежали в анатомическом порядке кости лошадиной ноги с лопаткой. К верхней части лопатки вплотную примыкала лошадиная челюсть. Еще одна челюсть мелкого рогатого скота лежала рядом (рис. 15: 5). В северо-западной части ямы, на дне, неподалеку от копыта зафиксирован небольшой фрагмент керамического котла. Ряд сооружений хазарского времени пересекали друг друга, что свидетельствует о том, что население проживало на одном и том же месте продолжительный промежуток времени (Кравченко, Чепига, Войтенко, 2018, с. 11–18).

Подводя итог, следует сказать, что просторы Донецких степей в эпоху раннего Средневековья были густонаселенным регионом. Наиболее ранние древности хазарского времени здесь связаны с кочевым населением и представлены группой курганных захоронений, близких погребениям «соколовского» типа (Гриб, 2017, с. 320–321; Комар, Піоро, 1999, с. 150–159). Ряд исследователей связывает их с хазарами. К этой группе относится курганное погребение у с. Новониколаевка Славянского р-на (Евглевский, Кудлай, 2001). Детали обряда его (горелый помост на уровне древнего горизонта под курганной насыпью) роднят этот комплекс с известным захоронением из Кривой Луки (Федоров-Давыдов, 1984). Вероятно, что курганными были разрушенные захоронения у старого кирпичного завода в г. Славянске (Кравченко, Шамрай, 2000), на шахте № 19 в г. Чистяково (Торез) (Тахтай, 1999) и «Стане 3000» (г. Мариуполь) (Кравченко, Кульбака, 2010). При всем этом подобных захоронений на территории Северного Причерноморья выявлено относительно немного (Гриб, 2017, с. 314), что отличает этот регион от территории нынешней Ростовской области, где такие захоронения являются частой находкой. Относительно недавно появилась публи-

кация Ждановского могильника (г. Мариуполь), который авторы раскопок считали грунтовым (Гриб, Швецов, 2016). По нашему мнению, указанные захоронения относятся к VII либо первой половине VIII в. Не исключено, что изначально над ними находились курганные насыпи, которые были уничтожены. Во время земляных работ указанный некрополь и был найден.

Заселение рассматриваемой нами территории оседлым салтовским населением началось с 30-х годов VIII в. Этот период для Хазарского государства был спокойным, каганат господствовал в степях Восточной Европы и не имел серьезных противников. На территории государства наблюдается расцвет оседлой жизни, которая восстанавливается даже там, где оседлость была уничтожена в эпоху Великого переселения народов (Артамонов, 2001, с. 326–330). Таким образом, появление поселений на интересующей нас территории явилось частью процесса, происходившего в Доно-Донецком регионе.

В Донецких степях густая сеть поселений, вероятно, формируется чуть позже, чем в лесостепи. Яркие материалы первой половины или даже середины VIII в., встреченные на лесостепных некрополях, здесь присутствуют далеко не на всех поселениях. Большая часть их встречена на археологическом комплексе у с. Маяки в среднем течении Северского Донца, который является одним из самых ранних поселений салтово-маяцкой культуры в рассматриваемом нами регионе. Единичные находки (обломок фибулы гапоновского типа, булавка с волотовидным навершием, двусоставные удила со спаренными кольцами) (Кравченко, 2020, рис. 211, 15; 206, 1; 204, 16) встречены на Сидоровском археологическом комплексе, при раскопках которого ранних слоев обнаружено не было.

На Северском Донце участие в формировании новых населенных пунктов приняло как пришлое население, так и прежде проживавшие на этих землях носители пеньковской культуры. На ряде пеньковских поселений (Выдылыха, Старица, Зливки, Казачья Пристань, Маяки) присутствуют находки или слой хазарского времени. В частности, на селище 3 археологического комплекса Маяки, которое является самой ранней его частью, находилось крупное поселение пеньковской культуры. Вероятно, именно оно явилось ядром, вокруг которого к середине VIII в. сформировалось салтовское поселение. При исследованиях здесь был зафиксирован ряд полуземлянок, вытянутых вдоль берега реки. В некоторых из них, наряду с пеньковской посудой, встречены лепные горшки S-видного профиля. Подобного рода сосуд найден и на поселении Зливки. К концу VIII в. в среднем

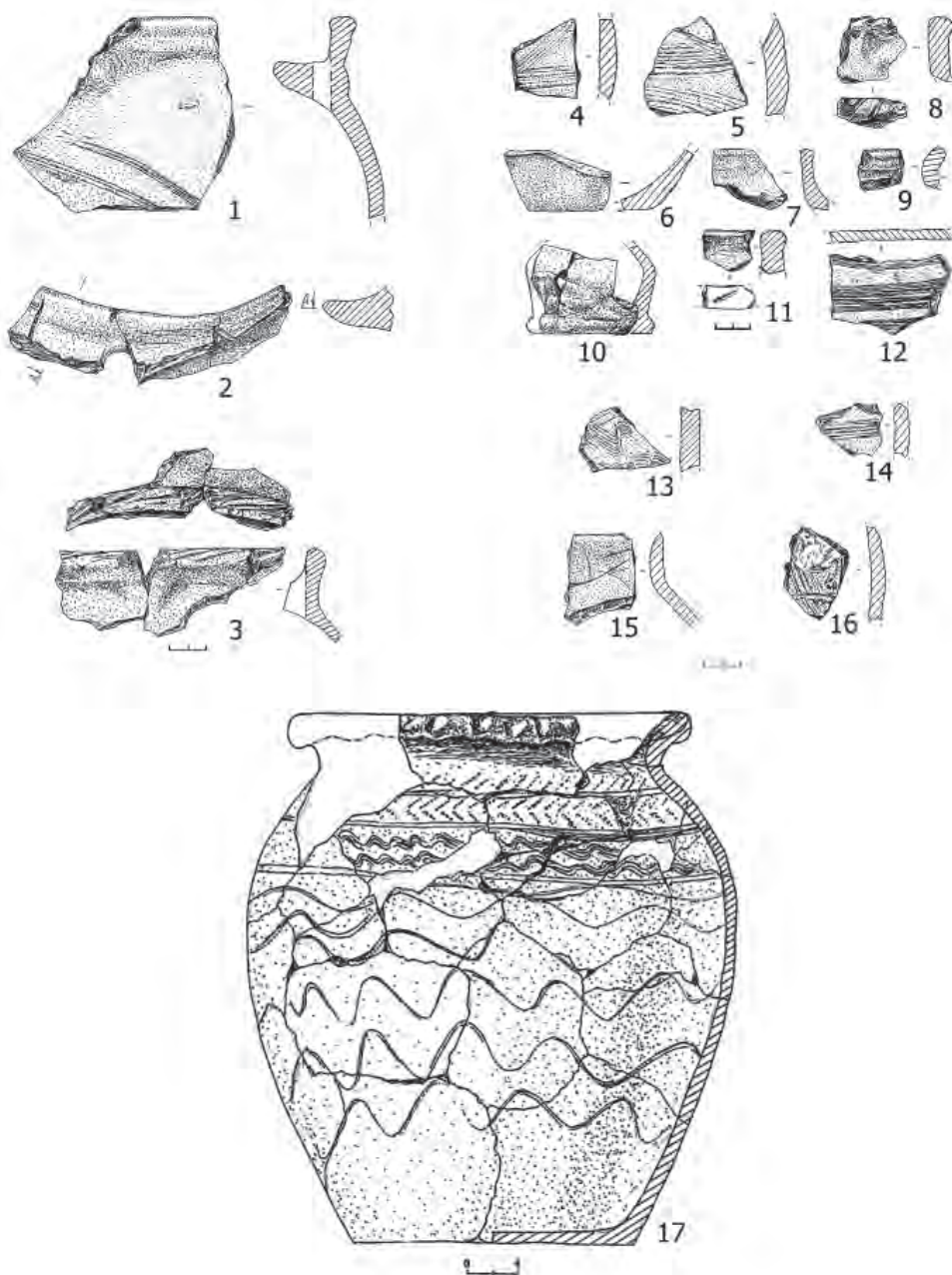

Рис. 16. Керамика салтовского слоя поселения Обрыв 2.

течении Северского Донца находилось большое количество поселений и сформировалась структура оседлого региона. Поселения присутствовали как на правом, высоком берегу реки, так и на ее левом берегу, где была плотно заселена пойма (ширина от 3 до 10 км).

Вероятно, в это же время сходные процессы происходили в степи и на побережье Азовского моря. Здесь оседлая структура начинает формироваться вдоль степных рек, на Донецком кряже и Азовском побережье. Вероятно, в связи с формированием во второй половине VIII в. зоны оседлости в Доно-Донецком регионе идет процесс вытес-

нения и массового оседания ранее проживавшего здесь кочевого населения. Бывшие кочевники сохранили в своем хозяйстве отгонное скотоводство, следы занятия которым фиксируются в виде сезонных поселений, присутствующих на Донецком кряже, Северском Донце и Азовском побережье.

В 30-х годах IX в. в западных областях каганата начинается строительство крепостей. Мнения о причинах этого явления у специалистов расходятся. Слабые оборонительные сооружения (частокол, лесные завалы), препятствующие набегу конницы, и ранее могли здесь присутствовать на некоторых памятниках, расположенных

на естественно укрепленных площадках плато. Вполне возможно, что такие населенные пункты изначально имели и оборонительную функцию либо являлись местом нахождения знати и были административными центрами. При этом во время относительной политической стабильности серьезных оборонительных сооружений на первом этапе своей истории они, вероятно, не имели. В середине IX в. цепь городищ с достаточно мощными оборонительными сооружениями (рвами, валами, эскарпами) появляется и в среднем течении Северского Донца. В пользу такой датировки свидетельствуют исследования, проводимые на Сидоровском комплексе и Маяках, где валы были уложены на культурные напластования ранее существовавших здесь поселений. В заполнении и основании валов содержалось большое количество вещественного материала, в том числе и фрагменты кувшинов с ленточными ручками. Судя по проведенным исследованиям, городища среднего течения Северского Донца представляли собой городки с дерево-земляными укреплениями. Известняковые блоки и сырцовый кирпич в конструкции их стен не зафиксированы. Учитывая то, что неподалеку от археологических комплексов у с. Маяки и Сидорово имеются выходы на поверхность высококачественного известняка, который использовался жителями данных памятников для хозяйственных нужд¹⁵, можно сделать вывод, что конструкция городищ обусловлена не отсутствием необходимого материала (в данном случае камня), а иной строительной традицией, чем та, что применялась жителями лесостепи. В это же время на территории укрепленных пунктов появляются группы мусульман, которые, вероятно, представляли воинский контингент. На территории Сидоровского комплекса (одного из мест их компактного проживания) наблюдается практически полное отсутствие земледельческих орудий, малое количество находок, связанных с ремеслами, что, вероятно, говорит о том, что хозяйство жителей Сидоровского комплекса носило потребительский, а не производящий характер. Судя по находкам предметов вооружения (детали луков, наконечники стрел, подвесы кистеней, находки крайне редко встречающихся на салтовских памятниках умбонов от щитов, при этом малое количество элементов конской сбруи и копий), этот контингент был представлен пешими воинами. На памятнике у с. Маяки наоборот встречено большое количество конской амуниции (Кравченко, 2020б, с. 200–201), множество находок топоришков, копий, в том числе пик, которые являлись

оружием конного воина (Кирпичников, 1966, с. 16).

Во второй половине IX в. политическая обстановка на западных окраинах Хазарии усложняется. Каганат постепенно слабеет. С приходом в степь печенегов, которые к 80-м годам IX в. стали полными хозяевами Северного Причерноморья, гибнут поселения на территории Донецкого кряжа и на Азовском побережье. На несколько столетий эти степные просторы вновь попали под власть кочевников и стали сердцем кочевой степи.

На Северском Донце, где находилась цепь укрепленных поселений, памятники салтово-маяцкой культуры существуют еще несколько десятилетий. Тем не менее и здесь их количество постепенно сокращается. Судя по раскопкам Сидоровского комплекса, в конце IX в. этот памятник серьезно вырос в размерах. Причем его рост, вероятно, был обусловлен притоком населения из соседних неукрепленных поселений. В это время на Сидоровском комплексе начинается строительство новой линии укреплений, которое ставило своей целью объединить городище и прилегающее к нему крупное селище. Строительство ее так и не было завершено. Тогда же страшному разгрому подвергся археологический комплекс у с. Маяки.

Укрепленные поселения на Северском Донце погибли в начале X века. Значительная часть оседлого населения, которая избежала гибели во время военных событий конца IX–X вв., покинула эту территорию. О возможных направлениях миграционных потоков свидетельствует археологический материал. Следы салтовского влияния читаются на землях, занятых памятниками балкано-дунайской культуры, а также на территории Среднего Поволжья, где в это время идет формирование Волжской Болгарии, население которой имело этническое и языковое сходство с переселенцами.

Тем не менее говорить о том, что с гибелью городищ памятники салтово-маяцкой культуры в среднем течении Северского Донца полностью исчезают, видимо, преждевременно. В материальной культуре поселений, существующих на этой территории в X–XIII вв., имеются отдельные черты, объяснить которые можно только влиянием старых салтовских традиций. Среди них конструктивные особенности жилых сооружений, топография поселений и некрополей, влияния в керамическом комплексе. Собственно, все эти поселения находятся на месте бывших салтовских поселений. Вероятно, среднее течение Северского Донца покинуло не все оседлое население. Часть его осталась, и многовековая традиция оседлости в этом регионе не была прервана.

¹⁵ Из него изготавливались корпуса печей-каменок на Сидоровском комплексе. Встречен известняк и в конструкции очагов на Маяках.

ГЛАВА 9

МОРДОВСКИЕ ПАМЯТНИКИ ОКСКО-СУРСКО-ЦНИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XI ВВ.

Наиболее распространенными в Окско-Сурско-Цнинском междуречье во второй половине VIII – первой половине XI в. являются памятники древнемордовской культуры, в недрах которой продолжают складываться две субкультуры мокшанская и эрзянская. Они концентрируются в бассейнах рек Тёши и Мокши (правые притоки р. Оки) с ее притоками Цной и Вад. Небольшое число памятников фиксируется в бассейне Верхней Суры (рис. 1).

Северо-западная окраина рассматриваемой территории в правобережье р. Оки была заселена племенами муромской культуры. Близким к ней являлось население, проживавшее в пространстве нижнего течения р. Мокши (Голубева, 1987, карты 16–19).

На северо-востоке Окско-Сурско-Цнинского междуречья по правому берегу Волги и в низовьях ее правого притока р. Суры во второй половине I тысячелетия н. э. проживали древнемарийские племена (Никитина, 2002, рис. 5). В Верхнем Посурье мордовские племена удерживаются до X в. В XI в. здесь появляется иное население, представленное курганными погребениями Второго Армиевского могильника (Сафронов, 2015, с. 209–214).

Описание и фиксация памятников второй половины VIII – первой половины XI в. началось во второй половине XIX – начале XX в. Их датировка и этнические определения были сделаны гораздо позже. В тот период появились сведения в печати о городище и селище Саконы и Погибловском могильнике на р. Теше, Кельгининском могильнике в бассейне р. Вад. В 1880-е годы первые любительские раскопки были произведены на Лядинском могильнике в бассейне р. Цны и могильнике «Мещанский лес» на р. Мокше. Первые профессиональные раскопки под руководством А.А. Спицына в 1892 г. состоялись на могильниках Старозубаревском, «Мещанский лес» на р. Мокше и Давыдовском на Цне. В 1908–1909 гг. Д.С. Шереметев и Н.Е. Макаренко исследовали Томниковский могильник на р. Цне (Шитов, 2008, с. 8–14).

Более широко археологические исследования памятников рассматриваемого периода развернулись в 20–40-е годы XX в. В бассейне р. Тешы были изучены городище Саконы 1, селище Сако-

ны 3 (Николаенко, 2004, с. 99, 100) и Погибловский могильник (Горюнова, 1948), на реке Пьяне (левый приток реки Суры) – Пережчалкинский могильник (Алихова, 1948а), по течению реки Мокши – могильник «Красный Восток» (Алихова, 1949), на её левом притоке, реке Вад, – Куликовский могильник (Алихова, 1948б). На другом левом притоке р. Мокши в бассейне р. Цны были изучены Елизавет-Михайловский (Материальная культура..., 1969), Крюковско-Кужновский (Материалы по истории..., 1952), Пановский (Материальная культура..., 1969) и Кулеватовский (Шитов, 2008, с. 16) могильники.

Особенно интенсивно археологические исследования древнемордовских памятников проводились во второй половине XX в. На р. Теше изучались городища Федоровка 1 (Мартьянов, 1979), Саконы 2 (Алексеев, 1999) и продолжены раскопки городища Саконы 1 (Николаенко, 2004, с. 100), а также исследовались могильники Выползово 1 (Мартьянов, 2001, с. 205–211), Личадеево 5 (Мартынов, 2001, с. 187–195), Стексовский 2 (Мартынов, 2001, с. 99–159). Продолжены раскопки Погибловского погребального памятника (Жиганов, Авдеев, Елисеев, Прокудин, 1977; Лапшин, 1985).

Непосредственно по течению р. Мокши в этот период были исследованы селище Клюквенное 4 (Вихляев, Петербургский, Седышев, 2013, с. 30–44), Стародевиченский (Петербургский, 2009), Тенишевский (Аксенов, Гришаков, 1988) могильники. Продолжено изучение могильников «Красный Восток» (Полесских, 1970, с. 116–124) и «Мещанский лес» (Мартьянов, Шитов, 1976). Был зафиксирован полностью разрушенный карьером Пурдошанский могильник (Шитов, 1994).

Особенно интенсивно мордовские памятники во второй половине XX в. изучались в бассейне левого притока р. Мокши, на р. Вад. Здесь были исследованы Кармалейское городище (Полесских, 1956, с. 66–69), Второй Журавкинский (Петербургский, Вихляев, Святкин, 2010), у поселка «Заря» 1 (Жиганов, 1961), Кармалевский (Полесских, 1970, с. 124; Белорыбкин, Петренко, 1989, с. 89–90), Кельгининский (Беляев, Вихляев, Зеленцова, Шитов, 1998; Вихляев, Пронин, 2016), Луговской (Полесских, 1970, с. 124), Мордовско-

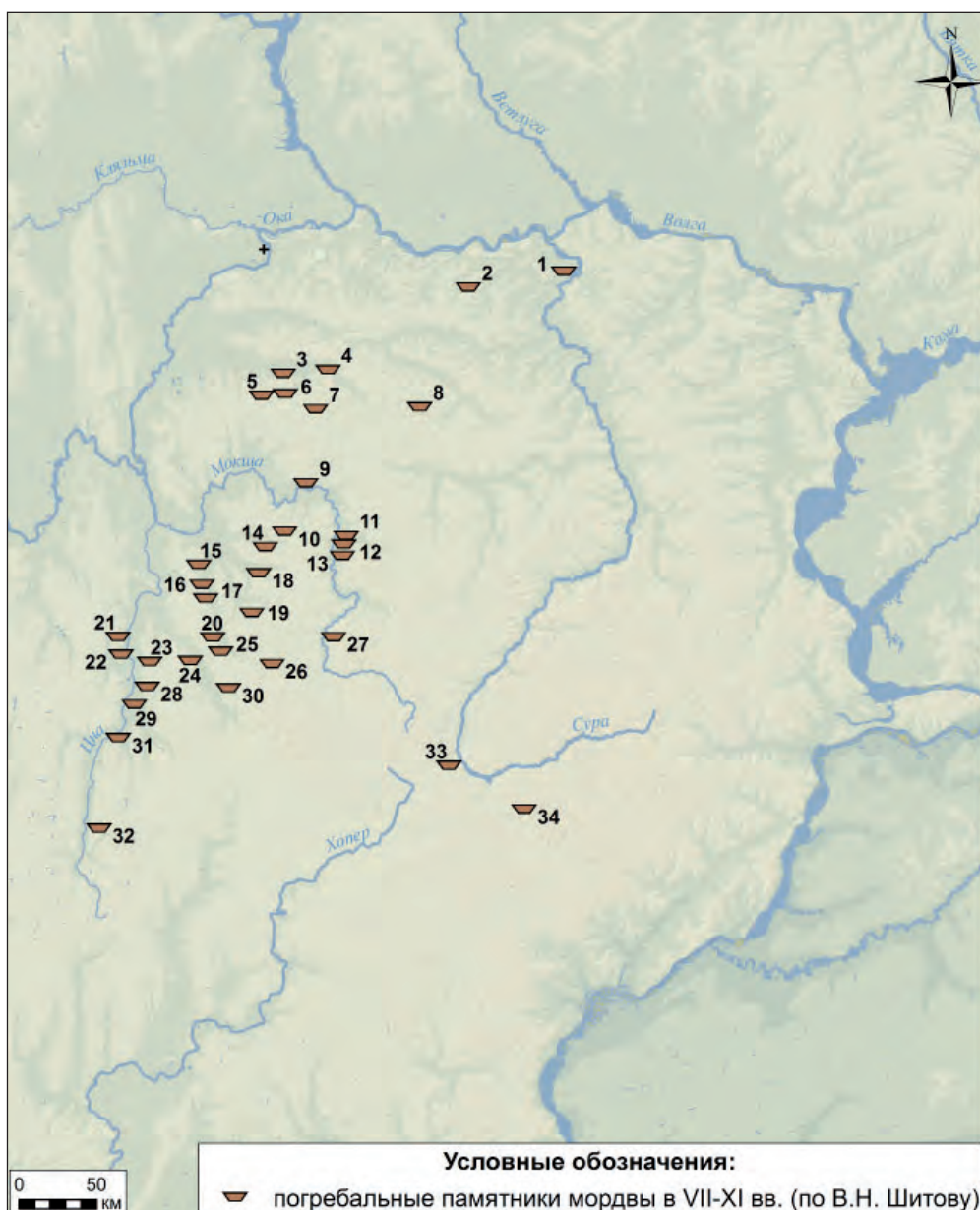

Рис. 1. Погребальные памятники мордвы VII–XI вв. (по В.Н. Шитову)

- 1 – Ивановский; 2 – Волчихинский; 3 – Личадеево V; 4 – Красное III; 5 – Старший Кужендеевский; 6 – Погибловский; 7 – Выползово I; 8 – Перемчалкинский; 9 – Пурдошанский; 10 – Мордовско-Козловский; 11 – Краснослободский «Мешанский лес»; 12 – Старозубаревский; 13 – Тенишевский; 14 – Степановский; 15 – «Заря» I; 16 – Журавкинский I; 17 – Журавкинский II; 18 – Куликовский; 19 – Кельгининский; 20 – Старобадиковский II; 21 – Томниковский; 22 – Давыдовский; 23 – Серповский; 24 – Пановский; 25 – Луговой; 26 – Кармалейский; 27 – «Красный Восток»; 28 – Елизавет-Михайловский; 29 – Крюково-Кужновский; 30 – Малоижморский; 31 – Кулеватовский; 32 – Лядинский; 33 – Кривозерский; 34 – Армиевский II; 35 – Хохловский.

Козловский (Беляев, 1981), Старобадиковские 1 (Беляев, 1988) и 2 (Петербургский, 2011), Степановский (Петербургский, Аксёнов, 2008) могильники. Были продолжены раскопки Куликовского могильника (Ю.А. Зеленева).

В бассейне р. Цны был исследован Малоижморский могильник (Полесских, 1970, с. 124), продолжено изучение Крюково-Кужновского (Воронина, 1969; 1970) и Лядинского (Воронина, 2007) погребальных памятников.

На Верхней Суре изучались Золотаревское городище (Белорыбкин, 2001), Усть-Узинское святилище (Полесских, 1971), Кривозёрский (Полесских, 1970, с. 125) и второй Армиёвский могильник, грунтовые могилы которого частично относятся к древнемордовской культуре (Халиков, 1981; 1983; 1984; 1986; 1987; 1988; Белорыбкин, Халиков, 1985).

В XXI веке количество исследуемых археологических памятников древней мордвы второй по-

ловины VIII – первой половины XI в. значительно уменьшилось. На реке Мокше был раскопан Шалинский могильник (Пронин, 2016), в бассейне реки Вад продолжались работы на Кельгининском могильнике (Вихляев, Пронин, 2016). На Верхней Суре изучались Ахунское (Винничек, Яньков, 2001), Васильевское (Винничек, Сафронов, 2004, с. 39–87), Степановское 1 (Винничек, 2010), Чемодановское (Винничек, 2001, с. 105), Зареченское 1, Васькансад 1 (Винничек, Сафронов, 2007) селища. Были продолжены раскопки Золотарёвского городища (Г.Н. Белорыбкин).

Все исследователи рассматриваемых памятников определяют их принадлежащими к мордве, называя их либо древними (большинство), либо средневековыми (Смирнов, 1965; Гришаков, Давыдов, Седышев, Сомкина, 2016, с. 5). Основная часть археологов считает, что в это время существовала древнемордовская культура с двумя формирующимися субкультурами – мокшанской и эрзянской. Только А.Е. Алихова видела в этих памятниках единую древнемордовскую культуру (Алихова, 1965).

Мокшанские и эрзянские погребальные памятники обычно различают по особенностям погребального обряда. Для первых характерна ориентация покойников головой в южном направлении, для вторых – в северном. По этому признаку можно очертить ареалы субкультур второй половины VIII – первой половины XI в. Эрзянские памятники занимают бассейны рек Теши и Пьяны. К ним относятся могильники Выползово 1, Перемчалкинский, Стековский 2, Личадеево 5, Погибловский, а также городища Саконь 1, 2, Фёдоровка 1 и селище Саконь 3 (рис. 1). Мокшанские памятники располагаются по течению р. Мокши и её притоков Вад и Цна. На Мокше имеется Тенишевский могильник, который выделяется среди других северной ориентировкой погребённых. К мокшанской субкультуре можно отнести Пурдошанский 2, Стародевиченский, «Мещанский лес», Старозубарёвский, Мордовско-Козловский, Степановский, Шалинский, «Красный Восток», Журавкинский 2, «Заря», Кельгининский, Старобадиковский 1, 2, Куликовский, Луговской, Кармалейский, Пановский, Малоижморский, Елизавет-Михайловский, Томниковский, Давыдовский, Крюковско-Кужновский, Кулеватовский, Лядинский могильники, Кармалейское городище, селище Клюквенное 4 (рис. 1). Весьма плохо сохранились погребальные памятники на Верхней Суре. Единственное неразрушенное погребение Кривозёрского могильника было ориентировано головой на север. В Армиевском 2 могильнике в 71% грунтовых погребений не зафиксировано следов человеческого костяка. В остальных найдены мелкие фрагменты костей,

часто разбросанные или лежащие кучкой. Ориентировка головой покойников определяется в 42 погребениях из 319. Она в основном западного направления. П.И. Сафронов, посвятивший этому памятнику монографическое исследование, пришел к выводу, что для него характерен типично мордовский инвентарь (в т. ч. височные подвески с грузиком) и особый погребальный обряд, очевидно, сложившийся под влиянием ранних болгар (Сафронов, 2015, с. 146–164). Культурная принадлежность этого памятника не определяется. В Верхнем Посурье к мордовским памятникам второй половины VIII – первой половины XI в. относятся Армиевский 2 и Кривозерский могильники, городище Золотаревка, селища Ахуны, Васильевка, Степановка 1, Чемодановка, Зарека 1, Васькансад 1 и Усть-Узинское святилище (рис. 1).

По сравнению с предыдущим периодом, VI – первой половиной VIII в., в рассматриваемое время неизвестны мордовские (эрзянские) памятники в низовьях реки Суры и в правобережье реки Волги в этом месте. Мордовское население сохранилось лишь на р. Пьяне (левый приток р. Суры) (Перемчалкинский могильник). Памятники мордвы-эрзи в это время сосредоточены в основном в бассейне р. Теши. Здесь продолжают функционировать могильники, появившиеся в предшествующий период, и возникают новые. Отдельно от всех эрзянских памятников в Среднем Примокшанье среди мокшанских могильников располагается эрзянский Тенишевский могильник. В этом регионе сложилась этнокультурная контактная зона между древнемокшанской и древнеэрзянской культурами (рис. 1).

К середине VIII в. в Верхнем Посурье прекращает свое функционирование большинство погребальных памятников южной мордвы – мокши. Но мордовское население не покидает этот регион. Об этом свидетельствуют материалы Армиевского 2 и Кривозерского могильников, а также ряда поселений (рис. 1). Но количество памятников уменьшается. Уже в VII–VIII вв. появляются погребальные памятники мордвы в бассейнах Средней Мокши, р. Вад и р. Цны. По-видимому, основная часть мордвы-мокши из Верхнего Посурья уходит на северо-запад в Цнинско-Мокшанское междуречье. Причиной этого было появление и агрессивная активность по отношению к соседям Хазарского каганата. Цнинско-Мокшанское междуречье было более защищено лесами от степных пространств, что ослабило их набеги на земли мордвы (Вихляев, 2013).

Итак, во второй половине VIII – первой половине XI в. территория расселения мордвы охватывала Цнинско-Мокшанское и Окско-Сурское междуречья (рис. 1).

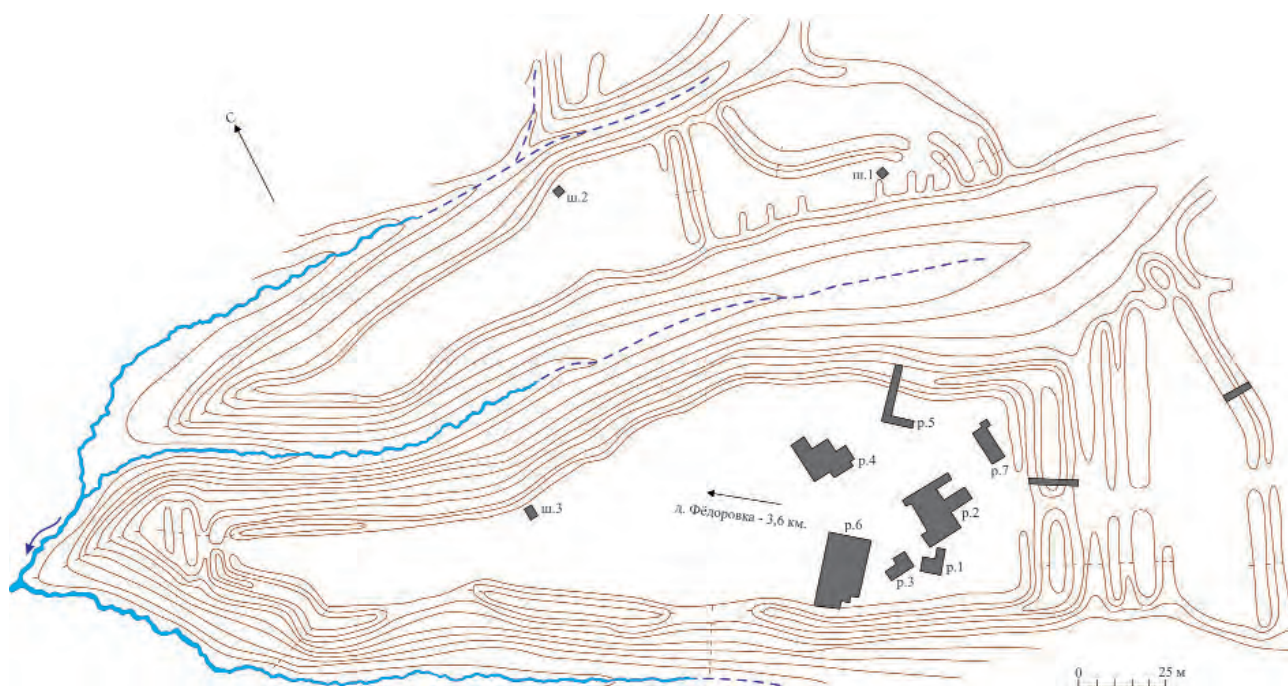

Рис. 2. Топографический план с раскопами городища Федоровка 1 (по: Мартьянов, 2004).

Поселения и их вещевой инвентарь второй половины VIII – первой половины XI в. исследованы слабо. К памятникам этого времени с достаточной уверенностью можно отнести только те поселения, на которых имеются характерный для мордвы комплекс лепной керамики и находки, хорошо датируемые в пределах указанного периода. Среди них можно выделить городища, селища и святилище.

Городища располагаются либо на мысах первой и второй надпойменных террас, либо в овражных системах. Их площадки бывают подтреугольной, подтрапцевидной или неправильной в плане формы. С напольной стороны городища защищены валом, часто с проходом и рвом с его внешней стороны. На целом ряде городищ у слабо защищенных краев площадки имеются дополнительные валы и рвы. На городище Саконь 1 зафиксированы по краям площадки следы деревянных стен. Наиболее сложным по планировке является Федоровское 1 городище на р. Теше. Основная площадка окружена валом с проходом и рвом и двумя дополнительными валами со рвами в мысовой части. С напольной стороны имеются еще два вала со рвами с их внутренней стороны. Рядом с основной площадкой располагается ещё одна площадка с валом и рвом с внешней стороны (рис. 2).

Толщина культурного слоя на исследованных городищах составляет от 0,1 до 1,2 м. Наиболее широкие раскопки были проведены на городище Федоровка 1. Здесь вскрыто 1400 кв. м культурно-

го слоя. На памятнике обнаружены глинобитные площадки на подсыпке из прокаленного песка диаметром 1,0–1,4 м, к одной из которых примыкала каменная вымостка размером 4×2 м. На этих вымостках найдено много фрагментов лепной посуды, в том числе бракованной и ошлакованной, куски обожженной глины и глиняной обмазки со следами прутьев. Расположенные рядом зольники, по мнению исследователя памятника В.Н. Мартьянова, позволяют утверждать, что это – остатки горнов для обжига посуды. В.Н. Мартьянов считал, что городище являлось убежищем для населения и в то же время производственным центром (Мартьянов, 1979).

Селища мордвы второй половины VIII – первой половины XI в. располагались на надпойменных террасах, на пологих склонах и коренных берегах рек, на останцах и дюнных всхолмлениях пойм, по берегам оврагов. Высота их над водой составляла 3–10 м. Средние размеры: 100–150×30–100 м или 150–200×50–150 м. Встречаются и более крупные, и очень небольшие. Культурный слой обычно небольшой и его толщина колеблется от 0,1 до 0,4 м.

На селищах и городищах в это время встречается только лепная керамика. В ее тесте преобладают примеси шамота и песка. Иногда добавляется дресва, особенно, в памятниках Верхнего Посурья. Форма сосудов разнообразна. Встречаются горшки, банки, чаши, миски, появляются сковороды. Поверхность сосудов либо грубая и бугристая, либо хорошо заглаженная, иногда подлощенная или лощенная. Венчики прямые, слег-

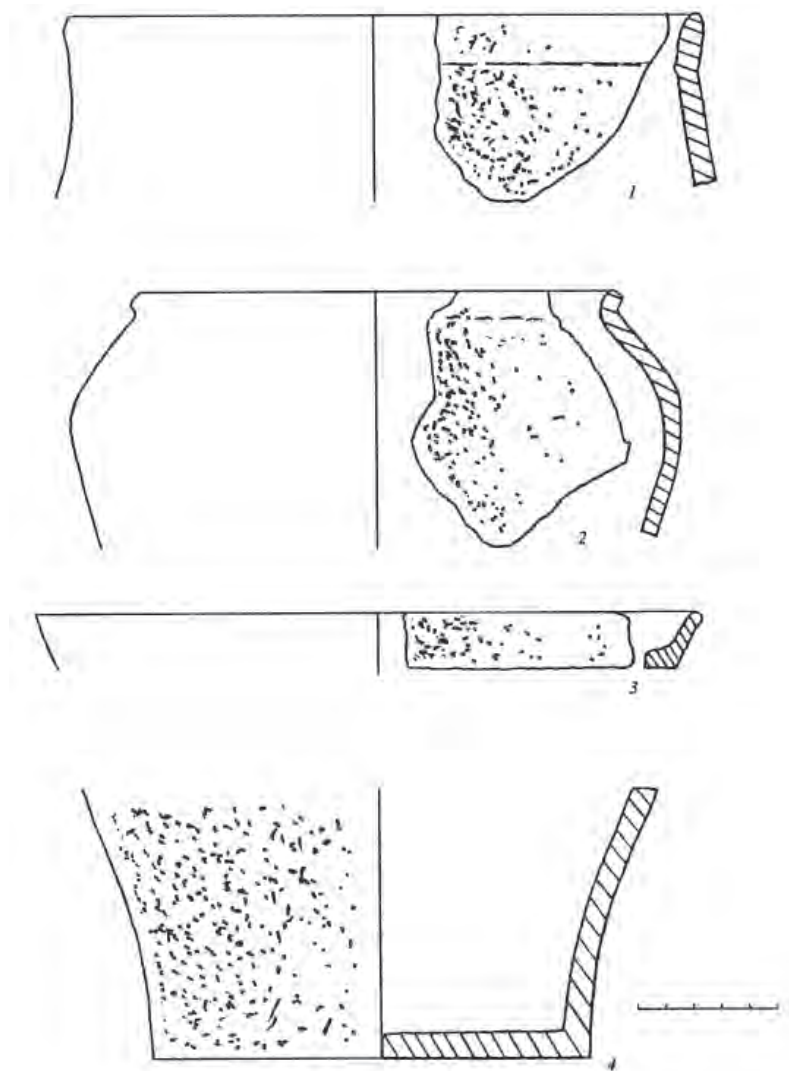

Рис. 3. Селище Клюквенное 4. Лепная керамика (по: Петербургский, 2013, рис. 4).

ка отогнутые наружу, с округлым, плоским краем или с наплывом. У части сосудов края украшены насечками или отпечатками зубчатого штампа. Имеются венчики, подчеркнутые с внешней стороны горизонтальной линией. Тулово округлое или остроресберное, днища плоские (рис. 3; 4).

На мордовских городищах и селищах второй половины VIII – первой половины XI в. найдены железные проушные и втульчатые топоры, тесла, пила, долота, зубила, стамески, сверло, гвозди, ножи, шилья, пробойники, фитильные трубки, рыболовные крючки и гарпун, кресала, наконечники дротиков, копий и стрел, фрагменты удил и детали конской сбруи, шейные гривны, серебряные и бронзовые височные подвески с грузиком, браслеты, серьги, шейные гривны, перстни, бубенцы, сьюльгамы, застежки, привески и подвески разнообразных форм, пронизки, детали поясной гарнитуры, вязальный крючок, прутки и слитки (в т. ч. оловянные), обувные украшения, арабские монеты

IX–X вв. (серебряные и медные); глиняные миниатюрные сосуды, льячки, пряслица, грузила, подвески, диски с отверстиями (грузила для ткацких станков?) стеклянные и костяные бусы; каменные точильные бруски и зернотерки (рис. 5). На поселениях также отмечены находки костей лошадей и коров.

Лишь один памятник рассматриваемого времени трактуется его исследователем как древнее святилище. Он расположен в бассейне верхней Суры на курганообразном холме высотой 1,5 м и 15 м в диаметре. Холм окаймлен по краям крупными камнями. Такие же камни составляют округлую грудку на его вершине. Здесь также обнаружена глинобитная площадка с остатками многочисленных кострищ на глубине более 1 м. На ней находился плоский, по мнению М.Р. Полесских, жертвенный камень со следами длительного воздействия огнем. В самом центре святилища на глубине 1,2 м найден ствол соснового дерева с раз-

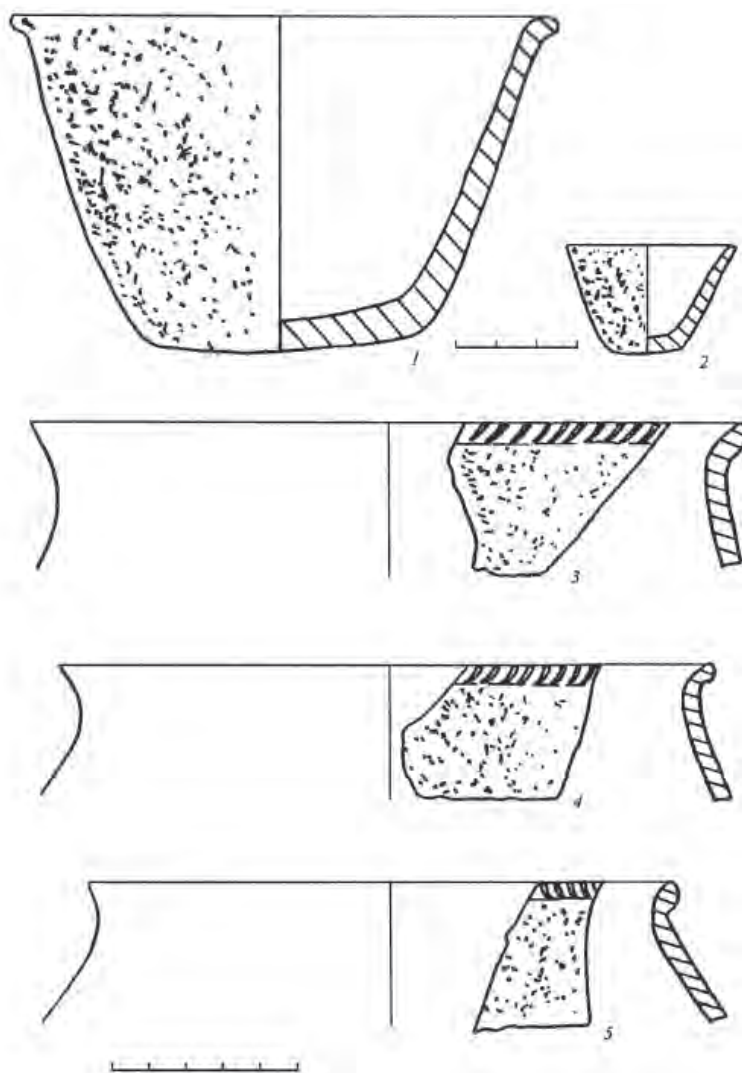

Рис. 4. Селище Клюквенное 4. Лепная керамика.

двоенными и тщательно обрубленными концами, возможно, остатки священного дерева, которому поклонялась древняя мордва. По керамике и железному наконечнику стрелы памятник датируется VIII–IX вв. (Полесских, 1972, с. 226).

Височные подвески, имеющие грузик и спираль, являются этноопределяющим украшением для мордовских могильников второй половины VIII – первой половины XI в. По этому критерию выделяется 31 памятник (рис. 1). Могильники располагаются на надпойменных террасах, пологих склонах, коренных берегах и останцах в поймах рек на высоте 5–25 м над водой. Размеры площадей определенных погребальных памятников составляют для самых небольших 100–130×50–70 м, для самых больших – 500–600×200 м (Николаенко, 2004, с. 53; Беговаткин, 2007, с. 91–94).

Все мордовские могильники рассматриваемого времени грунтовые. Там, где это удалось проследить, могилы располагаются рядами. Могильные ямы чаще всего подпрямоугольной в плане фор-

мы с закругленными углами глубиной от 0,4 до 2,4 м. Редко встречаются овальные ямы, в которых обычно совершены детские погребения. В засыпной земле найдены угли, зола, обугленная кора в виде прослоек – следов кострищ, небольшие сосуды, отдельные вещи и их фрагменты, кальцинированные кости и крупные кости домашних животных. На дне могильных ям отмечены обожженные плашки, охра, остатки небольшого костра, а также подстилка в виде деревянных плашек, коры, луба. Над погребениями встречаются луб, кора и ткань (Николаенко, 2004, с. 53; Беговаткин, 2017, с. 94). На Цне часть умерших захоронена в деревянных гробовищах (Зеленцова, 1998, с. 14).

Основным обрядом мордовских могильников второй половины VIII – первой половины XI в. является труположение. Имеются парные захоронения в одной могильной яме, чаще взрослого и ребенка, реже двух мужчин или двух женщин. Умершие обычно лежат на спине в вытянутом положении. В цнинских могильниках руки у жен-

Рис. 5. Вещевой комплекс мордовских селищ второй половины VIII – первой половины XI в. (по: Беговаткин, 2017).

щин расположены на груди или в области таза. В этих же погребальных памятниках обнаружено небольшое количество мужских и женских захоронений, лежащих на боку с вытянутыми или согнутыми в разной степени ногами. В мокшанских могильниках умершие обычно ориентированы головой на юг с отклонениями к западу и востоку. На Цне наряду с ними во второй половине VIII–IX в. фиксируются погребения с северо-восточной ориентировкой. В эрзянских захоронениях преобладает ориентировка покойников головой на северо-запад и запад.

В 11 могильниках рассматриваемого времени найдены погребения, совершенные по обряду

трупосожжения. Наибольшее их количество фиксируется в погребальных памятниках на реках Вад и Цна. В Старобадиковском 2 могильнике их доля составляет 14%, а в цнинских могильниках в X–XI вв. достигает 16%. В эрзянских погребальных памятниках на р. Теше трупосожжений значительно меньше, часто составляют единичные случаи. При кремации останков она совершалась вне могильной ямы. На Старобадиковском 2 и в цнинских могильниках обнаружены кремационные кострища. Их остатки включали угли, золу, куски обожжённой глины, фрагменты керамики, кости домашних животных: коровы, лошади, свиньи, овцы, кальцинированные человеческие кости

(Петербургский, 2011, с. 99, 100). Кальцинированные кости вместе с золой и углями помещались в могильные ямы (на Цне овальной или круглой формы), рассыпались по всему дну ямы или гробовища либо складывались кучкой в ее центре или у мокши – в южной части, у эрзи – в северной. Набор украшений располагался или в порядке ношения (при рассыпании костей по дну), или укладывался на кучку кальцинированных костей или рядом с ней, или в беспорядке.

В конце рассматриваемого периода в эрзянских могильниках на Тёше появляются конские погребения с противоположной человеческим ориентировкой. Они отличаются тем, что череп коня располагался вертикально, резцами на дно. Для его большей устойчивости в торцевой стенке могилы был сделан по высоте черепа уступ, а в нем вертикальный паз, в котором обнаружен череп (Мартынов, 2001, с. 258, 259).

Для женских погребений мордовских могильников второй половины VIII – первой половины XI в. характерен богатый набор украшений. Это налобные венчики, височные подвески с грузиком, гривны, ожерелья из бус, пронизок и подвесок, сьюльгамы, браслеты, перстни, разнообразные подвески, часто нашитые на полотняную и шерстяную одежду. Несколько менее часто находят наконечники, круглые пластинчатые нагрудные и поясные бляхи, поясные наборы, украшения обуви. Во многих погребениях встречена лепная посуда разного размера. Нередко в женских захоронениях находят ножи и пряслица. Имеются предметы хозяйственного обихода: железные серпы, топоры, глиняные формочки для изготовления мелких украшений, льячки, шилья, кресала, фитильные трубки, вязальные крючки (Николаенко, 2004, с. 54–55; Беговаткин, 2017, с. 94–96).

Для мужских погребений рассматриваемого времени наиболее характерны находки предметов вооружения и хозяйства. В них самое распространенное оружие – наконечники копий. Кроме копий обнаружены мечи и сабли с остатками деревянных или бронзовых ножен, наконечники стрел, боевые топоры-чеканы (в основном на мокшанских памятниках), кинжалы, наконечники пик, удила и стремяна. Из орудий труда наиболее распространены: втульчатые и проушные топоры, ножи, фитильные трубки, кресала с кремешками. Реже встречаются железные стержки неопределённого назначения, долотовидные орудия. Единичными находками представлены мотыжка, топор-молот, скобель, гарпун, точильный камень. Найдены также лепные сосуды. Они не часто встречаются в мокшанских мужских погребениях. В Перемчанкинском эрзянском могильнике в Посурье почти в каждом захоронении найдено по два сосуда. В

этом же могильнике найдена серебряная чаша. Непременной принадлежностью мордовских мужских погребений являются поясные наборы.

В мужских погребальных комплексах много украшений, в основном таких же, что и в женских. В ряде захоронений они помещались отдельно кучкой, иногда в берестяной сумочке, на куске бересты, в бурачке из коры, нередко они лежали в порядке ношения рядом с погребенным. Такие находки можно рассматривать как «жертвенные» комплексы (Николаенко, 2004, с. 55–57; Беговаткин, 2017, с. 96).

Первые исследования по хронологии древней мордвы второй половины VIII – первой половины XI в. основывались на применении метода аналогий. Здесь свой вклад внесли А.П. Смирнов (Смирнов, 1952), А.Е. Алихова (Алихова, 1959). В их работах было определено время начала и конца функционирования памятников этого времени. Периодизацию и хронологию части древнемордовских могильников (среднецнинских) разработала Р.Ф. Воронина (Воронина, 2007) на основе типологического и корреляционного методов, выделив совместные по времени хронологические группы височных подвесок, гривен и блях. Для этих же памятников была создана система периодизации и хронологии О.В. Зеленцовой (Зеленцова, 1998), фундаментом которой стали типологический и статистико-математические методы. В этой работе дается типология наиболее распространенных категорий украшений: височных подвесок с бипирамидальными грузиком, гривен, нагрудных блях, браслетов, сьюльгам, поясных пряжек. Система хронологии строится на основе изучения частоты встречаемости типов указанных категорий в погребальных комплексах. В обработку включены материалы Елизавет-Михайловского, Пановского и Крюковско-Кужновского могильников. В результате выделены три последовательные стадии развития носителей культуры этих погребальных комплексов. Стадия А датируется второй половиной VII – первой половиной VIII в. Стадия В относится ко второй половине VIII–IX в. Стадия С датируется X–XI вв. В систему хронологии включен также погребальный обряд.

Позже материалы могильников были включены в общую базу источников для могильников населения западной части Среднего Поволжья I–XIV вв. Общая система хронологии этих погребальных комплексов строится на основе тех же методических принципов, которые использовали в свое время В.И. Вихляев и О.В. Зеленцова (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008). Но в нее не вошли материалы погребального обряда. В систему хронологии были включены вещевые комплексы значительного числа древнемордов-

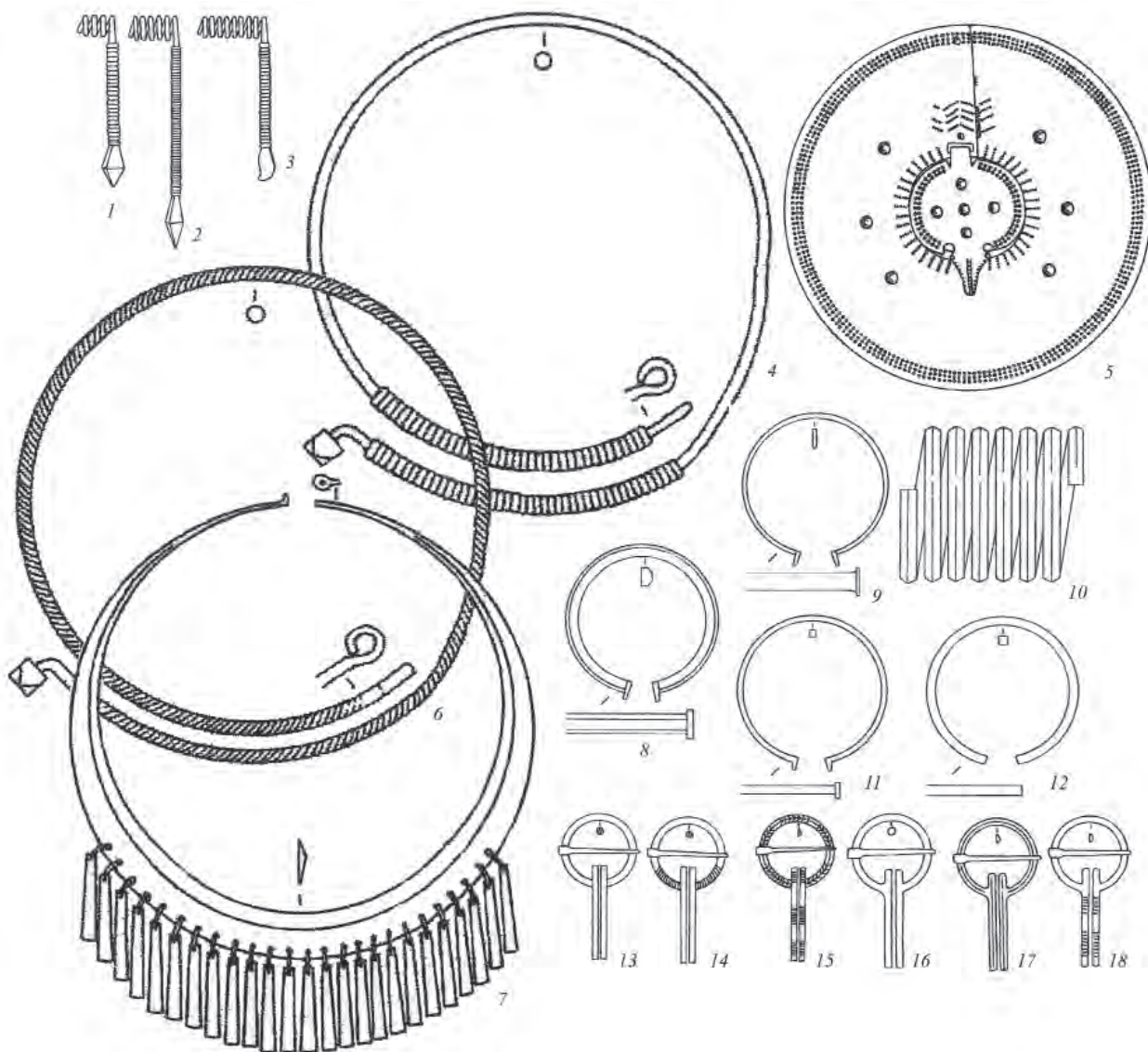

Рис. 6. Вещи ранней стадии мордовских могильников (вторая половина VIII – IX в.)
(по: Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008).

ских могильников второй половины VIII – первой половины IX в.: Выползово 1, Елизавет-Михайловского, Кельгининского, Крюковско-Кужновского, Личадеево 5, Пановского, Старобадиковского 1, Стародевиченского, Стексово 2. Развитие вещевого комплекса этих памятников разделилось на две стадии. Первая (ранняя) стадия соответствует 10 стадии развития могильников западной части Среднего Поволжья и датируется второй половиной VIII–IX в., а вторая (поздняя) 11 стадии этих могильников и датируется X – первой половиной XI в. (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 141–147).

Основой выделения ранней стадии мордовских могильников второй половины VIII – первой половины XI в. является эволюционный ряд сьюльгам, среди которых для второй половины VIII–IX вв.

характерны кованые застёжки с завернутыми в трубочку концами, длина которых больше значения диаметра её кольца, но не превышает полутора его значений. Сечение кольца может быть округлым без орнамента (рис. 6: 13) или с поперечными нарезками у концов (рис. 6: 14), прямоугольным без орнамента или с поперечными насечками на усах, треугольным с насечками в виде «елочки», расположенными по лицевым граням кольца и поперечными зонными насечками на усах (рис. 6: 15), трапецевидным без орнамента (рис. 6: 17). Также для рассматриваемого времени характерны массовые литые, с такими же длинными литыми «усами» сьюльгамы округлого сечения кольца и «усов» без орнамента или украшенные зонными насечками (рис. 6: 18), плоского сечения без орнамента, треугольного сечения кольца и «усов»

без орнамента, сегментовидного сечения кольца и «усов» без орнамента или с зонными насечками на «усах» и различных вариаций орнамента.

По-прежнему, как и в более раннее время, продолжают встречаться круглодротовые гривны из цветных металлов с обмоткой у концов и замком в виде петли на одном конце и крючком в виде «лодочки» на другом, шляпкоконечные многогранного дрота (толщиной более 5 мм) (рис. 6: 8) пластинчатые (соотношение сторон поперечного сечения больше 1:2) с расширенными закругленными концами (соотношение ширины средней части и концов больше 1:2) браслеты.

На ранней стадии распространены височные подвески со стержнем длиной от 56 до 89 мм и удлинённым бипирамидальным грузиком (рис. 6: 1, 2) и с листовидным грузиком (рис. 6: 3). Для нее характерно большое разнообразие гривен из цветных металлов. Это дротовые ложновитые гривны с замком в виде петли и крючка с массивной многогранной или уплощённой головкой (рис. 6: 4), дротовые с обмоткой кольца в средней части и замком в виде двух крючков, с застежкой в виде округлого щитка с отверстием и крючком, дротовые с обмоткой у концов и концами в виде петли и крючка с многогранной головкой (рис. 6: 6). Встречаются пластинчатые серповидные гривны с ребром в верхней части ширины пластины, серповидные лопастные, пластинчатые серповидные с ребром в верхней части ширины пластины и подвесками (рис. 6: 7), пластинчатые серповидные с накладной пластиной с ровным верхним краем и подвесками. Бытуют железные гривны с обмоткой из бронзовой проволоки по всему кольцу, с замком в виде петли и крючка со шляпкой.

Одним из характерных украшений мордовских могильников второй половины VIII–IX в. являются дисковидные нагрудные бляхи с округлой крышечкой и тремя рядами полушарных выпуклин по краю диска (рис. 6: 5).

В обиходе на стадии 1 несколько разновидностей браслетов из цветных металлов – шляпкоконечные из четырехгранного дрота (соотношение сторон поперечного сечения от 1:1 до 1:2, а толщина дрота не превышает 5 мм) (рис. 6: 11), спиральные с прямыми концами (рис. 6: 10). В конце стадии появляются пластинчатые из цветных металлов (соотношение сторон поперечного сечения больше 1:2) шляпкоконечные браслеты (рис. 6: 9).

Все вышеперечисленные предметы являются датирующими для мордовских погребальных комплексов второй половины VIII–IX в.

По монетам и аналогиям из хорошо датированных хронологических систем стадия 1 (ранняя) мордовских могильников второй половины VIII – первой половины XI в. может быть датирована

второй половиной VIII – IX в. (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 144). Она представлена погребениями Крюковско-Кужновского, Елизавет-Михайловского, Пановского, Второго Стёксовского, Выползово 1, Личадеево 5 могильников.

Основой выделения стадии 2 (поздняя) мордовских погребальных комплексов второй половины VIII – первой половины XI в. являются бронзовые кованые сьюлгамы с завернутыми в трубочку концами, образующими «усы», длина которых равна или больше полутора значений диаметров кольца без орнамента (рис. 7: 6), или с поперечными насечками, расположенными у основания концов, и зонами на «усах» (рис. 7: 7), или с поперечными косыми насечками, расположенными у основания концов кольца, и сьюлгамы с отогнутыми нерасплюсненными «усами» без орнамента (рис. 7: 8).

Распространены на поздней стадии височные подвески с длинным стержнем от 90 до 140 мм и бипирамидальным массивным удлинённым грузиком (рис. 7: 1). Ложновитые бронзовые гривны с замком в виде двух крючков с многогранными почти плоскими шляпками (рис. 7: 2) также встречается на стадии 2.

Из «старых» украшений встречаются височные подвески с грузиком и стержнем длиной от 70 до 89 мм (рис. 6: 2), спиральные с прямыми концами (рис. 6: 10) и пластинчатые из цветных металлов (соотношение сторон поперечного сечения больше 1:2) шляпкоконечные браслеты (рис. 6: 11), пластинчатые с прямо срезанными (рис. 7: 4) и с отогнутыми концами (рис. 7: 3). Начинают входить в моду железные круглодротовые гривны с замком в виде петли и крючка.

По монетным находкам, предметам, известным в древнерусских памятниках (шиферным пряслицам, деталям поясных наборов и др.), аналогиям из других хронологических систем стадия 2 (поздняя) рассматриваемых могильников датируется X – первой половиной XI в. (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 145).

Погребения стадии 2 определяются в Крюковско-Кужновском, Елизавет-Михайловском, Пановском, Стародевическом, Кельгининском и Первом Старобадиковском могильниках.

Погребальный обряд в хронологическом плане специально исследован только для могильников на реке Цне (Зеленцова, 1998, с. 13–17). Здесь во второй половине VIII–IX в. преобладают погребения, ориентированные головой на юг. Наблюдается тенденция к увеличению ширины и глубины могильной ямы. Появляются захоронения с северо-восточной ориентировкой. Они отличаются большими размерами. Имеются трупосожжения. Удельный вес погребённых по обряду кремации

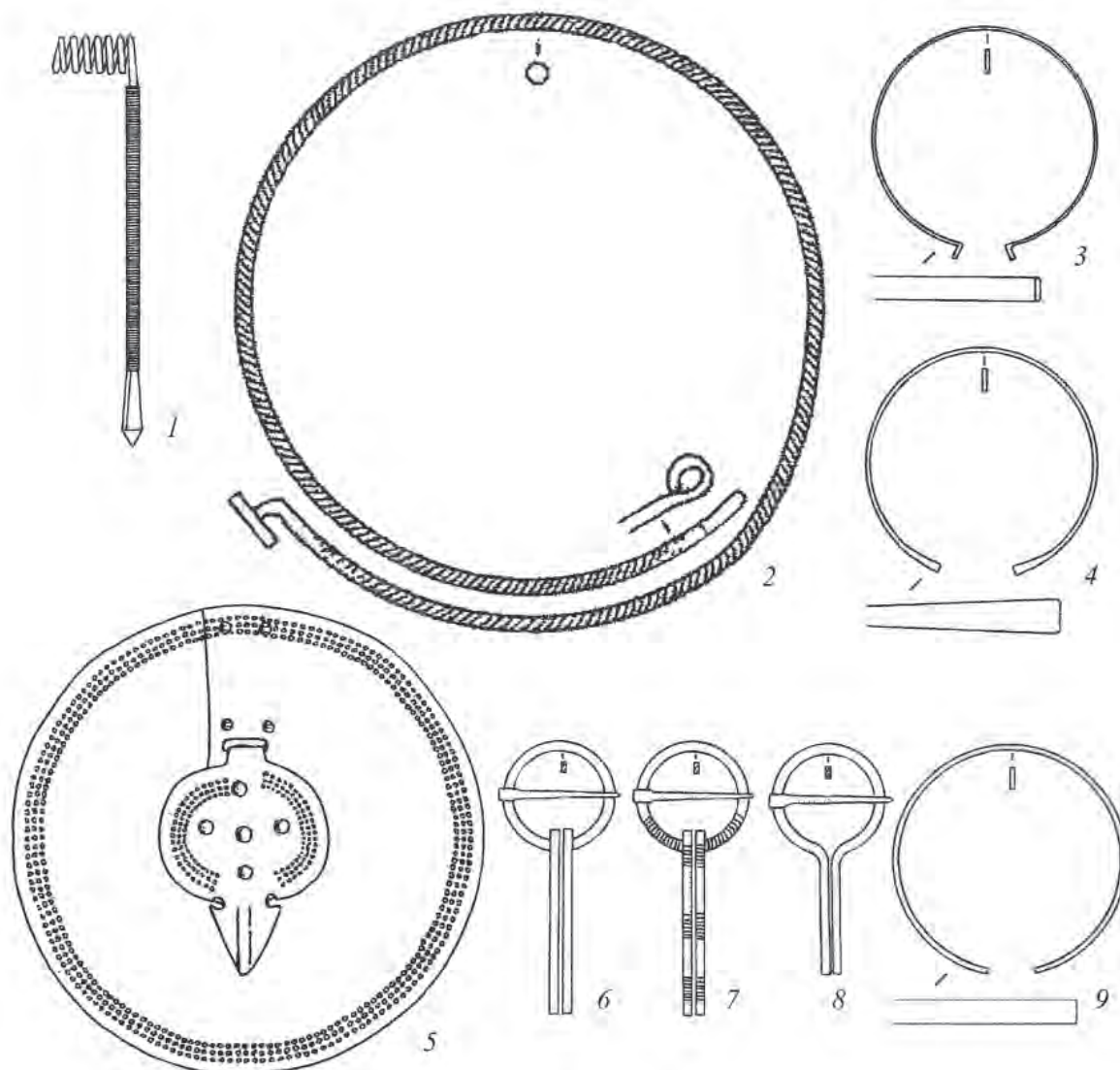

Рис. 7. Вещи поздней стадии мордовских могильников (X – первая половина XI в.)
(по: Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008).

составляет 13%. Кальцинированные кости, выбранные из золы и углей, располагались кучкой на дне овальной в плане могильной ямы. Украшения размещались в порядке ношения.

В X – первой половине XI в. распространены погребения с юго-восточной ориентировкой костяков. Иная ориентировка не типична для этого времени. Увеличивается доля погребений, совершенных по обряду трупосожжения (16%). Эти захоронения совершались в продолговато-овальных ямах. Кальцинированные кости рассыпались по дну ямы или гробовины, поверх них помещались украшения в порядке ношения.

Во второй половине VIII – первой половине XI в. у мордвы продолжает развиваться пашенное земледелие, которое появилось в первой половине I тысячелетия н. э. О нем свидетельствуют находки серпов, мотыжек, топоров, обломков жерновов, глиняных сковородок для выпечки хлеба.

Земледелие в это время тесно связано с развитием скотоводства, археологическими свидетельствами которого являются находки костей различных домашних животных (крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, свиней). Расцветает домашнее ремесло, о чем свидетельствуют многочисленные и разнообразные его изделия, обнаруженные на поселениях и могильниках. Развивается черная и цветная металлургия, представленные развалами плавильных печей (селище Клюквенное 4), крицами, шлаками, слитками металла, тиглями, льячками, ювелирными пинцетами. Зафиксировано наличие прядения и ткачества, обработки кости и дерева, кожевенное и гончарное дело. Значительное место в хозяйстве занимают охота, рыболовство и бортничество.

Культура мордовских племен второй половины VIII – первой половины XI в. отличается необычайной устойчивостью и монолитностью.

Для женского костюмного комплекса характерно присутствие большого количества разнообразных украшений из цветного металла, которые имеют устойчивые формы и медленно меняются в течение почти двух с половиной сотен лет. Мужской набор инвентаря включает оружие и орудия труда, нередко у мужчин также присутствуют украшения рук, гривны и наборные пояса. Статистический анализ материалов цнинских могильников показал, что 90% мужчин были хорошо вооружены и только десятая часть мужчин была погребена без оружия, в качестве сопровождающего инвентаря у них присутствовал лишь нож и фитильная трубочка (Зеленцова, Сапрыкина, 2013, с. 87). В этот

период наблюдается всплеск роста населения в Окско-Сурско-Цнинском междуречье, о чем свидетельствует количество памятников археологии, число которых больше по сравнению с предыдущим и последующим временем (Шитов, 2000, с. 53–55).

Все эти явления свидетельствуют о высоком экономическом положении населения и, несмотря на обилие оружия, достаточно стабильной ситуации в регионе в последней трети I тысячелетия н. э. Основа этой стабильности, вероятно, опиралась на гегемонию Хазарского государства, в орбите которого находились и земли правобережья Волги, населенные поволжско-финскими племенами.

ГЛАВА 10

ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Предуралье – территория, прилегающая к западному склону Урала, главным образом в бассейнах рек Камы и Печоры, окраинная часть Восточно-Европейской равнины. Это один из живописных уголков на территории Российской Федерации, протянувшийся с севера на юг вдоль зоны сочленения Восточно-Европейской равнины и Уральской горной системы. В Предуралье расположены часть республики Коми, большая часть современного Пермского края и Башкирии, Удмуртия и западная часть Оренбургской области.

На запад к Русской равнине Уральские горы снижаются постепенно – невысокие хребты и гряды с пологими склонами переходят в увалы и холмистые возвышенные равнины Предуралья. В северной части расположена Печорская низменность, южнее – Верхнекамская возвышенность, Бугульминско-Белебеевская возвышенность и др. В Предуралье много полноводных рек разной величины и мелких озер. Большая часть территории покрыта хвойными лесами, к югу от тайги расположены широколиственные леса, на крайнем севере – тундра, на крайнем юге – степи. Между северной тайгой и южными степями располагается зона лесостепи. Климат Предуралья менее суров по сравнению с климатом Зауралья, здесь меньше болот и комаров (особенно в Среднем и Южном Предуралье). Таким образом, Предуралье – это как бы продолжение Европейской равнины.

Предуралье как особый историко-географический регион может быть условно разделено на Северное (республика Коми), Среднее (Пермский край и Удмуртия) и Южное (Западный Башкортостан).

В Пермском Предуралье период средневековья традиционно связывают с четырьмя археологическими культурами: ломоватовской (VI–IX вв.), неволинской (конец IV – начало IX в.) и сменившими их родановской (IX–XV вв.) и сылвенской (X–XV вв.). Выделяют также особый харинский этап, предшествовавшей ломоватовской культуре на Верхней и Средней Каме (IV–VI вв.). В последнее время благодаря масштабному изучению памятников X–XI вв. утвердилась точка зрения о непрерывности между поздним этапом ломоватовской и ранним этапом родановской культуры,

и предложено скорректировать их периодизацию, расширив рамки ломоватовской культуры до конца XI в., что будет способствовать более объективному пониманию этнокультурных и исторических процессов (Белавин, Крыласова, 2016). Присутствует также идея выделения вместо археологических культур ряда этнокультурных этапов: харинский (IV–VI вв.), ломоватово-неволинский (VII–XI вв.) и родановский (XII–XV вв.). Вопрос о сылвенской культуре был закрыт в результате работ археологов КВАЭ УдГУ, доказавших отсутствие преемственности между носителями неволинской культуры и теми редкими группами людей, которые оставили некоторые археологические объекты XII–XV вв. в Сылвенском поречье. Последние, скорее всего, были отдельными группами угроззычного предчияликского населения, обитавшего позже в Башкортостане и Татарстане и связанного с этногенезом башкир.

Изучение средневековых древностей Среднего (Пермского) Предуралья было начато в XVIII в., когда капитан Н.П. Рычков посетил, собрал древности и описал ряд т. н. «чудских» городков Прикамья, в частности Рождественское, Филипповское, Губинское, Вильгортское и ряд других городищ. В 1819 г. на городищах Искор, Пянтежском и поселении Урол В.Н. Берхом, чиновником Пермской казенной палаты, были проведены первые в Прикамье археологические раскопки средневековых памятников. Огромный вклад в развитие археологических исследований прикамского средневековья внесли Теплоуховы. А.Е. Теплоухов обследовал Рождественское, Лаврятское, Кудымкарское средневековые городища, Вакинское селище. Ф.А. Теплоухов провел разведки и раскопки на Верхней Каме, опубликовал работы по истории средневекового земледелия, торговли и торговых путей, о религиозных представлениях Камской Чуди.

В 1895 г. президент Французского национального общества древностей барон де Бай произвел раскопки Качкинского курганного могильника. В 1898–1899 гг. Н.Н. Новокрещенных, председатель Пермской ученой архивной комиссии и основатель Пермского краеведческого музея, провел раскопки курганных могильников на р. Сылве

около г. Кунгура. В 1894 и 1898 гг. ряд средневековых памятников Прикамья обследовал А.А. Спицын. По его замечанию, эта местность настолько богата памятниками, что почти в каждом селении ему удалось приобрести древние вещи. Последний раз А.А. Спицын был на Верхней Каме в 1901 г., обследовал могильник VI–VII вв. у д. Грудята на р. Ломоватовке, осмотрел местонахождения у д. Збачева и Маркова, раскопал 47 погребений на Деменковском могильнике VII–IX вв. Памятники V–XIV вв. в отдельную категорию впервые были выделены А.А. Спицыным в опубликованном им в 1902 г. альбоме с изображениями предметов из коллекции Теплоуховых (Спицын, 1902). Спицын также впервые систематизировал находки пермского звериного стиля и в большой работе 1906 г. «Шаманские изображения» дал их хронологию.

В 1920–1930-е гг. сотрудниками Камской экспедиции ГАИМК А.В. Шмидтом, Н.А. Прокошевым и особенно М.В. Талицким были предприняты широкомасштабные исследования памятников средневековья в Верхнем Прикамье. Итогом этой деятельности стало открытие более 40 новых средневековых памятников. Тогда же А.В. Шмидтом была выделена ломоватовская археологическая культура, получившая свое название по речке Ломоватовке, в бассейне которой еще в XIX в. было найдено множество типичных для неё вещей и памятников.

Позже ломоватовские древности и археологические памятники стали предметом изучения А.П. Смирнова, М.В. Талицкого, В.Ф. Генинга, В.А. Оборина, Р.Д. Голдиной, А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой. Особенно крупный вклад в изучение ломоватовских древностей внесли В.Ф. Генинг (Генинг, 1964; Генинг, Голдина, 1970), Р.Д. Голдина, обосновавшая в ряде монографий и статей культурное единство, хронологию и особенности хозяйства ломоватовской культуры (Голдина, 1977; 1985; Голдина, Кананин, 1989), и Н.Б. Крыласова, систематизировавшая мир повседневной культуры ломоватовских племен и систему знаний, представлений и общественных норм (Крыласова, 2007).

Ломоватовская культура. В настоящее время ломоватовская культура представляется одной из наиболее изученных археологических культур Урала и Поволжья (рис. 1). К этой культуре принадлежит около 400 археологических памятников – городищ, селищ, могильников, кладов (святилищ) и отдельных местонахождений. Она занимает правобережье и левобережье среднего и верхнего течения Камы от впадения реки Чусовой и почти до верховий. Её памятники расположены на таких крупных притоках Камы, как Обва, Иньва, Яйва, Вишера, Коса, как в зоне смешанных

южно-таежных лесов с небольшими участками реликтовых степей (южные группы памятников), так и в таежной темнохвойной зоне с большим количеством болот разного типа (северные группы памятников). Раскопкам (разной площади) подверглось 28 городищ, 14 селищ, 19 могильников VII–XI вв.

Ломоватовские памятники зачастую образуют локальные группы (т. н. «гнезда поселений»), которые включают 1–2 городища, 2–4 селища, 1–3 могильника. Расположение этих групп обусловлено географическими условиями, многие из них разделены обширными болотистыми пространствами (особенно в Верхокамье) и представляют своеобразные «обитаемые острова». Такая система расселения связана, очевидно, с очередным периодом гумидизации лесов – процесса, сопровождавшегося заболачиванием лесных территорий, сокращением мест обитания лесного зверя и боровой дичи. На VIII–IX вв. в Предуралье пришелся ее очередной пик. Возможно, «гнезда поселений» можно ассоциировать с территориями, занятыми отдельными родами носителей ломоватовской культуры. Локальные группы памятников неравномерно распределены внутри 10 территориальных групп (Голдина, 1985, табл. 12), разделяемых незаселенными пространствами на водоразделах, возвышенностях и заболоченных участках на 80–170 км друг от друга. В зависимости от рельефа и ландшафта поселения внутри территориальных групп располагались по-разному, иногда образуя относительно плотную сеть расселения, но чаще – весьма разреженную.

Могильники VIII–X вв. изучены достаточно хорошо. Наиболее значительны раскопки Агафоновского II могильника, где Р.Д. Голдиной вскрыто более 450 погребений, исследования Н.Б. Крыласовой на Рождественском (более 300 погребений) (рис. 2) и Огурдинском (более 200) могильниках и работы А.В. Данича на Баяновском могильнике, где изучено более 400 захоронений.

В эпоху Великого переселения народов в Пермском Предуралье появились не свойственные для лесной зоны курганные могильники (харинский этап), многие из которых имеют более поздние бескурганные части, в чем проявляется процесс ассимиляции пришлого населения. Такая преемственность послужила основанием для включения харинского этапа в рамки ломоватовской культуры, хотя он и имеет значительную специфику в погребальном обряде и материальной культуре, но сыграл определенную роль в формировании специфических черт ломоватовской культуры, которые отчетливо проявляются с VII–VIII вв. и очень устойчиво сохраняются до конца XI в.

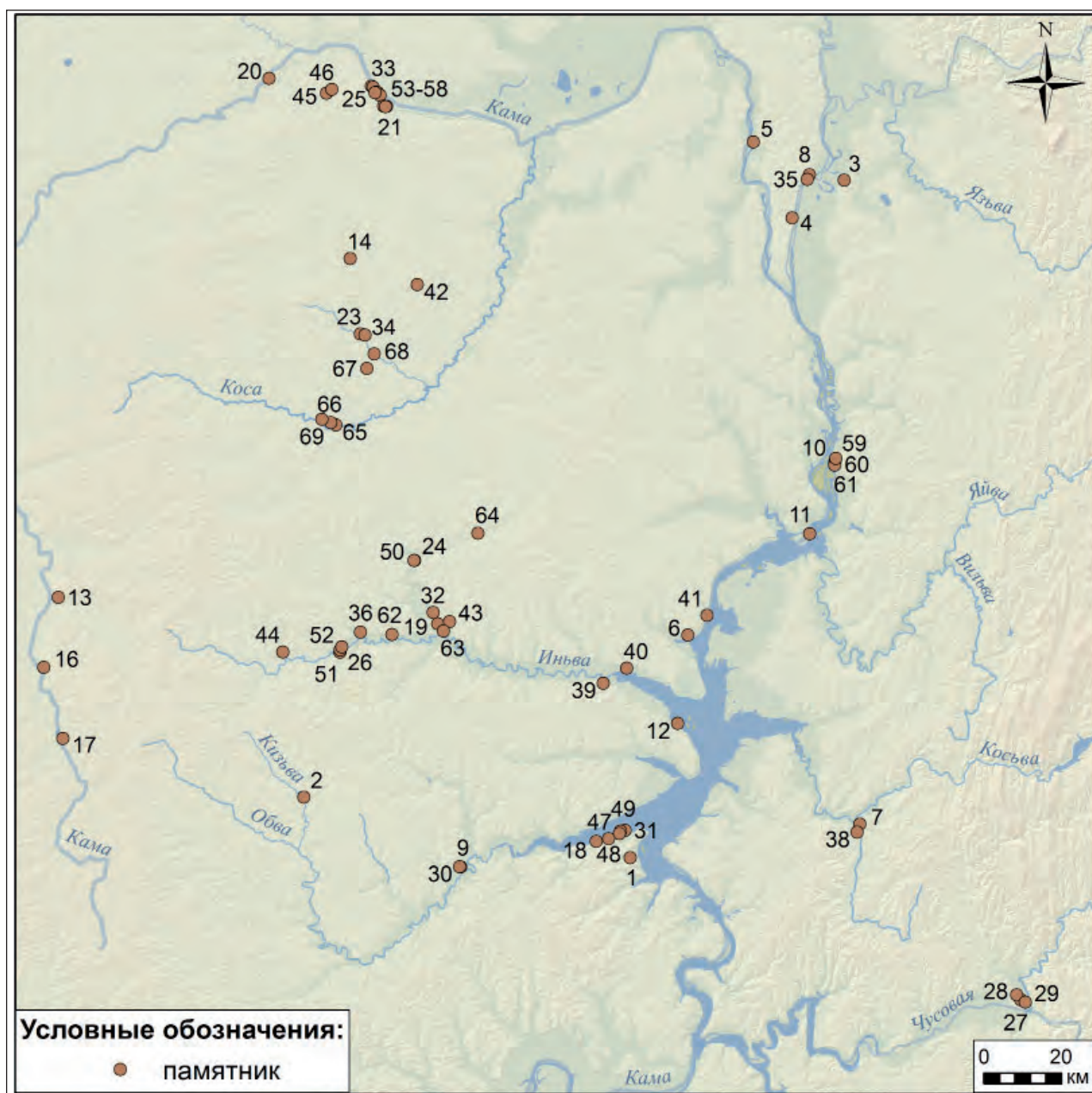

Рис. 1 Основные памятники ломоватовской культуры VII–XI вв. (внесенные в госреестр):

- 1 – Зобачево могильник; 2 – Ершата селище; 3 – Ратегово могильник и городище; 4 – Сартаково могильник; 5 – Амбор могильник; 6 – Пожва могильник; 7 – Баяновский могильник; 8 – Редикорский могильник; 9 – Рождественский могильник; 10 – Запосельский могильник; 11 – Огрудинский могильник; 12 – Анюшкар (Кыласово) городище могильник; 13 – Русиновский могильник; 14 – Митинский могильник; 15 – Аверинский II могильник; 16 – Щукинский могильник; 17 – Деменковский могильник; 18 – Важгортский I могильник; 19 – Плесинский могильник; 20 – Агафоновский I могильник; 21 – Уринский могильник; 22 – Каневский могильник; 23 – Пыштанский I могильник; 24 – Пешнигортский могильник; 25 – Телячий Брод городище; селище и могильник; 26 – Саламатовские городища; 27 – Лисьи Норы городище; 28 – Рождественское и Филипповское городища; 29 – Назаровское городище; 30 – Карасово городище; 31 – Харино городище; 32 – Борино городище; 33 – Редикорское городище; 34 – Кудымкарское городище; 35 – Лаврятское городище; 36 – Полюты городище; 37 – Майкорское городище; 38 – Роданово городище; 39 – Пыдосово городище; 40 – Воробьево городище; 41 – Левинское городище; 42 – Веское городище; 43 – Шипицино городище; 44 – Назаровское I городище; 45 – Назаровское II городище; 46 – Большаки селище; 47 – Каневское селище и могильник; 48 – Пешнигортское I селище; 49 – Пешнигортское II селище; 50 – Даниловское I селище; 51 – Харинское VI селище; 52 – Харинское IX селище; 53 – Нетяйн II селище; 54 – Курьинское I селище; 55 – Курьинское II селище; 56 – Запосельское селище; 57 – Чашкинское II селище; 58 – Чашкинское I селище; 59 – Лопатинское селище; 60 – Усть-Велва селище; 61 – Галюково селище; 62 – Боголюбовское I селище; 63 – Боголюбовское II селище; 64 – Вежайка селище; 65 – Малая Коча селище; 66 – Ташка II селище.

Ломоватовские могильники использовались по нескольким столетиям. Многие бескурганые могильники, возникнув в VII–VIII вв., существовали вплоть до X–XI вв. Как правило, такие могильники занимают обширную площадь и содержат по несколько сотен погребений. Большая часть захоронений совершена по обряду ингумации, но присутствуют и захоронения по обряду трупосожжения. В целом 30% погребений ломоватовских могильников, для которых определен способ захоронения, совершены по обряду кремации, 70% – по обряду ингумации (Бочаров, 2000, с. 63).

Соотношение погребений с разными обрядами на каждом памятнике меняется. Есть могильники с преобладанием кремации – Агафоновский I могильник (87,6% погребений с кремацией), Агафоновский II (97,1%), Щукинский могильник (76,7%) Аверинский II (72,6%). Единичные погребения с кремацией зафиксированы на Урынском, Баяновском, Запосельском некрополях. И все же обряд ингумации, безусловно, преобладает. На Антыбарском, Рождественском, Деменковском, Каневском, Телячий Брод, Больше-Висимском и целом ряде других могильников все погребения совершены по этому обряду.

Грунтовые захоронения обычно не имеют явных следов на современной поверхности, располагаются рядами. Неглубокие могильные ямы имеют прямоугольную или овальную форму. Погребенные укладывались преимущественно ногами к реке, но тем не менее преобладает ориентация головой на север с отклонением на северо-запад. Очевидно, при выборе места для могильника руководствовались тем, чтобы обеспечить правильную ориентировку по отношению и к реке, и по сторонам света.

Обычно в ломоватовских могильниках кости сохраняются очень плохо, что, возможно, обусловлено небольшой глубиной могильных ям. По сохранившимся остаткам костяков установлено, что преобладало положение погребенных вытянуто на спине, с руками, уложенными вдоль туловища. Челюсти погребенных обычно сомкнуты, нижняя челюсть стоит на основании, что позволяет предполагать наличие подставки или подушки под головой. Судя по положению костей (таз раскрыт, кости лежат на наружных поверхностях), вокруг оставалось некоторое пространство, в котором возможно движение костей, что бывает при наличии гробовища или иной подобной конструкции, остатки которых сохраняются очень редко. Когда погребальный инвентарь включает большое количество металлических предметов, на дне иногда фиксируются остатки деревянного настила и бересты, режы – следы дощатой рамы или гробови-

ща из досок, в отдельных погребениях прослеживаются долбленые колоды либо лодки-долбленки (Генинг, Голдина, 1970 с. 51), в засыпи погребения 4 Каневского могильника найдены деревянные пополья от саней.

Погребения, как правило, одиночные, хотя в ряде могильников изредка встречаются парные и коллективные захоронения. Так, в погребении 109 Баяновского могильника обнаружены останки не менее пяти человек (четырёх взрослых мужчин и одной женщины), погибших в результате получения смертельных ранений. Погребение является вторичным – захоронение костей произведено после истлевания мягких тканей; останки были завернуты в свёрток (Данич, 2008, с. 51). Парные и коллективные захоронения, возможно, отражают ситуацию, связанную с военными столкновениями. В ряде могильников (Рождественский, Баяновский, Огурдинский) зафиксировано наличие кенотафов.

Детские захоронения осуществлялись на общем кладбище, иногда подхоранивались в могилы взрослых, видимо, родственников (Каневский могильник) (Генинг, Голдина, 1970 с. 51). На Баяновском могильнике А.В. Даничем и Н.Г. Брюховой отмечена концентрация детских захоронений на определенном участке некрополя, а также захоронение детей с взрослыми (чаще всего с мужчинами). В последнем случае нередко сохранность детских костяков значительно хуже, чем взрослых, что позволяет предполагать наличие обычая сохранять тела умерших детей до того момента, пока не появится возможность похоронить их вместе со взрослым родственником.

Нередко в погребениях фиксируются следы ритуальных действий, направленных на очищение, облегчение достижения покойным потустороннего мира, защиту живых от умерших.

Около 70% погребений содержат проявления культа огня – угли и углисто-золевые скопления из поминального костра, линзы прокала. От 5% до 25% погребений Огурдинского, Баяновского, Рождественского могильников имеют на дне погребения прослойку чистого речного песка, что отражает наличие каких-то ритуалов, связанных с рекой.

Весьма частыми, особенно в мужских погребениях, являются находки черепов (обычно фрагментированных) и конечностей коня, располагавшиеся как на дне, так и в засыпи могильной ямы. Кости животных (в первую очередь лошади) встречены в 18,5% погребений VII–IX вв., в 17,1% погребений IX–XI вв., на Рождественском могильнике X–XI вв. – в 20% погребений. Особенностью ломоватовских могильников является присутствие в них и элементов конского снаряжения – удила, подпружных пряжек и стремян, выявленных в 6%

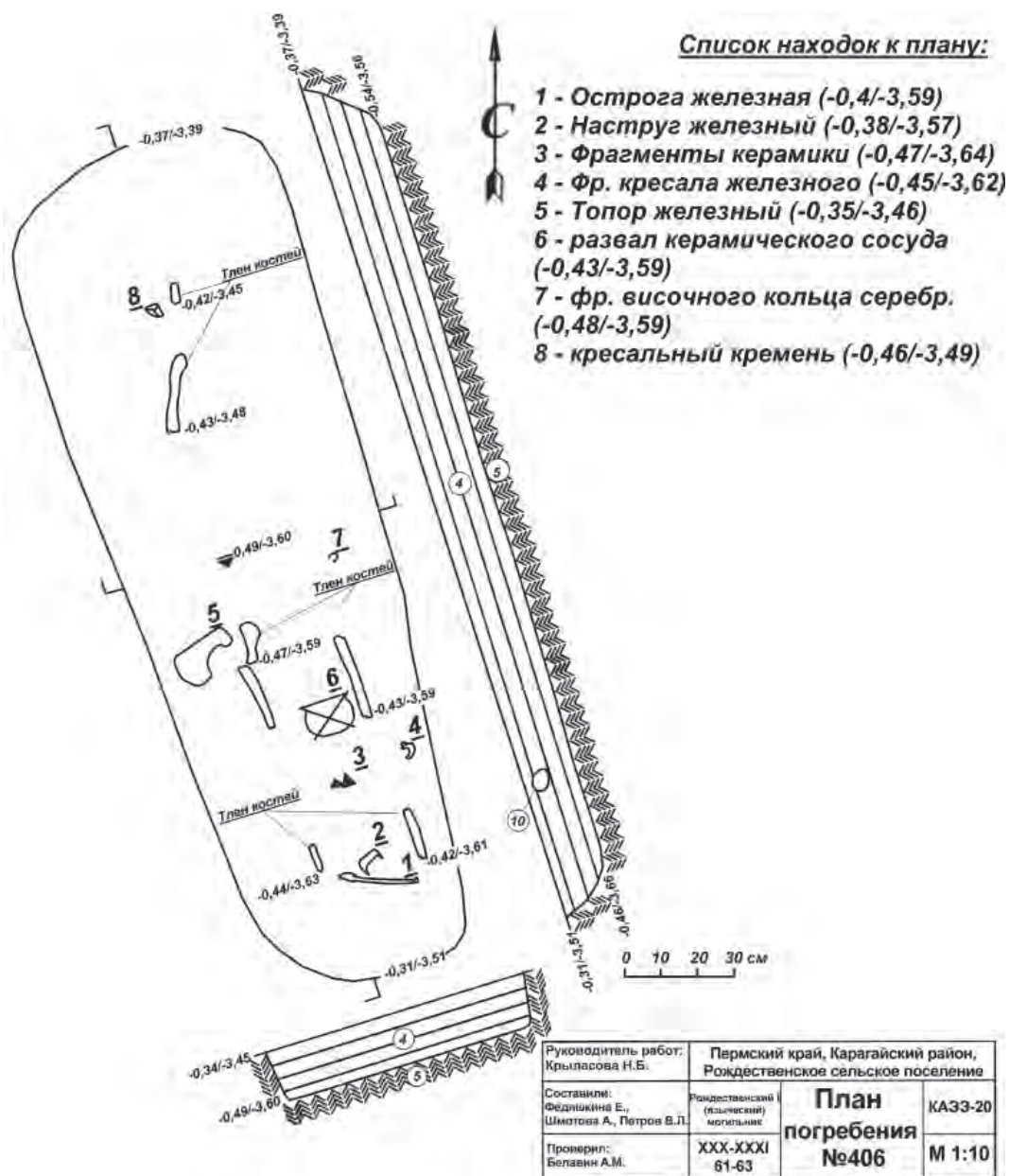

Рис. 2. Рождественский могильник. План погребения 406.

могил, а на Плесинском могильнике – в каждом пятом погребении.

На ряде могильников (Деменковский, Каневской, Баяновский, Запосельский, Рождественский) встречены жертвенно-поминальные комплексы в межмогильном пространстве. На Рождественском могильнике, где они изучены наиболее детально, эти объекты представляют собой небольшие округлые ямы, окруженные столбовыми ямками от кольев, в которые помещалась поминальная пища, единичные украшения, а зачастую – фрагменты конских черепов или удила.

Комплекс коня, так же как лодки и сани, судя по этнографическим данным, связан с традицией снабжать умерших транспортом для движения в загробный мир.

В погребения помещались сосуды с заупокойной пищей – керамические, изготовленные специально для погребального ритуала и отличающиеся плохим обжигом, деревянные, иногда украшенные по венчику серебряными обкладками, изредка медные котлы.

Украшения и детали костюма обычно располагаются на месте их ношения, но иногда прослеживается намеренное повреждение вещей для облегчения перехода покойного в иной мир: пояса разрезаны или расстегнуты, женские наконники, которые обычно скреплялись за спиной, разъединены, и косы уложены спереди вдоль туловища и т. п.

В могилы кроме вещей, находящихся на парадных одеждах погребенных, укладывали их личные

вещи, как правило, связанные с социально-производственными функциями при жизни. В женских погребениях встречаются пряслица, швейные и вязальные иглы, в мужских – наборы хозяйственных и производственных орудий (рыболовные крючки и наконечники мотыг, деревообрабатывающие инструменты, реже – специализированные инструменты кузнецов и литейщиков). В мужских погребениях зачастую присутствуют и предметы вооружения: боевые топоры, наконечники стрел, копий и дротиков, реже сабли (рис. 3; 4; 5). Весьма интересны находки сабель, например, в двух погребениях Плесинского могильника – в деревянных ножнах, окрашенных коричневой краской, с серебряными накладками и наконечниками и серебряными навершиями венгерского типа на деревянных рукоятях.

Особой чертой погребальной обрядности носителей ломоватовской культуры является распространение серебряных погребальных масок (рис. 6), которые нашивались на куски шелкового покрывала, закрывавшего лицо покойного. Маски характерны в основном для мужских воинских погребений, хотя известны и в женских захоронениях. Многие из них представляют собой художественные произведения, изготовленные из листового серебра с чеканкой, гравировкой и даже с чернью, передающие, возможно, реальные черты лица покойного. Такие маски встречены в погребениях VIII–XI вв. на Рождественском, Огурдинском, Баяновском, Редикарском, Запосельском, Плесинском, Деменковском и ряде других ломоватовских могильников. Следует подчеркнуть, что маски, вероятно, применялись при захоронении социальной элиты, о чем свидетельствует богатый комплекс погребального инвентаря в подобных погребениях. С «элитарными» захоронениями связаны и некоторые отступления от общего погребального обряда: биобрядность, противоположная ориентировка захороненных и пр., что, однако, говорит не об иноэтничности верхушки общества, а об особом к ней отношении. Использование погребальных металлических масок зафиксировано в венгерских могильниках «периода Арпадов» и вплоть до этнографической современности – в погребениях угров Западной Сибири, и считается одной из наиболее характерных угорских черт погребального обряда.

Отметим, что, по данным венгерских археологов, захоронения с костями лошади, лицевыми покрытиями, конской упряжью и оружием являлись привилегией высших слоев ранневенгерского общества в Панонии в IX–X вв., остальные черты погребальной обрядности, упомянутые выше, в той или иной мере характерны, по мнению Ч. Балинта, для ранних венгров конца IX–X вв.

Наиболее яркие мажарские черты представлены в новейших материалах Баяновского могильника (рис. 7). Здесь найдено 105 погребальных масок разной конструкции: кусочки серебряных пластин и монеты, положенные на глаза (как в венгерском могильнике Башхалом), наглазники и наротники, типа венгерских из могильника Ракамаз, целые портретные маски-личины с декоративными элементами, выполненными чеканкой и чернью. Погребений с масками здесь очень много – более 40%.

Многочисленны находки погребений с саблями (два десятка), рукояти и ножны которых украшены орнаментированными серебряными накладками; с деталями узды и другим конским снаряжением; с останками коней в виде черепа (челюсти) и костей ног, лежащих у ступней человека. В 15 погребениях найдены остатки кожаных кошельков с металлическими обкладками, а в двух погребениях X в. обнаружены остатки серебряных лицевых пластин от поясных сумочек-ташек. Особый интерес представляет находка ташки в погребении 279 с пластиной, покрытой великолепным гравированным орнаментом в виде пальметт (рис. 8). Благодаря консервирующим свойствам серебра лицевой пластины в сумочке сохранились роговая солоничка с деревянными пробками и орнаментированный деревянный гребень с биконьковой спинкой.

Во многих комплексах с саблями и деталями узды на груди погребенного воина находился особый знак – серебряная подвеска в виде всадника (из 15 таких подвесок 8 найдено в комплекте с саблей) (рис. 9). Видимо, это был знак принадлежности к особой всаднической касте: в могилах венгров периода «обретения Родины» найдены похожие знаки. О богатстве воинов свидетельствует и то, что практически во всех таких погребениях найдены остатки шелковых одежд. Шелком по традиции расплачивались со своими федератами – тюрками и уграми – византийцы. В одном из погребений Баяновского могильника с погребальной маской, деталями узды, пикообразным наконечником копья и легким боевым топориком-«фокош» был найден серебряный византийский художественный пояс с уникальным сюжетом «царские утехи» (рис. 10). Такие пояса производились в Византии VIII в. в качестве наград для воинов-союзников из числа «варваров». В Прикамье пояс попал, скорее всего, вместе с воином, принимавшим участие в каких-либо военных операциях византийцев. Но в семье этого воина он дожил до X столетия, когда был похоронен, возможно, с последним мужчиной-воином в этой семье. Присутствие серебряных наборных поясов в воинских захоронениях Баяновского могильника указывает на длительное

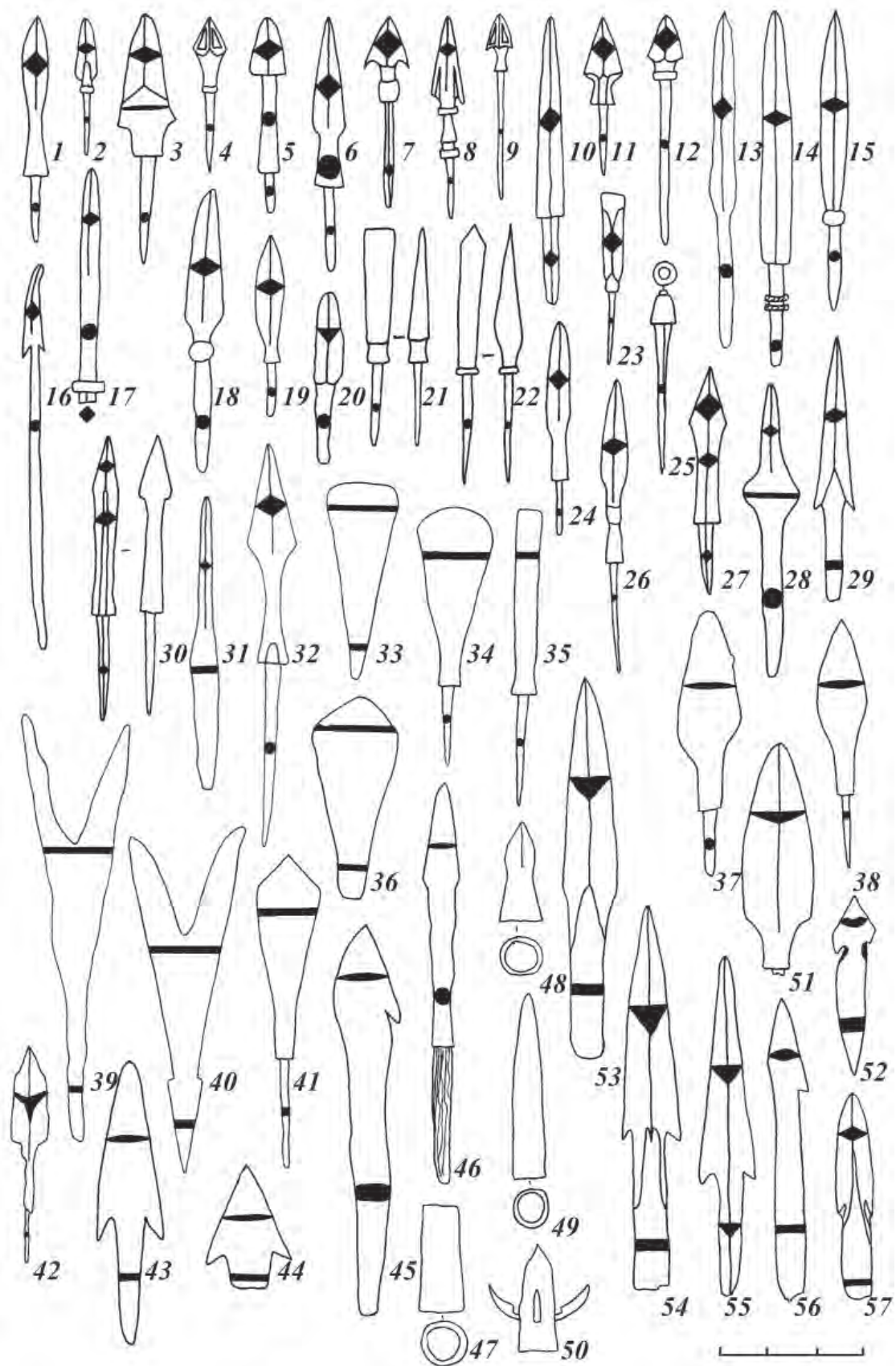

Рис. 3. Железные и костяные наконечники стрел из Пермского Предуралья

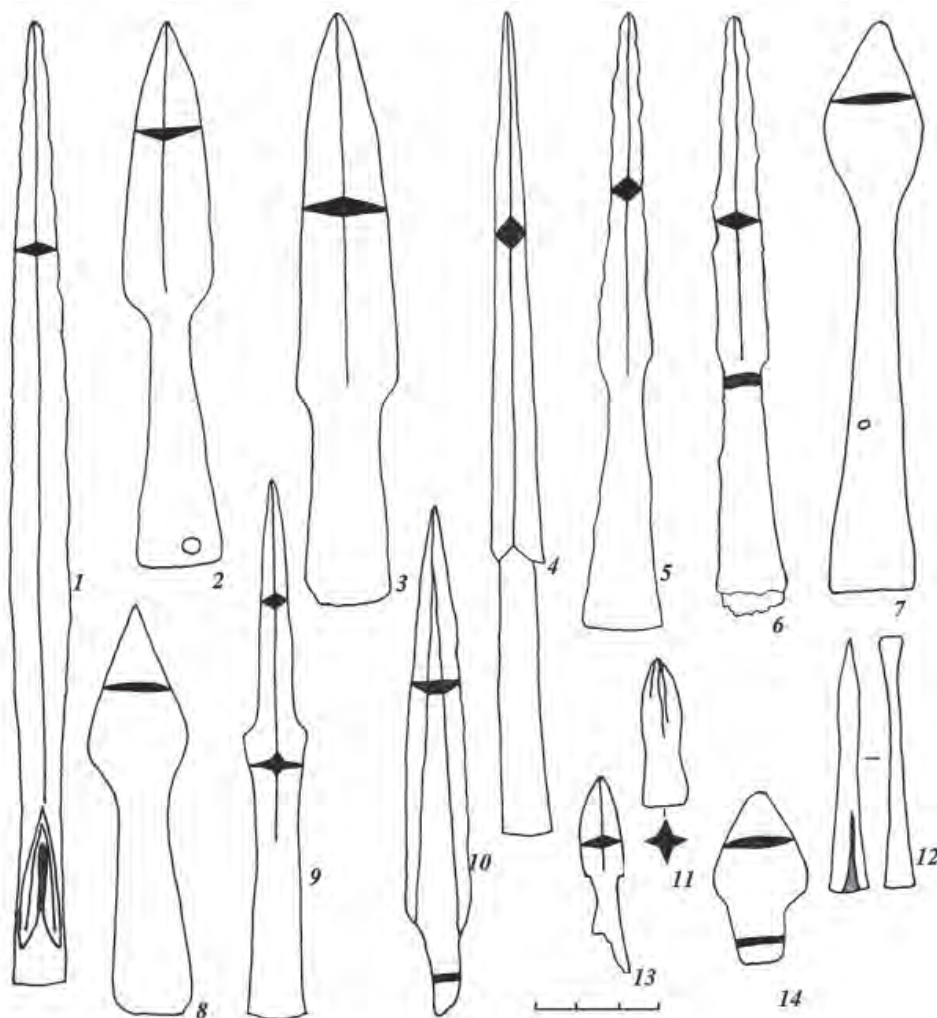

Рис. 4. Наконечники копий, сулиц и дротиков.

1 – Плесинский могильник, 2, 7, 13 – Пермский край, 3 – Пожвинский П, 4 – Редикарский, 5 – Загарский, 6 – Баяновский, 8 – Питерский (Степаново плотбище) могильники, 9 – Мальцевское селище, 10 – с. Кочевое, 11 – Рождественское городище, 12 – Плесинский могильник, 14 – д. Ошиб

сохранение древних военных традиций в средневековом обществе Пермского Предуралья.

Скорее всего, Баяновский могильник оставлен населением, очень близким по этнокультурным традициям венграм периода «обретения Родины». Пермское Предуралье (южную часть ломоватовских памятников IX–XI вв.), таким образом, также можно относить к Magna Hungaria, как и Южное Предуралье (Башкирию и Северо-Восточный Татарстан). Примечательно, что в X–XI вв., уже после ухода венгров в Паннонию, в Предуралье продолжала развиваться мадьярская культура, причем параллельно с Венгрией, что указывает на сохранение прямых контактов между родственниками.

Поселения ломоватовской культуры представлены укрепленными городищами и неукрепленными селищами. Селищ известно более 120, к сожалению, раскопкам подвергалась малая часть из них. Селища располагаются по берегам рек в су-

хой высокой пойме (Запосельское, Абрамовское), на останках береговых террас или дюнообразных всхолмлениях (Вереинское, Баяновское) или на краю невысоких коренных береговых террас (Вакинское, Подчудское место, Володин Камень и др.). Ряд селищ находятся на территориях прибрежных лугов и топографически ничем не выделены (Сметанинское на Яйве, Губинское IV и др.). Селища обычно находились недалеко от городищ, но в глухих районах они образовали и группы, не защищенные городищами. Некоторые селища в X в. получали укрепления (Лаврятское), и преобразовались в городища. Площадь селищ обычно от 2 до 10–12 тыс. кв. м, мощность культурного слоя 0,2–0,4 м, хотя некоторые имели слой и до 0,6–1,0 м. Большая часть селищ распаивалась, что сильно повредило культурный слой, в настоящее время из-за сокращения пашни они активно зарастают лесом.

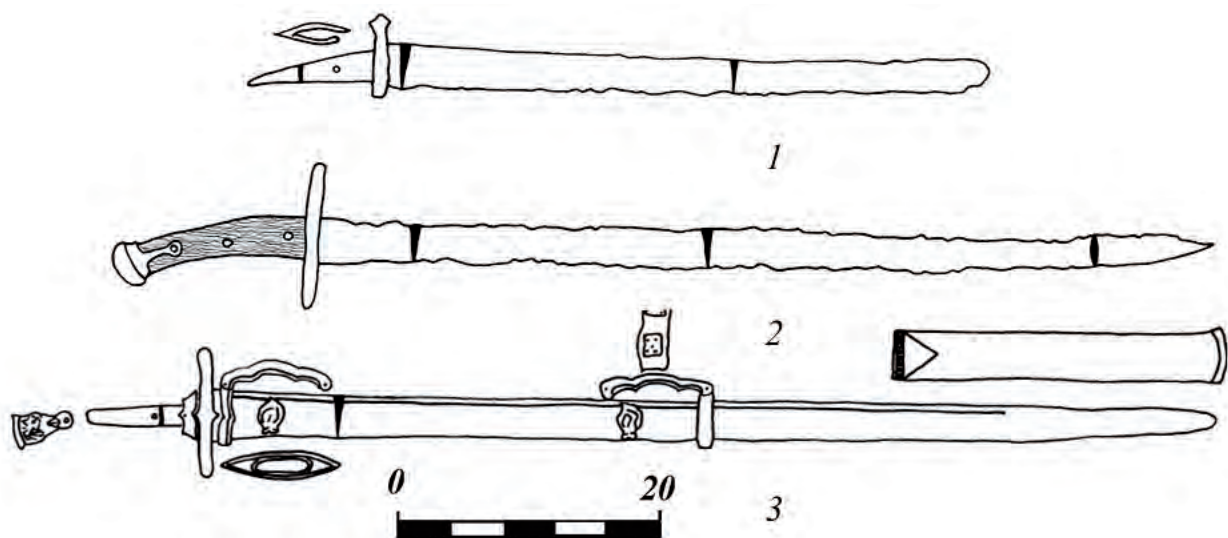

Рис. 5. Сабли. 1 – Загарский могильник; 2 – Баяновский могильник; 3 – Плесинский могильник.

Рис. 6. Маски погребальных покрытий IX–X вв.:
 1 – Редикорский могильник; 2 – Баяновский могильник, погребение 241; 3 – Баяновский могильник, погребение 115; 4 – Баяновский могильник, погребение 1286; 5 – случайная находка, Пермский край; 6 – Рождественский могильник, погребение 2106; 7 – Плесинский могильник, погребение 26. Все – серебро.

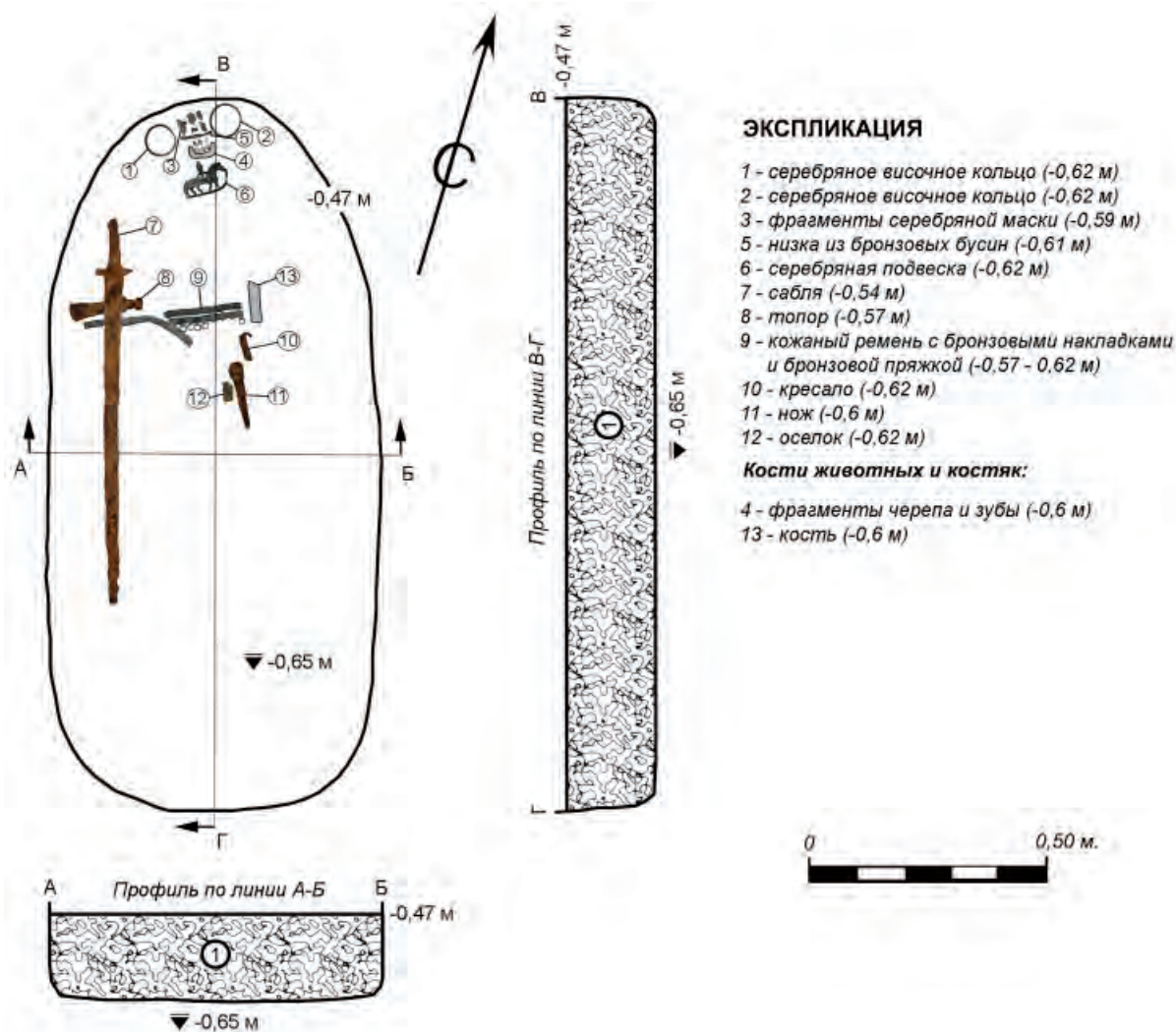

Рис 7. Баяновский могильник. Погребение 107.

Раскопками к настоящему времени изучено 14 селищ VI–X вв., из которых к VIII–X вв. относится семь: Запосельское, Баяновское, Русиновское I, Огурдинское, Володин Камень I и II, Чашкинское I.

Наиболее полно изучено Запосельское селище (поселение) на правом берегу ручья Посельский, впадающего в Чашкинское озеро, расположенное между городами Соликамск и Березники (рис. 11). Общая площадь памятника около 60 тыс. кв. м. Основная часть его площадки распахивалась, около четверти памятника уничтожено при строительстве железной дороги. Работами А.М. Белавина в 1983, Н.Б. Крыласовой в 2004–2007 гг. изучено 1358 кв. м. Мощность культурного слоя – до 0,7 м, в ямах – до 1,3 м. На памятнике изучено большое количество объектов: жилищ, ям разнообразного назначения, столбовых конструкций. Наиболее интересным является полностью изученное жилище (Белавин, Крыласова, 2008), внешние контуры которого ограничивал периметр

из округлых столбовых ям (рис. 12; 13). Жилище прямоугольной формы, ориентированное по линии С–Ю, длиной 15, шириной 4,5 м, имело общую площадь 67,5 кв. м. Стены его были бревенчатые, построенные в столбовой технике, крыша односкатная, по периметру жилого сооружения располагались нары, в центре размещалось глинобитное отопительное устройство типа камина (чувала). В жилищно-хозяйственном комплексе кроме жилища присутствовали мостки, ведущие от южного входа к ручью, хозяйственный пристрой для содержания скота, ямы для сбора золы, объекты производственного назначения. Жилище и окружающее его пространство были тщательно обустроены для создания комфортных условий жизни и ведения хозяйственной деятельности.

Еще два жилища, частично вскрытые на селище, имеют иную конструкцию. Ширина их составляла около 8–8,5 м, по осевой линии прослеживались ямы, связанные с опорными столбами, поддерживающими конек двускатной кровли, а

Рис. 8. Баяновский могильник. Лицевая пластина сумочки из погребения 279. Серебро, позолота, гравировка

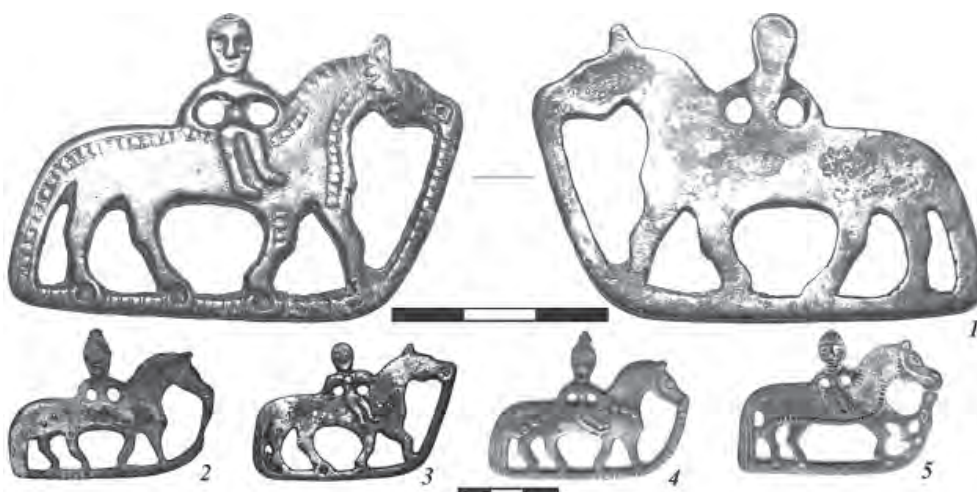

Рис. 9. Баяновский могильник. Подвески-всадники. Серебро, литье.

по обе стороны от ряда этих столбов примерно на расстоянии 1,5 м – ряды ям от столбов, поддерживающих стропила. В одном жилище вдоль одной из длинных сторон прослежены остатки канавки, в другом у торцевой стены выделялся тамбур – сени с легким ограждением. С интерьером жилищ связаны остатки опор нар и отопительных устройств.

Подобного рода жилища изучены и на Чашкинском II селище, отделенном от Запосельского ручьем.

Основную часть находок на селище Запоселье составляли фрагменты лепной бытовой посуды: горшков и чаш «прикамского типа», в основном с защипами по венчику и туловом, заглаженным

щепой или пучком соломы с характерными «расчесами» на поверхности, реже – со шнуро-гребенчатой орнаментацией; миниатюрных мисок и плошек (рис. 14). Среди керамического материала выделяются фрагменты сосудов зауральского производства. Из вещевых находок представлены железные ножи и шилья, резцы, зубила, гвозди, пряжки; бронзовые и серебряные украшения, в том числе характерные для Пермского Предуралья коньковая подвеска и пронизка-лебедь; стеклянные и хрустальные бусы; многочисленные предметы, связанные с бронзолитейным производством: фрагменты тиглей, форм, ложка-льяхка. Среди уникальных находок – брикеты сырой белой и красной глины, которые составляли сы-

Рис. 10. Баяновский могильник. Пояс византийский. Серебро, литые.

рьево́й запас в местности, где отсутствуют выходы глины; глиняная статуэтка-куполка с отчетливым изображением шапочки и пояса; бронзовые культовые плакетки в зверином стиле с изображением человека-лося и с изображением личины на ящере под сводом из двух лосиных голов, а также серебряная монетовидная привеска с подобным сюжетом. Селище Запоселье – один из немногих памятников, где предметы пермского звериного стиля найдены в культурном слое, все они связаны с объектами металлургического производства.

Запосельское и Чашкинское II селища, возникшие в VIII в., возможно, составляли единое поселение, жители которого вели комплексное хозяйство, основанное на скотоводстве и мотыжном земледелии с высокой долей охоты и рыболовства. Уже на первых порах жизни на новом месте они начали активно развивать металлургию. Источником сырья для черной металлургии являлись болотные руды из местных болот, в изобилии разбросанных вдоль побережья. Цветная металлургия базировалась на Кушгортском месторождении медистых песчаников с поверхностным залеганием руды. Производственные сооружения, которые быстро приходили в негодность, сооружались вновь на новом месте, все дальше удаляясь от речки Посельской. В целом комплекс из Чашкинского II и Запосельского селищ можно отнести к неукрепленным поселениям производственной

направленности, характерным для Березниковского археологического микрорайона.

Этот особый тип археологических памятников – ремесленные (металлургические) поселки – появился в VIII–X вв. Как правило, они располагались обособленно от поселений, ориентированных на сельское хозяйство и охоту. Ярким примером таких поселений, кроме селищ на берегу Чашкинского озера, являются селища Володин Камень I и II. На поселении Володин Камень I на правом берегу р. Яйвы в ее нижнем течении (Белавин, Мельничук, 1984) исследованы остатки двухкамерного, углубленного в землю сооружения, связанного с бронзолитейным делом. О его назначении свидетельствуют многочисленные медные шлаки, тигли, бракованные отливки, разломанные литейные формы. Кроме литья бронзы и меди в яме, вероятно, велась и выплавка меди из руды. Сооружение имело производственную площадку, на которой располагался металлургический горн, и широкую предпроизводственную площадку, где проводилась подготовка сырья и топлива для плавки, а также выполнялись ритуальные действия, связанные с металлургией, о чем свидетельствует наличие жертвенного комплекса в виде обрезанной нижней челюсти крупного животного и бронзовой фигурки ящера, перекрытых пятном сырой глины, стеклянных и глиняных бус, предварительно разломанных пряслиц, височных колец – личных вещей литейщиков, принесенных

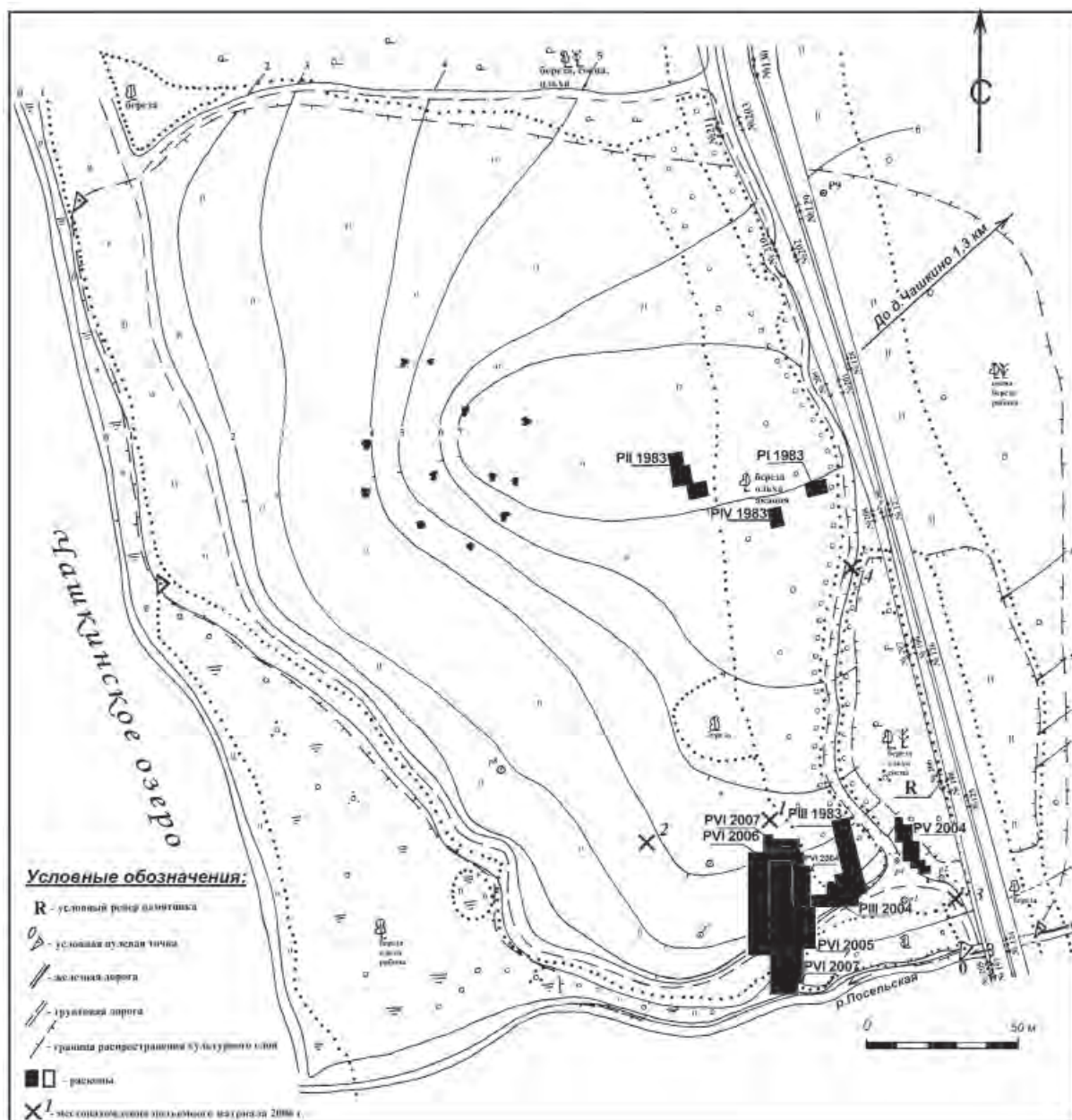

Рис. 11. План Запосельского селища.

в жертву духу-покровителю металлургов. Аналогичные жертвы (бусы, пряслица, иглы, обломок жернова) собраны на особой культовой площадке соседнего поселения Володин Камень II, также связанного с металлургией. Изображения ящера, найденные в жертвенных комплексах производственных поселков, вероятнее всего, олицетворяли духа-покровителя металлургов. В процессе становления металлургии как ремесла приходило и выделение особых групп людей, занятых этим родом деятельности. Обособленность этой профессии, недоступность навыков и знаний кузнецов и металлургов для широкого круга людей, делали их в глазах сородичей людьми уважаемыми и таинственными. С таким отношением к кузнецам

и металлургам связано появление в могильниках второй половины I – первой половины II тыс. н. э. у камских и волжских финно-угров особых погребений литейщиков и кузнецов, известных по целому ряду могильников, а также появление на поселениях металлургов особых культовых комплексов (рис. 15).

Укрепленные поселения – городища сооружались обычно на мысах разной высоты и формы. Практически все ломоватовские городища относятся к мысовым и сложно-мысовым, подчиненным рельефу местности. Лишь Сенькинское I городище VI–VII вв. и Рождественское, основанное на рубеже IX–X вв., существовали на сплошной береговой террасе. Оборонительные сооружения

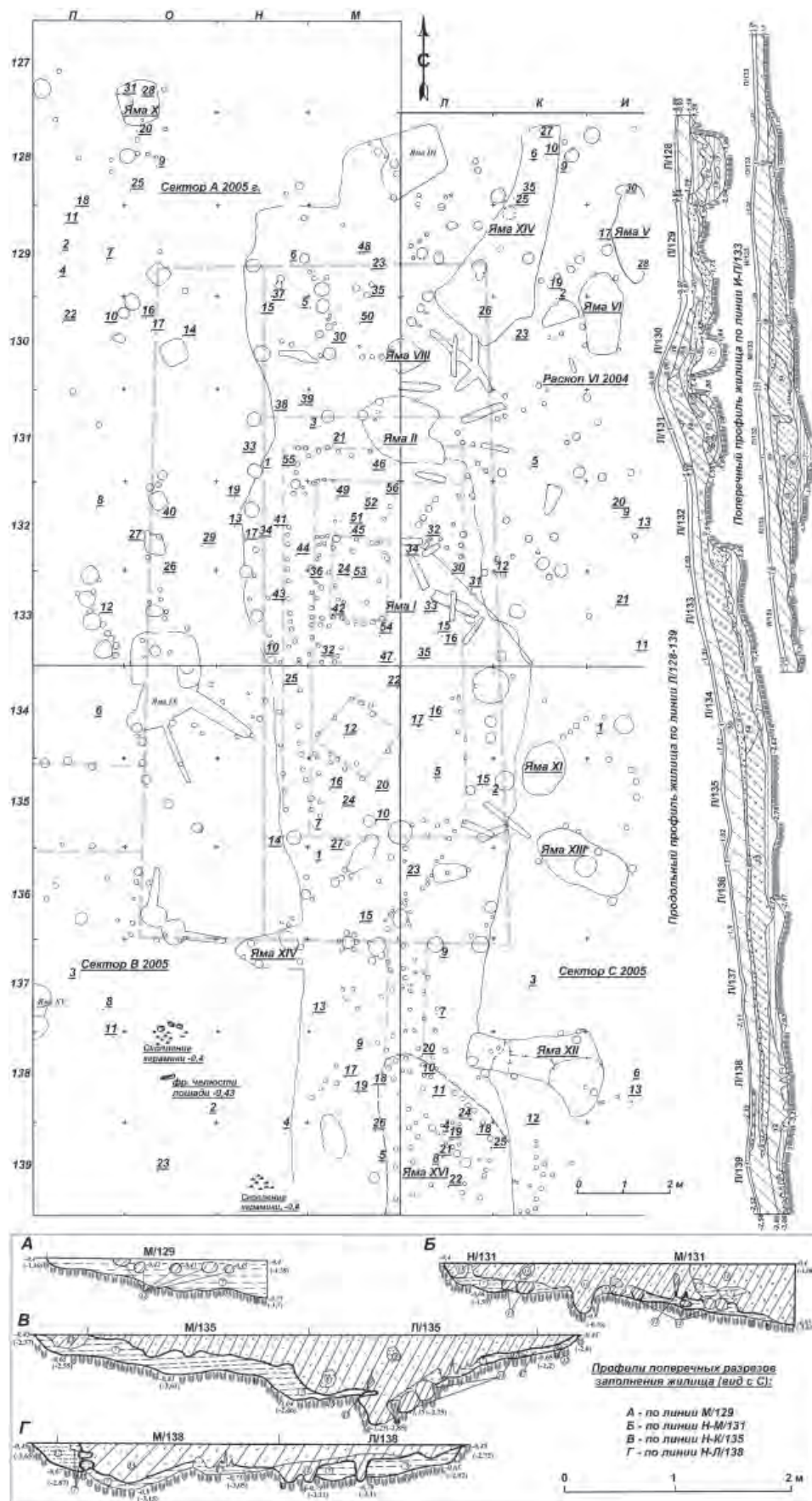

Рис. 12. Запосельское селище. План жилища № 1.

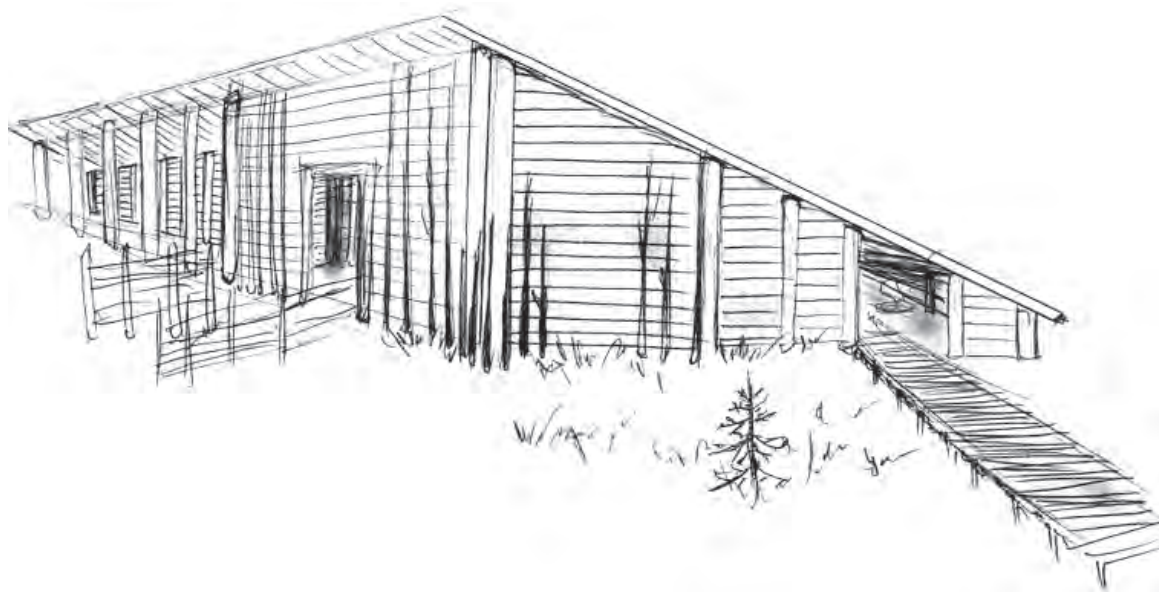

Рис. 13. Запосельское селище Реконструкция жилища.

обычно просты: вал и ров перед ним с напольной стороны, реже сооружались валы и, видимо, частоколы по краям мысовой площадки городища. К IX–X вв. на ряде городищ появляются дополнительные системы укреплений, количество валов доходит иногда до 3–4 (городища Володин Камень, Соломатовское и др.), вероятно, такие городища прикрывали районы, имевшие важное значение в торговле и хозяйстве. По гребням валов устанавливались частоколы из бревен (Анюшкар, Редикор и др.), и такой же частокол – по краям площадок. Площадки подсыпались глиной и щебенкой, иногда искусственно срезались, образуя уступы-эскарпы (Кыласово, Петуховское, Гырчиновское и др.). В результате земляная часть валов вместе с частоколами образовывали стену высотой до 5 м. Площадь городищ 0,25–10 тыс. кв. м, но встречаются и значительно более крупные памятники (Губинское, Рождественское городища). Мощность культурных отложений на некоторых городищах составляет более 1 м. Отдельные городища не были заселены – они играли роль запасных убежищ, но уже к IX в. на территории ломоватовской культуры таких убежищ практически не осталось, все городища были заселены.

Раскопками изучено немного ломоватовских городищ VIII–X вв.: Володин Камень, Лаврятское, Бисеровское II, Ором, а также ряд городищ, возникших в ломоватовское время до X в. и продолжавших существовать вплоть до XIII–XIV вв. (Шудьякар, Анюшкар, Рождественское).

Типичным ломоватовским городищем является Лаврятское, расположенное на левом берегу р. Вилвы в 1,5 км от с. Таборы Добрянского района Пермского края (рис. 16). Площадь его (вместе с

валом и рвом) составляет около 10 тыс. кв. м. Городище расположено на мысу с крутыми (60–65°) склонами, с восточной стороны имеют следы специальной подрезки (эскарп), с южной (напольной) стороны оно ограничено валом от 6 до 8 м и рвом. Мощность культурного слоя достигает 0,75 м. Городище обследовалось Ф.А. Теплоуховым в 1879 г., разведочным отрядом КАЭ ПГУ в 1951 г., раскапывалось В.А. Обориным в 1953 г., которым вскрыто 232 кв. м (Оборин, 1956). В середине 50-х годов XX в. на городище неоднократно производились кладоискательские работы, организованные под видом секретных дел батальоном железнодорожных войск, участвующим в строительстве станции и реконструкции железной дороги. Эти работы были организованы с целью найти вход в легендарную «пещеру с золотом», которая, по мнению местных жителей, расположена под площадкой городища. В 1992 г. городище исследовалось А.М. Белавиным (Белавин, 2011). На памятнике частично исследованы два жилища IX–X вв. каркасно-столбовой конструкции с остатками очага из слоев золы и прокаленной глины, печи-чувала; изучена яма-кладовка с костями домашних животных и раздавленными сосудами, в одном из которых собраны зерна ячменя, а в двух других – большое количество обожженных глиняных шариков. Керамика представлена типичными лепными сосудами чашевидной и горшковидной формы, т. н. «прикамскими чашами» (рис. 17). В основном они имеют характерную для ломоватовской культуры орнаментацию в виде многорядного «шнура» по шейке в сочетании со шнуровыми и гребенчатыми «подковками» по плечу. Имеется и орнаментация отпечатками гладкой

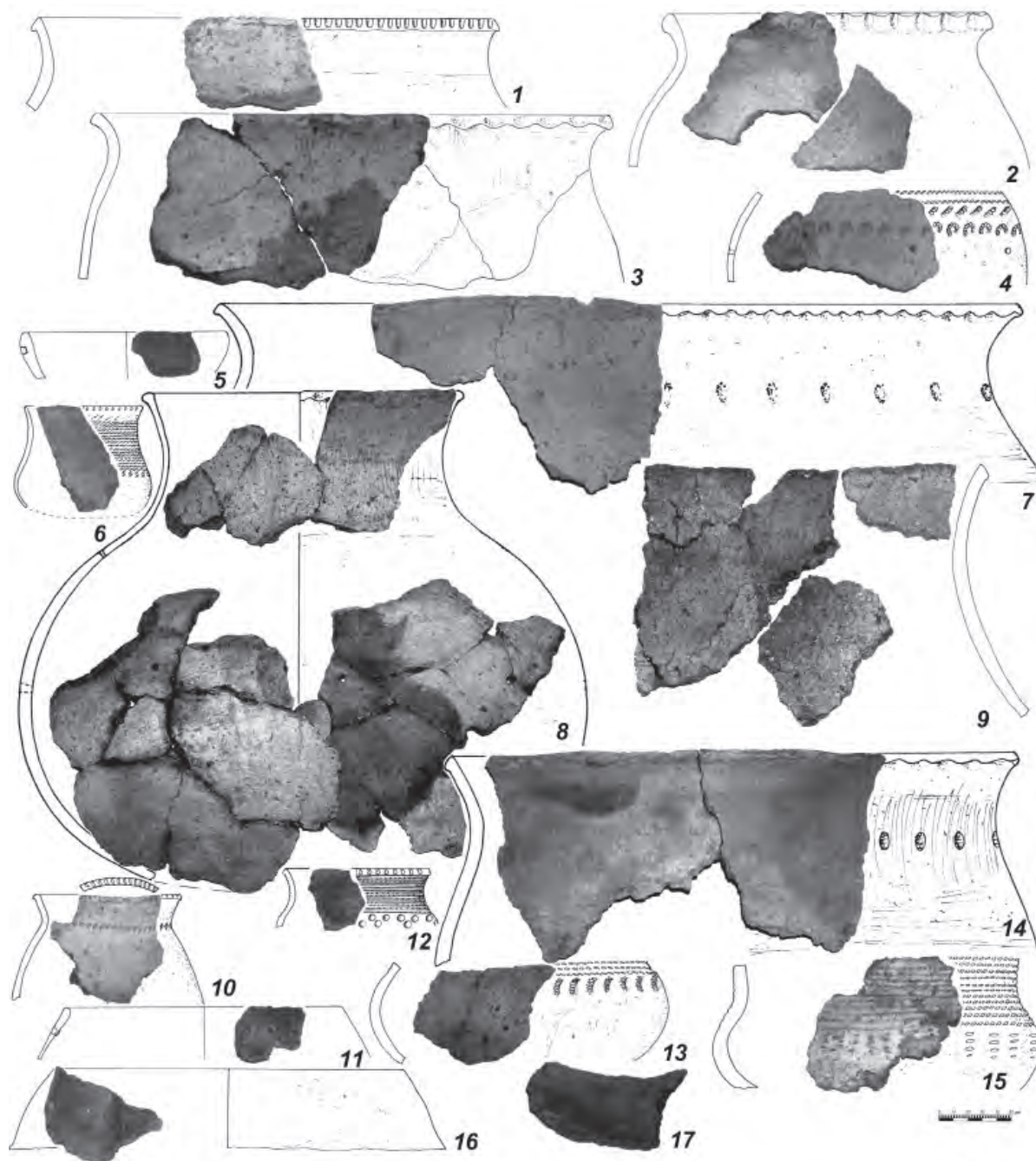

Рис. 14. Керамика из раскопок Запосельского селища.

лопаточки, которой нанесены зигзаги, горизонтальные и вертикальные «елочки», характерная для неволинской керамики (Голдина, Водолаго, 1990, с. 90), где наряду с резными линиями, образующими композиции в виде зигзагов, «елочек» и пр., использовались и оттиски гладкой лопаточки. Фрагментов посуды, изготовленной на гончарном круге, ни болгарской, ни русской, не встречено.

Наиболее многочисленной категорией керамических изделий на этом городище являются шарики (только в 1992 г. на незначительной площади раскопа их собрано 74 экз.), изготовленные из плохо промешанной глины с растительными при-

месями, но без толченой раковины, коричневого и серо-коричневого цвета, неравномерного обжига. Шарики диаметром 1,5–3,5 см изготовлены небрежно, неровные, иногда приплюснутые, плохо заглаженные. Назначение этих предметов не ясно, есть предположения, что они были ядрами для пращи, могли служить основой шаровидных двусоставных бронзовых бусин, использоваться как наполнитель сосудов во время обжига, грузики для оттяжки нитей вертикального ткацкого станка или как инвентарь для какой-либо игры (рис. 18).

На городище найдены железные и костяные наконечники стрел, ножи, серп, каменная зер-

Рис. 15. Культурные плакетки пермского звериного стиля из металлургических поселков Березниковского археологического микрорайона. 1–5 – селище Володин Камень I, 6 – селище Запоселье.

нотерка, глиняная литейная форма для отливки умбонovidной подвески, металлические бляхи (изображающие людей и животных), пряслица, кочедыки, орнаментированная рукоять шила, бронзовые украшения, в том числе фрагмент салтовского перстня со вставкой из синего стекла, закрепленной четырьмя захватами, стеклянные бусы. Во время работ 1992 г. здесь найден самый ранний в Прикамье (X в.) железный ральник, что указывает на раннюю дату возникновения пашенного земледелия в Предуралье (рис. 19: 1). Интерес представляют орнаментированный костяной гребень с зооморфной спинкой и костяной нащечник от оленьей упряжи.

В ходе исследования памятников VIII–X вв. выделены следующие черты, характеризующие ломоватовскую археологическую культуру.

Хозяйство ломоватовцев было комплексным. Его основу составляли подсечное лесное мотыжное земледелие и пастушеское скотоводство. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, свиней. Активно занимались охотой, бортничеством, рыбной ловлей. Как показывают данные палеоихтиологии, в прикамских реках ломоватовцы ловили лещей, щуку, сазанов, но главной по-

родой добываемых рыб были осетровые. Ловили осетров размерами более 2 м, белуг до 3,1 м. Собака использовалась не только на охоте, но и как ездовое животное, о чем свидетельствуют костяные части поводков, вертлюжков от упряжки и застежки-пясички, найденные на Анюшкаре и Рождественском городище. В ломоватовское время возросло значение промысловой охоты, особенно пушной. Первое место в промысле занимал бобр, добыча которого шла повсеместно и кости его составляли до 50% всех диких животных. Кроме бобра добывались горностай, соболь, куница, белка. Меха стали основным эквивалентом в транзитной торговле. Ради мяса охотились на лося, кабана и северного оленя. Северный олень использовался не только на мясо, но и как ездовое животное, о чем свидетельствуют находки костяных элементов оленьей упряжи (рис. 20). Основным орудием охоты был сложный лук из дерева и костяных пластин, которые найдены на Анюшкаре, Рождественском, Искорском, Редикорском, Лаврятском городищах и других памятниках. Встречены щитки для защиты руки, костяные крючки для натягивания тетивы. Для подманивания птицы применялись манки из бедренных костей куницы.

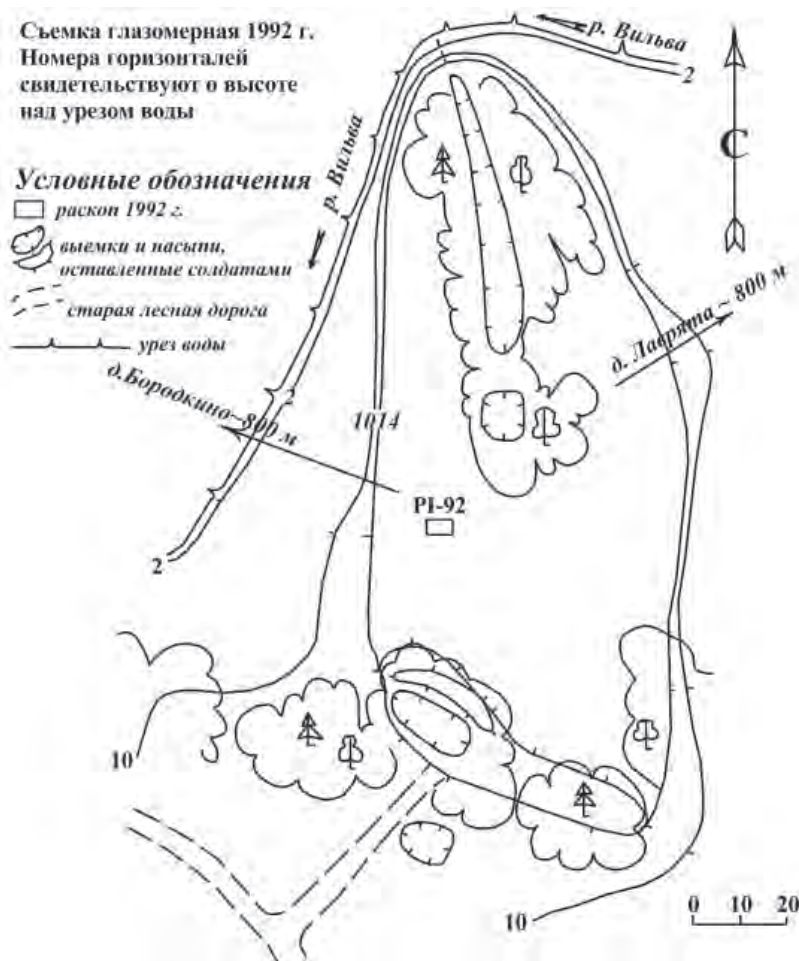

Рис. 16. План Лаврятского городища.

У ломоватовцев были хорошо развиты разнообразные домашние производства: прядение, ткачество, обработка кожи, дерева. Косторезное дело к X–XI вв. стало перерастать в ремесло. Судя по картографии знаков личной собственности – пуссов (тамг), которые могли быть и знаками производителей, косторезным делом в Прикамье в позднеломоватовское время занималось несколько делокализованных ремесленных родов. Стадии ремесленного производства у ломоватовцев достигли металлургия и металлообработка. Причем, судя по погребениям, обработка железа была мужским, а бронзолитейное дело – женским ремеслом.

Материальная культура. Жилых сооружений изучено немного. В обобщающей работе, посвященной характеристике ломоватовской археологической культуры, учтено 14 жилищ с 6 памятников (Голдина, 1985, с. 86–87). Наиболее подробные данные обо всех известных жилищах представлены в исследовании Е.М. Черных (Черных, 2010).

Они представляли собой наземные или слабо углубленные постройки столбовой и срубной конструкции, прямоугольной формы, размерами 60–100 кв. м. Характерной особенностью ломова-

товских жилищ является наличие канавок вдоль длинных (реже вдоль коротких) сторон, назначение которых интерпретируется по-разному: элемент, связанный с конструкцией кровли; выемка; возникшая при сооружении завалинки; дренажная система (последнее представляется более вероятным) (рис. 21). Выступающие боковые стены сруба образовывали крытый тамбур (сени) перед входом. Элементом конструкции двускатной кровли являлись опорные столбы, поддерживающие князевую балку и стропила. Элементами интерьера являлись нары, устроенные вдоль стен, между ними устраивалась глинобитная вымостка на полу. На осевой линии жилищ располагалось 1–2 очага, несколько хозяйственных ям. Очаги помещались на глиняных или галечниково-глиняных подушках, которые регулярно обновлялись в процессе эксплуатации, в результате мощность этих наслоений порой достигала до 1 м. Возможно, под влиянием волжских болгар в X–XI вв. в жилищах у поздних ломоватовцев возникли печи-чувалы.

Наиболее массовой категорией находок являются фрагменты глиняной посуды, представленной сосудами в виде лепных круглодонных чаш

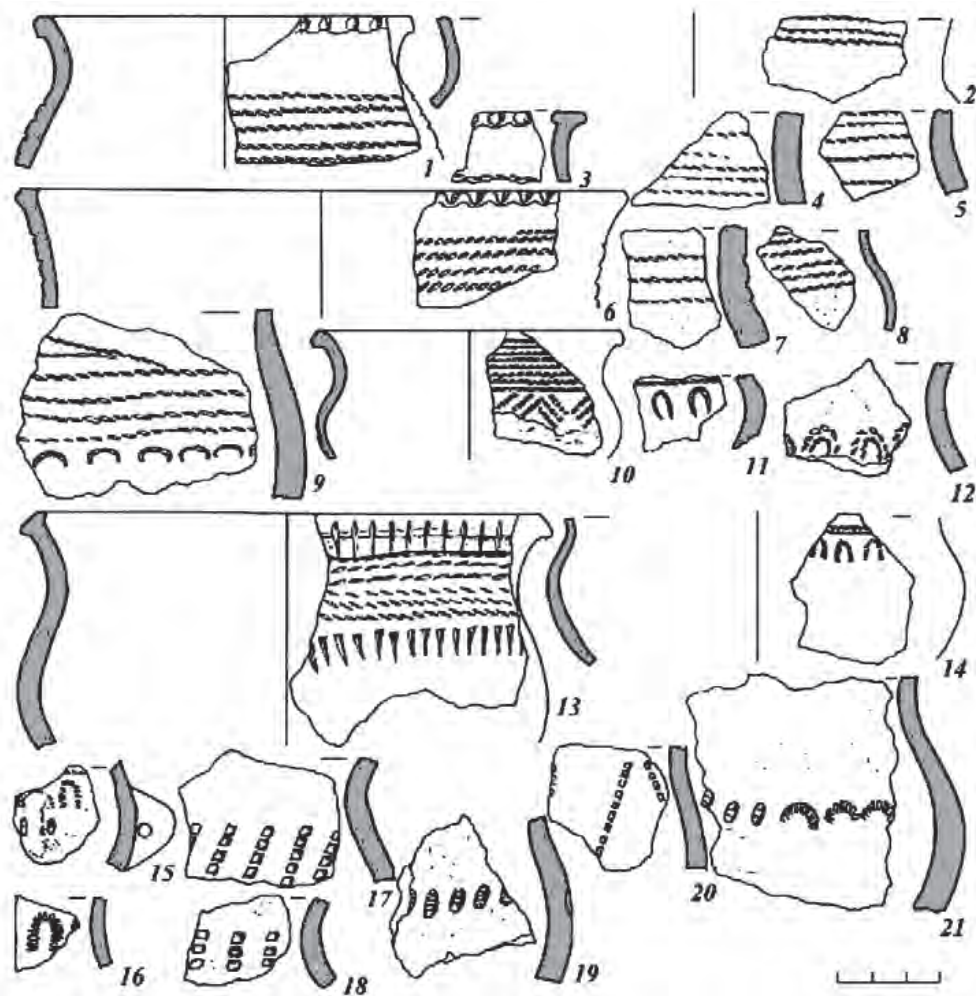

Рис. 17. Керамика Лаврятского городища

разного размера и функционального назначения. Характерной особенностью является наличие в тесте примеси толченой раковины, количество которой со временем увеличивалось. Поселенческая бытовая посуда обычно слабо орнаментирована (рис. 22), ее особенностями являются венчик, оформленный пальцевыми защипами, поверхность, заглаженная жестким пучком соломы или щепой, образующими своеобразные «расчесы», обычно на тулове расположенные в горизонтальном направлении, а на шейке – вертикально, что создает особый декоративный эффект. Орнаментированная посуда обычно изготовлена более тщательно, нередко заглажена мягким материалом: она, вероятно, служила в качестве столовой или ритуальной (рис. 23). К ритуальной посуде принадлежит и погребальная, которая изготавливалась специально, обычно заглажена мягким материалом, более пышно орнаментирована и по-особому обожжена (рис. 24). По данным Р.Д. Голдиной, керамика ломоватовского времени в целом может быть охарактеризована как гребенчато-шнуровая, и количество шнура на посуде VII–X

вв. доходит до 49% (Ором). Позже количество шнура несколько уменьшается, хотя шнуро-гребенчатая орнаментация представлена практически на всех поздних ломоватовских памятниках. Она составляет до 35% среди поселенческой керамики X в., а в материалах могильников, где в силу традиционности погребального обряда дольше сохраняются ранние черты, количество шнуровой орнаментации еще выше. Так, в керамическом комплексе Рождественского могильника X–XI вв. шнуровой керамики 42%, в Баяновском могильнике – 95%. Наиболее характерной композицией является сочетание многорядного «шнура» по шейке с рядами шнуровых или гребенчатых «подковок», вертикальных или наклонных отпечатков гребенчатого штампа по плечу. Хотя фиксируются и отдельные «этнографические варианты» в орнаментации, например, на Запосельском селище и могильнике шнур по шейке сопровождается кружковым орнаментом по плечу, нанесенным полой косточкой.

Аналогичную прикамской шнуро-гребенчатую орнаментацию В.Н. Чернецов связал с протоман-

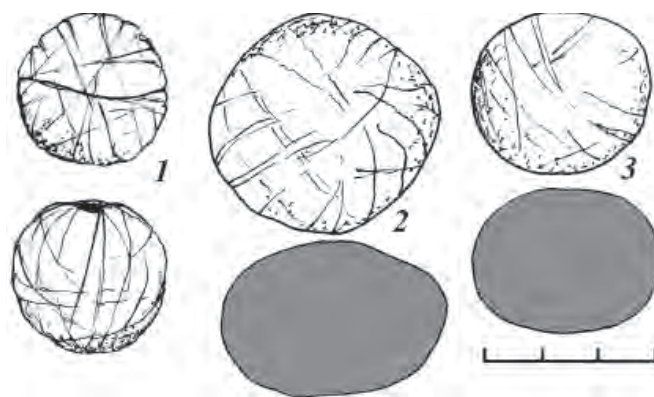

Рис. 18. Лаврятское городище. Глиняные шарики с отпечатками нитей.

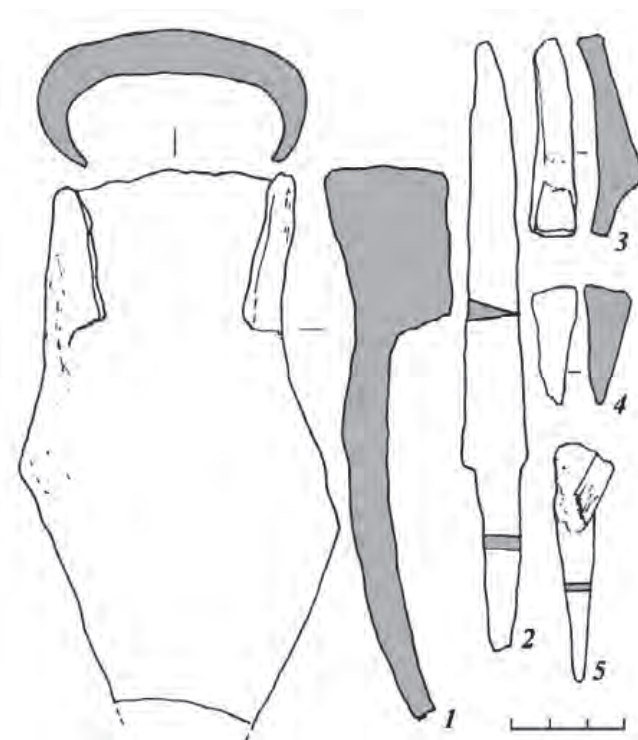

Рис. 19. Лаврятское городище. Железные предметы.
1 – ральник, 2 – нож, 3 – неопр. предмет, 4 – зубило, 5 – черешок ножа.

сийскими племенами лесных угров (Чернецов, 1957). По мнению В.Д. Викторовой, сочетание шнура с отпечатками «подковок» – одна из типичных угорских черт в орнаментации керамики (Викторова, 2008, с. 111–116).

С X в. среди посуды встречаются привозные из Волжской Болгарии гончарные кружки, сковороды, светильники, кувшины. Эта посуда привлекала жителей Предуралья своими высокими потребительскими качествами и нарядностью. Эпизодически встречаются и медные котлы.

Костюм носителей ломоватовской культуры, в особенности женский, изобиловал металлическими деталями и украшениями (рис. 25; 26).

В качестве украшений головы и мужчины, и женщины использовали проволочные височные кольца округлой, а в X–XI вв. – подтреугольной и грушевидной формы, височные подвески с гроздьевидной и с «грушевидной» привеской, с X в. – калачевидные. Женские височные украшения иногда соединялись бронзовой цепочкой, обрамляющей подбородок.

Характерной чертой женского костюма являлись украшения кос в виде арочных, биконьковых, колесовидных и умбоновидных подвесок. Большинство украшений-накошиков связано с идеей плодородия и защиты этого важнейшего женского качества (рис. 27).

Рис. 20. Купросское городище. Элементы собачьей и оленьей упряжи. Рог, кость

Арочные подвески с простой пластинчатой основой в харинское время, литые ажурные с изображением ростка (арочные подвески «прикамского типа») или медведя, характерные для ломоватовского периода, высокохудожественные ювелирные изделия, украшенные зернью и сканью, с позолоченным фоном и вставками из полудрагоценных камней, известные в X–XII вв., довольно часто встречаются на средневековых могильниках не только Пермского, но и Южного (Башкирского) Предуралья. Среди них наиболее распространенными были ажурные подвески с изображением стилизованного ростка на основе.

Биконьковые подвески – это украшения, в основе которых лежит изображение двух голов коней на длинных шеях, повернутых мордами друг от друга. Подвески «прикамского типа», отлитые в двусторонних формах по восковой модели, отличается реалистичность изображения коней. Образ двух противопоставленных головок коней возник еще на ранних подвесках и пронизках харинского этапа IV–VI вв. В VII в. возникли шумящие биконьковые подвески, которые продолжали свою эволюцию до конца XI в. Наиболее массово эти подвески представлены на памятниках Пермского края, но хорошо известны и в родственных культурах от Западной Сибири до Поволжья, в салтово-маяцкой культуре как пока-

затель наличия тесных этнокультурных контактов (рис. 25: 27).

Подвески-накосники крепились на кожаных шнурках, унизанных бронзовыми пронизками и бусами, которые спускались вдоль кос. Они обычно были парными, но иногда на правой косе вместо обычной подвески помещался какой-либо амулет, свидетельствующий об особом возрастном или социальном статусе женщины – костяной гребешок (а с X в. его имитация в бронзе), костяная или бронзовая копоушка, когтевидная подвеска, пронизка-уточка, флаконовидная пронизка-игольник и пр.

На груди женщины носили ожерелья из бус в одну или несколько низок, воротники-ожерелки из шелка, расшитые бусами и монетами, или более крупные нагрудники с рядами бус, раковин каури, металлическими подвесками. Женские пояса чаще, чем у мужчин, украшались наборами металлических бляшек, дополнялись кистями из низок бронзовых и стеклянных бус, завершающихся колокольчиками. В VII–IX веках в составе таких привесок использовались довольно крупные прорезные пронизки, низки завершались рожковой пронизкой. В VII–VIII вв. встречались пронизки в виде крылатого пса Сенмурва – образа, заимствованного из иранского (сасанидского) искусства. Часто всего в наборах поясных привесок присут-

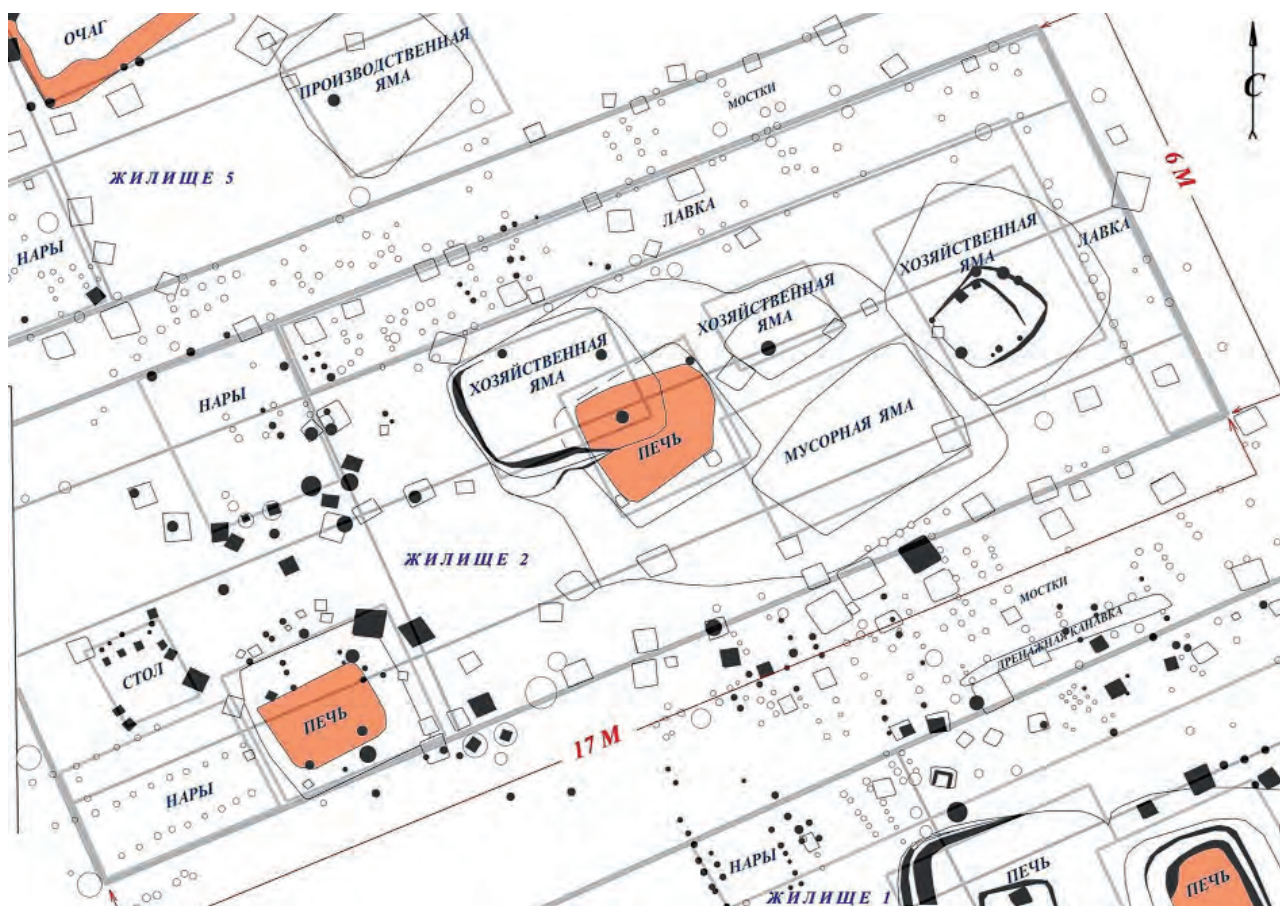

Рис. 21. Рождественское городище. План жилища № 2

ствуют пронизки в виде утки или лебедя. Пояса дополнялись деревянными ножнами, нередко покрытыми медными пластинами и кольцами-обоймами, а в наиболее богатом варианте – серебряными пластинами с филигранным, чеканным или тисненым декором (рис. 26: 6, 7, 8). Иногда на поясе помещались туалетные коробочки – характерные медальоны-коробочки с шумящими привесками или «самоварчики», заимствованные из салтовской культуры и получившие в Прикамье дальнейшее развитие вплоть до изысканных ювелирных образцов. На поясе носили и игольники, амулеты в виде ложечек, сумочки. Руки женщины украшали пластинчатыми или дрововыми металлическими браслетами и перстнями.

Мужской костюм был менее декоративным, но украшения в нем чаще, чем в женском, играли роль социального маркера (рис. 28).

Так, судя по материалам Баяновского могильника, знаком принадлежности к социальной элите служили серебряные подвески-всадники, которые носили на шее. С X в. подобную роль играли и круглые серебряные медальоны, реже – монеты, которых иногда встречается по несколько экземпляров. Судя по сохраняющимся под серебром фрагментам шелка, они нашивались на съемный

матерчатый воротник-ожерелок, напоминающий древнерусские бармы – широкие матерчатые оплечья с нашитыми на них металлическими медальонами, которые относились к мужским украшениям.

Мужские пояса, иногда с наборами металлических накладок, дополнялись простыми деревянными ножнами, упомянутыми выше кожаными кошельками, в которых обычно находились элементы огнива, иногда – кресалами с зооморфной бронзовой рукоятью, которые служили дополнительным декоративным элементом, привесками. Привески мужских поясов, в отличие от женских, были проще, состояли из одной короткой низки. В X в. существовал особый вид мужского поясного украшения, зафиксированный на Баяновском, Рождественском и Загарском могильниках – на паре кожаных шнурков были нанизаны планки, вырезанные из передней части когтя медведя, перемежающиеся бронзовыми пронизками (рис. 29: 28).

Браслеты и перстни, в особенности на позднем этапе ломоватовской культуры, имели в мужском костюме знаковую функцию.

Пермское Предуралье известно своими кладами, в составе которых имеются различные пред-

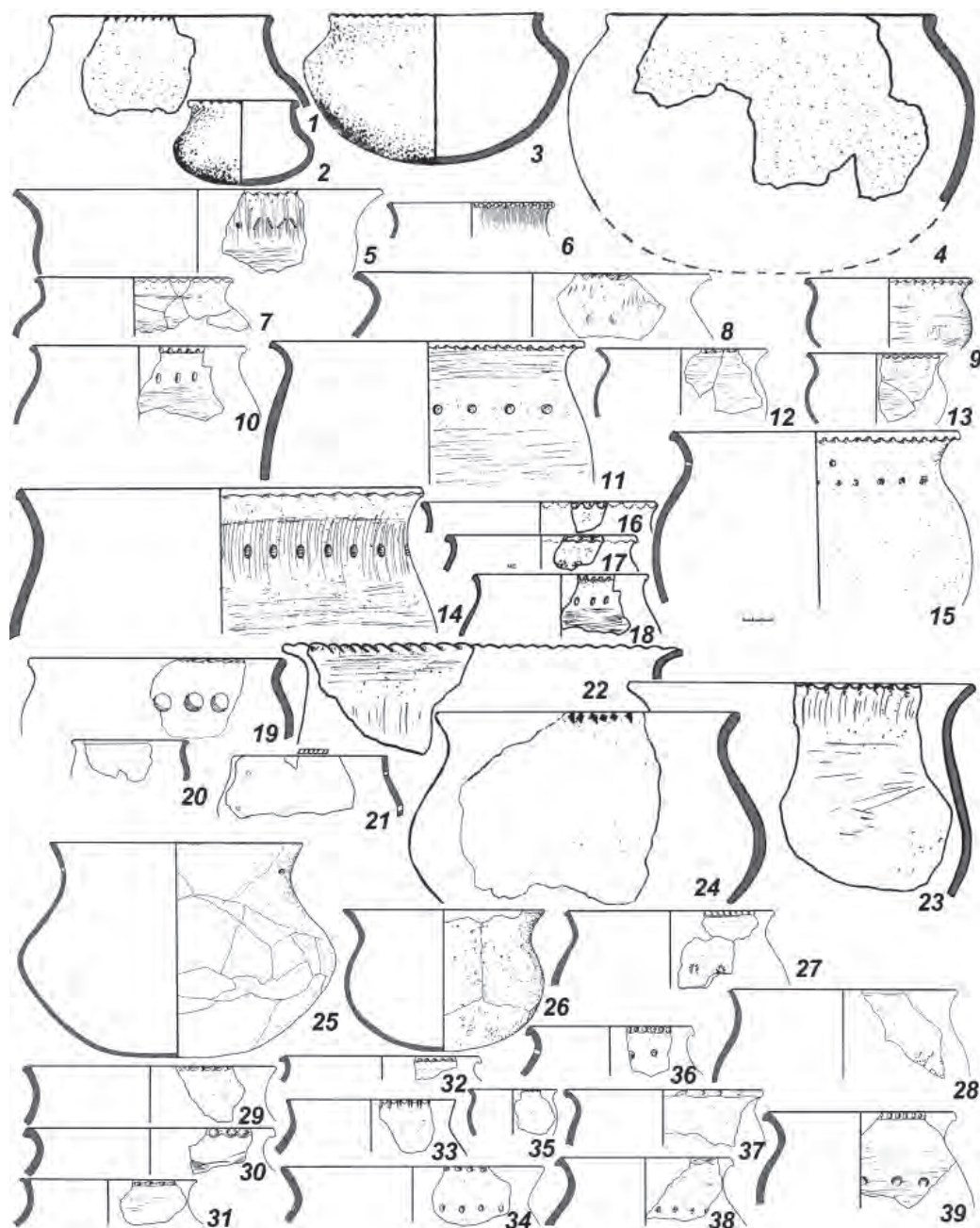

Рис. 22. Бытовая ломоватовская посуда.

1 – 4 – Опутятское гор.; 5–15 – селище Запоселье I; 16–18 – Чашкинское II селище; 19–20 – городище Шудьякар; 21 – Русиновское II селище; 22–23 – Русиновское I селище; 24 – Макаровское селище; 25–28 – Рождественское городище; 29–39 – Лаврятское городище.

меты торевтики из серебра: блюда, чаши, ведра, лады. В кладах много украшений, серебряных поясных наборов, шейных гривен т. н. «глазовского» типа (название по месту массовых находок), восточных монет и т. п. Большинство кладов с восточным серебром из Прикамья датируются VII–X вв. Среди находок серебряной посуды в Прикамье имеются сосуды из Согды, Хорезма, Хоросана (таких предметов около двух третей от всех находок серебряной торевтики), Византии, Западной Европы. Самую интересную и художественно выразительную, хотя и не самую массо-

вую часть находок (около 15–20%) представляют серебряные сосуды, изготовленные в Сасанидском Иране или по сасанидским мотивам в Согде (рис. 30). При этом сасанидские сосуды, найденные на Урале, составляют 75% от числа произведений сасанидской торевтики, хранящейся в музеях мира.

По наблюдениям В.Ю. Лещенко, на территорию Пермского Предуралья приходится более половины всех известных в мире кладов восточного серебра. Всего в Прикамье, по сводке В.П. Даркевича (Даркевич, 1976), на середину XX в. учтено более 100 кладов, в каждом из которых найдено

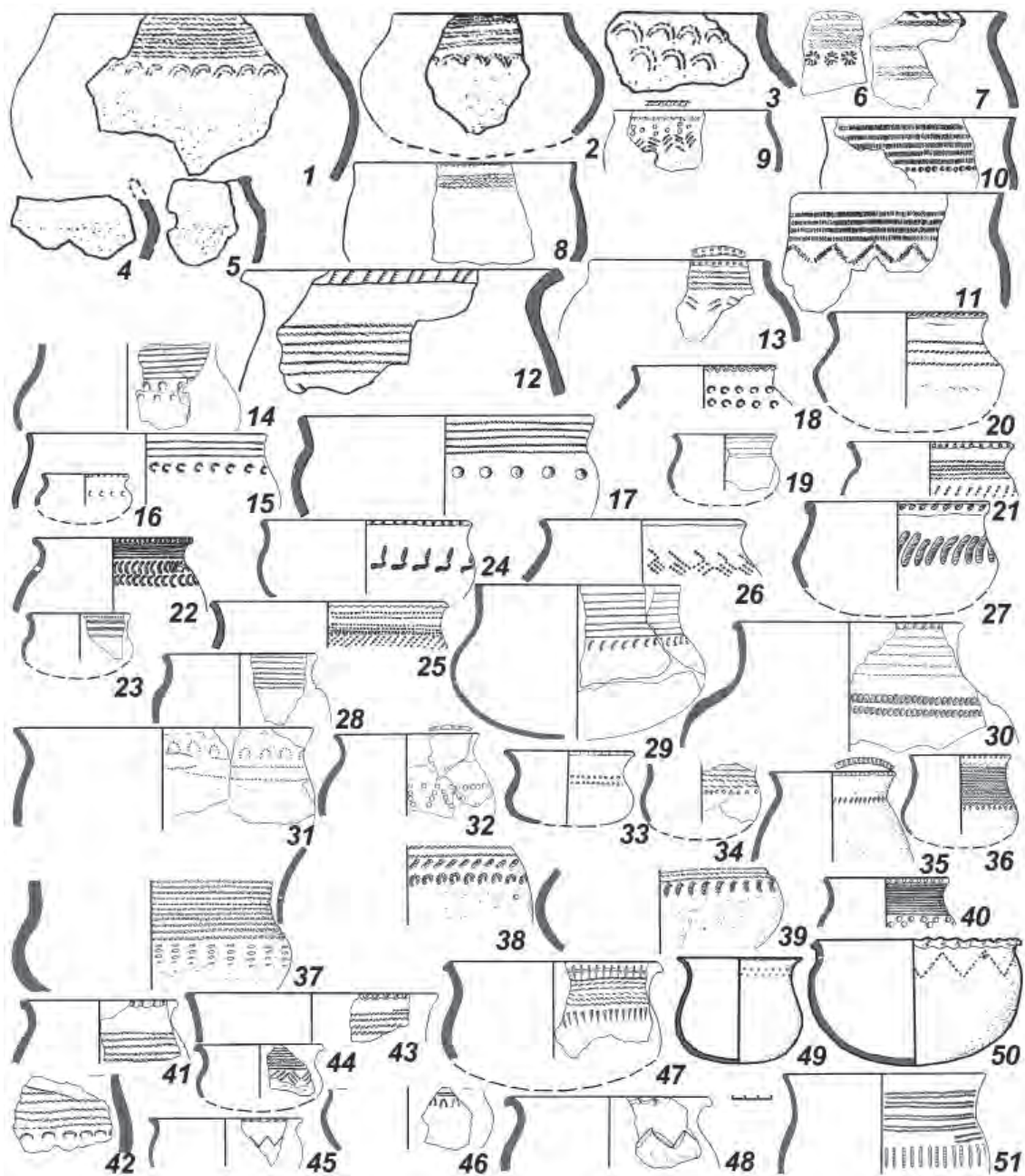

Рис. 23. Орнаментированная ломоватовская посуда.

1–5 – Опутятское городище; 6–8 – Горткушетское селище; 9 – Аверинское IX селище; 10–11 – городище Ором; 12–13 – городище Шудьякар; 14–32 – Рождественское городище; 33–40 – селище Запоселье I; 41–48 – Лаврятское городище; 49–50 – селище Володин Камень I; 51 – Роданово городище.

не по одному сосуду. Примером массовых находок импортного серебра могут быть т. н. «Бартымские клады» VII – начала VIII вв., обнаруженные в окрестностях Бартымского I селища неволинской культуры: византийская чаша, иранская ладьевидная чаша, 4 хорезмийские чаши, а также серебряная чаша с 264 византийскими монетами Ираклия. Самое многочисленное поступление посуды приходится на IX–XI вв. – это серебряные сосуды сасанидского и среднеазиатского происхождения. Найдена в Пермском Предуралье и драгоценная византийская посуда (блюда со славянскими над-

писями из деревень Мальцево и Сальниково, рельефная чаша с изображением Федора Стратилата из д. Пеняхино).

Серебряная посуда – только часть потока серебра, устремившегося с VI в. в уральские леса. Значительную его часть составляли серебряные монеты. Во многих кладах вместе с сосудами обнаружены среднеазиатские куфические и арабские монеты, серебряные украшения болгарского и русского ремесла. Встречались большие клады арабских дирхемов. Помимо хорошо известного в литературе Аниковского клада 1860 г. из Чердын-

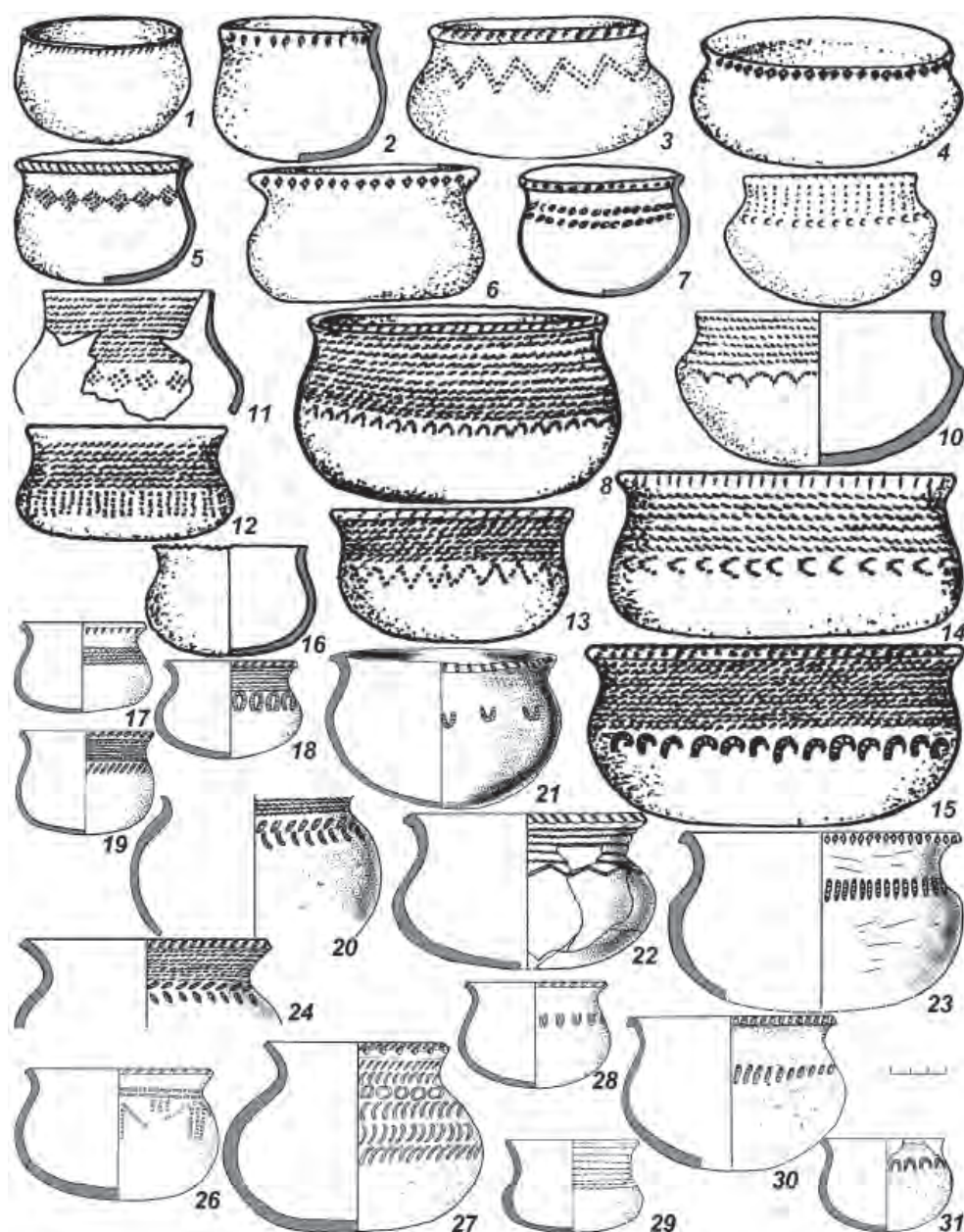

Рис. 24. Погребальная ломоватовская посуда.

1 – Бродовский; 2–3 – Важгортский; 4 – Деменковский; 5–8 – Каневский; 9–10 – Агафоновский; 11–15 – Аверинский II; 16 – Мелехинский; 17–19 – Запосельский; 20–24 – Огурдинский; 25–31 – Рождественский могильники

ского уезда (50 монет начала X в.), имеется еще ряд не описанных в нумизматической литературе кладов. Так, в сводке монет из архива А.А. Спицына учтены клад из Чердынского уезда 1860 г. из 6000 арабских монет, Чердынский клад из 49 монет 895–908 гг., клад из с. Макар (Майкар?) (более 1000 дирхемов). Теплоуховы в своем «Дневнике» сообщают о монетно-вещевом кладе в д. Коча Губинской волости, где найдены складные весы и несколько десятков монет, целых и обломанных. Клад из 217 арабских монет IX–X вв., найденный в 1949 г. у д. Горбуново, неподалеку от Редикарского городища, хранится в Чердынском музее.

В составе кладов X–XI вв. оседали серебряные монетные гривны новгородского, киевского и черниговского типов. Так, в состав Чигиробского клада, по описанию В.П. Даркевича, кроме восточного серебряного сосуда с куфической надписью входили ромбическая гривна черниговско-киевского типа и серебряный китайский ямб. Три монетные гривны киевского типа входили в состав клада, найденного у д. М. Шакшер, в этом же кладе присутствуют серебряная арабская чаша XI вв. и гривны глазовского типа. Монетные гривны древнерусского происхождения найдены в составе Мало-Аниковской находки и находки в д. Вотяки.

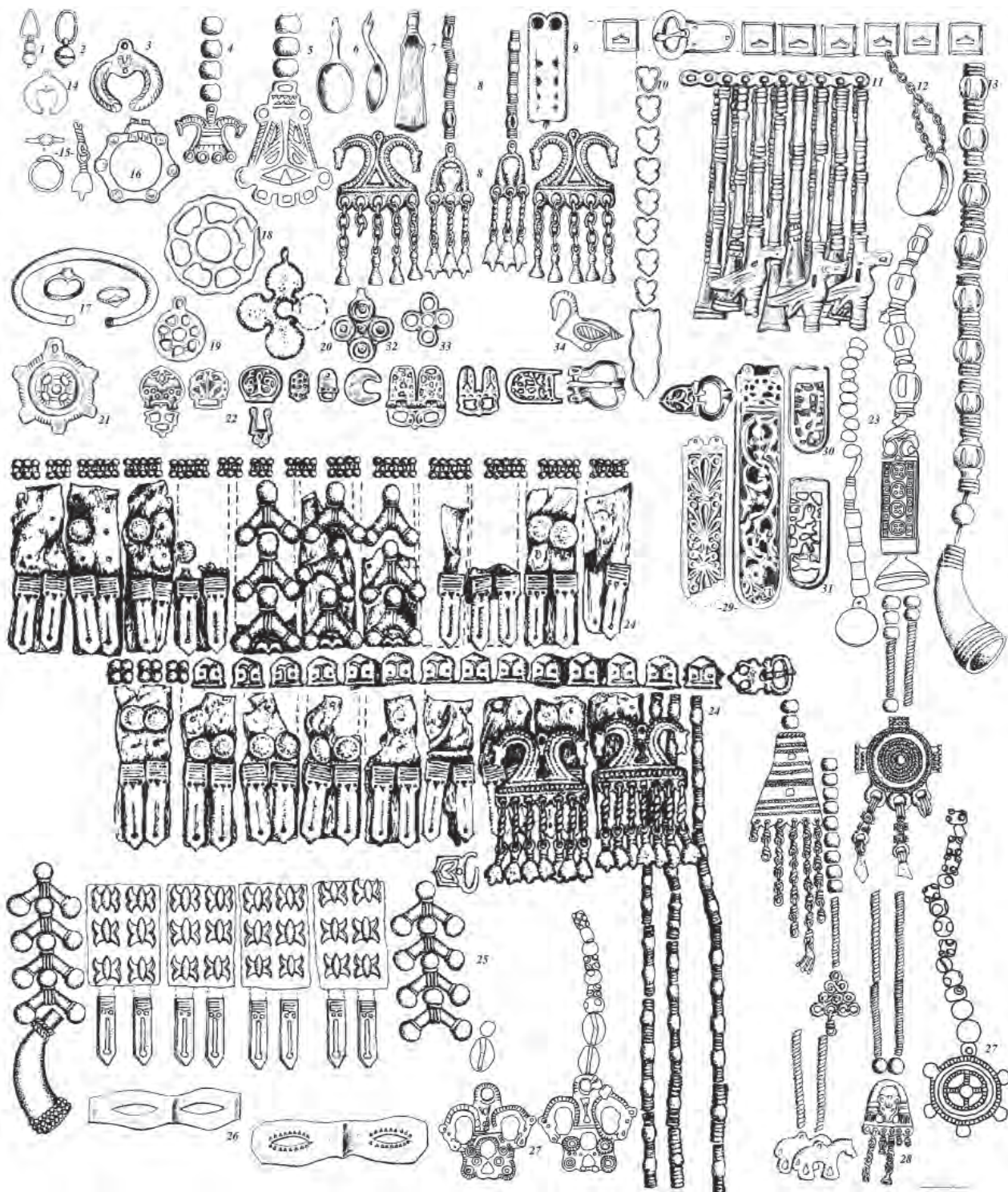

Рис. 25. Украшения и детали костюма VIII в.

11, 29 Агафоновский I могильник; 2, 4, 5, 6, 12, 13, 17, 19, 23, 26, 27, 30 – Деменковский могильник; 3 – Русиновский могильник; 14, 20, 24 – Редикорский могильник; 15 – Запосельское селище; 16 – Телячий Брод могильник; 18 – Харинский могильник; 22 – Важгорский; 21, 25, 34 – Плесинский могильник; 28 – Авренский могильник; 31, 33 – Висимский могильник; 32 – д. Федорово.

Материал 1–2, 12, 26 с. – серебро; остальное – бронза

Клады серебра, по мнению большинства исследователей, маркируют угорские семейные и родовые святилища эпохи Средневековья (Белавин, 2013). Эти святилища отличает богатство и разнообразие приносимых в жертву и используемых

во время шаманских обрядов металлических (бронзовых и серебряных) изделий. По мнению В.Ю. Лещенко (Лещенко, 1976), металлическая серебряная посуда символизирует на этих святилищах разнообразных угорских божеств.

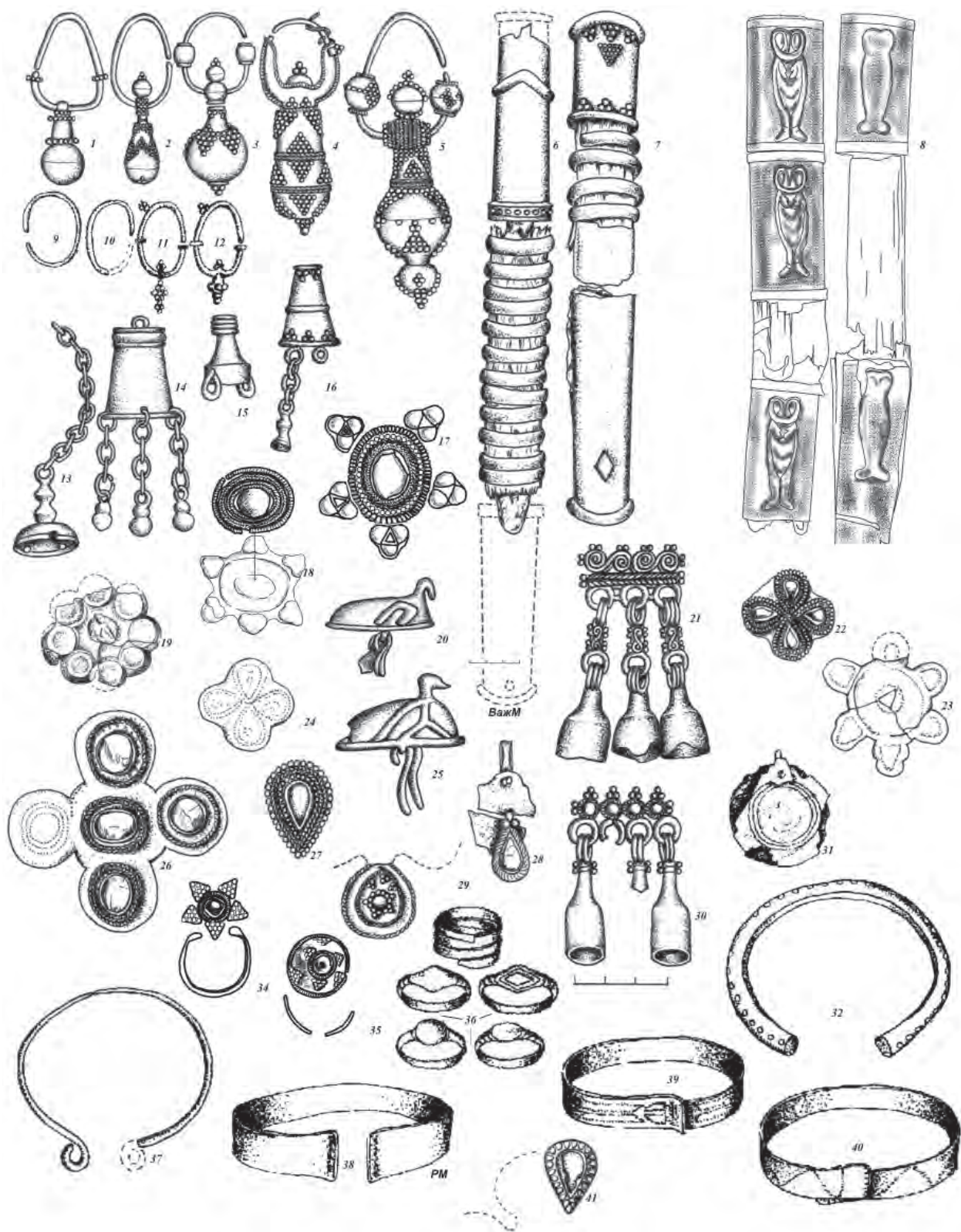

Рис. 26. Женские украшения IX-X вв.

1, 6 – Важгортский могильник; 2 – Деменковский могильник; 3, 7, 13, 14, 19, 22, 23, 24, 30 – Редикорский могильник; 4 – Редикорское городище; 5 – Редикорский клад; 8, 17, 18, 34, 25 – Баяновский могильник; 9, 15, 20, 25, 31, 32, 38 – Рождественский могильник; 10, 11, 12, 16, 36, 37, 39, 40 – Каневский могильник; 21 – Урынский могильник; 26 – Верх-Березовский починок; 27 – Аверинский могильник; 28 – Огрудинский могильник; 29 – Елва, деревня; 41 – Мало-Аниковский могильник. 1–5, 9–12 серебро; 6 – бронза, медь, дерево, кожа; 7 – серебро, бронза, дерево, кожа; 8 – серебро, позолота, дерево; 13–16 бронза; 17–4, 26–29, 41 – медь, серебро, позолота, вставки – янтарь, стекло; 20, 25, 21, 30, 32, 36, 37–40 – бронза; 34, 35 – серебро, позолота

Рис. 27. Женский костюм IX–X вв. По материалам Баяновского могильника. Реконструкция Н.Б. Крыласовой.

Рис. 28. Мужской костюм IX–X вв. По материалам Баяновского могильника. Реконструкция Н.Б. Крыласовой.

Духовная культура ломоватовских, полемских и неволинских племен характеризуется распространением в VII–X вв. так называемого «пермского звериного стиля» – своеобразного искусства мелкой художественной металлопластики. Следует выделять художественно-прикладные (декоративные) изделия в зверином стиле, имеющие утилитарное значение (украшения и детали костюма, предметы быта и т. п.), и культовые предметы, имевшие лишь идеологическо-религиозное значение и использовавшиеся во время обрядов и культовых церемоний, – культовые плакетки. Они представлены ажурными или сплошными одно-сторонними литыми бронзово-медными сюжетными пластинами, входившими в определенные системные наборы. Именно они имели идеологическое значение и являются отражением древних верований. Наряду с пермским звериным стилем культовые плакетки представлены в печорском зверином стиле (Буров, 1992, с. 51–60, рис. 1) и в обском (Западносибирском) зверином стиле (Зыков, Кокшаров, Терехова, Федорова, 1994, рис.

43–75), наиболее северные памятники с ажурными культовыми пластинами, аналогичными Приуральским и Зауральским, находятся на о. Вайгач и Югорском полуострове (Грачева, 1987, с. 11–13). Таким образом, это явление средневековой культуры является региональным, урало-сибирским (Белавин, 2001).

Пермский звериный стиль обладает всеми признаками системности: повторяемость сюжетов, общие технологические приемы, длительность существования, композиционная структурность. Это позволяет выявить через генезис и эволюцию сюжетов и образов стиля основные духовные доминанты и мифологию этноса, создавшего эти плакетки, что в свою очередь может иметь решающее значение для определения этнической принадлежности древнего населения, создавшего и использовавшего эти предметы. Системность пермского стиля позволяет утверждать, что он возник и функционировал как средство культовой практики специальных служителей, т. е. является элементом урало-сибирского шаманизма и отра-

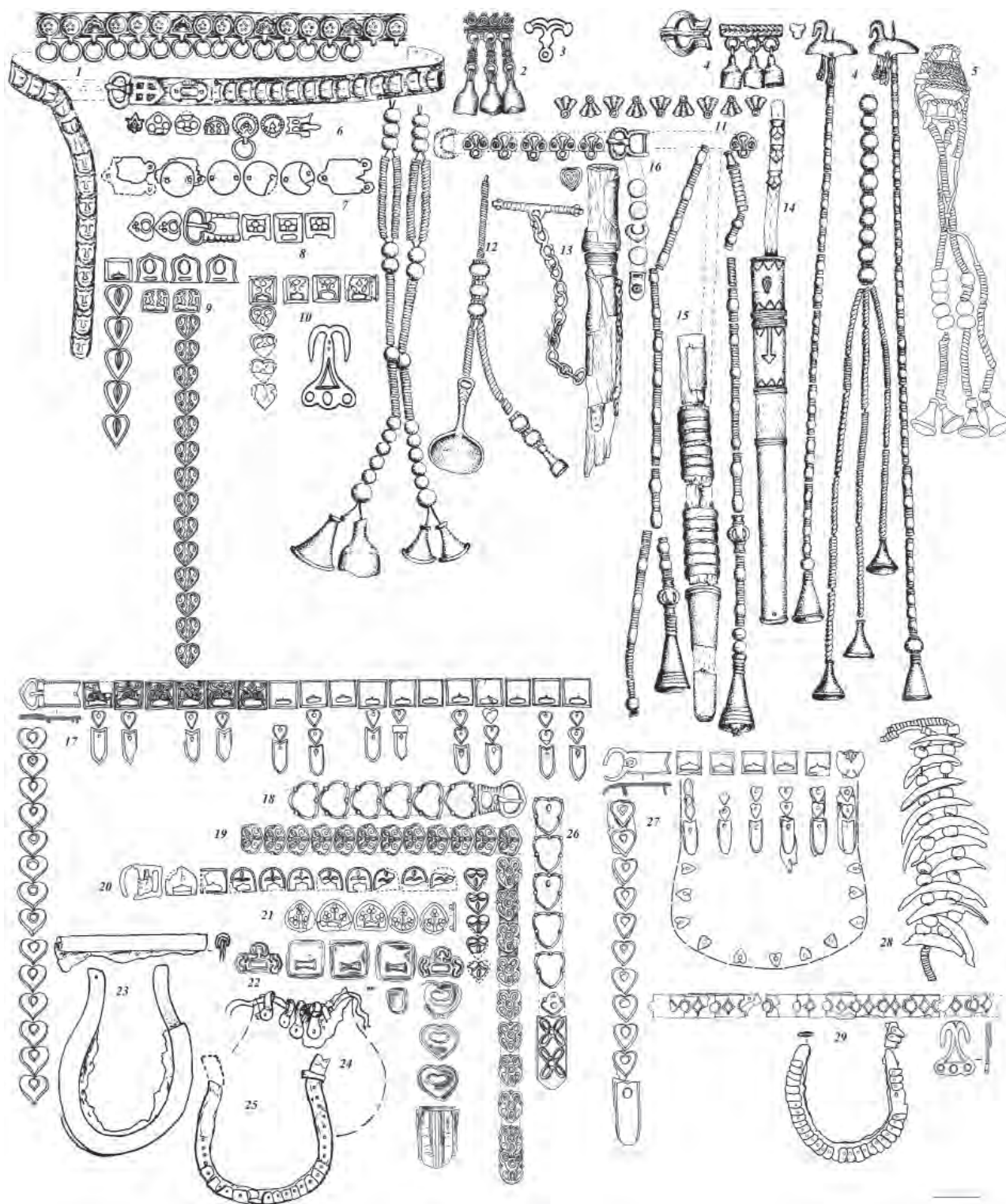

Рис. 29. Поясной набор IX-X вв.

1, 5, 22, 23, 24, 28 – Баяновский могильник; 2, 3 – Урьинский могильник; 4 – Редикорский могильник; 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 17, 18, 19, 20, 25, 26, 27, 29 – Рождественский могильник; 11, 14, 15, 16 – Каневский могильник; 21 – Запосельский могильник. 7, 14, 22 – серебро; 28 – кожа, бронза, кость; остальное – бронза, кожа

жает идеологию этого явления. Сюжетика культовых плакеток отражает космогонические и генеалогические представления населения региона. По мнению Е.И. Оятевой (Оятева, 1998), в плакетках можно усматривать своеобразные иллюстрации к

этой мифологии, имевшей важнейшее социально-педагогическое значение.

«Золотым веком» звериного стиля считается период ломоватовской культуры VII-X вв., когда оформляются сложные литые многоярус-

ные композиции, объединяющие человека, животных, птиц, фантастических существ. Наиболее распространенными сюжетами плакеток являются изображения лося, человеко-лося, человека в окружении стилизованных лосей и ящера.

Помимо культовых плакеток к пермскому звериному стилю можно отнести ряд фигурок-бляшек или медальонов, изображающих птиц, птиц с человеческой личиной на груди, медведей в ритуальной позе и антропоморфные личины или фигуры. Особо хотелось бы подчеркнуть, что многие сюжеты распространенной в Предуралье декоративной металлопластики (биконьковые шумящие подвески, пронизки с изображением крылатого пса – сенмурва, распространенные на могильниках ломоватовской и неволинской культур, в курганах Южного Урала и в Зауралье, образы на рукоятках биметаллических кресал – лев, сенмурв, дракон, горный козел и др., подвески со всадником и бляхи с «сокольничим», которые многими исследователями определяются как изображения Мир-сусне-хума, во многих чертах находящего параллели с Митрой, и т. п.) находят истоки в индоиранской мифологии.

В первой половине IX в. значительные группы носителей неволинской, ломоватовской и полумской культур вкупе с населением Среднего Урала и Зауралья (петрогромская культура и др.) частично переселились на Волгу к болгарам, участвуя здесь в формировании этноса и культуры волжских болгар. Это переселение было настолько массовым, что в будущей центральной части Волжской Болгарии приуральское население какое-то время преобладало. В итоге между болгарским государством и жителями Среднего Предуралья (в особенности носителями ломоватовской культуры) сложились устойчивые экономические и политические взаимоотношения, которые ярко характеризуют период XI–XIV вв.

Этнокультурная принадлежность ломоватовских племен разными исследователями определялась по-разному. Так, Ф.А. Теплоухов, А.В. Шмидт, Е.П. Казаков характеризовали древности ломоватовского времени как угорские, А.Х. Халиков и Е.А. Халикова считали ломоватовско-полумские племена тюркизированными уграми, А.П. Смирнов, В.А. Оборин, М.Г. Иванова, Р.Д. Голдина считают население этих культур финно-пермяками, испытывавшими некоторое влияние со стороны угров Западной Сибири. В последнее время Р.Д. Голдина склоняется к точке зрения об исключительно «пермянской» принадлежности носителей ломоватовской культуры. Сравнительно-типологический анализ погребальных памятников

Рис. 30. Блюдо с орлом, держащим в когтях антилопу. Находка 1954 г., с. Суды Уинского района. Восточный Иран, III–VII в. ПХГ. Серебро, ковка, гравировка. ПГХГ КП-5747.

ломоватовской и полумской культуры с погребальными памятниками угров Западной Сибири и Зауралья указывает на энтогенетическую близость «ломоватовцев» и «полумцев» между собой (показатель более 0,85) и их общую близость к уграм Западной Сибири. В эту же группу «ближайших родственников» входят и племена, оставившие неволинскую археологическую культуру. На наш взгляд, этот анализ и общий облик материальной и духовной культуры «ломоватовцев» и «полумцев» свидетельствует об их принадлежности к угорскому Урало-Сибирскому этнокультурному ареалу (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009), что, однако, не исключает чересполосного обитания в ареале ломоватовской культуры и предков финно-пермяков. Последние достаточно ярко представлены на северных и северо-западных памятниках ломоватовского времени, в отличие от более южных и юго-восточных частей ареала, где более выразительны материалы угорского облика. Черты финской (финно-пермской) культуры могут быть обозначены следующими моментами: слабо орнаментированная чашевидная посуда низких пропорций с округлым дном, северная ориентировка погребений, отсутствие в костюмных комплексах шумящих наконечников украшений и пр. Но культурное своеобразие ломоватовско-полумским племенам, по сравнению с другими финно-уграми Восточной Европы, придавали именно выраженные угорские черты культуры, что сближает их в том числе и с венграми «периода Арпадов» (коэффициент сходства от 0,7 до 0,8).

ГЛАВА 11

ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОГО ПРИУРАЛЬЯ (БАССЕЙН ВЫЧЕГДЫ И МЕЗЕНИ)

Территория обитания населения, археологически представленного памятниками ванвиздинской археологической культуры второй половины I тыс. н. э., соответствует орографической области Вычегодско-Мезенской равнины. Большей частью ее ареал охватывал районы средней, в меньшей степени верхней и нижней Вычегды, бассейна верхней и средней Мезени. Получила название по поселению в дер. Ванвиздино Усть-Вымского района Республики Коми.

Формирование ванвиздинской археологической культуры совпадает с эпохой Великого переселения народов, кризисы и миграционная активность которой затронули не только более южные области Приуралья, но коснулись и обширных слабо заселенных пространств крайнего северо-востока европейской части современной России.

На европейском Северо-Востоке (далее – ЕСВ) основные итоги во многом переломных для приуральского населения глобальных событий этого периода нашли отражение в проникновении на Вычегду и далее на Печору (т. е. на территорию северной периферии позднегляденовского ареала) из Прикамья носителей курганного обряда захоронения, распространении не типичных для Северного Приуралья форм, техник и мотивов ornamentации керамики, формировании новых культурных типов.

Появлению захоронений V–VI вв. н. э. под насыпями, содержащих сходные с верхнекамскими материалы, на средней Вычегде, в северном Припечорье, кроме событий глобального исторического характера, благоприятствовали, видимо, в общем позитивные изменения в окружающей среде. Именно в предшествующее время (примерно 1600–2000 лет назад; Климанов, Никифорова, 1982) в палеогеографии ЕСВ отмечается один из периодов с температурами выше современных, что подготовило благоприятную почву для освоения мигрантами северных территорий.

К VII в. н. э. активная фаза взаимодействий на ЕСВ, сопровождавшихся глубокими изменениями в культуре, в основном завершилась. В регионе сложились новые археологические образования, стабильному существованию которых способствовало развитие природных условий с общей

тенденцией в сторону потепления (Никифорова, 1982). Наиболее полно изученной из них является ванвиздинская археологическая культура.

История изучения. В изучении ванвиздинской культуры выделяются три этапа. Первый (1920-е – до 1957 г.) характеризуется эпизодическими исследованиями краеведов и московских археологов-профессионалов, открывших первые памятники, в дальнейшем отнесенные к ванвиздинской культуре; второй (конец 1950-х гг. – 1970-е гг.) – выделением ванвиздинской культуры, определением ее хронологических рамок, первых концепций ее генезиса и историко-культурного места среди древностей ЕСВ; на третьем (1970-е гг. по настоящее время) ванвиздинская культура становится предметом специального изучения в археологии ЕСВ.

На первом этапе были найдены единичные ванвиздинские памятники в бассейне Вычегды. В 1919 г. в окрестностях д. Ванвиздино В.М. Козловским было открыто одноименное поселение, исследованное и опубликованное геологом Д.Д. Рудневым, который в том же году обнаружил стоянку ванвиздинской культуры Красная Гора близ Сыктывкара (Руднев, 1922). Первые раскопки Ванвиздинского поселения проводил в 1925 г. А.П. Смирнов (Раскопки археологической экспедиции, 1928). В 1921 и 1928 гг. видный коми лингвист, этнограф и археолог А.С. Сидоров также обследовал Ванвиздинское поселение (Сидоров, 1954, с. 70–72). В 1936 г. Ванвиздинское поселение осмотрела М.Е. Фосс (Фосс, 1941). В 1945 г. А.В. Збруева выявила культурный слой с керамикой ванвиздинского времени на стоянке Красная Гора близ Сыктывкара (Збруева, 1947).

На втором этапе в процессе планомерного археологического изучения ЕСВ в бассейне Вычегды выявлены десятки памятников ванвиздинской культуры. В 1957–1967 гг. в долине Вычегды и в районе водораздельного Синдорского озера Г.М. Буровым исследован ряд ванвиздинских памятников (Буров, 1959; 1962а; 1962б; 1962в; 1965а; 1965б; 1967а; 1967б). Э.А. Савельевой на Выми был открыт Веслянский I могильник (Савельева, 1963), на Мезени – два поселения (Савельева, 1971с. 26), на Нижней Вычегде исследовано по-

селение Тохта (Ленский р-н Архангельской обл.) (Савельева, 1967, с. 118–120; 1971б, с. 134–140). В.И. Канивцом на Печоре культурные остатки ванвиздинского времени обнаружены на поселениях (Канивец, 1965; 1972), в Канинском и Уньинском пещерных святилищах (Канивец, 1962; 1964), В.Е. Лузгиным – на р. Ижме и водораздельных озерах Центрального Тимана (Лузгин, 1970, с. 9–10; 1972).

Третий этап в изучении памятников ванвиздинской культуры характеризуется значительным расширением масштабов и географии исследований. Продолжаются полевые исследования в бассейнах Вычегды и Печоры, начаты систематические работы на Мезени (В.С. Стоколос, А.М. Мурыгин) и Вашке (А.М. Мурыгин), где выявлена высокая насыщенность памятников ванвиздинской культуры (Мурыгин, 2001). На Выми были исследованы Веслянское I поселение (Савельева, 1976, с. 42; Савельева, Чеснокова, 1985, с. 116) и Веслянский I могильник (Савельева, 1963; 1964, с. 237–240; 1975, с. 37–38; 1979а, с. 91–96). В 70-е – начале 80-х годов XX в. Э.С. Логиновой и К.С. Королевым на средней Вычегде открыты и частично раскопаны новые ванвиздинские поселенческие комплексы и два могильника (Королев, 1977, с. 48–54; 1980, с. 92–99; 1985, с. 98–112; 1989; 1992, с. 116–121; 1997; 2002), Н.Н. Чесноковой – ванвиздинские поселения на р. Сыsole и в долине Вычегды (Семенов, 1978, с. 37; Савельева, Чеснокова, 1979, с. 36–37; Чеснокова, Герасимова, 1980, с. 38–39; Чеснокова, 1983б, с. 43); Л.Л. Косинской в верхнем течении р. Выми открыт и частично раскопан Евдинский могильник (Косинская, 1980, с. 13; 1981, с. 16).

На Сыsole и верхней Вычегде проводились раскопки ванвиздинских поселений у сел Ыб и Пожегдин (Васкул, Кленов, 1988, с. 52–54; 1989, с. 5–8), в районе с. Усть-Кулом – поселения Пасашор с культурными остатками ванвиздинской эпохи (Семенов, 1978, с. 36–37). В 1984–1986 гг. был найден и исследован курганный могильник Борганьель в среднем течении р. Нившеры – бассейн р. Вычегды (Ашихмина, 1985, с. 5; 1987, с. 163; 1988, с. 7–8). В 1985 г. И.О. Васкул открыл Шойнаягский могильник в низовьях р. Сысолы (Васкул, 1987а, с. 7; 1987в, с. 76–80; 1988, с. 16; Васкул, Овчинников, 1999). Аналогичный памятник найден Л.И. Ашихминой в урочище Юванаяг на р. Нившере в 1986 г. (Ашихмина, Волокитин и др., 1988, с. 8; Ашихмина, 1989, с. 3–5), курганный могильник Вомыньяг в 1990 г. на верхней Вычегде (Ашихмина, 1994, с. 77), Эжольский на средней Вычегде в 2013 г. В.Н. Кармановым (Рыбина, Фролова, 2014, с. 187; Рыбина, 2014, с. 178).

Проблемы хронологии, происхождения и этнокультурной принадлежности. По мере расширения источниковой базы шла разработка хронологии и периодизации ванвиздинской культуры, в основе которых лежала прежде всего типология керамического материала, происходящего преимущественно с многослойных и (или) долговременных поселенческих комплексов, исследовались вопросы ее происхождения и этнокультурной принадлежности, которые остаются в числе фундаментальных дискуссионных проблем в археологии ЕСВ.

Первые определения возраста ванвиздинских памятников были сделаны в 20-е годы прошлого века. А.П. Смирнов на основании раскопок Ванвиздинского поселения на Вычегде отнес найденную керамику к раннему железному веку и датировал ее VII–VI вв. до н. э. (Смирнов, 1928, с. 472–479). В 1954 г. аналогичные памятники были датированы А.С. Сидоровым VI–VIII вв. н. э. (Сидоров, 1954).

В середине 60-х годов XX в. Г.М. Буров обосновал раннесредневековый возраст вычегодских памятников типа Ванвиздинского поселения, датировав их IV–VI вв. н. э. (Буров, 1962в, с. 111), позднее – в пределах второй и третьей четверти (IV–VIII вв. н. э.) I тыс. н. э. (Буров, 1963, с. 14; 1965б, с. 132–139), разработал периодизацию ванвиздинских памятников (Буров, 1965б, с. 141–143). Им была предложена следующая хронологическая иерархия вычегодских ванвиздинских памятников: ранние – Тохта и Вис II (верхний слой), средние – Ванвиздино (поздний комплекс) и Красная Гора, Кузьвомын (верхний слой), поздние – Зеленец, Чуддинты II (раскоп III) и Ягкодж I (раскоп 1963 г.). Впоследствии Г.М. Буров уточнил относительную хронологию ванвиздинских памятников, согласно которой к ранневанвиздинским (первый, висский этап развития культуры) отнес поселение Вис II, к средневанвиздинским (второй, кузьвомынский этап) – поселения Ванвиздино и Кузьвомын, к поздневанвиздинским (третий, тохтинский этап) – поселения Зеленец, Тохта и др.; он также дал абсолютные хронологические границы этих этапов: висский – IV–V вв. н. э., кузьвомынский («классическое» ванвиздино) – VI – первая половина VII вв. н. э., тохтинский – вторая половина VII–VIII вв. н. э. (Буров, 1975, с. 306–307). В начале 80-х годов XX в. Г.М. Буров определил ранний этап ванвиздинской культуры V–VI вв. н. э. (Буров, 1981, с. 117).

В первой половине 80-х годов XX в. классификация ванвиздинской керамики и периодизация ванвиздинской культуры подверглась критическому переосмыслению Н.Н. Чесноковой (Чеснокова, 1982, с. 106–117; 1983). Были скорректирова-

ны имевшиеся (по Г.М. Бурову) хронологические рамки ванвиздинской культуры, которые с учетом датировки материалов поселения Лозым (VIII–XI вв. н. э.; Чеснокова, 1983а, с. 10) были определены VI–X вв. н. э., а основным временем ее существования было предложено считать VII–IX вв. (Чеснокова, 1983а, с. 8). Был выделен финальный этап в развитии ванвиздинской культуры на Вычегде – лозымский, датированный IX–X вв. н. э. (Королев, Савельева, 1988, с. 20; Королев, Мурыгин, Савельева, 1997, с. 432). Позднее поселение Лозым было датировано X–XI вв., что, по мнению Н.Н. Чесноковой, может привести к омолаживанию верхней границы ванвиздинской культуры (Завьялов, Чеснокова, 1991, с. 215).

Э.А. Савельева в начале 70-х годов XX в. вычегдские ванвиздинские памятники датировала IV–VIII, возможно, IX в. (Савельева, 1971, с. 139), позднее приняла датировку, предложенную Н.Н. Чесноковой, – VI–X вв. (Савельева, 1985б, с. 11).

Несмотря на то, что крайние даты ванвиздинской археологической культуры недостаточно обоснованы, для вычегдского ареала ванвиздинских памятников остаются актуальными две схемы хронологии и периодизации памятников. Общие хронологические рамки культуры по-прежнему не выходят за рамки второй половины I тыс. н. э. Однако в определении абсолютных ее границ остаются различия – IV–V (V–VI) – VIII вв. (Г.М. Буров) или VI–X вв. (К.С. Королев, Н.Н. Чеснокова, Э.А. Савельева). Хронологические рамки ванвиздинских материалов бассейна Мезени датированы VI–VIII вв. (Мурыгин, 2001, с. 141).

Первая попытка определения историко-культурного места ванвиздинских материалов в ряду древностей эпохи железа была предпринята А.П. Смирновым, который отмечал сходство ванвиздинской керамики с финно-пермской ананьинской (Смирнов, 1928, с. 472–479). По мнению В.И. Лыткина, в бассейне Вычегды проживали западно-финские (карело-вепские) племена (Лыткин, 1949, с. 128). Л.П. Лашук усматривал сходство между ванвиздинской и керамикой поселений бассейна р. Сухоны и Верхнего Поволжья, связывая ванвиздинские памятники с пришлыми с юго-запада племенами, которые оставили топонимику на «-ма» и «-га» («-нга») (Лашук, 1955, с. 18). В.А. Оборин полагал, что ванвиздинские памятники оставлены вепсами (Бадер, Оборин, 1958, с. 161–163).

В трудах Г.М. Букова получила развитие угорская гипотеза, согласно которой ванвиздинская культура сформировалась в процессе ассимиляции части местного, особенно верхневычегдского гляденовского населения угорскими племенами Нижнего Приобья (Буров, 1965б, с. 189; 1967б, с. 174, 177; 1975, с. 305). По мнению Г.М. Букова,

миграционная волна племен южного происхождения, приведшая в Верхнем Прикамье к возникновению памятников харинского типа, бассейна Вычегды непосредственно не коснулась (Буров, 1965б, с. 180).

В.И. Канивец в 60-е годы XX в. предполагал, что ванвиздинская культура сложилась на местной печоро-вычегдской основе, уходящей корнями в культуру гляденовского типа (Канивец, 1964, с. 119). Он отмечал сходство ванвиздинской керамики с большеземельской и нижеобской, с одной стороны, с прикамской и вятской – с другой.

По мнению Э.А. Савельевой, линия развития финно-пермского этноса в бассейне Вычегды не прерывается в течение всего железного века (Савельева, 1985а, с. 14; 1985б, с. 11–12; 1971, с. 143–144; 1995, с. 38). Ванвиздинская культура рассматривается Э.А. Савельевой в качестве северной параллели ломоватовской культуры Прикамья, отражающей разделение во второй половине I тыс. н. э. древнекоми общности на коми-зырян и коми-пермяков (Савельева, 1979б, с. 77–78; 1982, с. 26–27; 1985б, с. 11–12). Э.А. Савельева и К.С. Королев обосновывали концепцию формирования на основе ванвиздинской культуры перми вычегдской, продолжающей местную ананьинско-гляденовскую (пермскую) линию развития культур бассейна Вычегды (Савельева, 1985б, с. 11–12; Королев, Савельева, 1988, с. 21; Королев, 1989, с. 13). Был сделан вывод, что «в эпоху раннего Средневековья в Прикамье и бассейне Вычегды параллельно происходят сходные этнокультурные процессы: на основе гляденовской культуры при участии пришлых западносибирских групп населения формируются две общности – ломоватовско-неволинская и ванвиздинская, отражающие процесс разделения пракоми общности на пракоми-пермяцкую и пракоми-зырянскую» (Савельева, 1995, с. 38; 2005).

Н.Н. Чеснокова поддерживает концепцию В.И. Канивца и Э.А. Савельевой о пермской этнокультурной принадлежности ванвиздинской культуры, считая, что генетическая связь ванвиздинской культуры с ананьинским субстратом раннего железного века несомненна (Чеснокова, 1983а, с. 13–14). По ее мнению, при сложении данной культуры имело место воздействие нескольких культурных импульсов восточноевропейского происхождения, поступавших через Верхнее Поволжье и Прикамье (Чеснокова, 1983а, с. 14–15).

При рассмотрении происхождения ванвиздинской культуры проблемным остается также вопрос о соотношении памятников середины и второй половины I тыс. н. э.

Материалы курганных и курганно-грунтовых некрополей рассматриваются некоторыми исследова-

дователями как относящиеся к разным культурам или культурным типам: погребения под курганами – к древностям харинского (Л.И. Ашихмина) или шойнатыйского культурного типа (А.М. Мурыгин), к ванвиздинской культуре – только материалы грунтовых захоронений этих могильников.

А.М. Мурыгин полагает, что ванвиздинская культура сложилась в вычегодском ареале на основе непосредственного взаимодействия местных позднегладеновских и проникших из (через) Северного Прикамья групп населения харинского облика, испытавших влияние западносибирских (обских) и родственных им печорских коллективов (Мурыгин, Королев, Ляшев, 1984, с. 26–27). Предполагается, что керамику висского (по Г.М. Бурову) этапа ванвиздинской культуры или технико-типологической традиции А (по Н.Н. Чесноковой) и соответствующие им поселенческие комплексы следует выделять в шойнатыйский культурный тип¹, который одновременен материалам курганных могильников, составляя с ними на ЕСВ группу памятников переходного периода от культур раннего железного века к Средневековью. В нем отразился смешанный состав и особенности населения, в основном таежного Привычегодья (Мурыгин, 1987, с. 65–66; 1992, с. 171). Сходство вычегодской поселенческой и погребальной керамики с верхнекамской позволили поставить вопрос о выделении этой таежной зоны Приуралья в особую культурную область середины I тыс. н. э. с отдельными региональными вариантами (харинский, шойнатыйский) (Мурыгин, Королев, Ляшев, 1984, с. 18; Мурыгин, 1992, с. 146). Таким образом, памятники ванвиздинской археологической культуры фиксируют итог процесса взаимодействия носителей местных и привнесенных этнокультурных традиций, завершившегося в бассейне верхней и средней Вычегды интеграцией неоднородных компонентов в общий хозяйственно-культурный комплекс (Мурыгин, 1987, с. 66; 1992, с. 171; 2013, с. 8). Источники из мезенского ареала ванвиздинских памятников не позволяют определенно говорить о сложении ванвиздинского керамического комплекса в бассейне Мезени (Мурыгин, 2001, с. 143). Здесь пока не известны предванвиздинские памятники шойнатыйского

типа. Также не представлены на Мезени материалы типа вычегодских финальнованвиздинских поселений Лозым и Угдым II (конец I тыс. н. э.).

Л.И. Ашихмина считает, что вычегодские памятники с курганным обрядом захоронения типа Веслянского I могильника можно выделить в особую северную вычегодскую группу харинских некрополей (Ашихмина, 1988, с. 16). Э.А. Савельева предлагает определить северные курганные могильники как памятники веслянского типа по первому открытому исследованному памятнику – Веслянскому I могильнику (Савельева, 2005, с. 22). Смена к VII в. н. э. погребений под курганами грунтовыми захоронениями может свидетельствовать о постепенной ассимиляции пришлых из Верхнего Прикамья позднехаринских групп местным вычегодским (гладеновским) населением и вероятным присутствию в этом смешанном населении как обско-печорских (угорских, самодийских?), так и сарматских групп (Савельева, 1995, с. 36–38; 2005, с. 23).

Вопрос о локальных вариантах. Уже на начальном этапе изучения ванвиздинских памятников исследователи практически сразу отметили существенную разницу между керамическими комплексами поселений второй половины I тыс. н. э., распространенными на огромной территории ЕСВ.

Еще в 50-х годах XX в. было замечено, что не все известные к тому времени ванвиздинские памятники адекватны по керамическому материалу. Л.П. Лашук и В.А. Оборин различали культуру Тохтинского поселения и культуру памятников типа Ванвиздинской стоянки (Лашук, 1955, с. 12, 18, 27, 28; Бадер, Оборин, 1958, с. 161–163). Л.П. Лашук считал, что материалы Тохтинского поселения фиксируют переселение пермских племен из Прикамья на Вычегду, которое началось в V–VI вв. н. э. и продолжалось до конца I тыс. н. э. (Лашук, 1955, с. 27–28). В.А. Оборин рассматривал Тохтинское поселение как пример продвижения в VII–VIII вв. н. э. пермских ломоватовских племен на север и начала территориального разделения племен, говоривших на языках коми (Бадер, Оборин, 1958, с. 161–162).

Г.М. Буров видел в этом памятнике отражение изживания последствий угорского влияния на вычегодское ванвиздинское население, сближение верхнекамского ломоватовского и ванвиздинского населения под влиянием миграционной волны из Прикамья в последней трети I тыс. н. э., которая и восстановила единство языка у верхнекамских и вычегодских племен (Буров, 1975, с. 307–310). Согласно взглядам Э.А. Савельевой, Тохтинское поселение выступает в качестве явления, отражающего культуру ванвиздинского населения Вычег-

¹ Такая керамика считалась Г.М. Буровым ранневанвиздинской (висский этап) (Буров, 19656; 19676). Н.Н. Чеснокова рассматривала эту посуду как восточно-ванвиздинскую традицию керамического производства ванвиздинской культуры (Чеснокова, 1982, с. 106–117; 1983а). К.С. Королев также считает, что шойнатыйские материалы составляют единый культурно-хронологический комплекс, но определяет его как ранневанвиздинский (Королев, 1977, с. 54), позднее – как переходный этап (IV–V вв.) между гладеновской и ванвиздинской эпохами (Королев, 1993, с. 97).

ды в VIII в. н. э., документируя преемственность пермского ванвиздинского и вымского населения предков коми-зырян (Савельева, 1971, с. 167–168). А.М. Мурыгин исключает из круга типичных ванвиздинских памятников Тохтинское поселение и аналогичные материалы. Он выделяет тохтинский культурный тип, который не сопоставим по происхождению и этнокультурной принадлежности основного компонента его носителей с остальными синхронными ему археологическими памятниками ЕСВ. По его мнению, именно в аналогичных материалах наиболее вероятно можно усматривать отраженный в археологических источниках собственно пермский раннесредневековый компонент «перми вычегодской» (Мурыгин, Королев, Ляшев, 1984, с. 13). Можно заключить, что вопрос о месте керамики типа Тохтинского поселения в ряду раннесредневековых памятников ЕСВ до настоящего времени остается открытым. С одной стороны, материалы исследования Тохтинского поселения не исключают правомерность его включения в ареал памятников ванвиздинской культуры, представляющего ее нижневычегодский вариант на одноименном (тохтинском) этапе развития. В то же время значительное своеобразие тохтинского керамического комплекса, в абсолютном большинстве которого преобладает многошнуровая посуда (почти 70%; см.: рис. 5: 1, 2), дает основание для предположения о существовании особого тохтинского культурного типа, отличающегося как от прикамских, так и вычегодско-мезенских памятников раннего Средневековья (Мурыгин, Савельева, 2005).

Морфологические различия керамических комплексов ванвиздинского времени из бассейнов рек Вычегды и Печоры послужили основанием для того, чтобы Г.М. Буров и Э.А. Савельева выдвинули предположение о наличии двух территориальных вариантов ванвиздинской культуры – печорском и вычегодском (Буров, 1965б, с. 182; Савельева, 1971, с. 148). Была высказана мысль о существовании локальных вариантов внутри вычегодского варианта ванвиздинской культуры, а наибольшую близость с прикамской ломоватовской культурой, которая общепризнанно является пермской по происхождению, имеют средне- и нижневычегодский варианты ванвиздинской культуры (Савельева, 1971, с. 148). Касаясь места поселений Тохта и типа Ванвиздино Г.М. Буров и Э.А. Савельева видят в них определенную культурную совокупность – ванвиздинскую культуру (Буров, Серебренников, 1967, с. 307; Савельева, 1971, с. 143, 144). Однако Э.А. Савельева, а затем Н.Н. Чеснокова, полагают, что материалы Тохтинского поселения отражают локальный, нижневычегодский вариант ванвиздинской культуры (Са-

вельева, 1971, с. 138, 143, 148; Чеснокова, 1982, с. 116), а для Г.М. Булова отличительные черты тохтинской керамики являются хронологическим показателем (Буров, 1975, с. 306).

Несмотря на расхождения в вопросах генезиса и этнокультурной принадлежности ванвиздинской археологической культуры, долгое время в научных исследованиях территориальные различия в материальной культуре раннесредневековых памятников по обе стороны Тиманского кряжа – на Печоре и Вычегде – объяснялись с точки зрения локальности в рамках единой культуры или общности раннего Средневековья.

Однако накопление источников по раннесредневековой археологии ЕСВ, переосмысление имевшегося материала и его критический анализ потребовали от исследователей поиска иного объяснения значительной ареальной дифференциации относительно синхронных Печорских и Вычегодско-Мезенских керамических комплексов более позднего облика, чем середина I тыс. н. э.

Изучение этой проблемы привело к выводу о том, что вряд ли правомерно расширять этническую территорию носителей ванвиздинской археологической культуры с Вычегды до бассейна Печоры, период формирования которой связан с постепенным сокращением районов обитания пермских племен (Мурыгин, Королев, Ляшев, 1984, с. 24–25; Савельева, 1985а, с. 17). Ее типичные признаки в этом регионе ЕСВ явно выражены только на керамике археологических памятников водораздельных озер Тиманского кряжа, который в изучаемый период времени служил своеобразным естественным рубежом и контактной зоной для археологических культур печорского и вычегодско-мезенского бассейна и «пограничной» линией двух хозяйственно-культурных ареалов (Мурыгин, 1986, с. 90–91; 1987, с. 66–67; 1992, с. 172). С этой точкой зрения согласна Э.А. Савельева, которая считает, что неадекватность раннесредневековых вычегодских и печорских памятников свидетельствует об этнокультурных различиях двух групп населения: пермского (вычегодского) и угорского и/или самодийского (печорского) (Савельева, 1995, с. 38).

Таким образом, на современном уровне знаний наиболее вероятными представляются следующие положения: 1) формирование ванвиздинской культуры происходило на основе предшествующей гляденовской в ее вычегодском варианте (джуджыдыгской); 2) в сложении ванвиздинской культуры приняли участие пришлые из Прикамья (или через Прикамье) группы кочевников, исходной территорией обитания которых определяются лесостепные районы Западной Сибири, и родственные нижеобскому группы печорского населения;

3) существует преемственность в развитии ванвиздинской и вымской археологических культур, последняя из которых принадлежит перми вычегодской; 4) этнокультурный ареал носителей ванвиздинской археологической культуры не распространяется на бассейн Печоры.

Особенности ареала. К настоящему времени в научный оборот введены все основные данные, свидетельствующие о распространении памятников ванвиздинской культуры, материалы которой найдены не менее чем в 104 пунктах (рис. 1). Это позволяет остановиться на вопросе об особенностях ареала ванвиздинской культуры в целом.

Вне основного ареала ванвиздинской археологической культуры (Вычегода, Мезень) оказываются ванвиздинские поселения северо-западнее удорской группы (верхняя и средняя Мезень) памятников (рис. 1-II: 22–24), в бассейне Северной Двины (рис. 1-V: 1–4) (Буров, 1979; Макаров, 1984; Макаров, Чеснокова, 1992; Мурыгин, 2001), в Верхнем Прикамье (рис. 1-IV: 1–16) (Бадер, 1960; Оборин, 1968; 1969; 1987; Оборин, Балашенко, 1968; Теплоухов, 1897), на водораздельных озерах Тиманского края в Припечорье (рис. 1-III: 1–4) (Мурыгин, 1992).

Таким образом, к северо-западу, северо-востоку и юго-западу от удорского и вычегодского ареалов (Северодвинский бассейн, нижняя Мезень, Припечорье) памятники ванвиздинской археологической культуры немногочисленны, расположены на значительном удалении друг от друга. Это может быть как показателем малой степени исследованности отдельных территорий, так и отражать реальную картину расселения ванвиздинских племен в этих направлениях. В любом случае, они дают некоторое представление о северо-западных, северо-восточных и юго-западных границах распространения ванвиздинских памятников.

Напротив, в регионе Верхнего Прикамья, который расположен юго-восточнее вычегодского ванвиздинского ареала, известно не менее 16 памятников с материалами ванвиздинской культуры. Они расположены достаточно компактной группой (рис. 1-IV: 1–16) и выявлены на разнотипных памятниках – жертвенном месте, в погребальных и на поселенческих комплексах. По мнению В.А. Оборина, эти данные свидетельствуют о присутствии в северных районах Прикамья ванвиздинского населения, вошедшего позднее в состав северных родановских племен (Оборин, Балашенко, 1968, с. 29). На это указывают некоторые детали погребального обряда в погребениях второй половины I тыс. н. э. Агафоновского, Мелехинского и Урынского могильников (Оборин, 1968, с. 26; Оборин, Балашенко, 1968, с. 29), находки ванвиздинской керамики в ранних хроноло-

гических горизонтах родановских городищ (Кыласово, Лаврятское, Кудымкарское, Редикарское, Петуховское, Оборин, 1968, с. 38; 1969, с. 163) и селищ (Мелехинское, Покчинское, Лекмартовское, Чирвинское II, Пянтежское, Вилесовское II, Оборин, 1969, с. 163; Оборин, Балашенко, 1968, с. 29), Огурдинское (Бадер, 1960, рис. 3, II), на жертвенном месте у дер. Подбобыка (Оборин, 1969, с. 163; Теплоухов, 1897, с. 147, табл. II, 10). В этой связи характерен тот факт, что некоторые верхнекамские поселения (Редикарское городище – более 20% посуды памятника является ванвиздинской и располагается в нижнем слое), видимо, были основаны ванвиздинцами, вошедшими позднее в состав местного родановского населения (Оборин, 1987, с. 70).

Можно полагать, что не позднее конца VI в. север Прикамья становится областью хозяйственно-культурного освоения ванвиздинским населением, а в последней четверти I тыс. н. э., возможно, местом их постоянного присутствия (Мурыгин, Королев, Ляшев, 1984, с. 25). Аналогичную точку зрения высказывал В.А. Оборин, который полагал, что в VII–VIII вв. н. э. начинается движение вычегодского (ванвиздинско-шойнатинского) населения в Прикамье (Оборин, 1987, с. 70), а миграции небольших групп ванвиздинцев в верхнее Прикамье прослеживаются вплоть до конца существования ломоватовской культуры (Оборин, 1999, с. 288).

И все же, несмотря на имеющиеся факты, сейчас пока нет оснований без дополнительных данных расширять этнокультурный ареал ванвиздинского населения за пределы уже установленного (бассейн Вычегоды, восточные районы бассейна Мезени) во всех направлениях и на всем протяжении их существования.

Большинство ванвиздинских памятников, расположенных к северо-западу, северо-востоку и юго-западу от основного региона их сосредоточения, относятся к ранним периодам развития культуры. Их следует рассматривать, вероятно, как места временного проживания и кратковременного периодического посещения (использование контактных зон в качестве промысловых угодий), привнесение в инородную среду, родственную или не родственную, ванвиздинских традиций в результате межплеменных браков и т. п. Однако на позднем этапе ванвиздинской культуры (после VIII в.) намечается тенденция к расселению ванвиздинских коллективов на сопредельных территориях юго-восточнее и юго-западнее от бассейна Вычегоды. Этот факт зафиксирован материалами Подгорбуновского городища на р. Юг и нижних хронологических горизонтов родановских городищ Верхнего Прикамья (Редикарское и др.).

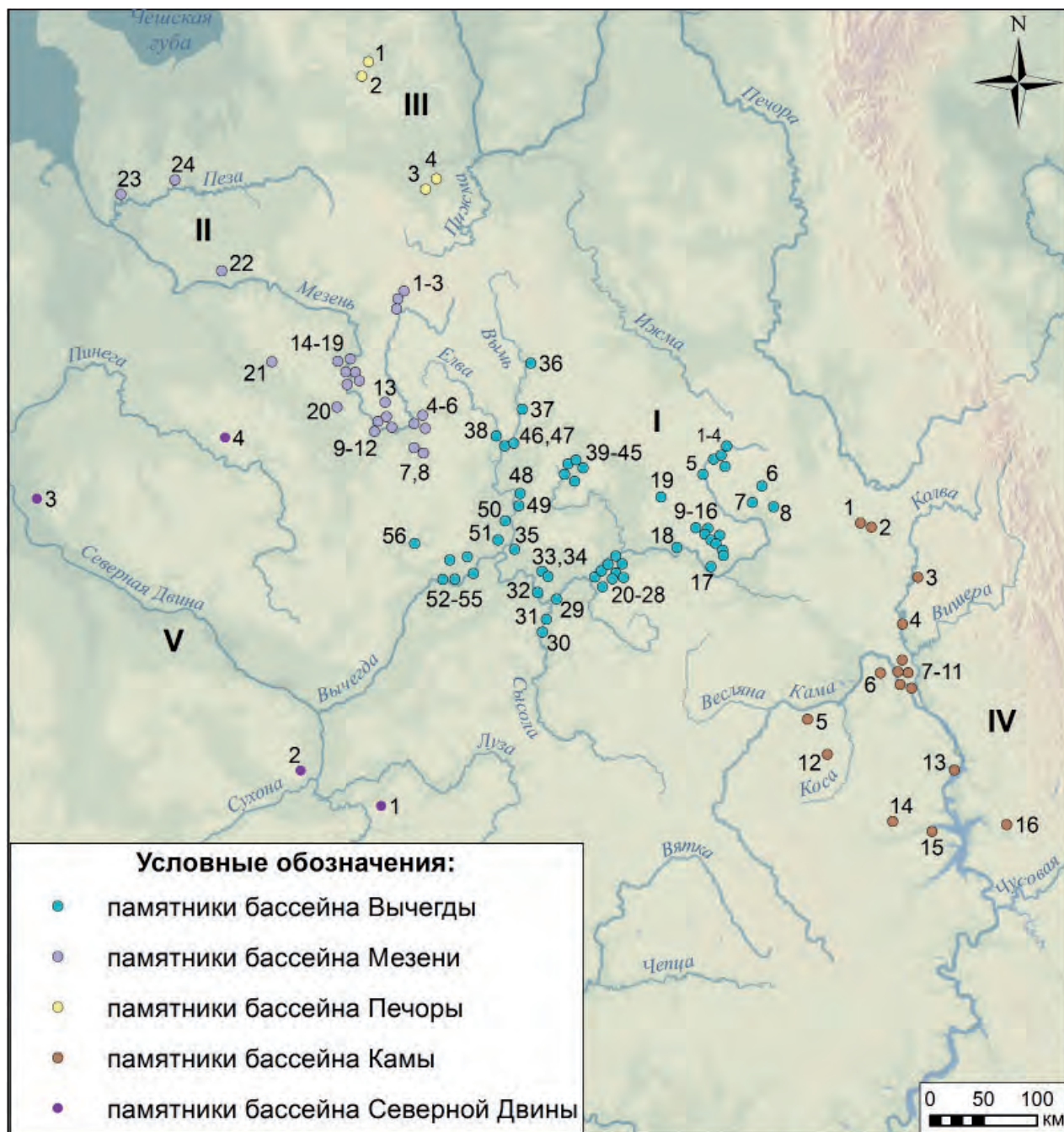

Рис. 1. Карта памятников ванвиздинской археологической культуры.

I – бассейн Вычегды: 1 – Кузьвомын; 2 – Ягкоджты; 3 – Ягкодж I; 4 – Чуддинты II; 5 – Помоздино; 6 – Воркерос; 7 – Варламовка; 8 – Лопью-вад; 9 – находка бронзового культового предмета у оз. Донты; 10 – Дон; 11 – Пасашор; 12 – Усть-Кулом II; 13 – Усть-Кулом III; 14 – Озьяг II; 15 – Озьяг III; 16 – Озьяг V; 17 – Юванаяг (грунтовая часть); 18 – находка бронзового культового изображения (д. Эжол); 19 – Борганьель (грунтовая часть; 20 – Шойнаты II; 21 – Шойнаты III; 22 – Шойнаты VI; 23 – могильник Шойнаты I; 24 – Джудждыдяг; 25 – Угдым II; 26 – Угдым III; 27 – Угдым IV; 28 – могильник Угдым II; 29 – Ыб; 30 – Лозым; 31 – Красная Гора; 32 – Нидзьяс; 33 – Зеленец; 34 – Койты; 35 – Ванвиздино; 36 – Усть-Кедва I; 37 – Усть-Комыс; 38 – Евдинский могильник; 39 – Вис I; 40 – Вис II; 41 – Вис III; 42 – Синдорское озеро IV; 43 – Симва I; 44 – Симва II; 45 – Веслянский I могильник (грунтовая часть); 46 – Веслянское I поселение; 47 – Жигановское поселение; 48 – Онежье; 49 – Ниремка I; 50 – клад бронзовых вещей из с. Усть-Вымь; 51 – Чежтыягское поселение; 52 – Гам; 53 – находка культового изображения из с. Жешарт; 54 – Ревью IV; 55 – Кунес; 56 – Тохтинское поселение; Борганьель (грунтовая часть) Юванаяг (грунтовая часть); II – бассейн Мезени: 1 – Кужим II; 2 – Кужим I; 3 – Кужим III; 4 – Ядмас I; 5 – Ядмас II; 6 – Мичачой II; 7 – Мичачой III; 8 – Мичачой IV; 9 – Чойновты V; 10-12 – Усогорск III (комплексы: А; Б; В); 13 – Шешты; 14-19 – памятники в урочище Ошчой (Ошчой/пункт А; Ошчой I/жил. 4; Ошчой I/жил. 5; Ошчой I/пункт 6/4; Ошчой I/пункт 14/12 – жил. 12; Ошчой I/поздний комплекс; местонахождение ванвиздинской керамики; 20 – Вендинга; 21 – Смолокурный I; 22 – Селище; 23 – Мосеево; 24 – Лафтира; III – бассейн Печоры: 1 – Кыско; 2 – Харловая I; 3 – Пижма I; 4 – Пижма II; IV – бассейна Камы: 1 – Лекмартовское

селище; 2 – Чирва II селище; 3 – Подбобыка святилище; 4 – Покчинское селище; 5 – Агафоновский могильник; 6 – Вилисово II селище; 7 – Мелехинский могильник; 8 – Мелехинское селище; 9 – Пянтежское селище; 10 – Редикарское городище; 11 – Петуховское городище; 12 – Урьинский могильник; 13 – Огурдинская стоянка; 14 – Кудымкарское городище; 15 – Кыласово (Анюшкар) городище; 16 – Лаврятское городище; V – бассейн Северной Двины: 1 – Подгорбуновское городище; 2 – Крыловское; 3 – Пинежское Озеро III; 4 – Остров IX.

Картографирование всех известных ванвиздинских памятников показывает, что они протянулись узкой полосой с юго-востока на северо-запад, через Верхнее Прикамье, верхнюю и в основном среднюю Вычегду и далее по Мезени, что свидетельствует об их концентрации между бассейнами Северной Двины и Печоры (рис. 1). Ограничение ванвиздинского ареала в юго-западном направлении пока трудно объяснить, не имея конкретных археологических источников второй половины I тыс. н. э. из Вычегодско-Северодвинского и Мезенско-Северодвинского междуречья. Препятствием к его распространению восточнее линии водораздельных озер Печоры и Камы (Косминские, Ямозеро, Синдорское, Чусовское) явились, возможно, племена западной периферии расселения носителей угорского и/или самодийского круга культур либо слабо дифференцированные в этнокультурном отношении угро-самодийские коллективы, оставившие в бассейне Печоры археологические памятники типа Бичевник и с фигурно-штамповой керамикой нижнеобского облика.

Археологические памятники ванвиздинской культуры. На территории ЕСВ общее число учтенных археологических памятников ванвиздинской культуры составляет не менее 81 (рис. 1-II: 1–21; III: 1–4). В их число входят: поселения – 69, могильники – 6, случайные находки вещей и кладов – 6.

Они расположены в основном в бассейне верхней и средней Вычегды (56), верхней и средней Мезени (21). В бассейне р. Печоры ванвиздинская керамика найдена только на многослойных поселениях (4) водораздельных озер Тиманского края – Ямозеро и Косминские.

Поселения ванвиздинской культуры неукрепленные. Они, как правило, расположены по берегам рек и озер, на высоте 5–8 м, иногда 2–3 м над уровнем воды. К числу наиболее изученных относятся Веслянское I (Савельева, Чеснокова, 1985, с. 116–139) и Лозымское поселения (Савельева, Чеснокова, 1979, с. 36; Королев, Савельева, 1988, с. 14–20), Угдымские памятники (Королев, 1989, с. 15–17; Королев, 1992, с. 116–121), комплексы памятников у озер Синдорского и Шойнаты (Буров, 1967б; Королев, 1977, с. 48–54 и др.), поселения Кужим I, II, Усогорск III, Чойновты V, Мичачой III, Ядмас I, Смолокурный I на рр. Мезени и Вашке (Мурыгин, 2001). Значительная часть поселений, в основном на Вычегде, с культурными остатками

ванвиздинской культуры – многослойные. В этих случаях раннесредневековый материал выделяется типологически. Исследованы и однослойные поселенческие комплексы (Лозым, Весляна I, Кужим I–III, Усогорск III, Мичачой III, Смолокурный I, Шойнаты VI, Тохта). Площадь поселений составляет от 250 до 5000 кв. м. На ряде памятников раскопаны значительные площади, в частности на поселении Лозым – 1344 кв. м, Вис I – 718 кв. м, Шойнаты III – 700 кв. м, Веслянском I и Угдым III – около 600 кв. м, Угдым II – 500 кв. м. Некоторые поселения практически раскопаны полностью – Шойнаты VI, Шойнаты III, Ядмас I, Кужим II, III, Усогорск III. На других заложены только небольшие шурфы (Ягкоджты, Дон, Вис III, Угдым IV, Ядмас II, Кужим I и др.). В Вычегодском бассейне изучено более 7000 кв. м, на Мезени и Вашке – около 2000 кв. м. Мощностъ культурного слоя обычно не превышает 20 см, культурные остатки располагаются непосредственно под растительным слоем в подзолистом белесом почвенном горизонте, концентрируясь в пределах кострищ, жилищ и вблизи них.

На ряде поселений выявлены следы жилищ и производственных сооружений, хозяйственных и столбовых ям. Жилища наземные или слегка углубленные в землю. Площадь одного из них, раскопанного на поселении Вис II, около 50 кв. м (11×4,5 м) (Буров, 1967б, с. 138–139). Оно имело вид большого двухскатного шалаша, по контуру которого сооружался одновенечный деревянный сруб. На поселении Тохта зафиксированы остатки прямоугольной в плане наземной постройки с ямами от столбов, поддерживавших кровлю (Савельева, 1971, с. 135; Мурыгин, Савельева, 2005). Остатки, видимо, наземных жилищ зафиксированы и на других поселениях ванвиздинской культуры (Веслянское I, Лозым, Угдым II и Угдым III, Кужим II и III, Ядмас I, Усогорск III/Б, В).

На поселениях часто встречаются мощные зольные напластования, оконтуривающие сооружения, в частности жилища и производственные постройки, очаги и кострища. Одни из них, несомненно, связаны с жилищами, другие – с металлургическим производством, представленным обломками тиглей, льячек, литейными формами из глины, многочисленными шлаками, слитками металла, железными орудиями и украшениями из бронзы.

Особый интерес в этом плане представляет поселение Лозым, на котором вскрыты жилище и производственная мастерская с многочисленными шлаками, тиглями, льячками, формочками для отливки украшений (Савельева, Чеснокова, 1979, с. 36; Королев, Савельева, 1988, с. 19). Множество таких кострищ расчищено на поселениях Шойнаты II и Шойнаты III и др. Кострища представляют собой мощные углистые линзы с прокаленным песком. Некоторые из них являются, по-видимому, слившимися остатками нескольких кострищ, функционировавших в разное время (Королев, 1977, с. 48–54; Королев, 1985, с. 99–100).

Ванвиздинские поселения с мощными кострищами, остатками жилищ и производственных построек свидетельствуют о длительном обитании на них. Небольшие поселения с незначительными культурными остатками могли быть сезонными, недолговременными промысловыми становищами.

Могильники. Погребальный обряд населения ванвиздинской культуры изучен по средневычегодским грунтовым могильникам Шойнаты I (10 погребений), Угдым II (17) и Евдинскому (5).

К погребальным памятникам ванвиздинской культуры отнесены и примыкающие к курганным захоронениям грунтовые погребения на могильниках Веслянском I на Выми, Борганьельском и Юванаягском на р. Нившере (Савельева, 1963, с. 87–98; Ашихмина, 1988), возможно – Эжольском на средней Вычегде.

Ванвиздинские погребения в бассейне Вычегды совершены в простых ямах длиной 1,4–2,7 м, шириной 0,6–1,0 м и глубиной 0,3–0,75 м, ориентированных различным образом (С–Ю, СВ–ЮВ, З–В, СЗ–ЮВ), способом труположения и трупосожжения. Отсутствие погребального инвентаря в половине погребений, невыразительность и малочисленность вещей в остальных, а также почти полное отсутствие костей в могилах затрудняет возможность полной реконструкции обряда погребения.

Большинство погребений могильника Угдым II относится к середине I тыс. н. э. и синхронно материалам раскопа I поселения Угдым III, расположенного рядом, остальные – к VII–VIII вв. н. э. Для могильника характерно преобладание безынвентарных погребений (11 из 17) при исключительной бедности инвентаря в остальных. На могильнике кремация не установлена, хотя прослежена большая роль огня в погребальном обряде (наличие пятен прокала и ям с углями в межмогильном пространстве, угольков в могилах).

На Веслянском I могильнике VI – начала VIII вв. н. э. захоронения совершены способом труположения. Погребенные располагались в мо-

гильных ямах, расположенных в ряд. Отмечены пласты бересты, покрывавшие умерших, а на дне ям – остатки тесин и досок. В ряде погребений содержались жертвенные комплексы из украшений. В поздней группе (VII – начало VIII вв.) погребений могильника представлен богатый набор вещей: монеты, мечи, кинжалы, кольчуга, поясные наборы, браслеты, шумящие подвески, бусы, ритуальные сосуды (рис. 2; 12: 3, 4) (Савельева, 1963, с. 87–88; 1964, с. 237–240; 1979а, с. 91–96).

Могильник Шойнаты I датируется VII–VIII вв. Погребальный инвентарь составляют сосуды, украшения, ножи, кинжал, (рис. 3). На могильнике в четырех случаях можно предполагать кремацию, в одном – ингумацию. Остатки кострищ на площади могильников и развалы глиняных сосудов свидетельствуют о совершении поминальных тризн. Аналогичная картина наблюдается на Веслянском I могильнике (Савельева, 1963, с. 93–94).

Иную картину погребального обряда дает материал Евдинского могильника VII–VIII вв. н. э. на р. Выми. Захоронения здесь совершены по обряду трупосожжения на стороне с последующим помещением праха в ямы глубиной 0,6–0,7 м. На дне ям прослежены остатки деревянных ящиков или срубов. Сверху они были перекрыты жердями. Раскопано пять погребений, два кострища и отдельные ямы в межмогильном пространстве. Между погребениями в кострищах встречены единичные железные предметы и обломки керамики (Косинская, 1980; 1981).

Одно трупосожжение зафиксировано на могильнике Юванаяг, остальные погребения совершены по обряду труположения. В грунтовых погребениях могильников Борганьель и Юванаяг инвентарь очень бедный (железные ножи) или совсем отсутствует (Ашихмина, 1988, с. 14).

Вещевой инвентарь. На памятниках ванвиздинской культуры наиболее массовой категорией находок является керамика. Ее полной и общепризнанной классификации нет. В распоряжении исследователей имеются две типологические схемы систематизации ванвиздинской посуды.

Первая из них (хронологическая) была разработана Г.М. Бурувым (1965б, с. 141–143). Согласно ей, вычегодская ванвиздинская керамика может быть разделена на три хронологические группы (ранняя, средняя, поздняя), соответствующие трем этапам в развитии ванвиздинской культуры – висскому (IV–V или V–VI вв.), кузьвомынскому (VI–VII вв.), тохтинскому (VII–VIII вв.).

Ранний (висский) этап. К наиболее ранним отнесены сосуды, изготовленные из глины пористой структуры (или с толчеными раковинами в глиняной массе) или с минеральными примесями, ор-

наментированные по венчику двумя рядами насечек или зубчатых оттисков в «елочку», имевшие на шейке горизонтальные отпечатки шнура, а на плечиках – подковообразные или волнистые шнуровые отпечатки с наклоном прядей шнура в разные стороны; отмечен высокий процент сосудов с беспорядочной штриховкой на тулове. Типичная посуда – чаши и чашевидные с равноутолщенной шейкой без орнамента, только с ямками, с многорядовыми шнуровыми отпечатками без ямочного узора, гребенчато-шнуровая. Аналогичная керамика выделена в шойнатыйский культурный тип, фиксирующий переходный этап от гляденовской к ванвиздинской культуре (А.М. Мурыгин).

Средний (кузьвомынский) этап. Для керамики среднего возраста отмечены такие черты, как примесь в глине толченого кварца или слюды (дресва), украшение венчика наклонными зубчатыми оттисками, шейки – рядами вертикальных зубчатых оттисков, наклон прядей шнура в узорах в одну сторону, наличие в основании шейки ряда глубоких ямок (рис. 4). Сосуды чашевидные, с суженным устьем и слабо профилированной наклонной или прямой шейкой.

Поздний (тохтинский) этап. К наиболее поздней керамике отнесены сосуды грубой выделки, у которых венчик снаружи часто имел наплыв и был украшен пальцевыми вдавлениями, при нанесении узоров на них часто использовался косозубый штамп; сравнительно высок был процент сосудов, украшенных лишь ямками под венчиком и пальцево-ногтевыми защипами по его краю или без орнамента. В глине примесь дресвы разной степени дробления. Сосуды чашевидные с хорошо профилированной, отогнутой шейкой (рис. 5; 6).

Как уже указывалось выше, одним из итогов исследований последних лет по ванвиздинской тематике явилось изменение хронологических рамок культуры (VI–X вв.) и выделение финального этапа ее развития, датирующегося IX–X вв.

Финальный (лозымский) этап. Для керамики лозымского этапа ванвиздинской культуры типичны приземистые сосуды чашевидной формы с четко профилированной отогнутой шейкой, с округлым или уплощенным дном и преобладанием примеси дресвы в глине, хотя прослежены и органические добавки. Основные элементы орнамента: ямки (как самостоятельный элемент или поверх других узоров, сгруппированные в один ряд или образующие треугольные фестоны), оттиски зубчатого штампа (вертикальные, наклонные, горизонтальные, в виде горизонтального шеврона, зигзага или вертикальной елочки) и горизонтальные отпечатки толстого шнура; единично встречаются кружковые вдавления, выполненные полым чеканом. Ряд сосудов не имел орнамента снаружи.

По венчику сосуды украшены пальцевыми защипами и наклонными оттисками зубчатого штампа, край венчика – насечками. На сосудах сочетаются несколько элементов орнамента (ямочно-гребенчатый, гребенчато-шнуровой), но есть и украшенные только одним – ямочным, гребенчатым (рис. 7; 8).

Н.Н. Чесноковой ванвиздинский керамический материал систематизирован по культурно-типологическому принципу (Чеснокова, 1982, с. 106–121; 1983а).

Технико-типологическая традиция А (ТА). Сосуды исключительно чашевидной формы (без шейки) и отогнутым наружу (скошенным внутрь) венчиком. Около 30% сосудов ТА содержат органическую примесь. Они украшены следующими видами орнамента: 1) широкие пояса горизонтальных шнуровых отпечатков, завершаемые узором в виде шнуровой «волны»; 2) горизонтальный ряд (или ряды) ямок и ниже – сгруппированные вдавления; 3) различные композиции из оттисков зубчатого штампа (характерный мотив – горизонтальная линия, образованная такими оттисками); 4) реже – только ряд ямок. Зубчатый штамп, как правило, с закругленными концами, в том числе в виде «личинки», для ямок характерно превышение диаметра над глубиной. Соответствует ванвиздинской керамике на висском (раннем) этапе ванвиздинской культуры или шойнатыйскому культурному типу.

Технико-типологическая традиция Б (ТБ). Сосуды преимущественно имеют шейку (около 80%). Менее представленные чаши (около 19% всей посуды) отличаются от чаш группы ТА меньшей выпуклостью плечиков. Сосуды с шейкой различаются по двум видам пропорций их верхней части. У большинства (около 90%) высота шейки и плечиков соотносится в среднем как 1:2 (ТБ1), у других как 1:1 (ТБ2). Плечики последних, как правило, переходят в придонную часть в виде крутого изгиба, но не «ребра». Около 10% сосудов группы ТБ содержат органические добавки. Для орнаментации стенок составлялись разнообразные композиции, в которых наиболее распространенными мотивами являлись: горизонтальный ряд ямок, ряд вертикальных оттисков зубчатого штампа, различные фигуры из зубчатых оттисков, пояса горизонтальных шнуровых отпечатков и другие. Соответствует ванвиздинской керамике поздних этапов.

На поселениях получили распространение кремневые орудия для обработки шкур животных – скребки. Техника изготовления скребков довольно грубая, часто они выполнены на массивных отщепках случайной формы, на стенках некоторых сохранились участки корки. Скребки сильно ва-

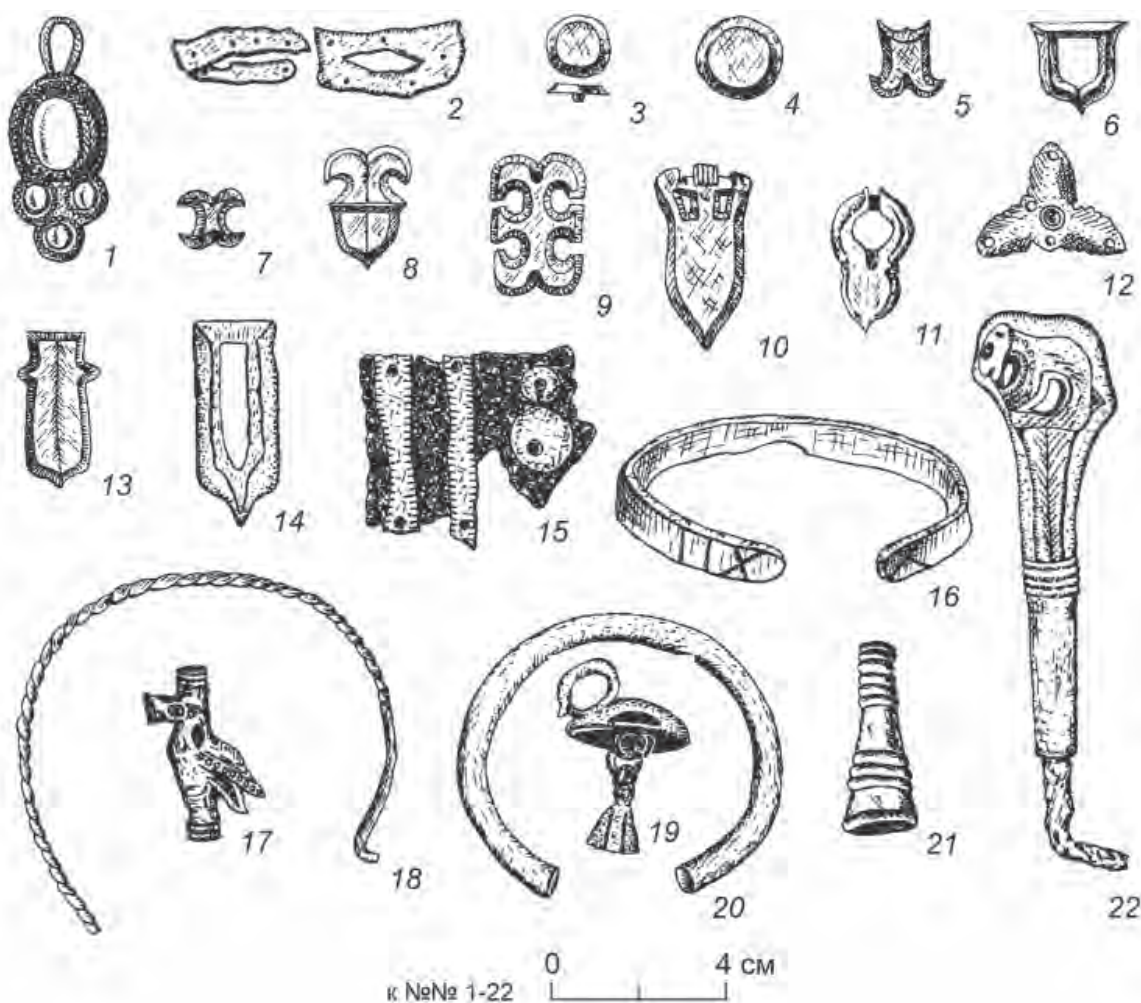

Рис. 2. Веслянский I могильник. Инвентарь поздней (VII – начало VIII вв.) группы погребений.

Основные типы находок. 1 - привеска, 2 - маска-наглазник, 3-15 - детали поясного набора; 16, 18, 20 - браслеты; 17, 19 - зооморфные шумящие подвески; 21 - пронизка; 22 - рукоять (1 - серебро с позолотой сердолик; 2, 4, 9 - серебро; 3, 5-8, 10-14, 16-21 - бронза; 15 - бронза, кожа; 22 - белый сплав). 1-3, 5-7, 10, 12, 14, 15, 17, 19, 21, 22 - погр. 25; 4 - погр. 24; 8, 11, 13 - погр. 3; 9 - погр. 20; 16 - погр. 1; 18, 20 - погр. 23.

рвируют по размерам от 1 до 8,5 см в поперечнике. У большинства из них полукруглый рабочий край обычно выделан крутой ретушью. Многие орудия имеют не один, а два, три или даже четыре рабочих края. Из других каменных орудий надо отметить галечниковые отбойники, найденные на всех поселениях ванвиздинской культуры, и абразивы (точильные и шлифовальные бруски).

Орудия труда из металла немногочисленны. Преобладают железные ножи (рис. 9: 16-20; 10: 8, 10, 15, 16, 18, 20, 21): с двумя уступами при переходе к черенку как со стороны лезвия, так и спинки, в том числе с продольными желобками на клинке (поселения Вис II и Кужим II; рис. 10: 16), с одним уступом со стороны лезвия и без уступа. В могильнике Шойнаты I найден кинжал (рис. 3: 22).

Железные наконечники стрел все черешковые – подтреугольные, ромбические с расширением в

верхней части, ромбические с прямыми сторонами и расширением в нижней части пера (рис. 9: 26-28). Выделяются два двушипных наконечника с упором для древка и продольным ребром на пере (рис. 9: 24). На поселении Угдым II найден обломок трехлопастного наконечника (рис. 9: 25). Из других железных орудий труда найдены долота, шилья и иголки (рис. 9: 29; 10: 9, 17, 19), ювелирные щипчики (рис. 9: 31), клинышки для расклинивания (рис. 10: 7), скобель (?) (рис. 10: 5), наковаленка (рис. 9: 36) и др.

Наряду с металлом для изготовления орудий труда и быта широко использовалась кость. Среди костяных изделий преобладают наконечники стрел, иногда встречаются проколки-острия. Наконечники относятся к нескольким типам, отличающимся по форме и конфигурации сечения (Буров, 1967б, с. 155). Длина наконечников варьирует от до 4,5 до 13,5 см, ширина – от 1 до 1,5 см. По

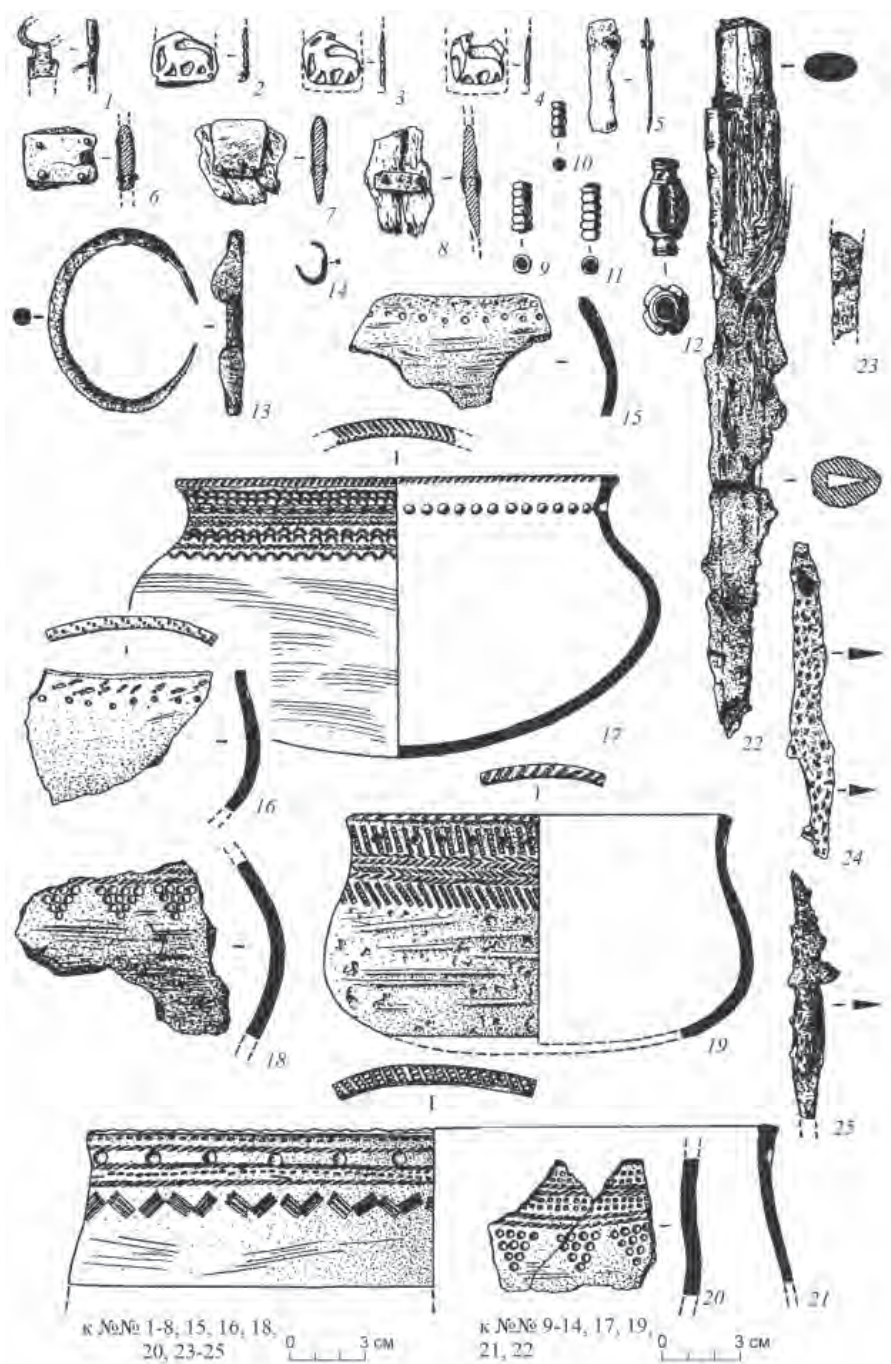

Рис. 3. Ванвиздинская археологическая культура. Могильник Шойнаты I (VII–VIII вв.). Инвентарь погребений. 1 - пряжка, 2-5 - накладки, 6-8 - пластинки, 9-12 - пронизки, 13 - браслет, 14 - кольцевидный предмет, 15-21 - сосуды, 22 - кинжал, 23-25 - ножи (1-5, 9-14 - бронза; 6-8 - бронза и дерево; 15-21 - керамика; 22 - железо, кожа и бронза; 23-25 - железо). 16 - погр. 1; 20, 25 - погр. 2; 15 - погр. 3; 9-11, 19 - погр. 4; 1, 17, 24 - погр. 5; 2-4, 12-14, 22 - погр. 8; 23 - погр. 7; 6-8 - погр. 9; межмогильное пространство - 18; в раскопе вне могильника - 5.

форме выделяются наконечники с расширением в тыльной части, ближе к черенку, и ромбовидные, по сечению – ромбические, подпрямоугольные и трехгранные. Костяные проколки использовались для шитья одежды и обуви из шкур и кожи животных.

Большое количество промысловых и бытовых предметов изготовлено из дерева. Во II Висском старичном торфянике (в черте поселения Вис II)

найлены сотни деревянных изделий и их фрагментов. Среди них – поплавки от сетей, удильные крючки, весло, лыжа (?), полозья саней, стрелы и мотыга, коленчатые рукоятки кельтов, лопаточки, гвозди и другие предметы (Буров, 1965б, с. 134). Из дерева, несомненно, изготавливали многие бытовые вещи (рукоятки ножей, шильев, ложки, посуду и т. п.). О высоком уровне техники обработки дерева свидетельствуют реалистично выполнен-

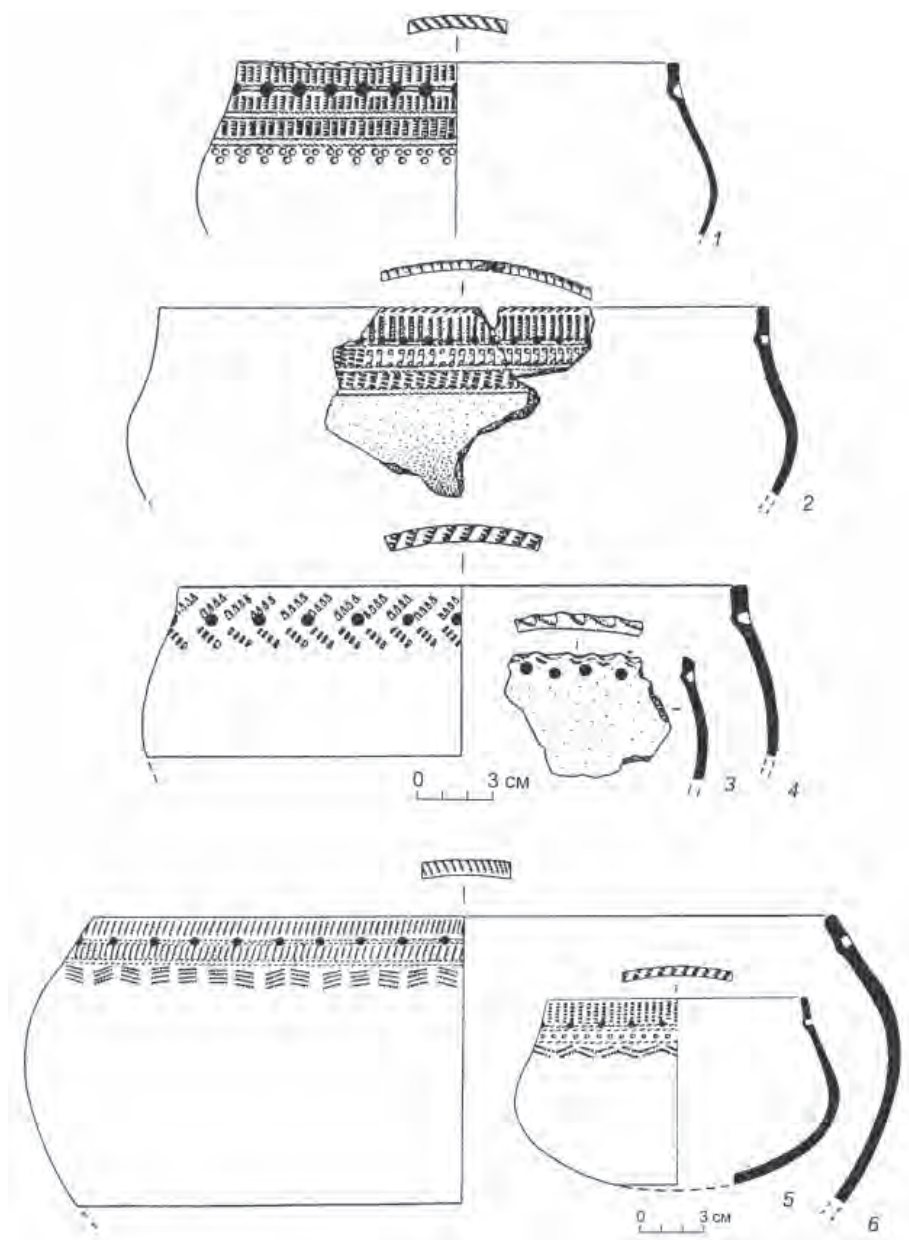

Рис. 4. Ванвиздинская археологическая культура. Кузьвомынский этап (VI – перв. пол. VII вв.). Керамика.

ная стоящая человеческая фигурка (рис. 12: 7) и чаша, вырезанная из капа с ручкой в виде фигурки медведя, найденная в погребении 24 Веслянского I могильника (рис. 12: 3). Туловище и лапы зверя украшены медными штырьками, уши – серебряными накладками. Чаша по краю окантована медными треугольными пластинами (Савельева, 1979а, с. 95). Не менее распространены были изделия из бересты. Туески, сумочки и накладки из бересты сохранились, в частности, на Веслянском I могильнике.

Украшения найдены преимущественно в могильниках. Наиболее многочисленную категорию составляют бусы (рис. 9: 1–6; 10: 1). Большинство из них стеклянные (в том числе стеклянный бисер синего и желтого цвета), меньше и

единично – каменные (в т. ч. сердоликовые), бронзовые и янтарные, изготовленные из глины. Среди стеклянных бус встречены с позолотой и серебрением. По форме преобладают бочонкообразные и шаровидные, единично встречены кольцевидные, цилиндрические, эллипсоидные и бипирамидальные. Из металлических представлена небольшая битрапецидная бронзовая бусина.

К украшениям относятся бронзовые височные и каплевидная подвески (рис. 9: 13). На поселении Угдым III найдена подвеска с умбовидной основой (рис. 9: 12), на поселении Лозым – литейная форма якорьковой подвески. На некоторых поселениях (Лозым, Шойнаты III, Шойнаты VI, Угдым III, Ядмас II) найдены детали шумящих подвесок

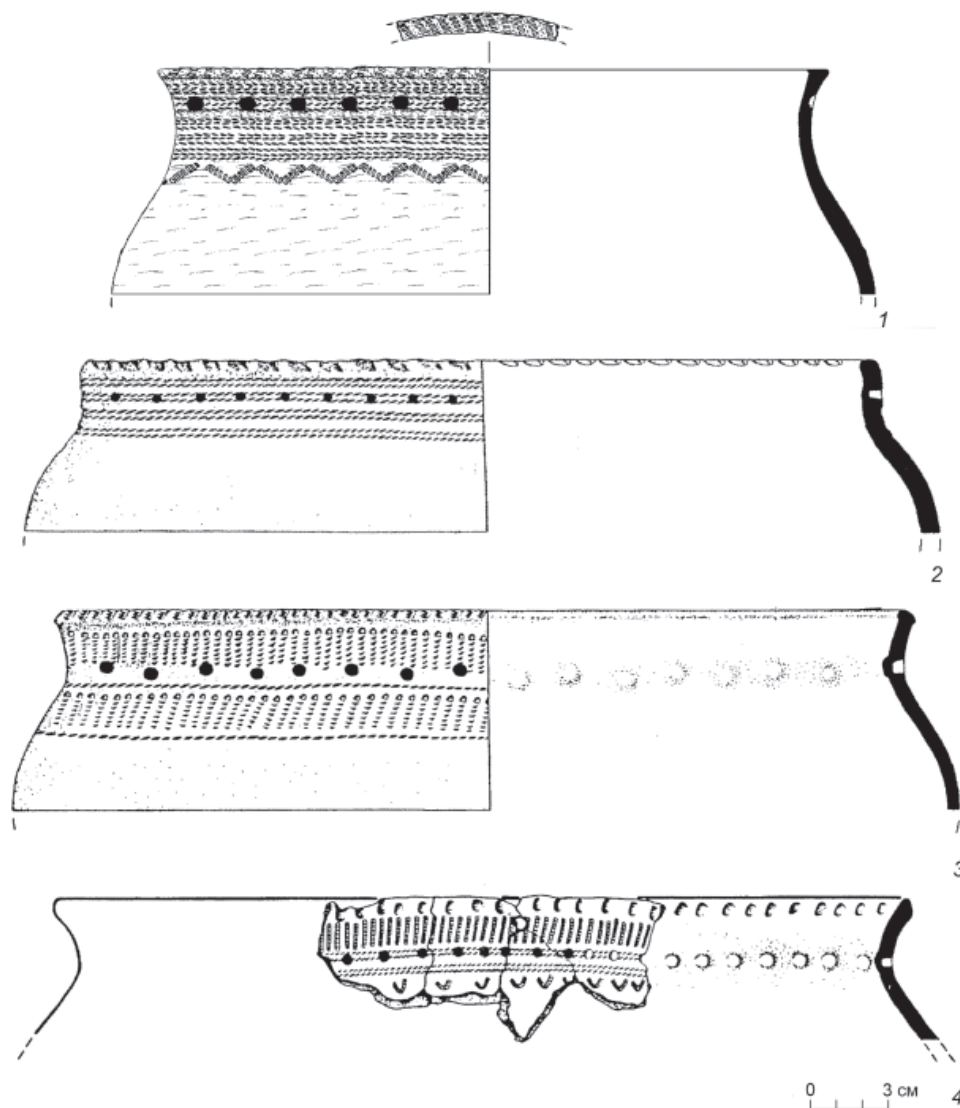

Рис. 5. Ванвиздинская археологическая культура. Тохтинский этап (вторая половина VII–VIII вв.). Керамика.

– цепочки с привесками и без них (рис. 9: 9, 10; 10, 14), отдельные привески конической формы (рис. 9: 11; 10: 6), бубенчики – бутылчатые и крестопрорезные с нарезкой в нижней части или без нее.

Встречены бронзовые пронизки – проволочные спиральновитые (рис. 3: 9–11), трубочки с одним прорезным вздутием (рис. 3: 12), в виде фигурки медведя, зооморфная и конусовидная пронизка (рис. 2: 17, 21), подвеска-уточка (рис. 2: 19), маска-наглазник (рис. 2: 2), подвеска (рис. 2: 1) и навершие с фигуркой медведя (рис. 2: 22). Из деталей поясного набора найдены различного типа накладки (рис. 2: 3–15; 3, 2–8; 9, 14, 15; 10, 2, 13), небольшая пряжка (рис. 3: 1).

Украшения рук представлены браслетами (рис. 2: 16, 18, 20; 3: 13; 9: 21) и перстнями – пластинчатым орнаментированным и из спиральновитой проволоки (рис. 3: 14; 9: 7, 8).

Для ванвиздинской культуры характерны металлические предметы культового литья (т. н. «пермский» звериный стиль) в виде реалистических и фантастических зоантропоморфных фигурок (рис. 11). Среди них – птицевидные и человекоподобные идолы, бляшки, подвески с изображениями лося, медведя, птицы, «ящера». Особенно часто встречаются изображения лосей и человеко-лосей.

Среди одиночных реалистично выполненных изображений выделяются птицы. На поселении Джуджыдъяг найдена фигурка парящей хищной птицы с сохранившимися звеньями бронзовой цепочки, на крыльях которой имеются отверстия для подвешивания; крылья и хвост птицы оформлены выемчатыми линиями (рис. 11: 15). На поселении Усогорск III (комплекс А) найдено изображение хищной птицы с опущенными крыльями, также с отверстиями на них (рис. 11: 7). К реалистично

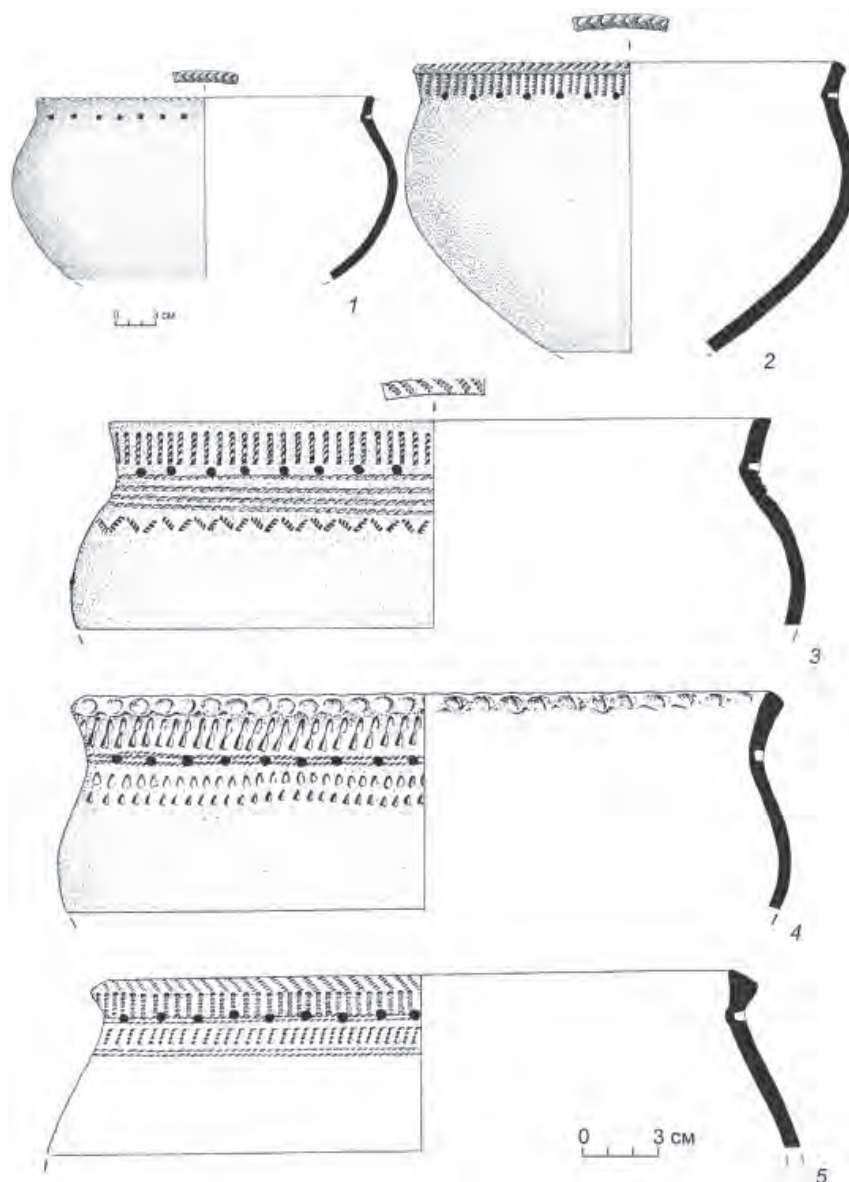

Рис. 6. Ванвиздинская археологическая культура. Тохтинский этап (вторая половина VII–VIII вв.). Керамика.

выполненным изображениям зверей можно отнести фигурку медведя с поселения Кужим II (рис. 11: 1) и животного с поселения Шойнаты III (рис. 11: 17). Изображения фантастического зверя или «ящера» найдены на поселениях Вис I, Вис II и Пасашор (рис. 11: 9–11). На средневычегодском поселении Угдым II, найдена бронзовая бляха, покрытая прочерченными изображениями пушных животных, связанная, возможно, с охотничье-промысловой деятельностью (рис. 11: 18). Она изготовлена в технике плоского литья и по форме напоминает лунницу, в верхней части снабженную отверстием для подвешивания, края украшены насечками. На обеих сторонах имеются изображения двух зверьков с длинными пушистыми хвостами. По соотношению длины тела и хвоста, общим пропорциям тела можно предполагать, что

это соболь или куница. По стилю и общей компоновке изображения данный предмет имеет много общего с древним коми промысловым календарем, найденным также на средней Вычегде.

К числу сложных образов «пермского» звериного стиля относятся изображения антропоморфных фигур, стоящих на ящере (поселения Вис I, Веслянское I, озеро Донты, с. Жешарт, Пасашор) (рис. 11: 5, 6, 12, 16), бляшка с изображением ящера и человекоподобного существа, стоящего рядом (рис. 11: 3), две бляшки с изображением человеческого лица в обрамлении лосиных голов (Тохта, дер. Эжол) (рис. 11: 8, 13), изображение летящей птицы с человеческой личиной на груди (поселения Угдым III, Вис I, Ухтинский волок) (рис. 11: 2, 4, 14). Групповые композиции выполнены с соблюдением определенных канонов. В центре, как

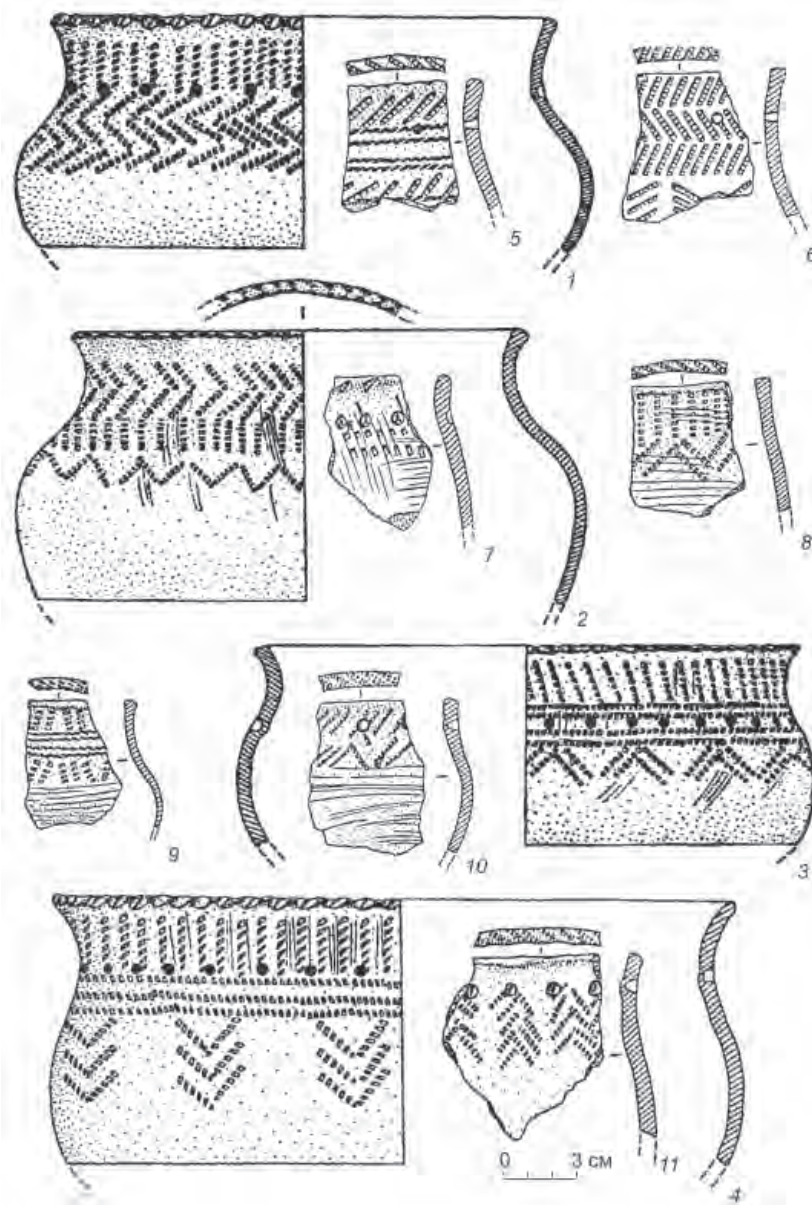

Рис. 7. Ванвиздинская археологическая культура. Лозымский этап (IX–X вв.).
Поселение Лозым (1–4), поселение Угдым II (5–11). Керамика.

правило, расположена человеческая личина или антропоморфная фигура, обрамленная сверху и по бокам одной или двумя лосиными головами. По мнению исследователей (А.С. Сидоров, Л.С. Грибова и др.), в основе сложных образов пермского звериного стиля лежали представления о всеобщей связи в природе, когда человек стремился перенести на нее социальную структуру родового общества. Изображения могли служить родовыми или фратриальными символами-тотемами (А.В. Шмидт, А.С. Сидоров, А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, В.В. Чарнолуцкий). Академик Б.А. Рыбаков считал, что в причудливых изображениях «пермского» звериного стиля заложена в основном космогоническая символика, представления древнего человека об окружающем мире и вселен-

ной («верхний», «средний» и «нижний» миры). В образе лося (лосихи) представлялся «верхний» мир: небо, звезды, солнце. «Средний» мир – это вся земля, люди, птицы, звери, обитающие на ней. Хозяином «нижнего» мира являлся «ящер», олицетворение темных, потусторонних, враждебных человеку и всему живому сил, антагонист Солнца. К концу существования ванвиздинской культуры «пермский» звериный стиль как явление в мировоззрении и искусстве постепенно исчезает, что, видимо, было связано с большими изменениями в хозяйстве и идеологических представлениях местных племен. Мотив лося, человеко-лося вытесняется мотивом коня, который становится самым популярным в изобразительном творчестве народов Севера Восточной Европы.

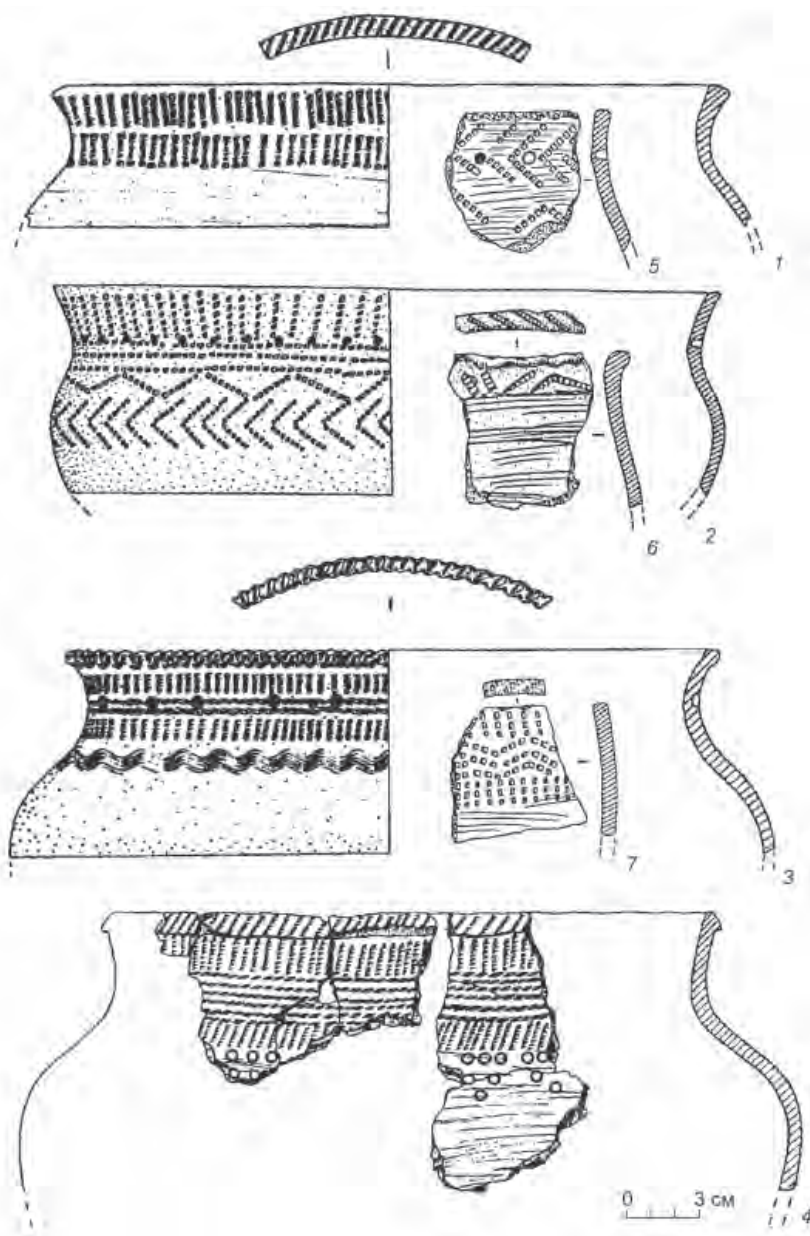

Рис. 8. Ванвиздинская археологическая культура. Лозымский этап (IX–X вв.). Керамика. Поселение Лозым (1–4), поселение Угдым II (5–7).

Редкими находками культового назначения на ванвиздинских памятниках являются зоо- и антропоморфные фигурки из глины (рис. 12: 1, 2, 5) (Мурыгин, 2001, рис. 25, 25–27; Мурыгин, Савельева, 2005, рис. 14: 5). К этой же категории находок, возможно, относятся обломок глиняного предмета в виде «лапы» (рис. 12: 6) (Мурыгин, 2001, рис. 25, 28) и с неясным выемчатым орнаментом (Мурыгин, 2001, рис. 25, 21, 22).

Хозяйство. Основными источниками существования населения ванвиздинской археологической культуры оставались традиционные промыслы – охота и рыболовство. На это указывают разнообразные по форме и размерам наконечники стрел, железные и костяные, свидетельствующие

об их дифференцированном использовании, сохранившиеся на поселении Вис II в торфянике фрагменты деревянных луков и стрел, составляющие около 40% от общего количества деревянных изделий (Буров, 1983, с. 61), немногочисленные остеологические материалы, которые представлены кальцинированными и сырыми костями животных.

На вычегодских поселениях найдены кости бобра, куницы, северного оленя, бурого медведя, лося, собаки, соболя, выдры, лисицы, волка, белки, зайца, птиц и рыб. Преобладают кости пушных зверей, более половины из которых (57,09%) принадлежат бобру, который, вероятно, являлся основным объектом охоты. Второе место занима-

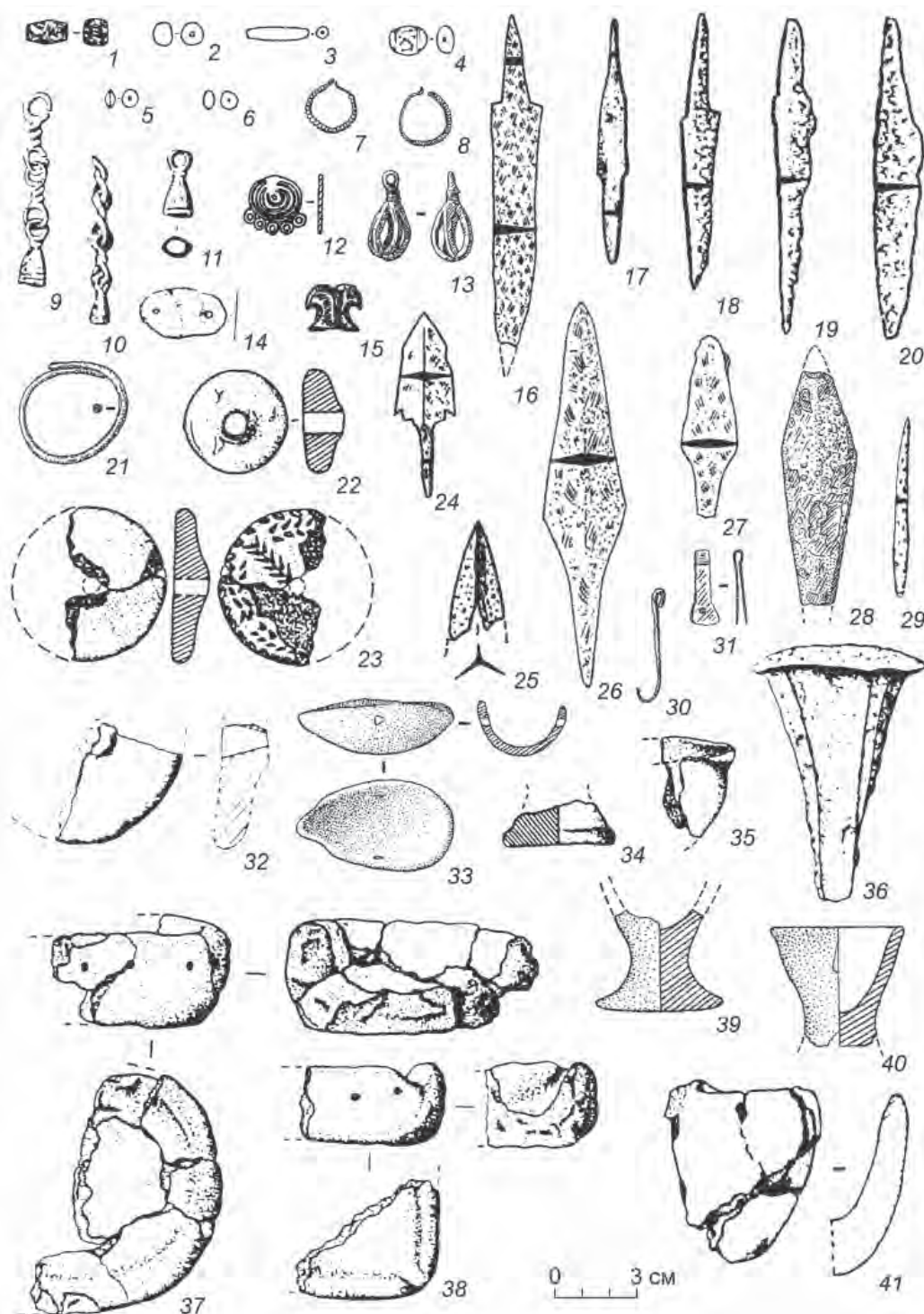

Рис. 9. Ванвиздинская археологическая культура. Бассейн Вычегды. Вещевой инвентарь поселений. Шойнаты II (5, 16, 17, 36), Шойнаты III (1, 2, 9, 11, 22-24, 34, 35), Шойнаты VI (3, 4, 6, 10), Угдым II (14, 15, 18-20, 25, 29, 32, 37, 38, 41), Угдым III (12, 26-28), Вис II (7, 8, 13, 21, 30, 31, 33, 39, 40). 1 – сердолик; 2, 4-6 – стекло; 3, 22, 23, 32-35, 37-41 – глина; 7-15, 21, 30, 31 – бронза; 16-20, 24-29, 36 – железо.

ют кости лося (53 экз. – 17,49%), затем северного оленя (47 экз. – 15,51%), куницы (16 экз. – 5,28%). На исследованных мезенских памятниках по количеству костей и особей преобладали (в порядке убывания) бобр, северный олень и лось. Главным объектом охотничьего промысла на Мезени в ванвиздинское время также являлись пушные звери

(53,3% особей; бобр, белка, куница, лисица) и дикie копытные (лось, олень; 42,2% особей) (Мурыгин, 2001, табл. № 58, 59), т. е. охота, скорее всего, имела пушное и мясное направление. Анализ остеологического материала позволяет выявить единую закономерность: по количеству особей преобладают пушные звери, по количеству костей

Рис. 10. Ванвиздинская археологическая культура. Бассейн Вычегды (1–12) и Мезени (13–33).
Вещевой инвентарь поселений.

Тохта (1–12), Кужим II (16), Кужим III (20, 26, 31), Мичачой III (15, 25), Ядмас I (19, 23), Ядмас II (14), Чойновты V (24, 29), Усогорск III/Б, В (13, 22, 27, 28, 33), Ошчой I/жил. 4 (18), Ошчой I/жил. 5 (17, 21, 30, 32). 1 – стекло; 2, 5, 7–10, 15–21 – железо; 3, 6, 13, 14 – бронза; 4, 11, 12, 22–24, 26–33 – глина; 25 – кость.

– животные, являющиеся прежде всего источником мясной пищи и обеспечивающие потребности населения в шкурах для изготовления теплой одежды. При охоте ванвиздинцы употребляли лыжи и, видимо, сани с собачьей упряжкой; части их были найдены на поселении Вис II (Буров, 1966, с. 155–162). Не исключено использование

охотничьих собак, кости которых иногда встречаются на поселениях (Буров, 1967б, с. 157).

Свидетельством развития рыбной ловли являются кости рыб, а также находки рыболовных крючков (рис. 9: 30), гарпунов, жерлиц. Во II Виском торфянике выявлены остатки рыболовных заграждений, верши, поплавок от сети.

Рис. 11. Ванвиздинская археологическая культура. Предметы культового литья из бронзы.

1 – поселение Кужим II; 2 – Ухтинский волок; 3, 4, 6, 9 – поселение Вис I; 5 – Веслянское I поселение; 7 – поселение Усогорск III/A; 8 – поселение Тохта; 10 – поселение Вис II; 11, 12 – поселение Пасашор; 13 – д. Эжол; 14, 18 – поселение Угдым III; 15 – поселение Джуджыдыяг; 16 – оз. Донты; 17 – поселение Шойнаты III.

К ванвиздинской эпохе относятся первые свидетельства развития животноводства, роль которого, как показывают статистические данные, была незначительна. На поселении Кужим II найдены кости крупного и мелкого рогатого скота (домашних копытных), что может служить основанием для вывода о возможности существования в каком-то виде у ванвиздинского населения на Мезени в третьей четверти I тыс. н. э. навыков скотоводства. Об этом же могут свидетельствовать и кости мелких парнокопытных на поселении Усогорск III, найденные в очагах всех трех комплексов (А, Б, В). Они принадлежали овце или козе (всего домашних 4,5% особей от числа определенных). Данные о разведении скота имеются на вычегодских ванвиздинских памятниках. На них найдено незначительное количество костей лошади, коровы, овцы или козы, составляющих только 2,66% общего количества костей млекопитающих, а по числу особей домашние животные занимают всего 7,14% (Буров, 1967б, с. 158, табл. 9, 10). При раскопках средневычегодских поселений Угдым

II, Шойнаты II и III были найдены кости крупного рогатого скота, но в очень незначительном числе (около 2,0% общего количества костей млекопитающих; кол-во особей не определено). Кости коровы найдены также на Веслянском I поселении.

Кроме костей современных млекопитающих на ванвиздинских поселениях единично встречены кости плейстоценовых животных. На мезенском поселении Смолокурный I найдены фрагменты бивня или зуба мамонта, на поселении Мичачой III – поделка из рога шерстистого носорога в виде колотушки (рис. 10: 25). Костные остатки мамонта найдены во II Висском торфянике в бассейне Вычегды (Буров, 1967а, с. 165). Эти находки уводят нас в мир языческих представлений и верований ванвиздинского населения, в котором ископаемые животные, очевидно, играли определенную роль (Канивец, 1964, с. 130) или они использовались в качестве исходного сырья для различных поделок (Буров, 1967а, с. 165).

На памятниках ванвиздинской культуры нет прямых свидетельств о занятиях земледелием.

В то же время на II Висском поселении найдены орудия, которые могли использоваться для обработки почвы: деревянные мотыги, коленчатые рукоятки топоров-кельтов (Буров, 1966, с. 64–66).

Среди домашних ремесел у ванвиздинского населения большое распространение имела обработка шкур диких животных. Для выделки шкур животных использовались массивные кремневые скребки. На Веслянском I могильнике сохранились кожаные пояса, шнуры, фрагменты сумочек и меховой одежды (Савельева, 1963, с. 91). На поселениях найдены железные шилья, которые могли использоваться при пошиве меховой одежды. Развивались прядение и ткачество. На многих поселениях встречаются орнаментированные и неорнаментированные глиняные пряслица (рис. 9: 22, 23, 32; 10: 4, 11, 12, 22–24). Остатки тканей обнаружены на Веслянском I могильнике, фрагменты нитей и веревок из растительных волокон – на поселении Вис II (Буров, 1967б, с. 52–55). На сотнях ванвиздинских сосудов повторяются отпечатки веревочек из подобных нитей.

Практически на всех ванвиздинских поселениях выявлены те или иные признаки развития металлургии и металлообработки – фрагменты бронзолитейных рюмкообразных глиняных тиглей (Вис II, Ванвиздино, Веслянское I, Усогорск III, Кужим II–III, Ядмас I, Шойнаты III и др.) (рис. 9: 34, 39, 40; 10: 27, 28, 30), иногда с застывшими каплями бронзы, сильно ошлакованные обломки сосудов (тигли или льячки) неустановленной формы, шлаки. Шлаки в ряде случаев имели форму, повторяющую, видимо, конфигурацию емкости, в которой они находились. На некоторых памятниках прослежены остатки специальных сооружений для производства металлов (Лозым, Угдым IV). Предметы металлургии встречены в большинстве случаев в кострищах и вблизи них. Возможно, выработка металлов осуществлялась на кострах. На поселениях встречаются также небольшие льячки с отверстием для насаживания ручки (рис. 10: 33), найден обломок глиняного трубчатого инструмента, входившего в инструментарий металлургического производства и являвшегося, возможно, фрагментом сопла (рис. 10: 29), фрагменты толстостенных тиглей конусовидной и ладьевидной (?) формы (рис. 9: 37, 38, 41), других орудий типа льячек, связанных с металлургией или металлообработкой (рис. 9: 33, 35; 10: 26, 31, 32), фрагмент неудачной отливки с зооморфным изображением медвежьей головы (рис. 10: 3).

Судя по спектральным анализам железных изделий, железоделательное производство ванвиздинцев являлось продолжением черной металлургии гляденовских племен предшествующей эпохи (Буров, 1967б, с. 150). Сырьем для производства

железа служили местные дерново-болотные руды, широко распространенные в бассейнах рек Вычегды и Мезени. Находки тяжелых ожелезненных шлаков (или маленьких криц), при отсутствии на поселениях остатков сыродутных печей или горнов, позволяют предполагать, что ванвиздинские металлурги во второй половине I тыс. н. э. были знакомы с процессом добычи железа в его архаичном виде – варкой на открытых кострах в глиняных сосудах. Возможно, что именно от таких сосудов на мезенских поселениях Кужим III и Мичачой III (VI–VII вв. н. э.) остались скопления большого числа сильно ошлакованной толстостенной керамики от сосудов неустановленной формы (в том числе фрагменты с профилировкой), найденные как в очагах, так и рядом с ними. На вычегодских ванвиздинских поселениях второй половины I тыс. н. э. также зафиксированы следы варки железа (железный шлак, толстостенные тигли с застывшим шлаком) на открытых кострах – Кузьвомын, Ягкодзты, Чуддинты II, Озьяг II и III и др. (Буров, 1965а, с. 151, 152).

В эту же группу наблюдений укладываются находки небольшого сопла и ошлакованной ожелезненной массы, повторяющей форму какой-то емкости, в очаге поселения VII–VIII вв. н. э. Чойновты V; зафиксированные на некоторых памятниках (Кужим III, Усогорск III/Б) каменные вымостки и глинобитные площадки, расположенные в границах очагов (целые или разрушенные – в виде скоплений ошлакованной и обожженной глины). На них могли устанавливать глиняные емкости для варки железа или бронзолитейные рюмкообразные тигли, использовать в качестве устойчивой поверхности для подогрева пищи в керамической посуде или для обжига сосудов.

Важное значение для изучения уровня развития металлургии ванвиздинцев имеют материалы Лозымского поселения на р. Сыsole, на котором выявлена производственная постройка, связанная с металлургическим производством. Тигли льячки, слитки металла, литейные формы для изготовления украшений являются бесспорными свидетельствами развития местного бронзолитейного производства. Было развито кузнечное ремесло. Металлографический анализ лозымских ножей, выполненный В.И. Завьяловым, показал, что при изготовлении ножей (14 экз.) применялось пять технологических схем (Завьялов, Чеснокова, 1991, с. 209–215). Шесть ножей изготовлены по схеме трехслойного пакета. Два экземпляра из них имеют очень высокое качество изготовления, в то время как остальные четыре по качеству заметно уступают им, сварочные швы на них нечеткие, в них прослеживаются шлаковые включения.

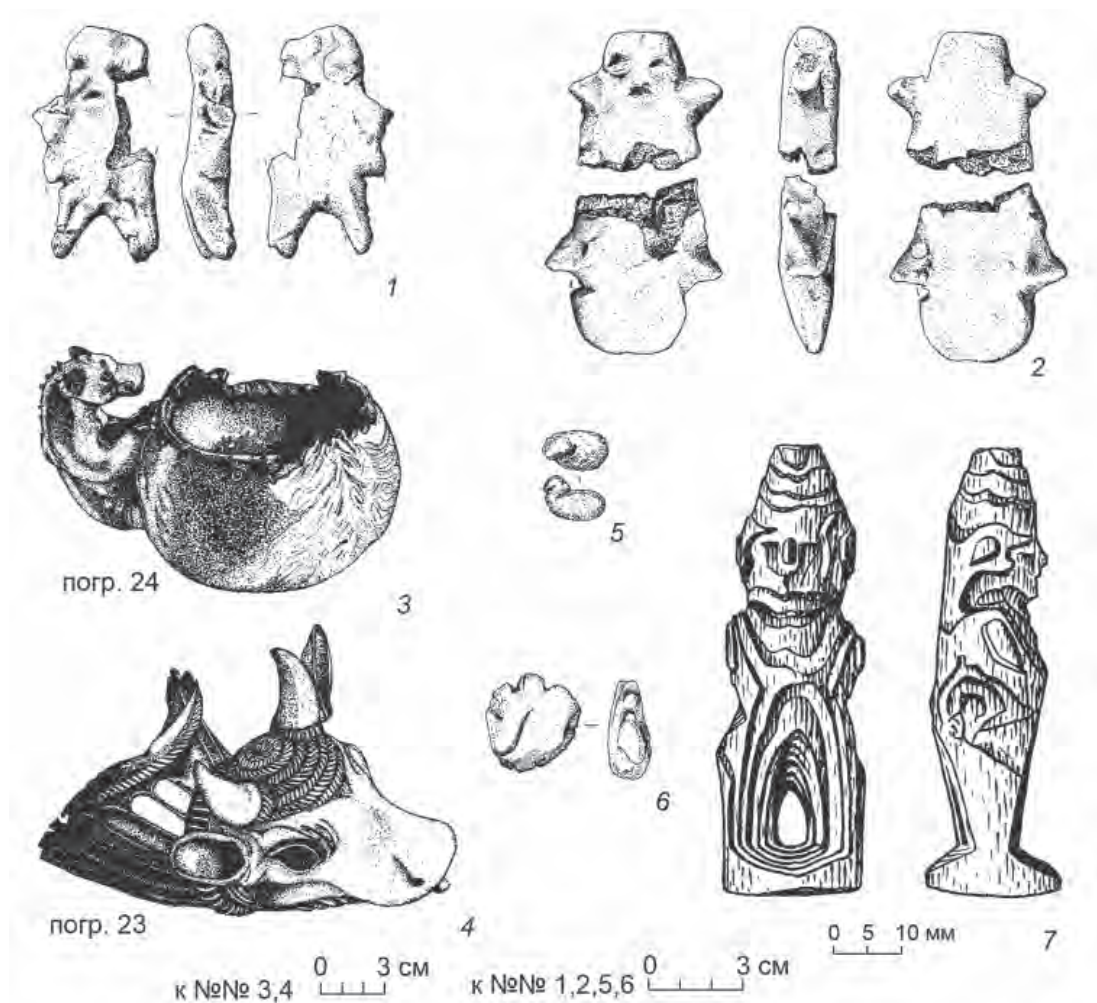

Рис. 12. Ванвиздинская археологическая культура. Ритуальная пластика (1, 2, 5–7) и посуда (3, 4). 1, 2, 6 – поселение Ядмас I; 3, 4 – могильник Веслянский I, поздняя (VII – начало VIII вв.) группа погребений (3 – погр. 24, 4 – погр. 23); 5 – поселение Тохта; 7 – поселение Вис II (торфяник). 1, 2, 5, 6 – глина; 3 – дерево, медь, серебро; 4 – серебро; 7 – дерево.

Остальные ножи с Лозымского поселения изготовлены по более простой технологии – формовкой из кричной заготовки способом ручной ковки. Худшее качество поковок ножей второй группы, простота технологической схемы позволяют говорить о сравнительно низком уровне обработки железа на Лозымском поселении. Ножи со сложной технологической схемой, изготовленные из стали (трехслойный пакет), могли импортироваться в Вычегодский край из славянских северо-западных земель или из Прикамья, где они были распространены в конце I тыс. н. э. По мнению В.И. Завьялова и Н.Н. Чесноковой, небольшое количество железных орудий на памятниках свидетельствует о крайне слабой металлургической базе ванвиздинских племен, не способной обеспечить население черным металлом в достаточном количестве. Возможно, этим объясняется длительное сохранение кремневых скребков в быту ванвиздинского населения.

Хозяйство ванвиздинского населения было комплексным. Экономика ванвиздинского общества характеризуется сочетанием присваивающих форм хозяйства – охоты и рыболовства, с производящими – металлургией и металлообработкой, животноводством. Однако в системе традиционного природопользования ванвиздинского населения преобладали присваивающие формы ведения хозяйства как наиболее адаптированные к существовавшим климатическим и ландшафтным условиям среды проживания (хозяйственно-культурный тип охотников и рыболовов таежной зоны).

Обмен и торговые связи. Из числа культурных остатков выделяется немногочисленный инвентарь, свидетельствующий об экономических связях местного населения с соседними племенами.

Украшения из драгоценных металлов, в том числе уникальный серебряный ритон из Веслянского I могильника (рис. 12: 4) и наглазники,

сердоликовые и стеклянные бусы, сасанидские монеты попадали на ЕСВ из Средней Азии и Причерноморья. Основной торговый путь из южных регионов шел, вероятно, через Поволжье, Прикамье, а далее через притоки рр. Вычегды и Печоры.

Как известно, основным источником избыточного продукта, шедшего на обмен, являлся пушной промысел. Спрос на пушнину на мировом рынке особенно возрос с VIII в. в связи со становлением Багдадского халифата, могущественного государства арабского Востока (Даркевич, 1976, с. 148). По словам Масуди, северные меха шли на отделку головных уборов, кафтанов и шуб арабских царей. Особенно ценились меха соболей и чернобурых лисиц (Заходер, 1962, с. 242). Меха вую торговлю с Прикамьем и Северным Приуральем вели волжские болгары (с IX в.), знавшие о добыче в этих регионах особенно ценных пушных зверей (соболей, куниц и др.). В обмен на меха они привозили серебряные ювелирные изделия, стеклянные и сердоликовые бусы. Бронзовые поясные накладки (геральдические, прямоугольные с насечками по краю), поясные пряжки с «усиками», вероятно, попадали на Вычегду из Прикамья, где они были широко распространены у ломоватовских племен (Голдина, 1985. табл. VI, X–XVI). Находки на некоторых ванвиздинских поселениях обломков глиняных и каменных формочек для отливки украшений (Лозым, Угдым II, Помоздино) свидетельствуют о местном производстве некоторых из них (шумящие и эллипсоидные подвески) по привозным образцам.

Заключение. За 60-летнюю историю изучения ванвиздинских памятников выявлены особенности материальной культуры населения, определены границы массового распространения ванвиздинских древностей, уточнены хронологические границы культуры и периодизация. Удалось значительно продвинуться по пути решения вопросов этногенетической проблематики.

Сложение ванвиздинской культуры, в окончательном виде сформировавшейся к концу VI или началу VII вв., происходило большей частью в Вычегодском бассейне на основе взаимодействия

местных пермских гляденовских племен и носителей курганного обряда захоронения из Верхнего Прикамья под влиянием угорского и/или самодийского населения бассейна Печоры.

Основной территорией обитания населения, археологически представленного ванвиздинскими памятниками, была средняя, в меньшей степени верхняя и нижняя Вычегда, бассейн средней и верхней Мезени. Здесь проживали племена оседлых таежных охотников и рыбаков, селившихся в наземных постройках на неукрепленных поселениях по берегам рек и озер, не потерявшие навыков обработки кремня и в совершенстве овладевшие бронзолитейной техникой. Их мировоззренческие установки нашли отражение в биобрядном характере захоронений на грунтовых могильниках, в изделиях металлической культовой пластики, представленных высокохудожественными образцами «пермского звериного стиля». Археологические материалы показывают, что ванвиздинские племена освоили металлургию железа, навыки разведения домашних животных.

В развитии Вычегодско-Мезенских раннесредневековых древностей выделяются четыре этапа. Первый из них, переходный от культур раннего железного века к раннему Средневековью, характеризуется присутствием на поселениях разнотипной или «гибридной» керамики шойнатыйского культурного типа и существованием некрополей типа Веслянского I могильника, в погребальном обряде которых отразилось смешение культурных традиций пришлых кочевников и местного населения. Последующие три этапа непосредственно относятся к периоду существования ванвиздинской культуры: ранний (кузьвомынский) – VI–VII вв., средний (тохтинский) – VII–VIII вв., поздний или финальный (лозымский) – IX–X вв., в керамических материалах которого прослеживается связь с последующей вымской культурой древних коми. В бассейне Мезени адекватно документированы ранний и средний этапы существования ванвиздинской культуры; материалы переходного этапа, аналогичные вычегодским, не зафиксированы, а памятники финального этапа не выявлены.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ

Глава 1

**Волжская Болгария:
территория и этнический состав населения**

Глава 2

Археологическое изучение болгарских городов

Глава 3

**Монументальные здания, рядовые жилища
и хозяйственные постройки. Благоустройство**

Глава 4

Сельские поселения

Глава 5

Хозяйство населения Волжской Болгарии

Глава 6

Внешняя и внутренняя торговля

Глава 7

Оружие и воинское снаряжение

Глава 8

Духовная культура населения Волжской Болгарии

ГЛАВА 1

ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ: ТЕРРИТОРИЯ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

Процесс образования государства у болгарско-го союза племен, переселившихся на Среднюю Волгу, происходил в VIII–IX вв. Социально-экономические предпосылки его вызревали в недрах полукочевой конфедерации, в которой болгары были лидирующей группой, стремящейся объединить под своей властью все другие племена. Усиление племенной знати, выделившейся из массы свободных общинников и окружавшей себя военной дружиной из числа наиболее отважных и преданных соплеменников, свидетельствовало о глубоко зашедшем процессе социального расслоения общества (см. анализ вооружения и погребений ранних болгар: Измайлов, 1997, 1989, с. 116). Частые военные походы, набеги на соседние земли воинов-дружинников в целях обогащения и незаметно начавшаяся практика обложения населения регулярными повинностями приводили к правому закреплению социальных статусов различных групп населения, оформлению соответствующих структур государственной власти.

Сложению Болгарского государства во многом способствовал Великий Волжский или, точнее, Балтийско-Волжский торговый путь, активно функционировавший с середины VIII в. По этому пути двигались торговые суда купцов из северных и южных стран. Для их обслуживания на волжских берегах появляются многочисленные торгово-ремесленные поселения: места для торговли с местным населением; пункты, контролировавшие безопасность движения караванов; корабельные пристани и «заставы» по сбору пошлин. Евразийская по своему размаху торговля, сконцентрированная в крупных ярмарочных пунктах, вовлекала в сферу своей деятельности широкую сельскохозяйственную округу (Кирпичников, 1999).

Крупномасштабная международная торговля по Волжскому пути, начало которой положили викинги-русы (варяги) и восточные купцы, стала мощным источником обогащения отдельных групп людей, что способствовало дальнейшему имущественному и социальному расслоению общества.

В первой четверти X в. мы видим все признаки государственности у волжских болгар: лидирующий правитель в лице Алмышы и подвластное ему

население, монотеистическая религия; начало чеканки монет и установление дипломатических отношений с соседними государствами; города как центры ремесла и торговли, столица государства – Болгар.

Территория государства. Арабские и персидские географы помещали страну болгар в седьмом климате и считали ее самой северной страной, населенной мусульманами. Ибн Русте в своей «Книге драгоценностей» (903–913 гг.) сообщает о ней более подробно: «Болгарская земля смежна с землею бургасов. Живут болгары на берегу реки, которая впадает в море Хазарское [Каспийское] и прозывается Итиль... Страна их состоит из болотистых местностей и дремучих лесов, среди которых они и живут» (Хвольсон, 1869, с. 22). Последнее утверждение не совсем соответствует действительности, но не удивительно, что в глазах арабского путешественника или купца, привыкшего к бескрайним пустынным и степным просторам, далекая северная страна показалась такой болотистой и лесистой. Ибн Фадлан, впрочем, позднее также с удивлением напишет о дремучих лесах на болгарской земле, простиравшихся в длину и ширину до 40 фарсахов (Ковалевский, 1956, с. 136).

Более конкретное представление о юго-восточных пределах Волжской Болгарии X в. дают сообщения ал-Истахри и анонимного автора «Худуд ал-алама» («Границы мира») (Худуд-ал алам, 1930), которые доводят территорию болгар до пределов Яика (р. Урал), ограничивая ее страной или областью гузов. Об этом же говорят и другие, более поздние источники XI–XIII вв. Однако в данном случае было бы более правильным вести речь только о тех территориях, которые находились под сильным влиянием и контролем Болгарского государства, поскольку сведения письменных источников пока еще не подтверждаются археологически. Указанные земли входили, по всей вероятности, в территорию кочевания полуседлой части болгарского населения. В противном случае вряд ли была необходимость сражаться болгарским сторожевым отрядам в 1229 г. против монголо-татар.

Некоторые мусульманские географы X–XI вв. (Ибн Хаукаль, Масуди, Гардизи), уточняя запад-

ные границы Болгарии, помещают ее к востоку от славян (Гаркави, 1870, с. 191, 193, 220). Это не значит, что славяно-древнерусские племена непосредственно соседствовали с волжскими болгарами. Речь идет, кажется, опять же о землях, входивших в сферу политического и экономического влияния болгар.

Северные и южные пределы Волжской Болгарии трудно уловимы по данным письменных источников. Любопытно, что Махмуд Кашгари, автор XI в., на своей карте помещал города Болгар и Сувар у Каспийского моря (Кошгари, 1960). Это, конечно, неверно. Очевидно, не имея под рукой конкретных данных о месторасположении двух знаменитых городов, однако, зная, что болгары живут и на Нижней Волге, Кашгари счел такую локализацию в известной степени оправданной. В самом деле, ряд источников говорят о компактном проживании болгар в хазарской столице Итиле, а позднее и в городе Саксине (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, 1971), расположенных в низовьях Волги у Каспийского моря. В степях Юго-Восточной Европы кочевало значительное число болгар – остатки населения разгромленного в 965 г. Хазарского каганата, которые смешались впоследствии с кыпчаками-половцами (Плетнева, 1990, с. 38). Однако это население не входило в состав Болгарского государства, хотя и поддерживало с ним постоянные контакты.

Как видим, письменные источники дают слишком общее представление о территории Волжской Болгарии домонгольского периода. Этот вопрос достаточно успешно решается на археологических материалах.

В 1960–1970-е годы прошлого столетия известный археолог-болгаровед Р.Г. Фахрутдинов предпринял широкомасштабные исследования по выявлению и картографированию археологических памятников Волжско-Камской Болгарии и на этом основании попытался определить ее территорию. В настоящее время известно более 2 тысяч болгарских памятников X–XIV вв.: около 190 городищ, более 900 селищ, 80 грунтовых могильников, около 500 отдельных местонахождений (рис. 1).

Подавляющее большинство их – около 170 городищ, более 700 селищ, несколько десятков могильников – относится к домонгольскому времени (Фахрутдинов, 1975, с. 26 и сл.). Следует, однако, учесть, что время существования памятников определялось, как правило, на основе скудных материалов разведочных обследований. Более точная датировка возможна лишь по материалам широких раскопок.

Территория домонгольской Волжской Болгарии, если рассмотреть ее с точки зрения современных административно-политических единиц,

выходила далеко за пределы современного Татарстана. Достаточно большое сосредоточение болгарских памятников наблюдается в Ульяновской и Самарской областях. Самые южные памятники расположены на широте Самарской Луки и р. Самары.

Достоверно установлено, что юго-восточные районы соседней Чувашии, связанные с бассейном Свияги, также были заселены болгарами. Здесь открыто около 40 памятников, определяемых специалистами как болгарские (Фахрутдинов, 1971). Наши чувашские коллеги доводят их количество до 70 и отодвигают западные пределы Болгарии до р. Суры. К сожалению, эти памятники исследованы пока только разведочно. Однако значительное число болгарских поселений в Пензенской области убеждает нас в том, что р. Сура действительно служила в домонгольское время западной границей государства (Каховский, 1978, с. 3–18; 1980, с. 35–50).

Однако есть моменты, требующие уточнения. Один из них связан с хронологией болгарских памятников Верхнего Посурья и Примокшанья, расположенных на территории Пензенской области. Их начали активно изучать с конца 1950-х годов. М.Р. Полесских установил, что все обследованные им памятники (19 городищ и 21 селище) имеют общий признак в виде красногончарной посуды и объединил их в особую, пензенскую группу средневековых поселений, предварительно датировав XIII–XIV вв. Он считал, что эти поселения оставлены пришельцами «половецко-кипчакского или аланского происхождения» (Полесских, 1959, с. 95 и сл.). Позднее, основываясь на материалах раскопок Золотаревского городища, М.Р. Полесских пересмотрел дату и этническую принадлежность населения пензенских городищ и отнес их к памятникам «оболгаризованных буртас» XI–XIII вв. (Полесских, 1971). С такой датой не согласился Р.Г. Фахрутдинов. По его мнению, основная часть пензенских памятников «относится к XIII–XIV вв., некоторые даже к более позднему времени, например, к XV в.» (Фахрутдинов, 1975, с. 65). Он считал, что «небольшая часть населения Волжской Болгарии, вынужденная оставить свою коренную территорию после нашествия монголов, пришла в современную Пензенскую область, заселенную мордвой. Скоро здесь возникает отдельный улус Золотой Орды, с центром в Наровчате» (Фахрутдинов, 1975, с. 66).

В последние десятилетия изучением пензенских памятников с красно-коричневой гончарной керамикой активно занимается Г.Н. Белорыбкин. В своих трудах он уже оперирует данными 30 городищ и 39 селищ (Белорыбкин, 1991). Вслед за М.Р. Полесских Г.Н. Белорыбкин также убежден

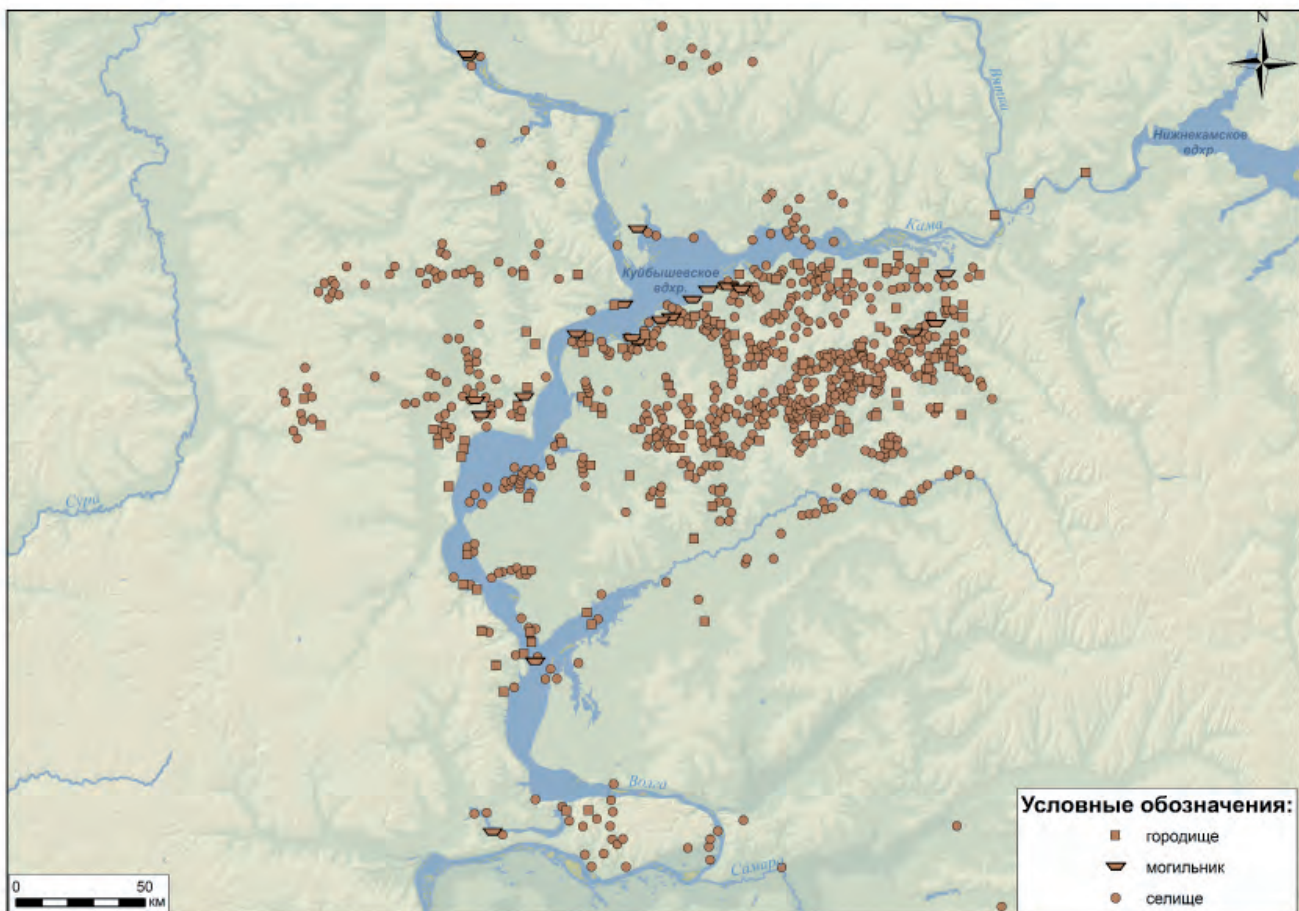

Рис. 1. Карта распространения археологических памятников Волжской Болгарии домонгольского времени (по Р.Г. Фахрутдинову).

в том, что пензенская группа поселений принадлежала оболгаризованным буртасам XI–XIII вв. (Белорыбкин, 1992; 2001; 2003). Хронология памятников в его работах разработана весьма основательно и убедительно. Все исследователи, обращавшиеся позднее к данной проблеме, согласны с домонгольской датой памятников (Расторопов, 1990, с. 70–71; 1995, с. 70–71), однако справедливо считают, что вопрос археологической атрибутики собственно буртас окончательно еще не решен. А.В. Расторопов, в частности, предлагает называть их «памятниками болгарского типа», маркирующими юго-западные пределы Волжской Болгарии. Истоки культуры населения, оставившего памятники болгарского типа, восходят, несомненно, к салтово-маяцкой культуре. По справедливому мнению Е.П. Казакова и А.В. Расторопова, эти памятники могли появиться в Посурье не обязательно в результате передвижения населения из центральных районов Болгарии, а скорее прямо из юго-западных районов Хазарии (Расторопов, 1995, с. 71).

Вполне очевидно, что болгары, представляющие собой один из крупнейших народов в составе полиэтничного Хазарского каганата, не полно-

стью покинули места своего прежнего обитания и после распада этого государства в конце X в. Сохранились небольшие «островки» чисто болгарского населения. Об этом свидетельствуют сведения андалузского путешественника XII в. Абу Хамида ал-Гарнати о городе Саксине на Нижней Волге: «В середине города живет эмир Болгара, у них есть большая соборная мечеть, в которой совершается пятничное моление, и вокруг нее живут болгары» (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, 1971; см. также: Федоров-Давыдов, 1969, с. 253 и сл.). Весьма интересны результаты начавшихся с 2000 г. раскопок Самосдельского городища, в т. н. «хазарском» слое которого красноглиняные керамические сосуды, аналогичные находкам из болгарских городов Среднего Поволжья, составляют основную часть находок (Самосдельское городище, 2011).

В плане более точного определения домонгольской территории расселения болгар большой интерес представляют средневековые памятники Верхнего, отчасти Среднего Прикамья, в которых встречаются многочисленные вещи, привезенные из Волжской Болгарии. В своде проф. А.М. Белавина, активно занимающегося изучением этих па-

Рис. 2. Территория Волжской Болгарии X – первой трети XIII вв.

мятников, учтено около 200 таких пунктов, в том числе городища, селища, мусульманские могильники и отдельные местонахождения (Белафин, 2000, с. 45 и сл.).

До последнего времени болгаро-верхнекамские (пермские) связи X–XIII вв. рассматривались лишь в рамках торгово-экономических и культурных взаимоотношений. Между тем огромное количество болгарских материалов в указанном регионе, как то: гончарная посуда, которая в процентном отношении иногда достигает трети, даже половины всей керамики; двухъярусные высокопроизводительные гончарные горны классически болгарского типа, открытые на Рождественском и Кыласовом (Анюшкар) городищах; мусульманские погребения в окрестностях этих памятников; некоторые категории вещей, например, специфические украшения и туалетные принадлежности болгарских женщин, а также земледельческие орудия труда, инструментарий ремесленников-ювелиров и т. д., наконец, богатая тюркская топонимия края, восходящая к домонгольскому пласту лексики, – есть яркое свидетельство происходившей в X–XIII вв. активной, в основном мирной болгарской колонизации Пермского При-

уралья. По мнению А.М. Белафина, здесь располагалась страна Вису или Земля Чулымская, тесно связанная не только экономически и политически, но и этнически с Волжской Болгарией (Белафин, 2000, с. 31 и сл.). Огромный интерес представляют новые материалы исследований на Рождественском и Кыласовом городищах, представляющих собой остатки исторически известных городов Афкула и Чулымана, построенных болгарскими еще в X–XI вв. (Крыласова, Белафин, 2000; Ленц, 2000; Белафин, 2000а, с. 123). На их территории открыты производственные сооружения, доказывающие существование не только гончарных, как было упомянуто выше, но и косторезных, бронзолитейных мастерских и даже стеклоделая.

Таким образом, домонгольская территория Волжской Болгарии, реконструируемая на основании письменных и археологических источников, включала в себя земли от реки Казанки на севере до Самарской Луки на юге, от реки Суры на западе до низовий Белой и Яика на востоке и юго-востоке (рис. 2). Указанная территория была заселена неравномерно. Как уже отмечалось, плотность населения была велика в закамских районах. Пери-

ферийные юго-восточные земли использовались, вероятно, в целях сезонного кочевания.

Этнический состав населения. На очерченной территории в конце IX–X вв. проживали различные, в основном тюркоязычные племена, которые Ибн Фадлан называл «ас-сакалиба» (Ковалевский, 1956, с. 121, 131). В первой половине X в. в эту конфедерацию племен входили болгары, берсула (барсилы), эсегелы (эскиль, ишкил), сувары (савиры), билеры, баранджары (беленджеры). Первые три названия известны по сообщениям Ибн Русте (Хвольсон, 1869, с. 22) и анонимного автора «Худуд ал-алама» (Худуд ал-алем, 1930, с. 32 – «бахдула, ишкиль и болгар»). О сувазах, не пожелавших подчиниться болгарскому царю, эсегелах, князь которых был женат на дочери Алмышы, и домочадцах баранджар в количестве 5 тысяч человек рассказывал Ахмад ибн Фадлан (Ковалевский, 1956, с. 138, 139, 141). Билеры – «выселенцы из Билара или Болгарии, болгары-мусульмане», упоминаются в анонимной Венгерской хронике X в. (Хвольсон, 1869, с. 109). Вышеперечисленные племена, говорится в «Худуд ал-аламе», «все находятся в войне друг с другом: когда же появляется враг, они становятся друг с другом друзьями» (Худуд ал-алем, 1930, с. 32). Любопытно, что уже во второй половине – к концу X столетия многие из вышеназванных этнонимов исчезают, но продолжают еще фигурировать болгары и сувары, которые, как отмечал позднее Махмуд Кашгари, были очень близки между собой по языку (Кошгари, 1960, с. 66).

Все попытки локализовать перечисленные племена на карте Волжской Болгарии, неоднократно принимавшиеся исследователями, следует считать сугубо предположительными. Обычно очень легко, без лишних доказательств, локализуют болгар, связывая с этим племенем современное Болгарское городище и его окрестные земли. Однако в домонгольское время, по мнению ряда исследователей, Болгаром мог называться и Биляр – Великий город на Малом Черемшане (Хузин, Халиков, 1991). Кроме того, следует учесть, что основной памятник пришедших из Приазовья болгар – Большеетарханский могильник – расположен в совсем другой, правобережной части Волги, а недалеко от Болгарского городища находится Танкеевский могильник, большинство погребений которого оставлено людьми неболгарского, а угро-финского (прикамско-приуралского) происхождения. Примечательно, что одно из самых ранних поселений конца IX – начала X вв., изученное в последние годы на территории Малоиерусалимского оврага, дало выразительный керамический материал в виде обломков лепных полемско-ломатовских сосудов (Старостин, 1993).

Таким образом, локализация собственно болгар в районе Болгарского городища пока не доказана. Не исключено, что занимали они более восточные районы государства, бассейн Малого Черемшана, где была основана их столица, известная по русским летописям как Великий город серебряных болгар. Названия «Биляр» и «Болгар» в источниках очень часто упоминаются как синонимы (Adamovič, 1998).

Не вызывает возражений локализация суваров, основавших в начале X в. свой племенной центр – город Сувар на р. Утке в современном Спасском районе РТ.

Группу баранджаров в количестве 5 тысяч душ, «уже принявших ислам», Ибн Фадлан видел также в центральных землях страны.

Определить первоначальную территорию расселения берсула (барсил) не представляется возможным в силу скудности источников, однако их локализуют обычно в центральных районах Западного Закамья.

Обращает на себя внимание южное происхождение вышеупомянутых этнонимов, известных по крайней мере с момента возникновения Хазарского каганата и даже раньше. Только одно название – эсегелы – не упоминается на юге и, как полагают, связано происхождением с прикамско-приуральским этническим массивом (Халиков, 1989, с. 78; Белавин, 1999). Однако вряд ли уместно искать первоначальную территорию их обитания в правобережье Волги (в районе г. Ошеля). Во времена Ибн Фадлана они находились на левом берегу Волги, что подтверждается также сообщением Ибн Русте о стране мадьяр «между землею печенегов и болгарских эсегел» (Хвольсон, 1869, с. 25). Следовательно, они обитали в восточных, может быть даже северо-восточных районах Волжской Болгарии, там, где расположены поселения, в материальной культуре которых хорошо просматривается прикамско-приуральский компонент в виде округлодонной керамики типа «джукетау» и «постпетрогром».

Все эти племена, несмотря на определенные, иногда довольно существенные, различия в материальной культуре, антропологическом типе, языке и т. д. в целом были достаточно близкими по образу жизни, стояли примерно на одной ступени социально-экономического и военно-политического развития.

Окончательное сложение болгарской народности происходило в XI – начале XIII вв., что нашло отражение в письменных и археологических источниках. На всей централизованной территории Волжской Болгарии складывается своеобразная, но единая культура, основанная на общности языка, духовной и материальной культуры. Следует

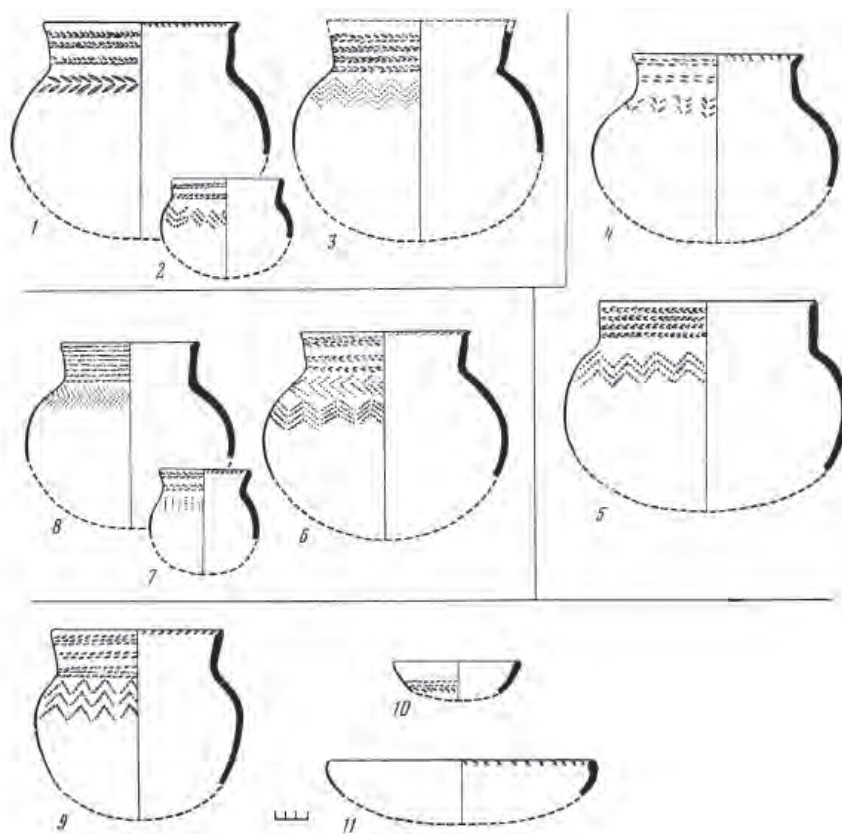

Рис. 3 Группа лепной посуды с раковинным тестом и гребенчато-шнуровым орнаментом прикамского-приуральских (угорских) истоков (VII группа по Т.А. Хлебниковой).

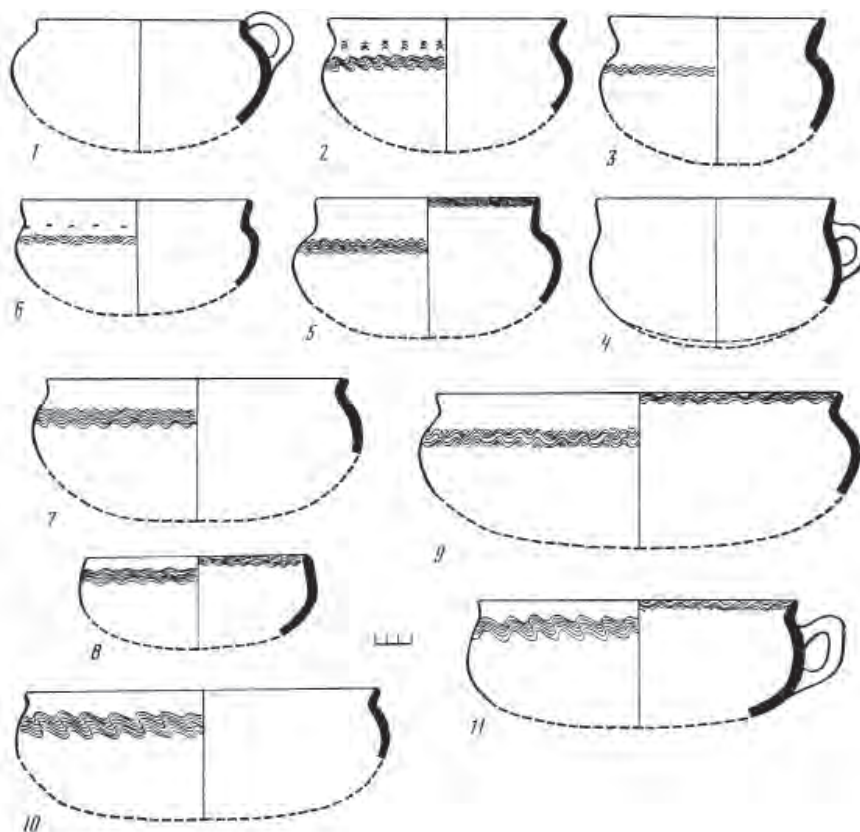

Рис. 4. Керамика X–XI вв. типа «джукетау» верхнекамских истоков (XII группа по Т.А. Хлебниковой)

подчеркнуть консолидирующую роль официальной мусульманской религии, призванной объединять все входящие в состав населения Болгарии племена вокруг единого царя. Восточные писатели и русские летописцы однозначно называют население страны одним именем – болгары (болгары), а саму страну – Болгарией, Болгарской землей. Такие этнонимы, как «собекуляне, челмата и темтюзи», промелькнувшие в древнерусских летописях при описании событий 1183 г. (поход войск Всеволода Большое Гнездо на Биляр – Великий город), следует понимать как названия некоторых местных, небольших локальных групп общеполитического населения.

Конечно, нельзя абсолютизировать кажущуюся этническую однородность населения домонгольской Болгарии. Источники свидетельствуют, что этническая пестрота, столь характерная для ранних этапов сложения народности, сохранялась долго. Тюркоязычные группы, надо полагать, относительно быстро консолидировались в рамках единого сообщества. Однако в Болгарии проживали и регулярно проникавшие из соседних земель чужеродные группы (финны, угры, славяно-русы), которые в большинстве своем не теряли своего этнического лица.

В южных и восточных периферийных районах страны проживали представители тех племен, с которыми болгары соседствовали. Среди них источники отмечают тюркоязычных гузов, печенегов, кыпчаков и башджардов (мажджардов или мадьаров). Территория расселения последних, по данным Ибн Русте, лежит «между землею печенегов и землею болгарских эсегел» (Хвольсон, 1869, с. 25). По сообщению ал-Балхи, «они подвластны болгарам» (Хвольсон, 1869, с. 105).

На южном Урале, в бассейне реки Яик, простирались обширные кочевья родственных гузам печенегов, занявших позднее степи Юго-Восточной Европы, и сменивших их кыпчаков-половцев. Последние, завоевав в XI в. огромные пространства Великого пояса степей от Иртыша и Балхаша на востоке и почти до Дуная на западе, надолго становятся едва ли не основной этнополитической силой юга Евразии, сыгравшей огромную роль в судьбах Волжской Болгарии, древнерусских княжеств, других государств и народов Средневековья.

Шары, или «желтые» кыпчаки, заняв плодородные пастбища, необходимые для выпаса коней и содержания крупного рогатого скота кочевников, стали тем этническим ядром, вокруг которого объединились разбросанные по степям орды печенегов, гузов, а также болгар и аланов, входивших

ранее в Хазарский каганат. Половецкие кочевья доходили практически до южных пределов Волжской Болгарии. Исследования археологов выявили многочисленные курганные могильники кыпчаков-половцев в районе Самарской Луки, Южного Урала и Западного Приуралья (Иванов, Кригер, 1988). Тесные контакты, которые существовали между родственными кыпчаками и болгарями в домонгольское время, нашли отражение в письменных источниках. Русские летописи отмечают, что у кыпчаков «с болгары язык и род един» (Татищев, 1964, т. III, с. 128). Они же рассказывают о неоднократных проникновениях отдельных половецких отрядов в центральные области Болгарии и участия их в сложных политических интригах XII столетия.

Этническая неоднородность населения Волжской Болгарии нашла яркое отражение в археологических материалах, особенно в керамике. Т.А. Хлебниковой, многие годы посвятившей изучению массового керамического материала из раскопок болгарских памятников, удалось выделить около двух десятков этнокультурных групп глиняной посуды, производство которой связано, помимо количественно преобладающей общеполитической группы, с поволжскими и приуральскими финнами и уграми (рис. 2) и небольшими группами славяно-русского населения (рис. 3) (Хлебникова, 1984; Кочкина, 1986а) и др. В последние годы появились интересные археологические факты, свидетельствующие о заметном участии кыпчакского компонента в формировании этноса и культуры волжских болгар XI – начала XIII вв. (Кокорина, 2002, с. 109, 214).

Полиэтничность населения домонгольской Болгарии показывают также материалы немногочисленных могильников и отдельных погребений с языческими элементами погребального обряда. По нашему мнению, эти погребения оставлены, скорее всего, недавними финно-угорскими переселенцами из соседних территорий (Верхнего и Среднего Прикамья, Вятско-Ветлужских земель), которые еще сохраняли свои прежние языческие традиции и не успели полностью оболгаризоваться и принять мусульманские обряды захоронений своих умерших.

Таким образом, в течение более трех столетий, прошедших со времени образования государства, в Волжской Болгарии происходили важные изменения, связанные главным образом с формированием государственной территории и консолидацией на основе различных племенных групп новой этнической общности более высокого порядка – болгарской народности.

ГЛАВА 2

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ БОЛГАРСКИХ ГОРОДОВ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ГОРОДИЩАХ: ТИПОЛОГИЯ, ФОРТИФИКАЦИЯ

На основной территории Волжской Болгарии учтено около 170 городищ домонгольского времени. По мере накопления новых данных путем раскопок этот список, конечно, уточнится, но вряд ли в сторону уменьшения.

В последние годы появились интересные опыты социально-исторической классификации укрепленных поселений. Большинство исследователей среди этих поселений выделяют города, военные крепости и феодальные замки (Ястребицкая, 1995, с. 100–105), однако вопрос об археологических особенностях, свойственных конкретным социальным типам, разработан еще слабо.

Проблема определения или выделения из общего списка укрепленных поселений подлинных городов в социально-экономическом понимании этого термина возникла и перед археологами-болгароведами.

Понятие средневекового (феодалного) города и вопрос о его археологических признаках в последние десятилетия прошлого столетия привлекали внимание многих исследователей. В этой области широко известны труды П.А. Раппопорта (1967), А.В. Кузы (1983а; 1983б; 1984), Б.А. Тимощука (1988), П.П. Толочко (1989), Г.В. Штыхова (1987) и др., в которых средневековый город емко характеризуется как полифункциональный социальный организм в структуре феодального государства – укрепленное поселение с административно-политической, культовой, торгово-ремесленной и военной функциями, контролирующее определенную сельскохозяйственную округу (Куза, 1989, с. 152). Перечисленные функции находят определенное выражение в археологических материалах.

Первым шагом на пути выделения собственно городов из общего числа укрепленных поселений является формально-типологическая классификация городищ, основанная на чисто внешних, морфологических признаках. П.А. Раппорт был прав, утверждая, что «типология городских поселений должна производиться не по внешнему сходству, а по линии выявления основной социально-экономической сущности поселения, определения его социального характера» (Раппорт, 1967, с. 3). Однако в силу того, что памят-

ников, хорошо изученных археологически, у нас мало, мы считаем, что социально-исторической интерпретации городищ бесспорно должна предшествовать первичная или археологическая классификация, построенная по совокупности признаков, учитывающих прежде всего плановую схему оборонительных сооружений в связи с местными топографическими условиями и размеры укрепленной территории поселений.

Первые попытки ее создания предпринимались еще в середине прошлого века. На основе материалов 29 памятников, обследованных в 1945–1952 гг. в разных районах Республики Татарстан, Н.Ф. Калинин предложил классификацию, в основу которой были положены размеры укрепленной территории поселений с учетом (но не всегда последовательным) особенностей планировки, рельефа местности и характера культурного слоя (Калинин, Халиков, 1954). Все известные памятники он разделил на четыре группы, включив в группу I малые городища, площадь которых составляет менее 3 га, в группу II – городища с площадью от 3 до 5 га, в группу III – городища с площадью от 8 до 13 га, в группу IV – городища с площадью от 28 до 100 га. Среди малых городищ первой группы Н.Ф. Калинин выделил феодальные замки, представляющие собой маленькие, но сильные укрепления – Тавлинское, Кабанское, Таттюгульбаевское, Луковское, Янтиковское, Гусихинское городища. Второй тип городищ, по его мнению, носит характер более обширных крепостей со слабым культурным слоем, за исключением Старонохратского городища, бывшего крупным политическим и экономическим центром нохратских, или серебряных, болгар (Калинин, Халиков, 1954, с. 81, 104). К подлинным городам Н.Ф. Калинин отнес городища третьей и четвертой групп, особенно те из них, которые топографически разделены на две части – Старокуйбышевское, Восточно-Войкинское, Староматакское, Богдашкинское, Красноключинское, Кашанское I и др. (Калинин, Халиков, 1954, с. 104).

К проблеме социальной типологии болгарских городищ неоднократно обращался Р.Г. Фахрутдинов (1984; 1990). Из 161 городища, учтенного им на бывших землях Волжской Болгарии, только

к домонгольскому периоду отнесено 92, к домонгольскому и золотоордынскому – 18, к периоду Золотой Орды и Казанского ханства – 8, к общebolгарскому (без уточнения даты вследствие недостатка материалов) – 30 памятников. Количество чисто домонгольских памятников в его списке можно увеличить почти до 110 за счет Билярского, Суварского, Малополянского, Малотолкишского, Староромашкинского и других городищ, не совсем верно датированных Р.Г. Фахрутдиновым домонгольско-золотоордынским или общebolгарским временем. Часть «общebolгарских» городищ при более детальном исследовании также может оказаться в группе домонгольских.

С учетом площади укрепленной части, формы, характера обороны, топографии местности, мощности культурного слоя, наличия или отсутствия окружающих селищ исследователь выделил среди укрепленных поселений X–XIV вв. три типа. Первый тип он называет остатками городов и их детинцев-кремлей (38 памятников), второй тип – остатками феодальных замков (73 памятника), третий тип – остатками военных крепостей (39 памятников); 11 памятников не определены ввиду отсутствия необходимых сведений (Фахрутдинов, 1990, с. 69).

В состав первого типа укрепленных поселений Р.Г. Фахрутдинов включал 7 больших (площадью более 100 и более га), 5 средних (от 50 до 100 га) и 13 малых городов (от 10 до 50 га), а также 13 городищ, представляющих собой детинцы-кремли больших и средних городов, имеющих, как он полагал, в основном позднюю датировку – времени Золотой Орды и Казанского ханства, а иногда и переходного домонгольско-золотоордынского периода.

Остатками феодальных замков, свидетельствующих якобы о существовании в Волжской Болгарии крепостной, частновладельческой или частновотчинной формы эксплуатации, Р.Г. Фахрутдинов считал городища «с мощной обороной (от 1 до 4 рядов валов) при небольшой площади (в среднем 3–4 га) и наличии вокруг них нескольких окружающих селищ (в пределах 1–7)» (Фахрутдинов, 1984, с. 31). В отличие от них, городища-крепости «имеют незначительные площади в пределах 0,5–1,5 га; окружающих селищ почти нет или они весьма редки, культурный слой памятников незначителен (до 10 см) или же отсутствует» (Фахрутдинов, 1984, с. 65).

Размеры укрепленных поселений, взятые Р.Г. Фахрутдиновым за основу своей типологии, действительно демонстрируют их социальную неоднородность. Однако этого явно недостаточно для определения социального статуса памятников. В этом легко убедиться из предложенной ниже

более дробной, чем у Н.Ф. Калинина и Р.Г. Фахрутдинова, систематизации болгарских городищ по размерам. Последние по чисто субъективным соображениям распределены нами на семь условных групп (всего учтено 171 городище – рис. 1):

I группа – городища с укрепленной площадью до 1 га (25 памятников);

II группа – городища с укрепленной площадью от 1 до 5 га (95 памятников);

III группа – городища с укрепленной площадью от 5 до 10 га (14 памятников);

IV группа – городища с укрепленной площадью от 10 до 20 га (8 памятников: Западно-Войкинское, Хулашское, Щербетьское, Новошешминское I, Екатеринино-Слободинское I, Кирменское, Трескинское и Неклюдовское городища);

V группа – городища с укрепленной площадью от 20 до 50 га (9 памятников: Болгарское, Кашан II, Большетаябинское, Деушевское, Шмелевское, Альменевское, Красносундюковское I, Междуреченское, Юловское городища);

VI группа – городища с укрепленной площадью от 50 до 100 га (7 памятников: Суварское, Городищенское на Волге, Кокрятьское, Богдашкинское, Красноключинское, «Городок» на Каме, Николаев-Баранское II городища);

VII группа – городища с укрепленной площадью более 100 га (6 памятников: Билярское, Балынгузское, Горкинское II, Староалейкинское, Кашан I, Муромский городок).

Количество городищ с неопределенной площадью – 7.

Весьма любопытно процентное соотношение разных типов городищ в Волжской Болгарии и Древней Руси (данные из: Куза, 1983б, с. 26). Городища первой группы с укрепленной площадью до 1 га у болгар составляют 15,2%, а в Древней Руси – 72,6% от их общего количества; городища второй группы (от 1 до 5 га) – 57,9 % и 20,3% соответственно; городища третьей группы (от 5 до 10 га) – 8,5% и 3,3%, городища четвертой группы (от 10 до 20 га) – 4,9% и 2%. Городищ с укрепленной площадью свыше 20 га в Волжской Болгарии в несколько раз больше (13,4%), чем в соседней Руси (1,8%).

На первый взгляд кажется, а Р.Г. Фахрутдинов был уверен в этом, что группы памятников с укрепленной площадью от 10 до 100 и более гектаров представляют из себя остатки настоящих городов. Действительно, среди них имеются такие исторически известные города, как Великий город (Биляр), Сувар, Болгар на Волге, Ошель, Кашан. К числу крупнейших городов Болгарского государства X–XIII вв. Р.Г. Фахрутдинов относил также Балынгузское (площадь 400 га вместе с прилегающим Горкинским II городищем) и Ни-

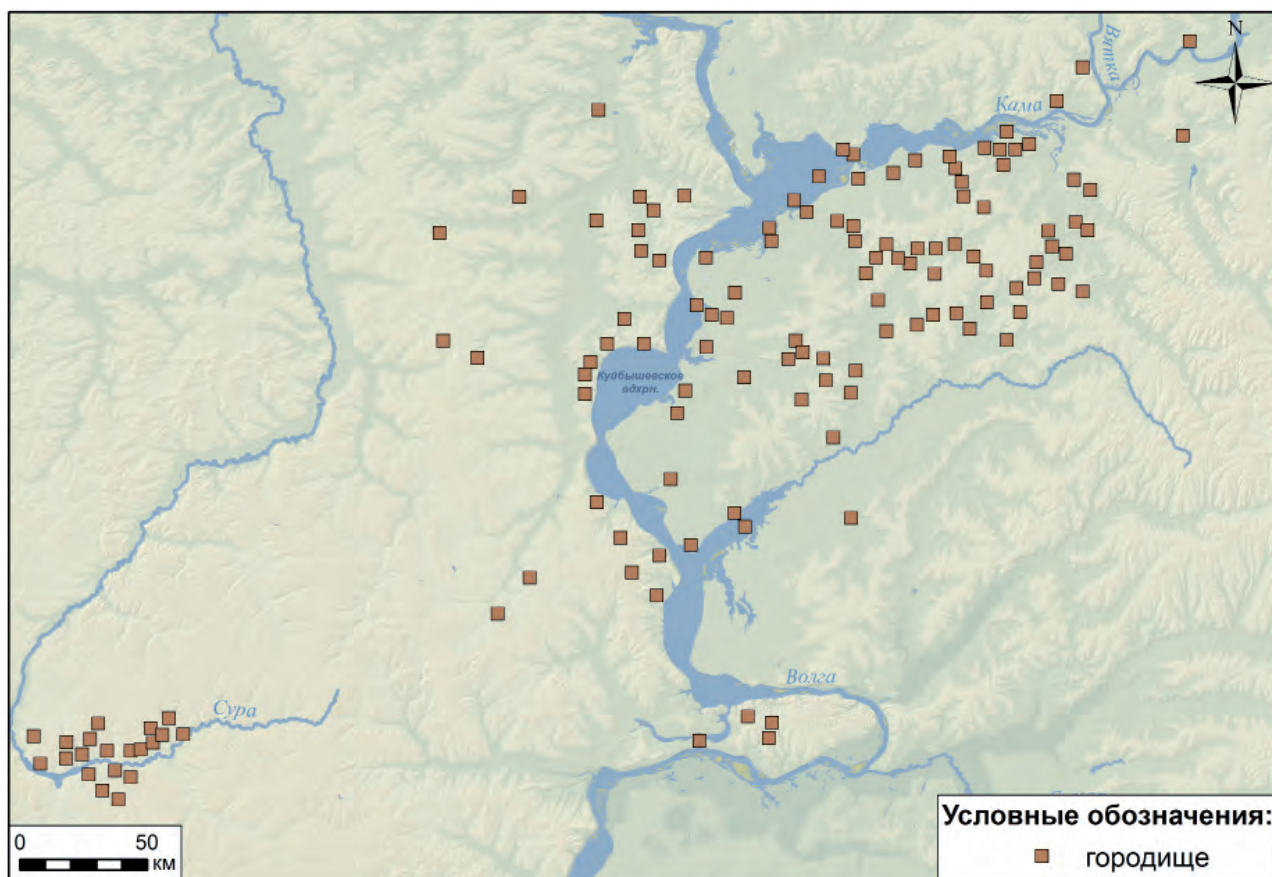

Рис. 1. Карта укреплённых поселений Волжской Болгарии.

колаев-Баранское II городища (площадь 63 га), расположенные всего в 3–4 километрах от Биляра и друг от друга. Батынгузское городище, кроме того, он идентифицировал с летописным Торцком, упомянутым в источниках под 1183 г. (Фахрутдинов, 1971, с. 97). Однако для нас совершенно непонятна такая концентрация одновременно существовавших городов в небольшом микрорайоне Биляра. Следует отметить, что специальные аэрофотосъёмки 1973 г. (Халиков, Игонин, 1974) и последующие почти ежегодные разведочные обследования этих двух памятников, а также более углубленные исследования А.Х. Халикова с заложением шурфов в 1983 г. не выявили на них ни следов культурного слоя, ни каких-либо объектов и находок, кроме редких фрагментов позднеболгарской керамики (Халиков, Хузин, 1985, с. 183; Дроздова, 1997). Характер памятника еще не выяснен. Кажется близкой к истине гипотеза А.Х. Халикова о том, что Батынгузское городище представляет собой остатки обширных укрепленных поселений, строительство которых было начато после полного разгрома монголами Великого города в 1236 г., но не было завершено вследствие вторичного покорения болгар войсками Субудай-бахадуром в 1240 г. (Халиков, 1984, с. 90–92).

Отнесение Болгарского городища к числу крупных домонгольских городов также будет неправильным. Болгар на Волге домонгольской поры занимал отнюдь не всю территорию городища в границах конца XIV в., а относительно небольшую часть ее – от 9 га в X–XI вв. до 24–25 га в XII – первой половине XIII вв. (Хлебникова, 1987, с. 48, 55).

Остатками города считал Р.Г. Фахрутдинов и городище Кашан II с укрепленной площадью 28 га (Фахрутдинов, 1990, с. 76, № 109). Однако исследования показали отсутствие на основной его территории не только культурного слоя, но и каких-либо находок, даже мелких фрагментов керамики (Хузин, Руденко, 1997, с. 57).

Обратимся к третьей группе городищ с укрепленной площадью 5–10 га. Большинство из них Р.Г. Фахрутдинов относил к типу феодальных замков, некоторые (Березовогривское и Якимово-Стрелкинское городища) определял как военные крепости. Однако в этой группе памятников есть и настоящие города. Это, например, летописные Жукотин (Джукетау) с восточным и западным посадами-пригородами, а также Кирмень (Керменчук), возникновение которых относится ко второй

половине X или рубежу X–XI вв. (Набиуллин, 2011, с. 38 и сл.; Нигамаев, 2005, с. 36 и сл.).

Интересная картина выявляется при анализе II, самой многочисленной группы городищ площадью 1–5 га. Большинство из них представлено Р.Г. Фахрутдиновым опять же в качестве феодальных замков и сторожевых крепостей. Лишь Тубылгы-тау (укрепленная площадь около 2 га, следов посада-пригорода не обнаружено) почему-то назван им в числе городов. Очевидно потому, что столь звучное название его сохранилось до наших дней в устном народном творчестве татар.

Всеми признаками города обладает, как отмечал в свое время Н.Ф. Калинин, Старонохратское городище с укрепленной площадью 3,8 га и посадом-пригородом в 12 га (Калинин, Халиков, 1954, с. 80–81). Еще более десятка памятников этой группы могут быть включены в категорию городов по признаку наличия вокруг них обширных пригородных поселений, являющихся, скорее всего, следами посадов (иногда на них прослеживаются остатки ремесленной деятельности населения). Так, Ромоданское I городище с укрепленной территорией всего 2,8 га имеет прилегающий к нему с юга огромное пригородное поселение площадью почти 100 га. Екатеринино-Слободское II городище (1,6 га) окружено «селищами», площадь которых составляет более 150 га. Любопытно, в этом же микрорайоне, насыщенном болгарскими памятниками, расположено еще два городища – Екатеринино-Слободинское I (18 га) и Черемухино-Слободское (1,2 га) с довольно обширными пригородами (до 30 га). В этой же группе памятников находится древняя Казань.

Не исключено, что даже среди первой группы болгарских городищ с укрепленной площадью менее 1 га могут оказаться подлинные города – см., например, Малополянское городище, пригород которого имеет площадь около 90 га. К сожалению, ни один из вышеназванных памятников не подвергался даже рекогносцировочным раскопкам, и вопрос о торгово-ремесленном характере этих селищ-пригородов остается до сих пор открытым.

Однако в результате даже поверхностного анализа болгарских городищ на предмет выявления подлинных городов по их размерам мы убеждаемся в необходимости осторожного, сугубо индивидуального подхода к определению социального статуса поселений. На наш взгляд, не умозрительные классификации по материалам разведок, а только углубленные археологические раскопки могут привести к положительным результатам. Исследования древнерусских городов показывают, что последние представляли собой сложный поселенческий комплекс, важнейшей частью которого был торгово-ремесленный посад, совер-

шенно не характерный ни для феодальных замков, ни для военных крепостей (Тимошук, 1988, с. 71). По-видимому, именно этот признак – наличие следов торгово-ремесленной деятельности – должен быть определяющим и при характеристике болгарского города методами археологии. Следует иметь в виду, что следы некоторых ремесел, в первую очередь ювелирного и косторезного, а также торговли в виде импортных вещей могут быть обнаружены и в феодальных замках. А вот металлургическое, гончарное, стеклодельное производства сосредотачивались преимущественно в настоящих городах.

Общепринятой в археологии древнерусских городов является типология, разработанная П.А. Раппопортом. С некоторыми дополнениями и корректировками ее можно применить и для укрепленных поселений Волжской Болгарии. Следуя его типологии (1961, с. 215–220), среди болгарских памятников мы выделяем четыре типа (рис. 2):

I тип – городища с планировкой укреплений, подчиненной окружающему рельефу местности (всего 80 памятников). В своем подавляющем большинстве – это мысовые памятники: городище Джукетау, Казань (Кремль), Чувбезднинское, Старокамкинское, Нижнекатмисское, Красноключинское, Березовогривское, Змеевские I и II, Андреевское, Чувбезднинское и др. городища (рис. 2: 1–6);

II тип – городища с планировкой оборонительных сооружений, лишь частично использующей защитные свойства рельефа местности: Садовское I, Красносюндюковское I, Староалейкинское, Белоярское II, Янтиковское, Чалыньское и др. – всего 16 памятников (рис. 3: 1–2);

III тип – городища, не подчиненные рельефу (42 памятника). Они располагаются на ровной местности или одной своей стороной примыкают к обрыву, краю террасы. Обычно эти памятники имеют относительно правильную геометрическую форму: Билярское, Богдашкинское, «Девичий городок», Коминтерновское II, Гусихинское, Екатеринино-Слободинское I, Шмелевское, Большекляринское и др. (рис. 5: 1–4);

IV тип – городища со сложным планом (4 памятника). Они занимают несколько мысов или площадок, которые иногда объединены вместе общей линией обороны или имеют самостоятельные укрепления, но составляют единое в хронологическом и культурном плане поселение: Балынгузское, «Муромский городок», Большетарханское и Рождественское (рис. 6).

На протяжении всего исследуемого периода мы видим значительное преобладание укрепленных поселений I типа. Это говорит о предпочтении

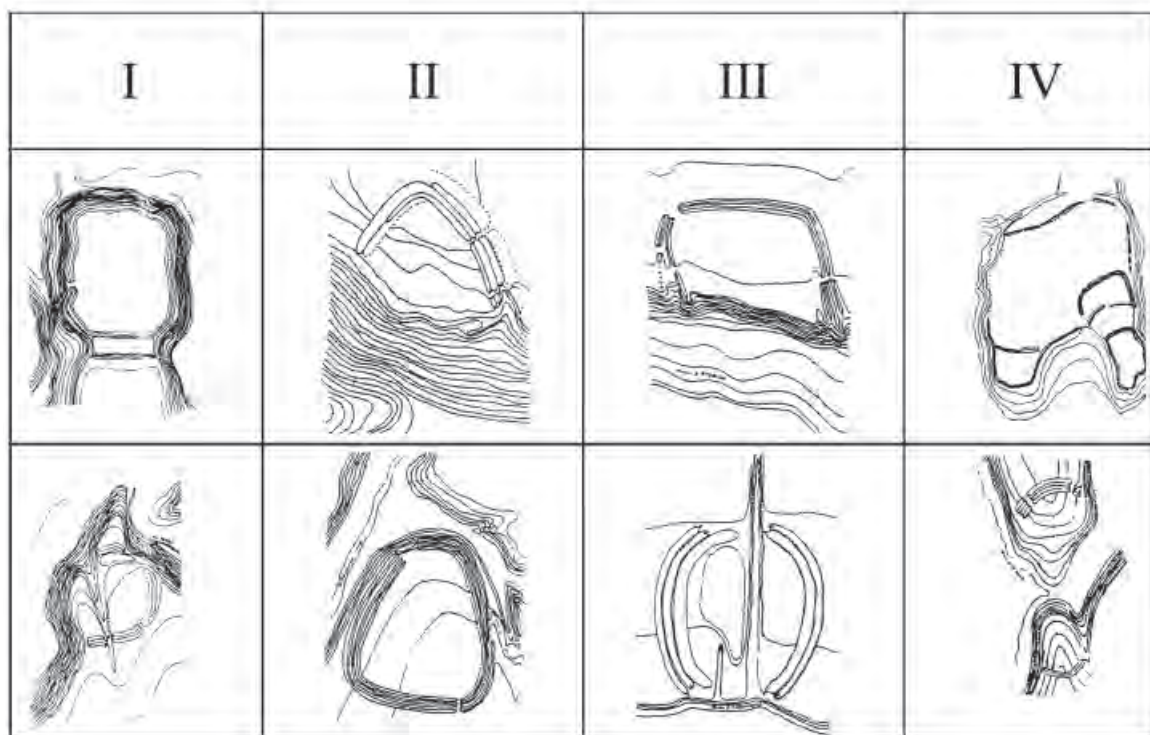

Рис. 2. Типы болгарских городищ.

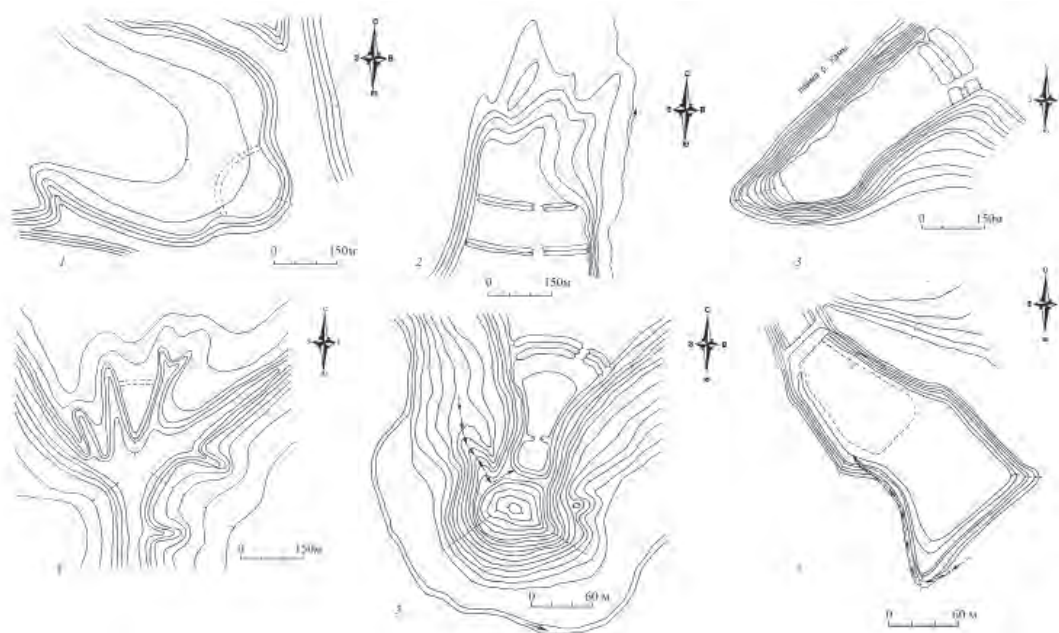

Рис. 3. Городища I типа Волжской Болгарии. 1 – Колунецкое, 2 – Селиксенское (по Г.Н. Белорыбкину, 3 – Булдырское (по Р.Г. Фахрутдинову), 4 – «Ежевичная стрелка», 5 – Тавлиское, 6 – Щербенское II.

болгар всемерно использовать защитные свойства рельефа местности. В первую очередь это касается мысовых городищ, строительство укреплений которых не требовало больших земляных работ и создавало максимально эффективную оборону.

Значительной по количеству остается и третья группа – четвертая часть от общего числа памят-

ников. Факт существования в Болгарском государстве городищ правильной конфигурации – подквадратной и округлой – не говорит о присутствии в такой планировке кочевнических традиций. По правилам строительства фортификационных сооружений на ровной местности необходимо создавать именно «правильные» по форме крепости

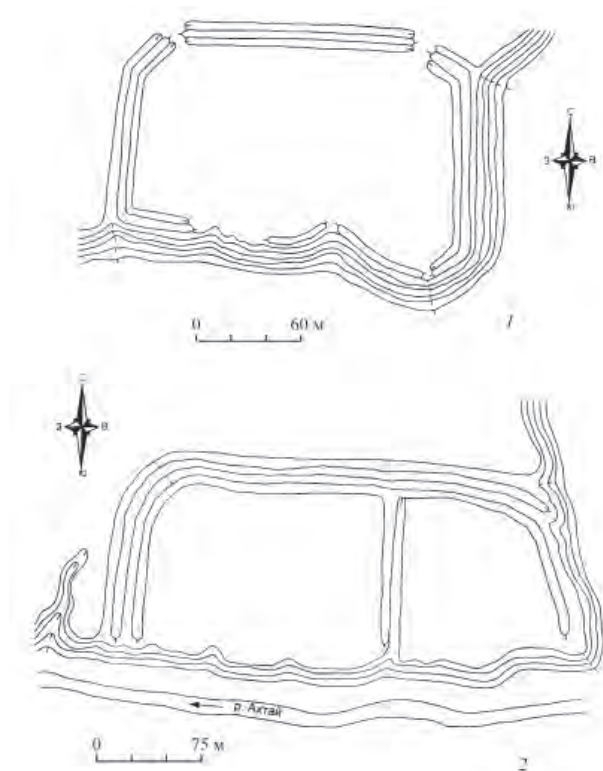

Рис. 4. Городища II типа
1 – Караваевское, 2 – Восточно-Войкинское
(по Р.Г. Фахрутдинову).

и крепостные постройки. Такая форма всегда являлась и является наиболее оптимальной для их обороны.

Небольшая по количеству группа городищ относится к IV типу. Их строительство связано с довольно дорогостоящими инженерными работами, требующими гораздо более сложных вычислений, а также с трудностью при выборе места для будущего поселения столь сложного по планировке (рис. 7). Возможна и определенная специфика данного типа городищ, касающаяся их функционального предназначения. Мы можем только отметить размещение этих городищ в стратегически важных пунктах на территории Волжской Болгарии домонгольского времени: на Самарской Луке, в Предволжье и Предкамье, в центральных районах государства. Представляется, что в каждом конкретном случае, к каждому конкретному памятнику необходим отдельный подход, т. к. их предназначение могло быть как различным, так и в чем-то схожим.

Обращает на себя структура укрепленных поселений, состоящих из двух и более частей. Наличие нескольких отдельно расположенных линий валов и рвов улучшает защиту любого поселенческого памятника. В свою очередь они также делят поселение на «внутренний» и «внешний» город. Пространство между укреплениями этих двух

частей города служило, скорее всего, убежищем для окрестных жителей и их стад. Все они могли являться местом размещения торговых караванов в мирное время, сбора военных отрядов во время обороны для последующей вылазки или в период подготовки различных походов. Также такое устройство оборонительных линий не позволяло штурмующим войскам сразу форсировать все укрепления, что заставляло противника эскалады¹ первой линии крепостных сооружений вновь сосредотачивать свои силы под обстрелом обороняющихся. Очень важным в применении внешних укреплений является и факт смещения обороны от внутренних крепостных сооружений. Так обеспечивалась безопасность основных линий стен от непосредственного штурма и создавался новый защитный рубеж, более приспособленный к активной обороне.

Анализируя планировочные особенности городищ Волжской Болгарии, необходимо рассмотреть их системы обороны. Исследователями отмечалось различное соотношение валов и рвов, иногда предпринимались попытки сопоставить их количество с социальным обликом поселений (Фахрутдинов, 1990, с. 80–81).

У почти половины городищ всех типов преобладает простая схема – один вал, один ров. Она наличествует у всех четырех типов городищ независимо от занимаемой ими площади. Следующая группа городищ (25%) характеризуется двумя валами и двумя рвами. Таким образом, эти две системы можно назвать «классическими» применительно к памятникам фортификации Среднего Поволжья.

Имеются городища, окруженные одним валом и двумя рвами с внутренней и внешней стороны оборонительной насыпи или же с двумя валами и одним рвом (6,5%). К группе городищ с двумя валами и тремя рвами относится только два памятника. Не исключено, что появление данной схемы связано с выборкой грунта для увеличения мощности основного вала.

Довольно значительна в Волжской Болгарии группа укрепленных поселений, защищенных более мощной системой обороны. Среди них отметим 17 городищ, имеющих три вала и три рва. В их число входит Билярское городище – остатки Великого города русских летописей, укрепления которого состоят из двух отдельных поясов – внешнего со схемой три вала и три рва и внутреннего со схемой два вала и два рва. Значительно меньше по численности группа поселений, имевших три вала и два рва (6 памятников). К группе четыре вала и четыре рва относятся два городища – Бураковское I (Закамье) и Золотаревское (Предволжье). Ниж-

¹ Эскалада – преодоление фортификационных сооружений противника во время штурма.

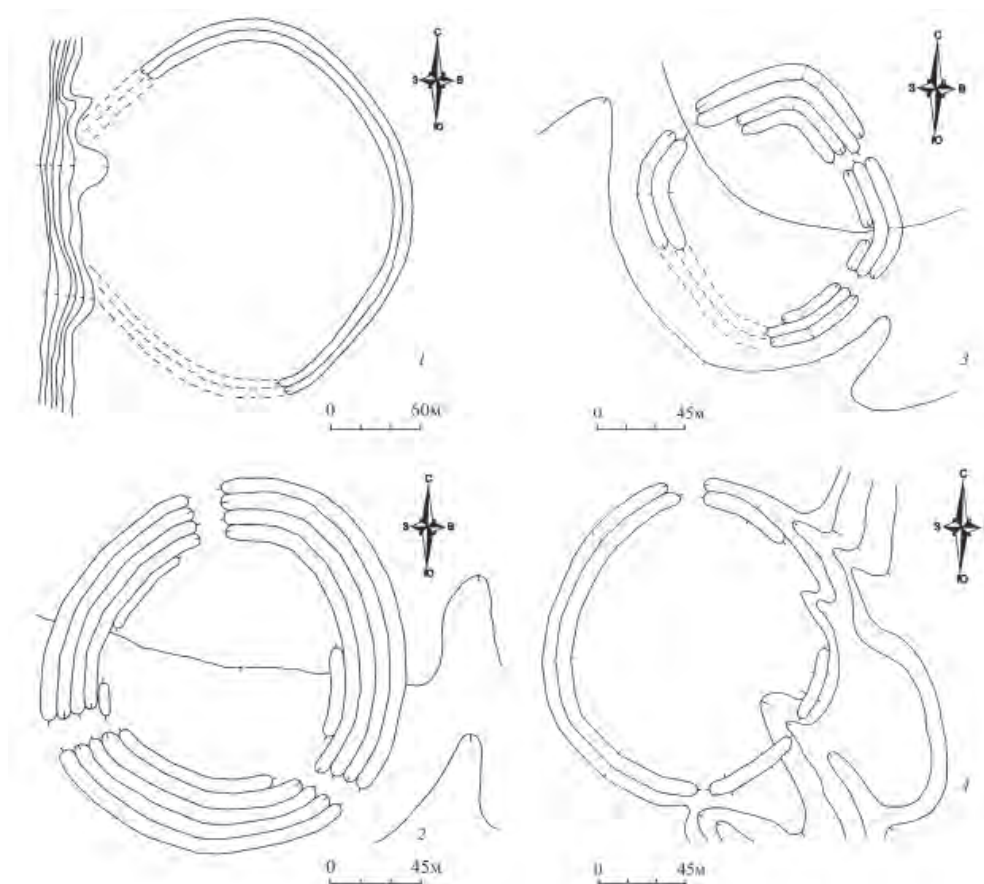

Рис. 5. Городища III типа Волжской Болгарии
1 – Староеналежское, 2 – Чуваппаковское, 3 – Старобаранское, 4 – Боровкинское (по Р.Г. Фахрутдинову).

некатмисское городище (Предволжье) имеет три вала с четырьмя рвами.

Важно заметить, что болгарские города с многоярдной системой укреплений продолжают, очевидно, традиции строителей населения салтово-маяцкой культуры. По наблюдениям С.А. Плетневой, «сооружение трех валов с напольной стороны – особенность, не свойственная русским городищам и... известная строителям салтовских крепостей. Древнерусские городища с двумя или тремя линиями напольных валов расположены, как правило, на степном пограничье» (Плетнева, Макарова, 1965, с. 60).

Кроме основной системы обороны, использовались и дополнительные укрепления поселений. Такие дополняющие, а иногда и корректирующие оборону объекты располагались с наименее защищенных местностью сторон. В основном они ограждали от штурма пологие оконечности и склоны мысов. Болгарские племена данный навык принесли с собой из Подонья, где этот «прием хорошо знали и пользовались им строители салтовских крепостей VIII–IX вв. Они познакомились с ним при сооружении своих крепостей на бывших скифских городищах, для которых этот прием был характерен» (Плетнева, Макарова, 1965, с. 56, 60).

Мы располагаем данными о 29 городищах, которые имели дополнительные укрепления. Из них 23 памятника относится к I типу, т. е. к подчиненным рельефу местности, по одному ко II и III типам – частично подчиненным и неподчиненным рельефу, а также четыре к IV типу – к сложномысовым и сложным. Мы видим, что почти все эти укрепленные поселения располагаются на мысах, т. е. и так являются наиболее защищенными природой и человеком. Половина этих поселений занимают небольшие площади: Нарат-Елгинское (1,5 га), Ромоданское I (2,8 га), Ивашкинское (3,04 га) и др.

Довольно распространенным приемом в фортификации многих народов является эскарпирование склонов для придания им большей крутости, а значит и недоступности. Например, эскарп прослеживается вдоль северного края городища Кашан II, который представляет собой продольную площадку шириной до 3 м. На Татбурнаевском городище зафиксирована подрезка части восточного склона (Руденко, 1999, с. 124). Кроме того, К.А. Руденко отмечает применение данного приема на Чувбродском, Старонохратском и некоторых других городищах домонгольского времени (Руденко, 2007, с. 38).

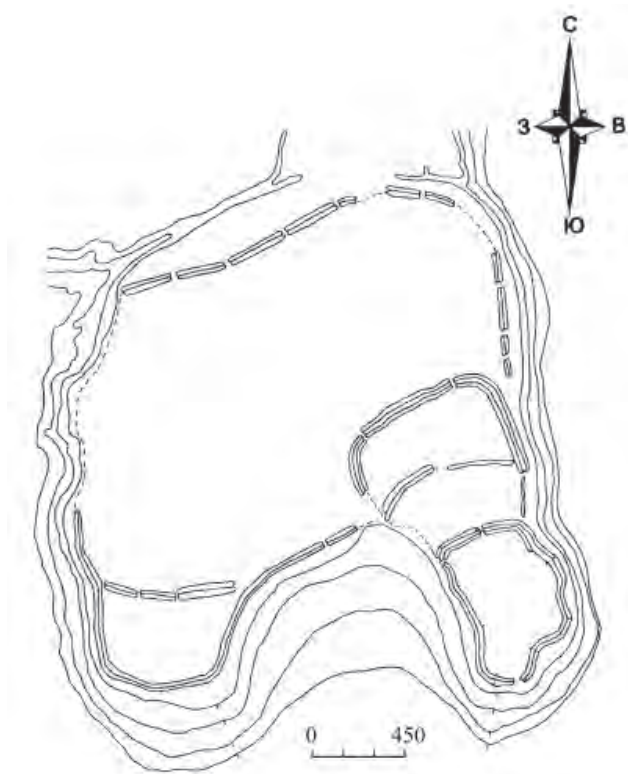

Рис. 6. Городище IV типа Волжской Болгарии: Балынгузское.

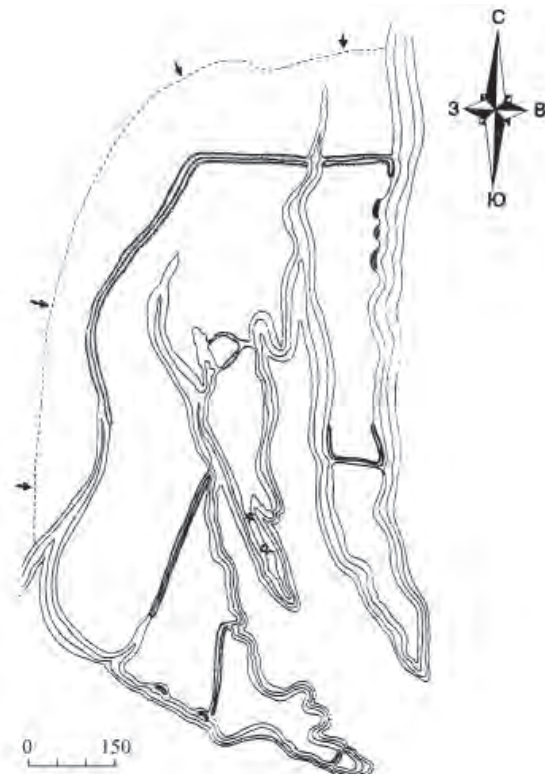

Рис. 7. Большетарханское городище (по П.Н. Старостину).

При исследованиях средневековых дерево-земляных укреплений в линиях валов часто наблюдаются проемы. Их иногда ошибочно связывают с проездами на площадки поселений, используя при этом только визуальные наблюдения, что далеко не всегда подтверждается археологическими раскопками объектов. Поэтому всегда требуется при изучении отдельный подход к каждому укрепленному поселению в плане рассмотрения его расположения на местности, его отношения к окружающему ландшафту, занимаемой им площади и др. Так, например, неподчиненные рельефу городища находятся на ровной местности и не имеют каких-либо естественных преград для штурма, кроме искусственных. Поэтому проездные ворота у них должны были устраиваться в системе крепостных стен.

Разрывы в валах, которые фиксируются в наше время, иногда действительно можно отождествить с древними проездами.

Интересная система проезда была отмечена Г.А. Федоровым-Давыдовым на Тигашевском городище (рис. 8). Она представлена хорошо простреливаемыми предвходными пространствами типа периболов и различным взаиморасположением ворот в трехрядной системе укреплений (Федоров-Давыдов, 1962, с. 63). Такого типа система заставляла штурмующего противника в случае прорыва внешней обороны поворачивать по свое-

образному коридору к следующим воротам, находясь при этом под постоянным обстрелом. Но она была эффективна только во время незначительных столкновений. Вряд ли такое устройство могло служить препятствием для хорошо обученного и оснащенного противника. Подтверждением может служить и небольшая площадь, занимаемая памятником, – всего 2,2 га. Его размеры и, соответственно, возможное количество вмещаемого гарнизона не позволяли выдержать серьезную и организованную осаду.

Не менее примечателен и прием, получивший в военно-инженерной науке римлян название *clavicula* (Буйских, 1991, с. 97). Он имеет ранние аналогии на городищах Средней Азии, а также позднеантичных крепостях и представляет собой прием, при котором концы вала заходят друг за друга, образуя относительно небольшой коридор. Судя по аэрофотоснимку, сделанному до разрушения «Девичьего городка» Куйбышевским водохранилищем, в северо-западном углу городища существовал именно такой тип проезда (рис. 9). В этом месте линия вала, подходя с востока, поворачивала под тупым углом внутрь площадки памятника, тогда как с запада вал также под таким же углом был повернут в напольную сторону. Тем самым образовывался коридор шириной до 4 м и длиной до 10 м. Кроме того, место данного проезда располагалось в непосредственной близости от края

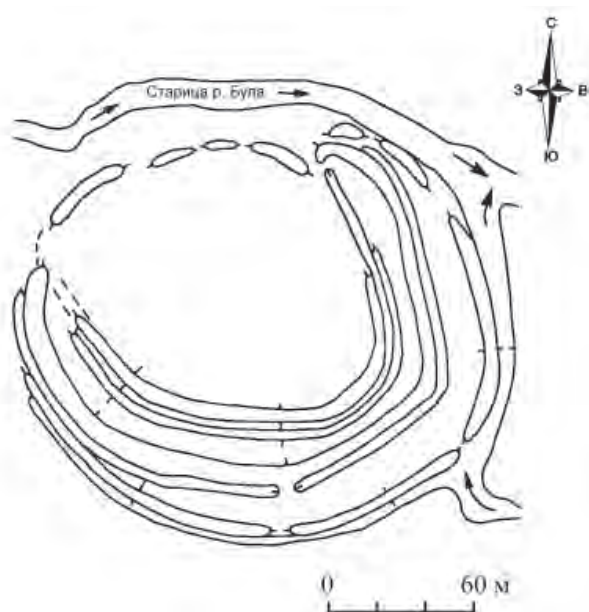

Рис 8. Тигашевское городище (по Г.А. Федорову-Давыдову).

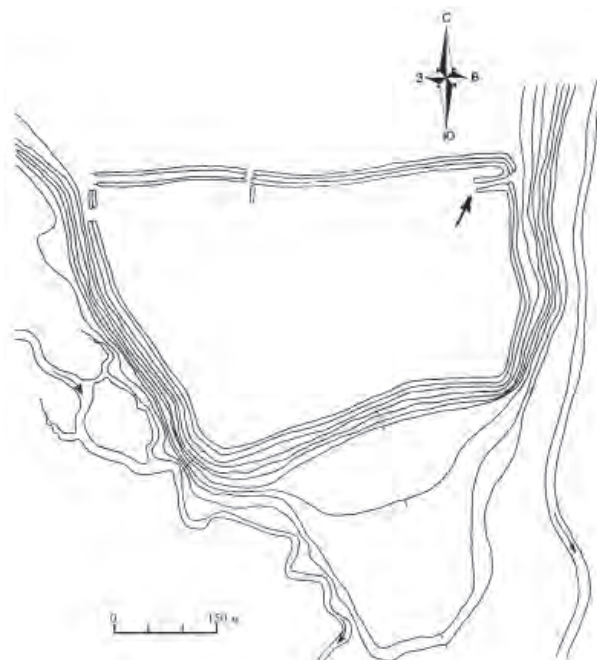

Рис. 10. Николаев-Баранское городище.

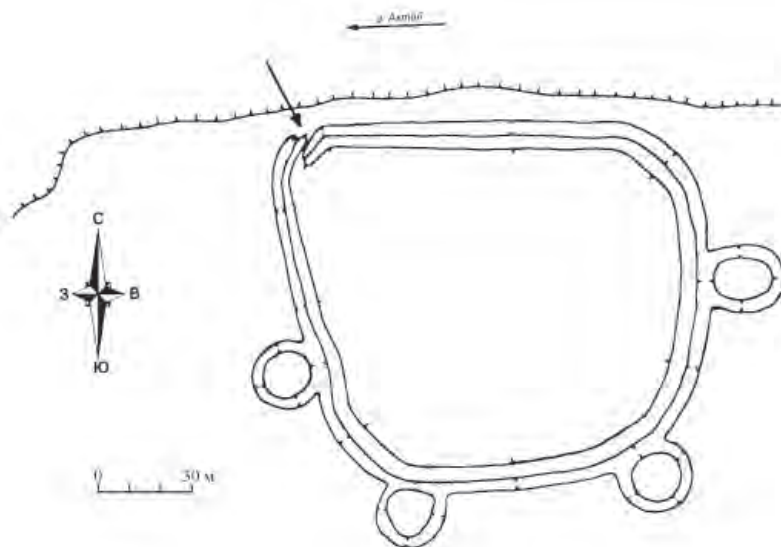

Рис. 9. Городище «Девичий городок». Тип проезда.

террасы, со стороны р. Камы, т. е. в дополнение к искусственным сооружениям болгарскими инженерами для защиты ворот городища была использована и естественная фортификация. Аналогичны въезды на Николаев-Баранском II городище, расположенном недалеко от Биляра – Великого города (рис. 10), и на Кокрятском городище, где имеются отдельные въезды в цитадель и внешний город, устроенные в юго-западной и юго-восточной частях памятника (рис. 39).

На укрепленных поселениях Закамья, существовавших в домонгольское время, зафиксированы и другие типы проездов. Так в северо-запад-

ной части Екатеринино-Слободского II городища в створе ворот имеется дополнительное защитное сооружение в виде короткого отрезка рва и вала (рис. 11). Используя как аналог римскую военно-инженерную практику, мы можем данный прием отнести к типу *titulus* (Буйских, 1991, с. 97). Судя по всему, он служил в качестве препятствия непосредственному нападению на ворота. Своим расположением данный отрезок вала заставлял противника маневрировать и не позволял осадной технике бить прямо по въезду.

Зафиксированный нами въезд на городище Бураковское I, проходил по его восточному краю

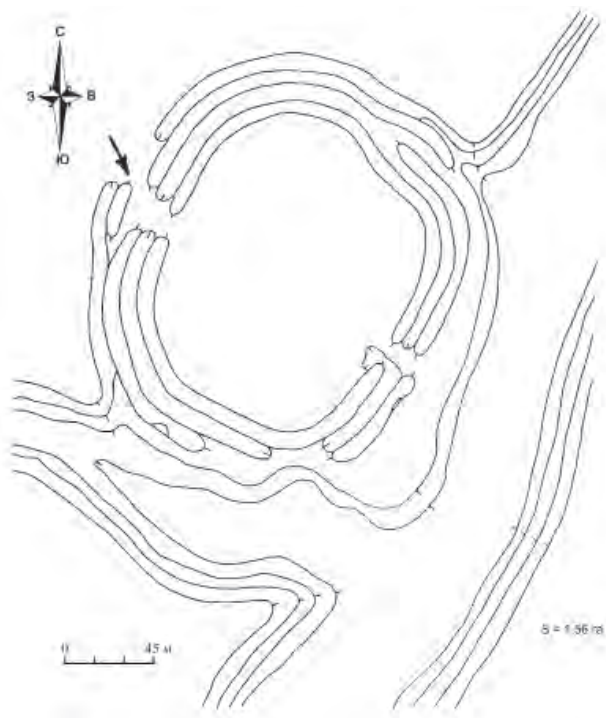

Рис. 11. Екатеринино-Слободское II городище. Тип проезда.

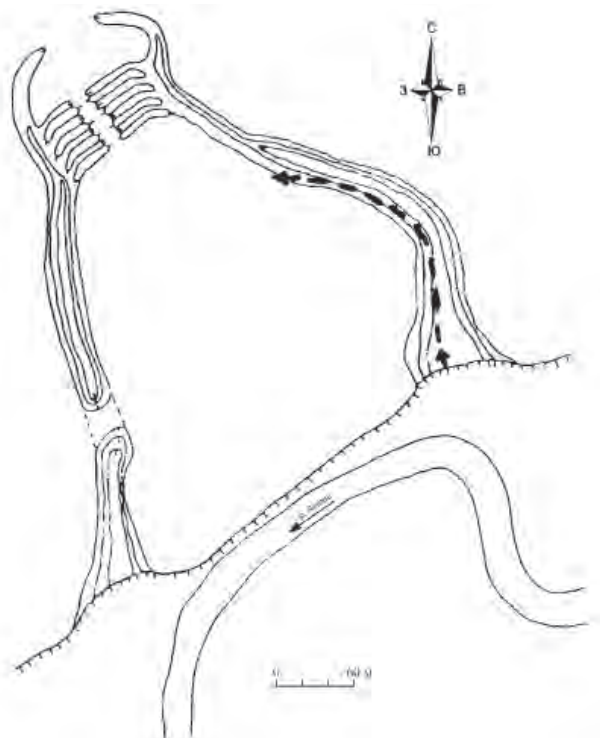

Рис. 12. Бураковское I городище. Тип въезда.

(рис. 12). Древняя дорога шла по оврагу, который выходит к протекающей рядом р. Ахтай. Несмотря на то что она довольно сильно оплыла, следы ее в виде узкого уступа шириной до 2 м хорошо видны и в наше время. Таким образом, городище имело защищенный выход в сторону речной поймы и непосредственную связь с водным путем, что очень важно. Тем более нужно принимать во внимание, что в средневековье р. Ахтай была более полноводной и, как следствие, более проходимой для небольших судов.

По устройству въездов на Щербеньском II и Елабужском «Чертовом» городищах хорошо видны древние дороги в виде пандусов, проходящих вдоль склонов мысов. У первого он поднимается по юго-западному склону, начинаясь у подножия южной части памятника, и имеет современную ширину в 2–3 м. На втором городище въезд осуществлялся по его юго-восточному склону со стороны стрелки мыса. В настоящее время он довольно сильно оплыл и имеет незначительную ширину.

Устройства крепостных сооружений Волжской Болгарии делятся на внутривальные и наземные. При их постройке использовались дерево, грунт и камень. Применение этих строительных конструкций должно было заставлять их создателей придерживаться определенных правил и законов, используемых при возведении дерево-земляных и каменных оборонительных сооружений.

Таким образом, предшествующими исследователями проделана значительная работа по типологии болгарских городищ и выделению из их числа подлинных городов. С учетом наших корректировок, изложенных выше, в список домонгольских городов Волжской Болгарии можно включить около 30–35 укрепленных поселений (Хузин, 2001, с. 47–48). Этот список, естественно, нуждается в дальнейших корректировках, которые можно будет внести в него после проведения археологических раскопок на этих памятниках.

Как было отмечено выше, к числу болгарских городов, расположенных за пределами основной территории Волжской Болгарии, принадлежат два памятника в Пермском Предуралье: Рождественское городище с прилегающим посадом и могильником на р. Обве (правый приток Камы) и Кыласово городище, или Анюшкар, на р. Инье при впадении ее в Каму (Белавин, Крыласова, 2008; Ленц, 2000). Мощная оборонительная система Анюшкара, по мнению Г.Т. Ленц, «необычная для родановских городищ», была сооружена, по всей вероятности, болгарами. Первое из них А.М. Белавин идентифицирует с «касабой Афкуль», второе – с городом Чульман по арабским источникам XIII–XV вв. (Белавин, 2000, с. 123). На обоих поселениях открыты остатки ремесленной деятельности, в частности гончарные горны, следы кузнечного, косторезного, ювелирного и даже

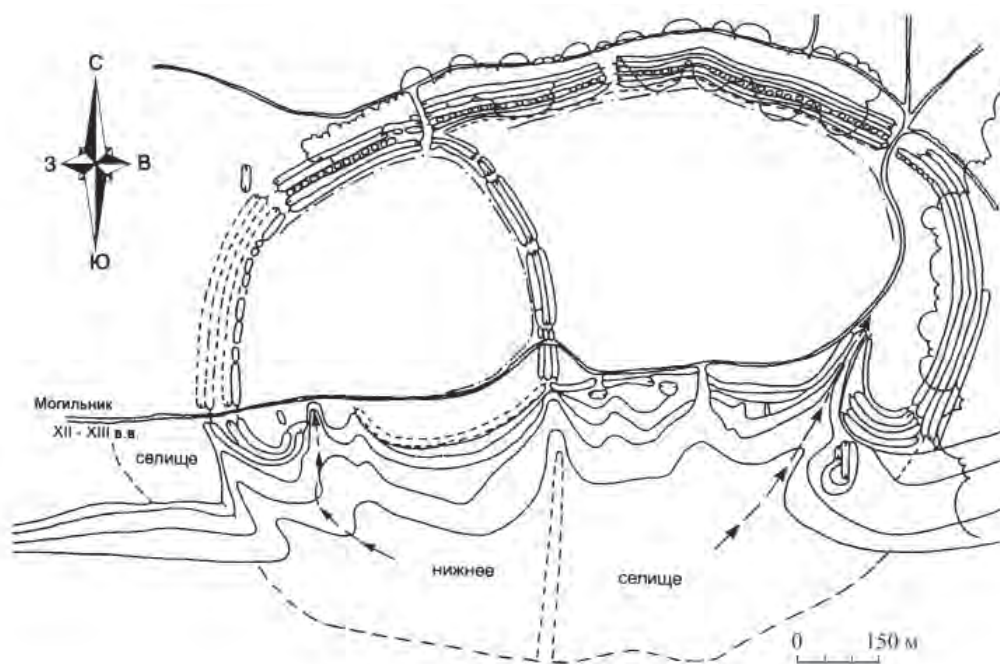

Рис. 13. Кокрятское городище (по А.Х. Халикову).

стекольного производств. По мнению исследователей, большинство жителей были выходцами из Волжской Болгарии (Крыласова, Белавин, 2000, с. 326). Для них, по предположению А.М. Белавина, была построена мечеть. Умерших хоронили на мусульманском кладбище.

Крупнейшее открытое, т. е. неукрепленное, торгово-ремесленное поселение домонгольских болгар располагалось на месте Измерского I селища на Каме, занимающего площадь более 60 га (Казаков, 1991). На этом памятнике, интенсивно разрушающемся Куйбышевским водохранилищем, в течение более тридцати лет работал Е.П. Казаков, который занимался преимущественно сбором подъемного материала и раскопками следов сооружений. Основываясь на огромном количестве вещевых материалов (сотни монет X–XI вв., торговый инвентарь, предметы западного и восточного импорта, остатки ремесленного производства), исследователь справедливо интерпретирует памятник как крупнейший международный торговый пункт болгар на Каме. Мы склонны локализовать здесь «стоянку русов», описанную Ибн Фадланом (Хузин, 1995, с. 139).

Даже поверхностный взгляд на планы болгарских городов обнаруживает их непростую социально-топографическую структуру. Сложной планировкой отличаются Биляр и «Муромский городок», состоящие из трех или даже четырех топографических частей. Можно выделить города: 1) с двумя укрепленными частями и ярко выраженными следами прилегающих к их валам при-

городных селищ, предварительно определяемых посадами: Красносундюковское I, Кокрятское (рис. 13), Екатеринино-Слободское, Горкинское II и др. городища; 2) с двумя укрепленными частями и без признаков пригородных селищ: Городищенское на Волге, Богдашкинское, Староалейкинское и др. городища; 3) с одной укрепленной частью и неукрепленным пригородом – Сувар, Джукетау, Старонохратское, Барско-Енарусскинское и др. городища. К сожалению, в настоящее время мы не знаем, всегда ли составляли примыкающие к городским стенам обширные селища неотъемлемую часть города, являясь их торгово-ремесленными посадами. Это следует доказать археологически. Без проведения целенаправленных исследований мы пока не в состоянии понять значение отдельных топографических частей в общей городской структуре.

После выделения подлинных городов из массы укрепленных поселений X – первой трети XIII вв. и характеристики их внутренней топографической структуры перед исследователем с неизбежностью возникает другая проблема – социальная или функциональная типология самих городов. Как известно, возникновение и дальнейшее развитие средневекового города обусловлены не только общими закономерностями, но и частными, иногда весьма существенными особенностями, вызванными естественно-географическими условиями отдельных регионов страны, неравномерностью развития в них классовых отношений, различным экономическим и демографическим потенциалом

этих регионов и некоторыми другими факторами. Все это с неизбежностью приводило к многообразию форм городского строя или, по выражению П.П. Толочко, к «иерархической ранговости городов» (Толочко, 1990, с. 4). Они отличались друг от друга преобладанием или, наоборот, относительно слабым развитием тех или иных функций (политико-административных, военно-оборонных, культурно-религиозных) и в конечном счете по занимаемому месту и значению в государственной системе. Так, уже сейчас можно выделить такие категории городов, как общегосударственный столичный центр с его ярко выраженной полифунк-

циональностью – Биляр; центры отдельных земель-княжеств – Сувар, Ошель, Джукетау, Кашан, Алабуга, Муромский городок на Самарской Луке, Юлово на Суре, Афкуль в Пермском Предуралье; средние и малые города типа Старого Нохрата, Хулаша, Щербеньского I городища – центры определенной сельскохозяйственной округи; крупные торговые или торгово-ремесленные центры – г. Болгар, Измерское, Лаишевское поселения, древняя Казань. Более точное определение социального статуса этих городов будет возможным лишь после углубленного изучения их путем раскопок.

ДОМОНГОЛЬСКИЙ БОЛГАР

Великий Болгар, как его называли русские летописцы в XIV в., является одним из немногих историко-археологических памятников Татарстана, пользующихся мировой славой, особенно после включения его в 2014 году в Список памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО. Он располагался в 30 км от устья Камы и в 6 км от Волги (до затопления водохранилищем). В настоящее время городище имеет подтреугольную форму, ограниченную с запада, юга и востока земляным валом и рвом протяженностью более 5,5 км, а с севера – берегом протекавшей здесь речки Меленки. Площадь Болгарского городища в пределах укреплений достигает 380 га (рис. 14: 1). Указанные валы и рвы появились в XIV столетии. Великолепные архитектурные памятники этого знаменитого города: Малый минарет, Черная, Белая, Красная палаты, Ханская усыпальница, Соборная мечеть, каменные мавзолеи и другие достопримечательности воздвигнуты также не раньше второй половины или конца XIII в., а главным образом в XIV столетии, т. е. в период Золотой Орды. Тем не менее, как показали исследования городища, эта территория была освоена значительно раньше. Культурные отложения памятника фиксируют здесь наличие доболгарских поселений середины - второй половины I тыс. н.э., а также домонгольский период истории города Болгара - время его возникновения и первоначального развития (рис. 14: 2).

Благодаря своему удобному расположению на стыке двух крупнейших торгово-транспортных магистралей Восточной Европы – Волги и Камы, а также сохранившимся на его территории оригинальным архитектурным памятникам Болгарское городище рано стало объектом внимания исследователей. Им заинтересовались ученые еще в XVIII столетии. Первые раскопки городища производились известным русским востоковедом и археоло-

логом В.Г. Тизенгаузеном в 60–70-х годах XIX в., открывшим в урочище Бабий бугор древнее кладбище (более подробно об истории археологического изучения памятника см.: Хлебникова, 1987, с. 32 и сл.). С 1877 г. до революции 1917 г. археологическим изучением памятника занимались в основном ученые Общества археологии, истории и этнографии, созданного при Казанском университете, по решению IV Всероссийского археологического съезда. Ими были расчищены (частично) развалины Белой и Греческой палат, Соборной мечети («Четырехугольника»), мавзолеев в районе Малого минарета, начато изучение района Черной палаты, обследовано урочище Ага-Базар, выявлен район гончарного производства у Голландского озера, вскрыты погребения на могильнике Бабий бугор. В работах принимали участие Н.Ф. Высоцкий, Б.Е. Крелленберг, П.И. Кротов, И.А. Износков, П.А. Пономарев, В.Ф. Смолин, В.В. Радлов, М.М. Хомяков, М.Г. Худяков, А.А. Штукенберг и другие известные ученые. Небольшие по объему работы производились А.С. Башкировым, А.Ф. Адлером и другими в первые годы Советской власти. Однако все эти работы «представляли собой в сущности разведки, собравшие некоторые данные о городище и его архитектурных памятниках» (Хлебникова, 1987, с. 33). Предстояло сделать очень многое, чтобы определить место и значение города в истории Болгарского государства и Улуса Джучи на протяжении X–XIV вв.

Плановые систематические раскопки Болгарского городища были начаты в 1938 г. экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР при участии Государственного Исторического музея (ГИМ) и Государственного музея ТАССР (ГМТР). Возглавлял ее А.П. Смирнов, впоследствии выдающийся археолог-болгаровед. Работы продолжались, с перерывом в годы войны, до 1949 г. В 1938–1940 гг. исследования прово-

дились на Коптеловом бугре, близ мавзолея Монастырский погреб, а также на склоне коренной террасы и на руинах Красной палаты, т. е. в историческом центре города. Раскопки на Коптеловом бугре выявили мощные напластования золотоордынского времени и слой доболгарского поселения; у Монастырского погребца удалось выделить разновременные напластования болгарского города, в которых изучены жилые постройки, хозяйственные сооружения и отдельные разрушенные погребения. Полученные материалы легли позднее в основу стратиграфической шкалы городища.

Первоочередной задачей экспедиции первых послевоенных лет было выявление следов жизни домонгольского города, в частности, времени приезда в Болгарию Багдадского посольства (Акчурина и др., 1949, с. 152). Изучались оборонительные сооружения города, побережье озер Британкина и Голландского, урочище Бабий бугор, руины Греческой палаты, т. е. северная и юго-западная части верхнего плато городища. Были получены интересные данные по исторической и социальной топографии, но домонгольские культурные напластования X–XII вв. здесь не были обнаружены (Ефимова, Калинин, Смирнов, 1947, с. 140, 148; Ефимова и др., 1947, с. 103, 110).

Результативными в этом плане были раскопки в северо-восточной части верхнего плато городища, где были выявлены многочисленные остатки не только жилых и хозяйственных, но и производственных сооружений в виде ремесленных мастерских резчика по кости, кожевника, металлурга. Подавляющее большинство из них относилось к золотоордынским слоям. Однако не было никаких сомнений в определении нижних культурных напластований домонгольским временем. Более того, удалось выделить два разновременных слоя, накопленных в течение X – первой половины XIII вв. Таким образом, в конце 1940-х годов на основе многолетних наблюдений за характером культурного слоя в разных частях территории городища была создана стратиграфическая шкала Болгарского городища, впервые изложенная в публикациях А.П. Смирнова (1951, с. 173) и О.С. Хованской (1951, с. 120). Данная шкала первоначально выглядела следующим образом: I – русский слой XX в.; II – русский слой XVI–XIX вв.; III – слой периода запустения городища в XV–XVI вв.; IV – болгарский слой XIII–XIV вв.; V – домонгольский слой XII – начала XIII вв.; VI – самый ранний болгарский слой X–XI вв.

Важно отметить, что в раскопе А.М. Ефимовой 1949 г. под напластованиями городской улицы конца XIV – начала XV вв. был открыт район металлургического производства с остатками сыродутных и чугунолитейных горнов, относящихся к

Рис. 14. Болгарское городище. план-схема с распространением культурных отложений домонгольского и раннеордынского времени (по: Хлебникова, 1987, рис. 3): а – площадь распространения VI слоя; б – площадь распространения V слоя; в – площадь распространения IV раннего слоя; г – линия укреплений X–XI вв.; д – линия укреплений XII – начала XIII вв.;

двум стратиграфическим слоям – домонгольскому XI–XII вв. и золотоордынскому второй половине XIII – начала XIV вв. (Ефимова, 1951, с. 128–135).

В 1950–1954 и 1957 гг. А.П. Смирнов возглавлял Болгарский отряд Куйбышевской археологической экспедиции АН СССР (при участии ГИМ и ГМТР), основной задачей которого было изучение той части территории древнего города, которая подлежала затоплению водами Большой Волги в связи со строительством Куйбышевской ГЭС. Продолжались работы по определению местоположения раннего Болгара. Домонгольские напластования были выявлены при исследованиях склона верхней береговой террасы и подгорной (правобережье р. Меленки) части городища. Ранние слои сохранились, как отмечал А.П. Смирнов, «в виде небольших прослоек незначительного протяжения. К нему относятся остатки небольших домиков с крайне бедным инвентарем, иногда состоящим только из одной грубой лепной керамики. Данные показывают, что в ранний период существования города эти районы были слабо заселены городской бедной» (Смирнов, 1953, с. 7).

Разведки 1938 г. на территории Ага-Базара, расположенного в устье р. Меленки примерно в 7 км от Болгара, обнаружили следы болгарского поселения с мощным культурным слоем, содержащим, однако, находки только золотоордынского времени (Смирнов, 1951, с. 173). В 1952 г.

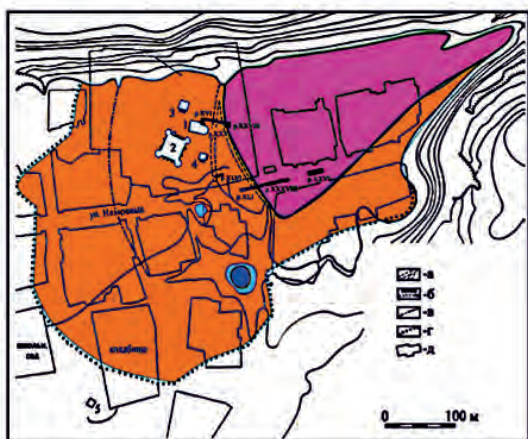

Рис. 15. Болгарское городище. Домонгольский Болгар по Т.А. Хлебниковой (по: Шарифуллин, 2014, рис. 3): Условные обозначения: а – рвы X–XI вв. (западная граница “цитадели”); б – раскопы; в – возможная граница третьей линии укреплений; г – линия укреплений предмонгольского времени; д – усадьбы и постройки села. 1 – церковь Успения; 2 – Соборная мечеть, 3 – дюрбе “Монастырский погреб”, 4 – дюрбе “церковь Св. Николая”, 5 – Черная палата;

здесь были заложены раскопы и шурфы общей площадью около 230 кв. м. По данным Б.Б. Жиромского, слой серой светлой супеси мощностью 20–30 см, определенный в целом домонгольским временем, сохранился лишь в отдельных местах под мощным слоем золотоордынской эпохи; в нем встречено незначительное количество обломков болгарской керамики. Остатков сооружений не обнаружено (Жиромский, 1954, с. 326–327; Смирнов, Мерперт, 1953, с. 68–70), зафиксированы переотложенные в поздние горизонты находки, соотносимые с отложениями времени основания города (Хлебникова, 1987, с. 54), отмечен факт разрушения части домонгольских напластований в процессе хозяйственной деятельности золотоордынской эпохи. Удалось доказать торговый характер поселения (150 джучидских монет, хорезмийская посуда, китайский селадон и фарфор, русские вещи), но только для золотоордынского периода его существования (Жиромский, 1954, с. 333, 338). Вместе с тем, Д.Г. Мухаметшин свидетельствует о находке здесь в 1981 г. обрезанного в круг серебряного подражания куфической монете (Мухаметшин, 2019, с. 242).

В 1957 г. домонгольские слои были зафиксированы при раскопках на верхнем плато по краю террасы и вблизи Иерусалимского оврага. Было обнаружено небольшое количество сооружений и находок (Акчурина и др., 1970, с. 7, 8).

С 1964 г. в течение почти двадцати лет на городище работал Болгарский отряд Поволжской археологической экспедиции АН СССР под руководством А.П. Смирнова и (с 1974 г.) Г.А. Фе-

дорова-Давыдова. В составе отряда работали сотрудники Института археологии АН СССР, ГИМ, Государственного Эрмитажа, ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, ГМТР и созданного в 1969 г. Болгарского государственного историко-архитектурного заповедника (БГИАЗ). Продолжалось археологическое изучение архитектурных памятников Болгара: Соборной мечети и рядом расположенных дюрбе – Монастырского погребца и церкви св. Николая, а также Черной палаты, Малого минарета и комплекса мавзолеев у Ханской усыпальницы, выявившее распространение домонгольских слоев на всех раскопах в центре городища, фрагментарно сохранившихся между ямами золотоордынского периода. (Хлебникова, 1987, с. 54). В районе расположения последних трех памятников выявлены культурные напластования начиная со второй половины XIII в. В них изучены землянки и полуземлянки раннезолотоордынского времени, а также более поздние объекты, в том числе мусульманское кладбище со склепами и мавзолеями (Краснов, Смирнов, Хлебникова, 1969, с. 215–218; Смирнов, 1974, с. 11–12). Т.А. Хлебниковой в этом районе отмечают признаки домонгольских напластований (Хлебникова, 1987, с. 55).

Характер исследований был обусловлен в первую очередь задачами охраны культурного слоя и памятников городища, а также необходимостью увеличить число объектов для туристического показа. Выявляются домонгольские слои в пределах границы раннего города, накапливается новый материал по исторической топографии и дополнительные данные по уточнению стратиграфии культурного слоя.

В последние годы (2010–2015) масштабные раскопки проводились при финансовой помощи республиканского фонда «Возрождение», инициировавшего работы по реставрации, музеефикации археологических объектов, благоустройству территории и созданию современной инфраструктуры для обслуживания туристов. Проводились целенаправленные работы по реализации научных программ комплексного изучения Болгара с активным использованием методов естественных наук. В процессе раскопок появились новые материалы по археологии и истории домонгольского Болгара, к сожалению, они пока не опубликованы полностью.

Таким образом, за почти 150-летний период археологического изучения города Болгара раскопки производились более 75 полевых сезонов. На памятнике работали в основном московские археологи: А.П. Смирнов, К.А. Смирнов, М.Д. Полу- бояринова, Г.Ф. Полякова, Ю.А. Краснов, Н.А. Кокорина, Л.А. Беляев, Л.Л. Савченкова и др., а также сотрудники Гос. Эрмитажа (М.Г. Крамаровский),

ИЯЛИ КФАН СССР (Т.А. Хлебникова), ГМТР (Н.Ф. Калинин, А.М. Ефимова, З.А. Акчурина, О.С. Хованская). С середины 1980-х годов основные работы осуществляются силами археологов ИЯЛИ КФАН СССР, а с 1996 г. – Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Т.А. Хлебникова, Р.Ф. Шарифуллин, П.Н. Старостин, И.Р. Газимзянов, А.М. Губайдуллин). Результаты исследований отражены в многочисленных публикациях. Обобщающим является коллективный труд «Город Болгар» в семи выпусках (1987; 1988; 1996; 2001; 2008; 2016; 2021), где изложены основные результаты многолетних исследований этого памятника. В первом томе этой работы, опубликованном в 1987 г., Т.А. Хлебниковой была сформулирована в своей классической форме стратиграфическая шкала Болгарского городища: I – слой жизни современного села XX в. II – слоя периода русской истории конца XVI–XIX в. – слой времени Казанского ханства середины XV–XVI в. – слой золотоордынского периода истории города второй половины XIII – начала XV в. Этот слой подразделяется на слои IVп – позднезолотоордынский середины XIV – начала XV в. – и IVр – раннезолотоордынский середины XIII – начала XIV в. V–VI – слои домонгольского периода истории города, причем слой V датируется второй половиной периода, а начало его образования – XI в.; слой VI – первой половины периода, рубежом IX–X и частью XI в. VII – слой доболгарских поселений середины – второй половины I тысячелетия н. э. (Хлебникова, 1987, с. 45) (рис. 14: 3).

Укрепления Болгарского городища домонгольского периода до нас не дошли. Археологические их следы были впервые выявлены раскопками Т.А. Хлебниковой и М.Д. Полубояриновой, проведенными в 1967–1980 гг. (Краснов, 1987, с. 101–108; Краснов и др., 1969, с. 211–214; Хлебникова, 1974, с. 19–21; 1975, с. 122–126). Они прослеживались в виде двух линий рвов глубиной 2,6–2,9 м и шириной 4–7 м, которые начинались у северного края волжской террасы примерно в 450–460 м к западу от устья Иерусалимского оврага и немного восточнее Успенской церкви, далее тянулись по направлению юг – юго-восток и упирались в глубокие отроги оврага, расходясь при этом на расстояние около 40 м (рис. 15). Предполагаемая длина рвов около 200–220 м (Краснов, 1987, с. 101). На восточном склоне западного рва были обнаружены небольшие столбовые ямы диаметром и глубиной 10–15 см, расположенные в несколько рядов по направлению рва, которые Ю.А. Краснов склонен рассматривать как следы кольев, поддерживавших какие-то конструкции, укреплявшие склон рва от осыпания (Краснов,

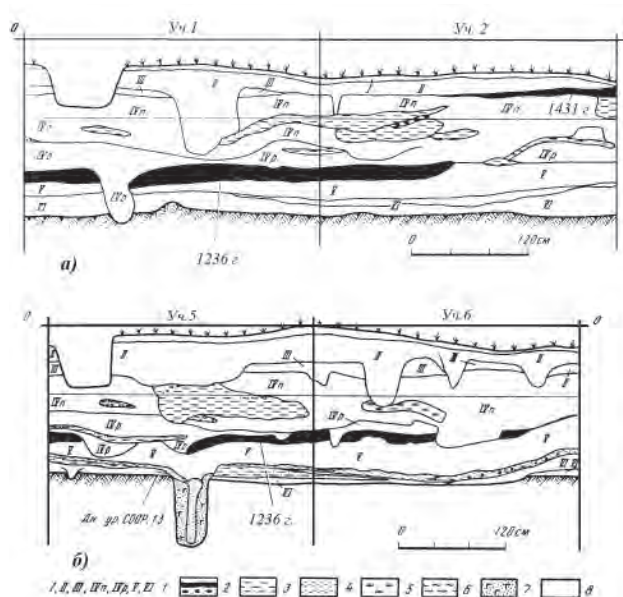

Рис. 16. Болгарское городище.

Профили раскопа LXVIII 1979–1980 гг. (по: Хлебникова, 1987, рис. 2): а – южная стенка участков 1 и 2; б – южная участков 5 и 6 по бровке; 1 – слои по стратиграфической шкале городища; 2 – слои пожара и углисто-сть; 3 – суглинок, необожженная глина; 4 – древесная труха; 5 – обожженная глина; 6 – зола; 7 – песок с некоторой гумированностью; 8 – пестроцветный супесчаный и суглинистый слой

1987, с. 103). По обеим сторонам восточного основного рва выявлены следы деревянной стены в виде мощных столбов, стоявших на расстоянии всего 1,8–2 м друг от друга. Использование естественно укрепленных мысов с созданием дополнительной обороны с напольной стороны свойственно многим болгарским и древнерусским городам X–XIII вв. (Раппопорт, 1956, с. 119). Однако необычными являются стены (причем по обеим сторонам рва), которые «могут быть реконструированы как бревенчатые, забранные в крупные, глубоко врытые в землю столбы» на очень близком расстоянии друг от друга (Хлебникова, 1975, с. 124). Эти укрепления, возникшие, судя по стратиграфии, не позднее X в., функционировали, претерпев ряд реконструкций, до монгольского нашествия 1236 г.

Таким образом, первоначально Болгарское городище, охватывающее площадь около 90 тыс. кв. м (9 га) в пределах укреплений, имело мысовой характер, как и многие другие городища домонгольской Болгарии. По классификации Р.Г. Фахрутдинова (1984, с. 65) его можно отнести, пожалуй, к числу городищ-крепостей. По мнению Т.А. Хлебниковой, ранний Болгар по ряду характерных особенностей «близко стоит к каменным замкам II типа салтово-маяцких городищ» (Хлебникова, 1974, с. 128); в период возникновения он «имел вид замка, владетель которого стремился

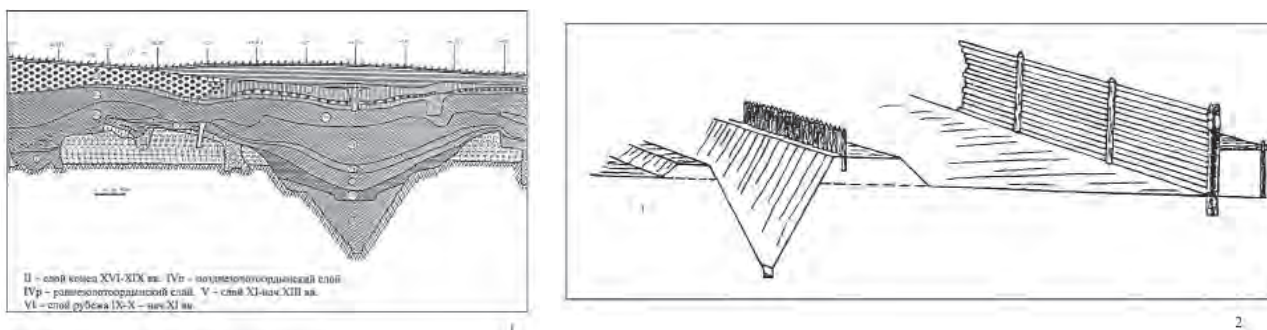

Рис. 17. Оборонительные сооружения Болгарского городища домонгольского времени:

- 1 – укрепления X в. в профиле южной стенки раскопа СXXXVII (по: Губайдуллин, 2019, рис. 67, 71, 73);
 2 – реконструкция деревянной стены «цитадели» с привлечением результатов исследований на раскопе СXLI (по: Губайдуллин, 2019, рис. 73); 3 – ров VI слоя (сооружение № 181) в раскопе СXCIX. Вид с северо-востока (по: Ситдииков и др., 2016, с. 13); 4 – разрез рва в профиле раскопа СXCIX (сооружение № 181). Вид с востока (по: Ситдииков и др., 2015, с. 18)

сделать его неприступным оплотом своей власти в округе» (Хлебникова, 1987, с. 52). Эту укрепленную часть городища Т.А. Хлебникова предлагала назвать «цитаделью», за пределами которой, в ее западной части, располагался неукрепленный посад. Общая площадь Болгарского городища X–XI вв. с учетом территории посада достигала 120 тыс. кв. м (12 га) (Хлебникова, 1987, с. 48).

Остатки древнейших укреплений дополнительно были исследованы в 1990–2000-е гг. А.М. Губайдуллиным (раскопы СXXXVII, СXLI) (рис. 15: 1, 2) и Р.Ф. Шарифуллиным (раскоп СXXXII). Кроме городского рва были выявлены следы деревянной стены «цитадели» города (раскоп СXLI), сохранившиеся в виде полосы темно-серой гумусированной супеси с включениями мелкого угля и комочков обожженной глины шириной 0,3 м, а также линии столбовых ям (Губайдуллин, 2019, с. 63–64; рис. 68). Чуть раньше такая система обороны была исследована М.М. Кавеевым (1998; 2002). Недавно появились новые данные, указывающие на то, что линия обороны X–XI вв. «не выходила непосредственно к Большому Иерусалимскому оврагу, а поворачивала на восток и шла далее вдоль этой естественной преграды на удалении около 60–70 м в северо-восточном направлении» (Губайдуллин, 2019, с. 61). В 2014–2015 гг. на раскопе СXCIX, расположенном в северо-восточной части городища, был исследован участок городского рва общей длиной 55,0 м, глубиной 1,8–2,20 (до 2,30) м от древней дневной поверхности при ширине от 4,0 до 4,5–5,0 м. Он следовал очертаниям Большого Иерусалимского обврага, пересекая исследованную площадку с юго-запада на северо-восток. Ров имел материковую перемычку, маркировавшую место ворот (въезда в город) (Ситдииков и др., 2015, с. 17; Ситдииков и др., 2016, с. 14–15). Ранее, в 1985–1986 гг., эта линия укреплений была зафиксирована в раскопе ХCV, который примыкал к Восточной палате, и

прослежена на расстоянии 9,6 м (Полубояринова, 1987; Аксенова и др., 1988, с. 147). Анализируя эти ранние укрепления Болгара, исследователи приходят к выводу о том, что исходя из конструктивной сложности и масштабов данной фортификации, ее можно уверенно называть «городской» (Коваль, Бадеев, 2021, с. 13) (рис. 18: 1, 2).

Имеются сведения о наличии укреплений в виде рва шириной 2,5, глубиной 1,5 м и у посадской, пригородной части города (Губайдуллин, 2019, с. 62, 64, рис. 80), однако, как нам кажется, с уверенностью говорить об оборонительном назначении этого рва пока рано.

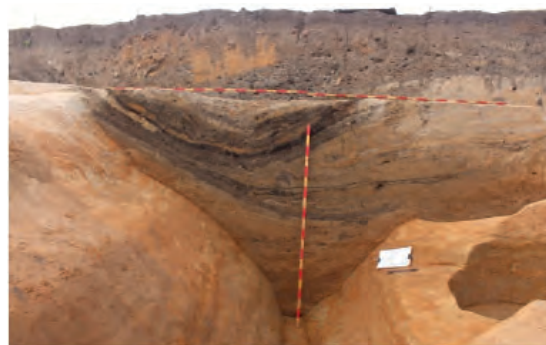
В предмонгольское время начинается сооружение новой, дополнительной системы укреплений, археологически выявленных в виде рва и суглинистого основания земляного вала. Эти укрепления начинались у края верхней волжской террасы примерно в 200 м к западу от вышеописанных древнейших рвов, далее шли на юг, полукругом огибали юго-восточную часть территории посада, продолжались в северо-западном направлении и упирались в крутые склоны Большого Иерусалимского оврага. Предполагаемая длина укреплений около 1,3 км (рис. 15).

Таким образом, в конце домонгольского периода Болгарское городище имело двойную систему укреплений: рвы и деревянные стены «цитадели», сооруженные еще в X в. и охватывающие часть посадской территории, и внешнюю линию обороны в виде земляного вала и рва (Краснов, 1987, с. 108). Площадь укрепленной части городища предмонгольского времени исследователи определяют в пределах 24–25 га; включая территорию редко заселенного посада, она составляла, вероятно, около 35–40 га (Хлебникова, 1987, с. 55).

Культурные напластования раннего Болгара, сильно нарушенные в процессе интенсивной строительной деятельности золотоордынского периода, сохранились фрагментарно и прослежива-

1

2

Рис. 18. Оборонительные сооружения Болгарского городища домонгольского времени:
1 – ров VI слоя (сооружение № 181) в раскопе СХСІХ. Вид с северо-востока (по: Ситдииков и др., 2016, с. 13);
2 – разрез рва в профиле раскопа СХСІХ (сооружение № 181). Вид с востока (по: Ситдииков и др., 2015, с. 18)

ются к тому же не везде. Согласно разработанной коллективом исследователей под руководством А.П. Смирнова стратиграфической шкале Болгарского городища, к интересующему нас времени относятся слои V и VI.

Слой VI, по мнению исследователей Болгара, отражает первый, начальный этап истории города, ставшего не только мощным «племенным центром», но и столицей вновь образованного государства (Хлебникова, 1987, с. 46, 52).

По составу и консистенции слой представляет собой светло-серую слегка гумусированную плотную супесь мелкой структуры с редкими углистыми и прочими включениями. Мощность колеблется от 10 до 20–35 см, в западинах ям достигает иногда 60–70 см (рис. 16). Насыщенность слоя находками слабая, в некоторых раскопах он почти стерильный или же с редкими фрагментами керамики. По данным Т.А. Хлебниковой, «в центральной части городища слой VI имеет сплошное распространение на площади не менее 120 тыс. кв. м» (Хлебникова, 1987, с. 48). Кроме того, «слабые признаки слоя» прослежены отдельными островками через 500–700 м на запад и восток, через 250–300 м к югу от площади сплошного распространения.

Анализ датирующих находок из раскопок не противоречит «возможному образованию слоя на рубеже IX–X – в начале X в.» (Хлебникова, 1987, с. 51). По данным Т.А. Хлебниковой, это двух- и трехчастные бусы-лимонки желтого стекла, глазчатые рельефные и гладкие бусы глухого стекла, рифленая эллипсоидная бусина из голубого стекла, ромбовидный наконечник стрелы с широким острием и ровными сторонами (тип 53 по А.Ф. Медведеву), шестигранная сердоликовая бусина и шиферное пряслице с широким отверстием (рис. 20). В результате исследований последних лет в центральной части городища, в районе изучения здания городского базара середины XIV в.,

на участке сохранившегося здесь домонгольского слоя, в связанных с ним прослойках и объектах, было найдено некоторое количество предметов, относящихся к раннему этапу бытования Болгара: две серебряные монеты X в. – местные подражания дирхемам Наср бен Ахмеда Самани (рис. 19: 1, 2); фибулы (сюльгамы), имеющие завершения в виде завернутых в трубочку «усов» длиной более полутора диаметра кольца (рис. 19: 3, 4), которые по материалам Подболотьевского, Кривозерского и Лядинского могильников датируются в рамках X–XI вв. (Вихляев и др., 2008, с. 146–147; Ставицкий и др., 2014; Воронина, 2007, с. 19–20); зонные гагатовые бусы; стеклянные бусы-«лимонки» и лимонovidные многочастные пронизки желтого и темно-синего цвета, а также бусы непрозрачного стекла с рельефным глазчатым орнаментом и бусы «в овалах», которые, по материалам с территории Восточной Европы, имеют датировки IX – начала XII в. (Полубояринова, 1988, с. 151–155) (рис. 20). Данный набор находок по аналогиям с материалами восточноевропейских памятников датируется в рамках второй половины IX – начала XI в. Керамический материал из слоя VI характеризуется доминированием обломков сосудов I (общebolгарской) группы при наличии единичных фрагментов лепной посуды ломовско-ломоватовского типа, сосудов II и XI этнокультурных групп (по Т.А. Хлебниковой) (Коваль и др., 2022, с. 15).

Ранние находки, кроме того, встречаются в переотложенном виде в вышележащих слоях или же в качестве подъемного материала. Среди стеклянных украшений, изделий из железа и цветного металла М.Д. Полубояринова (1988), Л.Л. Савченкова (1996, с. 53, 77–78) и Г.Ф. Полякова (1996, с. 255–256) выделяют ряд находок X–XI вв., происходящих, по всей вероятности, из VI слоя, но большинство из них представляют собой предметы из случайных сборов и смешанных (Биляр, Болгар и др. места) музейных коллекций. По дан-

Рис. 19. Болгарское городище. Находки из VI слоя:

1-2 – Серебряные монеты X в. — местные подражания дирхемам Наср бен Ахмеда Самани из раскопок в центральной части Болгара. 1 — р. CLXXIX-2013 г., № 1138; 2 — р. СХСП-2016 г., № 602. (по: Центральный базар..., 2022, рис. 39: 2, 3); 3-4 – Сюльгамы из раскопок в центральной части Болгара. Раскоп CLXII (по: Баранов, Губайдуллин, 2016, рис. 7: 4, 5); 5 – горшок керамический из раскопок в северо-восточной части Болгарского городища, в районе Колодца Габдрахмана (раскоп ССIV) (по: Сивицкий, Худяков, 2015, с. 25); 6 – наконечник ножен бронзовый с зооморфным орнаментом. X в. Раскоп СХСVI (по: Ситдииков и др., 2015, с. 15).

ным М.Д. Полубояриновой, к раннему этапу домонгольского периода относятся 356 стеклянных бус. Среди них лимоновидные (94 экз., из них только 11 из раскопов), многочастные пронизки (120 экз., 10 из раскопов), бусы с выпуклыми глазками в «овалах» (40 экз., 11 из раскопов, причем из поздних слоев), «бородавчатые» (4 экз., одна из них найдена в основании VI слоя), рубленный бисер (19 экз., 10 из раскопов), ребристые или эллипсоидные рифленые (32 экз., 4 из раскопов) и некоторые другие типы составляют самый ранний комплекс бус и ставят Болгар «в один ряд с крупными поселениями Северной и Восточной Европы X – начала XI вв., находящимися в сфере ближневосточной торговли» (Полубояринова, 1988, с. 212). В числе редких находок из раскопов последних лет следует назвать две монеты болгарской чеканки X в., впервые обнаруженные в культурном слое центральной части Болгара (Археологические исследования 2016 г., с. 16). Анализ монетных кладов и отдельных монетных находок этого времени, происходящих с разных участков Болгарского городища, сделанный Д.Г. Мухаметшиным, свидетельствует, что данные находки не единичны. Один из кладов (7 саманидских монет и 1 подражание), найденный В.М. Королевым в 1957 г. в переулке около усадьбы Самышевых в с. Болгары и переданный в собрание ГИМ, был опубликован ранее С.А. Яниной. Интервал дат монет:

902–912 гг. (Янина, 1960, с. 224 - 225; Мухаметшин, 2019, с. 242 - 243).

Из ранних находок представляют интерес литейная форма для отливки блях и наконечников ремней (Полякова, 1996, с. 163, рис. 55, 1), грушевидные с рельефным орнаментом подвески и фигурная плоская подвеска с изображением на фоне плетенки личин челевека и звериных морд (Полякова, 1996, с. 188–189, рис. 63, 29–37), а также детали поясных и сбруйных ремней (Полякова, 1996, с. 218). Некоторые из вышеназванных вещей обнаружены при раскопках. Часть изделий из цветного металла раннеболгарского времени, опубликованных Г.Ф. Поляковой (1996), неверно атрибутирована как происходящие из Болгарского городища (Бугров, 2000, с. 220).

В числе массовых находок, бытовавших только с рубежа IX–X вв. до начала XI в., следует отметить несколько групп посуды салтово-маяцкого типа (Хлебникова, 1988, с. 17, 18, 20). Керамический комплекс слоя VI, состоящий из различных форм лепной посуды, восходящей к салтово-маяцким прототипам и керамики прикамского и приуральского происхождения, по заключению Т.А. Хлебниковой, имеет весьма ранний облик (Хлебникова, 1987, с. 52). Топография находок этой посуды на территории городища включает центр, западную, восточную и юго-восточную периферию. Керамическая коллекция, полученная на территории ран-

Рис. 20. Домонгольские бусы из CLXXIX и СХСII раскопок Болгара (по: Центральный базар..., 2022, рис. 131)

него поселения в районе Малого Иерусалимского оврага, демонстрирует близость с материалами Танкеевского могильника (Старостин, 2007; Казаков, 2008, с. 34–39).

В последние годы факты существования пригородных поселений ближней округи раннего Болгара, подтвержденные находками посуды салтово-маяцкого и прикамского облика и монетным материалом (Мухаметшин, 2019) были получены при изучении поселенческих объектов в округе сезонного водоема в юго-восточной части (Баранов, 2016); на северо-восточной окраине городища в районе колодца Габдрахмана (Сивицкий, Худяков, 2015, с. 25) (рис. 19: 5) к северу от известных ранее поселений на берегах Малого Иерусалимского оврага (Старостин, 1993; 2007), между Большим и Малым Иерусалимскими оврагами, как в месте их слияния (Газимзянов, 1998; Мухаметшин, Газимзянов, 2017), в районе истока М. Иерусалимского оврага (Губайдуллин, 2019;

2020), так и на самой площадке между оврагами (Красильников, 2022); в районе к западу от Ханской усыпальницы и Малого минарета (Баранов, 2018). Исследования 2020–2021 гг. подтвердили наличие отложений, связанных с VI слоем, на территории Коптелого бугра (Сивицкий, 2022)².

В целом же вопрос о времени возникновения города Болгара (или же о нижней дате VI слоя) следует считать решенным, тем более в свете открытий П.Н. Старостина раннего поселения на правом склоне Малоиерусалимского оврага (Старостин, 1993) и новых раскопок 2010–2020-х годов.

В числе предметов импорта и торгового инвентаря из культурного слоя Болгара X–XI вв. обнаружены свинцовые грузики, имеющие аналогии в среднеазиатских древностях X–XII вв., серебря-

² В работе на этих участках принимали участие А.В. Беляев, Р.Р. Валиев, А.М. Губайдуллин, М.В. Сивицкий, Р.А. Степанов.

ная поясная бляха иранского или среднеазиатского производства, равноплечая фибула и подвеска с человеческой личиной на фоне плетенки, привезенные из Скандинавии. Представляют интерес меч каролингского типа X–XI вв., с надписью ULFBERHT (Кирпичников, 1966, табл. XVI, 6), наконечник ножен меча X в. с зооморфным орнаментом из раскопа СХСVI (Сидиков и др., 2015, с. 15) (рис. 19: 6). По мнению Г.Ф. Поляковой, «все эти вещи служат прекрасным дополнением к общепринятой характеристике Болгара как центра международной торговли» (Полякова, 1996, с. 256).

Сооружения VI слоя сохранились в фрагментарном состоянии, т.к. в период интенсивного строительства золотоордынской эпохи многие из ранних построек были полностью или частично разрушены. Археологические материалы по жилищам опубликованы совсем недавно (Полубояринова, 2016). По данным, полученным до 1990 г., за годы археологических исследований Болгара в VI слое обнаружены следы 4 полуземлянок, 4 наземных (срубных) и предположительно 5 юртообразных жилищ (Полубояринова, 2016, с. 184, 185), а также хозяйственные ямы-кладовки и зернохранилища. Исследователями Болгара неоднократно упоминаются «признаки юртообразных построек» в ранних отложениях города (Хлебникова, 1987, с. 38, 49, 50). Одна из построек, названных А.П. Смирновым «юртой», имела глубину около 20 см. «Размеры весьма незначительны: с севера на юг – 1,1 м и с запада на восток – 1,3 м. Вокруг на фоне суглинка прослежено 21 круглое черное пятно диаметром 3–8 см, по-видимому, остатки от жердей» (Смирнов, 1974, с. 6). Определение таких сооружений юртообразными жилищами весьма проблематично. К сожалению, на основании имеющихся материалов трудно представить облик раннего Болгара. По крайней мере следует, вероятно, говорить о смешанном характере рядовой застройки, включающей как наземные здания, так и заглубленные в грунт сооружения. Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о юртообразных постройках. Признаками крупного общественного здания из дерева, возведенного на основательном фундаменте из крупных столбов с забранными в них бревнами, обладает объект, размещенный на площади цитадели, частично изученный на раскопе LXVIII (Хлебникова, 1987, с. 49). По объективным данным Т.А. Хлебниковой (на 1987 г.), тщательно исследовавшей стратиграфию городища, сооружения производственного характера, относящиеся к слою VI, и в «цитадели», и за пределами укреплений отсутствуют, но «находки в слое железного шлака и криц... свидетельствуют о наличии в начальный пери-

од жизни городища обработки черного металла» (Хлебникова, 1987, с. 50). Эти выводы ставят под сомнение утверждение Ю.А. Семькина о четырех металлургических горнах X–XI вв. (раскоп 17), функционировавших в период накопления слоя VI (Семькин, 1996, с. 92)³. Исследования последних лет позволили получить новые археологические данные, которые позволяют утвердительно ответить на вопрос о состоянии ремесленного производства в Болгаре X–XI вв. Они выявили в центральной части городища, к западу и юго-западу от Соборной мечети, металлургический комплекс, который можно соотнести с ранним периодом существования города (X – начало XI в.) (Бадеев, Коваль, 2018; Баранов, Губайдуллин, 2016, с. 206; Баранов, 2012) (рис. 20). Здесь были найдены четыре сыродутных металлургических горна тигельного типа, которые имели схожую форму и устройство с сыродутными горнами лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (Афанасьев, Николаенко, 1982). Площадка металлургического комплекса занимала западную периферию раннего Болгара. Рядом с горнами были зафиксированы участки, где производилось обогащение руды и ее дробление. Всего с таких участков было собрано более 200 кг руды, которая имела различную степень подготовки к плавке. Увеличение территории города приводит к смещению металлургического района на запад и юго-запад, где были выявлены горны иного типа устройства (Бадеев, 2020). Горн для выплавки железа был исследован в раскопе СХСII в 2017–2018 гг. (Бадеев, 2022, с. 66–69). Еще один объект, который можно интерпретировать как кузнечный горн XI в., был исследован в раскопе CLXXIX 2012 г. (Коваль, 2012). Кузнечные горны подобного типа были зафиксированы на территории домонгольского Биляра (Халиков, 1976. С. 70).

³ Ю.А. Семькин, публикуя данную информацию, пользуется сведениями, изложенными в работе А.М. Ефимовой (Ефимова, 1958, с. 292 - 294). Подробно не вдаваясь в их разбор, можно предположить, что разница во мнениях возникла из-за разночтений в понимании природы домонгольских напластований на раскопе 17 1949 г. (где и были обнаружены данные горны), возникших между А.П. Смирновым и А.М. Ефимовой с одной стороны и Т.А. Хлебниковой с другой. Косвенно об этом можно судить из следующего ее высказывания: «признаки VI слоя без стратиграфического ограничения его от слоя V А.П. Смирнов и А.М. Ефимова были склонны видеть и на раскопе 1949 года в Школьном переулке (раскоп 17)» Сама же она, вероятно, могла относить эти объекты к V слою, т.к. руководствовалась тем, что на соседних раскопах (LV, LXV, LXXIII), которыми этот район был изучен ко времени написания ее итогового исследования 1987 г., VI слой выделен не был, хотя и отмечались находки X–XI вв. (Хлебникова, 1987, с. 48).

В свете вышеизложенного, имеющиеся в распоряжении науки к настоящему времени археологические материалы о Болгарском городище X–XI вв., представляют его как наиболее раннее, из известных на сегодняшний день, укрепленное поселение, обладающее признаками города: центральное ядро с развитой системой фортификации; прилегающий к нему посад, имеющий наполнение объектами металлургии железа; тяготеющие к застройке посада и центра пригородные поселки. Не смотря на сравнительно небольшие масштабы Болгара, зафиксированы следы его интеграции в активную международную торговлю в силу удобного географического расположения на берегу Волги, что подтверждается находками стеклянных бус X–XI вв.

Следующий этап в развитии Болгарского городища – вторая половина домонгольского периода – археологически отражен слоем V его стратиграфической шкалы. Этот слой состоит из более гумированной и менее плотной, чем нижележащие напластования, серой супеси с заметным содержанием мелких углистых включений. Средняя мощность слоя 30–40 см, в центральных районах иногда больше – до 60–70 см, а на периферии – 10–25 см. Он завершается прослойкой пожарища в виде разложившегося угля, связанного, как полагают, с монголо-татарским погромом города в 1236 г.

Слой хорошо датируется серединой XI – началом XIII вв. Датирующие вещи достаточно многочисленны и выразительны: стеклянные и каменные бусы, украшения из цветного металла⁴, железные наконечники стрел, кресала, замки и ключи, шиферные пряслица и пр.

По данным М.Д. Полубояриновой, к этому периоду относится около 140 стеклянных бус, часть которых происходит из раскопов, а также 7 стеклянных браслетов и 3 обломка сосудов. «Утратив к XII в. положение столицы, находясь под угрозой со стороны русских княжеств, Болгар в XII – первой трети XIII в. ввозит меньше стеклянных украшений и бытовых предметов, чем в предшествующий период» (Полубояринова, 1988, с. 212, 213). Находки оконного стекла, которое вместе со стеклянной посудой появляется на болгарских памятниках во второй половине домонгольского периода, отсутствуют, в то время как в Биляре, где в XII – начале XIII в. существовало собственное стеклоделие, они встречаются в массовом виде (Валиулина, 1991; 2005).

⁴ Бронзовые сольгамы, подобные представленной в таблице Т.А. Хлебниковой (рис. 21: 16), в целом ряде исследований отнесены к золотоордынскому времени (Полякова, 1996, с. 200), поэтому данное изделие, вероятно, не может быть использовано в качестве датирующего предмета для домонгольского слоя

Группа изделий из цветного металла времени формирования слоя V, выделенная Г.Ф. Поляковой по материалам музейных коллекций и археологических исследований до 1980 г., включает 6 височных колец, 2 серьги, 3 перстня, 10 браслетов, 13 шумящих украшений, 10 бубенчиков, 6 поясных пряжек, 3 свинцовых грузика и некоторые другие предметы (Полякова, 1996, с. 256). Подавляющее большинство из них представляют собой подъемный материал. Из 78 железных наконечников стрел 50 экз. происходит из раскопов, около 30 из них (включая экземпляры в смешанных коллекциях) относятся к домонгольскому времени (Савченкова, 1996, с. 77, табл. XXII). Имеются единичные экземпляры цилиндрических замков и ключей к ним, бытовавших в XII–XIII вв. (Савченкова, 1996, с. 42 и сл.). По-прежнему слабо представлен торговый инструментарий. Находки последнего времени, относящиеся к слоям и объектам слоя V, полученные при исследовании центральной части, содержали небольшое количество находок: бытовые предметы — пряслица (в том числе шиферные), железные ножи, калачевидные кресала, украшения (подвески из лазурита, сердоликовые бусы бипирамидальной формы), предметы вооружения и элементы всаднического набора (костяные наперстки плетей с характерными клювовидными выступами) (Коваль и др., 2022, с. 16). В массовом керамическом материале зафиксировано преобладание общеболгарской керамики. Среди наиболее встречаемых форм – кружкообразные сосуды типов 1–9, 12, 13 (Хлебникова, 1988, с. 64). Можно отметить стилистическую близость некоторых находок времени формирования V слоя с билярскими материалами. Сюда следует отнести фрагмент общеболгарской посуды с резным оформлением тулова у основания, вместе перехода к дну, слив «свиное рыльце» от кувшина (рис. 22:1), зооморфную ручку в виде фигурки медведя (рис. 22: 2), имеющие близкие параллели в материале Биляра (Кочкина, 1986, с. 115, рис. 2, 16; Кокорина, 2002, с. 295, рис. 41, 12); фрагмент железного ключа от замка типа А18 по типологии Л.Л. Савченковой (1996, с. 46–47); фрагменты поливного красноглиняного сосуда с глазурью т.н. «болотного» цвета, соотносимые с билярской поливной посудой кружкообразных или кринкообразных форм (Макарова, Халиков, 1986, с. 55). Среди керамических материалов – развал сосуда с округлым туловом, цилиндрической горловиной, оформленной горизонтальными каннелюрами, гребенчатым штампом по краю венчика и на плечике сосуда, сопоставимого с VIII этнокультурной группой, представляющей керамику приуральского происхождения (Хлебникова, 1988, с. 25–27). Подобные сосуды имеются также в материалах

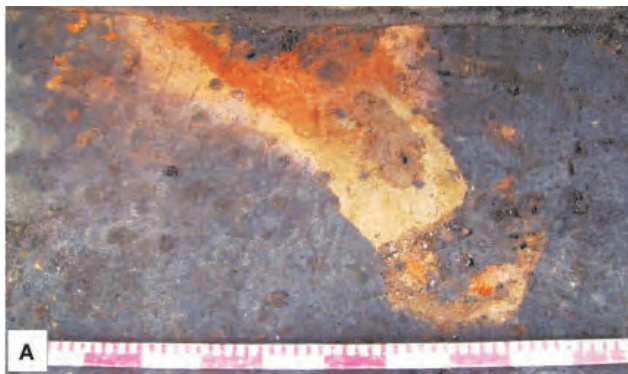

Рис. 21. Железоплавильный горн X в. в раскопе CLXXIX (2012 г.) на зачистке поверхности материка, вид с запада (А) и разрез горновой ямы, вид с запада (Б) (по: Центральный базар..., 2022, рис. 69)

Биллярского городища (Хузин, 1986, с. 17–20, 110, рис. 6, 17). Представляет интерес днище сосуда с клеймом в виде литеры «А» (рис. 22 : 3-5). Судя по тому, что клеймо расположено на периферии плоскости дна, оно является частью составного знака, часть которого, к сожалению, не сохранилась (Баранов, Губайдуллин, 2016) .

Слой V хорошо прослежен на всех раскопах, располагавшихся в пределах города X – начала XI в. («цитадели» и посада). Кроме того, он выделен и за его пределами, в основном к югу и западу от границ раннего неукрепленного посада. Прежние укрепления «цитадели» в виде глубоких рвов (и бревенчатой стены?) продолжают функционировать; их просто периодически подчищали и подновляли. В конце домонгольского периода, не позднее начала XIII в., новыми укреплениями была уже защищена территория города площадью около 24–25 га. Заметно расширился ремесленный посад, который, однако, как и раньше, не отличался плотной застройкой. В некоторых районах посада культурный слой отмечен лишь «в виде незначительного напластования с редкими находками» (Хлебникова, 1987, с. 55). С учетом всей этой территории размеры Болгара XII – начала XIII вв. можно определить в пределах 35–40 га (рис. 14: 1, 2).

О характере застройки «цитадели» во второй половине домонгольского периода по содержанию строительных остатков судить трудно – выявлено слишком малое количество сооружений, как правило, плохой сохранности. На сегодняшний день опубликованы сведения о трех полуземлянках,

22 наземных деревянных домах, одном объекте, имеющем «признаки» одной турлучной постройки (Полубояринова, 2016, с. 184). Более многочисленны хозяйственные сооружения: зернохранилища, погреба, ямы.

Остатки ремесленного производства на посаде выразительны: сыродутные горны для плавки черного металла, признаки медеплавильного ремесла, кожевенных мастерских и т. д. (Ефимова, 1951, с. 133; 1958, с. 292 и сл.; Хлебникова, 1987, с. 57).

Городские некрополи располагались на посаде близ укреплений «цитадели» («Четырехугольник») и в урочище «Бабий бугор» (Яблонский, 1987, с. 125–126).

В целом домонгольские слои Болгарского городища, как это неоднократно подчеркивал А.П. Смирнов, характеризуются небольшим числом находок, сооружений и строительных остатков. Он не раз писал о том, что в X–XIII вв. «г. Болгар в экономическом отношении уступал таким городам, как Биляр или Сувар, где культурные напластования домонгольского периода весьма мощны и богато насыщены различными культурными остатками» (Смирнов, 1954, с. 22–23; Смирнов, Мерперт, 1953, с. 63). «В домонгольскую эпоху г. Болгар не играл большой роли в экономике края, – писал он на основании исследований Болгарского городища в 1957 году, – Культурный слой этого времени городов Суvara и Биляра заставляет отнести им первое место в экономической жизни края. Эти соображения, основанные на археологическом материале, совпадают с историческими сведениями» (Акчурина и др., 1970, с. 8). Данные

Рис. 22. Фрагменты керамических сосудов из раскопок центральной части Болгарского городища (по: Баранов, Губайдуллин, 2016)

1 – горловина с ручкой кувшина со сливом «свиное рыльце»; 2 – зооморфная ручка, оформленная резным орнаментом; 3 – днище с клеймом; 4 – клеймо в виде перевернутой литеры «А»; 5 – развал округлодонного горшка VIII ЭКГ; рис. 9: 2 - 4)

высказывания, несомненно, носят оценочный характер и отражают представления о Болгаре 50 - 70 -х гг. XX вв. Новые исследования Болгарского городища, предполагающие комплексное изучение памятника, заставляют постоянно вносить коррективы в эти соображения. По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, объективно оценивавшего

градостроительную ситуацию в Болгаре в период формирования V слоя: “Археологическое изучение слоев XI—начала XIII в. свидетельствует о непрекращающемся росте экономики, ремесла, торговых связей города того времени, о расширении его территории, о новых фортификационных линиях вокруг него” (Федоров-Давыдов, 1987, с. 4).

БИЛЯРСКОЕ ГОРОДИЩЕ И ЕГО ОКРУГА

Городище расположено почти в центре Западного Закамья в бассейне р. Малый Черемшан, притока р. Большой Черемшан, впадающего в Волгу.

Территория городища – равнинная поверхность с легким уклоном с северо-востока (-140) на юго-запад (-110) – окружена концентрически вписанными земляными валами и рвами, которые образуют внутренний и внешний город. В плане они подпрямоугольной формы с округлыми углами, ориентированными по сторонам света (рис. 23; 24).

Внутренний город обнесен двумя линиями валов и рвов. Протяженность основной линии валов около 4,8 км, дополнительной, недостроенной в

некоторых участках линии – 5,4 км. Обитаемая площадь внутреннего города вне укреплений 116 га, с укреплениями 130,6 га.

Внешний город окружен тремя линиями укреплений. Внутренняя (основная) линия валов имеет общую протяженность около 9,1 км; длина средней, местами недостроенной линии валов достигает 9,4 км, а наружной, отстоящей на 80–100 м от первых двух, – 10,2 км. Обитаемая территория внешнего города без укреплений 374,1 га, с укреплениями 489,6 га.

Таким образом, общая площадь городища вместе с укреплениями составляет 620,2 га, а без них, т. е. обитаемая площадь, – 490 га. За пределами

городских стен, вплотную примыкая к ним, располагаются пригородные поселения. С учетом неукрепленных пригородов общая площадь Билярского комплекса приближается к 800 га. Есть все основания относить его к числу крупнейших городов средневекового мира.

В письменных источниках, созданных в домонгольское время, город Биляр под этим названием ни разу не упоминается. Только один источник, т. н. венгерский Аноним, рассказывающий о приходе в Венгрию во время правления Таксона (Таксона), внука Арпада, болгар-мусульман из земли *Булара*, содержит упоминание о Биляре, точнее, билярской земле – *terra Bular* и его населении – *bilers* (Хвольсон, 1869, с. 108, 109; Тарди, 1982, с. 237).

Важную часть письменных источников составляют древнерусские летописи, в которых содержатся сведения о военно-политической истории Волжской Болгарии X – первой половины XIII вв., о торгово-экономических и культурных связях с соседними государствами и народами. Биляр под названием «Великий город» впервые упоминается в Лаврентьевской летописи под 1164 г., когда князь Андрей Боголюбский с сыном своим Изяславом и братом Ярославом совместно с муромским князем Юрием предпринял большой и удачный поход на болгар: «... поможе им Бог и святая Богородица на болгары, самех иссекоша множество, а стягы их поимаша, и одва в мале дружине утече князь Болгарьский до Великого города» (ПСРЛ, I, 1962, стб. 352–353).

Второй раз Великий город встречаем в летописях под 1183 г. при описании самого крупного похода русских князей на столицу болгар: Владимирский князь Всеволод Большое Гнездо во главе объединенного отряда подчиненных ему князей «пришед в землю Болгарскую, выседе из насада на берег и поеде к Великому городу». Простояв два дня у Тухчина городка, на третий день он двинулся к городу. Здесь русское войско встретило половцев хана Емяка, пожелавших присоединиться к ним для совместных действий, после чего, «перешед Черемисан, изрядив полки, ста со дружиною» у Великого города (ПСРЛ, I, 1962, стб. 390). Всеволод с союзниками продолжал осаду Великого города в течение десяти дней, но, видя невозможность взять его штурмом, заключил мир на условиях, предложенных болгарам.

Под 1220 г. описывается военный поход русского князя Святослава на Ошель, к которому с некоторым опозданием пришла помощь от жителей столицы: «Слышавше же болгары в Великом городе..., яко город их Ошель взят, собирашася все со князьми своими, одни на коних, друзии же пеши, и придоша на брег» (ПСРЛ, IX–X, 1965, с. 84).

Из летописных сообщений несколько другого характера представляет интерес рассказ об убийении жителями Великого города некоего Авраамия, помещенный под 1229 г. в Лаврентьевской летописи. Его единоверцы, скорее всего, русские люди, проживавшие в столице, похоронили его на городском кладбище, «идеже все христиане лежат» (ПСРЛ, I, 1962, стб. 452).

Поздние сведения письменных источников о домонгольской Болгарии и ее столице связаны с походами монгольских войск, предпринимавших неоднократные попытки покорить болгарские земли. В 1232 г. монголы предприняли попытку прорваться к болгарам, но, не достигнув своей желанной цели, вынуждены были зимовать, как сообщает летопись, «не дошедше Великого города Болгарского» (ПСРЛ, I, 1962, стб. 459). В последний раз в письменных источниках Великий город упоминается при описании трагических событий 1236 г., в результате которых столица болгар была сожжена и ограблена (ПСРЛ, I, 1962, стб. 460).

Городище впервые вошло в историографию благодаря «Истории Российской» В.Н. Татищева (1768 г.), упоминавшего Биляр в числе важнейших археологических и исторических памятников времен древних болгар: «Биляров же имя города Билярска на реке Черемшане сохраняет, где еше несколько древнего здания каменного, а особливо портал или врата великого храма и столпы видимы» (Татищев, 1962, т. 1, с. 269).

Дошедшие до нас первые достоверные научные сведения о визуальных наблюдениях Билярского городища, обследовании археологических памятников в его окрестностях относятся ко второй половине XVIII в. и связаны с деятельностью Оренбургской экспедиции профессора П.С. Палласа, в составе которой работал отряд Н.П. Рычкова (1770). Им был составлен первый план городища, «Буляра называемого, с развалинами каменных зданий и с находящимися земляными валами, которые еше по днесь видимы, также с остатками кладбищ» (Исследования..., с. 61–63, рис. 1). Исследования Н.П. Рычкова показали наличие в районе Билярского городища интересных археологических памятников, прежде всего Балынгузского городища с руинами каменной мечети и многочисленными болгарскими эпитафиями золотоордынского времени, которые, по словам путешественника, «остались еше и донныне знаком бывшего великолепия и свидетелем искусства древнего народа» (Рычков, 1770, с. 22).

После Н.П. Рычкова и до обстоятельных обследований В.А. Казаринова в 80-х годах XIX в. Билярское городище мало привлекало внимание исследователей. Начальный этап изучения Би-

Рис. 24. Аэрофотоснимок Билярского городища: укрепления внутреннего города и три линии валов внешнего города.

каменного здания и несколько мусульманских погребений в его восточной части⁵. Хотя результаты проведенных исследований, по словам П.А. Пономарева, не представляли «ничего яркого и красочного», тем не менее «показали целесообразность и необходимость дальнейших работ, причем не только в пределах города, но и в окрестностях» (Пономарев, 1919, с. 57).

Первые крупные археологические работы в Биляре производились в 1928 г. экспедицией по изучению болгаро-татарской культуры под руководством проф. А.С. Башкирова. Геодезической группой проф. В.Н. Сементовского был снят инструментальный топографический план памятника (Сементовский, 1939). Был произведен разрез наружной линии валов в северо-восточной части внешнего города. Внутренняя линия валов внешнего города изучалась методом шурфовки. Было установлено, что валы сооружались в несколько

приемов или неоднократно подправлялись в течение их функционирования (Башкиров, 1928, с. 30–31). В восточном углу внутреннего города в районе т. н. «форта» было заложено 43 шурфа (1,5×1,5 м), которые вскрыли часть могильника⁶ и остатки кирпичного здания «монументальных размеров, сложных конструкций и с развитой системой отопления»⁷. На территории внутреннего города был заложен всего 91 шурф с промежутком 25 м друг от друга, которые позволили в общих чертах выяснить структуру и содержание культурного слоя городища. Мощность слоя составляла в среднем 60–70 см, местами достигала 150–170 см. В одном из шурфов был обнаружен колодец болгарского времени, глубина которого оказалась больше 5 м. На основе анализа керами-

⁶ Билярский II могильник, исследованный 40 лет спустя Е.А. Халиковой/

⁷ Здание было открыто еще В.А. Казариновым, а в 1969–1972 гг. изучалось А.Х. Халиковым и Р.Ф. Шарифуллиным.

⁵ Остатки Соборной мечети и некрополя знати, по исследованиям А.Х. и Е.А. Халиковых в 1970-х годах.

ческого материала А.С. Башкиров выделил «три крупных периода его культурной жизни: раннеболгарский, позднеболгарский и болгаро-татарский» (Башкиров, 1928, с. 36).

Систематические и планомерные раскопки Билярского городища были начаты в 1967 г. объединенной археологической экспедицией ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР и Казанского государственного университета, возглавляемой проф. А.Х. Халиковым (рис. 23; 24).

Уже первые работы на городище показали, что культурные отложения его, переработанные сверху многолетней распашкой и во многих местах нарушенные позднейшими кладоискательскими ямами, относятся целиком к домонгольскому времени, а мощные золисто-углистые прослойки с разрозненными костями человека, прослеженные в отдельных участках под пашней и в западинах большинства поздних ям, указывают на гибель города во время монголо-татарского завоевания Волжской Болгарии в 1236 г. (Халиков, 1969, с. 11).

В 1969 г. проводились значительные разведывательно-топографические работы с целью предварительной фиксации следов древних построек на распахиваемой поверхности городища. Всего было зафиксировано 1207 пятен различных сооружений, в том числе 585 во внутреннем и 622 во внешнем городе. Из 29 выявленных разведкой следов кирпичных зданий подавляющее большинство (более 20) приходилось на внутренний город (Фахрутдинов, 1974). Эти наблюдения получили подтверждение аэрофотосъемками территории Биляра, проведенными под руководством Н.И. Игонина в 1973 и 1974 гг. (Игонин, Халиков, 1975).

Археологическое изучение внутреннего города начал в 1968 г. А.Х. Халиков с раскопок интересного участка, связанного с ремесленным производством. На раскопе V были вскрыты остатки двух наземных домов, одного полуземляночного сооружения (баня?), одного металлургического и нескольких кузнечных горнов, а также склад сфероконических сосудов, входившие в комплекс усадьбы кузнецов-металлургов (рис. 25) (Халиков, 1976б).

В 1969 году П.Н. Старостиным и Р.Г. Фахрутдиновым изучались земляные укрепления внутреннего города. Раскопки подтвердили выводы А.С. Башкирова о неоднократной перестройке валов, однако никаких фактов, указывающих на восстановление укреплений после 1236 г., не было получено (Халиков, 1976а, с. 27–28).

Начиная с 1971 г. археологические раскопки ведутся преимущественно в центральных районах внутреннего города. На раскопах XVII, XIX, XXII–XXVI, XXVIII, примыкавших друг к другу,

была вскрыта площадь 12 232 кв. м, что позволило детально исследовать стратиграфию культурного слоя, взаиморасположение многочисленных объектов, включая комплекс Соборной мечети с прилегающим к нему IV могильником, кирпичное здание («дом феодала»), жилища и хозяйственные постройки, колодцы и пр. (Новое в археологии, 1979; Хузин, 1995). Был собран огромный вещевой материал, позволяющий более полно представить особенности материальной и духовной культуры населения не только города, но и всей домонгольской Болгарии в целом. Этот же материал лег в основу хронологической классификации основных категорий вещевых находок из культурного слоя городища (Культура Биляра, 1985).

Центральное место среди изученных на этих раскопах сооружений занимали остатки большой мечети, состоявшей из двух частей – деревянной и каменной (Халиков, Шарифуллин, 1979; Хузин, 1995, с. 53 и сл.). В одной из последних работ, посвященных времени проникновения ислама в Волжскую Болгарию и образования болгарских городов, А.Х. Халиков удревнил время сооружения деревянной мечети до второй половины IX в. (Халиков, 1991). Э.Д. Зиливинская склонна считать, что эти две части мечети существовали самостоятельно (Зиливинская, 2019, с. 78–95).

К юго-востоку от Соборной мечети располагался некрополь знати, где было вскрыто около 50 мусульманских захоронений, часть которых лежала в кирпичных склепах (рис. 27; Халикова, 1979; Шарифуллин, 1984). Рядом с мечетью, с северо-восточной стороны, А.Х. Халиковым были исследованы также руины кирпичного здания с подпольной системой отопления и с архитектурными деталями, характерными, по мнению историков архитектуры, для строительной традиции Ближнего Востока и Средней Азии IX–X вв. (Шарифуллин, 1976, с. 50–51; Khalikov, Sharifullin, 1977, с. 199–202; Халиков, 1979, с. 11, 13, 15–16, 18–19). В литературе это здание получило название «дома знатного феодала».

В 1979–1981 г. раскопом XXVII во внутреннем городе были изучены остатки еще одного кирпичного сооружения с подпольным отоплением, четкие контуры которого выделялись на аэрофотоплане городища в виде небольшого подпрямоугольного пятна. Это здание, служившее, по мнению Р.Ф. Шарифуллина, общественной баней, было воздвигнуто на тонкой глиняной подушке, покоившейся непосредственно на культурном слое мощностью 30–40 см. Исходя из этого, исследователь датировал его временем не ранее начала XII в. (Шарифуллин, 1999).

Важные сведения о времени сооружения оборонительных укреплений внутреннего и внешнего

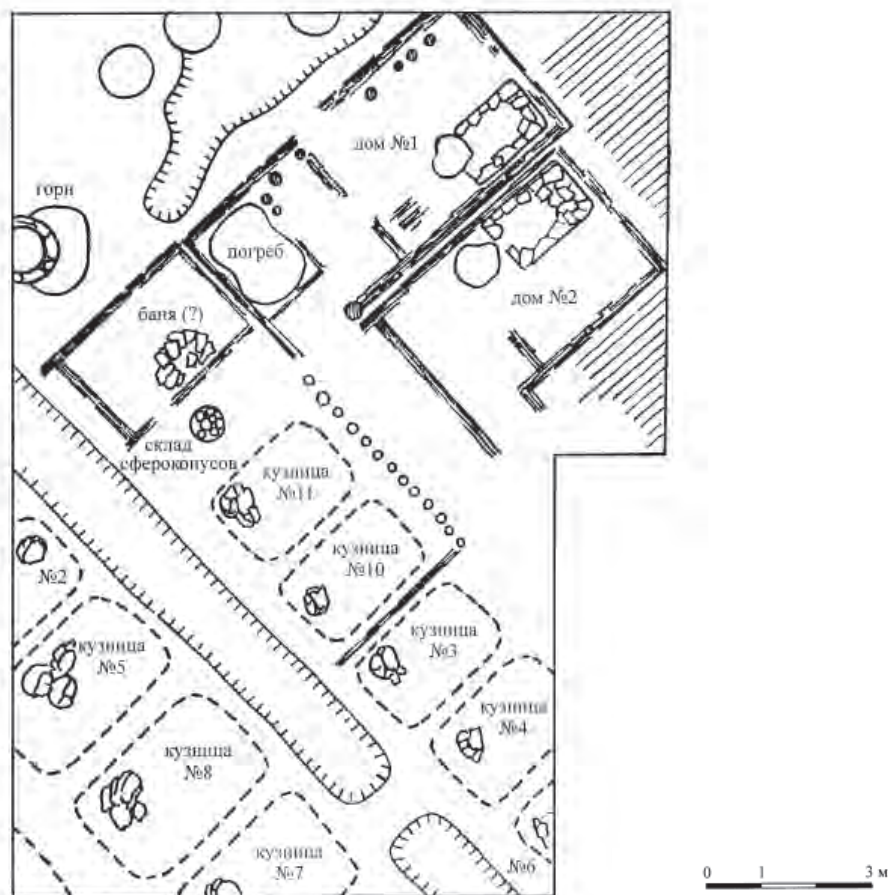

Рис. 25. Усадьба кузнецов-металлургов на Билярском городище. Общий план раскопа V 1968 г. (по А.Х. Халикову).

города дали раскопки М.М. Кавеева, Ф.Ш. Хузина (рис. 28) (Хузин, Кавеев, 1985; Хузин, 1985).

В конце 1980 – начале 1990-х годов археологические исследования в центральной части внутреннего города были продолжены (раскопы XXV, XXVIII) с целью поисков деревянной ограды «цитадели», наличие которой у А.Х. Халикова не вызывало никаких сомнений. Однако достоверных следов стены обнаружить не удалось, были вскрыты лишь массовые жилища и хозяйственные постройки и ямы. Следует отметить целенаправленные поиски С.И. Валиулиной следов стеклоделательного производства, увенчавшиеся рядом интересных открытий (Валиулина, 1991; 1997; 2005).

В кризисные 1990-е годы раскопки на городище практически прекратились. Попытка возобновить их была предпринята в 2005 г. экспедицией Института истории им. Ш. Марджани АН РТ под руководством Ф.Ш. Хузина. Раскоп XLIII, заложенный в 2005 г., преследовал цель изучить участок между «кузнечным маром», где рекогносцировочным раскопом XXI 1972 г. были выявлены остатки четырех металлургических горнов (Халиков, 1976а, с. 32, 41), и кирпичным здани-

ем, руины которого были обнаружены на раскопе XXXVIII 1987 г. (Хузин, 1989). В конечном итоге появилась бы возможность, соединив эти три раскопа в единое целое, доследовать упомянутое кирпичное здание с богатой усадьбой и получить более полное представление о топографии данного участка центральной части Биляра. Материалы раскопа XLIII площадью 80 кв. м опубликованы (Шакиров, 2010, с. 65–74). К сожалению, отсутствие финансирования экспедиции не позволили расширить наши исследования и достичь желанной цели.

В 2015–2018 гг. раскопом XLIV начато изучение шестого по счету кирпичного объекта на территории городища. Оно представляет собой единую фундаментную часть бани с остатками цоколя (рис. 29). Конструкции кирпичной кладки скреплены илесто-известковым раствором. Среди завалов и прослоек, связанных с разрушением кирпичного здания, выделялись скопления известковой накипи – травертина, отложившегося в емкостях для нагрева воды, куски штукатурки, фрагменты глиняных дымогарных и водопроводных труб. Целые формы кирпича-плинфы имели размеры 23×23×4,5 см и 26×26×5 см. На участках,

где сохранилась кладка (до 8 рядов), определено, что она выложена «ложком» со смещением на $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ из обожженных (внешние ряды) и сырцовых (внутренние ряды) кирпичей. В юго-восточной части кирпичного здания удалось зафиксировать конструктивные элементы здания: емкости для нагрева воды, стены, большую печь. После разбора завалов стен и пола по площади здания расчищена единая система каналов подпольного отопления, исходящая от печи с двухканальной топочной камерой (Худяков, Шакиров, Шорохов, с. 345–347).

Внешний город. Параллельно с изучением центра целенаправленные раскопки продолжались и в других частях городища, что дало возможность судить о времени заселения отдельных его районов и наблюдать динамику градостроительства на протяжении более чем трех столетий. В 1975 и 1979 гг. А.Х. Халиковым и М.М. Кавеевым было предпринято изучение северо-восточной части обороны внешнего города. Авторы пришли к мнению о четырехкратной перестройке земляных насыпей в течение всего периода существования городища, начиная с X в. (Халиков, 1976а, с. 54; Кавеев, 1981). Более основательные раскопки оборонительных сооружений Биляра с целью уточнения времени их строительства и выяснения стратиграфического соотношения с культурным слоем городища осуществлялись Ф.Ш. Хузиным в 1982 г. (Хузин, 1985; Хузин, Кавеев, 1985). Раскопки подтвердили предположение предыдущих исследователей о появлении внутреннего ряда внешних укреплений города еще в первой половине X в. – в слое, накопленном в период функционирования древнейших укреплений в виде линий частоколотына, обнаружены, кроме фрагментов лепной салтовской керамики, три черешковых наконечника стрелы с трехлопастными перьями, бытовавшие в VIII – начале X в. (Хузин, 1985, с. 63, 65, рис. 3; 4).

Выяснилось в то же время, что средняя линия укреплений, не достроенная на ряде участков, появилась незадолго перед монгольским завоеванием 1236 г. (Хузин, 1985, с. 72, 74). Третья (наружная) линия укреплений внешнего города была построена не раньше XII в. – под ранней насыпью вала лежал культурный слой пригородного поселения X–XI вв. (Хузин, 1985, с. 77, 79).

В 1969 г. начались широкие раскопки во внешнем городе в районе «форта», где А.Х. Халиковым и Р.Ф. Шарифуллиным изучалась часть обширного комплекса «караван-сарая» (раскоп XVI), а Е.А. Халиковой – погребения II городского некрополя, частично вскрытые еще экспедицией А.С. Башкирова 1928 г. Здесь были проведены тщательные стратиграфические наблюдения с целью хронологической увязки обнаруженных объектов

– кирпичного здания «караван-сарая», укреплений «форта» и раннегородского могильника (Халиков, Шарифуллин, 1976, с.75 и сл.; Халикова, 1976, с. 113 и сл.). Полученные материалы дали возможность поставить принципиально важный вопрос о начале застройки внешнего города.

В 1974 г. Н.А. Кокорина начала исследования одного из ремесленных районов Биляра – гончарной слободы во внешнем городе (раскоп XX), где были обнаружены около десятка довольно хорошо сохранившихся гончарных горнов и остатки мастерских с различным инструментарием ремесленников. Исследованный квартал, занимающий площадь около 10 га, начал функционировать, по заключению Н.А. Кокориной, не позднее второй половины X в. (Кокорина, 1983; 1986; см. ниже раздел о гончарстве).

Чрезвычайно интересными оказались раскопки XXXVI и XXXVII в северной части внешнего города (рис. 30), где Ф.Ш. Хузиным были обнаружены следы юртообразного жилища первой половины X в. (рис. 9) и собраны выразительные материалы, свидетельствующие о заселенности внешнего города в столь раннее время (Хузин, 1989).

Изучение *пригородной территории* Биляра было начато плодотворными работами Е.А. Халиковой, проведенными в 1969–1971 гг. на Билярском I могильнике. Он располагался на юго-западной окраине городища за пределами внешних укреплений. Раскопками в общих чертах были определены пределы обширного (более 20 га) городского некрополя, функционировавшего в XII – начале XIII в., а также изучены остатки поселения X–XI вв., оказавшегося, как это выяснилось позднее, частью неукрепленного пригорода Биляра (Халикова, 1976, с. 136 и сл.).

В результате сплошных разведочных поисков 1974–1975 гг. была выявлена серия синхронных городищу поселений, расположенных по всему периметру оборонительных укреплений (рис. 23) (Хузин, 1976). Более углубленное изучение одного из них – северного пригородного поселения (селище XVII) – дало значительный материал, позволяющий относить возникновение данной части пригородов также к первой половине X в. (рис. 23; 24; 25: Хузин, 1983, с. 20–47).

Округа Биляра. Все исследователи подчеркивали большую концентрацию болгаро-татарских памятников (более 400) в бассейне М. Черемшана, исторически обусловленную расположением в этом районе столичного города Биляра (Фахрутдинов, 1969, с. 226; Казаков, Старостин, Халиков, 1987, с. 36; Хузин, Измайлов, 1991, с. 151–153). А.Х. Халиковым к Билярской округе, включающей

Рис. 26. Аэрофото раскопок в центральной части внутреннего города Биляра.

Рис. 27. Билярское городище. Остатки Соборной мечети и рядом расположенного кирпичного здания бани (тахаратханэ). Аэрофотоснимок 1975 г.

Рис. 28. Билярское городище, раскоп XXII. Парное захоронение (погр. № 33, 34) в кирпичном склепе.

бассейны Малого и Большого Черемшана, Ах-тая и Бездны и далее левобережье Камы до устья р. Шенталы, отнесены около 40 городищ и не менее 300 селищ (Казаков, Старостин, Халиков, 1987, с. 36). Со слишком преувеличенными размерами билярской округи не согласился Ф.Ш. Хузин. По его мнению, ближайшую округу Биляра составляют памятники (23 городища, 236 селищ и 20 могильников), «расположенные примерно в радиусе 15–20 км от него – в бассейне верхнего и среднего течения М. Черемшан от Чувбродского городища на юго-западе и до Изгарского на северо-востоке, а также некоторые поселения на Малой Сульче и среднем течении Большой Сульчи» (Хузин, 1993, с. 22). В рамках Билярского поселенческого комплекса, сложившегося к концу XII в. К.А. Руденко ограничивает его округу с севера «системой Горкинских, Бальнгузских и Николаевбаранских укрепрайонов... За пределами этой зоны новый сельскохозяйственный ареал начинался к югу от города за водоразделом Большого Черемшана на его малых притоках (р. Гарей и др.), а также на северных водораздельных высотах за Горкинскими городищами» (Руденко 2007. с. 18).

З.Г. Шакировым определяется округа Билярского городища в пределах бассейна р. М. Черемшан, вытянутого с северо-востока от Крещелтанского городища до Старокамкинского городища на юго-западе (рис. 34). Выбор территории обусловлен системой укрепленных поселений (городищ), расположенных по юго-восточной границе выделенной округи; естественными границами (залесенный водораздел М. Черемшан); оптимальной дневной доступностью в радиусе 20 км (с учетом дорог по пересеченной местности до 30 км) с использованием гужевого и вьючного коня⁸ для доставки грузов (из ближайшей округи «до города – дела – обратно», из дальней «до города – дела – ночевка»); оперативной доступностью оповещения, мобилизации в случае угрозы и др. с использованием верхового коня⁹; «маятниковой» доступностью на работу пешком из ближайшей округи и

⁸ Без груза: шаг (медленный аллюр) – скорость у лошадей быстрых аллюров 5–7 км/ч, у лошадей рабочих шаговых пород – 3,5–4,5 км/ч; укороченная рысь (трот) – скорость 13–15 км/ч.

⁹ С обычным наездником: нормальная (полевая) рысь – скорость до 20 км/ч; размашистая рысь – наибольшая скорость на коротких дистанциях (1,6–3,2 км) до 50 км/ч.

Рис. 29. Билярское городище. Остатки кирпичного здания на раскопе XLIV во внутреннем городе

верхом из крайних точек. Археологические материалы представлены 249 памятниками X–XIV вв., среди которых 201 неукрепленное поселение, 17 городищ, 20 могильников, 10 монетных кладов, 1 святилище (Шакиров, 2014, с. 37–48).

На основе датировок предыдущих исследователей и наших корректировок выделяются хронологические группы поселений – 94% памятников домонгольского периода, когда Биляр являлся столичным центром Болгарского государства.

В их числе к домогольскому времени относится 141 неукрепленное поселение. Преобладающим типом по топографическому признаку является приречный тип – 41,1%. Мысовые поселения составляют 29%, прибрежно-овражные – 19,1%, у истока – 9,2%, водораздельные – 0,7%, и Билярский пригород – 0,7%.

Среди 17 укрепленных поселений округа Биляра топографически выделяется четыре типа. Наибольшее количество представлено мысовыми городищами с планировкой укреплений, подчиненной окружающему рельефу (41,2%). Вторым по количеству является тип городищ, не подчиненных рельефу и расположенных на ровной местности или одной своей стороной примыкающих к обрыву либо краю террасы (23,5%). Со следующим по численности соотносится тип городищ с планировкой оборонительных сооружений, частично использующих защитные свойства рельефа местности (17,7%). Городища со сложным планом (сложно-мысовые и сложные) составляют 11,7%.

Прочие археологические памятники представлены 12 могильниками, 5 кладами и 1 святилищем.

В последние годы все активнее исследуются средневековые археологические памятники, расположенные в окрестностях Биляра и сыгравшие в свое время значительную роль в его исторических судьбах. К таким памятникам относятся II–III Билярские селища, археологическое изучение которых началось еще в 1981–1982 гг. рекогносцировочными раскопками Н.А. Кокориной. С 1994 г. эти памятники, а также Бальнгузское IV поселение, являющиеся остатками довольно крупного (около 180–200 га) золотоордынского города открытого типа, раскапываются С.И. Валиуллиной, А.Ф. Кочкиной и Е.А. Беговатовым (Беговатов, Кочкина, Стащенко, 1997; Валиуллина, 1997; Шакиров, 2002, с. 110–111).

В 1999–2003 гг. III Билярское селище изучалось Е.А. Беговатовым. В юго-восточной части памятника на площади 740 кв. м обнаружены ремесленные комплексы, включающие металлургическое (обработка черного и цветного металлов) и косторезное производства домонгольского времени. С керамическим производством связаны остатки четырех гончарных горнов, яма для вымачивания глины и производственный брак (Валиуллина, Беговатов, 1999, с. 107–109; Беговатов, 2001, с. 148–159; Беговатов, Шакиров, 2004, с. 56–59; Шакиров, 2002, с. 172–174). В 2001 г. был найден уникальный клад куфических монет конца X – начала XI в., содержащий более 1700 дирхемов, целых и их фрагментов (Беговатов, 2003, с. 71–72).

Любопытные результаты дали систематические наблюдения на Бальнгузском городище, оказавшемся остатками недостроенного и практически незаселенного болгарского города XIII в. Лишь в отдельных участках этого обширного городища зафиксированы следы жизнедеятельности человека в виде небольших скоплений керамики (Халиков, Хузин, 1985).

Между давно уже известными I и II Ник. Баранскими городищами был открыт большой могильник X–XIII вв., где А.Х. Халиковым и Г.И. Дроздовой вскрывалось 24 мусульманских захоронения, часть которых оказалась перекрытой слоем болгарского поселения X–XI вв. А.Х. Халиков склонен был считать, что кладбище принадлежало историческим баранджарам – выходцам из древнего северокавказского города Беленджера, разрушенного арабами в VIII в. (Дроздова, 1997, с. 29–30; Халиков, Хузин, 1985, с.183).

Небольшим раскопкам под руководством А.М. Губайдуллина в 1998 г. подвергались Щербеньские I («Кала-тау») и II городища.

На Щербеньском городище I исследованы насыпи трех валов, расположенных с напольной стороны памятника в местах их разрушения улицей «Кала-тау», а также разбит раскоп в северной части (Губайдуллин, Газимзянов, 1998, с. 2–8). На Щербеньском городище II глубокой зачисткой исследовался вал городища в его северной оконечности. По мнению А.М. Губайдуллина, возникнув не позже X в., Щербеньское городище I имело значительные укрепления и следы развитой городской жизни.

Еще одним укрепленным поселением, изученным в 1983 г. небольшими раскопками, является Николаев-Баранское I городище. Культурный слой мощностью около 60 см дал материал, представленный в основном болгарской гончарной керамикой, характерной для домонгольского времени (Шакиров, 2004, с. 145–147).

В 2008 г. на Горкинском селище VIII изучены гончарные горны предмонгольского времени (Валиулина, Галкина, Нуретдинова, 2012, с. 122–138).

Билярская агломерация характеризуется как компактное скопление средневековых населенных пунктов, объединенных в сложную многокомпонентную систему с интенсивными производственными, торговыми, транспортными и культурными связями. Биляр и поселения его округа обладают всеми признаками развитого ремесленного и сельскохозяйственного производства, специфическими политическими институтами и социальными отношениями.

Таковы краткие итоги работ Билярской археологической экспедиции за последние 50 с лиш-

ним лет. Благодаря этим исследованиям накоплен богатый научно-документальный материал для решения принципиально важных и актуальных проблем археологии крупнейшего болгарского города, связанных с изучением времени его возникновения, жизнедеятельности и гибели.

На базе новейших археологических материалов некоторые общие вопросы исторического развития Биляра рассматривались в специальных работах А.Х. Халикова (1976а; 1979; 1984; 1989; 1991). Он обосновал концепцию о трехчленной топографической структуре города («цитадель» – внутренний город – внешний город). После открытия пригородных поселений вокруг внешних укреплений появились основания говорить уже о его четырехчастном делении (Культура Биляра, с. 5). В отличие от предшествующих исследователей А.Х. Халиков считал Билярское городище памятником однослойным, целиком относящимся к домонгольскому периоду; более того, в ряде своих работ путем всестороннего анализа разного характера источников (в том числе письменных и картографических) стремился обосновать время существования города в абсолютных датах – 922–1236 гг. (Халиков, 1973; 1985). Основные положения концепции А.Х. Халикова получили в дальнейшем дополнительную аргументацию и нашли поддержку в работах Ф.Ш. Хузина (1988; 1991а; 1991б; 1995 и др.).

Однако спорные проблемы в археологии Биляра еще остаются. В частности, до сих пор существуют неверные представления о хронологических рамках существования города, о месте и роли его в истории Болгарского государства и Казанского ханства, о времени сложения монументальной архитектуры у болгар и т. д. Почти все авторы, писавшие о Биляре, в полном согласии с имеющимися источниками признавали факт основания города в начале X в. В последние годы появилась точка зрения, на наш взгляд, весьма спорная, о кочевом характере болгарского общества до третьей четверти X в.¹⁰ (Казаков, 2000; 2008), следовательно, и время возникновения Биляра, в отличие, например, от Болгара и Суvara, стали относить не к началу X в., а к концу этого столетия (Старостин, 1999; Казаков, 2001; Беговатов, 2006; 2009; Руденко, 2007). Ошибочность подобных суждений доказывает факт наличия у ранних болгар постоянных поселений практически со второй половины VIII в. (Семыкин, 1996, с. 67; 1997, с. 56–58; Сташенков, 1999, с. 76; Ермаков, Матвеева, 2002, с. 49; Хузин, 2010). Следует подчеркнуть также полную идентичность находок из нижних

¹⁰ В то же время ряд ученых, правда, далеких от археологии, стремятся удревить время возникновения Биляра до VIII–IX вв. (Закиев, 1995; Мифтахов, 1998).

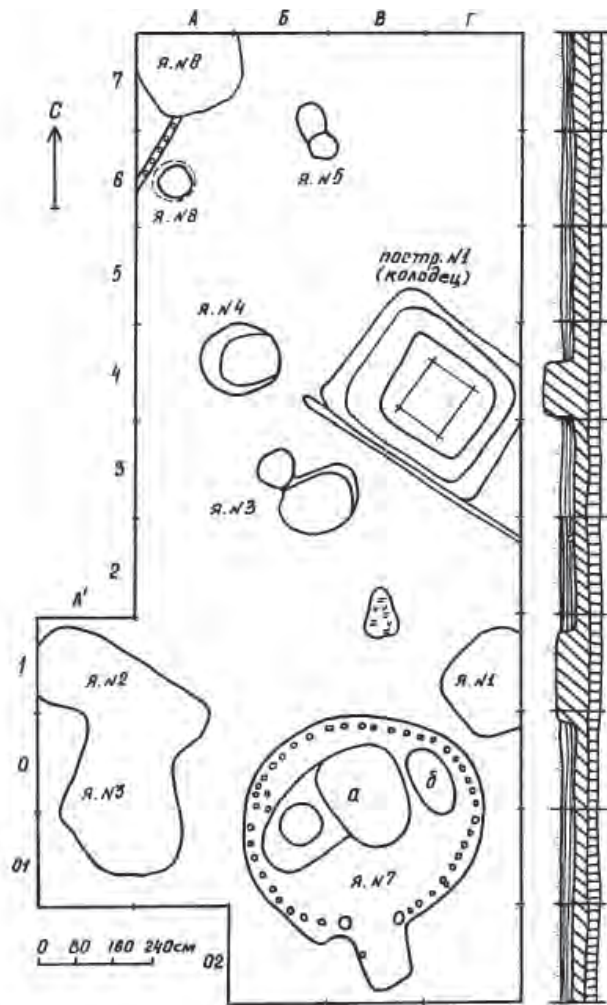

Рис. 30. Билярское городище. План раскопа XXXVII во внешнем городе

горизонтов Биляра с находками из ранних слоев Болгара и Суvara, датируемыми началом X в. потому, что они упоминаются в сочинениях восточных авторов (ал-Балхи, ал-Истахри).

Много споров возникает при определении верхней даты городища. Проф. А.П. Смирнов считал, что город Биляр после монгольского нашествия 1236 г. довольно быстро возродился, хотя и не достиг своего прежнего величия, но до самого конца существования Казанского ханства «сохранил значение одного из феодальных центров» (Смирнов, 1972, с. 102). О существовании городища в золотоордынское время в качестве небольшого торгово-ремесленного центра говорится в одном из томов «Археологии СССР» (1981, с. 210). В.Л. Егоров утверждал, что «границы города XIII–XIV вв. значительно сократились по сравнению с предшествующим столетием» (Егоров, 1985, с. 96). Многие авторы включают Биляр – Великий город в список городов, чеканивших в конце XIII–XIV вв. свои монеты (Егоров, 1985, с. 96; Мухамадиев, 1983; Фахрутдинов, 1975, с. 51–52). Каменное

и кирпичное строительство в городе, как считают Р.Г. Фахрутдинов (1980, с. 116) и В.Д. Дмитриев (1984, с. 32–33), возникнув в XII в., достигает расцвета в период Золотой Орды. Более того, В.Д. Дмитриеву кажется, что «в интерпретации результатов раскопок Билярского городища допускается архаизация сооружений и предметов золотоордынского периода, перенесение их на X–XII вв.» (Дмитриев, 1984, с. 33). Подобную же позицию занимал башкирский археолог Н.А. Мажитов: «Критический анализ археологического материала Биляра однозначно наводит на мысль о том, – писал он, – что расцвет этого города приходится на золотоордынское время. При таком понимании город Биляр занимает свое логическое место среди остальных крупных городов Золотой Орды во всем Поволжье. Безусловно, правы исследователи, которые связывали гибель города с походами Тимура 1391 и 1395 гг.» (Мажитов, 1997, с. 14).

Мнение о золотоордынском Биляре основано на монетах, чеканившихся в конце XIII – начале XIV вв. В настоящее время доказано, что золотоордынский Биляр существовал не на прежнем месте – он был разграблен и сожжен в 1236 г. Восстановился он примерно в 3 км к северу от домонгольского города, на левом берегу Малого Черемшана и известен в настоящее время под названием Билярского III селища площадью не менее 100 га. Здесь известен клад золотоордынских монет XIV в., нередко встречаются отдельные монеты в качестве подъемного материала (Халиков, 1984; Хузин, 1991; 1995, с. 125; Валиулина, 1997).

Многолетними исследованиями установлено, что культурные отложения как внутреннего, так и внешнего города (включая пригороды), составляют один стратиграфический слой с двумя хронологически разновременными горизонтами в нем. Нижний горизонт, имеющий среднюю мощность 20–40 см, отложился в период раннего города. Он представляет собой плотную гумусированную супесь темно-коричневого цвета, который покоится на погребенной почве. На отдельных участках, особенно во внутреннем городе, отмечаются активные включения строительных остатков в виде кирпичного щебня, глины и известнякового камня (Хузин, 1995, с. 44–66, 74–86).

Хронология нижнего горизонта культурного слоя Биляра базируется на ряде датирующихся находок. Среди них наиболее показательной является группа лепной и близкой к ней раннегончарной керамики, составляющая от 0,5 до 5 и более процентов от общего количества глиняной посуды Биляра. Она сосредоточена преимущественно в нижних пластах культурных отложений и встречается повсеместно как во внутреннем, так и во внешнем городе, а также в пригородных поселе-

ниях. Лепная и подправленная на круге керамика представлена II, III, XI этнокультурными группами салтово-маяцких истоков по классификации Т.А. Хлебниковой (1984). Ранние находки X – начала (первой половины) XI в. имеются среди предметов вооружения, конского снаряжения, украшения и они подробно разобраны в монографии Ф.Ш. Хузина (1995, с. 108–118).

Помимо находок, имеющих точную стратиграфическую привязку, нам известны многочисленные предметы из музейных коллекций, частично опубликованных в разные годы А.Ф. Лихачевым (1891), А.М. Тальгреном (Tallgren, 1918), А.Х. Халиковым (1973, рис. 5), Л.А. Голубевой (1979) и другими. Предположение Е.П. Казакова о том, что ранние вещи из этих коллекций происходят, скорее всего, из разрушенного болгарского могильника IX–X вв., располагавшегося на будущей территории городища, а не из культурного слоя раннего городского поселения (Хлебникова, Казаков, 1976), не находит пока подтверждения фактами.

Исходя из вышеизложенного, время накопления нижнего горизонта культурного слоя Биляра определяется нами началом X – первой половиной XI в., т. е. его с полным основанием можно синхронизировать с VI слоем стратиграфической шкалы Болгарского городища. Ассортимент находок из него, как отмечалось, очень близок к тому, что дают другие раннедомонгольские памятники Волжской Болгарии.

Археологические данные не противоречат абсолютной дате основания Биляра (922 год), предложенной в свое время П.А. Пономаревым (1919, с. 45) и поддержанной впоследствии А.Х. Халиковым (1973, с. 93 и сл.; 1991). Логично допустить возможность существования более раннего поселения на месте городища, однако никаких следов его (кроме отдельных находок из музейных коллекций) пока не обнаружено.

Верхний горизонт культурного слоя городища представлен рыхлой серой супесью, сильно насыщенной углем и золой, строительными остатками, отложившимися в период расцвета Биляра, когда происходила интенсивная застройка всех его районов, велось активное строительство кирпичных и каменных зданий. Кроме Соборной мечети, «дома феодала» (бани-тахаратханы), кирпичной постройки бани в районе «караван-сарая» и еще трех зданий на XXVII, XXVIII и XLIV раскопах верхний горизонт культурного слоя содержал остатки разнообразных деревянных сооружений – жилищ и хозяйственных построек, колодцев, ям-погребов и прочих объектов (Хузин, 1979; Шарифуллин, 1979).

Время отложения данного горизонта устанавливается на большом количестве находок. Наи-

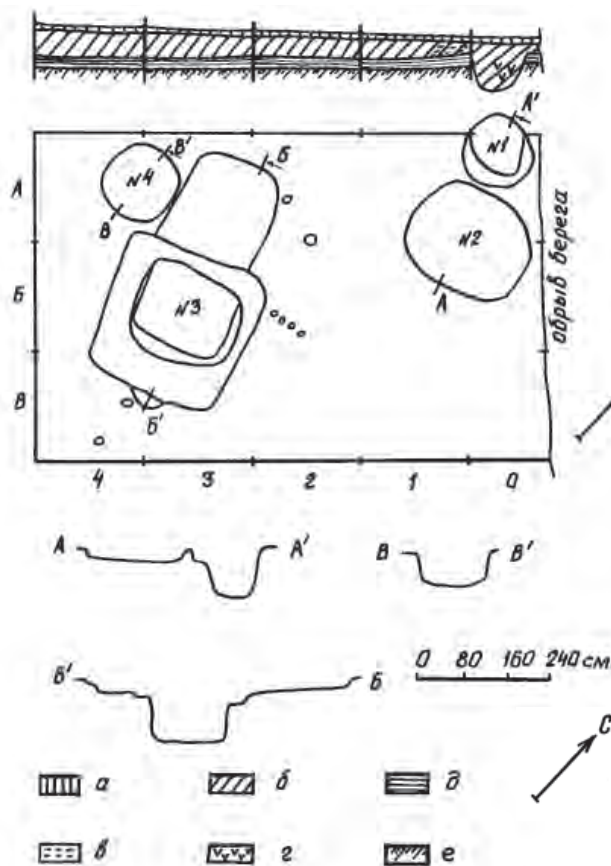

Рис. 31. Билярское городище. Общий план раскопа и профиля стенки по линии А/0–4 на XVII селище – северном пригороде. а – дерн; б – культурный слой (темно-серая супесь); в – глина; г – вкрапления древесного угля; д – погребенная почва; е – материк

более массовый археологический материал – неполивная круговая керамика – имеет все признаки домонгольского гончарства при абсолютном отсутствии характерных черт золотоордынской керамики (Григорьева и др., 1976; Кочкина, 1986; Кокорина, 2002). Лепная посуда почти полностью заменяется гончарной ремесленной, продолжает бытовать лишь традиционная посуда VII прикамско-приуральской группы, но с заметными изменениями в орнаментации и примеси в глиняном тесте.

Для керамического комплекса верхнего горизонта слоя характерно наличие довольно значительной группы привозной поливной посуды, происходящей из ремесленных центров Средней Азии, Кавказа, Ближнего Востока. Наиболее интересны фрагменты расписной художественной керамики средневекового Ирана (Кашан, Рей). Это преимущественно обломки чаш и тарелок на кольцевом поддоне, изготовленных из белой плотной высококремнеземистой массы – кашина. Обнаружена также уникальная чаша с человеческими ли-

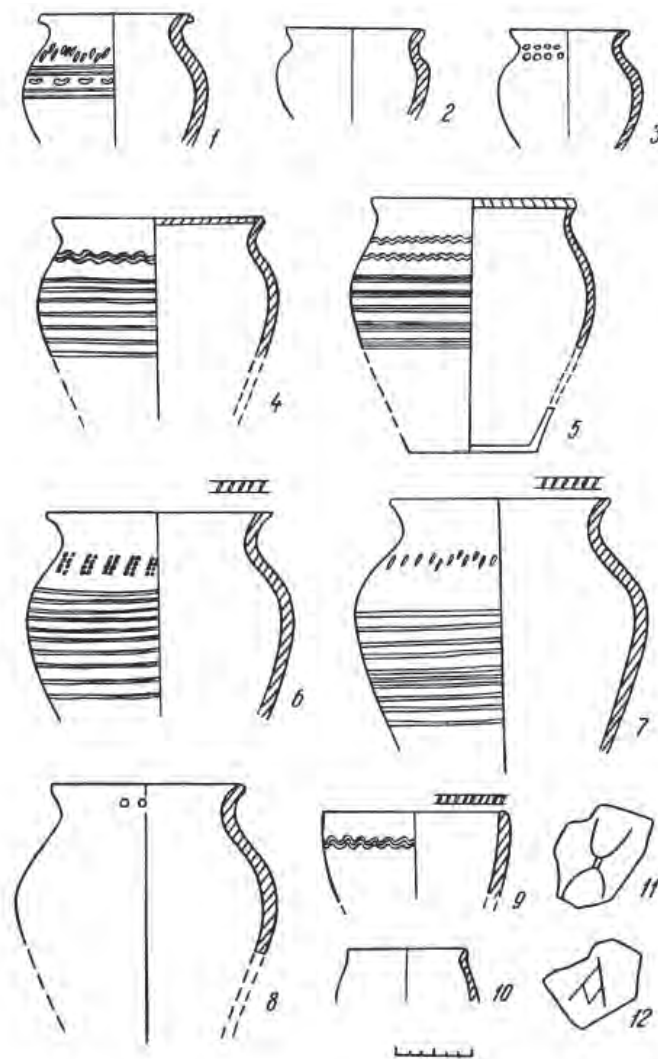

Рис. 32. Билярское городище. Лепная и подправленная на круге посуда салтово-маяцких истоков из раскопа в северном пригороде

чинами по краю горла (рис. 22) (Валиулина, 2001). По своим технологическим признакам и стилистическим особенностям орнамента они чрезвычайно близки аналогичным находкам из Старой Рязани, Новогрудка, древней Москвы (Гуревич, 1981; Даркевич, Стародуб, 1983; Коваль, 1997; 2010). Большинство образцов расписано люстром по кремовой или же молочно-белой глазури, несколько фрагментов имеют двустороннюю люстровую роспись по ультрамариновой (снаружи) и молочно-белой (изнутри) глазури с золотистым отблеском поверхности. Датируется такая керамика XII – первой четвертью XIII в. В указанное время получила широкое распространение поливная посуда с монокромной глазурью голубого и бирюзового цвета, относящаяся также к ближневосточно-среднеазиатскому импорту.

Анализ других категорий находок, имеющих значение для хронологии верхнего горизонта культурного слоя Биляра, приведен в вышеуказанной монографии Ф.Ш. Хузина (1995).

Итак, краткий хронологический анализ находок из верхнего горизонта культурного слоя Биляра позволяет с полным основанием синхронизировать его с V слоем стратиграфической шкалы Болгарского городища.

Накопленный в последние три десятилетия археологический материал позволяет также осветить некоторые общие вопросы истории Биляра и охарактеризовать основные этапы его развития.

В соответствии с стратиграфией культурного слоя в истории развития Биляра выделяются два крупных этапа, хронологически относящихся соответственно к началу X – первой половине XI в. (время накопления нижнего горизонта культурного слоя) и второй половине XI – первой трети XIII вв. (время накопления верхнего горизонта слоя).

Первый этап начинается с момента основания Биляра и охватывает первое столетие его существования. Установлено, что еще в период своего возникновения город занимал внушительную

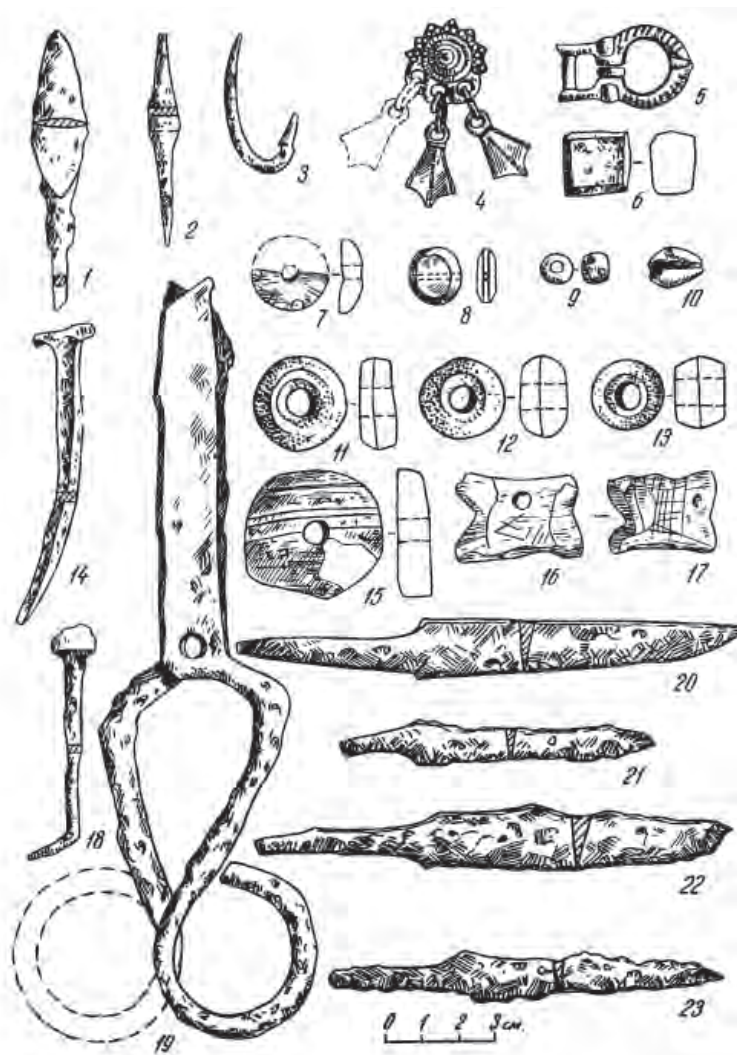

Рис. 33. Билярское городище. Индивидуальные находки из раскопа в северном пригороде
 1 – наконечник стрелы; 2 – шило; 3 – рыболовный крючок; 4 – умбовидная подвеска; 5 – поясная пряжка; 6 – весовая гирька; 7 – пуговица; 8, 9 – бусы; 10 – раковина каури; 11–13, 15 – пряслица; 14–18 – гвозди; 16, 17 – игральные кости; 19 – ножницы; 20–23 – ножи. 1–3, 6, 14, 18–23 – железо; 4, 5 – бронза; 7, 16, 17 – кость; 8 – сердолик; 9 – стекло; 11–13 – шифер; 15 – глина.

по своим размерам площадь – более 600 га. Все дальнейшее его развитие вплоть до гибели происходило в основном в пределах этой территории. С самого начала Биляр имел двухчастную структуру, т. е. был разделен окружающими его искусственными укреплениями на внутренний и внешний город.

Ранний Биляр был достаточно сильно укреплен. Оборонительные сооружения внутреннего города общей протяженностью около 5 км состояли первоначально из невысокой земляной насыпи с дополнительными деревянными конструкциями по верху. Перед валом был устроен ров. Роль последнего в северо-восточной части фортификации выполняло естественное русло реки Елшанки. Ранние укрепления внешнего города, имеющие общую протяженность более 9 км, по своему устройству близки к синхронным укреплениям

внутреннего города. Они состояли из деревянной ограды-частокола и рва перед ним. В некоторых участках были прослежены остатки небольшой насыпи вала.

Одним из важнейших событий раннего Биляра следует считать строительство ряда крупных зданий во внутреннем городе. Центральное место среди них занимают остатки Соборной мечети (рис. 27). Историки архитектуры указывают, что данный памятник служил образцом при строительстве во второй половине XIII – начале XIV вв. знаменитой Соборной мечети, т. н. «Четырехугольника», на Болгарском городище (Айдаров, 1990, с. 20).

Возникновение в центре только что заложенного города большого культового комплекса весьма симптоматично. Наличие в городе Соборной мечети и кафедры проповедника (мимбара) в ней,

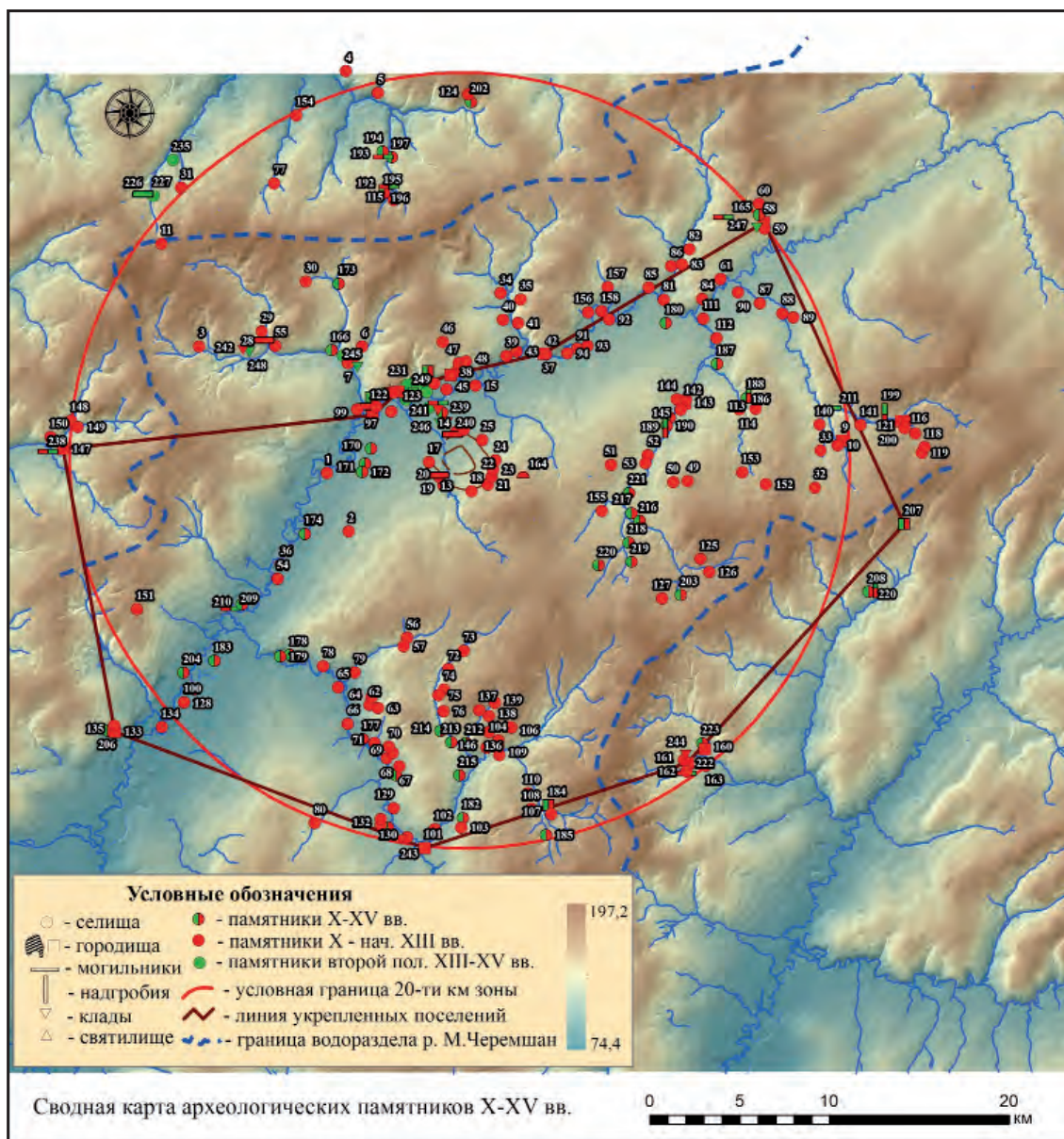

Рис. 34. Средневековые памятники в округе Биляра

как утверждают специалисты, не формальный признак, а олицетворение его административно-политического положения. С мимбара произносилась хутба с именем государя, в мечети принимал кади (судья), в ней же размещалось государственное казнохранилище (Большаков, 1984). Другими словами, Соборная мечеть со всеми ее религиозно-политическими функциями имела только в административном центре государства.

Интересным в плане изучения социальной топографии Биляра является изучение небольшого некрополя (IV Билярский могильник), возникшего у стен Соборной мечети в первой половине X в. Необычные черты и своеобразие этого могильника – расположение его в центральной, наиболее богатой части города, наличие специальных погребальных сооружений из строительных кир-

пичей, парных или коллективных захоронений в них – семейных склепов (рис. 27) – следует поставить в прямую связь со знатностью и социальной привилегированностью погребенных. Если это так, то у нас имеются веские основания считать, что с момента возникновения города в его центральной части началось формирование аристократического района, скорее всего, административно-политического и культового центра. Очевидно, в этом же районе находилась резиденция болгарского правителя.

Еще в X в. основную массу населения города составляли ремесленники. Следы ремесленного производства обнаружены как во внутреннем, так и во внешнем городе. Так, недалеко от вышеупомянутого «дома феодала» (бани), за пределами административного центра, к северо-западу от

него, исследовалась усадьба кузнецов-металлургов (рис. 25). В 300–400 м к юго-западу от мечети находилась металлургическая слобода, наиболее ранние кузнечные горны которой были выявлены в нижнем горизонте культурного слоя. Во внешнем городе на правом берегу реки Билярки располагался обширный район гончарных мастерских с горнами, начало функционирования которых было определено временем не позднее второй половины X в. В разных районах города выявлены также следы ювелирного и косторезного дела, цветной металлургии и некоторых других производств. Все это убедительно показывает, что еще в ранний период своего существования Биляр постепенно превращается в крупный ремесленный центр Болгарского государства, продукция которого находила прочный сбыт не только среди городского населения, но и в прилегающей сельскохозяйственной округе и далеко за ее пределами.

Особую социальную группу населения раннего Биляра, как и любого средневекового города, составляли торговцы. Весы с коромыслом и двумя подвесными чашечками, предназначенные для взвешивания серебряных слитков, монет, драгоценных камней и металлов; железные кубические, бронзовые сферические и бочонковидные гири-разновесы, найденные в слоях X – первой половины XI вв., являются необходимой принадлежностью торговцев. Они в большом количестве имеются в музейных коллекциях и обнаруживаются во время раскопок. Мы располагаем некоторыми данными, свидетельствующими о постепенном налаживании в Биляре международных торговых связей, прежде всего с городами Средней Азии (поливная керамика, сферокопусы, верблюжьи кости) и Киевской Руси (шиферные пряслица). Все же уровень развития торговли в раннем Биляре, особенно международной, не следует преувеличивать. «Главнейшим торговым пунктом» Болгарского государства, по данным письменных источников (ал-Балхи в передаче ал-Истахри), был в это время Болгар на Волге. Обилием привозных изделий из стран Востока отличаются Измерское и Семеновское поселения в низовьях Камы (Казанов, 1990).

На протяжении более трех столетий развитие города происходило не за счет расширения его территории, а за счет уплотнения застройки. Для раннего Биляра следует признать характерной относительно редкую заселенность не только внешнего, но и внутреннего города. Слабой застройкой отличался особенно внешний город. Основной контингент его жителей составляли, вероятно, ремесленники и мелкие торговцы. Не вызывает сомнений также факт проживания в нем значительного количества полукрестьянского населе-

ния – земледельцев и скотоводов, что документируется довольно часто встречаемыми находками сельскохозяйственных орудий труда. Слабая заселенность внешнего города в X–XI вв. была обусловлена также необходимостью содержания больших стад домашних животных, прежде всего крупного рогатого скота и лошадей. Во внешнем городе, кроме того, размещались летние дома, сады, огороды, может быть, даже поля горожан, что, впрочем, было обычным явлением для рабатов некоторых среднеазиатских и посадов древнерусских и даже западноевропейских городов (Толочко, 1989, с. 67–69; Ястребицкая, 1978, с. 106).

Результатом редкой застройки внешнего города было то, что здесь располагались наиболее ранние некрополи города. По мере возрастания плотности населения они перемещаются в другие районы (пригороды). Так, один из них, II Билярский могильник, перестал функционировать довольно рано в связи со строительством рядом расположенного «караван-сарая». На III могильнике продолжали хоронить еще в XI в., но более поздних погребений и здесь не обнаружено.

Почти одновременно с основанием города за пределами его внешних оборонительных стен появляются пригородные поселки, сыгравшие в истории Биляра совершенно своеобразную роль. Ранее высказанное предположение о проживании в этих поселках посадского (ремесленного) населения города (Хузин, 1976, с. 49) новыми материалами не подтвердилось. Систематически проводимые рекогносцировочные поиски никаких следов ремесленного производства не обнаружили. Исследования показали, что тонкий и бедный находками культурный слой пригородных селищ прослеживается не на всех участках их территории, а гнездами. Небольшой раскоп, заложенный в одном из таких пунктов (рис. 31), выявил остатки обычного полуземляночного жилища и несколько хозяйственных ям, функционировавших в X – начале XIII вв. (Хузин, 1983, с. 20–50).

Данных о социальной принадлежности пригородного населения мало; ясно лишь, что оно принадлежало не к богатым слоям болгарского общества. Мы полагаем, что в этих поселках жили в основном люди, пригнанные сюда правителем с разных концов страны для строительства города и крепостных сооружений вокруг него. Понятно, что такое грандиозное строительство было возможно лишь при использовании подневольного труда значительных масс населения. По окончании основных работ этих строителей, скорее всего, отпускали домой, но некоторая часть их, вероятно, оставалась здесь же и занималась своим привычным трудом земледельца и скотовода, продолжая жить у городских стен Биляра. Феодаль-

но-зависимое население страны, вернее, определенная часть его, годная к строительным работам, вновь и вновь оказывалась у стен города всякий раз, когда требовалось проведение крупных ремонтных работ или сооружение дополнительных оборонительных рубежей.

Так представляется нам в свете новейших археологических изысканий ранний этап истории Биляра.

Второй этап развития Биляра характеризуется большими изменениями в облике города, дальнейшим усилением его экономической и политической мощи, увеличением численности населения.

Не позднее середины XI в. осуществляется первая крупная реконструкция существовавших ранее укреплений: еще более увеличивается высота внутренних валов, а вокруг внешнего города возводятся земляно-деревянные сооружения вместо старого частокола-тына. В первой половине XII в. появляется наружная линия оборонительных укреплений внешнего города. Внутренний вал подвергался, вероятно, незначительному ремонту, следы которого не нашли отражения в археологических материалах. Зато еще более укрепляется внутренний город. Высота вала достигала в это время 2,5 м при ширине основания до 16 м.

Последние три-четыре десятилетия существования Биляра, т. е. период с конца XII в. до 1236 г., – время наивысшего расцвета Волжской Болгарии. Оно отличается в то же время напряженной международной обстановкой, вызванной, с одной стороны, непрекращающейся борьбой болгарских и владими́ро-суздальских князей за торговую гегемонию в поволжском регионе, на Великом Волжском пути, военными походами русских на болгарские города, в том числе и на Великий город (1183 г.), а с другой – начавшимся вторжением монголо-татарских полчищ в Среднюю Азию и Восточную Европу.

Наполненное военными тревогами время требовало в первую очередь соответствующего уровня развития военно-оборонительного дела. На примере Биляра хорошо можно видеть энергичные мероприятия государства по укреплению обороноспособности отдельных городов страны, прежде всего его столицы. Фортификационные сооружения Биляра в конце XII – первой трети XIII вв. претерпевают большие изменения: еще более увеличивается мощность валов и реконструируются наземные деревянные части всех существовавших до этого времени укреплений. Кроме того, вокруг внутреннего города начинают возводить дополнительную линию валов. Примерно в это же время между внутренним и наружным кольцами валов внешнего города появляется третья (средняя), так и недостроенная линия укреплений. В

конце XII в., вероятно, в период или же вслед за событиями 1183 г. на месте «караван-сарая» возникает хорошо укрепленный «форт», где размещается небольшой военный гарнизон, предназначенный для охраны одного из важнейших участков у главных ворот во внутренний город Биляра. Сам караван-сарай, по всей вероятности, перемещается в другой район, может быть, выносится даже за пределы города. Здесь, в восточном пригороде, примерно в 600 м от городских стен путем шурфовки выявлены руины кирпичного здания.

В XII в. значительно увеличивается плотность застройки Биляра. Это особенно характерно для внутреннего города. По нашим предварительным подсчетам, 67% всех изученных сооружений центральных раскопов возникли в XII – начале XIII вв., а остальные 33% – в предшествующее время. От существовавшей ранее просторной площади вокруг Соборной мечети не осталось и следа – жилища рядовых горожан, занятых обслуживанием знати, хозяйственные постройки, амбары-зернохранилища, колодцы и другие строения почти вплотную подошли к стенам мечети и кладбищу знати. В этой части города по-прежнему величественно возвышалась Соборная мечеть с высоким минаретом, а где-то недалеко, скорее всего, несколько западнее от нее, на месте, где, по данным аэрофотосъемок, выделяется комплекс больших кирпичных зданий, находился, вероятно, и дворец болгарского правителя (эмира). В районе Соборной мечети есть основания локализовать и центральный базар Биляра – соседство базаров (торгов) и мечетей (церквей) – явление, распространенное не только для восточных, но и для древнерусских и западноевропейских городов.

Вокруг располагались кирпичные дома феодальной знати и богатых купцов, другие крупные постройки, четко видимые на аэрофотоплане 1973 г. В непосредственной близости от этих богатых сооружений теснились небольшие срубные дома, наземные или даже полуземлянки, в которых жили городские низы: ремесленники разных категорий, строители, феодальная прислуга, мелкие торговцы, служители мечетей и пр.

Внешний город, как и прежде, не выделялся особой густотой застройки. Правда, здесь также появляются одно- и двухэтажные кирпичные дома, свидетельствующие о проживании определенного количества городского патриция. Но эта часть города принадлежала в основном средним и низшим слоям населения. Наиболее интенсивная жизнь протекала в районе «караван-сарая» и гончарной слободы на правом берегу Билярки.

Увеличивается также население пригородов, расширяется их территория, особенно в восточном направлении. Это связано в первую очередь

Рис. 35. Билярское городище. Иранская чаша XI в. из раскопа XXVI 1978 г.

с проведением крупных и трудоемких работ по укреплению оборонительной системы города, для чего дополнительная рабочая сила, в основном, конечно, плотники и землекопы, созывались из других районов страны. Здесь же, в пригородных поселках, проживала часть земледельческого населения, связанная с близлежащей сельскохозяйственной округой, обеспечивающей город продуктами земледелия и скотоводства.

Некрополи города располагались уже за городской чертой. На месте более раннего юго-западного пригорода возникает I Билярский могильник; почти в противоположном конце города, занятом северо-западным пригородом, в XI в. появляются первые захоронения V могильника, оказавшиеся впоследствии, судя по стратиграфическим наблюдениям 1986 г., под насыпью наружного вала. К началу XIII в. их площадь достигала 20 и более гектаров. Некрополь знати, тесный со всех сторон городскими постройками, по-прежнему функционировал у стен Соборной мечети.

Такой представляется нам динамика развития Билярского городища на протяжении X – начала XIII вв., основанная на результатах изучения стратиграфии и хронологии культурных напластований и связанных с ними сооружений.

Осенью 1236 г. Волжская Болгария подверглась нападению и страшному разорению со стороны вторгшихся в пределы Восточной Европы монголо-татарских войск. Главный удар был направлен на Великий город – столицу страны. Верхний слой городища представляет собой супесчаную золисто-углистую массу, перемешанную с обломками человеческих костей, особенно многочисленных в районе укреплений. Во множестве встречены наконечники стрел, употреблявшиеся монголами в XIII в. Известны коллективные могилы с большим числом захоронений погибших воинов, совершенных спешно, без соблюдения традиционных ритуалов (Хузин, 1988).

Вся материальная культура Биляра отражает самобытную и высокоразвитую культуру волжских болгар домонгольского периода. Широко распространенная в исторической литературе точка зрения о существовании Биляра на месте одноименного городища в золотоордынско-казанский периоды источниками не подтверждается. Уцелевшее от монгольского погрома население Биляра продолжало жить непосредственно в окрестностях разрушенного города по обоим берегам Малого Черемшана, и, конечно, время от времени посещало его развалины.

ГОРОД СУВАР

Перечисляя исторически известные города Болгарии, исследователи ставят Сувар на третье место после Болгара и Биляра. К сожалению, археология этого города до сегодняшнего дня остается слабо изученной, и мы все еще вынуждены ограничиваться краткими упоминаниями Суvara в

трудах восточных писателей и материалами раскопок А.П. Смирнова почти столетней давности.

Сувар первый раз упоминается в сочинении арабского географа Абу Заида ал-Балхи (920–921 гг.): «Булгар – имя страны, жители которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находят-

ся главная мечеть. Недалеко от этого города лежит другой город, Сивар (Сувар), где также находится главная мечеть. Мусульманский проповедник сказал, что число жителей обоих городов простирается до 10 тысяч человек» (Хвольсон, 1869, с. 82). Ал-Джайхани, автор первой половины X в., в своей «Книге путей и государств» также отмечал у болгар эти два города, добавив к уже известным сведениям новые: «... между двумя городами пространство пути в два дня по берегу реки в очень густых зарослях, в котором они укрепляются против врагов» (Заходер, 1967, с. 37). Краткое упоминание о Суваре, вернее, о народе сувар, содержится в письме хазарского царя Иосифа (середина X в.), адресованном кордовскому халифу Абдаррахману III. Хазарский царь писал, что они, т. е. сувары, ему «служат и платят дань» (Коковцев, 1932, с. 88–89). В сочинениях ал-Истахри (Заходер, 1967, с. 37), ал-Мукаддаси (Хвольсон, 1869, с. 84) и персидском анонимном источнике «Худуд ал-алам мин ал-машрик ила-л-магриб» («Границы мира от востока к западу») (Худуд ал-алем, 1930, с. 32), написанных также в X столетии, содержатся практически те же сведения, которые нам известны по ал-Балхи. Сведения более поздних авторов очень скудны. Так, Махмуд Кашгари в своем знаменитом сочинении «Диван лугат ат-тюрк» (1074 г.) лишь упоминает город Сувар и неверно помещает его на правом берегу Итиля недалеко от Каспийского моря (Kâşgarlı Mahmud, 2014, s. 216). Известный географ XII в. ал-Идриси относит его к числу буртасских городов. Авторы XIII в. Закария Казвини, Якут, Фахр ад-дин Мубаракшах никаких новых сведений о Суваре также не дают. Самые поздние упоминания о Суваре имеются у писателей XIV в. Хамдаллаха Казвини и Ферхега (Шпилевский, 1877, с. 49), которые использовали при написании своих трудов не свежие данные, а более ранние сведения предшественников.

Не совсем понятно, почему Абу Хамид ал-Гарнати, испанский араб из Андалузии, лично посетивший Болгарию в 1135 г. и оставивший потомкам довольно подробный рассказ о болгарях, о Суваре ни разу не упомянул. Странно, что даже древнерусские летописи не знают о нем.

У нас, правда, имеется еще одна интересная группа источников – нумизматические материалы, изучение которых проливает свет на малоизученные страницы политической жизни Суvara X столетия. Достоверно определены монеты двух суварских эмиров – Талиба ибн-Ахмеда и Мумина ибн-Ахмеда, чеканенные в 948–976 гг. Основываясь на этих данных, исследователи полагают, что Сувар в промежутке между указанными годами, а скорее всего, даже раньше, с момента своего возникновения, являлся центром обосо-

бленного княжества или же суверенного государства, потерявшего самостоятельность лишь в конце X в. (Янина, 1962, с. 191; Мухамадиев, 1990, с. 13, 116).

Скудность имеющихся источников по истории Суvara являлась причиной того, что долгие годы, почти до конца XIX столетия, местоположение города оставалось неустановленным. Его безуспешно искали то на месте Свияжска, то пытались локализовать у Спасска или Симбирска (Савельев, 1846, с. 49; Шпилевский, 1877, с. 50–52). Заслуга открытия развалин Суvara принадлежит известному татарскому историку Шигабутдину Марджани. В своем фундаментальном труде «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Источники по истории Казани и Болгара»), впервые опубликованном в 1885 г., он отметил, что укрепленное земляными валами место (городище) недалеко от села Кузнечиха Спасского уезда Казанской губернии окрестное население до сих пор называет своим первоначальным именем Сувар (Мэржани, 1989, б. 91). Данная локализация была окончательно подтверждена другим татарским историком Гайнутдином Ахмаровым, совершившим в 1893 г. специальную поездку на развалины Суvara (Ахмаров, 1893, с. 478–481). Позднее И.А. Износков нанес это городище на археологическую карту (Износков, 1895).

В настоящее время остатки Суvara представляют собой огромное городище подчетырехугольной формы, окруженное мощными валами и рвами протяженностью около 4,5 километра (рис. 36). С северной стороны городища по левому берегу реки Утки, где расположена небольшая деревушка Татарский Городок, следы древних укреплений едва заметны – они уже уничтожены временем. Площадь древнего города внутри укреплений составляет 64 га, а вместе с укреплениями превышает 90 га. За пределами валов почти по всему периметру городища располагаются обширные пригородные поселения – Покровское, Татгородокское I и II селища домонгольского времени (Археологическая карта, 1986, с. 11–13). Вся территория памятника, за исключением валов и рвов, уже много лет распаивается, уничтожаются культурный слой и заключенные в нем остатки древних сооружений.

История археологического изучения памятника небогата. В первые годы после революции 1917 г. на городище побывал казанский профессор В.Ф. Смолин, который собрал подъемный материал, скупил некоторые вещи у крестьян и заложил в северной части памятника небольшой шурф (Археологическая карта, 1986, с. 12).

Самые крупные раскопки на Суваре производились в 1933–1937 гг. московским археологом

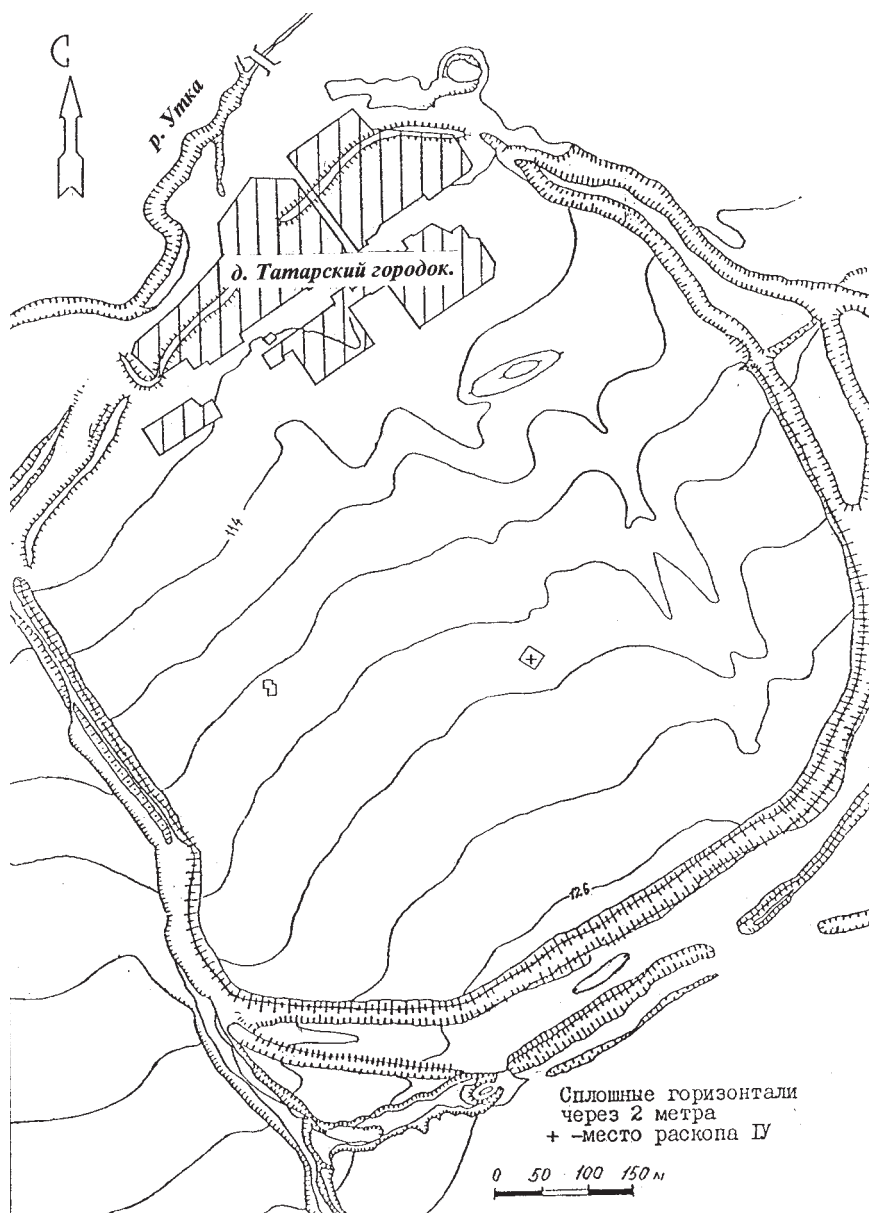

Рис. 36. План городища Сувар.

А.П. Смирновым. Как писал сам исследователь, «раскопки носили рекогносцировочный характер и не преследовали задачу вскрытия больших площадей». Тем не менее это были первые планомерные, стационарные исследования на территории Татарстана крупного болгарского города. В центре городища были исследованы остатки кирпичного здания и связанных с ним сооружений, тщательно выявлялись конструкции оборонительных укреплений, изучено около десятка мусульманских захоронений на вновь выявленных двух городских некрополях (Смирнов, 1941; 1951).

Как выяснилось в ходе раскопок, земляные валы городища сохранили в себе остатки деревянной стены из срубов (4×5 м), поставленных впритык один к другому. Срубы-клетки изнутри были засыпаны утрамбованной глиной и кирпичным щебнем. На

всем своем протяжении крепостные стены имели боевые башни, расположенные на определенном расстоянии друг от друга. Первоначальная глубина рва, вырытого с внешней стороны стены, достигала 5 м. Его склоны были укреплены горизонтальными слегами, а дно – вертикальными кольями с заостренным концом (Смирнов, 1941, с. 138–140). Графическая реконструкция этих укреплений выполнена самим исследователем (рис. 37; 38).

Были изучены жилища двух типов: «глинобитные» дома и деревянные срубы с подпольями. Обогревались они печами сводчатой формы и в виде цилиндров. Вокруг них располагались хозяйственные ямы, в основном зернохранилища и погреба различных типов. Иногда в них содержались зерна культурных злаков (Смирнов, 1941, с. 141–149).

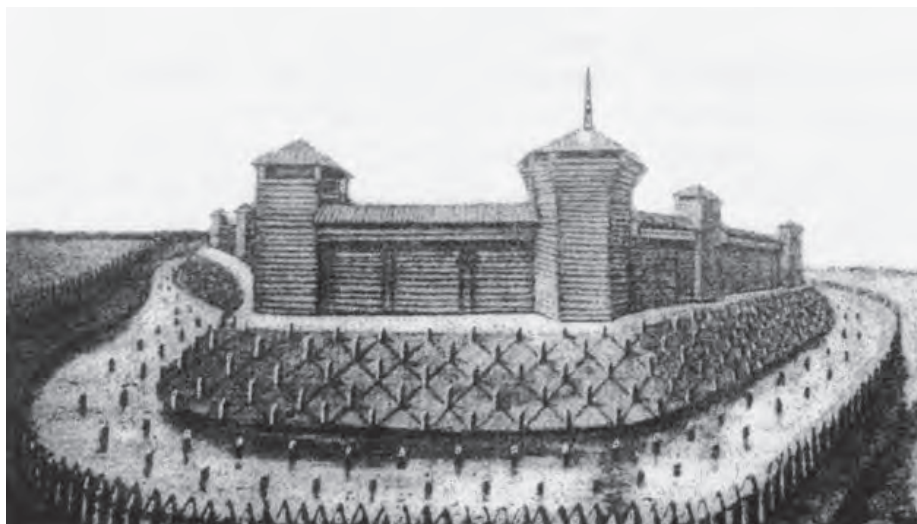

Рис. 37. Оборонительные укрепления Суvara. Реконструкция А.П. Смирнова.

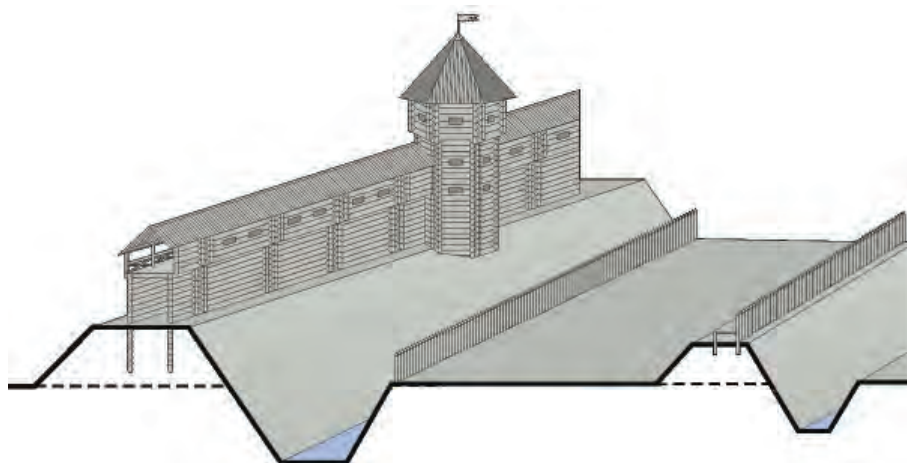

Рис. 38. Оборонительные укрепления Суvara. Реконструкция А.М. Губайдуллина.

Интересным для изучения проблем становления болгарской монументальной архитектуры домонгольского периода оказалось кирпичное здание, открытое А.П. Смирновым в центральной аристократической части города (Смирнов, 1941, с. 150–159). Оно сохранилось на уровне фундамента и цокольной части с полом и системой подпольного отопления. Здание, по мнению исследователя, было двухэтажным и имело в плане форму вытянутого прямоугольника с башней типа донжона. Оно было построено в конце X – начале XI вв. и функционировало, как полагал А.П. Смирнов, до конца XIV в., претерпев несколько капитальных ремонтов и перестроек. На графической реконструкции здания, выполненной известным татарским искусствоведом Ф.Х. Валеевым (рис. 39) (Валеев Ф., 1970, с. 87), оно выглядит как настоящий дворец, парадный вход которого красиво оформлен порталом со стрельчатой аркой и декорирован цветными изразцами. Впрочем, в научно-

популярной и даже в научной литературе данный объект до сих пор фигурирует под названием «суварского дворца» – усадьбы богатого феодала. Мы не исключаем иного назначения его – в качестве бани (Хузин, Шарифуллин, с. 93).

Экспедицией А.П. Смирнова был собран большой вещественный материал, на основании которого памятник был датирован X–XIV вв. Однако хорошо датирующих предметов золотоордынского времени практически не оказалось. К поздней группе находок были отнесены «керамика красная высокого обжига» (10% от общества количества), сфероконические сосуды, несколько черепков посуды с голубой поливой, единичные обломки стеклянных браслетов, два наконечника стрелы и осколки стеклянной посуды. Легко заметить, что указанные находки имеют широкий хронологический диапазон бытования и не характерны только для золотоордынского времени.

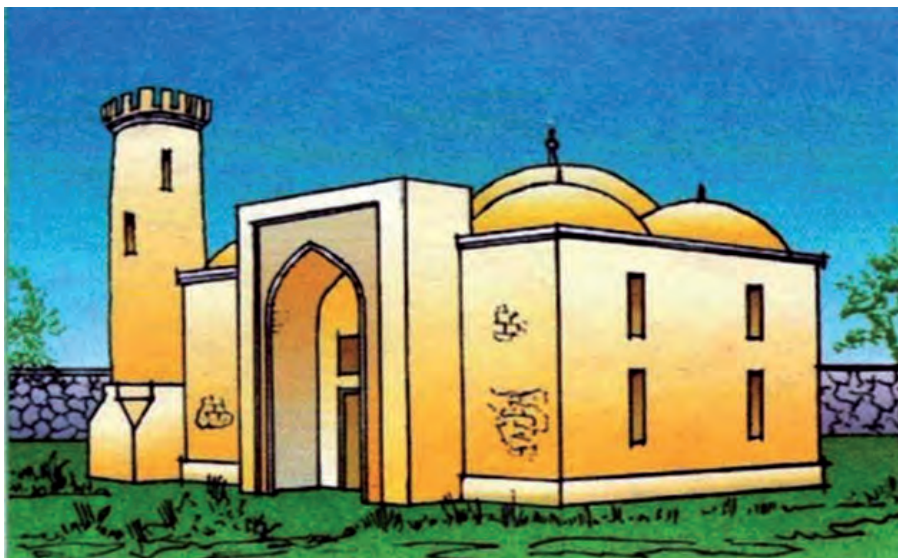

Рис. 39. Суварский «дворец». Реконструкция Ф.Х. Валеева на основании материалов раскопок А.П. Смирнова.

Сравнивая суварскую керамику с биллярской, А.П. Смирнов отметил «полную их тождественность». По его словам, «к татарской эпохе относится незначительное число материала; в частности, невелико число поливной посуды, обычно весьма распространенной в татарских слоях» (Смирнов, 1941, с. 165). Специалисты считают, что такая посуда производилась еще в предмонгольское время.

Спустя почти сорок лет после раскопок А.П. Смирнова, в 1974–1975 гг., на Суваре работала экспедиция его ученицы Т.А. Хлебниковой. Небольшие раскопки, заложенные ею в целях получения новых материалов «в связи со стратиграфией культурных напластований памятника, чтобы глубже разобраться в ранее собранных материалах и иметь возможность рассмотреть их в сравнении с синхронными комплексами других памятников Волжской Булгарии» (Хлебникова, 1977, с. 134), крупных объектов не выявили, но позволили зафиксировать полное отсутствие находок (в первую очередь керамики) золотоордынского времени. Однако многие вопросы первостепенной важности, прежде всего проблемы хронологии города, оставались не до конца решенными.

Снаряжая в 1990 г. новую экспедицию в Сувар, мы рассчитывали начать новый этап планомерных и систематических исследований городища, к сожалению, из-за финансовых проблем в условиях «перестройки» нашим планам не суждено было сбыться, после проведения трех полевых сезонов работы вынуждены были приостановить.

Раскоп общей площадью 144 кв. м был заложен в центральной части городища, где располагалось кирпичное здание («суварский дворец»), изученное А.П. Смирновым в 1930-е годы. Кратко остановимся на стратиграфии памят-

ника в районе раскопа IV 1990–1991 и 1993 гг. (более подробно: Хузин, Шарифуллин, 1999, с. 89 и сл.).

Максимальная мощность культурных напластований вне сооружений составляет 120–140 см и расчленяется на несколько горизонтов или слоев (рис. 40):

1 – слой современной пашни; среди находок наконечник стрелы ромбовидного сечения и с наибольшим расширением в верхней половине пера (рис. 42: 1), шиферное пряслице (рис. 42: 11), фрагмент чаши кашинного теста, покрытой изнутри светло-сиреневой, а снаружи синего и темно-синего цвета поливой, а также фрагменты общеполгарской керамики домонгольского времени.

Слой представляет собой переработанную в результате многолетней распашки верхнюю часть культурного слоя городища.

2 – слой светло-серой рыхлой супеси с включениями разложившегося угля, кирпичной крошки (а иногда и более крупных обломков кирпичей), мелких кусочков железного шлака, линз речного песка; средняя мощность слоя 20–40 см. Среди находок: шиферное (рис. 43: 12) и глиняные пряслица, железные ножи (рис. 42: 8, 10), гвозди, пробой, осколки посудного стекла, наконечник стрелы (рис. 29: 5), а также два ключа типа Б по новгородской хронологии (рис. 42: 14), два фрагмента сосуда кашинного теста, покрытого бирюзовой поливой. Описываемый слой в ряде участков, но не везде, подстилается прослойкой пожарища мощностью от 5–7 до 15–20 см. Описываемый слой 2, прослеженный под пашней, отложился, по всей вероятности, после монгольского нашествия 1236 г., когда город лежал в развалинах и практи-

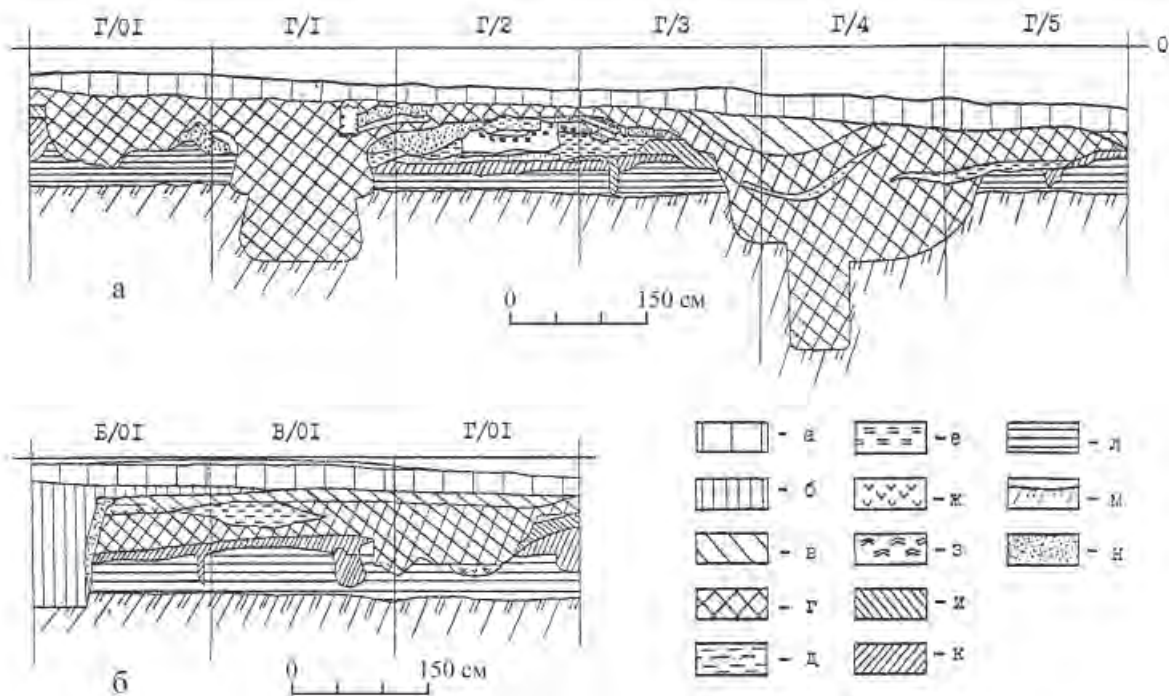

Рис. 40. Сувар. Профили стенок раскопа IV: а – профиль северо-западной стенки по линии Г; б – фрагмент профиля юго-западной стенки по линии Б–Г/01.

а – слой пашни; б – хаполнение и выкид раскопа 1933–1937 гг.; в – рыхлая серая супесь; г – серая супесь с обилием строительных остатков; д – глина; е – обожженная глина; ж – древесный уголь; з – зола; и – коричневатосерая плотная супесь; к – темно-серая плотная супесь с известковой крошкой и углем; л – плотная темно-коричневая супесь; м – желтый материковый суглинок; н – речной песок.

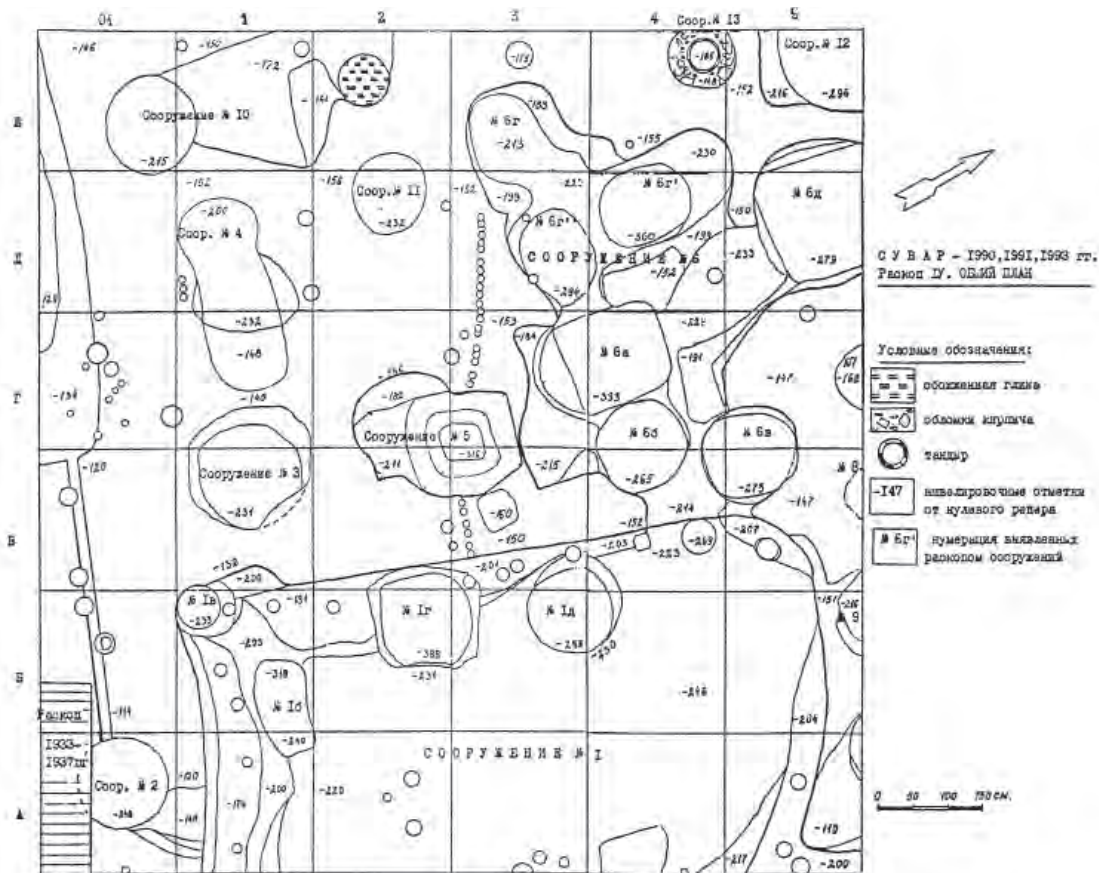

Рис. 41. Сувар. Общий план раскопа IV 1990, 1991, 1993 гг.

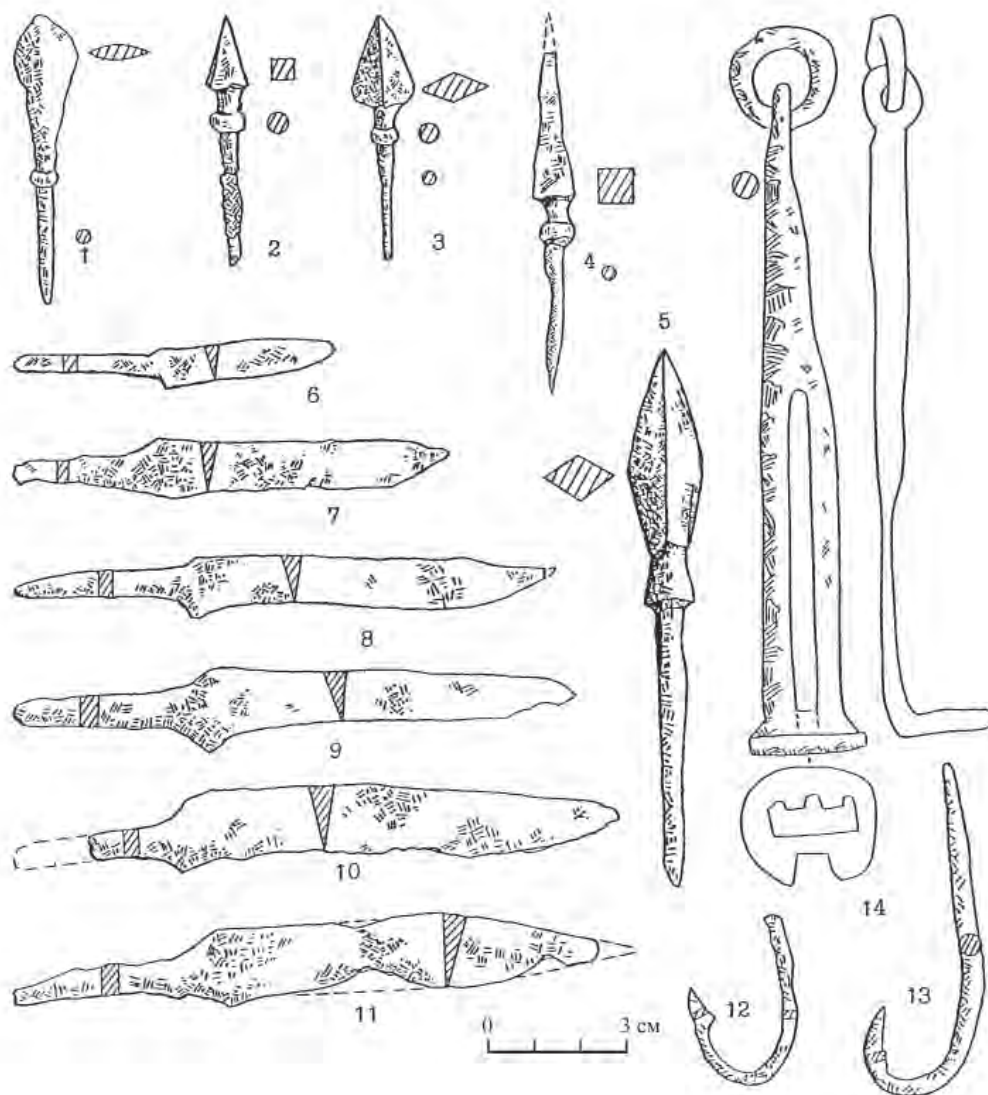

Рис. 42. Сувар. Железные предметы из раскопа IV
1–5 – наконечники стрел; 6–11 – ножи; 12, 13 – рыболовные крючки; 14 – ключ от замка.

чески уже не существовал. Он представляет собой слой запустения.

3 – слой серой рыхлой супеси с обильными включениями строительных остатков (кирпичного щебня, древесной трухи), золы, угля, кусков железного шлака; судя по профилю северо-западной стенки раскопа, он начинает прослеживаться непосредственно под пашней и прослойкой пожара. Мощность слоя довольно значительная – от 40 до 80–100 см. Датирующие находки: шиферные пряслица (рис. 43: 13), сердоликовые бипирамидальные бусы (рис. 43: 3, 4, 5), бронзовая привеска-бубенчик шаровидной формы с линейной прорезью (рис. 30: 1), бронебойные наконечники стрел (рис. 42: 2, 3, 4). Все они характерны для культуры болгар второй половины домонгольского периода. Слой 3 накоплен в период активного функционирования города и соответствует слою V

стратиграфической шкалы Болгарского городища (вторая половина XI – начало XIII вв.).

4 – слой темно-серой, слегка гумусированной, более светлой к основанию плотной супеси с включениями древесного угля, известковой крошки и глины; мощность его не более 10–15, на отдельных участках до 30–40 см. Среди датирующих находок сердоликовая призматическая бусина (рис. 43: 2), а также образцы лепной посуды различных этнокультурных групп, вышедшие из употребления в XI в. Слой 4 хронологически соответствует VI раннедомонгольскому слою Болгара, накопленному в X – первой половине XI вв.

Культурный слой покоится на плотной темно-коричневой суглинистой супеси без находок – погребенной почве, достигающей мощности 30–40 см. Ниже идет желтый материковый суглинок.

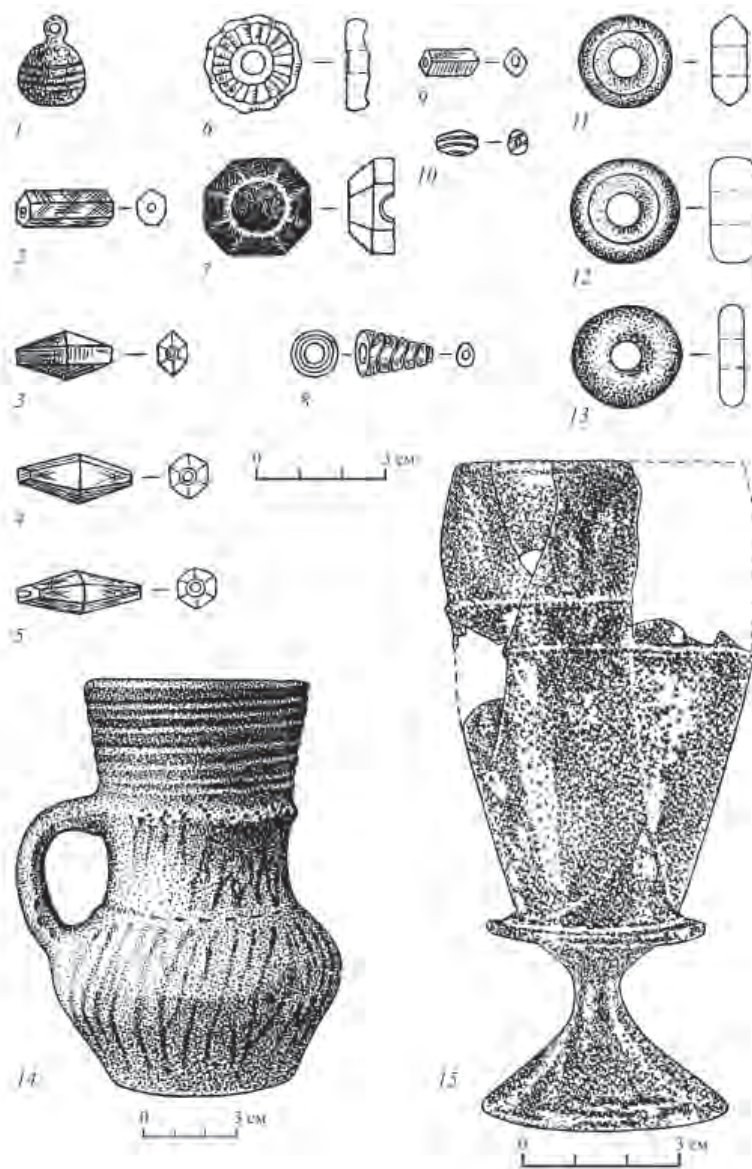

Рис. 43. Сувар. Индивидуальные находки из раскопа IV

1 – бронзовая привеска-бубенчик; 2, 8–10 – стеклянные бусы; 3–5 – сердоликовые бусы; 6 – свинцовая пломба; 7 – гешировая буса; 11–13 – шиферные пряслиця; 14 – глиняный кувшин; 15 – стеклянный бокал.

На раскопе исследованы 9 хозяйственных сооружений, ряд столбовых ямок, канавки, остатки конструкций из кирпича и некоторые другие объекты (рис. 28).

Среди объектов хозяйственного назначения наибольший интерес представляет сооружение 1 – комплекс квадратных и округлых в плане ям, расположенных в общем котловане глубиной около 60–100 см. Форма этого котлована подпрямоугольная в плане, протяженность с юга на север 920–940 см, ширина попавшей в раскоп части – 480 см. На относительно ровном материковом дне, по краям стенок, расчищены столбовые ямки, связанные, очевидно, с деревянной конструкцией стен. Стратиграфически и по набору характерных

находок (железный ключ, шиферное пряслице, массовая керамика, осколки посудного стекла) объект датируется второй половиной домонгольского периода, т. е. XII – началом XIII вв. На стенке одного сосуда из ямы 1в отмечены органические остатки с зернами проса, а на другом фрагменте – яичная скорлупа. В этой же яме обнаружен развал стеклянного сосуда, форма которого восстанавливается в виде небольшого кубка с округлым дном.

К северо-западу от сооружения 1 располагались другие хозяйственные ямы, в заполнении которых встречались предметы позднедомонгольского времени, в том числе обломок стеклянного браслета фиолетового цвета и несколько фрагментов при-

возной посуды из кашинного теста. Относительно много находок посудного и даже оконного стекла.

Из объектов несколько иного характера интересна частично попавшая в раскоп сырцовая кладка; рядом отмечены скопления кусков обожженного кирпича и следы прокала, насыщенные золой и углем. В этом районе, по всей вероятности, располагался жилой дом.

Многочисленные находки из раскопа характеризуют культуру домонгольских болгар. К такому заключению пришла Т.А. Хлебникова, проводившая статистический анализ почти 20 тысяч фрагментов глиняной посуды из раскопа. «В целом керамический комплекс раскопа несет все признаки домонгольского гончарства болгар. Ни одного фрагмента посуды с чертами, типичными только для золотоордынского времени, не найдено», – написала она в представленном отчете (Отчет о раскопках на Суваре, 1990, л. 14).

Таким образом, новые исследования Суvara, относящиеся лишь к разряду рекогносцировочных, позволили уточнить хронологические рамки существования самого городища.

В историко-археологической литературе принято считать, что после монгольского погрома 1236 г. Сувар, как и Биляр, продолжал существовать и окончательно погиб лишь в конце XIV в. (Смирнов, 1941, с. 171; Егоров, 1985, с. 96; Фахрутдинов, 1975, с. 121, № 660). Однако среди находок из Суvara (включая раскопки 1970-х годов), насчитывающих многие сотни и тысячи предметов, нет ни одной вещи, которую безоговорочно можно было бы отнести к золотоордынскому времени. Из раскопок 1974–1975 гг. Т.А. Хлебникова указала на единственную находку в слое пашни – фрагмент привозной чаши с двухсторонней сине-лиловой поливой, которую она склонна была датировать XIII–XIV вв. Весьма вероятно, что такая керамика производилась и раньше. Любопытно полное отсутствие джучидских монет из Суvara. В связи с хронологией Биляра мы уже отмечали археологическую специфику золотоордынских поселений, заключающуюся в обилии монет. Их отсутствие свидетельствует, несомненно, о более раннем, домонгольском возрасте Суvara.

ГОРОД ДЖУКЕТАУ

Джукетау – один из немногих исторически известных и надежно локализованных болгаро-татарских городов, который упоминается в древнерусских летописях XIV–XV вв. как «Жукотин». А.И. Артемьев и другие исследователи XIX в. локализовали его археологические остатки на левом берегу р. Камы, на западной окраине современного г. Чистополя в Республике Татарстан (Артемьев, 1851, с. 56–74). П.А. Пономарев предположил, что он возник еще в домонгольское время, ввел в научный оборот его татарское название *Жукэ-тау* («Липовая гора»), сформулировал представление о топографической структуре города (Пономарев, 1892, с. 452–472). Первые масштабные раскопки Джукетау провела в 1970–1972 гг. Т.А. Хлебникова, которая выявила и исследовала жилые и хозяйственные объекты, Донауровский домонгольский некрополь, охарактеризовала особенности материальной культуры (Хлебникова, 1975, с. 234–251). В 1990–2000-е годы исследования памятника проводили Ф.Ш. Хузин, Н.Г. Набиуллин (Хузин, 1994, с. 139–142; 2001, с. 154–159; 2006а, с. 165–168; Набиуллин, 1998; 1999, с. 101–126; 2000а; 2000б; 2009, с. 37–48; 2011 и др.; Хузин, Набиуллин, 1999, с. 90–113; 2000а, с. 332–333; 2000б; Набиуллин, Хузин, 2009, с. 391–394).

Археологические остатки Джукетау включают исторически связанную группу памятников – го-

родище Джукетау, Крутогорское и Донауровское селища (условно «восточный посад» и «западный посад» соответственно), некрополи (рис. 44; 45).

Городище Джукетау домонгольского времени расположено на высоком (до 20 м) с крутыми склонами мысу, образованном коренным левым берегом р. Камы и ее притоком рч. Килевкой (прежде Жукоть, Жукотка, Жукотинка). Одна из физико-географических особенностей местности заключается в том, что коренной берег р. Камы здесь находится почти у самого ее русла (рис. 46), тогда как до затопления Куйбышевским водохранилищем река на значительном своем протяжении имела обширную пойму. С напольной юго-восточной стороны городища сохранились остатки трех оборонительных валов высотой до 2 м и двух рвов между ними глубиной до 2 м. Городище площадью 5,8 га имеет подтреугольную форму, частично занято Чистопольским элеватором, остальная часть задернована, подъемный материал в виде мелких обломков керамики встречается в небольшом количестве.

Крутогорское селище относительно синхронно городищу и расположено за пределами оборонительных укреплений на высокой террасе правого берега рч. Килевки. Часть территории занята Чистопольским элеватором и поселком Крутая Гора. Подъемный материал в небольшом количестве встречается на площади 200–250×300 кв. м.

Рис. 44. Джукетау. Аэрофотоснимок 1958 г.

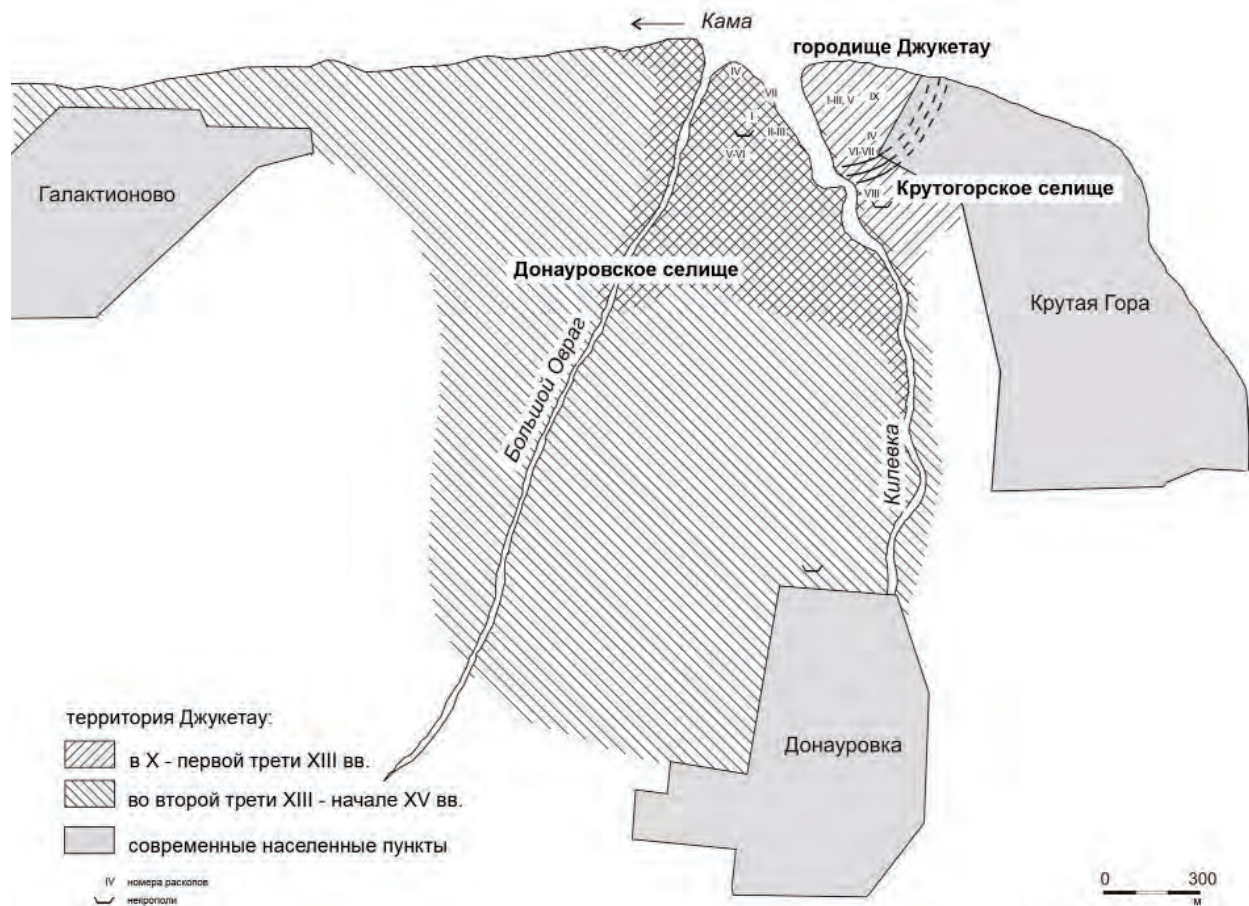

Рис. 45. План-схема археологического комплекса Джукетау.

Рис. 46. Джукетау. Вид на городище с «западного посада».

На территории селища, недалеко от оборонительных укреплений, расположен Крутогорский могильник домонгольского времени; внешних признаков не имеет, площадь не определяется.

Донауровское селище домонгольского и золотоордынского времени расположено на противоположном низком берегу рч. Килевки, напротив городища и Крутогорского селища. Оно ограничено с востока рч. Килевкой, с запада – рч. Большой Овраг (Вторая Килевка). Площадка селища относительно ровная, с наклоном к устью р. Камы и рч. Килевке.

На территории селища расположен *Донауровский могильник* домонгольского и золотоордынского времени.

Стратиграфия и хронология. Одним из важных результатов предшествующих исследований является разработка стратиграфической шкалы Джукетау. В ней выделяются три слоя: современный, золотоордынский (вторая треть XIII – XIV вв.), домонгольский (X – первая треть XIII вв.). Средняя мощность культурного слоя вне объектов составляет 40–80 см, в северной части Донауровского селища – до 120–140 см. Культурный слой городища и Крутогорского селища не только выветрен и значительно переработан в новейшее время, но изначально менее насыщен, чем на Донауровском селище, где основной территорией его распространения в домонгольское время является северная мысовая часть селища.

Датировать III слой домонгольским временем позволяют остатки материальной культуры, ха-

рактерные для этого периода. Среди неполивной глиняной посуды имеются характерные группы посуды с признаками, типичными для домонгольского времени. Домонгольским временем датируются некоторые типы наконечников стрел (рис. 47: 13–16), топор, лировидные пряжки (рис. 48: 2), одноцилиндровые замки «болгарского типа», лопаткообразный ключ от замка X–XI вв., шиферные пряслица (рис. 47: 18), сердоликовые зонная, шаровидная и бипирамидальная бусины, шарообразная бусина из горного хрусталя, стеклянная бусина-«лимонка» X–XI вв. и глазчатая «треугольная» бусина (рис. 47: 2–12), лазуритовые подвески подтреугольной формы X–XI вв. (рис. 47: 1), медные подвески грушевидные, шаровидные, каплевидные X–XI вв. Имеется также ряд предметов широкого бытования, но более характерных для домонгольского времени – калачевидные кресала (рис. 48: 3), бронзовая «копушка», обломки костяных гребней и др. Среди нумизматического материала с территории Донауровского селища – обломки двух дирхемов, в том числе монета первой половины X в., которая была найдена непосредственно в культурном слое памятника. Последние, несмотря на единичный характер, имеют важное значение для датировки нижней границы слоя первоначального поселения, а также процесса становления городского статуса. Верхняя граница домонгольского слоя соотносится с событиями 1236 г. и вышележащими напластованиями золотоордынского времени (Набиуллин, 2001).

Исследования городища Джукетау и правобережья рч. Килевки. С точки зрения отношения системы укреплений к топографическим условиям Джукетау относится к широко распространенному типу городищ, подчиненных рельефу местности. Длина линии оборонительных сооружений, защищающей территорию от р. Камы до рч. Килевки, прежде составляла примерно 300 м (ныне сохранилась треть), общая ширина оборонительной линии – 40 м.

Датировка оборонительных сооружений имеет принципиальное значение. По данным материалов раскопов VI, VII, до возведения валов под ними успел отложиться небольшой культурный слой, однако время его формирования удается определить пока не точнее, чем начало домонгольского периода. Под насыпью внутреннего вала выявлены канавки и ямки, которые могут являться остатками самых первых оборонительных объектов (рис. 49). Новые валы и рвы возводились, видимо, снаружи существующих оборонительных укреплений, в краткие сроки (рис. 50); явные следы ремонтов и дополнительные конструкции не прослежены. Площадка наружного и среднего валов перед их возведением была укреплена известняковыми камнями. Не исключается использование ландшафта: второй ров на исследованном участке мог быть проложен по естественному оврагу. Рвы (дренажные канавки) постоянно подчищались. Максимально прослеженная высота от вершины наиболее хорошо сохранившегося среднего вала до дна прилегающих к нему рвов достигала 4,5–5 м (Набиуллин, 1998, с. 219–223; Губайдуллин, 2002, с. 91, 92, рис. 135).

В 1970-е годы Т.А. Хлебниковой были проведены исследования в северо-западной части городища (рис. 51). Среди выявленных объектов – жилая постройка с подпольем и печью (сооружение 1), связанная с верхними напластованиями домонгольского слоя. Постройка размерами 3×5 м имела небольшое заглубление в грунт, сруб был уложен на известняковые камни. Расположенные по центральной оси сооружения крупные и глубокие ямы могли остаться от столбов перекрытия жилища, которое в таком случае можно представить как двухскатное. Зафиксированный с северо-западной стороны выступ, возможно, был входом в жилище. Слева от входа располагалась печь размерами 130×80–100 см. Она была сооружена из известняковых и песчаниковых камней на глиняной подушке. Форма печи – в виде подковы, с челом к юго-западу, в сторону входа. Подполье – прямоугольная в плане яма размерами 160×255 см и глубиной 180 см, имеющая отвесные стенки и плоское ровное дно. Юго-восточнее жилища

располагалась относящаяся к нижним напластованиям домонгольского слоя подпрямоугольная постройка хозяйственного назначения размерами 250×130–155 см, глубиной 110–120 см.

Еще один объект – постройка, восходящая к верхним напластованиям домонгольского слоя (сооружение 4, см. рис. 52). Прямоугольный в плане котлован размерами 300×200 см имел отвесные стены и плоское дно на глубине 90–110 см. По абрису котлована прослежена полоса шириной 40–60 см очень плотной забутовки из желтого суглинка с сильно измельченными известняковыми включениями.

Исследованиями был выявлен подквадратный в плане котлован размерами 540×560–580 см, глубиной до 170 см. Вход находился с северо-западной стороны. Стены были облицованы досками или горбылями, которые закреплялись в горизонтальном положении с помощью вертикальных столбиков, прослеженных по абрису землянки; перекрытие предположительно шатровое. Позднее на первоначальное дно землянки была подсыпана каменистая крошка с грунтом и создана новая конструкция из столбиков, установленных на расстоянии 50–60 см друг от друга, которая держала деревянную конструкцию, возможно, в виде плетня. Не исключено, что была изменена и конструкция кровли, перекрытие теперь стало предположительно двух- или четырехскатное (Хлебникова, 1975, с. 234–251).

Среди прочих сооружений, выявленных на раскопах I–III и прирезанном к ним с юга раскопе V 1990-х годов, – остатки погребов или зернохранилищ, сохранившиеся в виде ям колоколовидного сечения глубиной 2 и 2,5 м, другие ямы типа хозяйственных и др. В плане реконструкции элементов планировки на исследованном участке интерес представляют неглубокие канавки. Одни тянутся с северо-запада на юго-восток, другие – с юго-запада на северо-восток и почти перпендикулярны первым. Не все канавки складываются в систему, но частично реконструируются как следы объектов типа ограждений; некоторые канавки завершаются небольшими ямами типа столбовых (Хлебникова, 1975).

В юго-восточной части территории городища, на раскопе IV 1972 г., недалеко от линии внутреннего оборонительного вала выявлены подполье дома, хозяйственные ямы и другие объекты, которые также датированы домонгольским временем (Хлебникова, 1975, с. 234–251).

По данным Т.А. Хлебниковой, среди объектов выделяется не менее пяти строительных горизонтов, что свидетельствует об интенсивной строительной деятельности и жизни в домонгольскую эпоху, особенно во второй ее половине. Матери-

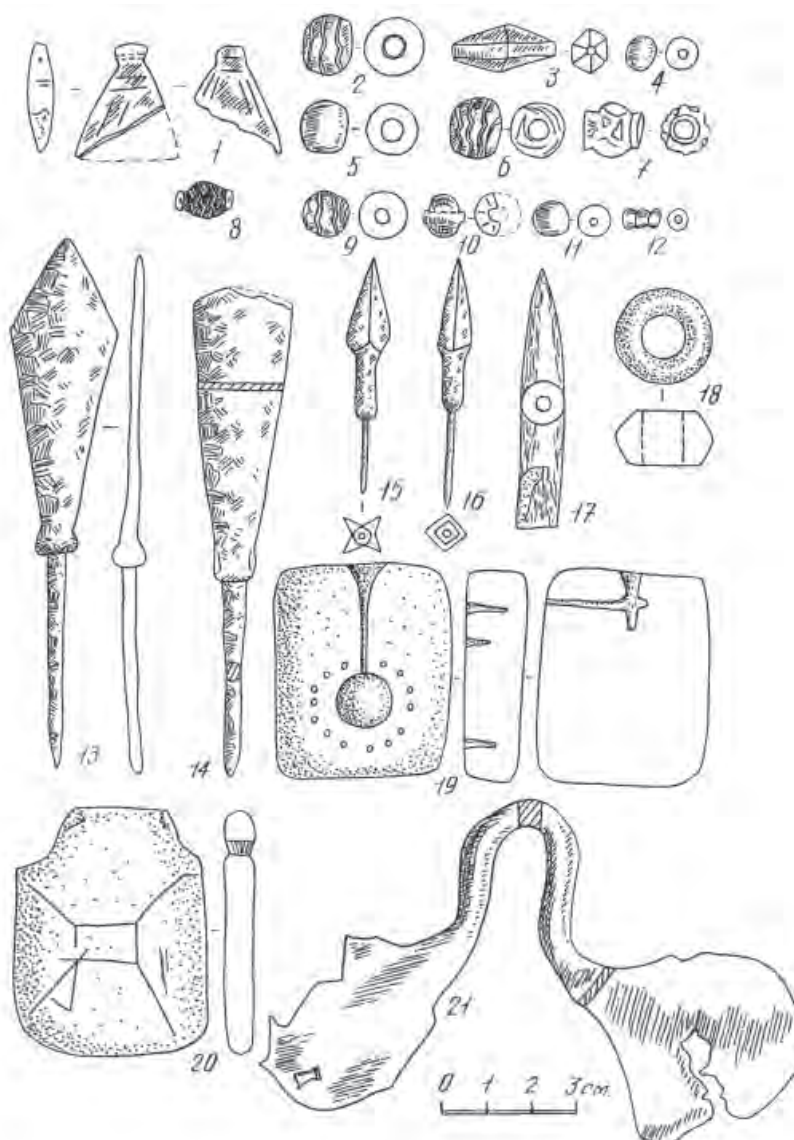

Рис. 47. Донауровское селище – «западный посад» Джукетау
Индивидуальные находки из раскопа III 1991 и 1993 гг. 1 – лазурит; 2, 5, 6, 8–12 – стекло; 3, 4 – сердолик;
7 – кашин; 13–16 – железо; 17 – кость; 18 – шифер; 19, 20 – известняк, 21 – медь.

алы исследований свидетельствуют о довольно строгой выдержанности ориентировки объектов, прослеживается рост плотности застройки. Как самые ранние, так и самые поздние сооружения ориентированы с северо-востока на юго-запад (с юго-востока на северо-запад). Это, вероятно, отражает общий план застройки площадки городища; такая ориентировка соответствует направлению края мыса со стороны рч. Килевки (Хлебникова, 1975, с. 234–251).

В северо-восточной части городища на раскопе IX выявлены ямы типа хозяйственных («ледники?»), а также линия ям типа столбовых вдоль обрыва к р. Каме. Некоторые исследователи XIX в. сообщали, что мыс со стороны р. Камы и рч. «Каменный Мост» (Килевки) обрыт и «с севера сделан небольшой ров» (Артемьев, 1851, с. 10). Было

бы заманчиво увязывать выявленные ямы типа столбовых с какими-то оборонительными объектами, но, скорее всего, они имели хозяйственное назначение и являются следами ограждений (Бахматова, Набиуллин, 2021, с. 43–54).

Таким образом, все выявленные культурные напластования, объекты, вещевой материал с территории городища датированы в пределах X – первой трети XIII вв. Золотоордынские материалы здесь не выявлены, традиционная точка зрения о восстановлении валов городища после монгольского нашествия по данным проведенных исследований пока не подтверждается (Набиуллин, 1998, с. 219–223).

Близкую датировку имеет расположенное за оборонительными укреплениями Крутогорское селище, на котором был выявлен могильник (рас-

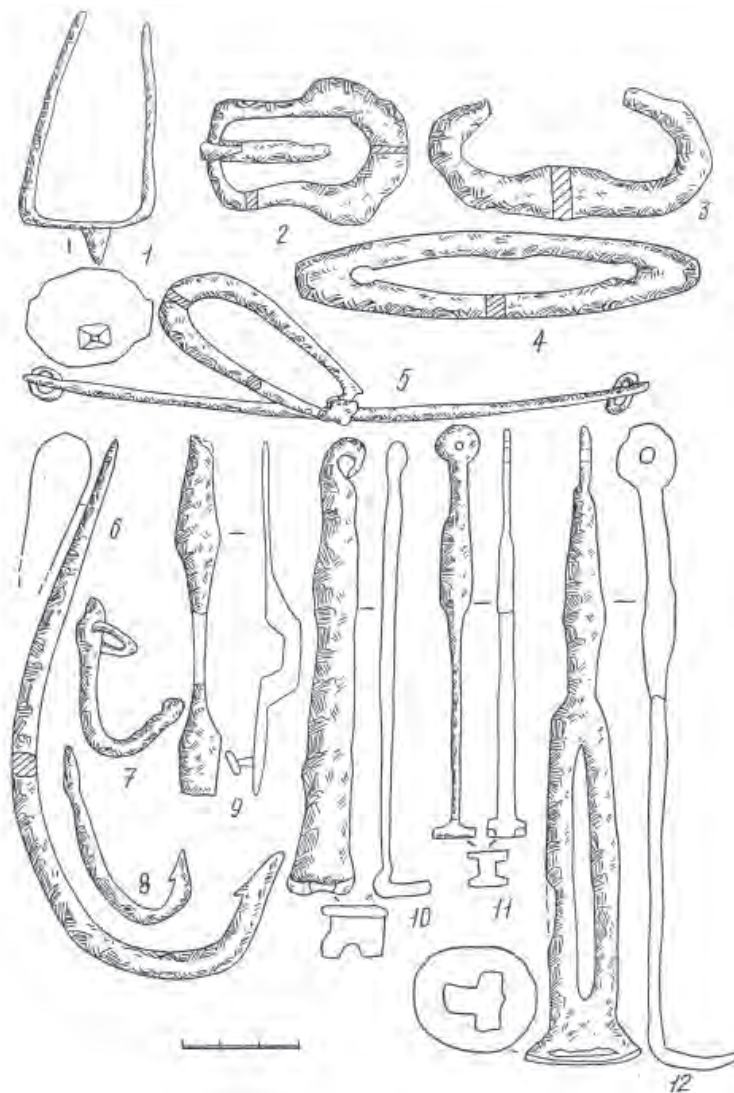

Рис. 48. Донауровское селище – «западный посад» Джукетау.

Железные предметы из раскопа III 1991 и 1993 гг.

- 1 – шип ледоходный; 2 – лировидная пряжка; 3, 4 – кресала; 5 – деталь весов; 6, 8 – рыболовные крючки; 7 – колчанный крючок; 9 – петля от колчана; 10–12 – ключи от замков.

коп VIII). Его исследованная часть датирована первой половиной домонгольского времени. Захоронения совершены с чертами устоявшегося мусульманского обряда, но одновременно и признаками отклонений от него. В нескольких случаях за головой погребенных находилось значительное свободное пространство, что, по мнению специалистов, может являться «реликтом древних погребальных традиций части населения Болгарии» (Халикова, 1986, с. 95). Примечательной особенностью исследованного участка является повышенное содержание керамики с толченой раковиной в тесте, особенно в нижнем горизонте домонгольского слоя (Набиуллин, 2003а, с. 44–61).

Исследования Донауровского селища – «западного посада» Джукетау. В 1970-е годы Т.А. Хлебникова и в 1990-е годы Ф.Ш. Хузин в прибрежной

части рч. Килевки на раскопах II, III выявили ряд домонгольских объектов (рис. 53А; 53Б) (Хлебникова, 1975, с. 234–251; Хузин, Набиуллин, 1999, с. 90–113).

С основанием нижнего горизонта домонгольского слоя связаны небольшие столбовые ямки, расположенные, как правило, без определенной системы. На ряде участков раскопа эти ямки сохранились, может быть, от забора-частокола, на месте которого позднее, также в домонгольское время, было построено сооружение наземного типа. Его расплывчатые очертания были прослежены в виде ориентированного по линии север – юг подпрямоугольного пятна древесного угля, тлена, обожженной глины площадью 640×600 см (рис. 53А). В пределах этого объекта выявились остатки нижней части неоднократно ремонтиро-

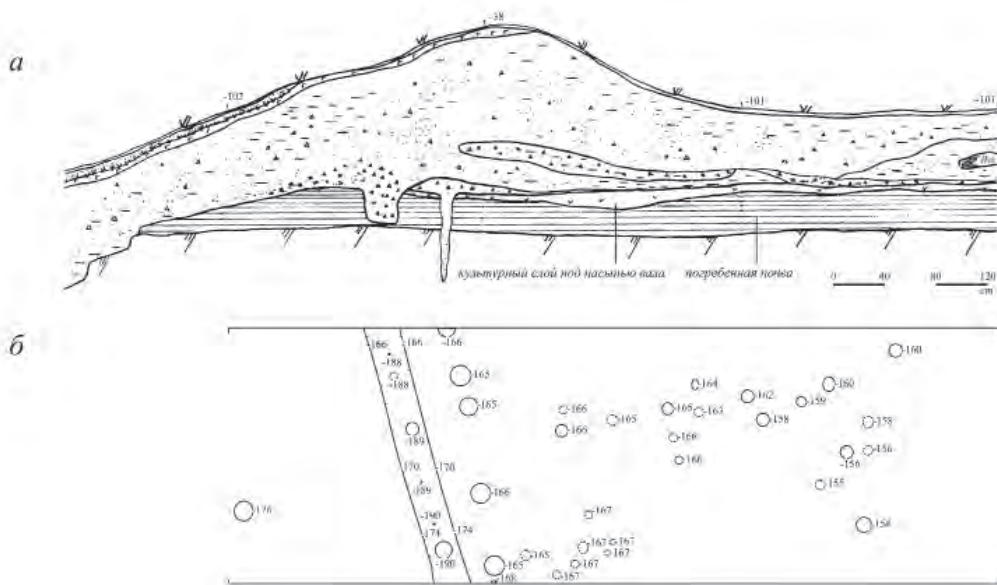

Рис. 49. Городище Джукетау. Раскоп VII 1997 г. Профиль северо-западной стенки внутреннего вала (а) и план объектов под насыпью вала (б).

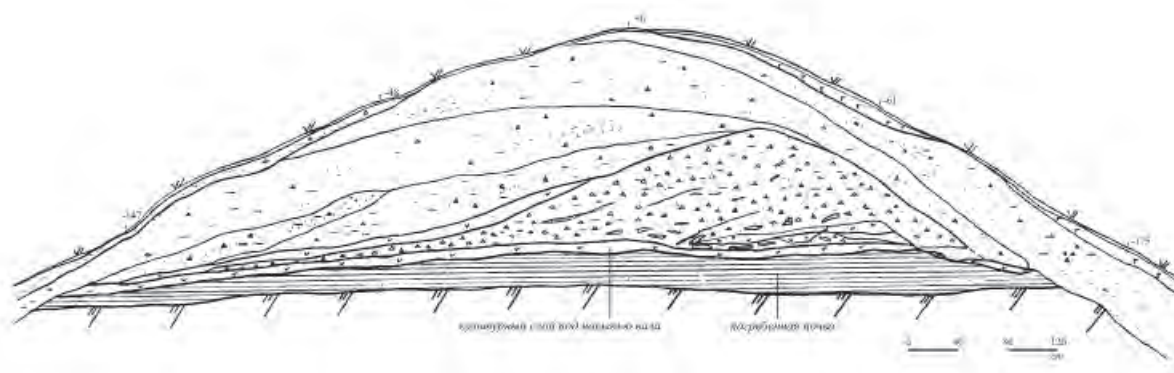

Рис. 50. Городище Джукетау. Раскоп VII 1997 г. Профиль северо-западной стенки среднего вала.

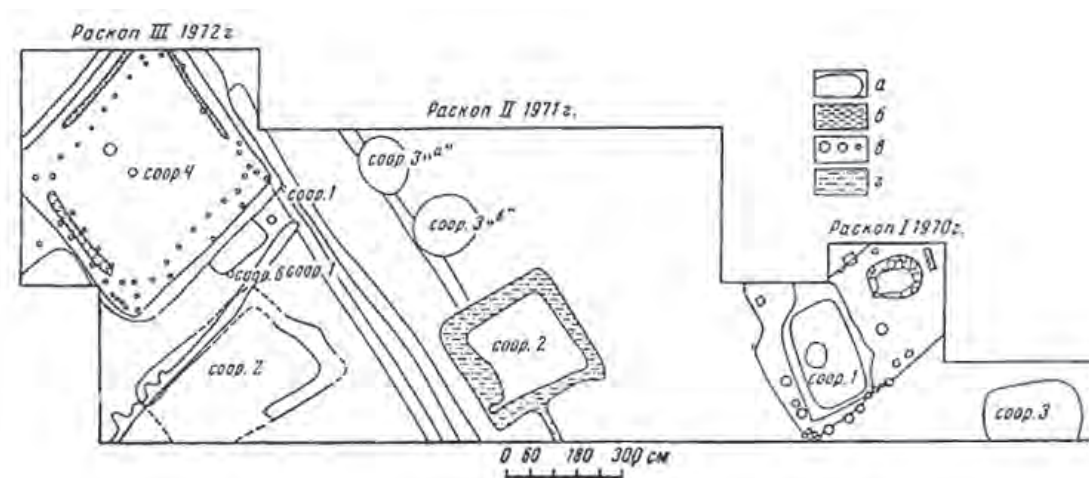

Рис. 51. Городище Джукетау. План сооружений раскопов I–III 1970–1972 гг. (по Т.А. Хлебниковой).

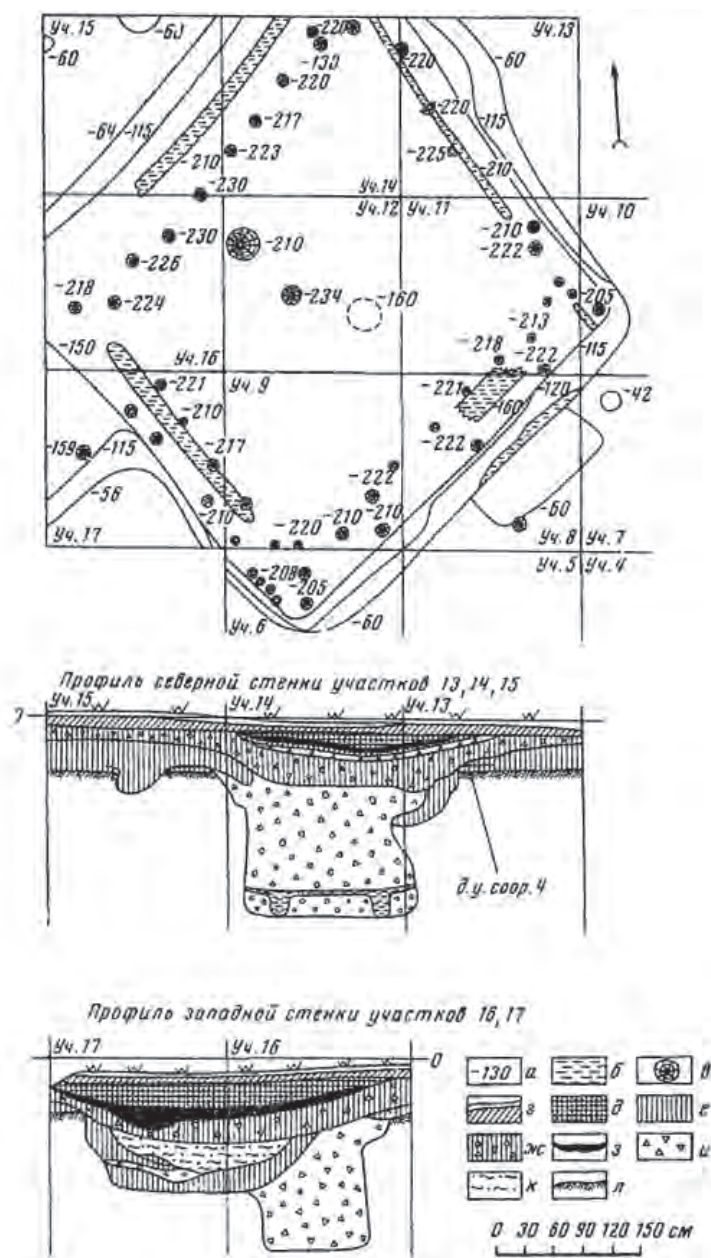

Рис. 52. Городище Джукетау. Сооружение 4 на раскопе Ш 1972 г. (по Т.А. Хлебниковой)
 Условные обозначения: а – глубина от условного 0; б – древесная труха; в – пятна столбовых ям; г – дерн и слой пашни; д – серая супесь; е – буро-серый суглинок; ж – супесчано-суглинистый грунт с известняковой крошкой; з – разложившийся уголь; и – каменная крошка; к – золистая супесь; л – материк.

вавшейся печи, сооруженной на глиняном основании подпрямоугольной формы (120×140 см). Сложена она была из известнякового плоского камня с углублением основания в суглинистый грунт, верхняя часть печи, видимо, была глинобитной.

К верхним напластованиям домонгольского слоя восходят остатки еще одной жилой постройки размерами не менее 7×6 м, ориентированной по линии север – юг. Выборкой пятна прокала выявлена яма глубиной 60 см. На дне сооружения и возле него зафиксированы остатки столбовых ям, которые могли иметь отношение к конструкции постройки (Хузин, Набиуллин, 1999, с. 90–113).

В центральной части селища на раскопе I выявлена домонгольская часть Донауровского могильника. Все погребения совершены по мусульманскому обряду. Однако, как отмечала Е.А. Халикова, «материалы Донауровского могильника, в частности неустойчивость деталей обряда и отсутствие гвоздей, подтверждают наблюдения об особенностях ритуала ранних мусульманских кладбищ Волжской Болгарии» (Халикова, 1986, с. 93–95; Хлебникова, 1975, с. 234–251).

Продолжение могильника было выявлено чуть южнее, на раскопе VI. Здесь выявлено 22 погребения, в трех случаях прослежены следы деревян-

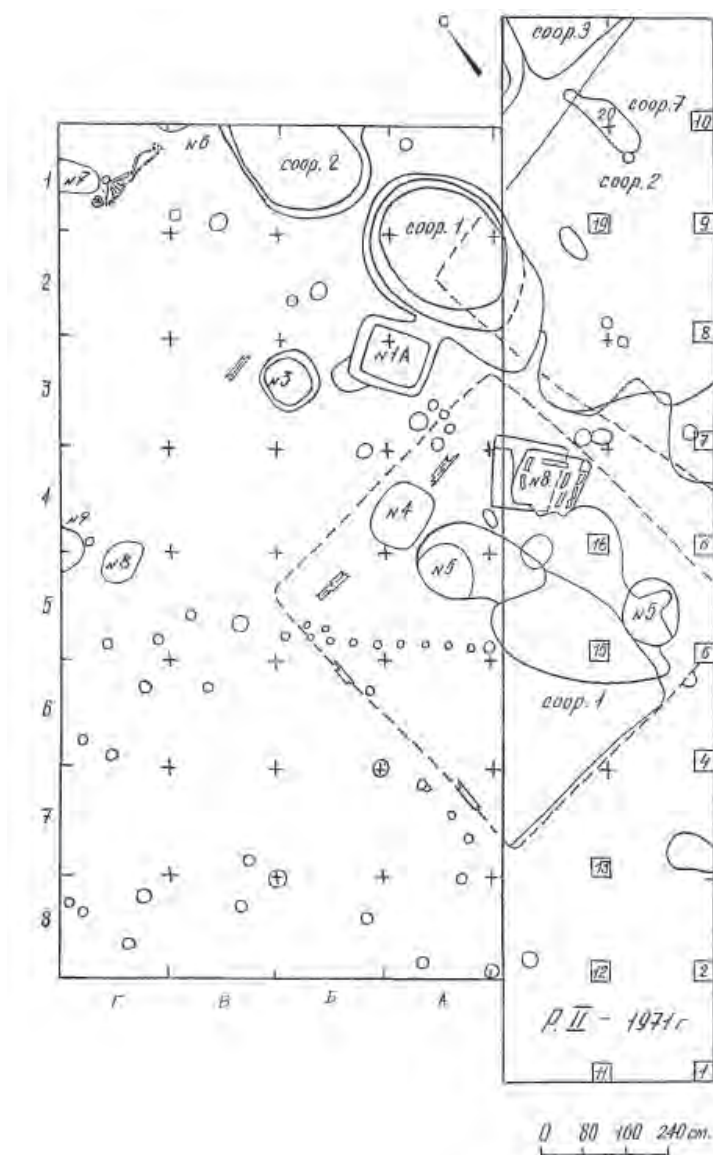

Рис. 53А. «Западный посад» Джукетау (Донауровское селище).
План раскопа II 1971 г. и раскопа III 1991 и 1993 гг.

ных конструкций типа колод, в двух других зафиксировано по одному железному гвоздю, в одном случае был выявлен подбой в стене могильной ямы. Исследованный участок могильника датируется в пределах XI–XII вв. Кроме этого, выявлено несколько останков, которые лежали на спине, головой на северо-восток, восток. Складывается впечатление, что они были захоронены в спешном порядке (Газимзянов, Набиуллин, 2011, с. 21–28).

Таким образом, так же как городище и прилегающие к нему территории правобережья рч. Килевки, ее левобережье начало осваиваться еще в самом начале домонгольского времени. Раскрытие динамики этого процесса еще требует исследований. Пока лишь можно говорить, что во второй половине X – XI вв. эта территория занимала береговую полосу р. Камы и рч. Килевки, а

в последующее время росла к югу и юго-западу. В домонгольское время использовалась главным образом прибрежная территория, ограниченная рч. Килевкой и Большой Овраг (Второй Килевкой). В северной части селища обнаружены жилые, хозяйственные сооружения и участок мусульманского могильника, который в определенной мере маркирует границы поселения. С ростом территории поселения могильник отступал на юг, а прежняя его территория постепенно обживалась.

В целом низкое левобережье рч. Килевки было более удобным и благоприятным для жизнедеятельности по сравнению с городищем и прилегающими территориями на противоположном высоком правом берегу. В историческом отношении домонгольская часть Донауровского селища рас-

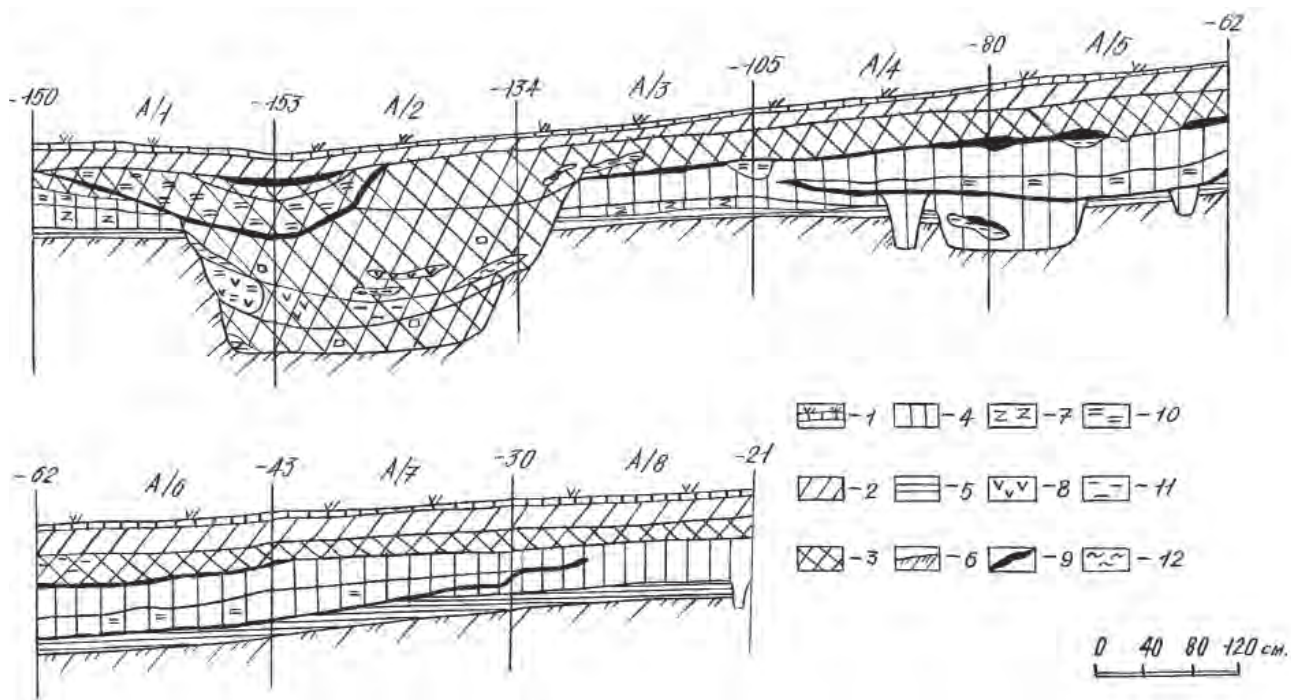

Рис. 53 Б. Профиль юго-восточной стенки раскопа III 1991 и 1993 гг.

Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – буро-коричневая супесь (I слой); 3 – светло-серая супесь (II слой, золотоордынский); 4 – буро-серая супесь (III слой, домонгольский); 5 – погребенная почва; 6 – материк; 7 – древесные остатки; 8 – углистые вкрапления; 9 – углистая прослойка; 10 – обожженная глина; 11 – глина; 12 – зола.

смачивается как археологические остатки городского посада. В последующую золотоордынскую эпоху она станет частью основной территории города «открытого типа».

Хозяйственная деятельность, ремесло, вещевой материал. Особенности материальной культуры. Как и основная масса населения Волжской Болгарии, жители Джукетау занимались земледелием и скотоводством; прибрежное расположение города предполагало занятие рыболовством (Петренко, Асылгараева, 2002, с. 198–203; Петренко и др., 2012, с. 274–281).

В вещевом комплексе Донауровского селища достаточно весомо и разносторонне представлены инструментарий и предметы труда ремесленников, но не всегда удается разделять материалы домонгольского и золотоордынского периодов. Также пока не выявлены производственные сооружения, в том числе связанные с гончарным делом, черной и цветной металлургией и металлообработкой (Семькин, Набиуллин, 2007, с. 100–109), надежно датированные домонгольским временем.

Ножи, ножницы, точила, шилья, проколки, иглы и другие предметы фактически являются орудиями, предметами хозяйственной деятельности, хотя широко использовались в повседневности. Собственно предметы быта представлены глиняной и металлической посудой, замками и ключами, дверными накладками, различными

цепными системами, крюками, светцами и др. Выразительными находками являются предметы вооружения (Набиуллин, Измайлов, 2021, с. 80–89), снаряжения верхового коня и всадника, предметы одежды, украшения (Набиуллин, Храмченкова, 2013, с. 240–244), предметы туалета.

В домонгольское время более многочисленны изделия из кости; прослежены такие способы обработки кости, как пиление, сверление, шлифование и др. Прядение и ткачество, видимо, носили традиционный, кустарно-домашний характер.

Очевидно, большинство изделий является продукцией местных ремесленников, однако не всегда есть четкие критерии, которые позволяли бы уверенно отличать их от импортных предметов. Внешние связи и торговые отношения Джукетау археологически фиксируются в находках торгового инструментария, предметах импорта, среди которых лазуритовые подвески, шиферные пряслица, подвески из янтаря и его необработанные куски и др.

Таким образом, комплекс вещевого материала Джукетау отражает практически все области жизнедеятельности его населения – ремесло, сельское хозяйство, торговлю, промыслы, военное дело, быт, духовную культуру (Набиуллин, 2003б, с. 184–190).

Являясь представительным памятником археологической культуры волжских болгар, Джукетау

Рис. 54. Керамика «джукетау» из городища Джукетау.

в то же время характеризуется особенностями материальной культуры, в первую очередь заметным присутствием в керамическом комплексе оригинальной посуды «джукетау» (по Т.А. Хлебниковой). Это посуда преимущественно горшковидных и чашевидных форм, изготовленная вручную или с использованием гончарного круга, с обильными включениями крупного песка в тесте, с подцилиндрической или раструбообразной горловиной, орнаментированная по плечу многорядной крутой волной (рис. 54).

В отличие от других «традиционных» групп, которые постепенно выходят из употребления, она продолжает составлять на разных участках памятника до половины и более в керамическом комплексе, сохраняя практически все свойственные ей признаки (Хлебникова, 1984, с. 167–170, 194–198, 229–231; Васильева, 1993, с. 74, 75, 100, 115, 116, 134, 184; Кокорина, 2002, с. 31–35, 45–48, 82, 85, 91–94, 180; Казаков, 2007, с. 52, 53, 58; Бахматова, Набиуллин, 2013, с. 232–235; Бахматова, 2021).

Первоначально характерные черты посуды «джукетау» в большей степени были связаны с самобытностью населения, которое ее изготавливало. Впоследствии в условиях крупного городского центра эти особенности приобрели характер ремесленно-производственных и стали отражаться в материальной культуре поселений, экономически связанных с Джукетау.

Чистопольское побережье в домонгольское время. Как было указано выше, первоначальное заселение болгарами территории будущего города Джукетау относится к X в., однако более узкая дата и динамика превращения этого поселения в город остаются пока не уточненными. Традиционно считается, что ключевую роль в истории города Джукетау сыграло его выгоднейшее ситуационное расположение на участке Камского торгового пути. Т.А. Хлебникова считала, что время выхода Джукетау на политическую арену истории Волжской Болгарии могло начаться еще в домонгольский период и было связано с созреванием условий для возникновения удельного «княжества»

и со столкновениями с русскими князьями, стремившимися к более прочному положению в низовьях р. Камы. Но во время набега русских князей на болгар в 1220 г. «Жукотин» еще не упоминается в летописях среди других городов. Вместе с тем, скорее всего, уже не позже второй половины домонгольского периода Джукетау превращается в экономический и культурный городской центр Нижнего Прикамья (Хлебникова, 1975, с. 249, 250), с которым связаны поселения определенной «округи» (Казаков и др., 1987, с. 36; Хузин, 1993, с. 23, 24; Хузин, 2001, с. 154–159; 2006, с. 165–168; Набиуллин, 2007а, с. 138–155; 2007б, с. 103–114).

Возникновение укрепленного поселения на западной окраине современного г. Чистополя на мысу рч. Килевки при впадении ее в р. Каму логично вписывается в общую систему расположения относительно синхронных друг другу домонгольских городищ на камском побережье. У восточной границы современного г. Чистополя в домонгольское время возникает Змеевское I городище на мысу с крутыми склонами между р. Камой (Прость) и р. Ерыклой. К городищу прилегают селища, что дает основание предполагать, что его функция не ограничивалась только оборонительной.

Сегодня есть веские основания предполагать, что в домонгольское время между Джукетау и Змеево, на почти одинаковом расстоянии от обоих, существовало как минимум еще одно городище. Перспективной для поиска следов оборонительных укреплений является прибрежная часть

исторического центра г. Чистополя, возможно, мыс «Пикановка» на левом берегу рч. Берняжки при впадении ее в р. Каму (Прость). Фрагменты болгарской глиняной посуды фиксируются между рч. Берняжкой и ныне засыпанной рч. Чистополкой, выше по рч. Берняжки и ее притоку рч. М. Берняжки (Студеный ключ). В культурном слое г. Чистополя средневековые напластования пока не выделены, однако в нем присутствует переотложенная болгарская керамика, представленная посудой общеполгарской, «джукетау», с примесью в тесте толченой раковины и шамота. Создается впечатление, что эти немногочисленные, но выразительные культурные остатки имеют домонгольский облик, что соотносится и с имеющимся подъемным материалом (Набиуллин, 2019б, с. 194–207). Преэминентность в освоении территории в золотоордынское время маркируют эпиграфические памятники XIII–XIV вв. на Старотатарском кладбище г. Чистополя (Набиуллин и др., 2008, с. 6).

Поселения чистопольского побережья и их локальные группы были связаны между собой определенными экономическими, культурными и прочими взаимоотношениями. Оставаясь на данном этапе исторического развития в значительной степени автономными, самодостаточными и не составляя единого территориального комплекса, они, вероятно, стали той основой, на которой в последующую золотоордынскую эпоху происходит их экономическое и политическое объединение вокруг Джукетау.

ДРЕВНЯЯ КАЗАНЬ

История археологического изучения Казани начинается во второй половине XIX в., когда в разных частях ее территории проводились специальные наблюдения за земляными работами и сборы случайных находок, большинство которых хранится в настоящее время в фондах Государственного музея Республики Татарстан. Среди этих находок примечательны клады 1861, 1879, 1893 и 1909 гг., состоящие из большого количества джучидских и древнерусских монет XIV – первой половины XVI вв.; гипсовые архитектурные орнаменты (герихи) от кирпичного или каменного здания XV–XVI вв. в районе Благовещенского собора; предметы вооружения и конского снаряжения, в том числе наконечники стрел и копий, боевые топоры, каменные ядра, обрывки кольчуги, а также обломки болгаро-татарской керамики (рис. 55). В результате этих сборов в руки исследователей попали материалы, свидетельствующие о возникновении города не позднее XIV в.

Изучение древностей Казани в 1925–1954 гг. связано в основном с именем Н.Ф. Калинина, известного советского археолога, крупнейшего знатока средневековой истории нашего города. В 1925 г. он совместно с проф. В.Ф. Смолиным проводил наблюдения на водопроводной траншее, проложенной в Кремле южнее башни Сююмбике. Здесь были прослежены и впервые документально зафиксированы культурные напластования, нижний горизонт которых (слой ханской Казани) содержал многочисленную красноглиняную болгаро-татарскую керамику.

В 1928–1929 гг. экспедиция по изучению болгарских городов наряду с раскопками на Биллярском и Джукетауском городищах начала археологическое изучение и Казанского Кремля. К северу и востоку от Благовещенского собора под руководством проф. И.Н. Бороздина была заложена серия шурфов, один из которых расширили до масштабов раскопа. Н.Ф. Калинин, участник экс-

педиции, отмечал, что во всех шурфах прослеживалась довольно четкая стратиграфия культурных отложений с остатками древних сооружений. Нижний слой «немалой толщины», содержащий болгаро-татарскую керамику, исследователь датировал временем Казанского ханства (Ситдииков, 1999).

Интересные материалы были получены в шурфах 1929 г. у южной стены башни Сююмбике. На глубине 140–150 см от современной поверхности был выявлен слой Казани ханского периода, стратиграфически разделенный на три горизонта. В основании нижнего, древнейшего горизонта наряду с фрагментами немногочисленной болгарской керамики был обнаружен железный топор, широко распространенный в средневековых памятниках XII – первой половины XIII вв. (Древняя Казань, 1996, с. 309–310). Шурфовка северо-западного угла Дворцовой церкви выявила под русским фундаментом второй фундамент из тесаных камней, «резко отличающийся от русского и близкий к болгарским известняковым кладкам» (Калинин, 1955, с. 119).

Привлекают внимание материалы, полученные Н.Ф. Калининым в 1935 г. из небольшого раскопа у северной стены Кремля. В культурном слое мощностью 4,5 м было прослежено 11 стратиграфических горизонтов. Обнаруженные в древнейшем слое фрагменты глиняной посуды имели яркие аналогии на золотоордынских и болгарских городищах. В числе датирующих находок Н.Ф. Калинин указывал также на железный наконечник стрелы, бытовавший преимущественно в домонгольское время. Однако выделить соответствующие им слои исследователь не рискнул из-за малочисленности находок.

Следующий этап археологических исследований Казани охватывает 1971–1978 гг. Раскопки проводились под общим руководством проф. А.Х. Халикова. Главной целью возобновившихся исследований было установление местоположения первоначальной Казани и времени ее возникновения.

Принципиально важными для понимания ранних этапов истории Казани были раскопки 1974 г. в центральной части сквера перед Губернаторским дворцом, где были выявлены остатки культурных напластований города болгаро-татарского периода. Самый нижний, древнейший слой, толщина которого не превышала 10 см, дал небольшой, но очень ценный датирующий материал – глиняную посуду с явными чертами домонгольского гончарства (Шавохин, 1976а, с. 37–38). Таким образом, впервые документально удалось установить наличие в напластованиях Казанского Кремля слоя домонгольского времени.

Раскоп I 1975 г., заложенный Л.С. Шавохиним к югу от Благовещенского собора, на территории сквера, опять же вскрыл отложения болгаро-татарской эпохи, в том числе и домонгольского времени. Древнейший слой мощностью до 15 см, по наблюдениям исследователя, «представляет собой переработанный почвенный грунт с тонкими прослойками подзолистой супеси и угля, который связан, вероятно, с выжиганием растительности на месте первоначального города» (Шавохин, 1976б, с. 208). Было изучено несколько хозяйственных сооружений. Среди находок кроме гончарной керамики был железный наконечник стрелы, характерный для X – начала XIII вв.

Крупные археологические исследования в Казанском Кремле проводились А.Х. Халиковым в 1976–1978 гг. В районе башни Сююмбике, несколько южнее, были выявлены следы древнейшей оборонительной стены города, которые сохранились в виде остатков земляной насыпи шириной около 3 м, имеющей еще какие-то дополнительные деревянные конструкции. У Тезицкого оврага, недалеко от здания бывшего Министерства здравоохранения, ранние укрепления представляли собой земляной вал шириной основания около 10–12 м с остатками белокаменной стены толщиной 1,5–1,8 м по верху. Все они были сооружены, по утверждению исследователя, при основании города, что доказывалось стратиграфически и комплексом вещевых находок XII–XIII вв. (Халиков, 1985).

Основным достижением археологических исследований 1970-х годов можно считать создание основ стратиграфии и хронологии культурных отложений Казанского Кремля. Данная стратиграфическая шкала, требующая, по мнению А.Х. Халикова, дальнейших уточнений на основе более массовых материалов, выглядела следующим образом (Халиков, 1985, с. 90, 92): слой I, современный, датируется XIX–XX вв.; слой II («русский») отложен во второй половине XVI–XVIII вв.; слой III («ханский») накоплен в период существования Казанского ханства в 1445–1552 гг.; слой IV («золотоордынский») отложился в период существования Казани в качестве столицы одноименного княжества во второй половине XIII – первой половине XV вв.; слой V («домонгольско-болгарский») отражает древнейший период города, время его возникновения и функционирования в качестве военной крепости во второй половине XII – первой половине XIII вв.

Современный этап в истории археологического изучения г. Казани начался в 1994 г., когда в целях сохранения, реставрации, изучения и использования памятников Кремля был создан Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль»,

Рис. 55. План Казанского кремля с обозначением раскопов, мест наблюдений и случайных находок

1 – находки архитектурных деталей в 60-х гг. XIX в.; 2 – клад русских монет 1861 г.; 3 – клад монет 1878 г.; 4 – обломок надгробного камня, обнаруженного в 1935 г.; 5 – шурфы за Благовещенским собором 1928–1929 гг.; 6 – шурфы в саду Совмина 1928 г.; 7 – шурфы у башни Сююмбеки 1929 г.; 8 – шурфы у бывш. Дворцовой церкви 1929 г.; 9 – шурф у церкви Киприана и Устинии; 10 – раскоп 1935 г.; 11 – траншея 1947 г.; 12 – 1 траншея 1948 г.; 13 – наблюдения у Спасской башни; 14 – траншея 1925 г.; 15 – 2 траншея 1948 г.; 16 – раскоп 1 1953 г.; 17 – раскоп 2 1953 г.; 18 – раскоп 1 1954 г.; 19 – раскоп 1954 г.; 20 – шурф 1 1970 г.; 21 – шурф 2 1970 г.; 22 – раскоп 1 1971 г.; 23 – раскоп 2 1971 г.; 24 – раскоп 3 1971 г.; 25 – раскоп 4 1971 г.; 26 – раскоп 1 1972 г.; 27 – раскоп 2 1972 г.; 28 – раскоп 3 1972 г.; 29 – раскоп 1 1973 г.; 30 – раскоп 1 1974 г.; 31 – раскоп 2 1974 г.; 32 – шурф 1 1974 г.; 33 – шурф 2 1974 г.; 34 – шурф 3 1974 г.; 35 – шурф 4 1974 г.; 36 – раскоп 1 1975 г.; 37 – шурф 1 1975 г.; 38 – шурф 2 1975 г.; 39 – шурф 3 1975 г.; 40 – шурф 4 1975 г.; 41 – раскоп 1 1976 г.; 42 – раскоп 2 1976 г.; 43 – шурф 1 1976 г.; 44 – шурф 2 1976 г.; 45 – шурф 3 1976 г.; 46 – шурф 4 1976 г.; 47 – раскоп 1 1977 г.; 48 – раскоп 2 1977 г.; 49 – раскоп 3 1977 г.; 50 – раскоп 4 1977 г.; 51 – раскоп 5 1977 г.; 52 – шурф 1 1977 г.; 53 – шурф 2 1977 г.; 54 – раскоп 1 1978 г.; 55 – раскоп 2 1978 г.; 56 – раскоп 3 19878–1979 гг.; 57 – шурф 1 1978 г.; 58 – шурф 2 1978 г.; 59 – шурф 3 1978 г.; 60 – котлован под кафе 1976 г.; 61 – шурф 1, 2 1993 г.; 62 – раскоп I 1994–1995 гг.; 63 – рас-

коп II – 1994–1997 гг.; 64 – раскоп III 1995 г.; 65 – раскоп IV 1995–1996 гг.; 66 – раскоп V 1995 г.; 67 – траншея 1996 г.; 68 – раскоп VI 1996 г.; 69 – раскоп VII 1996 г.; 70 – раскоп VIII 1995 г.; 71 – раскоп IX 1997 г.; 72 – раскоп X 1997–1998 гг.; 73 – раскоп XI 1999 г.; 74 – шурф 1995 г. в казармах Юнкерского училища; 75 – наблюдения в котловане столовой; 76 – раскоп XII 1997 г.; 77 – раскоп XIII 1997–1998 г.; 78 – раскоп XIV 1997 г.; 79 – раскоп XV 1997–1998 гг.; 80 – раскоп XVI 1998 г.; 81 – раскоп XVIIА 1998 г.; 82 – раскоп XVII Б 1998 г.; 83 – раскоп XVIII 1998 г.; 84 – раскоп XIX 1998 г.; 85 – раскоп XX 1998 г.; 86 – раскоп XXI 1998 г.; 87 – раскоп XXII 1998 г.; 88 – наблюдения за водопроводной траншеей; 89 – раскоп XXIV 1999 г.; 90 – раскоп XXXI 1999 г.; 91 – раскоп XXX 1999 г.; 92 – раскоп XXXIII 1999 г.; 93 – раскоп XXXIV 2000 г.; 94 – раскоп XXXV 2000 г.; 95 – раскоп XXXVI 2000–2001 г.; 96 – раскоп XL 2001 г.; 97 – раскоп XLI 2001 г.; 98 – раскоп XLII 2001 г.; 99 – раскоп XLIII 2001 г.; 100 – раскоп XLIII А–В 2001 г.; 101 – раскоп XLV 2001 г.; 102 – раскоп XLVI 2001 г.; 103 – раскоп XLVII 2001 г.; 104 – раскоп XLVIII 2001 г.; 105 – раскоп XLIX 2001 г.; 106 – раскоп L 2001 г.; 107 – раскоп LI 2001–2002 гг.; 108 – раскоп LII 2002 г.

выступивший инициатором организации крупномасштабных и планомерных раскопок на его территории. Эти раскопки проводила объединенная археологическая экспедиция Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казанского государственного университета и Музея-заповедника «Казанский кремль» под руководством Ф.Ш. Хузина.

В 1994–2005 гг. на территории Кремля и прилегающей к нему территории средневекового посада было заложено 64 раскопа общей площадью более 3 тысяч кв. м при средней мощности культурного слоя около 3 м. На 22 из них (раскопы I–III, V, VI, IX–XI, XIII–XVI, XVIII–XX, XXII, XXV, XXVIII, XXX, XXXIII, XXXIV, XXXVII, см. рис. 42), расположенных преимущественно в северной половине Кремля, а также в восточном посаде, выявлен древнейший слой или же обнаружены ранние материалы во вторичном залегании. В результате накоплен значительный фонд археологических источников по истории древнейшей Казани, часть которых опубликована в различных изданиях (Хузин, 1999; Хузин, Ситдилов, 2005; Ситдилов, 2000; 2006; Хлебникова, 2000 и др.).

Стратиграфия и хронология культурного слоя. Новые исследования подтвердили и в какой-то степени уточнили стратиграфическую шкалу культурного слоя, разработанную в 1970-х годах А.Х. Халиковым. Согласно этой шкале, культурные отложения Кремля, имеющие мощность от 1–3 до 8 и более метров на разных участках, делятся на пять разновременных слоев, нижний из которых, V, самый ранний, накоплен в домонгольское время (рис. 56а, б). По составу грунта это гумусированная серая супесь с мелкими углистыми вкраплениями, подстилающаяся погребенной почвой в виде подзола. В основании слоя прослеживается тонкая углистая прослойка, оставшаяся, по-видимому, от выжигания растительности в самый начальный период освоения болгарами территории современного Кремлевского холма. Мощность слоя небольшая – от 5 до 20, местами до 25 см вне объектов. Относительно слабо насыщен находками и сооружениями. По составу грунта и содержанию он очень близок к раннему VI

слою Болгарского городища (Хлебникова, 1987, с. 46 и сл.).

Небольшая мощность V слоя объясняется тем, что в это время раннее поселение на высоком, естественно укрепленном мысу между Казанкой и Булаком выполняло, очевидно, преимущественно роль военно-оборонительного пункта, своеобразного убежища для основного населения, проживающего в пригороде или посаде, следы которого также были выявлены к востоку от Кремля. По-видимому, характером поселения обусловлено и небольшое количество сооружений из V слоя – всего около двух десятков хозяйственных построек и ям, несколько жилищ. Конечно, следует принимать во внимание и сильную нарушенность слоев более поздними сооружениями.

Определение времени отложения древнейшего слоя памятника всецело базируется на вещественных находках из раскопок. Заметим, что некоторые из них – образцы гончарной посуды, шиферные пряслица, железные наконечники стрел, стеклянные браслеты киевского производства, сердоликовая бипирамидальная бусина и пр. были опубликованы еще А.Х. Халиковым (1985, рис. 5; 6). Раскопки 1994–2005 гг. значительно дополнили список датирующих материалов.

В числе массовых находок из древнейшего слоя следует отметить фрагменты гончарных сосудов (горшки, корчаги, кувшины, кринки, миски, чашки, кружки, триподы) преимущественно коричневого и желто-красного цвета, хорошего обжига, с характерным полосчатым лощением и линейно-волнистым орнаментом (рис. 44; 45), широко распространенных в памятниках Волжской Болгарии X – начала XIII вв. (Хлебникова, 2000, с. 41–42).

Керамика общebolгарского типа из древнейшего слоя Кремля нередко сопровождается находками архаичной глиняной посуды, изготовленной вручную с подправкой на медленно вращающемся гончарном круге. Среди них обращают на себя внимание обломки горшковидных сосудов шамотного или шамотно-песочного теста, украшенных небрежно нанесенным волнистым узором по плечу, рифлением по тулову и косыми насечками по краю венчика (всего 25 фр., рис. 57: 1, 2). Подоб-

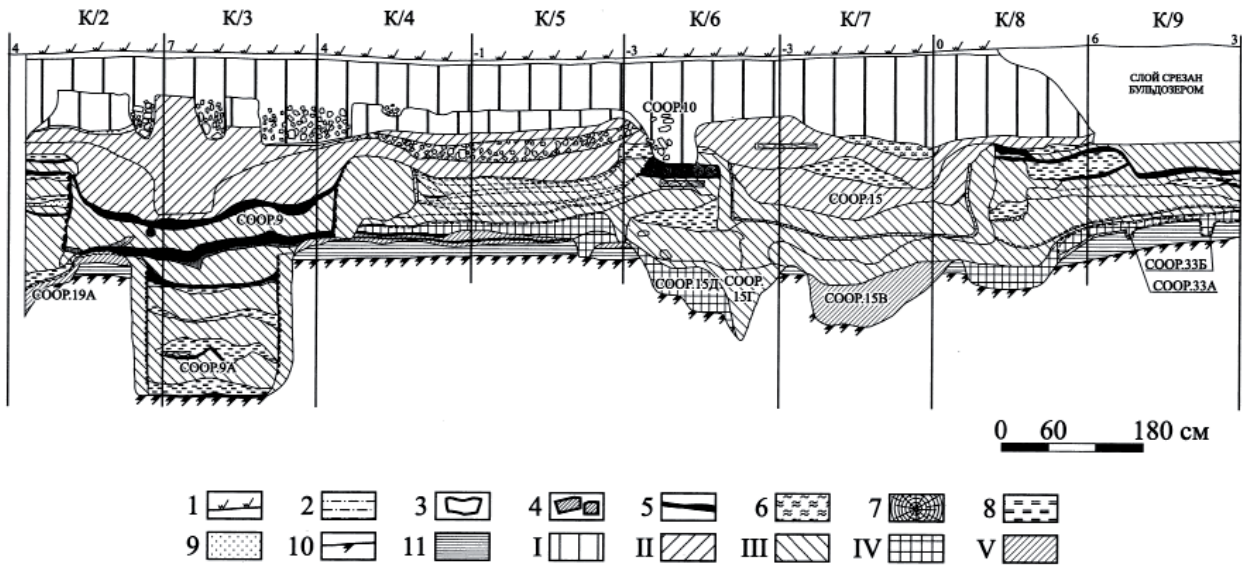

Рис. 56а. Казанский кремль. Профиль восточной стенки раскопа I 1994–1995 гг.

1 – дерн; 2 – желтый суглинок, 3 – камень, 4 – кирпич, 5 – уголь, 6 – зола, 7 – дерево, 8 – обожженная глина, 9 – песок, 10 – материковый желтый суглинок, 11 – серый подзол.

Слой: I – XVIII–XX вв.; II – вторая половина XVI–XVII вв.; III – слой ханской Казани второй половины XV–первой половины XVI вв.; IV – слой княжеской (золотоордынской) Казани второй половины XIII – первой половины XV вв.; V – слой древнейшей Казани начала XI – первой половины XIII вв.

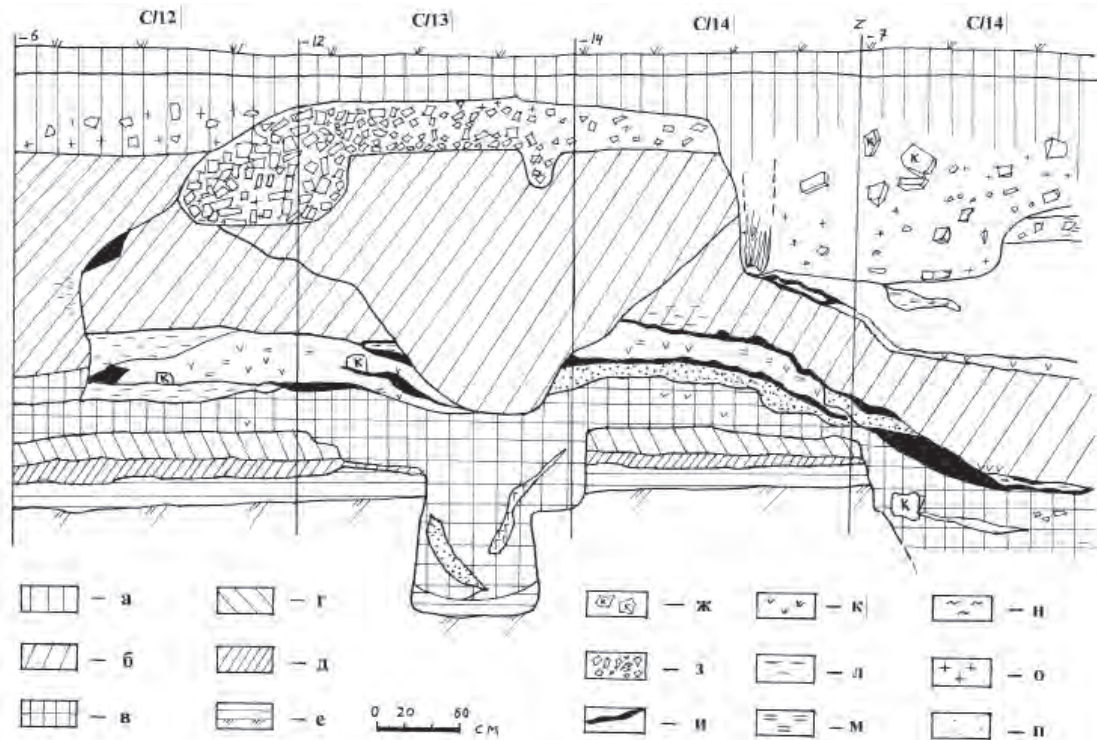

Рис. 56б. Казанский кремль. Профиль восточной (уч. С/12–14) и южной (уч. С/14) стенок раскопа II 1996 г.

а – слой I – современный XVIII–XX вв.; б – слой II – рыхлая светло-серая супесь с включениями кирпичного и известнякового щебня (вторая половина XVI–XVII вв.); в – слой III – бурый пестроцвет с включениями глины и угля (слой ханской Казани второй половины XV – первой половины XVI вв.); г – слой IV – темно-серая супесь с включениями желтого суглинка и подзола (слой княжеской (золотоордынской) Казани второй половины XIII – первой половины XV вв.); д – слой V – плотная серая подзолистая супесь с вкраплениями мелкого угля (слой древнейшей Казани начала XI – первой половины XIII вв.); е – погребенная почва и материк; ж – известняковые камни; з – известняковый и кирпичный щебень; и – углистая прослойка; к – включения древесного угля; л – глина; м – обожженная глина; н – зола; о – известь; п – речной песок.

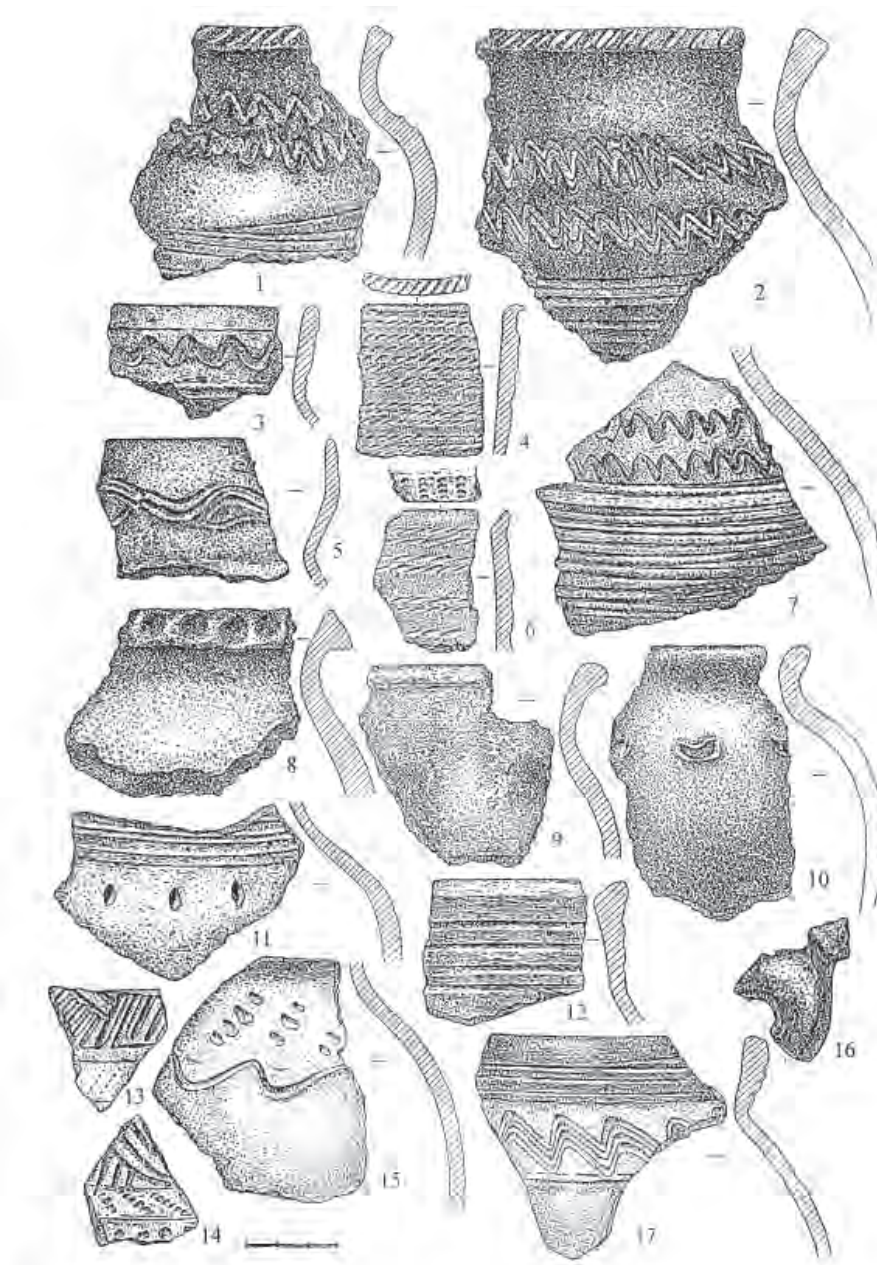

Рис. 57. Фрагменты лепной и гончарной посуды из V слоя раскопов I (4, 9–11, 14, 15, 17), II (6, 12, 16) и III (1, 3, 5, 7, 8, 13) Казанского кремля

ную керамику Т.А. Хлебникова включает в группу XI своей классификации и убедительно сопоставляет ее с кухонной посудой лесостепного варианта салтово-маяцкой (болгаро-аланской) культуры Подонья (Хлебникова, 1984, с. 126, 228). Эта керамика полностью исчезает в начале или первой половине XI в. и в более позднее время практически не встречается в ее классических формах (Хузин, 1995, с. 111–113; Kazakov, Chalikov, Chuzin, 1990, s. 167). Такого же мнения придерживаются и другие исследователи (Кокорина, 1976, с. 227; Хлебникова, 1984, с. 228; Die Keramik, 1990).

Следующая, III группа (по классификации Т.А. Хлебниковой) архаичной посуды из ран-

них отложений Кремля представлена фрагментами горшковидных сосудов с примесью речного песка и растительности (всего 20 фр., рис. 57: 7). Некоторые орнаментированы по плечу волнистыми линиями, пояском пальчатых вдавлений и углублениями в виде «запятах». Исследователями она определяется как кухонная керамика степного варианта салтово-маяцких памятников Подонья (Плетнева, 1967, рис. 25, 7–11). Такая посуда характерна также только для памятников первой половины домонгольского периода.

Среди лепной керамики, изготовленной без применения гончарного круга, выразительна II

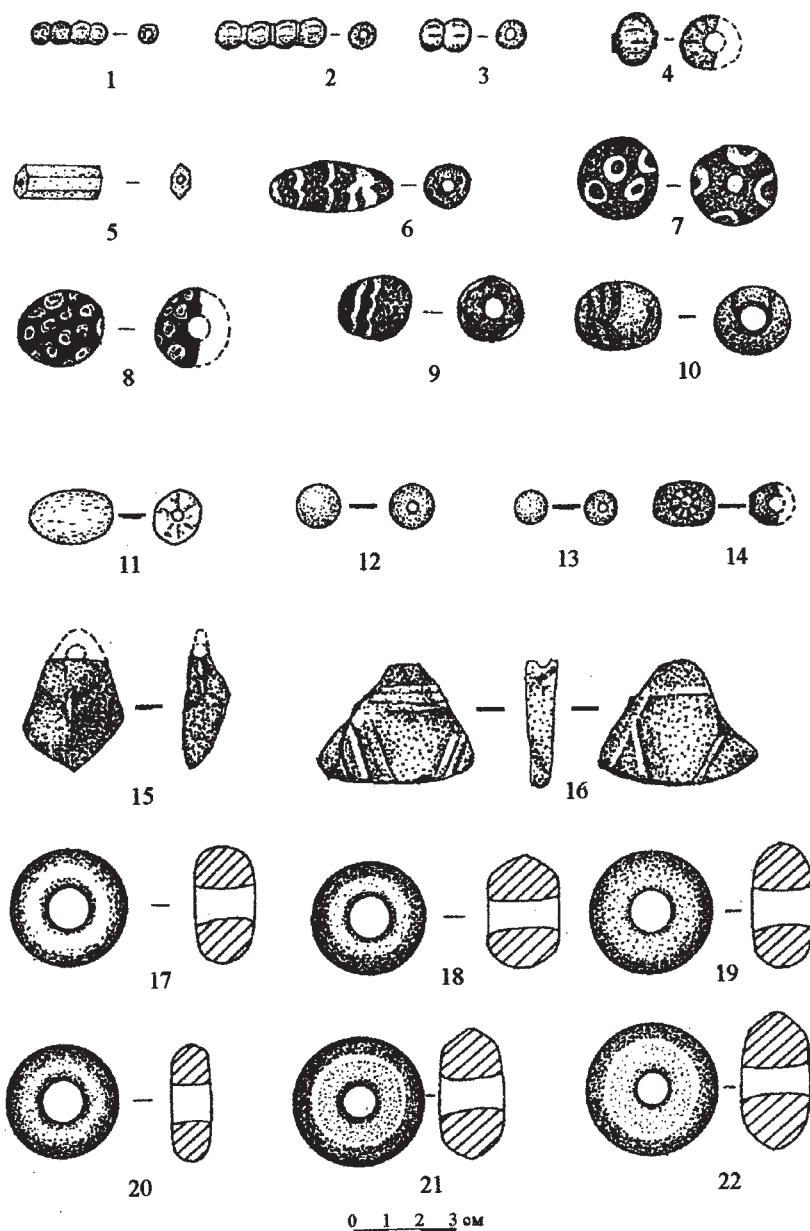

Рис. 58. Бусы, подвески и пряслица из V слоя Казанского кремля.
1–4, 6–14 – стекло, 5 – сердолик, 15 – янтарь, 16 – лазурит, 17–22 – шифер.

группа посуды (всего 19 фр.), истоки которой, судя по исследованиям Т.А. Хлебниковой, обнаруживаются среди кочевнического населения Хазарии (Хлебникова, 2000, с. 43). Она выделана из шамотно-растительного теста и имеет форму широкогорлого горшка с блоковидной горловиной, утолщенным венчиком, оформленным пальчатymi защипами (рис. 57: 8).

Своеобразную категорию архаичной керамики вышеназванных групп составляют крышки в виде плоских дисков с пестикообразными ручками. В наших коллекциях всего 3 обломка крышек и 2 обломка ручки, изготовленные из глины с примесью растительности. Все эти находки обычны в

болгарских памятниках первой половины домонгольского периода (Хлебникова, 1984, с. 98, 140).

Керамика прикамских и приуральских финно-угорских истоков немногочисленна. Посуда VII группы обнаружена в количестве 12 фрагментов. Это круглодонные горшковидные или чашевидные сосуды с подцилиндрической горловиной, орнаментированные веревочными отпечатками, и насечками или гребенчатым штампом по скошенному краю венчика (рис. 57: 4, 5). Такая керамика, получившая название «постпетрогромской», характерна для болгарских памятников домонгольского времени; особенно часто встречается в поселениях второй половины X–XI вв. (Казаков,

1987, с. 72). Более поздние образцы сосудов содержат в глиняном тесте примесь песка и украшены по шейке линейными или волнистыми узорами (рис. 57: 3, 5, 6).

Древний керамический комплекс Казани характеризуется, кроме того, наличием в его составе небольшой группы поливной посуды. Посуда местного изготовления (всего 7 фр.), относящаяся к числу рядовых находок в болгарских поселениях XI–XIII вв. (Макарова, Халиков, 1986, с. 53–60), покрыта поливой зеленого и коричневого цвета.

Украшения – бусы, подвески, браслеты и пр. – составляют наиболее интересную группу находок из домонгольского слоя Казанского Кремля. В них заключена богатая информация, рассказывающая, в числе прочих, и о путях поступления данной категории импортных товаров в Волжскую Болгарию.

В слое V обнаружено более трех десятков бус, изготовленных из стекла и полудрагоценных камней. Часть из них стала предметом исследований проф. Й. Кальмера (Гумбольт-университет, Берлин). В старшую группу бус он включает две четырехчастные бусины (рис. 58: 1, 2), одна из которых с неполным покрытием серебряной фольгой и с бесцветным поверхностным слоем стекла, другая – из темно-синего стекла. По мнению исследователя, такие бусы широко распространены в VIII–IX вв. в Северо-Западной и Восточной Европе (Кальмер, 2000, с. 55). По наблюдениям З.А. Львовой, они производились и позднее (Львова, 1968, с. 88), а в болгарских памятниках и в некоторых верхнекамских могильниках встречаются вплоть до XI в. (Казаков, 1991, с. 148, рис. 47, 43; Полубояринова, 1988, с. 154, 159).

Шаровидная бусина из черного стекла с синими («васильковыми») глазками в белых кружках (рис. 58: 7), по Й. Кальмеру, также характерна для VIII–X вв.; такие бусы полностью выходят они из моды в начале XI в. (Кальмер, 2000, с. 55). Этим же временем датируются две бусины – сердоликовые, неправильной шаровидной формы (рис. 58: 12, 13). По мнению Й. Кальмера, «распространение ранних округлых сердоликовых и некоторых других типов бус является сильным аргументом в пользу функционирования торговых связей через Восточную Европу, от Халифата и Византии, до Балтийского бассейна. Все пять находок из Казанского Кремля являются продуктами полупромышленного изготовления стеклянных и каменных бус в Халифате и, может быть, в Индии» (Кальмер, 2000, с. 55).

К младшей группе исследователь относит 8 бусин. Подшаровидная бусинка с бугорками у

отверстий, так называемая «лимонка», и двухчастная пронизка близкой формы изготовлены из желтого полупрозрачного стекла (рис. 58: 3, 4). В Северо-Восточной Европе они распространены в середине – второй половине X – первой половине XI вв. (Кальмер, 2000, с. 56). Этим же временем датируются бусы-лимонки, находимые в памятниках Волжской Болгарии (Казаков, 1991, с. 148).

Интересна еще одна округлоглазчатая бусина из черного (темно-коричневого) стекла (рис. 58: 8), но она, в отличие от вышеописанной старшей бусины, относится к другому типу: голубые центры глазков значительно меньше, глазки расположены диагональными рядами. Каждый глазок состоит из четырех слоев: изнутри голубое ядро, потом белый, коричневый и еще раз белый слой. По наблюдениям Й. Кальмера, в Северной Европе такие бусы, являющиеся продукцией Среднего Востока, «известны в комплексах XI в. (особенно многочисленны они на острове Готланд и в Финляндии)» (Кальмер, 2000, с. 56).

Следует отметить бусинку из печеночно-красного стекла с черно-белыми реснитчатыми глазками (рис. 58: 14). По мнению М.Д. Полубояриновой, подобные бусы находят в основном в золотоордынских памятниках (Полубояринова, 1988, с. 179–180, рис. 82, 32), по наблюдениям же Й. Кальмера (2000, с. 56), данная группа бус встречается даже в памятниках XI в., но не в большом количестве.

Бусина эллипсоидная из бордового стекла с белым волнистым узором (рис. 58: 6) имеет аналогии в болгарских поселениях второй половины домонгольского периода (Полубояринова, 1988, с. 175, рис. 82, 10). Шарообразные бусы из темно-коричневого стекла с белой спиралью (рис. 58: 9, 10) пользовались популярностью долгое время – со второй половины X до XIV в. Эти бусы Й. Кальмер склонен считать продукцией византийских мастерских. «Византийские бусы, – пишет он, – были широко распространены в значительной части Европы с конца IX до конца XI вв.» (Кальмер, 2000, с. 56).

В ранних культурных напластованиях Кремля обнаружено еще несколько украшений из полудрагоценных камней. Из сердолика изготовлены призматическая шестигранная (рис. 58: 5) и бипирамидальная многогранная бусы (из раскопок 1978 г., см.: Халиков, 1985, рис. 6, 2). Призматические шести- или восьмигранные бусы в большом количестве бытуют со второй половины IX в. В древностях Восточной Европы встречаются в VIII–XI вв. (Полубояринова, 1991, с. 26). По наблюдениям Й. Кальмера (2000, с. 56), «округлые, так сказать, мягкие грани – характерный признак шлифованных бус из полудрагоценных камней,

бытовавших в 60–70-х годах X века». Бипирамидальные многогранные бусы были распространены в XI–XIII вв. (Колчин, 1982, с. 171). В целом домонгольским временем датируется хрустальная бусина эллипсоидной формы с намечающимися гранями (рис. 58: 11, см.: Полубояринова, 1991, с. 34). По мнению специалистов, большинство бус из сердолика и горного хрусталя поступали в Восточную и Северную Европу из Индии и, может быть, из Восточного Ирана (Кальмер, 2000, с. 57).

В пятом слое раскопа II, в районе земляного вала, была обнаружена лазуритовая подвеска подромбической формы, на обеих сторонах которой имеются гравированные узоры в виде двух горизонтальных линий в верхней части и косых линий по краям (рис. 58: 16). Подобные украшения находят обычно среди древностей, оставленных кочевниками восточноевропейских степей и Сибири X–XI вв., но, скорее всего, бытовали они и позднее (Ключникова, Сташенков, 1996, с. 241). Еще одна подвеска, янтарная подромбической формы с плоской задней и выпуклой лицевой поверхностью (рис. 58: 15), происходит также из II раскопа. Подвеска аналогичной формы известна из Билярского городища.

В коллекции женских украшений древней Казани имеются четыре браслета. Один из них – обломок стеклянного браслета темно-оливкового цвета, крученого с белым перевитием был обнаружен еще в 1978 г. и опубликован позднее А.Х. Халиковым (1985, рис. 6, 3). По мнению Ю.Л. Щаповой, которая изучила его методом спектрального анализа, данная находка относится к продукции киевских мастерских домонгольского времени и должна быть датирована второй половиной XII – первой третью XIII вв. (Халиков, 1985, с. 103).

Три браслета обнаружены при наших раскопках. Два из них изготовлены из бронзового дрота с утолщенными четырех- и шестигранными концами (рис. 59: 7, 8). Поверхность украшена циркульным (кружковым) орнаментом. Подобные находки обычны в памятниках поволжских и пермских финнов, особенно древних марийцев, IX–X вв. (Chalikova, Chalikov, 1981, Taf. XXIII, 8, XXIVB, 10; Khalikova, Kazakov, 1977, pl. Vid, 13, XVa, 17; Архипов, 1973, с. 30 и сл.; Голдина, 1985, с. 37, табл. IV, 20–22). Известны они в Большетиганском, Танкеевском могильниках и ранних поселениях Волжской Болгарии (Казаков, 1991, рис. 41, 6, 11). Верхним хронологическим пределом их бытования считается рубеж X–XI вв. или начало XI в. Еще один браслет (детский), обнаруженный при выборке сооружения 23 раскопа II, относится к типу плетенных из четырех проволочек, которые в концах сведены вместе и расплющены. На этот

расплющенный конец припаян щиток для каплевидной вставки (рис. 59: 6). Браслеты такой формы датируются X–XI вв. (Казаков, 1991, с. 125).

Среди украшений представляет интерес бронзовая привеска-бубенчик грушевидной формы с орнаментом в виде ромбических и треугольных рельефных изображений на тулове (рис. 59: 3). Такие изделия Е.П. Казаков считает характерными для болгарского ювелирного производства X–XI вв. (Казаков, 1991, с. 119).

В раскопе XIII 1998 г. в районе мастерской кожевника ханского времени, но почти на уровне погребенной почвы была обнаружена бронзовая пряжка от поясного ремня с овальной рамкой и слегка расширяющимся книзу подпрямоугольным щитком, имеющим фигурный конец (рис. 59: 4). Данная находка относится к типу ВШд1, по классификации Г.Ф. Поляковой (1993, с. 205, рис. 66, 18). Наиболее близкая аналогия известна в материалах Веселовского могильника, датированного X – началом XI вв. (Халиков, Безухова, 1960, с. 41, 56, рис. 34, 9).

К группе находок, связанных с вооружением и снаряжением коня, относятся наконечники стрел, петля от колчана, подпружные пряжки и соединительное кольцо ремня, а также бронзовая накладка на ремень конской сбруи. В домонгольском слое обнаружено более трех десятков железных наконечников стрел. Все они черешковые плоские и граненые (броневбойные). Выделены типы 40, 41:2, 43, 52, 63, 69, 83, 84:2, 87, 92:2, 94, 100:2 (по А.Ф. Медведеву), большинство которых были распространены в домонгольское время или имели более широкую датировку (Медведев, 1966). Более десятка наконечников стрел из древнейшего слоя имеют плохую сохранность, и определить их форму не удастся.

Следует отметить также две находки костяных наконечников, относящихся к типу пулевидных и усеченно-конических (рис. 60: 7, 10). Они имеют широкий диапазон бытования, но чаще всего, особенно усеченно-конические наконечники, встречаются в домонгольских поселениях.

Деталь колчана представлена железной петлей в виде подпрямоугольной скобочки с широкими лопастями с двух концов для прикрепления к деревянной основе колчана (рис. 60: 6). Подобного типа находки обнаружены в болгарских поселениях первой половины домонгольского периода (Казаков, 1991, с. 34, 43–48).

К предметам конского снаряжения относятся детали седла в виде железных подпружных пряжек лировидной формы (рис. 60: 5). Одна из таких пряжек была обнаружена в Кремле при раскопках А.Х. Халикова (1995, рис. 6, 4). Их датируют обычно XI–XII вв. (Казаков, 1991, с. 107). Из

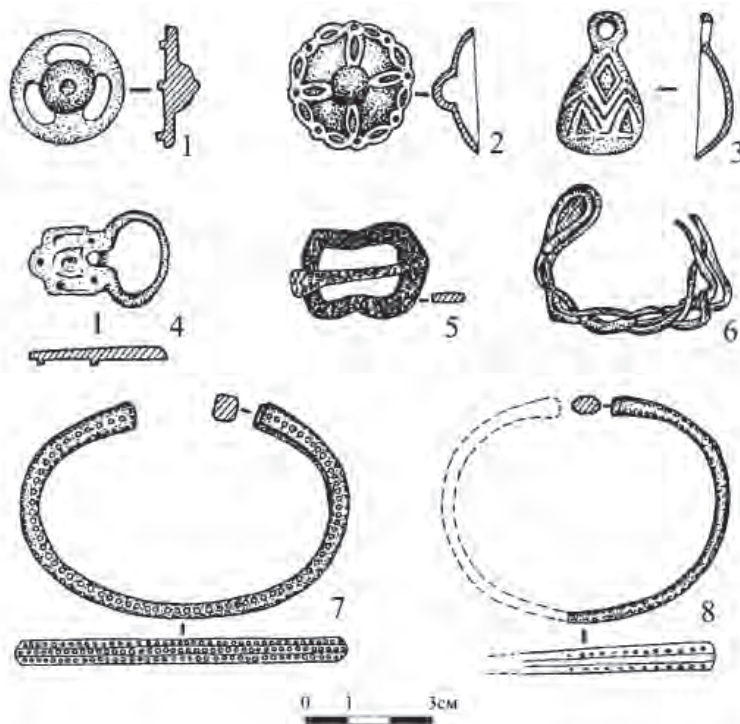

Рис. 59. Предметы украшения и поясной гарнитуры из цветного (1–4, 6–8) и черного металла (5).

деталей конской узда следует отметить соединительное кольцо, так называемый тройник, в виде круглой бляхи из бронзы с выпуклой поверхностью и тремя прорезями, предназначенными для продевания ремней оголовья (рис. 60: 1). Близкие по форме тройники известны из Биляра (Культура Биляра, 1985, с. 199–201, рис. LXVI, 4). Время их бытования не выходит за пределы X–XI вв.

Исключительный интерес представляет бронзовая накладка на ремень конской узда (рис 60: 2), обнаруженная на раскопе XIII 1998 г. при исследовании мастерской кожевенника первой половины XVI в. Совершенно очевидно, что она оказалась в его заполнении в результате переотложения из древнейшего слоя. Накладка литая, позолоченная, имеет округлую форму диаметром 3 см. «В центре лицевой части ее имеется полушарный выступ, а по краю – бордюр с симметрично расположенными утолщениями, как бы имитирующими круглые или вытянутые звенья цепочки. Центральный выступ соединяется с бордюром четырьмя, также симметрично расположенными изображениями стилизованных лепестков» – так описывал Е.П. Казаков почти идентичную находку из Танкевского могильника, где она сопровождала детское погребение второй половины IX в. (Казаков, 1972, с. 163). Такие находки на территории Восточной Европы обнаруживаются крайне редко, но в массовом виде встречаются в венгерских памятниках периода завоевания родины (Fettich, 1937, р. 155,

ill. 157; La Hongrie, 1998, Taf. LXXXIV, XCIII). По наблюдениям И. Фодора, совершенно идентичные накладки, сопровождающие практически только женские захоронения, были распространены в Венгрии преимущественно до середины X в. (Фодор, 2000, с. 59–67). Думается, что наша накладка попала в культурный слой древней Казани не позднее конца X в. Дело в том, что, вероятно, у болгар она была использована не по прямому своему назначению, а в качестве женского украшения, о чем свидетельствует сквозное отверстие для подвешивания по краю бордюра.

Предметы повседневного труда и быта из древнейшего слоя Кремля немногочисленны. Из прежних раскопок А.Х. Халикова происходят обломок цилиндрического замка и железный ключ к нему (Халиков, 1985, рис. 6, 11). В ходе раскопок 1990-х годов обнаружено пять пряслиц из овручского шифера розового и сиреневого цвета. Среди находок имеются и глиняные пряслица, железные ножи, гвозди и скобы.

Уникальной находкой оказалась чешская монета (или монетообразный предмет диаметром 37 мм, изготовленный из свинца), обнаруженная в раскопе IX 1997 г. (рис. 61: 1). Монета была найдена между двумя постройками золотоордынского времени, где в непотревоженном состоянии покоился домонгольский слой мощностью не более 15 см. В районе находки собрано несколько фрагментов болгарской керамики домонголь-

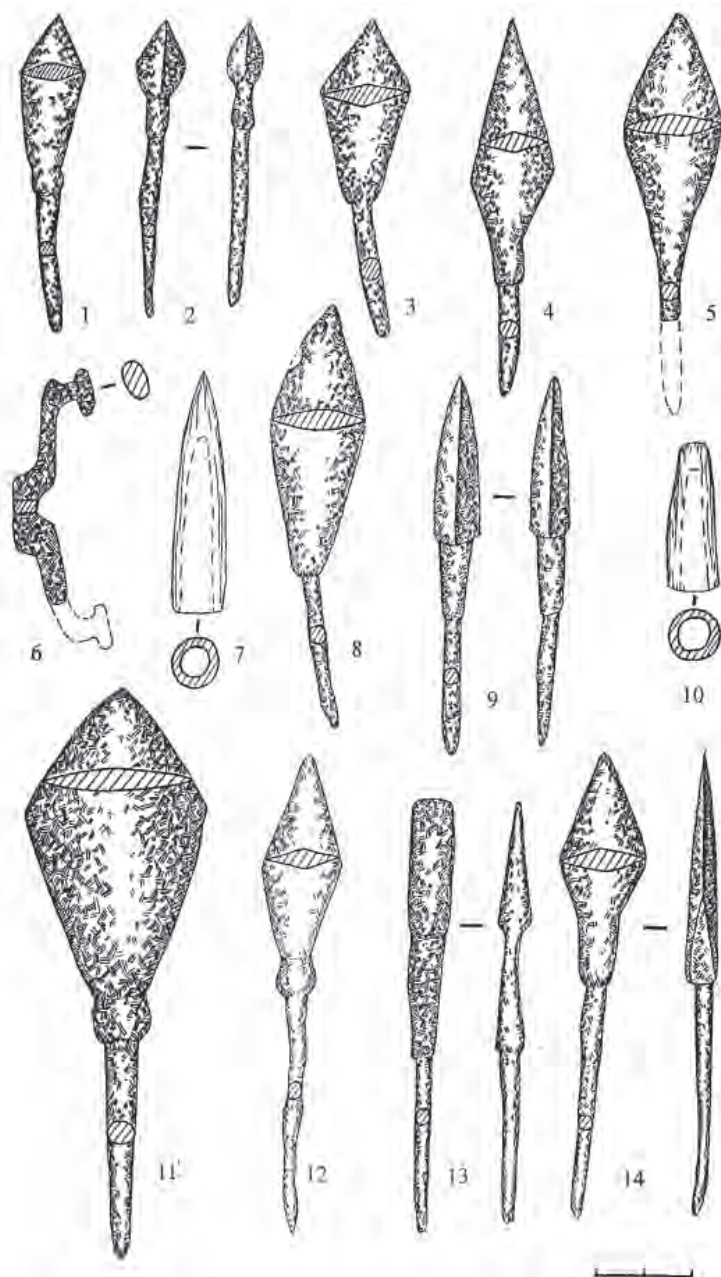

Рис. 60. Железные (1–5, 8, 9, 11–14), костяные (7, 10) наконечники стрел и железная петля от колчана из раскопок Казанского кремля.

ского времени, в том числе небольшой обломок венчика горшковидного сосуда салтово-маяцкого типа.

Специалисты определили время ее чеканки в пределах конца X–XI вв. Вид монеты, по их мнению, соответствует т. н. каролингскому храмовому типу, преобладавшему на монетах восточной части Германской империи, точнее, в Баварско-Швабской области. По мнению Я. Хасковой эту монету, выпущенную в 929–930-х годах, следует рассматривать как старейшее богемское подражание раннебаварским монетам времени Конрада I (911–918), чеканенным в Регенсбурге (Хаскова, 1999, с. 227–234; Haskova, 1999, s. 106–111). Од-

нако в Казань она попала позднее, скорее всего, во второй половине X в. и была использована в качестве женского украшения – подвески.

Некоторые данные, письменные и археологические, правда, пока еще немногочисленные, позволяют говорить о существовании давних контактов между Волжской Болгарией и раннесредневековыми государствами Центральной и Западной Европы. Так, по сведениям венгерского Анонима, болгары еще в конце X в. хорошо знали Венгерское королевство на Дунае (Хвольсон, 1869, с. 108–109). По сообщению проф. И. Фодора, среди археологических материалов из ранневенгерских памятников обнаружено несколько

монет болгарской чеканки X в. Имеются также нумизматические данные о болгаро-западноевропейских связях X–XI вв. Так, при раскопках Семеновского I селища Е.П. Казаковым был обнаружен серебряный денарий 1047–1075 гг., чеканенный в Дании. Из Измерского I селища происходят четыре монеты: графа Альберта III, чеканеная в 1037–1060 гг. в Намюре; медная подделка по типу денария Гронингена и девентерских денариев Бернольда (1027–1054 гг.) и еще две германские монеты начала и первой половины XI в., по определению А.С. Белякова и Е.А. Беговатова (Беговатов, 1998, с. 40–41; Казаков, 1991, с. 28–30). Единичные западноевропейские монеты конца X–XI вв. происходят из Болгара, окрестностей Биляра (Крещеный Баран, клад монет 1905 г.), Дубовского могильника, а также известны в средневековых памятниках Верхней Камы (Иванов А.Г., 1998, с. 165).

Представляют интерес мечи из Волжской Болгарии, относящиеся к типу каролингских (франкских), широко распространенных в Европе в IX–XI вв. На шести из них обнаружены производственные клейма на клинках: на четырех экземплярах – латинская надпись ULFBERHT, на одном – LEUTLRI и еще на одном – клеймо в виде геометрических знаков (Кирпичников, 1991, с. 106; Кирпичников, Измайлов, 2000, с. 207–218). Установлено, что подобные мечи производились в каролингских мастерских на среднем Рейне между Майнцем и Бонном в районе Мааса (Кирпичников, 1966, с. 38). В раннем Средневековье здесь находилось мощное оружейное производство, продукция германских мастеров нередко достигала пределов Волжской Болгарии. Доставка этих товаров осуществлялась, вероятно, при посредстве викингов – воинов и торговцев, которые не только знали Болгарию на Волге (Джаксон, 1991, с. 119), но и навещали ее рынки (Измайлов, 1995, с. 19). Через них, предположительно, могла попасть в культурный слой Кремля раннечешская монета, указывающая на существование активно действующего рыночного места в районе будущей Казани. Заметим, что топография монетных кладов, содержащих чешские денарии X–XI вв., свидетельствует, что эти монеты проникали в Восточную Европу в результате широко развитой торговли с Прибалтикой (Слама, 2000, с. 240).

Данных, свидетельствующих о прямых болгаро-древнечешских контактах, очень мало. В коллекциях Государственного Объединенного музея Республики Татарстан имеется единственная монета Бржетислава I (1035–1055), к сожалению, без указания места и условий находки (Слама, 2000, с. 239). В Предуралье (с. Клепикино Чердынского уезда) была найдена великоморавская чаша, по-

павшая туда, скорее всего, через болгар по Камскому торговому пути (Даркевич, 1976, с. 170, табл. 55, 1).

Говоря о возможных путях проникновения чешской монеты кн. Вацлава в древнюю Казань, проф. Й. Слама предлагает оригинальную интерпретацию сведений т. н. Еврейско-Хазарской переписки второй половины X в. Как известно, доставить письмо Хасдая Ибн Шафрута, придворного кордовского халифа Абдаррахмана III, хазарскому кагану Иосифу было поручено, по их просьбе, двум членам посольства чешского князя Болеслава I (935–972), прибывшего в Кордову. Маршрут их движения начинался в испанском городе Кордове и продолжался далее через Прагу, Венгрию, Киев и Волжскую Болгарию до конечного пункта – столицы Хазарии (Слама, 2000, с. 241). Этот путь, по мнению Й. Сламы, является одним из возможных, по которым редкая чешская монета могла попасть в далекую Казань.

Вторая монета – обломок серебряного арабского дирхема X в. (рис. 61: 2) – была обнаружена в раскопе XIII 1997 г. при расчистке пятна подпрямоугольного жилищного сооружения 10, стратиграфически связанного с V слоем. Половина монеты с надписью, содержащей сведения о месте ее чеканки и имени правителя, обрезана. По заключению специалистов (Д.Г. Мухаметшин, И.Г. Добровольский, Г.А. Федоров-Давыдов), она чеканена, скорее всего, в первой половине X в. и находилась в хождении до рубежа X–XI вв. Д.Г. Мухаметшин склонен считать, что по особенностям палеографии монета близка к чекану Балха и Андераба 20–30-х годов X в. (Мухаметшин, 1999, с. 38; 1999, с. 236). По утверждению египетского ученого А. Совелама, проводившего основательное изучение казанской находки с привлечением материалов богатейшей нумизматической коллекции Музея исламского искусства в Каире, дирхем относится к периоду правления Исмаила Ахмада (892–907 гг.) и чеканен в г. Шаше (Гамаледдин, Совелам, 1999, с. 238–239; Sowelam, 2000, р. 79–102). Саманидский дирхем не относится к числу редких находок в болгарских памятниках раннедомонгольского времени. Подобные монеты встречаются и в культурном слое поселений и наиболее часто в составе кладов.

Комплексный анализ вышеперечисленных находок с точки зрения хронологии древнейшего (пятого) слоя Казанского Кремля не оставляет места сомнениям о домонгольском возрасте его накопления. Раскопки 1994–2005 гг. позволили одновременно уточнить прежние представления А.Х. Халикова о древней Казани, основанной, по его мнению, во второй половине XII в. (1177 г., по «Казанской истории»). Наши исследования выя-

вили достаточно выразительные находки, верхняя дата бытования которых ограничивается первой половиной XI в., а иногда даже рубежом X–XI вв. Археологические даты подтвердили результаты изучения керамики и древесного угля методами естественных наук (Хузин, 2001, с. 208–209).

Древняя Казань – один из международных торговых центров на Волге. Вновь вернемся к нашим находкам из древнего слоя и проанализируем их с точки зрения характеристики социального облика Казанского поселения в домонгольское время.

Керамический комплекс свидетельствует о разноэтничном составе населения: преобладает болгарская керамика, в относительно небольшом количестве присутствует керамика (XVI группа, по Т.А. Хлебниковой) и некоторые типы украшений (дротовые браслеты с утолщенными концами) поволжских финнов, керамика угорского населения Приуралья (V, VII, VIII, XVII группы), а также древнерусская. Обращает на себя внимание полное отсутствие среди находок не только из раннего, V слоя, но и более поздних IV (золотоордынское время) и III (ханского времени) слоев вещей, связанных с сельским хозяйством, что может свидетельствовать о неаграрном характере поселения. Достаточно представительны предметы вооружения: более трех десятков наконечников стрел, колчаный крючок и пр. Значительная часть предметов, относящихся к категории привозных, указывает на торговую деятельность части населения. Это арабский дирхем и чешский денарий, иранская люстровая посуда и кусочки прибалтийского янтаря, шиферные пряслица и стеклянный браслет из Руси, бронзовая накладка «венгерского» типа. Перечисленный набор предметов, на наш взгляд, характеризует данный памятник как поселение, связанное с внешней торговлей.

На последний момент хочется обратить особое внимание. Как известно, еще в IX в. Волжская Болгария превращается в крупнейший центр международной торговли. Болгары контролировали и в какой-то степени регулировали торговые связи Древней Руси, Прибалтики и Скандинавии со странами Средней Азии, арабского Востока, а также с Ираном, Индией и Китаем. Историки Средневековья, как отечественные, так и зарубежные, единодушны в оценке важной роли, которую играл Балтийско-Волжский путь в истории народов Восточной Европы, Прибалтики и Скандинавии. Волжский путь справедливо рассматривается как непрерывно действующая на протяжении столетий трансевропейская магистраль, по которой с Востока поступали в большом количестве серебро и другие товары. Об этом свидетельствует возникновение вдоль этого пути торгово-ремесленных поселений, нередко с довольно сложным

этническим составом населения (в них, в частности, четко представлен скандинавский этнический компонент). Эти поселения представляли собой в первую очередь ярмарочные места, места для торговли с местным населением, пункты, обслуживавшие купцов, а также контролировавшие и охранявшие опасные участки торговой магистрали.

Следует подчеркнуть, что ранние торговые пункты возникали не только на северо-восточно-европейском участке Балтийско-Волжского пути, но и южнее – на Средней Волге. Один из таких крупнейших пунктов располагался в районе Болгара. Он имел непосредственные контакты с Средней Азией и арабским миром. Сюда тянулись и сухопутные, караванные пути, рассматриваемые рядом исследователей как северное ответвление Великого Шелкового пути. Практически в Болгаре завершился путь скандинавских и севернорусских торговцев, ездивших за восточными товарами, хотя некоторые из них, как сообщают письменные источники, достигали Каспия и даже Багдада (Мельникова, 1999, с. 81).

Болгар не был единственным крупным торговым пунктом на Средней Волге. В течение ряда лет казанские археологи (см., напр., труды Е.П. Казакова, Д.Г. Мухаметшина, Р.М. Валеева) изучают болгарские поселения на Волге и Каме, которые возникли, по всей вероятности, не позднее начала X в. и в скором времени превратились в развитые торгово-ремесленные поселения. Среди них следует отметить хорошо изученные археологами Семеновское, Старокуйбышевское, Измерское и др. поселения (Казаков, 1991). Примечательно, что они располагались не на основном русле реки, где была опасность разбойничьих нападений, а в некотором удалении от него, на притоках в глубине речной долины. На этих поселениях обнаружены сотни монет X в., в основном серебряные саманидские дирхемы и их подражания, а также западноевропейские монеты XI в. Весьма частыми находками являются складные весы для малых взвешиваний и бронзовые гирьки (Валеев, Казаков, 1993, с. 185–195). Торговые фактории располагались также в Марийском Поволжье, средневековые памятники которого буквально изобилуют вещами болгарского и восточного происхождения, в том числе и монетами (Казаков, 1999а, 1999б).

В числе ранних торгово-ремесленных поселений болгар на Волге была и Казань, возникшая на пересечении Великого Волжского и Северного пушного путей. Как свидетельствуют археологические материалы, освоение этого региона болгарскими происходило в X–XI вв. Отсюда по реке Казанке, а также по Вятке и Каме болгары проникают и в более отдаленные районы, населенные финно-уграми.

Рис. 61. Чешская монета (1) и обломок дирхема (2) из раскопок Казанского кремля.

Из всего вышесказанного вытекает важный вывод: древнюю Казань следует рассматривать не как изолированное поселение в рассматриваемом регионе, а в системе торгово-ремесленных поселений, возникших и функционировавших на Волге и Каме в X–XI вв.

Оборонительные укрепления и топография древней Казани. Находки, связанные с ранним болгарским поселением, как показывает их картографирование, сосредоточены в северной половине Кремлевского холма. Эта территория, занимающая площадь около 5 гектаров, была укреплена с самого начала возникновения поселения. С южной, напольной стороны город был защищен глубоким Тезицким оврагом, пологие склоны которого, по всей вероятности, были эскарпированы, и земляным валом с дополнительными конструкциями по верху.

Первоначальные укрепления города в виде «остатков стены, сложенной в системе панцирной кладки из грубо отесанных белокаменных блоков на известково-глинистом растворе» были выявлены А.Х. Халиковым в 1978 г. По наблюдениям этого исследователя, каменная стена возводилась на выровненной поверхности земляного вала шириной 12, высотой до 2 м, насыпанного непосредственно на погребенную почву (Халиков, 1985, с. 98 и сл.). В целях определения времени возведения земляного вала важно отметить некоторые находки, обнаруженные в слое, перекрывающем подошву вала с наружной стороны. Это, помимо типичной домонгольской керамики, железный наконечник стрелы типа 83 по классификации А.Ф. Медведева, очень характерный для XI в. (Халиков, 1985, рис. 6, 7), обломок костяного гребня и стеклянного браслета XII – начала XIII вв., сердоликовая бипирамидальная бусина XI–XIII вв. и пр. Основываясь на них, А.Х. Халиков датировал и земляной вал, и каменную стену на нем второй половиной XII в., считая их синхронными.

Остатки земляного вала, защищавшего первоначальное поселение с южной стороны, были дополнительно изучены нами в раскопе II 1995–1997 гг. и в раскопе XX 1998–1999 гг. Суглинистая насыпь вала шириной основания около 12–14 м действительно покоится на погребенной почве, в верхней части которой прослежена тонкая углистая прослойка, оставшаяся от выжигания растительности перед началом строительства. Насыпь вала стерильна. Как и в 1978 г., с южной стороны подошвы вала удалось зафиксировать перекрывающий насыпь небольшой слой, содержание которого заслуживает внимания. Среди находок кроме обломков гончарной керамики были образцы архаичной посуды салтово-маяцкого облика, кусочки необработанного янтаря, бусина из горного хрусталя с неровными, едва намечающимися гранями и лазуритовая подвеска. Такой комплекс находок характерен в основном для слоев болгарских поселений первой половины домонгольского периода. Основываясь на них и учитывая стратиграфические данные, время возведения насыпи вала можно определить X – первой половиной XI вв. Эти укрепления строились, скорее всего, где-то на рубеже X–XI столетий.

Данный вывод подтверждается результатами исследований на раскопе XX, расположенном примерно в 20 м к западу от вышеописанного. Здесь вскрыты, помимо земляного вала, остатки каменных ворот и вымощенного камнем проезда шириной около 6 м с несколькими строительными ярусами (Ситдиков, 2000, с. 22–40). Древнейший слой раскопа состоял из двух горизонтов, нижний из которых перекрывался строительным мусором каменной конструкции западного пилона ворот. Отсюда же происходят фрагменты домонгольской глиняной посуды, обломок бусины из глухого бирюзового стекла с черными реснитчатыми глазками и обломок дровяного браслета (рис. 59: 8).

Следы предполагаемых древнейших укреплений по восточному краю Кремлевского холма

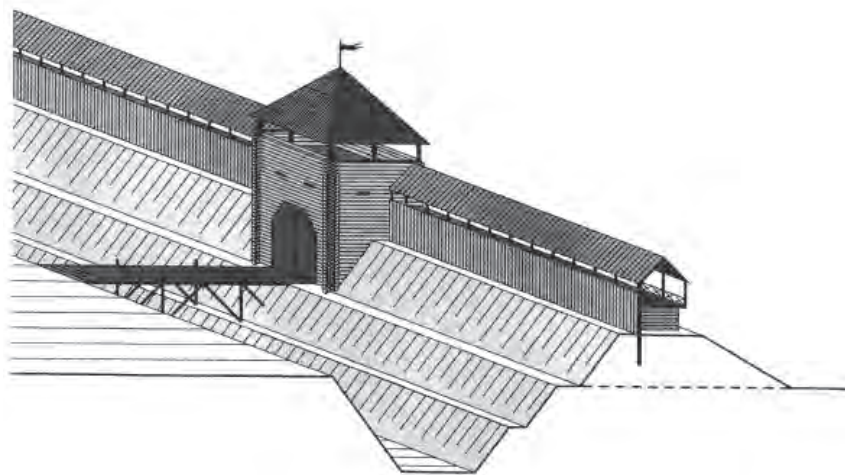

Рис. 62. Реконструкция оборонительных сооружений Казани XI в. (по А.М. Губайдуллину).

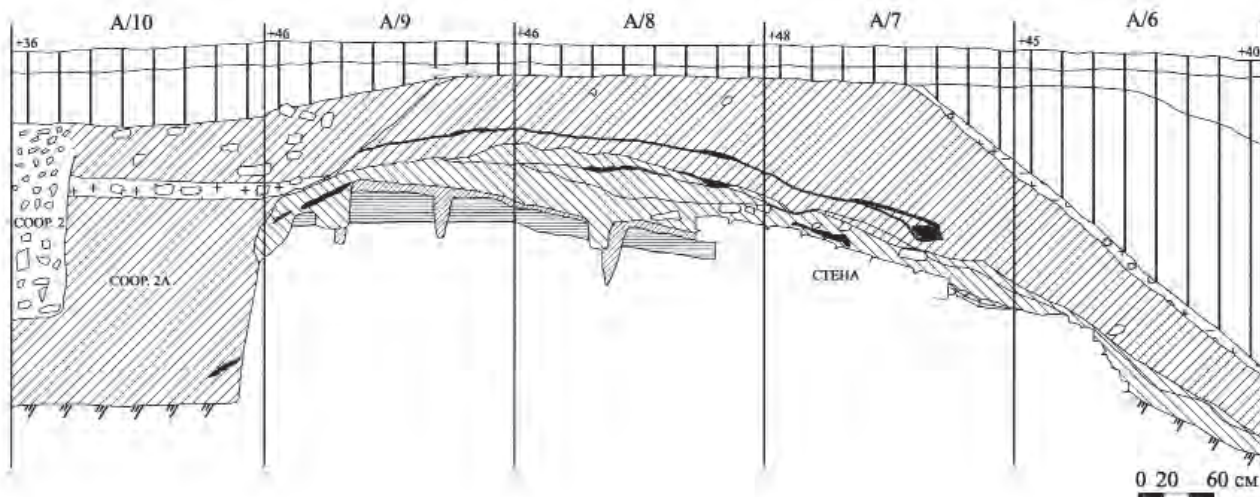

Рис. 63. Профиль северной стенки раскопа XVIII, следы укреплений в виде частоккола у восточного склона Кремлевского холма.

выявлены раскопом XVIII 1998 г. в виде линии столбовых ямок диаметром 15–20 и глубиной 20–40 см, оставшихся, по-видимому, от деревянного частоккола или тына. Стратиграфически данный объект восходит к основанию V слоя (рис. 63) и поэтому может быть синхронизирован вышеописанными земляными валами. Следует заметить, что частоккол-тын со рвом впереди относится к наиболее раннему типу оборонительных сооружений Волжской Болгарии. Подобную систему укреплений имели, в частности, Болгар и Биляр в X в. (Хузин, 1995, с. 93).

Фортификация города предмонгольского времени, т. е. второй половины XII – первой трети XIII вв., имела уже совершенно другой вид. В условиях обострения военно-политической ситуации в Волжской Болгарии, вызванной длительным противостоянием ее и Владимиро-Суздальской Руси на важнейших торговых путях Поволжья, Ка-

занская крепость еще более усиливается. На месте прежних дерево-земляных укреплений появляются мощные каменные стены шириной основания около 1,8–2 м, сложенные из необработанного известняка «всухую» или же с применением глинисто-известнякового раствора (рис. 64). Остатки этих укреплений изучались в 1995–2000 гг.⁹

Строительный горизонт белокаменной стены четко прослеживался в виде мелкого известнякового щебня в домонгольском слое. Стена возведена на ровной площадке, без котлована, т. е. прямо на материке (снята только погребенная почва), или же на сnivelированной поверхности более

⁹ В решении некоторых принципиальных вопросов, связанных с установлением времени строительства плохо сохранившейся сейчас первоначальной стены, активное участие принимали проф. А.Н. Кирпичников и проф. В.В. Седов, неоднократно посещавшие наши раскопки начиная с 1997 г.

Рис. 64. Раскоп XVIII. Кладка западного фасада каменной стены.

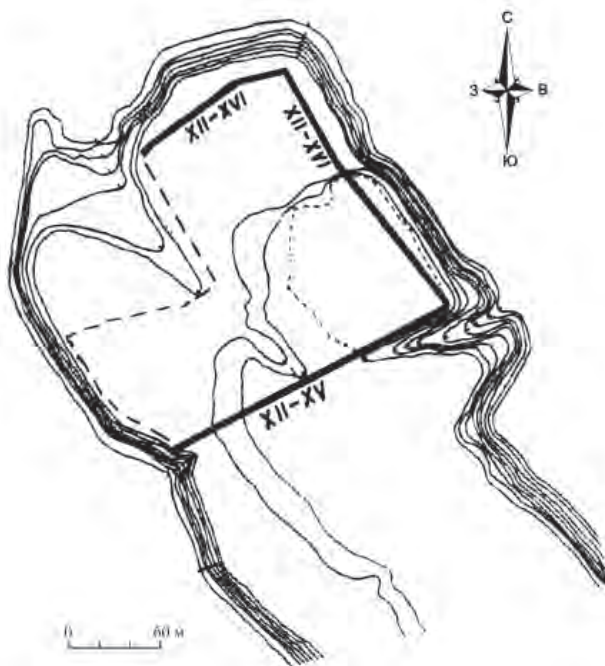

Рис. 65. План каменных стен Казани XII в. (по А.Г. Ситдикову).

раннего земляного вала (?). Для строительства применялись известняковые плиты без следов обработки размерами 10–15×15–70 см при толщине 5–15–20 см. Сохранившая высота кладки составляет от 0,8 до 1,5 м, местами до 2 м, однако только нижние ряды ее относятся к изучаемому нами периоду. Стена прослежена в общей сложности на трассе более 200 м. В плане она не прямолинейная, так как следует рельефу местности, точнее,

изгибу края мыса. Следы башен по изученной, восточной линии стены пока не выявлены. Проезд с южной, напольной стороны прослежен на раскопе XX в виде пилона башни и мощенной камнем дороги. По особенностям техники кладки, составу раствора и с учетом стратиграфических наблюдений прослеживается несколько строительных периодов у этой кладки. Разрушенные в период возвышения монголо-татар в середине XIII в., эти

укрепления были вновь восстановлены во второй половине XIV в., продолжали функционировать, претерпев ряд реконструкций, и в период Казанского ханства.

По мнению А.Х. Халикова, в центре древнего города-крепости «возвышалась большая сторожевая башня, очевидно, также белокаменная. Довольно мощный фундамент этой башни был вскрыт в раскопе 1977 года рядом со стоящей до сих пор сторожевой башней Сююмбике». Она «имела в основании два пилона (350×430 см), отстоящие друг от друга на 350 см, т. е. имевшие разрыв для проезда. Древний уровень фундамента лежал в пятом слое» (История Казани, 1988, с. 19).

Традиция каменного строительства пришла на Среднюю Волгу от болгар Хазарского каганата. Еще в конце X в. была возведена белокаменная Соборная мечеть в центре Биляра. На Елабужском

городище были исследованы остатки «крепости-мечети», одна из угловых башен которой сохранилась до наших дней (Нигамаев, Хузин, 2000, с. 21, рис. 13).

В свете последних открытий древняя Казань представляется нам в виде небольшой, площадью около 5 га, но достаточно сильно укрепленной крепости в северной периферии Болгарского государства, призванной охранять один из важнейших в стратегическом отношении участков Великого Волжского пути (рис. 65). Здесь располагался, очевидно, небольшой военный гарнизон, а более многочисленное торгово-ремесленное население проживало за пределами крепостных стен, ближе к реке Казанке. Рекогносцировочные раскопки 1999 г. выявили следы раннего посада-пригорода с материалами, связанными с металлургией железа и металлообработкой.

ДРЕВНЯЯ АЛАБУГА

Средневековая Алабуга включала в себя знаменитое Елабужское (старое название – «Чертово») городище с руинированными остатками белокаменной мечети-цитадели, посад и три некрополя, функционировавшие в пределах X–XVI вв. (рис. 66).

Елабужское городище расположено юго-западнее исторического центра города на правом берегу устья р. Тоймы, правого притока р. Камы (рис. 67). Занимает северо-восточную половину большого мыса коренной террасы Камы, возвышающегося над ней на 50–64 м. Восточный склон мыса представляет собой крутой каменистый спуск к реке; с западной стороны примыкает глубокий (до 40 м) и длинный овраг. Географические координаты памятника – 55°44'47" с. ш. и 52°01'57" в. д. Высота над уровнем моря 104,8–134,8 м (балтийский уровень).

Площадка городища с незначительным уклоном на север имеет ширину 120–80 м, длину 330 м и укреплена с юго-западной, напольной стороны тремя линиями земляных валов и рвов (рис. 67). Ширина основания валов 10–13 м, сохранившаяся высота около 1,5–1,7 м, ширина рвов 4–5 м при глубине до 1,5 м. Общая площадь городища, включая укрепления, до августа 2007 г. (до оплыва участка западного склона) составляла 34 300 кв. м. В настоящее время – около 3,2 га. Сохранность памятника плохая. Особенно сильно пострадали участки, обжитые в болгарское время. Белокаменное сооружение с частично уцелевшей и отреставрированной в 1867 г. башней – единственное наземное архитектурное сооружение домонгольской Болгарии – располагается у восточного скло-

на средней части площадки городища (рис. 68). Прилегающие к мечети-цитадели территории в XVII в. были заняты христианским кладбищем (Елабужский I некрополь). В XIX в. значительная часть площадки городища распахивалась. С 1933 по 1962 гг. здесь велись работы по добыче буттового камня. В связи с этим первая и вторая линии валов, а также центральная часть площадки городища сильно разрушены и сохранились фрагментарно. Почти на всей площадке городища видны следы поздних перекопов и ям; некоторые из них представляют собой остатки небольших раскопов и шурфов, производившихся в течение последних двух столетий. До 2006 г. прилегающая с юга территория была плотно застроена дачными домиками.

Городище и остатки каменного сооружения неоднократно описывались в литературе (более подробно см.: Нигамаев, Хузин, 2000; Нигамаев, 2005). В разные годы памятник посещали Н.П. Рычков (1770), Ф.И. Эрдман (1834), Н.Н. Кафтанников (1834). Позже здесь проводили исследовательскую работу И.В. и И.И. Шишкины (1855; 1867), А.А. Спицын (1888), Т.А. Хлебникова (1958), В.Ф. Геннинг (1959), С.В. Кузьминых (1971), М.М. Кавеев (1981), К.И. Корепанов (1991, 1992), А.Х. Халиков (1993) и А.З. Нигамаев (1996; 1999; 2002; 2006; 2015). На сегодняшний день наиболее полно изучены остатки мечети-цитадели (К.И. Корепанов; А.Х. Халиков), проводились раскопки на втором (М.М. Кавеев) и первом (А.З. Нигамаев, Ф.Ш. Хузин) валах, а также во внутренней территории памятника (А.З. Нигамаев). В культурном слое памятника присутствуют отложения ананьинско-

Рис. 66. Общий вид на городище с северо-востока.

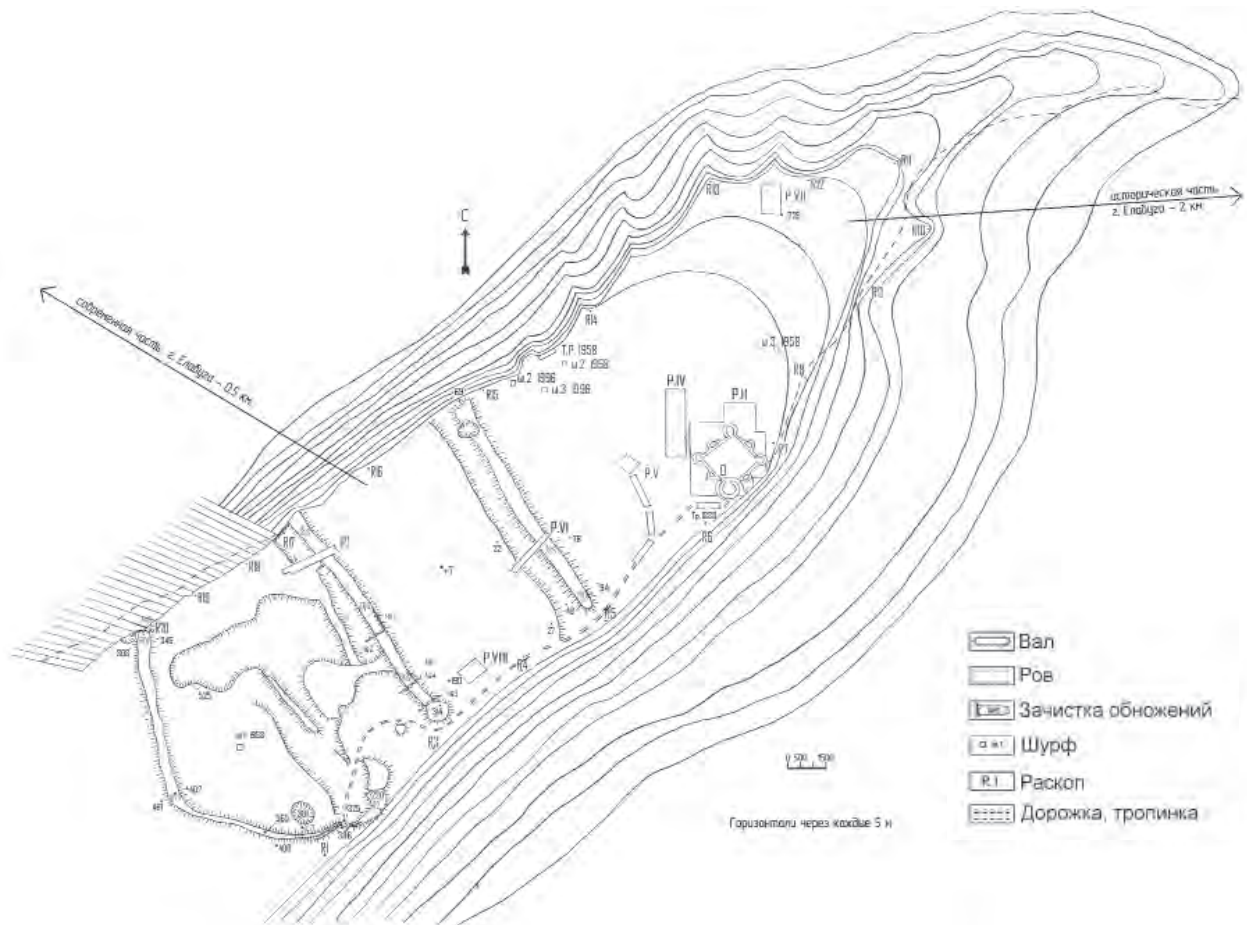

Рис. 67. План Елабужского городища.

Рис. 68. Остатки белокаменной мечети с сохранившимся минаретом.

го (VII–V вв. до н. э.), пьяноборско-мазунинского (III в. до н. э. – V в. н. э.), именьковского (IV–VII вв.), домонгольско-болгарского (X – начало XIII вв.), болгаро-татарского (XIII–XVI вв.), русского (XVII–XVIII вв.) времени.

Посад средневековой Алабуги. Следы средневекового поселения в исторической части города были обнаружены А.З. Нигаматовым в 1997 г. До этого времени о существовании другой Алабуги, кроме известного городища, не было никаких сведений. Раскопки проводились в 1997–2003 гг. Посад расположен в 2–2,3 км к северо-востоку от городища на правом берегу р. Тоймы. Занимает центральную часть территории, прилегающей к надлуговой террасе, ограниченной с запада и востока небольшими речушками. Будучи центром города, данная территория в XVI–XVIII вв. активно застраивалась, что привело к сильному разрушению более ранних отложений культурного слоя. Тем не менее в ходе раскопок удалось выделить слои домонгольского и болгаро-татарского времени. К настоящему времени следы посада болгарского времени прослеживаются на территории около 3 га.

Елабужский II некрополь. Обнаружен и исследован в 1994–1996 гг. Располагался южнее городища. Всего у края обрыва мыса были зафиксированы несколько разрушенных погребений. В 1994

г. изучено женское захоронение с украшениями, состоящими из двух медных шумящих подвесок и серебряного височного кольца с шаровидной пронизкой (рис. 69: 1). Подвески имеют аналогии в угорском мире (Казаков, 1978, с. 26–27). Такого типа подвески встречаются в бассейне р. Чепцы (Иванова, 1999; Иванов, 1998; рис. 16, 13), в бассейне р. Сылвы на Западном Урале (Пастушенко, 2005, с. 63). Височное кольцо принадлежит к изделиям болгарских ремесленников X–XII вв., имеющим болгаро-салтовские истоки (Казаков, 1991, с. 115). Интерес представляет еще одна находка, обнаруженная в районе вышеупомянутого захоронения, – железный наконечник копья с длинным узким шпильевидным пером, четырехгранным в сечении и с воронкообразной втулкой. Общая длина копья 18 см, длина пера 13 см, максимальная ширина пера 2 см, длина втулки 5 см, диаметр 2 см. Такие копья называют обычно пиковидными (Кирпичников, 1966, с. 15). По классификации И.Л. Измайлова, данный экземпляр близок к типу 1Б, распространенному в XI–XII вв. (Измайлов, 1997, с. 60).

Большая часть некрополя была уничтожена во время строительно-земляных работ в 1983–1984 гг. Полностью разрушен в 2006 г. во время строительства ресторана «Городище». Приблизительная площадь некрополя 0,3 га.

Елабужский III некрополь открыт в 1997 г. Занимает южную часть домонгольского посада, прилегающую к краю наддуговой террасы. Территория памятника активно застраивалась в течение последних столетий. Большая его часть разрушена жилыми зданиями и хозяйственными постройками. Площадка некрополя (0,4 га) имеет незначительный уклон на юг. Ориентировочные размеры: с запада на восток 80–85 м, с юга на север 45–50 м. Изучено около 20 погребений золотоордынской эпохи.

Елабужский IV некрополь располагается в южной части третьего мыса, образованного р. Тоймой и безымянным ручьем в 500 м восточнее посада и 2400 м восточнее – северо-восточнее городища, недалеко от края наддуговой террасы. Приблизительная площадь памятника 1–1,5 га. Имеются сведения об обнаруженных погребенных с «наконечником стрелы в черепе» с территории внутреннего двора Елабужского института, рядом с его общежитиями, молокозавода и др. Южная часть некрополя раскопана А.З. Нигамаевым в 2001 и 2004 гг. Изучено несколько погребений конца X – начала XII вв., принадлежащих к пермскому (поломо-ломоватовскому) населению, испытывавшему культурное воздействие болгар.

Елабужский V некрополь (?). Примерно в 500 м западней от домонгольского посада на краю террасы р. Тоймы во время строительных работ рядом со зданием городской санэпидстанции было обнаружено и исследовано погребение женщины или подростка. Костяк лежал головой на запад, лицом к кыбле, правая рука вытянута вдоль тела, кисть левой руки лежит на тазу (?). Есть сведения, что во время строительства мемориала Памяти было разрушено еще несколько погребений.

Елабужский клад. Клад серебряных изделий был обнаружен в 1911 г. в подворье усадьбы купца И.З. Новикова (совр. ул. Казанская). Он состоит из четырех серебряных серег так называемого киевского типа с бусами (на одной из серег одна бусина отличается от остальных: она покрыта крупной зернью и позолочена) и 17 серебряных гривен, из которых одна в форме трубочки и 16 в виде лепешек. Дата клада XI–XIII вв. Поступил в Археологическую комиссию, затем в музей Русского археологического общества (Галицкая, 1952, с. 49).

Елабужское местонахождение. Во время рытья котлована для многоэтажного дома на улице Городищенской были обнаружены крупные фрагменты глиняной посуды верхнекамских истоков (XVIII группа по классификации Т.А. Хлебниковой), датирующиеся концом XII–XIII вв. Также на территории дома-усадьбы № 3 по ул. Дуровой обнаружена Ф-видная пронизка из оловянистой

бронзы. Такие пронизки, происхождение которых связано с вычегодским населением, начинают распространяться в Прикамье с XI в. и бытуют до XIV в. (Савельева, 1971, с. 52, табл. 13, 19; Белавин, 2000, с. 148).

Становление Волжской Болгарии совпало с постепенным ослаблением и крушением Хазарского каганата, что существенно усилило миграцию на Среднюю Волгу мусульманизированного и в значительной степени урбанизированного населения с Нижней Волги и Подонья. Приток новых переселенцев приводит к значительному увеличению в центральных районах государства активного населения, связанного с торгово-ремесленной деятельностью. Нарастает потребность в создании все новых опорных пунктов подалеке от столицы в целях колонизации территории вдоль торговых путей на Север. Во второй половине X в. в миграционный процесс активно включаются лесные уральские и верхнекамские племена, которые по проторенным за последние столетия дорогам устремились на юго-запад, под крыло сильного государства. Создававшаяся геополитическая ситуация дает колоссальный потенциал для дальнейшего развития молодого Болгарского государства. Жизненно важная потребность реализации продукции высокоразвитого ремесленного производства требовала, чтобы основные торговые пути были обеспечены военной защитой. Начинается процесс планомерного закрепления правобережья Камы болгарами. Вверх по Каме интервалом 10–15 км начали строиться военные крепости как опорные пункты на данной торговой магистрали. Так, у устья Вятки болгарская крепость возникает на месте Гроханьского городища (0,8 га), в 10 км выше по Каме – на месте Котловского I городища «Шишка» (4,5 га). Вероятно, здесь, чуть выше устьев Вятки и Зая, была переправа через Каму. Недалеко от городища были обнаружены остатки могильника XI–XII вв. (Котловский I могильник), предположительно поволжских финнов (Беговатов, Казаков, 1990, с. 12–14).

Исследования последних лет, в частности анализ керамического комплекса из раскопов, позволяют предполагать, что к началу болгарской колонизации края на территории Елабужского городища в пределах первой линии обороны проживала группа населения угорского происхождения, испытывавшего значительное тюркское и финно-пермское влияние. Время прихода этого населения на устье р. Тоймы представляется возможным отнести к середине – второй половине X столетия. Выбор места для постоянного проживания был обусловлен природно-географическими условиями местности, в частности, близостью

переправы через Каму. Но здесь должны были существовать и объективные трудности. Во-первых, на городище имелась острая проблема с питьевой водой. Раскопки показывают, что проживавшие здесь люди рыли колодцы. Но вода шла по известняковым слоям, была жесткой (кальцинированной) и малопригодной для питья. За питьевой водой приходилось спускаться вниз, к родникам или Тойме. Во-вторых, городище открыто юго-западным ветрам. Сосновый бор, доходивший в те времена практически до самого городища, не мог защитить поселение от пронизывающих зимних ветров с закамской стороны. Тем не менее следы присутствия населения, появившегося здесь во второй половине X в., прослеживаются до XII в., а может и в течение всего домонгольского периода.

Прикамско-приуральское население изготавливало специфичную лепную круглодонную посуду с гребенчато-шнуровой орнаментацией, выделенной Т.А. Хлебниковой (1984, с. 106–108) в VII группу своей классификации. Памятники с такой посудой, отнесенные Е.П. Казаковым к постпетрогромской культуре, исследованы на широкой территории Приуралья и Прикамья (Казаков, 1987). Хорошо идентифицируемая керамика «постпетрогромского типа» включает в себя округлодонные сосуды горшковидной, мискообразной и чашевидной формы от серого и светло-коричневого до почти черного оттенков. Диаметр тулова колеблется от 8 до 32 см, максимальная высота горшков – 35 см. Формовочное тесто изготавливалось из местной глины средней пластичности с добавлением мелкотолченой ракушки. Применялась лоскутковая техника лепки. Лишняя толщина стенки сосудов срезалась ножом. Традиционный обжиг – костровой, но в дальнейшем обжигали вместе с общеполгарской керамикой в гончарных печах, от чего посуда принимала ровный серо-коричневый оттенок. Тем не менее у подавляющей части керамики обжиг плохой.

Отличительные особенности данной посуды – высокая (3–7 см) бочонковидная, цилиндрическая или раструбообразная горловина и срезанный с небольшим уклоном вовнутрь венчик (рис. 70: 2). Причем срезание проводили изнутри, поэтому наружный край венчика чуть выступает от линии горловины. Орнамент прикамско-приуральской керамики представлен гребенчато-шнуровыми оттисками. Плечик сосуда украшен вертикальной 3–7 ярусной правильной или перевернутой «елочкой» или горизонтальной право- или левонаправленной «елочкой». Горловина сосуда орнаментирована 3–5 рядами шнурового штампа, а венчик – оттиском мелкозубчатого штампа. Позднее на венчике появляются простые насечки или ногтевые вдавления. Наиболее богато и старательно ор-

наментированы ранние сосуды (вторая половина X – первая половина XI в.). Позже в орнаментике появляется небрежность, количество рядов шнурового штампа на горловине уменьшается, линии становятся прерывистыми, часто плечик и венчик сосуда вообще не орнаментируются. Доля данной группы посуды составляет в раскопах городища от 60 до 80% всей керамики болгарского времени.

С этим населением связан расположенный в 50–150 м южнее городища языческий II некрополь второй половины X–XI вв. Следовательно, угорское население не только осталось здесь после появления в крае болгар, в количественном отношении именно они были наиболее многочисленным этническим компонентом на обоих берегах Камы выше устья Вятки в течение всего домонгольского времени. По сообщению венгерского монаха-миссионера Юлиана, который побывал в здешних краях в 1236 г., своих сородичей венгров (т. е. угров) он нашел в двух дневках от «большого города» (Биляра) «близ большой реки Этиль». Если Юлиан шел по караванному пути, то за «две дневки» он максимум мог выйти к Каме ниже Алабуги, т. е. дойти до переправы у Котловки. Но если за «дневки» были приняты «минзили», то своих родичей Юлиан встретил лишь на р. Мензеля. Монах отмечал, что эти «венгры» имеют дома и селения, но землю не возделывают, «едят мясо конское, волчье, пьют лошадиное молоко и кровь», «богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах» (Аннинский, 1940, с. 80–81).

В самом конце X в. на устье Тоймы закрепляются болгары. Конечно, они и раньше знали о здешнем поселении-убежище. Торговые операции с верхнекамским районом, со «страной Вису», активно шли уже с конца IX – начала X вв. и так называемая «хазарская торговля» по Каме была в их руках. Подтверждением этому может служить болгарский кувшин салтовского облика из исторической части города Елабуги (рис. 70: 3). Маловероятно, что вхождение Елабужского края в состав Волжской Болгарии сопровождалось какой-либо серьезной военной акцией против местного населения. Скорее всего, оно ограничилось присутствием здесь небольшого военного отряда. Следы болгарских военных крепостей, возникших чуть позднее, можно обнаружить и выше по Каме. Отсутствие какой-либо серьезной угрозы с севера и северо-востока привело к тому, что многие из них в скором времени прекратили свое существование. Остальные же, прежде всего контролировавшие устья крупных и средних рек, не потеряли своего значения в течение всего домонгольского времени.

Болгары, будучи носителями традиции государственного строительства и имеющие уже к

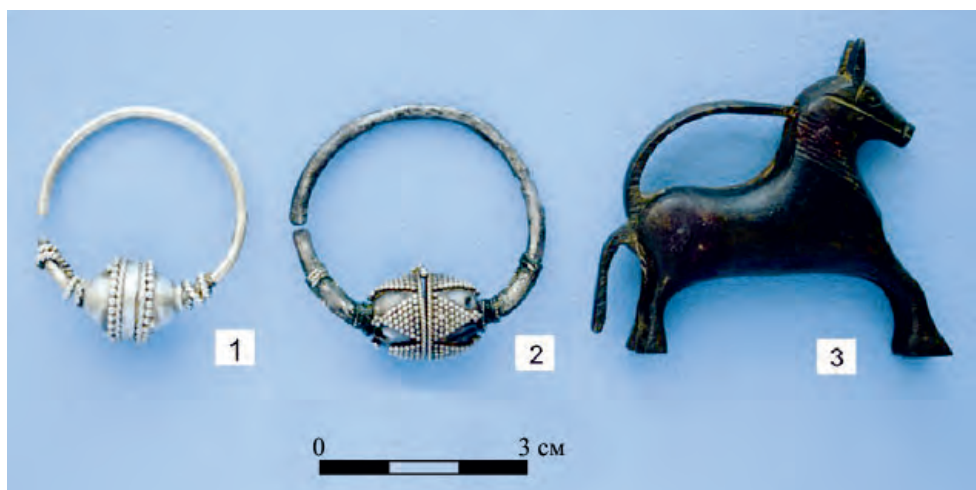

Рис. 69. Датирующие находки: 1, 2 – серебряные височные кольца; 3 – бронзовый замок.

Рис. 70. Посуда с примесью толченой раковины (1, 2) и кувшин с салтовского облика (3) из раскопок Елабужского городища.

конецу X в. достаточно богатый опыт градостроительства, принесли сюда элементы городской жизни. По одной из версии, название крепости *Алабуга* могло означать «передний защитник или впереди стоящий богатырь» (Нигамаев, 2007, с. 23).

Выгодное месторасположение Елабужского городища сделало его весьма значимым военно-политическим объектом Волжской Болгарии. В-первых, крепость отвечала за спокойствие и порядок на отрезке Камской торговой магистрали, функционировавшей почти круглогодично. Во-вторых, закрывая собой устье Тоймы, она контролировала бассейн этой реки, уходивший на север вглубь финно-угорских территорий. В-третьих, здесь проходила сухопутная караванная дорога на северо-восток, на Чепцу и далее и здесь же располагалась одна из переправ через Каму. Важным моментом являлось и особое почитание данной местности немногочисленным окрестным населением.

Новые хозяева усилили существующие оборонительные сооружения. Как показали исследования 2006 г., первый (внутренний) вал в болгарское время существенно увеличился и по высоте, и по ширине. Его размеры предполагают возможность строительства на нем сложных оборонительных конструкций. По всей вероятности, он был усилен болгарами не позднее начала XI в. Грунт для насыпки брался с внешней стороны, т. к. на данной территории (между I и II линиями) культурные отложения конца I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. почти не сохранились, тогда как во внутренней территории пьяноборско-мазунинская и именьковская керамика встречается повсеместно.

Увеличение численности мусульманского населения в данной местности и рост товарообмена по Камской магистрали в связи с потерей торговых позиций на Верхней Волге в XII в. сделали Елабужское городище значимым военным и культурным центром края. Болгарами были воздвигнуты еще две линии обороны, причем внешняя ли-

ния состояла лишь из невысокого вала Г-образной формы. По всей вероятности, поверх них шли частоколы, а на восточных концах стояли проездные башни. Линии обороны располагались друг от друга на расстоянии 55–70 м. Таким образом, болгары существенно увеличили свою военную крепость, площадь которой с 15 000 кв. м (1,5 га) достигла 34 300 кв. м (3,43 га). Именно тогда на месте возможной деревянной мечети (выявленные в ходе раскопок остатки деревянной конструкции в пределах сооружения были отнесены А.Х. Халиковым к более раннему слою) и появляется белокаменная мечеть-цитадель с восемью башнями и полубашнями (рис. 68).

Белокаменная конструкция была сооружена на ленточном фундаменте шириной 0,8–0,9 м, для устройства которого был выкопан котлован на глубину 35–40 см от древней поверхности (до известнякового материка). Она имела почти правильную квадратную форму с длиной сторон 21 м. По углам здания сооружены круглые башни диаметром 6 м. Башни, располагавшиеся по юго-западному и юго-восточному углам, отличались своими размерами и очертаниями. Так, юго-восточная башня имела более крупные размеры – 9,6–10 м в диаметре и, по-видимому, была более высокой. Юго-западная башня имела ярко выраженную шестигранную форму, показывающую, что здесь возвышалась оригинальная башня типа минарета, верхняя часть которого состояла из сруба.

Следует отметить, что в определении характера постройки юго-западная половина здания играла более существенную роль. Так, между двумя вышеуказанными башнями от стены отходит треугольный выступ – контрфорс, ориентированный своим острием на Ю–ЮЗ (205 градусов), т. е. точно на Мекку. Эта полубашня-михраб была построена одновременно со стеной здания. Подтверждением тому, что сооружение изначально выполняло и роль мечети, является его почти меридиальная ориентация с отклонением примерно на 25 градусов, что было вызвано необходимостью в этом регионе направлением здания на Мекку.

Не менее интересными оказались и полукруглые башни-контрфорсы диаметром 3,5–7 м, выполнявшие не только защитно-усиливающие функции, но и роль помещений-складов для товаров купцов со своими ямами-тайниками.

Все здание было сложено из известняка, который добывался практически рядом. Скрепляющим средством служил известковый раствор. В этом растворе значительное место наряду с окисью калия (до 26,6%) занимает примесь кремнезема или кремнистого песка (от 10 до 40%). Такая консистенция раствора, прежде всего известково-

го, была характерна для болгарских построек домонгольского времени (Нигамаев, 2005, с. 21).

Исследования 1993 г. показали, что по своим конструктивным особенностям белокаменное здание Елабужского городища напоминает мечети домонгольского Биляра и золотоордынского Болгара. По определению профессора С.С. Айдарова, наиболее близкие аналогии имеются в раннемусульманских мечетях VIII–IX вв.: мечеть Мутаваккиля в иракском городе Самарре и суский рабат-мечеть в Тунисе (Айдаров, 2000, с. 78, 79). Определенные архитектурные параллели можно увидеть и в некоторых памятниках Владимиро-Суздальского зодчества XII–XIII вв. По этим аналогиям, но преимущественно по стратиграфическим наблюдениям и обнаруженным при раскопках находкам исследованное сооружение было определено А.Х. Халиковым как остатки мечети-крепости, построенной в период не позднее второй половины XII столетия (Халиков, 1997, с. 14). Впрочем, этим же временем датировал его в свое время и А.П. Смирнов (1951, с. 140, 143)

В 1993 г. на объекте были проведены реставрационно-консервационные работы. В ходе этих работ было отмечено, что реставрация башни в 1867 г. была проведена без учета общего архитектурного облика сохранившихся частей конструкции памятника. И.В. Шишкин восстановил его в округлой форме с тремя окнами и двумя дверными проемами на первом этаже, тогда как округлую форму имела только нижняя часть башни высотой около 3 м, выше она переходила в шестигранник с пятью окнами и одним дверным проемом на второй ярус. Не исключено, что выше второго яруса башня могла иметь деревянные (срубные) конструкции. Через эту башню люди проникали в здание и поднимались на второй ярус.

За все годы археологического исследования Елабужского городища кроме белокаменного сооружения других крупных строений, в том числе жилищ, обнаружено не было, в связи с чем сложилось устойчивое мнение, что в болгарское время городище не было местом проживания основного населения Алабуги и что оно должно было проживать в другом, более удобном месте. Правда, здесь следует отметить, что вся территория, прилегающая белокаменному зданию, была разрушена христианским кладбищем XVII в. и карьером. Раскопки последних лет на северной оконечности площадки городища, где материком вместо известняка служит коричневая глина, дали возможность изучить несколько ямных конструкции болгарского времени.

С домонгольским периодом истории городища связана большая часть находок из раскопок. Кроме прикамско-приуральской и общеполгарской ке-

рамики часто обнаруживаются шиферные и глиняные пряслица, цилиндрические замки и ключи к ним, различные стеклянные бусины, железные и костяные наконечники стрел различных типов, наконечники ремней и пряжки, пробойники, костяные изделия, гвозди, ножи и т. д. Редкими находками считаются сердоликовые бипирамидальные и хрустальные бусины, пронизки и ременные накладки из оловянистой бронзы, украшения из серебра и бронзы.

Близлежащая округа крепости, подалее от Камы, в домонгольский период была редко заселена. Северо-восточнее, в верхнем течении Тоймы, а также по рр. Вале и Иж обитали немногочисленные группы угро-финского населения, оставившие т. н. чумойтинскую археологическую культуру, родственную «постпетрогромским» уграм, но с заметной долей элементов финно-пермских истоков.

В конце X в. на устье р. Тоймы появляется новое население, оставившее Елабужский IV некрополь. Погребения данного некрополя в разные годы были обнаружены во внутреннем дворе Елабужского института, рядом с его общежитием, на территории молокозавода и на ул. Тукая. В ходе раскопок 2001–2004 гг. были изучены несколько погребений. По хорошо сохранившимся женским погребениям, можно судить, что костяки обычно лежат вытянуто на спине на глубине 75–85 см от современной поверхности. При этом хоронить своих усопших старались в слое песка (супеси). Ориентация погребенных головой на запад – северо-запад, лицом на юг. Руки вытянуты, но несколько откинута в сторону. Остатков одежды и древесного тлена нет. В одном из погребений красноглиняная болгарская кринка домонгольского облика была поставлена севернее черепа. У правого плеча, перед лицом покойника, были рассыпаны стеклянные бусинки: 10 из них «глазчатые», 3 – «глазчатые с ресничками» темно-коричневого, бордового и синего цвета. Остальные бусы имеют матовый желто-зеленый оттенок. Комплекс бус из этого погребения характерен в целом для X – начала XI вв. Там же обнаружено болгарское серебряное височное кольцо с желудеобразной пронизкой, украшенной треугольными поясками из зерни, широко распространенное в XI–XII вв. (рис. 69: 2). На левой стороне груди найдена медная копушка с прикрепленными к ней с двух сторон привесками – бубенчиками на цепочках, характерная, судя по материалам чепецких могильников, для XII в. (Иванова, 1992, рис. 47: 42). Железные рамчатые пряжки сегментовидной формы в болгарских памятниках бытовали в XI–XII вв. (Руденко, 2001, с. 124, табл. II, 4). Аналогии медной конусовидной основе шумящей подвески имеются в

памятниках полемской и чепецкой культур X–XIII вв. (Иванов, 1998, рис. 16, 13). У одного костяка на предплечье правой руки, в районе локтя, лежал железный нож длиной 10,5 см. Иногда такие ножи прикладывали к голове и в ходе окисления нож приклеивался к черепу, что порождало рассказы о находках в данном районе черепов, пробитых наконечниками стрел. В некоторых погребениях присутствуют лишь череп и бедренные кости, что говорит о бытовании у них обряда обезвреживания покойников.

Как показали исследования данного памятника, там были похоронены люди со смешанными европеоидно-монголоидными чертами лица. Анализ топографии, обряда захоронения и вещественного комплекса указывают на некоторую близость данного некрополя к могильникам бассейна р. Чепцы, датируемым XI–XIII вв. Но наблюдается существенное различие в ориентации костяков (Иванова, 1992, с. 14). Поэтому критерию отмечается большая близость к болгарским захоронениям, как языческим, так и мусульманским. Керамический комплекс из некрополя, представленный общеполгарской и «джукетауской» посудой (рис. 70: 2, 3), также связывает его с населением Волжской Болгарии. На наш взгляд, функционирование Елабужского IV некрополя относится к концу X – первой половине XII вв. и, по всей вероятности, принадлежит к смешанному населению полемо-ломоватовских истоков, стоящему на пороге перехода от традиционных верований к исламу.

В позднемонгольский период произошло увеличение здесь собственно болгарского населения, что было следствием не только колонизации края болгарями, но и естественной ассимиляции и исламизации местных тюркских неболгарских родов, а также окрестного угорского и финского населения. Время возникновения поселения-посада можно датировать не позднее второй половины XII в. В скором времени за ним прикрепится название крепости – Алабуга. В предмонгольское время посад был окружен рвом и частоколом. Оборонительная линия начиналась юго-западнее современной Покровской церкви, тянулась на северо-запад. Алабугу, начиная с конца XII в., наряду с Кирменем и может быть Кашаном следует относить к так называемым «раздельным» городам, где крепость (резиденция правителя) и торгово-ремесленный посад находятся на некотором расстоянии друг от друга. Так, одно из селищ-посадов Кирмени расположено от крепости более чем в 2 км, между двумя исторически известными Кашанами расстояние еще больше. В Алабуге торгово-ремесленный посад также находится примерно в 2 км к северо-востоку от городища.

Будучи центром крепости, а потом и города Елабуги, территория средневекового посада в XVI–XVIII вв. активно застраивалась, что привело к сильному разрушению более ранних отложений культурного слоя. Более того, в золотоордынский период здесь располагался III некрополь. Тем не менее в ходе изысканий удалось выделить несколько хронологически разновременных слоев. 4 – слой плотной серо-коричневой супеси с включениями древесного угля и глины толщиной до 15–18 см на основании комплекса характерных находок был датирован домонгольским временем.

В ходе раскопок были изучены несколько ямных конструкций, две из которых имели достаточно внушительные размеры. Одна из них выявлена в виде удлиненной с юго-востока на северо-запад траншеи шириной 320–340 см и с ровным дном на глубине 40–60 см. В пределах раскопа неполная длина была прослежена на 13 м. Не исключено, что сооружение имело производственный характер. В заполнении, состоявшем из серо-коричневого суглинка с обильными включениями угля, обнаружены куски железной крицы, глиняной обмазки, обломки кирпича и камни.

Самым интересным здесь и в какой-то степени загадочным являются остатки рва, который интерпретируется как оборонительное сооружение. Ширина рва в верхней части около 6 м, глубина от выявленного уровня более 2 м. Стенки ровные, довольно крутые. Прослежен в длину на 9 м. Вдоль юго-западного края рва расчищены три столбовые ямки округлой формы диаметром и глубиной 20–40 см, расположенные на расстоянии 240–250 см друг от друга. Их можно рассматривать как остатки вертикально поставленных опорных столбов деревянного тына.

В комплексе находок наряду с общеболгарской керамикой домонгольского облика были найдены свинцовая торговая пломба типа В–I–1 по типологии Г.Ф. Поляковой (1996, с. 247), стеклянные глазчатые бусы, бусина из горного хрусталя, медная шумящая подвеска в виде уточки, железные ножницы, ключи от цилиндрических замков типа В по новгородской хронологии, орнаментированное костяное навершие в форме лодочки, железные наконечники стрел, относящиеся к типам, широко распространенным в X–XIV вв. (Медведев, 1966; Руденко, 2003, с. 299, табл. VII, 8). Интересной находкой является также бронзовый замок в виде лошадки, обнаруженный на поверхности материка у южного края рва в раскопе IX. Максимальная длина его 5,2 см, высота 4,3 см, ширина 0,8 см (рис. 69: 3). Зооморфные замки, выполненные, как находка из посада Алабуги, реалистически (отчетливо видны рот, ноздри, зрачки в глазах, грива, уздечка), производились в болгар-

ских мастерских XI – начала XIII вв. Наиболее близкая аналогия этому зооморфному замку имеется среди материалов XII–XIII вв. из Чердыни в Пермском крае (Белавин, 2000, с. 120, рис. 58, 17).

Археологические материалы свидетельствуют, что между Нижним и Верхним Прикамьем издревле существовали самые тесные связи, выраженные в товарообмене, культурном взаимодействии и миграции населения. Не позднее последней четверти XII в. сюда, на устье Тоймы, переселяется еще одна группа верхнекамского населения, связанная с родановской археологической культурой Верхнего Прикамья. Именно это население, оставившее после себя грубую лепную керамику в виде котлов и горшков, изделий из меди и бронзы, не только приняло активное участие в строительстве посада города, но стало едва ли не самым многочисленным этническим компонентом на столетие.

В коллекции находок хорошо представлена изготовленная вручную посуда из глиняного теста с большим содержанием толченой раковины. Она представлена котлами, горшками, мисками, светильниками и др. формами. Обжиг керамики открытый (костровой). Некоторые сосуды, имеющие чашевидную форму с оригинальными ручками подтреугольного сечения с горизонтальной площадкой в верхней части («языком»), украшены гребенчатым штампом. Такую посуду, основываясь на материалах Западного Закамья, Т.А. Хлебникова выделила в XVIII группу своей классификации, определив время ее бытования XIII–XIV вв. (Хлебникова, 1988, с. 36 и сл.). На основании материалов посада Алабуги, было уточнено появление носителей XVIII группы керамики на территории Волжской Болгарии концом XII в. Наличие этой группы посуды в материалах Староромашкинского комплекса, расположенного в 50 км северо-восточнее Биляра и погибшего в 1236 г., еще раз доказывает присутствие родановского населения на Нижней Каме еще в домонгольский период. Посуда данной группы была обнаружена и на ул. Городищенской (в 1 км ЗСЗ от посада) и на территории IV некрополя (0,5 км восточнее). В посаде Алабуги в домонгольском слое доля верхнекамских истоков керамики доходит до 60% от всего комплекса посуды.

Связанная с этим населением шумящая птицевидная подвеска с ажурными прорезями, которая представляла из себя литую уточку, украшенную с обеих сторон рельефными жгутами или полосками и имеющую привесок-лапок, большинством исследователей датируется в пределах XI – первой половины XIII вв. (Голубева, 1979, с. 23, табл. 7, 4–6; Рябинин, 1981, с. 18, табл. VI, 3; Голдина, 1999, рис. 133, 2). Такие находки часто встречаются в домонгольских памятниках Елабужского

края: 3 уточки происходят из посада Алабуги, 4 – из Котловского могильника, 2 – с Танайского I селища, 1 – у д. Ананьино. Как представляется, верхнекамское население составляло заметную долю не только в посаде Алабуги, но и окрестных памятниках.

Финский и угорский элементы присутствуют в материальной культуре населения почти всех болгарских городов. В Кирмени, ближайшем крупном соседе Алабуги, прикамско-приуральская керамика составляет около 10%. Здесь же, судя по соотношению посуды разных этнокультурных групп, финно-угорское население по численности заметно превосходило болгар. Другой особенностью Алабуги является то, что за все время исследования на территории посада обнаружено всего два фрагмента горловины прикамско-приуральской (угорской) посуды без орнамента, а на городище вообще не найдено верхнекамской (финской) керамики. Объяснить такую «устойчивую некомплементарность» этих сообществ по отношению друг к другу можно лишь тем, что к моменту прихода на устье Тоймы верхнекамского населения посуда VII группы уже не изготавливалась. А самих пермяков-язычников в мусульманскую крепость для заселения не пускали.

Находившиеся на северо-востоке Волжской Болгарии Алабуга и примыкающие к ней болгар-

ские поселения остались вне зоны продвижения монгольских войск. Вероятно, какие-то монгольские отряды поднимались по левому берегу Камы, уничтожая закамские опорные пункты болгар. На сегодняшний день археологические раскопки не выявили следов пожаров и разрушений, датированных XIII в., ни на городище, ни в посаде. В коллекции находок из местных памятников нет ни одного предмета, который можно было бы увязать с монголами и вообще с центральноазиатским или восточносибирским регионом. Да и в письменных источниках, описывающих монгольские походы, нет никаких указаний на то, что монголы во время своего западного похода были на правобережье Камы. Лишь в т. н. «елабужской» и «мамадышской» рукописях есть фольклорные сведения о сражении местного алабужского правителя с «татарами» и гибели города.

К началу монгольских завоеваний Алабуга уже была вполне сформировавшимся городом, но недостаточно значимым в геополитическом плане для монгольских полководцев. Вопреки всем утверждениям о гибели Елабужского городища в событиях 1236 г. археологические материалы показывают, что и сама крепость с мечетью-цитаделью и торгово-ремесленный посад продолжали существовать и в последующую эпоху.

МУРОМСКИЙ ГОРОДОК И ЕГО ОКРУГА

В ряду крупнейших городов Волжской Болгарии домонгольского периода значится город на Самарской Луке, археологические остатки которого известны под названием «Муромский городок» (Валыньское городище по Р.Г. Фахрутдинову (1975, с. 187–188)). Древнее название города не установлено.

Географическое положение. Городище «Муромский городок» находится в центральной части Самарской Луки. Территория Самарской Луки была южной окраиной Волжской Болгарии, граничащей со степным кочевым миром. К югу и востоку от нее болгары не селились, видимо, опасаясь нападения кочевников. Самарская Лука, защищенная с трех сторон р. Волгой, была сравнительно труднодоступной. При расселении на Самарской Луке болгары нередко использовали возникшие в предшествующую эпоху городища-убежища, укрепленные валами и рвами. Многие памятники располагаются в южной части Самарской Луки по берегу Волги на господствующих высотах, например, Каменная Коза, Ош-Пандо, Манчиха и Белая Гора. В непосредственной близости от городищ существуют неукрепленные крупные селища: Подгорское, Мордова поляна, Торновское III и др.

(Матвеева, 1975). Большинство болгарских селищ находится в центральной и западной части Луки – в ближней и дальней округе Муромского городка (Кочкина, 1999).

Муромский городок расположен в 8 км от северной кромки Самарской Луки и в 15 км от южной, в месте наибольшего сближения двух крупнейших оврагов – Яблоневого на севере и Сухой Брусяны на юге. Эта территория входит в геоморфологический район Самарской Луки, называемый Восточным плато, представляющим собой наиболее высокую часть Самарской Луки. Особенностью его ландшафта является наличие глубоко врезанных древних долин, протянувшихся от балок Яблоневои и Отважененской долины до Южной Волги.

Природный ландшафт использовался болгарам в системе оборонительных укреплений города. Пересеченный рельеф в сочетании с искусственными укреплениями, остатки которых в виде валов и рвов слабо прослеживаются в настоящее время на южной окраине внешнего города и на восточной окраине внутреннего города, создавал многокомпонентную структуру города. Площадка городища, имеющая уклон с запада на восток,

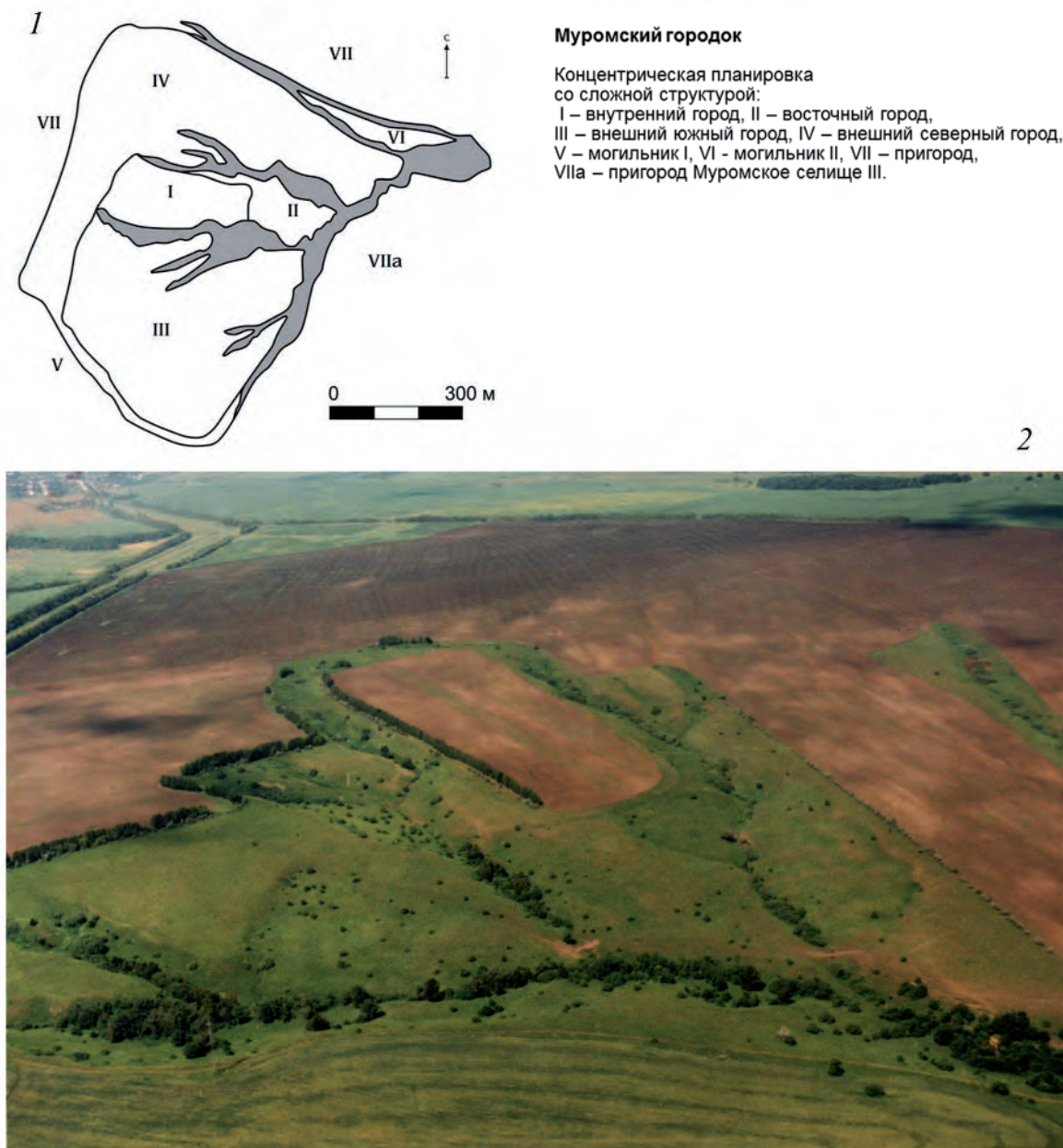

Рис. 71. 1 – Муромский городок (Валынское городище).Схематичный план;
 2 – Муромский городок. Фотоснимок с дельтаплана. 1996 г.

представляет собой слабо рельефную равнину, пересеченную с северо-запада на юго-восток многочисленными оврагами, поросшими кустарником и деревьями, по дну которых протекают ручьи. С севера и востока городище опоясывают небольшие лесные массивы, приуроченные к древним балкам.

Муромский городок представляет остатки одного из крупнейших городов Волжской Болгарии. К началу XIII в. его площадь составляла 150 га (рис. 71). С самого момента возникновения Муромский городок играл роль важного стратегического пункта на южной границе Болгарского государства, а также являлся админи-

стративным, торгово-ремесленным и культурным центром региона (Васильев, Матвеева. 1986, с. 167; Кочкина, 1999). Освоение Самарской Луки и строительство города с функциями центра региона, несомненно, было связано с включением Волжской Болгарии в систему международной торговли после установления более тесных связей с Русью в начале XI в. (договор 1006 г.), что привело к активизации Волжского торгового пути.

История изучения Муромского городка. Археологическое изучение городища началось в 20-е годы XX в., но известен он был гораздо раньше. Впервые его описал академик И.И. Лепехин, со-

вершивший в 1750–1772 гг. путешествие по России. Во время пребывания в Поволжье он посетил «древнее при селе Валы укрепление» и составил описание его оборонительных сооружений, отметив умелое использование трех оврагов, точнее трех отрогов Яблоневого оврага (Лепехин, 1771, с. 336). Сведения о Муромском городке есть в книге другого участника академических экспедиций – П.С. Палласа, который называл Муромский городок «татарским шанцем», состоящим из трех валов со рвами и имеющим несколько верст в окружности. Им было отмечено отсутствие каких-либо следов строений в этом «шанце», но упомянуто, что при пахоте попадались «татарские кирпичи» (Паллас, 1773, с. 243). Таким образом, в XVIII в. исследователи засвидетельствовали наличие трех оборонительных валов и рвов, защищавших древнее поселение.

Описания ряда городищ Самарской Луки, в том числе и Муромского городка, содержатся в работе историка К.И. Невоструева «О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств», опубликованной в трудах Первого археологического съезда, а позднее вышедшей отдельным изданием (Невоструев, 1871). Сведения об остатках древнего поселения для К.И. Невоструева по его просьбе были подготовлены уральским о. протоиереем Преображенским (Невоструев, 1871, с. 43–44). Кроме этих сведений, основанных на местных преданиях, Невоструев практически полностью приводит описания Лепехина и Палласа.

В «Археологической карте Симбирской губернии» на рубеже XIX–XX веков В.Н. Поливанов дал описание Муромского городка, при этом кроме работ Лепехина и Палласа использовал и другие материалы, что отмечает в примечании (Поливанов, 1900, с. 28). Он также писал, что город, окруженный с северо-запада и юго-востока оврагами, с юга был укреплен тремя высокими валами со рвами, из которых средний выше всех.

В 1923 г. городище было обследовано группой слушателей Высших этнолого-археологических курсов при Самарском университете под руководством В.В. Гольмстен. В 1928–1929 гг. экспедиция Общества истории, археологии, этнографии и естествознания под ее руководством провела первые раскопки на Муромском городке. В западной части вблизи внутреннего вала было заложено шесть траншей, соединенных в раскоп, который проходил через южную половину всхолмления. В раскопе выявлены два соединенных между собой здания, сложенных из кирпича и известнякового камня. На основании полученных материалов В.В. Гольмстен правильно определила культурную принадлежность городища болгарам и дати-

ровала его X–XII вв. (Гольмстен, 1924; 1925; Матвеева, 1975).

В 1971 г. Средневожская археологическая экспедиция Куйбышевского государственного университета под руководством Г.И. Матвеевой возобновила раскопки на памятнике. В течение 9 полевых сезонов на 24 раскопах было исследовано около 4 тыс. кв. м: были выявлены остатки кирпичных зданий, бревенчатых и глинобитных жилищ, хозяйственные ямы, производственные сооружения: металлургические печи, гончарные горны, кузницы, получен обширный материал. Подтверждена датировка, предложенная В.В. Гольмстен. Установлено, что гибель города связана с монгольским нашествием в 1236 г.

С 1992 г. возобновились и ведутся планомерные исследования на городище сначала экспедицией Самарского госуниверситета, затем Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина под руководством А.Ф. Кочкиной. В 1993–1996 гг. на северной окраине городища (XXVI раскоп) были вскрыты остатки насыпи вала, часть рва, выявлены и изучены сооружения, большинство из которых представляли собой остатки зерновых ям, обнаружен многочисленный керамический и вещевой материал, который позволил внести некоторые коррективы в хронологию и планировку памятника. В 2000–2007 гг. проводились работы в юго-восточной части северного города (XXXVIII раскоп). На площади 1198 кв. м было выявлено 100 сооружений, в том числе производственные объекты, часть из которых предположительно связана с обработкой цветных металлов, колодец и жилые постройки. Находки представляют собой в основном ремесленный инвентарий, медные, бронзовые и другие сырьевые материалы, заготовки костяных предметов, а также многочисленные бытовые предметы, украшения, предметы вооружения. Мощност культурного слоя составила в среднем 40–80 см. Весь комплекс сооружений XXVIII раскопа связан с многопрофильной ремесленной деятельностью. Здесь четко прослежены признаки совмещения в одном хозяйстве нескольких видов ремесел: обработки цветных металлов, ювелирного дела, косторезного производства (Кочкина, 2004.).

В 2011, 2013 гг. в так называемом «южном городе» примерно в 80 м от оврага, отделяющего его от внутреннего, был исследован раскоп XXX общей площадью 56 кв. м. Мощност культурного слоя составляла от 40 до 80 см, выявлены 6 сооружений. Среди сооружений следует отметить смолокурную яму, четырехугольную в плане постройку, глинобитную площадку с крупными кусками шлака и криц. Фиксируются следы пожара, связанного с предмонгольским этапом

существования города и периодом разрушения города в ходе монгольского нашествия. Исходя из особенностей заполнения сооружений и характера находок, можно предположить, что на данном участке городища располагался комплекс хозяйственных построек, связанных с железоделательным производством.

Кроме жилых и производственных объектов на Муромском городке выявлены и изучены погребения двух мусульманских некрополей, располагавшихся в юго-западном пригороде (I Муромский могильник) за укреплениями внешнего города и на северо-восточной окраине городища (II Муромский могильник) на отдельном мысу (Кочкина, 2002).

Планировка и оборонительные сооружения города. Некоторая удаленность городища от Волги создавала более безопасные условия его существования. Подступ к Самарской Луке с запада затруднен самым узким местом между р. Волгой и р. Усой, там расположено Междуреченское городище (Зубов и др., 1995), овраги сами по себе представляли относительно надежную защиту. Возможно, верховья оврагов были соединены валом, не сохранившимся до наших дней. К западу от городских укреплений находится возвышенность, с которой хорошо обозревались окрестности на много километров вокруг, отсюда просматривалась р. Уса и ее долина. Использование рельефа местности в целях обороны поселения было типично для болгарских городов. В настоящее время даже сохранившиеся участки валов на поверхности слабо выражены.

По предположению Г.И. Матвеевой, самой древней частью являлся внутренний город, заключенный между двумя отрогами оврага. Культурный слой здесь отличается большей мощностью, обильно насыщен находками. Внутренний город был защищен с юга и севера оврагами. С западной стороны первоначально был прорыт ров до 3 м глубиной. Затем этот ров был засыпан, а вместо него сооружен внутренний вал (Васильев, Матвеева, 1986, с. 170–171; Матвеева, 2000, с. 253). С восточной стороны также был сооружен вал между оврагами, который с напольной стороны переходил в пологий склон площадки так называемого «восточного» города, заканчивающейся в овраге.

Вокруг внутреннего города располагался внешний город, который делился на северную, южную и западную части. Северная часть внешнего города была защищена с северо-востока оврагом, а с севера и северо-запада – валом и рвом. Культурный слой здесь составляет 40–80 см.

Застройка участка, прилегающего к оврагу, отделяющего северный город от внутреннего, вероятно, началась одновременно с внутренним

городом (Васильев, Матвеева, 1986, с. 168.). Однако основная территория северного города, судя по данным последних раскопок, была освоена не ранее XI в. и жизнь здесь продолжалась вплоть до разрушения города (Кочкина, 1999).

Наиболее обширна южная часть внешнего города. Она прорезана двумя отрогами оврага и защищена с юго-востока оврагами, а с юго-запада – двумя валами и рвами, которые идут параллельно друг к другу. В XI в. в его восточной части у оврага существовал ремесленный район, где был выявлен и исследован гончарный горн (Васильев, Матвеева, 1986, с. 186–187).

Древнейшим оборонительным сооружением, относящимся, по предположению Г.И. Матвеевой, к X в., является ров, соединявший овраги, ограничивающие внутренний город с севера и с юга (Васильев, Матвеева, 1986, с. 170). Выкид из него лежал непосредственно на древней почве, на дне рва – следы сторевшего дерева. Глубина его – 2,2 м от современной поверхности, ширина – 8–8,4 м. С внутренней стороны рва обнаружены две параллельные канавки шириной 0,2–0,5 см, вырытые в погребенной почве и заполненные материковой глиной. Возможно, это основания глинобитных стенок, шедших параллельно рву. Судя по находкам, ров был засыпан приблизительно в конце XI в., а вместо него был сооружен вал и ров, глубина которого составляет 3,1 м, ширина 5,3–7 м от современной поверхности. Ров мог быть заполнен водой, так как водоносный слой здесь залегает неглубоко. Возможно, он одновременно служил водоемом, снабжавшим водой металлургическое производство, расположенное в западной части внутреннего города. На дне рва найдено большое количество шлаков. Далее к югу на территории южного города ров имел глубину 2,3 м, ширину 4,3 м. В настоящее время сохранились лишь небольшие участки вала в северо-западной части внутреннего города, а также с южной стороны, где первый и второй вал идут параллельно рядом друг с другом. Внутренний вал имеет высоту 1,2 м, ширину 9,2–10 м, ширина следовавшего за ним рва 6 м. Насыпь вала состояла из перемешанного суглинка из культурного слоя. По мнению Г.И. Матвеевой, на вершине вала мог стоять чаштокол, т. к. во время раскопок на валу было найдено истлевшее дерево (Васильев, Матвеева, 1986, с. 170).

Второй вал пока не исследовался, он сохранился только с южной стороны, где шел параллельно внутреннему валу, на юго-западе этот вал резко под углом поворачивал к северу. В 1970-х годах эта часть вала уже была распахана, однако следы вала в виде коричневой глинистой полосы прослеживались на пашне.

На основе данных аэрофотосъемки 1964 г. на северной окраине города был заложен рекогносцировочный раскоп, на котором выявлены фрагменты вала и рва, смыкавшегося с действующим оврагом. Почвоведческие исследования позволили реконструировать некоторые особенности строительства укреплений (Офман, Пономаренко Е.В., Пономаренко С.В., 1995, с. 185–189). Выяснилось, что площадка под вал предварительно разравнивалась, сопровождаясь скальпированием почвы. Затем производилась утрामбовка котлована вала грунтом, вынутым при рытье рва, и возведение насыпи вала из грунта, содержащего хозяйственный мусор, с последующим укреплением его внешней стороны оплеткой из тонких деревянных жердей (Офман, Пономаренко Е.В., Пономаренко С.В., 1995, с. 188).

Что касается даты строительства укреплений этой части внешнего города, то, вероятно, ее следует относить к более позднему, чем XI в., времени, так как несколько сооружений были перекрыты насыпью вала. Эти данные свидетельствуют о том, что формирование территории города происходило неодновременно, а строительство укреплений внешнего города осуществлялось уже тогда, когда город существовал в своих максимальных размерах. Видимо, сооружение укреплений внешнего города было предпринято только в тот период, когда появилась реальная угроза для безопасности города, а это могло быть в начале XIII в. Для уточнения этого предположения необходимы исследования укреплений на разных участках.

Небольшой участок рва был выявлен в центральной части южного внешнего города на краю террасовидной ложбины (XXXII раскоп), ориентирован по линии СЗ–ЮВ. В разрезе выделялось несколько слоев и прослоек, соответствующих разным уровням песчано-глинистого заполнения сооружения. Ширина рва в верхней части составляет около 2,5 м, глубина от уровня обнаружения – 1,1 м. Ров имеет в поперечном сечении подтрапещиевидную форму, западный борт рва более крутой, восточный – более пологий. На дне – канавка (продольная ложбинка с плоским дном, углубленная на 10–15 см), заполненная плотным суглинком с глинистыми включениями, встречались угли, единичные кости животных.

По своим конструктивным особенностям этот объект близок рву домонгольского времени в Болгаре (Баранов, Губайдуллин, 2016, с. 196–198). О наличии разрушенной насыпи вала со стороны склона можно судить по профилю стенок северо-восточного сектора раскопа. Ров был засыпан, а позднее на этом месте располагались другие сооружения. Стратиграфические наблюдения позволяют предположить хронологический период

функционирования рва в начальный период существования городища – XI в. – начало XII в. Дальнейшее изучение обнаруженного объекта может внести существенные коррективы в понимание процессов формирования и уточнения планировки производственно-селитебной зоны крупного средневекового города Волжской Болгарии (Кочкина, 2018).

Кирпичные здания. Подтверждением городского характера городища является наличие объектов кирпично-каменной архитектуры. На Муромском городке исследованы остатки фундаментов нескольких зданий, сложенных из кирпича и известняковых камней (рис. 72: 1, 2). Два таких здания, примыкавших друг к другу, были частично исследованы в 1928–1929 гг. В.В. Гольмстен (Матвеева, 1975, с. 134–136). Для кладки использовался кирпич размерами 25×24–25×5 см на глиняном растворе. Топки, стенки которых были сильно прокалены и ошлакованы, располагавшиеся с внешней стороны зданий, соединялись магистральными каналами с системой дымоходов. Местами в зданиях сохранились участки водонепроницаемого пола из известняково-алебастрового цемента.

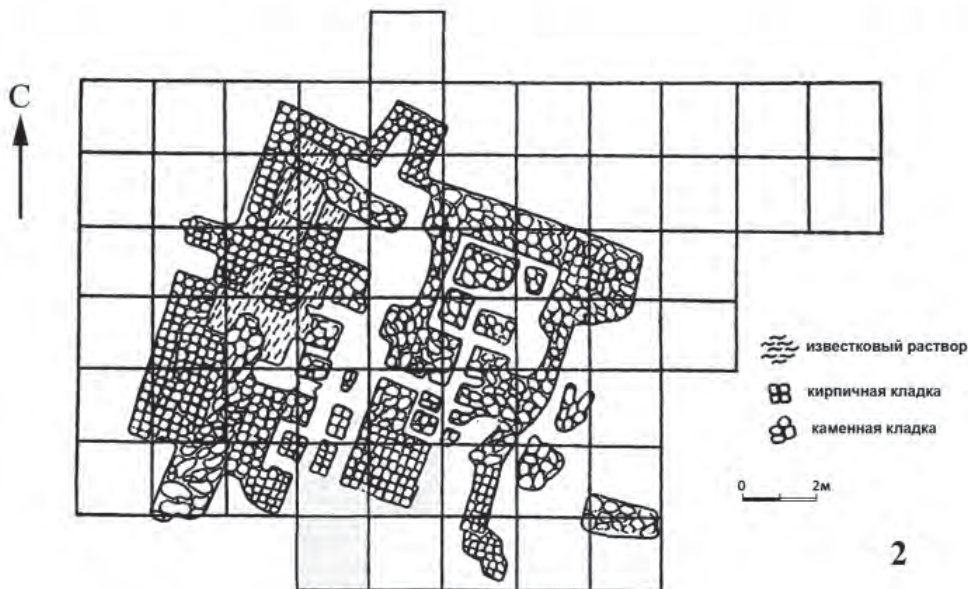
Г.И. Матвеева в 1973 г. раскопала остатки здания, расположенного с внешней стороны у оврага, отделявшего внешний город от внутреннего, недалеко от северо-западного въезда. Здание имело прямоугольную форму размером 10,8×10,0 м, было ориентировано с северо-востока на юго-запад (Васильев, Матвеева, 1986, с. 175–178). Это здание имело все характерные черты построек домонгольского времени, выявленных на других памятниках Волжской Болгарии: размеры кирпича, подпольное отопление, внутренняя планировка и др. Судя по планировке, здание, скорее всего, являлось баней, как и большинство кирпичных зданий в других болгарских городах.

Жилища. Несмотря на плохую сохранность наземных деревянных построек, на Муромском городке удалось выявить остатки таких строений, найдено большое количество железных гвоздей и скоб. Жилища срубного типа были открыты на территории центральной части города (Васильев, Матвеева, 1986, с. 172–173). Нижний венец сруба одного из жилищ имел размеры 3,9×3,5 м. В его северо-восточном углу находилась печь овальной формы. С запада и востока к нему примыкали обмазанные глиной площадки. Другое жилище имело размеры 4,0×4,0 м. От него сохранился слой деревянной трухи и печь-каменка прямоугольной формы. В жилище найдены жернов, топор, коса в деревянном футляре, пряслица.

Кроме деревянных жилищ, выявлены постройки из глины и сырцового кирпича, они представля-

1

2

Рис. 72. Муромский городок. Исследование кирпичных зданий:
1 – раскопки В.В. Гольмстен, 1929 г.; 2 – план здания (по: Г.И. Матвеева).

ли собой площадки прокаленной глины толщиной до 28 см, под ними черные сажисто-углистые прослойки – возможно, остатки пола. Из-за плохой сохранности конструкции этих домов не восстанавливаются (Васильев, Матвеева, 1986, с. 174).

Остатки жилищ выявлены также в северном городе (Кочкина, 2005б). От жилища, расположенного практически у городских стен, остался котлован неправильных очертаний размерами 3,5×3,0 м, углубленный в материк на глубину 9–43 см, с входом в северной части. В северо-западном углу находилась печь-каменка с округлой предпечной ямой. В южной части исследованы остатки очага,

обогревавшего лежанку, располагавшуюся вдоль южной стенки. Общая площадь постройки составляет около 10 кв. м (рис. 73: 1). Надежных датировочных материалов при исследовании постройки не обнаружено, однако стратиграфические наблюдения позволяют предположить ее сооружение в последний период существования города.

Реконструировать стены и перекрытие постройки затруднительно, так как не выявлено каких-либо четких конструктивных элементов, за исключением неширокой ступеньки вдоль южной стенки котлована. Довольно многочисленные куски глиняной обмазки, заполнение, содержащее

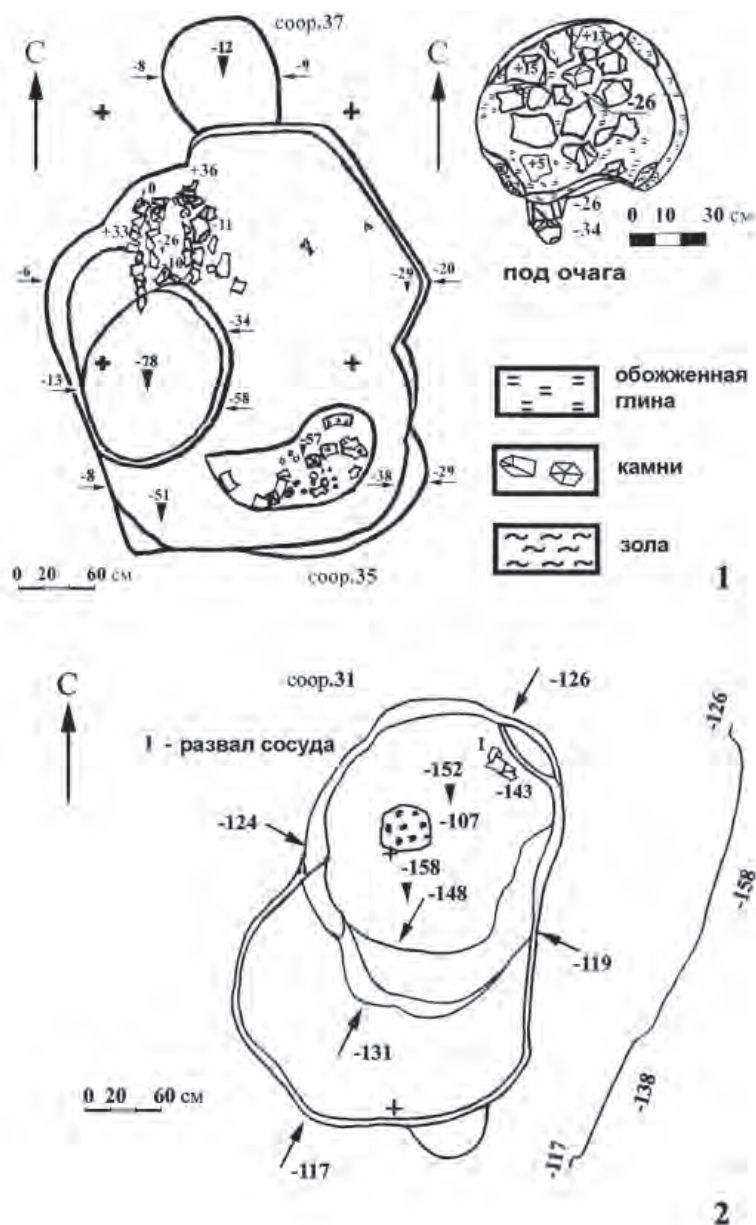

Рис. 73. Муромский городок. Планы жилищ:

1 – жилище с печью-каменкой и обогреваемой лежанкой, р. XXVI; 2 – юртообразное жилище, р. XXVIII.

в целом много глинистых включений, допускают возможность предположить применение в строительстве стен постройки каркасно-плетневых конструкций, обмазанных глиной (Кочкина, 2005б, с. 100). Сравнительная легкость подобных конструкций позволяла не углублять в материк их несущие элементы. Конструкция постройки оригинальна, подобных пока не обнаружено на болгарских поселениях. Дальнейшее развитие близких типов построек с обогреваемыми лежанками-суфами наблюдается в золотоордынское время.

Остатки другой жилой постройки, исследованной в восточной части северного города в ремесленном районе, судя по планировке, можно определить как жилую двухкамерную постройку

юртообразного типа с входом в южной стороне. Длина постройки 3,5 м, ширина южной камеры 2,4 м, северной – 1,8 м, общая площадь около 6,5 кв. м (рис. 73: 2). Очаг, вероятно, был открытым или даже переносным, о чем можно судить по сажистому пятну в центре северо-восточной камеры. Какие-либо прямые данные о конструкции стен и перекрытия отсутствуют. Косвенными свидетельствами о конструктивных особенностях постройки могут служить остатки заполнения сооружения. Большое количество кусков глиняной обмазки в заполнении (на некоторых из них отчетливо видны следы прутьев) позволяет предположить наличие плетневого каркаса в конструкции стен и перекрытия, обмазанного с внешней

Рис. 74. Муромский городок. Орудия труда из железа:
1, 2 – мотыжки; 3 – серп; 4 – деревообрабатывающее орудие; 5–6 – топоры.

и внутренней стороны глинистой массой. Однако гумусированное сажистое заполнение самого котлована и прилегающей к нему территории допускает предположение об использовании при строительстве сооружения органических материалов типа войлока. Вероятно, эта постройка погибла в последний период существования городища и была сожжена при взятии города войсками Батыя в 1236 году. Этому не противоречат обнаруженные при расчистке два наконечника стрел, а также копоть и сажа на керамике, следы сожжения в заполнении и на прилегающей территории.

Постройки типа юрты известны на территории Волжской Болгарии не только по письменным источникам (Хузин, 1995, с. 84–85). Однако признаки классических юртообразных построек, изученных на памятниках салтово-маяцкой культуры (Винников, 1984, с. 96–97), в сооружении на Муромском городке не обнаружены. Наше сооружение имеет наибольшее сходство с юртообразными постройками Маяцкого селища (Винников, 1984, с. 96–99, рис. 1: 3).

Материалы Муромского городка свидетельствуют о многообразии традиций домостроительства волжских болгар в домонгольский период, связанных с различными этнокультурными компонентами в составе населения города, причем некоторые из них имеют глубокие корни в кочевнической культуре предшествующего периода.

Ремесла. На Муромском городке выявлены следы различных производств, в том числе металлургического, металлообрабатывающего, гончарного, плотницкого, косторезного, ювелирного и других. Эти данные свидетельствуют о том, что Муромский городок был именно городом, крупнейшим ремесленным центром на юге Волжской Болгарии, снабжавшим своей продукцией сельскую округу.

Специализированные горны для производства железа на Муромском городке пока не обнаружены, однако многочисленные находки железных шлаков и криц могут свидетельствовать о получении железа сыродутным способом (Васильев, Матвеева, 1986, с. 181; Семькин, 2015, с. 40–41). На раскопе XXX в южном городе, где выявлена

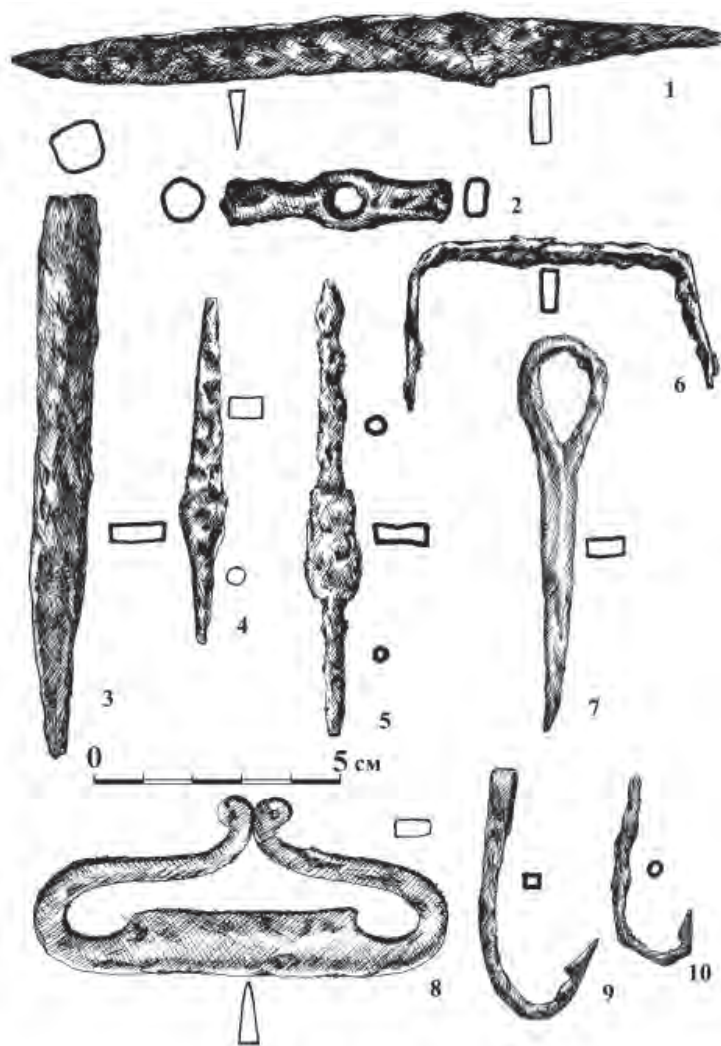

Рис. 75. Муромский городок. Ремесленный инструментарий, предметы быта и промысла из железа: 1 – нож; 2 – молоточек; 3 – чекан; 4-5 – шилья; 6 – скоба; 7 – пробой; 8 – кресало; 9-10 – крючки рыболовные

глинобитная площадка мощностью 25–30 см, содержащая крупные куски шлака и криц, на площади 56 кв. м найдено почти 80 кг железных шлаков и криц (Кочкина, 2014б, с. 43–44, рис. 129–130).

Уровень кузнечного дела на городище демонстрируют многочисленные изделия из железа (рис. 74: 1–6; 75: 1–10). Металлографический анализ этих вещей свидетельствует об овладении кузнецами различными техническими приемами (Толмачева, 1982). Одним из направлений кузнечного ремесла являлось изготовление предметов вооружения для болгарских воинов и снаряжения коня, соответствующего всем требованиям средневекового военного дела.

В юго-западной части внутреннего города исследованы медеплавильные печи (Васильев, Матвеева, 1986, с. 183–184). Здесь же находилась мастерская медника, где найден развал печи и собраны обрезки листовой меди, фрагмент мерного сосуда и гирыка-развеска. В последние годы

в восточной части северного города выявлены и исследованы остатки нескольких производственных сооружений – развалы печей, расположенных в углубленных ямах и предназначенных, вероятно, для плавки металла (Кочкина, 2014а, с. 98–100).

Муромский городок – пока единственный болгарский памятник, где исследован горн для обжига кирпича (Васильев, Матвеева, 1986, с. 185–186; Васильева, 1993, с. 156, рис. 29: 1). От него сохранилась только топочная камера, она представляла собой котлован квадратной формы размером 2,2×2,2 м (рис. 76: 1). Горн был двухъярусным: внизу находилась топочная, сверху – обжигательная камера. Он был сложен из кирпича, размеры которого стандартны: 25×24×5 см. Близки к этому горну печи Херсонеса XI–XII вв., предназначенные для производства черепицы.

В юго-восточной части южного города был исследован второй горн для обжига посуды. Он имел

1

2

Рис. 76. Муромский городок. 1 – горн для обжига кирпича, р. IX; 2 – горн для обжига керамики, р. XXII. Фото И.Н. Васильевой

круглую форму и был двухъярусным (рис. 76: 2), соответствовал всем стандартам гончарных горнов, исследованных и на других болгарских памятниках (Васильев, Матвеева, 1986, с. 186).

Сосуды, изготовлявшиеся муромскими гончарами, представляют в своем ассортименте все основные формы, типичные для массовой стандартизированной посуды Волжской Болгарии (Хлебникова, 1984; Васильева, 1988; Матвеева, 1988). Сосуды имеют линейный, волнистый или зубчатый орнамент, встречаются изделия с зооморфным декором. Особенностью является практически полное отсутствие нелощеных изделий,

даже среди кухонной посуды. Цвет большинства сосудов красный или коричневый, на днищах встречаются клейма. Вероятно, в гончарных мастерских производилась и поливная керамика в рамках общеболгарской традиции. Однако в обиходе жителей города использовалась и традиционная керамика (Васильева, 1988), изготавливавшаяся ручной лепкой или подправленная на круге, хотя ее доля на разных раскопах варьирует от 5 до 15%.

Керамические изделия не исчерпывались посудой. Значительное число их имело другое хозяйственно-бытовое назначение: среди них

– глиняные напрясла, грузила, дымогарные и водопроводные трубы, кирпичи.

Среди других ремесел, наиболее представленных находками, следует отметить косторезное. Следы его фиксируются в виде заготовок предметов, спилов костей, отходов производства. Костяные наконечники стрел применялись при охоте на пушного зверя, костяные костыльки использовались в качестве застежки верхней одежды, изготавливались колчаные петли.

На городище было налажено производство дегтя, необходимого в кожевенном производстве, для смазки колес, при лечении животных и пр. Об этом свидетельствуют находки днищ сосудов с отверстиями в центре со следами спекшегося дегтя. Обнаружена яма, которая могла быть предназначена для его производства (Кочкина, 2014а, с. 41). На Муромском городке в 2011 г. обнаружена первая в Волжской Болгарии смолокурная яма (Кочкина, 2014а, с. 42).

Находки стеклянных изделий – фрагменты оконного стекла, алабиков, специфические капли и глыбки стекла – могут маркировать на городище наличие собственных мастерских стеклоделов. Анализ состава стекла ряда изделий с Муромского городка, выполненный С.И. Валиулиной, определяет специфику региональных мастерских, использовавших местное сырье (Валиулина, 2005, с. 127).

К сожалению, до настоящего времени нет достаточных данных, чтобы обоснованно говорить о социальной организации ремесла в городе, о планировочной структуре ремесленных производств. Изучение комплекса производственных и жилых сооружений в северном городе позволяет только уверенно предположить наличие многопрофильной ремесленной деятельности в пределах одной усадьбы или владения: обработка цветных металлов, ювелирное дело, косторезное и др.

Торговля и экономические связи. Роль торговли в экономической жизни населения Муромского городка отражается в импортных изделиях, которые прежде всего связаны с предметами повседневного обихода нерядовой прослойки населения города. На городище найдено много вещей восточного происхождения: поливная посуда среднеазиатского и кавказского производства (рис. 77: 1–7), сфероконусы, разнообразные бусы, фрагменты стеклянной посуды) и т. д. (Матвеева, 1976; Матвеева, Кочкина, 2005, цвет. вклейка).

Взаимоотношения с Русью на далекой южной окраине Волжской Болгарии подтверждаются находками, наиболее частыми из которых являются шиферные напрясла. Интерес представляет фрагмент каменной литейной формы, найденной

в северном городе. Она предназначена для отливки двух типов браслетов, которые хорошо известны по древнерусским древностям (Седова, 1981, с. 103–119). Связи с Русью осуществлялись не только путем распространения ремесленной продукции, но и обменом человеческими ресурсами. Присутствие русских ремесленников на Муромском городке маркируется фрагментами древнерусской керамики (рис. 78: 1, 2), наличием костей свиньи.

На городище встречены изделия прибалтийского и западноевропейского происхождения (янтарь, германская монета – денарий XI в.). К числу редких относятся предметы византийского и причерноморского происхождения, среди них – фрагмент темно-синего стеклянного сосуда с инкрустацией из бирюзового стекла в виде растительного узора, фрагменты амфор (рис. 77: 8). На территории города, несомненно, были рынки, но археологически они пока не выявлены.

Сельское хозяйство. Жители Муромского городка, как и всех средневековых городов, занимались сельским хозяйством. Ведущую роль в жизни болгар играло пашенное земледелие. Они возделывали просо, пшеницу, рожь, овес, ячмень, гречу и огородные культуры. Довольно часто встречаются обугленные зерна этих злаковых растений. На Муромском городке найдены земледельческие орудия: плужные лемехи и резак, серпы, косы, мотыги (рис. 74: 1–3) и т. д. Для хранения зерна были предназначены большие ямы цилиндрической формы, облицованные деревом или глиной, в которых обнаружены обугленные зерна проса, пшеницы, ржи, полбы. Вероятно, в северном городе вблизи укреплений располагалось крупное хранилище зерновых запасов, здесь было исследовано более 20 зерновых ям, некоторые из которых содержали еще остатки обуглившегося зерна. Для размолта зерна применялись ручные жернова, на Муромском городке найдено большое количество жерновов и их обломков.

В рационе питания жителей города существенную долю составляло мясо, о чем можно составить представление на основе анализа костных остатков в культурном слое (определения А.Г. Петренко, Г.Ш. Асылгараевой, В.В. Гасилина). Среди находок костей немногим менее половины составляют кости мелкого рогатого скота, треть – крупного рогатого скота, кости лошади – пятую часть всех находок. Кости диких животных встречаются гораздо реже, чем домашних, среди них встречены кости зайца, лося, волка, кабана, медведя. Как и на других болгарских памятниках, на Муромском городке найдены кости верблюда, попавшего, видимо, в Среднее Поволжье с купеческим караваном.

Рис. 77. Муромский городок. Индивидуальные находки
 1–7 – импортная глазурованная керамика; 8 – фрагмент амфоры; 9 – фрагмент кринки с прочерченным знаком;
 10 – астрагал с прочерченными линиями, 11 – шахматная фигура; 12 – лопатка овцы с отверстием. 1–5, 8,
 9 – глина; 6–7 – кашин, 10–12 – кость.

Духовная культура. Археологические исследования дают возможность получить свидетельства не только материальной жизни обитателей древнего болгарского города.

Образцы письменности на археологических предметах встречаются очень редко. Арабское письмо, вошедшее в практику письменной культуры болгар после принятия ислама, вероятно, было сравнительно широко распространено среди населения. Но по традиции продолжала использоваться руническая письменность, чаще в ритуальных целях и как знаки или пометки на предметах (Кочкина, 1985). Интерес представляет фрагмент кринки с руническим знаком на ручке с Муромского городка (рис. 77: 9).

Частой находкой являются астрагалы (таранные кости овцы, иногда коровы) с просверленными отверстиями или прочерченными знаками

(рис. 77: 10). Игра в кости – традиционная игра эпохи Средневековья. Использовали болгары и гадательные кости из лопатки овцы с процарапанными руническими знаками или отверстиями (рис. 77: 12). О знакомстве болгар с шахматами уже в домонгольский период свидетельствует находка костяной шахматной фигуры (рис. 77: 11).

На Муромском городке найдены целые экземпляры и фрагменты глиняных погремушек, изготовленных на гончарном круге в виде небольшого узкогорлого сосуда, наглухо закрытого удлиненной ручкой. Встречены глиняные предметы, вылепленные от руки, в виде различных геометрических тел: шаровидных, грушевидных, конусовидных, таблетковидных, кубиков и др. Найдены также фигурки животных. Обнаружены керамические плитки с процарапанными изображениями на обеих сторонах с Муромского город-

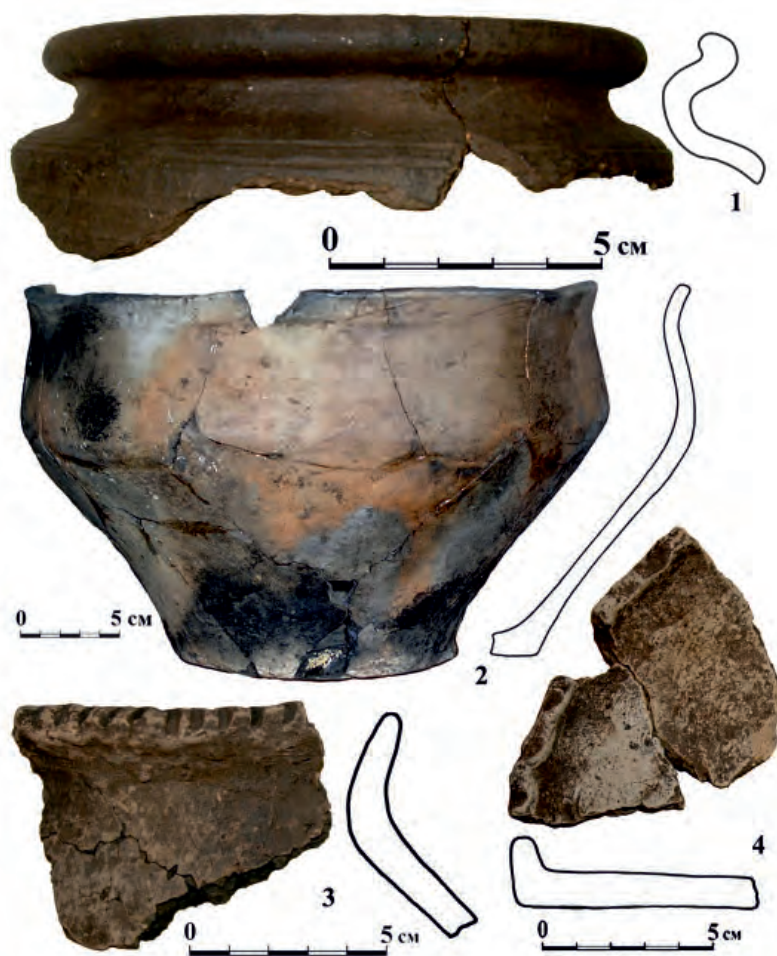

Рис. 78. Муромский городок. Лепная керамика:
1 – верхняя часть горшка; 2 – горшковидный сосуд; 3 – фрагмент венчика горшка; 4 – фрагмент сковороды.

ка. Подобные граффити на различных изделиях сравнительно широко встречаются в древностях Хазарии, Дунайской Болгарии и Волжской Болгарии, Золотой Орды (Нахапетян, 1990, с. 45–46; с. 80; рис. 2, № 25, 26; с. 83; рис. 4, № 49–54; Флерова (Нахапетян), 1997, с. 28–29, с. 56–57, Полу-бояринова, 1980, с. 190; рис. 6, 1–6).

Ценность подобных находок неоспорима, так как они позволяют создать представление об особенностях повседневной бытовой и духовной культуры горожан эпохи Средневековья (Кочкина, 2005а).

Городские некрополи. Одним из признаков крупнейших городов домонгольской Волжской Болгарии является наличие нескольких городских некрополей (Халикова, 1986, с. 66). На Муромском городке в настоящее время обнаружены и частично исследованы два мусульманских могильника.

Предположительно площадь Муромского I могильника составляет 10 га (Кочкина, 2002, с. 125). Он частично перекрывает поселение именьковской культуры – Муромское I селище. Раскопки на

могильнике проводились в 1973 г., 1975–1977 гг. Р.М. Ключниковой (Юнусовой) и Н.П. Салугиной (Юнусова, 1976; Салугина, 1977, с. 176), в 1999 г. А.Ф. Кочкиной. Всего исследовано около 100 погребений, совершенных по мусульманскому обряду, в большинстве захоронений встречены находки железных гвоздей, а также фиксировались остатки древесного тлена, что свидетельствует о наличии гробовищ. Принимая во внимание данные обстоятельства, хронологию этого некрополя можно определить в пределах XII – начала XIII в., но нельзя исключать начало его функционирования уже в XI в.

Антропологический тип населения, оставшегося Муромский I могильник, по мнению И.Р. Газимзянова, в целом соотносится с носителями европеоидного типа, известного в литературе как «зливкинский». Свообразие физического облика жителей города состоит в преобладании так называемого «пришлого» компонента, связанного своим происхождением с территорией салтово-маяцкой культуры

в его лесостепном варианте (Газимзянов, 2018, с. 201–202).

Муромский II некрополь выявлен в 1996 г. за северо-восточной окраиной городища на отдельной площадке между оврагами. На могильнике раскопано 30 погребений по мусульманскому обряду захоронения. Глубина могильных ям от материка в среднем составляет 50–60 см, но встречаются и до 70 см. Своеобразной деталью обряда является наличие в насыпи погребений угольков, присутствие единичных вещей, сопровождающих погребенных. Не исключено, что этот могильник является более ранним и синхронен первоначальному периоду существования городища (Кочкина, 2013). Возможно, что он принадлежал отдельной группе населения города, имеющей иные истоки своего происхождения.

Округа Муромского городка Характерной чертой крупных болгарских городов домонгольского времени является наличие пригорода, окружавшего город, и сельской округи, состоявшей из близлежащих сел, тяготевших к городу. Пригород Муромского городка по площади почти в два раза превышал площадь самого города, общая площадь составляла не менее 400 га. В 1993 г. небольшие исследования проводились в пригороде с северной стороны (XXV раскоп) и на III Муромском селище, примыкающем к городу с востока. Имеющийся материал позволяет предположить,

что освоение пригородной зоны Муромского городка началось уже в XI в.

Из известных на Самарской Луке почти 30 болгарских памятников почти половина расположена в районе Муромского городка. В радиусе 5–10 км от города находятся более 10 селищ, почти столько же поселений удалены на 10–15 км. Учитывая то обстоятельство, что вся Самарская Лука в поперечнике имеет протяженность около 30 км, ее западная часть, центром которой является Муромский городок, может рассматриваться как Муромская городская агломерация. Устойчивость ее усиливается связкой Муромский городок – Междуреченское городище (Кочкина, 1999, с. 167–168). Городище, возникновение которого относится также к XI в., расположено на берегу Волги, на южной кромке Самарской Луки, в месте наибольшего сближения с р. Усой. Обеспечивая функционирование Волжского торгового пути, Междуреченское городище служило своего рода речными воротами Муромского городка.

Гибель города. О трагической гибели города в 1236 г. свидетельствует мощный слой пожарища и найденные экспедицией 1928–1929 гг. костяки людей с застрявшими в костях наконечниками стрел. После уничтожения в ходе монгольского нашествия на Восточную Европу город не возродился.

КРАСНОСЮНДЮКОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Красносюндюковское I городище расположено в Ульяновском районе Ульяновской области в 300 м к юго-востоку от с. Красное Сюндюково на пологом склоне первой надпойменной террасы правого берега р. Свияги (рис. 79). Памятник известен с XIX в. (Поливанов, 1900, с. 7–8). В 1971 г. Красносюндюковское I городище было обследовано разведочным отрядом Татарской археологической экспедиции КФАН СССР под руководством Р.Г. Фахрутдинова (Фахрутдинов, 1981, с. 241).

Структурно городище делится на две части: детинец и посад (рис. 80). Детинец площадью 3,57 га подтреугольной в плане формы расположен в северной части памятника. Он со всех сторон ограничен валами и рвами и является наиболее укрепленной частью городища. Поверхность детинца задернована, через его территорию проходит грунтовая дорога. С западной стороны к оборонительным укреплениям детинца примыкает мусульманское кладбище с. Красное Сюндюково. Предположительно, в западной части детинца между валами существовал проезд (Кочкина, Сташенков, 1993, с. 184).

По дну глубокого оврага, ограничивающего детинец с северной стороны, протекает ручей. Этот ручей являлся одним из источников водоснабжения для населения городища; другим, более мощным источником водоснабжения была р. Свияга.

Посад, занимающий обширную площадь к юго-западу от детинца, представляет собой террасу, плавно понижающуюся в западном направлении к пойме Свияги. Площадь посада достигает 46 га. Оборонительные сооружения по периметру посада сохранились только в восточной и частично в южной части городища. Высота валов на городище достигает 1,5 м, а глубина рвов – до 5 м. С восточной стороны посада система обороны состоит из двойной линии валов и рвов (рис. 80). В южном направлении эта линия обороны городища была распахана и постепенно сходит на нет.

С южной стороны городища наблюдается двойная линия валов и рвов. В 70 м к югу от этой линии рвов, вероятно, расположен еще один ров, обследованный в 2018 г. (Валиев, 2019). На плане 2016 г. он отмечен как овраг, тянущийся с востока на запад почти параллельно двойной линии

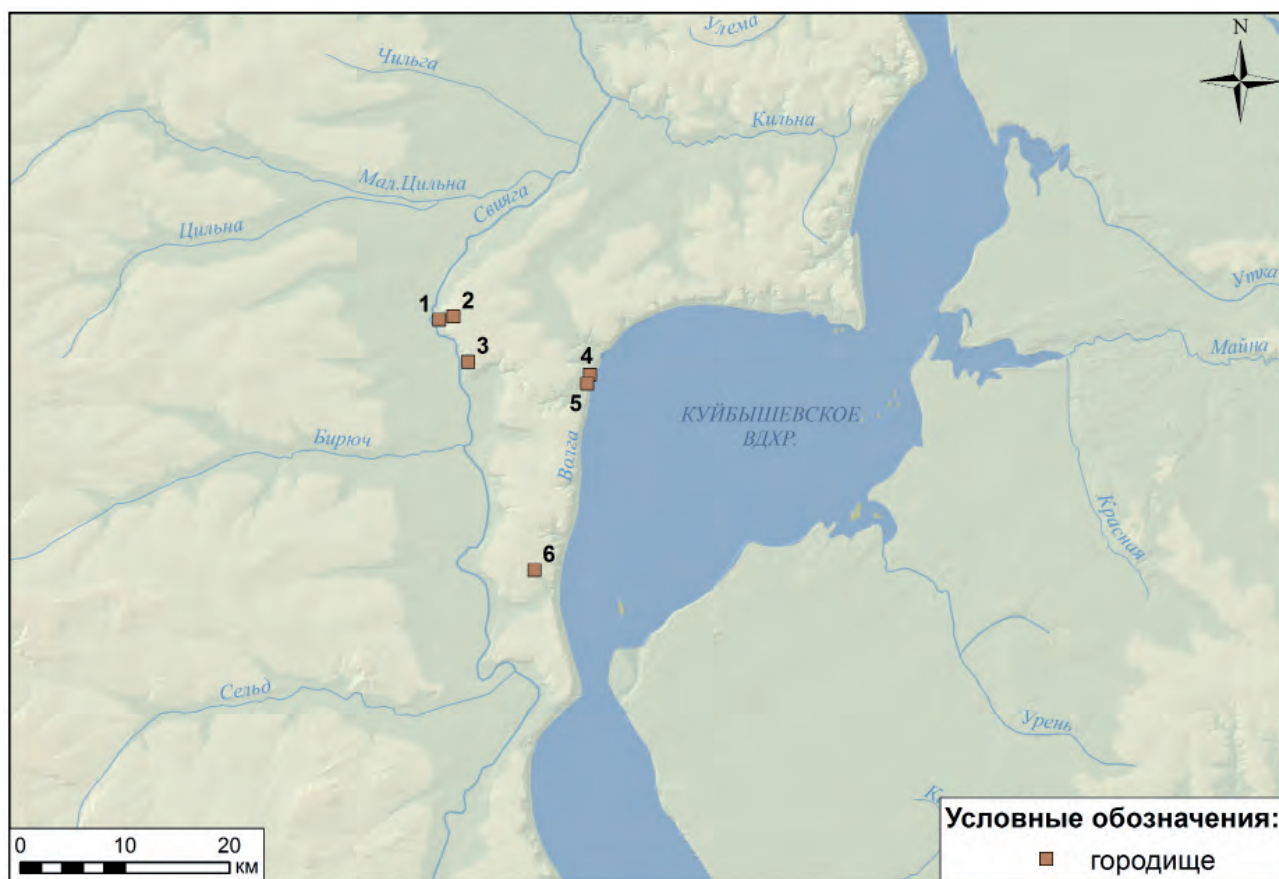

Рис. 79. Городища Волжской Болгарии в Волго-Свияжском междуречье в Ульяновском районе Ульяновской области: 1 – I Красносундюковское городище; 2 – II Красносундюковское городище; 3 – Староалейкинское городище; 4 – городище Ундоры II; 5 – городище Ундоры I; 6 – городище Поливна I.

ров. Ров хорошо виден на спутниковом снимке. Протяженность его составляет 400 м. Восточный край рва мог состыковаться с валом, тянущимся с севера на юг. Западный край обрывается на пашне – здесь расположено Красносундюковское VII селище, обследованное в 2014 г. Ширина рва в западной части достигает 2–3 м, глубина – около 2 м. В восточной части ров на местности выражен слабее, его ширина достигает 2 м, глубина – 0,5–1 м. Вдоль северного края рва фиксируется невысокая (около 0,5 м) насыпь, которая предположительно является остатками вала (рис. 81). Рассматриваемая оборонительная линия нуждается в дополнительном исследовании.

Поверхность памятника наполовину задернована и используется под пастбище и сенокосы, а западная и северо-западная часть посада в настоящее время распахивается.

В 750 м к востоку от Красносундюковского I расположено Красносундюковское II городище площадью 9,7 га (Фахрутдинов, 1981, с. 245–246).

Красносундюковское I и II городища вместе с примыкающими к ним селищами, скорее всего,

составляют единый комплекс площадью 177 га (Кочкина, 1997, с. 185). Дополнительным аргументом в пользу данного предположения является картографический источник – топографическая межевая карта Симбирской губернии А.И. Менде, снятая в 1859–1861 гг. (Гисматулин и др., 2016, с. 54). На ней отмечены не только валы Красносундюковского I и II городищ, но также еще один вал, шедший от Красносундюковского I городища в восточном направлении и ограничивавший с юга территорию Красносундюковского I и II селищ, но к настоящему времени не сохранившийся.

В 1990 г. территория Красносундюковского I городища по программе реабилитации репрессированных народов СССР без предварительного согласования с археологами была отведена под строительство поселка для немцев Поволжья. К концу 1990 г. на территории памятника было заложено 17 строительных котлованов, что привело к уничтожению культурного слоя на площади более 4700 кв. м. В результате в одном из котлованов экскаватором была затронута и частично разрушена кирпичная (плинфовая) постройка, которая, как показали результаты дальнейших исследований,

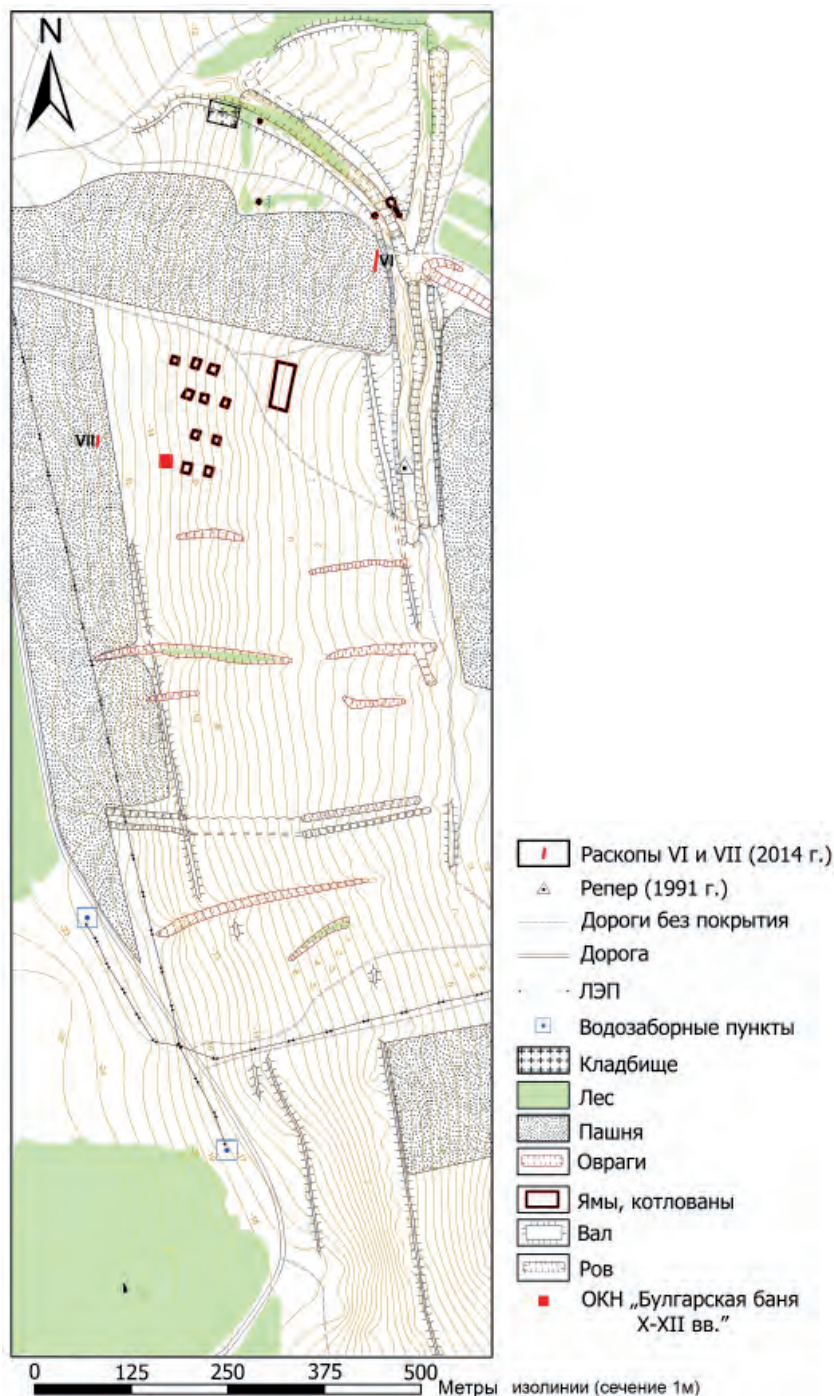

Рис. 80. План Красносундюковского I городища.

оказалась усадебной болгарской баней (рис. 82) (Семькин, 1993, с. 219–230).

В 1991 г. на территории городища было заложено пять раскопов площадью 686 кв. м. Раскопы II, IV, V общей площадью 262 кв. м исследовались отрядом Ульяновского областного краеведческого музея и Ульяновского государственного педагогического университета под руководством Ю.А. Семькина. Раскопы IV и V с северной и восточной сторон примыкали к котловану № 15. Наиболее интересными оказались результаты, полученные

на раскопе II, где были исследованы остатки кирпичной (плинфовой) усадебной бани домонгольского периода (Семькин, 1993, с. 219–230).

В раскопах I и III отрядом Самарского государственного университета под руководством А.Ф. Кочкиной и Д.А. Сташенкова на площади 424 кв. м были исследованы различные сооружения и два погребения (Кочкина, Сташенков, 1993, с. 183–218). Одно из них было выполнено по мусульманскому обряду, второе погребение совершено с отклонением от строгого мусульманского

Рис. 81. Оборонительные укрепления в восточной части посада Красносундюковского I городища.

Рис. 82. Красносундюковское I городище. Раскоп II. Фундамент плинфовой бани домоногольского периода. Вид с южной стороны. Фото 1991 г.

погребального обряда. Полученные материалы позволили отнести памятник к категории малых городов домонгольской Волжской Болгарии (Кочкина, Сташенков, 1993, с. 201). Благодаря масштабным археологическим раскопкам 1991 г. и прежде всего открытию кирпичной бани XI–XII вв. с подпольной системой отопления, Краснослюдюковское I городище получило широкую известность среди болгароведов (Хузин, 2006, с. 287).

В данном очерке рассмотрим кратко результаты исследования бани, находившейся в пределах раскопа II. Сохранившаяся часть постройки имела в плане линейно-прямоугольную форму и была ориентирована с юго-востока на северо-запад (рис. 83). Длина постройки составляла 660 см, ширина – 360 см. Для ее возведения строителями был выкопан котлован, повторявший в основном очертания здания. Судя по всему, перед строительством постройки дно котлована предварительно тщательно нивелировалось. Фундамент бани был сложен из квадратной, хорошо обожженной плинфы. Размеры плинфы в основном стандартные – 28×28 см при толщине от 4,5 до 6 см. Кладка велась на глиняном растворе. Толщина стен фундамента бани в среднем составляет 60 см.

Несмотря на значительные повреждения постройки, оказалось возможным установить, что баня состояла из пяти отдельных помещений, среди которых можно выделить: 1) предбанник; 2) моечное помещение; 3) моечно-парильное помещение; 4) парильню; 5) топочную камеру.

Помещение 1 – предбанник, сохранилось частично и располагалось в северо-западной части постройки. При этом котлована под предбанником не было, и кладка велась непосредственно на уровень дневной поверхности. Сохранилась часть северной стенки предбанника, сложенной из плинфы, поставленной на ребро. Здесь кладка велась на известковом растворе (известь с песком). Пол предбанника был выложен из плинфы размером 25×25 см и 24×18 см при толщине в 5 см. С западной стороны от помещения 1 на уровне дневной поверхности в большом количестве встречался плинфовый лом с кусочками известкового раствора.

Помещение 2 квадратной в плане формы размером 240×240 см находилось восточнее предбанника и соединялось с ним дверным проемом. Внутри него на уровне дна котлована были расчищены 20 столбиков из плинфы, на которые, вероятно, опирался пол. Столбики располагались параллельными линиями. Внутри помещения 2 на уровне пола отмечен плинфовый карниз, на который, предположительно, опирались плинфовые плитки пола. Пол, судя по заполнению подполья,

был оштукатурен водонепроницаемым известковым раствором.

В северной стене фундамента помещения 2 отмечена вертикальная дымоходная шахта, соединяемая с подпольем. С внешней стороны фундамента эта шахта была закрыта поставленным на ребро фрагментом плинфы. Эта заглушка, вероятно, предназначалась для чистки дымохода.

Помещение 3 в плане неправильной восьмиугольной формы находилось в южной части постройки. Его размеры – 200×228 см. Подполья помещений 2 и 3, вероятно, соединялись на верхнем уровне между собой дверными проемами, следов от которых, однако, не сохранилось. Хорошо сохранилась нижняя часть дверного проема, соединявшего помещения 3 и 4. Интересная деталь конструкции бани прослежена в подпольной части помещения 3. Здесь под резервуаром для воды из плинфы были выложены две ниши, предназначенные, очевидно, для усиления нагрева воды, а тем самым – для экономии дров.

Помещение 4 находилось в северо-восточной части постройки. К сожалению, оно почти полностью было уничтожено строительным котлованом № 15. Предположительно, помещение имело прямоугольную форму. От его подполья сохранилось лишь два опорных столбика из плинфы и карниз по восточной стенке на уровне пола.

Подполья помещений 3 и 4 соединялись между собой дымоходным каналом, частично заложенным плинфой со стороны помещения 4.

Помещение 5 (топочная камера?) только угадывалось по сильной ошлакованности плинфы, залегавшей в северо-восточной части фундамента постройки. Восстановить полные размеры помещений 4 и 5 из-за плохой сохранности не представляется возможным. Сильная ошлакованность плинфы в северо-восточной части фундамента постройки однозначно свидетельствует о неоднократном высокотемпературном здесь нагреве. Это позволяет предположить существование в этом месте топочной камеры для подпольной системы обогрева бани. О существовании какого-либо особого помещения над топочной камерой уверенно говорить невозможно.

Рассмотрим конструктивные особенности бани. Обращает на себя внимание одинаковая высота подполья в помещениях 2, 3, 4, в среднем – 40 см. Важно также отметить, что в заполнении подполий этих помещений в большом количестве содержалась сажа.

Внутри помещений 2 и 3 были выявлены остатки вмурованных в плинфовые стены чанов для воды. От этих чанов сохранилась травертиновая накипь, состоящая из множества тонких прослоек

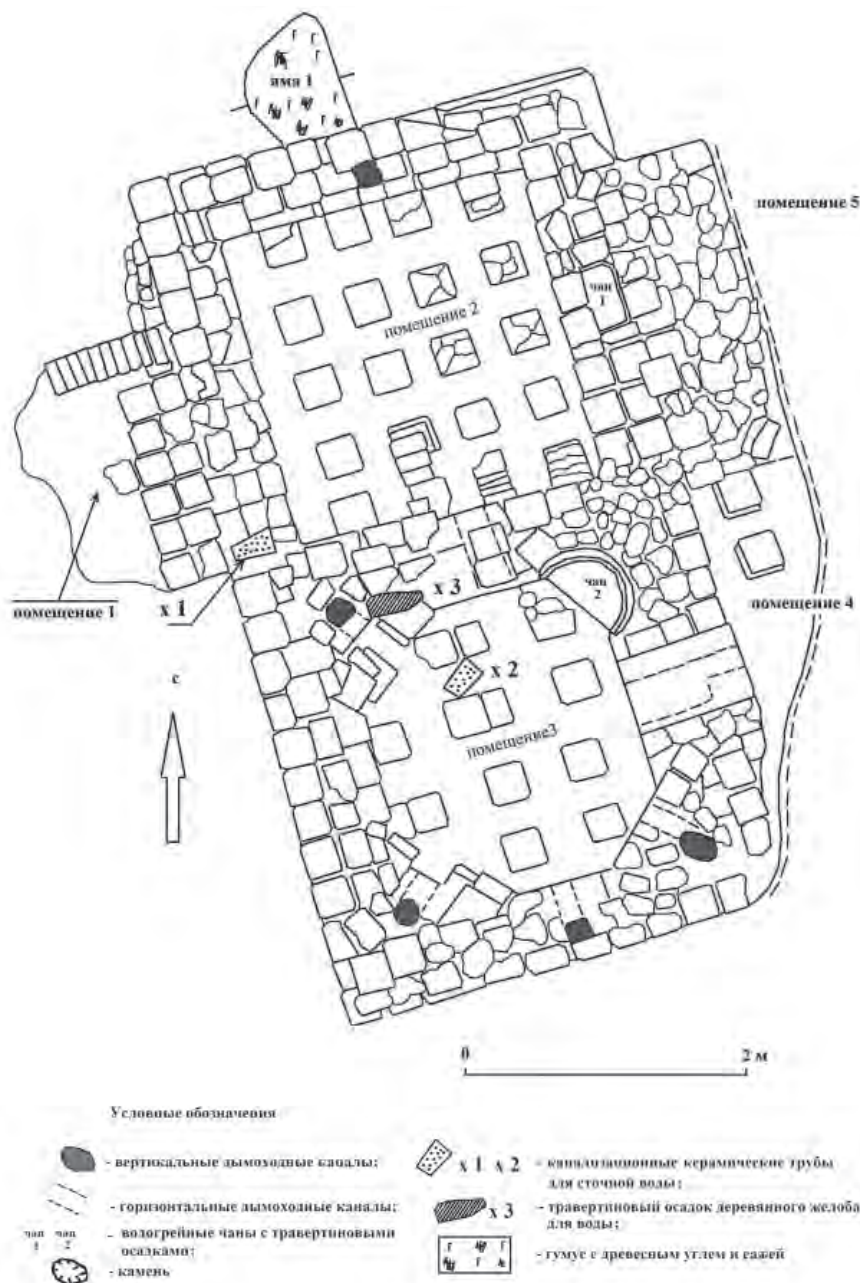

Рис. 83. Красносудюковское I городище. План плинфовой бани.

минеральных солей, осевших в горячей сильно минерализованной воде с внутренней стороны на стенках оштукатуренных известью кирпичных чанов. Форма чанов разная. В помещении 2 чан прямоугольный, размером 40×50 см, а в помещении 3 – полукруглый размером 40×80 см. Уровень дна чанов для воды в основном совпадал с уровнем полов в помещениях.

Не менее интересным фактом конструкции бани является наличие здесь системы водоснабжения, а также сливной канализации. Об этом свидетельствует наличие внутри помещений и рядом с ними фрагментов керамических труб цилиндрической формы, а также травертиновой накипи,

осевшей внутри деревянного водопроводного желоба. Вода внутрь бани поступала самотёком из источника, расположенного в нескольких метрах восточнее постройки. Это обеспечивалось тем, что уровень пола бани был ниже уровня родника. А для отвода использованной воды из бани был прорыт специальный арык, облицованный изнутри и перекрытый сверху досками.

Стены бани не сохранились, но можно уверенно предположить, что они тоже были сложены из плинфы. Об этом свидетельствуют вертикальные дымоходы, предназначенные для прогрева кирпичных стен, а также водогрейные чаны, вода в которых нагревалась вместе с кирпичной стеной.

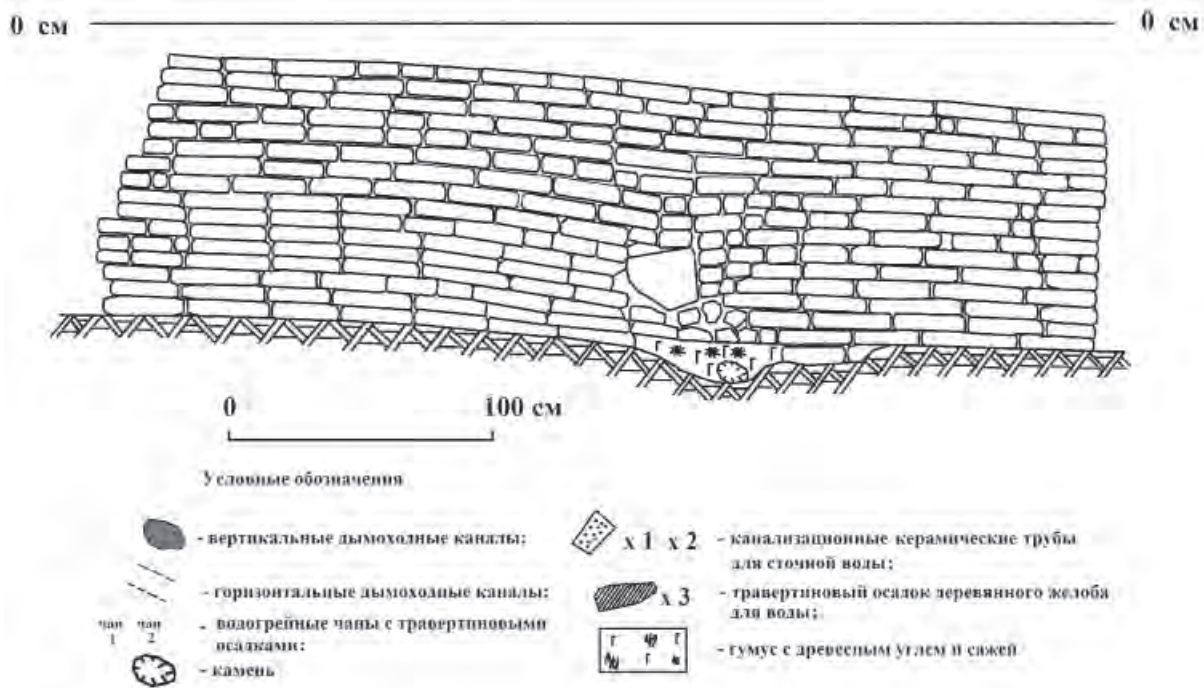

Рис. 84. Фассировка северной стенки фундамента бани.

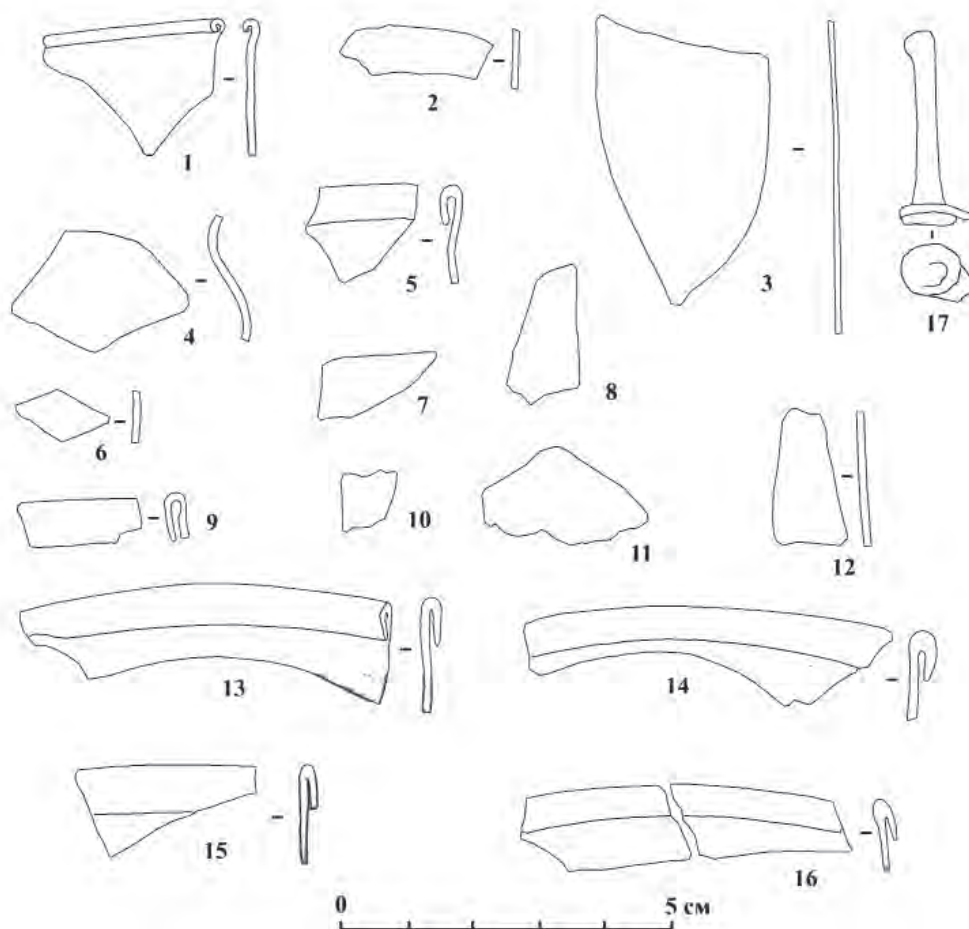

Рис. 85. Красноюндюковское I городище. Раскоп II. 1-16 – фрагменты оконного стекла, 17 – фрагмент ножки от стеклянного сосуда.

Рис. 86. Фундамент плинфовой бани после консервации. Вид с южной стороны. Фото 2013 г.

Кладка стен бани, судя по всему, велась на известковом растворе.

Плинфовый пол в помещениях 2–4, перекрывавший подпольную отопительную систему, был оштукатурен для водонепроницаемости гидрофобным известковым раствором.

Для освещения в бане имелись окна, снабженные стеклами круглой формы с бортиком по краю. Подобные стекла изготавливались на Билярском городище (Валиулина, 2005, с. 54–61).

Рассмотрев конструктивные детали бани Красносундюковского I городища, попытаемся определить, какое место она занимает среди архитектурных сооружений подобного типа Волжской Болгарии, Золотой Орды и других территорий. По типологической схеме Э.Д. Зиливинской средневековых бань золотоордынского времени Поволжья, Кавказа и Крыма красносундюковская баня относится ко второму типу – зданиям с прямоугольными в плане помещениями, расположенными в несколько рядов (Зиливинская, 1990, с. 136). Аналогии ей можно найти в Болгаре (баня № 3), на Водянском городище, в Старом Орхее, на Кавказе и в Средней Азии. Однако красносундюковская баня более близкие аналогии имеет в архитектурных традициях народов Кавказа, которые складывались под сильным влиянием Византии. Можно предпо-

ложить, что в строительстве бани Красносундюковского I городища принимали участие мастера из Закавказья, но при этом учитывались и традиции среднеазиатского зодчества, продиктованные требованиями ислама. Так, для среднеазиатских бань в основном характерна планировка по линии север–юг для удобства совершения намаза. Это же наблюдается и в бане Красносундюковского I городища. Что же касается территории Волжской Болгарии, то в домонгольское время баня Красносундюковского I городища близких аналогии здесь не имеет и является оригинальным образцом усадебной бани X–XII в. Имея незначительные размеры, она не могла выполнять роль общественной и, вероятно, обслуживала потребности местной социальной верхушки города и обитателей небольшой усадьбы (Семыкин, 1993, с. 223).

Со временем баня от продолжительной эксплуатации сильно обветшала и пришла в негодность. Ее подполья и дымоходы неоднократно прочищались и ремонтировались. После прекращения функционирования бани ее верхний уровень, сложенный из хорошей плинфы, вероятно, еще в эпоху средневековья был полностью разобран на хозяйственные нужды.

Коллекция археологического материала из раскопа II представлена большим количеством гон-

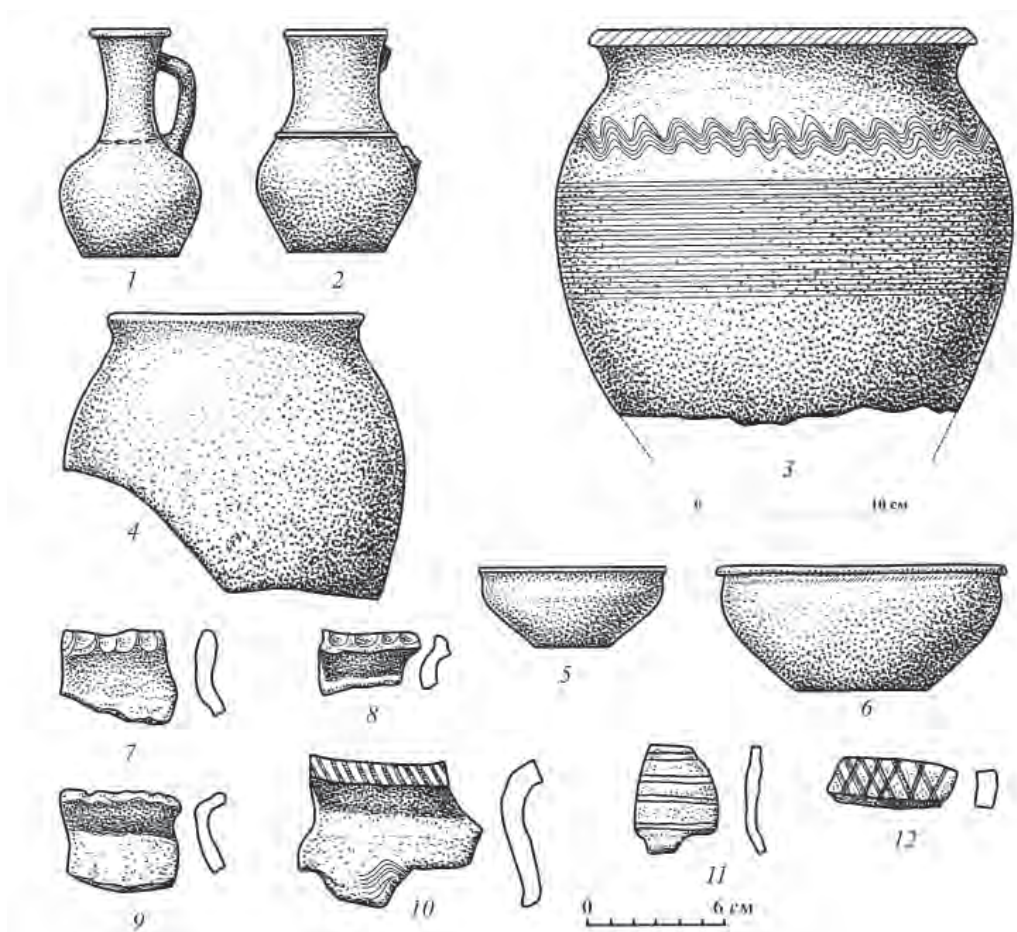

Рис. 87. Красносүндюковское I городище. Раскопы I, III.
1, 2, 5, 6 – гончарная керамика; 3, 4, 7–12 – лепная керамика (по А. Ф. Кочкиной и Д. А. Сташенкову).

чарной, лепной и поливной керамики (рис. 87), а также изделиями из железа, бронзы, стекла и камня. Найдены хозяйственные ножи средних размеров, тесло с проушным отверстием, фрагменты цилиндрических замков, железные наконечники стрел, гвозди (рис. 88). В отвале из котлована № 15, в непосредственной близости от бани, была обнаружена литая монетовидная подвеска, датруемая, по определению А.Г. Мухамадиева, X–XII вв. На основании комплекса находок датировать время функционирования бани Красносүндюковско-го I городища следует XI–XII вв.

Интересные результаты были получены самарскими археологами в северо-восточном секторе посада городища. В раскопе I было исследовано помещение для хранения керамической посуды (сооружение 1), рядом с которым, вероятно, располагалась гончарная мастерская. Об этом свидетельствовали находки фрагментов оплавленных кирпичей, что характерно для керамических горнов (Кочкина, Сташенков, 1993, с. 185–186). На этом же раскопе была открыта сгоревшая при пожаре деревянная постройка подпрямоугольной в плане формы (сооружение 10). Расположенная ря-

дом с ним яма подпрямоугольной в плане формы служила кладовкой.

На раскопе III исследовано полностью или частично восемь сооружений преимущественно хозяйственного назначения и два погребения. Сооружение 1 представляло собой совокупность трех одновременных ям. В них были обнаружены почти целый круговой кувшин, наконечник стрелы, три звена цепи, ключ, детали цилиндрических замков, бронзовое височное кольцо, свинцовая пломба-грузик, осколок прозрачного желтоватого стекла с нарезным орнаментом. Отсюда же происходят керамические пряслица, игральные кости, овальная агатовая бусина, сланцевое точило, фрагмент поливной керамики, железные шлаки, крица, свинцовый слиток, смола, ореховая скорлупа, рыба чешуя и многочисленные кости животных. Значительный процент лепной и подправленной на круге керамики (134 фр., т. е. 31,8% от общего количества) свидетельствует о том, что сооружение относится к ранним объектам памятника.

Сооружение 2 – углубленная в материк на 120 см округлая в плане постройка размером

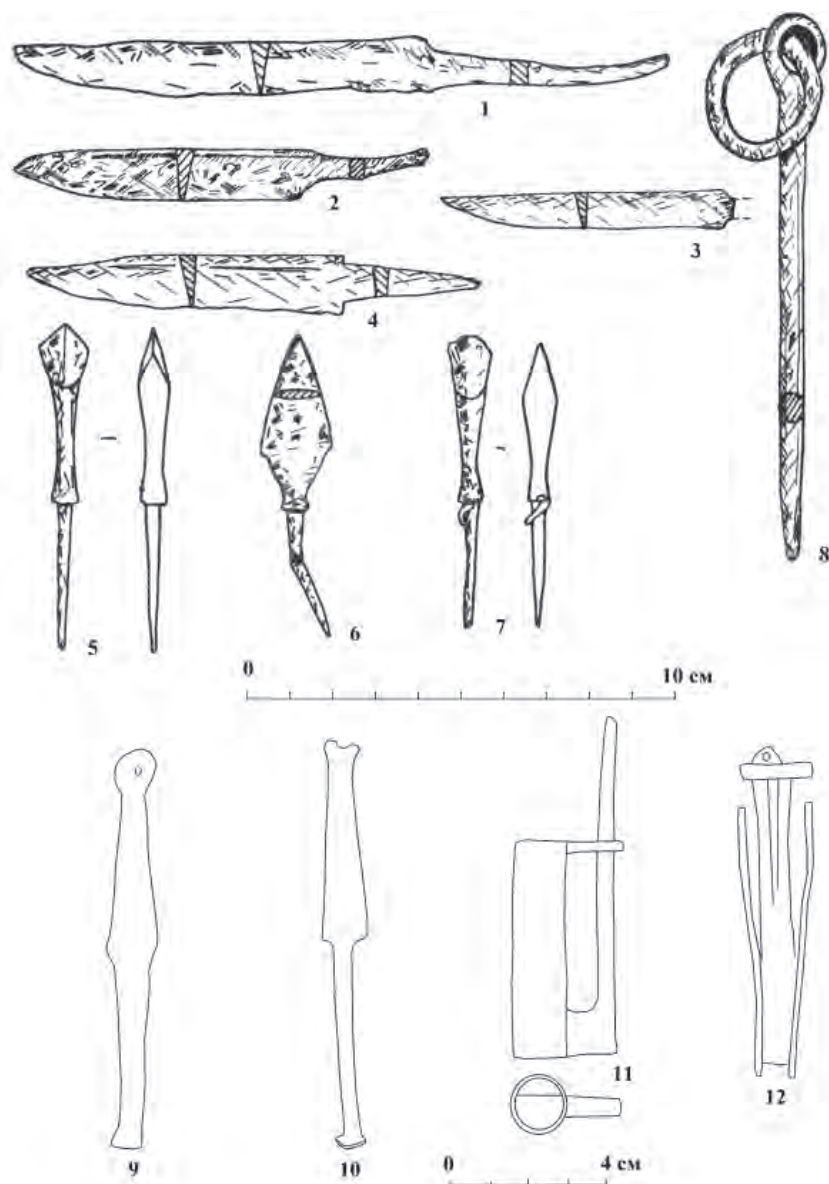

Рис. 88. Красносундюковское I городище. Железные изделия из раскопов I–V (по Ю. А. Семейкину, А. Ф. Кочкиной и Д. А. Сташенкову)
1–4 – ножи; 5–7 – наконечники стрел; 8 – проколка; 9, 10 – ключи от замков, 11, 12 – детали замков

236×205 см с центральным опорным столбом и столбиками в северо-восточной части, обрамлявшими вход в неё; интерпретируется как погреб, сгоревший при пожаре. Находки из сооружения: фрагменты болгарской керамики, стеклянного сосуда, привозной поливной керамики, бронзовый браслет, железный нож.

Из других хозяйственных построек происходят находки, характерные в основном для культуры рядового населения болгарских поселений. Часть находок, в частности заготовки предметов из черного металла, железных шлаков и криц, позволяют предположить местную металлообработку.

Кроме хозяйственных построек, на раскопе III были исследованы два погребения. Погребение I

взрослого мужчины 30–35 лет покоилось на спине и слегка было повернуто на правый бок. Руки погребенного немного согнуты в локтях, левая положена на таз. Тело ориентировано головой на юго-запад по азимуту 236°, лицевой частью обращено на юг (на Мекку), что соответствует мусульманской кыбле. Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами (250×68–78 см) имела глубину всего 30 см. Стенки были обложены деревянными досками. На дне ямы – тлен от подстилки. По всем признакам захоронение было совершено по мусульманскому обряду, характерному для ранней стадии ислама на Средней Волге, и может датироваться второй половиной X – началом XI вв.

Рядом расположенное погребение 2 принадлежало взрослой женщине лет 30–35. Костяк был положен на спину, лицом вверх и ориентирован головой на юго-запад с азимутом 243°. Левая рука согнута в локте и положена на грудь, правая слегка согнута в локте и, возможно, была сомкнута с левой. Судя по всему, это тоже мусульманское погребение. Исследователи предполагают одновременность совершения обоих погребений, а также их особый характер, связанный, скорее всего, с несчастным случаем – пожаром, следы которого четко прослеживались на данном участке городища (Кочкина, Сташенков, 1993, с. 192).

В 2014 и 2017 гг. археологические работы на территории Красносундюковского I городища были продолжены при финансовой поддержке Института археологии АН РТ. На вскрытой площади около 100 кв. м располагались хозяйственные ямы, в засыпи которых обнаружены обычные для болгарских поселений находки: фрагменты гончарной и лепной керамики, железные ножи, гвозди, скобы, рыболовный крючок, наконечники стрел, глиняные пряслица, железные гирьки, бусины из стекла, лазурита, янтаря и сердолика, астрагалы животных с просверленными отверстиями и пр. Подъёмный материал, собранный на пашне в западной части городища, включает фрагменты двух стеклянных алабиков, пробирный камень, фрагменты сероглиняных сфероконусов, шиферное пряслице, фрагменты поливной керамики, а также многочисленных остатков металлургии железа – шлаков и горновых криц.

В истории болгарских городищ и селищ у с. Красное Сундюково следует учитывать их близость к расположенным у с. Старое Алейкино остаткам крупного болгарского города – Староалейкинского городища, площадь которого превышает 230 га.

Выбор места для закладки болгарского города у с. Красное Сундюково был обусловлен рядом благоприятных факторов, таких как наличие плодородных и пригодных для пашенного земледелия почв, богатых пастбищ, доступных источников водоснабжения, близость лесных угодий, а также наличие выходов сидеритовых руд, выявленных в окрестностях городища. Благоприятным фактором, повлиявшим на выбор места для возникновения города, было его удобное расположение относительно существовавших торговых путей. Свидетельства активной торговой деятельности были получены в результате археологических работ на городище.

На территории города, судя по наличию хорошо укрепленного детинца, проживали представители социальной верхушки местного общества. Наличие усадебной плинфовой бани, построенной с учетом конструктивных особенностей, характерных для Закавказья и Средней Азии, свидетельствует о дальних международных торговых-экономических и культурных связях населения города. Город, судя по расположенным рядом многочисленным неукрепленным поселениям, а также близко расположенному Красносундюковскому II городищу, интенсивно развивался и расширялся. Однако по некоторым признакам, на территории города случались события катастрофического характера, приводившие к пожарам и к гибели его обитателей. Об этом свидетельствуют отдельные погребения и сгоревшие при пожаре постройки.

Какова была дальнейшая судьба города, когда он прекратил своё существование? У исследователей сложилось мнение, что город, остатки которого сохранились у с. Красное Сундюково, прекратил свое существование в XII в.

ЮЛОВСКОЕ И ЗОЛОТАРЕВСКОЕ ГОРОДИЩА

Юловское городище, расположенное в центре г. Городище (Городищенский район Пензенской области) при слиянии рек Юловки и Кичкилейки, занимало площадь 22 га. С напольной стороны его ограждает вал со рвом и внутри располагается цитадель, огороженная крепостной стеной из двух валов и трех рвов (рис. 89). Это самый крупный город Верхнего Посурья. От него остался мощный культурный слой (толщиной более 60 см) с многочисленными фрагментами керамики, костями животных, углем, предметами труда, ремесла и быта. Под слоем сохранились следы плотной застройки жилых, хозяйственных и производственных сооружений.

Впервые Юловское городище упоминается в 1768 г. П.С. Палласом (Паллас, 1809). Затем обследовалось Ф.Ф. Чекалиным, А.А. Кротковым, М.Р. Полесских (Чекалин, 1882, Полесских, 1971). На Юловском городище в 1939 г. были найдены три серебряных римских монеты. В 70-х годах XX в. М.Р. Полесских нашел клад серебряных украшений: три плетеных гривны, шесть плетеных браслетов, две височных подвески в виде кольца с тремя желудевидными бусами с зернью, перстень, характерные для культуры Волжской Болгарии (Полесских, 1978). В 1985–1992 гг. раскопки проводились археологической экспедицией Пензенского педагогического института под руко-

Рис. 89. Аэрофотоснимок Юловского городища

водством Г.Н. Белорыбкина (Белорыбкин, 1987–1993).

Среди следов множества разрушенных строений преобладают прежде всего очаги разных типов – от скопления камней до ям, выложенных камнями и обмазанных глиной, и сосудов, обложенных камнем (типа тандыров), характерных для домонгольского времени. Много хозяйственных сооружений: сараи, заборы, погребки. Были исследованы ремесленные мастерские (косторезная, гончарная) и жилые сооружения, представленные как полужемлянки, так и наземными домами. Размеры сооружений варьируют от 6 до 42 кв. м. Очаг, как правило, располагался напротив входа у дальней стены. Планиграфия построек позволяет предполагать усадебную застройку территории. Раскопаны остатки гончарного горна, который имел цилиндрическую форму с двумя камерами (топочная и обжигательная). Оборонительные сооружения были сделаны из деревянных срубов, засыпанных в основании глиной и щебнем. Крепостная стена цитадели располагалась на сдвоенных валах высотой 2–3 м и шириной 10 м. Валы сверху покрыты щебнем, что позволило им сохра-

ниться до наших дней в неизменном виде. Перед ними располагались рвы глубиной 2–3 м и шириной 10 м. Кроме того, с внутренней стороны была построена еще одна крепостная стена из срубов без вала. Общая ширина оборонительных сооружений, таким образом, достигала 50 м (рис. 90).

Наиболее массовый материал из культурного слоя представлен костями животных и керамикой. Преобладающее число костей (94%) принадлежало домашним сельскохозяйственным животным (коровы, овцы, лошади). Встречаются в малом количестве кости верблюда, собак и свиней. Среди костей диких животных преобладают кости лося, медведя, зайца, барсука, бобра.

Материалы раскопок Юловского городища позволяют сделать вывод о существовании многочисленных ремесел: железоделательного, кузнечного, меднолитейного, косторезного, ювелирного, гончарного и т. д. (Полесских, 1981).

Изучение глиняной посуды позволило установить, что преобладает гончарная керамика (96–97%) коричнево-красных цветов, в небольшом количестве встречается также керамика бурая,

Рис. 90. Сохранившиеся валы Юловского городища. Вид с северо-востока

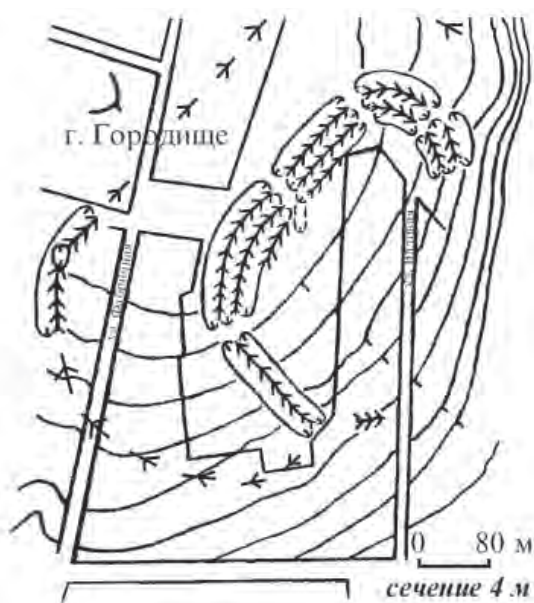

Рис. 91. План Юловского городища

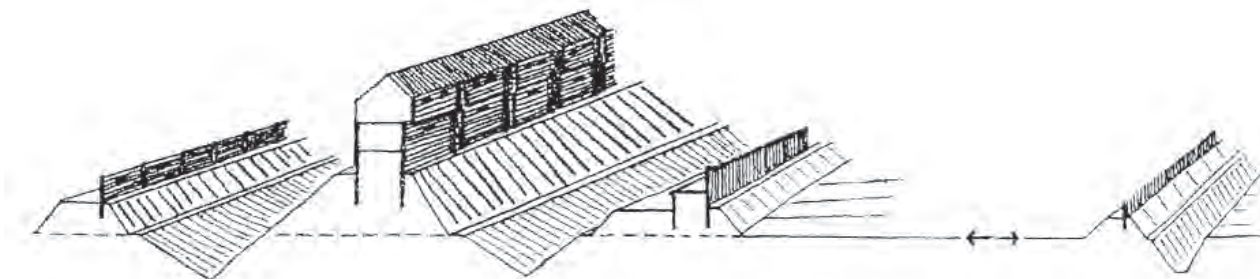

Рис. 92. Реконструкция оборонительных сооружений Юловского городища (по: А.М. Губайдуллин, рис. 139).

малиновая, жёлтая, черная. Обжиг в основном хорошего качества. Лепной керамики мало – 4%. Основные примеси – песок и известняковая крошка, но встречаются дресва и шамот. Поверхность сосудов лощилась и обмазывалась коричневой или красной глиной.

По форме посуда делится на кувшины (иногда с носиком), кружки, горшки, корчаги, светильники, туваки, блюда, сковороды, крышки, миски (иногда на четырех ножках), триподы. Встречается много оригинальных форм и деталей посуды: зооморфные ручки, орнаменты в виде налепных

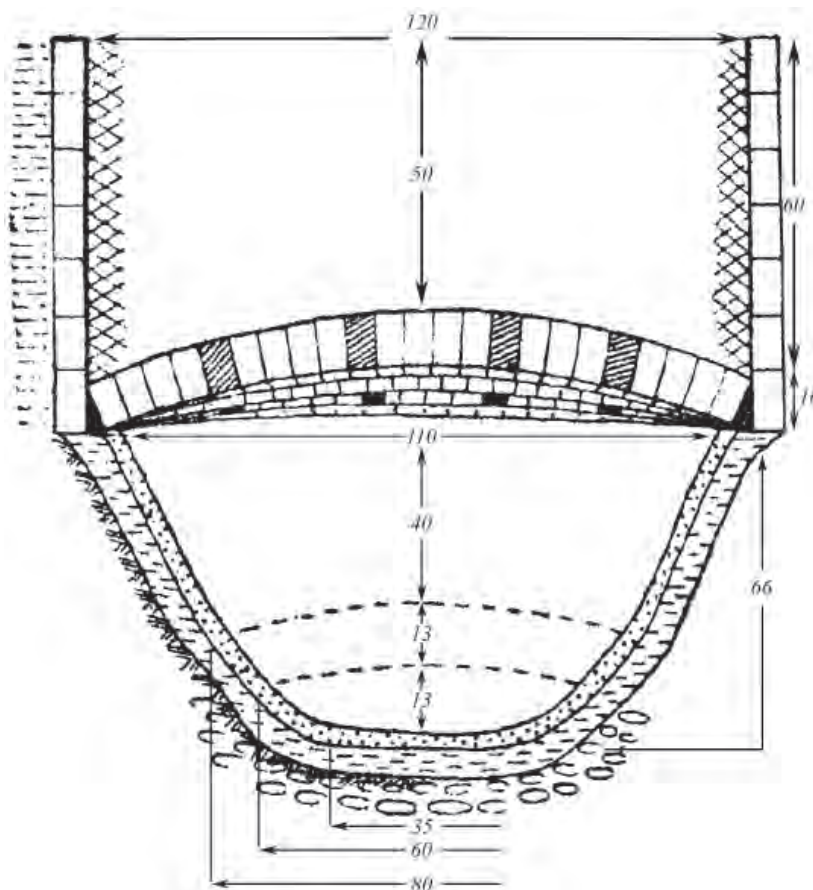

Рис. 93. Гончарный горн.

ушек, валиков, волнистых линий, штампов, канелюров, линий. На горшках встречаются клейма, знаки и граффити.

В верхнем слое коричневой керамики в два раза больше, чем красной (63,6/32,1%), тогда как в нижнем слое их количество почти равное (50,1/48,6%). Небольшое количество жёлтой посуды сокращается от нижнего слоя (4%) к верхнему (2,8%), как и черной (от 3,7% до 2,5%). Наблюдается развитие гончарного ремесла: если гончарная керамика нижних слоев сделана из плохо отмученного и слабо обожженного теста, то в верхних слоях керамика более высокого качества и из более хорошего теста.

Лепная керамика несет на себе следы влияния гончарной в виде обмазки и лощения поверхности. Раскопаны несколько гончарных мастерских с горнами, линзами коричневой глиняной массы для изготовления посуды с примесью песка и известняковой крошки.

Найдено много лощил, пряслиц. Пряслица сделаны в виде кружочков и прямоугольников из хорошего глиняного теста. Цвета: коричнево-красные и серые, почти все имеют лощение. Шиферные пряслица встречаются реже и в основном

темно-розового цвета. Встречаются керамические фигурки животных.

На Юловском городище найдено много изделий из железа: ключи, замки, гвозди, ножи, топоры, наконечники стрел, кинжал, детали конской упряжи, скобели, лемехи, тёсла, пряжки, хомутики, скобы, серпы, накладки, обоймы, штыри, подковы. Медные изделия представлены в основном деталями котлов и украшениями. Изредка встречаются костяные изделия: детали лука, проколки, гребни, накладки, навершие от нагайки.

Замки встречаются как с одним цилиндром и стержнем, что характерно для раннеболгарских памятников IX–XI вв., так и с двумя цилиндрами, соединенными друг с другом пластиной, иногда с отверстиями, что характерно для многих памятников Восточной Европы XI–XIII вв. Наиболее распространенными железными изделиями на Юловском городище являются гвозди, а также ножи, которые использовались как в быту, так и для резьбы по дереву, в столярном и сапожном деле.

Найденные на городище топоры, типичные для Волжской Болгарии, относятся к группе проушных и делятся на два вида: с длинной, узкой рабочей частью, слегка расширяющейся к низу, и

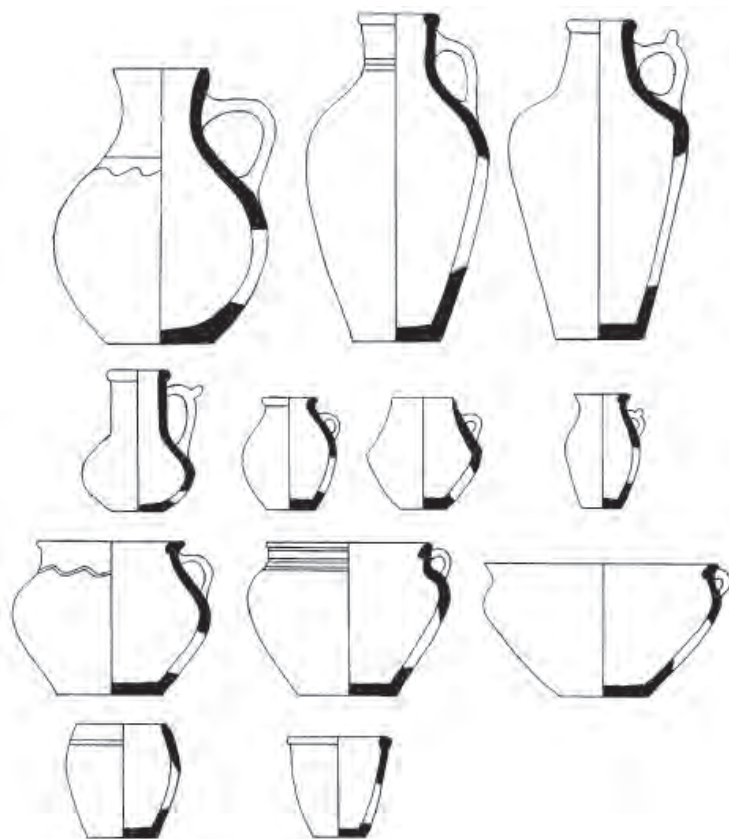

Рис. 94. Гончарная посуда. Кувшины, горшки.

Рис. 95. Гончарная посуда. Корчаги, миски, сковорода, туваки, крышка, светильник.

Рис. 98. Накладка в виде личины человека.

Рис. 99. Застежка в виде жар-птицы.

Рис. 100. Амулет с изображением воина.

Рис. 101. Серебряные пфеннинги Австрии: Леопольд II (1194–1230), Эберхард II (1200–1246).

широколезвийные с бойком, оттянутым в нижней части к топоричу.

На городище обнаружено также большое число лемехов и чересел от тяжелого плуга, многие из которых неоднократно ремонтировались. Лемехи представляют собой крупные, симметричные железные пластины с развитыми плечиками и овальной несомкнутой трубицей.

Орудия переработки урожая представлены обломками каменных жерновов в виде крупных каменных дисков диаметром 30–40 см. В центре имеются отверстия диаметром 3–4 см. Они широко использовались в Волжской Болгарии.

Медная посуда представлена фрагментами котлов: фрагменты стенок, ушки, дужки, заплатки.

Ушки изготовлены из квадратного в сечении стержня, согнутого дугой и отогнутого от котла. Все дужки котлов изготовлены из железа. Это полоса прямоугольного сечения с загнутыми вверх концами.

Кроме того, на городище встречаются многочисленные предметы вооружения: наконечники стрел (плоские и граненые), детали колчанов и луков, а также детали конского снаряжения.

Находки украшений представлены разнообразными изделиями из меди, серебра, кости, стекла и драгоценных камней. Это прежде всего браслеты, перстни, амулеты (в том числе с христианской символикой), а также бусы из сердолика, агата, стекла. Большинство из них, вероятно, поступало сюда в результате торговли. Это подтверждается

фрагментами рубленых серебряных слитков, монетами, а также различными гирьками и деталями весов.

Встречаются и уникальные изделия: бронзовая накладка в виде личины человека в маске льва и крином на голове, застежка в виде жар-птицы, амулет с изображением воина с одним из наиболее ранних изображений миндаливидного щита.

На городище встречаются русские, арабские, мордовские изделия, имеются детали весов и железные гирьки, серебряные пфенниги из Австрии, свидетельствующие о широких торговых связях населения города. Жизнь на городище, судя по обилию угля, типам стрел и разрушенным сооружениям, прервало монголо-татарское нашествие. Вероятно, часть населения городища выжила и возобновила жизнь на поселении до конца XIII в.

Золотаревское городище расположено в верховьях р. Суры (правый приток р. Волги), вдоль оврага, по которому течет р. Медаевка, у с. Золотаревка Пензенской области Российской Федерации.

Оно было открыто в 1882 г. Ф.Ф. Чекалиным (1892). В 1952–1978 гг. изучение памятника проводилось археологической экспедицией под руководством М.Р. Полесских (Полесских, 1953, 1954, 1958, 1960, 1966, 1977, 1978). В целом было вскрыто чуть более 1000 кв. м культурного слоя, что позволило определить время существования городища (III–IV вв., VIII–XIII вв.) и его культурную принадлежность (городецкая культура, мордва, бургасы, болгары).

Само городище располагается на мысу и перерождено четырьмя поперечными валами и рвами, разделившими городище на четыре зоны (рис. 102; 103). Еще один вал со рвом идет по краю мыса (Полесских, 1971). В 1998–2000 гг. возле городища археологической экспедицией под руководством Г.Н. Белорыбкина было открыто и обследовано три селища и дополнительная система укреплений городища в виде широкой полосы (до 200 м) ловчих ям (с диаметром и глубиной 1 м), идущих в шахматном порядке от одного оврага до другого вдоль внешнего вала (Белорыбкин, 2001). В настоящее время на городище ведутся крупные археологические раскопки, позволившие выявить усадебную застройку и открыть множество новых сооружений и предметов материальной культуры (Зеленцова, 2006; Белорыбкин, 2011), а также проводятся мероприятия по музеефикации памятника.

В целом Золотаревское городище представляло собой довольно крупное для Верхнего Посурья поселение с мощной крепостью в центре и большим посадом вокруг (рис. 103). Общая площадь поселения составляет 14 га, что сопоставимо с городами Древней Руси (Древняя Русь, 1985; Куза, 1989).

Древнейший период представлен исключительно лепной «рогожной» керамикой городецкой культуры III–IV веков. Более разнообразен материал VIII–X веков, который можно связывать с мордовским населением. Это не только посуда, но и украшения, орудия труда, оружие. Характерно то, что уже в этот период Золотаревское городище имело обширные связи как с южными племенами, так и с восточными.

С XI по XIII вв. здесь жили бургасы, болгары, мордва. В X в. бургасы штурмом захватили Золотаревское городище, но и сами были покорены болгарскими войсками и вошли в состав Волжской Болгарии. Об этом свидетельствуют, в частности, характерные для IX–X вв. трехлопастные наконечники стрел (Белорыбкин, 2001).

Сильнейшее влияние на Золотаревское поселение оказывал торговый сухопутный путь из Болгара в Киев, соединяющий напрямую столицы двух восточноевропейских государств и пересекающий Волгу и Суру (Моця, 1985; Моця, Халиков, 1997).

На р. Суре наиболее выгодным местом для переправы был брод в районе слияния рек Узы и Суры, чуть ниже по течению, где глубина Суры была не более 0,8 м. Именно там и возникла Золотаревская крепость. О том, как осуществлялась переправа, довольно подробно писали в своих трудах Ибн Хордадбех и Плано Карпини (Ибн Хордадбех, 1986, с. 138; Плано Карпини, 1958, с. 52). Впрочем, в местах постоянных переправ весь этот процесс был более организованным.

Если с X в. переправы через Днепр и Дон контролировали славяне, через Волгу – болгары, что подтверждается большим количеством археологических памятников на них, то в районе переправы через Суру на рубеже X–XI вв. возникают поселения бургас (Полесских, 1970; Белорыбкин, 1986), которые держали брод под контролем и использовали путь для развития собственной торговли. Это в свою очередь способствовало развитию ремесла и притоку людей на поселения Верхнего Посурья, о чем можно судить по мощности культурного слоя и обилию вещей особенно тех городищ, через которые проходил сухопутный торговый путь. Его маршрут в Посурье проходил следующим образом: Юловское – Садовские I, II – Селиксенское или Николо-Райское – Балабанов Родник – Золотаревское городища и переправа через р. Суру.

Основная масса импортных вещей сосредоточена на Юловском, Садовском II, Селиксенском, Золотаревском городищах, особенно на двух крайних пунктах этого отрезка пути протяженностью около 40 км, или одного легкого дня пути.

Имеющиеся на Золотаревском городище материалы свидетельствуют о единой торгово-денеж-

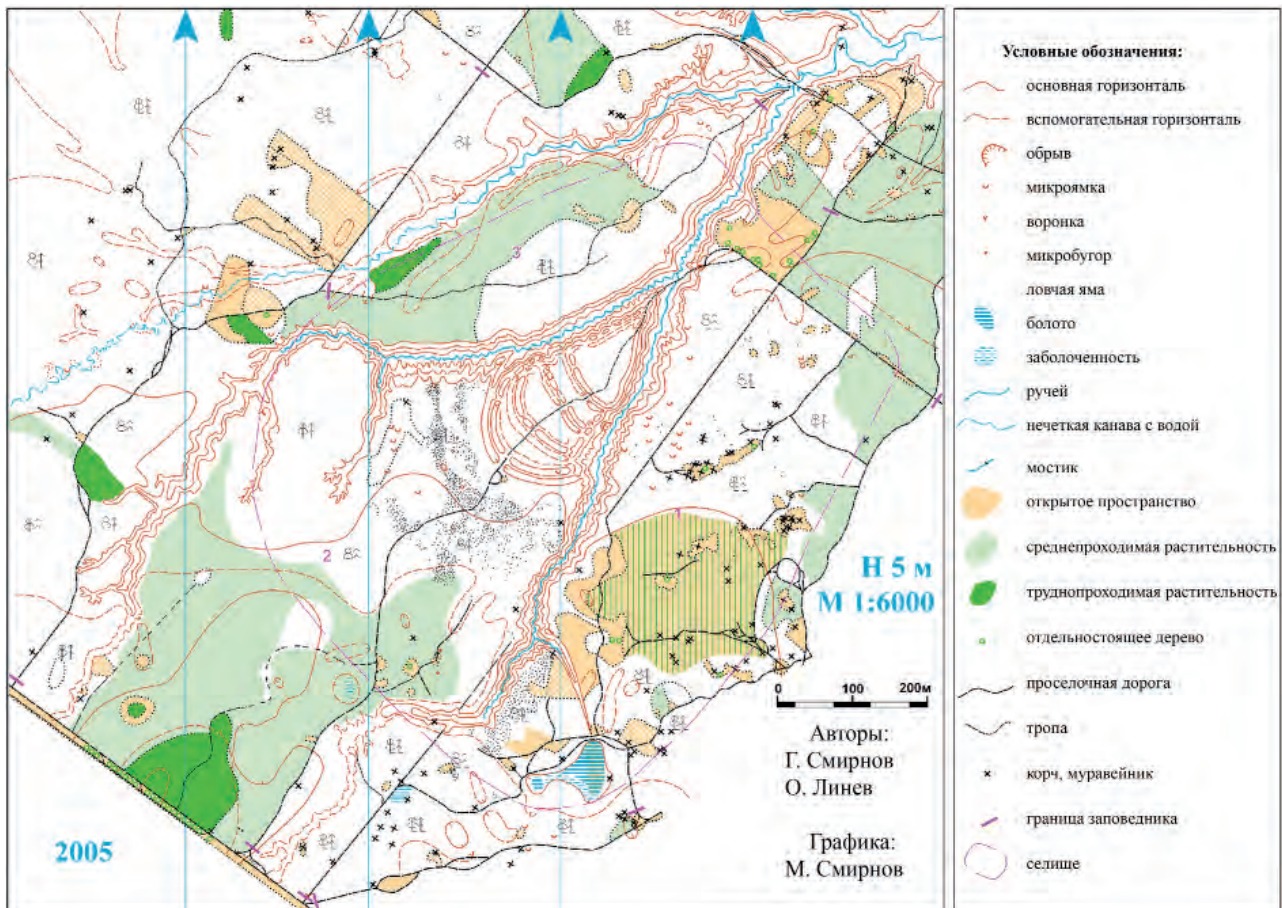

Рис. 102. Топографический план Золотаревского городища.

Рис. 103. Реконструкция оборонительных линий.

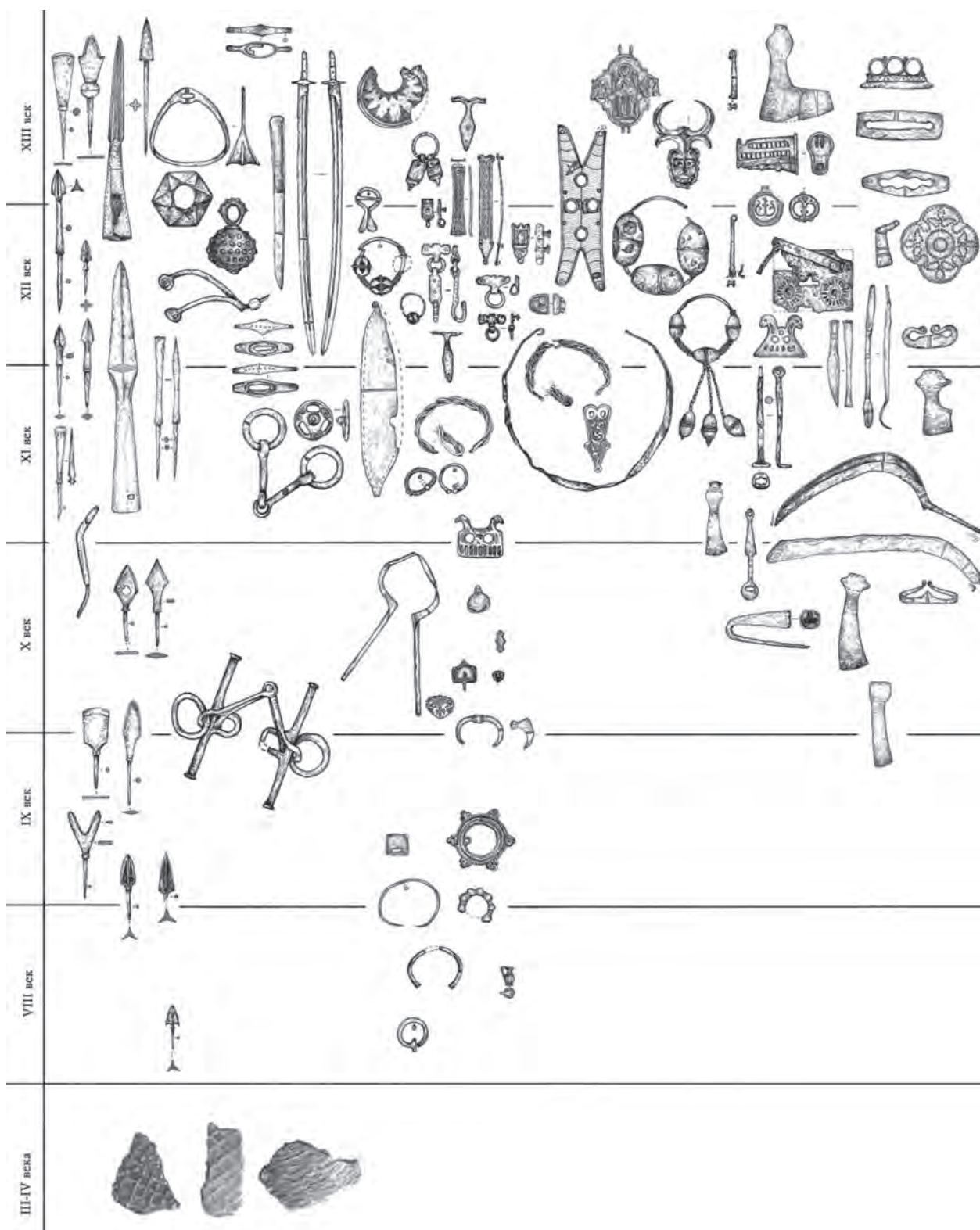

Рис. 104. Таблица изделий с Золотаревского городища.

ной и весовой системе в Посурье и Примокшанье, которая характерна для Волжской Болгарии (рис. 104). Это прежде всего детали торговых весов, гирьки, грузики, а также многочисленные слитки из серебра, взвешивание которых показало, что они ориентированы на мискаль. В то же

время встречаются фрагменты киевских и новгородских гривен. Довольно часто в качестве платежного средства использовались кусочки свинца, которые также ориентированы на мискаль (Винничек, Киреева, 2012; Мухамадиев, 1983).

Рис. 105. Накладки конской сбруи аскизской культуры.

Рис. 106. Круговая посуда из раскопок Золотаревского городища.

Помимо торгового инструментария на Золотаревском поселении найдено множество привозных вещей, в основном украшений из золота, серебра и драгоценных камней. Среди них можно выделить вещи, характерные для болгар, мордвы, русских, половцев, аскизской культуры, а также привезенные из Китая и Ирана. В то же время среди предметов из разных стран есть своя специфика. Украшения из Руси представлены в основном культовыми предметами, связанными с христи-

анством, часть из которых сделана из драгоценных металлов, а часть из бронзы и олово-свинца (Полубояринова, 1993). Украшения из Волжской Болгарии, как правило, сломаны или отремонтированы.

Особенно большую и специфическую группу предметов составляют вещи из Южной Сибири, представленные в основном деталями конской сбруи и оружия, характерных для аскизской культуры (Кызласов, 1983). Большинство накладок

Рис. 107. Уникальные изделия с Золотаревского городища

Рис. 108. Фото накладки личины в маске льва

Рис. 109. Фото накладки личины в маске льва

Рис. 110. Фото резьбы на Дмитриевском соборе во Владимире

Рис. 111. Ременная накладка

Рис. 112. Клад с Золотаревского городища

конской узды сделаны из железа и сверху украшены в основном золотом, в отличие от собственно аскизских изделий, которые покрывались преимущественно серебром. Оружие же представлено как специфическими наконечниками стрел, деталями защитного доспеха, так и своеобразными боевыми ножами – пальмами.

Такое обилие вещей на Золотаревском поселении, характерных для болгар, мордвы и аскизской культуры, позволяет предполагать, что здесь бы-

вали не только купцы и путешественники, но и постоянно жили представители этих народов. Возможно, даже стоял военный отряд представителей аскизской культуры, судя по оружию и конскому снаряжению и военным сооружениям (казармы и плац). Этот отряд обеспечивал безопасность торговых караванов на всем протяжении пути, судя опять же по накладкам с позолотой золотаревского типа, встречающимся изредка на поселениях Руси и Волжской Болгарии.

Исследованные на территории поселения материалы позволяют представить все стороны его жизни.

Так, в области сельского хозяйства можно отметить разнообразие зерновых культур (пшеница, овес, рожь, ячмень, просо) и использование плуга. Урожай убирали косами и серпами, на которых часто встречаются долы, а мололи зерно на ручных мельницах из двух каменных жерновов.

Керамическое производство шло в русле традиций Волжской Болгарии, поэтому преобладает керамика коричнево-красных цветов. Она представлена большим разнообразием форм.

Деревообрабатывающие ремесла представлены большим числом топоров самых разных типов, а также теслами, долотами, гвоздями и скобами, скобелями и сверлами.

Не менее развита была и обработка железа, о чем свидетельствует множество железных инструментов и изделий от простых кресал до замков со сложными механизмами.

Наиболее ярко представлено ювелирное ремесло, особенностью которого было массовое производство дешевых украшений под видом дорогих. Они делались не из чистого серебра, а из сплава серебра, свинца и меди. Копировались прежде всего ювелирные изделия Волжской Болгарии, Древней Руси, которые продавались на большой территории. Так, полые бусы из низкопробного серебра золотаревского типа встречаются в мордовских могильниках на р. Теше, а бронзовые и свинцовые украшения найдены на берегах рек Вад, Мокши, Оки, Волги (Руденко, 2001).

Помимо этого, Золотаревское поселение резко выделяется по количественным и видовым характеристикам среди других ремесленных центров Восточной Европы (Степи Евразии, 1981). Например, такого обилия матриц и ювелирных молоточков, пожалуй, нет нигде, что явно свидетельствует о существовании у стен Золотаревской крепости крупного ремесленного центра. И хотя основа производства была болгарская, местные ремесленники внесли множество своих новшеств и особенностей как в сами изделия, так и в технологию их изготовления. Особенно это касалось производства украшений. Причем, судя по кладам и матрицам, это производство дешевых подделок было поставлено на поток. В то же время на Золотаревском поселении встречается множество уникальных изделий, что свидетельствует о высоком уровне мастерства местных ремесленников.

Это прежде всего накладки в виде личины в маске льва и деревом жизни на голове. Они были отлиты в одной форме из бронзы и покрыты золотом. Кроме того, обнаружены бронзовые накладки в виде геральдических щитов, также позолочен-

ных. На них также изображено дерево жизни, на котором сидят по две птицы. Наиболее близкие по форме изображения львиной маски и птиц на дереве встречаются лишь на Дмитриевском соборе во Владимире (90-е годы XII в.) и в Юрьеве-Польском (1230–1234 гг.) (Древняя Русь, 1997). В целом скопилось большая группа дорогих вещей, зачастую не имеющих аналогий (Белорыбкин, 2001).

Сочетание таких специфических элементов, как княжеская резиденция, с мощной системой укреплений, дорогое оружие и редкие украшения со специфической символикой позволяют понять смысл этих вещей и сделать вывод об их принадлежности местному князю. В XII–XIII вв. ему подчинялась вся территория современной Пензенской области и значительная часть Мордовии, расположенная в междуречье Суры и Мокши (Белорыбкин, 2003). Все это позволяет предположить, что Золотаревское городище было княжеским замком, а столица Буртасского княжества в составе Волжской Болгарии располагалась на Юловском городище (г. Городище Пензенской области) (Хузин, 2006, с. 48, 51).

Большое количество предметов вооружения и конской сбруи с Золотаревского городища является свидетельством сражения с монголами в 1237 г. Территория, на которой развернулось сражение, выходит далеко за пределы крепости. Останки убитых людей были обнаружены на площади 140 000 кв. м. Тела погибших воинов и жителей поселения остались незахороненными, что, очевидно, связано с уничтожением как самого Золотаревского городища, так и всех окружающих поселений.

Помимо останков людей на поле боя осталось большое количество оружия, частей доспеха и деталей конской упряжи. Одних только наконечников стрел на сегодняшний день насчитывается около 25 тыс. экз., из которых около 5 тыс. характерны для монгольской армии. Особо следует выделить и сотни деталей сабельного оружия, число которых превышает количество этого вида оружия со всех поселений Древней Руси, а также множество деталей кольчужного и пластинчатого доспеха. В целом вполне очевидно, что основными участниками битвы были всадники и лучники.

Конечно, после завершения штурма основная масса оружия была собрана, но даже то, что осталось, позволяет определить не только время штурма в 1237 году, но и установить, что в нем принимали участие представители самых разных племен и народов. Со стороны монголов это были различные, в основном тюркские, племена под руководством Чингизидов (об этом свидетельствует, в частности, накладка в виде свернувшегося тигра), а со стороны защитников – болгары, буртасы,

мордва, русские, кыпчаки и представители аскизской культуры.

Золотаревское поселение объединило в себе, с одной стороны, экономическую и политическую жизнь средневекового поселения, а с другой стороны – стало свидетелем кровавого штурма,

окончившегося гибелью поселения. Большое количество орудий труда, ремесленных изделий и оружия позволяет проследить эволюцию материальной культуры с VIII по XIII век, что делает Золотаревское поселение одним из опорных памятников средневековой истории Восточной Европы.

ДРУГИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИ ИССЛЕДОВАННЫЕ ГОРОДИЩА

Город Кашан, вернее, его археологические остатки в виде Кашанского I городища, расположен в 1 км к востоку от села Шуран Лаишевского района Республики Татарстан на коренной террасе правого берега Камы высотой до 90 м (рис. 113). Площадка памятника трапециевидной формы (1800×300–950 м) понижается с северо-востока на юг. Она ограничена с северо-запада оврагом Гремячий Ключ, с востока – Рыжным оврагом, с юга – берегом Камы (Археологическая карта, 1981, с. 119, № 569).

На основе скудных сообщений русских летописей, старинных песен и преданий татар у исследователей сложилось представление о Кашане как о большом и богатом болгарском городе, существовавшем в X–XIV в. Так, в одной из старинных песен говорится, что Кашан – это «зеркало мира», «великая крепость», город, в котором живут богатые торговцы, вывозящие свои товары в Индию и Хорасан, а также искусные ремесленники – металлурги-сталевары и золотых дел мастера (Гарипова, 1991, с. 159). В русских летописях город Кашан, упоминаемый под 1391 и 1396 гг. в связи с походами ушкуйников, фигурирует, по мнению С.М. Шпилевского, под названием «Казань» (Шпилевский 1877, с. 68).

В археологической литературе памятник известен с начала XIX столетия. На возможные следы Кашана вывели археологов сохранившиеся с болгарских времен топонимические названия: «Кошанская гора» на правом высоком берегу Камы у переправы из Сорочьих Гор в Мурзиху, рыболовная «Кошанская заводь» в той же местности и «Кошанская дорога». Эту местность – «городок Кошанский близ с. Шурана на высотах берега Камы» – впервые осмотрел адъютант Казанского университета П.С. Кондырев в 1812 г. Через несколько лет, в 1818 г., Н.Н. Кафтанников совершил специальную поездку «для исследования древнего города Кашана или Кожана, некогда находившегося поблизости татарской деревни Елгов и села Шурана» и «от ученого елгинского муллы многие сведения получил» (Хузин, Руденко, 1997, с. 51).

Показательно сообщение С.М. Мельникова, относящееся к 1862 г.: «Повыше Шурана, между волнистыми падами и береговыми долинами

возвышается небольшой дубовый лесок, господствующий над кустарником. Этот лесок окружен земляными валами в два ряда. Здесь по татарским древним таварихам (историческим сочинениям – Ф.Х.) был древний болгарский город Кашан: Кашан, или, как говорят татары, Казань или Иски-Казань... В самом городе и окрестностях на пашне находили прежде весьма много и ныне находят почти каждое лето древние серебряные и медные монеты, разные вещи и украшения. Внутренность городка еще не распахана; народ боится разрушать татарскую вековую святыню» (Пономарев, 1893). В этом сообщении обращает на себя внимание попытка отождествления Кашана с древней Казанью. Эта идея, кстати, в нашей науке жива до сих пор. В свое время профессор А.Х. Халиков указывал на однозначность корней *каш-каз* (в значении «кора», «предел», «граница») в топонимах *Кашан* и *Казан* (Древняя Казань, 1996, с. 278). По мнению акад. М.З. Закиева, истоки первоначальной Казани могут быть связаны с Кашаном, возникновение которого он относит «к очень древним временам» (Закиев, 1995, с. 34; 1998, с. 254–255).

Тщательное археологическое обследование всей береговой полосы от с. Шурана до Сорочьих Гор проводил в 1879 г. П.А. Пономарев. Осмотр памятников он начал с местности под условным названием «Городок» (совр. Кашан II), расположенной к западу от с. Сорочьи Горы. Площадка городища, имеющая четырехугольно-овальную форму, ограничивалась с севера Долгим оврагом, с юга – «Кашанским ущельем», а с запада – искусственными оборонительными сооружениями в виде двойного вала и рва с тремя проездами. Приблизительная площадь, занимаемая городищем, составляла не менее 75 десятин. По предварительному заключению П.А. Пономарева, это был, скорее, болгарский город средних размеров. Однако результаты обследования его территории огорчили исследователя, ибо не находил он «ни малейших следов человека, ни одного черепка посуды, ни одной кости, обыкновенно в таком изобилии встречающихся на других городищах» (Пономарев, 1893).

Гораздо более интересные сведения были получены П.А. Пономаревым при обследовании

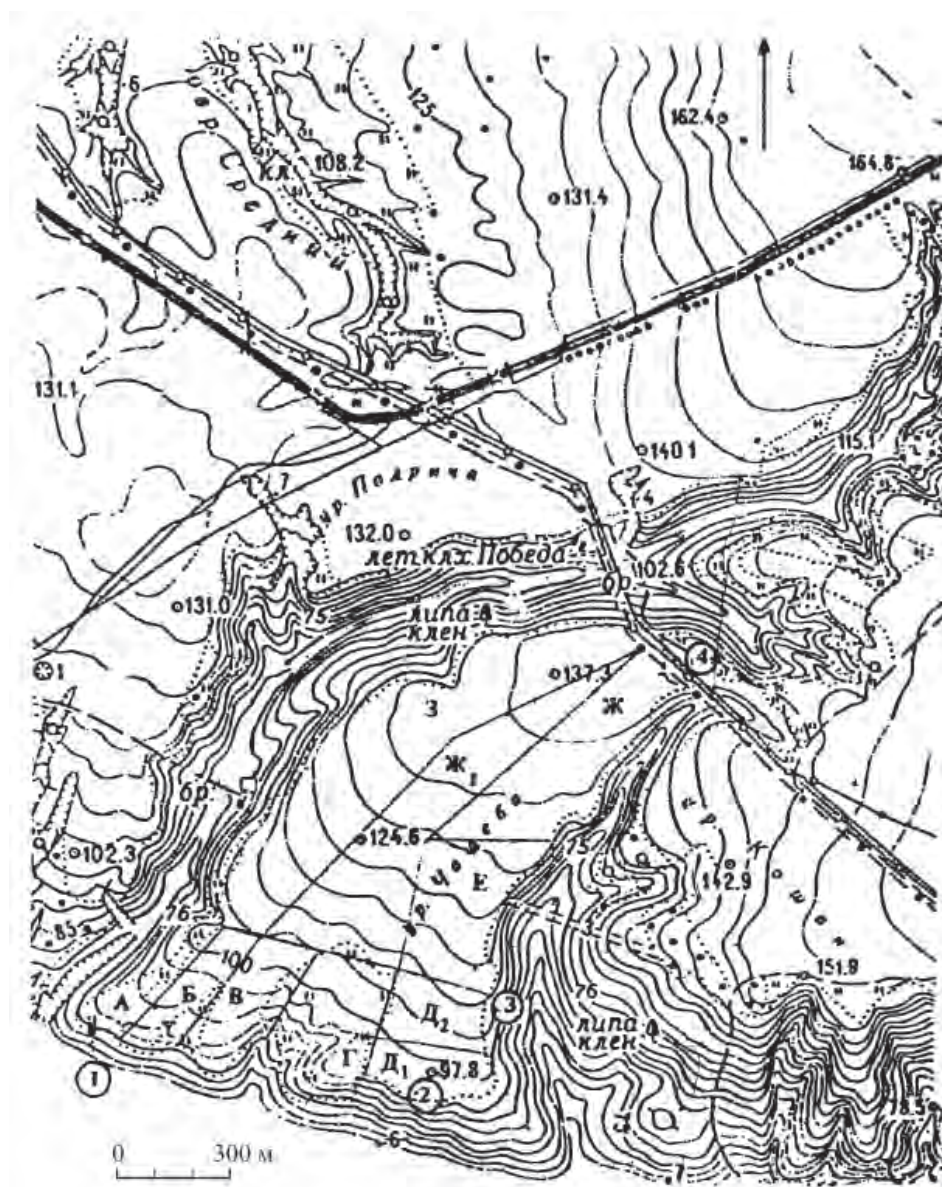

Рис. 113. План городища Кашан I (по К.А. Руденко)

городища Кашан I, расположенного на расстоянии менее одной версты к востоку от с. Шуран. Он тщательно описывал местоположение памятника и систему оборонительных укреплений. У жителей соседней деревни Елги были получены важные сведения, связанные с историей древнеболгарского Кашана, а также приобретены у них старинные вещи, найденные, по их словам, на территории городища. В составе коллекции находок, переданных затем в музей ОАИЭ при Казанском университете, значились: обломки болгарской посуды, два железных замка, ножи, четыре наконечника стрел, пять наконечников копий и два дротика, несколько обломков медных котлов с ушками, медные булава, фигурка в виде птичьей головки и чашка от весов, восемь серебряных монет, серь-

ги, стеклянные бусы, обломок золотого браслета с сердоликовой вставкой на конце и два золотых кольца, «из коих одно замечательно тем, что на печатке его начеканена тамга, напоминающая тамгу Менгу-Тимура» (Пономарев, 1893, с. 127–128). Еще раньше, в 1865 г., в урочище «Чищеба», т. е. фактически на территории городища, был найден клад из джучидских монет, находившихся в медном кувшине (Федоров-Давыдов, 1960, с. 183, № 287). Следует заметить, что данная коллекция включала в себя вещи не только с городища, но и с других болгарских поселений в его окрестностях. В нее вошла, например, керамика с Больше-Елгинского селища, а также некоторые вещи из более ранних сборов без точного указания места находок.

Итоги исследования памятника были изложены П.А. Пономаревым в следующих словах: «По обширности занимаемого пространства, по количеству и качеству находок он, по-видимому, не только превосходил все прочие болгарские поселения описываемой местности, но и вообще выделялся между городами Камско-Волжской Болгарии, уступая только Болгару и Биляру» (Пономарев, 1893). Ученый пришел к выводу о возможности отождествления этого городища с болгарским городом Кашаном, известным по древнерусским летописям.

После работ П.А. Пономарева городище Кашан I надолго вышло из поля зрения археологов. Изредка вспоминали о нем в связи с находками, которые случайно обнаруживали окрестные крестьяне во время земляных работ на месте исчезнувшего города. Среди этих находок примечательны клад монет и серебряных вещей (обнаружен в конце 1880-х годов), в составе которых были серебряная подвеска с продетыми тремя бляшками, проволочный браслет, перстень с изображением дракона, еще один перстень и кольцо с насечками на поверхности. В кладе 1938 г. значились золотые серьги в виде кольца с цепочками, к которым были прикреплены несколько продолговатых бусин, серебряные плетёный браслет и цепочки, а также золотое кольцо (Калинин, Халиков, 1954, с. 95).

В 1948 г. на городищах Кашан I и II работала археологическая экспедиция КФАН СССР под руководством Н.Ф. Калинина. Он подтвердил наблюдения своего предшественника П.А. Пономарева об отсутствии культурного слоя на городище Кашан II и признал убедительными его соображения о локализации летописного Кашана на месте обширного (108 га) городища у с. Шуран. На этом городище он заложил 9 шурфов общей площадью 48 кв. м. Некоторые из них, например, шурф № 7 и 9, заложенные в прибрежной части, а также на краю Рыжного оврага в южной и юго-западной части площадки городища, выявили культурный слой мощностью 20–40 см и дали относительно небольшое количество материала в виде обломков гончарной керамики (Калинин, Халиков, 1954, с. 94–95). В одном из шурфов была обнаружена часть какого-то сооружения – прямоугольная (280×190 см) яма с вертикальными стенками глубиной около 60 см. В засыпи было много угля, а на дне лежал развал хумовидного сосуда с арочным орнаментом по плечу. Из датированных вещей был обнаружен железный ключ от цилиндрического замка, бытовавший в XII–XIV вв. (Калинин, Халиков, 1954, с. 94–95).

Незначительная толщина культурного слоя отражала кратковременность существования города.

По мнению Н.Ф. Калинина, Кашан возник в XII в., возможно, в конце этого столетия, и существовал до 1396 г., когда был окончательно razoren новгородскими ушкуйниками. Он подчеркивал, что быстрому возвышению и расцвету Кашана – единственного крупного болгарского города на правом берегу Камы – благоприятствовали удобные природно-географические условия местности. Он стоял на пересечении двух магистралей: водного пути по Каме и сухопутного – из южных районов Болгарии на север с переправой через Каму около Кашана. На основании своих исследований Н.Ф. Калинин пришел к следующему заключению: «На месте городища Кашан II следует предполагать сильную и большую крепость, контролировавшую движение судов по Каме, служившую охраной камской переправы и резиденцией кашанского князя. Кашан I был крупным ремесленно-торговым посадом и главнейшим экономическим центром этого княжества» (Калинин, Халиков, 1954, с. 96). Данная точка зрения, высказанная авторитетным исследователем, основателем казанской археологической школы Н.Ф. Калининым, благодаря своей оригинальности быстро завоевала себе сторонников и, претерпев небольшие модификации, существует в историко-археологической науке по сей день (Фахрутдинов, 1975, с. 46; Халиков, 1994, с. 95).

Насколько соответствуют эти представления новейшим исследованиям археологов?

Начиная с 1990 г. казанские археологи А.М. Губайдуллин, К.А. Руденко предпринимали неоднократные осмотры этих двух памятников, сопровождавшиеся зачистками обнажений культурного слоя, шурфовкой и сбором скудного подъемного материала. Исследователи в очередной раз убедились в отсутствии культурного слоя и каких-либо находок на городище Кашан II. Следовательно, существующая ныне точка зрения об этом памятнике как остатках крепости, княжеской резиденции или убежища для торговых караванов археологически пока не подтверждается.

В 1995–1997 гг. раскопки на городище Кашан II проводил К.А. Руденко. На площади около 200 кв. м были изучены укрепления с napольной стороны и со стороны Камы (рис. 114; 115), а также культурные отложения на разных участках городища. По заключению исследователя, система укреплений «возводилась в соответствии с общими приемами болгарской фортификации, характерными для второй половины XI – начала XII вв.» (Руденко, 1999, с. 128).

Мощность культурного слоя, в целом слабо насыщенного остатками жизнедеятельности человека, колеблется в пределах 25–40 см. Наиболее массовый материал – керамика (всего из раско-

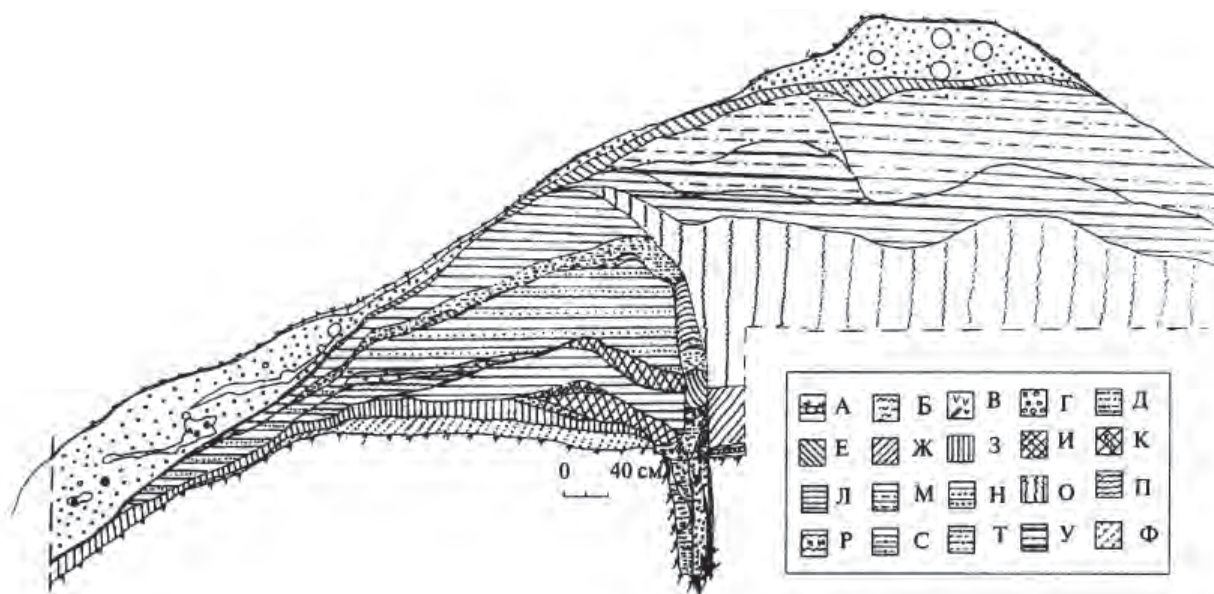

Рис. 114. Городище Кашан I. Профиль земляного вала с напольной стороны (по К.А. Руденко)

Условные обозначения: А – дерн; Б – зола; В – уголь; Г – охристый рыхлый суглинок; Д – обожженная глина; Е – темно-серая супесь; Ж – серая рыхлая супесь; З – светло-серая супесь; И – пестроцвет; К – коричневый пестроцвет; Л – коричневый суглинок; М – рыхлый коричневый суглинок; Н – светло-коричневый суглинок; О – желто-коричневый плотный суглинок; П – рыхлая коричнева супесь; Р – рыхлая коричнева супесь с известняковыми включениями; С – светло-коричневый плотный суглинок; Т – Светло-коричневый рыхлый суглинок; У – темно-коричневый плотный суглинок; Ф – темный, гуммированный плотный суглинок (предматерик).

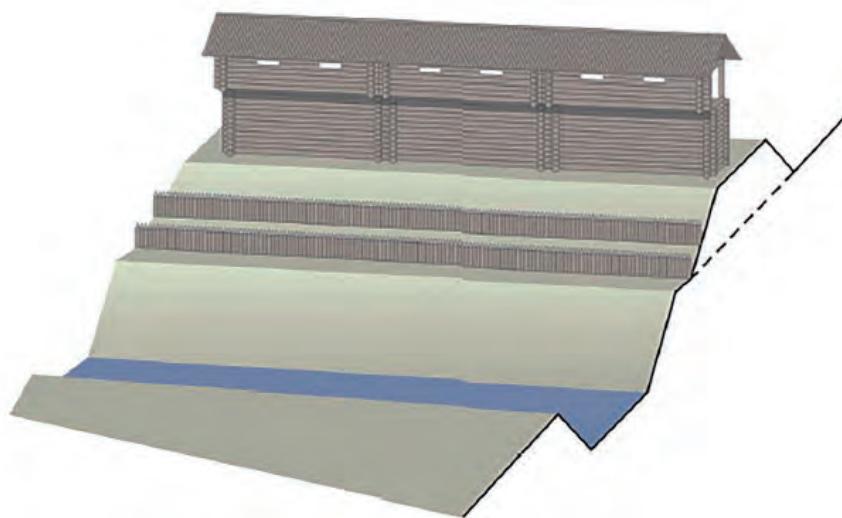

Рис. 115. Реконструкция оборонительных сооружений Кашана

пов 520 фрагментов; сборы 1996 г. – 1360 фрагментов и т. д.), а также индивидуальные находки, включающие в себя бронзовый бубенчик, обломки навесных цилиндрических замков и ключи к ним, коромысло весов для мелких взвешиваний, кубические гири, железные пряжки, накладки, ножи, дверные пробойники, наконечники стрел, слиток серебра весом 10,5 грамма, ушко от медного котла и пр. – датируется, по утверждению К.А. Руденко, второй половиной XI – первой половиной

XII вв. (Руденко, 1999, с. 122, 134). Мы считаем, что материалов для столь узкой датировки времени существования городища недостаточно и предлагаем, учитывая монетные находки золотоордынского времени и другие предметы из выше-названных кладов, более широкую дату – в пределах XI–XIV вв. В то же время исследователь прав в своем утверждении, что по характеру находок и отсутствию четких следов ремесленной деятельности населения «Кашан I» мало соответствует

большому городу, каким он рисуется в письменных и фольклорных источниках. Однако его интересная гипотеза о возможной локализации Кашана на месте городища «Городок», расположенного на противоположном берегу Камы (Руденко, 1999, с. 134), также требует дополнительного обоснования фактами.

Городище «Городок» находится в Алексеевском районе Республики Татарстан у одноименной деревни на широком мысу высокой коренной террасы левого берега Камы. С севера и юга оно ограничено глубоким оврагом, с востока – краем террасы; с напольной стороны укреплено земляным валом и рвом. Площадь 45,5 га. К северу от Городка, через овраг, расположено селище площадью 12,4 га, примыкающее с напольной стороны к Балахнинскому городищу (0,6 га). С напольной стороны городка находится еще одно селище площадью 26,5 га. В целом весь комплекс болгарских памятников у Городка занимает почти 85 га (Руденко, 1999, с. 134; 2001, с. 29).

На городище раскопок не производилось, но К.А. Руденко собрал достаточно богатый подъемный материал: лепная и гончарная керамика, железные накладки на конскую упряжь, металлическая матрица для изготовления накладок, навесные замочки, в том числе и ранних форм (рис. 116: 3), ключи от цилиндрических замков, наконечники стрел, железная пластина от доспеха, рыболовный крючок и другие предметы (рис. 116). Перечисленные материалы, по его мнению, являются основанием для датировки памятника концом X – началом XII вв. Предложенная дата кажется нам слишком узкой. Наличие среди материалов архаичной группы лепной керамики салтово-маяцкого типа может свидетельствовать о возникновении Городка в первой половине X в., а наконечники стрел типа 68 по А.Ф. Медведеву (рис. 116: 16), занесенные в Восточную Европу во время монгольского нашествия (Медведев, 1966, с. 76), могут указывать на время его гибели.

Ошель – еще один болгарский город, известный по русским летописям, на правом берегу Волги. В настоящее время его археологические остатки локализуют на месте городища, расположенного в 0,9 км к северу от с. Богдашкино Тетюшского района Республики Татарстан на ровном возвышенном месте между оврагами, идущими с севера на юг к рч. Кильне, притоку Свияги. Городище имеет в плане подквадратную форму с закругленными углами, ориентированными по странам света и занимает площадь около 77 га. Укрепленная цитадель (500×200 м) находится в юго-западном углу города и отделяется от него глубоким оврагом и земляным валом (рис. 117).

Город Ошель единственный раз упоминается в русских летописях под 1220 г. в связи с походом владими́ро-суздальского князя Святослава на волжских болгар, когда он был взят штурмом и сожжен дотла (ПСРЛ, X, с. 83–85). Летописи подробно рассказывают о движении судовой рати до места высадки в Исадах, о выходе воинов на берег, подготовке к бою и наступлении на город, состоявшемся 15 июня. О городе и его укреплениях летописец говорит следующее: «Князь же святослав поиде вборзе ко граду, бе же острог утвержен около града тын дубов, а затем два оплота, и межи ими вал ссыпан, и по тому валу рыщуще из затыния бияхуся». Только после ряда приступов с разных сторон город был взят и разрушен, лишь одному болгарскому князю удалось спастись бегством в Великий город (ПСРЛ, X, с. 83–84). После этих событий город не оправился и окончательно перестал существовать в 1236 г.

Проблемы локализации Ошеля занимали многих исследователей. Еще в 1821 г. была опубликована статья востоковеда Ф. Эрдмана, в которой он впервые указал на Кирельское (Янтиковское) городище как на остатки Ошеля (Эрдман, 1821, с. 292). Предложенная Эрдманом локализация была в дальнейшем поддержана практически всеми, кто занимался историей Волжской Болгарии: С.М. Шпилевским (1877, с. 152, с. 319), П.А. Пономаревым (1892, с. 273 и сл.), А.П. Смирновым (1951, с. 265–266) и др.

В ходе археологических исследований в Предволжье, проведенных в конце 1940-х – начале 1950-х годов, Н.Ф. Калинин обратил внимание на остатки Богдашкинского городища, впервые обследованного Г.Н. Ахмаровым еще в 1909 г. (Ахмаров, 1910, с. 336–340). Сопоставительное изучение ряда болгарских городищ региона с учетом письменных сведений привело Н.Ф. Калинина к заключению о возможности идентификации Ошеля не с Кирельским, а с Богдашкинским городищем (Калинин, Халиков, 1954, с. 92–93). Эта точка зрения господствует в историко-археологической литературе до сих пор.

Первые археологические раскопки на Богдашкинском городище проводились экспедицией ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР под руководством И.Л. Измайлова и И.В. Якимова в 1988–1990 гг., когда на разных участках памятника было вскрыто более 600 кв. м площади (Измайлов, Якимов, 1994, с. 62–66).

Раскопы, заложенные во внутреннем городе, или «цитадели», в том числе и оборонительных укреплений (рис. 118; 119), дали интересный материал, позволяющий датировать время его возникновения временем не позднее XI в. Среди этих материалов исключительный интерес представля-

Рис. 116. Подъемный материал с городища «Городок» (по К.А. Руденко)
1 – медь, 8 – свинец, остальное – железо

ют остатки языческого могильника, очень близкого по обряду захоронения умерших к Тетюшскому и Большетарханскому могильникам (Измайлов, Якимов, 1994, с. 64). По находкам основной слой внутреннего города датируется XII – началом XIII вв. Вещевой материал из раскопок включает в себя глиняную посуду, в том числе и поливную, орудия труда и оружие (железные мотыжка, ножи, наконечники стрел), украшения (бусы, накладки), а также предметы, относящиеся к области торговли (набор гирек и весы, раковины каури, шиферные пряслица и пр.). Во внешнем городе, где мощность слоя колеблется на разных участках от 20 до 60–70 см, изучены хозяйственные сооружения, а в окрестностях городища, в 300 м к западу от укреплений – остатки мусульманского некропо-

ля. По данным исследователей, нижний горизонт культурных отложений внешнего города можно датировать X–XI вв., а верхний горизонт с четкими следами пожара – концом XII – первой третью XIII вв. Гибель города, считает он, «произошла катастрофически» (Измайлов, Якимов, 1994, с. 65).

Чаллы – Чаллы́нское городище в Рыбно-Слободском районе Республики Татарстан до недавнего времени считалось одним из немногих крупных поселений городского типа периода Казанского ханства (Фахрутдинов, 1975, с. 73). Новые исследования во многом изменили наши традиционные представления о нем.

Археологические остатки города находятся в 0,8 км к юго-востоку от села Тябердино-Чаллы на левом берегу р. Шумбут (правый приток Камы) на

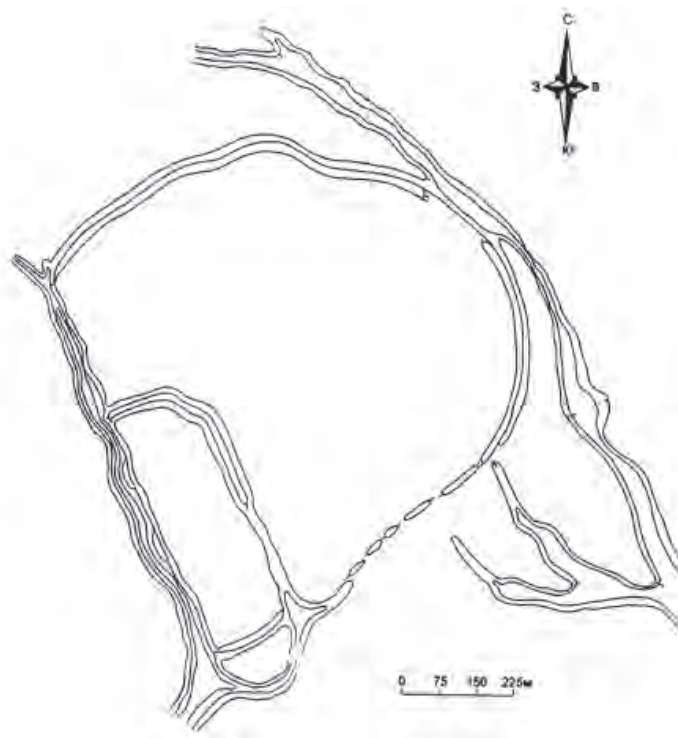

Рис. 117. План Богдашкинского городища

высоком мысу (24 м над поймой), образованным крутым обрывом к реке с юго-запада и глубоким, широким оврагом с юго-востока. С двух напольных сторон сохранилась сложная система искусственных земляных укреплений из четырех линий дугообразных валов и рвов. В них имеется лишь один проезд с северо-западной стороны. Форма площадки – подквадратная, размерами 100×115 м (1,15 га). Вокруг городища, почти вплотную прилегающая к нему, расположены обширные пригородные селища – посадки общей площадью около 60 га (рис. 120). На их территории выявлено два мусульманских могильника.

Достоверные источники об этом памятнике малочисленны и фрагментарны. Первые сведения о «челматах», прямо отождествляемых некоторыми исследователями с «чаллынциами» – жителями камского побережья, находим в древнерусских летописях. Здесь они упоминаются в связи с походом владими́ро-суздальских князей на Великий город в 1183 г. (ПСРЛ, 1962, т. II, с. 626). Эти прикамские племена, т. е. челмата-чаллынци, еще в домонгольское время имели свой городской центр: в ряде летописей говорится о болгарях из города Челмата (ПСРЛ, 1962, т. I, с. 390; ПСРЛ, 1965, т. IX–X, с. 10; ПСРЛ, 1965, т. XV, с. 269). Однако никаких подробных сведений об этом городе в аутентичных источниках XIII–XV вв. не сохранилось.

Археологические остатки Чаллынского городища были обнаружены и обследованы еще в

прошлом столетии – см. труды К.И. Невоструева, С.М. Шпилевского, М.Б. Зайтова, Н.А. Толмачева, И.А. Износкова (Древние Чаллы, 2000). Однако первые раскопки производились лишь в 1955 г. археологической экспедицией ИЯЛИ КФАН СССР под руководством Н.Ф. Калинина. На территории городища была вскрыта площадь 320 кв. м и исследован ряд объектов (ямы-зернохранилища, погребя и другие хозяйственные сооружения, котлован полуземляночного жилища). Исследователь определил время существования городища XIV – первой половиной XVI вв. и считал его одним из значительных памятников времен Казанского ханства – центром феодального Чаллынского княжества (Калинин, 1957, с. 202; 2000, с. 40–65).

В 1983 г. памятник обследовался экспедицией Государственного музея ТАССР под руководством Н.А. Кокориной и С.В. Кузьминых. Раскоп у восточного края городища выявил следы наземного жилища с остатками глинобитной печи и несколько хозяйственных сооружений. Стратиграфический разрез второй линии вала показал наличие трех строительных периодов, относящихся к XIII–XVI вв. Основываясь на новых материалах раскопок, исследователи удревели время возникновения городища до конца XII – начала XIII вв., т. е. памятник был датирован в том числе и домонгольским временем (Кокорина, Кузьминых, 1985, с. 152–153; 2000, 66–75).

В 1989 г. раскопки Чаллынского городища и одного из его пригородов (I селища) проводила ар-

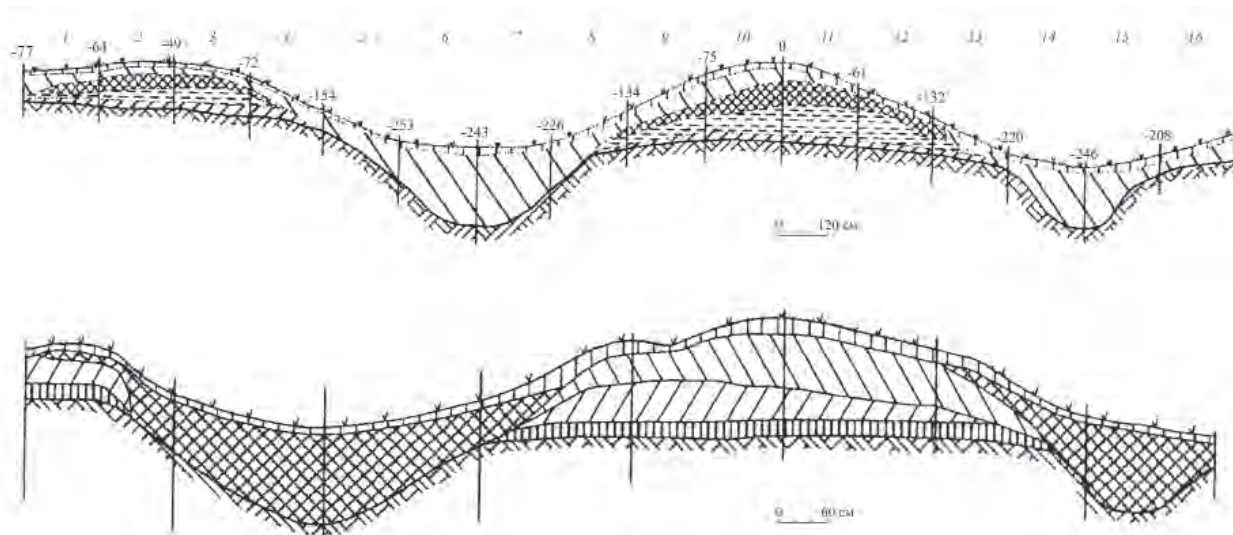

Рис. 118. Богдашкинское городище.
Профили оборонительных сооружений: А – «внутреннего города»; Б – «внешнего города»

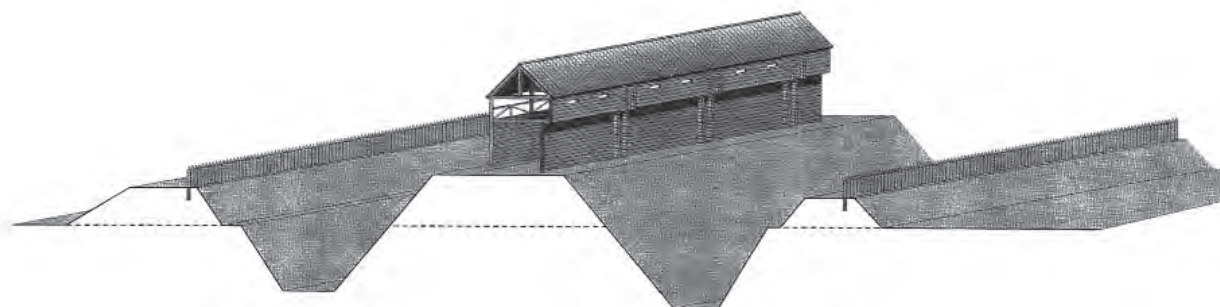

Рис. 119. Реконструкция оборонительных сооружений «внутреннего города» Богдашкинского городища

хеологическая экспедиция Удмуртского республиканского краеведческого музея под руководством Т.И. Останиной. В юго-восточной части городища на площади 360 кв. м были обнаружены многочисленные хозяйственные ямы для хранения продуктов и очаги, сложенные из камня. Такого же характера объекты встречались и на пригородном поселении (Кокорина, Останина, 2000, с. 76–174). Памятник относится, по мнению исследовательницы, к эпохам Золотой Орды и Казанского ханства (Останина, 1991, с. 66).

Новые исследования Чаллынского городища и его пригородов проводились в 1993–1997 гг. экспедицией ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова (с 1996 г. – Институт истории им. Ш. Марджани) Академии наук Татарстана под руководством Ф.Ш. Хузина. Экспедиция поставила своей целью разобраться в вопросах хронологии и характера памятника путем изучения самого городища и его оборонительных укреплений, а также пригородных селищ и могильников. В 2000 г. увидела свет коллективная монография «Древние Чаллы. Борынгы Чаллы», в которой публикуются результаты исследований

памятника в 1955, 1983, 1989, 1993–1997 гг. Кратко остановимся на основных итогах проведенных работ.

Укрепления городища (рис. 121), состоявшие из четырех (по Н.Ф. Калинин) или даже пяти (по А.М. Губайдуллину) линий земляных валов и рвов исследовались неоднократно Н.А. Кокориной и С.В. Кузьминых в 1983 г. (вторая линия), А.М. Губайдуллиным в 1995 и 1997 гг. (первая, вторая, третья и пятая линии) и К.А. Руденко в 1998 г. (вторая линия). По заключению А.М. Губайдуллина, в домонгольское время были сооружены первая, вторая и третья линии укреплений, которые претерпели две реконструкции в период Золотой Орды и Казанского ханства (Губайдуллин, 2000, с. 204–205). Время строительства второй линии Н.А. Кокорина и С.В. Кузьминых (2000, с. 72) относили к середине и второй половине XIV столетия. Заслуживают внимания наблюдения К.А. Руденко, который считает, что укрепления второй линии «сооружались на уже имеющемся культурном слое, содержащем керамику и кости животных, причем ров перед валом был вырыт

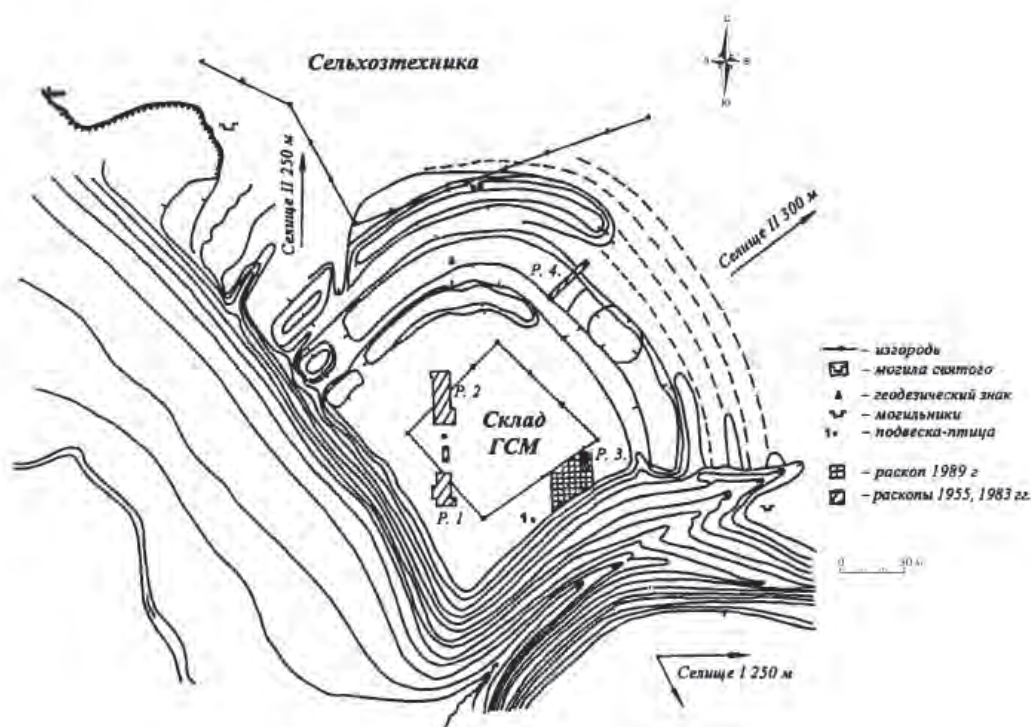

Рис. 120. План Чалынского городища

раньше... Вероятно, самой насыпи предшествовали другие деревянные укрепления, следы которых сохранились в виде ямок от вкопанных и вбитых бревен диаметром в среднем 20 см» (Руденко, 1999, с. 126, рис. 12а). Мы полагаем, что первая и вторая линии укреплений действительно были построены еще в домонгольское время. Если рассуждать логически, то середина или вторая половина XIV в. – период расцвета Золотой Орды, в составе которого находились болгарские земли, – не самые лучшие времена для оборонного строительства, которое непременно рассматривалось бы как отражение определенных сепаратистских тенденций со стороны болгар. Кроме того, нельзя забывать, что основной слой памятника отложен в XII–XIII вв.

В этой связи интересны результаты раскопок как самого городища, так и прилегающих к нему селищ (рис. 122). Анализ вещественного материала позволяет утверждать, что самый активный период жизни Чалынского городка приходится на XII–XIV вв. Среди объектов, исследованных археологически, имеются как жилые, хозяйственные, так и производственные сооружения (предполагаемые остатки кузнечных и гончарных мастерских. Интерес представляют открытые очаги, жертвенные ямы, свидетельствующие о проживании здесь группы финского населения, скорее всего, древних аров – предков удмуртского народа (Кокорина, Останина, 2000, с. 89).

В процессе раскопок накоплен определенный материал, позволяющий уточнить время возникновения города Чаллы. В составе керамического материала северного пригорода (подробную публикацию см.: Хузин, Нигаматов, 2000, с. 118–142) имеются образцы весьма архаичной глиняной посуды, относимой Т.А. Хлебниковой к II (5 фр.), VII (37 фр.) и XI (4 фр.) группам своей классификации. Они характерны в основном для болгарских поселений первой половины домонгольского периода (Хлебникова, 1984). О домонгольском времени накопления основного слоя говорят, кроме того, следующие находки: железные наконечники стрел типов 32, 40, 43, 52 по классификации А.Ф. Медведева (1966), лировидная пряжка, калачевидное кресало без язычка в середине ударного лезвия, бронзовая привеска-бубенчик грушевидной формы, восьмигранно-призматическая бусина из сердолика, зонная бусина из черного непрозрачного стекла с инкрустацией двух волнистых линий из белой пасты, обломок бусины из желтого стекла с черным слегка выступающим глазком, бусинка из горного хрусталя, шиферные пряслица и др. (рис. 123; 124; Хузин, Нигаматов, 2000, рис. 49; 10). Перечисленные находки дают определенные основания считать XI–XII века как время основания Чалынского поселения.

Население его, судя по керамическому материалу и особенностям некоторых сооружений, было многоэтническим. Н.А. Кокорина и

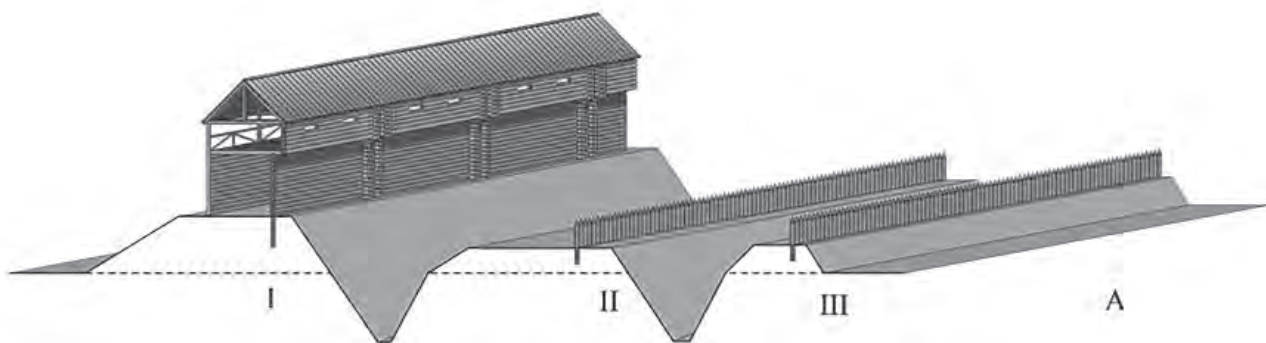

Рис. 121. Чаллы́нское городище. Реконструкция оборонительных сооружений XII–XIII вв.

Т.И. Останина выделяют в его составе болгар и болгар-«сакетимов» (I и XIII группы керамики), приуральских кыпчаков (XXI группа), башкирских угров (VII группа), арских удмуртов (группа VII-2, 3), древних марийцев (группа XVI) (Кокорина, Останина, 2000, с. 124). По достаточно аргументированному мнению этих исследователей, основание Чаллынского поселения, по-видимому, связано с расселением одного из подразделений болгарских племен, известного по летописям XII в. как окрестная «челмата» с левобережья на правобережье Камы.

Хулаш (Хулашское городище) относится к числу малых болгарских городов правобережья Волги. Памятник расположен на высоком правом берегу р. Кильны, притока Свияги, в Тетюшском районе Республики Татарстан. Укрепленная площадь составляет 11,3 га; к валам примыкает пригородное поселение площадью около 30 га (рис. 125).

Первое обстоятельное разведочное обследование городища производилось Н.Ф. Калининным в 1949 г. По его сведениям, мощность культурного слоя, насыщенного обломками керамики, костями животных и пр., достигала на некоторых участках до 150 см. В числе сборов разных лет он отмечал украшения из золота и серебра, металлическую утварь, части богатой конской сбруи, 17 шиферных пряслиц, каменные жернова и другие предметы, свидетельствующие о том, что «Хулаш относился не к рядовым городам, а был богатой резиденцией князей» (Калинин, Халиков, 1954, с. 88). За пределами укреплений, в посадской части города, Н.Ф. Калинин обнаружил следы кирпичного здания, производственные остатки в виде железных криц и шлаков.

Исследователь правильно определил хронологию памятника. Он считал, что основной период существования Хулаша относится к X–XII вв. По мнению Н.Ф. Калинина, «Хулаш погиб явно катастрофически, что доказывается следами обширного пожара и многочисленными находками

человеческих костей на территории самого городища». Это подтверждают и записанные у местного населения «весьма правдоподобные» предания о том, что «исчезнувший город был разрушен при опустошительном нашествии монголов» (Калинин, Халиков, 1954, с. 90).

Археологические раскопки памятника производились в 1962–1965 гг. Чувашским отрядом Поволжской археологической экспедиции под руководством А.П. Смирнова и В.Ф. Каховского. На разных участках памятника, в том числе и в пригороде, было заложено 27 раскопов общей площадью около 5 тысяч кв. м, материалы которых подтвердили основные выводы Н.Ф. Калинина.

Исследования показали, что город имел мощную по тем временам систему фортификации, состоявшую из валов и рвов, деревянной стены с прямоугольными в основании башнями. Оборонительные сооружения Хулаша очень близки к укреплениям других болгарских городов домонгольского времени (Каховский, Смирнов, 1972, с. 14–17).

В ходе раскопок на городище открыты остатки 19 деревянных жилищ, 17 глинобитных построек, одного кирпичного здания, около 130 хозяйственных ям, 7 производственных сооружений (сыродутные и гончарные горны, кузница) и ряд других объектов. Были получены интересные данные о социальной топографии города. По наблюдениям исследователей, в центральной части городища без строгой планировки располагались жилища горожан, главным образом деревянные дома с хозяйственными постройками вокруг них. В западной и восточной частях были открыты хозяйственные сооружения, в юго-восточном районе – ремесленные мастерские. Единственное кирпичное здание находилось за пределами укреплений на территории посада. Мыс в юго-западной части городища, как писали исследователи, «служил местом свершения общественных жертвоприношений и различных религиозных

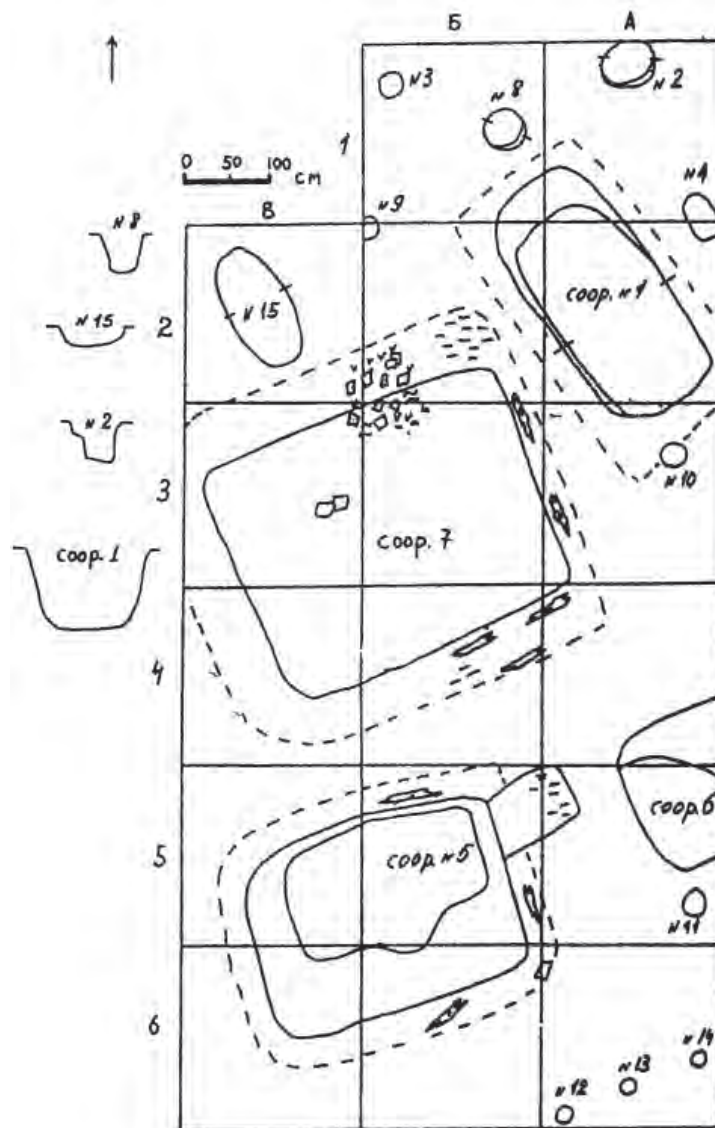

Рис. 122. План северной половины раскопа 1 1994–1995 гг. в северном пригороде Чалынского городища

обрядов». Но это предположение не доказано археологически.

Наряду с ремесленными объектами городской характер Хулаша подтверждают и остатки материальной культуры населения. Широкий ассортимент керамической посуды высокого качества, богатый набор украшений из цветного металла, стекла и

полудрагоценных камней, комплекс вооружения (разные типы наконечников стрел, боевые топоры, обрывки железной кольчуги и пр.), инструментарий торговцев (весы и гирьки-разновесы), наличие костей верблюдов в остеологических материалах – все это составляет характерный набор находок из слоев поселений городского типа.

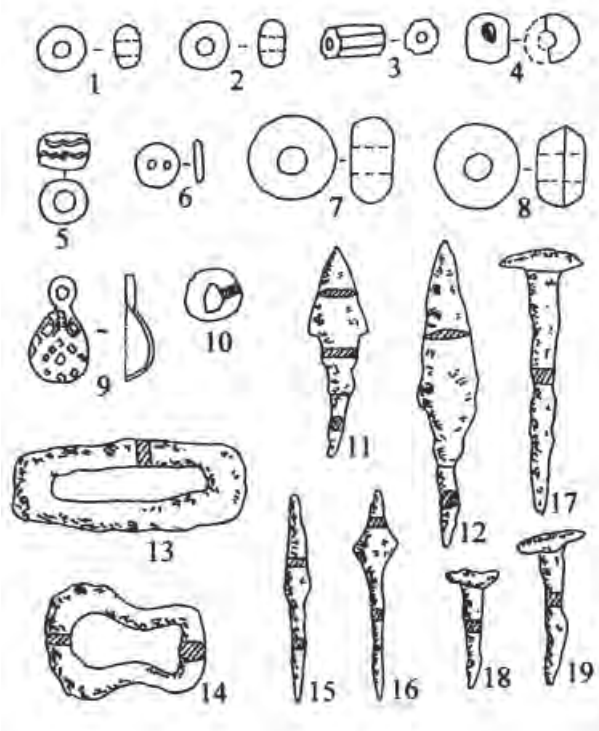

Рис. 123. Индивидуальные находки из раскопа I (северный пригород). 1, 2, 4, 5 – стекло; 3 – сердолик; 6 – ракушка; 7 – штфер; 8 – глина; 9 – бронза; 10–19 – железо

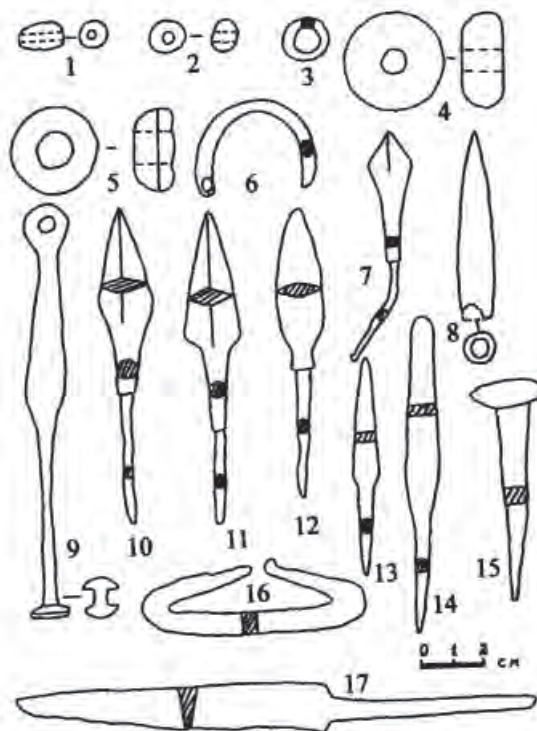

Рис. 124. Индивидуальные находки из раскопа V и VI (северный пригород) 1 – хрусталь; 2 – стекло; 4 – глина; 5 – шифер; 3, 6, 7, 9–16 – железо; 8 – кость

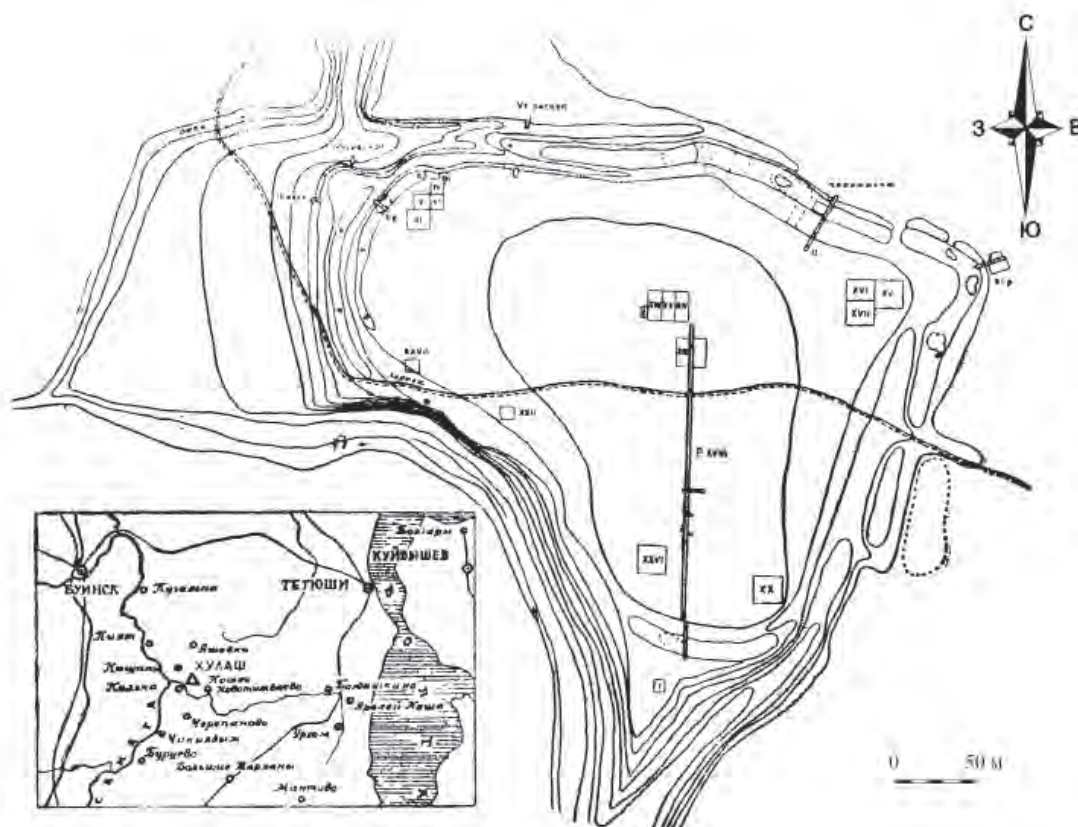

Рис. 125. План Хулашского городища

ГЛАВА 3

МОНУМЕНТАЛЬНЫЕ ЗДАНИЯ, РЯДОВЫЕ ЖИЛИЩА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ. БЛАГОУСТРОЙСТВО

Исследования археологов позволяют хотя бы в общих чертах реконструировать облик средневекового мусульманского города в пространстве Восточной Европы.

Неотъемлемым элементом высокоразвитой городской культуры средневековых государств являются *памятники монументальной архитектуры*. В прошлом столетии руинированные остатки кирпичных и каменных зданий X – начала XIII вв. были открыты и исследованы на Билярском, Елабужском, Суварском, Хулашском, Красносундюковском городищах и на Муромском городке.

Еще в середине XVIII в. русский историк и общественный деятель В.Н. Татищев писал, что в центре Билярского городища «портал или врата великого храма и столпы видимы» (Татищев, 1962, т. 1, с. 269). Посетившему городище в 1769 г. Н.П. Рычкову удалось обмерить «преогромный каменный столп, построенный из красного кирпича, смешанного с диким камнем» (Рычков, 1770, с. 13). Высота его оказалась более $5\frac{1}{4}$, окружность до 24 аршин. По словам билярских старожил, раньше этот «каменный столп, стоящий во градском замке, был преогромной величины. Возвышение его представляло вид обыкновенной колокольни, и находилось в нем несколько окошек», освещавших внутренний ход наверх (Рычков, 1770, с. 18). Местные жители называли его «татарской мечетью». Исследователь с сожалением отмечал, что крестьяне села Билярска «разрушили все сие здание до основания, и ныне уже находятся там одна пустота и развалины». Эти развалины видел в 1851 г. профессор Казанского университета Н.Ф. Толмачев, по сведениям которого, высота столпа-минарета, восьмигранного в основании, не превышала уже двух аршин (Халиков, 1976, с. 13). При посещении городища В.А. Казариновым в 1881 г. на месте фундамента «столпа» была лишь глубокая яма от выборки камней (Казаринов, 1884, с. 100–101), а в 1915 г. производившие раскопки в центре Биляра П.А. Пономарев и М.Г. Худяков констатировали полное уничтожение памятника, остатки которого, частично попавшего в раскоп, представляли собой только груды известнякового щебня (Пономарев, 1919, с. 48–49).

В 1973–1977 гг. следы этого монументального здания, состоявшего из белокаменной и деревянной частей, были изучены А.Х. Халиковым и Р.Ф. Шарифуллиным (рис. 1).

Следы конструкций деревянной мечети были выявлены в виде множества ям от столбов, служивших подпольными опорами («стульями») для укладки лаг и нижних венцов сруба (Айдаров, Забирова, 1979, с. 47). Эти ямы располагались параллельными рядами на прямоугольной площади более 1400 кв. м. Они округлые в плане диаметром от 50 до 80 см, глубина колеблется в пределах 50–120 см. В некоторых ямах зафиксированы остатки сгнивших деревянных столбов.

Каменная часть мечети, от которой сохранились лишь следы фундамента в виде известково-щебенистых полос, состояла, как и деревянная, из большого просторного зала, внутри которого стояли поддерживавшие перекрытие 24 колонны, расположенные симметрично в шесть рядов. На расстоянии 1,2 м от северо-западного угла здания был исследован глубокий котлован минарета, в основании которого выявлены следы деревянных свай для уплотнения грунта под каменным фундаментом. Общая площадь каменной части мечети 1076 кв. м. Рассматриваемый комплекс представляет собой крупнейшее монументальное сооружение болгарской архитектуры домонгольского периода.

Объекты, связанные с конструкциями мечети, выявлены непосредственно под слоем пашни на погребенной почве или же на фоне материкового суглинка. Обращает на себя внимание полное отсутствие в пределах строительной площадки мечети каких-либо объектов, как ранних, так и более поздних, не связанных конструктивно с самим зданием. Засыпь абсолютного большинства столбовых ям, не тронутых позднейшими перекопами, была стерильной; в одной из ям обнаружены обломки железных удил с «крылатыми» псалиями. Эти факты убедительно свидетельствуют о раннем времени строительства мечети. Оно началось, скорее всего, в период основания города, т. е. тогда, когда данный район еще не застраивался и, по-видимому, был отведен под постройку государственно важного культового сооружения. В то

Рис. 1. Комплекс музеефицированных остатков Соборной мечети и «дома феодала»

же время совершенно очевидно, что деревянная половина мечети сооружалась раньше, чем каменная: северо-западная стена последней налегает на первую линию столбовых ям. Это свидетельствует о том, что при первой же реконструкции «юго-восточная стена деревянной мечети была полностью разобрана и заменена новой смежной стеной обоих помещений, сообщавшихся... проходными проемами в единое пространство интерьера» (Айдаров, Забирова, 1979, с. 47).

Первоначально строительство белокаменной части мечети было отнесено к времени не позднее второй половины или конца X в. Предполагалось, что, строительство деревянной мечети могло быть связано с событиями официального принятия ислама, признания Болгарского государства в международном масштабе и заложения города при Ибн Фадлане. Чуть позднее А.Х. Халиков предложил удревнить время возведения ранней мечети до второй половины IX в. (Халиков, 1991). Данная точка зрения заслуживает внимания. Действительно, среди находок имеются артефакты, датирующиеся более ранним временем, чем X в. (Халиков, 1991, с. 52–55). Белокаменная часть здания была построена в памятном 922 г. при участии

мастеров, прибывших в Болгарию в составе Багдадского посольства. Важно заметить, что с юго-западной стороны мечети располагался некрополь знати, где были выявлены захоронения в кирпичных склепах-мавзолеях, сооруженных до начала каменного строительства, т. е. в период функционирования деревянной мечети (Шарифуллин, 1984, с. 73). Мы не исключаем вероятности использования первоначальной мечети в качестве духовного образовательного центра (медресе) в более позднее время. По мнению нынешних представителей духовенства, она могла выполнять функцию отапливаемой мечети в зимний сезон, тогда как в каменной мечети молились преимущественно в теплый сезон года.

Весьма любопытно, что в районе мечети располагались каркасно-глинобитные жилища с печами-гандырами, в том числе и переносными. Такие жилища совсем не характерны для нашего края. В них, вне всякого сомнения, жили восточные мастера-строители из Багдадского посольства (Хузин, 1979, с. 62–68).

Графическая реконструкция мечети, выполненная с учетом восточных аналогий С.С. Айдаровым и Ф.М. Забировой, представляет раннюю мечеть

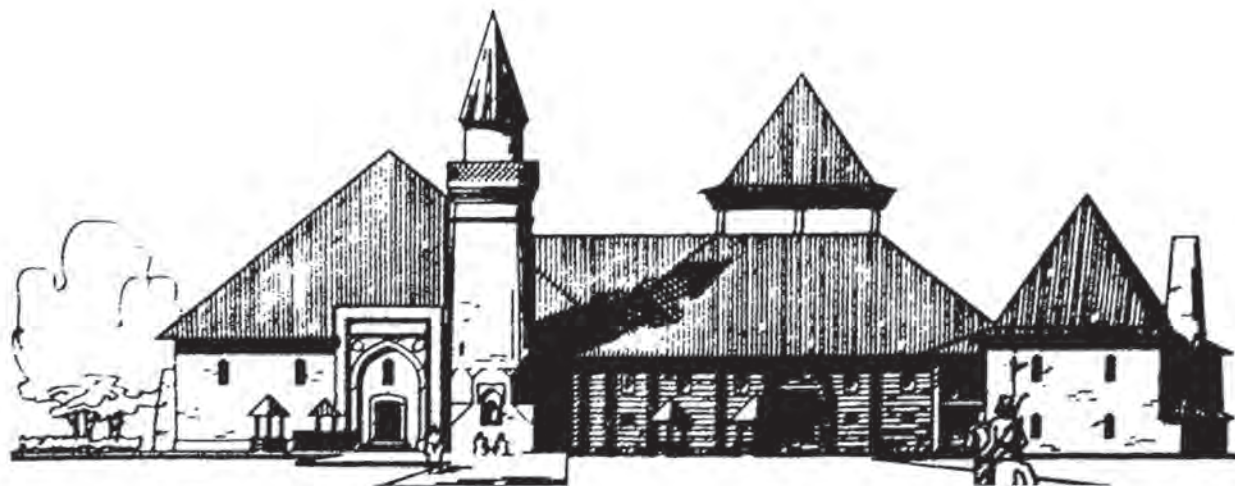

Рис. 2. Реконструкция комплекса соборной мечети, выполненная С.С. Айдаровым и Ф.М. Забировой.

в виде значительного по объему деревянного сооружения с угловыми башнями крепостного типа и примыкавшего к северо-восточной стене невысокого минарета (рис. 2). Во время перестройки угловые башни были разобраны, а вместо деревянного минарета появился отдельно стоящий минарет из камня у главного входа. В последние годы к интерпретации материалов соборной мечети Биляра обратились архитектор Н.Х. Халитов (рис. 3) и московский археолог, специалист по средневековой восточной архитектуре Э.Д. Зиливинская (рис. 4), предложившие свои варианты реконструкции мечети. Достоверность всех трех вариантов, конечно, следует признать весьма условной.

Рядом с мечетью находятся руины кирпичного здания с подпольной системой отопления и с архитектурными деталями, характерными, по мнению историков архитектуры, для строительной традиции Ближнего Востока и Средней Азии IX–X вв. (Шарифуллин, 1976, с. 50–51; Khalikov, Sharifullin, 1977, с. 199–202; Халиков, 1979, с. 11, 13, 15–16, 18–19). Архитекторы С.С. Айдаров и Ф.М. Забирова включают это здание, изученное А.Х. Халиковым в 1971–1972 гг. на XVII раскопе, в комплекс Соборной мечети (Айдаров, Забирова, 1979, с. 55).

Оно сохранилось на уровне фундамента и цокольной части. Котлован фундамента был вырыт на глубину 1,2 м от дневного уровня; строительный горизонт (глинистый выкид из котлована и щебенистая прослойка) прослежен, как отмечает исследователь, «почти на уровне погребенной почвы» (Халиков, 1979а, с. 11), а по более точным отчетным данным – в верхней части нижнего горизонта культурного слоя, накопленного в X–начале XI в. (Хузин, 1995, с. 46). Кладка стен про-

изводилась из стандартных кирпичей квадратной формы (26×26×5 см) на илесто-глинистом растворе с небольшой примесью извести или алебастра. В основании фундамента отмечены остатки антисейсмической подушки из двух рядов сырцовых и полусырцовых кирпичей, характерной для архитектурной традиции Ближнего Востока и Средней Азии. По мнению А.П. Смирнова, этот строительный прием является ярким доказательством деятельности в болгарских городах среднеазиатских мастеров, прибывших в 922 г. вместе с посольством халифа Муктадира (Смирнов, 1976, с. 4).

Основная часть здания имела в плане квадрат размерами 11×11 м, разделенный внутренней крестообразной перегородкой на четыре равные части – комнаты нижнего этажа средней площадью 16 кв. м каждая (рис. 5). Наружные стены, сложенные из четырех рядов кирпичей, достигали значительной толщины – 90–100 см, однако более мощными были стены внутренней перегородки – до 110 см. По предположению А.Х. Халикова, это свидетельствует о двухэтажности сооружения, имевшего, скорее всего, куполообразное перекрытие, весовая нагрузка которого приходилась не на наружные, а внутренние стены (Халиков, 1979а, с. 12–13).

Все четыре комнаты нижнего этажа сообщались между собой переходами шириной 65–70 см. Их стены были оштукатурены, а ближе к полу облицованы известняковыми плитками. Кирпичный пол (толщиной в два кирпича – 10–11 см) был покрыт сверху известково-цементным раствором.

В здании открыта интересная система централизованного отопления. Общая печь, основание которой лежало на глубине 120 см от уровня пола, находилась в северо-западном углу. Судя по фрагментарным остаткам, прямоугольная в плане печь

Рис. 3. Деревянная часть Соборной мечети XI в. Реконструкция Н. Халита)

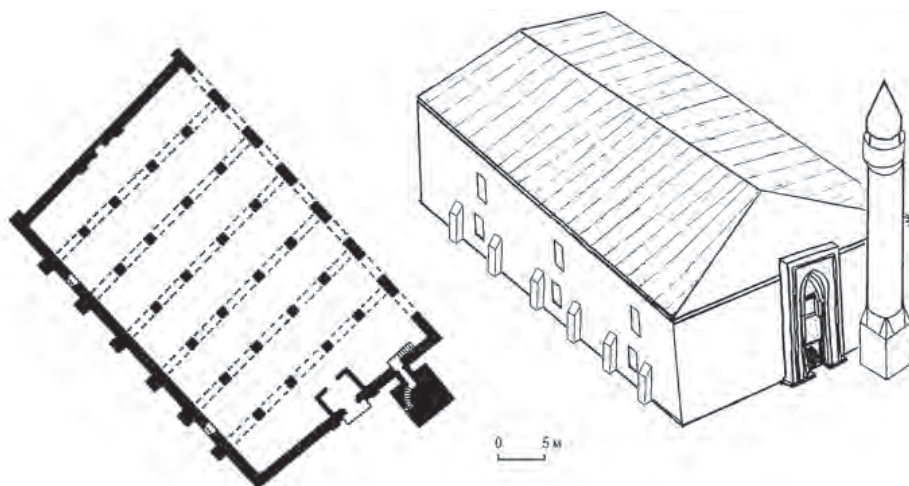

Рис. 4. Реконструкция соборной мечети по Э.Д. Зиливинской.

(250×200 см) имела двухчастную конструкцию и состояла из топочной (80×60 см) и жаронакопительной камер (150×90 см), сильно прокаленных под воздействием высокой температуры. От камеры жаронакопления двумя магистральными дымоходными каналами шириной 35–45 см и длиной более 9 м каждая отходила разветвленная отопительная система, расположенная под полом. Некоторые дополнительные каналы, как считал А.Х. Халиков, были предназначены для отвода тепла в верхний этаж здания (Халиков, 1979а, с. 14).

Возможные истоки этой системы А.Х. Халиков предлагал искать «в римско-византийской архитектуре, где подпольная отопительная система типа гипocaustов вырабатывается еще в римское время» (Халиков, 1979а, с. 15). По мнению А.П. Смирнова, она встречается также в Средней Азии,

Закавказье и в Крыму, а на Среднюю Волгу «могла быть занесена мастерами из Средней Азии» (Смирнов, 1976, с. 5).

Для реконструкции общего облика здания важное значение имеют некоторые детали, выявленные в процессе вскрытия его наружной, северо-восточной стены, в середине которой располагался широкий двухпроемный вход. По бокам его на расстоянии 120 и 210 см от наружных углов здания расчищены основания полуколонн-пилястров, на которых покоилась П-образная арка, обрамляющая вход. Пилястры имели прямоугольное основание (100×80 см), уступчато переходящее в полуколонны. «Такое оформление входа также характерно для ранних кирпичных зданий Средней Азии и Ирана» (Халиков, 1979, с. 15).

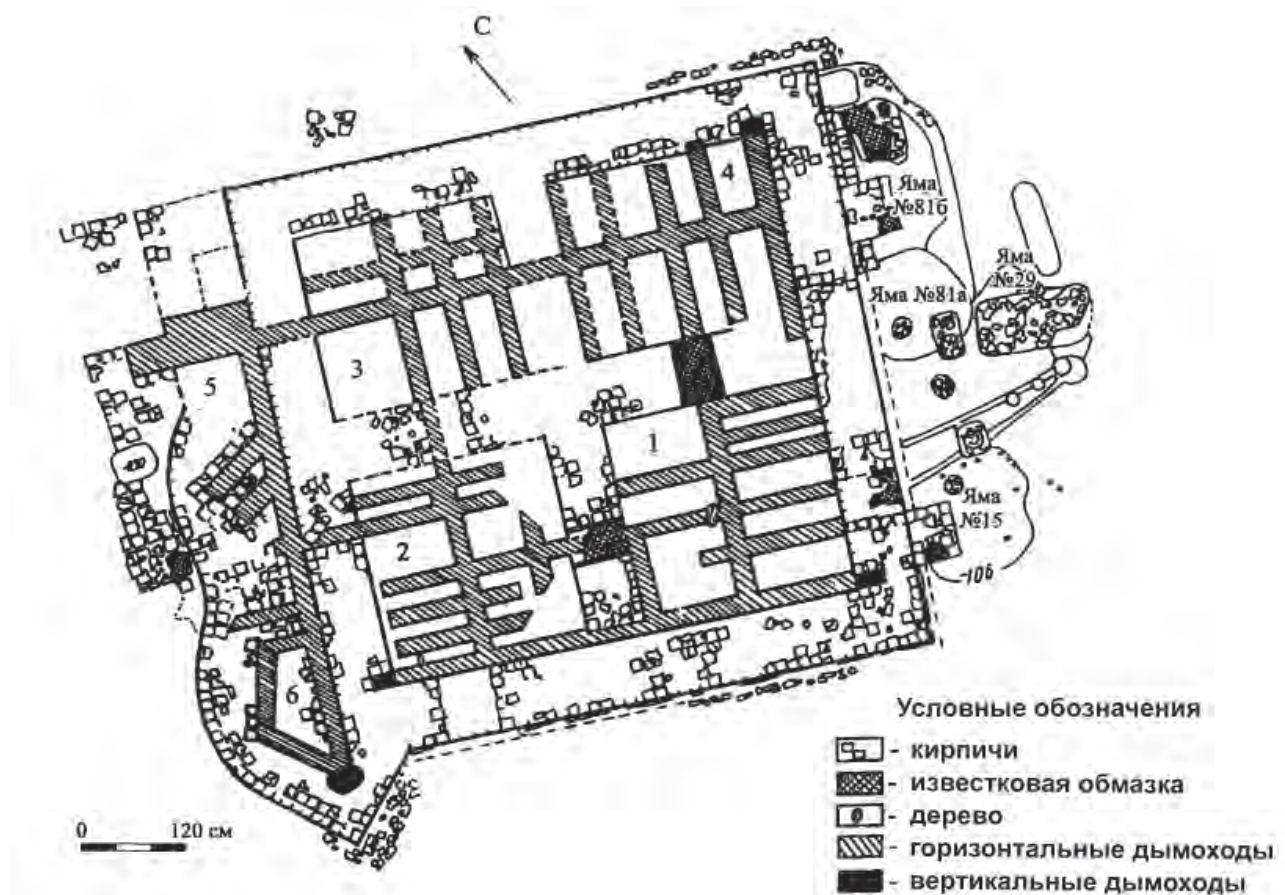

Рис. 5. Билярское городище. План кирпичного здания на XVII раскопе.

Перед входной дверью выявлены 6 столбовых ямок – остатки фундамента крыльца, от которого в сторону мечети вела широкая мостовая из камня и обломков кирпича. Не совсем понятной оказалась северо-западная часть здания, имевшая усложненную конструкцию в виде двух небольших полукруглых комнат или башнеобразных выступов.

Вещи, обнаруженные при раскопках внутренней части здания (многочисленная глиняная и стеклянная посуда, женские украшения из стекла и цветного металла, железные ножи в количестве 13 экз., цилиндрические замки и ключи, гири кубической формы, камнетесное зубило, скобель, мотыжка и пр.), вроде бы свидетельствуют о его жилом характере. В нем жил, по мнению А.Х. Халикова, знатный человек, высокопоставленный служитель рядом расположенной мечети. В литературе это здание получило условное название «дома знатного феодала». Заслуживает внимания, однако, достаточно аргументированное предположение Э.Д. Зиливинской о возможном назначении здания в качестве общественной бани или тахаратханэ, служившей для омовения перед намазом (Зиливинская, 241, с. 228–230).

Имеются также три варианта графической реконструкции здания, которые выполнены С.С. Ай-

даровым, Ф.М. Забировой (рис. 2), А.Х. Халиковым (рис. 6) и Э.Д. Зиливинской (рис. 7).

Примерно в 200 м севернее комплекса Соборной мечети на аэрофотоснимках 1973 г. четко выделялось пятно кирпичного здания, исследованного в 1979–1981 гг. А.Х. Халиковым и Р.Ф. Шарифуллиным (раскоп XXVII площадью более 330 кв. м).

Плохо сохранившиеся остатки кирпичного здания с системой подпольного отопления, возведенного из обожженного квадратного кирпича (26×26×4,5–5,5 см) на илисто-глинистом растворе с небольшой примесью извести или алебастра, занимали подквадратную площадь размерами 10,4×11,6 м. К зданию с юго-восточной стороны примыкал деревянный пристрой (3,2×4,5 м) с двухкамерной отопительной печью (рис. 8; Шарифуллин, 1979).

Основание наружных и внутренних стен покоилось на неглубоком (10–20 см) «котловане» с сырцово-глиняной подушкой, имеющей толщину всего 5–12 см. Под ней прослежен культурный слой с максимальной мощностью до 40 см, который позволил датировать время строительства объекта не ранее второй половины XII в. Отсутствие прочного фундамента здания, возведенного

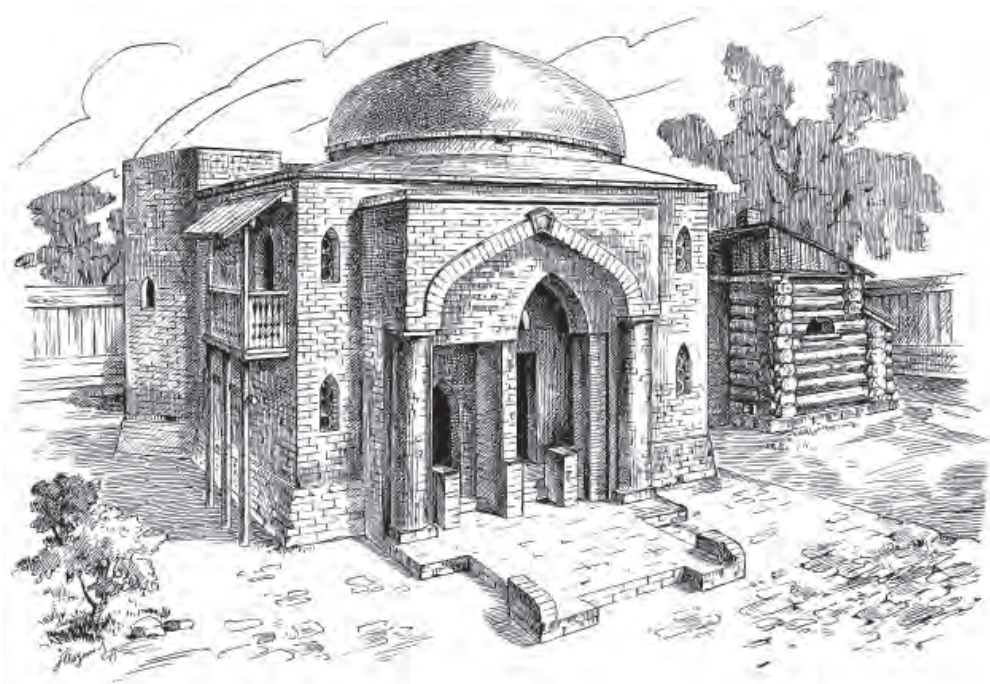

Рис. 6. Реконструкция здания на XVII раскопе, выполненная А.Х. Халиковым. Худ. А.А. Мазанов

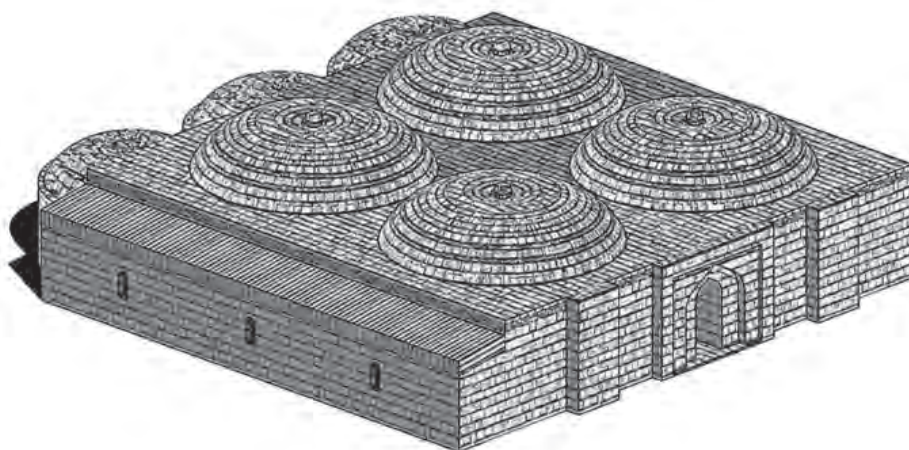

Рис. 7. Реконструкция здания на XVII раскопе, выполненная Э.Д. Зиливинской

практически на культурном слое, служило причиной того, что еще в период функционирования некоторые части его деформировались вследствие неравномерной осадки грунта и наличия под ним ранних ям с рыхлым заполнением.

Северо-восточная стена шириной 110 см (в 4 кирпича) местами сохранилась на высоту 7–9 рядов кладки (у восточного угла – до 14 рядов), максимальная сохранность юго-восточной стенки – на 8–9 рядов. Юго-западная и северо-западная стенки практически полностью разрушены и прослежены лишь по следам глиняной подушки.

В плане здание состояло из двух основных частей, разделенных на несколько помещений. Юго-

западная часть отделялась от северо-восточной внутренней опорной стеной, имеющей ширину около 120 см. Тонкие (60–65 см) перегородки делили ее на три помещения. Первое из них (3,4×1,4 м) с двумя парами отопительных каналов располагалось в юго-восточном углу здания. По предположению Р.Ф. Шарифуллина, здесь в последний период существования здания находилась топка, а само помещение выполняло функцию цистерны (Шарифуллин, 1999, с. 82). Второе помещение (3,4×3,2 м), также с дымоходными каналами подпольного отопления, имеющими следы перестроек, примыкало к первому с северо-западной стороны; третье помещение (2,5×2,4 м) занима-

ло юго-западный угол здания. Северо-восточная половина здания (8,3×4,6 м), построенная, по видимому, несколько позднее, сохранилась плохо, поэтому не установлены ее внутренняя планировка и схема отопительной системы.

Основываясь на анализе конструктивных особенностей исследованного объекта, Р.Ф. Шарифуллин пришел к выводу о возможности считать юго-западную часть его «баней, состоявшей в начальный период из трех отапливаемых помещений: предбанника, мыльни и горячей мыльни, к которой примыкала с юго-восточной стороны топочная пристройка с печью и платформой цистерны» (Шарифуллин, 1999, с. 85). Позднее к ней была пристроена северо-восточная половина, а печь перенесена в вышеупомянутое первое помещение.

Еще одна общественная баня X–XII вв., считавшаяся ранее «караван-сарая», вернее, зданием гостиничного типа для приезжих купцов (рис. 9а; 9б), была исследована А.Х. Халиковым и Р.Ф. Шарифуллиным в 1969–1972 гг. за пределами внутреннего города Биляра недалеко от восточных ворот в урочище «форт» (Айдаров, 1976; Халиков, Шарифуллин, 1976).

Здание, ориентированное углами по сторонам света, имело в плане форму прямоугольника (16,8×14,8 м) и было возведено из квадратных, обожженных и сырцовых кирпичей размерами 26–27×26–27×5 см с использованием связующего раствора из глины с примесью извести. Его фундамент был введен в обширный котлован глубиной 115–120 см от уровня пола и покоился на глиняной подушке и платформе из двух рядов горизонтально уложенных кирпичей. Здание включало в себя тринадцать комнат-помещений, в пяти из которых (I, IV, V, VII, VIII) выявлены дымоходные каналы, соединенные с топочной камерой (VI), расположенной в северо-восточной его части (рис. 9). Наружные стены толщиной 100 см выложены из четырех кирпичей; внутренние стены мощнее – из четырех-пяти рядов кирпича толщиной 125 см, что предполагает купольное перекрытие здания. Стены основных помещений были оштукатурены и даже расписаны различными узорами коричнево-красной краской.

Вход находился с юго-восточной стороны, он состоял из входного тамбура (XII) и неотапливаемых сеней (XI) с суфой вдоль юго-западной стены. В полу помещения XI обнаружены остатки водосливного канала. Такой же вход (XIII и XIV) вел в помещение VIII в восточном углу здания.

Назначение отдельных комнат исследователи трактуют по-разному. Помещения I, V, VII являются, по определению А.Х. Халикова и Р.Ф. Шарифуллина, жилыми; помещение III – кухней с

остатками погребков и жаровен, II – подсобкой при ней, VIII – неотапливаемым складом.

Э.Д. Зиливинская, исходя из своего понимания назначения здания, определяет их совсем по-иному: «В юго-восточной части здания находился входной тамбур (XII), вслед за которым шла неотапливаемая раздевальня с суфой (XI). Отсюда проход вел в теплую мыльню (IV), в юго-западной стене которой впоследствии была сделана дверь, ведущая в аналогичный предбанник с суфой и входным тамбуром (IX, X). Из помещения IV можно было попасть в горячие мыльни (V и VII) или же в следующее теплое помещение I» (Зиливинская, 1989, с. 226). Не совсем понятно назначение и устройство комнат II и III, которые, вероятно, представляли собой прохладные мыльни или помещения для процедур. Не исключено, что довольно сильно обогреваемое помещение VIII, не соединенное с другими, или даже весь юго-восточный блок, состоящий из тамбура, раздевальни и горячей мыльни, был особым, женским отделением бани (Зиливинская, 1989, с. 227).

Интересна трактовка более поздней пристройки за юго-западной стеной здания. А.Х. Халиков допускал возможность использования части пристройки (X) и помещения IV в качестве придомной мечети с небольшим михрабом (IX) (Халиков, Шарифуллин, 1976, с. 91); С.С. Айдаров и Э.Д. Зиливинская считают эту пристройку входом в дом (Айдаров, 1976, с. 104; Зиливинская, 1989, с. 225). Следует отметить, что от западного угла пристройки отходит водосток – необходимый элемент сооружений банного типа.

В целом аргументы Э.Д. Зиливинской в пользу признания остатков вышеописанного сооружения в качестве общественной бани, входившей в комплекс караван-сарая, следует признать убедительными. Эта точка зрения получила в последние годы поддержку и со стороны Р.Ф. Шарифуллина (1999б, с. 79), принимавшего участие в раскопках объекта в 1969–1972 гг. и подготовившего (совместно с А.Х. Халиковым) первую публикацию о нем.

Знаменитый «суварский дворец» – первое кирпичное сооружение домонгольского болгарского города, получившее широкую известность благодаря трудам А.П. Смирнова. Ученый подчеркивал весьма условный характер определения его как «дворца» или богатого дома феодала (Смирнов, 1941; 1976, с. 4). Руины здания открыты в центральной части городища Сувар и исследовались в 1934–1937 гг. экспедицией Государственного исторического музея. Объект сохранился на уровне фундамента и цокольной части, с системой дымоходных каналов от подпольного отопления, с «башней» в северо-западной стороне и небольшой

Рис. 8. Билярское городище. Раскоп XXVII. План и сечение южной части здания (по Р.Ф. Шарифуллину)

пристройкой – в юго-восточной (рис. 10). Оно было ограждено со всех сторон кирпичной стеной с входом с восточной стороны. Площадка перед зданием была вымощена сырцовыми кирпичами, уложенными горизонтально в один ряд.

Фундамент основного здания, сложенный из сырцового кирпича на глиняном растворе, находился в котловане глубиной 1 м; фундамент «башни» введен в более глубокий котлован (до 2 м). Основание стен покоилось на подушке из сырцового кирпича, служившей антисейсмическим приемом в архитектуре Средней Азии.

Для строительства использовались сырцовые и обожженные кирпичи разных размеров: 35×35×5 см, 30×30×5 см, 28×28×5–6 см, 25×25×5 см: 25×20×5 см, 24×24×4–5 см, 23×23×5 см (Смирнов, 1941, с. 150–151, 154). Связующим раствором служила глина с примесью извести и алебастра. На некоторых участках стены, имеющей среднюю толщину около 70–75 см, сохранились остатки штукатурки, иногда со следами краски голубого цвета. Разные размеры кирпичей свидетельствуют, очевидно, о разном времени строительства отдельных частей здания, о неоднократных перестройках и ремонтах его. И действительно, изучение кладки позволило «установить остатки трех строительных периодов, между которыми прошел, по-видимому, значительный срок. Эти строительные периоды различаются и по типу кирпича,

и по технике, и по стратиграфическим данным» (Смирнов, 1941, с. 150). По мнению А.П. Смирнова, здание функционировало с конца X – начала XI вв. до XIV вв.

Судя по описаниям и реконструкциям А.П. Смирнова, здание было двухэтажным и представляло в плане прямоугольник (7×4 м) с небольшой башней (4×3,5 м) с северо-западной стороны. Главный фасад его оживлялся двумя пилонами, от которых остались основания, со стрельчатой аркой в верхней части. Здание имело разветвленную систему подпольного отопления, дымоходные каналы которого периодически обновлялись. В ходе раскопок найдены и водопроводные трубы. После капитального ремонта (второй строительный период), осуществленного где-то в середине XIII столетия, здание имело вид сооружения неправильной формы из трех прямоугольников: к первому, двухэтажному (8×6 м) с северо-востока примыкал второй (5×6 м), а с юго-востока – невысокая башня. После разрушения здание было вновь восстановлено в XIV в. (третий строительный период). С юго-востока была сделана небольшая пристройка с выступом для входа и одновременно была разобрана северо-восточная прямоугольная часть здания (Смирнов, 1941, с. 158). К сожалению, основываясь лишь на опубликованных материалах, проверить достоверность реконструируемых А.П. Смирновым этапов строительства и функ-

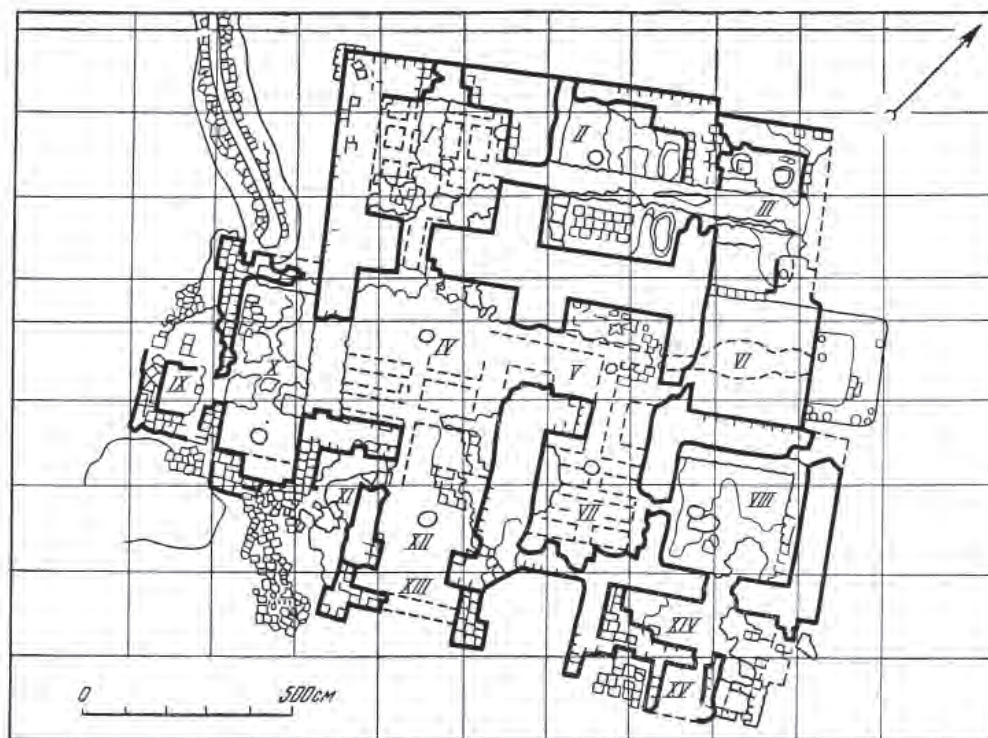

Рис. 9а. План кирпичного здания («караван-сарая») на XVI раскопе

Рис. 9б. Кирпичное здание на XVI раскопе после консервации.

ционирования «суварского дворца» совершенно невозможно. Нами уже высказывалась мысль о существовании самого городища только в домонгольское время (Хузин, Шарифуллин, 1999, с. 93). Изученное в Суваре кирпичное здание, на наш взгляд, по своим важнейшим конструктивным особенностям принципиально ничем не отличается от выше рассмотренных билярских, определяемых специалистами как банные сооружения.

Еще один кирпичный дом с подпольным отоплением был открыт В.Ф. Каховским и А.П. Смирновым в 1962 г. при раскопках Хулаша, относящегося к типу малых городов домонгольской Болгарии (Каховский, Смирнов, 1972, с. 29–33). Сохранившийся фундамент здания, сложенного из крупномерных сырцовых и обожженных кирпичей размерами от 18×18×5 см до 27×27×5 см, заглублен в материк на 95 см. Сооружение подпря-

Рис. 10. Сувар. План кирпичного здания по А.П. Смирнову.

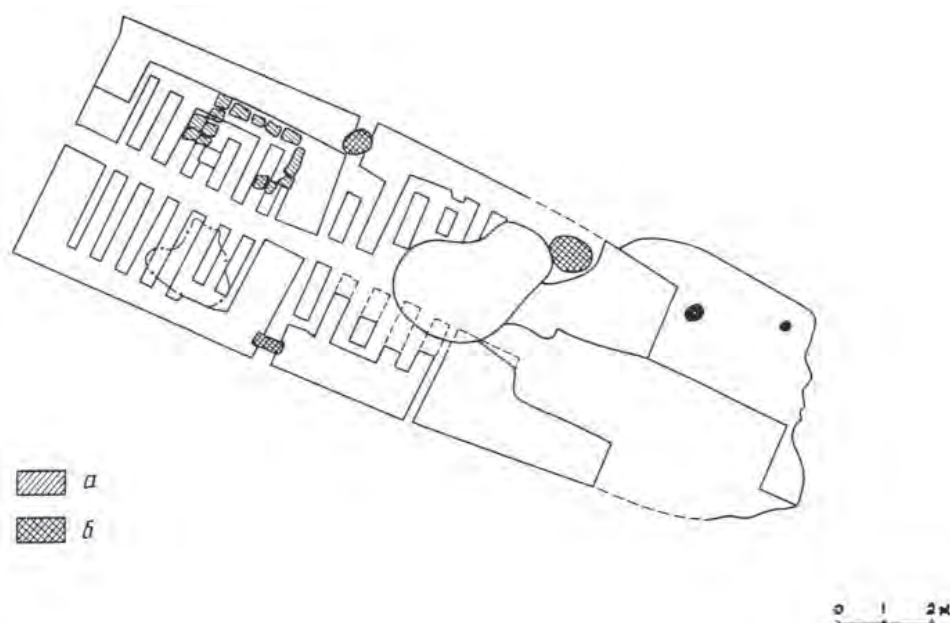

Рис. 11. План кирпичного здания на городище Хулаш (по В.Ф. Каховскому и А.П. Смирнову)
а – камера из обожженного кирпича; б – вертикальные дымоходы.

моугольное в плане (8,8×33,5 м), состояло из двух основных помещений (рис. 11). Кирпичи стен и пола положены непосредственно на культурный слой, скреплены глиняным и известковым раствором. Толщина стен составляет не более 50 см, что соответствует размерам 1,5–2 кирпичей. Остатки пола из кирпича и песчаника, покрытого толстым

слоем известкового раствора, выявлены в южной части здания.

Подпольная система отопления состояла из заглубленной ниже пола печи (1,1×1,6 м), сложенной из камня и кирпичей, предпечной ямы (3×5 м) и каналов-дымоходов, расположенных «между прямоугольными в плане устоями, на

которые опирались плиты пола. Вдоль длинной оси здания проходил магистральный дымоход, идущей от топочной камеры. От него отходили боковые ответвления, часть из которых попарно соединялась или заканчивалась вертикальными дымоходами, проложенными в толще стен» (Зиливинская, 1989, с. 231).

Исследователи памятника В.Ф. Каховский и А.П. Смирнов считали, что хулашский дом имел жилое назначение и принадлежал богатому торговцу (Каховский, Смирнов, 1972, с. 33). Э.Д. Зиливинская аргументированно высказалась в пользу определения его в качестве небольшой общественной бани, имеющей прямые аналогии в средневековых банях Херсонеса и Армении (Зиливинская, 1989, с. 231).

Еще в 1920-х годах профессором В.В. Гольмстен в западной части Муромского городка близ оборонительных укреплений изучались два здания XI–XII в., примыкавших друг к другу в виде буквы «Г». К сожалению, она не успела полностью опубликовать результаты своих работ (Матвеева, 1975, с. 136). Судя по сохранившимся материалам, оба здания были построены из обожженного кирпича размерами 25×25×5 см, подтесанных каменных плит или же из необработанных камней, скрепленных глиняным раствором. На уровне пола обнаружены слегка врезанные в грунт дымоходные каналы отопительной системы, сложенные из кирпича и перекрытые сверху известняковыми плитами. Магистральные каналы примыкали к топкам, расположенным снаружи здания (Васильев, Матвеева, 1986, с. 180).

В юго-западной части внутреннего города 1971 г. Г.И. Матвеевой вскрывалось еще одно кирпичное здание XII в., плохо сохранившееся и исследованное лишь частично (Васильев, Матвеев 1986, с. 179–180). Фундамент здания, введенный в котлован, был сложен из крупных известняковых камней, а стены – из обожженного кирпича (25×24–25×5 см) на известковом растворе. В юго-восточном углу находилась топочная камера в виде подквадратной в плане печи (84×80 см) с перекрытием в виде ложного свода. От нее отходили семь расположенных параллельно дымоходных каналов, имеющих в сечении форму прямоугольника (45×30 см). Стенки дымоходных каналов сложены из кирпича и перекрыты сверху каменными плитами. В районе топки обнаружен обломок керамической трубы, позволяющей определить назначение здания в качестве бани.

Четвертое здание Муромского городка было исследовано Г.И. Матвеевой в 1973 г. на территории северной части внешнего города у края оврага вблизи северо-западного въезда во внутренний город (Кочкина, 2022, рис. 71: 2). Оно имело прямо-

угольную форму (10,8×10 м); сохранилось лишь на уровне фундамента и проследить внутреннюю планировку не удалось. Фундамент здания, сложенный в основном из крупных подтесанных камней, чередовавшихся местами крупномерным кирпичом, был введен в котлован глубиной 1,1 м от уровня кирпичного пола. Последний имел известково-алебастровое покрытие сверху. При кладке стен, толщина которых не превышала 60–65 см, использованы обожженные кирпичи размерами от 25×25×5 см до 29×29×5 см, скрепленные глиняным раствором.

Отопительная система включала два магистральных дымоходных канала шириной 50 см с более узкими (25–35 см) разветвлениями и печь, примыкавшую снаружи к северо-восточной стене здания. Печь, сохранившаяся на высоту 84 см, имела квадратную форму (1,5×1,5 м) и арочное устье.

С северо-запада к зданию примыкал небольшой кирпичный пристрой (6×1,5 м), который, судя по тому, что не отапливался, а основание покоилось на древней поверхности земли (не в котловане, как основная часть здания), служил входом. Дверь располагалась в юго-западной стене и была обращена на юг, в сторону оврага. Вниз, к воде, вела лестница, ступеньки которой сделаны из крупных известняковых плит.

Функциональное назначение здания Г.И. Матвеева определила на основании ближайших параллелей с билярской баней «караван-сарая». Время его строительства относится ко второй половине X в., что доказывается как стратиграфическими данными, так и особенностями, характерными для архитектуры Средней Азии и Ближнего Востока досельджукской эпохи (Васильев, Матвеева, 1986, с. 177–179).

Оригинальным образцом усадебной бани является, по мнению Ю.А. Семькина, кирпичное здание, исследованное им в 1991 г. на Красносундюковском I городище (подробнее: Семькин, Гисматуллин, 2022). Сопоставительное изучение конструктивных особенностей средневековых бань Поволжья, Кавказа, Крыма и других регионов Евразии позволило Ю.А. Семькину заключить, что в строительстве красносундюковской бани принимали участие мастера из Закавказья, учитывавшие среднеазиатские традиции, продиктованные требованиями ислама (Семькин, 1993, с. 223).

В заключение несколько слов об оригинальном архитектурном сооружении, сохранившемся с болгарских времен на Елабужском («Чертовом») городище и известном в исторической литературе с конца XVIII в. До нас дошла круглая каменная башня этого сооружения, отреставрированная в

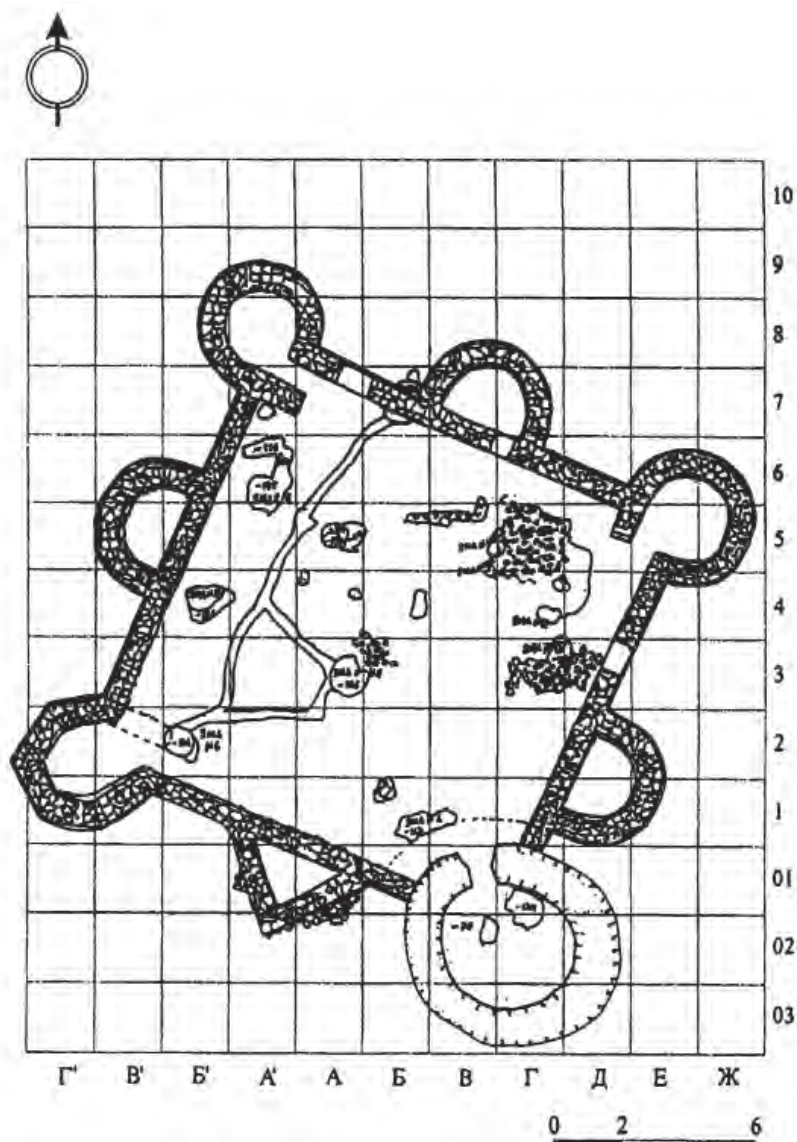

Рис. 12. План белокаменной мечети-крепости на городище Алабуги (по А.Х. Халикову).

1867 г. городским главой И.В. Шишкиным, отцом знаменитого художника-пейзажиста.

В 1888 г. раскопками А.А. Спицына впервые был выявлен план этого сооружения, имеющего квадратную форму (21×21 м) с круглыми угловыми и полукруглыми пристенными башнями (Спицын, 1893, с. 89–91). Анализируя особенности архитектуры елабужской белокаменной «цитадели» по данным А.А. Спицына, проф. А.П. Смирнов отмечал, что в ней отразились традиции византийской строительной школы, проникшие в Болгарию через Хазарский каганат (Смирнов, 1976, с. 3).

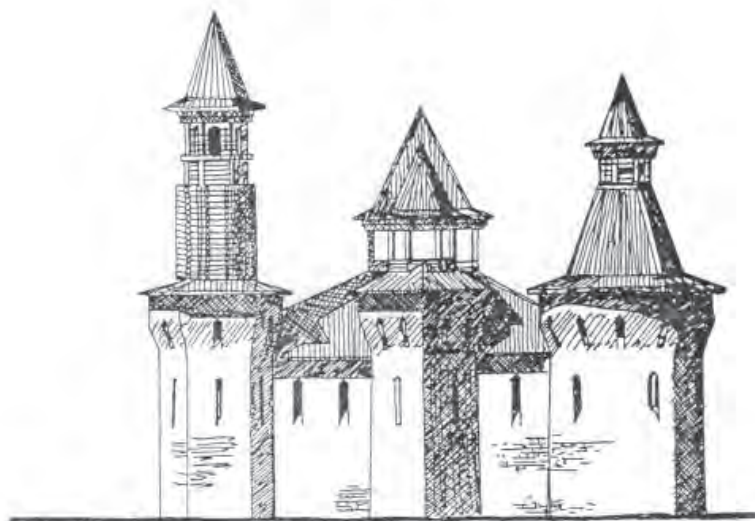
Тщательные исследования памятника проводились в 1993 г. проф. А.Х. Халиковым. Он вскрыл здание полностью на уровне фундамента, заглубленного в грунт на 35–40 см от древней поверхности (рис. 12). Все здание было сложено из плитчатого известняка на известковом растворе.

Средний диаметр угловых башен составлял около 5 м; более высокая юго-восточная, сохранившаяся до наших дней дозорная башня достигала 14 м в диаметре. Юго-западная башня (минарет?) оказалась шестигранной. Среди пристенных своей треугольной формой, обращенной острием точно на Мекку, выделялась башня юго-западной стены. По достаточно аргументированному мнению А.Х. Халикова, изученное сооружение изначально было построено болгарами как мечеть-крепость на Камском торговом пути (Халиков, 1997, с. 13–14). Варианты графической реконструкции ее предложены Ф.Х. Валеевым (рис. 13а) и С.С. Айдаровым (рис. 13б).

Основу застройки болгарского города составляли *массовые жилища* рядовых горожан и связанные с ними хозяйственные постройки. К сожалению, они, будучи построены из дерева, дошли

А

Б

Рис. 13. Варианты реконструкций белокаменной мечети-крепости на городище Алабуга
а – по Ф.Х. Валесеву; б – по С.С. Айдарову.

до нас лишь в виде ям (хозяйственных) или подпольных домов, иногда со следами древесной трухи от нижних венцов сруба.

Остатки жилищ рядового населения впервые были выявлены А.П. Смирновым на городище Сувар. Они имели вид каркасно-глинобитных (турлучных) домов с тандырами и деревянных срубов с подпольем и развалами сводчатых печей. А.П. Смирнов предложил следующую реконструкцию одного из болгарских домов по суварским материалам (рис. 14): «Постройка размером 7,1×7,16 м с деревянным полом и с подпольем глубиной около 0,7 м. Пол лежал на переводинах, покоившихся на балках: близ стены находилась печь и по бокам ее в подполье две ямы для хранения зерна; по-видимому, здесь же, у печи, помещался и лаз в подполье. Стены дома плетеные, обмазанные с обеих сторон глиной... Труднее говорить о крыше, но можно полагать, что она была плоской,

судя по находке кусков глиняного карниза с небольшой частью крыши» (Смирнов, 1940, с. 142; 1951, с. 238).

В 1938 г. экспедиция А.П. Смирнова приступила к планомерным исследованиям Болгарского городища. Раскопки открыли большое количество жилых и хозяйственных сооружений преимущественно золотоордынского времени, однако лишь незначительное число жилых построек удалось стратиграфически увязать с домонгольским периодом существования города (Ефимова и др., 1947, с. 108–109; Акчурина и др., 1950, с. 64–65). На основе имеющихся к тому времени археологических материалов А.П. Смирнов в своей обобщающей работе «Волжские болгары» (Смирнов, 1951) выделил два типа массовых жилищ у домонгольских болгар: срубные и турлучные дома прямоугольной или приближающейся к квадрату формы с печью и подпольем-зернохранилищем. Перекры-

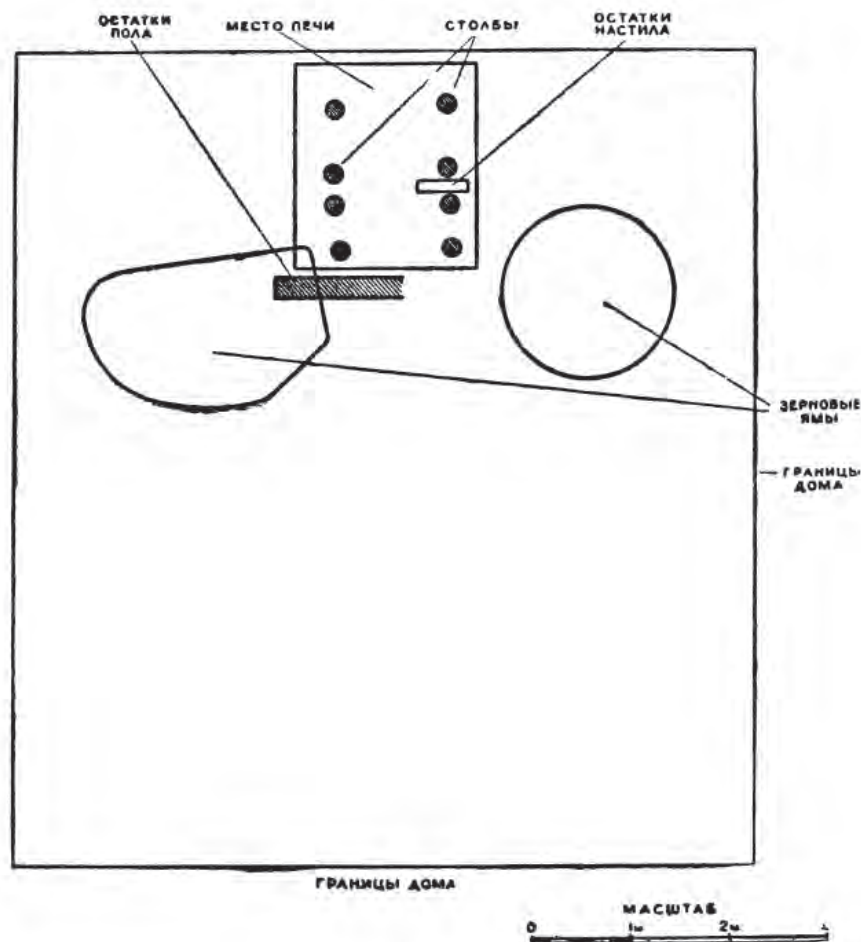

Рис. 14. План дома, исследованного при раскопках в Суваре (по А.П. Смирнову).

тие у срубных жилищ, по мнению исследователя, делалось двускатным, а глинобитные дома имели плоскую кровлю (Смирнов, 1951, с. 78, 139). Но, как выяснилось, в домонгольском Болгаре следов глинобитных (турлучных) жилищ пока не обнаружено (Полубояринова, 2016, с. 182). Новый тип жилища – «раннеболгарская» землянка, раскопанная К.А. Смирновым в урочище Ага-Базар близ Болгара (Смирнов К., 1960, с. 155–158), оказалась сооружением золотоордынского времени (Полякова, 2000, с. 232–233).

Последующие раскопки Болгара, продолжающиеся по настоящее время, дали дополнительный материал по истории домостроительства, сведения о которых стали достоянием научной общности лишь совсем недавно (Полубояринова, 2016).

Во второй половине 1950-х годов Г.А. Федоровым-Давыдовым на Тигашевском городище-святилище на р. Буле в пределах южной Чувашии был вскрыт ряд болгарских жилищ. Самой ранней из них оказалась полуземлянка, подземная часть которой представляет прямоугольный котлован (3,6×4,4 м), углубленный на 0,7 м. Остатки еще

девяти жилищ, изученных на этом памятнике, связаны с третьим строительным горизонтом, когда внутренняя территория городища была застроена различными хозяйственными, ремесленными и жилыми постройками срубной конструкции с небольшим заглублением в грунт. К сожалению, сохранились они плохо, в основном лишь подпольные ямы со следами рухнувших деревянных конструкций, а также развалы каменных печей с глинобитным подом (Федоров-Давыдов, 1962, с. 69–73).

Примерно в эти же годы на городище болгарского времени у с. Балымеры А.М. Ефимова исследовала жилище типа землянки со стенками, облицованными деревом с глиняной обмазкой, и с примитивным открытым очагом в середине, датированное X–XI вв. (Ефимова, 1962, с. 33–34).

Интересна полуземлянка, исследованная экспедицией Ульяновского музея в 1957 г. в пригороде Криушского II городища. Относительно хорошая сохранность и тщательные наблюдения, проведенные Н.В. Тухтиной при ее расчистке, позволили довольно точно восстановить первоначальный облик дома. Основание прямоугольного (2,9×7 м)

с округлыми углами полуземляночного сооружения, ориентированного почти по сторонам света, было углублено в землю на 0,7 м от дневной поверхности. Стенки подземной части были обшиты деревом, зажатым вертикальными столбами. Вход располагался в западной стене, а рядом с ним, в северо-западном углу, примыкая вплотную к стенкам, находилась разрушенная глинобитная печь овальной формы, обращенная устьем на восток. Некоторые конструктивные детали, зафиксированные при расчистке полуземлянки, дали основание предполагать двускатную кровлю перекрытия (Смирнов, 1958, с. 4–8; Тухтина, 1960, с. 145–146).

Достаточно широко исследованным памятником, давшим большое число жилых сооружений, является городище Хулаш, раскопанное в 1960-х годах экспедицией под руководством В.Ф. Каховского и А.П. Смирнова. За четыре полевых сезона здесь вскрыты остатки 19 деревянных наземных жилищ, 17 глинобитных (турлучных) строений, 2 полуземлянок и большое количество хозяйственных ям (Каховский, Смирнов, 1972, с. 10).

Остатки деревянного дома с глинобитной печью и со стенами, покрытыми глиняной обмазкой, вскрыты на Андреевском городище в Ульяновской области (Смирнов, 1962, с. 31); четыре жилища овальной и прямоугольной с округлыми углами формы изучены М.Р. Полесских на Золотаревском городище в Пензенской области (Полесских, 1971, с. 203–205); наземные и полуземляночные жилища открыты Т.А. Хлебниковой на Алексеевском и Танкеевском городищах (Хлебникова, 1964, с. 68; 1971, с. 158–159).

В 1970–1990-х годах жилища рядовых горожан, многочисленные хозяйственные сооружения исследовались в Биляре (Хузин, 1979), Джукетау (Хлебникова, 1975; Хузин, Набиуллин, 1999), Муромском городке (Васильев, Матвеева, 1986, с. 172 и сл.; Кочкина, 2005б), древней Казани (Ситдииков, 2006, с. 41 и сл.) и на некоторых других памятниках. Появились новые сведения о жилищах Джукетау (Набиуллин, 2011, с. 41–42), Кирменского (Нигамаев, 2005, с. 45 и сл.), Чаллынского (Хузин, Нигамаев, 2000, с. 182–183, рис. 2), Золоторевского городищ (Белорыбкин, 2001; Иконников, 2006, с. 144–145).

Билярские жилища опубликованы достаточно подробно (Хузин, 1979, с. 62–69, 71–81). Среди них большой интерес представляют остатки очень выразительной и пока уникальной для Среднего Поволжья юртообразной постройки во внешнем городе и нескольких каркасно-глинобитных (турлучных) жилищ в нижнем горизонте культурного слоя в центральной части внутреннего города, датируемых X – первой половиной XI вв. (Хузин, 1989).

Котлован юртообразного жилища округлой формы диаметром около 4,4–4,8 м углублен всего на 20–25 см (рис. 15). С южной стороны отмечен выступ шириной 1,2 м и длиной 1,4 м, который можно интерпретировать как вход. Вдоль стен котлована, отступая от них всего на 10–20 см, располагались ямки от вертикальных столбиков или жердей диаметром около 10–12 см. В одной из публикаций эти ямки рассматривались нами как остатки решетчатого каркаса, на что последовало возражение со стороны В.С. Флерова, справедливо отметившего несоответствие этого термина этнографическому понятию решетки, присущей только переносным юртам. Билярская постройка «стационарная, действительно юртообразная с характерным для таковых каркасом из вертикальных достаточно массивных кольев» (Флеров, 1996, с. 27). В изученном нами жилище имелась подпольная яма для хранения продуктов, но следы очага отсутствовали. Возможно, его и не было. Последнее обстоятельство дало повод В.С. Флерову «отбросить предположение об использовании постройки в качестве жилища» (Флеров, 1996, с. 27). Однако следы мощного прокала с вкраплениями угля и обожженной глины прослеживались примерно в двух метрах к северу от жилища. Очевидно, очаг располагался во дворе, а постройка использовалась как временное жилище только летом. Это вполне правдоподобно, ибо, по сведениям некоторых восточных источников, дома у болгар в основном «деревянные и служат зимними жилищами; летом же жители расходятся по войлочным юртам» (Хвольсон, 1869, с. 82; Заходер, 1967, с. 37).

Еще одно юртообразное жилище изучено А.Ф. Кочкиной на Муромском городке. Контуры его были выявлены на фоне погребенной почвы в виде аморфного темно-серого сажистого пятна, после расчистки которого сооружение приняло вид слабо углубленного в материк котлована неправильно-овальной формы, состоявшего из двух частей (3,5×2,4–1,8 м). В северной части сооружения прослежены следы очага (рис. 73 на стр. 335).

В разные годы в ранних слоях Болгара изучено пять плохо сохранившихся сооружений, которые исследователи называли «юртообразными жилищами». Два из них имели незначительные размеры (1,1×1,3 м; 2,3×2,3 м) и вряд ли служили в качестве жилищ (Полубояринова, 2016, № 278, 280, с. 180–181, рис. 63). Третье сооружение (№ 279), изученное Т.А. Хлебниковой в 1975 г., имело в плане овальную форму размерами 3×2,5 м и было углублено в материк на 20–25 см. На дне и по краю прослежен слой угля толщиной 4 см. Оно в принципе могло служить временным жилищем, но нет в этом полной уверенности ввиду неполно-

Рис. 15. Билярское городище. Общий вид юртообразного жилища во внешнем городе.

ты фактов (Полубояринова, 2016, с. 180). То же самое относится и к двум остальным сооружениям (Полубояринова, 2016, с. 180–181, № 281, 282).

Достаточно выразительны в слоях болгарских городищ следы каркасно-глинобитных (турлучных) жилищ. В качестве примера обратимся к материалам Биляра.

Сооружение 3 раскопа XIX в центре внутреннего города располагалось к северо-востоку от Соборной мечети. Оно выявилось в виде большого пятна глинистой массы (6,8×6,6 м), смешанной с остатками перегнившей древесины и имеющей местами следы прокала (рис. 16). В основании слоя почти на всей площади пятна прослежена тонкая глинистая обмазка пола, на которой покоились основания трех печей типа тандыров. После снятия нижнего наслоения пола выявились пятна столбовых ям, окаймляющих постройку. Наиболее хорошо сохранившаяся цилиндрическая печь была сложена из кирпичей – глиняных блоков изогнутой формы длиной 23, высотой 8 и шириной 7 см. У нижнего ряда кирпичей верх внешней стороны имеет специальный продольный выем, соответствующий выступу в нижней части верхнего ряда. Благодаря этому ряды кирпичей плотно скреплялись между собой. Затем они обмазывались изнутри и снаружи глиной. Основание печи было устроено следующим образом: на выровнен-

ной поверхности погребенной почвы была вырыта подпрямоугольной формы неглубокая яма, на дно которой были вбиты три столбика диаметром 15–15 см, служившие своеобразным фундаментом пода печи. Дно пода имеет следы древесной трухи от дощатого настила, на котором выложена глинистая подушка толщиной 7–9 см. На ней и покоилось основание печи (рис. 3в). По такому же принципу, очевидно, были сооружены и остальные печи, но от них сохранились лишь пятна прокала и развалы изогнутых кирпичей.

Еще два сооружения, аналогичные вышеописанному, располагались к югу и западу от описанного жилища.

Остатки ранних наземных домов с каркасно-столбовыми стенами, обмазанными глиной, изучены на раскопе XXIII к югу от Соборной мечети. Одно из них (постройка 1 – рис. 17А) выявлено в виде глиняного массива на прямоугольной площади (5×5,2 м) с выступом-входом (1,45×0,8 м) в юго-восточной стороне. Наряду с обломками горшковидных сосудов с волнистым орнаментом и с рифлением тулова группы XI по классификации Т.А. Хлебниковой, чрезвычайно важна для датировки сооружения находка арабского дирхема из глиняного завала стены, чеканенного, по определению С.А. Яниной, не позднее первой половины X в. (Хузин, 1979, с. 65). О ранней дате по-

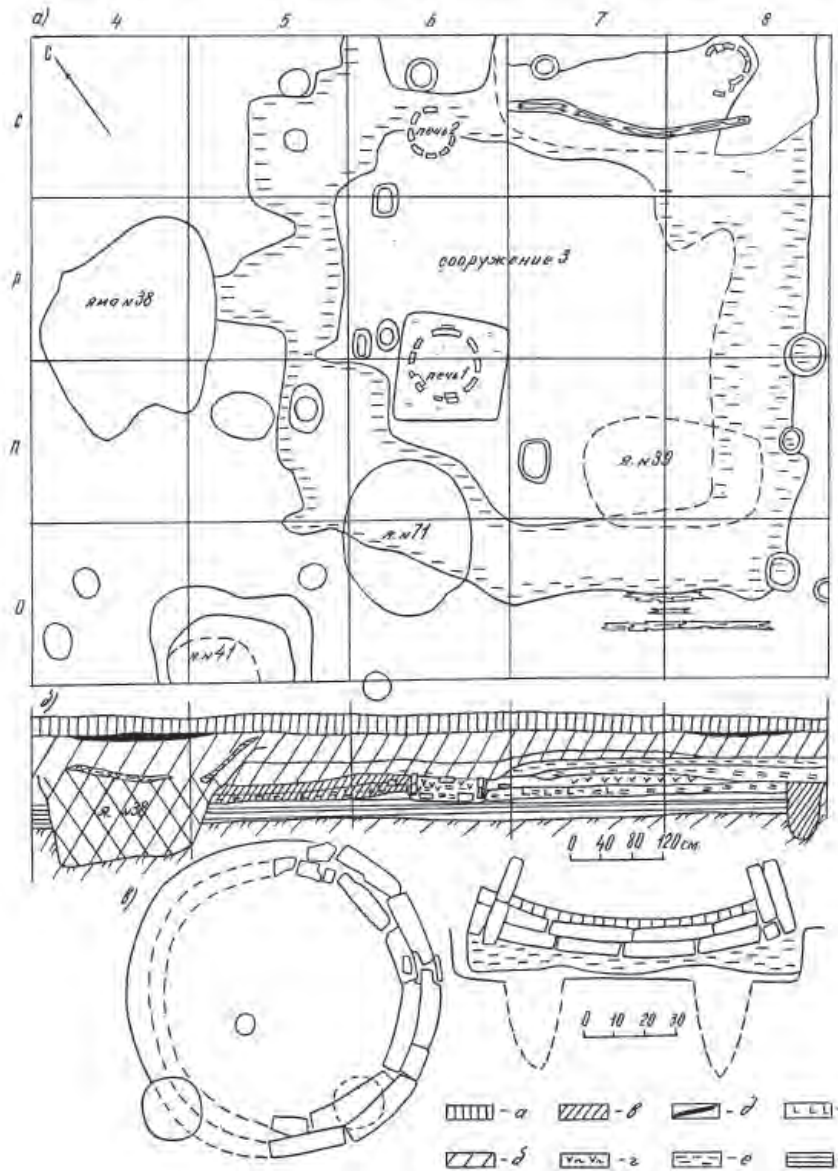

Рис. 16. Билярское городище. План туркучной постройки № 3 на раскопе XIX.

стройки свидетельствует, кроме того, и тот факт, что все основные ее конструкции покоились на погребенной почве, на уровне которой расчищены округлые ямки диаметром 20–25 см и глубиной до 40 см от вертикальных столбов каркаса глинобитных стен и опор перекрытия.

Почти в середине постройки, ближе к юго-западной стенке, находилась подпрямоугольной формы яма, заполненная сверху рыхлой супесью с обильными включениями золы и древесного угля. Она служила, очевидно, для выгреба золы из печи, остатки которых не сохранились, т. к. были разрушены более поздней ямой. В заполнении последней обнаружены обломки кирпичей-блоков от тандыров и крупные куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев. Изученное жилище можно реконструировать в виде квадратной в плане кар-

касно-глинобитной постройки с четырехскатной крышей, с входным проемом в виде небольшого крыльца и отоплением из печей типа тандыров.

Остатки другого наземного жилища (постройка 4 – рис. 17Б), исследованные в этом же районе, но несколько южнее, также оконтурились в виде глиняного пятна с включениями древесной трухи на площади 7,2×6 м. По краям сооружения часто попадались куски глиняной обмазки. На глубине 80 см от современной поверхности первоначальные контуры постройки сузились до размеров 6,8×5,7 м. Следы прокала с обломками изогнутых кирпичей от тандыров выявлены ближе к западному углу и у юго-восточной стены постройки. На погребенной почве контуры постройки исчезли и по периметру исчезнувшего пятна обозначились пятна небольших ямок от столбиков, поддержи-

вавших каркас дома. Они были вытянуты в одну линию вдоль юго-западной стороны. В этой линии стояло пять столбов диаметром 20–25 см, в промежутках которых расчищены небольшие ямки диаметром всего 5–10 см. Между срединными столбами они располагались двумя рядами. Далее эта линия ямок поворачивалась на северо-восток, но здесь она перекрывалась двумя поздними ямами XII – начала XIII вв., полностью нарушившими северный и восточный углы жилища. На ненарушенных участках выявлены несколько столбовых ямок диаметром около 40 см, расположенных также по одной линии, обозначающей северо-восточную сторону постройки.

Анализ полученных данных дает основание предполагать, что первоначально это было наземное сооружение, каркасные стены которого были обмазаны глиной. Спустя некоторое время на месте этого дома был построен другой, но уже со столбовой конструкцией стен. Входной проем первоначально располагался, вероятно, с юго-западной стороны, а впоследствии был перемещен в противоположную сторону. Такая же картина наблюдается в расположении печей: в юго-восточном и юго-западном углах, в обоих случаях справа от входа.

Наземные жилища, близкие к вышеописанным билярским, известны также по раскопкам Хулаша (Каховский, Смирнов, 1972, с. 21) и Муромского городка (Васильев, Матвеева, 1986, с. 174).

По своей конструкции и цилиндрическим печам типа тандыров каркасно-глинобитные жилища представляют собой чрезвычайно интересное явление в культуре Волжской Болгарии домонгольского периода. Своими истоками турлучное домостроительство связано, возможно, с культурой населения Хазарского каганата (Магомедов, 1983, с. 149). Отметим, что цилиндрические печи типа билярских тандыров достаточно близки к тандырам салтовских жилищ Подонья (Красильников, 1986, с. 52–54, тип II). Для Биляра мы не исключаем также, что в таких домах жили восточные строители, которые пришли в Болгарию вместе с посольством халифа Муктадира в 922 г. и участвовали в проектировании и строительстве общественных зданий из кирпича и камня.

Наряду с наземными каркасно-глинобитными домами в ранний период развития городов строились и более приспособленные к местным природным условиям бревенчато-срубные дома с неглубокими подпольями, а также землянки и полужемлянки.

Остатки двух срубных жилищ наземного типа, построенные еще в X в. и впоследствии неоднократно отремонтированные, были изучены А.Х. Халиковым в 1968–1969 гг. в северо-восточной части усадьбы ремесленников-металлургов (Ха-

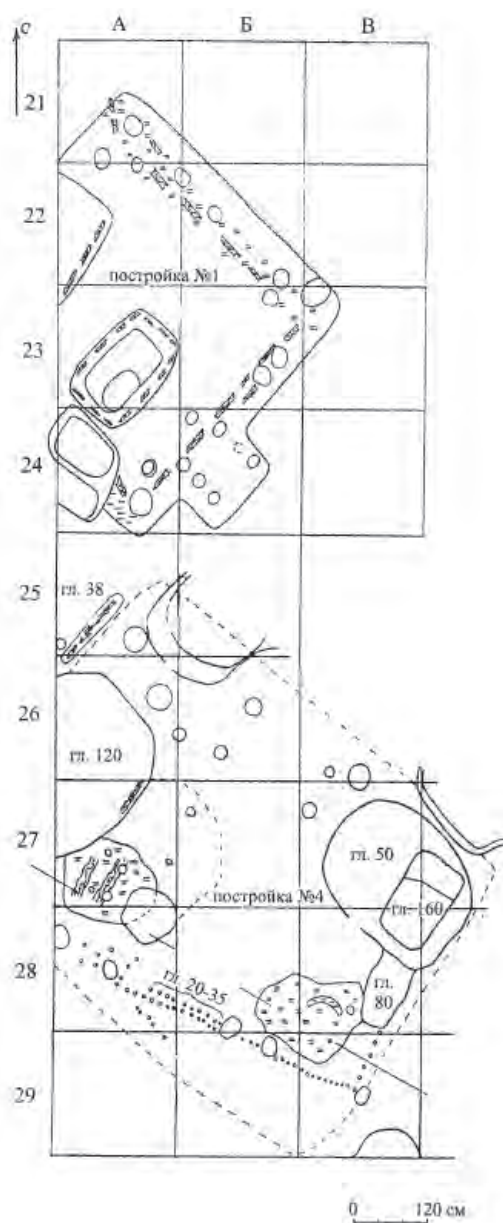

Рис. 17. Билярское городище. Остатки глинобитно-каркасных (турлучных) жилищ на раскопе XXIII. А – постройка 1; Б – постройка 4.

ликов, 1976, с. 64 и сл.). Первое из них состояло из двух частей: передней избы (3,6×3,2 м) и сени-клетки (3,2×2,7 м) с глубоким погребом. В жилой части вдоль северо-западной стены выявлены небольшие столбики, представляющие собой, по мнению исследователя, остатки опор внутренних деталей избы, может быть, широких нар типа татарской «сэке». Остатки печи, сложенной из песчаника и обломков кирпича на глиняном растворе, располагались в восточном углу справа от входа. Ее размеры: длина пода 75 см, ширина у устья, обращенного на юго-запад, в сторону входа, 45 см, внутренняя ширина 60 см, толщина стен от 20 до 20 см. Под печи возвышался от пола на 30 см. Ос-

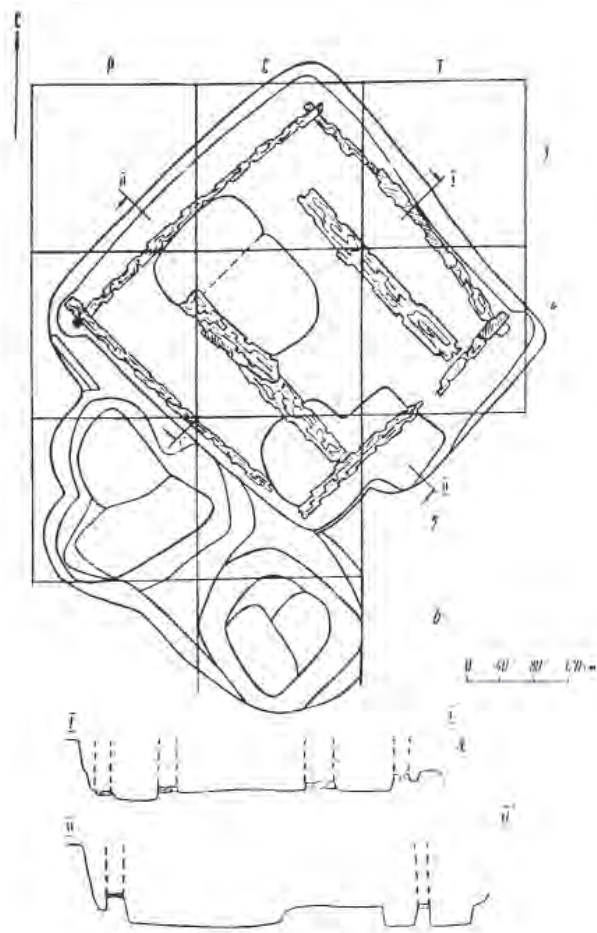

Рис. 18. Билярское городище. Остатки жилой постройки № 9 из раскопа XXII.

новываясь на некоторых деталях, А.Х. Халиков предполагал сводчатый верх печи с трубой, выводящей дым наружу (Халиков, 1976, с. 66).

Рядом располагался второй дом, состоящий также из жилой части (3,2×2,2 м) и сеней (2,2×1,7 м). В северном углу стояла точно такой же конструкции печь, что и в первом доме.

В комплекс этих жилищ входили хозяйственные ямы и погребя, а также небольшое бревенчатое сооружение (3,2×1,9 м) с развалом печи-каменки и грудой прокаленных камней, являющееся, как считал А.Х. Халиков, остатками небольшой бани (Халиков, 1976, с. 68–69).

К раннему периоду истории Биляра можно отнести наземное жилище в южной части Соборной мечети (яма 442б), подполье которого имело квадратную форму размерами 3×3 м. Ровное дно подпольной ямы, по периметру которой выявлены канавки-пролежни с остатками древесной трухи от нижнего венца сруба, лежало на глубине 50–60 см от верхнего уровня погребенной почвы. В южном углу отмечены следы слабого прокала с обломками кирпичей, возможно, от рухнувшего сверху

пода печи. Материалы из заполнения – ранние формы гончарной и лепной керамики, сердоликовая призматическая бусина, обломок поливной чаши зеленого цвета – относятся к концу X – первой половине XI вв. (Хузин, 1979, с. 69).

Более многочисленны в Биляре жилища и хозяйственные сооружения, выявленные в среднем и верхнем горизонтах культурного слоя (вторая половина XI – начало XIII вв.).

Относительно хорошей сохранностью среди объектов жилого назначения отличается постройка 9 (рис. 18), исследованная в северо-восточной части Соборной мечети. Ее контуры выявились на глубине 50 см от современной поверхности в виде подпрямоугольного пятна с обильными включениями угля и древесного тлена. Верхняя часть заполнения была насыщена сильно корродированными очень мелкими кусочками меди, видимо, от полностью разложившейся медной посуды. На глубине 60 см от дневного уровня был снят сплошной слой мощностью 4–6 см, состоящий только из мелких, превратившихся в сажистую массу угольков с супесчаными включениями. Обнаружено также значительное количество крупных кусков древесного угля, обугленные доски, остатки луба или древесной коры. На глубине 70 см по всей площади шла сильно утрамбованная прослойка гумуса толщиной 4–5 см с обильными остатками соломы (проса?) и листьев. После удаления этого массива, представляющего собой, очевидно, остатки рухнувшего во время пожара деревянного каркаса дома и крыши, отчетливо выявились остатки нижнего венца сруба из бревен диаметром около 25 см, в южном углу которого обнаружен скелет собаки, зарытой в качестве оберега. Две половые доски длиной 270 и 285 см, шириной 26–30 см при толщине 3,5–4 см лежали параллельно северо-восточной и юго-западной стенкам. Ровный пол постройки был углублен на 75–85 см от краев котлована, представляющего собой почти квадратную в плане яму (4,2×4,1 м) с отвесными стенками, ориентированную углами по сторонам света. В западном и восточном углах котлована имелись небольшие полукруглые выемы, заходящие в стенку на 20–22 см, специально сделанные для выступающих углов сруба. В этот котлован был опущен деревянный сруб с внутренними размерами 3,4×3,3 м, от которого уцелел лишь нижний венец с бревнами, скрепленными между собой «в чашу» с выпуском концов на 10–20 см.

В заполнении сооружения обнаружены обломки поливной столовой посуды, янтарная подвеска, сердоликовая бусина, костяной гребень, медное височное кольцо, осколки стеклянного сосуда, ножи, гвозди и пр.

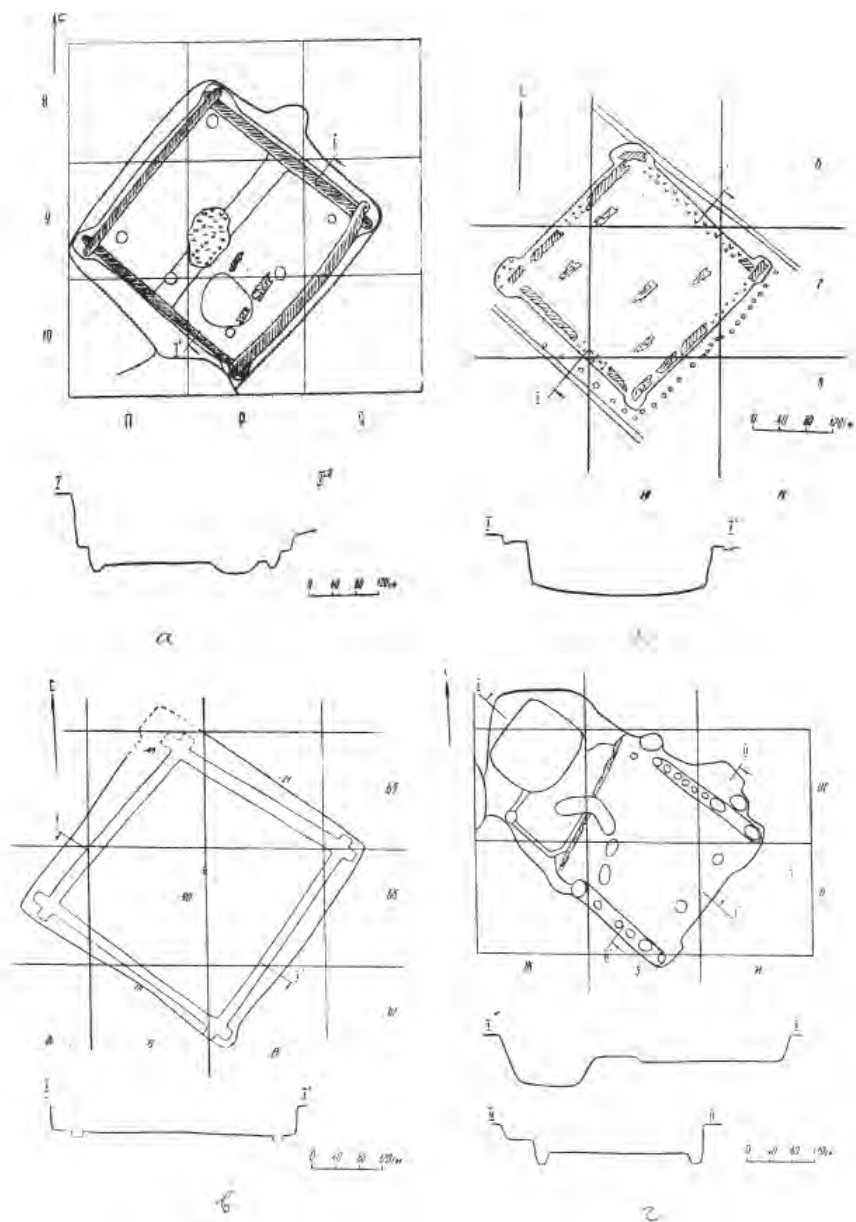

Рис. 19. Биллярское городище. Планы и сечения однокамерных (А–В) и двухкамерного (Г) жилищ. А – постройка № 10 из раскопа XXII; Б – постройка № 6 из раскопа XXII; В – постройка № 5 из раскопа XXIII; Г – постройка № 3 из раскопа XXII.

К этому же жилищу относятся постройки 6 и 8 (рис. 19Б). Их котлованы-подполья, углубленные от уровня погребенной почвы на 0,8 и 1,3 м, имели размеры 2,8×2,8 и 2,45×2,85 м. Деревянные конструкции каркаса сохранились очень плохо, нижние венцы сруба прослежены лишь в виде гумусированной полосы с древесной трухой. Следов печей также не обнаружено. Состав находок обычный для жилищ: кухонная и столовая посуда, железные ножи, детали цилиндрического замка, обломок кресала, медная чашечка от весов, глиняные пряслица, сланцевое точило, сердоликовая бусина; многочисленны фрагменты поливной керамики зеленого и коричневого цвета, имеется обломок чаши из кашинного теста с голубой поливой.

В отличие от вышеописанных постройка 4 раскопа XXII имела хозяйственную яму, вырытую в подполье. Она имела в плане прямоугольную форму (1,2×0,9 м) глубиной 0,9 м. На ровной стенке сохранились следы глиняной обмазки; плоское дно ямы сначала было обмазано глиной, потом прочно обожжено и покрыто деревянными досками. В ней обнаружены скопление зерен и семян яблок, малины и лещины, а также яичная скорлупа. В одном углу стоял почти целый кувшинообразный сосуд.

В конструктивном плане основная часть подполья жилища ничем не отличалась от вышеописанных: тот же сруб (4×3,2 м), опущенный в заранее подготовленный земляной котлован с ровными

Рис. 20. Билярское городище. Общий вид подпольной части жилища № 9 с остатками печи на раскопе XXXIX.

стенками и полукруглыми выемами в углах; такие же гумусированные полосы вдоль стен, оставшиеся от просевших нижних бревен сруба и опять-таки отсутствие каких-либо следов печи, кроме разбросанных отдельных обломков кирпичей.

Срубная постройка 3 раскопа XXIII интересна тем, что ее котлован (5×4 м) имел небольшую глубину – всего 50 см от дневного уровня. Пол был деревянным, доски располагались параллельно к юго-восточной и северо-западной стенкам. Ближе к юго-западному углу выявлено пятно прокаленной глины с вкраплениями угля и золы мощностью 8–10 см. В этом же районе, начиная с первой выборки, встречены обломки камней и кирпичей, очевидно, от разрушенной печи. Дверь располагалась, вероятно, в северо-восточной стороне, на что указывают обнаруженные здесь цилиндрический замок и два ключа от него, железные пробой с кольцом, скоба и пластины-накладки с заклепками.

На раскопе XXXIX изучены остатки жилого дома XII в. с сохранившимися следами печи (рис.

20). Нижняя часть прямоугольной срубной постройки (4×3,3 м) была углублена в землю всего на 50 см. Входная дверь располагалась с восточной стороны, печь – справа от входа в северо-восточном углу дома. Основание печи покоилось на глиняной подушке толщиной 4–6 см, занимающей небольшую подпрямоугольную площадку (60×75 см). На этой площадке выявлено скопление камней вперемежку с обломками кирпичей и кусочками глиняной обмазки, а также с золой и углем. Сохранилась часть пода в виде сильно прокаленной глиняной обмазки толщиной 3–4 см. К сожалению, из-за сильной разрушенности проследить конструктивные особенности печи не удалось. Почти в центре помещения выявлена хозяйственная яма округлой формы диаметром 1,2 и глубиной 0,8 м.

Всего в центральной части Биляра изучено около 30 однокамерных срубных домов, скорее всего, наземного типа (судя по отсутствию печей в «котлованах») с подпольями или же с небольшой заглубленной в землю нижней частью. В некоторых постройках (№ 5, 6, 7, 8 раскопа XXIII) доща-

Рис. 21. Билярское городище. Остатки двухкамерного жилища на раскопе XXIII

тый пол лежал на своеобразной гигроскопической прослойке из песка и мелких кусочков железного шлака толщиной 5–10 см, служившей, вероятно, для предохранения жилища от лишней влаги и сырости (Хузин, 1979, с. 77, 79).

Кроме однокамерных жилищ в Биляре строились и более сложные двухкамерные. К этому типу относятся сооружения 3, 5 и 448а в районе расположения Соборной мечети (рис. 21).

Яма-котлован 448а имела прямоугольную форму (5,2×4,8 м) и была углублена на 0,9–1 м от дневного уровня. Установленный в этот котлован сруб состоял из двух частей: основной подквадратной (3,4×3,2 м) и дополнительной прямоугольной (3,2×1,8 м), возвышающейся над первой на 10–15 см. Последняя, как и в домах на усадьбе ремесленников-металлургов, имела, очевидно, характер сеней. Здесь, т. е. в северо-восточной стороне, располагался вход. Характер находок (крупные раковины каури, обломки фаянсовых чаш с люстровой росписью, светильников, мисок, кринок с зеленой, коричневой и голубой поливой, фрагменты стеклянной посуды, кусочки янтаря и пр.) свидетельствует о зажиточности хозяина дома.

Подпольем жилища довольно сложной конструкции является постройка 5. Котлован имел

в плане форму прямоугольника (6,5×4,6 м) глубиной 65 см и делился на две части. В первую из них, основную, впущен деревянный сруб (3,7×3 м), нижний венец которого оставил на дне отпечатки в виде неглубоких канавок-полос древесной трухи, вторая половина (3,7×3,2 м) имела столбовую конструкцию, т. е. состояла из горизонтальных бревен, забранных в пазы вертикально поставленных столбов.

Еще одно двухкамерное подполье жилого дома – постройка 3 размерами всего 2,6×2,9 м – сохранила внутреннюю конструкцию из вертикально вбитых в землю столбиков (рис. 21). К этой основной части с северо-западной стороны примыкало дополнительное помещение (2,6×1,2 м), стены которого были из досок-горбылей, впущенных в вертикальные пазы угловых столбов. Жилая часть дома, более обширная и обогреваемая, находилась, очевидно, над подпольем.

Для реконструкции билярских (и болгарских вообще) жилищ массовой застройки данных пока недостаточно. В силу этого возникает много вопросов, решение которых невозможно без дополнительных и специальных исследований. Один из таких вопросов связан с определением типа вышеописанных сооружений. Исследователи до

сих пор традиционно рассматривают их как полуземляночные дома, пол которых расположен ниже дневной поверхности. В свете новых подходов к реконструкции древнерусских жилищ (Толочко, 1981, с. 63 и сл.; Даркевич, Борисевич, 1995, с. 139 и сл.) такой упрощенный взгляд представляется нам не соответствующим действительности. Преобладающим видом жилых построек болгарских городов следует признать наземные срубные дома, которые исследованы на многих болгарских городищах. Такие дома имели, как правило, нижние подпольные части, служившие для хранения продовольственных запасов и прочих вещей повседневного быта. Последние, а не наземные деревянные конструкции, чаще всего и доходят до наших дней и раскапываются археологами, определяющими их как полуземлянки. Строились, конечно, и полуземлянки, если можно так называть жилища с углублением пола всего на 40–60 см от уровня древней поверхности, и даже временные землянки, но дома, у которых из земли выступали лишь двух- или четырехскатные крыши, вряд ли были характерны для городов, особенно крупных, как Биляр, Сувар, «Муромский городок» и некоторые другие.

Как видим, в болгарских городах археологически выявлены разные типы массовых жилищ. Их типология была предложена нами еще в 1970-х годах (Хузин, 1976) и не претерпела серьезных изменений (Шарифуллин, 1993, с. 63–76; Полубояринова, 2016, с. 7):

Тип I. Землянки – однокамерные постройки прямоугольной и квадратной формы (3,5×3,2 м; 4,2×3,1 м; 5,4×5,6 м), углубленные в землю на 1,4–2 м. Встречаются практически во всех городских поселениях (Балымеры, Рождествено, Хулаш и др.), но они составляли небольшое количество по сравнению с другими типами. Отапливались они преимущественно открытыми очагами или глинобитными печами по-черному. Землянки использовались, очевидно, в качестве временного жилья (или беднейшей частью населения?). По конструкции стен и строительной технике среди них выделяются подтипы:

IA. Срубные. Основу конструкции составляет сруб, опущенный в глубокий котлован. Реконструкция такого жилища выполнена на материалах Рождественского селища XII–XIII вв. (Генинг и др., 1962, табл. XXV). Думается, «городские» землянки принципиально не отличались от сельских.

IB. Столбовые. Каркас дома составляли вертикальные столбы или столбики, при помощи которых стенки котлована облицовывались горизонтально положенными досками или горбылями. Наиболее вероятная форма перекрытия – шатро-

вое, опирающееся на крупный столб в центре жилища.

Тип II. Полуземлянки прямоугольной в плане формы со средними размерами от 3×4 м, до 5×6 м, пол которых углублен от 0,4 до 1,4 м от дневной поверхности. В некоторых из них выявлены глинобитные сводчатые печи или же открытые очаги-каменки.

IIA. Срубные. В котлован опущена нижняя часть сруба, верхняя часть находится выше уровня земли.

IIB. Столбовые – горизонтальные бревна или горбыли крепились в пазах опорных столбов, стоящих в углах котлована, или же прижимались ими к земляной стенке. Имеется вариант полуземлянок столбовой конструкции с частокольным укреплением стенок котлована.

Тип III. Наземные дома.

IIIA. Срубные. Это – основной тип массовых жилищ рядового населения, выявленный на всех исследованных археологами поселениях.

IIIA 1. Срубные однокамерные.

IIIA 2. Срубные двухкамерные.

IIIB. Столбовые.

IIIB. Турлучные (каркасно-глинобитные). Основу конструкции таких жилищ составлял каркас из вертикально поставленных по углам, иногда по линии стен столбов, которые служили не только опорами для перекрытий, но и для плетневых стен, обмазанных с двух сторон жидкой глиной.

IIIG. Юртообразные. Классический тип юртообразного жилища (не передвижного, а стационарного) изучен в Биляре. Имеются сведения о наличии остатков таких жилищ в ранних слоях Болгара (Полубояринова, 2016, с. 179–181) и Муромского городка (Кочкина, 2005, с. 101–103).

Вопрос о происхождении отдельных типов жилищ требует специального рассмотрения. Отметим лишь, что еще в 1940-х годах А.П. Смирнов, говоря о русском элементе в культуре волжских болгар, появление полуземляночных жилищ прямоугольной формы с глинобитными печами связывал со славянским населением роменских городищ (Смирнов, 1951, с. 139). Эта точка зрения, изложенная им и в ряде последующих работ, не опровергается и новыми исследованиями.

Интересно мнение И.И. Смирнова о происхождении срубных домов наземного типа: «В быте первоначально кочевого, степного народа деревянный дом представляет собой вещь новую и чужую, и мы должны уже а priori предположить, что болгары заимствовали его у туземного финского населения» (Смирнов, 1912, с. 22). С ним согласны и современные авторы.

Болгарские полуземлянки со столбовой конструкцией стен и с очагами открытого типа, по мнению Р.Ф. Шарифуллина, напоминают жилища типа II (по классификации С.А. Плетневой) поселений салтово-маяцкой культуры бассейна Дона (Шарифуллин, 1993, с. 69).

Прототипом турлучных, каркасно-глинобитных построек В.Ф. Каховский считал юрты кочевников (Каховский, Смирнов, 1972, с. 21). В.С. Флеров весьма скептически относится к высказанной точке зрения, он убежден, что турлучные жилища не имеют «никакого отношения к юртам, даже к прототипам» (Флеров, 1996, с. 26). Между тем, считать их самостоятельным творчеством болгар, возникшим в природно-географических условиях Среднего Поволжья, или же заимствованием у местных народов, тоже нет оснований. Их истоки следует искать, скорее всего, в домостроительстве народов Хазарии или Средней Азии.

Самыми многочисленными среди разнообразных объектов, изучаемых при раскопках болгарских городов, являются *хозяйственные сооружения*: ямы-зернохранилища, ямы-кладовки, погребя, амбары-клетки, а также колодцы.

Ибн Фадлан в одном месте своих «Записок» о путешествии в страну болгар отмечал, что у них «нет помещений, в которых они складывали бы свою пищу, то, право же. Они выкапывают в земле колодцы и складывают в них пищу, так что проходит для нее лишь немного дней, как она портится, воняет [гнилью] и ею нельзя пользоваться» (Ковалевский, 1956, с. 136). Археологические данные не согласуются с данным утверждением. В то же время думается, что автор X в. правильно подметил некоторую примитивность ям-зернохранилищ, составляющих подавляющее большинство хозяйственных сооружений раннедомонгольского и даже более позднего периода. Деревянные постройки наземного типа – амбары, специально сооруженные для хранения зерна, появляются чуть позднее.

Хозяйственные ямы, которыми пользовались в болгарских городах, подразделяются на следующие основные типы:

Цилиндрические – округлой (овальной) в плане формы диаметром от 0,6 до 2,5 м с вертикальными или чуть скошенными стенками и плоским дном, углубленным от дневного уровня до 1,7–2 м (здесь и далее приводятся средние размеры сооружений, взятые из публикаций).

Прямоугольной (квадратной) в плане формы размерами от 1×1,5 до 2,2×2,5 м и плоским дном, глубина которого варьирует в пределах от 0,9–1,0 до 1,8 м.

Усеченно-конические (колоколовидные) – обычно округлой формы с диаметром устья 0,5–

0,8 и диаметром у дна от 0,8 до 1,4 м; ровное дно выявляется обычно на глубине 0,8–1,8 м. Некоторые ямы этого типа, имеющие почти прямые или слегка скошенные стенки в верхней части и плавно расширяющиеся к чашевидному дну, получили в литературе название «грушевидных».

Чашевидные – обычно круглые в плане диаметром 0,6–1,4 м, со скошенными стенками, слегка сужающимися к округлому дну на глубине 0,8–1,2 м.

Заметим, что названия типов ям чисто условные. Эти сооружения быстро выходили из строя из-за осыпания земляной стены, деятельности грызунов и в силу ряда других причин, впоследствии подремонтировались или чаще всего использовались в качестве бросовых ям, теряя при этом первоначальную форму. По мере заполнения этих ям мусором, различными бытовыми предметами, битой посудой, выброшенными из жилищ, их засыпали землей, а рядом или же на месте давно уже засыпанных, выкапывали другую. Этим объясняется, очевидно, кажущаяся на первый взгляд бессистемность в их расположении, а иногда причудливые формы, возникшие в результате «слияния» нескольких разновременных объектов.

Эти ямы представляют собой наиболее простой тип хозяйственных построек в болгарских городах. Стенки их обычно предварительно обжигались для прочности, аккуратно обмазывались глиной и нередко облицовывались досками. В некоторых сооружениях имеются ступеньки в одной из стенок, а в основном для спуска использовалась деревянная лестница. Сверху ямы покрывались деревянными крышками. В целях защиты от осадков над ними сооружались легкие навесы или конические шалаши из жердей, покрытые соломой или камышом.

В таких специально подготовленных ямах хранили в основном зерно и другие виды продуктов. При раскопках Билярского городища в ямных сооружениях обнаружены отдельные зерна и большие скопления зерен пшеницы, проса, гороха, а также малины. Встречаются находки яичной скорлупы, костей и чешуи рыб (Хузин, 1979, с. 69, 89). Значит, часть ям могла использоваться и в качестве погребов.

Ямы-погребя с более сложной внутренней конструкцией изучены в основном в Биляре. Яма 452 раскопа XXII, функционировавшая еще в X в., имела в плане подквадратную форму (1,8×1,9 м) с прямоугольным выступом (1×0,8 м) с северо-западной стороны (рис. 22Б). На глубине 100 см выступ завершился плоским дном, по краям которого располагались небольшие ямки от столбиков, а основная часть ямы продолжалась до глубины 100 см. Сооружение, таким образом, представляло собой глубокий погреб с плетневой клетью

полуземляночного типа. В заполнении, сильно насыщенном древесным тленом от внутренних конструкций стен, встречались зерна проса, а на дне – косточки вишни и лесного ореха.

К группе ям-погребов относится яма 442д' того же раскопа, имевшая в плане квадратную форму (1,7×1,8 м) с ровными стенками и плоским дном, выявленным на глубине 90 см от выявленного уровня (рис. 22а). По всем четырем краям дно ямы было окантовано 44 ямками от кольев диаметром 5 см. Совершенно аналогичная конструкция внутренних стен выявлена и в яме 126а XXIII раскопа (рис. 22г). В плане она квадратная (2,45×2,45 м), стенки отвесные, дно на глубине 75 см от погребенной почвы. По краям ямы на ровном дне располагались столбики-колья от плетневой конструкции стены. Судя по глинистой окантовке вокруг ямы и находкам кусочков глиняной обмазки с отпечатками тонких прутьев, стенки погребя, вернее плетень, были обмазаны глиной.

Одним из интересных объектов хозяйственного назначения является яма 185з, располагавшаяся в северо-восточном секторе раскопа XXII (рис. 22в). Форма ямы прямоугольная (1,6×1,45 м) с ровными стенками и слегка округлым дном. Начиная с глубины 118 см и до дна, выявленного на глубине 200 см от краев, прослеживались отпечатки вертикально вбитых в землю и вплотную поставленных к стене деревянных кольев. Вдоль северо-западной стены стояли 6 кольев диаметром 5–7 см и интервалом между ними 16–20 см. На поверхности стены в пространстве между кольями прослеживались следы деревянных досок, положенных горизонтально. На поверхности северо-восточной стены выявлены отпечатки еще 4 кольев, сохранившихся на 55–60 см. Такое же количество кольев было вбито вдоль юго-восточной и юго-западной стен погребя. По сохранившимся остаткам деревянных конструкций легко можно восстановить внутреннее устройство погребя: его стенки были облицованы горизонтально положенными досками, прижатыми к стене вертикальными кольями. Дно ямы было обложено, вероятно, соломой.

В яме 138б XXIII раскопа сделаны интересные наблюдения, дополняющие некоторые детали конструкции и позволяющие представить древний облик сооружения. Так, например, на ровной поверхности стенки, имевшей следы обжига, прослежены остатки внутренней деревянной обкладки: два вертикальных кольшка длиной 96 и 105 см с расстоянием друг от друга около 50 см и между ними отпечатки дерева. Дно ямы, выявленное на глубине 172 см, было покрыто досками и обложено соломой, остатки которой сохранились и были зафиксированы в виде отпечатков на дне и

придонной части стен. Сверху яма имела какие-то наземные конструкции, скорее всего, типа навеса, державшегося на столбиках, от которых по углам ямы, отойдя от краев на 60–80 см, сохранились небольшие округлые ямки диаметром и глубиной 15–20 см.

Насыщенным различными находками оказалось заполнение ямы: на глубине 140 см обнаружено скопление рыбьей чешуи, а рядом – большое скопление зерен малины, вокруг которого отмечена полоса древесного тлена, вероятно, от берестяной посуды. Ниже скопление малины продолжалось. Встречались единичные семена яблони. Ближе к северной стенке лежало скопление яичной скорлупы. Здесь же обнаружено 12 крупных осколков стеклянного сосуда с зеленым припаянным орнаментом и глиняный тигель с каплей меди. На глубине 172 см шла прослойка древесной трухи, перемешанной с огромным количеством зерен малины. Встречались семена яблони, конопли, яичная скорлупа. В северном углу лежал раздавленный широкогорлый кувшин с прилипшими к стенке зернами малины.

В хозяйственных сооружениях описанного типа хранились в основном запасы продовольствия, особенно скоропортящиеся продукты: фрукты, ягоды, яйца, рыба, мясо, молоко и какие-то другие напитки. Значительная глубина ям (от 1,2 до 2,8 м) и дополнительные наземные сооружения в виде односкатных навесов или легких шалашей, покрытых соломой, защищали погреб летом от солнца и дождя, а зимой – от сильного мороза и снежных заносов.

Клетки-полуземлянки – тип хозяйственных сооружений, мало чем отличающихся по конструктивным особенностям от жилищ.

Одна из них – постройка 7 раскопа XXII, функционировавшая в XII в., – имела верхние размеры котлована 3,2×2,8 м и глубину 1,3–1,4 м, ниже размеры уменьшились до 2,9×1,9 м за счет земляной приступки, на которой остались отпечатки нижнего венца сруба, сложенного из бревен диаметром около 15 см. На дне постройки найдены медное блюдо с загибающимися краями диаметром 25 и высотой всего 4 см и два целых стаканообразных сосуда типа «детских горшков». В северо-восточном углу располагалась яма-погреб прямоугольной формы (2,2×1,3 м) глубиной 1,6 м, где обнаружено большое количество зерен полбы и проса, содержащихся в деревянном ящике (Хузин, 1979, с. 84–85 рис. 34).

Своеобразной конструкцией стен и внутреннего устройства отличалась постройка 50 раскопа XXIII (рис. 23). Неглубокий котлован сооружения имел прямоугольную форму (3,2×2,4 м) с юго-западным овальным выступом (2,2×1,8 м). По всем

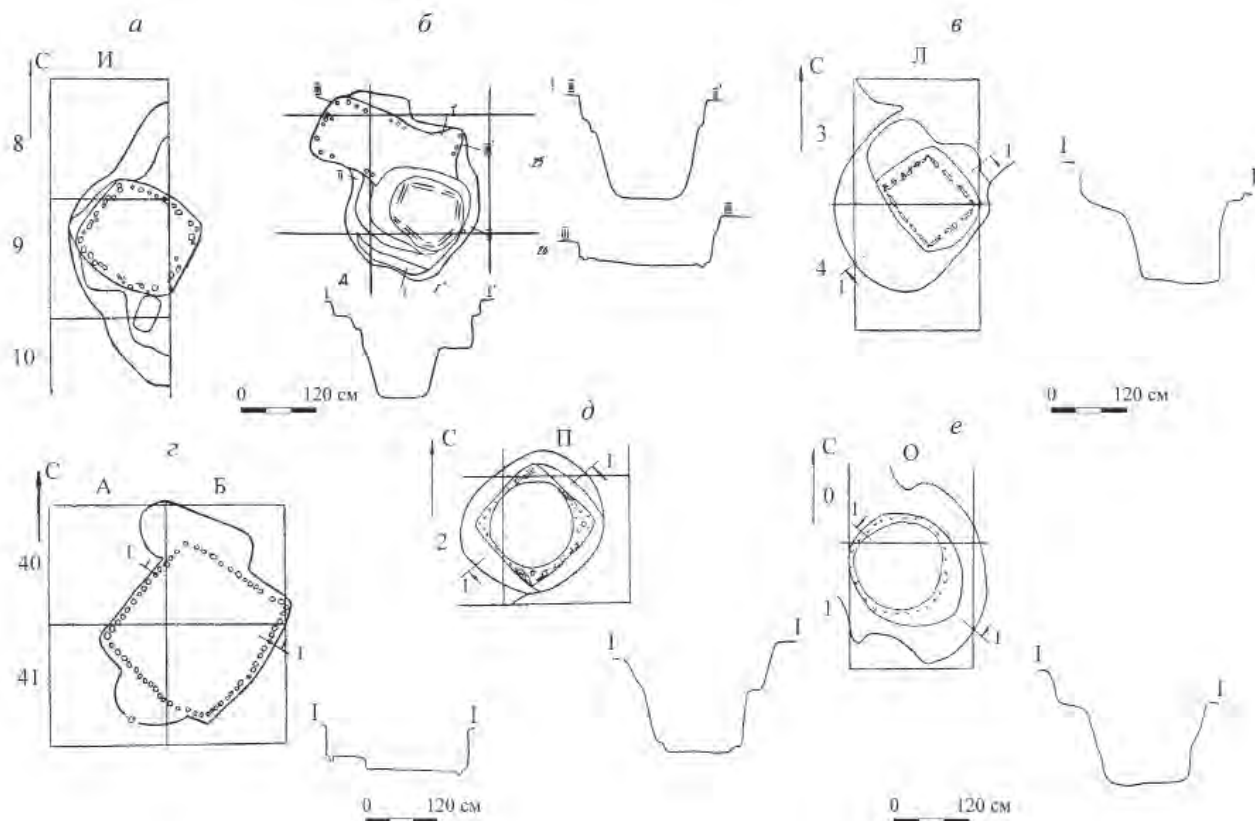

Рис. 22. Билярское городище. Ямы-погребя из раскопа XXII (б) и XXIII (а, в-е).
 а – № 442д'; б – 452, р. XXII, в – № 126а; г – яма № 185з; д – яма № № 185а; е – яма № 138б

углам котлована на ровном дне, выявленном на глубине 50 см от верхнего края, располагались ямки от столбов диаметром 20 см, поддерживающих легкую конструкцию стен из досок-горбылей, введенных, очевидно, в вертикальные пазы указанных столбов. От деревянной стены остались полосы древесного тлена, прослеженные по всему внутреннему абрису котлована. Внутри этой постройки расчищены две круглые ямы глубиной 60 и 100 см от пола. Стенки их были обмазаны глиной, а дно обложено деревянными досками и соломой. В юго-западном углу сооружения с наружной стороны располагалась еще одна подпрямоугольная яма (2,2×1,8 м), которая, постепенно сокращаясь в размерах за счет ступенек-приступок, на глубине 1,4–1,5 м от верхнего края приняла округлую форму диаметром 1,05 м и завершилась на глубине 2,15 м ровным дном и стенками со следами прочного обжига.

Таким образом, имеющиеся материалы по рассматриваемому типу хозяйственных построек показывают, что у болгар одновременно бытовали полужемляночные деревянные клетки двух видов – срубные и столбовые. Небольшие размеры срубов и столбовых конструкций (от 4 до 7 кв. м), отсутствие следов печей и характерных для жилищ находок позволяют рассматривать их как подпо-

лья построек хозяйственного назначения. Вероятно, они служили в качестве клеток, где хранились производственный и бытовой инвентарь, другие предметы повседневной необходимости, а также продовольственные припасы.

Наземные амбары-зернохранилища и клетки изучены впервые в 1972 г. на раскопе XIX в центральной части Билярского городища. Уничтоженные в огне пожара 1236 г., здесь они сохранились в виде углисто-золистых пятен, насыщенных древесной трухой. Пятно сооружения 24 занимало площадь 3,6×1,8 м (Хузин, 1979, с. 82, рис. 33А). На этой площади было расчищено развали 15 сосудов различных форм, деформированных под сильным жаром горевших деревянных конструкций. Почти во всех сосудах и рядом с ними найдены скопления обугленных зерен пшеницы, овса, ячменя. Ниже удалось зафиксировать фрагментарные остатки небольшой деревянной клетки прямоугольной формы (1,4×1,2 м) с входной частью (1,2×0,8 м), сложенной из досок, забранных в пазы стоявших по углам вертикальных столбов.

Сооружение б3 сохранилось также в виде углисто-золистого пятна, занимающего площадь 4×1,7 м. В середине пятна наблюдались суглинистые включения со следами прокала, на фоне которого оконтуривались остатки деревянной кон-

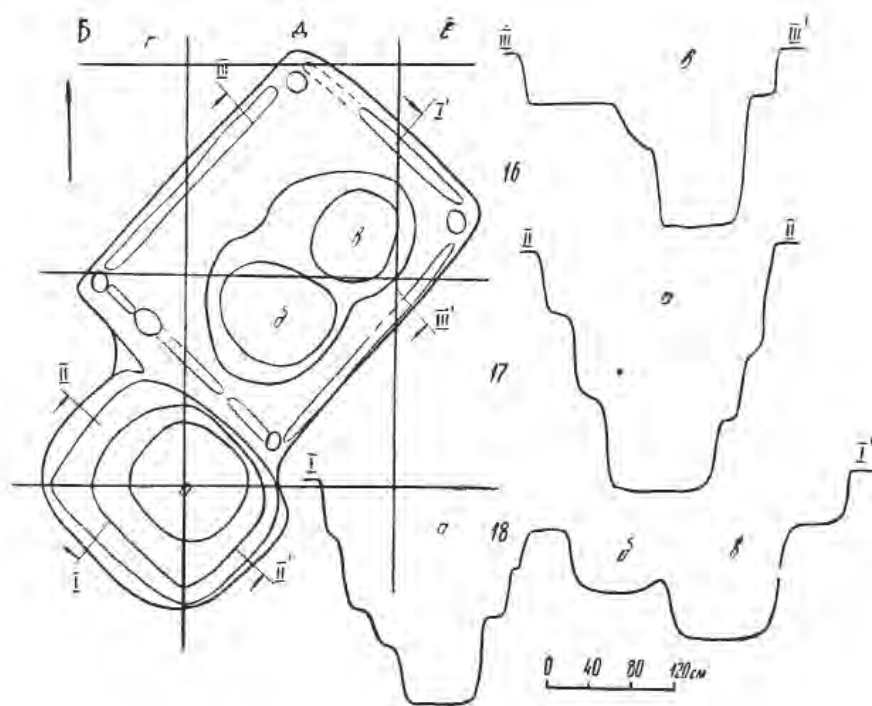

Рис. 23. Билярское городище. Постройка № 50 раскопа XXIII

струкции стены клетки (2,4×1,5 м), где обнаружено большое скопление обугленных зерен проса и пшеницы (Хузин, 1979, с. 82, рис. 33Б).

В раскопе XXII 1973 г. были изучены четыре постройки (№ 1а, 1б, 1в, 2а), рассматриваемые нами как амбары-зернохранилища (Хузин, 1979, с. 83–84). Одна из них выявлена в виде мощного слоя перегнившей древесины, в котором обнаружены скопления обугленных зерен пшеницы, полбы, овса и спекшейся массы проса. Возможно, зерно хранилось в деревянных ларях, так как в районе скоплений зерна обычно много древесного угля. Под этим слоем выявился пласт глиняной отмостки, на фоне которой обозначились пятна 13 столбовых ям диаметром и глубиной от 25 до 40 см, ограничивающих прямоугольную площадку размерами 4×1,7 м. Указанные столбы являются, может быть, остатками коротких деревянных свай, на которых покоился наземный амбар. К этому же типу наземных сооружений относится, безусловно, плохо сохранившаяся постройка с подпольной ямой 11 раскопа XXIX 1989 г., в процессе расчистки которой было собрано более 50 килограммов обугленной пшеницы.

На других домонгольских болгарских поселениях городского типа хозяйственные сооружения сложных конструкций (полуземляночные клетки, наземные амбары-зернохранилища и т. д.) пока не обнаружены.

Вкратце остановимся еще на одной группе сооружений Билярского городища, отсутствующих

пока в других памятниках. Это – *колодецы*, при помощи которых жители центральной части города, удаленной от естественных источников воды, обеспечивали себя питьевой водой.

На раскопах центральной части внутреннего города изучено около двух десятков разновременных колодецев, нижние части которых имели достаточно хорошую сохранность благодаря тому, что находились в воде. Колодезные срубы или ящики, изготовленные из дуба, впущены в глубокие (4,6–7,6 м) ямы округлой в плане формы, сужающиеся книзу. Под нижним венцом срубов, характерных для колодецев XII – начала XIII вв., устроены небольшие водосборные камеры в виде квадратных дощатых коробов. Последние отсутствуют у более ранних колодецев, «срубы» которых делались преимущественно из тонких досок или толстых дубовых плах (Шарифуллин, 1979, с. 112–113).

К числу наиболее ранних относится колодец № 6, расположенный севернее Соборной мечети и брошенный уже после завершения строительства этого белокаменного здания в конце X в. На уровне погребенной почвы выявилось округлое в плане (диаметр около 3 м) пятно колодезной ямы, которая, постепенно сужаясь, на глубине 2 м приобрела почти квадратную форму (2,4×2,2 м). На этом же уровне обозначились контуры колодезного ящика (1,2×1,2 м). Хорошо сохранившийся ящик квадратной формы размерами 1×1,05 м, сложенный из дубовых досок толщиной 1,5–2 и ши-

а

б

Рис. 24. Билярское городище. Раскоп XVII. Сохранившейся части срубов в колодцах 2 и 3.

риной 18–20 см, выявился на глубине 3,4 м, где колодезная шахта еще более сузилась (1,5×1,5 м). Сохранившаяся высота ящика составила 1,35 м. Водоносный горизонт открылся на глубине 4 м, общая глубина колодца достигала 4,75 м (Шарифуллин, 1979, с. 107–108).

Колодец № 1 (рис. 25), изученный в 1972 г. А.Х. Халиковым на раскопе XVII, функционировал в XII в. Первоначально он выявился в виде большого округлого пятна поздней ямы (5,4×5,2 м), которое почти в два раза сократилось в размерах на глубине 4,6 м. На этом уровне в середине пятна четко выявились контуры первоначальной шахты (1,9×1,8 м), в которую был введен дубовый сруб с

внутренними размерами 1,25×1,25 м, сложенный из бревен диаметром 15–18 см. Сруб сохранился на высоту 16 венцов. Пазы между бревнами были промазаны глиной и покрыты известковой штукатуркой. В нижний двойной венец сруба, находившийся на глубине 7,1 м от поверхности, впущен водосборный ящик из дубовых плах. Общая глубина колодца составляла 7,6 м (Шарифуллин, 1979, с. 102–103).

Кирпичных домов жилого назначения пока не известно ни в одном болгарском городе. Непонятно, в каких домах жили богатые горожане – неужели только в полуземлянках или наземных домах

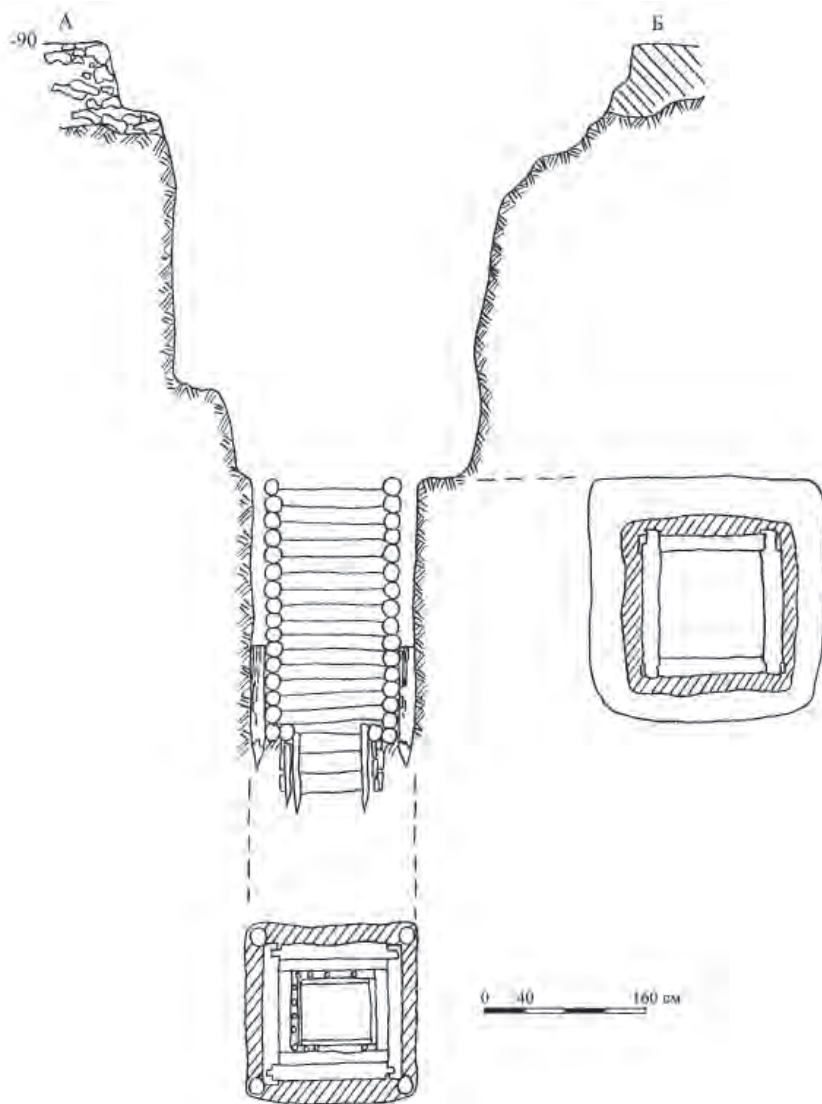

Рис. 25. Билярское городище. Раскоп XVII. План и сечение колодца № 1

площадью 12–20 кв. м? Верится в это с трудом. К сожалению, жилища все еще остаются наименее изученной частью материальной культуры домонгольских болгар. Небольшие по размерам котлованы прямоугольной формы мы традиционно определяем как остатки рядовых жилищ-полуземлянок, не обращая никакого внимания на другие объекты типа столбовых или «хозяйственных» ям вокруг них, которые в комплексе могут оказаться остатками обширных построек, даже двухэтажных, принадлежавших богатым горожанам. А priori можно допустить, что представители высших слоев населения жили в основном в больших деревянных домах наземного типа, от которых редко сохраняются четкие археологические следы. Даже рядовые (массовые) жилища доходят до нас лишь в виде подполий, обложенных досками или бревном, которые мы принимаем за остатки основных конструкций. Нет оснований отрицать в на-

земных домах достаточно совершенной системы отопления, хотя, несомненно, у части населения применялось и отопление «по-черному». Высокий уровень развития всех отраслей материальной культуры, в том числе кирпичной и каменной архитектуры болгарских городов, предполагает и более солидный уровень строительства массовых жилищ. Однако данный тезис требует еще новых доказательств.

Элементы благоустройства в археологических материалах прослеживаются слабо, однако есть сведения о мощенных деревом, камнем или кирпичным щебнем дорожках в центральной части Биляра. Воду брали не только из естественных источников, добывали ее и в глубоких колодцах. Колодезную воду использовали также в банях.

В целом же архитектурный облик болгарских городов не был слишком однообразным и примитивным. Крупные города были окружены

мощными укреплениями с крепостными башнями и проездными воротами, некоторые из которых, судя по народным преданиям, назывались «золотыми». В этих городах находились караван-сарай для приезжих купцов, имелись мечети с высокими минаретами и религиозные школы-медресе при них. Центральные площади

оживлялись базарами с их своеобразными постройками – лавками, небольшими мастерскими, складскими помещениями и т. д. Из массы рядовых жилищ, надо полагать, выделялись богатые дома, нередко двухэтажные, общественные бани и другие здания, сооруженные из камня и кирпича.

ГЛАВА 4

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Археологическое изучение Волжской Болгарии продолжается уже более 100 лет. Основное внимание во второй половине XX в., периоде наиболее интенсивного изучения болгарских древностей, уделялось городищам и могильникам. Существенно меньше исследовались селища. Вместе с тем это самая массовая категория болгарских памятников, что было отмечено еще в середине XX в. А.П. Смирновым – родоначальником болгарской археологии (Смирнов, 1951, с. 115). Первые шаги в этом направлении были сделаны в конце 1940-х гг. Н.Ф. Калинин и продолжены в 50–80-е годы XX в. В.Ф. Генингом, Т.А. Хлебниковой, Р.Г. Фахрутдиновым, Е.П. Казаковым, В.Ф. и Б.В. Каховскими, Г.И. Матвеевой и др. В 1990–2000-х годах работы на селищах велись Е.П. Казаковым, П.Н. Старостиним, М.М. Кавеевым, И.Н. Васильевой и К.А. Руденко в основном на памятниках, разрушающихся Куйбышевским водохранилищем. Стационарное изучение Остолоповского селища в 2010-х годах проводил К.А. Руденко. В последние годы археологами ИА АНТ возобновились работы на разрушающихся селищах в зоне Куйбышевского водохранилища, а также охранные раскопки болгарских селищ при землеотводах.

Наибольшая активность в стационарном исследовании болгарских селищ приходится на 1960-е и 1990-е годы, сокращаясь в начале 2000-х годов (диаграмма 1).

Большая часть селищ выявлена и обследована разведками в 1960–1980-х годах в рамках составления археологической карты Татарстана. Однако раскопками изучено менее 1% поселений. Большая часть их относится к домонгольскому времени (диаграмма 2).

К началу XXI в. в Татарстане, Ульяновской, Самарской областях, Чувашии известно 1087 селищ. В Татарстане зафиксировано 845 селищ (78%), причем распаивается 69% из них. В зоне Куйбышевского водохранилища в пределах Татарстана разрушаются или уже полностью разрушены 10% селищ.

Первые публикации по исследованиям болгарских селищ XI–XII вв. появились в конце 1950-х – начале 1960-х годов и имели информационный характер. Картографирование болгарских по-

селений, в том числе и селищ, было проведено Р.Г. Фахрутдиновым в середине 1970-х годов и на основе этого были сделаны выводы о территории болгарского государства и наблюдения по распространению болгарских поселений по речным системам. Первая обобщающая работа по болгарским селищам, написанная Е.П. Казаковым, была опубликована только в начале 1990-х годов. В ней был систематизирован обширный, в основном подъемный материал конца X – начала XIII вв. с нескольких селищ приустьевой части Камы (Казаков, 1991).

Публикации К.А. Руденко в 1980 – начале 2010-х годов, помимо материалов полевых исследований, были посвящены систематизации предметов материальной культуры, типологии селищ и выявлению их связей с городищами и могильниками, а также вопросам хронологии и планировки этих поселений, особенностям их топографии и материальной культуры на каждом этапе. Эти достижения позволяют получить достаточно объективную картину об этой категории болгарских поселений. Базовыми объектами стали селища в Западном Закамье, наиболее хорошо изученные на сегодняшний день. Эти данные будут уточнены и скорректированы по мере накопления раскопочно-го материала.

Важнейшим шагом в исследовании этой категории болгарских археологических памятников была их систематизация и разработка типологии. Попытки систематизации селищ предпринимались в 1950–1970-х годах Н.Ф. Калинин и Р.Г. Фахрутдиновым. Главным классификационным признаком в их построениях по примеру систематизации болгарских городищ выступала площадь памятника. Нами в конце 1990-х годов была предложена типология на основе расположения селищ на местности. Данный критерий широко использовался в исследованиях по селищам советских археологов европейской части СССР в 1980–90-х годах. Более того, отталкиваясь от этой типологии можно выйти на более широкий уровень аналитики: рассматривать сельское население эпохи Средневековья как систему взаимоотношений факторов: географических, демографических, социальных, хозяйственных,

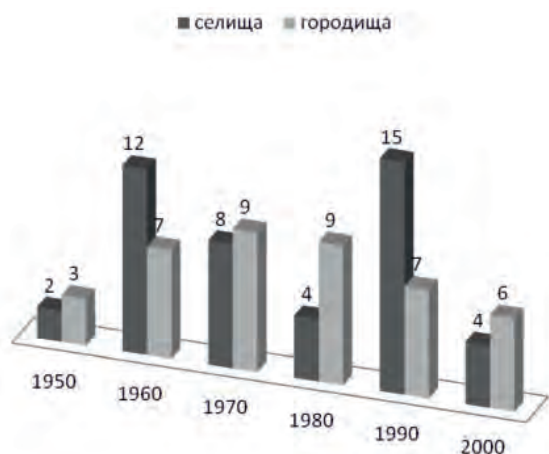

Диаграмма 1. Динамика изучения раскопками селищ и городищ в 1950–2000-х годах

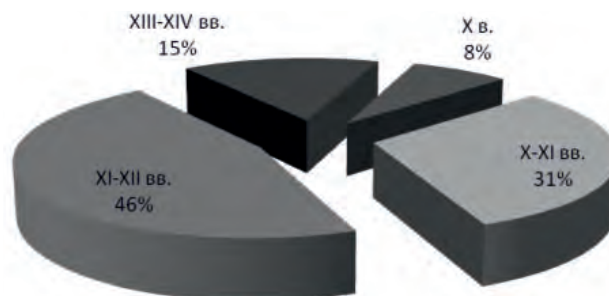

Диаграмма 2. Изученность селищ X–XIV вв.

так как изменение в одной из этих областей имеет следствием перестройку целого.

Методика изучения сельского расселения базируется на понятии микрорегиона, выделяемого по ландшафтным признакам, при этом археологические объекты рассматриваются комплексно (по кустам и гнездам). Зависимость расположения селищ от ландшафта прослеживается достаточно четко в разных регионах в сходных природно-географических условиях, но, как показали исследования древнерусских селищ С.З. Черновым, на нее оказывали влияние и формы землевладения¹.

Нами в типологию было включено около 900 селищ, информация о которых была получена из разведок и раскопок автора в 1988–2010-х годах (свыше 300 селищ), а также опубликованные данные, сверенные с материалами отчетов конца 1940–1960-х годов.

Типология выглядит следующим образом (табл. 1; рис. 1). В группы селища объединяются по степени удаленности их от реки: находящиеся в пойме, на расстоянии не ближе 60–100 м от коренного берега (А); на надпойменной террасе или склоне коренной террасы (Б); на коренном берегу (В); и на водоразделе (Г).

Селища, возникшие в X в. и относящиеся к группе А, составляют 1,6%; группы Б и В более многочисленны: 18,3% и 13,3% соответственно. Группа Г не представлена совсем. Селища, возникшие в XI в. и существовавшие до конца XII в., распределяются так: группа А – 2,3%, группа Б – 13,6%, группа В – 17,6% и группа Г – 0,16%. Таким образом, селища домонгольского времени практически не занимали водораздельные высоты, достаточно редко они находились в пойме и в основном располагались на краях надпойменных террас, склоне коренной террасы или у кромки ко-

ренного берега. Причем в последнем случае селища возникали в XI–XII вв., а в X–XI вв. их больше всего на надпойменных террасах.

По видам селища группируются по отношению к источнику воды и, в ряде случаев, в соответствии с особенностями геологического строения рельефа окружающей местности: у родников и карстовых (провальных) озер (I); у стариц (II); у истоков рек и ручьев (III); на ровных участках плато (IV); у оврага или балки (V), на берегу реки (VI).

В X–XI вв. наиболее многочисленными были селища VI вида – 27%, существенно меньше селищ V вида – 5,3%. Не встречено ни одного селища III и IV видов; остальные составляют от 0,3% до 1% (I и II виды). Селища XI–XII вв. чаще всего VI вида – 16,7%, чуть меньше V вида – 14%, что существенно больше предшествующего периода. Остальные виды селищ представлены небольшим числом – от 0,3% до 1,3%.

Тип определяется по расположению поселения на местности: вытянутые вдоль оврага или балки (а); на мысу при впадении в реку притока или оврага (б); на мысу, ограниченном поймой (в); в излучине реки (перешеечные) (г). При наличии городища выделяется селище – посад за валом городища (д); и селище на месте предшествующего ему городища (е).

В X–XI вв. наиболее распространенными были селища типов «а» и «б» – 13,3 и 13% соответственно. Значительно меньше селищ типа «д» – 5%. Остальные типы селищ составляют от 0,7% до 1,3%. Селищ типа «е» не зафиксировано. В XI–XII вв. картина меняется: самым распространенным типом становятся селища типа «д» – 13,3%; существенно меньше, но практически равнозначны по количеству распределяются селища типов «а, б» и «г» – 5,3%, 6%, 5%, соответственно. Еще меньше приходится на типы «в» – 3,3% и «е» – 0,3%.

¹ Подробнее см.: Руденко, 1999а, с. 63–66.

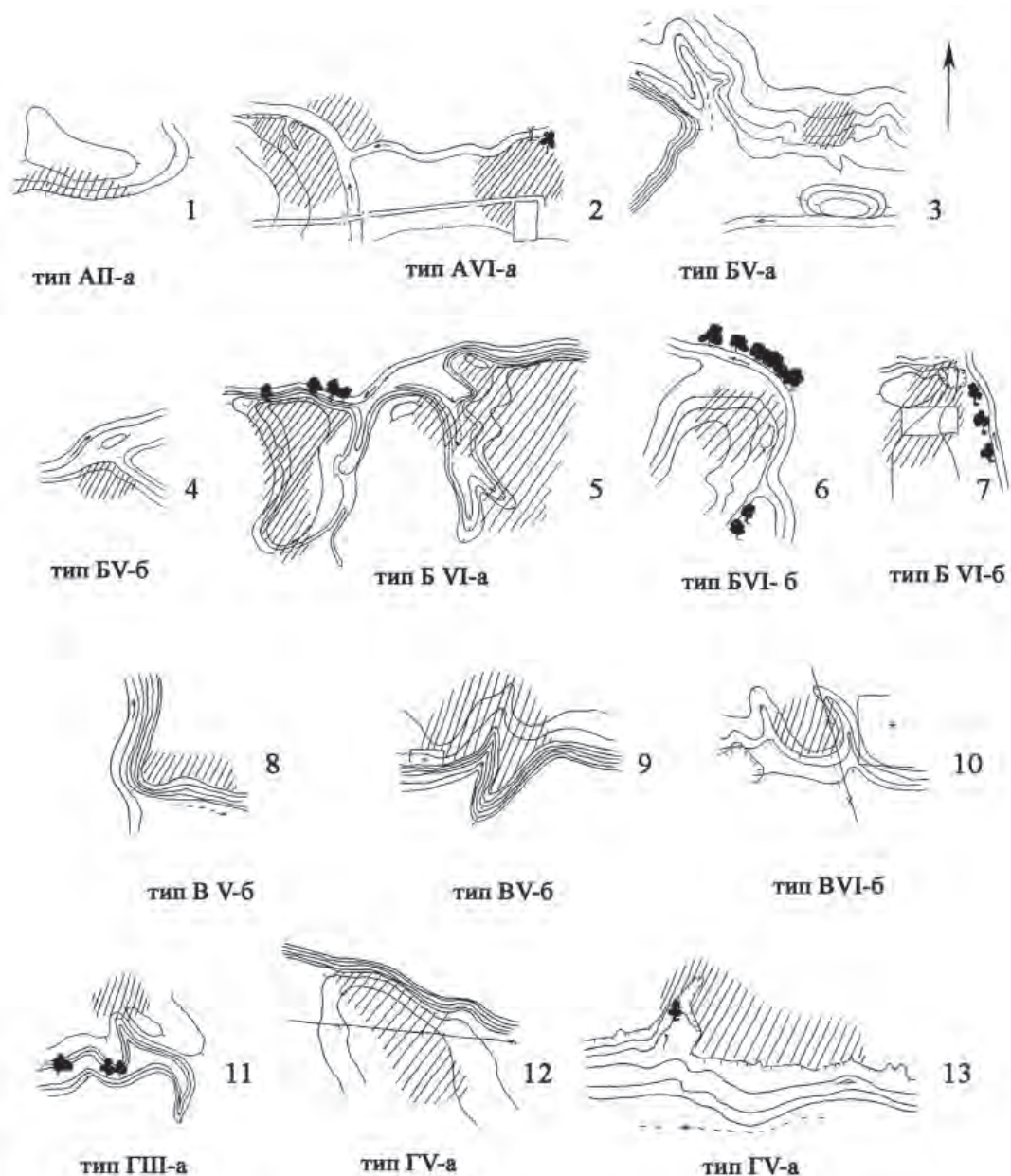

Рис. 1. Домонгольские селища Волжской Болгарии

1 – Солдакаевское I; 2 – Староальметьевское III; 3 – Новоамзинское VIII; 4 – Кичкальнинское I; 5 – Староамзинское III и Новоамзинское VI; 6 – Солдакаевское II; 7 – Старорусскоальметьевское; 8 – Новоамзинское II; 9 – Русскомеченское; 10 – Староальметьевское V; 11 – Новоамзинское VII; 12 – Новоальметьевское II; Новоамзинское IV селище.

Индивидуальное своеобразие селищ определялось спецификой природного ландшафта, включая и особенности геологического строения местности, с чем связана климатическая асимметрия, дающая разный тепловой, влажный режим на склонах диаметрально противоположной ориентировки. Она же обусловила топографическое расположение большей части селищ в отношении берегов реки или оврага. Например, в Предкамье это склоны восточной и реже северной экспозиции. Крутояры практически не использовались

для устройства поселений, но могли эксплуатироваться в качестве пастбищ.

Как правило, селища располагались на берегах рек или оврагов, поблизости от воды. Нередко небольшие по размеру селища тяготеют к одному из поселений – крупному селищу или расположенному поблизости городищу, образуя своеобразный куст археологических памятников. В Предкамье часть селищ занимала участки плодородной поймы притоков небольших речек. В ряде случаев поселения располагались на высоких мысах по-

близости от ручьев или родников. Очень невелико число селищ, находившихся далеко от коренного берега в пойме.

Расположение селищ разного времени имеет свои особенности. В X–XI вв. характерно размещение селищ у ручьев или родников, питающих небольшие притоки. Высота над уровнем уреза воды не велика – не более 3 м; поселения, как правило, вытянуты вдоль берега. Такой тип селищ характерен для Предкамья, Предволжья и особенно часто встречается в центральных закамских районах. Самым распространенным типом селища в начале и первой половине XI в. были поселения, располагавшиеся на надпойменной террасе или крае коренного берега реки (Б и В, вид VI), чаще всего на мысу при впадении в реку притока или сухого оврага, а также вытянутые вдоль края берега того же оврага или притока (типы «а» и «б»).

В XI–XII вв. значительная часть селищ занимала края коренных речных террас (BVI), но почти не уступают им по числу селища в овражно-балочной системе (BV), на мысу при впадении в реку притока, сухого оврага или его отрога, а также вытянутые вдоль края берега того же оврага или притока или в излучине реки (типы а, б). Но самой распространенной категорией становятся селища-спутники, привязанные к городищу, занимавшие территорию за его укреплениями (тип д). Причем со второй половины XI – первой половины XII в. становится характерной приуроченность селищ к естественным рубежам – небольшим овражкам и ложкам, ограничивающим площадь застройки. Встречаются мысовые поселения, находящиеся на краю коренной террасы у истоков родника или ручья в овраге (Казакларское, Чемерцинское селища). Немногочисленные селища такого типа известны в южной части Болгарии (напр., селище у с. Караульная Гора в Нурлатском районе РТ).

Распространение того или иного типа селища для разных микрорегионов и географических зон (Закамья, Предкамья и Заволжья) будет разным. Так, в Закамье в XI–XII вв. преобладали селища приречной группы. Они располагались на надлуговых террасах притоков крупных рек (около 80%). Селища приречной группы, но расположенные на краях коренных террас (источник воды – родники и ручьи в оврагах), имели меньшее распространение и были характерны для Закамья в основном в XI в. В Предкамье селища последней группы распространяются, видимо, в XIII в.

В XII в. в Центральном Закамье зафиксированы единичные селища на водоразделах, как правило, в районах крупных городских агломераций. Такие поселения расположены у истоков ручьев или мелких речек. Но в целом эта группа посе-

лений не получила распространения вплоть до XVII–XVIII вв.

Отмеченные выше особенности свидетельствуют о ряде общих тенденций. Селища в домонгольский период чаще всего занимали берега небольших рек и по большей части были расположены невысоко от уреза воды в реке, но все же настолько высоко, что бы их не затапливало в паводок. Если во второй половине X – начале XI в. значительная часть селищ тяготела к пойме, занимая высокие надлуговые террасы, то к XII в. их становится немного. Селища «отходят» от реки и все больше связываются не с удобством окружающего ландшафта, а с городищами. Водоразделы не были заселены (за исключением отдельных маленьких селищ в пределах мегаагломераций).

Выделяются селища, предшествующие городищу, селища-посады с использованием укрепленного городища предшествующего времени и селища на месте бывшего городища. В первом случае наличие таких объектов определяется по данным обследований ряда овражно-мысовых городищ в центральном Закамье, где культурный слой отмечен не только в пределах укрепленной части мыса, но и за ними, например, на стрелке мыса, отсеченной от остальной части валом и рвом (Малополянское городище в Чистопольском районе).

Селища на месте разрушенных посадок городков, например, II и III Билярские, Данауровские селища относятся к золотоордынскому времени. Домонгольских поселений этого типа не выявлено.

Общей тенденцией в развитии поселений было экстенсивное освоение территории вокруг исторического ядра селищ. Исключения составляли поселения, ограниченные естественными границами (Кожаевское, VI Алексеевское селища). В сущности, не было и бесконечного расширения площади самого поселения – все зависело от местности, типа застройки и продуктивности эксплуатируемых земельных угодий.

Имеющиеся данные позволяют сделать предположения о статусе и характере некоторых поселений, основываясь на специфике их материальной культуры (социальная типология селищ).

Открытые торгово-ремесленные поселения представлены I–IV Семеновскими, Измерским и Головкинскими селищами (Казаков, 2000, с. 117–121). Расположены они поблизости от крупных речных артерий – Камы и Волги, на притоках этих рек или проточных старицах. На этих селищах встречаются многочисленные предметы торговли – весы для малых взвешиваний, металлические гирьки, монеты, монетные слитки, импортные изделия (стеклянные и каменные бусы, торевтика), большое число поделок собственного производ-

ства (серийные металлические поясные накладки, пряжки), предметы вооружения. В небольшом числе встречаются сельскохозяйственные орудия. Расцвет этих селищ приходится на вторую половину X – начало XI в., хотя большая часть из них продолжила свое существование вплоть до начала XIII в., потеряв при этом прежние функции.

Ремесленные слободы. Интерпретировать таким образом можно Лаишевское селище (Чакма) (Руденко, 1999, с. 73–102). Селище расположено на краю надлуговой террасы, поблизости от р. Брыссы и старичного озера. В озеро впадали две небольшие речки, устье которых было заболочено. Эти речки делили территорию селища на три части. В средней части располагались металлургические горны и кузницы. Металлургическое производство тяготело к краю террасы, ближе к воде. Мастерские кузнецов и слесарей входили в состав усадеб и соседствовали с жилыми и хозяйственными постройками. Часть кузниц, связанных с работой с горячим металлом и ковкой, была вынесена за пределы жилой зоны. На селище в подъемном материале и в раскопах найдены около 50 кг металлургических шлаков (ими были заполнены ямы), крицы, куски руды. Были зафиксированы остатки металлургических и кузнечных горнов (в разрушенном состоянии). В раскопах были выявлены остатки мастерской кузнеца.

В подъемном материале и из раскопов происходят готовые изделия: навесные замки, ключи, ножи, гвозди, наконечники стрел, металлические детали конского снаряжения, а также декоративные накладки на него. Кроме того, здесь же обнаружены, полуфабрикаты, заготовки этих изделий и производственный брак.

Помимо производимых изделий встречаются предметы торговли: детали весов для мелких взвешиваний, железные гири, мелкие обрубленные серебряные слитки. На селище производилась и глиняная традиционная посуда (XIII этнокультурной группы по Т.А. Хлебниковой), продававшаяся и за пределами этого поселения.

Датируется расцвет этого поселения как ремесленной слободы XI–XIII вв.

Военные поселения. Пока известно только одно такое селище – Остолоповское (Руденко, 2012, с. 123–145). На нем в основании культурного слоя встречены детали защитного вооружения (пластины от доспеха), наконечники стрел, дротиков, костяные колчаные петли, обкладки налучий, а также большое число металлических и костяных деталей и украшений конского снаряжения. На этом селище встречены также привозные и импортные изделия: поливная керамика среднеазиатского и иранского производства, а также местной выделки, стеклянные изделия: парфюмерная по-

суда, украшения (браслеты, бусы), янтарь-сырец и изделия из него, каменные бусы (гешир) и прясла (шифер). Встречены и редкие находки, например, глиняная чернильница. Единичными находками представлены предметы, связанные с сельским хозяйством: серпы, косы. На селище зафиксированы следы ювелирного производства.

Деревни/села имеют свою специфику в зависимости от расположения. Совершенно изолированных поселений не было. Так, Мурзихинское селище, находившееся близ Камы и ее притоков и старичных пойменных озер, специализировалось на обслуживании камской переправы, торговом транзите (в весеннее половодье) и рыболовстве. Здесь встречаются рыболовные грузила и крючки, гарпуны; в хозяйственных ямах в значительном количестве встречается рыба чешуя и кости. На поселении найдены предметы вооружения: наконечники стрел, копий; бронзовое навершие булавы. Немало здесь и импортных предметов, в том числе стеклянных бус. В слое XI в. селища найдена славянская керамика, в подъемном материале – предметы христианского культа (Руденко, 2015, с. 83–145).

VI Алексеевское селище, расположенное в камской пойме и удаленное от коренного берега, тяготело к Алексеевскому городищу. Здесь встречены привозные предметы (в основном местного, болгарского производства), в том числе поливная посуда, серебряные и золотые ювелирные изделия. Большое число в керамическом комплексе тарной и столовой посуды. Найдены на селище фрагменты топоров, предметы вооружения и конского снаряжения, а также орудия уборки урожая – серпы и косы. Однако деталей пахотных орудий здесь нет. Вероятно, основной специализацией жителей поселка, кроме таможенных и охранных функций на речном пути, было разведение скота и заготовка фуража. Подсобным промыслом было рыболовство.

Близ этого селища найден клад (Мокрокурналинский) золотых и серебряных украшений биллярского производства. Расцвет селища приходится на XI – начало XII в. (Руденко, 2015, с. 15–82).

Ремесленным посадом малого города были IV и V Старокуйбышевские селища (Казаков, 1984, с. 39–64). Здесь найдены скопления товарных железных криц, следы металлургического и ювелирного производства, серийные изделия из железа, клады медной посуды (котлы, кумганы). На одном из селищ работали гончарные мастерские, выпускавшие на рынок столовую круговую посуду. На IV селище найдены серебряные ювелирные изделия. В XIX в. на месте этих поселений был найден клад серебряных и золотых украшений (Спаский).

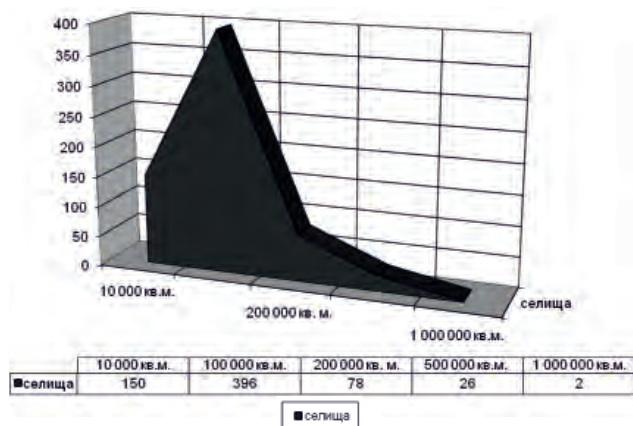

Диаграмма 3. Распределение болгарских селищ по площади (по Р.Г. Фахрутдинову)

Не исключено, что даже на протяжении столетия социальный статус поселения мог меняться.

По площади (см. диаграмму 3) преобладающими среди болгарских селищ являются поселения средних размеров (до 6 га). Существенно реже встречаются очень крупные селища (более 10 га) и совсем небольшие (менее 1 га). Хронологическую эволюцию поселений по этому признаку составить сложно, поскольку многие из селищ существовали на протяжении длительного промежутка времени, а иногда просто «наследовали» территорию пустоши. Кроме того, очевидно, что не все селища в данной местности, даже относящиеся к одному хронологическому отрезку, например, к XI–XII вв., функционировали одновременно.

Археологическая площадь селища обусловлена рядом причин: 1) естественными границами поселения на местности (напр. излучина реки, овраги, подъем склона коренной террасы и т. п.); 2) особенностями начального этапа формирования поселения (из одной или нескольких моноэтнических или полиэтнических семей или семейных групп); 3) характером дальнейшей эволюции в связи с расположением торговых сухопутных и речных путей, внутренних рынков, расположенных поблизости городов и частных владений и т. п.; 4) экологическими условиями жизнедеятельности и их изменениями вследствие антропогенного воздействия (сведение лесов, истощение почвы и кормовых угодий и т. д.).

Селища группируются в кусты (гнезда) (схема 1) и входят в поселенческие агломерации; случаи, когда они абсолютно изолированы, не известны, и даже расположение их в значительном отдалении от других памятников большая редкость. В целом место селищ в этой системе определяется так: селище – куст памятников – агломерация – микрорегион. В Казанском Поволжье такие крупные микрорегионы локализуются достаточно четко по

бассейнам рек, разделяясь водоразделами, а внутри их – притоками и естественными преградами (заболоченными участками и т. п.) (Руденко, 2009, с. 95–99).

В простых агломерациях структура проста: городище – селище/а – посад/ы, 2–3 селища-спутника и сопутствующие им могильники. По планировке различаются варианты простой агломерации:

Первый вариант – это комплексы с радиально-кольцевым расположением селищ и городищ, определяемым центральным городищем, и расположенными вокруг селищами. Как правило, это овражно-мысовые городища первого или третьего типа: Малополянское, Староромашкинское, Соновское II, Екатеринослободское II и др.

Второй вариант – расположенные последовательно (линейно) городище и селище-посад. В основном к этому варианту относятся мысовые городища на речных террасах первого типа: Малотолкишское, Таттюгульбаевское и др.

Третий вариант – это одиночные городища с иррегулярной структурой первого и третьего типов: Остолоповское, Изгарское. Они, как правило, не имеют строгой привязки к местности. Так, городища Остолоповское и Кашан I расположены на мысу коренного берега, Изгарское – на ровной местности, и т. п.

Следующий уровень поселенческой агломерации – мезоагломерация. Основу ее составляют 2 городища, 4–7 селищ-посадов и до 4 селищ-спутников. Так можно идентифицировать археологические памятники у с. Ромодан.

Макроагломерация состоит из двух городищ, соединенных общим валом и составляющих укрепленный район, и 2–6 селищ, из которых 1/3 составляют селища-спутники. К этому комплексу относятся Войкинские, Маклашеевские, Бураково-кожаевские (схема 2) поселенческие комплексы.

Высшим уровнем организации поселенческой агломерации является *макроагломерация*. Ее можно определить наличием 2–4 городищ и от 4 до 15 селищ-посадов, а также не менее 5 селищ-спутников. Примером этого комплекса является Билярское городище с округой. Мегаагломерация может не иметь единого центра, а быть территориальной единицей, включающей простые агломерации.

Микрорегион, соответствующий мезоуровню природной среды, представляет собой территорию, на которой расположены агломерации разного уровня.

Накопление культурного слоя на селищах имеет свои особенности. Территориальное развитие средневекового сельского поселения шло экстенсивным путем – за счет освоения близ лежащих земель. Даже перестраиваемые постройки в

пределах одной усадьбы (интенсивный участок используемой полезной территории), как правило, меняют свое местоположение на местности. Поэтому при раскопках сельского поселения трудно установить сразу, где находится его начальное ядро, и проследить динамику формирования культурного слоя. При этом ранние отложения могут быть перекрыты отвалами мусора, переработаны, в зависимости от того, насколько долго продолжалась жизнь поселения в целом и насколько активно использовался данный участок исследуемого селища. Выбросы бытового мусора или капитальная перестройка построек могут создать ложную картину статистики находок или количественного залегания артефактов в том или ином слое или горизонте.

Таким образом, с одной стороны, раскопки селищ дают достаточно узко датированные комплексы, что, безусловно, очень важно в археологических исследованиях. С другой стороны, здесь в большей степени проявляется индивидуальный характер культурных отложений в разных частях археологического памятника и дифференциация находок в массовом материале при весьма ограниченном составе индивидуальных и датирующих находок. Последний фактор в большинстве случаев делает раскопки селищ делом достаточно трудоемким и с большими затратами времени.

Важным показателем при анализе селищ разного типа является характер застройки селищ. Этот вопрос остается слабоизученным, так как, за исключением единичных случаев, нет ни одного полностью раскопанного болгарского селища. Можно предполагать, судя по распространению подъемного материала, однорядную (уличную) и кустовую застройку. Первая более характерна для селищ приречно-овражной группы селищ, вторая – для селищ, расположенных у оврагов и балок. Такая система застройки, насколько сейчас можно судить, также характерна для селищ пойменной группы.

По материалам раскопок было установлено, что наиболее распространенной для селищ была дворовая (усадебная) застройка (Рождественское, Лаишевское, VI Алексеевское селища). Усадьбы были ориентированы в сторону реки или иного водоема (озера, протоки и т. п.). В среднем болгарская сельская усадьба занимала площадь в 324 кв. м (18×18 м) (VI Алексеевское селище). Плотность застройки среднего по размерам селища была различной, но одновременно, скорее всего, могло функционировать не более 40 усадеб, а максимальное число жителей селища было около 250–400 человек.

Селища, возникшие в первой половине X в. Левобережное Малоиерусалимское селище рас-

положено на территории Болгарского городища на левом берегу Малого Иерусалимского оврага, неподалеку от его устья, на небольшой террасе. Стратиграфия поселения проста: дерн, темно-серая супесь, пестроцвет и материк – красный суглинок. Общая мощность отложений составляла 50–60 см. При раскопках изучено четыре полуземляночных жилища, в одном из которых был обнаружен серебряный дирхем 898/899 г. Дома разных размеров – от 10 кв. м и до 30 кв. м. Котлован жилища был заглублен на 40–50 см, а пол, вероятно, имел деревянные половицы. Стены домов были деревянные, крепившиеся по углам бревнами диаметром 20 см. Постройки обогревались очагами, сложенными из песчаника. За пределами жилых построек выявлены хозяйственные ямы цилиндрической формы. Керамика из объектов и культурного слоя встречена как лепная, так и круговая, имеющая аналогии в материалах Танкеевского могильника IX–X в. Из украшений интересны костяной гребень и копоушка, датирующиеся по материалам Прикамья и Танкеевскому могильнику тем же временем, что и керамика.

Помимо Левобережного Малоиерусалимского селища, находки IX в. встречаются в раскопах на верхнем плато Болгарского городища.

Еще одно поселение IX – начала X в., возможно, находилось у Базяковского взвоза в Алексеевском районе РТ (Хлебникова, Казаков, 1976, с. 120, № 27). Оно может быть соотнесено с находками из разрушенного захоронения IX – первой половины X в. в этой же местности.

В 1970-х годах ряд поселений и местонахождений были датированы концом IX – началом X в. или даже серединой VIII – серединой IX вв. (Хлебникова, Казаков, 1976, с. 135). Это находки фрагментов керамики на Маклашевском II городище именьковской культуры, поселении «Курган» и Щербетьском островном селище той же культуры, а также на селищах: Мантовском, Тат. Саплыкском, Старокуйбышевском, Соколовском, Лебединских, Алексеевских, Байтерьяковских и поселениях в бассейне Бахты. Их следует отнести ко времени не ранее середины – второй половины X в., а некоторые и XI в., поскольку датировка базовых памятников, ставших основанием для ранних дат материалов с этих объектов, например, Остолоповского селища (Хлебникова, Казаков, 1976, с. 110), была скорректирована после новых раскопок. Вторым аргументом в пользу ранней датировки вышеуказанных поселений были находки на них лепной или подправленной на круге керамики т. н. «салтовского типа», которую Т.А. Хлебникова датировала VIII–IX вв. Однако эта керамика встречается на болгарских памятниках практически весь домонгольский период и дати-

Рис. 2. Измерское селище

роваться только этим промежутком времени не может. Селища в округе Билярского городища, по обследованиям К.А. Руденко в 1996 г., за единичными исключениями, датируются XI–XII вв., как и селища по Большому Черемшану и его притокам (Кривоозерское и Тюрясевское I). Полянское селище на р. Бетьке также датируется домонгольским временем, скорее всего, второй его половиной.

Селища, возникшие во второй половине X – начале XI в. I Семеновское и I Измерское селища расположены к западу – северо-западу от с. Измери Спасского района РТ, на надпойменной террасе левого берега протоки Грязнуха (Измерское) и на останце пойменной террасы у старичного озера к северу от берега (Семеновское селище). Площадь *Измерского селища* – свыше 600 000 кв. м (рис. 2). Исследования этих памятников проводились Е.П. Казаковым с 1961 г. Стационарные раскопки Измерского селища были начаты в 1972 г. К 1985 г. было вскрыто свыше 700 кв. м площади памятника. Масштабные работы были проведены здесь в 2000–2002 гг.: было изучено около 500 кв. м. В целом за 30 лет работ на памятнике было исследовано более 1500 кв. м. Работы носили охранно-спасательный характер, поэтому вскрытие велось

не сплошной площадью. Памятник однослойный; мощность культурных отложений составляет 40 см. В раскопах и на отмели были выявлены остатки жилых и хозяйственных построек, собран значительный подъемный материал, в том числе и нумизматический. По монетам (серебряные арабские дирхемы, брактеаты, западноевропейские денарии), вещевому материалу и керамике селище датируется второй половиной X – первой половиной XI в. Поселение продолжало существовать в XII – начале XIII в.

Первым было основано I Семеновское селище², которое, судя по нумизматическим находкам, датируется 930–970-ми годами. Причем монеты позже 977 г. здесь не встречаются. Подъемный материал с Семеновского острова, собранный почти за полвека, разнообразен. Это пряжки и накладки на пояс из бронзы, меди и серебра (рис. 3), украшения прически, предметы вооружения, детали конского снаряжения и упряжи. Среди уникальных находок – клад серебряных дирхемов X в., а также многочисленные отдельные монеты того же времени; небольшой клад серебряных ювелирных

² Этот памятник обследовался разведками; Е.П. Казаковым было заложено несколько шурфов, но стационарные раскопки не производились.

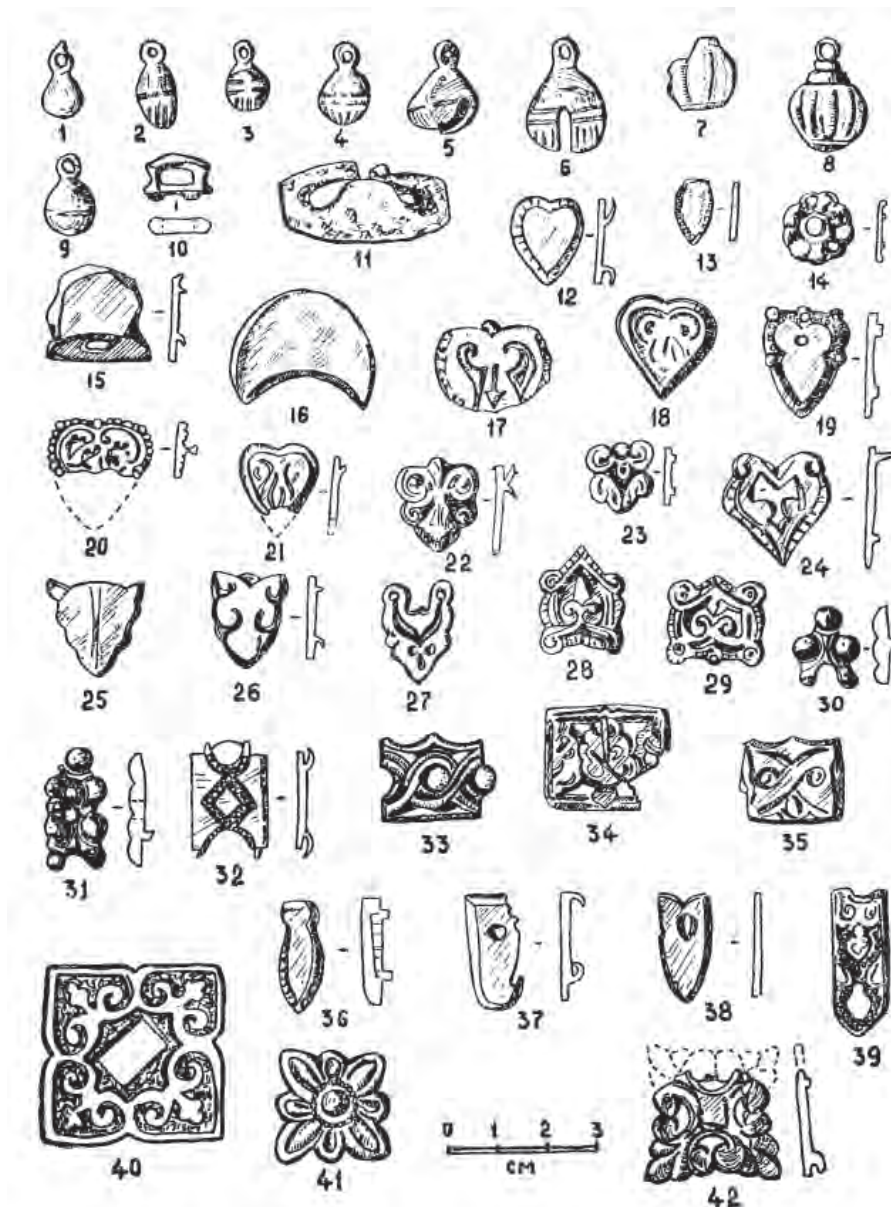

Рис. 3. Изделия из цветного металла с I Семеновского селища

украшений XI–XII вв., находившихся в иранской бронзовой чаше X в., сотни стеклянных и каменных бус X в. ближневосточного производства, десятки сфероконических сосудов, как целых, так и фрагментов, десятки железных гирек для мелких взвешиваний и т. д.

С упадком Семеновского селища с последней четверти X в. почти синхронно наблюдается расцвет ремесленного производства и торговли на Измерском селище. К этому выводу Е.П. Казакова натолкнули данные нумизматики: на Измерском селище находки саманидских дирхемов редки, но известно несколько серебряных дирхемов бувейхидского чекана. Изготовление их связано с территорией современного Западного Ирана и Ирака, где в 932–1055 гг. правила династия Буидов

(Бувейхидов). Бувейхидские дирхемы чеканены в 946–974, 983–992 (?) и 997–1022 гг. (определение Г.А. Федорова-Давыдова). Кроме того, на Измерском селище найдены западноевропейские монеты, в числе которых подделка по образцу денария Гронингема и епископа Бернольда 1027–1057 гг., датский денарий 1047–1075 гг. и другие (определение А.С. Белякова). Но больше всего на Измерском селище находок кусочков весового серебра, которые выполняли у болгар роль денежного эквивалента с первой половины XI в. Сопровождают эти находки железные гирьки от весов для мелких взвешиваний, а также детали самих весов.

Правобережное Малоиерусалимское селище расположено на северо-восточной окраине Болгарского городища и занимало часть останца на

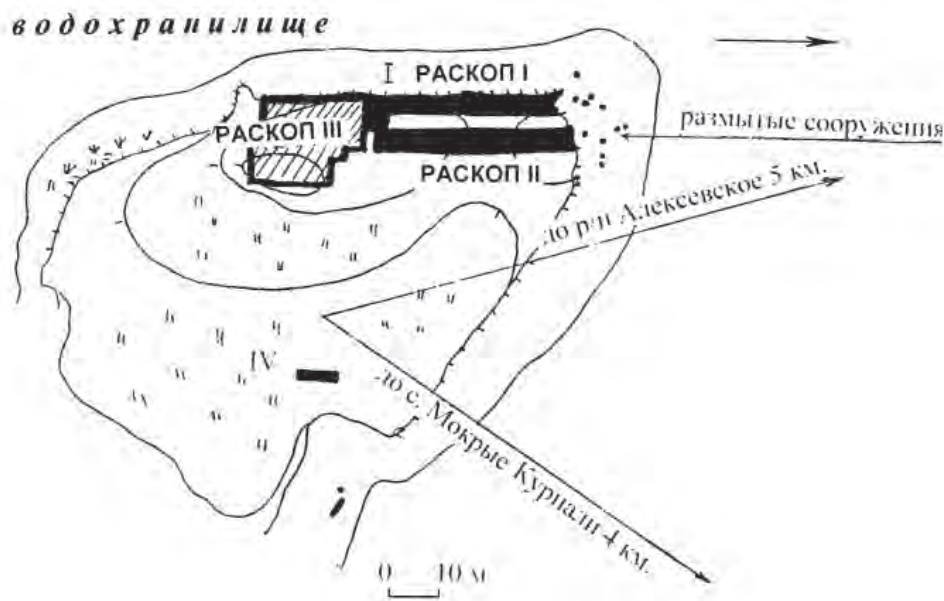

Рис. 4. Схема расположения раскопов на Алексеевском VI селище. Исследования К. А. Руденко в 1992, 1993 гг.

склоне оврага высотой около 1 м. Исследовано в 1988 г. П.Н. Старостиным (раскоп ХСVII площадью около 70 кв. м). Стратиграфия селища: нижний горизонт мощностью от 7–10 см – песок голубоватого цвета с включениями щебенки, угля, золы, фрагментов керамики. Он залегал на материковом желтом песке. Нижний горизонт был перекрыт прослойкой плотного коричневого песка (от 5 до 200 см, относящийся ко времени запустения предыдущего поселения с единичными находками фрагментов керамики домонгольского облика), над которым был зафиксирован слой плотного пестроцвета (до 100 см). Как считал П.Н. Старостин, этот слой, относящийся к домонгольскому времени, полностью переработан в ордынский период. Выше отложилась темно-серая пылевидная супесь (15–30 см), верхний горизонт которой был сильно гуммирован. Последний датирован золотоордынским временем (Старостин, 1993, с. 54). Эти слои перекрывались наносными отложениями из карьера, расположенного рядом. В этих стратиграфических слоях зафиксированы остатки четырех построек. Одна из них относилась к ордынскому времени, два других объекта хозяйственного назначения – к домонгольскому времени; еще одна постройка (№ 3) – жилище с двумя очагами. П.Н. Старостин датировал эту постройку серединой X в., основываясь на находке рядом с постройкой литейной формы, имеющей аналогии в материалах второй половины X в. (Старостин, 1993, с. 62), хотя, судя по железному ключу от навесного замка из самого жилища и характеру керамического материала, дата заполнения котлована более поздняя – начало XI в.

VI Алексеевское селище находится в 5 км к северо-западу от с. Алексеевское Алексеевского района Татарстана, на правом берегу речки Курналинки, левого притока р. Архаровки, левого притока Камы, на надлуговой террасе в излучине реки (рис. 4). Поселение располагалось в самой глубине обширной поймы Камы, прорезанной руслами ее двух притоков и их многочисленных стариц. Площадь селища около 60 000 кв. м (300×200 м). В 1992–1993 гг. К.А. Руденко исследовано 592 кв. м площади. Памятник однослойный с тремя стратиграфическими горизонтами, датированными соответственно первой – второй третью XII в.; концом XI – первой третью XII в. и концом X – XI в. Первый горизонт – слой чернозема 15–20 см под дерном (финал жизни на селище и период запустения); второй горизонт – прослойка серой супеси 20–30 см (основной период функционирования поселения), ниже – третий горизонт (начало освоения данной территории) – чернозем (темно-серая супесь), приобретающий коричневато-ореховый оттенок у материка. В последнем слое найдены немногочисленные фрагменты керамики эпохи бронзы. Дневной уровень объектов фиксируется на глубине 20–35 и 25–40 см от поверхности.

На селище изучены хозяйственные постройки и остатки четырех наземных домов. Последние были срубной конструкции с деревянным полом. В этих постройках были предусмотрены подполья, хозяйственные ямы, предназначенные для хранения скоропортящихся продуктов, а также подсобные помещения, расположенные рядом с жилым домом. Печи в домах были сложены из камней разной величины и обмазывались глиной,

которая, видимо, была и скрепляющим раствором. В благоустройстве жилищ широко использовалась глина, которой заделывались щели между бревнами. Других типов жилых построек на исследованном участке селища не было выявлено.

Хозяйственные постройки были разнообразны: овины с глубокой ямой внутри, сари, ямы-кладовки с перекрытием, которое настилалось на уступчик по краю ямы, или же просто с деревянной крышкой. Глубокие цилиндрические ямы большого диаметра (до 2 м) с плоским дном и обожженными стенками, вероятно, служили для хранения зерна.

В размыве восточной части поселения было зафиксировано несколько размытых объектов, возможно, горнов, заметных на фоне материковой глины в виде прокаленных участков суглинка. Рядом с ними находились керамические и металлические шлаки.

Находки с селища представлены фрагментами керамики, из которых 8278 экз. – фрагменты круговых сосудов и 142 – фрагменты лепных и подправленных на круге изделий. Лепная керамика из раскопов очень немногочисленна и составляет 6% от общего числа найденных фрагментов. По примесям выделяются сосуды с примесью толченой раковины, с шамотом, а также с крупнозернистым песком. Круговая керамика представлена кувшинами, кружками, кринками, горшками, мисками и корчагами. Декор характерен для столовой посуды. На донцах круговых сосудов обнаружены клейма гончаров в виде современных букв «А», «П» с небольшим отростком на правой ножке, «У», а также в виде двойного круга (колеса).

Железные поделки разнообразны и включают как бытовые и хозяйственные изделия, так и предметы вооружения, а также сельскохозяйственные орудия, датирующиеся в большинстве своем XI–XIII в. Изделия из цветного металла немногочисленны. Среди них детали пояса – накладки и пряжки; украшения костюма – подвески, пронизки, височные кольца, в том числе и кольцо славянского племени вятичей, датирующееся XI в., а также один крест-энколпион XII – начала XIII в. Встречены чашечки и железные коромысла от весов для мелких взвешиваний, а также железные гири. Выявлены железные пряжки и накладки второй половины XI–XII вв. – болгарские реплики изделий аскизской культуры Южной Сибири. С селища происходят стеклянные бусы: пять экземпляров из желтого и зеленого бисера. Из желтого прозрачного стекла сделана круглая, колесовидная бусина, два экземпляра – круглые шаровидные бусы желтого цвета. В единственном экземпляре найдена круглая, четырехчастная, прозрачная синяя бусина. Полихромных бус

семь, две из них круглые, овальные, черного цвета с белыми полосками. Остальные бусы глазчатые с выступающими глазками, четыре экземпляра – подтреугольные, коричневого или зеленого цвета с желтыми глазками. Бусы с невыступающими глазками, как правило, круглые, цилиндрические или боченковидные желтого и синего цвета с красно-черным или красно-желтым глазком с белыми ресничками. Бисер не имеет узкой датировки. Основная масса глазчатых бус относится к концу X–XI вв. К XI–XII вв. можно отнести бусину с белыми полосками и желтую прозрачную. Четырехчастная синяя бусина датируется XI в. С конца XI в. появляются круглые, зонные бусины желтого цвета. Треугольные бусы характерны для Измерского селища конца X–XI вв.

Селище по данным раскопок и подъемному материалу датируется концом X–XII в. Исследованная раскопками часть селища относится к XI–XII вв. Это поселение возникло в конце X – начале XI в., свой расцвет оно переживало в конце XI – начале XII в. К началу XIII в. жизнь на поселении прекратилась. Основным типом жилища здесь был наземный дом – четырех или пятистенок с печью. Застройка довольно плотная, дворовая. Усадьбы были ориентированы в сторону реки. Площадь этого поселения в начале – середине XII в., времени расцвета его существования, равнялась приблизительно 30 000 кв. м.

Недалеко от селища в 1962 г. найден Мокрокурналинский клад золотых и серебряных украшений XI–XII в. Фрагмент от украшения, аналогичного тому, что было в кладе, обнаружен на селище.

Малопальцинское селище расположено в Чердаклинском районе Ульяновской области, на левом берегу Волги (рис. 5). Площадь селища в середине XX в. составляла около 45 000 кв. м. Т.А. Хлебникова в 1954 г. исследовала здесь 64 кв. м площади. Стратиграфия на селище следующая: первый слой – дерн и гуммированная супесь (до 15 см); второй слой – светло-серая супесь. Она делится на несколько горизонтов – первый горизонт светлого цвета (10–30 см), второй гуммированный (20–30 см), третий горизонт – пестроцвет (46–48 см), ниже – материковый песок. В раскопах вскрыта одна яма и зафиксированы следы еще одного сооружения, не вошедшего в раскоп. Материал с селища представлен круговой и лепной керамикой, а также изделиями из железа (ножи, гвозди, крючки), бронзовыми украшениями (шумящая щитковая подвеска, часть височной подвески в виде стрелки и фрагмент шейной гривны), шиферным и глиняными пряслами и стеклянными бусинами: одной глазчатой с накладными нитями и шаровидными печеночного цвета (рис. 6).

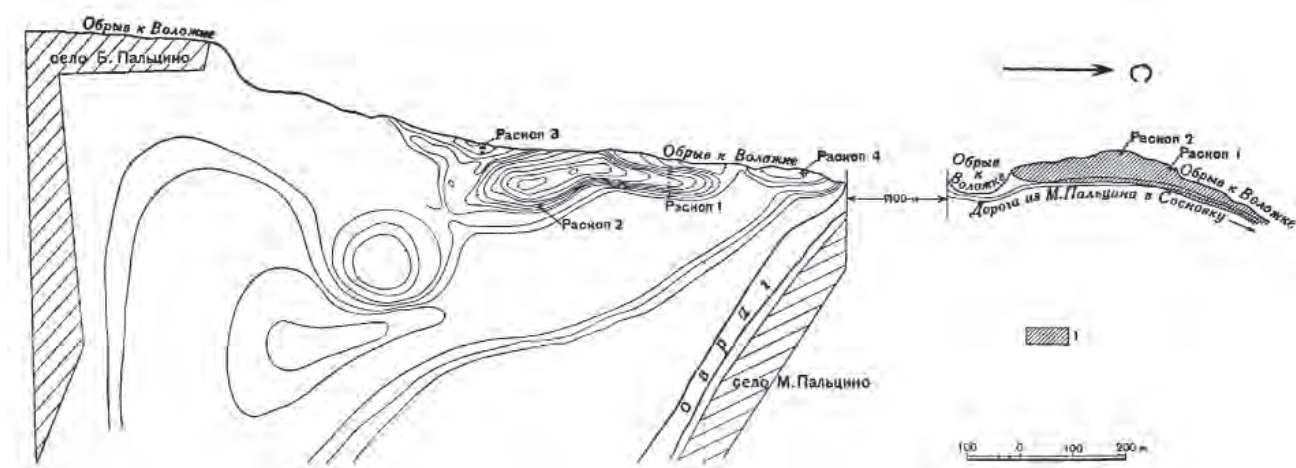

Рис. 5. План Малопальцинских селищ. Раскопки Т. А. Хлебниковой в 1954 г., по: Хлебникова, 1958, рис. 1.

Весь полученный предметный комплекс делится на доболгарский (именьковский) V–VII вв., и болгарский (X–XI вв.). Изделия раннего времени оказались в болгарском слое в переотложенном виде. Особенностью керамического комплекса селища является большой процент лепной керамики и ее оформление (венчики с вдавлениями и защипами, лепные крышки и т. п.). Стоит отметить, что это могло произойти и за счет присутствия именьковской керамики³.

Расположенное рядом Большепальцинское селище, исследованное Т.А. Хлебниковой четырьмя раскопами общей площадью около 50 кв. м, дало материал XI–XII вв.

Остолоповское селище («Жилище») расположено к востоку от села Речное (Остолопово) Алексеевского района РТ, на мысу надлуговой террасы, в излучине р. Шенталки. Площадь селища в 1970-х годах – около 175 000 кв. м (500×350 м); в настоящее время – около 22 800 кв. м. С 1969 по 2007 г. на селище вскрыта площадь свыше 800 кв. м.

На селище культурные отложения делятся на пять стратиграфических слоев: слой 1 – дерн 5–7 см (XIX–XX вв.); слой 2 – темно-серая супесь, 8–29 см (середина, третья четверть XII в.); слой 3 – серая рыхлая супесь, 20–36 см (конец XI – XII – первая половина XIII в.); слой 4 – светло-серая супесь, 15–20 см (XI в.); слой 5 – темно-серая с коричневатым оттенком суглинисто-супесчаная почва – погребенный чернозем. Основные отложения на раскопе – серая рыхлая супесь (Руденко, 2017, с. 296–319).

³ Ср: Хлебникова Т.А. Пальцинские селища X – начала XIII вв. // МИА. № 61. М., 1958. Рис. 3, 1–3 – вероятно, керамика именьковской культуры. Т.А. Хлебникова в публикации, признавая наличие предметов V–VII вв., керамику этого времени не выделяет среди находок, а наоборот подчеркивает, что она является болгарской.

На селище были исследованы жилища, хозяйственные объекты – остатки сараев, погребов, зернохранилищ. Всего на селище изучено семь жилых построек. Из них два наземных жилища и пять полужемляночных. Помимо этого, раскопано более 40 хозяйственных сооружений (Руденко, 2012, с. 123–145). В культурном слое и в объектах найдены фрагменты керамики (более 80 000 экз.), шиферные и глиняные прясла, ножи, изделия из железа и цветного металла (рис. 7). Последние представлены кусочками весового серебра, фрагментами ювелирных изделий, например, щитками от перстней, в том числе с зернью и сканью, а также со вставками из лазурита. Довольно многочисленны фрагменты от медных котелков типа М-4 по К.А. Руденко, широко распространенных с конца XI в. Из украшений обнаружены проволочные височные кольца – незамкнутые, незамкнутые с заходящими концами. Одно из таких колец имеет с двух сторон накрученную тонкую проволоку, замкнутые, скрученные в 1,5 оборота. Браслетообразное височное кольцо с «завязанными» концами атрибутировано как изделие смоленско-полоцких кривечей XI–XII вв. Оно прикреплялось с помощью кожаных ремешков к головному убору типа русской кички с твердой основой. Близкие изделия известны из Лаишевского (Чакма) селища и Старокуйбышевского комплекса памятников. На селище найдено однобусинное височное кольцо из золотистого металла, украшенное сканью (Руденко, 2002, с. 31–52).

Помимо этого, здесь встречены редкие привозные изделия, среди них доньшко стеклянного сосуда XI–XII вв. и стеклянные бусы из Ближнего Востока. Бусинный комплекс Остолоповского селища относится ко второй или третьей четверти XI в. Кроме того, в раскопах и подъемном материале обнаружены фрагменты художественных

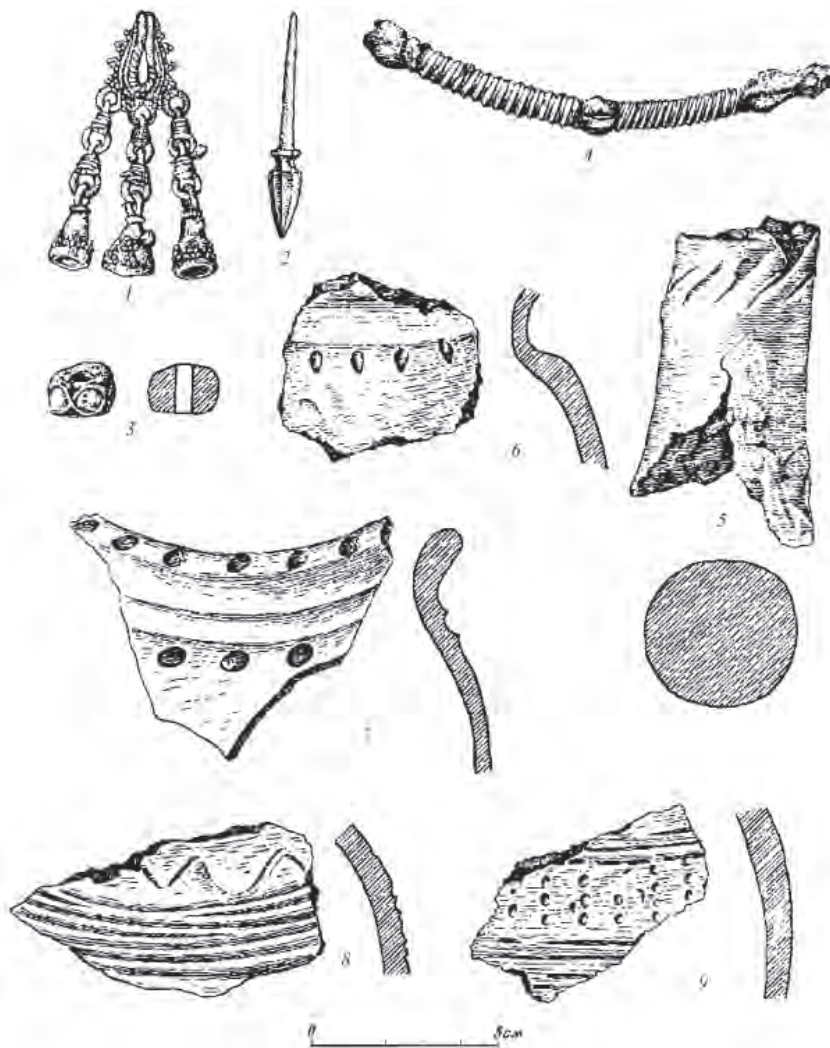

Рис. 6. Находки с поселения Малое Пальцино

металлических чаш, поливная керамика, монетовидные подвески, использовавшиеся в качестве украшений. Фрагменты поливной керамики представлены 19 фрагментами чаш и небольших кувшинообразных сосудов. Они были найдены в слоях XI–XII вв. и происходят из Мавераннахра или Ирана. Наиболее ранняя находка происходит из подъемного материала. Это сердоликовая круглая колесовидная бусина с белым рисунком. Время бытования таких бус – VIII–X в. К X–XI вв. относится миниатюрная пронизка из лазурита ромбической формы. В 2000 г. в раскопе была найдена монета бувейгидов конца X в. По материалу селище датировано концом X–XII вв.

Селища XI–XII вв. Мурзихинское селище расположено на восточной окраине бывшего с. Мурзиха Алексеевского района РТ, на надлуговой террасе левого берега Камы. Площадь селища около 50 000 кв. м (500×100 м). Известно три могильника, которые, вероятно, относятся к этому поселению. Это I могильник, расположенный к северо-

западу от селища (изучено около 20 захоронений); III могильник в 1,5 км к юго-западу от селища (исследовано 5 захоронений); V могильник располагался в 100 м от южного края селища (вскрыто более 40 захоронений).

В 1994–1996 гг. К.А. Руденко на селище исследовано 324 кв. м площади. Мощность культурного слоя – 60–78 см. Выделяются три слоя: первый – XVII–XX вв.; второй – второй половины XI–XII в. и третий – второй половины X – начала XI в. Выявлены остатки хозяйственных и производственных сооружений. В конструкциях построек использовались преимущественно хвойные породы. Основу селительной структуры селища составляли усадьбы, тяготевшие к старичным озерам и р. Архаровке. Само село было вытянуто вдоль берега этой речки. Чем дальше от берега, тем застройка становилась менее плотной, а новостройки осуществлялись на пустующих землях. Рельеф поверхности в Средневековье был неровным, имевшим естественные ложбинки и за-

Рис. 7. Подъемный материал с Остолоповского селища
1–6 – предметы из меди; 15, 16 – предметы из глины; остальные – железо

падины. Видимо, этим обусловлено и расположение непосредственно у края села на позднем этапе нескольких кладбищ, отделенных от территории поселения естественными рубежами, на сегодняшний день незаметными.

Основной массовый материал – керамика (8797 фр.) – представлена преимущественно круговой посудой (90%), в основном столовой (кувшины, кринки, кружки, блюда, миски, горшки), среди горшков встречены древнерусские сосуды с примесью дресвы и слюды, а также подражания им. Встречаются также корчаги, светильники, туваки.

Лепная и подправленная на круге керамика представлена 620 фрагментами (7%). Ведущее место занимает керамика типа «джукетау» (XIII этнокультурная группа, по Т.А. Хлебниковой). Преобладает она в первом (93%) и втором штыках (81%), уменьшаясь в третьем (75%). Соотношение между керамикой с примесью толченой раковины и шамотом по штыкам получается соответственно 1:2, 1:2, 1:5. Керамика с толченой раковинной стоит на втором месте по количеству, лидируя на третьем штыке и составляя 21% от общего числа рассматриваемой керамики, тогда как джукетаус-

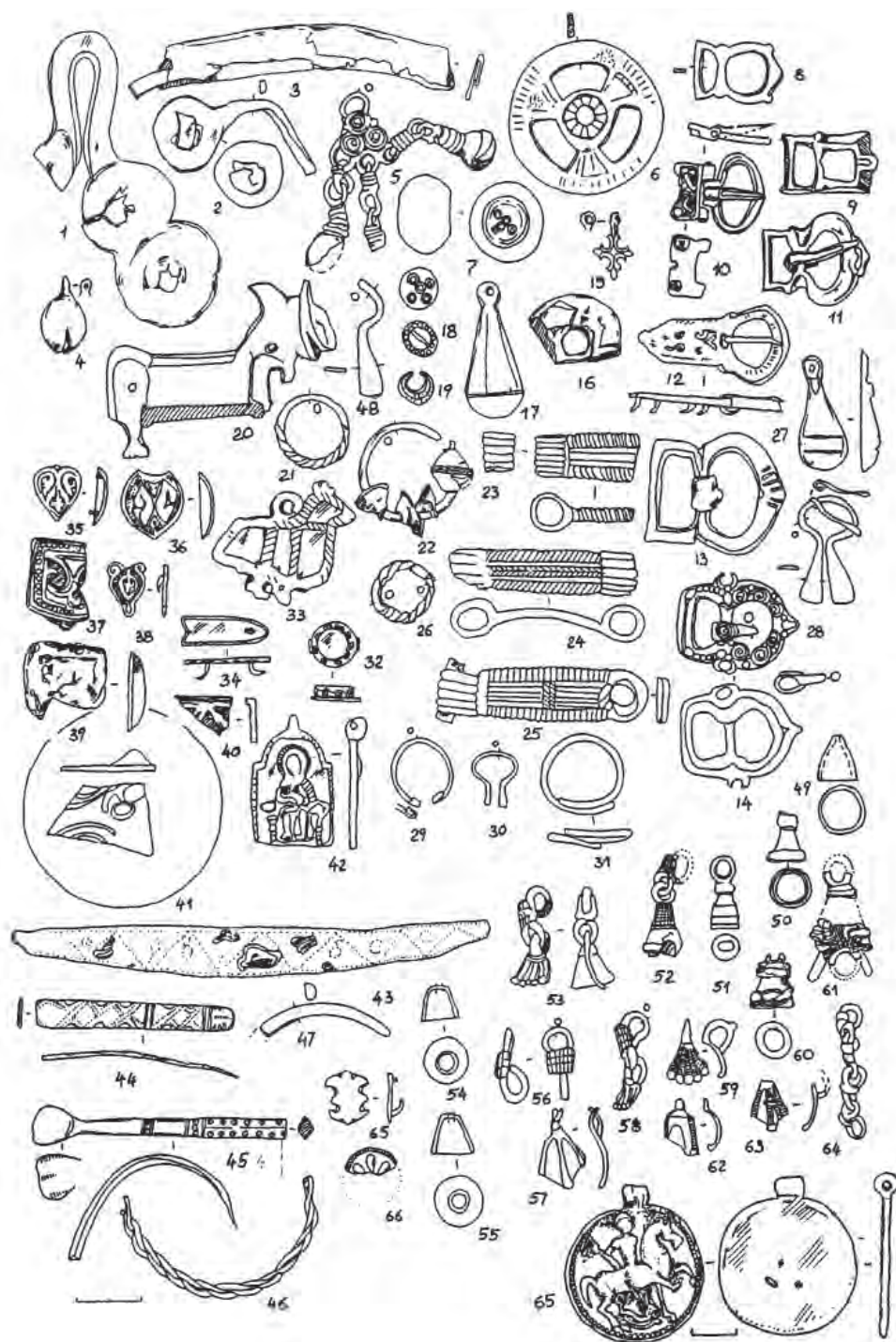

Рис. 8. Мурзихинское селище. Подъемный материал

ская керамика составляет на первом штыке 58%, а на третьем – 15,3%. Доля лепной и подправленной на круге керамики в процентном соотношении по штыкам меняется так: первый штык – 12,5%, второй штык – 9,4%; третий штык – 8,8%. Очевидно, что ее количество уменьшается в нижних слоях при абсолютном преобладании круговой посуды.

Для ранних пластов культурных отложений селища (середина XI – первая половина XII в.) характерно устойчивое присутствие древнерусской

круговой керамики – 12,9%, присутствие фрагментов типа «джукетау» и с примесью толченой раковины при абсолютном преобладании круговой керамики красно-оранжевого цвета. Количество лепной и подправленной на круге посуды сокращается в нижних отложениях культурного слоя практически на 20%.

Изделия из железа представлены бытовыми предметами (гвозди, скобы), инструментами (ножи, серпы, косы, молотки, лемех и резак от

сохи), предметами вооружения и защитного доспеха (наконечники стрел – 94 шт.; 1 пластина от брони; 1 наконечник копья). Изделия из цветного металла (рис. 8): украшения рук, прически и одежды (накладки, пронизки, височные кольца, перстни с чернью, браслеты и т. п.), предметы религиозного культа (древнерусский христианский медальон-змеевик, нагрудные иконки, в том числе с изображением Печерской Богоматери), медная посуда (котлы, ковши), а также бронзовое литое навершие булавы с выступающими пирамидальными шипами. Встречаются фрагменты бронзовых чашечек отвесов для мелких взвешиваний, а также железные гири бочонковидной формы в бронзовой оболочке. Известны с селища обрезки серебряных дирхемов X в., а также литые отливки с арабских дирхемов, бытовавшие в XI – начале XIII в. как украшение. Стекланные бусы, по данным Е.К. Столяровой, в основном древнерусского изготовления. К каменным изделиям относятся фрагменты жерновов.

Исследованная часть селища датируется XI – первой половиной XII в. В истории селища можно выделить несколько этапов. Первый этап – это основание поселения. Второй этап – развитие поселения, формирование его структуры, интегрирование в среду обитания (природную и социальную). Третий этап – территориальный рост селища вследствие увеличения численности жителей. Четвертый этап – упадок поселения. Было установлено, что поселение возникает во второй половине X в. как перевалочный пункт на месте переправы через Каму. В этот период селище занимало выступающую мысовую часть надлуговой террасы. В дальнейшем оно постепенно разрасталось к югу и западу, вытягиваясь вдоль края террасы. Территориальный рост селения замедлился в конце XI – первой половине XII в., если судить по слабой освоенности внутренней территории усадьб: хозяйственные и жилые объекты сооружались на пустыре или незастроенном участке и впоследствии не перестраивались. Активная жизнь на поселении прекратилась к концу XII в. (Руденко, 2002а; 2015, с. 144).

Селище XII – начала XIII в. Рождественское селище расположено к юго-западу от с. Рождественно Лаишевского района РТ на террасе левого берега р. Мешы. Площадь селища не менее 40 000 кв. м. В 1956–1958 гг. В.Ф. Генингом на памятнике пятью раскопами изучено около 594 кв. м площади.

Основные отложения на поселении относятся к именьковской культуре. Культурный слой болгарского времени незначителен и зафиксирован отдельными участками на раскопах II–V. Исследовано три жилых постройки и свыше 15 ям хозяйственного и санитарного назначения. Ис-

следователи считали, что общее взаиморасположение сооружений на вскрытой площади свидетельствует о том, что это остатки отдельных двух усадеб. Датирующий материал, полученный при раскопках маловыразительный: навесные замки типа «В» по Б.А. Колчину, датированные XII–XIII вв., несколько железных ножей с широкой датой бытования, обломки медных предметов, костяная втулка, а также бипирамидальная граненая бусина, фрагмент прясли из розового шифера, бытовавшие с X до XIII в. Керамические фрагменты 267 экз. от круговых сосудов были распределены на три группы: 96,8% с мелкими примесями; 1,5% с добавлением толченой раковины и 1,7% с мелким шамотом. На нескольких донцах зафиксированы клейма гончаров. По формам большая часть керамики была представлена горшковидными поделками, в том числе и корчагами, немногочисленными фрагментами от кувшинов и мисок. В целом по этим находкам селище датировано рубежом XII–XIII – первой третью XIII в. (Генинг и др., 1962, с. 79).

Болгарская сельская усадьба состояла из жилого дома с двором и надворных построек. В ряде случаев выделяется передний двор – открытая часть усадебного пространства без каких-либо построек, и задний двор, занятый сараями, овинами, амбарами и т. п. Центром усадьбы был жилой дом. Он, скорее всего, не выходил непосредственно на улицу, а был «отодвинут» вглубь усадьбы. Эта ситуация прослежена на VI Алексеевском селище, где была высокая скученность построек (Руденко, 2015, с. 19–33, рис. 21; 22).

Хозяйственные постройки располагались как непосредственно у жилища, так и на заднем дворе. Относительная их недолговечность способствовала созданию целой системы ям-кладовок или углубленных погребков с деревянным наземным каркасом и перекрытием. Часть таких сооружений по мере осыпания и ветшания забрасывалась и становилась местом свалки бытовых и пищевых отходов, что обуславливалось и территориальным ростом поселения, когда свободного пространства, служившего для сброса мусора, становилось все меньше.

На переднем дворе располагались в основном хранилища (погребки) для скоропортящихся продуктов: рыбы, молока и мяса. Сюда же могли складироваться овощи и корнеплоды. Размеры таких хранилищ относительно небольшие. Погребок был заглублен в землю на 100–170 см при диаметре котлована в 150–160 см. По форме такие ямы были цилиндрические. Спускались в них при помощи небольших деревянных лесенок. Было, видимо, и деревянное перекрытие. Судя по тому,

что все такие объекты располагались около жилой постройки, то не исключено, что над ними был общий навес, что позволяло пользоваться ими в зимний период. В ряде случаев у дна ям-кладовок такого рода, которые в этом случае были по форме близки к колоколовидным, устраивалась ступенька, на которую устанавливались сосуды с пищей. Это могли быть глиняные, берестяные и деревянные сосуды.

Более крупными по размерам были амбары и сараи. Амбары для хранения зерна имели, как правило, углубленные в землю емкости-хранилища (ямы) цилиндрической или колоколовидной формы диаметром до 270 см при общей глубине 250–270 см. Для спуска в них были предусмотрены специальные ступеньки, на которые могли ставиться деревянные лесенки. Стенки таких ям были нередко обожженными. Дно часто выстилалось соломой. Иногда рядом с одной ямой вырывалась вторая, практически того же размера. Такое расположение ям позволяло проводить ремонт хранилища или его реконструкцию. Ямы имели деревянное перекрытие. Стены самого амбара были деревянными. Внутри него могли стоять деревянные лари для муки. В конструкции их использовались железные гвозди и скобы. Сруб сверху имел перекрытие. Большие амбары с глубокими ямами-хранилищами (Остолоповское селище) достаточно эффективно заменяли располагавшиеся в шахматном порядке на заднем дворе цилиндрические ямы средних размеров без солидных наземных конструкций. Эта система ям позволяла избежать проникновения грызунов в одно и то же хранилище и порчи запасов.

Сараи для инвентаря имели срубную каркасную или конструкцию с земляным полом. На заднем дворе находились и овины – места для сушки снопов. На дне таких ям имеются следы от кострищ или очагов. Скот, вероятно, содержался на внутреннем дворике, а в зимнее время в утепленных стойлах. Археологически их можно зафиксировать по более гуммированной почве из-за большого количества навоза, отлагавшегося здесь.

Ограда двора или усадьбы могла быть различна: дощатый забор (VI Алексеевское селище); плетень из прутьев (Измерское, V Рождественское), ограда из жердей, крепившаяся к врытым столбам (Остолоповское селище). Интересен и тот факт, что пока ни на одном из исследованных селищ не выявлены колодцы: видимо, воду брали непосредственно из реки, хотя водоносный горизонт, вероятно, располагался не очень глубоко.

Расширение усадьбы и ее реконструкция производилась с интервалом не менее чем в 10–15 лет или даже чаще. Об этом можно судить по микро-

стратиграфии хозяйственных ям и синхронизации находок в них (Руденко, 2015, с. 74–75). В первую очередь реконструировались хозяйственные объекты, а не менее чем раз в 70–100 лет проходила перестройка жилой постройки. Последнее могло случиться в том случае, если усадьба не пострадала от пожара или воздействия стихии.

Болгарское сельское жилище X–XIII в. было представлено несколькими типами, выделенными по нескольким признакам: отношению пола постройки к поверхности земли, наличию подпола или ям-хранилищ внутри помещения; планировке и особенностям архитектуры сооружения:

Тип 1 – однокамерный наземный дом без подпола, с земляным полом, с одним или несколькими открытыми очагами, обложенными известняковыми камнями (Малоиерусалимское поселение на Болгарском городище; Измерское селище). Стены таких жилищ были каркасными (Малоиерусалимское поселение) и, вероятно, срубными (Измерское селище). Внутренняя часть помещения делилась на две половины, одна из которых была жилой (Измерское селище). В них жили как зимой, так и летом. Жилая площадь составляла в среднем около 35 кв. м. Бытовали постройки этого типа со второй половины X в до XII в. включительно.

Тип 2 – однокамерный наземный срубный (?) дом с ямой-подпольем (V Рождественское селище, сооружение VII). Это прямоугольная постройка размером 3×4 м, с глинобитной печью в северо-западном углу и небольшой ямой кладовкой. Жилая площадь помещения составляла 12 кв. м. Этот тип жилища появился еще в XI в., судя по данным Т.А. Хлебниковой из раскопок на Алексеевском городище, где была исследована подобная постройка, просуществовавшая до начала XIII в.

Тип 3 – двухкамерный срубный дом-пятистенник (VI Алексеевское, Остолоповское селища). Нижние венцы сруба лежали на специально положенных бревнах или иных деревянных конструкциях, а стыки между бревнами были промазаны глиной. В таких домах был деревянный пол. Крыша, вероятно, была плоская с земляной подсыпкой для утепления. Тонкая деревянная перегородка, обмазанная глиной, делила внутренне пространство на две части. Одна из них, судя по обилию индивидуальных находок и столовой посуды, была жилой. Почти посередине этого помещения располагалась глинобитная печь, служившая для обогрева помещения зимой. Перед печью располагалась предпечная яма. Вторая часть постройки была кухней и подсобным помещением. Здесь находился погреб с деревянным перекрытием, которое опиралось на ряд бревнышек диаметром до 15 см, крепившихся в стенках котлована. Площадь погреба была около

4 кв. м. Глубина от 40 до 160 см. Вход в погреб был с северной стороны, где были сделаны специальные ступеньки. Рядом с погребом находился очаг, который использовался для приготовления пищи. Погреб мог быть обшит деревянными досками, которые крепились в специальных пазах в угловых бревнах диаметром до 20 см (постройка IV Лаишевского селища). В нижней части погреба иногда устраивалась земляная ступенька, на которую ставились сосуды. Вход в дом был, скорее всего, в восточной части. Полезная площадь такого дома составляла около 42 кв. м. К этому типу жилищ следует отнести остатки сооружений № 4 и 6, исследованных на Алексеевском городище. Т.А. Хлебникова считает их полуземлянками.

Тип 4 – однокамерный наземный дом с заглубленным в землю котлованом (Остолоповское, Кожаевское, Лаишевское, V Старокуйбышевское⁴ селища). Такая постройка использовалась преимущественно в осенне-зимний период. У нее был земляной углубленный до 1 м котлован, деревянные стены в два-три венца. Как правило, у таких домов не было подпола и внутренних ям-кладовок, но встречены сооружения, где внутри помещения были вырыты две небольшие ямы (V Старокуйбышевское и Лаишевское селища). Интерьер жилища составляли широкие нары (скамейки), ларцы и сундуки. Освещалось помещение лучинами, крепившимися в светцах или в самодельных глиняных подставках. Обогревались они печами-каменками и глинобитными печами. Жилая площадь таких построек составляла 12–30 кв. м. По расположению опорных столбов и, соответственно, конструкции крыши выделяются подтипы: а) с угловыми опорными столбами (видимо, односкатная или шатровая крыша), датируются дома этого подтипа XI–XII в.; б) полуземлянки с центральным опорным столбом. Не имея принципиальных отличий от вышеописанных домов, они могли иметь шатровую крышу. Исследованы такие сооружения на V Рождественском селище и датируются началом XIII в.

Тип 5 – землянки с глубоким земляным котлованом и впущенным в него срубом (V Рождественское селище). Внутри находилась глинобитная печь. Такого рода постройки широко представлены на болгарских городищах домонгольского времени (Шарифуллин, 1993, с. 65–66).

Отметим, что во дворе у жилищ разных типов располагались открытые летние очаги или костры для приготовления пищи.

Отопительные устройства в сельских домах были нескольких конструкций:

Тип 1 – глинобитные печи, стенки которых были сделаны из глины (VI Алексеевское, Лаишевское, IV Старокуйбышевское). Печи глинобитные часто устанавливались на опечке. Опечки были квадратной формы. В основе их была конструкция в виде деревянной опалубки из небольших плах длиной 45–50 см и толщиной до 10 см. Они закреплялись в пазах угловых колышков.

Тип 2. – печи-каменки, сложенные из известняковых камней и ракушечника на глиняном растворе (Остолоповское, Мурзихинское, Кожаевское). Печки-каменки одной стороной практически всегда врезались в земляную стенку котлована заглубленной в землю части дома. Как правило, печь этого типа сложена из крупных (30×8×39 см; 28×20×45 см) и средних (25×6×20 см; 22×8×16 см) кусков песчаника и известняка; некоторые из них имеют подтесанные края. Она имела квадратную в плане форму 100–96×100 см, и была чаще всего ориентирована по линии север – юг. Конструкция углублена в материк на 16 см. Под печи – спекшаяся до состояния твердой бурой корочки глина, под ней слой ярко красно-оранжевого прокала. Высота топочной камеры в среднем составляла 20–25 см при ширине 50–52 см. Устье печи имело ширину 32,5 см. Возможно, у таких печей была труба, сделанная из тонких жердей, устанавливавшаяся полукругом в виде полуконуса в ямки-пазы в верхней части печи. Жерди переплетались тонкими ивовыми прутьями и обмазывались глиной. Таким образом получалась печь типа чувала.

Тип 3 – очаги, сложенные из камней и обломков жерновов, использовавшиеся как для приготовления пищи, так и для обогрева.

Печи внутри помещения находилось у входа, с правой стороны. Очень редко печь располагалась ближе к центру помещения (Лаишевское селище). Правда, в единственном известном нам случае это могло быть не жилое помещение.

К *хозяйственным постройкам* XI – середины XIII в. отнесены сараи, погреба, ямы-кладовки и овины (шиши). Первые хорошо выделяются по составу находок. Это преимущественно изделия, связанные с хозяйственной деятельностью: сельскохозяйственные орудия (лемехи, косы, серпы) и специализированные приспособления (жернова); предметы конской упряжи (стремена, удила). Как правило, здесь отсутствует бытовой инвентарь (напрясла) и украшения. Набор керамики не велик и ограничен, как правило, несколькими типами сосудов. Здесь встречаются железные замки и ключи, фрагменты дверных цепей и пробоев. Конструктивно это наземные сооружения с котлованом, немного углубленным в землю (40–50 см). Форма

⁴ V Старокуйбышевское селище, вероятно, является частью посада одноименного городища, и поэтому его материальная культура должна рассматриваться в этом контексте.

котлована обычно прямоугольная или подквадратная. Конструкция стен – каркасно-столбовая.

Так, видимо, остатками сараев являются постройки I и IX в западной части селища. Расположены они рядом в 2–5 м от других построек, видимо, жилищ (они полностью размыты). Оба сооружения довольно стандартны: подпрямоугольной формы (300×360×340 см), ориентированы по линии запад – восток. По углам сооружений зафиксированы круглые ямки от столбов диаметром 20–35 см. Дно котлованов, заглубленных в материк на 40–45 см, плоское, стенки вертикальные. В размытом заполнении сооружений обнаружены обломки известняковых жерновов. Из постройки I жернов имел диаметр около 30 см и толщину до 15 см; из постройки IX – фрагмент центральной части толщиной до 18 см. В постройке IX на дне котлована, рядом с жерновом, в остатках заполнения был расчищен развал корчаги.

Производственные объекты. Остатки горнов – гончарных (VI Алексеевское селище) и металлургических для плавки железа (Лаишевское селище) были зафиксированы в разрушенном виде и охарактеризовать их нет возможности.

Мастерская слесаря-замочника (Лаишевское селище, западная часть, постройка IV). Мастерская представляла собой срубный однокамерный дом на подклете, в котором располагалась, скорее всего, сама мастерская, здесь же находился небольшой погреб, обшитый досками. Печь не сохранилась, но следы ее фиксировались в виде развала камней среднего размера со следами нагара. В котловане мастерской были найдены многочисленные изделия из железа, в том числе целые замки и ключи к ним, бытовые предметы, а также заготовки изделий. Датируется она XII – началом XIII в.

Мастерская ювелира (Остолоповское селище). Однокамерная постройка с углубленным в землю котлованом и находившейся в нем плавильной печью с глубокой предпечной ямой. Печь была сложена из известняка и песчаника и, в отличие от жилых построек, не соприкасалась со стенками самой постройки. Вокруг постройки были выявлены куски шлаков, обрезки меди, куски серебряных изделий, сплюснутые и приготовленные для утилизации медные накладки. Также здесь были обнаружены кусочки серебра, маленькие железные гири для взвешиваний, а недалеко был найден клад свинцовых слитков. Мастерская существовала в конце XI – начале XII в. В первой трети XII в. постройка была заброшена и в последний период жизни поселения не функционировала.

Наиболее распространенными находками на селищах являются фрагменты керамики. Часть ее

изготавливали непосредственно на месте, а часть, например, кувшины или корчаги, привозили из городов. Оттуда же поступала и глазурованная керамика, чаще всего из дальнего зарубежья. Небольшой процент составляет керамика, привезенная из соседних государств или регионов, например, Древней Руси (Руденко, 2015, с. 322, 324–326, рис. 73: 22; 75: 1, 2; 76: 3; 77) и Прикамья, а также выполненная по этим образцам.

В целом керамика представлена круговыми, лепными и подправленными на круге сосудами. Формы посуды характерны как для городищ, так и для селищ. Для анализа керамики было привлечено 25 000 фрагментов из раскопов и шурфов с VI Алексеевского, Мурзихинского, Лаишевского, V и VI Рождественского, Остолоповского селищ (Руденко, 2002а, с. 65), а также около 2000 фрагментов с селищ Алькеевского, Аксубаевского, Алексеевского, Новошешминского, Чистопольского, Спасского, Дрожжановского, Тетюшского, Рыбнослободского, Лаишевского, Атинского, Высокогорского, Нурлатского, Черемшанского районов РТ. Выделяются шесть категорий керамической болгарской посуды XI – начала XIII вв.: горшковидные – глубокие сосуды с невысоким широким горлом и раздутым туловом; кувшинообразные – глубокие сосуды с высоким узким горлом и раздутым туловом; мискообразные – неглубокие сосуды с широкой горловиной и слегка расширяющимся туловом; блюдообразные и чашевидные – неглубокие сосуды без горловины, сужающиеся ко дну; баночные или стаканообразные – расширяющиеся сверху, усеченно-конические или цилиндрические без горловин.

Керамика горшковидных форм делится на три группы: корчаги (I) и две разновидности горшков (II), различающихся высотой плечиков и диаметром горла. Кувшинообразные разделяются на кувшины (III), кринки (IV) и кружки (V). К третьей категории относится одна группа изделий – миски. Блюдообразные и чашевидные формы сосудов разделяются на чаши (VII), блюда (VIII) и светильники (IX). Чаши – двух разновидностей, различающихся по глубине. Стакановидные сосуды представлены туваками (X).

Группы по форме горла разделены на отделы: с цилиндрическим (1); с горлом в виде раструба (2); с горлом в виде усеченного конуса (3); с горлом блоковидной формы (4); с горлом воронкообразным (5) (Генинг и др., 1962, с. 62–78). По оформлению края венчиков выделяются типы, описание которых будет дано ниже. Эта классификация применима при анализе как круговой, так и лепной посуды. Выделенные типы посуды подробно рассмотрены нами ранее (Руденко, 2002а, с. 64–93, 113–124, табл. 1).

По цвету (по материалам V Рождественского и VI Алексеевского селищ) среди круговой керамики второй половины домонгольского времени преобладает красный (желто-красный) – 30,1–36,7%, коричневый (коричневато-красный) – 28,4–29,2%, серый (серо-коричневатый) – 26,2– 28,8%. Значительно меньше желтой по цвету посуды – 6,3–10,3%, ярко-красной до кирпичного – 1,6% (только на VI Алексеевском селище). Пережженной керамики – 2,4%. Близкую картину дают материалы Мурзихинского селища XII вв. Здесь керамики красного цвета 32–56%, коричневого – 14,5–23%, желтого и серого – 6–8%, пережженной – 10–13% (Руденко, 2015, с. 104–106, табл. VIII).

Орнамент на круговых сосудах достаточно однообразен. Преобладают линейные мотивы, в виде волны, а также их сочетания. Имеются композиции из одного мотива. Применение гребенчатого штампа мало вариабельно. Есть и особенности, например, на Лаишевском селище мотив бегущей волны и каннелюры, популярные на керамике других болгарских памятников, здесь отмечены только в единичных случаях. Кроме этого, для декорирования использовалось лощение, чаще всего сплошное, иногда вертикальное или перекрестно-ромбическое.

Зафиксировано 14 днищ с **клеймами**. Из них 8 клейм в виде буквы «А». Эти находки происходят с VI Алексеевского, Мурзихинского, Остолоповского и Лаишевского селищ. Клеймо в виде буквы «П» с небольшим «отростком» на правой ножке, а также клейма в виде буквы «У» и в виде двойного круга (колеса) найдены на VI Алексеевском селище. Клеймо в виде круга было сделано на донце сосуда, найденного на Мурзихинском селище. Несколько клейм неопределимы. Рассмотренные клейма датируются XII в.

Известны **надписи** на сосудах. Так, на стенке кухонного горшка с Остолоповского селища сохранился фрагмент рунической надписи. Датирован этот фрагмент керамики по стратиграфии XI в. Арабские буквы обнаружены еще на нескольких фрагментах круговых сосудов, найденных в слоях XII в. с этого памятника.

Круговая поливная керамика представлена единичными фрагментами. На VI Алексеевском селище на раскопе I найдено дно блюда, покрытого густой темно-зеленой глазурью. Тесто черепка красное. В центре донца изображена рельефная многолепестковая розетка; стенки снаружи украшены глубокими каннелюрами. Блюдо снаружи и изнутри глазуровано (Руденко, 2015, с. 373, цв. рис. П-5). Также фрагменты поливной керамики с глухой темно-зеленой поливой найдены на Мурзихинском и Остолоповском селищах (Руденко,

2012, с. 133, рис. 7: 18–21; 2015, с. 388, цв. рис. XIII-27). На последнем в культурном слое выявлена серия фрагментов от иранских поливных сосудов XI–XII вв. (Руденко, 2012, с. 132, рис. б). Фрагменты поливных сосудов встречаются и на других селищах: Измерском, IV Старокуйбышевском⁵.

Керамические комплексы можно сгруппировать в несколько условных **хроно-типологических групп (ХТГ)**, названия которых связаны с наиболее характерными памятниками, где они представлены наиболее выразительно (Руденко, 2002а, с. 64). Это группы: *Малоиерусалимская* (конец IX – первая половина X вв.) (Старостин, 2007); *Пальцинская* (вторая половина X в.) (Хлебникова, 1958); *Остолоповская* (начало – середина XI в.) (Хлебникова, 1984); *Алексеевская* (вторая половина XI в.) (Руденко, 2015, с. 34–38), *Мурзихинская* (рубеж XI–XII – середина XII в.) (Руденко, 2015, с. 102–108); *Рождественская* (вторая половина XII – первая половина XIII в.) (Генинг и др., 1962). Хронологические их особенности рассмотрены Т.А. Хлебниковой (1984).

Нужно отметить и региональные особенности керамического материала селищ. Так, многочисленную и разнообразную группу керамики с селищ низовий Камы представляют сосуды с тестом, содержащим крупнозернистый песок. Т.А. Хлебникова и Н.А. Кокорина относят такие сосуды к XIII этнокультурной группе болгарской керамики, называя ее «джукетаусской». Отметим, что по материалам Лаишевского селища для XII в. характерны сосуды типа «джукетау» с высокими, уплощенными ручками (яма № 51), а также сосуды с короткой слабовыраженной шейкой.

Практически на всех селищах приустьевой части Камы встречается керамика с примесью толченой раковины (VII этнокультурная группа по Т.А. Хлебниковой или «постпетрогром» по Е.П. Казакову). Как правило, это округлодонные сосуды с цилиндрической шейкой и веревочно-гребенчатым орнаментом на шейке и по плечу. Встречена она и на селищах по Малому Черемшану. При этом в бассейне Большого Черемшана ее практически нет, а вместо нее встречены сосуды с мелким шамотом. Немного ее или совсем нет на селищах в бассейне Шешмы – на восточной окраине болгарских земель.

Также прослеживаются и особенности керамических комплексов отдельных поселений, например, в Алексеевско-Кашанской агломерации (Руденко, 2002а, с. 89).

Из других керамических находок стоит отметить такую многочисленную категорию, как гли-

⁵ Коллекция ИА АНТ; полевой шифр Скс-71/11.

няные прясла. Выделяются прясла трех категорий (Руденко, 2015, с.220, табл. А): круговые (А), лепные (Б) и из стенки сосуда (В). В первых двух категориях по соотношению высоты (Н) к наибольшему диаметру (по ребру) рассматриваются отделы: I-2:1; II-1:1; III-1:2; IV-1:3. Тип определяется по форме сечения: 1 – прямоугольный, 2 – овальный. 3 – усеченно-биконический, 4 – бочонковидный. Существуют разновидности: а – с выгнутой, б – с вогнутой верхней и нижней плоскостью, в – с концентрической выемкой сверху и снизу (2б, 3а, б; 4а, б, в). Подавляющее большинство прясел относится к III отделу, очень редко к I и II, и часть прясел занимает промежуточное положение между III и IV, то есть в пропорции 1:2...2, 7. Изучение 570 прясел с болгарских селищ показало, что для конца X–XII вв. характерны прясла небольшого размера (до 2,4 см в диаметре) и весом от 7,5 до 15,4 г, усеченно-биконической (тип 3), бочонковидной (тип 4) и овальной форм (тип 2, 2а). Не позднее XII в. устанавливается стандарт – прясла диаметром от 2,5 до 2,9 см и весом преимущественно от 11,5 до 15,4, а также от 7,5 до 11,4 г, что в целом продолжает традицию предыдущего периода. Ведущая форма – усеченный биконус с плоским верхом и низом (тип 3), хотя вплоть до XIV в. прослеживается заметное разнообразие производившихся форм (но основными были типы 3, 4 с разновидностями). Видимо, не позднее начала XIII в. прослеживается тенденция к увеличению диаметра изделия без особого увеличения веса и толщины. Среди изделий домонгольского периода встречаются миниатюрные поделки. Часть болгарских прясел повторяла весовую норму русских шиферных прясел: от 7,5 до 11,4, от 4 до 7,4 и от 11,5 до 15,4 г.

Изделия из железа. Орудия для обработки почвы представлены лемехами, наральниками и сошниками; встречаются чересла (Казаков, 1991, с. 58–64). Орудия для уборки урожая – серпы, косы (Казаков, 1991, с. 62, рис. 23; Руденко, 2001, с. 58–61, рис. 31, 193). Находки целых предметов этих категорий достаточно редки для селищ; чаще встречаются их фрагменты. Интересен комплекс находок из постройки XVII Лаишевского селища, датированной XII в., где были найдены резак и сошник (Руденко, 2011, с. 125, рис. 7: 7, 8). Но на многих селищах таких находок не зафиксировано. Есть и региональные особенности в распространении некоторых типов орудий, например, на Лаишевском селище, как и на Остолоповском, обнаружены фрагменты небольших кос, использовавшиеся для косьбы на склонах и неудобьях (Руденко, 2011, с. 139, рис. 20: 3, 4).

Самая массовая категория изделий – предметы повседневного труда и быта. Стандартны кованые

гвозди и скобы, детали дверных цепей и пробой для закрывания ворот и дверей. Практически повсеместно встречаются ножи. Для анализа было привлечено 433 экз. Период XI – начала XIII вв. характеризуют изделия с VI Алексеевского (59 экз.), VI Рождественского (34 экз.), V Рождественского (2 экз.), XIII Алексеевского (5 экз.) селищ. В это время преобладают универсальные ножи с длиной лезвия 7–10 см при общей длине 12–16 см, а в среднем 13 см (52% на VI Алексеевском селище; 68% на VI Рождественском; 100% на V Рождественском и XIII Алексеевском). Аналогичная картина наблюдается на Лаишевском (61,4% от 237 экз.) и Мурзихинском (70% от 78 экз.) селищах XII–XIV вв. Ножи, как правило, имеют сточенное лезвие. Переход черешка к лезвию оформлен четко выраженными уступами (I группа по Е.П. Казакову). Иногда этот переход почти отсутствует. Интересны миниатюрные ножички с лезвием длиной 4–7 см при общей длине 6–11 см (10,4% на Лаишевском; 1% на Мурзихинском, 16% на VI Рождественском селищах). Известны специализированные ножи: косторезный с VI Алексеевского, сапожный (1 экз.), столярный нож (20 экз.), «бритва» и засапожный нож (1 экз.) с Мурзихинского селища.

Ножи с длиной лезвия 13–15 см при общей длине 16–16,5 см и ширине лезвия 2–2,5 см с притупленным лезвием и упором при переходе от лезвия к черешку на Лаишевском селище составляют 22,8%, а на Мурзихинском селище – 7%.

Ножи имели деревянную или костяную ручку. Деревянную ручку украшали костяными накладками, а для придания прочности усиливали затыльником. Изготавливались и наборные рукоятки из отдельных костяных элементов. На Лаишевском селище найден обломок тонкой прямоугольной костяной пластины (ширина 15 мм), украшенной циркульным орнаментом. К деревянной основе рукоятки эта пластина крепилась небольшими железными гвоздиками. Два экземпляра костяных затыльников от рукоятей найдены в раскопе и в подъемном материале на VI Алексеевском селище. Одно изделие имеет миндалевидную форму (32×16 мм) и три сквозных отверстия по центральной оси. Другое – подрубической формы с большим отверстием в центре и хаотично нанесенными насечками с тыльной стороны (Руденко, 2001, с. 180, рис. 21, 2, 3, 4).

В крестьянском хозяйстве широко использовались гвозди (изучено 276 экз.) По материалам VI Алексеевского селища XI–XII вв. найденные в раскопах гвозди все конструктивно-крепежные. Самый большой по размеру длиной 17,5 см имеет уплощенный стержень прямоугольного сечения (0,5×1

см). Целые изделия не превышают длины 12 см. Средний размер 10–12 см. Интересно, что большей частью гвозди обломаны посередине и реже – у окончания. Так на раскопе III гвозди с сохранившейся частью до 6 см составляют 51%, от 6 до 8 см – 29%, а сверх того, включая целые поделки, – 20%.

В подъемном материале с селища учтено 36 целых гвоздей, 103 обломка с возможностью установления типа, 71 фрагмент стержня. Из них 85% составляют гвозди строительно-крепежные, причем наибольшее число их имеют длину 10–14 см (преобладают изделия длиной 10–12 см – 36,4% от общего числа), маленьких же гвоздей (7–10 см) всего 9%. Самые большие (14–16 см) составляют 27,3%, среди них 22 экземпляра 2 типа. Ломались гвозди преимущественно у шляпки (гвозди строительно-крепежные) – 84,3%, а стерженек сохранялся на длину 4,5–7 см (62%). Немного гвоздей со сбитой набок Г-образной головкой (7 экз.), длина их не превышает 8 см (4 тип по Е.П. Казакову). Судя по находкам гвоздей в ямах или около них, следует предположить, что они использовались при сооружении дворовых навесов, дощатых дверей и калиток, крышек-заслонок, а также украшений и архитектурных элементов деревянного наземного дома. И гвозди, и ножи могли производить деревенские кузнецы. На Лаишевском селище, судя по массовым находкам заготовок и полуфабрикатов, эти предметы изготавливали на продажу.

Ассортимент навесных замков селищ XI – начала XIII в. мало чем отличается от находок на домонгольских городищах. На селищах второй половины X – первой половины XI в. найдено очень мало замков, в большей степени это одноцилиндровые изделия с отдельным фиксатором замыкающего механизма кубической и цилиндрической формы. С конца XI в. на селищах распространяются навесные двухцилиндровые цилиндрические замки стандартных типов, отличающиеся только размерами и декором (Руденко, 2001, с. 43–45, 177, рис. 18). Существенно превышают по числу находок ключи от навесных замков. На основании изучения 102 экз. ключей была разработана типология этих артефактов (Руденко, 1999, с. 178–181). Было выяснено, что по видовому разнообразию и ассортименту продукция сельских кузнецов-замочников не уступала городским. На селе ключи (впрочем, как и замки) декорировались в меньшей степени, при этом достаточно высок был процент замков с простой пружинной системой (1–3 пружинных механизма).

Массовой категорией находок на домонгольских селищах являются железные пряжки и накладки от конской упряжи и, возможно, костюма.

Кроме универсальных, простых по форме и конструкции, выделяется представительная серия изделий, являющаяся репликами пряжек и накладок изделий аскизской культуры Южной Сибири, а также подражаниями им (Руденко, 2001а; 2007, с. 165–171, рис. 54–60). Они встречаются со второй половины XI и до конца XII в. Отметим, что на рубеже XI–XII вв. распространяются пряжки с плоским щитком, а в первой половине XII в. появляются объемные щитки и щитки с вильчатым завершением, как и с окончаниями шлемовидной или килевидной формы (тип В1, В7). Особенностью болгарских пряжек, сделанных по образцам аскизских, следует считать применение циркульного орнамента в оформлении щитков (тип В4) или круглых выемок (тип В8).

Другим приемом, широко вошедшим в практику болгарских сельских кузнецов стало придание щитку пряжек и накладок фигурной формы, что типично для объемных изделий. Достигалось это украшением изделия декоративными деталями – перетяжками, поперечными насечками, приданием средней части объема с помощью «снятия фасок» с боковых сторон (тип В5, В2, В3). Некоторые типы пряжек и накладок могли украшаться плакировкой серебряной фольгой.

Наибольшее бытование большей части пряжек с неподвижным соединением щитка приходится на вторую половину XI – начало XII в. Пик производства пряжек с подвижным соединением относится к середине – второй половине XII в. Скорее всего, к концу XII в. мода на такие пряжки заканчивается. Помимо пряжек и накладок к изделиям, подражавшим аскизским изделиям, относятся шарнирные подвески на конскую уздечку (Руденко, 2007, с. 167, рис. 56, типы В4–В6), а также распределители портупейных и уздечных ремней, как и специфическое крепление колчанных и седельных крючков с помощью прямоугольных накладок с подвижным кольцом (Руденко, 2007, с. 167, рис. 56 – типы В18б, В15а).

Стандартными были швейные иглы длиной 3–3,5 см, около десятка которых было обнаружено в раскопах Остолоповского селища, как и шильца с деревянными или костяными рукоятями. Несколько варьировались кресала, но ведущими типами в XI – начале XIII в. являлись калачевидные и овальные. Часто на селищах встречаются ножницы – шарнирные и пружинные; известны находки наперстков.

Производственный инструментарий относительно немногочислен. Это топоры, редко целые формы, чаще фрагменты лезвия или обуха со щекловицей, долота, стамески и тесла. Встречаются обломки пил и напильники. На Остолоповском, Измерском, Мурзихинском селищах обнаружены

детали от лучкового сверла. На Лаишевском селище найден обломок крупного сверла типа бурава. С этого же памятника происходят резцы для работы по дереву (т. н. ложкорезы) (Руденко, 2011, с. 129, рис. 10: 29). Известны случаи находки ювелирных молоточков (Саконское и Мурзихинское селища), кузнечных клещей (Мурзихинское и Лаишевское селища) (Руденко, 2001, с. 189, рис. 30: 1, 2, 9, 10), а также волочило для вытягивания калиброванной проволоки (Лаишевское селище). На Лаишевском и Остолоповском селищах обнаружены большие иглы для плетения сетей.

На селищах низовий Камы не редкость находки стремян и удила (Казаков, 1991, с. 103–105, рис. 36, 37). Некоторые из них украшены медной инкрустацией (Семеновское селище). Большая часть стремян и удила датируются XI–XIII вв.

Представительную серию артефактов (более 500 экз.) составляют железные наконечники стрел (Руденко, 2003; 2010). На селищах выделяются несколько комплексов этих предметов (Руденко, 2007, с. 183–186, рис. 72–75). *Первый комплекс* – наконечники плоские без упора (типы А11, Б45д⁶). Распространены они, как правило, на памятниках пойменной части Камы. Наибольшее распространение их приходится на вторую половину XI–XII в. В какой-то степени наконечники этого комплекса достаточно универсальны, и основные их формы доживают до этнографического времени. Появление и бытование этого комплекса обусловлено потребностями охоты.

Второй комплекс – относительно немногочисленная группа одношпанных и двушпанных уплощенных наконечников, яркие экземпляры которых представлены типами А1б, в, г. Период бытования таких наконечников ограничен концом XI–XII в. Наибольшую близость они обнаруживают с материалами археологических памятников европейского Севера. Тяготеют находки этих наконечников к памятникам камского побережья.

Третий комплекс представлен объемными наконечниками характерной долотовидной формы. Несмотря на разные модификации (напр., типы А5, А6), все они характеризуются вытянутыми формами головки, тонкой с узкой заточкой режущей кромкой и плавным расширением ударной части книзу. Наиболее выразительны наконечники типа Б5 и его варианты. В частности, интересны типы Б5г, д, где режущая кромка имеет треугольное завершение. Аналогичный прием применялся и дляковки граненых наконечников (напр., типы Б27, Б27а, б). Распространяются наконечники этого комплекса со второй трети XI в., хотя не исключено, что появление их относится к началу этого

столетия. Истоки третьего комплекса связаны с лесной полосой Зауралья и Западной Сибири. Здесь они выступали в качестве приспособления для охоты на крупных лесных зверей, в первую очередь лося. Эффективны они были и при военных действиях. В данный комплекс должны быть включены и наконечники типа Б30 и его варианты. Они имеют граненую головку ромбического сечения со срезанным острием и уплощенной нижней частью. За счет этого создается аналогичный эффект, как и при стрельбе с наконечниками типа Б5.

Четвертый комплекс включает в себя наконечники от самострелов или арбалетов. Первое предположение, исходя из размеров наконечников, представляется наиболее вероятным. Это типы А9, 10, Б2, 3. Охотничью функцию наконечников такого рода подчеркивает плоское завершение у типа Б3, как у костяных наконечников, предназначенных для охоты на пушного зверя. Однако сбитые острия у значительной части таких наконечников однозначно свидетельствуют об их боевом применении. Распространяются наконечники этого комплекса в большей части с конца XI в. и бытуют до XIII в. включительно. Наиболее вероятно их восточное происхождение. Истоки этого комплекса пока не имеют точной идентификации. Встречены наконечники 4 комплекса на болгарских городищах (Биляр, Сувар), на негородских поселениях (Мурзихинское селище) и на культовых местах (городище Гремячий Ключ).

Пятый комплекс представлен многочисленной серией плоских наконечников, имеющих устоявшееся название «срезень». Наиболее характерная форма – в виде вытянутой лопаточки или весла – по контуру близка к трапеции. Это типы А27, А28, Б52, Б53. Установлено их широкое распространение в ордынское время (типы А27, Б52). Тем не менее наконечники с треугольной режущей кромкой (тип А27г, д), более широких пропорций, по контуру близких к пятиугольнику, распространяются со второй трети XI в. Традиция их использования и в том и в другом случае исходит из Зауралья, Западной и Южной Сибири и связана с охотничьими приемами народов лесной, лесостепной и степной зоны. Форма наконечника с треугольным острием и наибольшим расширением в верхней половине пера при общей форме, близкой к пятиугольнику, становится весьма употребительной с середины XI в. (типы Б25, Б25а, Б44, Б48а, 49, Б50, Б50в), хотя к концу XII в. их употребление становится менее широким. Можно предполагать, что срезни более широких пропорций с полукруглой режущей кромкой распространяются в XI–XII вв. (типы Б53, Б54б), как и наконечники с четко обозначенными плечиками, близкие по форме ромбовидным (тип Б53б). Вос-

⁶ Типологию см: Руденко, 2003.

точное происхождение имеют секторовидные миниатюрные срезни (типы Б54, Б54а), относящиеся на болгарских памятниках преимущественно к XI–XII вв. Срезни с вогнутой режущей кромкой треугольной и серповидной формы (типы Б52а, Б54г) аналогичны по истокам и времени бытования предыдущим.

Второй по распространенности формой этой категории наконечников является «вилчатая». Ранние образцы ее встречаются в VII–VIII вв. (тип Б55в). Достаточно часто они встречаются в XI–XII вв. (типы Б54д, Б55, Б55б). Основное назначение таких наконечников – охота на птицу. Вероятно, такой тип наконечника входил в стандартный колчанный набор.

Шестой комплекс представлен единичными наконечниками фигурной формы (кунжутolistные, пламевидные и т. п.). Это типы А26, Б39а, Б46, Б46а. Прямые аналогии им есть в археологических памятниках Западной и Южной Сибири. Наконечники вытянутых пропорций (тип Б39а) появляются в первой половине XI в. Значительная часть остальных распространяется уже в ордынское время: со второй половины XIII и бытует до конца XIV в. Встречены такие наконечники на разных болгарских памятниках без какой-либо географической локализации.

Седьмой комплекс составляют наконечники с небольшой головкой ромбических очертаний линзовидного или ромбического сечения. Это типы А3, А3а, Б10, Б10а, Б26, Б26а–г. Распространение наконечников этого комплекса приходится на XI – первые десятилетия XII в. Происхождение такой формы наконечников неясно. Ближайшие аналогии имеются в материалах аскизской культуры. Интересен вариант наконечников этой категории с расширяющейся в основании шейкой, как у наконечников третьего комплекса (тип Б9).

Восьмой комплекс составляют объемные наконечники пирамидальной или близкой к ней формы. Наиболее характерны для этого комплекса типы Б13–Б17, Б28, Б28а–в. Распространяются эти универсальные в применении наконечники в XII в., хотя встречаются как в более ранних, так и в поздних материалах. Одной из особенностей ряда типов является наличие выемок на гранях головки (типы Б13, Б15г). В этом, видимо, сказались как сила традиции, идущая от трехлопастных наконечников VII–IX вв. в материалах раннеболгарского времени, так и та же традиция, но в южносибирском исполнении, достигшая Болгарии в XI в. (типы Б6, Б6а). Данный тип наконечников весьма устойчив и имел широкое распространение как территориально, так и в хронологическом аспекте. Исключение составляют наконечники, имеющие треугольное сечение (тип Б28б). Это единичные

находки (Руденко, 2003, кат. № 465, 466, 883, 944), происходящие с памятников, существовавших до монгольского нашествия. Выводы о происхождении такого рода изделий из-за незначительности серии делать затруднительно.

Девятый комплекс представлен двумя группами наконечников. Первая группа – плоские наконечники овальных, треугольных или ромбовидных очертаний (типы А11г, А12–24, Б40–41, Б42–43, Б45). Вторая группа – наконечники объемные вытянутые, ромбических очертаний (типы Б18–20, Б35–36). Это универсальные в применении наконечники, имеющие широкие рамки бытования. Формирование этого комплекса имело местные истоки, отчего весьма широка вариабельность в деталях наконечников, отнесенных даже к одному типу.

Промежуточные формы этого комплекса представлены наконечниками ланцетовидной формы (типы Б20 и Б43), наиболее часто встречающимися в XII в. С конца XI в. распространяются наконечники с массивной объемной головкой и длинной шейкой (типы Б18–Б19б). Вообще тенденция к увеличению длины шейки на наконечниках этого типа характерна для XII в. Прослеживается и обратный процесс. Ряд типов (типы Б21–24) отличается небольшими размерами ударной головки и узелковым упором при отсутствии шейки или ее минимальной величине.

Приведенные данные позволяют предполагать, что на формирование ассортимента наконечников стрел XI–XIII вв. оказали влияние как внутренние (развитие системы болгарского вооружения), так и внешние (заимствование новых видов вооружения) факторы. Следствием первого фактора стало развитие универсальных по применению наконечников стрел с общей тенденцией к утяжелению веса ударной части (восьмой и девятый комплексы). Эти наконечники составляют значительную часть коллекции. Результатом этнических контактов и стимулирования традиционных форм хозяйства стало формирование локальных комплексов (вероятно, связанных с природными особенностями конкретного района или местности). Примером такого рода могут быть первый и второй комплексы наконечников. Своеобразным характером отличается четвертый комплекс, основа которого сформировалась в местной среде (наконечники для самострелов, предназначенные для охоты на крупного зверя) и развивалась под влиянием привозных образцов (наконечники к боевым самострелам (арбалетам?)).

Не позднее первой трети XI в. начинает развиваться своеобразный набор наконечников, включенный нами в третий и частично пятый, шестой и седьмой комплексы. В их числе плоские на-

конечники пятиугольной формы, срезни низких пропорций, объемные наконечники долотовидной формы, а также небольших размеров наконечники ромбических очертаний. Как уже отмечалось, эти типы наконечников имеют явные параллели с комплексом вооружения (в том числе и наконечников стрел) аскизской культуры. Параллельно с этим здесь ощущается и общая тенденция, прослеживаемая по комплексу вооружения кочевников восточноевропейских степей (прежде всего половцев). Это относится в основном к распространению плоских наконечников пятиугольной формы. Долотовидные наконечники встречены и на древнерусских памятниках, что позволяет предполагать параллельный ход развития некоторых наиболее оптимальных типов вооружения и его частей. Могильники XII–XIII вв. поволжских финнов дают устойчивые комплексы железных наконечников стрел с упором (преимущественно плоского сечения) и наконечников без упора.

Интересно, что наиболее многочисленные серии наконечников и их типологическое разнообразие приходится на промежуток начала XI – первой половины XIII в. Если в конце X в. их 212 (22%), то в XI в. уже 763 (80%), чуть больше в XII в. – 786 (82%); в последующем столетии их 602 (63%) и в XIV в. – 187 (20%) экз.

Предметы вооружения относительно немногочисленны. Это оружие ближнего боя: наконечники дротиков и копий (Остолоповское, Мурзинское, Измерское селища), а также бронзовая булава с Мурзинского селища. От защитного доспеха встречены железные пластины, найденные на Остолоповском селище, датированные по стратиграфии XI в. (Руденко, 2007, с. 175, рис. 64, 2–8; 2012, с. 134, рис. 8, 1, 2). К XII в. относится пластина от доспеха с Мурзинского селища (Руденко, 2007, с. 175, рис. 64, 9). С Измерского, Семеновского, Малиновского селищ происходят фрагменты сабель и детали (перекрестия) от них. На Семеновском и Лаишевском селищах найдены фрагменты от палашей (Казаков, 1991, с. 101; Руденко, 2011, с. 130, рис. 11: 1). Известен один умбон от щита.

Обширна коллекция изделий из цветного металла. Особенно многочисленны на селищах приустьевой части Камы второй половины X – начала XI в. медные и бронзовые пряжки, наконечники ремней и накладки (Казаков, 1991, с. 129–140, рис. 44). Помимо них, для этого времени характерны бронзовые пуговицы с рельефным орнаментом, а также бубенчики с крестовидной прорезью. Грушевидные подвески встречаются в XI в. С конца XI–XII в. распространяются медные и бронзовые

браслеты и перстни. Простейшая форма височных колец и сережек в виде свернутой в кольцо проволоки появляется на селищах в X в. Позже встречаются кольца с напускной бусиной, как правило, с одной. На Семеновском селище найдены накладки на поясную сумочку. К XII в. мода на поясной гарнитур из меди и бронзы затухает, и большая часть деталей и украшений пояса выполняется из железа.

Практически на всех селищах в низовьях Камы встречены фрагменты медной посуды – котлы, ковши, реже «кружки» (Руденко, 2015, с. 238–239, 367–369, рис. 9а; 115). Реже встречаются целые формы, например, чаша с VI Алексеевского селища или котел с Мурзинского селища. Значительным количеством медной посуды отличаются IV и V Старокуйбышевские селища (Казаков, 1984, с. 39–64; 1991, с. 110, рис. 38, 12–19; 39).

Каменные жернова, как целые, так и фрагменты от них, найдены на Измерском, Старокуйбышевском, Остолоповском, Мурзинском селищах (Руденко, 2001, с. 61, 194, рис. 35). Также встречаются на большинстве селищ Измерско-Семеновской и Алексеевской агломерации пряслица из малинового или розового шифера.

Изделия из кости и рога с селищ представлены бытовыми поделками и инструментами, например, проколками из костей лошади, иглами из костей осетровых рыб, ложилами из ребер крупного рогатого скота или из обрезков рогов оленей или косуль. Встречаются двухсторонние гребни (Семеновское и Измерское селища), расчески, точнее, части футляров от них (Остолоповское и Измерское селища), односторонние гребни с циркульным орнаментом (Остолоповское селище). Датируются последние по находкам из слоев Остолоповского селища XI–XII вв.

На этом же памятнике обнаружены рукояти плетей из рога. На Лаишевском селище найден фрагмент костяной накладки от рукояти ножа, а с Остолоповского, Мурзинского и Измерского селищ происходят цельные костяные рукояти. На Измерском и Остолоповском селищах найдены костяные копоушки, датированные XI в., а также полусферические пуговицы XI–XII вв. На Остолоповском селище найден фрагмент костяного амулета. На всех селищах встречаются игральные кости для игры в «бабки», сделанные из астрагалов барана или лошади. На некоторых из них имеются знаки (Руденко, 2015, с. 225, табл. Е). Наконечники стрел из рога, как правило, пулевидной формы, найдены на Остолоповском, Измерском селищах; черешковые наконечники – на Измерском (Казаков, 1991, с. 143, рис. 46: 25, 26).

ГЛАВА 4. СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Таблица 1. Типологические признаки болгарских селищ

Группа	по степени удаленности от реки	Вид	по рельефу и особенностям местности	Тип	по расположению на местности
А	в пойме, на расстоянии не ближе 60 - 100 м от коренного берега	I	у родников и карстовых (провальных) озер	а	вытянутые вдоль оврага или балки
Б	на надпойменной террасе или склоне коренной террасы	II	у стариц	б	на мысу при впадении в реку притока или оврага
В	на коренном берегу	III	у истоков рек и ручьев	в	на мысу ограниченном поймой
Г	и на водоразделе	IV	На ровных участках плато	г	в излучине реки (перешеечные)
		V	у оврага или балки	д	селище – посад за валом городища
		VI	на берегу реки	е	селище на месте предшествующего ему городища

ГЛАВА 5

ХОЗЯЙСТВО НАСЕЛЕНИЯ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ

Экономика Волжской Болгарии домонгольского периода носила комплексный характер и включала в себя сельское хозяйство с развитым

для того времени земледелием и скотоводством, ремесла, внутреннюю и внешнюю торговлю, а также различные промыслы, рыболовство и охоту.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО: ЗЕМЛЕДЕЛИЕ, ЖИВОТНОВОДСТВО

Основная масса населения, проживающая в сельских местностях, занималась земледелием и скотоводством. Мягкие формы рельефа Волго-Камья, представляющего собой слабоволнистую равнину, прорезанную долинами многочисленных рек и речушек, относительно теплый умеренный климат, достаточной увлажненный в течение вегетационного периода, а главное черноземные почвы, отличающиеся большим плодородием, создавали благоприятные условия для занятия населения земледелием – ведущей отраслью сельского хозяйства.

Еще до прихода болгар на Среднюю Волгу местное население, прежде всего именьковские племена, активно занималось земледелием. По мнению П.Н. Старостина (1967), у именьковцев существовало пашенное земледелие с применением тягловых животных и упряжных пахотных орудий. Болгарское земледелие, несомненно, базировалось также на собственных традициях, которые они приобрели в предшествующий период, живя в составе Хазарского каганата и более древних тюркских государств.

О большой роли земледелия в экономике Болгарского государства свидетельствуют письменные источники. Арабский географ начала X в. Ибн Русте писал: «Болгары – народ земледельческий и возделывают всякого рода зерновой хлеб, как-то: пшеницу, ячмень просо и другие» (Хвольсон, 1869). Ибн Фадлан отмечает, что «пища их – просо и мясо лошади, но и пшеница, и ячмень [у них] в большом количестве» (Ковалевский, 1956, с. 136).

Земледелие не только удовлетворяло внутренние потребности страны в хлебе, оно создавало довольно значительный прибавочный продукт, шедший на экспорт. Болгары вели с Русью регулярную торговлю зерновым хлебом. В Лаврентьевской летописи под 1024 г. говорится, что во время голода в Суздальской земле русские отпра-

вились в «Болгары и привезоша жито и тако ожиша» (ПСРЛ, т. 1, 1962, с. 148; ПСРЛ, 1965, т. XV, с. 144). Под 1229 г. в летописях имеется следующее сообщение: «Болгары возили жито по Волге во все грады русские и продавали, и тем великую помощь сделали. Князь же Болгарский прислал в дар великому князю Юрию 30 насадов с житами, которые князь великий принял с благодарностью» (ПСРЛ, 1965, т. X, с. 98; Татищев, 1964, т. III, с. 225).

Немногочисленные письменные источники по болгарскому земледелию находят солидное археологическое подтверждение. Находки почвообрабатывающих орудий, орудия уборки и переработки урожая, а также богатый палеоботанический материал, т. е. остатки зерен культурных растений и сопутствующих сорняков, позволяют достоверно реконструировать применявшуюся тогда систему земледелия и состав возделываемых сельскохозяйственных культур.

Рало, соха, плуг – вот основные виды болгарских пахотных орудий. В археологических материалах они представлены такими деталями, как наральники, плужные лемехи с ножами-череслами и сошники с полицей (рис. 1; 2).

Наральники имеют обычно небольшие размеры: длина 10–15 см, диаметр втулки 5,5–7 см, ширина лопасти 6–7 см (рис. 2: 7). Они относятся к древнейшему, а потому простейшему типу упряжных пахотных орудий, применявшихся еще до болгарским населением Среднего Поволжья. В домонгольских поселениях болгар они еще встречаются, но уже не являются основным видом пахотных орудий.

Железные *сошники* от двузубых сох с перекладной полицей в археологических материалах встречаются гораздо чаще (около 40 экз.), чем наральники. По размерам они близки между собой: средняя длина в пределах 25–30 см, ширина лопа-

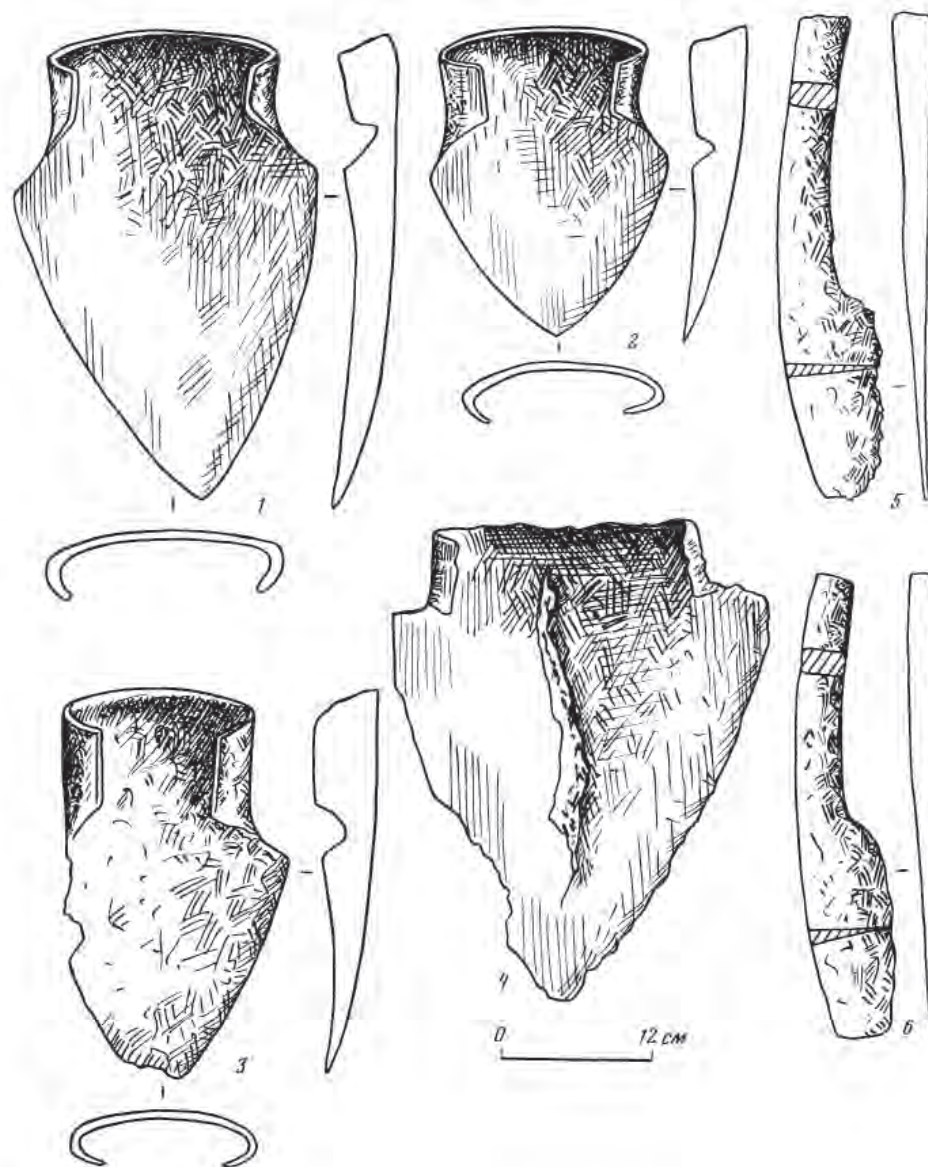

Рис. 1. Железные лемеха (1–4) и чересла (5, 6) с Билярского городища

сти 7–8 см, длина втулки 9–12 см, диаметр втулки 6–8 см (рис. 2: 1–4). Соха предназначалась для работ на относительно легких старопахотных почвах и на землях, недавно освобожденных от леса.

Полицы конструктивно принадлежат к одному типу, близки и их размеры: длина в пределах 28–32 см, ширина от 10 до 11,5 см, диаметр втулки от 3,5 до 4,5 см (рис. 2: 5, 6).

Общепринято мнение о том, что соха (тат. *сука*) как особый вид пахотного орудия возникла в восточнославянской среде не раньше конца I тысячелетия н. э. и только где-то в XII в. появляется на землях волжских болгар (Краснов, 1987, с. 213). Сошники и полицы достаточно широко были распространены в Волжской Болгарии. Семеновским кладом железных изделий они датируются до-

монгольским временем, не позже XII в. (Халиков, 1981, с. 107). Им синхронны сохи земледельцев домонгольской Руси (Левашова, 1956, с. 37). Без значительных конструктивных изменений двузубые сохи с перекладной полицей в Волго-Камье просуществовали вплоть до начала прошлого столетия. Факт появления орудий сошного типа знаменует собой становление паровой системы земледелия. Достаточно сказать, что по конструктивным и функциональным особенностям сохи абсолютно не приспособлены для обработки степных целинных почв, а предназначались для старопахотных земель.

Основным орудием для обработки почвы служил тяжелый *однолемешный* плуг с резаком и приспособлением для регулирования глубины

вспашки. А.П. Смирнов называл Волжскую Болгарию «страной плужного земледелия» (Смирнов, 1951, с. 36). Почти полное сходство металлических частей болгарского плуга и позднего татарского сабана свидетельствует об их генетическом родстве. Железный лемех от плуга-сабана имеет вид массивного полотна с овальной несомкнутой втулкой-трубицей и подтреугольной симметричной или асимметричной лопастью. Размеры таких лемехов, известных на территории Волжской Болгарии в количестве более 70 экз., варьируют в пределах: длина 25–37 см, высота втулки 5–8 см, ширина втулки 14–19 см, ширина лопасти 18–29 см (рис. 1: 1–4).

Обязательной принадлежностью болгарского плуга были *резаки-чересла*, или плужные ножи, которые прикреплялись к оглобле слева перед лемехом и предназначались для резания верхнего слоя почвы перед тем как она будет поднята рабочим органом – лемехом (рис. 1: 5, 6). Их длина 34–37 см, ширина лопасти 68 см, длина рукояти 17–22 см. Такими сабанами, влекомыми парой волов или лошадей, обычно поднимали целину и успешно обрабатывали тяжелые, плотно задернованные степные и лесостепные почвы.

Время появления плуга в Волжской Болгарии специалисты определяют X–XI вв., уточняя при этом, что лемехи с правосторонней асимметрией лопасти относятся лишь к послемонгольскому (золотоордынскому) времени. Билярские находки опровергают эту точку зрения: асимметричный лемех средних размеров происходит из слоя XII – начала XIII вв. (Марданшина, 2007б, с. 16). Заметим, что термин «сабан», применяющийся во многих тюркских языках для обозначения пахотного орудия вообще и плуга в частности, в письменных источниках зафиксирован в XI в. (Kâşgarlı Mahmut, 2014, s. 173).

Генетически болгарские плуги восходят к дошвенным ралам. Один из наральников найден на XXIII раскопе Билярского городища (рис. 2: 7). Они были достаточно широко распространены в Волжской Болгарии (Штукенберг, 1896, с. 216, табл. I, 5–7), были известны другим народам Волго-Камья (Генинг, 1979, табл. VI, 3; Петербургский, 1975). По-видимому, болгарские плуги развивались из орудия типа рала как местных земледельцев, так и носителей салтово-маяцкой культуры. Особенно тесные параллели существуют между лемехами болгарских плугов и наконечниками с памятников салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1967, с. 114–146, рис. 7, 8).

Обильные палеоботанические находки из Билярского городища, обработанные В.В. Туганаевым (1976), дают наглядное представление о составе сельскохозяйственных культур, вы-

ращиваемых волжскими болгарами в X–XIII вв. В зерновых материалах выявлено около 20 видов культурных растений. Среди зерновых преобладают пшеница мягкая, просо, ячмень и полба-двузернянка. Пшеница мягкая занимала ведущее положение (43,2%) как наиболее ценная продовольственная культура (Фролова, 1979, с. 140). В сравнительно небольшом количестве обнаружены пшеница твердая, чечевица, горох, гречиха, вика посевная. Преобладание посевов пшеницы, ячменя, проса и полбы подтверждается также материалами других памятников. Рожь, которая на Руси повсеместно возделывалась с XI в., у болгар занимала весьма скромное место. Наши предки заимствовали ее у русских, о чем говорит и этимология татарского слова «арыш» – «рожь». Овес, как считают палеоботаники, специально не высевался и являлся лишь примесью к другим культурам. Из технических культур популярностью пользовался лен; конопля встречается значительно реже.

Специалисты отмечают высокую степень засоренности болгарских полей. В зерновых материалах Биляра определено 42 вида сорных растений с преобладанием засорителей яровых посевов (Фролова, 1979, с. 141). Это обстоятельство свидетельствует о том, что зерновые хлеба возделывались на старопахотных землях, так как на новых в собранном урожае почти не бывает сорняков.

Продуктивность земледелия зависит не только от состояния сельскохозяйственной техники, но и от естественного плодородия почвы. Среди агротехнических приемов восстановления плодородия почвы важное место принадлежит севооборотам, которые различаются в зависимости от чередования культур, периодов возделывания и отдыха полей.

Традиционно считается, что болгары в домонгольское время применяли в основном паровую систему земледелия с трехпольным севооборотом (озимые – яровые – пар). Наличие озимых, которые составляют при трехполье почти половину посевов, археологически (и на палеоботанических материалах) пока не доказано. Новые палеоботанические и археологические данные иллюстрируют господство залежно-переложной системы, при которой использованный в течение нескольких лет и потому утративший плодородие участок земли забрасывался и спустя несколько лет вновь вводился в севооборот. С этой системой земледелия связаны орудия плужного типа (Туганаев, 1976). При освоении залесенных районов применялась также архаичная подсечно-огневая система. В то же время, как было сказано выше, не исключается применение и паровой системы, на что указывает наличие среди пахотных орудий сох, которыми

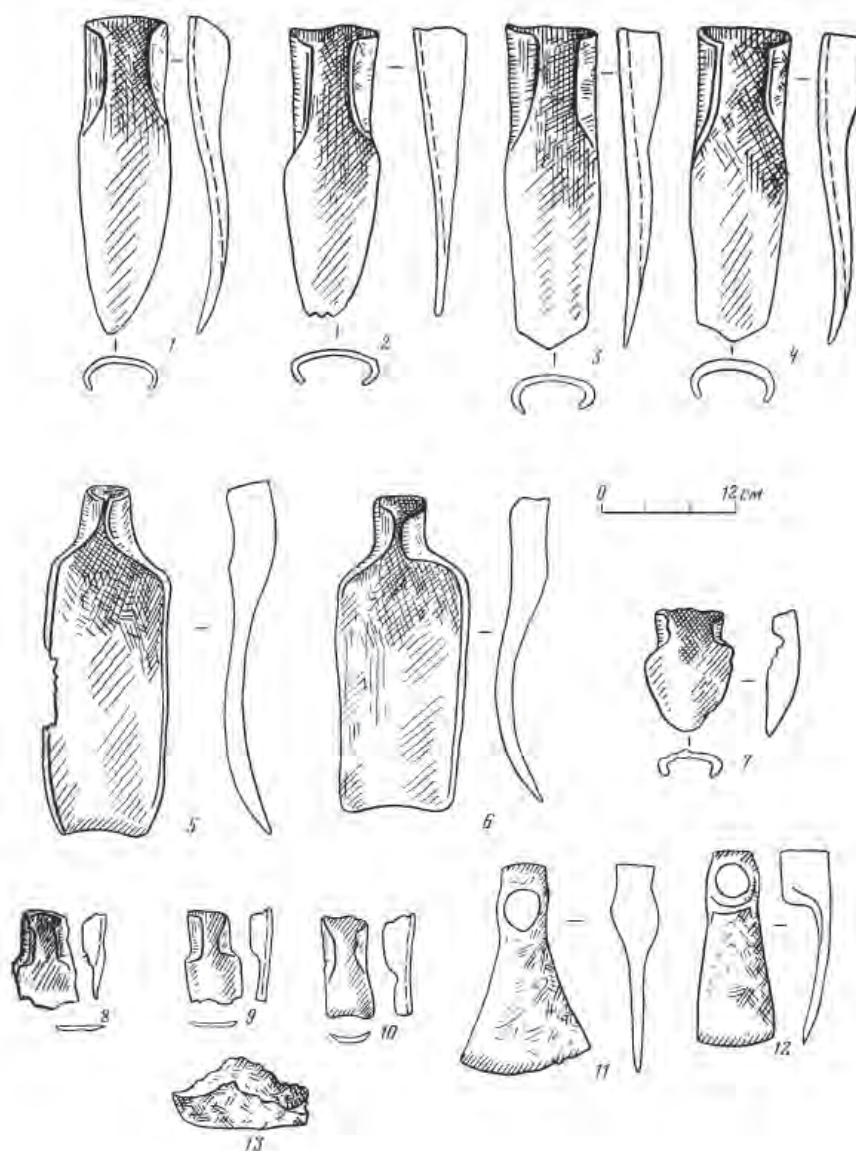

Рис. 2. Железные сошники (1–4), полицы (5–6), наральник (7), мотыжки (8–12) и оковка лопаты (13) с Билярского городища

обрабатывались преимущественно паровые поля (Культура Биляра, 1985, с. 18).

Ручные почвообрабатывающие орудия Волжской Болгарии представлены мотыжками нескольких типов и оковками для лопат (рис. 2: 8–13). Помимо чисто земледельческих, садово-огородных работ, мотыги и лопаты служили и прочим хозяйственным целям: в отношении некоторых мотыжек наименьших размеров (напр., рис. 2: 10) с вертикальной втулкой и шириной лезвия 4–5 см можно предположить, что мы имеем дело здесь не с земледельческим, а строительным инструментом – теслом (Колчин, 1953, с. 111; Нестеров, 1981).

Мотыжки с территории Волжской Болгарии по положению и конструкции втулки можно разделить на два типа: втульчатые и проушные.

Тип 1 – втульчатые мотыжки изготовлены из железной пластины, у которой края верхней половины загнуты в одну сторону и образуют незамкнутую втулку, а рабочая часть книзу слегка расширяется и заканчивается прямым рабочим краем (рис. 2: 8–10). Длина этих наконечников 8–12,5 см, длина трубицы 4–6 см, ширина лопасти 4,5– 6,0 см, ширина рабочего края 7–8 см (рис. 2: 8–10). Некоторые орудия имеют овальное в сечении лезвие, что сближает их с деревообрабатывающими теслами (рис. 2: 10).

На территории Волжской Болгарии втульчатые мотыжки известны с Билярского, Хулашского и Янтиковского городищ, а также в материалах ряда селищ. Аналогичные мотыжки обнаружены на огромной территории Сибири, Средней Азии и Восточной Европы на памятниках, существо-

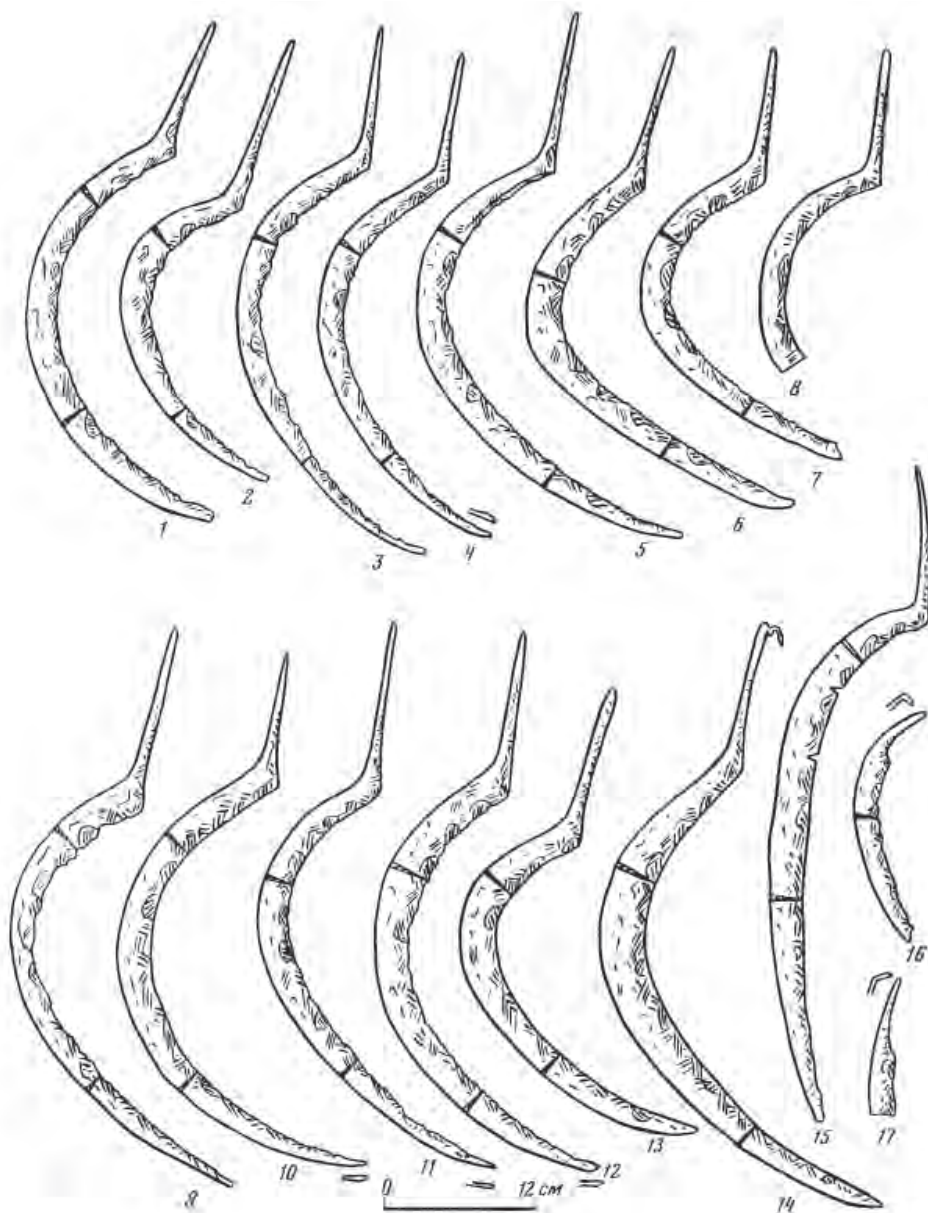

Рис. 3. Железные серпы с Билярского городища

вавших с VI в. и до XIII в. включительно (Йовков, 1978, с. 219, 221). По форме и размерам мотыжки типа 1 напоминают аналогичные орудия, распространенные в конце I – начале II тыс. в хозяйстве финно-угорских народов Волго-Камья (Генинг, 1979, табл. VI, 2; Иванова, 1978, с. 61, табл. III; Петербургский, 1975, рис. 3: 1, 5).

Тип 2 – проушные мотыжки включают в себя наконечники с горизонтальной трубицей и обухом (16 экз.). Длина их в пределах 17–18 см, ширина лопасти 7–11,5 см (рис. 2: 11, 12).

Наконечники типа 2 близки к орудиям наподобие среднеазиатского чопа, которые, впрочем, известны и на синхронных памятниках Поволжья и Приуралья (Культура Биляра, 1985, с. 18). По-видимому, формирование облика наконечников

ручного пахотного инвентаря у населения домонгольской Волжской Болгарии происходило на основе как местных, так и привнесенных праболгарами традиций.

Урожай зерновых убирали железными серпами, близкими по форме к современным. В археологических коллекциях имеется около 80 экземпляров болгарских серпов, отличающихся большой производительностью (рис. 3).

Существуют различные классификационные схемы упорядочения многообразия серпов Восточной Европы. Вслед за В.П. Левашовой (1956) мы придерживаемся следующих типологических критериев: положение рукоятки по отношению к начальной части клинка и угол между ними; длина рабочей части (АВ), высота дуги лезвия (СД);

степень изгиба клинка (СД к АВ); положение вершины дуги (с) к основанию АВ; для определения функциональных качеств орудий представляет интерес измерения углов резания клинка. В.П. Левашова среди многообразия серпов раннего Средневековья Восточной Европы выделяла особый тип этих орудий – болгарский, отличающийся от многих форм большей производительностью (Левашова, 1956, с. 73).

Болгарские серпы имеют черешок для крепления рукояти и угол между черешком и начальной частью клинка менее 180 градусов. Большинство серпов (тип 1) имеют длину клинка (АВ) в пределах 20–35 см; высота дуги лезвия составляет от 1/2 до 1/3 АВ; преобладают орудия, максимальный изгиб (СД) которых приходится на 1/3 АВ (рис. 3: 1–13). Часть клинков имеет хорошо сохранившуюся зазубренность. Углы резания лежат в пределах, близких к углам резания современных серпов.

К группе серпов следует отнести клинок из Биляра (рис. 3: 15), который при наличии характерного для железных серпов способа крепления с рукояткой посредством черешка имеет значительную длину АВ (36 см) при относительно малом изгибе (СД = 1/6 АВ). Эта своеобразная серпка выделяется в тип 2.

Также промежуточное положение между группами серпов и кос занимают два экземпляра, составляющие тип 3 (рис. 3: 16, 17). При способе крепления с рукояткой, обычном для кос (черешок образует угол с лезвием более 180 градусов, наличие запяточки), форма клинка и особенно его ширина (1,6 и 2,1 см) напоминают скорее серп, чем косу.

Происхождение болгарских серпов связано с районами, соприкасающимися с лесостепью и степью, где до переселения на Среднюю Волгу обитали болгары в составе Хазарского каганата (Краснов, 1971, с. 76).

Обмолачивали хлеба способом хлестания, обивки палкой, также копытами животных, лошадей, волов. Первые два способа вообще характерны для ранних этапов земледелия, последний же типичен для оседающих кочевников, переходящих к земледелию.

Обмолоченное и просушенное зерно сыпалось в зернохранилища. Ибн Фадлан в одном месте своей «Записки» отмечал, что «у них [болгар] нет помещений, в которых они складывали бы свою пищу, то, право же, они выкапывают в земле колодцы и складывают в них пищу, так что проходит для нее лишь немного дней, как она портится». Археологические данные не согласуются с данным утверждением. В то же время, думается, автор X в. правильно подметил некоторую при-

митивность ям-зернохранилищ, составляющих подавляющее большинство хозяйственных сооружений ранних болгар. Обычно они имели вид круглых (80–160 см) или подквадратных (120–160 см) в плане ям глубиной 100–170 см, стены которых обмазывались глиной и обжигались или же обкладывались досками. Деревянные постройки наземного типа – амбары и клетки, специально сооруженные для хранения зерна, появляются, по видимому, чуть позднее. При раскопках Биляра изучено несколько десятков таких амбаров-зернохранилищ (см. главу 4). Многие из них погибли во время пожара при взятии города монголами. В процессе их расчистки обнаруживаются лишь беспорядочно лежащие обугленные доски и огромное количество зерен пшеницы, проса, ячменя и некоторых других культур.

Орудия переработки (помола) урожая в археологических материалах представлены каменными жерновами от ротационных мельниц и терочниками (рис. 4).

При помощи больших каменных жерновов диаметром до 70–90 см зерно мололи на муку или рушили в крупу. Верхний камень-бегунок, имевший в центре коническое углубление для зерна, приводился в движение лошадьми или волами. Небольшие жернова были приспособлены для работы вручную.

Р.С. Минасян по критериям устройства и применения все приспособления для измельчения зерна подразделял на зернотерки, ступы и ротационные мельницы (Минасян, 1978, с. 101). Аналогичное деление применяется по отношению к болгарским материалам (Йовков, 1976). Группа жерновов ротационных мельниц представлена тремя типами:

Тип 1 – камни, верхние и нижние, диаметром 32–48 см, в большинстве случаев 40–42 см (рис. 4: 2–4, 6, 8, 10). Такие жернова, по размерам близкие к ручным ротационным мельницам XIX в. Среднего Поволжья и Приуралья, приводились в движение вручную. Рукоятка для этого крепилась к ребру верхнего постава с помощью обруча из лыка или кожи.

Тип 2 – верхние и нижние камни диаметром больше 50 см (рис. 4: 1, 5). Судя по отверстиям в верхнем постава, эти жернова вращались посредством упряжных животных.

Тип 3 – каменные жернова диаметром около 90 см и более (рис. 4: 7), были частью конной мельницы или водяной, сходной с поздними мельницами-мутовками.

Рабочая поверхность некоторых жерновов ребристая. Изготовлены они из известняка, добывающегося, скорее всего, в прибрежных камских отложениях.

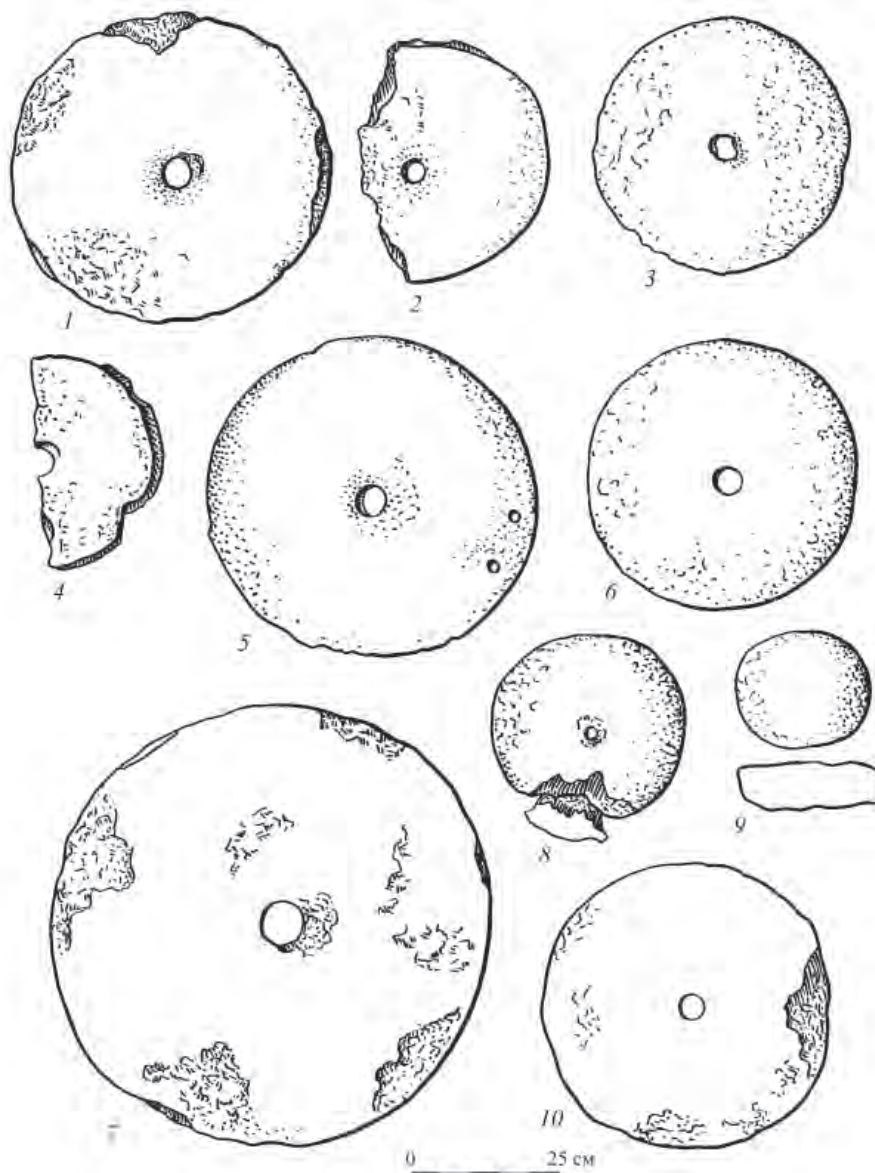

Рис. 4. Каменные жернова с Билярского городища

Жернова ротационных мельниц происходят с раскопок многих памятников Волжской Болгарии, в числе которых Биляр, Болгар, Джукетау, Муромский городок, Хулашское, Большетябинское, Староромашкинское городища и др.

Судя по всему, в Волго-Камье ротационные мельницы появились с приходом сюда болгар. Они же могли познакомиться с ними в районах Приазовья и Северного Кавказа, где подобные мельницы бытовали с VIII в. (Минасян, 1978, с. 108–109).

Терочники, иногда обнаруживаемые на болгарских поселениях, едва ли широко использовались для переработки зерна. Реликт допашенного земледелия, такое приспособление в домонгольской Болгарии использовалось преимущественно для иных целей (перетиранье красителей и т. п.).

Животноводство было после земледелия другой важной отраслью сельского хозяйства Волжской Болгарии. Оно стабильно обеспечивало население страны мясо-молочными продуктами. Кроме того, лошади использовались в транспортных целях, вола – как тягловая сила на пашне. Шерсть шла на изготовление войлока и различных тканей. Кожевенное и косторезные ремесла в значительной степени базировались на сырье, поставляемом животноводством.

Болгары разводили крупный рогатый скот, лошадь, овцу и козу. Судя по остеологическим остаткам, изученным А.Г. Петренко, в стаде крупного рогатого скота выделяются две различные породные группы – древнерусской лесной (в меньшинстве) и степной среднеазиатской. Средний рост в

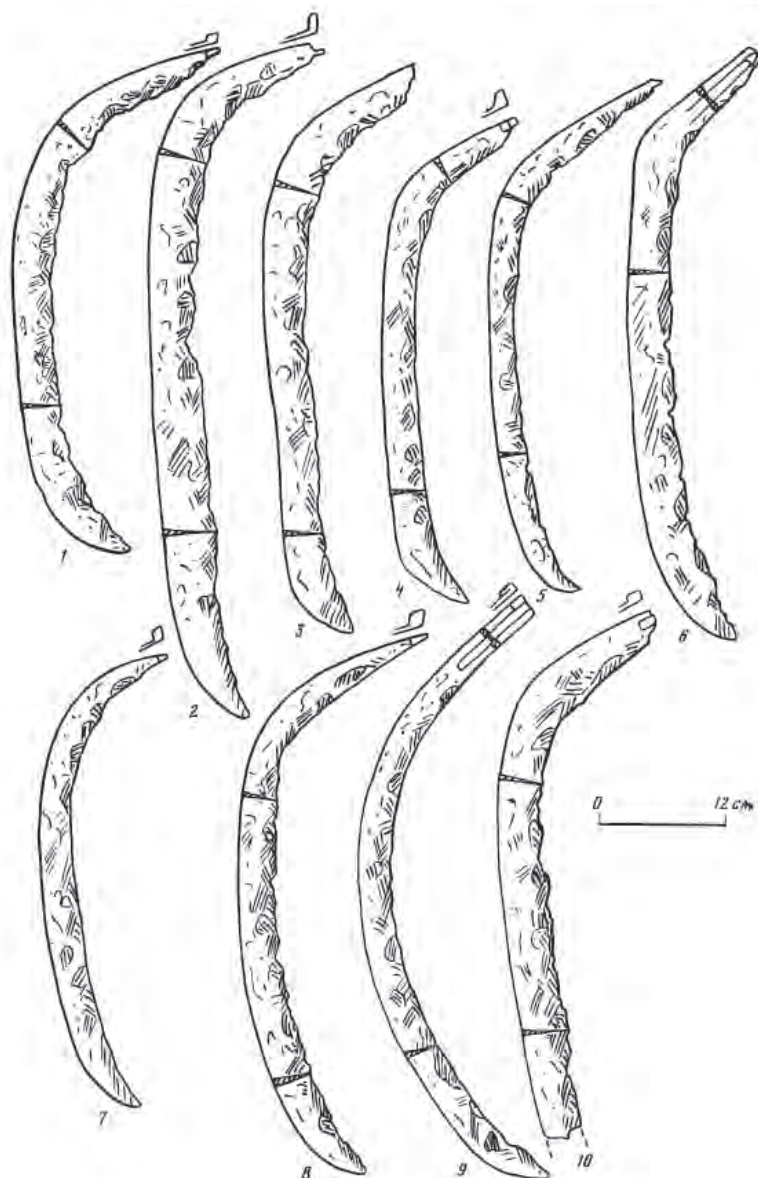

Рис. 5. Железные косы с Билярского городища (по Н.А. Халикову)

холке крупного рогатого скота первой группы (для коров) составлял около 108 см (в древней Руси – 95–105 см), второй группы – в пределах 109–124 см, обнаруживая при этом значительное сходство со скотом древнего Хорезма (Петренко, 1984).

Примерно такую же картину наблюдают специалисты при исследовании костных остатков лошадей. По данным А.Г. Петренко, большая часть (63%) лошадей из Биляра была довольно однородной, с высотой в холке 132–136 см. Единичными (не более 4%) были низкорослые лошади древнерусской лесной породы высотой в холке 120–128 см, иногда 112–120 см, а лошади более крупные, высотой в холке 137–148 см, составляли примерно одну треть от общего их количества (Петренко, 1984, с. 99 и сл.). По данным палеозоологов, болгарские лошади сопоставимы с лошадь-

ми степных кочевников Южного Казахстана домонгольского времени. В то же время отмечается их близость к лошадям древнехорезмийским. Любопытно отметить предположение специалистов о зачатках племенного дела в Волжской Болгарии (Петренко, 1984, с. 106). Феодалская верхушка имела возможность разведения хороших коней, используемых не столько в хозяйстве, сколько в военном деле и развлечениях.

В мясном рационе болгарского населения домонгольского периода основную долю составляет говядина. В связи с широким распространением ислама свинина оказывается в числе запрещенных (харам) для употребления продуктов; впрочем, болгары, до недавнего времени народ степной, кочевнический, и так не разводили свиней. Любопытно заметить, что единичные кости свиней ар-

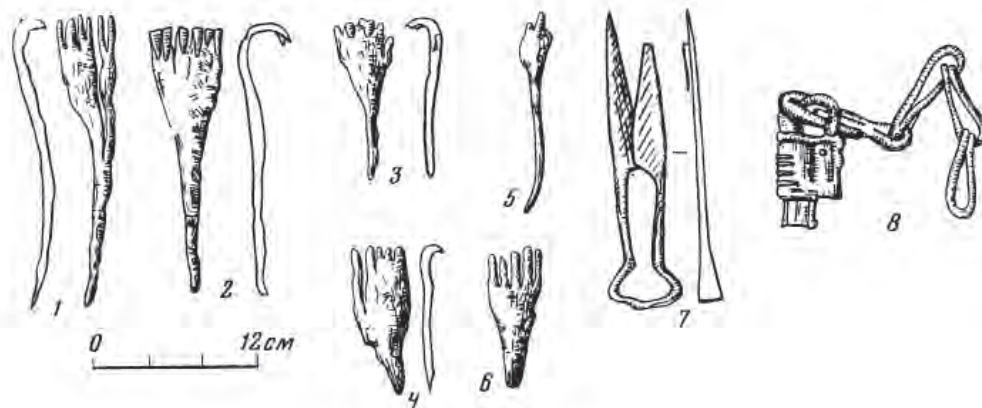

Рис. 6. Железные скребницы (1–6), ножницы (7) и путы (8) с Билярского городища (по Н.А. Халикову)

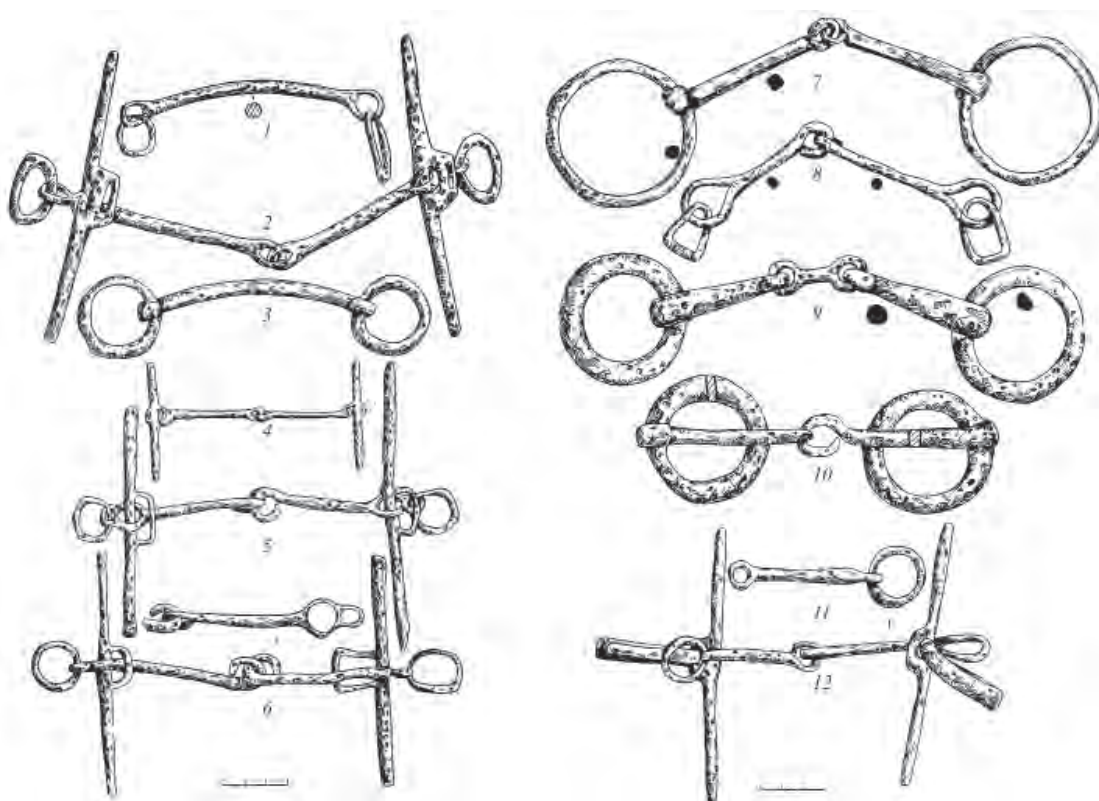

Рис. 7. Железные удила из Биляра
1–7 – бронза; 8–12 – железо; 13–15 – кость

хеологи обнаружили на Билярском городище при раскопках жилищ-мастерских ремесленников-ювелиров русского происхождения, занимавшихся изготовлением янтарных украшений (Хузин, 1979, с. 78–79).

Овцеводство занимало не менее важное место в болгарском животноводстве. Любопытно, что в некоторых крупных поселениях Самарской Луки, например, на Муромском городке, население которых жило в условиях остепненного лесостепья, кости овец составляют более 80% от общего ко-

личества костей домашних животных. Как показывает остеологический анализ костных остатков из раскопок Биляра, основное поголовье овец представлено весьма крупными, рослыми особями, достигавшими в холке, по подсчетам А.Г. Петренко, 70–73 см. Для сравнения напомним, что овцы соседнего финно-угорского населения (на примере древнеудмуртского городища Иднакар) имели высоту в холке 63,5–66,5 см. Значительно мельче были овцы древнерусские. Специалисты утверждают, что болгарские овцы были близки к

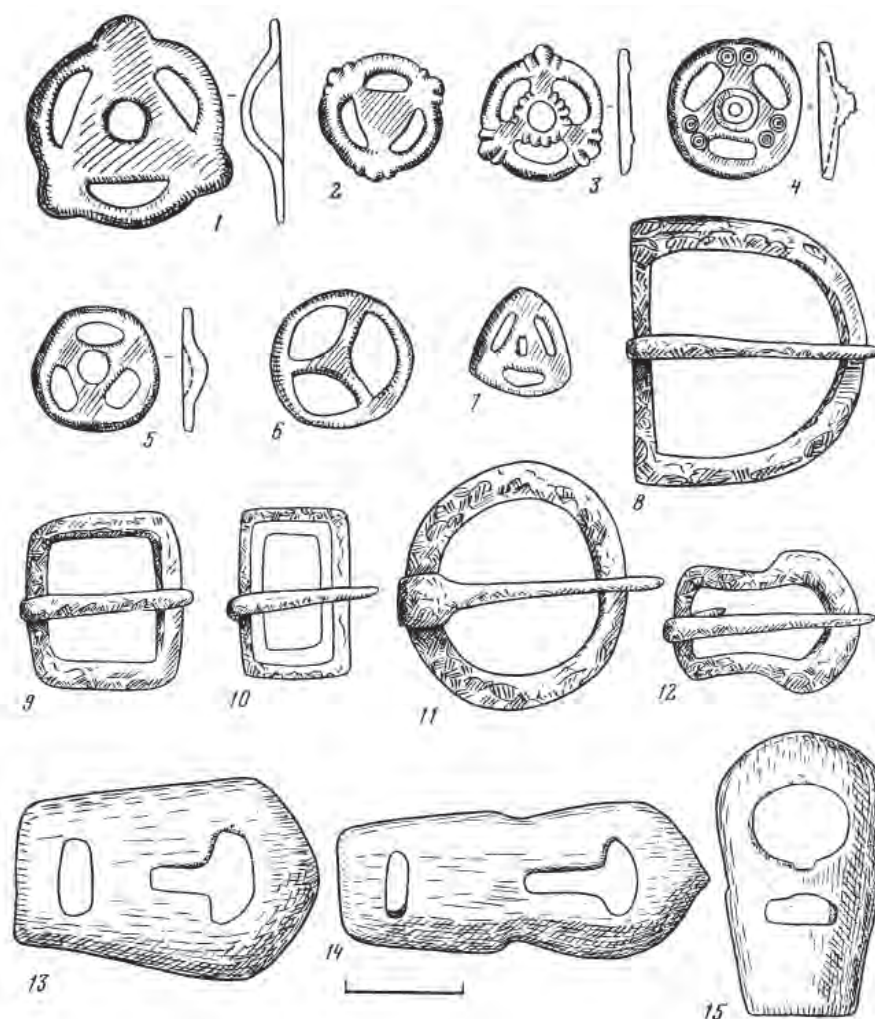

Рис. 8. Бляхи для соединения ремней оголовья (1–7) и подпругные пряжки (8–15) из коллекций Биляра

современным крупным породам – туркменской курдючной и казахской курдючной. В связи с этим вспоминаются слова Ибн Фадлана: «У них [болгар] много купцов, которые отправляются в землю тюрок и привозят овец». Ал-Мукаддаси, напротив, называет рогатый скот и овец в ассортименте товаров, вывозимых из Болгарии «через Хорезм в другие страны».

В остеологических материалах средневожских памятников болгар, прежде всего Биляра, Суvara, Болгара и Муромского городка, а также в ранних слоях древней Казани обнаруживаются кости верблюда, являющиеся «свидетелями» активных торговых связей Болгарского государства с среднеазиатскими, прежде всего хорезмийскими, городами (Петренко, 1984, с. 111–112; Петренко, Асылгараева, 2003).

Мы располагаем очень скудными данными о характере содержания скота. Климатические условия Среднего Поволжья требовали стойлово-пастбищного содержания животных. По мнению

Ф.Ш. Хузина, слабая заселенность обширной территории внешнего города Биляра в X в. была обусловлена рядом причин, среди которых немаловажным была и необходимость содержания в нем во время внешней опасности и в зимний период значительного количества стад овец и коров, табунов лошадей (Хузин, 1981, с. 44). О стойловом содержании могут свидетельствовать частые находки железных кос для заготовки кормов на зиму.

Обратимся к материалам археологии, связанным с животноводством. Наиболее многочисленны из предметов животноводства железные косы – орудия сенокосения. Их распространение связано в первую очередь с увеличением числа крупного рогатого скота в стадах болгар, т. е. скота не тенеющего и нуждающегося в сене в течение зимнего стойлового периода.

В хозяйстве животноводов Болгарии применялись косы типа поздних «горбуш», часто обнаруживаемых как на сельских, так и городских поселениях. По способу крепления рукоятки (наличие

запяточки), форме клинка и размерам большинство кос выделяются в *тип 1*. Длина таких кос в пределах 37–55 см, ширина 2,6–5 см (рис. 5: 1–8, 10). Косы *типа 2* встречаются в меньшем количестве; они выделяются формой – плавно и равномерно изогнутое лезвие с высотой изгиба клинка 1/5 длины рабочей части (рис. 5: 9).

Рабочий скот, особенно боевой конь, требовал постоянного ухода. Предметы ухода за ними в археологических материалах представлены железными скребницами, путами, боталами, подковами, а также т. н. пружинными ножницами для стрижки овец. Железные скребницы значатся в числе довольно часто встречающихся находок. Из шести скребниц из раскопок Биляра, целыми сохранились две (рис. 6: 1, 2, 3–6). Они имеют вид скрюченной лапы с 5–6 пальцами. Длина скребниц 19,5 и 20,5 см, максимальная ширина 4–5 см. Острым стрежневидным концом они, вероятно, вставлялись в деревянную ручку. Из раскопок Би-

ляра происходят пружинные ножницы для стрижки овец (рис. 6: 7). Такого типа ножницы широко применялись животноводами в Волжской Болгарии и за его пределами, особенно в кочевых и полукочевых обществах Южной Сибири и Восточной Европы. В Биляре, а также на некоторых других поселениях болгар обнаружены путы с запором для лошадей (рис. 6: 8).

Конское снаряжение представлено в билярских коллекциях железными удилами различных типов, бронзовыми бляхами для соединения ремней узды и подпружными пряжками (рис. 7; 8; см. подробнее: Культура Биляра, 1985, с. 193 и сл., табл. LXIII, LXIV, LXVI).

Болгары разводили также домашних птиц – кур, может быть, уток и гусей. Кости кур известны среди остеологических материалов многих поселений, а яичная скорлупа обнаружена в хозяйственных ямах-погребках Биляра и Сувара.

ПРОМЫСЛЫ: ОХОТА, РЫБОЛОВСТВО, БОРТНИЧЕСТВО, СМОЛОКУРЕНИЕ

Всевозможные промыслы играли немаловажную роль как в жизни населения в виде продукта добычи, пропитания и т. д., так и в экономике государства как продукт экспорта и торговли. Когда говорим о средневековых промыслах, в первую очередь подразумеваем охоту, рыболовство и бортничество. Данные промыслы были довольно широко распространены в Волжской Болгарии. Об этом свидетельствуют письменные источники и археологические находки. Арабо-персидские путешественники и дипломаты среди товаров экспорта волжских болгар перечисляют пушнину, мёд, воск, бобровую струю, рыбий клей и т. д., которые составляли значительную долю дохода государственной казны (Заходер, 1967, с. 163, 169, 181).

Однако, судя по сведениям археозоологов, роль охоты в хозяйственной жизни болгар была незначительной. Число особей охотничье-промысловых животных с поселений домонгольской Болгарии не превышает 1%. По подсчетам А.Г. Петренко, в Биляре на долю диких животных приходится всего 0,08% костных остатков. В отличие от болгар, в жизни древнерусского и финно-угорского населения охота занимала несравнимо более важное место. В этом отношении показательны данные по древнеудмуртскому городу Иднакар, где остатки охотничье-промысловых видов составляют 53% от общего числа животных (Петренко, 1984, с. 135). Дорогостоящую пушнину, являющуюся важной статьёй экспорта на восточные рынки, болгары предпочитали покупать за бесценок у

своих северных партнеров (Халиков, 1976, с. 104). Еще Ибн Фадлан писал о болгарских купцах, которые ездят «в страну, называемую Вису, и привозят соболей и черных лисиц» (Ковалевский, 1956, с. 138). В стране Ару (предков современных удмуртов) «охотятся на бобров, и на горностаев, и превосходных белок; и идут от них [в Болгарию] чрезвычайно хорошие шкурки бобров», – сообщает ал-Гарнати (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, 1971, с. 31). По утверждению восточных писателей, главное богатство болгар – куний мех, который поступал в государственную казну в числе обязательной дани из подчиненных болгарам северных земель. Правда, болгары и сами занимались охотой, особенно в тех районах, которые были богаты лесами. В этих лесах водились «ценные звери, как-то: белки, соболь и другие».

При раскопках болгарских поселений нередко встречаются костяные наконечники стрел с тупыми концами, специально предназначенные для охоты, а также кости таких животных, как заяц, лиса, бобр, медведь, кабан, косуля, лось и др. Типология костяных наконечников стрел на материалах Билярского городища разработана Н.А. Халиковым (Культура Биляра, 1985, с. 26, 33). Они подразделены на три группы: втульчатые, черешковые пулевидные и черешковые. Первую, наиболее многочисленную группу составляют наконечники пулевидные (рис. 89: 1–10), биконические (рис. 9: 11), конические с усеченной вершиной (рис. 9: 12, 13), пулевидные с треугольным острием (рис. 9: 14–16), так называемы «томары»

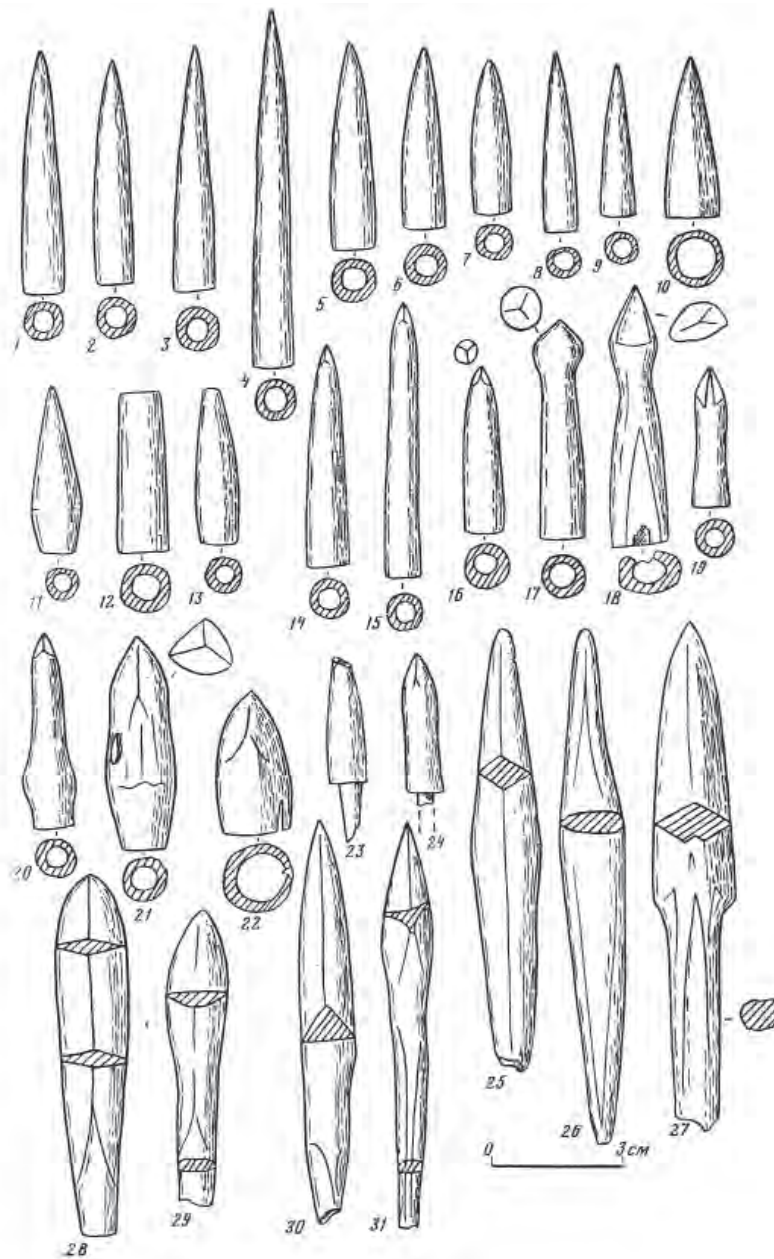

Рис. 9. Костяные наконечники стрел с Билярского городища (по Н.А. Халикову)

– специализированные наконечники стрел, использовавшиеся при охоте на пушного зверя (рис. 9: 17–22). Черешковые пулевидные наконечники являются переходной стадией от втульчатых пулевидных к черешковым пулевидным, так как крепились к древку посредством черешка (рис. 9: 23, 24). Черешковые наконечники имеют ромбовидное, треугольное или листовидное сечение пера (рис. 9, 25–31).

Охота у болгар, ее способы и приемы носили преимущественно «степной» характер: не устройство стационарных ловушек (ям, петель, силков, капканов), как в лесной зоне, а были активными, с использованием лошадей, собак, ловчих соколов. Последние, кстати, под названием «барсы» вывоз-

ились и на Восток. Широко применялась облавная и загонная охота, широко распространенная у кочевых тюркоязычных племен.

Рыболовство, так же как и бортничество, занимало подчиненное положение в хозяйстве. В то же время нет никаких оснований отрицать весьма существенной роли рыболовства в жизни населения прибрежных районов Волги и Камы. Многочисленные находки чешуи и кости рыб (осетра, стерляди, сома, судака, сазана и др.), рыболовных крючков, блесен, гарпунов для ловли крупной рыбы, а также каменных и глиняных грузил для сетей и неводов – обычное явление при раскопках прибрежных поселений. В хозяйственных ямах-погребках Биляра – города, достаточно удаленного

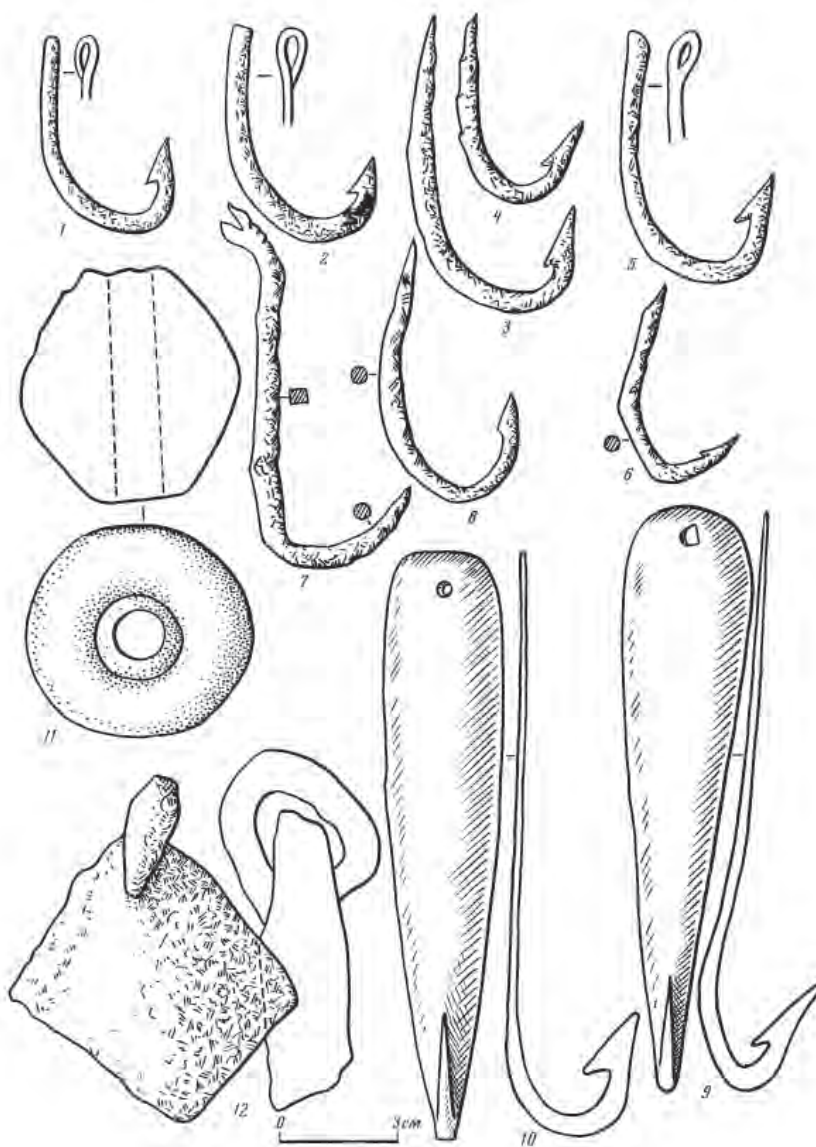

Рис. 10. Железные крючки (1–8), грузило (12), бронзовые блесна (9–10) и голяняное грузило (11)

от Камы (50 км) и Волги (100 км), находят скопления чешуи и костей рыб (Хузин, 1979, с. 76, 88 и др.), что свидетельствует об определенной роли продуктов рыболовства в пищевом рационе болгар. Ал-Гарнати писал, что в крупных реках Болгарии «есть такие виды рыб, подобных которым я вообще не видел на свете. Одну рыбу может снести только сильный мужчина... Но есть среди них и маленькие. В такой рыбе нет мелких косточек... Эту рыбу пекут и кладут в нее рис, и становится она вкуснее жирной баранины и курятины. И извлекают из ее живота жир, которого хватает для светильника на месяц, а из желудка выходит полманна и больше рыбьего клея. И вялят ее ломтями, и становится она лучше всякого на свете вяленого мяса, цвета красного, просвечивающего янтаря» (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, 1971;

История татар, 2006, с. 780). Об употреблении в пищу рыбьего жира говорил и Ибн Фадлан. Ценные породы рыб, а также белужий клей, по данным ал-Мукаддаси, служили экспортным товаром.

Археологическим подтверждением вышесказанного являются железные рыболовные крючки крупных размеров и весьма совершенной формы (рис. 10: 1–8), блесны из металлического сплава (рис. 10: 9, 10), керамические биконической формы и железные грузила (рис. 10: 11, 12), свидетельствующие, по всей вероятности, об использовании болгарскими рыбаками таких промысловых приспособлений, как невод или бредень (Культура Биляра, 1985, с. 34).

Бортничество – сбор меда диких пчел, как важный промысел болгар зафиксировано Ибн Фадланом: «В их лесах много меда в жилищах пчел, ко-

торые они знают и отправляются к ним для сбора этого [меда]». Он же упоминает такие любимые напитки болгар, изготавливаемые из меда, как набиз и суджув (Ковалевский, 1956; История татар, 2006, с. 734). В числе экспортируемых товаров ал-Балхи и ал-Мукаддаси называют мед и воск. Ал-Гарнати писал, что «жители Болгара – выносливейшие из людей в отношении мороза, потому что пища их и питье по большей части из меда, мед же у них дешевый» (Путешествие Абу Хамид ал-Гарнати, 1971; История татар, 2006, с. 781). О развитии бортничества у болгар могут косвенно свидетельствовать находки наконечников тесел, используемых для расширения старых бортей и устройства новых.

* * *

Археологических доказательств занятия населения Волжской Болгарии другими промыслами практически отсутствуют. В свете сказанного значительный интерес представляют специфические ямные объекты, выявленные на Ржавецком V–VI селище в Спасском районе Республики Татарстан (Археологическая карта, 1986, с. 40, № 208–209; Свод археологических памятников, 2007, с. 340, № 2963–2964) и на Муромском городке.

На Ржавецком V–VI селище, расположенном в 5 км к востоку от Болгарского городища на широком мысу правого берега суходола рч. Ржавец в 0,1–1 км к югу от одноименной деревни, во время раскопок 2019 г. исследованы два объекта (ямы 1 и 6), отличающиеся своей конструктивной особенностью. Они располагаются на расстоянии 1 м друг от друга и, возможно, являются сооружениями одного комплекса. В плане ямы круглой формы диаметром 124 и 150 см, имеют воронкообразную в разрезе форму, т. е. скошенные, сужающиеся ко дну стенки, а на глубине 90–117 см от верхнего края переходят в вертикальные. Высота вертикальных стенок составляет 58 см. В пространственном отношении получается усеченный конус на цилиндре. Скошенные стенки обмазаны глиной толщиной 3–8 см и обожжены. Плоское дно покоится на песчаном материке. Глубина ям не менее 150–170 см. Заполнение ям состояло из прослоек бурого, серого и темно-серого оттенков с включениями прокала (фрагментов обвалившейся обмазки стенок), песка и углей (рис. 11). Незначительное количество находок, как из заполнения ям, так и с раскопа в целом, представлено в основном фрагментами круговой болгарской керамики, а также единичными фрагментами лепных горшков (Валиев, 2021).

Исходя из анализа находок, время существования селища относится к домонгольскому периоду, что было установлено предшествующими исследованиями (Фахрутдинов, 1975, с. 128, № 762).

Радиоуглеродное датирование образцов древесного угля из заполнения ямы 1 подтвердило и сузило хронологическую атрибуцию памятника: анализ UOC-8145, 914 ± 35 р. л. н., что соответствует 1030–1250-м годам¹. Скорее всего, ржавецкие смолокурные ямы (яма 1 и 6) функционировали в XI–XII вв.

Аналогичная яма (сооружение 1) известна с Муромского городка на Самарской Луке, и располагалась она в южном внешнем городе. Яма, как и ржавецкие, круглая в плане диаметром 160 см, воронкообразная в разрезе, глубина 158–162 см, дно ровное, плоское. На стенках воронковидной части прослеживалась уплотненная и обожженная кора. Отмечена малочисленность находок (Кочкина, 2014, с. 40).

Ямы подобной конструкции применялись в смолокурном промысле при ямном способе получения смолы, и использовались в России вплоть до начала XIX в. Смолокурение – это технологический процесс разложения смолистой древесины (осмола) при нагревании без доступа кислорода, в результате которого выделяется смола, скипидар и получается древесный уголь. При ямном смолокурении в яму загружали осмол, поджигали и засыпали землей. Без доступа кислорода осмол тлеет, выделяя тепло, за счет чего разгоняется смола и стекает на дно ямы, куда вставлялась емкость, как правило, бочка для сбора. Смазанные глиной и обожженные скошенные стенки ямы способствовали быстрому стеканию смолы в установленную на дне ямы емкость.

Смолокурные ямы являются редкими археологическими объектами не только на территории Волжской Болгарии, но и сопредельных территорий. Тем не менее они хорошо представлены в древнерусском поселении Авдунчи в Черниговщине, датируемом концом X – рубежом XII–XIII вв., – там выявлено 26 подобных ям (Готун, 1993, с. 65, рис. 3). Кроме того, смолокурные ямы домонгольского времени обнаружены в Гнездове (Пушкина и др., 2012, с. 254, рис. 12), Чернигове (Казаков, Черненко, 2007, с. 120–121) и других памятниках Древней Руси (Коваленко и др., 2003, с. 57, 59). Смолокурные ямы на Ржавецком V–VI селище располагались у подошвы террасы, где протекает речка Ржавец. Две аналогичные ямы с Гнездовского археологического комплекса также выявлены в пойменной части селища у оз. Бездонка, в прибрежной зоне вблизи древнего русла Днепра (Пушкина и др., 2012, с. 254). Расположение смолокурных ям на окраине селища у воды объясняется противопожарной безопасностью.

¹ Радиоуглеродный анализ образцов угля выполнен в А.Е. Lalonde AMS Laboratory, Оттава, Канада.

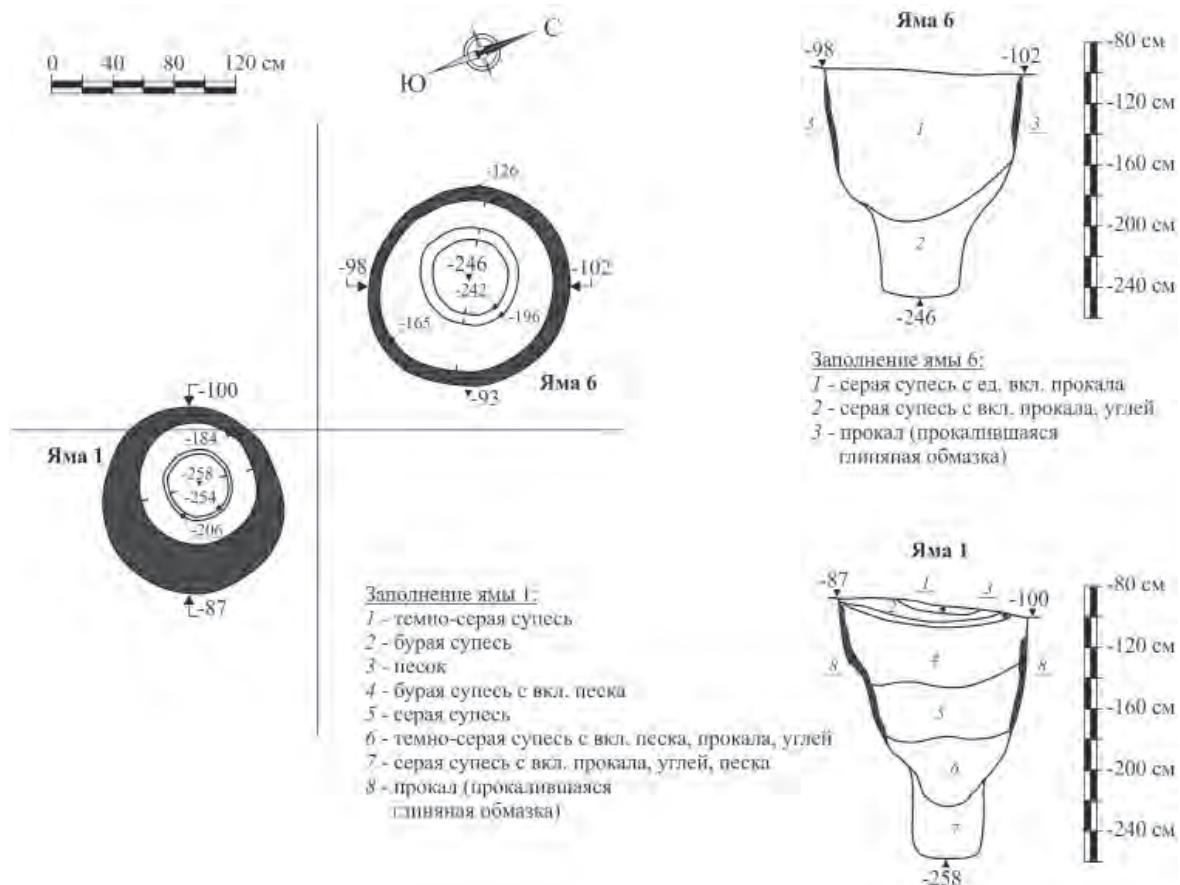

Рис. 11. Ржавецкое V–VI селище. Планы на уровне материка и разрезы смолокуренных ям (яма 1 и яма 6).

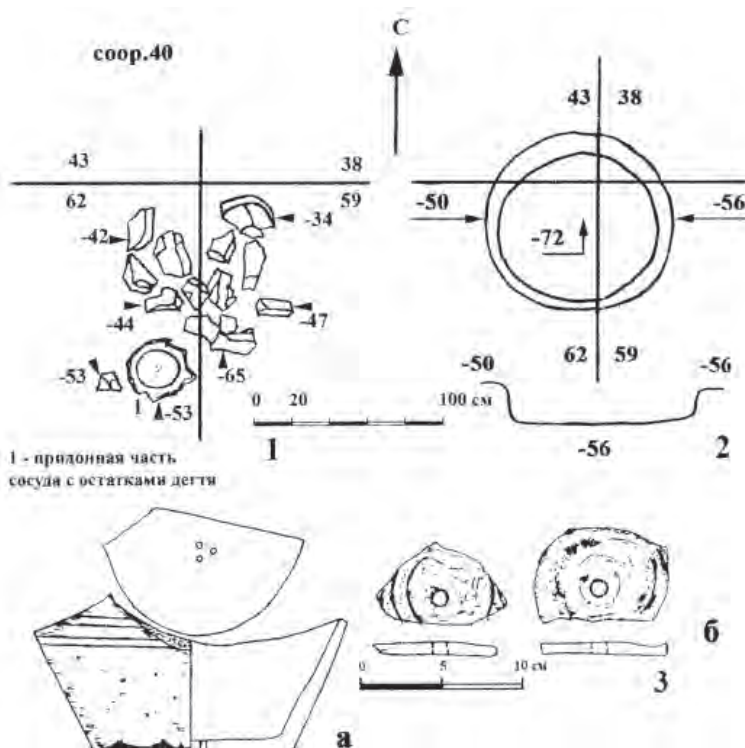

Рис. 12. Муромский городок. Раскоп XXVI. Планы с разрезом (1–2) ямы для выгонки дёгтя (сооружение 40) и фрагменты днищ сосудов с отверстиями и следами дёгтя (3) (по: Кочкина, 2014, рис. 1)

Другая категория ямных объектов с сопутствующими находками использовалась при получении дёгтя (рис. 12). На Муромском городке, на раскопе XXVI (1996 г.) в северной части внешнего города и на раскопе XXVIII (2005 г.) в восточной части северного внешнего города, обнаружены два объекта (сооружения 40 и 79), связанные с дегтеварением. Первый из них выявился в виде завала камней от открытого очага, выложенного на площади 50×55 см. Рядом расчищены развалы придонной части трех сосудов с тремя маленькими отверстиями по центру днища и со спекшимися остатками дёгтя. Под завалами камней располагалась круглая в плане яма диаметром 100 см со скошенными стенками. По дну диаметр ямы составил 80–86 см, глубина – 16–22 см. Второй объект представлял собой яму округлых очертаний размером 120×140 см с вертикальными стенками. Глубина ямы составила 32–50 см. В верхней части запол-

нения обнаружены развал горшковидного сосуда со следами копоти на тулове и днище другого сосуда с небольшим отверстием по центру, где сохранились затвердевшие остатки дёгтя (Кочкина, 2014, с. 38–39, рис. 1).

Для получения дёгтя в яму устанавливали сосуд, на который ставили другой сосуд или котел с отверстием на дне. В него помещали нарезанную бересту, накрывали другим котлом, присыпали с боков землей и поверх них разводили костер. От высокой температуры береста выделяла деготь, который через отверстия стекал в сосуд, установленный в яме. Подобный способ получения дёгтя сохранился у народов России вплоть до начала XX в.

Таким образом, благодаря проведенным исследованиям на Ржавецком V селище и Муромском городке впервые выявлены объекты, связанные со смолокурением промыслом населения Волжской Болгарии.

ГОРОДСКОЕ РЕМЕСЛО

Черная металлургия и кузнечное дело

Сырьевые источники металлургии железа и их освоение населением Волжской Болгарии. Успешное развитие металлургии железа волжских болгар зависело от обеспеченности их сырьевыми ресурсами: железными рудами, топливом, флюсами и строительными материалами. Свободный доступ к месторождениям железных руд был необходим для организации устойчивого и продуктивного металлургического производства железа. На каком-то этапе развивать кузнечное производство можно было и за счет поставок импортного сырья. И такие поставки, судя по письменным источникам, имели место. Сообщение арабского путешественника, секретаря посольства багдадского халифа Муктадира Ибн Фадлана о торговле железом, которую вел тюрк Тегин со странами «неверных», позволяет предполагать, что в конце IX – в начале X в. волжские болгары испытывали некоторый дефицит черного металла (Ковалевский, 1956, с. 123). Возможно, Тегин торговал не простым железом, а высокоуглеродистой сталью, которая была необходима для изготовления качественных изделий.

Что же касается доступа к железорудным источникам на территории Среднего Поволжья, то раннеболгарские кочевники, появившиеся в регионе в конце VII – начале VIII вв., были достаточно информированы об известных именьковским металлургам месторождениях болотных и сидеритовых руд, а также батских железистых песчаников.

На протяжении VIII–X вв. у раннеболгарских кочевников в Среднем Поволжье шли процессы

оседания на круглогодичное проживание в регионе. Были приняты меры по налаживанию местного производства железа в Среднем Поволжье. Мастера кузнечного дела из среды ранних болгар, возможно, опираясь на металлургический опыт оставшейся части именьковского населения, обратили внимание на месторождения сидеритовых руд в междуречье Волги и Свияги.

Обращает на себя внимание тот факт, что одна из крупнейших группировок раннеболгарских кочевников в Правобережье Волги обосновалась в непосредственной близости от залежей сидеритовых руд – там, где исследован один из крупнейших раннеболгарских грунтовых некрополей у с. Большие Тарханы (Генинг, Халиков, 1964). Можно предположить, что эта группировка контролировала доступ к месторождениям сидеритовых руд в междуречье Волги и Свияги. Необходимость такого контроля над стратегически важными месторождениями сырья для металлургии железа могла быть мощным стимулом, наряду с другими факторами, для перехода группы кочевников, обитавших у современного с. Большие Тарханы, к круглогодичному проживанию в регионе.

В этой связи следует напомнить аналогичный факт близкого соседства крупнейшего грунтового раннеболгарского некрополя у с. Танкеевка с месторождением болотных руд в урочище «Орлово Болото» в левобережье Волги. Возможно, что группировка раннеболгарского населения, оставшая Танкеевский некрополь, также стреми-

лась держать под своим контролем доступ к железорудному месторождению. А в дальнейшем здесь же возникли оседлые поселения – Танкеевское, Шмелевское и Кокрятское городища. Последний из названных памятников превратился даже в крупный город Волжской Болгарии.

Еще одним видом сырья для черной металлургии эпохи Средневековья Среднего Поволжья были батские железистые песчаники Самарской Луки. Эти руды впервые были разведаны и стали использоваться в качестве сырья для получения железа еще металлургами именьковской культуры. Батские железистые песчаники встречаются в окрестностях Лбищенского городища, где исследован металлургический горн эпохи раннего Средневековья (Семькин, 1986). Батские железистые песчаники продолжали применяться в качестве сырья в черной металлургии и мастерами Муромского городка на Самарской Луке.

Что касается других компонентов сырьевых ресурсов – топлива и флюсов, то лесные массивы на территории региона и до сих пор вполне достаточны для налаживания выжигания угля, необходимого для металлургического производства железа в эпоху Средневековья. В регионе в достаточном количестве встречаются известняки, пригодные для металлургических флюсов, а также в изобилии представлены глины, служившие строительным материалом для теплотехнических металлургических сооружений – горнов различных конструкций.

На вопрос о том, эксплуатировались ли рудные месторождения Среднего Поволжья в домонгольский период истории, ответ может быть утвердительным. Во-первых, масштабы металлургического производства Волжской Болгарии домонгольского времени были столь велики, что трудно себе представить возможность обеспечения их сырьевых потребностей за счет поставок импортной руды. Во-вторых, наличие многочисленных металлургических объектов на территории Волжской Болгарии свидетельствует о местном металлургическом производстве железа, и это происходило на основе местных рудных месторождений.

Металлургические горны Среднего Поволжья раннеболгарского и домонгольского периодов. У населения, входившего в состав ранней Волжской Болгарии, уже в VIII–IX вв. шло активное освоение сырьевых ресурсов и налаживалось производство сыродутного железа (Вязов, Семькин, 2016). Заметим, что на территории степного варианта салтово-маяцкой культуры, где обитали болгарские группировки, изучены простые горны ямного типа (Колода, 1992). А в пределах лесостепного аланского варианта использовались

металлургические горны ямного типа с керамической колбой-тиглем. На обеих территориях применялось принудительное воздушное дутье (Афанасьев, Николаенко, 1982).

На сельских поселениях Волжской Болгарии раннего домонгольского периода также использовались горны ямного типа с принудительным воздушным дутьем. Такие горны могли наследовать металлургические традиции населения салтово-маяцкой культуры. Совсем недавно на территории г. Болгара были исследованы горны ямного типа с керамической колбой-тиглем и принудительным воздушным дутьем, характерные для лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (Бадеев, Коваль, 2018). Из трех горнов лучше сохранился горн, выявленный в 2012 г. в раскопе CLXXIX (рис. 13). Горн имел керамическую колбу-тигель с диаметром верхней части 27 см и высотой 50 см. Он был установлен в материковую яму глубиной до 65 см. Тигель горна снаружи был засыпан мелкозернистым материковым песком, прокалившемся вместе с материковой глиной от высокой температуры нагрева до красного цвета. Колба-тигель соединялась с уровнем дневной поверхности единственным воздухопроводным каналом длиной 40 см, шедшим под наклоном до глубины 20 см от дна горна. Диаметр отверстия воздухопроводного канала около 5 см. Канал имел длину около 40 см и выходил на уровень дневной поверхности. Рядом с горном располагалась предгорновая яма, в заполнении которой находились многочисленные куски железного шлака. По наблюдениям за другим горном из раскопа СХСII 2017 г. у этих горнов имелся канал для отвода шлака, соединявшийся с предгорновой ямой. В придонной части ямы залегала прослойка железного шлака мощностью 30 см с углями и серой супесью. Третий аналогичный горн с предгорновой ямой плохой сохранности был исследован в раскопе CLXIV (Баранов, Губайдуллин, 2016). Мощнейшая прокаленность колбы-тигля, песчаной футеровки и материковой глины вокруг стенок горна свидетельствуют о том, что горн работал в интенсивном режиме и использовался для восстановления сыродутного кричного железа неоднократно. Судя по наличию в предгорновых ямах значительного количества шлаков, горн также работал с выпуском жидкого шлака.

Авторы публикации датируют горны Болгара с керамической колбой-тиглем первой половиной X в., что позволяет рассматривать их в качестве самых ранних из исследованных в Волжской Болгарии.

Относительно развития конструкций металлургических горнов Волжской Болгарии некоторое представление можно получить на основе результатов исследования металлургических со-

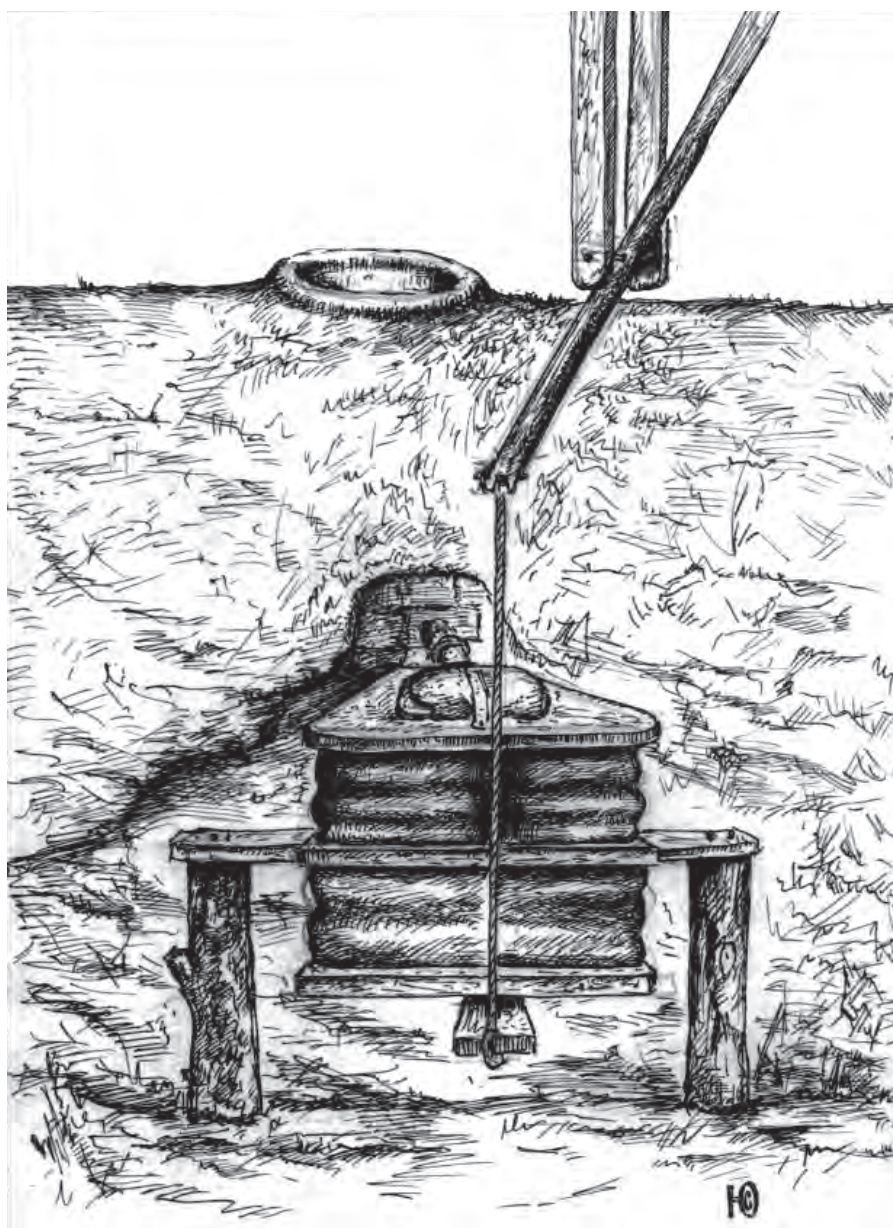

Рис. 13. Графическая реконструкция металлургического горна ямной конструкции Волжской Болгарии X–XII вв. (по результатам исследований на территории городища Хулаш)

оружий X–XII вв. в Болгаре (Ефимова, 1958), в Биляре (Халиков, 1976), на городище Хулаш и селище Челкасы (Каховский, Смирнов, 1972), на Муромском городке (Васильев, Матвеева, 1986).

В Болгаре были исследованы пять полуразрушенных горнов наземной конструкции полусферической формы, напоминающей широкую чашу, перевернутую вверх дном (рис. 11). Горны были изготовлены из глины. Из них четыре горна датируются X–XI вв. Высота их достигала 50 см, а высота внутреннего рабочего пространства равнялась 35 см. Дно в плане у этих горнов имело овальную форму размерами 104–110 см и 110–150 см. Иногда дно было круглым, диаметром 80 см. Внутренний диаметр других горнов составлял

60 см. Объем рабочего пространства – 50–75 куб. см. Для загрузки шихты и выхода газов в верхней части горнов находилось круглое отверстие. Горны с внутренней стороны были прокалены на глубину до 4–5 см. Установлено, что ранние горны Болгара работали с применением искусственного воздушного дутья. Материалом для их изготовления служила глина.

Металлургические сооружения производства железа Волжской Болгарии домонгольского периода исследованы также на Билярском городище, где действовал особый металлургический район, известный как «Кузнечный мар», занимающий площадь более 1 га. Недалеко от него была исследована усадьба ремесленников-металлургов с

Рис. 14. Графическая реконструкция металлургического горна наземной конструкции Волжской Болгарии XI–XII вв. (по остаткам горнов 2 и 3 раскопа II 1949 г.)

комплексом, состоящим из одного металлургического и двух кузнечных горнов. Большой сильно разрушенный сыродутный горн относился к типу наземных шахтовых сыродутных печей с предгорновой ямой и, очевидно, с искусственным дутьем. Материалом для сооружения этого горна служил сырцовый кирпич (Халиков, 1976, с. 68).

На Муромском городке был исследован металлургический горн наземной конструкции чашевидной формы, имеющий сходство с ранними наземными горнами Болгара (Васильев, Матвеева, 1986).

Три металлургических горна были выявлены на Хулашском городище. Два из них имели наземную конструкцию, один – ямную. Диаметр одного плохо сохранившегося горна наземной конструкции

составлял 140 см. Другой, лучше сохранившийся хулашский горн имел колоколовидную форму и высоту около 84 см. Размер основания этого горна составлял 100×108 см, а диаметр верхнего отверстия – 50 см. Перед горном располагалась предгорновая яма чашевидной формы глубиной 70 см. Внутри канала в груди горна сохранилось воздушное сопло, что свидетельствует о принудительном нагнетании воздуха.

Большой интерес представляют данные о развитии металлургического производства железа на сельских поселениях Волжской Болгарии. Е.П. Казаков отмечает, что практически на всех селищах волжских болгар Нижней Камы имеются следы местной металлургии железа (Казаков, 1991, с. 43–44). Признаки явной специализации

на производстве железа отмечены на IV Старокуйбышевском поселении, где обнаружены огромные скопления складированного кричного железа, вероятно, заготовленного для реализации на рынке.

В конце домонгольского периода, в XII – начале XIII вв., в металлургическом производстве Волжской Болгарии продолжалось развитие наземных горнов с куполообразным верхом, конструкция которых сохранила известную близость с ранними полушаровидными горнами, изготовленными из сырцово-глины. Высота таких горнов составляла около 1 м, внутренний диаметр горнов был равен 60–80 см. Нагнетание воздуха производилось внизу горна.

Кузнечное производство в раннеболгарский период. Источниковая база для исследования истории железообрабатывающего производства волжских болгар в основном опирается на данные, полученные в результате археологических исследований. Письменные источники по проблемам кузнечного ремесла волжских болгар крайне немногочисленны. Но они тем не менее свидетельствуют о достаточно высоком уровне развития железообработки в Волжской Болгарии домонгольского времени. Это следует из сообщения ал-Муккадаси о поставках волжскими болгарями предметов вооружения на экспорт.

Еще во второй половине прошлого столетия были открыты и исследованы Большетарханский, Танкеевский, Новинковский, Большетиганский, Автозаводской могильники, погребения у 116 километра, а также Абрамовское поселение, городища «Чертов городок» и «Новослободское», содержащие изделия кузнечного производства. Из них происходят образцы для металлографических анализов кузнечных изделий, которые стали основой для суждений об уровне развития технологии кузнечного производства у кочевого и переходящего к оседлости населения ранней Волжской Болгарии (Семькин, 2015, с. 108, 109, табл. 1, 2).

Большая часть результатов металлографических анализов нами уже была опубликована (Семькин, 2015, с. 108, 109, табл. 1, 2). В данном очерке приводятся лишь основные сведения об особенностях железообработки населения ранней Волжской Болгарии.

Если рассматривать особенности кузнечной технологии по отдельным памятникам, то ведущими технологическими схемами изготовления качественной продукции Новинковского могильника быликовка из цельно-стальных и пакетованных заготовок, которые суммарно составляют по 15,21%. Технологическая схема пакетного металла в новинковской коллекции доходит до 17,39%. Технология цементации в новинковской коллекции составила 8,79%, аковка из двухполосной

заготовки – 4,43%. Доля термообработанных изделий в новинковской коллекции суммарно составляет 17,49%, но среди качественных изделий термически обработано более половины.

Ведущей технологической схемой изделий из Большетарханского могильника являетсяковка из заготовки пакетного металла, составляющая 22,85%. Второе место занимаетковка из цельно-стальных заготовок, составляющая в коллекции 20%. В коллекции Большетарханского могильника представлены технологические схемы с различными вариантами вварки и наварки стальных пластин на основу изделия из кричного железа либо из пакетного металла. Изделия с такими технологическими схемами в коллекции составили 20%. Среди них вварка составила 8,57%, а трехслойный пакет, боковая наварка, V-образная наварка, торцовая наварка составили по 2,85%. Особенностью технологического арсенала большетарханской коллекции является отсутствие технологии цементации, в то время как этот прием, вероятно, был известен кузнецам, обеспечивавшим своей продукцией население группировки Большетарханского некрополя.

В большетарханской коллекции термически обработано 37,14% изделий. Но доля термообработки значительно выше среди качественной продукции. Следы термообработки выявлены на 13 качественных изделиях из 15. Коллекция из Абрамовского поселения, представленная всего двумя предметами (1 нож и 1 пряжка), по технологическим особенностямковки ножа салтовского типа сходна с большетарханской. Нож из абрамовской коллекции был изготовлен вваркой стальной высокоуглеродистой лезы в стальную основу с последующей резкой закалкой.

Особенности кузнечной продукции из Большетарханского могильника и Абрамовского поселения характеризуют железообработку группы болгарского населения второй половины VIII – первой половины IX вв.

Для кузнечной коллекции Большетиганского могильника были характерны следующие технологические особенности. Более половины изделий было отковано из плохо прокованного металла. 33,3% поковок изготовлено из обычного кричного железа и неравномерно науглероженной сырцово-стали. При этом в такой простой технологии оказались откованы и несколько предметов с повышенными эксплуатационными требованиями (1 нож и 1 сабля).

Ведущей технологической схемой у мастеров большетиганской племенной группировки былаковка из цельно-стальных специально приготовленных, вероятно, цементацией, заготовок. Эта технологическая схема отмечена на 40,7% изделий. Большетиганские кузнецы применяли так-

же технологию пакетования, которая отмечена на 14,8% изделий. Но при этом пакетный металл в основном использовался не целенаправленно, а как способ утилизации металла. Среди качественных изделий пакетный металл выявлен только на одном ноже. Среди других технологических схем – ковка из двухполосной заготовки (7,4%) и цементация поверхности (3,7%). Термообработанных изделий 25,9%, но доля таких изделий среди качественной продукции выше. Закалку прошли из числа исследованных микроструктурно два ножа из пяти и четыре сабли из пяти. Обращает на себя внимание высокое качество операции кузнечной сварки.

Небольшая коллекция кузнечных изделий из могильника у 116 км дополняет сведения об особенностях железообработки у южноуральской угорской племенной группировки, обитавшей в раннеболгарский период в Среднем Поволжье. В данной коллекции на четырех изделиях отмечены три технологические схемы. Отметим, что в материалах этого памятника отмечены технологические схемы, выявленные на кузнечной продукции Большетарханского и Большетиганского могильников. Дважды была встречена технологическая схема пакетного металла (на наконечниках стрел) и один раз – наварка стальной полосы на основу из неравномерно науглероженной стали (на сабле).

Для кузнечной коллекции Танкеевского могильника характерны следующие технологические особенности. Исходное сырье в основном отличается сильной засоренностью шлаковыми включениями. Дляковки изделий, к которым не предъявлялись повышенные эксплуатационные требования, применялось кричное железо и неравномерно науглероженная сталь. Однако доля таких изделий всего 19,6%. Более 80% поковок было изготовлено со стремлением улучшить их эксплуатационные характеристики за счет применения более рациональных технологий.

Ведущими технологическими схемами в танкеевской коллекции являются ковка из цельноостальной заготовки (24,6%), цементация поверхности изделия (19,7%) и ковка из пакетованных заготовок (18,03%). Эти приемы применялись преимущественно для изготовления качественной продукции – топоров, ножей, мотыжек. В коллекции кузнечных изделий присутствуют технологические схемы с различными вариантами конструктивной сварки железа и стали: сварка, трехслойный пакет, V-образная наварка, двухполосная сварка. Суммарно доля таких изделий составила 18,03%. Сварка стальной лезы – 3,3%, а технологические схемы трехслойного пакета, V-образной наварки и двухполосная наварка – по 4,9%. Железо-стальные сварные конструкции в основном

отмечены на предметах качественного назначения – топорах, ножах, мотыжках. Но пакетование трехслойных заготовок встречено и на простых изделиях. Суммарно доля термообработанной продукции в танкеевской коллекции составляет 50,8%, но среди качественных изделий – 70,3%. Отличительной особенностью танкеевской коллекции является довольно значительная доля изделий с цементацией – 19,7%.

Подсчеты показывают, что основным подделочным материалом для кузнецов групп населения, оставившего памятники ранней Волжской Болгарии, служило кричное железо и сырцовая неравномерно науглероженная сталь. Среди 183 исследованных металлографически кузнечных изделий раннеболгарского периода таких предметов отмечено 35,42% (62 предмета). Среди технологических схем, направленных на улучшение эксплуатационных качеств изделий, чаще всего применялась ковка из цельноостальных заготовок (41 предмет, 23,42%).

Технологическая схема пакетного металла выявлена на 33 изделиях (8,85%). 17 предметов было изготовлено в технологии цементации (9,7%). Технологические схемы с различными вариантами сварки и наварки стальных пластин суммарно среди исследованных предметов составили 12,6%. Среди таких технологических схем чаще применялись сварка стальной лезы и двухполосная сварка, которые составили по 3,42%. Технологическая схема V-образной наварки стальной лезы встречена на четырех изделиях (2,3%), а трехслойный пакет – на трех предметах (1,7%). На двух изделиях встречена боковая наварка (1,14%). Реже всего применялась торцовая наварка стальной пластины (0,6%). Термообработка была суммарно выявлена на 67 предметах раннеболгарского периода (38,3%). Доля термообработанных предметов, откованных с применением стали, выше и составляет 65,14% (114 предметов). Еще выше процент термообработки среди качественных изделий – 74,35% (58 из 78). Кузнечная сварка на изделиях из черного металла была выполнена в основном качественно.

Представляет интерес распределение кузнечной продукции по двум технологическим группам, которые отражают два этапа развития железообработки. К раннему этапу отнесены простые кузнечные технологии, основанные на ковке цельнометаллических железных, стальных изделий без применения конструктивных сварных железо-стальных конструкций – технология цементации и ковка из пакетных заготовок. Такие технологические приемы были в основном характерны для эпохи раннего железного века и раннего Средневековья. Ко второй технологической группе от-

носятся изделия, откованные с применением сварных железо-стальных конструкций. Эта технологическая группа характерна для более позднего, средневекового этапа становления и развития кузнечного производства.

Кузнечная продукция, происходящая с памятников ранней Волжской Болгарии в основной своей массе (86,3%) относится к I технологической группе. К II технологической группе относятся 13,7% кузнечной продукции. Такое технологическое распределение вполне характерно для раннеболгарского периода, когда кузнечное производство кочевых раннеболгарских групп населения еще не находилось на стадии ремесленного производства. К тому же исследователи отмечают, что доминирование I технологической группы в кузнечном производстве эпохи Средневековья более характерно для южного региона Восточной Европы. Именно из южной части Восточной Европы в Среднее Поволжье мигрировали раннеболгарские кочевники.

Результаты исследования технологии кузнечного инвентаря, как по отдельным комплексам, так и по всему раннеболгарскому периоду, свидетельствуют о том, что в железообработке населения ранней Волжской Болгарии существовало много общего. Это единство прослеживается по преимущественному применению цельностальных и пакетованных заготовок. Технологическое единство в кузнечном инвентаре из памятников ранней Волжской Болгарии подкрепляется и типологическим тождеством многих категорий кузнечной продукции из различных комплексов.

Однако в археологических коллекциях из различных групп памятников наблюдаются и некоторые особенности, которые проявлялись в применении технологий, связанных со сваркой, вваркой и наваркой стали. По этим показателям наблюдается определенная близость между кузнечной продукцией из Большетарханского, Танкеевского могильников, Абрамовского поселения и городища Новая Беденьга. Заметна определенная близость между коллекциями Новинковского и Большетиганского могильников, в которых не отмечено применение железо-стальных конструкций с вваркой и наваркой, но присутствуют изделия из двухполосных заготовок.

В результате сравнительно-технологического анализа кузнечной продукции ранней Волжской Болгарии с материалами археологических памятников сопредельных культур Урало-Поволжья и Подонья мы пришли к следующим выводам: в железообработке между более ранним именьковским населением Среднего Поволжья и населением ранней Волжской Болгарии отсутствуют такие сходные черты, которые бы указывали на возмож-

ность технико-технологического заимствования болгарскими кузнецами технических достижений именьковского населения. Хотя, по нашему мнению, какая-то часть именьковского населения и вступила в контакт с племенными группами ранней Волжской Болгарии, но в силу локальной ограниченности этих контактов взаимовлияния между кузнечным производством населения именьковской культуры и ранней Волжской Болгарии не произошло.

Также не наблюдается признаков технико-технологического взаимовлияния между кузнечными производствами ранней Волжской Болгарии и древнемордовским населением Среднего Поволжья. А вот между железообработкой ранней Волжской Болгарии и Хазарского каганата прослеживается достаточно много общих черт, которые объясняются общими генетическими корнями их населения. Очевидно, что некоторая часть кузнечных изделий из памятников ранней Волжской Болгарии Среднего Поволжья была произведена кузнецами салтово-маяцкого очага железообработки и оказалась в Среднем Поволжье вместе с переселившимся сюда кочевым раннеболгарским населением. Но другая часть изделий могла быть произведена на месте кузнецами болгарских группировок, применявшими традиционные для салтовской железообработки технологические приемы. Влияние на железообработку населения ранней Волжской Болгарии со стороны угорского прикамско-приуральского населения не прослеживается.

Кузнечное производство Волжской Болгарии в домонгольский период. Археологические материалы, происходящие с памятников Волжской Болгарии домонгольского периода, свидетельствуют о масштабном и интенсивном развитии металлургии железа и кузнечного производства в это время. Для установления характерных черт железообрабатывающего производства волжских болгар сельских и городских центров домонгольского периода мы привлекаем результаты металлографических анализов 358 изделий из черного металла (Семькин, 2015, с. 117, табл. 10; с. 121, табл. 13).

Кузнечное производство на памятниках сельского типа. Следует иметь в виду, что кузнечные изделия с сельских памятников могут быть как продукцией местных мастеров, так и привозными изделиями из городских центров. Тем не менее результаты металлографических анализов кузнечной продукции с сельских памятников представляют самостоятельный интерес. В настоящем очерке мы привлекаем результаты анализов 61 предмета из сборов подъемного материала в зоне затопления Куйбышевского водохранилища в Татарстане.

Металлографическими анализами на кузнечной продукции с сельских памятников домонгольского периода волжской Болгарии было выявлено 8 технологических схем, применявшихся кузнецами для поковок: 1) ковка из кричного железа и неравномерно науглероженной сырцово-стали, 2) цементация, 3) ковка из цельносталей заготовок, 4) пакетный металл, 5) трехслойный пакет, 6) варка стальной лезы в железную основу, 7) боковая наварка стальной пластинки на железную основу, 8) V-образная наварка стальной пластины на железную основу (Семыкин, 2015, с. 117, табл. 10).

Ножи. На 31 экземпляре ножей с сельских памятников было выявлено 8 технологических схем их изготовления. Из обыкновенного кричного железа откованы 6 ножей: с Мурзихинского (3 экз.), Старокуйбышевского (1 экз.) и Семеновского I селища (2 экз.). Суммарно эти две наиболее простые технологические схемы ножей в коллекции составили 29%. Технология цементации была выявлена на 7 экземплярах ножей: с Мурзихинского (6 экз.) и I Семеновского селища (1 экз.). Из них 4 ножа сохранили на себе следы термообработки. На двух ножах мягкая закалка, на двух – резкая. Технология цементации составила в коллекции 22,5%.

Ковка из цельносталей заготовки и пакетного металла выявлены на единичных изделиях (3,2%). На цельносталейном ноже с Мурзихинского селища термообработка не отмечена, а на ноже из пакетной заготовки с Измерского V селища присутствует резкая закалка. На трех ножах (9,7%) выявлена технологическая схема трехслойного пакета: с Измерского V (1 экз.) и Мурзихинского (2 экз.) селища. Все три ножа прошли закалку, два – резкую, один – мягкую. Ковка ножей из заготовки с технологией варки стальной лезы в железную основу выявлена на пяти экземплярах ножей (16,1%): на трех со Старокуйбышевского I (3 экз.) и Старокуйбышевского IV селища (2 экз.). На трех ножах отмечена резкая закалка с отпуском. На четырех экземплярах ножей выявлена технология боковой наварки: со Старокуйбышевского I (1 экз.), Измерского V (2 экз.), Старокуйбышевского IV (1 экз.) селища. Все они прошли термообработку – резкую закалку. Ножи с этой технологией составили в коллекции 12,9%.

Только на одном ноже с Измерского V селища выявлена наварка на железную основу стальной специально приготовленной пластинки в виде латинской буквы V. Нож прошел резкую закалку на мартенсит.

На ножах с сельских памятников домонгольского периода доля термообработанных ножей составила 58,06%.

Слесарные и кузнечные инструменты. По данным металлографического анализа рабочая часть пробойника с Измерского V селища изготовлена в технологии трехслойного пакета. В центре орудия выведена стальная полоса, а по бокам наварены железные полосы. Предположительно, рабочий край инструмента подвергся термообработке – мягкой закалке с отпуском.

Рабочая часть пуансона, служившего для штамповочных работ на листовом металле, была стальной и прошла мягкую закалку. Противоположная сторона, служившая рукояткой, была цельножелезной. Предмет происходит с Семеновского I селища.

Надфиль – инструмент для опиловочных работ по металлу с Семеновского I селища был цельносталейным. Отмечена операция мягкой локальной закалки.

Деревообделочные инструменты. Тесло с Измерского селища отковано в технологии боковой наварки стальной пластинки на железную основу орудия. Термообработка не отмечена. Фрагмент скобеля с Семеновского селища изготовлен в технологической схеме варки стальной лезы в основу из железа. Закалке изделие не подвергалось. Топор с Семеновского селища по причине неполной сохранности был исследован только с обушковой части. На шлифе с обушка прослежена крупнозернистая структура феррита – брак в работе кузнеца. Крепежный материал – гвоздь с Измерского V селища откован из кричного железа со следами цементации.

Другие изделия. Дверной пробой от ларца с Семеновского I селища целиком был откован из кричного железа. Ведерное ушко Измерского селища отковано из неравномерно науглероженной мягкой сырцово-стали. Технология изготовления ножниц со Старокуйбышевского I селища прослежена на одном экземпляре, он был изготовлен в технологии локальной цементации лезвия. Термообработка не зафиксирована. Один экземпляр пряжки со Старокуйбышевского II селища целиком откован из кричного железа. Крюк для подвешивания мяса с Измерского V селища был откован из заготовки мягкой сырцово-стали. Небольшая гирька с Семеновского I селища для взвешивания благородного металла в торговых операциях была откована из заготовки, пакетованной из однородной малоуглеродистой стали.

Аналитически исследованы три пружины, две отдельные детали корпусов и два ключа к замкам. Одна пружина с Семеновского I селища была откована из специально приготовленной стальной заготовки без термообработки. Вторая пружина с того же памятника была целиком откована из кричного железа. И третья с Семеновского I

селища была изготовлена из цельносталльной заготовки с мягкой закалкой. Две детали от замков с Измерского V селища были откованы из малоуглеродистой сырцово́й стали, а два ключа от навесных замков с того же селища – из мягкой сырцово́й стали.

Звено от котловой цепи с Семеновского I селища отковано из заготовки кричного железа. Здесь применялась операция кузнечной сварки. Скоба была изготовлена из малоуглеродистой сырцово́й стали.

Металлографический анализ двух экземпляров удил со Старокуйбышевского городища показал, что оба они были откованы из заготовок малоуглеродистой сырцово́й стали. На них применялась кузнечная сварка однородного металла.

Два наконечника целиком откованы из мягкой сырцово́й стали. А два другие были изготовлены из заготовок кричного железа. Наконечник пики со Старокуйбышевского I селища изготовлен из мягкой сырцово́й стали.

Кузнечное производство на памятниках городского типа. Основными центрами ремесленной и торговой деятельности Волжской Болгарии были города (Хузин, 2001, с. 218–254). Поэтому именно материалы, происходящие из городских центров государства, имеют первостепенное значение для изучения технологических особенностей различных ремесел Волжской Болгарии. Для исследования технологии кузнечного производства нами привлечены результаты металлографически исследованных 297 кузнечных изделий (Семыкин, 2015, с. 121, табл. 13).

Ножи. Исследовано 76 экземпляров ножей из городских центров Волжской Болгарии. На них выявлены следующие технологические схемы: 1) ковка из кричного железа и сырцово́й неравномерно науглероженной стали; 2) цементация; 3) цельносталльные заготовки; 4) пакетный металл; 5) трехслойный пакет; 6) вварка стальной лезы; 7) торцовая наварка; 8) боковая наварка; 9) косая наварка; 10) V-образная наварка; 11) двухполосная сварка.

5 ножей с Билярского городища и 4 ножа с Муромского городка были изготовлены в самой простой технологии – из заготовок обычного кричного железа и мягкой сырцово́й стали. Прослежена предварительная подготовка качественной кузнечной сваркой заготовок ножа из четырех, либо из одиннадцати полосок металла. Эта технологическая группа ножей составляет 11,84%.

Технология цементации встречается на трех ножах с Билярского городища (3,94%). На одном из этих ножей отмечена резкая закалка.

Ковка из цельносталльных высокоуглеродистых заготовок отмечена на восьми ножах с Билярского городища и на 1 ноже с Муромского городка (11,84%). Четыре заготовки были монолитными, а пять – пакетованными. В этой группе пять ножей прошли операцию закалки.

Самую многочисленную группу (18 экз. с Билярского городища и 7 экз. с Муромского городка.) составили ножи, изготовленные в технологии вварки стальной высокоуглеродистой лезы в основу, откованную либо из кричного железа, либо из пакетного металла. Среди ножей этой технологической группы выделяются три экземпляра с Билярского городища, у которых основа лезвия была пакетована из полос высокоуглеродистой стали и кричного железа.

Мы рассматриваем эту разновидность технологии вварки стальной лезы в пакетную основу как одну из самых ранних в кузнечном арсенале кузнецов Волжской Болгарии и датируем не позднее X в. Скорее всего, она была занесена в Среднее Поволжье кузнецами, пришедшими сюда с салтовским населением.

Технологическая схема пакетования заготовки отмечена на шести ножах (7,9%) с Билярского городища. Только на одном из них выявлена резкая закалка. Технологическая схемаковки из двухполосной заготовки отмечена на одном ноже (1,31%) с Муромского городка. Технология трехслойного пакета выявлена на восьми ножах с Билярского городища (10,52%). Термообработка отмечена на всех ножах той группы. На одном ноже наблюдается мягкая закалка, на остальных – резкая. Косая боковой наварка стальной пластинки на железную основу выявлена на семи ножах: на шести ножах с Билярского городища и на одном – с Муромского городка (9,21%). На пяти ножах отмечена резкая закалка. Последняя технологическая схема на ножах городских центров домонгольского периода – торцовая наварка стальной пластинки на железную основу – была отмечена на четырех ножах с Биляра и на четырех ножах с Муромского городка (10,52%). Операция термообработки, резкой закалки, выявлена на всех ножах этой группы.

В целом термообработка отмечена на 52 исследованных ножах, что составило 68,42%.

Топоры. Металлографически было исследовано 26 топоров (19 – с Билярского городища, 7 – с Муромского городка).

Из обычного кричного железа оказались откованы три топора (один – с Билярского городища, два – с Муромского городка), из мягкой сырцово́й стали – два топора с Билярского городища. В коллекции топоров эта технологическая группаковки составила 19,2%. На трех топорах (один – из

Билира, два – из Муромского городка) выявлена цементация, что составило 11,5%. У всех трех топоров выявлена термообработка. На двух топорах – мягкая закалка, а на одном – резкая.

Ковка из стальных заготовок встречена на четырех топорах Билирского городища (15,3%). Из них три топора этой технологической группы подверглись термообработке, один – мягкой закалке, два – резкой. На одном топоре с Билирского городища выявлена технологическая схема пакетования (3,8%).

Два топора с Билирского городища были изготовлены с применением технологической схемы, сравнимой с трехслойным пакетом. В центре лезвия топоров вварена полоса высокоуглеродистой стали, по краям – либо стальные, либо железо-стальные полосы. Один топор прошел мягкую, второй – резкую закалку. Технологическая группа трехслойного пакета среди исследованных топоров составляет 7,7%.

Семь топоров были изготовлены по технологической схеме вварки стальной лезы в основу из кричного железа либо из сырцово-неравномерно науглероженной стали. Из них шесть топоров происходят с Билирского городища, один – с Муромского городка. Эта технологическая группа среди топоров составила 27%. Термообработка в этой группе отмечена на двух топорах.

Топоры с технологией боковой наварки стальной пластинки отмечены в трех случаях: на двух топорах из Билирского городища и на одном с Муромского городка. Эта группа составила 11,53%. Среди исследованных топоров количество термообработанных изделий достигает 60%.

Тесла. Металлографический анализ проведен на одиннадцати теслах с Билирского городища и на трех – с Муромского городка.

Тесла из городских центров Волжской Болгарии домонгольского периода изготавливались по следующим технологическим схемам: 1) из кричного железа и мягкой сырцово-неравномерно науглероженной стали; 2) из цельно-стальных заготовок; 3) цементация рабочей части инструмента; 4) из заготовки пакетного металла; 5) с трехслойным пакетом; 6) наварка стальной полосы на основу из железа; 7) двухполосная сварка.

Два тесла с Билирского городища и Муромского городка откованы из кричного железа или из неравномерно науглероженной сырцово-неравномерно науглероженной стали. На одном из них отмечена мягкая закалка. Из цельно-стальных монолитных либо пакетованных заготовок были откованы четыре тесла с Билирского городища. Три тесла подверглись резкой закалке. Цементация с последующей резкой закалкой выявлена на одном тесле с Билирского городища, схема пакетного металла – на трех теслах: с Би-

лирского городища (2 экз.) и с Муромского городка (1 экз.). Лезвие одного тесла прошло резкую закалку. Технологическая схема трехслойного пакета отмечена на одном экземпляре тесла с Билирского городища. Тесло термообработке не подвергалось. На одном тесле с Билирского городища отмечена технологическая схема косой боковой наварки стальной пластинки на стальную же основу. Тесло подверглось резкой закалке. Ковка из двухполосных железо-стальных заготовок зафиксирована на двух теслах с Билирского городища и Муромского городка. На обоих отмечена мягкая закалка. Среди тесел термообработка составляет 85,7%.

Долота. На примере шести экземпляров долот: трех с Муромского городка, трех с Билирского городища – прослежена технология их изготовления. Два долота с Муромского городка были изготовлены из неравномерно науглероженных цельно-стальных заготовок. На обоих долотах присутствует термообработка – мягкая закалка. Один экземпляр втульчатого долота с Муромского городка был откован из кричного железа. На трех долотах с Билирского городища выявлены технологические схемы: ковка из цельно-стальной высокоуглеродистой заготовки, вварка стальной полосы в основу из неравномерно науглероженной сырцово-неравномерно науглероженной стали с резкой закалкой, в технологии наварки стальной пластины на основу из неравномерно науглероженной стали с резкой закалкой.

Скобели. Два скобеля с Билирского городища были откованы по-разному: один из кричного железа, другой – из цельно-стальной заготовки с мягкой закалкой.

Сверла. Исследованы два сверла с Билирского городища: одно из них отковано в технологии наварки стальной пластинки на основу из кричного железа, другое изготовлено из заготовки, пакетованной из стальных и железных полосок без следов термообработки.

Тесак с Муромского городка был откован из очень хорошо прокованной заготовки кричного железа.

Зубила. На шести зубилах с Билирского городища выявлены три технологические схемы изготовления. Два из них были откованы из цельно-стальных высокоуглеродистых заготовок, на трех выявлена вварка высокоуглеродистой стальной лезы в основу, изготовленную либо из неравномерно науглероженной сырцово-неравномерно науглероженной стали, либо пакетованную из полос менее высокоуглеродистой стали. Одно зубило было отковано в технологии боковой наварки стальной пластины на железную основу. Все шесть зубил подверглись резкой закалке.

Молотки происходят с Билирского городища (2 экз.). Один малый универсальный слесарный молоток был откован из высокоуглеродистой стали с последующей мягкой и резкой закалкой, другой

изготовлен в технологии наварки высокоуглеродистой стальной пластинки на основу кричного железа.

Секач с Биярского городища, применявшийся для рубки металла, в лезвийной части был изготовлен из пакетной заготовки – высокоуглеродистых полос металла с последующей мягкой закалкой. Ударная часть секача была откована из высокоуглеродистой стали с последующей мягкой закалкой.

Напильник с Муромского городка был откован из стальной высокоуглеродистой заготовки. Инструмент находился в отожженном состоянии.

Пуансон с Биярского городища, служивший для пробивки отверстий в металле, откован из неравномерно науглероженной сырцово-железной стали.

Пробойники с Муромского городка в количестве 5 экз. были откованы из обычного кричного железа или из мягкой сырцово-железной стали без применения операций, улучшающих их рабочие качества.

Кайло – каменотесный инструмент с Биярского городища изготовлен из неравномерно науглероженной сырцово-железной стали.

Кузнечные клещи с Биярского городища: зажимные губы и рукоять клещей откованы из двухполосной заготовки, стальной высокоуглеродистой и неравномерно науглероженной сырцово-железной стали.

Кресала. Семь экземпляров кресал (четыре происходят с Биярского городища и три – с Муромского городка) были откованы из цельностальных заготовок. На пяти кресалах отмечена резкая закалка; на одном экземпляре кресала закалка была мягкой, и на одном следы термообработки отсутствуют. В технологии трехслойного пакета с резкой закалкой было изготовлено кресало с Муромского городка. Еще одно кресало с Муромского городка отковано в технологии наварки стальной пластинки на основу из кричного железа с резкой закалкой. Кресало с Биярского городища отковано в технологии боковой наварки стальной высокоуглеродистой пластины на основу из кричного железа с последующей резкой закалкой. Еще одно кресало с Биярского городища оказалось изготовленным из неравномерно науглероженной стали.

Иглы с Биярского городища, по данным металлографических анализов, были изготовлены с применением двух технологических схем: из цельностальных высокоуглеродистых заготовок были откованы две (они подверглись мягкой закалке), а из неравномерно науглероженных стальных заготовок изготовлены три иглы.

Шилья с Биярского городища в количестве 5 экз. изготовлены с применением различных технологий: два шила откованы из неравномерно на-

углероженной сырцово-железной стали, еще два – в технологии наварки стальных высокоуглеродистых пластинок на основу из кричного железа либо на основу из пакетного металла. На одном из этих шильев отмечена мягкая закалка.

Вилки – предметы кухонной утвари с Биярского городища в количестве 2 экз. изготовлены по-разному: одна из них была откована из пакетного металла (на этой вилке наблюдаются следы непреднамеренной резкой закалки), вторая изготовлена из кричного железа.

Крюки, служившие предположительно для подвешивания мяса. Крюк с Биярского городища откован из кричного железа, два других с Муромского городка – из неравномерно науглероженной сырцово-железной стали.

Гвозди, скобы. Гвозди в количестве двух экземпляров с Биярского городища и одного экземпляра с Муромского городка, а также скобы и костыли с Биярского городища ковались из кричного железа и сырцово-железной неравномерно науглероженной сырцово-железной стали. На одной скобе из Бияра отмечен след непреднамеренной резкой закалки.

Пробои дверные с Биярского городища (2 экз.) откованы из различных заготовок: из кричного железа и пакетной заготовки; третий пробой с Муромского городка изготовлен из двухполосной железо-стальной заготовки.

Косыри – крупные тесаки с Биярского городища, применявшиеся для скобления деревянных некрашенных полов, в количестве двух экземпляров были откованы из кричного железа с последующей цементацией.

Свечец с Биярского городища, применявшийся для освещения помещений, в количестве двух экземпляров изготовлен кузнечной сваркой четырех отдельных прутков кричного железа и неравномерно науглероженной сырцово-железной стали.

Ножницы откованы с применением различных технологических схем. Одни ножницы с Биярского городища были откованы из простого кричного железа, что не отвечало эксплуатационным требованиям. Другие ножницы, также с Биярского городища, откованы из заготовки, сваренной из полос кричного железа и высокоуглеродистой стали. Третьи ножницы, с Муромского городка, откованы из пакетного металла. Еще одни ножницы с Биярского городища изготовлены в технологии наварки среднеуглеродистой стальной пластины на железную основу.

Гирьки весовые. Из предметов торгового инвентаря представляет интерес технология изготовления двух миниатюрных гирек кубической формы с Биярского городища, предназначенных для взвешивания благородных металлов. Они откованы из неравномерно науглероженной сырцово-железной стали.

Рыболовные крючки с Билярского городища изготовлены из различных заготовок. Один крючок откован из неравномерно науглероженной сырцово-стали. Еще один крючок был изготовлен из цельностаальной высокоуглеродистой заготовки. Третий крючок откован в технологии наварки стальной пластины на железную основу.

Гарпун с Билярского городища, относящийся к орудиям рыболовства, откован из кричного железа.

Пешня – орудие для пробивания льда при зимней рыбной ловле – была откована из кричного железа.

Технология изготовления сельскохозяйственных орудий была прослежена на результатах 27 металлографических анализов: пяти серпов, семи кос, трех наральников, одного сошника, двух плужных лемехов, двух плужных резаков и десяти тесел-мотыжек.

Серпы. На двух серпах из Биляра и на одном серпе с Муромского городка отмеченаковка из неравномерно науглероженной сырцово-стали. Серп с Муромского городка подвергся резкой закалке. Другой серп с Муромского городка откован из малоуглеродистой стали с мягкой закалкой. Третий серп из Биляра откован из заготовки пакетного металла без термообработки. Еще один из серпов с Муромского городка изготовлен в технологии клепаного соединения трех частей: 1) рукоятки серпа, 2) дугообразной основы лезвия, 3) лезвийной рабочей пластины из высокоуглеродистой стали. Рабочее лезвие серпа подверглось резкой закалке.

Косы. Из простого кричного железа изготовлена одна коса с Муромского городка, другая коса выполнена в технологии цементации с резкой закалкой. Технологияковки из пакетной заготовки встречается на двух косах – из Биляра и Муромского городка. При этом коса из Биляра подверглась резкой закалке. На трех косах встречается технологическая схема сварки стальной лезы в основу из кричного железа либо из сырцово-стали (на одной – из Муромского городка, на двух – из Биляра). На всех косах отмечены следы термообработки, в двух случаях – резкой, в одном случае – мягкой.

Плужные резаки. На одном резаке с Билярского городища отмечена локальная цементация рабочей грани орудия, на другом (тоже из Биляра) выявлена технология наварки стальных пластин на железную основу. Термообработка на орудиях не выявлена.

Наральники. На двух наральниках из Муромского городка прослежена технология цементации с последующей резкой закалкой. Наральник с Билярского городища откован из пакетованной заготовки без термообработки.

Сошник с Билярского городища откован из заготовки неравномерно науглероженной сырцово-стали. Предположительно он прошел операцию мягкой закалки.

Лемехи от плугов типа сабана сохранили следы разных технологий. Правда, от одного лемеха с Муромского городка сохранился только фрагмент трубицы, который был откован из кричного железа. А на лемехе с Билярского городища выявлена технологическая схема наварки V-образной стальной пластины на основу из неравномерно науглероженной стали. Здесь отмечена мягкая закалка.

Мотыжки. На 10 экземплярах мотыжек прослежены две технологии их изготовления. К первой относятся мотыжки, откованные из кричного железа или мягкой сырцово-стали. Из железа откованы три орудия с Билярского городища и два с Муромского городка. Из сырцово-стали откована одна мотыжка с Билярского городища. На пяти мотыжках (на двух с Билярского городища и трех с Муромского городка) прослежена технологическая схема пакетного металла. Среди них на двух мотыжках прослежена мягкая закалка.

Технологию изготовления предметов вооружения рассмотрим на примере 57 наконечников стрел, 7 наконечников копий и пик, 1 втока, 1 булавы, 2 спусковых крючков для арбалетов, 1 «чеснока».

Наконечники стрел. При изготовлении наконечников стрел болгарские мастера применяли 7 технологических схем.

Большинство наконечников (41 экз.) изготовлены из обычного кричного железа и сырцово-стали. Из железных заготовок отковано 30 наконечников (12 экз. из Муромского городка и 18 экз. с Билярского городища). Из неравномерно науглероженной стали были изготовлены 11 наконечников с Билярского городища. Цельножелезные наконечники и из мягкой сырцово-стали составляют 71,9%. Цельностаальных наконечников встречено 7 экз., и все они происходят с Билярского городища. Таких наконечников на Муромском городке не отмечено. Все цельностаальные наконечники были термообработаны. Три из них подверглись резкой закалке, остальные – мягкой. Данная технологическая группа наконечников составила среди исследованных 12,4%.

Технологическая схема пакетного металла была выявлена на пяти наконечниках стрел: на двух с Муромского городка и на трех с Билярского городища. Группа пакетованных наконечников стрел в исследованной коллекции составляет 8,8%.

Четыре оставшиеся технологические группы наконечников стрел представлены единичными

экземплярами. Следы цементации отмечены на одном наконечнике из билярской коллекции. Технология, близкая к трехслойному пакету, отмечена на одном наконечнике с Билярского городища. В технологии боковой наварки стальной высокоуглеродистой пластины на основу из кричного железа был откован один наконечник с Билярского городища. На наконечнике отмечена резкая закалка. Из двухполосной железо-стальной заготовки был откован один наконечник с Биляра. Он также подвергся резкой закалке. Последние четыре технологические группы наконечников стрел составили коллекции по 1,75%.

Наконечники из простого кричного железа бьтовали у волжских болгар в пределах IX – первой половины XIII вв., а из сырцово-стали также и в XIV в. Наконечники цельно-стальные могут датироваться с IX по XIV вв. Из них закаленные относятся к более позднему времени – XII–XIV вв. Наконечники с технологией пакетования датируются IX–XIV вв. Наконечник из двухполосной железо-стальной заготовки можно датировать X в. Технология боковой наварки стальной пластинки на железную основу на наконечниках может быть датирована с первой половины XIII в. по XIV в.

Наконечники копий и пик. На наконечниках копий и пик из городских центров Волжской Болгарии прослежены три технологические схемы изготовления: 1) ковка из кричного железа и мягкой сырцово-неравномерно науглероженной стали, 2) цементация рабочей грани, 3) ковка из цельно-стальной заготовки.

Три наконечника копий были откованы из кричного железа: один с Муромского городка и два из Биляра. Один наконечник копья с Муромского городка был откован из сырцово-стали. Технология цементации отмечена на двух наконечниках копий с Билярского городища. Из цельно-стальной высокоуглеродистой заготовки откован один наконечник копья с Билярского городища. Цельно-железные и цементованные наконечники в Волжской Болгарии применялись в X–XIII вв., а цельно-стальные – в XII–XIII вв.

Вток от копья с Муромского городка, по данным металлографического анализа, был откован из сырцово-стали.

Боевой нож скрамасакс с Билярского городища был изготовлен по технологической схеме трехслойного пакета. Однако по причине ошибки кузнеца в центр лезвия попала малоуглеродистая стальная полоска.

«Чеснок» – орудие для борьбы с конницей противника – с Билярского городища был изготовлен из сырцово-неравномерно науглероженной стали.

Перекрестие сабли с Билярского городища было отковано из простого кричного железа.

Булава из Биляра была изготовлена из высокоуглеродистой стали и подверглась мягкой закалке.

Спусковые арбалетные крючки, происходящие с Билярского городища, изготовлены из различного сырья. Один крючок был откован из обычного кричного железа. Второй изготовлен кузнечной сваркой из стальных высокоуглеродистых полосок с последующей мягкой закалкой.

Стремена. Два стремени происходят с Билярского городища. Одно из них изготовлено из неравномерно науглероженной сырцово-стали, другое – из пакетованной заготовки, полос кричного железа и высокоуглеродистой стали. На нем отмечены следы термообработки – результат охлаждения в теплой воде.

Скребища с Билярского городища была откована из заготовки, пакетованной из полос неравномерно науглероженной стали и кричного железа.

Конский ледоходный шип с Биляра был изготовлен из кричного железа.

Результаты сравнительно-технологического анализа кузнечной продукции сельских поселений и городских центров Волжской Болгарии. Такое сравнение показывает, что в столичном городском ремесленном центре Биляре отмечалась тенденция к уменьшению доли изделий из кричного железа и сырцово-стали по сравнению с сельскими и городским периферийным ремесленными центрами. На сельских поселениях изделий из железа и из сырцово-стали отмечено 45,9%, на Муромском городке – 46,34%, а в Биляре только 32,7%. Мы предполагаем, что эта тенденция отражала общий уровень развития кузнечного производства на данных памятниках. Вероятно, кузнецы столичного города Биляра имели в своем распоряжении более качественное сырье, чем кузнецы Муромского городка и сельских поселений.

В технологическом арсенале кузнецов Волжской Болгарии в домонгольский период применялись следующие технологические приемы, направленные на улучшение эксплуатационных качеств кузнечной продукции волжских болгар: 1) цементация, 2) цельно-стальные изделия, 3) пакетный металл, 4) вварка стальной лезы, 5) V-образная наварка, 6) косая боковая наварка, 7) торцовая наварка, 8) двухполосная сварка из стальной и железной полос, 9) трехполосная сварка из двух железных и стальной между ними.

При этом ведущее место суммарно занимают технологии изготовления изделий целиком из стали и вварка стальной лезы в железную или пакетованную заготовку. Они составляют: 13,96% – цельно-стальные, и 12,85% – вварка стальной лезы (Семькин, 2015, с. 108, 109, табл. 1, 2).

Ковка из цельносталльных заготовок позволяла получать высококачественные изделия, особенно если при этом правильно применялась термообработка. Соотношение этой технологической схемы по комплексам показало, что на сельских памятниках доля цельносталльных изделий составила 8,2%, на Муромском городке – 10,9%, а в Биляре уже 17,5%. Эти цифры могут свидетельствовать о том, что специально приготовленная сталь была более доступна кузнецам столичного города, нежели периферийного Муромского городка и сельских поселений.

Вварка стальной лезы в основу из кричного железа или пакетного металла, применявшаяся еще кузнецами раннеболгарских производственных центров, в домонгольский период становится одним из ведущих технологических приемов при изготовлении качественной продукции у волжских болгар. Мы полагаем, что эта технология носила общеполгарский характер, о чем свидетельствует ее достаточно равномерное распределение в коллекциях городских и сельских памятников: 9,8% на сельских памятниках, 10,9% на Муромском городке и 14,7% в Биляре. Технология вварки в Волжской Болгарии может датироваться в пределах X–XI вв.

Наследием кузнечных традиций раннеболгарского периода в домонгольский период могла быть технология пакетного металла. Суммарно на изделиях домонгольского периода она составила 9,78%. Ее соотношение по комплексам различалось. Технология пакетного металла более активно применялась кузнецами городских центров (9,7% на Муромском городке, 10,6% в Биляре). Менее активно технологию пакетного металла применяли сельские кузнецы (4,9%). Это могло объясняться различным уровнем квалификации сельских и городских кузнецов, поскольку пакетование заготовки требовало хороших навыков в проведении операции кузнечной сварки. Предположительно сельские кузнецы, обладавшие меньшей квалификацией, старались избегать технологически сложной операции кузнечной сварки, необходимой при проведении пакетования заготовки. Другим объяснением большей доли пакетных изделий в коллекциях из городских центров могло быть более частое использование металлолома городскими кузнецами в качестве сырья для поковок.

В домонгольской Волжской Болгарии технологическая схема трехслойного пакета суммарно составила 5,02% и по комплексам распределилась так: 6,6% на сельских памятниках, 1,2% на Муромском городке и 5,5% в Биляре. На памятниках северной средневековой Древней Руси трехслойный пакет был доминирующим технологическим приемом в X–XI вв., и в XII–XIII вв. он вытесняет-

ся технологическими схемами вварки, торцовой и косой наварки (Завьялов, Розанова. 1990). Наиболее активно трехслойный пакет из ближайших соседей волжских болгар использовали финно-угорские кузнецы Прикамья: чепецкой и родановской культур (Завьялов, 1990, с. 9).

Технология трехслойного пакета в Волжской Болгарии не стала частью производственных традиций в железообработке, хотя и была известна еще раннеболгарским мастерам. Ее распространение в домонгольской Волжской Болгарии, на наш взгляд, явилось результатом торговых контактов с Прикамьем и северными регионами Древней Руси.

В домонгольский период технологическая схема боковой косой наварки стальной полосы на железную основу, известная с раннеболгарского периода (в Большетарханской коллекции) получает распространение как на памятниках сельского типа (8,2%), так и в городских центрах (2,49% на Муромском городке, 7,87% в Биляре). Эта технологическая схема суммарно составила 6,42%. А технологическая схема V-образной наварки суммарно составила 0,83%. Эта технологическая схема в коллекциях с сельских памятников составила 1,6%, в Биляре – 0,92% и совсем не отмечена на Муромском городке. Технологические схемы косой боковой и V-образной наварки в домонгольской Волжской Болгарии, вероятно, только начинали включаться в технологическую практику кузнецов. В дальнейшем, в золотоордынский период, они занимают значительное место в кузнечном технологическом арсенале в г. Болгаре (4,3% – косая боковая наварка и 5,5% – V-образная наварка) (Семыкин, 1996а).

Технологическая схема торцовой наварки суммарно отмечена на 3,07% изделий. В продукции из сельских памятников изделий с такой технологической схемой не обнаружено. В Биляре она отмечена на 2,7% изделий, на Муромском городке – 7,31%

Технологическая схемаковки из двухполосных заготовок, известная уже в раннеболгарский период, в домонгольское время широкого распространения не получила. Она отмечена лишь в билярской коллекции и составила здесь 0,46%. Эта технологическая схема суммарно составила в домонгольских коллекциях 1,67%. В домонгольских кузнечных коллекциях термически обработанные изделия составили 42,18%. Этот показатель по комплексам распределился следующим образом: на сельских памятниках – 36,6%, на Муромском городке – 45,1% и в Биляре – 43,7%.

Таким образом, доля термически обработанных кузнечных изделий в городских ремесленных центрах – в Биляре и на Муромском городке – была выше, чем на сельских памятниках. Также

отмечена закономерность, проявляющаяся в том, что выше процент термообработанных изделий там, где больше изделий, откованных с применением стали, способной принять термообработку, – в городах. Такая закономерность наблюдается еще в раннеболгарском материале (на кузнечных изделиях Танкеевского могильника).

Кроме этого, показатель термообработки свидетельствует о более высоком уровне развития производства в столичном городе Биляре и периферийном Муромском городке по сравнению с

сельскими ремесленными центрами. Следует сказать, что в большинстве случаев операция кузнечной сварки на кузнечных изделиях домонгольского периода была выполнена качественно.

И наконец, следует обратить внимание на распределение кузнечной продукции с городских центров Волжской Болгарии по технологическим группам. К I технологической группе отнесено 69,4% кузнечной продукции городских центров. Ко II технологической группе отнесено 30,6% изделий.

Цветная металлургия и ювелирное дело

Изучение болгарской металлургии и обработки цветных металлов, а также изделий из цветного металла прошло два этапа. Первый этап охватывает период от публикации единичных, необычных находок (начало XIX в.) и до начала 1950-х годов – выхода в свет монографии А.П. Смирнова «Волжские болгары» (1951 г). В это время были описаны отдельные находки с болгарских памятников (Х.М. Френ, Ф. Эрдман), опубликованы выдающиеся изделия из кладов (Н.П. Кондаков, И.И. Толстой), исследованы особенности изготовления болгарских ювелирных скано-зерневых поделок (А.Ф. Лихачев, А.А. Спицын), их внешних типологических признаков (Н.П. Кондаков; А.А. Спицын), выявлены аналогии (Н.П. Кондаков) и определена этнотерриториальная специфика (Б.А. Рыбаков). Этот этап характеризуется также накоплением болгарских изделий из цветного металла в музейных собраниях (Руденко, 2014, с. 306–350, 369–376). Вопросы генезиса этих украшений, в первую очередь золотых, впервые были затронуты в этот период Н.П. Кондаковым, но данное направление дальнейшего развития не получило.

Второй этап начинается с 1950-х годов и продолжается до настоящего времени. В это время благодаря широкомасштабным раскопкам и открытию нескольких кладов пополняется число выявленных болгарских ювелирных изделий. Н.Ф. Калинин, А.П. Смирновым, Т.А. Хлебниковой, А.М. Ефимовой, Г.Ф. Поляковой в 1950–1970-е годы разрабатывается типология болгарских изделий из цветного металла. В 1980-е годы болгарские ювелирные изделия анализировались с культурологических и искусствоведческих позиций (А.Х. Халиков, Г.М. Давлетшин, Ф.Х. Валеев, Д.К. Валеева, Г.Ф. Валеева-Сулейманова).

В 1980–2000-х годах получили развитие идеи, сформулированные в 1920–1930-х годах Н.Ф. Калинин и Н.И. Воробьевым о связях болгарских изделий с этнографическими украшениями народов Волго-Камья, прежде всего казанских татар (С.В. Суслова). Кроме того, во второй поло-

вине 1980-х – 1990-х годах активно вводились в научный оборот и изучались ювелирные изделия сопредельных территорий, в том числе и болгарский импорт, в Предуралье и Зауралье (М.Г. Иванова, А.А. Иванов, Э.А. Савельева; А.М. Белавин, Н.В. Федорова).

Тема болгарской цветной металлургии, металлообработки и производства изделий из цветного металла распадается на несколько блоков вопросов. Первый касается цветной металлургии волжских болгар и источников сырья; второй – обработки цветных металлов и технологий; третий – формально-типологических исследований; четвертый – технико-стилистического анализа.

Вопрос о цветной металлургии волжских болгар не раз становился предметом исследовательского интереса российских ученых на протяжении XX в. Высказывались мнения о достаточно высоком уровне ее развития, основанием для чего были находки литейных форм и большого количества медных и бронзовых изделий. В публикациях 30-х годов XX в. были приведены свидетельства добычи болгарскими медной руды и обозначены рудники, которые могли быть использованы ими. В 1950–1970-х годах были получены и археологические доказательства этого: на Болгарском городище обнаружены остатки металлургических горнов, шлаки и плавильные ямы, которые были отнесены к меднолитейному производству, а на городище Муромский городок, по данным Г.И. Матвеевой, была выявлена производственная площадка для первичной обработки медной руды и остатки горнов. До конца XX в. это мнение у большинства исследователей не вызывало сомнения. В начале XXI в. тезис о существовании болгарской металлургии цветных металлов был оспорен С.В. Кузьминых и Ю.А. Семькиным, утверждавшими, что прямых свидетельств этого нет, а выявленные «горны» являются, по их мнению, плавильными печами для рафинирования меди, а объекты Муромского городка служили для плавки бронзы в тиглях (Кузьминых, Семькин, 2006, с. 261).

В этой связи стоит отметить, что в 1970–80-х годах на Билярском городище в раскопах во внутреннем городе были обнаружены куски медной руды, шлаки цветного металла, черновая медь в виде лепешек и медные чушки в виде брусков. Помимо этого, найдены многочисленные полуфабрикаты и готовые материалы для производства: рулончики листовой меди, мотки медной проволоки, обрезки медных листов, стерженьки из цветного металла. Характер этих находок можно трактовать по-разному, особенно в том, какая стадия получения меди здесь представлена. Тем не менее это во многом подтверждает гипотезу о наличии собственной сырьевой базы для цветной металлургии в Волжской Болгарии домонгольского времени. Конечно, насколько она была развита, сейчас судить достаточно трудно, поскольку археологических свидетельств для исчерпывающей характеристики пока недостаточно, а специальных исследований в этой области не было проведено. Но утверждать, что потребность в медном сырье в Волжской Болгарии восполнялась исключительно импортом черновой меди (Кузьминых, Семькин, 2006, с. 260), кажется преувеличением. Впрочем, сама по себе гипотеза об импорте в Болгарию качественной бронзы из Предуралья представляется не лишенной оснований, хотя доказательств этого, кроме ссылок на саму возможность этого, никто из исследователей не привел.

Если по поводу медной руды дискуссия строится на том, что месторождения меди на территории Волжской Болгарии и прилегающих землях имеют место, то по поводу других компонентов сложных сплавов таких обсуждений не было: металлы для легирующих добавок в сплавы, например, свинец и олово, на территории Волжской Болгарии отсутствовали и их болгары импортировали. Об этом свидетельствуют слитки свинца, олова, иногда достаточно внушительного веса, обнаруженные на городищах, в частности Билярском, на II Горкинском, Измерском, Остолоповском селищах и др., а также слитки конусовидной или пулевидной формы из свинца или из свинца с сердечником из олова, встреченные на многих городищах и селищах Волжской Болгарии XI–XIII вв. Не исключено, что последние артефакты отливались по определенному стандарту уже в Болгарии. Исключительно привозными были серебро и золото.

Анализ археологических коллекций показывает, что болгарские ювелиры использовали вторичное сырье: утилизированные части медной посуды как местного производства, так и привозной – ушки котлов, фрагменты венчиков, стенок и днищ от чаш, тазов, котлов и ковшей и др., во множестве находимые на болгарских поселениях. Значительная часть этих фрагментов, судя по

материалам Билярского городища и ряда селищ, были специально деформированы, разрублены на куски для переплавки или даже сплавлены. Вторичное использование сырья широко практиковалось в ювелирном производстве.

Исследования И.Е. Зайцевой позволили утверждать, что болгарские ювелиры, помимо чистой меди, бронзы и сплавов типа томпака и латуни, что установила еще Т.А. Хлебникова в 1950-х годах (Руденко, 2014, с. 235), использовали несколько многокомпонентных сплавов, включавших олово и свинец, а также цинк (Зайцева, 2010, с. 122–124). Также важным представляется вывод исследовательницы, что в домонгольский период из Волжской Болгарии на Русь не импортировались чистая медь и оловянистая бронза (Зайцева, 2010, с. 125). Если импорт меди на Русь и осуществлялся, то чаще всего в виде медной посуды: котлов, чаш, ковшей или мерных емкостей (Руденко, 2000, с. 85; Олейников, Руденко, 2017, с. 337).

Особенно велик был процент использования утилизированных привозных поделок и монетного металла в ювелирном деле: производстве изделий из золота и серебра в X – начале XIII вв., поскольку собственных источников этого сырья у болгар не было. Опубликованные Е.А. Беговатым результаты анализов серебряных дирхемов X – начала XI в. с территории Волжской Болгарии в сопоставлении с составом серебряных украшений XI–XII вв. позволяют предполагать возможность использования именно монетного металла для изготовления части таких изделий (Руденко, 2015, с. 144). Производство золотых украшений из самородного металла (также привезенного извне), о чем можно судить по очень высокой пробе металла, можно предполагать только в одном случае (Руденко, 2011, с. 174, приложение 1). По источникам золота для болгарских изделий пока специальных исследований не проводилось, а имеющиеся анализы единичны (Руденко, 2011, с. 78, табл. 4), что не позволяет локализовать эти месторождения.

Гораздо больше свидетельств о болгарской обработке цветных металлов. Об этом процессе можно судить по многочисленным инструментам и приспособлениям. С.В. Кузьминых были детально исследованы тигли для плавки металла и литейные формы из сборов с Билярского городища. Тигли имели подцилиндрическую с округлым дном форму. Высота их от 2,7 до 8,2 см при толщине стенок от 0,1 до 0,6 см. У единичных экземпляров тиглей стенки сужаются или чуть расширяются в верхней части. Эти поделки меньших размеров. С.В. Кузьминых считает, что размеры тиглей свидетельствуют об их специализированном назначении. Например, миниатюрные тигли были

ювелирными и служили для отливки украшений (Кузьминых, 1985, с. 86). На внешней поверхности многих из билярских тиглей имеются стекловидные натеки или ошлакированные участки, образовавшиеся в тот момент, когда еще не остывший тигель устанавливался круглым дном в специально приготовленный песок. На дне некоторых тиглей сохранились прилипшие ко дну кусочки угля. Тигли средних размеров могли использоваться и для других ювелирных производственных операций, например, приготовления черни.

Литейные формы изготавливались из камня, преимущественно из известняковых призматических брусков. Использовалась практически вся поверхность этого бруска, даже торцовые стенки иногда имеют гнезда для отливки. Встречены как двухсторонние, так и односторонние формы, что предполагает различные способы литья. При раскопках и сборах с Билярского городища были найдены формы для отливки поясных накладок различной формы, колец, браслетов, бусин, пряжек, наконечников ремней, блях-подвесок, трехбусинного кольца. Последнее отливалось с помощью литья «навывпеск» (Кузьминых, 1985, с. 92–93). Встречена одна литейная форма для отливки металлической рукояти плетки.

Льячки найдены на II Билярском и на Остолоповском селищах. Е.А. Беговатовым был проведен анализ металла с одной из льячек. Это оказался сплав на основе меди: Cu – 84,6%, Pb – 5,8%, Sn – 0,3%, Zn – 0,03%, As – 0,3%, Ag – 5,8%, Sb – 1,4% (Беговатов. 2002, с. 170).

Для получения проволоки для скани использовались волочильные доски. Они представляли собой железную полосу или брусок, как правило, прямоугольной формы, где были просверлены отверстия разного диаметра. Волочильные железные доски встречены в болгарских древностях на Билярском, Болгарском городищах, селище Чакма. Витая проволока получалась с помощью ручного лучкового сверла.

Для изготовления украшений из цветного металла использовались помимо тиглей, наковальни, молоточки, щипцы, пинцеты, пробойники, матрицы, штампы (Смирнов, 1951, с. 121). При производстве филигранных изделий применялись ножницы, матрицы-анки, пунзелы, ювелирные молотки, тигли, волочильные доски, пинцеты. Ножницы по металлу использовались для вырезания разверток (выкроек) частей заготовок. Пинцеты, зажимы, кисти применялись в процессе изготовления заготовок изделия, а также его сборки и декорирования. Так, скань и зернь накладывалась на размягченный после нагрева флюс с помощью пинцетов с тонкими приостренными окончаниями. Пайка могла производиться в печи в течение

нескольких секунд, которые были необходимы для сварки зерни, скани между собой и с основой.

Для транспортировки и хранения составляющих элементов припоя и реактивов для диагностики металла, а также специальных составов для крепления золотой фольги могли использоваться глиняные сфероконические сосуды.

В литературе имеются упоминания металлических матриц для штамповки украшений, а также анок для выдавливания деталей полых украшений. Находки с Билярского городища описал С.В. Кузьминых (Кузьминых, 1985, с. 97–101, табл. XXXVII). Помимо их, такие матрицы известны с Болгарского городища, Измерского селища, Старокуйбышевского комплекса, Староалейкинского городища. Анки встречены преимущественно на Билярском и Болгарском городищах, а также на Старокуйбышевском городище. Матрицы-штампы встречены разной формы и размеров. Часть из них использовалась для изготовления небольших штампованных нашивок, часть – для достаточно больших накладок-нашивок. Самой распространенной была форма матрицы-штампа квадратной формы, на рабочей части которой был сделан рельефный рисунок в виде симметричной розетки, лепестки которой занимали углы квадрата. В центре каждого лепестка помещено изображение крина. Иногда середину композиции занимал круглый медальон, оформленный также в виде розетки.

Второй распространенной формой матриц были изделия круглой формы. Самая крупная матрица имела крестовидный рисунок, образованный кринами, обведенный пояском из мелких перлов. Также перлами был украшен край матрицы. Меньших размеров круглые матрицы служили для штамповки нашивок с изображением стилизованных вихревой или обычной розетки. Накладки фигурной формы – овальные, каплевидные, миндалевидные, тоже небольших размеров, имели рисунок с мотивами крина, стилизацией растительных побегов и цветов. С Билярского и Болгарского городища происходят матрицы квадратной или прямоугольной формы с одним фигурным (скобчатым) краем. Рисунок на рабочей стороне представляет собой сложное переплетение стилизованных побегов, образующих фигуры ромбовидной формы.

Анки – массивные бронзовые бруски размером 6–7×6–7×1,8 см. На внешней поверхности, а иногда и на нижней части имеются чашевидные лунки диаметром 2,5, 2, 1,5, 0,7 и 0,5 см и глубиной до 1 см. Можно предполагать, что неглубокие полусферические детали ажурных напусковых бусин на этих подвесках выдавливались (штамповались) в матрице-анке с помощью специального приспособления (пунзела) в виде цилиндрического сердеч-

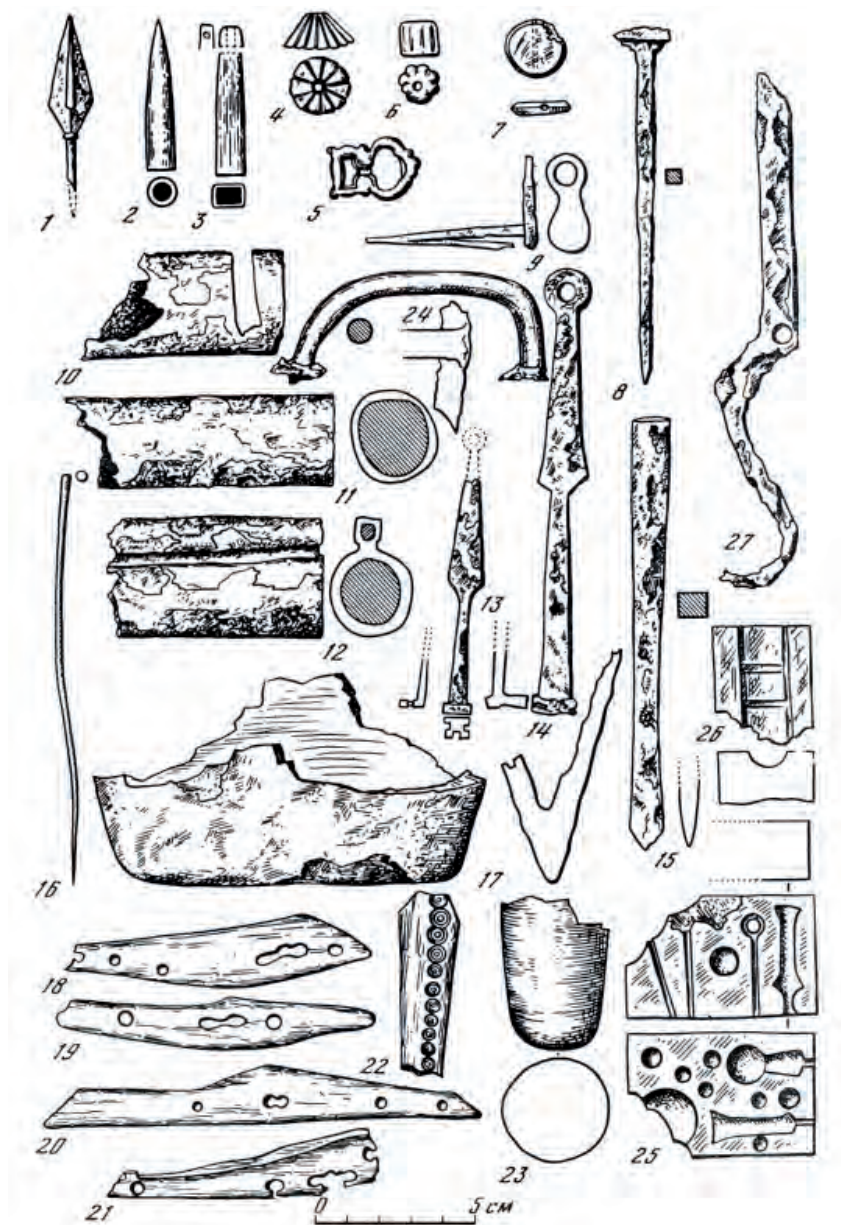

Рис. 15. Находки из раскопа V Билярского городища (по А.Х. Халикову):
1, 8–15, 17, 7 – железо; 18–23 – кость; 4, 5, 16, 24 – бронза; 6 – фаянс; 7 – янтарь; 23 – глина; 25, 26 – камень.

ника из свинца с округлым (сферическим) окончанием, известного по находкам в Биляре.

О местах, где располагались болгарские ювелирные мастерские, имеется достаточно много археологических свидетельств. Большая их часть зафиксирована на Билярском городище, одном из наиболее исследованных болгарских памятников. Так, на раскопе V Билярского городища были найдены тигли, литейная форма с полусферическими выемками (анка), бронзовая гирька, специализированный железный инструмент (рис. 15), а также зафиксировано скопление сфероконических сосудов (30 целых и более 300 обломков). Здесь, по мнению А.Х. Халикова, располагались кузнеч-

ные мастерские, выпускавшие железные замки (Халиков, 1976, с. 74). Находки сфероконусов и других предметов, связанных с ювелирным производством, позволяют сделать предположение, что рядом могла располагаться и мастерская ювелира. Ю.А. Семькин и С.В. Кузьминых считают, что медью спаивались части железных замков и о плавке меди и ювелирной мастерской здесь речи быть не может (Кузьминых, Семькин, 2006, с. 263).

Интересный набор предметов, в числе которых литейная форма для изготовления мелких накладок, зубильца, медная чашечка от весов для мелких взвешиваний, обнаружен на XXIII раскопе Биляра. Эти и другие артефакты выявлены в центральной части городища, но билярские ювелиры работали

и на посадской части древнего города. Интересный производственный комплекс, состоявший из нескольких горнов, хозяйственных и жилых построек, исследован Е.А. Беговатым на II Билярском селище. Здесь в заполнении одного из горнов были найдены тигли (более 16 экз.), льячки (4 экз.), бронзовые накладки. Часть тиглей была бракованной и не использовалась по назначению, а на некоторых из них были следы меди (Беговат, 2001, с. 151–152, рис. 3: 1; 5, 4). Кроме того, на раскопах была обнаружена медная и железная проволока, медные шлаки, а также заготовка для изготовления браслета; несколько подвесок и накладок поясного набора. Интересно, что рядом с накладками были найдены заготовки небольших прямоугольных шайб, которые служили для фиксации накладок на ремень. Здесь же обнаружен небольшой рулончик бронзовой тонкой фольги толщиной менее 0,5 мм. Эта материалы датируются концом X–XI в. Уточнить датировку позволяет находка в культурном слое раскопа фрагмента монеты бувейхида Фахр ад-даула (366–387 г. х.), чеканенной в конце 80-х годов X в. Судя по составу находок, в мастерской изготавливали поясные накладки.

Можно предполагать, что ювелирная мастерская была и на Остолоповском селище. Здесь встречены обрезки медной посуды, медные деформированные нашивки и части серебряных изделий, приготовленные для переплавки, железные гирьки, клад свинцового сырья и т. д. Датируется она концом XI – началом XII в.

Следы развитого производства металлических украшений, как и ремесленный инструментарий были обнаружены в большом количестве на I Измерском селище – торгово-ремесленном поселении второй половины X–XI вв. (Казаков, 1991, с. 56). Судя по скоплению медных изделий, производство металлической посуды было налажено на Старокуйбышевском комплексе в Спасском районе РТ (Казаков, 1991, с. 31, 56), расцвет которого приходится на XII – начало XIII вв.

Рассмотрим изделия из цветного металла болгарских ремесленников. Из чистой меди изготавливалась в основном бытовая посуда (Руденко, 2000). Она производилась несколькими способами. Небольшие сосуды типа чашек или ковшей чаще всего полусферической формы, а также светильники изготавливались давлением. С помощью холодной сварки «в зубец», фальцовки и клепки собирались сосуды средних и крупных размеров: котлы, ковши, чаши, блюда, кумганы и мерные сосуды. Они чаще всего имели вертикальные или усеченно-конические стенки, уплощенное дно. Медные листы перед сборкой, скорее всего, отжигались и иногда прочеканивались.

Наиболее распространенными в домонгольское время были *котлы*. Они собирались из отдельных тонких листов меди механическим способом, с помощью швов «в зубец», фальцовки и клепки в различных сочетаниях. По форме выделяются отделы: цилиндрические сосуды (А), шаровидные (Б), усеченно-конические (В). По деталям формы (венчик и ручки) определяется конкретный тип. К отделу А относятся 4 типа котлов.

Tun (M²) A-1 – цилиндрической формы сосуда двух- или трехчастной сборки швами «в зубец» (17–20×13–15 см; 3–5 л). Ушки маленькие, железные или медные. Дужки медные (2 экз.) и железные (1 экз.). Венчик образован наложенной снаружи медной полоской шириной 1,5–2,5 см, закрепленной загнутым верхним краем стенки и заклепками. Датируется рубежом IX–X – началом XI в. Отдельные фрагменты их найдены на I Измерском селище.

Tun (M) A-2 – котелки четырехчастной сборки швами «в зубец» (25–26×13–15 см; 6,3–8 л). Корпус котелка состоит из двух частей: верхней, сделанной из одной медной полосы, и нижней, собранной из трех неравных частей. Дно несколько уплощенное. Ушки маленькие, медные, крепились медными заклепками. Дужка железная. Датируется концом X – началом XI в. Детали от них обнаружены на I Измерском и Остолоповском селищах.

Tun (M) A-3. Корпус котелков собран из двух половинок фальцовкой и сваркой «в зубец» (Нижняя Стрелка), дно вставлено в надрезанные края корпуса «в зубец» (25–26×13–14 см; 6,4–7,5 л). Ушки железные, откованы из одной пластины. Дужка железная. Венчик загнут внутрь на 0,7 см. Под него подложена медная полоска. Датируется концом X – началом XI в. Отдельные фрагменты их зафиксированы на I Измерском селище.

Tun (M) A-4. Сосуды этого типа собраны трех- и четырехчастной сборкой фальцем и «в зубец» (20–30×10–17 см, 3–6 л, самые большие до 12 л, наименьшие 15–16×11 см, 2–2,2 л). Ушки медные с одинарной и двойной расковкой концов. Венчик загнут и отогнут наружу. В месте сгиба положена узкая медная полоска. Датируется XII – началом XIII в., преимущественно XII в. Пережиточно котлы этого типа бытуют в XIV в. Массовое производство их прекратилось во второй половине XIII в. Целые формы и фрагменты сосудов этого типа найдены на многих болгарских селищах и городищах: с реконструкцией формы – 14 экз., в фрагментах – более 250 экз.

К отделу Б относится один сосуд, обнаруженный на IV Старокуйбышевском селище (Казаков,

² Литера «М» в круглых скобках обозначает материал, из которого изготовлен сосуд, – «медь».

1991, с. 113). Сосуд двухчастной сборки с помощью швов «в зубец». Диаметр горловины 20 см. Венчик цилиндрический, украшен насечками. Тулово шаровидное, диаметр 34 см (радиус 17 см). Объем сосуда около 20,56 л. Ушки медные, петлевидные. Датируется XII–XIII вв.

В большей части на археологических памятниках встречаются ручки-ушки от котлов. Выделяются три типа ушек. Тип «а»: небольшие медные или железные ушки (3,3×3 см), выкованные из тонкого подквадратного или подпрямоугольного (в сечении до 0,5 см), реже круглого дрота. Радиус дуги ушка практически не превышает 1,5 см, концы его разведены незначительно и расплющены для одной заклепки. Изгиб профиля поделки незначителен. Заклепки на этих ушках преимущественно медные. Такие ушки соотносятся с котелками типа М-1, М-2, М-3. Датируются они X–XI вв.

Тип «б» и «в»: ушки сделаны из подпрямоугольного или подквадратного в сечении медного дрота, согнутого так, что в верхней части образовалась дуга радиусом до 2,5 см, а равновеликие концы длиной 6–12 см разводились под углом 44–85° и расковывались для одной (тип «в») или двух заклепок (тип «б») на каждом: двойная и одинарная расковка. Соотносятся они с котелками типа М-4, бытовавшими с XII в.

Тазы – сосуды с цилиндрическим или чуть расширенным в нижней части туловом – в целом состоянии не сохранились. Об их наличии можно судить по нескольким ручкам скобовидной формы с Билярского городища.

Мерные сосуды («кружки»³, 14 экз.). Тулово их в основном коническое; один экземпляр с рассеченно-коническим. Большинство не имеет носика (вариант 1), и только у одного есть таковой (вариант 2). Выделяются три типа.

Тип 1 (12 экз.) – высокие, расширяющиеся книзу сосуды, имеющие в верхней части тулова парные выемки. У изделий больших размеров имеются подобные выемки и в средней части. Ручка из медного дрота расплющенной нижней частью крепится клепками к тулову, а раздвоенной верхней частью как бы охватывает венчик. Размеры их: высота 10–36 см, диаметр дна 8–31 см, диаметр венчика 6–13 см. Значительное количество таких сосудов выявлено Е.П. Казаковым на Старокуйбышевском комплексе (Казаков, 1991, рис. 38; 39). Они стандартны по форме и объему: высота 18, диаметр дна 14–19 см, диаметр венчика 7–10 см.

Тип 2 (1 экз.). По форме близок предыдущему типу: усеченно-коническое тулово с утолщением (валиком) у венчика. В верхней части тулова

припаян небольшой носик (длина его 11 см). Ручка изготовлена из квадратного в сечении дрота. Длина ее 18 см, и она также припаяна к тулову. В нижней части ручки выбита нечитаемая надпись руническими знаками или подражание ей. Размеры сосуда: высота 40 см, диаметр венчика 6,5 см, диаметр дна 30 см.

Тип 3 (2 экз., Биляр). Тулово сосуда представляет рассеченный конус с одной плоской боковой стороной. Художественно выполненная ручка с насечками крепится сбоку, чуть в сторону от края сечения. На дне ее имеется сегментовидное углубление 0,4 см глубиной. Высота изделия – 26 см, диаметр – 18,5 см.

По объему выделяются сосуды емкостью 0,5 л (1 экз.), 2 л (10 экз.), свыше 10 л: от 11 до 19 л (3 экз.). Наиболее распространенными были двухлитровые изделия двухчастной сборки. Такие сосуды импортировались за пределы Волжской Болгарии (Олейников, Руденко, 2013, с. 144–148; 2017а, с. 168–171).

Блюда медные известны в коллекциях находок из Биляра, Болгара, V Старокуйбышевского селища. Они цельнокованные с плоским дном, вертикальными прямыми или профилированными стенками. Размеры: диаметр 18–25 см, высота 2–4 см. Сосуд из Болгара крупнее – 32×5,1 см (Полякова, 1998, рис. 2: 14, с. 140). Датируются XII–XIV вв.

Ковши (8 экз.) домонгольского времени относятся к одному типу с цилиндрическим туловом с отогнутым венчиком и железной перевитой ручкой; размеры: 4–8×7–10 см; стандартного объема 0,5 л; в целом от 0,1 до 0,6 л. На одном из сосудов с IV Старокуйбышевского селища имеется небольшой слив. Такого типа сосуды импортировались, видимо, в качестве сырья (Олейников, Руденко, 2017, с. 337).

Чашы (VI Алексеевское селище; 1 экз.) представлены одним типом: цилиндрической формы (14×4 см) с вертикальными стенками, с отогнутым наружу венчиком и чуть выпуклым дном (Руденко, 2015, с. 238, рис. 9а, 1). Для медных светильников характерен резервуар для горючей жидкости, выемка для фитиля и ручка-держатель. Размеры изделий: высота 2–3 см, ширина 5–9 см, длина 10–12 см. Они подражают форме глиняных светильников и изготовлены, как правило, ковкой.

Болгарское медницкое ремесло как таковое оформилось во второй половине X в., не имея непосредственных истоков в ремесле периода ранней Волжской Болгарии. Практически весь XI в. в Болгарии господствовали маломерные котелки из листовой меди, идентичные тем, что распространились на обширной территории: от Приладожья до Черного моря и от Прибалтики до Урала и Западной Сибири. Значительная их

³ В литературе они называются также кумганами.

часть привозилась из стран Востока. Новые технологические приемы, примененные при их изготовлении, а также масса импортируемой металлической посуды (литые чаши и ковши) быстро захватывают формирующееся болгарское медницкое ремесло и оказывают на него колоссальное влияние.

Рубеж XI–XII вв. стал подлинной революцией в болгарской обработке меди: фальцовка значительно упростила технологию, интенсифицировав процесс производства. Поток болгарской посуды захватил ближайшее пограничье, особенно северо-восточное и восточное направления. Вместе с тем здесь же достаточно быстро начинают формироваться местные центры по производству медной посуды.

Установившиеся торговые пути способствовали широкому распространению болгарской продукции по всей Восточной Европе, даже там, где имелись собственные центры ее производства. Процесс заимствования, как технологии, так и форм, не был односторонним. Клепаные сосуды и сварные внахлест в виде казанов и ведер, характерные для кочевников и Древней Руси, появляются и в ближайшем болгарском пограничье на Суре.

За 100–150 лет сложился устойчивый тип посуды (котелки, кумганы, ковши), бытовавший практически без изменений до конца XIV в. Оригинальные типы, зафиксированные в период XII–XIII вв., в какой-то степени свидетельствующие о попытках симбиоза местной формы и установившейся привнесенной технологии, не получили своего дальнейшего развития. В целом надо сказать, что конец домонгольского периода был временем, когда медная посуда стала обычным явлением болгарского быта как сельского жителя, так и горожанина, соседствуя с разнообразнейшими керамическими изделиями.

Болгарские изделия из драгоценных металлов – золота, серебра и электра – наиболее часто привлекали внимание исследователей на протяжении всего времени изучения болгарских древностей. Наибольшее внимание было уделено височным украшениям, выполненным из золота, точнее, из меди и золота, поскольку основа украшения – кольцо с напускными бусинами – была сделана из меди и обтянута тонкой золотой фольгой (рис. 16). В центре кольца находилась филигранная птичка. Привлекательность изделию придавала сложная техника декорирования: скань и зернь (Руденко, 2011, с. 23–26). Второй категорией ювелирных изделий, достаточно подробно исследованных, оказались болгарские серебряные перстни с черневым рисунком (Руденко, 2015, с. 43). Остальные

изделия рассматривались в рамках общей типологии (Казаков, 1991; 1992; Полякова, 1996).

Продукция болгарских ювелиров делится по назначению на несколько отделов. Широко представлены украшения головы и прически. Это серьги и височные кольца. Основная форма этих артефактов – кольцо с дополнительными элементами или без них. Простейшее украшение такого рода – проволочное кольцо (или замкнутый контур овальной, трапециевидной формы) с разомкнутыми концами; разновидность его – проволочное или дрововое кольцо, свернутое в несколько оборотов. Усложнение этого украшения – крепление к кольцу одной привески или грузика (подвижное соединение), а также изготовление цельнолитых украшений этого облика (неподвижное соединение). Встречаются и промежуточные формы, например, кольцо с зафиксированной напускной бусиной (полуподвижное соединение). Дальнейшее развитие этого отдела украшений шло по пути количественного усиления дополнительных элементов, в частности напускных бусин (не более трех), крепления цепочек с привесками и т. п. Такие изделия изготавливались из меди, бронзы, серебра и золота.

Эта систематизация не отражает реальную эволюцию данных украшений: все типы бытовали одновременно в XI – начале XIII в., а появление части из них связано с внешними заимствованиями. Ряд украшений этой категории, например, грушевидные (булавовидные) привески, серьги с бусинной вертикальной гирляндой (литые их реплики – серьги т. н. «салтовского типа»), встречавшиеся в IX–X вв. (Казаков, 1992, с. 177, рис. 63, 17–22), полностью исчезают, хотя в Прикамье продолжается их типологическое развитие в XI–XIV вв. Даже популярные у болгар кольца с напускными бусинами имели определенный числовой код: напускных бусин было либо одна, либо три (Казаков, 1991, с. 115, рис. 40, 23–25). Двухбусинных колец практически не известно. Значительный толчок в типобразовании этих украшений произошел в XI в., когда появились золотые трехбусинные височные кольца, а часть височных колец из бронзы и серебра стали делать в подражание им с тремя напускными бусинами (Руденко, 2011, с. 109, рис. 26). Впрочем, и самостоятельный путь эволюции колец с тремя напускными бусинами полностью исключать не стоит.

Особый интерес представляют золотые филигранные *височные трехбусинные подвески с фигуркой птицы и без нее* (рис. 16: 1, 2). На сегодняшний день сохранилось 16 таких изделий с фигуркой птицы и не менее 10 без нее, как целых, так и в фрагментах (Руденко, 2011, с. 28–29, табл. 1). Известны три пары серебряных и электровых

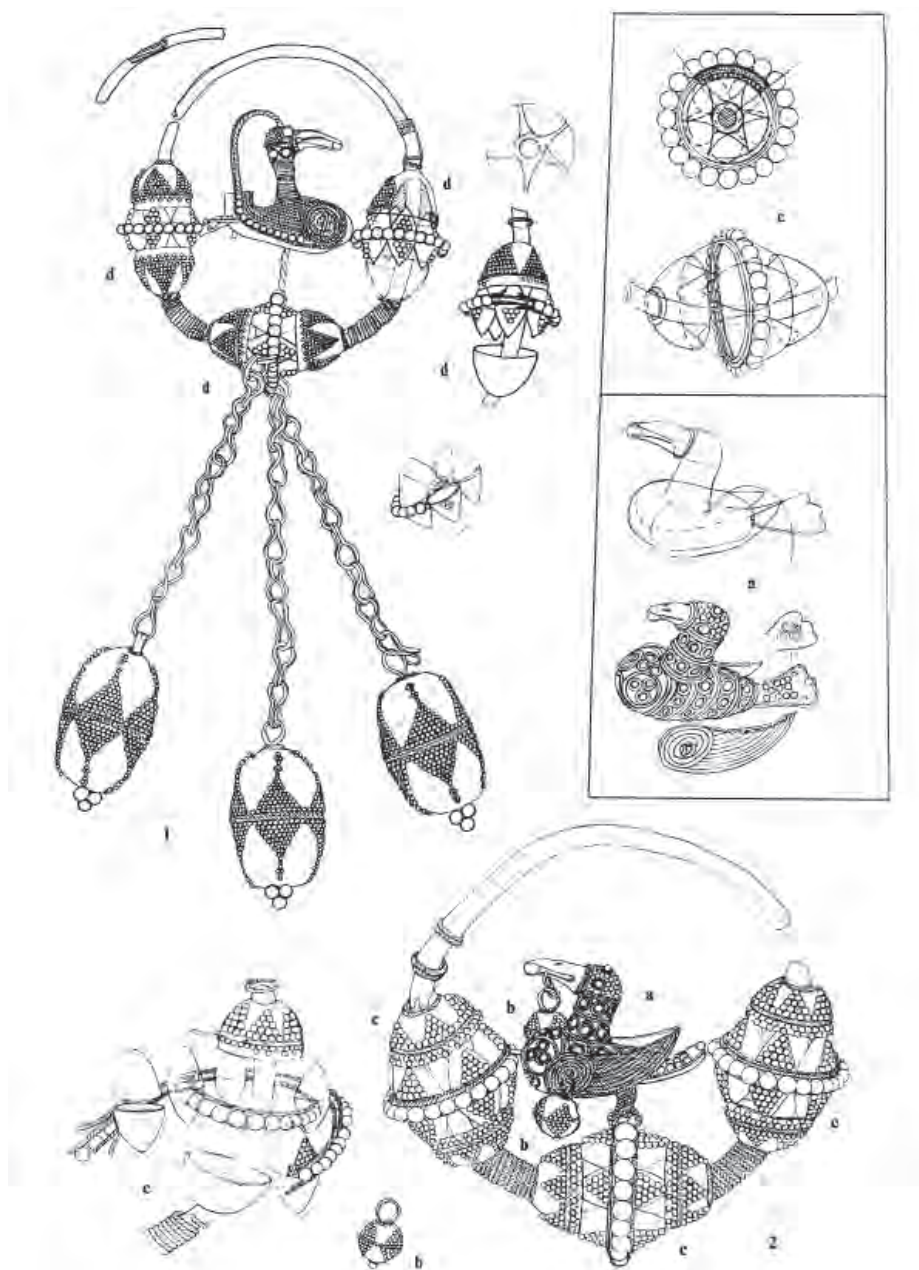

Рис. 16. Золотые височные украшения. Технологическая схема. Составлено К.А. Руденко.

височных филигранных колец (Руденко, 2015, с. 398–399, 401, кат. 143, 144, 147, 148). Причем серебряные филигранные украшения всегда делались без фигуры птицы. Находки филигранных золотых подвесок концентрируются в Западном Закамье – в бассейне р. Малый Черемшан и его притоков (Биларское городище и его округа), а также на притоках Камы (Спасский, Кожяевский, Мокрокурналинский клады) и Волги (Болгарское городище).

Выделяются следующие типы золотых височных украшений.

Тип А-1 (1 экз., Биларское городище) – височное кольцо с гладкими напускными бусинами, без подвесок и фигурки птицы. Средние размеры

4,12×3,3×1,2 см; вес около 7 г. Бусины длиной 1,7 и диаметром 1 см и состоят из двух спаянных половинок, закрепленных сканым пояском с зернью. Между бусинами навита скань.

Тип А-2 (4 экз.; Кожяевский и Спасский клады) – височное кольцо с гладкими напускными бусинами, с колечками для подвесок, без фигурки птицы. Средние размеры 5,5×5,4×1,5 см; вес около 11 г. Бусины длиной 1,8 см и диаметром 1 см и состоят из двух спаянных половинок, закрепленных сканым пояском с зернью. Между бусинами навита скань. На средней бусине сохранились колечки из тонкой гладкой проволоки диаметром 0,1 см, на которых могли крепиться три цепочки (судя по количеству колечек).

Тун В-1 (1 экз.; б. м.) – височное кольцо с двумя гладкими и одной ажурной напускными бусинами, без подвесок и фигурки птицы. Размеры 4,5×4,4×1,4 см. Две бусины длиной 1,7 и диаметром 1 см состоят из двух спаянных половинок, закрепленных сканым пояском с зернью. Средняя бусина также состоит из двух половинок, но они соединены пятью миниатюрными биконическими элементами. Между бусинами навита скань.

Тун В-1 (1 экз.; Болгарское городище?). Височное кольцо с ажурными напускными бусинами, без подвесок и фигурки птицы. Размеры 4×3,3×1,2 см, напускные бусины длиной 1,7 и диаметром 1,3 см состоят из двух половинок, соединенных пятью миниатюрными биконическими элементами. Между бусинами навита скань.

Тун В-2 (5 экз.; Болгарское городище, Сабакайский клад). Височные кольца с ажурными напускными бусинами, с подвесками, без фигурки птицы. Средние размеры: 4,5×3,3×1,5 см. Напускные бусины длиной 1,7 и диаметром около 1 см состоят из двух половинок, соединенных пятью миниатюрными биконическими элементами. К нижней бусине на трех цепочках из трех звеньев прикреплены крупные привески (2×1,2 см) подцилиндрической формы с зерновым декором.

Тун В-3 (7 экз.; клады: Мокрокурналинский, Спасский; городища: Болгарское, Билярское; находка у с. Никитское (Пермский край); рис. 16: 1). Височные кольца с ажурными напускными бусинами, с подвесками и фигуркой птицы. Общие размеры: длина с подвесками – 12,5 см, кольцо диаметром около 4,3 см; вес около 25 г. Напускные бусины длиной 1,7 и диаметром 1 см состоят из двух половинок, соединенных пятью миниатюрными биконическими элементами. Между бусинами навита скань. К нижней напускной бусине прикреплялись золотые цепочки, составленные из восьми звеньев восьмеркообразной формы, на концах которых крепились полые бусины-привески из золотой фольги, украшенные ромбиками зерни. В центре кольца размещена фигурка птицы, украшенная привесками. От головы к хвосту птички прикреплена «косичка» – трехгранный жгутик, свитый из трех проволочек.

Тун В-4 (2 экз.; округа Билярского городища; рис. 16: 2). Трехбусинные височные кольца с ажурными напускными бусинами, с отверстиями для подвесок, с фигуркой птицы. Размеры подвески: 7,1×7,2 см, вес – 102 г. Длина напускных бусин 2,8 см, диаметр 2,2 см. На нижней бусине в средней части в кольце из зерни имеются три сквозных отверстия. В середине кольца находится фигурка птицы. Шея украшена двумя рядами сканых колечек. Крылья птицы сделаны в форме неправильного полумесяца. Особенностью этого типа является

то, что они, в отличие от всех других, полностью, включая и кольцо, сделаны из золота высокой пробы 999, имеют большие размеры и соответственно вес. Фигура птицы (2,7×2,4 см) имеет некоторые отличия. Рассмотрим ее подробнее. Тулово птицы размером 1,8×0,8 см имеет полую каплевидную основу из золотой фольги. Грудка птицы отделена от остальной части тулова сканым шнурком. Внизу ее помещено колечко скани диаметром 0,5 см с тремя колечками внутри, составленными треугольником основанием вверх. Вверху – два сканых колечка такого же размера. Пространство между ними заполнено мелкими колечками скани, сгруппированными по три. Само тулово украшено четырьмя поясками колечек, разделенных проволочками. Для придания ажурности в сканых кружочках были просверлены дырочки. К бокам тулова припаяны крылья. Форма изначальной заготовки сделана в форме неправильного полумесяца из золотой фольги. Украшены крылья с левого края спиралью скани диаметром 0,7 см, конец которой идет по нижнему краю крыла. В центре спирали – колечко для подвешивания подвески (имеются с обеих сторон). Шейка птички в виде конуса разделена скаными веревочками (по две) на два отдела, заполненных скаными колечками, в нижнем ряду – 7, в верхнем – 6.

Головка птицы (рис. 16: 2а) покрыта зернью диаметром 0,01 см. Глаза сделаны из сканых кружочков с зерновым шариком в центре. Клюв, спаянный из двух половинок, выполнен из фольги и в основании окаймлен сканой проволочкой. Вверху клюва – два отверстия. В клюве с краю находится шарик. За шариком помещена проволочка, на которой прикреплена шаровидная подвеска. Хвост (0,8×0,7 см) подтреугольных очертаний с фигурным окончанием окаймлен веревочкой. По каждому «отделу» хвоста напаяны по четыре шарика зерни. Причем в двух отделах просверлены круглые отверстия диаметром 0,1 см для подвесок (?); на обратной стороне хвоста – треугольник сканых колечек, в основании которого припаян шарик зерни. Подвески в виде шарика прикреплены цепочками сбоку, на крыле и в клюве. Они полые, диаметром 0,7 см. Посередине подвески идет сканный шнурок, сверху и снизу от него напаяно четыре равнобедренных треугольника зерни – по пять с каждой стороны. В основании подвески – один крупный шарик зерни.

В украшении этого изделия использована зернь диаметром от 0,01 мм до 2 мм, а также сканая проволока, как правило, свитая из двух проволочек. Зернь закреплена большим количеством припоя, в результате чего декоративные элементы смотрятся почти сплошными. Всего на изготовление украшения ушло не менее 1 686 шариков зерни. Наи-

большее их количество приходится на напускные бусины – 448 на каждую, а на три – 1344 штуки. На украшение птички и подвесных бусин ушло существенно меньшее количество зерни – 100 и 121 соответственно. Сканный узор преобладает на фигурке птички. Надо сказать, что на других золотых болгарских изделиях такого рода на одну напускную бусину уходило от 316 до 553 шариков зерни.

Учитывая детали выделенных типов, можно предполагать, что изготавливались такие украшения ювелирами нескольких школ. Отличительной манерой первой (А) школы было использование очень мелкой зерни в декоре височных колец и изготовление напускных бусин вытянутых пропорций. Фигурки птицы изображаются с нарушением пропорций и своеобразной формой крыла. В ассортименте ее продукции входили также ожерелья из медальонов с зерновым узором и полусферами со скано-зерновым узором, а также ожерелья из желудевидных бусин-привесок (Руденко, 2011, с. 134, рис. 1, 2, 3). Близки изделиям этой школы украшения из Жигулевского клада (Руденко, 2011, кат. 26, 27). Отличает их только наличие двух поясков на шее птицы.

Ювелиры второй (Б) школы использовали более крупную зернь и специализировались на филигранных птичках правильных пропорций с одним пояском сканных колечек в верхней части шейки. Этот же признак сближает вышеописанные изделия с работами мастеров третьей (В) школы, которые, будучи более последовательными в соблюдении пропорций, использовали более сложную композицию в декоре птицы, украсив ее шею двумя поясками сканных кружочков – сверху и снизу. Кроме того, для этой школы характерно изготовление шаровидных по форме привесок у птичек⁴.

Сложнее определить принадлежность к какой-либо школе или направлению ювелиров, производивших височные кольца с гладкими бусинами. Изготовить их можно было и без тонкого знания технологии гранулирования, пайки и т. п. высокопрофессиональных приемов. Тем не менее и здесь есть определенные особенности, которые позволяют предполагать работу нескольких ювелиров. Об этом свидетельствуют прежде всего матрицы, в которых штамповались заготовки для напускных бусин и которыми мастера пользовались индивидуально. Полученные в них полусферы отличались по форме, что определяло и общий облик готового изделия.

Первые – кольца с бусинами бочонковидной формы, получившиеся из двух частей со сфериче-

ским верхом и ровными боковыми сторонами. Бусины спаяны встык, а шов замаскирован сканью с зернью и без нее. Вторые – кольца с бусинами желудевидной формы с расширяющимися к середине половинками верхней и нижней части. Связь первых изделий с основными мастерами классической школы очевидна, например, по форме бусин, поскольку именно такой формы бусины использовались в привесках и ожерельях. Очевидно, что бусины с прямыми стенками были более удобны для укладки зерни.

Крупная золотая подвеска (тип В-4), очевидно, была сделана специально, скорее всего, из самородного золота силами нескольких ювелиров, работавших в одной манере, в рамках одной школы. По какой-то причине ювелиры отказались от обычной формы крыла и окантовки из зерни. Датируются эти украшения XI–XII вв.

Болгары изготавливали и серебряные трехбусинные височные кольца без зерни, только со сканным пояском (Бутаевский клад). Датируются они XII–XIII в. (Руденко, 2015, с. 395–397, кат. 139–142).

Шейно-нагрудные украшения представлены гривнами и ожерельями с привесками (рис. 17). Гривны медные и бронзовые дровитые (рис. 17: 1) и пластинчатые единичны и представлены несколькими находками X в. из муромского погребения Танкеевского могильника (Казаков, 1992, с. 317, рис. 107, 18) и одной серебряной гривной глазовского типа (рис. 17: 2) без точного места находки (Руденко, 2015, с. 438, кат. 229).

Значительно больше серебряных плетеных проволочных гривен (рис. 17: 3–6). Они относятся к шестипроволочным, сплетенным из трех пар перекрученных между собой серебряных проволок, причем каждая пара – это сложенная пополам одна гладкая проволока диаметром в сечении 1,5–2 мм. Основа гривны – плетеная ажурная конструкция, постепенно сужающаяся к окончаниям за счет уплотнения плетения, а ближе к окончанию – ковки. На каждый из ее кончиков, скованных в сплошной стерженек и иногда дополнительно пропаянных, надевался конический колпачок, сделанный из тонкой серебряной пластины. Колпачок изготавливался так: один конец пластины расковывался, и из этой более тонкой ее части сворачивалась узкая и длинная воронка. Длина последней была такой, чтобы полностью закрыть окончания плетеной конструкции, а диаметр основания должен был соответствовать толщине сечения стерженька – окончания гривны. Верхняя же половина пластины сковывалась в тонкий стержень квадратного сечения, окончание которого было загнуто крючком. Эти два крючка на концах гривны образовывали ее замбк.

⁴Подробнее: Руденко, 2011, с. 65.

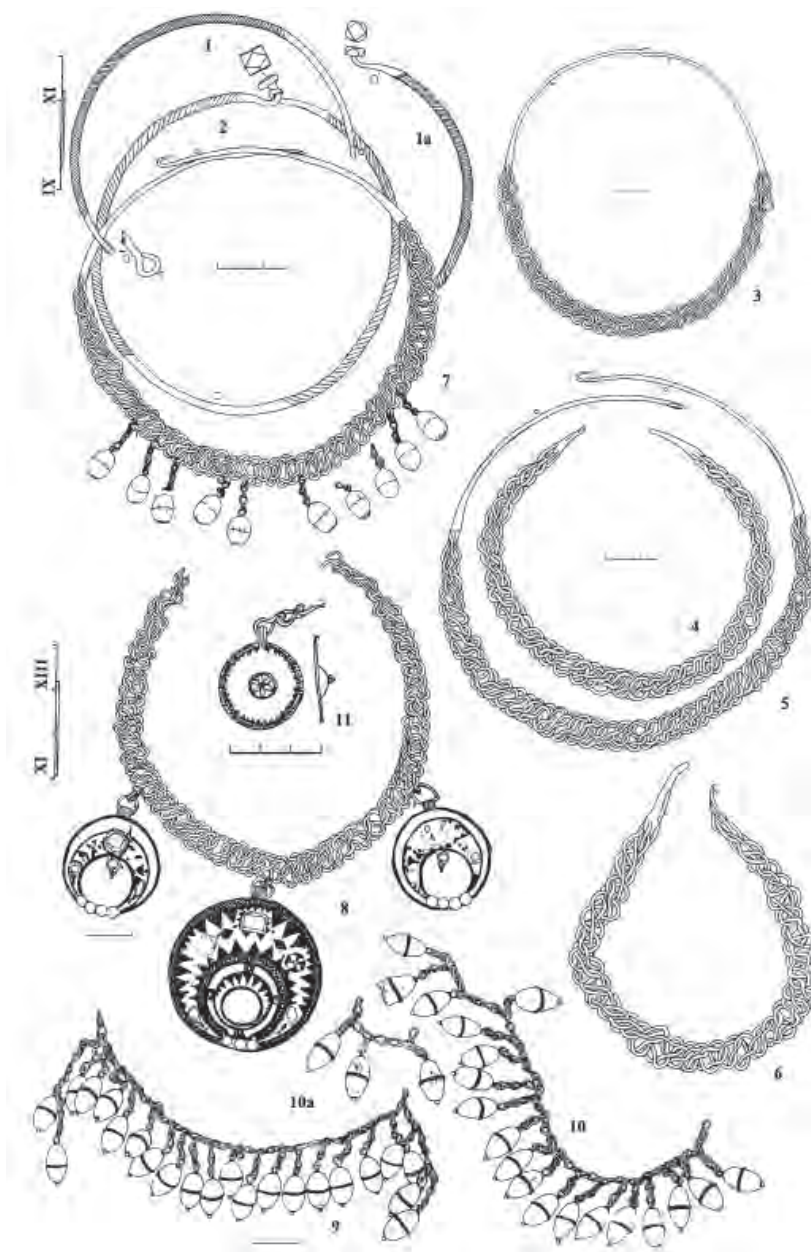

Рис. 17. Серебряные шейно-нагрудные украшения.
1–8 – гривны; 9–10: цепочки; 11 – подвеска-медальон

Дополнительные декоративные элементы на известных нам экземплярах чаще всего отсутствуют. Подчеркнем, что техника изготовления гривен – ажурное плетение из трех скрученных попарно проволок, как и конструкция замка, у болгарских изделий везде одинакова. Размер болгарских гривен следующий: крупных – до 25 см (в среднем 24–27×26–30 см), небольших – до 18 см (18×16×2 см) в диаметре. При этом они обнаруживают устойчивый весовой стандарт ($m = 181\text{--}186$ и $160\text{--}165$ г), что позволяет предполагать их использование и в качестве платежного средства.

Болгарские гривны очень стандартизированы, при этом дополнительные украшения к ним

(привески) встречены только в двух случаях. Это гривны из Именьковского и Рождественского кладов с подвешенными к ним на небольших цепочках бубенчиками желудевидной формы (рис. 17: 7) (Руденко, 2015, с. 445, 447, кат. 246, 249). Судя по составу этих кладов, такие изделия датируются второй половиной или концом XII – началом XIII в.

Известно еще два изделия с привесками в виде лунниц – плоских прорезных дисков, украшенных вставками, зернью и сканью. Первая из них – плетеная гривна с подвесками-лунницами из случайных находок у г. Чистополя в Татарстане (рис. 3: 8), опубликованная О.С. Хованской (1958, с. 239–243). Происхождение второй гривны с подвеска-

ми из коллекции Фонда Ш. Марджани (г. Москва) неизвестно (Руденко, 2016, с. 411–413, кат. 332). Сохранность ее существенно лучше, чем джукетасской: цел замък, привески и большая часть декора лунниц, хотя края двух из них обломаны. Эта гривна, помимо лунниц, украшена серебряными монетами-подвесками XI в.

Общие параметры изделий очень близки: диаметр их 27–30 см, ширина плетения 1,7–2,2 см; диаметр подвесок-лунниц 6,2–6,7–7 см и 9–9,7 см. Совпадает как конструкция больших (центральных или средних) подвесок-лунниц, так и их общий дизайн (скано-зерневая техника орнамента, вставки). Кроме того, в орнаментах использована зернь на колечках: гранулы зерни на узорах крепятся к основе с помощью мелких колечек скани и припопя.

Основу рассмотренных изделий составляют стандартные болгарские шейно-нагрудные украшения – плетеные шестипроволочные гривны, производившиеся со второй половины XI в. Если принимать во внимание монеты-привески, то по крайней мере одно из них было изготовлено в это время. Лунницы-подвески в продукции болгарских ювелиров появились в самом конце XI–XII в. и, соответственно, не ранее этого времени украсили данные гривны. Можно считать, что окончательный вид с подвесками-лунницами и другими аксессуарами они приобрели в XII в. Эту дату подтверждает и использование в оформлении лунниц сердоликовых бусин и фрагментов керамики, даже если это и стало результатом ремонта и «возмещения» утрат. Общая композиция украшений, состоящая из трех подвесок, по имеющимся аналогиям также указывает на XII в.

Судя по идентичности конструкции, единству стилового оформления подвесок на гривне из Фонда Марджани, как и отсутствию вставок из сердоликовых бусин, ее можно считать более ранней по сравнению с чистопольской и датировать концом XI – началом XII в. Изготовил ее в первоначальном виде мастер, работавший в Волжской Болгарии, хорошо знакомый с технологиями ближневосточных или византийских ювелиров. Обновление гривны (золочение, замена привесок), видимо, произошло в конце XII – начале XIII в.

Чистопольская гривна, скорее всего, изначально не имела никаких подвесок и в первой половине – середине XII в. обрела сначала одну центральную подвеску-лунницу (практически той же конструкции, что и на гривне из Фонда Ш. Марджани), а затем и еще две боковые. Окончательно ее композиция сложилась ближе к концу XII – началу XIII в. Медных гривен не известно.

Декоративные цепочки имеют привески в виде круглых медальонов, украшенных сканью, зернью и полусферами (рис. 17: 11), а также желудевидными бусинами-привесками, декорированными зернью, как у височных филигранных подвесок.

Можно рассматривать два типа золотых цепочек с привесками:

Тип А-1 (3 экз.: Спасский клад 1869 г. – 1 экз., Жигулевский клад – 2 экз.) Золотая цепочка из восьмерковидных звеньев с прикрепленными золотыми привесками-медальонами. Аналогичная золотая привеска найдена в Спасском районе РТ в 1999 г. Вес каждой привески 1,43 г;

Тип А-2 (1 экз.: Спасский клад, 1869 г.) Золотая цепочка из восьмерковидных звеньев с золотыми желудевидными привесками. Датируются эти типы XII – началом XIII в.

В отдельный тип выделяются серебряные цепочки тоже с бусами-привесками, но иной формы (рис. 17: 9, 10). Две таких находки происходят из Бутаевского клада XII–XIII в. и одна из Билярского городища (Руденко, 2015, с. 209–212).

Тип Б-1 (4 экз.: Бутаевский, Староальметьевский клад). Две серебряные цепочки 41 см длиной, к которой прикреплены подвески в форме желудей, по 21–22 штук на каждой. Датируются XII–XIII вв.

Тип Б-2 (1 экз.: Билярское городище). Цепочка с полыми бусинами, украшенными сканью и зернью (Руденко, 2015, с. 211, ил. 354–356).

Отдельно следует рассматривать нагрудную прорезную пластину с цепочками и привесками – желудевидными бусинами из Жигулевского клада (Руденко, 2015, с. 209, ил. 351).

К числу нагрудных украшений относится филактерий – коранница-капторга (1 экз.: Спасский клад, 1869 г.). Высота ее 6,2 см, ширина 6,6 см; длина цепи 78,3 см. Он выполнен в виде серебряной плоской прямоугольной коробочки с двумя ушками-петлями и цепочкой для подвешивания. Корпус сделан из тонкой пластины, согнутой пополам и соединенной внахлест в верхней части, со стороны петель. Футляр открывался с торцевой стороны; вторая сторона была наглухо закрыта узкой пластиной. Поверхность изделия с обеих сторон декорирована черным рисунком. В центре его в прямоугольной рамке имеется арабская куфическая надпись «Царство», вероятно, начало религиозной формулы «Царство у Аллаха». Надпись обрамлена широким поясом из стилизованного орнамента. Датируется XII – началом XIII в.

Коробочка-подвеска из серебра (6 экз.: Билярское и Болгарское городища). Прямоугольная коробочка с петелькой в верхней части (длина в среднем 1,6 см, ширина 1,8 см, толщина 0,5 см)

(Руденко, 2015, с. 72). Изготовлена из узкой полоски серебра шириной 1,8 см, согнутой на шаблоне. Края спаяны, боковые стороны открыты. С обеих сторон имеются гравированные рисунки на зачерненном фоне. Датируются коробочки концом XII – началом XIII в.

Литые бронзовые украшения, крепившиеся к одежде в районе груди или к косам представлены шумящими изделиями с прямоугольными, арочными, дисковидными, треугольными или биконьковыми щитками с длинными цепочками, оканчивавшимися привесками в виде утиных лапок, бубенчиков или «бутылочек». Такие поделки имеются в погребальном инвентаре Танкеевского могильника (Казаков, 1992, с. 179, рис. 64) и встречаются в более поздних формах на Болгарском и Билярском городищах (Руденко, 2007, с. 112–124). Рассмотренные выше шумящие украшения типичны для финского населения Среднего Поволжья и Прикамья и являются маркером традиционных региональных культурных традиций в болгарском ремесле. Такие украшения, как правило, отливались по восковой модели с потерей формы, что выделяет их из массива болгарских украшений массового производства, производившихся в литейных формах или штампованных.

Помимо шумящих подвесок с IX в. в болгарских древностях встречаются и другие типы бронзовых и медных подвесок, которые использовались для разных целей: в ожерельях, нагрудниках, на поясе, дополнять украшения головного убора или наконечники. Типы их разнообразны, но с середины X в. основная масса украшений такого рода выходит из обращения, и появляются орнаментированные подвески грушевидной формы, бубенчики с крестовидной прорезью, бытовавшие и в XI в.

Поясные накладки. Пояса с бронзовыми или серебряными пряжками и концевыми ремешками украшались бронзовыми и серебряными накладками. Техника изготовления последних была разной: часть из них отливалась в формах, другие отливалась по оттискам с готовых изделий в оплке, а небольшая группа изделий отштамповывалась в специальных матрицах с двумя негативами (Руденко, 2001, с. 180–188). Следуя восточноевропейской моде, болгарские наборные пояса IX–X вв. были украшены несколькими концевыми ремешками, в дополнение к которым прилагался имитационный (декоративный) ремень с накладками.

Типология накладок подробно разработана Е.П. Казаковым. Он разделил их на 18 видов, которые, в свою очередь, членятся по наличию или отсутствию прорезей на две разновидности – А и Б, по совокупности более мелких деталей (на-

пример, наличия или отсутствия орнамента) выделены типы (Казаков, 1992, с. 161–168, рис. 60). Во второй половине X–XI вв. типологический ассортимент поясных накладок меняется, только немногие имеют сходство с накладками предшествующего времени (Казаков, 1991, с. 129–140, рис. 44). К началу XII в. значительная часть бронзовых и медных накладок сменяется железными накладками, которые бытуют до конца этого столетия и встречаются в начале XIII в.

В IX в., но особенно в XI–XII вв., в костюме болгар используются *пронизки* разных типов: бочонковидные прорезные, Ф-видные с боковыми колечками и привесками в виде утиных лапок или бубенчиков, многочастные цилиндрические; с XII в. распространяются плоские и объемные привески и пронизки в виде петушков и уток.

Булавки-заколки из серебра (8 экз.: Рождественское селище, Болгарское городище) – в виде иглы с полусферической головкой, украшенной в основании сканью и пирамидками зерни. Длина 5,6 см, диаметр основания головки – 1,1 см, высота ее – 1,1 см. Один или несколько шариков зерни помещались на вершине полусферы. На некоторых изделиях центральный шарик закреплен на сканом колечке. Датируются XIII–XIV вв.

Перстни – довольно распространенная категория изделий на болгарских памятниках. Для IX–X вв., судя по материалам Танкеевского могильника, характерны четыре вида этих изделий, изготовленных из сплава цветного металла. Это литые «лапчатые» перстни со вставками из стекла или поделочных камней (55%); с припаянным щитком на полый шинке (16%), пластинчатые, ромбовидные (1%) и проволочные (2%). Из них два последних вида являются бесщитковыми и типичны для поволжских финнов VIII–XI вв. (Казаков, 1992, с. 172, рис. 61). В X–XI вв. входят в употребление литые «рубчатые» перстни, широко распространенные в Восточной Европе в этот период. Перстень с шарнирным соединением щитка и шинки, сделанный из золота, является привозным, впрочем, как и большая часть «лапчатых» перстней со вставками.

В конце X–XI вв. распространение получают пластинчатые перстни и кольца из металлической полоски одинаковой ширины с простым геометрическим орнаментом или вовсе без декора. К XII – началу XIII в. относятся такие изделия с орнаментом в виде плетенки или ромбов (Казаков, 1991, с. 125). Известны проволочные перстни, а также пластинчатые срединнощитковые перстни, украшенные гравированным рисунком из ромбов и мелких кружочков (Казаков, 1991, рис. 33–23).

Более разнообразными в XI–XII вв. становятся перстни с припаянным щитком или же с шатоном,

хотя в целом их известно не особенно много. Те из них, которые декорированы с помощью скани и зерни, выполнены из серебра. К основным типам последних относятся следующие изделия⁵.

Перстень (1 экз., Билярское городище) пластинчатый с объемным в виде полусферы щитком из фольги, припаянной к круглой основе, диаметром 1,2 см. По стыку напаяна зернь диаметром 0,1 см. С трех сторон полусферу украшали пирамидки зерни из 10 шариков (треугольник со сторонами из четырех зерен). Между пирамидками напаяны разомкнутые колечки из гладкой проволоки. Завершает полусферу шарик зерни диаметром 0,5 см. Диаметр шинки 2,2 см. Общие размеры: 3×2,3×1,2 см.

Перстни (4 экз., Билярское, Болгарское городища) пластинчатые с шатонами. Сложные шинки припаяны двумя раскованными концами к основе шатона. На внешней поверхности шинки нанесены рельефные или гравированные рисунки. Различается способ оформления шатона. По форме различаются следующие варианты:

Вариант 1. Перстни (3 экз., Билярское городище) с квадратным кастом (1,5×1,5 см и высотой 0,5 см). Первый перстень 2,1×2,4×1,65 см со вставкой из янтаря. На основу каста наложена двойная сканая проволочка, сплетенная «косичкой». На воротничок основы напаяна крупная зернь диаметром 0,2 см. Для прочности края воротничка вмяты между шариками. Между крупной зернью помещены мелкие шарики диаметром 0,1 см.

Второй перстень со вставкой из сердолика (1,5×1,85 см). В отличие от предыдущих, здесь нет сканых узоров, а крупная зернь (0,2 см) сгруппирована в пирамидки по три зерна, верхние из которых чуть меньше размером – 0,15 см. Третий перстень со вставкой из прозрачного стекла с подложкой (1,25×1,4×0,6 см). По периметру основы напаяна зернь диаметром 0,2 см на шинке, на месте крепления к касту напаяны пирамидки зерни диаметром 0,1 см (5×4 зерна).

Вариант 2 (1 экз., Билярское городище) с круглым кастом и вставкой из стекла бирюзового цвета. Размеры перстня – 2,7×2,3×1,8 см. В отличие от предыдущих перстней сканая проволочка напаяна в верхней части каста. Основание (воротничок) занято 17 шариками зерни диаметром 0,2 см, края основы промяты для прочности крепления.

Лучше всех и представительнее серебряные перстни с черневым декором. Коллекция их на сегодняшний день насчитывает более 50 экземпляров. Большая их часть происходит из Билярского городища и кладов. Все перстни являются пластинчатыми широкосрединными с замкнуты-

ми концами. Изготовлены они из серебра ковкой. Диаметр их 1,8–2,3 см, размеры щитка в среднем 1,6×2 см. Они стандартны по параметрам: вес их колеблется в пределах 2,3–4,3 г; проба серебра в большинстве случаев 925; лигатура составляет 2,51–4.

Инструмент мастера, изготавливавший черные перстни, не отличался чем-то принципиально от инструментария других ювелиров. Это молотки, наковаленки, ножницы, зубильца и резцы (Полякова, 1996, с. 166, 167).

Перстни делались двумя способами. В первом случае бралась серебряная пластина толщиной 0,15–0,2 см, шириной не менее 1,7–2 см и длиной около 7–8 см. Скорее всего, по шаблону вырезалась (или вырубались зубильцем) заготовка: щиток и будущая шинка (развертка). Вследствие этого на готовом изделии образовывались небольшие заусенцы, хорошо заметные, если последующая обработка напильником готового изделия была не очень тщательной. Затем на пластичной «подушке»-наковальне формовалось само изделие. При этом щиток чуть выгибался наружу. Доводка проводилась на металлической наковаленке или (что более вероятно) на оправке с квадратной верхней поверхностью. На ней загибались вниз длинные вырезанные концы, и в результате этого на внутренней поверхности перстня образовывался хорошо заметный переход от щитка к шинке.

Второй способ предполагал изготовление перстня из дрота квадратного или прямоугольного сечения, отрубленного на нужную длину с учетом напуска (до 10 мм) по ширине, близкой к максимальной ширине будущего щитка. Концы заготовки вальцевались. Затем на подкладке из свинца (?) с желобком или выемкой, размер которой был больше щитка, специальной оправкой проводилась первичная формовка щитка, а затем его доводка на наковальне (судя по следам на обратной стороне изделий) чеканами или молоточками-чеканами с узкой рабочей частью. Ширина рабочей части этого инструмента 1,5–0,2, длина – 0,4–0,5 см. Удары молоточком или чеканом наносились изнутри от центра к краям щитка. Шинка перстня запаивалась. При этом тонко прокованные концы ее заводились внахлест друг на друга, и затем соединение пропаивалось серебряным (?) припоем. Внутренняя поверхность перстня обрабатывалась мелким напильником и подполировывалась уже после пайки шинки. Внешняя поверхность украшалась черневым рисунком. Следы позолоты заметны на трех перстнях.

В основу типологии болгарских перстней с чернью была положена разработанная классификация перстней Т.И. Макаровой по материалам Древней Руси (Макарова, 1986, с. 39). За основу типологи-

⁵ Подробное описание и типологию см.: Руденко, 2015, с. 160–175.

ческой систематизации была взята форма щитка: круглый (1); прямоугольный или квадратный (2); шестиугольный (3); подовальный (4)*⁶.

Тун 1. Перстень с круглым щитком (1 экз., рис. 18: 45).

Вариант 1.1 (рис. 18: 45; 1 экз., Болгарское городище). Диаметр щитка 1,4 см. Шинка диаметром снаружи 2 см, внутри 1,7 см. Рисунок – раппорт бордюра с лозой. Фон гладкий, чернь на нем сохранилась небольшим пятнышком. Аналогии ему есть на древнерусских черненых изделиях: перстнях и обруче (Макарова, 1986, рис. 15: № 52, 53; рис. 40, № 229; рис. 15, № 62). С боковой стороны изделия имеется пятнышко черни. Перстень имеет золотистый цвет, что, видимо, явилось следствием золочения или того, что он изготовлен из сплава с содержанием меди. Датируется XII – началом XIII в.

Тун 2. Перстни с квадратным (прямоугольным) щитком (7 экз.; рис. 18: 3, 4, 17, 21, 24, 25, 26; 16: 1).

Представлены несколькими вариантами:

Вариант 2.1 (рис. 18: 26; 1 экз.; Мурзихинское селище). Перстень с прямоугольным щитком 1,5×1,8 см, с рисунком в виде двух переплетенных «сердечек» (так называемый «узел счастья»). Мотив «плетенки» встречается на древнерусских материалах домонгольского времени (Макарова, 1986, рис. 28, 2). Датируется XI–XIII вв.

Вариант 2.2 (рис. 18: 25; 1 экз.; Мурзихинское селище). Перстень с квадратным щитком 1,5×1,5 см, с рисунком из переплетенных геометрических фигур в виде диагонального креста. Рисунок окаймлен тонкой линией по периметру щитка. Он нанесен тонким резцом, фактически процарапан. Фон гладкий. Следы черни заметны только в углублениях рисунка. К этому типу относится и перстень с Болгарского городища. Датировать этот тип перстней может XI – началом XIII вв.

Вариант 2.3 (рис. 18: 24; 1 экз., Болгарское городище). Перстень с квадратным щитком 1,8×1,8×1,9 см с рисунком из раппорта бордюра лозы. Фон на перстне черненный. По периметру щитка сделана линейная окантовка. Аналогии рисунку имеются в русских черненых изделиях (Макарова, 1986, рис. 15: 62, 96). Датируется перстень этого типа XII – началом XIII в.

Вариант 2.4 (рис. 18: 21; 2 экз.; Кожаевский клад 1990 г., Билярское городище). Перстень с квадратным щитком 1,8×1,7×2 см, с рисунком из тонких пересекающихся линий в виде «бабочки», заключенным в линейную рамку, расположенную по периметру щитка. Фон гладкий, черненный. На одной боковой стороне нанесены черные насечки в виде двух уголков из сплошных линий

и пунктиром между ними, а с другой – те же насечки, только в виде полудуг – вогнутой стороной наружу. Изображение на щитке, вероятно, является стилизованным мотивом крина. Время бытования – XII в., время производства – первая – вторая четверть XII в.

Вариант 2.5 (рис. 18: 17; 1 экз.; Билярское городище). Перстень с квадратным щитком 1,5×1,7 см (боковые стороны чуть выпуклые) с изображением геометрической композиции из круга, пересеченного одной линией посередине, в центре которого смыкаются полудуги, идущие из углов щитка. Рисунок обведен тонкой сплошной линией. Пространство между ней и краем щитка украшено наклонными S-видными насечками. Фон гладкий, зачерненный. На левой боковой стороне перстня изображена декоративная «галочка». Этот рисунок, видимо, является стилизацией мотива плетенки, встречающегося, в частности, на древнерусских колтах и браслетах (Макарова, 1986, рис. 19, № 124; рис. 34, № 218). Датируется перстень XI–XII вв.

Вариант 2.6 (рис. 18: 3; 1 экз.; V Семеновское селище). Перстень с квадратным щитком 2,2×1,9 см с изображением птицы. Фигура птицы, развернутая влево, заключена в рамку из сплошных линий по периметру щитка. Тонкими линиями намечен контур тулова, хвост, поднятые вверх крылья, ноги в виде заштрихованных треугольников. Голова изображена схематично. На фон нанесена штриховка; на тулове – имитация оперенья, изображенная чеканными точками. Изображение птицы выполнено по стандартной схеме, характерной для других типов болгарских перстней с таким рисунком (рис. 18: 1, 2) и отличающейся от изображений птиц на русских изделиях с чернью (Макарова, 1986, с. 40, 41, рис. 15: 103, 100; 16: 90; 22: 157, 159). Датируется XI–XIII вв.

Вариант 2.7 (рис. 18: 4, 1 экз., Кожаевский клад 1990 г.). Перстень с прямоугольным щитком 1,8×1,7 см. В центре изображен крин в обрамлении геометризированных ветвей. По краю идет бордюр из S-видных насечек. Фон гладкий, черненный. На боковых сторонах гравированный черненный треугольник. Мотив крина имеет широкое распространение в украшении художественных изделий декоративно-прикладного искусства Древней Руси и Востока. Время бытования – XII в.; время производства – XI – первая – вторая четверть XII в.

Тун 3. Перстни с шестиугольным щитком (27 экз.; рис. 18: 1, 2, 5–16, 18–20, 22, 23; 18а: 27, 28, 46–48, 50, 52, 53) представлены несколькими вариантами:

Вариант 3.1 (рис. 18: 1; 1 экз.; Кожаевский клад 1990 г.). Перстень со щитком 1,8×1,8 см, близ-

⁶ Знаком * отмечены позиции, отсутствующие у Т.И. Макаровой.

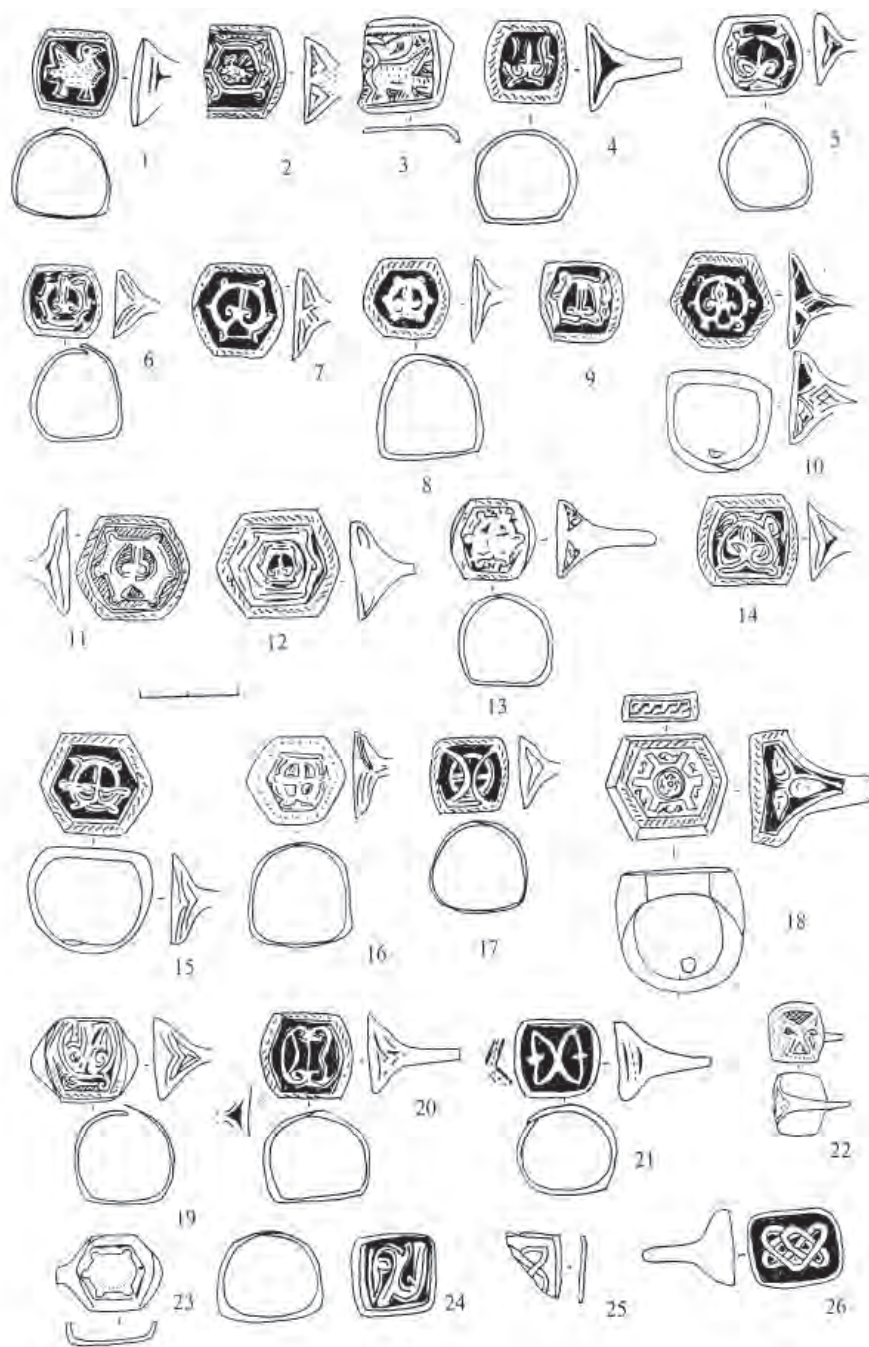

Рис. 18. Серебряные перстни.

1 – тип 3.1; 2 – тип 3.2; 3 – тип 2.6; 4 – тип 2.7; 5–13, 15, 16, 23, 46–48 – тип 3.4; 14 – тип 3.6; 17 – тип 2.5; 18 – тип 3.3; 19 – тип 3.5; 20 – тип 3.7; 21 – тип 2.4; 22 – тип 3.10; 24 – тип 2.3; 25 – тип 2.2; 26 – тип 2.1

кий к шестиугольному, с изображением птицы. Птица изображена в профиль вправо. Рисунок ее выполнен по стандартной схеме: круглая головка с кривым клювом на маленькой шее, поднятые вверх крылья, хвост «веером», «мохнатые» ноги и выпяченная вперед грудка. Оперение передано чеканными точками. Контур передан сплошной линией. Фон гладкий, зачерненный. Сверху и снизу щитка нанесены наклонные насечки. Рисунок обведен сплошной линией. На левой боковой стороне имеются две насечки, заполненные чернью.

Аналогичное изображение имеется на перстне из Болгарского городища. Щиток этого изделия имеет размеры 1,65×1,6 при диаметре шинки 2,1 см (Полякова, 1996, с. 177, рис. 61: 20). Время бытования – XII в., время производства – первая – вторая четверть XII в.

Вариант 3.2 (рис. 18: 2; 3: 1; 1 экз., Билярское городище). Перстень с шестиугольным щитком 1,8×1,9 см, с изображением птицы, вписанной в круг с выступами (венцы). Изображение птицы, несмотря на миниатюрность (размеры изображе-

ния 0,7×0,6 см), выдержано в едином стиле с рисунками на других перстнях (см. тип 3.1). Венец вокруг птицы повторяет шестиугольную форму щитка и имеет шесть выступов. Вся композиция обведена по периметру щитка сплошной линией, которая по внешнему краю имеет S-видные насечки. Фон во внутреннем и во внешнем пространстве выбран, на него нанесена чернь. На левой боковой стороне имеется рисунок из двух равнобедренных треугольников, соединенных основаниями. Пространство между ними заполнено пунктирными штрихами. В треугольниках, видимо, предполагалось изобразить растительные побеги, как это сделано на перстне из Кожаевского клада (рис. 18: 13). Рисунок на боковых сторонах нанесен тонкими сплошными линиями. Датируется перстень XI–XII вв.

Вариант 3.3 (рис. 18: 18; 3, 3; 1 экз., Билярское городище). Перстень с шестиугольным щитком размерами 2,2×2,3 см. Внутренний диаметр шинки 1,8 см, внешний – 2,5 см, общая высота 2,5 см, ширина 2,5 см, толщина щитка 0,4–0,5 см. Гравированный рисунок имеется на щитке и на боковых сторонах. На щитке изображен круг с отходящими от него в разные стороны лучами. В центре изображена вихревая розетка из стилизованных растительных побегов. Стилизованные S-видные побеги (лоза) помещены между «лучами». По периметру щитка идет бордюр из S-видного орнамента, ограниченный с внутренней стороны сплошной линией. Фон выбран и зачернен.

На боковых гранях щитка в рамочках-картушах помещен меандровый орнамент. На боковых сторонах (ширина 0,5 см) – изображение трилистника (рис. 16: 3а). Перстень весьма массивен, хотя изготовлен так же, как и другие изделия. Датируется XI–XII вв.

Вариант 3.4 (рис. 18: 5–13, 15, 16, 23, 46–48, 52, 16 экз.). Найдены на Билярском, Болгарском (рис. 18: 15) городищах, в составе Кожаевского клада 1990 г. (рис. 18: 5, 13; 2 экз.) и на Мурзихинском селище (рис. 18: 52; 1 экз.). Перстни с шестиугольным щитком размерами 1,5–2×1,7–2 см, с рисунком из трилистника (крин), вписанного в круг с выступами («венеч»). Рисунок нанесен сплошной линией (рис. 18: 7, 8) или отдельными штрихами, образующими общий контур (рис. 18: 6, 9, 12). По краю перстней идет бордюр, украшенный S-видными насечками. Толщина щитка 0,2 см. Фон в ряде случаев выбирался или расштриховывался, а иногда оставался гладким, но всегда чернился. На боковых сторонах схематичный рисунок в виде «галочек», треугольников или «шевროнов».

Интересен перстень этого типа с крупным щитком 2,6×2,2 см (рис. 18: 12), где крин вписан

в двойную рамку из кольца с выступами (двойной венец). По краю идет поясик из S-видных насечек. Фон гладкий с чернью. Время бытования – XII в., время производства – XI – первая – вторая четверть XII в.

Вариант 3.5 (рис. 18: 19, 1 экз., Билярское городище). Перстень кованый с шестиугольным щитком⁷ размерами 1,6×1,72 см, с рисунком из двух симметрично расположенных растительных побегов, соединенных у основания. Внешний диаметр шинки 2,15 см, внутренний – 1,8–1,9 см. Рисунок нанесен тонкими линиями и окаймлен рамкой из нескольких тонких полосок. Между ними и краем помещены S-видные насечки. На боковой стороне изображен схематический рисунок в виде треугольника. Чернь практически не заметна. Фон выбран резцом. На поверхности изделия имеются следы позолоты. Датируется перстень XII – началом XIII в.

Вариант 3.6 (рис. 18: 14; 1 экз., Билярское городище). Перстень с шестиугольным щитком 2,1×1,8 см, с рисунком из трилистника (крин), нижние концы которого замыкаются вверху, образуя круг. По краю перстня идет бордюр, украшенный S-видными насечками. Фон гладкий с чернью. На боковых сторонах схематичный рисунок в виде треугольников. Датируется XII – началом XIII в.

Вариант 3.7 (рис. 18: 20; 1 экз., Кожаевский клад 1990 г.) Перстень с шестиугольным щитком 2,2×1,9 см, с рисунком из стилизованных растительных побегов (лозы). Композиция выполнена в зеркальной симметрии. Рисунок обведен тонкой сплошной линией. Пространство между ней и краем щитка заполнено S-видными наклонными насечками. На боковых сторонах имеются изображения треугольников, правое из которых внутри заполнено чернью. Видимо, треугольники первоначально могли означать растительный трилистник как на перстне типа 3.3 (рис. 18: 18), воспроизвести который из-за размеров данного изделия было затруднительно. Промежуточный вариант этого стилизованного мотива прослеживается на перстне типа 3.4 (рис. 18: 10). Время бытования – XII в., время производства – первая – вторая четверть XII в.

Вариант 3.8 (рис. 18а: 27, 28; 2 экз.; Билярское городище). Один перстень штампованный (рис. 18а: 27)⁸, с шестиугольным щитком 1,8×1,5 см, с рисунком из растительных побегов (лозы), разделенных декоративным поясиком, ограниченным сверху и снизу тонкими пунктирными линиями, пространство между которыми заполнено

⁷ Щиток у края чуть треснул при ковке.

⁸ Щиток помят, дужка перстня деформирована. Поверхность изделия покрыта плотной патиной темно-серого цвета.

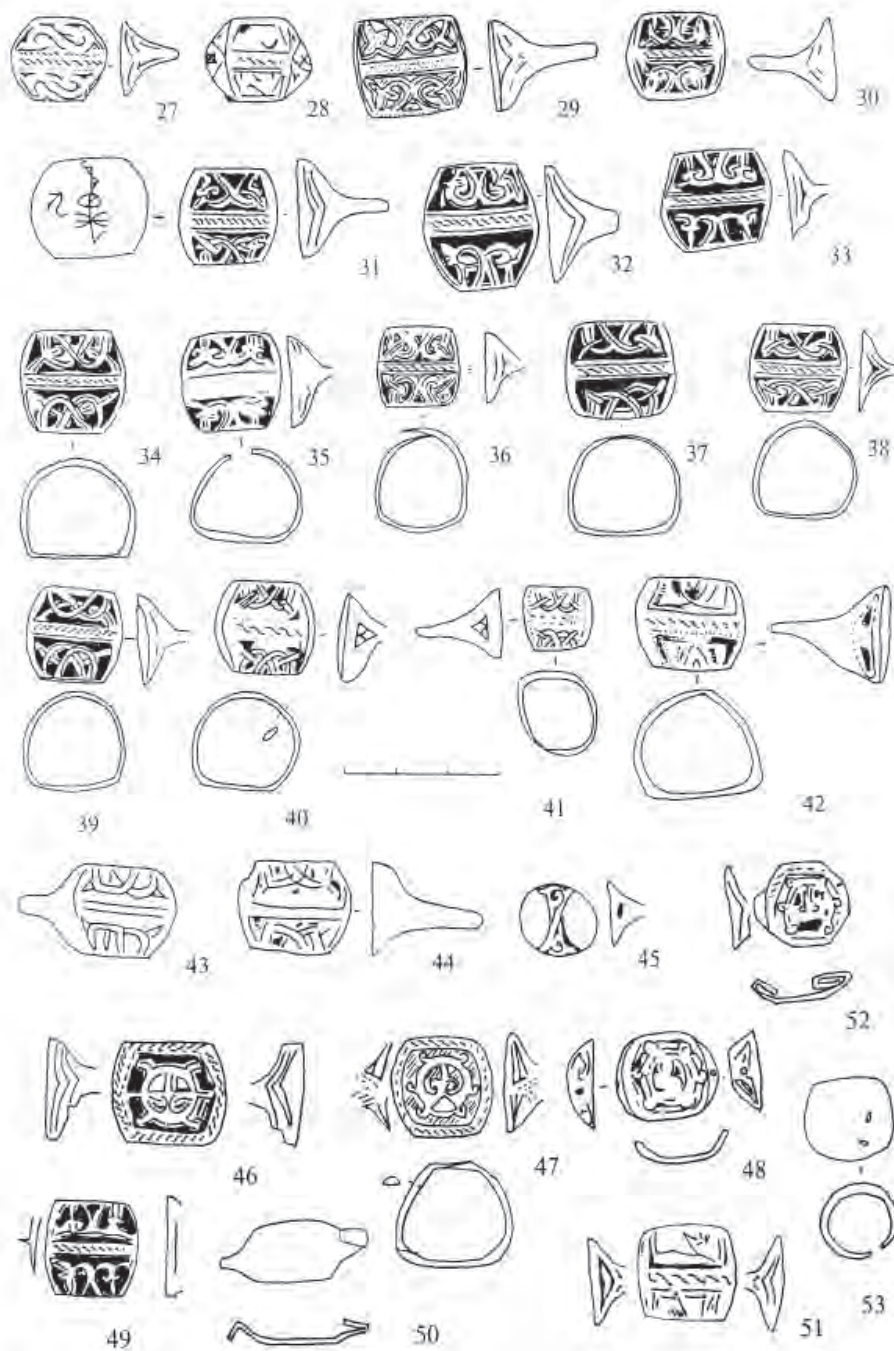

Рис. 18а (продолжение) Серебряные перстни.
 27, 28 – тип 3.8; 29–33, 35, 36, 9 – тип 4.1; 34, 37–41 – тип 4.2; 42–44, 51 – тип 4.3; 45 – тип 1.1;
 50, 53 – тип 3; 52 – тип 3.4

S-видными наклонными насечками (имитация плетенки или веревочного орнамента). Внешний диаметр шинки 2,1 см, внутренний – 1,8–2 см. Чернь на щитке и на боковых сторонах нанесена по контуру рисунка. На боковых сторонах имеется схематичный рисунок в виде отдельных линий, образующих композицию в виде треугольника. Второй перстень (рис. 18а: 28), аналогичный по композиции рисунка и наложению черни, более массивен и, видимо, литой. Шинка его разомкнута

и, скорее всего, не запаивалась. Датируется XII – началом XIII в.

Вариант 3.9 (3 экз., Спасский клад 1869 г. – 1 экз., Сабакайский клад 1870 г. – 2 экз.; см.: Макарова, 1986, с. 43, 129–130, рис. 16: № 67, тип 3.1). Перстни с шестиугольным щитком. В центре изображен крин в обрамлении стилизованных растительных побегов. По краю идет бордюр из S-видных наклонных насечек. Время бытования

– вторая четверть XII – начало XIII в., время изготовления – первая половина XII в.

Вариант 3.10 (рис. 18: 22; 1 экз., V Семеновское селище). Щиток 1,2×1,2 см со стилизованным растительным (?) орнаментом. Датируется по материалам поселения XIII в.

Неопределенные перстни типа 3 (рис. 18а: 50, 53; 2 экз.). На нескольких серебряных перстнях со щитком прямоугольной и подквадратной формы рисунок не сохранился. Не исключено что он мог вообще отсутствовать. Этим изделиям близок золотой перстень без изображений из Билярского клада 1882 г., датированный XII в.

Тип 4. Перстни с овальным щитком (18 экз., рис. 18а: 29–44, 49).

Вариант 4.1 (рис. 18а: 29–33, 35, 36, 49; 8 экз.). Найдены на Билярском городище, и по одному экземпляру – на Болгарском городище (рис. 18а: 32) и Мурзихинском селище (рис. 18а: 29). Перстни с овальным щитком 1,5–2,2×1,5–1,8 см. Внутренний диаметр шинки в среднем 1,6×2 см; внешний – 2,2 см, общая средняя высота изделий 1,8 см, ширина – 2,2 см. На перстне изображение сдвоенных трилистников, симметрично расположенных на плоскости щитка и разделенных по оси симметрии пояском из косых насечек, ограниченным двумя параллельными линиями. Чернь на фон наносилась на заранее подготовленную (рис. 18а: 29, 49) или на гладкую поверхность (рис. 18а: 30, 33; 3: 1). На боковых сторонах большинства перстней этого типа имеется черненный рисунок: слева – парные полосы длиной 1 см, справа – спаренные полосы в виде «галочки». Иногда украшалась одна боковая сторона. За пределами болгарской территории перстни этого типа практически не встречаются. Время бытования – XII–XIII вв., время изготовления – XII в.

Вариант 4.2 (рис. 15: 34, 37–41; 6 экз., Билярское городище, Мурзихинское селище, 1 экз. – рис. 18а: 38). Перстни с овальным щитком; средние размеры 1,7×2,2 см. На щитке рисунок из двух пересекающихся дуг, через которые проходит еще одна дуга. Аналогичный сюжет, но в зеркальной симметрии, расположен в нижней части щитка, отделяясь от верхней части пояском из косых насечек, ограниченным двумя параллельными линиями. Орнамент является геометрической стилизацией растительных мотивов, характерных для изображений на перстнях типа 4.1. На боковых сторонах на двух экземплярах таких перстней, кроме линий и «шевронов»-галочек, имеется рисунок в виде треугольников (рис. 18а: 40, 41). Чернь наносилась как на насеченный, так и на гладкий фон⁹. Время бытования – XII–XIII в., время изготовления – XII в.

Вариант 4.3 (рис. 15: 42–44, 50; 4 экз.). Найдены на Билярском городище (рис. 18а: 44); V Семеновском (рис. 18а: 43) и Мурзихинском (рис. 18а: 42, 51) селищах. Перстни с овальным щитком; средние размеры: 1,7×2,2 см. На щитке рисунок из хаотично нанесенных линий, композиционно повторяющий рисунок типов 4.1 и 4.2. Рисунок нанесен без предварительной разметки линиями разной толщины. Причем мастер выполнял даже одну длинную линию несколькими (как правило, двумя) движениями. Чернь заполняла только прочерченный рисунок. Фон был гладким и, видимо, без черни. Время бытования и изготовления перстней этого типа – XII–XIII в.

Знаки на перстнях. На обратной стороне одного из перстней (рис. 18а: 31) двумя резцами выгравированы знаки. Длинные линии (до 0,4 см) наносились инструментом с узким вытянутым краем, а боковые и изогнутые линии – резцом с заостренным окончанием. Само изображение представляет собой прямую линию с загнутым окончанием с одной стороны. На ней размещены знаки в виде русских букв Ж, О или Э и завершаются они знаком в виде восьмерки. Сбоку находится самостоятельный знак в виде греческой буквы Ψ. Надпись не читается¹⁰.

Дата бытования перстней определяется по вещевымкладам с датирующими вещами, стратиграфии поселений (там, где они найдены в культурном слое), по анализу комплекса материалов с поселений с разрушенным культурным слоем не ранее XI и не позже XIII в. Так, Спасский 1869 г., Сабакайский 1870 г., Кожаевский 1990 г., Именьковский 1962 г., Кашанский (Шуранский) 1889 г., Рождественский 1887 г. клады, где находились черненные перстни, были зарыты в XI – первой половине XIII в. (Руденко, 2001а, с. 324–327).

Можно выделить несколько хронологических групп перстней.

Первая хронологическая группа XI–XII вв. (рис. 17) характеризуется преобладанием в изображениях на перстнях композиций с кринном и птицей: типы 2.2 (табл. 1, № 25), 2.4 (табл. 1, № 21), 2.5 (табл. 1, № 17), 2.7 (табл. 1, № 4), 3.1 (табл. 1, № 1), 3.2 (табл. 1, № 2), 3.3 (табл. 1, № 18), 3.4 (табл. 1, № 5–13, 15, 16, 23, 46–48), 3.7 (табл. 1, № 20), 4.3 (табл. 1, № 52).

Вторая хронологическая группа конца XII–XIII в. (рис. 18) представлена перстнями типа 2.5 (табл. 1, № 3); 1.1 (табл. 1, № 45), 2.3 (табл. 1, № 24), 3.5 (табл. 1, № 19); 3.6 (табл. 1, № 14); 3.8 (табл. 1, № 27), 4.1 (табл. 1, № 28–36, 49), 4.2 (табл. 1, № 37–42) и перстнем со схематичным рисунком (табл. 1, № 22). В этой группе сохраняются

⁹ Там, где это было возможно проследить.

¹⁰ Благодарю И.Л. Кызласова и Т.И. Макарову за консультации по этому вопросу.

особенности изделий предшествующего времени, как в технологии, так и в стилистике изображений. Вместе с тем наблюдается большая схематичность изображения.

Третья хронологическая группа второй половины XIII – начала XIV в. включает в себя перстни типа 4.3 со схематичным рисунком (V Семеновское селище; Биляр) (табл. 1, № 43, 44, 51) и типа 2.1 (табл. 1, № 26).

Можно предполагать, что перстни с чернью изготавливали ювелиры, работавшие в крупных болгарских городах – Биляре и Болгаре, что косвенно подтверждает и география находок этих изделий. Большая часть их сосредотачиваются в центральных районах Болгарского государства, на поселениях, стоявших на торговых путях, связывавших их с крупными городами. За пределы территории Болгарии, ограниченной с севера правобережьем Камы, с юга средним течением Малого Черемшана, с запада Волгой, а с востока бассейном Шешмы, черненые перстни, видимо, широко не распространялись.

Судя по особенностям изобразительного стиля перстней и технологическим приемам их изготовления, было несколько мастерских, специализировавшихся на производстве черневых изделий. При всей схожести рисунков их можно выявить по деталям изображений и специфичным манерами исполнения. Прежде всего это рисунки на боковых сторонах перстней при переходе от щитка к шинке и способ нанесения контура рисунка.

Таким образом, выявленные типы перстней относятся: 1) к разным ювелирным мастерским, существовавшим в одно время; 2) к мастерам разной квалификации, работавшим одновременно; 3) к разновременным центрам (центру).

Можно предположить, что у истоков болгарской черни стояли мастера хазарских нижневолжских центров X в., где применялась техника инкрустации, амальгамирования, чернения (Макарова, 1986, с. 26–29). Не противоречат этому и стилистические особенности накладок поясных наборов хазарского времени, имеющих сходство с рисунками на болгарских черневых перстнях, хотя детального совпадения ведущих орнаментальных сюжетов не наблюдается. Окончательное формирование оригинального болгарского стиля происходит под влиянием художественных традиций крупнейших художественных центров Средневековья – Византии, Руси, Ирана и Средней Азии. Этот своеобразный сплав культурных традиций и дал в конечном итоге тот оригинальный и достаточно стабильный в своих основных сюжетах болгарский художественный канон, ярко проявившийся в черневых изделиях.

Браслеты по поперечному сечению делятся на виды: А – граненые; Б – круглые; В – овальные; Г – пластинчатые; Д – плетеные и витые. Типы выделяются по деталям изделий. В IX–X вв. преобладают (26%) браслеты граненые, чаще всего восьмигранные с циркульным орнаментом и даже с шатоном (Казаков, 1992, с. 173, рис. 62, 3; Хузин, 1995, с. 206, рис. 38, 19). Встречаются также единичные экземпляры четырех- и трехгранных браслетов (1,4–2,8%). Этот вид браслетов изредка встречается в XI в. и исчезает из употребления в течение этого столетия. Их производство прекратилось, видимо, в конце X в. Некоторой заменой им стали браслеты ромбического и треугольного сечения, встречающиеся в древностях XI – начала XIII в. Они почти все без орнамента, лишь на нескольких экземплярах имеются насечки.

Браслеты овального сечения (вид В) – вторая по распространенности категория браслетов этого времени (17,4%). Они изготовлены литьем; окончания их отогнуты наружу в виде буквы «Г», обрублены или расплющены. Сопоставимы с ними по количеству браслеты круглого сечения (вид Б) (14,4%). Чаще всего они не орнаментированы, некоторые тордированы. На двух браслетах имеются шатоны. Один браслет сделан из гривны «глазовского типа».

В XI–XII вв. эти виды изделий становятся основными. Больше всего неорнаментированных браслетов вида «Б» с разомкнутыми или заходящими друг за друга окончаниями. В отличие от предшествующей эпохи они, как правило, проволочные, тянутые. Встречено несколько экземпляров с утолщенными окончаниями (Казаков, 1991, с. 120). В этот же период бытуют браслеты сегментовидного сечения, представляющие особый подвид. У них фигурные окончания, напоминающие головы змей или птиц; один из таких браслетов украшен циркульным орнаментом. Эти браслеты отлиты их сплава цветного металла. Также отдельный подвид составляет литой браслет с Мурзихинского селища с несколькими сечениями разной формы в разных частях (круглым и треугольным), с окончаниями в виде круглых лопастей, украшенный циркульным орнаментом. Он датируется по аналогиям XI–XII в. и изготовлен в Древней Руси.

Простейшие типы браслетов – пластинчатые (вид Г; 24,6%) либо неорнаментированы, либо украшены циркульным орнаментом. В XI–XII вв. они становятся более декоративными: окончания некоторых из них расширяются, более широкой становится и середина изделия; на внешней поверхности имеется гравированный орнамент. Часть из них имеет аналогии в древнерусских материалах XI – начала XIII в. (Казаков, 1991, с. 124).

Плетеные и витые браслеты в IX–X в. имели малое распространение и представлены единичными экземплярами. В Танкеевском могильнике встречен всего один витой браслет с шатонами (Казаков, 1992, с. 174, рис. 62, 16), аналогии которому можно найти в могильниках поволжских финнов этого времени. Этот тип браслетов не имел продолжения в практике болгарских ювелиров последующего времени. Однако в XI в. началось изготовление проволочных витых браслетов из медной и серебряной проволоки. Изготавливались они и из золотой проволоки (Руденко, 2011, с. 232, кат. № 43). Больше всего известно серебряных браслетов из Билярского и Болгарского городищ.

Выделяются два типа изделий этого вида, определяемых по количеству сплетенных жгутиков. *Тип 1* – из одного двухпроволочного жгута, согнутого пополам. *Тип 2* – из трех пар проволок одинаковой толщины, концы которых, скованные вместе, были расплющены, в результате чего на окончаниях получались плоские площадки трапецевидной или подовальной формы (Руденко, 2015, с. 176–177). Датируются они XI – началом XIII в. Так же датируются и плетеные браслеты второго типа с шатонами.

Декоративные нашивки изготавливались болгарскими ювелирами из тонких металлических пластинок с помощью штампов-матриц. Из Билярска известны золотые нашивки в виде шести- и восьмилепестковых розеток диаметром 2–3 см (Руденко, 2011, с. 229–231, кат. № 40–42). При раскопках в центре Билярского городища встречены такие же нашивки, отштампованные из медных пластинок. Датируются они XII – началом XIII в. Из серебряных пластинок сделаны нашивки в виде рельефной розетки с высоким бортиком из Бутаевского клада, как и нашивки в виде круглых «крышечек» без орнамента. Они датируются XIII в. (Руденко, 2015, с. 394–395, кат. № 113–138).

Интересны *накладки на поясные сумочки*, встреченные на болгарских поселениях второй половины X–XI в. (Казаков, 1991, с. 141, рис. 45, 15). Они литые, украшены рельефным рисунком. Прототипы их встречены в Танкеевском могильнике в захоронениях начала – первой трети X в. (Казаков, 1992, с. 142–144, рис. 53, 14–16).

Предметы туалета представлены несколькими категориями изделий. Это копоушки, зеркала, пинцеты. Сюда же можно отнести и серебряные флаконовидные подвески, найденные в Танкеевском могильнике (Казаков, 1992, с. 198, рис. 70, 1, 2, 5, 9). Некоторые из них продолжили бытовать в X–XII вв., например, бронзовые щипчики, встреченные на Билярском городище, Остолоповском и Измерском I селищах (Казаков, 1991, с. 55, рис. 19, 10; Хузин, 1995, с. 206, рис. 38, 17). Металли-

ческие зеркала практически полностью исчезли из обихода болгар в XI в., и только в XII – начале XIII в. кочевнические металлические зеркала появляются в Волжской Болгарии.

Из культовых изделий известны *металлические амулеты*, отлитые по подобию костяных амулетов трапецевидной формы. Особый интерес представляют литые фигурки так называемых «уродцев» (рис. 19). Это небольшие бронзовые ростовые мужские фигурки и отдельно отлитые головы с несколькими лицами (Руденко, 2017, с. 161–173). Всего таких артефактов известно 8 экз. Большая часть их происходит с Билярского городища или найдены в его окрестностях. По характеру фигуры выделяются несколько отделов: отдел I – двухсторонняя фигура (1 экз.; рис. 19: 1); отдел II – односторонняя мужская фигура, крепившаяся на деревянную (?) основу (1 экз.; рис. 19: 2, 4, 5); отдел III – односторонние фигурки мужские и женские, часто крепившиеся к навесным замкам в виде животного (рис. 19: 3, 6); отдел IV – многочисленные личины.

Отдел I включает в себя один тип: массивная двусторонняя объемная фигурка размером 18,2×9,5×3,4 см, отлитая из золотистой бронзы; найдена в с. Змеево Чистопольского района РТ. С одной ее стороны изображен мужчина, с другой – женщина, легко определяемые по выраженным признакам пола. Фигура коренастая широкоплечая, но с небольшими, почти дистрофичными ногами, явно не пропорциональными туловищу. От этого самостоятельно стоять она не могла. Одна нога у идола отсутствует, а вторая полноценная нога с небольшой ступней чуть согнута как бы колесом, что придает фигуре в целом сходство с наездником.

Отдел II представлен несколькими типами. Тип II-1: литое изделие, одностороннее; в центре тулова – сквозное круглое отверстие диаметром 0,5 см. По размерам он чуть уступает змеевскому: высота его 15,1 см, ширина – 4 см, толщина – 2 см. Обнаженная фигурка показана с физическими дефектами: отсутствует левая нога, правая рука укорочена – имеется только верхняя часть плеча длиной 2,7 см. Туловище фигурки вытянутое, прямое, но с короткой дистрофичной ногой длиной 3,5 см, что по пропорциям составляет 1:3 по отношению к общей длине фигуры. Причем нога изображена так же, как и у идола из Змеева. Левая рука фигурки имеет длину 6,5 см. Она вытянута вниз, ладонь с намеченными пятью плотно сжатыми пальцами плотно прижата к той части, где должна была быть правая нога. Мастер подчеркнул у идола признак пола – эрегированный phallus.

Тип II-2: стоящая мужская фигурка с признаками пола, с крупной головой со схематичными чер-

Рис. 19. Бронзовые фигурки «уродцев». 1 – находка из с. Змиево; 2–5 – Билярское городище; 6 – Маклашеевское II городище

тами лица. Отсутствуют правая рука и нога. Левая рука завершается утолщением (рис. 19: 4). Тип II-3: сидячая (?) женская фигурка с рельефным изображением человеческой личины на левой груди. Руки отсутствуют, голова крупная, без ушей с наметенными носом, глазами и ртом (рис. 19: 5).

Отдел III дает большее количество типов. Тип III-1 (1 экз.) безголовый бронзовый идол (9,5×5,2 см) в виде обнаженного мужчины с эрегированным пенисом (рис. 19: 3). Совпадает с типом II-1 некоторыми деталями, например, укороченной чуть выше локтя правой рукой. Тип III-2 (рис. 19: 6) – так называемый «маклашеевский всадник», практически идентичная фигурка типу 1. Главным отличием является отсутствие головы у билярского идола, однако она, скорее всего, была отлома-

на, возможно, в ритуальных целях и заменена или заново прикреплена к туловищу с помощью вышеупомянутых сквозных отверстий. Тип III-3, так называемая «маклашеевская всадница», идентична предыдущему типу, только фигурка женская с ребенком (?) у левой груди. Второй и третий типы сохранились в комплекте с замочком в виде животного.

Отдел IV представлен одним типом: трехликая мужская голова с вступающими прямыми носами и гравированными глазами, бровями и ртом. Датируются эти идолы XII – началом XIII в. (Руденко, 2017, с. 166).

Бытовые бронзовые изделия представлены небольшими металлическими игольниками, имеющими аналогии в древностях поволжских финнов

X–XI в., и наперстками. Оригинальны миниатюрные бронзовые замочки для ларцов и сундучков. Это небольшие объемные литые поделки, состоящие из двух отдельно сделанных одинаковых по размеру и изображению половинок, затем спаянных между собой. Общий средний размер замочков: 6,5–7,5×5,5 см. В передней правой части изделия имеется выемка для ключа с кольцевидной или T-образной лопастью, которая была предназначена для зажима пластинчатых пружин замочного механизма. Одна прорезь сделана с торца, вторая, перпендикулярно ей, – сбоку, справа. По форме изделия выделяются два отдела: отдел I – замочки в виде домашних животных (коровы, козы); отдел II – фантастические существа. По деталям выделяются типы.

Отдел I – зооморфные замочки в виде домашних животных (Казаков, 1991, с. 70, 90, рис. 33: 1).

Отдел II – замочек в виде фантастического существа с большой головой с «рогом» на загривке. Чаще всего такие замочки украшались циркульным орнаментом, хотя встречаются поделки и без него.

Тип II-1 характеризуется особенностями изображения морды (6 экз., Билярское городище): она овальная, чуть выпуклая, лобная часть ее скошена назад; на макушке головы расположена пара вытянутых вверх овальных в плане «стоячих» ушек. Морда украшена циркульным орнаментом (четыре кружочка с точкой в центре) либо вообще не имеет декора (3 экз.). Внизу под личиной показана широкая пасть.

Тип II-2 (1 экз., Маклашеевское II городище): морда в форме геральдического щита с углублениями в форме полуприкрытых глаз

Тип II-3 (3 экз., Болгарское и Билярское городища): морда с выступающим «горбатым» носом, под которым открывается широко оскаленная «улыбающаяся» пасть, в отличие от замочков других вариантов хорошо видная в фас. На морде двумя мелкими кружочками показаны глаза.

Тип II-4 (1 экз., Билярское городище): морда существа с прямым носом, но с такими же глазами в виде кружочков с точкой в центре на замочке из Билярска.

Замки отдела I по материалам Измерского I селища датируются XI–XII в.; замки отдела II – XII – началом XIII в. Подтверждается это в последнем случае материалами раскопок: целые замки и их фрагменты найдены при раскопках на Билярском городище (раскопы XX, XXIII), где они по комплексу находок датированы XII – началом XIII в. (Хузин, 1995, с. 201, рис. 33, 23).

Детали конского снаряжения и предметы вооружения, сделанные из бронзы, представлены

распределителями ремней уздечки – тройниками, рукоятями плеток, бронзовыми навершиями булав и кистенями. Тройники чаще всего сделаны в виде чуть выпуклого диска с тремя овальными или прямоугольными прорезями. Некоторые из них украшены циркульным орнаментом. Тройники встречаются как на селищах, так и на городищах. Много их найдено на Билярском городище (Хузин, 1985, с. 200, табл. LXVI, 1–7).

Рукояти плеток, отлитые из бронзы, повторяют формы костяных рукоятей (Хузин, 1985, с. 200, табл. LXIX, 4). Оригинальна рукоять, выполненная в виде головы хищной птицы (Билярское городище) (Хузин, 1985, с. 200, табл. LXIX, 3) и фантастического существа (местонахождение Ага-Базар). Судя по наличию литейных форм, большая часть рукоятей была болгарского производства.

Булавы представлены несколькими целыми экземплярами и фрагментами. Наиболее часто встречаются навершия булав. Большая их часть относится к изделиям с шипами. Размеры их в среднем: высота 5,5, ширина 6 см. На этих булавах имеются 4 больших шипа, с небольшими шариками на острие и 8 малых шипов без шариков. Втулка короткая, однако встречаются и экземпляры с длинной втулкой. Датируются такие изделия XII–XIII вв. (Руденко, 2015а, с. 137, рис. 107, 5).

Кистени фигурной или шаровидной формы с небольшими выступами по всей поверхности многочисленны (Хузин, 1985, с. 184, табл. LXII–8).

Торговый инструментарий представлен медными чашечками от разновесов, коромыслами и гирьками. Чашечки имеют размеры от 4 до 7 и высотой 1,2 см; реже диаметр чашечек составлял 10 см. Чашечки, как правило, не имеют орнаментов. Встречены бронзовые коромысла от весов для мелких взвешиваний. Бронзовые гирьки бывают кубические, усечено-конические, колесовидные и бочонковидные. Последние чаще всего железные, но покрытые сверху слоем бронзы. На значительной части гирек имеются знаки кратности. Большое число такого рода артефактов выявлено на I Измерском, Семеновском, IV Старокуйбышевском и Мурзихинском селищах (Казаков, 1991, с. 150, рис. 48).

Таким образом, болгарское ювелирное дело прошло несколько этапов развития. Первый этап, середина VIII – начало X в., характеризуется преобладанием привозных изделий и влиянием декоративно-прикладного искусства Хазарии и Прикамья (до второй половины IX в.) на местное производство, ограниченным ассортиментом как производимой продукции, так и импортируемой вследствие малой общественной потребности. Определенный отпечаток на складывающуюся болгарскую художественную традицию оказал

урало-венгерский центр ювелирного дела, функционировавший в тот же период времени.

Второй этап, первая треть X в. – первая четверть XI в., ознаменован формированием новой потребительской среды ювелирной продукции – городской, влиянием художественных традиций стран Востока путем прямых заимствований и работы приезжих ювелиров. Происходит расширение ассортимента болгарских изделий, включавших, кроме местных изделий, украшения, сделанные по восточным образцам, а также разнообразную ювелирную продукцию южнорусских центров.

Третий этап, вторая четверть XI–XII в., – расцвет болгарского ювелирного дела; стабильный период его развития, сопровождавшийся выделением самостоятельных центров ювелирного производства в городах, формированием отдельных ювелирных школ, специализировавшихся в работах по золоту и серебру с использованием скани и зерни, а также в черневом искусстве. В это время сложился устойчивый и стандартизированный ассортимент болгарских ювелирных изделий – черневых перстней, плетеных браслетов и гривен. Происходит усложнение ряда поделок, например, браслетов, дополнительно украшавшихся вставками из стекла или поделочных камней. Развивается определенная система декора болгарских украшений при устойчивой форме большинства изделий.

Четвертый этап, первая половина XIII в., характеризуется складыванием локальных направлений ювелирного производства в городах Волжской Болгарии и Северо-Восточной Руси, где прослеживается высокий уровень интеграции болгарских и древнерусских художественных традиций, приемов оформления изделий, сочетавших скано-зерневую технику с использованием штампованной проволоки, позолоты, вставок из стекла и поделочных камней. Появляются новые формы изделий, например, пластинчатые браслеты с круглыми лопастями, декорированные сканью, зернью, вставками. Эта продукция была ориентирована на внешний рынок, прежде всего в Прикамье и Зауралье. Болгарские ювелиры в этот период стремятся к достижению максимального художественного и эстетического эффекта при изготовлении ими ювелирных украшений, используя подвески с пышным декором, как на шейных плетеных гривнах, или привески с шумящим эффектом. Этот короткий промежуток времени в канун и период монгольского нашествия (1220–1230-е годы), а также во время прямого монгольского правления (1240 – начало 1250-х годов) ознаменовался сначала нестабильностью в функционировании болгарского ювелирного производства, а затем его упадком и трансформацией в связи с радикальной сменой и сокращением потребительского рынка.

Гончарное производство

Гончарное ремесло относится к числу основных производств Волжской Болгарии домонгольского периода. Успехи болгарского гончарства наглядно демонстрируют не только десятки высокопроизводительных горнов для обжига посуды, открытых археологами на городских и сельских поселениях, или же целые сосуды и их обломки – самый массовый вид археологических находок, но и сам факт чрезвычайно широкого распространения этой посуды на обширных территориях Восточной Европы. В ремесленном гончарном производстве болгарские мастера стояли несравнимо выше своих соседей. Разнообразие, практическая целесообразность форм, изящество орнамента, хороший обжиг, приятный глазу внешний вид высоко характеризуют их продукцию. Неудивительно поэтому ее широкое распространение за пределами страны и влияние на гончарное дело поволжских финнов и славян Северо-Восточной Руси. Типично болгарские двухъярусные горны, состоящие из нижней топочной и верхней обжигательной камер, отделенных друг от друга горизонтальной перегородкой с продухами – отверстиями для движения горячего воздуха, открыты во Вла-

димиро-Суздальской земле (Седов, 1963, с. 78–83) и Верхнем Прикамье у предков коми-пермяков (Белавин, 2000, с. 48–49). Поражает широкий ассортимент продукции гончаров, сочетающийся со стандартизованностью форм, что свидетельствует о работе мастеров не только на заказ, но и на рынок. Кувшины, кринки, горшки, корчаги, хумы, чаши, плошки, миски, котлы, сковородки, светильники, «детские горшки», игрушки и т. д. – далеко не полный перечень их товаров.

До настоящего времени особенности становления гончарства в раннеболгарский период не являлись предметом специального изучения вследствие ограниченности источниковой базы. Бытовая и ритуальная посуда раннеболгарского населения почти вся была известна по материалам могильников. Изучение технологии посуды этих памятников показало близость с именьковской посудой. Именьковская и раннеболгарская поселенческая посуда в виде лепных горшков с отделкой края вмятинами пальцев (пальчинский тип) обнаружена на ряде поселений, таких как Севрюкаевское, Старомайновское, II Маклашеевское,

Балымерское, Девичий городок и др. Выявленная Н.П. Салугиной и И.Н. Васильевой (1995, с. 75–83) технологическая близость посуды этих культур подтверждает длительное совместное проживание, влияние ремесла и, возможно, отчасти смешение населения.

На эти процессы также указывают общие типы печей и очагов и некоторые конструктивные особенности ранних гончарных мастерских. Простейшими обжигательными устройствами раннеболгарской эпохи являлись: 1 – домашние печи различных конструкций; 2 – очаги закрытого типа; 3 – кострища (для обжига крупных форм).

Исследованное на Старомайском городище жилище № 20 является гончарней VI–VII вв. (Матвеева, 1993, с. 178–181, рис. 4). Характерной особенностью, указывающей на гончарное назначение сооружения, является сочетание домашней угловой печи с центральным очагом закрытого типа. Совместное использование домашних печей и центральных очагов известно на салтовских (Плетнева, 1962, с. 90) и славянских поселениях Подонья (Москаленко, 1965, с. 50, 51, 98–112). Сходство наблюдается не только в этом, но и в планировке помещения, назначении ям внутри его, наличии материалов, характерных для гончарных комплексов. Использование размещенного в середине постройки закрытого очага вместе с угловой печью в гончарных мастерских Центральной Азии известно с гунно-сарматской эпохи (Давыдова, 1995, табл. 80). Такой очаг, судя по остаткам, снабжался глинобитным дымоходом на деревянном каркасе. Наряду с основной печью он служил как для отопления помещения в летнее время, так и для обжига сосудов небольших размеров, в основном кухонной посуды.

Обжигательные устройства в виде закрытых ямных очагов вытянуто-овальной формы известны на Балымерском, Именьковском и Болгарском городищах. А.М. Ефимовой (1962) они описаны как открытые очаги и кострища. В очагах найдены керамические шлаки, куски обмазки с отпечатками прутьев, остатки печного приклада в виде пережженных глиняных блоков, в том числе со следами сопла (от мехов?), и, возможно, от горизонтальной перегородки над топкой. Эти материалы позволяют рассматривать исследованные очаги и так называемые кострища как простейшие обжигательные устройства.

По аналогии с известными обжигательными сооружениями и печами Русско-Урматского селища (раскопки Н.А. Кокориной и Р.Г. Фахрутдинова, 1983) можно считать простейшими обжигательными печами закрытого типа и очаги близ центрального столба в жилищах, и открытые вне

построек ямные очаги вытянуто-овальной формы. Верхняя часть их сооружалась на деревянном или прутьяном каркасе: у первых с дымоходом, обмазанным глиной, а у вторых – без дымохода. Обжигательные сооружения второго типа использовались в летнее время. Аналогичные ямные очаги, вынесенные за пределы построек, на Русско-Урматском селище обнаружены вместе с обжигаемой посудой джукетауского типа по соседству с мастерской и горном № 1. Вероятно, они предшествовали ей (Фахрутдинов, 1984, с. 146–147). Подобные летние обжигательные устройства сохраняются населением Волжской Болгарии в домонгольский период наряду с высокоразвитым гончарством.

На Балымерском поселении прослежена явная преемственность в использовании ямных обжигательных сооружений подобного типа. С ними оказалась связана как именьковская посуда VI–VII вв., так и раннеболгарская VIII–IX вв. в виде горшков пальцинского типа (II группа по Т.А. Хлебниковой), круглодонных сосудов IV и IX групп, фрагментов кувшинов танкеевского типа непрожженного желто-серого, серого и красного цветов.

Остатки обжигательных устройств периода проникновения и оседания болгарского населения (VII–X вв.), безусловно, требуют специального изучения. Для данного периода характерно домашнее и кустарное производство.

Кустарный уровень производства демонстрирует посуда Большетарханского, Кайбельского, Танкеевского могильников эпохи Хазарского каганата. Известные по салтово-маяцким памятникам гончарные двухкамерные горны группировались в мастерские. По заключению И.И. Ляпушкина (1959, с. 128–131), гончарное ремесло этой культуры представляло уже отделившуюся отрасль ремесла, имеющую товарную направленность. С VIII–X вв. известны гончарные горны двух типов: 1) двухкамерные с опорным столбом (восходящие к позднеантичным и раннесредневековым горнам Крыма; 2) двухкамерные горны без опор и столба. Строительные материалы, примененные для их создания, варьируются в зависимости от местных условий и обжигаемых изделий.

Очевидно, эти типы горнов использовались и населением Среднего Поволжья в хазарский период. Примером являются пять горнов без опор (тип 2), выявленных на Кайбельском (Крестовом) городище (Старостин, 1993, с. 142–143), и горн с опорой-перегородкой (тип 1) у с. Рождествено (раскопки В.И. Гурлихиной, 1970 г.). Эти печи обнаружены в обрывах берегов рек или в оврагах. Выявление и изучение ранних разрушенных ма-

стерских требует дальнейшего накопления данных.

Как правило, горны использовались длительное время, до тех пор, пока не забрасывались окончательно. Многие из них после ремонта могли бы служить и поныне – такова их прочность.

Гончарство Волжской Болгарии изучено на материалах археологических раскопок ряда городских поселений домонгольского времени. В 1960-х годах четыре гончарных горна было обнаружено В.Ф. Каховским на территории городища Хулаш (Каховский, Смирнов, 1972, с. 33–35). Два горна исследованы Г.И. Матвеевой на Муромском городке. В районе оборонительных укреплений, отделяющих внутренний город от внешнего с западной стороны, раскопан прямоугольный двухъярусный горн с арками в топочной камере, на мысу в юго-восточной части города – круглый двухъярусный горн с опорным столбом в топке (Васильев, Матвеева, 1986, с. 185–186). По одному горну открыты Г.А. Федоровым-Давыдовым (1960, с. 91–92) на Большетаябинском и М.Р. Полесских (1978, с. 246) на Юловском городищах. Интерес представляют три гончарных горна в виде углубленной в землю кирпичной конструкции с двумя ярусами без опорного столба с удлиненным устьем топочной камеры, исследованные А.М. Белавиным и Ю.А. Поляковым на Рождественском городище Верхнего Прикамья (Афкуль) (Белавин, 2000, с. 48–49).

Известные гончарные горны Волжской Болгарии датируются не ранее X в. При этом исследователи опираются на монетный и вещевой материал, а также керамику. Монеты X в. из мастерских и слоев поселений, равно как и вещевой и керамический материал, связаны, как правило, с последним периодом функционирования и гибелью сооружений. О времени возникновения горнов можно судить лишь по гончарной посуде поселения и его окружи в совокупности с вещами и монетами.

Наиболее ранняя мастерская с монетами X в. исследована П.Н. Старостиным рядом с Болгарским городищем, на поселении, расположенном на правом берегу Малоиерусалимского оврага. Как по монетам, так отчасти и по керамике поселение датировано первой третью – серединой X в. (Старостин, 1993, с. 62).

Мастерская представляет несколько заглубленное в грунт сооружение (№ 3), скорее всего, срубного типа, с земляным полом и двумя печами (очагами) одной конструкции и крупным столбом между ними. Очаги овальные (130×140 см; 150×110 см). Основание чашевидной формы, на 30 см заглубленное в материк, выложено кусками

красного песчаника. Верхняя часть стенок печей сохранилась на 25–30 см, стенки и внутри, и снаружи скреплены глиняным раствором. Аналогичные печи-очаги известны на поселениях Подонья (Винников, Синюк, Цыбин, 1995, с. 130–132, рис. 2) и относятся к печам тандырного типа. Верхняя часть у них была купольной и сооружалась из глиняных вальков, замешанных с органической примесью.

Печи такого типа имели универсальное назначение. В оборудованных ими мастерских характерны находки керамических, железных шлаков и крицы (а в данном случае, возможно, и остатков меднолитейного производства). По аналогии с гончарными мастерскими, изученными на поселении Дрониха в Подонье, мастерскую из Малоиерусалимского селища следует считать сезонной гончарней, в зимнее время использовавшейся для работы с цветным металлом.

Традиции салтово-маяцкой культуры свойственны не только производственным сооружениям, но и изделиям – кухонной лепной и круговой посуде из Малоиерусалимской мастерской. Подтверждением ее гончарной специализации является удивительное разнообразие состава теста (не менее восьми рецептов) для горшковидных форм (Старостин, 1993, с. 59, табл. 1). Наряду с сосудами, характерными для X в., в данном керамическом комплексе есть сосуды раннего салтово-маяцкого облика VIII–IX вв. (Старостин, 1993, рис. 2, 5, 10, 12, 14). На данном поселении, а также на Бабьем Бугре и в центральной части Болгарского городища встречены также сосуды чепецкого типа со шнуровым штампованным узором, которые бытовали до середины IX в.

При определении времени функционирования изучаемого гончарного комплекса, надо учитывать, что встреченные в нем фрагменты сероглиняных кувшинов танкеевского типа датируются IX в., лепные уплощенно-донные горшки с шамотом, песком и раковинной в тесте и с пальцевыми защипами по краю – IX–X вв. Горшки XI группы салтово-маяцких истоков, близкие билярским и изготовленные в малоиерусалимской мастерской, следует отнести к концу IX – началу X в.

После военных акций киевского князя Олега, правившего в 882–912 гг., значительная часть населения Хазарского пограничья переселилась на Волгу или укрепилась на новых рубежах с помощью печенегов. Для керамических комплексов Волжской Болгарии IX – начала X вв. характерно распространение посуды с новыми болгаро-печенежскими и хазарскими (салтово-маяцкими) традициями. Так, рассмотренный материал поселения в Малоиерусалимском овраге связан с салтово-маяцким населением Подонья, комплексы

Рис. 20. Восточный гончарный район Биляра: гончарная посуда X в. из ямы № 5.

типа Малопальцинского селища IX в. относятся к болгаро-печенежскому кругу памятников. Наиболее выразительным примером взаимодействия этих компонентов с прикамско-приуральскими группами финно-угорского населения являются памятники типа Кайбельского селища X–XI вв. (Хлебникова, 1962, рис. 11, 5, 15–18; 19, 2, 6, 12, 13, 15). В гончарной посуде болгар X в. ямочный декор лепных сосудов заменяется декором из «запятых» и широких рифленых линий, характерным для раннего городского слоя Биляра.

Становление городского гончарства в Биляре в домонгольский период связано с созданием государства. Биляр закладывается во второй четверти X в. в глубине Закамья как общегосударственный, межплеменной центр с регулярной застройкой, возведением кирпичных зданий, обособленным расположением ремесленных слобод (Хузин, 1995). Строительство и быстрое развитие города происходило с привлечением мастеров из различных центров, в том числе прибывших с Багдадским посольством ал-Муктадира, увековеченным Ахмадом Ибн Фадланом. Многоплеменной состав разного по вероисповеданию населения страны требовал новой формы организации ремесла.

Первые мастерские с горнами в Биляре, к сожалению, не сохранились. Остатки разрушенных пахотой ранних кирпичных горнов (первой половины X в.) отмечались А.Х. Халиковым (1976, с. 36–43) в юго-восточной части Биляра по берегу р. Елшанки, близ предполагаемого района караван-сарая. Изделия этой мастерской представлены в ритуальном комплексе раннего могильника, существовавшего рядом с караван-сараяем (яма № 5). Посуда (кувшины, горшки, миски, кружки) имеет красно-коричневый обжиг, довольно тол-

стые стенки, сплошное лощение (Кокорина, 1997, с. 46–49). Среди нее – кувшины-водоносы с грушевидно-приземистым туловом, желобчатым сливом, подобные кувшинам Танкеевского могильника (Казаков, 1992, с. 44–46). Изготовленные на круге, по иной рецептуре, они объединяют черты различных гончарных традиций, тем самым создавая категорию нового облика (рис. 20). Второй тип узкогорлых кувшинов с выдающимися боками и сливом-ложбинкой характерен для хорезмийских комплексов. Ранние кувшины Биляра часто имеют белый и красный ангоб. Вероятно, они были изготовлены во вкусах мусульман-хорезмийцев – пришлых купцов и промышленников.

Во второй четверти X в. во внешнем городе на южной окраине Биляра вдоль рч. Билярки возникает целый квартал гончаров. Здесь одновременно строится несколько гончарных мастерских. Планировка сооружений всего квартала подчинена направлению улицы – проезда вдоль речки. Впоследствии занимаемая гончарной слободой площадь увеличивается, составляя около 8–10 га. Об этом свидетельствуют выявленные остатки гончарных горнов, скопления керамических шлаков и самой керамики.

На исследованном нами участке этого квартала (XX раскоп) прослежено 3–4 производственных горизонта мастерских. Они разделены пожарами, известными по письменным сообщениям и связанными с военными акциями X–XIII вв. Датировка произведена по находкам наконечников стрел, предметов иного вооружения, а также характерных бытовых предметов: замков, ключей, бус, шиферных пряслиц и пр. (Кокорина, 1983, с. 63–65, рис. 3). На этом участке изучены остатки девяти горнов овальной в плане формы. По конструкции они подразделяются на четыре типа

(рис. 21). Каждый тип отличал и свой набор железных кирпичей разных размеров.

Тип 1 (рис. 21: 1, 3) – двухъярусный горн без опорного столба, с низкой топочной камерой (от 20–40 см), длинным (около 90–110 см) или средним (около 60 см) топочным каналом (горны № 2, 4, 7).

Тип 2 (рис. 21: 2) – одноярусный горн с грушевидной в плане, глубокой топкой (60 см) и длинным топочным каналом – до 120 см (горн № 8).

Тип 3 (рис. 21: 4) – одноярусный горн цилиндрической формы с длинным топочным каналом (около 1 м), с полкой из глиняных штырей (горны № 1А, 1Б).

Тип 4 (рис. 21: 5) – одноярусный горн, эллипсоидный в сечении, с кирпичной S-видной в плане полкой и топочным каналом, протяженность около 809 см.

Все горны топочной частью заглублены в материковую глину. Горн № 8 имел дополнительную теплоизоляцию топки из песка. Верхняя часть горнов сферическая, с дымовым и загрузочным отверстием. Перегородка снабжалась различным количеством продухов, с помощью которых регулировалась температура.

Горны типа 1 универсальны. В них обжигалась различная столовая посуда, в том числе поливная. Рядом с ними найдены предметы печного припаса (глиняные трубы, заслонки, подставки разных форм).

Горны типа 2 использовались для обжига особо термостойких изделий (котлы, горшки и т. д.), а также поливных изделий и, возможно, для варки стекла для бус.

Горны типа 3 применялись для обжига столовой поливной посуды, в том числе блюдообразных форм. Топливом в них служил древесный уголь, дающий бездымный обжиг.

Горны типа 4 использовались в основном для обжига мелких изделий: светильников, кружек, пряслиц и т. д., в том числе поливных.

Наиболее ранними горнами X в. являются печи типов 1–2 (горны № 2, 4, 7, 8). Печи цилиндрической формы (тип 3) появляются во второй половине X в. и существуют весь XI век.

Распространенные в Волжской Болгарии горны типа 1 связаны с гончарством населения салтово-маяцкой культуры, продолжающим традиции антично-сарматской эпохи (см.: Васильева, 1993, с. 169–174). Горн X–XII вв. из Рождествено (раскопки В.И. Гурлихиной), снабженный продольной опорой-перегородкой в топочной камере, аналогичен гончарным печам Крыма античного и средневекового времени. Горны Хулаша X–XII вв., Муромского городка X – первой половины XIII вв., Большетаябинского и Юловского городищ XI–

XIII вв. близки вышеописанным горнам Биляра (рис. 22).

Горны типов 2, 3, вероятно, появляются в результате переработки у болгар гончарных печных традиций Средней Азии и Кавказа. Горны типа 4 распространяются в XII–XIII вв. и связаны с воздействием на Волжскую Болгарию ремесла Казахстана и Средней Азии (см., напр., материалы Афрасиаба: Лунина, 1974).

Поддаются реконструкции остатки пяти мастерских X–XIII вв. (рис. 23). Это были сооружения с заглубленной производственной частью. В предгорновую яму выходили устья топочных каналов одного или двух горнов. Судя по остаткам, помещения мастерских представляли собой прямоугольные срубы (9×6 м; 10×8 м) с двухскатной или односкатной крышей и мощными (до 40 см в диаметре) «царь»-столбами, установленными рядом с горнами. В этой конструктивной особенности болгарских гончарных мастерских узнается среднеазиатская традиция (Пещерова, 1959, с. 211). Кроме известной сакральной функции, «царь»-столб служил опорой для печной дымовой трубы.

В болгарских мастерских гончарные трубы, изготовленные на кругу, использовались не только в качестве производственных дымо- и газоотводов, но и в отопительной системе. В мастерской с горном № 7 (XI в.) бытовая печь прямоугольной формы соединялась под глиняно-деревянным помостом (суфой) дымоходом из труб с горном № 7 и затем, вероятно, дымоход выходил на крышу. Поскольку входы располагались в торцовых стенах построек, обогреваемые дымом полки-суфы из досок, обмазанных глиной, располагались вдоль длинных стен помещений. В мастерских с горнами № 5–7 они возвышались над предгорновой ямой на 40–60 см. К мастерской с горном № 5 (конец XII – начало XIII вв.) с северной стороны примыкал навес или пристрой, в котором подсушивались и хранились изделия. Там найдено большое количество готовой раздавленной посуды.

Мастерские Биляра имели определенную специализацию, выраженную в особенностях устройства самих построек и в вещевом материале. Мастерские с горнами № 1–4, 8, 9 располагались вдоль обрыва р. Билярки. Со стороны устья топков предгорновые ямы были облицованы кирпичом на глиняном растворе. В них найдены наборы печного приклада: глиняные плитки-заслонки для отверстий в горне, фрагменты труб диаметром 8–10 см, сипои-прокладки, штыри-подставки. Рядом с горнами № 1А и 1Б, действовавшими в течение двух периодов (X – первая половина XI вв.), в яме сохранялся запас древесного угля для бездымного обжига поливной посуды. В этих мастерских обнаружена посуда различных форм, обжигавшаяся

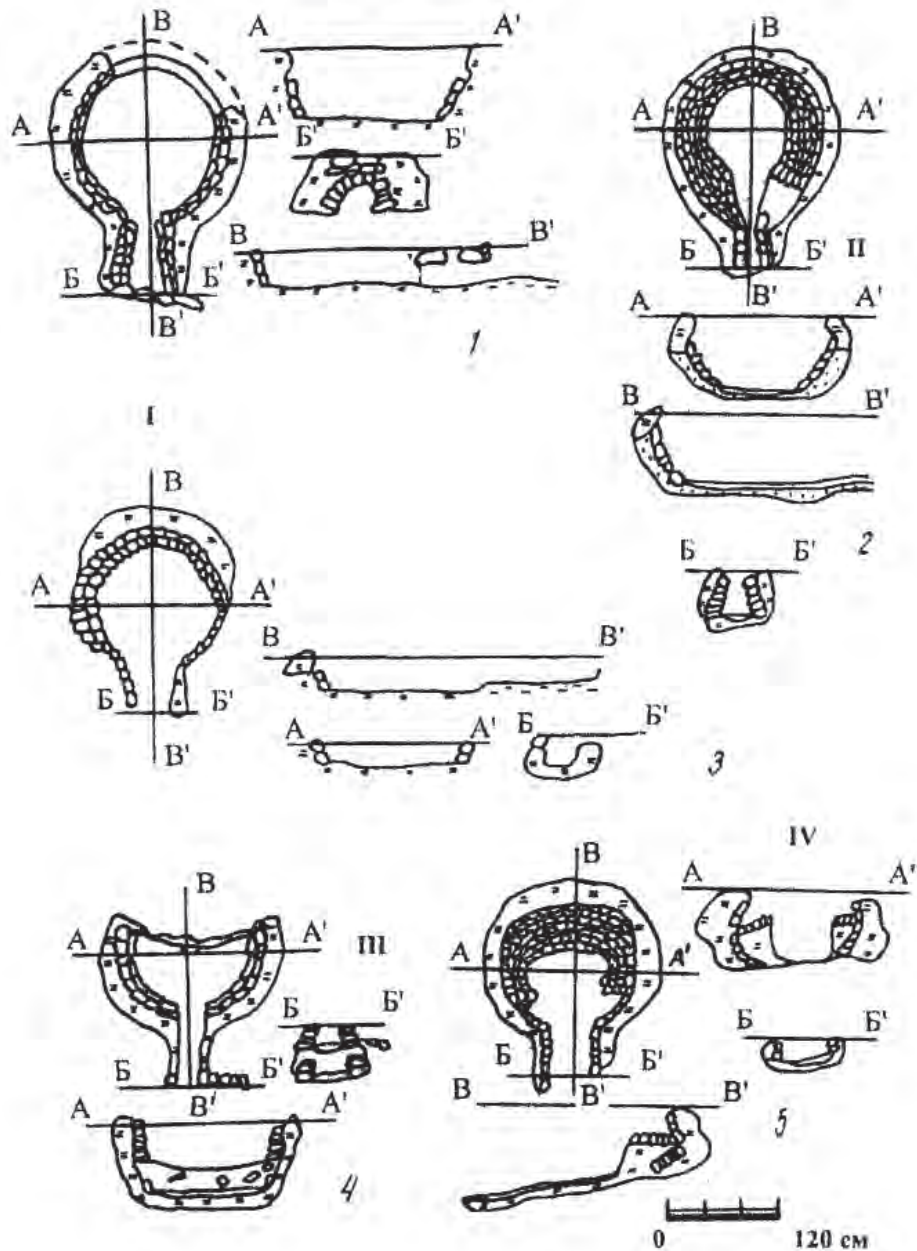

Рис. 21. Гончарные горны Биляра. I–IV – типы горнов; 1–5 – горны № 4, 8, 7, 1-А, 1-Б, 5.

в данных горнах, но изготовленная в каких-то соседних мастерских.

Через дорогу шел следующий ряд построек с горнами № 6, 7, 5 (рис. 23). В этих мастерских вдоль стен выявлены остатки настилов-полок (подобных описанным ранее сооружениям), на которых хранилась большая часть керамических изделий и заготовок, инструменты для работы по глине, кости, металлу. Эти находки выявляют размещение рабочих мест гончаров. В промежутках между работой, когда горны не топились, мастерские обогревались бытовыми глинобитными печами. Они располагались в северо-восточном или северо-западном углах мастерских. В подпечных

ямах (№ 10, 25) найдены припасы глины и железные крицы. В мастерской с горном № 7 в северо-западном углу обнаружены остатки глинобитного постаumenta ручной мельницы (рис. 24, II, соор. 5). Рядом с ней среди развала корчаги лежал пласт сгоревшего зерна пшеницы.

Аналогичные мельницы и жернова широко известны в Волжской Болгарии (Йовков, 1976, с. 251). Этнографические материалы Средней Азии свидетельствуют, что они могли использоваться в гончарном деле (Екимова, 1959, с. 374). Мука из низкопробной пшеницы добавлялась в состав поливы, использовалась и в обваривании посуды (Джаббаров, 1959, с. 389). Полова шла на добавки

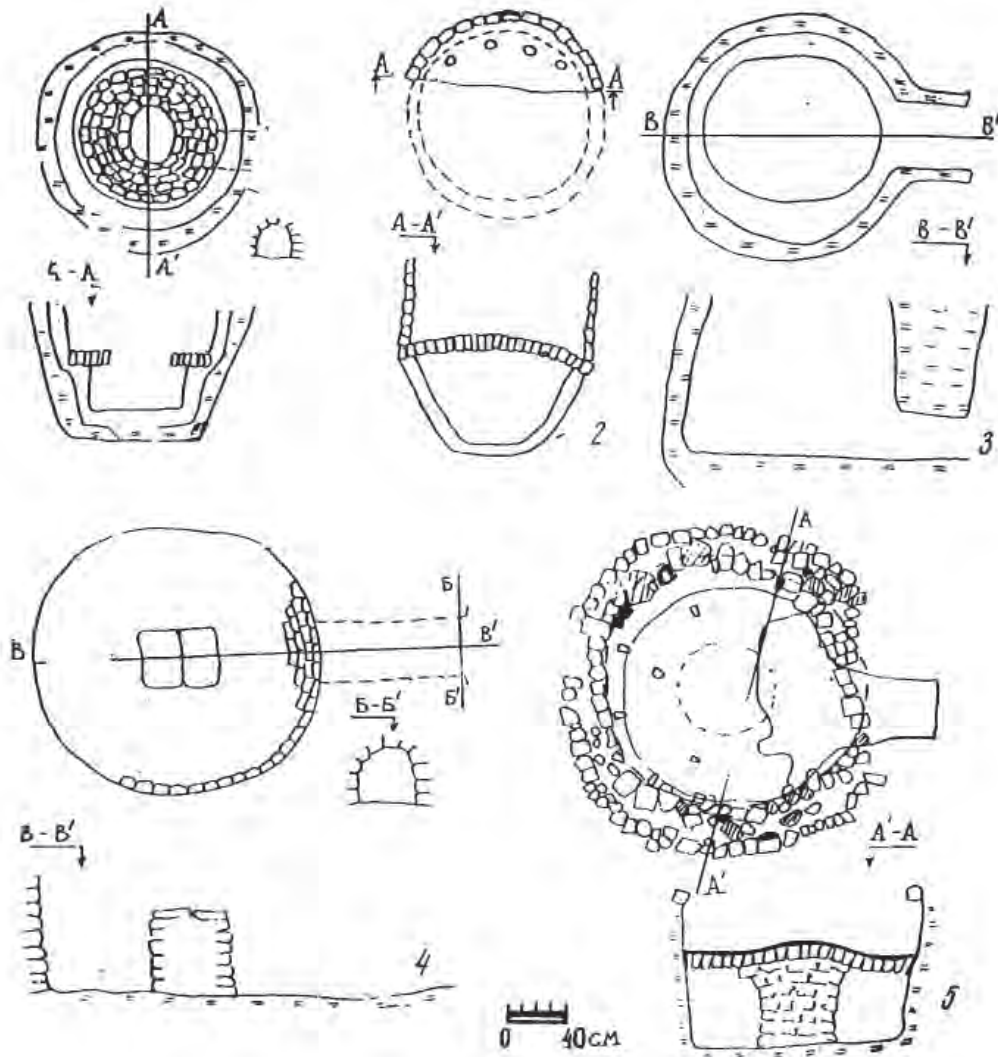

Рис. 22. Гончарные горны Волжской Болгарии домонгольского периода (Васильева, 1993).
1, 4 – Хулашское городище, горны № 2 и 1; 2 – Юловское; 3 – Большешетаябинское;
5 – Муромский городок, горн № 2.

в глиняное тесто некоторых изделий, например, горшков группы XI-2, найденных в предгорной яме с горном № 2 (X в.). Горшки с растительной примесью с орнаментом из «запятых» и широких рифленых линий по тулову бытуют в Биляре в X–XI вв. Среди них встречаются экземпляры с клеймами в виде «А».

Небольшие по размерам горны № 5–7 (около 1 м в диаметре) использовались для обжига кухонной и отчасти более простой столовой посуды. Горн № 7, погибший во время пожара в X в., был загружен посудой. В обжигаемой партии здесь насчитывалось 25–26 сосудов, один из которых имел клеймо А-образной формы. В момент гибели горн № 5 содержал партию пряслиц, поливные светильники, чашечки, кружки, плоски, чернильницу.

Большая часть инструментария делалась самими гончарами. Так, на донцах, обычно сохра-

няющих следы золистой подсыпки, наблюдались отпечатки подставок гончарного круга, на которых формировались сосуды. Это были деревянные диски, на которых имелись вырезанные тамги, в некоторых случаях – специально изготовленные и обожженные плитки с вырезанным по сырой поверхности клеймом (рис. 25: 1, 2). В гончарных мастерских часто встречаются ножи различных форм, долота, миниатюрные тесла, щипцы, ложила, терочки, гребни-орнаменты, каменные и металлические котлы, в которых измельчались примеси для теста и добавки к глазури.

Гончарные круги в государстве Волжская Болгария были деревянными, и они не сохранились. О типах кругов можно судить по следам на сосудах. На донцах встречены следы от торца оси круга овальной формы (горн № 4) и квадратного сече-

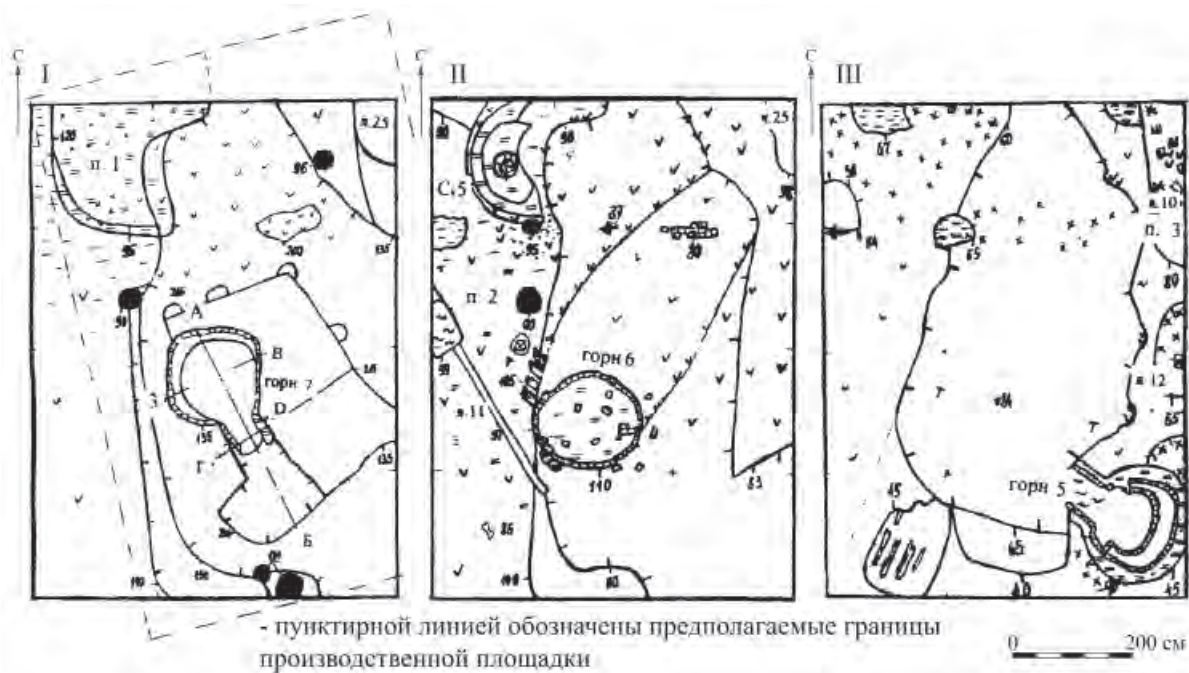

Рис. 23. Планы гончарных мастерских Биляра трех периодов: I – X в.; II – XI в.; III – XII – начало XIII в.

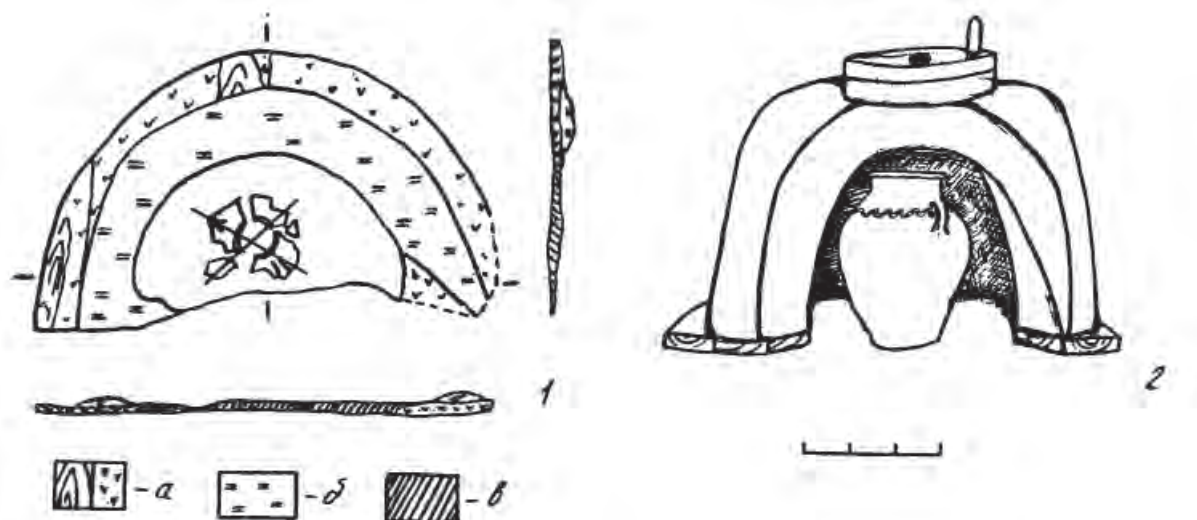

Рис. 24. Биляр. Остатки глинобитной мельницы. Реконструкция Н.А. Кокориной.

ния (горн № 5) (рис. 25: 7, 8). На основании таких отпечатков можно говорить о наличии легкого гончарного круга грибовидной формы и ножного круга среднеазиатского типа с подпятником, укрепленным в каменном жернове или камне. Подпятники делались из лопаточной кости крупного рогатого скота и реже из железа (Бобринский, 1978, с. 42–43). Ножной круг другого типа – с подвижной осью, четырехугольной в торце, выявленный И.Н. Васильевой (1993, с. 125), – также использовался в билярских мастерских по крайней мере с

XII в.; в частности, сосуд с отпечатками такой оси найден в забутовке горна № 5.

Таким образом, по материалам Биляра можно заключить, что в домонгольский период существовали гончарные круги трех конструкций: 1) ручной круг с грибовидным диском, 2) ножной с подпятником среднеазиатского типа, 3) ножной с подпятником и подвижной осью восточноевропейского типа.

Болгарские гончары широко использовали кости животных в инструментарии и различных

Рис. 25. Керамические изделия и приспособления из гончарных мастерских Биляра:
1, 5 – матрицы с врезными клеймами (горн 4); 2, 6 – подставки для обжига поливных изделий (горн № 1-А); 3, 4 – поддоны блюд (горны № 1-А и 1-Б); 7, 8 – донца с отпечатками круга (горны № 4, 5).

приспособлениях. Лопатки барана применялись как скребки для очистки круга от глины и как совки; встречаются ножи-правила из ребер и подпятники из лопаток коров, орнаментеры-гребни и др. Инструменты из кости восходят своими традициями к культуре предков болгар гунно-сарматского времени (Давыдова, 1995, рис. 45, 28, 29; 50, 10, 11; 147, 30, 31; 149, 28, 29).

Характерными орудиями гончаров являются специальные ножи. Так, ножи с длинным черешком и закругленным или обломанным концом использовались для обточки поверхности сосудов. Крупные широколезвийные ножи с острым или закругленным концом – для работы по дереву и кости, в том числе при вырезании клейм; ножи с загнутым перпендикулярно к лезвию концом и черенком – для обточки донцев блюдообразной посуды, а серповидной формы – для съемки изделия с круга. Последние два типа ножей до недавнего времени использовались гончарами Средней Азии (Джаббаров, 1959, с. 386–387).

В качестве лоцил служили обломки стенок сосудов, речные гальки, а также ребра барана. Для выравнивания поверхности использовались деревянные ложки, а для заделки швов в сосудах и тандырах – глиняные наковаленки грибовидной формы.

Предметы печного припаса включали сепоя разных размеров, пристенные штыри, подставки-штыри (рис. 26). Подставки-штыри с широким основанием и грибовидным навершием ставились с поливным изделием на под печи. Они выявлены вместе с пристенными штырями в ранних горнах (№ 1-А, 1-Б и 8). Сепоя были выявлены в горнах № 1 (тип 3), 4, 8 (тип 1) и 5 (тип 4). Глиняные сепоя – самые многочисленные подставки – использовались как прокладки при обжиге поливных блюдообразных форм в горнах X–XIII вв.

Штыри пристенные длиной 15 см примазывались к стенкам горна, образуя полку для установки и подвешивания кувшинов, кружек, светильников (рис. 26: 6, 7). Глиняные штыри обнаружены в Биляре в горнах X–XI вв. Аналогичный способ размещения изделий известен в памятниках Хорезма конца I тыс. н. э. (Пещерева, 1959, с. 232). Подобные печи XIII в. изучены на Кавказе (Джапаридзе, 1955, с. 263–264). Печи с полкой, в том числе с S-видной (рис. 22: 5), на которую ставились сосуды, являются типом, характерным для территории Казахстана (Воробьева, 1961, с. 154–155).

Дымогарные керамические трубы (рис. 27) встречаются в виде фрагментов во всех мастерских. Диаметры узких концов 7,8–8,0 см, а концов с раструбом – 18–22 см. Внутри они покрыты сажей. Следы копоти выявлены и на заглушках труб (диаметр 8 см). Партия таких труб найдена внутри горна № 5 предмонгольского времени. В нем обжигались изделия с толстой высококачественной глазурью зеленого и коричнево-зеленого оттенков с металлическим блеском. Большая часть предметов – светильники, кружки, пряслица – имели восстановительный обжиг. Как и последний тип печей, сепоя и поливные изделия аналогичных глазурей характерны для гончарства Казахстана и Узбекистана (Пещерева, 1959, с. 151, 172, 200; Рахимов, 1961, с. 69). Ассортимент изделий мастерских Биляра состоял из столовой, кухонной, тарной посуды, сосудов туалетного, медицинского, технического назначения. Одним из направлений было изготовление жженных строительных кирпичей. Однако для этого, вероятно, использовались более крупные печи, пока не обнаруженные в домонгольском Биляре, где велось кирпичное строительство. Возможно, наборы кирпичей для самих горнов обжигались в гончарных печах.

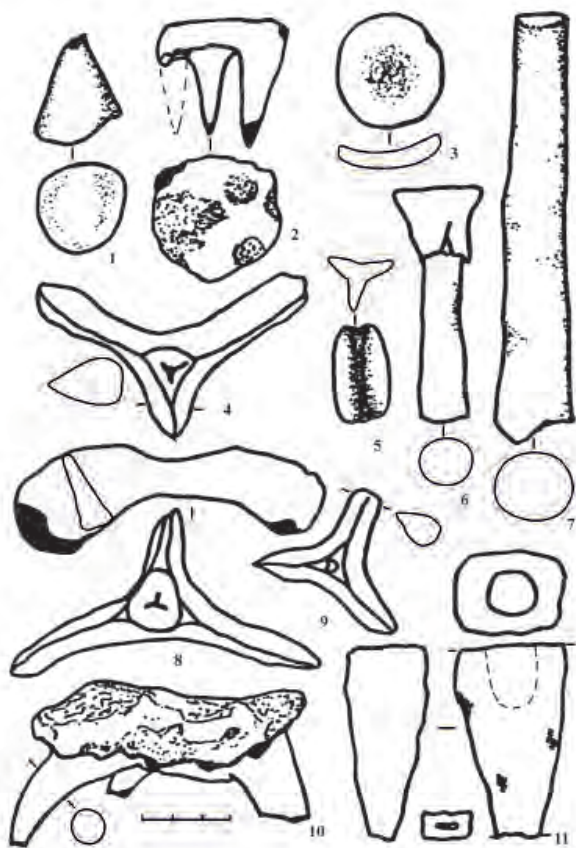

Рис. 26. Биляр. Горн № 5. Подставки, сипои (1–10), подпятник (11).

В мастерских с горнами № 1-Ф, 1-Б, 4, 8 в X–XI вв. делались бусы из полупрозрачной стекляной массы беловатого, зеленого цветов и «глухого» черно-красного стекла.

Посуда Биляра включает все разнообразие видов и форм, бытовавших в домонгольский период. Она отражает богатые традиции различных этнических групп Волжской Болгарии, которые прослеживаются как в формах, так и в отделке сосудов.

В мастерских Биляра и Болгара с X в. изготавливались керамические котлы, свойственные тюркоязычному населению Волжской Болгарии (рис. 28; 29). Изготовление таких котлов домонгольского периода сосредоточено в основном в мастерских Биляра, и в этом – одна из характеристик столичного статуса города с начала его закладки (Кокорина, 2004).

Горшки из билярских мастерских представлены семью этнокультурными типами разных истоков (Кокорина, 2002). Среди них преобладают типы 1–3 (рис. 30–33), относимые к основным группам тюркоязычного населения, пришедшего из районов Хазарского каганата и салтово-маяцкой культуры – барсилам/берсилам, болгарам, суварам, тюрко-мадьярам, баранджарам/белен-

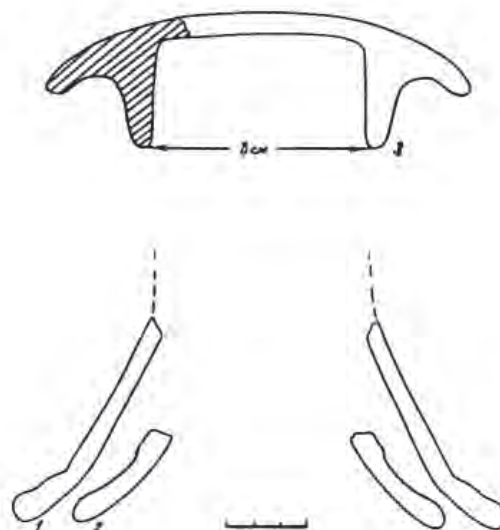

Рис. 27. Дымогарные трубы и заглушка из Биляра

джерам, баджинакам, известным по письменным источникам (Артамонов, 1962; 2001).

Горшки типа 4 разнообразны и с середины XI в. особенно распространены в Биляре, Джуке-тау и в целом в Нижнем Прикамье. Они связаны с включением в состав населения страны в X в. огузо-куман и кыпчаков-шаров (Кокорина, 2002, рис. 15–17) – кыпчакских групп с истоками на Алтае, в Центральном и Восточном Казахстане. Эти тюркоязычные группы, по крайней мере с VI в. контактируя с финно-угорскими группами Приуралья и Среднего Поволжья, составили тот разряд населения Волжско-Камской Болгарии, который в письменных источниках X в. называется *эсегель/ишкил*. Горшкообразные сосуды типов 5–7, появившиеся в результате контактов и смешения этих этнических групп, немногочисленны среди массовых форм посуды (рис. 33: 4–6).

Этническое своеобразие отдельных районов Болгарии заметно проявилось в преобладании определенных типов горшкообразных форм. В поволжских памятниках – от Муромского городка до Болгара – преобладают горшки тюрко-печенежских традиций с линейно-волнистым орнаментом и «запятами». Выделяются также горшки с ямками, продолжающие раннеболгарский палецинский тип, и горшки тюрко-угорского облика с рифлением горловин, отпечатками типа полумесяца, «гусеничками» по плечу (Хлебникова, 1984, рис. 57; 58; 85; 94; 95; 1988, рис. 49; 50). Наряду с указанными типами в Суваре бытуют цилиндрические горшки кушнареновско-турбаслинских традиций со своеобразно нанесенной волной-«змейкой» (Хлебникова, 1984, рис. 115).

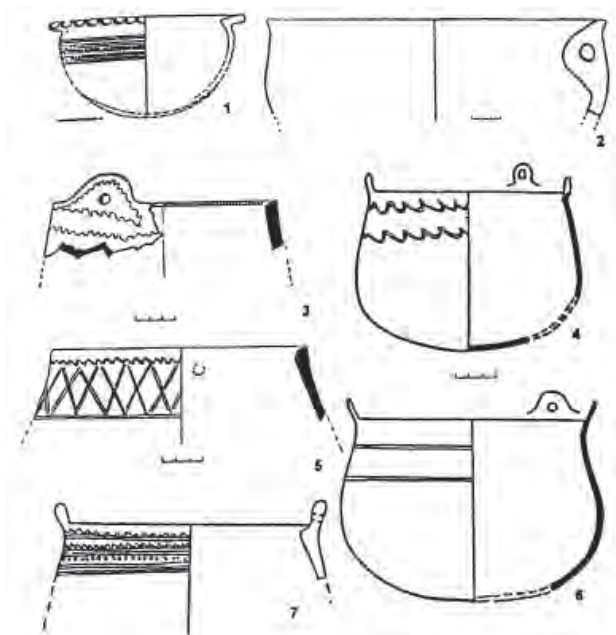

Рис. 28. Гончарные котлы.
1 – Болгар, 2 – Измерское селище; 3–7 – Биляр.

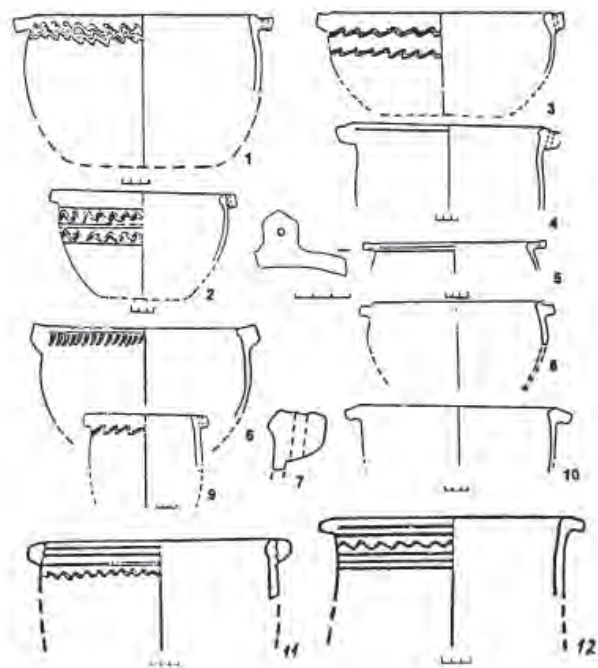

Рис. 29. Гончарные котлы.
1–5, 7–10 Биляр; 6 – Болгарское I селище,
11–12 – Русско-Урматское селище

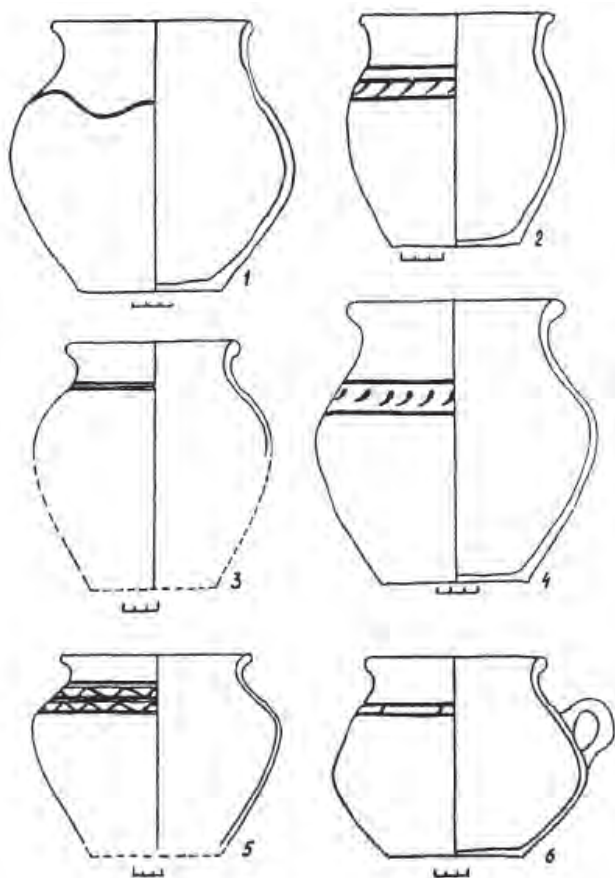

Рис. 30. Горшки I группы (тип 1).
1, 2, 4, 5 – Биляр; 3 – Сувар;
6 – Рождественское селище

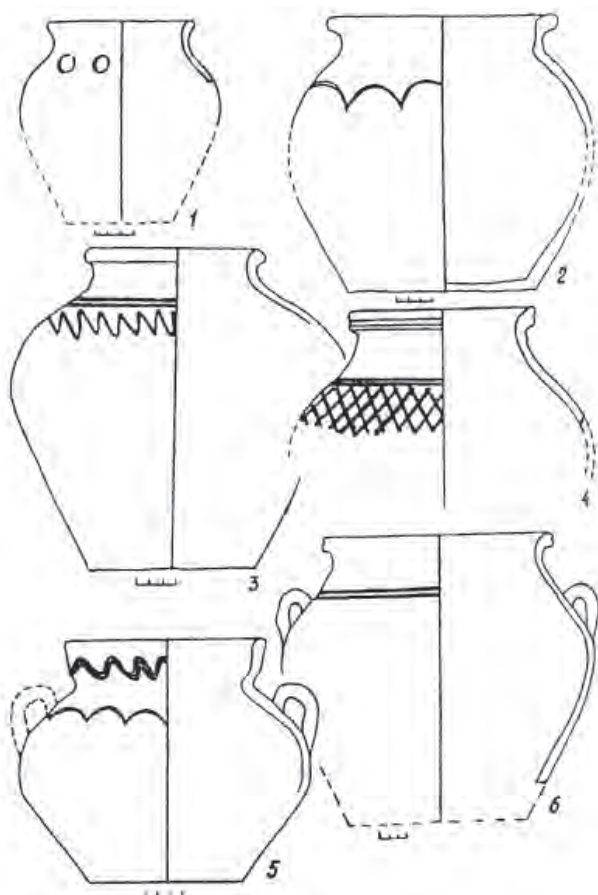

Рис. 31. Горшки I группы, типы 2 (1, 2) и 3 (3–6).
1 – Сувар; 2–6 – Биляр

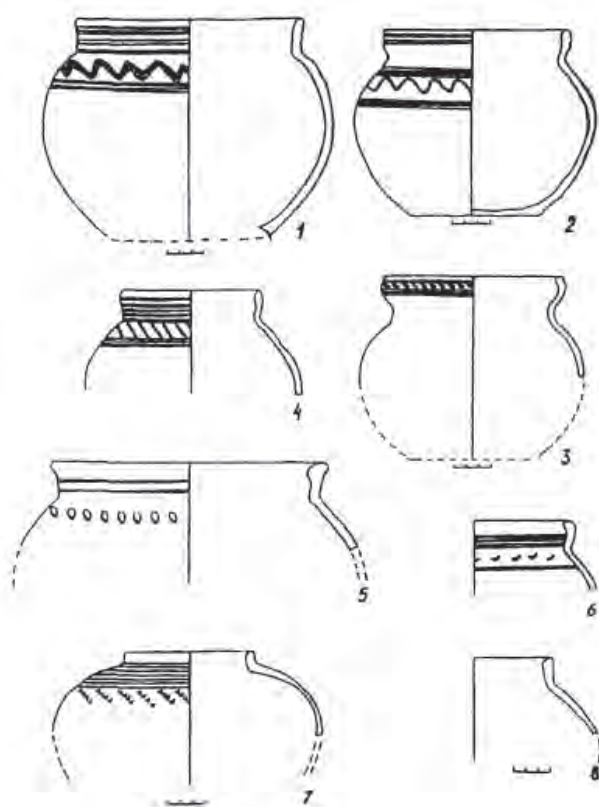

Рис. 32. Горшки I группы из Биляра (тип 4)

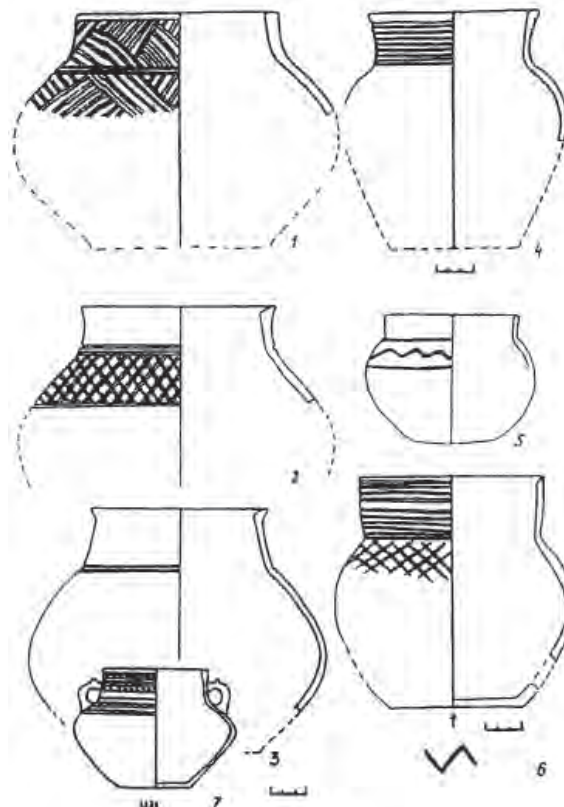

Рис. 33. Горшки I группы, типы 5 (1–3, 7), 6 (4), 7 (5, 6) 1, 2, 5, 7 – Биляр; 3 – Алексеевское городище; 4 – Ундорское городище

Среди кувшинообразных насчитывается около 20 типов разных истоков и традиций (рис. 34–36). Наибольшее их количество относится к XII – началу XIII вв.

Разнообразен и состав кружек (рис. 37; 38: 1–4), кринок (рис. 38: 5–14), корчаг и хумов – 6 типов (рис. 39; 40), блюдообразных форм и мисок, чаш и чашек, пиал (рис. 41; 42; 43). Изготавливаются также специальные сосуды для специй, чернильницы, палитры (тройной сосудик из Биляра). В мастерской с горном 5 найдены фрагменты красноглиняных лощеных сфероконусов местного производства, подражающих сероглиняным кавказским и среднеазиатским.

В X–XIII вв. встречаются триподы горшкообразной формы, триподы-курильницы чашевидной формы, светильники с носиком, «угольные» чашки и туваки (рис. 41). Горшкообразные триподы делались в угоду вкусам различных групп населения и связаны, возможно, с какими-то обрядами. На ручке одного из них по сырому тесту вырезана надпись разновидностью тюркских рун, принятой в государстве Волжская Болгария. Согласно прочтению А.Ф. Кочкиной (1985, с. 77–

79), это благопожелание «пить кислое молоко»¹¹ (рис. 43: 11).

Необычны сосуды в виде трехногих курильниц (рис. 44: 7) и с ручкой для переноса углей (рис. 41: 18–19, 26–28). Они проникают в страну вместе с широкогорлыми кувшинами с красным ангобом и грушевидной формы кружками с зооморфными ручками, присущими населению юго-восточных истоков – из долин Таласа и северного Каратау (Левина, 1971, рис. 60: 4, 5, 10, 11, 56; 61: 7, 18 и др.).

Для домонгольского периода характерны также гончарные изделия зооморфных форм или с такого рода деталями (рис. 45; 46). Среди них сосуды, пробки и солонки в виде уток, гусей, с головками лошадей, горных козлов, баранов, петухов, соколов, а также кружки с ручками в виде медведей. В частности, одна такая ручка найдена в мастерской с горном № 5. Зооморфные изображения создаются скульптурной лепкой, орнаментом. Они несут абстрагированные образы сакрализованных древних тотемов (Кокорина, 2001).

¹¹ Предложены и другие чтения, см.: Курбатов, 1990, с. 13–18; Кызласов И.Л., 1994, с. 29, 145, 274, 275; 2000, с. 5–18; табл. VIII; Kurbatov, 1994, s. 110, şekil 16. Прим. отв. ред.

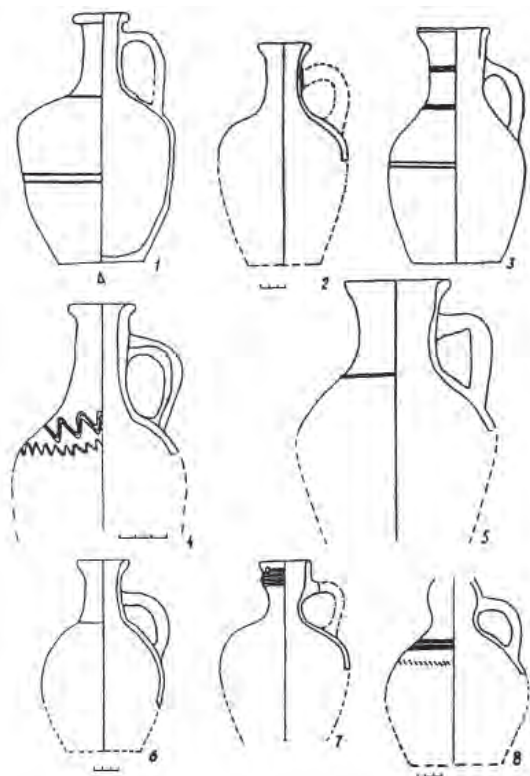

Рис. 34. Кувшины I группы, типы 1 (1, 2), 2 (3), 3 (5), 4 (7, 8), 5 (4, 6).
1, 4, 5, 7, 8 – Биляр; 2 – Сувар, 6 – Болгар

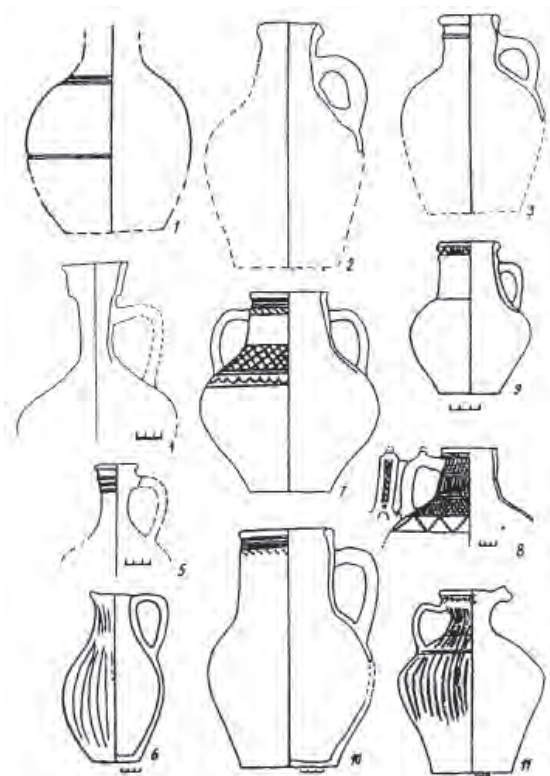

Рис. 36. Кувшины I группы, типы 12 (1), 13 (2, 3), 14 (4, 5), 15 (6), 17 (8), 18 (9, 10), 19 (11).
1 – Болгар; 2–11 – Биляр

Все эти изделия требовали высокого мастерства и глубоких знаний народной культуры. Однако среди болгарских гончаров были и достаточно образованные для своего времени специалисты, знакомые с местным тюркским руническим и арабским письмом, знаковыми системами и законами пиктографического искусства древности. Примером единичных надписей арабского письма является надпись «Аллах» на крышке кувшина или кружки XII в. из Биляра. Любопытны символические знаковые композиции на кружках из Биляра X в. (рис. 47) и Болгара XII – начала XIII вв. (рис. 48).

Среди изделий гончарных мастерских Биляра часто встречаются клейменные сосуды. К настоящему времени выявлено более тысячи клейм на посуде из городов и сельских поселений Волжской Болгарии домонгольского периода (Кокорина, 2002, с. 201–217). Изучение распределения посуды со знаками-клеймами по объектам и слоям Билярского городища позволило сделать вывод о том, что они являлись семейно-родовыми тамгами (Кочкина, 1983, с. 69) и принадлежали известным и знатным родам (Кокорина, 2002).

Выделено 62 группы и 237 типов таких знаков. Тамги из гончарных мастерских Биляра наиболее многочисленны: здесь выявлено более 700 знаков,

Рис. 35. Кувшины I группы, типы 6 (1), 7 (2), 8 (3), 9 (4–7), 10 (8, 9), 11 (10).
1–4, 7, 9, 10 – Биляр; 5, 8 – Сувар; 6 – Болгар

Рис. 37. Кружки I группы, типы 1 (1), 2 (2), 3 (3, 4), 4 (5-8), 5 (9-12).

1-3, 5-12 – Биляр; 4 – Болгар

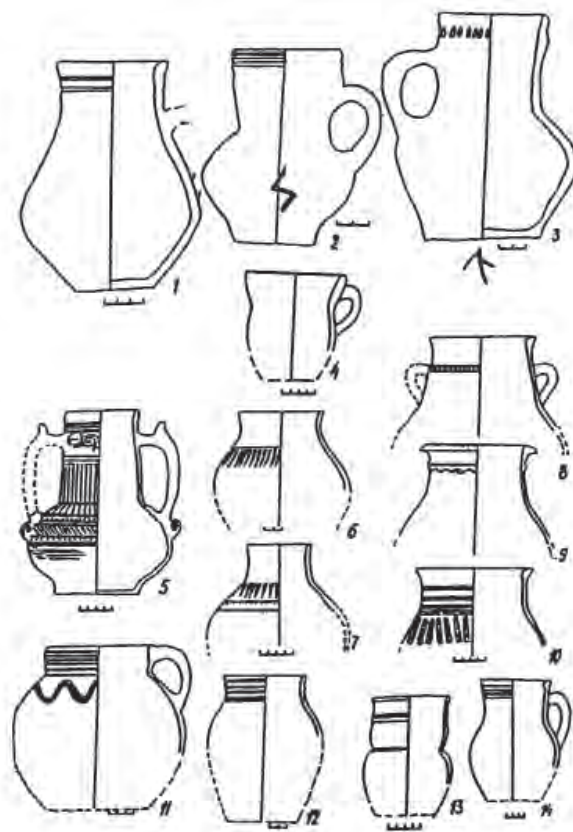

Рис. 38. Сосуды I группы: кружки типов 10 (1), 11 (2, 3), 12 (4), и кринки типов 1 (5), 2 (6, 7), 3 (8), 4 (9), 5 (10), 6 (11), 7 (12), 8 (13, 14).

1, 2, 4-13 – Биляр; 3 – Новомордовское селище; 14 – Болгар

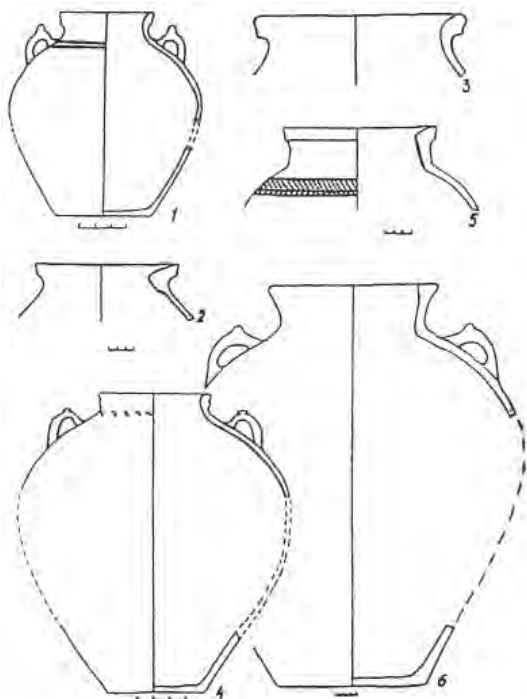

Рис. 39. Корчаги I группы, типы 1 (1-3), 2 (4), 3 (5, 6) 1 – Рождественское селище» 2, 3, 5 – Биляр; 4 – Муромский городок, 6 – Болгар

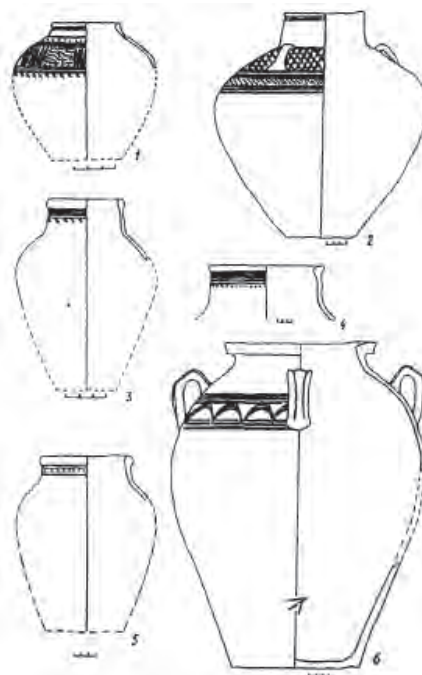

Рис. 40. Корчаги I группы, типы 4 (1, 2), 5 (6), 6 (3-5) 1, 3 – Рождественское селище, 2, 4-6 – Биляр

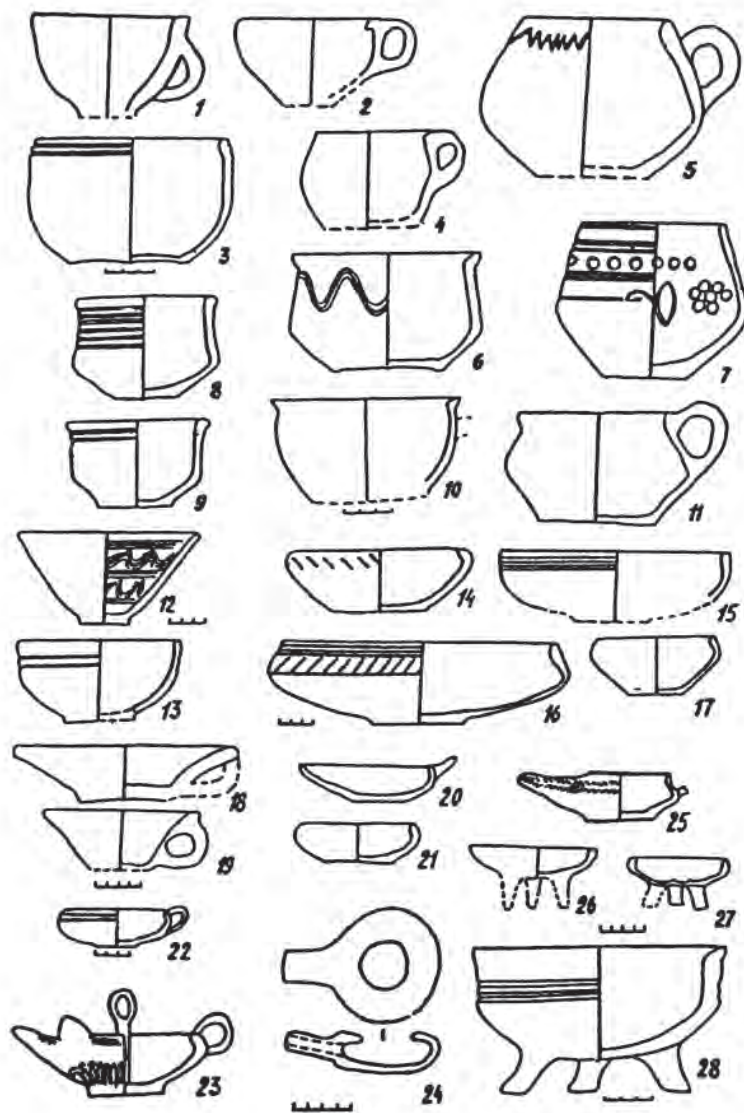

Рис. 41. Керамические изделия I группы из Биляра:

чашки типов 1 (1, 2), 2 (3), 3 (4–7), 5 (9), 6 (10), 7 (11); пиалы типов 1 (13); плошки (14–17); «угольные» чашки (18, 19); светильники типов 1 (20, 23), 2 (24), 3 (26, 27), 4 (25); трипод (28)

из них 300 полностью сохранили графический облик. Большая часть посуды с тамгами делалась на заказ. Отсюда разнообразие типов тамг, обнаруженных в мастерских. Из всей партии одновременно обжигаемых сосудов в горне № 6 только один сосуд оказался отмечен А-образной тамгой. По нашему мнению, этот факт может свидетельствовать об уплате владельцу мастерской доли гончарными изделиями.

Для ранних мастерских Биляра X–XI вв. наиболее характерны знаки «А» и «ветка», принадлежавшие правящим родам, поскольку они повторяют тамги на монетах Болгара, Биляра и Суvara X в. Преобладание на изделиях X – начала XIII вв. разных вариаций А-образной тамги осо-

бенно присуще Биляру, но сосуды с этой тамгой встречаются также в Болгаре, Самосделке, Ички Казани (Русско-Урматское селище) и на других поселениях Волжской Болгарии. Вероятно, это свидетельствует о сосредоточении гончарных мастерских в руках правящих родов или об их покровительстве этому виду ремесла (Кокорина, 1989, с. 89–97).

Находки в очагах и печах болгарских мастерских глиняных «хлебцов» и глиняных шариков (баурсак?), по аналогии со среднеазиатскими обычаями гончаров-цеховиков (Джаббаров, 1959), могут считаться жертвенными приношениями в честь духа-предка. Обычай указывает на преемственность гончарного ремесла, передачу его по наслед-

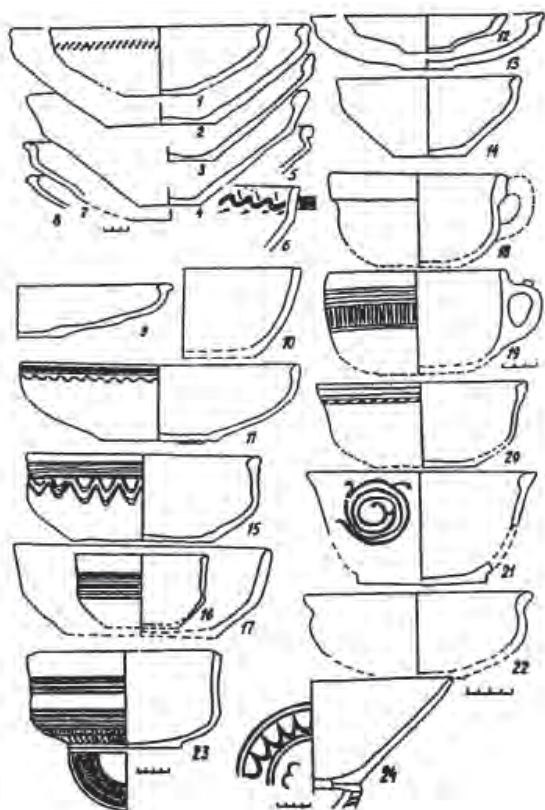

Рис. 42. Посуда I группы из Биляра: блюда типов 1 (1), 2 (2-7), 3 (8-11); блюдца типов 1 (12, 13), 2 (14) и чашки типов 1 (15-17), 2 (18), 3 (19), 4 (20-21), 5 (22), 6 (23), 7 (24)

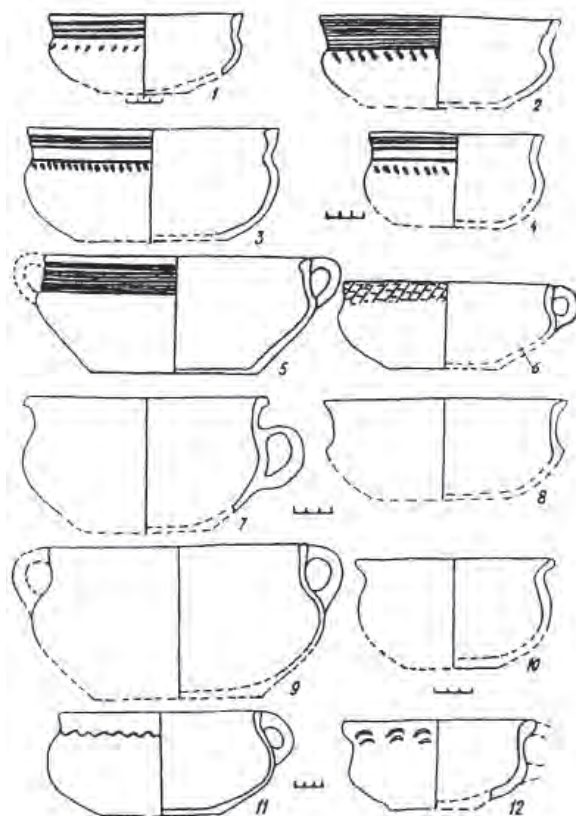

Рис. 43. Миски I группы типов 1 (1-6), 2 (7, 8), 3 (10), 4 (9), 5 (11, 12)
1, 2, 6-8 – Биляр; 3, 4, 10, 12 – Болгар; 5, 9, 11 – Рождественское селище

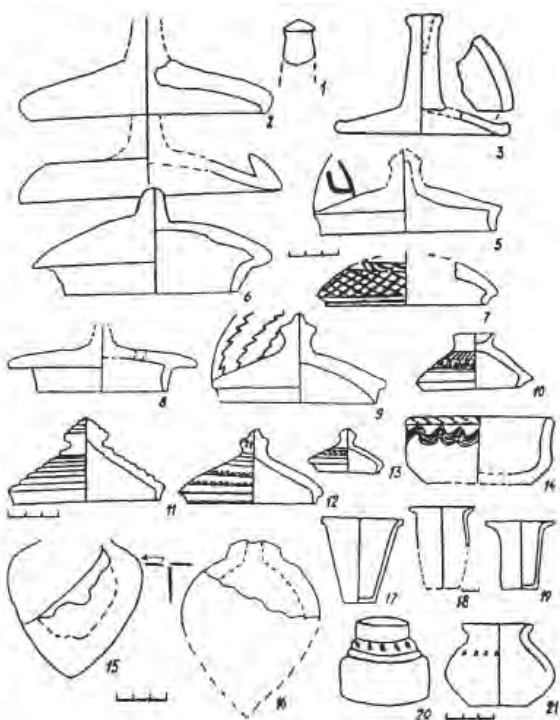

Рис. 44. Крышки (1-14) и редкие формы (15-21) I группы. 1, 2, 4-18, 20, 21 – Биляр; 3, 19 – Сувар.

Рис. 45. Редкие формы I группы с зооморфным оформлением. 1-4, 6, 8-12 – Биляр; 5 – Муромский городок; 7 – Тетюшское городище

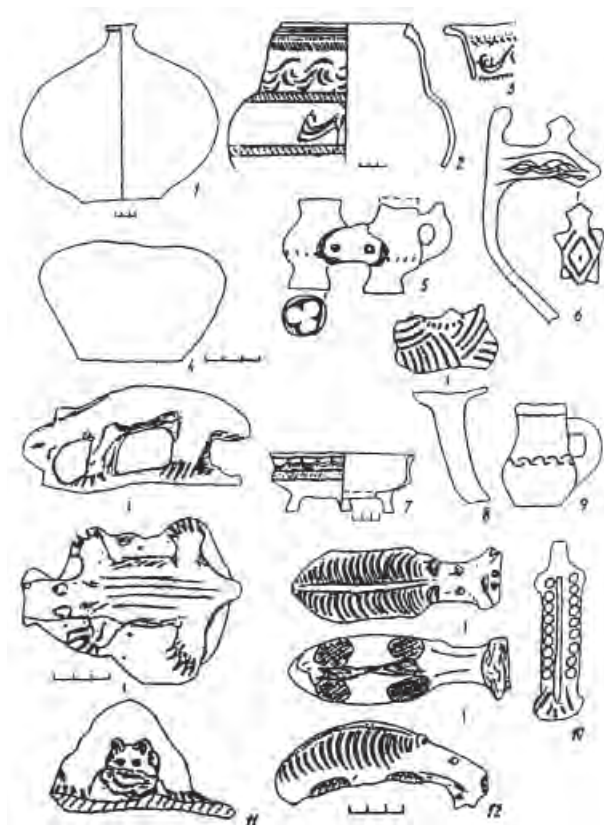

Рис. 46. Редкие формы и сосуды I группы с зооморфным оформлением из Биляра

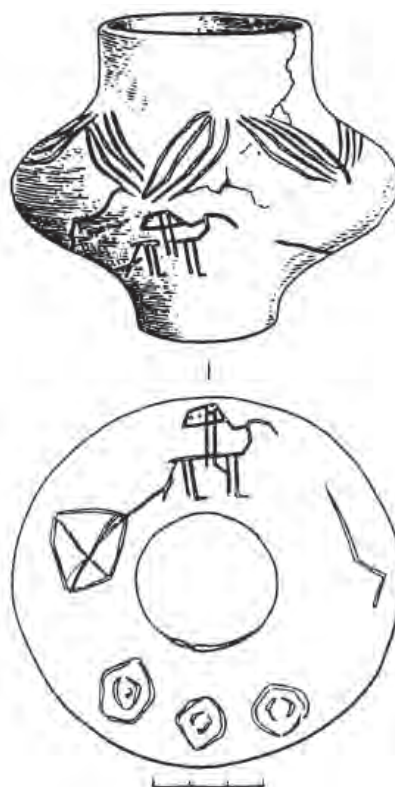

Рис. 47. Биляр. Кринка из ямы № 4

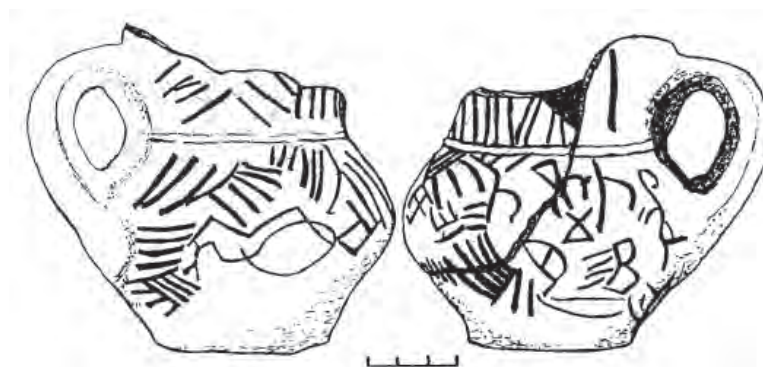

Рис. 48. Кружка со знаками из Болгара

ству – и только по мужской линии, что не исключает работы мастера и с учеником со стороны.

Создание феодального государства, интенсивное городское строительство явилось стимулом быстрого развития гончарства в Волжской Болгарии. Строительство дорогостоящих специализированных мастерских в Биляре уже в X в. приобрело государственное значение. Прибывшие из Средней Азии и Арабского Востока ремесленники повлияли на организацию ремесленного дела

и создание купеческо-ремесленных объединений у болгар.

Высокий уровень специализации гончарных мастерских Биляра прослеживается на всех этапах организации данного ремесла и предполагает существование цехового объединения. Массовый стандартизированный ассортимент продукции мастерских создается с учетом различных этнических традиций и конфессиональных особенностей.

Стеклоделие

За последние десятилетия в результате широких экспедиционных исследований сформировались богатейшие коллекции средневекового стекла болгарских памятников X – первой трети XIII в. Их анализ позволяет выделить основные направления и этапы поступления стеклянного импорта, обнаруживает их историческую обусловленность и закономерность. Особенно важно, что изучение стекла болгарских городов и открытие стеклоделательных мастерских в Биляре дополнило перечень ремесел Волжской Болгарии еще одним высокотехнологичным производством – стеклоделием (Валиулина, 2005) и установило существование в домонгольское время в Биляре и, возможно, в Суваре алхимии, тесно связанной с ремеслом и прежде всего с производством стекла (Valiulina, 2016a).

Изучая торговлю Волжской Болгарии с саманидской Средней Азией в X в. и оценивая ее как «зенит исламской коммерции с Северной Европой», Т.С. Нунан на основе скрупулезного анализа широкого круга источников, прежде всего нумизматических, выделяет четыре периода восточноевропейской торговли с исламским миром, которые можно объединить в два основных. Первый, хазарский, с конца VIII и в течение IX в., когда маршруты проходили через Хазарский каганат и особенно Нижнюю Волгу и Каспий, далее вели на Ближний Восток. Фактический процент дирхемов, чеканенных на монетных дворах Ближнего Востока, ввозимых через Хазарию по каспийско-кавказским маршрутам, в этот период был равен почти 100%. Второй период, болгарско-саманидский, начинается около 900 г. и длится до конца X в. В то время как старые маршруты на ближневосточные рынки продолжали функционировать, большая же часть этой торговли теперь проходила по караванному маршруту между Средней Азией и Волжской Болгарией. Импорт саманидских среднеазиатских дирхемов, который в 940-х годах достиг 85% от всего импорта из исламского мира, удерживался в таком высоком процентном отношении в течение всего X в. (Нунан, 2004, с. 259–293). Интересно соотнести монетные объемы с количеством другой международной валюты рассматриваемого времени – в большей степени с ближневосточными стеклянными бусами массового серийного производства. С конца VIII в. и в течение IX в. число бус в восточноевропейских памятниках неуклонно увеличивалось, но абсолютного максимума достигло в X в. Возникает впечатление, что ближневосточные стеклянные бусы в X в. замещают ближневосточные сере-

бряные дирхемы в восточноевропейской меховой торговле.

Вместе с торговыми караванами, но в качестве личных вещей купцов или подарков, далеко на север попадали восточные стеклянные сосуды, отдельные находки которых в Бирке были известны еще К.Й. Ламму (Lamm, 1941, p. 11, tabl. III). У восточных стеклянных украшений и стеклянных сосудов при общем их происхождении, можно сказать, были разные «судьбы» и разные миссии – стеклянные украшения не входили в основную номенклатуру изделий исламского стеклоделия и массово уходили на европейские рынки. Напротив, раннеисламское посудное стекло и лампы в памятниках Волжской Болгарии представлены единичными экземплярами, но все они достаточно выразительны, имеют надежный круг аналогий и проекцию на ремесленные центры. В определении происхождения и путей поступления ранних стеклянных сосудов важно, что эти находки сопровождаются и синхронной ближневосточной художественной керамикой. Обе категории – стекло и парадная керамика взаимодополняют и взаимоутверждают датирующее и статусное значение друг друга. На это свойство двух групп материалов опираются многие исследователи (Скэнлон, 1981, с. 284–285; Watson, 1998, p. 15–19; Валиулина, 2001, с. 43–63; Whitehouse, 2012, p. 101).

В X – начале XI в. произведения исламского искусства поступали в Восточную Европу в основном двумя путями – через Кавказ и Среднюю Азию. Для продукции ближневосточного стеклоделия наиболее предпочтительным представляется кавказское направление, среднеазиатский маршрут проявит себя позднее, когда на рынке появятся изделия собственных среднеазиатских мастерских. Показательно, что оба эти направления выразительно представлены в материалах XI–XII вв. Самосдельского городища в устье Волги, где продукция ближневосточного и среднеазиатского стеклоделия присутствует практически поровну, что подтверждается и морфологическими характеристиками, и химическим составом изделий (Валиулина, Зиливинская, 2010, с. 75).

Коллекции закавказских памятников, прежде всего Двина, особенно важны для реконструкции путей, объема и динамики поступления восточного стекла в Волжскую Болгарию. Материалы позволяют рассматривать средневековую Армению и как посредника, и как поставщика стеклянной продукции на север – на Волгу. В этом процессе важным звеном предстает регион Северного Кавказа.

Рис. 49. Ближневосточные раннеисламские стеклянные изделия болгарских памятников.

Стеклянные изделия X – начала XI в. в Восточной Европе севернее Кавказа обнаружены в городских центрах Нижней (Самосдельское городище) и Средней Волги (Болгар, Сувар, Билярское II селище).

Миниатюрные сосудики с резным и накладным декором из Болгара (рис. 49: a, b) имеют прямые аналогии с подобными изделиями IX–X вв. из Нишапура (Kröger, 1995, p. 132–133, Nos. 175, 178, 179), иранского региона в широком смысле (Carboni, 2001a, p. 111, cat. 2.6 d; Lameris, 2015, p. 30–31, № 17), и сосудиками, представленными в музее Виктории и Альберта (№ 8274), местом производства которых указан Египет. Подобные изделия из собрания Музея стекла в Корнингге Д. Уайтхаус датировал IX–XI вв. (Whitehouse,

2010, p. 82–83, Nos. 127–130). Маленькие флакончики, очевидно, сами по себе не являлись товаром, а служили емкостями для благовоний, лечебных средств и парфюмерии. Образцом раннеисламского резного стекла в Болгаре является и фрагмент (5,9×4,6 см) бесцветного, чуть желтоватого сосуда (БГИАМЗ, 255/55). На стенку толщиной 3–4 мм в технике высокого рельефа косой резьбой (slant-cut) нанесен орнамент в два яруса – фигурка птицы (сохранилась головка и пышное оперение хвоста) и над ней – передняя лапа какого-то животного (Валиулина, 2015, рис. 5, 6). Стиль декора является продолжением художественных традиций Сасанидского Ирана. Изделие имеет многочисленные аналогии в памятниках, в основном IX–X вв. (Kröger, 1995, p. 163, fig. 15; Whitehouse,

2010, р. 156, № 266, р. 197, №. 330). В Болгаре известны и другие фрагменты резных сосудов (Б-64, № 676, НМРТ, 14844/21).

Особую группу раннеисламских изделий с резным декором составляют сосуды из двуслойного стекла. В Болгаре обнаружен фрагмент толстостенного сосуда, который имел бесцветную основу – внутренний слой – из натриевого золистого стекла ($\text{Na}_2\text{O}-\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$), которое соответствует средним величинам химического состава бесцветного стекла Нишапура (Kröger, 1995, р. 210, tabl. 2.2, № 165) и верхний – наружный – из свинцово-кремнеземного стекла ($\text{PbO}-\text{SiO}_2$) ярко-зеленого цвета, концентрация свинца в котором составляла 64,8% (Valiulina 2016, 135, fig. 13, a; Валиулина 2016, 348, табл. 5, 8, 9), что делало стекло легким в обработке резьбой. По мнению Р. Брилла, такое стекло, вероятно, делалось на заказ, из него в исламском стеклоделии выполняли камен, двухслойные резные сосуды и другие изделия (Brill, 2001, р. 28). Такой состав имеет вставка перстня (АКУ 217/473) из 35 погребения Большетиганского могильника IX–X вв. (Valiulina, Voronina, Manarov, Pyataev, 2014, р. 205). Этот класс представляет специальное стекло в раннеисламском стеклоделии, редкое, но узнаваемое (Brill, Stapleton, 2012, р. 418). Д. Уайтхаус в книге «Исламское стекло Музея стекла в Корнинге» таким предметам, декорированным в технике камеи, уделил отдельную главу. Большая часть изделий, сохранившихся фрагментарно, демонстрирует сочетание бесцветного стекла с изумрудно-зеленым, редко синим кобальтовым или зелено-голубым, единичные фрагменты с прозрачным горчичным или желтым верхним слоем. Датируются такие произведения в основном IX–X вв., некоторые – X – началом XI в. (Whitehouse, 2010, р. 281–328). Сосуд IX в. из иранского или месопотамского регионов хранится в коллекции Аль-Сабах Кувейтского национального музея (Carboni, 2001a, р. 82–83, cat. 18 a, b; р. 114, cat. 2.10). Тем же временем датируется кубок из Самарры в Музее исламского искусства в Берлине (Becker, Kröger, 2010, S. 76–77; Beuster, 2010, S. 46–53).

Вероятно, к ранним иранским изделиям нужно отнести чернильницу (сохранился фрагмент венчика) из переотложенного слоя (БГИАМЗ, 31–48). Более выразительные находки таких изделий известны в Суваре (Valiulina, 2015a, р. 416, fig. 3, 8, 9).

Из Болгара происходят еще два ранних предмета – стеклянные гирьки в виде плоской круглой лепешечки со штампом с одной стороны, широко датированные, впрочем, в пределах домонгольского времени. Одна из них (рис. 49: е) – случайная находка (БГИАМЗ, 374–251) диаметром 2,2

см, весом 3,01 г, что соответствует одному «дирхаму ал-кайл» (Хинц, 1968, с. 13). Вторая – диаметром 1,4 см (БГИАМЗ, 246–92/89), не полностью сохранившаяся (рис. 49: j) обнаружена в 1979 г. на раскопе LXVIII, очевидно, в перекопе домонгольского слоя (Хлебникова, 1980, с. 91–92). Обе гирьки выполнены из стекла, окрашенного марганцем разной концентрации (Валиулина, 2016, с. 346–347, табл. 5, 1–3) – первая прозрачная розовая, вторая черная. Обе с лицевой стороны имеют круглый штамп с углублением неправильной формы в центре и выпуклый округлый бортик по краю.

Стеклянные монетные разновесы – экзагии – впервые появились в античности, с тем же названием перешли в византийскую культуру. В цитадели Двина, в слое VI–VII в. найдены три стеклянных эталона золотых византийских динаров весом 4,52, 4,52 и 4,40 г и две гирьки VIII–IX вв. с арабскими надписями (Джанполадян, Калантарян, 1988, с. 23–24, табл. XLI, 3, 5; XLVI, 2). Арабские стеклянные гирьки VIII–IX вв. найдены в Словакии (Hunka, 2002, S. 51–52, obr. 1). Такими находками отмечен Днепровский торговый путь: на Шестовицком городище обнаружен стеклянный экзагий VI в. из зеленого стекла и в Киеве найден мусульманский стеклянный экзагий X в. (Комар, 2012, с. 349, рис. 10, 7).

Стеклянные гирьки подобной формы на Востоке появились в VII в. и использовались до XII в. Они хранятся во многих музеях мира – Музее Метрополитен (Jenkins, 1986, р. 53, Nos. 66–74), в Лувре, Музее естественной истории в Венеции, Музее Бенаки в Афинах, Музее Абгине в Тегеране и других. Собрания эти пополняются материалами раскопок, например, в Фустате (Kawatoko, Shindo, 2010, р. 9, Color pl. 11–2, 11–3). Установлено, что медальоны-гирьки соответствовали фракции серебряного дирхема (Newby, 2000, р. 30–31, Nos. 19–24). С. Карбони разделяет собственно медальоны и штампы сосудов. Медальонами он считает предметы диаметром от 4,7 до 10 см с оттиском изображений животных, сцен охоты, всадников, лютнистов, даже угадывающихся сюжетов, иллюстрирующих «Шах-наме», иногда с куфической надписью по бордюру. Тексты с именами правителей сообщают абсолютные даты. Практически все эти медальоны происходят из Средней Азии и Афганистана и относятся к XII в. Находки из дворцового комплекса Газневидов в старом Термезе датируются XII – началом XIII в. (Мирзаахмедов, 2011, с. 99, рис. XIII). Исходя из того, что крупные медальоны были вставлены в алебастровые решетки, они идентифицированы как элементы архитектурного художественного оформления сооружений не только в Термезе, но и в Ракке, Самарре,

городах Египта и Западной Азии (Carboni, 2001a, p. 278). И хотя изделиям определена декоративная или статусная функция, для каждого медальона в очерке С. Карбони указан вес (Ibid, p. 272–281, cat. 73 a–k, m–s). Вторая группа – штампы сосудов – включает предметы меньшего диаметра – до 3,5 см, имеющие вес, кратный монетам, и датирующиеся IX–X вв. (Ibid, p. 282–283, cat. 3.49 a–c; 3.50 d, e). Стекланные «медальоны» также могли быть нижней частью ручки сосуда – штамп находился на ее внешней стороне (рис. 50), как на изделиях IX–X вв. из Нишапура (Kröger, 1995, p. 102–103, Nos. 142–147), Двина и других мест (Джанполадян, Калантарян, 1988, с. 23–24, табл. XLI, 1–5; Carboni, 2001a, p. 166–167, cat. 38 b–c; 2001c, p. 20, fig. 5). Но такие предметы часто имеют еще и «хвостик» – осколок собственно ручки (рис. 1: d). «Медальоны» служили и украшениями тулова сосудов, иногда располагаясь в несколько рядов (Carboni, 2001b, p. 22, fig. 10; 2001d, p. 115, № 34), такой медальон с изображением льва хранится в коллекции аланских древностей в музее Нижнего Архыза (инв. № 1394).

Есть еще одна версия назначения этих предметов – специальные служебные печати для нормирования и взвешивания медикаментов (Jenkins, 1986, № 6) и опечатывания пищевых продуктов при транспортировке (Sezgin, Neubauer, 2003, p. 169, № 84). В торговом центре Бет Шеан на территории Израиля раскопками 1980–1990-х годов получена серия стекланных сосудов со штампами-медальонами, в основном на венчиках. находки происходят из торговых лавок-мастерских и бани омейядского и фатимидско-аббасидского периодов. В лавках сосуды со штампами сопровождаются стекланными и бронзовыми гирьками. Авторы раскопок предполагают использование сосудов со штампами в качестве мерных емкостей для масла. Почти все штампы имеют куфические надписи, на двух указано имя омейядского халифа Сулеймана. Это дает основания предполагать, что мастерские работали под патронажем царской власти (Hadad, 2002, p. 39–40).

В болгарских памятниках все находки относятся к миниатюрным штампам сосудов, по С. Карбони (рис. 49, d, f), или гирькам (рис. 49: e, g, j), по Ньюби, учитывая их весовую кратность дирхемам. Кроме Болгара, штампы известны в материалах Ага-Базара, Юрманского селища в Ульяновской области (рис. 49: d), Суvara, Билярского городища. Особенно важна классическая стеклнная гирька из Ново-Мордово (БГИАМЗ, КП 538–34/184). Гирька черного цвета выполнена литьем из содового стекла высокого качества, совершенно лишена патины, имеет усеченно-пирамидальную форму с двумя уступами. Вогнутое

дно и радиальный рельеф образованы в результате прокола сквозного отверстия в центре гирьки со стороны основания (рис. 49: g). С лицевой стороны у основания имеются две вертикальные насечки, вероятно, обозначение кратности. Высота изделия составляет 1,1 см, диаметр – 2,2 см. Вес гирьки равен 5,64 г, что абсолютно соответствует весу двух серебряных дирхемов в 2,82 г (Хинц, 1968, с. 12). Аналогии стеклнной новомордовской гирьке неизвестны, но химический состав и вес указывают на ее египетское происхождение (Валиулина, 2016, с. 346–347). В то же время интересно, что гирька формой напоминает так называемые «свинцовые пломбы» (гирьки, напрясла, грузики), в большом количестве находимые в болгарских памятниках. А.П. Смирнов считал эти предметы напряслами. Обращаясь к взвешенным пломба-гирькам в собрании В.И. Заусайлова, он отмечал, что «они имеют самый различный вес и никакой закономерности в этом весе проследить нельзя», а отдельные весовые совпадения объяснял тем, что «напрясла вышли из одной литейной формы» (Смирнов, 1951, с. 120). Таким образом, назначение свинцовых «пломб-гирек» до сих пор остается загадкой.

Стеклнные гирьки изготавливались для проверки монет, прежде всего классических золотых динаров, мискальный вес которых должен был быть установлен с высокой степенью точности. Такую точность обеспечивали стеклнные гирьки, поскольку не были подвержены коррозии. В. Хинц в качестве примера приводит данные взвешиваний стеклнных гирь конца IX в., совпадающие друг с другом до одной трети миллиграмма (Хинц, 1968, с. 11).

Очевидно также, что конкретное соотношение стеклообразующих в стекле, распространенного в целом химического типа Na–K–Ca–Pb(Sn)–Mg–Al–Si, призвано было обеспечить оптимально высокую химическую устойчивость этим специальным изделиям (Valiulina, 2016, p. 139, fig. 12, g; Валиулина, 2016, 347, табл. 5, 1). В соответствии с выводами последнего исследования датировку болгарских стеклнных гирек можно сузить до X–XI вв.

Рассмотренными изделиями на настоящий момент исчерпывается все раннеисламское стекло Болгара. Несмотря на малое число находок, их присутствие вселяет уверенность, что собрание это по мере продолжения раскопок будет пополняться.

Недалеко от Болгара расположено Кожаевское IV селище, существовавшее с раннего домонгольского времени по золотоордынское. Памятник отличается от рядовых болгарских селищ богатством материальной культуры, о чем свиде-

тельствуют как отдельные незаурядные находки, так и клады, ювелирные (золотых и серебряных украшений) и производственные (Кавеев, 2002, с. 123–126). В составе коллекции стеклянных изделий селища присутствует фрагмент стенки сосуда почти бесцветного стекла желтовато-зеленоватого оттенка. С внешней стороны поверхность украшали рельефные овальные капельки-«слезки» длиной 1,3 см, шириной 0,45 см. Сосуды с подобным декором хранятся во многих музеях мира – Музее Метрополитен, Британском музее, Национальном музее Кувейта и др., датируются VIII–X вв. Находки известны в Самарре и Нишапуре (Whitehouse, 2010, p. 76–78).

Интересную коллекцию исламского стекла представляют материалы Билярского II селища, расположенного на окраине современного села Билярск, в 1,5 км северо-западнее Билярского городища. Раскопки представили двуслойный памятник – верхний слой принадлежит юго-восточной периферии золотоордынского Биляра (Билярское III селище) второй половины XIII – начала – возможно, первой половины XIV в., нижний датируется рубежом X–XI – серединой XI в. (Валиулина, 2015). Нижний слой, как и верхний, показывает явный городской характер памятника, на что выразительно указывают ближневосточные стеклянные изделия: украшения, посуда, представленная, к сожалению, в основном мелкими фрагментами. Исключение составляют две масляные лампы, сохранность которых позволила М.Д. Полубояриновой выполнить их реконструкцию и надежную атрибуцию (Беговатов, Полубояринова, 2014, с. 158–162). Обе лампы представляют образцы ранних исламских подвесных светильников, отмеченных многочисленными аналогиями X–XI вв. (Kröger, 1995, № 235, p. 182; Carboni, 2001b, p. 20, fig. 5).

Самая выразительная коллекция стекла X–XI вв. в Среднем Поволжье принадлежит Сувару. Практически все типы сосудов этого города имеют прямые аналогии в изделиях Нишапура X–XI вв., Двина, Ани, Дербента и некоторых городов Средней Азии (Валиулина, 2006, с. 95–96; Валиулина, 2015). Важно, что и другие категории материальной культуры Суvara, прежде всего керамический комплекс, обнаруживают большое сходство с материалами кавказских и более южных памятников. Особенная близость коллекции стеклянных изделий установлена с материалами Самосдельского городища в устье Волги (Валиулина, Зиливинская, 2010, с. 63–76).

Сувар – один из трех главных городов Волжской Болгарии – располагался в 80 км от Волги. Он, как и Болгар, в X в. чеканил монеты. Племенная группа сувар/савир имеет очень ранние упоминания в письменных источниках: с V в. византийским

авторам известна «область савиров на Северном Кавказе, севернее Каспийских ворот (Дербента)» (Петрухин, Раевский, 1998, с. 178, 193). Название города Сувар созвучно «владению Сувар» арабоязычных авторов, которые фиксируют его в IX в. также к северу от Дербента (Гмыря, 2006, с. 68). Располагаясь в северо-восточных предгорьях Кавказа и в Закавказье, савиры постоянно находились в союзнических отношениях с Ираном или Византией, а значит, и в сфере культурного воздействия этих держав, воевали и торговали с Арменией и, по словам Захарии Ритора, отнюдь не считали себя дикими варварами уже в VI в. (Петрухин, Раевский, 1998, с. 194).

Вероятно, наиболее ранним в коллекции стекла Суvara является сосуд из светло-зеленого стекла с характерным декором – выступающими защипами. Такой прием декорирования, когда поверхность еще горячего сосуда просто прищипывали щипцами, появился при Сасанидах и сохранялся в первые века ислама (Бренд, 2008, с. 47). В Берлинском Музее исламского искусства хранится целый такой сосуд. По мнению К. Мюллер, он происходит из Сирии или Египта и датируется VIII–X вв. (Müller, 2010, S. 70–71).

Венчики двух суварских сосудов из зелено-голубого стекла с толщиной стенок до 3 мм принадлежали чернильницам с малым диаметром отверстия и широким горизонтальным воротничком-венчиком, плотно лежащим на плечиках тулова. Одна чернильница (БГИАМЗ, 1084–270/402) имела диаметр отверстия 2 см, венчик шириной 1 см и конический внутренний объем, у второй диаметр отверстия составлял всего 1,3 см, но «воротничок» значительно шире – 2,3 см. Поверхность сосуда имеет резной «лучистый» декор вокруг отверстия – радиально-расходящиеся по плечикам лучи, и, вероятно, вертикальные полосы вдоль тулова (рис. 50: а). Декор верхней части чернильницы закрыт отворотом венчика и виден только на просвет фрагмента, то есть в целом изделия из темно-зеленого стекла он не был замечен. По форме и цвету стекла прямой аналогией является иранский сосуд X–XI вв. из коллекции Н.Д. Халили (Carboni, 2001a, p. 212, cat. 53 а), который Э. Саваж-Смит относит к сфероконусу, а по функциональному назначению интерпретирует как чернильницу (Savage-Smith, 1997a, p. 337, cat. 212). Подобный сосуд найден в Китае (Хан Хан (Лю Юань Юань), 1999, с. 70). Тоже верхняя – наиболее прочная и узнаваемая – часть чернильницы из бесцветного стекла, но с петелькой-ушком, найдена на Самосдельском городище в ходе раскопок Э.Д. Зиливинской в 2010 г. Целые экземпляры стеклянных чернильниц из собраний Лувра, Музея исламского искусства в Берлине, Музея

Рис. 50. Чернильница из Сувара (а) и ее аналогии по S.Carboni 2001 (b, c).

Метрополитен, коллекции Н.Д. Халили и других дают представление о формах и размерах изделий. Высота у них могла достигать 11,5 см, максимальный диаметр варьировал от 4,4 см до 9 см, на плечиках и часто к венчику крепились накладные петельки-ручки – от одной до шести. Обычно это цилиндрические предметы, но известны и сосуды X–XI вв. яйцевидной или сфероконической формы с округлым дном и с одной петелькой-ручкой, имеющие две версии функционального использования – в качестве ламп или чернильниц (Savage-Smith, 1997a, p. 337, cat. 212, 213; Carboni, 2001a, p. 212, cat. 53a). Самосдельская чернильница могла иметь такую же форму, как образец из Музея Метрополитен из бесцветного, бледно-зеленоватого стекла с четырьмя петельками-ушками, граненым, подквадратным в сечении туловом, яйцевидной полостью внутри и «опущенным» в нее цилиндрическим объемом для чернил. По форме тулова и цвету стекла сосуд напоминает граненые флакончики – подражания египетским хрусталь-

ным изделиям, и чернильница, вероятно, имеет египетское происхождение (Whitehouse, 2010, p. 79, № 9). Все же большая часть стеклянных чернильниц определяется как иранская продукция. Первые публикации и атрибуция сосудов из Ирана принадлежат К.Й. Ламму (Lamm, 1929–1930; 1935). Последующие открытия и исследования подтвердили эти определения.

Суварские чернильницы имеют полные аналогии с нишапурскими IX–X вв. (Kröger, 1995, p. 176–177, Nos. 129–130), а также с образцами иранского импорта в Средней Азии (Абдуразаков, Безбородов, Заднепровский, 1963, с. 143). В коллекции Самаркандского музея находятся по меньшей мере три образца чернильниц (А-109, № 355; А-109, № 358; А-109, № 484) из желтоватого и светло-голубого стекла разных размеров с четырьмя или шестью ручками. Бесцветная (бледно-желтая) чернильница, близкая самосдельской, хранится в собрании Лувра (Pasquier, 2007, p. 43), подобные имеются в Археологическом

музее Ирана в Тегеране (Muzeye Irân-Bâstân) (Sesgin, Neubauer, 2003, p. 162), из бесцветного и зеленого стекла – в коллекции Аль-Сабаха из Национального музея Кувейта (Carboni, 2001b, p. 141–143, cat. 33 a, b). Позднее на Востоке появляются керамические чернильницы подобной формы, такие как сирийская чернильница с бирюзовой глазурью XIII в. (Fehervari, 2000, p. 178, № 225).

Показательно, что в Суваре найден единственный известный на настоящий момент в Восточной Европе фрагмент стеклянного сосуда с люстровой росписью (ГИМ, инв. № 7798, оп. 2189/1559) – маленький осколок 2,6×1,4 см тонкостенного прозрачного чистого светло-голубого стекла с золотистым пятном на поверхности. Техника люстровой росписи, как и ранний люстр на керамике и кашине, могла возникнуть, по мнению С. Карбони, в разных ближневосточных центрах (Самарре, Дамаске), но развитие это производство получило главным образом в Тулунидском Египте в IX и X столетиях (Carboni, 2001c, p. 201).

Изделия раннеисламского стекла X – начала XI в. в болгарских памятниках представлены единичными предметами – чернильницами, лампами, парфюмерными флаконами, гирьками. Число и номенклатура этих изделий свидетельствуют, что они попали на Среднюю Волгу не как предметы импорта, а в качестве личных вещей или подарков послов и иноземных купцов.

В начале X в. в Волжской Болгарии произошло официальное принятие мусульманства. Судя по материалам могильников, исследованных Е.А. Халиковой, «на протяжении X–XI вв. ислам распространился на всей основной территории Волжской Болгарии от Самарской Луки на юге (Муромский городок) до Камы на севере (Джукетау), а в XII в. и севернее Камы, в бассейне р. Меши» (Халикова, 1986, с. 150). В это время шел процесс формирования городской культуры Волжской Болгарии, успеху которого должно было способствовать, в силу идеологической направленности, приобщение к культурным ценностям Востока. Однако в результате так называемого «серебряного кризиса» на рубеже X–XI вв. значительно ослабевает восточная торговля по Волге. В то же время с утверждением христианства на Руси в Восточной Европе распространяется влияние византийской культуры, и интересы Империи простираются до богатых пушниной рынков Среднего Поволжья и Прикамья. В коллекциях преимущественно торговых поселений XI в. на Волге и Каме – Измерского I, Лаишевского, Мурзихинского (Валиулина, 2008, с. 291), Сенгилеевского селищ и марийских могильников – преобладает византийский импорт стеклянных изделий: бусы, браслеты, редко сосу-

ды. Это направление контактов подтверждают и византийские монеты, каменные иконки, детали поясной гарнитуры, украшения.

Особенно выразительны так называемые «треугольные» бусы (рис. 51) из стекла типа PbO – SiO₂, количество которых в коллекции Измерского I селища исчисляется сотнями экземпляров.

Происхождение измерских бус следует связывать с византийской ремесленной традицией и считать византийским импортом. Но, учитывая единую технологию и химический состав, узость номенклатуры и явную однотипность изделий, а также наличие брака и отходов производства, можно предположить изготовление большей части бус на месте приезжими мастерами с использованием полуфабрикатов, то есть в мастерских с неполным производственным циклом. Это производство фактически тоже нужно расценивать как одну из статей импорта – импорт ремесла (Valiulina, 2016, p. 128–133, fig. 9, k; 10, 11). Как показывают материалы болгарских городов и прежде всего Биляра, свинцово-кремнеземное стекло не получит дальнейшего развития.

В болгарских городах на фоне формирования культуры мусульманского государства византийские находки едва заметны, но растет число стеклянной посуды восточного облика в Суваре, Биляре и других городах. В то же время можно сказать, что формирующаяся городская болгарская культура «не застала» в полной мере художественных ценностей исламского стеклоделия IX – начала XI вв.: изделий, расписанных люстром, украшенных резьбой и гравировкой – «роскошной эпохи подражания хрусталу», по выражению Стефано Карбони. К тому времени когда в городской болгарской среде возникла (созрела) потребность в дорогих, хрупких изделиях далеко не первой необходимости, в исламском стеклоделии на смену раннеисламскому художественному стеклу пришли вещи массового производства, более простые, утилитарные.

В начале XI в. в связи с ослаблением Волжской торговли и возросшей опасностью военных нападений со стороны Киевской Руси столица Болгарии переносится из Болгара на Волге вглубь страны, в Биляр¹². Болгар становится периферийным центром, о чем свидетельствуют материалы раскопок, в частности малое число стеклянных украшений, в основном византийского, а затем русского производства, практически полное отсутствие стеклянной посуды и оконного стекла в слоях XI – начала XIII в. В то же время в Биляре, Суваре,

¹² Данная точка зрения, высказанная впервые С.М. Шпилевским в 1877 г., в науке оспаривается давно (см. труды А.А. Спицына, М.Г. Худякова, В.Ф. Смолина, А.Х. Халикова, Ф.Ш. Хузина и др.). *Примеч. отв. ред.*

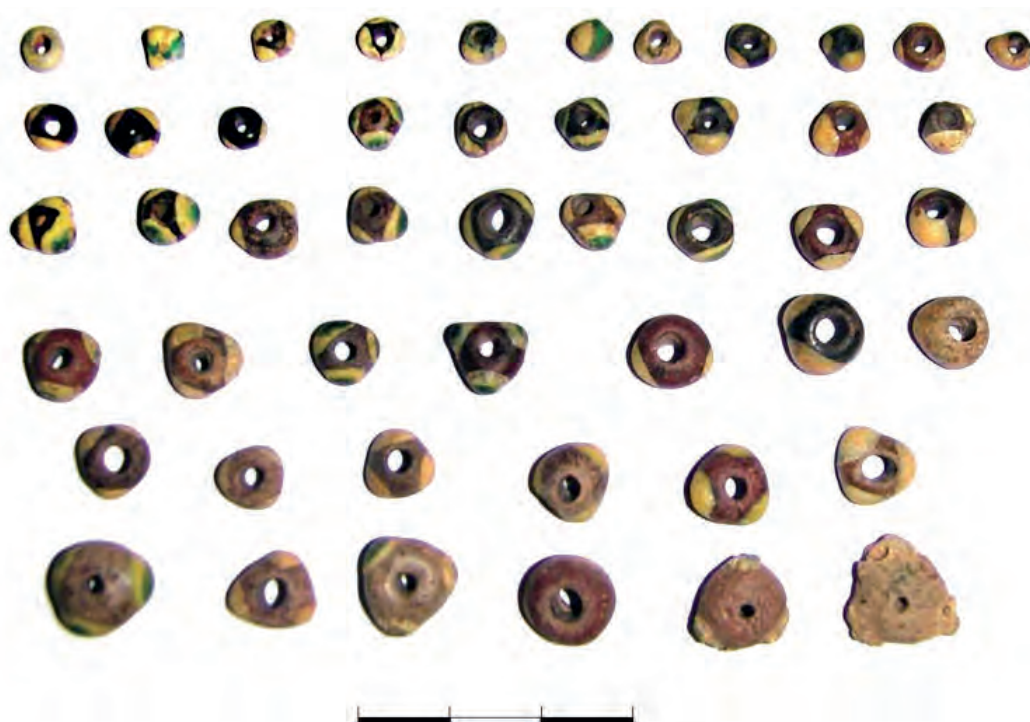

Рис. 51. «Треугольные» бусы Измерского 1 селища.

Муромском городке, Староалейкинском и I Красноянюковском городищах стеклянная посуда и оконное стекло становятся массовыми (Биляр, Сувар) или заметными находками.

Уникальная возможность представить широкий набор исламской стеклянной посуды первой четверти XI в. появилась с открытием торгового судна, затонувшего в 1025 г. в бухте Серче (Serçe Limanı) недалеко от острова Родос у побережья современной Турции. На момент крушения судна в трюме, кроме собственно посуды, находилось больше двух тонн стеклянного боя, предназначенного в качестве полуфабриката на продажу для европейских мастерских (Bass, Lledo, Matthews, 2009, с. 15). К первой четверти XI в. основной облик продукции исламского стеклоделия сложился и в целом он будет определяющим до середины XIII в. В рамках этой стилиевой традиции, но на местной сырьевой базе (Valiulina, 2014) в XII в. в Биляре возникнет болгарское производство стекла как составная часть исламского стеклоделия (Валиулина, 2005, с. 126–139).

Исламское стекло болгарских городов второй половины XI – первой трети XIII в. не отличается причудливостью форм и изысканностью декора, являя собой широкий набор утилитарной столовой, парфюмерной или аптечной и алхимической посуды, ламп и оконного стекла. После яркого раннеисламского этапа эти особенности в целом находятся в общем русле процесса развития исламского стеклоделия, характеризующегося

тенденцией к упрощению форм и декоративных приемов, что является закономерным следствием возросшего спроса на эту продукцию у широких средних слоев населения и массового производства, прежде всего обыденной стеклянной посуды.

Как и во всем исламском мире, у болгар стеклянные украшения не пользовались популярностью, представлены малым числом и не входят в основную номенклатуру изделий (рис. 52). Массово в болгарских городах присутствует посуда (рис. 53), причем в состав импорта входят в основном изделия мастерских Закавказья и Ирана. К последним, видимо, нужно отнести «набор» столовой посуды – кубки на ножке, стаканы или глубокие чаши и флаконы грушевидной формы. Изделия выполнены из зеленого стекла, толщина стенок достигает 2 мм, поверхность украшают горизонтальные или фигурно оформленные нити стекла цвета сосудов, акцентированные каплями синего цвета (рис. 53: d, I, 1).

Роль Ирана в качестве торгового и культурного партнера Болгарии в конце XII – первой трети XIII в. определенно и выразительно проявляется и в коллекции фаянсовой посуды с люстровой росписью (Валиулина, 2001, с. 45–48, рис. 2, 2–7), минаи и других типов, в том числе уникальных и изысканных произведений, таких как чаша с личинами и ажуром, найденная в верхнем горизонте культурного слоя Биляра (Валиулина, 2007, с. 176–181; Valiulina, Shlykova, 2015).

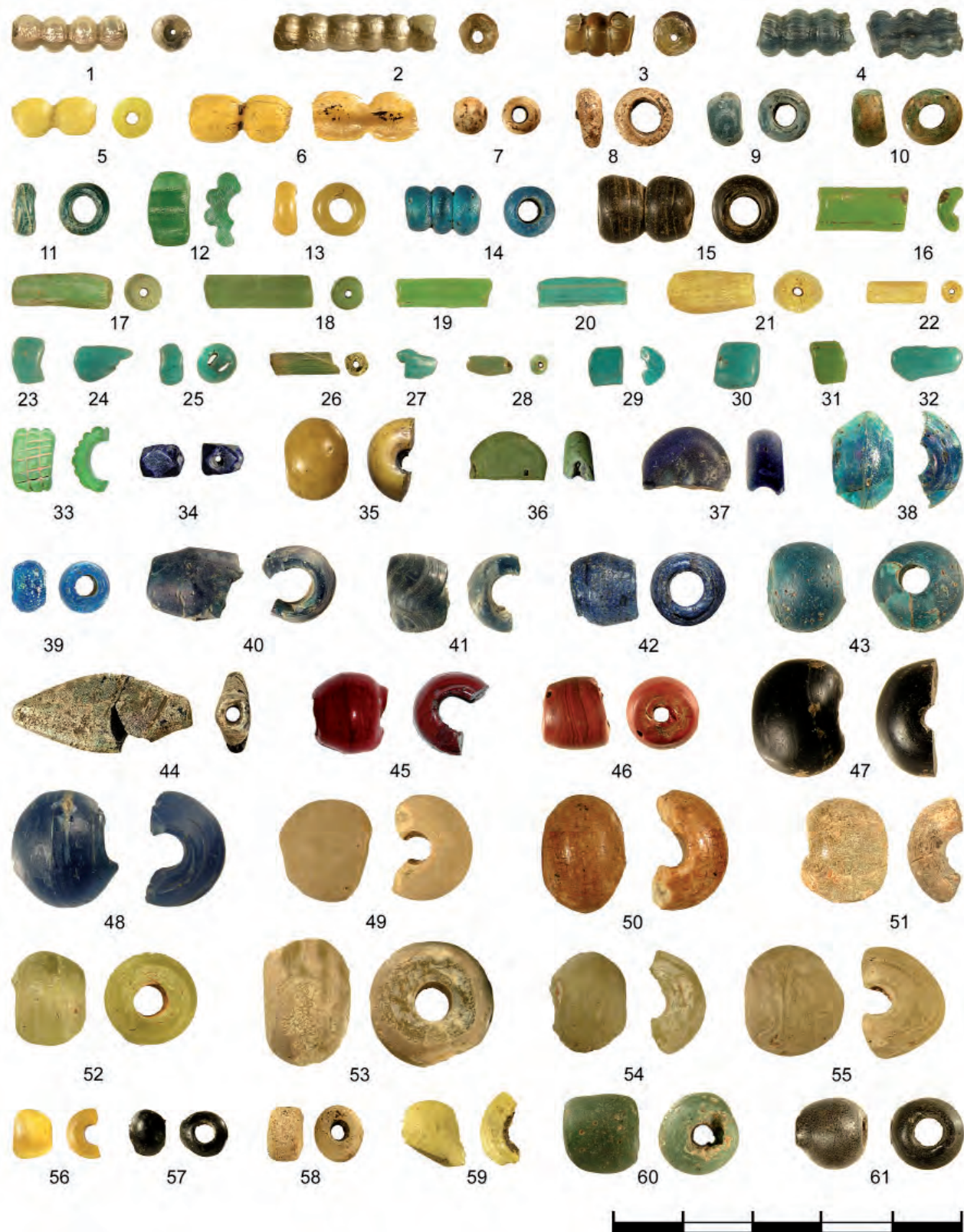

Рис. 52А. Стекланные бусы Биляра.

Рис. 52Б. Стекланные бусы Биляра.

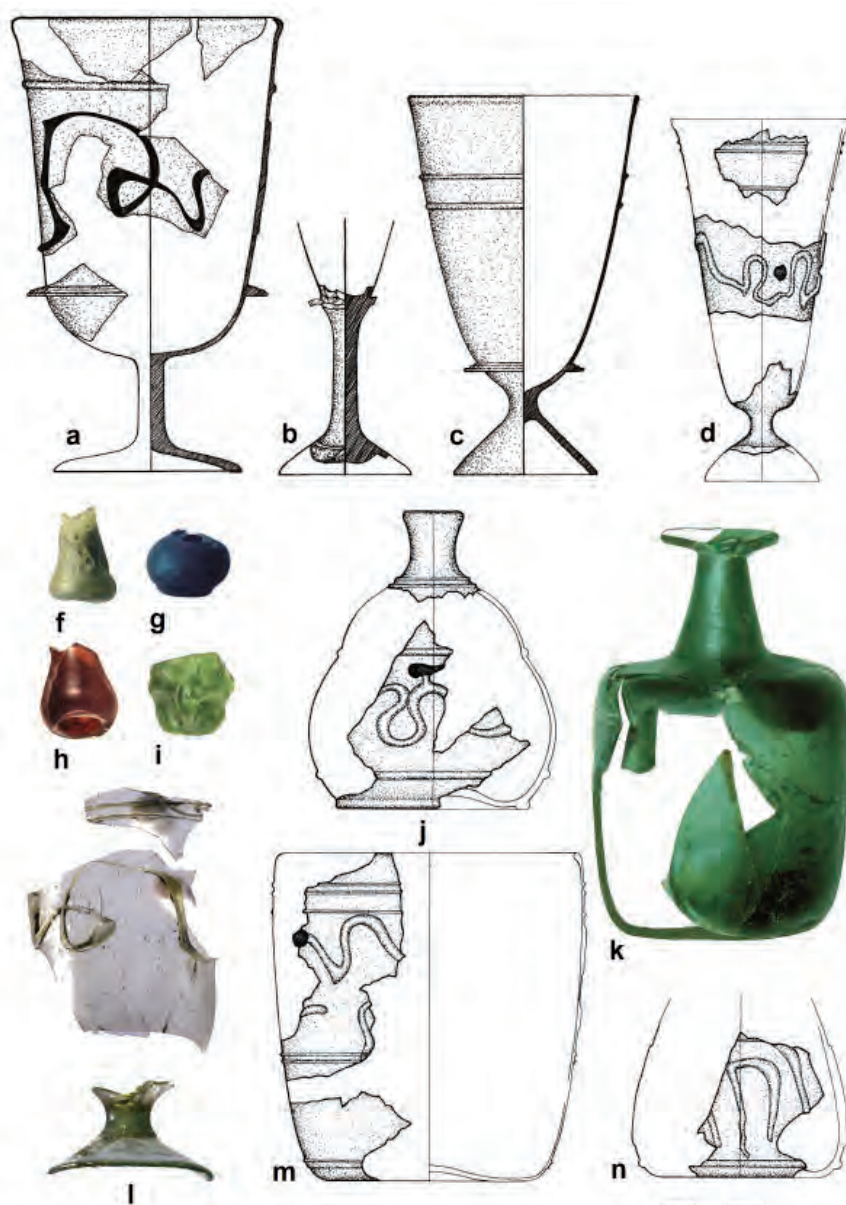

Рис. 53. Стекло Биляра XI – первой трети XIII в.

Самым большим числом в болгарских городах – Биляре, Суваре, Муромском городке – представлены кубки на ножке или рюмки (рис. 53: a–d, k; 54: h–m), все типы которых имеют большое число аналогий. Особенно обращают на себя внимание сосуды с ободком-бортиком в нижней части резервуара (18 экз.), очевидно, иранского производства (рис. 53: a–c; 54: l, m). Подобные известны в собраниях многих музеев (Israeli, 1998, p. 61; Carboni, 2001a, p. 172, cat. 41; Whitehouse, 2010, p. 210, cat. 353). Эти сосуды могли служить и лампами, как находки из хорезмийских памятников (Дашлыджа депе: Археологический музей Института истории АН Туркменистана, № 192), у которых след от понтии – фактически лепешка стекла – выше самой подножки, что не позволяло сосудам стоять

на плоскости. Они могли быть только подвешены с помощью бортика или петельки-ручки у венчика. Часто подобные лампы обладали обеими деталями.

Значительную категорию составляют стаканы с гладкой или рельефной поверхностью, украшенные голубыми или цвета основы сосуда накладными нитями и каплями (рис. 53: a; 54: l, k). Такие сосуды производили в Сирии или в Иране (Carboni, 2001a, p. 184–185, cat. 47; p. 190, cat. 3.25 a, b).

Среди флаконов заметна серия толстостенных сосудов из зеленого или сине-зеленого стекла с цилиндрическим туловом, крутыми плечиками и почти прямым, цилиндрическим горлом, заканчивающимся горизонтально отогнутым дисковид-

ным венчиком (рис. 53: j) – тип 1 по типологии Биляра (Валиулина, 2005, с. 33–34). Они известны повсеместно от Туниса до Китая (Kröger, 1995, p. 81, № 108; Carboni, 2001a, p. 146–147, cat. 35; Bass, Lledo, Matthews, 2009, pl. 11, 12, 26).

Также узнаваемы по широкому кругу восточных памятников миниатюрные флакончики с цилиндрическими горлышками для благовоний и лекарств (рис. 53: e–h). В частности, серийно представленные сосуды из Суvara XI – начала XII в. (БГИАМЗ, 1084–269/402; 1033–212/402; БГИАМЗ, 1033–214/402; 1033–215/402; 1033–213/402) очень похожи на сосудики из Нишапура (Kröger, 1995, p. 69–71, Nos. 81–88), на находки в бухте Серче (Bass, Lledo, Matthews, 2009, pl. 9), Джигербенте (Вишневская, 2001, с. 94) и в монастыре Тегенец XII в. в Армении (раскопки Г. Саркисяна).

Перечень стеклянной посуды дополняется кувшинами, банками, чашами (Валиулина, 2005, с. 37–43).

Специальная алхимическая посуда – аламбики (рис. 54: a–d), флаконы для декантации (рис. 54: g), пробирки, колбы (рис. 54: e) и некоторые другие сосуды, их массовый характер (в Биляре аламбиков найдено более 150 экз.), концентрация и археологический контекст позволили выявить и исследовать в центре Биляра самую раннюю (на настоящий момент) в Европе мастерскую алхимика, ювелира и стеклодува конца XII – начала XIII в. (Валиулина, 2005, с. 146–165; Valiulina, 2016a, p. 237–278). Именно мастерскую, а не лабораторию, так как комплекс имел ярко выраженный ремесленный характер, что вообще отличало восточную алхимию.

Аламбики присутствуют на всем пространстве исламского стеклоделия, особенно с IX–XI вв., и нигде не выходят за рамки домонгольского периода (Kröger, 1995, p. 187–188, Nos. 239–242; Savage-Smith, 1997b, p. 42; Carboni, 2001a, p. 144–145, cat. 34 b, c; Bass, Lledo, Matthews, 2009, pl. 31, 32).

Несмотря на то, что раскопками исламских городов получено большое число аламбиков, Дж. Крёгер видит по меньшей мере две проблемы в атрибуции этих сосудов. Во-первых, на настоящий момент они не могут четко датироваться, так как мало менялись во времени. И, во-вторых, у исследователей недостаточно информации о назначении. Допуская их применение в медицине, в быту (находки в жилых постройках предполагают использование аламбиков для получения розовой воды и щербетов), автор констатирует, что основное назначение этих изделий – алхимическая посуда, обращая при этом внимание, что еще ни разу не был найден полный комплект для перегонки из трех сосудов. Известные находки из Музея естественной истории в Лондоне, по его мнению,

могут быть случайным набором (Kröger, 1995, p. 186).

На Билярском городище в мастерской алхимика в небольших печах, пожалуй, впервые был обнаружен комплект сфероконических сосудов и аламбиков (Валиулина, 2005, с. 148–151). Комплектность подтверждается соответствием диаметра венчика аламбика и головки сфероконуса, а также диаметра отверстия сфероконуса и диаметра отводной трубки аламбика. Аламбики билярского производства отличаются серийностью и стандартизацией форм и размеров (Валиулина, 2005, с. 47, рис. 15–17).

Болгарские города, прежде всего Биляр, демонстрируют концентрацию находок сфероконических сосудов и аламбиков преимущественно на ремесленных объектах, указывая, что приоритетной являлась их техническая функция. В состав химической посуды Суvara входят 24 аламбика, колба и флакон для декантации (рис. 54: a–e, g) – сливания жидкости с отстоявшегося осадка, – имевший внутри по всей окружности тулова горизонтальную складку-бортик (ГИМ, № 77908, оп. 2189, № 1495). Аналогии последнему известны в Нишапуре X в. (Kröger, 1995, p. 109, Nos. 154, 155), Двине (Джанполадян, 1974, с. 140), Новогрудке (Гуревич, 1981, с. 65), Мисриане XII в. (Археологический музей Института истории АН Туркменистана, 1979/М, р-2/180; Мирзаахмедов, 2011, с. 121, ил. XVI), в коллекции Нижне-Архызского городища X–XII вв. (инв. № 747). Флаконы с горизонтальным бортиком-складкой внутри тулова появились как аптечные или алхимические сосуды в античной древности, известны они и в Византии. В этом качестве получили распространение в раннеисламский период и представлены большим количеством в памятниках зрелого и позднего Средневековья Южной и Центральной Европы как производственные и тарные емкости в виноделии.

Все домонгольские болгарские города обладают оконным стеклом. На Билярском городище это массовый материал. Сувар выделяется в ряду других болгарских городов значительным количеством оконного стекла – 67 экз. с площади раскопок около 300 кв. м. Количество обусловлено тем, что самым значительным объектом, исследованным раскопками А.П. Смирнова, было монументальное здание – суварский «дворец».

Коллекция стеклянных изделий Суvara (рис. 54) близка билярской. В то же время стекло Суvara отличается более узкая номенклатура, его менее утилитарный характер. Сувар, отдаленный от Волжской торговой магистрали, не располагает богатой коллекцией ранних стеклянных бус и других украшений. На городище найдено всего два

Рис. 54. Стекло Сувара

браслета: гладкий круглый черный одноцветный и плосковыпуклый в сечении, черный, с полихромным пятнистым, слегка выпуклым декором, расположенным косыми рядами. Такие браслеты известны в Белой Веже, Байлакане, в экспозиции музея в г. Невшехир (Турция). В Палестине подобные браслеты отнесены к исламским стеклянным браслетам (Spaer, 1992, p. 51, fig. 8; 25: 14).

В то же время город обладает большим количеством стеклянной посуды: парфюмерной, столовой, химической и оконного стекла, в основном XI – первой половины XII в. Важно при этом, что в Суваре мало импортной поливной посуды, единичны фрагменты фаянсовых сосудов с люстровой росписью второй половины XII в., совсем нет

русского стекла, город ни разу не упомянут в русских летописях. Эти факты могут быть хронологическим индикатором изменившегося примерно с середины XII в. статуса города¹³, когда он, как и Болгар, уступая первенство Биляру, становится рядовым городским центром.

В Среднем Поволжье самая представительная коллекция древнерусского стекла происходит из Биляра, она включает в себя украшения (бусы, браслеты, перстни), посудное и оконное стекло (Валиулина, 2005). По химическому составу украшения относятся к классам Pb–Si и K–Pb–Si, со-

¹³ Статус Сувара изменился еще в конце X в., когда он, судя по нумизматическим данным, перестал быть центром одноименного княжества. *Примеч. отв. ред.*

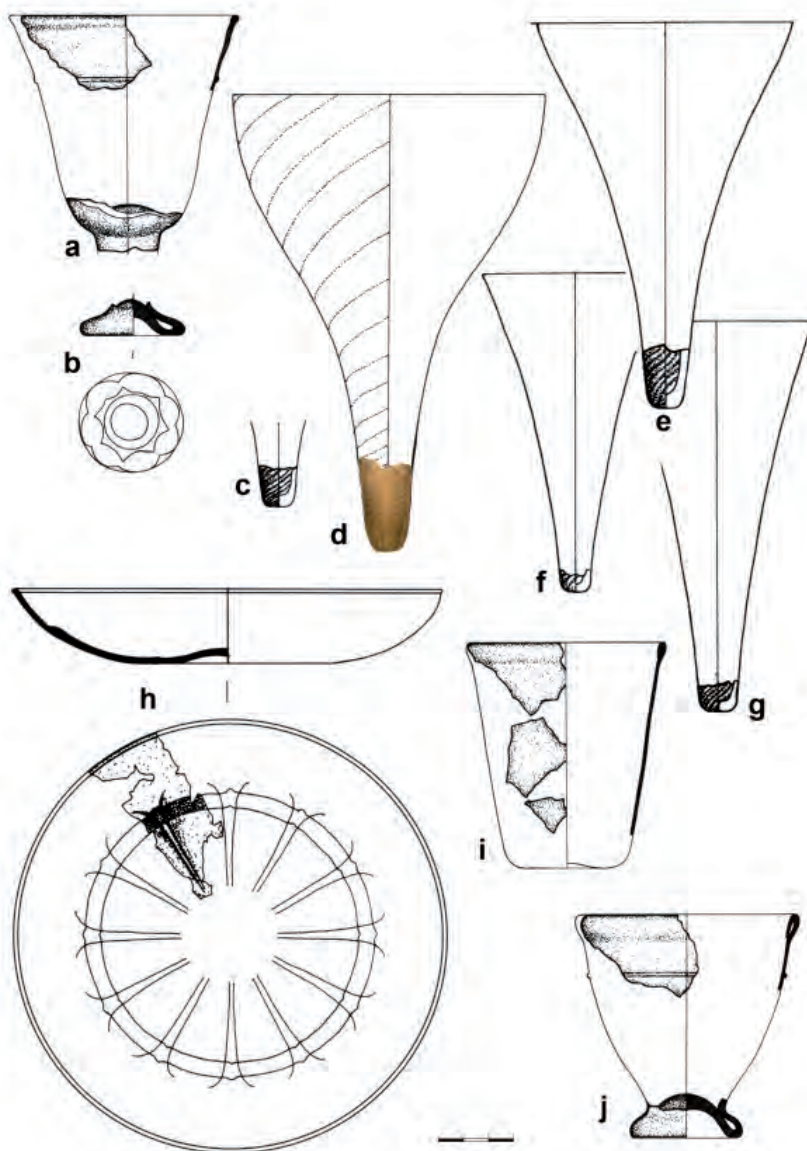

Рис. 55. Русское и византийское стекло Билярского городища.

суды и оконные диски к классу – K–Pb–Si. Стекланные сосуды (21 экз.) представлены образцами наиболее характерных для Руси форм (рис. 55).

Прежде всего это неустойчивые, остродонные, широкооткрытые со спиральным рифлением лампы. В Биляре найдено 5 экз. (рис. 7: с–g), по стратиграфическим данным и археологическому контексту находки датируются XII – нач. XIII вв. В русских городах основная масса таких изделий относится ко второй и третьей четвертям XII в. (Щапова, 1997б, с. 31). Наибольшее распространение они получили в Новгороде, в других древнерусских городах находки единичны.

Большую часть русской посуды Биляра составляли стаканы без поддона (рис. 55: i). Два фрагмента принадлежали, очевидно, стаканам иной формы (рис. 55: а, j). Это цилиндрические неширокие устойчивые сосуды на узком донце с

высоким вогнутым конусом и полым поддоном, слегка расширяющиеся стенки могли завершаться складкой по краю (рис. 55: j). Исследователи древнерусского стекла считают, что эта форма была ведущей в стеклянной посуде южнорусских городов. Ю.Л. Щапова датирует появление на Руси таких сосудов второй половиной XII в. и в качестве исходных образцов называет византийские кубки (Щапова, 1972).

Все находки русских изделий происходят из центральной части городища, более всего их обнаружено на усадьбах русских купцов № 3, 5, 8 на XXIII раскопе (Хузин, Валиулина, 1986).

С XXIII раскопа происходят также изделия, которые можно атрибутировать как продукцию византийских мастерских. Единственная в Биляре стеклянная тарелка (рис. 55: h) по химическому

составу ($K_2O-PbO-SiO_2$) и по характеру поверхности могла бы быть отнесена к числу русских изделий, однако богатый декор сосуда – рельефные, радиально расположенные ребра и эмалевая коричнево-фиолетовая кайма в центральной части – указывают на ее византийское происхождение, как и аналогичной тарелки из Новогрудка (Гуревич, 1981).

Византийскому стакану принадлежал поддон с эмалевыми лунками (рис. 55: b) Возможно, византийскими являются и некоторые другие изделия (Валиулина, 2005, рис. 25, 6; 16, 2).

Византийская стеклянная продукция могла поступать в болгарские города из Саркела – Белой Вежи и Херсонеса (Kazhdan, 1991, p. 853) по путям, известным еще со времен Хазарского каганата, а также из Закавказья. Ж. Филипп отмечает, что Волга, имевшая большое значение в восточной торговле, перекинула мост византийским товарам и культурным традициям от Закавказья (Грузия, Армения) на север (Philipp, 1970, p. 176). Редкие находки византийских стеклянных изделий, поливной посуды вряд ли могут быть отражением прямых и постоянных связей империи с Поволжьем. Предметы западного производства – византийская стеклянная посуда, оконное стекло, западноевропейские витражные стекла попадали в Волжскую Болгарию в основном через русские земли.

Особенно выразительно в коллекции билярского стекла проявляет себя продукция грузинских стеклоделов. Ни одна категория археологических материалов не позволяет так уверенно обозначить связи с Грузией среднефеодального периода как грузинское оконное стекло и некоторые образцы ламп и посуды из Биляра. Рельефное, «вафельное», грузинское оконное стекло составляет примерно 1/7 часть от всех оконных стекол Биляра, находки этой дорогой импортной продукции компактно сконцентрированы в основном на XXXVIII раскопе, где начато исследование крупного кирпичного здания (возможно, дворца) в центре городища. По всему комплексу признаков рельефные оконные стекла обнаруживают самые прямые параллели с продукцией грузинских ремесленных центров и городов Грузии, где эти изделия использовались. Наиболее близки стекла Биляра стеклу из дворца в Надарбазеви – летней загородной резиденции царицы Тамары (Валиулина, 2005, с. 58–59, рис. 26–27).

Особая роль в картине международных связей Биляра по материалам стеклоделия принадлежит Двину – столице Армении в VIII–X вв. и крупнейшему центру ремесла и торговли Закавказья в V–XIII вв.

Практически все типы стеклянных изделий Биляра имеют аналогии в материалах Двина.

Такая близость коллекций стекла двух далеко расположенных друг от друга центров, с одной стороны, объясняется детальным, полным исследованием обширной коллекции стекла Двина Р.М. Джанполадян, а с другой – общностью, стилевой близостью средневекового восточного стекла.

Стеклянные изделия являются массовым материалом Билярского городища, составляя богатую и выразительную коллекцию. В связи с этим фактом уже на начальном этапе исследования возникла проблема существования болгарского стеклоделия.

Морфологический и химико-технологический анализы всего массива артефактов позволили выявить изделия ремесленных центров Руси, Византии, Закавказья, Ирана и Средней Азии – торговых и культурных партнеров Волжской Болгарии. Вне этой группы привозного стекла осталась большая часть стеклянных находок Биляра. Это стекло характеризуют: узкая и устойчивая номенклатура изделий: стаканы, кубки, флаконы, банки, чаши, аламбики, лампы, оконное стекло; простота технологической схемы изготовления изделий и декора; стандартизация; ярко выраженная утилитарность.

По составу стекла эти изделия относятся к классу $Na-Ca-Si$, типу $Na-K-Ca-Mg-Al-Si (+Mn+Fe)$. Обращение к особенностям геохимической провинции Среднего Поволжья и Приуралья дает основания утверждать, что рассматриваемая группа стекол соответствует геохимической характеристике сырьевых материалов региона (Valiulina, 2014). По всему комплексу морфологических признаков технологии и химии собственные билярские стеклянные изделия имеют ярко выраженный «восточный облик». Болгарское стеклоделие следует рассматривать как составную часть исламского стеклоделия. Причем период становления ремесла в XII в. проходил, очевидно, под влиянием закавказской и иранской школ стеклоделия.

Самым надежным доказательством существования в прошлом стеклоделия в той или иной стране служат стеклоделательные мастерские с остатками печей, огнеупоров и стеклянных полуфабрикатов.

Локализация мест средневековых стеклоделательных мастерских – дело весьма трудное. В значительной степени это объясняется тем фактом, что срок службы печей составлял всего 5–6 лет, затем стеклоделы уничтожали старые печи. Причем уничтожали настолько основательно, что их остатки спустя столетия очень трудно обнаружить. Остатки печей стеклоделов XII – начала XIII вв. в Волжской Болгарии сейчас известны только в Биляре.

Археологические исследования под руководством автора в 1990–1994, 1998 гг. выявили в центральной части внутреннего города Билярского городища в районе так называемого «кузнечного мара» остатки производственного комплекса – мастерской алхимика, ювелира и стеклодува – раскоп XLI (Valiulina, 2015). Печи, изученные на XLI раскопе, очевидно, не были специализированными и входили в состав алхимических и ювелирных мастерских, где стеклоделие являлось подсобной, сопутствующей отраслью с использованием полуфабрикатов.

Иной характер имело производство стекла на XXXVIII раскопе. Раскопками 1986 года были выявлены объекты и сооружения (Хузин, 1987, с. 22–23), которые впоследствии были определены как стеклоделательная мастерская (Валиулина, 2003; 2005, с. 126–139, рис. 31). Здесь на площади 300 кв. м вдоль западной стены монументального кирпичного здания располагался, очевидно, полный производственный комплекс, в который входили три печи, два колодца, сырьевые ямы. Сооружения расположены удивительно рационально. Все три печи возведены в ряд, расстояние между ними составляет 2–3 м, к обеим крайним печам (№ 1 и 3) примыкают колодцы (№ 1 и 2). В юго-восточной части раскопа вскрыты ямы, которые могли использоваться для подготовки и хранения сырьевых материалов. В мастерских с полным технологическим циклом должно было существовать несколько теплотехнических сооружений – горнов, соответственно специализации основных этапов всего процесса – спекание шихты, получение стекла, изготовление изделий.

У горнов в большом количестве были обнаружены куски хальмозы – застывшей хлоридно-сульфатной пены. Особенно важными находками являются полуфабрикаты – многочисленные бесформенные кусочки стекломассы разных размеров, часто со следами вытягивания в виде обрезков, жгутов, нитей, полос, капель. Эти непрямые свидетельства производства стекла сопровождаются стеклянным браком и боем. На XXXVIII раскопе Биляра это в основном оконное стекло, что отражает специализацию мастерской: расположенная рядом с большим кирпичным зданием, мастерская функционировала, видимо, в период его строительства. Причем весь этот специфический материал присутствует в большом количестве и на значительной площади вокруг горнов. К подсобным средствам и приспособлениям относятся толстостенная глиняная посуда, иногда с невыработанной стекломассой, тигли с каплями стекла, обломки железных предметов (к сожалению, плохой сохранности), которые могли быть инструментами стеклоделов.

Рассмотренный комплекс представляет собой стеклоделательную мастерскую с полным производственным циклом, о чем свидетельствует нахождение вместе и хальмозы – отходов первой стадии производства стекла, и боя и брака конечной продукции – оконного стекла и посуды. Важно отметить, что и готовая продукция – сами стеклянные изделия – являются на XXXVIII раскопе массовыми находками.

Во многом качество стекла зависело от степени химической устойчивости и огнеупорности, механической и термической прочности тиглей и огнеупорного кирпича, служащего главным образом для внутренней выкладки – футеровки стекловаренных печей. В связи с тем, что внутренние стенки печи подвергаются действию высоких температур (в современной промышленности от 1000 до 1600 °С и выше, в зависимости от назначения топки и качества топлива), футеровку необходимо выполнить таким огнеупорным кирпичом, у которого температура размягчения (начало деформации) выше температуры топки. Кроме того, кирпич должен быть наиболее устойчив к действию золы и шлаков.

В Биляре на участках, отмеченных наибольшей концентрацией отходов стекольного производства, и в развалах печей (раскопы XXXVIII, XLI, XL) обнаружены обломки особых кирпичей, часто лещатной формы. От обычных кирпичей они отличаются плотной спекшейся структурой, цветом – серый или бурый, и наличием стекловидного слоя светлого серо-зеленого цвета на одной стороне.

Верхняя и нижняя стороны кирпича относительно ровные, представляют собой внешние грани, которыми он соприкасался с верхними и нижними рядами кирпичной кладки. Толщина кирпича достигает 50 мм. В современной промышленности стены над бассейном стекловаренной печи выкладываются из фасонного или нормального динаса, толщина динасовых стен обычно составляет 48 мм.

Атрибуция билярских материалов стала очевидной после установления химического состава и выполнения петрографического анализа самих огнеупорных кирпичей и образцов возможного сырья для их изготовления. Было установлено, что речь идет о кислых – динасовых – огнеупорах.

Динасом называют огнеупорный материал, изготовленный из кварцевых пород на известковой или иной связке и обожженный при температуре, которая обеспечивает полиморфное превращение кремнезема (кварца) в тридимит (при температуре выше 870 °С) и кристобалит (при температуре выше 1470 °С).

Малое количество расплавленного кремнистого вещества, сравнительно слабая его тридимити-

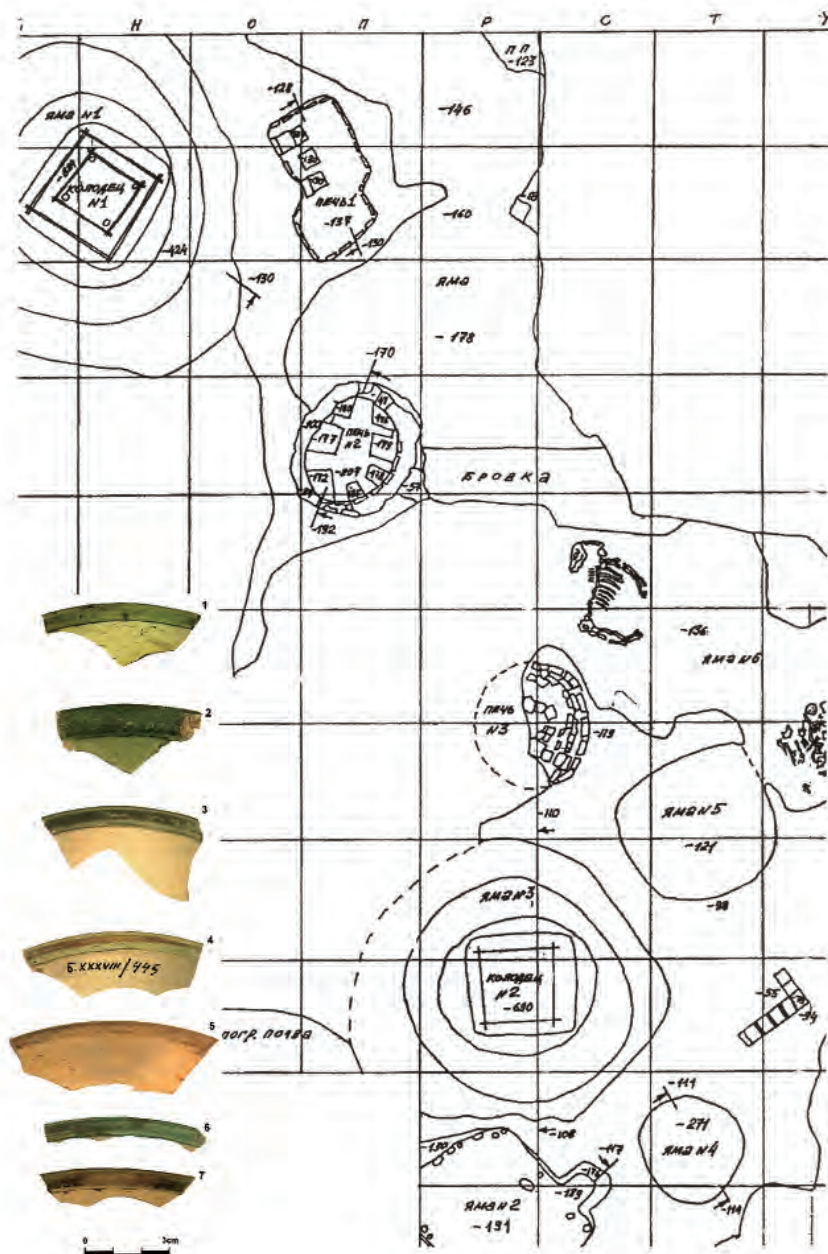

Рис. 55а. Мастерская по производству оконного стекла в Биляре (Valiulina, 2021).

зация – все это говорит о температуре обработки материала, близкой 1200–1300°. Данный дианас можно отнести к слабо тримитизированному.

Слабая тримитизация дианаса, отсутствие в нем кристобалита является следствием того, что болгарские ремесленники могли работать при максимальной температуре обработки материала, близкой 1200–1300°, не достигались температуры, известные в современном металлургическом процессе (до 1730 °С), то есть не были использованы все потенциальные возможности данного типа огнеупора.

Наиболее распространенными в Средневековье были так называемые полукислые огнеупоры, изготавливавшиеся из огнеупорных глин. Регион Сред-

него Поволжья и Приуралья беден местонахождениями подобных материалов. В этих условиях болгарские ремесленники освоили производство огнеупоров нового типа – дианасовых из кварцевых пород на известковой связке. Высокая огнеупорность, химическая и термическая стойкость, высокая теплопроводность выгодно отличают дианасовые огнеупоры от других. По химическому составу, который является отражением состава минерального, билярские дианасовые огнеупоры очень близки современному высококремнеземистому дианасу. По химическим характеристикам дианасовые огнеупоры не применяют в черной металлургии, так как железо способствует быстрому разрушению этих кислых огнеупоров. В современной про-

мышленности динасовые огнеупоры являются основным материалом в футеровке медеплавильных, отражательных печей, а также в выкладке пода, стенок и свода печей стекловаренных (Огнеупоры и их применение, 1984, с. 108).

Возможно, и болгарские ремесленники уже в домонгольское время опытным путем в процессе производственной практики определили особенности динаса и использовали его избирательно, в частности в стеклоделении.

Комплексное исследование наиболее многочисленных категорий стеклянных изделий домонгольской Волжской Болгарии – посуды и оконного стекла – позволяет представить общую характеристику этого массового археологического источника.

На первом этапе изучения материала, используя конструктивно-морфологический подход и традиционный в археологии сравнительно-типологический метод была установлена номенклатура стеклянных изделий, которую составляли гирьки, парфюмерно-аптекарьские сосудики, кубки, стаканы, флаконы, банки, чаши, кувшины, тарелки, туалетные коробочки, аламбики, лампы, оконное стекло, витражи, украшения (бусы, браслеты, перстни) и др. Уже на этом уровне исследования, опираясь на широкий круг аналогий, стал очевиден «восточный» облик большей части коллекции, что обусловлено культурными ориентирами, идеологической общностью мусульманских государств.

Изучение техники изготовления изделий и интерпретация результатов анализов химического состава коллекции дали возможность связать состав стекла болгарских памятников X – первой трети XIII вв. с конкретными школами средневекового стеклоделия, известными к настоящему времени.

Стекло, таким образом, выразительно обозначило интенсивные международные связи Болгарии в предмонгольское время и приоритетное восточное направление этих связей. Причем связующим звеном или ключевым регионом в этих контактах Болгарии, судя по материалам стеклоделия, выступает Закавказье. На примере импортных стеклянных изделий удается проследить направление и интенсивность культурно-экономических связей, определить основных торговых партнеров Волжской Болгарии (Русь, Византия, Закавказье, Ближний Восток, Средняя Азия), ассортимент поставляемых товаров. Выводы кажутся тем более убедительными, что они подтверждаются импортом других категорий вещей, прежде всего поливной керамики.

Большая часть коллекции характеризуется узкой номенклатурой изделий (кубки, стаканы, флаконы, чаши, аламбики, банки, лампы, оконное стекло), простотой форм и способов ornamentации, утилитарностью, обнаруживая устойчивую

стандартизацию как по перечню морфологических признаков, так и по особенностям химического состава.

Изучение специфики сырьевых ресурсов региона Среднего Поволжья и Приуралья позволило объяснить особенности состава большей части билярского стекла (тип Na–K–Ca–Mg–Al–Si (+Mn+Fe)). Это стекло сварено из тройной шихты: зола – известь – песок. В качестве щелочного сырья использовалась зола растений-галофитов солонцово-солончаковых почв Западного Закамья, щелочноземельным сырьем выступают доломитизированные известняки или доломиты местного происхождения. Третьей составляющей шихты являлся песок Камской песчаной провинции с большим содержанием тугоплавких фракций (соединений Fe, Ti и др.), вредных для производства качественного стекла. Тем не менее билярское стекло в целом отличает высокое качество, отвечающее техническим и эстетическим требованиям своего времени. Благодаря оптимальному присутствию основных составляющих, а также окиси алюминия билярское стекло имеет высокую химическую устойчивость, на что указывает его сохранность – отсутствие иризации на поверхности, незначительная патинизация. Налицо удивительно точный подбор местных, а значит, дешевых и доступных сырьевых материалов, в рамках общей ремесленной традиции. Билярское стеклоделие следует рассматривать как составную часть ближневосточной традиции. Причем период становления ремесла проходил в течение XII в. под влиянием закавказской ремесленной традиции. Обнаруживая большую близость по всем параметрам с названными центрами стеклоделия, химический состав билярского стекла кроме соотношения щелочей (соединения Na–K), довольно значительного присутствия Al характеризуется также постоянным и стабильным содержанием соединений железа и марганца – эти два последних элемента, в сочетании с другими признаками, являются своеобразными индикаторами Билярского стекла.

Уверенно говорить о собственном стеклоделении можно при условии наличия стеклоделательных мастерских, в настоящее время выразительные свидетельства производства стекла обнаружены только на Билярском городище (XLI и XXXVIII раскопы), где кроме остатков печей обнаружены толстостенные стекловаренные горшки с невыработанной стекломассой, тигли с каплями стекла, обломки железных предметов (к сожалению, плохой сохранности), которые могли быть инструментами стеклодувов, запасы сырья и производственные отходы: пена – хальмоза, многочисленные комочки нитей и капли стекла.

Находки химических сосудов в Биляре и в других домонгольских городах Болгарии, а затем и открытие мастерской алхимика, ювелира и стеклодува в центре Биляра позволили сделать вывод о существовании алхимии в Волжской Болгарии в XII – начале XIII вв., таким образом, получена редкая возможность на археологических материалах представить начальный этап развития науки алхимии – опытной, ремесленной или практической химии в Восточной Европе.

В отличие от массового материала – посуды и оконного стекла, стеклянные украшения представлены малым числом (чуть более 16%) и отражают совсем другие направления международных связей – византийское и древнерусское. Однако здесь нет противоречия. Напротив, стеклянные украшения еще больше акцентируют общий «восточный характер» стекла Болгарии – много посудного и оконного и мало украшений. Малое число украшений, их пестрый характер и

по морфологической характеристике, и по химическому составу, отсутствие представительных однотипных серий, доминирующей единой рецептуры стекла бус и родственных связей с посудой и оконным стеклом, а также отсутствие и всех других признаков местного производства, прежде всего остатков мастерских, дают все основания считать все украшения Биляра импортом.

Все названные факторы, а также большой объем стеклянных находок, их номенклатура, специфика форм и декора являются свидетельствами существования болгарского стеклоделия в домонгольской Волжской Болгарии. Появление такого высокотехнического ремесла, как стеклоделие в домонгольское время представляется глубоко закономерным явлением, отвечающим общему высокому уровню экономики Волжской Болгарии, ее городской культуры, в частности расцвету городского ремесла.

Косторезное дело

Продукция резчиков по кости и рогу, начиная с раннеболгарского времени и в период существования домонгольской Волжской Болгарии, отражает уровень техники исполнения и художественные вкусы населения Волго-Камского региона.

Проблемы исследования косторезного дела средневековых памятников Восточной Европы достаточно подробно рассмотрены в работе В.Е. Флеровой (2001, с. 20–32). Впервые характеристика косторезному делу Волжской Болгарии была дана А.П. Смирновым в начале 1950-х годов, когда на страницах обобщающей монографии о волжских болгарях (Смирнов, 1951, с. 126–129) автор указал на стандартизацию продукции косторезов, ее высокое качество, описал вероятные приемы обработки кости, а также предположил наличие косторезных мастерских у болгар.

Изготовление предметов из кости и рога, несомненно, считается одной из традиционных отраслей хозяйства, уходящей своими корнями в глубокую древность. Следы этого производства выявлены практически на всех болгарских городских и сельских поселениях в виде полуфабрикатов или готовых изделий (Хузин, 2006, с. 287). При этом «тенденция к стандартизации заготовок» (Закирова, 1988, с. 239), наличие большого количества роговых и костяных изделий, выточенных на станке, сообщения о продаже местными скупщиками в XIX в. крупных партий костей с территории Биляра (Халиков, 1976 с. 15–17) свидетельствуют о том, что косторезное производство

в Биляре стремилось выйти на рынок, тем более что версия о наличии особых районов косторезов на этом памятнике уже ранее была высказана А.Х. Халиковым (1976, с. 41–42).

Производство вещей из различных видов костной ткани – довольно консервативный процесс, и технологии работы с ними не изменялись в течение длительного времени, за исключением совершенствования некоторых орудий косторезного мастерства, появления механизмов и техники окрашивания кости, которая совершенствовалась по мере развития практических навыков в области химии.

Костяные находки неоднократно публиковались в монографиях, посвященных болгарским сельским памятникам и их материальной культуре (Казаков, 1991; Руденко, 2001). Имеются специализированные статьи, посвященные изучению коллекций вещей из кости и рога с разных болгарских городищ и селищ (Руденко, 2005), конкретно Билярским материалам (Культура Биляра, 1985; Пальцева, Шакиров, Худяков, 2012а; 2012б; Пальцева, Шакиров, 2012), представившим много новых ранее не опубликованных костяных артефактов.

Наиболее массовым и выразительным маркером косторезного дела является материал, обнаруженный при раскопках городских поселений – Болгара, Биляра, Муромского городка, Старо-Куйбышевского городища, Суvara, Чаллынского городища и др.

И.А. Закирова классифицировала по морфологическому и функциональному принципам

готовые изделия на основе анализа технологических особенностей обработки кости Болгара, описала характер косторезных мастерских городища и орудий труда косторезов (Закирова, 1988, с. 220–243). *Ею выдвинуто предположение, что процесс изготовления костяных изделий «в общих чертах является одинаковым в разных центрах городского ремесла»* (Закирова, 1988, с. 236). По мнению В.Е. Флеровой, состав коллекции из Болгара не позволил связать стратиграфические датировки и типологические особенности изделий домонгольского и золотоордынского времени (Флерова, 2001, с. 30).

В этом свете костяная коллекция Билярского городища приобретает особую роль, поскольку этот трудно поддающийся датировке материал приобретает широкие, но при этом домонгольские рамки бытования (X – конец первой трети XIII вв.). Материальная культура Биляра, несомненно, может служить эталоном для характеристик и материальной культуры Волжской Болгарии домонгольского времени (Культура Биляра, 1985, с. 7–8).

Очевидно, набор инструментов болгарских косторезов схож с орудиями мастеров средневековых памятников Восточной Европы. Помимо универсальных орудий использовались специальные пилы, сверла, резцы для объемных работ, напильники, двузубец или трезубец для нанесения циркульного орнамента, токарный станок. Характерные концентрические следы на пуговицах, рукоятях, навершиях и заготовках, да и сама правильная форма изделий с Билярского городища и других домонгольских памятников ярко свидетельствуют о широком применении токарных станков. На каждом этапе изготовления костяных изделий использовались соответствующие инструменты.

Наличие аналогий на памятниках, разных в хронологическом, культурном и территориальном отношениях (Давидан, 1966, с. 103–115; Красильников, 1979, с. 77–91; Рыбаков, 1948; Колчин, Янин, Ямщиков, 1985; Петерс, 1986; Крыганов, 1987, с. 63–69; Гайдуков, 1992; Иванова, 1998; Смирнова, 1999; Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006; Бородовский, 2007; Меснянкина, 2008; Иванова И.В., Иванова Н.Ю., 2012, с. 124–144 и др.), подчеркивает консервативность косторезного производства. Особенно полезными являются выводы о косторезных орудиях и приемах обработки кости, которые сохранялись в течение веков практически неизменными в силу консервативности технологии. Исходя из этого, процесс изготовления костяных изделий Волжской Болгарии можно также охарактеризовать четырьмя основными этапами:

1 этап – сбор и отбор сырья. В дело шли части скелетов и рога домашних и диких животных, кости рыб: костные ткани лопаток крупных копытных, плотные и пористые рога, рыбы позвонки, кости черепа, бедренные, плюсневые, плечевые кости мелких копытных, фаланги, плюсневые кости, пястные и таранные кости крупных и мелких копытных, плюсневые кости лошади и крупного рогатого скота. *Интересно сообщение арабского путешественника XI в. ал-Гарнати, о том, что болгары вывозили моржовую и мамонтовую кость из «Стран Мрака» и продавали ее в Хорезме* (ал-Гарнати, 2000, с. 98–99).

2 этап – предварительная подготовка сырья, изготовление полуфабрикатов – включал отбор по анатомическим признакам; обезжиривание и размягчение кости посредством варки и неоднократного кипячения в воде со щелоком, в золе, возможно, в кисломолочных продуктах для придания кости необходимой белизны. Приготовление заготовок: удаление насыщенных жиром и менее прочных эпифизов; расщепление трубчатых костей или рога на пластины; придание плоским костям нужной конфигурации; распаривание пластины для распрямления; разметка формы; размера и количества будущих изделий.

3 этап – изготовление конкретного предмета из полуфабриката и его предварительная отделка – представлен обтесыванием тонким острым лезвием, дополнительным размягчением и прессовкой в тисках (могло повторяться несколько раз в рамках изготовления каждого предмета); пропилка и обрезка лобзиком либо тонкой пилкой; обточка и шлифовка (возможно, с использованием токарного станка); в случае изготовления многосоставного изделия – скрепление штифтами или склейка.

4 этап – декорирование – может включать отдельный вид или комплекс видов декорирования: полировка, гравировка, резьба, окраска изделия (оттенки красного (розовый и малиновый), зеленый, коричневый, черный).

Говоря о технических приемах нанесения орнамента, к основным можно отнести прочерченный, циркульный, точечный и рельефный орнаменты. Они включают ряд мотивов, которые встречаются в чистом виде либо в смешении с другими типами орнаментации.

Наиболее орнаментированными являются изделия, имеющие несколько функций, но самое главное, они все в той или иной мере несут на себе сакральную функцию. Так, практически все антропоморфные амулеты орнаментированы. То же самое можно сказать о копоушках и гребнях, чьи сакральные функции известны на примере их древнерусских и финно-угорских аналогов. Впол-

не возможно, что изначально они использовались в ритуалах, а потом уже приобретали утилитарную и гигиеническую функции. Декоративное назначение пуговиц обусловило то, что большая часть их имеют декор. Орнамент на предметах вооружения и снаряжения коня и всадника указывают статус своего хозяина (накладки на колчан, поясные накладки, налучные петли, щитки, путовые петли). Бытовые предметы являются наименее декорированными предметами. В быту орнамент не столь важен, но не исключено, что некоторые предметы также несли на себе отпечаток культурной значимости.

Ассортимент изделий из различных видов костной ткани, встречающихся на памятниках домонгольской Волжской Болгарии, довольно обширен и по критериям функциональности делится на нижеописанные основные группы и подгруппы (без учета возможности выделения отделов, типов, подтипов и видов).

Группа 1. Предметы быта:

Подгруппа 1. *Рукояти* (цельные и наборные). В основном представлены рукоятями с широкими отверстиями в черешке, предположительно от ножей, шильев и т. п.

Для цельных типы выделяются по форме верхней части рукоятей, а их подтипы включают в себя изделия с разным сечением в рамках одного типа.

Наборные представлены сборными рукоятями или их элементами из продольных пластин (чаще всего двусоставными), соединявшихся металлическими штырьками, а также поперечными деталями (обоймы, муфты, затыльники) (рис. 56: 1) многосоставных рукоятей.

Подгруппа 2. *Юрки* (рис. 57: 1) – изделия представляют собой цилиндры из трубчатых костей с арочными прорезами в средней части, входящими во внутреннюю полость кости. Они использовались в качестве основы горизонтального ткацкого станка либо как предмет для сучения нитей

Подгруппа 3. *Тупики* – орудия для снятия мездры. Как правило, это лопатки мелких копытных со стесанной остью и/или отверстиями (рис. 56: 3), а также тупик в форме лопатки с черенком, изготовленный из рога. Изготовление орудий из лопаток в данном случае включало в себя срезание лопаточной ости (выступа) и просверливание отверстий, поэтому форма предмета повторяет форму кости.

Подгруппа 4. *Предметы для разминания кож*; более точное название им дать сложно, поскольку их изготовление в основном сводилось к нанесению на поверхность диафиза крупных костей или на одну из поверхностей плотного рога рядов параллельных или пересекающихся глубоких желобков. От кухонных остатков их

отличает глубина и правильное расположение канавок.

Подгруппа 5. *Лоцила*. Изготавливались из астрагалов копытных животных, характеризуются одной или несколькими ровными заглаженными или зашлифованными сторонами.

Подгруппа 6. *Иглы и шилья*. Иглы – тонкие заостренные орудия с ушком и отверстием в нем на широком конце, поверхность игл заполирована (рис. 56: 2). Шилья более массивные и широкие, вставляющиеся в рукоять, без ушка.

Подгруппа 7. *Игольники*. Изготавливались из трубчатых костей птиц и животных, представляют собой тонкостенные полые трубочки, часто выделяются игольники с отверстием для подвешивания.

Подгруппа 8. *Кочедыки* – изогнутые с одним или несколькими отверстиями на широком конце заостренные орудия для плетения рыболовных сетей, корзин, лаптей, сумок и других изделий из бересты, лыка, луба и кожи (рис. 56: 4).

Подгруппа 9. *Ножи* (рис. 57: 2). Являются довольно редкой находкой, могли использоваться в процессе обработки кожи, поскольку имели недостаточно острое лезвие, чтобы порезать кожу, возможно, имели культовое значение.

Подгруппа 10. *Молотки* (рис. 57: 3). Изготавливались из роговых оснований и могли использоваться для обстукивания мягких поверхностей.

Подгруппа 11. *Слив от бурдюка* – усеченно-конические в сечении полые изделия, орнаментированные четырьмя парами горизонтальных параллельных друг другу линий в сочетании с циркульным орнаментом.

Подгруппа 12. *Проколки*. Для их изготовления применялись грифельные кости лошади, которые имеют естественный заостренный конец.

Подгруппа 13. *Челноки* – узкие пластины с несколькими отверстиями вдоль этих пластин, использовались в ткачестве или плетении.

Подгруппа 14. *Писало/калам* (стилос). Имеют стержневидную основу с одним заостренным концом и с навершиями разных форм на противоположном конце изделия (рис. 57: 4–8). Типообразующим признаком в данной подгруппе является форма навершия писала.

Подгруппа 15. *Стамеска*. Представлена заостренной с одного конца метаподией крупного копытного животного.

Подгруппа 16. *Пряслица*. Употреблялись для прядения менее грубой пряжи.

Группа 2. Предметы вооружения и приспособления для охоты:

Подгруппа 1. *Детали сложносоставных луков* представлены концевыми боковыми, концевыми

Рис. 56. Костяные изделия из раскопок Билярского городища. 1 – затыльник, 2 – игла, 3 – тупик, 4 – кочедык

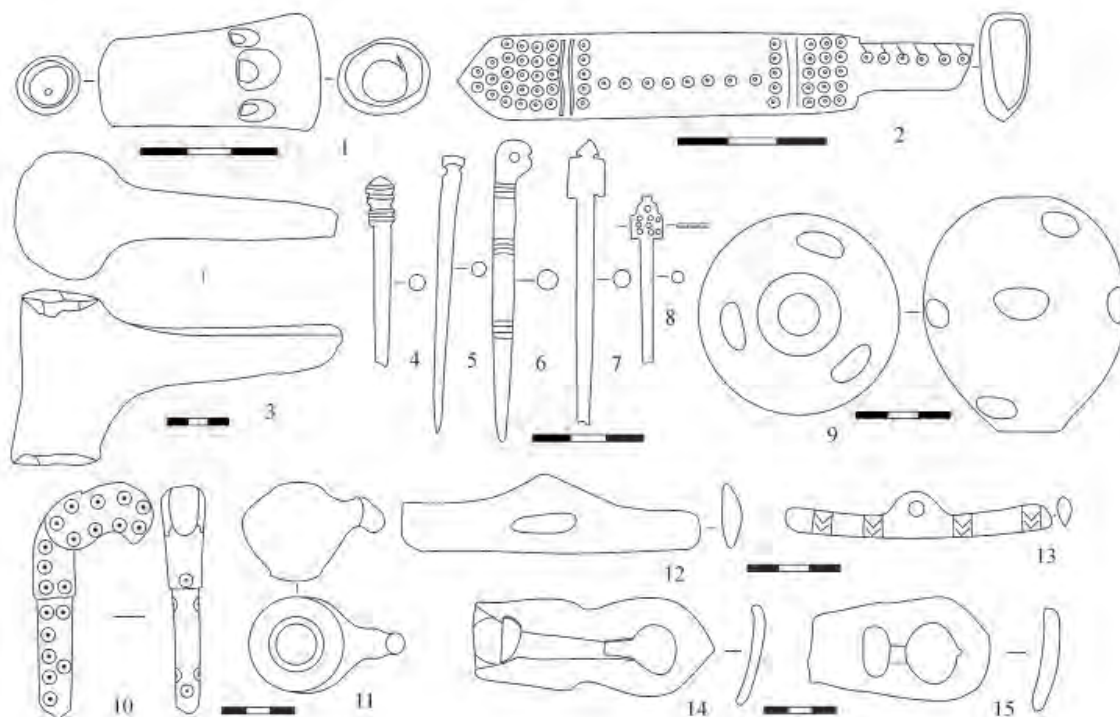

Рис. 57. Костяные изделия из раскопок Билярского городища. 1 – юрок, 2 – нож, 3 – молоточек, 4–8 – писала, 9 – кистень, 10–11 – рукояти плетей, 12–13 – застёжки-недоузки, 14–15 – подпружные пряжки

фронтальными (рис. 58: 1) и срединными накладками, концевыми вкладышами.

Подгруппа 2. *Петли колчанов и налучий* – по мнению большинства исследователей петли колчанов отличаются от петель налучий прямым основанием (рис. 58: 2–6). Виды различаются по форме спинки и концов петель.

Подгруппа 3. *Накладки на колчан*. Типообразующим признаком этих накладок стали размеры, поскольку именно размеры (ширина накладки) указывают на расположение накладки на колчане (рис. 58: 3–6).

Подгруппа 4. Предохранительные щитки представлены изогнутыми пластинами с отверстия-

Рис. 58. Детали сложносоставных луков и колчанов

ми для крепления (Давлетшин, 2022, рис. 5), они использовались для защиты запястья во время стрельбы из лука.

Подгруппа 5. *Наконечники стрел* (втульчатые (рис. 59: 1–10, 23) и черешковые (рис. 59: 11–22)) – типы выделяются по принципу морфологических различий: наличие черешка, наличие втулки, форма предмета в целом (рис. 59); подтипы – по форме поперечного сечения острия; виды – по форме плечиков наконечников.

Подгруппа 6. *Кистени* (рис. 57: 9). В подгруппу вошли исключительно билярские предметы, они достаточно редки и датируются домонгольским временем. Подобные кистени салтово-маяцкой культуры в Подонье встречаются в основном в слоях, датированных IX–X вв. (Крыганов, 1987, с. 63).

Подгруппа 7. *Рукояти плетей* (рис. 57: 10–11) представлены зооморфными на удлиненной втулке, шаровидными, цилиндрическими, трапециевидными, с боковым отростком, с расширенной верхней частью и цилиндрической втулкой типами.

Группа 3. Снаряжение коня и всадника.

Подгруппа 1. *Путовые петли* – типы выделяются на основе различий в форме спинки и основания петель и застежек (рис. 60: 1–2).

Подгруппа 2. *Застежки недоуздки* (рис. 57: 12–13) – типобразующим признаком является форма спинки и концов изделия.

Подгруппа 3. *Подвески* – все они имеют отверстие для подвешивания и, вероятно, служили украшениями конской упряжи. Типы выделяются по форме подвесок в продольном сечении.

Подгруппа 4. *Подпружные пряжки* (рис. 57: 14–15) – типы этой подгруппы выделены по наличию уступчика-шейки в середине пластины.

Подгруппа 5. *Уздечные бляхи* – представлены дисковидными круглой в плане бляхами с отверстиями.

Подгруппа 6. *Поясные накладки* – типы выделяются на основе различия в форме накладок в плане.

Подгруппа 7. *Обкладка луки седла* – элемент украшения.

Подгруппа 8. *Вертлюги* – технический узел, используемый на месте, где тяга вращается вокруг своей оси. Вертлюг препятствовал перекручиванию ремней, чем обеспечивал спокойной выпас скота.

Группа 4. Украшения и предметы туалета.

Подгруппа 1. *Гребни* цельные (рис. 61: 1–2) и составные. Типы выделяются по принципу размещения зубьев, подтипы – по форме спинки и форме гребня в плане.

Подгруппа 2. *Пуговицы*. Типообразующим признаком является форма изделий в поперечном сечении (рис. 62).

Подгруппа 3. *Застежки* (рис. 63: 1–2). В отличие от пуговиц представлены стержневидными

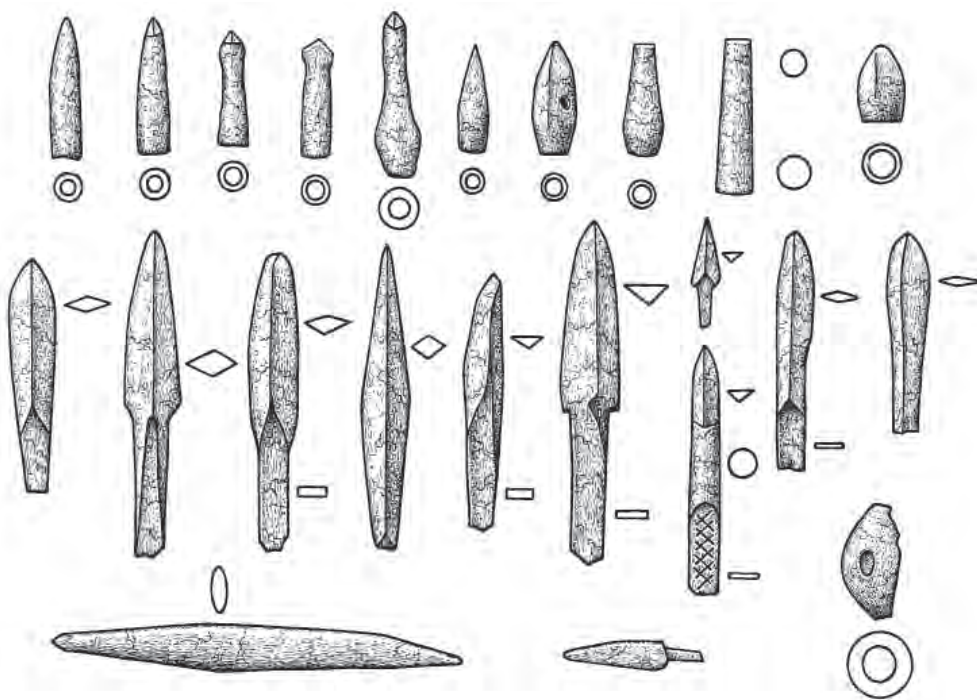

Рис. 59. Костяные наконечники стрел

Рис. 60. Костяные изделия из раскопок Билярского городища 1–2 – путевые петли, 3–6 – накладки на колчан

предметами с тонкой шейкой и вытянутыми концами.

Подгруппа 4. *Копсушки* (рис. 61: 3). Помимо санитарно-гигиенической, несет функцию украшения и культового предмета. Признаком типа служит форма наверхия.

Подгруппа 5. *Бусины* (рис. 64: 1). Имеют шаровидную или вытянуто-шаровидную форму с цилиндрическим сквозным отверстием в центре.

Подгруппа 6. *Подвески* (рис. 63: 3–7). Имеют кольцо или отверстия для подвешивания, характеризуются сложными фигурными и коническими формами.

Подгруппа 7. *Сунаки* – трубчатые кости мелких копытных с отверстием у одного из концов. Пред-

назначались для сливания мочи запеленованного ребенка из люльки.

Группа 5. Предметы досуга и культа.

Подгруппа 1. *Астрагалы*. Характеризуются наличием стертости либо зашлифованности поверхности как следов обработки или использования. На некоторых предметах имеются насечки, отверстия, следы заливки металлами (для утяжеления). Альчики могли использоваться как в качестве игральные кости, так и, возможно, амулетов-натуралиев (с отверстиями).

Подгруппа 2. *Шашки* (рис. 63: 9–10). К ним отнесены изделия дисковидной формы.

Подгруппа 3. *Шахматы* (рис. 63: 8). Шахматы представляют собой предметы с плоским основа-

Рис. 61. Костяные гребни (1–2) и копоушка (3) из раскопок Биляра

Рис. 62. Костяные пуговицы

Рис. 64. Костяные бусина с изображением копытного животного (1) и амулет (2)

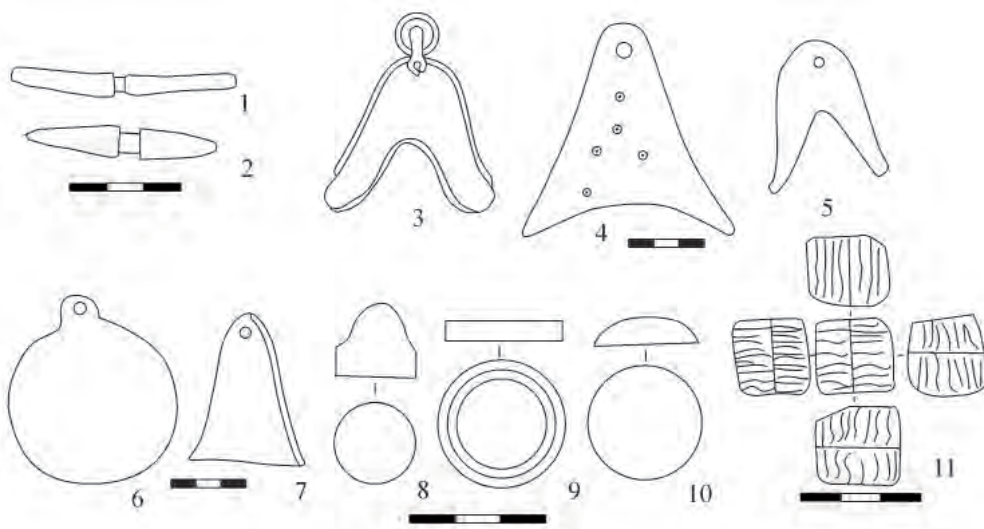

Рис. 63. Костяные изделия из раскопок Билярского городища:
1–2 – застёжки, 3–7 – подвески, 8 – шахматная фигурка, 9–10 – шашки, 11 – кубик игральный

нием и арочным верхом. Отличаются наличием или отсутствием поперечного бортика на арочном навершии. Данные фигурки интерпретируются как пешки.

Подгруппа 4. *Игральные кубики*. На гранях имеются отметки от одного до шести. Оригинальным является кубик из Биляра, у которого грани разделены пополам одной прочерченной линией и волнообразными прочерченными линиями на остальном пространстве (возможно ритуальное использование) (рис. 63: 11).

Подгруппа 5. *Амулеты* (рис. 64: 2) – части скелета животных (зубы, клыки, лопатки мелких копытных, фаланги и т. п.) с просверленными отверстиями или антропоморфные фигурки, которые могли носить функции оберегов и помощников.

Группа 6. Отдельной группой выступают *предметы неясного назначения*, представленные пластинами, стержнями, предметами из рога со следами обработки и сохранившие форму сырья, кости скелета с разного рода обработкой, прочие предметы.

Рис. 65. Заготовки и брак

Группа 7. Заготовки и брак (рис. 65). Одна из самых многочисленных категорий, в которой выделяются заготовки или не доведенные до типологически определяемого уровня предметы и отходы костной ткани, являющиеся результатом обработки сырья и изготовления вещей.

Следует отметить, что некоторые подгруппы представлены исключительно билярскими находками.

Комплексное изучение изделий Волжской Болгарии из различных видов костной ткани позволяет дополнить общую картину производственной деятельности средневекового населения этого средневекового государства. Это связано с тем, что в функциональных особенностях костяных изделий отражается ряд других отраслей ремесленного производства: кожевенное, деревообрабатывающее, ткацкое, а также охотничий, рыболовный промысел и скотоводческая деятельность.

ГЛАВА 5. ХОЗЯЙСТВО НАСЕЛЕНИЯ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ

Таблица 1. Болгарские серебряные перстни с чернью

№ п/п	Место находки	Тип	Производство		Рис.4, 4а	Размер (см)
1	Кожаевское селище	3.1	1-2 четв. XI	XII	1	1,8×1,8×1,9
2		3.2	XI–XII	XI–XII	2	1×1,85×1,8
3	V Семеновское селище	2.6	2 пол.XIII	XIII–XIV	3	2,2×1,9×0,7
4	Кожаевское селище	2.7	XI – 1-2 четв. XII	XII	4	1,8×1,7×2
5	Кожаевское селище	3.4	XI – 1-2 четв. XII	XII	5	1,9×1,7×1,9
6	Болгар, Биляр	3.4	XI – 1-2 четв. XII	XII	6	1,9×1,4×2,1
7	Болгар, Биляр	3.4	XI – 1-2 четв. XII	XII	7	2,1×2,2×1,9
8	Болгар, Биляр	3.4	XI – 1-2 четв. XII	XII	8	2,2×2,2×1,7
9	Болгар, Биляр	3.4	XI – 1-2 четв. XII	XII	9	1,6×2×1,9
10	Болгар, Биляр	3.4	XI – 1-2 четв. XII	XII	10	2,2×2×2,2
11	Болгар, Биляр	3.4	XI – 1-2 четв. XII	XII	11	2,4×2×1,8
12	Болгар, Биляр	3.4	XI – 1-2 четв. XII	XII	12	1,8×2,2×2
13	Кожаевское селище	3.4	XI – 1-2 четв. XII	XII	13	1,9×1,7×2,1
14	Болгар, Биляр	3.6	XII	XII – начало XIII	14	2,1×1,7×1,9
15	Болгар, Биляр	3.4	XI – 1-2 четв. XII	XII	15	2,2×2,4×1,9
16	Болгар, Биляр	3.4	XI – 1-2 четв. XII	XII	16	2,1×2,2×1,7
17	Болгар, Биляр	2.5	XI–XII	XI–XII	17	2×1,8×1,5
18	Болгар, Биляр	3.3	XI–XII	XI–XII	18	2,5×2,5×2,25
19	Болгар, Биляр	3.5	XII	XII – начало XIII	19	1,6×2,2×2
20	Кожаевское селище	3.7	1-2 четв. XII	XII	20	2,2×1,9×2
21	Кожаевское селище	2.4	1-2 четв. XII	XII	21	1,8×1,7×2
22	V Семеновское селище	3.10	XIII	XIII–XIV	22	1,2×1,2×1
23	Болгар, Биляр	3.4	XI – 1-2 четв. XII	XII	23	2,2×0,7×1,6
24	Болгар, Биляр	2.3		XII – нач.XIII	24	1,9×2×1,65
25	Мурзихинское селище	2.2	XI–XII	XI–XIII	25	1,2×1,5×0,3
26	Мурзихинское селище	2.1	XIII–XIV	XIII–XIV	26	1,6×1,9×1,8
27	Биляр	3.8	XII	XII – нач. XIII	27	2,1×1,3×1,4
28	Болгар, Биляр	3.8	XII	XII–XIII	28	1,5×1,9×1,5
29	Мурзихинское селище	4.1	XII	XII–XIII	29	2×2,2×2,2
30	Мурзихинское селище	4.1	XII	XII–XIII	30	1,8×1,6×2
31	Болгар, Биляр	4.1	XII	XII–XIII	31	1,8×2,2×1,8
32	Болгар, Биляр	4.1	XII	XII–XIII	32	2,4×2,4×2,1
33	Болгар, Биляр	4.1	XII	XII–XIII	33	2,2×1,8×1,8
34	Болгар, Биляр	4.2	XII	XII–XIII	34	2,2×2×1,9
35	Болгар, Биляр	4.1	XII	XII–XIII	35	2,2×1,8×1,8
36	Болгар, Биляр	4.1	XII	XII–XIII	36	2×1,5×1,9
37	Болгар, Биляр	4.2	XII	XII–XIII	37	1,8×2,2×2
38	Болгар, Биляр	4.2	XII	XII–XIII	38	1,9×2,1×1,6
39	Болгар, Биляр	4.2	XII	XII–XIII	39	1,7×1,9×1,8
40	Болгар, Биляр	4.2	XII	XII–XIII	40	1,75×2,15×2
41	V Семеновское селище	4.2	XII	XII–XIII	41	1,2×1,5×1,6
42	Мурзихинское селище	4.3	XII–XIII	XII–XIII	42	2,4×1,8×2,1
43	V Семеновское селище	4.3	XII–XIII	XII–XIII	43	2,3×1,7×2,2
44	Болгар, Биляр	4.3	XII–XIII	XII–XIII	44	1,8×2,4×2,1
45	Болгар	1.1	XII	XII – начало XIII	45	2×2×1,4
46	Болгар, Биляр	3.4	XI – 1-2 четв. XII	XII	46	1,9×2,2×1,8
47	Болгар, Биляр	3.4	XI – 1-2 четв. XII	XII	47	1,9×2,2×2
48	Болгар, Биляр	3.4	XI – 1-2 четв. XII	XII	48	0,7×1,7×1,8
49	Болгар, Биляр	4.1	XII	XII–XIII	49	1,9×2,2×1,8
50	Мурзихинское селище	3	XII	XII–XIII	50	2,75×1,1×0,5
51	Мурзихинское селище	4.3	XII- XIII	XII–XIII	51	2,5×1,8×1,7
52	Мурзихинское селище	3.4	XI – 1-2 четв. XII	XII	52	2×0,5×1,6
53	Мурзихинское селище	3	XII	XII–XIII	53	1,6×1,5×1,2

ГЛАВА 6

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Образование первоначальных форм обмена и средств денежного обращения в Волго-Уралье относятся к IV–VII вв. В этот период, называемый Великим переселением народов, р. Итиль (Волга) вступает в роли основной магистрали – проводника южного и иранско-среднеазиатского культурного влияния на север Восточной Европы. Вначале через Поволжье и уральские степи прошли гунны, затем авары, покрывшие огромное расстояние от Восточного Туркестана до Дуная. Тюркские отряды в середине 70-х годов VI в. доходят до Волги. Со второй половины VII и до середины VIII вв. болгары, после распада Великой Болгарии, переселяются в Среднюю Волгу, заложив основу первой миграционной волны.

Говорить о развитой торговле в Волго-Уралье в этот период нет оснований. Нахождение многочисленных монет Рима и причерноморских государств (Ольвия) говорит о притоке населения в регион с юга в период Великого переселения народов и распада империи Кубрата. Ольвийские монеты III в. найдены в Болгаре в 1983 (БГИАМЗ ОФ. 355–488/5418), 2016, раскоп CLXXIX) и 2017 годах (раскоп СХСII). Римские монеты III–IV вв. обнаружены в Болгаре в 1886 г. (Лихачев, 1886, с. 36), XIX в. (Шпилевский, 1877, с. 258, 298), Валентиниана I (364–375 гг.) в 1985 г. (БГИАМЗ ОФ. 386–113/5984). В условиях внутреннего натурального обмена эти монеты едва ли выполняли свою основную функцию.

На рубеже IV–V вв. Волго-Уралье заселяют новые этнокультурные группы, среди которых наиболее известными являются племена именьковской культуры. На этом этапе товарооборот носит в основном меновой характер. Но обмен и товарно-денежные отношения уже начинают активно развиваться. В роли средства обращения используется скот – «мал», что характерно и для позднего времени. На этой территории распространяется значительное количество сасанидских драхм, весомой прием которых составляет 4,25 г. В то же время распространяются и латунные слитки, которые активно изготавливались и использовались местным населением в качестве средств обращения. В хронологическом отношении обращение слитков охватывает большой временной отрезок.

Для Среднего Поволжья он ограничивается III–VII вв. (Мухамадиев, 1990, с. 74).

Постепенно развивающийся внутренней обмен товарами между племенами в VI, особенно в VII в., приводит к зарождению торговли. Именно в этот период на территорию Волго-Камья начинают проникать византийские, сасанидские, среднеазиатские монеты и серебряные изделия из Византии, Сасанидского Ирана, Хорезма. В.П. Даркевич выделил 23 клада III–VII вв. в Прикамье и Башкортостане (Даркевич, 1976, с. 153). Это говорит о том, что проникновение серебряных изделий и монет было массовым явлением. Среди кладов с византийскими монетами известны Бартымский и Шестаковский клады, датируемые монетами императора Ираклия (610–641 гг.) (Кропоткин, 1962, с. 10, 26). В Шестаковском кладе вместе с византийскими монетами оказались и сасанидские драхмы V–VI вв.

Широкое распространение сасанидских монет V–VII вв. на территории Прикамья у именьковских племен привело к тому, что именно сасанидская весовая система легла в основу латунных слитков, которые делались в предболгарский период. Следовательно, мы можем отметить, что приход болгарских племен лишь усилил начавшийся процесс зарождения и развития торговли и товарно-денежных отношений на этой территории.

Вторая волна поступления сасанидской драхмы произошла во второй половине VIII – середине IX вв. Драхма поступала не самостоятельно, а в виде примеси к куфическим дирхемам, через болгарских купцов.

Многие авторы считали, что сасанидские, византийские, среднеазиатские изделия и монеты появились в Волго-Уралье в результате торговли местного населения со Средней Азией и Ираном в обмен на меха пушных зверей. А.Х. Халиков связывал причины появления восточного серебра на территории Прикамья с приходом сюда VI–VIII вв. тюркоязычных племен и с началом функционирования могильников (Халиков, 1971, с. 28–35). В.Ю. Лещенко также считал, что находки восточного серебра в Прикамье связаны с проникновением в VII–VIII вв. на Нижнюю Каму болгарских племен (Лещенко, 1963, с. 242).

В Прикамье встречаются находки хорезмийских серебряных и медных монет, а также бухарские подражания сасанидским драхмам, датируемые второй половиной VII – второй половиной VIII вв. (Морозов, 1996, с. 152–153).

Болгарские племена до их прихода на территорию Среднего Поволжья и Прикамья в процессе взаимодействия с Сасанидским Ираном и Византией были знакомы с монетой как средством обращения (Плетнева, 1976, с. 21). Если вспомнить Бартымский и Шестаковский клады, где найдены монеты Ираклия, и находки монет в Закавказье, куда направлялась часть болгарских племен после распада Великой Болгарии, то связь достаточно определенная. В VI–VIII вв. судьбы тюрков и согдийцев были тесно связаны между собой. Согдийские купцы держали в своих руках торговлю на Великом шелковом пути от Византии до Китая (Маршак, 1997, с. 52).

Через посредничество болгар в бассейн р. Чепцы еще на этапе полемской культуры в VII–VIII вв. начали поступать сасанидские монеты. М.Г. Иванова, составившая таблицу находок сасанидских и куфических монет VI–X вв. в бассейне р. Чепцы, отмечала 22 пункта находок. Они встречаются часто в могильниках. Известно также три клада. Так, в Поломском II могильнике в погребении 70 найдены четыре сасанидские монеты VI–VII вв., в Поломском могильнике в погребении 125 вместе с сасанидской монетой найдена и арабо-сасанидская монета эмира Абейдаллаха бен Зияда, относящаяся к концу VII – началу VIII вв. Сасанидские монеты часто встречаются с куфическими монетами Омейядов, Аббасидов, Испегбедов, Тахиридов, реже с сасанидскими и даже западноевропейскими денариями. Это характерно для Кестымского, Лесогуртского кладов. В последнем монеты VIII–IX вв. найдены с 23 медными слитками и двумя сломанными серебряными гривнами. В могильнике Чемшай в погребении 13 сасанидская монета была включена в ожерелье вместе с двумя сасанидскими монетами X в. (Иванова, 1998, с. 23). В могильнике Весьякарский Бигершай с драхмой Хосрова II (590–628 гг.) найдены английский пенни короля Кнута (1015–1036) и саксонский денарий Ордульфа или Оттона (1059–1071 гг.). По подсчетам М.Г. Ивановой, из более 1200 монет основное число относится к IX – началу X вв. Найдены на этой территории также и подражания (более 40 шт.), но монет болгарской чеканки нет. Эти монеты, как правило, использовались в качестве украшений, но наличие кладов и находки в Лесогуртском кладе вместе с монетами и медных слитков позволяют говорить о начале формирования системы товарно-денежных отношений на этой территории.

К концу VIII–IX вв. общая ситуация в торговле Восточной Европы с Востоком изменяется. В это время усиливается торговая деятельность арабов. Русские купцы-дружинники становятся посредниками между Западом и Востоком. Быстрому развитию торговли Востока с Восточной Европой способствовало изменение внешней политики Арабского Халифата после прихода к власти Аббасидов в 750 г. Аббасиды хорошо понимали значение торговли и одобряли деятельность купцов. Они, как «праведные халифы» и Омейяды, были правителями всего мусульманского сообщества, и правление Аббасидов стало временем подъема искусства, науки и культуры.

Арабская культура в VIII–IX вв. наложила большой отпечаток на развитие торговли. В 70–80-х годах VIII в., как считал В.Л. Янин (1956, с. 84), или в первой трети IX в., по предположению В.В. Кропоткина (1968, с. 115), начинается становление связей Восточной Европы со странами Халифата. В то же время идет формирование торгового пути по Волге в Восточную и Северную Европу, в которой постепенно главную роль начинает играть Волжская Болгария. В середине IX в. устанавливается торговый путь из Волго-Камья через современную территорию Башкортостана в Западную Сибирь и на Енисей (Кызласов, 1987, с. 79–80).

В 737 г., после поражения Хазарского каганата от арабов, часть болгар ушла в Среднее Поволжье. Их памятники, датируемые серединой VIII – первой половиной IX в., представлены Большетарханским I и II, Кайбельским, Уреньским и некоторыми другими могильниками (История татар, 2006, с. 119). Среди погребального инвентаря раннеболгарских могильников встречаются омейядские и аббасидские дирхемы. В Большетарханском могильнике было обнаружены сасанидская драхма и аббасидский дирхем (Кропоткин, 1971, с. 87), в Кайбельском могильнике – аббасидский дирхем (Кропоткин, 1971, с. 83). Аббасидские дирхемы были обнаружены в Танкевском (Федоров-Давыдов, 1985, с. 45), Большетиганском (Казakov, 1992, с. 273) могильниках VIII–X вв.

Небольшую группу монет, найденных в Прикамье и Поволжье, составляют хорезмийские и туранские монеты III–VIII вв. Они найдены в Большетарханском, Неволинском, Бартымском могильниках, Благодатском I городище и др. памятниках (Мухамадиев, 2005, с. 17). С.П. Толстов, осуществивший историческую интерпретацию хорезмийских монет, писал, что они позволяют считать установленными древние исторические связи Хорезма и Поволжья (Толстов, 1938, с. 173).

Известны находки византийских монет. В округе Болгара (Балымеры) в 2008 г. был найден мили-

арисий Льва VI (886–912), чеканенный в 886–908 гг.

В VIII–IX вв. куфические дирхемы ввозились в Северную Европу с Ближнего Востока через Хазарию, и местное болгарское население использовало их как украшение, т. е. они обладали особой потребительской стоимостью. Найденные в Большетарханском, Танкеевском, Большетиганском могильниках монеты с отверстием или ушком подтверждают это мнение. В конце IX в. куфические монеты начинают использоваться в качестве средства обращения. Об этом говорят редкие клады IX – начала X в.: Альметьевский (824 г., Нурлатский р-н РТ), Кокрятский (900 г., Старомайнский р-н Ульяновской обл.), Билярский (906 г.), Огородное (907 г., Спасский р-н РТ), Болгарский 1957 г. (912 г.), Казанской губернии (914 г.).

Развитие ремесленных производств и торговля способствовали росту купечества и расширению товарно-денежных отношений. В торговле были представлены предметы повседневного спроса: ремесленные изделия, продукты сельского хозяйства. Это была локальная торговля, которая развивалась между городом и деревней и имела бытовое повседневное значение, так как продавались изделия ремесла, ювелирные украшения, орудие труда, хлеб и другие продукты сельского хозяйства. Эта торговля происходила в городах и рынках Волжской Болгарии и на ярмарках. Торговля ремесленными изделиями осуществлялась и в самих мастерских, которые располагались на рынках и на улицах города. Такие рынки характерны для болгарских городов – Болгара, Биляра, Джукетау и др.

Обмен между городом и деревней был также одним из главных компонентов региональной торговли. Она связывала дальние города с селами волжских болгар.

Болгарские города были центрами развития ремесел. Городское ремесло развивалось как мелкое производство и являлось товарным. Центрами производства были столичные города Биляр, Болгар, Сувар, располагавшиеся в центральной части государства, а также Кокрять, Джукетау, Муромский городок и др.

Город Болгар в процессе развития хозяйственной оседлой деятельности, становления городов молодого государства и благодаря богатству биоресурсов долины Волги приобретал большие преимущества. Вокруг ядра города сложилась целая система неукрепленных поселений. Активной была торговая жизнь Болгара. Продукция городских кузнецов и гончаров сбывалась как в ближайшей округе, так отдаленных от города местах. Именно сюда, в Ага-Базар, приплывали купеческие суда.

В первой четверти X в. вся торговля сосредотачивается в торгово-ремесленных поселениях. В арабских географических источниках посредническая торговля напрямую связывается с городами и их рынками.

Особую роль в истории болгар сыграл город Болгар. Он является единственным городом, основание которого можно достоверно связать с раннеболгарским временем. Роль торговой пристани играл Ага-Базар, расположенный непосредственно на берегу Волги, на расстоянии одного фарсаха от города.

В г. Болгаре зафиксировано значительное количество монетных находок X в., подтверждающих роль города как крупнейшего торгового пункта на Волге. На территории Болгарского городища обнаружено 7 кладов (две и более монет) и 9 одиночных куфических монет. Их местонахождения занимают береговую полосу Волги и Иерусалимского оврага (рис. 1).

Появление на территории Волго-Уралья саманидских монет четко показывает время, когда Волжская Болгария на рубеже IX–X вв. становится определяющим звеном в торговле Востока с Северной Европой.

В Поволжье собственный чекан появляется у хазар. В Девицком кладе много подражательных монет аббасидскому чекану, 86 из них А.А. Быков относил к хазарскому чекану (Быков, 1971, с. 44). Позднее хазары выпускали монеты с тамгой и указанием места чекана Арзаль-Хазар (Мухамадиев, 2005, с. 77). А.Г. Мухамадиев отмечал архаичность почерка хазарских монет, следовавшего древней традиции Омеядов (Мухамадиев, 2005, с. 78).

Первые эмиссии болгарских монет шли схожим путем. По монетам известно 11 правителей волжских болгар X в. Наиболее ранним болгарским чеканом можно назвать монеты Абдаллаха бин Текина, отца Алмуш хана (Фасмер, 1926, с. 39). Его монеты известны в составе Ботельского, Кожаевского кладов.

Монета Джафара бин Абдаллаха была обнаружена в составе II Неревского клада, и С.А. Янина доказана принадлежность ее к волжско-болгарскому чекану (Янина, 1962, с. 81). На монете имеются имена халифа ал-Муктафи (902–908), саманидского эмира Исмаила бин Ахмеда (892–907) и Джафара бин Абдаллаха, время правления которых позволяет датировать монету началом X в. С.А. Янина предлагала более узкую датировку – 902–908 гг.

На время правления Алмышы (Джафара бин Абдаллаха) падают монеты, чеканенные с именем «амир ал-Барсал». Р.Р. Фасмер, подробно разобрав все известные ему экземпляры монет, пришел к

выводу, что «амир ал-Барсал» – это искаженный титул болгарского правителя – йылтывар (Фасмер, 1926, с. 53–59). С.А. Янина приводила свое толкование надписи этой монеты: «В качестве рабочей гипотезы нам представляется возможным предложить еще одно толкование этого слова: Ибн Русте сообщает, что волжские болгары делятся на три племени... берсула, эскел, балкар. Нельзя ли в берсула Ибн Русте видеть «барсал» монет... В таком случае перевод загадочного слова был бы «ал-амир барсал», а в хутбе читалось «О Аллах, сохрани (в благополучии) царя барсал, царя болгар» (Янина, 1962, 187). В Безлюдовском кладе присутствует 16 экз. монет этого типа (Безлюдовский клад, 2014, с. 11). В погребении 3 Русенихинского могильника (раскоп Т.Б. Никитиной) были обнаружены два односторонних литых оттиска данного типа монет с четкой надписью «амир ал-Барсал». На этом же могильнике обнаружена одна монета, близкая к вышеуказанному типу (Янина, 1962, табл. VI-2). Монета из Русенихинского могильника представляет собой одностороннее серебряное подражание. С.А. Янина считала, что эти монеты чеканены между 908–922 гг. Чтение надписи, по С.А. Яниной, «ал-амир йылтывар». Такое же чтение предлагал Г. Рисплинг (Rispling, 1990, с. 275–279). Чтение А.Г. Мухамадиева: «ал-амир Биляр малы – деньги эмира Биляра» (Мухамадиев, 2005, с. 89).

К времени Алмыш хана относятся и монеты с тамгой Болгара на верхней части монетного поля. Подлинны монеты с тамгой в виде перевернутой буквы «А» периода правления Алмыш хана в публикациях не встречены. Два односторонних односторонних литых подражания данного типа происходят из Русенихинского могильника (Рус. м., 2010, № 33, 34).

Монета Микаила бин Джафара (рис. 1: 4) знаменует дальнейшее развитие чеканки монет у волжских болгар. Они также подражают саманидским дирхемам, но подражания более удачные. На монетах указывалось название среднеазиатских городов. Монеты Микаила бин Джафара в 306 г. х. чеканены в Самарканде, аш-Шаше, Балхе, 308 г. х. – в аш-Шаше, Балхе, Нисабуре. Об обилии чекана монет от имени Микаила говорит и использование 12 различных штемпелей (Янина, 1962, табл. II). При Микаиле бин Джафаре на монетах мы можем видеть четкое написание имя Болгара как места их чекана. Они встречаются в кладах (Русско-Юрткульский, 3 экз., Лебедев, 2012). Отдельные находки монет известны из Болгара и его округи.

С.А. Янина (1962, с. 188) и А.Г. Мухамадиев (2005, с. 89) писали о другом сыне, первом преемнике Алмыш хана – Мемектай бин Джафаре, чеканившем монету 309/922 г.

С.А. Янина, сравнивая палеографию собственного имени Микаила в монетах, высказывала мнение о чеканке монет третьим сыном Джафара бин Абдаллаха (Янина, 1962, 189). Начертание его имени близко к имени Микаила. Эти монеты чеканены одновременно с монетами Микаила бин Джафара.

Последующее развитие чеканки монет волжских болгар прослеживается на монетах Абдаллаха бин Микаила – сына Микаила бин Джафара. Он чеканил монеты в Болгаре 336 (346) г. х., 947–948 гг./957–958 гг. Монеты Абдаллаха бин Микаила нередки (Янина, 1962, табл. VI-2, см. также монеты из могильника Нижняя Стрелка, раскопки Т.Б. Никитиной).

В 40-е годы X в. монеты чеканил другой крупный город Болгарии – Сувар. Известны монеты Талиба бин Ахмеда, чеканенные в 337, 338, 341, 347 г. х., и дирхем Муэмина бин Ахмеда, чеканенный в 366 г. х. Имеется также монета Муэмина бин ал-Хасана 366 г. х. суварского чекана. Таким образом, монеты в городе Суваре чеканились в течение 30 лет. Монеты 366 г. х. Болгара и Суvara выделяются наличием знаков на верхней части монетного поля – тамги в виде начертания перевернутой буквы «А», и А.П. Ковалевский высказал предположение, что эти знаки могут быть тамгами болгар и сувар (Ковалевский, 1954, с. 34, примеч.).

По монетам 366 г. х. можно проследить историю борьбы за болгарский престол в X столетии. В 40–50 гг. X в. в Суваре чеканил монеты Талиб бин Ахмед, далее его брат Муэмин бин Ахмед (366 г. х.). Поскольку оба вышеуказанных знака зафиксированы только на монетах Мумина бин Ахмеда, можно предполагать, что он ненадолго победил в этой борьбе. Однако в том же году в Болгаре монеты чеканил Муэмин бинал-Хасан. Его родство с прежними правителями не наблюдается. Муэмин бин ал-Хасан продолжил чеканить дирхемы Болгара и в 376 г. х./986–987 г. По мнению А.А. Молчанова, последний болгарский правитель, зафиксированный на монетах, – Абдурахман ибн Муэмин. Он чеканил монеты в Суваре в 387 г. х. (997 г.) (Молчанов, 1998, с. 63–64). Вероятно, он являлся наследником Муэмина бин ал-Хасана, чеканившего монеты в Болгаре и Суваре.

Монеты чекана Болгара и Суvara вливались в общую денежную массу куфических дирхемов. Об их количестве судить трудно. По одному и несколько экземпляров мы их видим во многих кладах куфических дирхемов, в некоторых в значительном количестве. Например, в Фридрихсгофском кладе 1913 г. было обнаружено 24 болгарских дирхема, в Муромском кладе 1868 г. – 11

Рис. 1. Монеты Волжской Болгарии X в. (по Вяч. С. Кулешову)

1, 2 – дирхем ал-амира йалтавары – Алмышы/Джафара; 3 – монета времени правления Алмышы/Джафара и Микаила ибн-Джафара (920–930-е гг.); 4 – дирхем Микаила ибн-Джафара (конец 930-х и 940-е годы)

дирхемов Микаила ибн-Джафара (Кропоткин, 1970, с. 147–149).

Когда речь идет о раннеболгарском чекане, надо остановиться на подражательных монетах. Вероятно, уже на рубеже IX–X вв. появляются подражательные монеты саманидским дирхемам. Монеты Насра бин Ахмеда 301 г. х. и халифа ал-Муктадира Р.Р. Фасмер считал наиболее удачными подражаниями саманидским дирхемам, чеканными болгарами (Фасмер, 1925, с. 40). Место чекана этих монет Х.М. Френ, С.А. Янина читали как Суар, Р.Р. Фасмер же считал возможным читать их как Сувар, так и Болгар. А.Г. Мухамадиев место чекана читал как Сагар и отождествлял его с хазарским городом Савгар (Мухамадиев, 2005, с. 89). Сохранился дефектный штемпель для чекана монет Насра бин Ахмеда, найденный в посаде

г. Суара в 2011 году (БГИАМЗ, № 622-1). Надо сказать, что имя Насра здесь не может быть датирующим. На подавляющем большинстве литых монетовидных подвесок читается или угадывается имя саманидского эмира Насра. Такие подвески часто встречаются во всей территории Волжской Болгарии и в древнемарийских могильниках.

Р.Р. Фасмер описывал латунный штемпель для чекана монет Мансура бин Нуха (Фасмер, 1925, с. 45). Делать штемпеля для монет-подражаний, как и чеканить такие подражания, могли и в более позднее время, после завершения правления Насра бин Ахмеда (914–943) и Мансура бин Нуха (961–976). Резчики штемпелей использовали для копирования имеющуюся под рукой монету. Поскольку вышеназванные монеты были наиболее многочисленными, болгарами за образец были

Рис. 2. Дирхемы Талиба ибн-Ахмада 946–947 гг. (по Вяч. С. Кулешову)

Рис. 3. Дирхемы Мумина ибн ал-Хасана, конец 970–980-е годы (по Вяч. С. Кулешову)

взяты именно эти монеты. Известен клад односторонних монет Насра бин Ахмеда, найденный в 2003 г. у с. Кокрять Старомайнского р-на Ульяновской обл.

К болгарскому чекану относятся так называемые варварские подражания и односторонние монеты. В Кокрятском кладе 1890 г. их 40 из 300 монет, Даниловском кладе 1902 г. все 117 монет одностороннего чекана. Интересен Беловский клад 2007 г. из Курской области, где из 107 дирхемов 52 болгарские подражания (Лебедев, Риплинг, 2017). Это является доказательством того, что болгарские дирхемы составляли значительное

количество в общей денежной массе и основной объем импорта дирхемов в X в. шел через Волжскую Болгарию.

О стабильных торговых отношениях со Средней Азией говорит присутствие отдельных находок медных саманидских монет. Медные саманидские фельсы найдены в Болгаре, на Кокрятском городище (1), Арбузовском селище (3), в Головкине (2), Вшивом озере (1), Красногорском селище (1), Калмаюрском поселении (1), Новослободском селище IV (1) и др.

В конце X – начале XI вв. прекращается поступление куфических серебряных монет на

территорию Восточной Европы. Объективным условием «серебряного» кризиса было истощение серебряных рудников. Однако потребность населения в монетах продолжала существовать. В Волго-Уралье поступали западноевропейские денарии, хотя в значительно меньшем количестве, чем саманидские дирхемы. Выявленные западноевропейские монеты в основном сосредоточены в Болгаре: Германия, Оттон I, 936–983; Южная Германия, епископство Леймус – раскоп СХХIII, Ага-Базар (подражание денарию). Многочисленные находки денариев происходит из округа Болгара: Семеновское селище (Дания, Свен Эстридсен Лунд, 1047–1075); Измерское селище (Германия, Оттон и Адельгейда, 981–995; подражание по типу Гронингем, епископ Бертольд, 1027–1054); VI Рождественское селище (Германия, граф Альберт Намюр, 1037–1105; Германия, Генрих III; Саксония, 1047–1058 – 2 шт.; Англия, Этельред II, 978–1016); Старомайнские селища (Германия, Оттон III, Майнц, 996–1002); Арбузовское селище (Венгрия, 1000–1038; Чехия, 972–999; Тмутараканское подражание византийским милиарисиям, 988–1000). Известны находки в Казанском кремле (подражание денарию, Чехия), Укеке (3 денария), Муромском городке. Западноевропейские монеты встречаются в кладах вместе с восточными монетами: Крещенно-Баранский, Болгарский и др. клады. Наравне с восточными монетами они встречаются среди погребального инвентаря марийских могильников Нижняя Стрелка, Дубовский (Германия, герцог Ордульф (Оттон), 1059–1071), Выжумский.

Эти монеты поступали посредством транзитной торговли через Русь. Они проникали через Белоозеро, по Сухоно-Вычегодскому пути в Прикамье, а оттуда – в среднее Поволжье (Голубева, 1973, с. 178). Среди подлинных денариев встречаются и свинцовые подражания (Ага-Базар, Казанский кремль, Измерское селище), что демонстрирует попытки осуществить чеканку подражаний со стороны волжских болгар.

В кладах X в. вместе с целыми монетами в значительном количестве встречаются обрезки дирхемов. Монеты ломали или разрезали на части для удобства в расчете. Вес саманидских монет составлял от 2,7 до 3,2 г, а размеры 25–33 мм, что было неудобно для мелких платежей. На отдельных монетах сохранились следы разметки для разрезания. В конце X в., вероятно, необрезанные монеты исчезли из обращения. В Болгарском 2000–2002 гг. (64 экз.), Кокрятском (2003 г., поступил частично), Белогорском (поступил частично, 521 экз.) кладах целые монеты встречаются в единичных экземплярах. По находящимся в кладе поздним монетам Болгарский

клад датируется началом XI в. (денарий Оттона I), Белогорский клад – концом X в. (Мансур б. Нух, 997 г.), Кокрятский – также концом X в. А.В. Фомин на основе анализа кладов подчеркивает, что большую часть дирхемов, поступавших в Восточную Европу, с 70-х годов X в. превращали в обломки. Клады конца X – начала XI вв. состоят преимущественно из мелких обломков (Фомин, 1984, с. 138).

Денежное обращение Волжской Болгарии рубежа X–XI вв. характеризуют уникальные клады, обнаруженные в Биляре и в его окрестностях, в частности Крещенно-Баранский. Крещенно-Баранский клад, найденный в 1905 г., был опубликован А.К. Марковым (1909), позднее изучен И.Г. Добровольским (2001) и Г.В. Шагуриной (Добровольский, Шагурина, 2004). В кладе 605 экз. монет (у Маркова 616), из них 142 целых и 463 обломков. По уточненным И.Г. Добровольским и Г.В. Шагуриной данным, клад по династийному составу определяется следующим образом: Саманиды – 16 экз.; Симджуриды – 10; Илеки (Караханиды) – 11; Бавандиды – 47; Зийариды – 13; Ширваншахи (Мезидиды) – 5; Хорезмшахи (Мамуниды) – 185; неопределимые – 318; подражание восточному дирхему – 1; западноевропейский денарий (Германия, Оттон III и Адельгейда, 983–1002) – 1; подражание западноевропейскому денарию X–XI вв. – 1. Таким образом, бросается в глаза наличие небольшого количества саманидских монет, значительного количества монет Хорезмшахов, сменивших Саманидов. Естественно присутствие в кладе фрагментированных монет (неопределимые), характерных именно для кладов рубежа X–XI вв.

Билярский клад куфических монет начала XI в. был обнаружен Е.А. Беговатовым в 2001 г. на территории Билярского III селища и частично опубликован (Беговатов, 2005). В составе клада были монеты Саманидов – 4; Симджуридов – 13; Илеки (Караханиды) – 3; Хорезмшахи (Мамуниды) – 265; Зийариды – 149; Буиды (Бувейхиды) – 39. Всего вместе с фрагментами 1785 монет. Как и в Крещенно-Баранском, в Билярском кладе в большом количестве представлены монеты Хорезмшахов и значительное количество фрагментированных монет. Среди мест чекана часто встречаются такие дворы, как Джурджан, Амуль, Астрабад, Мосул, Мухаммадия. В опубликованной части клада зафиксирована монета с наиболее поздней датой – 392 г. х./1002 г.

Анализ монет клада показывает значительное снижение содержания серебра в составе монет. По сравнению с саманидскими монетами среднее содержание серебра упало с 89,3% до 48,1% в монетах Нух бин Мансура. Такое же содержание

серебра в монетах Кабуса бин Вашмагира и для монет буидов – 41,6% (Беговатов, 2005, с. 41). Нахождение уникальных кладов в районе Билярска указывает на значительное изменение торговых путей в Волго-Камье и увеличение роли Биляра, крупнейшего города домонгольской Болгарии, в начале XI в.

В конце X – начале XI вв. на территории Волго-Камья появляются денежные слитки из серебра и начинают широко использоваться в торговых операциях. Появление их в денежном обращении связано более легкой и экономичной обратимостью из денежной сферы в ремесленную (Янин, 1956, с. 182–183). Процесс укрепления феодальных производственных отношений, товарного производства, преодоления недостатка средств обращения и обеспечения удобства торговых сделок привел к массовому распространению денежных слитков в Волжской Болгарии.

Появление в обращении серебряных слитков – это следствие серебряного кризиса, распространившегося на Востоке, в том числе и Волжской Болгарии. На территории Среднего Поволжья каких-либо разработок серебряных месторождений не было. Основным сырьем для производства серебряных слитков служила огромная масса куфических монет, которая была в обращении. Истертые монеты переплавлялись в слитки. Во-вторых, В.П. Даркевич отмечает отсутствие серебряных сосудов более раннего периода в Среднем Поволжье, которые часто встречаются в Пермском крае (Даркевич, 1976, с. 148). Значит, они также были переплавлены в слитки. Между тем найденные на территории Болгарии слитки можно разделить на три вида.

Первый вид – это кусочки серебра самых различных форм: треугольной, круглой, неправильной и др. Они отливались и при необходимости разрубались на различные части. Их широкое распространение относится к концу X в., что хорошо подтверждается находками на Измерском I, Алексеевском VI селищах, относящихся к 70-м годам X – первой половине XI вв. На памятниках второй половины домонгольского времени, в частности на Старокуйбышевском IV селище, фиксируются только куски серебра, монеты не найдены. Куски серебра принимались не поштучно, а на вес, об этом свидетельствует широкое распространение на Измерском I селище гирек и весов, а также широкое разнообразие внешних норм этих слитков. Весы и гирьки как раз были предназначены для взвешивания кусков и монетного серебра.

Следует предположить, что использование населением Болгарии кусочков слитков в торговых операциях заложило основу и подготовило население к последующему широкому использованию

в роли средства обращения слитков серебра так называемых «круглых» и «новгородских». Следует, однако, заметить, что куски серебра встречаются на протяжении всего домонгольского периода с X по XIII вв.

Второй вид – это «круглые» слитки, происхождение которых вызывало и продолжает вызывать споры в литературе. А.А. Ильин отмечал два центра, где найдены «круглые» слитки. Это Сырдарьинская область и Вятская, Пермская, Казанская губернии, где круглые слитки подвергались сгибанию и свертыванию в трубку; изменения эти имели, вероятно, местное значение.

Однако на территории Сырдарьинской области найден всего один клад, содержащий эти слитки вместе с монетами X–XI вв., а на территории Волжской Болгарии из 22 кладов, найденных со слитками, в 11 кладах есть «круглые» слитки. В кладах, где слитки определены как слитки различной формы, вполне могли быть и круглые, форма которых не могла быть установлена находчиком.

Производство круглых слитков на территории Болгарии осуществлялось в конце X – начале XI вв. Примечателен в этом отношении клад, найденный у д. Тат. Толкиш в 1907 г., где вместе с куфическими монетами X в. (900–995 гг.) и тремя болгарскими дирхемами были также и два круглых слитка, свернутых в трубку, весом 85,20 г и 93,72 г.

Изучение круглых слитков, к сожалению, затруднено рядом факторов. Во-первых, все авторы, которые сообщают о находках круглых гривен на Западе и в Среднем Поволжье, не приводят их описания и, самое главное, веса, что затрудняет определение их происхождения, потому что для каждой местности были характерны свои стандарты. Во-вторых, многие слитки, найденные в кладах, были переплавлены, особенно это касается кладов, найденных на территории Волжской Болгарии. Отсутствуют они и в коллекции Национального музея РТ.

Основываясь на приведенных А.А. Ильиным весах нескольких круглых слитков, можно вычислить их весовую норму. По-видимому, она приближалась к теоретическому весу 204,756 г. Это достаточно ясно показывает клад, найденный в Спасске в 1869 г., где есть слитки весом 200,22 г, и клад, найденный в Лаишевском уезде в 1887 г., где имелись слитки весом в 204,256 г. Остальные слитки, вероятно, были частями веса в 204,756 г. Вес в 204,756 г. составляет 1/2 иракского ратля в 409,512 г. Интересна в этом плане находка в Чердынском уезде двух слитков, причем вес одного слитка составляет 409,512 г. Это подтверждает и слиток весом в 4,26 г, найденный в Спасске в 1869 г.

Третий вид слитков – это так называемые «новгородские» слитки. Своим названием они обязаны месту первой находки такого рода слитков. «Новгородские» слитки были в обращении не только на территории Волжской Болгарии, но и Руси с XII по XIV вв. А.А. Ильин считал, что их отливка началась в золотоордынское время. Однако в дальнейшем Н.П. Бауэр, И.Г. Спасский, М.П. Сотникова доказали возможность их появления в XII в. (Сотникова, 1961 с. 44–46). «Новгородские» слитки представляют длинные, продолговатые серебряные бруски приблизительно треугольного сечения.

На распространение так называемых «новгородских» слитков в Среднем Поволжье указывают найденные здесь слитки. В развалинах Болгара было найдено 7 «новгородских» гривен. В Танкеевке в 1888 г. была найдена «новгородская» гривна весом 188,312 г. В д. Малые Атрясы найден серебряный слиток весом 203,59 г. В Билярске в 1879 г. найден кувшин, наполненный различными серебряными слитками, в т. ч. и слитками «новгородского» типа (Ильин, 1921). В фонде Национального музея РТ хранится 10 серебряных слитков, длина которых превышает 14 см: они относятся к домонгольскому периоду. Наименьший вес слитков 195,3 г, наибольший – 206,4 г.

На многих слитках имеются поперечные линии, нанесенные на плоской стороне слитка приблизительно параллельно между собой и перпендикулярно длине слитка. Существуют различные мнения об их происхождении. Внимания заслуживает точка зрения А.А. Ильина и М.П. Сотниковой, которые считали, что это своеобразное письмо, имеющее производственный характер, а нарезки истолковываются как обозначение потери веса (Ильин, 1921, с. 66; Сотникова, 1961, с. 86–91).

«Новгородские» слитки были результатом торговли с русскими княжествами, на что указывают многочисленные находки «новгородских слитков» XII–XIII вв. на территории Руси. Но, возможно, и местное литье такого рода слитков, необходимое опять же для торговли с русскими княжествами, тем более что «ладьеобразные», или так называемые «татарские» слитки, относящиеся к XIV в., и «новгородские» XIV–XV вв. в большом количестве находят на территории Среднего Поволжья.

Таким образом, мы можем определить хронологию обращения серебряных слитков в Волжской Болгарии. В конце X – начале XI вв. начинают широко распространяться кусочки серебра и «круглые» слитки. В XII в., исходя из потребности торговых операций с Русью, начинают использоваться «новгородские» слитки. Слитки в стране получили название «саумы» или «сомы».

В денежном обращении данного периода были и палочковидные слитки. Клад с такими слитками был обнаружен в 2010 г. близ с. Каргалы Алькеевского района РТ. Возможно, небольшая часть клада слитков разошлась по рукам. В музей поступили 93 экз. полных слитков, 21 неполный экземпляр, 146 экз. верхней части, состоящих из серебра, и 83 экз. нижней части, состоящих из сплава.

Полные экземпляры слитков представляют собой разного веса и размера предметы палочковидной формы, состоящие из серебра (верхняя часть) и непрочного сплава темного цвета (нижняя часть). Слитки разной длины: от 8 мм до 30 мм. Толщина верхней серебряной части от 3 до 5 мм. Размеры верхней части от 4×2 мм до 13×0 мм. Книзу палочковидный слиток закругляется, приобретает почти цилиндрическую форму. Вся поверхность слитка сглажена, посеребрена.

Верхняя серебряная и нижняя часть слитка изготавливались отдельно. Об этом говорит неодинаковая толщина верней или нижней части слитков. Толщина верхней серебряной части слитка составляет от 3 до 5 мм. Отлитый лист серебра разрезался ножом на кусочки произвольной формы и неодинаковой величины, соответственно, неодинакового веса.

Нижняя часть предмета отливалась отдельно в форме для литья. Кусок серебра сажают на нагретую основу палочковидной формы под определенным давлением. Об этом говорит то, что на отдельных экземплярах видна расплавленная основа серебра.

Размеры и веса 93 полных экземпляров палочковидных слитков: самый крупный – длина 30 мм, вес 27,00 г, размеры верхней и нижней площадки: 10×6 мм, 10×10 мм; самый маленький из них – длина 10 мм, размер площадки 4×2 мм; вес 1,60 г. О.В. Степанов указывает на 13 единичных местонахождений палочковидных слитков у устья р. Камы (Степанов, 2017).

Как очень крупным денежным единицам слиткам было свойственно медленное обращение, и к тому же они использовались большей частью для крупных платежей, за исключением небольших кусочков серебра, которые могли использоваться в повседневном обращении. Вышесказанное привело к необходимости использования в безмонетный период целого ряда предметов, отличительной особенностью которых является их стандартизация, возможность приравнивания к ним стоимости различных товаров. В этой роли выступали самые различные виды товаров, в частности конусообразные, кубовидные и прямоугольные свинцовые слитки.

Не исключено, что в безмонетный период в качестве денежно-счетных единиц использовались

так называемые «грузики-пломбы». Появление свинцовых «грузиков-пломб» на территории Болгарии относится к IX–X вв., что хорошо датируется находками подобных кружков в Танкеевском и Майнском могильниках. Они в большом количестве встречаются на археологических памятниках X–XI вв. – Семеновском I и Измерском I селищах. Найдены они в значительном количестве в культурном слое Билярского, Болгарского и ряда других городищ Волжской Болгарии. Производство их осуществлялось болгарскими мастерами, свидетельством чего является находка на Билярском, Болгарском городищах литейных форм для их изготовления. Большое количество находок позволяет дать их типологию и хронологию бытования. Они различной формы, в большинстве своем свинцовые, но встречаются также из меди и бронзы.

Мы можем предположить, что в безмонетный период в роли денег выступали шиферные пряслица, которые посредством торговли с Русью начали поступать в Волжскую Болгарию в X в. Ярким подтверждением этого является их находка в Танкеевском могильнике, в погребении 1105, которое Е.П. Казаков относит к второй – третьей четверти X в. Кроме того, находки шиферных пряслиц отмечены на многих домонгольских памятниках, особенно в Биляре – более 130 экз. (Хузин, 1995, с. 121). Использование шиферных пряслиц в роли средства обращения было характерно и для Руси, где они встречаются вместе с монетами, и, что интересно, с монетами западноевропейскими, относящимися к XI в., и серебряными слитками. На территории Билярского городища шиферные пряслица часто встречаются вместе с находками гирек и весов. Для территории Руси также характерно широкое распространение шиферных пряслиц в XII – начале XIII вв. (Колчин, 1982, с. 174).

В условиях уменьшения обращения дирхема население Болгарии начинает использовать в качестве средства мелкого платежа эти пряслица. Стандартизация их производства и устойчивые экономические, торговые связи с Русью позволяют говорить об использовании пряслиц в качестве товаро-денег не только на внутреннем рынке, но и на внешнем. Овручские шиферные пряслица поступали в Волжскую Болгарию в значительном количестве, использовались здесь, на внутреннем рынке, и отсюда распространялись на мордовские поселения и Верхнее Прикамье.

Стекланные бусы часто находят вместе с монетами; исходя из этого факта В.Л. Яниным было выдвинуто – для территории Древней Руси – предположение об их использовании в роли средств обращения (Янин, 1956, с. 187–188). Эта точка зрения получила широкое распространение и

поддержана рядом историков, занимающихся домонгольским периодом истории Руси. Причем, что интересно, на XI в. приходится максимальное распространение золото-стеклянных и серебро-стеклянных бусин, и граница их распространения совпадает с ареалом распространения дирхема в X в. Это характерно не только для Руси, но и Прибалтики, Средней Азии, Швеции, Венгрии, а также Волжской Болгарии. М.В. Фехнер подчеркивала, что эти бусы являются предметом импорта из стран Передней Азии и поступали они через Волжскую Болгарию (Фехнер, 1961, с. 50–52). Расцвет торговли бусами падает на XI в. В Болгарии золото-стеклянные и серебро-стеклянные бусы, бусы из сердолика и хрусталя, поступавшие сюда с Востока, найдены в значительном количестве, так что и они могли служить эквивалентом денег в безмонетный период. Подтверждением этого является вышеупомянутая находка клада в Елабуге, где вместе с 17 серебряными слитками найдены и четыре серебряные серьги с бусами (Нигамаев, Хузин, 2000, с. 11–12). Еще одной важной функцией бус является то, что они могли служить в качестве гирек-развесов. Подобная характеристика широко была распространена на Востоке. В коллекции Национального музея РТ было взвешено несколько стеклянных бус, найденных на территории г. Болгара. Все они являются фракциями мискаля в 4,095 г и 4,26 г, что достаточно ясно свидетельствует об их использовании в качестве развесов.

В Волжской Болгарии в роли эквивалента денег, особенно в безмонетный период, выступали и раковины каури. Они представляют собой небольшие овальные блестящие раковины длиной до 10 см. В XII–XIII вв. наблюдается наибольший ввоз раковин-каури в Прибалтику (Мугуревич, 1965, с. 65). По предположению И.Г. Спасского, из городов Прибалтики в XII в. и позже их доставляли в Северо-Западную Русь. Здесь они найдены в значительном количестве на археологических памятниках. Новгородские купцы снабжали ими Среднее и Верхнее Поволжье, где применение каури прослеживается начиная примерно с XII в. Правда, находки раковин-каури хронологически известны в более ранних археологических памятниках. Так, они встречаются в ряде погребений IX в. Тетюшского могильника. Довольно много найдено их на территории Билярского городища. С территории Волжской Болгарии раковины-каури распространялись в Верхнее Прикамье.

Высказывая предположение о возможности использования шиферных пряслиц, бус и раковин-каури в качестве средств денежного обращения, мы не можем подтвердить его какими-либо данными о действительной стоимости этих пред-

метов. Исходили прежде всего из их стандартизации и возможного превращения в товароденьги.

Таким образом, в условиях, когда мы не располагаем статистическими данными о рыночном товарообороте, состоянии и движении цен, размерах купеческой прибыли, соотношении товарной и

натуральной продукции, весы, гирьки-разновесы и различные средства обращения, применявшиеся в торговых операциях, т. е. техника торговли и ее инструментарий, как нельзя лучше раскрывают характер и уровень развития торговли и товарно-денежных отношений Волжской Болгарии IX – начала XIII вв.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Успехи в развитии земледелия, скотоводства привели к широкому расцвету торговли. Расположение Волжской Болгарии в географически благоприятном районе Восточной Европы, где находились Волга и Кама, две крупнейшие водные магистрали, и стык торговых путей Запада и Востока, определило ее значение в истории Восточной Европы этого периода.

Источники свидетельствуют о высоком уровне развития торговли в Волжской Болгарии. Ибн Фадлан пишет: «У них (болгар) много купцов...» (Ковалевский, 1956, с. 138). И в самом деле, развивающаяся внутренняя торговля, налаженное товарно-денежное обращение, обширная внешняя торговля привели к формированию купечества как особой социальной группы. Письменные источники при всей их скудости сохранили нам сведения, в которых само упоминание торговой деятельности как самой обыденной весьма показательны.

В развитии торговли было заинтересовано само государство. Ибн Русте сообщает: «Когда приходят к ним мусульманские купеческие суда, то берут с них пошлину, десятую часть (товаров)» (Хвольсон, 1870, с. 24). Ибн Фадлан более конкретизирует это сообщение: «Если прибудет корабль из страны хазар в страну «славян», то царь выедет верхом и пересчитает то, что в нем (имеется), и возьмет из всего этого десятую часть. Если прибудут русы или какие-нибудь другие (люди) из прочих племен с рабами, то царь, право же, выбирает для себя из каждого десятка голов одну голову» (Ковалевский, 1956, с. 140–141). Одной из форм податей царю с каждого дома является, согласно сообщению Ибн Русте, «лошадь и другие». Ибн Фадлан в качестве такой подати называет «шкуру соболя» (Ковалевский, 1956, с. 140). Думается, что изменение предмета подати, по Ибн Фадлану, связано с той ролью, которую играли меха в международную транзитную торговлю.

Но в развитии торговли было заинтересовано не только государство; купцы болгарские и приезжие также нуждались в централизованном государстве, которое бы гарантировало им безопасность торговли, торговых путей и развития товарно-денежных отношений. В крупные города и места ярмарок Волжской Болгарии приезжали

купцы из многих стран. От Болгар начинался восточно-европейский маршрут к Киеву и границам Византии, в Прибалтику и Северную Европу (Заходер, 1967, с. 102). Волжская Болгария являлась центром торговли, которая в первую очередь была связана с главнейшей восточноевропейской магистралью – рекой Итиль. Ибн Русте сообщает: «Хазаре ведут торг с болгарами, равным образом и Русь привозит к ним свои товары. Все из них (т. е. русов), которые живут по обоим берегам помянутой реки везут к ним (болгарам) товары свои, как-то: меха соболя, горностаевые, беличьи и другие» (Хвольсон, 1870, с. 23). Интересы торговли способствовали вниманию к этой стране арабо-персидских путешественников и ученых, которые с подробностями описывали путь по Волге до Болгар и его обитателей.

Развитие внутренней и внешней торговли в Болгарии привело к распространению платежных знаков, в роли которых выступали на различных этапах ее истории разные предметы. Поэтому одним из важнейших показателей уровня развития торговли в Волжской Болгарии является проблема денежного обращения, их заменителей.

Наиболее известным восточным авторам предметом торговли, связанным с историей Болгарии IX – начала XIII вв., являются меха пушных зверей. Причем источники называют их не только как важную статью торговли, но и подчеркивают использование мехов в роли средства обращения. Ибн Русте, описывая события IX в., отмечает: «Основное имущество у болгар – меха куницы; у болгар нет золотой или серебряной монеты, а расплачиваются они куньим мехом, один мех равен двум с половиной дирхемам» (Заходер, 1967, с. 34). То же сообщение находится и у ал-Гардизи, лишь в оценке куньего меха у Гардизи два дирхема, а не два с половиной, что Б.Н. Заходер объясняет пропуском у Гардизи слова «половина». По его предположению, фраза среднеазиатского анонима X в., автора «Худуд ал-алама», относящаяся к буртасам, «достояние их – меха куницы» должна трактоваться как реликт темы – смешение болгарской и буртасской тематики, обычной для цитируемого источника (Заходер, 1967, с. 34–35).

Распространение мехов пушных зверей в роли средства обращения и предмета торговли было связано с тем, что площадь Среднего Поволжья и Прикамья покрыта лесами, богатыми пушным зверем. Это отмечают и арабские авторы: «...в болгарских лесах водятся белки, соболь и другие звери с ценным мехом» (Заходер, 1967, с. 39). Употреблению мехов в качестве средства обращения в Волжской Болгарии способствовало также и их активное участие в международной торговле с Востоком и в меховой торговле с народами Севера. У Ибн Русте есть прямое на это указание (Заходер, 1967, с. 29). То же сообщение находится и у ал-Гардизи. Интересно то, что у Ибн Хордадбега, автора середины IX в., при описании торговли мехами (белок, чернобурых лисиц) не отмечена роль Болгарии как центра транзитной торговли ими. По всей видимости, роль Волжской Болгарии как одного из центров посреднической торговли мехами начинает осуществляться не ранее последних десятилетий IX – начала X вв. Начиная с сообщения Ибн Русте упоминание о торговле болгар мехами становится постоянным у представителей классической школы арабской географии. Эта традиция сохраняет свое значение в XII–XIV вв. Об этом пишет ал-Гарнати (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, 1971, с. 106), Ибн ал-Асир и Ибн Баттута (Тизенгаузен, 1884, с. 28, 298).

Употребление мехов в качестве денег засвидетельствовано и на Руси, подтверждением чему является «Русская правда» и сообщения арабских путешественников. Они широко использовались как предмет экспорта. Ибн Хордадбег, автор второй половины IX в., пишет о русских купцах, что они из славянских стран привозят бобровые меха, меха черных лисиц (Хвольсон, 1870, с. 158–159).

Меха употреблялись как средство обращения и у соседей болгар – местных финно-угорских племен. Арабские авторы оставили нам много свидетельств о торговле соседей с болгарями, где основной статьей была торговля мехами. Наиболее распространенным в этой торговле эквивалентом мелких денежных единиц были беличьи шкурки (тиен). Материалы языка и фольклора достаточно ярко это показывают. До сих пор слово «тиен» в татарском языке означает мелкую разменную монету. В татарской пословице «*тиен* агачтан агачка, *тиен* (акча) кулдан кулга сикерә»/«белка прыгает с дерева на дерево, деньги – из рук в руки» (Исанбет, 1967, б. 157) подчеркнута та же мысль.

Из источников мы можем дать и перечень основных видов мехов пушных зверей – куньи, соболиные, горностаевые, лисьи, бобровые, беличьи. Естественно, встает вопрос: в какой из периодов истории Волжской Болгарии меха употреблялись в роли средства обращения? Источники

показывают широкий расцвет их использования в конце IX–X вв. Однако в XI–XII вв. они продолжали выступать в качестве средства обращения. На этот счет имеется прямое указание ал-Гарнати. Он пишет, что болгары и русы осуществляют торговые сделки между собой при помощи старых беличьих шкурок. И каждые 18 штук в счете их идут за один серебряный дирхем, за них можно купить все: невольниц, золото, серебро, шкурки бобра (куницы) и др. товары (Монгайт, 1959, с. 176). Как и в VIII–X вв., в «безмонетный» период меха выступали в качестве эквивалента денег на внутреннем рынке Болгарии. Однако длительному обращению мехов препятствует их быстрое изнашивание. Но широкое использование мехов в качестве средства торговли на внешнем рынке, что хорошо подтверждается сообщениями восточных авторов начиная с X и до XIV вв., способствовало распространению мехов в качестве средства обращения в условиях отсутствия денег и в «безмонетный» период.

Развитие торговли и товарно-денежных отношений в Волжской Болгарии в первую очередь связывается с развитием ремесла и городов. Как городская промышленность отделяется от земледелия, ее продукты становятся товарами, а их продажа нуждается в посредниках. Археологические исследования территории Волжской Болгарии показали значительное число городов в домонгольский период. По мнению Ф.Ш. Хузина, из 171 городища более 35 можно считать настоящими городами (Хузин, 2001, с. 17–48). Болгарские города были центрами развития ремесла, внутренней и внешней торговли, свидетельством чего является разнообразный археологический материал, найденный в ходе раскопок. Внешняя торговля не ограничивалась только кратковременными наездами восточных и русских купцов. Речь идет о создании торговых поселений на месте ярмарок. Ибн Фадлан сообщал: «Я видел русов, когда они пришли со своими товарами и расположились на реке Итиль» (Гаркави, 1870, с. 93), при этом он обращает внимание на строительство ими больших деревянных домов. С мест ярмарок и торгово-ремесленных поселений так же, как и из городов, расположенных на Итиле, шел поток товаров вглубь Волжской Болгарии. Однако, говоря о большом значении торговли в экономике Волжской Болгарии, не следует переоценивать ее роль в этот период. Б.А. Рыбаков отмечает, что деревня Древней Руси жила на основе принципов натурального хозяйства, предметы вывоза (меха, мед, воск, рабы) отчуждались у смердов в порядке дани или оброка. Иноземные вещи оседали исключительно в городах и усадьбах и дальше феодальной верхушки общества не шли. Подобное положение в

целом было характерно и для Волжской Болгарии домонгольского периода.

Историю развития торговли и товарно-денежных отношений Волжской Болгарии IX – начала XIII веков можно условно разделить на два периода, в известной мере совпадающие с общей периодизацией болгарской истории.

Первый период охватывает время с IX до начала XI в., а второй период включает в себя «безмонетный» этап товарно-денежного обращения. Причем к рубежу двух периодов относится переход отдельных категорий мастеров-ремесленников сначала к работе на заказчика и на рынок. К ним относятся прежде всего ремесленники, изготавливающие железные, ювелирные, гончарные, кожаные изделия, свидетельством чего являются находки отдельных предметов, на которых написано имя мастера или тамги. Часто они встречаются на болгарских замках, пряжках поясных ремней, гончарной керамике.

Развитие болгарской торговли IX – начала XI вв. можно рассмотреть только с учетом предшествующих торговых связей и обмена доболгарского населения Среднего Поволжья и Прикамья и тех изменений, которые появились в этом процессе после прихода сюда болгарских племен в VIII в. Для периода I–VIII вв. говорить о развитой торговле на этой территории, естественно, рано. Воздействие Римской империи на Приднепровье приводит к появлению в I–IV вв. здесь отдельных римских и ольвийских монет. В условиях внутреннего натурального обмена эти монеты едва ли выполняли свою основную функцию. Непосредственных торговых отношений Прикамья с Римским государством не было. Попадая через северно-причерноморские города-государства на территорию Приднепровья, Подонья, Прикубанья, в результате торговли по Волге с Нижнего Дона единичные вещи проникали на Среднюю Волгу, на Суру и в Прикамье (Степанов, 1969, с. 226).

К концу VIII–IX вв. относится общее изменение ситуации в торговле Восточной Европы с Востоком. В это время усиливается торговая деятельность арабов. Русские купцы-дружинники становятся посредниками между Западом и Востоком (Рыбаков, 1948, с. 316–317). Быстрому развитию торговли Востока с Восточной Европой способствовало и то, что Арабский Халифат после прихода к власти Аббасидов несколько меняет свою внешнюю политику. Если до VIII в., во времена Омейядов, основное направление внешней политики носило захватнический характер, то во время правления Аббасидов широко начала развиваться мирная торговля, так как халифы Аббасидской династии хорошо понимали значение внешней торговли и одобряли деятельность купцов.

В 70–80-е годы VIII в., как считает В.Л. Янин (1956, с. 84), или в первой трети IX в., по предположению В.В. Кропоткина (1968, с. 115), город Болгар известен тем, что он есть «главнейший торговый пункт государства волжских болгар» (Хвольсон, 1870, с. 82). Ибн Хаукаль продолжает эту тему: «Болгар же есть небольшой город, не имеющий многих владений; известен же он потому, что был гаванью этих государств» (Гаркави, 1870, с. 218–219).

Отсутствие источников не позволяет нам обрисовать облик городского рынка. Но по сообщению Ибн Фадлана видно, что в качестве торговых помещений служили деревянные дома, которые ссоружались купцами и местными торговцами. Рядом с рынком располагались и мастерские, ибо для рассматриваемого периода было характерно неполное отделение торговых функций от ремесленных, т. е. ремесленник и купец часто соединялись в одном лице. Так, в ходе раскопок жилищ-мастерских № 5 и 8 раскопа XXIII Билярского городища, наряду с ремесленными изделиями, были найдены пять гирек-разновесов, чашки от весов (Хузин, 1979, с. 77–79), что подтверждает мысль об использовании этой мастерской в качестве торговой лавки. Тенденция соединения торговых и ремесленных функций проявилась в форме организации внутренней торговли. Важной формой торговли в Волжской Болгарии с появлением денег как средства обращения стало и подписание договорных бумаг, которыми закрепляли куплю-продажу, о чем сообщается в поэме «Кысса-и Иусуф» (Кул Гали, 1985, с. 67).

Развитие ремесленных производств и внешняя торговля способствовали росту купечества как особой социальной группы и расширению товарно-денежных отношений. На рынке происходило слияние ассортиментов внешней и внутренней торговли. Но каждый из них имел свою специфику. Так, во внутренней торговле разнообразнее были представлены предметы повседневного спроса: ремесленные изделия, продукты сельского хозяйства. Во внутренней торговле выделяются две формы, которые отличаются друг от друга ассортиментом продаваемых товаров и протяженностью дорог.

Сложной для изучения областью экономических отношений Волжской Болгарии является *внутренняя торговля*, куда относится как торговля внутри города и деревни, так и обмен между ними, обмен между различными районами Болгарии, а также поиск рынков сбыта и торговля с соседними племенами. Эта торговля происходила в болгарских городах – на их рынках и ярмарках. В этот период торговля ремесленными изделиями была сосредоточена и в самих мастерских. И они

не всегда располагались только на рынке. Такие торговые точки в мастерских, видимо, были также и на улицах городов в зависимости от специализации. Так, в Биляре были районы металлургов, гончаров, ювелиров, и в них осуществлялись не только производство, но и продажа изготавливаемых изделий. Даже в центре города были мастерские ремесленников.

Развитие земледелия, скотоводства, ремесленных производств, т. е. в целом развитие экономики, явилось базой для ускоренного развития и внутренней торговли. Следовательно, внутренняя торговля отражала степень экономического развития страны. Нельзя преувеличивать роль внутренней торговли в условиях феодальных отношений и господства натурального хозяйства и думать, что вся жизнь болгарского общества подчинялась интересам торговли. Товарное производство и товарное обращение могли существовать, несмотря на то, что подавляющая масса продуктов, предназначенных непосредственно для собственного потребления, не превращалась в товары. В Болгарии внутренняя торговля получила развитие в городах, где продавались товары повседневного спроса, прежде всего изделия ремесленных производств, продукция сельского хозяйства. При исследовании наиболее массового материала болгарских городищ и селищ – керамики – довольно ясно видна тенденция к продаже гончарами своего товара. Т.А. Хлебникова показала любопытную картину соотношения лепной и гончарной посуды на небольших городищах и селищах, а также на остатках крупных городских центров. Так, для поселений, возникших в начале X в. и существовавших в первой половине домонгольского периода, свойственно большое количество лепной керамики, от 25–30 до 50%. В памятниках XII в. ее менее 10%. В конце домонгольского периода она почти целиком вытесняется гончарной посудой. При этом крупным городским центрам свойственно меньшее количество лепной керамики и более быстрое вытеснение ее продукцией ремесленного производства. В Болгаре лепная керамика с 18–20% в X–XI вв. уменьшается в 3–5 раз во второй половине домонгольского периода. Сувар отличается гораздо меньшим количеством ее в течение всего домонгольского периода, с 0,8% в X–XI вв. до 0,3–0,4% к XII – началу XIII вв.; в Биляре ее количество невелико и в культурном слое определяется от 0,2% до 4% (Хлебникова, 1984, с. 78). Эти цифры наглядно показывают, что в крупных городах осуществлялось массовое изготовление гончарной посуды, в т. ч. на продажу не только на внутреннем городском рынке, но и для торговли с Русью, а также соседями болгар. Торговые отношения, на примере с организацией продажи гон-

чарных изделий, проникали, как видно из выше-сказанного, и в деревню. Так, в Малоपालцинском селище X–XI вв. гончарная керамика составляет 43%, в Остолоповском селище того же времени достигает уже 81%, в Левашовском селище, в слое XII – начала XIII вв., – 95,8%, в Рождественском селище конца XII – начала XIII вв. – все 100% (Хлебникова, 1984, с. 79). При этом интересная деталь – близость поселений городского типа влияла на массовое изготовление гончарной посуды. Так, Остолоповское селище расположено недалеко от городища Джукетау, и мы видим, что количество найденной гончарной керамики здесь значительно больше, чем, скажем, на Малоपालцинском селище.

Если гончарное ремесло недалеко ушло от домашнего производства¹, то кузнечное ремесло, в силу его сложности, стало для ремесленников основным видом деятельности, от результатов которой они получали средства для жизни. Кузнецы-ремесленники жили и производили товары как в городах, так и в селах. Уровень развития городского кузнечного ремесла был намного выше и мог обеспечить население необходимыми орудиями земледелия, скотоводства, бортничества, охоты, вооружения. Материалы Билярского городища показывают широкое распространение здесь самых различных изделий кузнечного ремесла – наральники, сошники, лемеха, замки и ключи, другие предметы домашнего обихода. Они являлись предметами торговли, от кузнецов эти изделия шли в село. Обмен этот происходил, вероятнее всего, в натуральной форме, т. е. за работу кузнецу давали продукты сельского хозяйства – зерно, мясо, а также рыбу и др.

А.П. Смирновым было отмечено и наличие деревенских кузнецов, которые обслуживали потребности сельской округи в предметах первой необходимости. Как и в городе, кузнец работал, по всей видимости, на заказ и в кузнице же производился обмен. Особенно ярко работа на заказ, а впоследствии и на рынок, видна на примере продажи ювелирных изделий, изготавливаемых болгарскими ювелирами в городах. Они делали серебряные украшения, и купцы организовывали их широкую продажу.

Предметом внутренней торговли в связи с развитием ремесла и отделения его от сельского хозяйства стали продукты земледелия и скотоводства. В городах возникает спрос на продукты питания, именно на городских рынках продается зерно, кони, овцы, крупный рогатый скот. В известном сообщении Ибн Фадлана о поездке бол-

¹ Данная точка зрения не подтверждается источниками, см. выше раздел о гончарстве волжских болгар. *Примеч. отв. ред.*

гарских купцов на землю тюрок и привозе ими оттуда овец (Ковалевский, 1956, с. 138) как раз подчеркивается мысль о том, что овцы там, видимо, покупались за одну цену, а в Болгарии продавались по другой цене.

Развитие торговли внутри города, между городом и деревней, между различными районами страны вплотную подводит нас к торговле с соседями болгар. Весьма важным направлением развития внутренних экономических отношений Болгарии была *локальная торговля* с ближними и дальними соседями – финно-угорским миром, окружавшим ее. Не всегда эти отношения носили характер торговых связей. Археологические материалы и письменные источники позволяют уверенно говорить об этнических взаимопроникновениях, военных набегах и походах, в которые были втянуты местные племена и болгары. Они находились на различных стадиях социально-экономического и политического развития, а это сказывалось на их взаимосвязях, в том числе и торговых. Не следует забывать и об уровне развития самого Болгарского государства. Одно дело торговые связи на этапе становления болгарского общества, другое дело – уже на этапе сложившихся феодальных отношений и их дальнейшего укрепления. Учитывая вхождение некоторой части финно-угров в сферу политического влияния Волжской Болгарии и то, что сложившееся болгарское ремесло обеспечивало себе огромный рынок сбыта ремесленных изделий на этой территории, экономические связи с соседями относятся к категории развития торговли Болгарского государства. В целях усиления притягательности и удовлетворения потребительной стоимости болгарские ремесленники эти изделия изготавливали по образцам своих соседей, соответствующим уровню их развития и их культурно-эстетическим потребностям.

Мы можем говорить о нескольких территориальных направлениях болгарской торговли – северном и северо-восточном, северо-западном, западном и южном. Особо необходимо выделить народы, жившие севернее Волжской Болгарии, археологически выявляемые на памятниках древнемарийской, чепецкой и родановской культур. В глазах болгарских купцов Верхнее Прикамье и Приуралье связываются в первую очередь с пушминой, которая в обмен на предметы восточного импорта и болгарского производства через посредничество болгар уходила на Восток. Поэтому эта территория являлась важным рынком сбыта болгарских товаров. Экономические интересы заставляли болгарских купцов распространять среди арабских торговцев и путешественников такие сведения о народах Севера, которые были

выгодны им, и благодаря этому они держали в своих руках торговлю с этими народами. О времени становления связей Болгарии с народами Севера Б.Н. Заходер на основе анализа арабо-персидских источников подчеркивает, что сведения о Севере попали в Болгарию до Ибн Фадлана и уже в начале X в. Причем наиболее существенным источником сведений о Севере для восточной географии, несомненно, был Болгар, имевший глубокие и постоянные связи с северными народами (Заходер, 1967, с. 59).

Начиная с сообщения Ибн Фадлана о том, что за страной болгар на расстоянии трех месяцев пути есть народ, называемый вису (Заходер, 1967, с. 61), в восточную географическую литературу прочно входит упоминание о народах Севера. Причем Ибн Фадлан специально подчеркивает, что болгарские купцы, отправляясь в страну Вису, привозят соболей и черных лисиц (Ковалевский, 1956, с. 138). У Марвази есть упоминание и о народе йура: «Они – народ дикий, обитают в чашах, не имеют сношений с людьми, боятся зла от них... Болгары ездят к ним, возят товары, как-то: одежды, соль, другие вещи... торгует народ йура при посредстве знаков... вывозят от них превосходных соболей и другие прекрасные меха» (Заходер, 1967, с. 63). В сообщениях ал-Балхи и ал-Истахри есть упоминание о трех группах русов и одном из племен – Арта. Из Арты «вывозят черных соболей и свинец» (Гаркави, 1870, с. 276). Д.А. Хвольсон при переводе добавляет: «Эти русы ведут торговлю с Хазарией, Византийским государством и Великой Болгарией» (Хвольсон, 1870, с. 172). У Ибн Хаукаля также есть тема торговли с северными соседями, правда, под мифическими названиями «Яджудж и Маджудж»: «Большая же часть этих мехов и превосходнейшие из них находится в стране Русь, а некоторые высококачественные из страны Яджудж и Маджудж переходят к Русам, по соседству их с Яджуджами и Маджуджами и по торговле с ними. Продавали же они это в Болгаре...» (Гаркави, 1870, с. 219).

Письменные источники XII–XIII вв. говорят об усилении подобных экономических отношений и даже больше об определенной их экономической и политической зависимости. Так, ал-Гарнати пишет: «А у него (Болгара) есть области (жители которой) платят харадж, между ними и Болгаром месяц пути, называют ее Вису. И есть другая область, которую называют Ару, в ней охотятся на бобров, и горностаев, и превосходных белок. А идут от них чрезвычайно хорошие шкурки бобров» (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, 1971, с. 31). У ал-Гарнати есть упоминание и других предметов торговли, в том числе мечей, мехов, рабов» (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, 1971, с.

32). У Казвини при характеристике народа вису есть также описание торговли: «Народ болгар возит свои товары туда для торговли...» (Заходер, 1967, с. 62–63). Тема торговли болгар с народами Севера подтверждается и русскими летописями. В «Повести временных лет» под 1096 г. со слов новгородца Гюрата Роговича сообщается о меновой торговле (Повесть, 1950, с. 167–168).

Письменные источники, начиная с IX и вплоть до XIV в., показывают устойчивые связи Болгарии с народами Севера. Как же можно археологически локализовать названные в письменных источниках области Ару, Вису, Йура? В исторической литературе в последние годы область и народ Ару начали связывать с чепецкой археологической культурой, для которой известно около 120 археологических памятников – городища, селища, могильники, клады и отдельные находки. В археологических материалах полоумской (V–IX вв.) и чепецкой культур (IX–XIV вв.) найден целый круг предметов, которые позволяют уверенно говорить о торговых связях волжских болгар с их населением. При этом часть товаров поступала при посредничестве болгар с востока, а часть – как продукты ремесленного болгарского производства. И связи эти были выгодные для обеих сторон, хотя интересы торговли, стремление получить прибыль требовали со стороны болгарских купцов определенной оборотистости. Интересно в этом плане сопоставление слова «белка» в татарском и ряде финно-угорских языков. По замечанию А.Х. Халикова, в марийском, мордовском, коми-зырянском и коми-пермяцком языках слово «ур» одновременно означает и мелкую денежную единицу – «копейку» и пушного зверька – белку. Но если в татарском и, очевидно, в болгарском языке одна копейка равнялась одной белке (бер тиен), то в марийском она называлась «куим ур» – 3 белки; 2 копейки, «шомыр», – 7 белок; 3 копейки, «лур», – 10 белок. Это обстоятельство свидетельствует о спекулятивном характере торговли болгарских купцов с местными финно-язычными народами (Халиков, 1976, с. 104). В удмуртском языке слово белка (коньы) имеет и второе значение – копейка, а деньги назывались «коньдон», что обозначало стоимость белки. По свидетельству некоторых исследователей, в отдельных удмуртских деревнях еще в начале XIX в. денежные меры приравнивались к определенному количеству белок (Иванова, 1976, с. 53–54).

Как мы видим, в этих языках белка обозначается словом «ур», «коньы» и означает денежную единицу. В районах Среднего Поволжья, Прикамья и Приуралья, где леса составляли большую часть территории, меха куницы, соболя, белки и других пушных зверей были одним из основных

средств обмена, поэтому они были эквивалентом денег в торговле. Единство этих терминов говорит о том, что эта система формировалась в одно и то же время и эти народы были в тесных торговых и экономических взаимоотношениях.

Об активных торговых связях болгар и предков удмуртов ясно свидетельствуют материалы языка. Так, у В.И. Лыткина приводится от 30 до 400 заимствований болгарской лексики в удмуртском языке (Лыткин, 1967, с. 131–148).

Другой группой изделий восточного импорта, поступавших через посредничество болгар, являются находки византийских и средневековых сосудов, относящихся к VII–XII вв. (Даркевич, 1976, с. 8–10, 13), бусы из Средней Азии, Египта и Сирии (Иванова, 1974, с. 130–134; 1987, с. 90–98), шелковых тканей из Византии. В X в. на территорию чепецкой культуры увеличивается поступление вещей собственно болгарского ремесленного производства. Исследователи чепецких древностей отмечают разнообразные ювелирные изделия, украшенные зернью, такие как серебряные калачевидные серьги и в виде желудя, лунница с шатоном, трехбусинные височные кольца и др. (Иванова, 1976, с. 53–54). На основе этих изделий болгарского импорта началось их местное производство. Есть еще одна группа предметов, импортируемых из Болгарии. В памятниках чепецкой культуры в значительном количестве найдены серебряные и бронзовые пластины, на которые с одной стороны припаяны брактеаты – оттиски восточных монет. По всей видимости, болгары в условиях чеканки подражаний и собственных монет организовали производство брактеатов для оформления нагрудных украшений и снабжали ими население этой территории. В условиях формирующейся потребности в такого рода изделиях в связи с сокращением, а с XI в. и прекращением притока куфических монет предки удмуртов стали использовать эти брактеаты. Мнение о производстве болгарскими этими оттисками подтверждается и тем обстоятельством, что только болгары на территории Среднего Поволжья, Прикамья и Приуралья знали и использовали куфический шрифт. О производстве подобных брактеатов свидетельствует факт находки в Веселовском древнемарийском могильнике двух серебряных брактеатов, причем один из них – оттиск с болгарского дирхема, чеканенного в Болгаре в 986/987 г., а другой – оттиск с саманидского дирхема (Халиков, Безухова, 1960, с. 52; Янина, 1962, с. 192–193). При раскопках В.А. Оборина на Пончинском селище XI–XIII вв. была найдена монетовидная подвеска с круглым отверстием, подражающая саманидским монетам. Предки удмуртов широко использовали нагрудные украшения с применением мо-

нет. У населения чепецкой культуры эти подвески в связи с прекращением поступления куфических монет и производства брактеатов начали делать из серебряных или бронзовых пластинок, которые также часто встречаются в археологических памятниках.

Часто встречается в памятниках чепецкой культуры болгарская гончарная керамика, причем не только на городищах, но и в могильниках. По подсчетам М.Г. Ивановой на городище Иднакар гончарная керамика в слое X в. составляет 1,74%, в слое XI–XII вв. – 10,5%, в слое XII в. – 23,48%, в слое XIII в. – 33,67%. Подобная же картина наблюдается и на городище Гурьякар (Иванова, 1976, с. 54, табл. 1). Все это позволяет говорить об основании на городище Гурьякар болгарской торговой фактории и о проникновении болгар в древнеудмуртскую среду.

По локализации часто встречавшейся в арабо-персидских источниках и исторической литературе «Вису» нет единой точки зрения. Более установившимся является мнение об отнесении страны вису к летописной веси в районе Белоозера (Голубева, 1973, с. 5–14). Другая точка зрения о размещении страны вису в Верхнем Прикамье (Белавин, Оборин, 1986, с. 63–75). Все сообщения арабо-персидских источников о вису и йуре главным образом связываются с заинтересованностью болгар и населения Средней Азии и Ирана в предметах этого региона – мехах, соли, меде и др. Еще в VII–VIII вв. отмечается проникновение на территорию Верхней Камы монет, которые использовались в качестве украшений. Так, в Неволинском могильнике в ходе раскопок Р.Д. Голдиной только в 1979–1981 гг. было найдено 14 сасанидских драхм VI–VII вв., в Бартымском могильнике в раскопках 1981 г. Н.В. Водолаго – 7 сасанидских драхм V–VI вв., одна византийская монета второй четверти VII в. В Аверинском II могильнике в раскопках 1975–1978 гг. найдено 7 сасанидских драхм VI–VII вв. и 5 арабских монет VIII в. В этот период из привозных вещей отмечаются и бусы. В IX–X вв. торговые связи Болгарии с населением Верхней Камы, носителями родановской культуры, усиливаются. Особенно ярко это можно проследить по Агафоновскому I и II могильникам. Если в Агафоновском I могильнике монет найдено немного и все они в основном сасанидские, за исключением двух куфических монет времени Аббасидов, то во Агафоновском II могильнике монет значительно больше. Причем здесь найдены монеты сасанидского (все относятся ко времени правления Хосрова II), аббасидского (IX в.), саманидского (X в.), германского (X–XI вв.), английского (середина XI в.) чеканов. Если сравнивать количество аббасидских и саманидских монет, то

последних значительно больше. Найдены здесь и подражания саманидским дирхемам и западноевропейским денариям. В основном все эти монеты пробиты или к ним приделаны ушки, и они использовались как украшения. Встречаются и отдельные клады куфических монет (Горбуновский), где монеты найдены вместе с серебряными сосудами, болгарскими и русскими украшениями. Из предметов восточного импорта, поступивших через посредничество болгар, можно назвать и серебряные сосуды сасанидского, византийского и среднеазиатского производства, хорезмийскую керамику. В.Ю. Лещенко отмечает, что на территории родановской культуры найдено более половины всех кладов восточного серебра и самая многочисленная группа попала сюда в IX–XI вв. (Лещенко, 1963, с. 8–21).

Говоря об экономических связях Волжской Болгарии, мы должны отметить своего рода два различных вида торговли. Прежде всего, посредническая транзитная торговля Прикамья, которую болгары пытались удержать в своих руках как со Средней Азией, Ираном, Кавказом, так и с Русью. Исследователи восточных источников единодушно утверждают, что болгары специально распускали слухи о холодах, об ужасных нравах северного населения для того, чтобы не допускать восточных купцов в эти районы и взять торговлю с ними в свои руки. Вот почему все сообщения арабо-персидских источников довольно устойчиво связывают народы севера с торговыми интересами болгар. Русские князья, особенно в XII в., понимая важность этой торговли, пытались отбить у болгар торговый путь по Каме, совершали военные походы на Печеру, Югру и Вятку. Но окончательно сделать им это не удалось. Восточные источники устойчиво показывают тенденцию торговых связей с болгарами вплоть до XIII–XIV вв. Через Болгарию, по предложению В.А. Оборина и А.М. Белавина, по Камскому пути, который рассматривается ими как продолжение Болгаро-Киевского пути, поступают в Верхнее Прикамье изделия древнерусских ремесленников, причем на родановских поселениях они найдены в одних слоях с болгарскими вещами и керамикой (Белавин, Оборин, 1986, с. 65). Среди них можно назвать находки в небольших количествах розовых шиферных пряслиц, славянской керамики, игрушек, серебряных слитков и др. (Белавин, Оборин, 1986, с. 65–70).

Второй вид торговли связан с организацией продажи на территории Прикамья вещей болгарского ремесленного производства, о чем свидетельствуют данные фольклора, языка и археологические находки. Интересный материал в этом плане дают коми-пермяцкие народные предания. Так, преда-

ние о Кудым-Оше говорит о ведущейся торговле с болгарскими. В предании о Пере сообщается о его поездке в Нижнее Прикамье и уплате им торговой пошлины болгарскому феодалу (Ожегова, 1971, с. 40). В материалах коми-пермяцкого языка отмечается проникновение болгарской лексики в сельскохозяйственную, политическую и торговые отрасли. Это отражается и в сложении системы денежного счета. Например, термин «ур» означает белку и мелкую денежную единицу (Забоев, 1978, с. 103–109). М.В. Талицкий утверждал, что весь период X–XIV вв. в Верхнем Прикамье проходит под знаком налаживания интенсивных связей с болгарским государством (Талицкий, 1951, с. 79). Из вещей болгарского ремесленного производства сюда поступал целый ряд предметов: многочисленна группа болгарских украшений почти всех типов, одно- и многобусинные серебряные височные кольца, височные подвески с грушевидной привеской, калачевидные серьги, гривны, бляхи с охотничьим сюжетом и др. Они встречены в большинстве своем вкладах: Вильгортский, Кырдымский, Рождественский, Редикорский, Пыскорский и др. (Смирнов, 1940, с. 106; Талицкий, 1951, с. 81–82; Теплоухов, 1895, с. 263, Харитонов, 1965). Большая часть этих изделий массово делалась в Волжской Болгарии. Болгарские украшения поступали не только в Верхнее Прикамье, отсюда они распространялись дальше на север. По предложению А.М. Белавина, они распространяются в двух направлениях: в страну Мрака (территория вымской культуры) и к Йуре (Югре русских летописей) в Зауралье, где они найдены в значительных количествах.

При осмотре материалов Пермского университета было отмечено значительное количество находок керамики общеполгарского типа. Вторая группа широко распространенных болгарских изделий – гончарная керамика, которая составляет до четверти от всей керамики, найденной в памятниках родановской культуры X–XIII вв. (Белавин, Оборин, 1986, с. 64). Значительная часть керамики попала сюда в результате торговых связей, но не следует забывать и о функционировании здесь же гончарных мастерских с двухъярусными горнами болгарского типа.

Третья группа болгарского экспорта – изделия кузнечного ремесла, которые также были широко распространены в Верхнем Прикамье в X–XIII вв. Сюда относятся замки бронзовые и железные, ключи, некоторые виды оружия, орудия труда (Белавин, Оборин, 1986, с. 68–69; Талицкий, 1951, с. 62–63). Четвертая группа болгарских изделий – вещи косторезного ремесла: рукояти, гребни, застежки (Талицкий, 1951, с. 53–54; более подробно см.: Белавин, Крыласова, 2011).

Особый интерес представляет пятая группа болгарского экспорта – это материалы, свидетельствующие о непосредственной торговой деятельности приезжающих болгарских купцов: торговый инструментарий, например, находки деталей двух типов весов. Они применялись в торговых операциях болгар с местным населением для проверки теоретического расчета денежных систем, продажи товаров, а также для взвешивания монетных слитков, использовавшихся в товарно-денежных отношениях. При раскопках были найдены и гири-разновесы, также распространенные в Болгарии. Находки весов и гирек-разновесов, «грузики-пломбы» отмечены на Родановском, Городищенском, Анюшкаре, Кудымкарском, Рождественском городищах (Белавин, 1986, с. 89; Белавин, 1986а, с. 130–142; Белавин, Оборин, 1986, с. 68–69; Талицкий, 1951, с. 51–52).

Таким образом, археологические материалы хорошо подтверждают письменные сообщения о широкой торговле болгарских купцов с народами Севера. По подсчетам А.М. Белавина, болгарские ремесленные изделия найдены на около 200 памятниках Верхнего Прикамья X–XIII вв. При этом речь идет не только о торговле, носящей единовременный характер, но и о создании болгарских торговых факторий. По мнению исследователей родановских археологических памятников, к числу таких факторий относятся Рождественское, Анюшкар, Городищенское и Кудымкарское городища (Белавин, 1986а, с. 130–142; 2000). Примечательно и то, что только на этих городищах наряду с болгарскими ремесленными изделиями отмечены находки весов и гирек-разновесов. А.М. Белавин отмечает, что эти городища и ряд других, в т. ч. Роданово и Бакинское селище, являлись местами торгов, где болгарские купцы продавали свои товары не только местному населению. Сюда прибывали и торговцы из-за Урала (йура) и из страны Мрака (вымская культура), о чем свидетельствуют находки их керамики и ряда вещей. Интерес представляют раскопки городища на р. Усолке, где существовала торговая фактория болгарских купцов и одним из предметов торговли была не только пушнина, но и соль, месторождения которой имеются около селища Рассолы, где соль добывалась в X–XIV вв. (Белавин, 1986, с. 130–142).

К северо-западу от Волжской Болгарии располагались древние марийские племена, известные под этнонимом «цармис», как это названо в письме Хазарского кагана Йосифа, источника, относящегося к X в., или «черемис» (русские летописи XI–XII вв.). Археологически они представлены могильниками и отчасти поселениями. До X в. трудно говорить о торговле волжских болгар с этими племенами, если она и была, то торго-

вые связи могли носить спорадический характер. В X в., в связи с образованием оседлых поселений в Болгарии, с развитием ремесла и необходимостью организации продажи ремесленных изделий, торговля болгар с этими племенами приобретает постоянный характер. Через них сюда проникают куфические дирхемы, в том числе и монеты, чеканенные самими болгарскими. Так, в Дубовском могильнике в погребениях найдены саманидские и болгарские монеты, чеканенные в Болгаре и Суваре (Федоров-Давыдов, 1984, с. 162–163). Есть монеты и в других могильниках древних марийцев. Найдены и отдельные клады. Так, в Рябиновском кладе вместе с гривнами глазовского типа было 7 целых и 4 обломка дирхемов (Архипов, 1973, с. 21). Примечательно то, что в могильниках древних марийцев в основном встречаются саманидские дирхемы, в Веселовском могильнике найдена монета Зияридов начала XI в., а также медные и серебряные подражания конца X – начала XI вв. (Архипов, 1973, с. 63, 66–68). С достаточной долей уверенности можно сказать, что они использовались в качестве украшений, поскольку они пробиты, к ним приделаны ушки или встречаются в подвесках. Причем эти подвески могут состоять как из настоящих монет, так и из медных круглых пластин, покрытых тонкой серебряной фольгой (Архипов, 1973, с. 65). В Дубовском могильнике особо отличаются подвески из медных подражаний с покрытием неопределенного состава (Архипов, 1964, с. 187–189). Таким образом, для марийских могильников характерна та же тенденция, которую мы отмечаем для памятников чепецкой культуры, а именно в X – начале XI вв. в связи с уменьшением поступления дирхема с Востока в роли украшений начинают применять подражания этим монетам. Несмотря на то, что куфические монеты у марийских племен не выполняли свою основную функцию, они являлись товаром, который использовали волжские болгары в торговле с ними в обмен на меха и другие предметы.

К группе предметов трансболгарского экспорта, поступавших из Средней Азии, можно отнести и раковины «каури», которые использовались в ожерельях, бусах, также в привесках к головному убору, в наконечниках и в качестве украшений обуви. Через болгар марийцы получали и серебро (Архипов, 1973, с. 22, 25, 77).

Вторую группу предметов болгарского экспорта на территорию марийских племен составляют чисто болгарские ремесленные изделия. К названным выше монетам болгарской чеканки и подражаниям саманидским монетам можно добавить значительное число и других изделий. К сожалению, в марийских могильниках трудно выделять чисто болгарские вещи, попавшие

сюда в результате торговли, поскольку мы знаем, что болгары организовали производство вещей и по марийским образцам. К тому же существовало местное производство изделий. Так, из болгарских ремесленных изделий, попавших сюда в результате торговли, можно назвать украшения (калачевидные серьги, привески с изображением всадниц, шумящие подвески с коньковыми и арочными щитками), серебряную орнаментированную посуду, предметы поясной гарнитуры, конского снаряжения, ряд изделий косторезного ремесла, орудия труда. Некоторые из них продолжали прежние традиции, а часть представляла новые формы (Архипов, 1973, с. 20, 23, 30–31, 45). Ни на могильниках, ни на поселениях не обнаружена домонгольская болгарская керамика. Это довольно интересный факт, если учесть, что на территории поселений чепецкой и родановской культур керамика, как это отмечалось выше, встречена в значительном количестве, особенно относящаяся к XI–XIII вв.

Организация торговли с Марийским Поволжьем шла через фактории. Так, в 1956 г. Марийской археологической экспедицией на левом берегу Волги был обнаружен болгарский домонгольский памятник – Мари-Луговское селище, которое было определено А.Х. Халиковым как следы торговой пристани на Волге, имевшей большое значение в торговле между Русью и болгарскими (Архипов, 1973, с. 225; 249, с. 183). К торговой фактории для торговли с марийцами и предками чуваш относилось не только это селище, но и Криушинское, расположенное напротив (Фахрутдинов, 1975, с. 45–46).

В конце VIII – начале XII вв. в связи с усилением Владимиро-Суздальского и Новгородского княжеств торговля волжских болгар с марийцами и мордвой, которая ранее, по всей видимости, регламентировалась торговыми договорами с Русью в 985 и 1006 гг. и рассматривалась в общем контексте болгарско-русских связей, несколько уменьшается. Это связано с изменением исторической ситуации в конце XI – начале XII вв. Начинается борьба Северо-Восточной Руси с Волжской Болгарией за сферу влияния в этих районах. Русские летописи сообщают о частых военных походах (Хузин, 2009, с. 235 и сл.). Эта ситуация привела к уменьшению торговых связей с марийцами в XII–XIII вв., что достаточно ярко показывают материалы археологических памятников-могильников на р. Ветлуге (Архипов, 1986, с. 115). В них встречаются болгарские ремесленные изделия, как то: трехбусинные височные кольца, витые браслеты со вставками на концах, калачевидные серьги, усложненные зернью и жгутом, топоры и др. (Архипов, 1986, с. 21, 74, 82, 84). Однако по сравнению

с могильниками IX–XI вв. их не так много. Исследователи отмечают в них значительное количество изделий из славяно-финских памятников Верхнего Поволжья, что связано с их этническим проникновением и, видимо, с торговыми связями. Таким образом, в XII – начале XIII вв. торговые связи болгар с мари́йцами несколько ослабевают.

Западное направление локальной торговли волжских болгар связано с буртасами и мордвой. Арабо-персидские сочинения IX–X вв. пестрят сообщениями о буртасах (Заходер, 1962, с. 230–252). Они подчеркивают, что страна болгар соседствует со страной буртасов, между ними три дня пути. В современной историографии, начиная с Х.М. Френа утвердилось мнение, что буртасы – народ восточно-финского происхождения, предки современного мордовского населения. Эти же источники называют товары, которые вывозились от буртасов: меха чернубурой и красной лисиц, цена на которые доходила до ста динаров и выше, меха куницы, соболя, белки, мед (Заходер, 1962, с. 242–245). В последние годы археологами отмечены городища и селища, появление которых относится к XI в. М.Р. Полесских еще в 1962 г. высказал мнение о принадлежности их к оболгаризированным буртасам (Полесских, 1981, с. 56). Г.Н. Белорыбкин называет 69 памятников с красной гончарной круговой керамикой, принадлежавших буртасам в составе Волжской Болгарии (Белорыбкин, 1995). Материалы раскопок Юловского, Золотаревского, Неклюдовского и ряда других городищ показывают значительное распространение здесь вещей болгарского производства: гончарная керамика, изделия кузнечного и ювелирного ремесла, косторезная продукция (Белорыбкин, 2001). Украшения найдены в составе кладов (Полесских, 1981, с. 57–68). Особо примечательными являются находки предметов типично болгарского торгового инструментария – весовые гири кубической формы (Волжская Болгария, 1986, с. 92–93), что достаточно ярко подтверждает связи болгар с населением этих городищ.

Буртасы жили чересполосно с мордвой и осуществляли с ними постоянный и непосредственный контакт. Они обитали в районе бассейна рек Суры, Цны, Мокши, Теши и граничили с Болгарией (Полесских, 1981, с. 67–68; Белорыбкин, 2003). В связи с быстрым развитием ремесленного производства Болгарии во второй половине X в. начинается поиск рынков сбыта изделий. Во второй половине X – первой половине XI вв. в мордовских могильниках увеличивается количество болгарских ремесленных изделий. В X в. через Болгарию поступали куфические дирхемы, монеты болгарской чеканки, которые использовались местным населением в качестве украшений. Так, в

погребении № 427 Крюково-Кужновского могильника в составе ожерелья найдены три пробитые монеты Мумина ибн Ахмада, чеканенные в Болгаре или Суваре в 976/977 г. (Кропоткин, 1986, с. 44). Известны также клады у с. Нароватово, состоящие из 300 восточных монет, клад у с. Белый Омут на берегу р. Оки из 33 целых и 24 обрезков серебряных монет X в. и др. Через посредничество болгар на эту территорию попадали и другие предметы с Востока – серебряные сосуды, ткани и др. (Жиганов, 1976, с. 90). Для организации торговли болгары создавали торговые фактории. Для территории мордвы это подтверждается письменными источниками. В.Н. Татищев сообщает о болгарской торговой фактории, существовавшей в устье р. Оки задолго до основания здесь Нижнего Новгорода (Татищев, 1964, с. 428). О стремлении ограничить влияние болгар (их торговлю с мордвой), в результате которой болгары получали из-за разницы цен значительную выгоду, говорит борьба русских с болгарскими на рубеже XI–XII вв. Известно сообщение русских летописей о борьбе мордовских князей Пургаса и Пуреша, которые опирались в этой борьбе на болгар и русских. Таким образом, торговые связи болгар с мордвой, широко развернувшиеся во второй половине X в., несмотря на соперничество с русскими княжествами, существуют в течение всего домонгольского периода. Это ясно показывает широкое распространение болгарских украшений XII–XIII вв. (Жиганов, 1959, с. 187).

Внешняя торговля требовала регламентации, особенно в спорных случаях, что привело к появлению торговых договоров. Русские летописи сообщают нам о заключении нескольких договоров между Волжской Болгарией и Русью. Договоры 985, 1006 и 1229 гг. определяли на взаимной основе правовую защиту пребывания болгар по торговым делам на Руси и наоборот, а также различные привилегии. Эти договоры действовали на всем протяжении домонгольского периода, и в Болгарии в IX – начале XIII вв. шел активный процесс формирования внутренней и внешней торговли.

Важной формой организации внешней торговли были фактории – опорные пункты торговли, своего рода караван-сарай, которые создавались болгарскими на соседних территориях, а восточными и русскими купцами – в крупных городах Волжской Болгарии. Так, в Болгаре в начале X в. жили выходцы из Индии (Синда), о чем сообщает Ибн Фадлан (Ковалевский, 1956, с. 137). Ибн Хаукаль пишет о «частом проникновении хорезмийцев в Болгар» (Ковалевский, 1956, с. 67). В Болгаре существовала армянская колония (Смирнов, 1951, с. 25). В.В. Бартольд считает возможным, что в 852 г. бежавшие от арабов армяне обратились с прось-

бой о помощи к хазарам и волжским болгарам (Бартольд, 1963, с. 18). Археологические материалы Билярского городища подтверждают наличие в столице русских купцов и ремесленников (Хузин, Валиуллина, 1986). В свою очередь, в русских городах Рязани, Суздале, Владимире и др. создавались болгарские торговые колонии. В торговом договоре 1006 г. специально подчеркнута «...а болгарам все их товары продавать во градах купцам, и от них купить все потребно». Археологические материалы показывают широкое распространение болгарских изделий на территории Руси. Торговая фактория болгарских купцов существовала и в г. Саксине, о чем сообщает ал-Гарнати (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, 1971, с. 27).

Одним из главных направлений внешнеторговых связей Волжской Болгарии, начиная с IX в. и до XIII в., были связи с восточными странами – Средней Азией, Ираном, Багдадом, Китаем, Кавказом и т. д. Нет особой необходимости широко останавливаться на характеристике того, почему именно связи Болгарии с Востоком были определяющими в этот период. Вкратце это можно свести к следующему. В IX и особенно в X вв. восточноевропейский регион осуществляет активные торговые связи с Востоком. Арабо-иранский мир, связи с которым начались еще в VII–VIII вв., и в IX–XI вв. продолжал оставаться одним из важнейших направлений русской торговли и находился на первом месте (Рыбаков, 1948, с. 335). И.В. Дубов пишет, что в период раннего Средневековья Волжско-Балтийский путь становится трансевропейской артерией, и к нему вполне применимо понятие пути «из Варяг в Арабы». Этот путь связывал Русь со Скандинавией, Балтикой, Северной и Средней Европой, Болгарией, Хазарией, странами Арабского Халифата (Дубов, 1989, с. 7). В общем контексте торговых связей Европы с Востоком Болгария играла важнейшую роль, и это во многом определяло значение как прямых, так и опосредованных связей Болгарии с Востоком. Особое значение среднеазиатского и арабского мира для Болгарии состоит в том, что именно отсюда произошло распространение мусульманской религии. Вместе с религией в Волжскую Болгарию проникли все достижения мусульманского мира. А. Мец называет IX–X вв. периодом мусульманского ренессанса. По его оценке, в X в. богатый купец превращается в носителя мусульманской культуры, и мусульманской торговле была свойственна горделивая осанка, поскольку она заняла ведущее место в мировой торговле (Мец, 1973, с. 374). Нередко купцы торговлю соединяли с миссионерской деятельностью (Заходер, 1962, с. 44).

История торговых взаимоотношений Болгарии с восточными странами делится на два периода.

Первый период падает на IX – начало XI вв., второй период – на XI – начало XIII вв. Востоковеды, изучавшие арабские и персидские источники IX–XIII вв., отмечали, что при описании Восточной Европы географами и учеными Востока торговые интересы преобладают над научными. Так, животный мир Восточной Европы представлен по преимуществу зверями, ценными своим мехом, которые составляли одну из главных статей торговли Европейского Севера с Востоком (Заходер, 1962, с. 113–114). В их сообщениях имеется немало прямых и косвенных сведений о тесной торговле между Болгарией и странами Востока. В сообщении Ибн Русте (Хвольсон, 1870, с. 24) показано, что приход мусульманских судов с торговыми целями является постоянным явлением, Болгарское государство имеет от этого немалую выгоду и заинтересовано в развитии этой торговли. Следовательно, в IX в. торговые контакты с Востоком были уже налажены. Более подробное сообщение об этом есть и у Ибн Фадлана (Ковалевский, 1956, с. 140–141). Ал-Масуди сообщает о караванах, которые постоянно ходят с товарами из Болгарии в Хорезм и наоборот. Он упоминает о хазарских и болгарских купеческих кораблях, плавающих по Волге выше устья Камы (Хвольсон, 1870, с. 163).

Письменные источники свидетельствуют о торговле Волжской Болгарии с восточными странами не только в IX–X вв., но и позже, в XI–XIII вв. Так ал-Гарнати сообщает о вывозе болгарскими караванами большого количества мехов, клыков животных, которые сбывали в Хорезме, где из них делали гребешки и другие предметы (Путешествие Абу Хамид ал-Гарнати, 1971, с. 31). Ибн ал-Асир также упоминает о торговле мехами болгар с восточными странами, куда вывозили шкурки черных лисиц, белок, бобров и др. (Хвольсон, 1870, с. 188). Наиболее полную характеристику товаров, вывозимых из Болгарии на Восток в конце X в., дает ал-Мукаддаси: «Что касается купеческих товаров, то из Хорезма вывозятся меха: собольи, беличьи, горнастаевы, куньи и лесных куниц, лисьи, бобровые, козы шкуры, воск, стрелы, крупная рыба, шапки, белужий клей, рыбы кости, бобровая струя, юфть, мед, орехи, барсы (или гончие собаки), мечи, кольчуги, березовый лес, славянские невольники, овцы, рогатый скот. Все это привозится из Болгар» (Гаркави, 1870, с. 282; Хвольсон, 1870, с. 181). На основе этого текста Д.А. Хвольсоном осуществлена довольно удачная попытка выделения групп экспортируемых товаров. К первой группе относятся произведения самой Болгарии, которая делится на два разряда, сырье и продукты ремесленных производств; ко второй – товары, ввозимые непосредственно из Руси, из земель буртас и вису, причем часть из них покупалась болга-

Рис. 4. Путь из Болгара в Киев (по А.П. Моце и А.Х. Халикову)

а – маршрут пути с указанием манзиль – остановок-дневков (б); в – места находок монет болгарской чеканки:
 1 – Ст. Альметьево, 2 – Крюково-Кужново, 3 – Ляда, 4 – Малое Боршево; 5 – Безлюдовка, 6 – Звеничев,
 8 – Любеч, 9 – Рудки

рами от самих производителей, а часть ввозилась последними. Третью группу составляют товары, привозимые через посредство других торговцев из Прибалтики, Скандинавии и западноевропейских стран (Хвольсон, 1870, с. 181–187). Вторую и третью группы можно объединить в одну группу товаров, поступающих на Восток при посредничестве волжских болгар. Д.А. Хвольсон, сравнивая тексты различных представителей арабской и персидской литературы, выделяет чисто болгарские товары из тех, которые вывозились при посредничестве болгар, и дает довольно подробную их характеристику. Можно остановиться на двух важных статьях торговли болгар с восточными странами, которые определяли характер торговых контактов. Наиболее почетное место в болгарском экспорте составлял поток пушных мехов, которые весьма высоко оценивались на Востоке. Ал-Масуди сообщает, что из Болгар и из земли буртас вывозят меха черных и красных лисиц; эти меха, особенно черные, иногда стоят больше 100 динаров за штуку, красные дешевле. Арабские и персидские правители считают черные меха выше

куньего, соболиного (Хвольсон, 1870, с. 163). В другом своем произведении он продолжает, что вывозят их в Дербент, Бердаа и разные области Хорасана, в земли Франков и Испании, а оттуда в Северную Африку (Хвольсон, 1870, с. 164).

Другой весьма важной статьей болгарского экспорта были рабы. В IX–XI вв. работорговля приняла широкий размах. Болгар и Итиль превратились в мировой рынок живого товара, куда привозили рабов из Руси и отсюда они попадали в Дербент, Хорезм, Багдад, Александрию (Рыбаков, 1948, с. 321–322). О работорговле в Болгарии есть прямое указание Ибн Фадлана, он сообщает о приезде русов и рабнях для торга за деньги (Гаркави, 1870, с. 94–95). В Болгарию привозили захваченных рабов. У Ибн Русте есть: «Русь имеет царя, который зовется хакан-рус. Они производят набеги на славян; подъезжают к ним на кораблях, выходят на берег и полонят народ, который отправляет потом в Хазеран и к Болгарам и продают там» (Хвольсон, 1870, с. 35). Представители Болгарии иногда сами становились рабами. В дружинном кургане близ Смоленска воин был похоронен по обычаю

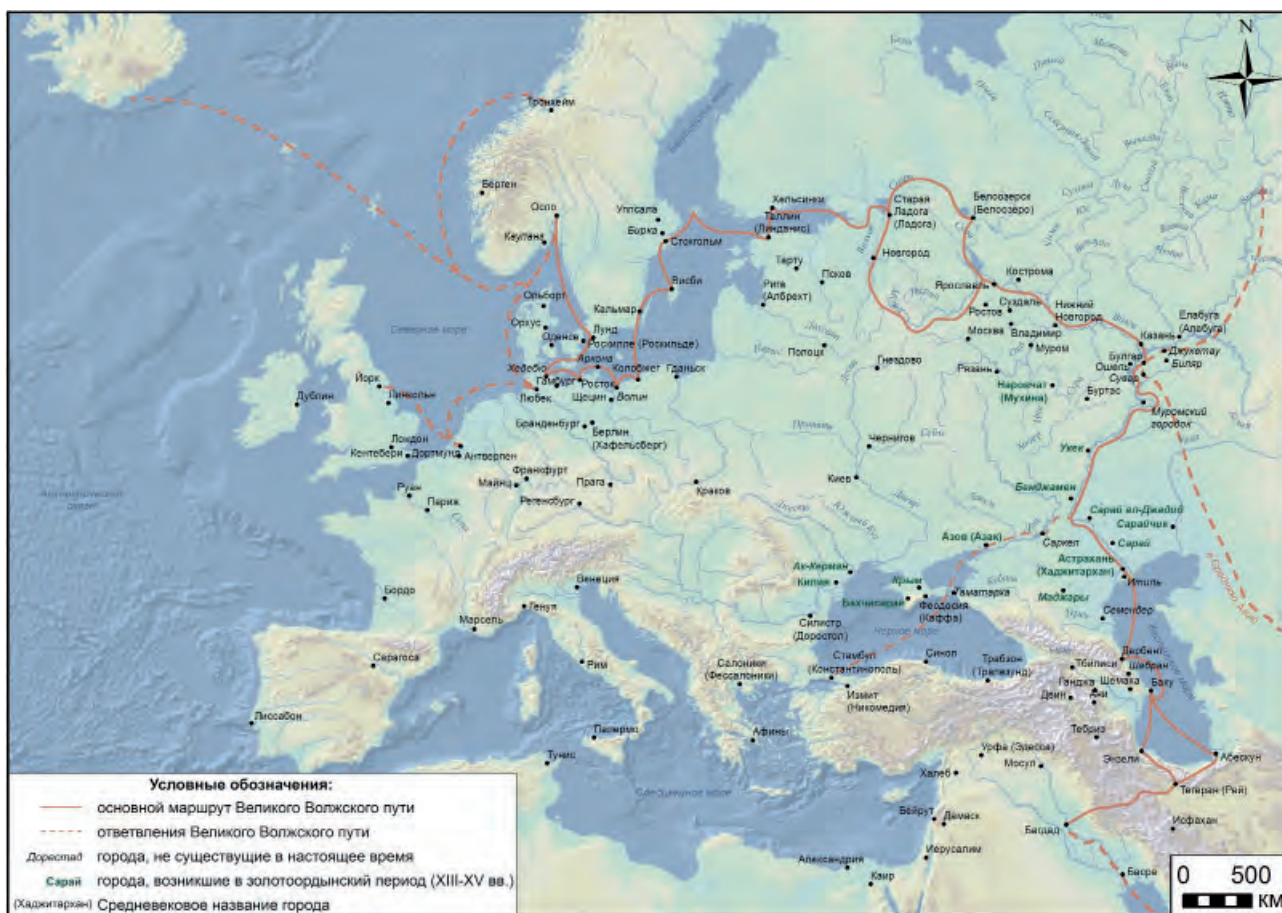

Рис. 5. Великий Волжский путь.

с одной из своих рабынь. Рабыня, судя по вещам, была из Среднего Поволжья (Рыбаков, 1948, с. 321). Эти рабы иногда превращались в арабских странах в видных воинов. Абу Али Мансур, автор конца X в., при перечислении выдающихся арабо-египетских полководцев и адмиралов первых Фатимидов выделяет среди них людей из племен «ас-саклаб»: Сабир, Масуд, Мансур, Майсур, Буера, Фарадж – и добавляет, что они «произошли из болгар» (Волжская Болгария, 1986). Широкое развитие работорговли видно и из сообщения Ибн Фадлана о торговой пошлине рабами. Таким образом, рабы здесь выступали не только как обычный товар, но за них уплачивалась и десятина.

Имеющийся материал дает основания выделить целый ряд групп товаров, поступающих в Волжскую Болгарию. Первую группу товаров составляют монеты мусульманской чеканки. Ибн Русте это специально подчеркивает: «Белые, круглые дирхемы привозят к ним из стран мусульманских путем мены за их товары» (Захедер, 1967, с. 34). Необходимость обмена товаров за деньги сохранялась и позже. Кул Гали в своей поэме «Кысса-и Йусуф» подробно описывает денежный характер торговли. Так, когда братья решили продать Йусуфа, то купец Малик у них спросил, какую цену

они просят, что у него есть: скот, шелк, атлас, да несколько монет, недорогих. На что братья ему ответили, что они не согласны на обмен и что им нужны только те немногие монеты, которые есть у него (Кул Гали, 1985, с. 65–66).

Изучение монет позволяет раскрыть круг стран и династий. Куфические монеты, найденные на территории Болгарии, предоставлены единичными Омейядскими дирхемами. В денежном обращении аббасидские монеты (особенно поздние аббасиды) были не только в IX в., но в X в. вместе с саманидскими дирхемами и болгарскими подражаниями, о чем ясно свидетельствуют их совместные находки в кладах. К X в. относится основная группа монет Саманидов, чеканенных в различных городах Мавераннахра: аш-Шаше, Нисабуре, Самарканде, Мерве, Андерабе, Бухаре.

В середине X в. появляются монеты Бувейхидов, а к концу X в. их число значительно увеличивается. Наиболее примечательным среди кладов является Чистопольский клад 1885 г. (поздняя монета 995 г.), где монеты бувейхидской чеканки составляют половину (Лихачев, 1988, с. 3–4). На территории Руси приблизительно та же тенденция: они появляются с середины X в., постепенно увеличиваются в количестве, но до конца X в. наи-

большой процент их в кладе не превышает 16,66% (Янин, 1956, с. 132). Во второй половине X в. небольшую примесь в кладах, найденных в Болгарии, составляют монеты таких династий, как Зияриды, Саллариды, Джуландиды, эмиры Андерабы и др. Интересным в этом отношении является клад весом 12,14 кг, найденный в д. Татарский Толкиш Чистопольского уезда. Из 934 определенных дирхемов (древнейший – 875 г., поздний – 984 г.) отмечены монеты самых различных стран и династий, а также монеты волжских болгар.

С берегов Персидского залива сюда поступали и раковины «каури», которые могли использоваться в «безмонетный» период в роли денег.

Вторую по важности группу импортируемых восточных товаров составляет художественный металл – золотая, серебряная и бронзовая утварь из Византии, Ирана, Хорезма, Армении, Киликии (Малая Азия) (Даркевич, 1976, с. 8–50, 62–142), а также драгоценные и полудрагоценные камни. На Билярском городище из числа находок отмечены бронзовые ступы с серебряной инкрустацией гератского производства. Из Ирана поступали йеменский сердолик, из более южных стран мадагаскарский горный хрусталь, из Мавераннахра шли согдийский хрусталь и среднеазиатская бирюза, из Хорезма – сердолик, из Синда (Индия) – горный хрусталь, из Бадахшана (Северный Афганистан) привозили лазурит. Весьма важную статью торговли составляли хлопчатобумажные и шелковые ткани, ковры. А. Мец подчеркивает, что из числа трех основных потребностей человеческого тела – пищи, одежды и жилья – для жителей Переднего Востока самым важным является одежда. Искусство одеваться достигло высшего совершенства (Мец, 1973, с. 365). Дорогие ткани в этот период были наиболее ходким международным товаром (Рыбаков, 1948, с. 327). Ал-Балхи, сообщая о товарах, вывозимых из Хазарии, подчеркивает, что сама Хазария производит только белужий клей и вывозимые товары, в свою очередь, ввозятся туда из Болгара, Руси, Куяба. Одежда хазар и соседних с ними народов состоит из курток и верхнего платья. Сами же они не изготавливают материй для платья, а их привозят к ним из Джурджана, Табаристана, Армении, Азербайджана и Византийского государства (Хвольсон, 1870, с. 169). Здесь прямо сообщается о привозе к хазарам и болгарам тканей. То, что ткани были обычной статьей торговли в этот период, видно из сообщения Ибн Хаукаля: товары, «которые купцы вывозят из Андалуса в Магриб, Египет и другие мусульманские страны – суть амбра, шафран, золото, серебро, свинец, железо, ртуть, меха выдры, сырой и готовый шелк и преимущественно мужские и женские невольники». Далее в его сообщении идет конкретизация: «...шелк, весьма тонкие шерстяные платья... шерстяные юбки, ковры...» (Хвольсон, 1870, с. 222). Ибн Фадлан сообщает о вышитых коврах (Гаркави, 1870, с. 369). Думается, что в условиях бурного развития ковроткацкого производства в восточных странах, особенно в Армении (Мец, 1973, с. 169), ковры поступали в качестве предмета торговли в Болгарию. Из предметов украшения поступали бусы (Фехнер, 1961, с. 46–53), из Китая – бронзовые зеркала (Смирнов, 1940, с. 101–102). Из городов Мавераннахра шла в Болгарию писчая бумага, получившая название кагыз. Основным центром производства бумаги был Самарканд. По сообщению Якута, самой лучшей бумагой была «самаркандская и китайская» (Мец, 1973, с. 371–374).

Следующую группу импортируемых вещей составляет оружие. Ибн Русте сообщает: «Мечи у них Сулеймановы». Ал-Гарнати также приводит данные о клинках мечей и сабель, подчеркивая, что «эти мечи, которые привозят из стран ислама в Болгар, приносят большую прибыль» (Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати, 1971, с. 106).

Из различных городов Средней Азии, Ирана поступала керамика. Из городов Мавераннахра в X–XI вв. шла богато орнаментированная поливная керамика, из г. Рея и Кашана в XII–XIII вв. – люстровая керамика. Необходимо отметить поступление сфероконусов в качестве тары. В них везли ртуть, благовония. В керамических изделиях везли пряности, приправы к кушаньям.

Важной статьей торговли были изделия из стекла. С.И. Валиуллиной в результате анализа найденных стеклянных изделий удалось доказать их производство в городах Закавказья, Средней Азии и в Византии (см. выше главу о стеклоделии).

Существовали связи с Египтом, о чем достаточно ясно свидетельствует поэма болгарского поэта Кул Гали «Кисса-и Йусуф», написанная в начале XIII в. в Болгарии. В поэме можно встретить различные подробности о Египте, которые показывают хорошее знакомство с этой страной. В то же время часто упоминается Магриб. В этом произведении показан и приезд купцов в Болгарию, и перечень товаров, которые были обычной статьей торговли того времени. Тут и шелка, рабы-невольницы, меха, скот и т. д. Надо сказать еще об одной статье торговли, товары которой ввозились, видимо, эпизодически. Речь идет о хлебе. В поэме Кул Гали на этот счет есть прямое указание (Кул Гали, 1985, с. 179).

Наиболее тесными были торговые и культурные контакты с Хорезмом. Ибн Фадлан сообщает о женщинах-хорезмийках, снаряжавших покойника болгарина в последний путь; религия в Болгарии IX–X вв. была бухарско-хорезмийского толка. Ибн

Хаукаль, описывая торговлю мехами, сообщает, что «...часть же оного выходит в Ховарезм, по причине частых путешествий ховарезмийцев в Болгар и Славонию...» (Гаркави, 1870, с. 219). Истахри также сообщает, что в Хорезм попадают славянские невольники посредством торговых сношений (Гаркави, 1870, с. 228). Путь купеческих караванов из Хорезма в Болгар хорошо описан Ибн Фадланом и Марвази (Заходер, 1962, с. 53). В XII–XIII вв. эти связи продолжали существовать, поскольку известно, что сохранялась и развивалась караванная дорога до Болгара. Хорезм продолжает сохранять свою роль наставнического центра по вере (Халикова, 1976, с. 18). Болгарские изделия кожевенного производства широко вывозили для продажи в Среднюю Азию, Русь; они даже получили название «болгари».

Тесные торговые связи Болгарии с восточными странами способствовали тому, что восточная весовая система, которая употреблялась в области международной торговли, в IX в. ложится в основу болгарской товарно-денежной системы. Но речь идет не о простом заимствовании. Болгарская товарно-денежная система образовалась в IX–X вв. в результате определяющего влияния внешней торговли, и на этой базе происходило складывание внутреннего рынка, выделение территориальной сферы ее воздействия. Широкую известность приобретает арабский мискаль в 4,26 г. Распространение сасанидских монет второго типа, приравненных к так называемой аттической драхме в 4,25 г, показывает, что эта весовая система была известна раньше периода IX–X вв. Мискаль в 4,26 г составляет 1/96 часть иракского ратля в 409,512 г, который лег в основу чеканки болгарских монет и серебряных «слитков «саумов». Распространяются и другие весовые нормы.

Таким образом, тесные торговые связи Болгарии с развитыми мусульманскими странами определили особенности ее экономической, материальной и духовной культуры населения. В Волжской Болгарии перерабатываются применительно к местным историческим условиям все лучшие достижения Востока.

Значительный интерес для Волжской Болгарии представляли торговые связи с Русью, а через нее с Западной и Северной Европой. Возникновение этих связей происходит в 70–90 годах VIII в. или с первой трети IX в. В IX в. торговля Волжской Болгарии с Русью была связана главным образом с внешней торговлей восточных стран. Болгары начинают исполнять роль посредников, особенно в перевалке восточного серебра и ряда других импортных изделий. Но об устойчивой и развитой болгарско-русской торговле мы можем говорить начиная с X в.

Историю русско-болгарских взаимоотношений можно разделить на два периода, совпадающих с общей периодизацией истории Болгарии и Руси: X–XI вв. и конец XI – начало XIII вв. Арабские и персидские источники показывают наличие тесной торговли между Болгарией и Русью еще в первый период (Хвольсон, 1870, с. 23; Заходер, 1967, с. 102).

Ибн Хаукаль в «Книге путей и государств», сообщая о предметах торговли, поступающих в Хазарию, таких как мед и меха, подчеркивает, что «это привозится к ним из страны русов и Болгар. Те же меха выдры, которые находятся в Андалусе, составляют малую часть того, что находится в реках, находящихся в славянских странах. Большая же часть этих мехов и превосходнейшая из них находится в стране Русь. Продавали же они (русы) это в Болгаре» (Гаркави, 1870, с. 219). Таким образом, все арабские источники X в. пишут о наличии торговых связей между Русью и Болгарией и при этом особо подчеркивают посредничество Болгарии в транзитной торговле между Западом и Востоком.

Значительную роль, как в болгарской, так и в русской истории торговли, сыграл мирный договор 985 г., свидетельствующий об искреннем желании русских и болгар жить в мире и согласии. Этот политический союз получил свое подтверждение и в специальном торговом союзе, подписанном в 1006 г. (Татищев, 1963, т. 2, с. 69). В этом сообщении, кроме самого факта заключения торгового договора, интересен факт предоставления печати, который получил свое археологическое подтверждение в ходе раскопок Билярского городища. В яме № 151г XXIII раскопа, связанной с постройкой № 3, найдена «свинцовая вислая печать» (Хузин, 1979, с. 79). По мнению В.Л. Янина, эта печать, с которой сделан оттиск, принадлежала князю Всеволоду Юрьевичу, княжившему в Новгороде в 1222, 1224 гг. и ряде других княжеств и убитому в 1237 году Батыем под стенами Владимира (Янин, 1979, с. 100–101). В последнее время М.В. Седова выдвинула иную трактовку принадлежности этой печати и считает, что она могла принадлежать Всеволоду Большое Гнездо или его сыну Юрию Всеволодовичу (Седова, 1985, с. 358–360).

Торговый договор 1006 г. действовал долго, ибо русские летописи не упоминают о каких-то других регламентациях в торговле Руси с Болгарией вплоть до 1088 г. В промежутке между этими двумя датами есть упоминание в 1024 г. о голоде в суздальской земле, когда болгары помогли хлебом (ПСРЛ, 1965, с. 144). Даже события 1088 г. связаны были с затруднениями в торговле, когда усиливающаяся феодальная раздробленность на

территории Руси стала в определенной мере препятствовать развитию добрососедских отношений. Подробности этого события передает В.Н. Татищев: «6596 (1088)... В те же времена были по Волге и Оке разбои, и многих болгар торгующих пограбили и побили. Болгари же присылали князю Ольгу и брату его Ярославу просить на разбойников, но не получа управы и взятого, пришел с востока. Муром взяли и пограбили, а села пожгли» (Татищев, т. 2, 1963, с. 95–96).

Развитие торговли и товарно-денежных отношений в Волго-Уралье в домонгольском периоде показывает значительный подъем товарного производства. Об этом свидетельствуют такие показатели, как расширение ассортимента товаров, увеличение числа городских торговых цен-

тров, появление купцов как особой социальной группы, систематизация монетной чеканки, а также возросшее внимание к торговым вопросам со стороны государства (Валеев, 1995, с. 75). Из форм организации торговли отмечаются: меновая торговля, денежно-вещевая, ярмарки, городские рынки, купеческие колонии в городах, торговые фактории и договора. Идет процесс активного развития внутренней и внешней торговли. С IX до начала XIII вв. они прошли большой путь. Внутренняя торговля по широте ассортимента и охвату социальных слоев преобладала над внешней. Но для Волжской Болгарии значение имело воздействие внешней посреднической торговли с восточными странами и Русью.

ГЛАВА 7

ОРУЖИЕ И ВОИНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

Период Средневековья стал для населения Волжской Болгарии временем поиска новых видов и форм вооружения, формирования военной организации и выработки соответствующей тактики полевого боя и обороны.

К сожалению, в наших знаниях о вооружении и военном деле болгар до сих пор остаются определенные пробелы, что во многом обусловлено состоянием источников. Точные и исчерпывающие данные о многочисленных войнах, походах и сражениях с участием болгар, особенностях их военной организации и тактики боя, несомненно, имевшиеся в болгарской письменной традиции, до нас не дошли. Все, что можно использовать для получения представления об этих вопросах, сохранилось в фрагментарном и несистемном виде только у арабо-персидских авторов и русском летописании, выборочно освещавших немногие события военно-политической истории Волжской Болгарии. Естественно, что в большинстве случаев это делалось пристрастно и тенденциозно, а из существенных деталей многое опускалось как не заслуживающее внимания или трактовалось с искажением действительного положения дел.

В этой связи огромное значение для нас приобретают археологические источники, эпитафийные памятники, изобразительные материалы, позволяющие судить о многих деталях вооружения и снаряжения болгарских воинов. Важное значение имеют также остатки фортификационных сооружений как отражение сложной военно-политической ситуации и мастерства болгарских строителей и военных техников.

Вооружение.

Оружие ближнего боя. *Сабли* являлись наиболее распространенным у болгар видом рубяще-колющего оружия. Считается, что сабля – однолезвийный прямой или изогнутый клинок со скошенной в сторону лезвия рукоятью. Эффективность сабли как боевого оружия определяется таким сочетанием кривизны клинка и положением центра тяжести, при котором уменьшается угол резания и увеличивается сила удара. Появление сабли у болгар относится, скорее всего, к VII в., а в VIII–IX вв. она стала одним из основных видов наступательного оружия. Всего с территории Волж-

ской Болгарии известно 22 экземпляра сабель и 35 металлических перекрестий от них, относящихся к X–XIII вв. Все болгарские экземпляры сабель можно разделить на основе изменения длины и кривизны клинка на два типа (рис. 2). Сабли 1-го типа характеризуются длиной 85–90 см и изгибом 1,5–3 см и относятся к X–XII вв. Сабли 2-го типа имеют длину более 90 см (чаще всего 93–110 см) и изгиб клинка 3–6 см и относятся к середине XII – началу XIII вв. Следовательно, развитие болгарских сабель идет в сторону увеличения длины, кривизны клинка, а также двулезвийного острия. Некоторой особенностью развития болгарских сабель является отсутствие клинков с широким и сильно изогнутым лезвием.

Интересной группой клинков XIII в., происходящей с территории Болгарии, являются сабельные полосы с клеймами в виде надписей. Одна из них содержит плохо читаемую надпись в виде, скорее всего, куфических графем или подобных им знаков, а вторая – армянографическую надпись в окружении костыльных крестов. Р.М. Джанполадян интерпретировала ее как армянскую криптограмму. Важно отметить, что еще одна сабля с армянской надписью происходит из Приполярного Урала, которая была прочитана как имя мастера – «Хачатур». Судя по историческим аналогиям, клинковая эпитафическая всегда играла роль меты качественного оружия и сакрального знака. Сами надписи содержали либо имя мастера (иногда становившееся именем семейной мастерской, переходящей из поколения в поколение), либо магическое охранительное заклятие, и то и другое имело (в силу особых чудодейственных связей мастера-кузнеца со сверхъестественными силами) благожелательный и богохранимый характер. Обнаружение этих армянских производственных клейм в Болгарии свидетельствует о тесных связях Поволжья с Закавказьем и в какой-то мере подтверждает, наряду с другими данными, факт существования армянской колонии на болгарской территории уже в домонгольский период. Возможно, именно здесь производились качественные клинки, которые потом экспортировались в другие регионы, в частности на Северо-Восток Европы.

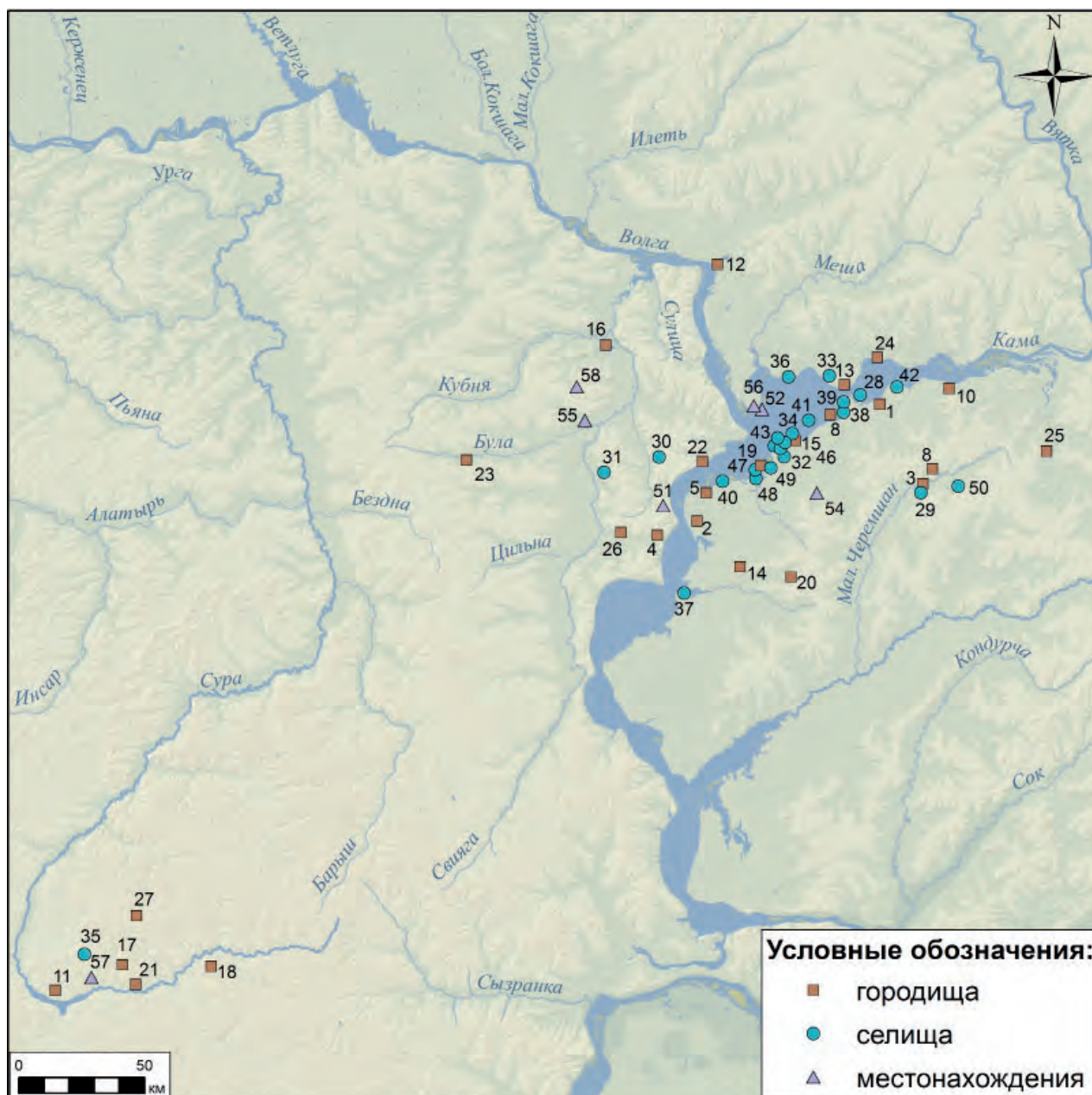

Рис. 1. Карта находок предметов вооружения с территории Волжской Болгарии X–XIII вв.

Изменения сабельной полосы были вызваны увеличением значения кавалерийского боя, потребовавшего развития фехтовальных приемов. В связи с этим модифицируется рукоять сабли. Ее изгиб по отношению к оси клинка практически не изменился, но изменились ее детали. Но более всего претерпели изменения гарды или перекрестия сабель (рис. 3). Набор перекрестий (всего их известно из Болгарии около 40 находок различных форм X–XIII вв.) наряду с традиционными типами (прямые с шариками на концах) включает в XIII в. новые экземпляры с изогнутыми вниз концами и длинными выступающими стержнями. Все это свидетельствует о постоянных конструктивных

изменениях, ведущим направлением которых являлось стремление максимально приспособить их для более надежной защиты руки в условиях развития диапазона фехтовальных приемов и возросшего значения маневренного многоактного кавалерийского боя.

К сожалению, состояние источников не позволяет в должной мере проанализировать место сабли в культуре средневекового населения Волжской Болгарии и социальный статус ее владельца. Тем не менее можно отметить, что сабля (как основное клинковое оружие) имела важнейшую знаковую функцию – она являлась символом оружия и атрибутом власти, а ее применение наделяло особым

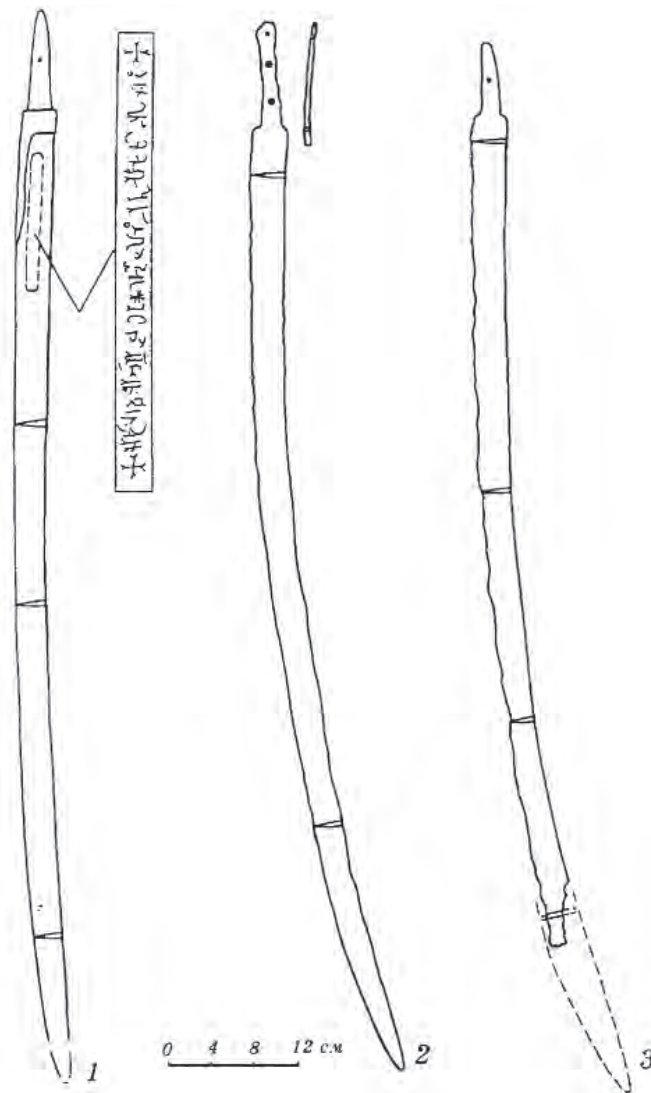

Рис. 2. Болгарские сабли XII–XIII вв.
1 – Именьковское селище; 2 – Билярское городище; 3 – Болгарское городище.

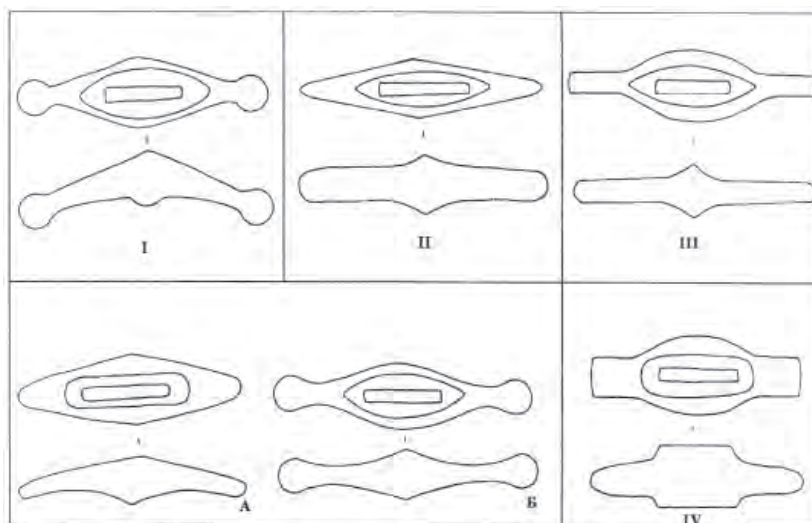

Рис. 3. Типология перекрестий сабель X–XIII вв.

Рис. 4. Меч типа S с территории Болгарии (из фондов НМ РТ)..

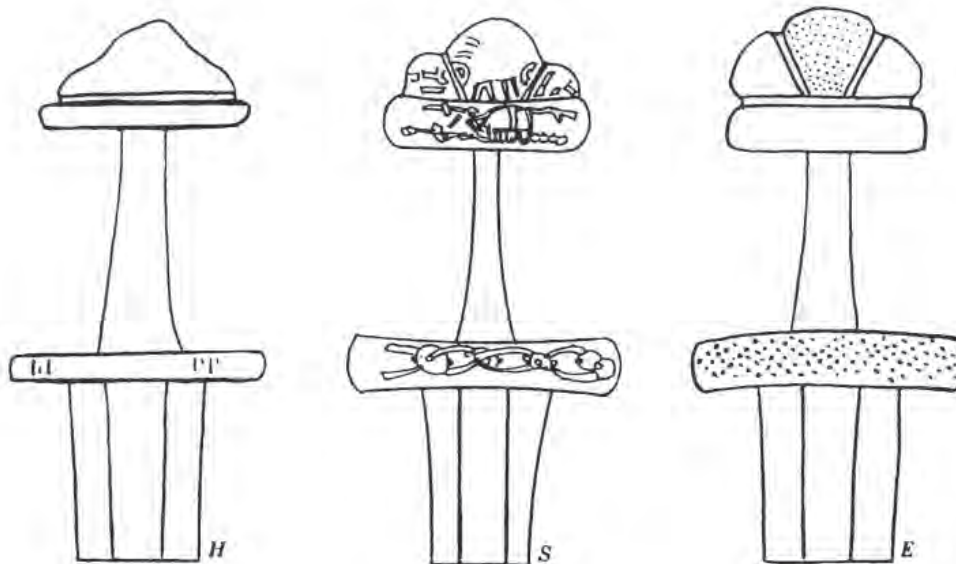

Рис. 5. Типология каролингских мечей с территории Болгарии X–XI вв.

сакральным смыслом. Недаром эльтебер Алмыш, угрожая противникам, говорит: «Кто будет мне противиться, того я поражу мечом» (Ковалевский, 1956). В ряду этих представлений о сакрализации клинкового оружия находятся традиционные прозвища, наделяющие клинков именами собственными. Сабля в древнетатарской литературе и тюрко-монгольском фольклоре выступает как элемент вооружения знатных воинов.

Меч – рубяще-колющее оружие с двулезвийным прямым клинком. В комплексе вооружения болгар он играл несколько меньшую роль, чем сабля, и появился в Болгарии в период активного функционирования Великого Волжского пути. Всего с территории Волжской Болгарии известно 15 целых мечей и их обломков, а также 4 наконечника от ножен, относящихся к каролингским и романским типам. Подавляющее большинство этих мечей довольно стандартны и различаются типами перекрестий. Судя по ним, мечи из Болгарии относятся к каролингским типам. Практически на всех клинках, благодаря работам А.Н. Кирпичникова, удалось выявить клейма (рис. 6). В четырех случаях «ULFBERHT», в одном «LEUTFRIT» или «LEUTTLRIT» и в одном – восьмеркообразную

петлю в окружении двух завитков. На оборотной стороне клинка также есть клейма. Обычно это знак из косой плетенки в окружении трех столбиков, а в одном – уникальный рисунок – бегущий зверь в окружении вертикальных столбиков. Все это позволило надежно установить, что все они были изготовлены в оружейных мастерских, существовавших в прирейнских городах империи Каролингов.

Известно, что наиболее вариабельным элементом средневекового меча является рукоять. У каролингских мечей навершие служило своеобразным противовесом, уравнивающим в руке длинный и широкий клинок, позволявший наносить удары с большой силой и интенсивностью. Типология европейских мечевых гард была разработана на европейском материале Я. Петерсеном, а на древнерусском – А.Н. Кирпичниковым. С территории Болгарии известны мечи типов H, S и E (рис. 4; 5).

Наряду с клинками с территории Болгарии известны также бронзовые наконечники ножен мечей. Среди них есть прорезной экземпляр, украшенный в скандинавском стиле ELLING, а также наконечники конца X–XI вв. имеющие, видимо,

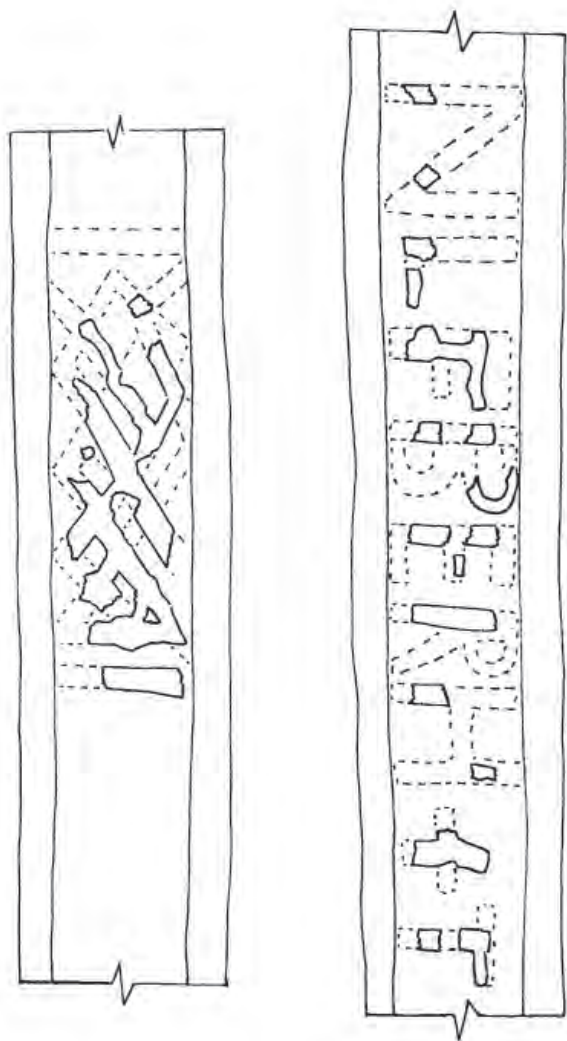

Рис. 6. Клеймо меча типа S с территории Болгарии (из фондов НМ РТ).

местные особенности в орнаментации, что говорит о развитии местных оружейных мастерских.

Все мечи, найденные на территории Болгарии, хронологически можно разделить на две группы, из которых ранняя – «мелкоячеистые» мечи типа E из Биляра и Балымера, распространенные в IX – начале X вв., – характеризует начало освоения этого оружия в Поволжье, а поздняя (типы H, S и крупноячеистые E) датируется X – началом XI вв. и объединяет все другие мечи из Биляра, Болгара и Центральной Болгарии, которые, судя по аналогиям из стран Балтийского региона и Руси, являлись редким и дорогим оружием и использовались в основном знатью и воинами-профессионалами.

Картографирование находок каролингских мечей показало, что они сосредоточены в основном вокруг городов Болгара, Биляра, Балымера, городищ у сс. Старая Майна, Старые Нохраты и др. Сопоставление этих находок, характеризующих качественное профессиональное оружие, с рядом

Рис. 7. Навершие ножен меча с территории Болгарии (из фондов НМ РТ).

других (умбоны от круглых щитов, широкие удлиненно-треугольные копья, шпоры, детали украшения узды и др.), а также монетными кладами позволило сделать вывод о неслучайном характере их связи (Измайлов, 1997, с. 131–138).

Болгарская дружина, начавшая применять мечи наряду с традиционными видами вооружения, была достаточно неоднородна по составу. Нет оснований связывать появление мечей только со скандинавами, хотя они сыграли, несомненно, ключевую роль в распространении этого оружия, особенно в начальный период истории Центральной и Восточной Европы – Руси, Венгрии, Польши, Пруссии и ряда других регионов, где викинги в качестве наемных воинов служили в войсках местных правителей. Огромную роль в появлении мечей, как и всего военно-культурного комплекса в Поволжье, сыграло становление Балтийско-Волжского пути и тесные торговые связи Болгарии со странами циркумбалтийского региона. Скорее всего, носителем этого оружия был разноэтничный по происхождению слой воинов и купцов (видимо, изначально шведов по происхождению), чей быт был насыщен скандинавскими культурными элементами, которых арабские современники называли «русам». Присутствие этого торгово-дружинного слоя зафиксировал

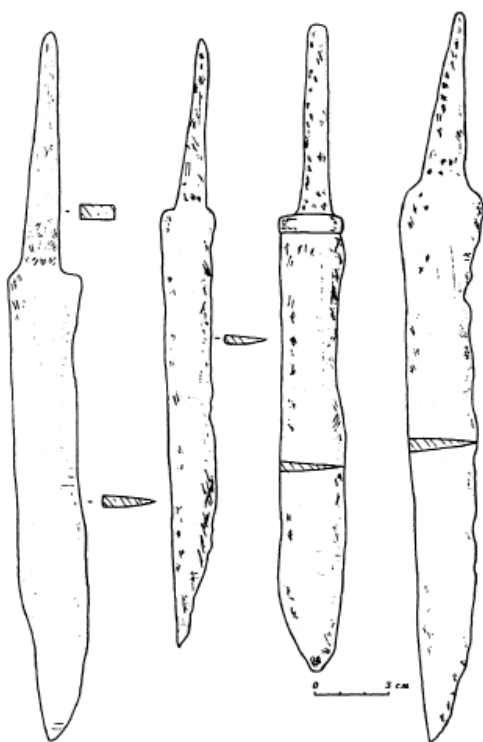

Рис. 8. Боевые ножи X–XIII вв.

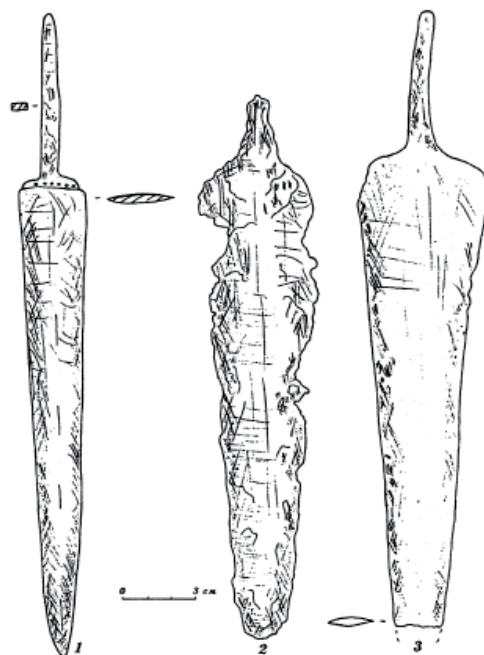

Рис. 9. Кинжалы XI–XIII вв.

в своих записках Ибн Фадлан, который отметил целую колонию русов близ ставки правителя болгар (Ковалевский, 1956, с. 25–26). Вполне возможно, что со временем часть этих русов включалась в войско болгарских правителей в качестве наемных воинов.

Новые виды вооружения, не известные у болгар в VIII–IX вв., демонстрируют распространение общеевропейских средств ведения вооруженной борьбы, характерных для раннефеодальных обществ. Показательно, что такая концентрация подобных социально престижных изделий близ раннегородских центров характерна и для Руси, и для Венгрии, и для ряда других стран в период становления государственности. Появление мечей у болгар свидетельствует о глубоких социальных сдвигах, происходивших в болгарском обществе в X в., и формировании новых социальных и военных традиций, характерных для надэтнической дружинной культуры.

В XII–XIII вв. болгары, как установлено, использовали уже романские мечи с узким клинком и новыми типами гарды, которые были лучше приспособлены для конного боя, но они, судя по редким находкам, не играли важной роли в системе болгарского вооружения.

Кинжалы и боевые ножи, как удалось выявить, среди предметов вооружения были у болгар до-

полнительным оружием тяжеловооруженных воинов (рис. 8; 9). Они были двух типов – с длинным и нешироким лезвием и широким клиновидным лезвием. Первые появились примерно в XI в., а вторые – «классические кинжалы» – с конца XIII в. Подобные кинжалы весьма показательны для комплекса вооружения болгар, поскольку подобное оружие неизвестно у соседних финно-угорских народов, а у тюркских кочевников было довольно редким. Единственным регионом, где кинжалы также действительно получили широкое распространение, была Русь, у воинов которой они, по словам А.Н. Кирпичникова, «закономерно распространились лишь в эпоху утяжеления вооружения как средство поражения бронированного противника в тесном бою» (Кирпичников, 1966. I, с. 73).

Кроме того, видимо, традиционным оружием были длинные ножи (обычная длина 20–40 см), служившие универсальным походно-боевым снаряжением воина.

Копье – колющее древковое оружие. Истоки их развития относятся еще к VIII–IX вв., когда появились основные их формы, а в домонгольский период происходит их дальнейшее совершенствование. Всего с территории Болгарии учтено 76 наконечников копий и их обломков (рис. 10).

Копья представляют собой оружие для поражения противника на средней дистанции. Основ-

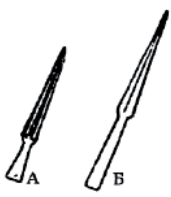
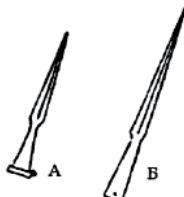

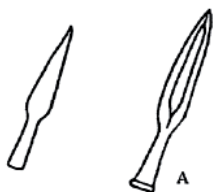

Тип	X-XI вв.	XII-XIII вв.
I		
II		
III		
IV		
V		
VI		

Рис. 10. Наконечники копий X–XIII вв. Типологическая схема.

ной его функцией еще с эпохи древности была колющая. Особой группой копий, судя по размерам наконечников и древка (около 1,5 м), являлись метательные копья или дротики (по-русски они назывались сулицы, а в мусульманском мире – джериды) для поражения противника на расстоянии. Конкретная ударно-колющая функция копья с необходимостью диктовала форму и размеры этого оружия. Судя по историческим и оружейно-техническим параллелям, несмотря на все разнообразие типов наконечников копий, они оставались достаточно монофункциональными, а различия их по форме касались в значительной мере большей или меньшей специализированности ударно-колющего (граненые пики, узколезвийные копья) и

унифицированности колюще-режущего (широколезвийные копья и рогатины) действия. Видимо, искания мастеров-оружейников на пути совершенствования и модификации форм и размеров копий в древности и Средневековье как раз были направлены на углубление и развитие этих двух тенденций.

Определенную роль в разграничении типов копий на кавалерийские и пехотные играют данные о длине и толщине древка. Судя по диаметру втулки, толщина древка пехотных копий увеличивалась (в XII–XIII вв. обычно 3–3,5, иногда 5 см), а длина, скорее всего, колебалась в пределах 1,5–3 м. При этом кавалерийские копья при толщине 2,5–3 см достигали длины 3,6 м.

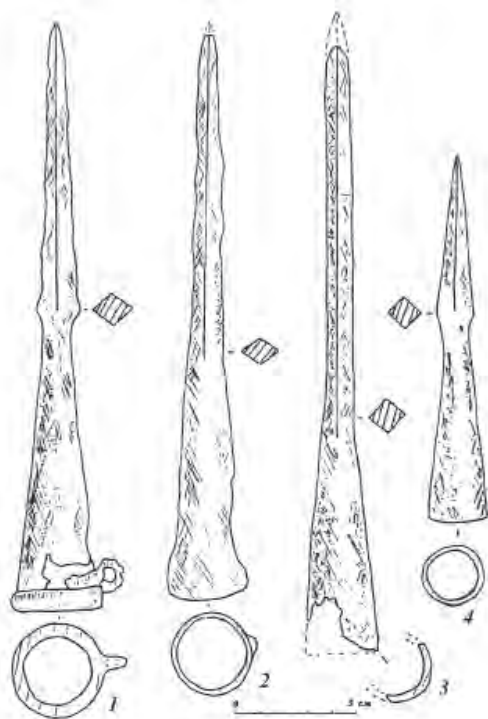

Рис. 11. Наконечники пик XI–XII вв.

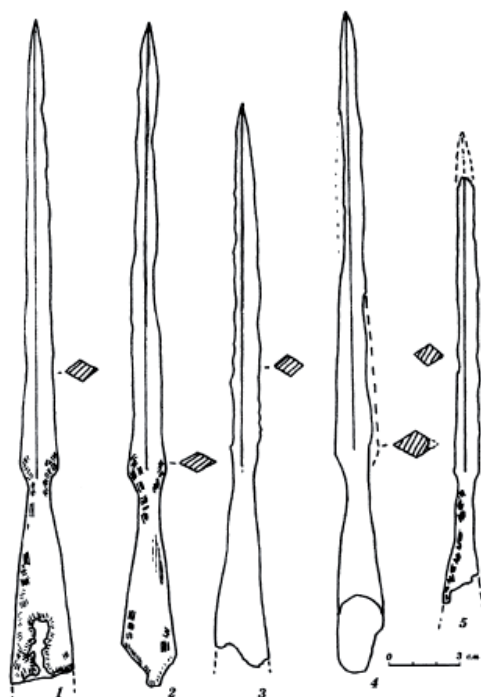

Рис. 12. Наконечники пик XII–XIII вв.

Все наконечники копий делятся на две хронологические группы. Для X–XI вв. были характерны пики (рис. 10; 12) и листовидные копья. Все они связаны своими истоками с предшествующим периодом истории болгар и имеют северокавказское происхождение. Новые формы, такие как широкие удлинённо-треугольные и асимметрично-ромбические с выступающей гранью, появились в связи с включением в состав болгарского войска контингентов русов и финно-угорских народов края.

Значительная модернизация их становится заметна в XII–XIII вв., когда происходит наращивание количества и качественного разнообразия специализированных наконечников копий. Многие типы копий в этот период были усовершенствованы, что сделало их более эффективным оружием кавалерийского боя. Общая тенденция этого периода – в преобладании узких вытянутых лезвий, усиленной шейки и утолщения втулки. Судя по количеству находок, наиболее популярным оружием этого спектра наконечников были шпильевидные четырехгранные пики (длиной лезвия до 21 см) и узколезвийные удлинённо-треугольные копья. Подобные наконечники копий явно предназначались для мощного таранного удара копьём, и появление их вызвано утяжелением защитного вооружения и выдвиганием в качестве решающей силы на полях сражений конных рыцарских дружин. Эти же

причины потребовали усовершенствования и пехотных копий. Переработав и отбросив архаичные формы, болгары остановились на трех типах копий: широких удлинённо-треугольных, удлинённо-лифовидных и лавролистных рогатинах. Модификация этих универсальных копий позволяла воинам успешно бороться как против защищенного доспеха пехотинца, так и против всадника. Тогда же, очевидно, появляются также метательные копья, позволявшие пехоте поражать противника на расстоянии.

Следует подчеркнуть несомненную типологическую и культурно-хронологическую близость домонгольского копейного арсенала Волжской Болгарии и Руси, особенно ее южных княжеств. Вместе с тем показательно отличие болгарского набора копий от древкового оружия соседних финно-угорских народов и тюркских кочевников Юго-Восточной Европы и Южного Урала.

Боевой топор – древковое оружие ближнего боя, которое, судя по количеству находок, разнообразию типов и форм, у болгар превосходили все другие виды оружия (всего 72 топора). Топор состоял из железного бойка и деревянной рукояти, длина которой достигала 80 см в длину.

История боевого топора уходит корнями вглубь веков. Причина «долголетия» этого оружия связана с массивностью, большим весом бойка и сравнительно небольшой ударной частью лезвия,

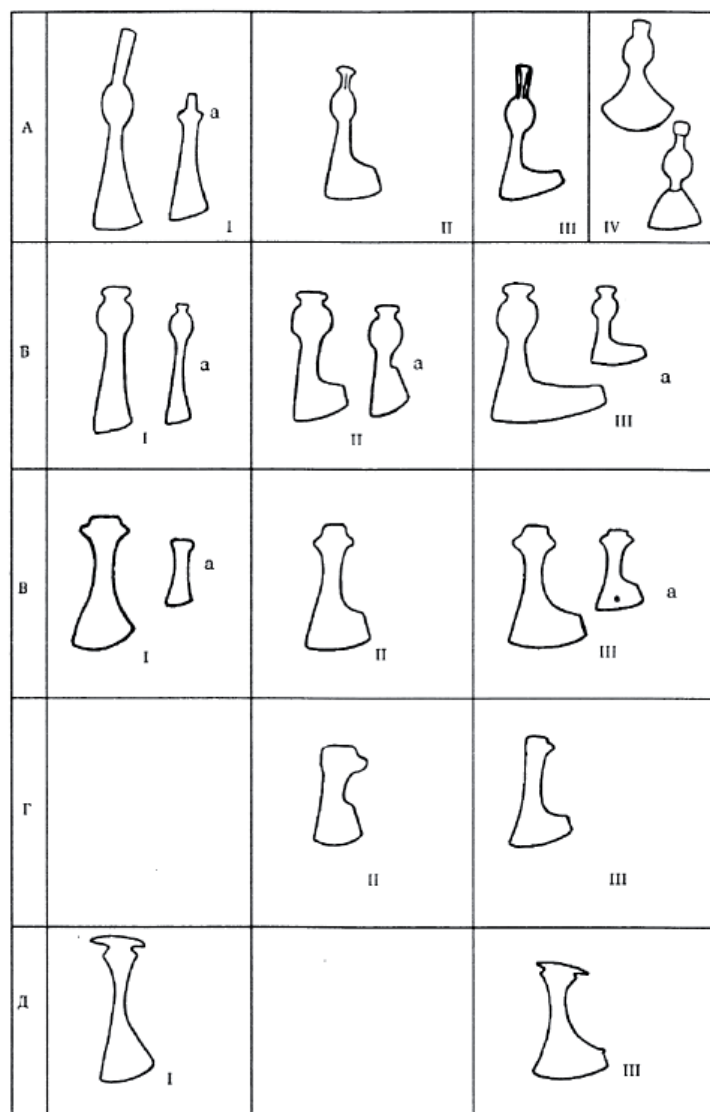

Рис. 13. Боевые топоры X–XIII вв. Типологическая схема.

концентрирующего силу удара. Благодаря этому топором можно было при удачном ударе проломить, расколоть щит и доспехи противника. Относительная простота изготовления, особая универсальность применения многих топоров с разными формами лезвия (в бою и в хозяйстве) сделали их весьма популярным и распространенным оружием. Одновременно использование топора во время боевого противоборства не требовало особых навыков и длительного обучения (по сути дела, приемы обращения с топором были известны любому крестьянину), а особая универсализация достигалась за счет как изменения длины рукояти (увеличение дистанции боя), так и конструктивного варьирования форм лезвия (развитие их определялось технологическими возможностями и военно-тактическими требованиями). Все эти положительные качества сглаживали и даже перекрывали неудобства и слабости этого оружия – меньшая

точность поражения, инерция удара, незащищенность при замахе и т. д., делая его эффективным массовым оружием ближнего боя.

У тюрко-болгарских племен Среднего Поволжья боевые топоры также были распространены уже с VIII–IX вв. Но особого расцвета и разнообразия форм достигают они уже в XI–XIII вв., когда по массовости находок они превосходят даже копья. Все топоры, известные с территории Волжской Болгарии (более 240 экз.), делятся на три группы – рабочие, универсальные и боевые топоры.

Рабочие топоры отличаются размерами, весом (до 0,7–0,8 кг) и массивной толстой рукоятью (более 3,5 см), универсальная группа отличалась от рабочих меньшими размерами и весом (до 0,55 кг), но была сходна строением бойка. Можно сказать, что универсальные топоры были уменьшенной копией рабочих топоров и служили необхо-

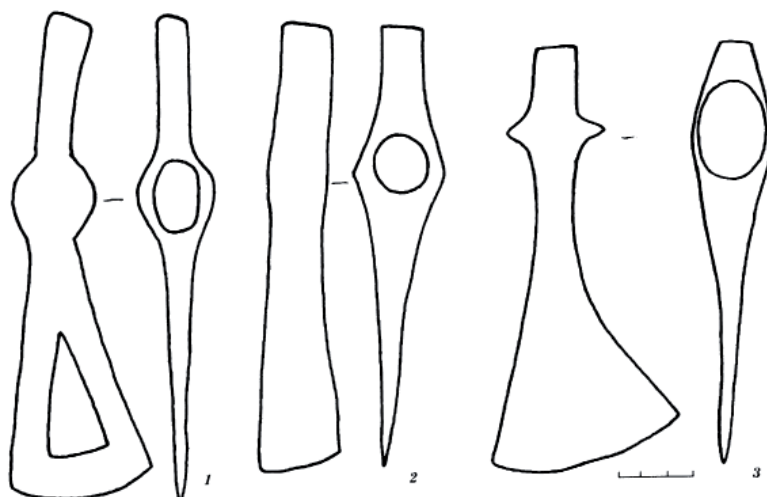

Рис. 14. Чеканы X–XIII вв.

димым элементом походно-боевого снаряжения. Учитывая исторические параллели, можно сказать, что секиры «малых форм» были зачастую единственным оружием народного ополчения и простых ратников. Различия в формах и способах применения различных групп боевых топоров предопределили различия в их эволюции.

Наиболее распространенной формой универсальных походно-боевых секир у болгар были бойки с двумя парами округлых щековиц и невысоким подчетыреугольным обушком. Форма лезвий у них варьировалась от вытянутого клиновидного до вытянутого широколопастного. Подобное строение обуха, кроме как у болгар, не встречено ни в одном регионе Волго-Уралья и может считаться специфичной болгарской формой топора. Истоки этих топоров уходят корнями в Северное Причерноморье, где были известны еще с периода поздней Античности и раннего Средневековья. Одновременно с ними болгары использовали топорики с парой подтреугольных щековиц, характерных для местных народов края. Выявлено, что эволюция болгарских топоров у бойков с округлыми щековицами и подквадратным обушком привела к появлению широкого лопастного лезвия, а у топоров с подтреугольными щековицами – к формированию асимметричных и широколопастных лезвий.

Наряду с походно-боевыми еще с древности выделяется группа боевых секир, назначение которых было специализированно боевым, так называемых чеканов или клевцов. Конструкция их лезвия (узкое клиновидное или заостренное) и длинного молотковидного обушка придавала им ударно-колющий эффект, против которого не мог устоять никакой доспех.

Смысл этой конструкции был в создании за счет массивного вытянутого обушка своеобразного противовеса для нанесения сильного концентрированного удара. Болгарские находки показывают, что эволюция чеканов шла в сторону создания узколезвийных лезвий и широких секторовидных секир. В одном случае эффект достигался за счет сужения ударной части лезвия, а в другом – из-за общего увеличения веса и массивности бойка. Вместе с тем надо отметить, что само количество чеканов заметно сокращается. Эта тенденция была вызвана, очевидно, тем, что вследствие усиления доспеха их функции все чаще начинают выполнять булавы.

Среди других топорики следует особо выделить экземпляры, близкие по формам другим боевым чеканам, но чьи лезвия были инкрустированы золотом и серебром. Особенно в этом смысле выделяется чекан, найденный в конце XIX в. близ с. Мусорка Самарской губ. в составе клада конца X в. (рис. 15). На лезвиях этого чекана, украшенного серебряной инкрустацией, изображены фигуры зверей в окружении растительного орнамента. Это оружие является замечательным изделием средневековых болгарских мастеров. Определенно, что все эти секиры являлись символом знатности и главноначалия.

На примере топоров заметна общая тенденция к дифференциации оружия. Если в X–XI вв. наряду с топорицами-чеканами оформляется группа топоров с широким лезвием, то уже в конце XII в. исчезают архаичные формы чеканов, а их место занимают узколезвийные секиры и разнообразные универсальные топоры, имеющие прототипы среди рабочих форм. Это было время значительной специализации боевых топоров. Важное значение

Рис. 15. Орнаментированный топорик-чекан XI в. (с. Мусорка Саратовская губ.; из фондов ГИМ).

приобретают чеканы, которые за счет сужения поверхности наносимого удара могли пробить кольчугу или панцирь, нанести глубокую рану, что делало их в руках тяжеловооруженных ратников особенно эффективными во время тесного кавалерийского боя. В историческом плане это позволяет выделить топоры, связанные с набором профессионального воина (чеканы, орнаментированные топорики) и походно-боевые секиры как массовое оружие простых ратников.

Булавы – ударное оружие в виде металлического навершия с отверстием для насаживания на рукоятку. Булава, возникнув на заре цивилизации, всегда была одним из самых простых и эффективных «орудий войны». При этом еще в древности, например, в Древнем Египте, булава являлась сакрализованным оружием и символом военной власти. В качестве оружия и символа булавы были известны в раннесредневековой Восточной Европе у хазар.

Судя по находкам, боевое значение их заметно уступало топорам и кистеням. Однако в условиях,

когда в XII–XIII вв. началось широкое применение конницей на полях сражений утяжеленного доспеха, оказались востребованными лучшие боевые качества булав. Главное из них – способность пробить броню и ранить или контузить («ошеломить») противника в стремительных скоротечных стычках всадников или затяжных боях плотных масс тяжеловооруженных всадников, когда боевой контакт был минимальным, а эффект поражения противника должен был быть максимальным. Как считал знаток средневекового оружия А.Н. Кирпичников, булава была особенно эффективной в тесной «рукопашной схватке, когда требовалось нанести неожиданный мощный и быстрый удар в любом направлении», чтобы оглушить, травмировать противника, защищенного доспехом (Кирпичников, 1966. I, с. 55).

Всего с территории Болгарии известно 17 находок булав. Появляются они у болгар, судя по нашим данным, в XI в., но особенно возрастает их значение в XII в., когда резко увеличивается количество их типов. Модификация этого оружия, как это следует из анализа болгарского материала, шла в направлении умножения числа выпуклостей и шипов, а также утяжеления булав без увеличения их размеров. Характерно при этом, что на смену бронзовым пришли железные и бронзовые со свинцовым заполнением булавы, имеющие восьмигранные шипы и орнаментацию. В XIII в. появились также новые типы боевых наверший, которые могли концентрировать ударную мощь на небольшой площади (булавы-клевец, шестоперы), что позволяло успешно бороться с защищенной броней противником.

Социальный статус различных типов булав, видимо, неоднозначен. Наряду со сложными в изготовлении и богато декорированными экземплярами (рис. 18), несомненно, служившими оружием знати и дружинников-профессионалов, использовались более простые боевые навершия. Особенно рельефно эта дифференциация заметна на примере кубических многогранных булав, объединяющих как железные, довольно грубо сделанные, – «демократические», так и бронзовые с позолотой булавы с тамгами, явно принадлежавшие феодальной знати. Это подтверждают и исторические аналогии (Западная Европа и Ближний Восток), где булавы являлись оружием привилегированных слоев общества.

Определяя место булав в болгарском комплексе вооружения, обратим внимание на тот факт, что этот вид оружия практически неизвестен у финно-угорских народов Волго-Уралья, а кыпчаками Заволжья использовался лишь спорадически. Русь и Болгария – единственные регионы в Восточной Европе, где этот вид профессиональ-

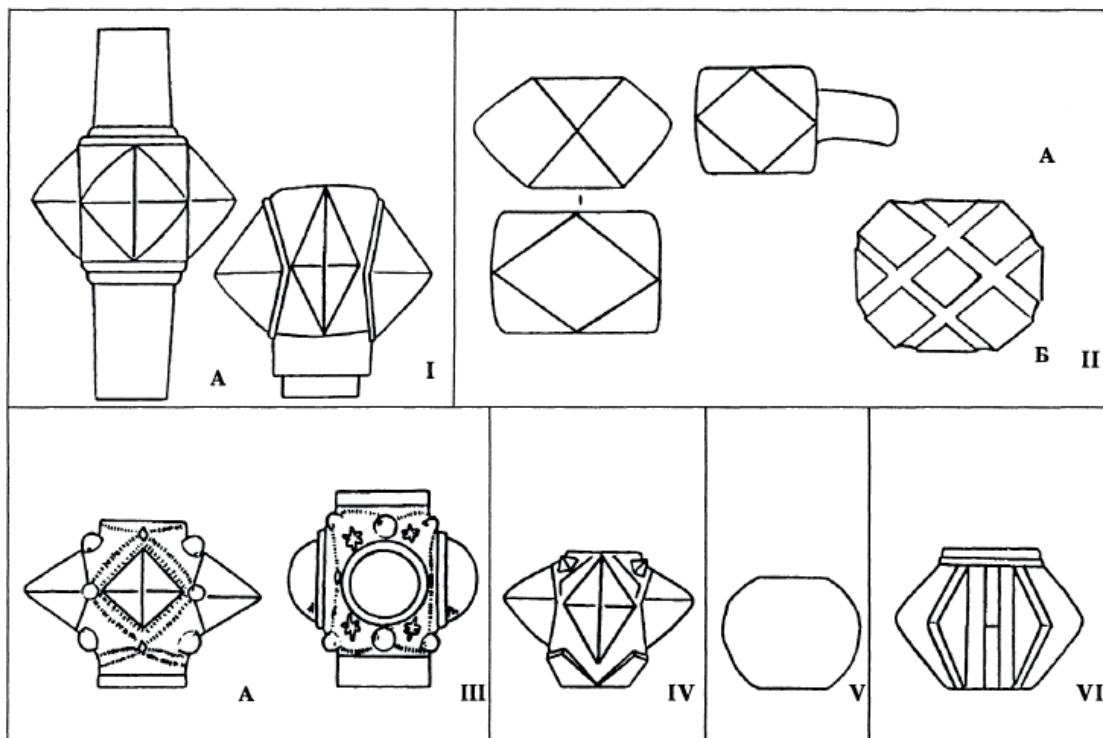

Рис. 16. Булавы X–XIII вв. Типологическая схема.

Рис. 17. Булава с ключом.
Бронза. XII–XIII вв. (из фондов НМ РТ).

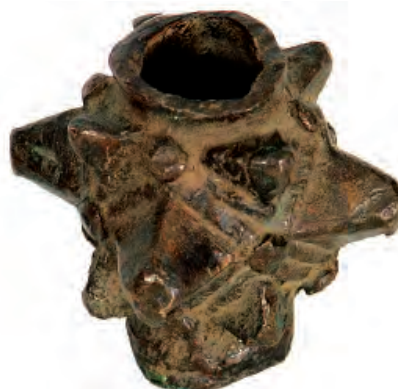

Рис. 18. Булава сложнофигурного типа.
Бронза. XII–XIII вв. (из фондов НМ РТ).

ного вооружения был широко распространен, что, кроме общности тактических приемов, связано, очевидно, еще и со сходством развития военной техники.

Кистень (рис. 19; 20) – ударное оружие в виде костяной или металлической гирьки, прикрепляющейся к рукоятке при помощи длинного ремня за неподвижное ушко. Происхождение кистеня в Восточной Европе связывается исследователями со степными районами, где обнаружены самые ранние образцы средневековых кистеней. Тюрко-болгарские племена также использовали это оружие в Среднем Поволжье уже в VIII в. Позднее они получили заметное распространение и играли

заметную роль в комплексе вооружения населения Болгарии.

Из болгарских памятников X–XIII вв. известно 33 кистеня. Наибольшее значение приобрели они в XIII в., когда появились новые типы и формы кистеней. Причем изменения коснулись не только материала (от кости к металлу), но и конструкции корпуса (от гладких – к граненым, биконическим и покрытым выступами и выпуклостями). Заметно увеличился вес этого оружия (до 240–300 гр.). Эти изменения и сделали кистень популярным дополнительным оружием, которое могло в зависимости от обстановки успешно применяться как против подвижного легковооруженного воина, так и

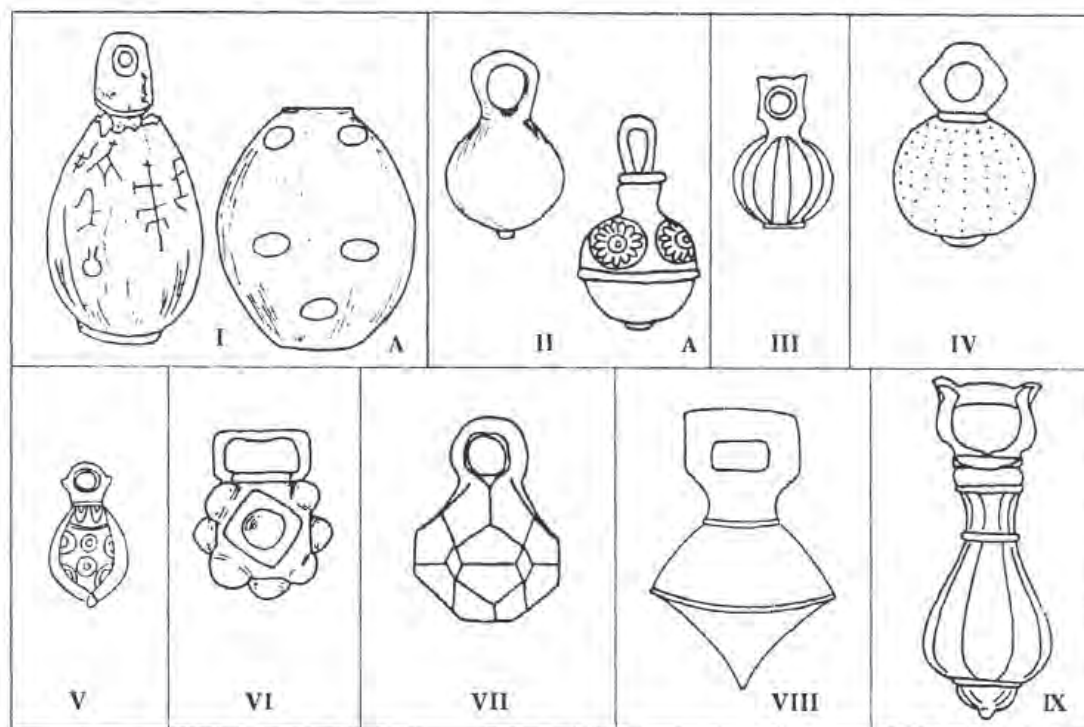

Рис. 19. Кистени X–XIII вв. Типологическая схема.

Рис. 20. Костяной кистень со свинцовыми вайками. X–XI вв. (из фондов НМ РТ).

защищенного броней рыцаря. Благодаря гибкости и мощи удара кистень использовали различные категории войска, но позолоченные и орнаментированные гирьки применяли в основном конные воины-дружиинники.

Все это позволяет думать, что кистень появился у болгар как оружие легковооруженной конницы. Увеличение в военном деле роли тяжеловооруженной кавалерии повысило значение этого быстрого «оглушающего» оружия. Ценным его качеством было то, что, будучи дополнительным оружием, он мог в зависимости от обстановки одинаково успешно применяться как против под-

вижного легковооруженного всадника, так и против защищенного броней ратника. Отличие кистеней от одноплановых по боевому применению булав заключалось в том, что он, уступая булаве в весе, превосходил ее гибкостью удара и дальностью действием. Судя по болгарским данным, кистень использовали различные категории войска, однако особую популярность он имел у воинов-профессионалов.

Этот вид оружия не был распространен у соседей болгар – ни у кыпчаков, ни у финно-угорских народов Поволжья и Приуралья. Наибольшее сходство кистеней из Болгарии в наборе типов и их развитии прослеживается с Южной Русью.

Болгарское оружие прошло значительный путь развития от полуоседлого, близкого к кочевническому, до разнообразного средневекового вооружения, имеющего типологическое сходство с древнерусским. Исследования показали, что основу эволюции вооружения составляло изменение традиционных предметов воинского снаряжения: сабли, копья, боевого топора, кистеня, которые постоянно дополнялись новинками, отвечающими условиям боевой практики. Как правило, все инновации были не случайны и связаны с появлением и развитием феодального рыцарского вооружения.

Доспех. Защитные доспехи были призваны предохранять воина от поражения во время бое-

вых столкновений и единоборств. Возникновение его относится к такой же древности, что и появление наступательного оружия. Противостояние их происходило постоянно на протяжении веков, но в этом состязании ни одна из сторон никогда на длительный отрезок времени не добивалась решающего перевеса. Однако оно являлось важнейшим источником внутреннего развития всего комплекса вооружения, определяющим все крупные перемены в его составе.

Одновременно степень развития защитного вооружения является важным элементом военной культуры, а характер его применения свидетельствовал о становлении и укреплении средневековой военной организации. Сложность и распространенность предохранительного снаряжения воина наглядно демонстрирует, с одной стороны, уровень развития ремесленного производства, а с другой – мощь войска и в какой-то мере обороноспособность всего народа.

Кольчуга – доспех, сплетенный из железных колец, – была распространенным средством защиты как на Западе, так и Востоке. Долгое время, вследствие сравнительной легкости, гибкости и неплохих предохранительных свойств, она была самым популярным европейским средством защиты воина. Первые кольчуги появились в Западной Европе в конце I тыс. до н. э., а позднее распространились по всей Евразии. В раннесредневековой Восточной Европе зоной распространения кольчуг становится степная зона.

Среди населения средневековой Волжской Болгарии кольчуга также была традиционно популярна. Судя по изобразительным материалам и аналогиям, болгарские кольчуги, обрывков которых найдено более 14 экземпляров, имели вид рубашек с короткими рукавами. Плетение колец было комбинированным. Особый интерес представляют находки плоских колец от кольчатого доспеха, который распространяется в XIII в. Письменные источники позволяют также сделать вывод о местном производстве кольчуг и о достаточно широком применении их болгарскими в X–XIII вв.

Кольчуга была, конечно, дорогостоящим видом снаряжения. По мнению специалистов, на производство одной кольчатой рубахи в среднем шло не менее 20 тыс. колец, которые изготавливались из 600 м железной проволоки, а затем очень тщательно соединяли (склепывали или сваривали). Ясно, что такую защиту могли себе позволить только состоятельные люди. Очевидно, что, наряду с воинами-профессионалами, ее использовали ополченцы и военные слуги.

Тем не менее достаточно широкое применение болгарскими воинами кольчуг подтверждается

письменными источниками. По данным арабо-персидских авторов, в первую очередь Ибн Русте (начало X в.) и Гардизи (XI в.), конные болгарские воины имели кольчуги и другое вооружение (Бартольд, 1973, с. 58; Хвольсон, 1869, с. 24). Наличие защитного вооружения в достаточных количествах подтверждается также сообщением ал-Мукаддаси (конец X в.) об экспорте кольчуг из Болгарии в страны ислама. Даже если часть этих кольчуг шла через Болгарию транзитом из Европы, это тем не менее подтверждает тезис о распространении кольчуг у болгар и их популярности.

Панцирь – защитный доспех, состоящий из отдельных металлических или кожаных пластин. Пластинчатый доспех возник гораздо раньше кольчуги и пережил длительную историю, постоянно изменяясь под влиянием условий боевой практики того или иного региона. В средневековой Болгарии панцири были довольно распространенным видом защиты. По материалу, из которого изготавливались, пластины их можно разделить на кожаные и железные (рис. 21).

Кожаные прикрытия тела болгары использовали, видимо, уже с X в. Реальные же находки кожаного доспеха из пластин относятся к концу XII–XIII вв. и найдены при раскопках в Биляре. Они представляли собой широкие прямоугольные пластины с округлым нижним краем и, судя по швам, сшивались «внахлест». Трудно судить о конструкции этого доспеха, но, скорее всего, все кожаные пластины крепились друг к другу боковыми сторонами «внахлест», а верхние вставлялись округлыми краями в вырезы нижнего ряда, после чего пластины плотно сшивались, возможно даже, что в несколько слоев. Такой доспех был прочным, но в то же время достаточно эластичным, а в случае повреждения отдельные пластины легко могли быть заменены.

Доспехи из крупных и мелких кожаных чешуек и пластин носили многие народы Азии: китайцы, тибетцы, монголы, народы Центральной Азии, Восточного Туркестана и Западной Сибири. Таким образом, есть основания полагать, что кожаный панцирь развивался по многим своим конструктивным деталям, видимо, параллельно металлическому, а в эпоху Средневековья – в значительной мере ему подражая.

Гораздо больше данных, характеризующих железный доспех болгар, к которому относятся находки более 30 пластин (примерно от 15 панцирей). Все они относятся к доспехам двух типов: пластинчатому (ламеллярному) и чешуйчатому. Конструкция их состояла из наспинника и нагрудника с короткими рукавами и разрезным подолом. Пластинчатый панцирь состоял из различной фор-

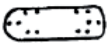

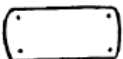

Группа	Тип	Количество пластин	Дата, вв.	Размеры, мм	Место находки
А	1 	10	X-XIII	70-85 x 20	Золотаревка
	2 	5	X-XIII	50-60 x 30	Биляр, Тигашево Сюкеево Семеновка IV
	3 	1	X-XIII	80 x 50	Измери
	4 	4	XII-XIII	125 x 50	Биляр
Б	1 	6	XIII	55 x 55	Биляр, Измери
	2 	2	XIII-XIV	100 x 45	Старокуйбышево-V

Рис. 21. Типология пластин от металлического доспеха X–XIII вв.

мы железных пластин, непосредственно крепившихся между собой при помощи ремешков или проволоки. Иногда они нашивались на кожаную или матерчатую основу.

Характерно увеличение размеров пластин и появление чешуйчатых доспехов в конце XII – начале XIII вв. Панцирь этого типа состоял из подпрямоугольных пластин, которые прикреплялись к кожаной или матерчатой основе. Пластины соединялись с подосновой с помощью центральных заклепок и несколько надвигались друг на друга краями. Часто их скрепляли между собой ремешками или проволокой через отверстия по краю. Улучшение защитных свойств такого вида панцирей достигалось за счет отсутствия жесткого соединения пластин между собой и более плотного крепления к основе, что делало его более надежным и гибким. Высокие боевые качества чешуйчатых доспехов способствовали его развитию в золотоордынское время

Шлем – защитное наголовье, предназначенное для предохранения головы воина, состоял из стального конического корпуса-наголовья и практически всегда имел обрамление по нижнему

краю из длинной кольчужной сетки – бармицы – для защиты шеи и горла (иногда и лица). В качестве защиты лица иногда использовалось также стальное забрало (личина).

Письменные источники, в частности ал-Гарнати (середина XII в.), указывают на наличие шлемов у болгар. Миниатюры лицевой Радзивилловской летописи также изображают болгар в полном вооружении и в шлемах.

К сожалению, до нас не дошли целые боевые оголовья из Болгарии. Судя по изобразительным и археологическим данным (обломки и детали шлемов), это был сфероконический пластинчатый шлем, широко известный у многих кочевых народов Евразии в период Средневековья. Большая популярность и многовековое существование подобных защитных наголовий объясняются в первую очередь тем, что отвесные и боковой удары скользили по плоскости тульи, гася силу удара.

Ряд данных позволяет сделать вывод о применении болгарами в предмонгольский период шлема с маской-забралом (рис. 22; 23). Происхождение данного вида защиты лица еще не до

Рис. 23. Железная маска-забрало (из фондов НМ РТ)

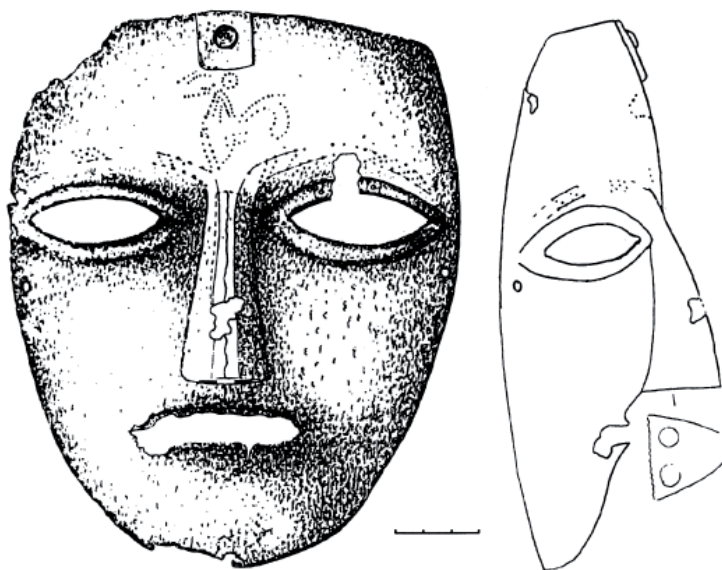

Рис. 22. Железная маска-забрало (из фондов НМ РТ)

конца ясно, но сейчас уже можно констатировать ее связь со сфероконическим шлемом с вырезом, распространение которого было вызвано поисками средств наиболее полной защиты головы и лица и в то же время стремлением обойтись без создания тяжелых шлемов типа западноевропейских. Несомненно также значительное влияние на появление масок-забрал в Восточной Европе военной культуры Ближнего Востока, где подобные маски-забрала были широко распространены в конце XII – первой половине XIII вв. Неслучайно поэтому и Волжская Болгария, имевшая обширные культурно-экономические и политические связи с Востоком, стала областью распространения сфероконического шлема с маской-забралом.

Щит использовался болгарскими воинами в качестве маневренной защиты корпуса. Археологические материалы позволили выяснить, что болгары в X в. имели на вооружении круглые щиты с железным умбоном, имеющие западное происхождение. Скорее всего, появление подобных щитов связано с включением в состав болгарского войска дружин русов.

Одновременно болгары, судя по изобразительным источникам (Радзивилловская летопись), применяли круглые выпуклые щиты без умбона, а также небольшие миндалевидные щиты. Скорее всего, щиты были универсальным оружием конника и пехотинца, феодала и простого ратника.

Анализ предметов оборонительного снаряжения доказывает, что все изменения в этом наборе объясняются влиянием реалий боевой практики и в наибольшей степени коснулись снаряжения тяжеловооруженных всадников. Особенно заметны

изменения в наборе болгарского защитного вооружения в предмонгольский период, когда появились пластинчатый доспех из круглых пластин, чешуйчатый панцирь, миндалевидный щит, сфероконический шлем с маской-забралом, кольчуга из плоских колец. Судя по историческим данным, социальные верхи войска отличались массивным использованием защитных средств, в том числе металлических доспехов.

Иными словами, среди оружия ближнего боя населения средневековой Болгарии выделяется особый арсенал дружинного снаряжения. В X–XI вв. он состоял из сабель, мечей, пик, чеканов и булав. В этот период выявляется тенденция совершенствования набора дружинного снаряжения, который включал, кроме традиционного оружия, целый ряд новых элементов западного происхождения элементов. В XII–XIII вв. набор оружия знатных воинов включал пики, сабли, булавы и кистени. Такой рыцарский набор мог сложиться только в условиях боевой практики, когда исход боя решался в столкновении тяжеловооруженных всадников, применявших таранный удар копьём.

Оружие дистанционного боя. Метательное оружие для многих раннесредневековых народов Евразии было не только одним из важнейших элементов комплекса вооружения, но и в значительной степени определяло характер всей военной культуры общества. Луки и стрелы были одним из древнейших и, пожалуй, самым распространенным видом оружия, позволявшим поражать противника на значительном расстоянии. Вместе с тем это было часто достаточно простое в изготовлении и использовании «орудие войны», которое

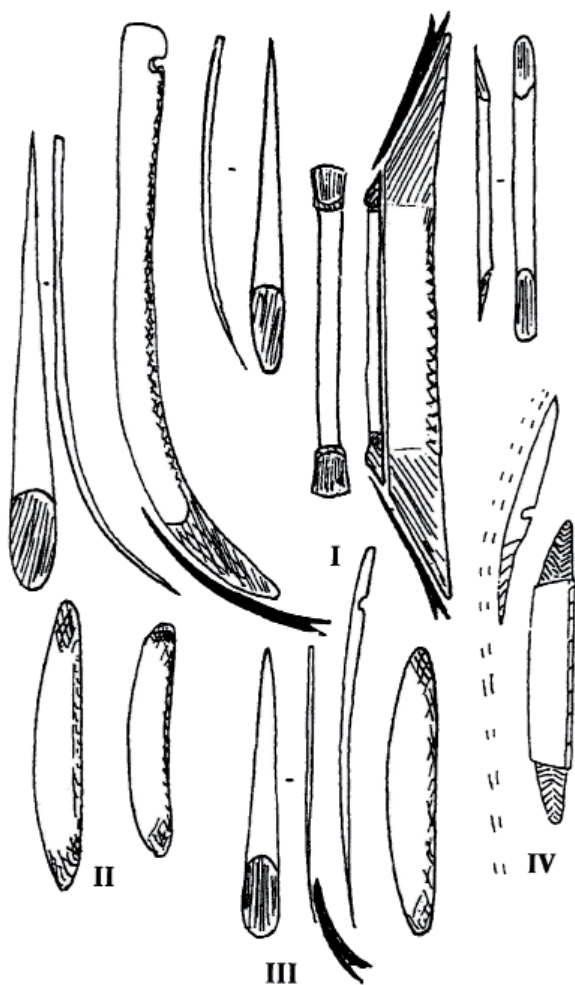

Рис. 24. Типология сложносоставных луков Среднего Поволжья в VIII–X вв.

одновременно применялось на охоте. Ключевым звеном в развитии набора метательного оружия было совершенствование луков, так как именно увеличение их поражающей силы, дальности и скорости стрельбы являлось основой для изменения всего снаряжения лучника.

Лук как ручное оружие, предназначенное для метания стрел, судя по целому ряду историко-археологических данных, широко использовался средневековыми племенами Волго-Уралья. В отечественном оружьеведении утвердилось мнение о делении всех луков на три группы. Под простыми подразумеваются луки, сделанные из единого куска дерева; под сложными – такие же луки с цельной деревянной основой, но дополненные различными материалами; и сложносоставные, чья деревянная основа состояла из нескольких частей (обычно из разных пород дерева), усиленных рогом, костяными накладками, берестой, сухожилиями и кожей. К сожалению, отсутствие деревянных деталей лука простых и в значительной мере

сложных среди находок из болгарских памятников в Среднем Поволжье и Прикамье затрудняет их анализ и заставляет рассматривать сложные и сложносоставные луки в целом как составные.

Конструктивно составные луки состояли из деревянной основы – кибити, выполнявшей роль рычага для многократного увеличения мускульной энергии стрелка, и тетивы – несущей части лука, придававшей ускорение стреле. Кибить, которая могла быть как цельной, так и комбинированной из разных пород дерева, в свою очередь состояла из середины (или рукояти) – места хвата рукой, и концов, на которых крепилась тетива, и соединяющих их между собой изогнутых, гибких плеч (или рогов). Особенностью этой конструкции было армирование костяными и эластичными роговыми накладками середины и концов, которые более прочно закрепляли плечи, делая кибить комбинированным оружием, сочетавшим неподвижные и гибкие части, что резко увеличивало рефлектирующую силу плеч. Обычно они имели симметричные плечи. Размеры таких луков, судя по сохранившимся экземплярам и изобразительным материалам, достигали длину 120–160 см (с натянутой тетивой около 130 см) и зависели от многих культурно-исторических и военно-технических факторов.

Особенности сочетания различных видов костяных накладок на концы и рукоять лука довольно разнообразны и показательны для развития луков, что позволяет классифицировать составные луки именно по этому признаку (см.: Шебештьен, 1930; Литвинский, 1966, с. 51–69; Мамаев, Чахкиев, Даутова, 1983; Савин, Семенов, 1989; 1990).

Материалы по истории лука в Волго-Уралье свидетельствуют, что в VIII–X вв. шел процесс активного изменения метательного вооружения (рис. 24). На смену распространенным в предшествующий период здесь сложносоставным лукам «гунно-болгарского» типа, армированным семью костяными накладками (Измайлов, 1994), во второй половине VIII в. пришли луки новой конструкции, самой популярной из которых были луки, снабженные парой срединных боковых накладок. Для этого «тюркского» типа лука было характерно, видимо, также использование в конструкции гибкого рога на тыльной стороне плеч, укрепленного с помощью боковых рукоятных обкладок. Эти усовершенствования позволили как создать мощный узел жесткости в середине, так и, скорее всего, увеличить гибкость и упругость плеч, сделав их более эластичными и длинными, вероятно, даже асимметричными. По мнению оружейников, такой лук был более приспособлен для быстрой стрельбы на небольших дистанциях и был более надежен в употреблении (Худяков, 1980, с. 74).

Вместе с тем нельзя не отметить, что именно вместе с этим «тюркским» луком в Среднее Поволжье проникают и впервые начинают активно применяться граненые бронебойные наконечники стрел, что может свидетельствовать в пользу достаточной мощи луков такого типа, а также постепенно выходят из употребления трехлопастные наконечники стрел. Появление «тюркских» луков в Волго-Камье определенно можно связать не только с проникновением сюда новых волн тюркских и угорских (болгаро-огурских) племен из Прикамья, Зауралья и Центральной Азии, но и с изменениями в евразийском метательном вооружении.

Одновременно сюда проникают другие типы луков, таких как остатки «венгерского особого» лука (кургана «Золотая Нива») и «салтовского» лука (Тамар-Уткульский могильник). Своеобразие погребального обряда и самих накладок свидетельствуют об инфильтрации в население Среднего Поволжья новых, вероятно, южных и центральноазиатских групп со своим набором оружия. Однако достаточно широкого распространения они не получили. Регион Среднего Поволжья, Нижнего и Верхнего Прикамья и даже Южного Приуралья во второй половине VIII – X вв. был зоной, где наибольшее распространение получил «тюркский» лук с парой срединных боковых накладок, а другие типы луков по существу являлись попыткой несколько модернизировать их, снабдив набором концевых накладок.

Письменные (арабо-персидские и русские) источники неоднократно отмечают использование болгарами луков и стрел во время военных действий, что не оставляет сомнений в массовости использования этого оружия. В средневековой Болгарии довольно распространенным типом лука оставался тот же «тюркский» тип составного лука. Находки от него представляют срединные боковые накладки (всего известно не менее 3 экз.). Все они довольно стандартны и представляют собой широкие подпрямоугольные пластины с чуть скошенными в одну сторону или овальными концами (рис. 25).

Одновременно на вооружении болгарских лучников появляются также луки с концевыми фронтальными накладками с вырезом для тетивы (всего 9 экз.). Данные луки изредка встречаются в памятниках Восточной Европы в X–XIII вв.: на Руси, в Подонье у кыпчаков (Саркел), а также у тюркских народов Западной Сибири, Алтая и Забайкалья. Не исключено, что подобная конструкция лука появилась у болгар под влиянием заволжских йемеков, как и ряд других военно-технических новшеств в вооружении и конском снаряжении в конце XII – первой трети XIII вв. Позднее, в XIII в., в Болгарии, как и во всей Евразии,

Рис. 25. Типология сложносоставных луков Среднего Поволжья в X–XIII вв.

преобладающим становится «монгольский» тип лука с фронтальной срединной накладкой, имеющий характерный «веслообразный» вид. Практически целые образцы подобных луков были, в частности, обнаружены при раскопках Новгорода и в Восточном Туркестане.

Тетива для луков свивалась из конского волоса, шелковых нитей или сыромятной кожи. Петли, судя по находкам, были различными. Луки тщательно оберегали и до сражения носили со снятой тетивой в специальных налучьях – длинных кожаных мешках, оберегавших кибить от попадания влаги. В различных болгарских памятниках обнаружены десятки костяных петель для налучья. С их помощью налучья вместе с колчанами носили на специальном ремне на поясе.

Судя по историческим свидетельствам, пробойная сила средневековых луков достигала мощности 80 кг, а оптимальным был силой 20–40 кг. К примеру, современные спортивные луки для мужчин имеют мощность до 20 кг. Обычная дистанция стрельбы была 60–150 м, хотя более мощные луки могли послать стрелу на расстояние более 400 м. Скорострельность средневековых лучников достигала 10–12 выстрелов в минуту, особенно не во время прицельной стрельбы, а при поражении сомкнутой массы воинов.

Натягивание тугого сложносоставного лука требовало значительных усилий, и, очевидно,

при этом чаще всего использовался наиболее совершенный так называемый монгольский способ стрельбы. При нем лучник четырьмя пальцами левой руки сжимал рукоять лука, а большой палец, прижатый сверху, служил направляющим для стрелы. Правая рука сжатыми пальцами оттягивала тетиву назад, до уха. В данном случае тетива натягивалась согнутым большим пальцем, которому помогал указательный, прижимая его сверху. Стрела держалась в глубине вырезки между ними и, поскольку при стрельбе тетива отклонялась несколько влево, помещалась всегда справа от лука. Подобный способ требовал применения специальных приспособлений для защиты пальцев и всей руки от возможного травмирования тетивой. Прежде всего, это наручи в виде широкой овальной пластины, крепившейся с помощью ремешков на запястье левой руки. Из памятников Волжской Болгарии сохранился целый ряд прекрасно орнаментированных защитных костяных пластин. Особенно выделяется пластина с многофигурным рисунком с парой птиц, держащих в когтях олененка. Однако подобные пластины, судя по находкам болгарской торевтики из Западной Сибири и Зауралья, изготавливались также из серебра с чернением. Некоторые подобные образцы, покрытые черненным растительным орнаментом или изображениями парных звериных фигур, представляют собой шедевры ювелирного искусства и демонстрируют подлинное богатство украшения вооружения.

Все это показывает, что лунниками были отнюдь не только легковооруженные всадники, но и знатные воины, имевшие весьма дорогое и богато украшенное вооружение.

Население Болгарии имело своеобразный набор сложносоставных луков, который, несомненно, наиболее адекватно отвечал требованиям развития всего комплекса оружия дистанционного боя и в целом военного дела в регионе. Эволюция лука происходила в тесной взаимосвязи с изменениями набора наконечников стрел и тактикой конного боя.

Стрелы – метательный снаряд для поражения противника на расстоянии. Составные части стрелы – деревянное древко, наконечник и оперение. Древко – несущая часть, служила для крепления наконечника и оперения, которое в свою очередь придавало стреле устойчивость в полете и обеспечивало точность попадания в цель. Оперение делалось в два-четыре пера длиной до 12–15 см и несколько отступало от ушка, чтобы удобно было держать рукой. По средневековым военным трактатам, лучшими для оперения считались перья орла, беркута и морских птиц. В условиях Волго-Уралья использовались также, видимо, перья

гуся. Для целей производства стрел с выбранного пера обычно сдиралось опахало с верхним краем стержня, которое и крепилось к древку с помощью клея.

Самой важной и вариабельной частью стрелы являлся наконечник стрелы, который обычно состоял из пера – боевой ударной и проникающей части, и насада – несущей части. По способу крепления к древку и форме насада наконечники стрел делятся на две группы: втульчатые и черешковые. Первые надевались на древко, а вторые вставлялись в торец древка. Плотность крепления к древку обеспечивалась клеем, а черешковые еще также обматывались прочной нитью и обклеивались берестой, чтобы стрела сохраняла аэродинамические качества стрелы и не отклонялась в полете. Судя по сохранившимся образцам, длина древка стрелы была 75–90 см при толщине 7–10 мм. Обычно древки изготавливались из крепкого, легкого дерева – сосны, ели, березы, и были тщательно отполированы. Для этого служили специальные ножевые струги и шлифовальные бруски, найденные на ряде болгарских городищ.

На болгарских археологических памятниках обнаружено более 1500 железных наконечников стрел самой различной формы (Медведев, 1966; Хузин, 1985, с. 143–171). Размер, форма и вес наконечника зависели от цели, для которой предназначалась та или иная стрела. По средневековым военным трактатам нам известно, что плоские секторовидные наконечники стрел предназначались для поражения масс легковооруженных воинов и пехотинцев, действовавших сомкнутым строем, нанося широкие резаные раны, вызывавшие сильное кровотечение, а небольшие с массивной граненной головкой – как броневой, предназначенные пробивать любые доспехи. Все другие наконечники были в той или иной мере универсальными, сочетая ударные и режущие качества.

В течение VIII–XIII вв. населением Болгарии использовалось несколько десятков различных типов наконечников стрел. Среди них были типы, которые употреблялись несколько веков, другие использовались относительно короткий отрезок времени и вышли из употребления, когда им на смену пришли более функциональные и эффективные средства поражения. На протяжении этого периода времени все типы наконечников претерпевали те или иные изменения в размерах, весе, форме боевых граней, плечиков и острия. Анализ всех этих военно-технических изменений требует специального исследования, поэтому следует остановиться на наиболее общих тенденциях развития наконечников стрел, связанных с крупными переменами в военном деле населения Волжской

Рис. 26. Воины и лучник. Рисунок на костяной пластине. Шиловский могильник. VIII в. Самарское Поволжье (из фондов СОИКМ).

Болгарии. В этой связи можно выделить по крайней мере два значительных периода, которые отличаются по использованию характерных стрелковых наборов.

В X – первой половине XII вв. набор наконечников стрел продолжал традиции предшествующего периода. Спорадически применялись втульчатые наконечники стрел и трехлопастные наконечники стрел различных форм, уже явно архаичные. Значительное распространение получили клиновидные и удлиненно-ромбические наконечники различных размеров и форм, а также неширокие секторовидные и вильчатые наконечники. Выделяются небольшие граненые наконечники стрел. Этот стрелковый набор показывает, что среди противников болгар не было таких, которые имели бы полный набор доспехов; преобладали наконечники, позволяющие успешно поражать легковооруженного противника, причем, скорее всего, стрельба велась болгарскими лучниками на большое расстояние и с большой интенсивностью. Кроме того, многие наконечники имели еще и хозяйственное назначение.

Коренные изменения в стрелковом наборе происходят во второй половине XII – первой трети XIII вв., когда прекращают использоваться втульчатые и трехлопастные наконечники, но сохраняются с некоторыми изменениями удлиненно-ромбические и клиновидные типы. Особенно резко возрастает разнообразие типов граненых наконечников, которые увеличиваются в размерах и приобретают пирамидальную форму, появляются долотовидные, шиловидные и цилиндрические типы. Вместе с тем увеличиваются количественно и качественно секторовидные, вильчатые и кунжутolistные формы – срезни, многие из которых имеют аналогии в наборах стрел народов Центральной Азии. Следует от-

метить среди наконечников массивные тяжелые пирамидальные наконечники, которые, судя по историческим аналогиям, являлись снарядами для крупных станковых арбалетов. Эти изменения показывают, какую важную роль в этот период стали придавать средствам поражения защищенного доспехом противника. Очевидно, различные типы и формы бронебойных наконечников предназначались для использования против различных типов доспеха. Широкие плоские наконечники же применялись против масс легковооруженной пехоты.

Колчан – футляр, предназначенный для ношения и хранения стрел. Судя по сохранившимся костяным и металлическим деталям, болгарские колчаны были однотипны колчанам средневековых народов Евразии, так называемый «колчан с карманом». Он представлял собой деревянное основание – днище (диаметром 15–25 см), к которому крепились четыре деревянные планки каркаса, обтягиваемые берестой или кожей. В верхней части колчана была сделана выемка – приемник для удобства извлечения стрел, закрывавшийся специальной крышкой. Вокруг горловины и днища колчан несколько расширялся. Общая форма колчанов была полуцилиндрическая, с уплощением с внутренней стороны. Высота колчана зависела от длины стрел и колебалась от 60 до 80 см. Изредка с внешней стороны он украшался узкими вертикальными костяными накладками. Такими же накладками обрамлялся и край приемника. К деревянным планкам каркаса крепились костяные или железные петли, а к днищу – металлический крючок на ремне, для закрепления колчана во время верховой езды в чуть наклонно положении. Средневековые рисунки позволяют сделать вывод, что колчан носили у пояса на правом боку в наклонном положении – для удобства

извлечения стрел и устранения помех при ходьбе и верховой езде.

Стрелы в таком колчане носились остриями вверх. Обычная вместимость колчанов, судя по письменным источникам, была 30 стрел, поэтому в походе воины обычно имели по два колчана стрел.

Оценивая комплекс вооружения болгарского войска в домонгольский период в целом, следует подчеркнуть его коренное отличие практически по всем видам оружия от арсенала соседних финно-угорских народов. Заметно различается также болгарское и кочевническое воинское снаряжение, в первую очередь по набору дружинного оружия (мечи, пики, рогатины, булавы, защитное вооружение) и конского снаряжения (шпоры, трапециевидные стремена). Наиболее близок болгарскому и по отдельным элементам, и по тенденциям развития древнерусский комплекс. Все это, несмотря на некоторую относительность аналогий, заставляет думать о синстадиальности развития этих регионов. Так, почти тождественны оказались сабли и их перекрестья, мечи, пики, удлинненно-треугольные копья, булавы, кистени, железные доспехи и часть конской амуниции. Отличия касаются различного рода деталей.

Болгарские дружинники были вооружены, видимо, несколько легче, чем древнерусские. Так, в Болгарии не зафиксировано использование конских лат, кольчуг с длинными рукавами, кольчужных чулок и перчаток, наручей, поножей и т. д. Однако, как справедливо заметил А.Н. Кирпичников, «использование или неиспользование тех или иных военно-технических устройств чаще всего находит оправдание в конкретно-исторической обстановке и совсем не свидетельствует об ущербности развития» (Кирпичников, 1971, с. 74). Сравнительно облегченное вооружение волжских болгар, вероятно, объясняется необходимостью борьбы с конницей кочевников и пешими ополчениями финно-угорских племен. Сходство между русским и болгарским арсеналом становится особенно заметным в конце XII – первой половине XIII в., что выражалось в использовании романский мечей, боевых сложнофигурных булав, уплощенных кистеней, чешуйчатого доспеха, шлемов с масками-забралами и шпор с зубчатым подвижным колесиком. Все это с очевидностью демонстрирует, что близость комплексов вооружения этих двух регионов носит не случайный характер, а является следствием сопоставимого уровня общественно-политического, экономического и военно-технического развития.

Военно-технические средства (метательная доогнестрельная артиллерия). Проблема появления и развития у болгар метательной ар-

тиллерии, включая станковые арбалеты и камнеметы, остается дискуссионной. К сожалению, прямые изобразительные источники, изображавшие эти военно-технические средства, отсутствуют, а письменные источники прямо нигде о них не сообщают. Об использовании болгарскими какими-то метательными машинами может свидетельствовать и находка шестеренки от поворотного механизма (Тигашевское городище), обычно в Европе связываемого с использованием аркбаллист и камнеметов. Уже указывалось, что часть массивных и тяжелых четырехгранных пирамидальных накопечников, несомненно, представляли собой снаряды для самострелов, а не луков.

Есть еще одно, по словам А.Н. Кирпичникова: «источниковедчески в значительной мере скрытое, очевидно, от нас использование осадных метательных средств около 1200 г. устанавливается по новинке оборонного строительства Центральной и Южной Руси – крепостям с обычно трехрядной системой валов и рвов» (Кирпичников, 1976, с. 72). По его мнению, при такой системе обороны первая заградительная линия была примерно на 60–80 м отодвинута от высокой внутренней стены – места предполагаемой установки камнеметных и стрелометных машин. Выдвижение переднего края крепостной обороны точно соответствовало наиболее удобной прицельной дальности стрельбы из метательных машин, а также луков и самострелов, равной около 75 м, что заставляло нападающих начинать бой против передовых заграждений, находясь на большом расстоянии от главных стен и находясь под двойным ударом оборонявшихся. Тем самым зона боя вокруг крепостей при трехрядной системе обороны расширилась до 150 м. Поэтому можно прямо сказать, что такая система своим появлением была обязана активизации дальнобойной метательной техники.

Для Волжской Болгарии второй половины XII – первой трети XIII вв. как раз становится характерна именно такая система обороны крепостей. Неоднократно исследованные системы укреплений различных болгарских городищ (Биляр, Сувар, Джукетау, Богдашкинское, Алексеевское, Вальинское и другие городища) доказывают, что возведение дополнительных укреплений приходится именно на этот период времени. Одновременно появляются выступающие над стенами башни (например, Кураловское городище), позволяющие вести фланкирующий обстрел вдоль стен.

Особенно эффективным был подобный обстрел из крепостных самострелов. Не исключено, что именно из него был поражен переяславльский князь Изяслав при атаке укреплений Биляра в 1183 г., когда он был поражен «стрелой сквозе броне под сердце» (ПСРЛ, I, стб. 390; II, стб. 625).

Иными словами, болгарская военная техника стояла на высоком уровне развития, не уступая древнерусскому и намного превосходя технические средства защиты и тактику обороны соседних народов края.

Организация болгарского войска.

Основной источник для характеристики болгарской военной организации X в. – «Записки» Ибн Фадлана, побывавшего в Болгарии в составе посольства багдадского халифа в 921–922 г. – позволяют сделать вывод, что болгарское общество в этот период находилось на этапе становления и укрепления раннефеодального государства. Эльтебер Алмыш внутри своего государства обладал всей полнотой административной и военной власти. Он командовал войсками и имел право на определенную часть военной добычи, даже если он сам не принимал участия в походе (Ковалевский, 1956, с. 136, 211, 336). Власть правителя осуществлялась и реализовывалась через институт феодальной дружины, которая была особой формой организации господствующего класса, особенно на начальном этапе сложения государства. Возникшие в недрах родового строя, военные дружины на определенном историческом этапе становятся оплотом княжеской власти и противостоят племенному ополчению. Эти отряды воинов-профессионалов, служащих своему феодалу, составляли особые отряды вооруженных людей. Кроме чисто военных служила княжеская дружина выполняла и административно-судебные функции и частично входила в состав двора правителя болгар, обеспечивая его социально-политическую и хозяйственную деятельность (рис. 27).

Сама дружина не была однородной, и уже на начальном этапе своего оформления она заметно дифференцируется: на одном полюсе скапливается слой знатных дружинников, постепенно превращающихся в феодалов с собственными вассалами, на другом – «младшие» дружинники (воины-профессионалы), военные слуги и т. д. В военном отношении дружина являлась сложным организмом, составляя и ядро войска, и его высший командный состав.

Некоторые сведения Ибн Фадлана указывают на существование дружины при дворе Алмыша. Реально видеть дружину правителя в группе людей, объединенных названием «куввад»/«друзья, сотоварищи», которые получают дары и подношения после царя (Ковалевский, 1956, с. 131, 195). Скорее всего, под этими людьми и нужно понимать слой знатных, так называемых «старших» дружинников.

Кроме знатной части дружины существовала основная масса служилой знати, которые стояли

рангом ниже по сословной лестнице, но также занимали привилегированное положение, как слой воинов-профессионалов, являвшихся личной охраной, военными слугами правителя Болгарии. Среди функции дружины, по данным того же Ибн Фадлана, можно указать участие в походах и войнах, присутствие в ставке правителя, участие в пирах и аудиенциях, сопровождение его в поездках по стране (Ковалевский, 1956, с. 139).

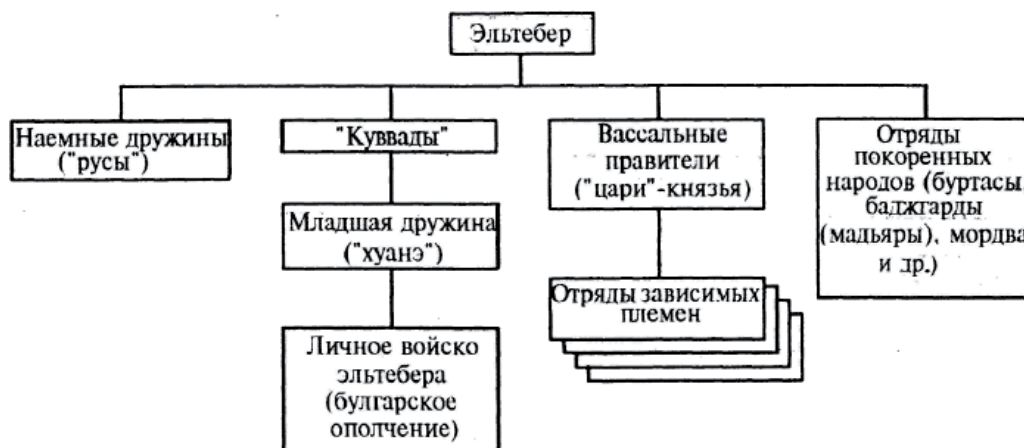
Этнокультурный состав дружины Волжской Болгарии, особенно на ранней стадии формирования государства, был довольно сложным. Наряду с собственно болгарскими в нее входили также представители других тюрко-огурских и финно-угорских племен. Есть все основания полагать, что в число дружинников правителя Болгарии входила и часть русов – славяно-финно-скандинавского происхождения слоя воинов и торговцев, живших близ его ставки. В такой пестрой этнокультурной среде, насыщенной элементами различных традиций и новаций, шло формирование единой дружинной культуры, своеобразного комплекса вооружения.

Одним из элементов, свидетельствующих о наличии в Болгарии X в. развитой дружинной культуры и военной организации, являются широко распространенные у болгар воинские и родовые знамена. Наличие их у болгар зафиксировали некоторые письменные источники (Ковалевский, 1956, с. 140). После принятия мусульманства болгарскими сакральное значение знамени было переосмыслено в контексте исламской символики. Важнейшим показателем начала этого процесса может служить вручение Алмышу двух знамен, присланных халифом с его посольством наряду с другими подарками (Ковалевский, 1956, с. 131).

Отличие войска правителя Болгарии от существовавших до этого племенных ополчений является не только полиэтнический состав, но и организация власти, имевшей надплеменной, иерархический характер. Эльтеберу болгар подчинилось четыре «малика» (Ковалевский, 1956, с. 131, 195). Скорее всего, по его приказу эти владельцы должны были выставлять свои отряды для общеполитического войска. То есть их военная структура включала дружины этих правителей («маликов») и племенные (народные) ополчения. Кроме этих подразделений болгарское войско включало и отряды зависимых соседних народов.

Суммируя данные о военной организации болгар X–XI вв., необходимо отметить смешанный ее характер, когда наряду с развивающейся военно-феодальной иерархической системой присутствуют остатки старой племенной. Основой болгарской армии являлись дружины правителя и подвластных ему племенных князей.

А. Военная организация волжских болгар X-XI вв.

Б. Военная организация волжских болгар XII-XIII вв.

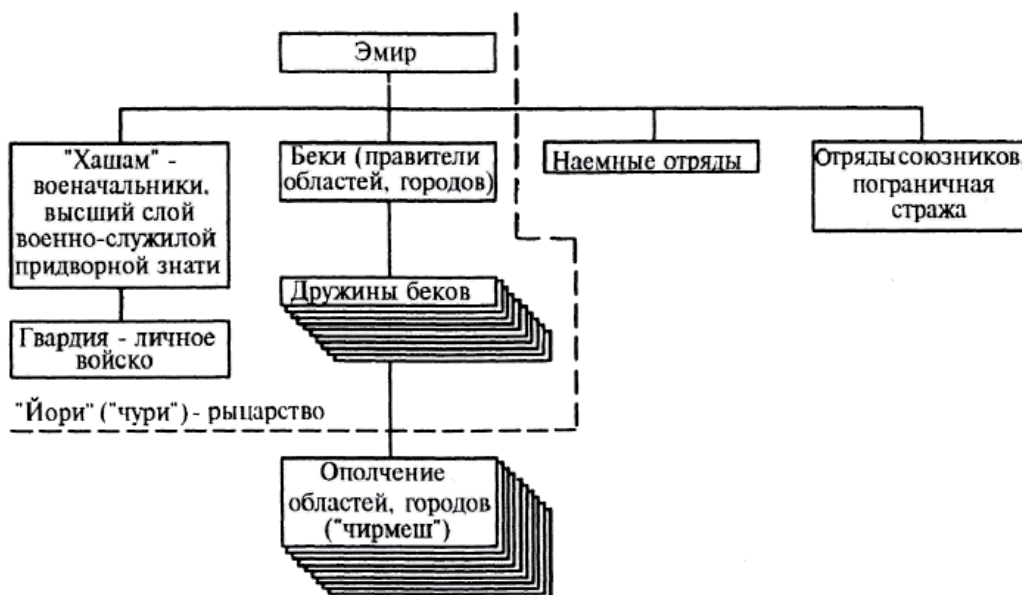

Рис. 27. Структура военной организации волжских болгар X–XIII вв.

Коренные изменения, происшедшие в социально-экономической жизни болгарского общества во второй половине XII – начале XIII вв., существенным образом отразились на военной организации болгар. Недостаток письменных источников не дает возможности проследить во всех деталях развитие социальной структуры общества. Однако сохранившиеся эпиграфические памятники XIII–XIV вв. с их сложной системой титулатуры (эмир, йори/чури и др.), генеалогически восходящей к середине XII в., позволяют предполагать наличие у болгарской знати разветвленной феодально-иерархической системы вассалитета уже

в болгарский период. Именно военно-служилая знать, связанная системой вассалитета и субвассалитета, служила стержнем всей военной организации Волжской Болгарии XII–XIII вв.

Основа военной силы правителя заключалась в его дружине и гвардии. Военно-служилый слой болгарской знати обозначался термином «йори» («чури»), который встречается в эпитафиях XIV в., но по цепочкам генеалогий, приведенным на них, можно установить его бытование еще в XII–XIII вв. Этот титул, восходящий своими корнями к древнетюркской титулатуре, обозначал военную знать, тюркское рыцарство и именно с та-

ким значением этот термин был зафиксирован для периода XV–XVI вв.

Таким образом, можно реконструировать дружину правителя, хашам, как единство ее знатной части и гвардии, состоявшей из воинов-профессионалов. Кроме того, необходимо отметить, что верхушка хашама, конечно, имела свои дружины, скорее всего, подвластные верховному правителю. Вся знать была связана между собой системой вассалитета и субвассалитета. Некоторые сведения об этой системе можно почерпнуть из русских летописей, в которых часто упоминаются местные князья со своими дружинами, причем большей частью конными: «...князь их едва утече с малой дружиною», «...болгары со князем своим на конях» (ПСРЛ, I, стб. 352). Очень показательны в этом смысле известия ряда летописей о событиях 1220 г., когда после взятия русскими войсками болгарского города Ошеля «...слышавше же болгаре в Великом граде и во иных градах... и собравшия вси со князми своими овии на конех, друзии же пеши...» (ПСРЛ, XV, стб. 331), а также во время осады русской армией Великого города в 1183 г., когда собралось ополчение ряда городов и областей (ПСРЛ, II, стб. 625, 626). Судя по всем этим данным, у болгар существовала налаженная система выступления вассалов по приказу сюзерена.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что основу болгарской армии составляли дружины военно-служилой знати, состоящие из конных воинов-профессионалов (рис. 28). Причем это могли быть ополчения определенных областей, и каких-то сельских округов, и даже городов. Вполне возможно, что такие военные отряды, состоящие как из болгар, так и из соседних народов, назывались, очевидно, «чирмеш» (Ахметьянов, 1985, с. 120–123).

В состав болгарской военной организации включались также ополчения окрестных племен и народов. Особенно много данных о мадьярах, живших на востоке и юго-востоке от Болгарии. Венгерский монах Юлиан, побывавший у них в 1236 г., отмечал, что они «богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах», а далее, по их рассказам, писал о победе их над монголами 14 лет назад и о постоянных сражениях с ними в последние годы (Аннинский, 1940, с. 81). Это свидетельствует об их участии в составе болгарских войск в сокрушительном разгроме первого похода монгольских войск на Болгарию 1223 г.

Другими союзниками и вассалами были, очевидно, кыпчакские (кимакские) племена, которые жили на южных и юго-восточных границах Болгарии. Роль их в истории болгар, в том числе и военной, была весьма заметной. По мнению ряда исследователей, не вызывает сомнения факт

включения части кыпчаков в болгарскую армию. Кыпчакские (йемекские) наемные отряды неоднократно использовались в междоусобных и внешних войнах, о чем свидетельствует поход полка йемеков под командованием болгарского князя против Великого города в 1183 г. (ПСРЛ, I, стб. 339), а также совместная борьба болгар и кыпчаков-саксин против монголов в 1229 г. (ПСРЛ, I, стб. 453). К сожалению, недостаточно данных для характеристики ополчений из восточно-финских народов. Несомненно, какая-то часть мордовских и марийских племен входила в сферу влияния болгар и поставляла воинские контингенты, но определить это пока затруднительно.

Совершенно очевидно, что на протяжении своей истории численность болгарского войска не оставалась неизменной. Сложность решения этого вопроса не только в малочисленности источников, но и в приблизительности многих приведенных там данных. Ряд источников X–XI сообщают, что в стране болгар есть два города, которые выставляют по 10 тысяч воинов, а автор анонимного персидского сочинения конца X в. «Худуд ал-Алам» уточняет – «всадников» (Хвольсон, 1869; Захoder, 1967, с. 37), то есть, численность армии болгар в X–XI вв., очевидно, могла достигать 20 тысяч всадников. Дружина правителя болгар состояла, видимо, из 500 человек. Такова в тот период была численность и средней дружины киевских князей.

В XII–XIII вв. народонаселение Болгарии, несомненно, должно было резко возрасти, но численность войска вряд ли увеличилась. Исходя из того, что территория Волжской Болгарии составляла около 86 000 кв. км, а средняя плотность населения, учитывая оседлый земледельческий характер населения и довольно высокий уровень урбанизации болгар, могла достигать 5–10 человек на кв. км, можно полагать, что общее народонаселение Болгарии колебалось, видимо, от 430 000 до 850 000 человек. Отсюда можно сделать вывод, что общие экстремальные мобилизационные возможности страны вряд ли превышали 45–55 тысяч воинов. В обычных же условиях предельной была, скорее всего, численность (считая 1 воина от 5 семей) до 15–25 тысяч воинов. Военно-служилое сословие («йори»), если считать по средним показателям (в Западной Европе – 2% населения, а на Востоке до 10%), составляло, очевидно, 15–20 тысяч человек, включая членов их семей.

Конные тяжеловооруженные воины, по единодушному признанию военных историков, являлись символом Средневековья. Именно отряды конницы не только главенствовали на полях сражений, но и определяли стержень развития вооружения и военного дела. Одновременно всад-

Рис. 28. Болгарский конный латник. Реконструкция М.В. Горелика.

ники являлись привилегированным слоем воинов – профессиональных военных: военно-служилой знатью. В этих условиях становление и развитие средневековой кавалерии неотделимо от процессов возникновения и укрепления слоя рыцарства – аристократии и их военных слуг.

Болгары по традиции были конными воинами и уже в Подонье имели сложную племенную и сословную организацию. Инфильтрация на Среднюю Волгу и смешение с различными этническими группами несколько замедлила социальные процессы в болгарском обществе, однако к X в. наметились основные предпосылки и условия возникновения государственности. Распределение находок оружия в погребениях свидетельствует о начальном этапе формирования феодальной дружины уже с конца VIII в. Направ-

ленность этих процессов показывает изменение количества погребений с оружием и возрастание степени обособления и консолидации дружины. Анализ набора оружия позволяет сделать вывод об определенной специализации в применении боевых средств. Сабли, копья и боевые топоры вместе с метательным и защитным вооружением, а также с конским снаряжением принадлежали, скорее всего, профессиональным военным: дружинникам и знати. Топоры (часто универсальных типов) вместе с метательным вооружением и конским набором использовались остальным войском, которое состояло в то время из народного ополчения, что, конечно, не исключает применения ими спорадически копий и даже сабель. Все эти данные говорят о начавшемся процессе дифференциации болгарского войска, который

в ту пору происходил также в Хазарском каганате, у венгров эпохи Арпадов и в Киевской Руси.

На рубеже IX–X вв. намечаются качественные изменения в истории болгарского общества. Идет бурный процесс становления единого государства и его институтов, что не могло не отражаться на военном деле, которое приобретает все более определенно черты дружинной системы. Ведущим комплексом вооружения становится снаряжение воина-профессионала, который в то пору составлял основу болгарской армии, ее ударную силу. Арабские историки Ибн Русте и Гардизи отмечали, что болгарские воины «ездят верхом, носят кольчуги и имеют полное вооружение» (Хвольсон, 1869, с. 24; Заходер, 1967, с. 32). Набор дружинного оружия наиболее четко выделяется из основной массы вооружения, что связано не только с его специфичностью (он включал практически все виды оружия: сабли, мечи, пики, чеканы, булавы, кольчуги и металлические доспехи), но и со сравнительной многочисленностью среди находок средств ведения боя (более 74 из 152 предметов оружия X–XI вв.).

В этом комплексе в X–XI вв. важную роль играли традиционные виды оружия: сабли, копья и боевые топоры, которые изменялись под воздействием условий боевой практики. Развиваются сабельные перекрестья, как изогнутые с шарообразными утолщениями на концах, так и прямые, ромбовидные в плане. Сабельные клинки, по сравнению с предшествующими, удлиняются, становятся уже и приобретают больший изгиб. Среди копий выделяются вытянутые и широкие удлиненно-треугольные формы, а также пики. Боевые топоры пополняются новыми типами, среди которых все большую популярность получают формы с округлыми щековицами и небольшим подчетыреугольным обушком. Сложные луки со срединными боковыми накладками сменяются луками с концевыми (реже, видимо, вместе с боковыми срединными) накладками.

Одновременно идет модификация традиционного набора вооружения и снаряжения дружинника. Он обогащается видами и типами оружия, которые до X в. были мало распространены: косяные и металлические грушевидные кистени, бронзовые булавы с большими четырехгранными шипами и защитное снаряжение, особенно показательно расширение применения пластинчатого доспеха, кольчуг и шлемов. Изменения коснулись и конского снаряжения, среди которого необходимо выделить новые типы удила («крыльчатые» с псалиями с одинарной петлей грызла, кольчатые без перегиба), а также шпоры и ледоходные шипы.

Особый интерес вызывает появление в Болгарии X в. комплекса вооружения западного проис-

хождения, который включает каролингские мечи и их фурнитуру, круглые щиты с полушаровидными умбонами, удлиненно-треугольные копья и шпоры. Эти виды оружия демонстрируют распространение у болгар общеевропейских средств вооруженной борьбы. Предпосылки появления западного облика оружия у болгар связаны как с функционированием Волжско-Балтийского торгового пути и укреплением связей Болгарии со странами циркумбалтийского региона, так и с внутренними социальными причинами. Более сложен вопрос о механизме включения в болгарский арсенал оружия западного облика. Начальный этап его связан, скорее всего, с вхождением в болгарскую дружину полиэтничного по происхождению слоя русов, частью славяно-финского, частью скандинавского происхождения. Одну из групп этих русов отметил в своих записках Ибн Фадлан. Судя по источникам, наемные дружины сосредоточивались в ставках князей в городах, где вырабатывалась синкретичная дружинная культура. Постепенно они ассимилировались и интегрировались в состав господствующего класса (об этом может свидетельствовать Балымерское курганное погребение, которое демонстрирует явные черты смешения элементов культур русов и болгар).

Таким образом, можно отметить, что набор оружия у болгарского дружинника X–XI вв. включал как традиционные, так и заимствованные средства борьбы, был достаточно однороден и ограничен определенным минимумом оружия и снаряжения (учитывая отсутствие скандинавских ланцетовидных копий и русских форм секир). Такая избирательность в заимствованиях, при совершенствовании своих видов оружия, говорит об определенной самостоятельности и самобытности болгарской дружины.

Особенностью развития снаряжения всадника является соединение двух видов управления конем и соответствующей посадки в седле: «восточной» – с помощью плети (всего известно около 50 наконечников) и «западной» – шпор. Хотя последний не был, очевидно, широко распространен, но он демонстрирует влияние различных культурных центров и внедрение в болгарское военное дело новшеств, связанных с общеевропейской системой ведения боя. Все это подтверждает определенный характер заимствования новых элементов вооружения, обусловленный эволюцией социальной структуры и военной организации болгарского общества.

Ведущее положение в военной организации Волжской Болгарии в XII–XIII вв. продолжает сохранять конная дружина. В этот период полностью изменился облик комплекса профессионального вооружения, который становится более совершен-

Рис. 29. Рисунок болгарского воина на серебряном блюде. X–XI вв. Зауралье (из фондов Гос. Эрмитажа).

ным и специализированным. Среди рубяще-колющего оружия основную роль продолжали играть сабли, длина и кривизна клинка которых увеличилась, а среди перекрестий начинают преобладать формы с хорошими защитными качествами. Мечи, как и раньше, не получают широкого распространения у болгар, хотя именно тогда появляются мечи романского типа, более приспособленные к конному бою.

Важное значение у копий приобретают специализированные наконечники. Явно заметна тенденция сделать их более эффективными: прогрессирует длина пера и происходит его сужение, часть копий приобретает вытянутую клиновидную форму, что свидетельствует об определенной унификации типов копий, связанных с вооружением всадника. Постепенно выделяются граненые пики и узколезвийные удлиненно-треугольные копья, получившие явное преобладание над другими формами. Известны топорики-чеканы с узким клиновидным лезвием и парадные орнаментированные топорики. Если модификация первых связана с желанием увеличить эффективность удара, то вторые больше служили, видимо, знаками отличия, показателем социального ранга владельца. Достигли расцвета такие специфичные средства кавалерийской борьбы как булавы и кистени. Достаточно сказать, что к началу XIII вв. появилось семь новых форм булав и шесть – кистеней, среди них такие совершенные для того времени формы, как булавы со срезанными углами, булавы-клевецы, шестоперы, сложнофигурные с выступами и шипами литые булавы, а также кистени грушевидные с шипами, многогранные, уплощенные с

орнаментом и кубические с выступами в виде половинок шариков на углах и сторонах.

Еще более заметен прогресс в совершенствовании защитного вооружения. Кроме кольчуг, ламеллярных пластинчатых и кожаных доспехов в предмонгольское время распространяются также качественно новые типы снаряжения: чешуйчатый панцирь и кольчуги с плоскими кольцами. Одновременно в арсенале у болгар появляются, по всей видимости, выпуклые круглые и миндалевидные щиты. Боевое наголовье также приобретает новый облик: не позднее XIII в. оно снабжается наносником. Тогда же начинает использоваться новый тип защиты головы – сфероконический шлем с маской-забралом.

Серьезные перемены затронули и конское снаряжение. Распространение, как и на Руси, получают арочные, кольцевидные и трапециевидные стремена, возрастает разнообразие удил, изменяется характер уздечного убора, который украшается по центральноазиатской моде. Встречается своеобразный тип шпор с подвижным зубчатым колесиком.

Ясно, что в предмонгольский период сформировался принципиально новый комплекс боевых средств. Наиболее выделяются формы оружия и амуниции, показательные для набора рыцарского оружия: пики, мечи, булавы, чешуйчатый доспех, шлем с маской-забралом, шпоры и трапециевидные стремена. Такой комплекс мог сложиться только в условиях боевой практики, когда исход боя решался в столкновении тяжеловооруженных воинов, применявших таранный удар копьём. Само сражение стало многоактным, причем возросло значение маневренных, скоротечных схваток с использованием средств с высокой проникающей способностью. Вместе с тем наличие сабель, сложных луков, кольчуг, круглых щитов и плетей для управления конем говорит о мобильности дружины, ее способности вести стремительные схватки с кочевнической конницей.

Несомненно, что передовые общеевропейские средства борьбы были доступны лишь части дружинников, о чем говорит и редкость находок более совершенного оружия и снаряжения, но именно эта часть войска господствовала на полях сражений предмонгольского периода и могла противостоять русским дружинам. Вместе с тем, сравнивая этот набор с подобным же в Древней Руси, можно определить, что он был несколько легче. Дело, видимо, не только в меньшем количестве находок с территории Болгарии (на Руси их тоже сравнительно немного), а в том, что болгары не стремились увеличивать мощь ударного и защитного вооружения выше определенного уровня. Анализ дружинного снаряжения показывает, что оно был

достаточно усилено, чтобы противостоять тяжело-вооруженным дружинам, и облегчено, чтобы бороться с маневренной степной кавалерией.

Именно эти воины-копейщики составляли ядро войска и мощью своего таранного удара решали исход сражения. Заметная роль в боевых действиях болгарской конной дружины была подчеркнута авторами рассказов русских летописей, которые неоднократно упоминали о ней под 1164, 1183, 1220 гг.: «...князь их едва утече с малой дружиною», «...болгары со князем своим на конях» (ПСРЛ, I, стб. 352, 444, 445; II, стб. 625, 626). Эти феодальные дружины на поле боя действовали сплоченными массами и были в состоянии гибко реагировать на меняющуюся боевую обстановку. Именно такие дружинные отряды можно назвать рыцарскими, учитывая при этом их восточноевропейскую специфику. Конечно, эти контингенты не были многочисленными, но значение их в бою намного превосходило весь остальной состав войска, делало их ведущей силой болгарской армии, определяющей развитие всего военного дела.

Если набор оружия болгарской конной дружины выделяется в целом довольно отчетливо, то другие контингенты войска вычленив труднее. Нет сомнений, что основную часть войска составляли воины, которые имели лишь некоторые виды оружия ближнего боя и защитного снаряжения. Очевидно, оно включало весь набор массового вооружения в различных сочетаниях, среди которого определяющим было метательное оружие. Отличие дружинного набора от оружия ополчения было в том, что рядовые воины не применяли какие-то боевые средства, а систематически употребляли клинковое оружие и регулярно использовали металлическое защитное снаряжение. Другой особенностью, отличающей вооружение основной части войска от специализированного дружинного, была его большая универсальность.

В целом арсенал боевых средств легковооруженных всадников и пехотинцев включал лук и стрелы, боевой нож, боевой топор, возможно, копье, кистень, щит, а доспех состоял, скорее всего, из кожаного панциря и шлема. В пределах этого набора вооружения, видимо, могли быть некоторые различия, обусловленные сложным социальным составом (свободные общинники, горожане и воины, снаряжаемые за счет феодала и т. д.), которые пока трудно уловить.

Легковооруженные отряды всадников у болгар, как уже отмечалось, существовали с IX–X вв., а в XII в. их участие в боевых действиях зафиксировали древнерусские источники (ПСРЛ, XV, стб. 330). Вполне возможно, что в этот период возрастает их значение на поле боя, чему в немалой степени способствовало распространение

у болгар сложных луков с концевыми, срединными, боковыми, а также со срединной фронтальной накладками. Вместе с луками увеличивается разнообразие наконечников стрел, особенно бронебойных типов, что явно усилило стрелковую мощь легковооруженной конницы. В бою она выполняла вспомогательные функции (завязка сражения, преследование и т. д.), а к концу XII в., как можно предположить, постепенно стала выделяться в самостоятельные единицы, которые действовали на коммуникациях противника, вели «разведку боем» и т. д. Особая роль отводилась этим воинам при столкновениях с кочевниками. В таком бою они, очевидно, могли сами решить исход сражения, имея поддержку дружины.

В эпоху, когда «царицей на полях сражений» являлась кавалерия, пехоте досталась роль вспомогательной силы. С того самого момента, как варварская конница пришла на смену римским легионам, и вплоть до позднего Средневековья были единичные случаи, когда стойкая пехота могла противостоять рыцарской кавалерии. Военная история Восточной Европы доказывает это с той же регулярностью и неумолимостью, как и западноевропейская. Как правило, строй пехоты играл пассивную роль живого «щита». Как правило, пехота была ополчением простых сельчан или подвластных племен и выполняла вспомогательные функции.

Подобная ситуация существовала, очевидно, в Болгарии в X в. Формирования эти набирались из земледельческих общин, составлявших пехотные отряды. Однако в X–XI в. они не имели большого, определяющего значения в сражении. Не случайно, что их практически не фиксируют письменные источники. Данные археологии позволяют расширить наши представления о вооружении этих воинов, которое включало древковое оружие: черешковые сулицы, асимметрично-ромбические, листовидные и широкие удлиненно-треугольные копья, а также универсальные секиры «малых форм», подражавшие рабочим типам. Некоторые из видов пехотного оружия попали в арсенал болгар благодаря военно-политическим контактам с соседними финно-угорскими народами (особенно это касается двушипных дротиков и асимметрично-ромбических копий), что отражает, очевидно, стремление болгар выработать свой набор пехотного оружия, осваивая опыт соседей, а также вхождение местных племен в состав Волжской Болгарии.

Во второй половине XII в. заметно изменился набор пехотного снаряжения. Он включал широкие удлиненно-треугольные, удлиненно-листовидные и лавролистные копья, топоры с клиновидным лезвием и оттянутым с выемкой лезвием

и небольшим обухом, а также походно-боевые секиры, подобные рабочим типам. Кроме того, болгарская пехота имела метательное и защитное вооружение.

В связи с распространением метательной артиллерии и арбалетов особенно увеличилась в конце XII – начале XIII вв. роль оружия дистанционного боя. Преобразование пехотного оружия в предмонгольское время не случайно. Оно отражает общий подъем значения пеших ратей. Некоторые отдельные факты заставляют думать, что такие виды оружия как рогатины, сулицы, некоторые типы топоров и миндалевидные щиты могли принадлежать пехотинцам с более разнообразным, специальным снаряжением. Не исключено, что иногда во время боя спешивалась и конная дружина.

Описывая военные столкновения с болгарями во второй половине XII – начале XIII вв., русские летописцы начинают фиксировать участие в боевых действиях болгарской пехоты. Показательно также довольно частое изображение пеших болгар на миниатюрах Радзивиловской летописи. Особенно заметную роль пехота играла при обороне городов, что ярко проявилось при осаде Биляра русской армией в 1183 г., когда болгарские «пешцы... вышедше из града учинили себе твердь

оплотом» (ПСРЛ, I, стб. 390; II, стб. 626; XV, стб. 268). Все более активно принимает она участие в полевых сражениях, например, в 1220 г. болгары выступили навстречу русской армии «...ови на коних, а друзии пеши» (ПСРЛ, I, стб. 444, 445). Пехота использовалась также при действиях на реках, в качестве судовой рати (ПСРЛ, I, стб. 390; II, стб. 626).

Болгарское вооружение и военное дело прошло значительный путь развития. Особенно заметные и глубокие изменения военного дела произошли в XII в., чему способствовали изменения в комплексе вооружения (появление специализированного рыцарского вооружения и универсализация «массового» оружия), которые привели к расчленению внутренней структуры боевых порядков. В этот период в полевом бою широко использовались маневры, засады, ложные отступления и внезапные атаки, которые подкреплялись стойкой обороной и интенсивными ударами в открытом бою. Именно это не раз приносило болгарам победы в борьбе с разными противниками. Заслугой болгарской военной мысли является выработка своей собственной тактики активной обороны, применение которой отвечало условиям их боевой практики и демонстрировало высокий уровень боевого мастерства.

ГЛАВА 8

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ

МУСУЛЬМАНСКИЕ НЕКРОПОЛИ И ПРОБЛЕМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСЛАМА В ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ

Особый цивилизационный облик средневековой Болгарии придавало распространение в регионе ислама, который влиял на все стороны жизни населения страны и окружающего региона. Сам этот факт не подвергается серьезным сомнениям, но характер и главное – интенсивность проникновения ислама во все сферы жизни средневекового населения Среднего Поволжья искажается или игнорируется. В этой связи возникают серьезные вопросы о возможности системного анализа данных археологии для изучения особенностей распространения религии в средневековом обществе, о соотношении разных традиционных и религиозных элементов в культуре, а также методике комплексного сопоставления данных археологии и сведений о региональной конкретике религиозной жизни и законодательской практике в определенном регионе (опыт подобного анализа см.: Измаилов, 2002а; 2008; 2009).

Исследователи по-разному указывали начало распространения ислама в Волго-Уралье, определяя его в пределах VIII–X вв. Представляется, что без новых достоверных источников говорить о точном сроке появления ислама в Болгарии можно лишь гипотетически. Ясно, что с началом установления регулярных торгово-экономических контактов со странами Востока (с конца VII в.) и возникновением магистрального Волго-Балтийского пути с особой инфраструктурой и зоной его влияния связи с мусульманами укрепляются и становятся регулярными. К VIII–IX вв., вероятно, относится появление первых проповедников и начальный этап знакомства с исламом, возможно, возникают первые общины мусульман.

Несомненно, что распространение ислама среди болгар связано с процессами консолидации различных племен под эгидой болгар во главе с Шилки и особенно его сыном Алмышем. Важнейшим политическим мотивом этого было стремление добиться независимости от Хазарского каганата. Алмыш, как, очевидно, и другие вожди тюрко-угорских племен Волго-Уралья, находились в вассальной зависимости от кагана хазар и платили ему дань мехами, а сын Алмыша находился заложником в Итиле. Намередаясь противо-

стоять хазарам, Алмыш стремился консолидировать средневожские племена под своей властью.

Однако по мере подчинения племен правящий клан болгар столкнулся с проблемой не только военно-политического, но и идеологического объединения различных племен и родов, имевших свои племенные культы и верования, ислам не был востребован элитой болгар. Создание надплеменного этнополитического объединения потребовало утверждения унифицированной и интегрирующей религиозной системы, не имеющей корней в местной среде. Такую веру могли дать только одна из мировых религий.

Имеющиеся у нас факты свидетельствуют, что процессы становления Болгарского государства стали особенно активно протекать в конце IX – начале X вв., поэтому распространение ислама следует относить именно к этому времени. Не случайно первые археологические следы ислама прослеживаются еще в языческих погребениях второй половины IX в. Танкеевского могильника, где обнаружены перстни с арабскими надписями, знаменая, очевидно, начальный этап проникновения ислама в среду болгарских племен (Казаков, 1985, с. 178–182; 1992).

Но почему из всех мировых религий в Поволжье распространился именно ислам? Ответ довольно прост: ни христианство, ни иудаизм не могли быть привлекательны для болгар, поскольку ближайшая тогда христианская держава – Византия находилась в союзе с Хазарией и не оказывала сколько-нибудь активное влияние на Поволжский регион, а против иудейской Хазарии болгары собирались вести борьбу.

Особую роль в выборе веры сыграли активные торгово-экономические контакты Поволжья со странами Средней Азии – Хорезмом и державой Саманидов. Благодаря прямому торговому пути в Среднее Поволжье мусульманские купцы получили доступ к северным товарам в обход Хазарии. Одним из ярких свидетельств этого являются многочисленные клады арабских дирхемов, которые в Болгарии известны с 840-х годов (Янин, 1956; Noonan, 1981. р. 47–117; Мельникова, Никитин, Фомин, 1982, с. 26–47), а с конца IX в. основную

часть монетного потока составляют саманидские дирхемы.

Плавное развитие болгарского общества и медленное проникновение в него ислама в IX–X вв. привело к возникновению государственности и принятию мусульманства Алмышем и частью знати. Кратким и в достаточной мере искаженным свидетельством этого служит упоминание в одном из своих сочинений арабского купца и дипломата из Андалусии (Испания) Абу Хамида ал-Гарнати. Он приводит рассказ о начале Болгарского государства и первых его правителях. Следует подчеркнуть, что ал-Гарнати передает не просто услышанную им легенду, а пересказывает довольно близко к первоначальному тексту отрывок из прочитанной им в книге «История Болгарии» болгарского столичного кади Йакуба ибн-Нугмана, то есть вполне официальную историографическую традицию. «А смысл слова болгар», – пишет андалусский путешественник, – «ученый человек». Дело в том, что один человек из мусульманских купцов приехал к нам из Бухары, а был он факихом, хорошо знавшим медицину». Далее он рассказывает о болезни эмира/царя болгар и его жены, их излечении этим факихом и о принятии болгарами ислама. Принятие ислама вызвало гнев царя хазар, который пошел на болгар войной, но был разбит с помощью «больших мужей на серых конях» («войска Аллаха, великого и славного», как сообщает источник ал-Гарнати») (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, 1971, с. 31). Это, скорее всего, не первая версия этого сюжета, но единственная аутентичная, сохранившаяся в письменных источниках. Основная канва этого своеобразного «введения» в болгарскую историю состоит в том, что болгары приняли ислам в период существования Хазарского каганата (до начала 980-х гг.) и значительную роль в этом сыграли проповедники из государства Саманидов.

Точная дата принятия ислама Алмышем неизвестна, но достаточно уверенно можно отнести это событие к первому десятилетию X в. Так, Ибн Русте, который, по мнению большинства ориенталистов, творил именно в это время, сообщал, что «царь Болгар, Алмуш по имени, исповедует ислам», а «большая часть их [болгар] исповедует ислам и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами» (Хвольсон, 1869, с. 22–23). Прямо о том, что болгары-мусульмане действовали против русов, совершивших в 912/913 гг. рейд в прикаспийские провинции Саманидов, писал ал-Масуди (Гаркави, 1870, с. 131–133) Сведения о том, что правитель болгар – мусульманин, сообщает и Ибн Фадлан, хотя старается этот факт завуалировать в стремлении выпятить свою роль в исламизации болгар и их «малика». Тем не ме-

нее этот арабский автор, побывавший на Средней Волге, пишет, что в 921 г. в Багдад прибыло посольство к халифу с письмом от «ал-Хасана сына Балтавара, царя славян (сакалиба – *И.И.*)» (Ковалевский, 1956), что означает, что правитель болгар (эльтебер и сын эльтебера) Алмыш подписывался мусульманским именем «ал-Хасан» и, очевидно, был мусульманином. В составе посольства находились один из приближенных Алмыша, также мусульманин, – Абдаллах Ибн Башту ал-Хазари. Ибн Фадлан описывает также общину «домочадцев» под именем баранджар «в количестве пяти тысяч душ женщин и мужчин, уже принявших ислам... Для них построили мечеть из дерева, в которой они молятся» (Ковалевский, 1956, с. 138). Таким образом, можно уверенно говорить, что уже в 910–920-е годы среди болгар были значительные общины мусульман, причем и болгарская знать во главе с Алмышем, приняла новую веру.

Важнейшим событием, знаменовавшим утверждение ислама в Болгарии, стал обмен посольствами между Алмышем и багдадским халифом ал-Муктадиром. Политическая история этих контактов, а также перипетии путешествия посольства от Багдада до берегов Волги довольно хорошо изучены (Ковалевский, 1951, с. 189–214; Новосельцев, 1990, с. 197–199).

В данном случае важно отметить, что, несмотря на некоторые замечания Ибн Фадлана, ислам был достаточно значительно распространен в Поволжье и в смысле распространения веры посольство успеха не имело, как и расчеты болгарского правителя найти в лице халифа влиятельного союзника в борьбе и с Хазарией. Однако посольство сыграло определяющую роль в дипломатическом признании Болгарии как мусульманской страны, дало мощный импульс распространению ислама в среде болгар и открыло для цивилизованного мира огромную страну, раздвинуло мусульманскую ойкумену до Средней Волги. С тех пор восточные дипломаты и историки стали пристальнее всматриваться в политические процессы в бурлящей Восточной Европе, где появилось самое северное исламское государство – единственный и естественный союзник для любой восточной страны, имеющей интересы в Поволжье, и надежный торговый партнер для всех купцов, торгующих северными товарами. Со времени Ибн Фадлана ни одно географическое сочинение уже не обходилось без упоминания болгар. Их описания вошли в традицию и сведения о них переписывались, дополнялись и изменялись, особенно после того, как Болгария окрепла и стала мощным средневековым государством. Развивались и крепились ее связи со странами ислама. Закреплены они были во время приезда сына Алмыша, совершавшего хадж в Баг-

дад к халифу ал-Муктадиру (908–932 гг.), когда он преподнес халифу знамя, савад и деньги (Новосельцев, 1990, с. 199).

В конце X – начале XI вв. Волжская Болгария стала средневековым государством, страной «классического ислама», что резко изменило цивилизационную и конфессиональную ситуацию в регионе, определив на многие века культурное, религиозное и этническое своеобразие Волго-Уралья.

Ислам и археология средневековой Болгарии.

Не противоречат письменным источникам, наоборот, дополняют и расширяют наши представления данные археологии.

Рассмотрение всего комплекса болгарских материалов позволило выявить данные, которые позволяют внести определенность в понимание реального соотношения археологических материалов и данных письменных источников, изучить религиозные представления болгар по археологическим данным. В первую очередь это касается предметов и остатков, характеризующих исламскую субкультуру. Среди нее есть предметы, связанные с исламскими странами Средней Азии, Ближнего и Переднего Востока (металлическая посуда с арабграфическими надписями, замки в форме львов и лошадей, поясные накладки, украшения и т. д.) (Мухаметшин, Хакимянов, 1996, с. 128–157, рис. 43, 44, 73, 78, 79). Из коллекций находок с территории Болгарии происходят как предметы исламского культа – футляры для хранения молитв (*тумар*), так и бытовые предметы с арабскими надписями (зеркала, перстни, фрагменты сосудов, в том числе и религиозного содержания) (Юсупов, 1960, с. 44–46; Казаков, 1985, с. 178–185; 1991, с. 128–157, рис. 50: 1–7; Полякова, 1996, с. 176–179, рис. 61: 11–29).

Все эти находки не позволяют сделать однозначный вывод о мусульманстве людей, которые их использовали, в силу широкой распространенности данных предметов в Восточной Европе. Тем не менее направленность торговых и культурных контактов более выразительна на «негативном» фоне: в том, какие предметы и находки отсутствуют или единичны: христианские культовые предметы (Полубояринова, 1993, с. 73–78) и находки византийского происхождения (Измайлов, 1992, с. 102–113, рис. 1: 3–4). Иными словами, сами по себе они могут свидетельствовать о давних и устойчивых связях болгар с восточными странами, показывают культурный ареал, чьи культурные достижения и художественные изделия являлись более предпочтительными, чем другие.

Многолетние археологические раскопки болгарских памятников позволили выявить и более весомые доказательства распространения ислама

в болгарских городах не на уровне бытовых предметов, но на уровне социальной топографии.

Уникальным свидетельством распространения ислама в городах болгар следует признать открытие единственной в домонгольской Болгарии деревянной и белокаменной мечети на Билярском городище (Халиков, Шарифуллин, 1979, с. 21–45). Особое внимание комплекс мечети привлекает своими размерами (деревянная – 44–48×30 м и белокаменная – 42×26 м), которые были характерны для больших городских храмовых построек, поскольку обычные квартальные мечети и церкви были гораздо меньше. Парадный характер здания подтверждают расположение в центре города, а также нахождение близ него кирпичной бани (Халиков, 1979, с. 11–20) и кладбища с уникальной для Болгарии X в. семейной усыпальницей или мавзолеем с двумя погребенными (Шарифуллин, 1984, с. 65–82). Датировка этого культового здания (не позднее середины X в.) (Халиков, 1991, с. 47–60) очерчивает время, когда ислам и его институты заняли центральное положение в структуре города и общественной жизни. Вне всякого сомнения, комплекс этих построек, имеющих явный религиозный характер, является важнейшим свидетельством не только распространения ислама в Биляре в X в., но и становления регулярных исламских институтов, включая мечети, кладбища и соответствующих служителей веры.

Кроме этих зданий с территории средневековой Болгарии X–XIII вв. известно восемь кирпичных построек: четыре – на Билярском, два – на Муромском городке (Самарская Лука), по одному на Суварском городище, городище «Хулаш» и на Красносундюковском I городище (Смирнов, 1951, с. 246–255; Халиков, 1979, с. 11–20; Семькин, 1993, с. 219–230; Хузин, 2001, с. 278–288). Очевидно, все эти здания служили банями, о чем могут свидетельствовать система водоснабжения, обогрева и тщательно оштукатуренные и покрытые орнаментальной росписью стены, что было характерно для восточных бань. Располагались они как внутри городов (Биляр, Сувар, «Хулаш», Красносундюково), так и близ городских стен (Биляр, Муромский городок), где, очевидно, являлись частью комплексов построек караван-сараев. Само наличие бань во многих городах Болгарии подчеркивает восточный характер болгарского города и городской культуры. В качестве доказательства принадлежности бань именно к исламской цивилизации достаточно сказать, что многочисленные раскопки древнерусских городов практически ни на одном из них общественных кирпичных бань не выявили.

Другим важнейшим доказательством широкого распространения ислама в Болгарии может

служить распределение костей свиньи среди археологических (остеологических) остатков из памятников Волжской Болгарии. Запрет на употребление в пищу свиного мяса является важнейшей частью сакрального культа. Возникновение этого запрета связано с древнейшими семито-арабскими представлениями и обрядовой практикой, а позднее он служил сплочению общины мусульман, связывая ее общими предписаниями и запретами (Шифман, 1984, с. 38–41). Для болгарских памятников X–XIII вв. характерно практически полное отсутствие костей свиньи (Петренко, 1976, с. 228–239; 1978, с. 124–138). Редкие исключения только подтверждают общее правило. Так, при раскопках центра Билярского городища (1974–1977 гг.) обнаружены отдельные кости свиньи, которые концентрируются близ усадьбы русского ремесленника (Хузин, 1979, с. 76, 79; Петренко, 1984, с. 66–69). Высокая статистически представительная выборка материалов и ее поразительная стерильность в отношении костей свиньи, как среди материалов городских, так и сельских поселений, учитывая факт широкого распространения свиноводства в более ранний исторический период и в соседних с Болгарией регионах, позволяет сделать вывод о повсеместном и строгом следовании болгарскими предписаний и запретов ислама.

Другие подобные запреты (употребления вина и т. д.) менее четко и менее выразительно определяются в археологическом материале, хотя можно отметить весьма незначительное количество (примерно 0,1–0,2% всего количества гончарной керамики) находок амфор и тарной посуды, в частности предназначенной для транспортировки вина (Кочкина, 1999б, с. 132–139).

Однако более четкие и наиболее убедительные доказательства широкого и повсеместного распространения ислама на территории Волжской Болгарии представляет изучение погребальных памятников Среднего Поволжья. Это не случайно может считаться *ultimo ratio* в споре о широте и всеохватности мусульманской религией населения Болгарии, поскольку само отношение к смерти является фундаментальным для каждой человеческой культуры.

Свидетельства распространения ислама среди населения Волжской Болгарии, так же как и детали представлений о смерти, которые можно почерпнуть из письменных источников, чрезвычайно доказательны и выразительны. Однако в силу отрывочности и лаконичности этих сведений только на их основании судить о представлениях средневековых болгар о смерти невозможно. Весьма существенно расширяет наши знания по этому вопросу анализ археологических материалов. Изучение средневековых погребальных об-

рядов позволяет изучить характер представлений о смерти в наиболее концентрированном виде, но только при учете комплексного их анализа и адекватной интерпретации (Измайлов, 2008, с. 4–41).

Болгарские могильники как археологический источник были скрупулезно и всесторонне проанализированы Е.А. Халиковой, что позволяет опираться на ее выводы по этой проблеме. Мусульманский погребальный обряд населения Болгарии X–XIII вв., по ее данным, можно реконструировать так: глубина могильной ямы до 1 м, могильная камера без ляхда, стенки ямы отвесные или с небольшим наклоном, иногда на дне ямы фиксировался подбой, погребенный был ориентирован головой на запад, запад – северо-запад или запад – юго-запад, иногда умерший хоронился в гробу или деревянном ящике с перекрытием; умерший, как правило, клался в могилу с некоторым поворотом туловища на правый бок, лицом обращенным в сторону Мекки (редко на спине и лицом вверх), руки умершего лежали: правая вдоль тела, левая сдвинута на таз (реже обе вытянуты вдоль тела или полусогнуты), ноги чаще вытянуты (реже согнуты, полусогнуты или одна из них полусогнута). Вещи в погребениях, как правило, отсутствуют, хотя иногда встречаются, но не как элемент одежды, а, очевидно, как поминальный дар (Халикова, 1986, с. 43–132).

По данным Е.А. Халиковой, данный «классический» обряд выработался не сразу, а в течение определенного времени, но и после его становления встречаются определенные вариации этого канона. Она сделала вывод о начале распространения ислама в Болгарии в конце IX – начале X вв., о полной и окончательной победе мусульманской погребальной обрядности в среде горожан в первой половине X в., а в отдельных регионах во второй половине XI в. При этом автором особо подчеркивалось, что с рубежа X–XI вв. языческие могильники на территории Болгарии уже не известны (Халикова, 1986, с. 137–152). Выводы эти в основном выдержали испытание временем и сейчас можно сказать, что расширение источниковедческой базы по материалам болгарских мусульманских могильников лишь подтверждает основные положения работ исследователя.

Изучив значительную группу болгарских мусульманских некрополей Волжской Болгарии, Е.А. Халикова пришла к выводу, что практически только два из обрядов джаназы могут быть сопоставлены с археологическим материалом: выполнение ритуала кыблы, дабы увидеть приход судного дня и восстать из мертвых, и запрет на помещение в могилу вещей, поскольку во время страшного суда ничто не должно тяготить человека и напоминать о мирской жизни – ни одежда,

ни вещи, ни помыслы, – и поэтому имеют особое, определяющее значение для выделения мусульманских погребений и даже характеристики степени исламизации населения (Халикова, 1986, с. 44–49).

Представляется, однако, что эти элементы погребальной обрядности имели разный вес в системе джаназы. Первый действительно является определяющим элементом, что, впрочем, не исключает некоторых отклонений от канона как естественного, вызванного особенностями археологизации погребенного (нарушения положения костяка, изменение поворота головы или невозможности в силу разных обстоятельств придать телу каноническую ориентацию, например, когда тело закочено без соответствующего обряда, и т. д.), так и обрядового (дань традиции, местные вариации канона и т. д.). Второй же пункт представляется неверным по самой постановке вопроса, поскольку категорического запрета на положение вещей в могилу нет ни в хадисах, ни в шариате, ни в поздних установлениях и трактовках (Торнау, 1850, с. 67–68; Хисматуллин, Крюкова, 1997). Здесь важен не тот факт, когда был формально канонизирован запрет и был ли он установлен всегда и везде. В такой постановке вопроса адекватного ответа на него не получить. Все дело в том, что умерший мусульманин должен быть погребен в специальной одежде (или завернут в саван), что предполагает, как правило, отсутствие деталей одежды, бытовых вещей и даже украшений. Как правило, но не как категорический запрет. При этом надо учитывать, что, с точки зрения мусульман, вещи не должны быть «нечистыми» (*харам*) и не могли осквернить могилы (Торнау, 1850, с. 70–71). Кроме того, судя по характеру находок, большинство вещей попадало не как украшения или детали одежды, а как поминальные дары. При этом разные предметы могли иметь разный смысл, например, накладки на ремень и кольца из одного из погребений Билярского II могильника могли быть деталью ремня, стягивающего саван, а браслет из погребения 239 Танкеевского могильника был одет на руку погребенной (в остальном обряд был исполнен безукоризненно). Разумеется, с точки зрения «высокой» учености и официальной теологии поминальные дары или украшения являлись отступлением от канонических норм. Однако с точки зрения этих норм и предписаний и гробы, и мавзолеи, и надгробия, и поминки, – все то, что являлось или является неотъемлемой частью религиозной культуры, было «наущением дьявола и злостным суеверием», с которыми официальная религия была вынуждена считаться и вести изнурительную борьбу. Все эти обстоятельства заставляют определенно считать, что находки вещей в

погребениях, особенно на раннем этапе внедрения исламской обрядности (не только в Поволжье, но и вообще в исламской ойкумене), являются местной особенностью мусульманской джаназы, а не свидетельством «пережитков» язычества.

В настоящее время есть возможность обобщить гораздо больший материал, чем был в распоряжении Е.А. Халиковой, и сделать анализ погребальных обрядов болгар более комплексным. Всего на территории Волго-Уралья в настоящее время насчитывается более 80 грунтовых могильников, из них 52 относится к концу X–XIII вв. (Измайлов, 2002а; 2008) Мусульманские могильники располагаются практически равномерно по всей территории Волжской Болгарии. Наибольшее количество некрополей известно и изучено в Западном Закамье, где широко исследованы Спасский (Старокуйбышевский) I (40 погребений), Танкеевский (56), Измерский (50), Кожаевский (144), Донауровский (> 6), Мурзихинский I (> 9), Большетиганский II (> 20) могильники, а также городские некрополи Болгара, Суvara и Биляра (352); в Предволжье – Богдашкинский (4), Тетюшский III (62); в Предкамье – Рождественский (31) могильники. Хотя и с разной степенью интенсивности, но во всех регионах изучены как городские (Спасский, Суварский, Донауровский, Богдашкинский, Билярские) могильники, так и сельские (Танкеевский, Измерский, Кожаевский, Мурзихинский, Большетиганский, Тетюшский, Рождественский и др.) некрополи. Одновременно заметно определенное количество сомнительных погребений (т. е. зафиксированных недостаточно четко в отношении датировки или деталей обряда) в Центральном Закамье, бассейне р. Черемшан, Предволжье и Предкамье, а также отсутствие достоверных сведений о мусульманских могильниках в Посурье и Примокшанье, где находился большой куст болгарских археологических памятников, что связано, очевидно, со сложностью поиска грунтовых могильников, которые не подвергаются интенсивному разрушению или, наоборот, быстро уничтожаются под антропогенным (строительство, водохранилище) воздействием. Тем не менее большая территориально и социально-топографически разнообразная выборка позволяет сделать вывод о распространенности ислама в Волжской Болгарии в X–XIII вв. и деталях обряда.

Самые ранние погребения с отчетливо выраженным мусульманским обрядом в Волжской Болгарии зафиксированы на Билярском городище (Билярские II и III могильники). Здесь, судя по археологическим данным, они функционировали в первой половине – середине X в. (Халикова, 1976, с. 113–121; 1986, с. 68–76, 88–93). Мусульманские могильники на Билярском городище располага-

лись не только по окраинам города, но и в центре городища, где был открыт и исследован Билярский IV могильник (Халикова, 1979, с. 114–118; Шарифуллин, 1984, с. 65–82). Установить достаточно точную дату этого некрополя позволяет то, что ранняя часть его погребений была перекрыта строительным горизонтом белокаменной мечети, возведенной не позднее конца X – начала XI вв., что позволяет отнести начало функционирования этого центрального городского кладбища к первой половине – середине X в. (Хузин, 1995, с. 58, 59).

Характерными чертами обряда этих, очевидно, самых ранних из нам известных мусульманских городских некрополей являются: ориентировка головой на запад, запад – северо-запад или северо-запад (единично встречена даже юго-юго-восточная), погребенные лежали в «классической» позе с соблюдением обряда кыблы, но в ряде случаев (30–38% всех прослеженных случаев) они были погребены на спине, а иногда (в 5–10% случаев) лицом вверх, кроме обычного положения руки (правая – вдоль, левая – на тазе) (до 60–75% случаев) были или полусогнуты и сложены на груди, или вытянуты вдоль тела, в некоторых погребениях были зафиксированы вещи (3–4% случаев) (Халикова, 1986, с. 43–100).

Отсюда можно сделать вывод, что ислам начал распространяться в Болгарии в период становления сети раннегородских поселений. Сравнение слоев начального этапа истории городов с датой начала функционирования таких некрополей, как Билярские II, III и IV, показывает, что они возникли археологически одновременно. Это должно означать, что возникновение городов, городской культуры и распространение ислама в них происходило в один и тот же период времени, а горожане в подавляющем большинстве были мусульманами. Не исключено, что большие группы мусульман переселились в Среднее Поволжье в конце IX – начале X в. из Подонья, где были зафиксированы мусульманские некрополи близ оседлых поселений салтово-маяцкой культуры (Красильников, 1990, с. 28–44; Михеев, 1990, с. 45–71). Набеги печенегов, разоривших Подонье, очевидно, вызвали значительную миграцию из этого региона, составив первоначальное население болгарских городов на раннем этапе их становления, привнеся соответствующие традиции гончарства, хозяйствования и мусульманской погребальной обрядности.

Чрезвычайно выразителен в этом отношении IV Билярский могильник, представляющий собой археологические остатки центрального городского кладбища. Само место его расположения близ «святого места» у городской мечети, наличие золотой подвески в одном из погребений, наличие в его черте мавзолея (единственного пока исследо-

ванного на территории домонгольской Болгарии) – все это свидетельствует о нерядовом характере могильника. Скорее всего, оно было центральным городским кладбищем болгарской элиты (Хузин, 2001, с. 110).

Для сельской округи однозначных доказательств времени возникновения могильников практически нигде не зафиксировано. Исключение, очевидно, может составлять исследованное Е.П. Казаковым единственное погребение разрушенного Девичьегогородского I могильника, которое, вероятно, следует датировать серединой – второй половиной X в. Другие сельские некрополи, в силу особенностей топографии (в стороне от поселения) и стратиграфии (редкое перекрытие могил более поздними слоями), могут быть датированы только широким хронологическим отрезком, как правило, второй половиной X – серединой XIII вв. Несколько иначе обстояло дело с могильниками, начинавшими функционировать как языческие кладбища, а позднее под давлением логики исторического процесса, превратившимися в ортодоксальные мусульманские некрополи. Археологически изучены два таких могильника – Танкеевский и Тетюшский (Халикова, 1986, с. 36–66; Казаков, 1992, с. 87–108). Анализ погребального обряда позволяет проследить общую картину внедрения ислама в среду отдельных групп населения и выяснить механизм обращения и обрядовую практику неофитов. Первые предметы, связанные с исламом (перстень с каменной вставкой с вырезанной арабской надписью религиозного содержания), появляются в погребениях Танкеевского могильника на рубеже IX–X вв. (Казаков, 1985, с. 179–182), но отдельные погребения с явно выраженными элементами исламской обрядности (положение костяка, ориентация на Мекку, редкие вещи в погребении) начинают распространяться только во второй половине X в., причем захоронения эти были частично совершены в рядных (расположенных рядами) могилах, чересполосно с языческими. Но к рубежу X–XI вв. языческая обрядность полностью уступает место мусульманской. Переход в новую религию населения, оставившего этот могильник, занял, таким образом, исторически довольно краткий период: полное обращение заняло время жизни двух-трех поколений. Погребения на Тетюшском могильнике совершались не такой длительной отрезком времени, как на Танкеевском, но и они демонстрируют, что первые мусульманские захоронения были совершены еще на языческом кладбище во второй половине X в., а к началу XI в. исламский обряд полностью вытесняет языческий (Халикова, 1986, с. 59–66; Казаков, Халикова, 1981, с. 21–35).

Характерными особенностями мусульманских погребений этих двух могильников является их традиционность, выразившаяся в определенном сходстве языческих и ранних мусульманских погребений (сравнительно большая глубина могильных ям (0,6–1 м и глубже), ориентировка умершего головой на запад (с отклонениями в секторе от северо-запада до юго-запада), положение погребенного (до 30% всех прослеженных случаев), наличие вещей (до 7% всех мусульманских погребений)). Вместе с тем значительная группа захоронений следует требованиям новой обрядности выполнения кыблы: положение умершего головой на запад, лицом к югу (к Мекке), тело чуть повернуто на правый бок (около 63% всех случаев), руки вытянуты (47%) или правая – вдоль тела, а левая – на тазе (43%), ноги вытянуты (70%) (Халикова, 1986, с. 54–59, 82).

Сравнивая даты мусульманских погребений из этих могильников с установленным временем совершения мусульманских захоронений в городских некрополях Болгарии, нельзя не прийти к выводу об их большей традиционности и консервативности. Поскольку, судя по археологическим данным, ислам уже ко второй половине X в. был сравнительно широко распространен в городах и даже сельской округе, то, очевидно, что население, оставившее Танкеевский и Тетюшский могильники, находилось на периферии социально-политической и этнокультурной жизни болгарского общества.

Одно обстоятельство истории этих могильников вызывает особый интерес. В них довольно много разграбленных языческих погребений (особенно велико их число в Танкеевском могильнике, где из 1171 погребения полностью или частично разрушено 691) (Казаков, 1992, с. 89). Хотя Е.А. Халикова не склонна была связывать «это явление» с ритуальными действиями, считая, что «скорее всего, здесь имели место давние кладоискательские раскопки, так как ценные металлические вещи обычно вынуты из могил» (Халикова, 1986, с. 37), но, во-первых, не все погребения были разграблены (иногда буквально через одно), а, во-вторых, не все вещи (даже ценные – сабля, топоры, украшения и т. д.) из могилы изымались.

Не является ли это свидетельством раскола в обществе? Предки в родовом обществе всегда считались членами общины, причем если не более значимой, то всегда почитаемой и отдельной его частью. Глубокие изменения, привнесенные в жизнь общины исламом, явно заметны в отношении к умершим. После обращения в ислам предки стали считаться язычниками, погрязшими в своем невежестве, которые должны были понести заслуженную кару. Эти соображения наталки-

вают на мысль о целенаправленном, ритуальном уничтожении, «вторичном умерщвлении» родственников, совершаемом ради демонстративного разрыва с прошлыми поколениями единоплеменников при переходе в новую мусульманскую общину, где все мусульмане – родственники, а не мусульмане – чужие. При этом часть родственников продолжала сохранять связь со своими предками, часть вторично хоронила умерших в соответствии с нормами ислама (выполнение кыблы), а третьи – просто ритуально уничтожали их? Как бы то ни было, но определенное «запаздывание» исламизации общин, оставивших Танкеевский и Тетюшский могильники, свидетельствует о более позднем включении их в социальную структуру болгарского государства и, несомненно, этнополитическую и этнокультурную общность болгар именно как мусульман.

Свидетельством этого является доминирующий с рубежа X–XI вв. и вплоть до середины XIII в. исключительно мусульманский погребальный обряд, который зафиксирован на всех могильниках с территории Болгарии (Халикова, 1986, с. 108–133). Исламская обрядность распространилась не только вширь (мусульманские могильники, судя по нашим данным, открыты и изучены во всех регионах Болгарии), но и вглубь (мусульманский погребальный обряд болгарского населения устоялся и приобрел единообразные «канонические» формы). Действительно, на всей территории Болгарии повсеместно был установлен и утвердился довольно единообразный обряд: погребение в неглубокой (обычно до 1 м) могиле, погребенный укладывался головой на запад или запад – северо-запад, лицом на юг (на большинстве могильников до 100% всех случаев), чуть повернуто на правом боку (реже на спине), руки обычно уложены: правая вдоль тела, а левая на тазе, ноги вытянуты или полусогнуты. Умерший часто хоронился в гробу (от 40 до 50% случаев). Вещи в погребении отсутствуют, по крайней мере в отличие от X в. таких случаев с начала XI в. и до второй половины XIII в. не отмечено (Измайлов, 2008, с. 4–41).

Говоря о «классичности» и «каноничности» мусульманского погребального обряда у болгар, нельзя понимать его как заранее известный результат, к достижению которого стремились все истинно верующие. Скорее его надо понимать как процесс, как направление развития – постепенную адаптацию и сближение норм ислама с традиционными поминально-погребальными обрядами (Измайлов, 2002а, с. 60–69). На основе взаимодействия различных обрядов и практик шла выработка местных, наиболее органично отвечавших местной традиции, погребальных обрядов, норм и канонов. И, разумеется, если этому

обряду и следовали некоторые группы мусульман, находившиеся в сфере политического и культурного влияния Болгарии, например, в Нижнем Поволжье, то это не было каноном для мусульман Средней Азии или Крыма. Иными словами, болгары в течение определенного времени выработали довольно строгий канон погребальной обрядности, придерживаясь основных исламских правил и установлений, хотя это и не означало, что такой обряд должен был быть всегда и у всех мусульман Восточной Европы. Ярким свидетельством этого являются изменения, которые произошли в мусульманском погребальном обряде у болгар в период Улуса Джучи.

Следует, однако, подчеркнуть, что в случае с Волжской Болгарией произошла не просто адаптация ислама к местным нормам. Был выработан свой канон, который через определенное время был внедрен по всем мусульманским общинам, а фактически – по всей стране. Подобная система установления норм законоведческой практики была бы невозможна без ее поддержки государственной властью. Причем эти установления распространялись по всей стране, очевидно, не просто через систему мусульманских учебных заведений, а при полной поддержке всей мощи государственного аппарата и военно-служилого сословия. Это позволяет сделать вывод не только о силе и сплоченности болгарской элиты, но и о ее стремлении сплотить подданных посредством строгих религиозных норм и установлений. В этой среде возникли и развивались представления о своем «пограничном положении» как защитниках «Стены Искандера» и связи мощи и благосостояния страны со строгим следованием установлениям ислама (Измайлов, 2000, с. 99–105). В этой связи понятно, что подобные ревнители веры просто не могли бы допустить существования никакого языческого населения внутри государства и стремились бы к активному распространению ислама за пределы своей страны, о чем сообщают нам письменные источники.

Археологические материалы убедительно свидетельствуют, что на территории Болгарии не было сколько-нибудь значительного иноконфессионального населения, кроме купцов и дипломатов, а язычников не было вообще. Представления о существовании некоего массива языческого «финно-угорского» населения следует считать ошибочным, основанном на манипулировании некоторыми видами археологических находок, в первую очередь украшениями, которые, очевидно, не несли ни этнокультурной, ни конфессиональной нагрузки, а их распространение являлось результатом господствовавшей тогда своеобразной моды. Археологи-

ческие признаки болгарской мусульманской культуры выявляются довольно четко и представлены всеми категориями материала, которые можно коррелировать с данными письменных источников – система поселений с центрами в виде городищ, на части которых выявлены монументальные постройки, имеющие прямые аналогии в архитектуре исламских стран (мечети, бани), которые определяют внутреннюю топографию и структуру данных поселений; погребальные памятники, прямо указывающие на следование населением, их оставившим, мусульманским поминально-погребальным обрядам (джаназа); комплекс находок с болгарских памятников полностью совпадает с запретами, которые практикуются в исламе (т. е. в нем отсутствуют остатки, соответствующие запретам ислама). Особо следует подчеркнуть, что весь этот комплекс материалов болгарской археологической культуры резко отличается от «образа культур» окружающих народов и по структуре поселений и могильников, и по составу находок. Выявленный комплекс материалов со всей убедительностью показывает, что население Болгарии не просто следовало общим нормам исламского правоведения, но, очевидно, выработало свои гораздо более строгие каноны и правила, нежели в целом ряде мусульманских стран средневекового Востока, что выявлено в отношении пищевых запретов и поминально-погребальных обрядов. Феномен подобного жесткого и последовательного следования выработанным нормам мусульманского законоустановления в Болгарии еще предстоит полностью осмыслить (Измайлов, 2000; 2002а, 2008; Хузин, Хамидуллин, 2013) и, сопоставив с комплексным анализом письменных источников, понять, как он коррелирует со структурой болгарской элиты и самой государственностью Болгарии.

Таким образом, Болгария начала знакомится с исламом в начале – середине IX в., а в начале X в. становится средневековым государством с исламом в качестве официальной религии. Одновременно ислам проникает в самые широкие слои болгарского общества, и уже с конца X в. мусульманский погребальный обряд и другие нормы ислама (запрет на употребление в пищу свинины и т. д.) безраздельно господствуют в народной среде. Есть основания полагать, что ислам в Болгарии, учитывая ее пограничное положение на «краю исламской ойкумены», был более ортодоксальным и строгим, чем в ряде других стран ислама. На этом фоне развивалась своеобразная культура и декоративно-прикладное искусство болгар как сочетание тюркских и восточных традиций и шло формирование единой этнополитической общности.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА БОЛГАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В МАТЕРИАЛАХ АРХЕОЛОГИИ

Важными, иногда единственными источниками для изучения проблем духовной культуры населения Волжской Болгарии служат археологические материалы. Они позволяют уточнять сведения, зафиксированные в письменных, этнографических и фольклорных источниках, иногда по-новому раскрывать смысл тех или иных явлений духовной культуры. Археологические источники конкретно локализованы во времени и пространстве; в них отражается этнокультурная принадлежность рассматриваемых предметов. С помощью археологических источников мы как бы непосредственно прикасаемся к духовному миру древних.

Понятие духовная культура включает в себя самые разные виды общественного сознания. Здесь мы рассматриваем лишь те области ее, которые более полно отражены в археологических материалах домонгольской Волжской Болгарии.

Несмотря на раннее проникновение ислама в Поволжье, у болгар сохранились многочисленные пережитки политеизма. Определенный материал для изучения болгарского традиционного политеизма дает изображение мифологического «древа жизни», «мирового дерева», «небесного дерева», у татар – «яфан агачы». Гуннские, древнетюркские, хазаро-болгарские представления, связанные с Небом, Тенгри, продолжают бытовать и у волжских болгар. Мотивы «древа жизни» были одним из популярных сюжетов в болгарском изобразительном искусстве. Кроме отдельных изображений встречаются каменные шаблоны для его массовой отливки. На последних простая форма «мирового дерева» представляется в виде попарно отходящих ветвей-листьев. Наличие дырочек говорит о том, что данный предмет носился в качестве амулета (рис. 1).

По представлению ряда народов, на ветвях такого дерева, по количеству ветвей, помещаются божества (Латынин, 1933, с. 13, 15, 17). Этим, очевидно, следует объяснять одинаковое количество ветвей на «древах жизни», изображенных на болгарских предметах. На упомянутых болгарских литейных формах, изображающих «древо жизни», обычно имеется 17 отростков, включая и верхушку. Можно предположить, что у древних болгар было 17 божеств. Вера в 17 божеств, связанных с «древом жизни», была и у алтайских тюрков. Все эти божества были созданы главным богом – Тенгре (Малов, 1951, с. 50) – верховным божеством. Очевидно, на попарно отходящих ветвях «древа» располагались божества, управлявшие противоположными явлениями, как, например, бог жизни и бог смерти, бог ночи и бог дня, бог лета и бог зимы, и другие боги, зафиксирован-

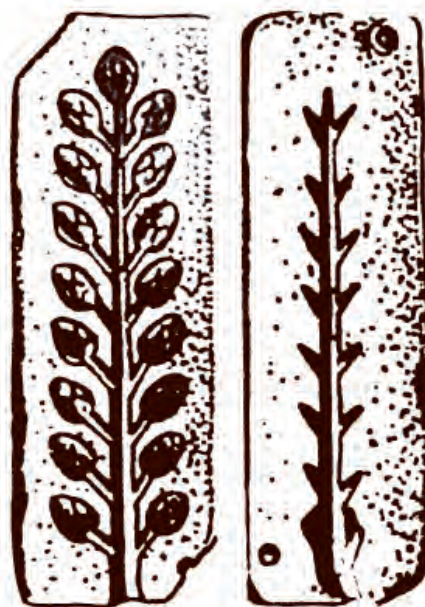

Рис. 1. Билярское городище. Каменные литейные формы с изображением «древа жизни». Из фондов НМ РТ.

ные у башкир Ибн Фадланом (Ковалевский, 1956, с. 131).

Среди болгарских археологических материалов часто встречаются плоские костяные амулеты в виде сильно стилизованного антропоморфного существа (рис. 2). По форме они напоминают лицевую поверхность стелы с надписью Кюль-Тегина. Основную часть амулета составляет прямоугольная, почти квадратная плоскость (туловище) с небольшим ступенчатым ромбовидным выступом (голова). Почти вся плоскость амулета покрыта солярным («циркульным») орнаментом, обозначающим солнце – атрибут Тенгре. Такие амулеты в области «шеи» имеют сквозные отверстия, в которые вдевались металлические кольца для подвешивания. Эти амулеты с известной долей осторожности можно считать миниатюрными изображениями Тенгре.

Подобные амулеты встречаются и среди материалов салтово-маяцкой культуры VIII–X вв. Амулет из Дмитриевского археологического комплекса (Северный Донец) сделан из плоского куска мела. На выступе амулета начерчено мужское лицо (Плетнева, 1989, с. 99).

Слово Тенгре в древнетюркских источниках часто встречается с эпитетом *Кок* (Небо). По представлению болгар, даже цвет Тенгре (голубой, белый, светлый, небесный) имел оберегающую силу. Такова смысловая нагрузка, заключенная в лазуритовых амулетах. На Востоке лазурит воспринимался как камень «вечного синего неба»

Рис. 2. Билярское городище.
Костяной амулет-подвеска. XI–XIII вв.

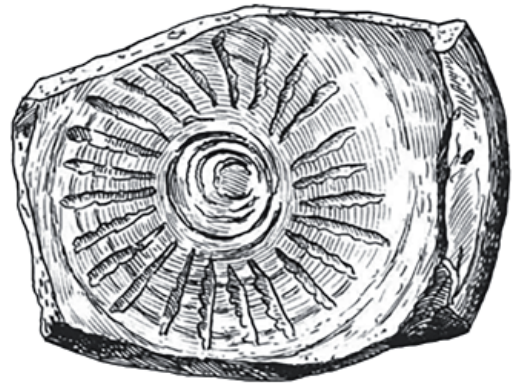

Рис. 3. Солярный орнамент на крышке
глиняного сосуда

(Путешествие в восточные страны, 1993, с. 28). Мы склонны рассматривать их как символы Тенгре (подромбовидные мужские) и Умай (подтреугольные женские) – одного из наиболее ранних женских божеств тюркского мира. Имя этого антропоморфного божества еще древние тюрки упоминали вместе с именем божества неба, воды и земли.

О довольно широком распространении культа огня в системе верований древних болгар свидетельствуют знаки на сосудах в виде креста, свастики, ромба и т. д. (Давлетшин, 2004, с. 47). Среди памятников салтово-маяцкой культуры, Дунайской и Волжской Болгарии встречаются рисунки-знаки в виде пятиконечной звезды. В.Е. Нахапетян (Флерова) отмечает, что такие знаки чаще всего встречаются на предметах, изготовленных с применением огня. Следовательно, пятиконечная звезда воспринималась как символ огня. Выявив, что такие знаки были на городских стенах и стенах домов, В.Е. Флерова делает вывод, что им как охранным знакам придавался магический смысл (Флерова, 1997, с. 52). Это еще одно подтверждение того, что огонь защищает от злых духов и от любой опасности вообще.

Болгарские надгробные камни также украшались в основном солярным орнаментом. Это восьми- и шести лепестковые розетки, вписанные в круг, или более реальное изображение – солнце с расходящимися лучами (рис. 3). В прошлом этот знак был символом бога огня, молнии, неба – Тенгре. Часто в болгарском керамическом комплексе встречаются сосуды, украшенные солярными мотивами. Это лепные крышки от больших сосудов с концентрическими кругами и отходящими от них и клонящимися в одну сторону лучами. Нетрудно

догадаться, что это символическое изображение вращающегося солнца.

Одним из распространенных мотивов орнамента болгарской керамики является волнистая линия или несколько повторяющихся волнистых линий, которые первоначально воспринимались как символы рек, морей. Олицетворением воды, очевидно, являлись у болгар и металлические зеркала. Своей круглой формой они символизировали солнце, а отражающее свойство зеркал ассоциировалось с водой. Так, еще недавно в некоторых селах казанских татар существовал обычай при постройке дома класть под фундамент зеркало, которое якобы оберегало дом от пожара (Шпилевский, 1877, с. 350). В ряде татарских сказок зеркала, брошенные на землю, превращались в озера и реки (Татар халык ижаты: экиятләр (беренче китап), 1977, 69 б.).

Е.А. Халикова отмечала, что своеобразной и очень характерной чертой погребального обряда всей языческой части Танкеевского могильника являются остатки жертвоприношений (Халикова, 1971, с. 85). Иногда в раннеболгарских захоронениях встречаются черепа и целые скелеты собак. Собака была основным жертвенным животным у салтовцев (Плетнева, 1967, с. 97) и у дунайских болгар (Халиков, 1972, с. 127). В татарской легенде об основании Казани говорится, что под первой постройкой в качестве жертвы была зарыта собака (Татар халык ижаты, 1987, 49 б.). Скелеты собак под фундаментом сооружений и валов были обнаружены на Билярском и Тигашевском городищах (Халиков, Шарифуллин, 1979, с. 27; Федоров-Давыдов, 1962, с. 49–89). Этот древний обычай – принесение в жертву животного или человека при закладке зданий, при основании городов, крепост-

Рис. 4. Схема бронзовой оболочки кистеня с изображением собаки. С. Бакырчи Тетюшского уезда Казанской губернии. Национальный музей Финляндии, инв. № 5059 (по А.Х. Халикову).

ных стен, общественных зданий и даже жилых домов – известен многим народам мира. По представлениям древних, это была жертва земле, в зависимости от вида жертвенного животного предугадывалась будущая судьба постройки (Попович, 1985, с. 51). Из отдельных археологических находок отметим многогранную бронзовую оболочку кистеня из коллекции В. Заусайлова. На кистене сохранились три медальона с изображениями. На одном – собака, сосущая грудь (рис. 4). Год Собаки, по двенадцатилетнему животному летоисчислению, считался годом изобилия и благополучия.

Если рассмотренные животные были связаны с древними тотемистическими традициями, то некоторые представители фауны Среднего Поволжья, Приуралья выступали в роли покровителей определенного промысла, занятий. В этом отношении интересны изображения совы и филина. На бронзовой пломбе из Биляра над изображениями птиц расположен филин. Другое изображение – на костяной накладке, предназначенной для защиты большого пальца от удара тетивы, – в основном повторяет первый сюжет; филина своими телами поддерживают две хищные птицы, а ниже хвоста филина угадывается отсеченная голова животного (рис. 5). Последняя деталь (пораженное животное) и изображение филина на детали лука – главного оружия болгарского охотника, возможно, говорит о филине как о покровителе охотников. Кроме того, важно и расположение филина: он сидит на двух птицах. Две хищные птицы возносят его вверх как своего царя. Действительно, в мифологии и фольклоре сова и филин обычно предстают царями лесных птиц (Татар халык ижаты, 1977, б.

Рис. 5. Билярское городище. Костяная пластина на запястье для защиты пальцев от удара тетивы. XI–XIII вв. Из коллекции А.Ф. Лихачева. Фонды НМ РТ.

108). Судя по фольклорным материалам, царского сана они удостоены благодаря своей мудрости (Давлетшин, 2021, 114–122).

Многие мифологические воззрения волжских болгар были унаследованы от древнетюркского и протоболгарского времени. С приходом болгар в Среднее Поволжье и Прикамье прежние их верования соединились и обогатились мифами местных финно-угорских племен. Большая близость и даже совпадения в деталях иных легенд, мифологических представлений народов Поволжско-Прикамско-Приуральского региона во многом являются результатом взаимовлияния. Но в то же время тюркский компонент остался преобладающим, а болгарские мифы в целом остались неотъемлемой частью тюркской мифологии.

Представления о возникновении мира отражены в характерном болгарском височном кольце с тремя нанизанными на него желудеобразными бусинами. Посередине кольца находится фигурка птицы, держащей в клюве небольшой шарик. К кольцу на цепочке подвешены три яйцевидные бусины (рис. 6). На кольце, найденном в Биляре (Хлебникова, 1963, с. 305 и сл.), яйцеобразные подвески имеются и на фигуре самой птицы. Две из них прикреплены к крыльям, одна – к хвосту

Миф о рождении мира из яйца птицы, плавающей в первичном мировом океане, является одним из наиболее распространенных космогонических сюжетов у различных народов мира, в том числе

Рис. 6. Височное кольцо.

и у тюркских народов (Шахнович, 1971, с. 146–154). Отображение этого сюжета на болгарском украшении говорит о бытовании подобной космогонической легенды и у болгар. По их представлениям, Земля, Солнце, Луна возникли из трех яиц, снесенных фантастической птицей, что отражено в трех яйцеобразных бусинах, имеющих на височном кольце.

Большой интерес представляет рисунок на темно-сером сланце из Биляра, врезанный в каменный шаблон и разделенный на две части (рис. 7). В верхней части изображены две стоящие друг против друга птицы. Ниже их прочерчены вертикальные линии, как бы поддерживающие верхнюю часть. В середине между этими вертикальными линиями находится вытянутый вдоль ромб. Он имеет в середине отверстие и заштрихован перпендикулярно пересекающимися линиями. Между вертикальными линиями ближе к центру расположен треугольник с четырьмя концентрическими линиями по обеим сторонам. Расшифровать весь сюжет данного рисунка, несомненно, космогонического характера, трудно. Возможно,

он отражает модель мира. Небесный мир олицетворен двумя птицами. Вертикальные линии являются как бы опорами мира. Космогонические представления, по которым небесный свод покоится на опорах-столбах, распространен у многих народов. Они известны и народам Поволжско-Приуральского региона (Давлетшин, 2004, с. 158).

Из вышеприведенных космогонических воззрений не трудно представить, что Земля возникает в окружении водной пучины и остается опоясанной ею. Такой смысл заложен в изображениях металлических зеркал, на которых нарисованы рыбы, опоясывающие земной круг (рис. 8). То же обозначают узоры на шестигранных щитках болгарских цельнолитых перстней. Водная полоса, окружающая земной мир, это его предел, предел своего, срединного мира и в то же время охранительный пояс от черного, чужого мира, хаоса.

Еще академик Б.Д. Греков связывал изображения зверей на болгарских предметах с годами двенадцатилетнего цикла (Греков, 1945). Эти изображения помещались на металлических зеркалах, амулетах-подвесках (например, изображения собаки, барса, дракона, зайца, барана, овцы, курицы, мыши). Их, очевидно, носили люди, рожденные в соответствующем году. Они верили в их покровительствующую и оберегающую силу. Животные двенадцатилетнего цикла изображены на бронзовых кругах-календарях идущими по порядку друг за другом. Изображение символизирует идею бесконечности времени, не имеющего ни начала, ни конца. А данный рисунок является основанием (стержень не найден) раскладного (сборного) гномона – одного из видов «солнечных часов». Вместо цифр использовали название животных, чередующиеся в 12-летнем «зверином цикле».

Руническое письмо древних тюрков продолжает существовать у болгар, поселившихся в Среднем Поволжье и в Прикамье. Но распространенная в наших краях письменность похожа на болгаро-хазарское письмо или тюркское руническое письмо северокавказского варианта. Вещи с надписями с руническим алфавитом встречаются и в местностях, отдаленных от центра страны. Например, рунический текст был найден в 1888 году на ручке чашки в местечке Глазов Вятской губернии, где в древности находилось военное укрепление Болгарского государства. Эту надпись расшифровали П. Мелиоранский и Х.Р. Курбатов (Мелиоранский 1901, с. 21–22; Курбатов 1990, с. 17). Этот текст гласит: «Кагу дэг кунча гэлүнчэй кавушу гүмүши» («Лебедеподобной княжне-невесте – серебро в честь бракосочетания»).

В 1958 г. во время археологической экспедиции под руководством А.Х. Халикова в поселке

Рис. 7. Билярское городище. Литейная форма. Сланец. XI – начало XIII в. Из фондов БГИАПМЗ, с. Билярск, Алексеевский р-н РТ.

Рис. 8. Металлическое зеркало с изображением двух плавающих рыб. Из фондов НМ РТ.

Рис. 9. Камень с рунической подписью из Юрино (Мари Эл). XI в. (по А.Р. Тенишеву).

Юрино Марийской АССР была найдена каменная плитка размером 8×12 см с рунической надписью (рис. 9). Эту надпись вначале прочитал А.Р. Тенишев (1971, с. 21–22), затем расшифровку уточнил Х.Р. Курбатов (1990, с. 15–72). На камне написано: «Күч үзэ дашум» («Против насилия – мой камень»). А.Р. Тенишев датировал камень к X–XI вв. (Тенишев, 1971, с. 21–22).

В 1967 г. В.Х. Хаковым был найден камень с рунической надписью в д. Сарабикулово Лениногорского района ТАССР. На этом камне, плотно вкопанном в землю и, возможно, выполнявшем роль пограничного столба, написано «субаш», т. е. глава войска (Хаков, 1988, с. 12–13).

В коллекциях В.И. Заусайлова из Национального музея Финляндии известны находки двух болгарских сабель XI–XII вв. с руническими надписями, на которые обратил внимание П.Н. Старостин. Они были найдены возле д. Именьково Казанской губ (совр. Лаишевский р-н РТ). По про-

чению Х.Р. Курбатова, на одной из сабель написано: «Имэнкискэ үзэ бэку алкуйш киши күчлүш Жикүгин сунуш калучу» («Боевая сабля славного бека (над) Именкискэ – человека прославленного, сильного Джикуга») (Старостин, 1988, с. 14–15).

Еще древние тюрки писали на глиняных и каменных пряслицах. Этот обычай сохраняется в течение веков, передается из поколения в поколение. Е.А. Беговатов обнаружил пряслице с надписью возле д. Мурзихано на левом берегу Камы. Надпись на нем разные ученые прочитали по-разному: Р.Г. Ахметзянов – «берке Эркең» («Подарок для Эрке»); Х.Р. Курбатов – «багуш күбэзи» («радость для зрения») (Беговатов, 1988, с. 17–19).

В 1983 г. на раскопе XXVIII во внутреннем городе Билярского городища была обнаружена зооморфная ручка трипода XII в. с рунической надписью, нанесенной острым предметом по сырой глине (рис. 10). А.Ф. Кочкина, опубликовавшая находку, пришла к выводу, что данная надпись по-

Рис. 10. Зооморфная ручка трипода с рунической надписью. XII в. Билярское городище. Раскопки Ф.Ш. Хузина, 1983 г. Инв. № Б. XXVIII/706. БГИАПМЗ, с. Билярск, Алексеевский р-н РТ.

зволяет более уверенно включить Волжскую Болгарию в ареал распространения древнетюркской рунической письменности, близкой в своей основе к северокавказскому (протоболгарскому) варианту (Кочкина, 1985, с. 75–80). По прочтению Х.Р. Курбатова, здесь написано слово «ачуткан», т. е. «посуда для закваски» (Kurbatov, 1994, s. 110). По мнению И.Л. Кызласова, эта надпись генетически связана с кубанским вариантом рунических надписей (Кызласов, 1994, с. 29).

Как видим, руника не полностью вышла из употребления даже после проникновения в Болгарию арабского алфавита. Тем не менее судьба древней письменности была уже решена. Чем глубже проникал ислам, тем решительнее руническое письмо как пережиток язычества вытеснялось из жизни болгар, и в конце концов оно осталось лишь в роли символов-меток.

Четко датированные нумизматические материалы начала X в. подтверждают сообщения письменных источников о раннем проникновении в Болгарию арабской графики. Известный нумизмат С.А. Янина отмечала высокое искусство резчиков монет, «обладающих великолепным почерком особого стиля» (Янина, 1962, с. 193).

Умение читать и писать было распространено во всех слоях болгарского населения, о чем свидетельствуют частые находки различных предметов с процарапанными надписями, а также костяных писал и глиняных и бронзовых чернильниц (рис. 11). Часто ремесленники сами пробовали украшать различными надписями свои изделия. Надписи, сделанные чеканкой или тиснением, особенно часто встречаются на изделиях ювелиров, оружейников и вообще на бытовых изделиях

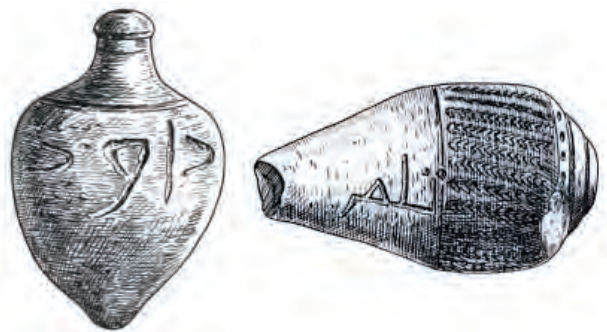

Рис. 11. Сфероконусы с прочерченными именами «Дауд» и «Тах(ж, ч)р». Из фондов Археологического музея Казанского университета.

повседневного пользования, выполненных из металла. Среди женских украшений с надписями выделяются серебряные браслеты, перстни, зеркала. На одном из перстней читается имя «Арслан». На сердоликовом камне перстня из Танкеевского могильника IX–X вв. написано слово «Бисмилла» («Во имя Аллаха»), указывающее на мусульманскую веру погребенного (Казаков, 1985, с. 181). На серебряном колечке, найденном в Биляре, написано «Аллах вечен, пусть даст мне здоровье», а на сердоликовой вставке перстня из этого же памятника читаем: «Властью (данной) богом счастлив» (Валиулина, 1999, с. 148). Вообще с древних пор перстням и надписям на них приписывали волшебную силу. В татарских сказках часто упоминаются волшебные кольца, играющие важную роль в судьбах героев.

Надписи часто встречаются на сфероконусах, в которых хранили ценные жидкости, такие, например, как ртуть, химикаты, духи, лекарства. Их владельцы, обеспечивающие сохранность содержимого, царапали на сфероконусах только им понятные знаки или имена: «Дауд», «Адам» «Ас(х)», «Абр», «Та(л)хр» и т. д. (рис. 11).

Надписи на археологических материалах выполнены в основном на арабском языке. Прекрасной иллюстрацией этому является бронзовый замок из Биляра, изготовленный мастером Абу Бакром в 1146/1147 г. с надписью (рис. 12): «Работа Абу Бакра, сына Ахмеда, постоянная слава и мирный успех, и счастье всеобъемлющее, и величие, и благосостояние (да будет) владельцу сего (замка). Летосчисление пятьсот сорок первого года» (Малов, 1922, с. 155–162).

Рис. 12. Бронзовый замок из Биляра с арабской надписью. Фонды НМ РТ.

Рис. 13. Билярское городище. «Палитра художника», чернильница, и писала. Глина, бронза, кость, железо

Болгарские письма домонгольского периода, обнаруженные до настоящего времени, немногочисленны. Но тот факт, что большинство из них выполнены ремесленниками, свидетельствует о значительном распространении элементарной грамотности среди населения. Можно сказать, что письма, зафиксированные на предметах быта, обиходных изделиях, – это лишь незначительная часть богатой письменной культуры болгар. Их даже нельзя рассматривать как материалы письма. Надписи делались на них

только с целью благожелания обладателю данного предмета, обозначения имени обладателя или производителя предмета. Материалом для письма уже в то время в основном служила бумага, о чем свидетельствуют найденные в Биляре керамические, металлические чернильницы (рис. 13).

Таким образом, археологические материалы значительно дополняют и расширяют наше представление о духовной культуре болгарского населения X–XIII вв.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ПАМЯТНИКИ ВОЛГО-УРАЛЬЯ В X–XIII ВВ.

Глава 1

Памятники Окско-Сурско-Цнинского междуречья

Глава 2

Памятники Ветлужско-Вятского междуречья

Глава 3

Памятники бассейна р.Чепца

Глава 4

Памятники Камско-Вятского междуречья.

Чумойтлинская культура

Глава 5

Памятники Среднего Предуралья XI–XIII вв.

Глава 6

Памятники Северного Приуралья в XI–XIV вв.

(бассейна Вычегды)

Глава 7

Памятники кыпчаков-половцев Южного Приуралья

Глава 8

Памятники Нижнего Поволжья

ГЛАВА 1

ПАМЯТНИКИ ОКСКО-СУРСКО-ЦНИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

В междуречье Оки, Суры и Цны во второй половине XI – первой половине XIII в. основная часть территории по-прежнему была занята племенами мордовской культуры субкультурами – мокшанской и эрзянской. Памятники этой культуры сосредоточены в бассейнах рек Теши и Мокши (правые притоки реки Оки) (рис. 1; 2). Северную окраину рассматриваемой территории в XI в. заселяли племена древней муромы, которые затем или ассимилируются славянами, или уходят на юг в мордовские земли (Голубева, 1987; Вихляев, 1997).

В бассейне Суры, на всем ее протяжении, бесспорных памятников мордвы второй половины XI – первой половины XIII в. не обнаружено. Верховья Суры в это время были заняты населением, оставившим памятники типа Золотаревского городища (Белорыбкин, 2001). Могильники этого населения пока не обнаружены, что затрудняет его этническое определение. Низовья Суры были в данное время заселены средневековыми марийцами (Никитина, 2002, рис. 64).

История изучения. Первые сообщения о памятниках средневековой мордовской культуры второй половины XI – первой половины XIII в. появились в публикациях второй половины XIX – начала XX в. Их датировки, культурное и этническое определение были сделаны гораздо позже. Вначале краеведы и археологи ограничивались описанием памятников, сбором случайных находок. Среди поселений фиксировались прежде всего городища, имевшие хорошо наблюдаемые земляные сооружения на поверхности (валы, рвы). Так, стали известны городища Жуковка I в бассейне реки Вад (левый приток р. Мокши), Саров на р. Сатис (правый приток р. Мокши), Выша I на р. Выше (правый приток р. Цны). Появились сведения о находках на территории могильников Коринского, Погибловского, Кужендеевского в бассейне р. Теши, Мордовско-Паркинского и Ефаевского в среднем течении р. Мокши и Кельгининского на р. Вад (Шитов, 2008, с. 8–14).

Первые археологические исследования могильников начались в конце XIX в. Они коснулись только одного памятника – Ефаевского могильника (А.А. Спицын, Г.И. Хейкель, В.М. Терехин)

(Шитов, 2008, с. 10–14). Затем последовал относительно долгий перерыв в изучении средневековой мордовской культуры. Исследования возобновились лишь во второй половине двадцатых годов XX в. Причем они касались, как и в предыдущее время, только погребальных памятников. Поселения не исследовались.

В двадцатые годы XX в. в бассейне Теши были раскопаны Коринский (Горюнова, 1948а) и Пгибловский (Горюнова, 1948б) могильники. Масштабные исследования в двадцатые и тридцатые годы на р. Цне были произведены П.П. Ивановым. Им были изучены Елизавет-Михайловский, Пановский и Крюково-Кужновский могильники, давшие более 900 погребений мордвы VII–XI вв., в том числе захоронения второй половины XI в. (Материалы по истории мордвы, 1952; Материальная культура, 1969). В это же время небольшие раскопки были произведены на могильниках бассейна р. Мокши Куликовском (Алихова, 1948) и Старобадиковском I (Беляев, 1988), а также продолжены исследования Ефаевского могильника (Горюнова, 1948в).

Вторая половина XX в. – время наиболее интенсивного поиска и исследования мордовских памятников второй половины XI – первой половины XIII в. В этот период были открыты и предварительно обследованы десятки мордовских поселений, хотя более или менее обширные раскопки производились на ограниченном их количестве. Так, из 25 поселений, которые можно уверенно отнести к описываемому периоду, раскопочные работы производились только на восьми. В бассейне р. Теши небольшие раскопки были произведены лишь на городище Саконь 2 (Алексеев, Беговаткин, 2006). Но благодаря разведочным поискам, в основном В.Н. Мартъянова, были открыты селища Выползово 4 и 5, Ивановские I и II, Кожино, Красная речка I, Личадеево I, Силино I, Стуклово I–III, содержавшие мордовские слои XI–XIII вв. (Николаенко, 2004).

В бассейне р. Мокши с крупными притоками Вад и Сатис были раскопаны городища Жуковка II (Вихляев, Халин, 1977; 1978) и Саров (Грибов, 2003), а также селища Новый Усад II (Акимов, Артемова, Вихляев, Зеленева, 1987, с. 58, 59), Но-

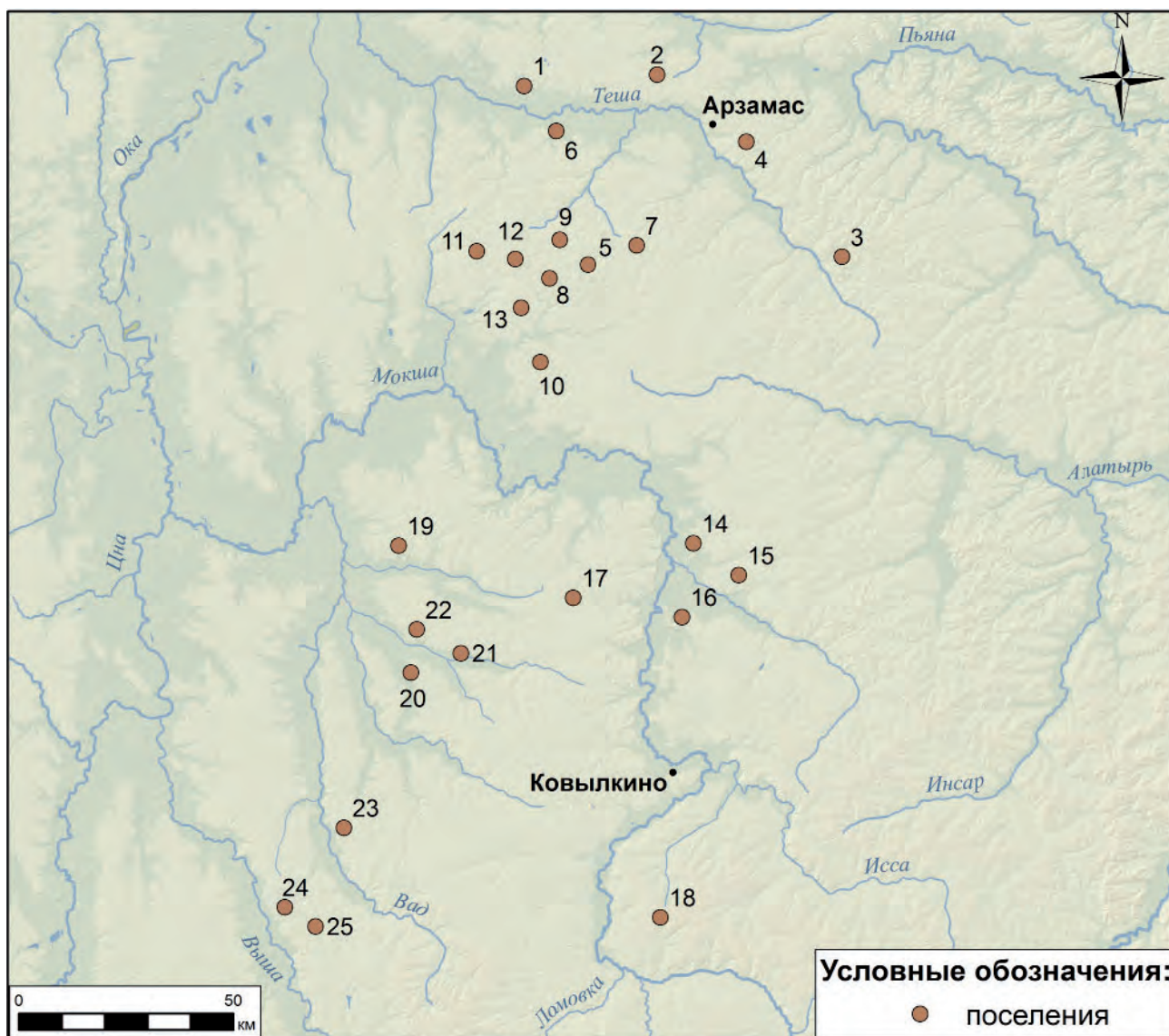

Рис. 1. Мордовские поселения Окско-Сурско-Цнинского междуречья второй половины XI – первой половины XIII в.

- 1 – Саконы 2; 2 – Красная речка I; 3 – Силино I; 4 – Кожино I; 5 – Верякуши I; 6 – Личадеево I; 7 – Выползово IV, V; 8 – Ивановское I, II; 9 – Стуклово I–III; 10 – Саров; 11 – Большое Череватово II, III; 12 – Круглые Паны II; 13 – Рузаново II; 14 – Новый Усад II, III; 15 – Новый Усад 5; 16 – Машкино VI, 10; 17 – Мордовские Парки; 18 – Красная Поляна; 19 – Степановка I, 2; 20 – Новое Четово; 21 – Старая Пичеморга; 22 – Подлесная Ивановка; 23 – Жуковка I. 1–3; 24 – Выша I; 25 – Выша III.

вый Усад III (Вихляев, Петербургский, Седышев, 2013а, с. 45–69), Новый Усад V (Аксенов, Артемова, Вихляев, Зеленева, 1987, с. 60, 61), Машкино VI (Аксенов, Артемова, Вихляев, Зеленева, 1987, с. 69, 70), Машкино 10 (Вихляев, 1981).

Разведочными экспедициями были зафиксированы мордовские слои и комплексы находок XI–XIII вв. на городищах Красная Поляна (Беговаткин, Гришаков, 1996) и Жуковка III (Гришаков, 1985) и селищах Большое Череватово II и III (Мартьянов, 1991), Новое Четово (Шитов, 1970), Мордовские Парки (Беговаткин, Вихляев, 1999), Подлесная Ивановка (Шитов, 1970), Старая Пичеморга (Шитов, 1970), Степановка II и III (Петер-

бургский, Святкин, 1997), Верякуши I (Мартьянов, 1988, с. 124), Круглые Паны II (Мартьянов, 1991, с. 150), Рузаново II (Мартьянов, 1991, с. 152).

На восточном притоке Цны р. Выше было выявлено наличие мордовского слоя XI–XIII вв. на городище Выша I и открыто городище Выша III с таким же слоем (Белорыбкин, 1995, с. 56, 57).

Во второй половине XX в. продолжалось открытие и исследование мордовских могильников, содержащих погребения второй половины XI – первой половины XIII в., а также раскапывались уже известные такие же погребальные памятники.

В северной части Окско-Сурско-Цнинского междуречья был исследован Младший Куженде-

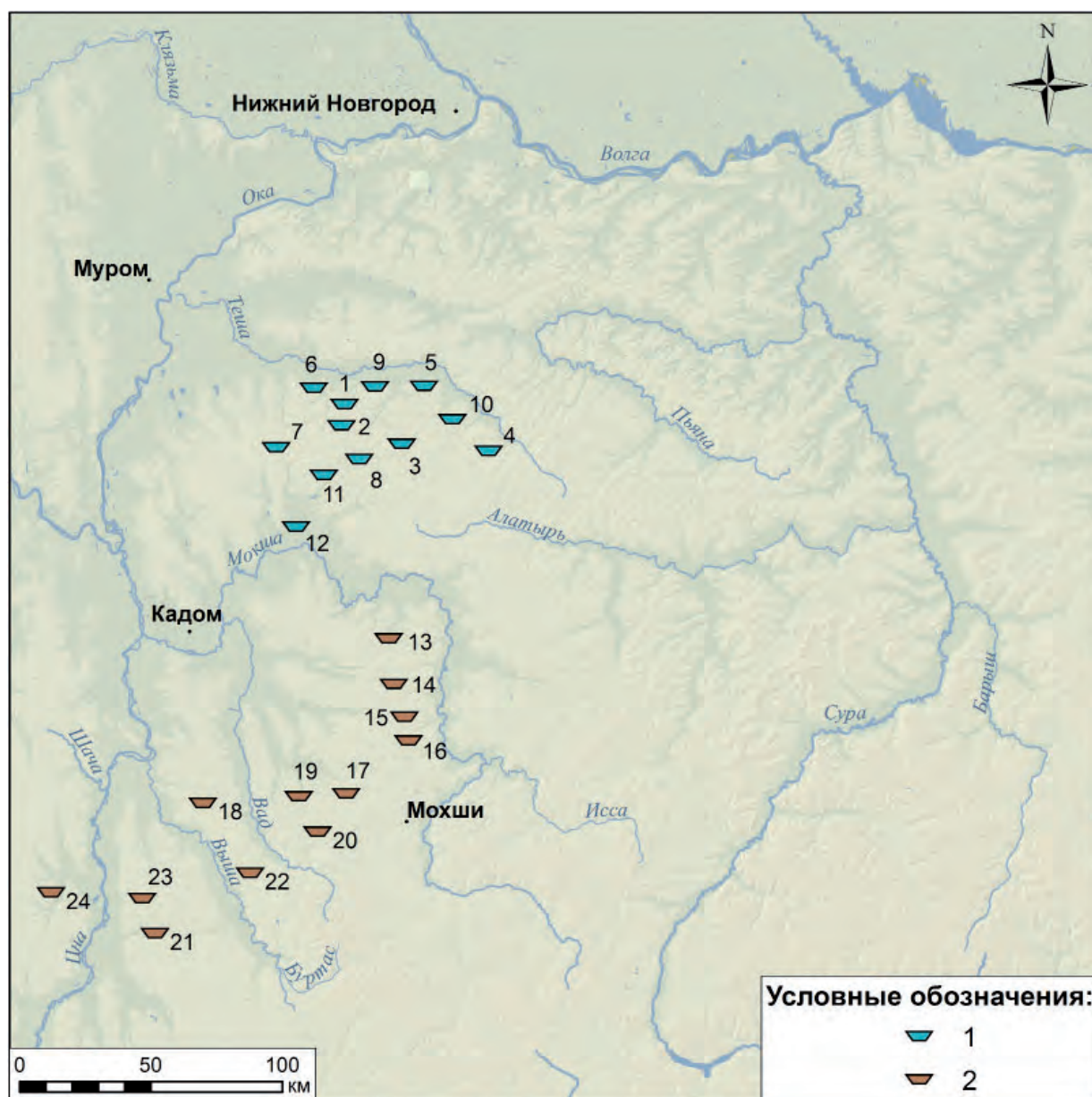

Рис. 2. Мордовские могильники Окско-Сурско-Цнинского междуречья второй половины XI – первой половине XIII в.

1 – Выползово II; 2 – Выползово VI; 3 – Стековский II; 4 – Коринский; 5 – Красное I; 6 – Личадеево V; 7 – Младший Кужендеевский; 8 – Погибловский; 9 – Пятницы VII; 10 – Заречное II; 11 – Сыресевский; 12 – Саровский; 13 – Стародевиченский; 14 – Мордовско-Паркинский; 15 – Ефаевский; 16 – Черемисский; 17 – Кельгининский; 18 – Старобадиковский I; 19 – Куликовский; 20 – Татарская Лака II; 21 – Пановский; 22 – Сядемский; 23 – Елизавет-Михайловский; 24 – Крюковско-Кужновский

евский могильник (Жиганов, 1959а, с. 60–71, 84–86). Большая работа по обнаружению и изучению могильников на этой территории была проделана В.Н. Мартьяновым. Он исследовал могильники Заречное II, Пятницы VII, Красное I, Выползово II и VI, Сыресово II, Личадеево V, Степсово II (Мартьянов, 2001, с. 33–204, 212–238, 247–249). В это же время были продолжены раскопки Погибловского могильника (Жиганов, Авдеев, Елисеев, Прокудин, 1977; Ломшин, 1985).

В бассейне р. Мокши в рассматриваемый период особенностью исследований был их сравни-

тельно широкий размах. На значительном количестве погребальных памятников были вскрыты сотни погребений. Непосредственно по течению р. Мокши были изучены Мордовско-Паркинский (Беговаткин, Вихляев, 1997; Акимов, Вихляев, Гришаков, 1991), Черемисский (Захаркина, 1952), Стародевиченский (Петербургский, 2009) могильники. Продолжены раскопки Ефаевского могильника (Зеленева, 1987).

В бассейне р. Сатис был открыт и исследован Саровский могильник (Грибов, 2000). На левом притоке р. Мокши р. Вад были изучены Кельги-

нинский (Беляев, Вихляев, Зеленцова, Шитов, 1998; Вихляев, Пронин, 2016), Старобадиковский I (Беляев, 1988) могильники. На самом западном притоке р. Мокши в бассейне р. Цны был исследован Сядемский могильник (Полесских, 1977, с. 59–60) и продолжены раскопки на Крюково-Кужновском могильнике (Воронина, 1968; 1969).

В 1968 г. на территории Мордовии был обнаружен клад сельскохозяйственных орудий, который был датирован А.В. Циркиным XII–XIII вв. (Циркин, 1971).

В XXI веке продолжалось исследование мордовских погребальных памятников второй половины XI – первой половины XIII в. Был впервые изучен могильник Татарская Лака II в верховьях реки Вад (Белорыбкин, 2007). На этой же реке продолжались работы на Кельгининском могильнике (Вихляев, Пронин, 2016). В бассейне реки Мокши были проведены новые раскопки Мордовско-Паркинско-Цнинского могильника.

Этническая принадлежность памятников.

В археологии нет расхождения мнений об этнической принадлежности большинства памятников Окско-Сурско-Цнинского междуречья второй половины XI – первой половины XIII в. Они относятся к средневековой мордовской культуре, которая своим происхождением связана с древней мордвой. При этом все также признают наличие в составе этой общности двух субкультур: средневековой мокшанской и средневековой эрзянской, формирование которых прослеживается еще в I тыс. н. э. Точное распределение по субкультурам поселенческих памятников затруднено. Но можно с большой вероятностью утверждать, что городища и селища, расположенные в бассейне р. Теши относятся к средневековой эрзянской культуре, а поселения бассейна р. Мокши (с притоками Вад и Цна) к средневековой мокшанской культуре. Контактной зоной для них является бассейн р. Сатис (правый приток Мокши), где могут встречаться памятники обеих субкультур.

Принадлежность погребений второй половины XI – первой половины XIII в. к мокше или эрзе определяется не только территориально, но и по погребальному обряду. К мокшанской средневековой культуре относятся погребальные памятники с ориентировкой покойников головой на юг и юго-восток, к эрзянской – головой на север и северо-запад. Эти обычаи имеют прямое происхождение от древних культур I тыс. н. э. По этим признакам к мокшанской культуре относятся Ефеевский, Мордовско-Паркинский, Стародевиченский, Черемисский, Кельгининский, Куликовский, Старобадиковский I, Татарская Лака II, Сядемский, Крюково-Кужновский, Елизавет-Михайловский и Пановский могильники, а эрзянской – Вы-

ползово II и VI, Заречное II, Коринский, Красное I, Младший Кужендеевский, Личадеево V, Погибловский, Пятницы VII, Саровский, Стексовский II, Сыресевский (рис. 2). Из эрзянских могильников только Саровский находится не на р. Теше, а на северном притоке р. Мокши Сатисе.

Территория расселения. Расположение мордовских памятников XI–XIII вв. показывает существенные изменения в территории ее расселения. Обширные мокшанские могильники, известные на Цне с VIII в., прекращают функционирование в XI в. Самые поздние погребения данных памятников относятся ко второй половине XI в. (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 146–147, 153). На рубеже XI–XII вв. мордва-мокша покидает бассейн Цны и уходит на восточные племенные территории по р. Вад и Мокше. Мордовское население в заметном количестве сохранилось только в бассейнах восточных притоков реки Цны (Сядемский могильник). Не осталось мокшанских памятников и на Верхней Суре. Эта территория была занята немордовским населением.

Мордва-эрзя, проживавшая на пространстве правого берега Волги между устьями Оки и Суры с X–XI вв., покидает эти земли и, очевидно, уходит в более безопасный район – бассейн р. Теши. Все эти изменения происходили прежде всего вследствие причин политического характера. Цнинская мордва испытывала давление восточнославянских племен, верхнесурская мордва – южных кочевников. Нижнесурская мордва оказалась в зоне борьбы между Древней Русью и Волжской Болгарией. Основным районом проживания мордвы-мокши стало Вадско-Мокшанское междуречье, а мордва-эрзя сосредоточилась в бассейне р. Теши (Вихляев, 2013 б, с. 166–170).

В отличие от других периодов для мордовских поселений второй половины XI – первой половины XIII в. имеется хороший хронологический определитель. Это керамический комплекс, состоящий из лепной мордовской керамики и гончарной красной, желтой, коричневой болгарской посуды домонгольского периода. Такой комплекс за пределами XI–XIII вв. не встречается. Это позволяет датировать даже те поселения, где каких-либо раскопок не производилось.

Поселения. К рассматриваемому периоду относятся два типа поселений: городища и селища. Городища обычно были расположены на мысах коренных берегов и в овражных системах, часто в их верховьях. Площадки городищ бывают подтреугольной, подпрямоугольной, трапециевидной или неправильной в плане формы. С напольной части городища защищены валом и рвом с его внешней стороны. На ряде городищ прослеживается особая система укреплений. Они имеют две

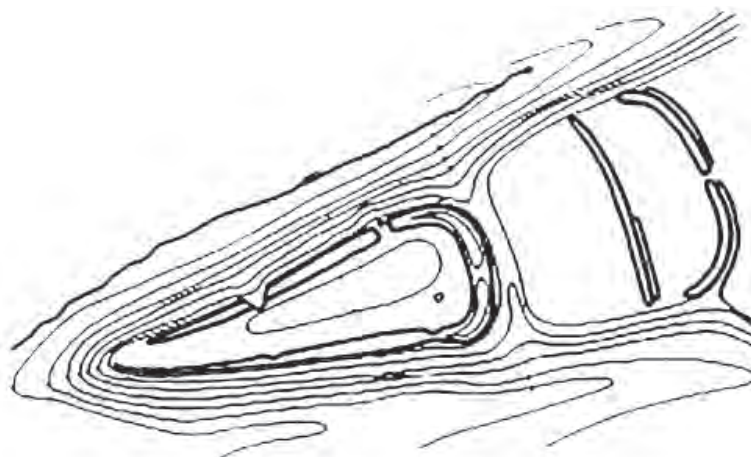

Рис. 3. План городища Жуковка I (по В.В. Гришакову)

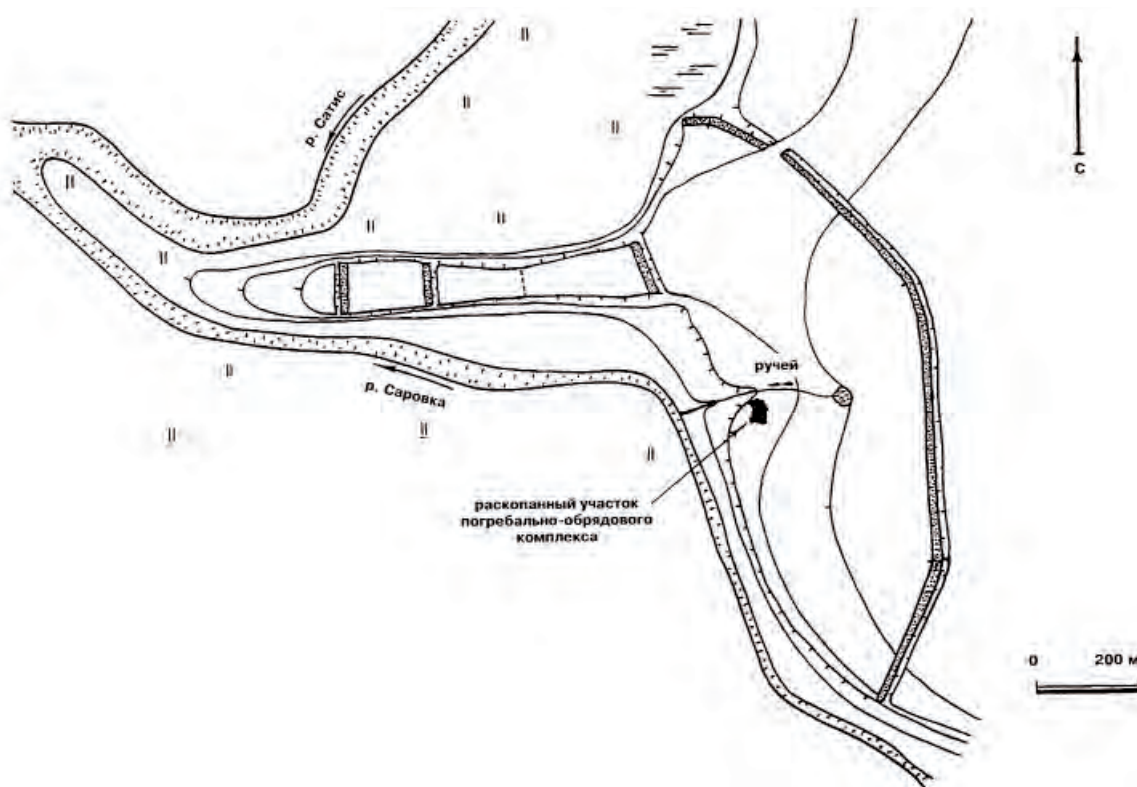

Рис. 4. План городища Саров (по Н.Н. Грибову).

или три площадки. Основные площадки с напольной стороны укреплены двумя или тремя валами и соответствующим числом рвов. За этими укреплениями находятся вторая и третья площадки, защищенные с напольной стороны валом и рвом (Жуковка I) (рис. 3). Такие городища располагаются группами вместе с другими городищами (Жуковка I–III, Выша I–III). Имеется мнение о том, что эти укрепленные места соответствуют мордовским «твердым», известие о которых содержится в русских летописях. В них население с наиболее ценным имуществом пряталось от вражеской опасно-

сти (Беговаткин, 2017, с. 97; Николаенко, 2004, с. 60–61).

Особое место среди всех городищ этого времени занимает Саровское городище на реке Сатис. Оно расположено на длинном саблеобразном мысе и значительном пространстве на примыкающем к нему участке береговой террасы. С одной стороны мысовое городище было укреплено тремя линиями земляных укреплений, пересекающих мыс поперек (два из них не сохранились). С другой, противоположной стороны городище было охвачено широкой дугой земляных укреплений длиной

1,4 км. Концы их выходили к обрывам береговой террасы. Площадь памятника соответствует около 44 га (рис. 4). Большая площадь поселения и масштабная фортификация позволили исследователю памятника Н.Н. Грибову предположить наличие здесь мордовского протогородского центра (Грибов, 2000, с. 209).

Большинство мордовских городищ второй половины XI – первой половины XIII в. широко не раскапывалось. Культурный слой на исследованных городищах составляет 0,2–0,5 м, иногда отсутствует вовсе. Самые большие по масштабам раскопки были произведены на городище Саров (более 700 кв. м). Здесь исследовано единственное для мордовских городищ предмонгольского времени жилище. От него сохранился подквадратный в плане котлован размером 4×3,8 м и глубиной 0,7 м от поверхности материка. Вход в постройку представлял из себя парный ступенчатый спуск с западной стороны вдоль северной и южной стенок. Очаг находился в северо-восточном углу. Кровля была сооружена в виде навеса. Вторым важным объектом на Саровском городище являются остатки литейной мастерской для изделий из цветных металлов. Она состояла из постройки в форме овала размером 3,3×2,4 м и была углублена на 1,1 м. С юго-западной стороны в нее вел ступенчатый спуск. Напротив входа на материковом останце была сооружена глинобитная печь. Наземные стенки постройки были в виде плетня, а кровля – типа навеса. В заполнении сооружения обнаружены многочисленные фрагменты тиглей цилиндрической формы, слитки свинца и фрагменты инструментов. Рядом с постройкой располагались отдельно стоящие печи, в заполнении которых найдены слитки свинца и меди, фрагменты тиглей, шлак, фрагменты бракованных керамических изделий, многочисленные предметы из бронзы. На памятнике также обнаружены следы железодельного и керамического производств (Грибов, 1996).

На городище Саконь 2 в Притешье была обнаружена кладовая-подвал в виде срубной конструкции размером 3,8×3,8 м, углубленная в землю на 0,45–0,5 м с погребом глубиной около 1,5 м. На городище Жуковка II на реке Вад было исследовано сооружение для обжига керамической посуды в виде круглой ямы диаметром до 3 м и глубиной около 1,7 м. В нее был впущен квадратный сруб из дубовых плах, на который опирались глинобитные стенки (толщиной до 0,5 м.) круглого в плане сооружения. Конструкция сужалась ко дну и имела глинобитную ступеньку, облегчающую доступ в неё. Вокруг горна концентрировались находки шлакированной керамики.

Назначение исследованных городищ предварительно можно определить следующим образом. Стационарным поселком, по-видимому, было городище Саконь 2, стационарным поселением и производственным центром – Саров, производственным комплексом – Жуковка II, убежищем – Жуковка I.

Мордовские селища XI–XIII вв. располагаются обычно на склонах коренных берегов, надпойменных террас, на берегах оврагов, на пойменных останцах. Высота над водой 6–14 м или 4–16 м над дном оврагов. Средние размеры: 100–200×60–150 м. Культурный слой составляет 0,1–0,4 м.

Материальная культура поселений. На селищах и городищах встречается лепная и гончарная керамика. В тесте лепной посуды содержатся примеси шамота, песка или дресвы, часто в сочетании друг с другом, иногда в комбинации с опокой, известняком и органикой. Формы сосудов горшкособразные, баночные, чашевидные, мискообразные, много фрагментов сковород. Поверхность чаще бугристая, реже гладкая, иногда лошенная или с красной обмазкой из раствора охры. На Саровском городище найдены лепные сосуды, окрашенные минеральной охрой и орнаментированные сложной росписью белым ангобом (рис. 5). Венчики лепной керамики прямые, слегка отогнутые наружу, часто подчеркнутые снизу, редко с насечками по краю, иногда с отверстиями с противоположных сторон. Тулово округлое или острореберное, дно плоское (рис. 6; 7; 8).

Гончарная керамика представлена сосудами болгарского производства XII–XIII вв. и древнерусской посудой. Болгарские сосуды имеют плотное тесто стенок с примесью мелко просеянного песка и высокий горновой обжиг. Цвет посуды коричневый, красный или желтый. Встречаются фрагменты корчаг, мисок, кувшинов, светильников. Днища сосудов плоские (рис. 9; 10). Интересно, что в это время многие местные мордовские лепные керамические формы являются подражаниями, стилизацией под гончарную болгарскую керамику. Окраска их стенок минеральной охрой является имитацией цвета болгарской посуды.

Древнерусская гончарная посуда на мордовских поселениях встречается гораздо реже болгарской керамики. Она представлена фрагментами сероглиняных горшков с линейным и волнистым орнаментом.

На мордовских городищах и селищах XI–XIII вв. найдены железные наконечники стрел, ножи, топоры лесорубные и бортные, ключи от цилиндрических замков, фитильные трубки, кресала; бронзовые сюльгамы, височная подвеска с грузиком и спиралью, подвески, пряжка, бляшки, перстни, браслеты, пронизки; стеклянные бусы;

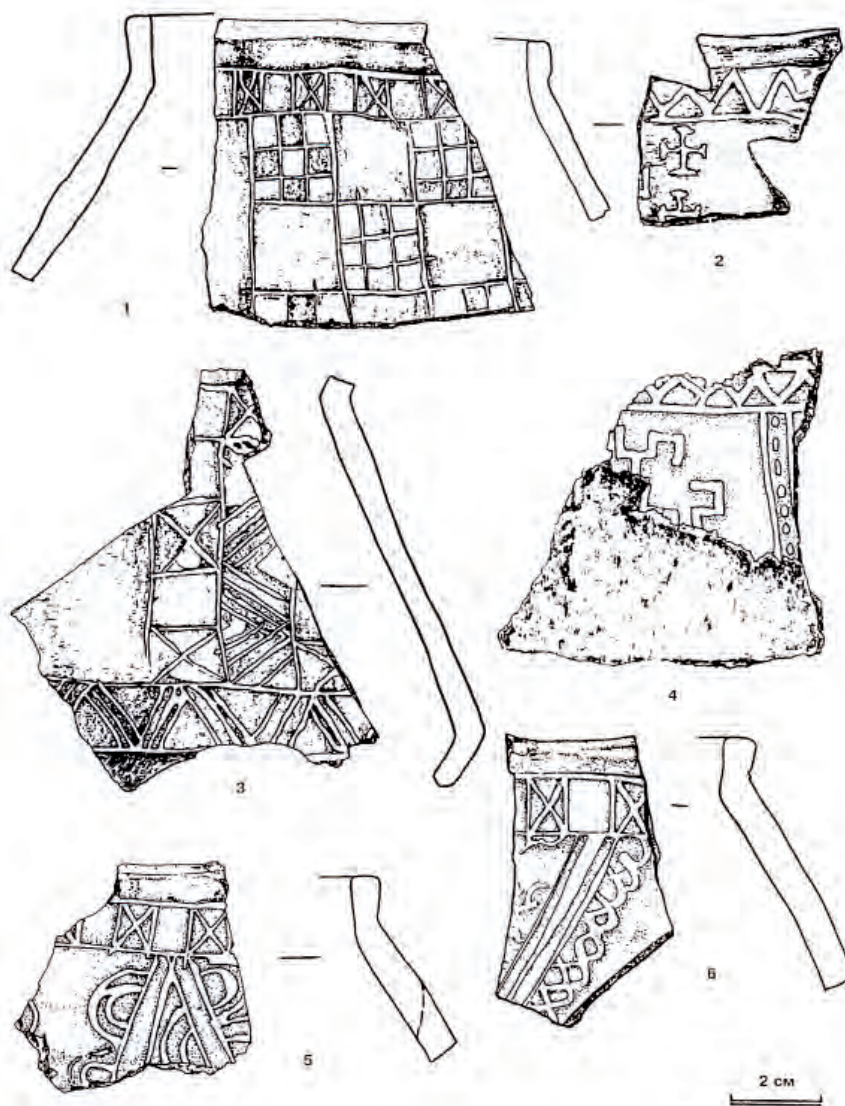

Рис. 5. Лепная расписная керамика Саровского городища

глиняные сопла от горна, диски, цилиндрики, пряслица, тигли и льячки со следами металла; костяные наконечники стрел, каменные рыболовные грузила, обломки зернотерок, точильные бруски. Встречаются изделия древнерусских мастеров: железные бронебойные наконечники стрел, складной двулезвийный нож; бронзовые витые браслеты; каменные сердоликовые и хрустальные бусы; янтарные бусы, стеклянные бусы эллипсоидной и шаровидно-зонной формы желтого и фиолетового цвета, шиферные и изготовленные из стенок древнерусских гончарных сосудов пряслица. На селищах и городищах обнаружены кости домашних и диких животных: свиньи, лошади, лося, кабана, крота (Беговаткин, 2017, с. 98–99; Николаенко, 2004, с. 62–63).

Этноопределяющий признак для древнемордовских могильников – женский головной убор с височной подвеской, имеющей грузик и спи-

раль (Вихляев, 2000, с. 67–70), характерен для них только до XI в. и встречается в самых ранних погребениях второй половины XI – первой половины XIII в. (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 145–147). В то же время начинает формироваться новый этноопределяющий признак средневековой мордовской археологической культуры. Это лопастные сюльгамы. Отогнутые концы более древних застежек данной категории начинают расплющиваться и превращаться в лопасти. Вначале во второй половине XI в. появляются кованые сюльгамы с отогнутыми и расплющенными в узкие подтреугольные лопасти концами. Ширина лопастей не превышает двух значений диаметра джота кольца застежки (рис. 11: 1). В XII в. лопасти приобретают большую ширину, превращаясь из узких в подтреугольные расширенные. Их ширина колеблется от двух до трех значений диаметра кольца (рис. 11: 2). В пер-

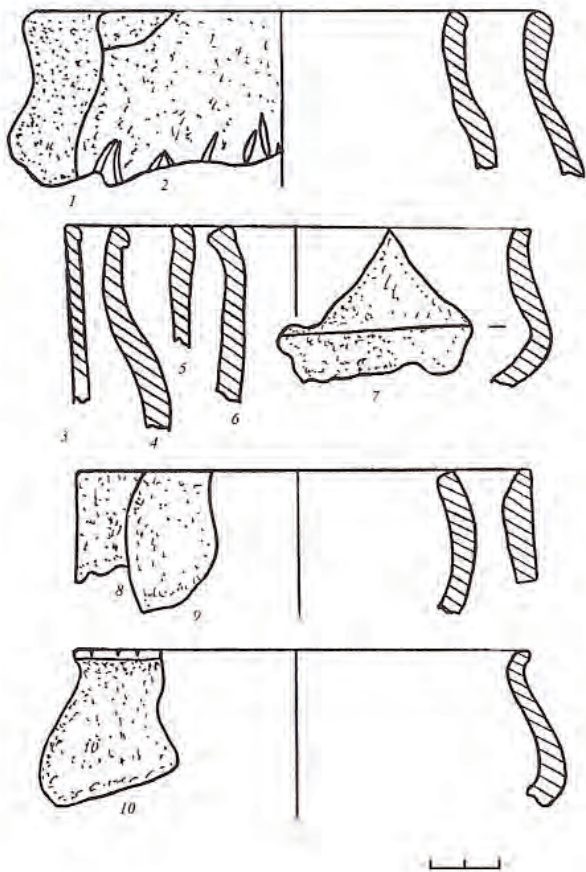

Рис. 6. Лепная керамика поселения Новый Усад III

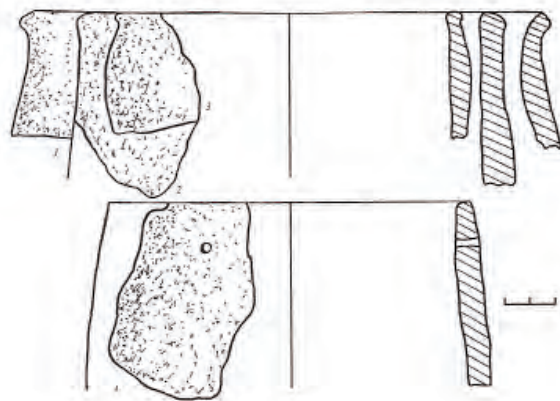

Рис. 7. Лепная керамика поселения Новый Усад III

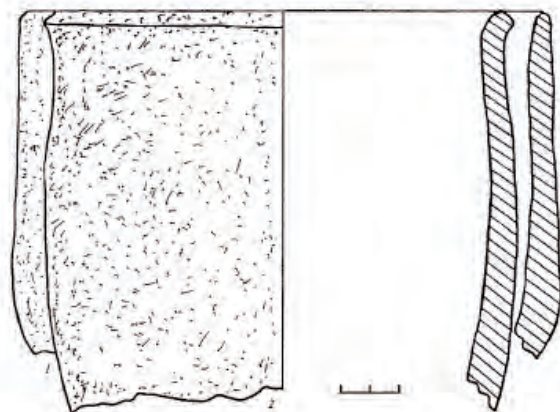

Рис. 8. Лепная керамика поселения Новый Усад III

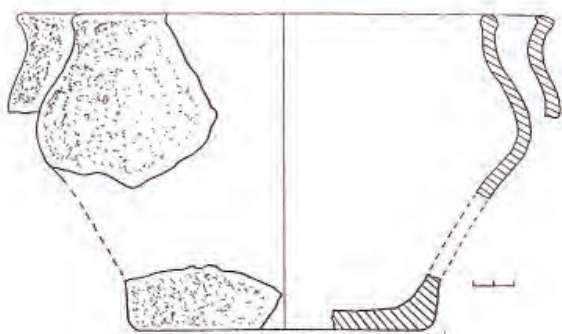

Рис. 9. Болгарская гончарная керамика из поселения Новый Усад III

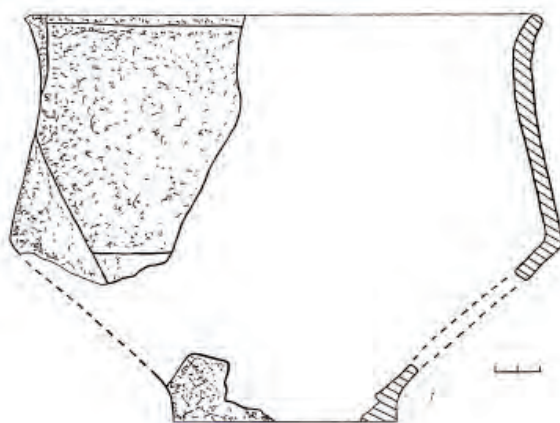

Рис. 10. Болгарский гончарный сосуд из поселения Новый Усад III

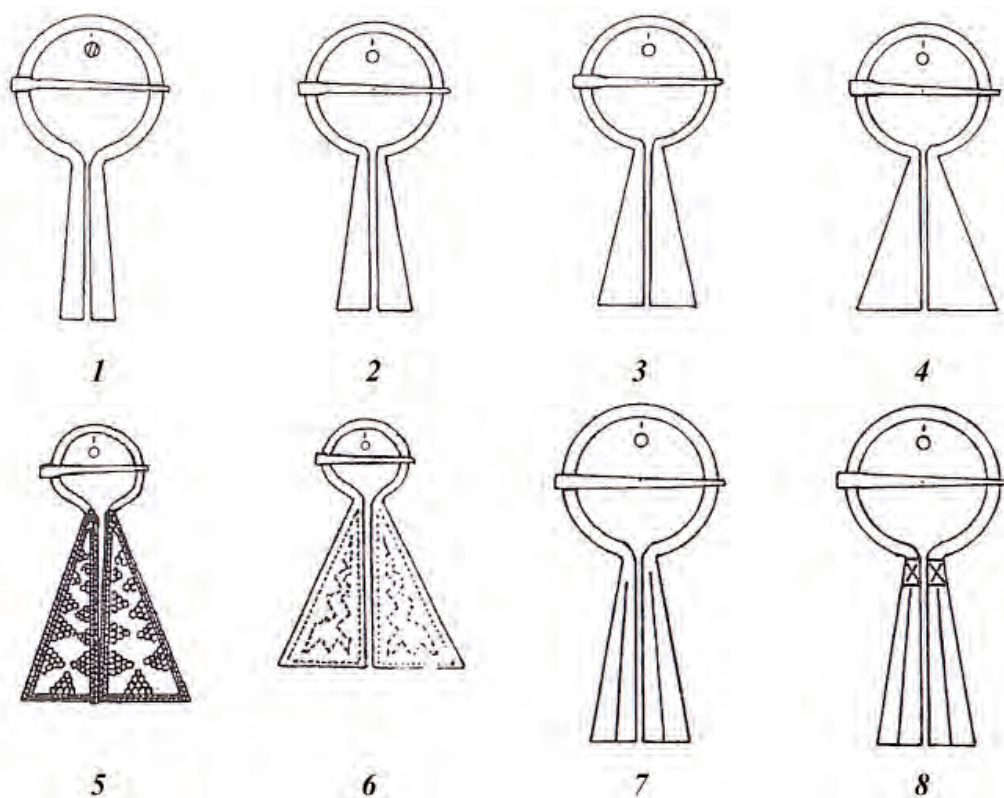

Рис. 11. Эволюционный ряд мордовских средневековых сьюлгам.

вой половине XIII в. ширина расширенных подтреугольных лопастей уже равняется от трех до четырех значений диаметра кольца (рис. 11: 3). В золотоордынский период мордовской истории во второй половине XIII – XIV вв. ширина лопастей достигает четырех и более значений диаметра кольца и они становятся широкими (рис. 11: 4). Серебряные экземпляры таких застежек часто на лопастях богато украшаются гравировкой чернью, зернью и сканью (рис. 11: 5, 6). Сохраняются и экземпляры с расширенными лопастями, но они становятся трехгранными (рис. 11: 7, 8). Такой эволюционный ряд лопатных сьюлгам получен с помощью объективных статистико-математических методов исследования сопряженности типов вещей из погребений второй половины XI–XIV вв. большинства мордовских могильников, где они встречаются многочисленными комплексами (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 126–127, 146–150). В памятниках других финно-угорских народов Поволжья находки лопатных застежек единичны. Следовательно, эту вещь можно признать характерной именно для средневековой мордовской культуры. Вместе с тем обоснованное четкое развитие эволюционного ряда сьюлгам делает их хорошими хронологическими реперами.

Могильники. По выделенным этнокритериям в Окско-Сурско-Цнинском междуречье мордовские погребения второй половины XI – пер-

вой половины XIII в. содержат 24 могильника (рис. 2). Они располагаются на мысах коренных берегов, останцах в пойме, на пологих склонах коренных берегов, на берегах оврагов. В бассейне Теше отмечается их размещение на плато, в т. ч. в междуречье (Николаенко, 2004, с. 63). Средний размер занимаемой погребальными памятниками площади 100–300×150–250 м (Беговаткин, 2017, с. 99).

Все мордовские могильники второй половины XI – первой половины XIII в. грунтовые. Могилы располагаются рядами. В некоторых могильниках в рядах содержатся отдельные (семейные) скопления погребений. В Старобадиковском I могильнике мужские и женские захоронения расположены в разных частях кладбища. Могильные ямы в основном подпрямоугольной в плане формы с закругленными углами с преобладающей глубиной 0,5–0,8 м от современной поверхности. Редко встречаются овальные ямы, в которых обычно совершены детские погребения. В засыпной земле и на дне могильных ям найдены целые сосуды и фрагменты мордовской и болгарской керамики, ювелирные украшения, кальцинированные кости животных, остатки угля и золы, зубы и остатки черепа лошади, скелеты, черепа и челюсти собаки, череп теленка. В одном захоронении на Теше зафиксированы остатки кострища с гончарной болгарской посудой.

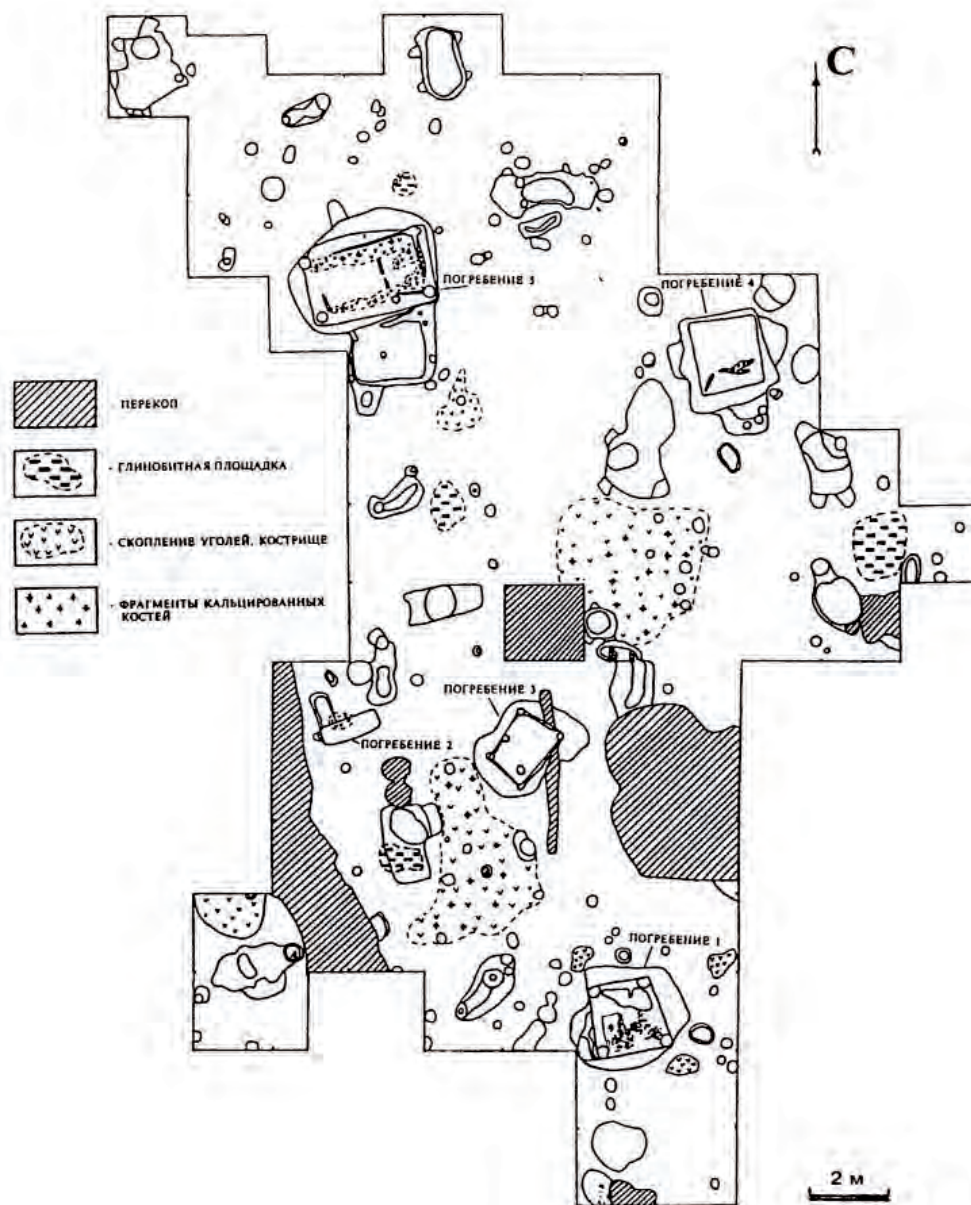

Рис. 12. План погребально-обрядового комплекса городища Саров (по Н.Н. Грибову).

Основным обрядом средневековых мордовских могильников является труположение. Имеются коллективные и вторичные захоронения. Мужчины лежат на спине в вытянутой позе и ориентированы головой в могильниках бассейна Тешы (средневековая эрзя) на СЗ, З, С, СВ, в могильниках бассейна Мокши (средневековая мокша) на Ю, ЮЮЗ, ЮЗ, ЮЮВ, ЮВ. В мокшанских захоронениях преимущественно одна рука вытянута, другая согнута в локте с кистью в области таза. В ранних погребениях периода женщин похоронены в вытянутом положении так же, как и мужчины. С конца XI – начала XII в. их начинают помещать в могилы в скорченном положении – преимущественно на правом боку, иногда на левом и на спине с подогнутыми ногами и руками, согнутыми

в локтях так, чтобы кисти находились у лицевой стороны черепа. Ориентировка покойниц головой была такая же, как и у мужчин. В эрзянских могильниках исследованы парные и тройные погребения, совершенные в одной могильной яме. Погребенные чаще всего лежали один поверх другого с противоположной ориентировкой. Вместе со взрослыми находились детские захоронения. На дне многих могильных ям прослеживается лубяная подстилка, в поздних погребениях Примокшанья начинают встречаться гробовища, сделанные из луба и дерева (Николаенко, 2004, с. 63–65; Беговаткин, 2017, с. 100).

В шести могильниках на р. Теше и одном могильнике на р. Вад (Кельгининский) найдены конские погребения. Захоронения коней на площади

могильников – характерная черта мордовских погребальных памятников второй половины XI–XIII вв. Они чаще располагаются в общих рядах и иногда в промежутках между ними. Встречаются как отдельные погребения (Примокшанье и Потешье), так и погребения с людьми (женскими и мужскими, только на р. Теше). Конские погребения располагались либо рядом с человеческими, либо под ними. Могильные ямы конских захоронений по конструкции в основном такие же, как и у людей, только несколько большего размера. Погребения содержали либо туши целиком, либо часть (черепа, позвоночник, передние и задние конечности). Ориентировка конских погребений либо совпадает, либо противоположна человеческим. В отдельных захоронениях она всегда противоположна. В конских погребениях обычны находки удила, стремян, подпружных пряжек, иногда железных колец и оружия. На р. Теше исследовано захоронение с дарственным комплексом, состоящим из кресала, кремня, бронзовых поясных колец и пряжки. В ряде случаев в северных могильниках захоронения коней сопровождалось захоронениями голов собак. В могильнике Пятницы VII обнаружено захоронение коня со всей сбруей. Кроме удила и стремян здесь находились остатки уздечки, украшенной орнаментированными решмами, накладками, бляшками, бронзовыми разделителями ремней, фрагменты седла (часть деревянной луки, обтянутой кожей с бронзовыми бляшками) и сбруя. В составе сбруи 142 крупные бляшки и 13 небольших подвесок типа решм, которые служили в качестве бубенчиков и располагались на концах свисающих с крупа лошади ремней (Мартьянов, 2001, с. 256–260; Вихляев, 1997).

Особое место среди мордовских могильников второй половины XI – первой половины XIII в. занимает погребально-обрядовый комплекс, обнаруженный на Саровском городище. Он включает в себя 5 погребальных сооружений, 15 очагов, несколько обширных кострищ (рис. 12). Одно из этих сооружений представляет обычное средневековое погребение. Остальные представляли ритуальные сооружения с остатками захоронений. От них сохранились котлованы подквадратной формы, которые содержали разнообразные остатки внутримогильной деревянной каркасно-столбовой конструкции. Они имеют длину 190–320 см и ширину 135–230 см с глубиной от 102 до 170 см. У большинства сооружений зафиксирован вход в виде простого ступенчатого спуска или в виде специальной тамбурной ямы. Возможно, внутри построек были деревянные настилы с сооруженными на них очагами. Достоверные погребения были зафиксированы только в одном котловане. Здесь найдены одно детское и два взрослых женских

вторичных погребения. В детском погребении были найдены немногочисленные сопровождающие вещи, среди которых выделяется железный слабоизогнутый серп. Предположительно в другом котловане были остатки безынвентарных трупосожжений, совершенных на стороне. Многочисленные очаги, расположенные рядом с орудиями, использовались, по мнению автора раскопок, для приготовления поминальной пищи. Кострища, расположенные на ровных обширных площадках, были предназначены для кремации покойников. По мнению Н.Н. Грибова, исследованный объект представляет особый погребально-обрядовый комплекс в крупном мордовском протгородском центре (Грибов, 2000).

Вещевой комплекс и хронология. На рубеже I и II тысячелетий в мордовской археологической культуре происходят существенные изменения в составе и облике вещевых комплексов. Если в последние века функционирования древнемордовской культуры она испытывала существенное воздействие со стороны салтово-маяцкой культуры, что особенно заметно в древних мокшанских памятниках VIII–X вв., то в последующее время оно сменяется древнерусскими и волжско-болгарскими воздействиями. В этом можно усмотреть одну из главных причин изменений в вещественном инвентаре мордовских памятников. В женских погребениях начинают исчезать некоторые категории и типы вещей: налобные венчики, височные подвески с грузиком и спиралью, сложные ожерелья, сменяются типы гривен, а затем исчезают вовсе, как и нагрудные бляхи и украшения обуви. Уменьшается количество подвесок, вместо кистевидных наконечников появляются пулокери. Вместе с этим в женских комплексах продолжают встречаться височные кольца, бусы, ожерелья из привесок, раковины-каури, сюльгамы, подковообразные фибулы, бубенчики, ажурные застёжки, шумящие привески, пряжки, бляшки, наконечники ремней, оборы. Кроме украшений в рассматриваемых захоронениях присутствуют лепные мордовские и гончарные болгарские сосуды, деревянные чаши, бронзовое ведро с железной ручкой, литейные формочки, льячки, пинцеты, глиняные и шиферные пряслица, слитки металлов, серпы, ножи. Найдены также остатки ткани – шерстяной и льняной, войлок. Иногда находят бурачки из луба и бересты с украшениями внутри.

В мужских погребениях по сравнению с предыдущим временем изменения заключаются прежде всего в сокращении количества украшений. В них встречаются височные кольца и серьги, браслеты, перстни, сюльгамы, поясные наборы с кольцами, привески, наконечники стрел, копий и дротиков, сабли, обрывки кольчуг, кованые крючки и обой-

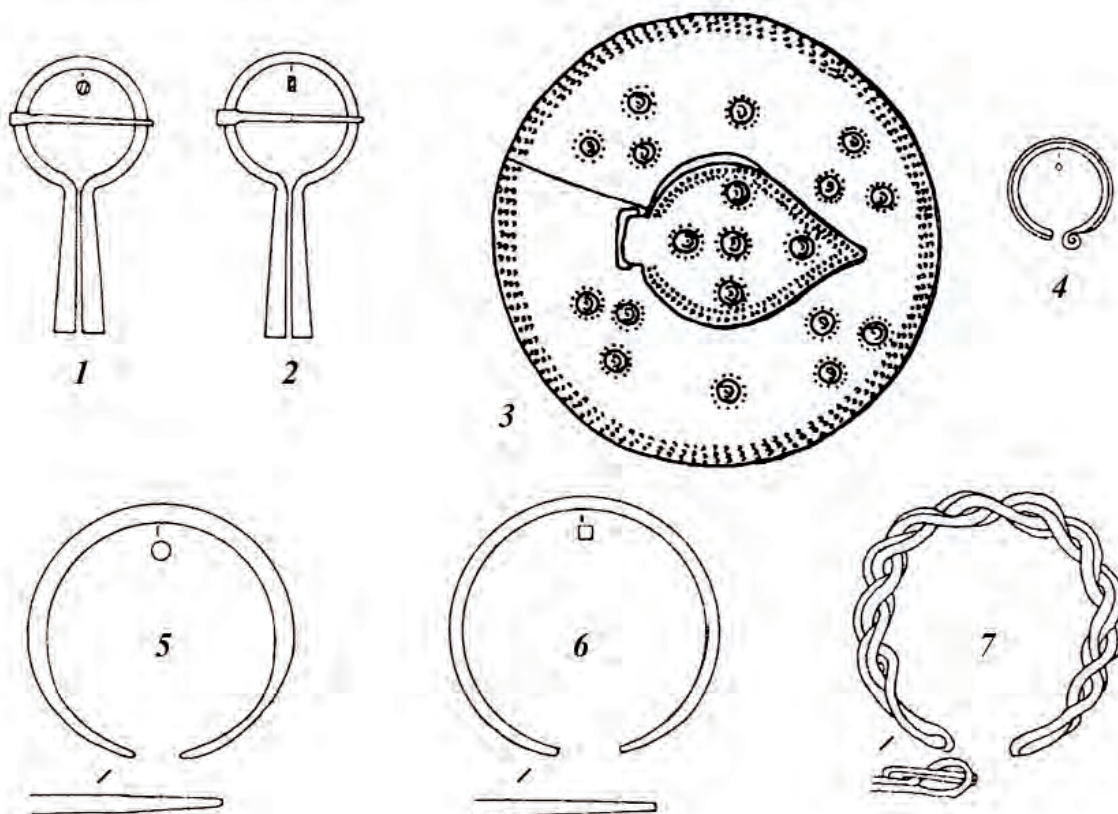

Рис. 13. Вещи первой стадии мордовских могильников второй половины XI – первой половины XIII в.

мы, остатки щитов, бортные, боевые, и лесорубные топоры, ножи, пешни, тесло, мотыжка, серп, коса-горбуша, кочедык, шило, ножницы, кресала и фитильные трубки, льячки и пинцеты. Конское снаряжение найдено только в погребениях коней. К числу редких находок относятся медные котелки с железными ручками, обернутыми лубом. В некоторых из них лежали деревянные чаши, ложки, ковш с ручкой в виде птичьей головки. В мужских погребениях были также зафиксированы лепные и гончарные болгарского типа сосуды (Николаенко, 2004, с. 65–66; Беговаткин, 2017, с. 100–103).

Начало основательной разработки хронологии мордовских могильников второй половины XI – первой половины XIII в. было положено исследованиями А.Е. Алиховой. Опираясь в основном на метод аналогий, она выделила в средневековой мордовской культуре характерные украшения XII – XIII вв. При этом она использовала только материалы южных мокшанских памятников, так как эрзянские были тогда слабо изучены (Алихова, 1959). Это исследование использовалось для датировки мордовских памятников всю вторую половину XX в. В начале XXI в. материалы мокшанских и эрзянских могильников XI–XIII вв. коллективом авторов были включены в разработанную систему хронологии могильников населе-

ния западной части Среднего Поволжья I–XIV вв., уже упоминавшуюся в настоящей работе. В нее вошли погребальные комплексы могильников: Выползово II, Выползово VI, Елизавет-Михайловского, Заречное II, Кельгининского, Красное I, Крюково-Кужновского, Личадаево V, Мордовско-Паркинское, Пановское, Пятницы VII, Старобадиковского I, Стародевиченского, Стексовского II. Изучение сопряженности типов пяти категорий вещей из этих памятников на основе статистико-математических методов позволило получить четкие хронологические границы для периода от второй половины XI в. до середины XIII в. и выделить в этом периоде три стадии развития (стадии 12–14 могильников западной части Среднего Поволжья) (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 146–149).

Основанием для выделения 1-й стадии рассматриваемого периода является появление и распространение бронзовых кованых сьюлгам с отогнутыми расплюснутыми концами в виде узких подтреугольных лопастей (соотношение ширины лопасти к диаметру конца 1,01–2,0:1) с округлым или прямоугольным сечением кольца без орнамента (рис. 13: 1, 2). Эти два типа являются первым звеном эволюционного ряда лопастных сьюлгам (рис. 11). На рассматриваемой стадии бытуют

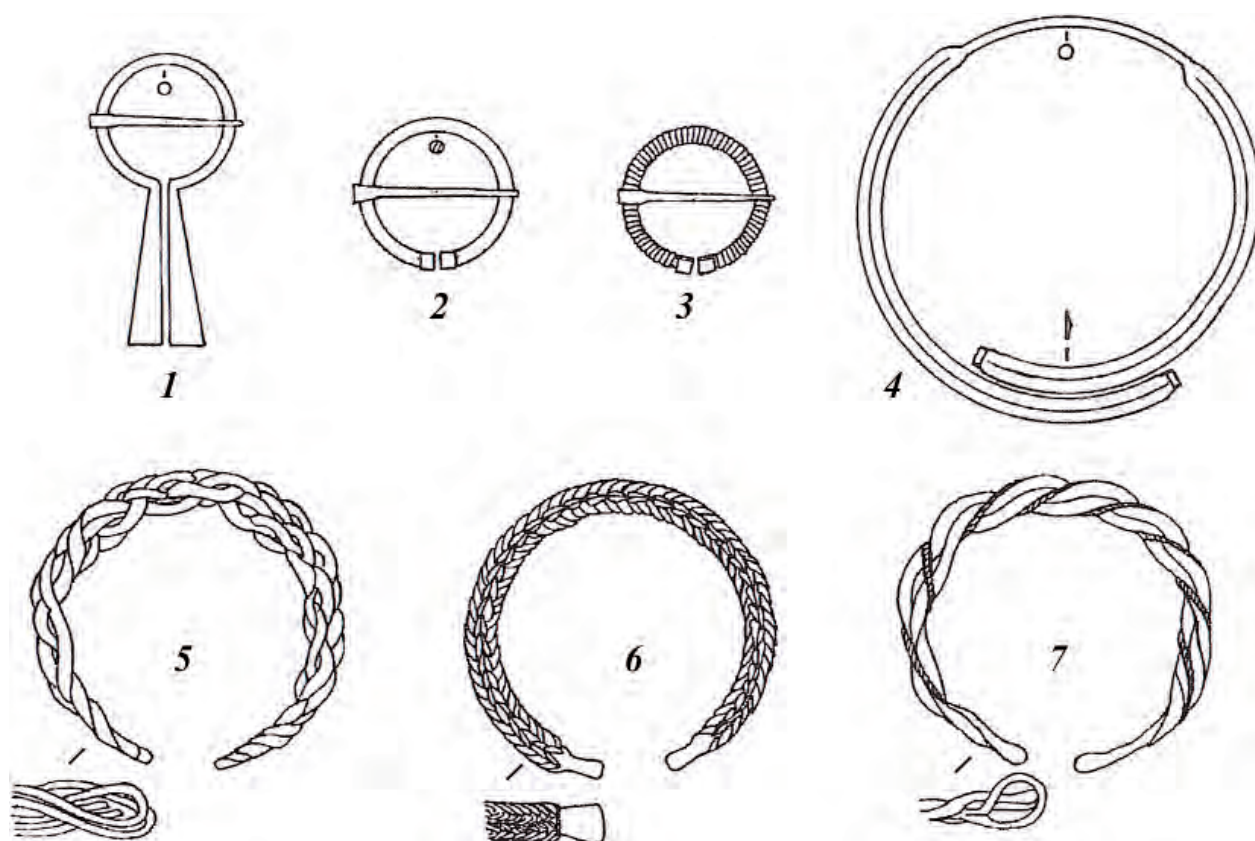

Рис. 14. Вещи второй стадии мордовских могильников второй половины XI – первой половины XIII в.

круглые нагрудные бляхи с подвижной сердцевидной крышечкой и группами полушарных выпуклин на корпусе, расположенных треугольником и тремя рядами мелких полушарных выпуклин по краю (рис. 13: 3). Начинают входить в моду височные украшения в виде перстневидного кольца с завитком на одном конце (рис. 13: 4), браслеты из цветных металлов круглодротовые с утончающимися концами (рис. 13: 5), четырехгранные с суживающимися приплюсненными с боков концами (рис. 13: 6). Витые из четырех проволок без перевития тонкой проволокой петлеконечного типа (рис. 13: 7).

К датирующим вещам для стадии 1 следует отнести два наиболее распространенных типа лопастных сьюлгам (рис. 13: 1, 2), а также нагрудные бляхи с сердцевидной крышечкой (рис. 13: 3). Эти бляхи представляют самое последнее звено в эволюционном ряду данного вида украшений. В последующее время бляхи как категория не встречаются. Следует иметь в виду, что узколопастные сьюлгамы, образуя начало эволюционного ряда таких застёжек, имеют сильную сопряженность с сьюлгами со слегка расширенными подтреугольными лопастями (соотношение ширины лопасти к диаметру дрота кольца 2,1–3,0:1), которые по времени бытования относятся к следующей ста-

дии 2. Погребения с такими комплексами должны датироваться стадией 2.

По совместным находкам с датирующими вещами (монетам, хронологическим системам, дендрохронологии) стадия 1 мордовских могильников второй половины XI – первой половины XIII в. относится к второй половине XI в. Комплексы этой стадии содержат могильники Елизавет-Михайловский, Пановский, Крюково-Кужновский на р. Цне; Кельгининский, Старобадиковский 1 на р. Вад; Мордовско-Паркинский, Стародевиченский на р. Мокше; Выползово II, Выползово VI, Красное I, Личадеево V, Стексово II на р. Теше (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 146–147).

Бронзовые кованые застёжки с отогнутыми расплюснутыми концами в виде слегка расширенных подтреугольных лопастей (соотношение ширины лопасти к диаметру дрота кольца 2,1–3,0:1) и округлым сечением кольца без орнамента являются следующим эволюционным звеном в ряду сьюлгам (рис. 14: 1). Этот тип вместе с бронзовыми коваными сьюлгами с завернутыми перпендикулярно плоскости кольца концами, не выступающими за ширину поперечного округлого сечения кольца без орнамента (рис. 14: 2), и такими же застёжками с проволочной обмоткой

по кольцу (рис. 14: 3) составляют основу рассматриваемой второй стадии. В это время распространены круглодротовые гривны из серебра с расплюснутыми трехгранными заходящими друг за друга концами (рис. 14: 4), браслеты, витые из шести проволок, петлеконечные без дополнительного перевития (рис. 14: 5) и плетенные на дроте округлого сечения (рис. 14: 6). Начинают использоваться витые петлеконечные браслеты из четырех проволок с перевитием из тонкой проволоки (рис. 14: 7).

Датирующими вещами для стадии 2 являются сюльгамы со слегка расширенными лопастями (рис. 14: 1) и с проволочной обмоткой по кольцу (рис. 14: 3), а также витые петлеконечные из шести проволок браслеты без перевития (рис. 14: 5). При этом датирующие сюльгамы этой стадии в эволюционном ряду своей категории связаны сильной сопряженностью с сюльгами с расширенными (соотношение ширины лопасти к диаметру дрота кольца 3,1–4,0:1) подтреугольными лопастями, бытующими на следующей стадии. Погребения с такими комплексами типов сюльгам следует относить к стадии 3.

По аналогиям с новгородской дендрохронологической системой погребальные комплексы стадии 2 могут быть датированы XII в. Наличие погребений второй стадии установлено в могильниках Кельгининском, Старобадиковском I на р. Вад; Мордовско-Паркинском, Стародевическом на р. Мокше; Выползово II, VI, Заречное II, Красное I, Пятницы VII, Стексово II на р. Теше (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 147–148).

Основанием для выделения стадии 3 мордовских могильников второй половины XI – первой половины XIII в. являются бронзовые кованые сюльгамы с отогнутыми расплюснутыми концами в виде расширенных подтреугольных лопастей (соотношение ширины лопасти к диаметру дрота конца 3,1–4,0:1) с округлым сечением кольца без орнамента (рис. 15: 1), представляющие собой дальнейшее развитие застёжек с концами в виде треугольных лопастей.

На стадии 3 заканчивают свое бытование серебряные гривны с трехгранными заходящими друг за друга концами (рис. 14: 4), круглодротовые браслеты с утончающимися концами (рис. 13: 5), витые из четырех проволок без перевития петлеконечные браслеты (рис. 13: 7). Распространены петлеконечные браслеты из четырех проволок с дополнительным перевитием из тонкой проволоки (рис. 14: 7) и браслеты из многогранного дрота с приостренными концами (рис. 15: 2). Датирующими для стадии 3 являются сюльгамы с концами в виде расширенных подтреугольных лопастей

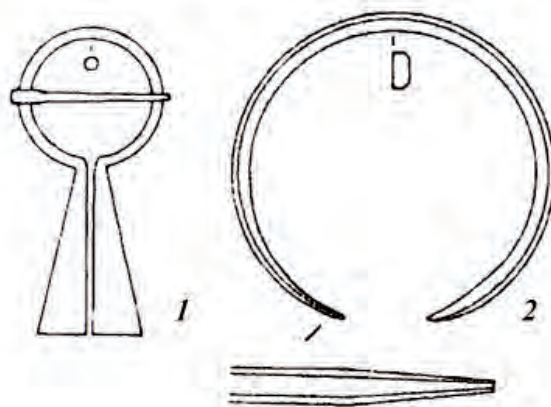

Рис. 15. Вещи третьей стадии мордовских могильников второй половины XI – первой половины XIII в.

(рис. 15: 1). Погребальные комплексы этой стадии укладываются в хронологические рамки первой половины XIII в.

Стадия 3 представлена погребениями могильников Кельгининского и Старобадиковского I на р. Вад; Мордовско-Паркинского и Стародевического на р. Мокше; Выползово II, Заречное II, Красное I, Пятницы VII, Стексово II на р. Теше (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 148–149).

К XII–XIII вв. относится Нижнеборковский клад железных изделий, найденный в Примокшанье (Циркин, 1971). В нем были найдены 4 сошника, серп, тесло, долото, двуручный скобель, сверло, 5 наконечников стрел, железная цепь с пробоем. Наиболее важная находка в Нижнеборковском кладе – сошники. Это самая ранняя находка железных наконечников пропашных орудий на территории расселения мордвы. До этого времени мордва использовала только деревянные орудия. В последующее время находки металлических частей пахотных орудий (сох и плугов) у мордвы становятся более частными (Вихляев, 2008). Распространение железных сошников, а затем плужных лемехов и резаков в немалой степени было обусловлено успехами в развитии черной металлургии. К рассматриваемому периоду относится обнаружение наземного сыродутного горна шахтного типа для многократных плавки на поселении Новый Усад III в пойме реки Мокши (Вихляев, 1983). Переход к применению наземных сыродутных печей многообразного использования значительно повысил производительность труда, улучшил качество металла и позволил изготавливать значительно более крупные изделия нежелеза ранее.

XI–XIII вв. – это время фундаментальных изменений в социально-экономическом строе морд-

вы. Наметившийся в предшествующий период распад первобытнообщинных отношений вступил в новую фазу, которая характеризуется имущественным расслоением общества, появлением протогородских центров и формированием раннеклассового государства (Зеленеев, 2013, с. 188). Именно в это время древнемордовская археологическая культура превращается в средневековую.

Около середины XIII в. мордовские земли подверглись неоднократному вторжению монголо-татар (Зеленеев, 2013, с. 188–189). Но мордовский народ сохранил свою культуру. Средневековая мордовская археологическая культура с двумя окончательно сформировавшимися субкультурами (мокшанской и эрзянской) продолжала развиваться во второй половине XIII – XIV в.

ГЛАВА 2

ПАМЯТНИКИ ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

История изучения. Изучение средневековых памятников Ветлужско-Вятского междуречья началось во второй половине прошлого столетия и связано с именами П.П. Алабина, П.А. Пономарева, С.К. Кузнецова. В 1864 г. П.П. Алабиным были открыты в бассейне р. Вятки Немдинское и Бурьгинское городища X–XII вв., а на отдельных, Пижемском, Бурьгинском, произведены раскопки (Алабин, 1865). На Бурьгинском городище производил работы также П.А. Пономарев (Голдина, 1999, с. 309). В 1874 г. в Императорскую археологическую комиссию поступили сведения о древнем могильнике у с. Лопьял бывшего Уржумского уезда, которые дважды, в 1874 и 1904 гг., проверялись С.К. Кузнецовым (Отчет ИОАИЭ, 1888; ОАК, 1907), но точное местонахождение могильника установить не удалось. Вещи неоднократно публиковались: могильник вначале упоминался под названием Лопьяловский, а затем утвердилось название Лопьяльский (Смирнов, 1952, с. 164).

Огромный вклад в изучение средневековой истории Вятского края внес А.А. Спицын. Опираясь на летописные свидетельства и предания, он составил список предполагаемых местонахождений и городищ. В 1887–1888 гг. совершил несколько поездок по Вятской губернии, во время которых открыл и частично изучил ряд археологических памятников. В 1891 г. он посетил починок Загребинский на берегу р. Юмы, левого притока р. Пижмы, открыл Юмский могильник и начал на нем раскопки, а также выявил у д. Ивки мольбище эпохи Средневековья (Ивкинское костыще – Сарапульское мольбище) (Спицын, Отчет 1891 г.). Им также были организованы раскопки Еманаевского, Ижевского, Скорняковского и др. городищ, которые датировал второй половиной I тыс. н. э. Как показали современные исследования, на Еманаевском городище выявлены находки вплоть до X в. Результатом деятельности А.А. Спицына стала серия публикаций, в которых содержится ряд ценных положений по истории местных народов (Спицын, 1889; 1893). Освещая вотские древности эпохи Средневековья, он обозначил несколько локальных вариантов: камские сарапульские городища, городища по р. Иж и Тойме, средневятские городища и пижемские чудские городища. Анали-

зируя материалы пижемских городищ, к которым он отнес Еманаевское, Бурьгинское, Ижевское, А.А. Спицын отделил их от «собственно вотских» (Спицын, 1889, с. 33). Предполагая связь этих памятников с чудскими древностями, А.А. Спицын отметил их своеобразие. Исследователь допускал возможность притока в этот регион населения как с Чепцы, так и с Ветлуги и Волги (Спицын, 1893, с. 144).

Вятские городища были обследованы также П.И. Кротовым (Кротов, 1892) и А.С. Лебедевым (Лебедев, 1908). Первые раскопки были произведены Ф.Д. Нефедовым на Одоевском городище выше г. Ветлуги, но исследователь не увидел там средневековых слоев, а связал объект с каменным веком (Нефедов, 1896, с. 493–500).

В 1889 или 1890 гг. (в разных источниках дана различная дата) в Археологическую комиссию поступили сведения о двух погребениях X–XI вв. у пос. Борисово (в настоящее время территория г. Казани) на западном берегу озера Дальний Кабан в Татарии. У А.П. Смирнова встречается название могильника Борисовский, в более позднее время утвердилось написание Борисковский (Смирнов, 1958, с. 165; Казаков, 1999, с. 67).

В 1908 г. сотрудником Музея антропологии и этнографии АН СССР В.И. Каменским открыт и обследован могильник (16 погребений) в Ветлужском уезде Нижегородской губернии (ныне Ветлужском районе Нижегородской области) на р. Луданге, левом притоке р. Ветлуги, известный у местного населения под названием «Черемисское кладбище» (Коллекция МАЭ № 1265; Каменский, 1909; ОАК, 1908).

В 1927 (1929) г.* у хутора Веселовского Ветлужского уезда Нижегородской губернии (ныне Шахунского района Нижегородской области) на р. Какше, левом притоке р. Ветлуги, экспедицией Ветлужского краеведческого музея начаты раскопки могильника, получившего название Веселовский, и раскопано 13 погребений. Работы производил директор музея И.И. Разумов по согласованию с Академией наук и Б.С. Жуковым, руководившим Комплексной антропологической экспедицией по Центральной промышленной области (запись И.И. Разумова), но отчет И.И. Раз-

умова в связи с арестом, связанным с репрессиями, был утерян. Краткая информация о находках у хут. Веселовского была опубликована членом Нижегородской археолого-этнологической комиссии М.П. Званцевым на страницах «Нижегородской коммуны» (Званцев, 1929), и с этого времени раскопки Веселовского могильника стали связывать с именем М.П. Званцева.

В 1928–1930 гг. было проведено обследование Кочергинского могильника у д. Кочергино или Дубрава Советского района Кировской области, отмеченного еще А.А. Спициным. Работы проводили сотрудники Вятского отряда Антропологической экспедиции под руководством М.В. Талицкого. Несмотря на значительную площадь, вскрытую раскопками, обнаружено всего пять захоронений, которые впоследствии были опубликованы в полном объеме. Последующее обследование памятника в 1957 г. не дало результатов (Талицкий, 1940, с. 159–168).

В 1929, 1930 гг. при хозяйственных работах около г. Кирова обнаружены вещи IX–XI вв., которые А.П. Смирнов связал с погребальным памятником, условно назвав место находок Вятским могильником (Смирнов, 1952, с. 166). Но поскольку дальнейших находок в этом месте не было, данный некрополь в археологической литературе больше не рассматривался.

Итоги первых археологических исследований обобщены М.Г. Худяковым (1935, с. 30 и сл.), А.В. Шмидтом (1935, с. 13–16). Результаты археологических изысканий довоенного периода систематизированы в работах И.А. Талицкой (1952, с. 18–30) и А.П. Смирнова (1949; 1952, с. 157–160).

Качественное изменение источниковедческой базы связано с созданием в 1956 г. Марийской археологической экспедиции под руководством А.Х. Халикова, развернувшей систематические работы по сплошному обследованию территории Ветлужско-Вятского региона.

В 1956 г. несколькими отрядами обследованы вятские районы, заселенные марийцами. По результатам первого года работы экспедиции исследователь оценил известные в этих местах средневековые могильники IX–XI вв. (Лопьяльский и Кочергинский, Чем-шай и Бигер-шай) как древнеудмуртские, а не древнемарийские (Отчет МарАЭ 1956 г., с. 35; Халиков, 1958, с. 87–89).

В 1957 г. МарАЭ совместно с Марийским краеведческим музеем произвели стационарные работы на Юмском (Загребинском) могильнике в Свечинском районе Кировской области. При участии Нижегородского областного музея были начаты раскопки могильников Веселовского и «Черемисское кладбище» в Нижегородской области. Раскоп-

ки на Веселовском могильнике были продолжены одним из отрядов Марийской археологической экспедиции под руководством Г.А. Архипова в 1958 г. Отрядом под руководством В.Ф. Генинга проведены работы на Сарапульском жертвенном месте (Ивкинском костыще).

В эти же годы при изучении памятников более древних эпох в устье Ветлуги Г.А. Архиповым были открыты Руткинский и Выжумский II могильники XII–XIII вв., а на левобережье Волги – Дубовский могильник IX–XI вв.

В 1958 г. одним из отрядов Марийской археологической экспедиции под руководством В. Стоянова (Стоянов, 1958) были проведены раскопки на Русенихинском городище, известном ранее как памятник раннего железного века. В верхних слоях было найдено незначительное количество посуды «позднегородецкого облика», представленной керамикой с шамотом. Современные исследования А.В. Михеева подтвердили наличие на этом памятнике слоя II тыс. н. э. (Михеев, Отчет за 2015 г.).

Итоги первых полевых исследований МарАЭ с развернутой научной интерпретацией полученного материала освещены в «Материалах к археологической карте Марийской АССР» (Архипов, Халиков, 1960) и в «Трудах МарАЭ» (Халиков, 1962, с. 153–187; Архипов, 1962, с. 206–231).

В 1958, 1963 и 1965 гг. МарАЭ под руководством Г.А. Архипова были начаты раскопки Дубовского могильника и вскрыто 30 погребений. Могильник располагался на краю жилого поселка, и дальнейшее его изучение было невозможным. В 1980-е годы в связи с работами по подготовке к строительству Чебоксарского водохранилища поселок был снесен, и исследование памятника продолжено. В 1980–1981 гг. на могильнике было изучено еще 52 погребальных комплекса (Архипов, 1964; 1983, с. 135; 1984).

Материалы могильников IX–XI вв. нашли подробное освещение в монографии Г.А. Архипова «Марийцы IX–XI вв.» (Йошкар-Ола, 1973).

С 1969 по 1971 гг. основное внимание Марийской археологической экспедиции было сосредоточено на изучении марийских могильников XII–XIII вв. Г.А. Архиповым обследовано более 100 погребальных комплексов на Выжумском II и III (Архипов, Вайнер и др., 1972, с. 179–180), Починковском и Руткинском (Каховский, Краснов и др., 1970, с. 131; Архипов, Воронина и др., 1971, с. 138) могильниках, расположенных в левобережье Волги и в устье Ветлуги. Результаты раскопок обобщены в монографическом исследовании «Марийцы XII–XIII вв.» (Архипов, 1986).

Изученные с 1969 по 1977 гг. средневековые памятники учтены в очередном выпуске «Матери-

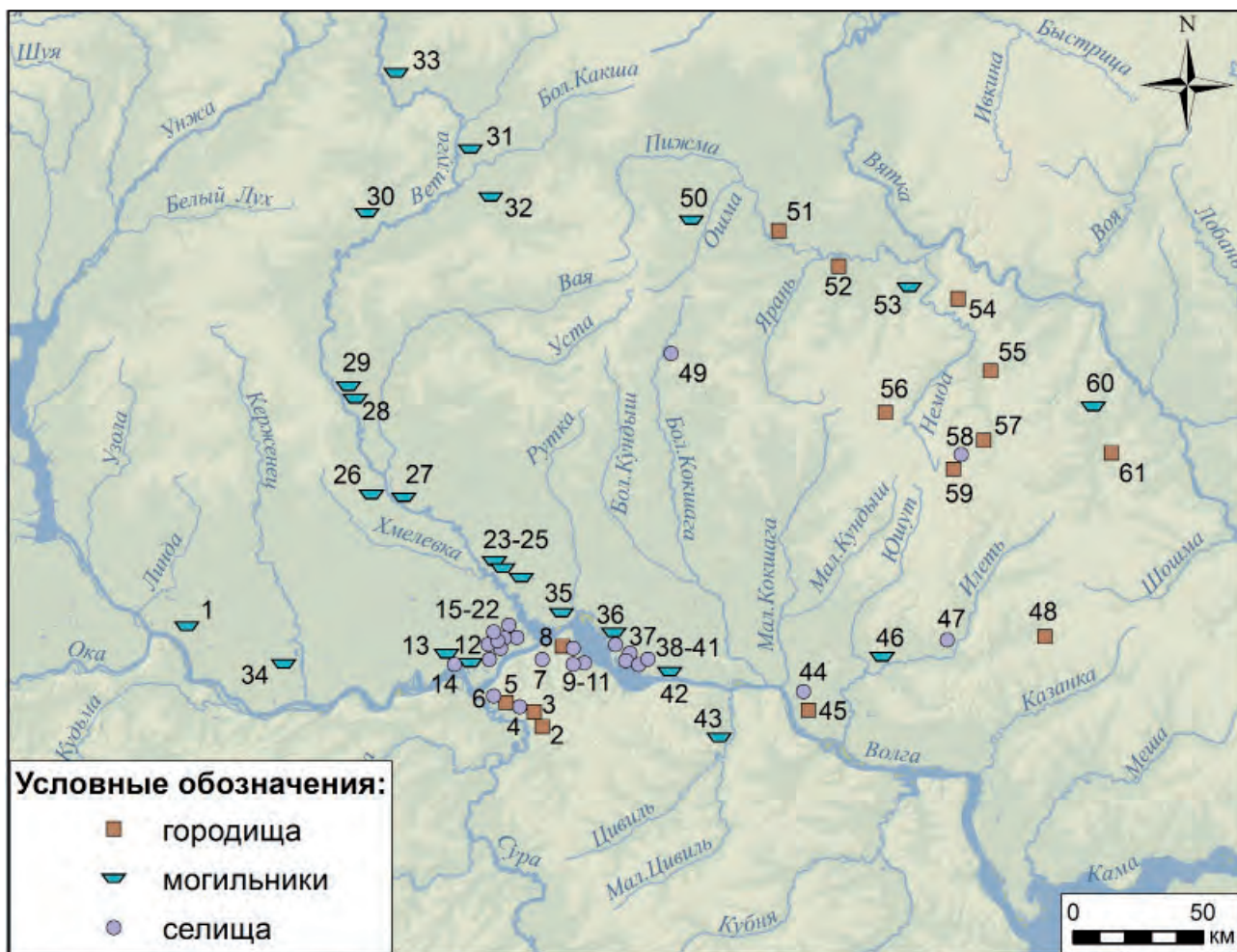

Рис. 1. Карта памятников марийской культуры IX–XIII вв.

- 1 – Кантауровский могильник; 2 – Красноселищенское II городище; 3 – Красноселищенское I городище; 4 – Красноселищенское II селище; 5 – Васильсурское V городище; 6 – Васильсурское селище; 7 – Владимирское селище; 8 – Иванова Гора городище; 9 – Иванова Гора селище; 10 – Иванова Гора II селище; 11 – Шунангерское III селище; 12 – Могильник Нижняя Стрелка; 13 – Починковский могильник; 14 – Починковское селище; 15 – Удельно-Шумецкое селище; 16 – селище Галанкина Гора; 17 – Кривое озеро селище; 18 – Майданское II селище; 19 – Майданское III селище; 20 – Майданское IV селище; 21 – Сутырское III селище; 22 – Сутырское IV селище; 23 – Выжумский могильник; 24 – Выжумский II могильник; 25 – Выжумский III могильник; 26 – Русенихинский могильник; 27 – могильник «Затон Михеева»; 28 – могильник Боровской кордон 1; 29 – могильник Боровской Кордон II; 30 – Ефанихинский могильник; 31 – Черемисское кладбище; 32 – Веселовский могильник; 33 – могильник Кузинские хутора; 35 – Руткинский могильник; 36 – Дубовский могильник; 37 – Дубовское селище; 38 – Паратское селище; 39 – Паратское XVI селище; 40 – Паратское XVII селище; 41 – Паратское XVIII селище; 42 – Амоксарский могильник; 43 – Анаткасинский могильник; 44 – Звениговское городище; 46 – Красногорский могильник; 47 – Нуршаринское селище; 48 – Ашиязское городище; 49 – Пайбулатовское селище; 50 – Юмский могильник; 51 – Еманаевское городище; 52 – Ижевское городище; 53 – Кочергинский могильник; 54 – Бурьгинское городище; 55 – Кузнецовское городище; 56 – Большетананковское городище; 57 – Верхнережежское городище; 58 – Актуганское селище; 59 – Игисолинское городище; 60 – Лопьяльский могильник; 61 – Кушкобияморское городище.

алов к археологической карте Марийской АССР» (Никитин, Старостин, 1978).

Источниковая база по средневековым древностям указанного периода была значительно пополнена начиная с 1970-х годов благодаря широким археологическим исследованиям на р. Вятке, проведенным Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского университета. В резуль-

тате открыт ряд новых памятников. Культурные слои или горизонты интересующего нас периода выявлены при раскопках на Никульчинском, Ковровском, Шабалинском, Котельничском, Хлыновском, Подчуршинском городищах (Лещинская, 1988), на поселениях Искра, Ботыли IV, Лобань 1. На поселении Искра XII–XIII вв. Л.Д. Макаровым обнаружены остатки удмуртского (?) поселения

(Макаров, 1984, с. 94–119). Особо следует отметить крупномасштабные раскопки Л.Д. Макарова и Н.А. Лещинской на Еманаевском городище (Лещинская, 1988, с. 79–107), верхние слои которого выходят на X в.

В 1987 г. открыт и начаты исследования нового могильника «Нижняя Стрелка» в пойме левого берега р. Волги у д. Починок в Юринском районе Республики Марий Эл, которые были продолжены в следующем году. На площади 492 кв. м обнаружено 39 погребений, 11 жертвенных комплексов, ряд отдельных вещей и сосудов, площадка для совершения кремирования покойников (Шикаева, 1989, с. 114–116; Никитина, 1990а, 1990б). Дополнительный материал по этому объекту получен в 2007 г.: на площади 45 кв. м обнаружено 1 погребение и 2 жертвенных комплекса.

В последнее десятилетие МарАЭ возобновлены исследования в Поветлужье и памятники, считавшиеся исчерпанными (могильники Веселовский и Черемисское кладбище), подвергнуты дополнительному изучению. Материалы вошли в обобщающую работу по погребальным памятникам IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья (Никитина, 2012).

Новые памятники были открыты у д. Русениха (Русенихинский могильник) и около поселка им. Михеева (могильник «Затон Михеева») в Воскресенском районе Нижегородской области, а также недалеко от г. Шарья в Шарьинском районе Костромской области (могильник «Кузинские хутора»), уточнено местонахождение Ефанихинского могильника в Ветлужском районе Нижегородской области. В процессе последующих раскопок (2009–2013 гг.) на Русенихинском могильнике была установлена дата памятника в пределах X–XI вв. (Никитина, 2018), а могильник Кузинские хутора по результатам исследований 2014, 2016 гг. датирован IX–X вв. (Никитина, Акилбаев, Шабалина, 2017; Никитина, 2014).

В 2018 году обнаружен новый погребальный памятник – Красногорский могильник X–XI вв. в бассейне р. Илеть.

Археологические памятники. В настоящее время на территории Ветлужско-Вятского междуречья выявлено 19 могильников (Дубовский, Красногорский, «Нижняя Стрелка», Выжумский, Выжумский II, Выжумский III, Руткинский, Починковский, Русенихинский, Затон Михеева, Стрижевский, Веселовский, Черемисское кладбище, Кузинские хутора, Юмский, Вятский, Кочергинский, Борисковский) (рис. 1). Кантауровские и Никитинские находки расположены несколько западнее указанного региона и по географическим привязкам не связаны с указанным регионом, но характер находок убедительно указывает на X–

XI в. и соответствует находкам из марийских захоронений Поветлужья. Значительный интерес представляет Анаткасинский могильник, расположенный на правом берегу р. Волги, имеющий погребальный обряд и вещевой комплекс, идентичный погребальным памятникам Ветлужско-Вятского междуречья.

Среди указанных памятников к периоду XII–XIII вв. относятся только четыре могильника: Выжумские II и III, Руткинский и Починковский с небольшим количеством захоронений. Остальные могильники имеют датировку X–XI вв. (на отдельных возможно выделить немногочисленные погребения IX в.). Между памятниками X–XI вв. и XII–XIII вв. существует ощутимая разница в погребальных традициях и инвентаре.

Значительный интерес представляет Выжумский могильник, имеющий комплекс переходного типа X–XIII вв. Выжумский могильник располагается в Юринском районе Республики Марий Эл на р. Выжум, левобережном притоке р. Ветлуги, на песчаной дюне, заглубленной в лесном массиве, на расстоянии 120–150 м от края террасы (рис. 2: В). Памятник изучался в 2013–2016 гг.; на площади 747 кв. м располагалось 36 погребений и 22 жертвенных комплекса. Погребальный обряд представлен кремацией (4 погр.), ингумацией (28 погр.), кенотафами (2 погр.) и жертвенными комплексами в межмогильном пространстве (22 жк). Преобладающей ориентировкой является северная (С, СЗ, СВ), в одном случае (п. 17) обнаружена ориентировка головой на ЮЗ. В ногах или в изголовье помещались дополнительные комплексы вещей, бронзовые или железные котлы. Бронзовые котлы обложены берестой с внешней и иногда с внутренней стороны, в отдельных из них внутрь поставлена деревянная чаша. Практиковалось использование подстилок и покрытий из дерева или луба. На вновь изученном памятнике обнаружено значительное количество жертвенных комплексов в межмогильном пространстве. Отдельные комплексы имеют подстилку из войлока или войлочные коврики.

В составе инвентаря выделяются украшения, маркирующие марийскую культуру Ветлужско-Вятского междуречья: головные цепочки (пп. 9, 17, 22, 34, жк 4), височные кольца, в том числе и браслетообразные с одним отогнутым концом (пп. 17, 18, 24, жк 9, 15), накосники с металлическими и костяными пронизками и копоушками (п. 6, 9, жк 13), различные шумящие подвески. В погребениях также встречаются кожаные ремни с металлическими пряжками и накладками и большое количество браслетов, что также характерно для могильников Ветлужско-Вятского междуречья X–XI вв. Значительный интерес представляет тот

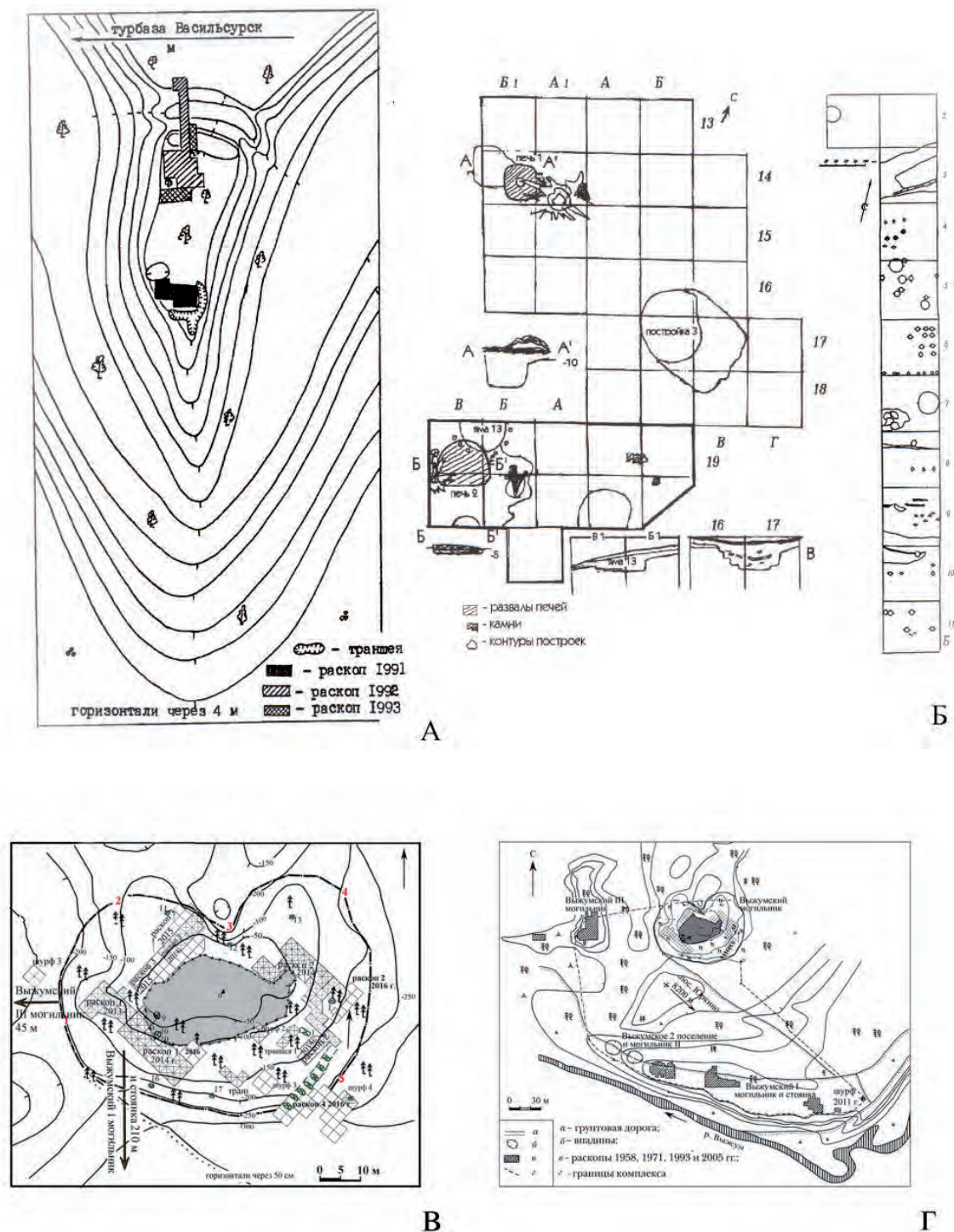

Рис. 2. А – план Васильсурского V городища; Б – план раскопа на Васильсурском V городище; В – план Выжумского могильника; Г – план Выжумского археологического комплекса

факт, что в материалах достаточно многочисленны вещи, имеющие аналогии в памятниках Древней Руси и прилегающих территорий конца XI–XII вв. Наиболее вариативны браслеты: витые и плетеные с завязанными концами (жк 3, 4, 7, 15, п. 25, 32, 33), с концами в форме звериных головок (пп. 6, 21, 22, 25, 26, 29, 32, 33, жк 4, 2, 14).

В числе перечисленных погребальных памятников выделяется могильник «Кузинские хутора»,

расположенный на коренной террасе левого берега речушки Кузинки, левого притока р. Ветлуги. Памятник известен с 2013 г., на нем вскрыто 25 погребений. Обряд захоронения представлен 19 погребениями с кремациями (пп. 1–8, 11, 13, 14, 16–18, 20, 22–25), 1 погребение отнесено к кремации условно (п. 9). Три разрушенных (п. 12, 15, 19) погребения также связаны с обрядом кремации. В двух погребениях (п. 10, 21) кости не со-

хранились, поэтому их с одинаковой степенью вероятности можно считать кенотафами или несохранившимся труположением. Могильник характеризуется нестандартным для данного региона обрядом кремации и устройством могильных ям, а также значительным процентом вещей прикамского облика в составе сопровождающего инвентаря.

Материалы поселений изучены слабо. Несмотря на многочисленные разведки на территории, занятой могильниками этого периода, поиски поселений пока не дали желаемых результатов. Поселенческий материал представлен немногочисленными городищами и селищами, а также разрозненными находками на памятниках смежных археологических периодов. С X в. исследователи связывают завершающий этап функционирования Еманаевского городища (Лещинская, 1988), с XII–XIII вв. – селище Искра (Макаров, 1984) на р. Вятке.

Наиболее информативный материал по периоду XI–XIII вв. представлен на Васильсурском V городище «Репище». Городище расположено в 3000 м к ЮЗ от п. Васильсурск на коренной террасе правого берега р. Суры, на узком мысу между двумя глубокими оврагами (рис. 2А). Площадка имеет длину 50 м и ширину у вала 24 м. Высота городища в районе стрелки 48 м от уровня поймы р. Суры. Боковые склоны более крутые и от дна оврагов имеют высоту 28–29 м. С напольной стороны площадка ограждена двумя валами и двумя рвами. Стационарное изучение памятника проводилось в 1991–1993 гг.; изучена площадь 296 кв. м (Никитина, Отчет 1991 г.; Отчет 1992 г.; Отчет 1993 г.). Выявлено два стратиграфически разделяющихся культурных слоя. Нижний слой толщиной до 80 см связан с поселением эпохи бронзы, к которому относятся жилища-землянки с очагами и хозяйственными ямами. Верхний культурный слой (20–40 см) отражает период функционирования городища в эпоху Средневековья; с этим периодом связаны система укреплений, остатки наземных хозяйственных построек и печей.

В слое найдено 1656 фрагментов керамики, из них 1547 от лепных плоскодонных горшков с примесью шамота и 109 фрагментов от гончарных сосудов с примесью органики или дресвы, а также глиняные пряслица и грузила, изделия из черного и цветного металла.

Датировка средневекового слоя и объектов (постройка 3 и развал печи) основаны на находках керамики с волной, створки креста-энколпиона (Полубояринова, 1993, с. 82, рис. 28, 2) и железного цилиндрического замочка (Никольская, 1981, рис. 101; Краснов, Каховский, 1978, с. 136, рис. 70).

Два селища, Отарское и Мари-Луговское на левобережье Волги, имеют иной облик и отнесены предшественниками к болгарской культуре домонгольского периода (Халиков, 1962, с. 180–183).

Для изучения этнических процессов на Вятке значительный интерес представляет поселение Искра (Макаров, 1984), расположенное в Котельничском районе Кировской области на правом берегу р. Вятки. Два сооружения, яма и слой толщиной 5–15 см связаны с эпохой Средневековья.

Отдельные находки XII–XIII вв. обнаружены на поселениях горного правобережья Волги на территории Марийско-Чувашского Поволжья: Носельское, Барковское, Юльяльское селища, но совокупность всего материала позволяет эти памятники датировать более поздним периодом XIV–XV вв. (Никитина, Михеева, 2006). При этом следует сделать оговорку, что исключить XIII в. из периода их существования однозначно нельзя. Вполне возможно, что начало их существования связано именно с XIII в.

Материальная и духовная культура. Все памятники Ветлужско-Вятского междуречья привязаны к водоемам и преимущественно большинство располагается в поймах крупных рек Вятки, Ветлуги и Волги и их притоков. Погребальные памятники занимают дюнные всхолмления и гривы близости стариц, в разной степени возвышаясь над окружающей их местностью. Лишь Русенихинский и Ефанихинский могильник расположены на террасе правого берега р. Ветлуги на топографически выраженных площадках в виде мыса между краем береговой террасы и притоком или оврагом, соединяющимися с рекой. Селища располагаются на невысоких надлуговых террасах или на возвышенностях в поймах рек, городища на высоких мысах береговых террас. Последние имели систему дополнительных оборонительных сооружений.

Довольно интересная система укреплений прослежена на Васильсурском V городище (Репище) XI–XIII вв., состоявшая из двойной линии укреплений. С напольной стороны площадка ограждена двумя валами и двумя рвами. Высота первого вала от уровня современной дневной поверхности площадки городища составляет 133 см. Глубина первого рва от верхней точки вала – 194 см. Глубина второго рва составляет 139 см. Высота второго вала от нижней точки первого рва составляет 217 см, а от нижней точки второго рва 263 см. Изучение памятника сплошной траншеей позволяет предположить, что на верхушке внешнего вала сооружалась крепостная стена по типу клетей, а на гребне внутреннего вала укрепление из двух деревянных стен столбовой конструкции, пространство между которыми забутовано землей, дерном

и глиной. На склонах обоих валов ставились однорядные стены столбовой конструкции, создающие дополнительное препятствие для атакующих. Во рву перед внутренним валом были натканы колья, вероятно, с заостренными верхушками, а на дне внешнего рва вырыты дополнительные каналы, перекрытые хворостом или плетнем, которые служили западнями, т. е. своеобразными «волчьими» ямами. Через ров между валами, вероятно, был перекинут деревянный настил, который убирался на ночь или в случае опасности. Для полной реконструкции оборонительных укреплений на валах необходимо изучение последних не отдельной траншеей, а сплошной площадью.

На Игисолинском городище рубежа I–II тысячелетия н. э. траншеей шириной в 2 м обнаружена внутри вала забутовка из глиняных блоков, а в валу одновременного ему Кушко-Билиморского городища – каменная вымостка.

На рубеже I–II тыс. н. э. и в начале II тыс. н. э. сокращается количество городищ. Население в основном переходит на селища. Селищ известно более 20. Точную цифру определить затруднительно, так как в настоящее время известно много местонахождений средневековой керамики с разрушенным современными деревьями культурным слоем, которые также являются, по всей видимости, свидетельствами расположения в этих местах древних селищ.

Селища располагаются в основном на дюнных всхолмлениях, в поймах рек (55%) и на первых надпойменных террасах (33,3%).

Начиная с I тыс. н. э. в этом регионе преобладают жилища наземных конструкций, что затрудняет их выявление на размытых и раздутых дюнах в пойме. В большинстве случаев от таких построек сохраняются только очажные пятна от отопительных очагов. Более убедительной является реконструкция построек с печным отоплением. Но, к сожалению, в настоящее время такие постройки выявлены только на одном памятнике: Васильсурском V городище. От построек сохранилось небольшое натоптанное гуммированное заполнение, подтверждающее наземный характер сооружений. Выявленные развалы двух печей представляли собой сплошные скопления обожженной глины подквадратно-округлой формы размерами 140×125 и 1,75×1,8 м, имеющие в профиле форму купола (рис. 2Б). Почти по центру у одной из печей зафиксировано отверстие диаметром 30 см. Глиняная обмазка с включениями в формовочную массу органики, песка, мелкого камня набита на прутьяную основу, от которой на отдельных кусках сохранились четкие отпечатки. Обмазка двусторонняя: верхний слой составляет 3–4 см, нижний, внутренний слой обмазки у печного пода дохо-

дит до 8 см. Под печи состоял из плотной, сильно прокаленной до стального цвета глины толщиной 10 см и лежал без опечка на грунте, на углистой прослойке. Под подом выявлены подпечные ямы, заглубленные в грунт. Заполнение ям составляет сильно гуммированный слой с фрагментами керамики и прокаленной глины.

Сходные конструкции печей обнаружены также у других финно-угорских народов. Аналогичная конструкция нижней подовой части печи выявлена на удмуртском городище Весьякар IX в. (Семенов, 1985а). Е.И. Горюнова похожие «глинобитные очаги с подом, выложенным валунами, и куполовидным сводом» (Горюнова, 1961, с. 167; Горюнова, 1963, с. 142) на муромском Тумовском селище XI в. назвала «чувалами». Печи, реконструированные по оставшимся развалам, в большей степени приближаются к округлым в плане глинобитным печам, хорошо известным на славянских поселениях (Раппопорт, 1975, с. 123, 136). Появляются они в X в., а со второй половины X–XI вв. этот тип печей становится господствующим на всей славянской территории лесостепи, за исключением Поднестровья. С XI в. начинается их продвижение в северные районы, в том числе на Волгу и Новгородскую землю (Раппопорт, 1975б, с. 151, 152).

На Васильсурском V городище (Репище) удалось проследить контуры постройки хозяйственного назначения с подполом (постр. 3). Первоначальные очертания наземной части постройки имели форму неправильного прямоугольника размерами 420×288 см, ориентированного по линии 3–В. Подпол размерами 260×220 см зафиксирован в северо-западной части постройки; в подпол с северной стороны вели ступеньки. Обнаруженные постройки с использованием данных по марийской этнографии можно реконструировать как клеть-амбар с подполом (Козлова, 1958, с. 116–117; Сепеев, 1982), которые имеют два этажа и используются для хранения продуктов и как место ночлега в летний период. По археологическим наблюдениям невозможно сказать, были ли выявленные нами постройки двухэтажными, но площадь наземной части также позволяла использовать их в качестве летнего жилья.

Постройки, использованные в качестве летнего жилища другого типа, выявлены на поселении Искра. Они представляют собой слегка углубленные прямоугольные помещения наземного типа с очагом (Макаров, 1984, с. 97–100).

Хозяйственные постройки, совмещающие функцию кладовой и летнего жилья, известны и у других финно-угорских народов: муромы (Горюнова, 1961, с. 167), удмуртов (Семенов, 1982; 1985а).

На Еманаевском городище обнаружены остатки сооружения земляночного типа овальной формы диаметром 5,5 м, глубиной 1,8 м с наклонными стенками, укрепленными деревом (жердями?) (Лещинская, 1988, с. 82). Исследователь памятника Н.А. Лещинская предполагает жилой характер данного сооружения. Учитывая, что городище функционировало длительный период с VII по X вв., связать однозначно эту постройку с X в. проблематично.

На Васильсурском V городище выявлены глинобитные площадки размером 190×170 см и толщиной прокаленной глины 10–15 см. Вокруг глиняной обмазки культурный слой имел мощность 20 см (т. е. на 5 см глубже, чем в остальной части раскопа) и содержал керамический материал, соответствующий слою поселения. По аналогиям на соседних территориях (Мало-Венижском городище IX–XII вв. н. э. (Семенов, 1982, с. 42), Тумовское муромское селище IX–XI вв. (Горюнова, 1961, с. 168) похожие площадки интерпретированы в качестве токов для обмолота зерна. Подобные токи широко известны в лесной полосе Восточной Европы в XX столетии (Харузин, 1895).

Наиболее массовыми, а зачастую единственными находками на поселениях являются фрагменты керамики. Керамика X–XIII вв. лепная и представлена двумя группами: плоскодонной и круглодонной. Наиболее представительна серия плоскодонной посуды на Васильсурском V городище – 2700 фрагментов и состоит из горшковидных и мисковидных сосудов. Основная масса посуды неорнаментирована, за исключением единичных фрагментов с прочерченной волной или оттисками штампов.

Отдел I. Сосуды изготовлены из глины с примесью шамота, имеют грубую бугристую поверхность, горшковидную форму вытянутых пропорций с короткой шейкой, раздутым туловом (рис. 3: 8, 9). Наибольшая ширина плечиков в верхней трети сосуда. Венчики или прямые, или слегка отогнутые с округлым или плоскосрезанным краем. Отдельные экземпляры имеют с внутренней стороны желобок.

Отдел II. Неорнаментированные фрагменты светло-коричневого цвета, местами даже красноватые, изготовлены из глины с примесью мелкотолченого шамота и песка, стенки тонкие и хорошо обожжены. Целых форм не восстанавливается. В отчетах эта керамика отнесена к разряду неопределенной. Стратиграфические наблюдения показывают, что она залегает на глубине от 0 до 40 см совместно с керамикой первого отдела и не встречается глубже с посудой эпохи бронзы. На соседнем средневековом однослойном городище Красное селище, раскопанном в 1995 г., такая по-

суда встречается совместно с керамикой первого типа и составляет большинство.

На городище также есть незначительное количество керамики, изготовленной на гончарном круге, которая имеет более тонкий и прочный черепок, в тесте примесь раковины и/или дресвы (рис. 3: 11, 12). Днища плоские, ровные. На днищах заметны отпечатки подставки. Некоторые фрагменты имеют прочерченный орнамент из одно-, двух- и трехрядной волны. Венчики отогнутые, на некоторых с внутренней стороны имеется наплыв. Целые формы не реконструируются. Фрагменты лепной и гончарной посуды одновременны. Они фиксируются совместно как в культурном слое, так и в развале печи и заполнении ям. Данная посуда представляет значительный интерес, так как демонстрирует наиболее ранние образцы «славяноидной» посуды, расцвет которой приходится на XIV–XV вв., и тема, соответственно, будет рассмотрена в следующем томе.

Значительный интерес представляет керамика Еманаевского городища. Керамическая коллекция представлена около 2000 фрагментов керамики от 109 сосудов. К сожалению, деления керамики на хронологические периоды не проведено, а памятник датирован с VIII по X век, поэтому мы обращаемся к комплексу керамики в целом. Подробный анализ посуды по этому памятнику дан в предыдущем томе, но для выяснения этнокультурной ситуации в регионе важно отметить, что среди материалов Еманаевского городища выделена плоскодонная и круглодонная посуда, а в качестве примесей в формовочной массе отмечены песок, шамот, раковина (Лещинская, 1988, с. 85). К сожалению, исследователь недостаточное внимание уделила группе горшковидных сосудов, ограничившись упоминанием 12 плоских днищ (Лещинская, 1988, с. 89). Круглодонная керамика, как это вполне справедливо отмечает Н.А. Лещинская, характеризуется близостью с верхнекамской, чепецкой и комплексами Южной Удмуртии. Наибольшую степень сходства, по ее мнению, керамика обнаруживает с материалами ломоватовской и чепецкой культур, что сказывается в преобладании традиционно прикамских чаш низких пропорций с округло-уплощенными днищами и слабопрофилированным туловом (Лещинская, 1988, с. 106).

На поселении Искра керамика изготовлена из глины с примесью шамота, песка или толченой раковины, имела чашевидную форму с уплощенным дном (рис. 3: 7) (Макаров, 1984, с. 99–100).

Две керамические традиции (плоскодонная и круглодонная) прослежены и по материалам могильников. Круглодонные чаши, изготовленные из глины с примесью органики, с орнаментом из веревочных оттисков и штампов обнаружены в

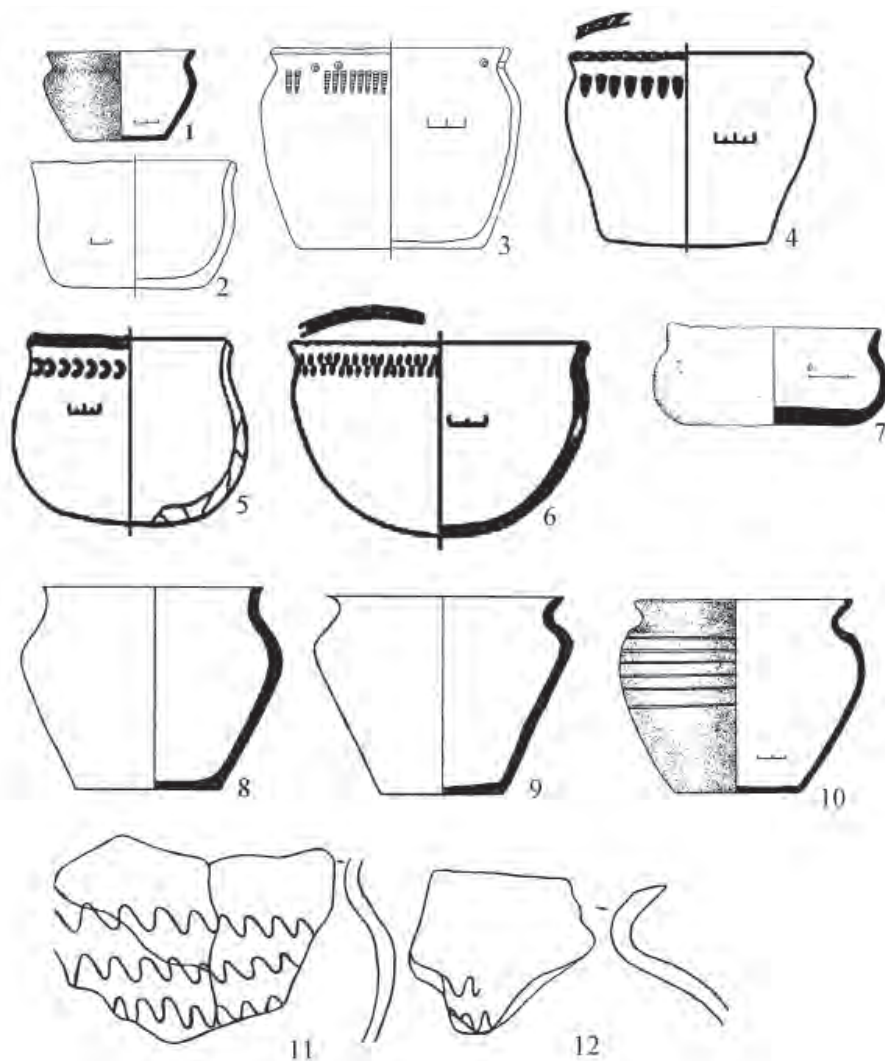

Рис. 3. Керамическая посуда

1 – Руткинский могильник, п. 44; 2 – Выжумский могильник, п. 27; 3 – Выжумский могильник, п. 32; 4 – «Нижняя стрелка», п. 4; 5 – Дубовский могильник, п. 37; 6 – Выжумский могильник, п. 21; 7 – поселение «Искра»; 8, 9, 11, 12 – Васильсурское V городище «Репище»; 10 – Руткинский могильник, п. 16.

Кочергинском, Юмском и Дубовском могильниках IX–XI вв. и Выжумском X–XIII по 1 экземпляру (рис. 3: 5). Встречаются смешанные традиции: плоскодонный горшок из глины с примесью органики в п. 6 могильника «Нижняя Стрелка» или круглодонный сосуд без примесей в п. 21 Выжумского могильника. Основная часть посуды представлена плоскодонными сосудами горшковидной или мисковидной формы из глины с примесью шамота или без видимых примесей (рис. 3: 1–4). Изредка на поверхности отиски штампов. С XIII в. на горшковидных сосудах появляется орнамент горизонтальных полос, аналогичный орнаментации древнерусских горшков (рис. 3: 10). Но основная масса посуды на протяжении всего периода остается неорнаментированной.

Металлическая посуда представлена бронзовыми, железными котлами и чашами из цветного ме-

талла. Железные котлы полусферической формы однотипны, изготовлены из отдельных, довольно толстых пластин с помощью заклепочных соединений, имеют железные ушки из прямоугольного или квадратного в сечении дрота с раскованными окончаниями и дужку из прокованного дрота (рис. 4: 4). Такие котлы найдены в погребениях XI в., в отдельных случаях в начале XII в. В более позднее время железные сборные котлы не встречены.

Медные котелки характерны для всего рассмотренного периода, имеют цилиндрическую форму с чуть выпуклым дном, изготовлены из отдельных листов с помощью швов «в зубец» и, возможно, фальцовки (рис. 4: 5). Изделия XII в. отличаются использованием в качестве подкладки под венчик узкой металлической полоски (Никитина, Руденко, 1998, с. 86–88).

Рис. 4. Посуда

1 – Веселовский могильник, п. 17-18; 2 – «Нижняя стрелка», п. 23; 3 – «Черемисское кладбище», жк 2; 4, 5 – Веселовский могильник, подъемный материал. 1, 2, 5 – цветной металл; 3 – дерево; 4 – железо.

Интересными находками являются чаши из цветного металла. В настоящее время в древнемарийских могильниках их найдено 11 экземпляров (Веселовский, Дубовский, Нижняя Стрелка, Русенихинский). Сосуды изготовлены из оловянистой бронзы. Преобладающим компонентом являлась медь (от 72% до 83%), а основной добавкой – олово (от 15% до 26,44%). Поверхность чаш латинировалась, цвет матово-серый до черного. Все изделия изготовлены горячей ковкой по литой заготовке. Сосуды имели полусферическую форму с округлым или уплощенным дном, высоту 4–4,5 см, диаметр 14–15 см.

По способу нанесения орнамента выделяют две группы чаш. Чаши одной группы имеют орнамент, выполненный давлением в виде объемных ложков вокруг центрального медальона, обозначенного несколькими окружностями (3 экз.). Чаши второго вида (8 экз.) орнаментированы только изнутри с помощью специальных ин-

струментов: обычного резца и фигурного сверла, украшены зооморфными изображениями в центре сосудов (рис. 4: 2) или геометрическими композициями (рис. 4: 1). Аналогичные по форме, размерам, способу орнаментации чаши известны на Семеновском I селище в Татарии (Руденко, 1990, с. 211–217, рис. 13), в п. 72 Малышевского могильника (Никитина, Руденко, 1992), Западной Сибири (Федорова, 1981, с. 148–152; 2009). Орнаментированные мотивы и сюжеты изображений свидетельствуют о близости чаш Среднего Поволжья к изделиям Средней Азии и Ирана. Однако сосуды иранского происхождения отличны по своему внешнему виду: толстостенны, массивны, тяжеловесны. Орнамент в большинстве случаев наносился на внешнюю, а не на внутреннюю сторону чаши. Вероятно, чаши, найденные в марийских могильниках, изготавливались другой школой мастеров, но, безусловно, знакомых с художественным творчеством мусульманского Востока.

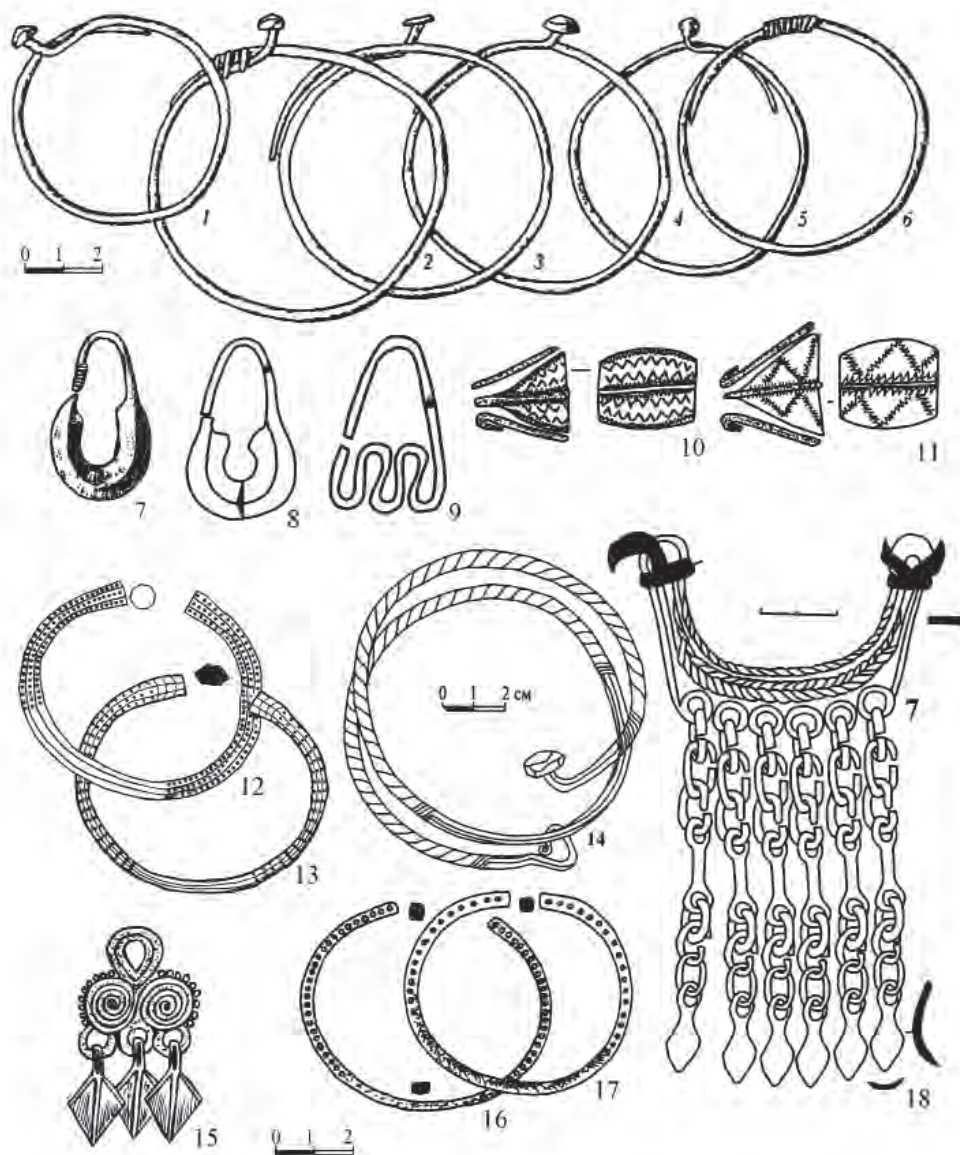

Рис. 5. Украшения X–XI вв.:

1 – Веселовский могильник, раскопки 1929 г.; 2, 7 – Веселовский могильник, п. 8; 3, 10, 11, 13 – Веселовский могильник, п. 12; 4 – «Нижняя стрелка», п. 6; 5 – «Нижняя стрелка», п. 7; 6 – Веселовский могильник, п. 26; 8 – Русенихинский могильник, жк 6; 9 – Русенихинский могильник, п. 5; 12 – Веселовский могильник, п. 5; 14 – Русенихинский могильник, п. 3; 15 – «Нижняя стрелка», жк 4; 16, 17 – Веселовский могильник, п. 16; 18 – Русенихинский могильник, п. 8. 1–18 – цветной металл.

1–9 – височные украшения; 10, 11 – перстни; 12–14, 16, 17 – браслеты; 15 – подвеска; 18 – поясное украшение.

Маришцы использовали для различных целей и деревянную посуду. Деревянные чаши имеют хорошо обработанную гладкую поверхность, округло-уплощенное дно, по венчику окантованы накладками из тонких серебряных пластинок, по венчику иногда орнамент в виде прорезных параллельных полос или кружевной резьбой (рис. 4: 3). Серебряные пластинки часто вырезались из дирхемов.

Костюмный комплекс IX–XI вв. характеризуется четко фиксируемыми этноопределяющими маркерами, обозначенными еще Г.А. Архиповым:

головной убор, состоящий из налобного венчика и медных цепочек; браслетообразные височные кольца с заходящими концами, один из которых отогнут и имеет различное оформление в виде утолщения грибовидной или многогранной головки (рис. 5: 1–6); трапециевидные ажурные пластинчатые подвески с конскими головками (рис. 6: 5); арочные подвески со сплошной основой; усатые широкосрединные перстни (рис. 5: 8–9) (Архипов, 1973, с. 17–40; 1991, с. 18). Благодаря широкому современным исследованиям список этнокультурных украшений дополнен на-

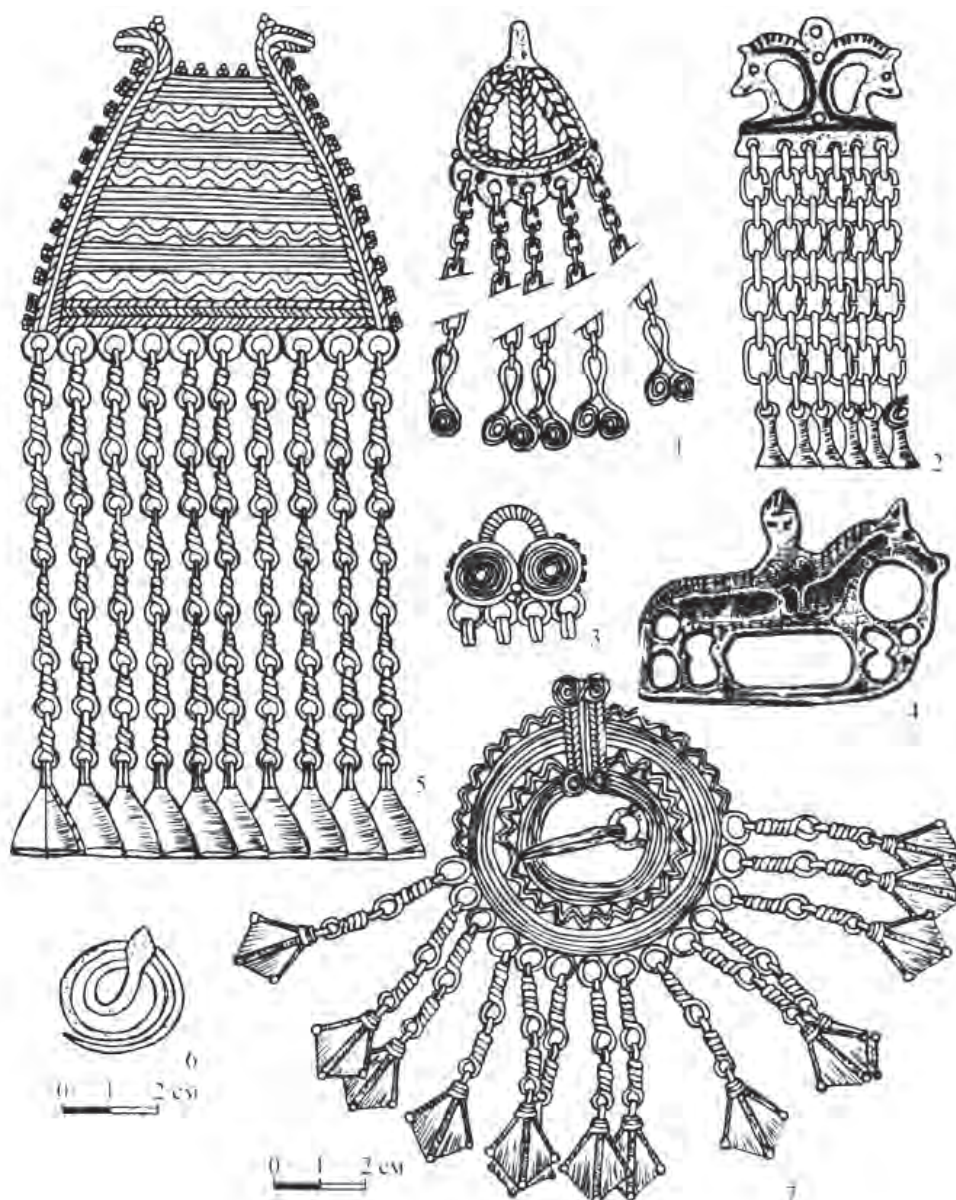

Рис. 6. Украшения X–XI вв.

1–3 – «Нижняя стрелка», жк 4; 4 – Веселовский могильник, п. 8; 5 – «Нижняя стрелка», п. 29; 6, 7 – «Черемисское кладбище», п. 14, 15. 1–7 – цветной металл.

косниками, ажурными круглыми шумящими подвесками (рис. 6: 7), обувными украшениями (рис. 5: 15; 6: 3), браслетами и т. д.

Благодаря проведенному антропологическому анализу погребенных останков установлено, что головные цепочки и браслетообразные височные кольца связаны с захоронением женщин возрастной категории 20–40 лет. Подобный убор носили женщины репродуктивного возраста или более старшие женщины в том случае, если они имели определенный почтенный статус в обществе (например, литейщицы). Значительный интерес имеют находки налобных венчиков. Хорошая реконструкция этих венчиков была сделана А.Х. Халиковым и Е.А. Безуховой (Халиковой): они имели

длину 15–20 см, иногда более 30 см, ширину 3–3,5 см и украшены вышивкой или металлическими накладками. В венчиках прослеживается сходство с «нашмаком» (термин из мар. яз.), предназначенным для крепления головного полотенца «шарпана» на голове. Вместе они составляли головной убор замужних женщин «шарпан-нашмак».

Женский костюм включал: нательную рубашу, меховой кафтан, рукавицы, пояс и многочисленные украшения: нагрудные, браслеты и перстни (рис. 7: 1–4). Одежда (концы головных полотенца, вырезы и рукава рубах и даже кафтаны) были богато украшены вышивкой из металлической нити. Показательной деталью марийского костюма являются браслеты (рис. 5: 12–14), которые распо-

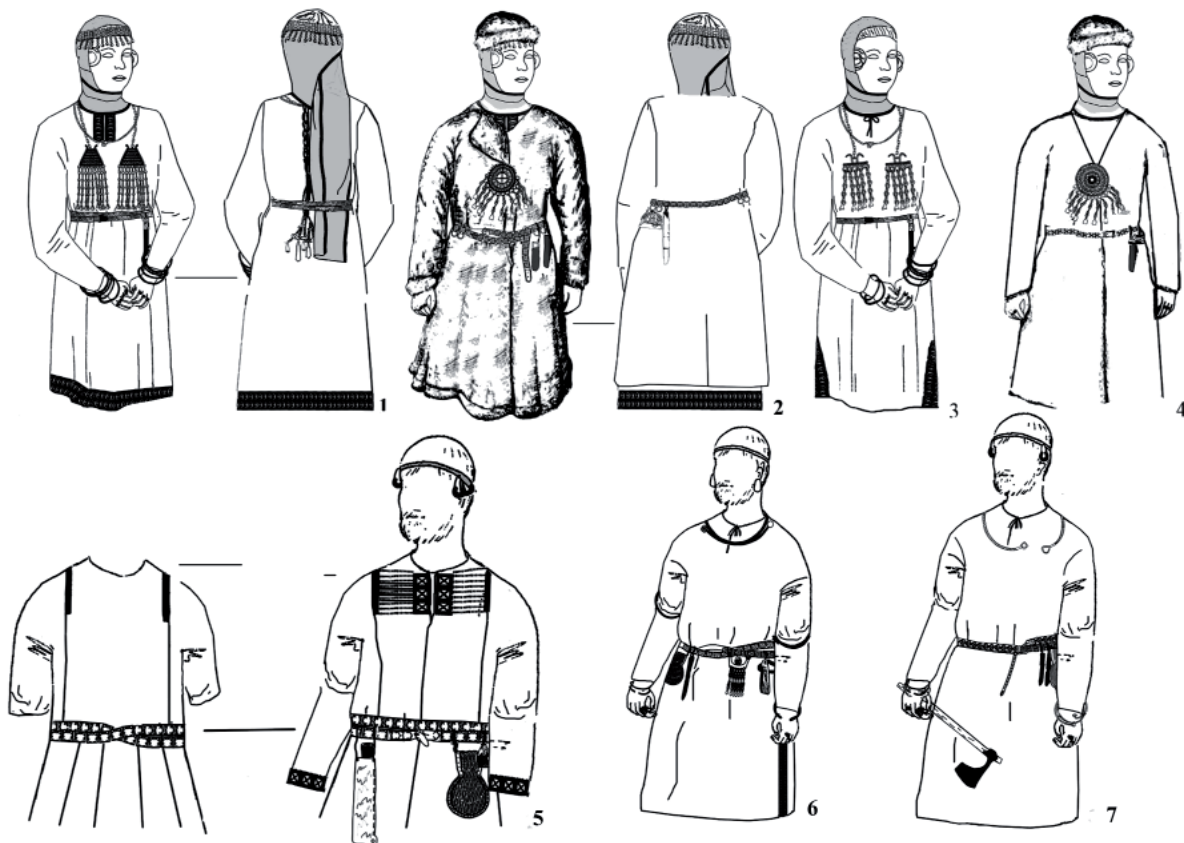

Рис. 7. Реконструкции костюмов по материалам Русенихинского могильника: 1, 2 – погребение 6; 2-4 – погребения 2; 5 – жк 6; 6 – погребение 8; 7 – погребение 3.

лагаются в мужских и женских захоронениях. В женских захоронениях их количество 6–16 экземпляров в 1 погребении. По количеству браслетов в погребениях и количеству погребений с браслетами марийские могильники близки захоронениям поволжских финнов (муроме и мордве) и существенно отличаются от других памятников окружающих народов.

Определенное представление о марийской культуре дает обувь.

Обувь, преимущественно по украшениям, была реконструирована Е.А. Халиковой и А.Х. Халиковым по материалам Веселовского могильника и отнесена к типу поршней (Халиков, Безухова, 1960, с. 48). Реконструкция впоследствии подтверждена Г.А. Архиповым на материалах других памятников (Архипов, 1961, с. 134–135). Раскопки Русенихинского могильника позволили восстановить отдельные детали кроя, это тем более важно, что обувь относится к числу этномаркеров культуры.

Обувь изготовлялась из одного или двух кусков кожи, соединенных на заднике швом и собранных в верхней части кожаным шнурком с нанизанными украшениями: петлевидными или очковидными подвесками, бронзовыми пронизка-

ми или прямоугольными планками с шумящими подвесками. Носок имел вшитый треугольник из кожи, украшенный металлической нитью и пронизками. Вокруг вставленного треугольника кожа плотно собрана с помощью четырех рядов цветных нитей. Петлевидные и очковидные подвески служили не только украшением, но держали шерстяные шнурки, которые оборачивались вокруг ноги. На заднике пришиты умбоновидная подвеска с привесками и пять металлических бусин с продетыми кожаными шнурками (два шнурка по 30 см). По мнению предшественников, кожаные тапочки носились на шерстяной чулок, упоминаемый об онучах в этих описаниях не встречается. Те незначительные фрагменты ткани, которые нам удалось обнаружить, к сожалению, не позволяют делать однозначных выводов. Но нужно отметить, под шнурками находились фрагменты достаточно тонкой шерстяной ткани саржевого переплетения без швов, более похожие на онучи. По данным этнографии, «онучи делались обычно из холста или неокрашенной пестряди (для лета) и из белой домашней полушерстяной или шерстяной ткани (для зимы)» (Сепеев, 1975, с. 181), перевязывались сверху шнурком или веревкой (Лоссиевский, 1881, с. 171) или «лентой из красного сукна» (Фи-

лоненко, 1914, с. 8). В жк 11 Русенихинского могильника обнаружен кусок бересты, который служил подошвой обуви. Безусловно, такая нарядная обувь с множеством металлических украшений была праздничной или только обрядовой. Для повседневного использования в лесной зоне с множеством мелких веток и сучков она была не очень практична. В быту, вероятно, использовались более простые варианты обуви.

Близкие формы обуви существовали у муромы (Городцов, 1914, рис. 33, 34, 39, 40, 47, 61; Гришаков, Отчет 1986 г., табл. 46, 81). Кожаная обувь с втачным носом зафиксирована в мордовских захоронениях (Петербургский, Аксенов, 2008, с. 59; Петербургский, 2011, с. 107; Мартьянов, 2001, с. 270; Воронина, 1974, с. 38). Эта традиция волжских финнов находит свои истоки в более раннем периоде. Несмотря на сходство основных элементов и кроя обуви волжских финнов, каждый народ имел свои особенности в формах украшений. На основании этих особенностей обувные украшения можно использовать в качестве этноопределяющего маркера.

В последние годы, особенно при раскопках Русенихинского могильника (пп. 3 и 8, а также жк 6), получен значительный материал для реконструкции мужского костюма. Мужские костюмы имели нательную рубашу из кожи или ткани (рис. 7: 5–6). В районе висков обнаружены проволочные серьги или височные украшения калачевидной или овальной формы. Рубаша во всех случаях подпоясана кожаным ремнем, который являлся наиболее значимой деталью и богато декорирован металлическими накладками. К ремню мужчины из погребения 8 привешена поясная подвеска из цветного металла. К ремню на кожаных ремешках привешивались кошельки из бобрового хвоста и необходимые бытовые вещи: нож или два ножа, кресало, оселок. Руки украшены браслетами (от 3 до 8 шт.). Только в мужских погребениях обнаружены серебряные браслеты, свернутые из гривен глазовского типа (рис. 5: 14); они носились не на запястье, а выше локтя и предназначались для поддержания рукавов над локтевыми суставами. Украшения рук дополнялись перстнями. Верхней одеждой служил шерстяной, отрезной по талии кафтан или меховая одежда. Судя по этнографической литературе, отрезной кафтан считается одеждой наиболее поздней по сравнению с прямоспинной одеждой туникообразного покроя (Гаген-Торн, 1960, с. 135; Крюкова, 1956, с. 131–133). Находки кафтана в Русенихинском могильнике свидетельствуют о том, что мужской костюм в целом сформировался в X веке.

Как мужчины, так и женщины поверх кафтана носили богатый наборный пояс (рис. 8: 1, 2).

Пояса изготовлены из толстой кожаной ленты шириной 1,5–2 см, на которую крепились металлические накладки, пряжка, наконечник и к ней привязаны на кожаных ремешках дополнительные подвески функционального, сакрального и декоративного назначения. В отдельных случаях кожаная лента обтянута тонкой, вероятно, крашеной, кожей или шелковой тканью (жк 13 Русенихинского могильника). У наиболее статусных членов общества пояса имели также дополнительные боковые ремешки. Каждый пояс имеет свою индивидуальность, которая проявляется в комплектации деталей. Пояса в большинстве случаев имели накладки двух типов, выполненные в одном художественном стиле. Обычно в этом же стиле оформлены пряжка, наконечник и накладки дополнительных ремешков.

Деталей гарнитуры, которые можно было бы однозначно признать изготовленными на месте, не выявлено. Оригинальными являются пятиугольные с боковыми выступами накладки из тонкой фольги (Русенихинский м-к, пп. 8, 13, жк 6, 13) с геометрическим орнаментом (окружности, спирали, прямые линии) и изображением лотоса в сердцевидном обрамлении. Аналогий данным накладками выявить не удалось ни в других марийских захоронениях, ни на соседних территориях. Но считать их местным производством пока нет оснований. Технология тонкостенного литья с использованием восковой модели, а также ажурное литье, рельефный орнамент, преимущественно растительных (геометризованных) форм характерен в конце I – начале II тыс. н. э. для Южной Сибири (Король, Конькова, 2007, с. 145–146).

По материалам Ветлужско-Вятского междуречья удалось реконструировать несколько способов ношения пояса, соответствующих материалам из других марийских могильников: 1) пояс в один оборот; 2) пояс в 1,5 оборота; 3) пояс в 2 оборота (Никитина, 2012).

Наиболее широкие аналогии имеет ношение пояса в 1,5 оборота, при котором к основному кожаному ремню сбоку крепился дополнительный ремешок, конец которого продевался в пряжку и замыкал пояс. Свободный конец основного ремня, богато украшенный накладками и наконечником, перекинут через ремень, образуя на животе еще один ряд (иногда неполный), и свисал вниз. Аналогичные пояса в многочисленных публикациях обозначены как пояса венгерского типа, вероятно, по той причине, что впервые были реконструированы по материалам венгерских могильников Пербете, Башхалом, Яношсаллаш. Автор венгерских реконструкций И. Диенеш связывает их появление с «Понтийской Болгарской державой» (Диенеш, 1959, vol. 86). Название это следует

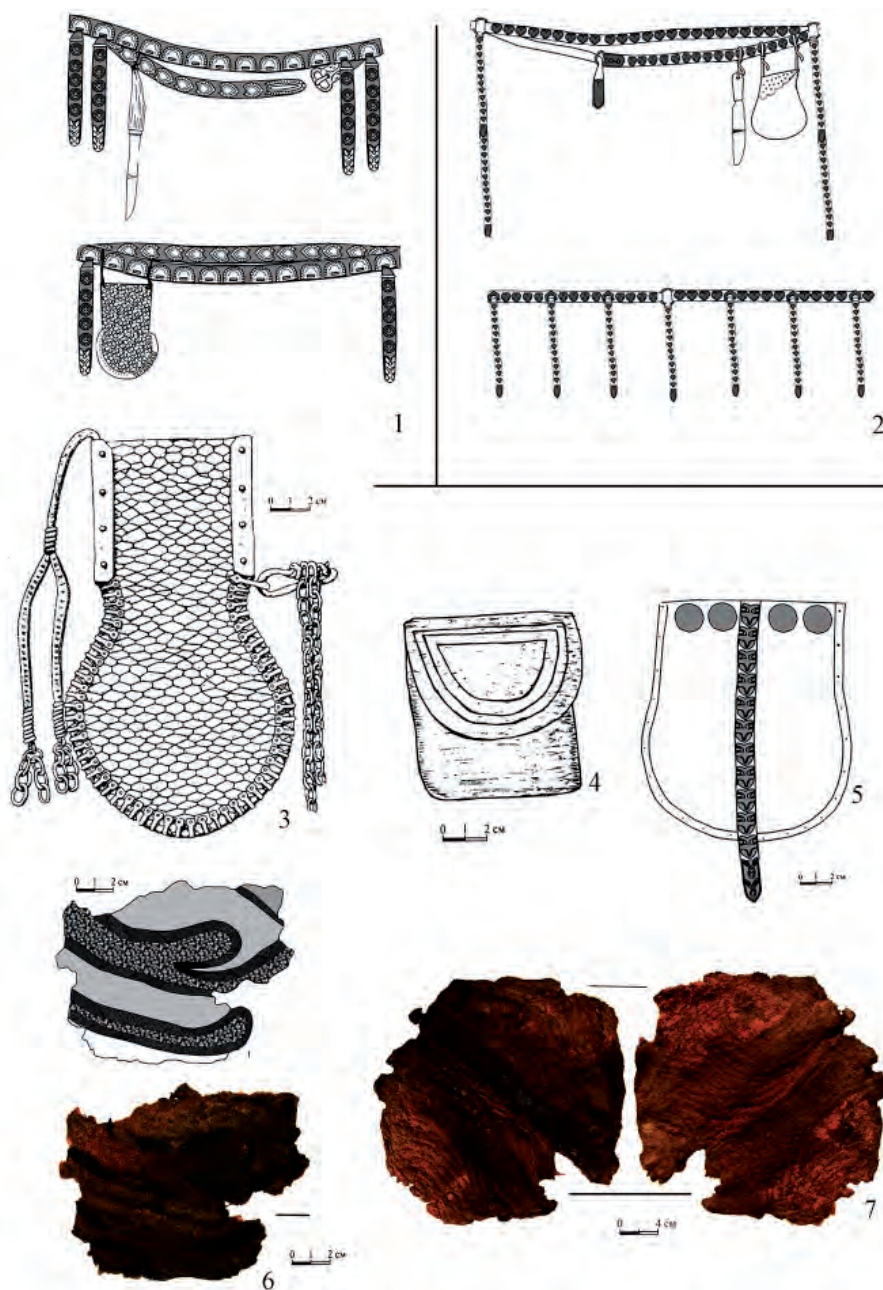

Рис. 8. 1 – Русенихинский могильник, п. 1; 2 – Дубовский могильник, п. 45; 3 – Веселовский могильник, п. 5; 4 – Веселовский могильник, п. 29; 5 – Русенихинский могильник, жк 2; 6 – Русенихинский могильник, жк 11; 7 – Русенихинский могильник, жк 5.
1, 2 – поясные наборы (кожа, цветной металл); 3-5 – кошельки (кожа, цветной металл); 6, 7 – фрагменты войлочных ковриков.

признать условным, так как пояса подобного типа имели широкое распространение у хазар, финно-угорских народов, протоболгар.

Ношение пояса в два оборота является оригинальным для могильников Ветлужско-Вятского междуречья. На других территориях встречается в качестве исключения Крюково-Кужновский могильник (Материалы по истории, 1952, табл. XXVII–1), курган 95 Гнездова (Мурашева, 1997). По мнению В. Мурашевой, «в гнездовском поясе причудливо соединились алтайские и салтовские

традиции, породив абсолютно оригинальное произведение декоративно-прикладного искусства, в котором с варварской непосредственностью использованы различные конструктивные и декоративные элементы, не всегда с точным пониманием изначального их назначения» (Мурашева, 1997). Но следует заметить, что при рассмотрении этого пояса она очень часто обращается к финно-угорским аналогиям.

Пояса из могильников Ветлужско-Вятского междуречья сильно стандартизированы, что про-

является прежде всего в подборе накладок. Уже упоминалось, что обычно использованы накладки двух типов, выполненных преимущественно в одном декоративном оформлении. Зачастую узор повторяется на накладках разных форм. Накладки крепились в упорядоченной комбинации: каждый тип накладок крепился на определенный ярус пояса. Перемещение типов накладок из одного ряда в другой было исключением из правила (возможно, связано с утерей накладки). Таким образом, пояс приобретал не только нарядный, но и строго выдержанный вид. В этом отношении пояса из марийских могильников отличаются от поясов соседней. В поясных наборах Пермского Предуралья встречается три и более типов накладок (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 71, 73–75), расположение которых индивидуально; на мордовских (Воронина, 2007, рис. 61; Зеленцова и др., 2012), древнерусских (Мурашева, 1997) и поясах степных кочевников (Добжанский, 1990) также количество типов накладок превышает цифру 2. Поясные наборы населения полемской культуры, предков северных удмуртов, имели иной облик с включением арочных застежек и умбоновидных подвесок (Иванов, 1998). Пояса из Русенихинского могильника в большей степени соответствуют поясам типа II Б кочевников Азии (Добжанский, 1990, с. 39, 40), которые также отличаются строгой упорядоченностью и ограниченностью в использовании накладок разных типов, но при этом следует отметить, что они имеют другой порядок расположения накладок.

Учитывая, что на каждой территории выделяются свои особенности в комплексе поясного набора, возможно предположить, что, несмотря на единые центры производства металлических деталей пояса, их комплекция производилась на месте проживания носителей. Во всяком случае, накладки из пп. 3 и 9 Русенихинского могильника прикреплены прорезью вверх, что не характерно для поясных наборов других культур и является местной особенностью.

К поясу в большинстве случаев крепились кожаные кошельки, среди которых наиболее распространены кошельки лировидной (в разных работах встречается грушевидной или подковообразной) формы (рис. 8: 3). Кожа изготовлена из бобрового хвоста и имеет ячеистую поверхность. Кошелек шит из двух кожаных пластин, достаточно плотно прилегающих друг другу. Для придания кошельку твердости между пластинами в районе боковых швов использовалась прокладка из бересты или войлока. Кошелек крепился к поясу с помощью кожаных тонких ремешков, связанных шерстяных тесемок или бронзовых цепочек.

Обнаружены также кошельки без горловины с нижним округлым краем, но более плавными боковыми краями края (рис. 8: 5). Кошельки по бокам имеют прошитую кожаную или металлическую сплошную полоску, по центру узкий ремешок, который использован для застегивания и крепления к ремню. На лицевой стороне могла быть пластина из фольги цветного металла (жк 8 Русенихинского, п. 19 Веселовского могильников). Массовые аналогии кошелькам 2 типа находятся в венгерских погребальных комплексах Карпато-Дунайского бассейна (The ancient Hungarians, 1996, с. 73, 86, 112).

Исходя из анализа содержимого кошелеков, можно сделать вывод, что кошельки в большей степени имели культовое значение, чем функциональное. В них кроме кремня и кресала, и монет фиксировались мелкие фрагменты шкур зверей, которые, вероятно, являлись оберегами.

В XII–XIII вв. происходят некоторые изменения в составе костюмного комплекса (рис. 9). Украшения, рассмотренные в качестве этномаркеров для культуры X–XI вв., постепенно сокращаются. В XII–XIII вв. такие украшения, как правило, сохраняются в погребениях женщин особого социального статуса, которые составляют единицы. Постепенно проходит мода на сложные крупные шумящие украшения, в костюмном комплексе уменьшилось количество металлических изделий; возможно, их заменила вышивка. Преобладающими становятся украшения, отлитые в жестких формах (рис. 9: 22), в декоре значительно шире используется техника зерни (рис. 9: 16, 19). Изделия южного импорта вытесняются украшениями западных образцов (преимущественно мерянских, а также славянских типов). В костюмный комплекс марийской народной одежды входят бусинные височные кольца (рис. 9: 1–3), пластинчатые загнутоконечные и оттянутоконечные, а также звериноголовые (рис. 9: 23) браслеты, рубчатые и ложновитые перстни (рис. 9: 5, 6), подвески в форме пирамидки из колец и спиралей (рис. 9: 15, 17, 21), шаровидные привески-бубенчики и т. д. Изменения особенно наглядно просматриваются в материалах самого западного Русенихинского могильника и памятника переходного типа Выжумского могильника.

Для реконструкции духовной культуры основной материал дает изучение погребального обряда и мест совершения молений, связанных с поминовением умерших.

Могильные ямы имели подпрямоугольную с закругленными углами, иногда близкую к овалу форму, отвесные или слегка скошенные ко дну стенки. Подбоев, заплечиков и ниш не обнаружено. Захоронения совершались преимущественно

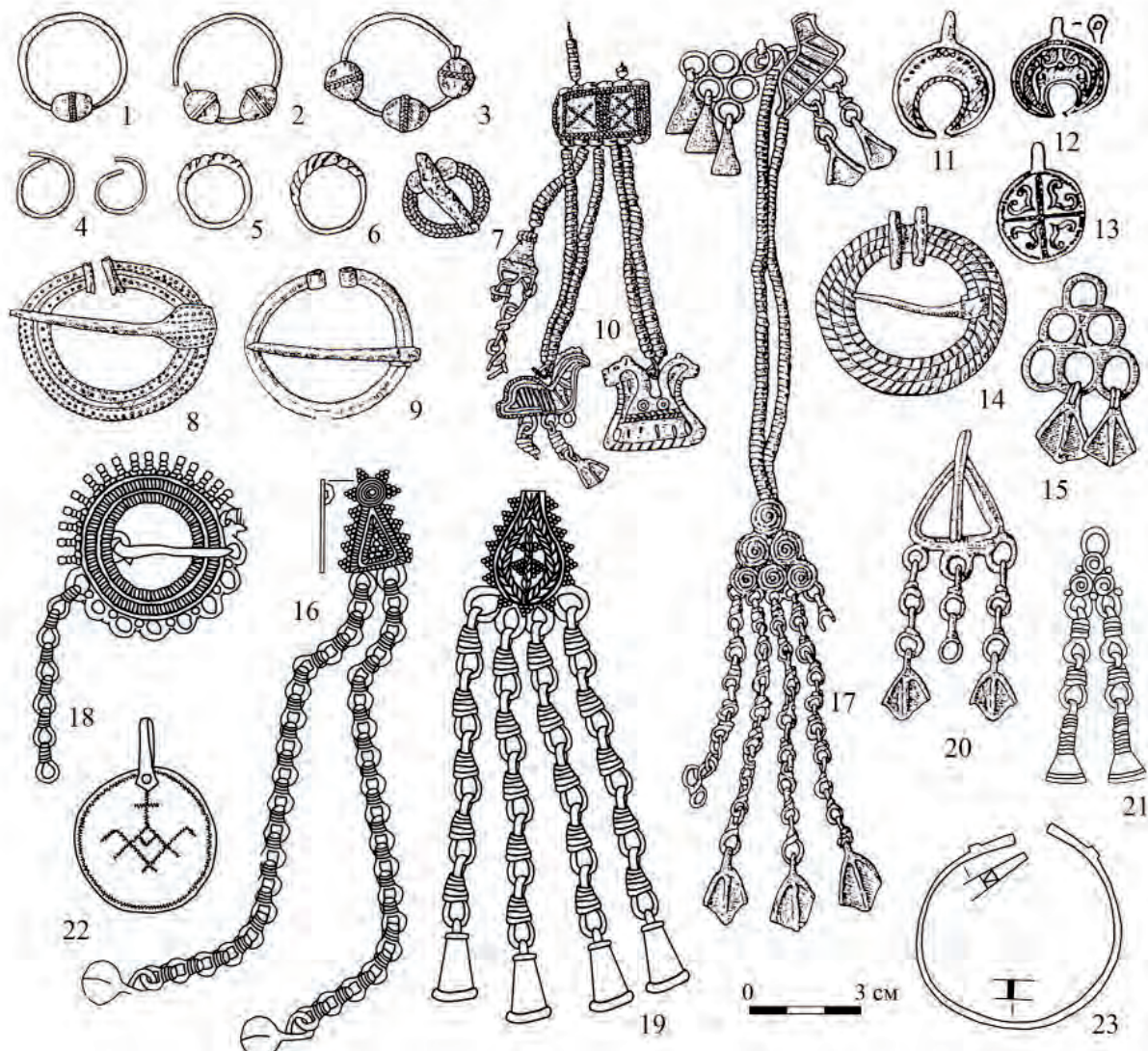

Рис. 9. Украшения XI–XIII вв.:

1 – Выжумский III могильник, п. 13; 2,7,10,17 – Выжумский II могильник, п. 3; 3,12 – Выжумский III могильник, п. 24; 4 – Выжумский III могильник, п. 20; 5 – Починковский могильник, п. 5; 6 – Починковский могильник, п. 8; 8 – Руткинский могильник, п. 17; 13 – Выжумский III могильник, п. 22; 14,20 – Починковский могильник, п. 6; 15 – Починковский могильник, п. 7; 16, 18-23 – Выжумский, п. 6; 19 – Выжумский, п. 2; 21 – Выжумский, жк 3; 22 – Выжумский, п.8.

1-4 – височные украшения; 5, 6 – перстни; 7-9, 14 – застёжки; 10, 17 – подвески к поясу; 11-13, 22 – подвески к ожерелью; 15, 16, 19-21 – нагрудные подвески; 23 – браслет.

на глубине 60–70 см на подстилках из бересты (?), луба, дерева, войлока и меха. Кожа и мех использовались иногда в качестве покрывала; береста и дерево также в отдельных случаях закрывали костяки сверху. В отчете Веселовского могильника указано, что в двух захоронениях лицевые своды погребенных закрыты холстом и шелком. Вполне вероятно, что это остатки общего покрытия всего костяка.

В отдельных случаях сохранились фрагменты досок от погребальной конструкции. Они могли располагаться с одной, двух, трех или четырех сторон. При раскопках Русенихинского могильника удалось выявить фрагменты древесной коры,

снятой с деревьев большим куском, от лубяной колоды. Преобладают одиночные погребения; коллективные захоронения являются исключением. Своеобразны парные погребения 2 и 11 с «Нижней стрелки». В могиле с мужскими костяками лежали женские кости с набором женских украшений. Размеры могильных ям превышают рост погребенных в них костяков таким образом, что в изголовье или в ногах остается свободное пространство, которое заполнялось медными, глиняными, железными сосудами или скоплениями вещей. Смысловое значение данного явления в литературе трактуется по-разному. Одни исследователи называют их комплексами даров (Ошибки-

на, 1979, с. 78; Белоцерковская, 1997), жертвенными комплексами (Генинг, 1967, с. 16; Истомина, 1982, с. 78) или дополнительными комплексами вещей. В могильниках Поветлужья этот обряд становится обязательным почти для всех захоронений (91–100%); в могильниках на левом берегу Волги («Нижняя Стрелка» и Дубовский) они встречаются значительно реже, чем на Ветлуге, но в более половины захоронений. Дополнительные комплексы включают украшения, бытовые предметы, оружие или производственный инвентарь и соответствуют, по всей видимости, положению погребенного в социальной и хозяйственной структуре средневекового коллектива, а следовательно, могли быть ему полезными на том свете (в п. 4 Веселовского могильника в составе инвентаря нож, шило, в п. 6 Веселовского могильника – ножницы, тесло, оселок; в п. 12 Веселовского могильника – льячка, литейная форма, кусок олова; в п. 27 Веселовского могильника – тесло, пряслице и т. д.). В единичных случаях в погребения мужчин положены женские украшения (п. 13 Веселовского могильника, п. 52 Дубовского могильника), но не в изголовье, а рядом с костяком с правой или левой стороны от головы.

Сосуды также ставились в изголовье или в ногах, при этом металлические котлы находились преимущественно в ногах. Значительная часть железных сосудов была повернута кверху дном или положена на бок. Медные сосуды были завернуты в бересту и поставлены на деревянную подстилку или на веточки дерева. Внутри медного сосуда в большинстве случаев помещалась деревянная чаша.

Погребальный обряд представлен различными способами захоронения: труположением, трупосожжением, кенотафами.

Ингумация составляет от 25% (Юмский могильник) до 100% (Русенихинский могильник) от общего количества захоронений (рис. 10: Б).

Большинство костяков лежали вытянуто на спине. Иные положения представляют исключение и связаны с физиологическими особенностями захороненных (два горбуна на Дубовском могильнике, беременная женщина на могильнике «Черемисское кладбище»). Преобладает ориентировка погребенных головой в северном направлении с отклонением к западу или востоку. В пяти захоронениях Веселовского могильника (пп. 1, 11, 14, 31, 32), п. 7 Юмского могильника и почти во всех захоронениях Русенихинского могильника (за исключением п. 10) костяки ориентированы головой в южном направлении. По инвентарю и погребальной обрядности погребения с южной ориентировкой не отличаются от остальных за-

хоронений на этих памятниках. Все указанные погребения, включая могилы Русенихинского могильника, совершены вдоль небольших пологих склонов. Вероятно, при устройстве этих могильных ям учитывался рельеф местности, потому как голова погребенного размещалась выше, чем ноги.

Разновидностью обряда ингумации является частичное труположение, представляющее собой захоронения черепов или сложенных в кучу костей, которое встречается единично.

Кремация составляет от 25% (Дубовский могильник) до 91% (Кузинские хутора). Сожжение трупа производилось вне могильной ямы. Кремация происходила на территории могильника над ямами, в которых разводился огонь. В этих ямах сохранились зола и частично обожженные кости, в отчетах данные объекты получили названия кремационных ям (Юмский, «Черемисское кладбище», «Нижняя Стрелка» могильники).

Могилы с кремацией повторяют погребения с ингумацией по устройству могильной ямы: форме, глубине, размерам, ориентации.

Представляет интерес наличие в составе жженной кости, кроме костей человека, сожженных останков животных.

Кости укладывались в могилу в остывшем состоянии. Вещи, найденные в могилах с кремацией, за редким исключением, следов огня не несут. Отдельные случаи обожженных украшений или капли меди позволяют предполагать, что какая-то часть украшений на погребенного перед сожжением все же надевалась.

Для захоронений IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья, совершенных по обряду кремации, традиционно отмечалось несколько вариантов расположения костей и сопровождающего инвентаря (Архипов, 1973, с. 16–17; Никитина, 2002, с. 70–74): 1) кальцинированные кости располагаются по всему дну могильной ямы в беспорядке, вещи уложены как при труположении или небрежно разбросаны по всей могиле; 2) обожженные кости концентрируются компактно по центру или в одном конце могильной ямы, а вещи разбросаны по всей могиле или располагаются вместе с костями; 3) кальцинированные кости расположены двумя или тремя скоплениями, а вещи – по всей могиле.

В большинстве могил выявлено, что обряд кремации в целом имитирует обряд ингумации: жженные кости завернуты в одежду и перевязаны ремнем условно по центру (рис. 10А). Наиболее выразительно это можно проследить по погребениям 14 могильника «Черемисское кладбище», 24 Веселовского могильника, 30, 37, 37а могильника «Нижняя Стрелка», 7 Юмского могильника. По

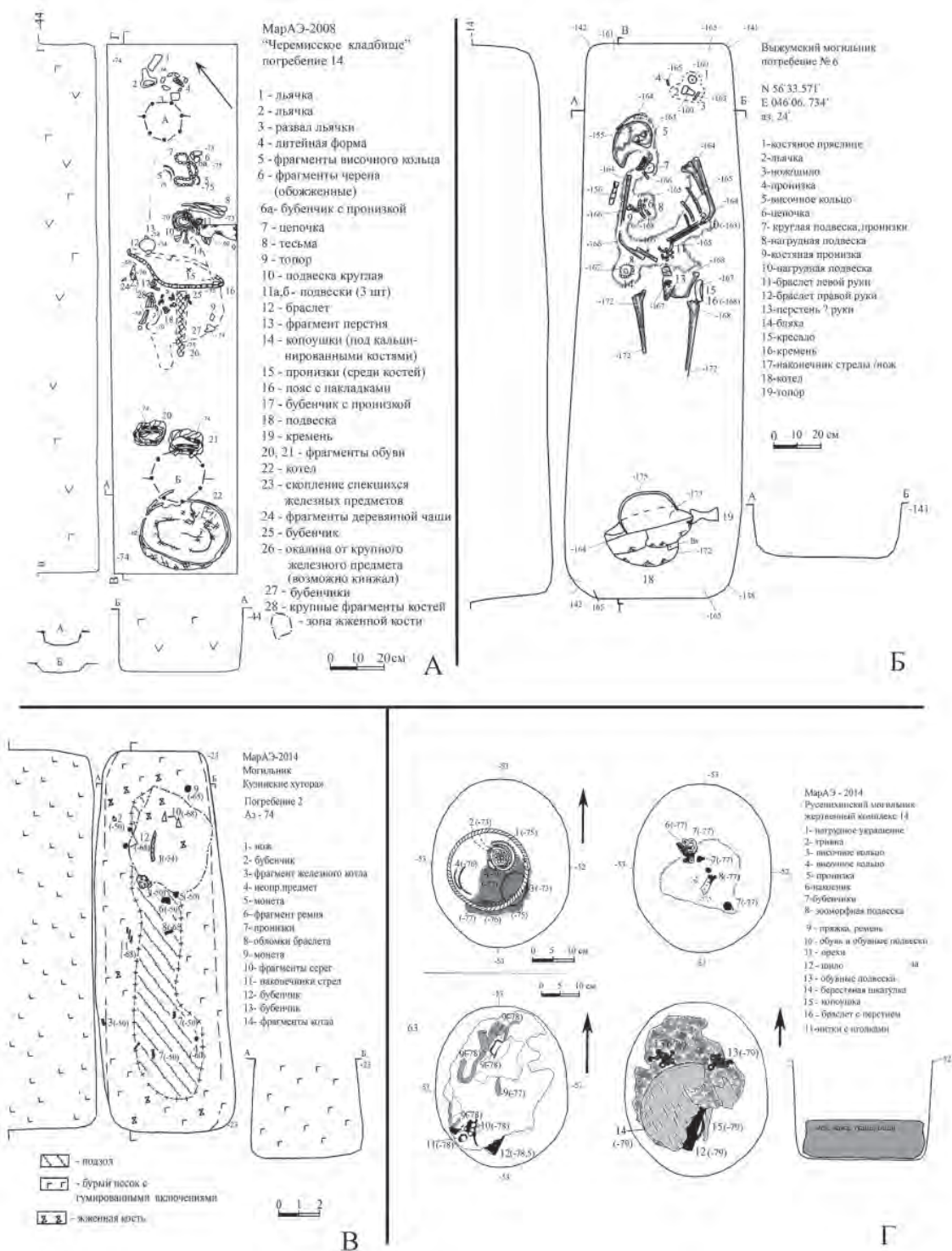

Рис. 10. А, В – погребения с кремацией; Б – погребения с ингумацией; Г – жертвенный комплекс.

расположению вещей в том же порядке, что при ингумации, а украшений согласно их ношению захоронения с кремацией соответствуют традиции поволжских финнов: мордвы (Смирнов, 1952, с. 154; Вихляев, 1977, с. 53; Воронина, 2007, с. 55; Материалы по истории мордвы, с. 13, 15, 28, 33, 39, 60, 62, 58, 79), муромы (Бейлекчи, 2005, с. 103–105).

В верховьях Ветлуги обнаружен иной обряд кремации, который представлен на могильнике «Кузинские хутора» большинством погребений. Могильные ямы имели подпрямоугольную с округленными углами, близкую к овалу форму, ориентированы по направлению СВ–ЮЗ, СЗ–ЮВ (рис. 10В). В заполнении ям в беспорядке на различной глубине зафиксированы кальцинированные ко-

сти человека (редкие находки костей животных) и вещи. Заполнение ям слабо гуммированное с включениями угля, иногда очень крупных кусков, и небольшого количества золы. Кости различной величины и степени кремации (от белой до темно-серой окраски), чистые. Общая масса костей в каждом погребении невелика – от 12 до 364 граммов.

Вероятно, по такому обряду совершены несколько погребений на могильнике «Черемисское кладбище», расположенном неподалеку от могильника «Кузинские хутора». Ранее считалось, что это разрушенные погребения, но в свете находок на могильнике «Кузинские хутора» стало очевидным, что это иной обряд захоронения, отличающийся от обряда трупосожжения известных могильников Поветлужья.

Особую группу погребений составляют *кенотафы*, к которым отнесены захоронения вещей и одежды в могильных ямах обычных форм и размеров, но без следов костяка. Узлы с вещами, включенные предшественниками в разряд кенотафов (Архипов, 1973, с. 16), правильнее будет называть жертвенными комплексами. О них пойдет речь ниже.

По расположению вещей кенотафы IX–XI вв. различаются и копируют могилы с ингумацией или кремацией. К кенотафам также следует отнести пустые могилы без вещей и костей.

В погребениях с ингумацией и погребениях-кенотафах древнемарийских захоронений иногда найдены жертвенные комплексы в засыпи могильных ям, располагавшиеся почти у самой поверхности. Наибольшее количество жертвенных комплексов в засыпи погребений встречено на могильнике «Нижняя Стрелка» (27,6%), что объясняется лишь лучшей сохранностью памятника. Сосуды в засыпи, как и в самой могиле, устанавливались над головой или в области ног. Большинство из них, за исключением берестяных туесов, положены вверх дном. Берестяные туески содержали бессистемно расположенные украшения, завернутые в мех и ткань. Среди них преобладают украшения головы, рук и поясные. В п. 19 могильника «Нижняя Стрелка» в медном котле содержались кости птицы. Кроме сосудов в засыпи отдельных погребений найдены также украшения и орудия труда.

Комплексы вещей обнаружены в межмогильном пространстве на всех могильниках Ветлужско-Вятского междуречья и представляют особый интерес. Они располагаются в небольших округлых или округло-подквадратных ямках диаметром 20–30 см, в основном на глубине 15–30 см от уровня современной дневной поверхности (рис. 10Г). Иногда могла быть более значительная глубина до 40 см. Однако контуры ям прослежены не

всегда, особенно если речь идет о малых глубинах. Не исключено, что часть таких комплексов не зарывалась в землю, а была оставлена на поверхности кладбищ, о чем могут свидетельствовать неоднократно зафиксированные разрозненные вещи в верхних слоях (подзол, пахота) раскопанных памятников («Черемисское кладбище», Русенихинский могильник). Встречаются комплексы из двух спаренных ям одинакового диаметра, каждая из которых имела свой набор украшений. Ямы имели отвесные стенки и ровное дно. Дно застилалось подстилкой из войлока, в Русенихинском и Выжумском могильниках обнаружены фрагменты и даже целые экземпляры войлочных ковриков, расшитых цветными нитками. В некоторых ямках (34,6%) на дне прослежены также деревянные палочки, неширокие дощечки или прутья от дерева. Засыпь гуммированная, уголь зафиксирован в 31% объектов. Общим для всех комплексов является наличие туеса.

Строгой закономерности в расположении комплексов на территории могильников не наблюдается. В тех случаях, когда жертвенные комплексы возможно связать с конкретным погребением, они располагаются со стороны головы погребенных независимо от сторон света.

Жертвенные комплексы в межмогильном пространстве в качестве диагностирующих признаков марийских средневековых могильников были обозначены в начале столетия (Никитина, 2004). Впоследствии была разработана более подробная типология данных объектов и выделено четыре варианта жертвенных комплексов в межмогильном пространстве (Никитина, Ефремова, 2012), в которую внесены корректировки с учетом нового материала.

Вариант I. Компактные скопления вещей, в которые входили орудия труда, принадлежности конской сбруи, а также отдельные женские украшения. Поясные украшения представлены разрозненными элементами поясного набора: пряжками, единичными накладками, наконечниками. В составе этих комплексов не встречаются этноопределяющие изделия.

Вариант II. Металлическая посуда: железные или медные котлы и чаши из цветного металла. Иногда сосуды обернуты кверху дном, под сосудами или в них располагались отдельные предметы: бытовые вещи, оружие, орудия труда.

Вариант III. Вещи, преимущественно украшения, большое количество ткани, кожи, меха уложены в берестяной туесок или в лубяной бочонок, облицованный сверху берестой.

Вариант IV является переходным между вариантами II и III. Берестяной туес или лубяной

бочонок, аналогичные описанным в варианте III, дополнительно поставлены в железный или бронзовый котел или под котел, образуя единый комплекс.

Наиболее многочисленны и показательны для изучения марийской культуры являются комплексы вариантов III и IV. Основную массу находок в них составляли фрагменты одежды, меха, кожи. Обнаружены шерстяные ткани полотняного и саржевого переплетений, ткани из растительных волокон полотняного переплетения, тесьма, фрагменты шелка и хлопка. В отдельных случаях достоверно установлено, что это остатки одежды: часть рукава и крупный фрагмент подола из нескольких клиньев от мужского кафтана в жк 6 Русенихинского могильника, фрагменты рукава и отделки горловины в жк 7 этого же памятника (Орфинская, Никитина, 2014), фрагменты кафтана из тонкой кожи в жк 13 «Нижней стрелки», полотенца в п. 19а могильника Нижняя Стрелка и т. д. (Никитина, 2012, с. 23), обувь в жк 5, 7, 14 Русенихинского, жк 1 Затон Михеева и жк 2 Кузинских хуторов. Во многих комплексах (жк 5, 6 Русенихинского могильника, 13, 15, 16 Выжумского, 13 Нижней стрелки и т. д.) обнаружены скопления ткани, обильно декорированной вышивкой из металлической нити. Расположение ремней с накладками свидетельствует о том, что они в большинстве случаев опоясывали в 1,5 или два оборота какой-то объемный объект, что соответствует способу ношения наборного пояса в костюме. На отдельных фрагментах ткани, меха и войлока имеются круглые отверстия, сделанные металлическим, предварительно накалившимся предметом.

Украшения, как правило, представлены всеми категориями, их состав в типовом отношении зависит от того, с мужской или женской субкультурой связан комплекс. В отдельных комплексах (жк 5, 7 Русенихинского; 7, 14, 16 Выжумского могильников, 1 «Кузинских хуторов») украшения и детали одежды соответствовали местоположению в костюме, надетом на человека: сверху головные украшения или фрагменты головного убора, далее нагрудные и украшения рук, в средней части ремня, в нижней ближе ко дну – детали обуви.

По внешним признакам: обилие тканей, фрагментов одежды (как натальной, так и верхней), состав и расположение украшений в определенной вертикальной зональности по оси голова – ноги, соответствующей месту того или иного украшения в костюме, – возможно предположить, что в данные комплексы могла быть помещена кукла, изготовленная из одежд покойного. Это вполне согласуется с традиционными представлениями марийцев, согласно которым одежда марийцев за-

нимала значительное место и даже олицетворяет умершего человека в погребально-поминальной обрядности. (Васильев, 1927, с. 64, 71, 72, 91; Яковлев, 1887, с. 66; Смирнов, 1889, с. 125; Марийцы, 2013, с. 251).

Жертвенные комплексы, зарытые между могилами, являются поминальным элементом похоронного обряда и, вероятно, предназначены умиловить ранее умерших сородичей, что является обязательным атрибутом культа предков. Близкие по функциональной сути обряды известны у уральских марийцев вплоть до начала XX в. и проявились в традиции устройства поминок «утым-влак» в честь дальних предков. «У восточных бирских марийцев под словом «Утым» разумеются прапарадед и прапрабабушка и далее раньше их умершие» (Васильев, 1927, с. 108). Именно во время этого обряда после совершения определенных действий часть жертвоприношений марийцами закапывалась на территории кладбища (Чагин, 2001, с. 166).

С обрядом перехода в потусторонний мир связана также традиция порчи одежды и использование войлока во время погребения умерших предков. У большинства народов, в том числе и у марийцев, использующих войлок в культовой практике, он символизирует границу между мирами и способствует перемещению человека (или бога) из одного состояния или мира в другое состояние или другой мир (рождение, свадьба и похороны).

Хозяйство. Основные направления культурных и торговых контактов. Тип хозяйства средневекового населения обусловлен в первую очередь зависимостью от природно-географической среды. Марийский край лежит на стыке двух больших ландшафтно-географических зон – лесной и лесостепной, границей между которыми служит р. Волга (Хорев, 1964, с. 10).

Материалы могильников и поселений I тыс. н. э. практически не содержат данных о развитии земледелия. Ситуация несколько изменяется к рубежу II тыс. и в последующее время. В памятниках этого периода имеются, хотя и весьма ограниченные, данные, подтверждающие развитие земледелия: в одном погребении Веселовского могильника сохранился мешочек с просом и полбой; в Руткинском – зерна проса лежали в чаше; остатки каши или сильно перегнившего зерна обнаружены в одном из погребений Выжумского III могильника.

Учитывая сильно залесенный характер местности, возможным было только подсечное земледелие. Посевное состояние лесных рощиц было крайне непродолжительно (1–3 года), после чего подсеку забрасывали. При небольшой заселенности края, наличии обширной лесной площади,

Рис. 11. Оружие и орудия труда:

- 1 – Дубовский, п.4; 2 – «Нижняя стрелка», п. 32; 3 – Выжумский III могильник, п. 16; 4 – Дубовский могильник, п. 5; 5 – «Нижняя стрелка», п. 10; 6 – Выжумский III могильник, п. 24; 7 – Руткинский могильник, п. 17; 8 – Русенихинский могильник, п. 16; 9 – «Нижняя стрелка», п. 2; 10 – Русенихинский могильник, п. 8; 11 – «Нижняя стрелка», п. 17.
- 1, 2, 11 – топоры (железо); 3, 6-8 – кресало (железо); 4, 5 – наконечники копий (железо; железо, цветной металл); 9, 10 – рукояти кресал (железо, цветной металл).

предпочтительнее было новую подсеку расчищать на значительном расстоянии как от жилья, так и от других подсек. А это, в свою очередь, требовало перехода с места на место, чтобы пользоваться землей пока она дает урожай без удобрения и бросать ее при истощении. Такой образ жизни вызывал, по мнению исследователей, так называемую «неполную земледельческую оседлость» (Шенников, 1971, с. 76–93) и, следовательно, расселение небольшими кратковременными поселками. Об этом свидетельствует и характер марийских поселков: небольшие площади селищ, не очень мощный культурный слой и достаточная разбросанность.

При подсечной системе земледелия для подготовки участков земли использовались топоры

(рис. 11: 2, 11), которых обнаружено достаточное количество в составе погребального инвентаря. Для уборки урожая использовались серпы и косы. Несколько фрагментов черешковых с зубчатым лезвием серпов (20 экз.) и кос (16 экз.) обнаружены в Сиухинской кузнице XII–XIII вв. Судя по сохранившимся остаткам, серпы относятся, по классификации Ю.А. Краснова, к IV типу черешковых орудий (Краснов, 1971, с. 73).

Ярким свидетельством развития земледелия являются находки жерновов на Васильсурском V городище (Репище) XI–XIII вв. (использовался в качестве пода печи), также глиняные вымостки, которые с определенной долей вероятности можно интерпретировать в качестве токов для обмолота зерна.

Рис. 12. Костяные предметы:

1 – Веселовский могильник, п. 6; 2 – «Черемисское кладбище», под.мат.; 3 – Веселовский могильник, под.мат.; 4, 14-21 – Дубовский могильник, п. 52; 5 – Веселовский могильник, п. 27; 6, 7, 12, 13, 17, 23 – «Черемисское кладбище», п. 15; 8 – Дубовский могильник, п. 47; 9 – Русенихинский могильник, жк 15; 19 – Веселовский могильник, п. 16; 16, 18 – Русенихинский могильник, жк 14; 20 – Русенихинский могильник, жк 5; 22 – Русенихинский могильник, жк 11.

1-4 – гребни, 5-8 – копоушки; 9, 12, 13, 19, 20 – рукояти к ножам и шпилям;
10-11, 14-18, 21-23 – пронизки от накосников.

Находки полбы на средневековых марийских памятниках соответствует факту, что Среднее Поволжье было издревле очагом возделывания этой культуры (Возникновение и развитие земледелия, 1967, с. 183). Находки проса свидетельствуют о том, что рожь, вероятно, еще не получила распространения у древних марийцев. По закономерностям традиционного земледелия с появлением ржи просо утрачивает свое значение, как более теплолюбивая культура, требующая для своего созревания лучших условий.

На основании находок фрагментов и целых полотенец (погребение 19 могильника Нижняя Стрелка) из льняной и конопляной тканей можно говорить о возделывании технических культур льна и конопли.

Богатый остеологический материал на марийских поселениях I и начала II тыс. свидетельствует о разведении домашних животных. В составе стада ведущее место занимала свинья. Значительная роль отводилась лошади и крупному рогатому скоту. По мнению А.Н. Формозова, кости древних

свиней из Поветлужья являются останками не крупной примитивной длиннорылой лесной свиньи (Формозов, 1951, с. 183–184), кости овец от мелких пород. Кости домашних коров, по мнению А.Н. Формозова, принадлежат «расе, родственной зырянским животным, но они не были комолыми». Значительную роль имело разведение овец. В погребениях обнаружено большое количество тканей, среди которых преобладающее место занимают шерстяные ткани.

Значительное место в хозяйственной деятельности древнемарийского населения занимала охота. Для охоты на пушного зверя изготавливались специальные костяные наконечники стрел с тупым концом, получившие название «томаров», представляющие собой костяные цилиндры; они найдены в марийских могильниках до XVII в. Находки костяных стрел подромбической формы известны на Черемисском кладбище, Юмском и Кочергинском могильниках IX–XI вв. Производилась также охота на птиц, косточки которых неоднократно находили на поселениях. На могильнике Нижняя Стрелка целые скелеты уток обнаружены в котелках в составе жертвенных комплексов.

А.Х. Халиков считает, что к IX в. охота превратилась в промысел, который был рассчитан на торговлю и выплату дани в виде пушнины. Пушнина, вероятно, активно вывозилась болгарскими купцами. В связи с этим интересны наблюдения А.Х. Халикова за отождествлениями названий «белки» и «копейки» в языках народов Поволжья, раскрывающих характер их торговых взаимоотношений (Халиков, 1976б, с. 103, 104). В татарском языке до сих пор самая мелкая денежная единица (копейка) называется «тиен» (белка). В марийском соответственно «ур» означает и белку, и копейку. Но в татарском 1 копейка равнялась 1 белке («бер тиен»), а в марийском языке 1 копейка называется «кумыр», т. е. 3 белки, 2 копейки – «шамыр», т. е. 7 белок, а 3 копейки – «лур», т. е. 10 белок (Васильев, 1948, с. 49–50).

В погребальном обряде зафиксированы преимущественно фрагменты одежды и подстилок из бобра. Когти птиц семейства соколиных и когти кошачьих использованы в качестве амулетов. По определению И.В. Аськеева, в составе ожерелий в погребениях 37, 47, 53 Дубовского могильника, п. 11 Нижней стрелки обнаружены когти рыси, а в п. 51 Дубовского и п. 11 Нижняя Стрелка – когти беркута.

Важным промыслом было рыболовство. По материалам костных остатков из погребений Русенихинского могильника, могильников Нижняя Стрелка и Черемисского проведен химический анализ антропологического материала на содержание микроэлементов (Sr, Zn, Pb, Cu, Mg, Ni,

Mn, Ca, K, Co, Cd, Fe, Ag) с использованием метода атомной абсорбции, который подтвердил, что минеральный статус изученной группы населения свидетельствует о преобладании в ее рационе продуктов животного происхождения. Данные факты могут свидетельствовать о том, что данная популяция активно и успешно занималась охотой, рыболовством и зоособирательством. Кроме того, наличие высокого содержания цинка при низком содержании стронция в тканях костного материала, как в погребениях 16, 17 и 18, позволяет предполагать, что в рационе питания огромную долю составляла рыба (Никитина, Пузаткина, 2017, с. 120, 121). Этот факт подтверждается находками железных рыболовных крючков и блесен из цветного металла в составе погребального инвентаря на Русенихинском и Выжумском могильниках.

В археологических памятниках содержатся лишь разрозненные сведения об обработке черного металла. Ни на одном из известных средневековых городищ не обнаружено следов обработки руды или отжига угля. Неоднократные упоминания в публикациях и отчетах о находках шлаков еще не являются достаточным основанием для заключения о выработке руды в местных условиях (Архипов, 1973, с. 76). Количество шлаков незначительно, и многие из описанных находок являются лишь железистыми конкрециями. Железистые почвенные руды в средневолжском сырьевом массиве из-за условий залегания чрезвычайно трудны для разработки. Процесс настолько длителен и трудоемок, что мог потребовать отвлечения почти всех сил общины от других сезонных видов промысла. С учетом вышеизложенных обстоятельств кажется вполне реальным утверждение, что в эпоху Средневековья черный металл привозили в край в виде полуфабрикатов (Шадрин, 1994, с. 26). Аналогичная форма получения черного металла использовалась многими народами (Рыбаков, 1948, с. 94–96; Колчин, 1959, с. 111–112).

Многочисленные бронзовые и серебряные украшения из могильников являются бесценным источником для изучения производственных традиций по обработке цветного металла.

К рубежу I–II тыс. в производственной практике значительно шире стало использоваться литье. Анализ нагрудных украшений (трапециевидных и одной круглой) из Русенихинского могильника показал, что украшения могли также изготавливаться из нескольких составных фрагментов, отлитых по восковой модели, а затем соединенных пайкой (кузнечная сварка). Путем спайки гладких крученных, плетеных проволок, пластинок, шариков и других мелких деталей изготовлены многие нагрудные, обувные украшения. С использованием

техники набора из узорчатой проволоки с последующей гибкой и сваркой изготовлены треугольные каркасные подвески. Свидетельством пайки (сварки) являются наплывы припоя, неравномерности присоединений пластин, а также несоблюдение соосности поперечных и боковых пластин – типичные дефекты паянных соединений. Для обеспечения жесткости (прочности) паянной конструкции на паянных соединениях имеются усиления в виде дополнительно нанесенного припоя. На городищах и в могильниках неоднократно обнаружены литейные формы из известняка для изготовления мелких деталей к этим украшениям.

Как показали металлографические анализы, очевидные обувные подвески из Дубовского могильника изготовлены из проволоки путем навивки на конический предмет с последующей проковкой. Подвеска с ушком из этого же могильника соединена с помощью кузнечной сварки. Анализы височного кольца из могильника Нижняя Стрелка показали, что само кольцо было изготовлено из проволоки, которую подвергли сгибанию и протяжке, а затем напаяли головку, отлитую отдельно.

Для отливки украшений, кроме изготовления по восковой модели, использовалось литье в мягких формах. Для этого в мягкой глине делали оттиск изделия, которое хотели повторить. Затем полость заливалась металлом. Эти изделия легко отличить по расплывчатости линий и небрежности изображения. Таковы умбовидные подвески с привесками, которые отлиты в мягких формах по предварительно оттиснутым в них моделями. Учитывая то, что формы из глины были непрочны, они могли использоваться ограниченное количество заливок, а при восковом вязании и производстве полых объемных изделий по восковой модели всего один раз. Поэтому мы почти не находим копий одного и того же изделия. Эти факты свидетельствуют, что украшения изготавливались в ограниченном количестве, а ремесло развивалось в рамках домашнего хозяйства.

Такой характер домашнего ремесла в Марийском Поволжье сохраняется на протяжении всего периода X–XIII вв. и обусловлен в первую очередь географическими условиями края. Здесь нет своих месторождений цветного металла. Сырье завозилось сюда в небольших количествах в виде серебряной проволоки, пластинок, жетонов и слитков. Оловянные круглые бляшки были найдены в п. 24 Выжумского III, 5 «Нижняя Стрелка» могильников, кусочки олова – в п. 12 Веселовского и 11 Русенихинского могильников, свернутая в спираль серебряная проволока в кошельке из п. 3 Дубовского и жк 6 Русенихинского могильников, два мотка тонкой серебряной проволоки обнаружены в п. 7 Юмского могильника. Неудивительно,

что таких заготовок найдено не так уж и много. Вероятно, они были слишком дорогим приобретением и поэтому редко попадали в состав погребального инвентаря. О бережном отношении к металлическим изделиям свидетельствуют котелки, которые имеют многочисленные следы ремонта. Кроме завезенных заготовок цветного металла, для изготовления местных украшений использовались привозные серебряные дирхемы или их подделки. Большинство из них имеют отверстие для привешивания или пришивания к одежде в качестве украшения. Дирхемы также разрезались на мелкие пластинки, служившие окантовкой краев деревянных чаш. Традиция изготавливать украшения из привозных металлических изделий бытовала на территории Марийского края еще с эпохи раннего железного века. Вероятно, и в Средневековье на лом могли переплавляться привезенные украшения, не отвечающие традиционным вкусам и представлениям местного населения. Большинство украшений изготовлены из меднооловянистых сплавов и латуней, что свидетельствует о многократных переплавках.

Обработкой цветного металла и изготовлением украшений, являющихся визитной карточкой рода, занимались женщины. Об этом свидетельствуют захоронения женщин, имеющие в составе инвентаря принадлежности литейного производства. Захоронения женщин-«литейщиц» можно назвать особым явлением не только в культуре населения Ветлужско-Вятского междуречья, а в средневековой археологии поволжских финнов в целом. Впервые на женские захоронения с орудиями литья у мордвы обратили внимание еще XIX в. В.Н. Ястребов (1893, с. 10), П.С. Рыков (1930, с. 61). На основе находок льячек и литейных форм в женских захоронениях Б.А. Рыбаков поднял вопрос об освоении металлообработки цветных металлов финно-угорскими женщинами (Рыбаков, 1948, с. 90–94). Достаточно полную сводку женских захоронений из финно-угорских средневековых могильников сделала Л.А. Голубева отметив, что наибольшее развитие женское литейное ремесло получило в X в., но сохраняется в XI в. и даже встречаются случаи таких захоронений в начале XII в. В XII в. металлообработка полностью перешла в руки мужчин (Голубева, 1984; 1987, с. 106–107; 1987а, с. 90–91). После работы Л.А. Голубевой термин «женщины-литейщицы» прочно вошел в научный оборот.

В настоящее время в связи с появлением дополнительных источников появилась возможность взглянуть значительно шире на роль и место женщин, погребенных с орудиями литья, в составе древнего общества. В сводку, сделанную Л.А. Голубевой, вошло восемь захоронений литейщиц

из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. В настоящее время источниковая база увеличена: таких захоронений около 30. К наиболее ранним комплексам относится п. 20 Веселовского, пп. 2, 6 Русенихинского могильника середины X в. Наиболее поздние комплексы: пп. 5, 11а, 32 Нижней Стрелки, погребения Выжумского и Починковского могильников – датируются XII–XIII вв.

Все погребения относятся к числу наиболее богатых захоронений, о чем свидетельствует костюм, содержащий фактически все категории украшений. Примечательным является то обстоятельство, что обнаруженные в них украшения являются этническими маркерами марийского костюма. В процессе анализа погребального инвентаря из марийских захоронений зафиксировано, что в погребениях «литейщиц» часто обнаружены скопления наконечников стрел от 6–12 экземпляров, топоров и иных атрибутов, не характерных для женской субкультуры и свидетельствующих об особом статусе захороненных в них женщин. Рядом с льячками находятся олово и свинец, а не медь, составляющая основу большинства украшений. Из олова и свинца состояли металлические нити, которыми вышита одежда. Вероятно, «литейщицы» занимались изготовлением этой нити. По этнографической литературе известно также, что растопленное олово использовалось в культовых целях при совершении жертвоприношений на молениях. Обычай растапливать олово перед жертвоприношением, проверяя, угодна ли жертва богам, у марийцев хорошо известен по этнографическим источникам. «Кладут на сковороду немного коровьего масла и льют растопленное олово, причитывая молитву богам о том, что если жертвуемая скотина приятна богам, и они ее принимают, то олово вылилось бы на масле наподобие жертвуемой скотины. Если с первого раза не выйдет олово наподобие скотины, то льют до трех раз. Если и в третий раз не выйдет какого-либо подходящего изображения, то бросают это олово в огонь и льют снова из другого олова» (Яковлев, 1887, с. 33. Кузнецов, 1879, с. 36). При раскопках марийских средневековых святынь также обнаружены пластинки олова, напоминающие сплески металла (Никитина, Ефремова, 2007, с. 327). Пластинки, проколотые острым предметом, найдены в жк 17 Выжумского могильника. Вероятно, что женщины, захороненные в погребениях с льячками, выполняли определенные ритуальные действия, в первую очередь связанные с охранительными функциями рода. Поэтому не удивительно, что в погребальном обряде фиксируются элементы, подчеркивающие особое уважение и даже страх перед погребенными: принесение в жертву

животных, запираение могилы воткнутым в землю топором и совершение особых ритуальных действий с телом умершей.

В эпоху Средневековья на высоком уровне было развито ткачество. В погребальных комплексах часто встречаются пряслица и фрагменты ткани от одежды. Особенно насыщены тканями жертвенные комплексы, содержащие целые свертки, вероятно, одежды. Среди тканей встречаются фрагменты текстиля растительного происхождения, но преобладают (84,45%) шерстяные изделия. Шерстяные ткани полотняного и саржевого переплетения с плотностью нитей основы менее или равной 10 нитям на 1 см, вероятно, можно считать продукцией местного производства (Орфинская, Никитина, 2014, с. 72, 84). Выделяется также группа тонкой шерстяной ткани с ровными по толщине (от 0,4 до 0,7 мм в разных образцах) и степени крутки нитями основы и утка, которая составляет около 50%. Для выработки этих тканей требовалось хорошее сырье, условия для качественной окраски волокон, ровное прядение и ткачество. Окончательно вопрос о производстве такой ткани в местных условиях не решен (Орфинская, Никитина, 2014, с. 82). Но массовое количество таких тканей в погребениях, а особенно в жертвенных комплексах, которые считаются маркерами культуры, все же свидетельствует о местном производстве этой ткани. Не случайно, прядение и вышивание в марийском мифотворчестве наделены сакральными свойствами и связаны с образами марийской богини «Юмынұдыр» в качестве девы-пряжи и девы-вышивальщицы» (Калиев, 2003, с. 85–102).

В погребальных комплексах X–XI вв. также обнаружены большие скопления ткани и меха со следами вышивки металлической нитью. X век является расцветом вышивки металлической (золотой или серебряной) нитью костюмов многих народов, скандинавских и русских. В могильниках Ветлужско-Вятского междуречья вышивка была выполнена иной нитью, более архаичной, изготовленной из оловянно-свинцовых бронз. С.Я. Алибековым подсчитан расход металла для производства 1 м металлической нити из свинцово-оловянистого сплава: диаметром 0,8 мм – 3 грамма; диаметром 0,4 мм – 1 грамм. При таком достаточно экономном расходе металла в качестве сырья могли быть использованы привозные изделия, что очень важно на территориях, достаточно удаленных от месторождений цветного металла. Находки вышивки в марийских захоронениях X в. свидетельствуют о том, что уже в эпоху Средневековья сформировались основные мотивы орнамента, которые получают развитие в последующие эпохи и сохраняются в традиционном

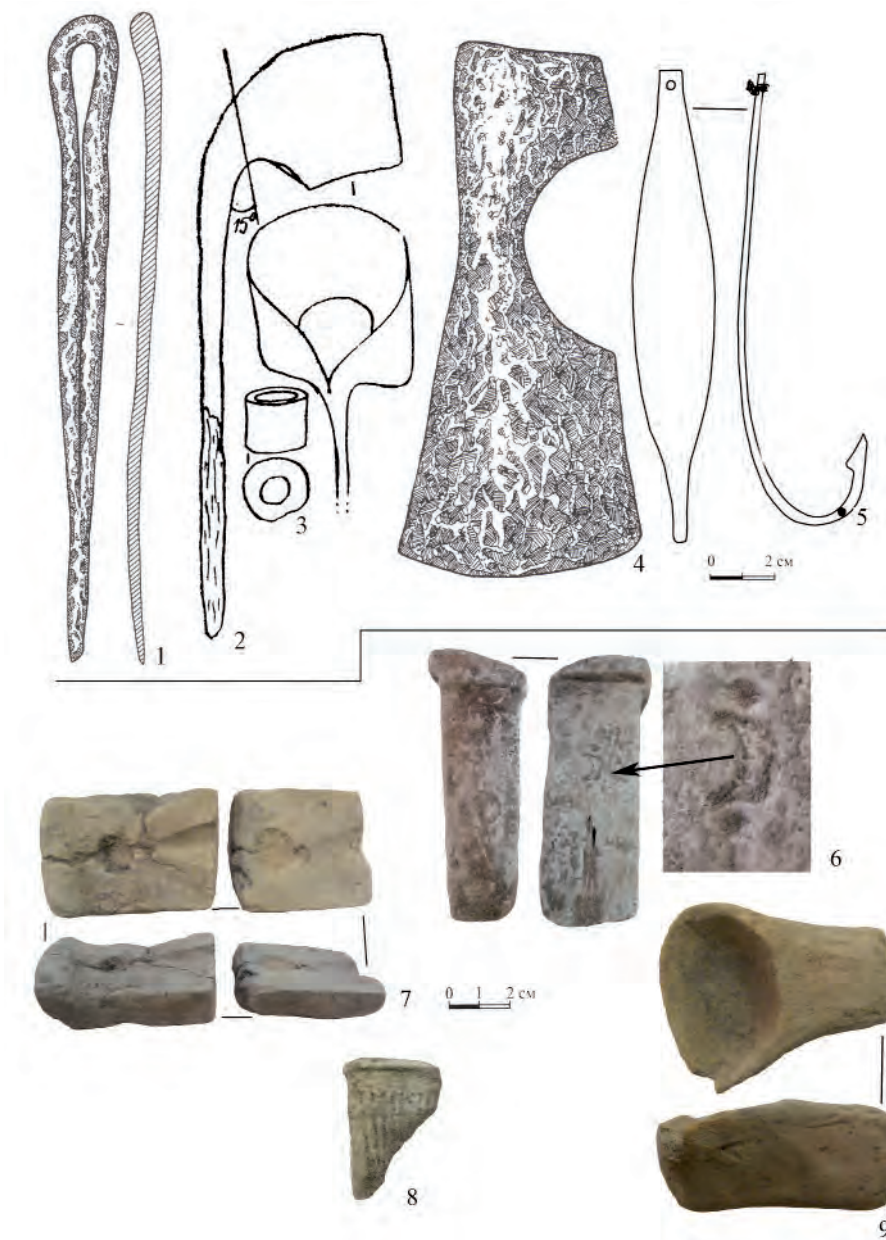

Рис. 13. Орудия труда и литейные формы:
 1,4 – Выжумский III могильник, п. 24; 2 – Починковский могильник, п. 1; 3 – Починковский могильник, п. 12;
 5 – Русенихинский могильник, п. 12; 6-9 – Выжумский могильник, п. 9.
 1-4 – железо; 5 – цветной металл; 6-8 – песчаник; 9 – керамика

костюме финно-угорских народов. Наиболее распространенным является горизонтальная зональность и орнамент квадрат с крестом.

Марийцы достигли высокого мастерства в обработке кожи и кости. Особенно удивляют костяные изделия (рис. 12): рукоятки шильев и ножей, амулеты-копоушки, пронизки и коньки, которые использовались в качестве украшения кос. Все они выполнены в стиле мелкой пластики и имеют орнаментальные композиции из нарезных линий и треугольников. На 1 см изделия мастер мог нанести до 6 орнаментальных ярусов узора. Объемные изображения коньков

на рукоятках шильев и на украшениях наконечников имели размеры от 1 см. Изготовление таких изделий требовало развитого навыка работы с костью.

Этнокультурная ситуация. Археологические памятники X–XIII вв. на территории Ветлужско-Вятского междуречья немногочисленны, но вызывают значительные споры у исследователей в отношении этнокультурной интерпретации.

Наиболее значительны разночтения в оценке этнической принадлежности памятников X–XI вв. Группа марийских исследователей связывают их с марийской культурой (Архипов, 1973; Никитина,

2002; 2012). На протяжении творческой деятельности в оценке своих взглядов колебался А.Х. Халиков. Первоначально средневековые могильники IX–XI вв. Лопьяльский и Кочергинский, Чем-шай и Бигер-шай он объединил в один круг древностей, которые, по его мнению, характеризуют скорее древнеудмуртское, нежели древнемарийское население (Отчет МарАЭ 1956 г., л. 35). После раскопок 1957 г. Кочергинский и Лопьяльский могильники в этническом плане А.Х. Халиков интерпретировал марийскими.

Материалы могильников Ветлужско-Вятского междуречья как марийских памятников рассмотрены Л.А. Голубевой в разделе «Марийцы» серийного издания «Археология СССР» (Голубева, 1987).

Однако точка зрения о том, что могильники Ветлужско-Вятского междуречья представляют единую общность, которая связана с марийским этносом, не является единственной и бесспорной.

В 80-е годы XX столетия Р.Д. Голдина объединила памятники IX–XI вв. Вятского бассейна, в том числе Еманаевское городище, Лопьяльский и Кочергинский, Юмский (Загребинский) могильники, в кочергинскую культуру (Голдина, 1999, с. 325), связав с древнеудмуртским этносом. Впоследствии эту позицию более подробно разработала Н.А. Лещинская (Лещинская, 1995). Культура получила название по наименованию Кочергинского могильника.

Судя по картам расселения народов, опубликованным Р.Д. Голдиной в монографии «Древняя и средневековая история удмуртского народа» (1999), Ветлужско-Вятский регион занят целиком, включая бассейн Ветлуги, где расположены Веселовский могильник и могильник «Черемисское кладбище», удмуртами. Марийцы появляются не ранее X в. только в районе Марийско-Чувашского Поволжья, а Вятский бассейн остается за удмуртами вплоть до XIII в. Н.А. Лещинской Веселовский могильник и могильник «Черемисское кладбище» рассмотрены в составе 8–10 хронологических групп древностей Вятского бассейна, которые исследовательница также связывает с кочергинской культурой (Лещинская, 1995, с. 97–100). Время отступления удмуртского населения в левобережную часть Вятки, по ее мнению, происходит не ранее XI в. Однако собственно марийские памятники появляются в Вятском бассейне в конце XVI в. (Лещинская, 2002, с. 52). Следует отметить, что в последней публикации исследовательница уже отличает памятники Вятского бассейна от ветлужских, которые она все же называет марийскими.

Данная точка зрения имеет серьезные противоречия.

Во-первых, источниковая база для выделения самостоятельной кочергинской культуры как основы древнеудмуртского этноса не очень надежна. На Кочергинском могильнике изучено всего пять погребений, среди которых нет захоронений с выраженными этнокультурными индикаторами. Два других могильника, Лопьяльский и Стрижевский, из этой же группы представлены только разрозненными коллекциями из сборов. Юмский могильник также имеет небольшое число захоронений (9 погребений и сборы), часть из них Р.Д. Голдиной отнесена к хронологически предшествующей еманаевской культуре.

Во-вторых, памятники Вятского бассейна, Юмский, Кочергинский, Лопьяльский, имеющие одинаковую материальную культуру, включая этноопределяющие элементы костюма и погребальный обряд, с Дубовским и «Нижняя Стрелка» могильниками, расположенными на левом берегу р. Волги, и Выжумским могильником в устье Ветлуги, оказались искусственно разделенными по территориальному принципу. Открытие и изучение Русенихинского могильника на правом берегу Ветлуги с аналогичными погребальными комплексами еще более подтверждает гипотетичный характер построенной схемы.

Во-третьих, осталось неясным, к какому кругу древностей отнесены аналогичные могильники по р. Ветлуге, Веселовский и «Черемисское кладбище», а значит, и вновь выявленные в этом регионе Русенихинский и «Затон Михеева».

Основной акцент в концепции удмуртской принадлежности вятских памятников VIII–XI вв. базируется на наличии на памятниках бассейна р. Вятки круглодонной керамики, связанной с кругом культур прикамско-приуральского региона.

Круглодонные орнаментированные сосуды из глины с примесью раковины в середине прошлого столетия были отмечены также в верхних слоях ветлужских городищ (Воеводский, 1951). При работе с материалами ветлужских городищ следует учитывать следующее обстоятельство: все городища Поволжья многослойны и сильно повреждены антропогенными воздействиями. Очевидно, круглодонная керамика с раковинной примесью и орнаментом связана с более ранними периодами и оказалась в средневековых слоях в результате переотложения. Подтверждением тому служат материалы Чортова городища, имеющего неразрушенный культурный слой, содержащий только плоскодонную керамику одной группы (Каменский, 1909, с. 2). Основная масса посуды на памятниках бассейна Ветлуги и в левобережье Волги представлена плоскодонными горшками с

примесью шамота и песка, соответствующими в целом находкам на городищах.

За пределами Вятского бассейна круглодонная керамика в единичных случаях обнаружена в погребениях Дубовского и Выжумского могильников. Появление круглодонной керамики на восточной окраине Ветлужско-Вятского междуречья связано с этническими контактами вышедших к Вятке древнемарийских племен с пермским населением, возможно, разнородным. Прослеженные новые традиции в керамическом производстве несут следы верхнекамских и чепецкой культур и не могут быть связаны только с удмуртским этносом.

Связь с культурами пермоязычного круга подтверждается и материалами могильника Кузинские хутора. Выявленный на этом памятнике обряд кремации существенно отличается от обряда кремации других могильников Ветлужско-Вятского междуречья.

Этот обряд имеет определенное сходство с вытянутыми погребениями (к сожалению, их количество слишком мало, чтобы делать выводы) на могильнике Большое Молочное в Костромском Поволжье: минимальное количество костей, вещевой инвентарь представлен разрозненными разнохарактерными вещами, часто поломанными или поврежденными; беспорядочное разноуровневое залегание костей и инвентаря (Леонтьев, 1996, с. 259, 263–266). Но более значительное сходство обнаруженные на могильнике «Кузинские хутора» трупосожжения имеют с одной группой погребений вымских и вычегодских могильников (Савельева, 1971, с. 45–47; 1987, с. 16–22; Королев, 2013, с. 24–25) и памятников средневекового населения верховья Камы (Голдина, Кананин, 1989). В этих районах кремация содержится в вытянуто-овальных или прямоугольных могильных ямах; немногочисленные кости и поломанные вещи располагались бессистемно, преимущественно в засыпи; встречаются немногочисленные случаи нахождения их на дне погребений. Указанные памятники связаны с происхождением народа коми: вымские и вычегодские с коми-зырянами, верхнекамские с коми-пермяками. У населения верхней Камы обряд трупосожжения в большей степени характерен для ломоватовского и раннеродановского времени, а затем наблюдается его затухание. Погребения с сожжением на могильнике «Кузинские хутора» датируются не ранее XI в., когда у населения верховья Камы наблюдается затухание этого обряда. Погребальный обряд вымской культуры к этому периоду характеризуется усилением роли кремации.

На сходство материалов из средневековых могильников марийской и вымской культур исследователи обращали внимание неоднократно.

Г.А. Архипов считал общие параллели незначительными (Архипов, 1973, с. 88) и отметил в марийских могильниках лишь несколько вещей, аналогичных предметам из Кичилькосьского вымского могильника. Внимательнее к этому вопросу отнеслась Э.А. Савельева, обозначив более широкий круг параллелей в вещевых комплексах и даже сходство отдельных элементов в погребальном обряде трупоположения двух культур (Савельева, 1971, с. 175). Вероятно, погребения с сожжением на могильнике «Кузинские хутора» также следует связать с населением, близкородственным предкам коми (в большей степени населению вымской культуры). Данные топонимики содержат многочисленные подтверждения непосредственного соседства предков коми и марийцев (Галкин, 1965, с. 33; Серебренников, 1957; Матвеев, 1964, с. 83).

В последние годы появилась еще одна точка зрения о том, что в IX–XI вв. происходила миграция населения (угров) из Пермского Предуралья в Волго-Вятский регион (Крыласова, Подосенова, 2009; Подосенова, 2009, с. 158–159; Белавин, Крыласова и др., 2010; Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 135–138, 226–227). Эта научная гипотеза перерастает в развернутую концепцию, опирающуюся на многочисленные находки отдельных категорий инвентаря в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья, имеющие аналогии в синхронных погребальных памятниках Приуралья и Прикамья. Основным доказательством присутствия приуральского населения в Волго-Ветлужско-Вятском междуречье является то обстоятельство, что среди этих изделий обнаружены этнические маркеры угорской культуры. «Наличие в Ветлужско-Вятском междуречье представительного комплекса угорских этномаркеров является свидетельством переселения на эту территорию определенной группы (групп) выходцев из Среднего Предуралья» (Белавин и др., 2010, с. 112). По данной концепции, было несколько волн переселения, наиболее массовая в конце IX–XI вв. (Белавин и др., 2010, с. 112). Угры, по их мнению, обеспечивали безопасность болгарских купцов, создавая или населяя созданные болгарами (непонятно? – Т.Н.) опорные пункты на Волжском торговом пути. Распространение угорских изделий могло быть результатом торговли женщинами (невестами), которые, попав в иноэтническую среду, продолжали пользоваться своей посудой, украшениями и бытовыми вещами (Белавин и др., 2009, с. 138). Исходя из вышеизложенного, получается, что в Ветлужско-Вятском междуречье в IX–XI вв. сложилась мозаичная система расселения, в которой «угры группами обитали в приустьевой части и верховьях Ветлуги, верховьях и среднем течении р. Пижмы» (Белавин и др., 2010, с. 112).

Вопрос об этнической принадлежности прикамско-приуральских племен, следы которых фиксируются в Волго-Вятском междуречье, в данной работе не будет рассматриваться. Это сложная проблема вызывает острые дискуссии у специалистов, занимающихся изучением средневековых древностей Прикамья, Приуралья и Сибири. Не обладая полным комплексом источников и литературы, любые выводы окажутся дилетантскими. В лучшем случае можно присоединиться к одной из существующих точек зрения.

Попробуем выяснить на конкретном материале могильников IX–XI вв. масштабы проникновения вещей прикамско-приуральского облика на территорию Ветлужско-Вятского региона и определить возможную модель и степень взаимодействия прикамско-приуральского и местного населения.

А.М. Белавиным, Н.Б. Крыласовой и В.А. Ивановым в монографии «Угры Предуралья в древности и Средние века» достаточно выразительно обозначены и проиллюстрированы этнические угорские маркеры археологических культур Урала. Вполне справедливо исследователи полагают, что наиболее убедительным аргументом в пользу расширения угорской ойкумены является круглодонная керамика со шнуро-гребенчатой орнаментацией, о степени распространения которой речь уже шла.

В системе доказательств об угорской принадлежности части населения Ветлужско-Вятского междуречья значительный акцент делается на височных подвесках/серьгах с грузиком (так называемых «постсалтовских») и калачевидных (Крыласова, Подосенова, 2009; Подосенова, 2009, с. 158–159). Обратимся к материалам Веселовского могильника, расположенного в Шахунском районе Нижегородской области, который всеми исследователями относится к марийской средневековой культуре и датируется IX–XI вв. Височные кольца общим количеством 66 экз. обнаружены в 20 погребениях из 34 исследованных на памятнике. Остальные височные украшения представлены большим разнообразием. Наиболее массовыми (38,2%) являются браслетообразные височные кольца с одним отогнутым кольцом, которые и считаются маркерами марийского населения Ветлужско-Вятского междуречья. Кольца-серьги постсалтовского типа составляют 11,7%. В материалах марийских могильников большинство из перечисленных выше типов височных колец обнаружены в составе комплексов с ярко выраженными индикаторами марийской культуры, более того они всегда находятся совместно с традиционными марийскими височными кольцами, иногда привязаны к последним и являются их дополнением (пп. 3, 4, 5, 10, 12 Веселовского могильника). Кро-

ме того, население Ветлужско-Вятского междуречья имело свою традицию ношения височных колец-серег: они чаще встречаются в мужских погребениях, обычно по 2 экз., а в женских – по два или одному в зависимости от типа изделия.

Особое внимание среди вещей приуральского типа в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья исследователи уделяют категории «умбоновидных» шумящих подвесок, родиной которых, по их мнению, является ломоватовская культура. Поводом для такого вывода послужило массовое распространение подвесок в IX – первой половине XI в. в Пермском Предуралье и снабжение их дополнительными лапчатыми привесками (Белавин и др., 2010, с. 11). По нашему мнению, нет никаких оснований для подобной интерпретации умбоновидных подвесок. Во-первых, требует количественного подтверждения тезис о массовом распространении данного изделия в памятниках Пермского Предуралья. В Рождественском археологическом комплексе в 109 объектах таких изделий найдено 31 экз. (Белавин, Крыласова, 2008, с. 375), в то время как в 32 изученных комплексах Веселовского могильника – 43 экз. В остальных могильниках Волго-Вятского междуречья «умбоновидные» подвески также являются достаточно распространенной находкой. Менее всего таких украшений обнаружено в Дубовском могильнике: 25 экз. в 83 изученных комплексах, но даже в этом случае частота встречаемости этого изделия превышает данные по Рождественскому могильнику. Подвески в Пермском Предуралье использовались для украшения сумочек или в составе наконечников (Белавин и др., 2010, с. 110–111), а в захоронениях Ветлужско-Вятского междуречья они устойчиво входили в состав обувных украшений, создавая яркий своеобразный колорит.

Другая категория украшений, арочные подвески, также не может являться бесспорным аргументом в пользу того, что их находки свидетельствуют об обязательном присутствии угров. Среди арочных подвесок еще в 1970-х годах Г.А. Архипов выделил оригинальный тип подвесок с непрорезной основой (Архипов, 1973, с. 27–28), который в большей степени и встречается в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья. Наиболее специфических для угорской металлопластики арочных подвесок с изображением медведя в Ветлужско-Вятском междуречье не обнаружено, подвески с прорезной основой в форме ростка единичны. В каждом регионе имеется своя традиция ношения этой категории украшений: арочные подвески в Волго-Вятском междуречье использованы в качестве нагрудного или височного украшения, а в Прикамье и Приуралье –

в качестве наконечников (Крыласова, 2001, с. 61–79). Аналогичная картина наблюдается в ношении биконьковых литых подвесок. Функциональное назначение вещи очень важно при использовании тех или иных украшений в качестве источника при определении этнокультурной принадлежности носителя. «Этнические показатели формы являются тогда, когда их анализируют и сравнивают на вариативность в пределах одной функции, одного определенного содержания» (Генинг, 1988, с. 21).

В качестве основных элементов угорской культуры обозначены наборные пояса. «К западу от территории, занимаемой культурами угорского круга, детали наборных поясов, а особенно целые поясные наборы встречаются единичными экземплярами. Пожалуй, наиболее западной территорией массового распространения наборных поясов является Марийское Поволжье» (Белавин и др., 2009, с. 221). В таком случае как быть с поясными наборами в памятниках мордвы, где на широкой территории от Суры вплоть до Цны и Мокши обнаружены поясные принадлежности и даже целые пояса, абсолютно идентичные изделиям из Марийского Поволжья? Значительное количество наборных поясов обнаружено и в памятниках Древней Руси (Мурашова, 2000).

Среди маркеров угорской культуры значительное место занимают художественный металл, включающий культовые предметы и украшения в зверином стиле и отражающий особенности мировоззрения угорского населения (Белавин, 2009, с. 175–209). Особое место уделяется изображению медведя (голова медведя, медведя в шагающей позе, в жертвенной позе и т. д.), хищной птице, лосю, ящерице, коню. В украшениях, найденных в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. мы находим в основном изображения коня. Но культ коня для эпохи Средневековья нельзя ограничивать только угорским миром, он значительно шире. Образ медведя как один из ведущих для угорской металлопластики на украшениях Волго-Вятского региона указанного периода не выражен.

А.М. Белавиным и Н.Б. Крыласовой досконально проанализирован погребальный обряд населения Предуралья. Им удалось выявить этномаркеры в погребальном обряде, позволившие связывать памятники Пермского Предуралья с уграми, среди которых наиболее выразительны и уникальны следующие черты: «помещение в погребение останков коня (в южных культурах т. н. «комплекса коня», в северных – черепов или отдельных челюстей), а также применение металлических погребальных масок» (Белавин, 2009, с. 15–16), захоронения на помостах и использо-

вание речного песка преимущественно в качестве подсыпки под покойника или для его покрытия, реже в качестве подсыпки под комплекс сопровождающего инвентаря или при засыпке могилы (Крыласова, 2009, с. 94–96). В могильниках Ветлужско-Вятского междуречья в настоящее время неизвестны захоронения с вышеописанными элементами обрядности. Имеются упоминания о наличии весьма фрагментарно сохранившихся покрытий из ткани на лицах погребенных в пп. 5, 12, 26 Веселовского могильника (Архипов, 1973, с. 13), но это скорее остатки общего покрытия всего покойника, которое наблюдается в погребениях неоднократно. Они не похожи на лицевые покрывала угорских народов с металлическими пластинами и бляшками или накладками в области глаз и рта (Белавин, 2009), имитирующими маски.

Таким образом, анализ совокупных археологических источников (погребального обряда, украшений в системе костюмного комплекса) не дает убедительных данных о пребывании на территории Волго-Ветлужско-Вятского междуречья устойчивых групп населения из Прикамья и Пермского Предуралья.

В материалах средневековых могильников Ветлужско-Вятского междуречья большинство из перечисленных выше типов вещей располагались в различных погребениях, не образуя специфических комплексов, обнаружены совместно с ярко выраженными индикаторами марийской культуры, зачастую дополняя их в составе одного украшения (нагрудного, височного). Погребальный обряд захоронений, в которых обнаружены указанные украшения, также ничем не отличается от погребального обряда марийского населения, сохраняет все особенности, включая этноопределяющие.

Исходя из вышеизложенного, трудно представить, что речь идет об инокультурном населении. В таком случае носители какого-то из височных колец, переселившиеся с другой территории, должны были перенести с собой не только височные или другие украшения, но костюм в целом, а также на новом месте жительства сохранять свою культуру в других проявлениях (прежде всего верованиях – погребальном обряде), во всяком случае, в первое время. Обычно первое поколение лиц, поселившихся в другой этнической среде, сохраняет свою прежнюю этническую принадлежность на протяжении всей жизни, и, как правило, лишь их дети и внуки, особенно рожденные в смешанном браке, могут рассчитывать на сравнительно быструю и полную адаптацию (Бромлей, 1973, с. 117).

Присутствие на этих памятниках керамики прикамского облика (18–25%), отдельных укра-

шений свидетельствуют о наличии межэтнических браков между древними марийцами и представителями прикамско-пермского населения, которые «можно считать частным случаем общего явления, характерного для всей пограничной зоны двух этнокультурных регионов» (Леонтьев, 1989, с. 97). В результате этнических контактов формируются луговые и северо-восточные группы мари, а марийская культура приобретает своеобразный колорит, характеризующийся смешением волжско-финских и прикамско-пермских традиций.

К XII в. этническая картина в Ветлужско-Вятском междуречье меняется. При очевидном сходстве памятников IX–XI и XII–XIII вв. в их материалах невозможно не заметить значительных различий, требующих объяснений. Особым своеобразием отличается Починковский могильник. Несмотря на значительную близость этого памятника марийским захоронениям XII–XIII вв., следует отметить ряд особенностей. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в составе погребальных комплексов Починковского могильника нет украшений, отражающих преемственность с предшествующим периодом и являющихся этноопределяющими признаками древнемарийской культуры, таких как головные цепочки, браслетообразные височные кольца, наконечники, умбонovidные и каплевидные шумящие подвески; в составе шумящих украшений не используются колоколовидные привески и грушевидные бубенчики с крестовидной прорезью. В то же время именно этот памятник дает разнообразные категории украшений мерянского круга (двухглавые наборные коньки, рамчатые треугольные подвески и подвески из колец, спаянных в форме пирамидки, плоские застежки-сюльгамы со спаянными концами), а также изделия, характерные для славянизированных костромских финно-угров (монетовидные подвески, лунницы, обмотанные гривны с плоскими загнутыми концами) (Археология Костромского края, 1997, рис. 37–39). В Выжумском II и западной части Выжумского III могильников отмечается также серия вещей, характерных для славянизированных финнов: треугольные подвески из колец или спиралей, спаянных в форме пирамидки, треугольные рамчатые из гладкой проволоки, конусовидные подвески с 2–3 петлями для шумящих привесок, фибулы с перемычкой, пластинчатые сплошные уточки с привесками, щитковое завязанное кольцо с овальными расширениями (Рябинин, 1986, с. 57, 81).

Появление вещей волжских финнов в марийских памятниках – явление не исключительное. В могильниках предшествующего периода мы неоднократно фиксируем вещи мерянского, му-

ромского, мордовского, иногда славянского происхождения.

Близость могильников Поветлужья XII–XIII вв. с памятниками костромских финно-угров неоднократно отмечалась исследователями и объяснялась культурными или торговыми контактами населения двух регионов (Горюнова, 1961, с. 244–248; Архипов, 1986, с. 93; Рябинин, 1986, с. 192–193), которые фиксировались по археологическому материалу уже в материалах раннего железного века (Рябинин, 1997, с. 195; Патрушев, 1992, с. 148). Е.И. Горюнова даже признавала возможность языковой общности костромских финно-угров и ветлужских мари (Горюнова, 1967, с. 78).

Резкое увеличение мерянской вещи, а также изделий славянских типов в Поветлужье в XII–XIII вв. трудно объяснить только культурными или торговыми контактами населения двух регионов. Более вероятно, что это явление связано с непосредственным появлением в Поветлужье переселенцев со стороны Костромского Поволжья.

События конца XI в. (в частности волнения смердов в Суздальской земле 1071 г.) подтверждают, что финно-угорское население восприняло славянскую культуру неоднозначно (Корсаков, 1872, с. 24–28). Определенная часть финно-угорского населения, не принявшего славянскую культуру, уклад жизни и иное вероисповедание, уходит на восток. По этому поводу Казанский летописец писал: «Наполни такими людьми землю ту еще ина черемиса, зовомая остяки, тое же глаголют ростовская чернь, забежавши та от крещения русского в болгарских жилищах» (Сказание о царстве Казанском, 1959, с. 27). Е.П. Казаков неоднократно подтверждал эти свидетельства материалами домонгольских болгарских селищ и Танкеевского могильника (Казаков, 1985, с. 32), среди которых фиксировались комплексы волжско-финских вещей.

Существуют многочисленные легенды о том, что часть убежавших мерян поселилась на черемисских землях (Корсаков, 1872, с. 30–31; Ключевский, 1987, с. 299; Акцорин, 1990, с. 70–71; Морохин, 1994, с. 20).

К этой точке зрения склоняются и некоторые языковеды. Опираясь на антропонимы, С.Я. Черных не исключает возможности включения мерянской и муромских родов в этнический состав марийцев (Черных, 1980). О.Б. Ткаченко, считая марийский и мерянский языки самостоятельными, отмечает их значительное сходство (Ткаченко, 1985, с. 29, 35).

Эти переселения вызваны развернувшейся в XII в. «крестьянской и феодальной (княжеской) колонизацией» Волго-Окского междуречья, вследствие которой племена мери и муромы на основ-

ной территории их проживания были ассимилированы. «Финно-угорские коллективы, оказавшиеся вне зоны ранней древнерусской колонизации, еще длительное время сохраняли этническую самобытность» (Рябинин, 1997, с. 186, 196). Более затяжной характер носила аккультурация финно-угров, обитавших на левобережье Костромского региона. По мнению Е.А. Рябина, приволжские чудские группировки полностью ассимилировались лишь к концу XIII в. (Рябинин, 1986, с. 110; 1997, с. 196). Вполне вероятно, что определенная часть финно-

угорского населения, сохранившая свое этническое своеобразие и прежде всего языческие верования, но в той или иной степени подверженная воздействию древнерусской культуры (так называемые славянизированные финны), уходит на восток.

Многосторонние контакты славянизированных финнов с местным населением получили отражение в материалах Починковского могильника и Выжумского археологического комплекса, объединяющего три могильника интересующего нас периода.

ГЛАВА 3

ПАМЯТНИКИ БАССЕЙНА Р. ЧЕПЦА

Археологические памятники. Бассейн р. Чепцы является одним из наиболее выразительных регионов финно-угорского Средневековья с плотной системой расселения, который привлек к себе внимание исследователей в конце XIX в. (Первухин, 1896; Спицын, 1889). Материалы раскопок ряда городищ и могильников, проведенные А.П. Смирновым и С.Г. Матвеевым в 1924–1930-е годы, послужили основой для первых обстоятельных историко-культурных реконструкций (Смирнов, 1952). Работы Удмуртской археологической экспедиции, созданной в 1954 г. под руководством В.Ф. Генинга, значительно расширили круг ранее известных источников (Генинг, 1958). С 1969 г. этот регион стал основным объектом исследований археологов Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, развернувших планомерные исследования памятников широкими площадями (Иванова, 2004, с. 30–40).

В настоящее время на этой территории известно свыше 300 археологических памятников (рис. 1), основную часть которых исследователи объединяют в две хронологически последовательные и генетически связанные культуры: полемскую конца V – начала IX вв. и чепецкую конца IX – начала XIII в. (Иванов и др., 2004, с. 46–64). По уточненным данным к чепецкой культуре отнесено 145 памятников (рис. 1). Долгое время большей изученностью и известностью выделялись городища, которые до сегодняшнего дня сохранили за собой названия, связанные с богатырским эпосом удмуртского народа. Городища (по удм. *кар* – общепермское слово, обозначающее город, городище, гнездо) содержат в названии имя одного из богатырей, как бы закрепляя его за ним: Иднакар – городище Идны, Дондыкар – городище Донды и т. д. Следует отметить, что из включенных в карту городищ значительный культурный слой с убедительно датированными материалами конца IX–XIII вв. содержат десять, еще десять укрепленных поселений содержат невыразительную керамику полемского и чепецкого облика, по трем городищам имеются сведения у Н.Г. Первухина (1896), но в последующее время не обнаружены.

Городища расположены по берегам Чепцы и ее притоков на мысах между рекой и ручьем, рекой и

оврагом или вблизи ручья между оврагами. Топографические особенности мысов предопределили весьма однообразную систему укреплений, состоявших из одной-трех линий валов и рвов, защищавших площадку с напольной стороны.

Укрепленные поселения различаются по площади и мощности культурного слоя. Городища Весьякар и Маловенижский Поркар, I и II Сепычкары со значительным слоем, имеющие сравнительно небольшую площадь (до 7000 кв. м), расположены на высоких мысах, укреплены одним валом и рвом и содержат культурный слой мощностью около 100 см. На близких к ним по топографии городищах Узякар и Эбгакар, Чибинькар слой невыразителен. Безусловно, выделяются крупные памятники площадью 20–40 тыс. кв. м с мощной системой укреплений из двух-трех линий валов и рвов и наличием слоя между оборонительными линиями: Гурьякар, Иднакар, Уччакар.

Эти городища, имевшие существенную разницу в топографии занимаемых ими мысов, в площадях, системах укреплений, состоянии и мощности культурного слоя, различались по структуре поселений, количеству проживавших на них людей и, очевидно, характеру связей между ними. К примеру, Узякар, Эбгакар, расположенные на высоких мысах, имеющие небольшую площадь и не сохранившие выразительного культурного слоя, использовались в качестве убежищ в периоды опасности и священных мест в мирное время. Весьякар, Дондыкар, Маловенижский Поркар, I и II Сепычкары со значительным слоем, занимая разные по высоте и площади мысы, могли выступать в качестве локальных ремесленных и культурных центров. Городища Гурьякар и Уччакар, для которых были выбраны крупные мысы с перспективой их расширения в напольную сторону, с неоднократным усилением фортификационных сооружений, могли иметь значение центров округи с охватом более крупных площадей.

Наибольшую значимость в раскрытии многих аспектов материальной и духовной культуры имеют материалы городища Иднакар IX–XIII вв. (рис. 2), на котором за 35 лет исследований изучен характер слоя и сооружений на всех структурных частях поселения, установлены принцип

планировки и особенности возведения укреплений, изучены десятки жилых, производственных и хозяйственных сооружений (Иванова, 1998). Использование новых методов позволило выполнить более детальный анализ содержания культурных напластований и выделить пять уровней планировки, соответствующих стратиграфическим периодам функционирования средней части городища. В наиболее раннем, первом уровне планировки хронологически показательные вещи не обнаружены, но не исключено начало освоения площадки в конце IX в. Второй уровень планировки функционировал в X в., следующий уровень – в X–XI вв., третий – в пределах XI–XII вв., самый поздний – XII–XIII вв. То есть достаточно определенно выстраивается последовательность развития с X по XIII в., но границы размыты. С известной осторожностью можно предположить, что уровни планировки функционировали примерно на протяжении столетия. В целом проведенные работы подтверждают определенные ранее хронологические рамки городища Иднакар и окружающих памятников в пределах конца IX–XIII вв. (Иванова, 2009; 2012, рис. 1).

В последние годы новые материалы получены на городище Учцакар в результате междисциплинарных исследований. Структура поселения оказалась более сложной, чем представлялась по внешне выраженным топографическим параметрам. С применением комплексной методики геофизических исследований выявлена мощность культурного слоя на всех структурных частях, полностью изучена вся площадка с локализацией объектов планировки (сооружения, ямы, очаги), структура двух линий оборонительных сооружений и обнаружена не фиксируемая ныне внутренняя линия, отгораживающая мысовую часть (Иванова, Журбин, 2014, с. 40–53; 2016, с. 78–41). Анализ структуры и состава слоев в заполнении рва, взаимного расположения выделенных горизонтов и фиксируемых остатков деревянных конструкций позволяет предположить, что внутренний вал представлял собой два ряда срубов с грунтовой забутовкой. Вероятно, эта линия оборонительных сооружений была создана в начальный период существования Учцакара и окончательно разрушена и выровнена в пределах X–XI вв.

Выявление снесенной внутренней линии обороны на Учцакаре показало структуру, аналогичную городищу Иднакар, где выделены внутренняя, средняя и внешняя части (Иванова, 1998, с. 18–29; 2009, с. 52–60). Но измерения методами электропрофилирования, магниторазведки и георадарной съемки за внешней линией укреплений обнаружили заглубленные объекты, расположенные вдоль рва, свидетельствующие о наличии еще

одной структурной части за пределами укреплений и более интенсивном развитии поселения.

В результате проведенных исследований раскрыт процесс постепенного расширения обитаемой территории городища с возведением новой линии обороны. Можно полагать, что жилая зона была сосредоточена на средней части, хотя, скорее всего, первые жилища располагались на мысу. На внешней части и за пределами вала, по всей вероятности, были локализованы преимущественно хозяйственно-производственные сооружения. В целом прослеживаются прямые аналогии с динамикой развития структуры городища Иднакар. Но выявление освоенной части за пределами внешних оборонительных укреплений на Учцакаре открывает перспективы дальнейших исследований по конкретизации особенностей освоения и использования площадок.

Раскопки ключевых участков городища показали, что оно функционировало в пределах IX–XIII вв. Выявлено, что внешняя часть была заселена позже остальных, не ранее XI в., в это же время осваивается и территория за пределами внешнего вала. Нет никаких сомнений в том, что это городище являлось центром округа с аграрно-ремесленными функциями (Иванова, 2016, с. 136–143).

Погребальные памятники расположены по всему среднему течению Чепцы, правым и левым притокам вплоть до ее верховьев. Материалы IX–XIII вв. содержат 36 могильников, которые подразделяются на две хронологические группы. Раннюю группу представляют Солдырский Чемшай, Адамовский Бигершай, Омутницкий, Подборновский могильники, основная часть Весьякарского Бигершай и часть Варнинского могильника. Эти памятники, содержащие орнаментированную керамику, вещевой инвентарь IX–XI вв., непосредственно восходящий к полоумским традициям, сосредоточены на среднем правобережье Чепцы.

Другую группу составляют могильники с орнаментированной керамикой и инвентарем XI–XIII вв., расположенные как в центральных районах бассейна Чепцы, так и на окраинах в значительном отдалении от городищ. Наиболее крупные из этих памятников Кузьминский (273 погр.), Маловенижский (89 погр.), Чиргинский (46 погр.) могильники. По распределению на карте памятников создается впечатление, что именно в этой группе встречаются могильники, известные местному населению под названием Бигершай (*букв.* татарское кладбище), но ни по обряду захоронения, ни по составу инвентаря от других чепецких памятников они не отличаются, а имеющиеся попытки объяснения этого топонима, к сожалению, за пределы предположений не выходят. Качкашурский, Солдырский и Весьякарский могильники

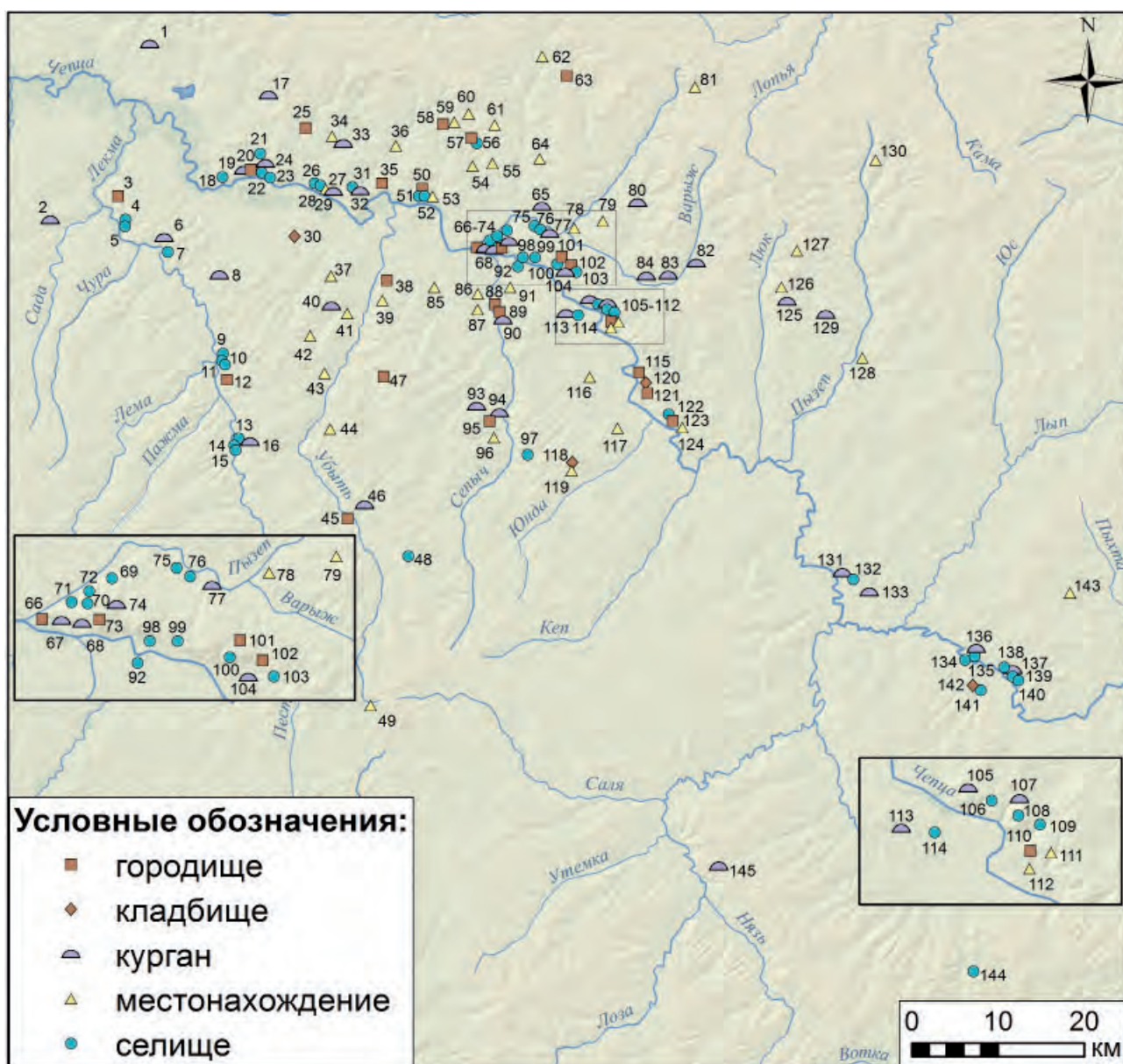

Рис. 1. Карта археологических памятников чепецкой культуры IX–XIII вв.:

- 1 – Кузьминский могильник; 2 – Тымпальский могильник; 3 – Уканское Поркар городище; 4 – Уканское I селище; 5 – Уканское II селище; 6 – Старозянкинский могильник; 7 – Старозянкинское селище; 8 – Меметовский могильник; 9 – Ежевское I селище; 10 – Ежевское II селище; 11 – Ежевское II селище; 12 – Ежевское городище; 13 – Тылыское I селище; 14 – Тылыское II селище; 15 – Тылыское III селище; 16 – Тылынский могильник; 17 – Тумский I Бигершай могильник; 18 – Озерковское селище; 19 – Кушманский могильник; 20 – Кушманское Учкакар городище; 21 – Кушманское III селище; 22 – Кушманское II селище; 23 – Кушманское I селище; 24 – Коповский Бигершай могильник; 25 – Комаровское Чибинькар городище; 26 – Жабинское II селище; 27 – Жабинское I селище; 28 – Жабинский Бигершай могильник; 29 – Жабинские находки; 30 – Карасевский клад; 31 – Печешурское селище; 32 – Печешурский могильник; 33 – Люмский Бигершай могильник; 34 – Верх-Люмские находки; 35 – Краснослудское Эбгакар городище; 36 – Дураковские находки; 37 – Чемошурские находки; 38 – Извильское городище; 39 – Извильская находка; 40 – Кыпкинский могильник; 41 – Кыпкинская находка; 42 – Малоключевская находка; 43 – Тугбулатовская находка; 44 – Макшурская находка; 45 – Маловенижское Поркар городище; 46 – Маловенижский могильник; 47 – Хомяковское городище; 48 – селище у д. Удмуртский Караул; 49 – Большепалкинская находка; 50 – Богатырское Утэмкар городище; 51 – Нижнебогатырское I селище; 52 – Нижнебогатырское II селище; 53 – Богатырские находки; 54 – Вьльгуртское место находок керамики; 55 – Дондинский клад; 56 – Дондыкарское селище; 57 – Дондыкарское городище; 58 – Портяновское I городище; 59 – Сораковские находки; 60 – Портяновское место находок керамики; 61 – Шестнецкая находка; 62 – Пудвайская находка; 63 – Зуйкарское городище; 64 – Симпаловская находка; 65 – Квалярский могильник; 66 – Солдырское I Иднакар городище; 67 – Солдырский I могильник; 68 – Солдырский II могильник; 69 – Солдырское селище; 70 – Солдырское II селище; 71 – Солдырское III поселение; 72 – Солдырское IV поселение; 73 – Солдырское II Сабанчикар городище; 74 – Солдырский Чемшай могильник; 75 – Турайское I селище; 76 – Турайское II селище; 77 – Адамовский Бигершай могильник; 78 – Поломское место находок;

79 – Кортышевская находка; 80 – Кабаковский могильник; 81 – Авериновская (Аверятская) находка; 82 – Большеварыжский Вужшай могильник; 83 – Карашурский могильник; 84 – Чиргинский могильник; 85 – Полингская находка; 86 – Малолудошурские находки; 87 – Лудошурские находки; 88 – Лудошурское I Сепычкар Малый городище; 89 – Лудошурское II Сепычкар Большой городище; 90 – Качкашурский могильник; 91 – Качкашурские находки; 92 – Качкашурское селище; 93 – Татарско-Парзинский могильник; 94 – Сепычевский (Эзетнюк) могильник; 95 – Сепычское городище; 96 – Саламатовская находка; 97 – Гурдошурское селище; 98 – Адамовское I селище; 99 – Адамовское II селище; 100 – Заболотновское поселение; 101 – Заболотновское Садейкар городище; 102 – Весьякарское городище; 103 – Весьякарское селище; 104 – Весьякарский Бигершай могильник; 105 – Подборновский Вужшай могильник; 106 – Подборновское селище; 107 – Гординский I могильник Издынь; 108 – Гординское I селище Издынь; 109 – Гординское II селище; 110 – Гординское Гурьякар городище; 111 – Гординский камень; 112 – Гординская находка; 113 – Омутницкий могильник; 114 – Омутницкое селище; 115 – Балезинское Узякар городище; 116 – Почтошурская находка; 117 – Балезинское место находок керамики; 118 – Ягошурский (Кестымский) клад; 119 – Ягошурские находки; 120 – Буринский клад; 121 – Буринское городище; 122 – Карйылское селище; 123 – Карйылское городище; 124 – Седьярские находки; 125 – Большесазановский могильник; 126 – Сазоновская находка; 127 – Коршуновские находки; 128 – Новопажманское местонахождение керамики; 129 – Дырпинский могильник; 130 – Макаровские находки; 131 – Поломский II могильник; 132 – Поломское III селище; 133 – Поломский I могильник; 134 – Тольенское I селище; 135 – Тольенское II селище; 136 – Тольенский могильник; 137 – Варнинский могильник; 138 – Варнинское III селище; 139 – Варнинское IV селище; 140 – Варнинское V селище; 141 – Лесагуртское селище; 142 – Лесагуртский клад; 143 – Маломедлинская находка; 144 – Богдановский клад; 145 – Кушбинский могильник

содержат материалы раннего и позднего периодов (Иванова, 1992, табл. 17, с. 77–80).

Чепецкие могильники грунтовые, погребения расположены более или менее четкими рядами, взаимонарушения могил редки. Захоронения, как правило, одиночные, совершались в простых ямах подпрямоугольной формы с отвесными стенками и плоским дном. Ориентация умерших довольно устойчива: захоронения совершались головой в северном направлении в пределах колебаний от северо-востока до северо-запада (рис. 3). На памятниках IX–X вв. она более разнообразна, хотя также преобладает северо-восточная.

Остатки погребальных сооружений выявляются редко, но иногда под бронзовыми сосудами можно проследить остатки бересты, луба, ткани, меха, целые куски дерева от гроба. По сохранившимся костякам, тлену отдельных частей скелета, расположению погребального инвентаря в могиле можно определить так: умершие уложены вытянуто на спине, руки сложены вдоль тела или слегка согнуты в локтях. Встречены жертвенные комплексы, ярко выражен культ огня. Между могилами выявлены остатки поминальных тризн, костров, часты находки вещей, связанных с поминанием умерших.

В женских захоронениях инвентарь представлен преимущественно набором украшений, которые располагаются примерно в том порядке, в котором носились при жизни. Мужские захоронения сопровождают главным образом орудия труда, оружие. Сравнительное изучение обряда захоронения показывает общность черт ранней и поздней группы погребальных памятников. В могильниках XI–XIII вв. можно отметить тенденцию к стабилизации размеров и форм могил, ориентации, более редкому расположению захоронений на территории (Иванова, 1991, с. 35–55). В то же

время необходимо отметить, что обряд захоронения чепецкого населения близок ритуалу соседних коми и марийцев. Общность черт ритуала прослеживается в преобладании труположения, основных формах могильных ям и погребальных сооружений, ориентации умерших, наличии культа огня, следов поминальных тризн и жертвоприношений. Различия наблюдаются в соотношении обряда ингумации и кремации, некотором разнообразии форм погребальных сооружений у коми, меньшей степени выражения культа огня у марийцев, в разной степени отражения в археологических материалах иноэтнических влияний.

Селищ обнаружено больше 40. Они, как правило, располагаются на пологих склонах береговых террас или высоких берегах рек поблизости от воды и удобных для распашки земель, часто группами-гнездами вокруг крупных городищ. Например, в округе Учкакара обнаружено три селища, Иднакара – пять. Следует заметить, что эти памятники на Чепце исследованы крайне слабо, материалы с них ограничиваются сборами с поверхности фрагментов керамики, костей животных, шлаков, изредка – некоторых предметов, поэтому и источниковедческие возможности их невелики.

Небольшие раскопки проводились на Качкашурском селище на левом берегу Чепцы. В культурном слое мощностью до 30–40 см зафиксирована сохранившаяся часть округлой в плане ямы диаметром 260 см и глубиной 105 см. По характеру заполнения с золистыми и углистыми включениями, находок тиглей возможно предположение об отношении ее к металлургии или кузнечному делу. Находки вещей единичны, в керамическом материале по составу примесей в тесте, орнаментации четко выделяются сосуды поломского и чепецкого времени (Иванова, 1982а).

Рис. 2. Чепецкая культура. Вид на площадку городища Иднакар с юго-запада

Кушманское III селище интересно тем, что геофизическими методами на его территории выявлены остатки хорошо сохранившегося культурного слоя с элементами фортификации в виде двух линий обороны, состоящих из вала и рва, что позволяет рассматривать этот памятник как укрепленное городище. Остатки культурного слоя обнаружены и за пределами внешнего вала. В 2016 году раскоп был заложен в южной части памятника с охватом аномалии, соответствующей заглубленной в материк структуре. Верхняя часть культурного слоя оказалась уничтожена многолетней распашкой. Мощность сохранившейся части не превышает 12 см, ниже залегал горизонт погребенной почвы мощностью не более 10 см. Здесь выявлены прорезающие друг друга крупные хозяйственные ямы диаметром 2,4 и 2,8 м (объекты 2 и 2а) и остатки небольшой наземной, заглубленной на 20–25 см постройки с перекрытием (навесом), внутри которой располагался каменный очаг. По мощности и характеру культурного слоя, конструкции ям, составу находок памятник аналогичен другим поселениям чепецкой культуры. Состав коллекции, характерный для X–XIII вв., позволяет предполагать, что это поселение функционировало синхронно с городищем Учкакар. В целом результаты исследований Кушманского комплекса свидетельствуют о наиболее высокой активности населения в X–XIII вв. и открывают широкие перспективы

для дальнейших исследований многих направлений культуры и системы жизнеобеспечения (Иванова, Журбин, Модин, 2017).

На карте чепецкой культуры отмечено 6 *кладов* и 35 *местонахождений* отдельных предметов. Чаще это серебряный сосуд восточной торевтики, в котором сложены сасанидские и саманидские дирхемы, одна или несколько гривен глазовского типа, слитки серебра или бронзы (Дондинский, Ягошурский, Лесогуртский), иногда монеты и украшения без сосуда (Богдановский, Ташьялудский). Карасевский клад содержал гривну глазовского типа, ведро с арабской надписью, в Буринском – в глиняном сосуде с желто-зеленой поливой находились золотые и серебряные украшения, сердоликовые бусы (Иванова, 1979, № 2, 25, 53, 99, 102, 109, 111).

Из 35 мест находок отдельных предметов 26 – это находки серебряных гривен глазовского типа. Большинство из них вернее было бы назвать кладами, поскольку возле населенных пунктов найдено не по одному предмету. Скорее всего, таковыми они и были, но в процессе расчистки лесов под пашню оказались разрушенными. К примеру, возле д. Лудошур Глазовского района в округе двух городищ (Сепычкар Малый и Сепычкар Большой) в разные годы была выпажана 21 гривна, поблизости от д. Малый Лудошур – 3 гривны и 11 обломков и т. д. В настоящее время в бассейне р. Чепцы

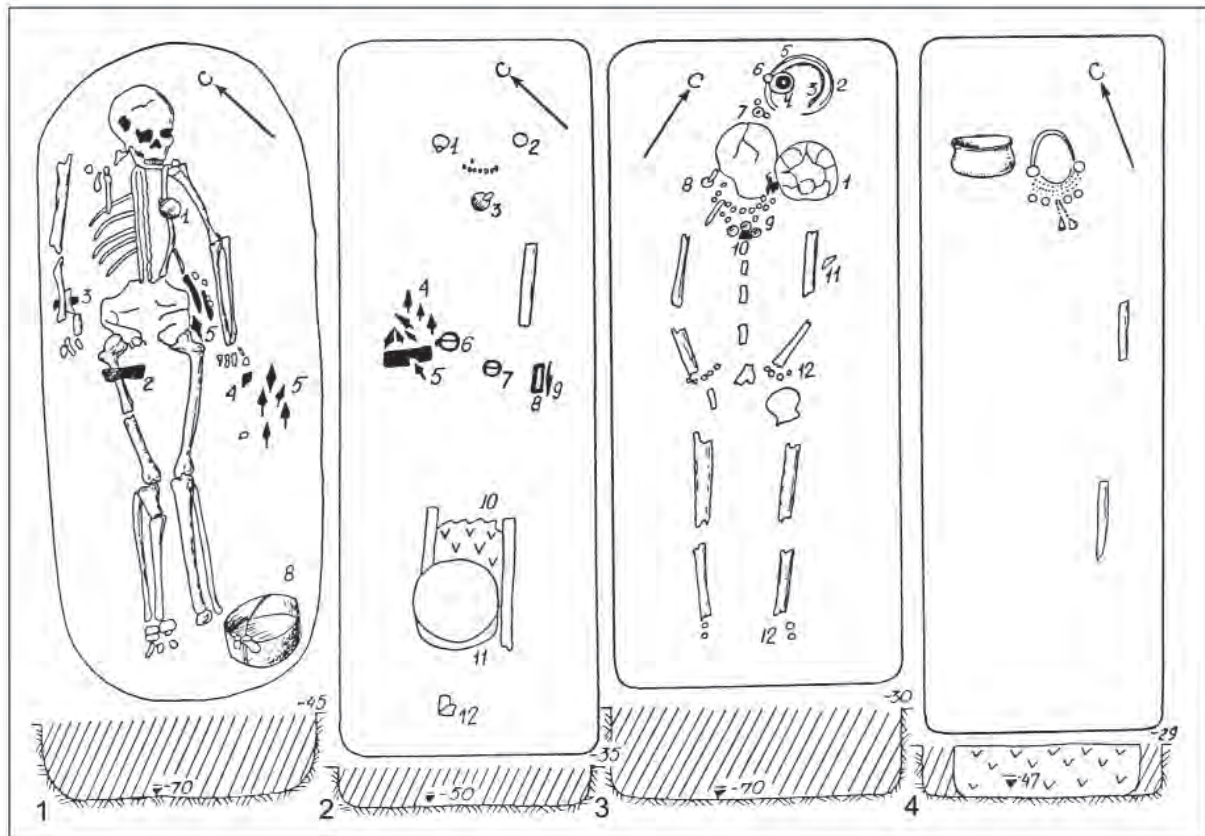

Рис. 3. Чепецкая культура. Планы захоронений.

1 – Маловенижский могильник, погр. 17; 2 – Кузьминский могильник, погр. 9; 3 – Чиргинский могильник, погр. 7; 4 – Кузьминский могильник, погр. 91.

учтено 68 целых и 39 обломков серебряных гривен, 10 сосудов восточной торевтики, 2142 монеты VI–X вв., 244 монеты XIII–XIV вв. Остальные находки – это серебряные украшения, фрагменты керамики, надмогильный камень. Клады и отдельные местонахождения предметов выявлены на всей территории бассейна средней Чепцы, как возле крупных памятников, так и в верховьях правых и левых притоков в значительном отдалении от поселений.

Изучение десятков сооружений на Иднакаре позволило выявить определяющие составные компоненты жилища: площадка ярко-оранжевой сухой глины, очаг и примыкающая хозяйственная яма (рис. 4). Все жилища имели прямоугольную форму размерами от 20 до 64 кв. м. В пределах границ дома на уровне материка обнаруживаются четко выраженные ямки от столбов и кольев, которые позволяют в определенной степени восстановить интерьер (рис. 5). Например, по расположению рядов ямок можно предположить, что нары-лежанки занимали почти всю половину дома, а в ширину достигали 1,8–2,0 м. Хозяйственная яма для припасов могла быть прямоугольной или круглой. Иногда она находилась возле очага и имела небольшую глубину до 1,0 м, но чаще наполовину

или полностью выходила за пределы дома, имела гораздо большие размеры и глубину до 2,0–2,5 м. Стенки ям обшивались досками, срубом из расколотых надвое бревен, лубом или берестой, которые по углам поддерживались кольями (рис. 6).

Раскопки Иднакара большими площадями выявили застройку, близкую к рядовой. Жилые сооружения располагались не совсем четкими рядами, идущими вдоль площадки городища от мысовой части к валу, возле внутреннего вала развернуты длинными сторонами вдоль площадки. Средняя и наружная части городища изучены еще недостаточно, но по вскрытым жилищам создается впечатление, что они продолжают ряды внутренней части. Аналогичные жилища, вытянутые вдоль мыса, вскрыты и на Гурьякаре.

Следует отметить, что чепецкие жилища по своим конструктивно-планировочным элементам наибольшее сходство обнаруживают с верхнекамскими X–XIV вв., оставленными предками коми-пермяков (Черных, 1992, с. 16–19). Анализируя особенности жилищ предшествующего рассматриваемым периоду второй половины I тысячелетия н. э., В.А. Семенов отмечал большое влияние верхнекамских строительных традиций в домостроении населения бассейна Чепцы (Семенов,

Рис. 4. Чепецкая культура. Городище Иднакар, средняя часть. Вид на жилое сооружение.

1979, с. 150–156). Исследователь считал, что уже в эпоху раннего Средневековья здесь сооружались наземные срубные дома без фундамента с земляным или подсыпанным из смеси песка и глины полом, глинобитным очагом, хозяйственной ямой и дощатыми нарами. Эти особенности, закрепившись в устойчивую традицию, почти без изменений доживают до XII–XIII вв., получив свое развитие в жилищах чепецкой культуры, а через нее и в традиционном зодчестве удмуртов.

На поселениях преобладают лепные сосуды с выраженной шейкой, выпуклыми плечиками, с наибольшим расширением в средней или верхней части тулова с уплощенным дном, различающиеся главным образом по степени профилированности (рис. 7). В небольшом количестве представлены также сосуды баночного типа с уплощенным дном, низкие чаши с открытым или закрытым устьем без шейки, а также неорнаментированные сосуды с петлевидной и язычковидной ручкой. Такая посуда появляется и на погребальных памятниках.

Более половины сосудов орнаментированы, но чаще всего украшен венчик, шейка и плечико – гораздо реже. Преобладает шнуровой орнамент, гребенчатый, геометрический решетчатый штамп. Иногда горизонтальные отриски шнура сочетаются с рядами решетчатого штампа. Количество ор-

наментированных сосудов по шейке и плечикам резко уменьшается от нижних слоев к верхним пластам.

Погребальная посуда отличается от бытовой слабым обжигом. Поэтому во многих случаях она имеет плохую сохранность и не поддается реконструкции. По форме и орнаментации различий между ними мало. В комплексах XI–XII вв. выявлена небольшая группа слабопрофилированных толстостенных сосудов с примесью песка и мелкотолченой раковины в форме чаш с расширяющимся книзу туловом с короткой слабо изогнутой шейкой, с прямыми стенками, открытым или слегка прикрытым устьем. Эта посуда могла быть принесена какой-то этнически близкой группой населения, истоки которой пока определить сложно. Со второй половины XII в. эти сосуды уже не встречаются.

Сравнительный анализ комплексов средневековых этнических сообществ показывает, что у чепецкого населения наиболее выразительными и многочисленными украшениями были височные подвески, серьги, гривны и составные ожерелья, бусы.

Особое место в средневековой культуре финно-угорских народов занимали так называемые *шумящие подвески*, состоящие из плоской или объемной, гладкой или ажурной основы-щитка и

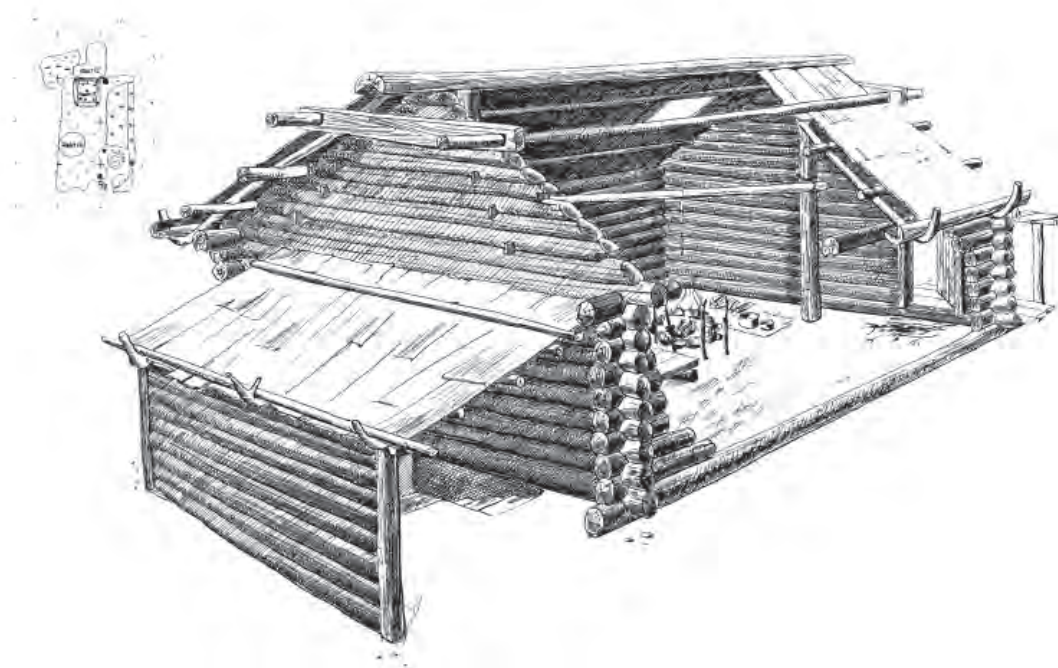

Рис. 5. (3). Реконструкция жилого сооружения на городище Иднакар

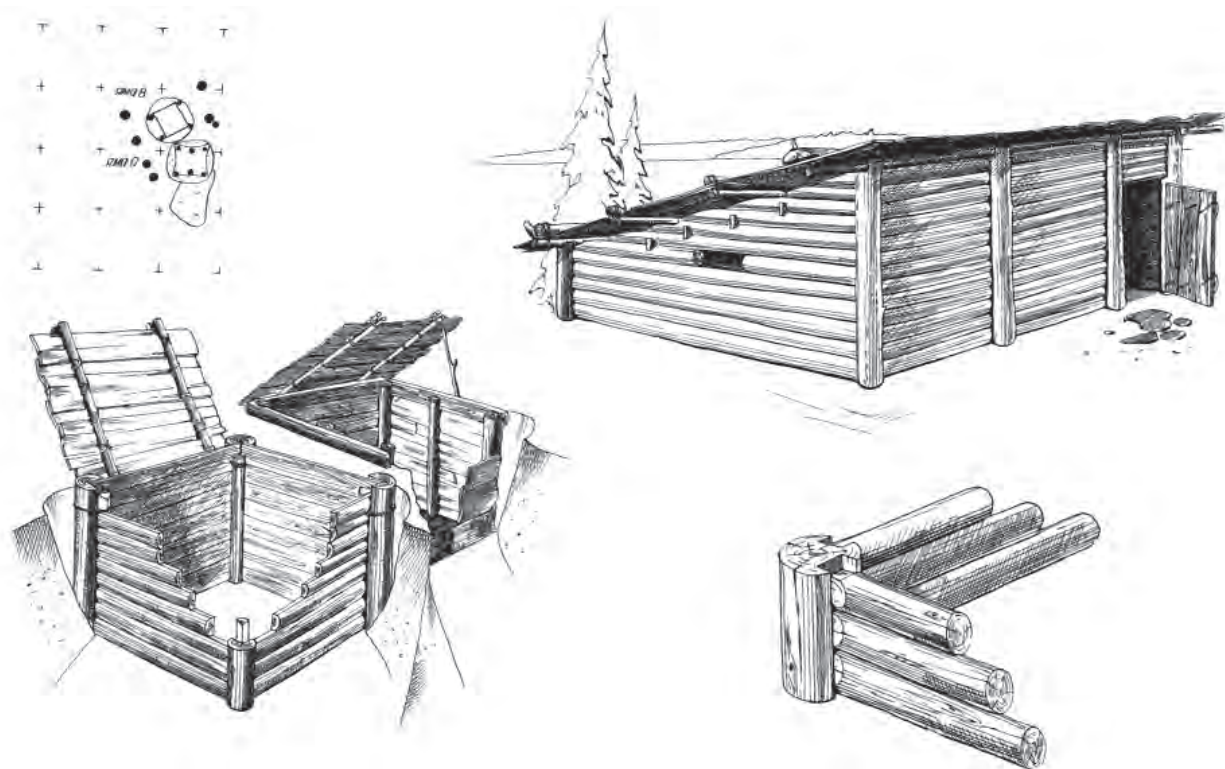

Рис. 6. Реконструкция хозяйственных ям на городище Иднакар

прикрепленных к ней на цепочках колокольчиков, бубенчиков, изогнутых утиных/гусиных лапок. Для чепецкого населения более характерны украшения с треугольным, отлитым в односторонней форме щитком, конец которого загнут в петлю для крепления к одежде (рис. 10). К основанию

на двузвеньевых цепочках крепились прорезные бубенчики. Было распространены подвески на конусовидной основе, украшенной также имитацией зерни и скани с шаровидными привесками на длинных цепочках из щитковых звеньев. Среди зооморфных украшений особенно выразительны

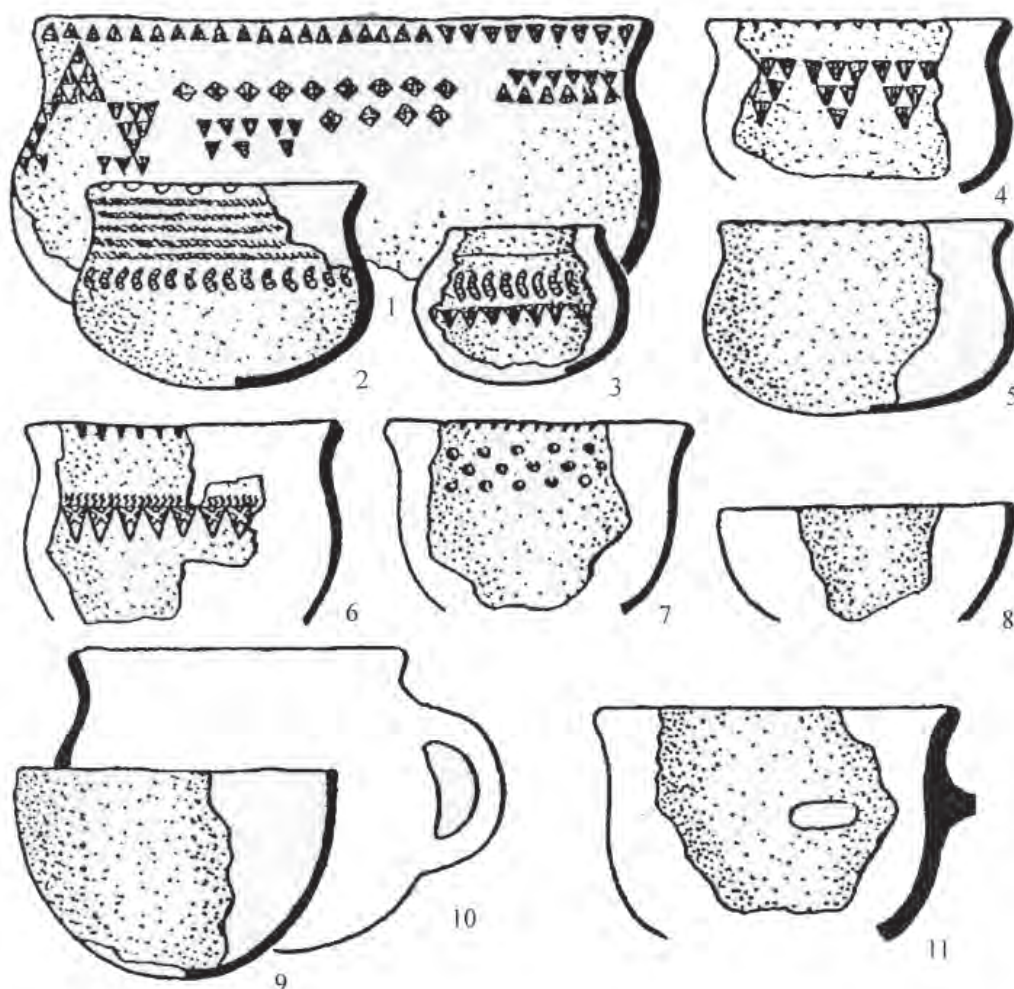

Рис. 7. Основные формы лепных сосудов городища Иднакар.

серебряные подвески-всадницы, изображающие женское божество на коне, попирающем змею, коньковые подвески с направленными в противоположные стороны головками, представляют интерес поляя подвеска-уточка с привесками-лапками, коньковая подвеска с высокой цилиндрической шейкой (рис. 8).

Одну из наиболее ярких особенностей культуры чепецкого населения составляют изделия из резной кости (рис. 9), ассортимент которых включает более 40 категорий предметов. В материалах городищ они составляют значительную долю общего числа находок. Существенную часть коллекций составляют орудия труда, оружие, бытовые предметы, не имеющие этнокультурной специфики: это наконечники стрел и детали луков, пищики-манки, проколки, иглы, спицы, рукояти ножей и шильев. Бытовые и туалетные принадлежности, подвески, культовые предметы, часть орудий труда по форме и декору в большей степени характерны именно для чепецких памятников и определяют их этническое своеобразие. На чепецких городищах

особенно много кочедыков, копоушек, гребней, ложек, абсолютное их большинство украшено орнаментом, в котором преобладают прочерченные геометрические узоры, состоящие из базовых фигур: точек, «чешуек», «флажков», заштрихованных полос, треугольников и ромбов, четырехугольника с вогнутыми сторонами, ломаных полос. На некоторых предметах встречаются изображения знаков собственности (удм. *пус* «знак, тамга»). Наибольшей выразительностью отличаются произведения зооморфной пластики. В технике объемной резьбы выполнены скульптурные изображения конских головок (рис. 9: 1–5). Навершия вязальных игл оформлены головкой лося или птицы, многоликим антропоморфным изображением (рис. 9: 21, 23). Уникальны подвески, ритуальные пластины, костыльки-застежки и т. п. с вырезанными головами коней, лосей или медведей (рис. 9: 13, 21).

Хозяйство. Материальная и духовная культура. Обширные материалы, полученные при раскопках укрепленных поселений, исследование

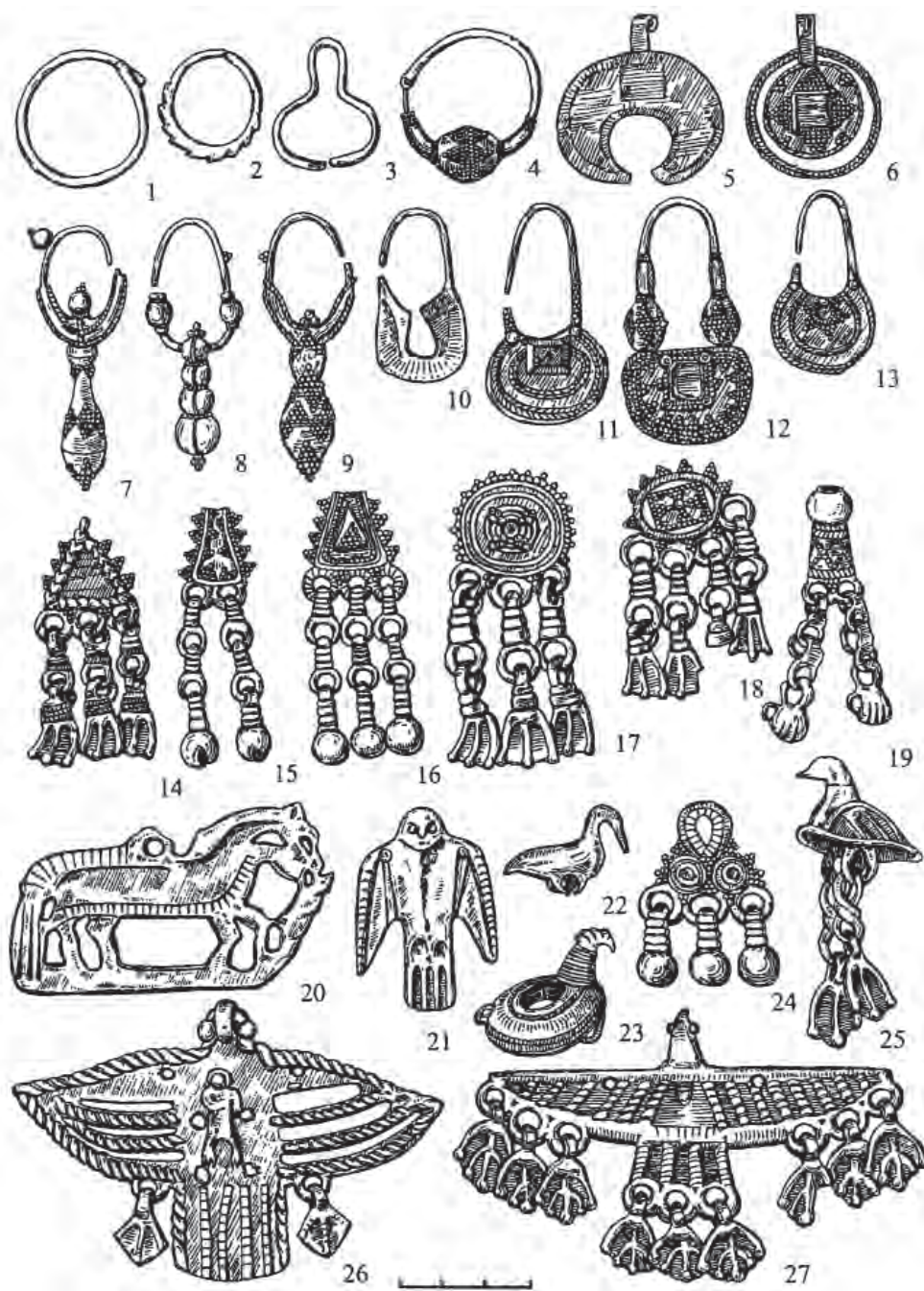

Рис. 8. Украшения из бронзы и серебра:

1–6, 10–13, 19, 24–27 – Кузьминский могильник; 7 – Варнинский могильник; 8 – Солдырский III (Иднакарский) могильник; 9 – Маловенижский могильник; 14, 16, 17 – Омутницкий могильник; 15 – Кыпкинский могильник; 18 – городище Гурьякар; 20 – городище Иднакар; 21 – городище Уччакар; 22 – Качашурский могильник
1, 4, 7–13, 20–23 – серебро; 2, 3, 5, 6, 14–19, 24–27 – бронза.

отдельных категорий источников методами естественных наук позволили с наибольшей полнотой воссоздать систему жизнеобеспечения и хозяйственную деятельность, многие аспекты материальной и духовной культуры. Они открыли новые возможности для более глубокого изучения земледелия, животноводства, металлургии и металлообработки, этнокультурных и торговых связей.

В течение I тысячелетия н. э. в результате совершенствования производительных сил и с появлением в IX в. пахотных орудий с железными наконечниками ведущую роль в комплексном хозяйстве начинает приобретать *земледелие*. Наконечники пахотных орудий относятся к подгруппе широколопастных симметричных наральников-сплечиками и предназначались для раз-

Рис. 9. Изделия из кости и рога из раскопок Солдырского I городища Иднакар IX–XIII вв. 1–5 – привески-пронизки из рога; 6 – пронизка-втулка; 7–12 – копоушки; 13 – костьлек-застежка; 14–18 – гребни; 19 – рукоять шила; 20 – ритуальная пластина; 21, 27–29 – кочедыки; 22, 23 – вязальные иглы; 24, 26 – ложки; 25 – подвеска.

новидностей однорукоятчных прямогрязильных рал.

На всех исследованных городищах найдены фрагменты кос-горбуш, использовавшихся для уборки урожая, серпы встречаются редко. Появление крупных жерновов и резкое увеличение их количества, имеющиеся возле каждого жилища хозяйственные ямы свидетельствует об общем увеличении урожаев. Среди зерновых культур преобладала полба, яровая рожь, овес, реже встречаются пшеница, ячмень, семена репы; только иногда – горох, карликовая пшеница, ячмень бутылковидный (Туганаев В.В., Туганаев А.В., 2004, с. 209–220). Озимая рожь не обнаружена, возде-

лывалась ярица, широко распространенная даже в конце XIX столетия. Из технических культур возделывали лен и коноплю, шедшие на изготовление одежды. По отсутствию в составе культур озимых следует, что паровой системы в то время не было, скорее всего, она появилась в Прикамье с приходом русского населения в XIV–XV вв.

Изучение обширных остеологических коллекций показало, что среди домашних животных абсолютно преобладает крупный рогатый скот (47,97%) и лошади (31,4%). Значительно меньше мелкого рогатого скота (14,45%) и свиней (2,11%), имеются собаки (4,014 %) (Петренко, 1984; 1991). Распределение костных остатков млекопитающих

по пластам городища Иднакар показывает, что поголовье домашних животных в стаде увеличилось к XII в. (Богаткина, 1995). Особенно интенсивно возрасло поголовье крупного рогатого скота и лошадей. В условиях Приуралья с суровыми снежными зимами скотоводство могло быть только домашним со стойловым содержанием скота, при котором требовались значительные запасы кормов.

Основным пушным охотничье-промысловым животным были бобр, лось и северный олень. Среди других промысловых животных можно назвать белку, зайца, медведя, волка, куницу, росомаху, лису, косулю, охотились и на дичь (Петренко, 1984; 1991; Богаткина, 1995). Охотничьим оружием были лук и стрелы, использовались копья и дротики. Как известно по этнографическим материалам, для каждого вида птиц и животных удмурты использовали специальные хитроумные устройства.

Благодаря большим лесным массивам Чепца и ее притоки были многоводны и, безусловно, изобиловали рыбой. Различных размеров позвонки рыб и чешуя, рыболовные крючки из железа и бронзы, блесна, находимые при раскопках, свидетельствуют о значительной роли рыболовства.

С освоением более производительного пашенного земледелия возрастает роль *металлургии и кузнечного ремесла*. Ярким свидетельством этому являются остатки металлургических и кузнечных горнов, скопления шлаков и отходов производства, большого количества орудий труда металлурга и кузнеца, разнообразного ассортимента изготовленной продукции. Крупнейшим центром железоделательного и кузнечного ремесла являлось городище Иднакар. Металлургия и кузнечное производство развивались на местном сырье. В северо-западных районах Удмуртии, особенно по правому берегу р. Чепцы, есть месторождения болотных руд (продолжение Омутнинского месторождения Кировской области). Широкие металловедческие исследования материалов позволили установить, что кузнецы владели большинством приемов и способов обработки черного металла. Кузнечная техника являлась составной частью восточно-европейского металлообрабатывающего производства в его северорусском варианте (Терехова и др., 1997; Завьялов, 2005).

Культурный слой всех городищ насыщен разнообразными предметами, свидетельствующими о развитии обработки цветных металлов. Многочисленные обломки тиглей, льячки, литейные формы, бронзовые пластины и их обрезки, куски бронзовой проволоки и волочила, отливки бус в глиняных литейных формах, специальные заготовки бронзы, матрицы, а также сами изделия,

клады бронзовых и серебряных украшений не оставляют сомнений в том, что местные мастера в достаточном совершенстве владели разнообразными приемами обработки цветных металлов. На Чепце залежей медистых песчаников нет, но они имеются на юге Удмуртии, входящей в Казанско-Вятскую область рудных баз Приуралья. По всей вероятности, на Чепцу привозили не руду, а готовый материал в заготовках. На Иднакаре, Гурьякаре и Уччакаре обнаружены бронзовые пруты полукруглого или подтреугольного сечения весом до 400 г, а также фрагменты заготовок со следами срезания. В целом обзор инструментария иднакарских ювелиров и их продукции убеждает в высоком уровне обработки цветных металлов со многими технологическими операциями (литье, тиснение, штамповка, гравировка, волочение проволоки, холодная ковка) и значительном объеме изготавливаемой продукции, обеспечивающей потребности не только городища и его округа, но и предназначенной на экспорт.

Бассейн р. Чепцы в эту эпоху выступает своеобразным центром наибольшего распространения костяной скульптуры, широчайший ассортимент изделий является веским свидетельством наличия высокоразвитого костерезного ремесла.

Одним из наиболее ярких элементов культуры формирующихся финно-угорских объединений эпохи Средневековья являются высокохудожественные изделия из цветных металлов, кости и рога с зоо-, орнито-, антропоморфными изображениями, отражающие различные стороны материальной и духовной деятельности населения (Иванова, Куликов, 2000). По признанию исследователей, они вобрали в себя сложный комплекс исторически сложившихся архаических воззрений, глубинные пласты финно-угорской мифологии.

Весь комплекс украшений свидетельствует не только о высоком мастерстве, но и об эстетических вкусах, характере верований, духовной культуре древнего населения, способности его кодировать в лаконичной знаковой системе сложную мировоззренческую информацию.

К ярким проявлениям художественной культуры финно-угорских народов относятся высокие односторонние *гребни* с зооморфными изображениями на рукоятях (рис. 9: 14, 16–18). В оформлении значительной коллекции, собранной на городище Иднакар, представлены исключительно изображения коней и конских головок. Выразителен гребень, прорезная спинка которого представляет собой композицию из обращенных друг к другу фигурок коней, опирающихся на вертикальный, расширяющийся к основанию стержень. Под композицией на обеих сторонах рукоятки гра-

Рис. 10. Чепецкая культура. Шумящие подвески и заготовка бронзы. XII в. Клад с городища Иднакар.

вировкой нанесен геометрический орнамент. На одной – заштрихованные полосы зигзага, сочетающиеся с ямками, на другой – дуговидные полосы, олицетворяющие в древнем искусстве водную гладь (рис. 9: 16). Можно предполагать, что здесь нашли воплощение кони, выходящие из воды и опирающиеся на мировое древо или поддерживающие его. В этом сюжете исследователи усматривают условные обозначения трех сфер Вселенной (Владыкин, 1994, с. 94; Шутова, 2001, с. 176).

Безусловно, оформление гребней не случайно и несло определенную смысловую нагрузку. Как полагают исследователи, их могли использовать для гаданий, для благополучного разрешения от тяжелых родов. Велика была роль гребня и в свадебной обрядности, наиболее полно описанной по материалам русской этнографии. Он связан, прежде всего, с волосами невесты, расчесывание которых перед венцом означало вступление в брак. Отношение к волосам как средоточию жизненной силы, по народным представлениям, обуславливало и соответствующее отношение к гребню. Волосы невесты, которым приписывалась особая продуцирующая сила, расчесывали, чтобы был хороший урожай (Кондратьева, 1999, с. 80–88; Шутова, 1998; 2001). Высказываются предположения, что гребень с вертикальными зубьями в древности выступал символом дождя, небесной влаги (Голан, 1993, с. 14).

В технике объемной резьбы выполнены скульптурные *изображения конских головок*. Подвески различаются некоторыми деталями: пропорциями шеи, головы, основания, степенью приподнятости головы, а также декором поверхности, в отдельных случаях передающим ремни упряжки. Абсолютно схожих экземпляров среди них нет, иногда стилизация изображений затрудняет восприятие сюжета. Некоторые подвески по характерному выступу кожного выроста на горле, типичного признака лося-самца, можно трактовать как подвески-лоси, другие – с более широким основанием с рядами точечных наколов, передающих сложенные крылья, и сглаженной формой головки ближе к уточке (рис. 9: 2–5). Поэтому определение этой категории подвесок как коньков весьма условно. Еще более стилизованы двуглавые подвески, напоминающие лосей.

Навершие одной из них оформлено горизонтально расположенной головкой лося. Вытянутая морда с оттянутыми назад короткими ушами, с выраженной складкой на горле и с намеченной линией пасти выполнена весьма реалистично. По нижней челюсти высверлена комбинация из трех круглых углублений.

Высокое мастерство исполнителей воплощено в навершии вязальной иглы с искусно сконструированным многоликим антропоморфным изображением. Навершие другой оформлено горизонтально расположенной головкой лося, другой – двумя лосиными головками, направленными в противоположные стороны (рис. 9: 25).

Распространены вытянутые орнаментированные пластины, на одном конце которых изображена головка лося, на противоположном – отверстие для привешивания. Среди них выразительна фигурная пластина в форме головы и части тулова лося. Орнамент, нанесенный на одной стороне, напоминает ремни упряжки, здесь же выгравирована стилизованная фигурка лосенка. В оформлении еще одной пластины объединены образы лося и коня. На поверхности еще одной орнаментированной пластины с головой лося выгравированы две направленные друг к другу фигурки птиц (рис. 9: 20).

Не имеют аналогий подвеска треугольной формы со стилизованными головками коней, восьмеркообразная прорезная подвеска с парой миниатюрных головок коней в основании треугольного выступа с отверстием, костыльки-застежки с головками коней и лосей. Выразительно также навершие жезла, напоминающее голову глухаря с приподнятым мощным клювом и гребешком на горле. Древний художник блестяще использовал естественную фактуру заготовки и своим лаконичным вмешательством в нее достиг наивысшей выразительности произведения.

Рис. 11. Чепецкая культура. Реконструкция костюма чепецкой культуры. Выполнена Л.А. Молчановой.

С древними верованиями связаны многие амулеты из клыков и когтей медведя, зубов лисицы, лошади, очевидно, это символы мужества, отваги, охотничьей удачи и обереги.

Анализ символов и образов, нашедших отражение в средневековом искусстве, показывает, что они формировались на протяжении многих тысячелетий. В различные эпохи складывались ведущие образы как форма выражения мировоззрения того периода. Поэтому в системе образов можно выделить несколько исторических пластов фольклорно-мифологической памяти. Как убеждают исследования многих поколений ученых, среди орнитоморфных и зооморфных наиболее древними могут быть признаны образы водоплавающих птиц, оленя-лося, ставшие символами эпохи неолита – энеолита и отражающие космологические представления древнего финно-угорского населения. В эпоху раннего железа широко распространяется изображение медведя. В средневековом искусстве удмуртов нашли отражение все эти образы, обнаруживается также образ летящей пти-

цы, глухаря, голубя, рыси, но абсолютно преобладает образ коня, ставший концентрированным символом эпохи Средневековья. Именно в нем сосредоточен целый ряд многоуровневых мифопоэтических изобразительных знаков-символов.

В целом по системе образов, стилистике изображений средневековое искусство можно рассматривать в контексте развития искусства культового литья, наиболее яркие проявления которого обнаруживаются на Верхней Каме в I тысячелетии н. э. Сами образы и воплощенные в них символы едины. Но на Чепце крайне редки классические произведения со сложной системой образов, единичны фантастические изображения, в которых объединены черты различных существ. По всей вероятности, в начале II тысячелетия н. э. с утверждением новых форм экономики с развитым пашенным земледелием и процессами феодализации состав сюжетов, характерных для общества с высокой ролью присваивающего хозяйства, в прикладном искусстве сокращается, абсолютно доминирует образ коня, множественная природа

которого ярко прослеживается в мифологии (Иванова, 2004).

Наличие на средневековых памятниках образов, сложившихся в глубокой древности, никак не может свидетельствовать о сохранении семантики символов в полной мере. Скорее всего, в них отражены реликтовые верования древних периодов с новыми включениями. В дальнейшем многие элементы прослеживаются в традиционной культуре удмуртов вплоть до современности. Не случайно в последнее десятилетие коллекции образцов древнего искусства стали предметом большого интереса специалистов, создающих свои труды на основе творческого переосмысления традиций народного искусства, и особенно яркие примеры использования богатейших археологических материалов обнаруживаются в декоративно-прикладном искусстве.

Историко-культурный очерк. В результате многолетних исследований чепецких памятников широкими площадями получены обширные фонды источников, раскрывающие богатейшую культуру средневекового населения, в которой наряду с общепермскими традициями ярко проявляются особенности, обусловленные непрерывным преемственным развитием от раннего Средневековья до XIII в., не прерываемого крупными вторжениями иноэтнического населения.

В целом материалы памятников чепецкой культуры укладываются в хронологические рамки второй половины IX–XIII вв., не исключено функционирование некоторых из них и позднее. О генетической преемственности населения чепецкой культуры с более ранними памятниками полемской культуры свидетельствуют характер расположения поселений и погребальных памятников, обряд захоронения, конструкции жилых и производственных сооружений, основные черты керамического комплекса, наборы украшений и другие признаки. Хронологического разрыва между ними нет, многие значительные памятники без перерыва функционируют в полемское и чепецкое время. К примеру, Полемский I и Варнинский могильники, относящиеся в основном к раннему Средневековью, содержат и комплексы X–XI вв., а могильники чепецкого времени Солдырский Чемшай, Вельякарский Бигершай включают ранние материалы VIII–IX вв. Ранние слои имеются на городищах Сабанчикар, Вельякар, основное время функционирования которых приходится на конец IX–XII/XIII вв.

Вопросы этнической идентификации чепецких памятников затруднены наличием хронологической лакуны между средневековыми памятниками и историческими источниками с конца XIII до начала XVI в., хотя абсолютное совпадение рас-

положения полемско-чепецких памятников с территорией расселения северных удмуртов логично подводит к поискам параллелей в их культуре. Не вдаваясь в детальный анализ историографии, можно отметить, что исследователи, которые проводили здесь изыскания, связывают их с предками удмуртов. А.П. Смирнов обосновал преемственность в обряде памятников X–XII и XVII–XVIII вв.: в ориентировке, инвентаре, а также в реконструированном им по материалам захоронений могильника Чемшай женском и мужском костюме (Смирнов, 1952, с. 189–206, 231–249). Им были заложены основные направления для дальнейших исследований, с выходом серии его работ чепецкие памятники стали эталоном удмуртских древностей эпохи Средневековья. В.Ф. Генинг считал население бассейна р. Чепцы ядром становления удмуртского народа (Генинг, 1967, с. 271–278). В работах археологов Г.Т. Кондратьевой, В.А. Семенова, М.Г. Ивановой, Н.И. Шутовой и др. они убедительно рассматриваются в контексте этногенеза удмуртов.

На основе детального анализа комплекса этнодиагностирующих признаков, в число которых включены обряд захоронения, тип жилища и его интерьер, керамика, набор украшений и костюмные комплексы, изделия резной кости и ее орнаментации, выявлено, что на Чепце развиваются традиции, восходящие к местным финно-пермским истокам (Иванова, 1987).

Как отмечает Н.И. Шутова, своеобразие культуры Чепецкого бассейна и прилегающих территорий средней Вятки, вычленяет их из общепермского массива памятников и однозначно указывает на то, что средневековое население этого региона, говорившее на одном из диалектов пермского языка, составляло особую этническую общность. Памятники Чепецкого края и прилегающих территорий второй половины I – начала II тыс. н. э. (по крайней мере их значительная часть) были оставлены местными пермскими племенами, принимавшими непосредственное участие в формировании удмуртской народности. Более того, они составили основной субстратный слой этой народности и явились прямыми физическими предками современных удмуртов (Шутова, 2012, с. 44–45). Преемственность духовных и культурных традиций между населением эпохи Средневековья и удмуртами прослеживается и в почитании ими средневековых святилищ, урочищ, участков территории возле них в XIX–XX вв. (Шутова, 2004, с. 34–35).

На современном уровне исследований представляется бесспорным, что возникновение крупных чепецких городищ связано с социально-экономическими процессами, происходившими в

Поволжье и Приуралье в конце I – начале II тысячелетия н. э. в условиях формирования в достаточно близком соседстве раннефеодального государства волжских болгар с ярко выраженными интересами в расширении сферы своего влияния, усиления активного интереса Древней Руси к территориям восточных финнов. Внешняя опасность стимулировала развитие военной организации, выделение дружинной знати и внутреннюю консолидацию местного населения в территориально-племенные объединения.

Новые источники о структуре площадок, хронологии их функционирования, конструкции объектов планировки, оборонительных сооружений позволяют в значительной мере конкретизировать особенности формирования и развития укрепленных поселений. Более наглядным и убедительным примером является городище Иднакар, развитие которого в предельно кратком изложении состоит в следующем. Городище было основано во второй половине IX в. Первоначальная площадь, ограниченная валом и рвом, составляла около 10 тыс. кв. м. В X в. появилась необходимость расширения территории. Вторая линия укреплений была возведена на расстоянии 74 м от внутренней. Площадь поселения достигла 20 тыс. кв. м и приобрела двухчастную структуру. В XI в. на расстоянии 130 м от среднего была возведена третья линия оборонительных сооружений и площадь достигла 40 тыс. кв. м. Средний и внешний валы отличаются от внутреннего отсутствием срубных конструкций и значительной мощностью в результате многократных расширений. Анализ стратиграфии оборонительных сооружений показывает, что с освоением третьей части поселения его двухчастная структура сохранялась. Не позднее XI в. внутренний вал утратил свое значение, верхняя часть его была срыта. В заполнении рва разместились производственные сооружения. Эволюция Иднакара в большей степени была обусловлена потребностями внутреннего развития. Некоторая удаленность от международных торговых путей, с одной стороны, не способствовала активному включению в торгово-экономическую систему Восточной Европы, но с другой – позволила в этот период сохранить относительную независимость и этническое своеобразие. Аналогичная динамика последовательного расширения площадки с возведением новой линии укреплений прослежена в последние годы на городище Учкакар, расположенном в нижнем течении р. Чепцы и имевшем стратегическое значение (Иванова, Журбин, 2016).

Крупные городища расположены на основной речной магистрали, плотно заселены, в их округе располагается несколько селищ, обнаруживаются клады украшений, монет и произведений восточ-

ной торевтики, локализованы погребальные памятники. Округи аграрно-ремесленных центров содержат также селища, клады гривен глазовского типа. Поблизости от временных убежищ, расположенных в глубинных районах правых и левых притоков, выявлены лишь отдельные местонахождения предметов.

Примером наиболее плотной заселенности является округа городища Иднакар, где известно четыре селища, функционировавших в VIII–XIII вв., могильники Чемшай VIII–XIII вв. и Бигершай XIII–XIV вв., в пределах пятикилометровой зоны Иднакара зафиксировано несколько местонахождений предметов и кладов (Иванов, 1995, с. 106–130). Плотная заселенность округа Иднакара на протяжении всего периода его функционирования, наряду с другими признаками (значительная площадь, мощная система укреплений, исключительная насыщенность материалами культурного слоя и особенно его двухчастная структура), безусловно, является весьма значимым аргументом в обосновании его значения в качестве военно-оборонительного, аграрно-ремесленного и торгового, культурного, общественно-административного центра консолидирующейся этносоциальной общности.

Есть основания полагать, что Иднакар, расположенный в центре чепецких земель, с самого начала был основан как центр этносоциального образования, при возведении которого были максимально учтены топографические особенности мыса, позволявшие контролировать окружающую территорию и расширять его площадку. О его роли как древнего центра косвенно свидетельствуют некоторые фольклорные и историко-этнографические источники (Иванова, 1998, с. 233).

Вятка и Кама с выходом на Волгу были главными водными артериями, связывающими Прикамье с финноязычным, тюркоязычным, славянским миром и далее – со странами Ближнего и Среднего Востока, а также Юго-Востока Европы. Еще в эпоху раннего Средневековья сложились устойчивые связи с восточными регионами, документированные на удмуртских памятниках массовыми предметами импорта: бусами, монетами, серебряными сосудами. Эти товары проникали по Волге, или сухопутному караванному пути через Прикаспийские степи и Приуралье, или сухопутно-водному по Дону с выходом вновь на Волгу.

В материалах X–XIII вв. явно превалирует влияние Волжской Болгарии. Основным показателем состояния торговых связей на городищах является гончарная керамика, четко выделяющаяся среди местных лепных сосудов. В целом доля гончарной керамики по отношению к лепной на Иднакаре, как и других городищах, невелика, но

распределение ее по участкам и горизонтам неравномерно, увеличение ее доли наблюдается в конце XI–XIII вв. Подобная тенденция к возрастанию количества фрагментов гончарных сосудов в верхних горизонтах при незначительной ее части в общем количестве сосудов (2,63%) прослежено в культурном слое средней части Кушманского городища Уччакар (Иванова, Кириллов, 2013, с. 76).

К предметам импорта из Волжской Болгарии, безусловно, относятся золотая трехбусинная кольцевидная серьга, часть поясной гарнитуры вооружения, некоторые изделия из кости и рога: пуговицы, культовая подвеска, односторонний гребень с рукоятью арочной формы, затыльники, тигли характерной для болгар цилиндрической формы. По всей вероятности, из Волжской Болгарии привезены также две чаши из светлого сплава, найденные на Иднакаре. Одна из них гладкая, полусферической формы, стенки другой рельефные, 14 ложек окаймлены контуром из круглых углублений, выполненных чеканом снаружи. На выделенном медальоне дна чеканкой выполнены четыре пальметки из растительных мотивов. На стенках обеих чаш пробито небольшое круглое отверстие. По залеганию в слое они могут быть датированы XII в. Следует отметить, что прежние находки сосудов восточной торевтики на Чепце были сделаны за пределами памятников (в составе шести кладов найдено 3 кувшина, 5 блюд, 1 кружка и 1 ведро), их истоки исследователи обнаруживают в Византии и восточных районах Средней Азии.

Безусловно, значительную часть импорта составляли цветные металлы, ярким свидетельством чему являются находки многочисленных заготовок и форм для их отливки. Несомненна роль посредников болгар в торговле прикамского населения с южными и юго-западными странами, откуда продолжали поступать монеты, произведения восточной торевтики и особенно в больших объемах – бусы (Иванов, 1998, с. 126–149).

К XI в. относятся отдельные монеты и украшения из Западной Европы. Единичные вещи явно славянского происхождения найдены на Иднакаре в слоях X–XI вв., в XII–XIII вв. количество предметов древнерусского производства заметно возрастает. Связи с древнерусскими и западно-финскими землями могли осуществляться как через Волжскую Болгарию, так и по Сухоно-Вычегодскому пути, хорошо известному походами ушкуйников на Пермь Вычегодскую и Югру.

Привозные изделия местное население использовало, по-видимому, по-разному. Если бусы служили украшением, то монеты утрачивали основную функцию и преимущественно включались в состав ожерелий, а серебряные сосуды применялись в культовых целях либо переплавлялись.

Значительное накопление их в кладах свидетельствует о том, что серебряные монеты и сосуды воспринимались как символ и олицетворение состоятельности владельца.

Итак, многолетние планомерные исследования памятников бассейна р. Чепцы конца I – начала II тысячелетия, выразительные комплексы этнопределяющих категорий материалов убедительно свидетельствуют о формировании здесь довольно устойчивого этносоциального образования, население которого приняло непосредственное участие в формировании удмуртской народности. В его развитии прослеживается три основных этапа. В период раннего Средневековья (поломская культура V–IX вв.) были заселены верховья реки, преимущественно правобережье, родственными группами населения с Верхней Камы и Вятки – потомками создателей пьяноборской и гляденовской культур, сложившихся на ананьинской основе.

В конце IX – первой половине XI в. осваивается среднее течение бассейна р. Чепцы, здесь возводятся новые крупные городища Иднакар, Гурьякар, Уччакар, Дондыкар и др. В материалах четко прослеживаются традиции ломского времени. Высокая концентрация памятников на этой сравнительно небольшой территории свидетельствует о том, что в силу глубоких социально-экономических процессов и, очевидно, благодаря удобным ландшафтно-географическим условиям средняя Чепца выделилась в более или менее замкнутый демографически насыщенный регион с интенсивной экономической жизнью. Уже в этот период в качестве центра выдвинулось самое крупное поселение, расположенное в центре чепецких земель, связанное удобными водными путями по р. Чепце, Вятке, Каме, Волге с южными и северо-западными землями, через правые притоки – с Верхней Камой и Севером, через левые – с южными регионами Прикамья. Население состояло из системы общин, центрами которых являлись аграрно-ремесленные центры Гурьякар, Уччакар, Дондыкар, Вельякар и др., в общей сумме не менее 10. В качестве общего центра выступало городище Иднакар со своей округой, в котором могла быть сосредоточена верховная власть в руках вождя-предводителя, наделенного военными, судебными, возможно, религиозными (жреческими) функциями. Однако собственные структуры организованной власти оказались не достаточными для того, чтобы стать факторами этнической консолидации всех групп удмуртов в общность типа народности.

Основное содержание третьего периода XI–XIII вв. составляют: активное освоение верховьев правых и левых притоков Чепцы в результате дальнейшего развития экономики и

возрастания общего количества населения; расширение территории основных центров; стабилизация характерных черт культуры населения, ее дальнейшая этническая дифференциация. В глубинных районах этнической территории городища уже не возводились, основывались открытые селища.

В этот период чепецкое население вступало в разнообразные взаимодействия с различными этническими группами, результаты которых были неоднозначны для развития культуры: от осевших на чепецкой земле единичных вещей до усвоения новых элементов в материальной и духовной культуре, заимствований в языке. Но они не меняли общего пермского характера культуры. Именно в этот период в начале II тысячелетия н. э. формируются основные этнические черты в материаль-

ной и духовной культуре, происходят изменения в экономике, выразившиеся в росте удельного веса пашенного земледелия в комплексном хозяйстве, развитии металлургии, кузнечного и ювелирного ремесел, домашних производств. И в то же время она, несомненно, близка к кругу синхронных памятников пермоязычных коми народов, оставивших родановскую и вымскую культуры.

Этот период интенсивного внутреннего развития чепецкого населения продолжался не менее трех столетий. Но затем крайне неблагоприятная внешняя ситуация, сложившаяся в середине XIII в. в связи с монголо-татарским нашествием и вызванными им перемещениями населения окружающих территорий, прервала и деформировала процессы социально-экономического и этнокультурного развития.

ГЛАВА 4

ПАМЯТНИКИ КАМСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ. ЧУМОЙТЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА

История изучения. Первые обследования памятников позднего Средневековья Южной Удмуртии были предприняты в 80–90-х годах XIX в. Г.Н. Потаниным (1882), А.А. Спицыным (1893) и Ф.Д. Нефедовым (1899). Они осматривали и производили небольшие раскопки на городищах междуречья рр. Иж и Тоймы и прилегающего Прикамья, получив при этом небольшой, но выразительный материал, позволивший им связать эти памятники с вотяками (удмуртами). В 1934–1936 гг. в Можгинском и Алнашском районах Удмуртии на побережьях рр. Валы, Кильмези, Иж и Тоймы работал А.П. Смирнов, открывший несколько городищ, поселений и могильников IX–X и XIV–XVI вв. (1937, 1941). Число известных памятников возросло, но последовал и вывод А.П. Смирнова о слабой заселенности в указанный период этого края. В 1965–1969 гг. большие работы в бассейне р. Иж были проведены В.А. Семеновым, который открыл новые поселения, раскопал Петропавловский могильник VII в. (1976) и Ореховский могильник XVI в. (1976а).

На рубеже 60–70-х годов в Прикамской Удмуртии работали отряды Нижнекамской экспедиции Уральского университета (рук. В.Ф. Генинг). На памятниках более раннего времени обнаружили материалы первой половины II тыс. н. э.: посуда IX–XII вв. на городище Каменный Лог (Ашихмина, 1977), остатки металлургического комплекса на Зуево-Ключевском II городище (первая половина II тыс. н. э.) (Голдина, 1976) и др.

В 1976 г. Р.Д. Голдиной исследован важный для этого времени памятник – жертвенное место Чумойтло XI–XII вв. в Можгинском районе Удмуртии (Голдина, 1987), давший название культуре. Последующими исследованиями было установлено, что чумойтлинская культура сложилась на основе предшествующей финно-пермской верхнеутчанской культуры, имеющей ананьинско-пьяноборские истоки, и в дальнейшем была реализована в южноудмуртских могильниках XVI–XIX вв.

Область расселения. Чумойтлинская культура расположена в южной части Камско-Вятского междуречья, по правому берегу р. Камы, примерно от устья р. Иж до устья р. Белой и в междуречье, в бассейнах рр. Вала и Иж.

Памятников немного – чуть больше десятка, из них 5 городищ, 3 селища, 1 могильник, жертвенное место и 5 случайных находок.

Скептики могут счесть, что столь малое количество памятников не дает основания для выделения культуры, но в этом случае нет объяснения отсутствию населения на значительной, благоприятной для жилья территории, обитаемой в предшествующее (до X в. н. э.) и последующее (XVI в.) время. Малочисленность источников можно объяснить прежде всего характером памятников и недостаточной изученностью региона. Ведь еще совсем недавно (до 1973 г.) здесь не были известны памятники мезолита – энеолита, а теперь мы знаем их десятками. Присутствие даже нескольких объектов убеждает в том, что регион был обитаем. Открытие новых памятников – дело будущего. На юго-востоке, в Предкамье, в окрестностях г. Елабуги располагается значительная группа болгарских памятников, содержащих значительные финно-пермские материалы ломоватово-неволинно-поломского облика (рис. 1).

Поселения. Особенностью этого периода в Камско-Вятском междуречье является изменение характера расселения обитателей. Постоянная угроза нападения: внутренние миграции, а также провоцирующий их приток нового населения из более южных областей: гото-славян, болгар, кочевников-тюрок – заставляла население искать более укромные места и уходить подальше от русел крупных рек. При совершенствовании способов осады укрепленных городков земляные валы с деревянными стенами стали весьма уязвимы и не спасали от врагов. Строительство городищ прекратилось. Лишь изредка использовались городища предшествующих эпох (Каменный Лог, Благодатское I, Елабужское).

В новых условиях население искало иные способы защиты от неприятеля, например, сокрытие в глухих лесах и освоении новых, недоступных неприятелю мест на малых реках и междуречьях. Поскольку места обитания не связаны с крупными реками и городищами, обнаружить их трудно. На Дубровском селище IX–XIII вв. в бассейне р. Валы А.П. Смирновым исследована землянка площадью 20 кв. м и глубиной котлована 0,5 м, в

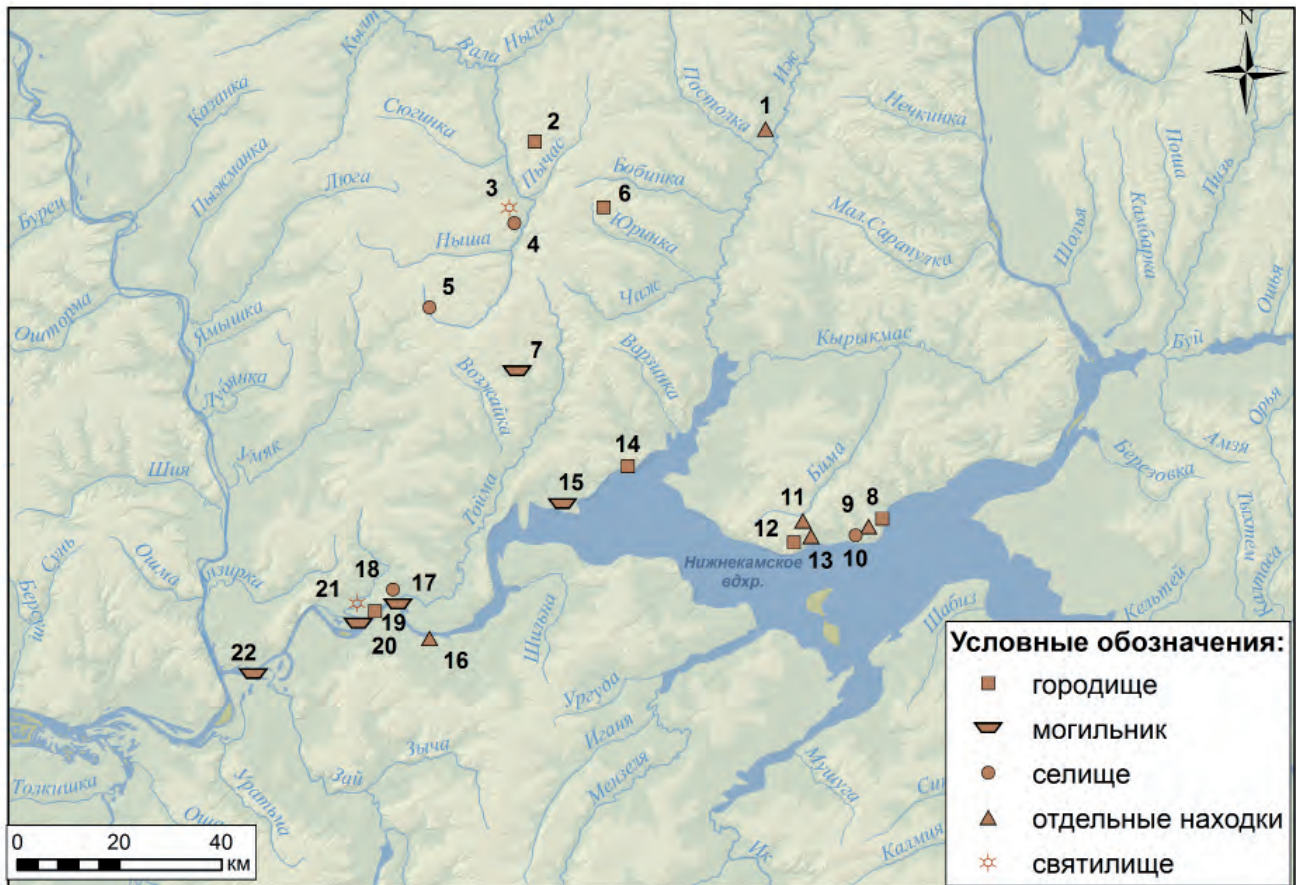

Рис. 1. Карта-схема памятников чумойтлинской культуры.

1 – Мало-Пургинская находка подвески-змеевика; 2 – Минчегуртское городище; 3 – жертвенное место Чумойтло; 4 – Можгинское селище; 5 – Дубровское селище; 6 – Юринское городище; 7 – Ореховский могильник XVI в.; 8 – Быргындинское II (Каменный Лог) городище; 9 – Быргындинские III находки железного наконечника стрелы и бронзовой коньковой подвески; 10 – Быргындинское IV поселение; 11 – Ильнешская находка бронзового наконечника булавы; 12 – Зуево-Ключевское II городище; 13 – Зуевская находка бронзовой привески; 14 – Благодатское I городище; 15 – Тураевский II могильник; 16 – Ананьинские находки двух железных наконечников стрел и бронзовой шумящей подвески-уточка. Болгарские памятники с присутствием финно-пермских материалов: 17 – Елабужский IV некрополь; 18 – посад Алабуги; 19 – Елабужское городище; 20 – Елабужский II некрополь; 21 – Танайские II находки подвесок-уточек (Арсланов, Нигамаев, 2012); 22 – Котловский могильник.

которой обнаружены фрагменты глиняной посуды и железный нож (Смирнов, 1937, с. 183). На Можгинском селище XII–XIV вв. им же собраны обломки лепной керамики городищенского типа, а также несколько фрагментов золотоордынской посуды (Смирнов, 1937, с. 179).

На старых городищах иногда размещали металлообрабатывающие мастерские. Котлован такой избушки размерами 5,0×3,6 м и глубиной до 55 см (рис. 2: 11) с находками кусков руды, шлаков, тигля (рис. 2: 5), молотом-дробильником (рис. 2: 9), готовых изделий: железного серпа (рис. 2: 6), ножа (рис. 2: 7) – и мелких фрагментов керамики (рис. 2: 2–4) был обнаружен на небольшой площадке Зуево-Ключевского II городища, ограниченного неглубокой канавой, в Каракулинском районе Удмуртии (Голдина, 1976, с. 86–89).

Известен лишь один **могильник**, очевидно, смешанный – болгаро-финно-пермский – Тураевский

II. Памятник открыт и исследован в 1987–1988 гг. отрядом КВАЭ под руководством О.В. Армагынской (1989, с. 41–42), изучено 104 средневековых захоронения.

Могила расположена рядами, вытянутыми с ССЗ на ЮЮВ. Размеры могильных ям варьируют преимущественно в пределах 1,5–2,2×0,4–0,6×0,4–0,8 м, ориентированы по линии ЗЮЗ–ВСВ, иногда с меридиональными отклонениями. Умершие уложены головой на З–ЮЗ или ЮЗ. Все захоронения индивидуальные, за исключением одного парного (погр. 24).

По положению умерших выделены две группы захоронений. Первую (50% всех умерших) составляют погребенные, слегка развернутые на правый бок, при этом ноги согнуты вправо, нередко согнуты в локте левые руки так, что кисти уложены на правые бедра. Голова погребенных повернута на правый бок, лицом к Ю или ЮВ. В семи моги-

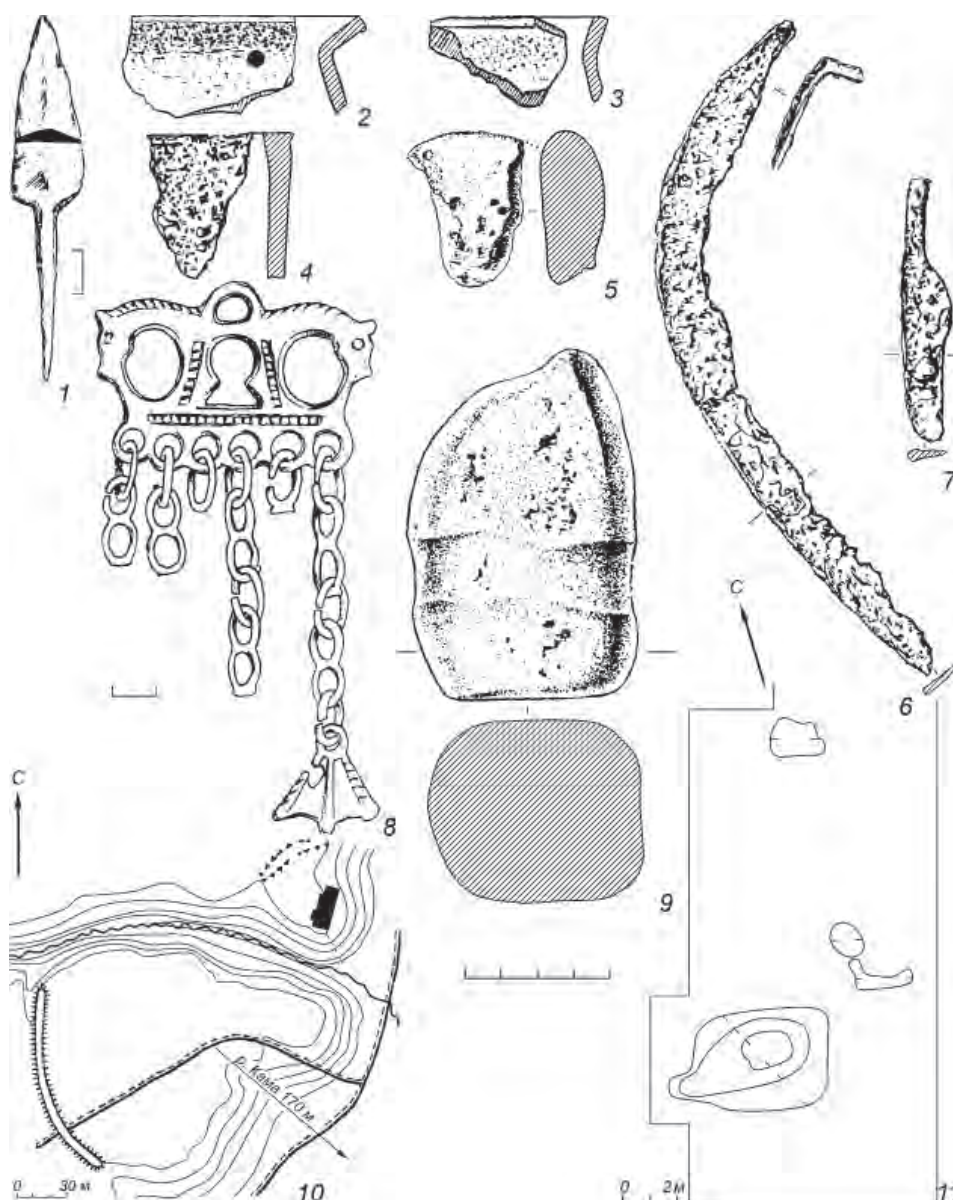

Рис. 2. Отдельные находки чумойтлинской культуры и планы Зуево-Ключевского II городища. 1 – наконечник стрелы; 2–4 – фрагменты сосудов; 5 – фрагмент тигля; 6 – серп; 7 – нож; 8 – подвеска; 9 – молот; 10 – топографический план Зуево-Ключевских I и II городищ; 11 – план сооружений первой половины II тыс. на Зуево-Ключевском II городище.

1, 8 – Быргындинские III находки; 2–7, 9, 10, 11 – Зуево-Ключевское II городище.
1, 6, 7 – железо; 2–5 – глина; 8 – бронза; 9 – камень.

лах найдены железные скобы и гвозди, скреплявшие деревянные гробовища (до 9–12 экз. в одной конструкции), еще в двух могилах зафиксированы остатки деревянных нижних перекрытий.

В другую группу входят 27% всех умерших, голова которых обращена лицом на СВ или ССЗ.

Особенности погребального обряда первой группы захоронений Тураевского II могильника: безынвентарность, наличие железных Т-образных гвоздей от погребальных конструкций, отсутствие следов языческого культа огня – сближают памятник с известными мусульманскими могильниками Восточной Татарии. Вероятно, это один из редких

болгарских некрополей на правобережье Нижней Камы. Вторую группу предположительно можно связать с финно-пермским населением этого региона.

Сопровождающий инвентарь обнаружен лишь в семи могилах: железные и бронзовая (рис. 2: 10) пряжки, железные ножи и наконечник стрелы, три бусины от височных подвесок. Из них датирующей может выступать лишь бронзовая пряжка, имеющая близкие аналогии на памятниках XI–XII вв. Пермского Предуралья (Белавин, Крыласова, 2008, с. 407, рис. 197, 8, 9) и бассейна р. Чепцы (Иванова, 1998, рис. 27, 8; 57, 16).

Рис. 3. Металлические изделия чумойтлинской культуры

(по Ф.Д. Нефедову, Г.Н. Журавлевой (Клюевой), Л.Д. Макарову, Т.К. Ютиной).

1–4, 6, 7 – подвески; 5 – наконечник булавы; 8 – пронизка; 9 – подвеска-змеевик; 10 – привеска; 11–14 – наконечники стрел; 15 – булавка-спица; 16 – удила. 1–10 – бронза; 11–16 – железо. 1, 15, 16 – Быргындинское IV поселение; 2–4, 6–8 – Котловский могильник; 5 – Ильнешское (Ныргында I) городище; 9 – Мало-Пургинская находка; 10 – Зуевская находка; 11, 14 – Ананьинские находки; 12, 13 – Благодатское I городище.

Случайные находки. Среди них хорошо известен бронзовый наконечник древнерусской булавы XII–XIII вв. (рис. 3: 5), найденный Ф.Д. Нефедовым на Ильнешском (Ныргында I) городище (Нефедов, 1899, рис. 21), бронзовая подвеска-змеевик XIV в. (рис. 3: 9) (Макаров, 2001, рис. 83, 11). Возле д. Быргында найдены железный наконечник стрелы (рис. 2: 1) и бронзовая коньковая шумящая подвеска (рис. 2: 8) (Голдина, Черных, 2011, рис. 53, 2, 3). По материалам Агафоновского

II могильника последняя датируется X в. (Голдина, Ютина, 2012, рис. 5, 50). На Быргындинском IV поселении обнаружены арочная шумящая подвеска пермского облика (рис. 3: 1), железная булавка-спица (рис. 3: 15) и железные удила (рис. 3: 16). Подобные арочные подвески хорошо известны в Предуралье в XI–XII вв. (Белавин, Крыласова, 2008, с. 382–383).

В районе Ананьинского могильника Ф.Д. Нефедовым были приобретены бронзовая шумящая

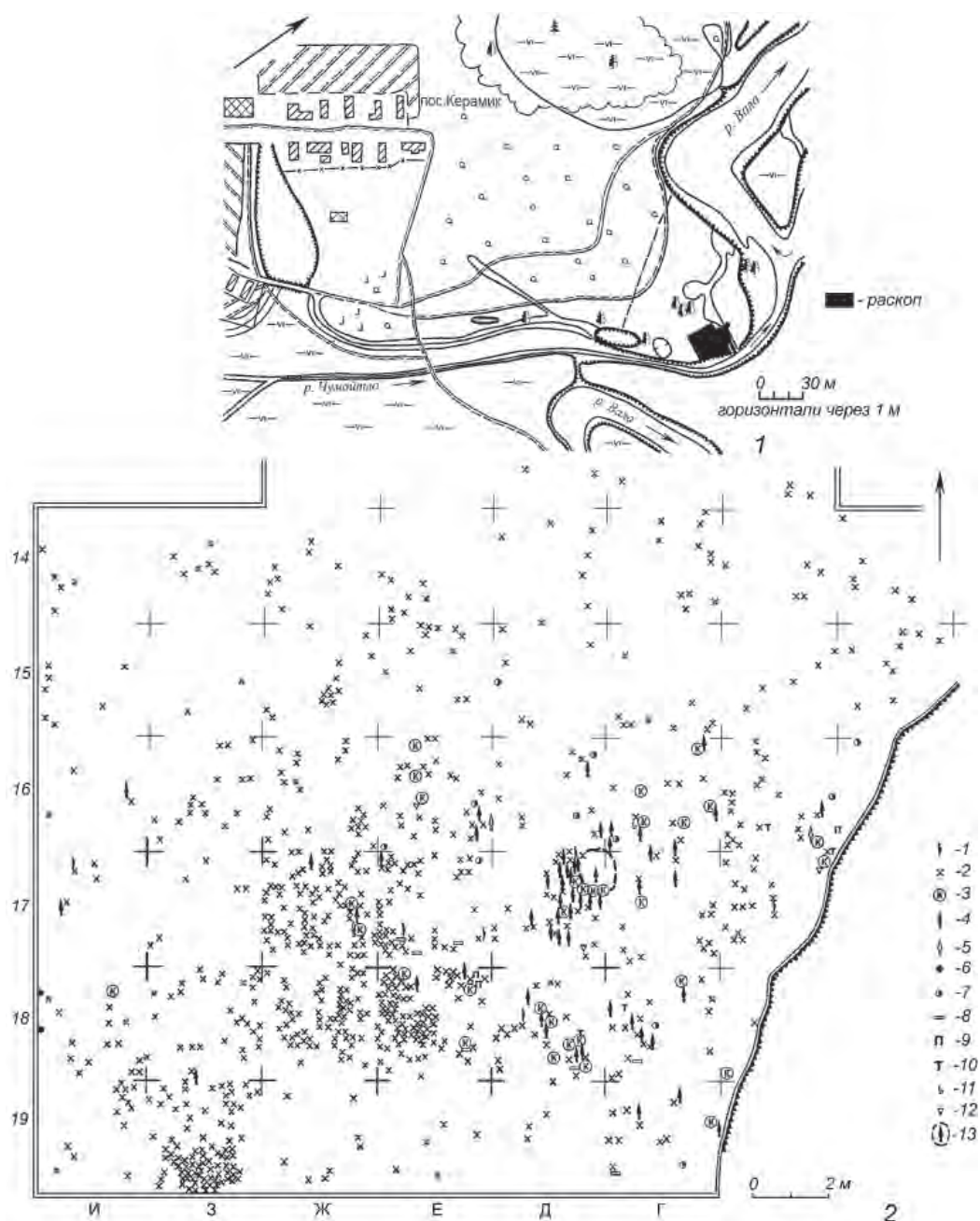

Рис. 4. Жертвенное место Чумойтло.

1 – топографический план; 2 – схема распространения находок, керамики и вещей на площади раскопа. Условные обозначения: 1 – нож; 2 – фрагменты керамики; 3 – изделие из кости; 4 – железный наконечник стрелы; 5 – костяной наконечник стрелы; 6 – монеты 1801 г.; 7 – бронзовый предмет; 8 – кресало; 9 – проколка; 10 – точило; 11 – железный клин; 12 – железный крючок; 13 – скопление из 33 железных наконечников стрел.

подвеска-уточка (Нефедов, 1899, табл. 18, 25) и два железных наконечника стрел (рис. 3: 11, 14). Из окрестностей Зуевых Ключей происходит бронзовая привеска от шумящей подвески XI–XII вв. (рис. 3: 10) (Голдина, Ютина, 2012, рис. 8: 120). На Благодатском I городище найдены два железных наконечника стрел кочевнических типов (рис. 3: 12, 13).

Значительная серия украшений получена Ф.Д. Нефедовым из двух женских могил Котловского

могильника: шумящие подвески-уточка (рис. 3: 2, 3, 6, 7), шумящая подвеска-сьюльгама (рис. 3: 4), украшенная сканью бусина (рис. 3: 8) (Нефедов, 1899, табл. 12, 2, 5–7, 23–25). Шумящие подвески-уточка принадлежат, по Е.А. Рябину, к типу V группы I (рис. 3: 2, 6, 7) и к типу XX группы VI (рис. 3: 3), которые производились первый – в окрестностях Костромы и в бассейне Камы, второй – преимущественно в Новгороде (Рябинин, 1981, с. 18, 19; 39–43). Дата находок – XII–XIII вв.

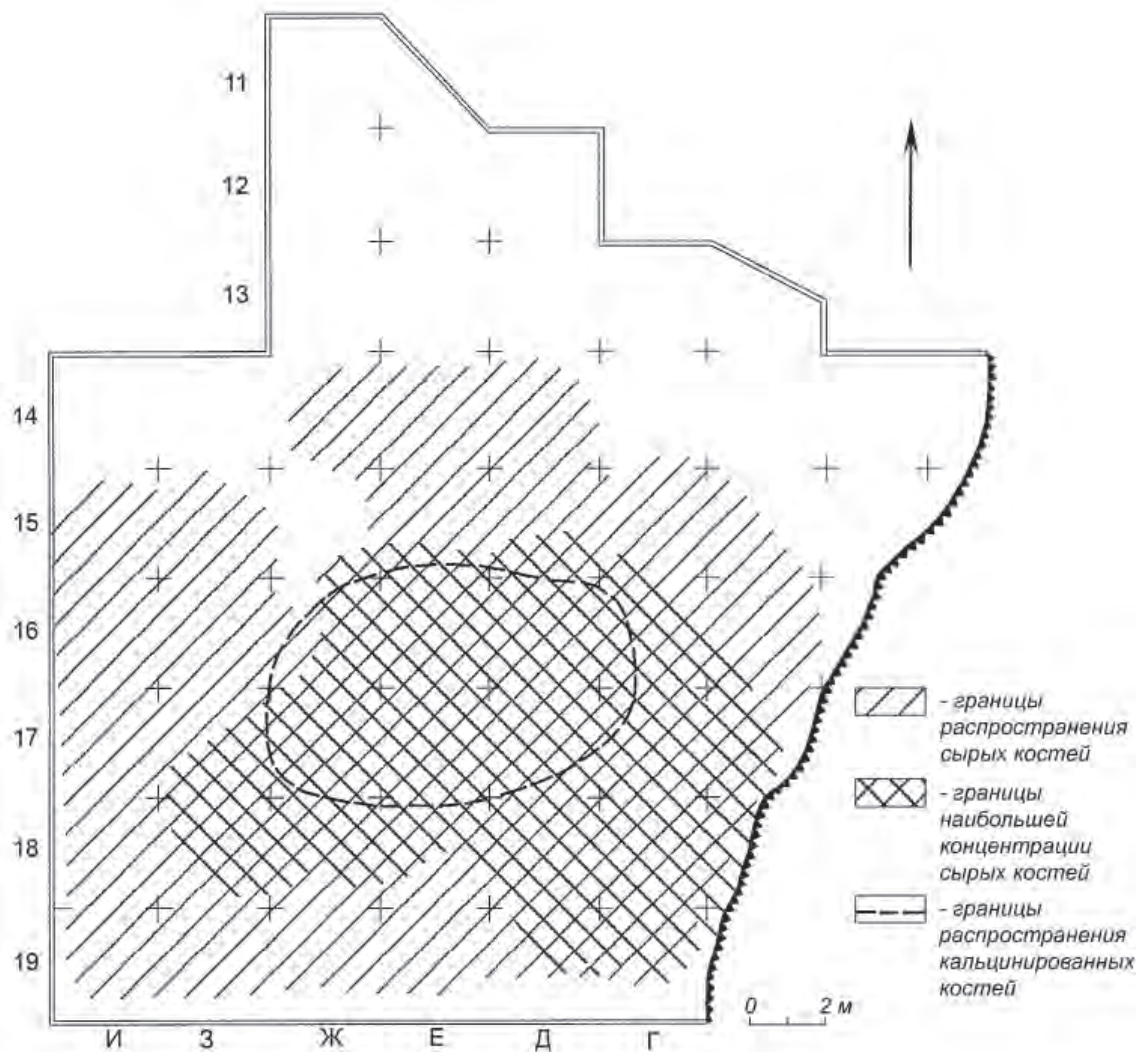

Рис. 5. Жертвенное место Чумойтло. Схема распространения сырых и кальцинированных костей на площади раскопа.

(Голубева, 1979, табл. 7, 13, 15 и др.; Рябинин, 1981, табл. VI, 3, 5–7, рис. 3: 4, и др.).

Е.П. Казаковым высказана гипотеза о том, что Котловский могильник – следствие миграции на восток мерянского населения из Костромского Поволжья (Казаков, 1992, с. 48–49). Учитывая, что подобные находки распространены и в Прикамье, возможно и пермское происхождение населения, оставившего этот некрополь.

Одним из ярких памятников Южной Удмуртии является *жертвенное место* Чумойтло XI–XII вв. возле г. Можги. Оно было обнаружено в 1974 г. Р.Г. Кабириным и исследовано в 1976 г. Р.Д. Голдиной (1987, с. 84–106). Памятник расположен в живописном месте, на возвышенности излучины левого берега р. Валы (рис. 4: 1). Исследованная площадь составила 470 кв. м. Слой жертвенного места представлял собой темную, сильно гумусированную супесь, насыщенную расколотыми сырыми и кальцинированными костями животных.

Наибольшая мощность его (до 0,55 м) зафиксирована на возвышенной части мыса (рис. 5). В центре слоя, содержащего сырые кости, обнаружены остатки культовой бревенчатой прямоугольной постройки с тамбуром площадью около 10 кв. м, неоднократно отремонтированной. В ней обнаружены следы нескольких кострищ, на которых сжигались части туш жертвенных животных.

Среди 3 тысяч собранных кальцинированных костей, по определению А.Г. Петренко, преобладали кости лося (52,4%), северного оленя (31%), немногочисленны кости бобров (7,1%), медведей (7,1%), косуль (2,4%). Сожжение жертвенных животных иногда производилось и вне постройки, так как на площади раскопа встречались отдельные кострища, очаги из плит песчаника, зольники.

Во время молений некоторые части жертвенных животных варили и съедали, о чем можно судить по сильно раздробленным костям, оставленным на жертвенном месте. Возможно, какие-то

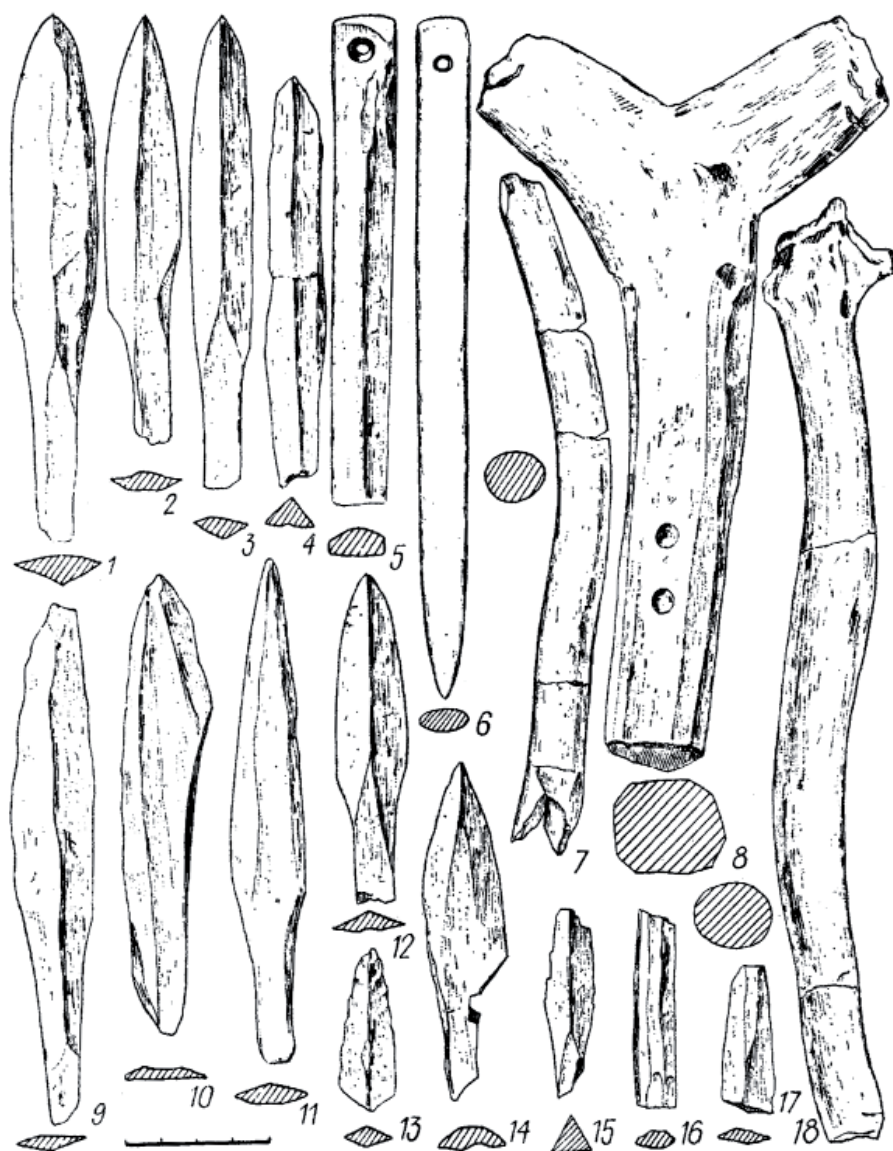

Рис. 6. Жертвенное место Чумойтло. Костяные изделия. 1-4,9-12 – наконечники стрел; 5,6 – кочедыки; 7, 8, 18 – рукояти бытовых изделий; 13-17 – обломки наконечников стрел.

части, например, головы (сохранились челюсти), оставляли в качестве подарка духам. В результате вокруг домика образовалось сплошное месиво из костей: ребра, челюсти, трубчатые кости, лопатки, копыта были разбросаны без всякого порядка. Из 60 тысяч сырых, необожженных костей А.Г. Петренко определила кости лося (72,48%), северного оленя (16%), бобра (3,1%), медведя (2,25%). Немногочисленны кости косули, барсука, лисы, куницы, свиньи, лошади, мелкого и крупного рогатого скота.

В слое сырых костей встречались фрагменты керамики от разбитых сосудов, а также костяные наконечники стрел (рис. 6: 1-4, 9-12) и их обломки (рис. 6: 13-17), рукояти (рис. 6: 7, 8, 18), кочедыки (рис. 6: 5, 6), копоушки (рис. 7: 2-4), заго-

товки различных бытовых изделий (рис. 7: 1, 5, 7, 8), каменные сланцевые точила (рис. 7: 6, 10, 11), обломок каменного грузила (рис. 7: 9).

Бронзовые изделия немногочисленны: несколько обломков бронзовых пластин (рис. 8: 10-12), куски бронзовой проволоки и три поясных накладки (рис. 8: 1-3). Последние широко распространены как в лесной, так и степной полосе Евразии в X–XIII вв.

Из железных изделий следует отметить втульчатый железный наконечник копья с треугольным пером и шипами в основании (рис. 8: 25) и обломок втулки от второго экземпляра (рис. 8: 24), несколько ножей и их обломки (рис. 8: 6, 14-17, 19, 20), обломок стержня от удил (рис. 8: 21), калачевидное кресало с язычком X–XIII вв. (рис. 8:

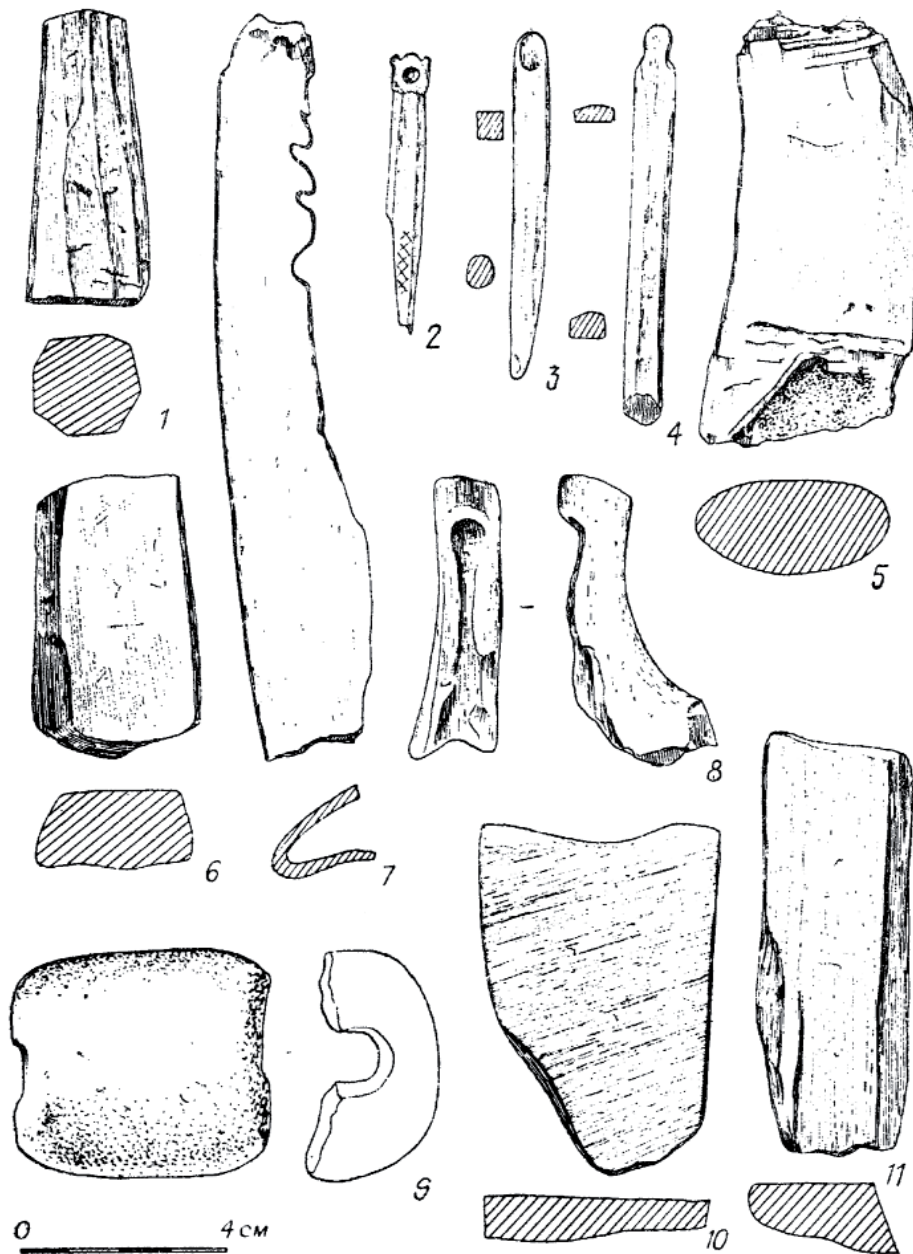

Рис. 7. Жертвенное место Чумойтло. Костяные и каменные изделия.
1, 5, 7, 8 – заготовки изделий; 2–4 – копоушки; 6, 10, 11 – точила; 9 – обломок груза. 1–5, 7, 8 – кость; 6, 9–11 – камень.

23); шилья (рис. 8: 18, 23–33), зубило (рис. 8: 34), рыболовный крючок (рис. 8: 27) и множество обломков железных вещей.

Железных наконечников стрел обнаружено 70 (рис. 9). Большинство наконечников стрел относится к группе черешковых. Следует отметить их яркую особенность – черешки широкие, не оформленные в узкий стержень, удобный при насаде в древко. Лишь у нескольких предметов (рис. 9: 20–23, 25) отмечен обычный шиловидный черешок. Некоторая спешка, небрежность в исполнении прослеживается также и в оформлении пера отдельных экземпляров – не соблюдена

симметричность боевой части наконечника (рис. 9: 2, 3, 19, и др.). Очевидно, большинство предметов этого рода являлись полуфабрикатами, не использовались еще в деле, а были сделаны, скорее всего, специально для ритуальных целей. На уч. Д/17 было найдено скопление из 33 железных наконечников стрел в кучке (рис. 4: 2), очевидно, уложенных в какой-то контейнер (мешочек, коробку). По прикамским материалам наконечники стрел Чумойтло датируются широко – от VIII до XIV вв. Судя по составу костей жертвенных животных (незначительное число от домашних и преобладающее от промысловых), по характер-

Рис. 8. Жертвенное место Чумойгло. Бронзовые и железные предметы. 1–3 – поясные накладки; 4, 5, 7–9, 13, 22, 26, 28 – обломки железных вещей; 6, 14–17, 19, 20 – ножи и их обломки; 10–12 – фрагменты бронзовых вещей; 18, 23–33 – шилья; 21 – обломок стержня от удил; 23 – кресало; 24, 25 – наконечник копья и обломок втулки; 27 – рыболовный крючок; 34 – зубило. 1–3, 10–12 – бронза; остальные – железо.

ным подаркам духам (наконечники стрел), это было жертвенное место охотников, которые с помощью молений, колдовства, магических обрядов стремились увеличить охотничью добычу, закрепить ее успех.

Некоторые, весьма слабые следы этих культов зафиксированы этнографами у удмуртов. Так, Д.К. Зеленин пишет о празднике 29 июня, когда удмурты вечером и ночью совершали моление с жертвоприношением быка. Рыбаки и охотники

клали в это время в воршудный короб «кто рыбку, кто белку, кто гусяного пуху, пера, березовых листков, прося у бога удачи, всяк в своем промысле» (Зеленин, 1980, с. 120).

Более ясные остатки охотничьей обрядности отмечены у коми, для которых охота длительное время являлась важным источником существования. По данным В.Н. Белицер, коми поклонялись лесному человеку, лесному хозяину, лесовику, лешему и приносили ему жертвы в виде убитой

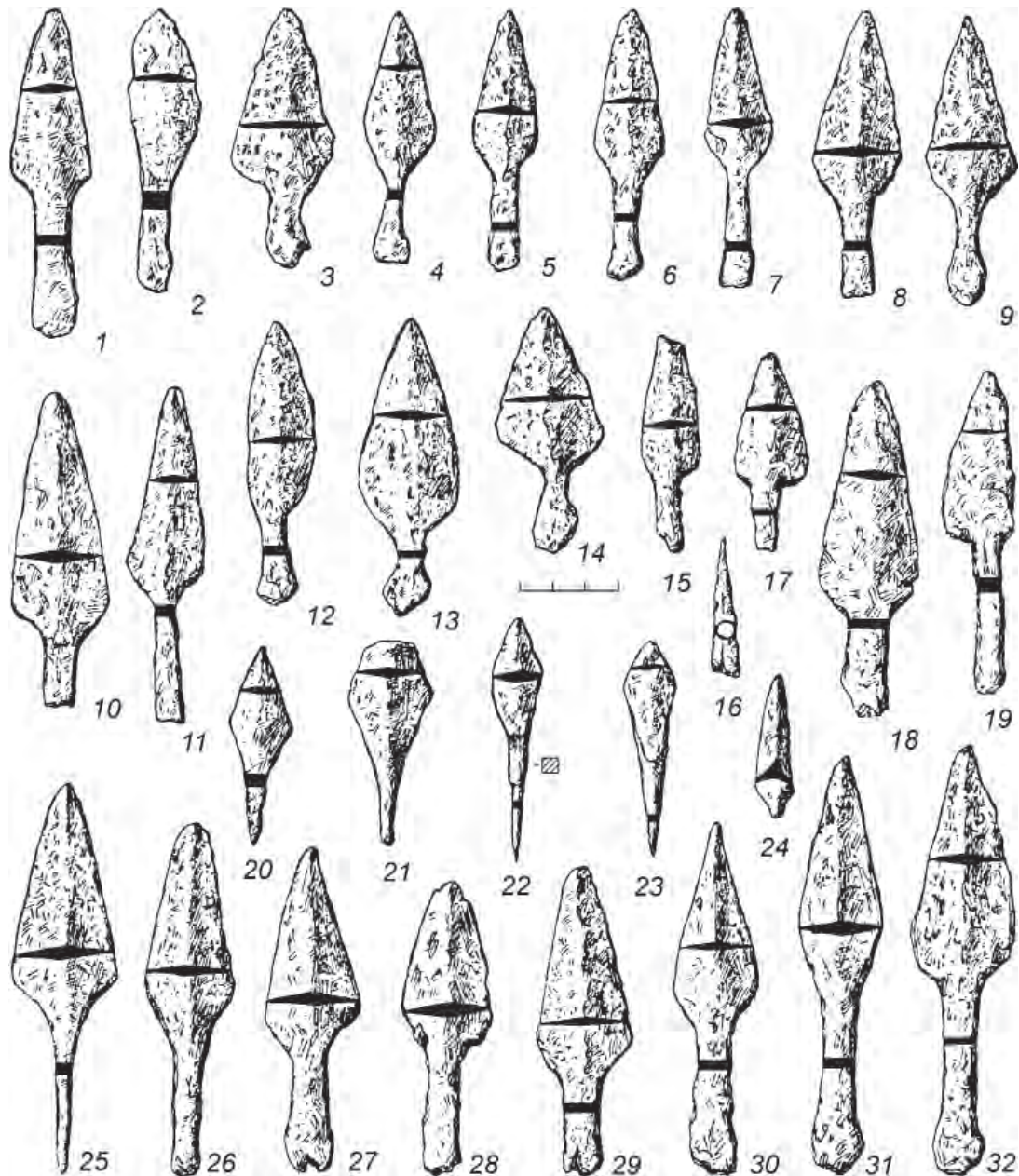

Рис. 9. Жертвенное место Чумойтло. Железные наконечники стрел

дичи, чаще всего перед сезонной охотой. В случае удачной охоты для закрепления успехов проводились соответствующие моления, а если добывали ценного зверя, то ему оказывали особое почтение (Белицер, 1958, с. 320).

Локчимские охотники при удачной охоте устраивали праздничный ужин, снятую шкуру вывешивали на самом видном месте, а тушку соболя или куницы хоронили в неглубокой яме, выкопанной в пепле костра. О добытом звере отзывались только доброжелательно, подчеркивалось, что ужин варится в честь «почетного гостя», которого перед началом трапезы «приглашали» к столу. Во многих случаях охотничьи магические обряды

выражались в расчленении туши жертвенного животного, совместной трапезе, сжигании некоторых частей туши (Конаков, 1985, с. 86; Белицер, 1958, с. 324).

Охотничьи обряды, как показали раскопки жертвенного места Чумойтло, несмотря на длительные земледельческие и животноводческие традиции в этом крае, сохранялись в Южной Удмуртии долгое время.

Керамический материал чумойтлинской культуры отражает происходившие в ней культурные процессы. Наряду с посудой, продолжавшей местные традиции ананьинско-пьяноборской посуды, обнаружены еще несколько вариантов: круглодон-

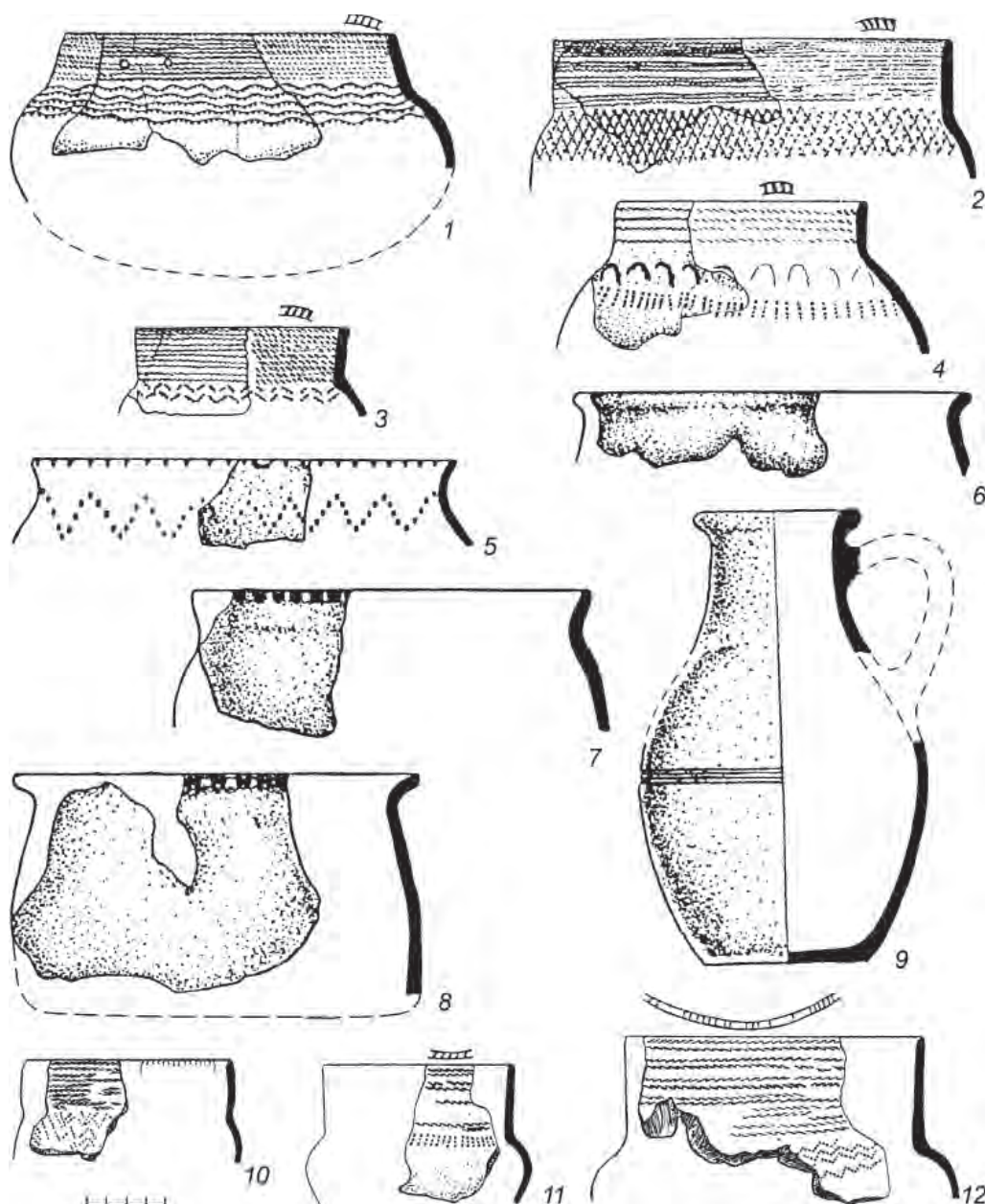

Рис. 10. Глиняная посуда памятников чумойтлинской культуры.
1–9 – жертвенное место Чумойтло; 10–12 – городище Каменный Лог.

ная, цилиндрическая, с шнуровой орнаментацией (рис. 10: 1–4, 10–12), чашевидная, скудно орнаментированная (рис. 10: 5–8) и болгарская (рис. 10: 9).

Именно эти типы посуды выявлены на жертвенном месте Чумойтло. Следует отметить малочисленность и фрагментарность этого материала, удалось выделить лишь 27 сосудов.

К одной из групп отнесены фрагменты 13 сосудов чашевидной формы с хорошо профилированной, отогнутой наружу шейкой, уплощенным или округлым венчиком, незначительно раздутым туловом и, по-видимому, слегка уплощенным дном (рис. 10: 5–8). В глиняном тесте значительная примесь крупнотолченой раковины. Обработ-

ка поверхности весьма небрежная. Орнаментация скудна и представляет собой зацепы или ямочные вдавления по краю венчика (рис. 10: 5, 7, 8). Лишь в единственном случае орнамент в виде ломаной линии нанесен по шейке отгисками крупноребенчатого штампа (рис. 10: 5). Подобная посуда находит себе близкие аналоги в материалах чепецких городищ X–XIII вв. Иднакар (Иванова, 1998, рис. 93, 5; 94, 1; 96, 1–4), Гурья-кар (Иванова, 1982, рис. 12, 1, 3, 7), Маловенижского (Семенов, 1982, рис. 9: 1, 2, 7), а также синхронных могильников: Омутницкого (Семенов, 1985, рис. 13, тип Па,б,в), Весьякарского Бигер-шайа (Генинг, 1979, табл. VIII, 4, 17, 19) и др. Этот тип посуды известен и на памятниках конца I – начала II тысячелетия

Верхнего Прикамья: Русиновском I, Макаровском селищах, Аверинском II могильнике, городище Шудьякар (Голдина, Кананин, 1989, рис. 38, 1, 3, 4; 39, 7, 11) и др.

Небольшая выборка представлена фрагментами восьми сосудов горшковидной формы с плоским дном, небольшими, хорошо профилированными, отогнутыми наружу шейками, слабо-выпуклыми плечиками, уплощенными венчиками. Цвет серый, в тесте содержится примесь песка и шамота, иногда – мелкоотделанной раковины. Поверхность шероховатая, видны следы заглаживания травой и рукой, наружная поверхность обработана тщательнее. Близкая посуда известна на многих болгарских памятниках IX–XI вв., но чаще всего она встречается на юге болгарской территории. В памятниках XII – начала XIII вв. она редка (Хлебникова, 1984, рис. 72: 1–3; с. 153–155, 216–219).

Обращают на себя внимание и обломки кувшинообразного гончарного сосуда (рис. 10: 7) с выпуклым туловом, прямой шейкой, отогнутым округлым, несколько утолщенным венчиком, остатками одной ручки. Фрагменты имеют серый цвет, признаки окислительного, а также последующего вторичного обжига до некоторой деформации, наблюдаются следы вертикального лощения. Посередине тулова кувшин украшен двойным ободком. Диаметр горла 9 см, тулова – 15,5 см, дна – 9,4 см, высота кувшина – 25,5 см. По многочисленным аналогам сосуд относится к первой группе болгарской посуды (по Т.А. Хлебниковой) и может быть датирован домонгольским периодом существования Волжской Болгарии, скорее всего, XI–XII вв. (Хлебникова, 1984, рис. 53, 5–7, 9, 10; 92: 2, 5; с. 175–184).

Особый интерес представляет оригинальная группа керамики ручной выделки с округлым туловом и преимущественно цилиндрической или слегка закрытым горлом (рис. 10: 1–4), содержащая в тесте примесь толченой раковины. Ее горловина украшена довольно плотным поясом из горизонтальных оттисков шнура, расположенных таким образом, что две парные линии имели противоположное направление, образуя своеобразные «косички». У основания шнурового пояса размещены различные варианты узоров, выполненных гребенчатым штампом. Эта посуда впервые была выделена Т.А. Хлебниковой по материалам болгарских памятников – Танкеевского могильника, Алексеевского городища и Остолоповского селища (Хлебникова, 1974, с. 65), обозначена как группа VII домонгольского комплекса и датирована X–XI вв., хотя использовалась в несколько трансформированном виде до начала XIII в. (Хлебникова, 1984, с. 106–112). Т.А. Хлебникова считает, что

эта посуда появилась в результате взаимодействия носителей неволинской и ломоватовской культур и принадлежит пермскому этносу.

Е.П. Казаков первоначально считал, что эта посуда сложилась в результате контактов кушнаренковского и верхнекамского населения (Казаков, 1971, с. 127, 128). В последующих работах он выдвинул гипотезу зауральского происхождения этой керамики (Казаков, 1978, с. 83–93; 1986, с. 67–75; 1987, с. 25–33; 1989, с. 38–42). Исходный вариант исследователь видит в посуде петрогромского типа, обнаруженного на памятниках горно-лесного Зауралья. В настоящее время в верховьях Исети и Туры известны только временные стоянки, места металлургического производства и жертвенные комплексы, на которых встречалась наряду с другой петрогромская посуда, но практически не известны поселения, где это население проживало (Викторова, Морозов, 1993, с. 186). Классический петрогромский тип мало похож на прикамскую цилиндрическую посуду – это чашевидные сосуды с примесью талька в тесте, со слабораздутым туловом, без шаровидного абриса, орнамент представлен не только отпечатками шнура без «косичек», но и резной сеткой, оттисками гребенчатого штампа и некоторых вариантов фигурных штампов (Голдина, 2013, рис. 3). Значительно ближе к цилиндрической южноудмуртской посуде как по форме, так и по орнаментации погребальная посуда неволинской культуры конца IV–IX в. Кунгурской лесостепи (Голдина, 2013, рис. 2).

Исследователи петрогромских древностей В.Д. Викторова и В.М. Морозов довольно скептически оценивают родство петрогромской и прикамской цилиндрической керамики, подчеркивая близость последней к ломоватовской посуде Верхнего Прикамья (Викторова, Морозов, 1993, с. 191). Вызывает также интерес и вопрос о времени существования петрогромской посуды. В.Д. Викторова и В.М. Морозов (1993, с. 186–188) типологически относят эту керамику ко второй половине I тыс. н. э. В.А. Могильников датировал ее X–XIII вв. (Финно-угры и балты, 1987, с. 179), и, таким образом, речь может идти не о преемственности типов, а об их одновременном существовании. Учитывая все эти обстоятельства: отсутствие четко обозначенной территории проживания носителей петрогромского типа керамики, размытость ее характеристик, отсутствие чистых петрогромских памятников, неопределенность даты и нечеткость, и даже отсутствие типологического сходства между петрогромской и цилиндрической прикамской посудой, – на современном уровне археологического знания нельзя считать доказанным происхождение прикамской посуды этого типа от петрогромской и называть ее постпетрогромской.

Ф.Ш. Хузин осторожно оценивает этническую принадлежность цилиндрической с гребенчатой орнаментацией посуды болгарских памятников, указывая, в частности, на присутствие в восточных районах Предкамья большого количества угорских или, скорее всего, финно-угорских элементов (Хузин, 2011, с. 69–79).

С появлением новых материалов о датировках средневековых культур Прикамья, в частности неволинской культуры (Голдина, 2012), есть возможность обсудить проблему хронологии появления финно-пермского населения в Волжской Болгарии.

Как известно, болгары переселялись в Среднее Поволжье несколькими волнами: на рубеже VII–VIII вв. н. э. (Новинковский курганный могильник и др.), во второй половине VIII – начале IX вв. (Больше-Тарханский, Танкеевский могильники и другие) и позже. Постепенно кочевые племена болгар освоили оба побережья Волги между устьем Камы и Самарской Лукой (Хузин, 2006, с. 35–42).

Кочевники-болгары, оказавшись в новых географических условиях лесостепи, нуждались в рабочей силе для обеспечения себя продуктами питания и предприняли несколько попыток переселения пермского населения: из Кунгурской лесостепи, с южной части ломоватовской культуры и с бассейна р. Чепцы. Во всяком случае, по убеждению Т.А. Хлебниковой, верхнекамское (в широком смысле) население с его оседлым земледельческо-скотоводческим хозяйством сыграло немалую роль в формировании традиций оседлости у болгар (Хлебникова, 1984, с. 73).

В VIII и даже в IX в. болгары еще не были мощным организатором торговли в Волжско-Камском бассейне. Государство Волжская Болгария сложилось в Среднем Поволжье на рубеже IX–X вв. В этнической консолидации болгарского населения на основе тюркского языка огромную роль сыграли как социально-экономические (развитие земледелия, скотоводства, ремесел, процессы классообразования), так и идеологические факторы (мусульманство, арабская письменность). В состав Волжской Болгарии вошли и довольно значительные группы пермского населения ломоватово-неволинско-поломского типа, о чем свидетельствуют украшения женского костюма и глиняная посуда (Хлебникова, 1984, с. 38–40, 66–73; Казаков, 1992, с. 111 и сл.). В некоторых районах приуральское население по численности не уступало болгарскому (Казаков, 1992, с. 245–255).

Участие пермского населения в формировании государства болгар на Волге подтверждено и антропологами. В частности, С.Г. Ефимовой среди болгарских серий выявлены два основ-

ных массива: донско-приазовский ранних болгар и прикамско-приуральский – так называемая «танкеевская группировка» (Ефимова, 1991, с. 44–45).

Сейчас ясно, что причиной исчезновения неволинского населения из сылвенского бассейна явились взаимоотношения с появившимися в Среднем Поволжье болгарями. Первоначально контакты были, возможно, мирными. Об этом говорит инвентарь раннеболгарских захоронений на Самарской Луке. Вероятно, население Самарского Поволжья в VIII в. пользовалось услугами мастеров-металлургов сылвенского бассейна, не случайно на этих памятниках так много вещей, особенно деталей поясной гарнитуры неволинского облика.

Очевидно, набеги болгар на территорию неволинской культуры происходили неоднократно на протяжении последней четверти VIII – первой четверти IX в. (Голдина, 2012а, с. 225–227). Сначала прекратила свое существование верхсаинская группа, затем – неволинская, а позже – сухоложская. Вряд ли переселение неволинцев, как и других групп пермян, в Среднее Поволжье было добровольным. Болгары забирали имущество, скот, женщин, детей и мастеров – металлургов и ювелиров. Вероятно, расцвет металлообрабатывающих производств Волжской Болгарии во многом обязан мастерам неволинской и других финно-пермских культур. Не случайно Н.В. Федорова отметила в болгарской торевтике присутствие северного компонента (пермского по территории) (Федорова, 2003, с. 147).

Часть неволинского населения была вынуждена переместиться севернее к родственным группам пермян на р. Чусовой и в южные районы ломоватовской культуры. Другая часть, памятники которой выявились в последние десятилетия, сместилась на юг по верховьям р. Иргины на реку Уфу и ее притоки – реки Ай и Юрюзань (поселение Рахмангулово, Абдулинское, Большеустинское, Торналинское городища и другие памятники), вплоть до верховьев реки Сим (Игнатиевская пещера) (Старков, 2009, с. 165–170). Можно уверенно говорить, что VII группа глиняной посуды появилась в Волжской Болгарии в результате насильственного перемещения неволинского населения из Кунгурской лесостепи.

Е.П. Казаков считает, что неволинское население во второй трети IX в. прекратило свое существование из-за мадьяро-печенежской войны (Казаков, 2007, с. 45–46). Хорошо известные мадьяро-печенежские конфликты происходили в период пребывания венгров в причерноморских степях (Артамонов, 1962) и никакого отношения к лесной и лесостепной полосе Приуралья не име-

ют. Неволинско-поломско-ломоватовское население оставило достаточно многочисленные следы на поселениях и могильниках волжских болгар, но не в культуре печенегов. Судя по картам, опубликованным Г.Н. Гарустовичем, А.И. Ракушиным, А.Ф. Яминовым (1998, рис. 17), а также В.А. Ивановым (1999, рис. 13), курганы печенегов известны только в пределах степей, не заходя в лесостепь, в которой располагались многочисленные памятники других культур, а неволино и печенегов разделяют многие сотни километров. Формирование Заволжской Печенегии В.А. Иванов датирует временем не ранее последней трети – конца IX в. (Иванов, 1999, с. 90). В более поздней работе памятники огузо-печенежского типа в Волго-Уральских степях он относит к X–XI вв. (История Самарского Поволжья, 2000, с. 276). В это время неволинская культура уже не существовала.

В связи с определенным более точным временем конца неволинской культуры стала возможной и корректировка времени появления этой группы керамики в Волжской Болгарии. Т.А. Хлебникова писала о том, что датировка керамики группы VII определялась по перекрытию содержащих ее ям, на Алексеевском городище и Остолоповском селище напластованиями X–XI вв. (Хлебникова, 1984, с. 106). Таким образом, уже предполагалось, что эта глиняная посуда появилась у болгар раньше X в. Однако в таблице 10, где анализируются итоги датировки типов керамики, время существования VII группы определено в рамках X – начала XIII вв. (Хлебникова, 1984). Сейчас можно предполагать, что эта посуда была принесена в Поволжье неволинцами в конце VIII – начале IX вв.

По сведениям начала 1980-х годов прошлого столетия (выход в свет книги Т.А. Хлебниковой) на территории Волжской Болгарии эта посуда была распространена на западе (Тигашевское городище, до 30% от лепной посуды), в южных провинциях (Муромский городок, около 30%), в центральных областях (Сувар, столько же). Наибольшая концентрация ее была выявлена на левобережье ближе к устью реки Камы (Алексеевское городище, 20,8%; Утяковское городище, 36%; и Остолоповское селище, 69%) (Хлебникова, 1984, с. 224–225), городище Джукетау (11,2%) (Хлебникова, 1975, с. 250–251). Значительное количество этой посуды (34–38% среди лепной керамики) обнаружено на Билярском городище в верховьях р. Черемшан (Хузин, 1995, с. 110; 2001, с. 97).

Особо хотелось бы отметить многочисленность VII группы глиняной посуды, связанной с неволинцами, на Елабужском городище (Нигамаев, Хузин, 2000, с. 22), расположенном на северо-восточной окраине Волжской Болгарии, в Предкамье, на правом берегу Камы, в стратегиче-

ски важном месте, в устье р. Тоймы, поблизости от переправы через Каму (Луговое – Бетки). Эта привлекательная местность была освоена финским ананьинским населением уже в VI–V вв. до н. э. и использовалась до III в. до н. э. Следы пребывания ананьинцев обнаружены в раскопах Т.А. Хлебниковой, С.В. Кузьминых, М.М. Кавеева в виде многочисленных фрагментов глиняной посуды и остатков сооруженных валов. Памятник функционировал и в более позднее время, а также в середине I тыс. н. э. (именьковская культура) (Нигамаев, Хузин, 2000, с. 13–15).

Современный ведущий исследователь Елабужского городища А.З. Нигамаев отмечает, что VII группа керамики по классификации Т.А. Хлебниковой занимает более 80% всей средневековой керамики городища (Нигамаев, 2009, с. 139). Правда, он, вслед за Е.П. Казаковым, считает ее угорской, с чем я не могу согласиться (Голдина, 2013; 2016). Крайне важно еще одно замечание, высказанное в совместной статье А.З. Нигамаева и Ф.Ш. Хузина, что нигде эта группа посуды (VII группа Т.А. Хлебниковой) не встречалась в таком большом количестве, как на Елабужском городище (Нигамаев, Хузин, 2000, с. 22). Очевидно, что одним из первых мест, где было размещено неволинское население, переселенное из Сылвенского поречья – окрестности современного г. Елабуги, а именно Елабужское городище. И произошло это не позднее рубежа VIII–IX вв. В дальнейшем шло расселение этого пришлого массива населения на левый берег Камы – в Закамье (Алексеевское, Утяковское, Джукетау городища, Остолоповское селище), затем – в более южные районы Волжской Болгарии (Биляр, Сувар, Муромский городок) и в Предволжье (Тигашевское городище). Дальнейшие исследования, вероятно, позволят конкретизировать этот процесс. Следует указать, что болгарское население в небольшом количестве (15–20% всей керамики домонгольской эпохи), но присутствовало на Елабужском городище (Нигамаев, 2009, с. 138), что говорит о совместном проживании финно-пермского населения и болгарского гарнизона.

Особый интерес представляет керамический материал Елабужского посада, расположенного в исторической части города, где было заложено четыре раскопа (Нигамаев, Хузин, 2000, с. 25–29). Здесь, по мнению автора раскопок А.З. Нигамаева, финно-пермская глиняная посуда – XVIII группа по Т.А. Хлебниковой (1988, с. 35–38, рис. 21) – составляла большую часть (примерно 2/3 всей керамики). Сосуды этой группы хорошо известны по другим памятникам, в частности городу Болгару. В большинстве своем круглодонные чаши, сделанные вручную, иногда с подправкой на круге, из

глиняного теста с большим содержанием толченой раковины. Оригинальны ручки подтреугольного сечения с горизонтальной площадкой в верхней части. Шейки, чаще плечики и ручки сосудов украшены оттисками гребенчатого штампа. Т.А. Хлебникова по городу Болгару датировала эту керамику второй половиной XIII – началом XV века. В Елабужском посаде она встречалась не только в позднем (золотоордынском) слое – 60%, но и в домонгольском – 58% (Нигамаев, 2009, с. 60). Если это удастся подтвердить стратиграфически, то вероятно, что Елабужский посад представлял собой поселок финно-пермского родановского населения, основанный в конце домонгольского времени и демонстрирующий еще одну волну переселений пермян в Нижнее Прикамье с территории родановской культуры.

Историческая интерпретация. Чумойтлинская культура генетически связана с населением, оставившим памятники XVI–XVIII вв. на территории Удмуртии. В настоящее время в Удмуртии известно более 100 могильников XVI–XIX вв. (Шапран, 1984, с. 120–133; Шутова, 1987; 1990), о которых хорошо осведомлено современное местное население. Более 60 из них находятся в Южной Удмуртии (рис. 11). Эти могильники характеризуются общностью черт, которые следует рассматривать как проявление этнического своеобразия южноудмуртской материальной культуры. Картографирование могильников показало их полное совпадение с ареалом распространения удмуртского населения в начале XVIII в. Почти все могильники XVI–XIX вв. соответствуют удмуртским поселениям, существовавшим в начале XVIII в., и отмечены в переписи 1716 г. (Гришкина, 1976, с. 124–133).

Генетическая преемственность ананьинской, тарасовской (чегандинской), верхнеутчанской, чумойтлинской и удмуртской культур подтверждается и антропологическими данными. М.С. Акимова, проводившая исследования Можгинского и Аксашурского могильников XVII–XIX вв. в Южной Удмуртии и сопоставившая их результаты с могильниками пьяноборского времени, утверждает, что исходным антропологическим типом удмуртов был пьяноборский (Акимова, 1968, с. 93). Свообразие этого района, сформировавшееся на протяжении столетий, проявилось и в других аспектах культуры южных удмуртов. В частности, на этой территории был в XIX–XX вв. распространен своеобразный костюмный комплекс, в котором, как считают этнографы, наряду с типично удмуртскими особенностями проявляются черты воздействия тюркской культуры. Традиционная женская рубашка южных удмуртов была туникообразной, спинка и перед ее шились из одного

полотна, перегнутого в плечах, бока оформлены двумя скошенными клиньями, рукава широкие с клиньями, чуть сужены к кистям. Вдоль грудного разреза нашит нагрудник из полос фабричной ткани. Под платье надевали апплицированный из кусочков разноцветной ткани съемный нагрудник – мурешет. Наиболее ранние рубашки сшиты из белой домотканины с небольшой вышивкой на груди. Низ рубашки был оформлен оборкой шириной 15–20 см и узорной полосой выборного ткачества. В конце XIX в. появились новые элементы оформления рубашки – кокетка, вторая оборка, более широкая оборка, стоячий воротник, манжеты и т. д. Появление второй оборки, увеличение ее ширины – проявление весьма ощутимого тюркского влияния (Лебедева, Атаманов, 1987, с. 117). Даже в вышивке южных удмуртов явственно прослеживается тюркское влияние. Для нее, как и татар и башкир, характерны свободные несчетные швы: «тамбурный шов», «стебельчатый» и особый декоративный прием, получивший название у специалистов «свободный козлик». У тюркских же народов были распространены типичные для вышивки южных удмуртов многоцветье и растительный орнамент (Королева, 1979, с. 34–42).

Этнографические материалы свидетельствуют, что женщины этого края носили высокий конусообразный головной убор – айшон, поверх которого накидывали платок – покрывало. Некоторые украшения имеют глубокие истоки, восходя к археологическим материалам. Конические височные подвески, известные в пьяноборское время в несколько ином варианте, встречаются на девичьих налобных повязках южных удмуртов (укотуг или тугоко), оригинальные прически южных удмуртов (чучырет) и по форме, и по способу навивки похожи на спирально-витые височные подвески ананьинско-пьяноборского времени, только выполненные из бронзы (Генинг, 1970, с. 198–199). Для костюма южных удмуртов характерно красочное многоцветье костюма, в отличие от северных удмуртов, у которых в костюме преобладают спокойные тона, преимущественно сочетание трех цветов – белого, красного и черного.

В Южной Удмуртии отмечены и особые черты в домостроении и оформлении интерьера жилища, которые также связаны прежде всего с многовековыми контактами с тюркским миром – болгарями, позже татарами, башкирами. В южноудмуртской традиционной избе (корка) оформление печи – с вмазанным котлом, наличие нар и другие детали указывают на тюркское влияние (Климов, 1984, с. 86). Широкие нары, покрытые кошмами, были устроены вдоль всей передней стены дома, в красном углу размещался стол и массивные лавки. Присутствие в жилищах удмуртов двух органи-

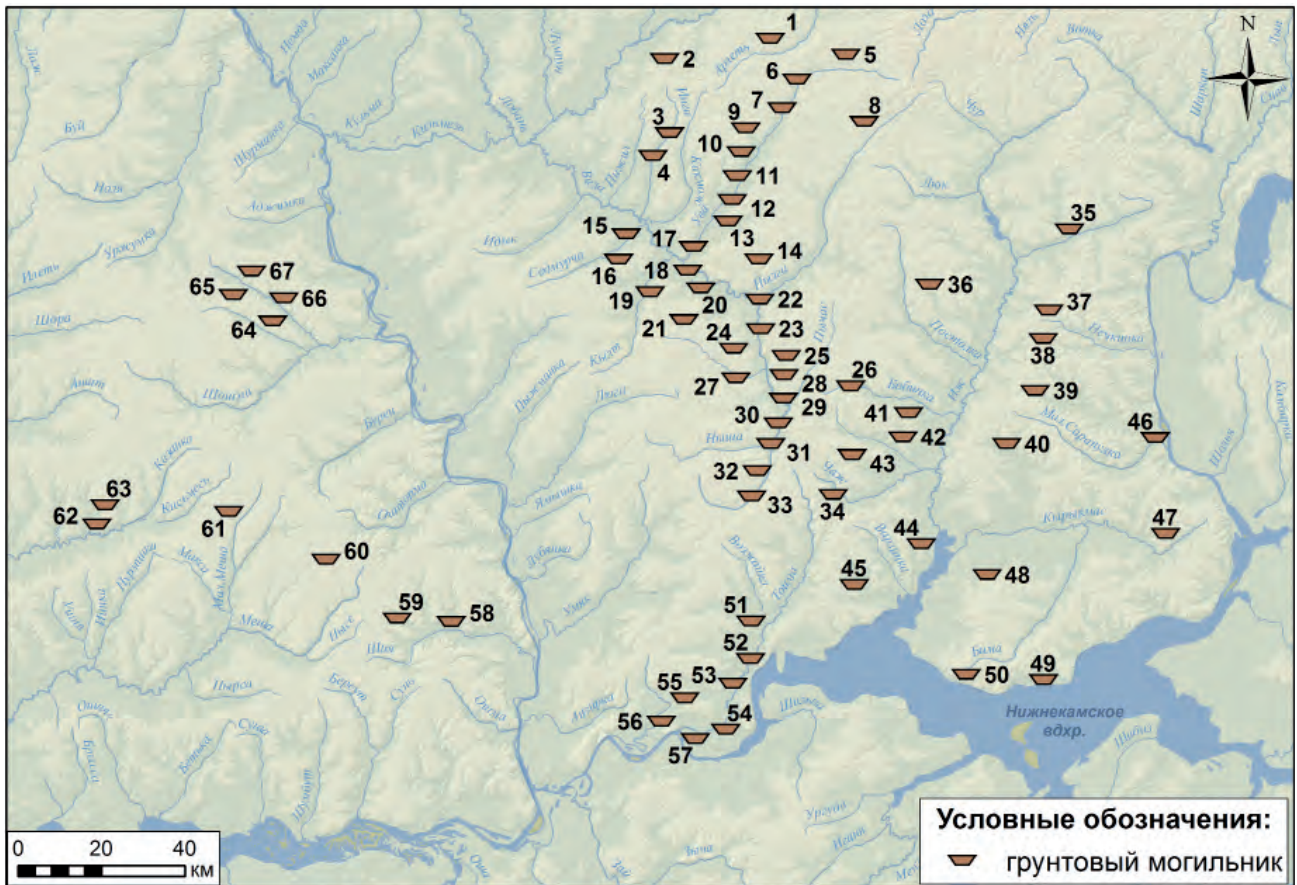

Рис. 11. Карта-схема южноудмуртских могильников XVI–XIX вв. (по Н.И. Шутовой, 1992).

- 1 – Юмга-Омга; 2 – Прой-Болма; 3 – Старочунча I; 4 – Старочунча II; 5 – Поршур; 6 – Пужмес-Тукля; 7 – Моторки; 8 – Пек-Жикья; 9 – Узей-Тукля; 10 – Абылстем; 11 – Лыстем; 12 – Большедокья II; 13 – Большедокья I; 14 – Большегурезь-Пудга; 15 – Водзимонье I; 16 – Водзимонье II; 17 – Начар-Котья; 18 – Чудзялудский; 19 – Бийский; 20 – Чужьялово; 21 – Александрово; 22 – Большежужгес; 23 – Чужьем; 24 – Большеволково; 25 – Пазял-Жикья; 26 – Минчегурт; 27 – Пазял-Зюмья; 28 – Вужшай; 29 – Шайильез; 30 – Можга I; 31 – Можга II; 32 – Сосновые Ключи; 33 – Замостно-Какси; 34 – Тоймобаш; 35 – Якшур; 36 – Верхнепостол; 37 – Каменки; 38 – Болтачево; 39 – Пуро-Можга; 40 – Аксакшур; 41 – Ильино; 42 – Нижнеюри; 43 – Большекибья; 44 – Юмьяшур; 45 – Кузебаево; 46 – Сарапул; 47 – Северный; 48 – Старосалья; 49 – Быргында II; 50 – Зуевы Ключи; 51 – Орехово; 52 – Серп; 53 – Староигра II; 54 – Староигра I; 55 – Енабердино; 56 – Сосново-Юрашино; 57 – Пустобаево (Тихоново); 58 – Большеуськино; 59 – Староуча; 60 – Ош-Юмья; 61 – Старомичан; 62 – Атын; 63 – Арняш; 64 – Среднекушкет; 65 – Тагошур; 66 – Вукогурт (Мельничное); 67 – Ципья.

зующих центров: красного угла и нар – придает им особое своеобразие (Климов, 1984, с. 87). В красном углу, обычно правом, размещались стол и массивные лавки. В левом углу у передней стены – просторные нары в виде деревянного ящика для хранения постельных принадлежностей, покрытые коврами – шобретами, выполненные в технике переборного ткачества, с узором, покрывающим всю поверхность фона (Климов, 1984, с. 88). Жилища дополнительно были украшены и декоративными полотенцами, которые вешали в проемах окон и на матицу. Концы полотенец орнаментированы в браной, закладной и выборной технике тканья. По наблюдениям Климова, в полотенцах Южной Удмуртии геометрические узоры крупнее, силуэты фигур проработаны не так четко, отчего узор выглядит живописнее (Климов, 1984, с. 88).

Длительные контакты южных удмуртов с тюркскими народами проявились и в особенностях их физического облика. По материалам К.Ю. Марк южные удмурты Алнашского района более темного цвета и темноволосы, чем остальные, и по этому признаку близки тюркским народам Среднего Поволжья и Приуралья (Марк, 1987, с. 39). Антрополог В.Г. Моисеев считает, что у южных удмуртов отсутствует существенный уральский антропологический компонент, столь характерный для северных удмуртов (Моисеев, 1997, с. 21).

Особый исторический путь южных удмуртов проявился и в их идеологических представлениях. По мнению В.Е. Владыкина, в удмуртском пантеоне имеется огромное число заимствований, усвоенных через тюркское посредничество: Албасты, Акташ, Акшан, Бустурган, Обида, Убир, Шайтан, Пери, Алангасар и другие. Особенно был рас-

пространен у южных удмуртов культ Кереметья, который проник, как считает В.Е. Владыкин, в удмуртскую среду с исламом и здесь слился с древним финно-угорским культом священной роши (Владыкин, 1994, с. 98–100, 104, 109–110). Эти явления хронологически могут быть отнесены ко времени не ранее принятия ислама в качестве официальной религии Болгарского государства, которое стало осуществлять экспансию в пермские земли.

Своеобразие культуры южных удмуртов проявляется и в языке. Территория ижских, верхневалинских, тойминских, умякских, кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия (Основы финно-угорского языкознания, 1976, с. 104, 107; Кельмаков, 1987, карта 7) почти полностью совпадает с территорией верхнеутчанской и чумойтлинской культур. Интересно отметить и то, что именно в пределах южного наречия выявлен особенный говор (д. Варклет-Бодья Агрызского района Татарстана), где еще сохранилась, восстановленная В.К. Кельмаковым, архаичная система согласных в 28 единиц, полностью совпадающая с прапермской и утраченная абсолютным большинством удмуртских диалектов (Кельмаков, 1993, с. 45).

Глубокие исторические корни населения Южной Удмуртии подтверждаются и картиной расселения удмуртских родов (Атаманов, 1982, с. 81–127). Именно здесь расселение удмуртов создает целостную картину размещения родовых групп, при котором множество небольших пунктов группируются вокруг родового гнезда – выл. На этой территории локализуются центры (выл) родов:

Затча, Эгра, Уча, Шудья, Омга, Зумья, Бодья, Пельга, Чабья, Салья, Какся, Можга, Жикья, Кибья (Атаманов, 1982, с. 86–88). Некоторые из них, например, род Пельга, не сохранили преданий о переселениях из далеких мест, в отличие от большинства, что, очевидно, свидетельствует об автохтонности этого объединения и длительной истории его обитания на этой территории (Атаманов, 1987, с. 96). Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что многие удмуртские роды сохранили предания о переселениях. Из кукморско-шошминского района переселились в междуречье Вятки и Камы представители 15 родов (Бодья, Докья, Зумья, Какся, Кибья, Коньга, Копка, Куарса, Норя, Омга, Пышья, Сюра, Турья, Уча, Чабья). Слободской куст стал источником для 10 родов (Бигра, Дурга, Дурга-Побья, Побья, Салья, Сюгра-Чабья, Удья, Чабья, Чипья, Чола). Из прикильмезского района в другие переселялись удмурты 13 родов (Вамья, Жикья, Затча, Какся, Можга, Монья, Нылга, Пудга, Тукля, Чудьза, Чунча, Юбера, Юсь). Из 28 родов, зафиксированных в Южной Удмуртии (Атаманов, 1997, с. 78–79), лишь один – Пельга – стал источником расселения в другие земли. Одно из возможных объяснений этого – Южная Удмуртия была одним из наиболее стабильных, относительно спокойным районом, который был огражден от южных и западных соседей крупными реками – Вяткой и Камой. Современные материалы позволяют говорить о том, что южная группа представляет собой одну из древнейших в этногенезе удмуртского народа.

ГЛАВА 5

ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕГО ПРЕДУРАЛЬЯ XI–XIII ВВ.

К периоду XI–XIII вв. в Пермском Предуралье, судя по официальным археологическим сводам, относится 168 памятников, имеющих относительно точную дату XI–XIII вв.: 59 городищ, 66 селищ, 40 могильников и 3 пещерных святилища. Из них только на 40 проводились раскопки, а масштабные исследования – на 14 памятниках.

Общие границы распространения памятников этого периода охарактеризованы В.А. Оборин (1999, с. 260): северная – по верхнему течению р. Колвы, р. Молог, устью р. Луньи; северо-восточная – по среднему течению р. Вишеры, там, где начинаются предгорья Урала; восточная – по нижнему течению левых притоков Камы, берущих начало с Уральского хребта – Яйвы, Косьвы, Чусовой, Сылвы; южная – по р. Чусовой и р. Сылве; западная – по верхнему течению р. Камы, где в самых верховьях располагалась компактная группа памятников в Афанасьевском районе Кировской области, а остальная территория не была заселена из-за сильной заболоченности.

В пределах этой территории В.А. Оборин выделял семь больших территориальных групп поселений, удаленных друг от друга от 50–70 до 170 км, внутри которых выделяются малые группы из 1–2 городищ и 2–6 селищ.

А.В. Вострокнутов путем картографирования памятников, имеющих твердые даты на основе раскопок, шурфовки и сборов с поверхности, выделил девять территориальных групп и проследил динамику расселения в период с XI по XV вв. (Вострокнутов, 2011). Согласно его выводам, в XI в. функционировало 147 памятников, в основном возникших в предшествующее время; на XII в. приходится 143 памятника, из которых 14 новых, а 18 прекратили свое существование; в XIII в. осталось 104 археологических объекта, из них 2 новых, 41 памятник исчезает. Таким образом, прослеживается тенденция к постепенному сокращению населения, правда, пока не такому резкому, как в последующее время.

Городища составляли систему укреплений по границам расселения, по р. Каме у устьев ее основных притоков, и в отдельных группах неукрепленных поселений. Оптимальные места для создания этой системы были освоены уже в пред-

шествующий период, большинство изученных городищ возникло в VII–VIII или в IX в., и некоторые из них просуществовали до XIV–XV вв. Поэтому среди городищ данного периода, как и прежде, преобладают мысовые и сложно-мысовые, подчиненные рельефу местности. Со временем на них происходило совершенствование фортификационных сооружений, многие крупные городища расширяли свои функции, превращались в торгово-ремесленные и административные центры, приобретая признаки ранних городов.

Из существовавших в X–XIII вв. в Пермском Предуралье почти 70 городищ раскопкам разной площади (от 20 кв. м до нескольких тысяч кв. м) было подвергнуто 26. К числу наиболее изученных городищ принадлежит Анюшкар (Кыласово городище), занимавший выгодное положение на р. Иньве недалеко от ее впадения в основную водную артерию Предуралья – р. Каму. Ниже Анюшкара по р. Иньве на том же берегу находятся еще два городища – Бородкинское и Усть-Иньвенское, а выше – Майкор (Туманское городище). Эти городища обеспечивали надежную защиту самой крупной и компактной иньвенской территориальной группы протяженностью до 120 км, включающей около 100 памятников (Оборин, 1999, с. 262).

Городище Анюшкар занимает широкий мыс правого берега р. Иньвы, возвышающийся на 12–14 м над поймой (рис. 2). Общая площадь его около 16 тыс. кв. м. Мыс вытянут с северо-запада на юго-восток, где прослеживается дугообразный вал высотой 2,5–3,7 м.

Первые исследования памятника провел А.В. Шмидт, в 1940 г. – М.В. Талицкий, в 1949–1950 гг. В.А. Оборин. С 1951 г. начались планомерные раскопки этого городища, попавшего в зону подтопления при строительстве Камской ГЭС. За 8 полевых сезонов здесь вскрыто более 4 тыс. кв. м. Раскопы 1950-х годов В.А. Оборина были заложены у вала, в центре площадки и ближе к концу мыса, в 1990-е годы Г.Т. Ленц и А.А. Терехиным исследовались участки по краю размытой стрелки (Оборин, Ленц, 2008).

Культурный слой имеет среднюю мощность около 1 м, увеличиваясь у вала до 1,5 м (в ямах до 3,5 м) и уменьшаясь к концу мыса и западному

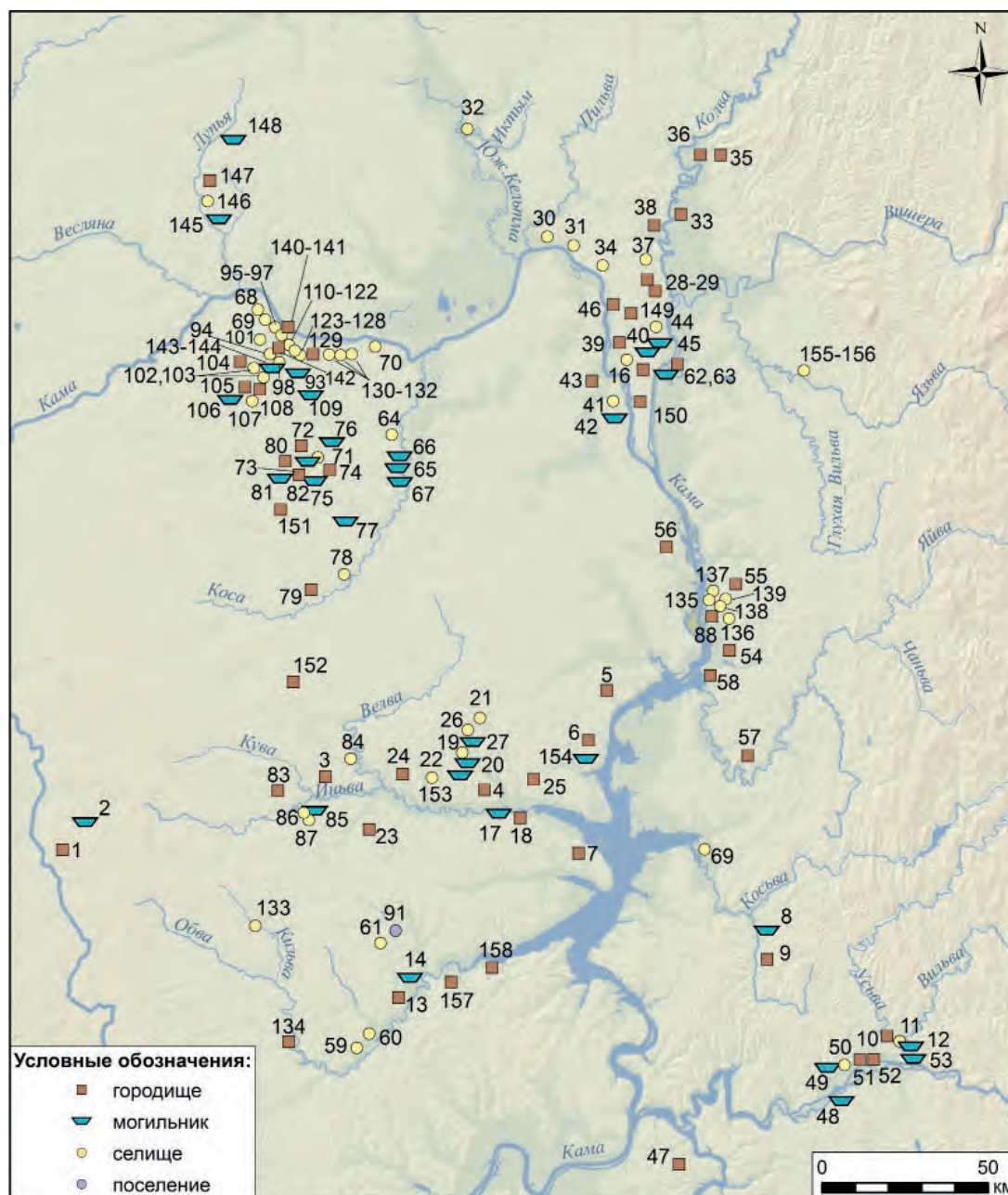

Рис. 1. Список памятников Верхнего Прикамья X–XIV вв.

1 – Шудьякар, городище, VI–XIV вв.; 2 – Тиминский могильник, VIII–XI вв.; 3 – Кудымкар, городище, VII–XV вв.; 4 – Купрос, городище, X–XIII вв. 5 – Острая Грива, городище, IX–XIII вв. 6 – Роданово, городище, IX–XII вв. 7 – Анюшкар, городище и могильник, IX–XV вв.; 8 – Бояново, могильник, IX–XI вв.; 9 – Лаврята, городище, IX–XII вв.; 10 – Саламатово I, городище, IX–XII вв., Саламатово II, городище, IX–XIV вв.; 11 – Телячий Брод, селище, VIII–XIII вв.; 12 – Телячий Брод, могильник, IX–XIV вв.; 13 – Рождественск, городище, VIII–XV вв.; 14 – Рождественск, могильник, X–XII вв.; 15 – Редикор, могильник, VIII–XI вв.; 16 – Редикор, городище, VIII–XV вв.; 17 – Загарский (Соболёво), могильник, VII–XI вв.; 18. – Полютово, городище, X–XIII вв.; 19 – Калино, селище, XI–XII вв.; 20 – Калино, могильник, XI–XII вв.; 21 – Вакино, селище, XI–XII вв.; 22 – Доег I, селище, XI–XII вв.; 23 – Гырчиковское городище, X–XIII вв.; 24 – Дойкар, городище, X–XIII вв.; 25 – Майкор, городище, IX–XIII вв.; 26 – Мартыново, селище, X–XIV вв.; 27 – Мартыново, могильник, XIII–XIV вв.; 28 – Троицкое городище, IX–XVIII вв. 29 – Вятское городище, IX–XVIII вв.; 30 – Бондюг I, селище, IX–XIII вв.; 31 – Бондюг II, селище, IX–XIII вв.; 32 – Усть-Лопья, селище, X–XIII вв.; 33 – Пымпол, городище, IX–XV вв.; 34 – Головное, селище, IX–XIII вв.; 35 – Искор, городище, IX–XV вв.; 36 – Мысагорт, городище, IX–XI вв.; 37 – Покча, селище, X–XIII вв.; 38 – Лобаниха, городище, IX–XIII вв.; 39 – Пянтег, городище, IX–XIII вв.; 40 – Пянтег, селище, IX–XIII вв.; 41 – Вилесово, селище, IX–XIII вв.; 42 – Вилесово, могильник, IX–XIII вв.; 43 – Усть-Урол, городище, IX–XI вв.; 44 – Больше-Аниковское I, селище, VIII–XI вв., Больше-Аниковское II, селище, VIII–XII вв.; 45 – Мало-Аниковский, могильник, VIII–XI вв.; 46 – Корнино, городище, IX–XV вв.; 47 – Сыльвенское (Пеганкова гора), городище, VII–XII вв.; 48 – Верейнский могильник, X–XIII вв.; 49 – Шушпанский могильник, X–XIV вв.; 50 – Шушпанское, селище, X–XIII вв.; 51 – Кучино I, городище, X–XIII вв.; 52 – Копалинское городище,

X–XIV вв.; 53 – Антыбары, могильник, XI–XIII вв.; 54 – Сёмино, городище, IX–XII вв.; 55 – Городищенское городище, X–XIII вв.; 56 – Эсперово, городище, IX–XIII вв.; 57 – Араль, городище, IX–XI вв.; 58 – Володин Камень, городище, IX–XIII вв.; 59 – Чайныш, селище, X–XII вв.; 60 – Козьмодемьянское, селище, IX–XIII вв.; 61 – Нердва, селище, IX–XIII вв.; 62 – Кольнва, городище, X–XIV вв.; 63 – Ратегово, могильник, X–XIV вв.; 64 – Нижняя Коса, селище, IX–XVIII вв.; 65. – Пуксиб, могильник, IX–XII вв.; 66 – Войвыл, могильник, X–XII вв.; 67 – Варыш, могильник, X–XII вв.; 68 – Кирпичное I, селище, IX–XIV вв.; 69 – Кирпичное II селище, X–XIV вв.; 70 – Подгоры, селище, X–XII вв.; 71 – Бачманово, селище, X–XII вв.; 72 – Карчей, городище, X–XIII вв.; 73 – Красильниково I, могильник, X–XIII вв.; 74 – Пыдосово, городище, X–XIII вв.; 75 – Пыдосово I, могильник, X–XIII вв.; 76 – Средне-Бачманово, могильник, IX – XV вв.; 77 – Большая Коча, могильник, X–XIII вв.; 78 – Красная Курья, селище, IX–XII вв.; 79 – Сальниково, городище, IX–XII вв.; 80 – Пармайлово I, городище, X–XIII вв.; 81 – Пармайлово, могильник, X–XIII вв.; 82 – Пармайлово II, городище, X–XIII вв.; 83 – Левино, городище, IX–XII вв.; 84 – Лячканово, селище, XI–XII вв.; 85 – Пешнигорт, могильник, VII–XI вв.; 86 – Пешнигорт I, селище, VII–XI вв.; 87 – Пешнигорт II, селище, VII–XI вв. 88 – Соликамск, поселение, IX–XIII вв.; 89 – Никулино, могильник, X–XIII вв.; 90 – Онинское городище, X–XIV вв.; 91 – Нердва, городище, X–XIV вв.; 92 – Елево, могильник, VIII–XII вв.; 93 – Чажегово, могильник, X–XIV вв.; 94 – Данилово I, селище, IX–XII вв. 95 – Пыштайн I, селище, VII–XII вв.; 96 – Пыштайн III, селище, IX–XIV вв.; 97 – Пыштайн II, селище, X–XIV вв.; 98 – Данилово II, селище, IX–XV вв.; 99 – Данилово II, могильник, VIII–XIII вв.; 100 – Гайнашор I, селище, IX–XII вв.; 101 – Гайнашор II, селище, X–XII вв.; 102 – Бурдаково, селище, IX–XII вв.; 103 – Мельничное, селище, IX–XII вв.; 104 – Веское городище, IX–XIV вв.; 105 – Пономарёво, городище, X–XIV вв.; 106 – Пономарёво, могильник, X–XIV вв.; 107 – Пономарёво, селище, X–XIV вв.; 108 – Шипицино, городище, IX–XII вв.; 109 – Имасы, могильник, V–XV вв.; 110 – Харино, могильник, VI–XII вв.; 111 – Харино I, селище, IX–XII вв.; 112 – Харино II, селище, IX–XII вв.; 113 – Харино III, селище, IX–XIII вв.; 114 – Харино V, селище, IX–XII вв.; 115 – Харино VI, селище, VIII–XII вв.; 116 – Харино VII, селище, VIII–XIII вв.; 117 – Харино VIII, селище, VIII–XIII вв.; 118 – Харино X, селище, VIII–XIII вв.; 119 – Нетяйн, могильник, IX–XII вв.; 120 – Нетяйн I, селище, VIII–XII вв.; 121 – Нетяйн II, селище, VIII–XII вв.; 122 – Нетяйн III, селище, IX–XII вв.; 123 – Агафоново II, могильник, IX–XI вв.; 124 – Курья I, селище, VIII–XI вв.; 125 – Курья II, селище, VIII–XI вв.; 126 – Курья III, селище, X–XII вв.; 127 – Курья IV, селище, IX–XII вв.; 128 – Курья V, селище, IX–XII вв.; 129 – Устин I–III, городища, IX–XIII вв.; 130 – Исаево I, селище, X–XIV вв.; 131 – Исаево II, селище, X–XVI вв.; 132 – Исаево III, селище, X–XIV вв.; 133 – Ершата, селище, IX–XIII вв.; 134 – Усть-Буб, городище, IX–XIII вв.; 135 – Верхнее Мошево I, селище, XII–XIII вв.; 136 – Сёминское поле, селище, XII–XIII вв.; 137 – Верх-Боровской I, могильник, XII–XIII вв.; 138 – Верх-Боровской II, могильник, XII–XIV вв.; 139 – Сердуг, могильник XIII–XV вв.; 140 – Гайны, городище, XII–XIV вв.; 141 – Красная Горка, городище, XII–XIII вв.; 142 – Данилово (Мазунино), городище, XII–XIII вв.; 143 – Бурдаково II, могильник, XII – XIV вв. 144 – Бурдаково III, могильник, XII – XIV вв.; 145 – Модгорт, могильник, XII – XIII вв., 146 – Вадорку, селище, XI–XIII вв.; 147 – Мысы (Лупьенское), городище, XI–XII вв.; 148 – Верх-Лупья, могильник, IX–XI вв. 149 – Получемье, городище, IX–XIV вв.; 150 – Петухово, городище, IX–XIII вв.; 151 – Юкеево, поселение, XII–XVIII вв. 152 – Лопва, городище, XII–XIII вв.; 153 – Гурино, могильник, XII–XIII вв.; 154 – Пожва, могильник, X–XIV вв.; 155 – Егорово I, селище, XIV–XV вв.; 156 – Егорово II, селище; XIV–XV вв.; 157 – Посёр, городище, IX–XI вв.; 158 – Ильинское городище, IX–XII вв.

склону до 0,2–0,3 м. Он разделяется на две части: верхний – темный рыхлый, нижний – светло-серый, разделенные тонкой прослойкой сгоревшего или сгнившего дерева.

Ранний поселок занимал площадку от конца мыса до его центра, был укреплен невысоким валом и рвом. По краю вала и на западном склоне находился частокол. Жилища располагались в ряд вдоль рва. В XI в. поселок расширился за пределы рва, который стал использоваться под хозяйственные и производственные сооружения; за валом появились жилища, медеплавильные печи и хозяйственные ямы. В XII в. площадь посёлка расширилась к юго-востоку еще на 3 тыс. кв. м, площадка была выровнена, склоны и стрелка мыса подсыпаны глиной и галькой мощностью до 1 м, укреплены частоколом. При выравнивании площадки старый вал и нижний культурный слой местами были срезаны до материка, а ров и часть углубленных в материк сооружений засыпаны. Построена новая мощная оборонительная система – новый вал строится за юго-восточной границей поселка, он трижды насыпался со стороны площадки нижним культурным слоем и один раз с на-

польной стороны глиной и галечником, при этом образовался ров шириной 4–5 м и глубиной до 1,5 м. С внутренней стороны вал укрепляла жердевая стена, подпертая бревнами; по внешнему краю гребня – стена шириной 0,4–0,5 м из двух рядов плетня, пространство между которыми было забутовано глиной. Высота укрепления от дна рва до верхнего края стены составляла не менее 7 м, ширина основания насыпи достигала 14 м. В 100 м за валом был вырыт еще один ров; культурный слой между рвами отсутствует, здесь, как и в насыпи вала с напольной стороны, найдены боевые наконечники стрел – свидетельство штурмов городища. У вала расположились металлургические сооружения и жертвенный комплекс в окружении жилищ. Здесь же изучена столбовая постройка с односкатной крышей и печью-каменкой (возможно, баня), рядом с ней – колодец глубиной 4 м с остатками самодельного медного котелка на дне. Еще один колодец обнаружен у старого вала.

На городище изучено семь жилищ (три – в нижнем, четыре – в верхнем слое), хозяйственные, производственные и культовые сооружения. Жилища раннего и позднего периодов имеют

общие черты, уходящие корнями в местную домостроительную традицию (прямоугольные наземные бревенчатые дома с двухскатной крышей, выступающим перед входом крытым тамбуром, с глинобитным полом и очагом внутри дома). В жилищах нижнего слоя площадью 42–60 кв. м по периметру вдоль стен прослеживались канавки, в центре располагались 1–2 глинобитных очага и прямоугольные ямы-кладовки, стенки которых обшивались досками, прижатыми вбитыми в дно кольями. В верхнем слое площадь жилищ меньше (16–20 кв. м), канавки не прослеживаются, глинобитный пол иногда покрыт досками, очаги (печи), заключенные в деревянные рамы, смещены ближе к задней стенке жилища. Позади домов выявлены столбовые конструкции, ограждающие небольшой дворик, где располагались ямы-кладовки, вынесенные из жилища.

Хозяйственная деятельность обитателей городища отражена находками земледельческих орудий труда: наконечников мотыг и ральников, косгорбуш для заготовки сена, ножниц для стрижки овец, костяных и железных наконечников стрел и накладок сложного лука, грузил от сетей, рыболовных крючков и острог и т. д.

Особый интерес представляют производственные сооружения, большая часть которых связана с металлургией и металлообработкой. В окрестностях городища имелись доступные рудные источники: в 15 км к востоку на р. Лух – выходы болотных железных руд, а в 1 км на том же берегу Иньвы – остатки рудника, из которого добывался медистый песчаник.

В нижнем слое исследован горн-домница для варки железа, сложенный из камней и заключенный в деревянную раму, рядом – яма для выпуска и свалки шлака и медеплавильный очаг в углублении, обложенном камнями. В верхнем слое выявлены медеплавильные очаги и три горна для варки железа, рядом с одним из них найдено большое (до 30 см) глиняное сопло. Исследованы остатки кузницы в виде бревенчатого сруба размерами 3×6 м с глинобитным полом, в которой находились два каменных горна, обращенных устьями к центру помещения, где располагалась яма с древесным углем; возле одного из горнов стояла массивная железная наковальня.

Металлографические исследования железных предметов из Анюшкара, проведенные В.И. Завьяловым, показали, что местные кузнецы владели разными приемами металлообработки: от простых (отковка кричной заготовки, цементация) до более сложных (вварка и наварка стального лезвия на железную основу, получение сырцового стали, закалка с высоким отпуском, трехслойный пакет). Эти приемы, заимствованные из северных

центров Древней Руси, по уровню технологии уступали лишь древнерусским. Это было уже ремесленное, а не домашнее производство.

Исследования изделий из цветного металла в спектрально-аналитической лаборатории ПГУ показали, что бронзовые изделия отличались высоким содержанием олова, а медным сырьем, судя по примесям, служил местный медистый песчаник. Рядом с очагами находились оплавленные тигли, глиняные и каменные литейные формы, слитки меди, отливавшиеся в специальных литейных формах-изложницах.

Приближались к ремесленному уровню и отдельные виды домашнего производства. Новые инструменты (токарный станок, резец, сверло, железные пилки) и новые приемы обработки вошли в косторезное дело. На одном из участков обнаружено скопление заготовок из кости – возможно, остатки мастерской. В верхнем слое выявлены сооружение с зольником, возле которого находилось скопление костяных разбивальников – остатки кожевенной мастерской; глинобитная печь (горн) для обжига посуды рядом со скоплением необожженной глины и раковины.

Городище было не только ремесленным, но и торговым центром. В нижнем и верхнем слое встречены вещи болгарского и древнерусского происхождения. Болгарская керамика в нижнем слое составляет до 10%, а в верхнем – 14% всех сосудов, древнерусская – до 1%. Присутствуют керамика и вещи из Зауралья.

Состав населения был смешанным. В нижнем слое выявлены 4 типа тамг – знаков собственности, имеющих сходство с тамгами Роданова и Кудымкарского городищ, а в верхнем – уже 11 типов. В состав местного населения входили болгары, о чем свидетельствуют материалы Анюшкарского могильника XIII–XIV вв., исследованного на размываемой стрелке мыса, где уцелело только 9 захоронений, расположенных тремя плотными рядами по линии С–Ю. Погребальный обряд отличается биритуальностью, в нем смешаны языческие и мусульманские элементы.

На Анюшкаре изучены и культовые комплексы. В нижнем слое выявлены жертвенные ямы с выкладками черепов и костей лошади. В верхнем слое – два жертвенника, один в виде глинобитного очага в квадратной деревянной яме, у края которого найдены медный антропоморфный идол и обломки каменного жернова, а другой – в виде расположенных по овалу шести скоплений обгорелого зерна пшеницы и ячменя и рядом железный ральник.

Городище Анюшкар выделяется среди других большой площадью, выгодным стратегическим положением на главных водных путях, сильными

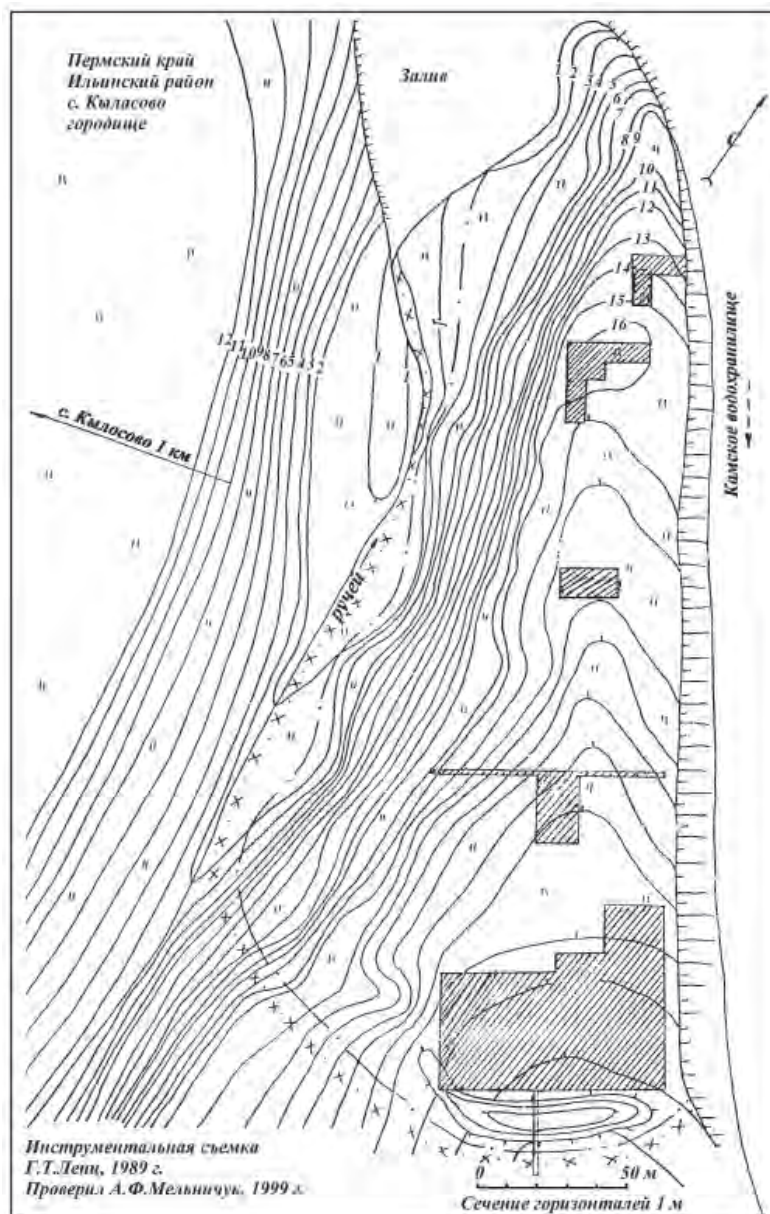

Рис. 2. План Анюшкара (Кыласова городища).

укреплениями, обилием ремесленных сооружений и высоким уровнем технологии металлообработки, большим количеством привозных изделий. Возникнув в X в. как обычное городище, в XII–XIV вв. оно превратилось в военно-административный, торгово-ремесленный, религиозный центр и центр сельскохозяйственной округи, то есть обладало градообразующими функциями. Его можно отнести к ранним городам, которые начали формироваться у местного населения в самом начале проникновения болгар и славян в Приуралье.

Другим памятником, где также вскрыто более 4 тыс. кв. м, является Рождественское городище на р. Обве, которое соотносится с упоминаемым в письменных источниках городком Афкула (Бе-

лавин, Крыласова, 2017). Первые раскопки здесь провел в 1897 г. Н.Н. Новокрещенных, в 1981 г. Ю.А. Поляков, в 1985, 1990-х гг. оно исследовалось А.М. Белавиным, в 2000-х – Н.Б. Крыласовой.

Рождественское городище не предназначалось для обороны сельскохозяйственной округи, которой у него, собственно, и не было – в ближайших окрестностях не известно средневековых памятников, за исключением пары невыразительных селищ. Оно находилось в глубине территории в 65 км по р. Обве от главной транспортной артерии – р. Камы. Нижнее течение р. Обвы до начала XX в. являлось судоходным. Устье Обвы защищалось несколькими городищами.

Городище возникло на рубеже IX–X вв. и существовало до середины XIV в., что подтверждается

находками ордынских монет и радиоуглеродными датами. В X в. здесь находилось небольшое финно-угорское поселение, занимавшее площадку на мысу, ограниченном логами. В XI в. оно было существенно расширено и перестроено по подобию городищ Волжской Болгарии, став крупнейшим средневековым городищем Пермского края, площадь которого составляет более 36 тыс. кв. м, а с учетом площади вала – 38 тыс. кв. м (3,8 га). Городище занимает участок коренного берега шириной 256 м, возвышающегося над рекой на 25 м. С запада и востока площадка ограничена глубокими логами, с севера – дугообразным валом шириной 6–12 м в основании, высотой 3,7 м с напольной стороны. Рва вдоль большей части вала визуально не наблюдается. Это связано с тем, что за пределами вала располагался неукрепленный посад с достаточно насыщенным культурным слоем и постройками, примыкавшими к валу. За западным логом находится небольшое Филипповское городище, защищенное валом шириной 8–14 м в основании, высотой 2,5–3,5 м и рвом шириной 3–5 м, глубиной до 1,7 м. С вала на 4–5 км просматриваются коренной левый берег р. Обвы, широкие просторы правобережной поймы реки и ее течение на протяжении нескольких поворотов. За восточным логом Рождественского городища уступ коренного берега плавно изгибается к северу, образуя три мыса, разделенных оврагами: на ближнем к городищу находится мусульманский могильник, на третьем – языческий некрополь комплекса.

Таким образом, Рождественский комплекс включает детинец, укрепленный город и неукрепленный посад. А.М. Губайдуллин относит его к распространенному типу сложномысовых и сложных городищ Волжской Болгарии (Губайдуллин, 2019).

Раскопкам подвергалась главным образом территория вдоль обрыва, поскольку р. Обва периодически меняет русло и существенно подмывает берег. Произведен разрез вала и изучены прилегающие к нему участки на площадке и с напольной стороны. В 2010–2017 гг. раскопами и путем геофизической разведки, проведенной И.В. Журбиным, исследован значительный участок восточной части площадки городища, где получены новые данные, позволяющие реконструировать историю его развития.

Вдоль восточного лога, ограничивающего площадку городища, выявлены остатки рва шириной до 3 м, который соединялся с севера с разрушенным валом, находившимся в 20 м южнее существующего. Очевидно, эти сооружения связаны с первоначальным поселением. В XI в. ров был засыпан, площадка выровнена и вдоль лога построе-

ны жилища, расположенные почти вплотную друг к другу торцевой стеной к логу, образуя своеобразную защитную стену. Западнее выделен еще один параллельный ряд жилищ. В XII в. жилища сгорели при пожаре, который, судя по углистым прослойкам на разных раскопах, бушевал по всему городищу. После городище было вновь отстроено, вдоль восточного лога установили частокол из толстых бревен, но площадка, где прежде располагались жилища, не застраивалась, возможно, использовалась для содержания скота.

Всего на городище изучено 13 наземных жилищ. Ширина их составляла 7–9 м (но есть и шириной 10–12 м), длина – 14–20 м, площадь – 70–180 кв. м. По периметру большинства жилищ зафиксированы столбовые ямы, следовательно, они были построены в каркасно-столбовой технике с закладкой поперечных бревен или плах как в пазы стояков, так и между ними (иногда отмечается попарное расположение несущих столбов стен). Стены утеплялись завалинками. В основании двускатной кровли находились опорные столбы, расположенные в 1–3 ряда вдоль условной оси жилищ. Вопреки устоявшейся точке зрения о примитивности каркасно-столбовых построек по сравнению со срубом, следует отметить, что тяжесть кровли в них приходится на столбы каркаса, вертикальные или дополняемые раскосинами, а заполнение пустот между ними несет лишь изолирующую функцию, но не работает на сжатие. Поэтому для покрытия кровли мог использоваться тес, и даже с учетом толщины снежного покрова в зимнее время у такой конструкции оставался большой запас прочности. В отличие от сруба такая техника позволяла возводить просторные, вполне комфортно обустроенные (по тем временам), возможно, иногда даже двухэтажные жилища. В интерьере жилищ выделяются нары вдоль стен; остатки печей на ямах-подпечьях, игравших роль кладовок, иногда дополнительные очаги, которые располагались по оси или были сдвинуты к одной из стен; между нарами настилался тесовый пол на лагах из жердей, иногда он покрывался слоем глины. Жилища, возведенные в XI в. на завершающей стадии ломоватовской культуры, сохраняли характерные для нее черты – большие размеры, дренажные канавки вдоль стен, но в них проявляются и новые элементы – перегородки, разделяющие внутреннее пространство, печи, элементы мебели – столы, полки и пр. В одном из сгоревших жилищ вдоль торцевой стены, где располагался вход с тамбуром, наблюдалась конструкция, связанная с остатками галереи, а в верхних слоях заполнения в углистом слое зафиксированы остатки разрушенной печи. Основываясь на принципах, разработанных для реконструкции

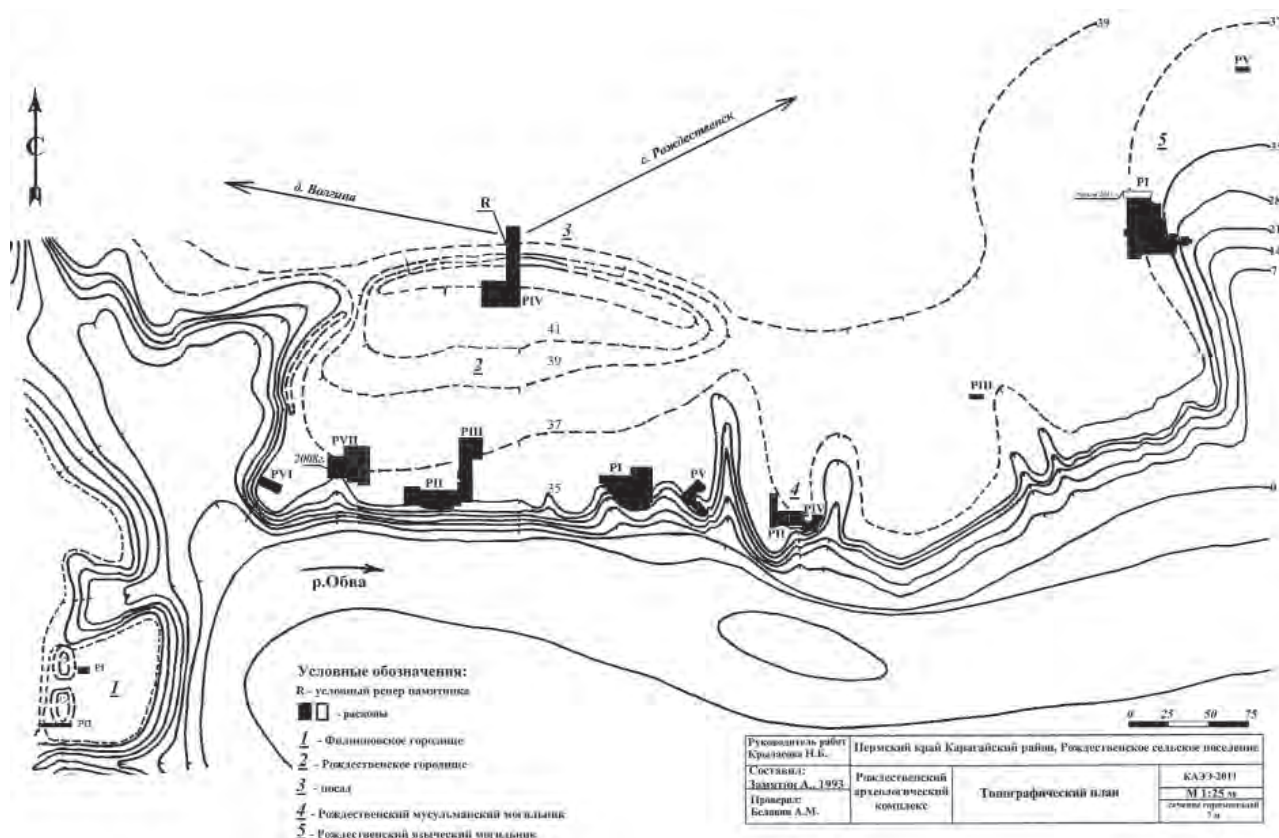

Рис. 3. План Рождественского комплекса.

древнерусских жилищ, развал печи в заполнении постройки, залегающий между прослойками горелого дерева, которые соотносятся с межэтажными перекрытиями и кровлей, может являться признаком наличия как минимум двух уровней. Это позволяет предполагать существование на Рождественском городище двухэтажных строений.

Жилища представляли собой прочные долговременные постройки из качественного лесоматериала – бревно (кругляк) и тесаный брус 0,2 м и более в поперечнике, более тонкие тесаные бруски и жерди, плахи, доски колотые и тесаные, колья. Учитывая традицию местных жителей украшать все, чем они пользовались (даже орудия труда), дома, безусловно, тоже имели декоративное убранство, как, к примеру, в Новгороде и других городах с «мокрым» культурным слоем, где сохранились детали такой отделки.

Малых жилищ, как на Анюшкаре, на Рождественском городище пока не выявлено.

Как и на Анюшкаре, здесь обнаружено множество свидетельств существования комплексного хозяйства, основанного на земледелии, скотоводстве, со значительной ролью охоты и рыболовства. Но наибольшее внимание обращают на себя многочисленные остатки ремесленной деятельности. Здесь изучено три болгарских гончарных гор-

на, остатки косторезной мастерской, обнаружены бракованные бусины и крупный кусок стеклянной пасты, что подтверждает наличие стеклодельного ремесла. Массово присутствуют свидетельства наличия кузнечного, литейного, а возможно, и ювелирного производства. Наиболее интересны две большие металлургические мастерские.

Одна из них, расположенная у обрыва в юго-западной части памятника, представляла собой полуземлянку размерами 6×3,7 м, внутри которой находилось шесть очагов. Мастерская была ориентирована на кузнечное и литейное производство. Судя по значительному количеству керамики типа «джукетау» в ее заполнении, можно предполагать, откуда переселился работавший здесь ремесленник.

В восточной части городища в логу, засыпанном в XIII в., находилась многопрофильная мастерская по производству металлических изделий, но здесь, видимо, создавали целиком готовые изделия и попутно занимались обработкой кожи, дерева и кости. Здание мастерской шириной 6 м имело каркасно-столбовую конструкцию. Внутри выявлены остатки многочисленных очажных устройств (более 10), расположенных двумя рядами. Некоторые из них использовались кратко-временно, а некоторые – на протяжении всего

периода существования мастерской. Наиболее интересны остатки двух горнов с каменными сводами. В устье наиболее хорошо сохранившегося горна были уложены крупные камни, из таких же камней, скрепленных глиной, сложены стенки прямоугольной печи, а с разрушенным сводом связано скопление небольших камней. Судя по радиоуглеродной дате, горн функционировал до XII – начала XIII в. Изначально мастерская была нацелена на литейное производство: нижние слои усеяны обломками тиглей, медными шлаками, сплесками меди. Собрано более 400 фрагментов не менее чем от 70 открытых цилиндрических тиглей-стаканов. Такие тигли, характерные для древнерусских материалов середины X – конца XI вв., использовались и болгарскими ремесленниками, которые могли привнести их на Рождественское городище. О том, что в рассматриваемой мастерской могли работать болгарские ремесленники, свидетельствует находка костяного мусульманского амулета.

На стенках многих тиглей сохранились следы металла, рентгенофлуоресцентный анализ которого показал, что в них плавил низкопробное серебро, свинцовые и многокомпонентные латуни, многокомпонентные бронзы. Литье, очевидно, производилось в уничтожаемые формы – при обилии плавильных сосудов из литейных форм представлен только фрагмент глиняной формы-изложницы для отливки слитков в виде брусков шириной 10, толщиной 5 мм. На севере Восточной Европы преобладали палочковидные слитки длиной 13 см с весом 196–200 г, при необходимости от них отрубали куски нужного веса. В мастерской найден обрубок такого слитка длиной 6,5 см, то есть половина стандартного, а кроме него – слитки иных форм из свинцовой бронзы и свинцовой латуни. В мастерской найдено около 200 предметов из цветного металла, многие из которых собирались здесь для переплавки. В подочажной яме первого горна под скоплением окисленных предметов сохранились днища двух берестяных тусков, в которых хранили лом. Найдены полуфабрикаты в виде кусков проволок и прутков, обрубленные литники, бракованные отливки.

В мастерской производилась и кузнечная обработка, на что указывают находки железных шлаков, криц и кузнечных заготовок, а также более трех сотен железных изделий, среди которых есть предметы, предназначенные для перековки, инструменты и личные вещи ремесленников, готовая продукция мастерской.

Большое количество очажных конструкций и универсальное назначение мастерской позволяют предполагать, что здесь работало более десятка ремесленников разной специализации. Продукция была ориентирована прежде всего на местный ры-

нок, удовлетворяя спрос населения на украшения, детали костюма, бытовые вещи и хозяйственный инвентарий. Но размах литейного производства, наличие формы изложницы позволяют предполагать, что здесь существовало и крупное товарное производство готовых сплавов цветных металлов, поставляемых в виде слитков за пределы Предуралья на рынки Восточной Европы.

Конструкция производственных сооружений и вещевой материал свидетельствуют о том, что большинство ремесленников были выходцами из Волжской Болгарии.

К востоку от Рождественского городища сразу за оборонительными сооружениями находится мусульманское кладбище, где вскрыто 294 кв. м, изучено 26 погребений, располагавшихся группами, разделенными довольно большими участками без захоронений, внутри групп погребения образовывали ряды. Костяки лежали на глубине 0,45–0,75 м головой на запад, черепа были развернуты лицевой частью к югу. Костяки уложены на спине с подворотом на правый бок: ноги чуть согнуты в коленях, ступни развернуты вправо, правая рука вытянута вдоль бедренной кости или чуть подогнута, левая согнута в локте и уложена в области таза (рис. 5). Такая поза погребенного соответствует кыбле. Выявлены погребения отдельных черепов и захоронения костей черепа и нижних конечностей, при этом черепа также располагались лицом к югу: возможно, так хоронили погибших в пути во время движения торговых караванов. На могильнике зафиксировано два вида внутримогильных деревянных конструкций – сколоченные гвоздями гробы и дощатые рамы, закрепленные кольями. Большинство погребений мужские, но в одной группе содержались захоронения мужчины, женщины и ребенка, отделенные от остальной части могильника канавкой и оградкой. Наличие семейного захоронения – свидетельство не только кратковременного пребывания мусульман на Рождественском городище, но и длительного, а возможно, постоянного проживания.

Мусульманские погребения обычно не содержат инвентаря, только в одном обнаружен железный ромбовидный наконечник стрелы с упором XI–XIII вв., который, очевидно, находился в теле покойного, и в двух – маленькая бронзовая пластинка и бронзовая цепочка. Есть несколько предметов из межмогильного пространства, среди которых – фрагмент бронзовой пронизки с прорезными вздутиями. Этот материал и Г-образные гвозди от гробовищ позволяют относить могильник к домонгольскому времени (конец XI – начало XIII вв.). Кладбище имеет аналогии в Волжской Болгарии, по деталям обряда, топографии, характеру погребений наиболее схоже с IV и II

Рис. 4. Болгарская гончарная керамика из раскопок Рождественского городища.

Биллярскими некрополями. Достаточно точное соблюдение кыблы, вероятно, связано с инструментальными измерениями, в письменных источниках упомянуты периодические приезды в «касабу Афкуль» астрономов – измерителей времени из Болгарии.

В 0,5 км восточнее находился языческий финно-угорский могильник, содержащий погребения X–XI вв. Погребальный обряд, керамика, традиционные украшения костюма характерны для ломоватовской археологической культуры, но прослеживаются и отдельные инновации, которые привели на рубеже XI–XII вв. к смене археологических культур – распространение предметов массового ремесленного производства (в том числе болгарского), появление древнерусских вещей, постепенное изменение технологий, в том числе, возникновение в последней четверти XI в. украшений с основой из проволочных элементов, залитых металлом, и со щитковыми цепочками, которые стали характерными для последующего периода, но здесь пока представлены в погребениях с инвентарем ломоватовского облика.

Еще дальше к востоку располагался территориально обособленный от могильника X–XI вв. некрополь XII–XIV вв., почти полностью разрушенный пахотой.

В XI–XII вв., когда на Рождественском городище наблюдалась масштабная перестройка, в 12 км к северу от него на участке коренного правого бе-

рега старицы р. Нердвы (ныне старица), левого притока р. Обвы, было построено похожее по планировке Рачевское городище, с площадкой овально-подтрапещевидной формы, ограниченной с напольной стороны дугообразным валом и рвом. Только площадь этого городища (20 тыс. кв. м) в 2 раза меньше, чем у Рождественского. Раскопки здесь проводились в 1997 г. В.П. Мокрушиным, в 2013 г. Н.Б. Крыласовой; вскрыто 216 кв. м, исследованы ров шириной 4 м, вал шириной 8–9 м и жилище, подобное изученным на Рождественском городище, которое было пристроено к валу со стороны площадки. Материал городища очень выразительный, содержит предметы из драгоценных металлов, болгарскую керамику, замки и ключи, предметы, связанные с металлургическим производством. Любопытной находкой является дюжина новых швейных иголок, связанных в пачку – возможно, продукция местного мастера. На основании материала и радиоуглеродных дат памятник датирован XI–XIV вв. В.П. Мокрушин по аналогии с Рождественским интерпретировал Рачевское городище как торгово-ремесленную факторию болгар. Утверждать это пока преждевременно, но расценивать городище как ремесленный центр, где проживали в том числе болгарские ремесленники, можно вполне обоснованно.

Знаковым для Предуралья памятником, давшим название археологической культуре, является Роданово (Полутово) городище X–XIV вв.,

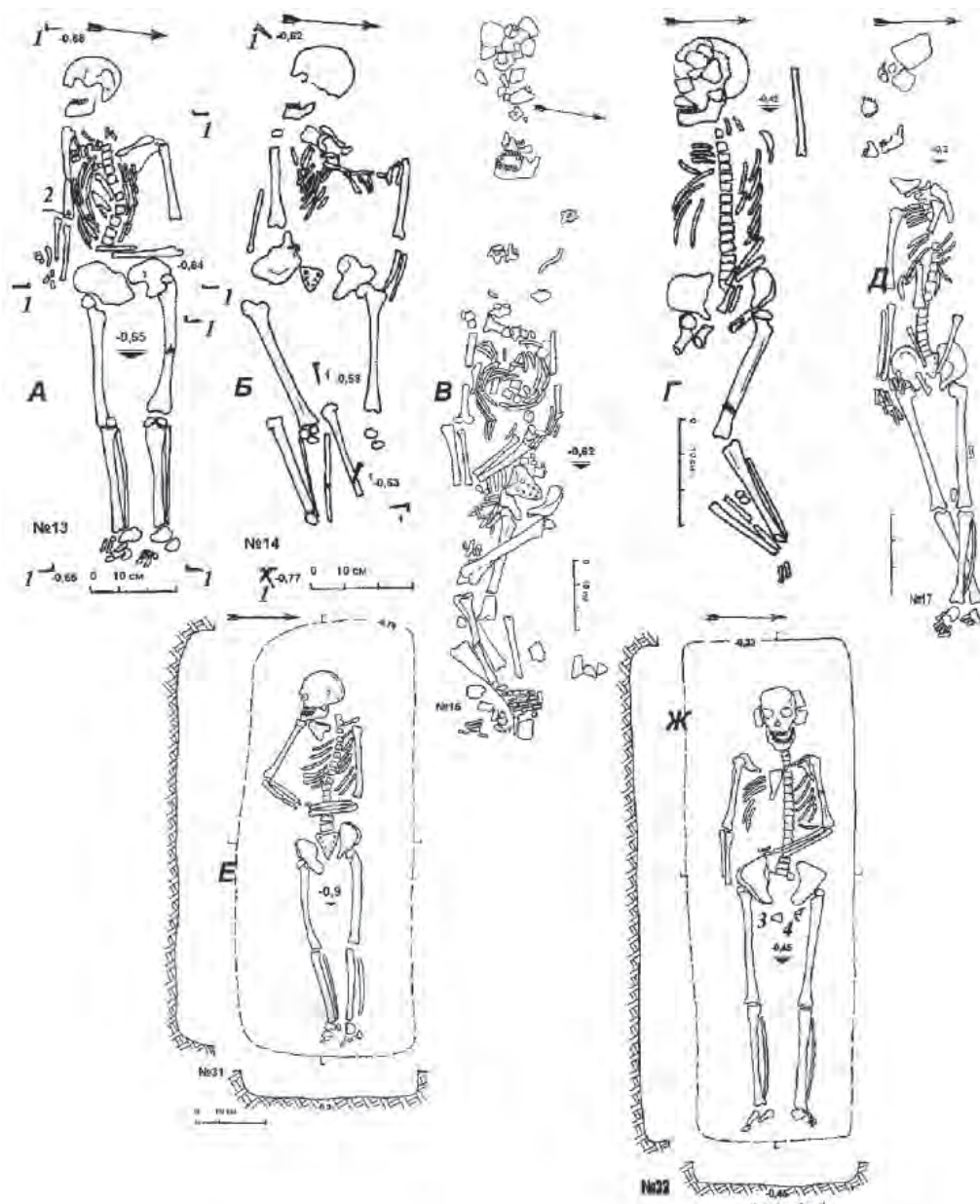

Рис. 5. Мусульманские погребения Рождественского могильника.

расположенное на правом берегу р. Камы в 25 км выше устья р. Иньвы. Первые небольшие раскопки здесь производились в 1932 г. А.В. Шмидтом, в 1935 г. А.В. Прокошевым, в 1936–1937 гг. работы на городище были продолжены М.В. Талицким, вскрывшим 700 кв. м. В 2016 г. в связи с сильным разрушением памятника береговой абразией приняты противоаварийные работы Д.В. Шмуратко, в 2017 – А.Н. Сарапуловым. Изученная площадь памятника составляет 800 кв. м.

Овальную площадку Роданова городища с юга и севера ограничивают овраги, с востока – резкий обрыв к р. Каме высотой 25 м, с запада дугой огибают вал и ров. В 1930-х годах площадь памятника составляла 2 тыс. кв. м.

В 1951 г. вышла статья М.В. Талицкого, посвященная Верхнему Прикамью X–XIV вв., основанная на материалах Роданова городища, где полностью раскрыт культурный комплекс памятника болгарского времени (X–XIV вв.), описаны жилища, остатки ям, фортификационные сооружения, проанализирована материальная культура (Талицкий, 1951).

Культурный слой памятника, как на Анюшкаре, четко делится на нижний, мощностью 0,1–0,2 м, и верхний, мощностью 0,8–1 м, разделенные прослойкой сгнившего дерева. При этом нижний слой отчетливо уходит под насыпь вала, следовательно, возник до постройки оборонительных сооружений. В нижнем слое изучено три жилища площа-

дью до 88 кв. м с характерными ломоватовскими признаками – канавками по периметру, опорными столбами двускатной кровли, очагами и хозяйственными ямами на осевой линии. Жилища располагались в ряд, образуя улицу. В верхнем слое прослеживается тенденция к уменьшению площади жилищ, выявлены они по остаткам глинобитных полов.

Вал, дугой огибающий площадку городища, имел небольшую высоту (до 1,4 м), трижды обновлялся подсыпками глины, но в XIII в. по каким-то причинам не был восстановлен после осыпания и перекрыт культурным слоем верхнего горизонта.

М.В. Талицким детально охарактеризованы хозяйство, подсобные промыслы и ремесленная деятельность жителей Роданова городища. Из ремесленных сооружений выделены остатки кузнечных горнов, возле одного из которых найдено глиняное сопло. На раскопе 2017 г. изучена комплексная металлургическая мастерская, где производились железные изделия и предметы из цветных металлов, он включал ямы, очаги, столбовые конструкции, прокалы, остатки горна.

К числу памятников, где проводились многолетние раскопки, принадлежит Саломатовское городище. Первые разведочные шурфы здесь были заложены М.В. Талицким в 1935 г., в 1964 г. раскопки проводил В.А. Оборин, в 1986 г. – А.М. Белавин, в 2011–2015 гг. – С.И. Абдулова; всего вскрыто 764 кв. м.

Саломатовское городище находится на правом берегу р. Усьвы, правого притока р. Чусовой, на подпрямоугольном мысу площадью около 10 тыс. кв. м, высотой 30 м над рекой. С напольной стороны площадка городища укреплена тремя валами. Внутренний вал длиной около 100 м имеет высоту со стороны городища 2,5 м, со стороны рва – 3 м, в центральной части немного понижается. Второй вал такой же длины имеет высоту не более 1,5–2 м со стороны рвов, ограничивающих его с двух сторон. Внешний вал, расположенный по центру предвальной площадки городища на удалении 10–14 м от второго вала, имеет в длину около 40 м, его высота с напольной стороны не более 0,7 м, со стороны рва – около 1 м. На обрыве к реке и склоне южного лога местами наблюдаются следы подрезки.

На памятнике в процессе раскопок обнаружены ямы разного назначения, очаги, печь, остатки металлургического комплекса с несколькими очагами и печами. Мастерская была ориентирована на кузнечную обработку и литье из цветных металлов, в ней обнаружены фрагменты тиглей, литейные формы, зубила и бородки, крицы и кузнечные заготовки. Находки в пределах этого сооружения 14 перстней из серебра, бронзы и свинцово-оло-

вянного сплава позволяют предполагать, что здесь в том числе могли производить и такие изделия.

На основании вещевого комплекса и радиоуглеродных дат Саломатовское городище отнесено к VIII–XIII вв. Население его поддерживало культурно-экономические контакты с Волжской Болгарией и Зауральем. Материалы раскопок отражают своеобразие памятника. Раннее население, судя по особой керамике с резной орнаментацией, было связано с неволинской археологической культурой. Поздняя часть отнесена А.М. Белавиным к юго-восточному варианту родановской культуры.

Селища. По данным В.А. Оборина, к рассматриваемому периоду принадлежит около 200 открытых поселений – селищ (Оборин, 1999, с. 260). На 17 селищах, существовавших в X–XIII вв., произведены раскопки. Наиболее полно изучены Калининское XI–XIII вв. (Иньвенская группа памятников) (Сарапулов, 2016), Телячий Брод XII–XIII (XIV) вв. (Усьвенско-Чусовская группа) (Белавин, Крыласова, 2001), Чашкинское II IX–XII (XIII) вв. (Яйвенско-Камская группа) (Белавин и др., 2016) селища. Раскопки Русиновского II селища в Зюздинской группе показали, что часть материалов его принадлежит к VI–VII вв. и часть – к XII–XIV вв. (Голдина, Кананин, 1989, с. 20). Большинство селищ располагаются на низких террасах, а иногда и прямо в пойме на склонах пологих террас, в устьях малых речек, рядом с пойменными лугами на высоте от 2 до 10 м над рекой. Реже они занимали мысы. Мощность культурного слоя на селищах обычно меньше, чем на городищах, составляя в среднем 0,2–0,4 м, но некоторые из них имели слой и до 0,6–1,0 м. Площадь селищ от 1–3 тыс. кв. м до 60 тыс. кв. м, однако у большинства селищ площадь определить довольно трудно, так как большинство из них подверглись многолетней распашке. Внешних признаков селища не имеют.

На Калининском селище XI–XIII вв. (площадь около 12 тыс. кв. м) в Юсьвинском районе Пермского края на берегу р. Пой за 5 лет раскопок (2011–2015 гг.) изучено 648 кв. м. А.Н. Сарапуловым здесь исследованы различные объекты и сооружения (хозяйственные ямы, культовые сооружения, жилище, столбовые ямы). Наибольший интерес представляет жилище. Очертания жилища начали фиксироваться в разрушенном поздней пахотой виде на предматериковом слое. На материке сооружение фиксировалось (глубина фиксации – 0,34–0,4 м от дневной поверхности) в форме вытянутого прямоугольного пятна. С западной стороны из этого пятна выходил небольшой уступ шириной 60–70 см. Основной слой заполнения сооружения – черный суглинок, насыщенный золой (светло-серой супесью) и с вкраплениями угля. По границам сооружения и внутри него зафикси-

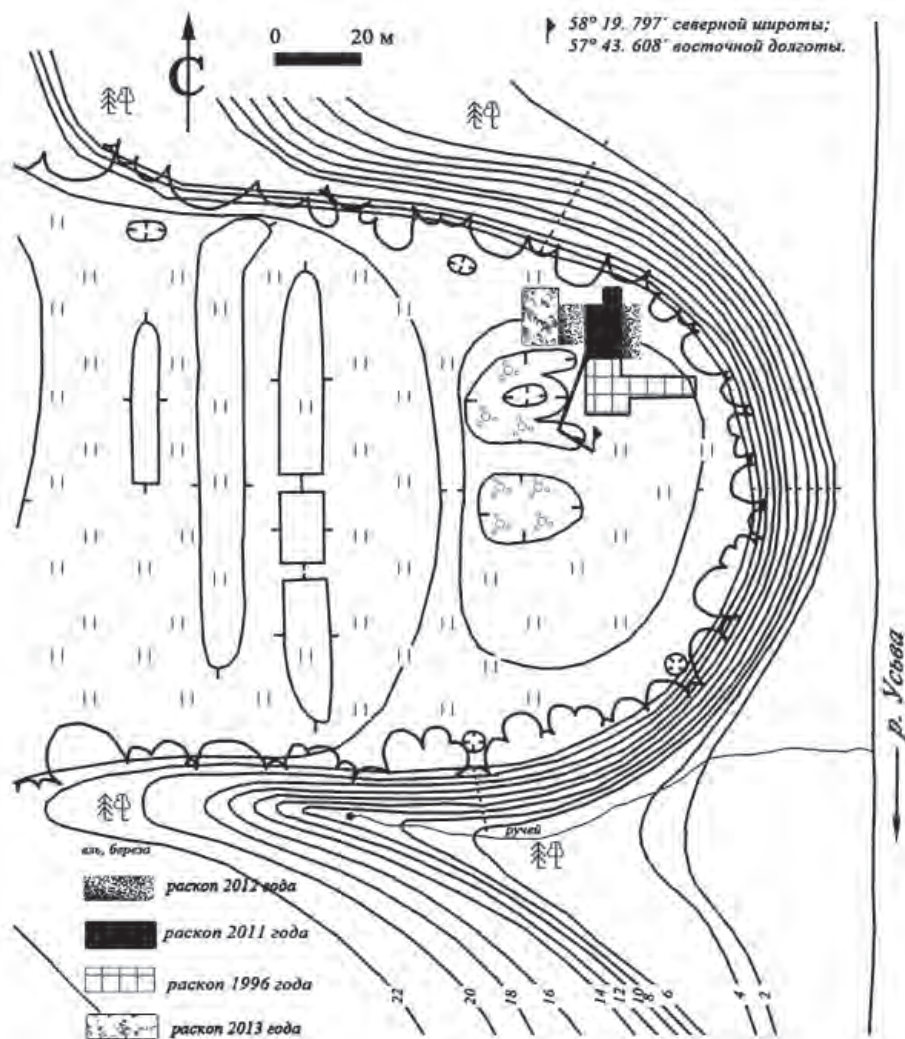

Рис. 6. План Саломатовского городища.

рованы столбовые ямки. Судя по всему, жилище имело ширину до 4 м, длина изученной части – 14,5 м, таким образом, общая площадь составляла около 50 кв. м. Вдоль осевой линии жилища располагались столбовые ямки диаметром 20–24 см, являющиеся остатками опорных столбов, которые поддерживали конек. По-видимому, это было наземное жилище столбовой конструкции с двускатной кровлей. Небольшие в диаметре столбовые ямки (5–7 см), расположенные вдоль границ сооружения, являлись остатками столбов, поддерживающих нары. Внутри сооружения также имеются ряды подобных небольших столбовых ямок, являющиеся остатками столбов, поддерживающих интерьерные конструкции внутри самого жилища. В центральной части жилища находилось округлое углубление глубиной 16 см от уровня фиксации сооружения на материковом слое. Вдоль него вокруг расположены столбовые ямки диаметром 5–10 см. Скорее всего, это была яма-подпечье, над которой на помосте располагался очаг или печь для обо-

грева жилища и приготовления пищи. Внешние края ямы были закрыты деревянным частоколом. Внутри углубления найдено большое количество костей животных и фрагментов глиняных сосудов, вокруг ямы обнаружены куски глиняной обмазки, относящиеся к остаткам очага или печи. Подобные по конструкции жилища были изучены на Рождественском городище (Крыласова, 2016, с. 63–76). Сооружение, изученное на Калинском селище, в отличие от рождественских жилищ имело меньшие размеры и меньшую мощность культурного слоя, что может свидетельствовать о его недолговременном существовании или сезонном использовании.

На селище изучена яма-кладовка прямоугольной формы размерами 1,5×1,9 и глубиной 1,9 м. Внутри зафиксированы две ступеньки на глубине 68 см и 73 см, служившие, по-видимому, для спуска в яму. На глубине 135 см были зафиксированы остатки прямоугольной деревянной рамы в виде тонкой угольной полоски. По углам этой рамы от-

мечены столбовые ямки, которые, по-видимому, являются остатками столбов, фиксировавших раму по четырем углам. На дне ямы зафиксирована полоса древесного тлена, разделяющая дно ямы на две части. По-видимому, это следы сусеков, разграничивающих яму. На дне ямы располагалась выкладка из крупных обожженных камней и фрагмент диска жернового постава, здесь же обнаружены карбонированные зерна злаков. По радиоуглеродному методу датировки культурный слой в яме был датирован XI в. (Сарапулов, 2015, с. 137–138). Подобные ямы получили свое распространение на территории Пермского Предуралья на рубеже XI–XII вв. в связи с переходом к пашенному земледелию и увеличением уровня урожайности.

В культурном слое Калинского поселения найдено большое количество костей животных (более 6 тыс. единиц), среди которых преобладают кости крупного рогатого скота (15 особей), лошади (12 особей), представлены так же кости северного оленя, лося, бобра, зайца, белки.

Материальная культура жителей селища представлена большим количеством артефактов: железные гвозди, иглы, зубила, железные ножи разных типов, железные и костяные наконечники стрел, железные рыболовные крючки, куски железных криц, бронзовые украшения (привески, костьяные предметы (манки, кочедыки, разбивальники), сердоликовые и стеклянные бусины, кресальные кремни, оселки, большое количество фрагментов лепных и гончарных (красноглиняных болгарских) глиняных сосудов, кусков глиняной обмазки. Интересен комплекс железных изделий так называемого «аскизского типа» (фрагменты пряжек, прямоугольные поясные накладки, накладка в виде розетки с кольцевой привеской, «очковидная» накладка с круглыми концами, выделенным центром и петлей, наконечники ремня «с носиком») XI–XIII вв.

Селище Телячий Брод VII–XIV вв. расположено на дюнообразном всхолмлении в пойме р. Усьвы неподалеку от г. Чусового и имеет площадь свыше 14 тыс. кв. м. За семь лет раскопок (В.А. Оборин – 1964 г., А.М. Белавин – 1986–1989 гг., Н.Б. Крыласова – 1999, 2003 гг., С.И. Абдулова – 2017 г.) на нем вскрыто около 1300 кв. м площади. Культурный слой селища имеет мощность от 0,4 до 0,6 м, в ямах – до 1,9 м. На селище изучено несколько десятков ям разной глубины и назначения, канавки, вымостки из плоских камней.

Во время работ 1999 г. на раскопе в центральной части селища выявлена достаточно сложная и интересная картина древних сооружений, представленных двумя крупными вымостками из

крупной и мелкой гальки, мела, сырой глины и отдельных крупных камней.

Верхняя часть каменистой прослойки первой вымостки (южной) имела следы огня, в ней зафиксирована примесь белесой золы. Крупные камни образуют некие скопления аморфных очертаний, вероятно, это остатки какой-либо гравийно-каменной вымостки, разрушенной частично в древности, частично во время десятилетней распашки данной части памятника. Они имели подпрямоугольную форму неправильных очертаний, несколько вытянутую по линии СВ–ЮЗ, шириной около 4 м. В слое вымостки собрано большое количество сырых и обожженных (их меньше) костей крупного рогатого скота и лошади (определение кафедры зоологии ПГПУ). В основном это части берцовых костей, копыта, ребра, зубы. Кроме этих находок здесь же найдены железные и бронзовые вещи, в т. ч. железные ножи, гвозди; обнаружено два небольших скопления железных шлаков.

Северо-восточнее располагалась вторая вымостка, имеющая почти правильную подпрямоугольную форму. Плоские камни, составляющие её, в основном размером 10×10 см, 15×15 см, есть и более крупные – 18×25 см, встречаются крупные куски мела 10×15 см, 12×19 см и крупные куски серого сланца-плитняка. Местами выкладка из крупных камней сооружена по слою гравия, мелкой гальки. Слой по всей площади вымостки имеет обильную примесь белесой золы, мелких уголков, толченого мела. Структура заполняющего слоя плотная, что, вероятно, свидетельствует о специальной трамбовке этой площадки в древности. Плотность кладки настолько велика, что при распашке камни почти не были растащены плугом. На одном из участков вымостки имелась отдельная подтреугольная выкладка из небольших плоских округлых кусков медистого песчаника, засыпанная кучкой железного шлака. На вымостке найдено три скопления керамики, крупный фрагмент железной крицы, несколько железных предметов, в т. ч. кольца, гвозди, обломки ножей, сломанные бронзовые привески, пластинки, фрагменты стеклянных бусин. Очень много костей, как сырых, так и обожженных. Преобладают берцовые и реберные кости лошади, лошадиные зубы, найдены две нижние челюсти лошади. У юго-западной оконечности вымостки выявлена столбовая ямка диаметром 17 см, имеющая на разрезе подконусовидную форму.

Вымостки селища Телячий Брод в целом напоминают жертвенники, типичные для металлургических центров ломоватовско-родановской культуры. О культовом назначении данной площадки свидетельствует и характер вещевого материала, собранного в пределах границ вымостки, – это

преднамеренно сломанные предметы. Аналогии можно указать на селище Володин Камень 2, которое являлось металлургическим центром VIII–XI в.

На селище собрано большое количество железных и медных шлаков, фрагменты железных криц низкого качества, обломки литейных форм из мягкого сланца для отливки монетовидных привесок, ложки-лячки, фрагменты тиглей. Таким образом, селище связано с цветной черной металлургией и бронзолитейным производством.

Во время спасательных работ, проводимых на селище в связи со строительством через его территорию автодороги в 2017 г., в восточной части селища изучено железоделательное сооружение. В горизонтальной проекции оно имело подпрямоугольную форму, было вытянуто с севера на юг. Максимальные размеры: 1,50×2,95 м. Центральная часть сооружения была углублена на 1 м от современной поверхности, её размеры 1,50×1,60 м. С южной стороны шёл плавный подъём вверх, в северной – ступенька до уровня.

Судя по очертаниям, это сооружение полуцилиндрической формы, вытянутой в направлении север – юг. Исходя из очертаний и заполнения объекта, можно реконструировать его как одноразовую сыродутную печь, использовавшуюся для получения криц. С северной части печи шел поддув воздуха, и сюда же, как в наиболее низкую часть конструкции, выпускался шлак, которого собрано около 100 кг. Печь, скорее всего, одноразовая. Можно предполагать, что это не единственная печь на селище, возможно, в данной части памятника существовал комплекс сооружений по получению криц из болотной руды.

Основные находки на селище составляют фрагменты керамики, характерной для памятников рождественского (позднего) этапа южного и юго-восточного (чусовского) варианта родановской археологической культуры: это пористая керамика с примесью толченой раковины и песка в глиняном тесте, 12% сосудов украшены отпечатками гребенчатого штампа, встречен орнамент из круглых ямок и ямочный орнамент, выполненный оригинальным широким трезубым штампом. Сосуды представлены в основном котлами баночной формы с уплощенным дном и ушками-петлями на венчике (свыше 60%), что не совсем характерно для памятников поселенческого типа Предуралья, где обычно преобладают чашевидные сосуды. Встречена гончарная (болгарского типа) керамика, пряслица, щитовидные поясные накладки с бабочковидным орнаментом, наконечники поясов и другая поясная гарнитура, привески-бубенчики из золотистой бронзы, бронзовые пронизки, фрагменты бронзовых котелков, бусы, железные

замки, ножи, гвозди и другие железные изделия X–XIII в. О длительном периоде существования селища свидетельствует находка серебряной джучидской монеты Джанибека I (1342–1357), чеканенная в г. Сарай ал-Джедид в 748 г. х.

Чашкинское II селище расположено в 1,5 км юго-западнее д. Чашкино Родниковского поселения Соликамского района Пермского края. Селище находится на краю высокой (6–7 м) береговой террасы восточного берега Чашкинского озера. Селище занимает сравнительно узкую и длинную полосу вдоль берега озера. Ширина памятника достигает 60–170 м, длина до 1,2–1,5 км. Общая площадь селища, таким образом, составляет более 100 000 кв. м.

Чашкинское II селище было открыто в 1975 г. В.П. Денисовым. В 1980 г. селище исследовалось Ю.А. Поляковым, в 1984 и 1998 гг. – А.М. Белавиным, в 1987–1991 гг. – А.В. Рублевым. Общая изученная часть памятника составила 2428 кв. м. Культурные слои селища носят прерывистый характер и имеют мощность от 0,2 до 0,8 м.

При раскопках селища выявлено два жилища X–XI и VIII–IX вв., несколько десятков прямоугольных ям размерами 2,2×2,5; 2,4×2,6; 3,0×4,8 м, большинство которых связано с металлургией железа и меди.

Жилище № 1 изучено в центральной части селища и имело форму прямоугольника шириной до 7 м, длиной 12,7 м, вытянутого по линии 3–В с незначительным отклонением. Тамбур площадью 5,6 кв. м располагался у восточной торцевой стены возле юго-восточного угла жилища. Столбовые ямки, расположенные в ряд вдоль условной оси жилища, очевидно, были связаны с опорными столбами, поддерживающими конек двускатной кровли, а столбовые ямки, образующие параллельный ряд в 1,8–2,0 м южнее, – с опорными столбами, поддерживающими стропила. У северной стены жилища находился центральный фундаментально оборудованный очаг с подочажной ямой, обложенной деревом, с мощной глинобитной подушкой на дощатом помосте, усиленной крупными камнями. Очаг имел бытовое назначение, учитывая наличие в яме кухонных отходов и разбитой посуды и отсутствие предметов производственного характера. Почти напротив этого очага у южной стены жилища располагался второстепенный очаг. Нары могли располагаться в западной части жилища вдоль северной и южной стенок. Между ними наблюдалась относительно высокая концентрация находок.

Таким образом, изученное жилище принадлежит к типичным для Предуралья X–XI вв. (Белавин и др., 2014, с. 478) наземным домам, очевидно, с бревенчатыми стенами, двускатной

кровлей, поддерживаемой опорными столбами, с тамбуром. Фундаментально оборудованные очаги, галечниковая подсыпка пола свидетельствуют о том, что жилище предназначалось для постоянного проживания. Доказательством его активной эксплуатации является обилие археологического материала преимущественно бытового характера.

В центральной части памятника неподалеку от описанного жилища был исследован комплекс ям производственного назначения. В одной из прямоугольных ям 2,2×1,5 м и глубиной свыше 1 м находилось два горна, использовавшихся для прогрева криц, фрагменты которых найдены в яме, а также для разогрева железа при изготовлении из него различных изделий. В яме и в соседних ямах прослежены остатки деревянных настилов и собраны многочисленные готовые железные изделия и заготовки, среди которых ральник, несколько заготовок для таких изделий, ножи без следов сработанности, железные ромбовидные наконечники стрел, рыболовные крючки, зубила, детали недоделанных удил, обломки прутьев, пластины, кусочки металла, служившие, вероятно, полуфабрикатами для небольших кузнечных поковок. А.В. Рублев, исследовавший это сооружение, интерпретировал его как объект кузнечного производства.

В целом на селище во всех его частях исследовано полтора десятка сооружений, связанных с производством и обработкой железа, медеплавильным и бронзолитейным делом и выжиганием угля для металлургического производства. Как правило, планиграфические объекты Чашкинско-го II селища группируются в комплексы, чаще всего включающие четырехугольную подочажную яму и один или несколько простых очагов. Такие комплексы располагались на расстоянии от 2 до 20 и более метров друг от друга. Металлургические сооружения, вероятно, часто горели, разрушались в процессе эксплуатации, но не подвергались ремонту, а возводились на новом месте, все дальше удаляясь от жилых построек. Вдоль берега озера располагались обособленные мастерские ремесленников металлургов и литейщиков, а само селище представляло собой не поселение, а ремесленный центр. Участок, где расположено селище, местные жители именуют «Содом», что, по мнению лингвистов, может быть связано с коми-пермяцким «сывдѳм»/«плавка, плавление» (Полякова, 1985).

Могильники. Относящихся к периоду X–XIII вв. могильников изучено относительно немного. Полностью раскопан Огурдинский могильник на р. Каме, датирующийся XI столетием и имеющий опубликованное исчерпывающее описание (Белавин, Крыласова, 2012а). Всего на могильнике

выявлено и изучено 276 погребений. Погребения, ориентированные преимущественно головой к реке, располагались на склонах дунообразных всхолмлений, обращенных к Каме, спускаясь в междюнные впадины. На могильнике зафиксировано два типа погребального обряда: ингумация и кремация. Обряд ингумации имеет два варианта: ингумация на деревянном перекрытии (помосте) и ингумация на дне ямы. Наибольшая часть могил принадлежит к категории «погребений на помосте» (236 погребений – 85,5%). Погребения, условно определенные как совершенные по обряду кремации, содержали в заполнении кальцинированные кости. Всего кальцинированные кости выявлены в 22 погребениях (7,9%), большинство из погребений с кальцинированными костями – безынвентарные.

Погребения, совершенные по обряду ингумации, имели сопровождающий материал только в 47% случаев. Преобладают небогатые погребения с 1–10 предметами – таких погребений около половины от общего количества инвентарных погребений. В 6,5% погребений встречены кости животных – преимущественно фрагменты челюстей лошади.

Между могилами изучены ямки со скоплениями вещей и остатков челюстей лошади. Вероятно, эти ямки представляют собой остатки жертвенно-поминальных комплексов.

Материальная культура могильника представлена разнообразными головными украшениями, украшениями рук (перстни, браслеты), умбоновидными и коньковыми подвесками, серебряными монетовидными подвесками, костыльковыми и якорьковыми подвесками, полыми зооморфными пронизками и т. д. Особый интерес представляют находки двух серебряных погребальных масок в виде тонкой овальной серебряной пластины, на которой вырезаны овальные отверстия для глаз и рта, носы выпуклые, прямоугольные. По краям масок прослеживаются небольшие пробитые отверстия для фиксации масок на матерчатом покрывале.

Могильник оставлен смешанной группой населения: угорское зауральское население, среди которых имелись представители вымской археологической культуры.

Особый интерес представляют относительно хорошо изученные, но почти не опубликованные Антыбарский и Телячий Брод могильники в Чусовской территориальной группе памятников этого периода.

Могильник Телячий Брод расположен на двух мысах коренной террасы правого берега р. Усьвы. Памятник впервые обследован в 1935 г. М.В. Талицким, который собрал в шурфах керамику X–XIII вв., в 1964 г. раскапывался В.А. Обориным,

в 1986, 1987, 1989 и 1991 гг. – А.М. Белавиным, в 1999, 2003, 2013 гг. – Н.Б. Крыласовой. Всего вскрыто 793 кв. м площади, изучено 98 погребений.

Как показали исследования, мыс, на котором расположен могильник, был разделен на две части ритуальным ровиком, который проходил с запада на восток перпендикулярно основанию мыса. Та часть могильника, которая расположена на оконечности мыса до ровика, датируется VII–IX вв., а погребения за ровиком относятся к XII–XIV вв.

Погребения расположены рядами, вытянутыми вдоль мыса по направлению С–Ю. Преобладающая ориентировка погребений – запад – восток, головой на запад, параллельно берегу р. Усьвы, что определяется по расположению предметов погребального инвентаря, так как костяки не сохраняются. При этом, безусловно, присутствовала ингумация, никаких следов кальцинированных костей не обнаружено. В погребениях обнаружены керамические сосуды, металлические котлы, детали поясного набора, медальоны и лунницы, свинцово-оловянистые нашивки-колючки, немногочисленные бусы, перстни, ральники, наконечники стрел, топоры, ножи и пр.

Антыбарский могильник XII–XIII вв. находится на правом берегу р. Чусовой в 5 км южнее могильника Телячий Брод. Памятник впервые обследован в 1935 г. М.В. Талицким, в 1964 – В.А. Обориным, в 1983, 1986, 1987 гг. раскапывался Г.Т. Ленц.

Площадь могильника, определенная по распространению вещей из разрушенных пахотой погребений, составляет 6,5 тыс. кв. м. Погребения располагались рядами, вытянутыми вдоль берега реки с запада на восток, самые северные находки обнаружены в 55 м от берега. Неглубокие могильные ямы ориентированы по линии С–Ю. Преобладала ориентировка головой на север (ногами к реке), единичные захоронения ориентированы головой на юг (головой к реке). При значительной плотности захоронений взаимонарушений не отмечено, что позволяет предполагать наличие надмогильных сооружений. У большинства погребений неровные стенки и дно, замечено углубление могильных ям в северной части, наличие ям в разных частях погребений, при этом оставшая часть дна имела глубину 0,2–0,35 м от поверхности. Конструкция могильных ям довольно небрежна, нет выраженных углов, стенки имели уступы вдоль всего периметра или с 1–2 сторон, на которых иногда прослеживается древесный тлен. Большинство погребений имело двойное заполнение. Верхний слой до 0,2 м насыщен углем, иногда содержал обугленные куски дерева и коры, в нижнем наблюдались мелкие угольки. На гра-

нице этих слоев в отдельных случаях выявлены небольшие прокалы. Фрагменты человеческих скелетов изредка находились в придонной части, а преимущественно – в верхнем углистом слое или на границе слоев, там же концентрировался погребальный инвентарь. По мнению автора раскопок, захоронения совершались по способу труположения, но не в могильных ямах, а на деревянных помостах, установленных на уступах стенок: после выборки могильной ямы она засыпалась землей с мелкими угольками, затем устраивалось жердевое перекрытие, на которое укладывался труп, завернутый в бересту, сверху он засыпался землей с горящими углями, от них участки помоста вдоль стенок тлели, образуя небольшие прокалы. Очевидно, что над захоронением должно было находиться какое-то сооружение, защищающее его от внешних воздействий. Погребения сопровождалась керамическими сосудами (нередко – только фрагментами) или медными котлами, немногочисленными бронзовыми, серебряными или свинцово-оловянистыми украшениями, железными орудиями – ральниками, ножами и пр., интересно наличие во многих погребениях обугленных галек. На могильнике выявлены также захоронения животных – лошади рабочего возраста (6–8 лет по определению П.А. Косинцева) и мелкого рогатого скота. Особенно интересно жертвенное захоронение овцы, до мелочей совпадающее с обрядом погребения людей. Оно сопровождалось вещами, обычными для женских погребений: бусами, шпильками, украшениями и серебряной подвеской.

Материальная и духовная культура. Хозяйство. Согласно традиционной периодизации эпохи Средневековья Пермского Предуралья, древности XI–XIII вв. относятся к родановской археологической культуре, которая исследована и охарактеризована В.А. Обориным и в целом датирована IX–XV вв. (Оборин, 1957; 1970; 1999). Выделение родановской культуры предложено в 30-х годах XX в. М.В. Талицким. По его мнению, ломоватовскую культуру, финал которой он относил к IX в., отделяла от родановской особая «загарская эпоха» (по могильнику в д. Загарье, ныне Соболево, совр. Пермского края), датируемая X–XI вв. (Талицкий, 1951, с. 55–59).

Искусственная граница между культурами в IX в., когда не отмечается никаких трансформаций в материальной и духовной культуре средневекового населения, сказалась на исторических выводах, согласно которым между средневековыми культурами Пермского Предуралья существует полная преемственность.

Масштабные исследования могильников X–XI вв. показали, что этот период по погребальному обряду и материальной культуре не отличает-

ся от предыдущего и его не следует отрывать от ломоватовской культуры, смена которой на родановскую приходится, таким образом, на рубеж XI–XII вв. (Белавин, Крыласова, 2016).

Характерные черты материальной культуры XI в. наиболее отчетливо прослеживаются на примере Рождественского и Огурдинского могильников.

Керамическая посуда в подавляющем большинстве имеет традиционный ломоватовский облик – это приземистые круглодонные чаши с орнаментом в виде многорядного шнура по шейке и рядов «подковок», вертикальных или наклонных оттисков гребенчатого штампа по плечу. На Огурдинском могильнике, расположенном в северо-восточном районе Пермского края, встречаются сосуды с орнаментацией, характерной для вымских, зауральских и западносибирских памятников (Белавин, Крыласова, 2012а, с. 204–208). На Рождественском могильнике, сопровождавшем одноименное городище – типичный средневековый городок с полиэтничным населением: кроме характерной ломоватовской посуды есть сосуды с орнаментами, находящими аналогии в вымской и поломской керамике (Белавин, Крыласова, 2013), изредка – сосуды с резной орнаментацией, связанные с постневолинским населением. В небольшом количестве на могильнике представлены и сосуды с раздутым туловом и цилиндрической шейкой, имеющие характерную орнаментацию: по шейке – сгруппированные парами ряды шнура, по плечу – гребенчатый орнамент, чаще всего в виде одной или нескольких ломанных линий. Такая посуда отнесена Т.А. Хлебниковой к VII этнокультурной группе, происхождение которой, по ее мнению, следует понимать как развитие неволинской цилиндрической посуды при воздействии на ее верхнекамской; это развитие продолжилось на территории будущей Волжской Болгарии, где посуда VII группы появилась в начале X в. и продолжала свою эволюцию до XII–XIII вв., став ярче и выразительнее и получив довольно широкое распространение у волжских болгар (Хлебникова 1984, с. 109–111). Можно предположить, что потомки носителей неволинской и ломоватовской культуры, которые в IX в. переселились на территорию Волжской Болгарии, теперь вернулись на родные земли в составе болгарских ремесленников. На Рождественском городище такие сосуды присутствуют в составе лепной керамики с шнуро-гребенчатой орнаментацией, но значительно чаще в это время использовалась неорнаментированная посуда, сохраняющая традиционные формы. Консервативное сохранение круглодонной посуды вступило в противоречие с развитием интерьера жилищ, что привело к появлению подставок в виде

кольцевидных глиняных валиков с широкой подошвой, предназначенных для установки сосудов на плоскую поверхность столов и печей. Такие подставки известны на Рождественском, Родановом, Кудымкарском, Купросском, Анюшкар городищах (Крыласова, 2007, с. 32–33).

Наиболее ярко культурное своеобразие выражается в украшениях и деталях костюма. Среди них особое место занимают этномаркеры (хотя отдельные специалисты возражают против использования этого термина), которые являлись знаком принадлежности к определенной этнической группе, и обычно именно эти украшения придают специфический облик той или иной археологической культуре.

В материалах XI в. к числу таких украшений принадлежат прежде всего подвески, служившие в качестве женских наконечников. В ломоватовской культуре основными типами наконечников были биконьковые и арочные подвески, которые носили всеобщий характер, а также колесовидные и подвески с треугольной основой из нескольких умбончиков, характерные для отдельных территориальных групп (Крыласова, 2001, с. 206). На Рождественском археологическом комплексе представлены все четыре типа, на Огурдинском могильнике – только биконьковые подвески. Арочные подвески встречены единично – в варианте с ромбом на прорезной основе. Наиболее многочисленны биконьковые подвески разных вариантов, в том числе наиболее поздний – с личиной между головок коней, и достаточно архаичный – с миниатюрной основой и тремя петлями для привесок, схожий с экземплярами начального этапа эволюции биконьковых подвесок. Архаичными являются представленные в комплексах XI в. колесовидные подвески, отнесенные Р.Д. Голдиной к числу украшений, характерных для деменковской стадии ломоватовской культуры конца VII–VIII вв. (Голдина, 1985, рис. 16). Подвески с основой из умбончиков, характерные для северо-западной территориальной группы (в частности Плесинского могильника), судя по привескам и щитковым цепочкам, появились на Рождественском могильнике в самом конце XI в.

К числу подобных знаковых украшений принадлежат и височные подвески, среди которых сохраняются характерные ломоватовские подвески с гроздьевидной и с грушевидной привеской, но наиболее широко представлены провололочные кольца округлой или грушевидной формы и калачевидные подвески.

В женском костюме сохраняются характерные для ломоватовской культуры флаконовидные пронизки-игольники, пронизки-самоварчики, пронизки в виде водоплавающих птиц, подвески-ло-

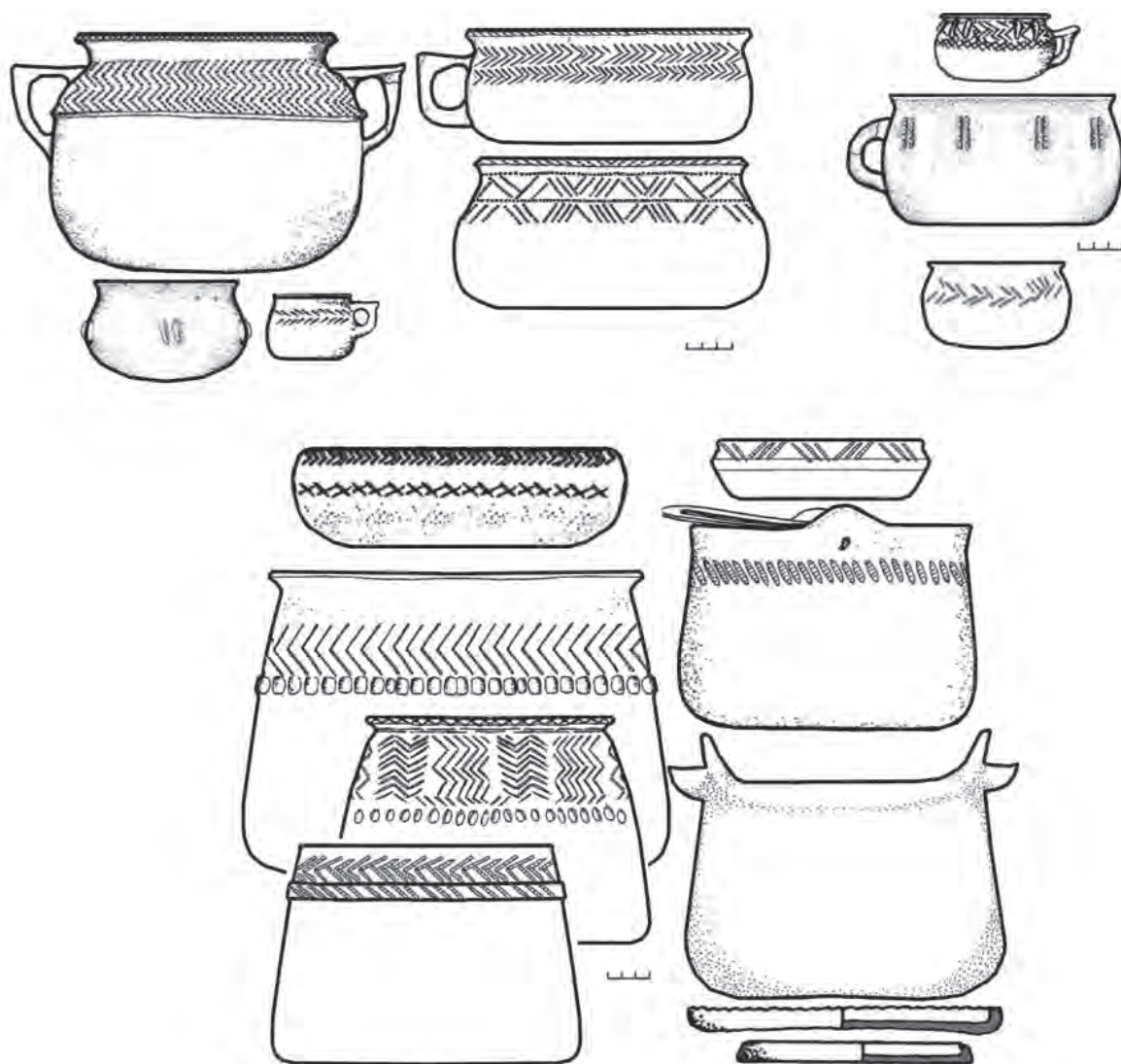

Рис. 7. Керамика XI–XIII вв. из различных поселений.

жечки, металлические копоушки, костыльковые подвески. В мужском костюме до конца XI в. продолжают использоваться кожаные поясные кошельки с металлическими обкладками по краю, кресала с бронзовыми зооморфными рукоятями, которые носили на поясе как украшение.

Характерной особенностью данного периода является максимальное расширение защитных функций украшений-амулетов, в основном за счет появления шумящих привесок, например, у копоушек, ложечек, флаконовидных пронизок, якорьков и даже у калачевидных височных подвесок. Многие из перечисленных предметов имели утилитарное значение. Например, якорьковые подвески служили «крючками», с помощью которых в женском костюме закреплялись наконечники, в мужском – подвешивались к поясу ножны и прочие вещи. Привески создавали определенные неудобства при практическом использовании вещей, но тем не менее были очень популярны. Вместо реаль-

ных костяных гребешков с зооморфными спинками, которые могли использоваться по назначению, а в остальное время играли роль амулета в костюме, получили распространение бронзовые амулеты, лишь копирующие их форму, с изображением зубьев на сплошной пластине. Таким образом, период X–XI вв. можно рассматривать как вершину эволюции традиционных ломоватовских украшений-амулетов.

Вместе с тем в декоративном убранстве костюма XI в. прослеживаются и особые черты, обусловленные расширением культурно-экономических связей и развитием ремесленного производства. К примеру, на Рождественском городище достоверно доказано проживание кроме коренного населения выходцев из Волжской Болгарии, Поволжья, с Чепцы, Выми и других территорий, и у языческой части этого населения начал формироваться своего рода «надэтнический» костюм, из которого устранялись украшения-«этномаркеры».

Рис. 8. Круглодонный сосуд на подставке-валике из Рождественного городища.

Например, женские наконечники собирались из стеклянных и бронзовых бус без характерных шумящих подвесок, или использовались своеобразные подвески, у которых роль основы играл лишенный какой-либо традиционной смысловой нагрузки кусок цепи – к нему на цепочках крепились привески, как у обычных шумящих подвесок. «Мода» на такой костюм распространилась и на представителей коренного населения, но в их погребения продолжали помещать хотя бы небольшой обломок одного из характерных местных украшений (биконьковой, колесовидной и пр. подвесок).

Широко использовались украшения массового ремесленного производства – полые шаровидные привески из двух половинок и грушевидные бубенчики с крестовидной прорезью. Шаровидные привески применялись для украшения головных уборов, в составе ожерелий. В нескольких мужских захоронениях Рождественского могильника найдены поясные украшения в виде тканой ленты шириной около 10 см, нижний край которой обшивался половинками шаровидных привесок. Бубенчики также могли входить в состав ожерелий, размещались на конце поясных низок, использовались для оформления женских сумочек – они крепились на кожаных петлях, дополненных спиралевидными пронизками, по нижнему краю су-

мочки, образуя своеобразную шумящую бахрому (Крыласова, 2012).

Поясные наборы этого времени отличаются большим разнообразием как за счет импорта из Волжской Болгарии, Хазарии, Венгрии, так и за счет расширения местной ремесленной продукции. В частности, появляются хазарские поясные наборы с чернью (Крыласова, Подосенова, 2015). Наиболее типичны пояса с пряжкой и наконечником, основной ремень которых украшался квадратными накладками с прорезью внизу, свободно свисающий конец ремня – крупными сердцевидными накладками. Через прорези квадратных накладок к поясу крепились привески в виде ремешков, обычно украшенных мелкими сердцевидными накладками и завершающихся наконечниками; таких привесок могло быть до шести, они находились спереди по бокам или сзади. Женские пояса традиционно дополнялись привесками в виде длинных низок из бронзовых бус и пронизок с колокольчиками на конце, в составе мужских тоже иногда могла присутствовать одна подобная короткая низка. К числу характерных местных изделий принадлежат квадратные накладки с растительным орнаментом, напоминающим букву «Ж», которые использовались для оформления поясов и женских поясных сумок. За пределами Пермского края такие накладки встречаются единично.

Рис. 9. Украшения костюма XII–XIII вв.

1, 7, 9, 11, 16, 38, 39 – Рождественский могильник; 2, 3, 4, 16, 22, 53, 54 – Антыбарский могильник; 5, 5а, 8, 34, 36, 41, 43, 44, 45, 46, 47, 50, 51, 52 – Телячий Брод, могильник; 6, 10 – Мало Аниковский могильник; 12, 17, 19, 20, 21, 37, 42, 48, 49 – Рождественское городище; 13, 18 – д. Михалева; 14 – Кудымкарское городище; 23, 26, 28, 29, 30, 60, 61 – Плотниковский могильник; 24, 39а, 55, 56, 57, 58 – Телячий Брод селище; 25, 27, 33, 40 – Саламатовское городище; 59 – д. Пятигорье. Все – из бронзы.

В XI в. появился особый местный тип поясного набора, включающий выпуклые ременные накладки щитовидной формы двух вариантов с характерным орнаментом, напоминающим бабочку;

в комплекте с ними использовались наборы поясных привесок из миниатюрных сердцевидных накладок с трилистником и розетковидных накладок.

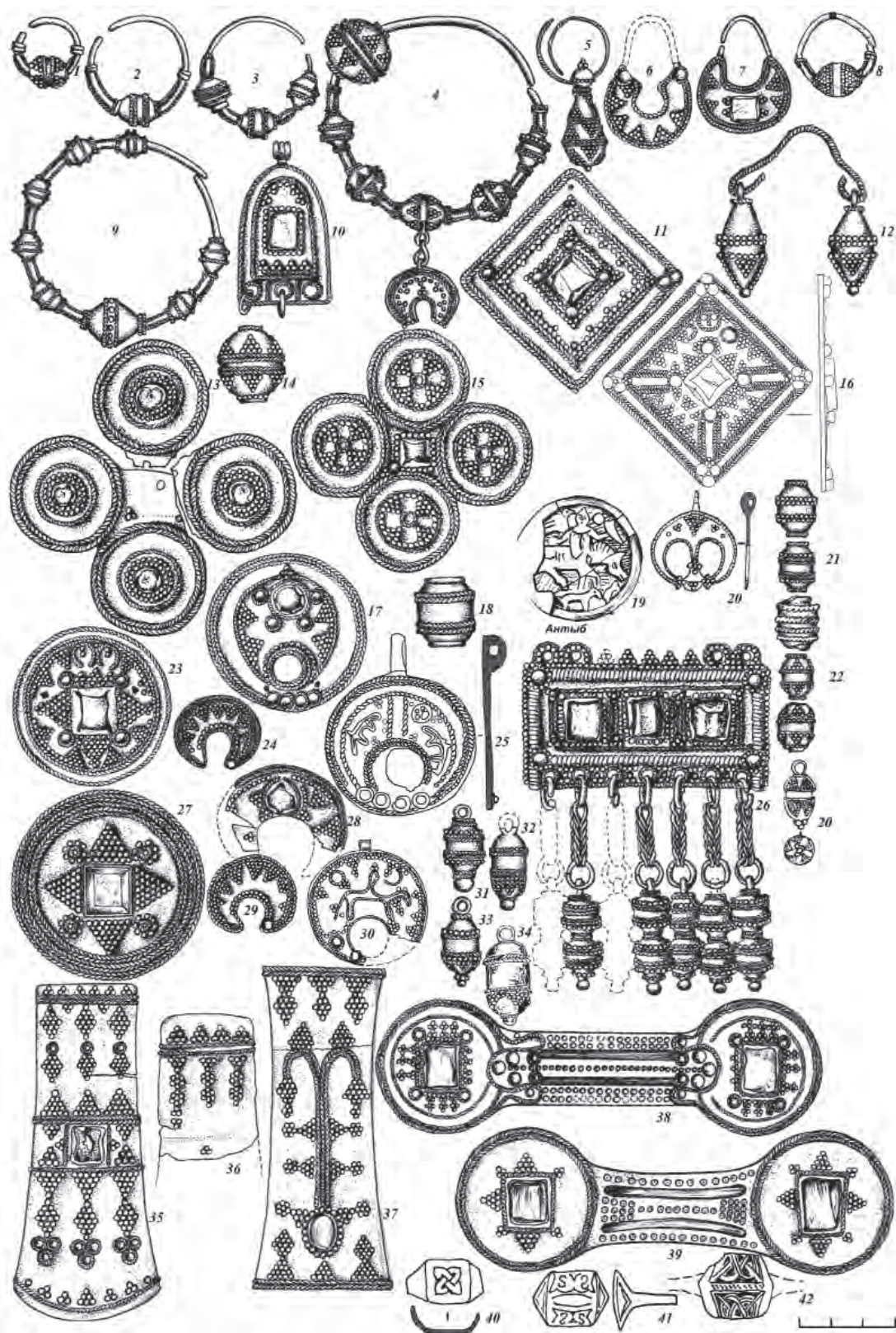

Рис. 10. Ювелирные изделия XII–XIII вв.

1, 6, 9, 19, 28, 29, 36 – Антыбарский могильник; 2 – Рачевское городище; 3, 10, 14, 21 – Аношкар городище; 4, 9, 12 – Пермская губерния (по И.Р. Аспелину); 5, 7, 16, 20, 25, 31, 40 –Рождественское городище; 8 – Плотниковский могильник; 11, 13, 15, 17, 23, 33 – Вильгорский клад; 18 – Гайнская волость; 22, 32 – Телячий Брод селище; 24, 27 – Майкорское городище; 26 – Верх. Кондасский клад; 30, 34, 42– Телячий Брод могильник; 35, 37 – д. Зобачева; 38 – Чупинский клад; 39 – Соликамский уезд; 41 – Саламатовское городище. Материал – все серебро (№№ 6, 7, 11, 13, 15, 16, 17, 23, 27, 28, 35, 26, 37, 38, 39 – серебро, позолота; вставки – сердолик).

Особенностью этого времени стало широкое распространение шумящих подвесок в виде крупного умбона, окруженного треугольными лучами с имитацией зерни (Оборин, 1970, с. 22–23), которые, возможно, были заимствованы у поволжских финнов, использовавших их для украшения обуви. По материалам древнемарийских могильников известно, что эти подвески помещались над пяткой (Никитина, 2012, с. 25). На Рождественском могильнике установлено их использование для украшения женских поясных сумок и женской обуви, но в ином варианте, нежели в Поволжье – набор из трех или пяти подвесок, нанизанных на ремешок, размещался на обуви спереди на взъеме (Крыласова, 2017).

К числу мужских статусных вещей принадлежали медальоны из гладкой серебряной пластины или декорированные чеканным орнаментом из круглых выпуклин, образующих концентрические окружности, иногда дополненные треугольными элементами, как на изделиях с зернью.

Своеобразным местным украшением являются перстни, у которых щиток заменяло серебряное полушарие («колпачок»), декорированное зернью, сканью и вставкой из сердолика или цветного стекла. Такие перстни появились в X и бытовали до конца XI в., более поздние образцы крупнее, в них использовано большее количество зерни, гладкий фон покрывался позолотой (Моряхина, 2015).

В XI в. появляются отдельные предметы, отражающие наличие древнерусских связей. Показателен найденный на Рождественском могильнике обломок англосаксонского пенни с титулом и именем Этельреда II Неблагодарного, чеканенного в г. Вилтон между 1009–1017 гг. Находки таких монет на территории Пермского края редки, источником их поступления являлись Новгородские земли (Вильданов, 2008, с. 537–539). В комплексах XI в. присутствуют отдельные экземпляры спиральновитых и разомкнутых пластинчатых широкосрединных перстней, подковообразных фибул, крестовидных подвесок, бубенчиков, зоо- и орнитоморфных подвесок западных форм (Крыласова, 2013, с. 110). С начала XI в. наблюдается приток бус древнерусского производства (Абдулова, 2008, с. 535). Уникальной находкой является серебряная трапециевидная подвеска с парадным изображением трезубца Владимира Святославовича на лицевой стороне и знака в виде соединения молота Тора и меча – на оборотной (Крыласова, 1995).

Изделиями древнерусских странствующих ремесленников являлись наборные расчески с футлярами, широко распространившиеся в X–XI вв. на прикамских городищах, фрагмент такой расчески найден и в одном из женских погребений

Рождественского могильника. Учитывая, что в целом древнерусских материалов этого периода в Пермском Предуралье мало, сложно представить, что расчески являлись предметом импорта, поскольку продажа костяных предметов не могла быть выгодной, тем более на территории, где в изобилии имелись собственные изделия подобного рода. В связи с этим интересна точка зрения В.Е. Нахапетян (Флеровой), предположившей, что деятельность гребенщиков носила «коробейный» характер (Нахапетян, 1995, с. 59) и привела к существенной нивелировке типов гребней и технологических приемов обработки рога по всей Европе (Флерова, 2001, с. 144).

Наборы орудий, сопровождавших отдельные мужские захоронения, в отличие от находок на поселенческих памятниках, представлены в комплексах и наилучшим образом отражают уровень хозяйственной и производственной деятельности. На Рождественском могильнике такие наборы выявлены в 5,5% погребений, где они обычно располагались компактным скоплением «в ногах» (Белавин, Крыласова, 2015); подобные комплексы известны в Редикарском, Плесинском, Огурдинском и ряде других ломоватовских могильников.

Хозяйственные орудия включают железные наконечники мотыг – основного вида земледельческих орудий до распространения пашенного земледелия; орудия охоты – наконечники стрел ромбической формы с расширением в верхней или в нижней части и двушипные наконечники копий; рыболовные орудия – массивные кованые крючки с бородкой, предназначенные для самоловной снасти, которая, судя по данным этнографии, применялась для ловли осетров, белорыбицы, стерляди и налимов (Жирянов и др., 2007, с. 29, 55–56). Наборы орудий обязательно включают деревообрабатывающие инструменты: топоры проушные широколопастные или втульчатые топоры-пешни; наструги, напоминающие маленький прямолинейный скобель с лезвием шириной 5–9 см, которое вставлялось в деревянную колодку с рукоятями для работы двумя руками; стержнеобразные орудия длиной 9–22 см, обычно квадратного сечения – наиболее миниатюрные из них напоминают шилья, а более крупные можно отнести к такому виду плотницких инструментов, как шиповое долото для долбления углублений; ножи пазников – составных орудий для выемки пазов; резцы-ложкари; столярные ножи для резьбы по дереву с характерной изогнутой спинкой; клинья. Единично представлены специализированные ремесленные инструменты: слесарные ножницы для резки цветного листового и полосового металла; шабер – слесарный инструмент для выравнивания металлических поверхностей при подготовке изде-

лий к полированию; глиняный тигель для плавки цветного металла; тигельные щипцы; кузнечный молоток. Нередко присутствуют железные бруски прямоугольного сечения, которые встречаются на средневековых городищах Пермского Предуралья среди остатков кузнечного производства, и интерпретируются как кузнечные заготовки. Погребальные комплексы орудий наглядно демонстрируют, какие отрасли хозяйства и производственной деятельности обладали особой значимостью в X–XI вв. Здесь присутствуют орудия всех основных хозяйственных занятий (земледелие, охота, рыболовство, даже отчасти борничество, так как представленные деревообрабатывающие орудия могли применяться и для изготовления бортей), за исключением скотоводства, где практически не использовалось каких-либо орудий. Набор производственных инструментов отражает главные виды ремесленной деятельности (цветная металлургия и металлообработка, кузнечное дело, деревообработка).

Предметы вооружения в материалах могильников XI в. представлены бронебойными наконечниками стрел, наконечниками копий, единичными находками клинкового оружия. Многие погребения содержат зубы лошади и детали конского снаряжения (удила, подпружные пряжки, стремяна).

В период XII–XIII вв. материальная культура претерпела существенные изменения.

Традиционной чертой посуды этого периода остается примесь толченой раковины; цвет серый и разных оттенков коричневого; на поверхности сосудов исчезают «расчесы», характерные для ломоватовской посуды, они заглажены мягким материалом; обжиг костровой. Среди керамической посуды этого периода еще сохраняются сосуды, сопоставимые по форме с традиционной «прикамской чашей», – приземистые, с раздутым туловом, но их отличает от ломоватовских уплощенное дно, частое наличие одной или двух петельчатых ручек с площадкой сверху или без нее. Широкое распространение получают сосуды новых форм: сравнительно высокие горшки кошелевидной формы с короткой профилированной шейкой, с максимальным расширением в нижней части и плоским дном; котлы подцилиндрической формы с прямыми или слабовыпуклыми стенками, плоским дном, двумя петлями для крепления железной дужки; дисковидные крышки. Венчики сосудов прямо срезанные, изредка орнаментированы гребенчатым штампом в виде наклонных отпечатков или косой решетки. В орнаментации полностью исчезает «шнур», по шейке и плечу преобладают нанесенные гребенчатым штампом горизонтальные и вертикальные «елочки», зигзаги в 2–3 ряда, «решетки»; эти же орнаменты покрывают площадки

ручек, крышки сосудов. В.А. Оборин отметил увеличение числа сосудов с кружковым орнаментом (до 15%), который использовался в сочетании с гребенчатым, на основании чего сделал заключение, что «тип орнаментации родановской керамики... можно назвать гребенчато-кружковым» (Оборин, 1970, с. 2). На отдельных сосудах присутствует резная орнаментация – те же «елочки» или косая решетка, часто дополненные элементом в виде пальцевых зажимов по тулову – такая орнаментация характерна для горшков кошелевидной формы. Для XII–XIII вв. характерно дополнение орнаментации сосудов наклепными рельефными элементами в виде валика, проложенного по верхнему краю плечика сосудов, сгруппированных по 2–3 вертикальных ребра, наклепных колечек.

Украшения XII–XIII вв. кардинально отличаются от изделий предыдущего периода по технологии изготовления, материалу, способу ношения и месту в костюме, хотя по-прежнему в числе наиболее характерных остаются шумящие подвески. А.В. Вострокнутов на основе исследования шумящих украшений родановской культуры пришел к выводу, что подавляющее большинство из них принадлежит к концу XI–XIII вв., периоду самобытности, на который приходится расцвет родановской культуры, когда сосуществует большая часть вариантов разных категорий шумящих украшений. К концу XIII в. шумящие украшения почти полностью выходят из употребления (Вострокнутов, 2016, с. 183).

Если в VI–XI вв. украшения Пермского Предуралья отливались в основном из многокомпонентной бронзы, то с XII в. ведущую роль в цветной металлургии заняла оловянно-свинцовая бронза. К этому времени мастера сами начали готовить сплавы из исходного сырья – местной меди и привозных олова и свинца, поступавших на территорию Пермского Предуралья в виде слитков. Появление и распространение шумящих украшений из классической оловянно-свинцовой бронзы свидетельствует о развитии новых традиций в изготовлении ювелирных изделий и о новых источниках поступления металла (Вострокнутов, 2016, с. 154–155).

Технология изготовления изделий из сплавов на основе меди может быть охарактеризована как наборная. В общих чертах она представляла собой сборку отдельных проволочных или отлитых по их оттиску заготовок на какой-либо основе или в фиксирующем материале, которые скреплялись путем заливки металлом. За счет этого украшения приобретали отмечавшуюся исследователями «монолитность», «тяжеловесность» (Спицин, 1902, с. 42–43; Талицкий, 1951, с. 34). Украшения отливались в один прием, вместе со звенья-

ми цепочек и привесками, к которым подводились сквозные литниковые каналы (Вострокнутов, 2016, с. 172–173). В итоге основа украшений состояла из рядов торсированной, тордированной и гладкой проволоки, образующих плотный узор. Привесками служили бубенчики и колокольчики с характерным технологическим разъемом на тулове; они крепились к основе посредством цепочек с щитковыми звеньями – примыкающие друг к другу щитки визуально воспринимаются как монолитная «змейка». А.В. Вострокнутов доказал, что особенности оформления привесок и цепочек могут служить хронологическим репером (Вострокнутов, 2013).

Производство шумящих изделий в наборной технике для Пермского Предуралья было совершенно новым – основы предшествующих ломоватовских шумящих украшений отливались в одно-сторонней или двухсторонней форме по восковой модели или оттиску готового изделия, звенья цепочек и привески отливались отдельно, а в X–XI вв. преобладали цепочки из простых проволочных колец с разъемом, что облегчало сборку украшений (Вострокнутов, 2016, с. 173–174).

Истоки появления наборной техники в родановской археологической культуре, вероятно, следует искать на территории Верхнего Поволжья, в местах расселения древней муромы, мордвы, мери и марийцев. В Пермском Предуралье она приобрела особые местные черты и составила тот неповторимый стиль украшений, который отличает родановскую культуру (Вострокнутов, 2016, с. 176). Украшения в новой технике начали появляться в последней четверти XI в., их первые единичные экземпляры встречаются в захоронениях Рождественского могильника, по погребальному обряду и общему комплексу инвентаря еще принадлежавших к ломоватовским. Но с начала XII в. такие украшения стали превалирующими и ярко характеризуют новую родановскую культуру.

Среди носителей родановской культуры, безусловно, основную часть составляло местное коренное население, представления которого способствовали сохранению некоторых категорий украшений, изменивших свой облик в связи с развитием новой технологии – это немногочисленные шумящие одноякорьковые подвески, копоушки, костыльковые подвески. В короткий отрезок времени на рубеже XI–XII вв. сохранялись и биконьковые шумящие подвески, но, в отличие от ломоватовских, предельно стилизованные, изготовленные в новой технологии. Их известно так мало (всего 7 экз. (Вострокнутов, 2017, с. 78–81)), что они не могли выступать «характерной особенностью украшений в родановской культуре», как считал В.А. Оборин (1970, с. 18). Их привески-

лапки приобрели своеобразную форму с высокой шейкой и перпендикулярно расположенной петлей, сочетающуюся с характерными для родановских шумящих украшений щитковыми цепочками. Такие же лапки сопровождали ранние типы объемных пронизок, синтезирующих в себе образы коня и водоплавающей птицы – они также значительно отличаются от прежних пронизок-уточек по внешнему облику и технологии изготовления. В XII в. привески-лапки в составе шумящих украшений уже не использовались, их заменили бубенчики и колокольчики, покрытые рельефными гладкими и насеченными «поясками».

Единственный массовый тип украшений, сравнимый с ломоватовскими как по назначению (накосники), так и по форме основы, – это арочные шумящие подвески (Вострокнутов, 2016, с. 63). Родановские арочные подвески имеют основу полуовальной формы, в верхней части снабжены проволочной петлей для крепления в костюме, вдоль нижнего края – 3–4 петлями для привесок. В отличие от ломоватовских их основа не прорезная, выполнена в наборной технике, тыльная сторона, на которой происходила спайка, обычно не обрабатывалась. В центре основы помещались 1–3 металлических шарика, обрамленных рядами торсированной и тордированной проволоки, в наиболее поздних экземплярах – квадратный каст для вставки (Оборин, 1969, с. 21). Истоки этих украшений прослеживаются в материальной культуре поволжских финнов, у которых филигранные изделия подобной формы, но более тонкие и изящные (без применения заливки металлом для спайки проволочных деталей, как в Прикамье) существовали уже в X в. (Никитина, 2012, рис. 129/5).

Такие подвески достаточно часто встречаются за пределами Пермского края – на территории соседних вымской и чепецкой культур, на северных святилищах – Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте и на о. Войгач, а также на памятниках Зауралья и Западной Сибири, возможно, маркируя пути миграций носителей родановской культуры.

Подобную арочную роль в костюме играли подвески с круглой основой, которых известно значительно меньше (Вострокнутов, 2016, с. 74–75).

Наиболее характерными становятся шумящие украшения, ни по форме основы, ни по способу ношения в костюме не сопоставимые с украшениями предшествующего периода: подвески с прямоугольной основой, подвески с подковообразной основой и шумящие фибулы.

Подвески с прямоугольной основой, снабженные в верхних углах двумя кольцами, наиболее ранние. Их первые экземпляры, судя по находке

на Рождественском могильнике, появились в конце XI в. Кольца в верхней части щитка предназначались для шнура, который надевался на шею. Эти украшения немногочисленны, имеют узкий ареал распространения: найдены в основном близ населенных пунктов Гаинского района Пермского края (Вострокнутов, 2016, с. 85–86).

Более массовыми стали возникшие на их основе биякорьковые подвески, снабженные не петлями, а крючками-якорьками для крепления шнура. Они были распространены по всей территории родановской археологической культуры с конца XI до конца XIII вв. (Вострокнутов, 2016, с. 100). Еще А.П. Смирнов относил их к наиболее характерным украшениям верхнекамских племен (Смирнов, 1952, с. 216). В.А. Оборин считал, что прототипом якорьковых подвесок послужили биконьковые подвески «прикамского типа», распространенные в предыдущий период, усматривая сходство между разнонаправленными головками коней и «рогами» якорьков (Оборин, 1969, с. 18). Но указанное сходство весьма условно, и генетической связи между украшениями, совершенно разными по морфологическим признакам и способу применения, не существует. Основным орнаментальным мотивом оформления прямоугольного щитка биякорьковых подвесок, как и прямоугольных подвесок с петлями, служит чередование «елочек» из рядов торсированной проволоки с рядами тордированной проволоки, а оформление якорьков соотносится с оформлением одновременных одноякорьковых подвесок.

Подобными по характеру крепления за две петли являются подвески с подковообразной основой, истоки которых также прослеживаются в Поволжье. Как отмечает Т.Б. Никитина, такие подвески встречены в мужских погребениях, где они располагались на поясе (Никитина, 2012, с. 32). Возможно, подковообразные подвески являются декоративным вариантом железных скоб – топорней, которые получили распространение в данный период.

В XII–XIII вв., в период распространения железной поясной гарнитуры, болгарские ремесленники почти прекратили выпуск бронзовых изделий. У жителей Пермского Предуралья, для которых пояса были важным сакральным предметом, железная поясная гарнитура, очевидно, не вызвала особого одобрения, в связи с чем активизировалось производство бронзовых накладок в местных ремесленных центрах. Детали поясной гарнитуры весьма стандартны по сравнению с предыдущим периодом. В составе поясов использовались лировидные пряжки, массово распространенные по всей территории Восточной Европы, а также восьмеркообразные и рамчатые пряжки с декором, в

котором используются элементы тордирования и торсирования, вероятно, продукция местных мастеров. Комплект накладок продолжали выпускать по образцам, возникшим в XI в., он включал щитовидные накладки с «бабочковидным» орнаментом, часть которых имела внизу прорезь для крепления привесок в виде ремешков с мелкими сердцевидными накладками, перемежающимися группами из 3–4 розетковидных накладок. Накладки внешне схожи с ранними образцами, но отличаются особенностями изготовления штифтов для крепления, небрежностью отливки – декор очень нечеткий, не проработанный. Кроме них, в XII–XIII вв. появился только один новый тип – накладки в виде трех небольших умбонов, выложенных треугольниками, которые известны на селище и могильнике Телячий Брод, Рождественском городище и ряде других памятников.

Пояса и, возможно, женские наконечники в XII–XIII вв. дополнялись низками из бронзовых пронизок. В их составе использовались шумящие пронизки с 1–4 вдутиями, между которыми помещалось по паре петель для привесок. Из всего многообразия украшений с зоо- и орнитоморфными образами, существовавших в предыдущий период, к XII в. сохранились только сильно стилизованные пронизки, в которых синтезированы образы птицы и животного (например, утка-конь) и нет возможности четко разграничить зооморфные и орнитоморфные изображения (Вострокнутов, 2016, с. 109–110).

Ношение фибул-застежек для населения Пермского Предуралья не характерно, в отличие, к примеру, от соседей в бассейне р. Чепцы, у которых с конца XI в. стали популярны ранее не известные в местной культуре фибулы различных форм (Иванов, 1998, с. 123). Но в конце XI–XIII вв. здесь тоже появились своеобразные шумящие фибулы в виде кольца из чередующихся тордированных и торсированных проволок, иногда обрамленного столбиками или треугольниками из слегка приплюснутой зерни. Ареалом распространения шумящих фибул являлась прежде всего Гаинско-Косинская территориальная группа памятников, за пределами которой они найдены всего в двух местах (Вострокнутов, 2016, с. 121–124).

Наряду с бронзовыми с XII в. широко распространились украшения из легкоплавких металлов (олова, свинцово-оловянистого сплава): медальоны и монетовидные подвески, замкнутые лунницы, мелкие колечки-нашивки и ажурные привески-лапки, применявшиеся для обшивки одежды, пронизки, перстни и височные украшения. На Рождественском, Родановом, Купросском, Саламатовском, Кудымкарском, Анюшкар и Шудьякар городищах, Чашкинском II и Телячий Брод

селищах найдены каменные формочки для отливки таких украшений. Распространение предметов из легкоплавких металлов и формочек для их отливки – безусловное свидетельство притока на эту территорию древнерусских переселенцев. Это подтверждается и тем, что в материалах конца XI–XIII вв. начинают все чаще встречаться древнерусские украшения, бытовые предметы, орудия труда. Наибольшее количество аналогий этим предметам представлено в новгородских материалах, на основании чего можно предполагать, что основной поток переселенцев двигался с территории Северо-Западной Руси (Вострокнутов, Крыласова, 2012).

В последнее время получены убедительные доказательства наличия в Пермском Предуралье собственного ювелирного производства, основанного на традициях болгарской ювелирной школы, которое в XIII–XIV вв. развивалось уже самостоятельно и являлось основным поставщиком ювелирных изделий в Северное Предуралье, Зауралье и Западную Сибирь. О местном производстве ювелирных изделий свидетельствует специфичность как технологии изготовления, так и форм украшений. В XII–XIII вв. ассортимент изделий, выполненных с помощью разных ювелирных техник, расширился за счет появления крестовидных подвесок, бусиных височных колец, медальонов и лунниц, щитковосрединных перстней с чернью, шарнирных и круглоконечных пластинчатых браслетов, привесок-пуговиц, пронизок, щитков для защиты рук от удара тетивы и пр. Отдельные категории прежних украшений (калачевидные височные подвески, височные украшения с грушевидной привеской) в XII–XIII вв. стали более крупными, тяжелыми, в их изготовлении применялись новые приемы.

К технологическим особенностям ювелирных изделий XII–XIV вв. можно отнести: применение зерни разного размера (крупной и мелкой) при одновременном сокращении ее количества в декоре; обрамление крупной зерни филигранной проволокой; преобладание торсированной проволоки и катушечной филигрании при редком использовании настоящей скани; распространение с XII в. уплощенной торсированной или гладкой проволоки; широкое распространение чернения и гравировки; золочение фона изделий; использование фактурной и контурной чеканки; широкое применение вставок из цветного камня и стекла.

Несмотря на разнообразие известных украшений, путем статистической характеристики установлено сокращение в составе погребального инвентаря количества металлических украшений костюма, деталей поясного набора, бус, одновременно с исчезновением из погребального комплекса костей животных и деталей конской сбруи,

резким сокращением предметов вооружения (среди которых сохраняются только наконечники стрел, используемые для охоты), появлением орудий пашенного земледелия (Бочаров, 2000, с. 12).

Переход к пашенному земледелию и мясо-молочному направлению в животноводстве привел к трансформации хозяйственно-культурного типа. Использование рала с железным наконечником с применением тягловой силы лошадей позволило расширить площади распашки и значительно увеличить количество продукции земледелия. На поселениях распространяются специализированные зерновые ямы, разделенные сусеками для раздельного хранения зерна разных культур, среди которых преобладали ячмень и разные виды пшениц, в меньшей степени представлены овес, просо, рожь, горох. Для переработки зерна стали широко использоваться ручные жернова, которые наделялись сакральным значением, судя по появлению на поселениях культовых комплексов, где центральное место нередко занимал жернов (Сапулов, 2015).

Наличие крупных мастерских, в которых могло одновременно работать до десятка ремесленников разной специализации, свидетельствует о размахе литейного производства, следы которого присутствуют на всех поселенческих памятниках, включая селища. Анализ химического состава изделий и металла, сохранившегося на стенках плавильных сосудов и литейных форм, показывает, что если в предшествующий период преобладали многокомпонентные бронзы, являющиеся результатом переплавки, то в XII–XIII вв. возникли более строгие рецепты бронз и латуней, производившихся местными ремесленниками на основе местного медного сырья и привозных свинца, олова и цинка. Готовые сплавы отливались в палочковидные слитки в формах-изложницах, обнаруженных на ряде городищ, в наибольшем количестве – на Аношкаре (Крыласова, 2013). Эти слитки, наряду с пушпиной, стали важным предметом экспорта.

В косторезном производстве с XII в. появился токарный станок; распространение стандартизированных изделий из кости и рога – рукоятей ножей и шильев, обойм, бус, стержневидных застеек с перехватом, выточенных на токарном станке, свидетельствует о появлении мастеров, работавших на рынок, хотя традиционное домашнее косторезное производство продолжало сохраняться (Ленц, 2002, с. 239–240). Токарный стенок, безусловно, стал применяться и в деревообрабатывающем производстве.

К числу наиболее характерных прикамских изделий из кости принадлежат Т-образные рукояти шильев и арочные односторонние гребни.

Рис. 11. Зерно-филигранные украшения с шатонами прикамского ювелирного центра.
1 – Роданово городище; 2 – Рождественское городище. Материал: серебро, золото.

Шилья, носившиеся на поясе, помещались в специальные футляры с конусовидной емкостью внутри для помещения шила. По бокам футляра в верхней части имеются два выступа со сквозными отверстиями; такие же отверстия просверливались в Т-образных рукоятках шильев. При помощи шнурков, продеваемых в отверстия, футляр и рукоять скреплялись вместе и подвешивались к поясу. Футляры шильев, вероятно, обычно были деревянными, поскольку роговые единичны (находки на Вакинском селище, см.: Спицин, 1902, табл. XXI/16, и на городище Анюшкар), но об их широком распространении свидетельствует массовость находок рукоятей с отверстиями для продевания шнурков. Ранние экземпляры Т-образных рукоятей X в. имеют треугольную форму. В XII–XIII вв. рукояти приобрели стандартную форму с более короткой выгнутой спинкой, их массовое распространение свидетельствует о серийном производстве. Из 15 рукоятей шильев, найденных на городище Анюшкар, 80% происходят из слоев XII–XIV вв. (Ленц, 2002, с. 227), кроме них известно и несколько заготовок. Несмотря на широкое распространение данного вида изделий, в особенности у финно-угров, исследователи связывают истоки роговых рукоятей шильев Т-образной формы с территорией Прикамья. Причиной их популярности было удобство использования в условиях охоты и военного похода (Крыласова, 2007, с. 233–235).

Арочные гребни, датируемые X–XII вв., по мнению И.А. Закировой, являлись продукцией болгарских ремесленников-косторезов и в Приуралье попадали как предмет болгарского экспорта (Закирова, 1988, с. 230). Но значительное количественное преобладание таких гребней на городищах Пермского Предуралья свидетельствует об их серийном производстве местными мастерами (Крыласова, 2007, с. 269–271). В XII–XIV вв. распространились двусторонние прямоугольные и трапециевидные гребни, некоторые из которых имеют славянское или болгарское происхождение, но большая часть изготовлена местными ремесленниками-косторезами (Ленц, 2002, с. 233).

В XII в. появился горизонтальный ткацкий станок с ремизным аппаратом, о чем свидетельствуют находки костяных блоков ремизок.

В жилищах родановской культуры отмечаются следующие изменения: они стали исключительно наземными; исчезли канавки по периметру домов; в интерьере появились перегородки; отопительные устройства сдвинулись с центра к одной из стен; появились элементы мебели; вместо открытого очага распространились глинобитные печи в деревянной опалубке, под которыми обычно размещена яма-подпечье для хранения кухонного инвентаря и пищевых запасов (Крыласова, 2015); большие ямы-кладовки вынесены за пределы жилища.

В быту фиксируется множество изменений. В связи с распространением столов поменялись пропорции ложек, которые на Урале с древнейших эпох сохраняли традиционную форму, – они приобрели длинную рукоять, которая нередко дополнялась у перехода к черпаку скульптурным изображением головы животного, судя по наиболее качественным образцам – дракона, образа, заимствованного из древнерусского декоративно-прикладного искусства (Крыласова, 2007, с. 70–72). На Анюшкаре и Родановом распространились масляные светильники болгарского производства в виде глиняных плошек с носиком-желобком и ручкой, которые стали копироваться местным населением (Крыласова, 2007, с. 193–195). Массовое распространение пружинных цилиндрических замков и ключей свидетельствует о существовании частной собственности и имущественного расслоения. К примеру, в одном из жилищ Рождественского городища, изученном в 2015–2016 гг., найдено четыре замка с корпусом, обтянутым медью, и шесть ключей. С этим же жилищем связаны находки уникальной для Прикамья железной булавы в виде шестигранника со срезанными углами, принадлежащей к редкому типу XII–XIII вв. (Белорыбкин, 2001, с. 145), костяного писала (стилоса) середины XIII–XV вв. (Овчинникова, 2000, с. 58–59) и костяной шахматной фигурки, аналогичной фигуркам (пешкам) из Волжской Болгарии (Закирова, 1988, с. 233), которые свидетельствуют о высоком социальном и имущественном статусе главы семейства, проживавшего в этом доме. Костяные писала, известные и среди находок на Родановом и Анюшкаре городищах, – показатель наличия грамотности, по крайней мере в среде социальной элиты.

В целом в системе быта в XI–XII вв. прослеживаются значимые перемены. Это обусловлено активными взаимоотношениями с Волжской Болгарией. Есть многочисленные свидетельства не только массового употребления в быту изделий болгарских ремесленников, но и их непосредственного проживания на городищах Пермского Предуралья, где они производили продукцию, рассчитанную на местных потребителей. Наряду с болгарскими мастерами начали активно развивать собственное дело и ремесленники-профессионалы из местной среды (ювелиры, кузнецы, бондари, косторезы и пр.). Совместно с болгарскими купцами начали вести свою деятельность и местные торговцы. У этих представителей местного населения, которые проживали в основном на городищах, все более ослабевали связи с семейной общиной, а рост индивидуальной собственности, для сохранности которой получили широкое распространение сундуки с железными навесными

замками, и вовсе привел к отрыву от общины. Приобщение к «городской» культуре обусловило отрыв от традиционных культурных ценностей и правил, определяющих предпочтения и запреты во всех сферах жизни, в том числе и в быту. Жители городищ начали вносить новые элементы комфорта в жилище, пробовать непривычные продукты и блюда, отказываться от использования традиционных этнических украшений, заменяя их продукцией массового ремесленного производства и дорогими ювелирными украшениями престижного характера. Другой причиной, обусловившей изменения в бытовой и производственной сфере, мог стать активный приток на городища разного рода переселенцев как с территории Волжской Болгарии, так и с запада (представители финских этносов, ранние славянские переселенцы), либо даже частичная смена населения.

Историко-культурный очерк. Эпоха Средневековья в Пермском Предуралье разделена на две археологические культуры – ломоватовскую V–IX вв. (Голдина, 1985) и родановскую IX–XV вв. (Оборин, 1999).

За последние десятилетия значительно пополнились знания об эпохе X–XI вв., в особенности за счет раскопок могильников (Баяновского, Рождественского, Огурдинского), в которых ни погребальный обряд, ни основной состав предметов материальной культуры принципиально не отличаются от характерных для ломоватовской культуры. Все знаковые предметы – керамика, шумящие украшения – сохраняют традиционные черты, продолжают использоваться практически все основные виды украшений, обеспечивающих специфику ломоватовского костюма. Отдельные изменения обусловлены тем, что с установлением тесных связей с Волжской Болгарией в Пермском Предуралье начинает широко употребляться продукция болгарского ремесленного производства, прежде всего поясные наборы и мелкие привески. Датировка комплексов X–XI вв. основывается преимущественно на таких массовых находках, как бубенчики с крестовидной прорезью, широко распространенные в Восточной Европе с середины X до второй четверти XII вв., полые шаровидные привески, бытовавшие в Урало-Поволжье в X–XI вв., бронзовые бусы-«флакончики», которые датируются X – началом XI вв. (Кочкуркина, 1989, с. 265), ближе к середине X в. одновременно с крестопорезными бубенчиками распространились крупные бронзовые шаровидные бусы из двух половинок, которые бытовали, возможно, до середины XI в. Эти украшения играли в костюме второстепенную роль и не меняли его общей специфики. К числу характерных особенностей украшений X–XI вв. можно отнести то, что многие из

них (напр. привески-ложки, копоушки, якорьковые подвески и пр.) начали дополняться шумящими привесками, но это можно расценивать лишь как результат естественной эволюции украшений, у которых ни форма основы, ни технология изготовления не претерпели никаких изменений. Не выделяется никаких факторов, свидетельствующих о существенной трансформации, приведшей к смене археологической культуры в IX веке. Тесные контакты местного населения с Волжской Болгарией, безусловно, способствовали развитию ремесла, торговли, усилению имущественной дифференциации, но инновации еще не достигли того качественного уровня, который оказал бы существенное влияние на традиционную культуру.

Материалы XII–XIII вв., напротив, резко отличаются от предшествующих. Изменяются формы и орнаментация керамической посуды; украшения отличаются не только по технологии изготовления и по материалу, но и по особенностям использования в costume; в погребальном обряде устанавливается устойчивая ориентировка, почти исчезает обряд кремации, в составе сопровождающего инвентаря перестают использоваться маски, исчезают кости лошади и элементы конского снаряжения, значительно сокращается количество предметов вооружения, изменяется состав орудий труда; фиксируются изменения в конструкции жилищ. О трансформации хозяйственно-культурного типа свидетельствует переход к пашенному земледелию и мясо-молочному направлению в животноводстве, следствием чего явились существенные изменения в системе питания. Кроме металлургических ремесел, выделение которых произошло довольно рано, получили развитие ювелирное, деревообрабатывающее (столярное, бондарное), косторезное и ряд других ремесел, о чем свидетельствует распространение специализированного инструментария и серий предметов, свидетельствующих о массовом товарном производстве. На протяжении XII–XIII вв. прослеживается влияние идей, перенятых от поволжских финнов, которые отразились прежде всего в технологии изготовления и формах украшений, возможно, эти идеи были привнесены небольшими группами мигрантов. Одновременно наблюдается все усиливающееся со временем русское влияние, которое в XIV–XV вв. становится преобладающим. В этом нашел отражение начавшийся процесс т. н. «русской колонизации», который выразился в переселении на восток славянского и финского населения с западных территорий.

На основании перечисленных фактов предложено скорректировать периодизацию средневековых культур и перенести границу между ломоватовской и родановской культурами на рубеж

XI–XII вв., что будет способствовать более объективному пониманию историко-культурных процессов в регионе (Белавин, Крыласова, 2016).

Смена культур происходила не так плавно и эволюционно, как представлялось прежде, когда в качестве примера приводились городища, основанные в период ломоватовской и существовавшие до финала родановской культуры. Почти на всех городищах отчетливо прослеживается, что в XI–XII вв. прежние поселки были разрушены и сожжены, отчего образовалась прослойка древесного тлена или угля, отделяющая нижние слои от верхних, к примеру, на Анюшкаре, Родановом, Рождественском городищах. Затем последовала значительная перестройка, в том числе и оборонительных сооружений. На Рождественском городище четко зафиксировано, что кладбище XII–XIII вв. территориально оторвано от могильника X–XI вв. Все это наводит на мысль о смене населения, хотя фактов, подтверждающих это, пока недостаточно.

Уже с X в. транзитная международная торговля в Урало-Сибирском регионе на несколько столетий перешла в руки волжских болгар. Взаимодействие с Предуральем осуществлялось по Камскому торговому пути (речному и сухопутному), который был органичной частью Великого Волжского пути (Белавин, 2000а).

Проведение основных торговых операций и контроль Волжской Болгарии за прикамской региональной торговлей осуществлялся через систему торгово-ремесленных городков-«факторий». Анализ археологических данных позволяет выделить несколько средневековых городищ Предуралья, явно игравших важную роль в системе болгарской транзитной торговли. Среди них, кроме Анюшкара и Рождественского, можно назвать Городищенское городище на р. Усолке и Соломатовское на р. Усьве.

Эти городки, в которых определенную часть населения составляли болгары, служили своеобразной опорной сетью для торговли с Севером и Сибирью. Они были перевалочными пунктами в транзитной торговле, играли роль мест концентрации пушного товара: сбора, складирования, подготовки к вывозу в Болгарию. Так, в материалах Рождественского городища встречены кости таких пушных животных, как: бобр, белка, куница, выдра, лисица, россомаха (Гасилин, Лобанова, 2011, с.126–128). Особенно много костей бобра. На рынках Востока высоко ценился не только его мягкий, пушистый и теплый мех, но и «бобровая струя» (кастореум) – ароматическое вещество животного происхождения, широко применявшееся в эпоху Средневековья в медицинских целях и как основа для ароматических притираний и благовоний.

В этих же городках производился и другой товар для экспорта в Болгарию. Так, на Рождественском городище выявлены крупные производственные сооружения, связанные с производством медных, бронзовых и латунных слитков. Слитки цветного металла – сырьё для ювелирного и бронзолитейного ремесла – упоминаются в списках товаров болгарской торговли. В Среднем Поволжье, в отличие от Верхнего Прикамья, крупных рудных источников в эпоху Средневековья не было известно, разрабатывались лишь относительно бедные рудные источники волжского правобережья в районе г. Болгара (Гунько, 2008, с. 74–90), а размах болгарского ремесла требовал много сырья. На Городищенском городище и расположенном в нескольких километрах от него селище Рассолы обнаружены следы соледобычи X–XIII вв. Соль не только ценнейшая пищевая добавка, в эпоху Средневековья она была одним из видов сырья для кожевенного промысла, соль упоминается и в списках болгарских товаров, идущих по Камскому и Волжскому торговым путям.

Среди болгарских торгово-ремесленных «факторий» в Предуралье наиболее ярко выделяются три: Рождественское городище, Иднакар и Анюшкар. Арабским географом-энциклопедистом ал-Омари (1331 г.) упоминается касаба – маленький городок Акикул (Аваколь, Афкула) в 20 днях пути от Болгара на север, то есть в пределах страны Чулман (Джудыман). Он может быть сопоставим с Рождественским городищем (Белавин, 2000а, с. 32; Белавин, Крыласова, 2017), которое в отличие от других болгарских «факторий» в Прикамье, устроенных на финно-угорских городищах, имело устройство и планировку, характерную для болгарских городков. Топоним Афкула можно понимать из тюркских (в персидском переложении) Афу, Ашу – «поворот» и Кула, Кала – «башня, крепость», как «Поворотная крепость». Такое название соответствует характеру торговли болгар, которые ездили с товарами до этого места, а дальше торговали местные купцы. Ал-Омари сообщает: «Купцы наших стран... не забираются дальше города Болгара; купцы болгарские ездят до Чулымана, а купцы чулымские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера» (Тизенгаузен, 1884, с. 237–238).

У этих трех городищ изучены мусульманские домонгольские болгарские кладбища, свидетельствующие о непосредственном проживании здесь выходцев из Волжской Болгарии – купцов, ремесленников и членов их семей (Белавин и др., 2003; Брюхова, 2012). Эти некрополи имеют полное сходство с мусульманскими кладбищами Волжской Болгарии, причем на них отмечается достаточно точное соблюдение кыблы, вероятно,

связанное с инструментальными измерениями, что подтверждается письменными источниками, указывающими на периодические приезды в «касабу Афкуль» астрономов – измерителей времени из Болгарии. Ал-Омари в связи с Афкулой упоминает рассказ Хасана Эрруми (ар-Руми) о поездке в Афкулу исламского астронома для расчета времени молитв (Тизенгаузен, 1884, с. 237–238).

«Фактории» отличались более высоким «городским» типом материальной культуры и хозяйственной жизни. Представители коренного населения заимствовали от болгар отдельные элементы бытового уклада, что способствовало развитию культуры жизнеобеспечения. В частности, появление в XI в. специальных глиняных подставок, предназначенных для установки на плоскую поверхность традиционной для местного населения круглодонной посуды, является свидетельством появления в домах мебели – столов, полок. Вместо открытых очагов для отопления жилищ, приготовления пищи и производственных нужд начинают использоваться печи. Судя по появлению новых форм посуды, расширился ассортимент приготавливаемых блюд. Для освещения жилищ начинают широко использоваться светильники-жирники как болгарского производства, так и местные – ручной лепки (Крыласова, 2007). О высоком уровне жизни свидетельствует богатство погребального инвентаря на Рождественском языческом могильнике – здесь почти отсутствуют безынвентарные захоронения, во многих погребениях присутствуют украшения из серебра и даже из золота, ценные импортные предметы восточного, болгарского и отчасти древнерусского происхождения.

Для реализации своих политических и экономических целей в Прикамье болгарам было необходимо взаимодействие с местной социальной элитой. В одном из захоронений Рождественского могильника найден редкий дирхем Мумина Бен Ахмеда, чеканенный в 370 г. х. (970/971 г.) в Болгаре. Таких монет известно считанные единицы, их чеканка преследовала политические цели, а не обеспечение потребностей денежного обращения Болгарии: монета была символом окончательного объединения Болгарии, символом торжества единой власти и единой веры. Она, видимо, использовалась как некая награда для особо доверенных и важных лиц как на территории собственно Болгарии, так и в болгарских анклавах за пределами основной государственной территории (Белавин, Крыласова, 2012, с. 37). Эта монета могла быть передана в дар одному из представителей местной верхушки. Находки в Предуралье таких этнически значимых парадных украшений, как золотые височные кольца с уточкой (Белавин, 2016) и другие

драгоценные парадные предметы, свидетельствуют и о пребывании здесь представителей болгарской знати, вполне можно предположить, что для укрепления взаимоотношений с местной элитой практиковалось заключение браков с болгарскими «принцессами». В X–XII вв. территории Предуралья известны в болгаро-арабских письменных источниках как «область (страна) Вису» и «область Ару», а с XIII в. как «страна Чулманская». Абу Хамид ал-Гарнати писал: «... и выше этой страны обитают люди, которым нет числа, они платят джизью царю болгар. А у него (Болгара) есть область, (жители которой) платят харадж, между ними и Болгаром месяц пути, называют ее Вису. И есть другая область, которую называют Ару, в ней охотятся на бобров, горностаев и превосходных белок... А за Вису, на море Мраков, есть область, известная под названием Йура» (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, 1971 с. 30–31). Таким образом, к XII столетию Предуралье фактически входило в состав Волжской Болгарии. Роль торгово-политических представителей государства на этих землях стала играть местная элита, члены которой, уполномоченные охранять интересы купцов, а значит и болгарского государства, получали особого рода верительные знаки – круглые серебряные бляхи с изображением сокольника, в достаточно большом количестве найдены на археологических памятниках Предуралья, особо интересна в этом плане уникальная для Предуралья «печать для ношения» из Рождественского могильника. В погребении № 37 этого могильника обнаружена уникальная в Предуралье находка – геральдическая трапециевидная серебряная подвеска, на лицевой стороне которой изображена тамга Владимира Святославовича, а с оборотной стороны – знак его современника Олава Трюгвасона. По обоснованному мнению автора находки, подвеска со знаками является верительным купеческим знаком, «печатью для ношения», которые выдавались болгарским купцам в соответствии с торговым договором между болгарами и Владимиром Святым 1006 г. (Крыласова, 1995).

В Предуралье в настоящее время достоверно известна еще одна геральдическая подвеска со знаком Рюриковичей X – первой четверти XI вв. (с территории Удмуртии) (Белавин, 2015). Подвески, таким образом, в определенной степени демонстрируют наличие торговых связей населения Предуралья с Русью, осуществлявшихся через посредничество болгарских торговцев. Недаром рождественская находка (найденная в закрытом комплексе) связана с болгарской торговой «факторией» X–XIV вв. на Рождественском городище.

Каких-либо даннических отношений населения Предуралья с Русью или переселения древ-

нерусских купцов, воинов или ремесленников в Предуралье в X–XI вв. эти находки не маркируют. Однако рождественская геральдическая подвеска наглядно демонстрирует торговые успехи «купцов чулыманских» (т. е. «камских»), имеющих официальные разрешения на торговлю на Руси и, возможно, в Скандинавии. Связи Предуралья со скандинавским миром севера Европы (включая Ладогу) хорошо известны. В материалах Финляндии, Швеции, Норвегии и в Ладоге встречены предуральские биметаллические коньковые кресала, биконьковые подвески, поясные накладки, а в предуральских материалах известны отдельные подвески и кольцевидные фибулы в стиле Боре, крестовидные подвески «скандинавского» типа, скандинавские биметаллические кресала с всадниками (Белавин, 2000, с. 156–157, рис. 88; Иванов, 1998, с. 99–101, рис. 60/1,2).

Можно уверенно утверждать, что появление в Прикамье болгарских торгово-ремесленных «факторий» и вовлечение местного населения в трансевропейскую торговлю активизировало процессы становления и развития феодализма на этой территории.

Болгарские «фактории» в Прикамье стали крупными ремесленными и торговыми центрами. На городищах исследованы гончарные и металлургические горны болгарского типа, собраны убедительные свидетельства существования на них различных (в том числе городских) ремесел, купеческий инвентарь и другие следы интенсивной экономической жизни, ярко отличающие их от иных, в основном сельскохозяйственных, поселений. О проживании на «факториях» болгар-торговцев свидетельствует наличие разнообразного торгового инструментария, имеющего многочисленные аналогии в городах Волжской Болгарии. Так, на Рождественском городище сделаны находки весов, весовых гирек, а также деталей и замочков сундучков, используемых для перевозки ценных грузов, свинцовой пломбы для опечатывания связок мехов, пробок и горловин от бурдюков, использовавшихся для перевозки жидкостей в караванах.

Камский путь использовался во все природные сезоны. Летом по Каме и ее притокам на север и на юг шли судовые караваны. Вероятно, купцы из Болгара двигались в Предуралье и по суше – в теплое время года относительно большими группами (караванами), так как путешествия в одиночку и с небольшим количеством охраны были опасны. О приходе караванов восточных купцов в Пермское Предуралье свидетельствуют находки костей верблюда на городище Анюшкар. Зимой купцы путешествовали на лыжах и на собачьих упряжках. «Болгары везут в страну вису и йура товары

на саях, которые тащат собаки по сугробам снега; сами люди передвигаются на лыжах» (Заходер, 1962, с. 29). Вероятно, использовались и оленьи упряжки, на многих городищах найдены детали не только оленьей, но и собачьей упряжи. Так, костяные и роговые налобные и нащечные пластины, застежки, блоки, пластины с зубчиками, вертлюги, пряжки от оленьих недоузтков, а также вертлюги, псяики и пластины для поводков от собачьей упряжи найдены на городищах Анюшкар, Кудымкарское, Купросское, Роданово, Лаврята, Саламатовское (Сарапулов, 2012).

На многих памятниках Прикамья собраны детали конской упряжи и снаряжения всадника так называемого «аскизского типа». Аскизские предметы (железные пряжки, поясные накладки, детали сёдел, детали конской упряжи) представлены в материалах селищ Телячий Брод, Калининское, городищ Рождественского, Анюшкар, Городищенского и Саламатовского городищ.

На Рождественском городище найден крюк для продергивания седельных ремней и для шнуровки. Абсолютные аналогии ему известны среди аскизских древностей и среди находок на Золотаревском комплексе, в Новгороде, Новогрудке, на городище Слободка (Руденко 2001, рис. 26, 29–31; 27; 30, 14), где они, по мнению И.Л. Кызласова, являются свидетельством непосредственного пребывания аскизских всадников. Аскизы, вероятно, служили охранниками торговых караванов болгар, хотя могли иметь и собственные торговые интересы в Предуралье.

Благодаря интенсивному обмену и переселению представителей болгарского ремесла в приуральские земли стали возможны техно-логические заимствования. Это способствовало техническому прогрессу у жителей Предуралья, как было, например, в случае ювелирного, кузнечного, стеклоделания и ряда иных ремесел. При участии болгарских ремесленников начало складываться оригинальное ювелирное дело Предуралья. Продукция местных ювелиров имеет ряд характерных отличий от болгарской и древнерусской. По технологическим особенностям она больше тяготеет к болгарской ювелирной школе, поэтому долгое время все ювелирные изделия из драгоценных металлов, найденные на территории Пермского края, относились исследователями к болгарскому импорту. Однако ассортимент изделий, их декоративное оформление были явно ориентированы на местный рынок, в собственно Волжской Болгарии такие вещи крайне редки или не встречаются вовсе, прослеживаются местные ювелирные приемы, характерные для прикамских мастеров. На поселениях, в особенности на крупных городищах, изучены остатки мастерских, которые можно интерпретировать как

ювелирные. На ряде могильников (Редикарский, Плесинский, Рождественский) изучены мужские захоронения, в погребальном инвентаре которых содержались наборы специализированных ювелирных инструментов (молоточки, тигли, тигельные щипцы, ножницы по металлу, зубила и пр.). Анализ ювелирных украшений показывает, что нередко изделия одного типа (например, височные подвески с грушевидной привеской) изготовлены по совершенно разным технологическим схемам, что свидетельствует о возможном функционировании сразу нескольких ювелирных центров в Пермском крае (Подосенова, 2005).

Продукция местных ювелиров составляла основу импорта ювелирных украшений в Зауралье и Западную Сибирь с XI–XII вв. Причем жители страны Вису-Чулман, которые к XI в. становятся равноправными торговыми партнерами болгар, в свою очередь основывают собственные торговые «фактории» в землях Зауралья, о чем в свое время писал ал-Омари (Тизенгаузен, 1884, с. 237–238). К числу таких поселений можно причислить известное приобское городище Шеркалы, которое, по мнению его исследователей, характеризует устойчивые экономические и этнические связи Предуралья и Приобья. В материалах этого городища и городища Перегребное представлены болгарские серебряные вещи (перстни, очелья, украшенные черненными плетеными узорами) и прочие изделия, характерные для торговых взаимоотношений приуральских «вису-чулман» и волжских болгар – металлические разновесы, чашечки от монетных весов, железные замки. Встречена здесь и болгарская керамика, в т. ч. масляно-жировые светильники.

Причем если перевести название урочища Шаркалы (Шеркалы) с помощью тюркских языков, то его можно трактовать как «Крепость согласия», «Крепость, где договариваются» – от Шарт (Шерт) – «договор, клятва, согласие, условие» и Кала – «крепость». Здесь мы имеем определенное совпадение с названием городка и торговой «фактории» болгар в Предуралье касобы Афкула – «Поворотная крепость». До Афкула ездили болгарские купцы, отсюда они поворачивали обратно в Болгарию, но часть из них и прикамские «купцы чулымские» ехали с товарами в Зауралье, где на «факториях» типа городища Шеркалы «договаривались» об обмене своих товаров на зауральскую пушнину, моржовые клыки, оленьи рога и пр. Размеры этих поселений значительно меньше, чем у болгарских «факторий» в Предуралье, а планировка типична для небольших городищ таежной зоны – это отличает их от значительно более крупных и лучше благоустроенных предуральских «факторий»-городков.

Болгарские городки-«фактории» в Предуралье принадлежат к числу подобных торгово-ремесленных поселений, расположенных на важнейших водных магистралях, в них присутствует полный набор признаков раннефеодального города. Главным занятием жителей этих поселений была дальняя торговля, а также связанное с ней ремесло (Толочко, 1989, с. 162). Археологические исследования торгово-ремесленных факторий Верхнего Поволжья, Поднепровья и Поволховья показали, что все они, наряду со славянскими, содержат материалы и других этнографических регионов (Толочко, 1989, с. 162), этнически смешанный характер торговых центров отражен и в письменных источниках (Stenberger, 1977; Sehoknecht, 1977). Торгово-ремесленные «фактории» болгар в Прикамье также показывают наличие пестрого в этническом плане населения. Так, на Рождественском городище имеются свидетельства проживания местного финно-угорского населения, выходцев из Волжской Болгарии, а также с Чепцы, Выми, из Поволжья, Руси; анализ керамики позволяет предполагать наличие этнических «кварталов», как это свойственно многим средневековым городкам. Например, в 2008 г. изучена металлургическая мастерская, в которой отмечалась высокая концентрация болгарской посуды типа «джукетау», что отражает место исхода жившего и трудившегося здесь ремесленника.

Камский торговый путь находился несколько в стороне от трансконтинентальной торговой системы, связывал территории, расположенные за пределами государственных образований, основывался на собственном формирующемся феодализме, бурном развитии местного ремесла. На период, когда исчезает экономическая база, поддерживающая существование европейских факторий, напротив, приходится становление и расцвет предуральских факторий. Возможно, у них были все условия для преобразования в города. Да и учитывая, что Афкула была названа современниками «городком», они уже ими были.

Период X–XIII в. можно считать эпохой расцвета средневекового Предуралья. Большое количество укрепленных и неукрепленных поселений, пусть даже не все из них существовали одновременно, заставляет думать об относительно большом количестве населения в Среднем Предуралье. На городищах, в зависимости от их размеров и социально-экономической роли, проживало от 120–200 до 2000 человек; так, В.А. Оборин оценивает население городища Анюшкар в период его расцвета в 500 человек (Оборин, 1999, с. 266), население Рождественского археологического комплекса могло составлять до 2000 человек.

Определить этническую принадлежность археологических памятников X–XIII вв. в Верхнем Прикамье пытались еще дореволюционные исследователи. Попытки их строились на догадках, произвольном толковании данных письменных источников и топонимики. В XVIII в. археологические памятники X–XIV вв. приписывали населению легендарной Биармии (Ф. Страленберг, П.С. Савельев и др.), а в XIX в. – не менее легендарной Пермской чуди (Н. Рычков, В.Н. Берх), а иногда и предкам современных народов Прикамья — коми-пермяков (В.А. Волегов, А. Дмитриев) или манси и хантов (Ф.А. и А.Ф. Теплоуховы), или тех и других вместе (И.Н. Смирнов). При этом только археолог Ф.А. Теплоухов (1893) пытался использовать для доказательства своей точки зрения некоторые археологические материалы, главным образом предметы культа – пермские медные идола, и на основе изучения металлических предметов культа и этнографии коренных народов Предуралья считал пермскую чуди предками угорских народов, а приход коми-пермяков в этот район относил к более позднему времени (XV–XVII вв.) – вместе с русским населением (Теплоухов, 1893). На основе данных топонимики эту версию развивал А.Ф. Теплоухов (Теплоухов, 1924). Значителен вклад члена Русского географического общества И.Я. Кривошекова, который в 1888, 1889, 1910 гг. осмотрел ряд городищ Соликамского и Чердынского уездов и произвел раскопки на Чазевском могильнике. Им была высказана мысль о принадлежности средневековых памятников предкам коми-пермяков.

Древности периода развитого Средневековья в Пермском Предуралье впервые были выделены А.А. Спицыным при разборе коллекции Теплоуховых (Спицын, 1902) и А.В. Шмидтом, работавшим в 1918–1926 гг. в Пермском университете и музее и продолжившим исследования в 1932–1935 гг. в качестве руководителя Камской экспедиции ГАИМК (Шмидт, 1927). Он выделил две большие группы памятников XI–XIV вв. – к северу от Перми, которую в отличие от Теплоуховых считал принадлежавшей предкам коми-пермяков, и в бассейне Сылвы и Чусовой, оставленной, по его мнению, угорским населением. Им была намечена периодизация верхнекамской группы (культуры), выделены этапы: загарский – X в., михалевский – XI–XII вв., вакинский – XIII–XVI вв. (по названиям наиболее крупных памятников, давших материалы указанного времени). Загарский этап он считал переходным от ломоватовской (угорской) культуры к верхнекамской (пермской), то есть отнес миграцию предков коми-пермяков к более раннему времени, чем Теплоуховы.

А.В. Шмидт высказал мнение, что до прихода русских предки коми-пермяков находились на

последней стадии разложения первобытно-общинного строя, а в XV в. у них формируются феодальные отношения. Н.А. Прокошев, сменивший А.В. Шмидта в руководстве КАЭ, в 1935 г. начал раскопки Роданова городища, вскрыв на нем первое жилище, исследовал погребение XI в. в пещере М. Вашкур на Чусовой.

В работах А.П. Смирнова на археологическом материале были рассмотрены вопросы этнической истории, хозяйства и общественного строя средневекового населения Волго-Камья, в том числе и верхнекамской группы, выделенной А.В. Шмидтом. Большие группы памятников он считал территориями союзов племен – основами формирующихся финно-угорских народностей, сложение феодализма относил сначала к IX–X вв., позднее – X–XI вв., а в последних работах – к XIII–XIV вв., допуская, что в верхнекамской группе этот процесс происходил еще позднее.

Родановская археологическая культура XI–XIV вв. была выделена М.В. Талицким на основе раскопок Роданова городища, разведок и раскопок памятников по р. Иньве и Чусовой и изучения коллекций различных музеев (Талицкий, 1951). Им впервые были картографированы средневековые памятники Предуралья. М.В. Талицкий считал, что эта культура по своему происхождению является местной, сложившейся на основе более ранних археологических культур, и принадлежит отдаленным предкам коми-пермяков. Он отверг версии Теплоуховых и А.В. Шмидта о поздней миграции предков коми-пермяков из других регионов. Датировку культуры Талицкий в значительной степени связывал с датировкой городских центров Волжской Болгарии, назвал этот период «болгарской эпохой» и считал, что Болгария оказывала решающее влияние на развитие местной культуры. Впервые на большом материале им был дан анализ хозяйственной деятельности и общественного строя прикамских племен эпохи позднего Средневековья, реконструированы жилища на Родановом городище. Однако им не были четко определены границы культуры, ее периодизация и характеристика этнических признаков.

В послевоенный период изучение памятников X–XIII вв. в Пермском Предуралье было продол-

жено Пермским государственным университетом под руководством О.Н. Бадера, а позже В.А. Оборина.

В кандидатской диссертации В.А. Оборина, а затем в ряде работ (Оборин, 1956; 1970; 1991; 1999) были определены границы культуры, уточнена ее датировка (IX–XV вв.), определена периодизация, этнические признаки, прослежена преемственность с предшествующими культурами железного века. Дано обоснование принадлежности этой культуры предкам коми-пермяков, выделены варианты и отдельные группы, внесены уточнения в характеристику хозяйства и общественного строя.

Несмотря на хорошую изученность древностей X–XIII вв. (родановской культуры), в оценках периодизации, хронологии и этнической принадлежности имеется много неясного и спорного. Так, В.Ф. Генингом, а позже А.М. Белавиным, Н.Б. Крыласовой был выделен переходный период между ломоватовской и родановской культурами: по мнению В.Ф. Генинга – IX–X вв., а по мнению А.М. Белавина – X–XII вв. И.В. Бочаров методом математической статистики определил, что правомернее относить древности до XI–XII вв. к ломоватовскому этапу и предложил не выделять ломоватовскую и родановскую культуры, а вычленив несколько этапов в периоде Средневековья в Предуралье. На VI Международном конгрессе финно-угроведов и в изданном позже учебном пособии А.Х. Халиков вернулся к точке зрения Теплоуховых о поздней миграции предков коми-пермяков (XI–XII вв.) с Вычегды и о смене ими угорского и тюркского населения в Верхнем Прикамье (Халиков, 1985; 1991).

Нами обоснована корректировка периодизации средневековых культур Пермского Предуралья и перенос границы между ломоватовской и родановской культурами на рубеж XI–XII вв. (Белавин, Крыласова, 2016). С нашей точки зрения, родановская культура XII–XV в. представляется финно-пермской культурой, ставшей отчасти культурой предков коми-пермяцкого народа (особенно на этапе XIII–XV вв.), имеет много общего с соседними чепецкой и вымской археологическими культурами (Белавин, Крыласова, Бочаров, 2000; Белавин, Крыласова, Семенова, 2001; Белавин, Иванов, Крыласова, 2009).

ГЛАВА 6

ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОГО ПРИУРАЛЬЯ В XI–XIV ВВ. (БАССЕЙНА ВЫЧЕГДЫ)

Эпоха Средневековья в бассейне р. Вычегды представлена памятниками вымской культуры (XI–XIV вв.). Ее памятники исследованы на средней и нижней Вычегде и ее притоках – рр. Выми и Сыsole, на р. Вашке (бассейн Мезени) и р. Лузе (приток р. Юг). Преобладают могильники (30), изучено два поселения и одно святилище. Могильники насчитывают от нескольких десятков до нескольких сотен погребений. Наибольшая концентрация их фиксируется в долине р. Выми. Погребения совершены способом ингумации и кремации. Керамические сосуды чашевидной, горшковидной и баночной формы, орнаментированные отпечатками зубчатого штампа, кольцевыми вдавлениями и налепными валиками. Хозяйство комплексное при сохраняющейся важной роли охоты и рыболовства. Кардинальные изменения в экономике и культуре местного населения происходят с появлением в XII в. в бассейне Вычегды древнерусских поселений. Насыщение рынка привозными изделиями городского ремесла в обмен на меха определили специфический этнографический облик вымской культуры.

Письменные источники. Наиболее ранние письменные известия о народах Северного Приуралья, в том числе предках коми-зырян, известных под именем пермь, по данным В.Н. Татищева, содержатся в Степенной книге и относятся к 967 г. По мнению ученого, первоначально русские называли пермью народ, живший «от реки Вычегды до гор Поясных между Печоры и вотяков» (Татищев, 1962, с. 208, 426). В «Повести временных лет» пермь помещена между заволочской чудью и печерой среди народов, плятящих дань Руси (ПСРЛ. Т. I, 1962, стб. 4, 11). В договорных грамотах Великого Новгорода с 1264 по 1371 г. пермь называется в числе новгородских волостей, плативших дань Новгороду (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949, с. 9–29). Конкретно территория перми впервые очерчена в «Житии Стефана Пермского»: «Одна тамошняя река называется Вымь; огибая всю землю Пермскую, она впадает в Вычегду. Другая река – по имени Вычегда; вытекающая из земли Пермской, она течет в северном направлении и своим устьем входит в Двину ниже города Устюга на четырнадцать поприщ. Третья река, называе-

мая Вятка, течет к другому краю Перми и впадает в Каму. Четвертая же река – по имени Кама; эта река протекает по всей земле Пермской, сквозь нее; и по ней многие народы живут; она направляется своим течением прямо на юг и своим устьем входит в Волгу поблизости от города, называемого Болгар... Для всякого, желающего отправиться в Пермскую землю, удобен путь от города Устюга рекой Вычегдой вверх, пока она не войдет в самую Пермь» (Житие Стефана Пермского, 1995, с. 65, 67). Из текста «Жития» следует, что название *пермь* распространялось на народы, жившие в бассейнах Вычегды, Камы и Вятки, однако при перечислении народов, живших «вокруг, около перми» выделяется «пермь великая, называемая чудская» (Житие, 1995, с. 65). Описание перми, содержащееся в «Житии», относится к перми вычегодской. В Вычегодско-Вымской (Мисаило-Евтихиевской) летописи очерчены границы перми вычегодской: северо-западная – по Пинеге и Удоре, восточная – по Вишере, северо-восточная – по верхней Выми, южная – по Сыsole (Документы по истории коми, 1958, с. 257–260). По сохранившимся преданиям, Стефан Пермский начал свою миссионерскую деятельность с Нижней Вычегды, с местечка Пырас, в переводе с коми – вход (ныне г. Котлас). Поднимаясь вверх по Вычегде, местом своей резиденции он избрал устье Выми, откуда и начал свою миссионерскую деятельность.

История археологического изучения средневековых памятников бассейна Вычегды. Начало изучения средневековых древностей в бассейне Вычегды было положено в середине XIX в. усть-сысольским мещанином С.Е. Мельниковым (1856, с. 121–124). За период своей краеведческой деятельности он собрал большую коллекцию «чудских» вещей, но наибольшую научную ценность среди них представляют материалы двух погребений в черте г. Усть-Сысольска (Савельев, 1852, с. 164–166). В 20-х годах прошлого столетия активную краеведческую деятельность на территории Коми края проводил А.С. Сидоров (1892–1953 гг.). Основное место в его исследованиях занимали средневековые древности. Результаты его работ были опубликованы на страницах местного краеведческого журнала «Коми му»

(Сидоров, 1924, № 4–6, с. 70–77; 1924, № 7–10, с. 51–64; 1925, № 1 (11), с. 24–26; 2 (12), с. 40–50; 1926, № 6, с. 28–32; № 7, с. 38–42). Исследователем была подготовлена рукопись «Археологические памятники Вымского района Коми АССР (по материалам обследования 1928 г.)», хранящаяся в Архиве Института истории материальной культуры (Сидоров, 1937, 32 л.). Уже после смерти ученого в 1954 г. была опубликована его обобщающая статья (Сидоров, 1954, с. 69–82).

В эти же годы небольшие археологические разведки и раскопки на нижней Вычегде, организованные Обществом изучения Коми края, были проведены преподавателем Усть-Сысольского педтехникума А.Н. Греном (1924, 34 л.).

Первые профессиональные раскопки в Коми крае в 1925 г. провела археологическая экспедиция Главнауки, в составе которой работали аспиранты В.А. Городцова на городище Карыбйив, могильниках Клянышшласта (р. Вычегда) и Гидсайяг (р. Вымь) (Раскопки археологической экспедиции Коми края, 1928, с. 5–28).

Систематическое планомерное изучение древностей европейского Северо-Востока (далее – ЕСВ) началось в конце 1950-х – начале 1960-х годов Коми филиалом АН СССР. Целенаправленные исследования памятников эпохи Средневековья с 1961 г. стали проводиться Э.А. Савельевой. На первом этапе исследований задача заключалась в определении территории обитания вычегодских пермян. Первостепенное внимание было уделено долине р. Выми, где, по мнению А.С. Сидорова, находился важный центр формирования народа коми. Были обследованы открытые А.С. Сидоровым памятники и открыты новые. В 1965–1966 гг. проведены разведочные работы на нижней Вычегде, в Ленском районе Архангельской области, где открыт уникальный Ленский могильник, в Удорском районе Республики Коми – Вильгортский могильник, в 1969–1971 гг. – в Сысольском и Прилузском районах Республики Коми. В Прилузском районе в 1969 г. раскапывались Лоемский могильник и поселение, а также Векшорский могильник (Савельева, 1971).

Второй этап исследований начинается в 1970-е годы. В связи с пополнением кадров археологов в Коми филиале АН СССР, открытием Сыктывкарского государственного университета (далее – СГУ) активизацией археологических исследований в Коми республиканском краеведческом музее (ныне Национальный музей Республики Коми) расширяется география полевых экспедиционных работ, происходит переход от преимущественно разведочных рекогносцировочных к широкомасштабным стационарным раскопкам.

В 1973–1985 гг. экспедицией СГУ под руководством Э.А. Савельевой были проведены исчерпывающие раскопки 6 вымских могильников (Кичилькосьского I, Ыджыдьельского, Кокпомьягского, Жигановского, Веслянского II, Петкойского), на которых вскрыто 1026 погребений (Савельева, 1987). Вычегодским отрядом ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН под руководством К.С. Королева в 1970-е годы был открыт новый район обитания перми вычегодской на средней Вычегде, представленный четырьмя могильниками, одним поселением и святилищем (Королев, 1979; 2013); в 1975 г. археологической экспедицией Коми Республиканского Краеведческого музея под руководством Л.Л. Косинской исследованы два могильника на Выми (Косинская, 1976, с. 25). С середины 1980-х – 1990-е годы археолого-этнографической экспедицией СГУ исследования памятников эпохи Средневековья проводились на Выми, Сыsole и нижней Вычегде. Т.В. Истоминой в верховьях Выми раскопан Кедвавомский (Истомина, 1985, с. 111–122), на нижней Вычегде – Чежтыягский (Истомина, 1992, с. 127–136), на Сыsole – Вотчинский могильники (Истомина, 1999, с. 76–102), Н.Н. Чесноковой – Ужгинский I и II могильники (Чеснокова, 1994, с. 166–185). В 1980–1990-е годы Вымской экспедицией ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН под руководством Э.А. Савельевой проводились раскопки Жигановского поселения на Выми (Савельева и др., 1993, с. 141–157), продолженные в 2001, 2009 гг. М.В. Кленовым (2015, с. 110–122). В 1990-е годы М.В. Кленовым раскопан Озельский могильник на средней Вычегде (Кленов, 1999, с. 103–114). Таким образом, в настоящее время известно 33 памятника вымской культуры, в том числе 30 могильников, два поселения и одно святилище.

Историография. Первая попытка историко-культурного осмысления средневековых древностей на территории Коми края была предпринята С.Е. Мельниковым. Он высказал предположение о связи «чудских древностей» с предками коми-зырян (Мельников, 1856, с. 121–124). В 1920-е годы аналогичную точку зрения высказал А.С. Сидоров. По его мнению, обширные родовые могильники, выявленные им, принадлежат непосредственным предкам коми-зырян, центром консолидации которых являлся бассейн Вычегды (Сидоров, 1954, с. 70–72), а высокая концентрация средневековых памятников в долине Выми является свидетельством значительной заселенности ее в прошлом (Сидоров, 1924, с. 49–50). В Отчете экспедиции Главнауки вычегодско-вымские средневековые памятники также отнесены к древностям предков коми-зырян, в культуре которых прослеживается болгарское и славянское влияние (Раскопки, 1928,

с. 5–28). Эти идеи нашли дальнейшее развитие в фундаментальной монографии А.П. Смирнова (1952, с. 206–208). Ученый, с одной стороны, отметил своеобразие этих памятников, оставленных особой племенной группой, отличной от других племен Приуралья, с другой – близость чепецким и верхнекамским. Особого внимания заслуживает мнение исследователя о проникновении славян в Вычегодский край с XII в. (Смирнов, 1952, с. 208).

Первая обобщающая работа по средневековым памятникам бассейна Вычегды была опубликована Э.А. Савельевой (1971). В ней на основе археологических материалов была выделена вымская культура, датируемая X–XIV вв., с использованием данных письменных источников, этнографии, языкознания и антропологии обоснована ее принадлежность предкам коми-зырян, намечены локальные варианты, выявлены этнографические особенности. Важное место в работе отведено проблеме генезиса вымской культуры. Автором была выдвинута гипотеза о генетической преемственности ванвиздинской и вымской культур, а также о прибалтийско-финском и четко не определенном волжско-финском компоненте в формировании вымской культуры. На основе изучения материалов средневековых памятников на средней Вычегде К.С. Королевым был выделен средневычегодский локальный вариант культуры перми вычегодский, выявлены его специфические особенности (Королев, 1979). Т.В. Истоминой в кандидатской диссертации проведен источниковедческий и социологический анализ погребального обряда перми вычегодской, разработана его типология, определена структура, выявлена связь обряда погребения с мифологическими воззрениями коми-зырян (Истомина, 1983). Материалы исчерпывающих раскопок вымских могильников, проведенных в 1970–1980-е годы, были введены в научный оборот в обобщающей монографии Э.А. Савельевой (1987). На основе нового фонда источников были скорректированы хронологические рамки вымской культуры, определенные XI–XIV вв., проанализирован погребальный обряд, проведена классификация вещевого инвентаря, прослежены историко-культурные связи вычегодских пермян, реконструированы их хозяйственные занятия, социальная организация и дохристианские верования.

В 1980-е годы К.С. Королевым и Н.Н. Чесноковой были открыты памятники, относящиеся к финальному этапу ванвиздинской культуры, датируемые IX–X (XI) вв. (поселение Лозым на Сысоле и Угдым II на Средней Вычегде), и тем самым была ликвидирована хронологическая лакуна между ванвиздинской и вымской культурами. Анализ этих материалов, а также погребальной обрядно-

сти позволил более аргументированно обосновать их генетическую преемственность (Королев, Савельева, 1988; Королев, 1997, с. 137–191). Большой научный интерес представляют материалы Вотчинского могильника X–XI вв. на нижней Сысоле, к сожалению, разрушенного (Истомина, 1999, с. 76–102). Т.В. Истомина отмечает, что хронологически он близок Усть-Сысольскому и средневычегодским могильникам, по погребальному обряду и вещевому инвентарю – камско-вятским. По мнению исследователя, на рубеже I–II тыс. н. э. на юге современной Республики Коми существовала территориальная группа населения, оставившая памятники, близкие родановским, чепецким и древнемарийским, что может определяться или длительными контактами с населением Прикамья, или переселением какой-то части камско-чепецкого населения в бассейн Сысолы (Истомина, 1999, с. 99–100). Материалы Вотчинского и, возможно, Усть-Сысольского могильников позволяют предполагать существование своеобразного территориально-племенного объединения на Сысоле, занимавшего, возможно, промежуточное положение между вымско-вычегодскими и прикамскими коми, о чем писал Н.Н. Чебоксаров, который рассматривал сысольско-прилузских коми в качестве связующего звена между северными и южными (верхнекамскими) коми (Чебоксаров, 1946, с. 67).

Особое место среди средневековых памятников бассейна Вычегды занимают верхнесысольские Ужгинский I и II могильники XIII в., сопоставляемые Н.Н. Чесноковой с предками ужговских зырян – ужгинскими сырьянами. Специфической особенностью этих памятников является своеобразный способ погребения – «труположения с расчленением погребенных и кучным захоронением их останков на ограниченных участках в придонной части ямы» (Чеснокова, 1994, с. 166–186).

В настоящее время в связи со значительным пополнением источников по средневековой истории смежных регионов были внесены коррективы в определение этнокультурной принадлежности некоторых средневековых памятников, в частности Ленского могильника на нижней Вычегде и Лоемского на Лузе. Ленский могильник первоначально был отнесен к вымской культуры перми вычегодской и датирован XII–XIV вв. (Савельева, 1971, с. 96–101). Этот вывод основывался на том, что, по письменным источникам и данным топонимики, нижняя Вычегда до древнерусской колонизации была заселена коми-зырянами. Могильник расположен в урочище Шойна-яг, в переводе с коми – Могильный бор; омывающий бор ручей называется Шойна шор, в переводе с коми – Могильный ручей. По керамическому материалу, набору вещевого инвентаря он обнаруживает близость

памятникам вымской культуры. Однако домины на столбах, впущенные в погребальную яму, не были выявлены на других памятниках вымской культуры. Наиболее вероятно, что Ленский могильник, датированный второй половиной XIII в., оставлен смешанной группой населения, в составе которого были как вычегодские пермяне, так и пришлое население, возможно, заволочская чудь, что обусловлено его расположением в пограничном районе по соседству с восточными группами прибалтийских финнов (Савельева, 2005а, с. 102).

К особому типу памятников отнесены Лоемский могильник и поселение, расположенные на р. Луза в с. Лойма Прилузского района Республики Коми, являющиеся пограничным между коми и русскими селами. По материалам первых раскопок, могильник предположительно сопоставлялся с упоминаемой в письменных источниках лузской пермцей. Предполагалось, что «в сложении культуры лузской пермцы приняли участие определенные группы волжских или прибалтийских финнов» (Савельева, 1972, с. 23). В настоящее время этот вывод скорректирован. Хронологические рамки могильника определяются XIII–XIV вв. В настоящее время представляется, что Лоемский комплекс памятников оставлен пришлой смешанной группой населения, в составе которого могли быть прибалтийские финны, испытавшие древнерусское культурное влияние, или и славяне, и финны, что проявляется в вещевом инвентаре, технологии кузнечного производства, земледельческих традициях населения (Савельева, 1995, с. 92–139). Проблеме формирования этнической территории предков коми-зырян, их культурного взаимодействия с соседними племенами и народами на основе комплексного метода с привлечением данных смежных наук посвящена специальная статья (Савельева, 2006, с. 12–28).

В настоящее время реализуется задача создания Свода источников по археологии ЕСВ, опубликованы материалы раскопок двух вымских средневековых могильников (Савельева, 2010; 2014).

Археологические памятники вымской культуры (XI–XIV вв.). Эти памятники (30 могильников, 1 святилище и 2 поселения) выявлены на нижней и средней Вычегде, ее притоках Выми и Сыsole, а также в долинах рр. Лузы и Вашки. В рамках культуры выделяется шесть локальных вариантов, соответствующих территориально-племенным объединениям, – вымский, нижневычегодский, средневычегодский, верхнесыольский, прилузский и удорский, наиболее крупным из которых является вымский. В долине р. Выми известно 16 могильников, насчитывающих более 1600 погребений, и одно поселение. На средней Вычегде исследовано 1 святилище, 1 поселение

и 4 могильника. Могильники небольшие по размерам, насчитывают от 7 до 23 погребений – всего 67 погребений. На нижней Вычегде известно три могильника: Чежтыягский, Джибъягский и Кляншпластский, из них полностью исследован только Чежтыягский, на котором вскрыто 153 погребения. На могильнике Клянш-Ластва выявлено 48 могильных ям, на Джибъягском их число не установлено. На верхней Сыsole могильники небольших размеров – Ужгинский I насчитывает 15 погребений, Ужгинский II – 42. Удорский вариант представлен Вильгортским могильником на р. Вашке (62 погребения), Прилузский – Векшорским на р. Лузве (31 погребение). Эти данные свидетельствуют не столько о неравномерной изученности региона, но, наиболее вероятно, как и предполагал А.С. Сидоров, о более плотной заселенности долины Выми в эпоху Средневековья (рис. 1).

Поселения. Городища вымской культуры не известны. Исследованы два поселения – Жигановское на Выми и Леваты на средней Вычегде.

Жигановское поселение расположено на левом берегу р. Выми в 1 км северо-восточнее д. Жигановка Княжпогостского района Республики Коми. Оно представляет особый научный интерес в связи с тем, что синхронно Жигановскому могильнику, датируемому XII – началом XIV в. Он расположен к югу от поселения на расстоянии около 1,4 км в глубине боровой террасы, на котором похоронены жители этого поселения. Площадь поселения составляет 5500 кв. м. Культурный слой разрушен пахотой, поэтому следы построек восстанавливаются только по котлованам ям. По их расположению предполагается смешанная рядокучевая застройка поселения. Котлованы ям относятся к остаткам жилых и хозяйственных построек. В одной из ям выявлена постройка подпрямоугольной в плане формы размерами 150×150 (110) см с отвесными стенками, ровным дном глубиной 60–70 см, которая, вероятно, являлась частью жилой наземной постройки.

Наряду с наземными выявлена постройка типа полуземлянки размером 240×160(105)×106 см, состоящей из двух камер – северной и южной. В северной камере расчищена квадратная деревянная каркасная конструкция размером 132×105 см со столбиками по углам диаметром до 10 см, дно которой покрыто двухъярусным настилом из поперечно положенных досок шириной до 15 см. Глубина котлована южной камеры на 12 см меньше северной. В котловане располагалась прямоугольная деревянная конструкция размером 113×160 см, боковые стенки которой крепились столбиками. Основную часть камеры занимает очаг из камней. Под ними сохранились остатки

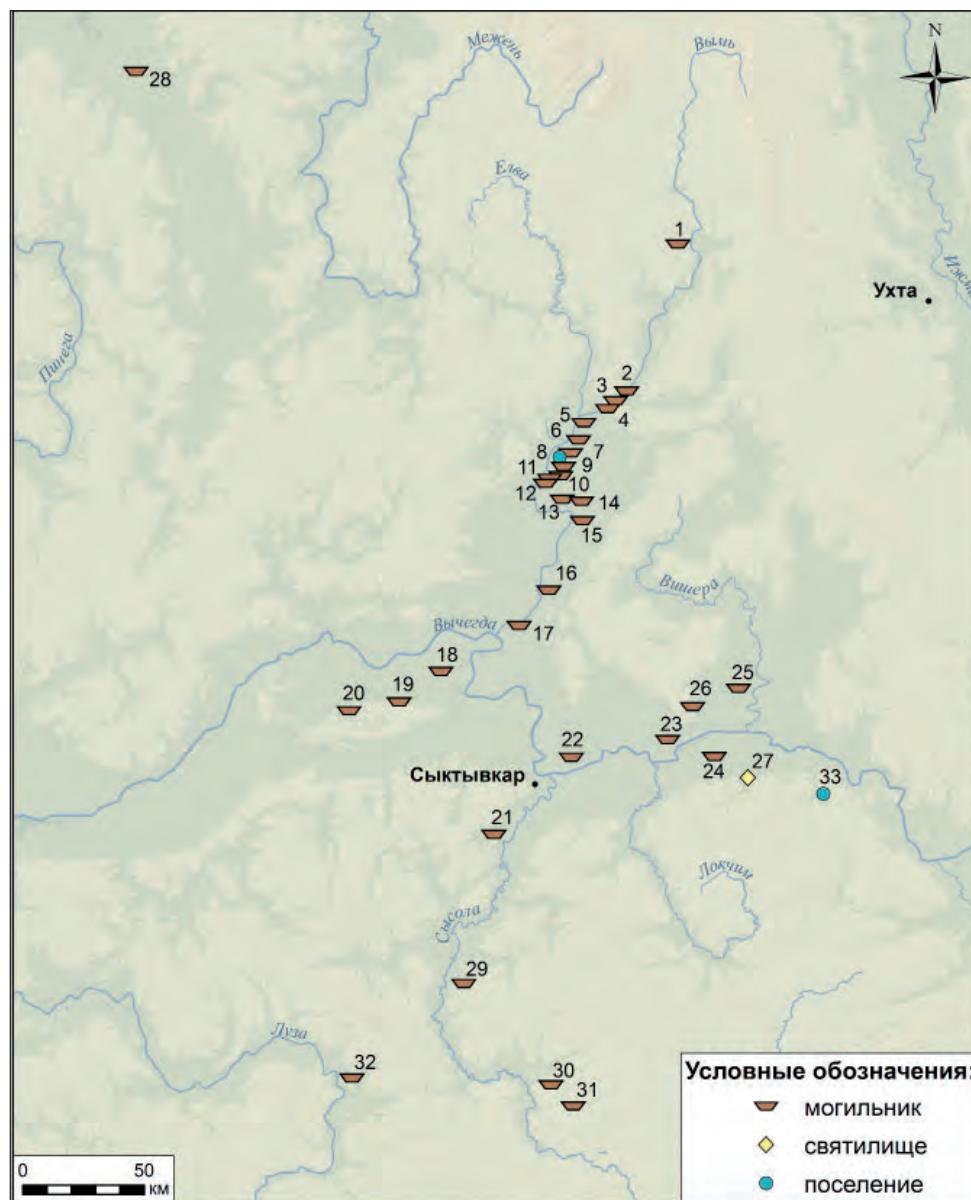

Рис. 1. Карта памятников выемской культуры

1 – Кедвавомский могильник; 2 – Ошмёсский могильник; 3 – Кичилькосьский I могильник; 4 – Кичилькосьский II могильник; 5 – Веслянский II могильник; 6 – Ветьюский могильник; 7 – Ёджыдзьельский могильник; 8 – Жигановское поселение; 9 – Жигановский могильник; 10 – Вадьягский могильник; 11 – Отлинский I могильник; 12 – Отлинский II могильник; 13 – Кокпомьягский могильник; 14 – Петкойский могильник; 15 – Гидсайягский могильник; 16 – Чамсадорский могильник; 17 – Лялинский могильник; 18 – Чежтыягский могильник; 19 – Джибьягский могильник; 20 – могильник Кляншшласта; 21 – Усть-Сысольский могильник; 22 – Озельский могильник; 23 – Пезмогский могильник; 24 – Нёбдинский могильник; 25 – могильник Шойнаты II; 26 – могильник Шойнаты III; 27 – святилище Джуджидьяг; 28 – Выльгортский могильник; 29 – Вотчинский могильник; 30 – Ужгинский I могильник; 31 – Ужгинский II могильник; 32 – Векшорский могильник; 33 – поселение Леваты.

настила из плах поперек камеры, уложенные на лаги. Ширина сохранившихся фрагментов плах достигает 17 см. Наряду с жилами выявлены остатки хозяйственных построек, металлообрабатывающей мастерской.

На поселении обнаружены железные и костяные промысловые, железные боевые наконечники стрел, ножи, медные ножны, долота, иглы, тесла, гвозди, рыболовные крючки, железные навесные замки и ключи, кресала, кольчатые удила, брон-

зовый светец, глиняная втульчатая ложковидная льячка, фрагмент литейной формы, бронзовая блесна, глиняные грузила, а также бронзовая весовая гирька сферической формы со срезанными площадками весом 24,8 г, стеклянные и бронзовые бусы, предметы поясной гарнитуры, пронизки, шумящие подвески и их фрагменты, перстни. Особого внимания заслуживает фрагмент иконки-привески круглой формы с рельефным изображением на лицевой стороне Богоматери Одигитрии

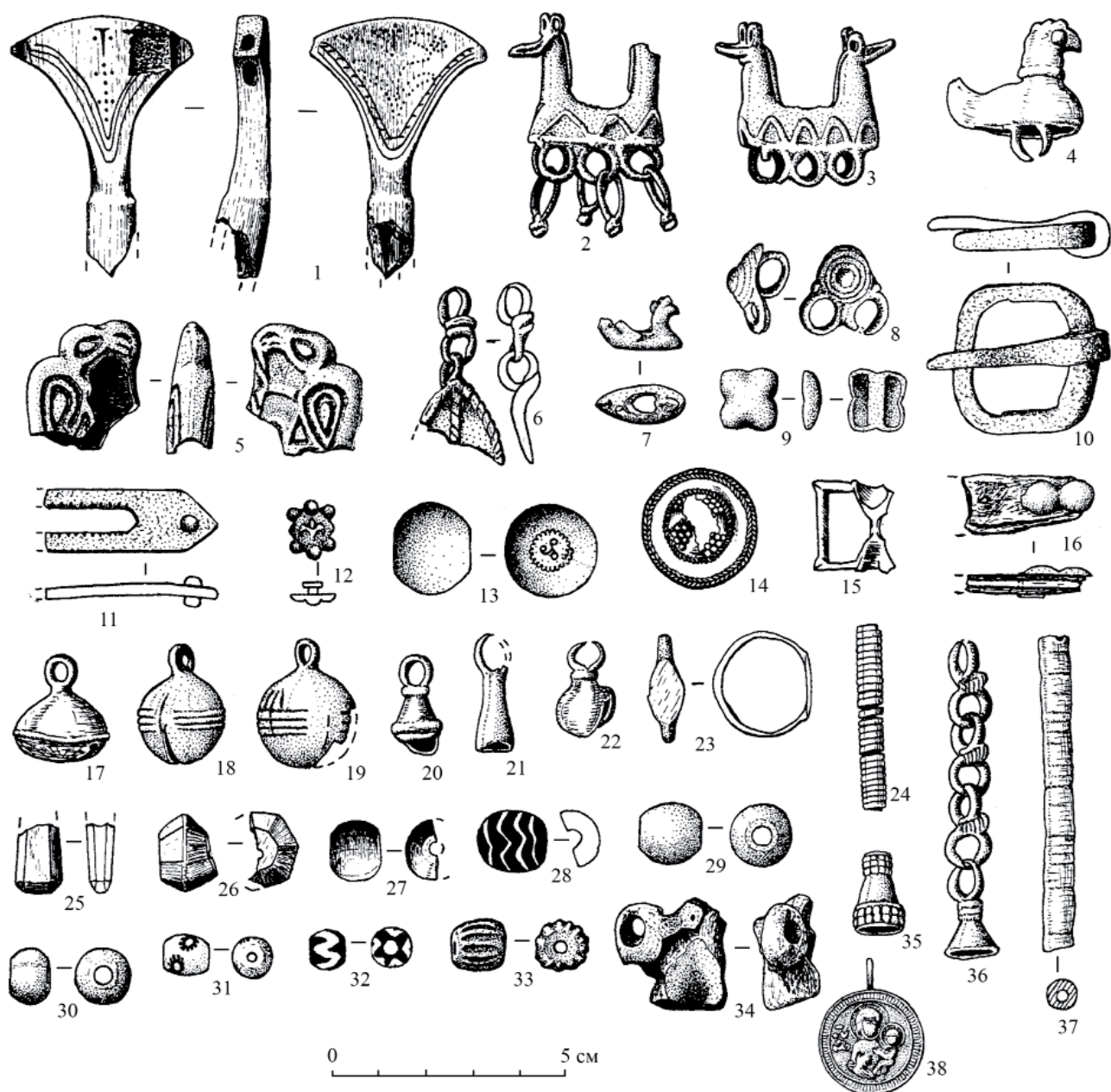

Рис. 2. Жигановское поселение. Бытовые предметы, украшения, детали поясного набора, торговый инвентарь. 1, 34 – кость; 2–9, 12, 15–24, 35–38 – бронза; 10, 11 – железо; 13 – бронза, железо; 14 – серебро; 25, 26 – сердолик; 27–32 – стекло; 33 – фаянс.

с маленьким Христом на левой руке (рис. 2: 38). Керамическая коллекция представлена фрагментами характерных для вымской культуры лепных сосудов чашевидной, горшковидной и баночной формы, орнаментированных отпечатками зубчатого штампа, кольцевидными вдавлениями, налепами, а также древнерусских круговых, украшенных линейно-волнистым орнаментом. Преобладает местная лепная керамика (57%). Сохранились кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, лошади, а также лося, северного оленя, медведя, бобра, зайца, белки, птицы и рыбы.

Жигановское поселение расположено рядом с древнерусским Пожегским городищем и, судя по вещевому инвентарю, в частности коллекции круговой керамики, находкам бронзового светца, иконки-медальона, многие предметы попали на поселение в процессе разнообразных связей, в том числе брачных, с населением Пожегского городища.

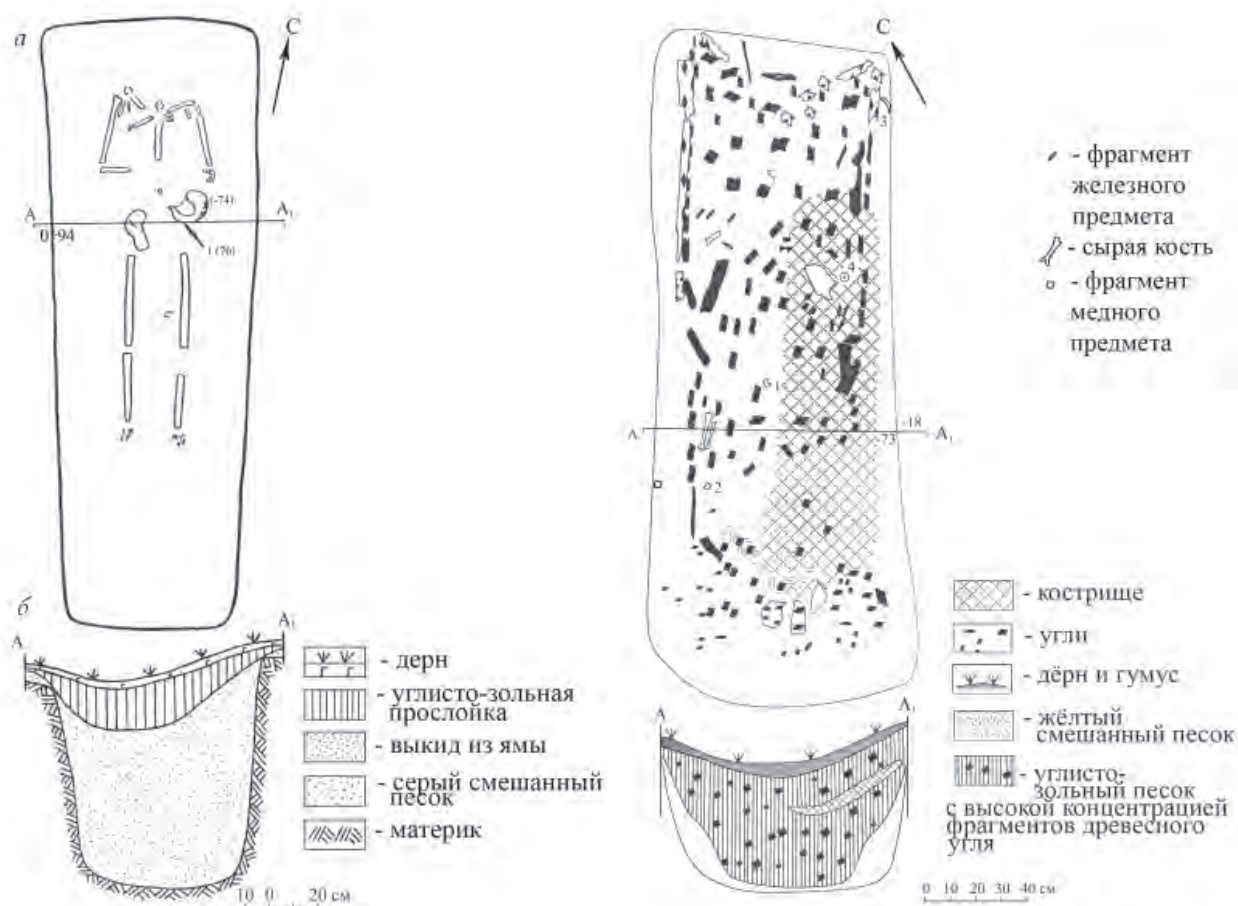
Поселение Леваты расположено в урочище Чуд кар (в переводе с коми – «Чудское городище») на береговой террасе старичного озера Леваты на левом берегу Вычегды около 3 км южнее

с. Подбельск, в 1 км от русла реки. Оно занимает грибовидную возвышенность длиной около 100 м и шириной 25–30 м. На поселении обнаружены остатки примитивной печи-домницы для варки железа, которая располагалась на расстоянии около 30 м южнее жилой площадки поселения. Культурные остатки поселения малочисленны. Не исключено, что часть поселения разрушена оползнем. Керамика представлена мелкими обломками лепных сосудов, два из которых орнаментированы оттисками зубчатого штампа и кольцевыми вдавлениями. Украшения представлены бронзовой накладкой и бипирамидальной бусиной из горного хрусталя, предметы быта – каменной литейной формой, двумя оселками. Найдены также мелкие фрагменты кальцинированных костей, обломок железного изделия, шлаки и дресвяные камни. Поселение датируется XII–XIII вв. (Королев, 2013, с. 30–32).

Святылище Джуджыдыяг расположено в долине средней Вычегды, на западном берегу озера Шойнаты, на самом высоком участке 8-метровой террасы под названием Джуджыдыяг (в переводе с коми – «Высокий бор»). Большинство культурных остатков относятся к эпохе раннего железного века. Комплекс позднего железного века, сопоставляемый со святылищем, выявлен в южной части поселения, в пределах полосы длиной около 5 м, шириной около 1 м. В него входят два железных наконечника стрелы – черешковый ромбический и двурогий срезень, а также обломок железного проушного топора, нож, тесловидное орудие, многочисленные фрагменты железных предметов. Из украшений найдены бронзовые бубенчики, грушевидные и шаровидные, бутыльчатые подвески, спиралевидные и трубчатые пронизки, арочная шумящая подвеска с шатоном для вставки. К культовым предметам относятся металлическая плакетка с изображением парящей птицы, выполненная в реалистической манере техникой одностороннего литья с отверстиями на крыльях с сохранившимися в них звеньями цепочки, и круглая серебряная монетовидная подвеска, на лицевой стороне которой процарапано изображение животного в окружении людей в конических головных уборах. По мнению исследователя святылища К.С. Королева, в комплекс святылища могла входить округлая каменная вымостка диаметром около 2,8 м с мощным углисто-зольным слоем на поверхности. Судя по незначительному количеству находок, святылище могло быть семейно-родовым капищем, функционировавшим непродолжительное время. Исследователь не исключает предположения о разрушении его в процессе миссионерской деятельности Стефана Пермского (Королев, 2013, с. 26–27).

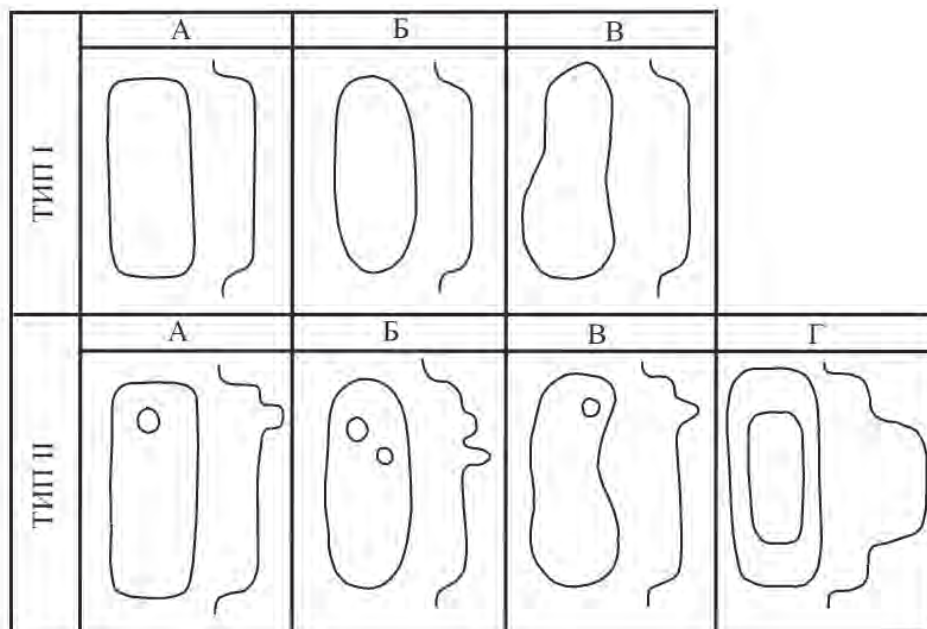
Могильники. Погребальный обряд. Все могильники вымской культуры грунтовые, расположены на высоких надпойменных террасах реки или старичного озера, на борových возвышенностях, как правило, примыкающих к болотистой низине. Погребения на поверхности отмечены впадинами овальной формы, расположенными рядами или группами. Встречаются одиночные захоронения, удаленные от основного массива погребений. Планиграфически на всех крупных могильниках выделяется несколько топографических групп погребений, расположенных, как правило, на отдельных возвышенностях, отделенных между собой интервалом в несколько метров (от 30 до 200 и более). Погребения ориентированы с С на Ю, с ССВ на ЮЮЗ, с ССЗ на ЮЮВ, с СЗ на ЮВ, с СВ на ЮЗ, с ЗСЗ на ВСВ, с З на В. Преобладают меридиональная (39,2%) и промежуточная ориентировка (36,2%), на нижневыхегодском Чжтыгском могильнике господствующей является промежуточная (83,8% погребений). Исключение составляет Ыджыдыельский могильник, на котором абсолютное большинство погребений (90,4%) ориентировано с В на З. При определенном преобладании одного из видов ориентировки на каждом могильнике представлено несколько ее разновидностей. Так, на Жигановском меридиональную имеют 51% погребений, промежуточную – 38,3%, широтную – 10,7% (Савельева, 2010, с. 115). Как правило, погребения ориентированы на водоем.

Характерной чертой погребального обряда вымской культуры является биобрядность – существование кремации и ингумации. Ингумация преобладает (незначительно) на ранних этапах функционирования могильников (XI – первая половина XII в.), со второй половины XII в. фиксируется тенденция увеличения числа кремированных. На Жигановском могильнике на рубеже XI – в первой половине XII в. труположения составляют 58,2%, со второй половины XII в. число погребений, совершенных способом кремации, составляет 64,7% от числа погребений XII–XIII вв. (Савельева, 2010, с. 118). На Кичилькосьском I могильнике, который датируется XI–XIII вв., погребений с ингумацией 59,06%, на Ыджыдыельском 67,8%, причем в южной, более ранней части, погребения с ингумацией значительно преобладают (71,5%) (Савельева, 2014, с. 7). Во всех погребениях с ингумацией фиксируются следы ритуальных костров для «окуривания» ямы – традиции, зафиксированной по этнографическим материалам (Сидоров, 1937, с. 70). А.С. Сидоров записал предание, согласно которому в д. Раковицы в недавнее время при погребении, прежде чем опустить гроб в могилу, на дне ее разводили

1

2

3

Рис. 3. Типы могильных ям.

3.1. Расчлененное труположение. Кокпомъягский могильник, погребение 216. А – А1 – линия разреза могильной ямы; 1 – железный нож; 3.2. Погребение с срубом. Жигановский могильник, погребение 119.

А – А1 – линия разреза могильной ямы; 1, 2 – оплавившийся бронзовый предмет; 3 – резец; 4 – стеклянная бусина; 3.3. Типы могильных ям: план и профили

огонь. Гроб опускали в огонь, его таким образом «окуривали» и уже в дальнейшем засыпали. Исследователь предполагает, что этот обряд представляет собой последнюю ступень неполного сожжения трупов. Пережитком языческого обряда погребения является также традиция, зафиксированная А.С. Сидоровым, согласно которой топоры и ножи, первоначально клавшиеся в гроб, вынимали из гроба после обряда «окуривания».

Преобладает полная кремация на стороне, при которой кальцинированные и/или обожженные кости ссыпались в яму вместе с углями и золой. Реже встречается частичная кремация – в погребениях наряду с кальцинированными встречаются обожженные и сырые кости человеческого скелета. В некоторых случаях кремирован только череп или он отчленен и не тронут огнем, костные останки расположены на дне могильной ямы, а не в засыпи. В связи с песчаным грунтом при ингумации сохранность костяков неудовлетворительная. Фиксируются только фрагменты полустлевших трубчатых и черепных костей на дне ямы, пятна костного тлена, которые позволяют реконструировать положение умершего на спине. Редко сохраняются черепа. В большинстве случаев погребенные ориентированы головой на водоем, но встречаются исключения. На Ыджыдзельском могильнике в пяти погребениях череп лежал в центральной части ямы, в одном – за пределами могильной ямы на древней дневной поверхности (Савельева, 2014, с. 6). Аналогичная ситуация фиксируется на Жигановском могильнике (погр. 197). Расчлененные погребения встречаются и на Кокпомьягском могильнике (рис. 3: 1). Абсолютное большинство погребений – одиночные, два парных обнаружены только на Чжэтыягском могильнике. Не исключено, что некоторые погребения содержат остатки ритуальных перезахоронений, о чем можно судить по нарушению анатомического расположения костей скелета в целом – они лежат кучкой, вперемешку, что характерно, в частности, для Ужгинского I и II могильников (Чеснокова, 1994, с. 173, 182). Захоронения с кремацией и ингумацией располагаются отдельными рядами, значительно реже в одном ряду локализируются погребения и с ингумацией, и с кремацией.

Могильные ямы относятся к двум типам. Первый характеризуется преимущественно подпрямоугольной и овальной формой, наклонными стенками и плоским дном. Ко второму относятся ямы сложной конструкции со слегка наклонными стенками и неровным дном, в котором выкопаны небольшие ямки – одна или несколько, или одна в центре – глубокая колодеобразная длиной 110–142 см, глубиной 50–110 см, диаметром 40–93 см (рис. 3: 3). Преобладают ямы первого типа. Они

содержат погребения как совершенные способом ингумации, так и кремации. На крупных могильниках погребения второго типа образуют планиграфические группы. Они содержат преимущественно остатки трупосожжений на стороне, редко – трупоположения.

Могильные ямы длиной от 160 до 230 см, шириной 70–130 см, глубиной 30–70 см. Значительная часть неглубоких ям содержит остатки трупосожжений. Большая часть ям небольших размеров (длиной до 160 см) или не содержит инвентаря, или содержит незначительное количество вещей.

В погребениях фиксируются остатки внутрипогребальных конструкций. Универсальными являются сооружения из бересты. Остатки их сохранились не только на дне могильных ям, но и по их стенкам, над костяком. Встречаются остатки досок на дне ямы вдоль нее. К другому типу внутрипогребальных конструкций относятся срубы. Они представляют собой одновенечную прямоугольную конструкцию из двух продольных и поперечных плах, установленных на ребро на дне ямы. Чаще всего плахи поставлены впритык друг к другу, иногда их концы слегка подтесаны и одна (поперечная) лежит сверху. Срубы обычно обожжены, обуглены, некоторые сопровождаются мощными прокалами. На дне срубов встречаются доски, покрытые берестой (рис. 3: 2). В пог. 100 Ыджыдзельского могильника обуглившийся сруб был обернут берестой, которая закреплялась железными клиньями и гвоздями с квадратной шляпкой и четырехгранным острием. Отмечены случаи втыкания острых железных предметов в стенку сруба (ножей, наконечников стрел, иголок). Оригинальная конструкция обнаружена в погребении 103 Ыджыдзельского могильника. В центре могилы зафиксирована впускная яма в форме лодки, контуры которой определились по углам на древнем горизонте. На нижневычегодских Чжэтыягском и Кляншшластском могильниках встречены погребения (15 погр.), по углам срубов которых внутри стояли столбики, выполняя роль опоры для плах. Частота встречаемости срубов на могильниках различная. На полностью раскопанных вымских их насчитывается 70: На Жигановском – 37, что составляет 12,9% от числа всех погребений, на Ыджыдзельском – 24 (11,4% от числа погребений), на Кичилькосьском I – 9 (4,1%). Их значительно больше на нижневычегодских и удорских памятниках: на Чжэтыягском – 41 (33,3%), на Кляншшластском – 9 (42,8%). На Вильгортском могильнике из девяти раскопанных погребений срубы обнаружены в шести (66,7%), однако вполне возможно, что раскопана та часть памятника, где локализовались погребения в срубах. На ряде могильников они выделяются планиграфически,

образуя отдельные группы. На средневычегодских, сысольских могильниках срубы отсутствуют. В абсолютном большинстве случаев погребения в срубах совершены способом кремации. На Чезтыягском одно парное, на Кичилькосьском I предположительно одно одиночное захоронение совершены способом ингумации. В погребениях со срубами умершие кремированы или в самом срубе, свидетельством чего является прокаленный песок под срубами, или за его пределами. В случае кремирования в срубе на дне ям сохранились частично обгоревшие или обожженные кости, вещи расположены преимущественно на дне, как и в погребениях с ингумацией, но встречаются и в засыпи.

Одной из специфических особенностей обряда погребения является помещение в могилы сломанных изделий, прежде всего железных, реже – украшений. Посуда представлена в большинстве случаев фрагментами глиняных и медных сосудов, целые глиняные встречаются редко и только в погребениях с ингумацией, целые медные котелки – единичны. В погребениях и между ними встречаются комплексы вещей, вероятно, положенных в дар умершему в берестяную коробочку или в меховую сумочку. Они включают орудия труда, украшения, предметы быта. Характерной чертой погребального обряда вымской культуры является высокая насыщенность межмогильного пространства материальными остатками ритуалов поминально-жертвенного характера. Выявлены многочисленные кострища, располагающиеся рядом с погребениями или над ними, содержащие фрагменты керамики, развалы сосудов, ножи, украшения, другие категории вещей, редко – кости жертвенных животных.

Т.В. Истоминой выделено четыре типа погребального обряда (Истомина, 1983): 1) полная кремация на стороне с переносом остатков погребального костра в яму простой конструкции с беспорядочным расположением в ней костных остатков и инвентаря, значительная часть которого представлена обломками; 2) ингумация в яме простой конструкции с расположением костей скелета и основной массы сопровождающего инвентаря на дне ямы. Одним из вариантов этого типа являются расчлененные труположения; 3) частичная кремация в яме простой конструкции. Останки погребенного находятся на дне, вещи и на дне, и в засыпи, встречаются захоронения в срубах; 4) погребения без костных останков и инвентаря или содержащие только керамику, обломки медных пластинок и железных предметов. Общими чертами для всех типов обрядности являются: ориентированность погребений на воду, остатки кострищ в засыпи и на поверхности по-

гребений, выстилание могилы берестой, преобладание ям простой конструкции, одинаковые размеры погребений, наличие кострищ с вещами или без них рядом с могилами.

Большинство погребений (85%) сопровождается вещевым инвентарем. В мужских погребениях представлены наконечники стрел и копий, ножи, скобели, топоры, резцы, шилья, тесла, кресала, оселки, стамески, предметы поясной гарнитуры, бубенчики, пронизки, перстни, височные кольца, пуговицы, разнообразные подвески, в женских преобладают украшения и фрагменты керамики, наряду с которыми встречаются ножи, кресала, оселки, редко – наконечники стрел. Выделяются погребения с привозными серебряными изделиями, монетами, наборами разнообразных орудий, оружия и украшений, которые, вероятно, отражают высокий социальный статус погребенных. Они не редко составляют ряды (Кичилькосьский I, Кокпомьягский могильники) или небольшие группы из двух-четырех погребений, расположенных рядом (Жигановский, Ыджыдьельский, Чезтыягский могильники).

В топографии могильников вымской культуры отражаются представления о структуре мифического мира, который имеет аналогичную социальному патриархально-родовую ориентацию. Члены одного патриархально-родового коллектива захоронены в одном ряду или образуют группу погребений. Деление могильников на большие группы погребений может быть объяснено до сих пор бытующей традицией использования одного кладбища жителями разных населенных пунктов, при этом территория, на которой хоронят покойников из одного пункта, топографически изолирована.

Вещевой инвентарь. Орудия труда. Ножи (рис. 4: 12–20) составляют наиболее массовую серию изделий (более 200 экз.). Среди них выделены столярные, рабочие малые, хозяйственные универсальные, столовые, сапожные. Преобладают хозяйственные универсальные. При изготовлении ножей наиболее часто и вплоть до XIII в. использовали технологию трехслойного пакета. Второй по распространенности была варка стального лезвия. Ножи, изготовленные по технологии наварки стального лезвия, встречаются редко и, вероятно, являются изделиями русских кузнецов (Бирюков, Завьялов, Савельева, 2006, с. 14).

Деревообрабатывающие орудия. Топоры (28 экз.). Среди топоров (25 экз.) выделены рабочие, относящиеся к трем типам по Б.А. Колчину (1959, с. 25–26). Типичными являются хозяйственные с опущенным лезвием с выемкой и одной парой щековиц в нижней части (рис. 4: 21). Они изготовлены технологией варки, наварки,ковки из стали и цементации (Бирюков, Завьялов, Савельева,

Рис. 4. Железные орудия труда.

1, 3, 4, 11, 12, 14, 17–19 – Кичилькосьский I могильник; 15 – Кичилькосьский II могильник; 2, 10 – Вадьягский могильник; 5, 9 – Кокпомьягский могильник; 6, 16, 21, 22 – Жигановский могильник; 7, 8, 13, 20 – Бджыдзьельский могильник.

2006, с. 15–17). К деревообрабатывающим орудиям также относятся тесла (5 экз., рис. 4: 1, 2), наструги (14 экз., рис. 4: 9), резцы (7 экз., рис. 4: 4), стамески (6 экз., рис. 4: 5), сверла (рис. 4: 7). Тесла изготовлены по технологии наварки стального лезвия, вварки стального лезвия, наструги – по технологии наварки стального лезвия на основу из стальной или железной заготовки, резцы –ковки из двухслойных заготовок, трехслойного пакета, стамески откованы из стальной заготовки по технологии вварки в стальную основу из кричного железа (Бирюков, Завьялов, Савельева, 2006, с. 16–18).

Железообрабатывающий инструментарий представлен кузнечными молотками (2 экз., рис.

4: 10, 11), кузнечными клещами (1 экз., рис. 4: 6), волочилом (1 экз., рис. 4: 3). Волочило отковано из кричного железа с высоким содержанием фосфора из кричного железа (Бирюков, Завьялов, Савельева, 2006, с. 20).

Предметы вооружения. На памятниках вымской культуры найдено более 350 предметов вооружения. По функциональному назначению оружие подразделяется на промысловое и боевое. Преобладает промысловое оружие.

Среди промыслового оружия преобладают наконечники стрел (более 300 экз., рис. 5: 1–7, 9–13, 15, 16, 21, 23, 25). Они подразделяются на втульчатые и черешковые. Среди втульчатых наконечников стрел выделяются двушипные и ромбовид-

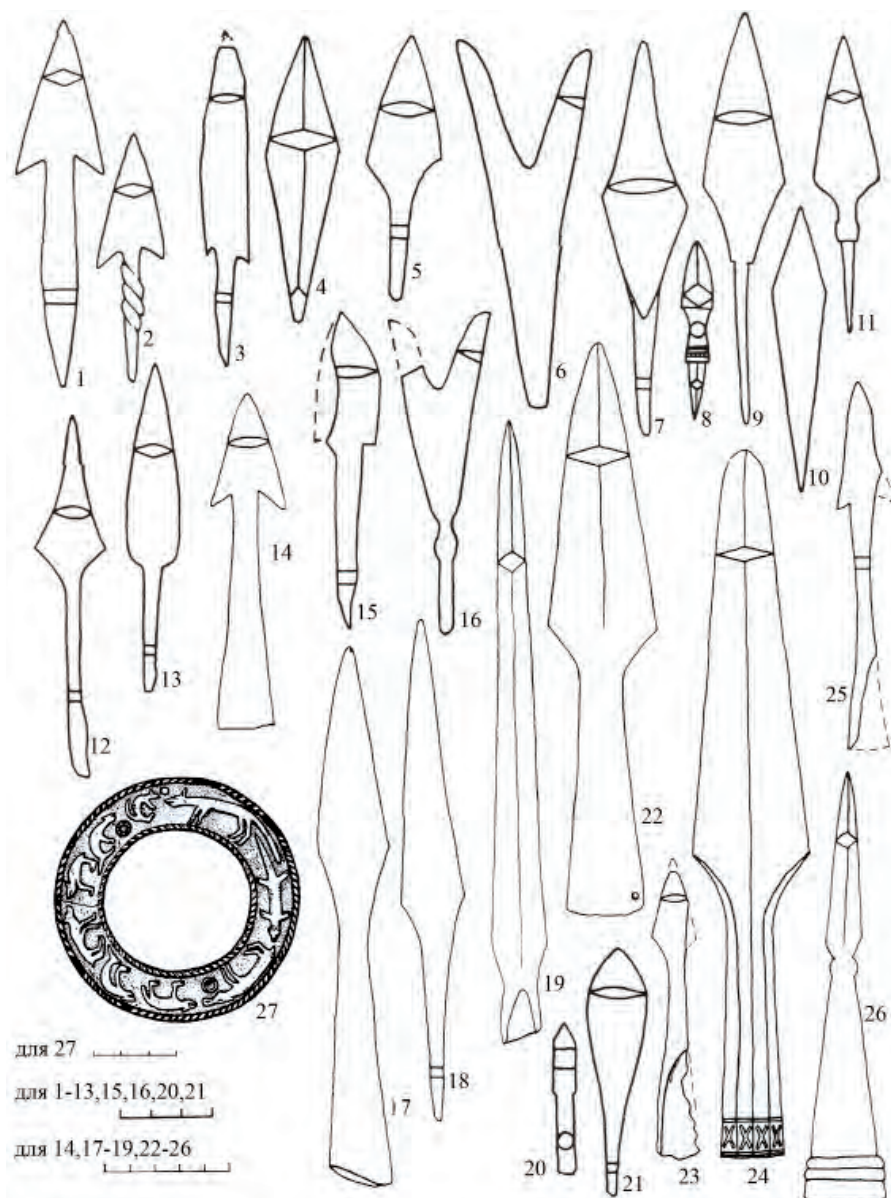

Рис. 5. Наконечники стрел и копий. Древний коми промысловый календарь.
 1–4, 6, 7, 11, 16, 24 – Ыджидьельский могильник; 5, 21 – Кокпомьягский могильник; 8, 12 – Жигановский могильник; 9, 13–15, 18, 22, 23, 25, 26 – Кичилькосьский I могильник; 10, 20 – Веслянский II могильник; 19 – Вадьягский могильник; 17, 27 – случайные находки на Средней Вычегде. 1–26 – железо; 27 – бронза.

ные. Все черешковые наконечники, относящиеся к промысловым, имеют плоское сечение. Преобладают наконечники ромбовидные, лавролистные, двушипные без упора. Наконечники копий представлены двумя видами: собственно копьями (23 экз.) и сулицами (дротиками) (32 экз.) (рис. 5: 14, 17, 18, 22, 24). Они также делятся на втульчатые (11 экз.) и черешковые (21 экз.). Втульчатые наконечники копий подразделяются по форме на удлиненно-треугольные (ромбовидные), ромбические в сечении и продолговато-яйцевидные с закругленными плечиками, втульчатые сулицы – двушипные и одношипные, черешковые наконечники сулиц – удлиненно-треугольной (ромбо-

видной) формы и двушипные. Характерными для вымской культуры являются удлиненно-треугольные наконечники копий. Наконечники стрел изготовлены по технологииковки из железа, стали и металлолома, наварки шипов или лезвия,ковка из двухслойной заготовки, цементации, большинство наконечников сулиц – путем простой вырубкис из шипов железа или стали, один – по технологии наварки шипов на пакетированную основу (Бирюков, Завьялов, Савельева, 2006, с. 25).

Боевые наконечники стрел (36 экз.) относятся к группе граненых (рис. 5: 8, 20). По контуру боевой головки выделяются ланцетовидные, ромбовидные, обоюдоострые квадратного и прямо-

угольного сечения, пирамидальные и «коловидные». Один наконечник ромбовидный без упора в сечении прямоугольной формы откован из железа с последующей наваркой стальной пластины, второй с упором – из неравномерно науглероженной, сырцово-стали. Боевые наконечники копий (6 экз.) представлены двумя типами: пиковидными и узколистным втульчатым (рис. 5: 19, 26). Пиковидные (5 экз.) представляют собой специфическое оружие для пробивания доспеха. Основным способом изготовления наконечников копий была простаяковка из сырцово-стали и железной заготовки или железной заготовки с последующей цементацией. Три наконечника изготовлены по технологии наварки стальных лезвий, не характерной для кузнечного производства финских племен, что позволяет предполагать их импортное происхождение (Бирюков, 2005, с. 29). Среди топоров (28 экз.) к боевым можно отнести шесть, три из них – бесспорно, три могут быть и универсальными. Они входят в группу проушных, относятся к трем типам: 1) топоры с опущенным асимметричным лезвием, полукруглым выемом, внизу которого имеется бородка; 2) с асимметричным лезвием; 3) с симметричным широким или узким, плавно расширяющимся книзу лезвием (рис. 4: 22). Из трех бесспорно боевых топоров два изготовлены по технологии сварки, один – по технологии наварки. Для местного кузнечного производства при изготовлении предметов вооружения характерны простаяковка из железных и стальных заготовок, использование цементации, сварки. Технология наварки стального лезвия или шипов является более характерной для русских кузнецов. Изделия, изготовленные по этой технологии, вероятно, являются привозными (Бирюков, 2005, с. 37).

Таким образом, наиболее многочисленную коллекцию среди орудий труда и оружия составляют ножи и наконечники стрел. Среди наконечников стрел, копий и сулиц преобладают промысловые.

Бытовые изделия. Среди универсальных изделий наиболее многочисленны кресала (66 экз.), которые относятся к пяти типам: калачевидные, двулезвийные овально-удлиненные, двулезвийные прямоугольные и фигурно-прорезные (рис. 6: 1–5, 9–14). Проведен металлографический анализ 22 кресал. Из них только на десяти (45,45%) обнаружены схемы, полностью отвечающие функциональному назначению этих орудий – наварка стального лезвия на железную основу с последующей закалкой, изготовление цельностальных кресал из железной заготовки с последующей цементацией. Пять кресал выполнены путем торцевой наварки стальной пластины на ударную часть орудия. Одно кресало подвергнуто закалке с последующим высоким отпускком. По схеме торцевой

наварки, возможно, изготовлено еще одно кресало. Три кресала откованы полностью из стальной или пакетированной заготовки, одно отковано из железа с последующей сквозной цементацией и подверглось мягкой закалке. Проведенные исследования позволили выявить тенденцию перехода от цельностальных или выполненных с использованием цементации к изготовленным торцевой наваркой. Рабочие качества 12 кресал намного ниже, они изготовлены из кричных заготовок и не могли использоваться по своему функциональному назначению, если только не имели стальных ударных частей, полностью утраченных (Бирюков, Завьялов, Савельева, 2006, с. 19–20).

Из кузнечных изделий найдены также шилья (38 экз.), иглы (10 экз.), топорни (13 экз.), пружинные ножницы (9 экз.), тесла (3 экз., рис. 4: 1), замки (15 экз., рис. 6: 15–17), удила (7 экз., рис. 6: 8). Удила относятся к двум типам: 1) двусоставные (5 экз.); 2) удила с узорным псалием (1 экз.). При изготовлении ножниц в одном случае применена химико-термическая обработка заготовки, лезвия дополнительно подвергнуты закалке, у вторых ножниц лезвия не сохранились, основа откована из железа. Шилья изготовлены свободной ручной ковкой из кричной заготовки, в одном случае – заэвтектоидной стали, обладавшей высокой твердостью, пешня – из кричного железа с высоким содержанием фосфора (Бирюков, Завьялов, Савельева, 2006, с. 20). Из бытовых изделий найдены также глиняные и костяные пряслица, оселки, деревянные ложки, медные котелки (рис. 6: ба), бронзовая чаша в форме лотоса с 15 лепестками (рис. 6: б).

Украшения являются одной из наиболее массовых категорий вещевого инвентаря вымской культуры. Они представлены разнообразными бубенчиками, пронизками, нагрудными и поясными привесками, перстнями, бусами, а также предметами поясной гарнитуры. Наиболее многочисленную категорию украшений составляют бубенчики (более 570 экз.), среди них грушевидные (более 60% от всего количества бубенчиков) (Савельева, 1987, с. 85–87, рис. 29, 45–67). Они появляются не позднее XI в. и получают широкое распространение в XII–XIV вв. Центр их производства, вероятно, находился на Выми. Довольно распространенными были также шаровидные (около 19%) и бубенчики с коническим верхом и уплощенной нижней частью древнерусского происхождения (более 7%). Популярными были разнообразные пронизки (около 500 экз.). Они подразделяются на грушевидные, конусовидные, бутыльчатые, трубчатые, спиралевидные. Наиболее многочисленны трубчатые без шумящих украшений и с ушками для привешивания подвесок. Прорезные и глад-

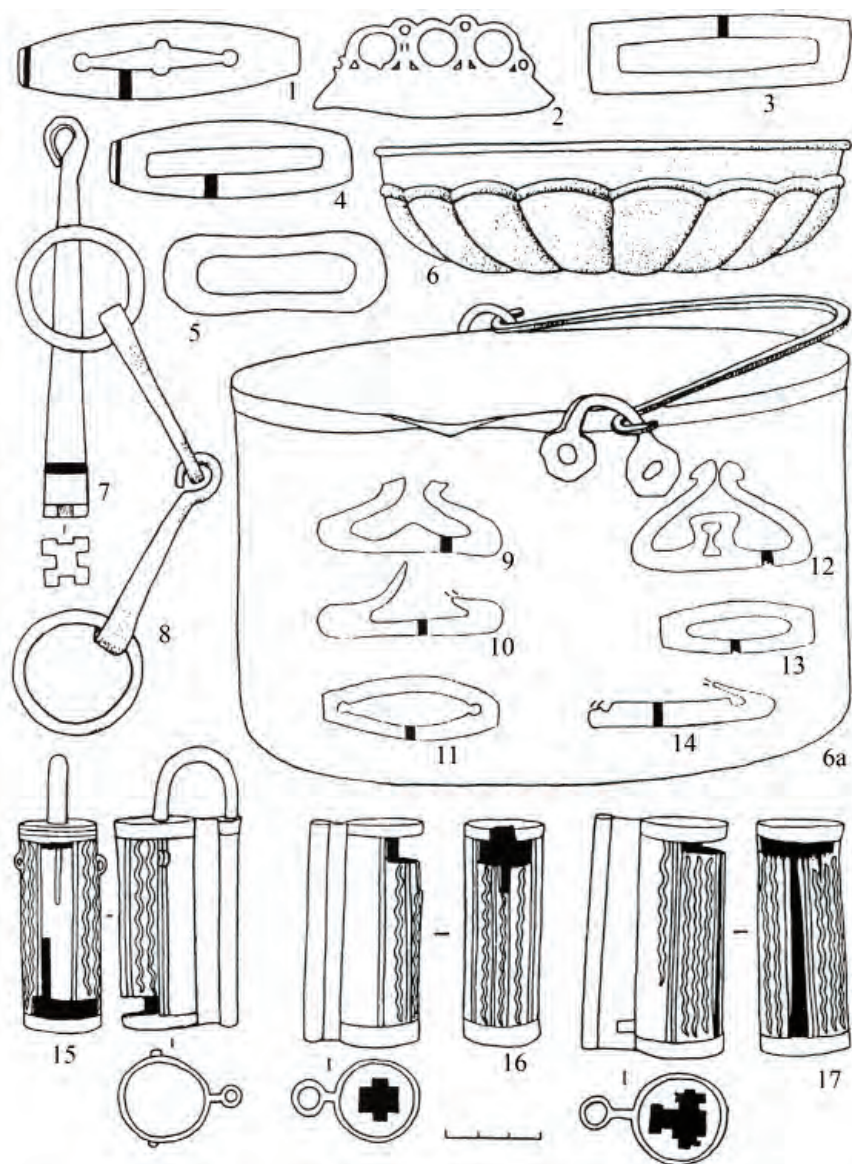

Рис. 6. Бытовой инвентарь.

1, 4, 5, 6а, 15–17 – Кичильковский I могильник; 3, 6, 7, 9, 10, 12, 14 – Блждьдельский могильник; 2 – Кокпомъ-
ягский могильник; 8 – Жигановский могильник; 13 – Вадьягский могильник; 11 – Ветьюсский могильник 1–5.
7–17 – железо; 6 – медь; 6а – медь, железо.

кие трубчатые пронизки относятся к общим для вымской и родановской культур типам (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 202). Пронизки, украшенные напаянными волотами, кружками, линейно-волнистыми или зигзагообразными линиями, находят аналогии на памятниках корелы, вепсов, памятниках Белозерья (Кочкуркина, 1981, табл. 4; Макаров, 1997, табл. 54, 55).

Шумящие подвески (более 80 экз.) подразделяются на полые и плоские (пластинчатые) (рис. 7: 7, 13–25, 26, 27, 38–44). Они представлены зооморфными, якорьковыми, биякорьковыми, умбоновидными, треугольными, арочными и конусовидными. Среди полых зооморфных подвесок (18 экз.) выделяются коньковые и подвески-птицы (рис. 8.1: 1, 2, 17, 18). Полые коньковые подвески

(12 экз.) относятся к числу популярных у средневекового финно-угорского населения. По мнению Е.А. Рябинына, одним из центров их изготовления являлся Новгород (Рябинин, 1981, с. 115–117). Полые подвески-птицы (6 экз.) имеют аналогии в финских древностях Юго-Восточного Приладожья, Костромском Поволжье, Новгородской земле (Рябинин, 1981, с. 39–43). Плоские коньковые, биякорьковые, арочные, умбоновидные подвески (63 экз., рис. 7: 26, 27, 38–44) имеют прикамское происхождение (Оборин, 1970, с. 14–21; 1999, рис. 4; Белавин, Крыласова, 2008, с. 186–188; Белавин, Крыласова, 2012, рис. 58). Треугольные шумящие подвески близки характерным украшениям финно-угорского населения Костромского Поволжья (Горюнова, 1961,

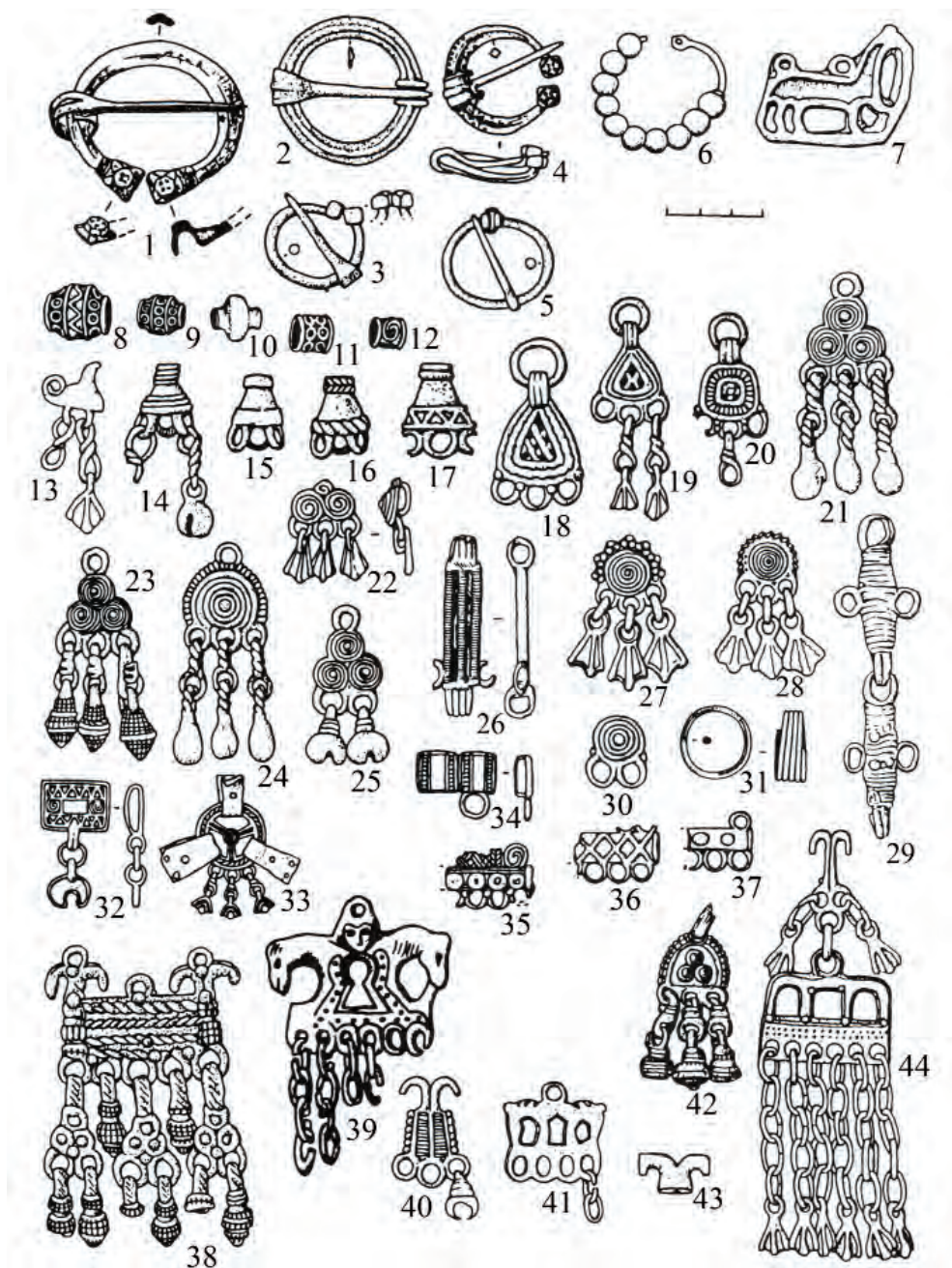

Рис. 7. Прибалтийско-финские, восточно-финские и родановские украшения.

1 – могильник Шойнаты III; 2, 3, 5, 15, 17, 25, 27, 28, 31, 40, 41, 44 – Кичилькоський I могильник; 4, 12, 13, 22, 24, 30 – Жигановский могильник; 6, 10, 11, 14, 21, 23, 26, 29, 34, 35, 38 – Ыджыдзельский могильник; 7, 18–20 – Кичилькоський II могильник; 8, 9, 36, 37, 43 – Кокпомьягский могильник; 16 – Петкойский могильник; 28, 32, 33 – Вадьягский могильник; 39 – Усть-Сысольский могильник; 42 – сборы А.С. Сидорова.
1–30, 32–42, 44 – бронза; 31 – серебро; 43 – кость.

с. 230; Рябинин, 1986, табл. V). Полюе конусовидные шумящие подвески (9 экз.) Л.А. Голубева относит к характерным украшениям веси (Голубева, 1973, рис. 4). Они широко представлены в древностях Белого озера (Захаров, 2004, рис. 70).

К распространенным украшениям относятся круглые монетовидные прямо- и косорешетчатые, крестопрорезные, восьмилучевые подвески (46 экз., рис. 8: 5–8). Так же как и шумящие подвески, они являются привозными, аналогии

которым широко представлены в средневековых древностях Северо-Западной и Северо-Восточной Руси. Популярными были височные кольца (119 экз., рис. 8.1: 1, 14–16, 19). По материалу они подразделяются на серебряные и бронзовые, по технологии изготовления – на проволочные и бусинные. Простые круглопроволочные височные кольца с сомкнутыми и несомкнутыми концами, плоскошковые были широко распространены как в древнерусских, так и финских древностях.

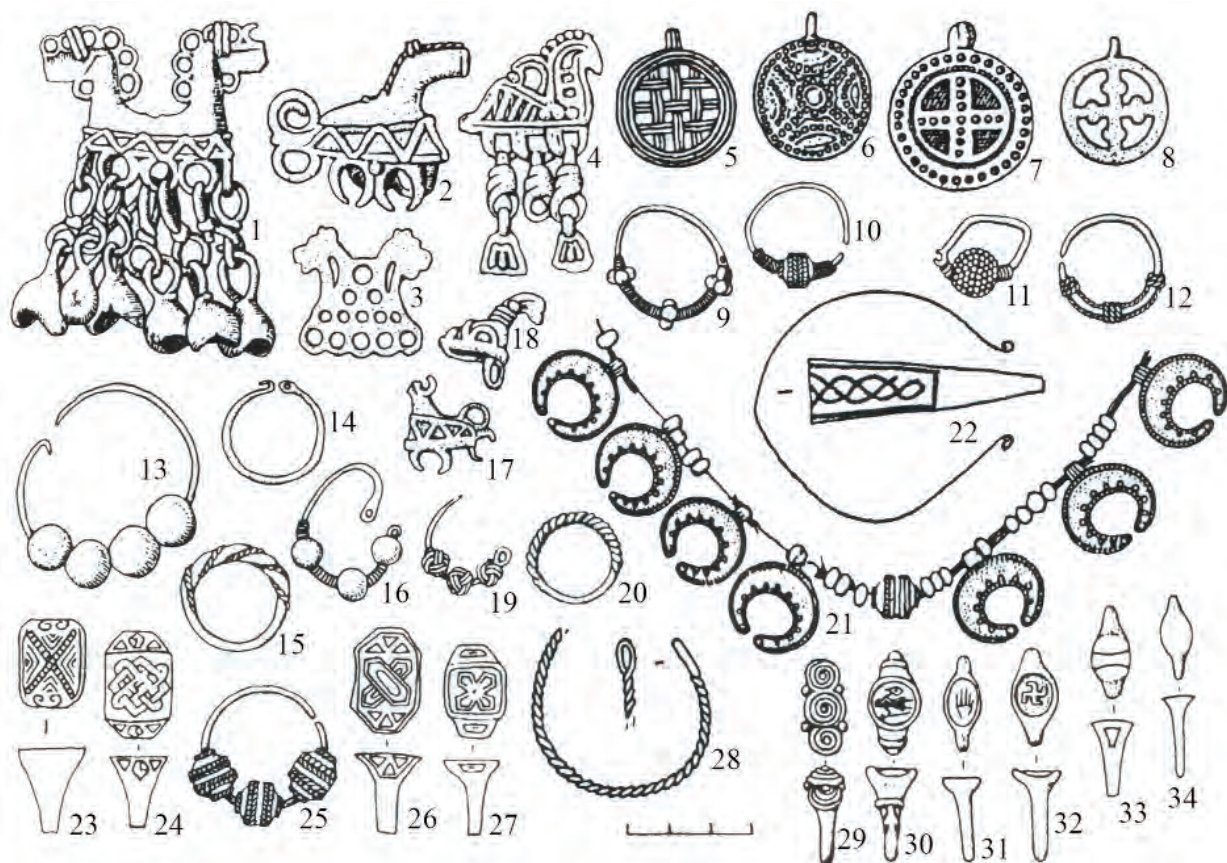

Рис. 8.1 Древнерусские украшения.

1, 3, 4, 11, 13, 15, 17 – Ыджыдзельский могильник; 2, 5, 7, 12, 24, 26, 27, 30, 33 – Кокпомъгский могильник; 9, 16, 18–20, 23, 25, 31, 32, 34 – Жигановский могильник; 6, 21, 22, 28 – Кичилькосьский I могильник; 14 – Гидсойгский могильник; 10 – Ветьюсский могильник; 29 – Веслянский II могильник; 8 – Часадорский могильник.
1–9, 13, 15–18, 20, 22, 28–34 – бронза; 21 – серебро, бронза, стекло; 10–12, 14, 19, 23–27 – серебро.

Рис. 8.2. Бусы и пуговицы.

1–33 – Ыджыдзельский могильник. 1–23, 31, 32 – стекло; 28 – глина; 29, 30 – хрусталь; 33 – сердолик; 24–27 – бронза.

Рис. 9. Болгарский импорт:

1 – Веслянский II могильник; 2, 3, 5, 17, 20, 25, 28, 31–33 – Кичильковский I могильник; 6, 7, 9, 11, 12, 14, 15, 27, 34 – Кокпомьгский могильник; 10, 18, 19, 21, 22, 24, 26 – Ыджьдзельский могильник; 13, 16, 23, 29, 30 – Жигановский могильник; 4, 8 – Ветьюсский могильник. 1–12, 14–17, 20–24 – серебро; 2, 13 – серебро, медь; 17, 28 – серебро, стекло; 18 – серебро, медь, стекло; 19, 25–27, 29–34 – бронза.

Бронзовые бусинные височные кольца с гладкими полыми бусами часто встречаются на средневековых памятниках Северо-Западной Руси, как финно-угорских, так и древнерусских (рис. 7, 6). Серебряные бусинные височные кольца, как гладкие, так и орнаментированные зернью и сканью, относятся к болгарскому импорту (Савельева, Королев, 2011, рис. 3).

Реже встречаются серьги. Они серебряные калачевидные, гладкие и орнаментированные треугольниками зерни и сканью (рис. 9: 1–5) Наиболее вероятно, что они изготовлены болгарскими мастерами (Савельева, Королев, 2011, рис. 3). Болгар-

ское происхождение имеют бляхи с изображением охотничьих сцен (7 экз.), среди них две бронзовые, остальные серебряные (рис. 9: 19–24). Одна бляха бронзовая с изображением всадника среднеазиатская (рис. 9: 19), но могла попасть на берега Выми также из Волжской Болгарии (Савельева, Королев, 2011, рис. 4). Бронзовая бляха, найденная случайно возле д. Онежье, вероятно, выполнена местным мастером в подражание привозным болгарским (Савельева, 1987, с. 116, рис. 32, 2). К привозным украшениям относятся и лунницы – серебряные штампованно-филигранные болгарского происхождения (16 экз., рис. 9: 9–11) и литые бронзовые

древнерусские (20 экз., рис. 8.1: 21). Встречаются фибулы – кольцевидные и подковообразные. Они могли быть предметом импорта как из соседних территорий, заселенных прибалтийскими финнами, так и из Северо-Западной Руси, из Новгорода (рис. 7: 1–5). Довольно многочисленную категорию украшений составляют перстни – щитковые, круглопроволочные и пластинчатые (108 экз., рис. 8.1: 23, 26, 27, 29–34). Серебряные щитковые черневые перстни (рис. 8.1, 23, 24, 26, 27), согласно мнению ведущего специалиста по болгарскому серебру К.А. Руденко, не являются болгарскими. Они отнесены исследователем к древнерусским украшениям (Руденко, 2015, с. 78–79). Рубчатые, витые, овальнощитковые с изображением руки, солярного знака также древнерусского происхождения (рис. 8.1: 29–34). Спиральновитые, бронзовые и серебряные, круглопроволочные имеют широкий хронологический и территориальный диапазон. К редким украшениям относятся браслеты (13 экз., рис. 8: 1, 22, 28). Среди них выделяются два болгарских серебряных плетеных проволочных с шатоном в обрамлении скани и зерни со стеклянными вставками (рис. 9: 17). Эти браслеты были найдены в одном комплексе с серебряной шейной гривной с топориковидной подвеской, орнаментированной треугольниками зерни и сканью с шатоном со стеклянной вставкой (рис. 9: 28), в погр. 74 Кичилькосьского I могильника (Савельева, 1987, рис. 33, 20; Савельева, Королев, 2011, рис. 3: 20).

Довольно представительной является коллекция поясной гарнитуры: пряжки, разделительные кольца, наконечники ремней, накладки, фрагменты бронзовых литых поясов (более 400 экз.). Они относятся к типам, широко распространенным в эпоху Средневековья (рис. 7: 26, 29, 34; 9: 25–27, 29–34). Выделяются круглые, сегментированные, овальные, лировидные, прямоугольные, трапециевидные пряжки (73 экз.). Поясные кольца (46 экз.) круглые, круглопроволочные и пластинчатые, наконечники ремней продолговатой формы с прямым или вогнутым основанием, овальным или приостренным окончанием, орнаментированные и гладкие. Значительную часть коллекции составляют поясные накладки, отличающиеся большим разнообразием форм и типов (286 экз.). Они изготовлены из бронзы и серебра и прикреплялись к поясу при помощи штифтиков или петель. Выделяются накладки без колец, среди них крестовидные, умбовидные, розетковидные, сердцевидные, щитковидные, прямоугольные, фигурные, многоугольные. Поясные накладки с кольцом – фигурно-прорезные, прямоугольные. Единичными экземплярами представлены подпрямоугольные, сердцевидные с изображением животных

(рис. 9: 26, 27), а также с изображением личины (рис. 9: 29, 30). Литые бронзовые пластинчатые пояса состоят из нескольких звеньев подпрямоугольной или овальной формы, соединенных при помощи колец (рис. 9: 28, 29, 34).

Коллекция бус насчитывает более 3000 экз. Больше всего их найдено на Чжэтыягском могильнике (960 экз.). Среди них преобладают стеклянные (более 1500 экз.), довольно многочисленны бронзовые (более 1000 экз.), встречаются серебряные, из полудрагоценных камней, глиняные, костяные, кожаные (рис. 8.2: 1–30, 32, 33). Стеклянные и бронзовые бусы представлены теми же типами и формами, что и на памятниках Средневековья соседних регионов. Среди стеклянных к наиболее ранним относятся бусы с металлической прокладкой, золотой и серебряной, а также ложнозолотостеклянные, таблетковидные, глазчатые, датируемые XI–XII вв. В целом представленный на памятниках вымской культуры набор бус датируется XI–XIII вв. Преобладают бусы, распространенные в XII–XIII вв. Стеклянные, а также сердоликовые, янтарные, из горного хрусталя, а также бронзовые кольцевидные бусы являются древнерусским импортом. Бочонковидные и цилиндрические бронзовые бусы (рис. 8.2: 25, 26) имеют аналогии на памятниках воды, веси и корелы (Голубева, 1973, с. 38; Рябинин, 1976, с. 214; Кочкуркина, 1982, с. 88), но, вероятнее всего, были привезены вместе с другими бусами древнерусскими купцами.

Керамика. Все сосуды вымской культуры – лепные (рис. 10). По составу формовочной массы они подразделяются на сосуды с примесью дресвы, песка, кварца и слюды (более 70%) и с растительной и раковинной примесью (около 30%). Сосуды чашевидной, горшковидной, котловидной формы, а также баночные. Орнаментальные узоры располагаются в верхней части сосудов горизонтальными поясами по венчику, венчику и плечикам, венчику и шейке, венчику, шейке и плечикам, шейке и плечикам, плечикам. В технике орнаментации преобладает зубчатый штамп. На втором месте по степени распространенности стоит кружковый штамп, который подразделяется на несколько видов: розеточный, зубчато-кружковый, гладкий кружковый, крестово-кружковый. Среди орнаментальных мотивов чаще встречаются горизонтальные и вертикальные, сдвоенные и строенные короткие ряды отпечатков зубчатого штампа. Реже фиксируется елочка из зубчатого штампа, кружковый мотив, птичья лапа, резные линии. Кружковые отпечатки образуют узоры в виде одного или нескольких горизонтальных рядов, зигзага, различных геометрических фигур. К менее распространенным элементам орнамента

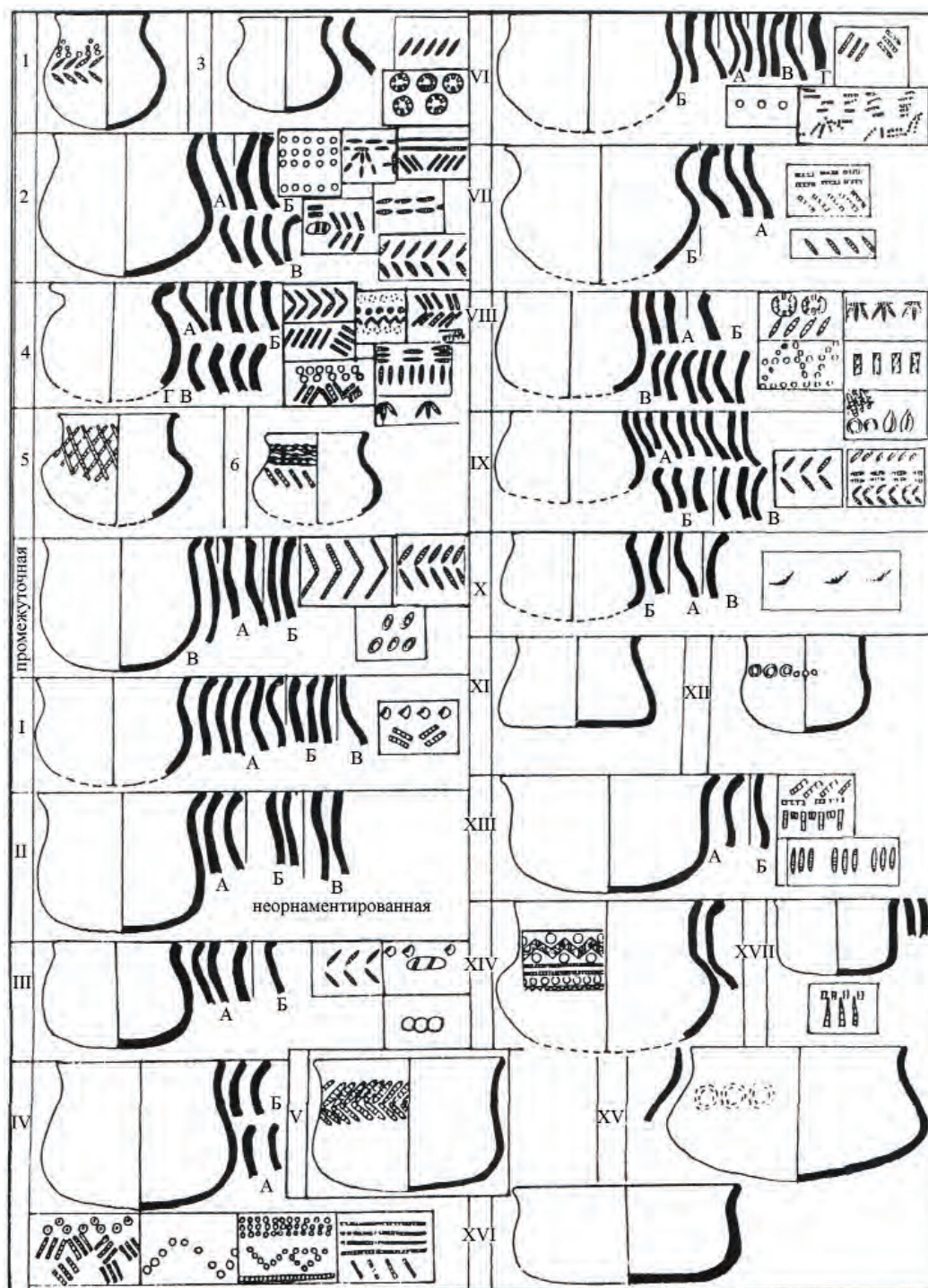

Рис. 10. Керамика. Типы лепной посуды и композиции узоров. 1–6 – горшковидные сосуды; I–XVI – чашевидные сосуды; А, Б, В, Г – варианты типов.

относятся дуговидные насечки, отпечатки решетчатого и фигурного штампов, «копытного», пальцево-ногтевые вдавления, круглые ямки. Одной из характерных особенностей керамики являются рельефные наклепные валики (рис. 10).

Керамика вымской культуры по форме и орнаментации наиболее близка родановской. Отличия прослеживаются в формовочной массе: в сосудах вымской культуры преобладает примесь песка,

кварца и слюды, в родановской – толченая раковина.

Хозяйство вычегодских пермян было комплексным. Судя по остеологическим материалам, вычегодские пермяне разводили коров, лошадей, овец, коз, свиней.¹ Об этом свидетельствуют и со-

¹ Определение остеологического материала выполнено П.А. Косинцевым, к.б.н., с.н.с. Института экологии растений и животных УрО РАН.

ответствующие орудия труда, и предметы утвари: удила, пружинные ножницы, фрагменты шерстяных тканей. К этой эпохе относятся и первые прямые свидетельства развития земледелия. На Кичилькосьском I могильнике найдены остатки культурных злаков. Кроме того, в «Житии Стефана Пермского» упоминается солома, что также указывает на развитие земледелия у вычегодских пермян. Вероятно, оно было подсечно-огневым и сохранялось до XVIII в., о чем писал академик И.И. Лепехин, а элементы подсеки – вплоть до XX в. Орудиями подготовки почвы к посеву служили железный проушный топор и суковатка. Однако земледелие в неблагоприятных природно-климатических условиях не являлось надежным источником существования. В «Житии Стефана Пермского» Епифаний Премудрый сообщает, что святитель Стефан «многократно лодьями хлеб привозя из Вологды в Пермь» (Житие, 1995, с. 193). В более поздних письменных источниках встречаются многочисленные сведения о неурожаях хлеба вследствие сильных заморозков. На слабое развитие земледелия у коми-зырян указывают и западноевропейские авторы XV–XVII вв. (Савельева, 1971, с. 11–15).

В эту эпоху, как и в предыдущие, важную роль в хозяйстве продолжали играть охота и рыболовство, являющиеся важным источником существования древних коми. Среди предметов хозяйственной деятельности преобладают промысловые орудия, прежде всего наконечники стрел. Выразительным свидетельством роли охоты в жизни древних коми и основных промысловых животных является промысловый календарь, найденный на средней Вычегде (Конаков, 1987). Он представляет собой плоское бронзовое кольцо диаметром 9 см, толщиной 0,2 см. На его лицевой стороне изображены таежные промысловые животные: лиса, выдра, лось, россомаха, горностай, северный олень, медведь, куница и белка. Календарь солнечный, отсчет велся со дня весеннего равноденствия (21 марта), отмеченного на внешнем ободе кольца треугольным значком. На внешнем ободке имеется 90 насечек, каждая из которых равняется четырем суткам. В основу деления года на периоды положены годовые биологические циклы промысловых животных северной тайги, хорошо известные коми охотникам (периоды гона, появление детенышей, линька и т. п.). Всего выделено девять периодов («месяцев») в году, связанных с тем или иным зверем, изображенным на календаре. Помимо деления года на «месяцы», он делился на производительный (сезон охоты) и непроизводительный (выводковый сезон) циклы. В сезоне охоты выделялся пушной сезон (рис. 5: 27). Древние охотничьи традиции, уходящие кор-

нями вглубь тысячелетий, постоянные наблюдения за жизнью диких животных позволили коми-охотнику – промысловому создать уникальную календарную систему.

С включением Перми вычегодской в сферу экономических и политических интересов Волжской Болгарии и Новгородской республики, а затем Русского государства возросла роль пушного промысла. Меха стали эквивалентом обмена в торговле с иноземными купцами. На памятниках вымской культуры найдены многочисленные импортные изделия, прежде всего украшения, в том числе серебряные, являющиеся продукцией городских ремесленников из Волжской Болгарии и древнерусских земель. На Кичилькосьском I могильнике в верховьях Выми обнаружено более 80 серебряных западноевропейских денариев X–XI вв. (германских, датских, чешских, голландских), а также саманидский дирхем X в. Единичными экземплярами западноевропейские монеты представлены на Чежтыгском (5 экз.), Ыджыдзьельском (1 экз.) и могильнике Шойнаты II (1 экз.) Они, а также древнерусские украшения могли попасть к древним коми с новгородскими дружинниками, которые выступали и в роли купцов. Высокохудожественные серебряные болгарские изделия, наиболее вероятно, были привезены родановскими купцами также в обмен на меха. Шкурки пушных зверей служили эквивалентом обмена. Не случайно древнейшая денежная единица у коми-зырян называется «ур» (в переводе с коми языка «белка»). Дань с вычегодских пермян также взималась мехами. Государевы дани, согласно «Жалованной грамоте великого князя Ивана III Васильевича жителям перми вычегодской на владение реками, озерами и угодьями, которыми владели их деды и отцы от 1485 г.», с вычегжан взимали «за соболи, и за белку, и за бобровые гоны, и за рыбную ловлю и за кречать и садбища с четырех сотен с тридцати осьми луков десять сококов и полсокока и осьмнадцать соболей, с лука по соболу. А не будет соболю, ино за соболю четыре гривна» (Документы по истории коми, 1958, с. 244). И в более поздних источниках, в частности в трудах иностранных авторов XVI–XVII вв., отмечается важная роль промыслов в жизни коми-зырян (Савельева, 1971, с. 110–111). В многочисленных источниках сообщается об отваге и высоком искусстве коми охотников.

Значительный прогресс в эту эпоху был достигнут в металлургическом производстве. На могильниках вымской культуры обнаружены погребения кузнецов, сопровождающиеся соответствующими инструментами, а также шлаками. Как показал металлографический анализ кузнечных изделий, местные кузнецы освоили технологическую свар-

ку, прежде всего трехслойный пакет. Новации в кузнечной сфере отмечены и в использовании сырья. Увеличивается доля орудий, откованных целиком из сырцово-стали, а также целенаправленное применение фосфористого железа. На кузнечных изделиях зафиксировано применение восьми технологических схем: трехслойный пакет, косая и торцевая наварки, варка стального лезвия, цементация, сварка из двух пластин, простаяковка из железа и стали. Самой распространенной является технология трехслойного пакета. Она применялась при изготовлении инструментов, которые должны были иметь твердое режущее лезвие, в первую очередь ножей, и являлась ведущей вплоть до второй половины XIII в. По уровню кузнечного производства вымская культура не отличалась существенно от родановской и чепецкой. В его развитии прослеживаются единые закономерности, но в сравнении с родановской и чепецкой культурами среди вычегодских гораздо меньше термообработанных изделий. Отмечается некоторая архаика, в частности в сохранении схемы трехслойного пакета в изготовлении ножей, вплоть до XIV в. Качество сварки некоторых изделий хуже в сравнении не только с древнерусскими, но и с прикамскими. Предметы, выполненные по технологии трехслойного пакета, варки, цементации, вероятнее всего, являлись продукцией местных мастеров, откованные по схемам косой и торцевой наварки (ножи и оружие) – русских кузнецов (Бирюков, Завьялов, Савельева, 2006, с. 10–27).

О развитии местного бронзолитейного производства свидетельствуют тигли, льячки, шлаки, сплески металла, бракованные изделия, редкие литейные формы. К изделиям местных мастеров, вероятно, относятся наиболее многочисленные на памятниках вымской культуры грушевидные бубенчики, вероятно, спиралевидные, конусовидные и трубчатые пронизки. Выделяются украшения, изготовленные по привозным образцам, но переработанные в соответствии с местными традициями, в частности шаровидные бубенчики, украшенные «шашечками», крупные бочонковидные, Ф-видные пронизки, бронзовые биконические подвески, имитирующие аналогичные по форме серебряные, и др.

Судя по разнообразию ассортимента деревообрабатывающих орудий, одним из ведущих было бондарно-столярное производство. Развивались различные домашние производства, прежде всего керамическое, а также кожевенное, прядение, ткачество, собирательство.

Дохристианские верования и обряды. Важным источником для реконструкции верований древних коми является «Житие Стефана Пермского».

Как пишет Епифаний Премудрый, Стефан пошел в землю, «где поклоняются идолам, где приносят жертвы, служа глухим кумирам, где молятся издолбленным болванам, где верят в кудешение, в волхования, в чародейства, в беснования, в прочий обман дьявольский, где находятся упомянутые иноязычники неверные» (Житие, 1995, с. 83). Судя по описанию, идолы были деревянные. В «Житии» неоднократно упоминается, что Стефан разрубал выдолбленные идолы, которые были расположены по погостам, в домах и лесах, и сжигал их. В зависимости от значимости идолы почитались отдельными семьями, селениями или населением целой округи. Как сообщает Епифаний Премудрый: «Кумиры же в Перми были различные: и большие, и меньшие, а также средние, причем некоторые искусной работы... Одним из них редко кто молился и малую честь воздавали, а другим многие, и не только ближние, но и из дальних погостов. А есть у них и такие кумиры, к которым издалека приходили из дальних мест поминки приносили – и за три дня пути, и за четыре, и за неделю...» (Житие, 1995, с. 117). Епифаний сообщает и о главной кумирнице, которая по преданиям, находилась в Усть-Выми, где стояла священная береза, которую разрубил Стефан Пермский и сжег ее. Упоминает Епифаний и об отправителях культа – волхвах, кудесниках, чаротворцах. Главным среди них был «некий волхв, чародей – старец, умеющий внушать ложные видения, искусный кудесник, главный среди волхвов, старейшина знахарей... Имя его Пам – Сотник, его издавна некрещенные пермяне чтити больше всех прочих чудотворцев, называя его своим учителем и наставником» (Житие, 1995, с. 123).

Дохристианские обряды и обряды отражены в погребальном обряде вычегодских пермян. Судя по фольклорным источникам, зафиксированным этнографами, у коми существовало представление о двух душах: лове и орте. Когда человек умирал, душа (лов) покидала его тело. Процесс умирания обозначали словом «ловпэтом» (выход души). По верованиям коми все живое на земле обладало душой. К деревьям, траве, животным коми прибавляют слово «ловья», т. е. живой, с душой. Орт одни исследователи считают духом-покровителем, другие – духом-божеством, третьи – двойником, тенью человека, существующим вне его и при жизни, имеющимся у каждого человека, но невидимым. Видимым он становится только у близких к смерти людей. Он является как бы предвестником смерти. Существует поверье, что после смерти человека он тоже умирает и находится в той же могиле, где лежит его хозяин.

Коми верили в загробный мир. На коми языке слово *горт* обозначает и дом, и гроб. Могилу

сооружали по образу и подобию земного жилья, снабжая покойника всем необходимым для загробной жизни. Могила и оформлялась как дом – дно ямы выстилалось досками, берестой, сверху также были берестяные покрытия, сооружали сруб. В его «стену» или «пол» иногда втыкались обереги. Души предков могли помогать и вредить, поэтому необходимо было, с одной стороны, задобрить их, устраивая поминки, поминать за столом, приглашать к трапезе и т. д., с другой – оградить себя от их вредного воздействия. Представления о связи сородичей и после смерти являются универсальными. Поминки являются средством социальной интеграции рода, живых и умерших его членов. Они являются одним из проявлений культа мертвых. В погребальном обряде отражаются и мировоззренческие представления населения, многие из которых также носят универсальный характер, в частности бинарная модель устройства вселенной, которая делится на социальный (мир живых) и потусторонний, мифический, населенный духами, предками, богами и т. д. Границей миров социального и мифического потустороннего, по представлениям коми, являлись лес, вода – река, и огонь. Все могильники вымской культуры располагаются в лесу, недалеко от реки, большей частью примыкая к болотистой низине. Лес в мифологии является одновременно источником охотничьих богатств и обителью злых духов, а также иным миром, миром мертвых, болото – одним из маркеров космического низа. В погребальном обряде огромную роль играл огонь, начиная от подготовки места захоронения и кончая поминальными ритуалами. Традиция использования огня в погребальном обряде коми-зырян с целью ограждения от действия злых сил нижнего мира зафиксирована еще в 20-е годы прошлого столетия. Во время похорон оставшиеся от склочивания гроба доски, щепки, берестяная корзина, из которой омывали покойника, сжигались. Происходило «окуривание» не только могильной ямы, но и помещения, где лежал умерший. Ряд элементов обряда связан с идеей загробного путешествия: ориентированность на реку (путешествие по воде), кремирование как один из самых быстрых способов достижения загробного мира, сопровождение умершего амулетами – оберегами

для преодоления препятствий на пути. Согласно древним верованиям, смерть не являлась прекращением жизни, а переводом человека в новый статус – духа, предка, и погребальный обряд должен был содействовать его возрождению в этом статусе. Возможно, об этом свидетельствуют расчлененные погребения. Процессу возрождения новой жизни, вероятно, содействовали и такие элементы ритуала, как разбивание посуды, размельчение медных котелков, поломка любых вещей, использование огня как очищающей, животворной силы. Амулетами против злых сил служили и топоры, стрелы, кремень и кресало.

Таким образом, данные погребального обряда свидетельствуют о развитии культа предков у вычегодских пермян.

Заключение. Вымская культура расположена на территории, где, судя по письменным источникам, жили предки современных коми-зырян. Она сформировалась на основе предшествующей ванвиздинской, о чем свидетельствуют сохранившиеся традиции в керамическом производстве, погребальном обряде, некоторых типах украшений. Наряду с этим, выявлен прибалтийско-финский компонент, фиксируемый не только по археологическим источникам, но и данным языкознания, этнографии и антропологии. Вымская культура обнаруживает наибольшую близость родановской, что объясняется их общими истоками, восходящими к ананьинской культуре, а также активными культурными связями между соседними народами, внутренними миграциями, инфильтрацией небольших групп родановского населения в бассейн Вычегоды, вымско-вычегодского на Каму. Родановцы выступали посредниками в торговле между Волжской Болгарией и вычегодскими пермянами. На раннем этапе развития вымской культуры, что явственно проявляется в материалах Кичилькосьского I могильника, представлено наибольшее количество болгарских изделий, привезенных родановскими пришельцами, возможно, купцами. Важную роль в формировании вымской культуры перми вычегодской сыграла древнерусская колонизация региона, приведшая к кардинальным изменениям в экономике, материальной и духовной культуре местного населения.

ГЛАВА 7

ПАМЯТНИКИ КЫПЧАКОВ-ПОЛОВЦЕВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

В настоящее время в степях Заволжья и Приуралья выявлено 42 погребения¹, относящихся к XII (или, вероятнее всего, ко второй половине XI в.) – началу XIII вв. (так называемый «кыпчакский домонгольский период») (Иванов, Кригер, 1988, с. 39). Большинство из них найдены на территории современных Саратовской, Волгоградской и Уральской областей (62,5% всех известных погребений), по рекам Волге, Еруслан и Узени (рис. 1).

Морфологические признаки погребального обряда рассматриваемых курганов представлены в таблице 1. Признаки эти следующие:

– абсолютное большинство погребений (77,5%) совершены в земляных курганах, специально насыпанных над могилой (остальные впущены в насыпи более ранних курганов);

– преобладают (47,5%) могильные ямы простой конструкции, с вертикальными стенками и ровным дном. Вместе с тем значительное место среди рассматриваемых погребений занимают могилы с подбоем вдоль одной из длинных стенок – 22,5% (могильники Белозерское, Визенмиллер, Змеиный Дол, Курпе-Бай, Каинсай, Политотдельское, Ровное, Солнце, Третий Плес). Характерно, что последние не имеют четкой локализации в регионе;

– умерших укладывали на дно могилы (или в подбой) в позе вытянуто на спине, головой в западном направлении (в общей сложности 59,5%) или на восток (28,5%);

– остатки дощатого гроба или колоды найдены соответственно в четырех (9,7%) (Белокаменка, курган Д-48; Белозерское; Покровск (Энгельс), кург. 11; и Политотдельское, кург. 2) и одном (Бережновка I, кург. 4) погребениях;

– из общей массы погребений домонгольского периода в Заволжье и Приуралье 44,5% выделяются как заведомо всаднические, поскольку содержат остатки конской шкуры, черепа и кости ног, уложенные слева (22,5%) или справа (12,5%) от человека, или принадлежности конской сбруи (стремена и удила), помещенные у ног человека (9,5%). Известны также три погребения, в кото-

рых шкура коня лежала у ног человека (Бахтияровка II, кург. 68; Базар-Тобе I, кург. 8; и Буранчи, кург. 1), и одно погребение, сопровождавшееся целым остовом коня, уложенным справа от человека (Белозерское) (рис. 2). В основном ориентировка конского захоронения соответствует ориентировке человека;

– оружие в погребениях представлено неогатом: это железные наконечники стрел (35,8%), костяные обкладки лука (13,2%) и остатки берестяного колчана (15,0%) (рис. 3). В трех погребениях найдены сабли (Солнце, Бережновка, Южная группа, кург. 9, и Политотдельское, кург. 2), в двух – железные шлемы и кольчуга (Квасниковка, Покровск (Энгельс), кург. 11);

– погребений, которые по ассортименту сопровождающего инвентаря (бусы, подвески, ножницы) можно было бы интерпретировать как женские, немного (Буранчи, кург. 1, Мирный (Фриденберг), кург. 1; Ново-Троевка, Покровский, кург. 7).

Кыпчакско-половецкая принадлежность многочисленных погребений XII – начала XIII вв. в степях Урало-Поволжья определяется такими признаками, представительными для рассматриваемой выборки, как подбойные могилы и восточная ориентировка погребенных. С одной стороны, кажется немного, что, по-видимому, и дает основание некоторым исследователям считать, что сравнительно-типологический анализ археологических признаков огузо-печенежско-кыпчакских погребальных комплексов не имеет практического смысла и невозможен, поскольку все эти племена ведут свое начало от одного тюркского корня и в культурном плане дифференцируются только хронологически (Боталов, 2006, с. 472). Но, с другой стороны, нельзя обойти вниманием и такую деталь, как география рассматриваемых курганов на территории Урало-Поволжья. Погребения половецко-кыпчакского (домонгольского) периода локализуются в регионе в пределах приуральско-заволжской типчаково-ковыльной степи, главным образом, в ее северной части (рис. 1). Именно на этой территории в предшествующее время локализовалась основная масса печенежских курганов региона, в которых преобладали впускные по-

¹ В моих предыдущих публикациях указывались 40, затем 41 погребение. Сейчас их стало известно 42.

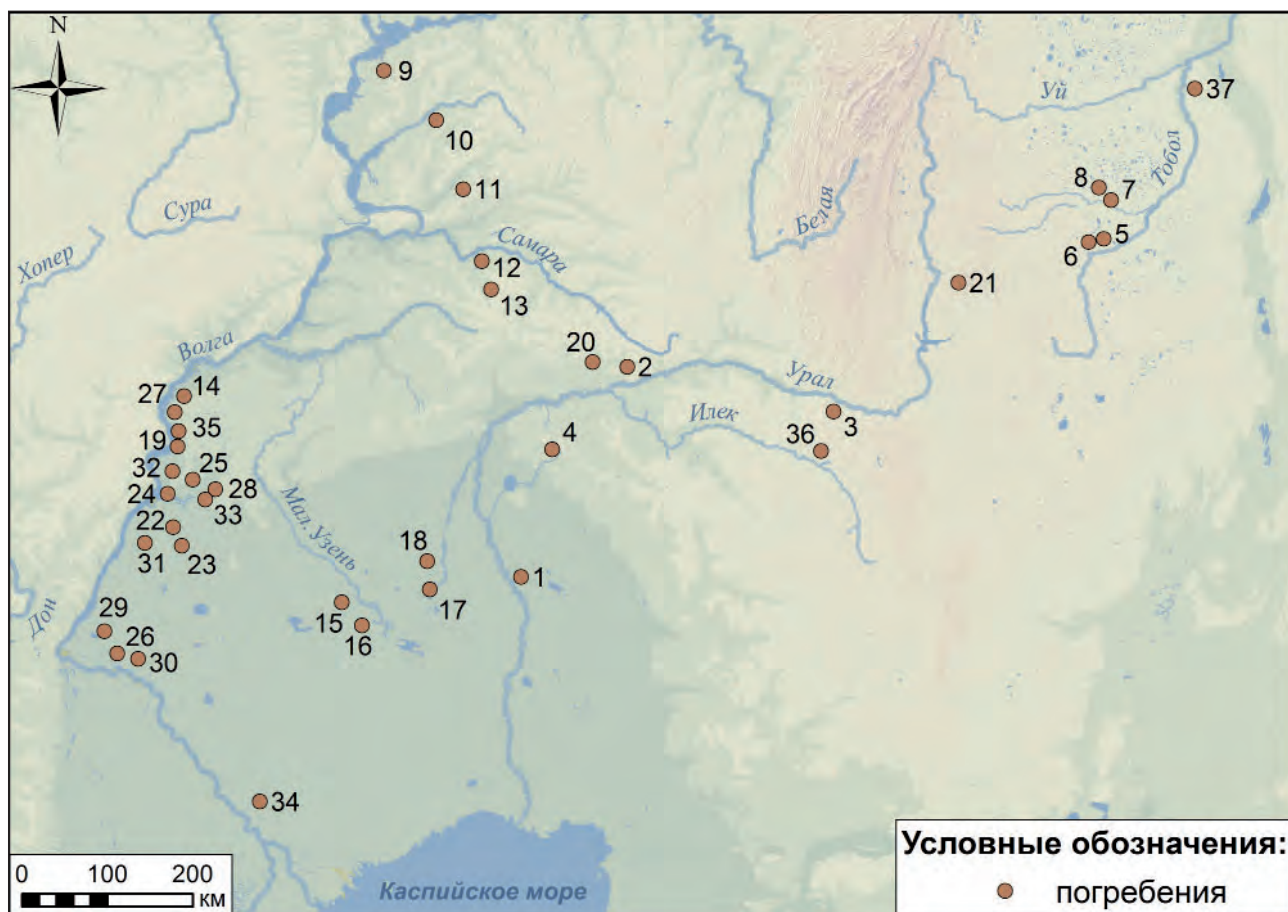

Рис. 1. Карта-схема погребений кыпчаков-половцев в Заволжье и Южном Предуралье домонгольского периода. 1 – Базар-Тобе I; 2 – Белый Ключ; 3 – Буранчи I; 4 – Лебедевка VII; 5 – Змеиный дол; 6 – Каинсай; 7 – Третий Плес; 8 – Солнце; 9 – Бабий бугор; 10 – Надеждинское; 11 – Белозерское; 12 – Покровский; 13 – Ново-Троевский; 14 – Покровск (Энгельс); 15 – Джангала (Караоба); 16 – Джангала (Нов. Казанка); 17 – Джангала; 18 – Курпе-Бай; 19 – Скатовка; 20 – Шумаевский; 21 – Большое Озеро; 22 – Бережновка; 23 – Бережновка. Южн. гр-па; 24 – Бережновка I; 25 – Визенмиллер; 26 – Калиновский; 27 – Квасниковка; 28 – Мирный (Фриденберг); 29 – Красный Октябрь; 30 – Бахтияровский II; 31 – Политотдельское; 32 – Ровное; 33 – Харьковка I; 34 – Серолазово; 35 – Белокаменка; 36 – Илекшар; 37 – Лисаковский.

гребения. Для курганов XII – начала XIII вв. мы наблюдаем явное преобладание погребений, совершенных под специально сооруженными для них насыпями. Кроме того, все 24 представительных признака погребального обряда, характеризующие рассматриваемую группу памятников, фиксируются в погребальном обряде кыпчаков/половцев/куманов степей Восточной Европы домонгольского периода (табл. 1).

Наконец, значения коэффициентов формально-типологического сходства (C_3) погребального обряда курганов XII–XIII вв. степей Восточной Европы и предшествовавших им курганов огузов и печенегов весьма невысоки (соответственно 0,18 и 0,15). Это также дает нам основание не связывать генезис кочевников региона половецко-кыпчакского периода с племенами огузов и печенегов (Иванов и др., 2014, с. 361, табл. 9).

Вместе с тем С.Г. Боталов считает, что незначительное количество кыпчакских погребений

домонгольского периода в степях Заволжья и Южного Предуралья – это своего рода aberrация исторической реальности в сознании современных исследователей и на самом деле кыпчаков/половцев в регионе должно было быть больше. Свое мнение исследователь основывает на предположении о возможной кыпчакско-половецкой принадлежности безынвентарных погребений, трактуемых как мусульманские и, соответственно, датируемых не ранее XIV в. Свое мнение названный исследователь подкрепляет результатами радиоуглеродного датирования одного из погребений Большеказакбаевского могильника на севере Челябинской области, калиброванные даты которого варьируются в хронологических рамках между серединой XI и серединой XIII вв. (Боталов, 2006, с. 445). Совершенно не подвергая сомнению эту дату, тем не менее будет преждевременно распространять ее и на другие подобные захоронения и считать, что в рассматриваемый период (вторая

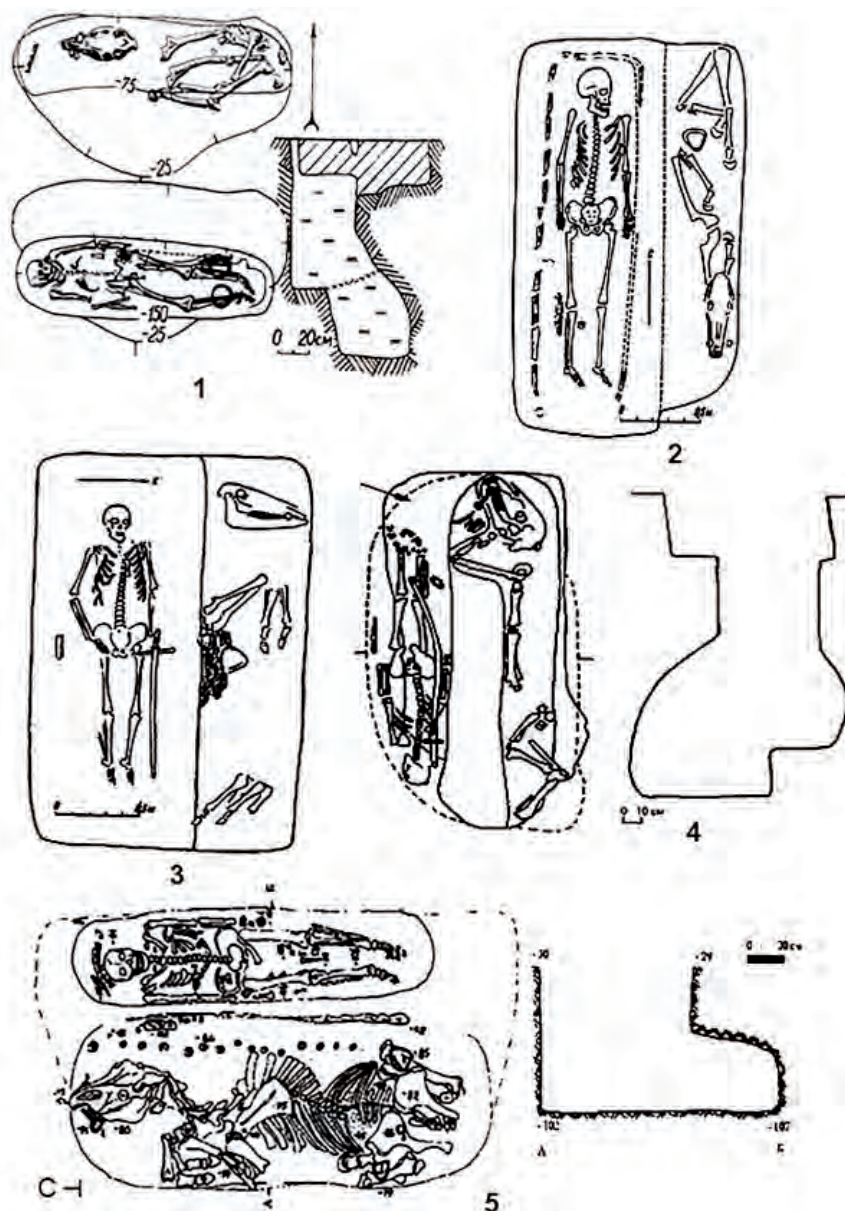

Рис. 2. Погребальный обряд кыпчаков/половцев домонгольского времени в Заволжье и Южном Предуралье. 1 – Третий Плес; 2 – Бережновский I, к. 4; 3 – Скатовка; 4 – Лебедевка VII; 5 – Белозерское.

половина XI – первая половина XIII вв.) кыпчаки/половцы плотно освоили Волго-Уральские степи. Чтобы в этом убедиться, нужно как минимум провести радиоуглеродное датирование 101 безынвентарного погребения кочевников Золотой Орды (это составляет 8,5% от 1182 кочевнических погребений XIII–XIV вв., учтенных нами в степной зоне Восточной Европы, не считая более 2000 заведомо мусульманских захоронений из городских некрополей Золотой Орды).

Следовательно, при реконструкции этнокультурных процессов в степях Заволжья и Южного Предуралья нам ничего не остается делать, как опираться на известный археологический материал и немногочисленные, отрывочные и зачастую невнятные сообщения средневековых нарративов.

При этом следует иметь в виду, что эпоха, предшествующая монгольскому нашествию на Восточную Европу, с источниковедческой точки зрения для Заволжья и Южного Предуралья оказывается наименее обеспеченной как археологическими, так и письменными данными. И дело здесь заключается не только и не столько в слабой изученности региона, во всяком случае – его степной части. В настоящее время в степях Южного Урала и Заволжья выявлены и исследованы 788 кочевнических погребений X–XIV вв., из которых к «послегузскому» или домонгольскому – кыпчакскому относятся только 5,3% погребений.

Столь же скудны и данные письменных источников, из которых по рассматриваемой теме можно назвать только два: составленную в 1154

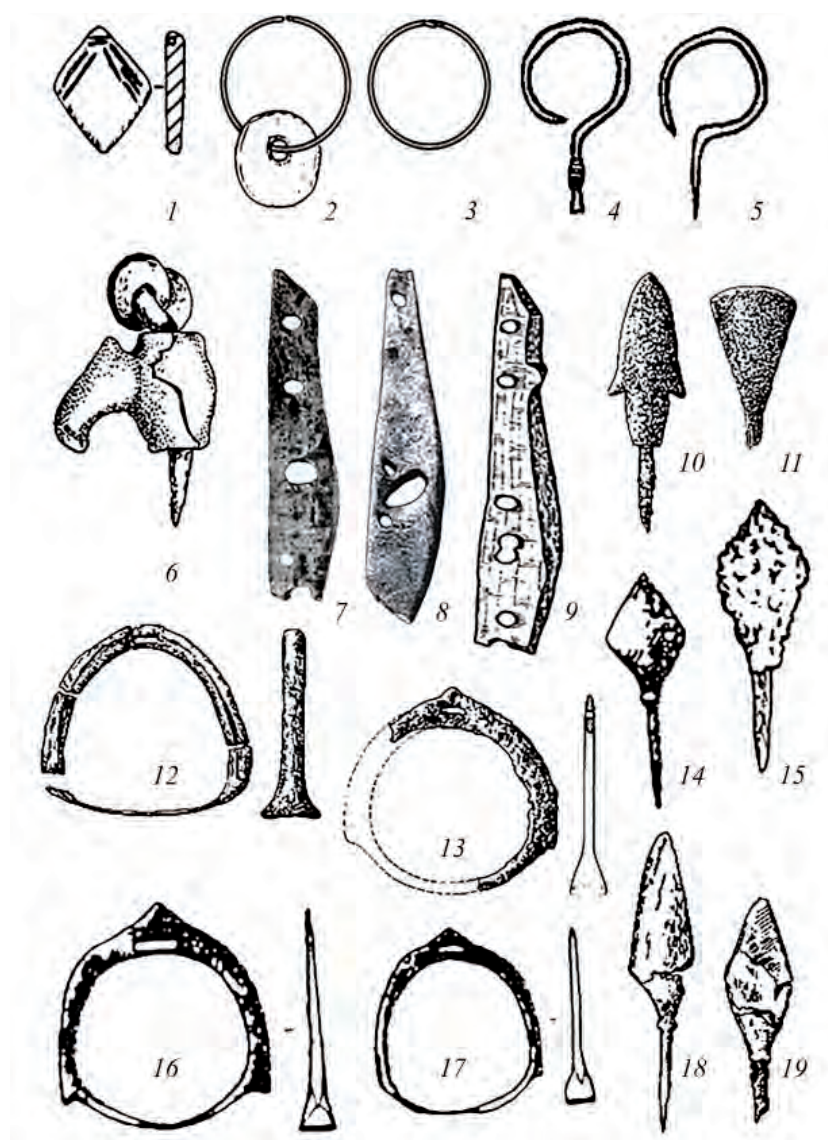

Рис. 3. Вещи, характерные для кыпчакских/половецких погребений XI– начала XIII вв. Заволжья и Южного Предуралья: 1 – подвеска из лазурита; 2-5 – бронзовые подвески-серьги; 6 – костяное навершие нагайки; 7-9 – костяные петли для колчана; 10, 11, 14, 15, 18, 19 – железные наконечники стрел; 12, 13, 16, 17 – стремена.

г. карту мира ал-Идриси и письмо венгерского монаха Юлиана о его путешествии на Волгу в 1235–1237 гг.

Карта Идриси – это, по сути, первое относительно подробное географическое описание Урало-Поволжья. Исследователи называют несколько источников, откуда Идриси получал сведения о землях Поволжья и Приуралья. Прежде всего, это сообщения Ибн Хордадбега и ал-Джайхани о путешествии Саллама ат-Тарджумана на восток, затем рассказы других путешественников и, наконец, античная географическая традиция. Именно из последней (Птолемей) черпал Идриси данные о географических координатах гор Аскаса (Уральские горы), откуда, как ему представлялось, берет свое начало р. Атиль (Волга) (Коновалова, 1999, с. 88; Псянчин, 2001, с. 17). На карте Идриси указаны

р. Атиль с тремя ее истоками, под которыми подразумеваются рр. Белая, Уфа и Ай, вытекающие из гор Аскаса (Южный Урал) (Рыбаков, 1952, с. 27; Коновалова, 1999, с. 89–90). Кроме того, Идриси обозначает два безымянных притока Атиля, вытекающих из гор Айани, расположенных к северо-востоку от гор Аскаса. Причем один из притоков имеет два истока в горах Айани. Развивая мысль Б.А. Рыбакова о том, что этот безымянный приток, вероятнее всего, Кама (Рыбаков, 1952, с. 27), И.Г. Коновалова предполагает, что двойной исток этого притока суть собственно Кама и ее правый приток Вятка, тогда как «второй безымянный приток Атиля, берущий начало в восточной части горы Айани, может соответствовать реке Вишере» (Коновалова, 1999, с. 91).

Ниже устья этого притока, в районе излучины Атиля, указан тюркский народ болгары («bulgar min al turk»), в районе устья, между рекой (Камой?) и горами Аскаска, – народ башкиры («ard basgıvt min al atvak»), на левом берегу Камы – города Кастр и Мастр, южнее башкир, на левом берегу Атиля – город Каракия (Каркия). Севернее болгар и северо-западнее башкир на карте обозначены печенеги («baginak min al turk»), что, по мнению Б.А. Рыбакова, «как будто бы указывает на то, что все эти географические подробности должны находиться в сравнительной близости от Печенежских (Жигулевских) гор, что и есть в действительности» (Рыбаков, 1952, с. 31). Сведения о поволжско-приуральских народах Идриси также заимствовал у авторов IX–X вв. Новая информация касается только городов басджиртов: «Из городов внутренних басджиртов назовем Мастр и Кастр. Оба города невелики, и купцы редко посещают их. И никто в них не бывал, так как туземцы убивают всех чужестранцев, которые хотят проехать через их страну. Оба города стоят на реке, впадающей в Исил» (цит. по: Коновалова, 1999, с. 192). Достоверность этих сведений сомнительна, поскольку информатор Идриси сам в башкирских городах едва ли бывал и, вероятнее всего, под названием городов передал ему сведения о башкирских родоплеменных названиях – кесе и мишар (Коновалова, 1999, с. 193; Псянчин, 2001, с. 17).

В тексте Идриси указывает расстояния в днях пути до башкир от печенегов (баджанаков) и Болгара: «От баджанаков до внутренних бадджиртов (*Басджирт ад-дахила*) десять дней, а от последних до Болгара двадцать пять дней». Последнее, кстати, очень интересным образом совпадает с указаниями башкирского исторического предания «Болгары и башкиры» о проживании башкирских племен в 15–20 днях пути от волжских болгар (Башкирское народное творчество, 1987, с. 164).

О кыпчаках/половцах в Поволжье и Предуралье ал-Идриси не сообщает ничего. Хотя границы Кумании (Половецкой земли) ему были известны хорошо, причем, именно в современном ему виде. На западе это Днепр, на юге – Черное море², на востоке – Волго-Донское междуречье в нижнем течении этих рек (Коновалова, 1999, с. 181–182). Что же касается племен, некогда обитавших к востоку от Волги, между Волгой и Уральскими горами, то сведения о них, как и о многом другом, касающемся данного региона, ал-Идриси взяты из источников, заведомо предшествующей эпохи, о чем подробно сказано в книге И.Г. Коноваловой. Хотя, как считает исследователь, «из описания северной части Кумании, помещенного в 5–6-й

секциях VII климата, можно заключить, что ближайшими соседями Кумании на севере ал-Идриси считал Русь и Волжскую Болгарию» (Коновалова, 1999, с. 181–82). То есть, какие-то ассоциации куманов/кыпчаков/половцев с Волгой (Итилем) у средневекового автора, по-видимому, существовали.

Накануне монгольского нашествия на Восточную Европу народы Урало-Поволжского региона впервые начинают фигурировать на страницах сочинений европейских путешественников, которые, в отличие от своих восточных коллег, в 30-е – начале 50-х годов XIII в. сами проезжали через степи Нижнего Поволжья и Южного Предуралья. Обращаясь к европейским материалам, следует иметь в виду, что их авторы выполняли вполне конкретные политические миссии, направленные на выяснение военно-политической ситуации на востоке евразийских степей, подвергшихся монгольскому нашествию. Поэтому, как и у Ибн Фадлана, выполнявшего подобную миссию, в их сочинениях отмечаются только самые общие географические координаты их маршрутов, но зато больше внимания уделено описанию народов, встреченных на пути. Так, в письме монаха Юлиана о его путешествии на восток в поисках «Старой Венгрии» (*Maior Hungaria*) в 1235–1237 гг. сообщается о нахождении им венгерского (мадьярского) населения «близ большой реки Этиль»³ и даются некоторые подробности их образа жизни и быта (Аннинский, 1940, с. 81). В описании второго путешествия Юлиана в «Великую Венгрию» в 1237–1238 гг., известном нам уже в виде первоисточника, речь идет главным образом о монгольских завоеваниях в Восточной Европе и сообщается, в частности, что на завоевание «Великой Венгрии» монголам понадобилось 14 лет (Аннинский, 1940, с. 85).

Таким образом, в описаниях средневековых авторов XII – начала XIII вв. в этнической карте Южного Предуралья и прилегающих территорий Поволжья фигурируют болгары, мадьяры, башкиры и печенеги (последние – как отголосок старых данных).

Однако если обратиться к археологическому материалу рассматриваемого периода, то по своим морфологическим характеристикам памятники степного Заволжья и Предуралья, как уже было указано выше, свидетельствуют о присутствии в регионе кыпчаков/половцев, причины появления которых и интенсивность пребывания которых могут быть объяснены только через призму этнополитических процессов среди кочевников Ве-

² О том, что куманы (половцы) обитали и в Крыму, ему тоже было известно.

³ По примечанию издателя и переводчика С.А. Аннинского, возле р. Белой (Аннинский, 1940, с. 81, прим. 1).

ликого пояса евразийских степей. Генератор этих процессов находился далеко на востоке от Волги.

Распад Кимакского каганата, ослабленного внутренними противоречиями, в начале XI в. был ускорен натиском центральноазиатских племен – *кунов* (*команов*) и *каи* – с востока. Следствием этого явилось изменение этнополитической ситуации в областях, прилегающих к каганату с запада – в степном Предуралье и Заволжье. Опираясь на сведения средневековых авторов ал-Марвази, ал-Бируни, Ибн ал-Асира и др., исследователи освещают этот процесс в следующей последовательности: обитавшие в северном Китае племена *кунов* в 30-е годы XI в. подверглись нападению со стороны *киданей* и, уступая их натиску, двинулись на запад. По дороге они подверглись нападению со стороны племени *каи* и, будучи вынужденными отступать дальше, обрушились на племя *шары* (*сары*) или *половцев*. Двигаясь далее на запад, группировка *кунов* и *шары* вышли к землям *кыпчаков*, лежавшим на пути их миграции, и смешались с ними. Результатом этого взаимодействия явилось утверждение политического господства *кыпчаков* в этом кочевническом объединении, хотя реальной военной силой там оставались *куны* (*команы*) и *шары* (Кляшторный, 2002, с. 346). Группировка *кунов-шары-кыпчаков* ударила по *гузам*, кочевавшим в Приаралье и Заволжье, и вынудила их уйти за Волгу (Кумекоев, 1972, с. 124–126; Кляшторный, Султанов, 1992, с. 136–138). Так *шары* (*сары*) – *кыпчаки* становятся хозяевами приуральских и заволжских степей.

Но это в оценке и восприятии современных исследователей, главным образом историков. Сам по себе факт пребывания *кыпчаков* в степном Заволжье и Южном Предуралье во второй половине XI – начале XIII вв. ни у кого из исследователей не вызывает сомнения. Еще в 60-е годы прошлого столетия Г.А. Федоров-Давыдов, опираясь на сведения средневековых авторов, в частности Рашид ад-Дина, связывал курганы XII–XIII вв. в Нижнем Поволжье (*саксин*) с *половцами-команами* (Федоров-Давыдов, 1966, с. 150). Вслед за ним Р.Г. Кузеев на основании данных исторической этнографии писал о начале массового переселения *кыпчаков* на территорию современного Башкортостана в XIII в. (Кузеев, 2016, с. 408–409, 415).

Однако сведения письменных источников (в частности Ибн ал-Асир) позволили С.М. Ахинжанову выдвинуть несколько иную гипотезу о времени освоения *кыпчаками* степей Южного Урала. В частности, автор считает, что еще в XI в. *кыпчаки*, которым «принадлежали земли почти всего Центрального и Западного Казахстана», имели летние пастбища-джайляу в низовьях р. Камы,

откуда они уходили зимовать в окрестности Баласагуна (Ахинжанов, 1980, с. 51). С точки зрения археологического источниковедения данное предположение не лишено основания, поскольку на территории современного Татарстана, не очень далеко от устья Камы, известны *кыпчакское* погребение домонгольского времени (могильник Бабий бугор, погр. 40) (рис. 1).

В целом же сведения средневековых письменных источников о племенах, обитавших к востоку от Волги, вообще и о *кыпчаках* в частности настолько скудны и отрывочны, что исследователям приходилось извлекать соответствующую информацию чаще всего методом перекрестного анализа различных документов. Поэтому американский историк-номадист П. Голден считает, что мусульманские авторы вообще не дают каких-либо достоверных координат расселения *кыпчаков* в XI в. В качестве примера исследователь приводит сведения «Худуд ал-Алам» (982 г.), согласно которому *кыпчаки* (*Khifjakh*) должны были кочевать «на восточном берегу реки «Русь», которая может отождествляться с верхней Волгой или Доном» (Golden, 2011, p. 318–321).

Как самостоятельное этнокультурное образование, отличное от синхронных и соседних племен, *кыпчаки* (*тюрки-кыпчаки*) впервые упоминаются в середине VIII в. на стеле в память Моюн-чура как политические противники древнетюркских (*тюркютских*) племен, а в конце IX–X вв. арабско-персидские авторы (Ибн Хордадбех, «Худуд-ал-Алем») перечисляют *кыпчаков* среди основных этнополитических образований: *кимаков*, *огузов* и *печенегов*, расселявшихся в восточной части евразийских степей.

В начале XI в. *кыпчаки*, пережившие период ускоренного социально-политического развития, становятся соседями Хорезма (*Бейхаки*) и ведут с хорезмшахами успешные войны за приаральские пастбища, вынуждая последних идти на компромиссы и даже на династические браки с кочевниками (Ахинжанов, 1973, с. 61). В это время *кыпчакские* племена составляют конфедерацию с единой материальной культурой и одним уровнем общественного развития. Во главе конфедерации стояли ханы рода Ольбурлик (*Эльбари*, *Ильбари*), занимавшего местность Юйли-боли, которую исследователи локализируют в степях северо-западного Казахстана и Южного Урала (Ахинжанов, 1973, с. 61) и которая совпадает с территорией распространения курганов XII – начала XIII вв. Южного Приуралья.

Кроме *кыпчаков* в конфедерации кочевников заметную роль играли племена *йемекоев* (*кимаков*), обитавшие в западной части Южноуральской степи, включая и степную Башкирию (Ахинжанов,

1976, с. 89). Несмотря на различие этнонимов, средневековые авторы (М. Кашгари) подчеркивали генетическое родство и языковую близость кыпчаков и йемеков (Кумеков, 1972, с. 43).

Опираясь на сведения ряда средневековых источников (Джузджани, Махмуд Кашгари, «Худуд ал-Алам»), С.М. Ахинжанов делает вывод о существовании «на рубеже XI–XII вв. крупной кыпчакской **конфедерации племен** (выделено мной – В.И.), имевших династийную царскую фамилию, происходившую первоначально из племени ильбари, обосновавшихся в предгорьях Южного Урала и степях Западного Казахстана. Интересно отметить, что это владение кыпчаков с племенем ильбари во главе располагалось именно в том районе, где еще в середине IX в., согласно «Худуд ал-Алам», отмечалась отдельная, не зависящая от кимаков, кыпчакская область» (Ахинжанов, 1995, с. 209).

Как известно, «Худуд ал-Алам» – географическая компиляция конца X в. Поэтому насчет середины IX в. – это умозаключение автора. А вот что касается независимости кыпчаков, то в тексте источника этот сюжет представлен так: «Южный предел хифчахов граничит с баджанаками (печенегами) (*Khifjakh ra hadd-i junubash ba-Bajanak daradh*), а все прочие (***пределы*) граничат с Ненаселенными Землями Севера, где нет существа живого. Хифчаки – это род (*qaum*), который, отделившись от кимаков (Кимак), поселился в этих местах, но хифчаки более злонравны (*badh-khutar*), чем кимаки. **Властитель (*malik*) их (назначается) от кимаков** (выделено мной. – В.И.)» (Hudud al-Alam). То есть «независимость» кыпчаков от кимаков самому автору средневекового нарратива представлялась отнюдь не абсолютной.

Территориально кочевья йемеков также совпадают с районами распространения рассматриваемых памятников Заволжья и Предуралья.

После усиления кыпчаков средневековые авторы отмечают два направления миграций кочевников: кыпчаков – на запад и северо-запад и йемеков (кимаков) – на юг и юго-запад (Ахинжанов, 1995, с. 43–47).

Ряд исследователей (Б.Е. Кумеков, С.М. Ахинжанов) предполагают присутствие среди кочевников кыпчакской конфедерации монголоязычных племен (*байандур, татар, эймюр*), появившихся в кимакском и огузском объединении сразу же после падения Уйгурского каганата в 840 г. (Кумеков, 1972, с. 47; Ахинжанов, 1976, с. 90–91).

В XI – начале XIII в. перечисленные племена составляли неразрывную органичную часть кыпчакского этнополитического союза. По мнению Р.Г. Кузеева, это был «период кульминации процесса кыпчакской интеграции различных по про-

исхождению степных племен в Дешт-и-Кипчаке; **начало активного проникновения кыпчакских и кыпчакизированных групп в Приуралье и Зауралье** (выделено мной. – В.И.), что предопределило кыпчакское направление развития этноязыковых процессов в Башкирии» (Кузеев, 2016, с. 430).

К аналогичному выводу об усилении влияния кыпчаков на формирование антропологического облика населения Южного Урала в XI–XII вв. пришел Р.М. Юсупов (Юсупов, 2002, с. 39). Правда, в данном случае смущает то обстоятельство, что свои выводы исследователь строит на краниологических материалах памятников IX–XII вв. из северо-восточных, т. е. лесных и лесостепных районов современного Башкортостана (т. н. памятники «мрясимовского типа»), этнокультурная принадлежность которых отличается от собственно кыпчакской. Об этом речь пойдет ниже.

В целом по данным письменных источников и исторической этнографии получается, что степи Заволжья и Южного Предуралья (включая и Западный Казахстан) издавна являлись территорией пребывания кыпчакских племен. Что, в частности, прослеживается и подтверждается этнонимией тюркских народов, населявших и населяющих регион, начиная с эпохи раннего Средневековья и до современности. Так, после распада Золотой Орды именно Западный Казахстан становится центром формирования государства «кочевых узбеков» (Ахмедов, 1965), а позже – составной частью Среднего Жуза, где концентрировалась основная часть семей (13,5 тыс.) казахов племени кыпчак (Муканов, 1974, с. 70–75). Здесь же, в предгорьях Южного Урала, по бассейну р. Сакмары в конце XIV–XV в. селились такие роды башкирских кыпчаков, как кара-, ак-, санкем-, суун- и бушман-кыпчак (Кузеев, 2016, с. 416).

Сравнивая по имеющимся историко-этнографическим данным племенной состав кочевников восточной части евразийских степей со второй половины VII по XIV–XVI вв., мы видим постоянное присутствие в нем основных наиболее крупных племен (кыпчаки среди них представляются наиболее устойчивым этнокультурным образованием) и постоянно меняющиеся мелкие этнические объединения (табл. 2). Удельный вес кыпчаков в том или ином этнополитическом объединении мог изменяться, но они никогда не растворялись среди других этнических групп.

Доминирующая роль кыпчакских племен в степи подтверждается также присутствием кыпчакских родоплеменных объединений в составе других этнических массивов Великого пояса степей и его окраин (узбеков, каракалпаков, татар).

Итак, письменные и историко-этнографические источники вполне определенно изображают

кыпчаков как ведущий субстрат, определявший этнокультурную ситуацию в степях Заволжья и Южного Предуралья в XII–XVI вв. Это же подтверждается и описанными выше археологическими материалами. Правда, уточнения и пояснения требует динамика кыпчакской этнокультурной доминанты в регионе в различные исторические периоды. В данном случае в период, предшествовавший монгольскому завоеванию Восточной Европы.

Многие современные историки, автоматически оперируя сведениями немногочисленных средневековых нарративов, рисуют грандиозную по своим масштабам картину кыпчакской/половецкой ойкумены в степях Евразии.

Самой большой проблемой при знакомстве с исследованиями некоторых современных историков является проблема интерпретации ими данных исторической географии. Что, в общем-то, удивляет (отчасти), поскольку все они пользуются одними и теми же источниками-нарративами.

В свое время С.М. Ахинжанов, опираясь на сведения «Юань-ши» (XIII в.) и Джузджани (XIII в.), считал, что в конце XI – начале XII вв. в степях современного Казахстана складывается конфедерация кыпчакских племен, возглавляемая собственными ханами. Территорию Кыпчакского ханства исследователь помещал к северу от Аральского моря. Несколько позже аналогичную точку зрения выдвинул американский историк Т. Оллсен. По его мнению, одним из наиболее сильных племен кыпчакской конфедерации (ханства) было племя ольбери (ильбари), в XI–XII вв. кочевавшее в степях Волго-Уральского междуречья (Ахинжанов, 1973, с. 60–61, 70; Allsen, 1983; Оллсен, 2008, с. 352, 360).

В начале 1980-х годов археологическая карта (и, соответственно, этническая география) степей Урало-Поволжья эпохи Средневековья представляла собой «terra incognita» для исследователей. Поэтому ни С.М. Ахинжанов, ни Т. Оллсен просто не имели возможности сопоставить сведения единственного источника, из которого они черпали сведения о расселении кыпчаков в Урало-Поволжье в XI–XII вв.: Юань ши («Жизнеописание Тутука»), созданное в XIV в., с археологическими материалами, появившимися в регионе в 1980–1990-е годы. Эти материалы, на фоне материалов предшествующего огузо-печенежского и последующего золотоордынского периодов выделяющиеся своей малочисленностью, указывают на то, что в XII в. степи Волго-Уральского междуречья представляли собой восточную периферию Дешт-и-Кыпчак/Половецкой степи, слабозаселенную и малолюдную (Иванов и др., 2014, с. 196–215).

Такого же мнения, кстати, придерживался и В.П. Костюков – переводчик статьи Т. Оллсена на русский язык. Он также отмечал слабую заселенность Дешт-и-Кыпчака в пределах урало-казахстанских степей в XI–XII вв., объясняя это тем, что после изгнания огузов из урало-поволжских степей одна часть «кыпчаков (западные кыпчаки или половцы) последовала за огузами в причерноморские степи, другая часть заняла покинутые беглецами земли. При этом зона кочевий кыпчаков, овладевших землями огузов, по каким-то причинам оказалась значительно меньше территорий, бывших в хозяйственном обороте у прежних хозяев» (Костюков, 2006, с. 444).

Однако в данном случае следует также иметь в виду и то обстоятельство, что кыпчакско-половецкая экспансия в Восточную Европу – это стихийное движение кочевников (хотя и вызванное конкретными этнополитическими коллизиями в Кимакском каганате) в поисках «места под солнцем». Осуществлялось оно в условиях завершающейся стадии аридизации евразийских степей, когда климат и природные условия степей Восточной Европы, хотя и приближались к современным, но были еще более засушливыми, т. е. более экстремальными для кочевников (Демкин, Демкина, Борисов и др., 2004; Демкин, Борисов, Демкина и др., 2010).

Поэтому можно предположить, что в середине XI в. кыпчаки/половцы, дойдя до Волги и форсировав ее (скорее всего, зимой по льду), разорили город Саксин/Сарыгшин (городище Самосделка в дельте Волги) и ушли дальше на запад в южнорусские степи. Город Саксин в это время уже начал восстанавливаться после погрома Хазарии князем Святославом (Васильев, 2015, с. 242–243), но следы половецкого разорения там тоже выявлены⁴.

Оставшиеся в степях Заволжья и Южного Предуралья кыпчаки/половцы были малочисленны, а поэтому, вопреки мнению некоторых современных историков (Зимони, Кузембаев, 2014, с. 5), едва ли могли создать там свое собственное Восточно-Кыпчакское государство. А если судить по географии кыпчакских погребений, то и к городу Саксину/Сарыгшину, вновь возрождавшемуся, но теперь уже под эгидой враждебного кыпчакам Хорезма (Васильев, 2015, с. 243–246), они и близко не подходили (самое близкое к Самосдельскому городищу кыпчакское погребение, Сероглазовское, находится в 130 км к северу) (рис. 1). Не говоря уже о том, что, по мнению Д.В. Васильева, с которым трудно не согласиться, «низовья Волги представляют собой полупустыню, непригодную для кочевания, поэтому потенциальные враги – за-

⁴ Личное сообщение Д.В. Васильева, основного исследователя Самосдельского городища.

падные половцы и восточные кыпчаки – находились довольно далеко и вследствие этого не тревожили частыми набегами» (Васильев, 2015, с. 228). Да и вообще среди современных историков бытует мнение о том, что в Заволжско-Приуральском регионе кыпчаки/половцы в лице племени ольберри/ольберли, считавшегося одним из самых сильных и многочисленных, должны были появиться только ближе к середине XII в. (Golden, 2011, p. 327).

Как бы то ни было, но археологические материалы, несмотря на их малочисленность, вполне определенно подтверждают сведения средневековых письменных источников о кыпчаках/половцах как о доминирующем этнокультурном компоненте в составе кочевников степного Заволжья и Приуралья во второй половине XI – начале XIII вв.

География кыпчакских памятников в регионе неравномерна. Большинство из них (60%) обнаружены в степном Заволжье, на территории современных Самарской, Саратовской, Волгоградской и Астраханской областей. Из них 45% находятся на берегах Волги и ее правых притоков – Самары, Еруслана, Ахтубы. Остальные погребения разбросаны по территории Оренбургской (Белый Ключ, Буранчи), Уральской (Базар-Тобе 1, Джангала, Курпе-Бай, Озеро Раим, Лебедевка VII) и Челябинской (Солнце, Третий Плес, Каинсай, Змеинный Дол) областей.

Практически везде интересующие нас погребения являются одиночными, за исключением могильников Визенмиллер и Озеро Раим, где найдены по два кимако-кыпчакских захоронения. Если разложить их по территории степной части Заволжско-Приуральского региона, площадь которой составляет приблизительно 560 000 кв. км, то получится по одному погребению на 14 000 кв. км! О чем это говорит? Только о том, что кыпчакские племена осваивали Заволжье и Приуралье, находясь на первой (таборной) стадии кочевания, для которой характерны «разбросанные по степям одиночные погребения, встречающиеся, как правило, случайно и потому редко достающиеся специалистам в полном виде» (Плетнева, 1982, с. 17). Или вообще прошли эту территорию без длительных остановок, преследуя отступавших гузов и печенегов.

Косвенным подтверждением данного предположения может служить следующее обстоятельство: в составе вещевого комплекса кыпчакских погребений Заволжья и Предуралья совершенно отсутствуют образцы болгарских ремесленных (ювелирных) изделий. Более того, по ассортименту инвентаря только 17,5% рассматриваемых погребений, содержащих украшения – ожерелья из цветных бусин (Буранчи, Мирный, Ершовка,

Покровский) или ожерелье и височную подвеску с напускной бусиной (Ново-Троевское), – могут трактоваться как женские.

Отсутствие болгарских изделий у кочевников Заволжья и Предуралья выглядит странным по следующим причинам: во-первых, в домонгольский период (XII – начало XIII вв.) Волжская Болгария уже заявила о себе как о развитом торговом-ремесленном государстве со своими ювелирными мастерскими, работающими не только на внутренний, но и на внешний рынок⁵; во-вторых, став мусульманской страной, Волжская Болгария «превратилась в центр монопольной торговли Северо-Востока Европы, сосредоточив в своих руках северную торговлю Запада с Востоком». Один из путей этой торговли – Болгар – Джурджания – как раз и проходил через степи Заволжья и Южного Предуралья (Халиков, 1992, с. 13–14). В это же время, как известно, начинается массовый приток болгарских изделий в лесное Прикамье (Белавин, 2000).

На этом фоне объяснение отсутствию археологически фиксируемых торговых контактов кыпчаков с болгарами может быть только одно: занятые войной с гузами и печенегами, они стремительным броском преодолели степи Заволжья и Приуралья и в основной своей массе ушли дальше на запад.

Оставшиеся в Заволжье и Предуралье кыпчаки, среди которых, очевидно, находились и команьсары и кимаки (йемеки)⁶, представляли собой восточную периферию «Дешт-и-Кыпчак» и, как уже было сказано выше, в степях Урало-Поволжья были немногочисленными. Вполне резонно также предположить, что заволжские кочевники не принимали заметного участия в политической жизни хозяев «Половецкого Поля». Во всяком случае, известный нам на территории региона археологический материал, своим однообразием и невыразительностью резко контрастирующий с синхронными памятниками «Половецкого Поля», указывает только на то, что они здесь были...

Вполне вероятно, что заволжские племена могли уже переходить и ко второй стадии кочевания, характеризующейся появлением постоянных мест для сезонных стойбищ – летовок и зимовок (Плетнева, 1982, с. 36). Подобными местами могли быть районы устья Еруслана и Узеней, где в общей сложности сконцентрированы более 30% кочевнических погребений XII–XIII вв.

⁵ Чему наглядное свидетельство – остатки ювелирных мастерских со следами серийного производства украшений в Биляре, Муромском городке, на Измерском поселении и др.

⁶ Присутствие последних можно предполагать по наличию курганов, сооруженных с применением камня (Большое Озеро, Змеинный Дол, Каинсай, Лебедевка VII).

ПАМЯТНИКИ ВОЛГО-УРАЛЬЯ В X–XIII ВВ.

Таблица 1. Сравнительная таблица морфологических признаков погребального обряда кыпчаков/половцев домонгольского периода Восточной Европы и в степях Заволжья и Южного Предуралья (в % %)

№ п/п	Содержание признака	Кыпчаки-половцы домонгольского периода в Восточной Европе	Кыпчаки-половцы домонгольского периода Урало-Поволжья
1	Земляные курганы	92,50	90,5
2	Насыпь, сооруженная из камня	2,5	9,5
3	Кости животных в насыпи	3,90	-
4	Ровик у основания насыпи	4,10	-
5	Основное погребение	42,7	77,5
6	Впускное погребение	57,30	22,5
7	Два и более погребений в насыпи	9,0	-
8	Могила простая	50,70	47,5
9	Ступенька слева	6,20	-
10	Ступенька справа	2,0	-
11	Ступеньки вдоль длинных стенок	2,40	-
12	Подбой без уступа у входа	3,00	22,5
13	Подбой с уступом у входа	7,10	-
14	Перекрытие на насыпи могилы	12,80	-
15	Перекрыт подбой	2,40	-
16	Конструкция могилы неизвестна	28,90	30,0
17	Конская шкура слева от человека	17,00	22,5
18	Конская шкура справа от человека	8,30	12,5
19	Конская шкура над человеком (в насыпи или на перекрытии)	6,0	-
20	Остов коня слева от человека	9,50	-
21	Остов коня справа от человека	2,70	-
22	Остов коня на ступеньке	2,40	-
23	Наличие сбури без коня	9,20	9,5
24	Ориентировка погребенного: запад	33,40	45,2
25	восток	22,00	16,6
26	север	3,30	-
27	юг	-	-
28	северо-запад	7,10	-
29	северо-восток	7,70	11,9
30	юго-запад	5,30	14,3
31	юго-восток	4,70	-
32	Остатки гроба (колоды)	31,6	9,7
33	Деревянная рама	8,30	-
34	Остатки подстилки	5,7	-
35	Кости овцы в могиле	5,60	9,5
36	Кости животного не определены	3,90	-
37	Керамика в могиле	15,1	-
38	Удила	25,0	25,5
39	Стремена	41,4	40,0
40	Уздечные накладки	6,8	-
41	Железные наконечники стрел	33,70	35,8
42	Костяные обкладки лука	11,90	13,2
43	Берестяной колчан	13,40	15,0
44	Костяные накл. На колчан	4,70	-
45	Колчанная петля	4,70	-
46	Сабля	31,60	-
47	Копье	2,70	-
48	Доспехи	8,60	-
49	Поясной набор	15,20	-

ГЛАВА 7. ПАМЯТНИКИ КЫПЧАКОВ-ПОЛОВЦЕВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

50	Детали пояса: пряжки, накладки	15,5	
51	Серьги-подвески	15,20	14,7
52	Подвески из лазурита	2,0	-
53	Подвески-бубенчики (пуговицы)	16,40	13,7
54	Бусы	11,60	-
55	Перстень	2,00	-
56	Браслет	2,70	-
57	Зеркало	5,00	-
58	Головной убор-«бока»	4,40	-
59	Гривна	5,90	-
60	Нож	29,20	29,0
61	Ножницы	2,0	-
62	Гребень	-	-
63	Кресало и кремь	13,40	13,0
64	Навершие нагайки	2,0	-
65	Медный сосуд	10,10	-
66	Без вещей	5,00	-
Всего погребений:		396 ¹	42 ²

Таблица 2. Племенной состав кочевников восточной части степей Евразии в эпоху средневековья

Кимакское объединение (по Б.Е. Кумекову)	Кыпчакское объединение XI-XIII вв. (по С.М. Ахинжанову)	Кочевники Золотой Орды XIII– XIV вв. (ал-Нувайри, ибн-Халдун)	Казахи Среднего Жуза (по М.С.Муканову)	Башкиры (по Р.Г. Кузееву)
1. <i>Кимаки (йемек, имак)</i>	1. <i>Кыпчаки (шары, ильбари)</i>	1. <i>Бурлы (эльбури)</i>	1. Аргыны	1. Юматы
2. <i>Кыпчаки</i>	2. <i>Кай (кимаки)</i>	2. <i>Токсоба</i>	2. Найманы	2. Бурзян
3. Ими (эймюр)	3. Йемеки	3. <i>Йета (сета)</i>	3. <i>Кыпчаки</i>	3. Усерган
4. Татары	4. Югуры	4. Дурут	4. Керей	4. Тангаур
5. Байандур	5. Байауты	5. <i>Карабирикли (черные клубуки, кай, байандур)</i>	5. Конраты	5. Тамьян
6. Ланиказ	6. Канглы	6. Кангуоглы	6. Уаки	6. <i>Кыпчак</i>
7. Аджлад	7. Кидани (куны)	7. Карабароглы		7. Ай
	8. Печенеги	8. Андоглы (оглы)		8. Мурзалар
	9. Огузы	9. Бурджоглы		9. Катай
	10. Башкиры	10. Джужан (джерсан)		10. Сальют
		11. Котян (кунун)		11. Мин
				12. Буляр
				13. Байляр
				14. Юрми и др.

¹ При критерии значимости 0,95 нижний порог представительности признака = 1%.

² При критерии значимости 0,95 нижний порог представительности = 8%.

ГЛАВА 8

ПАМЯТНИКИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Историческая ситуация, в которой формировались памятники археологии на территории Нижнего Поволжья в X–XIII вв., была связана с процессами дезинтеграции Хазарского каганата и постепенной инфильтрацией в регион средневековых кочевников – огузов, печенегов и кыпчаков.

Происхождение племен печенегов («баджнаков», «кангар») связано с сако-массагетами Юго-Восточного Приаралья, которые были тюркизированы в VI–VII вв. (Толстов, 1950, с. 51–52). Тюркоязычные огузы представляли собой основную массу населения Тюркского каганата, которые в период с VIII по XII вв. выдавили печенегов из Приаралья через Северный Прикаспий в южнорусские степи и далее в Подунавье. В источниках не содержатся ответы на вопросы о причинах огузо-печенежских войн. Возможно, огузы и печенеги были близкородственными родами, периодически враждовавшими, а периодически вступавшими в союзы (Гарустович, Иванов, 2001, с. 106).

Северокаспийский или Нижневожский центр огузских кочевий в настоящее время является едва ли не единственным районом, в котором пребывание этих племен на пути их движения на запад не только зафиксировано источниками, но и документировано соответствующими погребальными памятниками (Гарустович, Иванов, 2001, с. 98).

Как пишут В.А. Иванов и Г.Н. Гарустович, огузский мир в X веке раскололся на два основных направления – хазарское (западное) и хорезмийское (южное). Давление кимако-кыпчаков с севера и северо-востока – вот основная причина массовой миграции огузских племен по расходящимся направлениям.

Печенежские племена недолго задержались в Заволжье, вытесненные оттуда огузами, они почти на полтора столетия обосновались в южнорусских степях (Константин Багрянородный, 1991, с. 37). Время возможного появления огузов в Северном Прикаспии может быть отнесено ко второй половине IX в. Возможно, что какое-то время (очевидно, вторая половина IX в.) население с предположительным печенежским обрядом (захоронения с костями коня на одном уровне с человеком) интенсивно контактировало с ранними огузами, но уже при явном доминировании последних.

Среди захоронений, совершенных по печенежскому обряду, нет комплексов, достоверно датированных X в. Это подтверждается и данными письменных источников, в частности сообщением Ибн Фадлана о подчиненном положении оставшихся в Северном Прикаспии печенегов огузам. Состояние археологических памятников региона отражает именно эту, зафиксированную источниками, борьбу печенегов с огузами и ее итог – инфильтрацию части печенегов в состав конфедерации огузов. Так, в «Родословной туркмен» сообщается, что некоторая группа населения среди них (ички-салыры) имела смешанное огузо-печенежское происхождение (Агаджанов, 1969, с. 131).

К началу 50-х годов XX в. в южнорусских степях уже был накоплен некоторый материал IX–XI вв., исследованный С.А. Плетневой, выделившей признаки погребального обряда, характеризующие печенежские и торчские (огузские) захоронения (Плетнева, 1958, с. 153–172). Причем большая часть захоронений этого времени она отнесла к печенежским, считая, что огузы не играли заметной роли в южнорусских степях. Г.А. Федоров-Давыдов значительно расширил круг изучаемых захоронений, но посчитал этнические отождествления преждевременными, объединив памятники IX–XI веков в целом в огузо-печенежское время (Федоров-Давыдов, 1966, с. 7–8, 141–142). В настоящее время, как считает Е.В. Круглов, сложились условия для пересмотра известного положения С.А. Плетневой о том, что огузы сыграли в южнорусских степях менее значительную роль, чем печенеги. Наоборот, для огромных степей Северного Прикаспия именно огузы, особенно после распада Хазарского каганата, являлись основной доминирующей и определяющей военно-политической силой. Весь период со второй половины IX в. до середины XI в. для данного региона он предлагает именовать «огузским» (Круглов, 2001, с. 429) (рис. 1).

Наиболее полные и подробные сведения, относящиеся к погребальным обрядам огузов и печенегов Нижнего Поволжья второй половины IX–XI вв., содержатся в работах В.А. Кригера (Кригер, 2012), Г.Н. Гарустовича и В.А. Иванова

Рис. 1. Карта распространения огузских памятников в Поволжье и Приуралье (по В.А. Иванову и Г.А. Гарустовичу).

(Гарустович, Иванов, 2001), Е.В. Круглова (Круглов, 2001, с. 395–446).

В.А. Кригер привлек к своему исследованию 70 захоронений и 6 случайных находок, относящихся к исследуемому периоду на территории Заволжья. Г.Н. Гарустович и В.А. Иванов располагали сведениями о 83 памятниках из Заволжья и Приуралья, а также о 47 памятниках с территории Волго-Донского междуречья (Гарустович, Иванов, 2001, с. 162–186).

Новые раскопки и учет памятников Волго-Донского междуречья и районов Сарпинской низменности, не использованных в свое время ни В.А. Кригером, ни В.А. Ивановым, позволили Е.В. Кругловой учесть уже примерно 240 комплексов и случайных находок, происходящих из 232 погребений IX–XI вв. огузо-печенежского круга в степной зоне Северного Прикаспия в пределах современных территорий Республики Калмыкии,

Астраханской, Волгоградской, Оренбургской, Самарской и Саратовской областей Российской Федерации, Актыюбинской, Атыраусской и Западно-Казахстанской областей Республики Казахстан (Круглов, 2001, с. 395).

Основные отличительные особенности погребального обряда огузов, кочевавших в указанное время на территории Северного Прикаспия, выделены В.А. Кригером и В.А. Ивановым, соответственно в кандидатской и докторской диссертациях, на основе анализа 93 погребальных комплексов (Кригер, 1985; Иванов, 1990). К основным особенностям погребального обряда огузов относятся следующие признаки: преимущественно впускной характер совершаемых захоронений, сооружение простых, в основном прямоугольной формы, могильных ям от 0,5 до 2,2 м глубиной, вытянутая на спине поза погребенных, ориентированных головами на запад с сезонными

отклонениями к северу и югу, наличие в могилах разнообразных деревянных конструкций – перекрытий, гробов, подстилок и т. п. Отмечены, но в целом не признаны характерными положение погребенных вытянуто на боку, восточная ориентировка, использование загробной пищи, а также угольные и меловые посыпки (Круглов, 2001, с. 395) (рис. 2: 5, 8).

Важнейшей особенностью огузского погребального обряда в настоящее время большинством исследователей признается также наличие в женских и детских погребениях «этнографических» предметов: копоушек, птицевидных и крыловидных нашивок, привесок, достоверное практическое назначение которых до сих пор остается невыясненным (Круглов, 2001, с. 395). В.А. Кригер связал находки копоушек, нашивок и привесок, которые рассматривал как символы распространенного у кочевников обряда почитания женского божества Умай, с погребальной обрядностью огузов (Кригер, 2012, с. 60, 64, 65; Кригер, 1985, с. 12–18).

Важным признаком погребального обряда огузов является сопровождение умершего костью коня: черепом и частями ног. Основной отличительной особенностью именно огузского погребального обряда является так называемое вертикальное соотношение положения коня, сопровождавшего покойного, и человека. Головы и шкуры коней укладывались огузами над останками погребенных, в насыпях могильных ям, на перекрытиях, на крышках гробов или колод, на ступеньках. Пространственно-горизонтальное соотношение останков погребенных и ритуальных животных, т. е. расположение их в могилах на одном уровне рядом друг с другом, в научной литературе было признано не характерным для огузов (Круглов, 1989, с. 35–36).

Наиболее ярко и выражено обряд положения останков коня выше уровня залегания человека оказался зафиксирован в богатых мужских захоронениях военно-кочевой знати. Захоронения с достоверно зафиксированным расположением сопровождающего ритуального животного на одном уровне с человеком предположительно можно считать печенежскими (Круглов, 2001, с. 401).

Интересно, что огузские курганы часто имеют вытянутую и овальную форму. В Нижнем Поволжье зафиксировано наличие огузских погребений на бэровских буграх и дюнах – естественных возвышенностях, располагающихся в дельте и в придельтовой зоне. Возможно, кочевники рассматривали их в качестве больших курганов (Круглов, 2001, с. 403). К числу таких памятников относятся в Астраханской области могильники Косика, Лбище. В Волгоградской

области огузские захоронения на дюнах известны на могильниках Новоникольское II, Рубежка. Однако, вполне вероятно, что насыпи на хребтах бэровских бугров и на вершинах дюн попросту не сохранились.

Считается, что погребения кочевников IX–XI вв. только индивидуальные, единичные, беспорядочно разбросанные по степи. Однако у огузов уже давно известно определенное количество коллективных захоронений. Известны они и на могильниках Северного Прикаспия (Колобовка, Старица, Никольское V, Эльтон-85, Вертячий, Заплавное I, Карасу I, Колобовка III, Покровка VIII) (Круглов, 2001, с. 403).

Одной из весьма распространенных черт погребального обряда огузов Е.В. Круглов считает обряд обезвреживания покойных, сопровождающийся элементами разрушения скелета – частичного или полного (Круглов, 2001, с. 405–417). Е.В. Шнайдштейн, опубликовавшая захоронение из Успенки, прямо сопоставила зафиксированное в полевых условиях особое состояние скелета не с его ограблением, а с явлением ритуального разрушения, с хорошо известным по другим источникам обрядом обезвреживания покойного. Среди инвентаря захоронения, обнаруженного у с. Успенка, находились бронзовые пластинчатые браслеты, серебряные серьги, перстень, 225 серебряных блях, золотые обкладки особых деревянных блях. У погребенной женщины смещены ребра, грудные и шейные позвонки. Кости левой ноги ниже колена отсутствовали полностью, кости правой сохранились частично. По мнению автора раскопок, ноги покойницы в коленях некогда были связаны ремнем, украшенным многочисленными накладками. Скорее всего, бляшки украшали не ремень, а поверхность сумки и кожаных сапог. Показательно то, что при отсутствии костей ног, бляхи все же сохранились (Шнайдштейн, 1989, с. 271).

Лишь в очень редких случаях умерших сопровождали просто отделенные нижние части ног коня. Чаще всего погребенных сопровождало чучело, т. е. голова и набитая соломой шкура животного вместе со скаковыми конечностями, а иногда и с некоторыми другими костями скелета (ребрами, лопатками) и хвостом. Встречаются также сложенные и растянутые шкуры коней (их положение определяется по расположению черепа и костей ног коня). Скаковые конечности в погребальных шкурах коней у огузов и печенегов, в отличие от кипчаков, половцев и хазар, выбирались исключительно до первого, путового или реже до второго, пястного скакового сустава (Круглов, 2001, с. 417). Растянутая шкура коня или сложенная, но расположенная над погребенным в насыпи

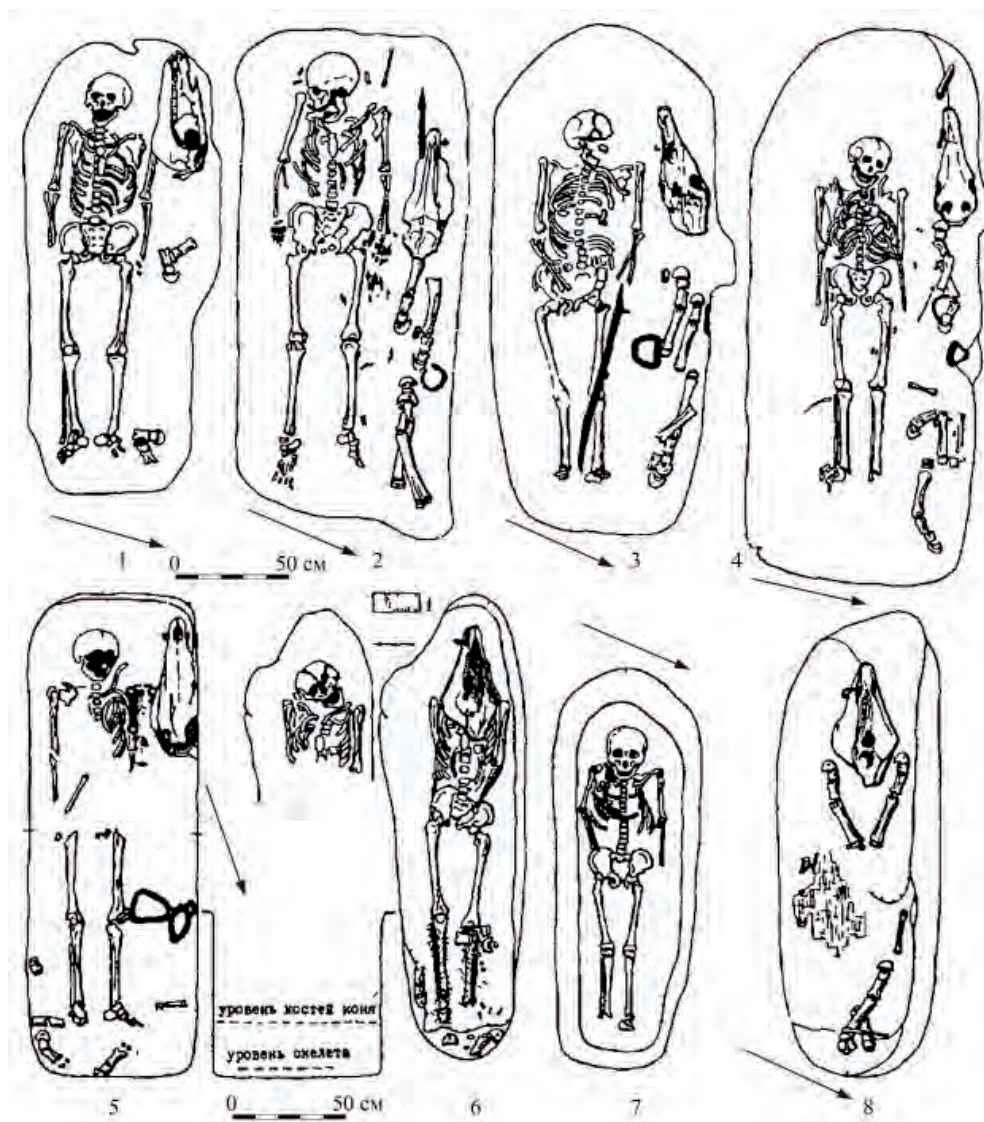

Рис. 2. Погребения печенегов (1-4) и огузов (5-8) (по С.А. Плетневой).

или на перекрытии и означающая, что воин-батыр отправляется в мир иной верхом на своём коне, может считаться признаком огузского захоронения, в то время как сложенная шкура (кости конечностей и череп коня, расположенные компактно на дне могилы) – признаком печенежского захоронения. Помещение чучела в могилу, растягивание шкуры на перекрытии могилы или складывание её может объясняться как имущественными, так и племенными различиями в составе огузов (Круглов, 2001, с. 419). В качестве примера можно привести погребение № 4 из грунтового могильника Лбище на одноименном бэровском бугре в дельте Волги. Покойный-мужчина был захоронен вытянуто на спине с небольшим доворотом вправо, головой на запад. На перекрытии над ним располагались череп коня – в западной части могилы, кости передних ног – в центральной части могилы и кости задних ног – в восточной части могилы. Такое

положение характерно для растянутой конской шкуры, когда череп на вытянутой шее несколько отстоит от костей ног. Конская шкура была взнудана и оседлана – сохранились *in situ* железные стремяна и удила (Васильев, 1993).

Большинство из обнаруженных в регионе захоронений IX–XI вв. логично укладывается в систему огузского обряда, что вполне соответствует исторической действительности того времени. Период этнокультурной гегемонии огузов в Северном Прикаспии продолжался почти два столетия. Соответственно, период этнокультурной гегемонии печенегов в Северном Причерноморье также длился около двух веков. Но если в Северном Причерноморье огузских памятников практически нет, то печенеги, непосредственно прошедшие через степи Северного Прикаспия, оставили здесь некоторые следы своего пребывания (Круглов, 1994, с. 37).

Распространение огузских погребений не ограничивается территорией степей Южного Приуралья и Заволжья, как считал в свое время В.А. Кригер. Вся территория Северного Прикаспия от Мугоджарских гор на востоке до Сарпинской низменности, Черных земель, Волго-Донского междуречья, правобережья Нижнего Дона на западе была подконтрольна огузам. Были ли все эти территории заняты только ими или же здесь одновременно обитали также и потомки хазар, пока еще не вполне ясно. Так, ранняя группа средневековых захоронений могильника Первомайский VII (Мамонтов, 2000, с. 121) неоднородна и не может быть признана целиком ни огузской, ни печенежской. По ряду особенностей часть выявленных здесь захоронений вообще является позднехазарской и датируется концом VIII – началом IX в. Можно предполагать существование позднехазарских некурганых памятников IX–XI вв. Так, интересным памятником является обнаруженный в Волго-Ахтубинской пойме могильник, содержащий огузские захоронения, описанные С.Ю. Скисовым и Г.А. Лосевым. Могильник находится в северной части поймы. Он расположен на гряде задернованных песчаных дюн, сложенных речными отложениями. Авторы публикации возникновения могильника связывают с периодом существования города и области Саксин (Скисов, Лосев, 2009, с. 66–69).

В могильниках на бэровских буграх Лбище и Косика вместе с огузскими погребениями было открыто несколько хазарских и постхазарских захоронений (Васильев, 1993; Дворниченко, Плахов, 1984). Они подтверждают сведения Масуди о раннем проникновении огузов в поисках пригодных пастбищ на территорию Хазарского каганата (Агаджанов, 1969, с. 89, 148). С 965 г., после разгрома князем Святославом, действовавшим в союзе с огузами, Хазарского каганата, эти земли, включая все нижнее течение Дона, уже беспрепятственно вошли в состав их владений (Агаджанов, 1969, с. 37, 150).

В.А. Иванов и Г.Н. Гарустович пишут, что ушедшие в результате огузо-печенежских войн конца IX в. на запад печенеги установили свою этнокультурную доминанту на западной периферии евразийских степей (Гарустович, Иванов, 2001, с. 124). Судьба огузов, по мнению этих исследователей, сложилась драматично. Они были изгнаны в Европу половецко-кыпчакским нашествием, которое к тому же отрезало их от огузо-сельджукских сородичей в Передней Азии. Они не смогли обрести там своего места и после губительного для себя похода в Византию, растворились в печенежской среде, оставив только свое имя на страницах русских летописей.

Кыпчаки появляются в Заволжье между 30 и 50-ми годами XI в. К этому времени азиатские степи были ими освоены и носили название в арабо-персидской литературе Дешт-и Кыпчак. Удар по заволжским огузам был мощным и стремительным. Преследуя бежавших кочевников, кыпчаки ворвались в южнорусские степи и в 1055 г. достигли Приднепровья. Во второй половине XI века половцы консолидируются, создают объединения государственного типа – для них завершался «период обретения родины» (Плетнева, 1990, с. 36–73). Самыми крупными были Приднепровское и Донецкое объединения (Плетнева, 1982, с. 59, 60). В Половецкой земле формируются новые погребальные традиции, более широкое распространение получают те из них, которые в курганах восточнее Волги встречаются очень редко (восточная ориентировка погребенных, ориентировка человека и коня в противоположные стороны, захоронения нескольких коней и др.). В Половецкой степи (от Днепра до Волги) развивается искусство ваятелей каменных статуй нового, половецкого типа (Плетнева, 1974, рис. 3, 5). Из 1500 половецких изваяний только четыре происходят из Саратовского и Самарского Заволжья (Кригер, 2012, с. 75–76). В Заволжье нет статуй раннего периода, что косвенно доказывает стремительность вытеснения оттуда огузов. Освоена эта территория будет лишь в золотоордынский период, поэтому не было здесь ни святилищ, ни каменных изваяний.

Таким образом, Волга являлась с середины XI в. естественным рубежом на востоке Половецкой земли. Кыпчакскую землю, то есть степи от Волги до Иртыша (собственно Дешт-и Кыпчак), населяли кочевники, развивавшиеся своим путём.

Г.А. Федоров-Давыдов писал: «Можно связать ряд типов могил и курганных насыпей с новым, половецким населением... Курганы с камнями в насыпи, наводнившие восточноевропейские степи в конце XI–XII в., были оставлены, по всей вероятности, половцами. Вполне естественно, что в XI в. ...такие курганы были насыпаны только на восточных окраинах степи, а в XII в. ...их сооружали, видимо, повсюду в степях Восточной Европы, вплоть до Молдавии и прилегающих районов. Половецкими следует считать подобно курганам с камнями в насыпи также курганы с восточной ориентировкой покойника» (Федоров-Давыдов, 1966, с. 145). Далее он указывал, что с приходом половцев, вероятно, появляется обряд погребения с покойником целого коня, ранее в Восточной Европе не известный, а также обряд погребения коня в отдельной яме.

Между тем, анализируя результаты исследований Поволжской археологической экспедиции на курганных могильниках Астраханской области,

Рис. 3. Карта области Саксин и природные зоны Астраханского Поволжья.

Г.А. Федоров-Давыдов писал, что «в половецкую эпоху Поволжье по каким-то непонятым нам причинам было почти незаселенной областью. Курганов XII в. в этой зоне степей почти нет» (Федоров-Давыдов, 1983, с. 50–76). На карте погребений половецкого времени в Нижнем Поволжье обозначено лишь одно захоронение – в Калиновском могильнике в Волгоградской области (Федоров-Давыдов, 1966, с. 146, рис. 21). Половецкие погребальные комплексы, характеризующиеся такими признаками обряда, как каменная наброска в насыпи курганов, преимущественно восточная ориентировка погребенных и противоположная ориентировка лошади, известны на территории Волгоградской области. Археологические памятники половцев здесь представлены также камен-

ными изваяниями, устанавливавшимися на родовых святилищах (Блохин, 2009, с. 195–197). Тем не менее на основе анализа сообщений письменных источников Г.А. Федоров-Давыдов выделяет локально-территориальные группы половцев в Лукоморье, на Дунае, в Поднепровье, в Приазовье, на Дону, а также в Нижнем Поволжье. Нижневолжских половцев он называет «саксинами». Точно так же область под названием «Саксины» со знаком вопроса обозначена в Нижнем Поволжье без дальнейшей конкретизации на карте расселения половцев в работах С.А. Плетневой (2003, с. 231, рис. 55).

Интересно отметить, что на карте Идриси 1154 г. команы показаны только к западу от Дона. В Поволжье Идриси помещает хазар и город

Итиль, что является для XII в. анахронизмом (Федоров-Давыдов, 1966, с. 149).

С чем же связано отсутствие половецких или кыпчакских захоронений на территории Нижнего Поволжья южнее нынешнего Волгограда (а точнее – южнее разделения Волги и Ахтубы)? Современные условия обводнения, сложившиеся на рубеже эпохи раннего железного века и раннего Средневековья, примерно соответствуют тем, что существовали в период с X по XV вв. Левобережье и правобережье Волго-Ахтубинской поймы южнее примерно 47°12' с. ш. представляют собой пустыню и полупустыню, то есть зону сплошных полузатвердевших песков. Это безводный регион, где солоноватая вода низкого качества доступна только из колодцев. Если перемещаться с караванами по пустыне еще возможно, то какое-либо кочевание и содержание большого поголовья скота в подобных условиях просто невыносимо. Пески подступают прямо к волго-ахтубинским берегам, поэтому в прибрежной зоне при недостатке воды все равно наблюдается недостаток травы. В северных, степных районах Астраханской области, где единственными источниками воды являются русла больших рек – Волги и Ахтубы – берега поймы настолько высоки, круты и обрывисты, что очень трудно сгонять стада скота вниз на водопой и поднимать их снова на пастбища.

Таким образом, степи и пустыни Астраханского Поволжья представляют собой зону рискованного скотоводства. Малое число кочевнических погребений эпохи Средневековья в левобережных и правобережных степях ниже нынешнего Волгограда позволяет предположить, что здесь не было в эпоху Средневековья никаких регулярных кочевий. Об этом же говорит и отсутствие половецких (донского типа) и кыпчакских (южноуральского типа) каменных изваяний в Астраханской области. Единственное изваяние, которое демонстрируется в экспозиции Астраханского краеведческого музея, происходит из самых северных районов области, из междуречья Дона и Волги. Между тем Подонье и Приуралье, где условия кочевания в степях были не столь суровы, являются природными ландшафтами, которые активно эксплуатировались половцами и кыпчаками.

Наличие некоторого количества половецких и кыпчакских захоронений севернее места разделения Волги и Ахтубы объясняется тем, что там Волга течёт единым потоком и именно там происходили переправы через Волгу всех волн кочевников, направлявшихся с Востока на Запад.

Г.А. Федоров-Давыдов убедительно доказал, что город Саксин, известный по трудам средневековых арабских географов и историков, а также русским летописям, располагался именно в

Нижнем Поволжье (Федоров-Давыдов, 1969, с. 256). В целом его выводы о Саксине можно обобщить следующим образом: в Нижнем Поволжье в XII–XIII вв. существовал город Саксин, который в качестве города упоминается лишь в XII в., дальнейшая его историческая судьба неизвестна. Город этот был населен огузами – об этом есть свидетельство Абу Хамида ал-Гарнати, долго жившего в Саксине. В XIII–XIV веках в Нижнем Поволжье предположительно кочевало некое племенное подразделение половцев-кыпчаков под названием «саксин» (Федоров-Давыдов, 1969, с. 260). Для Г.А. Федорова-Давыдова область Саксин не имела конкретных узких границ и включала Нижнее Поволжье в составе современных Волгоградской и Астраханской областей как минимум.

В конце XX – начале XXI вв. в дельте Волги проведены археологические исследования, в ходе которых были выявлены средневековые поселения, часть из которых датируется домонгольским периодом. Самым крупным из них является Самосдельское городище западной части дельты. Размеры городища (общая площадь свыше 4 кв. км, такого размера территория города достигает к началу XIII в.) и мощность его культурных отложений (около 3 м) позволяют сделать предположение о том, что данный населенный пункт являлся центром притяжения для населения региона. Именно с данным городищем соотносится город Саксин, описываемый арабским средневековым путешественником Абу Хамидом ал-Гарнати (рис. 4).

Ал-Гарнати оставил единственное подробное письменное описание города Саксина в сочинении «Выборка воспоминаний о чудесах стран» (ал-Гарнати, 2010, с. 31–33). Он в 1130 году впервые прибыл в Саксин. Этот город стал домом для путешественника на целых 20 лет, отсюда он совершал свои дальнейшие поездки. Описанные им в книге саксинские наблюдения практически полностью совпадают с археологическими реалиями Самосдельского городища.

Ал-Гарнати совершил путешествие в Саксин из Дербента. Для него совершенно очевидным был факт, что к северу от Дербента располагается страна хазар, несмотря на то, что самого Хазарского каганата как государства уже более 100 лет не существовало. Его слова о «стране хазар» могут служить свидетельством того, что хазары как народ не потеряли ко второй четверти XII века своей этнической идентичности (далее он упоминает даже о том, что хазар в Саксине живет несколько племен) (Васильев, 2015, с. 199). Здесь мы видим прямое указание на тот факт, что в дельте Волги к этому времени сохранялись остатки населения, сложившегося тут еще в хазарскую эпоху.

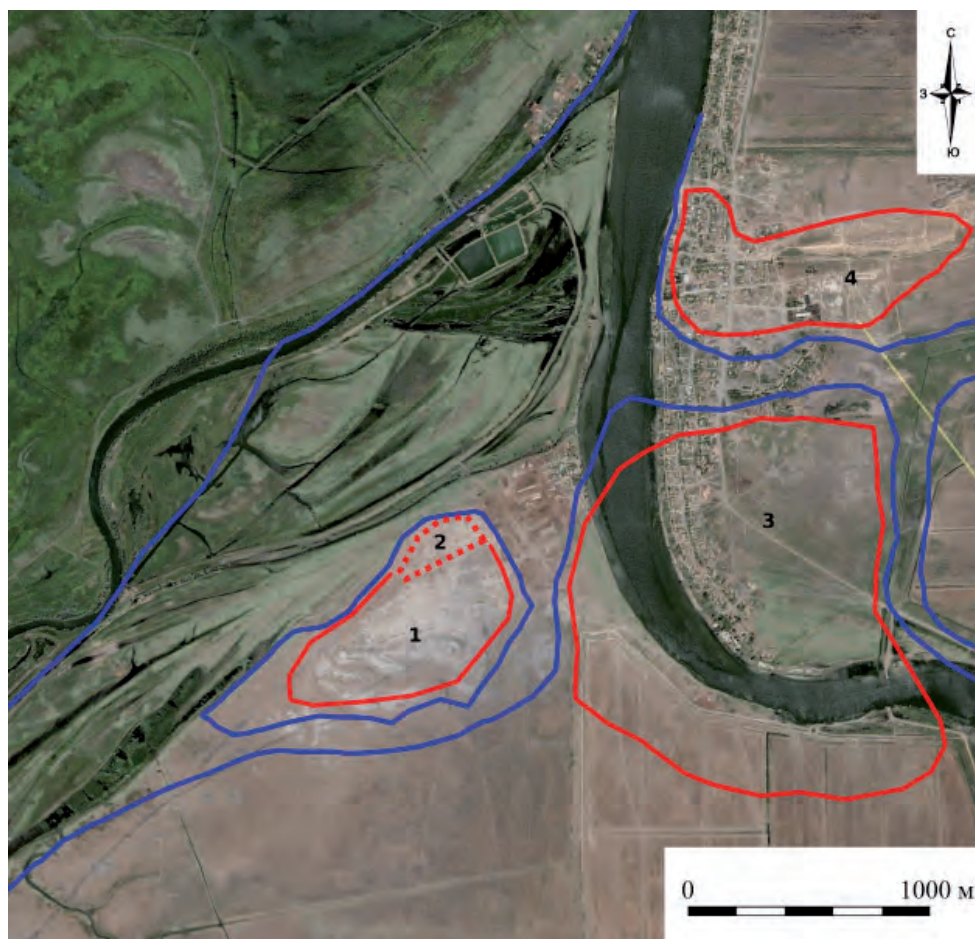

Рис. 4. Самосдельское городище в X–XIII вв. Синие линии – примерное расположение русел основных рек. Красные линии – границы заселённых участков. 1 – Самосдельское городище; 2 – Контур крепости; 3 – Правобережное Самосдельское селище (реконструируется с учётом территории, смытой рекой); 4 – Левобережное Самосдельское селище.

Ал-Гарнати пишет: «И переплывал я из Саджсина в земле Хазар и тюрков в Хорезм трижды...» (ал-Гарнати, 2010, с. 59; Кушаев, 2012, с. 143). Он оговаривается также, что продолжительность пути по морю от Саксина до Хорезма составляет один месяц (ал-Гарнати, 2010, с. 51). Это свидетельствует о развитости морского сообщения по Каспию. В этой связи интересно отметить, что на Самосдельском городище в слоях XII века был обнаружен большой красноглиняный сфероконус высотой 19 см и диаметром 15 см, с лощением по тулову и с выбитым на его плечике знаком-граффити в виде корабля с высокими форштевнем и ахтерштевнем, мачтой, натянутыми вантами и заброшенным якорем (Гречкина, Зиливинская, 2003; Зиливинская, Васильев, Гречкина, 2006). Практически полные аналогии данному сфероконусу находятся в экспозиции историко-этнографического музея Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН в Махачкале (Зиливинская, 2010, 140–144; Болдырева, 2012, с. 75–77).

«Огромная река», к которой прибыл ал-Гарнати в конце своего путешествия по морю, несомненно – Волга, точнее, одна из ее проток. Топографический план окрестностей Самосдельского городища позволяет заметить, что местность к северо-западу от городища представляет собой очень широкую речную долину, которая при более высоком уровне стояния воды превратилась бы в реку шириной около километра. Центральная часть городища располагалась в древности на острове посреди Волги, который отделялся протокой от восточной части. Палеопочвенные исследования подтвердили это предположение (Бронникова, Завозская, Аржанцева, 2001, с. 43–47).

В своем труде ал-Гарнати называет город «Саджсин», а не «Саксин». Возможно, что название города происходит от названия «Сарашен» или «Сарыгшин» – так называлась либо хазарская ставка в степи, либо один из районов хазарской столицы – Итиля. В современных тюркских языках слово *сары* означает «желтый». Не исключено, что название «Сарыгшин» может происхо-

дить от кирпичной крепости с оранжевыми (или красновато-желтыми) стенами (Васильев, 2015, с. 209). Однако, как пишет С.Г. Кляшторный, в языках болгарской группы слово *sary* или *saryg* означало белый цвет. Весьма вероятно, что именно поэтому и арабы называли ставку кагана «ал-Байда», что по-арабски означает «белая» (Кляшторный, 2005, с. 105). Есть некоторые основания предполагать, что Саксин вырос на месте Итиля или неподалеку (Заходер, 1962; Артамонов, 2001, с. 445).

Если эта версия верна, то тогда схема развития названия города может выглядеть следующим образом: «Сарыгшин» – «Сагсин»/«Саджсин» – «Саксин». Это предположение не выглядит таким уж шатким, если обратить внимание на то, что на Самосдельском городище были выявлены слои IX–X вв., относящиеся к хазарскому времени (Зиливинская, Васильев, 2008, с. 224–226; Зиливинская, Васильев, 2011, с. 156–164).

Ал-Гарнати говорит о сорока племенах гузов в Саксине и о том, что у каждого племени – отдельный эмир. В материалах Самосдельского городища имеется огромное количество лепной и доведенной на гончарном круге керамики, которая имеет широкие территориальные аналогии (рис. 5). В Восточной Европе мы ее можем найти прежде всего на донских городищах Хазарии (в частности Саркела) (Плетнева, 1959, с. 230–242), где она связывается исследователями с кочевническим компонентом населения. Кроме этого, известна подобная керамика на так называемых «болотных» городищах Янгикентской группы, обнаруженных С.П. Толстовым в низовьях Сырдарьи (Толстов, 1947, с. 57–67). С.П. Толстов высказал мнение о принадлежности «болотных городищ» огузам. Возможно, элементы культуры «болотных городищ» попали в Восточную Европу именно в составе культуры огузов (Васильев, Гречкина, Зиливинская, 2003, с. 83–122).

С.П. Толстов впервые обратил внимание на закономерность в расселении огузов и печенегов в Азии и Европе – на их тяготение к дельтовым и низовым районам (низовья Сырдарьи, Волги, Дона, Днепра, Дуная) (Толстов, 1947, с. 90). Он также считает, что огузы низовий Сырдарьи вели комплексное земледельческо-скотоводческо-рыболовецкое хозяйство, и именно этим объясняется их стремление к подобного рода экологическим нишам. Однако Г.Н. Гарустович и В.А. Иванов, полемизируя с С.П. Толстовым, утверждают, что анализ погребального обряда огузов и печенегов прямо говорит об их кочевом образе жизни, и оставляют открытым вопрос об этнической принадлежности материальной культуры нижнесырдарьинских городищ (Гарустович, Иванов,

2001, с. 97). По их мнению, городища эти были заселены родственными между собой племенами приаральского происхождения, связанными культурными и экономическими узами с Хорезмом. Присутствие же в их среде огузов или печенегов было весьма незначительным (Гарустович, Иванов, 2001, с. 98). В.А. Иванов и Г.Н. Гарустович утверждают, что собственно огузы приходят в низовья Сырдарьи с востока лишь в начале IX в. и с этого времени становятся соседями печенегов, а затем и вытесняют их с традиционных территорий кочевания (Гарустович, Иванов, 2001, с. 106). До сих пор вопрос о происхождении населения нижнесырдарьинских городищ остается нерешенным. На это же обстоятельство обращает внимание и Е.В. Круглов. Он пишет, что даже принадлежность керамики с «пышным» орнаментом именно огузам еще никем не была достоверно доказана (Круглов, 2005, с. 270–278).

Судя по разработкам С.Г. Кляшторного, в бассейне Сырдарьи огузы появляются не ранее середины IX в. Между тем все приаральские поселения, на которых была обнаружена керамика с наколами и прочерченными гирляндами, показывают состояние твердой оседлости и устойчивые домостроительные традиции начиная минимум с VII в. Следовательно, носители этих традиций украшения керамики могут связываться только с культурой оседлого коренного населения Средней и Нижней Сырдарьи, а отнюдь не с пришлой кочевой культурой огузов. Учитывая именно это, исследователи археологических памятников Отрарского оазиса Средней Сырдарьи К.А. Акишев, К.М. Байпаков и Л.Б. Ерзакович подобную керамику связывают не с огузами, а с печенегами-кенгересами, коренным населением Восточного Приаралья (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 190).

После вторжения в Среднюю Азию вся дальнейшая история огузов оказалась переплетенной с историей печенегов. Таким образом, можно согласиться с Е.В. Кругловым в вопросе о том, что этническая структура нижеволжских кочевых племен, окружавших Самосдельское городище, ясна не до конца. Возможно, значительную часть их составляли печенеги. Но свидетельство ал-Гарнати об огузах и их политическом господстве в Саксине позволяет нам говорить о наличии смешанного огузо-печенежского населения в дельте Волги под руководством огузов.

Судя по материалам Самосдельского городища, огузы появляются в дельте Волги в конце хазарского периода. Маркируется их приход туда появлением в керамическом комплексе городища лепной посуды с «пышным» орнаментом. Относится это явление к слоям начала – середины

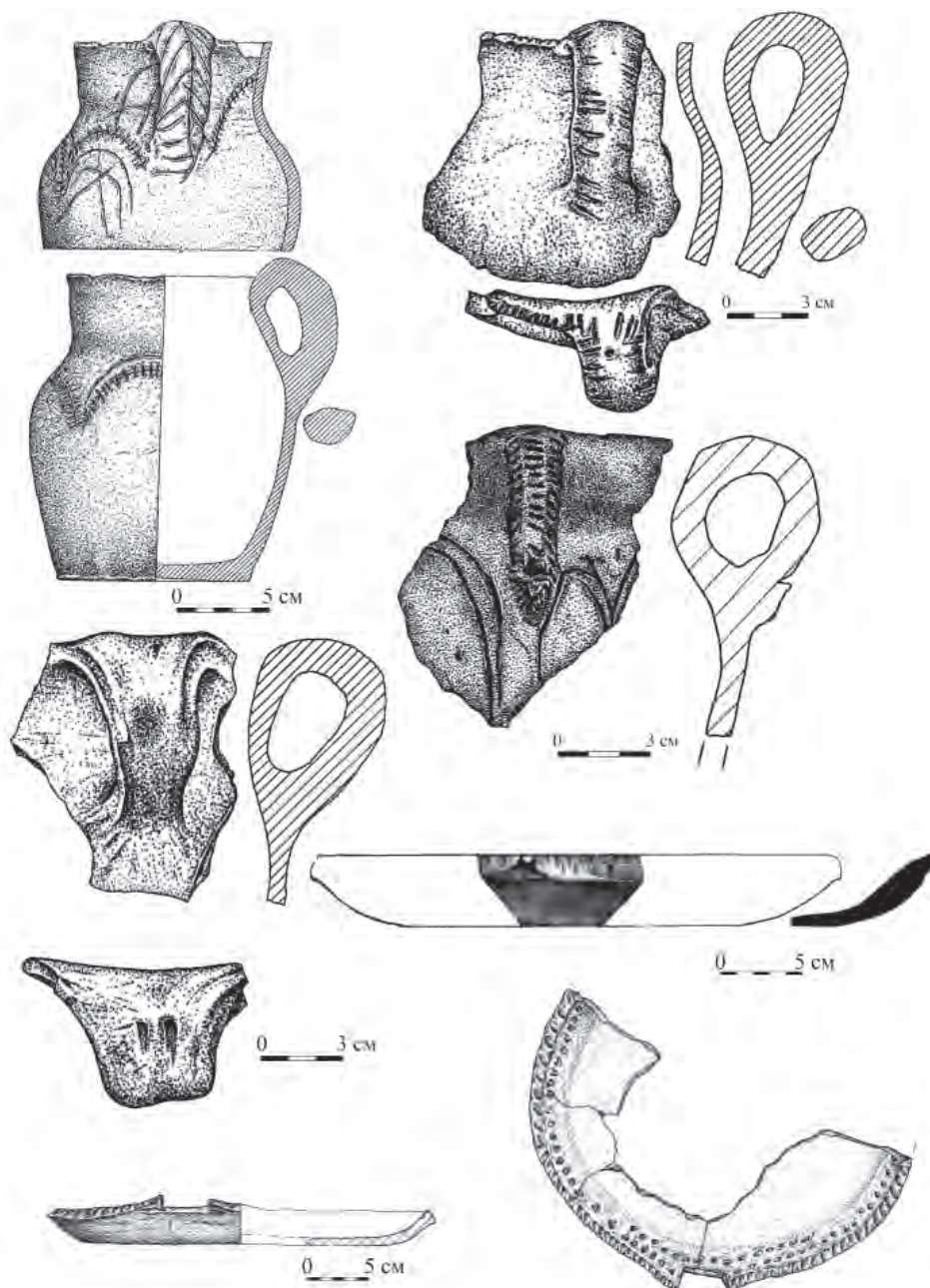

Рис. 5. Огузская посуда Самосдельского городища

X века (Зиливинская, 2011, с. 12–13). И эта кочевническая керамика – котлы, горшки, а также подражания круговым формам – кувшины, кружки, миски, тазы и пр. – доживает вплоть до периода монгольского нашествия во второй четверти XIII в. практически без изменений, что говорит о сохранении основных черт культуры носителей этой керамической традиции (Попов, 2011, с. 60–88). Единственным, но весьма характерным отличием «огузской» посуды с «пышным» орнаментом из дельты Волги от посуды, происходящей из Саркела или из синхронных степных захоронений, является диаметрально противоположная ориентация «гирлянд» – основного элемента ком-

позиции орнамента. Если на Самосдельском городище «гирлянды», имитирующие бараньи рога, представляют собой выгнутые вверх арки, заполненные орнаментом (наколами, насечками, отпечатками штампа и т. п.), то саркелские и степные сосуды украшены именно гирляндами, свисающими вниз. Возможно, что это различие носит характер племенной орнаментальной традиции.

Очевидно, что огузы, которых ал-Гарнати исчисляет в количестве «сорока племен» и упоминает на первом месте в списке народов, населявших Саксин, вели полукочевой образ жизни, поскольку невозможно представить себе полноценное кочевание в условиях дельты Волги. Однако наверня-

ка эти «сорок племен» жили в мире между собой, деля экономическое влияние в городе и в округе. Можно осторожно предположить, что каждое «племя» контролировало какой-либо крупный остров в дельте или ряд островов, и дельта Волги в те времена могла быть разделена на отдельные экономически замкнутые микрорегионы, связь между которыми осуществлялась через торговлю на рынках крупного города Саксина (Васильев, 2015, с. 215). Очевидно также, что именно мясная диета составляла основу рациона жителей города в X–XIV вв. Главным образом, это крупный и мелкий рогатый скот. Примечательно, что животных в городе не содержали – в культурных слоях городища обнаружены не целые скелеты, а лишь кости со следами кухонной и рыночной разделки (Яворская, 2011, с. 91–96). Видимо, мясо в город поставлялось из ближайшей округи. Можно предположить, что огузы играли в составе населения города очень важную роль, поскольку они были связаны с поставщиками мяса и в силу своей мобильности служили щитом города от внешних вторжений.

Яркими индикаторами постепенного перехода к оседлости у огузов Нижнего Поволжья являются значительное количество женских и детских захоронений, существование погребений знати, коллективных захоронений, широкое распространение обряда обезвреживания умерших, начинающиеся формироваться и обозначаться на местности собственные могильники. К числу огузских относятся уже несколько курганов с основными захоронениями. Наличие грунтовых погребений в дюнах и бэровских буграх самим фактом своего существования также дают некоторые дополнительные данные для соответствующего анализа погребальной обрядности огузов.

Специфической бытовой могильный инвентарь – свинцовые грузики-пломбы, ножницы, глиняная посуда, находимые в женских погребениях, только подтверждают «врастание в оседлость» огузских племен Северного Прикаспия. Находки 16 свинцовых грузиков-пломб, скреплявших шкурки пушных зверей, позволяют поставить вопрос о степени самого активного участия огузов в торгово-денежном меновом обращении конца X – начала XI в. между Халифатом и районами Средней Азии с одной стороны и набиравшими мощь Киевской Русью и Волжской Болгарией – с другой (Культура Биляра, 1985, с. 109–113). Существование у кочевников в Нижнем Поволжье в X в. центра обработки цветного металла, производившего вещи высокого художественного уровня, знавшего технику инкрустации, амальгамирования и чернения, предполагает Л.М. Гаврилина (1987, с. 64).

Письменные источники X в. (Масуди, Идриси, Махмуд Кашгарский и др.) свидетельствуют о существовании у огузов городов и крепостей, о наличии среди них значительной части оседлого населения, занимавшегося пашенным земледелием и домашним ремеслом (Агаджанов, 1969, с. 87–99). Зимние стоянки со специфической керамикой саркелского типа зафиксированы на правом берегу р. Волги в районе с. Болхуны, Сероглазово, Досанг и Исекей (Белецкий, 1962, с. 63). Значительное количество погребений ориентировано на запад с южными отклонениями, что свидетельствует о том, что они совершались зимой, недалеко от зимних стоянок (Плетнева, 1963, с. 259).

В письменных источниках содержатся многочисленные факты, свидетельствующие о глубоком социальном расслоении огузов в X в. Ибн Фадлан отмечает наличие знати, свободной бедноты и бесправных рабов (Агаджанов, 1969, с. 108–109). Археологический материал подтверждает все эти известия. На фоне основной массы достаточно маловыразительных захоронений рядовых членов общества выделяются 10–15 комплексов кочевой знати. Кони, сопровождавшие погребенных, в некоторых из этих памятников были снабжены уздой, ремни которой украшались многочисленными серебряными и бронзовыми накладками, пряжками. Среди этих предметов особенно выделяются большие декоративные бляхи-решмы, украшавшие центральную часть конского оголовья. Погребенные воины, помимо обычного комплекта лучника, вооружались саблями. У многих из них имелись наборные пояса, у некоторых их было два. В одних случаях указанные погребения могли принадлежать главам небольших семейных подразделений, по-видимому, еще являвшихся патриархально-клановыми (Быково 1, 16/9; Заплавное, 3/3; Карасу 1, 20; Колобовка III, 1/3; Кривая Лука XV, 2/6; Новая Квасниковка 1, 6/1; У-85 (Барун), 4/2). В других – они могли принадлежать известным по тюркоязычному эпосу воинам-батырам, несомненно, уже выделившимся из состава таких подразделений (Бахтияровка, 55/5; Верхний Балыклей 11, 5/1; Купцын Толга, 46/5; Маяк Октября 91, 4; Никольское V, 1/4; Новоникольское 1, 7/13; Пятнадцатый поселок, 3/7; Рахинка, 3; Ченин, 8/4) (Круглов, 2001, с. 428).

Абу Хамид ал-Гарнати пишет о многочисленных купцах разных народностей и тысячах купцов из Магриба («нет им числа») (ал-Гарнати, 2010, с. 31). Судя по данным археологии, город на месте Самосдельского городища являлся центром транзитной торговли. Среди находок на городище встречаются многочисленные изделия, которые происходят буквально из всех уголков населенного мира: поливная посуда из Ирана, Ширвана,

Мавераннахра, Хорезма, кашинные изделия из Ирана, бусы из Волжской Болгарии, Византии, Ирана, Закавказья, металлические изделия из Средней Азии и Волжской Болгарии, костяные изделия из Руси, Волжской Болгарии, Средней Азии. Встречается большое количество кусков необработанного янтаря из Прибалтики и свинцовых слитков с Мангышлака или Азербайджана. Продуктами экспорта из области Саксин являются рыба и разноцветная соль, которая вывозится, по словам ал-Гарнати, в Болгар (ал-Гарнати, 2010, с. 33).

Вполне вероятно, что поселения дельты Волги в XI–XII вв. обслуживали в основном транзитную торговлю по Каспию и Великому Волжскому пути. Об этом косвенно свидетельствует, например, значительная доля закавказского (ширванского, иранского) импорта в находках на Самосдельском городище.

По невыясненным до сих пор причинам в слоях XI и XII вв. до сих пор обнаружена лишь одна монета. Это довольно странно выглядит при большом количестве импортных предметов, обнаруживаемых на городище. Е.Ю. Гончаров пишет, что, несмотря на активное развитие монетных систем в Хорезме, на Мангышлаке, в Иране, Ширване, Дербенте, рынок города Саксина по каким-то причинам не воспринимал такое монетарное окружение (Гончаров, 2011, с. 146–147).

Отсутствие в этот период медной монеты объяснить довольно легко неразвитостью внутреннего рынка и господством натуральных отношений. Емкость собственно внутреннего рынка города и области Саксин была мала. Покупательная способность населения была весьма низкой, поскольку город базировался на натуральном хозяйстве и натуральном обмене. Однако у ал-Гарнати мы видим многочисленные оценки товаров в денежном эквиваленте (ал-Гарнати, 2010, с. 32, 65, 78), значит, монетное обращение все же существовало. Однако редкость монетных находок в слоях XI–XII вв. заставляет нас сделать вывод, что товарообмен был главным образом натуральным или же монета заменялась каким-то эквивалентом.

Лишь в начале XIII века, возможно, намечается некоторое оживление в денежном обращении – к этому времени относятся находки на городище трех золотых монет и одной медной. Все эти монеты отчеканены в Хорезме в правление хорезмшаха Текеша (1172–1200 гг.) и его сына Ала ад-Дина Мухаммада (1200–1220 гг.). Тем не менее Е.Ю. Гончаров предполагает, что и эти монеты не имеют отношения к торговле, так как они, скорее всего, появились на городище вместе с беженцами из Хорезма, спасавшимися от ужасов монгольского нашествия (Гончаров, 2011, с. 147).

Абу Хамид ал-Гарнати свидетельствует о наличии в качестве обменного эквивалента в городе Саксине не серебра, а слитков «чёрного олова» (ал-Гарнати, 2010, с. 32), то есть свинца (Фигуровский, 1970, с. 50). За годы исследования Самосдельского городища здесь было найдено множество свинцовых изделий, как в культурных отложениях на раскопах, так и в виде подъемного материала. Крупные клады свинца неоднократно бывали обнаружены на территории городища (рис. 6). Клад свинцовых слитков был обнаружен в урзе берегового обрыва. Слитки свинца – свинцовые выплески с завернутыми краями – были найдены среди обломков керамического хума. Большой клад, весом около 70 кг, был обнаружен на поверхности городища в 2006 году. В 2005 г. была выявлена полуземлянка или погреб внутри дома, где в лежанке-суфе и в полу в трех ямах был обнаружен клад свинцовых слитков общим весом 412,328 килограммов. Клад состоит из изделий разных категорий: здесь есть и явные гири определенных весовых норм, есть слитки, соответствующие мелким весовым нормам, есть изделия самого разного назначения, есть грузила. Возможно, это был склад сырья для дальнейшей переработки свинца в обменный эквивалент. В пользу этого говорит то обстоятельство, что две ямы из трех, в которых находился свинец, были скрыты. Одна – под двумя каменными жерновами, а другая – под обмазкой суфы. Таким образом, свинец хранился как ценность. На мысль о высокой стоимости свинца и на использование его в качестве обменного эквивалента наводят также свидетельства ал-Гарнати и Ибн Русте (Хвольсон, 1869, с. 64). Среди слитков встречались как бесформенные выплески и капли, так и оформленные геометрически правильные слитки, которые можно назвать денежно-весовыми, поскольку их вес совпадает с распространенными на Востоке мерами веса (Васильев, 2015, с. 233–238).

Причину появления большого количества свинцовых слитков на Самосдельском городище мы можем предположительно объяснить использованием их в виде обменного эквивалента (денег) в условиях «серебряного голода» вследствие экономического кризиса на Востоке и прекращения чеканки дирхемов (Ильин, 1924, с. 3). Видимо, свинцовые слитки Самосдельского городища, призванные обсуживать нужды внутреннего саксинского рынка, были адекватным ответом на нехватку драгоценных металлов и монет из них.

Население Самосдельского городища в X–XIV вв. в подавляющем большинстве исповедовало ислам. Об этом говорит общий мусульманский облик материальной культуры города, практически полное отсутствие костей свиньи среди кост-

Рис. 6. Свинцовые слитки Самосдельского городища. 1 – гривнообразный слиток; 2,3 – отливки в форме бараньих альчиков.

ных кухонных остатков (кости свиньи появляются лишь в золотоордынский период и составляют всего 0,03% от общего объема выборки) (Яворская, 2011, с. 152) и обнаружение арабоязычных и персоязычных надписей на бытовых предметах, на посуде. Имеются надписи, нанесенные на предметы в ходе их использования. На донце одного из красноглиняных сосудов вырезана надпись «Мухаммад» (Зиливинская, 2005; Васильев, 2015, с. 223), а на иранской тонкостенной кашинной чаше под бирюзовой поливой – надпись «Салават» тушью снаружи на донце (Зиливинская, 2009; Васильев, 2015, с. 223). Помимо этого, в коллекции имеется надпись куфическим шрифтом «Лакхалам» на янтарной подвеске (Гречкина, Зиливинская, 2003; Васильев, 2015, с. 223) (рис. 7).

Исследования в центральной части Самосдельского городища позволили обнаружить пока лишь одно здание, которое можно сопоставить по планировке и ориентировке с небольшой мечетью XII в. Планировка зданий и улиц в центральной части городища по сторонам света с небольшим отклонением, вероятнее всего, задана мечетями, которые являлись кварталообразующими сооружениями.

Ал-Гарнати говорит о соборных мечетях, которые принадлежали самым крупным этническим общинам, их было как минимум четыре, и не упоминает о квартальных мечетях, которые наверняка были, но не у всех народностей. В Саксине, по словам ал-Гарнати, представлены основные махабы суннитского ислама (ал-Гарнати, 2010, с. 31). Между тем далеко не всё кочевое или полукочевое негородское население области Саксин было мусульманским. Ал-Гарнати упоминает о «караванах неверных», которые пригоняют скот на продажу в Саксин (ал-Гарнати, 2010, с. 32). Здесь речь идет, скорее всего, о полукочевых огузах, часть которых придерживалась доисламских верований. Из сообщения Ибн Фадлана мы знаем, что отдельные группы огузов принимают ислам еще в X в.

Подтверждением словам средневекового автора является ряд огузских погребений Нижней Волги (Ровное, к. 4, п. 8; Политотдольное, к. I, п. 5, 6, Новоникольское, к. 3, п. 8; Черная Падина и др.). Здесь в обряде захоронения явно проступают черты мусульманских канонів (Гарустович, Иванов, 2001, с. 126).

В 1999 году на могильнике городища Мошак – бугре «Татарский» было обнаружено детское захоронение. Ребенок был захоронен в яме с подбоем в южной стенке, что характерно для мусульманских погребений. Покойный был уложен головой на запад с сильным доворотом на правый бок, лицо его было обращено на юг, в сторону Мекки. Подбой был закрыт деревянным наклонным щитом. Но вот во входной яме в головах погребенного вопреки требованию шариата о безынвентарности погребений был установлен типичный огузо-печенежский черноглиняный горшок баночного типа с манжетовидным венчиком (Васильев, 2001, с. 48–54).

Абсолютное большинство фрагментов и целых форм гончарной неполивной посуды из слоев X–XII вв. составляет посуда в болгарских традициях. Большие масштабы керамического производства позволяют говорить о тесных связях Самосдельского городища с Волжской Болгарией в X–XII вв., о большом болгарском компоненте среди населения городища в тот же период (Васильев, 2004, с. 264–269).

Между тем керамический комплекс круговых сосудов «общebolгарского облика», выделяющийся в керамике Самосдельского городища, появляется в его материалах непосредственно с уровня материка, то есть уже в IX–X вв. эта керамика появляется в Самосделке в готовом, сформировавшемся виде. Номенклатура сосудов довольно невелика – в основном это высокогорлые кувшины без выделенного слива, глубокие миски с загнутыми внутрь краями, хумы, хумчи, кринки и кружки. Аналогии данным типам керамики

имеются в материалах Волжской Болгарии X–XI веков: на Кайбельском селище, Остолоповском и Криушинском селищах, Алексеевском городище. Т.А. Хлебникова включает ее в I группу керамики X–XI вв. (Хлебникова, 1984, с. 86–95, 134, 135; рис. 53, 6, 7; 54, 1, 2, 4; 55, 13, 14, 23, 24). Этот комплекс посуды сохраняется практически без изменений вплоть до периода монгольского нашествия (Попов, 2011, с. 60–88). Т.А. Хлебникова связывает происхождение ранних форм данной группы керамики с салтово-маяцкой культурой Подонья, Приазовья, Предкавказья и с алано-болгарским этническим компонентом.

Ранняя датировка посуды общеболгарского облика на Самосдельском городище, гораздо более ранняя, чем в Среднем Поволжье, позволяет предположить, что на территорию будущей Волжской Болгарии эта посуда проникла именно из дельты Волги благодаря связям, существовавшим между этими регионами в хазарское и постхазарское время. Более того, этот керамический комплекс был перенесен в низовья Волги в готовом виде вместе с переселившимся населением из какого-то другого региона в VIII–IX вв. Возможно, что генетические корни этого керамического комплекса находятся на Кавказе и в Закавказье. В этой связи очень интересным является высказывание ал-Гарнати о «жителях Суvara». Комплекс круговой керамики с Самосдельского городища находит себе близкие аналогии на городище Шабран («Шабиран» – «савиры» по-персидски) в Азербайджане (Васильев, 2015, с. 227), причем он имеет ряд морфологических отличий от посуды так называемых «общеболгарских типов», имеющих распространение на территории Волжской Болгарии (Попов, 2011, с. 60–88).

В ситуации полиэтничности населения не могла сложиться единая политическая и этническая общность в городе и области Саксин. Скорее всего, единственное, что объединяло представителей разных этнических общин и удерживало их в дельте Волги – обеспечение бесперебойной транзитной торговли. Поэтому термин «саксины», который встречается в венгерских источниках и русских летописях (Федоров-Давыдов, 1969, с. 260), следует понимать всего лишь как политоним, но не как этноним, относящийся к определенному народу.

В ходе исследований на Самосдельском городище были выявлены крупные сооружения, вписанные в городскую планировку, – многокомнатные дома из обломков обожженного кирпича, сырцового кирпича и пахсы. Эти дома появляются в начале XI в. и доживают до конца XIII в. Основным материалом из заполнения этих домов является лепная «огузская» хозяйственная посуда.

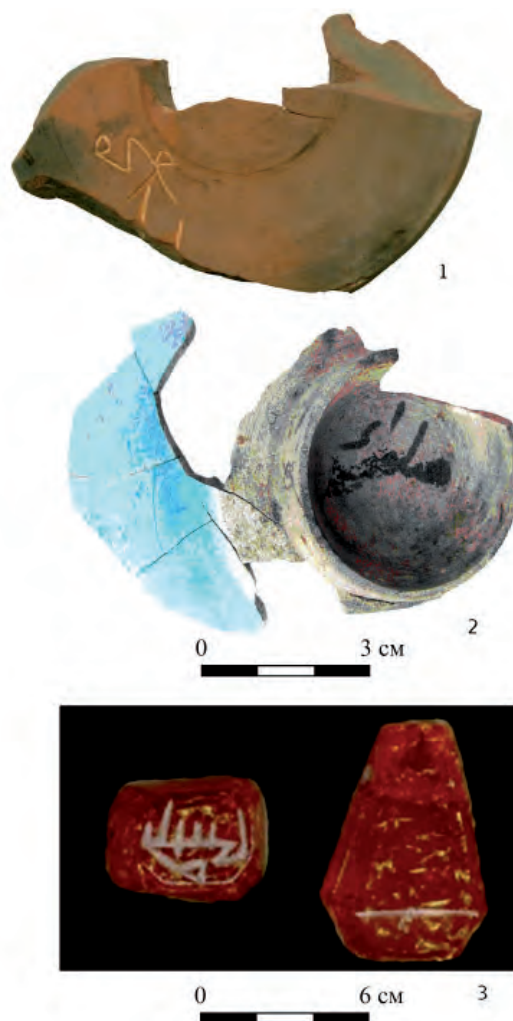

Рис. 7. Надписи из материалов Самосдельского городища. 1 – надпись «Мухаммед» на донце кувшина; 2 – надпись «Салават» тушью на донце кашинной чаши; надпись «Лахсалам» на янтарной подвеске.

Довольно часто в жилищах прослеживается традиция вкапывания в центр пола кочевнических лепных котлов с раковинообразными ручками-ушками в слоях, предшествовавших монгольскому нашествию, и в слоях, следовавших за пожаром второй половины 1230 годов (Васильев, 2011, с. 34–45). Вполне вероятно, что эти котлы использовались в качестве небольших очагов-сандалов.

Центральная часть города, обнаруженная в раскопах, фиксирует уличную планировку. Выявлено три улицы, небольшие площади с колодцами на перекрестках улиц, остатки множества крупных домов. Если в хазарское время на городище фиксируются различные модификации турлучных юртообразных жилищ, то в саксинский период возводятся наземные прямоугольные и квадратные в плане дома. Стены строились на бревенчатом или жердевом каркасе с поперечными перекладинами и заполнялись сырцовыми кирпичами или глинистой массой. Довольно часто встреча-

ются цоколи домов, выполненные в технике панцирной кладки: фасады были сложены из обломков кирпичей, обращенных торцевой частью наружу, а внутренняя часть цоколей стен была забита глинистой массой и обломками кирпичей. Поверх таких цоколей строились каркасно-глинобитные конструкции стен.

Наиболее представительные крупные постройки возводились из обожженного кирпича вторичного использования. Некоторые дома имели кирпичные цоколи, на которые ставились фахверковые стены. Для этого горизонта характерно обилие построек из кирпича и его обломков. Весь кирпич вторичного использования, часто со следами известкового раствора, при том что кладка велась на глине. Это говорит о том, что в саксинский период для строительства домов разбирались какие-то кирпичные сооружения (скорее всего, стены крепости) хазарского времени.

Помимо этого, продолжают возводиться дома с турлучными стенами. Такие дома могли быть как однокомнатными, так и многокомнатными. Кровли домов были, скорее всего, плоскими – горизонтальными или односкатными. Об этом можно судить по тому, что поверх перекрытия одного из сгоревших помещений были обнаружены фрагменты стоявшего на нем большого керамического сосуда. В больших домах перекрытия были деревянными дощатыми, а в домах небольших размеров – камышовыми. Остатки камышовых перекрытий, иногда обмазанных глиной, встречаются в слоях заполнения жилищ (Васильев, 2011, с. 36–47).

В ранний саксинский период (вторая половина X – первая половина XI вв.) здесь существуют цельнодеревянные дома из досок, а также заглубленные в землю прямоугольные полуземлянки со стенами, облицованными досками или обожженным кирпичом. Такие жилища сохраняются вплоть до конца XIII в. (Зиливинская, 2011, с. 16–17).

Принципиальная схема интерьера жилых домов была следующей: помещение имело квадратную форму, полы в помещениях были глинобитными, многослойными. В центр пола встраивался керамический котел, который выполнял функцию очага-санда. Иногда в углу помещения обнаруживается еще один встроенный в пол сосуд – возможно, для каких-то припасов или для воды. Вдоль стен или в углу были сооружены тандыры, встроенные в квадратную тумбообразную суфу (в XIII–XIV вв. в домах появляются узкие суфы, похожие на классические золотоордынские, со встроенными в них горизонтальными дымоходами-каналами).

Традиция возведения юртообразных жилищ, зафиксированная в слоях хазарского времени, со-

храняется и в XI–XII вв. Так, на раскопе 2 в 2017 г. было исследовано большое юртообразное жилище, встроенное в уличную планировку – это круглая постройка около 6 м в диаметре, с глинобитными стенами на столбовом и жердевом каркасе. Большую часть его площади занимала широкая суфа. Края суфы и стены по периметру были обложены квадратным обожженным кирпичом. Посередине был сохранен квадратный участок пола с установленным на нем стационарным тандыром. Видимо, перекрытие сооружения было купольным с отверстием в центре. Перекрытие опиралось на массивные столбы, установленные вокруг пола по суфе, – от них сохранились столбовые ямы. Наличие такого жилища в городе, в составе планомерной застройки, говорит о том, что в городе действительно проживала значительная часть кочевников, переходивших к оседлости.

В начале саксинского периода на Самосдельском городище появляется правильная уличная планировка, которая прослежена на раскопе 2. Здесь прослежено три улицы, две из которых перпендикулярны третьей и параллельны друг другу, а также выявлены встроенные в геометрически правильную планировочную структуру большие многокомнатные сырцово-пахово-кирпичные дома на деревянном каркасе с плоскими деревянными перекрытиями (Васильев, 2010, с. 338–339).

В результате раскопок получены данные о системе питания населения Самосдельского городища. Основная доля мясного потребления приходилась на крупный рогатый скот. Следом за ней, с небольшим отставанием следует мелкий рогатый скот. При этом мясо новорожденных телят обычно в пищу не употреблялось, мясо юных животных употреблялось в небольших количествах. Доля костей лошади в остеологическом спектре очень невелика – 1,5%. Лошадей специально для получения мяса, скорее всего, не разводили. В город осуществлялись поставки мяса овец для пищевого потребления. Именно поэтому они в полном убойном весе, но мясо их не «старое», а нежное. Было обнаружено несколько лопаток МРС, из которых изготовлены «шпатели» – тупики для выделки шкур. Кроме этого, целый ряд лопаток МРС имеет отверстия, причем некоторые из них прожженные, что свидетельствует о распространенности гаданий на лопатках. Многие лопатки имеют отверстия по центру, но не прожженные, а пробитые. По определению Л.В. Яворской, это следы от мясницкого крюка (Яворская, 2009, с. 275–278).

Поскольку доля костей рыб в отдельных слоях Самосделки (VIII–IX вв.) доходит до 20%, можно предположить, что рыба наряду с мясом домашних животных являлась важным продуктом питания. Мы можем констатировать, что жители городища

в XI–XIV вв. отдавали предпочтение именно крупной рыбе (осетровым, сазану, сому, судаку) (Лозовская, Матвеев, 2011, с. 153–155). Нередкой находкой являются орудия рыбного лова – стальные крючья для переметов на крупную рыбу, которые встречаются в культурных отложениях городища повсеместно. Уникальной находкой на городище является рыболовная сеть из сооружения VIII–IX вв., сплетенная из льняных или конопляных веревок (Зиливинская, Орфинская, 2011, с. 136–145).

В ходе раскопок были обнаружены буквально целые пласты проса, представлявшие собой остатки продуктовых запасов. Просо является очень неприхотливым злаком, и его разведение не требует практически никакого специального навыка – достаточно засеять поле и по осени можно собрать урожай. Просо для кочевников являлось во все времена основной зерновой культурой (Пигарев, 2009, с. 62–65). Помимо проса среди материалов городища были обнаружены косточки абрикоса, персика, вишни, винограда, семена дыни, арбуза, что свидетельствует о наличии в дельте Волги в описываемый период развитых в небольших масштабах садоводства, виноградарства и огородничества. Все это подтверждает слова Абу Хамида ал-Гарнати о множестве фруктов в Саксине, в том числе о чрезвычайно сладких дынях, в том числе о дынях, которые можно запастись на зиму.

Ещё одним крупным памятником является городище Мошаик. Долгое время оно считалось рядовым золотоордынским поселением (Егоров, 1985, с. 118). Впервые раскопки на городище были проведены в 1978 г. экспедицией под руководством Е.В. Шнайштейн (1978; 1992, с. 3). Позже городище исследовалось экспедицией под руководством Д.В. Рябичкина (1999), в первое десятилетие XXI в. – С.А. Пантелеевым (2010, с. 92–106), а с 2010 г. здесь начаты раскопки экспедицией Института истории АН Республики Татарстан.

Городище находится на восточной окраине города Астрахани, на правом берегу р. Болды. Центральная часть городища располагается на бэровском бугре. Мощностные культурных напластований на бугре достигает 2 м. Раскопками астраханских и татарстанских археологов исследованы сооружения из сырцового кирпича, ямы землянок, мусорные ямы, прослойки древесного угля, золы, органического тлена. Восточная часть городища располагается в низине к востоку от бугра. Здесь преобладающими находками являются фрагменты лепной керамики со следами неровного кострового обжига. Юго-восточная часть городища примыкает к остаткам бэровского бугра «Татарский», на котором обнаружен грунтовый могильник. На нем

имеются и захоронения более раннего, хазарского периода (Васильев, 2001, с. 48). Здесь обнаружены болгарские захоронения, сопровождающиеся красноглиняными и сероглиняными кувшинами с выделенными сливами, а также одно огузское захоронение с лепным баночным горшком. С.А. Пантелеев напрямую связывает этот могильник с городищем (Пантелеев, 2010, с. 92–106). Однако ранние захоронения могильника с городищем вовсе не соотносятся: формы сосудов, зафиксированные в могилах, не встречаются ни среди подъемного материала с городища, ни в раскопах. Анализ керамического материала, проведенный П.В. Поповым, позволяет говорить о синхронности городищ «Мошаик» и «Самосделка» (Попов, 2008). Кроме того, о синхронности материалов Мошаика и Самосделки высказывался и С.А. Пантелеев (2010, с. 92–106). Тем не менее раскопки 2010–2012 гг., проведенные на городище Мошаик археологами Татарстана, позволяют предположить, что культурные отложения на вершине бугра начали накапливаться лишь на рубеже XII и XIII вв. Видимо, эту дату и следует принять за время возникновения городища (Васильев, 2015, с. 189–267). Возможно также, что именно городище Мошаик можно связать с городом Суммеркентом, который посетил Гильом де Рубрук в 1254 г. (Васильев, 2011, с. 64–72).

Эти городища не одиноки – в дельте и придельтовых районах имеются многочисленные небольшие по площади поселения, которые могут представлять собой сельскохозяйственную или полукочевую округу города Саксина. Число этих мелких памятников пока не поддается учету, но может исчисляться десятками. Среди них – поселение на бугре «Большой Черный», поселение на бугре «Красный» вдоль течения реки Бахтемир, поселение «Черемуха I» к востоку от райцентра Красный Яр (Пантелеев, 2001, с. 31–32; Жирова, 2009), поселение «Хуторская Шишка», местонахождение «Черенское», поселение «Черенское», поселение «Малое Могутинское I», поселение «Малое Могутинское II», поселение «Большое Могутинское I», поселение «Большое Могутинское II», поселение «Кирельта I», поселение «Кирельта II», поселение «Большое Маврушкино», поселение «Малое Маврушкино», местонахождение «Большое Черенское», местонахождение «Хайсунское», поселение «Паюсное», поселение «Долгое», поселение «Свиное», поселение «Черное», поселение «Сергиевское», поселение «Алгза I», поселение «Алгза II». На левом берегу реки Бахтемир расположены поселение «Комаровка», местонахождение «Бекетовка», городище «Бекетовское», поселение «Бекетовка» (Валеев, Мирсиапов, Мухамадиев, Ситдилов, 2009).

Интересные сведения имеются относительно междуречья рек Волги и Кизани между селами Татарская Башмаковка и Чаган. Здесь располагаются поселение и могильник Тумак-Тюбе и грунтовый могильник Хан-Тюбе. Антрополог А.В. Шевченко, рассматривая некоторые особенности краниологических характеристик серии черепов с грунтового могильника Хан-Тюбе, обратил внимание на несхожесть показателей этих черепов, относившихся, по мнению автора раскопок Е.В. Шнайдштейн, к XIV в. (Шевченко, 1980, с. 139), с показателями половецких черепов. Зато прослеживалось сходство с черепами из захоронений на Зливкинском могильнике и особенно на могильнике хазарского Саркела (Шевченко, 1980, с. 159). На основании этого А.В. Шевченко предложил датировать могильник более ранним временем и предположил, что антропологические характеристики и некоторые черты погребального обряда, отличающиеся от типично золотоордынских и мусульманских, сохранились с хазарских времен у населения города Саксина, остатки которого должны располагаться где-то неподалеку (Шевченко, 1980, с. 156–157, 167–168).

Помимо этого, существуют отдельные свидетельства о единичных случайных находках керамики огузского периода в Волго-Ахтубинской пойме в ходе строительных работ (Васильев, 2015, с. 189–267).

Мнение о том, что область Саксин является регионом, населенным одним из подразделений половецкого народа и включающим в широких пределах почти все Нижнее Поволжье (Федоров-Давыдов, 1966, с. 149–150, 160–161, 208), не является достоверным. Область Саксин локализуется достаточно уверенно в границах дельты Волги (в основном) и в Волго-Ахтубинской пойме. Население ее было полиэтничным. Здесь оседло проживали остатки хазар (целый ряд племен), болгары, сувары (возможно, только в крупных населенных пунктах), большое количество этнических подразделений полукочевых огузов. В качестве временного населения можно назвать разноязыкую массу купцов из всех населенных регионов мусульманского мира.

Поступательное мирное политическое и экономическое развитие области Саксин было прервано в 1230-х годах вторжением в Нижнее Поволжье монгольских войск.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВОЛГО-УРАЛЬЕ VIII–XIII ВВ.

Глава 1

**Антропологический состав средневекового населения
Волго-Уралья**

Глава 2

**Монгольское завоевание Волжской Болгарии
(археологический аспект)**

ГЛАВА 1

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Введение. В географическом плане Волго-Уралье занимает выгодное положение между Европой и Азией и, обладая богатыми и разнообразными природными ресурсами, издревле является зоной контактов между народами, различающимися не только по происхождению, языку и культуре, но и по физическому облику. Все это позволяет использовать антропологические материалы в совокупности с данными других наук как исторический источник в реконструкции этногенетических процессов.

В истории Волжско-Уральского региона этот хронологический период (VIII–XIII вв.) важен тем, что ее территории (частично или полностью) вошли в состав двух средневековых государств – Хазарского каганата и Волжской Болгарии, которые оказали сильное влияние на ход этногенетических процессов не только внутри своих стран, но в целом в Восточной Европе. В результате этих процессов формировались основы, в том числе и физические, многих современных восточноевропейских этносов: венгров, болгар, поволжских татар и др.

К настоящему моменту накоплен и изучен большой свод материалов по палеоантропологии населения Волго-Уралья VIII–XIII вв., который позволяет не только охарактеризовать морфологический облик отдельных его групп, но и по мере возможности выявить их генетические истоки, а также определить степень их биологического взаимодействия как между собой, так и с окружающим населением. В этой связи обзор палеоантропологических источников логично вести по природно-климатическим (географическим) зонам Волго-Уралья: Нижнее Поволжье (степная зона), Среднее Поволжье (лесостепная зона), лесная зона Волго-Уралья. При характеристике антропологического состава населения региона использовались только краниометрические данные как наиболее информативный источник по реконструкции этногенетических процессов. Основные краниометрические параметры даны только по мужским сериям и сведены в отдельные таблицы (табл. 1–5). Выяснение характера межгрупповой изменчивости и этногенетических связей осуществлялось методом канонического анализа

с использованием пакета прикладных программ, разработанных Б.А. Козинцевым.

Нижнее Поволжье (степная зона). Несмотря на длительную историю активного изучения древних погребальных памятников степной зоны Волго-Уралья, население региона в хазарское время и последующие периоды (вплоть до монгольского завоевания) представлено в антропологическом плане относительно слабо и хронологически неравномерно. Если физический облик населения нижневолжских степей, когда край входил в состав Хазарского каганата, характеризуется всего лишь одной небольшой сборной серией, то население более позднего времени (печененги, торки, огузы) и периода господства в регионе союза половецких племен представлено пусть и сериями сборного характера, но более многочисленными материалами. Такой характер неравномерного распределения палеоантропологических данных по хронологическим периодам (например, хазарского) связан либо со слабой изученностью памятников и трудностями их выделения из общей массы средневековых комплексов, либо их немногочисленностью, что отражает, возможно, степень заселенности территории и специфику ее использования в рамках Хазарского каганата.

Небольшая сборная серия черепов из курганных могильников Нижнего Поволжья, в основном хазарского времени, изучена М.А. Балабановой и состояла из 12 мужских и 4 женских черепов разной степени сохранности (Балабанова, 2005). На четырех мужских черепах автором исследования отмечаются следы искусственной деформации различного типа: комбинированная – кольцевая и лобно-затылочная, лобно-затылочная и лобно-теменная. В морфологическом отношении черепа характеризуются как брахикранные с низкой высотой свода, обладающие широким, но относительно низким и слабо профилированным лицом с небольшим углом выступания носа (табл. 1). В антропологическом плане они относятся к смешанным европеоидно-монголоидным типам с отчетливым проявлением монголоидных признаков (Балабанова, 2005, с. 63; 2010). Такое же сочетание европеоидных и монголоидных черт с преобладанием последних наблюдается в сериях

хазарского времени из Саркела (ранние погребения), Правобережного Цимлянского городища и в какой-то степени Зливкинского могильника. Но наиболее близкими к ним по краниотипу являются черепа, изученные Е.Ф. Батиевой из синхронных курганных захоронений Нижнего Дона (Батиева, 2002). Учитывая, что они происходят из однотипных курганов, окруженных зачастую ровиками округлой или квадратной формы, можем предположить, что они генетически связаны между собой. В последние годы в литературе утверждается мнение, что захоронения из курганов с ровиками (особенно квадратными) оставлены собственно хазарами или близкими к ним этнокультурными группами (Плетнева, 1990; Круглов, 1990; Афанасьев, 2016).

По некоторым историческим свидетельствам известно описание внешнего облика степных кочевников, в том числе и хазар, которые подчеркивают их монголоидные черты. Так, армянский историк-хронист Мовсэс Каланкатуаци (Моисей Каланкатуэйский) отмечает, что хазары (впрочем, как и все кочевники-завоеватели того времени) выглядели, с его точки зрения, безобразно и имели широкое скуластое лицо, узкий разрез глаз и приплюснутый нос, а также имели практически полное отсутствие ресниц и бороды (Моисей Каланкатуэйский, 1984, XI). Вместе с тем арабский географ ал-Истархи по внешним физическим признакам выделяет среди хазар две группы. Одна из них (кара-хазар – черные хазары) отличается своей сильной смуглостью, а другая – более светлой кожей и более «красивым и совершенным внешним видом» (Заходер, 1962, с. 137). Вероятно, таким, несколько своеобразным «поэтическим» способом ал-Истархи подчеркнул, что население Хазарского каганата было не только неоднородным по физическому облику, но и, возможно, этнически многокомпонентным. В какой-то степени это свидетельство ал-Истархи подтверждается современными научными данными по археологии и антропологии населения Хазарского каганата в рамках салтово-маяцкой археологической культуры. Исследователи выделяют в составе салтово-маяцкой культуры в основном два массива памятников, оставленных, по их мнению, этнически и генетически разнородными группами. Первая группа (стационарные поселения, захоронения в катакомбах) характеризует алано-сарматский этнокультурный компонент, а вторая (сезонные поселения, ямные погребения с заплечиками под курганами или в грунте), скорее всего, болгарский тюркский компонент (Артамонов, 1962; Плетнева, 1999; Афанасьев, 1993). Если для носителей ирано-аланских культурных традиций был характерен в целом европеоидный антропологический

тип в долихокранном (длинноголовом) его варианте (салтовский), то для ранних болгар и групп, этнически близких к ним, был присущ брахикранный (короткоголовый) антропологический тип смешанного облика (зливкинский), сочетающий в себе как монголоидные, так и европеоидные черты при преобладании последних (Наджимов, 1955; Алексеев, 1962; Ефимова, Кондукторова, 1993). В последние годы наряду с памятниками, соотносимыми с ранними болгарскими и северокавказскими аланами, выделяются археологические комплексы – мусульманские некрополи, курганы с ровиками, курганы с каменной наброской (новинковский тип) и т. д., которые маркируют присутствие и иных этнокультурных групп в составе населения Хазарского каганата. Если генетические истоки населения, оставившего курганы с ровиками и обладавшего в физическом типе ярко выраженными монголоидными чертами, мы можем с большей долей вероятности связывать собственно с хазарами и другими представителями кочевых племен степей Евразии, то не совсем ясно происхождение тех групп населения каганата, которые практиковали в погребальной обрядности мусульманские традиции. В антропологическом плане, судя по материалам раннемусульманских некрополей Сидоровского археологического комплекса (Славянский район Донецкой области), они характеризуются в среднем как европеоиды брахикранного типа (Газимзянов, 2020а). Возможно, это либо переселенцы из других регионов, где превалировало короткоголовое европеоидное население (например, Средняя Азия), либо это остатки аборигенного населения, сохранившегося после событий, вызванных Великим переселением народов.

Таким образом, археологические и антропологические материалы с территории распространения салтово-маяцкой культуры подтверждают письменные источники о том, что население Хазарского каганата было неоднородным по расовому и этническому составу. Степные пространства Нижнего Поволжья и прилегающих к нему областей в данный период времени населяли, по видимому, в основном кочевые группы с хорошо выраженными во внешнем облике монголоидными чертами, которых можно отождествлять как с хазарами, так и с племенами, близкими к ним по происхождению.

С изменением политической ситуации на юго-востоке Восточной Европы в конце I тыс. н.э. и крушением Хазарского каганата степи Нижнего Поволжья становятся своеобразным «транзитным коридором» для перемещения с Востока на Запад различных кочевых групп: печенегов, огузов, половцев. Антропологические материалы

этого времени с территории Нижнего Поволжья и прилегающих областей представлены в основном сборными краниологическими сериями. Во многом это связано с трудностями выделения из общего массива археологических памятников, оставленных средневековыми кочевниками, отдельных хронологических групп и соотнесения их с тем или иным этническим образованием. Поэтому датировка палеоантропологических серий дана достаточно широко, а название некоторых групп – весьма условно (табл. 1).

В разные годы краниологические коллекции по степным кочевникам Нижнего Поволжья предмонгольского времени изучались Г.Ф. Дебецом (1948), В.В. Гинзбургом (1959), А.В. Шевченко (1980), Л.Т. Яблонским (1987) и др. По их мнению, степное население края, независимо от их этнической (племенной) принадлежности и времени их присутствия в регионе, в антропологическом плане было относительно однородным и характеризовалось в основном смешанными монголоидно-европеоидными типами с той или иной степенью выраженности монголоидных черт. Вполне вероятно, что формирование физического облика средневековых кочевников южнорусских степей предмонгольского времени проходило на общей антропологической основе к востоку от Волги. Такой комплекс признаков, сочетающий европеоидные и монголоидные особенности при преобладании последних, характерен прежде всего для носителей южносибирского типа. Вероятно, в процессе продвижения средневековых кочевников (монголоидов по морфотипу) с востока на запад проходило их смешение с местным европеоидным населением, в результате которого некоторые их монголоидные черты нивелировались.

Антропология населения лесной зоны Волго-Уралья в VIII–XIII вв. Начиная обзор палеоантропологических материалов по средневековому населению лесной зоны Волго-Уралья, следует отметить два вопроса по этнокультурной истории края, которые носят остро дискуссионный характер. Во-первых, это соотнесение населения той или иной археологической культуры средневекового времени с этногенезом современных народов финно-угорской языковой группы: марийцев, удмуртов и коми. Во-вторых – о роли и степени участия угорских групп в формировании их культурных и физических особенностей. К сожалению, из-за плохой сохранности человеческих костей в местной почве наши сведения по антропологии средневекового населения лесной зоны Поволжья и Приуралья отрывочны и базируются в основном на малочисленных сериях, которые к тому же распределены неравномерно как территориально, так и по отдельным археологическим культурам (табл.

2). Поэтому говорить о конкретных генетических связях, опираясь только на антропологические данные, между средневековыми популяциями и современными этническими группами, на наш взгляд, пока преждевременно. Также мало результативным будет отождествление определенного морфокомплекса с определенной этнокультурной или языковой группой, так как изменения в языке и в культурных традициях не всегда сопровождаются резкой сменой населения и, соответственно, изменением физического облика. Они могут быть и результатом заимствования. Тем не менее, при достаточной репрезентативности антропологических данных в совокупности с данными археологии и других наук можно наметить не только вектор генетических связей внутри местного автохтонного населения, но и степень, и характер его взаимодействия с пришлыми группами.

Две небольшие по численности краниологические серии из Дубовского (IX–XI вв.) и Руткинского (XII–XIII вв.) могильников характеризуют физический тип, по мнению некоторых исследователей, раннесредневековых групп, принявших непосредственное участие в формировании этнических основ марийского народа (Архипов, 1973; Никитина, 2002; Халиков, 2011). Судя по данным М.С. Акимовой и С.Г. Ефимовой, изучавших эти серии, древнемарийские племена относятся к европеоидным брахикранным, широколицым и низколицим группам с определенной долей монголоидных элементов, которые проявлялись в некоторой горизонтальной уплощенности лица на уровне скул, низком переносье и слабом выступании носовых костей (Акимова, 1967; Ефимова, 1999). Сравнивая краниологические материалы средневекового времени с данными по населению азелинской культуры (которое, судя по археологическим материалам, также можно отнести к предкам мари), мы можем констатировать, что они морфологически сильно различаются. Если для азелинцев в среднем характерна удлиненная (долихокранная) форма головы и относительно узкое лицо, то для «древнемарийских» групп наоборот – более короткая (мезо-брахикранная) голова, относительно более широкое и менее профилированное в горизонтальной плоскости лицо. Общим моментом в их физическом облике является несколько уплощенное переносье с небольшим углом выступания носа (Акимова, 1963; Алексеев, 1962). С.Г. Ефимова предположила, что генетические истоки несколько монголоидного низколициго мезо-брахикранного компонента в антропологическом составе некоторых средневековых групп Марийского Поволжья могут быть связаны как с прикамским населением ананьинского времени (низколицие монголоидные группы), так и с на-

селением лесной зоны Восточной Европы эпохи бронзы и неолита (Ефимова, 1999, с. 132–133, 139). Вероятно, этот достаточно архаичный морфокомплекс мог сохраниться в условиях изоляции в отдельных лесных эндогамных группах и до более позднего времени (Ефимова, 1999, с. 132–133). Однако из-за малочисленности антропологических данных вопрос о возможности сохранения в условиях изоляции древних морфологических форм остается пока открытым. Тем не менее, если признать факт о том, что в формировании основ марийского народа принимали участие как азелинские группы населения, так и группы, оставившие могильники предмонгольского времени в устье Ветлуги (Дубовский и Руткинский), то оно, скорее всего, проходило на многокомпонентной морфологической основе.

На многокомпонентной основе также формировались краниологические особенности средневекового населения Прикамья домонгольского времени, представленного в археологическом плане памятниками ломоватовской, полумской, чепецкой и родановской культур. По мнению ряда исследователей, население этих культур приняло непосредственное участие в формировании этнических основ современных финноязычных народов, проживающих на территории Прикамья и Приуралья – удмуртов и коми (Иванова, 1994; Голдина, 1999; Халиков, 2011).

Небольшая серия черепов из Деменковского могильника (VI–VIII вв.) ломоватовской археологической культуры, которые были изучены М.С. Акимовой, характеризуются в целом мезокранной черепной коробкой, относительно широким и умеренно профилированным лицом с хорошо выступающим носом (Акимова, 1968). При сравнении с более ранней серией из Митинского могильника (V–VI вв.) исследователь отмечает как их общее сходство по морфотипу, так и небольшие различия между ними по отдельным признакам. Так, митинские черепа выглядели более короткоголовыми, более узколицыми и обладали менее выступающим носом. Наблюдаемые морфологические различия в двух группах (судя по археологическим данным, генетически связанных между собой), по мнению М.С. Акимовой, могли нести как случайный характер (из-за малочисленности сравниваемых серий), так и отражать «процесс слияния местных элементов с пришлыми, которые проникли сюда в харинскую эпоху» (Акимова, 1968, с. 46).

Две небольшие по численности серии из Редикорского (XII–XIV вв.) и Кудымкарского (XII–XIV вв.) могильников характеризуют антропологический состав населения родановской археологической культуры, которое, вероятнее

всего, продолжило традиции предшествующей ей ломоватовской культуры и приняло непосредственное участие в этногенезе коми-пермян (Голдина, 1999). По данным С.Г. Ефимовой, обе серии морфологически близки между собой (Ефимова, 1999). В среднем они относятся к высокоголовым суббрахикранным группам с относительно широким и относительно высоким лицом, которое умеренно профилировано в горизонтальной проекции и имеет достаточно хорошо выступающие носовые кости (Ефимова, 1999, с. 138). По многим краниометрическим параметрам черепа из погребений родановской культуры близки к черепам Деменковского могильника, что может в какой-то мере говорить об их возможной генетической преемственности. В любом случае формирование физических особенностей верхнекамского средневекового населения (ломоватовского и родановского) шло на общей, в целом европеоидной основе, которое было характерно для местного поволжско-приуральского населения с рубежа эр, при участии широколицых европеоидных групп, генезис которых пока не совсем ясен.

В антропологическом плане более полно представлено население, оставившее в верхнем и среднем течении р. Чепцы памятники полумской (V–IX вв.) и чепецкой культур (IX–XIII вв.), которое, по мнению археолога М.Г. Ивановой, приняло участие в формировании удмуртского народа (Иванова, 1985; 1994). Краниологические материалы по чепецким средневековым группам в разные годы изучались Г.Ф. Дебецом (1948), М.С. Акимовой (1968), С.Г. Ефимовой (1999), Р.М. Фаттаховым (1980) и И.Г. Ширококовым (2010), которые отмечали их неоднородный антропологический состав. В их составе выделяются три основных (при наличии промежуточных) морфологических компонента, имеющих разные генетические истоки. Все они, но в разных пропорциях отмечаются в полумско-чепецких сериях. Первый из них – европеоидный мезокранного типа, широколицый с умеренной горизонтальной профилировкой и большим углом выступания – хорошо представлен в материалах поздней части Полумского I могильника. Второй компонент – также европеоидный, но более длинноголовый и более узколицый – наиболее четко фиксируется в серии черепов из могильника Мыдлань-Шай. Третий компонент – европеоидный, но с нерезко выраженными чертами – характеризуется, как правило, мезо-долихокранией, относительно узким лицом, имеющим некоторую уплощенность на уровне скул и несильное выступание носовых костей, и превалирует в сериях из Варнинского и Полумского II могильников.

Каковы же генетические истоки выделенных компонентов? Первый, мезо-долихокранный ев-

ропеоидный компонент с определенной долей монголоидности в антропологическом составе средневекового поломо-чепецкого населения, имеет «местные» корни и в основных своих чертах был характерен для физического облика поволжско-прикамского населения с рубежа эр. Два других европеоидных компонента – мезокранный широколицый и узколицый мезо-долихокранный – имеют, скорее всего, иной генезис, который проходил за пределами лесной зоны Волго-Уралья. Вероятнее всего, узколицые группы мы можем соотнести с южными европеоидными популяциями позднесарматского времени, которые в силу ряда обстоятельств вынуждены были переселиться на более северные территории, в том числе и Верхнее Прикамье. Носители более широколицего и более короткоголового европеоидного антропологического типа, отмечаемого в составе средневекового населения Северного Приуралья, морфологически и, возможно, генетически близки к кочевым группам, которые с середины I тыс. до н. э. и до раннего Средневековья доминировали на юге Сибири. В этнокультурном плане этот массив широколицего европеоидного в целом населения был неоднородным (Багашев, 2000; Чикишева, 2012).

Таким образом, население лесной зоны Волго-Уралья рубежа I–II тысячелетий в антропологическом отношении было неоднородным и формировалось на многокомпонентной основе. В его генезисе участвовали как местное поволжско-прикамское население, для которого в физическом облике с рубежа эр были характерны европеоидные черты в неярко выраженной форме (нельзя исключать и группы, сохранившие в условиях изоляции архаичные морфологические черты), так и пришлые европеоидные группы, различающиеся в основном по ширине лица и форме головы. Появление этих групп в лесной зоне Приуралья во многом связано с событиями Великого переселения народов, вызвавшими миграционные потоки как в широтном направлении, так и в меридиальном. Контакты между пришлыми группами и местным населением не всегда носили мирный характер. Однако, судя по археологическим и антропологическим данным, между ними посредством брачных связей происходило культурное и генетическое взаимовлияние.

Антропология населения Среднего Поволжья и Приуралья (лесостепная зона) в VIII–XIII вв. Эпоха Средневековья предмонгольского времени является одним из наиболее важных периодов в этнокультурной истории Среднего Поволжья и Приуралья. В это время с приходом на Среднюю Волгу раннеболгарских и этнически близких к ним племен начинаются широкая тюр-

кизация края и образование первого государственного объединения – Волжской Болгарии.

Судя по письменным источникам и археологическим данным, население Волжской Болгарии формировалось на многокомпонентной основе. В его сложении приняли участие как тюркоязычные группы во главе с болгарами, так и местное финно-угорское население поволжско-приуральского генезиса (История татар, 2006). Не противоречат этому тезису и антропологические материалы, которые стали объектом изучения еще с конца XIX в., а с середины прошлого столетия, с началом широкомасштабных археологических работ на Средней Волге, активно исследовались М.М. Герасимовой (1956), М.С. Акимовой (1964; 1973), Н.М. Постниковой-Рудь (1987), Р.М. Фатаховым (1977; 1979), С.Г. Ефимовой (1991) и др. Благодаря этим работам мы сегодня относительно хорошо представляем морфологический состав средневекового населения региона и имеем возможность в совокупности с археологическими данными определить его генетические истоки, а также установить основные этапы его формирования и реконструировать ход этногенетических процессов.

Традиционно средневековый домонгольский период делится на два этапа. Первый этап – раннеболгарский (языческий или предгосударственный) – характеризуется переселением на рубеже VII – VIII вв. раннеболгарских племен и этнокультурно близких к ним кочевых групп из приазовско-донецких степей на Среднюю Волгу и их взаимодействием с поволжско-приуральским финским и угорским населением. Второй этап связан с образованием в начале X в. Волжской Болгарии и сложением в его рамках нового средневекового тюркоязычного этноса – волжских болгар, которые позднее вошли в состав поволжских татар.

Физический облик ранних болгар (праболгар) времени образования Великой Болгарии нам практически не известен, но его можно реконструировать по антропологическим материалам из более поздних памятников салтово-маяцкой культуры (степной его вариант), которые связывают с тюркоязычным болгарским компонентом в составе Хазарского каганата: Кайбельского раннего и Большетарханского могильников на Средней Волге, а также Зливкинского могильника на Северском Донце (Мерперт, 1957; Плетнева, 1981). Он характеризуется в целом брахикранный формой головы, относительно широким и умеренно профилированным лицом в сочетании с нерезко выраженным переносьем (табл. 3). Данный краниокомплекс, известный в литературе как зливкинский, чаще всего отмечается среди групп, хоронивших сородичей в простых грунто-

вых (иногда с заплечиками или с подбоем) ямах (Наджимов, 1955; Ефимова, Кондукторова, 1993). Другой краниокомплекс – мезо-долхокраний, относительно узколицый с сильной горизонтальной профилировкой и большим углом выступления носа, так называемый салтовский, превалирует в группах, которые практиковали захоронения в катакомбах (Верхне-Салтовский, Маяцкий, Дмитровский и другие некрополи), и связывают его обычно с аланским компонентом салтово-маяцкой культуры (Дебец, 1948; Алексеев, 1962; Кондукторова, 1984). В этой связи отметим, что краниологические материалы Кайбельского (раннего) могильника и в большей мере Большетарханского показывают, что пришедшие на Среднюю Волгу ранние болгары в антропологическом плане не были однородными. В их составе выделяется несколько морфологических компонентов: европеоидный салтовского типа, смешанный европеоидно-монголоидный тип и др. Но основным является морфологический компонент, который по своим характеристикам близок к зливкинскому краниокомплексу (Герасимова, 1956; Акимова, 1964). В этом отношении интересны антропологические материалы из курганных и грунтовых могильников с каменными набросками над погребенными, получившие в археологической литературе название памятников «новинковского» типа (Матвеева, 1997). В основном они локализуются на Самарской Луке и прилегающей к ней территории, а также на юге Ульяновской области. По мнению самарских археологов, памятники «новинковского» типа датируются второй половиной VII–VIII вв. и оставлены ранними болгарскими (праболгарскими) первой «волны», мигрировавшими на Среднюю Волгу после распада Великой (Кубратовой) Болгарии и включения части ее населения в состав Хазарского каганата (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998). С этим мнением не вполне согласен казанский археолог Е.П. Казаков, указывая, что восточная ориентировка погребенных, каменные обкладки, подсыпка мела и вещевой инвентарь совершенно не характерны для раннеболгарских комплексов, которые он увязывает с салтово-маяцкой культурой (Казаков, 1992). Кто же прав?

Серию черепов из раскопок Г.И. Матвеевой в 1980–1981 гг. Новинковского II курганного могильника изучала Н.М. Рудь (Постникова), которая отметила в целом их европеоидный облик при наличии небольшой монголоидной примеси (Рудь, 1987а). В то же время серия черепов из других курганных могильников новинковского типа (Мало-Рязанский, Бруснянский II, III, IV и др.), обработанных нами, описывается несколько иным морфокомплексом (Газимзянов, 1995; 2014). Они при общей брахикрании имели более широкое и

более высокое лицо, сильно уплощенное на верхнем уровне и умеренно на нижнем в сочетании с небольшим углом выступления носа. То есть они выглядели более монголоидными и по внешнему облику резко отличались от европеоидной в целом группы, которая оставила раннесредневековый курганный могильник у с. Новинки. Возможно, эти группы населения имеют разные генетические истоки, что может свидетельствовать либо о каких-то общих моментах в формировании кочевых объединений хазарского времени (и не только) на многокомпонентной этнокультурной основе, либо, учитывая некоторые общие традиции в погребальной практике новинковцев, как о некоей социально-организованной группе, выполнявшей военные функции при охране северо-восточных рубежей Хазарского каганата. Поэтому вопрос об отнесении «новинковского» населения к той или иной этнической группировке не может иметь, скорее всего, положительного ответа.

Учитывая общую политическую ситуацию того времени, связанную с образованием Хазарского каганата, и принимая во внимание тезис о военизированном характере новинковской группы, можем предположить, против кого она была направлена. Это племена, кочевавшие в основном в лесостепной зоне к востоку от Волги и оставившие памятники кушнаренково-караякуповского типа, которые справедливо отождествляют с древними венграми-мадьярами (Халикова, Халиков, 2018; Иванов, 1999; Казаков, 2007). В какой-то мере данный тезис подтверждается и палеоантропологическими материалами, которые в разные годы изучались М.С. Акимовой (1968), С.Г. Ефимовой (1990), Р.М. Фаттаховым (1977), Р.М. Юсуповым (1982) и И.Р. Газимзяновым (2018а; 2020б). Сравнивая объединенную серию черепов из погребальных комплексов кушнарековско-караякуповской культуры со сборной серией по среднедунайским венграм X в., можем отметить, что они по комплексу признаков морфологически близки. В основе обеих групп лежит общий, европеоидный в целом, морфологический компонент, характеризующийся мезобрахикраний черепной коробкой, относительно широким и умеренно профилированным лицом низких пропорций, а также высоким и выступающим переносем. Учитывая некоторые археологические параллели в культурогенезе раннесредневекового населения Приуралья и венгров «эпохи обретения Родины», можно предположить, что обе эти группы генетически взаимосвязаны и родственны между собой. Вполне возможно, что одна часть кушнаренково-караякуповского населения приняла непосредственное участие в этногенезе венгерского народа, а другая – осталась в Волго-Камье и вошла в состав населения форми-

рующей Волжской Болгарии (Халиков, 2011). Об этом говорят археологические материалы как Танкеевского могильника, так и ряда других синхронных ему памятников (Большетарханский, Тетюшский и др.), которые наглядно иллюстрируют процесс активного смешения различных по происхождению групп населения накануне образования Волжской Болгарии. Если антропологические материалы раннеболгарских могильников (Большетарханский, Кайбельский (ранний) и ряд др.) отражают в основном физический облик степных (южных и юго-западных) групп во главе с тюркоязычными болгарами, то краниологические материалы Танкеевского, Тетюшского и ряда других языческих некрополей Нижнего Прикамья маркируют группы населения несколько иного генезиса. В антропологическом плане они характеризуются мезо-долихокранной черепной коробкой, относительно узким и умеренно профилированным лицом со средне выступающим носом, то есть теми морфологическими чертами, которые были присущи внешнему облику «местного» поволжско-прикамского населения с рубежа эр (Акимова, 1973; Ефимова, 1991; Газимзянов, 2018б). Судя по обряду захоронения и погребальному инвентарю, истоками населения так называемой «танкеевской группировки» являются область распространения поломо-ломоватовских памятников (Камско-Вятский регион), территория современного Башкортостана (кушнаренокво-караякуповские памятники) и болгаро-салтовские памятники типа Большетарханского могильника (Халикова, 1972; Казаков, 2007). Таким образом, антропологические материалы из языческих могильников Волго-Камья раннеболгарского (хазарского) времени довольно четко фиксируют не только физический облик разных по происхождению групп, но и начало их смешения, которое постепенно из механического объединения со временем перерастало в нечто большее – образование нового этноса – волжских болгар. Этот процесс объединения и биологического смешения разнородных этнокультурных групп продолжился и активно протекал уже в рамках средневекового государства – Волжской Болгарии.

В настоящее время население Волжской Болгарии (X–XIII вв.) благодаря работам С.Г. Ефимовой (1983; 1991), Н.М. Рудь (1987), Р.М. Фаттахова (1979) и И.Р. Газимзянова (2011; 2019) относительно хорошо изучено в антропологическом отношении. Оно представлено как городскими выборками, так и сериями из сельской округи (см. табл. 4; 5). При этом городские выборки происходят не только из Биляра – столицы Волжской Болгарии, но и из других городов, которые по своим размерам и местоположению могут быть отнесе-

ны к «областным» центрам средневекового государства: Джукетау, Большая Тояба и «Муромский городок», что позволяет не только полно представить антропологический состав средневековых горожан и отдельных его социальных групп, но также выявить как общие закономерности процесса его формирования, так и некую региональную специфику.

Краниологические материалы, характеризующие физический облик средневековых горожан Биляра (по русским летописям – «Великий город»), столицы Волжской Болгарии, происходят из раскопок четырех городских мусульманских некрополей. Если три из них оставлены «рядовым» населением города (Билярские I, II, III некрополи), то один (Билярский IV) некрополь, располагавшийся в центре Билярского городища рядом с остатками каменной соборной мечети, являлся, вероятнее всего, местом погребения болгарской знати, чему не противоречат некоторые детали погребального обряда: захоронения совершены в мавзолеях (Халикова, 1986; Хузин, 2001, с. 110).

Антропологический состав «рядового» населения Биляра, судя по данным С.Г. Ефимовой, был морфологически неоднородным (Ефимова, 1983; 1991). При общей европеоидной основе оно сильно (статистически достоверно) различалось по черепному указателю и углу выступления носовых костей. Разделение общей городской выборки, составленной из материалов первых трех билярских некрополей, по этим наиболее варьирующим признакам позволило автору исследования выделить в его составе два основных морфологических компонента, имеющих разный генезис: первый – долихо-мезокранный, узко- и низколицый с ослабленным выступанием носа и сильно профилированным в горизонтальной плоскости лицом; второй – брахикранный, с сильно выступающим носом, более высоким и широким лицом, с ослабленной профилировкой на уровне орбит (Ефимова, 1991, с. 31). Если первый компонент своими истоками генетически связан с «местным» финноязычным населением Поволжья и Приуралья (до переселения на Волгу, обитавшим на территории Верхнего и Среднего Прикамья в зоне распространения археологических памятников поломо-ломоватовского типа), то второй компонент связан с раннесредневековым населением «степной зоны Восточной Европы, Зауралья и Северного Кавказа» (Ефимова, 1991, с. 67). В результате активного взаимодействия и биологического смешения двух основных этнокультурных групп (примерно равных по численности) шло формирование средневекового населения столицы Волжской Болгарии. Если на начальном этапе развития города еще можно проследить определенные (специфические)

культурные и морфологические черты вступивших в контакт групп, то накануне гибели города в 1236 г. эти черты практически нивелируются. Этому способствовало как совместное проживание на одной городской территории, так и совместное ведение городского хозяйства, но в большой степени на этот процесс повлияло принятие болгарями ислама в качестве государственной религии, которое устраняло культурные и идеологические преграды в межплеменных отношениях, и вывело их на более высокий уровень консолидации – генетический. В антропологическом отношении это выразилось в сложении морфологического типа – мезоморфного европеоидного с небольшой монголоидной примесью, который стал основным в составе волжских болгар, а позднее и в составе поволжских татар.

Несколько иным краниокомплексом характеризуется серия черепов из Билярского IV некрополя. По краниометрическим параметрам они выглядят более монголоидными, чем «рядовое» население средневекового Биляра (Фаттахов, 1979). При этом следует отметить их некоторое морфологическое своеобразие, которое выражалось в сочетании монголоидных (широкое и высокое, несколько уплощенное лицо) и европеоидных признаков (высокий свод и сильное выступание носовых костей). Данный, несколько своеобразный морфотип характерен для некоторых групп средневековых кочевников степей Евразии (например, для половцев Нижнего Поволжья). С учетом того, что некрополь является местом погребения болгарской знати, не удивителен их монголоидный облик, который генетически, вероятно, связан со степными древнетюркскими племенами. Сохранение «аристократических» монголоидных черт в окружении европеоидного населения указывает, видимо, на их ограниченный (преднамеренно) круг брачных связей, чтобы не растерять черты древних предков и право по крови на власть. Одним из проявлений такой связи является наличие на черепе молодого мужчины (погребение № 20«а») слабовыраженных следов искусственной деформации головы лобно-затылочного типа. Традиция искусственного изменения головы широко бытовала у степного населения позднесарматского круга, а после событий Великого переселения народов она отмечается у многих раннесредневековых кочевых групп различного происхождения, в том числе и у ранних болгар (Герасимова, 1956). Таким образом, формирование населения столицы Волжской Болгарии проходило на многокомпонентной этнокультурной основе при ведущей роли как «местных» групп прикамско-приуральского генезиса, так и пришлых групп, мигрировавших в основном с территории распространения памятников сал-

тово-маяцкой культуры. Нельзя также исключать определенного влияния на сложение культурных и физических особенностей жителей средневекового Биляра групп иного происхождения, которые прибывали в город в составе торговых караванов, дипломатических миссий и т. д. Следует также сказать, что соотношение «пришлого» и «местного» компонентов в составе населения столицы условно было примерно равным, но, судя по антропологическим материалам из других городов Волжской Болгарии, оно не всегда было таковым.

Небольшие краниологические серии происходят из городов Волжской Болгарии, которые являлись, скорее всего, центрами его приграничных областей. Если средневековый болгарский город на Самарской Луке, известный в литературе под названием «Муромский городок», контролировал южную периферию государства, то Джукетау и Большая Таяба соответственно его восточные и западные границы. Во всех городских краниологических коллекциях отмечаются указанные нами основные морфологические компоненты, но в разных долях. В сериях из Джукетау и Большой Тоябы превалирует «местный» компонент, а в серии из Муромского городка превалирует компонент, генетически связанный с южным степным населением, который обладал несколько более монголоидным обликом южно-сибирского типа (Газимзянов, Набиуллин, 2011; Газимзянов, 2019; Березина и др., 2021). Вероятно, занимая ту или иную географическую «позицию», формирование и пополнение городского населения шло в целом за счет соседних приграничных групп, тем самым определяя некую этнокультурную и морфологическую специфику его жителей.

Таким образом, население городов Волжской Болгарии формировалось в процессе смешения разноэтничных и разнотипных компонентов. По мере развития государства и государственных отношений первоначальный механический симбиоз ранних болгар и этнически близких к ним групп с массивом «местного» поволжско-приуральского населения переходит в фазу биологической метисации (посредством широкого круга брачных связей) и формирования нового этноса – волжских болгар.

Несомненно, наиболее активно смешение и биологическая метисация протекала в крупных городах Волжской Болгарии и особенно в ее столице – Биляре, но данный процесс пусть и в меньшей степени интенсивности, судя по археологическим и антропологическим материалам, не обошел стороной и население сельской округи (Казаков, 1991, 2007).

В антропологическом плане сельское население Волжской Болгарии предмонгольского време-

ни относительно хорошо представлено материалами как из центральных областей государства, так и ее периферии (табл. 5). В их изучении принимали участие М.М. Герасимова (1956), Н.М. Рудь (1987), С.Г. Ефимова (1991) и И.Р. Газимзянов (2020 в). По их данным, физический облик сельских популяций был неоднородным, но по своей структуре во многом был сходен с антропологическим составом населения болгарских городов. В нем также выделяются, особенно в сельских сериях из центра Волжской Болгарии, мезоморфный европеоидный тип с той или иной долей монголоидной примеси. Она могла выражаться в некоторой уплощенности лица и относительно слабом выступании носовых костей («местный» компонент), а также в некотором увеличении лицевых размеров и ослабленной горизонтальной профилировкой на уровне орбит (южный, степной компонент). В этом отношении интересна серия из мусульманского некрополя у с. Кайбелы (Ульяновская обл.). При ее сравнении с более ранней выборкой, которая происходит из курганной части Кайбельского могильника, отмечается их практически полное сходство по морфотипу, что может говорить о генетической преемственности ранних болгар языческого периода и волжских болгар предмонгольского времени (Герасимова, 1956).

В то же время население сельских поселений, расположенных в относительной близости, могло в среднем отличаться по степени выраженности того или иного морфологического признака, что могло придавать им некую специфику во внешнем облике. В этом плане показательны антропологические материалы из синхронных мусульманских некрополей, находящихся в Западном Закамье: Измерский, Семеновский II, Старокуйбышевский. Черепа Измерского и Семеновского II могильников выглядят более монголоидными, чем черепа из Старокуйбышевского некрополя. В среднем они обладают более узким и менее профилированным лицом, а также менее выступающим носом, что позволяет связывать их краниотип с населением поволжско-приуральских истоков (Рудь, 1987; Ефимова, 1991). Вероятно, такое чересполосное проживание морфологически, пусть и не так сильно, различающихся групп в какой-то мере может указывать на определенную закрытость сельских общин и на определенную направленность в выборе брачных связей.

Несколько иными краниокомплексами характеризуется сельское население приграничных территорий Волжской Болгарии: Предкамье – Рождественский III некрополь; Восточное Закамье – Гулюковский могильник (Газимзянов, Волкова, 2017). Если серию из Рождественского III мусульманского могильника при выраженной широко-

лицности можно отнести к европеоидным группам, то черепа из Гулюковского некрополя (особенно, женские) маркируют присутствие в составе волжских болгар носителей одного из вариантов уральского морфотипа. В нем сочетается высокая и долихокранная черепная коробка с крупным лицом средних пропорций, умеренно профилированным в горизонтальной проекции, и со средне выступающими носовыми костями. Судя по археологическим данным, могильник датируется второй половиной XI – началом XIII в. и оставлен мусульманизированным населением угорского круга (относится к чиаликской культуре периода его формирования), которое вело полукочевой образ жизни на восточной периферии Болгарского государства (Казаков, 2007; Бугров и др., 2010). Этим данным не противоречат и антропологические материалы Гулюковского могильника, указывающие на уральские истоки данной группы населения (Газимзянов, Волкова, 2017, с. 139).

Таким образом, сельское население, как и городское, морфологически было неоднородным. По своему антропологическому составу и ведущей роли в нем двух основных компонентов (местный и пришлый) во многом повторяло структуру населения болгарских городов, отличаясь от последнего лишь по темпам и интенсивности метисационных процессов, что связано, скорее всего, с определенной закрытостью сельских общин.

Завершая обзор по антропологии населения Волжской Болгарии домонгольского времени, следует отметить, что в его составе можно выделить те морфологические комплексы, которые впоследствии прослеживаются в физическом облике не только современных поволжских татар, но и окружающих его финно- и тюркоязычных народов (Газимзянов, 2001). Формирование их культурных и морфологических особенностей проходило в тесном этногенетическом взаимодействии, которое имело разную направленность и интенсивность в зависимости от конкретной исторической ситуации в данном регионе.

Антропологический состав населения Поволжско-Уральского региона VIII–XIII вв. Межгрупповой анализ. Проанализировав антропологический состав средневекового населения Урало-Поволжья по разным хронологическим этапам и по разным природно-климатическим (географическим) зонам, еще раз отметим, что оно морфологически было неоднородным и формировалось на многокомпонентной основе. Этот тезис также подтвердился и результатами межгруппового канонического анализа, для которого было привлечено 29 краниологических серий, отражающих в основном антропологический облик населения Волго-Уралья VIII–XIII вв. (некоторые

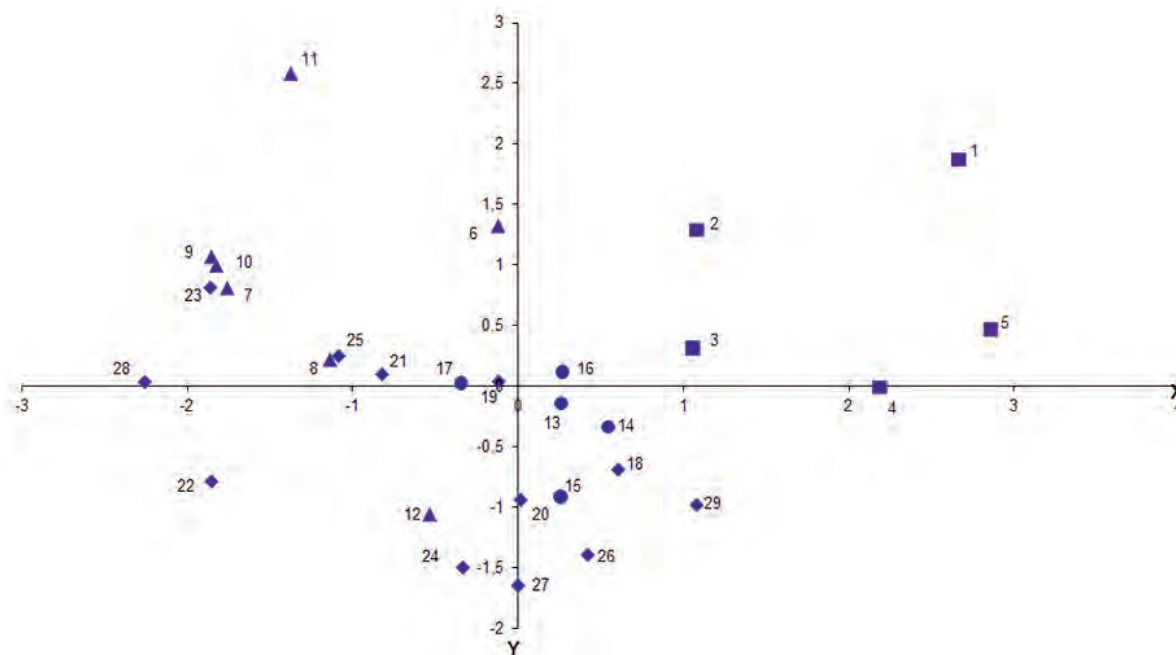

Рис. 1. Расположение мужских краниологических серий Волго-Уралья VIII–XIII вв. в пространстве первых двух канонических векторов.

- – Нижнее Поволжье (степная зона): 1 – курганы Нижнего Поволжья, VII–X вв.; 2 – курганы Нижнего Дона, VII–X вв.; 3 – Калиновский курганный могильник, X–XII вв.; 4 – «половцы», XI–XIII вв.; 5 – кочевники Нижнего Поволжья, XII–XIV вв.; ▲ – лесная зона Волго-Уралья: 6 – Деменковский могильник, VI–VIII вв.; 7 – могильник «Мыдлань-Шай», VIII–IX вв.; 8 – Поломский I могильник, V–IX вв.; 9 – Поломский II могильник («Красная горка»), вв. V–IX вв.; 10 – Варнинский могильник, V–X вв.; 11 – Качкашурский могильник, XII–XIV вв.; ● – лесостепная зона Волго-Уралья (предгосударственный этап): 13 – Большетарханский могильник, VIII–IX вв.; 14 – Кайбельский (ранний) могильник, VIII–X вв.; 15 – кочевники Самарского Поволжья (сборная серия), VIII–X вв.; 16 – население кушнаренковско-караякуповской культуры (сборная серия), VII–XI вв.; 17 – Танкеевский могильник, IX–X вв.; ◆ – лесостепная зона Волго-Уралья. Волжская Болгария: 18 – Кайбельский (поздний) могильник, X–XIII вв.; 19 – Измерский могильник, X–III вв.; 20 – Старокуйбышевский могильник, X–XIII вв.; 21 – Старокиязлинский могильник, X–XIII вв.; 22 – Рождественский III могильник, X–XIII вв.; 23 – Гулюковский могильник, X–XIII вв.; 24 – Большая Тояба, X–XIII вв.; 25 – Джукетау, X–XIII вв.; 26 – «Муромский городок», X–XIII вв.; 27 – Биляр I–III (брахикранная группа), X–XIII вв.; 28 – Биляр I – III (мезо-долихокранная группа), X–XIII вв.; 29 – Билярский IV некрополь, X–XIII вв.

серии из-за малочисленности или отсутствия данных по некоторым признакам не были включены в анализ). Судя по максимальным нагрузкам первых трех канонических векторов, основу морфологической неоднородности составили группы, краниологически различающиеся в основном по форме черепной коробки и ширине лицевого скелета. Симптоматично, что канонический анализ не выявил морфологические комплексы, которые можно было бы однозначно интерпретировать как монголоидные (ослабленная профилировка лица и переносья, небольшой угол выступания носа). Вероятно, межгрупповой анализ еще раз подтвердил, что население изучаемого региона в антропологическом отношении было в целом европеоидным и характеризовалось различными его морфологическими вариантами, которые различались не только по строению черепа, но и по степени выраженности некоторых монголоидных признаков. Происхождение последних могло быть связано

как с населением поволжско-уральских истоков, так и с населением, имеющим в своем физическом облике монголоидные черты южносибирского или центральноазиатского генезиса.

Наглядно это представлено на графике, построенном в пространстве первых двух канонических векторов, отражающих в сумме более 85% от всей межгрупповой изменчивости (рис. 1). Так, правый верхний угол пространства заняли серии, представляющие в межгрупповом анализе население степей Нижнего Поволжья и соседних территорий, которое независимо от этнокультурной принадлежности на протяжении всего Средневековья характеризовалось морфологически близкими краниокомплексами, сочетающими европеоидные и монголоидные признаки: брахикранная черепная коробка с низким или высоким, но уплощенным и широким лицом. Появление носителей данного смешанного морфологического типа на Нижней Волге, несомненно, связано с гуннским

вторжением в Европу и последующими за этим событиями эпохи Великого переселения народов. Вероятно, по мере продвижения с востока на запад объединения кочевых племен во главе с гуннами, а затем и древними тюрками – преимущественно носителями монголоидных морфотипов центральноазиатского или южносибирского генезиса – включали в свой состав местные европеоидные группы, в результате чего некоторые монголоидные черты в их внешнем виде проявлялись в несколько смягченном виде. В этом отношении показательна небольшая серия черепов из мусульманского Билярского IV некрополя, которая по своим краниометрическим параметрам имеет определенное сходство с сериями кочевников Нижнего Поволжья. Учитывая, что кладбище находилось в центральной части Билярского городища, а погребения совершались в мавзолеях и склепах, можем предположить, что данный некрополь являлся местом захоронения болгарской знати, которая по своему антропологическому типу, вероятно, генетически была связана со средневековыми кочевниками степей Евразии.

Отдельное скопление на графике (левое верхнее поле) образовали серии, характеризующие в основном морфологический облик населения лесной зоны Волго-Уралья, оставившие археологические памятники полумской, ломоватовской и чепецкой культур в Верхнем и Среднем Прикамье. В антропологическом плане их объединяет мезодолихокранная форма головы, относительно узкое и низкое лицо с ослабленным выступанием носовых костей. Данный европеоидный в целом морфокомплекс с неярко выраженными признаками в литературе принято обозначать, как один из вариантов уральской расы, а именно – субуральский. Его формирование протекало в основном в лесной зоне к западу и к востоку от Уральского хребта, и к рубежу новой эры он стал определяющим в антропологическом составе местных финно-угорских племен (Акимова, 1968; Ефимова, 1991).

Промежуточное положение на графике занимают серии, отражающие момент формирования физического и этнического облика населения Волжской Болгарии. Оно проходило при активном взаимодействии, в том числе и биологическом, двух основных, в широком плане, этнокультурных массивов – «местного» (финно-угорского) и пришлого (тюркского). Если на предгосударственном (языческом) этапе еще можно проследить морфокомплексы, которые характеризуют эти группы, то на государственном – в составе Волжской Болгарии – их физические черты нивелируются. Этот процесс этнической (биологической) консолидации населения Волжской Болгарии в какой-то степени хорошо документируется краниологиче-

скими материалами из столицы и центральных областей государства, которые явственно указывают на то, что расогенез волжских болгар шел в русле формирования метисного расового типа – мезоморфного европеоидного с той или иной долей монголоидной примеси. В тоже время следует отметить, что, несмотря на относительную гомогенность антропологического состава домонгольских болгар, в некоторых региональных (в основном приграничных) и отдельных социальных группах сохранялись определенные физические отличия.

Таким образом, исходя из имеющихся на сегодняшний день палеоантропологических материалов, можем констатировать, что население Поволжско-Уральского региона VIII–XIII вв. морфологически было неоднородным. Не было оно однородным и в этнокультурном плане и имело разные этногенетические истоки. Если в этот период степные пространства Нижнего Поволжья и прилегающих областей населяли группы населения явно смешанного морфологического типа с четко выраженными монголоидными чертами, которые указывают на участие в их расогенезе степных кочевых групп, носителей (в основном) монголоидного морфотипа южносибирских или центральноазиатских истоков, то население лесной зоны Волго-Уралья в данный период характеризовалось в целом морфологически близкими вариантами уральской расы, для которой характерно сочетание европеоидных признаков с некоторыми монголоидными особенностями, проявляющимися в основном в ослабленном выступании носовых костей и некоторой прогнатности лицевого скелета. Данный морфотип к рубежу новой эры стал ведущим в антропологическом составе местных финно-угорских племен.

Средневековое население лесостепной зоны Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья накануне монгольского завоевания в антропологическом плане характеризовалось (в основном) европеоидными формами мезоморфного типа, варианты которого различались по степени выраженности монголоидных черт. В сложении физических особенностей населения Волжской Болгарии, судя по данным археологии и антропологии, принимали участие как «местные» финно-угорские группы поволжско-уральского генезиса, так и тюркоязычные группы во главе с ранними болгарскими (поболгарскими), переселившимися на Среднюю Волгу с территории распространения памятников салтово-маяцкой археологической культуры. Однако завершение ассимиляционных процессов между различными этнокультурными компонентами в рамках Болгарского государства было прервано монгольским нашествием.

ГЛАВА 1. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ...

Таблица. 1. Средние краниометрические параметры по мужским средневековым сериям с территории Нижнего Поволжья

Признак	1	2	3	4	5
1. Продольный диаметр	182.4 (9)	186.3 (22)	183.1 (7)	179.8 (10)	179.8 (39)
8. Поперечный диаметр	150.8 (8)	148.0 (22)	147.0 (7)	150.3 (10)	152.0 (39)
8:1. Черепной указатель	83.0 (8)	79.4 (21)	80.3 (7)	83.6 (10)	84.6 (39)
17. Высотный диаметр	127.2 (5)	130.2 (10)	134.2 (4)	133.4 (9)	129.9 (34)
9. Наименьшая ширина лба	95.2 (8)	99.7 (27)	96.0 (7)	95.7 (12)	95.3 (41)
45. Скуловой диаметр	141.0 (5)	142.2 (21)	141.6 (7)	142.7 (11)	140.6 (37)
48. Верхняя высота лица	71.8 (6)	73.2 (24)	73.1 (7)	75.6 (12)	75.6 (40)
48:45. Верхнелицевой указатель	51.4 (4)	52.0 (18)	51.7 (7)	52.3 (12)	53.9 (38)
54. Ширина носа	27.6 (6)	26.2 (29)	24.4 (5)	25.9 (12)	25.8 (41)
55. Высота носа	51.6 (6)	53.3 (25)	54.6 (7)	54.5 (12)	55.6 (40)
54:55. Носовой указатель	53.6 (6)	49.2 (25)	47.8 (7)	47.5 (12)	46.4 (40)
51. Ширина орбиты (от mf.)	43.0 (6)	43.3 (25)	42.3 (6)	43.3 (12)	42.0 (40)
52. Высота орбиты	33.3 (6)	33.8 (25)	33.2 (6)	34.3 (12)	34.3 (40)
52:51. Орбитный указатель	77.8 (5)	78.2 (25)	78.4 (6)	79.4 (12)	81.7 (40)
77. Назомаллярный угол	148.5 (7)	142.6 (29)	-	146.3 (11)	146.6 (27)
Zm. Зигомксиллярный угол	139.2 (4)	132.5 (21)	131.0 (2)	132.9 (11)	135.6 (24)
SS:SC. Симотический указатель	44.4 (7)	48.1 (22)	49.3 (4)	57.4 (12)	47.6 (23)
DS:DC. Дакриальный указатель	51.4 (5)	44.5 (12)	48.0 (4)	55.5 (12)	51.4 (22)
FC. Глубина клыковой ямки	4.4 (3)	4.5 (25)	1.7 (7)	5.0 (11)	4.3 (16)
32. Угол профиля лба от назиона	83.0 (4)	81.0 (12)	81.7 (6)	81.3 (9)	80.4 (35)
72. Общий лицевой угол	98.0(4)	88.6 (15)	87.4 (5)	85.2 (9)	87.7 (35)
75 (1). Угол выступания носа	21.7 (3)	27.5 (17)	29.0 (4)	30.4 (11)	26.4 (35)

1 – Курганы Нижнего Поволжья, VII–X вв. (Балабанова, 2005); 2 – Курганы Нижнего Дона, VII–X вв. (Батиева, 2002); 3 – Калиновский кург. мог-к, X–XII вв. (Гинзбург, 1959); 4 – «половцы», XI–XIII вв. (Шевченко, 1980); 5 – Кочевники Нижнего Поволжья, XII–XIV вв. (Яблонский, 1987).

Таблица 2. Средние краниометрические параметры по мужским сериям с территории лесной зоны Волго-Уралья

Признак	1	2	3	4	5	6	7	8
1.	184.6 (7)	188.6 (19)	184.0 (11)	185.7 (6)	188.3 (25)	194.8 (4)	181.6 (10)	176.5 (6)
8.	142.7 (7)	140.3 (18)	142.1 (11)	139.5 (4)	139.6 (25)	139.5 (4)	146.7 (9)	149.7 (4)
8:1.	77.1 (7)	74.2 (17)	77.3 (9)	75.8 (4)	74.1 (24)	71.6 (4)	80.9 (10)	85.1 (4)
17.	131.5 (6)	136.7 (10)	139.0 (8)	134.7 (3)	139.0 (21)	134.3 (3)	139.9 (9)	126.2 (5)
9.	95.8 (8)	97.2 (24)	97.0 (8)	95.0 (8)	97.1 (38)	97.3 (4)	99.2 (11)	100.6 (5)
45.	135.1 (8)	131.2 (19)	136.6 (8)	127.2 (5)	135.3 (21)	136.3 (3)	135.3 (9)	138.6 (4)
48.	68.9 (8)	71.8 (22)	70.1 (9)	68.3 (7)	70.2 (26)	75.0 (3)	73.4 (10)	67.3 (4)
48:45.	51.2 (7)	54.5 (18)	51.5 (9)	53.7 (5)	51.9 (21)	55.0 (3)	54.0 (9)	48.6 (4)
54.	26.7 (8)	26.5 (23)	26.0 (7)	26.1 (7)	25.2 (27)	28.1 (4)	26.7 (9)	27.5 (3)
55.	51.2 (8)	52.2 (22)	50.5 (7)	49.7 (7)	50.5 (26)	53.2 (3)	53.9 (10)	49.3 (3)
54:55.	48.3 (7)	50.9 (22)	50.0 (7)	52.6 (7)	50.7 (24)	53.1 (3)	49.5 (9)	55.8 (3)
51.	43.1 (8)	41.8 (19)	43.3 (7)	41.6 (7)	43.1 (24)	44.7 (3)	42.5 (9)	42.0(4)
52.	32.4 (9)	32.4 (24)	32.5 (9)	32.4 (7)	31.8 (26)	32.3 (3)	32.7 (8)	31.9 (5)
52:51.	76.0 (8)	78.0 (19)	75.0 (7)	78.0 (7)	73.4 (23)	72.5 (3)	76.9 (8)	75.9 (4)
77.	142.4 (8)	138.2 (24)	139.9 (9)	138.4 (7)	139.3 (26)	135.6 (3)	140.4 (9)	140.2 (2)
Zm.	131.8 (8)	127.0 (18)	131.1 (8)	131.8 (4)	129.6 (21)	130.4 (3)	125.8 (8)	135.0 (1)
SS:SC.	53.3 (6)	48.7 (15)	43.1 (9)	41.1 (5)	46.1 (21)	45.9 (3)	49.4 (8)	58.9 (4)
DS:DC.	52.0 (7)	59.7 (13)	54.5 (9)	55.4 (6)	56.3 (16)	52.3 (3)	63.3 (5)	56.0 (2)
FC.	6.9 (8)	5.3 (21)	5.3 (9)	4.5 (7)	4.7 (23)	3.0 (3)	-	-
32.	81.3 (7)	82.0 (18)	84.6 (7)	87.7 (3)	84.2 (15)	82.0 (3)	84.9 (8)	86.0 (2)
72.	87.5 (6)	87.7 (13)	87.1 (8)	89.3 (3)	88.6 (12)	89.7 (3)	85.9 (7)	87.5(2)
74.	88.3 (7)	82.3 (12)	82.0 (7)	-	79.5 (12)	-	-	-
75(1).	28.5 (4)	27.9 (13)	30.1 (8)	25.2 (5)	23.1 (14)	27.0 (3)	27.5 (7)	20.5 (2)

1 – Деменковский могильник, VI–VIII вв. (Акимова, 1968); 2 – Мыдлань-Шай, VIII–IX вв. (Акимова, 1968); 3 – Поломский I могильник, V–IX вв. (Акимова, 1968); 4 – Поломский II могильник «Красная горка», вв. V–IX вв. (Акимова, 1968; Ширококов, 2010); 5 – Варнинский могильник, V–X вв. (Фаттахов, 1980; Ширококов, 2010); 6 – Качкашурский могильник, IX–XIII вв. (Ширококов, 2010); 7 – Редикарский м-к, Кудымкарский м-к (объед. серия, родановская культура), XII–XIV вв. (Ефимова, 1999); 8 – Дубовский м-к, Руткинский м-к, (объед. серия, древние марийцы) IX–XIII вв. (Акимова, 1967; Ефимова, 1999).

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВОЛГО-УРАЛЬЕ VIII–XIII ВВ.

Таблица 3. Средние параметры по раннесредневековым мужским сериям лесостепной зоны Волго-Уралья

Признак	1	2	3	4	5	6	7
1.	182.0 (37)	180.2 (9)	180.3 (26)	182.2 (28)	178.1 (41)	182.5 (5)	183.0 (6)
8.	147.9 (38)	146.3 (9)	148.1 (26)	146.0 (29)	141.0 (41)	139.5 (5)	134.2 (6)
8:1.	81.1 (37)	81.2 (9)	81.6 (22)	79.8 (26)	79.5 (39)	76.4 (5)	73.3 (6)
17.	137.3 (32)	134.8 (5)	139.1 (20)	136.9 (18)	132.4 (26)	133.5 (5)	135.4 (5)
9.	98.8 (41)	97.7 (10)	98.1 (35)	98.9 (29)	95.4 (54)	96.4 (5)	95.6 (7)
45.	138.9 (39)	138.6 (8)	139.4 (26)	141.5 (25)	132.8 (28)	127.7 (5)	130.3 (3)
48.	70.9 (39)	72.8 (10)	72.2 (27)	71.2 (22)	69.9 (38)	69.5 (5)	65.6 (10)
48:45.	50.9 (38)	52.3 (8)	52.7 (22)	50.4 (23)	52.2 (23)	53.9 (5)	49.7 (3)
54.	25.9 (40)	25.2 (10)	24.8 (27)	25.7 (22)	24.7 (40)	24.3 (5)	25.4 (8)
55.	52.3 (39)	53.2 (10)	52.7 (27)	52.5 (23)	51.6 (39)	52.0 (5)	48.3 (10)
54:55.	49.8 (39)	47.4 (10)	47.3 (26)	49.2 (21)	48.9 (38)	46.9 (5)	52.7 (8)
51.	43.5 (39)	44.3 (10)	42.5 (27)	43.3 (22)	41.9 (43)	43.0 (5)	41.0 (6)
52.	33.5 (40)	32.8 (10)	32.6 (30)	32.6 (25)	32.6 (45)	34.9 (5)	29.3 (6)
52:51.	76.9 (39)	74.1 (10)	76.9 (28)	75.4 (22)	78.1 (42)	81.4 (5)	76.2 (6)
77.	141.8 (38)	141.9 (9)	142.9 (30)	142.5 (26)	140.9 (40)	144.0 (5)	-
Zm.	132.2 (36)	129.1 (9)	128.2 (24)	132.4 (22)	129.2 (26)	130.5 (5)	125.3 (4)
SS:SC.	48.6 (29)	56.3 (9)	48.5 (19)	54.2 (18)	47.4 (41)	45.0 (5)	-
DS:DC.	53.5 (17)	55.9 (9)	52.4 (15)	59.5 (13)	55.9 (32)	63.7 (5)	44.5 (12)
FC.	4.8 (40)	5.8 (10)	4.8 (19)	5.1 (17)	4.8 (36)	-	-
32.	83.4 (37)	80.4 (8)	82.3 (18)	82.7 (17)	83.1 (30)	83.3 (5)	89.0 (5)
72.	86.5 (37)	87.8 (8)	85.7 (15)	87.2 (19)	84.2 (24)	83.0 (5)	83.3 (3)
74.	76.1 (39)	-	78.3 (13)	77.2 (12)	76.9 (24)	-	-
75(1).	26.2 (28)	31.6 (9)	24.5 (16)	29.1 (15)	26.4 (26)	21.8 (5)	37.0 (1)

1 – Больше-Тарханский могильник, VIII–IX вв. (Акимова, 1964); 2 – Кайбельский (ранний) могильник, VIII–IX вв. (Герасимова, 1956); 3 – Кочевники Самарского Поволжья (сборная серия), VIII–X вв. (Газимзянов, 2014); 4 – Население кушнаренково-караякуповской культуры (сборная серия), VII–XI вв. (Газимзянов, 2018); 5 – Танкеевский могильник, XI–X вв. (Акимова, 1973; Газимзянов, 2018); 6 – Тетюшский могильник, IX–XI вв. (Ефимова, 1991); 7 – Цинские могильники (сборная серия), VIII–X вв. (Дебеч, 1948).

Таблица 4. Средние краниометрические параметры по мужским городским сериям Волжской Болгарии

Признак	1	2	3	4	5	6	7
1.	173.8 (5)	182.2 (6)	174.7 (10)	179.2 (9)	181.1 (32)	176.1 (9)	181.0 (4)
8.	143.4 (5)	140.3 (6)	146.9 (8)	145.4 (8)	142.8 (30)	143.2 (9)	153.0 (4)
8:1.	83.1 (6)	77.5 (6)	85.3 (8)	80.6 (8)	79.1 (29)	81.4 (9)	84.6 (4)
17.	136.0 (5)	132.5 (4)	135.8 (9)	138.7 (9)	137.6 (31)	135.2 (9)	137.0 (3)
9.	94.2 (6)	94.5 (6)	99.6 (10)	98.0 (10)	97.6 (37)	97.3 (9)	102.5 (6)
45.	131.4 (5)	133.6 (5)	136.6 (8)	130.7 (6)	132.1 (32)	129.9 (8)	141.0 (5)
48.	69.8 (5)	69.3 (6)	72.1 (9)	70.1 (10)	69.5 (34)	74.0 (7)	76.7 (6)
48:45.	53.1 (5)	53.7 (5)	51.8 (7)	53.0 (6)	52.5 (31)	55.8 (5)	55.1 (5)
54.	25.5 (5)	24.3 (6)	24.1 (9)	24.9 (12)	24.8 (35)	23.8 (9)	25.8 (6)
55.	51.4 (5)	50.8 (6)	52.7 (9)	51.2 (13)	50.3 (35)	51.6 (9)	53.7 (6)
54:55.	49.8 (5)	48.2 (5)	45.7 (9)	48.8 (12)	49.4 (35)	46.1 (8)	48.2 (6)
51.	43.8 (5)	40.9 (5)	43.1 (9)	42.4 (10)	42.0 (34)	42.9 (9)	44.5 (6)
52.	32.9 (5)	32.7 (6)	34.4 (9)	33.1 (9)	32.6 (35)	34.0 (8)	35.3 (6)
52:51.	75.5 (5)	79.8 (5)	80.1 (9)	78.2 (9)	77.7 (33)	79.4 (8)	79.8 (6)
77.	138.8 (6)	136.5 (5)	141.9 (10)	138.4 (10)	141.8 (36)	141.4 (8)	142.1 (6)
Zm.	122.1 (3)	123.2 (2)	129.1 (9)	126.8 (5)	127.4 (31)	129.2 (6)	130.7 (4)
SS:SC.	45.4 (4)	54.6 (5)	47.5 (9)	53.4 (12)	45.0 (27)	49.8 (8)	48.3 (6)
DS:DC.	49.8 (4)	51.1 (2)	51.9 (8)	49.3 (3)	50.2 (17)	56.1 (2)	52.0 (5)
FC.	4.4 (6)	4.6 (4)	4.5 (9)	4.6 (9)	5.0 (32)	5.5 (9)	5.6 (5)
32.	82.0 (5)	81.0 (3)	83.4 (7)	83.2 (5)	85.7 (26)	84.0 (8)	82.7 (3)
72.	86.8 (5)	83.7 (3)	84.4 (7)	85.3 (3)	83.5 (26)	87.9 (7)	85.0 (3)
74.	76.3 (4)	75.0 (3)	83.0 (7)	67.7 (3)	74.6 (24)	77.2 (5)	-
75(1).	23.3 (4)	28.5 (2)	25.4 (7)	26.7 (11)	25.3 (22)	29.3 (7)	29.0 (6)
Antr. % (n)	57.1 (7)	42.9 (7)	87.5 (8)	69.2 (13)	79.4 (34)	80.0 (10)	100.0 (6)

1 – Большая Тояба, X–XIII вв. (Газимзянов, 2021); 2 – Джукетау, X–XIII вв. (Газимзянов, Набиуллин, 2011); 3 – «Муромский городок», X–XIII вв. (Газимзянов, 2019); 4 – Билярский I некрополь, X–XIII вв. (Ефимова, 1983, 1991); 5 – Билярский II некрополь, X–XIII вв. (Ефимова, 1983, 1991); 6 – Билярский III некрополь, X–XIII вв. (Ефимова, 1983, 1991); 7 – Билярский IV некрополь, X–XIII вв. (Фаттахов, 1979).

ГЛАВА 1. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ...-

Таблица 5. Средние краниометрические параметры по мужским сериям сельского населения Волжской Болгарии

Признак	1	2	3	4	5	6	7
1.	176.2 (8)	179.7 (17)	179.3 (31)	184.4 (17)	182.3 (10)	187.2 (5)	178.7 (6)
8.	144.8 (8)	144.6 (17)	147.6 (30)	143.4 (17)	142.1 (10)	138.0 (6)	145.8 (6)
8:1.	82.5 (8)	80.6 (17)	82.3 (29)	78.9 (16)	78.0 (10)	74.5 (5)	81.8 (6)
17.	133.2 (8)	132.6 (16)	135.5 (24)	137.6 (12)	142.4 (9)	139.6 (6)	134.8 (6)
9.	96.5 (8)	98.0 (17)	99.3 (32)	99.1 (17)	101.2 (10)	99.1 (5)	98.3 (6)
45.	136.1 (8)	134.5 (17)	136.6 (29)	136.8 (13)	137.8 (10)	139.7 (2)	135.3 (6)
48.	72.8 (8)	68.6 (17)	71.1 (27)	72.3 (12)	71.4 (10)	73.3 (3)	72.5 (6)
48:45.	53.3 (8)	50.5 (17)	52.1 (26)	52.9 (12)	51.8 (10)	53.0 (2)	53.6 (6)
54.	24.9 (8)	26.9 (17)	25.2 (25)	25.7 (12)	25.3 (10)	24.3 (3)	25.1 (6)
55.	52.2 (8)	51.5 (17)	52.0 (27)	53.1 (12)	50.5 (10)	51.3 (4)	51.0 (6)
54:55.	47.9 (8)	50.5 (17)	48.9 (25)	49.1 (11)	50.2 (10)	47.4 (3)	49.5 (6)
51.	42.8 (8)	42.3 (17)	42.0 (28)	42.9 (12)	43.1 (10)	42.6 (5)	42.8 (6)
52.	33.3 (8)	32.8 (17)	32.4 (28)	33.1 (12)	32.8 (10)	33.7 (5)	32.5 (6)
52:51.	76.4 (8)	77.2 (17)	77.0 (28)	76.9 (12)	76.2 (10)	79.4 (5)	76.2 (6)
77.	144.2 (8)	141.1 (17)	141.1 (27)	139.2 (15)	137.5 (10)	139.8 (4)	137.3 (6)
Zm.	129.4 (8)	129.1 (17)	127.1 (23)	127.9 (11)	127.2 (10)	129.6 (3)	129.5 (6)
SS:SC.	43.9 (8)	41.6 (17)	49.2 (24)	51.2 (8)	49.2 (9)	47.1 (5)	52.3 (6)
DS:DC.	54.8 (8)	50.6 (17)	55.1 (18)	52.9 (6)	54.5 (7)	51.0 (3)	58.6 (6)
FC.	4.7 (8)	-	4.1 (26)	4.2 (13)	4.9 (10)	-	-
32.	83.8 (8)	84.9 (17)	85.8 (23)	81.3 (13)	84.0 (10)	81.8 (5)	81.8 (6)
72.	86.8 (8)	87.9 (16)	85.6 (21)	85.3 (12)	84.1 (10)	86.3 (3)	86.2 (6)
74.	-	73.9 (14)	79.1 (20)	70.1 (11)	77.4 (7)	-	-
75(1).	31.2 (8)	24.4 (16)	28.5 (21)	25.2 (10)	27.3 (9)	27.0 (3)	25.7 (6)

1 – Кайбельский (поздний) могильник, X–XIII вв. (Герасимова, 1956); 2 – Измерский могильник, X–XIII вв. (Рудь, 1987); 3 – Старокуйбышевский могильник, X–XIII вв. (Рудь, 1987; неопубликованные материалы автора); 4 – Старокиязлинский могильник, X–XIII вв. (Газимзянов, 2020); 5 – Рождественский III могильник, X–XIII вв. (неопубликованные материалы автора); 6 – Гулюковский могильник, X–XIII вв. (Газимзянов, Волкова, 2017); 7 – Семеновский II могильник, X–XIII вв. (Ефимова, 1991).

ГЛАВА 2

МОНГОЛО-ТАТАРСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Начало XIII столетия ознаменовано эпохальными событиями в истории монголов, в значительной степени определившими дальнейшее развитие стран и народов не только центрально-азиатского региона, но и Сибири, Восточной и Центральной Европы, Среднего и Ближнего Востока.

Одним из главных событий явилось объединение многочисленных монгольских племен, населявших территорию от Великой китайской стены на юге до верховьев Селенги на севере и от Алтайских гор на западе до Аргуни на востоке, в единое государство под предводительством Тэмучина, сына Есугэй-багатура, провозглашенного монгольским нойонством на курултае 1206 г. Чингис-ханом, т. е. Великим ханом, Владыкой вселенной. Образование Монгольского государства со столицей в Каракоруме на р. Орхон (с 1220 г.) положило конец непрерывным родоплеменным междоусобицам, ликвидировало племенную раздробленность, открыло возможность для резкого подъема экономики и культуры, укрепления обороноспособности страны.

В качестве внешнеполитического приоритета Чингис-хан выбрал завоевание соседних стран и народов, ставшее главным источником обогащения государства. Успех завоевательных походов был обусловлен превосходно организованной монгольской конницей, применением высокой для того времени военной техники, преданными военачальниками, хорошо усвоившими искусство ведения войн. Все это, а также железная дисциплина при исключительной подвижности войск давали армии Чингис-хана значительное преимущество по сравнению с малоподвижными ополчениями оседлых народов. Следует также добавить еще один фактор: в тех странах, куда были направлены экспансионистские устремления великого хана Монголии, расцветала феодальная раздробленность, ярким примером которой служит Древняя Русь, представляющая собой перед монгольским нашествием конфедерацию из более 50 маленьких княжеств.

Завоевательные походы, продолжавшиеся в течение более тридцати лет, Чингис-хан начал в 1207 г. с покорения племен, обитавших к северу

от Селенги и в долине Енисея, и нападения на тангутское государство Си-Ся. В 1209 г. монголам подчинилась страна уйгуров в Восточном Туркестане. В 1211 г. Чингис-хан начал военные действия в Северном Китае. Монгольские войска проникли далеко вглубь страны и в 1215 г. захватили Яньцзин (совр. Пекин), ставший столицей империи при правлении Хубилая – основателя династии Юань. В 1218 г. войска Чингис-хана заняли Восточный Туркестан и Семиречье, зимой 1219/20 г. двинулись в глубь Мавераннахра и захватили его культурный центр Бухару, весной 1220 г. был покорен древний город Самарканд. В 1221 г. монголы взяли и разрушили столицу Хорезма Ургенч, а также Хиву и Мерв, завершив тем самым завоевание Средней Азии, города и оазисы которой были превращены в руины и пустыни. В том же году полководцы Чингис-хана Субудэй-бахадур и Джэбэ-нойон, обогнув с юга Каспийское море, вторглись в пределы Закавказья – в земли Азербайджана и Грузии. Далее монгольские отряды проникли на Северный Кавказ и двинулись дальше – в прикаспийские степи. Разбив сперва аланов, а затем кыпчаков, монгольские завоеватели вступили в пределы Крыма, где захватили город Судак.

В 1223 г. произошло знаменитое сражение на реке Калке, впадающей в Дон, с ополчением русских князей. Отсутствие единства между князьями, а также измена участвовавших в этом сражении кыпчаков явились причиной поражения русского войска. После победы на Калке войска Субудэя и Джебэ направились к волжским болгарам. Сражение на Средней Волге в районе Самарской Луки – первая встреча монгол с болгарями – не принесло им успеха. Болгары устроили засаду, нанесли монгольским войскам сильное поражение и тем самым прекратили дальнейшее их наступление на северные народы и русские княжества. Завоеватели повернули назад.

В 1227 г. Чингис-хан умер, оставив после себя огромную империю. На курултае 1229 г., куда съехались все сыновья и ближайшие родственники Чингис-хана, великим ханом был избран его третий сын – Угедэй. Другим сыновьям по завещанию отца были выделены особые улусы:

«Чагатаю были отведены пространства становищ от пределов окраин уйгурских до границ Самарканда и Бухары..., а земли в длину от Каялыка и Хорезма и крайних пределов Саксина и Болгара до окраин Дербенда Бакинского он предназначил старшему сыну Туши» (Золотая Орда в источниках, 2003, с. 264). Кроме того, Джучи (Туши) были переданы в управление практически еще не завоеванные территории – «земли, куда только смогут пройти монгольские кони». Однако он вскоре умер, и Джучиев улус, в том числе земли, которые еще предстояло завоевать, получил его сын Бату, внук Чингис-хана.

В 1229 г. Угедей-каан отправил 30-тысячное войско под общим командованием Бату-хана «в сторону Кыпчака, Саксина и Болгара» (Золотая Орда в источниках, 2003, с. 405). Хотя монголам и удалось разгромить кыпчаков и саксинов в Приуральских степях, а также нанести поражение болгарским сторожевым отрядам «близ реки Яик» (ПСРЛ, I, с. 453), но дальше на север они не смогли продвинуться. Все же к 1232 г., когда войска Бату-хана достигли пределов Волжской Болгарии, но вынуждены были зимовать «не дошедше Великого града» (ПСРЛ, I, с. 459), земли между Южным Уралом и Нижнем Поволжьем, где обитали преимущественно кыпчаки, находились уже под властью монголо-татар.

В 1235 г., как сообщает персидский историк Ала-ад-дин Джувейни, монгольский каан Угедей «устроил большой курултай и назначил совещание относительно уничтожения и истребления остальных непокорных; состоялось решение завладеть странами Болгара, асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были еще окончательно покорены и гордились своей многочисленностью» (Золотая Орда в источниках, 2003, с. 258).

Весной 1236 г. объединенное войско монголо-татар численностью около 50 тыс. человек, которым руководил Бату (отдельными отрядами командовали 13 царевичей), направилось в Болгарию. Осенью того же года, форсировав Яик, они достигли пределов Болгара: «от множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные. Сначала они [царевичи] силою и штурмом взяли город Болгар, который известен был в мире недоступностью местности и большою населенностью. Для примера подобным им, жителей его [частью] убили, а [частью] пленили» (Золотая Орда в источниках, 2003, с. 258–259). Эти слова Джувейни подтверждает русский летописец: «В лето 6744 (1236 г.)... Тое же осени приидоша от восточные страны в Болгарскую землю безбожнии татары и взяша славный Великий город Бол-

гарский и избиша оружием от старца и до унага и до суцага младенца, взяша товара множество, а город их пожгоша огнем и всю землю их плениша» (ПСРЛ, I, с. 459). После того как была стерта с лица земли столица страны, отдельные отряды монголо-татарских войск «растекались облавою» по всей Болгарской земле и взяли еще «60 весьма укрепленных замков», т. е. городов и крепостей, о чем писал современник – венгерский монах Юлиан в 1237 г. (Аннинский, 1940, с. 85).

Какой след оставил в археологии Волжской Болгарии трагический 1236 год?

Ни у кого из исследователей не вызывает сомнений тот факт, что в период похода 1236 г. на Волжскую Болгарию главным объектом нападения монголо-татарских войск стал Великий город на Черемшане – столица страны, археологически представленная Билярским городищем. Однако последствия этого завоевания, а конкретнее судьба Биляра после событий 1236 г. в историко-археологической литературе оценивается неоднозначно. Согласно широко распространенной концепции С.М. Шпилевского (1877) и А.П. Смирнова (1951; 1972), нашедшей впоследствии активную поддержку в трудах Р.Г. Фахрутдинова (1974, с. 134; 1975, с. 51; 1984, с. 95, 107), В.Л. Егорова (1985, с. 96) и других исследователей (История Чувашской АССР, 1983, с. 48), город Биляр после монгольского погрома довольно быстро оправился и существовал в качестве одного из феодальных центров вплоть до падения Казанского ханства. Один из сторонников этой точки зрения чувашский историк В.Д. Димитриев писал: «Письменные источники не сообщают о сильном разгроме Биляра. Он был вскоре восстановлен» (Димитриев, 1984, с. 33). А по мнению известного башкирского археолога Н.А. Мажитова, в домонгольское время крупных городов в Волжской Болгарии вообще не было, все кирпичные здания, исследованные археологами в Биляре, Суваре и Муромском городке, не могли быть разрушены монголо-татарами в 1236 г., ибо относятся якобы к более позднему золотоордынскому времени (Мажитов, 1997, с. 14–15; 2010, с. 322–325).

О завоеваниях монголо-татарских орд в азиатских странах и их быстром продвижении в степи Восточной Европы волжские болгары были осведомлены задолго до событий 1236 г. Непосредственно в пределах своих земель они встретились с завоевателями в 1232 г. и с тревогой ждали новых попыток покорять их страну. В этих условиях болгары начинают предпринимать активные действия для того, чтобы дать достойный отпор названным пришельцам.

Наполненное военными тревогами время требовало в первую очередь соответствующего уровня развития военно-оборонительного дела. На примере Биляра мы хорошо видим энергичные мероприятия государства по укреплению обороноспособности отдельных городов страны, прежде всего, конечно, ее столицы. Фортификационные сооружения Биляра в первой трети XIII в. претерпевают значительные изменения: увеличивается мощность земляных валов, реконструируются деревянные части всех существовавших до этого времени укреплений, на всю мощь начинают работать мастерские по изготовлению оружия и боеприпасов. Вокруг внутреннего города возводят дополнительную, наружную, так и недостроенную линию валов и рвов (Хузин, Кавеев, 1985, с. 54). Между внутренним и наружным кольцами валов внешнего города появляется третья, средняя, опять же местами недостроенная линия укреплений (Хузин, 1985, с. 72–74). Примерно в это же время в районе «караван-сарая» у главного въезда во внутренний город возникает хорошо укрепленный «форт», где размещается небольшой военный гарнизон, предназначенный для охраны одного из важнейших участков города (Халиков, Шарифуллин, 1976, с. 95). Биляр превращается в один из самых сильно укрепленных городов Восточной Европы – общая длина пяти линий городских стен достигала почти 40 км!

Тем не менее Биляру суждено было разделить печальную участь многих десятков и сотен городов и сел, в буквальном смысле стертых с лица земли в результате страшного разгрома и разорения бесчисленными монгольскими ордами. Источники полны сообщений о жестоком обращении завоевателей с местными жителями и о полном разрушении городов. «...Убивают всех, не разбирая, старых и малых, красивых и безобразных, богатых и бедных, сопротивляющихся и покорных, как правило, без всякой пощады», – писал очевидец, автор «Полного описания монголо-татар», рассказывая о бесчинствах монголо-татар в покоренных землях (Мэн-да бей-лу, 1975, с. 67).

Археологические материалы полностью подтверждают сведения письменных источников. Еще в самом начале систематических раскопок Билярского городища были отмечены «мощные углистые прослои, прослеженные в верхних, не тронутых пашней горизонтах культурного слоя» (Халиков, 1969, с. 11). Действительно, весь верхний горизонт культурных отложений городища представляет собой супесчаную золисто-углистую массу, перемешанную с обломками человеческих костей, особенно многочисленных в районе укреплений и крупных зданий. Следы большого пожа-

ра, связанного, несомненно, с монгольским погромом 1236 г., зафиксированы практически во всех районах города, где производились археологические раскопки (рис. 1).

Специальные стратиграфические разрезы оборонительных укреплений дали основание предполагать, что ожесточенные схватки между болгарами и монголо-татарами произошли еще на подступах к городу. При исследовании наружных укреплений внешнего города в верхней насыпи земляных валов были отмечены следы пожарища, обожженные кости, в числе которых череп и бедренная кости человека, а также железный наконечник стрелы веслообразной формы (Хузин, 1985, с. 81, 84–85, рис. 10, 1). Укрепления внутреннего города также были уничтожены в результате пожара, следы которого прослежены как в верхней части насыпи вала и рва, так и на близлежащих участках территории городища. Эта большая катастрофа в истории города опять же связана с монголами, о чем свидетельствуют обнаруженные в самых верхних напластованиях вала предметы вооружения: наконечники стрел, один из которых представляет из себя типично монгольский «срезень», навершие железной булавы, обломок костяной накладки на колчан, а также разрозненные человеческие кости и череп взрослого человека (Хузин, Кавеев, 1985, с. 52, рис. 5: 1, 2, 15).

Наиболее упорные бои шли, по-видимому, в центральной части внутреннего города. Показательно, в раскопах XXXVIII и XXXIX 1987 г. мощность слоя пожарища, состоящего только из угля и золы без других включений, достигала местами 60–80 см. На одном из участков раскопа XXXVIII с ярко выраженными следами вражеского погрома (рис. 1в) были обнаружены многочисленные предметы вооружения (рис. 2): железные наконечники стрел, в числе которых экземпляр (рис. 2: 11), имеющий ближайшую аналогию в древностях Кара-Корума (Киселев, Мерперт, 1965, с. 193, рис. 108, 4; Медведев, 1966а, табл. 29, 9), втульчатый наконечник копья, колчаный крючок, костяные накладки на колчан, кольчужные колечки и обломок железной пластины от панциря. Верхние напластования культурного слоя в пределах выявленных руин кирпичного здания и прилегающих к нему участков сильно насыщены обломками человеческих костей, среди которых наиболее часты обломки черепов, кости рук и ног.

Следы монгольского погрома хорошо прослеживались в районе «дома феодала» – бани или тахаратханэ у Соборной мечети. В верхней части заполнения поздних сооружений отмечены обильные золисто-углистые пятна, обугленные плахи от упавших наземных конструкций, ошлакованная и деформированная под воздействием высокой

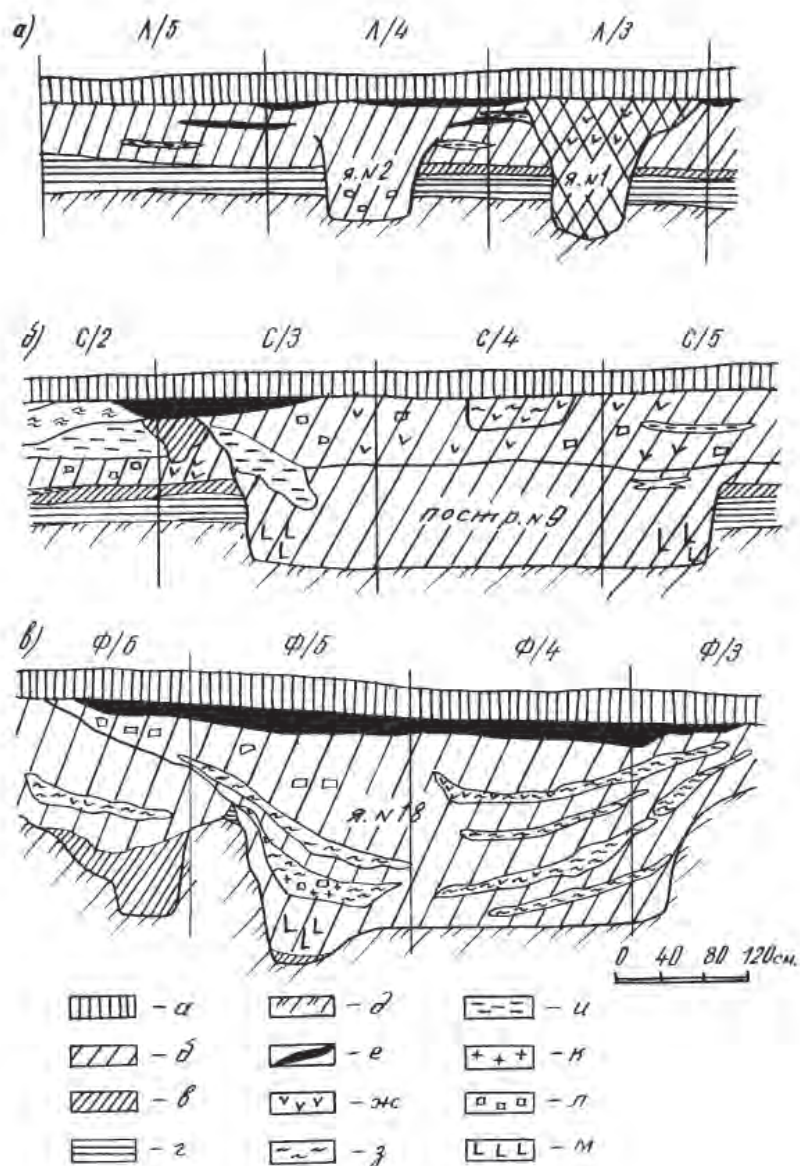

Рис. 1. Стратиграфия культурного слоя раскопов XIX (а), XXII (б) XXXVIII (в)

Условные обозначения: а – слой пашни; б – слой светло-серой рыхлой супеси; в – слой темно-серой плотной супеси; г – погребенная почва; д – желто-красный суглинок (материк); е – слой пожарища; ж – углистые включения; з – зола; и – включения глины; к – известковые включения; л – обломки камней и кирпичей; м – гумус.

температуры глиняная посуда и т. д. (рис. 1а). При исследовании самого здания, особенно при расчистке завалов стен и полов, среди массы находок обнаружены и человеческие кости – остатки жертв, погибших в развалинах дома при осаде и взятии города (Халиков, 1979, с. 18).

К объектам, разрушенным монголами, относятся и Соборная мечеть, раскопки которой дополнили картину страшного разорения города осенью 1236 г. Еще с XIX в. были известны факты нахождения среди развалин мечети множества беспорядочно лежащих человеческих костей, обрывков кожи, оружия и других предметов (Казаринов, 1884, с. 100). Подобные факты неоднократ-

но отмечены и в ходе исследований 1972–1975 гг. Так, только при выборке котлована фундамента минарета, а также расчистке завалов белокаменных стен обнаружено более десяти человеческих черепов (Халиков, Шарифуллин, 1979, с. 24, 27). Очевидно, это были останки жителей города, в основном стариков, женщин и детей, пытавшихся скрыться в мечети в момент опасности и погибших здесь под рухнувшими стенами, колоннами и крышей.

Следы пожарища 1236 г. неоднократно фиксировались на участках, прилегающих с южной, северной и северо-восточной сторон к Соборной мечети (рис. 1: б). В разрушенных домах среди

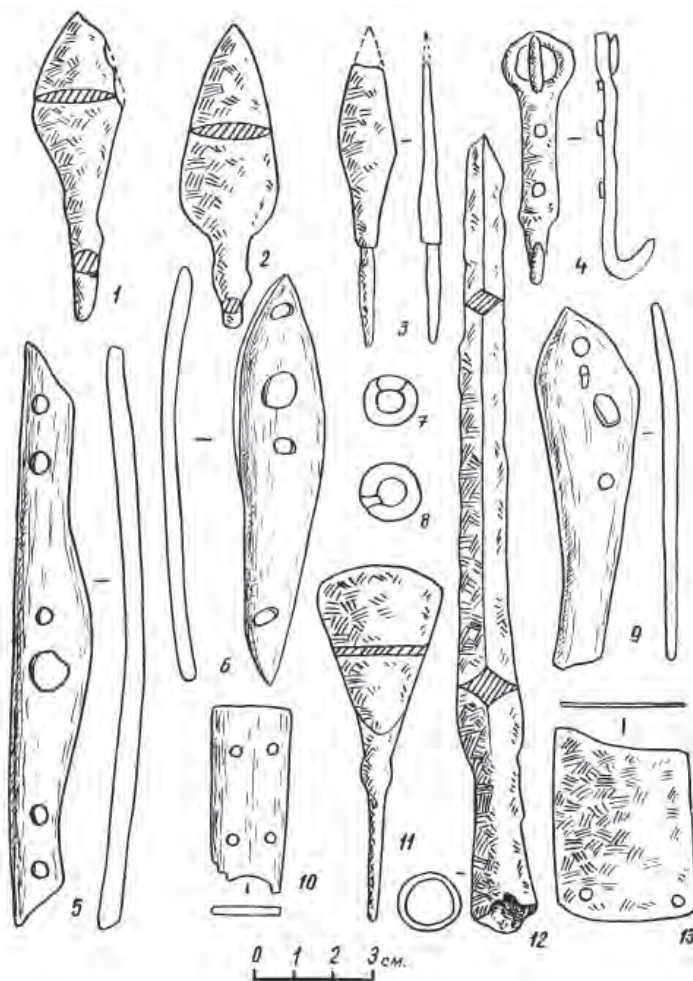

Рис. 2. Билярское городище. Предметы вооружения из слоя разрушения XXXVIII раскопа
1–3, 11 – наконечники стрел, 4 – петля от колчана, 5, 6, 9, 10 – накладки на лук, 7, 8 – колчаные колючки,
12 – копье, 13 – пластина от панциря. 1–4, 7, 8, 11–13 – железо, 5, 6, 9, 10 – кость.

развалов сгоревших деревянных сооружений наряду с ошлакированной и деформированной керамикой, обожженными костями и прочими вещами, побывавшими в огне, встречались типично монгольские «срезни» и другие наконечники стрел, распространенные в Волжской Болгарии в предмонгольское время. В наземных амбарах-зернохранилищах обнаружены большие скопления обугленных зерен пшеницы, гороха, спекшиеся комки проса и т. д. (Хузин, 1979, с. 74–75, 78–79). В одной из хозяйственных построек XXVIII раскопа, относящейся к последнему периоду жизни города, собрано около 3 центнеров обгорелой пшеницы (Хузин, 1986, с. 158).

В слое разрушения города, как уже отмечалось, довольно часты находки предметов вооружения, особенно наконечников стрел тех форм, которые встречаются, как правило, в разрушенных монголо-татарами поселениях Восточной Европы (Медведев, 1966б, с. 50–60). Эта группа наконечников включает в себя 7 типов по нашей классификации (Культура Биляра, 1985, с. 143 и сл.; рис. 3). Все-

го из раскопов происходит 13 экземпляров таких наконечников, а вместе с депаспортизованными и случайными находками их количество достигает почти 40 экземпляров.

В литературе уже упоминались многочисленные факты нахождения в заполнении поздних билярских колодцев остатков сброшенных человеческих трупов, находок черепов, обломков бедренной и тазовой кости, ребра, зубов (Халиков, 1984, с. 86; Шарифуллин, 1979, с. 109–112; Хузин, 1988, с. 48). Принадлежность этих костей к жертвам нашествия, по нашему мнению, более чем вероятна.

С событиями осени 1236 г. связывают и большую братскую могилу с 26 костяками Билярского III могильника (Халикова, 1976, с. 136; 1986, с. 93). По краниологическим данным, погибшие принадлежали к местному населению Биляра (Ефимова, 1976, с. 169).

Еще одна коллективная могила изучена нами в 1986–1987 гг. на раскопе XXXVIII (Хузин, 1988, с. 48–49). Останки погибших людей расчищены

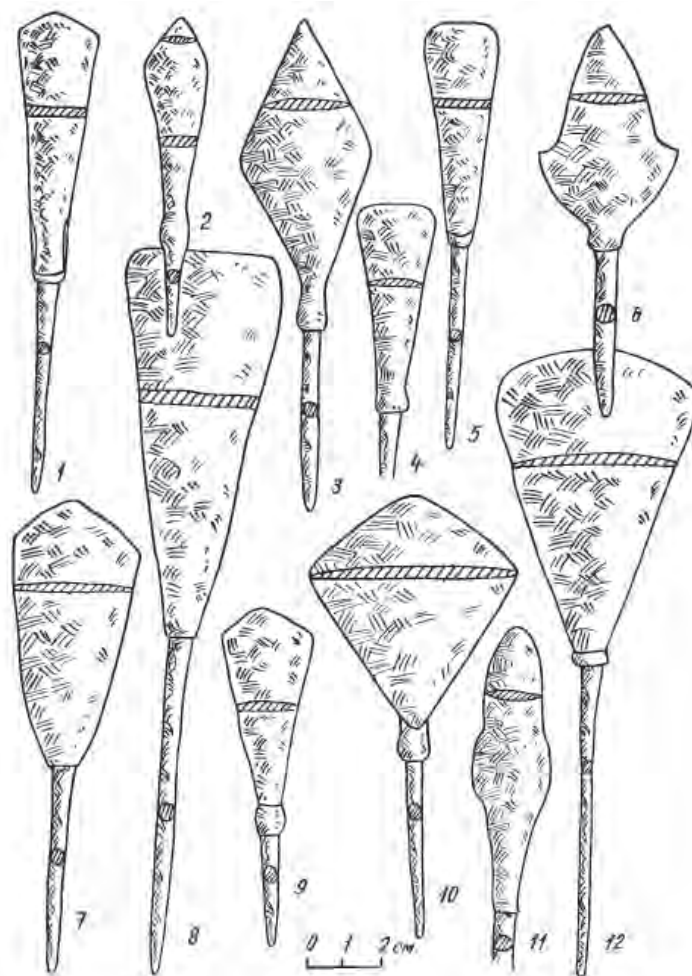

Рис. 3. Железные наконечники стрел “монгольского” типа из раскопок Билярского городища. 1, 4, 5, 8, 9 – тип БП 27 (тип 67 по классификации А.Ф. Медведева); 2 – тип БП 26 (66); 3 – тип БП 17 (49); 6 – тип БП 31 (72); 7, 10 – тип БП 29 (69); 11 – тип БП 30 (71); 12 – тип БП 28 (68).

в яме № 6, находящейся в нескольких метрах к юго-западу от большого кирпичного здания (кв. С, Ф/20–22), руины которой все еще ждут своих исследователей. Судя по стратиграфии, яма относится к позднейшим объектам раскопа: еще в процессе снятия верхних штыков на указанных участках можно было предугадать наличие поздней ямы по рыхлости и переработанности грунта, насыщенного кирпичным щебнем, золисто-углистой массой, костями животных и мелкими фрагментами гончарной керамики. Были прослежены также большие скопления известняково-кирпичной щебенки. В процессе первой выборки, на глубине 20 см от поверхности погребенной почвы, в юго-восточном углу ямы выявилось большое скопление человеческих костей, занимающее площадь 1,4×1,9 м. По плохо сохранившимся черепам и неполным костям скелетов удалось определить 5 детских и 7 взрослых скелетов, лежавших в одной куче, беспорядочно и без соблюдения каких-либо ритуалов (Хузин, 1988, с. 48–49, рис. 4). В этой куче костяков был обнаружен массивный

широколезвийный топор с молоткообразным обухом, округлым проухом и щековицами (рис. 4: 7), относящийся к типу IВa по классификации Р.Ф. Шарифуллина (Культура Биляра, 1985, с. 41, табл. XI, XIV). Среди прочих находок следует отметить два шиферных пряслица (рис. 4: 5, 6), небольшой обломок люстровидной чаши и медную оковку деревянного сосуда (рис. 4: 4). В верхней части засыпи ямы под одним из черепов был обнаружен втульчатый наконечник копья с листовидным (подтреугольным) пером ромбического сечения и узелковым утолщением – прообразом «яблочка» у основания пера (рис. 4: 3). Подобные наконечники копий, по наблюдениям А.Н. Кирпичникова (1966, с. 15, 16), появляются не раньше XIII в. Очевидно, перед нами захоронение людей, жителей Биляра, жертв монгольского погрома города 1236 г., осуществленное по прошествии значительного времени после ухода монголов-завоевателей. Эти скелеты, думается, долго лежали среди развалин, потом были собраны пришедшим сюда окрестным населением и брошены в общую яму,

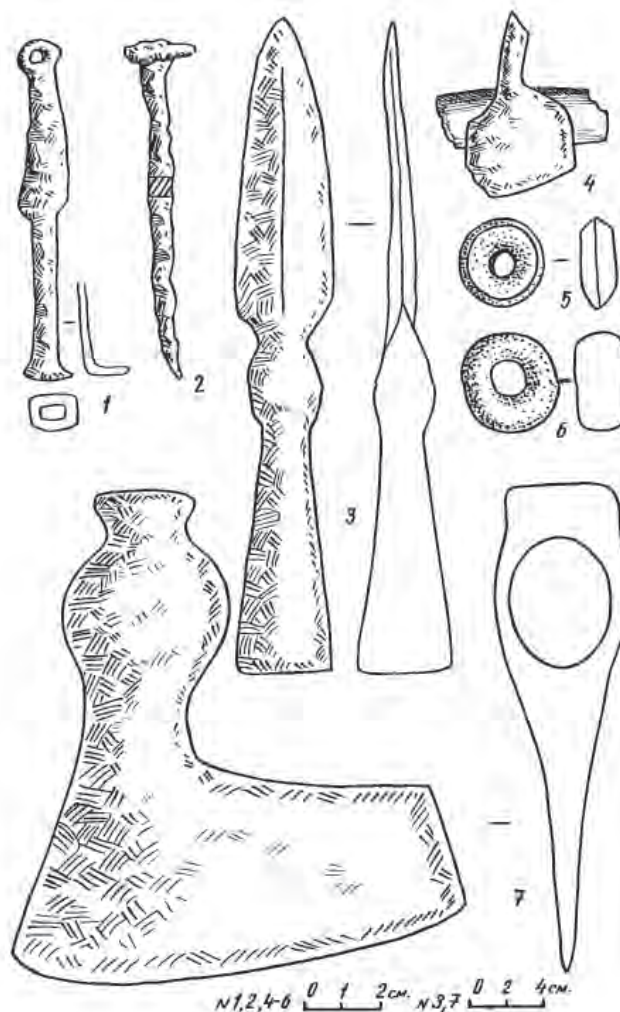

Рис. 4. Предметы из ямы №6 раскопа XXVIII

1 – ключ от замка, 2 – гвоздь, 3 – наконечник копья, 4 – обломок ручки от котла, 5, 6 – пряслица, 7 – топор.
1, 2, 3, 7 – железо; 4 – бронза и железо, 5, 6 – шифер.

ставшую, таким образом, коллективной могилой последних жителей Биляра.

В этой же обширной яме, в северо-западной части ее, заваленной рухнувшей стеной кирпичного дома, был обнаружен полный остов коня с откинутой назад головой. Скелет обращен головой на север, ногами на восток. По заключению археозоолога А.Г. Петренко, бедренная кость правой задней ноги имеет следы травмы – перелома, а в теменной части черепа сохранились следы удара в виде хорошо заметной трещины, нанесенного каким-то тупым предметом. Видимо, здесь похоронен боевой конь болгарского воина, убитый в день взятия города монголо-татарами. Синхронность вышеописанной коллективной могилы и захоронения коня проблематична. Судя по состоянию хорошо (в анатомическом порядке) сохранившегося скелета, можно заключить, что захоронение совершено сразу же после ухода монголов.

Таким образом, перед нами чрезвычайно интересный объект, рассказывающий о последних днях существования Великого города и служащий прекрасной иллюстрацией к вышеприведенным словам автора Лаврентьевской летописи.

Население города, по всей вероятности, оказывало завоевателям ожесточенное сопротивление. Город сдался не без боя. Это была отнюдь не молниеносная победа монголо-татар, как иногда утверждается в литературе (Каргалов, 1967, с. 70). Наоборот, полное покорение волжских болгар заняло несколько лет и полностью завершилось лишь к середине XIII в. В определенной степени именно героическим сопротивлением болгар (начиная с 1223 г.) можно объяснить безжалостное уничтожение цветущей столицы страны – славного Великого города Болгарского. После этого город больше никогда не возродился на этом месте. Богатая материальная культура Билярского городища отражает самобытную и высокоразвитую

культуру волжских болгар только домонгольского периода. В коллекции находок, насчитывающих десятки тысяч экземпляров, нет ни одного предмета, характерного для золотоордынского времени. Известные нумизматам золотоордынские монеты биллярской чеканки обнаружены не на городище, а на Биллярском III селище – обширном поселении типа открытого города, располагавшегося примерно в трех километрах к северу от домонгольского города.

В научной и научно-популярной литературе традиционно считается, что город Болгар был взят монголо-татарами штурмом, сожжен и почти полностью разрушен. Следы пожарища, которые исследователи увязывают с монгольским нашествием, действительно выявлены на многих участках. «Жизнь города в период отложения слоя V прервалась грандиозным пожаром, уничтожившим всю его застройку. В течение какого-то времени жизнь замерла. Сгоревшее дерево и весь другой строительный материал построек превратились в сплошной гаристый слой очень мелкой структуры, образовавшийся из угля и пачины под воздействием ветра и дождей. Такая катастрофа в истории города произошла впервые за весь период его существования. Предыдущие пожары ограничивались отдельными участками или районами города. Пожарище в завершении слоя V свидетельствует о полном уничтожении Болгара» (Кавеев и др., 1988, с. 61). После пожара вся площадь города была засыпана слоем речного песка (Полубояринова, 2003. С. 106; Руденко, 2010. С. 24).

Однако по сравнению с другими городами, пережившими катастрофу 1236 г. (см., например, Билляр), содержание этого слоя в Болгаре очень бедно как в отношении строительных остатков, так и вещевых находок. «Что касается строительных остатков, то это – результат плохой сохранности, – читаем в одной из специальных публикаций исследователей Болгара. – Малое число вещевых находок наводит на размышления. Находки в слое представлены главным образом обломками битой глиняной посуды... Представляется, что это не случайно. Возникает мысль, что население Болгара не было захвачено нашествием врасплох, что оно ушло заблаговременно, забравши с собой имущество» (Хлебникова и др., 1988, с. 61).

А.П. Смирнов отмечал неоднократные случаи нахождения человеческих костяков – останков погибших при штурме города людей (Смирнов, 1954, с. 315, рис. 8; Смирнов, Мерперт, 1953, с. 63). В известном «Путеводителе» С.С. Айдарова и Н.Д. Аксеновой указывается, что при раскопках городища, в слое пожарища 1236 г. встречены

якобы «череп, кисти рук, человеческие костяки, лежавшие в беспорядке, без намека на ритуальное захоронение» (Айдаров, Аксенова, 1983, с. 25). А вот объективные научные факты из вышеприведенной публикации исследователей Болгара: «Кроме того, что в слое очень малочисленны находки вещей, за все время работ на городище в нем не были найдены останки погибших людей» (Хлебникова и др., 1988, с. 61). Авторы утверждают, что жители Болгара, по всей видимости, были своевременно предупреждены о приближении Батыева войска и основная масса населения успела покинуть его до штурма. Только вот непонятно, зачем тогда нужно было штурмовать войскам Батыева пустой город, к тому же не очень сильно укрепленный, и сжечь его дотла после взятия. Решение Батыева сделать Болгар местом своей первой ставки на Волге, предварительно полностью уничтожив его, не поддается никакой логике. Откуда тогда слой пожарища? Трудно сказать. Не исключено, что это следы более раннего пожара, не связанного с монгольским нашествием.

Исследования 2011–2020 гг., проведенные в центральной части Болгарского городища, позволили получить новые сведения, касающиеся природы генезиса и структуры стратиграфического горизонта, традиционно связываемого со временем монгольского нашествия. Данные работы исполнялись в рамках комплексного изучения памятника и носили естественнонаучный характер. К их проведению были привлечены специалисты Института археологии и Института географии РАН, работающие в разных областях археоботаники, археозоологии, почвоведения. Применение физико-химических и микробиоморфных методов показали, что во всех случаях этот слой резко выделяется среди остальных по содержанию валового фосфора, аморфного и биогенного кремнезема, а генезис этого слоя имеет не минеральную, а преимущественно биогенную природу. По мнению исследователей изучаемые слои, которые прежде при визуальном осмотре описывались как «пожарище из разложившегося до очень мелкой консистенции угля, перекрытого желтым песком, прокалившимся до розоватого и красноватого цвета, иногда с золистыми прослойками» (Кавеев и др., 1988, с. 59), «белесые золисто-песчаные линзы» (Хлебникова, 1987, с. 54), «белесый песок», перекрывший прослойку «пожара» (Коваль и др., 2022, с.20) представляют собой не что иное как «минерализованные остатки значительных объемов биогенной массы», состоявшей преимущественно из фитоцитов и кутикулярных слепков сорных растений (конопля и/или крапива) и культурных злаков, кроме всего прочего, включающей мхи, хвойные и/или тростник и камыш

(фитолиты – более 20 тыс. шт. и валовый фосфор свыше 5%) (Гольева, 2014; Гольева, Коваль, 2021; Коваль и др., 2022). Фактически, по мнению исследователей, речь должна идти не об одном таком слое, а о серии схожих по морфологии слоев, связанных как с домонгольским периодом (самые ранние из них обнаружены на участках металлургического производства), так и с раннезолотоордынским (Коваль, 2022).

На основании полученных сведений были высказаны гипотезы о происхождении данных отложений – как скопления навоза травоядных животных, либо остатков саманных построек, преобразованных естественными процессами (Гольева, Коваль, 2021, с. 122–132). Новая интерпретация горизонта “пожарища”, несомненно, предполагает дальнейшее изучение данных отложений, в том числе методами естественных наук. Вместе с тем, она достаточно аргументированно подвергает сомнению трактовку событий 1236 г., как пожара, уничтожившего городскую застройку домонгольского Болгара.

К числу болгарских городов, разгромленных монголами, относится и Джукетау на Каме. Раскопки этого памятника действительно выявили слой пожарища 1236 г. с соответствующими находками в завершении домонгольского слоя. В числе находок имеются железные наконечники стрел, близкие к типам, появившимся в Восточной Европе вместе с монголо-татарами (Хлебникова, 1975, с. 238, рис. 3, 1; Хузин, Набиуллин, 1999, с. 93, рис. 5, 13, 14). Они подтверждают слова летописца, дошедшие до нас благодаря «Истории Российской» В.Н. Татищева: «Пришли татары на великих болгар, всю землю их попленили, град Великий и Жукотин при жестоких боях взяв, всех мужей и жен порубили» (Татищев, 1768, с. 405).

Весной и летом 1237 г. передовые отряды монгольских войск начали наступление в южных и западных областях Волжской Болгарии. Был взят и сожжен один из крупнейших городов в районе Самарской Луки, археологические остатки которого известны под названием «Муромского городка» (Васильев, Матвеева, 1986, с. 218). Одновременно были покорены западные области болгар, проживающих в бассейне Суры (Белорыбкин, 1988, с. 82–87). Далее монголы-завоеватели пошли войной на русских и вторглись в пределы Рязанского княжества.

Почти целый год монголы воевали на болгарских землях. Было уничтожено огромное количество сел и городов. В золотоордынский период продолжала существование лишь небольшая их часть (Фахрутдинов, 1975, с. 18, 51). Несмотря на отрицательные последствия этого завоевания,

приведшего к уничтожению государственности болгар, о тотальном истреблении всего населения страны не может быть и речи. Часть населения, заранее предупрежденная о приближении монголо-татар, ушла в более безопасные места, скрылась в лесах, а после ухода завоевателей опять вернулась в свои родные очаги, и жизнь продолжалась.

Но болгары не желали оставаться в роли побежденных – в стране развернулась партизанская война. Предвидев возможное сопротивление покоренного населения, монголы решили «во всякой [покоренной] области, где есть большие города и много народа, содержать войска: их располагать вне города в четырех или пяти милях; а городам не позволено иметь стены и ворота, дабы не могли препятствовать вступлению войск» (Марко Поло). Однако уход из Болгарии основных сил завоевателей, вступивших в войну с русскими княжествами, только стимулировал развитие антимоногольского движения среди болгар. В 1238 г. они подняли восстание с целью обретения независимости. Во главе движения встали болгарские князья Баян и Джикю. Воспользовавшись моментом, болгары предпринимают смелую попытку восстановить разрушенную столицу страны на новом месте – на высокой горе Балынгуз, расположенной в трех километрах к северу от сожженного города. В конце 1240 г. против них были направлены карательные войска под предводительством Субэдэ (Субудая) и Бурундая, которые «разбили тамошнее войско и заставили (болгар) покориться». Рашид-ад-дин пишет: «Тамошние владельцы Баян и Джикю пришли и изъявили покорность принцам; будучи пожалованы, возвратились назад, но опять восстали. Он [Бату] послал вторично Субудая Багадура, который и владел [их землей]» (Березин, 1855, с. 90, 91; Тизенгаузен, 1941, с. 35). Вследствие вторичного покорения болгар не удалось достроить укрепленный город на Балынгусе. Уцелевшее население Биляра сосредоточилось на левом берегу Малого Черемшана, напротив Балынгуса, где возникло крупное поселение городского типа, но без укреплений, остатки которого теперь принято называть Билярским III селищем. Здесь располагался Биляр золотоордынского периода, который в одно время чеканил даже свои монеты (Халиков, 1984; Валиулина, 2002; Сингатуллина, 2003).

Монголы нанесли огромный урон Волжской Болгарии. Массовое физическое уничтожение населения, разорение городов и сел пагубно отразились на состоянии экономики и культуры болгарского народа. Страна потеряла свою самостоятельность, государственность и стала одним из улусов нового монгольского государства – Улуса Джучи (Золотой Орды).

ЛИТЕРАТУРА

- Абдулова С.И.* Бусы Рождественского комплекса // Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Приложение. Пермь, 2008. С. 515–135.
- Абдуразаков А.А., Безбородов М.А., Заднепровский Ю.А.* Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент: АН Узбекской ССР, 1963. 242 с.
- Абрамова М.П.* Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа // СА. 1982. № 2. С. 135–155.
- Абу Хамид ал-Гарнати.* Сочинения. М.: Директ-Медиа, 2010. 184 с.
- Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969. 297 с.
- Айбабин А.И.* Погребение хазарского воина // СА. 1985. № 3. С. 191–206.
- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.
- Айдаров С.С.* Архитектурное исследование руин здания караван-сарая в Биляре // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 65–112.
- Айдаров С.С.* Монументальные каменные сооружения Волжской Булгарии и Казанского ханства (опыт реконструкции и генетико-стилистические особенности). Автореф. дис. ... докт. архитектуры. М.: Москов. архит. Ин-т, 1990. 42 с.
- Айдаров С.С.* Опыт реконструкции мечети-крепости «Алабуга-Елабуга» // Древняя Алабуга / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Р.Р. Хайрутдинов. Елабуга: Мастер-Лайн, 2000. С. 78–81.
- Айдаров С.С., Аксенова Н.Д.* Великие Булгары. Путеводитель по Булгарскому историко-архитектурному заповеднику / Под ред. проф. А.Х. Халикова. (Изд. 3-е, испр. и доп.) Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. 71 с.
- Айдаров С.С., Забирова Ф.М.* О реконструкции и консервации остатков комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья: Археологическое изучение центра Билярского городища / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 46–62.
- Акимов Н.А., Вихляев В.И., Гришаков В.В.* Новые исследования Мордпаркинского могильника в Примокшанье // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. С. 85–87.
- Акимова М.С.* Черепа раннего средневековья с р. Вятки // Вопросы археологии Урала. Вып. 5. / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск-Ижевск: Изд-во Свердл. Гос. ун-та, 1963. С. 145–155.
- Акимова М.С.* Материалы к антропологии ранних болгар // Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964. С. 177–197.
- Акимова М.С.* Происхождение марийского народа по данным палеоантропологии // Происхождение марийского народа / Отв. ред. Г.А. Архипов, Д.Е. Казанцев. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1967. С. 93–105.
- Акимова М.С.* Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 119 с.
- Акимова М.С.* Антропологические материалы из Танкеевского могильника // Вопросы антропологии. 1973. Вып. 45. С. 15–29.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар. Алма-Ата: Наука, 1972. 256 с.
- Аксенов В.Н., Артемова В.Д., Вихляев В.И., Зеленева Ю.А.* Новые археологические памятники Примокшанья // Краеведческие записки / Республиканский краевед. музей МордАССР. Вып. 1. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. С. 50–106.
- Аксенов В.Н., Гришаков В.В.* Тенишевский могильник // Вопросы этнической истории мордовского народа в I - начале II тысячелетия н.э. / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 93 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. С. 63–79.
- Аксенова Н.Д., Кавеев М.М., Полубояринова М.Д., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф.* Исследования Болгара // АО – 1986 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1988. С. 147–148.
- Акчурина З.А., Воскресенская Л.П., Смирнов А.П.* Работы на городище Великие Булгары в 1957 г. // Поволжье в средние века / МИА. № 164 / Отв. ред. А.П. Смирнов. АН СССР, 1970. С. 5–23.
- Акчурина З.А., Ефимова А.М., Смирнов А.П., Хованская О.С.* Исследование города Болгара // КСИ-ИМК. Вып. XXVII / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 149–157.

- Акчурина З.А., Ефимова А.М., Смирнов А.П., Хованская О.С.* Раскопки Великих Болгар // КСИИМК. Вып. XXXIII / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1950. С. 63–80.
- Акцорин В.А.* Марий, марий, кушеч тый уланг ? (откуда ты родом мари) // Ончыко. 1990. № 3. С. 67–71.
- Акындыжы М.* К вопросу об истоках формирования городской культуры Волжской Булгарии // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 11–18.
- Алабин П.П.* Заметка о вятских древностях // Вятские губернские ведомости. 1865. № 72. Вятка.
- Ал-Гарнати* о гузах, печенегах, хазарах и булгарах // Из глубины столетий / Сост., вступ. статья и комментарий. Б.Л. Хамидуллина. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. С. 98–99.
- Алексеев В.П.* Антропология Салтівского могильника // Матеріали з антропології України. Вип. 2. / Вид. ред. С.М. Бибииков и др. Киев: Наукова думка, 1962. С. 49–87.
- Алексеев В.П.* Палеоантропологический материал из Мари-Луговского могильника // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. 2 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1962. С. 241–258.
- Алексеев В.П.* Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 232–271.
- Алексеев С.И.* Разведочные работы в Горьковской области // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: УИИ-ЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 91–92.
- Али Рахим.* Татарские эпитафические памятники XVI в. / Труды Общества по изучению Татарстана. Т. I. Казань, 1930. 28 с.
- Ал-Истахри, Ибн-Хаукаль.* Китаб ал-масалик ва-мамалик. (Книга путей и государств) // История татар с древнейших времен (в семи томах) Т. II. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РухИЛ, 2006. С. 745–751.
- Алихова А.Е.* Перемчалкинский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Мордовское Гос. изд-во, 1948а. С. 173–211.
- Алихова А.Е.* Куликовский могильник // СА. Вып. 10 / Ред. Б.Д. Греков. М.; Л.: АН СССР, 1948б. С. 271–290.
- Алихова А.Е.* Могильник у колхоза «Красный Воссток» // КСИИМК. Вып. XXIX / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 76–83.
- Алихова А.Е.* Из истории мордвы конца I – начала II тыс. н.э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1959. С. 13–54.
- Алихова А.Е.* Расселение мордовского народа по данным археологии // Этногенез мордовского народа. Материалы научной сессии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1965. С. 142–143.
- Алишев С.Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV – XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. 160 с.
- Амброз А.К.* О Вознесенском комплексе VIII на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков / Отв. ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели М.: Наука, 1982. С. 204–222.
- Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Том III. 1940. М.; Л.: АН СССР, 1940. С. 71–112.
- Арматинская О.В.* Исследования Тураевского II могильника // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР, 1989. С. 41–42.
- Арсланов Л.Ш.* Марийский пласт в топонимии Елабужского района Татарской АССР // Советское финно-угроведение. 1987. № 2. С. 101–104.
- Арсланов Л.Ш.* Из истории формирования топонимической системы Елабужского района // Древняя Алабуга / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Р.Р. Хайрутдинов. Елабуга: Мастер-Лайн, 2000. С. 130–138.
- Арсланов Л.Ш., Казаков Е.П., Корепанов К.И.* Финно-угры и самодийцы в Восточном Закамье (III в. до н.э. – XIV в. н.э.). Опыт археолого-топонимического изучения этнокультурной истории региона. Елабуга: Елабуж. гос. пед. ин-т, 1993. 140 с.
- Арсланов Л.Ш., Корепанов К.И.* Археология и топонимия Елабужского края. Елабуга: ЕГИАиХМЗ, 1991. 32 с.
- Арсланов Л.Ш., Нигаматов А.З.* История, археология и топонимия Елабужского края. Елабуга: ЕГПУ, 2012. 120 с.
- Артамонов М.И.* История хазар. Л.: ГЭ, 1962. 523 с. (Переиздание: СПб.: Лань, 2001. 688 с.)
- Артемьев А.* Древний болгарский город Джукетау // ЖМВД. 1851. Ч. XXXIII. № 1. С. 56–74.
- Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука. 1974. 335 с.
- Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1981. 212 с.
- Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.
- Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. 110 с.
- Археологическая хроника (из газет за 2-ю пол. 1905 года) // Известия ИАК. Прибавление к выпуску 18-

- му (Хроника и библиография, вып. 9). СПб., 1906. С. 1–54.
- Археологические памятники бассейна р. Черемшан / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1990. 112 с.
- Археологические памятники Восточного Закамья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. 100 с.
- Археологические памятники Центрального Закамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. 98 с.
- Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ, 1993. 138 с.
- Архипов Г.А. Древнемарийский женский костюм IX–X вв. (Опыт реконструкции по археологическим материалам Веселовского могильника) // Вопросы истории, археологии и этнографии мари / Труды МарНИИЯЛИ. Вып. XVI. / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. из-во, 1961. С. 127–138.
- Архипов Г.А. Городища первой половины I тысячелетия н. э. в Марийской АССР // Железный век Марийского края / Труды МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 206–231.
- Архипов Г.А. Дубовский могильник (раскопки 1963) // Вопросы истории, археологии и этнографии Марийской АССР / Труды МарНИИЯЛИ. Вып. 19 / Отв. ред. Г. А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1964. С. 173–189.
- Архипов Г.А. Марийская археологическая экспедиция 1963 года // Тезисы докладов на научной сессии по итогам исследовательских работ института за 1963 год. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1964а. С. 10–12.
- Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973. 200 с.
- Архипов Г.А. Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1976. 167 с.
- Архипов Г.А. Раскопки Дубовского могильника // АО – 1981 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1983. С. 135–136.
- Архипов Г.А. Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья / АЭМК. Вып. 8 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МАРНИИ, 1984. С. 113–159.
- Архипов Г.А. Марийцы XII–XIII вв. К этнокультурной истории Поветлужья. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. 162 с.
- Архипов Г.А. Древние марийцы (этногенез и ранняя этнокультурная история). Доклад ... докт. истор. наук. М, 1991. 40 с.
- Архипов Г.А., Вайнер И.С., Каховский В.Ф., Краснов Ю.А., Никитина Г.Ф., Патрушев В.С., Цветкова И.К. Работы Чебоксарской экспедиции // АО – 1971 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1972. С. 174–180.
- Архипов Г.А., Воронина Р.Ф., Каховский В.Ф. и др. Работы Чебоксарской экспедиции // АО – 1970 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1971. С. 136–138.
- Архипов Г.А., Халиков А.Х. Материалы к археологической карте Марийской АССР (по данным Марийской археологической экспедиции 1956–1959 гг.). Вып. 1. Йошкар-Ола, 1960. 132 с.
- Археология Костромского края / Отв. ред. А.Е. Лонтъев. Кострома: ГНПЦ по сохранению, реставрации и использованию ист.-культур. наследия Костром. обл., 1997. 274 с.
- Астафьев А.Е. Пути торговых сообщений эпохи средневековья на территории Арало-Каспийского водораздела. Актау: Grafikon – Stamp, 2010. 147 с.
- Асылгараева Г.Ш. Исследования остеологических материалов из археологических раскопок селищ Волжской Булгарии (к истории сельскохозяйственной деятельности средневекового населения Волго-Камья) // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 2 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: ИИ АН РТ, 2004. С. 158–174.
- Аськеев И.В. Остеологические материалы из раскопок Остолоповского селища 2003 г. (птицы, рыбы и мелкие млекопитающие) // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г. Худякова (Казань, 22–25 марта, 2004 г.) / Ред. Г.С. Муханов, Г.Р. Назипова, Л.К. Гущина, Л.Г. Алексеева. Казань: Школа, 2004. С. 73–76.
- Аськеев И.В., Аськеев О.В., Галимова Д.Н. Природная среда и человек в Волго-Камье и Предуралье (поздний палеолит – средневековье). URL: <http://www.tataroved.ru/publicat/sbornik/Askeevi.pdf> (дата обращения 29.10.2022)
- Аськеев И.В., Валулина С.И., Галимова Д.Н., Ермолаев О.П., Мельников Л.В., Рогова Т.В., Ситдинов А.Г., Шайхутдинова Г.А., Шакиров З.Г. Центральное Закамье: природно-культурный ландшафт Билярской моноцентрической агломерации // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. Кн. 3. Ч. 1. С. 53–63.
- Атавин А.Г. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // СА. 1984. № 1. С. 134–141.
- Атавин А.Г. Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны юга России в конце IX – первой половине XIII веков (печенеги, торки, половцы) // Древности юга России: памяти А.Г. Атавина / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев. М.: ТАУС, 2008. С. 71–105.

- Атаманов М.Г.* Расселение удмуртов по данным этнотопонимики // Проблемы этногенеза удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Устинов: НИИ при Совете Министров Удм. АССР, 1987. С. 80–103.
- Атаманов М.Г.* История Удмуртии в географических названиях. Ижевск: Удмуртия, 1997. 245 с.
- Атлас СССР. М.: Главное управление геодезии и картографии Министерства геологии и охраны недр СССР, 1962. 185 с.
- Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. / Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М.: Наука, 1987. 198 с.
- Афанасьев Г.Е., Николаенко А.Г.* О салтовском типе сырودутного горна // СА. 1982. № 2. С. 168–176.
- Афанасьев Г.Е.* Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука, 1993. 184 с.
- Афанасьев Г.Е.* О территории Хазарского каганата и хазарского "домена" в IX веке // Дивногорский сборник. Вып. 6 / Отв. ред. А.З. Винников. Воронеж: Научная книга, 2016. С. 41–72.
- Ахинжанов С.М.* Из истории взаимоотношений кипчаков и Хорезма в XII – начале XIII в. // Археологические исследования в Казахстане / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1973. С. 59–70.
- Ахинжанов С.М.* Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Археологические исследования в Казахстане / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 81–93.
- Ахинжанов С.М.* Из истории движения кочевых племен евразийских степей // Археологические исследования в Казахстане / Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 46–53.
- Ахинжанов С.М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Гылым, 1995. 296 с.
- Ахмаров Г.* Городище Япанчино на Кубне (Свияжский уезд) // ИОАИЭ. 1894. Т. XII. Вып. 2. С. 179–182.
- Ахмаров Г.* О поездке 1894 и 1895 годов в Тетюшский и Спасский уезды Казанской губ. с археологической и этнографической целью // ИОАИЭ. 1899. Т. XV. Вып. 1–2. С. 446–447.
- Ахмаров Г.* Отчет о поездке с археологической целью летом 1909 года в Свияжский и Тетюшский уезды Казанской губернии // ИОАИЭ. 1910. Т. XXVI. Вып. 4. С. 398–408. (Переиздание: Ахмеров Г. Избранные труды. Казань, 1998. С. 225–233).
- Ахмаров Г.* Экскурсия на место древнего Сувара // ИОАИЭ. 1893. Т. XI. Вып. 5. С. 478–481.
- Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1965. 180 с.
- Ахмеров Р.Б.* Стерлитамакский могильник и его изучение // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 27–39.
- Ашихмина Л.И.* Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья / Отв. ред. В.Е. Майер. Ижевск: УдГУ, 1977. С. 139–166.
- Ашихмина Л.И.* Исследования в бассейнах рек Нившера и Сысола // АО – 1983 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1985. С. 5.
- Ашихмина Л.И.* Исследования Боргангельского комплекса на Нившере // АО – 1985 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987. С. 163.
- Ашихмина Л.И.* Исследования Вычегодско-Вятского отряда в бассейне Средней Вычегды // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР, 1989. С. 3–5.
- Ашихмина Л.И.* К реконструкции мировосприятия у населения Вычегды в V–VI вв. // Научный семинар по теме: "Проблемы изучения духовной культуры древних обществ" (12–14 апреля 1994 г.). Тезисы докладов. Екатеринбург, 1994. С. 74–78.
- Ашихмина Л.И.* Погребальный обряд курганного могильника Боргангель / Науч. докл. Коми НЦ УрО АН СССР. Вып. 191. Сыктывкар: КНЦ АН СССР, 1988. 22 с.
- Ашихмина Л.И., А.В. Волокитин, К.С. Королев, Э.А. Савельева, В.С. Стоколос.* Исследования в Коми АССР // АО – 1986 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1988. С. 6–10.
- Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А.* Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н.э.). Ижевск: Звезда, 2006. 220 с.
- Багашев А.Н.* Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. 374 с.
- Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата: Наука, 1986. 255 с.
- Балабанова М.А.* Антропология населения Нижнего Поволжья (кон.V – 1-я пол. IXв.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 55–72.
- Балабанова М.А.* К вопросу о происхождении раннесредневекового населения юга Восточной Европы и участие в его этногенезе сарматских групп // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. №2 (15). С. 5–16.
- Багаутдинов Р.С.* Новые раннеболгарские курганы Самарской Луки // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Самарский университет, 1995. С. 85–94.

- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Средневековые комплексы могильника Просвет I // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4 / Отв. ред. И.Н. Васильева. Самара: Научно-технический центр, 2006. С. 400–410.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара: СамВен, 1998. 286 с.
- Багаутдинов Р.С., Набоков А.В.* Новые материалы о погребальном обряде ранних болгар на Волге // Новое в средневековой археологии Евразии / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара: Артефакт, 1993. С. 13–18.
- Багаутдинов Р.С., Никитина А.В.* Исследования селища Ош-Пандо-Нерь на Самарской Луке в 1994 г. (по материалам раскопок Г.И. Матвеевой) // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. ред. А.В. Богачев. Самара: Самарское археологическое общество, 2013. С. 164–186.
- Бадеев Д.Ю.* Ранний металлургический комплекс с территории домонгольского Болгара // Труды КАЭЭ. Вып. XVI / Ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ. 2020. С. 53–63.
- Бадеев Д.Ю.* Объекты черной металлургии // Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011–2019 гг.) / Материалы и исследования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса. Т. IV / Отв. ред. В. Ю. Коваль. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 66–69.
- Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю.* Исследования ремесленно-торгового района средневекового Болгара // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 270–289.
- Бадер О.Н.* Ананьинское и более поздние селища на Огурдинской стоянке близ Усоля // УЗ ПГУ Т. XII. Вып. 1 / Труды КАЭ. Вып. III / Отв. ред. В. Ф. Тиунов. Пермь: ПГУ, 1960. С. 151–159.
- Бадер О.Н.* Итоги работ Нижнекамской экспедиции // ВАУ. Вып. 15 / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск, 1981. С. 3–6.
- Бадер О.Н., Оборин В.А.* На заре истории Прикамья. Пермь, 1958. 244 с.
- Баранов В.С.* Отчет об археологических охранно-спасательных исследованиях на территории Болгарского городища при благоустройстве здания «Памятный знак принятия ислама» за 2011 г. (р.СLVI (г)). Т. V. Книга 1. Казань, 2012. 111 с. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 327.
- Баранов В.С.* Отчет об археологических охранно-спасательных исследованиях на территории Болгарского городища при благоустройстве здания «Памятный знак принятия ислама» за 2011 г. (р.СLVI (г)). Т. V. Книга 2. Казань, 2012. 114 с. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 328.
- Баранов В.С.* Отчет об археологических охранно-спасательных исследованиях на территории Болгарского городища при благоустройстве здания «Памятный знак принятия ислама» за 2011 г. (р.СLVI (г)). Т. V. Книга 3. Казань, 2012. 66 с. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 329.
- Баранов В.С.* Отчет. Археологические исследования на территории восточной части Болгарского городища (р.СLX) в 2011 г. Казань, 2018. 68с. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 340.
- Баранов В.С.* Объекты жилой застройкиодного из районов юго-восточной периферии города Болгара // Город Болгар. Жилища и жилая застройка / Отв. ред. А.Г. Ситдинов. М.: Наука, 2016. С. 192–245.
- Баранов В.С.* Отчет. Археологические исследования на территории восточной части Болгарского городища (р. СLX) в 2011 году. Казань, 2018.
- Баранов В.С., Губайдуллин А.М.* О некоторых итогах изучения домонгольских напластований Болгарского городища на раскопах СLXXII и СLXXVI в 2012 году // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 193–218.
- Бартольд В.В.* Арабские известия о русах // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 135–255.
- Бартольд В.В.* Болгары // Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 516–517.
- Батанина И.М.* Природные особенности «страны гродов» // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала / Науч.ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Крокус, 2004.
- Батиева Е.Ф.* Антропология населения Нижнего Подонья в хазарское время // ДА. 2002. № 3–4. С. 71–101.
- Башкиров А.С.* Памятники булгаро-татарской культуры на Волге. Казань: Акад. центр. Татнаркомпроса и Науч.-исслед. ин-т этнических и нац. культур народов Востока СССР, 1928. 133 с.
- Башкиров А.С.* Экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры летом 1928 года. (Краткие отчетные сведения) // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Т. III. Казань: Полиграфшкола им. А.В. Луначарского, 1929. С. 27–36; 1 л. ил.
- Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды. / Сост., автор вступительной статьи и комментариев Ф.А. Надршина. Уфа: Баш. кн. изд-во, 1987. 576 с.
- Беговаткин А.А.* Археологическая карта России. Республика Мордовия / Под ред. А.В. Кашкина. М.: ИА РАН, 2017. 488 с.
- Беговаткин А.А., Гришаков В.В.* Исследование поселений эпохи бронзы и раннего железного века в Примокшанье // АО – 1995 / Отв. ред. В.В. Седов, Н.В. Лопатин. М.: Изд-во НПБО «Фонд археологии», 1996. С. 249–250.

- Беговаткин А.А., Вихляев В.И.* Исследования в Среднем Приокшанье // АО – 1997 / Отв. ред. В.В. Седов, Н. В. Лопатин. М.: Едиториал УРСС, 1999. С. 68–69.
- Беговатов Е.А.* Руническая надпись на пряслице с болгарского селища // Истоки татарского литературного языка / сост. Х. Р. Курбатов. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 17–19.
- Беговатов Е.А.* Денарий Оттона с Измерского селища // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. 60 лет археологического изучения. Итоги и перспективы / Отв. ред. П.Н. Старостин. Болгар, 1998. С. 40–41.
- Беговатов Е.А.* Новый клад куфических монет вблизи Билярска // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 237–239.
- Беговатов Е.А.* Ремесленный комплекс Билярского II селища // Древние ремесленники Приуралья: материалы Всероссийской конференции / Отв. ред. В.И. Завьялов. Ижевск: УдмИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 148–159.
- Беговатов Е.А.* Ремесленный комплекс II Билярского селища и «усадьба ремесленников-металлургов» Билярского городища // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы Вторых Халиковских чтений / Отв. ред. П. Н. Старостин. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2002. С. 168–171.
- Беговатов Е.А.* Заметка по нумизматике Прикаспийских государств рубежа X–XI вв. (Саманиды, Симджуриды, Буиды, Зиариды) // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Материалы II Всероссийской конференции «Поволжье в средние века». Казань: РИЦ «Школа», 2005. С. 31–42.
- Беговатов Е.А., Казаков Е.П.* Птицевидные подвески меры и весы из Татарии // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Уткин. Иваново: Ивановское областное отделение ВООПИиК, 1990. С. 15–17.
- Беговатов Е.А., Полубояринова М.Д.* Восточные стеклянные лампы из Поволжья // РА. 2014. № 1. С. 158–162.
- Бездудный В.Г., Шакиров З.Г., Ситдииков А.Г.* Комплексные геофизические исследования 2015–2017 гг. на Билярском городище // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 18–24.
- Безлюдовский клад X в.: материалы и исследования / Археология евразийских степей. Вып. 18 / Отв. ред. П.Н. Петров. Казань: Отечество, 2014. 288 с.*
- Бейлекчи В.В.* Древности летописной муромы. Погребальный обряд и поселения. Муром: МФМПСи, 2005. 278 с.
- Белавин А.М.* О связях племен Верхнего Прикамья с государством волжских булгар // Источники по истории и культуре Башкирии. Материалы конференции молодых ученых БНЦ АН СССР. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1986. С. 87–91.
- Белавин А.М.* Городищенское городище на р. Усолке // Приуралье в древности и средние века / Отв. ред. А. А. Тронин. Устинов: УдГУ, 1986а. С. 130–142.
- Белавин А.М.* Производственные поселки металлургов у финно-угров в конце I – начале II тыс. н.э. (По материалам Березниковского микрорайона Верхнего Прикамья) // Этнические и социальные процессы у финно-угров (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Йошкар-Ола, 1987. С. 117–130.
- Белавин А.М.* Камский торговый путь: Средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.
- Белавин А.М.* Торговые фактории волжских болгар и пути возникновения городов в Поволжье и Приуралье в средние века // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международ. науч. конф. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2000а. С. 122–127.
- Белавин А.М.* Об этнической принадлежности пермского средневекового звериного стиля // Труды КАЭЭ. Вып. I–II / Ред. А. М. Белавин Пермь: ПГПУ, 2001. С. 14–23.
- Белавин А.М.* Погребальный обряд средневековых археологических культур Предуралья как этномаркер // Труды КАЭЭ. Вып. 6 / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ, 2009. С. 7–16.
- Белавин А.М.* Лаврятское городище (по раскопкам 1992 г.) // Труды КАЭЭ. Вып. VII / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ, 2011. С. 69–87.
- Белавин А.М.* "Серебро закамское" в истории и археологии Пермского Предуралья // Вестник Пермского научного центра РАН. 2013. № 2. С. 50–61.
- Белавин А.М.* Знаки Рюриковичей из Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ. 2015. № 10. С. 36–45.
- Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: ИПК БГПУ "Вагант", 2009. 285 с., ил.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* История изучения археологии эпохи средневековья в Пермском Предуралье // Очерки археологии Пермского Предуралья / Науч. ред. А.М. Белавин. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2002. С. 131–136.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Поздний железный век. Период средневековья в Предуралье. IV–XV вв. // Очерки археологии Пермского Предуралья: Учебное пособие для студентов и аспирантов. / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2002а. С. 129–171.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск / Ар-

- хеология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. I. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. 603 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Запосельское поселение в Пермском крае // КСИА. 2008а. Вып. 222. С. 125–139.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула – исламская столица «Седьмого» климата // Ислам в Волго-Камье и Предуралье: ранние страницы истории / Ред. А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, Ю.А. Подосенова. Пермь: ПГПУ, 2012. С. 30–41.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Огурдинский могильник / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. II. Пермь: ПГПУ, 2012а. 259 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* О финском компоненте в древностях Пермского Предуралья X–XI вв. // Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье / МАЕСВ. Вып. 18 / Отв. ред. И.О. Васкул. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 99–105.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Комплексы орудий в мужских захоронениях ломоватовской культуры как отражение основных хозяйственных и производственных занятий населения // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2015. № 6 (361). С. 16–27.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 1 (32). С. 28–41.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Касаба Афкула в письменных источниках и в археологической реальности // Вопросы интеграции археологических и исторических исследований. Материалы Всерос. (с междунар. участием) археол. конф. / Сост. и отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Астраханский ун-т, 2017. С. 3–10.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Бочаров И.В.* Пермское Предуралье в эпоху средневековья (проблемы археологической периодизации и этнических процессов) // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2000. С. 318–322.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Козлов А.И.* Приуральские материалы в средневековых древностях Ветлужско-Вятского междуречья (комментарии к этнокультурным процессам I–II тыс. н.э.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5 / Ред. Ю.А. Зеленева, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарГУ, МарНИИЯЛИ, 2010. С. 106–121.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Ленц Г.Т.* Мусульманский некрополь Рождественского археологического комплекса на р. Обве и проблема средневековых мусульманских кладбищ в Предуралье // Труды КАЭЭ. Вып. 3 / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2003. С. 56–72.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Скорнякова С.В.* Археологические памятники Чашкинского озера / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. III. Пермь: ПГПУ; ПФИЦ УрО РАН, 2014. 565 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Семенова В.И.* Этническая ситуация в Пермском Предуралье и Тюменском Зауралье в эпоху средневековья // Проблемы экономической и социально-политической истории дореволюционной России / Отв. ред. Н.С. Половинкин. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т. 2001. С. 55–76.
- Белавин А.М., Мельничук А.Ф.* Средневековые памятники у д. Володин Камень в приустьевой части р. Яйвы // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Б.Г. Плющевский. Ижевск: Удм. гос. ун-т. 1984. С. 8–16.
- Белавин А.М., Оборин В.А.* Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в X–XIII вв. // Волжская Булгария и Русь. (К 1000-летию русско-булгарского договора) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1986. С. 63–75.
- Белавин А.М., Островский С.Л.* Волжская Булгария и Пермское Предуралье // Очерки археологии Пермского Предуралья: учебное пособие для студентов и аспирантов. / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2002. С. 185–202.
- Белецкий В.Д.* Археологические разведки на Нижней Волге // Сообщения Государственного Эрмитажа. XXIII. Л.: ГЭ, 1962. С. 61–63.
- Белицер В.Н.* Очерки по этнографии народов коми XIX – начало XX в. / Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XLV. М.: АН СССР, 1958. 391 с.
- Белоцерковская И.В.* Погребения с дарами из могильника Кораблино (по материалам раскопок 1986–1991 гг.) // Археологический сборник. Погребальный обряд / Труды ГИМ. Вып. 93 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 1997. С. 20–28.
- Белорыбкин Г.Н.* Путь из Булгара в Киев в районе Верхней Суры // Волжская Булгария и Русь. (К 1000-летию русско-булгарского договора) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1986. С. 89–97.
- Белорыбкин Г.Н.* Исследования средневековых памятников Пензенской области // АО – 1985 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987. С. 52.
- Белорыбкин Г.Н.* Юловское городище. Итоги изучения // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. док. Всесоюз. конф. / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987а. С. 37.

- Белорыбкин Г.Н.* Средневековые памятники Верхнего Посурья // АО – 1986 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1988. С. 156–157.
- Белорыбкин Г.Н.* Изучение археологических памятников XI–XIII вв. в Пензенском крае // Из истории области. Очерки краеведов / Отв. ред. Н.И. Мошнин. Пенза: Пензенская правда, 1989. С. 19–24.
- Белорыбкин Г.Н.* Юловское городище – средневековый город Верхнего Посурья // II Всесоюзная конференция по историческому краеведению (Пенза, 4–9 апреля 1989). Тезисы докладов / Отв. ред. Ю.А. Поляков. Москва: ИИ АН СССР, 1989а. С. 57–58.
- Белорыбкин Г.Н.* Новые открытия на Юловском городище // Поиски и находки. Из записных книжек краеведов. Кн. 2. Саратов, 1990. С. 3–9.
- Белорыбкин Г.Н.* Юловское городище – памятник XI–XIII вв. // Памятники истории, культуры и природы Европейской России: тезисы докладов IV научной конференции «Проблемы исследования памятников истории, культуры и природы Европейской России» (Нижний Новгород, март, 1993) / Отв. ред. В.Ф. Васильев. Н. Новгород, 1993. С. 101–102.
- Белорыбкин Г.Н.* Юловское городище и проблема города // Историческое краеведение. Материалы II Всесоюз. конф. по историческому краеведению / Отв. ред. С. О. Шмидт. Пенза: Департамент культуры : Пенз. гос. объедин. краевед. музей, 1993а. С. 23–29.
- Белорыбкин Г.Н.* Городища X–XIII вв. Верхнего Посурья и Примокшанья. (Материалы к археологической карте) // Страницы истории Волго-Донья / Отв. ред. А.С. Касимов. Пенза: ПГПУ, 1995. С. 41–61.
- Белорыбкин Г.Н.* Золотаревское поселение. СПб.; Пенза: ПГПУ, 2001. 198 с.
- Белорыбкин Г.Н.* Западное Поволжье в средние века. Пенза: ПГПУ, 2003. 200 с., ил.
- Белорыбкин Г.Н.* Отчеты об археологических исследованиях в Пензенской области в 1986–1992 гг. // Архив ИА РАН.
- Белорыбкин Г.Н.* Средневековый могильник у с. Татарская Лака II // Пензенский археологический сборник. Вып. 1 / Ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Пензенский гос. пед. ун-т, 2007. С. 211–258.
- Белорыбкин Г.Н., Петренко А.Г.* Средневековые памятники Пензенского края // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР, 1989. С. 89–90.
- Белорыбкин Г.Н., Халиков А.Х.* Раскопки Армиевского могильника // АО – 1983 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1985. С. 138.
- Беляев Я.В.* Погребальный памятник XI–XIV вв. у с. Старое Бадиково (раскопки 1981–1982 гг.) // Материалы по археологии Мордовии / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 85 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. С. 104–117.
- Беляев Я.В.* Разведки в Мордовской АССР // АО – 1980 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1981. С. 123–124.
- Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н.* Кельгининский могильник. Раскопки 1990-х гг. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 1998. 168 с.
- Бентович И.Б.* Находки на горе Муг // Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. III. / МИА. № 66 / Отв. ред. А.М. Беленицкий. М.; Л.: АН СССР, 1958. С. 358–383.
- Бердинских В.А., Макаров Л.Д., Н.Г. Первухин* – исследователь археологии и этнографии Вятского края // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2002. № 6. С. 65–70.
- Березин И.Н.* Булгар на Волге // Ученые Записки Казанского Университета за 1852 г. Кн. III. Казань, 1853. С. 74–160.
- Березин И.Н.* Нашествие Батые на Россию // ЖМНП. 1855. № 86. отд. II.
- Березина Н.С., Березин А.Ю., Газимзянов И.Р., Михайлов Е.П., Мясников Н.С., Хамзин Р.Н.* Изучение средневекового Большеатайбинского могильника в 2018 г. // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 201–217.
- Биляр – столица домонгольской Булгарии / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1991. 139 с.
- Бирюков А.В.* Технология изготовления предметов вооружения вымской культуры // STUDIA-JUVENALIA. Вып. 2 / Отв. ред. А. Ф. Сметанин. Сыктывкар: Коми науч. центра УрО РАН, 2005. С. 25–40.
- Бирюков А.В., Завьялов В.И., Савельева Э.А.* Технология кузнечного производства перми вычегодской // РА. 2009. № 3. С. 42–49.
- Бисембаев А.А.* Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII в.в.). Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2003. 232 с.
- Блохин В.Г.* Поздние кочевники // Археологическая энциклопедия Волгоградской области / Гл. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВГУ, 2009. С. 195–197. 140–141.
- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Богаткина О.Г.* Археозоологические исследования материалов городища Иднакар IX–XIII вв. // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск. УдМНИИЯЛ УрО РАН, 1995. С. 143–160.
- Богаткина О.Г.* Краниометрические особенности средневековых бобров Прикамья (по материалам городища Иднакар) // Материалы исследования городища Иднакар IX–XIII вв. / Отв. ред.

- М.Г. Иванова. Ижевск. УдмИИЯЛ УрО РАН, 1995. С. 161–168.
- Богачев А.В.* Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII вв. Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 1998. 108 с.
- Богачев А.В., Ермаков С.Ф., Хохлов А.А.* Выползовский I курганный могильник ранних болгар на Самарской Луке // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.* / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1996. С. 83–98.
- Богачев А.В., Зубов С.Э.* Бруснянский II могильник ранних болгар (раскопки 1988–89 гг.) // *Новое в средневековой археологии Евразии* / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара: Артефакт, 1993. С. 19–41.
- Богачев А.В., Лакоценин Д.В.* Новые находки ранне-средневековых удил близ 23 км г. Самары // *Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал.* 2016. № 7. С. 17–31.
- Богачев А.В., Мышкин В.Н.* Раннеболгарский курган у с. Осиновка // *Средневековые памятники Поволжья* / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Самарский ун-тет, 1995. С. 65–74.
- Бокий Н.М., Плетнева С.А.* Захоронение семьи воина-кочевника X в. в бассейне Ингула // *СА.* 1988. № 2. С. 99–115.
- Болдырева Е.М.* Влияние городов Северного Кавказа на Нижнее Поволжье в домонгольский период (по материалам раскопок городища Самосделка) // *Северокавказский город в региональном историческом процессе. Материалы Междунар. науч. конф. (Каспийск, 18–19 сентября 2012 г.).* Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН-АЛЕФ, 2012. С. 75–77.
- Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль, 1988. 522 с.
- Борисов В.Л.* «Историографическое описание Казанской губернии» Капитона Милковича // *ИОАИЭ.* 1897–1898. Т. XIV, вып. 5. С. 497–518.
- Бородовский А.П.* Древний резной рог Южной Сибири. Новосибирск, 2007. 176 с.
- Борынги Чаллы. Древние Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш.Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. 320 с.
- Боталов С.Г.* Этапы культурогенеза урало-казахстанских степей в эпоху поздней древности и средневековья // *Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза)* / Ред. С.Г. Боталов и др. Челябинск: Рифей, 2006. С. 457–475.
- Боталов С.Г.* Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: ООО «ЦИКР Рифей», 2008. 672 с.
- Боталов С.Г.* Историко-культурные горизонты в эпоху раннего железного века и средневековья лесостепного Зауралья // *Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза)* / Этногенез уральских народов / Отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей» 2016. С. 468–541.
- Боталов С.Г., Грудочко И.В., Пантюхина М.Н.* Новые результаты исследований погребального комплекса Уелги в 2013 г. // *Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки».* 2014. Т. 14. № 4. С. 18–24.
- Боталов С.Г., Таиров А.Д., Арканов С.М.* Комплексы кочевой аристократии Южного Урала. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2013. 165 с.
- Бражник О.И.* Коллекция Н.Ф. Высоцкого из фондов ГОМ РТ (об одной малоизвестной коллекции раннеболгарского времени) // *Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона* / Отв. ред. И.М. Акбулатов. Уфа: УНЦ РАН, 2001. С. 32–39.
- Бражник О.И.* Отчет об исследовании Осиновского IV могильника в Ставропольском районе Самарской области в 2002 г. Казань, 2003б // *Научный архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 27323.*
- Боталов С.Г., Лукиных А.А., Тидеман Е.В.* Погребальный комплекс могильника Уелги – новый средневековый памятник в Южном Зауралье // *Челябинский гуманитарий.* 2011. № 2 (15). С. 104–114.
- Боталов С.Г., Таиров А.Д., Арканов С.М.* Комплексы кочевой аристократии Южного Урала. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2013. 165 с.
- Бочаров И.В.* Этнокультурная интерпретация результатов анализа погребального обряда Верхнего Прикамья // *Коми-пермяки и финно-угорский мир. Материалы I Международной науч.-практ. конференции (Кудымкар, 26–27 мая 1995 г.).* Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во. 1997. С. 162–165.
- Бочаров И.В.* Статистический анализ средневекового погребального обряда Верхнего Прикамья как источник реконструкции этнической истории региона. Дисс. ... канд. истор. наук. Уфа, 2000. 125 с.
- Бражник О.И.* Коллекция Н.Ф. Высоцкого из фондов ГОМ РТ (об одной малоизвестной коллекции раннеболгарского времени) // *Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона* / Отв. ред. И.М. Акбулатов. Уфа: УНЦ РАН, 2001. С. 32–39.
- Бражник О.И.* Отчет об исследовании Осиновского IV могильника в Ставропольском районе Самарской области в 2002 г. Казань, 2003б // *НА ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 27323.*
- Бражник О.И.* Погребальный обряд грунтовой части Осиновского IV могильника (по результатам исследования 2001 г.) // *XXXV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 5–8 февраля 2003 г.)* Археология Урала и Поволжья: итоги и перспективы участия молодых исследователей в решении фундаментальных проблем ранней истории народов региона: материалы, посвященной 450-летию вхождения марийского края в состав России / Отв.

- ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ, 2003а. С. 135–138.
- Бражник О.И., Кирсанов Р.С., Лифанов Н.А.* Исследование Шелехметского II курганно-грунтового могильника в 1999 г. // Краеведческие записки. Вып. IX / Гл. ред. П.С. Кабытов. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2000. С. 188–198.
- Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 285 с.
- Бронникова М.А., Зазовская Э.П., Аржанцева И.А.* Городище «Самосделка»: предварительные результаты и перспективы комплексных почвенно-ландшафтных исследований // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий / Ред. Е.В. Шнайдштейн и др. Астрахань: АГПУ, 2001. С. 43–47.
- Брюхова Н.Г.* Мусульманские погребения Рождественского археологического комплекса: особенности обряда // Ислам в Волго-Камье и Предуралья: ранние страницы истории / Ред. А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, Ю.А. Подосенова. Пермь: ПГПУ, 2012. С. 42–45.
- Бубнова М.А.* Средневековое поселение Ак-тепе-1 у с. Орловка // Археологические памятники Таласской долины / Ред. В.Л. Фоменко. Фрунзе: АН КиргССР, 1963. С. 125–145.
- Букина О.В., Лифанов Н.А., Зубов С.Э.* Раскопки могильника Малая Рязань I в 2017 г. // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 7 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: СГСПУ, 2018. С. 209–214.
- Букина О.В., Лифанов Н.А., Зубов С.Э., Багаутдинов Р.С.* Исследования могильника Малая Рязань I в 2019 г. // Археологические открытия в Самарской области 2019 г. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, 2020. С. 27–28.
- Булич А.К.* Болгарские городища в Чистопольском кантоне ТССР // ВНОТ. 1926. № 4. С. 76–79.
- Бугров Д.Г., Капленко Н.М., Ситдииков А.Г.* К вопросу о начале мусульманизации населения восточной периферии Волжской Булгарии // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 19–25.
- Буров Г.М.* Археологическая разведка в 1963 г. в зоне затопления будущего Усть-Куломского водохранилища // Древние поселения на Печоре и Вычегде / МАЕСВ. Вып. 3 / Отв. ред. Я.Н. Безносиков. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965а. С. 139–159.
- Буров Г.М.* Археологические находки в старичных торфяниках бассейна р. Вычегды // СА. 1966. № 1. С. 155–173.
- Буров Г.М.* Археологические памятники Вычегдской долины. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967а. 95 с.
- Буров Г.М.* К вопросу о происхождении коми (в связи с опубликованием монографии Э. Л. Савельевой) // СА. 1975. № 4. С. 304–310.
- Буров Г.М.* Археологическая карта Ульяновской области. Симферополь, 1977 // НА УОКМ. Д. 858. 491 с.
- Буров Г.М.* Бронзовые культовые плакетки I тыс. н.э. на Крайнем Северо-Востоке Европы: печорский местный "звериный стиль" // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1992. С. 51–59.
- Буров Г.М.* Вычегдский край в каменном, бронзовом и раннем железном веке. Автореф. дисс... канд. истор. наук. Сыктывкар, 1963. 18 с.
- Буров Г.М.* Вычегдский край. Очерки древней истории. М.: Наука, 1965б. 198 с.
- Буров Г.М.* Двуслойная стоянка Кузьвомын на верхней Вычегде // Известия Коми филиала ВГО. 1959. № 5. С. 161–168.
- Буров Г.М.* Долговременные поселения на р. Вис (бассейн Вычегды) // МАЕСВ. Вып. 1 / Отв. ред. В.И. Канивец. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1962а. С. 3–41.
- Буров Г.М.* Стоянки на Синдорском озере // МАЕСВ. Вып. 1 / Отв. ред. В.И. Канивец. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1962б. С. 42–64.
- Буров Г.М.* Раскопки в бассейне р. Вычегды (близ д. Синдор) // ВАУ. Вып. 2. / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1962в. С. 107–111.
- Буров Г.М.* Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н. э. – I тысячелетии н. э.). М.: Наука, 1967б. 220 с.
- Буров Г.М.* Древние поселения на берегах Пинежского озера в Северодвинском бассейне // Вопросы истории Европейского Севера / Отв. ред. И.И. Кяйвяряйнен Петрозаводск: Петрозав. ун-т, 1979. С. 156–167.
- Буров Г.М.* К проблеме археологических культур и историко-культурных общностей на Крайнем Европейском Северо-Востоке // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири / Ред. Л. М. Плетнева. Томск: Томск. ун-тет, 1981. С. 53–56.
- Буров Г.М.* Раннебулгарские памятники Ульяновского Поволжья // Из истории ранних болгар / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1981а. С. 49–55.
- Буров Г.М.* Луки и деревянные стрелы V–VI вв. н. э. с поселения Вис II в Привычегодье // КСИА. Вып. 175. / Отв. ред. И.Т. Крутликowa. М.: Наука, 1983. С. 55–62.
- Буров Г.М., Серебренников Б.А.* Некоторые вопросы этногенеза коми в свете археологических и лингвистических данных // Acta Linguistica. Academiae Scientiarum Hungaricae, T. 17 (3–4). Budapest, 1967. pp. 301–320.
- Бурханов А.А.* Памятники Иске-Казанского комплекса: к проблеме изучения и сохранения историко-

- культурного и природного наследия и роли географического положения и природно-экологических особенностей в заповедных зонах / Материалы и исследования по археологии Золотой Орды и Казанского ханства. Вып. 2. Казань: ТГПИ, 2002. 30 с.
- Бухарицын П.И.* Поиски хазарской столицы // Наука в России. 1995. № 3. С. 41–45.
- Быков А.* О хазарском чекане VIII–IX вв. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XII / Ред. Г.А. Алексеева. Л.: Аврора, 1971. С. 26–36.
- Валеев Р.М.* Торговля Биляра по археологическим данным // Биляр – столица домонгольской Булгарии / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1991. С. 69–79.
- Валеев Р.М.* Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII веков. Казань: Фест, 1995. 162 с.
- Валеев Р.М.* Торговля и торговые пути Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья (IX – начало XV вв.). Казань: КГУ, 2007, 392 с.
- Валеев Р.М.* Развитие торговли Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья (Основные тенденции и закономерности развития торговли и денежно-весовых систем Волжской Булгарии и Золотой Орды). Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 479 с.
- Валеев Р.М., Казаков Е.П.* Весовые гири и некоторые другие предметы торговли с болгарских поселений X–XI вв. в низовьях р. Ахтай // СА. 1993. № 1. С. 185–195.
- Валеев Р.Р., Мирсияпов И.Р., Мухамадиев А.Г., Ситдиков А.Г.* Средневековые поселения Нижнего Поволжья (исследования 2008–2009 гг.) // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Вып. 1 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2009. С. 339–346.
- Валеев Ф.Х.* Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975. 214 с.
- Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф.* Древнее искусство Татарии. Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. 204 с.
- Валеева-Сулейманова Г.Ф.* Древнее искусство Татарстана. Изд. 2-е, доп. Казань: Татар. кн. изд-во, 2001. 104 с. + 16 л. цв. ил.
- Валиев Р.Р.* Отчет о проведении археологических полевых работ (разведки) на территории Красносуюндоковского I городища в Ульяновском районе Ульяновской области в 2018 году по Открытому листу № 2453. Казань, 2019 / НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Д.449.
- Валиев Р.Р.* Новославский II могильник: проблемы интерпретации и перспективы исследований // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2019. С. 109–116.
- Валиулина С.И.* Оконное стекло Билярского городища // Биляр – столица домонгольской Булгарии / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1991. С. 108–117.
- Валиулина С.И.* Химико-технологическая характеристика стеклянных бус Больше-Тарханского и Больше-Тиганского могильников // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. Отв. ред. Д.А. Сташенков Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1996. С. 134–147.
- Валиулина С.И.* Международная торговля Биляром по археологическим материалам // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XIII веков. Материалы Международ. симпозиума / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 1999. С.140–154.
- Валиулина С.И.* Иранская стеклянная и фаянсовая посуда из Биляра // Россия и Иран. Иранистика в Татарстане / Отв. ред. А.З. Егорин, Н.М. Мамедова. М.: ПАЛЕЯ-Мишин, 2001. С. 43–64.
- Валиулина С.И.* Золотоордынский Биляр: начало исследований // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды): от Калки до Астрахани. 1223–1556 / Отв. ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ; КГУ, 2002. С. 216–243.
- Валиулина С.И.* Стеклоделательные мастерские в Биляре // Археология восточно-европейской лесостепи. Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Е.А. Алиховой / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: ПГПУ, 2003. С. 444–450.
- Валиулина С.И.* Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: Изд. центр Казан. ун-та, 2005. 279 с.
- Валиулина С.И.* Стекло Сувара // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. III Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдов / Отв. ред. В.В. Мурашева. М.: Нумизмат. лит-ра. 2006. С. 96–97.
- Валиулина С.И.* Иранская чаша XII в. из Биляра // РА. 2007. № 1. С. 176–181.
- Валиулина С.И.* Стеклянные бусы Семеновского I и Измерского I селищ // Сельская Русь в IX–XVI веках / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов. М.: Наука, 2008. С. 288–298.
- Валиулина С.И.* Средневековое исламское стекло в Восточной Европе // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX в. / Отв. ред. П.Г. Гай-

- дуков. М.; СПб.: ИА РАН; Нестор-История, 2015. С. 236–261.
- Валулина С.И.* Химический состав стекла Болгара и Сувара // *Stratum plus*. 2016. № 6. С. 337–353.
- Валулина С.И., Зиливинская Э.Д.* Стекланные изделия Самосдельского городища // *Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2010. Т. 152. Кн. 3. Ч. 1. С. 63–76.
- Васильев В.М.* Материалы для изучения верований и обрядов народа мари. Краснококшайск: Маробиздат, 1927. 128 с.
- Васильев В.М.* Функциональная семантика в марийском языке // *Ученые записки МарНИИ*. Т. 1. Йошкар-Ола: Маргосиздат. 1948. С. 17–34.
- Васильев Д.В.* Отчет о научно-исследовательских археологических работах в Наримановском, Икрянинском, Приволжском, Лиманском, Камызякском районах Астраханской области в 1991 году // *Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология»*. Фонд НВ. №№ 13244, 13245.
- Васильев Д.В.* Отчет о разведках в Приволжском, Камызякском, Икрянинском, Лиманском районах Астраханской области в 1991 г. // *Архив ИА РАН*. Ф. Р-1. Д. №№ 16601, 16602, 16576.
- Васильев Д.В.* Отчет о раскопках на грунтовом могильнике «Лбище» в Володарском районе Астраханской области в 1993 году // *Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология»*. Ф. КП. № 42812; *Архив ИА РАН*. Ф. Р-1. д. №№ 18095, 18096.
- Васильев Д.В.* Памятник «Самосдельское городище» // *Вопросы краеведения*. Вып. 4–5. Материалы VI и VII краеведческих чтений, посвящ. 50-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне. / Отв. ред. И.О. Тюменцев. Волгоград: ВГУ, 1998. С. 48–50.
- Васильев Д.В.* Новые исследования на городище Мошаик // *Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий* / Ред. Е.В. Шнайдштейн и др. Астрахань: АГПУ, 2001. С. 48–54.
- Васильев Д.В.* О местоположении города Саксин // *Проблемы археологии Нижнего Поволжья*. Материалы I Международной Нижневолжской археологической конференции / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: ВГУ, 2004. С. 264–269.
- Васильев Д.В.* Результаты изучения слоев золотоордынского времени на Самосдельском городище в дельте Волги (по материалам раскопа № 2) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Материалы XVIII Уральского археологического совещания (11–16 октября 2010 г.). / Науч. ред. Г.Т. Обыденнова и др. Уфа: БГПУ, 2010. С. 338–339.
- Васильев Д.В.* Некоторые результаты исследований на раскопе № 2 // *Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации* / Ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 34–45.
- Васильев Д.В.* О пути Гильома Рубрука через дельту Волги и о населенных пунктах, которые он посетил // *Золотоордынское наследие*. Вып. 2. Материалы Второй Междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвящ. памяти М.А.Усманова / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: ООО «Фолиант», Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011а. С. 64–72.
- Васильев Д.В.* Город и область Саксин в свете новых данных археологии // *Поволжская археология*. 2015. № 2 (12). С. 189–267.
- Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю.* Предварительные итоги изучения памятников домонгольского времени в дельте Волги // *Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма)*. Тезисы докладов III международной научной конференции. Самара: СОКИМ, 2000. С. 24–25.
- Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д.* Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в низовьях Волги // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 3. Половецко-золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2003. С. 83–122.
- Васильев Д.В., Ермилов С.В.* Эксперимент по натурной реконструкции раннесредневекового юртообразного жилища на Самосдельском городище // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана*. 2007. № 1 (6) С. 120–131.
- Васильев Д.В., Зиливинская Э.Д.* Топография городища и история его изучения // *Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации* / Ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 3–10.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И.* Истоки истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Куйбышев. кн. изд-во, 1986. 232 с.
- Васильева И.Н.* Керамика Муромского городка (результаты технико-технологического анализа) // *Проблемы изучения археологической керамики*. Куйбышев, 1988. С.154–193.
- Васильева И.Н.* Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: Наука, 1993. 245 с.
- Васильева И.Н.* К вопросу о технологии керамики I Новинковского могильника // *Средневековые памятники Поволжья* / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Самарский ун-тет, 1995. С. 75–85.
- Васильева И.Н.* Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // *Древняя история Поволжья* / Научные труды. Т. 230. / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПУ, 1979. С. 202–240.

- Васкул И.О.* Исследования в бассейне р. Сысолы // АО – 1985 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987а. С. 6–7.
- Васкул И.О.* Изучение памятников эпохи железа в Коми АССР и Кировской области // АО – 1986 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1988. С. 16.
- Васкул И.О.* Исследования памятников эпохи железа на территории Коми АССР и Пермской области // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева Сыктывкар: Коми науч. центр УрО АН СССР, 1989. С. 5–8.
- Васкул И.О.* Курганное погребение эпохи переселения народов у с. Иб в Коми АССР // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск, 1987в. С. 76–80.
- Васкул И.О., Кленов М.В.* Ыбский археологический микрорайон // Первая Коми республиканская научно-практическая конференция по историческому краеведению (тез. докл. и сообщ.). Сыктывкар, 1988. С. 52–54.
- Васкул И.О., Овчинников Ф.В.* Шойнаягский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и исследования) / МАЕСВ. Вып. 16 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1999. С. 44–57.
- [*Вештомов А.*] История вятчан с времени их поселения на Вятке до открытия в сей стране наместничества, или с 1181 по 1781 год через 600 лет, сочиненная Александром Вештомовым в 1807 и 808-м годах. Казань, 1908.
- Викторова В.Д.* Древние угры в лесах Урала. Страницы ранней истории манси. Екатеринбург: Квадрат, 2008. 208с.
- Викторова В.Д., Морозов В.М.* Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники урало-казахстанских степей / Отв. ред. А. Д. Таиров. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 182–191.
- Вильданов Р.Ф.* Монеты из сборов и раскопок на Рождественском археологическом комплексе в Карагайском районе Пермского края // Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. I. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2008. С. 536–542.
- Винников А.З.* Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища (результаты раскопок 1975, 1977, 1978 гг.) // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1984. С. 95–135.
- Винников А.З., Синюк А.Г., Цыбин М.В.* Средневековые материалы с поселения Дроника // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Самарский ун-тет, 1995. С. 130–138.
- Винничек В.А.* Материалы средневековых памятников Верхнего Посурья и Примокшанья // Археология Поволжья / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин Пенза: Пензенский гос. пед. ин-т, 2001. С. 97–128.
- Винничек В.А.* Материальная культура Степановского I селища // Пензенский археологический сборник. Вып. 3 / Ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Пензенский ин-т развития образования, 2010. С. 150–180.
- Винничек В.А., Сафронов П.И.* Результаты исследований селища Васьянсад в 2004–2006 гг. // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (материалы научной конференции). VI Халиковские чтения / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2007. С. 239–246.
- Винничек В.А., Яньков В.В.* Ахунское селище // Археология Поволжья / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин Пенза: Пензенский гос. пед. ин-т, 2001. С. 24–33.
- Винничек В.А., Сафронов П.И.* Васильевское селище // Записки краеведов. Вып. 2. Ч. 1. / Науч. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: МУК «МВЦ» г. Заречного, 2004. С. 39–87.
- Винокуров М.А., Колоскова А.В., Смирнов В.Н.* Агропроизводственная классификация почв Среднего Поволжья // Вопросы генезиса и плодородия почв / Ред. М. А. Винокуров. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968. С. 38–50.
- Вихляев В.И.* Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск: Мордовский ГУ им. Н.П.Огарева, 1977. 98 с.
- Вихляев В.И.* Древние поселения Примокшанья // АО – 1980 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1981. С. 128–129.
- Вихляев В.И.* Металлургический горн рубежа I и II тысячелетний н.э. из Мордовии // СА. 1983. № 2. С. 237–241.
- Вихляев В.И.* Возникновение обычая конских погребений у средневековой мордвы // Материалы I Сафаргалиевских научных чтений. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 1997. С. 114–118.
- Вихляев В.И.* Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2000. 132 с.
- Вихляев В.И.* Земледелие у древней и средневековой мордвы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 199–200.
- Вихляев В.И.* Расселение мордвы в III – начале XIII вв. // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 162–170.
- Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н.* Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2008. 350 с.
- Вихляев В.И., Петербургский И.М., Седьшев О.В.* Древние и средневековые поселения мордвы. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2013. 216 с.

- Вихляев В.И., Пронин А.С.* Средневековая мокша. Первые века вместе с Древней Русью. Материалы раскопок Кельгининского могильника в 1999–2001 гг. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2016. 356 с.
- Вихляев В.И., Халин В.В.* Жуковское городище // АО – 1976 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1977. С. 135–136.
- Вихляев В.И., Халин В.В.* Раскопки Второго Жуковского городища // АО – 1977 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1978. С. 161.
- Вишневская Н.Ю.* Ремесленные изделия Джигербента (IV в. до н. э. – начало XIII в. н. э.). М.: Вост. лит-ра РАН, 2001. 176 с.
- Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
- Власкин М.В., Ильюков Л.С.* Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча // СА. 1990. № 1. С. 137–153.
- Воеводский М.В.* Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 159–180.
- Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 126 с.
- Возникновение и развитие земледелия / Отв. ред. В.Д. Блаватский, А.В. Никитин. М.: Наука. 1967. 232 с.
- Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1988. 126 с.
- Волжская Булгария и Русь. (К 1000-летию русско-булгарского договора) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1986. 151 с.
- Волкович А.М.* К южным связям Прикамья в последние века до х.э. и в первые века х.э. // Труды Отдела истории первобытной культуры. Т. 1 / Ред. А.А. Иессен. Л.: ГЭ, 1941. С. 219–236.
- Володарець-Урбанович Я.В.* Гончарный посуд VII – первой половины IX ст. в Лисостепу України. Дис. ... канд. истор. наук. Київ. 2014. 426 с.
- Воробьев Н.И.* Историко-этнографическая поездка в Мамадышский кантон ТССР // Вестник Научного общества татароведения. 1926. № 4. С. 93–94.
- Воробьев Н.И.* О болгаро-татарских надгробных камнях Мамадышского кантона ТССР // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Т. III. Казань: Полиграфшкола им. А.В. Луначарского, 1929. С. 11–14.
- Воронина В.Л.* Об узбекских банях // СЭ. 1951. № 1. С. 114–137.
- Воронина В.Л.* Заметки по народному зодчеству таджиков. Бассейна Зеравшана // СЭ. 1953. № 3. С. 176–188.
- Воронина Р.Ф.* Раскопки Крюковско-Кужновского могильника // АО – 1968 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1969. С. 163–164.
- Воронина Р.Ф.* Раскопки Крюковско-Кужновского могильника // АО – 1969 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1970. С. 167–168.
- Воронина Р.Ф.* О некоторых деталях одежды среднецнинской мордвы VIII–XI вв. // КСИА. Вып. 140 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1974. С. 33–38.
- Воронина Р.Ф.* Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши: конец IX – начало XI века. по материалам Цнинской археологической экспедиции 1983–1985 годов. М.: Наука, 2007. 183 с.
- Вострокнутов А.В.* Археологические памятники бассейна Верхней Камы XI–XV вв. – опыт картографического исследования с применением климатических данных // Казанская наука. 2011. № 8. С. 15–19.
- Вострокнутов А.В.* Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI–XIV вв.: культурно-хронологическая и технологическая идентификация. Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 2016. 211 с.
- Вострокнутов А.В., Крыласова Н.Б.* Украшения XII–XIV вв. из легкоплавких металлов на территории Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. История. 2012. № 1(18). С. 105–113.
- Второв Н.И.* Памятники древности в Казанской губернии // ЖМВД. 1840. Ч. XXXVII, № 8. С. 170–218.
- Высоцкий Н.Ф.* Несколько слов о болгарях и болгарской культуре // КМВ. 1921. Вып. 1–2. С. 57–66.
- Высоцкий Н.Ф.* Несколько слов о древностях Волжской Болгарии // ИОАИЭ. 1908. Т. XXIV. Вып. 4. С. 340–351, 10 л. табл.
- Вязов Л.А., Нерушин И.А.* Исследования поселения хазарского времени у с. Малая Рязань на Самарской Луке в 2007–2009 гг. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: ООО «Офорт», 2010а. С. 128–146.
- Вязов Л.А., Нерушин И.А.* Стилетовидные предметы с волютообразным навершием с территории Среднего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 8. / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: ИЦ «Наука», 2010б. С. 255–273.
- Вязов Л.А., Петрова Д.А.* Комаровский могильник (предварительная публикация) // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Материалы к V Международной археологической конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. А.П. Алабина, 2013. С. 15–20.
- Вязов Л.А., Семькин Ю.А.* О сырьевой базе чернометаллургического производства населения Улья-

- новского Поволжья в раннем железном веке и средневековье // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век. Материалы Междунар. полевой науч. конф. / Отв. ред. С.А. Агапов. Ульяновск: Областная типография «Печатный двор», 2013. С. 203–229.
- Вязов Л.А., Семькин Ю.А.* Городище и селище Новая Беденьга: эпоха Великого переселения народов в Ульяновском Предволжье / Археология Симбирского-Ульяновского Поволжья. Вып. 1. Ульяновск: НИИ истории и культуры им. Н.М. Карамзина, 2016. 227 с.
- Вячеслав Н.Н.* Заметки о городищах, курганах и других земляных насыпях в Казанской губернии. Казань: Губ. тип., 1874. 33 с.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ИА РАН; ТАУС, 2009. 468 с.
- Гаврилина Л.М.* Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы X–XI вв. // Археологические исследования Калмыкии / Отв. ред. Е. В. Цуцкин. Элиста: Калм. НИИИФЭ, 1987. С. 54–67.
- Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 144 с.
- Гавритухин И.О.* Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ремесленной культуры) // Хазары. Евреи и славяне. Т. 16. / Ред. В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира. М.; Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2005. С. 378–426.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996. 296 с.
- Гагент-Торн Н.* Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1960. 228 с.
- Газимзянов И.Р.* Новые данные по антропологии населения Самарского Поволжья в эпоху раннего средневековья // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Самарский ун-т, 1995. С. 95–109.
- Газимзянов И.Р.* О некоторых элементах в погребальной практике волжских болгар X–XV вв. // Гуманистические традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана. Материалы Всероссийская научно-практическая конференция. Секция археологии / Отв. ред. П.Н. Старостин, С.Ю. Измайлова. Казань: Изд-во ГОМ РТ, 1997. С. 19–22.
- Газимзянов И.Р.* Исследования Усть-Иерусалимского могильника на территории Болгарского городища // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. 60 лет археологического изучения. Итоги и перспективы. Болгар, 1998. С. 30–31.
- Газимзянов И.Р.* Исследования Чаллынского I некрополя // Борынгы Чаллы. Древние Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш.Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 216–237.
- Газимзянов И.Р.* Антропологический облик татар // Татары: Сер. «Народы и культуры» / Отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. М.: Наука, 2001. С. 35–40.
- Газимзянов И.Р.* Об антропологическом единстве ранних болгар Восточной Европы // Трети международен конгресс по българистика. Материалы научной конференции (София, 23–26 мая 2013 г.) / Отв. ред. Тодор Попнеделев. София: Изд-во университета «Св. Климент Охридски», 2014. С. 102–133.
- Газимзянов И.Р.* Древние венгры в антропологическом аспекте // Археология Евразийских степей. 2018а. № 6. С. 66–72.
- Газимзянов И.Р.* Антропология Танкеевского могильника: краниологический анализ старых и новых материалов // Поволжская археология. 2018б. № 1 (23). С. 294–320.
- Газимзянов И.Р.* Краниология городского населения Волжской Булгарии (по материалам Муромского городка) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 7 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: СГСПУ, 2019. С. 201–208.
- Газимзянов И.Р.* Антропологическая характеристика материалов раннесредневекового мусульманского некрополя у с. Сидорова. Приложение // Кравченко Э.Е. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец / Археология Евразийских степей. № 4. 2020 (а). С. 313–343.
- Газимзянов И.Р.* Палеоантропологические данные к вопросу о ранних этапах формирования венгерского народа // Вестник Томского государственного университета. История. 2020б. № 68. С. 145–151.
- Газимзянов И.Р.* Предварительная краниологическая характеристика антропологических материалов из раскопок средневекового мусульманского некрополя у с. Старые Киязлы (Республика Татарстан, Аксубаевский район) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. Т. III / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020в. С. 216–217.
- Газимзянов И.Р., Волкова Е.В.* Антропология Гулюковского могильника по данным краниологии // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 135–142.
- Газимзянов И.Р., Набиуллин Н.Г.* Антропология населения Джукетау (по материалам Донауровского некрополя) // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 21–28.
- Гайдуков П.Г.* Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп- М.: Новгород. гос. объедин. музей-заповедник; ИА РАН, 1992. 197 с.
- Гамаледдин М., Совелам А.* О саманидском дирхеме из древней Казани // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII ве-

- ков. Материалы международного симпозиума (Казань, 8–10 сентября 1998 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 238–240.
- Гарипова Ф.Г.* Этнолингвистические пласты в гидронимии Закавказья // Источниковедение и история тюркских языков / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. Казань: ИЯЛИ, 1978. С. 50–58.
- Гарипова Ф.Г.* Исследования по гидронимии Татарстана. М.: Наука, 1991. 294 с.
- Галкин И.С.* К вопросу о пермской топонимике на территории Марийской АССР // Всесоюзная конференция по финно-угроведению (Тезисы докладов и сообщений) (Сыктывкар, ноябрь 1965 г.). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965. С. 32–34.
- Гаркави А.Я.* Сказание мусульманских писателей о славянах и русских (с пол. VII до конца X в. по Р.Х.). СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1870. 308 с.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А.* Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа: Гилем, 2001. 216 с.
- Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф.* Средневековые кочевники Поволжья (конец IX – начало XV вв.). Уфа: Гилем, 1998. 336 с.
- Гасилин В.В., Лобанова Т.В.* Комплекс костных остатков животных из Рождественского городища в Прикамье (раскопки 2009 года) // Труды КАЭЭ. Вып. VII / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ, 2011. С. 126–129.
- Генинг В.Ф.* Археологические памятники Удмуртии. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1958. 192 с.
- Генинг В.Ф.* Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры // ВАУ. Вып. 6 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1964. С. 94–163.
- Генинг В.Ф.* Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск: Удмуртский республиканский краеведческий музей, 1967. С. 7–84.
- Генинг В.Ф.* Городище Чеганда I в мазунинское время // ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск: Удмуртский республиканский краеведческий музей, 1967. С. 141–163.
- Генинг В.Ф.* Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. 4 / Отв. ред. В.И. Алатырев. Ижевск: Удмуртия, 1967а. С. 271–278.
- Генинг В.Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. 1. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) / ВАУ. Вып. 10 / Свердловск-Ижевск, 1970. 227 с.
- Генинг В.Ф.* Проблема происхождения венгров // СА. 1977. № 1. С. 317–321.
- Генинг В.Ф.* Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1977а. С. 90–136.
- Генинг В.Ф.* Могильник чепецкой культуры у дер. Восьякар (IX–XII вв.) // Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э. / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: НИИ при СМ УдмАССР, 1979. С. 87–106.
- Генинг В.Ф.* Выступление на секции Die ungarische Landnahme und ihre Vorereignisse // Congressus quartus internationalis Fenno-Ugristarum. Budapest, 1980. Pars II. С. 232–236.
- Генинг В.Ф.* Рецензия на книги: Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М., Наука, 1977 и Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981 // СА. 1982. № 1. С. 287–291.
- Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры: Пьяноборская эпоха III в. до н. э. – II в. н. э. М.: Наука, 1988. 240 с.
- Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А.* Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев: Наукова думка, 1990. 300 с.
- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д.* Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе // ВАУ. Вып. 9 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: Урал. гос. ун-т. 1970. С. 30–56.
- Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К.* Археологические памятники у с. Рождествено. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1962. 126 с.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге. (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 200 с.
- Герасимова М.М.* Скелеты древних болгар из раскопок у села Кайбелы // Антропологический сборник. Т. 1 / Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 33 / Отв. ред. Г.Ф. Дебец, М.Г. Левин. М.: Наука, 1956. С. 146–165.
- Гинзбург В.В.* Этногенетические связи древнего населения сталинградского Заволжья (по материалам Калиновского могильника) // Древности Нижнего Поволжья. Т. 1 / МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР. 1959. С. 524–595.
- Гисматулин М.Р.* Находка в Ульяновске раннесредневекового наконечника пояса // Материалы Второй научной конференции, посвященной ученому и краеведу С.Л. Сытину / Ред. А.Н. Зубов, Р.Х. Салахова, И.Ю. Гордеева. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2005. С. 202–206.
- Гисматулин М.Р., Семькин Ю.А., Горбунов Н.А., Асылгараева Г.Ш.* Исследования Красносудюковского I городища в 2014 г. // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 54–74.
- Гмыря Л.Б.* Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала: Дагестан. кн. изд-во, 1995. 228 с.
- Гмыря Л.* Тюркские народы Северного Кавказа // История татар с древнейших времен (в семи томах). Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь

- / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РухИЛ, 2006. С. 60–88.
- Гоглов С.А., Големихов А.В. О монетном чекане Волжской Булгарии X в. // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Т. 3. Спецвыпуск «Русь Домонгольская» / Ред. Д.В. Гулецкий. Мн.: РИФТУР ПРИНТ, 2017. С. 40–63.
- Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1993. 375 с.
- Голдина Р.Д. Исследования памятников Южной Удмуртии в 1969–1970 гг. // Вопросы археологии Удмуртии / Отв. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: УдмНИИ при СМ УдмАССР, 1976. С. 75–92.
- Голдина Р.Д. К вопросу о культурном единстве ломоватовских памятников // Древности Волго-Камья / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1977. С. 42–51.
- Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1985. 280 с.
- Голдина Р.Д. Жертвенное место Чумойтло в Южной Удмуртии // Проблемы изучения древней истории Удмуртии / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: НИИ при Совете министров УАССР, 1987. С. 84–106.
- Голдина Р.Д. Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета – 20 лет // Библиография научных трудов сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции за 1973–1994 гг. / Сост. О.М. Мельникова, Т.Н. Оконникова. Ижевск: УдГУ, 1995. С. 3–13.
- Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: УдГУ, 1999. 464 с.
- Голдина Р.Д. О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV – начало IX в. н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2012. С. 321–375.
- Голдина Р.Д. О датировке поломоной культуры // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / Ред. Л.И. Липина, Н.Ф. Широбокова. Ижевск: УдГУ, 2012. С. 399–414.
- Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII–IX вв. н.э. в Пермском Предуралье / МИКВАЭ. Т. 21. Ижевск: УдГУ, 2012а. 472 с.
- Голдина Р.Д. Некоторые замечания относительно формирования теории угорского присутствия в Предуралье в эпоху средневековья // II Междунар. Мадыарский симпозиум / Отв. ред. С.Г. Боталов, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 89–110.
- Голдина Р.Д. К итогам дискуссии «угры в Предуралье» // РА. 2016. № 2. С. 102–119.
- Голдина Р.Д. О находках предметов из раковин турбинелла пирум на памятниках III–IV вв. Среднего Прикамья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 97–107.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры. Иркутск: ИрГУ, 1990. 167 с.
- Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: УрГУ, 1989. 216 с.
- Голдина Р.Д., Королева О.П., Макаров Л.Д. Агафоновский I могильник памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: УдГУ, 1980. С. 3–66.
- Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи. Ижевск: УдГУ, 2018. 720 с.
- Голдина Р.Д., Черных Е.М. Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской Республики / МИКВАЭ. Т. 18. Ижевск: УдГУ, 2011. 168 с.
- Голдина Р.Д., Ютина Т.К. О датировке и хронологии погребальных комплексов Агафоновского могильника (IX–XII вв.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э.—XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2012. С. 447–472.
- Голубева Л.А. Весь и славяне на белом озере. М.: Наука, 1973. 210 с.
- Голубева Л.А. Женщины – литейщицы (Из истории женского ремесленного литья у финно-угров) // СА. № 4. 1984. С. 75–89.
- Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров / САИ. Вып. Е1-59. М.: Наука, 1979. 112 с.
- Голубева Л.А. Муромы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987а. С. 81–92.
- Голубева Л.А. Мордва // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. С. 97–107.
- Гольмстен В.В. Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение. 1924. Ч. I. С. 150–174.
- Гольмстен В.В. Материалы по археологии Самарской губернии // Бюллетень ОАИЭЭ. 1925а. № 2. С. 5–10.
- Гольмстен В.В. Материалы по археологии Самарской губернии. Керамика древних мест поселений Самарской Луки // Бюллетень ОАИЭЭ. 1925б. № 3. С. 6–11.
- Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губернии // ТСА РАНИОН. 1928. Т. IV. С. 125–137.
- Гомзин А.А. Дирхемы Каусидов Табаристана в Почье // Археология Евразийских степей. 2017. № 6. С. 45–50.
- Гончаров Е.Ю. Очерк нумизматики Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации / Ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 146–150.
- Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрок (по материалам наскальных рисунков

- Горного Алтая) // *Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 1998. С. 102–128.*
- Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: АлтГУ, 2006. 232 с.
- Городцов В.А.* Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г. / *Древности*. Т. XXIV. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. 385 с.
- Горюнова Е.И.* Коринский могильник (по коллекциям, хранящимся в ГИМ) // *Археологический сборник*. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1948а. С. 56–87.
- Горюнова Е.И.* Погибловский могильник // *Археологический сборник*. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1948б. С. 88–111.
- Горюнова Е.И.* Ефаевский могильник // *Археологический сборник*. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1948в. С. 112–137.
- Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья / *МИА*. № 94. М.: Наука, 1961. 264 с.
- Горюнова Е.И.* Развитие жилища у мордвы // *Исследования по материальной культуре мордовского народа / Труды ИЭ. Новая серия*. Т. 86 / Ред. В.Н. Белицер, К.А. Котков. М.: АН СССР, 1963. С. 127–146.
- Горюнова Е.И.* Меря и мари // *Происхождение марицкого народа. Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23–25 декабря 1965 года)*. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967. С. 7–77.
- Готун І.А.* Реконструкції ремісничих та господарчих будівель давньоруського поселення Автунічі // *Археологія*. 1993. № 4. С. 59–71.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л.: АН СССР, 1949. 408 с.*
- Грачева Г.Н.* Об этнической принадлежности древних культовых мест о. Вайгач // *XVII Всесоюзная финно-угорская конференция*. Т. II. Археология, антропология и генетика, этнография, фольклористика, литературоведение (Устинов, 26–29 июня 1987 г.). Устинов: УдмНИИ; УдГУ, 1987. С. 11–13.
- Греков Б.Д.* Волжские болгары в IX–X веках // *ИЗ*. 1945. № 14. С. 3–37.
- Греков Б.Д., Калинин Н.Ф.* Булгарское государство до монгольского завоевания // *Материалы по истории Татарии*. Вып. 1 / Отв. ред. И. М. Климов. Казань: Татар. кн. изд-во, 1948. С. 97–184.
- Грен А.Н.* Отчет археологической экспедиции 1924 г. в селах Вожем, Гам и Усть-Вымь / *НА НМ РК*. Д. 2337. 37 л.
- Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д.* Отчет о раскопках на Самосдельском городище в Камызякском районе Астраханской области в 2003 году // *Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология»*. Фонд НВ. Б/Н.
- Грибов Н.Н.* Исследование погребально-обрядового комплекса Саровского городища (по материалам раскопок 1996–1998 гг.) // *Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ*. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 199–209.
- Грибов Н.Н.* Саровское городище (по материалам археологических раскопок 1993–1995 гг.). Саров: Тип. ЭМЗ «Авангард», 1996. 16 с.
- Грибов Н.Н.* Средневековое мордовское городище на месте бывшего Саровского монастыря // *Нации и регионы в истории и культуре России. Материалы VI–VII Сафаргалиевских научных чтений*. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2003. С. 133–135.
- Григорьев В.В.* Волжские болгары // *Библиотека для чтения*. 1836. Т. XIX, отд. III. С. 1–25.
- Григорьев В.В.* Волжские болгары // *Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В.В. Григорьевым, ориенталистом*. СПб.: тип. бр. Пантелеевых, 1876. С. 79–106.
- Григорьев В.В.* О куваческих монетах VIII, IX, X и отчасти VII и XI веков, находимых в России и прибалтийских странах, как источниках для древнейшей отечественной истории // *ЗООИД*. Т. I. Одесса, 1844. С. 115–166.
- Гришаков В.В.* Работы в бассейне р. Вад // *АО – 1983 / Отв. ред. В.П. Шилов*. М.: Наука, 1985. С. 143–144.
- Гришаков В.В.* Отчет о работе Нижнеокской археологической экспедиции в Горьковской области в 1986 году // *Архив кабинета археологии Мордовского ПГУ*. Д. № И-1175. 22 стр. + 98 табл.
- Гришаков В.В., Давыдов С.Д., Седышев О.В., Сомкина А.Н.* Мордовские племена накануне Великого переселения народов (Усть-Узинский могильник III–IV вв.). Саранск: Морд. Гос. Пед. Ин-т, 2016. 195 с.
- Гришкина М.В.* Численность и расселение удмуртов в XVIII веке // *Вопросы этнографии Удмуртии / Отв. ред. В.Е. Владыкин*. Ижевск: Удм.НИИ и ЭЛЯ, 1976. С. 95–133.
- Гроздилов Г.П.* Куйбышевская область // *Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. / Ред. В.В. Гольмстен*. М.; Л.: АН СССР, 1941. С. 145–151.
- Губайдуллин А.М.* Об истоках болгарской фортификации // *Языки, духовная культура и история тюрок: традиции и современность*. Т. III. Труды Международной конференции (Казань, 9–13 июня

- 1992 г.). / Отв. ред. Я.Н. Гибадуллин. М.: Инсан, 1997. С. 110–112.
- Губайдуллин А.М.* О некоторых типах проездов на городищах Волжской Булгарии // Гуманистические традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Секция археологии / Отв. ред. П.Н. Старостин, С.Ю. Измайлова. Казань: Изд-во ГОМ РТ, 1997. С. 23–26.
- Губайдуллин А.М.* Фортификационные сооружения Болгарского городища // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конференции (Санкт-Петербург, 2–5 сентября 1998 г.) / Отв. ред. Г.В. Вилинбахов, В.М. Массон. СПб.: ГЭ; ИИМК, 1998. С. 197–198.
- Губайдуллин А.М.* Некоторые итоги исследований Чаллынского городища и его укреплений в 1995–1997 годах // Борынгы Чаллы. Древние Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 203–215.
- Губайдуллин А.М.* Планировочные особенности и системы обороны городищ Волжской Булгарии // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Бурханов. Казань: ТГГИ, 2001. С. 120–128.
- Губайдуллин А.М.* Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань: НЦАИ Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2002. 232 с.
- Губайдуллин А.М.* Крепостные сооружения средневековых городищ Пензенского края (к вопросу о реконструкции) // Археология Восточно-европейской лесостепи / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: ПГПУ, 2003. С. 488–494.
- Губайдуллин А.М.* Оборонительные сооружения Болгарского городища: современное состояние и проблемы реконструкции // Проблемы охраны и реставрации памятников в современных условиях. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 280-летию указа Петра I об охране болгарских древностей (Болгары, 24 сентября, 2002) / Ред. К.А. Нугаев. Казань: ИИ АН РТ, 2003. С. 55–56.
- Губайдуллин А.М.* О возникновении болгарской фортификации // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 151. Гуманитарные науки. Кн. 2, ч. 1. Казань: КГУ, 2009. С. 24–28.
- Губайдуллин А.М.* О типах средневековых воротных проездов на территории Среднего Поволжья // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках Международного золотоордынского форума. (г. Казань, 29–30 марта 2011 г.) / Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант, ИИ АН РТ, 2011. С. 78–81.
- Губайдуллин А.М.* Новые данные по оборонительным сооружениям Болгарского городища X в. // Научный Татарстан. 2011. № 2. С. 109–111.
- Губайдуллин А.М.* Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. / Археология Евразийских степей. 2019. № 3. 323 с.
- Губайдуллин А.М.* Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище в Спасском районе Республики Татарстан в 2019 г. (раскоп ССХL). Казань, 2020. 252 л. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Д.455.
- Губайдуллин А.М.* Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище в Спасском районе Республики Татарстан в 2019 г. (раскоп ССХL), а двух томах. Т. I (текст). Казань, 2020. 87 л. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 456.
- Губайдуллин А.М.* Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище в Спасском районе Республики Татарстан в 2019 г. (раскоп ССХL), в двух томах. Т. II (иллюстрации). Казань, 2020. 246 л. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Д.457.
- Губайдуллин А.М.* Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище в Спасском районе Республики Татарстан в 2019 г. (раскоп ССХLII). Казань, 2021. 127 л. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д.458.
- Губайдуллин А.М.* Отчет об археологических исследованиях на Болгарском городище в Спасском районе Республики Татарстан в 2019 г. (раскоп ССХХVIII). Казань, 2021. 127 л. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 459.
- Губайдуллин А.М.* О малых болгарских городах // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 19–23.
- Губайдуллин А.М., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г.* О фортификации «Великого города» – Биляра // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 223–234.
- Губайдуллин Р.З.* Находки VII–VIII вв. у озера Яик // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ, 2004. С. 54–56.
- Гумилев Л.Н.* Открытие Хазарии. М.: Айрис-пресс. 2004. 202 с.
- Гулько А.А.* Исследования медных рудников XVII–XIX веков в Татарстане // Пещеры. Вып. 31 / Гл. ред. Н.Г. Максимович. Пермь: ПГУ, 2008. С. 74–89.
- Гуревич Ф.Д.* Древний Новогрудок. М.: Наука, 1981. 159 с.
- Гуренко Л.В., Ситников А.В.* К вопросу о локализации средневековых городов Атиля и Саксина // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий / Ред. Е.В. Шнайдштейн и др. Астрахань: АГПУ, 2001. С. 37–40.

- Давидан О.И.* Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР // АСГЭ. Вып. 8. Эпоха бронзы и раннего железа / Ред. М.И. Артамонов. Л.: ГЭ, 1959. С. 103–115.
- Давлетшин Г.М.* Волжская Булгария: духовная культура. Домонгольский период (X – начало XIII вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 192 с.
- Давлетшин Г.М.* Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. 431 с.
- Давлетшин Г.М.* Мудрость в представлениях тюрко-татар (некоторые наблюдения) // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 114–123.
- Давлетшин Г.М.* Духовная культура болгарского населения в материалах археологии // Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Тюркоязычные кочевники (VIII – начало XIII вв.) / Археология Волго-Уралья. Т. 5 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: АН РТ, 2022. С. 593–600.
- Давыдова А.В.* Иволгинский археологический комплекс. Том 1. Иволгинское городище / Археологические памятники сюнну. Вып. 1. СПб.: Центр "Петербургское востоковедение", 1995. 97 с.+188 табл.+вклейка.
- Данич А.В.* Охранные раскопки Баяновского могильника // Труды КАЭЭ. Вып. V / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ. 2008. С. 45–52.
- Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. 200 с.
- Дворниченко В.В.* Отчет о раскопках могильника у с. Косика Енотаевского района Астраханской области в 1986 году // Архив ИА РАН. Р-1. Д. № 11799.
- Дворниченко В.В., Плахов В.В., Федоров-Давыдов Г.А.* Отчет о работах Енотаевского отряда Поволжской экспедиции у с. Косика в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. № 10879.
- Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 392 с.
- Демкин В.А., Борисов А.В., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Золотарева Б.Н., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н., Ельцов М.В.* Волго-Донские степи в древности и средневековье. Пушино: Synchronbook, 2010. 120 с.
- Демкин В.А., Демкина Т.С., Борисов А.В., Якимов А.С., Сергеацков И.В.* Изменение почв и природных условий полупустынного Заволжья за последние 4000 лет // Почвоведение. 2004. № 3. С. 271–283.
- Демкин В.А., Дергачева М.И., Борисов А.В., Рысков Я.Г., Олейник С.А.* Эволюция почв и изменение климата восточноевропейской полупустыни в позднем голоцене // Почвоведение. 1998. № 2. С. 148–157.
- Дергачева М.И., Васильева Д.И.* Реконструкция природных условий в степной зоне Самарского Поволжья в позднем бронзовом веке (по данным изучения гумуса погребенных почв) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3 / Отв. ред. А.М. Турецкий. Самара: СНЦ РАН, 2003. С. 316–323.
- Джаббаров И.М.* Новые материалы к истории гончарного ремесла Хорезма // Керамика Хорезма / Труды ХАЭЭ. Т. IV. М.: АН СССР, 1958. С. 379–396.
- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1988–1989 гг. / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М.: Наука, 1991. С. 5–169.
- Джанполадян Р.М.* Средневековое стекло Двина (IX–XIII вв.). / Археологические памятники Армении. Т. 7. Средневековые памятники. Вып. 2. Ереван: АН АрмССР, 1974. 78 с.
- Джанполадян Р.М., Калантарян А.А.* Торговые связи средневековой Армении в VI–XIII вв. (по данным стеклоделия) / Археологические памятники Армении. Т. 14. Средневековые памятники. Вып. 6. Ереван: АН АрмССР, 1988. 48 с.
- Джапаридзе О.М.* Керамическая промышленность в Грузии XI–XIII вв. Автореф. Дис. ... канд. истор. наук. Тбилиси, 1955. 16 с.
- Диенеш И.* Пербетейская находка. Каким был пояс венгров – завоевателей родины? // Archaeologiai erzesito. Budapest. 1959. V. 86. С. 145–158.
- Димитриев В.Д.* О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чуваша / Отв. ред. В.Д. Димитриев, В.А. Прохорова. Чебоксары: Чувкнигоиздат, 1984. С. 23–57.
- Добжанский В.Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: НГУ, 1990. 164 с.
- Добровольский И.Г.* Клад куфических монет начала XI в. Из селения Красный Баран (б. Крещенный Баран) в Татарстане. Новые данные // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция (Великий Новгород, 15–21 апреля, 2001) / Отв. ред. В.А. Калинин. СПб.: ГЭ, 2001. С. 64–65.
- Добровольский И.Г., Шагурина Г.В.* Клад куфических монет начала XI в. Из селения Красный Баран (б. Крещенный Баран) в Татарстане. Новые данные // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: сборник статей памяти профессора И.В. Дубова / Ред. А.Н. Кирпичников, В.Н. Седых. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 247–255.
- Документы по истории Коми // Историко-филологический сборник. Вып. Четвертый. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. С. 243–247.*

- Древняя Алабуга / Ред. Р.Р. Хайрутдинов, Ф.Ш. Хузин. Елабуга: Мастер-Лайн, 2000. 222 с.
- Древности Казанской губернии с двумя археологическими картами / Сост. Е.Т. Соловьев, при содействии члена-секретаря Статистического комитета Н.Н. Вячеслава. Казань, 1877. 81 с.
- Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. // Материалы ГАИМК. Вып. 2. Л.: Типография «Печатный Двор», 1933. 38 с.
- Древняя Казань глазами современников и историков / Сост. и коммент. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдинов. Казань: Фест, 1996. 444 с.
- Древняя Русь: Город, замок, село / Археология СССР / Отв. ред. Б.А. Колчин. М.: Наука, 1985. 431 с.
- Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л.: ЛГУ, 1989. 255 с.
- Дьяченко А.Н., Кригер В.А. Отчет о раскопках курганов и грунтового могильника в Клетском районе Волгоградской области в 1991 году // Архив ВОКМ № 109.
- Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.
- Егоров В.Л., Полубояринова М.Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 годах // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 39–79.
- Екимов В.В. Гончарное производство в Хивинском районе // Труды ХАЭЭ. Т. IV. М.: АН СССР, 1958. С. 343–378.
- Енуков В.В., Енукова О.Н., Лебедев В.П. Шуклинский клад дирхамов X в. И его археологический контекст // Археология Евразийских степей. 2017. № 6. 2017. С. 14–36.
- Ермаков С.Ф., Матвеева Г.И. Севрюкаевское селище // Вопросы древней истории Волго-Камья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: Мастер-Лайн, 2002. С. 46–53.
- Ефимова А.М. Металлургические горны в городе Болгаре // КСИИМК. Вып. XXXVIII / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1951. С. 128–135.
- Ефимова А.М. Черная металлургия города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 61 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР. 1958. С. 292–315.
- Ефимова А.М. Городецкое селище и болгарское городище у с. Балымеры Татарской АССР // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. IV / МИА. № 111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1962. С. 25–48.
- Ефимова А.М., Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Раскопки городища «Великие Болгары» в 1945 г. // КСИИМК. Вып. XVII / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 139–149.
- Ефимова А.М., Хованская О.С., Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Раскопки развалин Великих Болгар в 1946 г. // КСИИМК. Вып. XXI / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 102–111.
- Ефимова С.Г. Антропологические материалы из билярских некрополей // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 169–185.
- Ефимова С.Г. Краниология городского населения Волжской Булгарии (по материалам билярских некрополей) // Вопросы антропологии. 1983. Вып. 72. С. 102–111.
- Ефимова С.Г. К краниологии средневековых кочевников Южного Урала // Сравнительная антропология башкирского народа / Отв. ред. Р.М. Юсупов. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1990. С. 98–106.
- Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: МГУ, 1991. 95 с.
- Ефимова С.Г. Формирование антропологического состава населения Биляра // Биляр – столица домонгольской Булгарии / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1991а. С. 117–130.
- Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: МГУ, 1991б. 95 с.
- Ефимова С.Г. Краниология финно-угорских народов Поволжья и Приуралья: территориальная изменчивость и ретроспективный анализ // Вопросы антропологии. 1999. Вып. 90. С. 127–140.
- Ефимова С.Г., Кондукторова Т.С. Болгарский компонент в антропологическом составе населения салтово-маяцкой культуры Подонья // Вопросы антропологии. 1993. Вып. 87. С. 66–79.
- Жеребцов Л.Н., Конаков Н.Д., Королев К.С. Из жизни древних коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. 134 с.
- Жиганов М.Ф. Из истории ремесла, домашнего производства и торговых связей в XIII–XVI вв. // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1959а. С. 138–168.
- Жиганов М.Ф. Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Тёша // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1959б. С. 55–97.
- Жиганов М.Ф. К истории мордовских племен в конце I тысячелетия н.э. (Могильник у пос. «Заря») // СА. 1961. № 4. С. 158–178.
- Жиганов М.Ф. Память веков. Изучение археологических памятников мордовского народа за годы советской власти. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976. 136 с.
- Жигулина Л.Н. Отчет о раскопках в Ставропольском районе Куйбышевской области в 1977 г. по Открытому листу № 182. Куйбышев, 1978 // Научный архив ИА РАН. Ф. Р-1.
- Жиганов М.Ф., Авдеев А.М., Елисеев А.В., Прокудин В.П. Работы Мордовской экспедиции // АО – 1976

- / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1977. С. 148–149.
- Жирова А.Г.* Отчет об археологических разведках в Красноярском районе Астраханской области в 2009 г. // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. Б/Н.
- Жиромский Б.Б.* Ага-Базар // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М. АН СССР, 1954. С. 326–339.
- Житие Стефана Пермского // Святитель Стефан Пермский / Ред. Г. М. Прохоров. СПб.: Глагол, 1995. С. 49–263.
- Забоев А.С.* Древний «денежный» счет коми. // СЭ. 1978. № 1. С. 103–109.
- Завьялов В.И.* История кузнечного ремесла пермяк: археометаллографическое исследование. Ижевск: УдмИИЯЛ УрО РАН. 2005. 244 с.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья. М.: Знак, 2009. 264 с.
- Завьялов В.И., Чеснокова Н.Н.* Железные предметы Лозымского поселения (ванвиздинская культура) // СА. 1991. № 2. С. 208–215.
- [*Загоскин Н.П.*] Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книга города / Под ред. проф. Н.П. Загоскина. Казань, 1895. 691 с., +IX с.
- Заитов М.Б.* О Чаллыском городище // ИОАИЭ. 1884. Т. III. С. 277–280.
- Зайцева И.Е.* Цветной металл Волжской Болгарии (предварительный анализ) // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, Ю.В. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 116–138.
- Закирова И.А.* Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 220–243.
- Запись И.И. Разумова о находках в Ветлужском уезде Нижегородской губернии // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 264.
- Захаркина А.Д.* Отчет о работе археологической экспедиции по раскопкам могильника у с. Черемис Рыбчинского района МордАССР // Архив ИА РАН. 1952. Р-1. № 776.
- Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. М.: АН СССР, 1962. 279 с.
- Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. М.: Наука, 1967. 212 с.
- Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 392 с., ил.
- Збруева А.В.* Археологический отряд комплексной экспедиции в Коми АССР // КСИЭ. Т. II / Отв. ред. А.П. Окладников. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 64–65.
- Званцев М.П.* Нижегородская коммуна. 1929. № 115 (3160).
- Зеленеев Ю.А.* Новые исследования Ефаевского могильника XII–XIV вв. // Древности Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 13 / Отв. ред. Б. С. Соловьев. Йошкар-Ола: Мар НИИ, 1987. С. 148–153.
- Зеленеев Ю.А.* Очерки этнокультурной истории Поволжья XIII–XV вв. Йошкар-Ола: МарГУ, 2013. 328 с.
- Зеленцова О.В.* Хронология и периодизация среднепеченских могильников древней мордвы. Автореф. Дис. ... канд. истор. наук. М., 1998. 18 с.
- Зеленцова О.В., Сапрыкина И.А.* Критерии выделения статусных погребений на основе комплексного анализа поясных наборов VIII–XI вв. по материалам мордовских могильников // КСИА. 2013. Вып. 229. С. 84–90.
- Зеленцова О.В., Митоян Р.А., Сапрыкина И.А.* Поясной набор с позолотой из Крюково-Кужновского могильника средневековой мордвы // РА. 2012. № 2. С. 42–51.
- Зеленин Д.К.* Что такое «воршуд»? // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии / Отв. В. К. Кельмаков. Ижевск: Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров УАССР, 1980. С. 118–132.
- Зиливинская Э.Д.* Еще раз о банях города Мохши // Из истории области. Очерки краеведов. Вып. II / Отв. ред. Н.И. Мошнин. Пенза: Пенз. гос. объед. краевед. музей, 1990. С. 129–138.
- Зиливинская Э.Д.* Отчет о раскопках городища Самоделка Камызякского района Астраханской области в 2005 году // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. №17597-17600.
- Зиливинская Э.Д.* Отчет о раскопках городища Самоделка Камызякского района Астраханской области в 2009 году // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. № 18993/98-18993/101
- Зиливинская Э.Д.* О связях Нижнего Поволжья и Северного Кавказа в хазарское время // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа / Отв.ред. М.Б. Мужухоев. Магас: Пилигрим, 2010. С. 140–144.
- Зиливинская Э.Д.* Раскоп № 1 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации / Ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 13–35.
- Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В.* О вероятной локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II / Отв. ред.

- А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 224–226.
- Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В.* К вопросу об интерпретации Самосдельского городища на разных этапах его существования // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации / Ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 156–164.
- Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю.* Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000–2004 гг. // РА. 2006. № 4. С. 24–36.
- Зиливинская Э.Д., Орфинская О.В.* Текстильные изделия из раскопок Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации / Ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 136–145.
- Зимони И., Кузембаев Н.* Монгольское завоевание Дешт-и Кипчака. Павлодар: Кереку, 2014. 118 с.
- Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские источники. Сборник материалов к истории Золотой Орды, в переводах В.Г. Тизенгаузена / Сост., введ. Ст. и коммент. Р.П. Храпачевского. М.: Наука, 2003. 448 с.
- Зубов С.Э., Матвеева Г.И., Приказчиков С.И.* Междуреченское городище // Краеведческие записки. Вып. VII / Ред. П. С. Кабытов. Самара: СОИКМ им. П. В. Алабина, 1995. С. 208–225.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В.* Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собрания Уральского университета. Екатеринбург: Внешторгиздат; ДИАКОМ – Франция. 1994. 160 с.
- Зябловский Е.Ф.* Землеописание Российской империи для всех состояний. СПб., 1810. Ч. III.
- Иванов А.А.* Раннесредневековые подкурганые кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Дис... канд. истор. наук. Волгоград, 1999. 255 с.
- Иванов А.Г.* Средневековые памятники окрестностей Иднакара // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УдмИИЯЛ УрО РАН, 1995. С. 106–130.
- Иванов А.Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII вв.). Ижевск: УдмИИЯЛ УрО РАН, 1998. 309 с.
- Иванов А.Г., Иванова М.Г., Останина Т.И., ШUTOва Н.И.* Археологическая карта северных районов Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 276 с.
- Иванов В.А.* Magna Hungaria – археологическая реальность? // Проблемы древних угров на Южном Урале / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: Баш. кн. изд-во, 1988. С. 53–66.
- Иванов В.А.* Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII–XIV вв. н. э. Автореф. Дисс. ... докт. истор. наук. М.: ИА РАН, 1990. 45 с.
- Иванов В.А.* Урало-Поволжская часть мадьярского пути на запад // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1996. С. 192–198.
- Иванов В.А.* Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 124 с.
- Иванов В.А.* Заволжская Печенегия // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Отв. ред. Г.И. Матвеева, И.Н. Васильева. М.: Наука, 2000. С. 273–282.
- Иванов В.А.* Огузы и печенеги в евразийских степях // История татар с древнейших времен (в семи томах). Т. I. Народы степной Евразии в древности / Науч. ред. С.Г. Кляшторный. Казань: Рухият, 2002. С. 316–327.
- Иванов В.А.* Огузы и печенеги в степях Заволжья и Приуралья // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. / Ред. Р.С. Хакимов. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 85–94.
- Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В.* Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа: БГПУ, 2014. 396 с.
- Иванов В.А., Кригер В.А.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 90 с.
- Иванова М.Г.* Культурные и торговые связи северных удмуртов в начале X – начале XIII вв. // СА. 1974. № 4. С. 125–134.
- Иванова М.Г.* Экономические связи северных удмуртов со странами Востока в конце I – начале II тыс. н. э. // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Препринт док. / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1976. С. 53–54.
- Иванова М.Г.* Земледелие северных удмуртов в начале II тысячелетия н.э. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УдмИИЯЛ, 1978. С. 49–67.
- Иванова М.Г.* Памятники чепецкой культуры // Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э. / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: НИИ при СМ УдмАССР, 1979. С. 115–150.
- Иванова М.Г.* Городище Гурьякар // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: НИИ при СМ УдмАССР, 1982. С. 3–26.
- Иванова М.Г.* Качкашурское селище // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Отв. ред. М.Г.

- Иванова. Ижевск: НИИ при СМ УдмАССР, 1982а. С. 85–89.
- Иванова М.Г. Чепецкие древности. Ижевск: Удмуртия, 1985. 115 с.
- Иванова М.Г. Об этнической принадлежности памятников чепецкой культуры // Проблемы этногенеза удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Устинов: НИИ при СМ УдмАССР, 1987а. С. 59–79.
- Иванова М.Г. Концовский могильник: новые материалы // Новые исследования по древней истории Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УдМИИЯЛ УрО АН СССР, 1988. С. 4–24.
- Иванова М.Г. Погребальный обряд северных удмуртов в IX–XIII вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов / Отв. ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ, 1991. С. 35–55.
- Иванова М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск: УдМИИЯЛ УрО РАН, 1992. 184 с.
- Иванова М.Г. Истоки удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 1994. 191 с.
- Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: УдМИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.
- Иванова М.Г. Удмурты // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УдМИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 207–254.
- Иванова М.Г. Исследования Удмуртской археологической экспедиции Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН (1969–2003) // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет. Материалы Всерос. Науч. конф., посвящ. 50-летию УАЭ и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УдМИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 30–40.
- Иванова М.Г. Мифологические мотивы в средневековой материальной культуре удмуртов // Удмуртская мифология / Ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: УдМИИЯЛ УрО РАН, 2004а. С. 20–28.
- Иванова М.Г. Древнеудмуртское городище Иднакар IX–XIII вв.: новые результаты и перспективы исследований // Ежегодник финно-угорских исследований. 2009. Вып. 1. С. 171–181 (48–61).
- Иванова М.Г. Проблемы хронологического обоснования уровней планировки средней части городища Иднакар // Исследования по средневековой археологии Евразии / Ред. К. А. Руденко. Казань: РИЦ «Школа», 2012. С. 104–112.
- Иванова М.Г. Хронология структурных частей городища Уччакар в бассейне р. Чепцы // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Вып. 3. С. 48–56.
- Иванова И.В., Иванова Н.Ю. Коллекция костяных изделий Ладоги (по материалам из раскопа близ варяжской улицы в пос. Старая Ладога) // Археологические вести. Вып. 18 / Отв. ред. Т.С. Дорофеева. СПб.: Дмитрий Булавин, 2012. С. 124–144.
- Иванова М.Г., Журбин И.В. Археологические и геофизические исследования средневековых поселений бассейна р. Чепцы // РА. 2014. № 1. С. 40–53.
- Иванова М.Г., Журбин И.В. Археолого-геофизические исследования поселений Камско-Вятского региона // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2015. Т. 25. Вып. 1. С. 104–109.
- Иванова М.Г., Журбин И.В. Укрепленные поселения бассейна р. Чепцы: особенности освоения и использования площадок // Вестник Пермского научного центра. 2016. № 3. С. 50–56.
- Иванова М.Г., Журбин И.В., Модин Р.Н. Кушманский комплекс памятников X–XIII веков в бассейне реки Чепцы: основные результаты междисциплинарных исследований // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2017. Т. 27. Вып. 4. С. 581–586.
- Иванова М.Г., Кириллов А.Н. Кушманское городище Уччакар в бассейне р. Чепцы: итоги исследований 2011–2012 гг. // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества. XIV Бадеровские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Удмуртский университет, 2013. С. 75–80.
- Иванова М.Г., Куликов К.И. Древнее искусство Удмуртии. Альбом. Ижевск. УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 216 с.
- Игонин Н.И., Халиков А.Х. Опыт применения авиации при изучении Билярского городища и его окрестностей // СА. 1975. № 1. С. 102–108.
- Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя волжских болгар VIII–X вв. // Ранние болгары в Восточной Европе / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. С. 107–121.
- Измайлов И. Л. Военно-дружинные связи Волжской Булгарии с Южной Русью в X–XI вв. // Путь из Булгара в Киев / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1992. С. 102–113.
- Измайлов И.Л. Викинги в Среднем Поволжье // Древние народы и города Поволжья / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: ПГПУ, 1995. С. 1–23.
- Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII вв. Казань: Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1997. 213 с.
- Измайлов И.Л. К истории сложносоставного лука населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья конца VIII–X вв. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1998. С. 242–259.
- Измайлов И.Л. «Безбожные агаряне»: Волжская Булгария и болгары глазами русских (X–XIII вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI

- Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы к конф. / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 69–75.
- Измайлов И.Л.* «Начала истории» Волжской Булгарии в предании и исторической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 / Отв. ред. Л.В. Столярова, Е.А. Мельникова. М.: Наука, 2000. С. 99–105.
- Измайлов И.Л.* К вопросу о каноничности и языческих пережитках в мусульманском погребальном обряде // Вопросы древней истории Волго-Камья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: Мастер-Лайн, 2002а. С. 60–69.
- Измайлов И.Л.* Мусульманин на пороге вечности: представления о смерти и особенности джаназы в Волжской Булгарии // Минбар (Казань). 2008. Вып. 1. С. 4–41.
- Измайлов И.Л.* Предметы мусульманского культа в археологической культуре Волжской Булгарии // Наследие ислама в музеях России: пространственные границы и образы: материалы научно-практической конференции / Отв. ред. Г.Р. Назипова. Казань: РИЦ «Школа», 2009. С. 47–56.
- Измайлов И.Л., Якимов И.В.* Раскопки Богдашкинского городища // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. С. 112–113.
- Измайлов И.Л., Якимов И.В.* Исследования Богдашкинского городища // Историко-археологическое изучение Поволжья / Отв. ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 62–66.
- Износков И.А.* Заметки о городках, курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии и о встречающихся в них находках // ИОАИЭ. 1878. Т. I. Вып. 5. С. 110–114; 124–125
- Износков И.А.* Заметки о городках, курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии и о встречающихся в них находках (продолжение) // ИОАИЭ. 1879. Т. II. С. 103–106.
- Износков И.А.* Заметки о городках, курганах и древних жилищах, находящихся в Казанской губернии и о встречающихся в них находках // ИОАИЭ. 1884. Т. III. С. 73–84.
- Износков И.А.* Об археологических находках, сделанных в последнее время в пригороде Билярска, Чистопольского уезда Казанской губернии // ИОАИЭ. 1884. Т. III. С. 85–88.
- Износков И.А.* Список населенных мест Мамадышского уезда // Труды IV Археологического съезда в Казани. Т. I. Отд. 1. Казань: Типография Императорского Университета, 1884. С. 116–148.
- Износков И.А.* Список населенных мест Казанской губернии с кратким описанием их. Лаишевский уезд. Казань, 1895.
- Иконников Д.С.* Плужные наконечники Верхнего Посурья и Примокшанья XI–XIV веков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 2009. № 12 (89). С. 85–88.
- Иконников Д.С.* Средневековая усадьба Золотаревского городища (по материалам раскопок 1997–2001 гг.) // Материалы XXXVII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции (УПАСК, 31 января – 3 февраля 2006 г.) / Отв. ред. Д.В. Васильев, А.В. Сызранов. Астрахань: Астраханский ун-т, 2006. С. 144–145.
- Ильин А.А.* Топография кладов серебряных и золотых слитков. Петроград: Гос. изд-во, 1921. 62 с.
- Ильин А.А.* Топография кладов древних русских монет X–XI вв. и монет удельного периода. Л: Рос. Гос. Академ. Тип., 1924. 61 с.
- Ильина А.И., Шишкин П.Н.* Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астраханского и Камышинского округов Нижне-Волжского края. Сталинград: Сталинград. Окружн. О-во краеведения. Тип. Школы глухонемых, 1929. 50 с.
- Исэбэт Н.* Татар халык мәкальләре. Казан: Татар. Кит. Нәшр., 1967. 999 б.
- Истомина Т.В.* Жертвенные комплексы средневековых могильников Приуралья как этнический определитель // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока / Отв. ред. Р.Ф. Итс. Пермь: Перм. ун-т, 1982. С. 78–88.
- Истомина Т.В.* Погребальный обряд перми вычегодской (X–XIV вв.). Дис... канд. истор. наук. Л., 1983. 15 с.
- Истомина Т.В.* Кедвавомский могильник // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока / Отв. ред. А.Д. Столяр. Сыктывкар, Пермь: Пермский гос. ун-тет, 1985. С. 111–122.
- Истомина Т.В.* Комплекс погребения 37 Чажтыягского могильника // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: КИЦ УрО РАН, 1992. С. 127–136.
- Истомина Т.В.* Вотчинский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и исследования) / МАЕСВ. Вып. 16 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1999. С. 76–102.
- История Казани. Первая книга / Редкол.: Я.А. Абдуллин, С.Х. Алишев и др.. Казань: Татар. кн. изд-во, 1988. 336 с.
- История о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия по двум старинным спискам. СПб.: Имп. Акад. наук, 1791. 263 с.
- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Отв. ред. Г.И. Матвеева, И.Н. Васильева. М.: Наука, 2000. 423 с.

- История татар с древнейших времен (в семи томах). Т. II. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РухИЛ, 2006. 960 с.
- История Татарии в материалах и документах / Под ред. И.Л. Рубенштейна. Москва, Гос. Соц-эконом издат. 1937. 503 с., ил. и табл.
- История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней) / Ред. М.К. Мухарямов. Казань: Татар. кн. изд-во, 1968. 719 с.
- История Удмуртии с древнейших времен до XV в. / Под ред. М.Г. Ивановой; предисл. М. Г. Ивановой; введение Р. Д. Голдиной; УдмИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2007. 304 с.
- История Чувашской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Изд. 2-е, перераб. / Ред. В.Д. Дмитриев, В.А. Прохорова. Чебоксары: Чув. Кн. изд-во, 1983. 288 с.
- Ишаев В.И., Смоляк А.Р.* Раннесредневековый панцирь из могильника Матюхин Бугор (Ростовская область) // РА. 2017. № 4. С. 160–174.
- Йовков С.М.* Жернова Волжской Булгарии // СА. 1976. № 2. С. 249–251.
- Йовков С.М.* Ручные почвообрабатывающие орудия Волжской Булгарии // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, И.Г. Розенфельдт. М.: Наука, 1978. С. 219–223.
- Кабанов С.К.* Погребение воина в долине р.Кашка-Дарья // СА. 1963. № 3. С. 236–241.
- Кавеев М.М.* О некоторых результатах изучения оборонительных сооружений Билярского городища // Из истории материальной культуры татарского народа / Ред. Е. П. Казаков, Ю. И. Смыков. Казань: ИЯЛИ, 1981. С. 36–42.
- Кавеев М.М.* Исследование Елабужского городища // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1984. С. 18–27.
- Кавеев М.М.* Некоторые дополнения к исторической топографии города Болгара // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы Вторых Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 2002. С. 58–71.
- Кавеев М.М.* Два клада с IV Кожаевского селища // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы научной конференции (Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002). СПб.: СПбГУ, 2002а. С. 123–126.
- Кавеев М.М.* Отчет об исследовании Болгарского городища на раскопе СХХVII. Казань, 1998. / Док. Фонд БГИАМЗ. Инв. № 757–6/112.
- Кавеев М.М., Губайдуллин А.М.* Археологические работы на IV Кожаевском селище и Бураковском I городище // Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе / Древности Вып. 36. / Отв. ред. и сост. А.А. Бурханов. М.; Казань: Gumanitarya, 2003. С. 203–204.
- Кавеев М.М., Полубояринова М.Д., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф.* Отражение монгольского нашествия в напластованиях Болгара // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1988. С. 58–71.
- Казаков А., Черненко Е.* Черниговский детинец IX–XIII вв. в свете новых археологических материалов // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів. С. 119–125.
- Казаков Е.П.* О назначении погребальных лицевых покрытий Танкеевского могильника. (Об одном элементе погребального обряда) // Труды КАЭЭ. Вып. 4 / УЗ ПГУ. № 191 / Гл. ред. Ф. С. Горовой. Пермь: ПГУ, 1968. С. 230–239.
- Казаков Е.П.* Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 94–155.
- Казаков Е.П.* О башкиро-приуральском компоненте в материальной культуре ранней Волжской Булгарии (на материале керамики) // АЭБ. Т. IV / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: Гилем, 1971. С. 122–128.
- Казаков Е.П.* О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров. Сб. Ст. Советских и венгерских археологов / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 161–167.
- Казаков Е.П.* Два погребения Чишминского могильника // СА. 1975. № 4. С. 259–264.
- Казаков Е.П.* Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 128 с.
- Казаков Е.П.* Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 115–135.
- Казаков Е.П.* V Старо-Куйбышевское селище // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 39–64.
- Казаков Е.П.* Знаки и письмо ранней Волжской Булгарии по археологическим данным // СА. 1985. № 4. С. 178–185.
- Казаков Е.П.* О характере связей Волжских болгар с финнами и уграми в X–XI вв. // Древние этнические процессы Волго-Камья / АЭМК. Вып. 9 / Науч. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1985. С. 24–37.
- Казаков Е.П.* Новые материалы II–III четверти I тысячелетия новой эры в Закамье // Культуры Вос-

- точной Европы I тысячелетия / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1986. С. 118–130.
- Казаков Е.П.* О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Р. Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1987. С. 67–75.
- Казаков Е.П.* Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.
- Казаков Е.П.* Об этнокультурных контактах населения Западного Закамья с народами Урало-Прикамья в IV–XII вв. н.э. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991а. С. 111–123.
- Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 335 с.
- Казаков Е.П.* Этапы взаимодействия волжских болгар с финнами Поволжья // Средневековые древности Волго-Камья / АЭМК. Вып. 21 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992а. С. 42–50.
- Казаков Е.П.* Коминтерновское II селище // Археология Волжской Болгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ, 1993а. С. 117–129.
- Казаков Е.П.* О языческой культуре волжских болгар (по археологическим данным) // Культура, искусство татарского народа / Отв. ред. Г.Ф. Валеева-Сулейманова. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1993б. С. 12–22.
- Казаков Е.П.* Об этнокультурных компонентах народов Юго-Восточной Европы в Волжской Болгарии (по археологическим материалам) // ТА. 1997. № 1. С. 61–77.
- Казаков Е.П.* Волжская Болгария и финно-угорский мир // Finno-Ugrica. 1997а. № 1. С. 33–53.
- Казаков Е.П.* Об освоении болгарами Казанско-Марийского Поволжья в X–XI вв. // Археологическое изучение болгарских городов / Ред. Ф.Ш. Хузин и др. Казань: Мастер-Лайн, 1999а. С. 63–71.
- Казаков Е.П.* Торгово-ремесленные поселения болгар X–XI вв. и Северо-Восточная Европа // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы международного симпозиума (Казань, 8–10 сентября 1998 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 1999б. С. 101–106.
- Казаков Е.П.* Ранние торгово-ремесленные поселения на Волге и Каме // Средневековая Казань: возникновение и развитие / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 117–121.
- Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 208 с.
- Казаков Е.П.* О ранней дате столичных городов домонгольской Волжской Болгарии // Finno-Ugrica. 2008. № 10. С. 34–39.
- Казаков Е.П.* Хронология древностей Волжской Болгарии в системе средневековых миграций Восточной Европы // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 222–241.
- Казаков Е.П.* Большеатарханский могильник // Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Тюркоязычные кочевники (VIII – начало XIII вв.) / Археология Волго-Уралья. Т. 5 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: АН РТ, 2022. С. 32–50.
- Казаков Е.П., Салугина Н.П.* Полянское III селище (к проблеме освоения Закамья населением именьковской культуры) // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 35–53.
- Казаков Е.П., Семькин Ю.А., Вискалин А.В.* Автозаводской раннеболгарский могильник на территории Ульяновска // Материалы I научной конференции, посвященной С.Л. Сытину (Ульяновск, 2 октября, 2003 г.). Ульяновск: Гос. Историко-мемориальный музей-заповедник «Родина В.И. Ленина», 2004. С. 207–219.
- Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х.* Археологические памятники Татарской АССР. Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. 238 с.
- Казаков Е.П., Халикова Е.А.* Раннеболгарские погребения Тетюшского могильника // Из истории ранних болгар / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 21–35.
- Казанцева О.А., Ютина Т.К.* Керамика кушнаренковского типа Благодатского I городища // Приуралье в древности и средние века / Отв. ред. А.А. Тронин. Устинов: УдГУ, 1986. С. 110–129.
- Казанцева О.А., Ютина Т.К.* Разведочные работы в Алнашском районе Удмуртской Республики // АО – 2004 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2005. С. 349.
- Казаринов В.А.* Описание Билярского и Баранского городищ // ИОАИЭ. 1884. Т. III. С. 89–127.
- Калинин Н.Ф.* К итогам археологической экспедиции КФАН СССР 1955 года // Известия КФАН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2 / Отв. ред. Л.М. Миропольский. Казань: КФАН СССР, 1957. С. 201–204.
- Калинин Н.Ф.* Археологические раскопки на Чаллыном городище в 1955 году // Борынгы Чаллы. Древние Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 40–65.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Тр. КФАН СССР. Серия истор. Наук / Ред. Н.И. Воробьев, Х.Г. Гимади. Казань: Татар. кн. изд-во, 1954. 128 с.
- Калинина Т.М.* Арабские географы и путешественники о Волжской Болгарии. Ибн Русте // История

- татар с древнейших времен (в семи томах). Т. II. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РухИЛ, 2006. С. 699–707.
- Кальмер Й.* Ранние бусы из раскопок древней Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции (Казань, 1–3 июня 1999 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2000. С. 54–58.
- Каменский В.Н.* «Чортово городище» в Ветлужском уезде по раскопкам 1909 г. / Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской академии наук. Вып. VII. СПб.: тип. Имп. Акад. Наук, 1909. 12 с. с ил.
- Калиев Ю.А.* Мифологическое сознание мари. Феноменология традиционного мировосприятия. Йошкар-Ола: МарГУ, 2003. 216 с.
- Калинин Н.Ф.* Казань. Исторический очерк. Казань: Татар. кн. изд-во, 1952. 322 с., ил.
- Калинин Н.Ф.* Раскопки в Казанском кремле в 1953 году // Известия КФАН СССР. Серия гуманитар. наук. Казань: Татар. кн. изд-во, 1955. С. 117–138.
- Канивец В.И.* Древние поселения Южно-Печорской равнины // Древние поселения на Печоре и Вычегде / МАЕСВ. Вып. 3/ Отв. ред. Я.Н. Безносиков. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965. С. 3–100.
- Канивец В.И.* Канинская пещера. М.: Наука, 1964. 136 с.
- Канивец В.И.* Первые результаты раскопок в Уньинской пещере // МАЕСВ. Вып. 1 / Отв. ред. В.И. Канивец. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1962. С. 103–144.
- Канивец В.И.* Поселения железного века на средней Печоре // Известия Коми филиала ВГО. Т. II. Вып. 4 (14). Сыктывкар, 1972. С. 79–89.
- Карасев В.* Материалы для археологической карты Казанской губернии. (Отчет о поездке в Чистопольский уезд) // ИОАИЭ. 1911. Т. XXVII, вып. 1. С. 37–48.
- Караулов Н.А.* Сведения арабских географов IX и X веков по Р. Хр. О Кавказе, Армении и Азербейджане. В 2 тт. Тифлис : тип. Канц. Главнонач. Гражд. Г. на Кавказе, 1901–1902.
- Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М.: Высшая школа, 1967. 262 с.
- Каталог археологических коллекций Государственного музея ТАССР. Вып. II. Эпоха железа. Волжская Болгария, золотоордынские города, Казанское ханство. Коллекции XVI–XVII вв. / Сост. А.М. Ефимова; Отв. ред. А.П. Смирнов. Казань: Гос. музей ТАССР, 1980. 231 с.
- Каталог археологических коллекций: (Соколовский курганный могильник) / Сост. Т.А. Алешина, Ф.Р. Балонов, М.И. Крайственный; ред. Б.А. Раев. Новочеркасск: Новочерк. Музей истории донского казачества, 1985. 84 с.
- Кафтанников Н.Н. Вид башни так называемого Чортова городища, находящегося близ города Елабуги // Заволжский Муравей. 1834. Ч. 1. № 6. С. 324–347.
- Каховский Б.В.* О язычестве волжских болгар (по археологическим данным) // Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии / Отв. ред. В.Ф. Каховский. Чебоксары: ЧНИИ, 1983. С. 26–42.
- Каховский В.Ф.* Новые археологические памятники Чувашского Присурья // Исследования по археологии Чувашии / Труды ЧувНИИ. Вып. 80. / Отв. ред. В.Ф. Каховский. Чебоксары: ЦНИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР, 1978. С. 3–18.
- Каховский В.Ф.* О западных пределах Волжской Болгарии // Труды ЧувНИИ. Вып. 105. Вопросы древней и средневековой истории Чувашии / Ред. В.А. Прохорова и др. Чебоксары: ЦНИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР, 1980. С. 35–50.
- Каховский В.Ф., Краснов Ю.А., Ошибкина С.В., Трубникова Н.В., Халиков А.Х., Черников В.Ф.* Чебоксарская экспедиция // АО – 1969 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1970. С. 129–133.
- Каховский В.Ф., Смирнов А.П.* Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья / Отв. ред. В.А. Прохорова. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ СМ ЧАССР, 1972. С. 3–73.
- Кельмаков В.К.* Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Ижевск: УдГУ, 1993. 58 с.
- Кеннеди Х.* Двор Халифов. М.: Хранитель, 2007. 412 с.
- Кеппен П.* О волжских болгарях // ЖМНП. 1836. № 10. Отд. 2. С. 64–79.
- Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2.: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. М.-Л.: Наука, 1966. 147 с.
- Кирпичников А.Н.* Военное дело Руси. Некоторые оценки и новые исследования // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс» (Москва, 24–27 апреля 1989 г.). Вып. 2/ Ред. Д.Б. Шелов. М.: Наука, 1991. С. 98–112.
- Кирпичников А.* О начальном этапе международной торговли в Восточной Европе в период раннего средневековья (по монетным находкам в Старой Ладого) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. Материалы Междунар. Симпозиума / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 1999. С. 107–115.
- Кирпичников А.Н., Измайлов И.Л.* Каролингские мечи из Булгарии (из фондов Государственного объединенного музея Республики Татарстан) // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции (Казань, 1–3 июня 1999 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2000. С. 207–218.

- Кирьянов И.К., Коренюк С.Н., Чагин Г.Н.* Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена. Пермь: Книжный мир, 2007. 168 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Тишкин А.А.* Древнетюркские курганы могильника Тыткескень VI // Древности Алтая (Изв. Лаборатории археологии. № 3) / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: Изд-во ГА. Гос. Ун-та, 1998. 216 с.
- Киселев С.В., Мерперт Н.Я.* Железные и чугунные изделия из Кара-Корума // Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. С. 188–215.
- Кияшко Я.А.* Грунтовые захоронения на территории Волго-Донского междуречья в эпоху раннего средневековья // Нижневолжский археологический вестник. 2017. Т. 16. № 2. С. 50–67.
- Клейн Л.С., Раев Б.А., Семенов А.И., Субботин А.В.* Катакомба скифского времени и салтовский курган на Дону. // АО – 1971 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1972. С. 133–134.
- Кленов М.В.* Озельский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и исследования) / МАЕСВ. Вып. 16 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1999. С. 103–114.
- Кленов М.В.* Жигановское поселение (материалы 2001, 2009 гг.). // Первобытные и средневековые древности Европейского Северо-Востока / МАЕСВ. Вып. 19 / Отв. ред. А.В. Волокитин. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2015. С. 110–122.
- Климанов В.А., Никифорова Л.Д.* Изменение климата на северо-востоке Европы за последние 2000 лет // Док. АН СССР. 1982. Т. 267. № 1. С. 164–167.
- Климов К.М.* Традиции в убранстве удмуртского интерьера // Отражение межэтнических связей в народном декоративном искусстве удмуртов / Отв. ред. К.М. Климов. Ижевск: УдНИИ, 1984. С. 74–92.
- Климатические условия Татарской АССР и их использование в сельском хозяйстве. Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 1962.
- Ключевский В.О.* Курс русской истории. М.: Мысль, 1987. 430 с.
- Ключникова Р.М., Сташенков Д.А.* Ново-Троевское погребение (о кыпчакском компоненте в Среднем Поволжье) // Краеведческие записки. Вып. VIII / Отв. ред. П.С. Кабытов. Самара: СОИКМ, 1996. С. 239–248.
- Кляшторный С.Г.* Кимаки, кипчаки и половцы // История татар с древнейших времен (в семи томах). Т. 1. Народы степной Евразии в древности / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. Казань: Рухият, 2002. С. 328–346.
- Кляшторный С.Г.* Хазарские заметки // Тюркологический сборник 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М: ИВР РАН, 2005. С. 95–117.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 378 с.
- Ковалевская В.Б.* Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки / САИ. Вып Е1-2. М.: Наука, 1979. 113 с.
- Ковалевский А.П.* Посольство халифа к царю волжских болгар // ИЗ. 1951. № 37. С.189–214.
- Ковалевский А.П.* Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. (Уч. Зап. ЧувНИИ. Вып. IX). Чебоксары: Чувгосиздат, 1954. 64 с.
- Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, перевод и комментарии. Харьков: Изд-во Харьков. Ун-та, 1956. 348 с.
- Коваленко В., Моця А., Сытый Ю.* Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998–2002 гг. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернігів: Сіверянська думка, 2003. С. 51–83.
- Коваль В.Ю.* Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище (раскоп CLXXIX) в 2012 году. Москва, 2012 // Архив ИА РАН. Р-1. №34698, 34699.
- Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю.* О фортификации раннего Болгара // Поволжская археология. 2021. № 4 (38). С. 8–21.
- Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю., Гольева А.А.* Стратиграфия района исследований // Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011–2019 гг.) / Материалы и исследования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса. Т. IV / Отв. ред. В. Ю. Коваль. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 14–24.
- Козлова К.И.* Восточные марийцы // Труды МарНИИЯЛИ. Вып. XI. История, археология, этнография / Отв. ред. Г. А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 1958. С. 123–130.
- Коковцев П.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. XXXVIII, 134 с.
- Кокорина Н.А.* Лепная и близкая к ней керамика Билярского городища // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 212–227.
- Кокорина Н.А.* Гончарные горны Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН, 1983. С. 50–69.
- Кокорина Н.А.* О технике билярского гончарства // Посуда Биляра / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1986. С. 61–72, 130–136 (ил.).
- Кокорина Н.А.* Об одной группе знаков на керамике Волжской Булгарии // Ранние болгары в Восточной Европе / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. С. 89–97.

- Кокорина Н.А.* К проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Материалы научной конференции / Отв. ред. А.З. Винников. Пенза: Пензенский государственный объединенный краеведческий музей, 1992. С. 98–100.
- Кокорина Н.А.* О финно-угорском компоненте в болгарской и болгаро-татарской культурах (по материалам керамики) // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / АЭМК. Вып. 23 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. С. 185–213.
- Кокорина Н.А.* О ранних кувшинах Биляра (по материалам ямы № 5) // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Тезисы научной конференции (Билярск, сентябрь 1997 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 1997. С. 46–49.
- Кокорина Н.А.* Зооморфные сюжеты коропластики Волжской Булгарии // Вопросы древней истории Волго-Камья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 85–94.
- Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв. (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2002. 383 с.
- Кокорина Н.А.* Керамические котлы Волжской Булгарии XI–XIII веков // КСИА. 2004. Вып. 217. С. 34–45.
- Кокорина Н.А., Кузьминых С.В.* Исследование оборонительных сооружений Чаллынского городища в 1983 г. // Борынги Чаллы. Древние Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 66–75.
- Кокорина Н.А., Останина Т.И.* Исследование Чаллынского городка (раскопки 1983, 1989 гг.) // Борынги Чаллы. Древние Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 76–175.
- Кокорина Н.А., Хлебникова Т.А.* Керамика тюркоязычного населения Волжской Булгарии X–XIII вв. // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1993. С. 106–116.
- Колчин Б.А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) / МИА. № 32. М.: АН СССР, 1953. 259 с.
- Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II // МИА. № 65 / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: АН СССР, 1959. С. 7–120.
- Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: Наука, 1982. С. 156–177.
- Колчин Б.А., Янин В.Л., Ямищев С.В.* Древний Новгород: прикладное искусство и археология. М.: Искусство, 1985. 168 с.
- Комар А.В.* Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita Antiqua. 1999. № 2. (Київ: «Товариство Археології та Антропології»). С. 111–136.
- Комар А.В.* К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности Шиловских курганов // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2001. С. 11–44.
- Комар А.В.* Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2006а. С. 7–244.
- Комар А.В.* Погребение начала VIII в. У села Октябрьское в Северо-Восточном Приазовье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2006б. С. 399–402.
- Комар А.В.* Погребение начала VIII в. У села Журавлиха в Среднем Поднепровье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2006в. С. 403–412.
- Комар А.В.* К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: ООО «Офорт», 2010. С. 169–206.
- Комар А.В.* Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 334–366.
- Комар А.В.* История и археология древних мадьяр эпохи миграции / Komar O. A korai magyarság vándorlásának történeti és régészeti emlékei. Budapest: Martin Opitz Kiadó, PPKK BTK Régészettudományi Intézet, MTA BTK Magyar Őstörténeti Témacsoport, 2018. 426 p.
- Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С.* Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2006. С. 245–374.
- Комар А.В., Орлов Р.С.* Погребение кочевника 2-й пол. VII в. У села Черноморское // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2006. С. 387–398.

- Конаков Н.Д.* Древнекоми промысловый календарь (стиль календаря) // Науч. докл. Коми филиала АН СССР. Вып. 164. Сыктывкар, 1987. 24 с.
- Кондратьева О.А.* “Язык” гребня. К вопросу о семиотическом статусе вещи // Раннесредневековые древности северной Руси и ее соседей / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 80–88.
- Кондратьева О.А.* Древнерусские гребни IX – XI вв. как источник для изучения межэтнических и культурных контактов // Тезисы докладов советской делегации на V международном конгрессе славянской археологии. (Киев, сентябрь, 1985 г.). М.: Наука, 1985. С.
- Кондукторова Т.С.* Палеоантропологические материалы из Маяцкого могильника // Маяцкое городище. Труды советско-болгаро-венгерской экспедиции / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1984. С. 200–236.К
- Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М.: Вост. лит-ра, 1999. 254 с.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей // Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1991. 496 с.
- Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. 2-е изд. М.: Вост. Лит-ра, 1990. 727 с.
- Корепанов К.И.* Научный отчет об археологических исследованиях Елабужского (Чертова) городища в 1991 году. Елабуга, 1991 // Архив ЕГМЗ.
- Королев А.В., Хлебникова Т.А.* К вопросу о черной металлургии у волжских болгар // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III. / МИА. № 80 / Отв. ред. А. П. Смирнов. М. АН СССР, 1960. С. 159–168.
- Королев К.С.* Поселение Шойнаты II на средней Вычегде // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени / МАЕСВ. Вып. 6 / Отв. ред. В.С. Стоколос. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1977. С. 48–54.
- Королев К.С.* Новый район обитания вычегодских пермян // Науч. докл. Коми филиала АН СССР. Вып. 46. Сыктывкар, 1979. 48 с.
- Королев К.С.* Раннесредневековый могильник Шойнаты I // Древние памятники Северного Приуралья / МАЕСВ. Вып. 8 / Отв. ред. В.С. Стоколос. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1980. С. 92–99.
- Королев К.С.* Раннесредневековая керамика многослойного поселения Шойнаты III на средней Вычегде // Археологические памятники Северного Приуралья / МАЕСВ. Вып. 9 / Отв. ред. В.С. Стоколос. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1985. С. 98–112.
- Королев К.С.* Раннесредневековое поселение Угдым II / Серия препринтов “Науч. докл.” АН СССР, Коми науч. центр УрО АН СССР. Вып. 203. Сыктывкар: КНЦ УрО АН СССР, 1989. 20 с.
- Королев К.С.* Раннесредневековый могильник Угдым II // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1992. С. 116–121.
- Королев К.С.* Предванвиздинский комплекс поселения Угдым III // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье / МАЕСВ. Вып. 12 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1993. С. 90–98.
- Королев К.С.* Население средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. 195 с.
- Королев К.С.* Угдымский археологический комплекс на средней Вычегде. Сыктывкар, 2002. 109 с.
- Королев К.С.* Предки коми-зырян на средней Вычегде (XI–XIV вв.). Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2013. 89 с.
- Королев К.С., Мурыгин А.М., Савельева Э.А.* Ванвиздинская культура (VI–X вв.) // Археология Республики Коми. М: ДиК., 1997. С. 400–477.
- Королев К.С., Савельева Э.А.* Генезис средневековых культур бассейна Вычегды. (II пол. I тыс. н.э. – начало II тыс. н.э.) / Сер. Препринтов “Науч. докл.” Вып. 192. Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР, 1988. 28 с.
- Королева Н.С.* Удмуртская вышивка XIX–XX вв. // Проблемы развития профессионального и народного искусства Удмуртии / Отв. ред. Е. Ф. Шумилов. Ижевск: НИИ при СМ Удм. АССР, 1979. С. 28–42.
- Король Г.Г., Конькова Л.В.* Южносибирские импорты в Восточной Европе и проблемы этнокультурного и регионального взаимодействия в X–XIII веках // Археологические вести. Вып. 14 / Е.Н. Носов. М.: Наука, 2007. С. 145–156.
- Косинская Л.Л.* Исследования на Выми // АО – 1975 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1976. С. 25.
- Косинская Л.Л.* Работы на Выми // АО – 1979 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1980. С. 13.
- Косинская Л.Л.* Работы Коми Республиканского краеведческого музея // АО – 1980 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1981. С. 16–17.
- Корсаков Д.А.* Меря и ростовское княжество. Казань: Университетская Тип, 1872. 266 с.
- Костюков В.П.* Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс. н.э. // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза) / Ред. С.Г. Боталов и др. Челябинск: Рифей, 2006. С. 444–457.
- Котеньков С.А.* Иллюстративный альбом к Отчету об охранных раскопках на Самосдельском городище Камызякского района в 1992 году // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. № 13385.
- Кочкина А.Ф.* Гончарные клейма Билярского городища // Средневековые археологические памятники

- Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН, 1983. С. 69–92.
- Кочкина А.Ф.* Рунические знаки на керамике Биляра // Советская тюркология. 1985. № 4. С. 75–80.
- Кочкина А.Ф.* Находки древнерусской керамики на Билярском городище // Волжская Булгария и Русь. (К 1000-летию русско-булгарского договора) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1986а. С. 117–122.
- Кочкина А.Ф.* Гончарная посуда // Посуда Биляра / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1986б. С. 24–53, 114–124 (ил.).
- Кочкина А.Ф.* Города Волжской Болгарии X – начала XIII вв. в системе расселения (на материалах Свяжско-Кильненского междуречья) // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Том 2. Славянский средневековый город / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Изд-во НПБО «Фонд археологии», 1997. С. 180–187.
- Кочкина А.Ф.* Муромский городок – региональный центр Волжской Болгарии домонгольского периода на Самарской Луке // Вопросы археологии Урала и Поволжья. К 30-летию Средневожской археологической экспедиции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский университет, 1999а. С. 165–173.
- Кочкина А.Ф.* Причерноморско-средиземноморские связи Волжской Болгарии в X – начале XIII вв. // Международные торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 1999б. С. 132–139.
- Кочкина А.Ф.* Некрополи Муромского городка // Вопросы древней истории Волго-Камья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: Мастер-Лайн, 2002. С. 125–126.
- Кочкина А.Ф.* Исследование ремесленного комплекса Муромского городка (по материалам XXVIII раскопа) // Древность и средневековые Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ, 2004. С. 98–100.
- Кочкина А.Ф.* Об атрибуции некоторых категорий керамических изделий волжских болгар // II Городцовские чтения. Материалы научной конф., посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. М.: ГИМ, 2005а. С. 338–346.
- Кочкина А.Ф.* К истории домостроительства в Волжской Болгарии X – начала XIII вв. (по материалам Муромского городка) // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Болгарии и Золотой Орды). Материалы II Всероссийской конференции «Поволжье в средние века». 25–28 сентября 2003 г., Казань – Яльчик. Казань: РИЦ «Школа». 2005б. С. 98–108.
- Кочкина А.Ф.* Муромский II могильник // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: ЯЗ, 2012. С. 77–97.
- Кочкина А.Ф.* Новые материалы о производственной деятельности на Муромском городке // Роль общества археологии истории и этнографии в исследовании и сохранении культурного наследия Волго-Уралья. Сб. тез. Конф., посвящ. 135-летию Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском Университете. Казань: ЯЗ, 2014а. С. 38–43.
- Кочкина А.Ф.* Отчет о раскопках на Муромском городке в Ставропольском р-не Самарской области в 2013 г. Самара, 2014б.
- Кочкина А.Ф.* Новые материалы по фортификационным сооружениям Муромского городка // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всерос. Науч. конф. С международным участием. Самара: Изд-во СГСПУ; ООО «Порто-принт», 2018. С. 293–294.
- Кочкина А.Ф.* Муромский городок и его округа // Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Тюркоязычные кочевники (VIII – начало XIII вв.) / Археология Волго-Уралья. Т. 5 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: АН РТ, 2022. С. 329–341.
- Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Археологические исследования на I Красносуюндюковском городище в 1991 году // Археологические исследования в Поволжье / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Самар. Ун-т, 1993. С. 183–218.
- Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Исследование Жигулевского археологического комплекса // Археологические открытия в Самарской области 2017 года / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: АНО «Изд-во СНЦ РАН». 2018а. С. 38–39.
- Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Исследование селища Власть Труда // Археологические открытия в Самарской области 2017 года / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: АНО «Изд-во СНЦ РАН», 2018б. С. 40.
- Кочкуркина С.И.* Древняя корела. М.: Наука, 1982. 216 с.
- Крамарев А.И.* Новые погребения раннесредневековых кочевников Самарского Заволжья // Новое в средневековой археологии Евразии / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара: Артефакт, 1993. С. 133–136.
- Красильников К.И.* Изделия из кости салтовской культуры // СА. 1979. № 2. С. 77–91.
- Красильников К.И.* О некоторых вопросах погребального обряда праболгар Среднеречья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе / Отв.

- ред. Е.П. Казаков. Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1990. С. 28–44.
- Красильников П.В.* Отчет об археологических исследованиях на Болгарском городище в Спасском районе Республики Татарстан в 2021 г. (раскоп ССXLVII). Казань, 2022 // НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. ?Оп.? Д.?
- Краснов Ю.А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.: Наука, 1971. 168 с.
- Краснов Ю.А.* Некоторые вопросы истории земледелия у жителей города Болгара и его округа // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987, С. 205–230.
- Краснов Ю.А., Каховский В.Ф.* Средневековые Чебоксары: Материалы Чебоксарской экспедиции 1969–1973 гг. Чебоксары, 1978. 192 с.
- Кригер В.А.* Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века. X–XIV вв. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985. 314 с.
- Кригер В.А.* Средневековые кочевники Заволжья // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Саратов: Саратов гос. ун-т, 1986. С. 114–131.
- Кригер В.А.* Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы // Новое в средневековой археологии Евразии / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара: Артефакт, 1993. С. 137–145.
- Кригер В.А.* Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X–XIV вв.). ОФ «Евразийский союз учёных». Уральск, 2012. 200 с.
- Кропоткин В.В.* Клады римских монет на территории СССР / САИ. Вып. Г. 4-4. М.: Наука, 1961. 134 с.
- Кропоткин В.В.* Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII – первой половины IX вв. // Славяне и Русь: сб. статей к 60-летию академика Б.А. Рыбакова / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Наука, 1968. С. 72–79.
- Кропоткин В.В.* Торговые связи Волжской Болгарии в X в. по нумизматическим данным // Древние славяне и их соседи / МИА. № 176 / Отв. ред. Ю.В. Кухаренко. М.: Наука, 1970. С. 146–150.
- Кропоткин В.В.* Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. Т. IX / Отв. ред. Д.Б. Шелов. М.: Наука, 1971. С. 76–97.
- Кропоткин В.В.* Булгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь. (К 1000-летию русско-булгарского договора) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1986. С. 38–62.
- Кротов П.Н.* Древние поселения Яранского уезда // ИОАИЭ. Т. X. Вып. 4–6. Казань, 1892. С. 375–391.
- Круглов Е.В.* Некоторые замечания о погребальном обряде средневековых кочевников VII–XI вв. // Тезисы докладов VI научной конференции профессорско-преподавательского состава ВГУ. Волгоград: ВГУ, 1989. С. 35–36.
- Круглов Е.В.* Новые памятники средневековья в Нижнем Поволжье // Древности Волго-Донских степей. Вып. 1 / Отв. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: ВГУ, 1990. С. 57–63.
- Круглов Е.В.* О подкурганых захоронениях Калмыцко-Астраханских степей хазарского времени // Вопросы археологии Юга Восточной Европы / Ред. У.Э. Эрдниев, С.М. Васютин, П.М. Кольцов. Элиста: КалмГУ, 1990а. С. 159–171.
- Круглов Е.В.* Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // РА. 1992а. № 4. С. 176–183.
- Круглов Е.В.* Хазарские погребения на реке Аксай // Древности Волго-Донских степей. 2 / Отв. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: Перемена, 1992б. С. 145–159.
- Круглов Е.В.* К вопросу о печенегах // Проблемы всеобщей истории. Материалы науч. конф. / Отв. ред. Д. М. Туган-Барановский. Волгоград: ВГУ, 1994. С. 35–41.
- Круглов Е.В.* Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й пол IX – 1-й пол. XI вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время / Гл. ред. Евглевский А.В. Донецк: ДонНУ, 2001. С. 395–446.
- Круглов Е.В.* Погребение хазарского времени у с. Ильевка // Хазарский альманах. Т. 2 / Гл. ред. В.К. Михеев. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2004. С. 180–186.
- Круглов Е.В.* К проблеме этнокультурной атрибуции населения Самосдельского городища и лепной керамики, украшенной гирляндоподобным орнаментом // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 4. / Ред. М.Н. Сдыков. Уральск: ГККП «Уральский областной центр истории и археологии», 2005. С. 270–278.
- Круглов Е.В.* Заметки на полях некоторых статей по антропологии в свете проблем археологии хазарского времени // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 8. / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВГУ, 2006. С. 257–301.
- Круглов Е.В.* Подкурганное ямное погребение салтово-маяцкой культуры из могильника Ольховка I // Салтово-маяцка археологічна культура: 100 років вид початку вивчення. Харків: Видавець Савчук О.О.; «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини», 2011. С. 238–342.
- Круглов Е.В.* Хазарский каганат в памятниках археологии и по данным Ибн Фадлана // Путешествие ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара = Ibn Fadlan's Journey: Volga Route from Baghdad

- to Bulghar: кат. Выставки / Гос. Эрмитаж. М.: Изд. Дом Марджани, 2016. С. 226–278.
- Круглов Е.В., Гавритухин И.О.* Соколово URL: <https://bigenc.ru/archeology/text/3633639> (дата обращения: 24.11.2019).
- Кузнецов С.К.* Четыре дня у черемис во время Сюрема. Этнографический очерк. СПб.: ИРГО, 1879. 53 с.
- Кузнецов С.К.* Культ умерших и загробные верования луговых черемис // Этнографическое обозрение. 1904. № 1. С. 56–109.
- Крыганов А.В.* Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // СА. 1987. № 2. С. 63–69.
- Крыласова Н.Б.* Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника // РА. 1995. № 2. С. 192–197.
- Крыласова Н.Б.* История Прикамского костюма: костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2001. 260 с.
- Крыласова Н.Б.* Гребни из материалов Рождественского городища на р. Обва как показатель этнокультурных связей // Пути средневековых торговцев / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2004. С. 47–57.
- Крыласова Н.Б.* Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2007. 352 с.
- Крыласова Н.Б.* Использование песка в погребальном обряде средневековых угров // Труды КАЭЭ. Вып. 6 / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ, 2009. С. 92–97.
- Крыласова Н.Б.* Поясные сумки X–XI вв. (по материалам раскопок Рождественского могильника в 2008–2010 гг.) // Труды КАЭЭ. Вып. VIII / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ, 2012. С. 236–241.
- Крыласова Н.Б.* Средневековые литейные формы изложницы: к вопросу о товарном производстве меди и сплавов на ее основе в Пермском Предуралье // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание» / Науч. ред. И.О. Васкул. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 107–110.
- Крыласова Н.Б.* Особенности средневековых печей (по материалам городищ Карагайского района Пермского края) // Труды КАЭЭ. 2015. № 10. С. 125–137.
- Крыласова Н.Б.* Особенности использования шумящих умбоновидных подвесок в костюме жителей Пермского Предуралья (по материалам Рождественского могильника) // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2017. № 7. С. 9–13.
- Крыласова Н.Б., Ильин М.С., Брюхова Н.Г.* Новые материалы Рождественского мусульманского могильника // Труды КАЭЭ. Вып. VII. / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ, 2011. С. 116–125.
- Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А.* Калачевидные височные украшения как маркер переселений средневекового населения Пермского Предуралья // Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации. I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тезисы докладов / ред. А.Г.Ситдинов. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 122–124.
- Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А.* Поясной набор с чернью из Рождественского могильника X–XI вв. // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2015. № 5. С. 21–27.
- Крюкова Т.А.* Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1956. 160 с.
- Кубарев Г.В.* Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
- Кубарев Г.В.* Коленчатые кинжалы древнетюркской эпохи // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тез. Док. IV Междунар. Археол. Конф. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2008. С. 68–72.
- Куза А.В.* Малые города Древней Руси. М.: Наука, 1989. 169 с.
- Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 348 с.
- Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения / Собр. Науч. тр. В семи томах. Т. 4 / ИЭИ Урал. НЦ РАН. Уфа: Китап, 2016. 528 с.
- Кузьминых С.В.* Отчет об археологических разведках в Алексеевском, Рыбно-Слободском, Мамадышском и Елабужском районах ТАССР в 1971 году // Архив НЦАИ Института истории АНТ.
- Кузьминых С.В.* Инструментарий билярских ювелиров и меднолитейщиков // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Отв. ред. А.Х.Халиков. М.: Наука, 1985. С. 84–103.
- Кузьминых С.В., Семькин Ю.А.* Цветная металлообработка // История татар с древнейших времен (в семи томах). Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РухИЛ, 2006. С. 258–272.
- Кул Гали.* Сказание о Юсуфе. Казань: Татар. Кн. изд-во, 1985. 250 с.
- Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1985. 215 с.
- Кумеков Б.Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука Казах. ССР, 1972. 154 с.

- Курбатов Х.Р.* Утилитарные и поэтические типы речи // Язык утилитарных и поэтических жанров памятников татарской письменности / Отв. ред. Х.Р. Курбатов. Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1990. С. 13–18.
- Кутуков Д.В., Пантелеев С.А.* Исследования болгарских захоронений домонгольского времени на территории Астраханской области // Поволжская археология. 2013. № 3 (5). С. 175–190.
- Кухаренко Ю.В.* Новопокровский могильник и поселения // Археология. 1952. Т. VI. С. 33–49.
- Кушаев Г.А.* Этюды предыстории г. Уральска и его округа // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Научный журнал. 2012. № 1 (16). С. 138–153.
- Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. М.: Восточная лит-ра, 1994. 346 с.
- Кызласов Л.Р.* Торговые пути и связи древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // Прошлое Средней Азии / Отв. ред. В.А. Ранов. Душанбе: Дониш, 1987. С. 79–86.
- Латынин Б.А.* Мировое дерево в орнаменте и в фольклоре Восточной Европы. К вопросу о пережитках / ИГАИМК. Вып. 19. Л.: АН СССР, 1933. 32 с.
- Латышева Г.П.* Торговые связи Москвы в XII – XIV вв. (по материалам археологических раскопок 1959–1960 гг. в Московском Кремле) // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. IV. Древности Московского Кремля / МИА. № 167 / Отв. ред. Н.Н. Воронин. М.: Наука, 1971. С. 213–229.
- Лашук Л.П.* Стоянка Красная Гора близ Сыктывкара // Известия Коми филиала ВГО. 1955. Вып. 3. С. 72–77.
- Лебедев А.С.* Пижемское городище: [Доложено в общ. собрании Общества археологии, истории и этнографии 25 ноября 1907 г.]. Казань: Типо-лит. Ун-та, 1908. 12 с., 3 л. ил.; 24.
- Лебедев В.П., Грушин И.Д., Кожевин А.Е.* Нумизматические находки на болгарских домонгольских памятниках в Ульяновской области // Исследования по средневековой археологии Евразии / Ред. К.А. Руденко. Казань: РИЦ «Школа». 2012. С. 154–171.
- Лебедев В.П., Грушин И.Д., Кожевин А.Е.* Русско-Юрткульский клад первой половины X века // Исследования по средневековой археологии Евразии / Ред. К. А. Руденко. Казань: РИЦ «Школа». 2012. С. 172–182.
- Лебедев В.П., Рисплинг Г.* Беловский клад куфических дирхамов первой четверти X в. Из Курской области // Археология Евразийских степей. 2017. № 6. С. 51–64.
- Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
- Лебедева С.Х., Атаманов М.Г.* Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом // Проблемы этногенеза удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Устинов: НИИ при СМ УдмАССР, 1987. С. 112–150.
- Левашиова В.П.* Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. Вып. 32 / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: Госкультпросветиздат, 1956. С. 19–105.
- Левина Л.М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. / Труды ХАЭЭ. Т. VII. М.: Наука, 1971. 248 с.
- Леонтьев А.Е.* Поповское городище // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. Материалы работ Волго-Окской экспедиции / Отв. ред. В.В.Седов. М.: ИА АН СССР, 1989. С. 6–106.
- Леонтьев А.Е.* Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко, 1996. 339 с.
- Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771. Ч. 1–2. 538 с., 23 табл., илл.
- Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф.* К проблеме хронологии костяк гляденовской культуры // Святылища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии (Пермь, 1996). Соликамск: СГПИ. С. 48–53.
- Леценко В.Ю.* Восточные клады на Урале в VII–XIII вв. (по находкам художественной утвари). Автореф. Дис... канд. истор. наук. Л., 1963. 17 с.
- Леценко В.Ю.* Использование восточного серебра на Урале. Приложение 2. // Даркевич В.П. Художественный металл Востока. М.: Наука, 1976. С. 176–188.
- Лецинская Н.А.* Исследования Еманаевского городища // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Л.Д. Макаров. Ижевск: УдГУ, 1988. С. 79–107.
- Лецинская Н.А.* Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 1995. С. 88–127.
- Лецинская Н.А.* К вопросу об этнической специфике памятников Вятского бассейна I – начало II тыс.н.э. // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья / Ред. В.И. Бацекало. Ижевск: УдГУ, 2002. С. 38–68.
- Лецинская Н.А.* Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). / МИКВАЭ. Т. 27. Ижевск: УдГУ, 2014. 472 с.
- Лифанов Н.А.* Об этнокультурном составе новинковского населения // Самарский край в истории России. Материалы юбилейной науч. конф. / Гл. ред. П.С. Кабытов. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2001. С. 193–196.

- Лифанов Н.А.* Исследование селища Ош-Пандо-Нерь и Шелехметского II могильника в 2001–2002 гг. // Краеведческие записки. Вып. XII / Гл. ред. П.С. Кабытов. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2005а. С. 67–80.
- Лифанов Н.А.* Систематика погребально-поминальной обрядности новинковского населения // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ / Труды ГИМ. Вып. 145 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2005б. С. 299–306.
- Лифанов Н.А.* К вопросам периодизации и хронологии памятников новинковского типа // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2005в. С. 25–40.
- Лифанов Н.А.* Вопросы военной организации средневожских кочевников раннехазарского времени // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Тезисы докладов II Международной Нижневожской археологической конференции / Отв. ред. А.В. Кияшко. Волгоград: ВГУ, 2007. С. 142–146.
- Лифанов Н.А.* Предсалтовские и раннесалтовские памятники Южного Средневожья и начальный этап тюркизации региона // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов IV Международной археологической конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2008. С. 73–77.
- Лифанов Н.А.* Рец. На: Богачев А.В., Французов Д.А. Костюм праболгар Среднего Поволжья: конец VII – начало X в. (Самара: СГТУ, 2012. 350 с.) // Поволжская археология. 2014. № 2 (8). С. 261–283.
- Лифанов Н.А.* «Княжеский» курган на Самарской Луке: вопросы культурно-хронологической атрибуции // Эпохи. 2017а. Vol. XXV, Issue 1. С. 92–119.
- Лифанов Н.А.* Раннесалтовский погребально-поминальный комплекс из могильника Винновка I на Самарской Луке // КСИА. 2017б. Вып. 248. С. 79–90.
- Лифанов Н.А.* О происхождении образа драконов на пластине из Шиловского могильника // Поволжская археология. 2017в. № 2 (20). С. 91–107.
- Лифанов Н.А.* Малая Рязань I курганно-грунтовый могильник // Культурное наследие Самарской области. Т. 2. Объекты археологического наследия / Гл. ред. Д.А. Сташенков; авт.-сост.: К.М. Андреев и др. Самара: Управление государственной охраны объектов культурного наследия Самарской области, Самарский государственный технический университет, 2020а. С. 221.
- Лифанов Н.А.* Шелехметь VII (Холодный овраг) грунтовый могильник // Культурное наследие Самарской области. Т. 2. Объекты археологического наследия / Гл. ред. Д.А. Сташенков; авт.-сост.: К.М. Андреев и др. Самара: Управление государственной охраны объектов культурного наследия Самарской области, Самарский государственный технический университет, 2020б. С. 673.
- Лифанов Н.А., Зубов С.Э.* Раскопки могильника Малая Рязань I в 2009–2010 гг. и некоторые вопросы изучения памятников новинковского типа на Самарской Луке // Салтово-маяцка археологична култура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Збірник наукових праць. Відповідальний за випуск Г.Є.Свистун. Харків: Видавець Савчук О.О.; ОКЗ «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини», 2011. С. 50–56.
- Лифанов Н.А., Седова М.С.* Средневековые угорские погребения на Самарской Луке // Археология Восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: ПГПУ, 2003. С. 306–314.
- Лихачев А.Ф.* Бытовые памятники Великой Булгарии // Труды II Археологического съезда в Санкт-Петербурге Вып. 1, отд. 2. СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1876. С. 1–50, табл. II–IX.
- Лихачев А.Ф.* Драгоценный клад, найденный в Казанской губ. В 1882 г. // Труды VII Археологического съезда в Ярославле (1887 г.). Т. II. М.: Изд-во Имп. Академии наук, 1891. С. 169–197, 1 л. Ил.
- Лихачев А.Ф.* Скифские элементы в чудских древностях Казанской губернии // Труды IV Археологического съезда в Казани. Т. 1. Казань: Типография Императорского Университета, 1884. С. 152–160.
- Лихачев А.Ф.* Скифский след на Билярской почве // ИОАИЭ. 1884. Т. V. С. 1–33.
- Лозовская М.В., Матвеев А.В.* Таксономический состав остатков рыб с Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации / Ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 153–155.
- Ломейко П.В.* Отчет об археологических работах в Борском районе Самарской области в 2013 году // Архив ИА РАН.
- Ломшин В.А.* Исследования в Горьковской области и Мордовской АССР // АО – 1983 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1985. С. 158.
- Лоссиевский М.* Черемисская свадьба // Записки Оренбургского отдела Императорского Российского Географического Общества. Вып. 4. Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1881. С. 170–176.
- Лузгин В.Е.* Первая разведка на Центральном Тимане // АО – 1969 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1970. С. 9–10.
- Лузгин В.Е.* Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972. 126 с.
- Лыткин В.И.* Фонетика северовеликорусских говоров и заимствования из русского языка в коми-ский // Материалы и исследования по русской диа-

- лектологии. Т. 2 / Отв. ред. С. П. Обнорский. М.: Л.: АН СССР, 1949. С. 128–201.
- Лыткин В.И.* О древнетюркских элементах в лексике пермских языков // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. 4 / Отв. ред. В. И. Алатырев. Ижевск: Удмуртия, 1967. С. 131–138.
- Львова З.А.* Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. I // АСГЭ. Вып. 10. Л.: Советский художник, 1968. С. 64–94.
- Любчанский И.Э.* Типология и хронология // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза) / Ред. С.Г. Боталов и др. Челябинск: Рифей, 2006. С. 386–409.
- Ляпушкин И.И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 62 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: АН СССР, 1958. С. 85–150.
- Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата (по материалам археологических исследований и письменным данным). М.: Наука, 1983. 225 с.
- Магомедов М.Г.* Хазары на Кавказе. Махачкала: Дагестан. кн. изд-во, 1994. 168 с.
- Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.
- Макаров Л.Д.* Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск: УдГУ, 2001. 140 с.
- Макаров Л.Д.* Подгорбуновское городище – многослойный памятник в бассейне Северной Двины // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Б.Г. Плющевский. Ижевск: УдГУ, 1984. С. 66–88.
- Макаров Л.Д.* Русские находки на Елабужском городище (по исследованиям 1991–1992 гг.) // Древняя Алабуга: проблемы изучения, сохранения и музеефикации археологических памятников. Елабуга, 1997. С. 66–69.
- Макаров Н.А., Чеснокова Н.Н.* Средневековое поселение в Устюжском крае // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1992. С. 121–127.
- Макаров Л.Д.* Поселение Искра – новый памятник в бассейне Средней Вятки // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: УдГУ, 1984. С. 94–120.
- Макарова В.Н., Халиков А.Х.* Поливная и глазурованная керамика биллярского производства // Посуда Билляра / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1986. С. 53–60, 125–129 (ил.).
- Макарова Т.И.* Черневое дело Древней Руси. М.: Наука. 1986. 156 с.
- Максимов Е.К.* Позднейшие сармато-аланские погребения V–VIII вв. на территории Нижнего Поволжья // Тр. Саратов. обл. музея краеведения: Археологический сборник. Вып. I. Саратов: СОМК, 1956. С. 65–85.
- Максимов Е.К.* Позднекочевнические погребения Урало-Волжского района // Древности Восточной Европы / МИА. № 169 / Отв. ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 130–138.
- Малашев В.Ю.* Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН, 2001. 149 с.
- Малов С.Е.* Замок из Билярска с арабской надписью // Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском музее РАН. Т. II, вып. 1. Л, 1926. С. 155–162.
- Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М.: АН СССР, 1951. 452 с.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В.* Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Древности Алтая (Известия Лаборатории археологии. № 2) / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. С. 164–180.
- Мамонтов В.И.* Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский-VII). Волгоград: ВГУ, 2000. 145 с.
- Марданишина Е.М.* Земледельческие орудия волжских болгар X–XIV вв. (к проблеме своеобразия земледелия). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Казань, 2007. 25 с.
- Марданишина Е.М.* Сельскохозяйственные орудия труда домонгольской Волжской Булгарии из фондов Национального музея РТ // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2007. С. 302–307.
- Марийцы.* Историко-этнографические очерки / Отв. ред. А.С. Казимов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. 482 с.
- Марк К.Ю.* Антропология пермских народов в связи с вопросами их этногенеза // Проблемы этногенеза удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Устинов: НИИ при СМ УдмАССР, 1987. С. 37–48.
- Марков А.К.* О кладе куфических монет, найденном в селе Крещеный Баран Спасского уезда Казанской губернии // Записки нумизматического отделения Русского археологического общества. Т. I. Вып. 2–3. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1909. С. 79–92.
- Марков А.К.* Топография кладов восточных монет (саманидских и куфических). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1910. 148 с.
- Мартинес-Наваррете М.И., Висент-Гарсия Х.М., Лопес-Гарсия П., Лопес-Саец Х.А., де Завала-Моренкос И., Диас-дель-Рио П.* Металлургическое производство на Каргалах и реконструкция окружающей среды // РА. 2005. № 4. С. 84–91.

- Мартьянов В.Н.* Федоровское городище // Археологические памятники мордвы I тыс. н.э. / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 63 / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1979. С. 148–157.
- Мартьянов В.Н.* Археологические памятники мордвы конца I – начала II тысячелетия в Горьковской области // Материалы по археологии Мордовии / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 85 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. С. 118–131.
- Мартьянов В.Н.* Археологические памятники Дивеевского района Нижегородской области // Археология Верхнего Поволжья. Вып. 1 / Отв. ред. Ф.В. Васильев. Н. Новгород: Нижегородский ун-т, НИП «Этнос», 1991.
- Мартьянов В.Н.* Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. Арзамас: Арзамас. гос. пед. ин-т, 2001. 322 с.
- Мартьянов В.Н., Шитов В.Н.* Раскопки в Горьковской области и Мордовской АССР. // АО – 1975. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1976. С. 185–186.
- Маришак Б.И.* Иранские серебряные и золотые сосуды и вещи тюрко-согдийского круга // Сокровища хана Кубрата (каталог выставки) / автор.-сост.: В.Н. Залесская, Ю.З.А. Львова, Р.Х. Теляшов / Ред. О.А. Федосеенко. СПб.: Славия, 1997. С. 52–53.
- Матвеев А.К.* Субстратная топонимика Русского севера // Вопросы языкознания. 1964. № 2. С. 64–83.
- Матвеева Г.И.* Памятники I тысячелетия новой эры левобережья р. Белой // АЭБ. Т. III. / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1968. С. 113–120.
- Матвеева Г.И.* Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тыс. н.э. // АЭБ. Т. IV. / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1971. С. 129–134.
- Матвеева Г.И.* Раскопки Муромского городка // АО – 1973 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1974. С. 164–165.
- Матвеева Г.И.* Памятники именьковской культуры на Самарской Луке // Самарская Лука в древности / Краеведческие записки. Вып. III / Отв. ред. О. Н. Бадер. Куйбышев: Куйбышев. кн. изд-во, 1975. С. 105–118.
- Матвеева Г.И.* Изучение болгарских памятников домонгольского периода на Самарской Луке // Самарская Лука в древности / Краеведческие записки. Вып. III / Отв. ред. О. Н. Бадер. Куйбышев: Куйбышев. кн. изд-во, 1975а. С. 128–141.
- Матвеева Г.И.* Погребение VIII–IX вв. в окрестностях г. Куйбышева // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 1 / Отв. ред. Е.И. Медведев. Куйбышев: КГУ, 1976. С. 33–39.
- Матвеева Г.И.* Связи Волжской Болгарии со Средней Азией, Ираном и Закавказьем (по материалам Муромского городка) // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Препринт док. / Отв. ред. Р. Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1976в. С. 39–40.
- Матвеева Г.И.* Погребения VIII–IX веков у разъезда Немчанка // Древности Волго-Камья / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1977. С. 52–56.
- Матвеева Г.И.* Гончарная керамика Муромского городка // Проблемы изучения археологической керамики / Отв. ред. А.А. Бобринский. Куйбышев: Куйбышев. гос. ун-т, 1988. С. 194–212.
- Матвеева Г.И.* Болгарский слой Старомайнского городища // Новое в средневековой археологии Евразии / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара: Артефакт, 1993а. С. 153–169).
- Матвеева Г.И.* Жилые и хозяйственные постройки Старо-Майнского городища // Археологические исследования в Поволжье / Отв. ред. Г. И. Матвеева. Самара: Самар. ун-т, 1993б. С. 156–183.
- Матвеева Г.И.* Грунтовые погребения новинковского типа на Самарской Луке // Краеведческие записки. Вып. VII / Отв. ред. П.С. Кабытов. Самара: СОИКМ им.П.В. Алабина, 1995а. С. 191–198.
- Матвеева Г.И.* Результаты новых исследований Рождественского III курганного могильника // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Самарский ун-тет, 1995б. С. 23–33.
- Матвеева Г.И.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Самарский ун-тет, 1997. 226 с.
- Матвеева Г.И.* Волжская Болгария (X век – 1236 год) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. П.С. Кабытов. М.: Наука, 2000. С. 247–266.
- Матвеева Г.И.* Поселение ранних болгар в Среднем Поволжье // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее: тезисы конференции. Ч. 2 / Отв. ред. Н.И. Шишлина. М.: ГИМ, 2003а. С. 122–124.
- Матвеева Г.И.* Поселения VIII–IX вв. в Среднем Поволжье // Из археологии Поволжья и Приуралья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИИАН РТ, 2003б. С. 107–117.
- Матвеева Г.И.* Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара: Самарский ун-тет, 2004. 168 с.
- Матвеева Г.И.* К вопросу о седентаризации ранних болгар в Поволжье // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. (апрель 2003 г.) / Труды ГИМ. Вып. 145 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2005. С. 294–298.

- Матвеева Г.И., Богачев А.В.* Памятники раннеболгарского времени // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Отв. ред. Г.И. Матвеева, И.Н. Васильева. М.: Наука, 2000. С. 155–188.
- Матвеева Г.И., Кочкина А.Ф.* Муромский городок. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1998. 46 с.
- Матвеева Г.И., Кочкина А.Ф.* Муромский городок. Археологические памятники Самарской области. Изд. 2-е, испр. и доп. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, ООО «Офорт», 2005. 44 с.
- Матвеева Г.И., Семькин Ю.А.* Поселения VIII–IX вв. в Среднем Поволжье // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. I / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. С. 127–131.
- Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А.* Новые исследования селища Севрюкаево II // Краеведческие записки. Вып. XII / Отв. ред. П.С. Кабытов. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2005. С. 35–58.
- Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова / Отв. ред. А.П. Смирнов. Моршанск: Моршанский краеведческий музей, 1952. 232 с.
- Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УдМИИ-ЯЛ УрО РАН, 1995. 192 с.
- Материальная культура Средне-Цнинской мордвы VIII–XI вв. / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1969. 176 с.
- Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII–XIV вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука, 1966а. 184 с.
- Медведев А.Ф.* Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА. 1966б. № 2. С. 50–60.
- Мелиоранский П.М.* Два серебряных сосуда с енисейскими надписями // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. 14. 1901. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1902. С. 17–22.
- Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль-тегина // Записки Восточного отделения РАО. Т. XII. СПб., 1899.
- Мельников С.Е.* Археологические поиски в Яренском уезде // Записки Императорского археологического общества. Т. VIII. СПб., 1856. С. 121–124.
- Мельникова Е.А.* Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы международного симпозиума (Казань, 8–10 сентября 1998 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 80–87.
- Мельникова О.М.* Удмуртская археологическая экспедиция в контексте истории археологии в Удмуртии // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию УАЭ и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Удм. ИИЯЛ, 2004. С. 14–29.
- Мерперт Н.Я.* К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань: Гос. Музей ТАССР, 1957. 38 с.
- Мерперт Н.Я.* Материалы по археологии Среднего Заволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 39–156.
- Мерперт Н.Я.* О генезисе салтовской культуры // КСИИМК. Вып. XXXVI / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1951. С. 14–31.
- Мерперт Н.Я., Смирнов А.П.* Археологические исследования Куйбышевской экспедиции в 1953 г. // Вестник АН СССР. 1954. № 4. С. 59–68.
- Мерперт Н.Я., Смирнов А.П.* Куйбышевская археологическая экспедиция в 1954 г. // КСИИМК. Вып. 65 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1956. С. 77–86.
- Меснянкина С.В.* Изделия из кости и рога // Археология северно-русской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. Материальная культура и хронология / Отв. ред. Н.А. Макаров, ред. С.Д. Захаров. М.: Наука, 2008. С. 215–253.
- Мец А.* Мусульманский ренессанс. М.: Наука, 1973. 544 с.
- Мильков Ф.Н.* Ландшафтные провинции и районы Чкаловской области // Очерки физической географии Чкаловской области / Ред. Ф. Н. Мильков. Чкалов: Чкалов. изд-во, 1951. С.
- Минасян Р.С.* Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. Т. XIX. Л.: Аврора, 1978. С. 74–85.
- Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963. 270 с.
- Мирзаахмедов Д.* Узбекистан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Т. 2. Стекло / Отв. ред. К. Байпаков. Самарканд; Ташкент: МИЦАИ, 2011. С. 96–112.
- Михеев А.В.* Отчет о результатах исследования Русенихинского городища в Воскресенском районе Нижегородской области в 2015 году // НРФ МарНИИ. Оп. 1.Д. № 1223.
- Могильников В.А.* Глава четвертая. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. С. 163–235.
- Молчанов А.А.* О монетном чекане Волжской Болгарии конца X в. (дирхам Абд Ар-Рахмана ибн Мумина 387 г.х.) // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, 20–25

- апреля 1998). / Ред. В.В. Гурулева. СПб.: ГЭ, 1998. С. 62–64.
- Монгайт А.Л.* Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150–1155 гг. // История СССР. 1959. № 1. С. 170–179.
- Монгайт А.Л.* Археологические заметки // КСИ-ИМК. Вып. ХLI / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1951. С. 124–137.
- Моисей Каланкатуйский (Мовсэс Каланкатуаџи).* История страны Алуанк. Ереван: АН Арм. ССР, 1984, 258 с.
- Моисеев В.Г.* Краниологические особенности урало-язычных народов в связи с вопросами их происхождения. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1997. 24 с.
- Морозов В.Ю.* Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // Культура евразийских степей второй половины I тыс. н.э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1996. С. 148–164.
- Морохин Н.В.* К истории этнической группы и ее изучения // Нижегородские марийцы. Сборник материалов для изучения этнической культуры марийцев / сост. Н.В. Морохин; отв. за вып. Г.Д. Муравьева. Йошкар-Ола: Министерство культуры Республики Марий Эл, 1994. С. 11–37.
- Моряхина К.В.* Перстни-«колпачки» с территории Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ. 2015. № 10. С. 163–167.
- Москаленко А.Н.* Городище Титчиха: из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж: Воронеж ун-т, 1965. 310 с.
- Моця А.П., Халиков А.Х.* Булгар – Киев. Пути – связи – судьбы. Киев: Наукова думка, 1997. 192 с.
- Мугуревич Э.С.* Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв.. Экономические связи с Русью и другими территориями, пути сообщения. Рига: Зинатне, 1965. 145 с.
- Муканов М.С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего Жуза. Алма-Ата: Наука Казах. ССР, 1974. 200 с.
- Мурашева В.В.* Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: УРСС, 2000. 142 с.
- Мурашева В.В.* Реконструкция облика древнерусского наборного пояса X–XI вв. (По материалам «дружинных» курганов) // Археологический сборник. Погребальный обряд / Труды ГИМ. Вып. 93 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 1997. С. 71–79.
- Мурыгин А.М.* Поселение Топыд-нюр VII и некоторые вопросы позднего железного века Печорской равнины // Памятникиматериальной культуры на Европейском Северо-Востоке / МАЕСВ. Вып. 10 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1986. С. 79–92.
- Мурыгин А.М.* К проблеме формирования культур раннего средневековья Европейского Северо-Востока // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Т. II. Археология, антропология и генетика, этнография, фольклористика, литературоведение (Устинов, 26–29 июня 1987 г.). Устинов: УдмНИИ; УдГУ, 1987. С. 65–67.
- Мурыгин А.М.* Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М.: Наука, 1992. 182 с.
- Мурыгин А.М.* Археологические памятники ванвиздинской культуры бассейна Мезени. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. 151 с.
- Мурыгин А.М.* Актуальные вопросы средневековой истории населения крайнего северо-востока Европы (вторая половина I тыс. н. э.) // Историческая демография: Научный журнал. 2013. № 1 (11). С. 4–10.
- Мурыгин А.М., Королев К.С., Ляшев В.А.* Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья / Сер. препринтов “Науч. докл.” АН СССР, Коми науч. центр УрО АН СССР. Вып. 105. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО АН СССР, 1984. 54 с.
- Мурыгин А.М., Савельева Э.А.* Поселение Тохта эпохи раннего средневековья в бассейне нижней Вычегды. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 2005. 56 с.
- Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 164 с., 21 табл.
- Мухамадиев А.Г.* Древние монеты Поволжья. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 159 с.
- Мухамадиев А.Г.* Елабуга по археологическим данным и древним письменным источникам // Древняя Алабуга: проблемы изучения, сохранения и музеефикации археологических памятников. Тез. научн. конф. Елабуга, 1997. С. 10–12.
- Мухамадиев А.Г.* О времени возникновения города Казани // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы Междунар. симпозиума / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 1999. С. 248–254.
- Мухамадиев А.Г.* Древние монеты Казани. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 200 с.
- Мухаметшин Д.Г.* Об арабском дирхеме из раскопа XIII [Казанский Кремль] // Археологическое изучение болгарских городов / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 1999а. С. 38.
- Мухаметшин Д.Г.* Нумизматические находки из домонгольского слоя Казанского Кремля // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы международного симпозиума (Казань, 8–10 сентября 1998 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 1999б. С. 235–237.
- Мухаметшин Д.Г.* Восточные, западноевропейские и иноземные монеты из Болгар. Периодизация их

- проникновения // Археология Евразийских степей. 2019. № 6. С. 240–251.
- Мухаметшин Д.Г., Газимзянов И.Р.* Нумизматический материриал из раскопа СХХХII // Археология Евразийских степей. 2017. № 6. С. 69–78.
- Мухаметшин Д.Г., Никитина Т.Б.* Нумизматические материалы Волжско-Камской Булгарии из Русенихинского могильника // Роль Общества археологии, истории и этнографии в сохранении культурного наследия Волго–Уралья. Материалы конференции, посвященной 135-летию Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете (Казань, 4–5 февраля, 2014) / Ред. Р.Р. Хайрутдинов и др. Казань: ЯЗ, 2014. С. 65–68.
- Мухаметшина А.С.* Коминтерновский курган. Проблемы атрибуции // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А.П. Смирнова / Отв. ред. П.Н. Старостин. Болгар: БГИАЗ, 1999. С. 21–24.
- Мыськов Е.П.* Русское кладбище Водянского городища // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4. / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВГУ, 2001. С. 123–135.
- Мэн-да бей-лу. (Полное описание монголо-татар). Факсимиле ксилографа / Перев. с китайского, введ., коммент. и прим. Н.Ц. Манкуева. М.: Наука, 1975. 286 с.
- Набиуллин Н.Г.* Предкамье и Джукетау // Заказанье: проблемы истории и культуры. Тезисы и материалы I региональной. научно-практической конференции "Проблемы истории и культуры Заказанья" (пос. Высокая Гора, 6–7 декабря, 1995 г.) / Отв. ред. А.А. Бурханов. Казань: Заман, 1995. С. 35–36.
- Набиуллин Н.Г.* Верхнее Прикамье и Джукетау // Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии / Отв. ред. В.В. Шилов. Березники: Типография купца Тарасова, 1997. С. 6–48.
- Набиуллин Н.Г.* К вопросу о керамике типа «джукетау» // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Тезисы научной конференции (Билярск, сентябрь 1997 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 1997а. С. 61–63.
- Набиуллин Н.Г.* Новое в изучении болгарского города Джукетау // Всероссийская научно-практическая конференция «Гуманистические традиции Запад и Востока в музейном деле России и Татарстана. Материалы секции археологии / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань, 1997б. С. 30–33.
- Набиуллин Н.Г.* Исследования средневекового некрополя Джукетау в Татарстане // Новые исследования археологов России и СНГ. Материалы Пленума ИИМК РАН / Археологические изыскания. Вып. 42. / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1997и. С. 115–117.
- Набиуллин Н.Г.* Оборонительные сооружения Джукетау // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конференции (Санкт-Петербург, 2–5 сентября 1998 г.) / Отв. ред. Г.В. Вилинбахов, В.М. Массон. СПб.: ГЭ; ИИМК, 1998. С. 219–223.
- Набиуллин Н.Г.* Город Джукетау по итогам новых исследований // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 286–293.
- Набиуллин Н.Г.* Хозяйственно-производственная деятельность, быт и культура населения города Джукетау по археологическим данным // Проблемы истории, культуры и развития языков народов Татарстана и Волго-Уральского региона / Отв. ред. А.А. Бурханов. Казань: Gumanitarya, 2002. С. 175–182.
- Набиуллин Н.Г.* Могильники Джукетау (Часть I. Крутогорский могильник) // Краеведческие чтения и среды. Выпуск 3: Материалы заседаний, прошедших в Национальном музее Республики Татарстан в 2002–2003 гг. Казань: РИЦ «Школа», 2003. С. 44–61.
- Набиуллин Н.Г.* Средневековый город Джукетау: итоги и перспективы исследований // Современные проблемы археологии России. Том II. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск) / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 237–238.
- Набиуллин Н.Г.* Город Джукетау: итоги и перспективы археологических исследований, проблема сохранения // Научный Татарстан. 2009. № 2. С. 37–48.
- Набиуллин Н.Г.* Джукетау – город болгар на Каме. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 143 с.
- Набиуллин Н.Г.* Новые исследования Староромашкинского комплекса археологических памятников // Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Международного Болгарского форума / Археология Евразийских степей. Вып. 17 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Отечество, 2013. С. 144–148.
- Набиуллин Н.Г., Гариф Н.Г., Лыков Г.И., Наккаш Н., Орлова А.Ф.* О некоторых результатах историко-археологических исследований в Чистопольском районе в 2007–2008 гг. // Изучение и сохранение историко-культурного наследия Чистопольского района. Вып. 1 / Отв. ред. В.Ф. Колесников. Казань: Познание, 2008. С. 5–13.
- Наджимов К.Н.* О черепках зливкинского могильника // КСИЭ. Вып. XXIV. 1955. С. 66–74.
- Наханетян В.Е.* Граффити Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс. Материалы

- Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1990. С. 41–91.
- Нахатетян В.Е.* Некоторые особенности степного ремесла по данным рогообработки // Культура степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1995. С. 59–62.
- Невоструев К.И.* О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской. Самарской и Вятской // Труды I Археологического съезда в Москве в 1869 году. Т. II / Ред. А.С. Уваров. М.: Синодальная типография, 1871. С. 521–594.
- Нерушин И.А.* О группе поселений хазарского времени на Самарской Луке // VII Межвузовская археологическая конференция студентов и аспирантов Юга России / Отв. ред. Е.В. Вдовченков. Ростов-на-Дону: Южный федеральный ун-т, 2012. С. 55–56.
- Нестеров С.П.* Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1981. С. 168–172.
- Нефедов Ф.Д.* Изложение доклада в заседании Костромской Ученой Археологической Комиссии. Кострома, 1896.
- Нефедов Ф.Д.* Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1894 г. // МАВГР. Т. III / ред. Д. Н. Анучин. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1899. С. 55–74.
- Нигамаев А.З.* Отчет об археологических исследованиях Елабужского городища и прилегающей к нему территории в 1996 году. Елабуга, 1997.
- Нигамаев А.З.* Исследование Елабужского IV некрополя // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Школа, 2002. С. 98–100.
- Нигамаев А.З.* Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры населения. Казань, 2005. 225 с.
- Нигамаев А.З.* Население Восточного Предкамья в домонгольскую эпоху // Научный Татарстан. 2009. № 2. С. 49–64.
- Нигамаев А.З.* Ранняя история Елабуги. Елабуга: ЕГПУ, 2007. 189 с., илл. 16 с.
- Нигамаев А.З., Хузин Ф.Ш.* Древняя Алабуга и проблемы ее возникновения // Древняя Алабуга / Отв. ред. Р.Р. Хайрутдинов, Ф.Ш. Хузин. Елабуга: Мастер-Лайн, 2000. С. 7–55.
- Никитин В.В.* Пятьдесят лет Марийской археологической экспедиции // Влияние природной среды на развитие древних сообществ: Материалы науч. конф., посвящ. 50-летию Марийской археологической экспедиции / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2007. С. 3–19.
- Никитин В.В. Старостин П.Н.* Материалы к археологической карте Марийской АССР. Вып. II. Каталог памятников Йошкар-Ола: Марийск. респ. краевед. Музей, МарНИИЯЛИ, 1978. 163 с.
- Никитина Т.Б.* Инвентарь могильника «Нижняя Стрелка» // Древности Поветлужья / АЭМК. Вып. 17 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1990а. С. 81–118.
- Никитина Т.Б.* Погребальный обряд могильника «Нижняя Стрелка» // Древности Поветлужья / АЭМК. Вып. 17 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1990б. С. 65–80.
- Никитина Т.Б.* Отчет о раскопках городища «Репище» в Воротынском районе Нижегородской области // Отчет о работах третьего отряда Марийской АЭ (1991 г.). Йошкар-Ола, 1992. // НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 991
- Никитина Т.Б.* Отчет о раскопках на городище «Репище» // Отчет третьего отряда Марийской археологической экспедиции в 1992 г. // НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 1002
- Никитина Т.Б.* Отчет о раскопках на городище «Репище» // Отчет третьего отряда Марийской археологической экспедиции в 1993 г. // НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 1007
- Никитина Т.Б.* Мари // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 161–206.
- Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.
- Никитина Т.Б.* Жертвенно-поминальные комплексы как этноопределяющий признак погребального обряда марийцев в эпоху средневековья // Древности Поволжья и Прикамья / Археология и этнография Марийского края. Вып. 25. / Ред. Никитин В.В., Соловьев Б. С. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2001. С. 42–51.
- Никитина Т.Б.* Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья / Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2012. 408 с.
- Никитина Т.Б.* Население верхнего Поветлужья в начале II тыс. н. э.: новые материалы // КСИА. 2014. Вып. 240. С. 124–140.
- Никитина Т.Б.* Русенихинский могильник / Археология Евразийских степей. 2018. № 3. 240 с.
- Никитина Т.Б., Акилбаев А.В., Шабалина Н.Ю.* Итоги изучения могильника «Кузинские хутора» в Шарьинском районе Костромской области // Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время (к 135-летию со дня рождения В.И.Смирнова) / Ред. И. С. Наградов, В. Л. Щербаков. Кострома: Линия график Кострома, 2017. С. 47–50.
- Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю.* Святилище на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище // Влияние природной среды на развитие древних со-

- обществ (IV Халиковские чтения) / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2007. С. 325–336.
- Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю.* Отражение культа предков марийцев в погребальном обряде могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. // *Stratumplus*. 2012. № 5. С. 179–194.
- Никитина Т.Б., Михеева А.И.* Аламнер: миф и реальность. Важнангерское (Мало-сундырское) городище и его округа. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 193 с.
- Никитина Т.Б., Пузаткина Е.А.* Русенихинский могильник: междисциплинарный подход к изучению памятника // *Поволжская археология*. 2017. № 2 (20). С. 115–128.
- Никитина Т.Б., Руденко К.А.* Чаши из могильника «Нижняя Стрелка // Средневековые древности Волго-Камья / АЭМК. 21 / Отв. ред. Г. А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. С. 51–71.
- Никитина Т.Б., Руденко К.А.* Металлическая посуда могильника Нижняя Стрелка // *Материалы и исследования по археологии Поволжья*. Вып. 1 / Ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола: МарГУ, 1998. С. 84–90.
- Никифорова Л.Д.* Динамика ландшафтных зон голоцена Северо-Востока Европейской части СССР // *Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене* / Отв. ред. А.А. Величко М.: Наука, 1982а. С. 154–162.
- Николаенко Т.Д.* Археологическая карта России. Нижегородская область. М.: ИА РАН, 2004. 216 с.
- Никольская Т.Н.* Земля Вятчей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII веках. М.: Наука, 1981. 295 с.
- Никонов В.А.* Отчет об археологических исследованиях на буграх Мечетный, Вакуровский-1, Долгий в 1990 г. // *Архив ИА РАН*. Р-1. Д. №№ 16978, 16979.
- Нунан Т.С.* Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // *Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы*: сб. статей памяти проф. И.В. Дубова / Ред. А.Н. Кирпичников, В.Н. Седых. СПб.: С.-Петербург. ун-т, 2004. С. 256–313.
- Оборин В.А.* Рождественское городище и могильник на р. Обве // *Ученые записки Молотов. гос. ун-та*. Т. IX. Вып. 3. 1953. С. 156–167.
- Оборин В.А.* Коми-пермяки в IX–XV вв. (родановская культура). Дис. ... канд. истор. наук. М., 1957. 404 с.
- Оборин В.А.* Некоторые проблемы изучения родановской культуры // *Ученые записки Молотов. гос. ун-та*. 1956а. Т. XI. Вып. 3.
- Оборин В.А.* Краткий очерк работ Камской археологической экспедиции ПГУ в 1961–1966 гг. // *Ученые записки Перм. гос. ун-та*. 1968. № 191. С. 7–27.
- Оборин В.А.* Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами Северо-Востока Европы в эпоху железа // *Древности Восточной Европы / МИА*. № 169 / Отв. ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 156–167.
- Оборин В.А.* Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // *Памятники ломоватовской культуры* / ВАУ. Вып. 9 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1970. С. 3–56.
- Оборин В.А.* Миграции населения вымской культуры на Урал (XI–XV вв.) // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Т. II. Археология, антропология и генетика, этнография, фольклористика, литературоведение (Устинов, 26–29 июня 1987 г.). Устинов: УдмНИИ; УдГУ, 1987. С. 69–71.
- Оборин В.А.* Коми-пермяки // *Финно-угры Поволжья и Приуралья* / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УдмИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 255–298.
- Оборин В.А., Балашенко Л.А.* Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации // *Труды КАЭЭ*. Вып. 4 / УЗ ПГУ. № 191 / Гл. ред. Ф. С. Горовой. Пермь: ПГУ, 1968. С. 28–48.
- Оборин В.А., Ленц Г.Т.* Городище Анюшкар (по раскопкам 1951–1955, 1989–1991 гг.) // *Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья*. Вып. 2 / Отв. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГПУ, 2008. С. 10–15.
- Оборин В.А.* Памятники родановской культуры у с.Таборы. (Из работ Камской археологической экспедиции) // *КСИИМК*. Вып. 65 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1956. С. 107–118.
- Обвинникова Б.Б.* Писала-стилосы древнего Новгорода X–XV вв. (свод археологического источника) // *Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие / Проблемы истории России*. Вып. 3 / Отв. ред. А.Т. Шашков. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. С. 45–105.
- Обвинникова Б.Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1990. 223 с.
- Огнеупоры и их применение* / Под ред. И. Янамуры (пер. с япон.). М.: Металлургия, 1984. 446 с.
- Олейников О. М., Руденко К.А.* Медный кумган XIII в. из Великого Новгорода // *РА*. 2013. № 2. С. 144–148.
- Олейников О.М., Руденко К.А.* Находки медных ковшей XII века в Великом Новгороде (к вопросу об источниках и составе сырья на новгородском рынке цветных металлов) // *КСИА*. 2017. Вып. 247. С. 326–341.
- Олейников О.М., Руденко К.А.* Медная кружка XIII в. из Новгорода // *РА*. 2017а. № 2. С. 168–171.
- Оллсен Т.* Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217–1237 годах // *Степи Европы в эпо-*

- ху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евлевский. Донецк: ДонНУ, 2008. С. 351–362.
- Орфинская О.В., Никитина Т.Б.* Ткани из могильников Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология. 2014. № 2 (8). С. 70–91.
- Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки / Отв. ред. В.И. Лыткин, К.Е. Майтинская, Карой Редери. М.: Наука, 1976. 464 с.
- Останина Т.И.* Исследования Удмуртского республиканского краеведческого музея в Нижнем и Среднем Прикамье // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: Удмуртский университет, 1991. С. 66–67.
- Отчет о полевых работах МарАЭ 1956 году // Архив ИА РАН. Оп 1. Д. № 1266.
- Отчет о состоянии и деятельности Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете за 1887 г. / ИОАИЭ. Т. VI. Вып. 2. / сост. В. Качановский. Казань: Типография Казанского университета, 1888. 8 с.
- Отчеты ИАК за 1904 г. СПб.: Типография Главного управления уделов, Моховая № 40, 1907. 188 с.
- Отчеты ИАК за 1908. СПб.: Типография Главного управления уделов, Моховая № 40, 1912. 234 с.
- Офман Г.Ю., Пономаренко Е.В., Пономаренко С.В.* Реконструкция истории природопользования на Самарской Луке в эпоху средневековья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1996. С. 179–191.
- Ошибкина С.В.* Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // КСИА. Вып 158 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1979. С. 71–79.
- Оятева Е.И.* Язык искусства (по материалам художественной металлической пластики Прикамья I – нач. II тыс. н.э.) // Материалы и исследования по археологии Евразии / АСГЭ. Вып. 33 / Ред. М.Б. Пиотровский. СПб.: ГЭ, 1998. С. 133–147.
- Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1. 657 с.
- Пальцева Д.У., Шакиров З.Г.* Изделия из кости и рога средневекового Биляра // Проблемы археологии и истории Татарстана. Вып. 3 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РИЦ «Школа», 2012в. С. 37–65.
- Пальцева Д.У., Шакиров З.Г., Худяков А.В.* Костяные предметы быта средневекового населения Биляра // Филология и культура. Philology and culture. 2012а. № 1 (27). С. 208–215.
- Пальцева Д.У., Шакиров З.Г., Худяков А.В.* Предметы вооружения и снаряжения Биляра из кости // Филология и культура. Philology and culture. 2012б. № 4 (30). С. 324–330.
- Панахалиева Д.У.* Некоторые архивные данные о городище Хаджи-Тархан // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки. Материалы Всероссийской научной конференции (Астрахань, 11 апреля, 2007) / сост.и отв. ред. Д.В. Васильев, А.М. Липчанский, А.В. Сызранов. Астрахань: Астраханский университет, 2007. С. 126–131.
- Пантелеев С.А.* Бугор Татарский – могильник городища Мошаик. Исследования 2005 года // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 8 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВГУ, 2006. С. 219–225.
- Пантелеев С.А.* Малоизвестные памятники археологии в дельте Волги // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий / Ред. Е.В. Шнайдштейн и др. Астрахань: АГПУ, 2001. С. 31–32.
- Пантелеев С.А.* Об археологических исследованиях на грунтовом могильнике городища Мошаик // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 92–106.
- Патрушев В.С.* Финно-угры России (II тыс. до н.э. – начало II тыс. н.э.). Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1992. 212 с.
- Пастушенко И.* Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // Finno-Ugrica. 2005–2006. № 9. С. 63–71.
- Первухин Н.Г.* Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии / МАВГР. Т. 2. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1896. 261 с.
- Перепелкин С.Б., Сташенков Д.А.* Палимовское погребение // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1996. С. 199–207.
- Петербургский И.М.* Материальная и духовная культура мордвы в VII – X вв. Саранск: Красный Октябрь, 2011. 408 с.
- Петербургский И.М.* Мордва Среднего Примокшанья в XI–XIV вв. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2009. 240 с.
- Петербургский И.М.* Орудия земледелия мордвы в I – начале II тысячелетий нашей эры // Материалы по археологии и этнографии Мордовии / Труды МордНИИ. Вып. 48 / Ред. А. П. Смирнов и др. Саранск: МордНИИ, 1975. С. 58–68.
- Петербургский И.М., Святкин С.В.* Исследования в бассейне р. Ляча // АО – 1996 / Отв. ред. В.В. Семенов, Н.В. Лопатин. М.: Наука, 1997. С. 159.
- Петербургский И.М., Аксенов В.Н.* Древние памятники на реке Ляча. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2008. 168 с.
- Петербургский И.М., Вихляев В.И., Святкин С.В.* Второй Журавкинский могильник. Саранск: б/и, 2010. 132 с.

- Петерс Б.Г.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1986. 91 с.
- Петренко А.Г.* Изучение костных остатков животных из раскопок Билярского городища в 1967–1971 гг. // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 228–239.
- Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.
- Петренко А.Г.* Животноводство // История татар с древнейших времен (в семи томах) Т. II. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РухИЛ, 2006. С. 240–246.
- Петренко А.Г.* Результаты исследований остеологических материалов из раскопок средневековых памятников Приуралья // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УдМИИЯЛ УрО РАН, 1991. С. 64–74.
- Петренко А.Г.* Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам) / Археология евразийских степей. Вып. 3. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 144 с.
- Петренко А.Г., Асылгараева Г.Ш.* Археозоологические материалы из раскопок Казанского кремля. Казань: ИИ АН РТ, 2003. 320 с.
- Петрухин В.Я.* Хазарский каганат и его соседи // История татар с древнейших времен. Т. I. Народы степной Евразии в древности / Науч. ред. С.Г. Кляшторный. Казань: РухИЛ, 2002. С. 296–315.
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Языки русской культуры, 1998. 383 с.
- Пещерова Е.М.* Гончарное производство Средней Азии / Труды ИЭ АН СССР. Новая серия. Т. XLII. М.; Л.: АН СССР, 1959. 396 с.
- Пигарев Е.М.* К вопросу о земледелии на Нижней Волге в золотоордынский период // Астраханские краеведческие чтения. Вып. I / Отв. ред. А. А. Курапов. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2009. С. 62–65.
- Плетнева С.А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 62 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: АН СССР, 1958. С. 151–226.
- Плетнева С.А.* Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА. № 75 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: АН СССР, 1959. С. 212–272.
- Плетнева С.А.* О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами // СА. 1962. № 1. С. 83–94.
- Плетнева С.А.* Кочевнический могильник близ Саркела-Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III / МИА. № 109 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: АН СССР, 1963. С. 216–259.
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с.
- Плетнева С.А.* Половецкие каменные изваяния / САИ. Вып. Е4-02. М.: Наука, 1974. 200 с.
- Плетнева С.А.* Хазары. М.: Наука, 1976. 93 с.
- Плетнева С.А.* Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 62–75.
- Плетнева С.А.* Печенеги, торки, половцы // Археология СССР / Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981а. С. 213–222.
- Плетнева С.А.* Ранние болгары на Волге // Археология СССР / Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981б. С. 77–80.
- Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 187 с.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.
- Плетнева С.А.* Половцы. М.: Наука, 1990. 210 с.
- Плетнева С.А.* Хазарские проблемы в археологии // СА. 1990а. № 2. С. 77–91.
- Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 1999. 240 с.+62 с. илл.
- Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII вв.). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 248 с.
- Повесть временных лет в двух частях. Часть 1. Текст и перевод / Подгот. текста Д.С. Лихачева; Пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: АН СССР, 1950. 407 с.
- Повесть временных лет в двух частях. Часть 2. Приложения / Статьи и комментарии Д.С. Лихачева. Под ред. чл.-кор. АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: АН СССР, 1950. 564 с.
- Подосенова Ю.А.* О некоторых особенностях конструкции и технологии изготовления верхнеприкамских височных колец с грушевидной привеской и зерносканым декором // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Материалы Международной научно-практической конференции / Сост. А.С. Савельев. Кудымкар: КПООН КНЦ УрО РАН, 2005. С. 108–111.
- Подосенова Ю.А.* Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Дисс. ... канд. истор. наук. Пермь, 2009. 272 с.
- Полесских М.Р.* Археологические разведки городищ и селищ XIII–XIV вв. [в Пензен-

- ской обл.] // Труды Саратовского областного музея краеведения. Вып. 2. Саратов, 1959. С. 95–113.
- Полгар С.* Маршруты между Поволжьем и Карпатским бассейном в X веке // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара (Казань, 28–29 августа 2000 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 213–223.
- Полесских М.Р.* В недрах времен. Пенза. Пензенское кн. изд-во, 1956. 103 с.
- Полесских М.Р.* Некоторые памятники мордвы-мокши конца I и начала II тыс. н.э. // Труды МордНИИЯЛИЭ. Вып. 39. / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1970. С. 116–133.
- Полесских М.Р.* Исследование памятников типа Золотарёвского городища // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 202–216.
- Полесских М.Р.* Работа в зоне затопления Сурского водохранилища // АО – 1971 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1972. С. 226–227.
- Полесских М.Р.* Новые памятники древнейшей мордвы. // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 45 / Ред. А.П. Смирнов и др. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1974а. С. 12–32.
- Полесских М.Р.* Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. (Археологические очерки). Пенза: Приволжск. кн. изд-во, 1977. 88 с.
- Полесских М.Р.* Находки на Юловском городище // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, И.Г. Розенфельдт. М.: Наука, 1978. С. 242–247.
- Полесских М.Р.* О культуре и некоторых ремеслах обулгаризованных буртас Из истории ранних булгар / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 56–68.
- Поливанов В.Н.* Археологическая карта Симбирской губернии. Изд. Симб. Губ. Ученой Архив. Комиссии. Симбирск: Типо-литогр. А.Т. Токарева, 1900. 71 с.
- Полубояринова М.Д.* Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 165–212.
- Полубояринова М.Д.* Раскоп ХСV // Отчет по раскопам ХСV, ХСVIII, ХСIX. Казань, 1987 / Док. фонд БГИАМЗ Инв. № 90-1Полубояринова, 1987
- Полубояринова М.Д.* Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 151–219.
- Полубояринова М.Д.* Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: ИА АН СССР, 1991. 112 с.
- Полубояринова М.Д.* Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.
- Полякова Г.Ф.* Изделия из цветных металлов раннеболгарского времени с территории Болгарского городища // Средневековые древности Восточной Европы / Труды ГИМ. Вып. 82 / Отв. ред. Н.Г. Недошивина. М.: ГИМ, 1993. С. 161–165.
- Пономарев П.А.* Данные о городах Камско-Волжской Булгарии. Ошель и его следы // ИОАИЭ. 1892. Т. X. Вып. 3. С. 273–288.
- Пономарев П.А.* Данные о городах Камско-Волжской Булгарии (Археологические заметки). Владения липовогорских князей // ИОАИЭ. 1892. Т. X. Вып. 5. С. 467–486.
- Пономарев П.А.* Данные о городах Камско-Волжской Булгарии (Археологические заметки). Тубулга-Тай и неопределенные города // ИОАИЭ. 1893. Т. XI. Вып. 4. С. 321–337.
- Пономарев П.А.* Данные о городах Камско-Волжской Булгарии. (Археологические заметки). Булгарский город Кашан / ИОАИЭ. 1893. Т. XI. Вып. 2. С. 111–138.
- Пономарев П.А.* Краткий отчет о раскопках и разведках в районе Билярска летом 1915 года // ИОАИЭ. 1919. Т. XXX. Вып. 1. С. 45–57.
- Пономарев П.А.* Отчет об археологической экскурсии в Билярск в июле 1916 года // ИОАИЭ. 1919. Т. XXX. Вып. 1. С. 103–112.
- Пономарев П.А.* Предварительное сообщение о результатах раскопок в Лаишевском уезде близ села Шурана и дер. Сорочьих Гор // ИОАИЭ. 1880–1882. Т. III. С. 323–325.
- Попов П.В.* К вопросу о датировке городища Мошак // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВГУ, 2008. С. 206–226.
- Попов П.В.* Предварительные итоги изучения керамики Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации / Ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 60–88.
- Попович М.В.* Мировоззрение древних славян. Киев: Наукова думка, 1985. 167 с.
- Постникова Н.М.* К вопросу об антропологическом составе средневекового населения Волжской Болгарии // Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги работ Института этнографии в 1972 г. Ч. 2. / Ред. Л.А. Тульцева. М.: Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1974. С. 129–133.
- Потанин Г.Н.* Городища близ деревень Утчани и Варзи-Ятчи (Елабужского уезда Вятской губ.) // Изв. и

- Ученые записки Казан. ун-та. 1882. Т. 18. № 3–4. С. 308–310.
- Почвы Татарии / Ред. М. А. Винокуров. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1962. 419 с.
- Пронин А.С.* Отчет о раскопках Шалинского могильника в Атюрьевском районе Республики Мордовия в 2016 г. // Архив ИА РАН.
- ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. 580 с.
- ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1962. 938 с.
- ПСРЛ. Т. IV. Новгородские и Псковские летописи. СПб., 1848. VIII, 362 с.
- ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. X, 345 с.
- ПСРЛ. Т. IX–X. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1965. 244 с.; 266 с.
- ПСРЛ. Т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965, 532 с.
- ПСРЛ. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. Рогожский летописец. М.: Наука, 1965. VIII, 186 с; VII, 504 с.
- ПСРЛ. Т. XIX. История о Казанском царстве. (Казанский летописец). СПб., 1903. VII–XVI, 526 с.
- ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. Книга степенная царского родословия. Часть 1. СПб., 1908, 342 с.
- Псянчин А.В.* Башкортостан на старых картах. История географического изучения и картографирования. Уфа: Гилем, 2001. 161 с.
- Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публикация О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1971. 136 с.
- Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. Алматы: Гылым, 1993. 246 с.
- Путешествие ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара / Ред. А. И. Торгоев, И. Р. Ахмедов. М.: Изд. дом Марджани, 2016. 560 с.
- Путь из Булгара в Киев / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1992. 133 с.
- Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Енисова Н.В.* Гнездовский археологический комплекс // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 242–273.
- Ранние болгары в Восточной Европе / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. 134 с.
- Раппопорт П.А.* Древнерусское жилище // Древнее жилище народов Восточной Европы / Отв. ред. М. Г. Рабинович. М.: Наука, 1975. С. 104–155.
- Раппопорт П.А.* Древнерусское жилище / САИ. Вып. Е1–32. Л.: Наука, 1975б. 146 с.
- Раскопки археологической экспедиции Коми края 1925 г. (М.Е.Арсаква, Е.М.Витвицкая, А.В.Дмитриевская, Е.Н.Липерова, В.П.Левашова, П.А.Дмитриев, А.П.Смирнов Коми края) // ЗО-ИКК. Вып. I. Усть-Сысольск. С. 5–28.
- Рахимов М.К.* Художественная керамика Узбекистана. Ташкент: АН УзССР, 1961. 244 с.
- Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. с перс. Л.А. Хетагурова; ред. и прим. А.А. Семенова. Т. I, кн. 1. М.; Л.: АН СССР, 1952.
- Руденко К.А.* Бронзовая чаша из I Семеновского селища // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Тезисы докладов I региональной научной конференции «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья» / Отв. ред. Ф.В. Васильев. Горький: Изд-во ун-та, Горьк. Обком ВЛКСМ, 1990. С. 211–217.
- Руденко К.А.* К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI–XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск; Глазов, 1999. С. 73–102.
- Руденко К.А.* Булгарские железные ключи от навесных замков X–XIV вв. // Археология центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тез. науч. конф. / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Липецк: Изд-во ЛГПИ, 1999. С. 178–181.
- Руденко К.А.* Булгарские селища: вопросы типологии // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А.П. Смирнова / Отв. ред. П. Н. Старостин. Болгар: БГИАМЗ, 1999а. С. 63–66.
- Руденко К.А.* Итоги исследования городища Кашан I в Татарстане: к вопросу о формировании болгарских городов и протогородов // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы Международного полевого симпозиума / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск-Глазов: УИИЯЛ УрО РАН, 1999б. С. 111–134.
- Руденко К.А.* Металлическая посуда Поволжья и Приуралья в VIII–XIV вв. Казань: Репер, 2000. 155 с.
- Руденко К.А.* Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань: Школа, 2001. 244 с.
- Руденко К.А.* Поясной набор из VI Алексеевского селища в Татарстане (к вопросу об эволюции болгарской поясной гарнитуры VIII–XII вв. (проблема преемственности) // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т. 2 / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 2001. С. 180–188.
- Руденко К.А.* Булгарские клады (к вопросу о болгарской металлообработке XI–XIV вв.) // Древние ремесленники Приуралья / Отв. ред. В.И. Завьялов. Ижевск: УдмИИЯЛ УрО РАН, 2001а. С. 322–348.
- Руденко К.А.* Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем

- Поволжье. Исследование и каталог. Казань: Заман, 2001в. 256 с.
- Руденко К.А.* Волжская Булгария в системе торговых путей средневековья (по материалам раскопок Речного (Остолоповского) селища в Алексеевском районе Татарстана) // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Часть II. Казань, 2002. С. 31–52.
- Руденко К.А.* Остров «Мурзиха» и его окрестности. Хронологический атлас археологических коллекций НМ РТ (1991–1999 гг.) Опыт микрорегионального исследования. Каталог археологических коллекций НМ РТ. Казань: Школа, 2002а. 208 с.
- Руденко К.А.* Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. Казань: Заман, 2003. 512 с.
- Руденко К.А.* Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Материалы II Всерос. конф. «Поволжье в средние века». Казань: РИЦ «Школа», 2005. С. 67–97.
- Руденко К.А.* Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань: Школа, 2007. 244 с.
- Руденко К.А.* Волжские булгары в зеркале истории. Истоки и формирование казанской историко-археологической школы (X–XIX вв.). Курс лекций. Часть I. Казань: Школа, 2007а. 420 с.
- Руденко К.А.* Об атрибуции некоторых бронзовых украшений из Билярского городища // *Finno-Ugrica*. 2007б. № 10. С. 112–124.
- Руденко К.А.* Археология Волжской Булгарии. Историография и история изучения (X–XX вв.). Казань: Школа, 2008. 264 с.
- Руденко К.А.* Микрорегионы и поселенческие агломерации Среднего Поволжья X–XIV вв.: проблемы выделения, структура, изучение // Археологические микрорегионы Северной Евразии: материалы научной конференции / Отв. ред. С.С. Тихонов. Омск: Апельсин, 2009. С. 95–99.
- Руденко К.А.* Средневековое оружие Волго-Камья: железные наконечники стрел VIII–XVII вв. н.э. (справочник-определитель археологического материала): руководство для практической работы. Уфа: ВЭГУ, 2010. 254 с.
- Руденко К.А.* Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Т. I. Казань: Заман, 2011. 256 с.
- Руденко К.А.* Города и села Булгарского Улуса Золотой Орды (особенности материальной культуры) // ТА. 2011а. № 1–2 (20–21). С. 32–151.
- Руденко К.А.* О некоторых итогах исследования Остолоповского селища в Алексеевском районе Республики Татарстан // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 123–145.
- Руденко К.А.* История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2014. 768 с.
- Руденко К.А.* Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992–1996 гг. Казань: Казанская недвижимость, 2015. 400 с.
- Руденко К.А.* Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015а. 528 с.
- Руденко К.А.* Гривна // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. / Отв. ред. Е. П. Чебучева. М.: Изд. дом Марджани, 2016. С. 411–413.
- Руденко К.А.* Идол из села Змеёво: датировка, интерпретация и аналогии // Труды КАЭЭ. Вып. XII. Средневековая археология Восточной Европы: от Камы до Дуная. Сб. науч. трудов к 50-летию юбилею Н.Б. Крыласовой / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2017. С. 161–173.
- Руденко К.А.* Стратиграфия Остолоповского селища XI–XII вв. в Алексеевском районе Татарстана // Средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: проблемы исследований, сохранения и музеефикации. Материалы Всерос. науч.-практич. конф. Казань: Казанская недвижимость, 2017а. С. 296–319.
- Руднев Д.Д.* О стоянках доисторического человека на р. Вычегде // Северный край. 1922. Кн. 1. С. 21–25.
- Рудь (Постникова) Н.М.* Антропологические исследования средневекового населения из Новинковского курганного могильника // Археологические исследования в Среднем Поволжье / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Изд-во Куйбыш. ун-та, 1987а. С. 136–155.
- Рудь (Постникова) Н.М.* Антропологические данные к вопросу об этнических взаимоотношениях на Средней Волге в X–XIV вв. // Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы / Отв. ред. М.С. Великанова. М.: Наука, 1987б. С. 83–141.
- Рутто Н.Г.* Рождественский III курганный могильник // Самарская Лука в древности / Краеведческие записки. Вып. III / Отв. ред. О. Н. Бадер. Куйбышев: Куйбышев. кн. изд-во 1975. С. 120–127.
- Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М.: АН СССР, 1948. 782 с.
- Рыбаков Б.А.* Торговля и торговые пути // История и культура древней Руси. Т. 1 Домонгольский период: Материальная культура / Ред. Б.Д. Греков, М.И. Артамонов, Н.Н. Воронин и др. М.; Л.: АН СССР, 1948а. С. 315–369.
- Рыбаков Б.А.* Русские земли по карте Идриси // КСИ-ИМК. Вып. XLIII / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1952. С. 3–44.

- Рыбаков Б.А.* Путь из Булгара в Киев // Древности Восточной Европы / МИА. № 169 / Отв. ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 189–196.
- Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1988. 782 с.
- Рябинин Е.А.* Археологические памятники Водской земли. // СА. 1976. № 1. С. 211–219.
- Рябинин Е.А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. / САИ. Вып. Е1–60. Л.: Наука, 1981. 123 с.
- Рябинин Е.А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. М.: Наука, 1986. 161 с.
- Рябинин Е.А.* Финно-угорские племена в составе древней Руси. СПб.: СПбГУ, 1997. 260 с.
- Рыбина И.Н.* Эжольский курганный могильник – результаты раскопок 2014 г. // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе (Докл. 17 науч. конф.). Сыктывкар, 2014. С. 177–180.
- Рыбина И.Н., Фролова А.А.* Новый памятник эпохи Великого переселения народов на р. Вычегде // XLVI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых: Тез. докл. Ульяновск, 2014. С. 186–187.
- Рябичкин Д.В.* Отчет об археологических исследованиях в Астраханской области в 1999 году // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. № 15499.
- Рыков П.С.* Культура древних финнов в районе р. Узы. – Саратов: Нижнее-Волжский институт краеведения при Саратовском университете, 1930. 81 с.
- Рычков Н.П.* Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770. 189 с., 8 л. карт и план.
- Рычков Н.П.* Продолжение журнала или дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства. СПб., 1772. 169 с.
- Савельев А.И.* Городища древнего Болгарского царства. СПб.: ип. и лит. В.А.Тихонова, 1892. 67 с.
- Савельев П.С.* Мухамеданская нумизматика в отношении к русской истории. Т. 1. Топография кладов с восточными монетами и изделиями VII, VIII, IX, X и XI века в России и прибалтийских странах. СПб., 1846. 180 с.
- Савельев П.С.* О торговле волжских булгар в IX и X веке // ЖМНП. 1846. Ч. XLIX, отд. 2. С. 31–50.
- Савельев П.С.* Археологические поиски в окрестностях Усть-Сысольска // Записки Императорского археологического общества. Т. IV. СПб., 1852. С. 122–125.
- Савельев П.С.* О торговле волжских булгар в IX и X веке // ЖМНП. 1846. Ч. XLIX, отд. 2. С. 31–50.
- Савельева Э.А.* Первый Веслянский могильник // Историко-филологический сборник. Вып. 8 / Я.Н. Безносиков. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1963. С. 87–98.
- Савельева Э.А.* Средневековые могильники на р. Вымь // АЭБ. Т. II / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1964. С. 237–247.
- Савельева Э.А.* Тохтинское поселение на р. Яренге // V Уральское археологическое совещание / Ред. Я.Н. Безносиков, Г.М. Буров и др. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967. С. 118–120.
- Савельева Э.А.* Пермь вычегодская. К вопросу о происхождении народа коми. М.: Наука, 1971. 224 с.
- Савельева Э.А.* Лузская пермца. Сыктывкар: Коми ИЯЛИ Уро АН СССР, 1972. 46 с.
- Савельева Э.А.* Раскопки I и II Веслянских могильников // АО – 1974 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1975. С. 37–38.
- Савельева Э.А.* Раскопки у д. Весляны // АО – 1975 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1976. С. 42.
- Савельева Э.А.* Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника // КСИА. Вып. 158 / Отв. ред. И.Т.Кругликова. М.: Наука, 1976а. С. 91–96.
- Савельева Э.А.* Этническая принадлежность ванвиздинской культуры // Вопросы финно-угроведения. Тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. Ч. II / Отв. ред. Г. Г. Бараксанов. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1979б. С. 77–78.
- Савельева Э.А.* Актуальные проблемы этногенеза коми-зырян // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока / Отв. ред. Р. Ф. Итс. Пермь: Перм. ун-т 1982. С. 14–31.
- Савельева Э.А.* Этногенез коми-зырян (по данным археологии) // Проблемы этногенеза народа коми / Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 36 / Отв. ред. Л.Н. Жеребцов. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1985а. С. 3–19.
- Савельева Э.А.* Этногенез коми-зырян. (Сер. препринтов "Науч. докл." / АН СССР, Коми фил.; Вып. 130). Сыктывкар, 1985б. 36 с.
- Савельева Э.А.* Вымские могильники. XI–XIV вв. Л.: ЛГУ. 1987. 200 с.
- Савельева Э.А.* Роль Волжской Булгарии в развитии культуры перми вычегодской // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИ-ИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 95–110.
- Савельева Э.А.* Европейский северо-восток в эпоху средневековья. Науч. док. ... докт. истор. наук. М. 1995. 52 с.
- Савельева Э.А.* Лоемский могильник. Этнокультурная принадлежность // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье // МАЕСВ. Вып. 13 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1995. С. 92–138.

- Савельева Э.А.* Истоки народа коми // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Вып. 3. Ч. 2. Материалы Всероссийской научной конференции по исторической демографии "Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI - XX вв.)", (Сыктывкар, 28 сентября 2005 г.) / Отв. ред. и сост. И. Л. Жеребцов. М.; Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. С. 3–32.
- Савельева Э.А.* Ленский могильник // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского Северо-Востока // МАЕСВ. Вып. 17 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005а. С. 91–112.
- Савельева Э.А.* Формирование этнической территории древних коми-зырян // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Вып. 4. Ч. I: Материалы Всероссийского научного симпозиума по исторической демографии "Этнодемография и этнокультурные процессы на Севере Евразии в прошлом и настоящем: источники изучения и методы их анализа" (Сыктывкар, 15-16 июня 2006 г.) / Гл. ред. Ю.А. Поляков. М.; Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006. С. 12–28.
- Савельева Э.А.* Жигановский могильник. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2010. 453 с.
- Савельева Э.А.* Ыджыдзельский могильник. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 2014. 119 с.
- Савельева Э.А., Кленов М.В., Зеленский В.С.* Жигановское поселение // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье / МАЕСВ. Вып. 12 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1993. С. 141–157.
- Савельева Э.А., Королев К.С.* Торгово-экономические связи перми вычегодской с Волжской Булгарией // Известия Коми НЦ УрО РАН. № 3 (7). Сыктывкар, 2011. С. 89–97.
- Савельева Э.А., Чеснокова Н.Н.* Работы Вычегодского отряда Северодвинской экспедиции // АО – 1978 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, С. 36–37.
- Савельева Э.А., Чеснокова Н.Н.* Веслянское I поселение // Археологические памятники Северного Приуралья / МАЕСВ. Вып. 9 / Отв. ред. В.С. Стоколос. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1985. С. 116–139.
- Савинов Д.Г.* Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.
- Савинов Д.Г.* Миниатюрные стремена в культурной традиции Южной Сибири // Снаряжение кочевников Евразии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 2005. С. 129–135.
- Салугина Н.П.* Работы Куйбышевского областного музея краеведения. // АО – 1976 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1977. С. 176–177.
- Салугина Н.П.* Результаты технологического анализа керамики оседлых племен Самарского Поволжья в раннем железном веке и раннем средневековье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Отв. ред. Г.И. Матвеева, И.Н. Васильева. М.: Наука, 2000. С. 216–246.
- Сарапулов А.Н.* Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным. Пермь: ПГГПУ, 2015. 170 с.
- Саттаров Г.Ф.* Антропотопонимы Татарской АССР: названия деревень Татарстана. Казань: КГУ, 1973. 320 с. (на татар. яз).
- Свод археологических памятников Республики Татарстан. Т. 3 / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Ф.Ш. Хузин. Казань, 2007. 528 с.*
- Сафронов П.И.* Этнокультурное взаимодействие населения Верхнего Посурья в VIII – начале XI в. Дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2015. Т. 1. Пенза, 2015. 431 с.; т. II. 179 с.
- Седов В.В.* Из полевых исследований 1961 г. // КСИА. Вып. 96 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1963. С. 37–43.
- Седов В.В.* Венгры в Восточной Европе // Финноугры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред В.В. Седов. М.: Наука, 1987. С. 236–239.
- Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М.: ИА РАН, 1995. 416 с.
- Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Седова М.В.* Актовая княжеская печать из Суздаля // «Слово о полку Игореве» и его время / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1985. С. 357–362.
- Седова М.С.* Исследование Шелехметского II курганно-грунтового могильника // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Самарский университет, 1995. С. 53–64.
- Семенов В.А.* Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии / Отв. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: УдмНИИ при СМ УдмАССР, 1976. С. 3–50.
- Семенов В.А.* Южные удмурты в XVI в. (по материалам Ореховского могильника) // Вопросы этнографии Удмуртии / Отв. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: Удм. НИИ иЭЛЯ, 1976а. С. 69–94.
- Семенов В.А.* К истории археологических исследований в Удмуртии // Материалы к ранней истории населения Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УдмИИЯЛ, 1978. С. 3–48.
- Семенов В.А.* Разведки в Усть-Куломском и Сысольском районах Коми АССР // АО – 1977 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1978а. С. 36–37.
- Семенов В.А.* Материалы к истории жилища и хозяйственных сооружений удмуртов в VI – первой половине IX в. // Материалы археологических памят-

- ников Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: НИИ при СМ УдмАССР, 1979. С. 150–156.
- Семенов В.А.* Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры / Отв. ред. В.Ф. Геннинг. Ижевск: УдмНИИ при СМ УдмАССР, 1980. С. 5–135.
- Семенов В.А.* К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы по данным археологии // Материалы по этногенезу удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1982. С. 43–62.
- Семенов В.А.* Маловенижское городище Пор-кар // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: НИИ при СМ УдмАССР, 1982а. С. 27–51.
- Семенов В.А.* Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Устинов, 1985. С. 92–118.
- Семенов В.А.* Городище Весья-кар // Материалы средневековых памятников Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Устинов, 1985а. С. 48–77.
- Семенов В.А.* Тольенский могильник IX – начала X в. // Новые исследования по древней истории Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1988. С. 25–57.
- Семенов И.Г.* К вопросу об исторической географии Хазарии // Материалы Восьмой Ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике (30 января – 1 февраля 2001 г., Королев). Часть 1. М.: Сэфер, 2002. С. 179–190.
- Сементовский В.Н.* Билярское городище // Ученые записки КГПИ. 1939. Вып. 1. С. 130–138; 1 л. план городища.
- Семыкин Ю.А.* Опыт реконструкции арбалета по материалам с территории Волжской Булгарии // Древние и средневековые культуры Поволжья / Отв. ред. Г. И. Матвеева Куйбышев: КГУ, 1981. С. 120–128.
- Семыкин Ю.А.* Исследование бани на Красносундюковском I городище // Археологические исследования в Поволжье / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Самарский университет, 1993. С. 219–230.
- Семыкин Ю.А.* К вопросу о поселениях ранних болгар в Среднем Поволжье // Культуры Евразийских степей II половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1996. С. 66–82.
- Семыкин Ю.А.* Новослободская группа памятников в Ульяновской области (к проблеме седентаризации раннесредневековых кочевников в Среднем Поволжье) // Материалы Пятой ежегодной науч.-практич. конф. «Российские мусульмане на пути к религиозному и образовательному единству» (22 марта 2008 г., г. Нижний Новгород). М., 2009. С. 145–149.
- Семыкин Ю.А.* О металлургических горнах именской культуры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1986. С. 131–136.
- Семыкин Ю.А.* Технология кузнечного производства Биляра // Биляр – столица домонгольской Булгарии / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1991. С. 79–108.
- Семыкин Ю.А.* Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: Ин-т истории АН РТ, 1996а. С. 89–153.
- Семыкин Ю.А.* Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII – начале XIII вв. Археология евразийских степей. Вып. 21. Казань: Отечество, 2015а. 228 с.
- Семыкин Ю.А.* Сырьевые источники металлургии железа древности и средневековья в Волго-Свияжском Междуречье // Поволжская археология. 2015б. № 1 (11). С. 161–178.
- Семыкин Ю.А., Гисматуллин М.Р.* Красносундюковское городище // Волжская Булгария. Финно-угорский мир. Тюркоязычные кочевники (VIII – начало XIII вв.) / Археология Волго-Уралья. Т. 5 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: АН РТ, 2022. С. 342–351.
- Семыкин Ю.А., Гисматуллин М.Р., Борисов А.Е., Крылов Ю.В.* Клад раннесредневековых артефактов из Сенгилеевского района Ульяновской области // Археология Евразийских степей. 2019. № 6. С. 79–92.
- Семыкин Ю.А., Казаков Е.П.* Исследование новых памятников раннеболгарского времени в Ульяновском Поволжье // Из археологии Поволжья и Приуралья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2003. С. 118–142.
- Семыкин Ю.А., Ледайкин В.И.* Археологические исследования Красносундюковского I городища // Краеведческие записки / Отв. ред. Ю.К. Володина. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2005. С. 11–26.
- Семыкин Ю.А., Матвеева Г.И.* Освоение природных ресурсов, становление и развитие хозяйства у раннесредневекового населения Новослободской группы памятников в Сенгилеевском районе Ульяновской области // 40 лет Средневожской археологической экспедиции / Краеведческие записки. Вып. XV / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: ООО «Офорт», 2010. С. 243–254.
- Семыкин Ю.А., Терехова Н.Н.* Технология изготовления кузнечных изделий древних венгров по материалам Больше-Тиганского могильника (VIII – первая половина IX в.) // Историко-археологиче-

- ское изучение Поволжья / Отв. ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 56–62.
- Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука, 1972. 228 с.
- Сепеев Г.А.* Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX- начало XX вв.). Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во. 1975. 247 с.
- Сепеев Г.А.* Особенности типологии и планировки марийских поселений // Поселения и жилища Марийского края / АЭМК. Вып. 6 / Научн. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1982. С. 159–189.
- Серебрянников Б.А.* О некоторых косвенных данных, свидетельствующих о древних юго-западных границах расселения народа коми // Записки УдмНИИ. Вып. 18. / Отв. ред. И. П. Емельянов. Ижевск: УдмНИИ. 1957. С. 141–144.
- Серегин Н.Н.* Особенности расположения инвентаря в погребениях раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона // Древности Сибири и Центральной Азии. 2014. № 7 (19) С. 181–193.
- Сидоров А.С.* Археологические памятники Вымского района Коми АССР (по материалам обследования 1928 г.). СПб, 1937 // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 9. 32 л.
- Сидоров А.С.* Археологические памятники Коми АССР // Известия Коми филиала ВГО. 1954. Вып. 2. С. 69–82.
- Сидоров А.С.* Памятники древности в пределах Коми края (по археологическим данным) // Коми му. 1924. № 4. С. 70–77.
- Сидоров А.С.* Памятники древности в пределах Коми края (по археологическим данным) // Коми му. 1924. № 5. С. 7–10.
- Сидоров А.С.* Памятники древности в пределах Коми края (по археологическим данным) // Коми му. 1924. № 6. С. 51–64.
- Сидоров А.С.* Памятники древности в пределах Коми края (по археологическим данным) // Коми му. 1925. № 1 (11). С. 40–50.
- Сидоров А.С.* Памятники древности в пределах Коми края (по археологическим данным) // Коми му. 1925. № 2 (12). С. 24–26.
- Сидоров А.С.* Памятники древности в пределах Коми края (по археологическим данным) // Коми му. 1926. № 6. С. 28–32.
- Сидоров А.С.* Памятники древности в пределах Коми края (по археологическим данным) // Коми му. 1926. № 7. С. 38–42.
- Сингатуллина А.З.* Джудчидские монеты поволжских городов XIII века. Казань: Татар. кн. изд-во, 2003. 192 с.
- Сивицкий М.В.* Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище в Спасском районе Республики Татарстан в 2020 г. (раскоп ССXXXIX), в двух томах. Т. I. Казань, 2022. 144 с. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 460.
- Сивицкий М.В.* Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище в Спасском районе Республики Татарстан в 2020 г. (раскоп ССXXXIX), в двух томах. Т. II. Казань, 2022. 143 с. // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп. 1 Д. 461.
- Сивицкий М.В., Худяков А.В.* Раскопы ССIV, ССIVа, ССIVб // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост.: Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: Казанская недвижимость, 2015. С. 25.
- Ситдииков А.Г.* Оборонительные укрепления древней Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции (Казань, 1–3 июня 1999 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2000. С. 22–40.
- Ситдииков А.Г.* Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань: ООО Фолиант, 2006. 288 с.: ил.
- Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г., Валиев Р.Р., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Куликов А.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В.* Раскоп СХСVI // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск / Авт.-сост.: Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: Казанская недвижимость, 2015. С. 16–15.
- Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Куликов А.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В.* Раскоп СХСIX // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост.: Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: Казанская недвижимость, 2015. С. 16–18.
- Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В., Данильченко А.И.* Раскоп СХСIX // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост.: Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: Казанская недвижимость, 2016. С. 13–15.
- Сказание о царстве Казанском / ступ. статья, переложение и примеч. проф. Н. В. Водовозова. М., Гослитиздат, 1959. 528 с и илл.
- Скарбовенко В.А.* Погребение кочевника салтовского времени в долине р. Самары // Самарский край в истории России. Материалы юбилейной науч. конф. / Гл. ред. П.С. Кабытов. Самара: Файн Дизайн, 2001. С. 197–199.
- Скарбовенко В.А., Лифанов Н.А.* Погребально-поминальные комплексы раннесредневековых кочевников из Восточного Приазовья (по материалам раскопок могильников Лебеди IV и Лебеди VIII в 1980 г.) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. IV / Отв. ред и сост. М.М. Чореф. Севастополь; Тюмень: Тюменский государственный университет Институт истории и политических наук Тюменского

- государственного университета Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2012. С. 44–68.
- Скарбовенко В.А., Сташенков Д.А.* Березовский курган и его место в системе раннесредневековых древностей Самарского Поволжья // Краеведческие записки. Вып. IX / Гл. ред. П.С. Кабытов. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2000. С. 166–187.
- Скисов С.Ю., Лосев Г.А.* Археологические памятники Волго-Ахтубинской поймы (новые открытия) // Астраханские краеведческие чтения. Вып. I / Отв. ред. А. А. Курапов. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2009. С. 66–69.
- Скэнлон Т.Дж.* Заметки о фатимидско-сельджукской торговле // Мусульманский мир. 950–1150 / Отв. ред. В.В. Наумкин, М.Б. Пиотровский. М.: Наука, 1981. С. 282–291.
- Славяне и скандинавы. Пер. с немец. / под общ. ред. Е.А. Мельниковой. М.: Прогресс, 1986. 416 с.
- Слама Й.* Центральная Европа и Волжская Булгария // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции (Казань, 1–3 июня 1999 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2000. С. 239–243.
- Слама Й.* Чехия периода правления Пржемысловичей и Волжская Булгария // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара (Казань, 28–29 августа 2000 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 210–212.
- Смирнов А.П.* Ванвиздинская дюнная стоянка // ТСА РАНИОН. 1928. Т. IV. С. 472–480.
- Смирнов А.П.* Памятники феодального строя среди удмуртов (IX–XIII вв.) Отчет археологической экспедиции по изучению реки Вятки // Записки УдмНИИ. Ижевск, 1937. Вып. 7. С. 177–195.
- Смирнов А.П.* Исследования городища Сувар. (Экспедиция Московского отделения ГАИМК 1936 г.) // СА. 1937а. Т. IV. С. 330–332.
- Смирнов А.П.* Очерки по истории древних болгар // Труды ГИМ. Вып. XI. М., 1940. С. 55–129.
- Смирнов А.П.* Обследование р. Валы // Археологические исследования в РСФСР, 1934–1936 гг. / Краткие отчеты и сведения. / Ред. В.В. Гольмстен. М.; Л.: АН СССР, 1941. С. 109–112.
- Смирнов А.П.* Сувар. Итоги раскопок 1933–1937 гг. // Труды ГИМ. 1941а. Вып. XVI. С. 135–171.
- Смирнов А.П.* Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козьмодемьянск: Горномарийский филиал Мар. кн. изд-ва., 1949. 133 с.
- Смирнов А.П.* Волжские болгары / Труды ГИМ. Вып. XIX. М.: ГИМ, 1951. 275 с., табл. I – XVIII.
- Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / МИА. № 28. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 276 с.
- Смирнов А.П.* Основные этапы истории города Болгара и его историческая топография // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 302–324.
- Смирнов А.П.* Некоторые вопросы средневековой истории Поволжья. Казань: Гос. музей Татар. АССР, 1957. 35 с.
- Смирнов А.П.* Древнейшее население на территории Чувашии // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары: Чувашгосиздат. 1958. С. 44–49.
- Смирнов А.П.* Раскопки городища «Великие Болгары» в 1957 г. Казань: Гос. музей ТАССР, 1959. 42 с.
- Смирнов А.П.* Железный век Чувашского Поволжья / МИА. № 95. М.: АН СССР, 1961. 170 с.
- Смирнов А.П.* Этногенез мордовского народа по данным археологии I – XV вв. н.э. // Этногенез мордовского народа. Материалы научной сессии. 8–10 декабря 1964 года. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1965. С. 18–28.
- Смирнов А.П.* О столице государства волжских болгар // СА. 1972. № 1. С. 98–102.
- Смирнов А.П.* Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 4–13.
- Смирнов А.П., Мерперт Н.Я.* Введение // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 5–20.
- Смирнов А.П., Тихомирова В.А.* Археологические памятники левобережья Волги (Ульяновск – Майна) // Историко-археологический сборник / Под ред. А.П. Смирнова. М., 1948. С. 187–201.
- Смирнов Г.Д.* Археологические исследования Старого Орехя (Молдавская ССР) // КСИИМК. Вып. 56 / Отв. ред. А.Д. Удадьцов. М.: АН СССР, 1954. С. 24–39.
- Смирнов И.Н.* Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань: Типография Императорского университета, 1889. 212 с. с прил.
- Смирнов К.Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдальское // Древности Нижнего Поволжья. Т. I / МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР. 1959. С. 206–323.
- Смирнова Л.И.* Организация косторезного ремесла в древнем Новгороде (по материалам Троицкого раскопа) // Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина) / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 237–247.
- Смирнова Л.И.* Сырье новгородских косторезов (рог, кость и «рыбий зуб») // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л.Янина

- / Ред. А.А. Гиппиус, Е.Н. Носов, А.С. Хорошев. М.: Русские словари, 1999. С. 122–134.
- Смолин В.Ф.* Археологический очерк Татарской Республики // Материалы по изучению Татарстана. Вып. II / Ред. Г.Г. Ибрагимов, Н.И. Воробьев Казань: Бюро краеведения при Акад. центре ТНКИ, 1925а. С. 5–70.
- Смолин В.Ф.* Болгарский город Бряхимов // ИОАИЭ. 1925б. Т. XXXIII, вып. 1. С. 131–145.
- Соловьев Е.Т.* Где был болгарский город Керменчук? // ИОАИЭ. 1889. Т. VII. С. 1–17.
- Соловьев Е.Т.* Топография древнего города около с. Русских Кирменей (Мамадышского у., Каз.г.) // Труды IV Археологического съезда. Т. III. отд. 7. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1884. С. 249–251.
- Соловьев С.М.* Сочинения в 18 книгах. М.: Мысль, 1989. Кн. III. 783 с.
- Сотникова М.П.* Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII–XIV вв. // Труды ГЭ. Т. 4. Нуимзматика. Вып. 2 / Ред. А.А. Быков. Л.: ГЭ, 1961. С. 44–91.
- Спицын А.А.* Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края (реферат, посвященный VIII Археологическому съезду). Вятка; Губернская Типография, 1889. 61 с.
- Спицын А.А.* Поездка летом 1891 г. на р. Юм (Котельничский уезд Вятской губернии) // Дело Императорской археологической комиссии о древних украшениях, найденных на берегу р. Юмы, в починке Загребинском Котельничского кезда Вятской губернии // Архив ИИМК. Д. 111.
- Спицын А.А.* Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии / МАВГР. Т. I. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1893. 222 с.
- Спицын А.А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы. Вып. 1. СПб., 1901. 124 с., 30 л. илл.
- Спицын А.А.* Приуральский край: Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии / МАВГР. Вып. I. Приуральский край. М.: Типография Э. Лисснера, Ю. Романа, 1893. 222 с.
- Спицын А.А.* Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. Вып. 26. СПб., 1902. 109 с., илл.
- Спицын А.А.* Заметки из поездки 1898 г. // Известия ИАК. 1916. Вып. 60. С. 73–93.
- Средневековые археологические памятники Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН, 1983. 167 с.
- Ставицкий В.В., Ставицкий А.В., Андреева А.А., Сафронов П.И.* К вопросу о мордовском населении Верхнего Посурья в X–XI вв. // История и археология. 2014. № 11. URL: <http://history.snauka.ru/2014/11/1285> (дата обращения: 11.09.2020).
- Старков А.В.* Поселение Рахмангулово – памятник неволинской культуры на реке Уфе // Труды КАЭЭ. Вып. 6 / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2009. С. 165–170.
- Старостин П.Н.* Памятники именковской культуры / САИ. Вып. ДИ-32. М.: Наука, 1967. 97 с.
- Старостин П.Н.* Сабля с рунической надписью из села Именьково Казанской губернии // Истоки татарского литературного языка / Отв. ред. Х.Р. Курбатов. Казань: ИЯЛИ, 1988. С. 14–16.
- Старостин П.Н.* Раннее поселение на правом берегу Мало-Иерусалимского оврага в Болгарах // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ, 1993. С. 53–63.
- Старостин П.Н.* Остатки древнего Болгара у Мало-го Иерусалимского оврага // Археология евразийских степей. Вып. 2. Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредит. съезда Междунар. конгресса. Казань, 14–16 февраля 2007 г. Т. II / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдинов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. С. 140–144.
- Старостин П.Н., Казаков Е.П., Габяшев Р.С.* Игимский могильник // СА. 1973. № 1. С. 260–264.
- Старостин П.Н., Хомутова Л.С.* Железообработка у племен именковской культуры // СА. 1981. № 3. С. 208–217.
- Сташенков Д.А.* Археологические исследования у с. Новинки в 1992 г. // Краеведческие записки. Вып. VII / Отв. ред. П.С. Кабытов. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1995а. С. 268–284.
- Сташенков Д.А.* Новые детали погребального обряда памятников раннеболгарского времени в Самарском Поволжье // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Самарский университет, 1995б. С. 34–54.
- Сташенков Д.А.* Половозрастная стратификация новинковского населения (по материалам украшений костюма) // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2001. С. 141–165.
- Сташенков Д.А.* Раскопки Кайбельского средневекового могильника в 1953–1954 годах // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3 / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СНЦ РАН, 2003. С. 324–345.
- Сташенков Д.А.* Памятники мадьярского круга в Самарском Поволжье // Форум «Идель-Алтай». Материалы науч.-практ. конф. «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации» I Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 7–11 декабря 2009 г. Тез. док. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 228–229.

- Сташенков Д.А.* О группах поселений хазарской эпохи в Самаро-Симбирском Поволжье // *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия)* / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Офорт, 2010. С. 118–127.
- Сташенков Д.А.* Керамический комплекс поселений хазарской эпохи в Самаро-Симбирском Поволжье // *Международ. науч. семинар «Керамика Хазарского Каганата (VII–X вв.) и проблема идентификации болгарской керамики в странах Причерноморья и Поволжье».* г. Ялта (Украина), 16–20 октября 2011 г. Симферополь, 2011. С. 99–104.
- Сташенков Д.А.* Новые археологические исследования на территории города Самары. Самара: Ас Гард, 2012. 136 с.
- Сташенков Д.А.* Раскопки на Жигулевском селище и Жигулевском II грунтовом могильнике // *Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 г.* / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: АНО «Изд-во СНЦ РАН», 2014. С. 82–112.
- Сташенков Д.А.* О специфике набора стеклянных бус Самаро-Симбирского Поволжья в хазарскую эпоху // *Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века* / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 147–152.
- Сташенков Д.А.* Жигулевский археологический комплекс и его соотношение с древностями новинковского типа // *XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева* / Ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018. С. 325–326.
- Сташенков Д.А.* Древние венгры и их окружение в Самарском Поволжье. Каталог археологических коллекций. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2020. 120 с.
- Сташенков Д.А., Салугина Н.П.* О кремационных погребениях хазарской эпохи в Самарском Поволжье (по материалам Жигулевского II грунтового могильника) // *Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур.* К 60-летию А.М. Обломского / Раннеславянский мир. Вып. 19 / Отв. ред. В.Е. Родинкова, О.С. Румянцева. М.: ИА РАН, 2017. С. 311–325.
- Сташенков Д.А., Турецкий М.А.* Погребение эпохи раннего средневековья у хутора Лебяжинка (к вопросу об этнокультурной ситуации в Самарском Поволжье в IX в.) // *Вопросы археологии Поволжья.* Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СамГПУ, 1999. С. 289–301.
- Степи Евразии в эпоху средневековья* / Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. 303 с.
- Степовой А.В.* Металлургическое производство населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (Ютановский археологический комплекс). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011. 22 с.
- Степанов О.В.* О денежном обращении в «безмонетный» период XI–середины XIII вв. // *Проблемы региональной истории и музейно-краеведческая работа. Проблемы истории и культуры Волго-Уральского региона и Евразии.* Вып. 6 / Ред. А.А. Бурханов. Казань: ИИ АН РТ, 2017. С. 26–27.
- Степанов П.Д.* Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья // *Труды Куйбышевской археологической экспедиции.* Т. IV / МИА. № 111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1962. С. 221–272.
- Степанов П.Д.* Южные связи племен Среднего Поволжья в I тыс. н. э. // *Древности Восточной Европы* / МИА. № 169 / Отв. ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 221–227.
- Стоянов В.Е.* Отчет об исследованиях Русенихинского городища на р. Ветлуге в 1958 году // *Отчет Марийской археологической экспедиции.* С. 192–194.
- Сунгатов Ф.А.* Волго-Уральский регион в эпоху Тюркских каганатов // *История татар с древнейших времен (в семи томах).* Т. I. Народы степной Евразии в древности / Науч. ред. С.Г. Кляшторный. Казань: Рухият, 2002. С. 268–276.
- Сунгатов Ф.А.* Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н.э.). Уфа: Гилем, 1998. 168 с.
- Сысоев А.Д.* Очерки физической географии Челябинской области. Челябинск: Челябинск. кн. изд-во, 1959. 207 с.
- Талицкая И.А.* Материалы к археологической карте бассейна р. Камы [по данным, собранным М. В. Талицким] / *Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья.* Т. IV / МИА. № 27. М.: АН СССР, 1952. 226 с.
- Талицкий М.В.* Кочергинский могильник // *Археологические памятники Урала и Прикамья* / МИА. № 1 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.; Л.: АН СССР, 1940. С. 159–162.
- Талицкий М.В.* Верхнее Прикамье X–XIV вв. // *Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья.* Т. III / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 33–96.
- Тарабанов В.А.* Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдованское Крымского района // *Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990.* Ейск: Ейский историко-краеведческий музей, 1992. С. 76–79.
- Татар халык ижаты. Экиятләр (беренче китап)* / Томны төзүчеләр, кереш мәкалә һәм искәрмәләрне әзерләүчеләр Х.Х. Гатина, Х.Х. Ярми. Татар. кит. нәшр., 1977. 408 б.

- Татар халык ижаты. Әкиятләр (икенче китап) / Томнарны төзүчеләр, кереш мәкалә һәм искәртмәләрне әзерләүчеләр Х.Х. Гатина, Х.Х. Ярми. Казан: Татар. кит. нәшр., 1978. 447 б.
- Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар / Төзүчесе С.М. Гыйләжетлинов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. 268 б.
- Татищев В.Н.* История Российская. Т. I. М.; Л.: Наука, 1962. 500 с.
- Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. М.; Л.: Наука, 1964. 338 с.
- Тезикова Т.В.* Самарская Лука. Краткая физико-географическая характеристика восточной части // Самарская Лука в древности / Краеведческие записки. Вып. III / Отв. ред. О. Н. Бадер. Куйбышев: Куйбышев. кн. изд-во, 1975. С. 16–38.
- Тенишев Э.М.* Камень с рунической подписью из Юрино // Лингвистический сборник в честь 60-летия В. В. Решетова. Ташкент, 1971. С. 21–22.
- Теплоухов Ф.А.* Древности пермской чуди // Пермский край. Т. 3. Пермь, 1893.
- Теплоухов Ф.А.* Древности Пермской Чуди из серебра и золота и ее торговые пути // Пермский край. Т. 3 / Отв. ред. А.А. Дмитриев. Пермь: Перм. губ. стат. ком., 1895. С. 247–290.
- Теплоухов Ф.А.* Чудское жертвенное место на р. Колве // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. III. Пермь, 1897. С. 131–151.
- Теплоухов А.Ф.* Следы бывшего пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами // Записки УОЛЕ. 1924. Т. XXXIX. С. 81–112.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М.* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Наука, 1997. 318 с.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Изд. на иждивении графа С.Г. Строганова, 1884. XVI+563 с.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном, обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
- Тишкин А.А.* Аварийные археологические раскопки курганного могильника Щепчиха-I // Культура древних народов Южной Сибири / Отв. ред. Ю.Л. Кирюшин, А.Л. Кунгуров. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1993. С. 90–99.
- Ткаченко О.Б.* Мерянский язык. Киев: Наукова думка, 1985. 206 с.
- Толмачев Н.А.* Об остатках древности в пределах Казанской губернии // Труды IV Археологического съезда. Т. I. отд. 1. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1884. С. 69–109.
- Толмачева М.М.* Техника металлического производства в Волжской Болгарии в X–XIII вв. по данным металлографии // Естественные науки и археология в изучении древних производств / Отв. ред. А. К. Станюкович. М.: Наука, 1982. С. 56–62.
- Толочко П.П.* О торгово-ремесленном пути становления древнерусских городов // История и культура древнерусского города / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. М.: МГУ, 1989. С. 157–166.
- Толстов С.П.* Монеты шахов Древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит // ВДИ. 1938. № 4. С. 120–145.
- Толстов С.П.* Города гузов // СЭ. 1947. № 3. С. 55–102.
- Тотев Б., Пелевина О.* Новые данные о раннесредневековых поясах дунайских болгар // Античная древность и средние века. Вып. 36 / Отв. ред. В.П. Степаненко. Екатеринбург: УрГУ, 2005. С. 85–103.
- Трофимова Т.А.* Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии / Труды ИЭ АН СССР. Новая серия. Т. VII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 264 с.
- Туганаев А.В., Туганаев В.В.* Состав, структура и эволюция агроэкосистем Европейской России (лесная и лесостепная зоны) в средневековье (VI–XVI вв. н.э.). Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2007. 198 с. (С. 64–85.)
- Туганаев В.В.* Состав и характеристика культурных и сорных растений билярских полей // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 240–245.
- Туганаев В.В., Туганаев А.В.* Иднакар как ключ к познанию агроэкосистем // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УдмИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 209–220.
- Тухтина Н.В.* Раскопки 1957 года близ села Криуши Ульяновской области // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III / МИА. № 80 / Отв. ред. А. П. Смирнов. М. АН СССР, 1960. С. 145–154.
- Фасмер Р.Р.* О монетах волжских болгар X века // ИОАИЭ. 1925. (1926). Т. XXXIII, вып. 1. С. 29–69.
- Фаттахов Р.М.* Антропологическая характеристика материалов из IV Билярского могильника (по раскопкам 1972–1973 гг.) // Новое в археологии Поволжья: Археологическое изучение центра Билярского городища / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 119–123.
- Фаттахов Р.М.* Краниологические материалы из могильника Большие Тиганы // Краткое содержание докладов научной сессии Института этнографии АН СССР: 1974–1976 / Отв. ред. К.В. Чистов. Л.: Наука, 1977. С. 27–29, 104–106.
- Фаттахов Р.М.* Антропологическая характеристика материалов из IV Билярского могильника (по раскопкам 1972–1973 гг.) // Новое в археологии По-

- волжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 119-123.
- Фаттахов Р.М.* Краниологическая характеристика материалов из Варнинского могильника // Новый памятник полемской культуры / Отв. ред. В.Ф. Геннинг. Ижевск: Изд-во НИИ при СМ УАССР, 1980. С. 152–156.
- Фахрутдинов Р.Г.* О степени заселенности булгарскими территории современной Чувашской АССР // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 175–201.
- Фахрутдинов Р.Г.* О столице домонгольской Булгарии // СА. 1974. № 2. С. 131–143.
- Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 219 с. + 1 л. карты.
- Фахрутдинов Р.Г.* Еще раз о столице домонгольской Булгарии // СА. 1975. № 3. С. 71–79.
- Фахрутдинов Р.Г.* Археологическая карта Волжско-Камской Булгарии // Татария в прошлом и настоящем / Отв. ред. З.И. Гильманов. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1975а. С. 151–171.
- Фахрутдинов Р.Г.* Домонгольский Болгар в письменных источниках // Древности Волго-Камья / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань, 1977. С. 64–77.
- Фахрутдинов Р.Г.* Исследования болгарских городищ в Татарии и Ульяновской области (по разведкам 1967, 1970, 1971 гг.) // СА. 1981. № 1. С. 243–260.
- Фахрутдинов Р.Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 216 с.
- Фахрутдинов Р.Г.* Классификация и топография болгарских городищ // СА. 1990. № 4. С. 68–84.
- Федорова Н.В.* Новый клад эпохи средневековья с Барсовой Горы // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа / Отв. ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 148–152.
- Федорова Н.В.* Торевтика Волжской Булгарии. Серебряные изделия X–XIV вв. из Зауральских коллекций // Труды КАЭЭ. Вып. 3 / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2003. С. 138–153.
- Федорова Н.В.* Художественный металл средневекового Востока на севере Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. Вып. 2. С. 29–33.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I / Под ред. Д.Б. Шелова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 94–192.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Тигашевское городище. (Археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. IV / МИА. № 111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1962. С. 49–89.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966. 276 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Город и область Саксин в XII–XIV вв. // Древности Восточной Европы / МИА. № 169 / Отв. ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 253–261.
- Федоров-Давыдов Г.А.* В древней дельте Волги (из работ Поволжской археологической экспедиции) // Путешествия в древность / Ред. В.Л. Янин. М.: МГУ, 1983. С. 50–76.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Погребения хазарского времени из урочища Кривая Лука в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник / Отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Кемеров гос. ун-т, 1984. С. 80–95.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Монеты с Дубовского могильника // Новые памятники археологии Волго-Камья / АЭМК. Вып. 8 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МАРНИИ, 1984а. С. 160–172.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Новые находки восточных монет VIII–XIII вв. на территории Восточной Европы // ЭВ. 1985. Вып. 23. С. 44–47.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Статистические методы в археологии: Учебное пособие для вузов по специальности «История». М.: Высшая школа, 1987. 216 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Введение // Город Болгар: Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов М.: Наука, 1987. С. 3–7.
- Фехнер М.В.* Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XIII века // Международные связи России до XVII века / Ред. А. А. Зимин, В. Т. Папуто. М.: АН СССР, 1961. С. 46–54.
- Фигуровский Н.А.* Открытие элементов и происхождение их названий. М.: Наука, 1970. 87 с.
- Филоненко В.И.* Отчет о командировке в Бирский уезд к язычникам-инородцам // Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год. Уфа: Электрическая губернская типография, 1914. 36 с.
- Физико-географическое районирование Среднего Поволжья / Ред. А. В. Ступишин. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1964. 196 с.
- Флеров В.С.* Разыскания по обряду обезвреживания погребенных в раннесредневековой Восточной Европе // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Под ред. А.В. Евлевского. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 55–74.
- Флеров В.С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2011. 264 с.
- Флеров В.С.* Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М.: ИА РАН, 1996. 100 с.
- Флерова В.Е.* Граффити Хазарии. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 176 с.

- Флерова В.Е.* Резная кость Юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Балой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.
- Фодор И.* К вопросу об этнической интерпретации Большетиганского могильника // Congress usquartus internationalis Fenno-Ugristarum. Pars II. Budapest, 1980. С. 228–232.
- Фодор И.* Древневенгерские аналогии накладки из раскопок Казанского Кремля // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции (Казань, 1–3 июня 1999 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2000. С. 59–67.
- Фодор И.* Аналоги в археологическом материале древних венгров и волжских болгар и их историческое значение // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2009. С. 126–131.
- Фодор И.* Венгры: древняя история и обретение родины. Пермь: Зебра, 2015. 132 с.
- Фомин А.В.* Обращение обломков куфических монет в Восточной Европе // НЭ. 1984. Т. 14. С. 133–139.
- Фосс М.Е.* Река Вычегда // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. / Ред. В.В. Гольмстен. М.; Л.: АН СССР, 1941. С. 14–17.
- Формозов А.Н.* Материалы к истории фауны Приветлужья // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 181–191.
- Фролова В.И.* Новые материалы к характеристике культурных и сорных растений полей в окрестности Биляра // Новое в археологии Поволжья: Археологическое изучение центра Билярского городища / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 139–141.
- Хакимзянов Ф.С.* О языке межэтнического общения в Волжской Булгарии // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья / Отв. ред. Ф.С. Хакимзянов. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 76–89.
- Хакимзянов Ф.С.* Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М.: Наука, 1987. 192 с.
- Хаков В.Х.* Камень с рунической надписью из деревни Сарабиккулово Лениногорского района Татарии // Истоки татарского литературного языка / Отв. ред. Х.Р. Курбагов. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 12–13.
- Халачьян О.Д.* Средневековые бани Армении // СА. 1960. № 1. С. 215–229.
- Халиков А.Х.* Марийская археологическая экспедиция 1956 года // Труды МарНИИ. Вып. XI. Йошкар-Ола: МарНИИ. 1958. С. 73–89.
- Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края / Труды МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 7–187.
- Халиков А.Х.* Исследования казанских археологов на территории Татарии в 1961–1967 гг. // Очерки истории Поволжья и Приуралья. Вып. II–III / Отв. ред. А.Л. Литвин. Казань: КГУ, 1969. С. 3–14.
- Халиков А.Х.* Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 7–36.
- Халиков А.Х.* Дунай Болгарстаны – кардэшлэребез иле // Казан утлары. 1972. № 8. Б. 121–132.
- Халиков А.Х.* История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 5–56.
- Халиков А.Х.* Культура народов Среднего Поволжья в средние века // ВИ. 1976б. № 4. С. 102–119.
- Халиков А.Х.* Усадьба ремесленников-металлургов // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976а. С. 64–74.
- Халиков А.Х.* Кирпичное здание на XVII раскопе // Новое в археологии Поволжья: Археологическое изучение центра Билярского городища / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 11–20.
- Халиков А.Х.* Изучение археологической культуры ранних болгар на Волге // Плиска – Преслав: прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща. (Шумен, 1976). Т. 2. София, 1981. С. 36–42.
- Халиков А.Х.* Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских болгар в археологических материалах // Ранние болгары. Казань, 1981а. С. 5–20.
- Халиков А.Х.* Раскопки могильников в Татарии // АО – 1980 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1981б. С. 156.
- Халиков А.Х.* Раскопки Армиевского и Больше-Тиганского могильников // АО – 1981 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1983. С. 177–178.
- Халиков А.Х.* Работа в Татарии и Пензенской области // АО – 1982 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. С. 181–182.
- Халиков А.Х.* Новые исследования Больше-Тиганского могильника. (О судьбе венгров, оставшихся на древней Родине) // Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник. Кемерово, 1984а. С. 122–133.
- Халиков А.Х.* Культура древних венгров в Приуралье и Подунавье в VIII–X вв. н.э. // InteraktionendermitteleuropäischenundanderenEthnikaim 6–10 Jahrhundert. Nitra, 1984б. С. 45–47.
- Халиков А.Х.* Монгольское нашествие и судьба Великого города // Археологические памятники Ниж-

- него Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984в. С. 82–98.
- Халиков А.Х.* Международный симпозиум, посвященный 100-летию Финно-Угорского общества // СА. 1985. № 2. С. 298–300.
- Халиков А.Х.* Раскопки Больше-Тиганского могильника // АО – 1984 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1986а. С. 157–158.
- Халиков А.Х.* Сфероконические сосуды // Посуда Биляра / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1986б. С. 72–83, 137–141 (ил.).
- Халиков А.Х.* Исследования Армиевского могильника // АО – 1984 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1986в. С. 156–157.
- Халиков А.Х.* Исследования на Больше-Тиганском могильнике и в Казани // АО – 1985 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987. С. 210–211.
- Халиков А.Х.* Работа в районе Армиево // АО – 1985 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987б. С. 211–212.
- Халиков А.Х.* Новые данные о пребывании древних венгров между Камой и Уралом // Проблемы древних угров на Южном Урале / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: Баш. кн. изд-во, 1988. С. 67–78.
- Халиков А.Х.* Исследования курганно-грунтовых могильников в Пензенской области // АО – 1986 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1988а. С. 195.
- Халиков А.Х.* Протоболгары и протовенгры в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье // Проблемы на прабългарската история и култура. София. 1989а. С. 17–26.
- Халиков А.Х.* Татарский народ и его предки. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989б. 222 с.
- Халиков А.Х.* Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Часть 1. Происхождение финноязычных народов. Казань: Изд-во Казан. унта, 1991. 105 с.
- Халиков А.Х.* Торговые пути Булгарии в IX–XIII веках и их археологическое изучение // Путь из Булгара в Киев / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1992. С. 12–22.
- Халиков А.Х.* Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань: Изд-во “Фэн” АН РТ, 1994. 164 с.
- Халиков А.Х.* Отчет об исследованиях комплекса мечети на Елабужском «Чертовом» городище. Казань; Елабуга, 1994 // Архив ЕГМЗ.
- Халиков А.Х.* Алабуга – Елабуга. История возникновения города Алабуга-Елабуга и исследования Елабужского городища в 1993 году. Елабуга: Юлдаш, 1997. 32 с.
- Халиков А.Х.* Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань: Фолиант, 2011. 336 с.
- Халиков А.Х., Безухова Е.А.* Материалы к древней истории Поволжья. (Археологические исследования в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 году). Горький: Горьк. гос. ист.-архитектурный музей-заповедник, 1960. 59 с.
- Халиков А.Х., Игонин Н.И.* Аэрофотосъемка крупных археологических объектов // Вестник АН СССР. 1974. № 7. С. 67–72.
- Халиков А.Х., Фаттахов Р.М.* Новые раскопки Больше-Тиганского могильника // АО – 1978 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1979. С. 202.
- Халиков А.Х., Хузин Ф.Ш.* Исследования Биляра и его окрестностей // АО – 1983 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1985. С. 183.
- Халиков А.Х., Шавахин Л.С.* Древнейшая Казань // Древняя Казань глазами современников и историков / Сост. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдииков. Казань: Фест, 1996. С. 298–350.
- Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф.* Караван-сарай древнего Биляра // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 75–100.
- Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф.* Исследование комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья: Археологическое изучение центра Билярского городища / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 21–45.
- Халиков Н.А.* Промыслы // История татар с древнейших времен (в семи томах) Т. II. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РухИЛ, 2006. С. 247–248.
- Халикова Е.А.* Погребальный обряд Танкеевского могильника. (К вопросу об истоках населения Волжской Булгарии IX–X вв.) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 64–93.
- Халикова Е.А.* Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров. Сб. ст. советских и венгерских археологов / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 145–160.
- Халикова Е.А.* Больше-тиганский могильник // АО – 1974 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1975. С. 178–179.
- Халикова Е.А.* Magna Hungaria // ВИ. 1975. № 7. С. 37–42.
- Халикова Е.А.* Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. № 2. С. 158–178.
- Халикова Е.А.* Мусульманские могильники Волжской Булгарии X – начала XIII вв. как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976б. 18 с.
- Халикова Е.А.* Еще раз о проблеме происхождения венгров. (В связи с дискуссией на IV Международном конгрессе финно-угроведов) // СА. 1978. № 4. С. 294–298.

- Халикова Е.А.* IV Билярский некрополь // Новое в археологии Поволжья: Археологическое изучение центра Билярского городища / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 114–118.
- Халикова Е.А.* Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. 160 с.
- Халикова Е.А.* Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. 1976а. № 3. С. 141–156.
- Халикова Е.А., Халиков А.Х.* Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник) / Археология евразийских степей. Вып. 25. Казань: Фэн, 2018. 144 с.
- Халикова Е.А., Халиков А.Х., Казаков Е.П.* Танкевский могильник и его место среди археологических памятников Прикамья // V Уральское археологическое совещание. (Тез. док. и сообщ.). Сыктывкар, 1967. С. 75–77.
- Хан Хан (Лю Юань Юань).* Древнее китайское стекло (на китайском языке). Тайбей: Искусство, 1999. 159 с.
- Хаскова Я.* Древнечешская монета из Казани // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы международного симпозиума (Казань, 8–10 сентября 1998 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 227–234.
- Хаскова Я.* Древнечешская монета из Казани // Археологическое изучение болгарских городов / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 1999. С. 32–37.
- Хаскова Я.* Древнечешская монета из Казани // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1999а. № 5/6. С. 55–58.
- Хаскова Я.* Денарий из Regnum Bohemorum: Древнечешская монета времен святого Вацлава // Казань». 1999б. № 5/6. С. 35.
- Хаскова Я.* Взгляды ученых на чешскую монету, найденную в Казанском кремле // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара (Казань, 28–29 августа 2000 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 206–209.
- Харитонов Д.Е.* Булгарское медное блюдо в Чердынском музее // СА. 1965. № 1. С. 303–305.
- Харузин Н.Н.* Очерки истории развития жилища у финнов. М.: т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1895. 99 с., 6 л. ил
- Хвольсон Д.А.* Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. СПб., 1869. XIII+199 с. (см. также: *Хвольсон Д.А.* Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадырах, Славянах и Руссах Абу Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д.А.Хвольсон, профессор Санкт-Петербургского университета. Киев: «Аграр Медиа Групп», 2013. 216 с.)
- Хинц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. // Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Давидович Е.А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 9–78, 132–143.
- Хлебникова Т.А.* Пальцинские селища X – начала XIII вв. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 61 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1958. С. 203–220.
- Хлебникова Т.А.* О работе III отряда экспедиции КФАН 1958 г. в Набережно-Челнинском районе ТАССР // Архив КНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 41, ед. хр. 79.
- Хлебникова Т.А.* Полевой дневник археологической экспедиции 1958 г. // Архив КНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 41. ед. хр. 133.
- Хлебникова Т.А.* Гончарное производство волжских болгар X – начала XIII вв. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. IV / МИА. № 111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1962. С. 93–152.
- Хлебникова Т.А.* Еще одна находка болгарских ювелирных изделий // СА. 1963. № 1. С. 305–310.
- Хлебникова Т.А.* Основные производства волжских болгар. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1964. 27 с.
- Хлебникова Т.А.* Результаты исследований Мало-Сундырского городища в 1958 и 1964 гг. // История, археология, этнография мари. Труды МарНИИ. Вып. XXII / Отв. ред. А.В. Хлебников. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967. С. 148–169.
- Хлебникова Т.А.* Город Жукотин (Джукетау) на Каме // АО – 1970 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1971а. С. 172–173.
- Хлебникова Т.А.* Археологические работы 1970 года на Джукетау // Тезисы докладов итоговой научной сессии за 1970 г. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971б. С. 89–92
- Хлебникова Т.А.* Работы на Джукетау // АО – 1971 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1972. С. 230–231.
- Хлебникова Т.А.* Булгарский город Джукетау в Нижнем Прикамье // АО – 1972 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1973а. С. 193.
- Хлебникова Т.А.* Работы на Джукетау в 1971–1972 гг. // Тезисы докладов Научной сессии за 1972 г. (Казань, 10–13 апреля 1973 г.). Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1973б. С. 133–134.

- Хлебникова Т.А.* Исследования центра города Болгара в 1964–1970 гг. // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1974. С. 18–23.
- Хлебникова Т.А.* Исследования некоторых поселений волжских булгар в 1973–1974 гг. в связи с темой о локальных вариантах их культуры // Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание: Тез. докл. / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН СССР, 1974. С. 43–44.
- Хлебникова Т.А.* Некоторые итоги исследования болгарских памятников Нижнего Прикамья // СА. 1974. № 1. С. 58–68.
- Хлебникова Т.А.* К истории г. Жукотина (Джукетау) домонгольской поры (по работам 1970–1972 гг.) // СА. 1975а. № 1. С. 234–251.
- Хлебникова Т.А.* Ранний Булгар // СА. 1975б. № 2. С. 120–132.
- Хлебникова Т.А.* Работы на городище Сувар // АО – 1974 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1975в. С. 179.
- Хлебникова Т.А.* Городище Сувар // АО – 1975 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1976. С. 204–205.
- Хлебникова Т.А.* Работы 1974 года на Суваре // Средневожская археологическая экспедиция / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1977. С. 134–155.
- Хлебникова Т.А.* Отчет о работе на Болгарском городище на раскопе № 67–68. 1979. 159 с. // БГИАЗ. Док. фонд. Инв. 60–2. КП-296.
- Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 240 с.
- Хлебникова Т.А.* История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар: Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 32–88.
- Хлебникова Т.А.* Неполиванная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 7–102.
- Хлебникова Т.А.* Отчет о раскопках на Суваре в 1990 году // Архив БГИАЗ.
- Хлебникова Т.А.* Керамика из V слоя Казанского Кремля // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции (Казань, 1–3 июня 1999 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2000. С. 41–53.
- Хлебникова Т.А., Казаков Е.П.* К археологической карте ранней Волжской Болгарии на территории ТАССР // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 109–136.
- Хлебникова Т.А., Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф.* Раскопки в Суваре // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. С. 149–151.
- Хованская О.С.* Бани города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 392–423.
- Хованская О.С.* Нагрудное украшение из болгарского города Джукетау // СА. 1958. № 1. С. 239–243.
- Хорев Б.С.* Волго-Вятский район. Экономико-географический очерк. М.: Просвещение. 1964. 111 с.
- Хохлова О.С.* Морфолого-генетический анализ хронорядов почв курганных групп Покровка 1, 2 и 10 в 1995 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 4 / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 1996. С. 61–72.
- Хохлова О.С., Хохлов А.А.* Палеопочвенные исследования курганного могильника Мустаево V в Ново-сергиевском районе Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VII. / Отв. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Оренбург. гос. пед. ун-т., 2005. С. 50–69.
- Храковский В.* Шараф аз-Заман Тахир Марвази // Труды сектора востоковедения АН Казах. ССР. Т. I. Алма-Ата: АН Казах. ССР, 1959. С. 208–218
- Худяков М.Г.* Разведки в Билярске летом 1915 года // ИОАИЭ. 1919. Т. XXX, вып. 1. С. 59–66.
- Худяков М.Г.* Очерк истории первобытного общества на территории Марийской области / ИГАИМК. Вып. 141. М.-Л.: АН СССР, 1935. 135 с.
- Худяков М.Г.* Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. / Материалы ГАИИМК. Вып. 2. Л., 1933. 27 с.
- Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Фонд ТЯК, 1990. 310 с.
- Хузин Ф.Ш.* Об итогах разведочных работ в окрестностях Билярского городища. (К вопросу о посадке Великого города) // Материалы IV конф. молодых науч. работников. Казань, 1976. С. 49–51.
- Хузин Ф.Ш.* Рядовые жилища, хозяйственные постройки и ямы цитадели // Новое в археологии Поволжья: Археологическое изучение центра Билярского городища / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 62–99.
- Хузин Ф.Ш.* Исследования в пригороде Биляра // Средневековые археологические памятники Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН, 1983. С. 20–50.
- Хузин Ф.Ш.* Снаряжение всадника и верхового коня // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1985. С. 193–213.
- Хузин Ф.Ш.* Укрепления внешней линии обороны Билярского городища (к вопросу о времени возникновения и этапах строительства) // Военно-оборонительное дело домонгольской Болгарии

- / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985а. С. 58–90.
- Хузин Ф.Ш. Лепная керамика // Посуда Биляра / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1986. С. 4–23, 103–113 (ил.)
- Хузин Ф.Ш. Исследования Биляра // АО – 1984 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1986а. С. 158.
- Хузин Ф.Ш. Билярское городище: некоторые итоги изучения исторической топографии // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. док. Всосоюз. науч. конф. (Суздаль, 1987). М.: Наука, 1987. С. 265–266.
- Хузин Ф.Ш. Отчет о раскопках на XXXVIII раскопе Билярского городища (1987) // ААМ КГУ. Ф.3. № 37. 86 с.
- Хузин Ф.Ш. Великий город и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1988. С. 43–58.
- Хузин Ф.Ш. Итоги и перспективы изучения болгарского домонгольского города // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ, 1993. С. 5–32.
- Хузин Ф.Ш. Новые исследования на Джукетау // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 139–142.
- Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане. Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра – Булгара. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1995. 223 с.
- Хузин Ф.Ш. Археология Волжской Булгарии (X – начало XIII в.): современное состояние, проблемы // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Т. III. Тр. Междунар. конф. (Казань, 9–13 июня 1992 г.). / Отв. ред. Я.Н. Гибадулин. М.: Инсан, 1997. С. 106–108.
- Хузин Ф.Ш. Об археологическом изучении болгарских памятников Предкамья // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. 60 лет археологического изучения: итоги и перспективы. (Тез. науч. конф.) / Отв. ред. П.Н. Старостин. Болгар, 1998. С. 22–24.
- Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане и город Болгар на Волге // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РухИЛ, 2006. С. 163–179.
- Хузин Ф.Ш. Прочие ремесла // История татар с древнейших времен (в семи томах) Т. II. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РухИЛ, 2006. С. 286–288.
- Хузин Ф.Ш. Ранние болгары и Волжская Булгария (VIII – начало XIII в.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани РТ, 2006. 583 с.
- Хузин Ф.Ш. К вопросу о так называемой «постпетрогромской» культуре // Исследования по болгаро-татарской археологии / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. Казань: Фолиант, 2011. С. 69–83.
- Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И. Славяно-русские материалы в Биляре // Волжская Булгария и Русь. (К 1000-летию русско-болгарского договора) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1986. С. 97–116.
- Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И., Шакиров З.Г. Билярской археологической экспедиции – 50 лет: итоги и проблемы исследований Великого города // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 10–23.
- Хузин Ф.Ш., Газимзянов И.Р., Губайдуллин А.М., Гарипов Н.Г. Чаллыинское городище: проблемы сохранения, исследования и музеефикации // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Тезисы научной конференции. (Билярск, сентябрь 1997 г.). Казань, 1997. С. 81–84.
- Хузин Ф.Ш., Дроздова Г.И. Каменные котлы и металлическая посуда // Посуда Биляра / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1986. С. 84–93, 142–146 (ил.).
- Хузин Ф.Ш., Кавеев М.М. Исследования внутренней линии обороны Билярского городища // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 41–57.
- Хузин Ф.Ш., Нигамаев А.З. Археологические исследования Чаллыинского городища // Борынгы Чаллы. Древние Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 175–202.
- Хузин Ф.Ш., Руденко К.А. Кашан: загадки болгарского города на Каме // История Лайшевского края / Отв. ред. и сост. И.Х. Халиуллин. Казань: Тат.кн. изд-во, 1997. С. 47–62.
- Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г. Древняя Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. 152 с.
- Хузин Ф.Ш., Хамидуллин Б.Л. Еще раз о соотношении язычества и ислама в домонгольской культуре Волжской Булгарии // Филология и культура. 2013. № 1 (31). С. 214–221.
- Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. Архитектурные памятники домонгольского Биляра // Ислам и тюркский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии: материалы VIII Междунар. тюрколог. конф. (Россия, Республика Татарстан, г. Елабуга, 22 апреля 2016 г.) / Отв. ред. А.З. Нигамаев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 69–71.
- Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. Мусульманский город на Средней Волге: домонгольский Биляр // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ. (Казань, 26–28 сентября, 2016 г.) / Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдиков. Казань: ИА АН РТ, 2016. С. 275–287.

- Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. Волжская Булгария и кочевой мир // III Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдинов. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 289–293.
- Циркин А.В. Нижнеборковский клад // СА. 1971. № 3. С. 276–281.
- Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VI / Отв. ред. и сост. А.И. Айбабин, С.А. Плетнева. Симферополь, 1998. С. 663–688.
- Чагин Г.Н. Культ предков уральских марийцев в XIX–XX вв. // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1 / Гл. ред. А.Ф. Мельничук. Березники: Пермский государственный университет, 2001. С. 162–167.
- Чебоксаров Н.Н. Этногенез коми по данным антропологии // СЭ. 1946. № 2. С. 51–80.
- Червонная С.М. Искусство Татарии. История изобразительного искусства и архитектуры с древнейших времен до 1917 года. М.: Искусство, 1987. 352 с.
- Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н.э. // Смирнов А.П., Мошинская В.И., Чернецов В.Н., Золотарёва И.М. Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири / МИА. № 58. М.: АН СССР, 1957. С. 136–245.
- Черных Е.М. Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск: УдГУ, 2008. 272 с.
- Черных Е.М. У истоков уральского домостроительства: древние и средневековые жилища Прикамья. Ижевск: УдГУ, 2010. 160 с.
- Черных С.Я. Марийские антропонимы, связанные с этнонимами, этноантропонимы // Вопросы марийской ономастики. Вып. II / Науч. ред. И.С.Галкин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1980. С. 36–72.
- Чеснокова Н.Н. Классификация ванвиздинской керамики // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока / Отв. ред. Р. Ф. Итс. Пермь: Перм. ун-т, 1982. С. 106–121.
- Чеснокова Н.Н. Ванвиздинская археологическая культура. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1983а. 16 с.
- Чеснокова Н.Н. Раскопки в Сыктывдинском районе Коми АССР // АО – 1981 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1983б. С. 43.
- Чеснокова Н.Н. Жизнь на погосте. Предки зырян ужговских в их современном восприятии в археологических источниках // Смерть как феномен культуры / Отв. ред. В. А. Семенов. Сыктывкар: СГУ, 1994. С. 166–186.
- Чеснокова Н.Н., Герасимова Л.В. Работы в Сыктывдинском районе Коми АССР // АО – 1979 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1980. С. 38–39.
- Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита-раннего железа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.
- Шавахин Л.С. О местоположении первоначальной Казани // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 20–38.
- Шавахин Л.С. Раскопки в Казанском кремле // АО – 1975 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1976а. С. 207–208.
- Шадрин А.И. Вопросы анализа морфологии и производства железных предметов I тыс. до н.э.– I тыс. н.э. Волго-Камья // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / АЭМК. Вып. 23 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. С. 13–40.
- Шакиров З.Г. Исследования на Николаев-Баранском I городище // Археологические открытия в Татарстане 2002 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004. С. 145–147.
- Шакиров З.Г. Раскоп XLIII во внутреннем городе Биляра // Проблемы археологии и истории Татарстана. Вып. 2 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: МОИН РТ, 2010. С. 65–74.
- Шакиров З.Г. О современном состоянии памятников булгаро-татарского времени округа Биляра // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции V Халиковские чтения «Урало-Поволжье в древности и средневековье», посвященной 80-летию со дня рождения А.Х.Халикова (27–30 мая 2009 г., Казань) / Археология евразийских степей. Вып. 11 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фолиант; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 276–283.
- Шакиров З.Г. К вопросу об этапах освоения округа Биляра в булгаро-татарское время // Вестник ТГГПУ. 2011. № 3 (25). С. 137–141.
- Шакиров З.Г. К вопросу о поселенческой структуре и ресурсном потенциале округа Биляра X–XV вв. // История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 2012. С. 183–184.
- Шакиров З.Г. История изучения археологических памятников в округе Билярского городища // Труды КАЭЭ Вып. VIII / Ред. А.М. Белавин; Пермь: ПГПУ, 2012. С. 276–283.
- Шакиров З.Г. Средневековая округа Биляра: к методике исследования поселенческой структуры и ресурсного потенциала // Поволжская археология. 2014. № 2 (8). С. 37–48.

- Шакиров З.Г.* Городища округа средневекового Биляра // Международная полевая школа в Болгаре / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. Казань; Болгар, 2015. С. 356–361.
- Шакиров З.Г.* Биляр: кладовая наследия. Казань: АН РТ, 2019. 52 с.
- Шакиров З.Г., Матвеев Р.В.* Древности Биляра и его округа по материалам археологических коллекций // Проблемы археологии и истории Татарстана. Вып. 3 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РИЦ, 2012. С. 26–36.
- Шакиров З.Г., Хузин Ф.Ш.* Комплексные исследования Билярской археологической экспедиции // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 85–99.
- Шакиров Р.Р.* Керамика болгарского города Ошель (Богдашкинское городище) // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы / Ред. М.А. Усманов. Казань: Фест, 1997. С. 204–206.
- Шаландина В.Т.* История растительности бассейна р. М. Черемшан в голоцене // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 252–259.
- Шапран И.Г.* Позднесредневековые могильники на территории Удмуртской АССР // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 2 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: УдмГУ, 1984. С. 120–133.
- Шарифуллин Р.Ф.* Колодцы в центре Билярского городища // Новое в археологии Поволжья: Археологическое изучение центра Билярского городища / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 102–113.
- Шарифуллин Р.Ф.* Исследования IV Билярского могильника в 1979 году // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 65–82.
- Шарифуллин Р.Ф.* О ранних жилищах волжских болгар (X – начало XIII в.) // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1993. С. 63–76.
- Шарифуллин Р.Ф.* Бани Болгара и их изучение // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 217–260.
- Шарифуллин Р.Ф.* Изучение билярских построек из кирпича и камня // Из археологии Поволжья и Приуралья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2003. С. 150–156.
- Шарифуллин Р.Ф., Хузин Ф.Ш.* Раскопки в Суваре // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 161–162.
- Шахнович М.И.* Первобытная мифология и философия. Л.: Наука, 1971. 240 с.
- Шенников А.А.* Земледельческая неполная оседлость и «теория «бродяжничества» // Этнография народов СССР / Отв. ред. М. В. Воробьев. Л.: Геогр. общество СССР, 1971. С. 76–93.
- Шевченко А.В.* Антропологическая характеристика средневекового населения низовьев Волги (По краниологическим материалам из могильника Хан-Тюбе) // Сборник МАЭ Т XXXVI: Исследование по палеоантропологии и краниологии СССР / Отв. ред. И. И. Гохман. Л.: Наука, 1980. С. 139–168.
- Шицаева Т.Б.* Могильник «Нижняя стрелка» // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР, 1989. С. 114–116.
- Шилов В.П.* Калиновский курганный могильник // Древности Нижнего Поволжья. Т. 1 / МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР. 1959. С. 323–524.
- Широбоков И.Г.* Краниологическая характеристика средневекового населения Волго-Камского междуречья (по архивным материалам А.В. Шевченко) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 167–172.
- Шитов В.Н.* История изучения археологических памятников Мордовского края // Археология Мордовского края: Каменный век, эпоха бронзы / Под общ. ред. В.В. Ставицкого, В.Н. Шитова. Саранск, НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. С. 8–53.
- Шитов В.Н.* Работа Шокшинской экспедиции в 1991–92 гг. // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 44–50.
- Шитов В.Н.* Разведка в западных районах Мордовии // АО – 1969 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1970. С. 146–147.
- Шитов В.Н.* Расселение древней мордвы (по материалам погребальных памятников) // Финно-угорский мир: история и современность. Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Саранск: Красный Октябрь, 2000. С. 52–60.
- Шмидт А.В.* О чуди и ее гибели // Записки Ученого общества любителей естествознания. Т. 40. Вып. 8. Пермь, 1927.
- Шмидт А.В.* Очерки по истории Северо-востока Европы в эпоху родового общества // Бадер О.Н., Воеводский М.В., Дмитриев П.А., Зубарева А.В., Третьяков П.Н., Шмидт А.В. Из истории родового общества на территории СССР / Известия ГАИМК. Вып. 106. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 13–96.
- Шишкин И.* История города Елабуги. М.: Синод. тип., 1871. 53 с.

- Яворская Л.В.* Основные результаты археозоологических исследований городища Самосделка (2005–2010 гг.) // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации / Ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 91–96.
- Яворская Л.В.* Специфика мясного потребления и хозяйства населения Самосдельского городища в хазарский период (по археозоологическим материалам) // Форум «Идель-Алтай». Материалы науч.-практич. конф. «Идель-Алтай»: истоки евразийской цивилизации, I Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-ут истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 275–278.
- Якимов И.В.* Изделия из розового шифера на территории Волжской Булгарии // Путь из Булгара в Киев / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1992. С. 94–102.
- Яковлев Г.* Религиозные обряды черемис. Казань: Православное миссионерское общество. 1887. 88 с.
- Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.: Изд-во Москов. гос. ун-та, 1956. 204 с.
- Янин В.Л.* Находка древнерусской вислой печати в Биляре // Новое в археологии Поволжья: Археологическое изучение центра Билярского городища / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 100–101.
- Янина С.А.* Куфические серебряные монеты с Болгарского городища (1957 год) // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III / МИА. № 80 / Отв. ред. А. П. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 224–225.
- Янина С.А.* Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. IV / МИА. № 111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1962. С. 179–209.
- Ястребов В.Н.* Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии // МАР. Вып. 10. СПб: Императорская Археологическая комиссия, 1893. 88 с.
- Ятайкин Л.М., Шаландина В.Т.* Растительный покров в районе Билярского городища // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 246–251.
- Яхин А.Г., Бакиров М.Х.* Опыт исследования фольклорных жанров как системы. (Мэзэки, байты). Казань: Изд-во КГУ, 1979. 212 с. (на татар. яз.).
- Allsen Thomas T.* Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region. 1217–1237 // Archivum Eurasiae medii aevi. 1983. № 3. P. 5–24.
- Bass G.F., Lledo B., Matthews S. Serge Limani.* Texas: Tehas A&M University Press. Vol. 1. 2009. 544 p.
- Becker A., Kröger J.* Becher mit Überfangdekor // Vorsicht Glas! Zerbrechliche Kunst 700–2010. Ausstellungskatalog. Berlin: Minerva, 2010. S. 76–77.
- Beuster S.* Vom Restaurieren des Glases Ein abbasidischer Glasbecher mit Überfangdekor des 9. Jahrhunderts aus Samarra // Vorsicht Glas! Zerbrechliche Kunst 700–2010. Ausstellungskatalog. Berlin: Minerva, 2010. S. 46–53.
- Brill R.H.* Some Thoughts on the Chemistry and Technology of Islamic Glass // Glass of the Sultans. N.Y.: Metropolitan Museum of Art. 2001. P. 25–45.
- Brill R.H., Stapleton R.H.* Chemical Analyses of Early Glasses. Corning, New York: The Corning Museum of Glass. Vol. 3. The Years 2000–2011. Reports and Essays, 2012. 727 p.
- Carboni S.* Glass from Islamic Lands. L.: Thames & Hudson, 2001a. 413 p.
- Carboni S.* Archaeological excavations of Islamic Glass // Glass of the Sultans. N.Y.: Metropolitan Museum of Art. 2001b. P. 14–24.
- Carboni S.* Painted Glass // Glass of the Sultans. N.Y.: Metropolitan Museum of Art. P., 2001c. P. 199–273.
- Chalikova E.A., Chalikov A.H.* Altungarn an der Kama und im Ural. (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani) / Régészeti Füzetek, ser. II, No 21. Budapest: Maguar Nemzeti Múzeum, 1981. 132 S.
- Chalikow A.H.* Auf der Suche nach “Magna Hungaria” // Hungarian Studies. Budapest, 1986. 2/2. S. 189–215.
- Chuzin F.* Stará Kazaň v období od 10. do počátku 13. Století // Numismatické listy. (Praha) 1999. № 4. S. 101–105.
- Daim F.* «Byzantinische» Gürtelgarnituren des 8. Jahrhunderts // Die Awaren am Rand der byzantinischen Welt. Studien zu Diplomatie, Handel und Technologietransfer im Frühmittelalter / Herausgegeben von Falko Daim. Innsbruck: Wagner, 2000. S. 77–204.
- Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten / Hrsg. von Csanad Balint. Budapest, 1990. 342 s.*
- Erdélyi I.* Scythia Hungarica. Ahonfoglaláselőttimagyar régészeti emlékei. Budapest: Mundus Magyar Egyetemi Kiadó, 2008. 243 p.
- Fehervari G.* Ceramics of the Islamic World in the Tareq Radjab Museum. L.; N.Y.: B. Tauris Publishers, 2000. 399 p.
- Fettich N.* Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn // Archaeologia Hungarica. 1937. Vol. XXI.
- Fodor I.* Archaeological traces of the Volga Bulgares in Hungary of the Arpad period // Acta Orientalia Acad. Scient. Hung. 1979. T. XXXIII (3). P. 315–325.
- Fodor I.* On Magyar-Bulgar-Turkish contacts // Chuvash Studies. Ed. A. Róna-Tas. Budapest, 1982. P. 45–81.

- Fraehn C.M.* Drei Muenzen der Wolga-Bulgharen aus der X. Jahrhundert // *Memoires de l'Academie Imperiale des sciences de St. Petersburg.* SPb., 1832. VI série, T. 1.
- Galkin L.* Nomadischer Grabfund von jenseits der Wolga // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1983. T. XXXV / Red. L. Castiglione. P. 379–383.
- Gening V.* Magna Hungaria as a vegezetzi emlékegyag. Mogjegizesek E.A. Halikova elgondolasahoz // *Archaeologiai Ertesito.* Budapest, 1978. S. 260–263.
- Georgi I.* Bemerkungen einer Reise in Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774. SPb., 1775. Bd. II. S. 507–908.
- Golden P.* The migrations of the oguz // *Archivum Ottomanicum.* IV. 1972.
- Golden P.* The shaping of the Cuman-Qipchaqs and their world // *Peter B. Golden Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes.* Bucureşti. Brăila 2011. P. 303–332.
- Gombocz Z.* Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XVIII). Helsinki, 1912. 252 S.
- Hadad S.* Glass vessels with stamps from the Byzantine through Abbasid periods at Bet Shean, Israel // *JGS* 2002. Vol. 44. P. 35–48.
- Halikova J.* Volgai Bulgária és a X. századi Maguarorszag npsessege etnikai rokonságának kérdésehez. – Die ethnische Verwandtschaft zwischen den Wolga-Bulgaren und der Bevölkerung Ungarns im 10. Jahrhundert // *A Hajdusági Muzeum Évkönyve.* I. 1973.
- Hàsková J.* Počátku českého micovàni ve výpovědi nàlezu z Kazaně // *NL.* 1999. № 4. S. 106–111.
- Hàsková J.* “Kulatu stul” k problematice Kazaňského nélezu v Národnim museu // *NL.* 1999. № 4. S. 126–127.
- Hudud al-Alam.* The Regions of the World. A Persian Geography 372 A.H. — 982 A.D. /Tr. and expl. by V. Minorsky. Эл. pecурc. URL: <http://odnapl1yazyk.narod.ru/hududalal.htm> (дата обращения:20.02.2018).
- Hunka J.* Sklo ako netradicny numizmaticky material // *História skla* 2001. Zborník príspevkov z 1. Kolokvia o historiskom skle z územia Slovenska, Nitra, 06.06.2001 / Zost. D. Staššiková-Štukovská. Nitra: Slovenská archeologická spoločnost pri SAV. 2002. S. 51–55. (Informátor SAS pri SAV. Supplement 6).
- Israeli Y.* Antike Glaskunstim Israel Museum. Jerusalem: Israel Museum, 1998. 64 p.
- Jenkins M.* Islamic Glass. A Brief History. N.Y.: Metropolitan Museum of Art. 1986. 57 p. (The Metropolitan Museum of Art. Bulletin. Vol. 44. No. 2).
- Kâşgarlı Mahmud.* Dîvânu lugâtit-türk / Hazırlayanlar Ahmet B. Ercilasun, Ziyat Akkoyunlu. Ankara, 2014. 995 s.
- Kazakov E.P., Chalikov A.H., Chuzin F.S.* Die Keramik vom Saltovo-typ aus dem Mittleren Wolgagebiet// Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten / *Varia Archaeologica Hungarica.* III. Budapest, 1990. S.137–169.
- Kazhdan A.P.* The Oxford Dictionary of Byzantium Prepared at Dumbarton Oaks. Vol. 2. – N.Y.: Oxford University press, 1991.1473 p.
- Keenan E.L.* Kazan’ – “The Bend” // *Eucharisterion: Essays presented to Omeljan Pritsak on his Sixtieth Birthday by his Collagues and Studentes.* Harvard Ukrainian Studies. Vol. III–IV. Cambridge, 1980. Part 1. P. 484–496.
- Konzal V.* Filologický názor na Kazaňskou minci // *NL.* 1999. № 4. S. 112–113. Pез.
- Khalikov A.H., Sharifullin R.F.* On the development of architecture in premongolian Volga-Bulgaria // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae.* Budapest, 1977. № 29 (1–2). P. 199–202.
- Khalikova E.A.* Composant ethnique commun dans les populations de la Bulgarie de la Volga et de la Hongrie du Xe siècle // *Les questions fondamentales du peuplement du bassin des Carpathes du VIIIe au Xe siècle / Conférence Internationale 1971 á Szeged.* (Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften. Beiheft 1) / Ed. L. Gerevich. Budapest, 1972. P. 177–194.
- Khalikova E.A., Kazakov E.P.* Le cimetiére de Tankeevka // *Les anciens hongrois et les ethnies voisines a l'Est.* Budapest, 1977. P. 21–221.
- Kröger J.* Nishapur Glass of the Early Islamic Period. N.Y.: Metropolitan Museum of Art, 1995.. 256 p.
- Kurbatov H.* Idil-Çulman (Volga-Kama) boylarında ele geçen runic kitabeler // *Türk Dünyası Araştırmaları.* 1994. No 88, Şubat. S.104–113.
- Lameris K.* Ancient Glass // *The Collection Engels-de Lange.* Amsterdam: Frides Art and Antiques., 2015. P. 18–33.
- Lamm C.J.* Mittelalterliche Glaser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. Berlin: Dietrich Reimer., 1929–1930. Bd. 1, 2. 566 s. (Forschungen zur islamischen Kunst. Bd. 5. Ed. F. Sarre).
- Lamm C.J.* Oriental Glass of Mediaeval Date Found in Sweden and the Early History of Lustre-Painting. Stockholm: Wahlstrom and Widstrand, 1941. 114 p
- La Hongrie de l' an Mil.* Naissance d'une nation europeenne. Budapest; Milan, 1998. 218 p.
- László Gy.* Die ungarische Landnahmen und ihre Vorerignisse // *Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum.* Bd. 1. Budapest, 1975. S. 195–208.
- Les Arts de l'Islam au Musee du Louvre.* Paris: Hazan, 2012. 49 p.
- Müller K.* Moscheeampeln // *Vorsicht Glas! Zerbrechliche Kunst 700–2010.* Ausstellungskatalog. Berlin: Minerva, 2010. S. 164–165.
- Newby M.S.* Glass of four millennia. Oxford: Ashmolean Museum, 2000. 80 p.

- Newby M.S.* The Cavour Vase and gilt and enameled Mamluk coloured glass // Gilded and enameled glass from the Middle East / Ed. R. Ward. L.: British Museum, 1998. P. 35–40.
- Palkosková-Böhmova O.* Lingvistický rosbor textu VA-CLAV/// CNIZ – PRAGA/// CIVITA // Numismatické Listy. 1999. № 4. S. 120–121.
- Pasquier J.* Histoire du verre: les chefs-d'oeuvre de l'Islam. Paris: Massin, 2007. 157 p.
- Paukert J.* Epigrafická poznámka k olovenému předmětu z Kazaňe // NL. 1999. № 4. S. 118–119.
- Philippe J.* Le monde byzantin dans l'histoire de la verrerie. (Ve–XVe siècle). Bologna, 1970.
- Rispling G.* The Volga Bulgarian imitative coinage of al-amir Yaltawar («Barman») and Mikail b. Jafar // Sigtuna Papers: Proceedings of the Sigtuna Symposium on Viking-Age Coinage 1–4 June 1989. Cornmentations de Nummis Saeculorum IX–XI in Suecia Repertis. Nova Series 6. Stockholm; London. 1990. P. 275–282.
- Rispling G.* Ungarische Beiträge zur islamischen Numismatik // Hamburger Beiträge zur Numismatik. 1993. N 36–38. S. 119–134.
- Savage-Smith E.* Sphero-conical vessels: a typology of forms and functions // Science, Tools & Magic. The Nasser D. Khalili collection of islamic art. Oxford: Oxford University, 1997a. Vol. 12. Part 2. P. 324–337.
- Savage-Smith E.* A medical, pharmaceutical or perfumery utensil // Science, Tools & Magic. The Nasser D. Khalili collection of islamic art. Oxford: Oxford University, 1997b. Vol. 12. Part 2. P. 42–47.
- Sláma J.* Na okraj zajímavého numismatického nálezu v Kazani // Numismatické Listy. 1999. № 4. S. 97–100.
- Scriptores rerum Hungaricarum. I* / Ed. E. Szentpétery. Budapest, 1999. P. 13–117.
- Sehoknecht U. Menzlin.* Ein frügeschichtlicher Handelsplatz an der Peene. Berlin, 1977. S. 136–137.
- Sesgin F., Neubauer E.* Wissenschaft und Technik im Islam. Frankfurt am Main: Institute for the History Arabic-Islamic Science at the Johann Wolfgang Goethe University, 2003. Vol. 5. 234 S.
- Shindo Y., Kawatoko M.* Artifacts Excavated in al-Fustat by the Japanese Islamic Archaeological Mission // Artifacts of the Medieval Islamic Period Excavated in al-Fustat. Egypt: Waseda University, 2010. P. 5–10.
- Sowelam A.* Dating and attribution of a Samanid Dirham from Kazan Kremlin excavation on the light of Samanid Dirhams collection in Cairo // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции (Казань, 1–3 июня 1999 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2000. С. 79–102.
- Spaer M.* The Islamic glass bracelets of Palestine: preliminary findings // JGS. 1992. Vol. 34. P. 44–62.
- Stenberger M.* Vorgeschichte Schwedens. Neumuster, 1977. S. 418–419.
- Tallgren A.M.* Collektion Zaoussailov au musee National de Finlande a Helsingfors. Vol. II. Monographie de la section de l'âge du fer et l'epoque dite de Bolgary. Helsingfors, 1918. 59 p.+XII pl.
- The Ancient Hungarians: Exhibition Catalogue / Ed. by István Fodor. Budapest: Hungarian National Museum, 1996. 480 p.
- Třeštík D.* Poznámky k “denáru” z Kazaně // Numismatické Listy. 1999. № 4. S. 114–117.
- Valiulina S.* Geobiochemical Features of Source Materials in Glass of Volga Bulgaria // Proceedings of the 39th International Symposium for Archaeometry. Leuven, 2012. Leuven: KU Leuven, 2014. P. 280–284.
- Valiulina S.* Early Islamic Glass of the Volga Region in Bulgaria // Annales du 19e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre. Piran 2012 / Ed. Irena Lazar. Koper, 2015. P. 411–419.
- Valiulina S.* International Trade Relations of the Middle Volga Region in the Medieval Period through the Glass Evidence, Archeologia Polski LXI, 2016 a, p. 113–169.
- Valiulina S.* Medieval Workshop of an Alchemist, Jeweller and Glassmaker in Bilyar (Middle Volga Region, Russian Federation) // PAMÁTKY ARCHEOLOGICKÉ CVII, 2016 b, p. 237–78.
- Valiulina S., Shlykova T.* Iranian Bowl from Biliar: Complex Research and Conservation // Inside the pottery: composition, technology, sources, provenance and use. Periodico di Mineralogia. EMAC 2013. (Special issue). Sapienza Università di Roma. 2015. Vol. 84. No. 1. P. 91–106.
- Valiulina S.* Islamic glass of Bilyar: import and production // AIHV Annales du 21e Congrès de Le Association Internationale pour Le Histoire du Verre Istanbul, 03-07 Septembre 2018. Istanbul. 2021. 521–528.
- Valiulina S., Voronina E., Manapov R., Pyataev A.* Chemical Composition of the Early Hungarian Rings from Bolshie Tigany Burial // 40th International Symposium on Archaeometry. ISA 2014 May 19–23. Los Angeles, California. Program and Abstract Book. Los Angeles, 2014. P. 205.
- Vasmer R.* Beiträge zur mohamedanischen Münzkunde. II. Über die Münzen der Wolga-Bulgaren // Numismatische Zeitschrift. 1925. No 58. S. 63–84.
- Watson O.* Pottery and glass: luster and enamel // Gilded and enameled glass from the Middle East / Ed. R. Ward. L.: British Museum, 1998. P. 15–19.
- Whitehouse D.* The Growth of Interest in Islamic Glass // Glass of the Sultans. N.Y.: Metropolitan Museum of Art, 2001. P. 8–13.
- Whitehouse D.* Islamic Glass in the Corning Museum of Glass. Corning: Corning Museum of Glass; Manches-

ЛИТЕРАТУРА

- ter: in association with Hudson Hills Press, 2010. Vol. 1. 430 p.
- Whitehouse D.* Early Islamic Stained Glass: A Preliminary Study // 19th Congress of the International Association for the History of Glass. 17–21 September 2012. Piran, Slovenia. Programme and Abstract Book / Ed. Irena Lazar. Piran: Univerza na Primorskem, 2012. P. 101.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЖ – Антропологический журнал
АН РТ (АНТ) – Академия наук Республики Татарстан
АО – Археологические открытия ... года
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭБ – Археология и этнография Башкирии.
АЭМК – Археология и этнография Марийского края.
БГИАЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет. Уфа
БНЦ УрО АН СССР – Башкирский Научный центр Уральского отделения АН СССР
ВГО – Всесоюзное Географическое общество
ВГУ – Волгоградский государственный университет
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы истории
ВНОТ – Вестник Научного общества татароведения
ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВФУ – Вопросы финно-угроведения
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ГОМРТ – Государственный Объединенный музей РТ
ДА – Донская археология
ЕГПИ – Елабужский государственный педагогический институт
ЕГПУ – Елабужский государственный педагогический университет
ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Русского Археологического общества
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества
ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИА СССР – Институт археологии АН СССР
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИВ – Институт востоковедения АН СССР (РАН)
ИЗ – Исторические записки
ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИЭ – Институт этнографии АН СССР
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова (с 1996 г. – Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова)
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция Пермского гос. педагогического университета
КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция
КГАСА – Казанская государственная архитектурно-строительная академия
КГАСУ – Казанский государственный архитектурно-строительный университет
КГПИ – Казанский государственный педагогический институт
КГУ – Казанский государственный университет.
КИСИ – Казанский инженерно-строительный институт
КМВ – Казанский музейный вестник
КНЦ – Казанский научный центр АН СССР
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН)
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛОИА – Ленинградское отделение ИА АН СССР
ЛОИЯ – Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР
МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МарНИИ – Марийский Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИКВАЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции
МНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
МОиН – Министерство образования и науки
МордНИИ – Мордовский Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
НА НМ РК – Научный архив Национального музея Республики Коми
НМРТ – Национальный музей РТ
НТ – Научный Татарстан. Казань.
НЦАИ – Национальный центр археологических исследований им. А.Х. Халикова при Институте истории АН РТ
НЭ – Нумизматика и эпиграфика

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ОАИЭЕ – Общество археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском университете.
ОАК – «Отчеты Археологической комиссии». СПб.
ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет
РА – Российская археология
РАН – Российская Академия наук
РАО – Российское Археологическое общество
РИУ – Российский исламский университет
РИЦ – Редакционно-издательский центр
СА – Свод археологических источников
СА – Советская археология
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
СИЭ – Советская историческая энциклопедия
СОКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СГУ – Самарский государственный университет.
СТ – Советская тюркология
СЭ – Советская этнография
ТА – Татарская археология
ТГГИ – Татарский государственный гуманитарный институт
Труды ХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ТЭ – Татарская энциклопедия
ТЭС – Татарский энциклопедический словарь
УАЭ – Удмуртская археологическая экспедиция
УГПИ – Ульяновский государственный педагогический институт
УдмГУ – Удмуртский государственный университет
УдмИИЯЛ – Удмуртский Институт истории языка и литературы. Ижевск
УдмНИИ – Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров Удмуртской АССР
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета
УПАСК – Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция
УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания
ФУ – Финно-угроведение
ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Чебоксары
ЧНА – Чувашская национальная академия
ЧувГУ – Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
ЧувНИИ – Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
ЭВ – Эпиграфика Востока

Указатели

Именной указатель

- Абдаррахман III 286, 315
Абдулова С.И. 695, 697
Абу Али Мансур 552
Абу Заид ал-Балхи 115, 283, 285, 544
Абу Хамид ал-Гарнати 286, 444, 447, 541, 544, 550
Агаджанов С.Г. 114, 118
ад-Дин Рашид 746, 792
Адлер А.Ф. 256
Айдаров С.С. 379, 380, 382, 384, 389
Акимова М.С. 682, 772, 773, 774, 775
Акишев К.А. 760
Аксенов В.С. 148
Аксенова Н.Д. 791
Акчурина З.А. 259
Ала-ад-дин Джувейни 785
Алабин П.В. 9, 331
Алабин П.П. 617
ал-Бируни 746
ал-Гардизи 117, 283, 540, 541
ал-Джайхани 116, 117, 286, 744
Алибеков С.Я. 642
ал-Идриси 114, 286, 744, 745, 757, 762
ал-Истахри 108, 116, 238, 279, 283, 286, 544, 554
Алихова А.Е. 10, 174, 179, 613
ал-Марвази 117, 544, 554, 746
ал-Масуди 29, 109, 114, 115, 116, 235, 238, 550, 551, 586, 756, 762
ал-Мукаддаси 147, 286, 443, 446, 447, 550, 569
ал-Муктадир 489, 564, 586, 587
ал-Омари 714, 716
Амброз А.К. 127
Аннинский С.А. 745
Анучин Д.Н. 9
Арма тынская О.В. 669
Артамонов М.И. 118, 126, 142, 147
Артемьев А.И. 293
Архипов Г.А. 11, 618, 627, 629, 645, 646
Асылгараева Г.Ш. 161, 339
Аськеев И.В. 640
Атавин А.Г. 111
Афанасьев Г.Е. 142
Ахинжанов С.М. 746, 747, 748, 751
Ахмаров Г.Н. 286, 370
Ахметзянов Р.Г. 597
Ашихмина Л.И. 215, 217
Бадер О.Н. 10, 11, 718
Байпаков К.М. 760
Балабанова М.А. 770
Балинг Ч. 103, 189
Бартольд В.В. 549
Багиева Е.Ф. 771
Бауэр Н.П. 538
Башкиров А.С. 10, 256, 268, 269, 270, 274
Беговатов Е.А. 275, 315, 464, 465, 467, 536, 597
Безухова Е.А. 11, 628
Белавин А.М. 646, 647, 689, 697, 698, 700, 718, 965
Белецкий В.Д. 126
Белицер В.Н. 676
Белорыбкин Г.Н. 174, 239, 249, 353, 359, 549
Беляев Л.А. 259, 263
Беляков А.С. 315, 416
Берх В.Н. 9, 184, 717
Бисембаев А.А. 108
Бисембаев А.М. 107
Богачев А.В. 23
Бороздин И.Н. 10, 304
Боталов С.Г. 107, 108, 742
Бочаров И.В. 718
Брил Р. 505
Брюхова Н.Г. 187
Буров Г.М. 214, 215, 216, 217, 218, 222
Бухарицын П.И. 142
Быков А.А. 532
Валеев Р.М. 316, 463
Валеев Ф.Х. 288, 289, 389, 390, 463
Валеева Д.К. 463
Валеева-Сулейманова Г.Ф. 463
Валиев Р.Р. 263
Валиулина С.И. 102, 275, 339
Васильев Д.В. 748
Васильева И.Н. 338, 408
Васкул И.О. 215
Викторова В.Д. 203, 679
Винников А.З. 116
Вихляев В.И. 179, 180, 182
Вишневская Н.Ю. 145
Владыкин В.Е. 683, 684
Водолаго Н.В. 11, 546
Волегов В.А. 717
Воробьев Н.И. 463
Воронина Р.Ф. 179
Вострокнутов А.В. 685, 707, 708
Высоцкий Н.Ф. 9, 256
Гаврилина Л.М. 762
Газимзянов И.Р. 259, 341, 775, 776, 778
Гайнутдин Ахмаров 286
Гарустович Г.Н. 109, 118, 119, 121, 681, 752, 753, 756, 760
Гасилин В.В. 339
Генинг В.Ф. 11, 32, 39, 41, 50, 53, 103, 113, 185, 320, 408, 423, 618, 650, 664, 668, 718
Герасимова М.М. 774, 778
Гинзбург В.В. 772
Голден П. 116, 746
Голдина Р.Д. 11, 213, 644
Голубева Л.А. 281, 641, 644, 733

- Гольмстен В.В. 10, 16, 331, 333, 334, 388
 Гончаров Е.Ю. 763
 Городцов В.А. 150, 152, 720
 Горюнова Е.И. 10, 623, 648
 Греков Б.Д. 596
 Грен А.Н. 10, 720
 Гриб В.К. 160
 Грибов Н.Н. 606, 607, 611, 612
 Грибова Л.С. 228
 Губайдуллин А.М. 259, 260, 263, 276, 277, 318, 354, 368, 373, 374, 688, 690
 Гумилев Л.Н. 126, 142, 147
 Гуренко Л.В. 142
 Гурлихина В.И. 488, 490
 Давлетшин Г.М. 463
 Данич А.В. 185, 187
 Даркевич В.П. 206, 208, 530, 537
 де Бай, барон 9, 184
 де Рубрук Гильом 767
 Дебец Г.Ф. 772, 773
 Демкин В.А. 107, 114, 116
 Демкина Т.С. 107, 116
 Денисов В.П. 698
 Джанполадян Р.М. 517, 556
 Джузджани 746, 748
 Диенеш И. 630
 Димитриев В.Д. 280, 785
 Дмитриев А. 717
 Добровольский И.Г. 315, 336
 Дроздова Г.И. 276
 Дубов И.В. 550
 Егоров В.Л. 279, 785
 Епифаний Премудрый 738, 739
 Ерзакович Л.Б. 760
 Ефименко П.П. 10
 Ефимова А.М. 257, 259, 264, 391, 463, 487
 Ефимова С.Г. 85, 680, 772, 773, 774, 775, 776, 778
 Жиромский Б.Б. 258
 Жуков Б.С. 10, 617
 Журбин И.В. 690
 Забирова Ф.М. 379, 380, 382
 Завьялов В.И. 234, 688
 Зайтов М.Б. 372
 Зайцева И.Е. 464
 Закария Казвини 286
 Закиев М.З. 366
 Закирова И.А. 521, 711
 Заусайлов В.И. 506, 595, 597
 Заходер Б.Н. 540, 544
 Збруева А.В. 214
 Званцев М.П. 10, 618
 Зеленин Д.К. 676
 Зеленцова О.В. 179, 180, 182
 Зиливинская Э.Д. 270, 349, 380, 381, 382, 383, 384, 507
 Ибн ал-Асир 541, 550, 746
 Ибн Баттута 541
 Ибн Русте 117, 238, 242, 244, 434, 533, 540, 541, 550, 551, 552, 553, 569, 581, 586, 763
 Ибн Фадлан (Ахмад ибн Фадлан) 35, 109, 114, 117, 238, 242, 257, 268, 355, 379, 401, 434, 439, 443, 444, 446, 449, 489, 540, 541, 542, 543, 544, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 561, 577, 581, 586, 593, 745, 752, 762, 764
 Ибн Фадлан Муктадир 449
 Ибн Хаукаль 108, 147, 238, 542, 549, 553, 554
 Ибн Хордадбех 116, 359, 541, 744, 746
 Иванов А.А. 128, 136, 463
 Иванов В.А. 103, 646, 681, 752, 753, 756, 760
 Иванов П.П. 10, 136, 602
 Иванова М.Г. 10, 213, 463, 531, 546, 664, 773
 Игонин Н.И. 270
 Измайлов И.Л. 322, 370
 Износков И.А. 9, 256, 286, 372
 Ильин А.А. 537, 538
 Иосиф 114, 136, 143, 286, 315, 547
 Истомина Т.В. 720, 721, 728
 Йакуб Ибн-Нугман 586
 Кабилов Р.Г. 673
 Кавеев М.М. 261, 262, 270, 273, 320, 408, 681
 Казаков Е.П. 23, 31, 32, 36, 39, 58, 81, 82, 102, 118, 121, 213, 240, 255, 281, 312, 313, 315, 316, 324, 408, 415, 416, 427, 428, 429, 452, 468, 475, 539, 590, 648, 673, 679, 680, 681, 775
 Казаринов В.А. 9, 267, 268, 269, 378
 Казвини 544
 Каланкатуаци Мовсэс (Каланкатуайский Моисей) 771
 Калинин Н.Ф. 10, 11, 245, 246, 248, 259, 304, 305, 368, 370, 372, 373, 375, 408, 463
 Кальмер Й. 311
 Каменский В.И. 9, 617
 Кананин В.А. 11
 Канивец В.И. 215, 216
 Капошина С.И. 126
 Карбони С. (Стефано Карбони) 505, 506, 509
 Каргалов В.В. 117
 Карманов В.Н. 215
 Кафтаников Н.Н. 320, 366
 Каховский Б.В. 408
 Каховский В.Ф. 375, 386, 387, 394, 401, 408, 488
 Кельмаков В.К. 684
 Кирпичников А.Н. 318, 559, 561, 566, 576, 790
 Кияшко Я.А. 134
 Клейн Л.С. 126
 Кленов М.В. 720
 Климов К.М. 683
 Ключникова (Юнусова) Р.М. 341
 Кляшторный С.Г. 759, 760
 Ковалевская В.Б. 139
 Ковалевский А.П. 533
 Козинцев Б.А. 770
 Козловский В.М. 214
 Кокорина Н.А. 259, 274, 275, 372, 373, 374, 427, 487, 493
 Колчин Б.А. 423, 728
 Комар А.В. 26
 Кондаков Н.П. 463
 Кондратьева Г.Т. 664
 Кондырев П.С. 366
 Коновалова И.Г. 744, 745
 Константин Багрянородный 109, 114, 115, 116, 117
 Корепанов К.И. 320
 Королев В.М. 262
 Королев К.С. 215, 216, 720, 721, 725
 Косинская Л.Л. 215, 720
 Косинцев П.А. 700
 Костюков В.П. 109, 748
 Кочкина А.Ф. 275, 331, 341, 344, 350, 351, 392, 448, 497, 597
 Крамаровский М.Г. 259
 Красильников К.И. 149, 152
 Краснов Ю.А. 11, 81, 258, 259, 638
 Крёгер Дж. 514
 Крелленберг Б.Е. 256
 Кривошеков И.Я. 717
 Кригер В.А. 109, 753, 754, 756
 Кропоткин В.В. 531, 542
 Кротков А.А. 352
 Кротов П.И. 256, 617
 Круглов Е.В. 127, 131, 132, 133, 142, 752, 753, 760
 Крыласова Н.Б. 185, 193, 211, 646, 647, 689, 693, 697, 700, 718
 Куза А.В. 245
 Кузеев Р.Г. 746, 747, 751
 Кузнецов С.К. 617
 Кузьминых С.В. 681, 373, 466, 320, 372, 463, 464, 465

- Кул Гали 552, 553
 Кумеков Б.Е. 747, 751
 Курбатов Х.Р. 596, 597, 598
 Кызласов И.Л. 133, 481, 598, 716
 Ламм К.Й. 503, 508
 Ласло Д. 102
 Лашук Л.П. 216, 217
 Лебедев А.С. 617
 Левашова В.П. 438, 439
 Ленц Г.Т. 254, 685, 700
 Лепехин И.И. 8, 330, 331, 738
 Лещенко В.Ю. 206, 209, 209, 530, 546
 Лещинская Н.А. 620, 624, 644
 Лихачев А.Ф. 9, 281, 463, 595,
 Логинова Э.С. 215
 Локтюшев С.А. 152
 Лосев Г.А. 756
 Лузгин В.Е. 215
 Лыткин В.И. 216, 545
 Львова З.А. 311
 Любчанский И.Э. 107
 Ляпушкин И.И. 487
 Магомедов Р.М. 142
 Мажитов Н.А. 53, 102, 118, 280, 785
 Макаренко Н.Е. 172
 Макаров Л.Д. 619, 620, 671
 Макарова Т.И. 476, 477, 481
 Максимов Е.К. 125
 Мансур бин Нуха 534
 Марк К.Ю. 683
 Марко Поло 792
 Марков А.К. 536
 Мартьянов В.Н. 175, 602, 604
 Матвеев С.Г. 10, 650
 Матвеева Г.И. 12, 16, 51, 52, 53, 331, 332, 333, 334, 388, 408, 463, 488, 775
 Махмуд Кашгари (Махмуд Кашгарский, Кашгари М., Кашгари Махмуд) 239, 242, 286, 747, 762
 Медведев А.Ф. 261, 312, 317, 370, 789
 Мелиоранский П. 596
 Мельников С.Е. 9, 719, 720
 Мельников С.М. 9, 366
 Мельничук А.Ф. 11
 Менде А.И. 343
 Мерперт Н.Я. 24, 125
 Мец А. 550, 553
 Мильков Ф.Н. 5, 105
 Минасян Р.С. 439
 Михеев А.В. 618
 Михеев В.К. 155, 156, 158, 166
 Могильников В.А. 679
 Моисеев В.Г. 683
 Мокрушин В.П. 693
 Молчанов А.А. 533
 Молчанова Л.А. 663
 Морозов В.М. 679
 Мурашева В. 631
 Мурыгин А.М. 215, 217, 223
 Мухамадиев А.Г. 350, 532, 533, 534
 Мухаметшин Д.Г. 258, 315, 316
 Мюллер К. 507
 Набиуллин Н.Г. 293
 Наср бен Ахмед Самани 261, 262
 Нахапетян (Флерова) В.Е. 594, 706
 Невоструев К.И. 331, 372
 Нефедов Ф.Д. 617, 668, 671, 672
 Нигамасев А.З. 320, 322, 323, 681
 Никитина Т.Б. 533, 709
 Новокрещенных Н.Н. 9, 184, 689
 Нунан Т.С. 503
 Оборин В.А. 11, 185, 198, 216, 217, 219, 231, 545, 546, 685, 695, 697, 699, 700, 707, 708, 709, 717, 718
 Овчинникова Б.Б. 139
 Оллсен Т. 748
 Останина Т.И. 373, 375
 Оятева Е.И. 212
 Паллас П.С. 8, 267, 330, 331, 352
 Пантелеев С.А. 135, 136, 137, 140, 767
 Первухин Н.Г. 9, 650
 Петерсен Я. 559
 Петренко А.Г. 38, 60, 112, 116, 117, 118, 129, 135, 160, 251, 339, 401, 440, 441, 442, 444, 673, 674, 752, 755, 757, 791
 Плано Карпини 359
 Плетнева С.А. 38, 112, 129, 135, 148, 160, 251, 401
 Полесских М.Р. 176, 239, 352, 359, 392, 488, 549
 Поливанов В.Н. 169, 331
 Полубаяринова М.Д. 258, 259, 261, 265, 311, 507
 Поляков Ю.А. 11, 488, 689, 698
 Полякова Г.Ф. 258, 261, 262, 264, 265, 312, 328, 463, 488
 Пономарев П.А. 9, 256, 268, 281, 293, 366, 367, 368, 370, 378, 617
 Поносова И.С. 11
 Попов П.В. 146, 767
 Постникова-Рудь Н.М. 774, 775
 Потанин Г.Н. 9, 668
 Привалов А.И. 156
 Прокошев А.В. 694
 Прокошев Н.А. 10, 185, 718
 Радлов В.В. 256
 Разумов И.И. 617
 Ракушин А.И. 681
 Раппопорт П.А. 245, 248
 Расторопов А.В. 240
 Рашид-ад-дин 746, 792
 Рисплинг Г. 533
 Ритор Захария 507
 Рогович Гюрата 545
 Рублев А.В. 698, 699
 Руденко К.А. 275, 367, 368, 369, 371, 373, 408, 415, 417, 419, 420, 470, 736, 736
 Руднев Д.Д. 214
 Рудь Н.М. (Постникова) 774, 775, 776, 778
 Рыбаков Б.А. 228, 229, 463, 541, 641, 744, 745
 Рыков П.С. 10, 641
 Рычков Н. 717
 Рычков Н.П. 8, 9, 184, 267, 320, 378
 Рябинин Е.А. 648, 672, 732
 Рябичкин Д.В. 136, 767
 Саваж-Смит Э. 507
 Савельев П.С. 717
 Савельева Э.А. 214, 216, 217, 218, 463, 645, 720, 721
 Савченкова Л.Л. 259, 261, 265
 Салугина Н.П. 341
 Салугина Р.П. 487
 Сарапулов А.Н. 694, 695
 Саркисян Г. 514
 Сафронов П.И. 174
 Седов В.В. 318
 Седов М.В. 554
 Семенов В.А. 655, 664, 668
 Семёнов И.Г. 142
 Сементовский В.Н. 268
 Семькин Ю.А. 264, 344, 351, 388, 463, 466
 Сенигова Т.Н. 145
 Сивицкий М.В. 263
 Сидоров А.С. 10, 214, 215, 228, 719, 720, 722, 725, 727, 733
 Ситдииков А.Г. 319
 Ситников А.В. 142
 Скисов С.Ю. 756
 Слама Й. 315
 Смирнов А.П. 9, 10, 11, 81, 179, 185, 213, 214, 215, 216, 228, 256, 257, 258, 261, 264, 266, 279, 285, 286, 287, 288, 289, 326, 370, 375, 380, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 408, 436, 463, 506, 514, 521, 543, 617, 618, 650, 664, 668, 709, 718, 721, 785, 791
 Смирнов И.И. 400
 Смирнов И.Н. 9, 717
 Смирнов К.А. 258

- Смолин В.Ф. 10, 256, 286, 304, 509
 Совелам А. 315
 Сотникова М.П. 538
 Спасский И.Г. 538, 539
 Спицын А.А. 9, 16, 172, 186, 208, 320, 389, 463, 509, 602, 617, 668, 717
 Старостин П.Н. 252, 259, 263, 270, 408, 416, 417, 434, 488, 597
 Сташенков Д.А. 344, 350, 351
 Степанов О.В. 538
 Степанов П.Д. 10
 Степанов Р.А. 263
 Стефан Пермский 719, 725, 738, 739
 Стоколос В.С. 215
 Столярова Е.К. 423
 Стоянов В. 618
 Страленберг Ф. 717
 Сунгатов Ф.А. 107
 Сулова С.В. 463
 Сысоев А.Г. 105
 Талицкая И.А. 618, 685
 Талицкий М.В. 10, 185, 547, 618, 694, 695, 699, 700, 718
 Тальгрэн А.М. 218
 Татаринев С.И. 148, 150, 159
 Татищев В.Н. 267, 378, 549, 719, 792
 Тенишев А.Р. 597
 Теплоухов А.Е. 9, 184, 185
 Теплоухов А.Ф. 185, 213, 717
 Теплоухов Ф.А. 184, 185, 198, 213, 717
 Терехин А.А. 685
 Терехин В.М. 602
 Тизенгаузен В.Г. 256
 Тимошук Б.А. 245
 Ткаченко О.Б. 648
 Толмачев Н.А. 9, 372
 Толмачев Н.Ф. 378
 Толочко П.П. 245, 256
 Толстов С.П. 117, 118, 531, 760
 Толстой И.И. 463
 Тортика А.В. 148
 Туганасев В.В. 436
 Тухтина Н.В. 391
 Уайтхаус Д. 504, 505
 Фарх ад-даула 467
 Фасмер Р.Р. 532, 534
 Фаттахов Р.М. 773, 774, 775, 776
 Фахр ад-дин Мубаракшах 286
 Фахрутдинов Р.Г. 239, 240, 245, 248, 249, 250, 251, 260, 270, 280, 329, 342, 408, 413, 487, 785
 Федорова Н.В. 463, 680
 Федоров-Давыдов Г.А. 112, 113, 129, 252, 253, 258, 267, 315, 391, 488, 746, 752, 756, 757, 758
 Ферхег 286
 Фехнер М.В. 539
 Филипп Ж. 517
 Флёров В.С. 143
 Флеров В.С. 144, 392, 401
 Флерова В.Е. 521, 522, 594, 706
 Фодор И. 103, 313, 314
 Фомин А.В. 536
 Формозов А.Н. 639, 640
 Фосс М.Е. 214
 Френ Х.М. 463, 534, 549
 Фролова В.И. 7
 Хаков В.Х. 597
 Халиков А.Х. 11, 12, 32, 37, 58, 87, 103, 247, 270, 277, 278, 305, 312, 313, 315, 320, 380, 382, 384, 389, 463, 466, 509, 545, 596, 618, 640
 Халиков Н.А. 441, 442, 444, 445
 Халикова Е.А. 12, 82, 87, 94, 96, 102, 213, 300, 588, 589, 591, 594
 Халили Н.Д. 507, 508
 Халитов Н.Х. 380
 Хамдаллах Казвини 286
 Хаскова Я. 314
 Хвольсон Д.А. 544, 550, 551
 Хейкель Г.И. 602
 Хинц В. 506
 Хлебникова Т.А. 32, 38, 39, 85, 243, 244, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 264, 265, 275, 281, 289, 293, 296, 298, 299, 300, 303, 309, 310, 316, 320, 323, 324, 328, 374, 392, 393, 408, 412, 414, 418, 419, 421, 424, 425, 427, 463, 464, 487, 543, 679, 680, 681, 682, 701, 765
 Хованская О.С. 257, 259, 474
 Хомяков М.М. 256
 Храмченкова Р.Х. 102
 Худяков М.Г. 10, 256, 268, 379, 618
 Хузин Ф.Ш. 11, 81, 270, 273, 274, 275, 278, 281, 282, 293, 298, 307, 320, 373, 443, 509, 541, 598, 680, 681
 Циркин А.В. 605
 Чернолуцкий В.В. 228
 Чебоксаров Н.Н. 721
 Чекалин Ф.Ф. 352, 359
 Чернецов В.Н. 202, 228
 Чернов С.З. 409
 Черных Е.М. 201
 Черных С.Я. 648
 Чеснокова Н.Н. 215, 216, 217, 218, 223, 234, 720, 721
 Шавахин Л.С. 305
 Шагурина Г.В. 536
 Шакиров З.Г. 275
 Шамрай А.В. 150
 Шарифуллин Р.Ф. 259, 260, 269, 270, 273, 378, 382, 383, 384, 385, 401, 790
 Швецов М.Л. 148, 150, 158, 159
 Шевченко А.В. 172, 768
 Шереметев Д.С. 172
 Шигабутдин Марджани 286
 Шинор Д. 103
 Широбоков И.Г. 773
 Шишкин И.В. 320, 326, 389
 Шишкин И.И. 320
 Шмидт А.В. 10, 185, 213, 228, 618, 685, 694, 717, 718
 Шмурачко Д.В. 694
 Шнайдштейн Е.В. 135, 136, 754, 767, 768
 Шпилевский С.М. 267, 366, 370, 372, 509, 785
 Штукенберг А.А. 9, 256
 Штыхов Г.В. 245
 Шутова Н.И. 664, 683
 Щапова Ю.Л. 312, 516
 Эрдели И. 126
 Эрдман Ф. 370, 463
 Эрдман Ф.И. 320
 Эрруми Хасан (ар-Руми) 714
 Юлиан 84, 87, 104, 324, 579, 744, 745, 785
 Юсупов Р.М. 747, 775
 Ютина Т.К. 671
 Яблонский Л.Т. 772
 Яворская Л.В. 766
 Якимов И.В. 370
 Якут 286, 553
 Яминов А.Ф. 681
 Янин В.Л. 531, 539, 542, 554
 Янина С.А. 50, 393, 532, 533, 534, 598
 Ястребов В.Н. 9, 641

Указатель археологических памятников

- «116 км» у г. Самара, могильник 25, 26
 «23–24 км» у г. Самары, разрушенное погребение 25, 26
 «Бугор Лбище», могильник 126, 141
 «Бугор Посольский», могильник 137, 140
 «Бугор Татарский», могильник 126, 139
 «Бугор Щучий» грунтовой могильник 137, 140
 «Вакуровский бугор» грунтовой могильник 126, 136, 138, 141
 «Городок» городище 246, 366, 370, 371
 «Девичий городок» городище 248, 253, 487
 «Ежевичная стрелка», городище 249
 «Заря» I 173
 «Золотая Нива», курган 33, 573
 «Золотая Нива», могильник 32
 «Ковыльный» грунтовое бескурганное погребение 126, 132, 135
 «Красный Восток» 173
 «Курган» поселение 414
 «Курган» селище 32, 33
 «Лбище, бугор 126, 138
 «Лбище» грунтовой могильник 17, 138, 139, 140, 754, 755, 756
 «лесной» курган у с.Новинки 28
 «Муромский городок» 779, 782
 «Нижняя стрелка» 625, 626, 627, 628, 638
 «Новгородские» слитки, клад 538
 «Новослободское» городище 17, 453
 «Паюсное» поселение 767
 «Татарский» бугор 126, 139, 764
 «Черемисское кладбище» могильник 628, 626, 639
 116 километр погребения 453
 116-й км 53
 Абганерово II, III 106
 Абганеровский курганный могильник 106
 Абдулинское городище 680
 Абыстем 683
 Абрамовка II селище 32
 Абрамовское поселение 17, 191, 453, 455
 Абрамовское селище 191
 Авдуничи поселение 447
 Аверинская (Аверятская) находка 653
 Аверинский II могильник 186, 187, 208
 Аверинский могильник 210
 Аверинское IX селище 207
 Авилово 106
 Авиловский курганный могильник 106
 Авренский могильник 209
 Автозавод, могильник 24, 28, 30
 Автозаводский могильник 17, 23, 24, 29, 30, 453
 Ага-Базар местонахождение 256, 257, 258, 485, 506, 532, 536, 591
 Ага-Базарская находка 33
 Агафоново II, могильник 687
 Агафоновский I могильник 186, 187, 209, 546
 Агафоновский II могильник 185, 186, 187, 208, 546, 672
 Агафоновский могильник 208, 219, 221
 Адамовский Бигершай могильник 10, 651, 652
 Адамовское I селище 653
 Адамовское II селище 653
 Адельшинское I селище 33
 Адельшинское II селище 33
 Ак-Булак 108
 Аксай курганный могильник 106
 Аксашурский могильник 682, 683
 Актуганское селище 619
 Алабуга, городище 256, 320, 324, 327, 329, 389, 390
 Алгаза I поселение 767
 Алгаза II поселение 767
 Алебастровая гора могильник 108, 110, 111, 112
 Александрово 683
 Александровский 108
 Алексеевские селища 414
 Алексеевское VI селище 411, 412, 414, 417, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 468, 537
 Алексеевское X поселение 33
 Алексеевское XII поселение 33
 Алексеевское XIII селище 428
 Алексеевское городище 33, 411, 412, 424, 497, 681, 765
 Алексеевское селище 33
 Альменевское городище 246
 Альметьевский клад 532
 Амбор, могильник 186
 Амоксарский могильник 619
 Ананьинский могильник 671
 Анаткасинский могильник 619, 620
 Андреевское городище 248, 392
 Аниковский клад 207
 Антоновский могильник 118
 Антыбарский могильник 187, 699, 700, 704, 705
 Антыбары, могильник 687
 Анюшкар (Кыласово городище) 11, 186, 198, 200, 221, 241, 254, 547, 685, 686, 688, 689, 691, 694, 701, 705, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717
 Анюшкар (Кыласово) городище и могильник 186
 Анюшкар, городище и могильник 686
 Анюшкарский могильник 705, 686, 688
 Араль, городище 687
 Арбузовское селище 535, 536
 Аркаим 106
 Армиевский 2 могильник (Второй Армиевский могильник) 172, 173, 174
 Арняш 683
 Аскинское погребение 53
 Атапа, могильник 108
 Атын 683
 Афкул, город 241, 689, 714, 716, 717
 Афкуль, городище 256, 488
 Ахунское селище (Ахуны) 174
 Ашиязское городище 619
 Бабий бугор, могильник 256, 257, 266, 488, 742, 742, 746
 Базар-Тобе I могильник 741, 749
 Базяковский взвоз 33, 414
 Байлакан 515
 Байтерьяковские селища 414
 Байтерьяковское I селище 33
 Байтерьяковское II селище 33
 Байтерьяковское IV селище 33
 Байтерьяковское поселение 414
 Бакалинские курганы 120
 Бакалинский могильник 108, 118, 119, 121
 Бакинское селище 547
 Балабанов Родник, городище 359
 Балахнинское городище 370
 Балезинское место находок керамики 653
 Балезинское Узякар городище 653
 Бальмерская находка 33

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

- Балымерское городище 487
 Балымерское курганное погребение 581
 Балымерское поселение 487
 Балымеры 391, 400, 531, 560
 Балымеры, городище 400
 Балынгуз 792
 Балынгузский могильник 268
 Балынгузское IV поселение 275
 Балынгузское городище 246, 247, 248, 252, 267, 268, 269, 276, 277
 Балынгузское кладбище 269
 Балынгузское поселение 248
 Барановка 106, 108, 135
 Барановка I могильник 126, 130
 Барановка-1 126
 Баранская находка 33
 Барковское селище 622
 Барско-Енарусскинское городище 255
 Бартымские клады 207
 Бартымский клад 530, 531
 Бартымский могильник 531, 546
 Бартымское I селище 207
 Басандайка 68
 Бахтияровка 106, 108
 Бахтияровка I могильник 106, 108, 112
 Бахтияровка II могильник (Бахтияровский II могильник) 108, 741, 742
 Бачки-Тау сел. 53
 Бачманово, селище 687
 Башхалом могильник 189, 630
 Баяновский могильник (некрополь) 11, 185, 186, 187, 188, 189, 191, 192, 193, 194, 195, 202, 205, 210, 211, 212, 712
 Баяновское селище 191, 193
 Безлюдовка 551
 Безлюдовский клад 533
 Безыменное I поселение 165
 Бекетовка, местонахождение 767
 Бекетовка, поселение 767
 Бекетовское городище 767
 Бекешевские I и II могильники 51, 52, 53
 Бекешевский 52
 Бекешевский II могильник 53
 Белая Вежа 79, 118, 515, 517
 Белая Гора 329
 Белая палата 256
 Беловоложгинская находка 33
 Беловский клад 535
 Белогорский клад 536, 537
 Белозерское, могильник 741, 742, 743
- Белокаменка 106
 Белокаменка, могильник 106, 741, 742
 Белоярское II городище 248
 Белый Ключ, могильник 742, 749
 Бердянское 2 поселение 165, 166
 Береговский 53
 Бережновка I могильник 741, 742
 Бережновка. Южная группа 742
 Бережновский (Бенрежновка) могильник 108, 741, 742, 743
 Бережновский I 743
 Березовка I могильник 20, 28
 Берёзовка I, могильник 28
 Березовогривское городище 247, 248
 Берёзовский II могильник 17
 Березовский курган 20, 27
 Березовское селище 33
 Бигер-шай могильник 618, 644
 Бигершай могильник 651, 665
 Бийский 683
 Биляр (Великий город) 242, 244, 246, 253, 268
 Биляр 6, 69, 75, 103, 104, 242, 244, 246, 247, 247, 253, 255, 256, 261, 264, 265, 268, 269, 270, 274, 282, 378, 380, 384, 392, 393, 395, 396, 398, 399, 400, 401, 406, 430, 442, 443, 450, 489, 491, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 511, 512, 513, 516, 519, 527, 529, 532, 533, 536, 537, 539, 599, 779, 785, 786, 788, 789, 792
 Биляр I 779
 Билярские находки 33
 Билярский I могильник 782
 Билярский I некрополь 782
 Билярский II могильник 782, 270
 Билярский II некрополь 782
 Билярский III могильник 782, 788
 Билярский III некрополь 782
 Билярский IV могильник 779, 782
 Билярский IV некрополь 779, 782
 Билярский клад 532, 536
 Билярское II селище 275, 411
 Билярское III селище 411, 791, 792, 536
 Билярское городище 7, 10, 13, 87, 246, 248, 248, 250, 266, 268, 269, 269, 270, 271, 272, 274, 275, 276, 278, 279, 280, 281, 282, 285, 367, 378, 382, 385, 387, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 401, 403, 404, 405, 406, 413, 415, 435, 437, 438, 440, 441, 442, 445, 466, 484, 516, 524, 526, 527, 539, 558, 593, 594, 595, 597, 598, 599, 785, 786, 788, 789, 790
 Бирке 503
 Бирский могильник 53
 Бисеровское II городище 198
 Бичевник 221
 Благодатское I городище 120, 531, 669
 Благодатское городище 53
 Бобровка I могильник 25, 26
 Бобровский (Бобровка) могильник 25
 Богатырские находки 652
 Богатырское Утэмкар городище 652
 Богдановский клад 653, 654
 Богдашкинский могильник 589
 Богдашкинское городище 245, 246, 248, 255, 370, 372, 373, 576
 Боголюбовское I селище 186
 Боголюбовское II селище 186
 Боголюбское селище 186
 Болгар 6, 13, 238, 239, 240, 242, 246, 247, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 263, 264, 265, 266, 267, 277, 278, 283, 285, 286, 291, 315, 316, 318, 326, 333, 349, 359, 368, 391, 392, 400, 440, 443, 447, 450, 451, 452, 468, 482, 493, 495, 496, 498, 499, 500, 501, 502, 504, 505, 506, 507, 509, 515, 521, 522, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 538, 539, 540, 542, 543, 544, 545, 548, 549, 550, 551, 553, 554, 560, 589, 681, 682, 714, 715, 719, 745, 749, 763, 785, 791, 792
 Болгарка 108
 Болгарка I могильник 111, 114
 Болгарка могильник 108, 110
 Болгарские находки 33, 34
 Болгарский клад 532, 536
 Болгарское I селище 493, 496
 Болгарское городище 10, 58, 242, 246, 247, 256, 257, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 262, 265, 266, 267, 279, 280, 281, 291, 307, 390, 414, 416, 424, 447, 463, 465, 470, 471, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 481, 483, 485, 487, 488, 532, 539, 558, 790, 791
 Болтачево 683
 Болхуны зимняя стоянка 762
 Большаки селище 186
 Большая Коча, могильник 687
 Большая Таяба 777
 Большая Тояба 779, 782
 Больше-Аниковское I селище 686

- Больше-Аниковское II селище 686
 Большеварыжский Вужшай мо-
 гильник 653
 Больше-Висимский могильник 187
 Большеволокво 683
 Большегурезь-Пудга 683
 Большедокья I 683
 Большедокья II 683
 Больше-Елгинское селище 367
 Большежужгес 683
 Большеказакбаевский II могильник
 109
 Большеказакбаевский могильник
 742
 Большекибья 683
 Большекляринское городище 248
 Большемихайловка II могильник
 112
 Большепалкинская находка 652
 Большепальцинское селище 419
 Большесазановский могильник 653
 Большетанаковское городище 619
 Больше-Тарханский I могильник
 17, 30
 Большетарханский I могильник 28,
 30, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40,
 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 531
 Большетарханский II могильник 32,
 33, 531
 Большетарханский могильник 15,
 35, 36, 42, 45, 48, 49, 50, 63, 68, 75,
 87, 89, 96, 98, 101, 102, 242, 248,
 371, 453, 454, 455, 462, 487, 531,
 532, 775, 776, 779
 Больше-Тарханский могильник 30,
 32, 680, 782
 Больше-Тарханский могильник 30,
 32, 680, 782
 Большетарханское II селище 33
 Большетарханское II селище 33
 Большетарханское городище 252
 Большетарханское городище 252
 Большетаябинское городище 492
 Большетаябинское городище 492
 Большетиганский II могильник 589
 Большетиганский II могильник 589
 Большетиганский могильник 15,
 30, 50, 51, 62, 71, 75, 83, 87,88, 88,
 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 99,
 100, 101, 102, 103, 312, 453, 454,
 455, 505, 531, 532, 589
 Большетиганский могильник 15,
 30, 50, 51, 62, 71, 75, 83, 87,88, 88,
 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 99,
 100, 101, 102, 103, 312, 453, 454,
 455, 505, 531, 532, 589
 Больше-Тиганский могильник 53
 Больше-Тиганский могильник 53
 Большеустиновское городище 680
 Большеустиновское городище 680
 Большеустькино 683
 Большеустькино 683
 Большое Маврушкино поселение
 767
 Большое Могутинское I поселение
 767
 Большое Могутинское II поселение
 767
 Большое Молочное могильник 645
 Большое Озеро могильник 742, 749
 Большое Череватово II селище 603
 Большое Черенское местонахожде-
 ние 767
 Большой Иерусалимский овраг 258,
 299,260,262,263,258,259,260,532
 Бондюг I, селище 686
 Бондюг II, селище 686
 Боргангель (грунтовая часть) 220
 Боргангельский могильник (Бор-
 гангель) 215, 220, 222
 Борино городище 186
 Борисковский (Борисовский) мо-
 гильник 617, 620
 Боровкинское городище 251
 Боровской кордон 1, могильник 619
 Боровской Кордон II, могильник
 619
 Бородкинское городище 685
 Ботельский клад 532
 Ботыли IV поселение 619
 Бояново, могильник 686
 Бродовский могильник 102, 208
 Брусаянский II, III, IV могильники
 775
 Брусаяны II могильник 17, 19, 20, 21,
 25, 28
 Брусаяны IV могильник 17, 20, 28
 Брусаяны V могильник 17, 20, 21
 Брусаяны VII, могильник 3, 17, 23,
 28
 Бузовка могильник 118
 Булгарский 52
 Булдырское городище 249
 Бураково-кожаевские городища 413
 Бураковское I городище 250, 253,
 254
 Буранчи I могильник 742
 Буранчи могильник 749
 Бурдаково II, могильник 687
 Бурдаково III, могильник 687
 Бурдаково, селище 687
 Буринский клад 653, 654
 Буринское городище 653
 Бурлинский курган 118
 Бурьгинское городище 9, 617, 619
 Бустанаевский могильник 52
 Бутаевский клад 472, 474, 483
 Быково I 108, 110, 762
 Быково I 108, 110
 Быковские курганы 114
 Быковский 108
 Быковский I могильник 110, 111
 Быргында 671
 Быргында II 683
 Быргындинские III находки 669,
 670
 Быргындинское II (Каменный Лог)
 городище 669
 Быргындинское IV поселение 669,
 671
 Вадорку, селище 687
 Вадьягский могильник 729, 730,
 732,733
 Важгортский I могильник 186
 Важгортский могильник 208, 209,
 210
 Вакино, селище 686
 Вакинское селище 191
 Вальнское городище 576
 Ванвиздино 220
 Ванвиздинское поселение 234
 Варламовка 220
 Варнинский могильник 11, 651,
 653, 659, 662, 664, 773, 779, 781
 Варнинское III селище 653
 Варнинское IV селище 653
 Варнинское V селище 653
 Варыш, могильник 687
 Васильевский 108
 Васильевское селище (Васильевка)
 174
 Васильсурское V городище «Репи-
 ще» 619, 621, 622, 623, 624, 625, 638
 Васильсурское V городище 619, 621
 Васильсурское селище 619
 Васьянсад I селище 174
 Вежайка селище 186
 Векшорский могильник 720, 722,
 723
 Великая (или Большая) Шишовка
 поселение у с. 162, 163, 165, 166
 Великая Шишовка, поселение 163,
 165, 166
 Великий город см. Биляр
 Венгеловка 106
 Вендинга 220
 Вереинский могильник 686
 Вереинское селище 191

- Вертячий могильник 754
 Верх. Кондасский клад 705
 Верх-Березовский починок 210
 Верх-Боровской I могильник 687
 Верх-Боровской II могильник 687
 Верх-Лупья, могильник 687
 Верх-Люмские находки 652
 Верхнее Мошево I селище 687
 Верхнепогромное 108
 Верхне-Погромное 111
 Верхнепостол 683
 Верхне-Постольское городище 55
 Верхнерегежское городище 619
 Верхне-Салтовский катакомбный могильник 36, 775
 Верхнесалтовский могильник 63
 Верхне-Утчанское 52
 Верхнечирюртовский могильник 127
 Верхний Балыклей 108
 Верхний Балыклей 11 762
 Верхний Балыклей II 110,111
 Верхняя Бузиновка 126
 Верхняя Бузиновка грунтовый могильник 126, 133, 135
 Верх-Саинское городище 52
 Верякуши I селище 603
 Верякуши II
 Веселовский могильник 10, 11, 312, 545, 548, 617, 618, 619, 620,626, 626, 627, 628, 629, 631, 632, 633, 634, 637, 639, 641, 642, 644, 646, 647
 Веское городище 186, 687
 Весляна I поселение 221, 234
 Веслянский I могильник (грунтовая часть) 220
 Веслянский I могильник 222, 224, 235
 Веслянский II могильник 720, 723, 730, 734, 735
 Веслянское I поселение 220, 221, 228, 233
 Весья-кар городище 623
 Весьякар городище 666
 Весьякарский Бигер-шай (Бигер-шай) 678
 Весьякарский Бигершай могильник 531, 651, 653, 664
 Весьякарское городище 653
 Весьякарское селище 653
 Ветьюоский могильник 723
 Ветьюоский могильник 732, 734, 735
 Визенмиллер, могильник 741, 742, 749
 Вилесово, могильник 686
 Вилесово, селище 686
 Вилесовское II селище 219
 Вилисово II селище 221
 Вильгортский клад 547, 705
 Вильгортский могильник 720, 722, 727
 Вильгортское городище 9, 184
 Вильнянка, могильник 110, 118
 Винновка I, могильник 17, 19, 20, 21
 Вис I поселение 220, 221, 228, 233
 Вис II поселение 215, 220, 231, 233, 234, 235
 Вис III 220, 221
 Висимский могильник 209
 Владимирское селище 619
 Власть Труда, поселение 17
 Водзимонье I 683
 Водзимонье II 683
 Водянское городище 126, 134, 349
 Войвыл, могильник 687
 Войкинские городища 413
 Володин Камень I селище 193, 200, 207
 Володин Камень II селище 193
 Володин Камень, городище 198
 Володин Камень, городище 687
 Володин Камень, селище 191
 Волчанка 108
 Волчихинский 173
 Вомынъяг курганный могильник 215
 Воркерос 220
 Воробьево городище 186
 Восточно-Войкинское городище 245, 250
 Вотчинский могильник 720, 721, 723
 Вотчинский могильник 723
 Вужшай, могильник 683
 Вукогурт (Мельничное), могильник 683
 Вшивое озеро 535
 Выдылыха, поселение 169
 Выжумский II могильник 11, 619, 620, 633
 Выжумский III могильник 11, 619, 620, 633, 638, 643
 Выжумский археологический комплекс 621
 Выжумский могильник 619, 620, 621, 625, 643, 644, 645
 Вильгортский могильник 723
 Вильгортское место находок керамики 652
 Выползово I могильник 17, 20, 21, 172, 173, 174, 180, 181
 Выползово 4 селище 602
 Выползово 5 селище 602
 Выползово I могильник 17, 20, 21, 173
 Выползово II могильник 604, 605, 613, 614, 615
 Выползово IV, V 603
 Выползово VI могильник 604, 605, 613, 614
 Выша I городище 602, 603, 606
 Выша III городище 603, 606
 Вятский могильник 618, 620
 Вятское городище 686
 Гайнашор I селище 687
 Гайнашор II селище 687
 Гайны, городище 687
 Галанкина Гора, селище 619
 Галюково селище 186
 Гам 220
 Гидсайг могильник 10, 720, 723
 Гидсайгский могильник 723, 734
 Гнездово 447, 631
 Гнездовский археологический комплекс (Гнездов) 447
 Голландское озеро 256, 257
 Головкин 535
 Головкинское селище 411
 Головное, селище 686
 Голодаевка могильник 110,112
 Горбуновский клад 546
 Гординская находка 653
 Гординский I могильник Издынь 653
 Гординский камень 653
 Гординское I селище Издынь 653
 Гординское II селище 653
 Гординское Гурьякар городище 653
 Горкинское II городище 246, 255, 464
 Горкинское II селище 255
 Горкинское VIII селище 277
 Горкинское городище 275
 городище у с. Шуран 368
 Городищенское городище 246, 255, 687
 Горткушетское селище 207
 Гремячий Ключ, городище 366, 430
 Гремячинское селище 33
 Грузское 8, поселение 159, 161, 162
 грунтовое погребение у хут. Лебяжинка 17, 30, 33
 грунтовой могильник у с. Косика 126, 136

- грунтовый могильник у с. Хошеутово 125
 Губинское 198
 Губинское IV селище 191
 Губинское городище 9, 184
 Гува 126
 Гува I могильник 126, 131, 135
 Гулькинские находки 33
 Гулюковский могильник 778, 779, 783
 Гурдошурское селище 653
 Гурино, могильник 687
 Гурья-кар (Гурьякар) городище 650, 655, 661, 666, 678
 Гурьякар городище 546, 650, 659, 662, 666
 Гусевка курганный могильник 106
 Гусихинское городище 245, 248
 Гырчиновское городище 198, 686
 Давыдовский 173
 Давыдовский могильник 174
 Данауровские селища 411
 Данилово (Мазунино), городище 687
 Данилово I, селище 687
 Данилово II, могильник 687
 Данилово II, селище 687
 Даниловское I селище 186
 Двин 503, 505, 506, 507, 514, 517
 Девицкий клад 632
 Девичьегородский I могильник 590
 Деменковский могильник 11, 186, 187, 188, 208, 209, 210, 779
 Дербент 507, 551, 758, 763
 Деушевское городище 246
 Джангала (Караоба), могильник 742
 Джангала (Новая Казанка) могильник 112, 742, 749
 Джибьягский могильник 722, 723
 Джигербент городище 145, 514
 Джуджидьяг, святилище 723, 725
 Джуджидьяг 220
 Джуджидьяг, поселение 233
 Джукетау (Жукотин) городище 6, 13, 247, 248, 255, 256, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 392, 440, 495, 509, 532, 543, 576, 681, 776, 777, 779, 782, 792
 Джукетау, городище 248, 256, 294, 295, 299, 300, 303, 532, 776, 779, 782
 Дмитриевский археологический комплекс 593
 Дмитриевский катакомбный могильник 36
 Дмитровский могильник 102, 775
 Днепрорудный могильник 118
 Доброе Поле, поселение 160
 Доег I, селище 686
 Дойкар, городище 686
 Долгое поселение 767
 Дон, поселение 220, 221
 Донауровский могильник 293, 295, 300, 589
 Донауровское селище 293, 295, 297, 297, 298, 301, 302
 Дондинский клад 652, 654
 Дондыкар городище 10, 650, 666
 Дондыкарское городище 652
 Дондыкарское селище 652
 Дорофеевский могильник 126, 134
 Досанг зимняя стоянка 108
 Древняя Казань городище 248, 256, 392
 древняя Москва 282
 Дрониха поселение 488
 Дроновка II могильник 150
 Дроновка III могильник 150, 152
 Дубовский могильник 315, 325, 536, 548, 618, 619, 620, 625, 626, 631, 634, 638, 639, 640, 641, 645, 646, 773, 781
 Дубровское селище 619, 669
 Дураковские находки 652
 Дырпинский могильник 653
 Евдинский могильник 215, 220, 222
 Егорово I селище 687
 Егорово II селище 687
 Ежевское I селище 652
 Ежевское II селище 652
 Ежевское городище 652
 Екатеринино-Слободинское I городище 246, 248
 Екатеринино-Слободское II городище 248, 253, 254
 Екатеринино-Слободское городище 255
 Екатеринослободское II городище 413
 Елабужский I некрополь 320
 Елабужский II некрополь 322, 669
 Елабужский III некрополь 322
 Елабужский IV некрополь 323, 327, 669
 Елабужский V некрополь 323
 Елабужский клад 323
 Елабужское («Чертово») городище 254, 388
 Елабужское городище 120, 320, 321, 323, 325, 326, 329, 378, 668, 669, 681
 Елабужское местонахождение 323
 Елево, могильник 687
 Елизавет-Михайловский могильник 10, 172, 173, 174, 179, 180, 181, 602, 604, 605, 613, 614
 Еманаевское городище 617, 619, 620, 622, 624, 644
 Енабердино 683
 Ершата, селище 186, 687
 Ершовка могильник 749
 Ефаевский могильник 9, 602, 604, 605
 Ефанихинский могильник 619, 620, 622
 Жабинские находки 652
 Жабинский Бигершай могильник 652
 Жабинское I селище 652
 Жабинское II селище 652
 Жаман-Каргала могильник 108
 Ждановский могильник 169
 Желтое, могильник 148, 151
 жертвенное место на о. Войгач 708
 жертвенное место, Чумойтло 668, 669, 672, 673, 674, 675, 676, 677
 Жигановский могильник 720, 722, 723, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 732, 733, 734, 735
 Жигановское поселение 220, 722, 723, 724, 730
 Жигулевский II грунтовой могильник 18, 25, 28, 29
 Жигулевский II, могильник 28
 Жигулевский клад 472, 474
 Жигулевский могильник 17
 Жигулевское поселение 17
 Жолтукен 108
 Жолтукен могильник 107, 108
 Жуковка I, городище 602, 603, 606, 607
 Жуковка II городище 602, 607
 Жуковка III городище 603
 Жуковка I–III 606
 Жуковские городища 9
 Жукотин (Джукетау) 247, 248, 293, 304, 792
 Журавкинский 2 могильник (Журавкинский второй могильник; Журавкинский II могильник) 172, 173, 174
 Журавкинский I могильник 173
 Журавкинский II 173
 Заболотновское поселение 653
 Заболотновское Садейкар городище 653
 Загарский (Соболево) могильник 686
 Загарский могильник 191, 192, 205

- Загребинский починок 617
 Замостно-Какси 683
 Западно-Войкинское городище 246
 Заплавное 762
 Заплавное I могильник 754
 Заплавский-I могильник 118
 Запоселье I, селище 206, 207
 Запоселье, селище 200
 Запосельский могильник (некрополь) 186, 187, 188, 189, 212
 Запосельский могильник 208, 212
 Запосельское селище 186, 191, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 202, 207, 208, 209
 Зарека I селище 174
 Зареченское I селище 174
 Заречное II могильник 604, 605, 613, 615
 Заря I городище у поселка 172
 Заря I 173
 Заря могильник 174
 Затон Михеева, могильник 619, 620, 637, 644
 захоронение в урочище Гува-1 135
 Захоронение на «116 км» 17
 захоронение на городище Лбище 17
 захоронение у пос. Просвет 17
 захоронение у с. Бобровка 17
 захоронение у с. Екатериновка 17
 захоронение у с. Лебязинка 17
 захоронение у с. Печинка 17
 захоронение у с. Успенка 754
 захоронение у с. Хрящёвка 17
 захоронения у пос. Плодовый 17
 захоронения у с. Андреевка и пристани «Тургенево» 17
 захоронения у с. Немчанка 17
 Заяры могильник 110
 Звениговское городище 619
 Звениговское селище 619
 Звеничев 551
 Зеленец 220
 Зеленки могильник 118
 Зензели 108
 Зливки могильник 148, 150, 151, 152, 169
 Зливки могильник у хутора 150, 152
 Зливки поселение 169
 Зливки, могильник 151
 Зливкинский могильник 768, 771, 774
 Змеевское I городище 248, 304
 Змеевское II городище 248
 Змеиный Дол, могильник 741, 742, 749
 Зобачево могильник 186
 Золотаревский комплекс 716
 Золотаревское городище (Золотаревка) 173, 174, 250, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 392, 549, 602
 Золотая Нива 108
 Золотая Нива III, одиночный курган 26
 Золотая Нива курган 17, 25, 26, 30, 108
 Золотые Горки поселение 160
 Зуево-Ключевских I и II городищ 670
 Зуево-Ключевское I городище 670
 Зуево-Ключевское II городище 668, 669, 670, 683
 Зуевская находка бронзовой привески 669
 Зуевы Ключи 683
 Зуйкарское городище 652
 Иванова Гора II селище 619
 Иванова Гора городище 619
 Иванова Гора селище 619
 Ивановское I селище 602, 603
 Ивановское II селище 602, 603
 Ивановское селище 33
 Иваньковский 173
 Ивашкинское городище 251
 Ивкинское костыще 617, 618
 Игимский могильник 30, 51, 52
 Игисолинское городище 619, 623
 Игнатиевская пещера 680
 Иднакар, городище 10, 11, 120, 442, 444, 546, 650, 651, 652, 653, 654, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 665, 666, 678, 714
 Ижевское городище 9, 619
 Извильская находка 652
 Извильское городище 652
 Изгарское городище 275, 413
 Измерский могильник 589, 778, 779, 783
 Измерское I селище 33, 255, 315, 415, 467, 483, 485, 509, 510, 537, 539
 Измерское V селище 456, 457
 Измерское поселение 256, 283, 316, 749
 Измерское селище 411, 415, 416, 418, 424, 427, 432, 456, 464, 465, 493, 496, 536
 Илекшар I 111, 742
 Ильино 683
 Ильинское городище 687
 Ильнешская находка бронзового наконечника булавы 669
 Ильнешское (Ныргында I) городище 671
 Иманлейский могильник 52
 Имасы, могильник 687
 Именьковский клад 473, 481
 Именьковское городище 487
 Именьковское селище 558
 Исаево I селище 687
 Исаево II селище 687
 Исаево III селище 687
 Исекей зимняя стоянка 762
 Искар, городище 11
 Искор, городище 9, 184, 200, 686
 Искра, поселение 619, 623, 624, 625
 Искра, селище 622
 Итиль (Атиль) город 136
 Итиль 142, 238, 551, 757
 Ички Казань (Русско-Урматское селище) 500
 Ишимбаевский могильник 74, 108
 Ишимбайское погребение 52
 Кабаковский могильник 653
 Кабанское городище 245
 Казакларское селище 411
 Казанская губерния клад 532
 Казанский Кремль 106, 308, 309, 310, 314, 536
 Казань (Кремль) городище 248, 318, 319
 Казачья Пристань селище 149
 Казачья Пристань, поселение 151, 169
 Каинсай 742
 Каинсай могильник 741, 742, 749
 Кайбелы, могильник 24, 28
 Кайбельские I и II могильники 531
 Кайбельский (поздний) могильник 779, 783
 Кайбельский (ранний) могильник 774, 775, 776, 779, 782
 Кайбельский могильник (погребение) 17, 23, 29, 30, 32, 36, 487, 531, 778
 Кайбельское (Крестовое) городище 488
 Кайбельское селище 489, 764
 Калино, могильник 686
 Калиновский курганный могильник 779
 Калиновский могильник (Калиновский курганный могильник) 108, 125, 742, 757, 779, 781
 Калининское селище 695, 698, 716
 Калмаюрское поселение 535
 Каменки 683
 Каменный Лог, городище 120, 668, 669, 678
 Камышевская 8, поселение 165

- Каневский могильник 102, 186, 187, 188, 208, 210, 212
 Каневское селище и могильник 186
 Канинское пещерное святилище 215
 Кано могильник 108
 Кантауровские находки 620
 Кантауровский могильник 619
 Кара-Абыз городище 120
 Караваевское городище 250
 Каранаевские курганы 118, 120
 Каранаевский могильник (курган) 102, 108
 Карасевский клад 652, 654
 Карасово городище 186
 Карасу I могильник 112, 754, 762
 Карасу могильник 107, 108, 112
 Караульная Гора селище 411
 Карашурский могильник 653
 Кара-Якуповское городище 51, 55
 Караякуповское городище 52
 Каргалинский рудник 106
 Каргалы 106
 Карйылское городище 653
 Карйылское селище 653
 Кармалейский могильник 173, 174
 Кармалейское городище 172, 174
 Кармалинское, поселение 17
 Карчей, городище 687
 Карыбйыв, городище 10, 720
 Качкашурские находки, клад 653
 Качкашурский могильник 651, 653, 659, 781, 779
 Качкашурское селище 653
 Качкинский курганный могильник 9, 184
 Кашан 246, 256, 279, 327, 366, 367, 368, 369, 370, 372, 553
 Кашан I городище (Кашанское I городище) 167, 245, 246, 366, 367, 368, 369, 413
 Кашан II городище 246, 247, 248, 251, 366, 368
 Кашанский (Шуранский) клад 481
 Кашкинское местонахождение 33
 Квалярский могильник 652
 Квасниковка могильник 741, 742
 Кедвавомский могильник 720, 723
 Кельгининский могильник 172, 173, 174, 180, 181, 602, 604, 605, 611, 613, 614, 615
 Кермен Толга могильник 126, 133
 Кестымский клад 531, 635
 Килмак-Чабан I могильник 107, 108
 Киляковка 108, 111
 Кирельское (Янтиковское) городище 370
 Кирельта I поселение 767
 Кирельта II поселение 767
 Кирменское городище 246, 392
 Кирмень (Керменчук) 247
 Кирмень 327, 329
 Кировский II 108
 Кировское городище 154
 Кирпичное I, селище 687
 Кирпичное II селище 687
 Кичилькосьский I могильник 720, 723, 725, 727, 728, 729, 730, 732, 733, 734, 735, 736
 Кичилькосьский II могильник 723, 729, 733
 Кичилькосьский могильник 645
 Кичкальнинское I селище 410
 клад близ с. Мусорка 565, 566
 клад бронзовых вещей из с. Усть-Вымь 220
 клад в д. Коча 208
 клад из с. Макар (Майкар) 208
 клад из Чердынского уезда 208
 клад монет 1878 г. 306
 клад русских монет 1861 г. 306
 клад у д. Горбуново 208
 клад у д. М. Шахшер 208
 клад у д. Татарский Толкиш 537, 553
 клад у с. Белый Омут 549
 Клюквенное 4, селище 176, 177
 Кляншшласта (Кляншшластский (Кляншш-Ласта)), могильник 10, 720, 722, 723, 727
 Княжпогостский могильник 9
 Ковровское городище 619
 Ковыльный» грунтовое бескурганное погребение 126
 Кожаевский клад 470, 477, 478, 481, 532
 Кожаевский могильник 589
 Кожаевское IV селище 506
 Кожаевское селище 411, 425, 529
 Кожан 366
 Кожино I 603
 Кожино селище 602
 Козицкое 108, 110
 Козьмодемьянское, селище 687
 Койты 220
 Кокпомьягский могильник 720, 723, 726, 729, 730, 732, 733, 734, 735
 Кокрятское городище 450
 Кокрять городище и могильник 532
 Кокрятский клад 532, 535, 536
 Кокрятский могильник 81
 Кокрятское городище 246, 252, 253, 255, 535
 Колобовка III могильник 754, 762
 Колобовка курганный могильник 106
 Колобовка могильник 754
 Колунецкое городище 249
 Колынва, городище 687
 Комаровка поселение 767
 Комаровское Чибинькар городище 652
 Коминтерновское II городище 248
 Коновалятский могильник 11
 Копалинское городище 686
 Коповский Бигершай могильник 652
 Коптелов бугор 257, 263
 Коринский могильник 602, 604, 605
 Корнино, городище 686
 Кортышевская находка 653
 Коршуновские находки 653
 Косика, могильник 754, 756
 Кособа 108
 Кос-Оба, могильник 107, 108
 Костарево, курганный могильник 106
 Котельниково-II могильник 127
 Котельничское городище 619
 Котловский I могильник 323
 Котловский могильник 329, 669, 671, 672, 673
 Котловское I городище «Шишка» 323
 Кочергинский могильник 10, 618, 619, 620, 625, 640, 644
 Красильниково I, могильник 687
 Красная Гора стоянка 214, 215, 220
 Красная Горка, городище 687
 Красная деревня 106
 Красная Курья, селище 687
 Красная палата 256, 257
 Красная Поляна городище 603
 Красная речка I селище 602, 603
 Красно-баранское селище 33
 Красногорский могильник 52, 619, 620
 Красногорское селище 535
 Красное I могильник 604, 605, 613, 614, 615
 Красное III 173
 Красное селище 624
 Красноключинское городище 245, 246, 248
 Краснореченское городище 145
 Красноселищенское II селище 619

- Краснослободский «Мещанский лес» 173
- Краснослудское Эбгакар городище 652
- Красносюндюковское I городище 148, 246, 255, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 388, 510, 587
- Красносюндюковское II городище 343, 352
- Красносюндюковское VII селище 343
- Красносюндюковское городище 342, 378
- Красный Восток, городище 10
- Красный Восток, могильник 172, 173, 174
- Красный Октябрь 742
- Красный Октябрь I 108
- Красный Яр могильник 108, 112
- Красный, поселение на бугре 767
- Крещелтанское городище 275
- Крещенно-Баранский клад 536
- Крещеный Баран, клад 315
- Кривая Лука 126
- Кривая Лука 126
- Кривая Лука IX 129
- Кривая Лука XXII могильник 129, 130
- Кривая Лука XXVII, курганный могильник 127, 129, 135
- Кривая Лука XV 762
- Кривая Лука-XXII», курганный могильник 129
- Кривое озеро селище 619
- Кривозерский могильник 173, 174, 261
- Кривоозерское селище 33
- Криушинское селище 548, 765
- Криушское II городище 391
- Круглые Паны II селище 603
- Крутогорский могильник 293
- Крутогорское селище 293, 295, 297
- Крыловское 221
- Крымский могильник 158
- Крюково-Кужново 551
- Крюково-Кужновский могильник 173, 549, 551, 602, 605, 613, 614, 631
- Крюковско-Кужновский могильник 10, 172, 173, 174, 179, 180, 181, 604
- Кубасское селище 33
- Кудымкар, городище 686
- Кудымкарский могильник 773, 779, 781
- Кудымкарское городище 9, 184, 186, 219, 221, 547, 688, 701, 704, 709, 716
- Кужендеевский могильник 602
- Кужим I 220
- Кужим II 220
- Кужим II, поселение 220, 227, 232, 233
- Кужим III, поселение 220, 232
- Кужим I-III поселения 220, 221, 232, 234
- Кузобаево 683
- Кузобаевское городище (Кузобаево) 52, 55, 683
- Кузинские хутора могильник 619, 620, 621, 634, 635, 636, 637, 645
- Кузинские хутора, могильник 619
- Кузнецовское городище 619
- Кузьвомын 215, 220, 234
- Кузьминский могильник 11, 651, 652, 655, 659, 662
- Кулан (городище Луговое) 145
- Кулеватовский 173
- Кулеватовский могильник 10, 172, 173, 174
- Куликовский могильник 4, 10, 172, 173, 173, 602, 604, 605
- Кунгур, курганные могильники 9, 185
- Кунес 220
- Купросское городище (Купрос) 204, 686, 701, 709, 716
- Купцын Талга 106
- Купцын Толга 762
- Кураевский сад 108
- Кураловское городище 576
- курган на оз. Уелга 118
- курган на оз. Уелги 51, 108, 119, 120
- курган у г. Саратова 108
- курганы Нижнего Дона 779
- курганы Нижнего Поволжья 779
- Курпе-Бай могильник 741, 742, 749
- Курынское I селище 186
- Курынское II селище 186
- Курья II, селище 687
- Курья III, селище 687
- Курья IV, селище 687
- Курья V, селище 687
- Куря I, селище 687
- Кучино I, городище 686
- Кушкобияморское городище 619
- Кушко-Бияморское городище 623
- Кушманский могильник 652
- Кушманское I селище 652
- Кушманское II селище 652
- Кушманское III селище 652, 654
- Кушманское Учкакар, городище 652, 666
- Кушнаренковское поселение и могильник 52
- Куштирякское поселение 53
- Кушьянский могильник 653
- Кызыл-Кала городище 147
- Кыласово (Анюшкар) городище 221, 241
- Кыласово 219, 221, 241, 254, 685
- Кыпкинская находка 652
- Кыпкинский могильник 652, 659, 662
- Кырдымский клад 547
- Кыско 220
- Кят 116
- Лаврята городище 686, 716
- Лаврятское городище 9, 11, 184, 186, 198, 200, 201, 202, 203, 206, 207, 207, 219, 221
- Лаврятское селище 191
- Лагереvский могильник 52, 102
- Лаишевское поселение 256
- Лаишевское селище (Чакма) 412, 419
- Лаишевское селище 414, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 432, 509
- Лапас 108
- Лафтира 220
- Лбище, городище 17
- Лбище, могильник 139, 140, 754, 755, 756
- Лбищенское городище 450
- Лебедевка VII могильник 742, 743, 749
- Лебедевка могильник 107, 108
- Лебединские селища 414
- Лебединское III селище 33
- Лебединское местонахождение 33
- Лебяжское погребение 30, 33, 81
- Леваты поселение 722, 723, 724
- Левашевское селище 33
- Левашовское селище 543
- Левино, городище 687
- Левинское городище 186
- Левобережное Малоиерусалимское селище 414
- Левобережное Самосдельское селище 759
- Лекмартовское селище 219, 220
- Ленинск 108
- Ленинск могильник 108, 111
- Лесагуртский клад 653
- Лесагуртское селище 653
- Лесогуртский клад 531, 654
- Линёво 106
- Лисаковский 742
- Лисьи Норы городище 186

- Личадеево 5 могильник 172, 173, 174, 180, 181, 604
 Личадеево I селище 602, 603
 Личадеево V могильник 173, 604, 605, 613, 614
 Лобаниха, городище 686
 Лобань 1 поселение 619
 Лоемский могильник 720, 721, 722
 Лоемское поселение 720, 722
 Лозым поселение 216, 217, 220, 221, 226, 229, 230, 234, 236, 721
 Лозымское поселение (Лозым) 221, 229, 230, 234
 Лопатинское селище 186
 Лопва, городище 687
 Лопью-вад 220
 Лопьяльский (Лопьяловский) могильник 9, 617, 618, 619, 644
 Луговское 108
 Луговской 173
 Луговской могильник 108, 172, 173, 174
 Лудошурские находки 653
 Лудошурское I Сепычкар Малый городище 653
 Лудошурское II Сепычкар Большой городище 653
 Луковское городище 245
 Лысогоровский могильник 151, 159
 Лыстем 683
 Любеч 551
 Люмский Бигершай, могильник 652
 Ляда 551
 Лядинский могильник 9, 106, 172, 173, 174, 261, 723
 Ляпинская Балка поселение 165
 Лячаново, селище 687
 М. Вашкур, пещера 718
 Майкор (Туманское городище)
 Мавзолей у станции Аксарайская 106
 Майданское II селище 619
 Майданское III селище 619
 Майданское IV селище 619
 Майкор, городище 686
 Майкорское городище 186, 705
 Майнский могильник 539
 Макаровские находки 663
 Макаровское селище 206, 679
 Маклашеевские городища 413
 Маклашеевское II городище 32, 33, 414, 484, 485, 487, 487
 Макшурская находка 652
 Малая Коча селище 186
 Малая Рязань I могильник 17, 19, 20, 21, 25, 28
 Малая Рязань II могильник 17
 Малая Рязань VII поселение 17
 Малевка V 106
 Малиновское селище 432
 Мало-Аниковская находка 208
 Мало-Аниковский могильник 210, 686, 704
 Маловенижский могильник 651, 652, 655, 659, 662
 Маловенижский Поркар городище 650, 652, 678
 Мало-Венижское городище 624
 Маловенижское Поркар городище 652
 Малое Боршево 551
 Малое Маврушкино поселение 767
 Малое Могутинское I поселение 767
 Малое Могутинское II поселение 767
 Малое Пальцино, поселения 420
 Малоиерусалимский овраг 263, 262, 414
 Малоиерусалимское селище 424, 488
 Малоижморский 173
 Малоижморский могильник 173, 174
 Малоключевская находка 652
 Малолудошурские находки 653
 Маломедлинская находка 653
 Мало-Пальцинское поселение 17
 Малопальцинское селище 418, 419, 489, 543
 Малополянское городище 246, 248, 411, 413
 Мало-Пургинская находка подвески-змеевика; 2 669
 Мало-Рязанский могильник 775
 Малотолкишское городище 246, 413
 Малый минарет 256, 258, 263
 Малышевский могильник 626
 Мальцевское селище 191
 Маляевка V 106
 Маляевка курганный могильник 106
 Мамай 108
 Мамай могильник 107, 108
 Мантовское селище 32, 33, 414
 Мантовское селище 33
 Манякский могильник 53
 Мари-Луговское селище 548, 622
 Маркова местонахождение у д. 185
 Мартыново I поселение 160
 Мартыново, могильник 686
 Мартыново, селище 686
 Марычевка разрушенное погребение у села 25, 26
 Марьинка поселение у г. 160
 Машкино 10 селище 603
 Машкино VI селище 603
 Маяк Октября 91 762
 Маяки, археологический комплекс 151, 153, 155, 156, 158, 169, 171
 Маяки, городище 136, 153, 154
 Маяцкий могильник 775
 Маяцкое (Царино) городище 148
 Маяцкое городище 136
 Маяцкое поселение 116
 Маяцкое селище 336
 Междуреченское городище 246, 332, 342
 Мелехинский могильник 208, 219, 221
 Мелехинское селище 221
 Меллятамакское селище 53
 Мельничное, селище 687
 Меметовский могильник 652
 местонахождение на Алексеевском X поселении 33
 местонахождение на Большетарханском II селище 33
 местонахождение на селище «Курган» 33
 местонахождение на Щербетском островном селище; 20 33
 местонахождение у Базяковского взвоза 33
 местонахождение у д. Збачева 185
 местонахождение у Тарханской пристани 33
 Мещанский лес, могильник 172, 173, 174
 Минчегурт 683
 Минчегуртское городище 669
 Мирный (Фриденберг) могильник 741, 742, 749
 Мисриан 514
 Митинский могильник 186, 773
 Мичачой III поселение 220, 221, 232, 233, 234
 Мичачой IV 220
 Младший Кужендеевский могильник 604, 605
 могильник «Мыдлань-Шай» 779
 могильник в д. Загарье 700
 могильник Маяков 157
 могильник у д. Грудята 9, 185
 могильник у пристани «Тургенево» 24
 могильник у с. Молдовановское 136

- Модгорт, могильник 687
 Можга I 683
 Можга II 683
 Можгинский могильник 682
 Можгинское селище 669
 Можгинское селище 669
 Мокрокурналинский клад 412, 418, 470, 471
 Монастырский погреб мавзоль 257, 258
 Мордова поляна, селище 329
 Мордовские Парки, селище 603
 Мордовско-Козловский могильник 172, 173, 174
 Мордовско-Паркинский могильник 604, 605, 613, 614, 615
 Морской Чулек могильник 110
 Мосеево 220
 Моторки 683
 Мошаик, городище 136, 137, 764, 767
 Мрясимовские курганы 108, 118, 119, 120, 122, 123
 Мрясимовский 108, 119
 Муракаевский 108, 119
 Муранский могильник 9
 Мурзихинское селище 412, 420, 422, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 432, 456, 477, 479, 481, 482, 485, 509, 529, 589
 Муромский I могильник 331, 341
 Муромский II могильник 331, 342
 Муромский городок, городище 10, 12, 36, 116, 246, 248, 255, 256, 329, 330, 331, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 378, 388, 392, 395, 400, 440, 442, 443, 447, 448, 449, 450, 452, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 488, 490, 492, 495, 499, 501, 509, 510, 513, 521, 532, 536, 587, 681, 749, 776, 777, 779, 782, 785, 792
 Муромский городок» (Валынское городище) 329, 330
 Муромский клад 533
 Муромское I селище 341
 Муромское III селище 342
 Мустаево 106
 Мустаевские курганы 106
 Мыдлань-Шай могильник 50, 66, 77, 773, 776, 781
 Мысагорт, городище 686
 Мысы (Лупьенское), городище 687
 Надеждинское 742
 Назаровское I городище 186
 Назаровское II городище 186
 Назаровское городище 11, 186
 Нарат-Елгинское городище 251
 Нароватово клад у с. 549
 находка бронзового культового изображения (д. Эжол) 220
 находка бронзового культового предмета у оз. Донты 220
 находка в г. Ульяновск 28
 находка культового изображения из с. Жешарт 220
 находка на Косяковском II селище 33
 находка у оз. Яик 28
 находка у с. Марычёвка 17
 находка у с. Никитское 471
 находка у с. Утёвка (дюна Человечья Голова) 17
 находки в д. Вотяки 208
 находки на «23-24 км» 17, 26
 находки с Маклашевского II городища 33
 находки у оз. Яик 17
 Начар-Котья 683
 Нёбдинский могильник 723
 Неволинский могильник 102, 531, 546
 Недоступов курганный могильник 106
 Неклюдовское городище 246, 549
 некрополь у озера Волоковое 150, 152, 158
 Немдинское городище 9, 617
 Немчанка могильник 17, 25, 26, 30, 52
 Нердва, городище 687
 Нердва, селище 687
 Неревский II клад 532
 Нетяйн I селище 687
 Нетяйн II селище 186
 Нетяйн II, селище 687
 Нетяйн III селище 687
 Нетяйн, могильник 687
 Нидзяс 220
 Нижне-Архызское городище 514
 Нижнебогатырское I селище 652
 Нижнебогатырское II селище 652
 Нижнеборковский клад 615
 Нижнекатмисское городище 248, 250
 Нижнеюри 683
 Нижняя Коса, селище 687
 Нижняя Стрелка 467, 620
 Нижняя Стрелка могильник 533, 536, 619, 625, 626, 634, 636, 637, 639, 640, 641, 644
 Никитинские находки 620
 Николаев-Баранское 253
 Николаев-Баранское I городище 268, 276, 277
 Николаев-Баранское II городище 246, 247, 253, 268, 276
 Николо-Райское городище 359
 Никольское V могильник 754, 762
 Никулино могильник 687
 Никульчинское городище 619
 Ниремка I 220
 Нишапур 504, 505, 506, 507, 514
 Новая Беденьга городище 17, 30, 455
 Новая Квасниковка I 762
 Новинки I, могильник 17, 20, 21, 28
 Новинки II, могильник 19, 20, 21, 28
 Новинковский II курганный могильник 775
 Новинковский курганный могильник 680
 Новинковский могильник 453, 455
 Новоаксайский 126
 Новоаксайский могильник 133
 Новоальметьевское II селище 410
 Новоамзинское II селище 410
 Новоамзинское IV селище 410
 Новоамзинское VI селище 410
 Новоамзинское VII селище 410
 Ново-Биккинский 53
 Новогрудок 281, 282, 514, 517, 716
 Новодачное могильник 151
 Новое Четово 603
 Новое Четово селище 603
 Ново-Каменка могильник 110
 Новолымаревка могильник 151, 199
 Новолымаревка селище 149
 Ново-Мордово 506
 Новомордовское селище 499
 Новоникольское I 762
 Новоникольское II могильник 754
 Новоникольское могильник 108, 111, 764
 Новоникольское; 46 108
 Новопажманское местонахождение керамики 653
 Новопокровский могильник 136
 Новоселовка городище 136
 Ново-Сихтерминское II селище 33
 Новослободское IV селище 153
 Новослободское городище 17, 536
 Ново-Тат-Адамское III селище 33
 Ново-Троевский 742
 Ново-Троевское могильник (Ново-Троевка) 741, 742, 749
 Ново-Турбаслинский могильник и поселение 53

- Новошешминское I городище 246
 Новый Путь, поселение 17
 Новый Усад II, III 603
 Новый Усад II, селище 602, 603
 Новый Усад III, поселение 609
 Новый Усад III, селище 602, 603, 609, 615
 Новый Усад V, селище 603
 Носельское селище 622
 Нуршаринское селище 619
 Обрыв 2 поселение 166, 167, 168, 170, 167
 Огородное клад 532
 Огурдинская стоянка 221
 Огурдинский могильник 185, 186, 187, 189, 208, 210, 699, 701, 706, 712
 Огурдинское селище 193, 219
 одиночный курган Брусяны II» (могильник Брусяны V, к.1) 20, 21, 28
 одиночный курган Золотая Нива III 17, 26
 Одоевское городище 617
 Озельский могильник 720, 723
 Озерки 106
 Озерковское селище 652
 Озеро Раим, могильник 749
 Озьяг II 220
 Озьяг II и III поселение 220, 234
 Озьяг III 220
 Озьяг V 220
 Олень 126, 134
 Ольховка 106
 Ольховка курганный могильник 106
 Ольховка-I могильник 127
 Омутницкий могильник 651, 653, 659, 662, 678
 Омутницкое селище 653
 Онежье 220
 Онинское городище 687
 Опутятское городище 206, 207
 Орехово 683
 Ореховский могильник 668, 669
 Орлиное Гнездо могильник 107, 108
 Ором городище 198, 202, 207
 Осинки 108
 Осиновка III, могильник 17, 19, 21, 28
 Осиновка IV, могильник 17
 Осиянская Гора городище 152, 153
 Остолоповское селище («Жилище») 419
 Остолоповское селище 408, 412, 413, 414, 419, 421, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 432, 464, 465, 467, 483, 543, 679, 681, 764
 Остолоповское селище 33
 Острая Грива, городище 686
 Остров IX 221
 Отарское селище 622
 Отлинский I могильник 723
 Отлинский II могильник 723
 Ошель, городище 242, 246, 256, 267, 370, 579
 Ошмёский могильник 723
 Ошчой I 232
 Ошчой I/поздний комплекс 220
 Ошчой урочище (Ошчой/пункт А; Ошчой I/жил. 4; Ошчой I/жил. 5; Ошчой I/пункт 6/4; Ошчой I/пункт 14/12 220
 Ош-Юмья 683
 Пазял-Жикья 683
 Пазял-Зюмья 683
 Пайбулатовское селище 619
 Пановский могильник 10, 172, 173, 174, 179, 180, 181, 602, 604, 605, 613, 614
 Паратское XVI селище 619
 Паратское XVII селище 619
 Паратское XVIII селище 619
 Паратское селище 619
 Пармайлово I, городище 687
 Пармайлово II, городище 687
 Пармайлово, могильник 687
 Пасашор поселение 215, 220, 227, 228, 233
 Патраковское селище 11
 Пезмогский могильник 723
 Пек-Жикья 683
 Пенджикент 145, 147
 Пербете могильник 630
 Перегребное городище 716
 Перемчалкинский могильник 10, 172, 173, 174
 Песчаный карьер, могильник 108
 Петкойский могильник 720, 723, 733
 Петропавловский могильник 668
 Петрунино 106
 Петрунино 106
 Петрунино IV могильник 106, 126, 130, 131, 132
 Петрунино IV, курган 132
 Петрунино-IV 126
 Петрунинский курганный могильник 106
 Петухово, городище 687
 Петуховское городище 198, 219, 221
 Печешурский могильник 652
 Печешурское селище 652
 Печинка I могильник 17, 25
 Печинский курган 25
 Пешнигорт I, селище 687
 Пешнигорт II, селище 687
 Пешнигорт, могильник 687
 Пешнигортский могильник 186
 Пешнигортское I селище 186
 Пешнигортское II селище 186
 Пижда I 220
 Пижда II 220
 Пинежское Озеро III 221
 Питерский (Степаново плотбище) могильник 191
 Плавни, могильник 110
 Племхоз, курганный могильник 106
 Плесинский могильник 186, 188, 189, 191, 192, 209, 701, 706, 716
 Плодовый I, погребение 24
 Плотниковский могильник 704, 705
 Погибловский могильник 10, 172, 173, 174, 602, 604, 605
 погребение на «116 км» 26
 погребение на Маяках 157
 погребение у кошары «Ковыльный» 135
 погребение у хут. Лубяжинка 26
 погребения у разъезда Немчанка 26
 Подбобыка поселение 219, 221
 Подбобыка святилище 221
 Подболотьевский могильник 261
 Подборновский Вужшай могильник 653
 Подборновский могильник 651
 Подборновское селище 653
 Подгаевка селище 149
 Подгорбуновское городище 219, 221
 Подгорское селище 329
 Подгоры, селище 687
 Подлесная Ивановка селище 603
 Подчудское место селище 191
 Подчуршинское городище 619
 Пожва могильник 186, 687
 Пожвинский II могильник 191
 Пожегское городище 724
 Покровка 108
 Покровка VIII могильник 754
 Покровск (Энгельс) 742
 Покровские курганы 106
 Покровский 106, 742
 Покровский могильник (Покровск) 106, 741, 742, 749
 Покровское селище 286
 Покча, селище 686
 Покчинское поселение 219, 221
 Покчинское селище 221
 Поливна I, городище 343

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

- Политотдельское могильник 741, 742
 Политотдольное 742, 764
 Поломский I могильник 653, 664, 773, 779, 781
 Поломский II могильник («Красная горка») 779
 Поломский II могильник 531, 653, 773, 779, 781
 Поломский могильник 531
 Поломское II селище 653
 Поломское III селище 653
 Поломское место находок 652
 Поломское местонахождение 652
 Получемье, городище 687
 Польингская находка 653
 Полютово, городище 686
 Полюты городище 186
 Полянское селище 33, 415
 Помоздино 220
 Пономарёво, городище 687
 Пономарёво, могильник 687
 Пономарёво, селище 687
 Пончинское селище 545
 Портяновское I городище 652
 Портяновское место находок керамики 652
 Поршур 683
 посад Алабуги 669
 поселение в г. Северск 151
 поселение у с. Ильичевка 151
 поселение у с. Старая Ласпа 160
 поселение у с. Стыла 160
 Посёр, городище 687
 Починковский могильник 12, 619, 620, 633, 642, 643, 648, 649
 Починковское селище 619
 Почтошурская находка 653
 Правобережное городище 136
 Правобережное Малоиерусалимское селище 416
 Правобережное Самосдельское селище 759
 Правобережное Цимлянское городище 771
 Прой-Болма 683
 Пролетарий, городище 17
 Пролетарское городище 53
 Просвет I, могильник 17, 25, 26
 Просветский курган 17, 25
 Пудвайская находка; 63 652
 Пужмес-Тукля; 7 683
 Пуксиб, могильник 687
 Пурдошанский 2 могильник 174
 Пурдошанский могильник 172, 173
 Пуро-Можга 683
 Пустобаево (Тихоново) 683
 Пчельник 108
 Пыдосово I, могильник 687
 Пыдосово городище 186, 687
 Пымпол, городище 686
 Пыскорский клад 547
 Пыштайн I, селище 687
 Пыштайн II, селище 687
 Пыштайн III, селище 687
 Пыштанский I могильник 186
 Пянтег, городище 686
 Пянтег, селище 686
 Пянтежское городище 9, 184
 Пянтежское селище 219, 221
 Пятнадцатый поселок 762
 Пятницы VII могильник 604, 605, 612, 615
 разрушенное захоронение у пос. Плодовый 17, 24, 25
 разрушенное захоронение у с. Андреевка 17, 25
 Ракамаз могильник 189
 Ракка 505
 Рассолы селище 547, 714
 Ратегово, городище 186
 Ратегово, могильник 186, 687
 Рахинка могильник 108, 111, 762
 Рахмангулово поселение 680
 Рачевское городище 693, 705
 Ревью IV 220
 Редикар городище 11
 Редикарский могильник 11, 189, 191, 192, 212, 706, 716, 779, 781
 Редикарское городище 200, 208, 221
 Редикор городище 686
 Редикорский клад 210, 547
 Редикорский могильник 186, 192, 209, 210, 212, 686, 773
 Редикорское городище 186, 200, 210, 686
 Рей 279
 Ржавецкое V селище 447, 448, 449
 Ржавецкое VI селище 447, 448
 Ровное могильник 108, 110, 742, 764
 Рогалик селище 149
 Роданово (Полютово) городище 693
 Роданово городище 186, 207, 686, 711, 712
 Родановское городище 547
 Родниковское поселение 698
 Рождествено, городище 487, 490
 Рождественский III могильник 17, 28, 686, 778, 779, 783
 Рождественский археологический комплекс 646, 690, 691, 701, 717
 Рождественский клад 547, 473, 481
 Рождественский могильник 185, 186, 186, 187, 188, 189, 192, 202, 205, 208, 210, 212, 589, 646, 686, 701, 703, 704, 706, 708, 709, 712, 714, 715, 716
 Рождественское V селище 424, 425, 427, 428
 Рождественское VI селище 426, 428, 536
 Рождественское городище 9, 174, 184, 186, 186, 191, 196, 198, 200, 205, 206, 207, 208, 212, 241, 248, 254, 488, 547, 686, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 696, 701, 702, 703, 704, 705, 709, 711, 712, 713, 715, 716
 Рождественское селище 400, 414, 423, 475, 493, 496, 499, 501, 543
 Рождественское, комплекс 691
 Романовский могильник 112
 Ромоданское I городище 248, 251
 Рубежка могильник 107, 108, 754
 Рудки 551
 Рузаново II селище 603
 Русенихинский могильник 619, 620, 622, 626, 627, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 636, 637, 639, 640, 641, 642, 643, 644
 Русенихинское городище 618
 Русиновский могильник 186, 209
 Русиновское I селище 193, 206, 679
 Русиновское II селище 206, 695
 Русскомеченское селище 410
 Русско-Урматское селище 52, 487, 493, 496, 500
 Русско-Юрткульский клад 533
 Руткинский могильник 618, 619, 620, 625, 633, 637, 638, 772, 773, 781
 Рябиновский клад 548
 Сабакайский клад 470, 480, 481
 Сабанчикар городище 10, 652, 664,
 Садовское I городище 248, 359
 Садовское II городище 359
 Сазоновская находка 653
 Саконское селище 430
 Саконы 1 городище 172, 174, 175
 Саконы 2 городище 172, 174, 602, 603, 607
 Саконы 3 селище 172, 174
 Саконы городище и селище 172
 Саксин город 142, 143, 239, 240, 550, 748, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 767, 768, 785
 Саламатово I, городище 686
 Саламатово II, городище
 Саламатовская находка 653
 Саламатовские городища 186

- Саламатовское городище 186, 653, 695, 704, 705, 709, 716
 Саловский-IV могильник 127
 Саломатовское городище 695, 696
 Салтовское городище 136
 Сальниково, городище 687
 Самарканд 147, 533, 553, 784, 785
 Самарра 326, 505, 507, 509
 Самосделка, городище 143, 145, 500, 748, 764, 766, 767
 Самосдельское городище 126, 136, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 240, 503, 504, 507, 748, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766
 Саралжин 108
 Сарапул 683
 Сарапульское жертвенное место (Сарапульское мольбище) (Ивкинское костыще) 617, 618
 Саркел (Белая Вежа) город 517
 Саркел (Белая Вежа) могильник 118, 125
 Саркел 118, 573
 Саркел могильник 79, 110, 112, 118, 768, 771
 Саркел, городище 145, 760, 761
 Саркел, крепость 30, 115, 145
 Саркельский (Белая Вежа) могильник 118
 Саров, городище 602, 603, 606, 607, 611
 Саровский могильник 604, 605
 Саровское городище 606, 607, 608, 612
 Сартаково могильник 186
 Сахаевский могильник 101
 Свиное, поселение 767
 Свинуха 110
 Свистун-гора могильник 107, 108
 Святогорское городище 152
 Северный 683
 Севрюкаево II, поселение 17
 Севрюкаевское городище 486
 Седьярские находки 653
 Селиксенское городище 249, 359
 Селитренное городище 142
 Селище 220
 селище у д. Удмуртский Караул 652
 Семеновские I–IV селища 411
 Семеновский II могильник 783
 Семеновский клад 435
 Семеновское I селище 33, 315, 333, 415, 416, 456, 457, 539, 626
 Семеновское II селище 33
 Семеновское V селище 477, 481, 482, 529
 Семеновское V селище 529
 Семеновское поселение 316, 283
 Семеновское селище 415, 416, 430, 432, 456, 485, 536
 Семикаракорское городище 136
 Сёмино, городище 687
 Сёминское поле, селище 687
 Сенгилеевское селище 509
 Сенькинское I городище
 Сенькинское I городище 196
 Сепычевский (Эзетнюк) могильник 653
 Сепычкарь I городище 650
 Сепычкарь II городище 650
 Сепычкарь Большой городище 653, 654
 Сепычкарь Малый городище 653, 654
 Сепычское городище 653
 Сергиевское, поселение 767
 Сердуг, могильник 687
 Серебрянское могильник 151
 Сероглазово, зимняя стоянка 762
 Сероглазовское погребение (Сероглазово) 742, 748
 Серп 683
 Серповский 173
 Сидоровский археологический комплекс 152, 155, 156, 157, 158, 159, 169, 171, 771
 Сидоровское городище 136, 148
 Силино I 603
 Силино I селище 602
 Симва I 220
 Симва II 220
 Симпаловская находка 652
 Синдорское озеро IV 220
 Синдорское поселение 221
 Синеглазово, курган на оз. 51, 118, 119
 Синеглазовский (курганный могильник) 108
 Скатовка 742, 743
 Скорняковское городище 617
 Слободка городище 716
 случайная находка, Пермский край 192
 Сметанинское селище 191
 Смолино, курган на оз. 108, 118
 Смолокурный I поселение 220, 221
 Соборная мечеть («Четырёхугольник») 256, 258, 264, 270, 271, 274, 279, 281, 282, 284, 285, 320, 379, 380, 381, 382, 393, 396, 399, 404, 786, 787
 Соколовская Балка, могильник 126, 127, 128, 135
 Соколовский курганный могильник 136
 Соколовское селище 33, 414
 Солдакаевское I селище 410
 Солдакаевское II селище 410
 Солдырский I могильник 652
 Солдырский II могильник 652
 Солдырский III (Индакарский) могильник 659, 662
 Солдырский Чемшай могильник 10, 651, 652, 664
 Солдырское I Иднакар городище 652
 Солдырское II Сабанчикар городище 652
 Солдырское II селище 652
 Солдырское III поселение 652
 Солдырское IV поселение 652
 Солдырское селище 652
 Соликамск, поселение 687
 Солнце могильник 742, 749
 Соломатовское городище 198, 713
 Солянка могильник 107, 108
 Сораковские находки 652
 Сосново-Юрашино 683
 Сосновское II городище 413
 Сосновые ключи могильник 683
 Спасский (Старокуйбышевский) I могильник 589
 Спасский клад 412, 470, 471, 474, 480, 481, 537
 Спасский могильник 589
 Средне-Бачманово, могильник 687
 Среднекушкет 683
 Средняя Ахтуба, могильник 108, 111
 Стексовский II могильник 605
 Старая Майна, городище 560
 Старая Майна, могильник у с. 16
 Старая Пичеморга селище 603
 Старая Рязань 280, 282
 Старица, могильник 754
 Старица, поселение 169
 Староалейкинское городище 246, 248, 255, 343
 Староальметьевский клад 474
 Староальметьевское III селище 410
 Староальметьевское V селище 410
 Староамзинское III селище 410
 Старобадиковский 2 могильник (Старобадиковский II) 173, 174
 Старобадиковский I могильник 174, 604, 605
 Старобаранское городище 251

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

- Стародевиченский могильник 174, 604, 605
- Староеналейское городище 251
- Старозубарёвский могильник 173, 174
- Старозянкинский могильник 652
- Старозянкинское селище 652
- Староигра I 683
- Староигра II 683
- Старо-Калмашевское городище 51
- Старокалмашевское городище 53
- Старокамкинское городище 248, 275
- Старокиязлинский могильник 779, 783
- Старокуйбышевский комплекс 419, 465, 467, 468
- Старокуйбышевский могильник 778, 779, 783
- Старокуйбышевское I селище 456, 457
- Старокуйбышевское II селище 33, 456
- Старокуйбышевское III селище 33
- Старокуйбышевское IV селище 425, 427, 432, 456, 467, 468, 485, 537
- Старокуйбышевское V селище 412, 425, 432, 468
- Старокуйбышевское городище 245, 457, 465
- Старо-Куйбышевское городище 521
- Старокуйбышевское поселение 316, 453
- Старокуйбышевское селище 414, 456
- Старомайнские селища 536
- Старомайнский могильник 81
- Старомайнское городище 486, 487
- Старомагакское городище 245
- Старомичан 683
- Старонохратское городище 245, 248, 251, 255
- Староромашкинский комплекс 328
- Староромашкинское городище 246, 413, 440
- Старорусскоальметьевское селище 410
- Старосалья 683
- Староуча 683
- Старохапиловский могильник 102
- Старо-Халиловский могильник 51
- Старочунча I 683
- Старочунча II 683
- Староянзигитовское 53
- Старший Кужендеевский 173
- Старые Нохраты, городище 256, 506
- Старый Орхей 349
- Стексовский II могильник (Стексовский 2 могильник) 172, 174, 604, 605
- Степановка I 174, 603
- Степановка I, II 603
- Степановка II и III селище 603
- Степановский могильник 173, 174
- Степановское I селище (Степановка 1) 174
- Степно-Шенталинское V селище 33
- Степсово II могильник 604
- Стерлитамакский могильник 51, 101, 102
- Стрижевский могильник 620
- Стуклово I–III селище 602, 603
- Сувар 6, 10, 145, 146, 239, 242, 246, 255, 256, 266, 277, 278, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 378, 384, 386, 387, 390, 391, 400, 430, 443, 444, 493, 496, 497, 498, 500, 501, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 513, 514, 515, 521, 532, 533, 534, 543, 548, 549, 576, 587, 589, 681, 765, 785
- Суварский могильник 589
- Суварское городище (Сувар) 10, 246, 266, 279, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 378, 384, 387, 390, 391, 400, 443, 444, 496, 497, 498, 500, 501, 504, 505, 506, 507, 508, 515, 576, 587, 589, 681, 785
- Суммеркент 767
- Сутырское III селище 619
- Сутырское IV селище 619
- Сухая Гомольша поселение 152
- Сухая Саратовка I 111
- Сылвенское (Пеганкова гора), городище, VII–XII вв.; 48 686
- Сынтыштамакский могильник 52
- Сыресевский могильник 604, 605
- Сыресово II могильник 604
- Сядемский могильник 604, 605
- т. Альметьево 551
- Тавлинское городище 245, 249
- Тагошур 683
- Такталачукский могильник 53
- Тамар-Уткуль могильник 108, 111
- Тамар-Уткульский могильник 573
- Танайские II находки подвесок-уточек 669
- Танайское I селище 328
- Танкеевский могильник 15, 30, 32, 33, 36, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 80, 82, 83, 84, 85, 86, 94, 96, 98, 101, 150, 242, 263, 312, 313, 414, 449, 453, 454, 455, 463, 472, 475, 483, 487, 489, 531, 532, 539, 585, 589, 590, 591, 594, 598, 648, 679, 680, 776, 779, 782
- Танкеевское городище 33, 392, 449
- Таптыковское городище 51, 52, 53, 55
- Тараз 145
- Тары II 106
- Тат. Измерское I селище 33
- Тат. Саплыкское селище 414
- Татарская Лака II могильник 604, 605
- Татарский Городок 286
- Татарский захоронения на бэровском бугре 136, 767
- Татарско-Азибейское селище 52
- Татарско-Парзинский могильник 653
- Татбурнаевское городище 251
- Татгородокское I селище 286
- Татгородокское II селище 286
- Тат-Саплыгское местонахождение 33
- Таттюльбаевское городище 245, 413
- Татьяновское городище 153
- Ташка II селище 186
- Ташьялудский клад 654
- Тегенец, монастырь 514
- Телячий Брод городище 186
- Телячий Брод могильник 11, 186, 187, 209, 686, 699, 699, 700, 704, 705, 709, 716
- Телячий Брод селище 186, 686, 695, 697, 704, 705, 709
- Тенишевский могильник 172, 173, 174
- Теплинское городище 152
- Термез 505
- Тетюшский III могильник 589
- Тетюшский могильник 33, 81, 370, 371, 539, 589, 590, 782
- Тетюшское II городище 55
- Тетюшское городище 52, 501
- Тигашевское городище 252, 253, 576, 594, 681
- Тигашевское городище-святилище 391
- Тиминский могильник 686
- Тоймобаш 683

- Тольенский могильник 653
 Тольенское I селище 653
 Тольенское II селище 653
 Томниковский могильник 9, 172, 173, 174
 Торналинское городище 680
 Торновское III селище 329
 Торцк 247
 Тохтинское поселение (Тохта, поселение) 10, 215, 217, 218, 220, 221, 228, 232, 233, 235
 Трескинское городище 246
 Третий Плес, могильник 741, 742, 743, 749
 Троицкое городище 686
 Тугбулатовская находка 652
 Тузла, могильник 110, 160
 Тумак-Тюбе, поселение и могильник 768
 Туманское городище (Майкор) 685
 Тумовское селище 623, 624
 Тумский I Бигершай могильник 652
 Тураевский II могильник 669, 670
 Турайское I селище 652
 Турайское II селище 652
 Турбаза, могильник 107, 108
 Тургенево, разрушенное захоронение у пристани 17, 24, 25
 Тухчин городок 267, 268
 Тылысский могильник 652
 Тылысское I селище 652
 Тылысское II селище 652
 Тылысское III селище 652
 Тымпальский могильник 652
 Тюрняевское I селище 33, 415
 У-85 (Барун) 762
 Увак, могильник 108, 110, 111, 114
 Угдым II могильник 220, 222, 229, 230, 231
 Угдым II поселение 217, 220, 221, 222, 224, 227, 228, 229, 230, 231, 721
 Угдым IV 220, 221, 234, 236
 Удельно-Шумецкое селище 619
 Ужгинский I могильник 720, 721, 722, 723, 727
 Ужгинский II могильник 720, 721, 722, 723, 727
 Узей-Тукля 683
 Узьяр городище 650, 653
 Уканское I селище 652
 Уканское II селище 652
 Уканское Поркар городище 652
 Укек 536
 Ундорское городище 497
 Ундоры I, городище 343
 Ундоры II, городище 343
 Уньинское пещерное святилище 215
 Урень II, могильник 3, 17, 21, 22, 23, 25
 Уреньский могильник 23, 32, 51
 Уринский могильник 186
 Уркач, могильник 108
 Урол поселение 9, 184
 Урьинский могильник (некрополь) 11, 102, 187, 210, 212, 219, 221
 Усогорск III (комплексы: А; Б; В); 13 - 220
 Усогорск III поселение 220, 221, 227, 232, 234
 Усогорск III/А, поселение 233
 Усогорск III/Б, В, поселение 220, 221, 232, 234
 Устин I-III, городища 687
 Усть-Буб, городище 687
 Усть-Велва селище 186
 Усть-Иньвенское городище 685
 Усть-Кедва I 220
 Усть-Комыс 220
 Усть-Кулом II 220
 Усть-Кулом III 220
 Усть-Лопья, селище 686
 Усть-Сысольский могильник 9, 721, 722, 733
 Усть-Узинское святилище 173, 174
 Усть-Урол, городище 686
 Утевка (дюна Человечья Голова), разрушенное погребение у села 25
 Утяковское городище 33, 681
 Утяковское селище 33
 Уфа II, городище 52, 55, 120
 Ухтинский волок, поселение 228, 233
 Уччакар городище 10, 650, 651, 652, 653, 654, 659, 661, 662, 666
 Федоровка I, городище 175
 Федоровское I городище (Фёдоровка I) 174, 175
 Филипповское 9
 Филипповское городище 184, 186, 690
 Филипповское городище 186
 Фриденберг 108
 Фридрихсгофский клад 533
 Фустат 505
 Хаджи-Тархан (Шареный бугор) городище 142
 Хайсунское местонахождение 767
 Хамлидж город 142
 Ханская могила 108
 Ханская усыпальница 256, 258, 263
 Хан-Тюбе грунтовый могильник 768
 Харино I, селище 687
 Харино II, селище 687
 Харино III, селище 687
 Харино V, селище 687
 Харино VI, селище 687
 Харино VII, селище 687
 Харино VIII, селище 687
 Харино X, селище 687
 Харино городище 186
 Харино, могильник 687
 Харинский могильник 101, 209
 Харинское IX селище 186
 Харинское VI селище 186
 Харловая I 220
 Харьковка I 742
 Херсонес 337, 388, 517
 Хлыновское городище 619
 Хомяковское городище 652
 Хорезм 116, 117, 118, 147, 206, 441, 443, 494, 522, 530, 531, 550, 553, 554, 585, 758, 759, 760, 762, 763, 764, 784, 785
 Хохловский 173
 Хрящевский могильник (погребение) 26, 30, 32, 81
 Хулашское городище (Хулаш) 246, 256, 370, 375, 376, 377, 378, 386, 387, 392, 395, 400, 408, 437, 440, 450, 451, 452, 490, 492, 587
 Хусаиновский могильник 51, 53, 72, 102
 хут. Степана Разина 108
 Хуторская Шишка поселение 767
 Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место 708
 Цаган-Нур 106
 Царевский 108
 Ципья 683
 Цнинские могильники 782
 Чабровское местонахождение 33
 Чажегово, могильник 687
 Чазевский могильник 717
 Чайныш, селище 687
 Чакма селище 465
 Чалынский городок 374
 Чалынское I селище 373
 Чалынское городище 248, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 392, 521
 Чалынское поселение 374, 375
 Часадорский могильник 723, 734
 Чашкинское I селище 186, 193
 Чашкинское II селище 186, 194, 195, 206, 695, 698, 699, 709

- Чезтыгский могильник 720, 722, 723, 725, 727, 728, 736, 738
 Чезтыгское поселение 220
 Челкасы селище 450
 Чемерцинское селище 411
 Чемодановское селище (Чемодановка) 174
 Чемошурские находки 652
 Чем-шай могильник 618, 644
 Чемшай, могильник 651, 664, 665
 Ченин, могильник 108, 110, 111, 762
 Чердынский клад 207, 208
 Черемисский могильник 11, 604, 605
 Черемисское кладбище могильник 9, 617, 618, 619, 620, 626, 628, 634, 636, 639, 640
 Черемуха, поселение (Черемуха I) 767
 Черемухино-Слободское городище 248
 Черенское местонахождение 767
 Черенское поселение 767
 Черная Падина 108, 764
 Черная палата 256, 258
 Чернигов 447
 Черниково озеро, могильник 151
 Черное поселение 767
 Черноярский могильник 110
 Чертов городок» городище 453
 Чертово городище 9, 320
 Чибинькар городище 650
 Чигиробский клад 208
 Чирва II 221
 Чирвинское II поселение 219
 Чиргинский могильник 651, 653, 655
 Чистопольский клад 552
 Чишминский могильник 30, 51, 52, 102
 Чойновты V поселение 220, 221, 232, 234
 Чортово городище 644
 Чувапакское городище 251
 Чувбездинское городище 248
 Чувбродское городище 251, 275
 Чуддинты II поселение 215, 220, 234
 Чудзялудский 683
 Чудиновское I селище 33
 Чужьем 683
 Чужьялово 683
 Чулыман город 241, 254, 714
 Чупинский клад 705
 Чусовское поселение 221
 Шабалинское городище 619
 Шабран, городище 146, 765
 Шайильез 683
 Шалинский могильник 174
 Шалкар III, могильник 112
 Шалкар могильник 107, 108
 Шареевский 52
 Шелехметский могильник 30
 Шелехметь VII могильник 17, 19, 20, 21, 25, 26, 28
 Шеркалы городище 716
 Шестаковский клад 530, 531
 Шестнецкая находка 652
 Шестовицкое городище 505
 Шешты 220
 Шиловка, могильник 17, 22, 28
 Шиловский могильник (Шиловка) 20, 21, 22, 28, 127
 Шипицино, городище 186, 687
 Широкое, могильник 110
 Шмелевское городище 246, 248, 449
 Шойнаты I могильник 220, 222, 224, 225
 Шойнаты I поселение 221, 222, 225
 Шойнаты II могильник 220, 221, 231, 233, 723, 738
 Шойнаты III могильник 723, 733
 Шойнаты III поселение 220, 221, 226, 227, 231, 233, 234, 449, 723, 733
 Шойнаты VI поселение 226, 231
 Шойнаты могильник 220
 Шойнаягский могильник 215
 Шошкинский могильник 9
 Шудьякар, городище 198, 206, 207, 679, 686, 709
 Шумаевский 742
 Шунангерское III селище 619
 Шушпанский могильник 686
 Шушпанское, селище 686
 Щербенское II городище 249
 Щербеньские I («Кала-тау») и II городища 277
 Щербеньское I («Кала-тау») городище 276, 277
 Щербеньское I городище 256, 276, 277
 Щербеньское II городище 254, 276
 Щербетское островное селище 32
 Щербетьское городище 246
 Щербетьское островное селище 33, 414
 Щукинский могильник 186, 187
 Ыб 220
 Ыджыдельский могильник (погребение) 720, 723, 725, 727, 728, 729, 730, 732, 733, 734, 735, 738
 Эбгакар городище 650, 652
 Эжол 233
 Эжольский могильник 215, 222
 Эльтон могильник 106, 108, 111
 Эльтон-85 могильник 754
 Эмба, могильник 108, 114
 Эсперово, городище 687
 Юванаяг (грунтовая часть) 220
 Юванаягский могильник (Юванаяг) 215, 220, 222
 Южная группа, могильник 741
 Юкеево, поселение 687
 Юловское городище (Юлово) 246, 246, 256, 352, 353, 354, 355, 359, 365, 408, 488, 490, 492, 549
 Юльяльское селище 622
 Юмга-Омга 683
 Юмский (Загребинский) могильник 618, 644
 Юмский могильник 617, 619, 620, 625, 634, 640, 641
 Юмьяшур 683
 Юрино 597
 Юринское городище 669
 Юрманское селище 506
 Юрьев-Польский 365
 Ягкодж I 220, 215
 Ягкоджты 220
 Ягкоджты, поселение 220, 221, 234
 Ягошурские находки 635
 Ягошурский клад (Кемстымский клад) 635, 653, 654
 Ядмас I поселение 220, 221, 232, 234, 235
 Ядмас II 220, 221, 226, 232, 234
 языческий II некрополь 324
 Якимово-Стрелкинское городище 247
 Якшур 683
 Ялан-Тобе, разрушенное погребение (могильник) 126, 136, 138
 Яман 108
 Ямаши-Тау, могильник 51
 Ямозеро 221
 Ямполь поселение 151
 Яношсаллаш могильник 630
 Янтиковское городище 245, 248, 370, 437
 Ясиноватое могильник (погребение) 110
 Ясиноватое поселение 160

Асылгараева Гульшат Шарипзяновна, кандидат ветеринарных наук, старший научный сотрудник информационно-редакционного отдела, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия.

Баранов Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея археологии РТ, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Белавин Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; заведующий Отделом истории, археологии, этнографии ПФИЦ УрО РАН. Пермь, Россия.

Белорыбкин Геннадий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ректор, Институт регионального развития Пензенской области. Пенза, Россия.

Валеев Рафаэль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института международных отношений, вице-президент национального комитета Международного совета по охране памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС); руководитель центра «Всемирное культурное наследие» Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, Россия

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Валиulina Светлана Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Института международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, Россия

Васильев Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, руководитель Школы «Археология Нижнего Поволжья», Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия.

Вихляев Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва. Саранск, Россия

Газимзянов Ильгизар Равильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, Россия

Гисматулин Марат Рашитович, заведующий сектором отдела истории, Ульяновский областной краеведческий музей. Ульяновск, Россия

Голдина Римма Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, Удмуртский государственный университет. Ижевск, Россия.

Губайдуллин Айрат Маратович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия.

Давлетшин Гамирзян Миргазьянович, доктор исторических наук. Казань, Россия

Зеленев Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, Марийский государственный университет. Йошкар-Ола, Россия

Зеленцова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия, Институт археологии РАН. Москва, Россия

Зиливинская Эмма Давидовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела физической антропологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Москва, Россия.

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-образовательной лаборатории патриотического воспитания молодежи и истории казачества Башкирского государственного педагогического университета им.М.Акмуллы. Уфа, Россия

Иванова Маргарита Григорьевна, доктор исторических наук, профессор, Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, Россия.

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, Россия.

Казakov Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия.

Кокорина Нина Александровна, кандидат исторических наук. старший научный сотрудник, Институт археологии РАН. Москва, Россия.

Кочкина Анна Федоровна, заведующая отделом археологии, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (СОИКМ им. П.В.Алабина). Самара, Россия

Кравченко Эдуард Евгеньевич, кандидат исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия.

Крыласова Наталья Борисовна, доктор исторических наук, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Лифанов Николай Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Мурыгин Александр Михайлович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми научный центр УрО РАН. Сыктывкар, Россия

Мухаметшин Джамиль Габдрахимович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Набиуллин Наиль Гатиатуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Нигаматов Альберт Зуфарович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Елабужского института КФУ; доцент кафедры истории и методики ее преподавания Набережночелнинского государственного педагогического университета, руководитель Елабужской археологической экспедиции. Елабуга, Россия.

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Йошкар-Ола, Россия

Пальцева Динара Умметзяновна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии, билетки биоэтики, истории и социологии ФГБОУ ВО Астраханского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения РФ. Астрахань, Россия

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры и искусств. Казань, Россия.

Савельева Элеонора Анатольевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми научный центр УрО РАН. Сыктывкар, Россия

Семькин Юрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий специалист, Институт истории и культуры АНО ЦСИ Ульяновской области. Ульяновск, Россия.

Ситдинов Айрат Габитович, член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук, профессор, декан, Казанский (Приволжский) федеральный университет; директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Халиков Наиль Альфредович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ. Казань, Россия

Хузин Фаяз Шарипович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Шакиров Зуфар Гумарович, кандидат исторических наук, ГБУК РТ «Биллярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник». Биллярск, Россия

Шарифуллин Рафинд Фуатович, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение		Раздел второй	
(Хузин Ф.Ш.)	5	Археология Волжской Болгарии	237
Раздел первый		Глава 1	
Археологические памятники Волго-Уралья VIII – X вв.	15	Волжская Болгария: территория и этнический состав населения (Хузин Ф.Ш.)	238
Глава 1		Глава 2	
Памятники Южного Средневожья хазарского времени (Лифанов Н.А.)	16	Археологическое изучение болгарских городов	245
Глава 2		Общие сведения о городищах: типология, фортификация (Губайдуллин А.М., Хузин Ф.Ш.)	245
Большетарханский могильник (Казаков Е.П.)	32	Домонгольский Болгар (Хузин Ф.Ш., Баранов В.С., Ситдииков А.Г.)	256
Глава 3		Биллярское городище и его округа (Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г.)	267
Караякуповсукие памятники Башкирского Приуралья (Иванов В.А.)	51	Город Сувар (Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф.)	285
Глава 4		Город Джукетау (Набиуллин Н.Г.)	293
Танкеевский некрополь и его значение в этнокультурных процессах ранней Волжской Болгарии (Казаков Е.П.)	58	Древняя Казань (Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г.)	304
Глава 5		Древняя Алабуга (Нигамаев А.З.)	320
Большетиганский могильник (Казаков Е.П., Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.)	87	Муромский городок и его округа (Кочкина А.Ф.)	329
Глава 6		Красносундюковское городище (Семькин Ю.А., Гисматуллин М.Р.)	342
Памятники кочевников степного и лесостепного Предуралья (Иванов В.А.)	105	Юловское и Золоторевское городища (Белорыбкин Г.Н.)	352
Глава 7		Другие археологически исследованные городища (Хузин Ф.Ш., Губайдуллин А.М., Измайлов И.Л.)	366
Памятники Нижнего Поволжья VIII–X вв. (Васильев Д.В., Зиливинская Э.Д.)	125	Глава 3	
Глава 8		Монументальные здания, рядовые жилища и хозяйственные постройки. Благоустройство (Хузин Ф.Ш.)	378
Памятники хазарского времени в донецких степях (Кравченко Э.Е.)	148	Глава 4	
Глава 9		Сельские поселения (Руденко К.А.)	408
Мордовские памятники Окско-Сурско-Цнинского междуречья во второй половине VIII – первой половине XI вв. (Вихляев В.И., Зеленева Ю.А., Зеленцова О.В.)	172	Глава 5	
Глава 10		Хозяйство населения Волжской Болгарии	434
Памятники Среднего Предуралья (Белавин А.М., Крыласова Н.Б.)	184	Сельское хозяйство: земледелие, животноводство (Асылгараева Г.Ш., Халиков Н.А., Хузин Ф.Ш.)	434
Глава 11		Промыслы: охота, рыболовство, бортничество, смолокурение (Валиев Р.Р.)	444
Памятники Северного Приуралья (бассейн Вычегды и Мезени) (Мурыгин А.М., Савельева Э.А.)	214		

ОГЛАВЛЕНИЕ

Городское ремесло	449	Глава 3	
Черная металлургия и кузнечное дело (<i>Семыкин Ю.А.</i>)	449	Памятники бассейна р.Чепца (<i>Иванова М.Г.</i>)	650
Цветная металлургия и ювелирное дело (<i>Руденко К.А.</i>)	463	Глава 4	
Гончарное производство (<i>Кокорина Н.А.</i>)	486	Памятники Камско-Вятского междуречья. Чумойглинская культура (<i>Голдина Р.Д.</i>)	668
Стеклоделие (<i>Валиулина С.И.</i>)	503	Глава 5	
Косторезное дело (<i>Пальцева Д.У., Шакиров З.Г.</i>)	521	Памятники Среднего Предуралья X-XIII вв. (<i>Белавин А.М., Крыласова Н.Б.</i>)	685
Глава 6		Глава 6	
Внутренняя и внешняя торговля (<i>Валеев Р.М., Мухаметшин Д.Г.</i>)	530	Памятники Северного Приуралья в XI-XIV вв. (бассейна Вычегды) (<i>Савельева Э.А.</i>)	719
Товарно-денежные отношения	530	Глава 7	
Внутренняя и внешняя торговля	540	Памятники кыпчаков-половцев Южного Приуралья (<i>Иванов В.А.</i>)	741
Глава 7		Глава 8	
Оружие и воинское снаряжение (<i>Измайлов И.Л.</i>)	556	Памятники Нижнего Поволжья (<i>Васильев Д.В., Зиливинская Э.Д.</i>)	752
Глава 8		Раздел четвертый	
Духовная культура населения Волжской Болгарии	585	Этнокультурные процессы в Волго-Уралье VIII-XIII вв.	769
Мусульманские некрополи и проблемы распространения ислама в Волжской Болгарии (<i>Измайлов И.Л.</i>)	585	Глава 1	
Духовная культура болгарского населения в материалах археологии (<i>Давлетшин Г.М.</i>)	593	Антропологический состав средневекового населения Волго-Уралья (<i>Газимзянов И.Р.</i>)	770
Раздел третий		Глава 2	
Памятники Волго-Уралья в X-XIII вв.	601	Монголо-татарское завоевание Волжской Болгарии (археологический аспект) (<i>Хузин Ф.Ш.</i>)	784
Глава 1		Литература	793
Памятники Окско-Сурско-Цнинского междуречья (<i>Белорыбкин Г.Н., Вихляев В.И., Зеленев Ю.А.</i>)	602	Список сокращений	860
Глава 2		Указатель имен	864
Памятники Ветлужско-Вятского междуречья (<i>Никитина Т.Б.</i>)	617	Указатель археологических памятников	868
		Информация об авторах	884

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

СРЕДНИЕ ВЕКА (VIII – начало XIII вв.) ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ. ФИННО-УГОРСКИЙ МИР. КОЧЕВНИКИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Том V

Утверждено к печати
Институтом археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук РТ

Под общей редакцией
Ситдикова А.Г.
Художник
Садыков Р.Р.
Картографы:
Сайфутдинова Г.М., Зарипова Г.Х.
Корректор
Першагина И.А.
Оригинал-макет
Беспалова А.С.

На 1 странице обложки:
фрагмент болгарской височной подвески, скань, зернь.
Музей истории государственности татарского народа и РТ ГИАиХМЗ «Казанский Кремль».
Предположительное место находки – Билярское городище.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 27.12.2022 г.
Формат 60×84 1/8
Печать офсетная. Усл. печ. л. 111.
Общий тираж 800 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии

